ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CXXXVI

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Печатня В. Головина, Владимірская, № 15
1867

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (5-го октября 1867 года). *О размѣрѣ содержанія профессорскимъ кандидатамъ за границею.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о размѣрѣ содержанія профессорскимъ кандидатамъ за границею, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 5-го октября 1867 года, положилъ: отпустить изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1868 года, на содержаніе тѣхъ профессорскихъ кандидатовъ, которые будутъ послѣ означеннаго срока отправляемы за границу для приготовленія къ профессорскому званію по 1.500 кредитными рублями каждому, со внесеніемъ, по установленному порядку, потребнаго на покрытіе сего расхода кредита въ подлежащія подраздѣленія финансовыхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія.

2. (28-го сентября 1867 года). *О возложеніи на Бендерскаго уѣзднаго прокурора обязанности присутствовать при испытаніяхъ канцелярскихъ служителей на производство въ первый классный чинъ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: за

неимѣніемъ въ Бендерскомъ уѣздѣ предводителя дворянства и оставленіемъ за штатомъ исправлявшаго его должность мѣстнаго уѣзднаго судьи, обязанность присутствовать при испытаніяхъ канцелярскихъ служителей на производство въ первый классный чинъ возложить на Бендерскаго уѣзднаго прокурора.

3. (13-го октября 1867 года). *Объ учрежденіи въ одной изъ Харьковскихъ гимназій и затѣмъ по медицинскому факультету Харьковскаго университета двухъ стипендій въ ознаменованіе памяти спасенія драгоцѣнной жизни Государя Императора 4-го апрѣля 1866 года.*

Богодуховское земское собраніе, въ ознаменованіе памяти спасенія драгоцѣнной жизни Государя Императора 4-го апрѣля 1866 года, постановило учредить, на счетъ суммъ земства, двѣ стипендіи въ одной изъ Харьковскихъ гимназій и затѣмъ по медицинскому факультету Харьковскаго университета, по 250 руб. въ годъ каждую стипендію, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Право на стипендію имѣютъ два лучшихъ и болѣе способныхъ ученика Богодуховскаго уѣзднаго училища, безъ различія сословій, но принадлежащихъ къ недостаточному семейству.

2) Стипендіатъ земства, пройдя курсъ гимназіи и университета на счетъ земства, обязанъ прослужить въ уѣздѣ на службѣ земства семь лѣтъ, получая за это время половинный окладъ противъ тѣхъ, которые, состоя на службѣ земства, не обязаны ему образованіемъ.

3) Стипендіатъ, пройдя курсъ гимназическій на свой собственный счетъ и окончившій образованіе на счетъ земства только въ университетѣ, обязанъ прослужить земству уѣзда пять лѣтъ за половинный же окладъ.

4) Богодуховская уѣздная земская управа обязана слѣдить за успѣхами стипендіата, и если онъ по своему поведенію, по недостатку прилежанія или отсутствію призванія къ медицинскимъ занятіямъ окажется неспособнымъ продолжать образованіе на счетъ земства, управа обязана его замѣнить другимъ, болѣе спо-

собнымъ, и представить первому земскому собранію фактическія основанія, побудившія управу перемѣнить стипендіата.

По всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе на счетъ Богодуховскаго земства двухъ стипендій на предположенныхъ земскимъ собраніемъ условіяхъ.

4. (13-го октября 1867 года). *Объ учрежденіи при 2-й Кіевской гимназіи «стипендіи М. В. Ломоносова».*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при 2-й Кіевской гимназіи Ломоносовской стипендіи, съ предоставленіемъ статсъ-секретарю Делянову утвердить правила объ означенной стипендіи.

5. (13-го октября 1867 года). *Объ учрежденіи при Курской гимназіи стипендіи съ наименованіемъ ея «стипендіей тайнаго совѣтника Фойгта».*

Члены педагогическаго совѣта и служащіе при Курской гимназіи, въ знакъ уваженія своего къ члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Фойгту, занимавшему въ Харьковскомъ учебномъ округѣ должности ректора университета, потомъ помощника попечителя и наконецъ попечителя, выразили желаніе вносить пополугодно опредѣленный каждымъ изъ служащихъ процентъ съ получаемаго ими по гимназіи содержанія впредь до образованія капитала, проценты съ коего составляли бы не менѣе 75 руб. въ годъ. Деньги эти предназначаются для выдачи въ пособіе бѣднѣйшему и достойнѣйшему ученику Курской гимназіи изъ дѣтей училищныхъ чиновниковъ тамошней дирекціи, съ присвоеніемъ этому ученику наименованія «стипендіата тайнаго совѣтника Фойгта».

Для составленія упомянутаго капитала взносы служащихъ предположено обращать въ билеты внутренняго 5°/о съ выигрышами займа, съ тѣмъ, что если могущій пасть на эти билеты выигрышъ

восполнить нужный капиталъ, то взносъ пожертвованій прекратится; если же выигрышъ превысить цифру капитала, то излишку жертвователи предоставляютъ себѣ право дать общеполезное назначеніе по своему усмотрѣнію.

Вслѣдствіе представленія объ этомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе изложеннаго предположенія педагогическаго совѣта Курской гимназіи.

6. (13-го октября 1867 года). *О дозволеніи поставить въ одной изъ залъ Казанской 1-й гимназіи портреты нынѣшнихъ: министра народнаго просвѣщенія и попечителя Казанскаго учебнаго округа.*

Вслѣдстіе ходатайства совѣта Казанской 1-й гимназіи и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить поставить въ одной изъ залъ упомянутой гимназіи портреты нынѣшнихъ: министра народнаго просвѣщенія и попечителя Казанскаго учебнаго округа.

7. (13-го октября 1867 года). *О замѣщеніи въ гимназіяхъ: Костромской и Владимірской 3-хъ свободныхъ вакансій пенсіонеровъ имени Его Величества.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на помѣщеніе пансіонерами Его Величества на имѣющіяся вакансіи въ гимназіяхъ: 1) Костромской — Ивана *Вознесенскаго*, сына умершаго тамошняго законоучителя, и Николая *Давыдова*, сына штатнаго смотрителя Рузскаго уѣзднаго училища и 2) Владимірской — Михаила *Жаркова*, сына бывшаго штатнаго смотрителя училищъ, а въ послѣдствіи дворянскаго засѣдателя Можайскаго земскаго суда, и Алексѣя *Соловьева*, сына бывшаго учителя Зарайскаго уѣзднаго училища.

8. (13-го октября 1867 года). *Объ учрежденіи «стипендіи Анны Савельевой» въ Воронежскомъ Маріинскомъ училищѣ 1-го разряда.*

Вдова губернскаго секретаря Анна Акимовна Савельева изъявила желаніе учредить въ Воронежскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда, на жертвуемый ею капиталъ 2.000 руб., заключающійся въ двухъ пятипроцентныхъ билетахъ, одну стипендію, для образованія дѣвицъ изъ бѣднѣйшихъ семействъ, безъ различія званій, преимущественно изъ круглыхъ сиротъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ какъ на присвоеніе упомянутой стипендіи, согласно желанію жертвовательницы, именованія «стипендіи Анны Савельевой», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія издать положеніе о сей стипендіи, на условіяхъ предложенныхъ жертвовательницею.

9. (13-го октября 1867 года). *Объ учрежденіи «стипендіи статскаго совѣтника Горталова» въ Казанскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда.*

На общемъ съѣздѣ дворянъ Казанской губерніи дворянами Казанскаго уѣзда, по постановленію ихъ, состоявшемуся 18-го декабря 1865 года, собраны по подпискѣ деньги *двѣсти сорокъ* руб. и переданы въ попечительный совѣтъ Казанскаго Маріинскаго женскаго училища 1-го разряда, для платы за ученіе въ этомъ училищѣ одной воспитанницы изъ дочерей бѣдныхъ дворянъ потомственныхъ или личныхъ, въ теченіе шести лѣтъ, въ память полезной для дворянъ Казанскаго уѣзда предводительской, въ теченіе трехъ трехлѣтій, дѣятельности статскаго совѣтника Горталова.

Вслѣдствіе сего попечительный совѣтъ Казанскаго Маріинскаго женскаго училища 1-го разряда ходатайствовалъ чрезъ попечителя Казанскаго учебнаго округа объ учрежденіи при означенномъ училищѣ стипендіи статскаго совѣтника Горталова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ какъ на присвоеніе упомянутой стипендіи именованія «стипендіи статскаго совѣтника Горталова», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія издать положеніе о сей стипендіи на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ таковаго положенія, составленномъ попечительнымъ совѣтомъ Казанскаго Маріинскаго женскаго училища 1-го разряда.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

11-го сентября 1867 года (№ 17). *Назначается:* чиновникъ особыхъ порученій VI класса при государственномъ контролерѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Барановскій* — главнымъ инспекторомъ училищъ западной Сибири.

21-го сентября 1867 года (№ 18). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кочетовъ* — вновь ректоромъ сего университета на четыре года, съ 1-го сентября 1867 года. Деканъ физико-математическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета, ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кесслеръ* — ректоромъ сего университета, съ увольненіемъ отъ должности декана, съ 4-го сентября 1867 года, со дня избранія въ ректоры, по 19-е сентября 1868 года, по день окончанія пятилѣтія, на которое оставленъ на службѣ при университетѣ. Адъюнктъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Безобразовъ* — экстраординарнымъ академикомъ по политической экономіи и статистикѣ, съ 4-го августа 1867 года. *Командируется за границу съ ученою цѣлію:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Рейснеръ* — на шесть мѣ-

сѣевъ. *Продолжается, по болѣзни, срокъ отпуска за границу:* директору Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, въ должности гофмейстера, дѣйствительному статскому совѣтнику *Дашкову* — по 25-е сентября 1867 года. Врачу, состоящему при училищахъ С.-Петербургской дирекціи училищъ, *Монасевичу* — на четыре мѣсяца.

6-го октября 1867 года (№ 19). *Производится за отличіе:* членъ Высочайше учрежденнаго въ Москвѣ комитета охраненія народнаго здравія, деканъ медицинскаго факультета Императорскаго Московскаго университета, ординарный профессоръ сего университета, статскій совѣтникъ *Полунинъ* — въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарища министра, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать: учителю Камышловскаго уѣзднаго училища, состоящему въ XII классѣ Василію *Епишину* и учителю Лобаскинскаго волостнаго училища, крестьянину-собственнику села Низовки, Сергѣю *Өедорову*, серебряныя медали съ надписью «за усердіе», для ношенія на груди на Александровской лентѣ, за труды по части народнаго образованія; и штатному смотрителю Кобелякскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассессору Никитѣ *Евстафьеву*, серебряную медаль съ надписью «за спасеніе погибавшихъ», на Владимірской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (4-го октября 1867 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ о порядкѣ производства строительныхъ работъ въ подвѣдомственныхъ заведеніяхъ.*

На основанія Свод. Закон. (изд. 1857 г.) т. X, ч. 1. закон. граж. ст. 1869 и 1891, хозяйственный или иной неподрядный способъ постройки и починки зданій, принадлежащихъ правительственнымъ учрежденіямъ, можетъ быть допущенъ лишь въ случаяхъ, изложенныхъ въ вышеприведенныхъ статьяхъ, именно если на торгъ и переторжку никто не явится или явится одно лицо, или же если торги окажутся неправильно произведенными и наконецъ, если состоявшіяся на торгахъ цѣны признаны будутъ невыгодными для казны. Постановленіе это обязательно для всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ и правительственныхъ учрежденій и должно быть безусловно соблюдаемо.

Имѣя въ виду, что въ послѣднее время нерѣдко поступали въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайства о производствѣ въ зданіяхъ учебныхъ заведеній хозяйственнымъ способомъ работъ, на которыя не было сдѣлано установленныхъ торговъ и переторжки, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія считаетъ долгомъ покорнѣйше просить начальства учебныхъ округовъ на будущее время въ точности руководствоваться существующими по сему предмету узаконеніями и испрашивать разрѣшенія на совершеніе работъ хозяйственнымъ способомъ лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ вышеприведенныхъ статьяхъ Свода Законовъ.

2. (18-го октября 1867 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ, о требованіи отпуска пенсій малолѣтнихъ дѣтей, воспитывающихся въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ не на счетъ казны.*

На основаніи 241-й и 242-й ст. пенс. уст., пенсіи малолѣтнихъ, воспитывающихся въ учебныхъ заведеніяхъ не на счетъ

казны, не превращаются производствомъ, а отсылаются къ начальству тѣхъ заведеній, которое вноситъ пенсіонныя деньги въ кредитныя установленія для приращенія процентами, и выдаетъ оныя, вмѣстѣ съ процентами, воспитанникамъ и воспитанницамъ по выходѣ ихъ изъ заведеній.

Между тѣмъ большая часть сихъ пенсій исключается изъ расхода, или за поступленіемъ пенсіонеровъ и пенсіонерокъ въ казенныя учебныя заведенія, такъ какъ въ учрежденіяхъ министерства финансовъ, производящихъ выдачу пенсій, не имѣется свѣдѣнія, что сіи малолѣтніе поступили въ тѣ заведенія не на казенное содержаніе, или за нетребованіемъ пенсій болѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ упомянутыя учрежденія, не имѣя требованія начальствъ учебныхъ заведеній и свѣдѣній, что воспитывающіеся въ нихъ пенсіонеры и пенсіонерки находятся въ живыхъ и не достигли совершеннолѣтія, не могутъ отсылать туда слѣдующихъ на нихъ пенсіонныхъ денегъ. Отъ этого въ министерство финансовъ постоянно поступаютъ просьбы отъ матерей или опекуновъ таковыхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, выпущенныхъ изъ учебныхъ заведеній, о возобновленіи имъ производства пенсій, съ выдачею оныхъ и за время нахожденія ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, что̀ вовлекаетъ министерство финансовъ въ переписку, какъ съ учебными заведеніями, въ которыхъ тѣ пенсіонеры или пенсіонерки воспитывались, такъ и съ подвѣдомственными ему мѣстами, замедляетъ выдачу пенсій воспитанникамъ и воспитанницамъ, въ которыхъ они особенно нуждаются по выходѣ изъ заведеній, и лишаетъ ихъ процентовъ на пенсіонныя деньги за время ихъ воспитанія.

Г. министръ финансовъ, усматривая изъ дѣлъ ввѣреннаго ему министерства, что начальства учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія не всегда требуютъ слѣдующія воспитанникамъ, получающимъ стипендіи не изъ суммъ государственнаго казначейства, пенсіи во время нахожденія ихъ въ тѣхъ заведеніяхъ, сообщилъ о вышеизложенномъ министерству народнаго просвѣщенія, на тотъ конецъ, не признано ли будетъ необходи-

мымъ, въ видахъ какъ прекращенія излишней переписки, такъ и выгодъ самихъ воспитанниковъ, сдѣлать распоряженіе, чтобъ упомянутыя начальства, по поступленіи во ввѣренныя имъ учебныя заведенія малолѣтнихъ: 1) отбирали отъ опредѣляющихъ ихъ лицъ свѣдѣнія, не назначена ли поступающимъ пенсія, и о тѣхъ изъ нихъ, которыя, по силѣ 241-й и 242-й ст. пенс. уст., имѣютъ право на сохраненіе имъ сихъ пенсій и во время воспитанія, сообщали главному казначейству или казеннымъ палатамъ (судя по тому, откуда имъ назначена пенсія къ производству) о неисключеніи оныхъ изъ расхода и 2) неупустительно за тѣмъ, въ извѣстные сроки (во всякомъ случаѣ до истеченія двухъ лѣтъ послѣ послѣдней выдачи пенсій), требовали отпуска ихъ въ тѣ учебныя заведенія, а въ случаѣ смерти таковыхъ пенсіонеровъ или достиженія ими пенсіоннаго совершеннолѣтія увѣдомляли казначейства и палаты для зависящаго распоряженія объ исключеніи назначенныхъ имъ пенсій изъ расхода.

Вслѣдствіе сего предлагается министерствомъ народнаго просвѣщенія начальникамъ учебныхъ округовъ сдѣлать распоряженіе къ приведенію предположенія статсъ-секретаря Рейтерна въ исполненіе, съ тѣмъ чтобы временемъ по второму пункту назначенъ былъ октябрь мѣсяцъ каждаго года.

3. (18-го октября 1867 года). *Правила для стипендіи въ память академика М. В. Ломоносова, учрежденной при Кіевской 2-й гимназіи.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендія въ память русскаго академика М. В. Ломоносова составилась изъ 2.037 руб. 23½ коп., пожертвованныхъ служащими въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра и въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, для образованія въ одной изъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа даровитѣйшаго изъ крестьянскихъ дѣтей.

2) На упомянутый капиталъ имѣютъ быть пріобрѣтены государственныя бумаги 5½ % ренты, и проценты отъ сего капи-

тала употребляемы на воспитаніе въ Кіевской 2-й гимназіи даровитѣйшаго ученика изъ крестьянскаго сословія.

3) Стипендія эта именуется «стипендіею М. В. Ломоносова».

4) 2-я гимназія получаетъ на содержаніе и стипендію проценты изъ упомянутаго капитала.

5) Избраніе на Ломоносовскую стипендію достойнѣйшаго изъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа предоставляется попечительскому совѣту. Воспитанникъ этотъ долженъ быть православнаго исповѣданія, русскаго происхожденія, поведенія отличнаго и обязанъ имѣть по крайней мѣрѣ изъ половины преподаваемыхъ предметовъ весьма удовлетворительныя отмѣтки.

6) Ломоносовскій стипендіантъ, не удостоенный перевода въ высшій классъ вслѣдствіе неудовлетворительныхъ успѣховъ, лишается стипендіи, и вакантное мѣсто замѣщается другимъ достойнѣйшимъ лицомъ. Обсужденіе причинъ, по которымъ стипендіатъ лишается стипендіи, предоставляется попечительскому совѣту.

4. (18-го октября 1867 года). *Положеніе о стипендіи Анны Савельевой.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) При Воронежскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда учреждается на пожертвованный вдовою губернскаго секретаря Анною Акимовною Савельевою капиталъ одна стипендія, съ присвоеніемъ оной, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія 13-го октября 1867 года, наименованія «стипендіи Анны Савельевой».

2) Жертвуемый Савельевою капиталъ, заключающійся въ двухъ пятипроцентныхъ билетахъ на сумму двѣ тысячи рублей, передается Воронежскому Маріинскому женскому училищу 1-го разряда, для храненія, вмѣстѣ съ суммами оному принадлежащими, въ мѣстномъ казначействѣ. Полученіе процентовъ съ этого капитала и распоряженіе ихъ употребленіемъ предоставляется попечительному совѣту училища.

3) Изъ процентовъ съ означеннаго выше капитала 25 руб. назначаются на уплату за обученіе стипендіатки въ женскомъ училищѣ обязательнымъ предметамъ, а остальные 75 руб. на ея содержаніе, то-есть, на доставленіе ей помѣщенія со столомъ, на платье, обувь, бѣлье и учебныя пособія.

4) Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ дѣтей, безъ различія званія родителей, при чемъ преимущество передъ другими должно принадлежать круглой сиротѣ. Выборъ стипендіатки принадлежитъ вкладчицѣ пожертвованнаго капитала при ея жизни, послѣ же смерти ея право выбора принадлежитъ исключительно попечительному совѣту женскаго Маріинскаго училища.

5) Доколѣ будетъ продолжаться существованіе квартиры ученицъ Маріинскаго женскаго училища, состоящей при Воронежскомъ «Училищѣ Трудолюбія», желательно, чтобы стипендіатка помѣщалась въ этой квартирѣ. Въ случаѣ невозможности помѣщенія стипендіатки по какимъ-либо обстоятельствамъ въ квартирѣ при Училищѣ Трудолюбія, или въ случаѣ прекращенія существованія сей квартиры, помѣщеніе стипендіатки въ какомъ-либо благонадежномъ семействѣ, или у ближайшихъ благонадежныхъ родственниковъ, или наконецъ, другимъ какимъ-либо способомъ, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія и распоряженія попечительнаго совѣта училища.

6) Въ случаѣ прекращенія существованія или кореннаго преобразованія училища, капиталъ и право распоряженія процентами съ онаго передается попечительнымъ совѣтомъ въ то заведеніе, которое замѣнитъ собою женское училище.

7) Если бы по какому-либо случаю оказались остатки отъ 100 рублей процентовъ на полное содержаніе и обученіе стипендіатки, то эти остатки должны сохраняться особымъ счетомъ по кассѣ училища и должны быть выданы въ пособіе стипендіаткѣ по выходѣ ея изъ училища по окончаніи курса.

5. (18-го октября 1867 года). *Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Горталова.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

Въ память полезной для дворянства Казанскаго уѣзда предводительской дѣятельности, въ продолженіе трехъ трехлѣтій, статскаго совѣтника Гавріила Ивановича Горталова, дворянами сего уѣзда пожертвованъ капиталъ въ двѣсти сорокъ руб., для учрежденія въ Казанскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда одной стипендіи.

2) Стипендія эта учреждается на шесть лѣтъ, съ присвоеніемъ оной, съ Высочайшаго разрѣшенія, наименованія стипендіи статскаго совѣтника Гавріила Ивановича Горталова и предоставляется одной изъ дочерей бѣдныхъ дворянъ потомственныхъ или личныхъ.

3) Стипендіатка избирается статскимъ совѣтникомъ Горталовымъ, а по смерти его дворянами Казанскаго уѣзда.

4) Въ случаѣ смерти самой стипендіатки или выхода ея изъ училища до окончанія курса, на открывшуюся вакансію избирается другая съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы оставшаяся въ наличности сумма изъ 240 руб. была распредѣлена такимъ образомъ, чтобы вновь избранная стипендіатка могла окончить полный курсъ ученія.

5) Стипендіатка обучается обязательнымъ и необязательнымъ предметамъ.

6) Собранныя на учрежденіе стипендіи деньги *двѣсти сорокъ* руб. хранятся въ общественномъ банкѣ города Казани, для приращенія процентами. Изъ сей суммы ежегодно отчисляется *сорокъ* руб. въ пользу училища за обученіе стипендіатки.

7) Сумма, могущая накопиться въ теченіе 6-ти лѣтъ отъ процентовъ съ упомянутаго капитала, за взносомъ платы за право ученья, должна быть выдана стипендіаткѣ по окончаніи ею курса въ училищѣ.

Офиціальныя извѣщенія.

Проживающій въ С.-Петербургѣ врачъ *В. Муррей*, во избѣжаніе излишней переписки и издержекъ по высылкѣ изобрѣтенныхъ имъ и часто требуемыхъ учебными заведеніями аппаратовъ для вентиляціи, сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, для опубликованія, слѣдующія свѣдѣнія объ устройствѣ и способѣ ихъ примѣненія:

А. Берется обыкновенный цинковый листъ, разграфляется вдоль и поперекъ линіями, на разстояніи четырехъ линій одна отъ другой, и на пересѣченіяхъ ихъ просверливаются дырочки не болѣе одной линіи въ діаметрѣ. Въ серединѣ листа придѣлывается рукоятка, а по краямъ три заостренныя задвижки.

Б. Примѣненіе вентилятора тоже очень просто: отпираются обыкновенныя форточки и на мѣсто лѣтней въ самый фальцъ вентиляторъ плотно вставляется и прикрѣпляется крайними задвижками. Въ такомъ видѣ форточный вентиляторъ оставляется на часъ, два, три и болѣе. По минованіи надобности вентиляторъ вынимается, и форточки снова запираются. Или въ лѣтнихъ форточкахъ вмѣсто стекла вставляется разъ на всегда такой листъ.

Чтобы стекла не замерзали, слѣдуетъ вокругъ форточнаго пространства вставить промежуточную рамку въ родѣ коробки.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (30-го октября 1867 года). *Объ открытіи въ городѣ Красноярскѣ гимназіи.*

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта повелѣно:

1) Для облегченія жителямъ Енисейской губерніи способовъ къ доставленію дѣтямъ гимназическаго образованія и по вниманію къ сдѣланному сими жителями пожертвованію на учрежденіе въ городѣ Красноярскѣ гимназіи, образовать тамъ таковое заведеніе, на основаніяхъ устава и штатовъ гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденныхъ 19-го ноября 1864 года.

2) Открытіе гимназіи производить постепенно, начиная съ 1-го іюля 1868 г., по мѣрѣ отпуска на эту гимназію суммъ, которыя будутъ вносимы въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ чтобы съ открытіемъ въ 1872 г. высшаго класса, Красноярская гимназія могла получать уже всю слѣдующую на ея содержаніе сумму, по 21.880 руб. въ годъ.

3) Причитающіеся, по исчисленію министра народнаго просвѣщенія, на первый годъ существованія гимназіи 9.580 р. ассигновать къ отпуску изъ государственнаго казначейства, съ тѣмъ чтобы въ 1868 году была отпущена лишь половина этой суммы, за время съ 1-го іюля, то-есть, 4.790 рублей.

4) На директора Красноярской гимназіи возложить завѣдываніе низшими училищами Енисейской губерніи, и производить ему изъ суммъ государственнаго казначейства, наравнѣ съ прочими губернскими директорами училищъ, разъѣздныхъ денегъ по 250 рублей въ годъ, независимо отъ содержанія по должности директора гимназіи.

5) На будущее, съ 1868 года, время заносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ министерства народнаго просвѣщенія смѣтъ, назначаемыя на содержаніе Красноярской гимназіи и на разъѣзды ея директору суммы, по приведенному въ предшествовавшихъ пунктахъ разчету, то-есть, съ 1-го іюля 1868 г.

6) Воспитывающихся нынѣ въ пансіонѣ Иркутской гимназіи 14 казенныхъ пансіонеровъ, обязанныхъ службою въ Енисейской губерніи, оставить въ этой гимназіи на прежнемъ основаніи, впредь до устройства пансіона при гимназіи Красноярской.

7) Всѣ распоряженія по образованію Красноярской гимназіи и опредѣленіе порядка постепеннаго открытія оной, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ суммы на ея содержаніе, предоставить генералъ-губернатору Восточной Сибири, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія,

и 8) Существующее въ городѣ Красноярскѣ уѣздное училище оставить на прежнемъ основаніи, предоставивъ министерству народнаго просвѣщенія, въ случаѣ, если бы съ учрежденіемъ гимназіи потребовались какія-либо въ устройствѣ сего училища измѣненія, войдти съ особымъ о томъ представленіемъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

13-го октября 1867 года (№ 20). *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію:* лектору Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Пинто* — на двадцать одинъ день, и причисленному къ министерству народнаго просвѣ-

щенія, доктору медицины *Дьяконову* — по 1-е іюля 1868 года. *Увольняется въ отпускъ за границу:* почетный смотритель Лебедянскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Капнистъ* — на шесть мѣсяцевъ, по болѣзни.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (31-го октября 1867 года). *Положеніе о сберегательно-ссудной кассѣ при Новгородской гимназіи.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Сберегательно-ссудная касса при Новгородской гимназіи учреждается съ двоякою цѣлію: 1) чтобы въ случаѣ необходимости членамъ кассы можно было дѣлать заемъ и 2) чтобы сберечь изъ получаемаго содержанія небольшую сумму.

§ 2. Членами кассы могутъ быть только служащіе по министерству народнаго просвѣщенія и проживающіе въ г. Новгородѣ.

§ 3. Касса составляетъ неприкосновенную собственность всѣхъ членовъ ея.

§ 4. Каждый служащій по министерству народнаго просвѣщенія и проживающій въ Новгородѣ, желая быть членомъ кассы, обязанъ внести первоначально не менѣе десяти руб. и за тѣмъ ежемѣсячно 3% получаемаго содержанія, если эти 3% не превышаютъ трехъ рублей; въ противномъ случаѣ, взносъ ежемѣсячный ограничивается тремя рублями.

§ 5. Одинъ изъ членовъ кассы избирается большинствомъ голосовъ кассиромъ, а другой кандидатомъ. Выборы производятся ежегодно въ началѣ января, при чемъ повѣряются книги и свидѣтельствуется касса.

§ 6. Кассиръ ведетъ шнуровую книгу, гдѣ на имя каждаго члена вписываются всѣ его вклады.

§ 7. Всякій членъ имѣетъ право дѣлать заемъ въ кассѣ сро-

комъ не болѣе, какъ на полгода, и уплачивая за это по ½ % съ занятой суммы ежемѣсячно.

§ 8. Заемъ не долженъ превышать съ одной стороны ежемѣсячнаго жалованья члена, и съ другой — всей суммы кассы, раздѣленной на число членовъ; напримѣръ, если въ кассѣ будетъ 1000 рублей и членовъ будетъ 15 человѣкъ, то заемъ не можетъ превышать $\frac{1000}{15}$ руб., то-есть, 66 руб.; но членъ, получающій содержанія 50 руб. въ мѣсяцъ, не можетъ занять болѣе 50 руб. Подобное ограниченіе будетъ излишне, когда съ теченіемъ времени сумма кассы увеличится и вкладъ каждаго будетъ превышать его жалованье.

§ 9. Всякій заемъ, превышающій сумму и жалованья и вклада, можетъ быть разрѣшаемъ въ общемъ собраніи членовъ большинствомъ ⅔ голосовъ.

§ 10. Кассиръ ведетъ книгу займовъ, гдѣ записывается: 1) занятая сумма, 2) время займа, 3) срокъ уплаты и 4) причитающіеся по займу проценты. Все это скрѣпляется подписью члена, дѣлающаго заемъ.

> *Примѣчаніе.* Для облегченія разчетовъ, заемъ дѣлается только цѣлыми рублями, и причитающіеся по займу проценты взимаются кассиромъ изъ самаго займа.

§ 11. Ежемѣсячно, предъ выдачей жалованья, кассиръ составляетъ вѣдомость о томъ, сколько слѣдуетъ удержать изъ жалованья каждаго члена въ кассу, и передаетъ ее, кому слѣдуетъ, для исполненія. Въ то же время составляется вѣдомость вкладовъ и займовъ, которая провѣряется членами.

§ 12. Въ концѣ года, то-есть, 31-го декабря, всѣ накопившіеся проценты раздѣляются между членами кассы поровну и приписываются на имя каждаго члена къ его вкладамъ.

§ 13. Членъ, не желающій болѣе участвовать въ кассѣ, заявляетъ о томъ заблаговременно, и въ концѣ мѣсяца получаетъ всѣ свои вклады вмѣстѣ съ процентами, причитающимися ему по день заявленія. Если же въ кассѣ есть свободныя наличныя деньги, то онъ удовлетворяется немедленно.

§ 14. Въ случаѣ смерти члена, всѣ числящіеся за нимъ вклады передаются наслѣдникамъ его, а если наслѣдниковъ нѣтъ, то вклады его поступаютъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ гимназіи.

§ 15. При накопленіи суммъ въ кассѣ, часть свободныхъ суммъ изъ вкладовъ и изъ процентовъ можетъ быть обращаема въ государственныя процентныя бумаги не иначе, какъ съ согласія большинства членовъ, именно ²/₃ голосовъ. Такія процентныя бумаги составляютъ принадлежность всѣхъ членовъ кассы, когда бы эти бумаги ни были пріобрѣтены. Всѣ проценты по такимъ бумагамъ дѣлятся тоже поровну между членами.

§ 16. Всѣ суммы, не идущія въ обращеніе, и процентныя бумаги передаются для храненія въ городской общественный банкъ.

§ 17. Повѣрка книгъ и суммъ можетъ быть производима во всякое время членами числомъ не менѣе трехъ.

§ 18. Въ случаѣ прекращенія существованія кассы, всѣ суммы съ процентами раздѣляются между членами кассы.

§ 19. Уставъ въ настоящемъ его видѣ остается въ видѣ опыта на три года, по истеченіи которыхъ члены кассы въ общемъ собраніи могутъ измѣнить и дополнить уставъ, если это окажется нужнымъ, и просить объ окончательномъ утвержденіи его вмѣстѣ съ измѣненіями и дополненіями, какія окажутся нужными и полезными.

§ 20. Сохранность кассы гарантируется только всеобщимъ довѣріемъ всѣхъ членовъ ея къ избранному ими распорядителю кассы. Всякая растрата и пропажа суммъ кассы взыскивается съ виновнаго, на основаніи общихъ постановленій о взысканіяхъ по долговымъ обязательствамъ.

7. (11-го ноября 1867 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ объ учрежденіи при гимназіяхъ «Библіотеки о мѣстномъ краѣ».*

Въ циркулярѣ по Казанскому учебному округу за октябрь сего года, № 19, между прочимъ, напечатано, что почетный гражданинъ Смышляевъ пожертвовалъ Пермской гимназіи справочную

о Пермскомъ краѣ свою библіотеку, въ которой заключаются нѣкоторыя, рѣдкія нынѣ, относящіяся къ этому предмету книги.

Объявляя объ этомъ въ приведенномъ циркулярѣ, г. попечитель Казанскаго округа предложилъ директорамъ подвѣдомственныхъ ему гимназій обратить особенное вниманіе на учрежденіе при этихъ учебныхъ заведеніяхъ «*Библіотеки о мѣстномъ краѣ*».

Признавая учрежденіе такихъ библіотекъ въ высшей степени полезнымъ, министръ народнаго просвѣщенія покорнѣйше проситъ гг. попечителей прочихъ учебныхъ округовъ обратить вниманіе директоровъ гимназій и инспекторовъ прогимназій ввѣренныхъ имъ округовъ на вышеизложенную мѣру и предложить оную къ исполненію, на сколько это окажется возможнымъ.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

18-го октября 1867 года (№ 18). *Утверждаются:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Срезневскій* — деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на три года, съ 25-го сентября 1867 года; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Черная* — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 1-го октября 1867 года; бывшій экстраординарный профессоръ Московской духовной академіи, магистръ богословія *Соколовъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ церковнаго права, съ 13-го октября 1867 года; доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, баккалавръ *Павловъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ каноническаго права, съ 29-го августа 1867 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣще-

нія, коллежскій ассесоръ, докторъ философіи *Троицкій* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по каѳедрѣ философіи, съ 1-го сентября 1867 года, съ отчисленіемъ отъ министерства; доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ правъ *Михайловъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ исторіи русскаго права, съ 25-го сентября 1867 года; доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ ботаники *Фаминцынъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ анатоміи и физіологіи растеній, съ 25-го сентября 1867 года. *Перемѣщается:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ технической химіи *Менделѣевъ*—тѣмъ же званіемъ на каѳедру химіи. *Оставляются на службѣ на пять лѣтъ:* заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Щуровскій* — съ 31-го марта 1867 года; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чернай*— съ 1-го октября 1867 года; окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ *Кулинъ*—съ 10-го апрѣля 1867 года. *Назначается:* преподаватель Псковской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Ивановъ*—директоромъ училищъ Томской губерніи. *Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія*: причисленные къ сему министерству: коллежскіе секретари *Морковниковъ* и *Лебедевъ*, магистръ *Соколовъ* и лѣкарь *Владиміровъ*, изъ нихъ: Морковниковъ, по случаю опредѣленія его доцентомъ въ Императорскій Казанскій университетъ, съ 21-го августа 1867 года; Лебедевъ и Соколовъ со дня допущенія къ чтенію лекцій въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ званіемъ приватъ-доцента, и Владиміровъ со времени допущенія къ занятію должности ординатора хирургической клиники Императорскаго Казанскаго университета. *Увольняются въ отпускъ, за границу, — на двадцать восемь дней:* учитель 2-й Кіевской гимназіи *Сильманъ; на четыре мѣсяца:* окружной ин-

спекторъ Одесскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Дабижа*, преподаватель Кронштадтской гимназіи, коллежскій ассесоръ *Вондаловскій* и почетные смотрители: Одесскаго уѣзднаго училища графъ *Толстой* и Кишиневскаго 1-го уѣзднаго училища титулярный совѣтникъ *Доничъ;* изъ нихъ Вондаловскій и графъ Толстой по болѣзни. *Увольняется въ отпускъ въ Подольскую губернію:* дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь князь *Долгоруковъ*—на двадцать восемь дней. *Увольняется отъ службы по прошенію:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Бухгеймъ*.

V. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

11-го ноября 1867 года (№ 19). *Утверждаются:* членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Титовъ*—членомъ археографической коммиссіи, съ 27-го сентября 1867 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, надворный совѣтникъ *Бекетовъ*—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 9-го октября 1867 года; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, надворный совѣтникъ *Щелковъ*—деканомъ медицинскаго факультета сего университета на три года; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ физики *Авенаріусъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ физики; агрономъ *Кошевскій*—исправляющимъ должность профессора технологіи, сельскаго хозяйства, лѣсоводства и землемѣрія въ Демидовскомъ лицеѣ; исправляющій должность директора Ровенской гимназіи, надворный совѣтникъ *Кривоносовъ*—въ сей должности. *Опредѣляется:* докторъ философіи Берлинскаго университета *Кнорре*—вычислителемъ Николаевской главной астрономической

обсерваторіи, съ 11-го августа 1867 года. *Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія:* переводчикъ VI класса при азіатскомъ департаментѣ, докторъ греческой словесности, коллежскій совѣтникъ *Дестунисъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ греческой словесности, съ 9-го октября 1867 года. *Назначаются:* причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Кочетовъ* — чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ 1-го ноября 1867 года; секретарь канцеляріи министерства Императорскаго двора, коллежскій совѣтникъ *Ланге* — совѣтникомъ комитета правленія Императорской Академіи Наукъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности. *Оставляются на службѣ на пять лѣтъ;* исправляющій должность профессора Демидовскаго лицея, статскій совѣтникъ *Ѳедоровъ* — со дня выслуги 35-лѣтняго срока; инспекторъ Демидовскаго лицея, коллежскій совѣтникъ *Кубли,* съ 28-го сентября 1867 года. *Увольняется по прошенію:* деканъ медицинскаго факультета Императорскаго Харьковскаго университета, ординарный профессоръ сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Демонси* — отъ должности декана. *Увольняется въ отпускъ за границу:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *фонъ-Эттингенъ* — на зимнее вакаціонное время и двадцать девять дней.

VI. РАСПОРЯЖЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ засѣданіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, 9-го октября 1867 года, на основаніи мнѣнія члена *Ходнева* о книгѣ, подъ заглавіемъ: «Первые разказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народ-

ныхъ школъ», соч. Германа Вагнера, перев. В. *Висковатова* (С.-Петербургъ, 1847 г.), представленной переводчикомъ въ ученый комитетъ для разсмотрѣнія съ тою цѣлію, чтобы, въ случаѣ одобренія, она могла быть допущена къ употребленію въ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній министерства въ видѣ книги для чтенія, *Опредѣлено:* 1) одобрить означенную книгу для пріобрѣтенія въ библіотеки при начальныхъ народныхъ училищахъ, о чемъ представить на благоусмотрѣніе г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія

и 2) на основаніи мнѣнія того же члена, допустить переведенный *Павленковымъ* на русскій языкъ «Полный курсъ физики» Гано, къ употребленію въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго пособія.

Опредѣленія сіи утверждены управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

11. (20-го ноября 1867 года). *О разрѣшеніи Императорскому Московскому университету избрать въ почетные члены Его Высочество, князя Николая Максиміліановича Романовскаго, Герцога Лейхтенбергскаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства совѣта Московскаго университета и по предварительно изъявленному на оное согласіи Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максиміліановича, Высочайше соизволилъ разрѣшить университету избрать Его Высочество Князя Николая Максиміліановича Романовскаго, Герцога Лейхтенберскаго, въ почетные члены Московскаго университета.

12. (20-го ноября 1867 года). *Объ усиленіи средствъ и преобразованіи въ двухклассное Александровскаго начальнаго безплатнаго училища для бѣдныхъ русскихъ дѣтей въ Митавѣ.*

По всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія о необходимости и пользѣ усилить средства содержанія учрежденнаго 6 декабря 1841 г. въ городѣ Митавѣ Александровскаго начальнаго безплатнаго училища для бѣдныхъ русскихъ дѣтей и преобразовать его въ двухклассное, дабы поставить его такимъ образомъ въ положеніе, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы его назначенію и общимъ принимаемымъ правительствомъ мѣрамъ

къ возвышенію значенія русскаго образованія въ прибалтійскихъ губерніяхъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

Въ дополненіе къ отпускаемымъ на содержаніе означеннаго училища изъ городскихъ суммъ по 350 руб. въ годъ назначить къ ежегодному отпуску еще по 1.176 руб., отнеся сей послѣдній расходъ временно на счетъ кредита по ст. 2 § 10 расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія на устройство и содержаніе народныхъ училищъ и приготовленіе учителей для нихъ, впредь до того времени, когда представится возможность обратить этотъ расходъ на счетъ другаго источника.

13. (20-го ноября 1867 года). *О закрытіи параллельнаго отдѣленія при 5-мъ классѣ Ровенской гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: существующее при 5-мъ классѣ Ровенской гимназіи параллельное отдѣленіе закрыть и изъ отпускаемыхъ по штатамъ 17-го апрѣля 1859 года на таковыя отдѣленія при означенной гимназіи 2.750 руб. перенести 1.100 руб. въ Кіевскую 1-ю гимназію на содержаніе параллельнаго отдѣленія при 5-мъ классѣ оной.

14. (20-го ноября 1867 года). *Объ учрежденіи при Казанскомъ университетѣ стипендіи подъ наименованіемъ: «Стипендія лѣкаря Михайлова».*

Начальство Казанскаго учебнаго округа донесло г. министру народнаго просвѣщенія, что Казанская палата гражданскаго суда препроводила въ правленіе тамошняго университета копію съ духовнаго завѣщанія лѣкаря Варѳоломея Михайлова, совершеннаго имъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1859 года и утвержденнаго палатою гражданскаго суда 6-го марта 1867 года, коимъ, между прочимъ, умершій Михайловъ завѣщалъ *три тысячи пятьсотъ* рублей на учрежденіе при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ стипендіи его имени, въ пользу одного студента медицинскаго

факультета, изъ сословія оберъ-офицерскихъ дѣтей и изъ мѣщанъ, притомъ совершенно бѣднаго состоянія. Завѣщаніемъ своимъ жертвователь Михайловъ проситъ правленіе Казанскаго университета деньги эти положить въ Казанскій приказъ общественнаго призрѣнія или какое-нибудь другое государственное кредитное установленіе для приращенія процентами, срокомъ на десять лѣтъ; по истеченіи же 10-ти лѣтъ приращенный капиталъ положить въ кредитное установленіе и проценты съ него ежегодно выдавать студенту его стипендіи. Стипендія эта не обременяетъ стипендіата никакими обязательствами.

Душеприкащикъ надъ имѣніемъ, оставшимся послѣ умершаго лѣкаря Михайлова, ротмистръ Воецкій, представляя въ правленіе Казанскаго университета 3.500 рублей, проситъ употребить ихъ согласно волѣ завѣщателя.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе завѣщаннаго покойнымъ лѣкаремъ Михайловымъ капитала и на учрежденіе изъ процентовъ онаго при Казанскомъ университетѣ, на основаніяхъ, изложенныхъ въ духовномъ завѣщаніи лѣкара Михайлова, стипендіи, подъ наименованіемъ: «*Стипендія лѣкаря Михайлова*».

15. (1-го декабря 1867 года). *Объ увеличеніи оклада жалованья лектору русскаго языка въ Варшавской главной школѣ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета по дѣламъ Царства Польскаго, Высочайше повелѣть соизволилъ: окладъ жалованья лектору русскаго языка въ Варшавской главной школѣ увеличить до *двухъ тысячъ рублей*, присвоивъ ему VIII классъ по должности и мундиру.

16. (18-го декабря 1867 года). *Объ управленіи гражданскими учебными заведеніями въ Восточной Сибири.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ управленіи

гражданскими учебными заведеніями въ Восточной Сибири, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Предсѣдатель государственнаго совѣта

(подписалъ) *Константинъ.*

18-го декабря 1867 г.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ управленіи гражданскими учебными заведеніями въ Восточной Сибири, *мнѣніемъ положилъ:* постановить, что Высочайше утвержденное 12-го апрѣля 1859 года положеніе объ управленіи гражданскими учебными заведеніями въ Западной Сибири (Полн. Собр. Зак. № 34.355) распространяется и на Восточную Сибирь, съ слѣдующими измѣненіями и дополненіями:

1) Въ измѣненіе §§ 5, 16, 22, 26 и 27, при секретарѣ главнаго инспектора училищъ полагается помощникъ, состоящій по должности и по мундиру въ IX классѣ и разрядѣ, а по пенсіи въ VIII разрядѣ, съ жалованьемъ по 450 руб. въ годъ, и пользующійся всѣми преимуществами, предоставленными служащимъ въ Восточной Сибири.

2) Въ измѣненіе § 25, главному инспектору училищъ производится изъ казны: жалованья 1.400 р., столовыхъ 600 р., квартирныхъ 700 р. и разъѣздныхъ 1000 р., всего 3.700 р.; а секретарю его жалованья 600 р. и столовыхъ 250 р., всего 850 р. Для опредѣленія размѣра пенсіи главному инспектору принимается окладъ его жалованья, то-есть, 1400 р.

3) Въ измѣненіе § 6, начальники училищъ завѣдываютъ, подъ начальствомъ главнаго инспектора, подвѣдомственными имъ учебными заведеніями на основаніи существующихъ по министерству народнаго просвѣщенія постановленій.

4) Въ измѣненіе § 9, инспекторы гимназій, секретарь главнаго инспектора и помощникъ секретаря опредѣляются и уволь-

няются генералъ-губернаторомъ, по представленію главнаго инспектора.

5) Въ измѣненіе § 14 пункта 6, генералъ-губернатору предоставляется разрѣшать единовременные, изъ специальныхъ средствъ учебныхъ заведеній, расходы до 300 руб.

6) Въ дополненіе § 28, сверхъ означеннаго выше содержанія главнаго инспектора, его секретаря и помощника секретаря, въ распоряженіе главнаго инспектора отпускается изъ казны на наемъ писцовъ, на канцелярскіе и другіе расходы 850 руб. въ годъ.

7) Въ измѣненіе § 29, вся потребная на расходы по содержанію управленія главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири сумма 5.850 р. въ годъ отпускается изъ государственнаго казначейства. Въ расходованіи этой суммы и употребленіи остатковъ оной должно въ точности руководствоваться существующими постановленіями.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ председателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

20-го ноября 1867 года. (№ 21). *Производится за отличіе:* директоръ Керченской Александровской гимназіи, статскій совѣтникъ — *Падренъ-де-Карне* — въ дѣйствительные статскіе совѣтники. *Утверждается на новое трехлѣтіе:* почетнымъ попечителемъ Томской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ званіи камергера, *Асташевъ. Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію:* экстраординарному профессору Императорскаго Московскаго университета *Матчерскому* — на пять мѣсяцевъ.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарища министра, по удостоенію комитета гг. министровъ, въ 10-й день ноября 1867 г., Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать нижепоименованнымъ лицамъ, оказавшимъ своимъ усердіемъ пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, медали съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ, *золотыя:* на Владимірской лентѣ — временно-Московскому 1-й гильдіи купцу, потомственному почетному гражданину Ѳедору *Латышеву*, и на Станиславской лентѣ — почетному блюстителю Череповскаго приходскаго училища, Череповскому купцу Василію *Милютину; серебряныя:* на Станиславской лентѣ — учителю танцовальнаго искусства 1-й и 2-й Харьковскихъ гимназій, изъ мѣщанъ, Порфирію *Колупаеву*, и почетному блюстителю Томскаго уѣзднаго училища, купеческому сыну Михаилу *Богомолову*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія о ревностной службѣ и отличныхъ трудахъ попечителя Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Голубцова*, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 20-й день ноября 1867 г., пожаловать его кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-й степени.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія объ особомъ усердіи нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ въ Одесскомъ учебномъ округѣ, при исполненіи ихъ обязанностей, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 20-й день ноября 1867 года, пожаловать кавалерами орденовъ: Св. Станислава 1-й степени: заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія *Лапшина;* Св. Владиміра 3-й степени: заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя *Куницына;* статскихъ совѣтниковъ: проректора и

исправляющаго должность экстраординарнаго профессора того же университета, Александра *Богдановскаго*, директора училищъ Бессарабской области Кирилла *Яновскаго* и директора Одесской второй гимназіи Акима *Циммермана;* Св. Анны второй степени, украшеннаго Императорскою короною: ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, статскаго совѣтника Ѳедора *Струве;* безъ короны: почетнаго попечителя Екатеринославской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера, надворнаго совѣтника Георгія *Алексѣева;* третьей степени: учителя Керченской Александровской гимназіи, коллежскаго ассессора Григорія *Щербакова*, и почетнаго блюстителя Хотинскаго перваго приходскаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Ѳедора *Рафаловича;* Св. Станислава второй степени, украшеннаго Императорскою короною: ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, надворнаго совѣтника Ивана *Маркузена;* безъ короны: статскихъ совѣтниковъ: учителей гимназій: Херсонской — Григорія *Рубанистаго*, Кишиневской — Григорія *Маковскаго* и Таганрогской — Григорія *Череца;* инспектора Симферопольской гимназіи, коллежскаго совѣтника Василія *Щерецкаго;* надворныхъ совѣтниковъ, инспекторовъ гимназій: Одесской второй — Алексѣя *Смирнова* и Ришельевской въ Одессѣ — Николая *Ленца;* коллежскихъ ассессоровъ, штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ: Кишиневскаго втораго — Семена *Тарапанова* и Хотинскаго — Николая *Афанасьева;* и третьей степени, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены лицамъ купеческаго званія ст. 204 Учрежд. Орд. (Св. Зак. т. I изд. 1857 г.), почетнаго попечителя Керченской Александровской гимназіи, Керченскаго 1-й гильдіи купеческаго сына Константина *Константинова*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ, въ 25-й день декабря 1867 года, нижепоименованныхъ лицъ кавалерами орденовъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра: второй степени — тайныхъ совѣтниковъ вице-

президента Императорской Академіи Наукъ, ординарнаго академика сей академіи, Виктора *Буняковскаго*, во вниманіе къ ревностной службѣ его и ученымъ трудамъ, и директора департамента народнаго просвѣщенія Карла *Петерса*, во вниманіе къ ревностной службѣ его и отличнымъ трудамъ; третьей степени — дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: директора Демидовскаго лицея и училищъ Ярославской губерніи Василія *Грифцова*, заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владиміра Ивана *Нейкирха*, ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, декана Антона *Станиславскаго*; статскихъ совѣтниковъ: ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Вильгельма *Грубе*, старшаго астронома Николаевской главной астрономической обсерваторіи Вильгельма *Деллена*, дѣлопроизводителя V-го класса департамента народнаго просвѣщенія Константина *Вощинина* и коллежскаго совѣтника, ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владиміра Георга-Фридриха *Меринга*, въ воздаяніе отлично усердной и ревностной службы ихъ; четвертой степени — съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены лицамъ купеческаго званія ст. 204 учрежд. орден. и друг. знак. отлич. (Св. Зак. т. I изд. 1857 г.), — потомственнаго почетнаго гражданина, Царскосельскаго первой гильдіи купца Николая *Русанова*, въ воздаяніе отличныхъ трудовъ и усердія его по званію предсѣдателя комитета по постройкѣ дома для Ораніенбаумскаго приходскаго училища Великой Княгини Елены Павловны и во вниманіе къ его пожертвованіямъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ 25-й день декабря 1867 года, нижепоименованныхъ лицъ кавалерами ордена Св. Анны: первой степени — дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: вице-директора департамента народнаго просвѣщенія Игнатія *Гирта*, во вниманіе къ ревностной его службѣ и отличнымъ трудамъ; ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ Юлія *Фрицше* и ор-

динарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, декана Сергѣя *Соловьева*, во вниманіе къ ревностной ихъ службѣ и ученымъ трудамъ; третьей степени: — врача при департаментѣ народнаго просвѣщенія, лѣкаря Петра *Добротворскаго*, по засвидѣтельствованію г. министра народнаго просвѣщенія объ отлично-усердной и ревностной службѣ его.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ 25-й день декабря 1867 года, нижепоименованныхъ лицъ кавалерами ордена Св. Станислава: первой степени — дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: директора и профессора Харьковскаго ветеринарнаго училища Наполеона *Галицкаго*, во вниманіе къ ревностной службѣ его и ученымъ трудамъ; ректора Императорскаго Харьковскаго университета, ординарнаго профессора Владиміра *Кочетова*, заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета Александра *Палюмбецкаго*, директора училищъ Пермской дирекціи Ивана *Грацинскаго* и окружныхъ инспекторовъ учебныхъ округовъ: Виленскаго — Гуго *фонъ-Траутфеттера* и Казанскаго — Ивана *Сахарова*, во вниманіе къ ревностной службѣ ихъ и отличнымъ трудамъ; второй степени — члена комитета по постройкѣ дома для Ораніенбаумскаго приходскаго училища Великой Княгини Елены Павловны, архитектора Михайловскаго дворца, коллежскаго ассесора Георга-Генриха *Прейса*, во вниманіе къ дѣятельнымъ и полезнымъ трудамъ; третьей степени — губернскихъ секретарей: сотрудника Археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія Николая *Барсукова* и хранителя и препаратора зоологическаго и зоотомическаго музея Императорской Академіи Наукъ Илью *Вознесенскаго*, по засвидѣльствованію начальства объ отлично-усердной службѣ ихъ и особыхъ трудахъ.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія г. министра народнаго просвѣщенія, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ нижепоименованныхъ лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣще-

нія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ 22-й день декабря 1867 года, согласно удостоенію комитета гг. министровъ, кавалерами ордена Св. Анны второй степени, украшеннаго Императорскою короною: ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Илью *Березина;* того же ордена и той же степени безъ короны—Ковенскаго директора училищъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана *Шульгина;* статскихъ совѣтниковъ: ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра—декана Александра *Селина,* Московскаго—Николая *Лясковскаго,* Ивана *Бѣляева* и Алексѣя *Соколовскаго* и Дерптскаго — Виктора *Циглера;* директора училищъ Тульской губерніи Петра *Лекторскаго* и инспектора второй Харьковской гимназіи Валеріана *Дементьева;* коллежскихъ совѣтниковъ: ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра: декана Фридриха *Эргардта* и С.-Петербургскаго — Ивана *Андреевскаго;* Бѣлостокскаго директора училищъ Ивана *Суворова;* дѣлопроизводителей департамента народнаго просвѣщенія: V класса — Владиміра *Шенка* и VI класса Алексѣя *Дьякова;* надворныхъ совѣтниковъ: ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — Андрея *Бекетова,* Московскаго — Николая *Любимова* и Казанскаго — Николая *Вагнера,* и ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскаго ассессора Адольфа *Питру;* того же ордена третьей степени: учителя С.-Петербургской третьей гимназіи, статскаго совѣтника Ромуальда *Саковича;* коллежскихъ совѣтниковъ: инспектора Кронштадтской гимназіи Өедора *Геека,* учителей гимназій: С.-Петербургской третьей — Евгенія *Кедрова,* Архангельской — Константина *Кизеля,* Каменецъ-Подольской — Евгенія *Малавскаго,* Житомирской — Евфима *Доброгиова,* Новочеркасской — Станислава *Козловскаго,* Минской — Антона *Шумовича* и Слуцкой — Александра *Щедрина;* надворныхъ совѣтниковъ: инспектора Ревельской гимназіи Александра *Бертинга,* помощника проректора

Императорскаго Новороссійскаго университета Зиновія *Комарницкаго*, учителей гимназій: Кіевской второй—Павла *Омельяненко*, Орловской—Эрнеста *Резона*, Курской—Николая *Сибилева*, С.-Петербургской седьмой — Михаила *Өедорова* и Симферопольской — Карла *Тринклера*, бывшаго учителя Новгородской гимназіи Леонтія *Ланге*, учителя С.-Петербургской Введенской прогимназіи Вильгельма *Штерна*, штатнаго смотрителя и преподавателя Вилкомірскаго уѣзднаго училища Іоиля *Мироновича* и младшаго учителя Рижской гимназіи Фридриха *Зоргевица;* коллежскихъ ассессоровъ: инспекторовъ Виленской дирекціи народныхъ училищъ: Владиміра *Шпеери* и Константина *Снитко*, сверхштатнаго преподавателя С.-Петербургской второй гимназіи и комнатнаго надзирателя при пансіонѣ сей гимназіи Андрея *Галинина*, учителей гимназій: Харьковской третьей — Петра *Тимошенко* и Тамбовской — Николая *Преображенскаго*, помощника библіотекаря Императорскаго Харьковскаго университета Дометія *Засядко*, старшаго учителя Дерптской гимназіи Александра *Паульсона*, исправляющаго должность старшаго учителя Перновской гимназіи Николая *Иванова*, штатныхъ смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ: Могилевскаго — Евфима *Филиппови* и Чериковскаго — Семена *Савостицкаго*, завѣдывающаго дежурствомъ при читальной залѣ Императорской Публичной библіотеки Өедора *Фабера* и врача пансіона Кишиневской гимназіи Вильгельма *Бернштейна;* титулярныхъ совѣтниковъ: секретаря совѣта Императорскаго университета св. Владиміра Валеріана *Виндинга*, бухгалтера и контролера комитета правленія Императорской Академіи Наукъ Петра *Яковлева* и бывшаго смотрителя Николаевской главной астрономической обсерваторіи Ивана *Гинце*, архитектора департамента народнаго просвѣщенія коллежскаго секретаря Христіана *Тацки* и помощника библіотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета, губернскаго секретаря Дидриха *Шмальгаузена*. А статскимъ совѣтникамъ, ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — декану Августу *Давидову* и св. Владиміра — Ста-

ріону *Ходецкому*, директору училищъ Харьковской губерніи Ермолаю *Крупкову*, экстраординарному академику Императорской Академіи Наукъ, въ званіи камеръ-юнкера, Владиміру *Вельяминову-Зернову*, вице-директору Николаевской главной астрономической обсерваторіи Августу *Вагнеру* и исправляющему должность профессора Демидовскаго лицея Петру *Ѳедорову;* коллежскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Виленскаго учебнаго округа Николаю *Новикову*, помощнику начальника архива министерства народнаго просвѣщенія Николаю *Разумихину* и ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета надворному совѣтнику Вильгельму *Душану-Лямблю*, Всемилостивѣйше пожалованы, согласно удостоенію комитета гг. министровъ, знаки того же ордена второй степени, украшенные Императорскою короною.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія г. министра народнаго просвѣщенія, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ нижепоименованныхъ лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ 22-й день декабря 1867 года, согласно удостоенію комитета гг. министровъ, кавалерами ордена Св. Станислава второй степени, украшеннаго Императорскою короною: статскихъ совѣтниковъ: ординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета Артура *Бетхера*, директора училищъ Самарской губерніи Петра *Кудряшева*, и доцента Императорскаго университета св. Владиміра Кондратія *Страшкевича*, директора Устьмедвѣдицкой гимназіи и училищъ полковника Аристарха *Протопопова;* коллежскихъ совѣтниковъ: директора училищъ Вятской губерніи Эдуарда *Фишера*, директора Нижегородскаго Александровскаго института Павла *Розинга*, инспектора Харьковской третьей гимназіи Александра *Зибера*, ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета надворнаго совѣтника Николая *Виноградова*, и секретаря совѣта Императорскаго Московскаго университета коллежскаго ассессора Александра *Еналеева;* того же

ордена, той же степени, безъ короны—статскихъ совѣтниковъ: инспектора Вологодской гимназіи Николая *Левицкаго*, бывшаго директора и исправляющаго должность старшаго учителя Аренсбургской гимназіи Ѳедора *Либоріуса*, инспектора Минской дирекціи народныхъ училищъ Павла *Овчинникова*, учителей гимназій: Нѣжинской—Моисея *Ледвика*, Бѣлоцерковской—Оттона *Фонъ-Мерса*, Харьковской губернской—Виктора *Варжанскаго*, и учителя Нижегородскаго Александровскаго института Павла *Никольскаго;* коллежскихъ совѣтниковъ: исправляющаго должность ординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета Карла *Паукера*, Могилевскаго директора училищъ Николая *Арнольда*, Мозырскаго директора училищъ Михаила *Изюмова*, экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ѳедора *Петрушевскаго*, Гродненскаго директора народныхъ училищъ Михаила *Дмитріева*, инспектора Нижегородской гимназіи Николая *Овсянникова*, инспектора Виленской прогимназіи Владиміра *Лялина*, учителей гимназіи: Черниговской Илью *Дорошенко*, Архангельской Фридриха *Бѣлинскаго*, исправляющаго должность учителя Московской второй гимназіи Михаила *Смирнова* и старшаго учителя Митавской гимназіи Александра *Циммермана;* надворныхъ совѣтниковъ: инспектора Симбирской гимназіи Владиміра *Ауновскаго*, секретаря совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета Василія *Орлова*, библіотекаря Императорскаго Харьковскаго университета Якова *Баляснаго*, адъюнкта Императорской Академіи Наукъ Карла *Максимовича*, почетнаго смотрителя Московскаго перваго уѣзднаго училища Константина *Куманина*, учителей гимназій: С.-Петербургской шестой—Алексѣя *Груздева* и С.-Петербургской седьмой—Карла *Маака;* коллежскихъ ассессоровъ: ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василія *Бауера*, Гродненскаго директора училищъ Якова *Болвановича*, управляющаго канцеляріей попечителя Московскаго учебнаго округа Константина *Волкова*, почетнаго смотрителя С.-Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища Ивана *Мясникова*,

смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ: Рижскаго русскаго — Романа *Лунина* и Гольдингенскаго — Θедора *Бауера*, казначея Императорскаго Московскаго университета Ивана *Божукова* и почетнаго смотрителя *Орѣховскаго* уѣзднаго училища титулярнаго совѣтника Александра *Марка;* того же ордена третьей степени: учителя Немировской гимназіи коллежскаго совѣтника Θедора *Кимбли;* надворныхъ совѣтниковъ: штатнаго смотрителя Новомосковскаго уѣзднаго училища Θедора *Соловьева,* надзирателя за воспитанниками Харьковскаго ветеринарнаго училища Θедора *Данилевскаго* и врача Одесскаго уѣзднаго училища Льва *Гросмана;* коллежскихъ ассессоровъ: учителей гимназій: Олонецкой — Константина *Петрова* и Симферопольской — Михаила *Тимоѳеева,* штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ: Полтавскаго — Діонисія *Тирютина*, Петергофскаго — Виктора *Петрова*, Вологодскаго — Павла *Касаткина*, Екатеринославскаго — Александра *Яхнова*, Горбатовскаго — Платона *Ароматова*, Чистопольскаго — Карла *Войцѣховича*, Аккерманскаго — Александра *Сонча*, Чембарскаго — Владиміра *Новикова*, Новооскольскаго — Василія *Ковалевскаго*, и Симферопольскаго — Θедора *Кудрицкаго*, бухгалтеровъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — Александра *Сорокина*, и Харьковскаго — Михаила *Черняковскаго*, столоначальника канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа Ивана *Прокофьева-Прокопенко*, и учителя Воронежскаго уѣзднаго училища Θедора *Армита;* титулярныхъ совѣтниковъ: учителя С.-Петербургской шестой гимназіи Андрея *Лосева* и штатнаго смотрителя училищъ Петрозаводскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ Ивана *Закаменнаго;* коллежскихъ секретарей: штатнаго смотрителя Нолинскаго уѣзднаго училища Аѳиногена *Орловскаго*, столоначальника канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Петра *Виноградова* и сверхштатнаго учителя при управленіи Виленскаго учебнаго округа Алексѣя *Владимірова*. А статскимъ совѣтникамъ: инспекторамъ гимназій: Московской четвертой — Николаю *Смирнову* и Харьковской губернской — Ивану *Носачеву*, учителямъ гимназій: Московской первой — Окта-

віану *Невенгловскому* и Владимірской — Алексѣю *Шемякину;* коллежскимъ совѣтникамъ: директору училищъ Астраханской губерніи Андрею *Петерману* и архитектору Императорской Академіи Наукъ Рудольфу *Бернгарду*, бухгалтеру департамента народнаго просвѣщенія надворному совѣтнику Александру *Тимоѳееву* и старшему библіотекарю Императорской публичной библіотеки, не имѣющему чина, Морицу *Поссельту*, Всемилостивѣйше пожалованы, согласно удостоенію комитета гг. министровъ, знаки того же ордена второй степени, украшенные Императорскою короною.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 22-й день декабря 1867 г., Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать члену и казначею комитета по постройкѣ дома для Ораніенбаумскаго приходскаго училища Великой Княгини Елены Павловны, Ораніенбаумскому 2-й гильдіи купцу Ивану *Чистякову*, золотую медаль для ношенія на шеѣ на Анненской лентѣ, за успѣшное завѣдываніе, внѣ служебныхъ по городу Ораніенбауму обязанностей, хозяйственною и казначейскою частями при означенной постройкѣ, съ знаніемъ дѣла и сбереженіемъ расходовъ.

Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Владиміру Александровичу благоугодно было пожаловать начальнику Пражскаго архива и члену-корреспонденту Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, Я. И. Эрбену, брилліантовый перстень за поднесенный Его Высочеству экземпляръ чешскаго перевода Несторовой лѣтописи.

IV. МИНИСТЕРСКОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ.

8. (16-го декабря 1867 года). *О дозволеніи двумъ ученикамъ VII класса Вологодской гимназіи заниматься съ малоуспѣвающими учениками четырехъ низшихъ классовъ.*

Вслѣдствіе представленія управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ дозволить двумъ лучшимъ ученикамъ VII класса Вологодской гимназіи заниматься въ гимназіи же по окончаніи учебныхъ часовъ съ малоуспѣвающими учениками четырехъ низшихъ классовъ, и производить сказаннымъ двумъ ученикамъ-репетиторамъ, въ теченіе учебныхъ мѣсяцевъ, по *пяти* руб. въ мѣсяцъ каждому изъ суммы сбора за ученіе въ означенной гимназіи.

V. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-ноября 1867 года (№ 20). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кесслеръ* — въ званіи заслуженнаго профессора, съ 5-го ноября 1867 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія коллежскій секретарь *Вессель* — членомъ ученаго комитета сего министерства. *Перемѣщается:* начальникъ упраздняемой Люблинской учебной дирекціи, коллежскій совѣтникъ *Теодоровичъ* — начальникомъ Калишской учебной дирекціи. *Переводится на службу по министерству народнаго просвѣщенія:* младшій помощникъ дѣлопроизводителя инспекторскаго департамента морскаго министерства, надворный совѣтникъ *Бѣлецкій* — дѣлопроизводителемъ VI класса въ департаментъ народнаго просвѣщенія. *Оставляется на службѣ на пять лѣтъ:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерпскаго университета, статскій совѣтникъ *Клаусенъ* — съ 17-го ок-

тября 1867 года. *Увольняются въ отпускъ за границу:* инспекторъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, надворный совѣтникъ *Постельсъ* — съ 22-го декабря 1867 по 10-е января 1868 года; почетный смотритель Острогскаго уѣзднаго дворянскаго училища графъ *Ильинскій* — на два мѣсяца, и учитель 1-й Кіевской гимназіи, коллежскій ассесоръ *Функе* — на зимнее вакаціонное время и двадцать восемь дней; послѣдніе два по болѣзни. *Увольняется отъ службы за выслугою срока:* ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гогоцкій* — съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, сей должности присвоенный. *Исключается изъ списковъ умершій:* директоръ Московской 3-й реальной гимназіи, статскій совѣтникъ *Александровъ*.

VI. РАСПОРЯЖЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій по новымъ языкамъ, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

а) *По французскому языку.*

1) *Константена*, Э. Полный курсъ французскаго языка, по методѣ Робертсона. Грамматическая часть. Первые 30 уроковъ. С.-Пб., 1860.

2) *Constantin*, *A.* Cours pratique de langue francaise à l'usage des écoles. 2-me édition, corrigée et augmentée. 3 parties. St.-Pétersb., 1864.

3) *Крестлингка*, *Л.* Учебникъ французскаго языка. Курсъ 1-го и 2-го классовъ гимназій. С.-Пб., 1867.

4) *Крестлингка*, *А.* Французская грамматика, составленная для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб., 1862.

5) *Margot, D.* Cours élémentaire et progressif de la langue française á l'usage des classes inférieures et moyennes des écoles. 11-me édition. St.-Pétersb., 1865.

6) *Margot, D.* Grammaire théorique et pratique de la langue française à l'usage des classes supérieures des écoles. С.-Пб., 1864. Двѣ части.

7) *Serpinet*, Grammaire simplifiée et mise à la portée des enfants. С.-Пб., 1854.

8) *Сильмана*, Руководство къ изученію французскаго языка по Магеру. Кіевъ, 1865 (какъ пособіе).

9) *Fleury, J.* Grammaire en action. Cours raisonné de langue française. Двѣ части (какъ пособіе; первая же часть и какъ книга для переводовъ съ французскаго языка на русскій въ IV классѣ).

10) *Данилевскаго*, Livre de lecture et traducion du français en russe, suivie d'exercices de mémoire, avec un vocabulaire. Cours moyen. Изд. 3-е. С.-Пб., 1867.

11) *Levrier, J.* et *Demmenie, H.* Narrations et exercices de mémoire en prose et en vers, ou choix de morceaux propres à faciliter l'étude pratique de la langue française. 3-me édition. St-Pétersb. 1864.

12) *Рилингсона*, Практическое руководство къ переводамъ съ французскаго языка на русскій и съ русскаго на французскій. Курсъ 1-й. С.-Пб., 1865 (какъ руководство въ IV и V классахъ).

13) *Tricot*, Nouvelles leçons de littérature française et de morale, avec des notes explicatives et critiques. С.-Пб., 1864.

14) *Fleury*, *Parfait* et *de Lafosse*, Bibliotthèque littéraire. Analyse et extraits de tous les chefs-d'oeuvre de la langue française, avec notices biographiques et commentaires. 1-re partie: Prose. 2-de partie: Poésie. Paris. 1862.

15) *Кистера, Ѳ.* Постепенныя занятія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій, Изд. 7-е. Москва, 1857.

16) *Кускова* и *Крестлингка*. Книга для переводовъ съ русскаго языка на французскій и нѣмецкій. С.-Пб., 1862.

17) *Студитскаго, Ѳ.*, Книга для переводовъ съ русскаго на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Изд. 2-е. С.-Пб., 1858.

18) *Крестлинга, Л.*, Французско-русскій лексиконъ синонимовъ, галлицизмовъ, поговорокъ, пословицъ и особенностей разговорнаго французскаго языка. С.-Пб., 1862.

19) *Макарова, Н.* Полный русско-французскій словарь. 2 части. С.-Пб., 1867.

20) *Мильчевскаго, О.* Опытъ синонимики французскаго языка для Русскихъ. Казань, 1861.

21) *Ольдекопа, Е.*, Новый русско-французскій и французско-русскій словарь. 2 части. Изд. 4-е. С.-Пб., 1854—55.

22) *Рейфа*, Новые параллельные словари языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Карлсруэ, 1860—61. Ч. 1-я русская, ч. 2-я французская.

23) *Шмидта, I.* Карманный французско-русскій и русско-французскій словарь. Лейпцигъ, 1856.

24) *Шмидта*, Карманный французско-русскій и русско-французскій словарь. Сличилъ съ полнѣйшими словарями и дополнилъ по нимъ *Б. Кондыревъ*. Изд. 2-е. С.-Пб., 1864.

б) *По нѣмецкому языку.*

25) *Лонгардта, Х. Ф.*, Учебникъ нѣмецкаго языка для русскаго юношества. Два курса. С.-Пб., 1866.

26) *Маака, А.* Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ 1, 2, 3 и 4-го классовъ. Изд. 2-е. С.-Пб., 1864—1866.

27) *Кейзера*, Грамматика нѣмецкаго языка. Изд. 3-е. Москва, 1863.

28) *Топорова*, Грамматическій курсъ нѣмецкаго языка. Одесса, 1853.

29) *Фишера, А.* Начальная книга нѣмецкаго языка для русскаго юношества. С.-Пб. Курсъ 1-й. 1866. Курсъ 2-й, 1867.

30) *Эльснитца (фонъ-деръ), Л.*, Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. 2 части. Изд. 2-е. Москва, 1861.

31) *Фидлера, I.* Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Курсъ 2-й. Москва, 1864.

32) *Фрея, А.* Нѣмецкая грамматика для русскихъ гимназій. С.-Пб., 1866.

33) *Берте, Н.* Нѣмецкая христоматія, заключающая въ себѣ выборъ статей въ прозѣ и стихахъ изъ твореній нѣмецкихъ классиковъ всѣхъ столѣтій. Изд. 4-е. С.-Пб., 1866.

34) *Геринга, Э.* Христоматія, или собраніе статей для переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Москва, 1858.

35) *Гуро, С.* Собраніе разказовъ, анекдотовъ и отрывковъ, выбранныхъ изъ лучшихъ русскихъ писателей для упражненія дѣтей въ переводахъ съ русскаго языка на французскій и нѣмецкій, и русско-французскій словарь. Изд. 8-е. С.-Пб., 1862.

36) *Де-ла Мотъ-Фуке.* Ундина. Разказъ, изд. для русскихъ гимназій *О. Штолемъ.* Москва, 1862.

37) *Кейзера, Θ.* Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, содержащій: предварительныя синтаксическія правила, полный словарь на каждую статью и краткій обзоръ нѣмецкой литературы. Изд. 3-е. Москва. 1863.

38) *Келлера.* Учебная книга нѣмецкаго языка. Ч. 1-я. С.-Пб., 1866.

39) *Керковіуса, Эм.* Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Сост. по методѣ д-ра *Ана.* Изд. 3-е. Одесса, 1866.

40) *Кистера.* См. выше № 15.

41) *Кускова* и *Крестлинка.* См. выше № 16.

42) *Массона, М.* Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка, съ присовокупленіемъ нѣмецко-русскаго словаря. Изд. 7-е. С.-Пб., 1865.

43) *Массона, М.* Практическое руководство для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Изд. 4-е. С.-Пб., 1856.

44) *Masson, M.* Musterstücke. Ein Lesebuch zum Gebrauch in den mittleren und oberen Klassen Russischer Lehranstalten. Mit

Erläuterungen, erklärenden Anmerkungen und einem Wörterbuche. С.-Пб., 1864.

45) *Студитскаго, Ѳ.* См. выше № 17.

46) *Топорова, В.* Нѣмецкая христоматія для русскаго юношества, или полный сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ, въ прозѣ и стихахъ. Изд. 2-е. Одесса и Лейпцигъ, 1857.

47) *Топорова, В.* Гимназическій курсъ постепенныхъ грамматическихъ и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій. Изд. 4-е, исправленное и во многомъ дополненное. Одесса, 1865.

48) *Щафранова.* Нѣмецкая христоматія для упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій, съ объясненіемъ труднѣйшихъ выраженій и оборотовъ. Изд. 2-е. Ревель, 1864.

49) *Рейфа.* Новые параллельные словари языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Карлсруэ, 1860—61 г. Ч. 3-я, нѣмецкая.

50) *Ульянова, П.* Карманный русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. 2 части. С.-Пб., 1843.

51) *Шмидта, І.* Карманный россійско-нѣмецкій и нѣмецко-россійскій словарь. Лейпцигъ. 1852.

Оффиціальныя Извѣщенія.

Въ послѣднее время во многихъ государствахъ образовались частныя общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Въ Америкѣ и Пруссіи они уже фактически доказали важность и благотворную пользу ихъ дѣятельности. Съ образованіемъ сихъ обществъ, каждому гражданину этихъ націй открылся путь для принятія непосредственнаго участія къ облегченію тяжкаго положенія раненыхъ воиновъ, сражавшихся за честь и славу ихъ отечества; военная администрація получила возможность сосредоточить свои врачебные способы преимущественно въ мѣстахъ ближайшихъ къ театру войны; страждущіе воины нашли въ патріотической заботливости обществъ успокоеніе, отраду и полное о себѣ попеченіе.

Столь благопріятные результаты возбудили и у насъ мысль образовать подобное же общество. Мысль эта, при самомъ заявленіи ея, встрѣчена была съ общимъ сочувствіемъ; своимъ развитіемъ она обязана горячему участію Государыни Императрицы, и образовавшееся общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ осчастливлено особымъ, непосредственнымъ покровительствомъ, принятымъ на себя Ея Императорскимъ Величествомъ.

Высокопреосвященный Митрополитъ Московскій, Филаретъ, благословляя начинанія общества, объяснилъ цѣль его дѣятельности и обязанности къ нему каждаго Русскаго слѣдующимъ краснорѣчивымъ истолкованіемъ Евангельскихъ словъ: *Милосердова: и приступль обвяза струпы его, возливая масло и вино. Иди и ты твори такожде.* (Лук. X. 33, 34, 37).

«Россіяне, чада православной церкви, — взываетъ Высокопреосвященный, — не слышали-ль вы въ церкви, не видѣли ли «въ Евангеліи, какъ мимо израненнаго, лежащаго на дорогѣ, «иные прошли мимо, а нѣкто Самарянинъ сжалился надъ нимъ, «обмылъ раны его виномъ, умягчилъ масломъ, перенесъ его въ

«гостинницу и далъ деньги, чтобы довершить помощь, ему оказанную? Не чувствовали ли вы невольнаго негодованія на прошедшихъ мимо раненаго? Не пріятенъ ли вамъ въ семъ случаѣ, даже непріятный въ другихъ отношеніяхъ, Самарянинъ? «Не говоритъ ли при семъ ваше сердце того самаго, что̀ сказалъ «Христосъ Спаситель: *иди и ты твори такожде?* Посмотрите «же, что̀ указуется вамъ теперь. На полѣ сраженія лежатъ многіе воины, не чуждые, не незнакомые, но весьма ближніе вамъ, «потому что они сражались за вашего Царя, за достоинство и «безопасность вашего отечества, за безопасность каждаго изъ «васъ. Любовь отечественная и тѣмъ болѣе христіанская любовь «не позволитъ вамъ пройдти мимо; она скажетъ вамъ: твори, «какъ милосердый Самарянинъ. Счастливо было для раненаго «то, что милосердый Самарянинъ имѣлъ въ готовности вино и «масло, и вьючное животное для перенесенія больнаго, и деньги «на прочія его нужды. Безъ сей готовности раненый умеръ бы «въ ожиданіи помощи. Да возбудится же благовременно ваше «милосердіе, ваша любовь къ имѣющимъ подвизаться за васъ на «полѣ брани; да приготовится *масло и вино* и прочее, то-есть, все «потребное для врачеванія раненыхъ и больныхъ воиновъ, для «безопаснаго перенесенія ихъ въ мѣста призрѣнія, и для устроенія самыхъ мѣстъ призрѣнія, благопріятныхъ выздоровленію».

Этихъ словъ, истекающихъ изъ Евангельскихъ указаній и понятныхъ каждому, вполнѣ достаточно для объясненія цѣли общества и предстоящихъ дѣйствій его. Слова эти, конечно, найдутъ отголосокъ въ каждомъ Русскомъ, ясно показывая, что общество тогда только можетъ достигнуть полезныхъ результатовъ, когда заблаговременно будетъ организовано и въ мирное время пріобрѣтетъ все необходимое для успокоенія раненыхъ и больныхъ воиновъ. Первоначальнымъ учредителямъ остается только сказать, что всякое пожертвованіе, какъ-бы оно незначительно ни было, послужитъ къ увеличенію способовъ для осуществленія патріотической и христіанской обязанности, принятой на себя обществомъ.

На подлинномъ написано:

„ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Уставъ сей разсматривать и Высочайше утвердить соизволилъ, въ С.-Петербургѣ, въ 3-й день мая, 1867 года".

Подписалъ: управляющій дѣлами комитета министровъ,
статсъ-секретарь *Корниловъ.*

УСТАВЪ

СОСТОЯЩАГО ПОДЪ ВЫСОЧАЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНАХЪ.

Цѣль и средства общества.

§ 1. Общество имѣетъ главною цѣлью содѣйствовать, во время войны, военной администраціи въ уходѣ за ранеными и больными воинами и доставлять имъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, какъ врачебное, такъ и всякаго рода вспомоществованіе.

§ 2. Для достиженія этой цѣли, общество, чрезъ свои, поименованныя ниже, управленія, принимаетъ всѣ, дозволенныя закономъ, мѣры къ увеличенію денежныхъ и матеріальныхъ средствъ своихъ; заботится о приглашеніи, на военное время, духовныхъ пастырей разныхъ исповѣданій для религіознаго пособія и утѣшенія страждущихъ; принимаетъ мѣры для приготовленія санитарной прислуги и образованія сестеръ и братьевъ милосердія; собираетъ и заготовляетъ всякія лазаретныя и перевязочныя принадлежности; равно доставляетъ все то, что можетъ служить къ помѣщенію, пользованію и вообще къ облегченію положенія страждущихъ воиновъ.

§ 3. Средства общества составляются изъ:

а) ежегодныхъ денежныхъ взносовъ лицъ всѣхъ сословій, желающихъ участвовать въ обществѣ, и б) единовременныхъ пожертвованій деньгами, вещами и всякаго рода имуществомъ.

Права общества.

§ 4. Общество пользуется содѣйствіемъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, которыя способствуютъ развитію его средствъ, для достиженія цѣли общества, всѣми зависящими отъ нихъ способами.

§ 5. По всѣмъ своимъ дѣламъ общество освобождается отъ употребленія гербовой бумаги и отъ взноса установленныхъ пошлинъ при совершеніи условій и другихъ законныхъ актовъ.

§ 6. Для приглашенія въ церквахъ, чрезъ священнослужителей, къ частной благотворительности, общество входитъ въ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ, и независимо отъ сего, можетъ выставлять, для сбора денегъ, кружки при церквахъ, по соглашенію съ духовнымъ вѣдомствомъ, и въ другихъ мѣстахъ, съ вѣдома полиціи.

§ 7. Общество имѣетъ: а) особые печать и штемпель для переписки; б) особый флагъ для указанія, во время войны, своихъ складовъ, транспортовъ и лазаретовъ, и в) особую повязку для ношенія, во время войны, на лѣвомъ рукавѣ, лицамъ принадлежащимъ къ составу общества или служащимъ ему.

Примѣчаніе. Флагъ и нарукавная повязка присвоиваются обществу по образцу международно-условленному.

Составъ общества.

§ 8. Первоначально общество составляется изъ учредителей, которые вносятъ въ пользу общества ежегодно не менѣе 10 руб. или единовременно не менѣе 200 руб.

Кромѣ учредителей, къ составу общества принадлежатъ:

а) почетные члены,

б) члены благотворители,

в) дѣйствительные члены и

г) соревнователи.

Примѣчаніе. Всѣ эти званія присвоиваются лицамъ обоего пола.

§ 9. Почетные члены общества суть: а) члены Императорской Фамиліи, которые соблаговолятъ изъявить соизволеніе на принятіе этого званія, и б) духовныя и свѣтскія лица, способствующія успѣшному развитію дѣятельности общества.

§ 10. Членами благотворителями признаются лица, которыя значительными пожертвованіями въ пользу общества пріобрѣтутъ право на особенную его признательность.

Почетные члены и члены благотворители утверждаются въ этомъ званіи Ея Императорскимъ Величествомъ.

§ 11. Званіе дѣйствительныхъ членовъ присвоивается лицамъ, обязующимся вносить ежегодно въ пользу общества не менѣе 3 рублей или сдѣлавшимъ единовременный взносъ не менѣе 50 рублей.

§ 12. Лица, жертвующія, какъ ежегодно, такъ и единовременно, суммы въ меньшемъ размѣрѣ, именуются соревнователями.

§ 13. Учредители и члены, обязавшіеся дѣлать ежегодно взносы въ пользу общества, уплачиваютъ таковые въ первый годъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ по распубликованіи сего устава, а въ послѣдующее время въ продолженіе первыхъ 2 мѣсяцевъ каждаго года. Порядокъ поступленія, какъ ежегодныхъ, такъ и единовременныхъ взносовъ и пожертвованій опредѣленъ въ § 51 и въ примѣчаніи къ нему.

Администрація общества.

§ 14. Завѣдываніе дѣлами общества возлагается на главное и мѣстныя управленія. Главное управленіе находится въ С.-Петербургѣ, а мѣстныя управленія учреждаются въ столичныхъ и во всѣхъ губернскихъ городахъ.

§ 15. Кромѣ сихъ управленій, для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли общества и доставленія лицамъ женскаго пола возможности раздѣлять заботы мѣстныхъ управленій, образуются, въ мѣстахъ ихъ учрежденія, дамскіе комитеты.

§ 16. Мѣстныя управленія и дамскіе комитеты, въ видахъ расширенія круга дѣятельности общества, могутъ, по соображе-

ніи съ мѣстными обстоятельствами, устроивать, въ уѣздахъ своихъ губерній, особые отдѣлы. Дамскіе отдѣлы учреждаются и въ столичныхъ городахъ, въ такомъ числѣ, въ какомъ признается необходимымъ по усмотрѣнію комитетовъ.

§ 17. Мѣстныя управленія и дамскіе комитеты образуются, когда число учредителей въ столицахъ достигнетъ до 120, а въ губернскихъ городахъ до 30, и когда на открытіе своихъ дѣйствій получатъ разрѣшеніе губернаторовъ. Отдѣлы же открываются не иначе, какъ съ предварительнаго согласія подлежащаго губернскаго начальства.

§ 18. Мѣстныя управленія и дамскіе комитеты, по воспослѣдованіи разрѣшеній губернаторовъ, сообщаютъ объ образованіи своемъ главному управленію, которое доводитъ о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія Ея Императорскаго Величества. Независимо отъ сего, мѣстныя управленіе и дамскіе комитеты объ открытіи своихъ дѣйствій публикуютъ въ вѣдомостяхъ. Равнымъ образомъ, учрежденія эти публикуютъ и объ открытіи каждаго изъ своихъ отдѣловъ, съ поясненіемъ — когда именно послѣдовало на то согласіе подлежащаго губернскаго начальства и изъ какихъ лицъ состоятъ отдѣлы.

§ 19. Всѣ члены мѣстныхъ управленій и дамскихъ комитетовъ исполняютъ свои обязанности безвозмездно.

§ 20. Главнѣйшая обязанность всѣхъ органовъ общества заключается въ развитіи его дѣятельности, въ приращеніи средствъ и въ возможномъ сбереженіи оныхъ, съ избѣжаніемъ всякихъ излишнихъ расходовъ. Составъ сихъ органовъ и кругъ ихъ занятій изложенъ въ нижеслѣдующихъ §§.

Главное управленіе.

§ 21. Главное управленіе завѣдываетъ всѣми дѣлами общества, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества.

§ 22. Главное управленіе состоитъ изъ 25 членовъ, которые

избираютъ изъ среды своей, срокомъ на два года — предсѣдателя, двухъ товарищей его, казначея и кандидата къ нему.

Кромѣ того, при главномъ управленіи имѣется производитель дѣлъ, съ необходимымъ числомъ писцовъ.

Примѣчанія: 1) Выборъ членовъ главнаго управленія, на первый періодъ, а равно избраніе, до созванія перваго общаго собранія, почетныхъ членовъ, производится въ частномъ собраніи первоначальныхъ учредителей. 2) Въ засѣданіяхъ главнаго управленія могутъ участвовать съ правомъ голоса члены мѣстныхъ управленій, во время пребыванія ихъ въ С.-Петербургѣ. Съ тѣмъ же правомъ присутствуютъ въ засѣданіяхъ мѣстныхъ управленій члены главнаго управленія, въ случаѣ пребыванія ихъ въ той мѣстности.

§ 23. Предсѣдатель и его товарищи утверждаются Ея Императорскимъ Величествомъ.

§ 24. Производитель дѣлъ избирается предсѣдателемъ главнаго управленія, а опредѣленіе размѣра вознагражденія лицамъ, служащимъ въ канцеляріи, и утвержденіе другихъ расходовъ по содержанію оной предоставляется главному управленію.

§ 25. Ежегодно четвертая часть членовъ главнаго управленія выбываетъ по жребію и замѣщается лицами, вновь избираемыми въ общемъ собраніи изъ числа наличныхъ членовъ. Въ число выбывающихъ по жребію включаются и тѣ изъ членовъ управленія, которые выбыли, по какимъ-либо обстоятельствамъ, до общаго собранія.

Примѣчаніе. Выбывающіе члены главнаго управленія могутъ быть, по ихъ согласію, избираемы вновь.

§ 26. Главное управленіе, какъ центральное учрежденіе всего общества, направляетъ всѣ его дѣйствія къ надлежащему единству и соотвѣтственно цѣли его назначенія.

§ 27. Главное управленіе сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія о капиталахъ и прочихъ средствахъ мѣстныхъ управленій, и въ случаѣ надобности, перемѣщаетъ какъ суммы, такъ и имущества изъ одного управленія въ другое.

§ 28. Главное управленіе, чрезъ посредство мѣстныхъ управленій, дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ всѣхъ необходимыхъ заготовленій; непосредственно же производитъ заготовленіе только въ случаяхъ исключительныхъ.

§ 29. Главному управленію предоставляется:

а) съ разрѣшенія общаго собранія, пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя имущества;

б) заключать всякаго рода договоры и условія, и

в) вчинать, гдѣ слѣдуетъ, иски по дѣламъ общества и защищать его интересы, чрезъ своихъ повѣренныхъ, на что снабжаетъ ихъ особою отъ себя довѣренностію.

§ 30. Главное управленіе сносится по дѣламъ общества со всѣми правительственными, земскими и общественными учрежденіями.

§ 31. Главное управленіе собирается не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, и сверхъ того, каждый разъ по усмотрѣнію предсѣдателя или по желанію не менѣе четвертой части его членовъ.

§ 32. Для дѣйствительности рѣшеній, въ засѣданіяхъ главнаго управленія необходимо присутствіе не менѣе пяти членовъ, въ томъ числѣ и предсѣдателя или заступающаго его мѣсто товарища.

§ 33. Рѣшенія постановляются по большинству голосовъ. Въ случаѣ раздѣленія оныхъ, голосъ предсѣдателя или заступающаго его мѣсто товарища даетъ перевѣсъ.

§ 34. Всѣ циркулярныя и частныя предложенія главнаго управленія мѣстнымъ управленіямъ, сношенія съ разными мѣстами и лицами и вообще всѣ бумаги, кромѣ указанныхъ въ нижеслѣдующихъ §§, исходятъ за подписью предсѣдателя или заступающаго его мѣсто товарища, и за скрѣпою дѣлопроизводителя.

§ 35. Всѣ акты и обязательства по дѣламъ общества должны быть подписаны предсѣдателемъ или заступающимъ его мѣсто товарищемъ, и двумя членами управленія, за скрѣпою дѣлопроизводителя.

§ 36. Требованія суммъ изъ кредитныхъ установленій и вообще отъ мѣстъ и лицъ, которымъ можетъ быть довѣрено храненіе капиталовъ общества, переводы суммъ, квитанціи въ полученіи или надписи о переводѣ всякихъ суммъ, принадлежащихъ обществу, — должны быть подписаны предсѣдателемъ или заступающимъ его мѣсто товарищемъ, и двумя членами управленія, за скрѣпою дѣлопроизводителя.

§ 37. Главное управленіе опредѣляетъ порядокъ своего дѣлопроизводства. Оно распредѣляетъ занятія членамъ, а для разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ назначаетъ, изъ среды своей, отдѣльныя коммиссіи.

§ 38. Главное управленіе имѣетъ печать съ своимъ наименованіемъ и снабжаетъ мѣстныя управленія образцами печатей и формами книгъ для записыванія:

а) денежныхъ взносовъ,

б) кружечнаго сбора и

в) матеріальныхъ пожертвованій.

§ 39. Ежегодно, по полученіи отчетовъ мѣстныхъ управленій, главное управленіе составляетъ къ концу марта общій отчетъ о дѣятельности своей вообще, о приходахъ и расходахъ суммъ общества и о состояніи имущества. Затѣмъ предлагаетъ отчетъ сей на разсмотрѣніе общаго собранія.

Общія собранія.

§ 40. Общія собранія составляются подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя главнаго управленія, изъ:

а) членовъ главнаго управленія,

б) учредителей общества,

в) членовъ благотворителей,

г) членовъ мѣстныхъ управленій, которые будутъ находиться въ С.-Петербургѣ, и

д) дѣйствительныхъ членовъ общества, заявившихъ, за три дня до общаго собранія, желаніе присутствовать въ ономъ.

§ 41. Общія собранія созываются въ С.-Петербургѣ, чрезъ

публикаціи въ вѣдомостяхъ, одинъ разъ въ годъ; но, кромѣ того, главное управленіе созываетъ чрезвычайныя собранія всегда, когда признаетъ это необходимымъ.

§ 42. Къ кругу занятій общаго собранія принадлежатъ:

а) Разсмотрѣніе общаго отчета главнаго управленія. При этомъ, для повѣрки прихода и расхода суммъ въ главномъ управленіи и вообще состоянія капиталовъ, въ вѣдѣніи его находящихся, избирается изъ среды собранія повѣрочная коммиссія не менѣе какъ изъ трехъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу главнаго управленія.

б) Обсужденіе различныхъ вопросовъ и мѣръ, предлагаемыхъ главнымъ и мѣстными управленіями.

в) Выборъ почетныхъ членовъ.

г) Признаніе въ званіи членовъ благотворителей, на основаніи § 10.

д) Выборъ членовъ главнаго управленія.

§ 43. Всѣ дѣла въ общемъ собраніи рѣшаются по большинству голосовъ; при равенствѣ же ихъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 44. Общій отчетъ главнаго управленія, съ заключеніемъ повѣрочной коммиссіи, подвергается, чрезъ предсѣдателя главнаго управленія, на Высочайшее Ея Императорскаго Величества благоусмотрѣніе и затѣмъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

Мѣстныя управленія.

§ 45. Мѣстныя управленія завѣдываютъ всѣми дѣлами общества въ предѣлахъ ихъ губерній.

§ 46. Мѣстныя управленія состоятъ изъ членовъ, числомъ 8—16, которые избираютъ, изъ среды своей, срокомъ на два года: предсѣдателя, товарища его, казначея и кандидата къ нему.

> *Примѣчаніе.* На первый періодъ члены мѣстныхъ управленій избираются, подобно членамъ главнаго управленія, частнымъ собраніемъ учредителей своей мѣстности.

§ 47. Мѣстныя управленія, въ случаѣ надобности, могутъ имѣть дѣлопроизводителя и необходимое число писцовъ. Опредѣленіе мѣры вознагражденія сихъ лицъ, а равно утвержденіе расходовъ на содержаніе канцеляріи, предоставляется мѣстнымъ управленіямъ.

§ 48. Относительно порядка замѣщенія членовъ, сношенія съ правительственными, земскими и общественными учрежденіями, созванія присутствій, постановленія рѣшеній, счета голосовъ, подписыванія бумагъ, актовъ и обязательствъ, требованія и перевода суммъ и выдачи по нимъ квитанцій, а также по опредѣленію порядка дѣлопроизводства и назначенія особыхъ коммиссій для обсужденія спеціальныхъ вопросовъ, — мѣстныя управленія руководствуются правилами, установленными для главнаго управленія въ §§ 25, 30—37. Равнымъ образомъ, сіи управленія пользуются правами главнаго управленія, выраженными въ § 29 сего устава, за исключеніемъ пункта а).

§ 49. Мѣстныя управленія заботятся главнѣйше объ изысканіи, въ предѣлахъ своей мѣстности, всевозможныхъ способовъ къ увеличенію средствъ общества. Они принимаютъ всѣ пожертвованія, какъ денежныя, такъ и имущественныя, и приводятъ въ исполненіе всѣ предложенія главнаго управленія.

§ 50. По предложенію главнаго управленія, мѣстныя управленія заботятся о составленіи санитарной прислуги и дѣлаютъ необходимыя заготовленія или непосредственно, или чрезъ мѣстные уѣздные отдѣлы.

§ 51. Членскіе взносы и денежныя пожертвованія не менѣе 1 руб., а также и матеріалами, принимаются въ самихъ управленіяхъ или въ мѣстахъ, указанныхъ ими, и записываются въ особыя книги, упомянутыя въ § 38, съ выдачею вырѣзанной изъ книги квитанціи за подписью одного изъ членовъ управленія.

Примѣчаніе. Всѣ пожертвованія, какъ равно и членскіе взносы, съ открытіемъ дѣйствій столичныхъ управленій, поступаютъ въ сіи послѣднія; съ образованіемъ же мѣстныхъ управленій въ прочихъ губернскихъ городахъ, на волю жер-

твователей и членовъ предоставляется обращать свои пожертвованія и взносы въ столичныя или въ свои мѣстныя управленія. Равнымъ образомъ, пожертвованія могутъ быть взносимы и въ дамскіе комитеты.

§ 52. О всѣхъ пріобрѣтенныхъ средствахъ въ пользу общества мѣстныя управленія публикуютъ, по возможности неотлагательно, въ вѣдомостяхъ, а о болѣе значительныхъ пожертвованіяхъ сообщаютъ главному управленію, которое, если признаетъ необходимымъ, доводитъ о нихъ до Высочайшаго свѣдѣнія Августѣйшей Покровительницы общества.

§ 53. Пожертвованія менѣе 1 рубля опускаются въ кружки, которыя заводятся мѣстными управленіями вездѣ, гдѣ они признаютъ это полезнымъ, руководствуясь § 6.

§ 54. По усмотрѣнію мѣстнаго управленія, деньги вынимаются изъ кружекъ въ присутствіи не менѣе трехъ членовъ его, которые своею подписью въ книгѣ удостовѣряютъ о количествѣ оказавшейся суммы.

§ 55. Мѣстныя управленія сосредоточиваютъ въ своемъ завѣдываніи всѣ суммы, собираемыя какъ ими самими, такъ дамскими комитетами и отдѣлами.

§ 56. По мѣрѣ накопленія сихъ суммъ, мѣстныя управленія вносятъ ихъ въ государственный банкъ, его конторы и отдѣленія, въ сберегательныя кассы или въ городскіе общественные банки, на вклады до востребованія или на текущій счетъ общества, смотря по тому, что̀ признаютъ болѣе выгоднымъ, избѣгая, по возможности, храненія при управленіяхъ денегъ свыше 100 рублей.

§ 57. Относительно храненія матеріаловъ, мѣстныя управленія могутъ входить въ сношенія съ подлежащими земскими и другими учрежденіями, завѣдывающими больничными и богадѣльными заведеніями, о безвозмездномъ отводѣ для сего помѣщеній.

§ 58. Мѣстныя управленія имѣютъ свою печать и снабжаютъ ими дамскіе комитеты.

§ 59. Въ началѣ каждаго года мѣстныя управленія состав-

ляютъ отчетъ какъ о дѣятельности своей вообще, такъ о приходѣ и расходѣ суммъ и о состояніи имущества въ своей мѣстности, а въ февралѣ мѣсяцѣ созываютъ мѣстныя общія собранія, для сообщенія имъ сего отчета.

Мѣстныя общія собранія.

§ 60. Мѣстныя общія собранія, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя мѣстнаго управленія, состоятъ изъ

а) членовъ мѣстныхъ управленій,

б) учредителей общества,

в) членовъ благотворителей и

г) дѣйствительныхъ членовъ общества, заявившихъ, за три дня до собранія, желаніе присутствовать въ ономъ.

§ 61. Къ кругу занятій мѣстныхъ общихъ собраній принадлежатъ:

а) Разсмотрѣніе отчета мѣстнаго управленія и повѣрка его чрезъ избранную, изъ среды собранія, повѣрочную коммиссію въ числѣ не менѣе трехъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу управленія.

б) Повѣрка, чрезъ повѣрочную коммиссію, складовъ, находящихся при управленіи.

в) Обсужденіе различныхъ вопросовъ и мѣръ, предлагаемыхъ управленіями, какъ главнымъ, такъ и мѣстнымъ, и

г) Выборъ членовъ въ мѣстное управленіе.

§ 62. Кромѣ годичнаго общаго собранія, мѣстныя управленія созываютъ чрезвычайныя собранія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда признаютъ это необходимымъ.

§ 63. Относительно рѣшенія дѣлъ, мѣстныя собранія руководствуются правилами, установленными для общаго собранія въ § 43.

§ 64. Отчетъ, съ заключеніемъ повѣрочной коммиссіи, препровождается въ главное управленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, публикуется въ вѣдомостяхъ.

Дамскіе комитеты и отдѣлы вообще.

§ 65. Дамскіе комитеты, открываемые на основаніи § 17, сами опредѣляютъ число своихъ членовъ.

§ 66. Каждый комитетъ избираетъ изъ среды своей, на два года: предсѣдательницу, товарища ея, и если признаетъ нужнымъ, дѣлопроизводителя и казначея.

§ 67. Въ случаѣ выбытія изъ комитета одной или нѣсколькихъ дамъ, онѣ замѣщаются другими, по приглашенію предсѣдательницы комитета.

§ 68. Члены комитетовъ собираются для своихъ засѣданій по усмотрѣнію предсѣдательницъ. Всѣ дѣла въ оныхъ рѣшаются большинствомъ голосовъ; при равенствѣ же, голосъ предсѣдательницы, или при отсутствіи оной, товарища ея, имѣетъ перевѣсъ.

§ 69. Дамскіе комитеты направляютъ дѣятельность свою преимущественно къ увеличенію средствъ общества. Независимо отъ сего, они способствуютъ мѣстнымъ управленіямъ: а) къ образованію сестеръ милосердія и б) къ заготовленію разныхъ предметовъ, нужныхъ для раненыхъ и больныхъ.

§ 70. Предсѣдательницы дамскихъ комитетовъ, по мѣрѣ надобности, сносятся съ мѣстными управленіями и вообще совѣщаются о мѣрахъ, необходимыхъ къ болѣе успѣшному развитію средствъ общества. Въ свою очередь, мѣстныя управленія сообщаютъ дамскимъ комитетамъ все то, что можетъ относиться къ кругу ихъ дѣятельности.

§ 71. Для записыванія денежныхъ и другихъ средствъ, пріобрѣтенныхъ въ пользу общества, дамскіе комитеты имѣютъ у себя книги.

§ 72. Собранныя въ пользу общества денежныя средства дамскіе комитеты передаютъ, чрезъ соотвѣтственныя мѣстныя управленія, въ учрежденія, поименованныя въ § 56, руководствуясь, по возможности, порядкомъ, изложеннымъ какъ въ томъ же §, такъ и въ § 52.

§ 73. Не ограничиваясь пріобрѣтніемъ однихъ матеріальныхъ средствъ и содѣйствіемъ, въ чемъ нужно, мѣстнымъ управленіямъ, дамскіе комитеты могутъ расширять кругъ своей дѣятельности непосредственнымъ участіемъ въ образованіи сестеръ милосердія и учрежденіи мастерскихъ, для приготовленія бѣлья, корпіи, бинтовъ и другихъ принадлежностей. Но въ этомъ случаѣ, для сохраненія единства дѣйствій общества, комитеты осуществляютъ свои предположенія по предварительномъ соглашеніи съ мѣстными управленіями, которыя, соображаясь со степенью потребности и средствами общества, предоставляютъ комитетамъ необходимые способы изъ средствъ общества.

§ 74. По окончаніи года, дамскіе комитеты составляютъ отчётъ о своей дѣятельности, о приходахъ и расходахъ суммъ и передаютъ его мѣстнымъ управленіямъ, для пріобщенія къ отчетамъ сихъ послѣднихъ и представленія общимъ мѣстнымъ собраніямъ.

§ 75. Уѣздные отдѣлы мѣстныхъ управленій и дамскихъ комитетовъ, не имѣя значенія особыхъ управленій, составляются не менѣе какъ изъ 3-хъ лицъ, которыя, по соревнованію къ цѣли общества или по предложенію предсѣдателей и предсѣдательницъ, примутъ на себя заботу объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ общества. Кругъ ихъ дѣятельности, порядокъ передачи пожертвованій и отчетность обусловливаются мѣстными обстоятельствами и соглашеніемъ съ управленіями и комитетами, примѣнительно къ общимъ правиламъ сего устава.

Дѣйствія общества во время войны.

§ 76. При приведеніи арміи на военное положеніе, главное управленіе, на основаніи собранныхъ, по сношенію съ военнымъ министерствомъ, свѣдѣній, составляетъ свои соображенія о заготовленіи для больныхъ и раненыхъ необходимыхъ вещей и принадлежностей, и образованіи административнаго и санитарнаго личнаго состава, для дѣйствій общества на театрѣ войны сообразно его назначенію. Въ то же время оно созываетъ чрезвы-

чайное общее собраніе, о которомъ предваряются всѣ учрежденія общества.

§ 77. Главное управленіе увѣдомляетъ мѣстныя о томъ, какіе предметы должны быть заготовлены на капиталы общества и на какихъ пунктахъ они должны быть сосредоточены, а также въ какомъ числѣ и куда долженъ быть направленъ личный составъ.

§ 78. По опредѣленіи театра военныхъ дѣйствій, главное управленіе командируетъ въ главную квартиру или отдѣльно дѣйствующаго отряда, по соглашенію съ военнымъ министерствомъ и съ Высочайшаго разрѣшенія, необходимое число уполномоченныхъ, утвержденныхъ общимъ собраніемъ. Уполномоченные эти снабжаются подробными свѣдѣніями о средствахъ общества, которыя могутъ быть предложены для вспомоществованія раненымъ и больнымъ. Уполномоченнымъ подчиняется весь личный составъ, назначенный отъ общества для дѣйствія во время войны.

§ 79. Уполномоченные отъ общества состоятъ при главнокомандующемъ или при начальникѣ отдѣльнаго отряда, и въ порядкѣ оказанія пособія раненымъ и больнымъ руководствуются инструкціей главнаго управленія общества и ближайшимъ соглашеніемъ съ военнымъ начальствомъ.

§ 80. Уполномоченные представляютъ главному управленію о всѣхъ мѣрахъ и заготовленіяхъ, которыя окажутся необходимыми. Для бóльшаго успѣха дѣйствій, они сносятся непосредственно съ мѣстными управленіями, ближайшими къ театру военныхъ дѣйствій.

§ 81. Для употребленія средствъ общества, сообразно съ дѣйствительными потребностями арміи или отдѣльнаго отряда, уполномоченные входятъ въ сношенія съ полевыми начальствами: интендантскимъ, госпитальнымъ и медицинскимъ.

§ 82. Главныя дѣйствія уполномоченныхъ отъ общества заключаются:

а) Въ учрежденіи, на опредѣленныхъ пунктахъ, складовъ для Разныхъ предметовъ, подъ вѣдѣніемъ назначенныхъ управленіемъ

лицъ (тамъ, гдѣ есть мѣстныя управленія, завѣдываніе складами возлагается на эти послѣднія);

б) въ наймѣ помѣщеній, прислуги и въ устройствѣ перевозочныхъ средствъ; въ открытіи, по мѣрѣ возможности, особыхъ лазаретовъ общества, палатъ при военно-временныхъ госпиталяхъ, а также особыхъ отдѣленій при существующихъ лѣчебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, по соглашенію съ учрежденіями, ими завѣдующими;

в) въ отправкѣ, по мѣрѣ возможности, раненыхъ и больныхъ въ мѣста, болѣе отдаленныя отъ театра военныхъ дѣйствій, дабы предоставить правительственнымъ учрежденіямъ возможность сосредоточить свои средства на мѣстѣ военныхъ дѣйствій;

г) въ назначеніи въ военные госпитали и перевязочные пункты медиковъ, сестеръ и братьевъ милосердія и санитарной прислуги, для поданія помощи и ухода за ранеными и больными;

д) въ содѣйствіи раненымъ и больнымъ въ отправкѣ и полученію писемъ и посылокъ;

е) въ снабженіи всѣмъ, могущимъ служить къ облегченію положенія и вообще къ успокоенію раненыхъ и больныхъ, а въ томъ числѣ и книгами духовнаго и нравственнаго содержанія, періодическими журналами и газетами.

Подробныя обязанности уполномоченныхъ и другихъ лицъ, данныхъ имъ въ помощь, излагаются въ особой инструкціи главнаго управленія общества, по соглашенію, каждый разъ, съ военнымъ министерствомъ.

§ 83. Для выполненія возложенныхъ обществомъ порученій, уполномоченные, въ кругу своихъ дѣйствій, заключаютъ отъ имени общества, гдѣ окажется нужнымъ, договоры и условія.

§ 84. Завѣдывающіе складами общества обязаны доставлять уполномоченнымъ донесенія о состояніи запасовъ, въ ихъ распоряженіи находящихся, и чрезъ нихъ испрашивать какъ о пополненіи оныхъ, такъ и о пріобрѣтеніи вновь тѣхъ предметовъ, которые окажутся необходимыми.

§ 85. По окончаніи войны, уполномоченные представляютъ

главному управленію отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ вообще и о расходахъ, ими произведенныхъ.

§ 86. По полученіи отчетовъ отъ уполномоченныхъ и тѣхъ управленій, которымъ поручаемы были заготовленія, главное управленіе составляетъ общій отчетъ о дѣйствіяхъ общества во время войны, и по разсмотрѣніи его въ общемъ собраніи, повергаетъ чрезъ предсѣдателя на Высочайшее Ея Императорскаго Величества воззрѣніе.

О всѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ сего устава общества, какія окажутся необходимыми въ послѣдствіи, главное управленіе, по предварительномъ одобреніи предложеній его общимъ собраніемъ и съ Высочайшаго соизволенія Ея Императорскаго Величества, испрашиваетъ, установленнымъ порядкомъ, разрѣшеніе.

Подписалъ: министръ внутреннихъ дѣлъ,
статсъ-секретарь *Валуевъ*.

ОТНОШЕНІЕ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ КЪ ПРОТЕСТАНТСКИМЪ ИДЕЯМЪ.

Протестантскія идеи довольно быстро и сильно распространялись въ Россіи еще въ исходѣ XVII вѣка, — на зарѣ гражданской реформы Петра. Въ это время Кульманъ и Нордерманъ открыто проповѣдывали ученіе квакерства и „чинили на Москвѣ многія ереси“ [1]), а Бѣлоруссъ Янъ Бѣлободскій небоязненно проводилъ въ русское общество протестантскія воззрѣнія о почитаніи Богоматери, святыхъ, мощей, иконъ, поминовеніи умершихъ и о предопредѣленіи. Ученіе Бѣлободскаго, встрѣтившее себѣ сильное противодѣйствіе со стороны патріарха Іоакима, Павла Негребецкаго, Петра Домецкаго и ученыхъ Грековъ братьевъ Лихудовъ [2]), оказало гибельное вліяніе на русскіе умы, какъ свидѣтельствуетъ Негребецкій. Бдительный патріархъ Іоакимъ ясно понялъ наступающій печальный переворотъ современнаго ему русскаго общества, убѣдительно просилъ русскихъ государей: „не допускать православныхъ дружиться съ еретиками латинами, лютеранами и кальвинистами, не дозволять имъ строить кирокъ и не принимать ихъ въ военную службу, потому что они смѣются надъ догматами и обычаями православной церкви“. Но голосъ предусмотрительнаго патріарха остался безплоднымъ. Между тѣмъ лютеране и кальвинисты, по свидѣтельству монаха Ефимія, „яко змія, ползающіи по земли, осмѣвали преданія Св. Церкве, писанная и неписанная“ и во всеуслышаніе говорили „о постахъ, о поклоненіи иконамъ, о монашескомъ

---

[1]) Свѣдѣнія о Кульманѣ и Нордерманѣ и ихъ печальной судьбѣ изложены въ Опис. рук. Рум. Муз. № 37.

[2]) Процессъ этой борьбы и самый исходъ ея подробно раскрыты въ Приб. къ *Тв. Св. Отц.* 1862 г. 21 кн., ст. «Янъ Бѣлободскій и Павелъ Негребецкій». По свидѣтельству митропол. Евгенія, Лихуды написали въ опроверженіе мнѣній Бѣлободскаго сочиненіе: «О неравенствіи Церквей». Слов. Дух. Пис. ч. 1 стр. 237.

устроеніи и о иныхъ: сіе чесо ради, и сіе откуда взято, и сіе кто предаде, и сіе гдѣ писано" [1]). Преемникъ Іоакима, патріархъ Адріанъ глубоко скорбѣлъ душею о современномъ порядкѣ вещей и въ предисловіи къ „Православному Исповѣданію" съ пастырскою ревностію предостерегалъ православныхъ отъ протестантовъ и ихъ нововымышленнаго ученія: „Лютеры и кальвины, говоритъ онъ, въ нынѣшнихъ временахъ произникшіи, волковиднѣ нынѣ устремляются и въ нашу Всероссійскую полуденную страну, входяще аки волцы во овчихъ кожахъ и начаша вносити тайно и явно своихъ нощеподобныхъ во мрацѣ предлоговъ и обычаевъ громады, вопрошающе: сіе чесо ради и на что оное"... [2]). Таково было вліяніе протестантовъ и ихъ идей на русское общество еще въ исходѣ XVII вѣка! Что же сказать о томъ времени, когда совершалась въ Россіи съ лихорадочною поспѣшностію гражданская реформа Петра, уничтожавшая многіе стародавніе обычаи и порядки и вводившая на мѣсто ихъ иноземный, западно-европейскій строй жизни? Что сказать о томъ времени, когда, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, была допущена полная свобода вѣроисповѣданій, когда самый законъ гласилъ: „совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ, и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещися о блаженствѣ души своея... [3]) Понеже въ столицѣ нашей уже введено свободное отправленіе Богослуженія всѣхъ другихъ, хотя не согласныхъ съ нашею церковію, христіанскихъ сектъ: то мы накрѣпко станемъ смотрѣть, чтобы по прежнему обычаю никто какъ въ своемъ публичномъ, такъ и частномъ отправленіи Богослуженія обезпокоиваемъ не былъ" [4]). Понятно, что при такой вѣротерпимости, въ вѣкъ Петра, очень удобно было друзьямъ и приверженцамъ протестантства болѣе и болѣе насаждать на русской почвѣ свое ученіе. И дѣйствительно, воззрѣнія протестантовъ при Петрѣ быстро и сильно проникли во всѣ слои русскаго общества. Ихъ держались и небоязненно проповѣдывали простые, малограмотные люди (бо̀льшая часть „московскихъ еретиковъ"), ими увлекались сподвижники и царедворцы Петра [5]), ихъ усвояли и нетрепетно прилагали къ жизни

---

[1]) Опис. рук. Синод. Библ. Отд. II: «Щитъ вѣры» стр. 417 — 418.

[2]) См. Пред. къ Прав. Исповѣд., изд. 1696 г. стр. 5 — 6.

[3]) Указъ 1702 г. Полн. Собр. Зак. т. IV. № 1910.

[4]) Манифестъ того же года. Ibid. № 1910.

[5]) Придворные Петра не соблюдали постовъ и по большей части, легкомысленно относились къ обрядовой сторонѣ религіи. (Берн. ч. 2, стр. 160. 244—245 и др.).

многіе тогдашніе аристократы [1]). Идеи протестантовъ въ вѣкъ Петра успѣшно распространялись въ Серпуховѣ [2]), Холмогорахъ [3]) и Новгородѣ [4]). Строго слѣдя за движеніемъ и строемъ общественной жизни тогдашняго общества и питая полную антипатію къ протестантизму, Стефанъ Яворскій въ одной изъ проповѣдей говоритъ: „Мнози скоро отъ своея православныя, каѳолическія вѣры подвижутся и прелагаются и чуждыя, богомерзкія, еретическія, просграннымъ путемъ во адъ ведущія вѣры похваляютъ; свою же ругаютъ, осмѣиваютъ и уничтожаютъ" [5]). Съ не меньшею силою дѣйствовали въ русскомъ обществѣ протестантскія воззрѣнія и послѣ Петра. „Множайшіе христіане, говорилъ въ 1730 г. ярый противникъ протестантовъ Маркеллъ Радышевскій, наче же отъ знатныхъ противу повелѣнія и уставу церковнаго сплошь по Лютерски ѣдятъ мясо... Лютеровыхъ и Кальвиновыхъ учениковъ у насъ много" [6]). Въ царствованіе Анны Ивановны, при полномъ господствѣ на Руси Нѣмцевъ, по словамъ Кирилла Флоринскаго, „святіи были поруганы и Россія преисполнилась протестантской ереси" [7]).

При взглядѣ на такое сильное распространеніе и развитіе въ Россіи протестантскихъ идей въ первой половинѣ XVIII столѣтія, не трудно представить, что русская церковь того времени въ лучшихъ представителяхъ и органахъ своихъ должна была открыто и энергично бороться съ протестантскими идеями. И твердые защитники и хранители православной вѣры и церкви не дремали. Одни изъ нихъ съ жаромъ вступали въ частные диспуты съ врагами православія, а другіе, то гласно — съ церковныхъ каѳедръ, то въ ученыхъ полемическихъ сочиненіяхъ, раскрывали и доказывали ложь и несостоятельность протестантскихъ идей [8]). Какъ же относилось къ этимъ идеямъ русское правительство?

---

[1]) Петровскіе аристократы выводили изъ употребленія священныя символическія украшенія домовъ (на это жаловался справщикъ книгъ Абрамовъ. Пекар. ч. I. стр. 505—506) и поклоны св. иконамъ при входѣ въ домъ. Объ этомъ съ прискорбіемъ говоритъ авторъ (по всей вѣроятности, Маркеллъ Радышевскій) анонимнаго сочиненія: «Loca obscura in Cathechisi, quae ab anonymo auctore Slaveno Idiomate edita».(Рук. М. Д. Акад. № 277, стр. 124—125).

[2]) Тамъ были ученики Тверитинова.

[3]) Окружн. посл. Еп. Аѳанасія. Щап. 145.

[4]) Соч. Посошк. ст. «О духовности».

[5]) Проп. Стеѳ. Явор. т. II. стр. 23.

[6]) *Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1862 г. 1 кн.: «Тетрадь о монашествѣ».

[7]) Слово 1741 г. 18-го декабря (Рук. Моск. Д. Акад. № 163).

[8]) Въ первой половинѣ XVIII ст. противъ протестантовъ и ихъ ученія были

Обращая вниманіе на дѣятельность правительства Петровскаго, съ перваго раза трудно и представить, чтобъ оно явно и сильно могло противодѣйствовать развитію и усиленію на Руси протестантскихъ воззрѣній. Петръ допустилъ въ своемъ государствѣ вѣротерпимость, дружески обращался съ протестантами [1]), дозволялъ имъ строить кирки [2]), которыя нерѣдко и самъ посѣщалъ [3]), приказалъ перевести на русскій языкъ протестантскія книги [4]), посылалъ за границу лучшихъ русскихъ юношей, которые научались тамъ вольномыслію [5]), и заимствуя просвѣщеніе у европейскаго очага, вызвалъ въ Россію такихъ иноземныхъ учителей, изъ коихъ одни проповѣдывали о высокомъ достоинствѣ и даже равенствѣ лютеранской церкви съ греческою [6]), другіе знакомили русскихъ юношей съ картезіанскою философіей и лютеранскимъ катихизисомъ [7]), третьи проповѣдывали въ школахъ правила піэтизма [8]), четвертые заботились только о пошлыхъ комплиментахъ [9]),

---

написаны слѣдующія полемическія сочиненія: «Камень вѣры» Стефана Яворскаго, «Рожнецъ Духовный» монаха Пафнутія, «Иго Господне благо» Ѳеофилакта Лопатинскаго, «Апокризисъ» его же, «Возраженіе на пашквиль Лютеранскій» Арсенія Мацѣевича.

[1]) Днevн. Берхг. ч. I. 51 — 62; 121 — 126.

[2]) *Прав. Обозр.* 1863 г. «О лютеранскихъ и реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ». Ibid. 1862 г. Сент. ст.: «Исторія лютеранскихъ церквей въ Москвѣ». *Духовн. Бесѣд.* 1865 г. № 16 стр. 459 — 460.

[3]) Штелинъ говоритъ, что Петръ очень нерѣдко посѣщалъ лютеранскія кирки въ богослужебные дни, пѣвалъ тамъ духовныя пѣсни, со вниманіемъ и удовольствіемъ слушалъ проповѣди. (Анекд. Штелина о Петрѣ 1-мъ. Моск. 1861 г.: Анекд. 136).

[4]) Изъ переводимыхъ при Петрѣ иноземныхъ сочинен й весь историческій отдѣлъ былъ направленъ, съ яростными выходками, противъ римско-католичества, а нерѣдко и противъ православія. (Пекар. ч. I. 328 — 331. ч. 2. 290 — 291; 438 и др.).

[5]) «Многимъ случается, яко едва чуждыя узрятъ земли, говоритъ о своихъ современникахъ Ст. Яворскій, отъ вѣры удаляются». (Проп. Явор. т. 2-й стр. 23).

[6]) Профессоръ С.-Петербургской Академіи Наукъ Коль напечаталъ въ Любекѣ въ 1723 г. такого рода сочиненіе: «Ecclesia Graeca Lutheranizans, sive exercitatio de consensu et dissensu Orientalis et Occidentalis Lutheranae Ecclesiae in dogmatibus». (См. Разсужд. о книгѣ «Православ. Исповѣданіе» Алексѣя Болховскаго стр. 31 — 32).

[7]) Наука и литература при Петрѣ, Пекарскаго ч. I. стр. 128.

[8]) *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1857 г.· «Шведская школа въ Тобольскѣ».

[9]) Кантеміръ объ иностранныхъ современныхъ ему учителяхъ въ Россіи такъ отзывается:

«Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,

а всѣ они старались преобразовать Русскихъ по образцу Нѣмцевъ [1]), и по замѣчанію патріарха Адріана, „при ученіи показывали малымъ дѣтямъ (русскимъ) знати своя ереси“ [2]). Имѣя въ виду такое отношеніе Петра къ протестантамъ-иноземцамъ, естественно подумать, что Петровское правительство само поддерживало и усиливало развитіе въ Россіи протестантскихъ, противоцерковныхъ воззрѣній. Но думать такъ о правительствѣ Петровскаго вѣка можно только при поверхностномъ знакомствѣ съ личностію Петра и его законодательно-судебною дѣятельностію.

Кто вникалъ въ реформаторскую правительственную дѣятельность Петра, тотъ знаетъ, что этотъ великій человѣкъ многое преобразовывалъ на Руси по иноземному образцу, и притомъ съ поспѣшностію, горячностію и часто съ неумѣренною неразборчивостію и увлеченіемъ западно-европейскимъ строемъ жизни, но что этотъ государь все-таки не увлекался всецѣло Западомъ и не поддался вполнѣ его порядкамъ и воззрѣніямъ. Сближая Русскихъ съ иноземцами, Петръ имѣлъ въ виду искоренить только нетерпимость въ своихъ подданныхъ и уничтожить ту систему политическаго отчужденія и національной самозамкнутости и исключительности, которая издревле господствовала на Руси. Петръ сочувствовалъ протестантамъ и ихъ лучшимъ представителямъ, напримѣръ, Лютеру [3]), но при этомъ глубоко уважалъ и почиталъ своихъ пастырей церкви [4]); онъ желалъ только узнать ученіе Запада, но не думалъ преобразовывать дѣла Московскія, замѣчаетъ Бернетъ [5]). При каждомъ серіозномъ дѣлѣ Петръ строго выполнялъ слова: «ora et labora» [6]), носилъ съ собою во всѣ

А пришедъ (въ школу) комплиментовъ увидитъ не мало;!
Высокихъ же наукъ тамъ тѣни не бывало».
(См. *Библіогр. Запис.* 1858 г. № 3-й, стр. 72 — 73).

[1]) Пекар. ч. I. стр. 136.

[2]) Ист. Цар. Петр. В. — Устрялова т. III-й стр. 511 — 512.

[3]) Извѣстно, что Петръ съ благоговѣніемъ стоялъ (по анекдоту Штелина, въ 1716 г., а по разказу Голикова, раньше), при посѣщеніи Виттенбергскаго замка, предъ статуею Лютера и тѣмъ домомъ, гдѣ жилъ Лютеръ. Голиковъ замѣчаетъ, что Петръ разбилъ въ куски чашку Лютера, рассердившись на то, что ему не дозволили взять ее съ собою, при чемъ сказалъ, что монументъ Лютера не довольно блестящъ для такого великаго человѣка. (Голик. т. V. стр. 101. Анекд. Штелина о П. В. Москва 1861 г. Анекд. 74-й).

[4]) Онъ любилъ и уважалъ Св. Димитрія Ростовскаго (*Библіогр. Зап.* 1859 г. стр. 22 — 22 т. 11) и Митрофана Воронежскаго (Ист. Солов. т. 15. стр. 129).

[5]) Приб. къ *Твор. Св. Отц.* кн. 21 стр. 297.

[6]) Приб. къ *Твор. Св. Отц.* кн. 21, стр. 295.

походы священную икону, строго наказывалъ вольнодумцевъ [1]), не могъ терпѣть богохульниковъ, „презирающихъ Отцевъ и соборы" [2]), и оканчивая жизнь свою, какъ православный государь и покорный сынъ церкви, заповѣдывалъ Екатеринѣ: „Соблюди православную вѣру" [3]). Всѣ эти факты даютъ право заключить, что Петръ и все тогдашнее правительство не могли поддерживать вліяніе и дѣйствіе на Руси протестантскихъ идей, а наоборотъ должны были противодѣйствовать этому вліянію. Какъ же именно, въ какомъ духѣ относилось Петровское правительство къ западнымъ протестантскимъ идеямъ?

Правительство это принимало то косвенныя, то прямыя и рѣшительныя мѣры къ ослабленію и подавленію вліянія протестантскихъ идей на русскіе умы.

Косвенныя мѣры заключались въ образованіи народа и духовенства, а прямыя — въ строгомъ отношеніи къ открытымъ богохульникамъ и въ преслѣдованіи пропаганды иноземныхъ воззрѣній.

Протестантскія идеи потому главнымъ образомъ сильно прививались къ русскому народу, что онъ „не умѣлъ отличить праваго отъ лѣваго" [4]), не понималъ толково православія. „Мы Россіяне, говоритъ Посошковъ, ни вѣры своея, какова она есть, ни благочестія духовнаго, ни естественнаго добронравія не разумѣемъ, но живемъ чуть не подобии безсловеснымъ. Я знаю, что и на Москвѣ едва сотый человѣкъ знаетъ, что̀ то есть христіанская вѣра, или кто Богъ, или что̀ есть воля Его, или какъ Ему молиться" [5]). При такомъ неотрадномъ и грубомъ невѣжествѣ русскій народъ охотно и слѣпо вѣрилъ и своимъ доморощеннымъ краснобаямъ и хитрымъ пропагандистамъ иноземныхъ воззрѣній. „Не искусніи въ вѣрѣ, замѣчаетъ о своихъ современникахъ Павелъ Негребецкій, скоро принимали во увѣреніе, аще кто хитростнѣ что повѣствовалъ и свидѣтельствы Св. Писанія, не праведно толкованными, прикрывалъ" [6]); вслѣдствіе этой легкомысленности и тупой довѣрчивости, соединенныхъ съ грубымъ невѣжествомъ, русскій народъ легко и скоро отступалъ отъ вѣры отцовъ и переходилъ на сторону иноземнаго ученія. „Не наученіи и въ церкви святѣй богопредан-

---

[1]) Такъ онъ собственноручно (палкой) наказывалъ за вольнодумство Татищева (Ист. цар. П. Вел. Устрялова т. II стр. 118—119).

[2]) Станлэй. Приб. къ *Твор. Св. Отц.* кн. 21, стр. 295.

[3]) Ibid. стр. 296 — 293.

[4]) Полн. Собр. Зак. т. VII. № 4493.

[5]) Сочин. Посошк. Москва. 1842. стр. 308.

[6]) Приб. къ *Тв. Св. Отц.* кн. 21 ст. «Янъ Бѣлободскій и Павелъ Негребецкій».

ныхъ чинодѣйствъ не знающіи и о томъ не вопрошающіи Русскіе того времени объюродѣша отъ злоглагольствъ Лютерскихъ, Кальвинскихъ и иныхъ еретикъ и совратишася отъ стезь своихъ отцевъ" [1]). Итакъ, для ослабленія пагубнаго вліянія на русскіе умы протестантскихъ идей нужно было прежде всего просвѣтить эти слѣпотствующіе умы свѣтомъ истинной вѣры, — нужно было научить русскій темный разумъ, „какъ Бога знать и какъ Его чтить и молить и какъ Пресвятую Богородицу и какъ ангеловъ Господнихъ и какъ прочихъ святыхъ чтить и какъ образы ихъ почитать" [2]). Петровское правительство ясно поняло, что въ просвѣщеніи народа скрывается самое дѣйствительное средство къ ослабленію и подавленію усилившагося на Руси протестантизма [3]), а потому приняло самыя рѣшительныя мѣры для поднятія уровня народнаго просвѣщенія.

Признавая неудобнымъ для простонародья тѣ книги и тетрадочки, которыя были въ употребленіи, Петръ прежде всего „повелѣлъ сочинить книжицу съ яснымъ толкомъ закона Божія и символа вѣры и молитвы Господней и десяти блаженствъ" [4]). Въ 1704 и 1708 годахъ дѣйствительно былъ отпечатанъ въ Москвѣ „Букварь языка словенска, сирѣчь, начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учитися чтенію писаній". Букварь этотъ написанъ подъ вліяніемъ самаго государя и въ немъ сказано: „не чести книгъ еретическихъ, ниже слушати вредоноснаго ученія о священномъ и святомъ Писаніи и вѣдѣніи священнаго благочестія" [5]). Въ 1720 года появилось въ печати „Первое ученіе отрокомъ" [6]).

---

[1]) Авторъ статьи: «Янъ Бѣлободскій и Павелъ Негребецкій» приписываетъ эти слова монаху Евѳимію, а С. М. Соловьевъ патріарху Іоакиму. (Ист. Сол. т. 14, стр. 160—161).

[2]) Въ такомъ просвѣщеніи народа видѣлъ настоятельную нужду и Посошковъ. (Соч. Посошк. стр. 309).

[3]) «Когда нѣтъ свѣта ученія, сказано въ Регламентѣ, нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ». («Домы училищные»).

[4]) Полн. Собр. Закон. т. VII, № 4493. «Предисл. перв. учен. отрокомъ». Изд. 1794 г.

[5]) Пекар. ч. I. стр. 177—178; ч. II, стр. 55—56.

[6]) Судьба этого букваря довольно замѣчательна. Онъ очень не понравился заклятому врагу Прокоповича, Маркеллу Радышевскому. (Пекар. ч. I, стр. 496—497). Въ 1724 году появилась критика на «Первое ученіе отрокомъ» (Обз. Дух. Лит. Фил. ч. 2, стр. 16), подъ заглавіемъ: «Loca obscura in Cathechisi, quae ab anonymo auctore Slaveno idiomate edita et «Первое ученіе отрокомъ» intitulata est, dilucidata auctore principi Demetrio Cantemirio». (Рук. М. Д. Акад. № 277). Упрекая составителя помянутаго букваря въ неправомысліи и отступ-

Этотъ букварь, написанный Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, назначался для воспитанія всѣхъ дѣтей и даже для чтенія въ церквахъ по дважды въ день, такъ чтобы все прочитать въ четверть года [1]). Въ томъ же году было издано, по повелѣнію Петра, „Толкованіе блаженствъ евангельскихъ" [2]). Не удовлетворяясь и не ограничиваясь указанными руководствами для народнаго обученія, императоръ Петръ I въ 1724 году издалъ указъ святѣйшему синоду, „дабы краткія поученія людямъ сдѣлать, понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ, также сдѣлать книгу, гдѣ изъяснить, что непремѣнный законъ Божій, что совѣты, и что преданія отеческая, и что вещи средняя, и что только для чину и обряду сдѣлано..., дабы могли знать, что въ какой силѣ имѣть" [3]). Всѣ эти раціональныя и рѣшительныя мѣры Петровскаго правительства, направленныя къ распространенію въ народѣ истиннаго ученія православной вѣры, ясно свидѣтельствуютъ, что означенное правительство желало удержать своихъ подданныхъ въ послушаніи св. церкви и старалось ослабить быстрое развитіе въ нихъ западнаго протестантскаго вольномыслія, хотя и противодѣйствовало прежней самозамкнутости русскаго народа.

Развитіе протестантскихъ идей въ русскомъ Петровскомъ обществѣ много также условливалось безграмотностію и невѣжествомъ духовенства. Въ вѣкъ Петра было не мало такихъ пастырей церкви, которые „не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести и того не знали, что то есть рѣченіе вѣра" [4]). Отъ невѣжества и небреженія такихъ пастырей, по свидѣтельству Посошкова, много россійскаго народу въ

леніи отъ вѣры, критикъ придирается къ нѣкоторымъ выраженіямъ букваря и навязчиво доказываетъ, что въ нихъ содержится протестантскій духъ; во многихъ мѣстахъ критикъ прямо и положительно называетъ автора «Перваго ученія отрокомъ» еретикомъ. Такъ, придравшись къ выраженіямъ букваря: «Идолослуженіе есть, когда кто честь Божію воздаетъ образу или подобію какой-либо вещи», Радышевскій замѣчаетъ: «Si quis crediderit, aut docuerit — impius est, blasphemus est et idolatra». (Рук. М. Д. Акад. № 277 р. 63). Не спуская никогда своимъ тайнымъ и явнымъ врагамъ, Прокоповичъ, въ письмѣ къ духовной особѣ, съ ѣдкою ироніей обличилъ грамматическое и богословское невѣжество своего рецензента. (Пекар. ч. I, стр. 180—181).

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4172. Духовн. Реглам.: «Дѣла общая».

[2]) Слов. митр. Евг. ч. II, стр. 304. Пекар. ч. II, стр. 551—553.

[3]) Полн. Собр. Зак. т. VII. № 4493. Желанія и требованія Петра, высказанныя въ приведенномъ мѣстѣ, не исполнились въ свое время, потому что для исполненія ихъ «требовалось труда превеликаго и справка многихъ книгъ» (Пекар. ч. I, стр. 182).

[4]) Сочин. Посошкова «О духовности».

погибельныя ереси уклонилось..... ибо пресвитеры не токмо отъ Люторскаго, но и отъ дурацкаго расколу не знали чѣмъ оправити себя". Итакъ, просвѣщая народъ, Петровское правительство въ то же время должно было позаботиться и о просвѣщеніи духовенства. Какъ образованный и умный правитель, Петръ хорошо сознавалъ значеніе, важность и необходимость для Россіи образованныхъ пастырей, а потому еще въ 1699 году замѣтилъ патріарху Адріану: „Священники у насъ ставятся, граматѣ мало умѣютъ; еже бы ихъ таинствъ научити и ставити въ тотъ чинъ. Чтобы возъимѣти промыслъ о вразумленіи къ любви Божіей и къ знанію Его христіанъ православныхъ и зловѣрцевъ.... и для того въ обученіе хотя бы послать колико десять человѣкъ въ Кіевъ въ школы, которые бы могли къ сему прилѣжати" [1]. Назначая мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола и протекторомъ Московской духовной академіи Стефана Яворскаго, государь завѣщевалъ ему: „дабы онъ, не жалѣя имѣнія и доходовъ дома патріаршаго, училище учредилъ и о наученіи закона Божія, крайне прилѣжалъ, — дабы по прошествіи малаго времени не наученныхъ, по крайней мѣрѣ, катихизму и десяти заповѣдей, не свидѣтельствовавъ самъ, во священники не ставилъ" [2]. Слѣдя за образованіемъ духовенства, Петръ предписалъ архіереямъ строго смотрѣть за ставленниками [3], а монастырскому приказу вмѣнилъ въ обязанность отсылать въ школы всѣхъ не доучившихся дѣтей [4]. Школы раскрыли свои двери для дѣтей всѣхъ сословій [5]. Съ учрежденіемъ св. синода и изданіемъ Духовнаго Регламента дѣятельность правительства касательно образованія духовенства высказалась еще яснѣе и рѣшительнѣе. По распоряженію Регламента, каждый епископъ обязывался завести при своемъ домѣ школу для дѣтей, „въ надежду священства опредѣленныхъ" [6]. Учреждая школы, правительство позаботилось начертать и установить главныя правила для обученія, которыя имѣли въ виду съ одной стороны дать питомцамъ духовныхъ школъ полное, широкое и общечеловѣческое образованіе, а съ другой — развить и укрѣпить въ нихъ

---

[1]) Ист. царствов. Петр. В. Устрялова, т. III, стр. 356.

[2]) Такъ выражается объ этомъ авторъ «Молотка на Камень вѣры». (См. «Возраженіе на пашквиль лютеранскій». Рукоп. М. Д. Акад. № 127, л. 13).

[3]) Полн. Собр. Зак. т. IV, № 2352.

[4]) Ibid. т. V, № 3132.

[5]) Полн. Собр. Зак. т. V, №№ 2789 и 3175.

[6]) Свѣдѣнія о духовныхъ школахъ Петровскаго времени подробно сообщены въ Истор. Русской Цер. Филар. IV, стр. 102; у Пекарск. ч. I, стр. 169, 124—126.

православное ученіе церкви. Наставникамъ школъ приказано: „Преподавать съ усерднымъ тщаніемъ и радѣніемъ, отнюдь не отлучаяся ни въ чемъ святыя восточныя церкве исповѣданія" [1]). Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Петровскаго времени, по силѣ Регламента, положено было преимущественно обучать богословію и богословію православному. Богословскій учитель долженъ былъ „доводамъ (иновѣрныхъ ученыхъ) не легко вѣрить, но смотрѣть, есть ли таковое въ Писаніи или въ книгахъ отеческихъ слово и тую ли оно имѣетъ силу, въ яковой они пріемлютъ. Многажды бо господа оные, прибавляетъ составитель Регламента, лгутъ и чего не бывало приводятъ" [2]). Итакъ, „воздвигши училища и семинаріи не токмо для обученія внѣшняго, но и паче для наставленія духовнаго, для лучшаго Бога и Христа Его познанія" [3]), правительство Петровское тѣмъ самымъ давало твердое и сильное оружіе духовенству для пораженія враговъ православія — протестантовъ, а чрезъ то ясно обнаруживало, что оно не благопріятствуетъ протестантскимъ идеямъ.

Такимъ образомъ въ распоряженіяхъ Петровскаго правительства о просвѣщеніи народа и духовенства мы должны видѣть, если не прямыя, то во всякомъ случаѣ косвенныя мѣры, направленныя къ ослабленію на Руси протестантскихъ воззрѣній. Но въ законодательно-судебной дѣятельности Петровскаго правительства мы находимъ и прямыя мѣры, рѣшительно противодѣйствующія развитію въ русскомъ обществѣ антицерковнаго протестантскаго вольномыслія и невѣрія. Укажемъ эти мѣры.

По законамъ Петра никто не смѣетъ держать у себя духовную (иновѣрную) особу безъ вѣдома св. синода [4]). Люди иновѣрные, вступающіе въ бракъ съ православными, обязывались воспитывать дѣтей своихъ въ православной вѣрѣ [5]), а тѣ, которые совращали православныхъ, лишались гражданскихъ правъ и привилегій [6]). Не ограничиваясь мѣрами предосторожности въ отношеніи къ иновѣрцамъ и ихъ клевретамъ, Петръ предписалъ архіереямъ зорко смотрѣть за направ-

---

[1]) Опис. Кіево-Соф. соб. Прилож. 33. стр. 162.

[2]) «Домы училищные».

[3]) Такъ выражается о Петрѣ извѣстный проповѣдникъ Елизаветинскаго вѣка Стефанъ Калиновскій. (Слово 1742 года ноябр. 25. Собр. печатн. проп. Елизав. времени).

[4]) Полн. Собр. Зак. т. V, № 3963.

[5]) Полн. Собр. Зак., № 3814.

[6]) Ibid. т. V, №№ 2734 и 2920.

леніемъ ихъ паствы, и въ случаѣ уклоненія кого-либо въ иновѣріе, повелѣвалъ „поступать по всей силѣ апостольскихъ и церковныхъ правилъ, дабы не вкрадывались волцы къ похищенію Христова словеснаго стада“ [1]). Для лучшаго выполненія этого закона, правительство наказало каждому воеводѣ наблюдать въ своемъ округѣ, „чтобы прямая христіанская вѣра твердо была содержима, а буде явятся противники ея, то объ оныхъ заранѣе объявлять епископу или опредѣленнымъ духовныхъ дѣлъ судіямъ“ [2]). Явные отступники и противники вѣры подвергались жестокимъ наказаніямъ [3]), именно: хулившіе Священное Писаніе, Матерь Божію и святыхъ, подпадали тѣлесному наказанію, а нерѣдко отсѣченію какого-либо члена и даже смерти [4]). Такіе законы противъ пропагандистовъ протестантства иногда были смягчаемы, смотря по роду преступленій, но не ослаблялись тогда, когда явно обнаруживались богохульство и кощунство. Доказательствомъ тому служитъ смертная казнь извѣстнаго пропагандиста протестантскихъ воззрѣній, цирюльника Ѳомы [5]).

Принимая рѣшительныя и строгія мѣры по отношенію къ противникамъ православія — протестантамъ, Петровское правительство подвергало строгой цензурѣ какъ русскія, такъ и заграничныя книги, чтобы чрезъ нихъ не распространялись въ русскомъ народѣ вольнодумство и невѣріе. Петръ поставилъ обязанностію синода строго смотрѣть за выходящими церковными книгами [6]) и подъ страхомъ жестокаго отвѣта и взысканія запретилъ продажу богословскихъ книгъ, не бывшихъ на разсмотрѣніи св. синода [7]); цензорамъ онъ приказалъ „накрѣпко смотрѣть, дабы въ новопечатныхъ книгахъ никакой противъ великороссійскихъ книгъ, паче же въ богословскихъ реченіяхъ погрѣшности отнюдь не было“ [8]). Слѣдуя этимъ законамъ, правительство Петровскаго времени въ 1720 году отобрало и запретило книгу

---

[1]) Грамата Іосафу Кроковскому. Опис. Кіево-Софійск. Соб. Прилож. № 35, стр. 179.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. V, № 3294.

[3]) Таковыхъ отступниковъ судилъ самъ государь Петръ I. (Полн. Собр. Зак. т. VI, № 3987.

[4]) Полн. Собр. Зак. т. V, № 3006. Воин. Уст. Арт. 3, 4, 5, № 3963.

[5]) См. «Камень вѣры». Предисловіе.

[6]) Полн. Собр. Зат. т. VI, №№ 3653 и 3765.

[7]) Сила этого постановленія простиралась и на печатныя святыя изображенія. Полн. Собр. Зак., № 3765.

[8]) Ист. С.-Пб. Акад. Чистовича, стр. 27 примѣч.

„Богомысліе“, въ которой „явилась многая лютерская противность“ [1]), и обязало Черниговскую типографію (въ которой было напечатано „Богомысліе“) не печатать безъ разрѣшенія духовной коллегіи никакихъ книгъ, исключая церковныхъ книгъ прежнихъ изданій [2]). Относясь съ такою строгостію къ протестантскимъ сочиненіямъ, Петръ сознавалъ, что въ заграничныхъ книгахъ много негодныхъ разказовъ, а потому самъ сокращалъ ихъ: нерѣдко онъ находилъ въ нихъ неправославныя воззрѣнія и не приказывалъ переводить ихъ „не чая въ томъ нужды и пользы“ [3]); однажды онъ настоятельно требовалъ, чтобы переводчикъ „немедленно противъ Сопиніанъ доказательства сильныя учинилъ“ [4]). Эти воззрѣнія Петра на переводимыя сочиненія нерѣдко прилагались къ дѣлу и самими переводчиками. Одни изъ нихъ переиначивали содержаніе несогласныхъ съ православною вѣрою

[1]) Судьба «Богомыслія» весьма замѣчательна. «Богомысліе» было переведено съ латинскаго языка Іоанномъ Максимовичемъ, по приказанію Петра (Пекар. ч. 2, стр. 253, 254), и издано въ Черниговѣ 1710 и 1711 г. (Сопик., № 150, Кастеринъ, № 665. Слов. Евг. ч. 1, стр. 288) съ большимъ витіеватымъ посвященіемъ Стефану Яворскому (Пекар. ч. 2, стр. 233 и 234). Узнавъ о переводѣ «Богомыслія», лютеране возрадовались духомъ и заговорили о посвященіи этой книги Яворскому. Слухъ дошелъ до сенаторовъ. Они, по свидѣтельству Фишера, «разинули ротъ», услыхавъ отъ цирюльника Ѳомы о переводѣ этой книги и посвященіи ея Яворскому. Между прочимъ, самъ Яворскій, по отыву Фишера, сознался, что онъ вовсе не зналъ того, будто сочинитель ея лютеранинъ. «Это вѣроятно и по отношенію къ самому переводчику Іоанну Максимовичу», замѣчаетъ преосвященный Филаретъ Черниговскій (См. *Черн. Еп. Вѣд.* 1864 года № 14). Почему же переведено «Богомысліе»? «Богомысліе» принадлежитъ весьма набожному лютеранину Іоанну Гергарду. Въ самомъ «Богомысліи» нѣтъ рѣзкихъ еретическихъ выходокъ и воззрѣній протестантизма, что признаетъ и преосвященный Филаретъ Черниговскій. Строгій обличитель лютеранства Арсеній Мацѣевичъ не могъ ничего сказать противъ «Богомыслія», которое восхвалялъ пашквилянтъ (Р. М. Д. Акад. № 127, стр. 94). Въ этихъ фактахъ заключается отвѣтъ на предложенный нами вопросъ. Но теперь рождается новый вопросъ: какую же «лютерскую противность» нашло въ «Богомысліи» правительство? Въ самомъ правительственномъ актѣ этого не указано, а можно думать, что «Богомысліе» было запрещено съ одной стороны потому, что оно принадлежало лютеранину, съ другой потому, что о немъ заговорили приверженцы лютеранъ. Наконецъ, въ самомъ «Богомысліи» дается очень большое значеніе вѣрѣ въ дѣлѣ оправданія и спасенія. Это видно изъ 12-й гл. «О существахъ и свойствахъ истинныя вѣры» (Богом. въ библ. М. Д. Акад. № 157, изд. 1711 г.). Вѣроятно, въ запрещеніи «Богомыслія» имѣлъ значеніе и этотъ трактатъ Іоанна Гергарда.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. V, № 3653.

[3]) Пек. ч. 1, стр. 213.

[4]) Дѣян. Гол. IV, 298, 483; V, 458.

заграничныхъ книгъ [1]); другіе объясняли и отлучали изъ переводимыхъ книгъ „цѣлые непотребные приклады" [2]); третьи оставляли неприкосновенными религіозныя мнѣнія переводимыхъ авторовъ, „обаче идѣже кое несогласіе обрѣтается, тамо на брезѣ объявляли" [3]); четвертые, переводя сполна все сочиненіе, предувѣдомляли читателя, что онъ „чтуще неправое о вѣрѣ догматѣхъ разумѣніе" долженъ разсуждать: „како отвѣщати и истинное восточныя церкви разумѣніе противъ прельщающихъ сицевыми изъявити" [4]). Все это заставляетъ думать, что и правительство и переводчики Петровскаго времени не безъ разбора относились къ переводимымъ иностраннымъ протестантскимъ сочиненіямъ, и если эти сочиненія производили пагубное вліяніе на русскіе умы, то въ этомъ нельзя много винить Петра и его сподвижниковъ-переводчиковъ.

Послѣ Петра вступила на престолъ Екатерина Алексѣевна. Она, по словамъ Сѣченова, „участница, самозрительница и совѣтница преславныхъ дѣлъ Петра и по смерти его по слѣдамъ его ходила, вся приказанія его исполнила, намѣренія его въ дѣйство произвела, а коликое усердіе и любовь къ Богу и церкви Его показывала, коликое милосердіе къ подданнымъ своимъ духовнымъ и мірскимъ изъявляла... вся и сами милость ея проповѣдуютъ" [5]). Она не относилась равнодушно къ западнымъ воззрѣніямъ, и въ свое кратковременное царствованіе ясно обнаружила антипатію къ нимъ. Прочитавши доносные пункты Радышевскаго на Ѳеофана Прокоповича и выслушавши показанія послѣдняго, Екатерина Алексѣевна приказала объявить Прокоповичу (не смотря на то, что онъ былъ жаркимъ панегиристомъ ея и правою рукою Петра), что нѣкоторыя показанія „неподлинно изъяснены и впредь ему, архіерею (обвиняемому Радышевскимъ въ протестантизмѣ и распущенной жизни), противностей св. церкве никакихъ не чинить, въ противномъ случаѣ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ" [6]).

Строго относилось къ протестантскимъ идеямъ русское правительство и при Петрѣ II. При этомъ государѣ значительно измѣнился прежній порядокъ вещей. Царь сочувствовалъ старому строю и обы-

---

[1]) Пек. ч. 1, стр. 216.
[2]) Ibid. ч. 1, стр. 219.
[3]) Ibid. ч. 1, стр. 325.
[4]) Ibid. ч. 2, стр. 267.
[5]) Слово Сѣченова на Благовѣщ. 1742 г. Р. М. Д. Акад. № 163, л. 122 об.
[6]) *Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1862 г. ч. 1, стр. 50 и 51.

чаямъ русской жизни и окружалъ себя такими лицами, которыя съ недовѣріемъ и неблагосклонно смотрѣли на реформу Петра [1]). Въ синодѣ получили силу и значеніе тѣ іерархи, которые съ непріязненностію относились къ соучастнику Петра, Ѳеофану Прокоповичу. „Смертію Петровою, говоритъ авторъ „Молотка на Камень вѣры“, воскресоша паки Яворскаго единомышленники, яко Лопатинскій, Дашковъ и епископъ Коломенскій (Игнатій Смола); по своимъ прихотямъ они прилежно о тиранствѣ папежскомъ трудились“ [2]). Слова пашквилянта справедливы въ томъ отношеніи, что въ царствованіе Петра II былъ сильно поднятъ вопросъ объ управленіи церкви патріархомъ [3]), и потерялъ прежнее значеніе духовный регламентъ и особенно составитель его Ѳеофанъ Прокоповичъ [4]). Понятно, что при Петрѣ II лишились прежней милости протестанты и ихъ клевреты; понятно, что въ это царствованіе неблагосклонно относились и къ протестантскимъ воззрѣніямъ. И дѣйствительно, по силѣ указа 1728 года, всѣ Русскіе должны были держать у себя учителей „токмо греческаго исповѣданія“, а отправляющіеся для наукъ за границу обязывались дать присягу съ порукою родителей и родственниковъ, что они не измѣнятъ православной вѣрѣ [5]). Въ томъ же году синодъ объявилъ препозиту лютеранскихъ церквей въ Петербургѣ Якову Мантелину, что совращающіе православныхъ въ лютеранство подвергаются строжайшимъ наказаніямъ. Желая ослабить и искоренить вліяніе протестантизма на русскіе умы, правительство Петра II разрѣшило и одобрило къ напечатанію знаменитое произведеніе Стефана Яворскаго—„Камень вѣры“. Итакъ идеи протестантства встрѣчали противодѣйствіе себѣ и въ послѣ-петровскомъ правительствѣ. Но въ царствованіе Анны Іоанновны протестантизму посчастливилось въ Россіи болѣе, чѣмъ когда-либо. Какъ же, въ какой формѣ и съ какою силою проявлялись въ то время протестантскія идеи и какъ относилось къ нимъ тогдашнее русское правительство?

Въ самомъ началѣ царствованіе Анны Іоанновны было продолже-

---

[1]) Князья Голицыны и Долгорукіе.

[2]) «Возраженіе на пашквиль лютеранскій». (Р. М. Д. Акад. № 127, л. 14).

[3]) «Рѣшиловское дѣло». Спб. 1861 г., стр. 18, 32, 42, 59.

[4]) «Одинъ случай», писалъ Ѳ. Прокоповичъ къ Маркевичу, по поводу арестованія Меньшикова, «а отсюда опасность заставляетъ меня быть безмолвнымъ». Въ 1727 г. верховный совѣтъ прислалъ въ синодъ указъ: «взыскать съ Прокоповича жемчугъ, взятый имъ съ церковныхъ ризъ». (*Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1861 г. кн. 1. «Дѣло о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ»).

[5]) Полн. Собр. Зак. т. VIII, № 5238.

ніемъ предшествовавшихъ царствованій. Манифестомъ 1730 года объявлено, что Анна Іоанновна, „ревнуя закону Божію и имѣя прилежное попеченіе о храненіи православнаго закона христіанскаго восточныя церкви и прочихъ преданій", повелѣваетъ св. синоду, чтобъ онъ наблюдалъ за церковнымъ благочиніемъ, возобновилъ опустѣвшіе храмы и учредилъ училища по духовному регламенту [1]). Синодскій указъ того же года въ удовлетвореніе жалобы Иродіона, епископа Черниговскаго, на своеволіе лютеранъ и кальвинистовъ, опредѣлилъ: „Въ Мекленбургскомъ корпусѣ и въ другихъ мѣстахъ, обрѣтающихся лютеранъ и кальвинистовъ, при церквахъ не хоронить, надъ ними капищъ не дѣлать; священникамъ и церковнымъ причетникамъ обидъ и налоговъ ни подъ какимъ образомъ не чинить" [2]). Эти распоряженія предвѣщали повидимому, что русская церковь будетъ наслаждаться миромъ и спокойствіемъ и въ царствованіе Анны Іоанновны. На самомъ дѣлѣ вышло не то. Манштейнъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что „вечеромъ того дня, когда Анна Іоанновна приняла самодержавіе, было видно сѣверное сіяніе по всему горизонту, казавшемуся окровавленнымъ. Это явленіе, прибавляетъ онъ, произвело сильное впечатлѣніе на народъ и какъ будто служило предзнаменованіемъ потоковъ крови, пролитыхъ Бирономъ" [3]). Замѣтка Манштейна справедлива. Вскорѣ по воцареніи Анны Іоанновны, въ Россію прибыла цѣлая нѣмецкая партія. Она захватила въ свои руки государственную власть и заняла лучшія мѣста. „Нѣмцы (сборище Датчанъ, Пруссаковъ, Вестфальцевъ, Ливонцевъ и Курляндцевъ), говорилъ генералъ Лалли кардиналу Флери о господствовавшихъ при Аннѣ Іоанновнѣ иноземцахъ, „Нѣмцы воспользовались и руками и ногами Русскаго народа и управляютъ его движеніями" [4]). „Въ деревняхъ повсюду были слышны удары палача, говоритъ Вейдемейеръ о временахъ Бирона, вопли терзаемыхъ крестьянъ, стенанія женъ и дѣтей. Въ городахъ улицы были наполнены колодниками, и звукъ ихъ цѣпей смѣшивался съ жалобнымъ голосомъ просящихъ милостыни... Страхъ изображался почти на всѣхъ лицахъ; родственники или пріятели, прощаясь при свиданіяхъ, думали, что разстаются на вѣкъ" [5]). Здѣсь не много преувеличеній [6]). Стѣсняя

---

[1]) П. С. Зак. т. VIII. 5518.

[2]) Ibid. т. VIII. № 5560.

[3]) Обз. гл. происш. въ Россіи соч. Вейдемейера ч. I, стр. 109.

[4]) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи. 1740—1742. Спб. 1862. стр. 15.

[5]) Обз. глав. происш. въ Россіи Вейдеймейера. Ч. 2, стр. 100.

[6]) Показанія Вейдемейера почти буквально подтверждаются процессомъ суда

и угнетая народъ, партія иноземцевъ направляла въ то же время свои ковы на духовенство, православную вѣру и церковь. И это естественно. Для Нѣмцевъ, преданныхъ протестантству, въ которомъ потеряли всякое значеніе церковное преданіе и іерархія, которымъ казалось грубымъ суевѣріемъ само православіе и для которыхъ много значило личное произвольное мнѣніе,—для Нѣмцевъ были ничтожны русскіе пастыри и православная вѣра. Но тѣ Нѣмцы, которые господствовали при Аннѣ Іоанновнѣ, строго не держались и самаго протестантскаго ученія. Такъ, графъ Левенвольдъ младшій едва вѣрилъ въ Бога и былъ весьма лживъ [1]). Остерманъ перемѣнялъ нѣсколько разъ свою религію и былъ чрезвычайно коваренъ [2]). Баронъ Мардефельдскій старшій не имѣлъ никакой религіи, и между прочимъ, былъ непримиримый врагъ католицизма [3]); прочіе отличались нравственною распущенностію [4]). Самъ Биронъ „не памятовалъ Бога и закона и никогда, особливо въ воскресные дни, въ церковь Божію не хаживалъ". Онъ постоянно кощунствовалъ надъ святыней [5]). Таковы были Нѣмцы-временщики при Аннѣ Іоанновнѣ! Что же могла ожидать отъ нихъ православная вѣра и церковь? Гоненій, поношенія и озлобленія. „Смотрите, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость, говорилъ Амвросій Юшкевичъ въ одной изъ своихъ проповѣдей о временщикахъ Анны Іоанновны, вопервыхъ, на благочестіе и вѣру нашу наступили подъ претекстомъ, будто непотребное и весьма вредительное суевѣріе искореняютъ. И о коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили, монаховъ порастригали и перемучили... Сіе же все дѣлали подъ такою хитростію и умысломъ, чтобы вовсе въ Россіи истребить священство православное и завесть свою ново-вымышленную безпоповщину" [6]). То же самое, но съ большимъ одушевленіемъ и рѣзкостію, говорилъ о нѣмецкихъ временщикахъ Димитрій Сѣченовъ. „Коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру возставили. Ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали... А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ слу-

---

надъ Бирономъ (*Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1862. 1 к. Дѣло о Биронѣ) и указомъ о ссылкѣ Остермана и Миниха (П. С. Зак. т. XI № 8506).

[1]) Записки Дюка Лирійскаго, стр. 124.

[2]) Ibid. 18. 118.

[3]) Ibid. ст. 130.

[4]) Ibid. стр. 118—130.

[5]) См. «Дѣло о Биронѣ» въ *Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1862 г. кн. 1.

[6]) Слово 1741 г. Рук. М. Д. Акад. № 163, 106—107.

жителей, чинъ, глаголю, духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, растригали, непрестанныя почти водою и сухимъ путемъ—куды? зачѣмъ? Монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, Камчатскъ, Оренбургъ отвозять, и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники Слова Божія молчали и устъ не могли о благочестіи отверзти" [1]). Въ это безчеловѣчное время, по словамъ Сильвестра Кулябки, „руки крѣпкихъ въ желѣзахъ ломались, препоясуемыя бедра сильныхъ въ плинфахъ томились" [2]); тогда, по свидѣтельству Тодорскаго, „министры выключали отъ дѣлъ россійскихъ высшихъ іерарховъ „первосвященниковъ" [3]). Всѣ эти выдержки изъ современной проповѣднической литературы ясно показываютъ, какъ тяжело было положеніе православной церкви въ періодъ господства Нѣмцевъ и какъ сильно распространено было на Руси протестантское вольномысліе. И мы не имѣемъ никакого основанія подозрѣвать проповѣдниковъ въ преувеличеніи. Они говорили о такихъ событіяхъ, которыя были извѣстны слушателямъ, говорили въ присутствіи самой императрицы Елисаветы Петровны, слѣдовательно, не могли переиначивать и преувеличивать дѣла, и на самомъ дѣлѣ не преувеличили его. Въ настоящій разъ исторія насчитываетъ намъ очень много жертвъ властолюбія и кровожадности Бирона; въ числѣ этихъ жертвъ находятся великіе іерархи церкви: Ѳеофилактъ Лопатинскій [4]), Левъ Воронежскій [5]), Игнатій Смола, Георгій Дашковъ [6]), Варлаамъ Ванатовичъ, Веніаминъ [7]), архимандритъ Воскресенскаго монастыря Мельхиседекъ [8]) и многіе другіе [9]). Въ манифестѣ 1742 года, по поводу

[1]) Слово 25-го марта 1742 г. Преосвящ. Филаретъ (Обз. Рус. Лит. 2. 74) приписываетъ это слово Флоринскому; но это ошибка. См. Придв. Проп. Попова стр. 12. Р. М. Д. Акад. № 113, л. 118—126.

[2]) Слово 1750 г. Рук. М. Д. Акад. № 103. 197.

[3]) Слово 1743 г. Придв. Проповѣди» Попова. Лѣт. Лит. 1859. 3 к.

[4]) «Рѣшил. Дѣло». Чистовича. Спб. 1861 г.

[5]) Левъ Воронежскій былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ монастырь за отложеніе молебна по поводу восшествія на престолъ Анны Іоанновны (Вейдемейеръ ч. 1. 110. *Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1862 г. 1. 73 стр.).

[6]) Игнатій Смола и Георгій Дашковъ были лишены сана и преданы суду за то, что не произвели тотчасъ же слѣдствія надъ еп. Львомъ (Вейдемейеръ ч. I. 110).

[7]) См. «*Труд. Кіев. Акад.*» 1861 г. кн. I.

[8]) Онъ былъ наказанъ кнутомъ за то, что служилъ въ ризахъ втораго разряда (Сл. Бант.-Камен. ч. 3. 621).

[9]) Маркеллъ Радышевскій, Сильвестръ митрополитъ Казанскій, архимандритъ

осужденія Миниха, Остермана и другихъ, читаемъ: „Остерманъ жестокія и неслыханныя мученія и экзекуціи, — не щадя и духовныхъ персонъ, въ дѣйство производить старался" [1]). Угнетая, оскорбляя и наказывая бѣлое духовенство [2]), Биронъ и его приверженцы съ особенною силою и яростію нападали на монашество. По именному указу 1734 года въ монашество могли поступать только вдовые священники и отставные солдаты: противникамъ этого закона назначали огромный штрафъ, лишеніе сана и ссылку въ каторжную работу [3]). Въ силу этого закона монастыри пришли въ плачевное состояніе; во многихъ изъ нихъ недоставало іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ, службы остановились; училища, заведенныя при монастыряхъ, были лишены „добрыхъ и искусныхъ учителей" [4]). Все это говоритъ, что духовенство въ ту пору было оскорблено, унижено и задавлено. Между тѣмъ враги церкви не довольствовались униженіемъ ея служителей. Они хотѣли лишить чадъ ея и самаго дорогаго сокровища — православной вѣры. „Враги наши домашніе внутренніе, говорилъ Амвросій Юшкевичъ, какую стратагему сочинили, чтобы вѣру православную поколебать, готовыя книги духовныя во тмѣ заключили, а другіе сочинять подъ смертною казнію запретили. Не токмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей уста отворять было опасно: тотчасъ бѣды и гоненія надѣйся" [5]). Но этого было мало для противниковъ православія. Оскорбляя и осмѣивая православную вѣру и церковь, они „по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ письменныя ученія разсѣвали и толико повредили, что мнози малодушніи чада на матерь свою возставали, аки змія порожденія ехиднова утробу ея растерзали... а которые такихъ прелестниковъ не слушали, коликія имъ

Іоакимъ (*Тр. Кіев. Д. Акад.* 1861. 1 кн.), Зварыкинъ (*Духъ Христіанина* 1862 г.) и многіе другіе, имена которыхъ, можетъ-быть, останутся неизвѣстными для исторіи, потому что Биронъ часто распоряжался жизнію другихъ безъ гласности и суда (Сл. Болтина на Леклерка, стр. 470). Слѣд. дѣло о Биронѣ въ *Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1862. 1 к.

[1]) П. С. Зак. т. XI № 8506.

[2]) Ibid. т. IX. № 7070. X. 7158. 7385. Ibid. т. X. 7198. № 7364. т. X. 7790.

[3]) Полн. Собр. Зак. т. IX. 6585.

[4]) Ibid. т. XI, 8303.

[5]) Слово 28-го февраля 1742 г. Р. М. Д. Акад. № 163.

руганія, поношенія вразп благочестія чинили" [1]). По несомнѣнному голосу исторіи, Нѣмцы запретили и отобрали напечатанный „Камень вѣры [2])", взяли въ тайную канцелярію „Апокризисъ" Лопатинскаго [3]), запрещали переводить отеческія творенія [4]), умножали свои кирки и школы [5]), заставляли молчать православныхъ учителей" [6]). „Не церковь ли, скажемъ словами Кирилла Флоринскаго, подъ игомъ сихъ еретиковъ стенала, не святіи ли отъ нихъ поругани, не Россія ли преисполнена отъ нихъ протестантской ереси" [7])?

Таково было положеніе православной вѣры и церкви при Аннѣ Іоанновнѣ! Но десница Вышняго, правящая судьбами народовъ, скоро освободила отъ тяжкаго ига иноземцевъ русскую церковь и даровала ей миръ и спокойствіе въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Съ восшествіемъ на россійскій престолъ этой императрицы, по свидѣтельству современниковъ, „прошла нечестія лютая зима, возсіяло ведро благочестія... [8]) и далече прогнася ночь еретическаго безбожія крамольниковъ, а миръ и тишина возвратися въ Россію" [9]). Добрая и благопопечительная, Елизавета Петровна оживила и возрастила то, что посѣяно было на русской почвѣ могучею рукою преобразователя Россіи Петра, и вполнѣ изгладила то, что посѣяли на ней иноземцы. Стараясь обновить и возсоздать надломленное русское общество, а особенно духовенство, Елизавета Петровна „по многихъ непорочныя вѣры ущербахъ возставила благочестіе, возвратила изгнанныхъ, свободила юзниковъ, дала имѣніе и честь ограбленнымъ и уничиженнымъ [10]), иныхъ освобожденныхъ въ прежніе чины, иныхъ въ высшія достоинства, иныхъ сугубымъ жалованьемъ удовольствовать соблаго-

---

[1]) Слово Сѣченова 1742 г. Рукоп. М. Дух. Акад. № 163. л. 123—124.

[2]) Слов. Евгенія, ч. 2. стр. 327.

[3]) *Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1863 г. кн. 4 «Дѣло о Лопатинскомъ» Слич. Вейдемейеръ ч. 2, стр. 101. Слов. Бант.-Камен. ч. 5, стр. 388.

[4]) По свидѣтельству Стефана Писарева (1741 г.) Нѣмцы ненавидѣли русскій діалектъ и не позволяли переводить и печатать на семъ діалектѣ отеческихъ твореній. Такъ они не позволили печатать «Слово Св. І. Злат. на Евтропія» (*Лѣт. Р. Лит. и Древн.* 1859 г. кн. 3).

[5]) *Прав. Обозр.* 1862 г. сен. 40—54; 1863 г. декабр. стр. 287—309.

[6]) *Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1862 г. кн. 1 стр. 165.

[7]) Слово 1741 г. 18 декабр. Рук. М. Д. Акад. № 163.

[8]) Слово Димитрія Сѣченова 1742 г. (Рук. М. Д. Акад. № 163).

[9]) Слово Платона, архіеп. Московскаго 1750 г. (Собр. печат. пропов. Елиз. врем.).

[10]) Слово Сѣченова 1742 г. (Рук. М. Д. Акад. № 163). Сличи Слово Маркелла Радышевскаго 1742 г. (Собр. проп. Елиз. врем.).

изволила" [1]). Залѣчивая раны, нанесенныя русскому народу, Елизавета Петровна сознавала, что вся грязь, всѣ пятна очерненной иноземцами Россіи могутъ быть смыты и изглажены въ ней только при помощи истиннаго религіознаго просвѣщенія. Поэтому, подобно Петру, она обратила особенное вниманіе на религіозно-нравственное образованіе народа и духовенства, надѣясь найдти въ этомъ образованіи могучую силу и ограду для православной церкви и сильное противодѣйствіе западному протестантскому вольномыслію. Вотъ тѣ мѣры и средства, которыя приняты были Елизаветою Петровною для просвѣщенія народа и духовенства:

„Для должной и зѣло нужной потребности, коею бы св. церкве сыны пользуяся, простосердечніи же отъ льстецовъ охранены и успокоены быть могли", Елизавета Петровна учредила катихизаторовъ, которые должны были объяснять народу православные догматы предъ каждою литургіею въ Московскомъ Успенскомъ, Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ [2]). Съ своей стороны, св. синодъ просилъ правительствующій сенатъ издать указъ о вмѣненіи въ обязанность родителямъ учить ихъ дѣтей катихизису, „дабы они чрезъ то христіанскую вѣру, должность и догматы православныя вѣры узнать могли и въ томъ бы право поступать и отъ развратниковъ православныя вѣры себя охранять могли" [3]). Правительствующій сенатъ издалъ указъ дворянамъ и разнаго чина людямъ обучать дѣтей катихизису и „для многополезнаго дѣла" повелѣлъ разослать буквари и катихизисы повсюду... Но прежде всего было необходимо обратить вниманіе на образованіе духовенства, какъ представительнаго сословія церкви и руководителя религіозной жизни народа. Сознавая это, Елизавета Петровна съ особенною заботливостію занялась просвѣщеніемъ духовенства. Она открыла много новыхъ духовныхъ школъ въ разныхъ концахъ Россіи [4]), строго обязывала родителей отдавать въ школы своихъ дѣтей [5]) и нерѣдко сама посѣщала эти школы [6]). Умножая число духовныхъ школъ и повелѣвая принимать въ нихъ „всякихъ чиновъ россійскихъ и изъ иныхъ странъ приходящихъ людей", мудрая

---

[1]) Слово Тимоѳея Щербацкаго (Рук. М. Дух. Акад. № 163 л. 109).

[2]) *Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1861 г. кн. 3, стр. 13.

[3]) Полн. Собр. Зак. т. XI. № 8.726.

[4]) *Прав. Обозр.* 1865 г. ст. «Законодательство Елизаветы Петровны».

[5]) Ист. Моск. Дух. Акад., стр. 107.

[6]) Жизнь Преосвящ. Амвросія. Москва, 1813 г. стр. 7. Слич. Ист. С.-Петерб. Акад. Чистовича, стр. 21 25.

императрица желала и требовала, чтобъ ученіе въ школахъ было „благочестивое, христіанское восточнаго исповѣданія, а отступниковъ и противниковъ вѣры греко-россійской, также и еретиковъ, въ школы не допускать и прелесть противнаго исповѣданія и всѣ еретическія обученія весьма отсѣкать и искоренять“ [1]). Любимою мыслію и задушевнымъ желаніемъ Елизаветы было: „преподавать ученіе, не отлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя церкве“ [2]). И въ школахъ строго наблюдали какъ за преподаваніемъ наставниковъ, такъ и за поведеніемъ учениковъ. Изъ исторіи школъ того времени до насъ сохранились слѣдующіе факты. Префектъ Московской Духовной Академіи Владиміръ Каллиграфъ, „за разсѣеваніе лютеранскихъ и кальвинскихъ плевелъ“ между учениками, былъ выгнанъ изъ школы [3]). Ученикъ Яковъ Несмѣяновъ, впадшій въ меланхолію, былъ допрашиваемъ, по высшему предписанію (1744 г.) Порфирію Крайскому: „не имѣетъ ли онъ (Несмѣяновъ) въ законѣ Божіемъ какого-либо сумнѣнія?“ [4]) Другой ученикъ Максимъ Соколовъ, приступавшій къ пріобщенію св. тайнъ „съ безстрашіемъ и явнымъ къ толикія святыни презрѣніемъ“ былъ посаженъ на цѣпь [5]). Елизавета Петровна въ то же время принимала прямыя и рѣшительныя мѣры противъ иноземныхъ протестантскихъ воззрѣній. „Предходя подданнымъ благочестіемъ [6]), благоговѣніемъ, призываніемъ въ помощь Дѣвы Богоматери, Святыхъ Христовыхъ и почитаніемъ святыхъ иконъ [7]) и во всемъ послушаніемъ единѣй православной восточной церкве“ [8]) и не желая никакой „интересныя прибыли отъ враговъ Христовыхъ“ [9]), владычица Всероссійская (Елизавета Петровна) имѣла непреклонное намѣреніе вся ереси отъ церкви восточной истребити, вѣрныхъ въ вѣрѣ утвердити, поколебавшихся же правосудіемъ своимъ и указами на путь спасенія возвести, не покоряющихся и исправитися не хотящихъ, но въ противленіи церкви пребывающихъ суду праведному и наказанію предавать“, а самыя

---

[1]) Кіевъ. Аскоч. ч. 2. стр. 91.

[2]) Памят. Кіев. Ком. т. II, стр. 329, 365.

[3]) Ист. М. Д. Акад. Смирнова, стр. 209—210.

[4]) Ibid, стр. 135.

[5]) Ист. Троиц. Семин. Приб. къ *Тв. Св. Отц.* 20 кн., стр. 510.

[6]) О благочестіи Елизаветы Петровны свидѣтельствуютъ даже иностранцы: Вейдемейеръ (ч. 2, стр. 112) и маркизъ де-ла-Шетарди (С.-Петерб. 1862 года, стр. 619).

[7]) См. Слово Радыщевскаго 1742 г. Собр. печат. проп. Елиз. врем.

[8]) Слово Платона, архіеп. Москва, 1742 г. Собр. печат. пр. Елиз. врем.

[9]) Такъ названы были ею Евреи. Полн. Собр. Зак. т. XI, № 8.840.

книги; „подозрѣнныя и отъ ересей исполненныя искоренити", а на мѣсто ихъ „вкоренити книги православныя" [1]). Эти слова Радышевскаго, произнесенныя въ присутствіи императрицы, оправдались на самой практикѣ. Елизавета „во свѣтъ известь благоволила и развязала Камень Вѣры и прочія книги благочестиваго восточнаго исповѣданія, освидѣтельствовавъ духовнымъ чиномъ, достойныя печати печатать повелѣла" [2]). На донесеніе св. синода, что въ Россіи находится много иностранныхъ книгъ, не свидѣтельствованныхъ въ немъ, императрица въ 1743 г. дала такую резолюцію: „Всякій кто имѣетъ у себя съ иностранныхъ на русскій языкъ переведенныя и внѣ Россійской Имперіи россійскимъ діалектомъ напечатанныя, богословскіе термины въ себѣ содержащія и до церкви святой и до церковнаго ученія принадлежащія и отъ св. синода не свидѣтельствованныя книги отдавалъ бы ихъ духовному начальству"; при этомъ императрица строго запретила ввозить въ Россію подобныя книги, равно какъ и дѣлать переводы ихъ за границею и въ Россіи безъ дозволенія св. синода [3]). По силѣ этого закона были запрещены и отобраны сочиненія протестантовъ: Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ" [4]), Стратсмана: „Θеатронъ или позоръ историческій" [5]).

---

[1]) Слово Радышевскаго 1742 г. Собр. печат. проп. Елиз. врем.

[2]) Подобное свидѣтельство представляетъ Амвросій Юшкевичъ (Слово 1742 г. февр. 28 дня. Рук. М. Д. Акад., № 163). Камень вѣры былъ разрѣшенъ въ 1741 г. (Евг. ч. 2, стр. 259) и вышелъ новымъ изданіемъ въ 1749 г. (Сопик. ч. 1, № 516).

[3]) Полн. Собр. т. II., № 8.832.

[4]) Книга Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ» переведена на русскій языкъ Симономъ Тодорскимъ и издана при вспомоществованіи Анны Іоанновны въ Галѣ 1735 года. (Кіев. лек. ч. 2. 143 ст. Сопиковъ № 100. Опис. стар. книгъ Толст., № 248). Что побудило правительство запретить эту книгу — на это мы не находимъ данныхъ въ самомъ законѣ (т. II, № 8.832). Что же касается до самой книги, то она не можетъ быть признана строго протестантскою. Арндтъ старался сблизить догматическія убѣжденія съ жизнію, и вопреки схоластическимъ лютеранскимъ богословамъ называетъ богословіе живымъ опытомъ и упражненіемъ. Онъ не держится узкой мѣрки символическихъ книгъ лютеранства и старается дать въ своемъ сочиненіи большое значеніе жизни и дѣйствіямъ человѣка. Вслѣдствіе того его книга произвела большое волненіе на Западѣ и нашла себѣ жаркихъ поклонниковъ въ лицѣ піэтистовъ и сильныхъ враговъ въ лицѣ Озіандера и его единомышленниковъ.

[5]) Θеатронъ или позоръ историческій былъ переведенъ на русскій языкъ Гавріиломъ Бужинскимъ по приказанію Петра въ 1720 году (Пекар. ч. 2, стр. 614 — 615). Запрещеніе Θеатрона послѣдовало въ 1749 г. (*Хр. Чт.* Май, 1857. III, 348). Сочиненіе Стратсмана было вѣрно понято Елизаветою, которая нашла

Такія мѣры въ отношеніи къ протестантскимъ сочиненіямъ ясно показываютъ, что правительство Елизаветинскаго времени искренно и энергично заботилось объ искорененіи на Руси протестантизма, усилившагося въ ней при господствѣ нѣмецкаго вліянія [1]).

Д. Ив—ковъ.

въ немъ весьма противныя рѣчи. Въ крайнемъ пристрастіи Ѳеатрона къ реформаціи и идеямъ протестантства сознавался и самъ переводчикъ его Гавріилъ Бужинскій (Пекар. ч. I, стр. 330). Но онъ не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить здѣсь безпощадной брани на католичество и особенно папство, не увидѣлъ здѣсь прямаго нареканія на святыхъ отцовъ и учителей церкви, въ чемъ справедливо упрекаетъ Ѳеатронъ митрополитъ Евгеній (Словарь о дух. писат. ч. 1, 80). Горячій приверженецъ протестантства, Стратсманъ видитъ въ папствѣ величайшее зло (изд. 1720 г. л. 380) и приписываетъ папамъ всевозможные пороки и злодѣянія (л. 397), а Лютера и его церковь превозноситъ самыми изысканными похвалами: «Блаженный и богодухновенный Лютеръ, сказано въ Ѳеатронѣ, все папежство сице уязвилъ, яко оныя язвы никогда же папежники исцѣлити возмогутъ и намъ путь истиннаго благочестія и свободы христіанскія отверзлъ» (л. 380 — 381 об.). Такія же и бо̀льшія похвалы расточаетъ Стратсманъ Лютеру и въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія (л. 298 и проч.).

[1]) Почтенный авторъ, сообщивъ читателямъ обильный запасъ фактовъ изъ исторіи нашей церкви въ первой половинѣ XVIII столѣтія, не извлекъ изъ нихъ никакого заключенія. Но если при императрицѣ Елизаветѣ протестантскія идеи искоренялись не одною силою ученія православной церкви, а вмѣстѣ и внѣшнею силой, то въ предшествующій періодъ времени та же внѣшняя сила искусственно распространяла въ Россіи протестантскія идеи, воздвигая гоненія на православное ученіе и его поборниковъ. Корень зла заключался такимъ образомъ въ томъ, что внѣшняя сила вторгалась въ ту область, въ которой подобаетъ дѣйствовать лишь нравственною силой убѣжденія: православная церковь обрѣла бы въ себѣ самой эту силу для полнаго торжества надъ всѣми враждебными ей ученіями, еслибъ ей была предоставлена полная свобода дѣйствія въ собственной ея сферѣ.
Ред.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ СОСТОЯНІЯ ГОРОДСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ. [1]

II.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича составляетъ эпоху въ исторіи утвержденія крѣпостнаго права въ Россіи; столь же рѣшительное значеніе имѣютъ и тѣ законоположенія этого законодательнаго памятника, которыя относятся къ посадскимъ.

Эти законоположенія ни откуда не были заимствованы, а вызваны дѣйствительными потребностями общественной жизни, заявленными самимъ земствомъ въ его челобитныхъ. Жалобы тяглыхъ посадскихъ людей на стѣснительное свое положеніе и просьбы ихъ о томъ, чтобы великій государь повелѣлъ „на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ и во всѣхъ городахъ и посадахъ и около посадовъ по слободамъ всякимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ быть за собою великимъ государемъ въ тяглѣ и въ службахъ“, вызвали со стороны правительства рѣшимость установить отношеніе посадскихъ къ государству на новыхъ началахъ.

Въ 1648 году сначала во Псковѣ, потомъ въ Новгородѣ, въ уваженіе жалобъ и просьбъ посадскихъ людей, велѣно было, чтобы всѣ живущіе въ этихъ городахъ и занимающіеся торговлею и промыслами переведены были на тягло и впредь подати платили и службы служили наряду съ прочими посадскими. Исключенія изъ этого общаго правила были слѣдующія: торговые и промышленные монастырскіе крестьяне по распоряженію этого указа должны были, если они проживали на посадѣ и промышляли торговлею, нести выборныя службы, какъ и всѣ другіе посадскіе, но податнымъ тягломъ продолжали по прежнему тянуть къ монастырю. Казакамъ, пушкарямъ и стрѣльцамъ,

[1]) См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* на 1867 годъ.

если они отказывались отъ денежнаго и хлѣбнаго царскаго жалованія, дозволено было торговать на посадѣ на сумму свыше пятидесяти рублей, не приписываясь къ таглу, и на сумму менѣе пятидесяти рублей, когда они отказывались только отъ хлѣбныхъ подмогъ; но льготы служилыхъ людей не распространялись на ихъ братьевъ, дѣтей и племянниковъ[1]).

Уложеніе распространило такіе новые порядки на всѣ русскіе города. По нему принадлежность къ тяглому посадскому состоянію опредѣлялась занятіемъ городскою торговлею и промышленностью. Всѣ пригородныя Московскія слободы, принадлежащія патріарху, митрополиту, боярамъ и всякимъ другимъ бѣломѣстцамъ и заселенныя торгово-промышленными и ремесленными людьми, указано было со всѣмъ населеніемъ взять на государя безъ лѣтъ и безповоротно, а буде окажутся по розыску въ такихъ слободахъ вѣчные кабальные холопы или владѣльческіе пахотные крестьяне, то такихъ прежніе владѣльцы должны были свести въ свои дворы и помѣстья. За патріархомъ оставлены были только тѣ изъ слободскихъ жителей, которые изстари состояли въ служилыхъ и дворовыхъ людяхъ при прежнихъ патріархахъ[2]).

Поповы дѣти, дьячки и пономари, живущіе на церковныхъ земляхъ и промышлявшіе городскими промыслами и торговлею, должны были быть переведены на тягло. Такому переводу подлежали также всѣ вообще торгово-промышленные вольные владѣльческіе люди, проживающіе по городамъ[3]). Всякихъ чиновъ служилые люди, получавшіе государево денежное и хлѣбное жалованье, если они, живя въ Москвѣ и по городамъ, вели торговлю и занимались промыслами, обязаны были платить всякія городскія подати въ рядъ съ черными людьми, но отъ тяглыхъ службъ освобождались; если же и по податямъ они не желали быть въ тяглѣ, то имъ указано было продать свои лавки государевымъ тягловымъ людямъ[4]). Это, впрочемъ, не распространялось на такихъ служилыхъ людей, какъ пушкари, затинщики, воротники, плотники и кузнецы, которые по своимъ торгамъ и промысламъ тянули къ городу какъ податью, такъ и службами[5]), и на стрѣльцовъ, казаковъ и драгуновъ, которые могли заниматься по городамъ

---

[1]) А. Арх. Ѳ. IV, № 24.

[2]) Улож. гл. XIX § 1 и 5.

[3]) Тамъ же § 3.

[4]) Тамъ же § 4.

[5]) Тамъ же § 12.

торговлею и промыслами, не подлежа припискѣ къ тяглу. Они платили только пошлину съ своихъ торговъ и оброкъ съ своихъ лавокъ [1]). Затѣмъ не тяглыми городскими торговцами оставались еще лица и учрежденія, избавленныя отъ торговыхъ пошлинъ льготными грамотами, и хотя въ 1672 году тарханы формально были повсюду уничтожены [2]), но на дѣлѣ продолжали имѣть значеніе до временъ Петровскихъ.

Вновь установившееся начало, по которому за основаніе принадлежности къ городскому тяглому состоянію былъ принятъ промыселъ лица, не вытѣснило однако стараго начала, по которому всякій тянулъ по землѣ. Эти противоположности соглашались тѣмъ, что всякій, тянувшій къ общинѣ по своему промыслу, переводился вмѣстѣ съ тѣмъ на тяглую посадскую землю; съ другой стороны всякій, владѣвшій участкомъ черной городской земли, оставался крѣпокъ посаду, хотя бы и пожелалъ измѣнить свой промыселъ и перейдти въ пахотные владѣльческіе крестьяне, въ служилые люди или даже въ другой городъ [3]).

Поэтому Уложеніе предписываетъ сыскивать и свозить на посадъ „безъ лѣтъ и безповоротно" всѣхъ тѣхъ, чьи отцы или они сами были въ тяглѣ или состояли въ наймитахъ и сидѣльцахъ у тяглыхъ людей, а потомъ сошли съ посада и живутъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ или по городамъ во владѣльческихъ дворахъ и на церковныхъ земляхъ, не взирая даже на то, если бы на нихъ были предъявлены кабалы и заемныя записи въ долгахъ и ссудѣ. Всѣмъ, которые будутъ взяты въ тягло, указывалось впредь ни къ кому въ закладчики не записываться и съ посада не сходить. Нарушители этого запрещенія должны были подлежать торговой казни и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Тѣмъ, которые стали бы принимать къ себѣ тяглыхъ посадскихъ людей въ закладчики и крестьяне, угрожалось царскою опалою и лишеніемъ земель, на которыхъ такіе закладчики и крестьяне будутъ поселяться [4]).

Уступка была сдѣлана только въ пользу нѣкоторыхъ служилыхъ людей. Тѣмъ изъ Московскихъ и городскихъ тяглецовъ, которые въ прежніе годы, до Смоленскаго похода, перешли въ казаки и наровнѣ

---

[1]) Тамъ же § 11.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 507.
[3]) Улож. гл. XIX. § 19.
[4]) Тамъ же §§ 2, 13, 9, 18, 20.

съ старо-помѣстными казаками были верстаны окладами и мѣсячными кормами, допущено было оставаться на службѣ по прежнему и возврату на тягло они не подлежали [1]). Также точно не возвращались на тягло и тѣ изъ посадскихъ, которые поступили въ стрѣльцы изъ семьи, состоящей изъ отца и двухъ братьевъ [2]). Другіе служилые люди, какъ-то: пушкари, затинщики, воротники, кузнецы, солдаты, а также ямщики, если по розыску оказывалось, что сами они или ихъ отцы состояли въ тяглѣ, безусловно возвращались на посадъ [3]). О мастеровыхъ людяхъ, которые сошли съ своихъ тяглыхъ жеребьевъ и жили въ Москвѣ во дворцѣ, при Ружейной палатѣ и при иныхъ всякихъ приказахъ, велѣно было докладывать государю, „какъ о тѣхъ мастеровыхъ людехъ государь укажетъ", а безъ доклада на посадъ ихъ не возвращать [4]). Это правило не распространялось на тѣхъ, которые, сойдя съ посада, поступили въ псари [5]). Кто изъ посадскихъ былъ возвращенъ изъ плѣна, тотъ въ силу этого освобождался отъ тягла, и ему предоставлялось жить, гдѣ захочетъ [6]). Надо полагать, хотя этого собственно нѣтъ въ законѣ, что оставаясь на своихъ тяглыхъ участкахъ, такія лица должны были тянуть общее тягло; льгота состояла, вѣроятно, только въ томъ, что имъ дозволялось сойти съ своего тяглаго участка; такимъ же образомъ и торговые люди, приписанные къ Московскимъ гостинной и суконной сотнямъ, избавлялись отъ городскаго тягла только въ такомъ случаѣ, когда продавали свои городскіе дворы и промыслы тяглымъ людямъ [7]).

Оженившіеся на вдовахъ тяглыхъ посадскихъ людей причислялись тягломъ къ посаду, „для того что они поженились на тяглыхъ женахъ и шли къ нимъ въ домы" [8]). Нѣкоторые изъ посадскихъ принимали также своихъ зятей къ себѣ въ домъ, чтобъ они жили съ ними и ихъ кормили, и такимъ зятьямъ указано было жить въ тяглѣ въ сотняхъ и слободахъ [9]).

Новое начало, принятое за основаніе принадлежности къ тяглой

[1]) Тамъ же § 29 и 30.
[2]) Тамъ же § 26 и 27.
[3]) Тамъ же § 28, 31 и 32.
[4]) Тамъ же § 24.
[5]) Тамъ же § 25.
[6]) Тамъ же § 33.
[7]) Тамъ же § 34.
[8]) Тамъ же § 22.
[9]) Тамъ же § 23.

городской общинѣ, не измѣнило отношеній ея къ правительству, какъ корпораціи владѣльцевъ государевой земли и обязанныхъ тянуть податью и повинностями по подворному и посошному окладу. Поэтому неотчуждаемость городской тяглой земли въ руки бѣломѣстцевъ была подтверждена Уложеніемъ и распространена на всѣ города. Всѣ патріаршія, властелинскія, монастырскія, боярскія и всякихъ другихъ властей и служилыхъ людей слободы, устроенныя на государевой посадской землѣ, на животинныхъ выпускахъ и вообще на всякихъ купленныхъ и инымъ путемъ пріобрѣтенныхъ бѣломѣстцами тяглыхъ земляхъ, указано было приписать къ посаду „безъ лѣтъ и безповоротно" [1]).

Тяглые дворы, проданные бѣломѣстцамъ или перешедшіе къ нимъ за неуплату долга, обезпеченнаго закладомъ этихъ дворовъ, велѣно было возвращать въ сотни безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Кто же изъ черныхъ людей впредь продастъ или заложитъ бѣломѣстцу свой дворъ и участокъ, тѣхъ указано было бить кнутомъ [2]). Для предупрежденія на будущее время всякихъ захватовъ приписанныхъ къ посаду земель, предприняты были мѣры къ округленію ихъ границъ. Велѣно было патріаршія, властелинскія, боярскія, окольничихъ и думныхъ людей вотчины и помѣстья, которыя прилегаютъ къ посадамъ, приписать къ нимъ податьми и службами, съ вознагражденіемъ владѣльцевъ оныхъ отводомъ земель въ другихъ мѣстахъ. *Если въ такихъ вотчинахъ и помѣстіяхъ оказывались пашенные люди, то они отписывались на государя особою статьею* [3]). Пространство Московскаго выгона было точно опредѣлено, именно онъ долженъ былъ простираться отъ земляного города во всѣ стороны на двѣ тысячи саженныхъ верстъ; выгоны другихъ городовъ были также возстановлены въ своей первоначальной величинѣ [4]). Напередъ указывалось вокругъ Москвы и другихъ городовъ ни чьимъ слободамъ кромѣ государевыхъ не быть [5]).

Городская торговля и занятіе городскими промыслами были усвоены, какъ исключительное право, посадскимъ людямъ, которые тянули тягломъ къ данному городу. Если во владѣльческихъ селахъ и деревняхъ оказывались торговые люди, которые прежде никогда посадскими

---

[1]) Тамъ же § 7.

[2]) Тамъ же § 39.

[3]) Тамъ же § 8 и 9.

[4]) Тамъ же § 6 и 10.

[5]) Тамъ же § 1.

не числились, и у нихъ въ городахъ будутъ лавки и всякіе промыслы, то таковыхъ указано было отдавать на крѣпкія поруки въ томъ, что они впредь не станутъ торговать въ своихъ лавкахъ и не будутъ брать на откупъ городскихъ сборовъ, а свои городскіе промыслы и лавки продадутъ торговымъ людямъ. Вообще всѣмъ владѣльческимъ людямъ на-строго было запрещено пріобрѣтать по городамъ тяглые дворы, лавки, амбары, потреба и соляныя варницы и велѣно было имѣющіеся у нихъ продать тяглымъ людямъ и впредь на посадѣ не торговать [1]). Въ огражденіе злоупотребленій предписано было на будущее время всѣмъ, кому въ Москвѣ и по городамъ будутъ даны загородные дворы и огороды, держать при нихъ въ дворникахъ своихъ закладчиковъ; у кого же такихъ нѣтъ, то крестьянъ и бобылей, но никакъ не болѣе одного человѣка; кто же станетъ держать на тѣхъ дворахъ своихъ многихъ крестьянъ и бобылей, отъ того полагалось ихъ отбирать и приписывать къ тяглу [2]). Правило это не распространялось на тѣхъ крестьянъ, которые приходили въ городъ только на время для ремесленнаго дѣла на своихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ [3]).

Иногородные торговые люди, у которыхъ въ Москвѣ были свои дворы и лавки для того, чтобы вести тамъ торгъ, должны были тянуть тягломъ къ Московскимъ сотнямъ, что нисколько не избавляло ихъ отъ обязанности тянуть городское тягло по мѣсту своего постояннаго жительства [4]); у кого же изъ иногородныхъ торговцевъ не было въ Москвѣ своихъ дворовъ, тѣмъ предоставлялось только право торговать на гостинномъ дворѣ; если же за ними во владѣніи состояли лавки, то имъ указано было продать ихъ Московскимъ тяглымъ людямъ [5]).

Крестьянамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву и въ города изъ уѣздовъ, дозволялось продавать свои товары, но не иначе какъ на гостинномъ дворѣ и съ возовъ и струговъ. Нанимать и покупать для подобныхъ продажъ лавки, и слѣдовательно, торговать по городамъ различнымъ торгомъ, имъ воспрещалось [6]). Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ опредѣлено было

[1]) Тамъ же § 9 и 15.
[2]) Тамъ же § 14.
[3]) Тамъ же § 15.
[4]) Тамъ же § 35.
[5]) Тамъ же § 36.
[6]) Тамъ же § 17.

особымъ указомъ, что крестьяне могутъ привозить въ городъ на продажу только произведенія сельской промышленности [1]).

Исчисленныя законоположенія клонились, какъ мы видимъ, къ тому, чтобы закрѣпостить посадскихъ въ особое замкнутое состояніе городскихъ торгово-промышленныхъ людей. Такое направленіе опредѣлилось тѣмъ, что характеристическія особенности, отличающія торгово-промышленнаго горожанина отъ крестьянина-хлѣбопашца, не были сознаны во всей ихъ полнотѣ и не легли въ основаніе новаго общественнаго строенія. Новое начало тягла по промыслу смѣшивалось съ старымъ началомъ тягла по землѣ, которое обусловливалось корпоративною круговою порукой и вело къ корпоративной исключительности и замкнутости.

Идея индивидуальнаго значенія торговца-промышленника не была проведена въ жизнь во всѣхъ ея послѣдствіяхъ. Для того, чтобы всецѣло преобразовать общественное строеніе, требуется чтобы принципъ, который принимается въ основаніе преобразованія, былъ выясненъ въ общественномъ сознаніи наукою, а науки не было въ древней Россіи. Преобразованія совершались тогда постепенно, по мѣрѣ того какъ жизнь настоятельно требовала частныхъ измѣненій или уклоненій въ томъ или другомъ случаѣ отъ старыхъ укоренившихся началъ. Это вело къ противорѣчіямъ, запутанности и непослѣдовательности, которыя вообще характеризуютъ государственный строй и управленіе въ допетровской Россіи; но съ другой стороны гарантировало отъ доктринерскихъ извращеній естественнаго хода развитія народной и государственной жизни.

Опредѣливъ границы посадскаго состоянія и усвоивъ этому состоянію исключительное право торговли и промысловъ по городамъ, Уложеніе указало и на особыя обязанности государевыхъ людей, отъ которыхъ освобождены были владѣльческіе люди, обязанные взамѣнъ того тянуть къ своимъ владѣльцамъ барщинною работою.

Въ 6-мъ § IX главы Уложенія читаемъ: „а въ головахъ и цѣловальникахъ, въ таможняхъ и кабакахъ и на мытахъ и на перевозахъ и на мостахъ, которые таможни и кабаки и мыты и перевозы и мосты, въ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ и въ чорныхъ волостяхъ, опричь посадскихъ людей и дворцовыхъ селъ крестьянъ, ни чьимъ людямъ и крестьянамъ не быти“.

Въ удѣльное время, какъ мы выше говорили, для сбора неоклад-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 37.

ныхъ доходовъ посылались лица, состоявшія на службѣ княжеской, или это довѣрялось торговымъ корпораціямъ; выбирались ли имъ и тогда въ подмогу земскіе цѣловальники или нѣтъ, о томъ мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ.

Обычай назначать головъ удерживался и по присоединеніи удѣльныхъ областей къ Московскому велико-княженію; право назначенія головъ принадлежало иногда намѣстникамъ, а цѣловальники выбирались земствомъ.

Такъ, въ таможенной уставной грамотѣ 1571 года читаемъ: „Брать съ торгу и всѣ таможенныя пошлины гостемъ и купцамъ Новгородскимъ на царя государя на вѣру, *въ которомъ году кого въ головы поставятъ бояринъ и Новгородскій намѣстникъ.... и цѣловальниковъ выберутъ и откупщикомъ въ которомъ году велитъ государь отдать на откупъ* по сей уставной грамотѣ какова дана прежнимъ таможникамъ“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ недоборъ пошлинъ сравнительно съ доходами прежнихъ лѣтъ взыскивался съ самихъ сборщиковъ [2]).

Въ XVII столѣтіи мы не встрѣчаемъ примѣровъ, чтобы головы назначались областными правителями. Но сборъ пошлинъ и доходовъ приставными сборщиками сохранился въ такой формѣ, что въ мѣста, болѣе извѣстныя своимъ торговымъ значеніемъ, и къ прибыльнѣйшимъ изъ промысловыхъ сборовъ назначались сборщики изъ Москвы изъ гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотни; въ остальныхъ случаяхъ къ сборамъ приставлялись выборные сборщики. Бывали даже случаи, что къ завѣдыванію государевыми промыслами приставлялись служилые люди. Такъ, въ 1620 году кабацкими головами въ Верхотурье были назначены боярскіе дѣти и приказные изъ Тобольска [3]). По городамъ въ головы выбирались всегда посадскіе люди [4]); иногда въ выборѣ этомъ участвовали и уѣздные люди [5]). Въ цѣловальники по городамъ выбирались иногда только изъ посадскихъ [6]), а иногда и изъ уѣздныхъ людей [7]). Въ дворцовыхъ селахъ и волостяхъ въ го-

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 43, стр. 53.

[2]) Тамъ же стр. 61.

[3]) Акты Ист. III, № 122.

[4]) Акты Ист. III, № 100, 122, 185, 196; IV, № 12; Доп. къ Акт. Ист. V, № 1; VI, № 101; VII, № 66 и др.

[5]) Доп. къ Акт. Ист. V, № 93.

[6]) Акты Арх. Э. III, № 143; IV, № 41, 59. Доп. къ Акт. Ист. III, № 20; IV, № 40.

[7]) Акты Ист. III, № 100; IV, № 12.

ловы и цѣловальники выбирались крестьяне [1]). За недоборъ сравнительно съ прежними годами, если онъ приключился по причинѣ нерадѣнія или злоупотребленій сборщиковъ, отвѣчали они сами, а въ случаѣ ихъ несостоятельности платили за нихъ тѣ, которые ихъ выбрали, потому что имъ всегда предписывалось выбирать людей добрыхъ, не воровъ и не бражниковъ, которые были бы душою прями и животомъ прожиточны и которымъ бы можно было вѣрить въ сборѣ государевой казны [2]).

До временъ Уложенія, этой служебной повинности подлежали какъ тяглецы, живущіе на государевой землѣ, такъ и поселенцы владѣльческихъ имѣній. По крайней мѣрѣ, монастырскіе и владычные крестьяне до изданія Уложенія переводились въ гостинную и суконную сотни, а послѣ изданія этого законодательнаго памятника снова потребовалось пополнять торговыя Московскія сотни изъ тяглыхъ горожанъ, отъ чего они, какъ мы видѣли, были избавлены въ 1648 году [3]).

Такимъ образомъ завѣдываніе царскими промыслами и пошлинными сборами было возложено на отвѣтственность вольныхъ государевыхъ общинъ; но подлежа отвѣту, онѣ не были вполнѣ самостоятельны въ отправленіи службъ, возложенныхъ на нихъ. Смотря по мѣстнымъ и случайнымъ условіямъ, воеводамъ предоставлялось болѣе или менѣе значительное участіе въ дѣлахъ этого рода. Вообще на воеводъ налагалась обязанность смотрѣть, „чтобы пошлины собирались неоплошно съ великимъ радѣніемъ“ и чтобы сборщики „ничѣмъ не корыствовались и никому по дружбѣ и посуламъ не норовили“ [4]). По кабацкимъ сборамъ они всегда повѣряли отчетныя книги [5]), иногда это имъ предоставлялось и по таможеннымъ сборамъ [6]); но въ другихъ случаяхъ таможенные головы разчитывались въ Москвѣ [7]). Къ числу обязанностей воеводы принадлежало также преслѣдовать контрабанду и корчемство [8]). Но иногда это возлагалось на головъ, которымъ воеводы должны были только давать въ подмогу служилыхъ

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. IV, № 62; V, № 95.

[2]) Акты Ист. III, № 100, 185; IV, № 12; Доп. V, № 95; Акт. Арх. Э. IV, № 41 и 111.

[3]) Доп. къ Акт. Ист. III, № 47; Полн. Собр. Зак. № 123.

[4]) Акты Арх. Э. III, № 143; IV, № 111; Акт. Ист. III, № 154.

[5]) См. Воеводскіе Наказы.

[6]) Акты Ист. III, № 196.

[7]) Доп. къ Актамъ Ист. III, № 83; IV, № 134, стр. 330.

[8]) Акты Ист. III, № 134, 184, 135; IV, № 12.

людей [1]). Устройство новыхъ таможенныхъ заставъ зависѣло иногда отъ однихъ таможенныхъ головъ [2]); иногда воеводамъ поручалось, чтобъ они велѣли головамъ устроить ихъ [3]), или сами устроили ихъ по совѣту съ головами и цѣловальниками [4]). Назначеніе цѣнъ на вино предоставлялось иногда головамъ и воеводамъ вмѣстѣ [5]). Подряды на поставку вина также заключались въ иныхъ случаяхъ воеводами [6]). Относительно самихъ выборныхъ, воеводы были поставлены въ столь же неопредѣленное положеніе. Въ иныхъ случаяхъ имъ предоставлялось смѣнять и назначать сборщиковъ по произволу [7]), производить слѣдствія о злоупотребленіяхъ вѣрныхъ сборщиковъ и подвергать ихъ наказанію [8]), въ другихъ — они должны были о противозаконныхъ дѣйствіяхъ вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ доносить въ Москву, а сами къ расправѣ не приступали [9]). Оставить выборныхъ безъ всякаго надзора, безъ сомнѣнія, было нельзя, не рискуя отказаться отъ прибыльныхъ статей дохода. За головами и цѣловальниками необходимо было смотрѣть, чтобъ они въ конецъ „не изворовались“ [10]); но и правительственные агенты, которымъ поручался надзоръ, не соотвѣтствовали своему назначенію. Имѣя, главнымъ образомъ, въ виду нажиться съ помощью власти, имъ ввѣренной, они всячески угнетали и притѣсняли земскихъ людей, и нерѣдко общинѣ приходилось платиться за тѣ недоборы, виновникомъ которыхъ былъ самъ воевода („учинились-де у нихъ тѣ недоборы отъ воеводскихъ налогъ и приметовъ“. Акты Ист. V, стр. 18).

Такъ, въ 1646 году купцы жаловались на исправляющаго должность Енисейскаго воеводы, приказнаго Шпилькина, что онъ подстроивалъ новыя заставы и собиралъ съ провозимыхъ товаровъ произвольные поборы въ свою пользу, и на другихъ Сибирскихъ воеводъ, что они тоже взимали съ нихъ противозаконныя пошлины.

Вслѣдствіе такихъ поборовъ торговые люди обнищали, и въ Ени-

---

[1]) Акты Ист. III, № 44; П. С. З. № 130.
[2]) Акты Ист. V, стр. 211.
[3]) Акты Ист. V, № 232.
[4]) Акты Ист. V, стр. 217.
[5]) Акты Арх. Э. III, № 143; IV, № 117; Доп. къ Актамъ Ист. IV, №№ 18, 55.
[6]) Доп. къ Актамъ Ист. IV, № 73.
[7]) Доп. къ Актамъ Ист. III, № 18.
[8]) Акты Ист. IV, № 12.
[9]) Акты Арх. Э. IV, № 111. Доп. къ Актамъ Ист. III, № 111. Акты Ист. I, № 230; Акты Арх. Э. IV, № 196; Доп. къ Актамъ Ист. VI, № 101.
[10]) Акты Ист. IV, № 8.

сейскѣ оказался большой недоборъ [1]). Въ 1662 году Шуяне довели до свѣдѣнія царя, что воевода Трегубовъ показалъ о сборѣ таможенныхъ пошлинъ неправдою, а безъ сомнѣнія по стачкѣ съ головою, свыше того, что̀ дѣйствительно было собрано [2]). Въ Чердынѣ воеводы, изъ корыстныхъ видовъ, смѣняли цѣловальниковъ и безвинно засаживали ихъ въ тюрьму.

Противъ такого зла предпринимались, до второй половины XVII вѣка, только частныя и мѣстныя изъятія. Такъ, напримѣръ, если случайно доходило до свѣдѣнія правительства, что Сибирскіе воеводы не въ мѣру тѣснятъ пріѣзжихъ торговыхъ людей, то оно предписывало, чтобы Сибирскіе воеводы торговыхъ людей въ ихъ проѣздахъ не издали; если въ какомъ-нибудь Чердынѣ воевода распоряжался какъ хотѣлъ назначеніемъ и удаленіемъ сборщиковъ, то ему слали указъ „въ выборы не вступаться", на который онъ, обыкновенно, не обращалъ никакого вниманія.

Къ исчисленнымъ законоположеніямъ, касающимся горожанъ и торгово-промышленныхъ людей, какія мы находимъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, необходимо добавить тѣ статьи, которыми подтверждены и усилены были мѣры Московскаго правительства, принятыя имъ въ видахъ огражденія торговыхъ людей въ ихъ проѣздахъ отъ всякихъ утѣсненій и задержекъ.

На государевой и владѣльческихъ земляхъ устроены были заставы, на которыхъ собирались проѣзжія пошлины въ пользу казны и частныхъ владѣльцевъ; такіе же поборы взимались по мостамъ и при перевозахъ. Это вело къ разнымъ злоупотребленіямъ, къ произвольнымъ задержкамъ проѣзжающихъ торговцевъ и вымогательству отъ нихъ проѣзжей платы свыше той, какая налагалась по уставнымъ грамотамъ.

Распоряженіе 1596 года, по которому царь указалъ сборъ мыта, мостовщины и перевоза отдать въ управленіе государевыхъ сборщиковъ и выдавать владѣльцамъ проѣзжихъ заставъ, мостовъ и перевозовъ только половину собранныхъ пошлинъ [3]), не достигло своей цѣли. Частные владѣльцы продолжали собирать проѣзжія пошлины въ свою пользу. Притомъ откупные сборщики, взимавшіе пошлину на государя, утѣсняли торговыхъ людей ни чуть не меньше частныхъ владѣльцевъ.

---

[1]) Акты гор. Шуи № 35.
[2]) Акты Ист. V, стр. 27.
[3]) Акты Арх. Э. I, № 367.

Въ 1642 году указано было уничтожить всѣ произвольно устроенные мыта и дозволено было собирать проѣзжія пошлины только тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя имѣли на то жалованныя грамоты, въ которыхъ опредѣлялось и количество поборовъ[1].

Это подтверждено было и Уложеніемъ, въ которомъ предписывается, кромѣ того, не устраивать никакихъ преградъ проѣзжимъ по дорогамъ и рѣкамъ[2]). Такія полумѣры не могли искоренить зла и не привели ни къ чему.

Итакъ, Уложеніе далеко не разрѣшило всѣхъ препонъ, какія встрѣчало торгово-промышленное состояніе на пути развитія своего благосостоянія, не устранило не благопріятствующаго успѣхамъ городскихъ промысловъ владѣльческаго гнета и не отрѣшилось отъ традиціоннаго типа подданническихъ отношеній, опредѣлившагося въ тѣ времена, когда земство безъ различія состояній тянуло по землѣ или по частному договору.

Будущему предстояло докончить преобразованіе — эмансипировать торгово-промышленную городскую общину отъ владѣльческаго и воеводскаго гнета, оградить торговыхъ людей отъ противозаконныхъ угнетеній и поборовъ, которые ставили ихъ въ крайнее положеніе невозможности тянуть государево тягло, и наконецъ, поставить подданническія отношенія, по состоянію, въ независимость отъ поземельныхъ и договорныхъ отношеній.

Задачи эти выполняются по старому, путемъ частныхъ измѣненій, но предпринимаемыя мѣры становятся болѣе рѣшительными и общими. Иниціатива преобразованій, по прежнему, исходитъ изъ среды самаго земства: они опредѣляются нуждами и потребностями, заявляемыми въ мірскихъ челобитныхъ, и для обсужденія законодательныхъ мѣръ, правительство обращается за совѣтомъ къ лицамъ заинтересованнымъ и компетентнымъ. Развитіе общественной жизни могущественно предъявляетъ свои запросы, и правительство покоряется ея требованіямъ, къ чему побуждаетъ его собственный интересъ, которому дальнѣйшее продолженіе злоупотребленій и безпорядковъ грозитъ ущербомъ. Такимъ путемъ идетъ государственное устроеніе до временъ Петра Великаго.

Въ изложеніи хода постепеннаго развитія правъ городскаго состоянія, мы будемъ держаться хронологическаго порядка. Такой по-

---

[1]) Акты Ист. III, стр. 112.

[2]) Улож. гл. IX.

рядовъ наиболѣе соотвѣтствуетъ характеру преобразованій до-петровскаго времени, которыя не были систематическимъ развитіемъ предвзятаго начала, а вызывались случайными обстоятельствами.

Въ 1653 году, гости и всякіе торговые люди подали царю челобитную. Жаловались они, что при его прародителяхъ никогда такихъ великихъ пошлинъ не было, какъ при немъ, что таможенные головы и цѣловальники, боясь недоборовъ, измышляютъ всякіе новые незаконные поборы и взимаютъ пошлины не съ дѣйствительной, а съ преувеличенной цѣны товаровъ. Отъ этихъ поборовъ и всякихъ проѣзжихъ пошлинъ и задержекъ, говорятъ они въ своей жалобѣ, торговые люди „многихъ торговъ и промысловъ своихъ отбыли и въ конецъ погибли душами и животами своими". Поэтому просили они государя, чтобъ онъ приказалъ брать съ нихъ вездѣ ровную пошлину — съ продажной цѣны товара, и чтобы таможенные сборы были совершенно изъяты изъ вѣдомства воеводъ, и приказные люди ни въ чемъ бы не вѣдали проѣзжихъ людей [1]).

Царь, въ видахъ избавленія проѣзжихъ торговыхъ людей отъ дорожныхъ поборовъ и задержекъ, приступилъ къ рѣшительной мѣрѣ. Онъ уничтожилъ навсегда дорожныя и рѣчныя мыта и отмѣнилъ всякія собираемыя на заставахъ пошлины вмѣстѣ со многими другими мелкими пошлинами, сборъ которыхъ представлялъ только поводъ къ утѣсненію торгово-промышленныхъ людей. Въ замѣнъ упраздненныхъ поборовъ установлено было взимать въ Москвѣ и по городамъ съ городскихъ и пріѣзжихъ торговыхъ людей рублевую пошлину по десяти денегъ на рубль съ цѣны проданнаго товара. Съ тѣхъ, кто покупалъ товаръ на деньги, при покупкѣ бралась половина пошлины, а при продажѣ другая. Таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ строго предписано было взимать пошлину съ дѣйствительной продажной цѣны товара, а не по произвольной его оцѣнкѣ: за излишніе поборы имъ угрожало наказаніе безъ всякой пощады. Отъ торговцевъ, ложно показывающихъ продажную цѣну или утаивающихъ свой товаръ, велѣно было отбирать его на государя; за повтореніе подобныхъ ложныхъ показаній и утаекъ, они подлежали, кромѣ того, наказанію кнутомъ. На провозъ товаровъ приказано было выдавать выписи изъ таможенъ. Таможенъ принято было впредь на откупъ не отдавать, а собирать торговыя пошлины вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ.

Изъ всѣхъ другихъ проѣзжихъ сборовъ оставлены были только тѣ,

---

[1]) Акты Арх. Э. IV, № 64. I.

которые взимались за переправу чрезъ рѣку и проѣздъ по мосту. Количество такихъ сборовъ было опредѣлено общимъ уставомъ. Частнымъ владѣльцамъ дозволено было собирать мостовщину только на старыхъ мостахъ, или устроенныхъ собственно для переѣзда, а не съ цѣлью запрудить рѣку для устройства на ней мельницы. Съ людей, которые не пользовались переправою, а переѣзжали рѣку въ бродъ, никакихъ сборовъ взимать не допускалось [1]).

Замѣчательно, что въ приговорѣ, состоявшемся въ отвѣтъ на челобитную торгово-промышленныхъ людей о замѣнѣ проѣзжихъ пошлинъ торговою рублевою пошлиною, какъ было въ обычаѣ того времени, въ началѣ акта излагается содержаніе челобитной, но о той части просьбы, гдѣ выражено желаніе, чтобы воеводы и приказные люди таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ ни въ чемъ не вѣдали, совершенно не упоминается.

Кому знакома обстоятельность въ изложеніи дѣловыхъ бумагъ допетровскаго времени, тотъ, безъ сомнѣнія, не сочтетъ этого упущенія случайнымъ. Уклончивость въ этомъ случаѣ правительства и очевидна и понятна: оно не знало, не измыслило еще, кѣмъ и какъ замѣнить воеводъ.

Въ 1667 году изданъ былъ новоторговый уставъ. Этимъ уставомъ правительство оградило отъ воеводскихъ вмѣшательствъ вѣдомства тѣхъ изъ таможенныхъ головъ, которые находились подъ непосредственнымъ его надзоромъ. Это было сдѣлано для того, какъ пишется въ уставѣ, чтобы Московскаго государства торговые люди имѣли свободные торги. Таможенные сборщики Архангельска и другихъ порубежныхъ городовъ, назначавшіеся обыкновенно изъ Московскихъ торговыхъ людей, гостей и торговцевъ гостиной и суконной сотни, избавлены были во всѣхъ таможенныхъ и торговыхъ дѣлахъ отъ всякой подвѣдомственности воеводамъ. Такимъ головамъ поставлено было въ обязанность оберегать торговыхъ людей отъ всякихъ стороннихъ разорительныхъ обидъ и вѣдать судебную расправу въ торговыхъ дѣлахъ.

Воеводамъ другихъ, какъ русскихъ, такъ и сибирскихъ городовъ подтверждено было этимъ уставомъ не задерживать проѣзжающихъ торговцевъ, которые во всѣхъ своихъ дѣлахъ были совершенно избавлены отъ подвѣдомственности воеводамъ. Споры купцовъ съ извозщиками, подрядившимися перевозить товаръ, были предоставлены разбирательству таможенныхъ головъ.

---

[1]) Акты Арх. Э. IV, № 64. II; Полн. Собр. Законовъ № 107 и 122.

Выдача проѣзжихъ грамотъ была также повсюду возложена на нихъ же. Полную независимость по отношенію къ воеводамъ, какая была предоставлена таможеннымъ головамъ, назначаемымъ изъ Москвы, нельзя было усвоить общиннымъ выборнымъ, завѣдывавшимъ сборомъ торговыхъ пошлинъ въ другихъ городахъ: они не состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ центральныхъ учрежденій, какъ торговцы Московскихъ сотень.

Но если новоторговый уставъ и не сдѣлалъ ничего рѣшительнаго въ пользу автономіи общинъ, то въ немъ предначертанъ былъ планъ единственно возможнаго способа устранить воеводъ отъ вмѣшательства въ дѣла городской общины, безъ всякаго ущерба отъ этого для необходимой административной централизаціи. Въ немъ высказана была мысль, что торговыхъ людей пристойно вѣдать въ одномъ приказѣ, который былъ бы имъ защитою и управою; но эта мысль осуществлена была во всей полнотѣ только во времена Петра Великаго [1]).

Изъ всѣхъ существовавшихъ приказовъ не было ни одного, который бы имѣлъ своимъ исключительнымъ назначеніемъ вѣдать торговопромышленныхъ людей, не только вообще во всякаго рода дѣлахъ, но даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Въ различныхъ случаяхъ городскія общины и торгово-промышленные люди подлежали распорядкамъ того или другаго приказа. Одни изъ нихъ завѣдывали извѣстною отраслью сборовъ въ цѣломъ государствѣ, и слѣдовательно, и въ городахъ; таковъ былъ, напримѣръ, Стрѣлецкій приказъ, куда поступалъ сборъ на жалованье стрѣльцамъ [2]). Сборъ таможенныхъ, кабацкихъ и промысловыхъ пошлинъ состоялъ преимущественно въ вѣдомствѣ областныхъ приказовъ [3]). Приказъ Новой Чети собиралъ питейный доходъ Москвы и многихъ другихъ городовъ [4]). Иные приказы вѣдали сборы только въ нѣкоторыхъ городахъ и слободахъ. Такъ, Царицына мастерская завѣдывала дворцовыми слободами Кадашевымъ и Берштовымъ, заселенными ткачами, поставлявшими полотно ко двору [5]). Къ Каменному приказу тянули податью и доходами города, въ которыхъ находился бѣлый камень. Этотъ же приказъ вызывалъ изъ городовъ въ Москву для построекъ тяглыхъ каменьщиковъ, а Оружейный приказъ завѣдывалъ отъѣзжею службою городскихъ кузне-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 408. 1, 2, 18, 35, 88, 91.

[2]) Котошихинъ, гл. VII. 5.

[3]) Котошихинъ, гл. VII. 6, 16, 17, 18, 19.

[4]) Тамъ же 20.

[5]) Тамъ же 13.

цовъ [1]). Къ другимъ приказамъ города съ своими доходами приписывались „для приказнаго строенія и на всякія покупки на расходъ и на жалованье подъячимъ и сторожамъ“. Такъ, къ Посольскому приказу приписаны были съ этою цѣлью пять городовъ со всякаго рода доходами съ нихъ [2]), а къ Конюшенному оброчный сборъ съ бань, устроенныхъ въ Москвѣ и по другимъ городамъ [3]). Наконецъ, нѣкоторымъ приказамъ совершенно случайно поручалось собирать извѣстный поборъ. Такъ, въ 1637 году предписано было Челобитному приказу собирать деньги на устройство Украинской линіи противъ Крымцевъ [4]).

Приказами, завѣдывавшими особыми разрядами торгово-промышленныхъ людей, были: приказъ Большой Казны, которому были подсудны гости, торговые люди гостинной и суконной сотни и мастера серебряннаго дѣла [5]), и приказъ Большаго Дворца, въ вѣдомствѣ котораго состояли сборы съ посадскихъ людей дворцовыхъ городовъ и съ торговцевъ и ремесленниковъ подмосковныхъ слободъ [6]). Иноземцы во всѣхъ своихъ дѣлахъ были подсудны Посольскому приказу [7]).

Горожане по судебнымъ дѣламъ были обыкновенно подвѣдомы тѣмъ приказамъ, къ которымъ они были приписаны податью и доходами; но въ дѣлахъ извѣстнаго рода подлежали суду приказовъ, которые завѣдывали особою отраслью дѣлъ. Такъ, въ приказѣ Большаго Дворца судились лица ему подвѣдомыя [8]). Областные приказы вѣдали города, къ нимъ приписанные службою, доходами, судомъ и расправою [9]); а по дѣламъ уголовнымъ и слѣдственнымъ всѣ города и уѣзды вѣдались Разбойнымъ приказомъ [10]).

Отношеніе мѣстнаго управленія къ центральному было въ высшей степени неопредѣленно. Такъ, въ иныхъ городахъ подати собирались воеводою и имъ же доставлялись въ Москву, при чемъ ему предоставлялось подвергнуть не платящихъ тяглецовъ правежу [11]). Другія об-

[1]) Тамъ же 27.
[2]) Тамъ же 21.
[3]) Тамъ же 2.
[4]) Котошихинъ гл. VI. стр. 68.
[5]) Соб. Гос. Гр. и Д. III. № 107.
[6]) Котошихинъ, гл. VII. 9.
[7]) Котошихинъ, гл. VI, 1; VII, 4.
[8]) Котошихинъ, гл. VII, 2.
[9]) Полн. собр. соч. Неволина. VI, стр. 152.
[10]) Полн. Собр. Зак. № 471.
[11]) Улож. гл. XXI ст. 1, 6, 49, 99.

щины пользовались привилегіею доставлять подать непосредственно въ Москву [1]). Наконецъ, иногда подати взимались присылаемыми изъ Москвы сборщиками [2]). Въ дѣлахъ таможеннаго и кабацкаго сбора вѣрные головы и цѣловальники иногда считались воеводою [3]), а въ другихъ городахъ не давали воеводамъ никакого отчета, а доставляли свои приходо-расходныя книги непосредственно въ Москву [4]). Нѣкоторые изъ воеводъ пользовались правомъ наказывать головъ и цѣловальниковъ [5]); другіе въ случаяхъ ихъ злоупотребленій должны были доносить о томъ въ Москву, а сами не могли ихъ наказать или отставить отъ должности [6]). Подряды на поставку вина на кружечные дворы съ 1652 года указано было отдавать въ приказахъ [7]), но въ 1660 мы встрѣчаемъ указъ Пермскому воеводѣ уговориться съ поставщиками кружечнаго двора, что̀ доказываетъ, что принятое правило допускало иногда исключенія.

Также неопредѣленно было и отношеніе воеводскаго суда къ суду приказовъ. По свидѣтельству Котошихина, воеводы большихъ городовъ могли судить долговыя дѣла на сумму до 10.000 рублей, а въ небольшихъ городахъ имъ были подсудны дѣла цѣною не свыше 20-ти рублей [8]). Послѣднее извѣстіе подтверждается и Уложеніемъ [9]), но что касается до ограниченія власти воеводъ большихъ городовъ, о томъ мы никакихъ другихъ свидѣтельствъ нигдѣ не находимъ. Этимъ послѣднимъ указывалось только доносить въ Москву о тѣхъ дѣлахъ, „которыхъ за чѣмъ-либо вершить не можно“. Дѣла уголовныя, по Уложенію, были подсудны воеводѣ только въ такомъ случаѣ, когда въ городѣ не было выборнаго губнаго старосты [10]). Иногда такіе воеводы обязаны были докладывать о такого рода дѣлахъ; въ другихъ случаяхъ имъ предоставлялось безотчетное право уголовнаго суда и казни [11]).

Права воеводской юрисдикціи нисколько, впрочемъ, не ограничи-

---

[1]) А. Ар. Э. IV, № 169; А. Ист. III, № 200.
[2]) А. Ар. Э. II, № 52; А. Ист. IV, № 171.
[3]) А. Ар. Э. III, № 100.
[4]) А. Ар. Э. III, № 143; А. Ист. IV, № 12.
[5]) А. Ар. Э. IV, № 111.
[6]) А. Ист. IV, № 12.
[7]) А. Ар. Э. IV, № 111.
[8]) А. Ар. Э. IV, № 59.
[9]) Котошихинъ, гл. VIII.
[10]) Улож. гл. XIII, 3.
[11]) Улож. гл. XXI, 3.

вали права истца въ дѣлахъ всякаго рода подавать просьбу прямо въ приказъ, минуя воеводу [1]). Вызовы отвѣтчиковъ въ Москву по искамъ, начатымъ въ приказахъ, были убыточны для тяглыхъ людей, вслѣдствіе чего посадскіе разныхъ городовъ испрашивали себѣ грамоты, по которымъ или вовсе избавлялись отъ всякой подсудности приказамъ, или право истцовъ призывать ихъ на судъ въ Москву ограничивалось тѣмъ, что опредѣлена была цѣна такихъ исковъ, которые необходимо должны были вчинаться у мѣстныхъ воеводъ; но послѣдняго рода ограниченіе не вело къ цѣли: дворяне и дѣти боярскія по прежнему убыточили посадскихъ людей тѣмъ, что ложно возвышали цѣну исковъ свыше той, въ предѣлахъ которой они могли вчинаться только у мѣстнаго воеводы, и заставляли купцовъ откупаться отъ поѣздки въ Москву [2]).

Неопредѣленность и запутанность отношеній мѣстнаго управленія къ центральному доходили до того, что воеводы иногда отказывались выполнять предписанія приказовъ на томъ основаніи, что по ихъ мнѣнію дѣла того или другаго рода не подлежали вѣдомству приказа, дѣлавшаго распоряженія [3]).

Въ 1665 году Псковичи жаловались царю: „А въ разныхъ, государь, приказахъ индѣ ратьми, индѣ сборами денежными Псковъ вѣдамъ, а намъ сиротамъ твоимъ отъ разныхъ приказовъ и отъ пятинныхъ денегъ тягость не въ мѣру... а чтобы великій государь, въ одномъ приказѣ и рати и доходы денежные и хлѣбные Псковскаго государства по твоему великаго государя милостивому указу были и насъ сиротъ твоихъ вѣдали строеніемъ и Псковскому государству лутче бы показалося и напрасныхъ обидъ и раззоренія не было“ [4]). Того, чего желали Псковичи, желали, безъ сомнѣнія, и всѣ другіе города; само правительство сознавало, что торгово-промышленныхъ людей пристойно вѣдать въ одномъ приказѣ; но несмотря на все это, прошло еще не мало времени, пока сознанная мысль получила свое осуществленіе.

До учрежденія Бурмистрской палаты требованія автономическаго положенія для городскихъ общинъ совмѣщались съ требованіемъ необходимой централизаціи такимъ образомъ, что въ частныхъ случаяхъ, гдѣ вмѣшательство воеводъ непосредственно наносило ущербъ государевой казнѣ, власть ихъ ограничивалась, и верховное завѣдываніе

[1]) А. Ар. Э. IV, № 206 и 237.
[2]) А. Арх. Э. III, № 312; А. Ист. III, № 187 и 202.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 331; А. Ар. Э. III, № 227.
[4]) А. Ист. III, № 18; V, № 123.

дѣлами, изъятыми изъ вѣдомства воеводъ и переданными въ исключительное вѣдомство общинъ, сосредоточивалось въ одномъ опредѣленномъ приказѣ.

Прибыльнѣйшими изъ статей правительственныхъ доходовъ были сборъ торговыхъ пошлинъ и продажа крѣпкихъ напитковъ.

Во времена Московскихъ царей сборъ таможенныхъ пошлинъ и продажи питей, смотря по тому, какъ было выгоднѣе и пригоднѣе, отдавались на откупъ или поручались общиннымъ выборнымъ, которые несли эти службы какъ повинность; но со второй половины XVII столѣтія правительство стремится замѣнить откупную форму сбора государевыхъ доходовъ службою присяжныхъ сборщиковъ. Такъ, въ 1652 году напередъ принято было, какъ это мы выше видѣли, чтобы таможнями завѣдывали одни вѣрные головы и цѣловальники. Около того же времени, именно въ 1651 году, указано было быть кружечнымъ дворамъ только по городамъ и въ большихъ государевыхъ селахъ и положено было ихъ на откупъ не отдавать [1]). Въ 1652 году всѣ кабаки, устроенные по селамъ, были упразднены и оставлены только городскіе [2]). Въ 1663 году, по случаю бывшей тогда войны и вслѣдствіе того потребности въ деньгахъ, эти распоряженія были отмѣнены, и дозволено было заводить кабаки не только въ государевыхъ, но и во владѣльческихъ селахъ, и принято было содержать ихъ на откупѣ и на вѣрѣ [3]). Но въ 1677 году снова запрещена была продажа питей въ небольшихъ селахъ, находившихся въ близкомъ разстояніи отъ городовъ, а въ селахъ, содержащихъ въ себѣ болѣе 500 дворовъ и достаточно отдаленныхъ отъ городовъ, для того чтобъ имѣть свои кружечные дворы, предписано было ихъ на откупъ не отдавать [4]).

Это стремленіе правительства повсемѣстно обратить сборъ торговыхъ пошлинъ и продажу вина въ земскую повинность завершилось въ XVII столѣтіи указомъ 1681 года, которымъ установлено было таможнямъ и кабакамъ на откупѣ впредь не быть, а собирать государевы доходы вѣрнымъ сборщикамъ. Эти распоряженія мотивируются тѣмъ, что откупщики дѣлали подрывъ выборнымъ сборщикамъ тѣмъ, что продавали вино съ убавкою и давали торговымъ людямъ ложныя выписи объ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ [5]). Съ тѣхъ поръ прошло

[1]) Доп. къ А. Ист. V, № 1, стр. 10.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 72.
[3]) Тамъ же № 82.
[4]) Тамъ же № 340.
[5]) Тамъ же № 714.

много времени, пока таможни окончательно перестали отдаваться на откупъ, а питейные откупа уничтожены только спустя 180 лѣтъ послѣ указовъ 1681 года; но при постоянныхъ, хотя и временныхъ отмѣненіяхъ откуповъ во второй половинѣ XVII столѣтія сборъ торговыхъ пошлинъ и продажа вина сдѣлались постоянными земскими повинностями, которыя, со временъ Уложенія, всею своею тяжестью ложились исключительно на вольныя общины государевыхъ людей.

Изъ приведеннаго перечня указовъ мы видимъ, что рядомъ съ стремленіемъ къ отмѣненію откуповъ правительство преслѣдуетъ и другую цѣль, состоящую въ томъ, чтобы сосредоточить продажу питей въ городахъ послѣ уничтоженія дорожныхъ мытъ и замѣны проѣзжихъ пошлинъ торговою рублевою пошлиною съ рыночной цѣны товара. Такъ какъ города были центрами торговли, то въ нихъ сосредоточился и таможенный сборъ. Вслѣдствіе этого повинности таможеннаго и другихъ неокладныхъ сборовъ и продажа питей фактически сдѣлались повинностями городскаго состоянія. Въ выше приведенныхъ указахъ 1681 года предписано было гостямъ и торговымъ людямъ гостинной и суконной сотни выбирать по городамъ и уѣздамъ въ головы къ таможенному и кабацкому сбору зажиточнѣйшихъ изъ мѣстныхъ земскихъ людей, буде они такихъ знаютъ, а цѣловальниковъ указано было выбирать самимъ общинамъ. Это распоряженіе ярко рисуетъ затруднительное положеніе правительства, которое поставлено было въ крайнее положеніе невозможностью довѣриться общинамъ, съ одной стороны, и неблагонадежностью воеводъ, съ другой.

Къ сборамъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ гостямъ и торговымъ сотнямъ указано было прежде всего выбирать изъ посадскихъ, и только за недостаткомъ ихъ предписывалось ставить къ отправленію этихъ служебныхъ повинностей служилыхъ людей, а за тѣмъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ или посадскихъ людей изъ другихъ городовъ. Сборъ таможенной пошлины только по большимъ городскимъ торгамъ производился головами и мѣстными цѣловальниками, а по сельскимъ торжкамъ разсылались для этого цѣловальники изъ городовъ.

Такъ какъ гости и торговые люди гостинной и суконной сотни показали, что выбирать имъ головъ въ города и уѣзды неудобно, то и выборъ главныхъ завѣдывателей пошлинныхъ сборовъ и продажъ— таможенныхъ и кабацкихъ головъ—возложенъ былъ на общины. Выбирать головъ, также какъ и заречныхъ цѣловальниковъ, указано было изъ лучшихъ, а рядовыхъ цѣловальниковъ изъ среднихъ людей. Вое-

водамъ предписано было наблюдать, чтобы сильные люди не уклонялись отъ выбора, и въ случаѣ надобности давать на нихъ общинѣ требуемую подмогу [1]).

Въ 1681 году предписано было составить очередные списки, чтобы напередъ службы по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ отбывались уравнительно, по очереди; для этого указано было съѣхаться въ Москву выборнымъ отъ городовъ и волостей и распредѣлить служебную повинность между гостьми, торговыми Московскими сотнями, посадскими и слободскими людьми и крестьянами большихъ дворцовыхъ селъ, такъ чтобы гости служили на шестой, а остальные на девятый или десятый годъ [2]).

Наконецъ, въ 1697 году къ распродажѣ табаку по городамъ, торжкамъ и селамъ велѣно было ставить выборныхъ изъ посадскихъ; о крестьянахъ же дворцовыхъ селъ на этотъ разъ ужь ничего не говорится [3]).

Такимъ образомъ отвѣтственность по недоборамъ государевыхъ таможенныхъ, питейныхъ и другихъ неокладныхъ доходовъ падала, если не исключительно, то главнымъ образомъ па посадскія общины и торгово-промышленныя слободскія поселенія. Но хотя земскимъ людямъ и предписывалось наблюдать за таможенными и кабацкими сборщиками [4]), но имъ не было дано власти контролировать ихъ. Выборныхъ головъ повѣрялъ воевода или приказъ, а не община.

Въ 1676 году оказались большіе недоборы неокладныхъ доходовъ въ городахъ, которые вѣдались въ Новгородскомъ приказѣ. При расспросахъ о причинѣ такихъ недоборовъ, головы и цѣловальники показали, что учинились тѣ недоборы отъ воеводскихъ налоговъ и приметовъ. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ указъ: для прибыли казны великаго государя вѣдать таможенные и кабацкіе сборы вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ, а воеводамъ и приказнымъ людямъ таможенныхъ и кружечныхъ дворовъ головъ и цѣловальниковъ въ сборахъ ни въ чемъ не вѣдать, потому что собираютъ они на великаго государя таможенную пошлину и питейную прибыль за вѣрою и по выборамъ земскихъ старостъ и посадскихъ людей и положены тѣ сборы на нихъ [5]). Въ томъ же году такой же указъ разосланъ былъ по го-

---

[1]) Тамъ же № 876 и 879.
[2]) Тамъ же № 880.
[3]) Тамъ же № 899.
[4]) Тамъ же № 1570.
[5]) Тамъ же № 555.

родамъ, состоявшимъ въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказа [1]), и принятое начало, что воеводѣ не надлежитъ вѣдать таможенныхъ и кабацкихъ головъ и сборовъ, сдѣлалось общимъ закономъ.

Изъятіе означенныхъ дѣлъ изъ вѣдомства воеводъ состояло въ слѣдующемъ. Имъ предписано было не вмѣшиваться ни въ какіе по кабацкому и таможенному вѣдомствамъ сборы и расходы, не дѣлать на этотъ счетъ никакихъ произвольныхъ распоряженій и не смѣнять вѣрныхъ сборщиковъ. Повѣрку книгъ и счетовъ головъ и цѣловальниковъ, отбывшихъ свою служебную повинность, указано было производить общинѣ всѣмъ міромъ. Провѣренныя книги скрѣплялись рукоприкладствомъ общины и высылались въ Москву, другой экземпляръ ихъ хранился у старостъ. На обязанности воеводъ осталось только въ нѣкоторыхъ случаяхъ: производство слѣдствій по дѣламъ о недоборахъ, наказаніе виновныхъ, преслѣдованіе контрабанды, корчемства, доставленіе, въ случаѣ надобности, надлежащей помощи сборщикамъ и пассивный надзоръ за выборными сборщиками и общиною, состоявшій въ томъ, что о злоупотребленіяхъ сборщиковъ и недосмотрахъ общинъ они обязаны были доводить до свѣдѣнія правительства. Съ другой стороны и общинамъ предписано было подавать о всякихъ воеводскихъ злоупотребленіяхъ извѣтныя челобитныя [2]).

Поставивъ городскія общины въ дѣлахъ отправленія выборныхъ государевыхъ службъ и въ сборахъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ подъ непосредственный контроль центральныхъ учрежденій, правительство сосредоточило этотъ контроль въ одномъ опредѣленномъ приказѣ. Въ 1680 году послѣдовало распоряженіе изъять таможни, кабаки и кружечные дворы и всякія другія пошлины, кромѣ судныхъ пошлинъ, изъ вѣдомства другихъ приказовъ, какъ то: Новгородскаго, Володимірскаго, Галицкой Чети и Новой Чети, и подчинить ихъ вѣдомству одного приказа Большой казны. На его обязанность возложено было считать таможенныхъ и кабацкихъ головъ и дѣлать распоряженія въ случаѣ недоимокъ.

Въ дѣлахъ, касающихся всѣхъ этихъ сборовъ и пошлинъ, общины обязаны были во всемъ слѣдовать его грамотамъ и указнымъ статьямъ. Въ этотъ же приказъ доставлялись собранные доходы, и онъ по царскому указу выдавалъ ихъ въ расходъ [3]). Впрочемъ, нужно думать,

---

[1]) А. Ист V. № 10.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 642.

[3]) А. Ист. V. № 16, 201; Полн. Собр. Зак. № 679, 882, 1545, 1579 ст. 10, 39.

что не во всѣхъ городахъ сборъ всякихъ пошлинъ перешелъ въ вѣдомство приказа Большой казны. Такъ, Конюшенный приказъ продолжалъ и послѣ того собирать оброки съ бань [1]). Въ 1697 году сборъ съ продажи табаку, который продавался по кабакамъ, предоставленъ былъ не приказу Большой казны, какъ можно было бы ожидать, а Преображенскому приказу [2]). Эти уклоненія можно объяснить тѣмъ, что сборъ нѣкоторыхъ пошлинъ оставался за прежними приказами и предоставлялся вновь устроеннымъ „для приказнаго строенія".

Сборъ таможенной пошлины въ Сибири и вѣдомство торговыхъ людей въ ихъ проѣздахъ, изъятые изъ-подъ власти воеводъ, были также подчинены контролю одного центральнаго учрежденія, Сибирскаго приказа. Туда доставлялись отчеты о сборѣ таможенной пошлины и о явкѣ провозимыхъ товаровъ. Эти отчетныя книги привозились въ Москву таможенными головами. Сибирскимъ городамъ предписано было никакихъ распоряженій и предписаній какого бы то ни было приказа не выполнять безъ послушныхъ грамотъ изъ приказа Сибирскаго [3]).

За подчиненіемъ пошлинныхъ сборовъ и питейныхъ продажъ контролю одного приказа и изъятіемъ ихъ изъ вѣдомства воеводъ, вскорѣ послѣдовало устраненіе воеводъ и всякихъ приказныхъ людей отъ вмѣшательства въ сборъ податей въ общинахъ вольныхъ государевыхъ людей, какими еще оставались горожане и населеніе слободъ и поморскихъ уѣздовъ.

Торгово-промышленное населеніе выдѣлялось въ особое состояніе и устроивалось на началахъ, соотвѣтствующихъ его промыслу, по мѣрѣ того какъ пахотные уѣздные крестьяне подчинялись владѣльческому управленію. Черныя села и волости въ теченіе XVII столѣтія постепенно перешли въ собственность частныхъ владѣльцевъ или подчинены были, какъ и дворцовыя волости, управленію прикащиковъ, вслѣдствіе чего утратили всякое отличіе отъ нихъ. Во времена Котошихина на 50.000 дворовъ государевыхъ крестьянъ считалось еще 20.000 черныхъ, но уже и тогда многія изъ черныхъ волостей управлялись прикащиками; что же касается владѣльческихъ крестьянъ, то ихъ было такъ много, что по выраженію Котошихина, и „написати было не можно" [4]). Это стремленіе подчинить владѣльческому управленію преж-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 824, 1579, ст. 38.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 1471.

[3]) Тамъ же № 1581.

[4]) Тамъ же № 1443, 1545, 1516.

нихъ вольныхъ поселенцевъ государевыхъ земель не коснулось только Поморскаго края и торгово-промышленныхъ поселеній, какими были города и слободы. Изъятіе поморцевъ, какъ и горожанъ, имѣло основаніемъ отличіе ихъ отъ прочихъ крестьянъ по своему промыслу: поморскими назывались сѣверные и сѣверо-западные уѣзды, прилегавшіе къ Бѣлому морю и Сибири. По условіямъ своего положенія, населеніе этихъ уѣздовъ отчасти занималось торговлею съ Сибирью и съ иностранцами, отчасти, подобно ясачнымъ инородцамъ, промышляло охотничьимъ, морскимъ, рыбнымъ и другими промыслами, которые не связываютъ съ землею и въ которыхъ все зависитъ отъ личной предпріимчивости. Поэтому земли Поморскаго края не подпали владѣльческому управленію, и поморцы вмѣстѣ съ ясачными инородцами выдѣлились при Петрѣ Великомъ въ особый классъ государственныхъ крестьянъ [1]). Другіе уѣзды тянули по своему управленію къ городамъ и окладывались податью на одинаковыхъ основаніяхъ и уравнительно съ посадскими [2]).

Посадскимъ трудно было платить поборы натурою, произведеніями сельско-хозяйственнаго промысла, потому что они были люди торговые, а „не пашенные". Они ставились въ необходимость, взамѣнъ требуемыхъ съ нихъ кормовъ, платить деньгами по произвольно высокой воеводской оцѣнкѣ; деньги эти отсылались въ Москву съ выборными челобитчиками, которые въ свою очередь ставились въ необходимость платить очень дорого подрядчикамъ-поставщикамъ хлѣба; нѣкоторые изъ такихъ подрядчиковъ, получивъ впередъ деньги, даже вовсе хлѣба не доставляли, а объявляли себя несостоятельными или просто укрывались отъ нихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1672 году указано было брать напередъ съ посадовъ за стрѣлецкіе кормы денежную подать по соотвѣтствующей оцѣнкѣ [3]). Поморскіе города и уѣзды, пограничные съ Сибирью, кромѣ стрѣлецкихъ кормовъ, обложены были особою податью: съ нихъ собирался хлѣбъ на жалованье сибирскимъ служилымъ людямъ. Причиною тому, что этотъ край былъ обложенъ такою податью, была не особенная хлѣбородность его, а выгода близкой доставки. Между тѣмъ, для поморскихъ уѣздовъ было столь же тяжело поставлять хлѣбъ, какъ и для посадскихъ; по физическимъ условіямъ страны и ея географическому положенію, хлѣбопашество да-

---

[1]) Котошихинъ гл. XI. 6, 1. 10.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 1639.
[3]) А. Ар. Э. IV. № 189.

леко не было главнымъ промысломъ посадскаго населенія. Правительство часто ставилось въ необходимость допускать, чтобы Поморскій край вмѣсто хлѣба выплачивалъ деньгами. Такъ, въ 1660 году, по случаю хлѣбныхъ недородовъ, велѣно было взимать съ поморскихъ городовъ и уѣздовъ сошные кормы по окладу того года и недоимки за прошлые года не натурою, а деньгами[1]). Въ 1661 году указано было собрать на жалованье стрѣльцамъ со всѣхъ посадовъ и уѣздовъ съ сохи по 175 четвертей ржи и овса; но Чердынцы подали воеводѣ челобитную на имя царя о томъ, чтобъ имъ платить не хлѣбомъ, а деньгами; воевода челобитную принялъ и разрѣшилъ имъ и Усольцамъ взносить деньги вмѣсто кормовъ. За такое самоуправство воевода получилъ строгій выговоръ, и ему объявлено было, что если онъ къ сроку хлѣбныхъ запасовъ не вышлетъ, то будетъ присланъ изъ Москвы сборщикъ, который доправитъ съ него и съ земскихъ людей эти запасы въ двойномъ количествѣ[2]). Впрочемъ, въ слѣдующіе за тѣмъ годы, уѣздные и посадскіе люди поморскіе нерѣдко, по случаю хлѣбныхъ недородовъ, самимъ царемъ освобождались отъ поставки сибирскихъ кормовъ натурою. Такъ, было, напримѣръ, въ 1674 и 1675 году[3]). Кромѣ того, уѣздные люди поморскаго края платили такія же подати, какъ и торгово-промышленные посадскіе, не только съ сохи, а и по промысламъ. Такъ, Чердынскій воевода писалъ царю, что посадскіе и уѣздные люди не платятъ недоимокъ „за скудостью и за хлѣбнымъ недородомъ и за иными разными неокладными доходы: за десятою и пятнадцатою деньгами, и отъ того бредутъ врозь въ сибирскіе города“.

Посадскіе и уѣздные крестьяне поморскихъ уѣздовъ не выплачивали сполна стрѣлецкой подати, какою они окладывались взамѣнъ хлѣбныхъ кормовъ, и недоимки росли съ каждымъ годомъ. Вслѣдствіе этого въ 1680 году предписано было выслать въ Москву по два человѣка отъ каждаго города и спросить ихъ: „въ мочь ли имъ, или не въ мочь платить стрѣлецкія деньги и почему?“ Выборные люди показали, что они не въ состояніи выплачивать стрѣлецкихъ денегъ по окладу „отъ платежу многихъ большихъ податей, и отъ сибирскаго хлѣбнаго запасу и отъ ямской наметной долгой многой и безпрогонной гоньбы, и отъ хлѣбнаго недороду и отъ многой пустоты, и отъ взятія многихъ даточныхъ и отъ платежу тѣмъ даточнымъ подъем-

[1]) Доп. къ А. Ист. IV. № 77.
[2]) Доп. къ А. Ист. IV. № 107.
[3]) А. Ист. V. № 76.

ныхъ денегъ во многіе поборы, рублевыхъ и полтинныхъ, и пятой и десятой и пятнадцатой денегъ и отъ всякихъ городовыхъ расходовъ и отъ частныхъ многихъ службъ". Подобно тому, какъ въ 1653 году всякіе мелкіе торговые поборы были замѣнены рублевою пошлиной, еще въ 1680 году съ посадскихъ всѣхъ городовъ и уѣздныхъ людей поморскаго края положено было взимать вмѣсто данныхъ, полонянichныхъ, ямскихъ, пищальныхъ и другихъ мелкихъ поборовъ, денежную подать по окладу Московскихъ гостей; но такъ какъ по показанію собранныхъ въ 1681 году выборныхъ, посадскимъ людямъ по окладу 1680 года платить было не въ мочь, то онъ былъ соотвѣтственно пониженъ. Эту новую подать установлено было собирать земскимъ старостамъ и выборнымъ изъ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, а воеводамъ впередъ въ сборъ какъ этихъ денегъ, такъ и оброчныхъ, велѣно было не вмѣшиваться. Общинамъ предписано было верстаться податью по пожиткамъ и промысламъ и вести окладныя книги за подписью выборныхъ людей. Сборъ былъ совершенно и исключительно переданъ въ вѣдомство старостъ, воеводы обязаны были только давать имъ стрѣльцовъ и приказныхъ въ подмогу на неисправныхъ плательщиковъ и сильныхъ людей. Собранныя деньги отсылались въ Москву непосредственно самою общиною. Эти распоряженія утверждаются цѣлымъ рядомъ указовъ 1689, 1694, 1695 и 1698 годовъ, которыми воеводы окончательно были устранены даже отъ всякаго косвеннаго вліянія на раскладку, сборъ и доставку податей. Принято было даже не посылать къ нимъ памятей о присылкѣ денегъ, а относиться въ этихъ случаяхъ прямо къ общинѣ.

Стрѣлецкіе сборы во всѣхъ городахъ были подчинены вѣдомству одного Стрѣлецкаго приказа; только съ дворцовыхъ городовъ, которые, кромѣ общей подати, платили денежный дворцовый доходъ, сборы собирались въ приказѣ Большаго дворца и оттуда ужъ передавались въ Стрѣлецкій приказъ; такъ по крайней мѣрѣ было въ началѣ. Указы позднѣйшаго времени перенесли завѣдываніе стрѣлецкимъ сборомъ въ приказы, къ которымъ города были приписаны и которые собирали съ нихъ всякіе другіе неокладные сборы. Такъ, Сольвычегодскимъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ, по указамъ 1689 и 1693 годовъ, предписано было доставлять стрѣлецкія деньги въ Устюжскій приказъ. Городамъ, приписаннымъ къ Новгородскому, Владимірскому и Галицкому приказу, велѣно было также доставлять ихъ вмѣстѣ съ оброч-

ными деньгами и другими доходами въ тотъ приказъ, гдѣ какой городъ вѣдомъ [1]).

Передача сбора податныхъ доходовъ въ исключительное завѣдываніе общинъ и полное устраненіе воеводъ отъ всякаго вмѣшательства въ такого рода дѣла необходимо вели къ усиленію контроля центральныхъ учрежденій надъ мѣстнымъ управленіемъ по дѣламъ такихъ сборовъ, для чего прежде всего требовалось точно опредѣлить отношеніе общинъ къ приказамъ. Правительство начало съ того, что устранивъ воеводъ отъ сбора стрѣлецкихъ денегъ, сосредоточило завѣдываніе этимъ сборомъ въ одномъ приказѣ. Потомъ найдено было, вѣроятно, болѣе удобнымъ сосредоточить контроль надъ всѣми сборами вообще въ тѣхъ приказахъ, къ которымъ посады были приписаны.

Такъ постепенно и медленно исторически сложившійся порядокъ смѣнялся цѣлесообразнымъ государственнымъ порядкомъ, основаннымъ на общественномъ значеніи различныхъ классовъ, какъ составныхъ элементовъ государства. Рядомъ съ законодательнымъ государственнымъ устроеніемъ, развитіе общественной жизни устраняетъ препоны, какія встрѣчало на своемъ пути и которыя были слѣдствіемъ столкновенія новыхъ государственныхъ началъ съ остатками поземельныхъ отношеній удѣльнаго времени. Печальная замкнутость посадской общины постоянно нарушалась, и правительство, покоряясь настоятельному требованію жизни, въ частныхъ случаяхъ отмѣняло или смягчало законъ, утратившій свою дѣйствительную силу. Такъ, въ 1669 году Костромичи подали челобитную, что пришлые изъ деревень владѣльческіе крестьяне продолжаютъ вести на посадѣ всякіе торги и промышлять городскими промыслами, не принимая никакого участія въ посадскомъ тяглѣ. Общимъ правиломъ было помѣщиковыхъ, вотчинниковыхъ и монастырскихъ крестьянъ къ тяглу не приписывать [2]), и на этотъ разъ правительство рѣшило допустить такихъ нетяглыхъ крестьянъ къ торговлѣ на посадъ съ тѣмъ, чтобъ они платили въ земскую избу оброкъ по своему промыслу и пошлины съ своихъ торговъ [3]). Въ 1699 году дозволено было всякимъ владѣльческимъ крестьянамъ жить и промышлять торговлею въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобъ они по купечеству приписывались тягломъ къ Московскимъ слободамъ [4]). Въ 1682 году предписано было всѣхъ тѣхъ посадскихъ, кото-

---

[1]) Акты Ист. V, № 76, 77, 274; Акты Арх. Э. IV, № 243, 250.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 1471.

[3]) Акты Арх. Э. IV, № 169.

[4]) Полн. Собр. Зак., № 1666.

рые сошли съ тягла и перешли въ другой городъ до послѣдней переписи, оставлять на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, и на старыя жеребья не переводить [1]).

На сколько трудно было воспрепятствовать владѣльческимъ крестьянамъ заниматься по городамъ торговлею и промыслами, на столько же затруднительно было остановить переходъ посадскихъ земель во владѣніе лицъ, не подлежащихъ тяглу, если не во всѣхъ городахъ,— потому что служилые люди по городамъ не жили, — то въ Москвѣ, какъ въ торговомъ и правительственномъ центрѣ.

Въ Москвѣ бѣломѣстцы, несмотря на повторяющіяся запрещенія [2]), продолжали пріобрѣтать тяглые дворы, ограничиваясь платою оброка, по договору съ общинными выборными, такъ что правительство вынуждено было въ 1681 году дозволить бѣломѣстцамъ, впредь до указа, владѣть тяглыми участками безъ платежа тягла, но съ обязанностью уплачивать мостовыя деньги [3]). Въ 1682 году указано было съ бѣломѣстцевъ, которые живутъ на тяглыхъ земляхъ, брать по прежнему оброкъ въ черныя сотни и слободы [4]). Въ 1686 году повелѣно было тяглые дворы, записанные по купчимъ и закладнымъ за бѣломѣстцами, оставить въ ихъ владѣніи, взявши на нихъ поручныя записи въ томъ, что они будутъ платить съ своихъ участковъ оброчныя деньги; участки эти они имѣли право продавать и закладывать только тяглымъ людямъ; на будущее время предписано было за бѣломѣстцами тяглыхъ дворовъ по закладнымъ и по купчимъ въ земскомъ приказѣ не записывать, а тяглецовъ, которые напередъ будутъ продавать и закладывать бѣломѣстцамъ свои тяглые участки, положено было наказывать кнутомъ; по суднымъ дѣламъ указывалось отдавать истцамъ-бѣломѣстцамъ одно только хоромное строеніе, а не тяглую землю, которая оставалась во владѣніи общины [5]). Въ 1687 году строгость этого указа была смягчена тѣмъ, что бѣломѣстцамъ, изстари живущимъ на тяглыхъ земляхъ и платящимъ оброки, дозволено было продавать свои участки бѣломѣстцамъ, въ случаѣ, если сотскіе и старосты объявятъ, что имъ нечѣмъ выкупить тѣхъ тяглыхъ дворовъ, и если изъ тяглыхъ людей никакихъ покупщиковъ на тѣ участки не окажется, а новые владѣльцы обяжутся платить оброчныя деньги по

[1]) Тамъ же, № 980.
[2]) Тамъ же, № 272, 707.
[3]) Тамъ же, № 887.
[4]) Тамъ же, № 939.
[5]) Тамъ же, № 1157.

договору прежняго владѣльца [1]). Рядъ этихъ распоряженій заключенъ былъ указомъ 1700 года, которымъ окончательно было разрѣшено бѣломѣстцамъ пріобрѣтать въ Москвѣ тяглые дворы и продавать и закладывать ихъ, кому пожелаютъ, съ тѣмъ только, чтобъ они платили съ своихъ участковъ оброкъ по уговору съ сотнями и слободами [2]).

Намъ остается теперь подвести итогъ тому, что̀ совершено было Московскими царями въ дѣлѣ устроенія торгово-промышленнаго состоянія городскихъ обывателей, и такъ какъ всякое учрежденіе въ государствѣ въ значительной мѣрѣ опредѣляется условіями мѣста и времени, указать, что̀ еще предстояло сдѣлать въ этомъ отношеніи по требованіямъ времени и обстоятельствъ.

Горожане, согласно съ ихъ общественнымъ значеніемъ, выдѣлены были въ особое состояніе вольныхъ людей, обнимавшее собою не только посадскихъ, а и тѣхъ изъ уѣздныхъ крестьянъ, которые находились въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ. Этотъ классъ вольныхъ торгово-промышленныхъ людей въ цѣломъ отличенъ былъ отъ хлѣбопахотныхъ владѣльческихъ крестьянъ самостоятельностью общиннаго управленія и особенностью податныхъ и служебныхъ повинностей, примѣненныхъ къ характеру ихъ быта и промысла; въ частности горожанамъ каждаго города усвоено было исключительное право заниматься на посадѣ, къ которому они были приписаны тягломъ, различною торговлею и промышленностью. Но до-петровскія реформы исходили не изъ общей идеи и совершались не по предвзятому теоретическому плану, а путемъ частныхъ, практически необходимыхъ, измѣненій; поэтому формулированное нами начало различія государственнаго значенія торгово-промышленныхъ и пахотныхъ людей высказалось только въ частныхъ измѣненіяхъ, а не въ систематическомъ устроеніи различныхъ состояній примѣнительно къ общественному ихъ значенію и характеру ихъ быта и промысла. Такъ, напримѣръ, хотя общины вольныхъ государевыхъ людей въ дѣлѣ податныхъ сборовъ и отправленія земскихъ и государственныхъ службъ и были изъяты изъ вѣдомства воеводъ, но продолжали подлежать имъ по дѣламъ суда и расправы, и такъ какъ право суда открывало воеводамъ доступъ ко вмѣшательству въ дѣла общинныя и предоставляло просторъ ихъ произволу, то посадскія общины и пользовались свободою,

[1]) Тамъ же, № 1234.
[2]) Тамъ же, № 1798.

безусловно необходимою не только для успѣховъ, но даже для возможности торгово-промышленнаго развитія. Первая попытка поставить городскую общину въ совершенно независимое положеніе по отношенію къ воеводѣ зачалась въ средѣ самаго земства. Въ 1665 году во Псковѣ случился большой недоборъ торговыхъ пошлинъ и другихъ государевыхъ доходовъ; торгово-промышленные люди города Пскова и Псковскаго уѣзда обѣднѣли до того, что оказались несостоятельными платить поборы на военную подмогу, какіе въ тотъ годъ собирались по всему государству. Царь предоставилъ земскимъ старостамъ и лучшимъ людямъ города Пскова самимъ рѣшить, съ общаго совѣта, чѣмъ помочь въ этомъ случаѣ и какъ предохранить на будущее время торгово-промышленныхъ людей отъ разоренія, а правительство отъ приключающихся вслѣдствіе того убытковъ. Городъ порѣшилъ впредь выбирать на каждые три года по пятнадцати человѣкъ земскихъ старостъ, изъ которыхъ попеременно пять человѣкъ по году завѣдывали бы городскимъ управленіемъ.

Этимъ выборнымъ предположено было предоставить право суда по дѣламъ гражданскимъ надъ посадскими и по тяжбамъ посадскихъ съ церковными людьми, и установить необходимымъ условіемъ, чтобъ они присутствовали на судѣ губнаго старосты по дѣламъ уголовнымъ и на судѣ воеводы по дѣламъ посадскихъ съ дворянами; кружечные дворы предполагалось уничтожить, а питейный сборъ наложить оброкомъ на общину и преслѣдованіе корчемства предоставить въ исключительное вѣдомство земскихъ старостъ.

Такого же рода устройство должно было бить введено и въ пригородахъ Псковскихъ.

Означенный планъ преобразованія былъ составленъ подъ вліяніемъ Аѳанасія Лаврентьевича Ордынъ-Нащокина, бывшаго въ то время Псковскимъ воеводою. Онъ, не ожидая царскаго разрѣшенія, привелъ Псковичей къ присягѣ постановленнымъ статьямъ и собственною властью ввелъ новое устройство городскаго самоуправленія. Ордынъ-Нащокинъ принадлежалъ къ числу новыхъ людей того времени, которые искали дѣлать „съ примѣру сторонниъ чужихъ земель“; онъ былъ знакомъ съ бытомъ сосѣдней Литвы, и мысль о городскомъ самоуправленіи была, вѣроятно, возбуждена въ немъ тѣмъ, что̀ онъ тамъ видѣлъ.

Но новымъ устройствомъ недовольны были лучшіе люди города Пскова, которые при прежнихъ порядкахъ, подъ покровительствомъ воеводъ, всячески угнетали низшій классъ городскихъ обывателей, и

потому введенное учрежденіе не долго держалось. Въ томъ же году Ордынъ-Нащокинъ былъ смѣненъ княземъ Хованскимъ, и по ходатайству этого послѣдняго, царь отмѣнилъ принятыя статьи, потому, какъ объяснялось въ указѣ, что „такому уставу быть въ одномъ Псковѣ не умѣть оттого будетъ смута большая" [1]).

Вообще же удаленіе воеводъ отъ надзора за общиной скорѣе благопріятствовало лучшимъ людямъ, чѣмъ ограничивало ихъ произволъ. На воеводъ возлагалась обязанность охранять бѣдныхъ отъ притѣсненій со стороны богатыхъ [2]). Безъ сомнѣнія, они далеко не всегда добросовѣстно выполняли ее и даже нерѣдко сами тянули сторону угнетателей; но бывали, конечно, случаи, когда воеводское участіе въ общинныхъ дѣлахъ сдерживало произволъ лучшихъ людей и ограничивало ихъ преобладаніе. Это видно изъ того, что во времена Петра, по поводу притѣсненія посадскихъ магистратскими членами, заявлено было мнѣніе, что лучше возвратиться къ старому и предоставить воеводамъ „смотрѣніе за магистратами" [3]). При преемникахъ преобразователя, магистраты были дѣйствительно подчинены воеводамъ, и это сдѣлано было для лучшаго посадскихъ охраненія.

Другою тѣневою стороной, безусловно, впрочемъ, необходимаго устраненія воеводъ отъ участія въ дѣлахъ общины, было то, что она осталась безъ непосредственнаго заступника въ борьбѣ съ сильными людьми, которыхъ прежде приводилъ въ послушаніе воевода [4]). Это повело къ тому, что и при Петрѣ, какъ и до Уложенія, тяглые люди, подъ покровительствомъ бѣломѣстцевъ, продолжали укрываться отъ общинныхъ податей и повинностей [5]).

Но если положеніе бѣднѣйшихъ классовъ изъ горожанъ и ухудшилось, то во всякомъ случаѣ избавленіе лучшихъ торговыхъ людей отъ произвольныхъ воеводскихъ поборовъ и утѣсненій несомнѣнно благопріятствовало успѣхамъ промышленности, и слѣдовательно, подняло общій уровень народнаго благосостоянія.

Новое начало, принятое за основаніе, опредѣляющее принадлежность къ торгово-промышленному состоянію, не было также развито во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. Вопреки индивидуальному значенію торгово-промышленнаго человѣка и тому, что при наложеніи и рас-

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. V, № 1.

[2]) Доп. къ Ак. Ист. III, №№ 65, 67; IV, № 134.

[3]) Ист. Рос. Соловьева. XVI, стр. 249.

[4]) Акты Ист. V, № 16.

[5]) Ист. Рос. Соловьева. XVI, стр. 295.

кладкѣ податей принимались въ разчетъ промыслы, пользованіе правами состоянія и обязанность нести тягло связаны были съ владѣніемъ государевою землею. Первый шагъ къ разграниченію поземельныхъ отношеній отъ отношеній къ промыслу сдѣланъ былъ въ Москвѣ тѣмъ, что бѣломѣстцы были допущены къ владѣнію тяглою землею, съ обязанностію взносить оброкъ.

Не изгладились также слѣды удѣльнаго порядка и въ томъ отношеніи, что принадлежность къ состоянію государевыхъ людей исключала частныя служебныя отношенія, которыя въ старину вели къ личной зависимости. Поэтому посадскимъ людямъ запрещено было наниматься въ работу къ вотчинникамъ и помѣщикамъ [1]).

Съ другой стороны, хотя обязанность отправлять службы вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ лежала главнымъ образомъ на посадскихъ и промышленныхъ людяхъ, но отъ нея не были избавлены и уѣздные пахотные крестьяне, которые не были ни достаточно свѣдущи въ торгово-промышленномъ дѣлѣ, ни достаточно независимы для удовлетворительнаго выполненія этихъ службъ. Наконецъ, высшее управленіе торгово-промышленнымъ состояніемъ и тою особою отраслію доходовъ, какіе собирались съ него въ казну, не было сосредоточено въ одномъ учрежденіи, и для опредѣленности отношеній независимо поставленнаго мѣстнаго управленія къ центральному, требовалось собрать „разсыпанную храмину" и установить на твердыхъ началахъ общія правила контроля и надсмотра. Въ свою очередь, съ устраненіемъ воеводъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла общинъ, требовалось устроить мѣстное управленіе такимъ образомъ, чтобы лучшіе люди, которые были агентами этого управленія, не взводили своего тягла на бѣднѣйшихъ членовъ общины.

Такую программу преобразованія завѣщала Московская Русь Петру. Но выполненіемъ ея не удовлетворялись всѣ требованія того времени. Бѣдныя средства страны не въ состояніи были доставить всего необходимаго для государства, которому рано или поздно предстояло столкнуться съ западными цивилизованными государствами и отстоять свое право на самобытность развитія.

Въ томъ положеніи, въ какомъ находилось торгово-промышленное состояніе, оно не въ силахъ было удовлетворить всѣмъ требованіямъ государства, и правительство должно было по необходимости умѣрять

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 1614.

свои требованія, какъ это и случилось, когда города были обложены поборомъ на жалованье стрѣльцамъ. Оставалось одно средство: искусственно усилить промышленную производительность и торговую дѣятельность страны и перенести въ Россію матеріальныя преимущества западной цивилизаціи. Это новое дѣло потребовало энергической воли великаго преобразователя.

А. Пригара.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ГИМНАЗІЙ.

Не легкія чувства возбуждаетъ возобновленіе старой тяжбы о классическомъ и реальномъ образованіи. Давно ли прошло то шумное время, когда во всевозможныхъ изданіяхъ приходилось читать самыя разнообразныя мнѣнія объ основномъ характерѣ нашихъ гимназій, возбужденныя составлявшимся тогда проектомъ гимназическаго устава? На сколько наше общество хотѣло и способно было высказаться, оно высказалось; министерство народнаго просвѣщенія, взвѣсившее всѣ pro и contra, выработало, наконецъ, проектъ устава, утверждавшій наше гимназическое образованіе на классической почвѣ; проектъ въ этомъ видѣ обычнымъ путемъ достигъ окончательнаго утвержденія и получилъ силу положительнаго закона. Казалось, дѣло о принципѣ, объ основномъ характерѣ гимназическаго образованія должно было считать рѣшеннымъ окончательно, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока время и съ нимъ новыя явленія въ относящейся сюда образовательной средѣ не вызовутъ вновь потребности произвести измѣненія въ самыхъ основаніяхъ гимназическаго устройства, соотвѣтственно этимъ новымъ явленіямъ, до тѣхъ поръ, пока время съ достаточною точностью не обнаружитъ послѣдствій только-что утвержденной организаціи учебнаго дѣла въ нашихъ гимназіяхъ. А кому неизвѣстно, что послѣдствія эти могутъ обнаружиться только въ весьма продолжительное время, что хотя сколько-нибудь основательная оцѣнка дѣйствующей системы обученія неизбѣжно должна потребовать не одного десятилѣтія. И что̀ же? Еще уставъ не успѣлъ получить полнаго своего примѣненія, какъ потянулся вновь длинный рядъ размышленій и соображеній все о томъ же классическомъ образованіи, и притомъ касающихся прежде всего именно той части устава, которая во всей силѣ до сихъ поръ не приведена въ исполненіе. Противъ охоты и свободы отдѣльныхъ лицъ размышлять о гимназическомъ устройствѣ какъ угодно, конечно, говорить никто не станетъ; но дѣло

принимаетъ иной оборотъ, когда эти размышленія исходятъ изъ офиціальной среды, отъ лицъ, изъ которыхъ каждое заправляетъ всею учебною частью на обширномъ пространствѣ. Мы разумѣемъ здѣсь появившіяся недавно мнѣнія нѣкоторыхъ гг. попечителей учебныхъ округовъ, предлагающія рѣшительное изгнаніе греческаго языка изъ классическихъ гимназій и удерживающія въ послѣднихъ только одинъ латинскій (См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Апрѣль 1867 года).

Извѣстно, что сущность той, конечно, важнѣйшей, части устава, которая касается учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, состоитъ въ томъ, что ею твердо и рѣшительно установляется полное классическое образованіе съ двумя древними языками, и преподаваніе одного латинскаго допускается единственно какъ мѣра временная, переходная, вызванная только весьма прискорбнымъ недостаткомъ въ учителяхъ греческаго языка. Только этотъ случайный недостатокъ былъ причиною того, что не всѣ гимназіи вдругъ обращены были въ полныя классическія. Дѣло, какъ видите, совершенно ясно и поставлено вполнѣ опредѣлительно; оставалось только немедленно озаботиться пріисканіемъ всевозможныхъ средствъ для скорѣйшаго приготовленія потребнаго числа учителей греческаго языка, чтобъ устранить тотъ недостатокъ, который затруднилъ одновременное и повсемѣстное исполненіе закона.

Что само министерство дѣйствительно въ послѣднее время не упускало изъ вида этого обстоятельства, доказательствомъ служитъ рядъ мѣръ къ скорѣйшему приготовленію возможно бо̀льшаго числа учителей классическихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ: оно обращалось съ этою цѣлію даже къ австрійскимъ Славянамъ, хотя, сколько извѣстно, мѣра эта не вездѣ встрѣтила должное сочувствіе[1]); доказательствомъ той же заботливости министерства служитъ и недавно разосланное во всѣ университеты предписаніе отчислять опредѣленную часть отъ общей стипендіальной суммы съ цѣлію усиленія средствъ для приготовленія учителей гимназій по предметамъ историко-филологическаго факультета; наконецъ, слава Богу, возстановленъ блаженной памяти педагогическій институтъ, правда, нѣсколько измѣненный и названный другимъ, къ сожалѣнію, тоже не русскимъ словомъ,—институтъ, котораго понимающій дѣло никогда не помянетъ лихомъ и который, хотя пошатнувшійся еще прежде, могъ пасть только въ то

[1]) Харьковскій округъ, напримѣръ, ограничился приглашеніемъ только двоихъ учителей, хотя изъ 9-ти гимназій этого округа только въ одной держится учитель греческаго языка.

бурное время, когда изъ-за краснаго слова поднимался дымъ коромысломъ.

Въ чемъ же дѣло? И законъ ясенъ, и высшее учрежденіе, поставленное во главѣ всего учебнаго нашего дѣла, употребляетъ всѣ усилія исполнить законъ по его существу и духу. А между тѣмъ проходятъ годы — и нѣтъ исполненія, и бѣда не въ томъ, что его нѣтъ, по неимѣнію наличныхъ къ тому средствъ, а въ томъ, что вы видите рѣшительныя усилія отклонить это исполненіе вовсе; бѣда въ томъ, что эти усилія, обратившись съ неожиданнымъ и запоздалымъ сочувствіемъ къ гимназіямъ съ однимъ латинскимъ языкомъ, явно направляются къ тому, чтобъ эту временную, переходную и случайную мѣру обратить въ постоянную и нормальную. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ ближайшихъ исполнителей *не убѣждены* въ практической пригодности утвержденныхъ, но еще не вошедшихъ въ силу полныхъ классическихъ гимназій....

Но, можетъ-быть, произошелъ въ послѣднее время какой-нибудь необычайный переворотъ въ нашей гимназической учебной практикѣ, вдругъ обнаружившій рѣшительную несостоятельность полныхъ классическихъ гимназій; можетъ-быть, явились какія-нибудь новыя причины, новыя доказательства, неожиданныя откровенія въ пользу измѣненія основнаго характера только-что утвержденной учебной организаціи. Ничуть не бывало! Въ гимназической учебной практикѣ, какъ извѣстно, все обстоитъ благополучно, а причины и доказательства, хотя вовсе не новыя и ужь никакъ не откровенія, дѣйствительно приводятся. Все различіе предлагаемыхъ теперь соображеній отъ старыхъ того же рода въ сущности состоитъ въ томъ, что первыя вращаются въ болѣе ограниченной сферѣ, ратуютъ только противъ греческаго языка и съ нѣкоторою любезностью обращаются къ латинскому, между тѣмъ какъ послѣднія вращались въ обширной сферѣ и рѣшали общій вопросъ объ исключительномъ господствѣ реальнаго образованія.

„Съ самаго начала приведенія въ исполненіе устава гимназій и прогимназій, сказано въ небольшомъ предисловіи къ мнѣніямъ гг. попечителей, стали весьма часто поступать въ министерство народнаго просвѣщенія отъ окружныхъ учебныхъ начальствъ запросы относительно объясненія различныхъ отдѣльныхъ постановленій этого устава и представленія о нѣкоторыхъ неудобствахъ, встрѣчаемыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ при исполненіи его. Эти запросы и представленія, по отрывочности своей, не могли дать полнаго и яснаго понятія

о томъ, на сколько этотъ уставъ, *въ общихъ положеніяхъ* и въ отдѣльныхъ частныхъ постановленіяхъ, дѣйствительно соотвѣтствуетъ цѣли и назначенію гимназій". Слѣдствіемъ этого было предложеніе окружнымъ начальствамъ представить соображенія, какъ о всѣхъ вообще неудобствахъ, *которыя оказались на практикѣ при примѣненіи новаго устава гимназій и прогимназій, такъ и о способахъ и средствахъ къ устраненію ихъ*". Напечатанныя теперь мнѣнія касаются самыхъ существенныхъ вопросовъ по устройству гимназій: вопроса о положеніи реальныхъ гимназій, утвержденныхъ уставомъ, и ихъ отношеніи къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, и вопроса объ устройствѣ классическихъ гимназій.

Изъ пяти мнѣній гг. попечителей одно (четвертое, стр. 10—11), вовсе не касаясь вопроса о классическихъ гимназіяхъ, указываетъ только на необходимость опредѣлить точнѣе положеніе реальныхъ гимназій, ихъ отношенія къ высшимъ реальнымъ училищамъ, такъ какъ эти отношенія до сихъ поръ дѣйствительно не были достаточно опредѣлены; оно указываетъ на необходимость согласить вступительный курсъ послѣднихъ съ общеобразовательнымъ курсомъ первыхъ, „чтобы воспитанники, имѣющіе одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи курса наукъ въ реальныхъ гимназіяхъ, имѣли право, безъ особаго испытанія или же только по повѣрочному испытанію изъ гимназическаго курса, поступать въ то или другое высшее реальное заведеніе". Изъ остальныхъ же четырехъ мнѣній два — первое и пятое — отдаютъ полное преимущество классическимъ гимназіямъ съ двумя древними языками, и притомъ одно изъ нихъ утверждаетъ рѣшительно, что въ нашихъ гимназіяхъ первенство должно принадлежать греческому языку. Такимъ образомъ эти два мнѣнія выражаются противъ того общаго положенія устава, которымъ узаконяется существованіе особыхъ реальныхъ гимназій, рядомъ съ классическими, поставленныхъ въ то же отношеніе къ высшимъ реальнымъ училищамъ, въ какое классическія гимназіи поставлены къ университетамъ. Трудно сказать что-нибудь противъ послѣдовательности такого заключенія, не говоря уже о томъ, что оно опирается на выразившееся въ этомъ смыслѣ общественное мнѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, если существованіе реальныхъ гимназій утверждено уставомъ и если воспитанники, окончившіе въ нихъ курсъ, могутъ поступать только въ высшія реальныя училища, какъ изъ классическихъ въ университеты, то ясно, что отношеніе реальныхъ гимназій къ однороднымъ съ ними высшимъ училищамъ должно быть безу-

словно то же самое, какъ и отношеніе классическихъ гимназій къ университетамъ, то-есть, что окончившіе курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ должны имѣть право поступать въ высшія однородныя училища съ гимназическимъ аттестатомъ. Если же они въ дѣйствительности не могутъ пользоваться этимъ правомъ, которое предоставлено имъ уставомъ, если они, по упомянутому несогласію въ курсахъ, должны подвергаться еще дополнительному экзамену, то отсюда вытекаетъ только, какъ единственное слѣдствіе, необходимость согласить дѣйствительность съ требованіемъ устава, то-есть, устроить начальный курсъ высшихъ реальныхъ училищъ такъ, чтобы въ нихъ могли поступать воспитанники реальныхъ гимназій безъ дополнительнаго экзамена. Вотъ все, что̀ съ строгою послѣдовательностію можно вывести изъ сущности того общаго положенія устава, которое касается реальныхъ гимназій, и что̀ на строго-законномъ основаніи заявляетъ первое мнѣніе. Представимъ же себѣ, что соглашеніе курсовъ, по чему бы то ни было, оказалось не только неудобнымъ, но и невозможнымъ, что несправедливость, тяготѣющая теперь надъ реальными гимназіями, обратилась бы въ постоянную, что̀ отсюда слѣдовало бы? Отсюда съ необходимостью слѣдовало бы то, что реальныя гимназіи утратили бы свой основной характеръ среднихъ приготовительныхъ учебныхъ заведеній, перестали бы быть гимназіями, превратились бы въ отдѣльныя, самостоятельныя учебныя заведенія — техническія, профессіональныя, назовите, какъ угодно — и тогда тотчасъ потребовали бы коренныхъ преобразованій въ своей учебной организаціи. Исходя изъ своей точки зрѣнія на уставъ, какъ подлежащій непремѣнному исполненію въ принципѣ, мы думаемъ, что два, приведенныя выше, мнѣнія гг. попечителей, единственно на основаніи соображеній этого рода, пришли послѣдовательно къ тому заключенію, что при невозможности установленія одноправности тѣхъ и другихъ гимназій относительно дальнѣйшаго образованія, возможно только существованіе однихъ классическихъ гимназій съ двумя древними языками. Дальше этого заключенія, безъ нарушенія существеннаго смысла устава, идти нельзя. Заключеніе это, кромѣ того, могло найдти себѣ подкрѣпленіе во вниманіи къ общественному мнѣнію въ пользу полныхъ классическихъ гимназій.

Какъ смотрѣть на эти многочисленныя заявленія общественнаго мнѣнія, возбудившія такъ много толковъ и даже глумленій, порожденныхъ отчасти неловкими мѣрами нѣкоторыхъ мѣстныхъ властей? Защитники реальнаго образованія издѣвались надъ безотчетностью этихъ заявленій и объясняли ихъ однимъ желаніемъ во что бы то ни

стало завоевать право поступленія въ университетъ. Отрицать безусловно значительную долю безотчетности въ заявленіяхъ, или недостатокъ точности и ясности въ различеніи классическаго и реальнаго образованія, было бы такъ же несправедливо, какъ было бы несправедливо столь же безусловное обвиненіе общественнаго мнѣнія, взятаго въ цѣломъ, въ безотчетности. Полной сознательности въ заявленіи мнѣнія по такому предмету, который, какъ обнаружила наша печать, не совсѣмъ ясно представляли себѣ даже тѣ, кому, казалось, и нельзя было обойдтись безъ того, ни отъ какого общества, взятаго въ цѣломъ, и ожидать нельзя, и мы думаемъ, что въ степени сознательности заявленія по этому предмету со стороны, напримѣръ, прусскаго Гумбиннена и русскаго Таганрога вовсе нѣтъ слишкомъ большого различія. Что же касается до объясненія этихъ заявленій правомъ поступленія въ университетъ, то это объясненіе въ сущности, конечно, справедливо, хотя и требуетъ также съ своей стороны объясненія. Откуда эта наклонность къ университетамъ, такъ рѣшительно обнаружившаяся въ нашемъ обществѣ въ этомъ критическомъ случаѣ? У насъ можно насчитать едва-ли не больше высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, чѣмъ университетовъ, и уставъ раціонально раздѣлилъ всѣ гимназіи на двѣ группы, классическую и реальную, примкнувъ одну къ университетамъ, а другую—къ высшимъ реальнымъ училищамъ. Отчего же общество отшатнулось отъ реальныхъ гимназій, какъ скоро прервана была ихъ связь съ университетами, и тотчасъ, не задумываясь ни мало, обратилось къ послѣднимъ, а затѣмъ къ правительству съ ходатайствомъ о превращеніи реальныхъ гимназій въ классическія? Однимъ помѣщеніемъ высшихъ реальныхъ училищъ въ столицахъ этого объяснить нельзя, какъ потому, что провинціи въ потребныхъ и ясно сознанныхъ случаяхъ доставляли и до сихъ поръ доставляютъ свой контингентъ въ эти училища, такъ и потому, что заявленія въ пользу классическихъ гимназій были и въ столицахъ. Такая наклонность объясняется довѣріемъ и сочувствіемъ, какими пользуются университеты въ нашемъ обществѣ предпочтительно предъ всѣми высшими спеціальными учебными заведеніями. И слава Богу! Университеты, что бы ни говорили, дѣйствительно сосредоточиваютъ въ себѣ самыя свѣжія и здоровыя силы, и общество сознаетъ это — не бѣда, если иногда не совсѣмъ отчетливо и ясно. Кромѣ того, университеты представляютъ для общества то драгоцѣнное преимущество предъ высшими реальными училищами, что они даютъ полную свободу выбора занятій молодымъ людямъ, и притомъ уже въ ту пору,

когда сознаніе созрѣло и окрѣпло до возможности болѣе или менѣе точнаго самоопредѣленія для будущей дѣятельности, предлагают такое разнообразіе занятій для выбора, которое можетъ удовлетворить всевозможнымъ наклонностямъ и направленіямъ. Между тѣмъ высшія реальныя училища представляютъ опредѣленное однообразіе въ содержаніи занятій, а органическая и установленная закономъ связь ихъ съ реальными гимназіями уничтожаетъ всякую свободу самоопредѣленія: чтобы попасть въ высшее реальное училище, нужно пройдти курсъ реальныхъ гимназій, а для того родителямъ придется опредѣлять направленіе дѣятельности своихъ десятилѣтнихъ дѣтей на всю жизнь; родители не могутъ не понимать, что это не ихъ дѣло, что это насиліе и великій грѣхъ. Общество, можетъ-быть, не всегда отчетливо, сознаетъ, что занятія въ 10—17-лѣтній возрастъ должны имѣть исключительно общій характеръ безъ всякаго искусственнаго, намѣреннаго и преждевременнаго наклоненія въ ту или другую сторону; оно сознаетъ, что гимназіи суть общеобразовательныя учебныя заведенія, и что по тому самому учебная ихъ организація должна быть строго соображена съ этимъ основнымъ ихъ характеромъ, то-есть, должна заключать въ себѣ гармоническое сочетаніе такихъ существенно необходимыхъ предметовъ обученія, совокупность которыхъ вырабатывала бы стройное и гармоническое развитіе всѣхъ силъ и способностей учащихся до способности сознательнаго самоопредѣленія; общество понимаетъ, что въ этотъ возрастъ нужно только развить умственныя и нравственныя силы дѣтей до этого самоопредѣленія, и что они потомъ сами сумѣютъ примкнуть къ жизни и наукѣ соотвѣтственно образовавшемуся въ нихъ господствующему направленію. А между тѣмъ у насъ, когда бы ни заговорили о гимназіяхъ, всегда на концѣ языка слово *общеобразовательный;* когда же дойдетъ дѣло до учебной организаціи гимназій, тотчасъ появятся всевозможныя практическія соображенія, растягивающія эту организацію до размѣровъ, явно превышающихъ дѣтскія силы, и порождающія многопредметность и разнохарактерность, которыя и дѣйствуютъ, разумѣется, въ подрывъ основнаго характера гимназіи. Все это, очевидно, происходитъ отъ того, что въ учебную гимназическую организацію мы вносимъ свои собственныя личныя наклонности, заставляющія насъ терять изъ вида существенное назначеніе гимназій, ихъ основной характеръ, общеобразовательную цѣль.

Вотъ этими и подобными имъ соображеніями объясняется такъ живо выразившаяся въ нашемъ обществѣ наклонность въ пользу уни-

верситетовъ предпочтительно предъ высшими реальными училищами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пользу превращенія реальныхъ гимназій въ классическія. Въ этихъ соображеніяхъ могутъ находить себѣ полное оправданіе заявленія общественнаго мнѣнія, вовсе не заслуживающія тѣхъ пересудовъ и глумленій, какимъ подвергались они въ недавнее время.

Этими соображеніями, намъ кажется, вполнѣ опредѣляется положеніе реальныхъ гимназій, утвержденныхъ уставомъ. Послѣдній относительно ихъ точно такъ же долженъ сохранять свою силу, какъ и относительно классическихъ. Но въ то же время должна быть упрочена и практическая возможность ихъ законнаго существованія; во имя справедливости и ради исполненія закона, онѣ должны быть немедленно поставлены точно въ такое же отношеніе къ высшимъ реальнымъ училищамъ, какъ классическія гимназіи къ университетамъ; другими словами, необходимы быстрыя и рѣшительныя мѣры для упомянутаго выше приспособленія курсовъ, необходимо сообщить имъ тотъ основной характеръ, какой имъ слѣдуетъ по уставу, то-есть, характеръ переходныхъ, приготовительныхъ, среднихъ учебныхъ заведеній въ отношеніи къ высшимъ реальнымъ училищамъ. Съ установленіемъ этихъ отношеній обѣ группы гимназій получатъ полную равноправность, ихъ существованіе вполнѣ обезпечится, и тогда, по нашему мнѣнію, не можетъ быть ни малѣйшаго основанія для существенныхъ измѣненій въ ихъ устройствѣ, пока продолжительное время и опытъ не укажутъ на потребность въ этихъ измѣненіяхъ. Въ противномъ случаѣ, рѣшительно нельзя положить предѣла празднымъ размышленіямъ и не будетъ конца тому неопредѣленному и вредному положенію нашихъ гимназій, въ какомъ онѣ до сихъ поръ находились. Само собою разумѣется, что это равноправное существованіе должно быть только упрочено закономъ, а никакъ не навязываемо обществу, какъ оно и не навязывается уставомъ; уставъ только опредѣляетъ характеръ и назначеніе двухъ категорій гимназій и утверждаетъ ихъ; выборъ же той или другой долженъ быть предоставленъ обществу, и преобладаніе одной изъ нихъ покажетъ господствующій у насъ взглядъ на общее образованіе.

До сихъ поръ можно было держаться на почвѣ устава, такъ какъ приведеніе въ согласіе начальнаго курса высшихъ реальныхъ училищъ съ окончательнымъ реальныхъ гимназій предполагается самимъ уставомъ и такъ какъ учрежденіе тѣхъ или другихъ гимназій, съ классическимъ или реальнымъ курсомъ, самимъ уставомъ поставлено въ

зависимость отъ ближайшаго усмотрѣнія министра народнаго просвѣщенія, отъ *мѣстныхъ потребностей* и учебныхъ средствъ (§ 7). Совсѣмъ иначе относятся къ дѣлу мнѣнія остальныхъ двухъ гг. попечителей (второе и третье): основываясь на приводимыхъ ими соображеніяхъ, они прямо признаютъ необходимымъ измѣненіе устава въ самомъ его существѣ, а именно, введеніемъ латинскаго языка въ реальныя гимназіи и предоставленіемъ за то окончившимъ въ нихъ курсъ права поступать въ университетъ, предоставленіемъ того же права и безъ латинскаго языка поступающимъ на физико-математическій факультетъ (оба эти предложенія принадлежатъ второму мнѣнію), рѣшительною отмѣною полныхъ классическихъ гимназій и сохраненіемъ только гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ, допущенныхъ уставомъ на время. При разсмотрѣніи этихъ мнѣній, необходимо сойти съ почвы устава и коснуться вопроса независимо отъ послѣдняго, при чемъ мы будемъ держаться преимущественно втораго мнѣнія, въ которомъ больше нововведеній этого рода и доказательства приводятся съ большею рѣшительностію.

Высказавъ справедливую мысль о затрудненіяхъ для поступленія окончившихъ курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ въ высшія реальныя училища, вслѣдствіе упомянутаго выше несогласія въ курсахъ, и другую — о необходимости „установить одинъ общій взглядъ на направленіе и цѣль гимназическаго ученія, который, удовлетворяя въ точности цѣли общаго образованія, открывалъ бы имъ затѣмъ свободный, ничѣмъ не затрудненный, выборъ для всѣхъ вообще родовъ дальнѣйшихъ научныхъ занятій по какой бы то ни было спеціальности", — авторъ мнѣнія приходитъ къ слѣдующему заключенію, съ которымъ, какъ мы думаемъ, никакъ нельзя согласиться: реальныя гимназіи слѣдуетъ или совершенно уничтожить, или подвергнуть нѣкоторымъ преобразованіямъ, а именно, „или ввести въ нихъ латинскій языкъ, дабы дать учащимся возможность поступать въ университетъ, или, не вводя латинскаго языка, дозволить окончившимъ въ нихъ курсъ поступать по крайней мѣрѣ на физико-математическій факультетъ университетовъ". Говорить объ уничтоженіи реальныхъ гимназій нѣтъ никакого основанія, да эта мысль вовсе и не вытекаетъ изъ предпосланныхъ соображеній. Изъ послѣднихъ можно вывести только одно заключеніе о необходимости соглашенія курсовъ, какъ бы ни было оно трудно, — заключеніе, къ которому, какъ мы видѣли, пришли естественно и попечители другихъ округовъ. Со стороны спеціальныхъ реальныхъ заведеній едва-ли, впрочемъ, можно ожидать важныхъ затрудненій въ дѣлѣ

соглашенія курсовъ, не только потому, что это соглашеніе необходимо въ интересахъ образованія русскаго юношества, а и потому, что оно вовсе не можетъ потребовать большой ломки установленнаго въ высшихъ реальныхъ училищахъ курса: приспособленіе коснется, безъ сомнѣнія, весьма немногихъ предметовъ и ограничится однимъ годомъ; притомъ оно и въ интересахъ самихъ высшихъ реальныхъ училищъ, такъ какъ отъ него зависитъ значительное приращеніе ихъ силъ. Если же это соглашеніе необходимо, если оно есть постулатъ утвержденнаго устава, то на него и должно быть обращено все вниманіе правительства. Если же оно состоится, въ чемъ едва-ли должно сомнѣваться, то тѣмъ самымъ упрочивается вполнѣ законное существованіе реальныхъ гимназій при тѣхъ условіяхъ, какія опредѣлены уставомъ то-есть, при зависимости ихъ учрежденія отъ мѣстныхъ потребностей и личнаго усмотрѣнія министра народнаго просвѣщенія.

Предлагаемыя же г. попечителемъ преобразованія, по нашему мнѣнію, никакъ не могутъ быть допущены съ одной стороны потому, что они отличаются совершенно внѣшнимъ, неорганическимъ характеромъ, съ другой потому, что они находятся въ противорѣчіи съ установившимся вездѣ понятіемъ о содержаніи и характерѣ образованія, потребнаго для поступленія въ университетъ.

Съ перваго взгляда можно замѣтить въ этихъ предложеніяхъ недостатокъ вниманія къ самымъ простымъ условіямъ и потребностямъ учебной организаціи. По мнѣнію ихъ автора выходитъ, что какова бы ни была учебная организація реальныхъ гимназій, каковы бы ни были подборъ, группировка и взаимное отношеніе всѣхъ, назначенныхъ для нихъ, предметовъ обученія, въ связи съ ихъ общею цѣлью, достаточно сравнить названія предметовъ въ обѣихъ категоріяхъ гимназій, прибавить, напримѣръ, къ реальной гимназіи недостающій ей, сравнительно съ классическою, латинскій языкъ, и ученикъ реальной гимназіи какъ разъ долженъ быть готовъ къ поступленію въ университетъ. Такой латинскій языкъ, по нашему убѣжденію, нельзя назвать даже заплатой, а просто кускомъ первой попавшейся подъ руку матеріи и пришитой на-скоро, грубымъ швомъ, къ одеждѣ, въ которую облечена реальная гимназія уставомъ 1864 года. Мы до сихъ поръ думали, думаемъ и теперь, что названія предметовъ сами по себѣ еще мало значатъ, а сущность дѣла заключается прежде всего въ той цѣли, къ какой направлена та или другая группа учебныхъ заведеній, и въ строгомъ соотвѣтствіи съ которою не только подбираются предметы обученія, а строго опредѣляется и ихъ объемъ, содержаніе,

характеръ и форма передачи содержанія. Смѣемъ думать, что тѣмъ же взглядомъ, такъ какъ онъ есть единственно раціональный, руководствовались, при устройствѣ учебнаго дѣла въ гимназіяхъ обоего рода, и составители устава 1864 года; смѣемъ думать, что, по убѣжденію послѣднихъ, въ содержаніи и характерѣ преподаванія одноименныхъ предметовъ въ различнаго рода гимназіяхъ должно быть неизбѣжное и существенное различіе, опредѣляемое цѣлью той или другой гимназіи. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, въ чемъ должно состоять это различіе: по этому вопросу существуетъ цѣлая литература, и опыты рѣшенія этого вопроса ведутъ свое начало еще съ 30-хъ годовъ. Можно указать здѣсь хоть на извѣстное сочиненіе Магера, пламеннаго защитника реальнаго направленія и реальныхъ школъ — Die Idee der Bürgerschule, вышедшее еще въ 1840 году; извѣстно, что Магеръ самъ обработалъ нѣсколько руководствъ, обратившихъ тогда на себя всеобщее вниманіе, по особому, генетическому методу, въ примѣненіи именно къ реальнымъ школамъ. Излишне говорить и о томъ, что латинскій языкъ, втиснутый внѣшнимъ и насильственнымъ образомъ въ учебную организацію реальной гимназіи, или приставленный къ ней механически снаружи, единственно какъ подорожная въ университетъ, естественно будетъ находиться въ самомъ незавидномъ положеніи и что при такой постановкѣ его нельзя и ожидать отъ него того образовательнаго вліянія, какое дѣйствительно въ немъ заключается. Замѣтимъ только, что вопросъ о введеніи латинскаго языка въ реальныя школы, разумѣется, не какъ подорожная въ университетъ, а съ точки зрѣнія на существо общаго образованія, былъ возбужденъ уже давно, когда защитники реальнаго направленія рядомъ печальныхъ опытовъ убѣдились въ рѣшительной несостоятельности одного практическаго основанія реальныхъ школъ, и должно сказать, что лучшіе педагоги, исходя прямо изъ принципа реальныхъ школъ, отвергали введеніе латинскаго языка въ послѣднія (Encyclopädie des gesammten Erziehungs- und Unterrichtswesens, von K. Schmid. I. 850). Замѣчательно, что Шейбертъ, представляющій себѣ реальную школу на болѣе широкихъ основаніяхъ и съ болѣе обширнымъ содержаніемъ обученія, допускаетъ латинскій языкъ для желающихъ поступить въ университетъ, но только съ непремѣннымъ условіемъ пробыть въ университетѣ четыре года и слушать популярныя лекціи по закону Божію и философскимъ наукамъ (Das Gymnasium und die höhere Bürgerschule. Berlin. 1836. p. 104). Киссъ, страстный защитникъ реализма и считающій реальную школу элементомъ броженія для возстановленія нор-

мальнаго состоянія образованія, въ своей брошюрѣ „Das Realschulwesen" (1863) также допускаетъ латинскій языкъ въ высшемъ классѣ реальной школы (ein Paar wöchentlicher Stunden), но его реальная школа есть общая первичная почва для всѣхъ безъ различія дѣтей до 14-ти лѣтъ [1]), изъ коихъ одни идутъ въ гимназіи, другіе въ высшую реальную школу, въ которой вовсе нѣтъ латинскаго языка; продолженіемъ же гимназіи служитъ университетъ, а высшей реальной школы — политехническая школа. Однимъ словомъ, введеніе латинскаго языка въ реальныя гимназіи, какъ противорѣчащее общепринятому принципу реальной школы, въ основаніи которой должны быть, съ одной стороны, математика и естественныя науки, съ другой — отечественный и новые языки и ихъ литературы, какъ мѣра неорганическая и внѣшняя, находящаяся внѣ всякой связи съ внутренними потребностями школъ этого рода, не можетъ быть допущена съ строгопедагогической точки зрѣнія. Если въ нѣкоторыя нѣмецкія реальныя школы 1-го разряда и введенъ латинскій языкъ, то вопервыхъ, въ Германіи реальныя школы и съ латинскимъ языкомъ не даютъ права на поступленіе въ университетъ; вовторыхъ, на эту вставку должно смотрѣть какъ на вынужденную обстоятельствами уступку принципу общаго образованія, когда рядъ опытовъ построенія реальныхъ школъ на чисто практическомъ основаніи повлекъ за собою быстрое ихъ паденіе.

Дозволеніе окончившимъ курсъ въ реальной гимназіи поступать и безъ латинскаго языка *по крайней мѣрѣ* на физико-математическій факультетъ, предлагаемое тѣмъ же самымъ мнѣніемъ, мы сказали, находится въ противорѣчіи съ общепринятымъ понятіемъ о содержаніи и характерѣ образованія, требуемаго для поступленія въ университетъ. Это предложеніе можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ того, какъ авторъ разсматриваемаго мнѣнія смотритъ съ одной стороны на латинскій языкъ въ реальной гимназіи, съ другой — на университетское образованіе. Для него латинскій языкъ вовсе не есть необходимая составная часть всего учебнаго устройства реальныхъ гимназій, а какъ неизбѣжная приставка, на которую невольно и въ крайнемъ случаѣ приходится соглашаться, лишь бы завоевать право поступленія въ университетъ, хотя, по дѣйствительному убѣжденію того же автора, университетское образованіе вовсе не нуждается въ латинскомъ языкѣ.

---

[1]) Die Realschule ist Universität in nuce, der naturgemässe Anfang aller Bildung. стр. 38.

Эта мѣра, имѣющая обманчивый видъ услуги одному изъ университетскихъ факультетовъ, оказала бы весьма плохую услугу этому факультету. Она имѣетъ своимъ источникомъ весьма смутное представленіе объ общемъ характерѣ университетскаго образованія и того, какое сообщается высшимъ реальнымъ училищемъ. Если нашъ авторъ не задумывается препроводить въ университетъ окончившихъ курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ и безъ латинскаго языка (которому, какъ внѣшней приставкѣ въ настоящемъ случаѣ, мы, повторяемъ, не придаемъ дѣйствительнаго значенія), слѣдовательно, предоставить имъ то право, котораго они, конечно, въ силу важныхъ соображеній, лишены уставомъ, открывающимъ для нихъ только высшія реальныя училища: то ясно, что онъ въ этомъ случаѣ совершенно отожествляетъ физико-математическій факультетъ съ высшимъ реальнымъ училищемъ, безъ сомнѣнія, по тому простому соображенію, что въ томъ и въ другомъ преподаются одни и тѣ же такъ-называемыя реальныя науки. Но здѣсь-то и обнаруживается недостатокъ углубленія въ сущность дѣла, замѣченный выше въ примѣненіи къ латинскому языку: какъ здѣсь, такъ и тамъ, авторъ ограничиваетъ свое вниманіе только названіями предметовъ, вовсе не думая задавать себѣ вопроса о различіи въ характерѣ и обработкѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ, по различію въ характерѣ и цѣли того или другаго учебнаго заведенія. А между тѣмъ, различіе это такъ ясно, что мы считаемъ излишнимъ распространяться о немъ предъ нашими читателями. Скажемъ только, что въ обработкѣ однихъ и тѣхъ же реальныхъ наукъ въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ господствуетъ практическое направленіе и практическій характеръ, въ другихъ — ученое направленіе и ученый характеръ; въ однихъ изучается содержаніе этихъ наукъ въ его непосредственномъ примѣненіи къ опредѣленнымъ явленіямъ жизни, въ другихъ не только изучается то же содержаніе съ научной точки зрѣнія, но и вырабатывается способность и наклонность къ послѣдующему самостоятельному занятію тѣми же науками, къ расширенію ихъ предѣловъ, къ веденію ихъ впередъ, даже вовсе независимо отъ практическихъ потребностей[1]). Отъ этого существеннаго различія въ обработкѣ однѣхъ и тѣхъ же наукъ зависитъ и существенное различіе въ способахъ приготовленія въ университетъ и въ высшее реальное училище: если послѣднее тре-

[1]) Такое различіе въ преподаваніи однѣхъ и тѣхъ же наукъ можно встрѣтить и въ университетѣ, напримѣръ, въ преподаваніи естественныхъ наукъ на физико-математическомъ и на медицинскомъ факультетахъ.

буетъ полноты и отчетливости опредѣленныхъ познаній, необходимыхъ для успѣшнаго усвоенія дальнѣйшихъ однородныхъ свѣдѣній въ ихъ спеціализаціи и приложеніи къ жизни, то первый прежде всего предполагаетъ опредѣленную степень и характеръ *общаго развитія*, необходимаго для каждаго поступающаго безразлично, какому бы разряду наукъ онъ ни посвятилъ въ послѣдствіи свою дѣятельность. А это общее развитіе пріобрѣтается не одностороннимъ дѣйствіемъ на учащихся одною категоріею наукъ, а всестороннимъ вліяніемъ всѣхъ тѣхъ предметовъ обученія, въ которыхъ заключается наибольшая образовательная сила. Только такое общее развитіе, покоящееся на прочной исторической почвѣ, можетъ усвоить себѣ широкій и глубокій взглядъ на всю цѣпь наукъ, на весь ихъ организмъ; только такое общее развитіе можетъ спокойно и съ уваженіемъ отнестись ко всякой наукѣ; только такое общее развитіе можетъ вполнѣ и точно оріентироваться и въ избранной спеціальной наукѣ; только подъ условіемъ такого общаго развитія возможна дѣйствительно производительная дѣятельность въ наукѣ. Если въ нашихъ университетахъ иногда можно было замѣтить неуважительныя отношенія спеціалистовъ по наукамъ одной категоріи къ спеціалистамъ по наукамъ другой, односторонность и узкій взглядъ, слабую связь съ избранною наукой и происходящее отсюда увлеченіе въ сторону, то источникъ этихъ недостатковъ кроется прежде всего въ прискорбной слабости предварительнаго общаго развитія, на которомъ, какъ на общемъ основаніи, должно покоиться спеціальное изученіе отдѣльныхъ наукъ. Именно въ настоящее время, когда, вслѣдствіе разнообразнаго развѣтвленія наукъ и быстраго расширенія ихъ содержанія, угрожаетъ опасность рѣшительнаго ихъ разобщенія и разъединенія, ослабленія сознанія о ихъ общей связи и взаимномъ отношеніи, когда университетъ по той же причинѣ не можетъ принять на себя труда поддерживать и утверждать это сознаніе, именно въ настоящее время съ особенною силою должна чувствоваться потребность прочнаго, всесторонняго и правильнаго общаго развитія. Сущность университетскаго образованія, въ отличіе отъ того, какое сообщается спеціальными училищами, направленными непосредственно къ практическимъ цѣлямъ, и состоитъ въ томъ, что оно утверждается на общемъ историческомъ и философскомъ основаніи, что спеціальныя науки изучаются въ немъ съ яснымъ сознаніемъ связи всѣхъ наукъ, при непрерывномъ проникновеніи ихъ философскимъ элементомъ, что оно имѣетъ постоянно въ виду науку и развитіе посредствомъ нея изучающихъ ее, а не практическое ея значеніе, которое

не замедлитъ обнаружиться само собою, такъ какъ результаты спеціальныхъ изслѣдованій дѣлаются въ то же время общимъ достояніемъ. „Чѣмъ живѣе и тѣснѣе эта связь наукъ, говоритъ Раумеръ, тѣмъ живѣе университетскій духъ" (Geschichte der Pädag. IV. 229). Въ этомъ смыслѣ университетъ продолжаетъ работу надъ общимъ развитіемъ, только на почвѣ спеціальнаго изученія, проникнутаго общимъ элементомъ, и университетъ не имѣетъ своею задачею выпускать механиковъ, техниковъ, криминалистовъ и т. д., а людей, не только вооруженныхъ наукой въ современномъ ея состояніи, но и познаніемъ и употребленіемъ всѣхъ способовъ къ самостоятельной работѣ въ ней, къ движенію ея впередъ. Изъ такой задачи университетовъ, какъ она понималась всегда и понимается теперь, съ необходимостію вытекаетъ то слѣдствіе, что не только характеръ преподаванія однѣхъ и тѣхъ же наукъ въ университетѣ и въ высшихъ реальныхъ училищахъ не одинъ и тотъ же, но и преподаваніе однихъ и тѣхъ же предметовъ въ реальныхъ и классическихъ гимназіяхъ должно имѣть свои необходимыя отличія. Этихъ соображеній, которыхъ мы здѣсь коснулись только слегка, совершенно достаточно, чтобы понять, что разбираемое нами мнѣніе способно произвести не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, такъ какъ все оно, взятое въ цѣломъ, представляетъ смѣшеніе понятій о значеніи гимназическаго, университетскаго и спеціально-реальнаго образованія: по этому мнѣнію, ученикъ чистой реальной гимназіи смѣло можетъ поступать на физико-математическій факультетъ, а если къ реальной гимназіи прибавить латинскій языкъ, то и во всѣ факультеты. Къ сказанному нами прибавимъ только, что указанные недостатки, признаки ненормальнаго состоянія нашихъ университетовъ, вслѣдствіе слабости общаго развитія, должны возбуждать тѣмъ бо̀льшія опасенія и обращать на себя тѣмъ большее вниманіе, что тѣ же симптомы обнаруживаются и сознаются въ Германскихъ университетахъ, куда, какъ извѣстно, поступающіе приносятъ съ собой весьма солидное общее развитіе, утвержденное на прочной классической основѣ, и куда не имѣютъ доступа ученики реальныхъ гимназій, хотя нѣкоторыя изъ послѣднихъ и снабжены латинскимъ языкомъ. Приведемъ здѣсь на эту тему нѣсколько словъ изъ прекраснаго сочиненія Латтмана (Ueber die Frage der Concentration in den allgemeinen Schulen, namentlich im Gymnasium. Göttingen. 1860. p. 57). „Если прежде въ университетѣ филологическія занятія служили общимъ средоточіемъ и производили нравственное и общеобразовательное

вліяніе на студентовъ [1]), то теперь это средоточіе совершенно исчезло, и теперь университетскія занятія возвысились или упали до спеціальныхъ. На это обстоятельство слышатся жалобы со всѣхъ сторонъ, даже отъ профессоровъ университета. И естественно, что это разобщенное спеціальное знаніе, лишенное своей основы — общаго образованія и не воодушевляемое высшими интересами, превращается въ промышленное знаніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что университеты находятся на пути разложенія на отдѣльныя спеціальныя школы и не замедлятъ стать въ рядъ политехническихъ и другихъ спеціальныхъ школъ [2]). Въ настоящее время невозможно и думать о возвращеніи прежняго общаго значенія филологическимъ занятіямъ (въ самихъ университетахъ), съ одной стороны вслѣдствіе новыхъ требованій, предъявляемыхъ жизнію, какъ для спеціальнаго, такъ и для общаго образованія, съ другой — потому, что сама филологія выработалась въ спеціальную науку: филологическое образованіе въ университетѣ во всѣхъ своихъ частяхъ получило такой характеръ спеціальности, что не посвященные не могутъ чувствовать къ нему ни малѣйшаго влеченія. А между тѣмъ ни одна отдѣльная спеціальность не въ состояніи замѣнить собою древней филологіи въ прежнемъ ея значеніи: всѣ науки, а съ ними и университетскія лекціи, по причинѣ успѣховъ новѣйшаго времени, такъ расширились въ своемъ содержаніи и такъ раздробились на частныя спеціальности, что для студентовъ безъ чрезвычайныхъ усилій и увеличенія времени пребыванія въ университетѣ невозможно кромѣ лекцій по своей спеціальности посѣщать еще лекціи по другимъ предметамъ. И если дѣйствительно необходимо возстановленіе утраченнаго сознанія общей связи наукъ, то необходимо подумать о концентраціи и въ университетскомъ образованіи. Эта концентрація, не касаясь отдѣльныхъ спеціальностей, могла бы осуществиться въ рядѣ отдѣльныхъ лекцій, предлагаемыхъ обществомъ профессоровъ, по тѣмъ предметамъ, которые представляли бы собою всю совокупность наукъ, на которыхъ основывается высшее общее образованіе". Далѣе Латтманъ требуетъ отъ этихъ лекцій такой популярной формы, которая бы съ одной стороны была доступна всѣмъ слушателямъ, съ другой — стояла бы на высотѣ развитія студентовъ, и нельзя не согласиться съ авторомъ,

[1]) Die Facultät der Artisten, говоритъ Раумеръ (IV. 318), sei der Ursprung und Stamm und gebe den Anfang zu allen anderen Facultäten und Künsten».

[2]) Факультеты богословскій, юридическій и медицинскій, отдѣленные отъ философскаго, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Латтманъ, превратятся въ школы дрессировки для будущаго пропитанія (стр. 63).

что такая популяризація науки — дѣло въ высшей степени трудное. Неудачу многихъ опытовъ этого рода Латтманъ объясняетъ тѣмъ, что обыкновенно этотъ общій курсъ предпосылался спеціальнымъ занятіямъ, слѣдовательно, относился къ тому времени, когда молодые люди, послѣ продолжительнаго гимназическаго курса, съ нетерпѣніемъ устремляются къ спеціальнымъ занятіямъ, и думаетъ, что помѣщенный во второй половинѣ университетскихъ занятій и одновременно съ факультетскими, когда продолжавшіяся два года спеціальныя занятія естественно могутъ возбудить интересъ къ общимъ предметамъ, этотъ общій курсъ могъ бы благотворно дѣйствовать въ видахъ общаго образованія. Мы привели все это мѣсто единственно для того, чтобы показать, какъ въ университетской и педагогической германской средѣ, при всемъ превосходствѣ предшествующаго университету общаго развитія передъ нашимъ, понимается ненормальность современнаго состоянія университетовъ, вслѣдствіе непомѣрнаго расширенія и развѣтвленія наукъ, предлагающихъ непреодолимое содержаніе, и какъ понимается необходимость поднять упадающій оттого уровень общаго образованія и тѣмъ спасти основной и единственно законный характеръ университетовъ. Неизвѣстный авторъ статьи — „О нѣмецкихъ университетахъ въ XIX столѣтіи“ — въ *Preuss. Jahrbücher* 1858 года говоритъ: „Дѣло дошло до того, что объ учрежденіи (университетѣ), столь необходимомъ для цѣлости національной жизни, можно сказать, что оно пережило себя, такъ какъ мы оказываемся неспособными приноровить его къ потребностямъ жизни“ (Lattm. 64). Ненормальность эта у насъ, очевидно, существуетъ въ сильнѣйшей степени по слабости и шаткости нашего гимназическаго образованія, и слѣдовательно, тѣмъ необходимѣе поднятіе уровня общаго развитія, а между тѣмъ намъ приходится выслушивать серіозныя предложенія, прямо направленныя къ пониженію этого уровня и къ разложенію университета на спеціальныя школы по числу факультетовъ. Если авторъ разбираемаго нами мнѣнія устранилъ латинскій языкъ для учениковъ реальной гимназіи, поступающихъ по *крайней мѣрѣ* на физико-математическій факультетъ, то поступая послѣдовательно, онъ долженъ былъ распространить ту же мѣру и на классическія гимназіи, въ примѣненіи къ тѣмъ, которые поступятъ изъ нихъ *по крайней мѣрѣ* на физико-математическій факультетъ (вѣдь названія предметовъ въ обѣихъ гимназіяхъ почти одни и тѣ же). Если же этому *по крайней мѣрѣ* сообщить дѣйствительный его смыслъ, то латинскій языкъ очень легко можетъ оказаться нужнымъ только для по-

ступающихъ на историко-филологическій факультетъ, а отсюда не далеко будетъ и до заключенія о рѣшительномъ изгнаніи и латинскаго языка изъ всѣхъ гимназій, по крайней малочисленности поступающихъ въ этотъ факультетъ, не окупающей содержаніе учителя этого несчастнаго языка.

Считаемъ полезнымъ остановиться еще на реальныхъ гимназіяхъ и сказать нѣсколько словъ о возможномъ, по нашему мнѣнію, ихъ будущемъ, при проведеніи правильной концентраціи черезъ все содержаніе гимназическаго обученія.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что реальная гимназія есть явленіе временное, переходное, элементъ броженія, какъ выразился Киссъ, хотя и въ другомъ смыслѣ. Вызвано оно широкимъ развитіемъ естественныхъ наукъ въ новѣйшее время и бросающеюся въ глаза важностію ихъ для жизни. Въ виду этого развитія, и притомъ въ непосредственномъ примѣненіи ихъ къ жизни, въ виду пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и проч., возвышающихъ матеріальное благосостояніе общества, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ придти къ убѣжденію, что именно эти науки и должны служить предметомъ обученія съ ранняго возраста, въ противоположность старому общеобразовательному содержанію, обращенному къ міру древнему, давнымъ-давно изжитому и притомъ совершенно безполезному въ томъ смыслѣ, какой только и имѣютъ въ виду защитники реальнаго направленія въ обученіи. Очистите почву среднихъ учебныхъ заведеній отъ стараго классическаго хлама, говорятъ они, подставьте вмѣсто него свѣжее и живое содержаніе естественныхъ наукъ со всѣми ихъ подраздѣленіями, и вы увидите, какое громадное вліяніе будетъ имѣть эта замѣна на развитіе этихъ наукъ и какъ быстро это развитіе отразится въ жизни. Не говорите имъ, что древніе языки вводятъ учащихся въ классическій міръ, въ жизнь, науку, литературу, искусства древнихъ; не говорите, что въ самомъ обученіи этимъ языкамъ заключается весьма важное образовательное средство: въ отвѣтъ на это они прежде всего яркими красками изобразятъ древній міръ отсталымъ и совершенно не стоящимъ изученія въ виду современнаго прогресса во всѣхъ явленіяхъ жизни; затѣмъ докажутъ, что общеобразовательнаго значенія въ древнихъ языкахъ нѣтъ и быть не можетъ, и заключатъ, что именно ради послѣдняго и слѣдуетъ замѣнить классическій хламъ естественными науками, къ которымъ при этомъ присоединятъ и новые языки. Болѣе умѣренные, если и допустятъ нѣкоторую пользу древнихъ языковъ, какъ особаго предмета

преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то во всякомъ случаѣ признаютъ ихъ затрачивающими не пропорціонально пользѣ слишкомъ много времени и труда, которые притомъ отнимаются отъ предметовъ настоятельной потребности и жизненныхъ. Эти или подобныя имъ размышленія (отличающіяся у насъ, какъ и слѣдуетъ, особенною радикальностію и ожесточеніемъ), совершенно естественныя въ первыхъ порывахъ увлеченія быстрыми успѣхами и практическою пользой естественныхъ наукъ, привели въ Германіи, какъ извѣстно, сначала къ рѣшительному заключенію о необходимости устройства особыхъ учебныхъ заведеній на этомъ новомъ основаніи съ практическимъ характеромъ; извѣстно, что эти новыя насажденія не замедлили утратить всякій кредитъ и такъ же быстро упали, какъ и возникли, такъ какъ они не выполняли того, что обѣщали, и потому не встрѣчали ожидаемаго участія со стороны общества; многія превратились въ гимназіи, иныя въ первоначальныя школы[1]). Не упоминая здѣсь о многоразличныхъ опытахъ утвердить право гражданства за новою областью обученія (Encycl. III, 174 и слѣд.), скажемъ только, что эти опыты привели къ мысли объ устройствѣ особыхъ учебныхъ заведеній съ новымъ содержаніемъ обученія, но съ общеобразовательнымъ характеромъ. Такъ возникли рядомъ съ гимназіями высшія гражданскія или реальныя школы въ Германіи, копіи съ которыхъ представляютъ наши реальныя гимназіи по уставу 1864 года: за первыми осталось старое право приготовленія въ университетъ, вторыя сопоставлены въ томъ же смыслѣ съ высшими реальными заведеніями. На этомъ дѣло остановиться не могло. Раздвоеніе на два враждебные лагеря среднихъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ, очевидно, одну и ту же цѣль, съ самаго начала не могло не казаться мыслящимъ педагогамъ явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ. Вопросъ объ устройствѣ гимназій и реальныхъ школъ сдѣлался вопросомъ дня, вопросомъ жизненнымъ, и породилъ обширную литературу, предлагающую различные опыты рѣшенія дѣла съ различныхъ точекъ зрѣнія. Должно сознаться, что дѣло примиренія обоихъ враждебныхъ направленій, установленія единства въ гимназическомъ устройствѣ — крайне трудное и едва-ли вполнѣ возможное въ настоящее время. Но что это примиреніе необходимо, что оно рано или поздно должно состояться, что оно безусловно требуется единою общею цѣлью всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, общимъ образованіемъ, что послѣд-

---

[1]) Schreibert. p. 34. Здѣсь приведены и причины этого быстраго паденія.

нее необходимо предполагаетъ участіе всѣхъ общеобразовательныхъ средствъ, въ этомъ также нельзя сомнѣваться. „Стóитъ только подумать о естественныхъ наукахъ — говоритъ одинъ изъ почтенныхъ нѣмецкихъ педагоговъ, г. Дейнгартъ — до какой глубины и какого значенія развились онѣ въ послѣднее столѣтіе и какое вліяніе производятъ на воззрѣнія и мышленіе современнаго поколѣнія. Кто захочетъ устраниться отъ этого вліянія, тотъ неизбѣжно изолируется въ жизни; а тѣ, которые думаютъ образовать себя въ руководители народа, будутъ играть весьма жалкую роль, если они не усвоятъ себѣ результатовъ естественныхъ наукъ и не сдѣлаютъ ихъ элементомъ своего образованія. Безъ сомнѣнія, гимназіи не будутъ стоять на пути къ своей цѣли и будутъ какъ бы придвинутыми въ уголъ, если онѣ не обратятъ надлежащаго вниманія на естественныя науки. Если руководители во всѣхъ областяхъ государственной и гражданской жизни нуждаются въ одномъ и томъ же общемъ образованіи, въ одномъ и томъ же интересѣ къ истинѣ и добру, въ одномъ и томъ же нравственномъ характерѣ, въ одной и той же способности ясно, основательно и связно мыслить, въ умѣньи правильно, ясно и соотвѣтственно выражать свои мысли, въ знакомствѣ съ общими отношеніями въ жизни природы и человѣка: то для всѣхъ ихъ и должно быть одно общее образовательное заведеніе, въ которомъ эта цѣль общаго образованія должна быть достигаема". (Encycl. IV, 456 — 9. Сравн. I, 676, 797; III, 192 и др.). На введеніе латинскаго языка съ общеобразовательною цѣлью въ нѣкоторыя нѣмецкія реальныя школы и на введеніе естественныхъ наукъ въ низшіе классы гимназіи можно смотрѣть, какъ на первый шагъ къ сближенію. Мѣра эта, какъ ни отличается она внѣшнимъ характеромъ, по слабости внутренней связи обоихъ этихъ предметовъ съ общимъ учебнымъ содержаніемъ, въ то же время должна повести дѣло дальше по пути къ сближенію уже потому, что ею только осложняется обученіе, увеличивается та многопредметность, которая и безъ того уже возбудила въ педагогической литературѣ, особенно съ легкой руки доктора Лоринзера [1]), справедливыя жалобы и наре-

[1]) Извѣстно, что вопросъ о концентраціи обученія получилъ сильнѣйшее возбужденіе отъ небольшой статьи Лоринзера «Zum Schutz der Gesundheit in den Schulen», напечатанной въ № 1-мъ *Прусской Медицинской Газеты* за 1836 годъ. Изобразивъ безотрадное состояніе современнаго поколѣнія въ гигіеническомъ отношеніи, Лоринзеръ приходитъ къ заключенію, что для того, чтобъ еще болѣе увеличить и усилить это болѣзненное состояніе, тѣлесное и душевное, и возбудить его еще тамъ, гдѣ его нѣтъ, нельзя найдти, болѣе дѣйствительныхъ

жанія на непреодолимость гимназическаго учебнаго матеріала, преждевременно истощающаго дѣтскія силы.

Дѣйствительно, вопросъ объ установленіи органической связи между всѣми предметами гимназическаго обученія, исходящими изъ общаго центра, или о такъ-называемой *концентраціи обученія*, есть вопросъ капитальный въ современной дидактикѣ. Отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса зависитъ будущность всего училищнаго устройства, особенно среднихъ учебныхъ заведеній, наиболѣе страдающихъ отъ нагроможденія учебнаго матеріала; отъ него зависитъ прекращеніе пагубнаго дуализма, водвореніе единства и спокойствія въ учебной средѣ, безъ которыхъ не мыслимъ дѣйствительный успѣхъ великаго дѣла народнаго образованія. Если ни гимназіи, ни реальныя школы, безъ явнаго вреда себѣ, не могутъ отказаться отъ доли общеобразовательнаго вліянія со стороны тѣхъ предметовъ, которые до сихъ поръ служили для нихъ яблокомъ раздора; если гимназіи, въ виду современнаго развитія естественныхъ наукъ и разработки ихъ для учебныхъ цѣлей, не могутъ и не имѣютъ права отказаться отъ усвоенія себѣ того ихъ содержанія, которое, безспорно, можетъ благотворно дѣйствовать на общее развитіе, и если реальныя школы, когда пройдутъ порывы увлеченія и успокоятся страсти, снизойдутъ до признанія за классическими языками и литературами того же значенія, то должна же опредѣлиться та почва, на которой могутъ сойтись обѣ враждующія стороны, должна отыскаться та формула, посредствомъ которой можетъ состояться ихъ соглашеніе и примиреніе. Мы твердо вѣримъ не только въ возможность, но и въ необходимость за-

---

средствъ какъ тѣ, которыя теперь въ наибольшей части гимназій примѣняются къ дѣлу. Средства эти, по его мнѣнію, состоятъ въ многопредметности обученія, въ многочисленности уроковъ и во множествѣ назначаемыхъ гимназистамъ домашнихъ работъ. Первое ведетъ къ притупленію и разстройству духовныхъ силъ, второе задерживаетъ естественное развитіе тѣла, а третье направлено къ тому, чтобы два первыя вліянія не прекращались и внѣ школы. Доказательствъ для своихъ положеній Лоринзеръ не привелъ. Извѣстно, что вслѣдъ за этою статьей появился именной указъ Прусскаго короля тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Альтенштейну слѣдующаго содержанія: «Я узналъ о статьѣ «Zum Schutz der Gesundheit in den Schulen», напечатанной въ № 1-мъ *Медицинской Газеты* этого года, и съ содержаніемъ ея въ сущности согласенъ. Предлагая этотъ предметъ особенному вашему вниманію, я требую, чтобы вы въ особомъ отчетѣ изложили о немъ свое мнѣніе, а также мѣры для устраненія зла. Берлинъ, 2-го февраля 1836 года». Слѣдствіемъ этого указа было необыкновенное движеніе по пересмотру всего учебнаго гимназическаго устройства, сначала въ гимназіяхъ, а вслѣдъ затѣмъ и вообще въ педагогической литературѣ.

ключенія этого мира послѣ столь долгой и упорной борьбы, мира, можетъ-быть, и не далекаго отъ насъ—вѣримъ, потому что, по глубокому нашему убѣжденію, всѣ безъ различія среднія учебныя заведенія должны преслѣдовать одну и ту же общую цѣль, общее развитіе, должны идти одною и тою же широкою дорогою къ этой цѣли, во *всеоружіи* тѣхъ средствъ, которыми ускоряется и облегчается достиженіе этой цѣли. Среднія учебныя заведенія, по самому существу своему, не могутъ ни приготовлять мужей науки, ни практическихъ дѣятелей: ихъ задача—общее развитіе, и при выборѣ средствъ для того, они также не могутъ отрѣшиться отъ жизни, какъ и исключать все, что̀ не имѣетъ видимаго, непосредственнаго отношенія къ жизни. Не преслѣдуя односторонно ту или другую цѣль, работая надъ общимъ развитіемъ всею совокупностію наиболѣе дѣйствительныхъ и приспособленныхъ къ тому средствъ, они должны расширять кругъ зрѣнія учащихся и уяснять ихъ сознаніе объ ихъ отношеніяхъ къ Богу, человѣку и природѣ, должны укоренять убѣжденіе, что сообщенныя знанія суть только начатки дѣйствительнаго образованія, а вмѣстѣ укоренять наклонность къ продолженію начатаго образованія. Не должно также забывать, что если въ высшемъ спеціально-реальномъ или университетскомъ образованіи преобладаетъ интелектуальный элементъ, то въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—нравственный. Вооруженный такимъ общимъ образованіемъ можетъ сознательно отнестись къ самому себѣ и опредѣлить свое призваніе, оріентироваться въ жизни и избранной наукѣ. Наоборотъ, существующій теперь дуализмъ уже потому есть явленіе ненормальное и не можетъ быть оправданъ съ педагогической точки зрѣнія, что онъ неизбѣжно предполагаетъ опредѣленіе призванія въ то время, когда о немъ и рѣчи быть не можетъ; такое преждевременное и насильственное опредѣленіе не только гибельно тогда, когда оно ложно, но вредно и тогда, когда оно вѣрно̀, потому что отнимаетъ значительную долю тѣхъ средствъ, которыя безъ того приняли бы законное участіе въ общемъ развитіи. Достаточно, кажется, одного этого обстоятельства, чтобъ убѣдить тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, въ рѣшительной несостоятельности существующаго теперь раздвоенія среднихъ учебныхъ заведеній. Можно допустить это раздвоеніе, при извѣстныхъ ограниченіяхъ, какъ явленіе временное, переходное, до тѣхъ поръ, пока не отыщется формула примиренія, но вѣрить въ нормальность этого явленія нельзя. Открытіе этой формулы примиренія находится, по нашему мнѣнію, въ неразрывной связи съ рѣшеніемъ вопроса о кон-

центраціи обученія, этого насущнаго и современнаго педагогическаго вопроса. Рѣшеніе его должно разсѣять различныя и на первый взглядъ справедливыя опасенія въ томъ, что соединеніе обоихъ учебныхъ заведеній должно повлечь за собою еще большее расширеніе учебнаго матеріала.

Не думая въ настоящее время распространяться объ этомъ важномъ вопросѣ, мы, однако, не можемъ не коснуться его въ общихъ чертахъ, по связи его съ занимающимъ насъ предметомъ, и скажемъ прежде всего, что непреодолимость гимназическаго учебнаго матеріала зависитъ не столько отъ числа предметовъ, сколько отъ ихъ содержанія. Новѣйшія изслѣдованія по каждому предмету, входящему въ гимназическое обученіе, такъ расширили ихъ содержаніе, а неясность представленій о потребностяхъ и цѣли общаго образованія перенесли изъ этого содержанія такъ много лишняго въ гимназическій учебный матеріалъ, что исключить два-три предмета изъ общаго числа учебныхъ предметовъ и оставить остальные на произволъ судьбы, при упомянутой неясности представленій, значитъ ничего не сдѣлать: содержаніе остальныхъ предметовъ такъ неистощимо, что ничего не значитъ не только наполнить имъ оказавшееся свободнымъ время, но еще сдѣлать непреодолимѣе, если можно, видимо упрощенный и сокращенный учебный матеріалъ. Перемѣняйте центры послѣдняго и переставляйте соотвѣтственно имъ учебные предметы сколько и какъ угодно, — безъ точнаго установленія наименьшаго ихъ содержанія, согласно съ потребностями и цѣлью общаго образованія вы не поможете дѣлу, что̀ уже и успѣли доказать на дѣлѣ многіе педагоги, трудившіеся надъ концентраціею гимназическаго обученія. Но если вы, принявъ въ строгое вниманіе характеръ и свойство общеобразовательнаго значенія каждаго предмета, согласно съ цѣлью общаго образованія, точно установите *minimum* ихъ содержанія, тогда вы, безъ сомнѣнія, не только отыщете надлежащее мѣсто и для естественныхъ наукъ и для классическихъ языковъ, этихъ камней преткновенія въ спорѣ объ учебномъ гимназическомъ устройствѣ, но еще и сдѣлаете значительное сбереженіе времени, потребнаго для домашнихъ работъ гимназистовъ и необходимаго для освѣженія ихъ силъ. „Неумѣренное же и несоотвѣтствующее силамъ и степени развитія учениковъ содержаніе обученія, говоритъ Ротъ, развиваетъ въ нихъ ложь и полузнаніе, отражающіяся и въ наукѣ, и въ жизни“ (Gymnasial-pädagogik. Stuttgart. 1865, стр. 18 — 19). Подъ установленіемъ же наименьшаго содержанія не должно разумѣть одномѣрнаго и без-

различнаго его ограниченія, а соотвѣтственное степени и характеру той образовательной силы, которая въ каждомъ предметѣ заключается. Тѣ предметы, которые наиболѣе возбудительно дѣйствуютъ на умственныя и нравственныя силы учениковъ, которые наиболѣе развиваютъ ихъ самодѣятельность посредствомъ непрерывнаго упражненія ихъ силъ на сообщаемомъ имъ содержаніи, которые даютъ не одно *Wissen*, но и *Können*, какъ говорятъ Нѣмцы, заслуживаютъ предпочтеніе предъ тѣми, главная сила которыхъ состоитъ въ дѣйствіи на память и воображеніе, и такіе предметы, пропорціонально ихъ общеобразовательному значенію, должны естественно занять наибольшую долю времени и труда. Въ числѣ такихъ предметовъ первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ *языкоученію* и *математикѣ*, хотя дѣйствія послѣдней, вращающейся исключительно въ сферѣ чистыхъ отвлеченій и не заключающей въ себѣ нравственнаго элемента въ тѣсномъ смыслѣ, необходимо должно отличаться односторонностію. Нѣтъ нужды входить здѣсь въ оцѣнку общеобразовательнаго значенія этихъ предметовъ, такъ какъ имъ безъ всякаго спора отводится весьма почетное мѣсто въ обоихъ лагеряхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ реальныхъ школахъ допускается господство новыхъ языковъ, а въ гимназіяхъ—древнихъ. Меньшая образовательная сила заключается въ остальныхъ предметахъ гимназическаго обученія—въ исторіи (куда относится также исторія литературы), въ географіи и естественныхъ наукахъ, а потому въ общемъ составѣ учебныхъ предметовъ гимназіи они занимаютъ второстепенное мѣсто. Необходимость присутствія ихъ въ этомъ составѣ оправдывается не столько дѣйствіемъ ихъ на процессъ развитія духовныхъ силъ учащихся, сколько потребностью знакомства съ существенною частью ихъ содержанія для каждаго образованнаго человѣка и заключающимся въ нихъ нравственнымъ элементомъ, такъ какъ гимназія обязана ввести своего воспитанника въ общее содержаніе современной культуры.

Достоинство каждаго предмета гимназическаго обученія прежде всего опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ каждая сообщаемая доля его содержанія, вполнѣ доступнаго степени развитія учащихся, представляетъ средства для возбужденія мысли и для немедленнаго, непрерывнаго и самостоятельнаго упражненія умственныхъ силъ на только-что усвоенномъ содержаніи, для возбужденія самодѣятельности учащихся. Сознательно и при посредствѣ надлежащихъ объясненій усвоенный учебный матеріалъ тогда только вполнѣ благотворно можетъ дѣйствовать на развитіе учениковъ, когда онъ собственною

ихъ работою именно надъ этимъ матеріаломъ обращается въ ихъ плоть и кровь, дѣлается неотъемлемымъ ихъ достояніемъ, вполнѣ приготовленною почвою для принятія дальнѣйшаго содержанія, усвояемаго тѣмъ же порядкомъ. Только при этихъ условіяхъ обученіе можетъ съ полною увѣренностію разчитывать каждый свой шагъ, каждое движеніе впередъ. Усвоеніе учебнаго матеріала, возбужденіе имъ мысли и работа надъ нимъ до выработки самостоятельной производительности въ примѣненіи къ этому матеріалу—таковы существенныя условія дѣйствительно образовательнаго вліянія каждаго предмета гимназическаго обученія. Вотъ почему языкоученіе и математика занимали и всегда будутъ занимать первое мѣсто въ общемъ составѣ учебныхъ предметовъ среднихъ учебныхъ заведеній, и почему всѣ мыслящіе педагоги согласны въ томъ, что эти предметы должны лечь въ основаніе, составлять центръ всей учебной гимназической организація. Если же это правда, то имъ должно принадлежать и неоспоримое право на бо̀льшую долю времени и труда; всѣ же остальные предметы, концентрировавшись въ себѣ самихъ, должны концентрироваться и въ направленіи къ этому центру. Концентрація же эта, при строгомъ соображеніи относительной важности каждаго предмета для общей цѣли гимназическаго образованія, должна состоять, какъ мы замѣтили выше, въ опредѣленіи наименьшаго содержанія, конечно, не въ смыслѣ сокращенія этого содержанія въ тощую, сухую и безжизненную форму, а въ смыслѣ выдѣленія изъ него существеннаго, для основательнаго и сознательнаго усвоенія его учениками.

Никто, разумѣется, не станетъ отвергать образовательнаго значенія естественныхъ наукъ для начальнаго и нагляднаго обученія, когда, при слабомъ развитіи мысли учениковъ, необходимо предлагать имъ такое содержаніе, которое можно разсмотрѣть, осязать, которое можно усвоить прежде всего при непосредственномъ участіи внѣшнихъ чувствъ. Чтобы судить объ этомъ образовательномъ значеніи естественныхъ наукъ, вовсе не нужно быть спеціалистомъ. „Гимназія, не взирая на необходимость концентрировать свою дѣятельность, не имѣетъ права исключать естественныя науки изъ числа своихъ учебныхъ предметовъ, говоритъ одинъ педагогъ, и не потому, что знаніе ихъ составляетъ интегральную часть образованія въ обыкновенномъ его смыслѣ, но потому, что онѣ, по своему развитію и обработкѣ, способны содѣйствовать достиженію общей цѣли гимназическаго образованія. Предметы природы, повсюду встрѣчающіе ученика, способны въ высшей степени приковать его вниманіе и возбудить

любознательность... А потому должно признать естественную исторію важнымъ учебнымъ предметомъ для низшихъ классовъ, и каждую отрасль ихъ тѣмъ болѣе важною, чѣмъ болѣе она возбуждаетъ самодѣятельность. Два часа въ недѣлю въ низшихъ классахъ достаточно для этихъ занятій" (Encycl. I, 859—860). То же утверждаетъ и другой почтенный педагогъ, Крамеръ, назначающій физику для высшихъ классовъ (ibid. III, 188). Ротъ рѣшительно отрицаетъ въ естественно-историческомъ учебномъ матеріалѣ упомянутую нами выше способность возбужденія и упражненія умственныхъ силъ учащихся [1]). Латтманъ, признающій три рода школъ по тремъ основаніямъ — религіи, національности и гуманизму, именно народную школу, гражданскую и гимназію, видитъ въ естественныхъ наукахъ только вспомогательное значеніе, хотя необходимое для всѣхъ трехъ школъ (стр. 30). „Естественныя науки и географія, говоритъ онъ, сообщаютъ только элементы, то-есть, отдѣльныя познанія, подробности, какъ матеріалъ для будущаго систематическаго изученія, а такой характеръ ихъ, очевидно, не можетъ оправдывать введеніе ихъ въ число основныхъ предметовъ гимназическаго обученія. Продолженіе изученія естественныхъ наукъ (то-есть, внѣ гимназіи; сюда же онъ причисляетъ географію, исторію и отечественную литературу) будетъ только распространеніемъ гимназическаго учебнаго матеріала, и сколько бы часовъ ни назначали для нихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и какъ бы ни усовершенствовали методы ихъ преподаванія, онѣ всегда будутъ идти въ ширину, между тѣмъ какъ языкоученіе и математика идутъ въ глубину" (171—175). Считаемъ не лишнимъ также привести здѣсь мнѣніе одного изъ замѣчательныхъ современныхъ педагоговъ, покойнаго Негельсбаха, считавшаго несчастіемъ для себя недостатокъ естественно-историческихъ познаній. „Если языкоученіе идетъ худо, говоритъ онъ, все же ученики научаются при этомъ чему-нибудь, все-таки они могутъ покончить съ Цезаремъ и Ксенофонтомъ; но обученіе естественнымъ наукамъ во всякомъ случаѣ сразу должно быть отличнымъ, въ противномъ случаѣ оно не приноситъ рѣшительно ничего. На религіозныя основанія опираться нечего: наслажденіе величественнымъ твореніемъ Божіимъ не обусловливается естественными науками; все дѣло въ образѣ дѣйствія на учениковъ посредствомъ обученія; и

---

[1]) Gymnasial-Pädag. Стр. 128—129. Ср. стр. 294—297, гдѣ Ротъ допускаетъ занятія естественными науками въ высшихъ классахъ для болѣе развитыхъ учениковъ, чувствующихъ къ тому наклонность, что̀, впрочемъ, не можетъ не представлять весьма важныхъ затрудненій въ практическомъ примѣненіи.

развѣ дары, вложенные Творцомъ въ древнихъ писателей, не божественные дары"? Для развитія же въ ребенкѣ съ раннихъ поръ любви къ природѣ онъ совѣтуетъ побуждать его частнымъ образомъ къ составленію коллекцій предметовъ природы, и если будетъ замѣчена въ немъ наклонность къ этимъ занятіямъ, обращать на него особенное вниманіе. Въ заключеніе онъ тоже предлагаетъ въ самыхъ низшихъ классахъ ботанику (in spielender, nicht aber in angenehmer Weise), а въ высшихъ — физику съ сокращеніемъ для того даже математики; недостающее совѣтуетъ вознаграждать географіей (Roth, Gymnasial-pädagogik, стр. 297—298). Много можно было бы, если бы требовалось, привести мнѣній этого рода весьма авторитетныхъ современныхъ педагоговъ, согласныхъ въ образовательномъ значеніи естественныхъ наукъ для начальнаго, нагляднаго обученія, слѣдовательно, для низшихъ классовъ гимназіи, какъ это и опредѣлено уставомъ 1864 года. Остается только пожелать, чтобъ успѣхъ преподаванія этого предмета у насъ былъ обезпеченъ удовлетворительнымъ руководствомъ, вполнѣ приспособленнымъ къ дѣтскому возрасту; а въ такомъ руководствѣ, сколько намъ извѣстно, чувствуется недостатокъ, тѣмъ болѣе, что достоинство и успѣхъ преподаванія естественныхъ наукъ дѣтямъ прежде всего обусловливается личнымъ достоинствомъ учителей. Недостаточно внести предметъ въ учебный планъ и оправдать это внесеніе общими соображеніями, а необходимо обезпечить его положеніе въ учебномъ заведеніи и ту пользу, которой отъ него ожидаютъ. Намъ неоднократно приходилось присутствовать на естественно-историческихъ урокахъ въ гимназіи, прислушиваться къ преподаванію учителей, пользующихся репутаціею, знающихъ свое дѣло, и при всемъ убѣжденіи въ образовательной важности этого предмета для дѣтскаго возраста, признаемся откровенно, не удавалось подкрѣпить это убѣжденіе на самомъ дѣлѣ. Бесѣды съ спеціалистами оканчивались обыкновенно заключеніемъ о недостаточности допущеннаго руководства, заключающаго въ себѣ сухой перечень названій предметовъ съ ихъ признаками. Сколько можно было замѣтить, весь трудъ ученія почти исключительно сводится на память; самое разсмотрѣніе предметовъ, приносимыхъ обыкновенно въ классъ, при многочисленности учениковъ и при понятной торопливости учителя, обязаннаго спросить заученный урокъ и объяснить слѣдующій, совершается такъ бѣгло и поверхностно, что отъ него и невозможно ожидать той пользы, которую съ такимъ усердіемъ выставляютъ на видъ защитники реализма, желающіе сообщить этому предмету широкіе размѣры

въ гимназическомъ обученіи. Хорошее руководство съ возможно-меньшимъ содержаніемъ, вполнѣ приспособленнымъ къ степени развитія учащихся и дающимъ возможность учителю примѣнить къ дѣлу всѣ пріемы нагляднаго обученія (такъ какъ въ немъ, а не въ самомъ содержаніи, усвоенномъ одною памятью, заключается образовательное вліяніе), а также достоинство личности самого учителя — вотъ существенныя условія дѣйствительнаго успѣха преподаванія естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ.

По тѣмъ же общимъ соображеніямъ, *исторія*, общая и русская, а равно и *исторія отечественной литературы* должны занять второстепенное мѣсто въ ряду предметовъ гимназическаго обученія, а потому, уменьшившись въ своемъ содержаніи, естественно должны требовать для себя меньше времени и труда. Предлагаемый ими учебный матеріалъ не отличается законченностію, опредѣленностію и точностію, какими отличается содержаніе математики и языкоученія, а что главное, на немъ невозможны тѣ непрерывныя упражненія мысли, та самостоятельность и вполнѣ сознательная работа мысли при усвоеніи и воспроизведеніи его, въ которыхъ именно и заключается наибольшая развивающая сила. Историческіе выводы всегда болѣе или менѣе условны и не идутъ дальше вѣроятностей или правдоподобія. Какъ бы ни многочисленны и какъ бы ни искусно сопоставлены были посылки, онѣ никогда не поведутъ къ точнымъ выводамъ, какіе только и должно предлагать въ разсматриваемомъ возрастѣ. Ученики должны усвоивать эти выводы, вмѣстѣ со всѣми предшествующими имъ посылками, на вѣру, со словъ учителя или учебника, — другими словами, дѣйствовать тою же памятью, при весьма слабомъ и вовсе не самостоятельномъ участіи мысли и воображенія [1])... А такое усвоеніе познаній, сообщающее одну только видимость знанія, не можетъ не повлечь за собою и понятнаго нравственнаго вреда, котораго будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше будетъ въ учителѣ притязаній на расширеніе содержанія (что особенно часто встрѣчается) и чѣмъ сильнѣе будетъ въ немъ стремленіе къ обобщенію выводовъ. Ни одинъ, конечно, здравомыслящій педагогъ не повѣритъ въ способность учениковъ сознательно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ историческихъ идей, тѣмъ менѣе за откровеніями Промысла въ жизни народовъ. Критическая оцѣнка событій въ гимназіи также преждевременна; въ этомъ

[1]) См. относящіяся сюда прекрасныя замѣчанія Дёдерлейна въ его «Reden und Aufsätze». 1843 стр. 242.

согласятся съ нами всѣ, какъ и въ томъ, что примѣненіе критики къ обученію исторіи уже принесло гимназіямъ много горькихъ плодовъ, породивъ фразерство, легкое и презрительное отношеніе къ наукѣ и ко всякому серіозному и самостоятельному труду. Полузнаніе или ложное знаніе — таковъ неизбѣжный плодъ несвоевременнаго примѣненія пріемовъ, не свойственныхъ гимназическому преподаванію исторіи. Вотъ почему, по самому свойству учебнаго матеріала, въ примѣненіи къ гимназіямъ, исторія больше чѣмъ какой-либо другой предметъ настоятельно требуетъ возможнаго сокращенія и упрощенія своего содержанія, наибольшей концентраціи, и вотъ почему въ совѣтахъ этого рода многихъ современныхъ педагоговъ нельзя не замѣтить нѣкотораго, понятнаго, впрочемъ, увлеченія: одинъ допускаетъ содержаніе общей исторіи на столько, на сколько оно соприкасается съ отечественною исторіей (Ротъ, 225); другой изгоняетъ исторію изъ числа предметовъ выпускнаго гимназическаго экзамена (Encyclop. III, 196)[1]; третій изгоняетъ совсѣмъ всеобщую исторію изъ гимназій (ibid II. 785) Нельзя, конечно, отрицать образовательнаго значенія исторіи въ гимназіи, но нельзя также не указать на настоятельную потребность брать изъ ея содержанія для гимназіи столько и то, сколько и что̀ принадлежитъ ей, а равно на необходимость безусловнаго изгнанія изъ нея всѣхъ несвойственныхъ гимназическому преподаванію пріемовъ. Нельзя же допустить, чтобы гимназія отказала своему воспитаннику въ томъ, что̀ необходимо каждому образованному человѣку, особенно въ знаніи отечественной исторіи, чтобъ она отказала ему также въ образовательномъ вліяніи принадлежащаго ей историческаго содержанія. Біографическій элементъ для низшихъ классовъ и выдѣленіе важнѣйшихъ, эпоху составляющихъ, событій для основательнаго усвоенія ихъ учениками, съ краткимъ указаніемъ ихъ связи въ общемъ ходѣ событій, для высшихъ классовъ — вотъ все, что̀ нужно для преподаванія исторіи въ гимназіяхъ и чего настоятельно требуетъ разумная концентрація гимназическаго обученія.

Считаемъ долгомъ указать еще на одно обстоятельство относительно будущаго гимназическаго руководства по исторіи. Кому неизвѣстно, что всѣ наши учебники этого рода, составленные преимуще-

[1]) «Устраненіе экзамена изъ Закона Божія и исторіи, говоритъ Крамеръ, вовсе не принесетъ существеннаго вреда, и о торопливомъ приготовленіи къ экзамену, а слѣдовательно, и о происходящемъ отсюда вредѣ больше не можетъ быть рѣчи». Здѣсь же Крамеръ указываетъ и на опыты такого упрощенія выпускнаго экзамена въ Пруссіи.

ственно по чужимъ образцамъ, обходятъ полнѣйшимъ молчаніемъ прошлое, иногда весьма знаменательное, единоплеменныхъ намъ Славянъ, и что отъ того въ нашихъ гимназіяхъ господствуетъ въ этомъ отношеніи абсолютное невѣдѣніе? Есть ли это явленіе нормальное и терпимое? Мы не хотимъ, конечно, утверждать, чтобъ обученіе исторіи въ нашихъ гимназіяхъ поставлено было въ зависимость отъ какихъ бы то ни было политическихъ соображеній (хотя и они имѣютъ право на вниманіе), но глубоко убѣждены, что по большей и понятной близости основаній и условій жизни, вслѣдствіе племеннаго родства, а также по непрерывной и внутренней связи нашего историческаго развитія съ обще-славянскимъ, презрительное, вовсе не идущее къ намъ и взятое на прокатъ у Нѣмцевъ, игнорированье славянства есть явленіе въ высшей степени ненормальное и болѣзненное, настоятельно требующее быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ для его устраненія; мы убѣждены, что каждая связь общеисторическаго матеріала съ міромъ славянскимъ, въ особенности въ отечественной исторіи и литературѣ, должна тотчасъ же служить поводомъ для основательнаго, хотя и краткаго, ознакомленія съ нимъ учащихся, что все въ совокупности будетъ имѣть необходимымъ слѣдствіемъ уясненіе сознанія о немъ въ нашемъ обществѣ. Понятно, что съ этой стороны господствующіе до сихъ поръ учебники потребуютъ существенныхъ измѣненій.

Еще одно замѣчаніе: успѣхъ преподаванія исторіи въ гимназіяхъ, болѣе чѣмъ успѣхъ какого-либо другаго предмета, находится въ зависимости отъ личныхъ достоинствъ и направленія преподавателя. Если направленіе учителя гимназіи какого бы то ни было предмета должно обращать на себя строгое вниманіе, такъ какъ въ этомъ возрастѣ учащіеся не отдѣляютъ предмета обученія отъ личности обучающаго и послѣдняя непрерывно дѣйствуетъ на нихъ всѣмъ своимъ существомъ, воспитывая ихъ или развращая, то направленіе учителя исторіи безусловно важно, такъ какъ оно можетъ тотчасъ же отразиться въ самомъ учебномъ матеріалѣ. „Личность учителя, говоритъ Кампе, хотя вездѣ имѣетъ важное значеніе, но для исторіи, можно сказать, она есть первое, второе и третье условіе успѣха" (Lattm. 131). Всецѣло-русское направленіе есть *conditio sine qua non* каждаго учителя нашихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а еще болѣе, если можно, учителя исторіи. У насъ, по какой-то замѣчательной шаткости убѣжденій, вообще мало обращается вниманія на это обстоятельство, и если Нѣмецъ даже въ высшей сферѣ обученія находитъ неудоб-

ство въ различіи симпатій и антипатій южныхъ и сѣверныхъ Германцевъ (Encycl. IV. 213), то у насъ допускался въ школы, и не только въ качествѣ учителей, а и начальниковъ, элементъ, непримиримо и неизмѣнно враждебное отношеніе котораго ко всему русскому, не допускающее никакихъ исключеній, извѣстно всѣмъ и каждому до ужасающихъ подробностей. По нашему глубокому убѣжденію, если гдѣ, то прежде всего въ учебномъ и воспитательномъ дѣлѣ, безусловно не можетъ быть терпимъ этотъ элементъ. Дѣло обученія — святое дѣло, и какъ святыня, должно быть такъ тщательно охраняемо отъ растлѣнія, что одна мысль о возможности этого растлѣнія должна, казалось бы, побудить немедленно къ рѣшительному изгнанію „продающихъ и купующихъ въ мѣстѣ Святѣ". И кто возьметъ на себя отвѣтственность, кто повѣситъ на свою шею жерновъ осельскій, за соблазнъ дѣтскихъ душъ?... Что можно сказать объ учебномъ заведеніи съ директоромъ или инспекторомъ, зачерпнутыми изъ такого источника?... Но и направленіе учителей изъ домашнихъ источниковъ можетъ быть весьма различно. „Учитель, — говоритъ Тило, — не любящій своего роднаго языка во всей его чистотѣ, не цѣнящій нравовъ и обычаевъ, исторіи и памятниковъ своего отечества, не можетъ быть въ немъ учителемъ. Государство, говоритъ онъ же, можетъ воображать себя безопаснымъ за остріями милліоновъ штыковъ, но если вооруженные штыками не воодушевлены мужествомъ и преданностію отечеству, всѣ штыки не болѣе какъ гнилое дерево; мужество же и преданность отечеству — плодъ нравственной культуры, а учители — люди, охраняющіе и воздѣлывающіе эту культуру. Кто имѣетъ школу, то-есть, учителей, тотъ имѣетъ будущее" (Encycl. IV. 214, 220). Извѣстный педагогъ прошлаго вѣка Роховъ сравниваетъ незамѣтнаго учителя народной школы съ мышью, которая можетъ перегрызть сѣть, запутавшую львиную народную силу.

Въ частности объ *исторіи отечественной литературы* должно сказать только то, что она, въ примѣненіи къ гимназіямъ, также настоятельно требуетъ наибольшей концентраціи. Систематическое и сколько-нибудь подробное ея изложеніе, по нашему рѣшительному мнѣнію, не можетъ имѣть мѣста въ гимназіи, ни по времени, какимъ можетъ располагать послѣдняя, ни по самому свойству своего содержанія въ указанномъ выше обще-образовательномъ отношеніи, ни по степени развитія учащихся, ни наконецъ, по современному ея состоянію, неудобному для гимназическаго преподаванія, требующаго точныхъ выводовъ. Гипотетичность послѣднихъ здѣсь еще больше можетъ

затруднять, чѣмъ въ исторіи, а критическое отношеніе къ историко-литературному матеріалу естественно должно сопровождаться тѣми же, указанными выше, послѣдствіями. Гоньба за системой и идеями, недоступными еще слабо развитому сознанію, способна только оттолкнуть отъ предмета, а скороспѣлость сужденій и выводовъ произведетъ и здѣсь то же полузнаніе, ложь и фразёрство, которыя гораздо хуже незнанія. Чтеніе немногихъ образцовъ устной народной поэзіи, какъ наиболѣе оригинальной, немногихъ произведеній письменной литературы, древней и новой, наиболѣе выражающихъ умственное и нравственное состояніе эпохи, съ доступнымъ для учащихся объясненіемъ каждый разъ рода и вида прочитываемыхъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, при чемъ послѣднее должно замѣнить собою отдѣльное преподаваніе теоріи словесности — вотъ все, что̀ можетъ быть содержаніемъ гимназическаго преподаванія такъ-называемой словесности. Лучшее изъ остальнаго содержанія литературы можетъ быть предметомъ домашняго чтенія, благоразумно руководимаго учителемъ и сопровождаемаго письменнымъ воспроизведеніемъ. Предметный и эстетическій анализъ образцовыхъ литературныхъ произведеній, расплодившійся въ послѣднее время и заслужившій столько справедливыхъ нареканій, можетъ быть допускаемъ только съ большими ограниченіями; въ противномъ случаѣ анализы этого рода могутъ послужить лучшимъ средствомъ противъ образованія въ ученикахъ наклонности и любви къ предмету и къ собственному чтенію, что̀ должно составлять главную задачу учителя и что̀ можетъ обѣщать дѣйствительный успѣхъ и сильное образовательное вліяніе. „Такъ какъ чтеніе образцовыхъ отечественныхъ писателей не требуетъ большаго напряженія силъ, говоритъ Гейландъ, то оно въ ряду предметовъ, требующихъ напряженія, должно служить для учениковъ праздникомъ и отдохновеніемъ; оно можетъ потому именно служить средствомъ для образованія въ ученикѣ человѣка, проникая его благороднѣйшимъ содержаніемъ; оно можетъ возбуждать въ немъ чувство истиннаго, возвышеннаго и прекраснаго“. Не можемъ не привести здѣсь и слѣдующихъ прекрасныхъ мыслей того же писателя о классномъ чтеніи образцовыхъ произведеній отечественной литературы въ гимназіяхъ, такъ какъ эти мысли имѣютъ весьма близкое отношеніе къ нашей учебной практикѣ. „Многіе педагоги, говоритъ онъ, до сихъ поръ относятся съ недовѣріемъ къ значенію и пользѣ занятій въ школѣ образцовыми произведеніями отечественной литературы. Совершенно извращенная метода до такой степени уронила кредитъ этихъ занятій, за-

щищаемыхъ нѣкоторыми съ энтузіазмомъ, что начали снова думать о предоставленіи этого дѣла по прежнему на произволъ судьбы. Эта страсть къ рефлексіи и абстракціи, стремящаяся къ тому, чтобы все довести до яснаго сознанія и тѣмъ разрушить всякую непосредственность наслажденія, много погрѣшила противъ нашихъ поэтовъ. Произведенія нашихъ великихъ драматурговъ раздроблялись по всѣмъ правиламъ логики, разыскивалась идея цѣлаго и связь даннаго произведенія съ общимъ міросозерцаніемъ писателя, разбирались и открывались недостатки и погрѣшности,—словомъ, все художественное произведеніе разсѣкалось на куски ножемъ критики[1]). Въ настоящее время все болѣе и болѣе приходятъ къ убѣжденію (это писано въ 1859 году), что величайшій нравственный вредъ этой методы состоитъ въ опасномъ раздраженіи юношества преждевременною абстракціей и рефлексіей, а также въ питающемъ высокомѣріе поднятіи его до званія непризванныхъ судей надъ тѣми, у ногъ которыхъ оно должно бы было сидѣть съ смиреніемъ. Кто не возмущался и не оскорблялся до глубины души, слыша изъ устъ нашихъ юношей безсознательныя или полусознательныя сужденія о Гёте и Шиллерѣ? Напротивъ, то было время сильныхъ впечатлѣній, когда слова Шиллера пролетали всю Германію, и каждая новая драма вплетала новые цвѣты въ его вѣнокъ, когда Гёте, какъ освободитель, своими произведеніями пробуждалъ народъ отъ усыпленія: тогда смотрѣли на нихъ, какъ Феаки на Демодока, и наивное пониманіе было достояніемъ юношества, хотя школа ни мало тому не помогала. Произведенія Шиллера находили себѣ мѣсто въ *сердцѣ* націи. Наивное пониманіе теперь исчезло. Страсть къ критикѣ, овладѣвшая нашимъ временемъ, знаетъ больше *о* нашихъ поэтахъ, чѣмъ *изъ* нихъ. Сознанію такъ-называемыхъ образованныхъ людей, бросающихся на современныя эфемерныя явленія, представляется ослабѣвающимъ значеніе нашихъ великихъ поэтовъ, хотя теперь о нихъ пишутъ и читаютъ больше. Однимъ словомъ, наши великіе поэты принадлежатъ прошедшему, хотя и близкому, имѣющему однако одни и тѣ же съ настоящимъ основы образованія. Отсюда слѣдуетъ полномочіе школы овладѣть этимъ образовательнымъ средствомъ и раскрыть предъ нашимъ юношествомъ это прошедшее. Чѣмъ ближе къ намъ это послѣднее, тѣмъ больше способъ чтенія долженъ состоять только

[1]) При этомъ нельзя не вспомнить объ опытахъ операцій этого рода, такъ недавно совершавшихся въ нашихъ гимназіяхъ, изъ которыхъ въ одной Акакій Акакіевичъ разсматривался въ 60-ти положеніяхъ («Ревизія С.-Пб. гимназій въ 1865 г.» страп. 71).

въ объясненіи отдѣльныхъ мѣстъ, преимущественно для уразумѣнія содержанія" (Encycl. I. 914, 920—921).

Намъ предлагаютъ еще *психологію и логику*, приставляя ихъ прямо въ русской словесности и возлагая ихъ на отвѣтственность преподавателя послѣдней (См. 2-е изъ мнѣній гг. попечителей). Это предложеніе переноситъ насъ ко времени давно прошедшему. Не доискиваясь причинъ того, почему психологія и логика приставляются именно къ русской словесности, почему, если уже онѣ непремѣнно нужны, не предлагаются какъ отдѣльные предметы, мы скажемъ только, что всегда съ величайшимъ сердечнымъ сокрушеніемъ выслушивали заученныя общія психологическія и логическія опредѣленія и никогда не имѣли мужества провѣрять сознательность усвоенія этихъ опредѣленій. Защитники порядковъ давно прошедшаго времени скажутъ: нельзя же образованному человѣку не знать, чтò такое понятіе, сужденіе, умозаключеніе и т. д., а гимназія есть общеобразовательное учебное заведеніе. Мы отвѣтимъ: все, необходимое въ этомъ отношеніи для образованнаго человѣка, должно найти себѣ общедоступное объясненіе не на однихъ урокахъ русской словесности, и на столько обязательно для каждаго учителя, на сколько отвѣтственно вполнѣ сознательное усвоеніе каждаго урока, хотя на нѣкоторыхъ урокахъ русскаго языка и словесности, при изложеніи синтаксиса, при опредѣленіи родовъ и видовъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, объясненіе это можетъ найти себѣ ближайшій и непосредственный поводъ; но почему должно психологію и логику изучать какъ отдѣльные предметы въ системѣ, и въ такомъ сжатомъ видѣ, этого мы рѣшительно понять не можемъ. Вслѣдствіе такого отдѣльнаго систематическаго изложенія психологіи и логики, и притомъ какъ *составныхъ частей русскаго языка и словесности*, на экзаменѣ для поступленія въ университетъ приходилось нерѣдко встрѣчать слѣдующія интересныя явленія: экзаменующійся, напримѣръ, видимо и сильно затрудняется въ разборѣ предложеній, періодовъ и ихъ составныхъ частей, и въ то же время бойко и безъ ошибки, по руководству, отвѣчаетъ о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ изъ логики, и наоборотъ, вовсе и не догадываясь о взаимномъ отношеніи двухъ предложенныхъ ему вопросовъ.

И чтò это за психологія и логика добраго стараго времени? Предъ нами, напримѣръ: „Краткій очеркъ психологіи", съ эпиграфомъ: «Simplex est sigillum veri», перепечатанный въ 1867 году въ Харьковской университетской типографіи изъ Прибавленій къ № 14 Цир-

куляра по Харьковскому учебному округу за 1866 годъ и прямо назначенный „для ближайшаго примѣненія къ V классу гимназіи, какъ необходимое введеніе въ курсъ словесности“. Все содержаніе этого очерка состоитъ изъ самыхъ общихъ опредѣленій всевозможныхъ проявленій души человѣческой по тремъ извѣстнымъ главнымъ способностямъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ этихъ опредѣленій. „Умъ есть способность мыслить и чрезъ это познавать не только внѣшніе, но и внутренніе признаки вещей, ихъ сущность, значеніе, цѣль и взаимное отношеніе. Тогда какъ воображеніе воспроизводитъ наружную сторону предметовъ,—умъ, или способность мыслительная, въ той же постепенности, проникаетъ въ ихъ внутреннюю сторону. Поэтому, въ развитіи своей дѣятельности, умъ представляетъ также три степени: *смыслъ*, *разсудокъ* и *разумъ*, центральнымъ органомъ которыхъ служитъ головной мозгъ. Совокупная дѣятельность этихъ частныхъ способностей, обусловливаемая извѣстными *законами и формами*, называется *мышленіемъ*... Смыслъ образуетъ *понятіе* о предметѣ. Понятіе конкретное, или связное, есть воспріятіе въ умѣ, одновременно и совмѣстно, многихъ признаковъ, составляющихъ одинъ какой-либо предметъ или родъ предметовъ. Понятіе абстрактное, или отвлеченное, есть воспріятіе въ умѣ одного какого-либо признака, заключающагося въ предметѣ или родѣ предметовъ, но взятаго самостоятельно, отдѣльно отъ самаго предмета“ (стр. 6—7). Далѣе, послѣ перечисленія различныхъ видовъ силлогизмовъ (энтимема, соритъ, дилемма, софизмъ, паралогизмъ), умъ раздѣляется на *теоретическій*, когда онъ преднючтительно предается абстрактному мышленію, обращается къ чистому познанію, и на *практическій*, когда онъ преимущественно предается изслѣдованію явленій конкретныхъ, обращается къ внѣшней, положительной дѣятельности (стр. 9). Чувствованія раздѣляются на жизненныя, интелектуальныя, моральныя, эстетическія и религіозныя; желательная способность раздѣляется на влеченія чувствовательныя, свободу и характеръ. Всѣ эти раздѣленія, разумѣется, имѣютъ свои подраздѣленія. Затѣмъ идутъ опредѣленія внутренняго чувства съ его подраздѣленіями, опредѣленіе духа и души, идеи [1]), и все это заклю-

---

[1]) «Идея не есть синонимъ представленію, понятію или мысли, какъ иногда это слово принимается въ общежитіи, но она и не есть какой-либо новый продуктъ нашихъ способностей. Она есть *сжатая совокупность многихъ частныхъ и притомъ высшихъ представленій, понятій, сужденій и умозаключеній, чувствованій и влеченій, исходящихъ изъ одной главной основы и направленныхъ къ разрѣшенію одной главной задачи;* или же ею можетъ быть обозначено и *отдѣльное*

чается немногими словами о „выраженіи духовной дѣятельности". Мы не будемъ, разумѣется, останавливаться на разборѣ этого „Очерка", такъ какъ онъ самъ говоритъ за себя; скажемъ только: развѣ вся эта совокупность опредѣленій не есть высшая абстракція изъ необозримаго ряда психическихъ процесовъ, недоступныхъ дѣтскому разумѣнію, связанныхъ между собою столь же необозримыми связями, непрерывно сцѣпляющихся и переплетающихся, что̀ видно и изъ самыхъ опредѣленій, и образующихъ одно неразрывное органическое цѣлое? Что ученика V класса можно заставить заучить эти опредѣленія, это вѣрно; что они на всегда могутъ поселить въ немъ отвращеніе, бoязнь къ психологіи, это также вѣрно; но что ученикъ въ состояніи дать себѣ ясный отчетъ въ этомъ содержаніи, отнестись къ нему вполнѣ сознательно, что это содержаніе можетъ дѣйствовать на него образовательно, а не притупляющимъ и истязующимъ образомъ — этого представить себѣ мы рѣшительно не въ состояніи. Мы не говоримъ уже о томъ, на сколько психологично учениковъ V класса, все еще дѣтей, все еще обращенныхъ къ внѣшнему и наглядному міру, заставлять заучивать эту психологію, анализировать внутренній міръ человѣка, хотя бы этотъ анализъ и отличался величайшимъ искусствомъ приближенія этого содержанія къ дѣтскому разумѣнію. Если уже, наконецъ, предлагать психологію для преподаванія въ гимназіяхъ, то во всякомъ случаѣ психологію современную, а не 30-хъ годовъ. Мы, конечно, не возьмемъ на себя труда сопоставлять заключающіяся въ упомянутомъ „Очеркѣ" психологическія опредѣленія съ современными изслѣдованіями въ этой области, такъ какъ „Очеркъ" находится къ этимъ изслѣдованіямъ точно въ такомъ же отношеніи, какъ и любой коротенькій учебникъ психологіи 30-хъ годовъ. Должно также сказать, что опыты введенія въ гимназическое обученіе философскихъ предметовъ: психологіи, логики и философской пропедевтики, были и на Западѣ, и по свидѣтельству уважаемыхъ педагоговъ, были неудачны и вовсе не принесли ожидаемыхъ плодовъ. „Въ языкоученіи, говоритъ одинъ изъ нихъ, ученикъ имѣетъ дѣло съ понятіями, сужденіями и умозаключеніями, въ математикѣ — съ опредѣленіями и доказательствами, въ естественныхъ наукахъ и письменныхъ упражненіяхъ—съ опредѣленіемъ и расположеніемъ. Хотя на почвѣ этихъ

какое-нибудь, но непремѣнно высшее проявленіе той или другой способности, какъ-то: художественное изображеніе, замѣчательная мысль, важная цѣль, при условіи, что такія высшія проявленія взаимно проникаются другъ другомъ» (стр. 21).

упражненій, казалось бы, и не безполезно было привести въ сознаніе учениковъ законы мышленія и путемъ отвлеченія оправдать тѣ разнообразныя операціи, надъ которыми они до сихъ поръ трудились, хотя, казалось бы, и важно этимъ путемъ ввести ихъ въ лабораторію духа; однако нельзя не сознаться, что взглядъ на богатство и важность этой области знаній долженъ принадлежать высшей образовательной сферѣ. Образовательное значеніе опытной психологіи весьма сомнительно, такъ какъ ходячія опредѣленія въ ней не свободны отъ произвола, а умозрительный выводъ душевныхъ способностей и состояній превышаетъ степень развитія учениковъ" (Encycl. I. 696). «Что бы ни говорили въ защиту философской пропедевтики, говоритъ Крамеръ, вѣрно то, что этотъ предметъ вообще принесъ мало плодовъ, а потому онъ и не введенъ въ новый планъ для прусскихъ гимназій. Высказываемая въ этомъ планѣ надежда, что существенное содержаніе этой науки, именно основное ученіе логики, можетъ быть соединено съ обученіемъ нѣмецкому языку, для котораго въ высшемъ классѣ вмѣсто двухъ назначено три часа, развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ осуществиться. Едва-ли гдѣ-нибудь въ гимназіи основательное изложеніе этого предмета можетъ имѣть мѣсто" (Encycl. III. 184). „Истинная и цѣлесообразная логика для гимназій, отъ низшаго класса до высшаго, говоритъ Дейнгардтъ, заключается въ математикѣ и грамматикѣ: математика содержитъ въ себѣ систематическую форму логики, грамматика—ея содержаніе. Въ математикѣ ученикъ пріучается къ доказательному, основательно и съ необходимостію идущему впередъ мышленію, и въ ней предлагается ему образъ и примѣръ организма науки; грамматика развиваетъ въ ученикѣ сознаніе общихъ отношеній мысли, такъ разнообразно упражняетъ въ нихъ и такъ часто повторяетъ эти упражненія, пока относящееся сюда содержаніе не сдѣлается истиннымъ и живымъ достояніемъ учениковъ. Обѣ науки— математика, или пріобрѣтенная посредствомъ нея привычка къ систематическому мышленію, и грамматика, или пріобрѣтенное посредствомъ нея богатство категорій, доставляютъ гимназисту такое оружіе, съ которымъ онъ можетъ проникнуть во всѣ области знанія и преодолѣть какія бы то ни было препятствія къ достиженію знанія" (Gymnasial-unterricht, стр. 64).

Относительно преподаванія *отечественнаго языка* въ гимназіяхъ, для цѣли концентраціи, должно пожелать прежде всего освобожденія его отъ всего излишняго, посторонняго и отдаляющаго отъ цѣли, отъ всѣхъ увлеченій и крайностей такъ-называемаго вещественнаго раз-

бора, отъ всякаго толкованія вкривь и вкось de nihilo et multis aliis. Затѣмъ нельзя не пожелать, чтобъ установлено было необходимое единство и гармонія въ обученіи языкамъ вообще, въ томъ числѣ и русскому, въ низшихъ классахъ гимназіи. Извѣстно, что по уставу 1864 года ученики съ I класса вдругъ начинають обучаться четыремъ языкамъ, а въ реальныхъ гимназіяхъ со II класса присоединяется пятый. Кто понимаетъ весь вредъ той разрозненности гимназическаго преподаванія вообще, при которой каждый учитель ведетъ свое дѣло совершенно отдѣльно и независимо и не считаетъ себя ни мало обязаннымъ справляться, что̀ дѣлается въ то же время на однородныхъ урокахъ другаго учителя, тотъ легко представитъ себѣ и тотъ хаосъ, ту страшную путаницу понятій, которая должна господствовать въ дѣтскихъ головахъ отъ этого многоязычія. А потому нельзя, думаемъ, не отнестись съ сочувствіемъ къ заключенію Харьковскаго учительскаго съѣзда о необходимости, для сообщенія однородности и единства преподаванію, „устранить преподаваніе новаго иностраннаго языка въ I классѣ и преподаваніе латинскаго и русскаго языковъ поручить одному преподавателю русскаго языка“. (Съѣздъ преподавателей русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ Харьковскаго учебнаго округа 6—16 января 1867 г. стр. 35. Что эта мѣра не противорѣчила бы уставу, доказываютъ двѣ приложенныя къ протоколамъ съѣзда сравнительныя таблицы). Кромѣ того, обученіе русскому языку, по нашему мнѣнію, необходимо привести въ органическую связь съ обученіемъ иностраннымъ языкамъ, особенно древнимъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что только этимъ путемъ можетъ быть достигнуто вполнѣ сознательное и образовательное усвоеніе грамматическихъ категорій съ ихъ практическимъ приложеніемъ. «Es ist deshalb ein allgemein anerkannter Grundsatz, говоритъ Латтманъ, dass das Sprachstudium durch eine fremde Sprache vermittelt werden muss» (стр. 45). Извѣстно, что исходя изъ этой точки зрѣнія, многіе педагоги приходятъ къ тому заключенію, что вообще отдѣльное и самостоятельное преподаваніе отечественныхъ языковъ въ гимназіи излишне. (Encycl. I. 913. II. 677 и др.). Извѣстно также, относящееся сюда, рѣзкое мнѣніе Я. Гримма въ предисловіи къ первому изданію его Нѣмецкой Грамматики. „Всѣ учители, говоритъ одинъ изъ почтенныхъ современныхъ педагоговъ (Рюмелинъ), долго и добросовѣстно обучавшіе отечественному языку, въ концѣ приходили къ убѣжденію, что всякое теоретическое и грамматическое его преподаваніе совершенно безцѣльно, и для учениковъ и для учителей мучительно и без-

отрадно, такъ какъ въ ученикахъ нѣтъ еще воспріимчивости къ научному изложенію предмета" (Encycl. I. 938). Какъ бы мы ни относились къ мнѣніямъ этого рода, изъ нихъ во всякомъ случаѣ должно вывести то полезное заключеніе, что усвоеніе учениками грамматическихъ категорій отечественнаго языка не должно совершаться, какъ оно совершалось до сихъ поръ, отдѣльно и независимо отъ одновременнаго усвоенія тѣхъ же знаній по другимъ языкамъ, и что приведеніе въ связь и взаимное соотношеніе того и другаго безусловно необходимо. Извѣстно, что отечественный языкъ объективируется труднѣе и что это объективированіе нарушаетъ свѣжесть и непосредственность впечатлѣній, производимыхъ на дѣтей ихъ роднымъ языкомъ, какъ явленіемъ органическимъ. Наоборотъ, при посредствѣ иностраннаго, усвоеніе формъ отечественнаго языка можетъ совершаться вполнѣ сознательно, и въ этомъ отношеніи чѣмъ отдаленнѣе этотъ посредствующій языкъ отъ своего, чѣмъ болѣе своеобразности и рѣзкихъ отличій заключаетъ онъ, какъ каждый изъ древнихъ языковъ, тѣмъ лучше. Всѣ эти соображенія, на первый разъ, ведутъ по крайней мѣрѣ къ тому, какъ необходимо установленіе единства и согласія въ обученіи языкамъ въ первыхъ классахъ нашихъ гимназій, хотя бы на столько, на сколько это возможно безъ нарушенія существенныхъ, относящихся сюда, опредѣленій устава. Церковно-славянскій языкъ, въ его тѣсной и внутренней связи съ русскимъ, долженъ служить въ этомъ отношеніи важнѣйшимъ пособіемъ, а для реальныхъ гимназій, при отсутствіи въ нихъ древнихъ языковъ, онъ незамѣнимъ, и тѣ изъ реалистовъ, которые относятся къ нему съ небрежностію и невниманіемъ, сами, можетъ-быть, не вполнѣ понимая того, отнимаютъ у себя драгоцѣнное орудіе для достиженія общеобразовательной цѣли посредствомъ языкоученія, которой они, разумѣется, не могутъ не имѣть въ виду [1]).

При правильной и цѣлесообразной концентраціи всѣхъ названныхъ нами выше предметовъ, *письменныя упражненія*, каковы бы ни были ихъ виды и формы, должны непрерывно сопровождать гимназиста во все время его обученія въ гимназіи, со дня поступленія въ нее

---

[1]) Относительно важности церковно-славянскаго языка въ гимназическомъ преподаваніи вообще, нельзя не заявить полнаго сочувствія тому взгляду, какой выраженъ недавно въ статьѣ г. Буслаева (*Журн. Мин. Народн. Просв.* январь 1867 г.), и въ статьѣ П. Л. (*Филологич. Зап.* 1866 г. вып. 2 и 3-й. См. также съѣздъ преподавателей русскаго языка и словесности по Харьковскому учебному округу 1867 г.).

до выхода изъ нея. Nulla dies sine linea—это правило должно быть написано при входѣ въ каждую гимназію. Вѣрно или нѣтъ, но внимательное и продолжительное наблюденіе надъ учебнымъ дѣломъ въ нашихъ гимназіяхъ привело насъ къ тому убѣжденію, что одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности результатовъ гимназическаго обученія, на которую такъ привыкли жаловаться и которая въ послѣднія два десятилѣтія вызывала непрерывный рядъ мѣръ, видоизмѣнявшихъ учебный гимназическій порядокъ, должно считать недостатокъ самодѣятельности учениковъ, недостатокъ упражненія собственныхъ ихъ силъ на сообщаемомъ имъ учебномъ матеріалѣ,—словомъ, недостатокъ всевозможныхъ письменныхъ работъ. Слушанье и говоренье—вотъ двѣ формы, въ которыхъ движется все наше гимназическое обученіе, и въ этомъ отношеніи, особенно по нѣкоторымъ предметамъ, наши гимназіи по справедливости можно назвать университетами въ миніатюрѣ. Что же отсюда выходитъ? Ученики непрерывно слушаютъ, заучиваютъ выслушанное, отдаютъ отчетъ въ заученномъ, и въ самомъ благопріятномъ случаѣ кончаютъ дѣло тѣмъ, что благополучно доносятъ все накопившееся разнообразное содержаніе до окончательнаго экзамена, сдаютъ его учителю по принадлежности, какъ бы для сложенія въ гимназическій архивъ, и облегченные отъ этой неудобоносимой тяжести, съ радостію оставляютъ гимназію, забывая скоро все, чему ихъ тамъ учили. Наибольшей же ихъ части, какъ извѣстно, не бываетъ суждено донести это бремя до мѣста его назначенія, по причинѣ его неудобоносимости. Въ неблагопріятномъ же случаѣ,—назовите его, пожалуй, аномаліей,—дѣло рѣшается тѣмъ, что ученикъ, оканчивающій курсъ въ гимназіи, не можетъ связно и грамматически правильно изложить двѣ-три мысли на бумагѣ. На съѣздѣ учителей русскаго языка и словесности, бывшемъ въ Харьковѣ въ январѣ нынѣшняго года, опредѣлено было большинствомъ голосовъ ограничить число письменныхъ упражненій въ низшихъ классахъ *однимъ* въ теченіе мѣсяца, по причинѣ „многочисленности учениковъ и происходящей отсюда затруднительности исправленія и точнаго пересмотра всѣхъ упражненій“, а для высшихъ классовъ назначено „не менѣе одного класснаго упражненія въ мѣсяцъ и одного домашняго въ полугодіе“ (стр. 31 и 67). Читатель, знакомый съ ходомъ дѣла, нисколько не удивится этому опредѣленію и найдетъ его совершенно естественнымъ. Все дѣло въ томъ, что у насъ, по совершенно невѣрному, хотя и искони утвердившемуся взгляду, веденіе всѣхъ письменныхъ работъ возложено исключительно

на обязанность и отвѣтственность учителей русскаго языка и словесности, которымъ, при многочисленности учениковъ въ низшихъ классахъ и при обиліи и разнообразіи содержанія обученія въ высшихъ, дѣйствительно нѣтъ никакой возможности управиться съ большимъ числомъ письменныхъ упражненій. Все дѣло — въ совершенно ложномъ взглядѣ на цѣль занятій этого рода, въ томъ, что имѣется въ виду только формальная ихъ сторона, грамматическая правильность и связность изложенія, между тѣмъ какъ письменныя упражненія должны составлять интегральную часть занятій по каждому предмету, для самостоятельнаго и вполнѣ сознательнаго усвоенія его содержанія, для укрѣпленія его въ памяти, для возбужденія собственной производительности на сообщаемомъ матеріалѣ и для пріученія къ ней. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ непрерывныхъ письменныхъ упражненій утрачивается наибольшая и наилучшая доля образовательнаго вліянія каждаго предмета, та доля, которая, такъ-сказать, увѣковѣчиваетъ знаніе въ ученикѣ, сообщаетъ ему силу и производительность; остающаяся за тѣмъ доля большею частію, какъ замѣчено выше, оставляетъ гимназиста за порогомъ гимназіи. Таковы послѣдствія ложнаго взгляда на дѣло, слагаемое на отвѣтственность одного учителя, подавляемаго его бременемъ, хотя и одинаково съ прочими вознаграждаемаго. Всѣ учители должны принимать непрерывное и непосредственное участіе въ письменныхъ работахъ учениковъ — это истина, которая не можетъ подлежать никакому возраженію и отъ проведенія которой зависитъ дѣйствительный успѣхъ гимназическаго образованія [1]). Письменныя работы — нейтральная почва, на которой должны сходиться всѣ учители и которая должна весьма сильно дѣй-

[1]) Какое значеніе придаютъ, напримѣръ, въ Пруссіи письменнымъ упражненіямъ, точно выражающимъ степень развитія учениковъ, видно изъ того, что тамъ окончательный гимназическій экзаменъ все болѣе и болѣе сводится на письменныя работы. «Все дѣло, говоритъ Крамеръ, ограничивается нѣмецкимъ сочиненіемъ (и пожалуй, французскимъ письмомъ), письменными и устными отвѣтами по древнимъ языкамъ и математикѣ. Устраненіе экзамена изъ закона Божія и исторіи не можетъ имѣть никакого существеннаго вреда; съ этимъ устраненіемъ не можетъ быть рѣчи о торопливомъ приготовленіи къ экзамену и о происходящемъ отсюда разрушительномъ вліяніи экзамена на ходъ гимназическихъ занятій. Чѣмъ болѣе экзаменъ будетъ освобождаться отъ внѣшняго и механическаго элемента, тѣмъ вѣрнѣе будетъ достигаться дѣйствительная его цѣль — окончательно узнать и провѣрить образованіе, пріобрѣтенное ученикомъ, и тѣмъ благотворнѣе онъ будетъ дѣйствовать на общее благосостояніе гимназіи». (Encycl. I. 196).

ствовать на ослабленіе другаго важнаго недостатка нашихъ гимназій, на который также нерѣдко указывали,—на разрозненность дѣятельности учащихъ, на ихъ изолированность, на отсутствіе общей связи и гармоніи въ ихъ совокупной дѣятельности, безъ которыхъ, разумѣется, невозможно достиженіе общей цѣли гимназическаго образованія. Дѣло гимназическихъ совѣтовъ установить порядокъ занятій этого рода согласно съ временемъ и силами учащихся. Понятно, что этотъ порядокъ, вводящій въ участіе въ письменныхъ упражненіяхъ гимназистовъ всѣхъ учителей безъ исключенія, возможенъ только при сильномъ сокращеніи и упрощеніи учебнаго матеріала по всѣмъ предметамъ, при сильной ихъ концентраціи, при существующемъ же матеріалѣ нельзя и думать о прочномъ установленіи этого порядка.

Мы перечислили всѣ предметы занятій въ гимназіи, которые позволяемъ себѣ назвать *второстепенными,* за исключеніемъ письменныхъ упражненій, которыя принадлежатъ къ главнымъ и входящимъ въ дѣятельность каждаго учителя. Затѣмъ всѣ остальные предметы, то-есть, языкоученіе съ одной стороны и математика съ физикой съ другой, должны составлять главную почву, основу, центръ всего гимназическаго обученія. Вокругъ послѣднихъ, какъ главныхъ, должны быть сгруппированы, концентрированы всѣ второстепенные предметы, концентрировавшись сами въ себѣ, соотвѣтственно ихъ относительной важности для цѣли общаго образованія. Тогда только учебное дѣло въ гимназіи получитъ видъ стройнаго организма, а дѣятельность каждаго учителя—точный и опредѣленный характеръ въ экстенсивномъ и интенсивномъ смыслѣ, тогда только гимназіи будутъ выполнять свое назначеніе—воспитывать посредствомъ обученія и приготовлять къ послѣдующимъ занятіямъ въ университетѣ [1]). Не касаясь въ настоящемъ

[1]) Дѣйствительная концентрація можетъ быть только тогда, когда каждый учитель, воздѣлывая отмежеванную ему полосу, имѣетъ постоянно въ виду всю совокупность предметовъ обученія и съ нею соображаетъ свою собственную дѣятельность. Не столько вредна многопредметность сама по себѣ, сколько раздробленность, разрозненность учебнаго матеріала, разрывающая вниманіе учащихся, и проистекающая отсюда разрозненность въ дѣятельности учителей. Дѣти могутъ работать много и съ охотой, безъ вреда для здоровья — это знаетъ каждый, кто серіозно наблюдалъ надъ ними; но ихъ охота предполагаетъ прежде всего интересъ, какой они сами находятъ въ своей работѣ. Все дѣло въ томъ, чтобъ умѣть захватить эту силу, которая заключается въ нихъ самихъ, и умѣючи направить ее на ихъ собственное образованіе. Успѣйте въ этомъ, и тогда не бойтесь двухъ-трехъ лишнихъ часовъ ихъ занятій; тогда вы поселите радость въ школѣ и изгоните скуку и плачъ. Дѣтская природа сама сумѣетъ вознагра-

случаѣ математики и физики, представляющихъ менѣе недоумѣній, остановимся нѣсколько на *языкоученіи*, на сколько это нужно для цѣли нашей статьи, то-есть, для замѣчаній на мнѣнія гг. попечителей относительно этого предмета. Тѣмъ болѣе считаемъ излишнимъ распространяться объ общеобразовательномъ значеніи языкоученія вообще и древнихъ языковъ въ особенности, что это значеніе признается въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ — реальномъ и классическомъ. Если реалисты признаютъ общеобразовательное значеніе языкоученія только въ примѣненіи къ новымъ языкамъ и для того, то-есть, именно по вниманію къ ихъ общеобразовательному значенію, а не къ практической пользѣ (въ чемъ нельзя сомнѣваться), отводятъ имъ почетное мѣсто въ ряду учебныхъ предметовъ реальныхъ гимназій: то они, оставаясь послѣдовательными, и не могутъ отказывать въ томъ же значеніи древнимъ языкамъ, тѣмъ болѣе, что они не могутъ же отказаться отъ мысли, что древніе языки, уже по одному богатству формъ, важнѣе въ этомъ отношеніи новыхъ. О практической пользѣ послѣднихъ они здѣсь говорить не могутъ, да и странно было бы для практическихъ цѣлей назначать для нихъ по 22 и 24 часа въ недѣлю во всѣхъ классахъ. Извѣстно, что даже нѣмецкія реальныя школы (не гимназіи) ввели у себя латинскій языкъ, именно не для практическихъ цѣлей.

Въ одномъ изъ мнѣній гг. попечителей (2-е мнѣніе) сказано, что „изученіе многочисленныхъ формъ этимологическихъ служитъ только къ обогащенію памяти, а не мыслительной способности“ (стр. 6-я). Признаемся откровенно, это мѣсто разбираемаго нами мнѣнія привело насъ въ крайнее недоумѣніе относительно выраженнаго въ немъ взгляда на языкъ вообще и на смыслъ и значеніе языкоученія въ частности. Что же такое этимологическія формы? Лишнія приставки къ языку, которыя требуется заучить на память? Этимологическія формы суть средства, которыми владѣетъ языкъ для выраженія всевозможныхъ

дитъ себя за лишній часъ труда безъ искусственной гимнастики (хотя мы вполнѣ понимаемъ ея пользу), отыщетъ себѣ средство для этого вознагражденія. Если нужно свидѣтельство врача, то его приводитъ Латтманъ. Это свидѣтельство положительно утверждаетъ, что время, назначенное для занятій въ нѣмецкой гимназіи (30 — 32 часа въ недѣлю), вовсе не превышаетъ дѣтскія силы. «Я даже думаю, говоритъ докторъ, что число предметовъ обученія могло бы быть значительно увеличено безъ малѣйшаго вреда для здоровья, если только поддерживать равновѣсіе тѣлесныхъ силъ посредствомъ соотвѣтствующаго имъ упражненія, правильнаго раздѣленія времени между тѣлеснымъ и духовнымъ напряженіемъ и посредствомъ своевременнаго отдохновенія». (Lattm. стр. 97).

явленій и отношеній мысли въ процессѣ ея движенія, и тѣмъ богаче и разнообразнѣе эти формы, тѣмъ больше разнообразія, раздѣльности, точности въ выраженіяхъ этихъ явленій и отношеній мысли. Не въ заучиваніи этимологическихъ формъ заключается образовательная сила языкоученія, какъ сказано во 2-мъ мнѣніи (для чего можно было бы взять страницу изъ любаго лексикона), а въ пріятной работѣ дѣтскаго ума надъ отысканіемъ средствъ въ родномъ языкѣ, при меньшемъ богатствѣ формъ, для выраженія этихъ отношеній мысли и ихъ оттѣнковъ,—въ весьма трудномъ, потому и въ высшей степени образовательномъ, процессѣ перенесенія мысли, уложившейся въ своеобразную форму классическаго языка и нашедшей въ ней богатыя средства для своего выраженія, въ родной языкъ, имѣющій также своеобразную форму, свой складъ и свои средства для выраженія тѣхъ же отношеній мысли и ихъ оттѣнковъ. Въ этой-то работѣ, въ этомъ трудномъ процессѣ и заключается та гимнастика ума, о которой упоминаетъ разбираемое мнѣніе, но о которой, смѣемъ думать, авторъ его имѣетъ весьма смутное представленіе; въ противномъ случаѣ онъ не сказалъ бы, что для нея достаточно одного латинскаго языка, и что большее богатство и разнообразіе этимологическихъ формъ въ греческомъ языкѣ сравнительно съ латинскимъ — дѣло одной памяти.

Итакъ, если не можетъ подлежать сомнѣнію та мысль, что древніе языки, сами по себѣ (независимо отъ ихъ литературы), по самому своему устройству и складу, заключаютъ въ себѣ больше средствъ для упражненія и развитія умственныхъ силъ учащихся, въ чемъ же дѣло? Реалисты не желаютъ вообще древнихъ языковъ и тѣмъ самымъ отказываютъ себѣ въ той силѣ развитія, какая заключается въ особенности ихъ склада сравнительно съ новыми языками: это ихъ дѣло; можно жалѣть, что эту развивающую силу обходитъ цѣлый разрядъ учебныхъ заведеній и ждать сближенія отъ времени. Они желаютъ ограничить развивающее дѣйствіе языкоученія однимъ новымъ языкомъ: это также ихъ дѣло; остается только отмѣтить непослѣдовательность ихъ въ томъ, что если новые языки допускаются ими въ широкихъ размѣрахъ въ видахъ ихъ общеобразовательнаго значенія (въ чемъ, повторяемъ, нельзя сомнѣваться), то, казалось бы, по меньшей мѣрѣ, не слѣдовало бы преслѣдовать древніе языки, имѣющіе, уже какъ языки, однородное съ ними образовательное значеніе.

Какъ бы то ни было, вѣрно то, что общее дѣло языкоученія, въ примѣненіи къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, раздвоилось: образовались два враждебные лагеря — новыхъ и древнихъ языковъ. Уставъ

1864 года узаконилъ это раздвоеніе и тѣмъ принесъ большую пользу дѣлу обученія, уже потому, что опредѣлилъ положеніе и взаимныя отношенія двухъ тяжущихся сторонъ, хотя мы увѣрены, что дуализмъ есть явленіе временное и переходное. Держась строго смысла этого новаго гимназическаго устава и полагая, что нельзя же думать о какомъ-либо существенномъ его измѣненіи, тѣмъ болѣе отмѣнѣ, и имѣя въ виду въ настоящемъ случаѣ только возраженія, направляемыя главнымъ образомъ противъ греческаго языка въ классическихъ гимназіяхъ, за которыми даже сохраняется названіе классическихъ, мы почитаемъ совершенно излишнимъ выступать на обширное поле общаго вопроса объ образовательномъ значеніи классическихъ языковъ и литературъ и будемъ держаться въ предѣлахъ упомянутыхъ возраженій. Но прежде позволимъ себѣ одно общее замѣчаніе о положеніи *новыхъ языковъ* въ нашихъ гимназіяхъ.

Принимая во вниманіе положеніе ихъ въ нашихъ гимназіяхъ, по нашему мнѣнію, даже нельзя вести серіознаго спора о преимуществахъ новыхъ языковъ предъ древними, или наоборотъ, въ общеобразовательномъ смыслѣ, такъ какъ силы на той и на другой сторонѣ далеко не равныя. На одной сторонѣ видимъ учителей, вооруженныхъ всѣми средствами для достиженія цѣли, основательнымъ факультетскимъ образованіемъ и спеціальнымъ классическимъ, на другой — учителей, будемъ говорить откровенно, въ огромномъ большинствѣ съ самымъ поверхностнымъ общимъ образованіемъ, которое едва-ли даже можетъ быть благопріятно для нихъ сопоставлено съ тѣмъ же образованіемъ ихъ учениковъ въ высшихъ классахъ гимназіи, учителей, едва-ли способныхъ ясно и отчетливо сознавать ту развивающую силу, которая заключается въ новыхъ языкахъ. Послѣдніе, очевидно, могутъ имѣть въ виду только практическія цѣли и дѣйствовать, какъ то обыкновенно и бываетъ, посредствомъ болѣе или менѣе механическихъ пріемовъ. Достигаютъ ли они этихъ цѣлей — это другое дѣло; можно только думать, что многочисленность учениковъ должна представлять въ этомъ случаѣ величайшее затрудненіе; позволительно также, на основаніи многочисленныхъ опытовъ, выразить сомнѣніе въ томъ, чтобы кто-либо изъ начавшихъ учиться новымъ языкамъ въ гимназіи могъ въ ней же вполнѣ овладѣть ими практически; исключенія, конечно, возможны. Если въ Германіи возстаютъ противъ этихъ routinirte Sprachmeister, противъ которыхъ уже давно приняты мѣры (Encycl. I, 860), то еще болѣе рѣшительныхъ и быстрыхъ мѣръ противъ нихъ должно желать у насъ, гдѣ отъ нихъ издавна страдаетъ не только обществен-

ное, но и частное воспитаніе и обученіе. Какъ бы то ни было, эти практическія цѣли имѣютъ мало общаго съ образовательными цѣлями. А потому, чтобы вести споръ не для словъ и фразъ, а для пользы дѣла, нужно прежде всего позаботиться обезпечить за новыми языками полную возможность дѣйствовать на учениковъ образовательно въ той степени, какъ дѣйствуютъ на нихъ древніе языки. Изъ примѣчанія къ § 26 устава видно, что это неравенство силъ усмотрѣно, и принята мѣра къ его удаленію; но съ одной стороны, нѣтъ сомнѣнія, что пройдетъ еще много времени до того, когда всѣ мѣста учителей новыхъ языковъ будутъ заняты окончившими *университетскій курсъ*, такъ какъ дѣятельность опредѣляемыхъ на прежнемъ основаніи учителей легко можетъ пережить самый уставъ; съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что общее выраженіе примѣчанія: „до приготовленія кандидатовъ на эти должности изъ окончившихъ университетскій курсъ", даже при полномъ и быстромъ осуществленіи этой мѣры, не можетъ привести къ полному уравненію силъ: будущіе учители новыхъ языковъ изъ окончившихъ университетскій курсъ по всѣмъ факультетамъ, кромѣ историко-филологическаго, по весьма понятнымъ причинамъ, никакъ не могутъ быть приравнены къ учителямъ тѣхъ же предметовъ изъ окончившихъ курсъ въ послѣднемъ. Это обстоятельство, въ практическомъ примѣненіи, весьма важно, и его никакъ нельзя упускать изъ вида, при надлежащемъ обсужденіи образовательнаго значенія новыхъ языковъ, замѣняющихъ въ реальныхъ гимназіяхъ древніе. Замѣчательно, что наши защитники новыхъ и противники древнихъ языковъ обыкновенно умалчиваютъ о немъ, вращаясь въ сферѣ общихъ соображеній, между тѣмъ какъ оно, очевидно, касается самаго существа дѣла — возможности общаго развитія посредствомъ новыхъ языковъ.

Какъ же понимать, что авторъ разбираемаго нами мнѣнія, которому не можетъ же быть неизвѣстно настоящее положеніе новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ и отъ котораго не должна же ускользнуть неудовлетворительность мѣры, предлагаемой примѣчаніемъ въ § 26 устава, съ рѣшительностію, достойною лучшаго дѣла, не только сопоставляетъ въ этомъ отношеніи греческій языкъ съ нѣмецкимъ, но и прямо отдаетъ предпочтеніе послѣднему? Смѣемъ думать, что это одна изъ тѣхъ мыслей (а изъ нихъ, безъ исключенія, состоитъ все мнѣніе, напечатанное на второмъ мѣстѣ), которыя могутъ привести въ сильное недоумѣніе и произвести тяжелое впечатлѣніе. Автора этого мнѣнія, повидимому, сильно возмущаетъ мысль, что повсемѣст-

ное введеніе въ гимназіи греческаго языка, съ обязательностію одного только новаго, по точному смыслу устава, *можетъ* угрожать благоденствію нѣмецкаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, такъ какъ гимназисты *навѣрное* будутъ предпочитать французскій языкъ нѣмецкому, по его большей легкости и распространенности. Считаемъ долгомъ выписать здѣсь нѣсколько относящихся сюда строкъ: „Такимъ образомъ введеніе греческаго языка, говоритъ нашъ авторъ, представляется почти равносильнымъ изгнанію нѣмецкаго, и спрашивается теперь, выиграетъ ли наше образованіе или потеряетъ отъ такого оборота дѣлъ? Отвѣчаю не обинуясь: потеряетъ. Знанія, пріобрѣтенныя по греческому языку, весьма скоро безслѣдно испарятся изъ головы учениковъ, по выходѣ ихъ изъ гимназіи; незнаніе нѣмецкаго языка отразится на всей будущей ихъ дѣятельности. Какъ молодой человѣкъ будетъ заниматься въ университетѣ философіей, филологіей, историческими науками, юридическими, медицинскими, технологіей, агрономіей и проч., не зная нѣмецкаго языка? Быть-можетъ, по части наукъ математическихъ французскіе ученые имѣютъ преимущество; но и только. Притомъ нѣмецкій языкъ на столько труденъ, что его непремѣнно надобно начинать съ дѣтскаго возраста; въ особенности труденъ языкъ ученый, котораго въ зрѣломъ возрастѣ уже не одолѣешь; съ другой стороны, нѣмецкій языкъ имѣетъ перевѣсъ надъ прочими европейскими языками, потому что на немъ сколько-нибудь замѣчательное сочиненіе французское, англійское и т. д. тотчасъ является въ переводѣ, и нерѣдко въ переводѣ лучшемъ, чѣмъ самый подлинникъ, такъ какъ переводъ снабжается дѣльными замѣчаніями и дополненіями. Всего этого никакъ нельзя сказать о какомъ-либо другомъ языкѣ, а тѣмъ болѣе о греческомъ. Итакъ, я смѣло утверждаю, что съ постепеннымъ введеніемъ въ наши гимназіи обязательности греческаго языка и съ неизбѣжнымъ соотвѣтственно тому ослабленіемъ нѣмецкаго языка, чрезъ нѣсколько поколѣній, общій уровень нашего образованія окажется не возвысившимся, а понизившимся“ (стр. 7-я). Трудно, кажется, говорить съ большимъ убѣжденіемъ и съ большею рѣшительностію, а между тѣмъ вся эта аргументація, отъ перваго слова до послѣдняго, не можетъ быть принята, такъ какъ она вся построена на непониманіи (хотя и непонятномъ) настоящаго (и пожалуй, будущаго) положенія нѣмецкаго языка въ гимназіи и его отношенія къ греческому языку въ общеобразовательномъ смыслѣ. „Знанія, читаемъ мы, пріобрѣтенныя по греческому языку, весьма скоро безслѣдно испарятся изъ головы учениковъ, по выходѣ ихъ

изъ гимназіи". Прежде всего здѣсь не можетъ не остановить на себѣ вниманія взглядъ автора на психологическое вліяніе обученія вообще [1]). Мы до сихъ поръ думали, что каждый предметъ обученія, какъ бы даже ни было незначительно его вліяніе, непремѣнно оставляетъ слѣдъ въ душѣ учащагося; если бы даже это вліяніе дѣйствовало просто притупляющимъ образомъ на способности, и тогда оно оставило бы слѣдъ, хотя бы и притупленіе способностей; механическое заучиваніе словъ изъ лексикона, вовсе не дѣйствуя на общее развитіе, непремѣнно оставляетъ слѣдъ въ памяти и т. д. Мысль эта, какъ всякій видитъ, относится къ азбукѣ психологіи. Мы до сихъ поръ думали, что если даже самое содержаніе какого-либо предмета обученія въ его подробномъ развитіи и дѣйствительно въ послѣдствіи испарится изъ головы учениковъ, то слѣдъ-то, произведенный имъ въ душѣ, останется, и тѣмъ болѣе глубокій, чѣмъ сильнѣе предметъ дѣйствовалъ на общее развитіе; что если, напримѣръ, изучавшій прилежно математику гимназистъ, обратившись послѣ къ другимъ занятіямъ, и забудетъ мало по малу самое содержаніе предмета, то вліяніе, какое математика произвела на его общее развитіе, сообщивъ его мышленію основательность, точность и строгую послѣдовательность, останется навсегда при немъ, будетъ сопровождать его до конца жизни. Въ томъ-то и состоитъ образовательное значеніе обученія, что оно дѣйствуетъ своимъ содержаніемъ прежде всего какъ средствомъ для развитія всѣхъ силъ и способностей учащихся. Обратится въ послѣдствіи гимназистъ къ ученымъ спеціальнымъ занятіямъ, онъ приступитъ къ нимъ во всеоружіи общаго развитія, при чемъ пригодится и та доля содержанія гимназическаго обученія, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ избранной имъ спеціальности; обратится онъ къ практической жизни, то же общее развитіе поможетъ ему оріентироваться въ ней и обезпечитъ вѣрный успѣхъ за его дѣятельностію. Среднія учебныя заведенія потому и называются общеобразовательными, что въ нихъ все учебное дѣло, и содержаніе, и форма, установляется прежде всего и главнымъ образомъ въ интересахъ этого общаго развитія; практическія цѣли могутъ имѣть мѣсто здѣсь на столько, на сколько онѣ могутъ быть достигаемы какъ необходимое слѣдствіе усвоенія общеобразовательнаго содержанія. Древніе языки, не по преданію и не по слѣпому пристрастію, принадле-

---

[1]) Просимъ замѣтить, что то же мнѣніе настаиваетъ на непремѣнномъ введеніи психологіи въ гимназіи.

жать и всегда будутъ принадлежать къ важнѣйшимъ образовательнымъ средствамъ, а потому что они съ наибольшею силою, напряженностію и разнообразіемъ дѣйствуютъ на общее развитіе, и это дѣйствіе оставляетъ по себѣ такой слѣдъ, который будетъ производить непрерывное вліяніе на всю послѣдующую духовную дѣятельность, хотя бы владѣющій этимъ слѣдомъ позабылъ не только спрягать τύπτω, но даже и греческую азбуку, если можно. Мы позабываемъ обыкновенно наибольшую часть содержанія гимназическаго обученія, остановившись на одной какой-либо отрасли знаній, но отсюда еще не слѣдуетъ изгнаніе всей этой части изъ гимназіи, что оказалось бы нужнымъ съ принятіемъ теоріи о безслѣдной пропажѣ знаній. При такомъ непониманіи психологическаго вліянія обученія, процесса и цѣли общаго развитія, естественно предпочтеніе нѣмецкаго языка греческому единственно и исключительно на основаніи практическихъ цѣлей. И какія же это цѣли, невниманіе къ которымъ отразится на всей будущей дѣятельности учениковъ? Всѣ онѣ сводятся на одну — *чтеніе нѣмецкихъ книгъ*, оригинальныхъ и переводныхъ. Никто, конечно, не станетъ говорить противъ пользы чтенія нѣмецкихъ книгъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и необходимости; но неужели же можно думать, что обученіе нѣмецкому языку въ гимназіяхъ, начинающееся съ перваго класса и оканчивающееся седьмымъ, обученіе, для котораго назначено въ классическихъ гимназіяхъ 19 часовъ, а въ реальныхъ 24 часа, имѣетъ единственною цѣлью *чтеніе нѣмецкихъ книгъ?* Если бы обученіе греческому языку имѣло только ту же цѣль — чтеніе греческихъ книгъ, и латинскому — латинскихъ, то дѣйствительно слѣдовало бы немедленно же озаботиться рѣшительнымъ и скорѣйшимъ изгнаніемъ этихъ языковъ изъ гимназіи уже потому, что всѣ лучшія и важнѣйшія произведенія на этихъ языкахъ переведены на всевозможные новѣйшіе языки, хотя бы эти переводы и не давали полнаго и точнаго понятія о подлинникахъ; игра не стоитъ свѣчь. Въ томъ-то и дѣло, что побужденія, которыя заставляютъ отстаивать древніе языки въ гимназіяхъ и которыя ввели ихъ въ уставъ 1864 г., вовсе не тѣ, о какихъ только и знаетъ разбираемое нами мнѣніе. Если бы въ основаніи обученія новымъ языкамъ въ гимназіяхъ лежала эта практическая цѣль, то совершенно достаточно было бы назначить для нихъ въ послѣднихъ двухъ классахъ не болѣе 2-хъ часовъ въ недѣлю, потому что для учениковъ, усвоившихъ уже сознательно всѣ грамматическія категоріи, нѣмецкая

грамматика не представила бы никакого затрудненія, и понадобился бы только запасъ словъ и упражненіе въ переводѣ. Такъ дѣйствительно и думаютъ лучшіе нѣмецкіе педагоги (Encycl. I, 188). Напрасно думаетъ нашъ авторъ, что „нѣмецкій языкъ на столько труденъ, что его непремѣнно надобно начинать съ дѣтскаго возраста". Для ученика, усвоившаго себѣ строй хоть бы одного древняго языка, нѣмецкій языкъ не можетъ представлять большихъ затрудненій и вовсе не потребуетъ такъ много времени. И неужели кому-нибудь, знакомому съ положеніемъ новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ, неизвѣстно, что въ большинствѣ случаевъ не достигается даже эта практическая цѣль, для которой приносится въ жертву такое громадное число уроковъ, что доучиваются имъ въ университетѣ, а больше всего собственными занятіями, собственнымъ чтеніемъ, когда дѣйствительно понадобится приложеніе нѣмецкаго языка къ дѣлу? И кто не знаетъ, какъ скоро и легко дается нѣмецкій языкъ взрослому человѣку, при живомъ сознаніи потребности въ немъ и при сколько-нибудь усидчивомъ чтеніи? Кто знаетъ это, тотъ знаетъ и то, что гоньба за нѣмецкимъ языкомъ только съ этою практическою цѣлью, съ перваго класса до послѣдняго и притомъ съ такимъ числомъ уроковъ, есть ничѣмъ неоправдываемая затрата времени. Если же при требованіи обученія нѣмецкому языку непремѣнно съ дѣтскаго возраста, имѣется въ виду, кромѣ цѣли, указанной въ мнѣніи, еще какая-либо другая, тоже практическая цѣль, напримѣръ, говоренье на нѣмецкомъ языкѣ, то вопервыхъ, слѣдовало бы яснѣе выразиться, а вовторыхъ, мы никакъ не позволимъ себѣ думать, чтобы можно было преслѣдовать въ гимназіи такую цѣль, о которой впрочемъ и думать нельзя, при извѣстной многочисленности учениковъ; извѣстно, что и говорившіе прежде дома по-нѣмецки и по-французски въ гимназіи только разучиваются этому искусству. Послѣ всѣхъ этихъ соображеній, какъ понять смѣлое и рѣшительное заключеніе нашего автора о неизбѣжно угрожающемъ пониженіи общаго уровня нашего образованія, имѣющемъ послѣдовать вмѣстѣ съ ослабленіемъ нѣмецкаго языка?.... И это одно изъ основаній, взятое отъ нѣмецкаго языка, и повидимому, наиболѣе сильное, поставленное, по правиламъ риторики, въ концѣ въ пользу того рѣшительнаго заключенія, что греческому языку, какъ предмету общеобразовательному, въ системѣ гимназическаго курса нѣтъ и не можетъ быть мѣста, и что слѣдовательно, всѣ гимназіи съ однимъ только классическимъ языкомъ, латинскимъ, допущенныя уставомъ временно, единственно по причинѣ недостатка наличнаго числа учи-

телей греческаго языка, должны обратиться въ постоянныя, другими словами—уставъ 1864 г., до сихъ поръ не примѣненный къ дѣлу въ полной силѣ относительно греческаго языка, долженъ подлежать измѣненію въ самомъ существѣ своемъ, или отмѣнѣ и замѣнѣ его другимъ, по смыслу разбираемаго нами мнѣнія.

Обратимся теперь къ другимъ основаніямъ для того же заключенія, изъ которыхъ особенно интересно для насъ первое. Интересъ его заключается въ томъ, что въ немъ авторъ представляетъ во всякомъ случаѣ замѣчательныя доказательства преимущества латинскаго языка передъ греческимъ въ гимназическомъ обученіи. „Изученіе древнихъ языковъ, говоритъ нашъ авторъ, имѣетъ двѣ цѣли: гимнастику ума и доставленіе учащимся возможности пользоваться богатыми научными матеріалами, заключающимися въ сочиненіяхъ на этихъ языкахъ (о доведеніи учениковъ гимназіи до эстетическаго пониманія классиковъ, кажется, не можетъ быть и рѣчи). Относительно гимнастики ума, я убѣжденъ, что одного латинскаго языка совершенно достаточно, такъ какъ синтаксисъ его представляетъ къ тому гораздо болѣе данныхъ, нежели синтаксисъ языка греческаго“ (стр. 6). Если бы авторъ ограничился только этими словами для первой части своего доказательства, то можно было бы пройдти ихъ молчаніемъ, такъ какъ они выражаютъ его личное мнѣніе, въ видахъ сокращенія учебнаго гимназическаго матеріала и въ видахъ сбереженія времени учащихся, въ пользу одного изъ новыхъ языковъ (нѣмецкаго или французскаго — все равно). Ему могло показаться достаточнымъ для умственной гимнастики (для общаго развитія, скажемъ для большей полноты и точности) одного классическаго языка, и изъ двухъ онъ избралъ одинъ, латинскій, по вниманію къ его синтаксису, по его мнѣнію, представляющему къ тому гораздо болѣе данныхъ (хотя на послѣднее не представлены доказательства) — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и вызывающаго на возраженія; другому можетъ больше понравиться греческій языкъ, и онъ, также по личному своему вкусу, отдалъ бы ему предпочтеніе, и этому никто не сталъ бы удивляться.

Вопросъ о преимуществѣ одного изъ древнихъ языковъ передъ другимъ въ гимназическомъ обученіи вовсе не новость: онъ былъ предметомъ обсужденія многихъ весьма почтенныхъ педагоговъ, обыкновенно приводившихъ, впрочемъ, серіозныя доказательства для предпочтенія того или другаго языка. Не входя въ подробности спора, такъ какъ бездоказательное мнѣніе нашего автора вовсе къ тому не

обязываетъ, мы укажемъ только въ немногихъ словахъ на недавніе опыты рѣшенія этого вопроса, поставленнаго, впрочемъ, вовсе не въ такомъ исключительномъ смыслѣ. Одни педагоги, напримѣръ, Кюнастъ, Бауръ, Ротъ, считаютъ латинскій языкъ лучшимъ средствомъ для первоначальнаго упражненія учениковъ въ только-что заученныхъ имя грамматическихъ формахъ посредствомъ переводовъ и отводятъ ему первое, по времени только, мѣсто въ гимназическомъ обученіи. Первый совѣтуетъ начинать обученіе греческому языку только съ пятаго, или лучше, съ четвертаго класса (осьмиклассной гимназіи); второй, исходя изъ реальнаго начала, думаетъ, что учить слѣдуетъ прежде тому, что еще дѣйствительно продолжаетъ жить, а потому отдаетъ преимущество латинскому языку и латинской культурѣ, *какъ непосредственно продолжающейся въ нѣмецкой;* греческому же языку и греческой культурѣ отводитъ второстепенное мѣсто, съ одной стороны, какъ пособію для изученія латинской, съ другой, ради ея непосредственнаго вліянія на новѣйшую нѣмецкую литературу и ради ея участія въ образованіи христіанской жизни; Бауръ относительно языка отдаетъ преимущество латинскому, а относительно литературы—греческой; Гауберъ, изъ статьи котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, хотя, по достоинству философіи, литературы, искусства, отдаетъ первенство греческому міру, но *по непосредственному отношенію латинскаго міра къ нѣмецкому,* предлагаетъ путешествіе въ Аѳины черезъ Римъ; основанія для начала обученія съ латинскаго языка онъ видитъ въ неумолимой его логикѣ, отсутствіи ложнаго блеска и т. п. (Encycl. I, 675—676; сравн. III, 63). Изъ всѣхъ этихъ мнѣній, вовсе не устраняющихъ греческій языкъ, вполнѣ признающихъ за нимъ образовательное значеніе, но только отдающихъ латинскому языку первенство по времени, видно, что почти всѣ они основываются въ этомъ отношеніи на большей близости римской культуры къ нѣмецкой; единственно въ силу этихъ побудительныхъ причинъ, не зависящихъ отъ внутренняго относительнаго достоинства обоихъ языковъ и литературъ, нѣкоторые изъ нихъ жертвуютъ самыми существенными и всѣмъ понятными интересами, заставляющими совершать дидактическое путешествіе по классическому міру черезъ Аѳины въ Римъ, а никакъ не наоборотъ.

Не смотря на это, не смотря на дѣйствительно болѣе близкія отношенія римской культуры къ нѣмецкой, мы находимъ даже между Нѣмцами гораздо больше именъ, и притомъ заслужившихъ обширную извѣстность не въ одной педагогической литературѣ, на сторонѣ гре-

ческаго языка, чего и должно было ожидать при безпристрастномъ взглядѣ на дѣло. Еще Гербартъ высказалъ рѣшительное убѣжденіе о преимуществѣ греческаго языка передъ латинскимъ въ обученіи. Гервинусъ признаетъ также предшествованіе греческаго языка въ обученіи необходимымъ для истиннаго образованія. Вайцъ основываетъ тоже убѣжденіе о преимуществѣ греческаго языка передъ латинскимъ именно на богатствѣ его формъ (видя въ ихъ усвоеніи, конечно, не одну работу памяти), на большей свободѣ словообразованія, большей тонкости оттѣнковъ мысли, на самостоятельности греческаго образованія, юношеской свѣжести, многосторонности и богатствѣ литературы; наоборотъ, менѣе гибкихъ и менѣе одаренныхъ художественнымъ смысломъ, мрачныхъ Римлянъ, величіе которыхъ заключается въ разработкѣ идей права и государства и ихъ продукта — краснорѣчія, онъ признаетъ непривлекательными для дѣтскаго возраста, какъ бы ни были они интересны для юношей и мужей. „Если вообще посредствомъ углубленія въ чужой языкъ тѣмъ большую можно извлекать пользу, чѣмъ больше этотъ языкъ обладаетъ богатствомъ и тонкостію выраженія, говоритъ другой педагогъ, то обученіе греческому языку должно самымъ многостороннимъ образомъ возбуждать духовныя силы къ дѣятельности, развивать и обогащать ихъ, такъ какъ онъ именно отличается величайшею способностію выражать разнообразнѣйшія формы мысли въ ея тончайшихъ оттѣнкахъ, и наоборотъ, предлагать для той же мысли, отъ самой простой ея формы до неуловимаго намека, чрезъ всѣ ступени ея развитія, вполнѣ соотвѣтствующее выраженіе. Силясь вполнѣ понять мысль писателя, мы должны напрягать все наше вниманіе на различеніе этихъ тончайшихъ оттѣнковъ рѣчи и пытаться переложить ихъ на отечественный языкъ, не обладающій такимъ богатствомъ средствъ, а въ этой работѣ заключается такое упражненіе духовныхъ силъ, такое изощреніе мышленія, какого латинскій языкъ не можетъ доставить съ его болѣе внѣшнею законностію и большею бѣдностію въ формахъ и видоизмѣненіяхъ мысли. Думать, что знаніемъ латинскаго языка можно вознаградить незнаніе греческаго, значитъ совсѣмъ не признавать очевидныхъ для всѣхъ результатовъ филологическихъ изслѣдованій и совершенно различнаго характера обоихъ языковъ; внушать ученикамъ мысль, что греческій языкъ вовсе не много имѣетъ рѣзкихъ особенностей сравнительно съ латинскимъ и вообще такъ близокъ къ послѣднему, что для изученія классической древности достаточно одного латинскаго, значитъ вводить учениковъ въ грубое заблужденіе" (Encycl. III, 64). Если таково

значеніе греческаго языка для развитія силъ учащихся, то что же сказать о греческой литературѣ? Общепризнанное превосходство греческой литературы, говоритъ тотъ же педагогъ, казалось, можно бы изгнать изъ головы, какъ нелѣпую, всякую мысль, будто бы познаніе классической древности можно почерпать и изъ одной римской литературы; но до тѣхъ поръ, пока являются увѣренія, что греческій языкъ въ гимназіяхъ рядомъ съ латинскимъ — дѣло излишнее, или менѣе нужное, до тѣхъ поръ не будетъ излишнимъ повторять и доказывать, что нѣтъ классическаго образованія безъ знанія греческаго языка. Если гимназія имѣетъ своимъ назначеніемъ идеальное образованіе, что внѣ всякаго сомнѣнія, то для выполненія такого назначенія, греческая литература имѣетъ рѣшительное преимущество передъ латинскою. Греки — первые наставники во всѣхъ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ духъ человѣческій, исходя изъ глубины своего содержанія, преобразуется творчески. Въ ихъ поэзіи и философіи хранится творческая сила, духовное многообразіе, сила и полнота идей, острота мышленія, которыхъ мы напрасно будемъ искать въ произведеніяхъ римской литературы. А эти свойства греческой литературы суть могущественныя орудія для подъема духовныхъ силъ учащихся, для образованія богатаго идеальнаго содержанія жизни; это тѣ силы, которыя проникаютъ въ глубь разума и сердца, возбуждаютъ жизнь, привлекаютъ къ себѣ учащихся своею удивительною прелестью. Всѣ эти соображенія, очевидно, приводятъ къ заключенію о необходимой обязательности для гимназій греческаго языка и греческой литературы. Классическое образованіе безъ греческаго языка, говоритъ Кёхли, почти то же, что реальное образованіе безъ ариѳметики и геометріи; а по мнѣнію Крамера, греческій языкъ и греческая литература — одинъ глазъ всего гимназическаго обученія, и тотъ, кто потеряетъ его, тотчасъ почувствуетъ потерю силы въ другомъ глазѣ — латинскомъ языкѣ и латинской литературѣ. Именно вслѣдствіе этого пониманія отношеній между обоими языками, всѣ правительства Германіи (кромѣ Виртембергскаго, допускающаго исключеніе для опредѣляемыхъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и финансовъ) окончаніе полнаго гимназическаго курса безъ всякаго исключенія признаютъ непремѣннымъ условіемъ поступленія въ университетъ. Не можемъ не привести и показанія нашего академика Наука: „Греческій языкъ, говоритъ онъ, имѣетъ передъ латинскимъ внутреннее преимущество, до сихъ поръ поддерживающее его въ жизни новѣйшихъ народовъ. Языкъ этотъ превосходитъ не только латинскій, но и всѣ современ-

ные языки просвѣщеннаго міра, гибкостію и силою образованія формъ... Латинскій и греческій языки взаимно пополняютъ другъ друга; нѣтъ возможности съ истиннымъ успѣхомъ образовать юношество исключительно на одномъ изъ этихъ языковъ: если же какая-нибудь необходимость можетъ заставить откинуть одинъ изъ двухъ, то, конечно, скорѣе можно было бы обойдтись безъ латинскаго, чѣмъ безъ греческаго" (Мѣсяцесл. 1866, стр. 378 и 394). „Ничто такъ не школитъ духъ, какъ латинскій языкъ, и ничто такъ не облагороживаетъ его, какъ греческій", говоритъ Тауловъ, по мнѣнію котораго обученіе послѣднему можно было бы начинать съ четвертаго класса [1]) (Encycl. III, 69).

Такъ думаютъ Нѣмцы, понимающіе дѣло, о значеніи греческаго языка и греческой литературы въ системѣ общаго образованія. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, если и высказываются въ пользу латинскаго языка и латинской литературы, то главнымъ образомъ по вниманію къ большей близости нѣмецкой культуры къ римской.

Не касаясь французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыя у насъ, какъ извѣстно, никогда не служили предметомъ подражанія, мы считаемъ излишнимъ распространяться и о заведеніяхъ того же рода въ Англіи, потому что какъ существенныя черты ихъ устройства, такъ и глубокое уваженіе Англичанъ къ классическому міру вообще, конечно, можно навѣрное предположить извѣстными нашимъ читателямъ. Уваженіе это происходитъ не отъ ультра-консервативнаго взгляда на учебное устройство, не отъ слѣпой привязанности къ преданію во что бы то ни стало, а отъ дѣйствительнаго, разумнаго и серіознаго пониманія важности древнихъ языковъ и литературъ въ дѣлѣ общаго и историческаго развитія. Защитниками реальнаго направленія у насъ иногда высказывается мнѣніе, что усиленное изученіе классическаго міра захватываетъ въ Англіи только высшій классъ, богатыхъ аристократовъ, между тѣмъ какъ средній и низшій классы или имъ не пользуются, или предъявляютъ требованіе на иное образованіе. Это можно сказать, и то съ большимъ ограниченіемъ,

---

[1]) Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса о послѣдовательности по времени въ обученіи обоимъ древнимъ языкамъ и о распредѣленіи числа уроковъ для того или другаго по классамъ, такъ какъ и то, и другое, говоря вообще, въ уставѣ опредѣлено вѣрно, если сообразить, что на долю греческаго языка, при увеличенномъ числѣ часовъ въ трехъ высшихъ классахъ (по 6 въ недѣлю), приходится большее развитіе учениковъ и основательное ихъ знакомство съ латинскимъ и новыми языками.

только о старыхъ общественныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ Eton, Rugby, Winchester, и никакъ нельзя сказать о частныхъ того же рода учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ людьми, вовсе не связанными ни преданіемъ, ни внѣшними постановленіями, а только удовлетворяющими запросу на опредѣленный характеръ образованія, предъявляемому обществомъ. А извѣстно, что въ Англіи частныхъ школъ гораздо больше, чѣмъ общественныхъ. Приведемъ здѣсь статистическія свѣдѣнія изъ прекрасной статьи Шёлля въ „Педагогической Энциклопедіи" Шмидта, напечатанной въ 1862 году. Общее число учащихся въ общественныхъ школахъ (числомъ 24.563), по отчету парламентской коммиссіи 1861 года для изслѣдованія состоянія народныхъ школъ, 1.675.158, въ частныхъ (числомъ 34.412)—860.304. Всѣхъ школъ вообще 58.975 и учащихся 2.535.462; къ этому должно присоединить 33.872 воскресныя школы и 2.036 вечернихъ (III, 160). Отношеніе же изучающихъ древніе языки къ изучающимъ другіе предметы можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	Новые языки.		Древн. языки.		Математика.		Рисованіе.	
	мальч.	дѣвочки.	мальч.	дѣвочки.	мальч.	дѣвочки.	мальч.	дѣвочки.
Въ обществ. школахъ. .	18.498	6.472	21.123	1.471	21.889	597	40.425	6.101
Въ частныхъ школахъ. .	28.669	27.663	28.414	2.007	20.295	1.116	22.725	11.808
Всего . . .	47.167	34.135	49.537	3.478	42.184	1.793	63.150	17.909

Изъ этихъ чиселъ, кажется, достаточно явствуетъ господствующій въ Англіи взглядъ на классическое образованіе. Мы воспользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе читателей на нѣсколько интересныхъ и относящихся сюда мыслей изъ прекрасной, и кажется, мало извѣстной у насъ книги Тайлора, въ переводѣ Гуглера (Industrie und Schule. Stuttg. 1865). Тайлоръ, владѣтель литейнаго завода въ Лондонѣ, президентъ комитета Лондонской школы и вице-президентъ коммиссіи для отдѣленія металлическаго производства на всемірной выставкѣ 1862 года, горячій защитникъ такъ-называемаго свободнаго образованія (voluntary party), исключающаго всякое вмѣшательство правительства въ дѣло образованія, напечаталъ въ 1863 году свои наблюденія надъ промышленною жизнію въ Англіи, при чемъ посвятилъ особый отдѣлъ обозрѣнію школъ въ Англіи. Книга его переведена въ 1865 году на нѣмецкій языкъ Гуглеромъ, по порученію президента той же коммиссіи, Штейнбейса, и снабжена большими дополненіями

въ отдѣлѣ о школахъ. Вотъ что̀ говоритъ Тайлоръ объ отношеніи между естественными науками и древними языками въ системѣ общаго образованія. „Въ испытаніи на академическую степень въ Лондонской высшей школѣ древніе языки и математика опредѣляютъ исходъ дѣла, и не по намѣренію основателей, которые скорѣе были рѣшительными утилитаристами, а потому, что въ этихъ предметахъ, только при строгомъ и вѣрно направленномъ прилежаніи, могутъ быть сдѣланы успѣхи. И только эти предметы сообщаютъ значеніе степенямъ, раздаваемымъ университетами. Познанія изъ новыхъ языковъ и многихъ отраслей естествознанія пріобрѣтаются, при благопріятныхъ условіяхъ, безъ большаго духовнаго напряженія. Имъ учатся частію въ обращеніи, частію изъ любознательности. Если бы университетъ вздумалъ ставить на одну доску, или выше, молодыхъ людей, которые усвоили себѣ эти познанія безъ большаго труда, сравнительно съ тѣми, которые изучали математику и древніе языки, то общество не стало бы придавать никакого значенія академическимъ степенямъ. *Древніе языки и математика должны, слѣдовательно, всегда оставаться основами истиннаго школьнаго образованія, не потому что въ нихъ заключается непосредственная польза для обыкновенной жизни, а потому, что они заключаютъ въ себѣ наилучшія средства для образованія духа, и потому что при занятіи ими возможно понятное и доступное соревнованіе, сообщающее труду сильнѣйшее возбужденіе*“ (стр. 76). Приведемъ еще слѣдующее мѣсто изъ общаго заключенія о школахъ: „Только прилежаніемъ, настойчивостію и соображеніемъ могутъ подняться люди изъ низшихъ классовъ. Тѣхъ изъ нихъ, на самостоятельное мышленіе которыхъ положиться можно, вездѣ ищутъ, и ихъ ни въ одной странѣ не оказывается въ достаточномъ количествѣ. Упражненіе умственныхъ способностей, пріученіе къ собственному употребленію духовныхъ силъ не соединяются непремѣнно съ пріобрѣтеніемъ опредѣленныхъ познаній или ловкостей, а предполагаютъ скорѣе занятіе такими предметами, которые требуютъ много работы головой. Наши работники хлопочутъ только о томъ, чтобы знанія тотчасъ обратить въ хлѣбъ и деньги. Нужно желать распространенія лучшаго взгляда; но это должно предоставить времени“. А вотъ что̀ говоритъ Тайлоръ о значеніи низшихъ промышленныхъ школъ: „Если бы меня спросили, на сколько образованіе помогаетъ людямъ изъ низшихъ классовъ подняться въ промышленномъ мірѣ, то я отвѣтилъ бы рѣшительно, что самая дѣйствительная помощь для нихъ—хорошее воспитаніе въ родительскомъ

домѣ, которое дѣйствуетъ на характеръ сильнѣе, чѣмъ школа. На школьныя свидѣтельства у насъ гораздо менѣе обращаютъ вниманія, чѣмъ во Франціи. Хорошо мальчикъ принимается за работу, говорятъ въ его пользу справки — все это относится къ характеру его родителей, а не къ тому, чему онъ выучился въ школѣ, за исключеніемъ развѣ письма, гдѣ оно требуется. Поступаетъ молодой человѣкъ на работу, прежде всего обращаютъ вниманіе на его наружность, на его отвѣты, на его прежнее мѣсто, а не на то, какую онъ до сихъ поръ посѣщалъ школу. Впрочемъ, вообще должно сказать, что работникъ, которому недостаетъ ловкости, не можетъ найдти себѣ никакого вознагражденія въ хорошемъ школьномъ обученіи, хотя само собою разумѣется, что для надзора и руководства работнику необходимы чтеніе, письмо и счисленіе. Наилучшее, правда, рѣдко встрѣчающееся приготовленіе къ промышленнымъ занятіямъ заключается въ соединеніи большой механической ловкости съ высшими познаніями; для улучшенія же своего положенія, какъ опытъ показываетъ повсюду, достаточно самаго элементарнаго школьнаго образованія. Съ другой стороны, вниманіе многосторонне-образованнаго человѣка раздѣляется, не сосредоточивается съ такою исключительностію на доходѣ, какъ у настоящихъ промышленныхъ людей, которые въ Англіи, въ промышленности и торговлѣ, скорѣе всего достигаютъ большихъ состояній. Пропущенное школьное образованіе можно вознаградить. Многіе юноши 17 — 18 лѣтъ, позабывшіе и то немногое, чему научились въ школѣ, сознавши потребность въ извѣстныхъ познаніяхъ, съ усердіемъ бросаются на обученіе, предлагаемое промышленными институтами, и часто даже опережаютъ, вслѣдствіе усердія и точности этихъ знаній, своихъ товарищей съ хорошимъ школьнымъ образованіемъ, но съ меньшею энергіею посѣщавшихъ тѣ же уроки" (стр. 84 — 85). Весьма умными учителями было высказываемо мнѣніе, что можно бы было совсѣмъ прекратить специальное, на промышленность разчитанное обученіе, что лучше направить способную часть промышленныхъ людей къ вечерней школѣ для пріобрѣтенія основательнаго общаго образованія и для упражненія ихъ умственныхъ способностей, а потомъ предоставлять уже имъ самимъ примѣнять къ дѣлу пріобрѣтенныя познанія въ дѣйствительной работѣ въ мастерской или на заводѣ, и въ особыхъ случаяхъ дополнять недостающее чтеніемъ. Вездѣ, гдѣ ни устраивали специальныя чтенія, разчитанныя на промышленность, главнымъ затрудненіемъ оказывался недостатокъ въ людяхъ, съ одной стороны способныхъ ясно излагать научныя основанія той

или другой отрасли промышленности, а съ другой стороны не на столько освоившихся съ практическими подробностями и манипуляціями, какъ настоящіе рабочіе, которыхъ хотятъ учить. Учитель, желающій выйдти за предѣлы общихъ разсужденій, не можетъ выучить изъ книгъ практическую сторону промышленныхъ процессовъ, такъ какъ относящіяся сюда спеціальныя описанія вообще рѣдко появляются въ печати, еще рѣже на нихъ положиться можно, а иногда эти описанія являются въ такой формѣ, что для пониманія ихъ читателю нужно уже знать прежде самое дѣло. Во Франціи, гдѣ такому учителю еще предписывается программа чтеній, должно быть еще болѣе затрудненій въ этомъ отношеніи" (151). Нельзя не замѣтить, что изъ таблицъ, приводимыхъ Тайлоромъ, оказывается, что, напримѣръ, изъ посѣщающихъ вечернія чтенія при King's College, число которыхъ превышаетъ 1.300, большая часть избираетъ предметы общаго образованія, а не спеціально-промышленные (см. стр. 61 и 186). Въ Морисовомъ Working men's College, открытомъ въ 1854 году и поддерживаемомъ съ большимъ усердіемъ и безвозмездно профессорами Лондонскаго университета и учителями другихъ лондонскихъ учебныхъ заведеній, въ 1861 году на тѣхъ же лекціяхъ не было ни одного слушателя по химіи, физикѣ и механикѣ (слушатели должны быть не моложе 16-ти лѣтъ, стр. 187)[1]). Для доказательства, какъ высоко цѣнятъ въ Англіи общее образованіе и какъ рѣшительно не расположены ко всякому спеціальному школьному образованію, не могу не привести, въ заключеніе, нѣсколькихъ строкъ изъ донесенія коммиссіи (членомъ которой былъ и историкъ Маколей) по изготовленію плана испытанія для поступающихъ на службу въ Индію. „Безъ сомнѣнія, желательно, сказано въ этомъ отчетѣ, чтобы гражданскіе чиновники Остъ-Индской компаніи получали самое полное школьное образованіе, какое только можетъ дать имъ родина. Такимъ образованіемъ, какъ научилъ опытъ, можетъ быть только основательнѣйшее приготовленіе ко всякому призванію, предъявляющему запросъ на развитыя высшія силы духа. Тотъ, кто предложилъ бы кандидатамъ въ гражданскія должности компаніи посвятить молодые годы преиму-

[1]) Отсутствіе въ Англіи спеціальныхъ промышленныхъ и техническихъ школъ и исключительное назначеніе послѣднихъ сообщать общее образованіе, возбуждать и упражнять духовныя силы, пріучать къ самостоятельному употребленію умственныхъ способностей, даетъ поводъ Гуглеру замѣтить, что правильная средина должна быть, конечно, въ разумной системѣ спеціальнаго образованія на основаніи научныхъ занятій. Стр. 193.

щественно занятіямъ, имѣющимъ мѣстное значеніе и мѣстный характеръ (Indische Studien) и чрезъ то упустить изъ виду европейскую научность, тотъ, по нашему убѣжденію, оказалъ бы плохую услугу Индіи. Если молодые люди *до 21—22 года* будутъ посвящать все свое время такимъ занятіямъ, которыя только укрѣпляютъ и обогащаютъ духъ и вовсе не находятся въ связи съ ихъ послѣдующею дѣятельностію по службѣ, то они будутъ, мы думаемъ, въ этой послѣдующей спеціальной служебной дѣятельности гораздо надежнѣе тѣхъ, которые бы съ 18 — 19 лѣтъ исключительно посвятили себя прямо спеціальнымъ занятіямъ. Знаменитые англійскіе юристы были люди, которые, до выхода изъ высшей школы, не раскрывали ни одной юридической книги. Ничто такъ не противорѣчитъ нашимъ желаніямъ, какъ пріобрѣтеніе познаній обширныхъ, но безъ достаточной основательности и глубины. Точное знакомство съ однимъ языкомъ имѣетъ больше цѣны, чѣмъ плохой переводъ и сочиненія на шести языкахъ; одинъ листъ, доказывающій полное знакомство съ началами дифференціальнаго исчисленія, больше имѣетъ цѣны, чѣмъ двадцать слабыхъ отвѣтовъ на вопросы изъ исторіи, филологіи и естественныхъ наукъ". Главные предметы и здѣсь — математика и древніе языки (Industrie und Schule. Mittheilungen aus England, von Alfred Tylor, deutsch bearbeitet von Bernh. Gugler. Stuttgart. 1865, стр. 192).

Такъ думаютъ въ Англіи, въ странѣ промышленности и торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ господства строгаго классическаго образованія, въ странѣ, гдѣ, казалось бы, прежде всего можно ожидать усвоенія совершенно обратнаго взгляда.

Какъ же думаютъ у насъ?

Уставъ 1864 года свидѣтельствуетъ, что мы вовсе не хотимъ выпустить изъ рукъ то важное образовательное средство и признанное такимъ во всемъ образованномъ мірѣ, которое заключается въ классическихъ языкахъ и литературахъ; что мы вовсе не хотимъ неумѣреннымъ и одностороннимъ расширеніемъ содержанія реальныхъ знаній направить наше школьное образованіе на непосредственно практическія цѣли. Но, къ сожалѣнію, тотъ же уставъ узаконилъ, хотя и временное, существованіе гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ. Эти гимназіи, по нашему убѣжденію, и послужили для нашихъ противниковъ классическаго образованія вообще и греческаго языка въ частности отверстіемъ, чрезъ которое они продолжали и продолжаютъ до сихъ поръ свои нападенія на враждебный для нихъ образовательный элементъ. Какъ на опыты нападеній этого рода, мы позволяемъ

себѣ смотрѣть на тѣ два мнѣнія гг. попечителей, особенно на второе, которое съ необыкновенною рѣшительностію настаиваетъ на безусловномъ изгнаніи греческаго языка изъ всѣхъ гимназій и на исключительномъ узаконеніи гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ. Постараемся свести здѣсь, для наглядности, въ одно мѣсто всѣ относящіяся сюда и разбросанныя у насъ доказательства, приводимыя авторомъ втораго мнѣнія.

„Греческому языку, говоритъ онъ, какъ предмету общеобразовательному, въ системѣ гимназическаго курса нѣтъ и не должно быть мѣста“. Почему же? Потому, говоритъ онъ, что *„синтаксисъ латинскаго языка представляетъ для гимнастики ума болѣе данныхъ“* (данныя эти не приводятся и не указываются). Отвѣтъ на это очень простъ: каждому, прилежно изучавшему греческій языкъ, хотя бы только и въ гимназіи, извѣстно, что синтаксисъ греческаго языка, болѣе разнообразный и свободный, основанный не столько на внѣшнихъ, осязаемыхъ, такъ-сказать, законахъ, какъ латинскій (потому болѣе и пригодный для начальнаго обученія), сколько на внутреннихъ, обусловливаемыхъ творческою фантазіею народа, что его синтаксисъ труднѣе, требуетъ отъ учениковъ бо̀льшаго напряженія ума съ участіемъ фантазіи, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ болѣе образовательной силы; потому греческій языкъ и отводится педагогами во вторую половину гимназическаго курса, ко времени бо̀льшаго развитія сознанія. *„Изученіе многочисленныхъ формъ этимологическихъ служитъ только къ обогащенію памяти, а не мыслительной способности“*, продолжаетъ авторъ того же мнѣнія. Мы видѣли, какъ должно смотрѣть на это дѣйствительно странное, несообразное съ сущностью дѣла, заявленіе. *„Греческій языкъ ослабитъ нѣмецкій и тѣмъ понизитъ уровень нашего образованія“*, продолжаетъ авторъ того же мнѣнія. На этой, не менѣе замѣчательной и поучительной мысли, мы также имѣли случай останавливаться. Но едва-ли не замѣчательнѣе, если можно, слѣдующая мысль того же мнѣнія, которою заключается первый аргументъ: *„относительно доставленія учащимся возможности пользоваться сочиненіями, писанными на древнихъ языкахъ, преимущество опять таки должно отдать языку латинскому, такъ какъ онъ былъ языкомъ ученыхъ даже до конца прошлаго столѣтія, чего о греческомъ языкѣ нельзя сказать“*. Не легко объяснить себѣ смыслъ этого мѣста, въ примѣненіи къ гимназическому обученію древнимъ языкамъ. О содержаніи жизни греческаго народа, выработанной всею его исторіею и сохранившейся въ его вѣковѣчныхъ произведеніяхъ — ни слова. Мы видѣли,

какъ относятся къ этому содержанію понимающіе дѣло Нѣмцы. Выше было уже сказано, что авторъ разбираемаго мнѣнія находитъ только двѣ цѣли изученія древнихъ языковъ — гимнастику ума и чтеніе сочиненій научнаго содержанія, писанныхъ на этихъ языкахъ, а относительно содержанія всей греческой литературы ограничивается слѣдующею, и то въ скобкахъ поставленною мыслію: *„о доведеніи учениковъ гимназіи до эстетическаго пониманія классиковъ, кажется, не можетъ быть и рѣчи"*. А простое пониманіе классиковъ, то-есть, просто пониманіе содержанія возможно? А если возможно, то возможно ли и вліяніе этого содержанія на учениковъ, на развитіе ихъ мышленія, нравственнаго чувства? И относительно степени и характера этого вліянія, какой литературѣ отдавать преимущество, греческой или латинской? Обо всемъ этомъ — ни слова, какъ о дѣлѣ совершенно лишнемъ, между тѣмъ какъ должно замѣтить, что злоупотребленія грамматикой, обратившія ее изъ средства въ цѣль, въ настоящее время заставили педагоговъ обратить особенное вниманіе на реальную сторону предмета, на литературу, на заключающійся въ ея содержаніи сильный образовательный элементъ для мысли и нравственнаго чувства. Позволительно даже утверждать, что именно съ этой точки зрѣнія, какъ болѣе понятной, при правильной концентраціи обученія, можно ожидать въ послѣдствіи измѣненія взгляда на значеніе классическаго образованія даже въ противникахъ послѣдняго. Почему же, при сколько-нибудь добросовѣстномъ и правильномъ веденіи дѣла, не можетъ быть рѣчи объ эстетическомъ пониманіи классиковъ, напримѣръ, въ высшихъ классахъ гимназіи — этого мы понять не можемъ, тѣмъ болѣе, что съ этимъ отрицаніемъ находится въ прямомъ противорѣчіи нашъ собственный опытъ. Что возможность эстетическаго пониманія классиковъ сомнительна въ настоящее время, при теперешнемъ неуважительномъ, и притомъ иногда идущемъ сверху, взглядѣ на греческій языкъ, загнанный не рѣдко въ одну гимназію въ цѣломъ учебномъ округѣ — это совершенно понятно; но возможность такого пониманія была бы какъ нельзя болѣе достижима при серіозномъ взглядѣ на дѣло. И гдѣ же отыскиваетъ авторъ разбираемаго мнѣнія вторую цѣль изученія древнихъ языковъ (кромѣ гимнастики ума), обошедши молчаніемъ все содержаніе греческой литературы и возможное ея вліяніе на общее развитіе? Въ ученыхъ сочиненіяхъ, писанныхъ на древнихъ языкахъ (!); и такъ какъ послѣднихъ оказывается больше на латинскомъ языкѣ, ergo, „греческому языку въ гимназическомъ курсѣ нѣтъ и не должно быть мѣста". Вотъ и всѣ доказательства,

приводимыя противъ греческаго языка, потому что нѣтъ надобности останавливаться на второмъ доказательствѣ, такъ какъ все оно основано на непониманіи простыхъ и извѣстныхъ фактовъ. *„Примѣръ заграничныхъ гимназій*, читаемъ мы, *не можетъ для насъ служить закономъ. Не должно забывать, что заграничныя гимназіи не считаютъ обязанностію вводить въ свой курсъ такіе предметы, которые для насъ составляютъ насущную потребность, а именно: русскій языкъ, славянскій языкъ, исторію русской литературы, русскую исторію и русскую географію. Такимъ образомъ мы вынуждены включать въ нашъ гимназическій курсъ пять предметовъ, о которыхъ иностранныя гимназіи частію вовсе не помышляютъ, частію говорятъ только слегка, въ общихъ очеркахъ, но которые требуютъ отъ нашихъ гимназій самаго обстоятельнаго и отчетливаго преподаванія*". Но кому же не извѣстно, что если заграничныя гимназіи не вводятъ въ свой курсъ русскій языкъ съ церковно-славянскимъ, исторію русской литературы, русскую исторію и русскую географію, то онѣ съ особенною подробностію, вовсе излишнею для насъ, изучаютъ исторію нѣмецкой литературы, нѣмецкую исторію и нѣмецкую географію, такъ что учебный матеріалъ по этимъ предметамъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, безъ сомнѣнія, обширнѣе нашего по соотвѣтствующимъ предметамъ, въ чемъ убѣдится каждый, просмотрѣвъ программу любой нѣмецкой гимназіи хоть за послѣдніе годы [1]). Церковно-славянскому языку соотвѣтствуетъ готскій и древне-нѣмецкій, русскому — нѣмецкій. Остается безъ соотвѣтствія у насъ одинъ нѣмецкій, который, какъ и французскій, по нашему мнѣнію, долженъ подвергнуться сильному сокращенію относительно числа уроковъ, если преподаваніе ихъ будетъ ограничиваться тѣми практическими цѣлями, какія дѣйствительно въ настоящее время только имѣются въ виду и на какія указываетъ и самъ авторъ разбираемаго мнѣнія. Не будемъ также останавливаться на мысли о томъ, достойно или недостойно университетовъ начинать греческій языкъ съ азбуки, такъ какъ эта мысль относится къ одному историко-филологическому факультету [2]),

---

[1]) Мы можемъ указать, напримѣръ, на прекрасную статью (Encycl. III. 219 и слѣд.), гдѣ опредѣляются объемъ и содержаніе этихъ предметовъ. Изъ нея видно, что мы съ своими соотвѣтствующими предметами далеко не такъ глубоко проникаемъ въ ихъ содержаніе, а слѣдовательно, и не достигаемъ тѣхъ же результатовъ.

[2]) Объ этомъ можно читать статью въ *Днѣ*.

а мы въ настоящемъ случаѣ смотримъ на гимназію, какъ на среднее общеобразовательное заведеніе, имѣющее прежде всего цѣль въ самомъ себѣ, и потомъ уже въ отношеніи къ университету, взятому во всей совокупности его факультетовъ. Впрочемъ, намъ никогда не приходилось слышать мнѣніе, что начинать какую бы то ни было науку съ азбуки было недостойно университета; въ университетѣ — длинный рядъ предметовъ по всѣмъ факультетамъ, начинающихся именно съ азбуки. Наконецъ, тотъ же авторъ *находитъ немаловажное неудобство въ совмѣстномъ существованіи въ одномъ городѣ классическихъ гимназій съ двумя древними языками и съ однимъ изъ нихъ, латинскимъ*, такъ какъ это различіе отзывается уменьшеніемъ числа учащихся въ первыхъ, вслѣдствіе будто бы неблагопріятнаго взгляда родителей на греческій языкъ, какъ на предметъ вообще мало полезный, трудный и излишне обременяющій дѣтей. Здѣсь просто circulus vitiosus. Г. попечитель жалуется на уменьшеніе числа учениковъ въ гимназіи съ двумя древними языками; а уменьшеніе это происходитъ отъ существованія рядомъ съ нею гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ; а гимназія съ однимъ латинскимъ языкомъ по уставу есть только явленіе временное, обусловленное извѣстною причиной; слѣдовательно, когда установится, согласно съ уставомъ, нормальный порядокъ вещей и будутъ однѣ только гимназіи съ двумя древними языками, тогда исчезнетъ само собою и то немаловажное неудобство, которое такъ безпокоитъ автора разбираемаго мнѣнія. Изъ этого неудобства можно извлечь одно дѣйствительно важное слѣдствіе — необходимость озаботиться скорѣйшимъ пріисканіемъ учителей греческаго языка. Замѣтимъ также, что уменьшеніе числа учениковъ, на которое указываетъ выше приведенное мѣсто, происходитъ не столько отъ признанія родителями безполезности греческаго языка, сколько просто отъ того, что въ другихъ, чуть не рядомъ стоящихъ, гимназіяхъ однимъ и притомъ въ общемъ мнѣніи самымъ труднымъ предметомъ больше, между тѣмъ какъ права по окончаніи курса въ тѣхъ и другихъ гимназіяхъ одни и тѣ же, а при настоящей многопредметности и неумѣренномъ растяженіи содержанія отдѣльныхъ предметовъ, это много значитъ. Если же въ нѣкоторой части общества и существуетъ мнѣніе о безполезности греческаго языка, то оно во всякомъ случаѣ происходитъ отъ недостаточно отчетливаго пониманія существа дѣла, указывающаго только на необходимость возможно-бо́льшаго разъясненія послѣдняго. Вотъ и всѣ, сведенныя вмѣстѣ, доказательства въ пользу мнѣнія, съ рѣшительностію настаивающаго на сохра-

ненія только гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ и изгоняющаго греческій языкъ изъ всѣхъ гимназій [1]).

Если не осталось въ запасѣ другихъ доказательствъ, можно, кажется, съ увѣренностію сказать, что приведеннымъ доказательствамъ не суждено изгнать греческій языкъ изъ всѣхъ нашихъ гимназій, не суждено измѣнить въ самой сущности только-что утвержденный уставъ и не суждено призвать къ жизни на далекое будущее исключительно гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ. Другихъ же доказательствъ будемъ ждать, такъ какъ нельзя же думать, чтобъ авторъ разбираемаго мнѣнія руководствовался тѣми чисто-нѣмецкими побужденіями, которыя, какъ мы видѣли выше, вызвали и у Нѣмцевъ не изгнаніе греческаго языка изъ гимназіи, а только предпочтеніе латинскаго языка въ начальномъ обученіи. Нельзя думать, чтобъ ему неизвѣстно было, что все прошлое нашей исторической жизни находилось въ непрерывной и самой тѣсной, внутренней связи съ греческою культурой, хотя бы и въ ея позднѣйшемъ развитіи, имѣющемъ свои корни въ классической; что для насъ, Русскихъ, тѣ же побужденія, если не бо́льшія, ведутъ съ необходимостію къ предпочтенію греческаго языка латинскому, какія заставляютъ Нѣмцевъ и вообще западные народы предпочитать латинскій языкъ греческому; что именно по вниманію къ этимъ побужденіямъ и русскій академикъ, Нѣмецъ по происхожденію, не задумался высказаться въ пользу этого предпочтенія. Нельзя не пожалѣть, что г. попечитель, подавая свой голосъ по такому важному дѣлу, упустилъ изъ вида всѣ эти обстоятельства и не привелъ себѣ на память хотя бы слѣдующія, безъ сомнѣнія прочитанныя имъ, строки прекрасной статьи М. С. Куторги, напечатанной такъ недавно въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* (январь 1867): „Исторія Греціи имѣетъ, именно для насъ, Русскихъ, особенный вѣсъ и значеніе; она служитъ къ точнѣйшему уразумѣнію нашей народности... необходимо отыскать первоначальный ея источникъ, который пробудилъ и питалъ ее, оставаясь въ теченіе столѣтій главнымъ дѣятелемъ умственной жизни Русскаго народа. Здѣсь мы встрѣ-

[1]) На однородномъ мнѣніи другаго г. попечителя мы не будемъ останавливаться, такъ какъ оно опирается на двухъ, извѣстныхъ уже намъ основаніяхъ — на томъ, что «тщательное и правильное преподаваніе и одного латинскаго языка можетъ удовлетворить педагогическимъ цѣлямъ», и на томъ, что «при преподаваніи греческаго языка отмѣняется преподаваніе одного изъ языковъ новѣйшихъ, знаніе которыхъ для насъ, Русскихъ, важно и даже необходимо». (Стр. 10).

чаемся съ Греками; здѣсь представляется могущественное вліяніе эллинства, чрезъ посредство Византіи". Сказавъ потомъ о покореніи западно-латинской имперіи Германцами и греко-восточной Славянами и о начавшемся вслѣдъ за тѣмъ непрерывномъ образовательномъ вліяніи Римлянъ на Германцевъ и Грековъ на Славянъ, сказавъ, что „византійско-славянская исторія есть прямое, не прерванное продолженіе исторіи эллинства съ переродившимися посредствомъ христіанства началами и со включеніемъ новаго племеннаго элемента", авторъ заключаетъ: „Разсматривая съ этой точки зрѣнія самихъ себя, жителей восточной Европы и членовъ славянскаго племени, нельзя не прійдти, смѣю думать, къ вѣрному логическому заключенію, что намъ слѣдовало бы, не оставляя ни древняго Рима, ни новѣйшаго Запада — я весьма далекъ отъ этой мысли — отдать однако преимущество Греціи, начинать ученіе не чуждымъ для насъ латинскимъ, а болѣе сроднымъ и весьма намъ близкимъ языкомъ греческимъ, и не щадить усилій для ближайшаго знакомства съ эллинскою образованностію, родоначальницей образованности византійской. Изучая исторію древнихъ Грековъ, мы изучимъ исторію своихъ, если позволено такъ выразиться, духовныхъ праотцевъ" (стр. 167, 169 и 171). Эта выписка можетъ освободить насъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній по этому предмету, понятному, впрочемъ, для каждаго, кто вникалъ въ смыслъ нашей исторіи, нашей литературы, нашего просвѣщенія. Мы съ намѣреніемъ привели эту выписку изъ статьи, появившейся именно въ то время, когда только-что обдумывались доказательства, въ силу которыхъ „греческому языку нѣтъ и не должно быть мѣста въ нашихъ гимназіяхъ". Тогда какъ по важности греческаго языка для самостоятельнаго историческаго изученія русской жизни, по вниманію къ этимъ русскимъ интересамъ и общеобразовательному значенію греческаго языка, слѣдовало бы остановиться на немъ даже, въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно предстояла необходимость избрать одинъ изъ двухъ древнихъ языковъ для нашихъ гимназій, вдругъ оказалась рѣшимость изгнать греческій языкъ изъ всѣхъ русскихъ гимназій и при этомъ для доказательства преимущества латинскаго языка въ *гимназическомъ обученіи*, указать на западныя средневѣковыя сочиненія, писанныя на латинскомъ языкѣ, а также сопоставить греческій языкъ съ нѣмецкимъ.

Намъ могутъ сказать: только-что высказанныя побужденія для изученія греческаго языка суть побужденія высшаго порядка; они, конечно, важны для науки, для самостоятельнаго изученія нашего про-

шедшаго въ его связи съ византійскою культурой, но о нихъ не можетъ быть и рѣчи при обсужденіи и установленіи учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, какъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ каждый предметъ обученія долженъ находить себѣ оправданіе только съ этой общеобразовательной точки зрѣнія. Но здѣсь дѣло въ томъ, что необходимость обученія греческому языку въ гимназіяхъ, оправдываемая вполнѣ именно съ этой послѣдней точки зрѣнія, и притомъ съ несомнѣннымъ преимуществомъ передъ латинскимъ, находитъ себѣ еще сильнѣйшее подкрѣпленіе въ указанныхъ туземныхъ побужденіяхъ, такъ что, если бы когда-либо пришлось выбирать одинъ изъ древнихъ языковъ, даже при равномъ ихъ достоинствѣ для цѣли гимназій, то и тогда невозможно было бы допустить ни малѣйшаго колебанія. Эти туземныя побужденія приведены здѣсь въ соотвѣтствіе тѣмъ нѣмецкимъ побужденіямъ, по которымъ въ западно-европейскихъ гимназіяхъ отдается первенство, хотя бы только и по времени, латинскому языку. Если эти побужденія, въ примѣненіи къ латинскому языку, имѣютъ значеніе для Нѣмцевъ, при сохраненіи греческаго языка, то почему же не обратить вниманія на тѣ же побужденія для насъ, въ примѣненіи къ греческому языку, совсѣмъ изгоняемому? Кромѣ того, гимназіи суть среднія учебныя заведенія и по отношенію къ университетамъ приготовительныя, а потому интересы послѣднихъ, интересы науки, при обсужденіи учебнаго дѣла гимназій, нельзя упускать изъ вида въ тѣхъ случаяхъ, когда они совпадаютъ съ интересами общаго развитія. Таковъ именно настоящій случай, и онъ, казалось бы, тѣмъ болѣе долженъ имѣть право на вниманіе, что въ немъ интересы науки и общаго развитія совпадаютъ еще съ интересами мѣстными, туземными, національно-религіозными, въ высшей степени важными. Правильное, освобожденное отъ стараго педантизма, обученіе греческому языку, непосредственно знакомящее въ чтеніи лучшихъ образцовъ литературы съ греческою жизнію, не замедлило бы образовать во многихъ наклонность къ продолженію изученія этой жизни въ университетѣ, что̀ отразилось бы вскорѣ и на числѣ ученыхъ дѣятелей въ этой области знаній. А какъ намъ нужны такіе дѣятели, объ этомъ можно судить хотя по слѣдующему крупному факту: авторъ лучшей исторіи русской литературы, по общему вопросу о византійскомъ вліяніи на нашу древнюю литературу, не сказалъ отъ себя ничего, ограничившись небольшою выпиской изъ извѣстнаго сочиненія Бернгарди, и это едва-ли можно поставить въ вину автору, такъ какъ весь процессъ его собственнаго образованія не могъ привести его къ само-

стоятельному изученію вопроса и не могъ сообщить ему средствъ для этого изученія. При отсутствіи же въ гимназіи греческаго языка, какъ предмета труднаго въ общемъ мнѣніи, и притомъ требующаго труда, который нельзя промѣнять тотчасъ же на хлѣбъ и деньги, откуда же образоваться наклонности къ изученію классическаго міра?

Мнѣніе о трудности греческаго языка, который молодому человѣку въ 17-ть лѣтъ приходится начинать учить съ азбуки, при многочисленности и разнородности предметовъ вообще на историко-филологическомъ факультетѣ, безъ сомнѣнія, служитъ одною изъ причинъ малочисленности послѣдняго во всѣхъ университетахъ. Г. попечитель говоритъ, что для греческаго языка довольно времени въ университетѣ, если его начинать тамъ съ азбуки: да охотниковъ-то для этой азбуки оказаться не можетъ... Мы увѣрены, что при полномъ раздѣленіи историко-филологическаго факультета на отдѣленія (классическое, славяно-русское и историческое), изгнаніе греческаго языка изъ всѣхъ гимназій можетъ повлечь за собою рѣшительное опустѣніе классическаго отдѣленія, или его закрытіе, другими словами — изгнаніе истиннаго классическаго образованія изъ всей Россійской имперіи. Впрочемъ, и извѣстное первое примѣчаніе къ § 39-му устава ведетъ къ тому же послѣдствію: гимназіи пока открываются съ однимъ латинскимъ языкомъ, потому что нѣтъ учителей греческаго языка; а учителей и не будетъ, потому что не можетъ быть на него охотниковъ въ университетѣ; а охотниковъ не можетъ быть, потому что неоткуда взяться охотѣ по отсутствію греческаго языка въ гимназіяхъ. Это называется *circulus vitiosus*. Не потому ли защитники реализма съ замѣтнымъ благодушіемъ смотрѣли на уставъ 1864 года, утверждающій въ сущности полное классическое образованіе въ гимназіяхъ?

Намъ могутъ замѣтить: вѣдь поступаютъ же, и притомъ въ огромномъ количествѣ, на такіе факультеты, предметы которыхъ вовсе не входятъ въ гимназическое обученіе? Это замѣчаніе, имѣющее только наружный видъ правды, въ сущности совершенно неосновательно. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ университетѣ только два факультета — историко-филологическій и физико-математическій, при выборѣ которыхъ можетъ принимать участіе болѣе или менѣе ясно сознаваемая молодыми людьми наклонность къ занятію составляющими ихъ предметами, по той простой причинѣ, что невозможно же представить себѣ наклонности къ тому, чего не знаешь. Извѣстно каждому, что выборъ остальныхъ двухъ факультетовъ опредѣляется исключительно

посторонними, не имѣющими никакой связи съ наукою, практическими соображеніями, что переполненіе въ настоящее время юридическихъ факультетовъ во всѣхъ университетахъ объясняется главнымъ образомъ современными реформами, открывающими болѣе обширное поприще для практической юридической дѣятельности. Другія причины— новость предметовъ, возбуждающая понятную любознательность молодыхъ людей, и грѣхи гимназическаго обученія, отбивающіе охоту къ продолженію занятій прежними предметами, успѣвшими надоѣсть въ гимназіи. Если сообразить основной характеръ университетовъ, если сообразить, что въ Англіи юридическое и медицинское образованіе вовсе не входитъ въ университеты и что тамъ однакожъ больше чѣмъ въ какой-либо странѣ процвѣтаетъ и наука и практика юридическая и больше знаменитыхъ представителей и той и другой,—то самый простой взглядъ на современное распредѣленіе студентовъ въ нашихъ университетахъ по факультетамъ не можетъ не произвести сильнаго впечатлѣнія. Въ юридическій факультетъ поступаетъ вообще $^2/_3$ студентовъ, руководящихся при выборѣ его чисто-практическими соображеніями, практическими цѣлями. Эти практическія цѣли продолжаютъ преслѣдовать студента чрезъ всѣ четыре курса и не даютъ ему углубиться въ науку и выработать себѣ наклонность къ самостоятельному ея изученію; исключенія возможны вездѣ, какъ и здѣсь. Что же выноситъ въ жизнь огромное большинство?....[1]). — Медицинскій факультетъ, какъ извѣстно, представляетъ при университетѣ какъ бы особое, отдѣльное учрежденіе, находящееся съ нимъ въ весьма слабой органической связи. Главные предметы его, съ ихъ практическимъ характеромъ, имѣютъ слабую связь съ научными, образующими цѣлями, которыя и суть дѣйствительныя цѣли университетовъ. При отсутствіи всякой связи главныхъ факультетскихъ предметовъ съ предметами гимназическаго обученія и при непрочности гимназическаго образованія (дѣйствительно хорошій гимназистъ, успѣвшій выработать въ себѣ наклонность къ продолженію занятій тою или другою наукой, непремѣнно долженъ избрать или историко-филологическій или физико-математическій факультетъ), послѣднее (гимназическое образованіе) слабѣетъ быстро, отъ чего даже хорошіе медики-спеціалисты

[1]) Извѣстно, что окончившій курсъ въ юридическомъ факультетѣ, при первомъ столкновеніи съ юридическою практикой, чувствуетъ подъ собой столь же непрочную почву, какъ и окончившіе курсъ на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ.

весьма нерѣдко страдають бросающеюся въ глаза несостоятельностію своего общаго образованія. Не думая нашими легкими замѣчаніями оговаривать ни того, ни другаго факультета, мы хотѣли въ настоящемъ случаѣ указать только на слабость органической связи между университетскими факультетами, опирающейся на общую историческую и философскую почву, на преобладаніе въ обоихъ упомянутыхъ факультетахъ практическихъ мотивовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ основнымъ и историческимъ характеромъ университетскаго образованія.

Обратимся опять, и въ послѣдній разъ, къ греческому языку, отъ котораго отклонили насъ небольшія замѣчанія о современномъ положеніи историко-филологическаго факультета, такъ какъ это положеніе до нѣкоторой степени находится въ связи съ судьбою греческаго языка въ гимназіяхъ.

„Зачѣмъ учить дѣтей греческому языку, зачѣмъ тратить дорогое время и лучшія силы на обученіе этому трудному и безполезному въ жизни предмету? Развѣ не доказалъ опытъ, что это обученіе не ведетъ ни къ чему? Намъ толкуютъ безпрестанно о вліяніи этого обученія на общее развитіе, о необходимости непосредственнаго знакомства съ греческимъ міромъ, о высокой образовательности содержанія греческой жизни, о связи исторіи нашего собственнаго образованія съ греческою культурой, какъ романо-германскаго съ римскою: да развѣ наше гимназическое обученіе греческому языку и въ благопріятное для послѣдняго старое время достигало когда-нибудь и хоть сколько-нибудь этихъ результатовъ? развѣ это обученіе не было однимъ мытарствомъ, добивавшимся только зученія греческой грамматики? развѣ можно серіозно говорить о непосредственномъ знакомствѣ съ греческимъ міромъ, какъ объ одной изъ цѣлей гимназическаго образованія, и о важности изученія этого міра для уразумѣнія нашей собственной жизни?“—Вопросы этого рода раздаются со всѣхъ сторонъ, повторяясь на тысячу ладовъ. О безполезности греческаго языка для жизни, о безслѣдной пропажѣ знаній хотя бы и одной грамматики, разумѣется, съ сознательнымъ приложеніемъ ея къ переводамъ, распространяться излишне, такъ какъ говорить объ этомъ значило бы повторять многое изъ сказаннаго прежде. Замѣтимъ только, что чѣмъ дальше языкъ по своему строю отстоитъ отъ отечественнаго, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ онъ на общее развитіе и на сознательное усвоеніе учениками роднаго языка; греческій языкъ, по богатству и развитію формъ, въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ пред-

почтенія передъ латинскимъ. Обученіе древнимъ языкамъ справедливо сравниваютъ съ путешествіемъ по отдаленнымъ странамъ: чѣмъ отдаленнѣе народъ, тѣмъ больше отличій во внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ его жизни, въ его характерѣ, тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе производитъ онъ на путешественника, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ онъ на общее развитіе, тѣмъ больше представляетъ онъ предметовъ для размышленія, тѣмъ больше выясняетъ онъ сознаніе въ ширину и глубину и тѣмъ больше помогаетъ онъ правильному, точному и глубокому уразумѣнію существенныхъ чертъ характера своего народа. Новые языки представляютъ отдаленіе только въ пространствѣ, а древніе — и во времени.

Въ возраженіяхъ, направленныхъ противъ слабыхъ результатовъ, которые пріобрѣтались отъ обученія греческому языку въ гимназіяхъ въ прежнее, болѣе благопріятное, время, есть своя доля правды. Дѣйствительно, въ прежнее время почти исключительное вниманіе обращено было на усвоеніе формальной стороны языка и на приложеніе знаній этого рода къ переводамъ, то-есть, все вниманіе и усердіе учащихся направлено было на формальное развитіе посредствомъ языка. При такомъ взглядѣ на дѣло, при рѣшительномъ невниманіи къ самому содержанію классической жизни, на сколько она выразилась въ произведеніяхъ науки, литературы и искусства, конечно, не могло быть и рѣчи объ основательномъ знакомствѣ учащихся съ содержаніемъ древняго міра, тѣмъ болѣе о сознательномъ отношеніи къ этому содержанію. Что же было слѣдствіемъ такого обученія? Болѣе прилежные и даровитые ученики или сами, чутьемъ, прокладывали себѣ дорогу къ этому содержанію, что, конечно, случалось рѣдко, при отсутствіи направленія къ нему; или продолжительными и упорными занятіями формальною стороною языка пріобрѣтали вполнѣ основательное его знаніе и проистекающее отсюда легкое пониманіе предлагаемыхъ для чтенія отрывковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и испытывали на себѣ то образовательное дѣйствіе, которое заключается въ этомъ обученіи; при этомъ самая продолжительность занятій и чувство побѣжденныхъ трудностей не могли въ свою очередь не дѣйствовать на образованіе наклонности къ продолженію занятій тѣмъ же предметомъ съ расширеніемъ его содержанія. Всѣ они испытали на себѣ полезное дѣйствіе изученія древнихъ языковъ, и это дѣйствіе оставалось при нихъ навсегда, какой бы наукѣ они въ послѣдствіи ни посвятили себя, къ какому бы роду жизни они ни обратились. Менѣе прилежные и менѣе даровитые ученики, хотя и испытывали на себѣ въ меньшей

степени то же образовательное дѣйствіе, тѣмъ не менѣе, не сознавая ни цѣли, ни значенія столь продолжительныхъ и упорныхъ занятій, не могли не относиться къ нимъ съ недовольствомъ, не могли не чувствовать скуки, унынія отъ этихъ занятій, иногда воспитывали въ себѣ отвращеніе къ нимъ, которое и выносили за порогъ школы. Такимъ образомъ гимназія, эта alma mater, сама ежегодно выпускала изъ своихъ объятій питомцевъ, которые тотчасъ же перебѣгали во враждебный ея основному направленію лагерь, становились въ ряды заклятыхъ враговъ древнихъ языковъ, которые сами по себѣ не виноваты ни мало, и вели противъ нея ожесточенную борьбу на „быть или не быть“. Нѣтъ худа безъ добра. Эта борьба, вѣроятно, поможетъ обученію древнихъ языковъ освободиться отъ прежнихъ недостатковъ и утвердить его на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Впрочемъ, мы можемъ утѣшить себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что грѣхи этого обученія не лежатъ прямо на нашей совѣсти; мы приняли ихъ отъ Нѣмцевъ, гимназіи которыхъ главнымъ образомъ служили образцомъ для нашихъ. Въ Германіи въ то время тѣ же недостатки господствовали еще въ большихъ размѣрахъ, такъ какъ въ нихъ на обученіе древнимъ языкамъ посвящалось больше времени и труда. Но за то тамъ тѣ же послѣдствія не замедлили вызвать реакцію, и въ послѣднее время отвсюду раздаются жалобы на эту филологическую микрологію и требованія существенныхъ измѣненій въ гимназическомъ обученіи древнимъ языкамъ. Сознаніе грѣха — половина исправленія. Въ настоящее время странно, говоритъ Шмидъ, защищать древніе языки только вліяніемъ ихъ на формальное развитіе, въ виду реальныхъ школъ, которыя, съ ихъ новыми языками и математикой, могутъ смѣло предъявить то же вліяніе; такую защиту онъ считаетъ совершенно потеряннымъ трудомъ и указываетъ на образовательный элементъ въ самомъ содержаніи древней жизни, отдаленной отъ насъ длиннымъ рядомъ вѣковъ и послужившей основаніемъ новѣйшей культурѣ (Encycl. IV. 166 и слѣд.). Считаемъ не безполезнымъ привести здѣсь нѣсколько прекрасныхъ словъ Дейнгардта, къ которымъ нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ. „Должны ли мы отбросить прежнюю основу гимназій? На такое рѣшеніе, по моему глубочайшему убѣжденію, должно смотрѣть какъ на величайшее національное несчастіе; должно смотрѣть какъ на несчастіе уже на то, что прежняя основа въ настоящее время не находитъ болѣе всеобщаго признанія. Отдѣльный человѣкъ есть микрокосмъ цѣлаго человѣчества, макрокосма; пути развитія цѣлаго человѣчества повторяются

въ развитіи каждаго здороваго человѣка, не останавливающагося на полупути. А того, что въ развитіи всего человѣчества оба древніе народа, Греки и Римляне, составляютъ эпоху, не станетъ оспаривать никто, знающій и изучившій ихъ... Но человѣчество идетъ все впередъ, и если юношество воспитаніемъ и обученіемъ должно быть поднято до уровня современнаго ему образованія, то необходимо, чтобъ это нормальное образовательное средство поставлено было въ правильное отношеніе къ здоровому духу времени... Кромѣ того, характеръ и содержаніе наукъ теперь совершенно другіе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, и если послѣдняя задача гимназій состоитъ въ томъ, чтобы ввести учащееся юношество въ современную жизнь, то и изученіе классической древности должно стать въ другое отношеніе къ послѣдней цѣли гимназическаго образованія, чѣмъ въ какомъ оно было въ прежнее время" (Encycl. II. 456).

Такое сознаніе Нѣмцевъ о современномъ отношеніи гимназическаго преподаванія древнихъ языковъ къ общему составу учебныхъ предметовъ въ гимназіи, конечно, не безполезно для насъ, и мы думаемъ, что необходимо извлечь изъ него для себя всю пользу, какъ въ интересахъ самаго дѣла, такъ и для устраненія тѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствій стараго порядка, на какія мы уже указали; тѣмъ болѣе мы должны обратить въ свою пользу это сознаніе, что старый порядокъ у насъ былъ не свой, а занятый у тѣхъ же Нѣмцевъ. Нельзя же намъ продолжать идти къ цѣли по проселочной дорогѣ, когда мы можемъ выйдти на большую и прямую, особенно когда наше исправленіе такъ удобно, при введеніи новыхъ гимназическихъ порядковъ въ учебномъ отношеніи вмѣстѣ съ новымъ уставомъ. *Правильное уразумѣніе содержанія жизни обоихъ классическихъ народовъ въ ея лучшихъ явленіяхъ, посредствомъ чтенія и объясненія образцовыхъ произведеній,— вотъ главная цѣль, къ которой должно быть направлено обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіи, независимо отъ общеобразовательнаго элемента, заключающагося въ обученіи самимъ языкамъ.* Реальная сторона предмета, на которую до сихъ поръ вовсе не обращали вниманія, должна же, наконецъ, предъявить свои законныя права, не заслоняя собою формальной. Послѣдняя во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ свое дѣло, такъ какъ чтеніе произведеній и ихъ объясненіе, хотя бы и направленное преимущественно на содержаніе, не можетъ не сопровождаться постепеннымъ совершенствованіемъ учащихся въ самихъ языкахъ.

Возможно ли достиженіе такой цѣли въ гимназіяхъ, спросятъ насъ? Почему же нѣтъ?... Греческій языкъ, не говоримъ уже о латинскомъ, вовсе не такъ труденъ, какъ привыкли у насъ думать, судя по прежнимъ результатамъ его изученія. Если мы станемъ на почву устава 1864 года, по которому обученіе греческому языку начинается въ классическихъ гимназіяхъ съ 3-го класса, когда ученики успѣли уже основательно усвоить себѣ всѣ грамматическія категоріи съ ихъ терминологіей (которая должна быть притомъ какъ можно болѣе упрощена и приведена къ возможному единству при обученіи всѣмъ языкамъ), то нельзя сомнѣваться въ томъ, что основательное усвоеніе необходимой формальной стороны греческаго языка потребуетъ никакъ не болѣе двухъ лѣтъ при трехъ урокахъ, то-есть, должно окончиться четвертымъ классомъ. Вслѣдъ за тѣмъ (упражненія въ легкихъ переводахъ, для немедленнаго приложенія къ дѣлу уже усвоенныхъ грамматическихъ формъ, должны сопровождать и все начальное обученіе) должно начать чтеніе отрывковъ образцовыхъ произведеній, съ пополненіемъ, разумѣется, грамматическихъ свѣдѣній въ необходимыхъ случаяхъ; усвоеніе этихъ необходимыхъ дополненій, записываемыхъ учениками въ классѣ, должно сопровождаться самою строгою и тщательною провѣркою со стороны учителя, такъ какъ отъ точнаго ихъ усвоенія зависитъ постепенное облегченіе въ пониманіи содержанія прочитываемыхъ отрывковъ и равномѣрность успѣховъ учениковъ. Такимъ образомъ чтеніе произведеній, направленное главнымъ образомъ на содержаніе и переходящее мало по малу изъ статарнаго въ курсорное, само собою, незамѣтно для учениковъ, выработаетъ въ нихъ грамматику, знаніе которой будетъ тѣмъ основательнѣе и сознательнѣе, что каждое ея положеніе будетъ непосредственно исходить изъ чтенія и тотчасъ же прилагаться къ чтенію. Чтеніе, направленное на содержаніе, должно сопровождаться объясненіемъ существенно необходимаго для его пониманія, а также сознательнымъ и отчетливымъ его пересказомъ. Только-что прочитанные отрывки, для бо́льшаго укрѣпленія ихъ содержанія въ сознаніи учениковъ, будутъ служить прекрасными и вполнѣ доступными темами для письменныхъ упражненій, которыми долженъ сопровождаться весь процессъ чтенія. Мы не будемъ здѣсь распространяться о выборѣ и подборѣ отрывковъ для чтенія, такъ какъ всѣ предлагаемыя замѣчанія имѣютъ общій характеръ; скажемъ только, что это дѣло особенной важности и отъ него весьма много зависитъ успѣхъ въ достиженіи цѣли, что оно предполагаетъ прежде всего строгое вниманіе къ каждой степени развитія учащихся;

содержаніе же отрывковъ должно касаться самыхъ существенныхъ, и притомъ также строго соображенныхъ съ степенью развитія учениковъ, явленій греко-римской культуры. Кромѣ того, стремленія и цѣли въ этомъ случаѣ должны находить себѣ пособіе и со стороны другихъ предметовъ, близко сюда относящихся: въ изложеніи греческой и римской исторіи, въ географіи Греціи и Италіи, въ чтеніи образцовъ новѣйшихъ литературъ и отечественной. Въ томъ и состоитъ внутренняя концентрація обученія, чтобы всѣ однородные предметы сходились соприкасающимся своимъ содержаніемъ и взаимно другъ друга подкрѣпляли и дополняли; тогда только возможно то внутреннее напряженіе обученія, отъ котораго прежде всего зависитъ его успѣхъ, его развивающая и образующая сила. Главный недостатокъ нашего гимназическаго обученія всегда состоялъ въ томъ, что у насъ всѣ многочисленные предметы шли, такъ-сказать, въ раздробь, не только не стягивались другъ къ другу своимъ однороднымъ содержаніемъ, а напротивъ разбѣгались въ разныя стороны, и часто то, что̀ должно находиться близь центра, оказывалось вращающимся на окружности; все движеніе нашего гимназическаго обученія повиновалось не центростремительной, а центробѣжной силѣ. Что́ же отсюда происходило? Вниманіе учениковъ, усердно растягиваемое въ разныя стороны въ одно и то же время, теряло, по смыслу извѣстной басни, всякую способность движенія, и результатъ обученія, не смотря на все усердіе и способность отдѣльныхъ преподавателей, большею частію оказывался не удовлетворяющимъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ. У насъ господствовала въ этомъ отношеніи разноголосица и безурядица даже тамъ, гдѣ, казалось, самая сила вещей, самая природа предметовъ необходимо требовала соглашенія: учители, напримѣръ, пяти языковъ обыкновенно дѣйствовали и дѣйствуютъ до сихъ поръ совершенно разрозненно и изолированно другъ отъ друга; не только взаимно не подкрѣпляли вниманіе, но рѣшительно разслабляли его; не только не было соглашенія во внутреннихъ условіяхъ и общей послѣдовательности обученія, но и въ самыхъ внѣшнихъ пріемахъ, даже въ терминологіи; то же должно сказать и объ учителяхъ исторіи, географіи, отечественной литературы, какъ по ихъ отношеніямъ другъ къ другу, такъ и по отношеніямъ къ преподавателямъ языковъ, древнихъ и новыхъ. Можно предоставить каждому объяснять себѣ и положеніе учащихся, при такой разрозненной и изолированной дѣятельности каждаго преподавателя, и то, какъ этою дѣятельностію затрудняется достиженіе общей цѣли гимназическаго обученія. Обновленное и ви-

доизмѣненное въ этомъ направленіи преподаваніе древнихъ языковъ, должно надѣяться, не замедлитъ выразиться совершенно иными последствіями, принести другіе плоды, и будетъ въ состояніи устранить всѣ жалобы и нареканія на безуспѣшность, безполезность и безцѣльность прежняго обученія. Оно не въ состояніи будетъ, разумѣется, удовлетворить тѣхъ, которые, не зная классическаго міра, признаютъ его ни къ чему не годнымъ, отжившимъ свой вѣкъ и подлежащимъ только сдачѣ въ архивъ, которые думаютъ, что новая Европа превзошла своихъ наставниковъ и болѣе въ нихъ не нуждается, которые ждутъ-не-дождутся того времени, когда можно будетъ сбросить ненавистное иго древнихъ языковъ.

Оканчивая здѣсь свои замѣчанія по вопросу объ устройствѣ нашихъ гимназій, считаемъ не лишнимъ, для наглядности, представить въ общемъ сводѣ главныя заключенія:

1) Уставъ 1864 года до сихъ поръ вовсе не былъ приведенъ въ исполненіе въ полномъ его составѣ и полной силѣ, а потому думать о какомъ бы то ни было его видоизмѣненіи, касающемся его существеннаго смысла, особенно думать объ отмѣнѣ того, что именно не было приведено въ исполненіе, то-есть, обязательнаго во всѣхъ классическихъ гимназіяхъ преподаванія греческаго языка нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго основанія. Другое дѣло — частныя опредѣленія устава, подробности, относительно которыхъ всего предвидѣть нельзя и которыя могутъ представлять дѣйствительныя затрудненія при практическомъ ихъ примѣненіи: такія опредѣленія, къ которымъ можно отнести и извѣстное первое примѣчаніе къ § 39-му устава, временно узаконивающее гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, могутъ, конечно, подлежать не только видоизмѣненію, но и полной отмѣнѣ.

2) Дуализмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, раздвоеніе гимназій на реальныя и классическія, есть явленіе временное, переходное и, какъ такое, оно имѣетъ свое оправданіе. Постепенное ихъ объединеніе посредствомъ соглашенія входящихъ въ нихъ курсовъ необходимо и не можетъ представлять большихъ затрудненій. До тѣхъ же поръ реальныя гимназіи, какъ опредѣлено уставомъ, должны относиться къ высшимъ реальнымъ училищамъ точно также, какъ классическія гимназіи относятся къ университетамъ.

3) Объединеніе классическихъ и реальныхъ гимназій и соглашеніе ихъ курсовъ должно совершиться при посредствѣ разумной концентраціи обученія, проведенной чрезъ всѣ предметы и состоящей въ уста-

новленіи органической связи между ними и ихъ отношеній въ главнымъ основамъ и цѣли гимназическаго обученія, а также въ соотвѣтственномъ тому упрощеніи и сокращеніи содержанія обученія.

4) Если бы когда-либо предстояла необходимость выбора между двумя древними языками, то не можетъ быть ни малѣйшаго колебанія въ предпочтеніи греческаго языка латинскому, по заключающемуся въ немъ сильнѣйшему образовательному элементу, по оригинальности и высокому значенію греческой культуры сравнительно съ римскою, и по связи нашей исторической жизни и образованія съ византійскою культурой.

5) Правильная концентрація всѣхъ гимназическихъ предметовъ, какъ отдѣльно взятыхъ, такъ и въ общей ихъ связи съ главными основаніями гимназическаго обученія, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что и при введеніи обоихъ древнихъ языковъ, не только не увеличится содержаніе обученія и напряженіе дѣятельности учащихся, но окажется и значительное сбереженіе времени и труда, которые съ наибольшею пользою могутъ быть обращены на письменныя упражненія, общій характеръ и значеніе которыхъ до сихъ поръ не сознавались съ надлежащею ясностью и полнотою.

6) Въ виду новыхъ требованій и послѣдствій стараго порядка, ограничиваемое прежде одною грамматикою, съ приложеніемъ ея къ чтенію для исключительной цѣли формальнаго развитія, преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіи должно существенно измѣниться: содержаніе жизни классическихъ народовъ, какъ оно выразилось въ лучшихъ произведеніяхъ, до сихъ поръ вовсе не входившее въ соображеніе, должно выступить на первый планъ, не заслоняя собою образовательнаго элемента, заключающагося собственно въ обученіи древнимъ языкамъ.

Глубоко сознавая важность вопроса и предлагая опытъ его рѣшенія, мы имѣли въ виду одну пользу дѣла и руководились искреннимъ желаніемъ скорѣйшаго его устройства на прочныхъ и твердыхъ основаніяхъ и столь же искреннимъ желаніемъ, чтобы прекратилось то колеблющееся положеніе нашихъ гимназій, которое не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на нормальное и здоровое развитіе нашего общаго образованія. Мы не стоимъ, разумѣется, за вѣрность всѣхъ своихъ заключеній и чувствовали бы себя совершенно довольными, если бы, при рѣшеніи столь важнаго вопроса, совокупными силами хотя одно частное замѣчаніе наше было принято къ свѣдѣнію и соображенію. Увѣренность въ переходномъ, временномъ характерѣ реаль-

ныхъ гимназій, вѣра въ прекращеніе дуализма, въ объединеніе реальныхъ и классическихъ гимназій, при посредствѣ благоразумной концентраціи, убѣжденіе, что основаніе всего гимназическаго обученія — математика и языкоученіе, при участіи обоихъ древнихъ языковъ и прежде всего греческаго, какъ наиболѣе образовательнаго и важнаго для насъ — вотъ единственныя побужденія для составленія нашихъ замѣчаній.

Н. Лавровскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Geschichte der islamitischen Völker von Muhammed bis zur Zeit des Sultan Selim, übersichtlich dargestellt von D-r *Gustaw Weil*. Stuttgart. 1866. 504. S. in 8. (Исторія мусульманскихъ народовъ съ Магомета до времени султана Селима, *Густава Вейля*).

При извѣстномъ состояніи науки могутъ быть совершаемы лишь извѣстнаго рода работы. Не можетъ одинъ ученый исполнить того, что̀ подъ силу лишь нѣсколькимъ поколѣніямъ изслѣдователей. Задастся онъ такою задачею, превышающею его силы, и въ результатѣ выйдетъ необходимо, что гора—родитъ мышь. Нѣчто въ такомъ родѣ случилось и съ извѣстнымъ, заслуженнымъ оріенталистомъ, Гейдельбергскимъ профессоромъ, докторомъ *Вейлемъ*, вслѣдствіе того, что задумалъ онъ написать „Исторію мусульманскихъ народовъ". Такой исторіи теперь никто еще не въ силахъ написать. Нельзя никакому архитектору, какъ ни будь онъ геніаленъ, построить храмъ или дворецъ одному, безъ достаточнаго числа способныхъ помощниковъ, и когда матеріалъ для того нужный не только еще не обработанъ, но частію даже изъ каменоломень не вывезенъ.

Правда, ученые европейскіе давно уже, почти съ половины XVI вѣка, стали знакомиться съ историческими произведеніями мусульманскаго Востока; но матеріалъ такъ великъ и требуетъ такихъ трудовъ, не только для того, чтобъ овладѣть имъ, а для того даже, чтобы въ извѣстность его привести, что въ теченіе трехъ столѣтій не могла быть выполнена, не говоря уже о первой, и одна послѣдняя задача.

Весьма естественно, что при неизвѣстности объема мусульманскихъ литературъ и при небольшомъ сначала числѣ рукописей на восточныхъ языкахъ, случайно забредавшихъ въ Западную Европу, оріенталисты ея XVII и отчасти XVIII вѣка, обратившіе вниманіе на историческія произведенія мусульманской Азіи, начали издавать и переводить не то, что̀ имѣется лучшаго по этой части, а что̀ первое попадалось подъ руку. То же самое явленіе, и по тѣмъ же самымъ

причинамъ, имѣло мѣсто и относительно произведеній исторической литературы Грековъ и Римлянъ, когда, съ возобновленіемъ ученыхъ занятій и изобрѣтеніемъ книгопечатанія, стали въ Европѣ издавать тексты и переводы классическихъ писателей. Въ XVII вѣкѣ, европейскіе ученые знакомились съ исторіею мусульманскаго Востока по позднѣйшимъ компендіумамъ работы христіанскихъ писателей, каковы *Эль-Макинъ*[1]) и *Абуль-Фараджъ*[2]). Первый собственно мусульманскій историкъ, изданный тогда въ Европѣ, былъ *Ахмедъ Ибнъ-Арабшахъ*, авторъ „Исторіи Тамерлана", написанной риемованною прозою[3]) — образчикъ, выбранный весьма неудачно. Какъ малы еще были вообще свѣдѣнія европейскихъ ученыхъ XVII вѣка объ исторіи мусульманской Азіи, свидѣтельствуетъ пользовавшаяся долго большою репутаціею *Готтингерова* „Восточная исторія"[4]). Единственный оріенталистъ того времени, обладавшій значительною начитанностію въ арабскихъ и персидскихъ историкахъ, это — знаменитый авторъ „Восточной Библіотеки"[5]), Французъ *д'Эрбло;* но и онъ, при составленіи этого труда, безсмертнаго памятника его учености и трудолюбія, черпалъ историческія свѣдѣнія лишь изъ позднѣйшихъ компиляторовъ мусульманскихъ, въ родѣ *Мирхонда* и *Ибнъ-Шохны:* о болѣе раннихъ и даже о самыхъ капитальныхъ зналъ онъ, почти исключительно, лишь изъ библіографическаго словаря *Хаджи-Хальфы*. По степени знакомства съ источниками для исторіи мусульманскаго Востока, вслѣдъ за д'Эрбло слѣдуетъ упомянуть еще Англичанина *Покока*[6]). По мусульманскимъ же источникамъ скомпилирована была *Пти*

[1]) Historia Saracenica, qua res gestae Muslimorum inde a Muhammede Arabo usque ad initium imperii Atabacaei, per XLIX imperatorum successionem fidelissime explicantur. Arabice olim exarata a Georgio Elmacino. Latine reddita opera et studio Thomae Erpenii. Lugduni Batavorum. 1624. Въ слѣдующемъ, 1625 году, изданъ былъ Эрпеніемъ и арабскій текстъ Эль-Макина.

[2]) Historia compendiosa dynastiarum, autore Gregorio Abul-Pharajio, Malatiensi medico, historiam complectens universalem etc. Arabice edita et latine versa ab Ed. Pocockio. Oxoniae, 1663.

[3]) Ahmedis Arabsiadae vitae et rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia. (Edidit Jac. Golius). Ludguni Batavorum, 1636.

[4]) Joh. Henr. Hottingeri Historia orientalis ex variis orientalium monumentis collecta. Tiguri, 1651.

[5]) Bibliothèque Orientale, ou dictionnaire universel, contenant généralement tout ce qui regarde la connaissance des peuples de l'Orient, leurs histoires etc. Par monsieur d'Herbelot. Paris, 1697. Въ слѣдующемъ, XVIII столѣтіи, вышло еще три изданія этого колоссальнаго труда, къ пособію котораго можно и теперь еще прибѣгать.

[6]) Specimen historiae Arabum etc. Opera et studio Ed. Pocockii. Oxoniae, 1650.

де-ла-Круа „Исторія Чингисъ-Хана“ [1]). Опытъ обработки исторіи Турціи по туземнымъ писателямъ сдѣланъ былъ еще ранѣе, въ XVI столѣтіи, *Левенклавомъ* [2]).

Недалеко, по сравненію съ Эрбло и Пококомъ, подвинулись европейскіе ученые, какъ въ знакомствѣ съ исторіографами мусульманскаго міра, такъ и въ переработкѣ доставленнаго ими матеріала, въ теченіе большей части XVIII столѣтія. Самымъ важнымъ шагомъ въ первомъ отношеніи было изданіе въ арабскомъ текстѣ и латинскомъ переводѣ многотомной компиляціи *Абуль-Феды* [3]) „Эль-Мухтасаръ фи Ахбаръ эль-Башаръ“ (Сокращенной исторіи человѣческаго рода). Кромѣ того изданы были въ подлинникахъ или переведены на разные европейскіе языки: *Шерефъ-эд-Динова* „Исторія Тамерлана“ [4]), „Исторія магометанской Индіи“, соч. *Феришть* [5]), *Абуль-Газіево* „Родословіе Тюркское“ [6]) и десятокъ другихъ историческихъ произведеній мусульманской исторіографіи. Гораздо большее число ихъ сдѣлалось извѣстнымъ въ отрывкахъ и извлеченіяхъ, изданныхъ въ видѣ сборниковъ, каковы *Схультенсовы* и *Эйхгорновъ* по исторіи Арабовъ до Магомета [7]), сборникъ *Грегоріо* по исторіи Сицилійскихъ Арабовъ [8]),

---

[1]) Histoire du grand Genghizcan, premier empereur des anciens Mogols et Tartares. Traduite et compilée de plusieurs auteurs orientaux et de voyageurs européens. Par feu M. Petit de la Croix, le père. Paris, 1710.

[2]) Joh. Leunclavii Historiae Musulmanae Turcorum, de monumentis ipsorum exscriptae libri XVIII. Francofurti, 1591.

[3]) Abulfedae Annales Moslemici arabice et latine, opera et studio Jo. Jac. Reiskii. Edidit Jac. Georg. Christ. Adler. Hafniae. 1787—1794. Пять томовъ in 4.

[4]) Histoire de Timur Beg, écrite en persan par Cherifeddin Ali, natif de Jezd, auteur contemporain. Traduite en français par M. Petit de la Croix. Paris, 1722.

[5]) History of Hindustan, from the earliest account of time to the death of Akbar. Translated from the Persian of Mohammed Kasim Ferishta of Delhi, by Alex. Dow. London, 1768.

[6]) Histoire généalogique des Tatars, traduite du manuscrit tatare d'Abulgasi Bayadur-Chan, et enrichie d'un grand nombre de remarques sur le véritable estat présent de l'Asie septentrionale etc. par D. (Bentinck). Leyde, 1726.

[7]) Monumenta vetustiora Arabiae. Ex manuscriptis codicibus Nuweirii, Mesudii, Abulfedae, Hamasa etc. excerpsit et edidit Alb. Schultens. Lugd. Bat. 1740.— Historia Imperii vetustissimi Ioctanidarum ex Abulfeda, Hamzah Ispahanensi, Nuweirio, Tabcrita, Mesudio excepta ab Alb. Schultens. Harderovici Gelror. 1786.—Monumenta antiquissimae historiae Arabum post Albertum Schultensium collegit ediditque cum latina versione et animadversionibus Joh. Gottfr. Eichhorn. Gothae. 1775.

[8]) Rerum Arabicarum quae ad historiam Siculam spectant ampla collectio, opera et studio Rosarii Gregorio. Panormi, 1790.

и т. д., или помѣщенныхъ въ каталогахъ рукописей разныхъ библіотекъ, въ знаменитомъ изданіи Парижской Академіи Надписей — Notices et extraits des manuscrits, и въ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ. Что же касается до того, какимъ образомъ пользовались европейскіе оріенталисты, въ собственныхъ ихъ произведеніяхъ по исторіи Востока, добытыми изъ мусульманскихъ источниковъ данными, то можно смѣло сказать, что они лишь компилировали, компилировали и компилировали, нисколько не вникая въ смыслъ и связь фактовъ, но весьма часто искажая ихъ значеніе дешевымъ философствованіемъ стереотипнаго свойства. Изъ множества біографій Магомета, написанныхъ въ XVIII и предшествовавшемъ столѣтіяхъ, лучшею считается написанная Французомъ *Ганье* [1]), именно потому, что онъ менѣе другихъ умничалъ. Пользовавшаяся въ свое время большою извѣстностію „Исторія первыхъ временъ ислама", Англичанина *Оклея* [2]) — компиляція весьма небрежная, замѣчательная потому лишь, что онъ пользовался нѣкоторыми мусульманскими источниками, до него не тронутыми. Гораздо бо̀льшаго достоинства трудъ *Кардоня* о владычествѣ Арабовъ въ Африкѣ и Испаніи [3]), основою которому послужили также неизвѣстные дотолѣ мусульманскіе историки. Исторій Турціи написано было множество; лучшими изъ нихъ считаются *Кантемирова* [4]) и *Пти де-ла-Круа*, сына [5]), хотя и та, и другая, во многомъ уступаютъ трудамъ по этому предмету, изданнымъ въ XVII вѣкѣ, и даже помянутому выше Левенклавову. Единственный отдѣлъ исторіи Востока, который стали въ XVIII столѣтіи разрабатывать критически по мусульманскимъ источникамъ, это — древнѣйшая исторія Арабовъ: лучшее изслѣдованіе объ этомъ написано было знаменитымъ *де-Саси* [6]),

[1]) La vie de Mahomet, traduite et compilée de l'Alcoran, des traditions authentiques de la Sonna, et des meilleurs auteurs arabes. Par M. Jean Gagnier. Amsterdam, 1732.

[2]) Simon Ockley's: Conquest of Syria, Persia and Egypt by the Saracens.... Collected from the most authentic authors, especially manuscripts, not hitherto published in any european language. London, 1708 — 1718.

[3]) Histoire de l'Afrique et de l'Espagne sous la domination des Arabes, composée sur différens manuscrits arabes de la bibliothèque du Roi. Par M. Cardonne. Paris, 1765.

[4]) The history of the growth and decay of the Othman empire. Written originally in Latin by Demetrius Cantemir, late prince of Moldávia. Translated into English from the author's own manuscript by N. Tindal. London, 1734.

[5]) Abrégé chronologique de l'histoire Ottomane. Par M. De la Croix. Paris, 1768.

[6]) Sur divers événements de l'histoire des Arabes avant Mahomet — помѣщено въ XLVIII томѣ Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres.

дѣятельность котораго только началась въ прошломъ и большею частію принадлежитъ текущему столѣтію. Самою же капитальною работою по исторіи Востока, какъ мусульманскаго, такъ и не-мусульманскаго, сдѣланною въ XVIII вѣкѣ, былъ трудъ *Дегиня*, названный имъ „Исторіею Гунновъ, Турковъ и Монголовъ“ [1]), но заключающій въ себѣ, сверхъ того, и многое другое: въ трудѣ этомъ, требовавшемъ обширнѣйшей начитанности, видимъ уже, въ нѣкоторой степени, и критическое отношеніе къ источникамъ и самостоятельную разработку фактовъ.

Въ настоящемъ столѣтіи, не смотря на то, что дѣятельность европейскихъ ученыхъ обняла, по отношенію къ Азіи, горизонтъ несравненно обширнѣйшій, чѣмъ въ оба предшествующія, сдѣлано по ознакомленію съ историческими источниками мусульманскаго Востока гораздо болѣе, чѣмъ въ XVII и XVIII, взятыхъ вмѣстѣ. По части изданія историческихъ текстовъ на арабскомъ языкѣ, одинъ *Вюстенфельдтъ* напечаталъ ихъ едва-ли не болѣе, чѣмъ всѣ оріенталисты XVIII вѣка. Кромѣ этого Гёттингенскаго профессора, особенною неутомимостію на томъ же поприщѣ отличались Лейденскій профессоръ *Дози*, Упсальскій — *Торнбергъ*, Грейфсвальдскій — *Козегартенъ*, Боннскій — *Фрейтагъ*, Петербургскій академикъ *Дорнъ*, *Лизъ* въ Калькуттѣ, и многіе другіе; а превосходныя изданія ученѣйшаго Парижскаго профессора и академика *Катрмера* высоко подняли общій уровень требовательности въ этомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всѣ изданные въ текстѣ историки мусульманскіе были переведены на латинскій или живые языки Европы; многіе, сверхъ того, благодаря преимущественно Лондонскому обществу для изданія переводовъ съ восточныхъ языковъ (Oriental translation Commitee), явились въ переводѣ только. Въ настоящее время мы можемъ уже пользоваться такими общими и капитальными произведеніями мусульманской исторіографіи, какъ лѣтописи *Табари* [2]) и *Ибнъ-Эль-Эсира Джезери* [3]), какъ историческая энциклопедія *Масуди* [4]), какъ біографическій сло-

[1]) Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux. Par M. Deguignes. Paris, 1756 — 1758. 5 vol. in 4.

[2]) Taberistanensis, i. e. Abu Dschaferi Mohammed ben Scherif El-Tabari Annales Regum atque Legatorum Dei. Arabice edidit et in latinam transtulit Jo. God. Lud. Kosegarten. Gryphiswaldiae. 1831—1838. Три тома in 4°.

[3]) Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur, arabice edidit C. J. Tornberg. Lugd. Bat. 1853—1863. Издано до сихъ поръ три тома in 8.

[4]) Maçoudi — Les Prairies d'Or, texte arabe et traduction par Ms Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861—1865. Четыре тома in 8.

варь *Ибнъ-Халликана* [1]), какъ библіографическій лексиконъ *Хаджи-Хальфы* [2]), и т. д. Изданы многіе важные писатели, трактовавшіе объ исторіи отдѣльныхъ странъ, народовъ и династій мусульманскаго міра, какъ *Эль-Маккари* [3]) и *Эль-Гарнати* [4]), писавшіе объ Арабахъ въ Африкѣ и Испаніи; какъ *Макризи* [5]) и *Ибнъ Тегри-Бирди* [6]), историки Египта подъ мусульманскимъ владычествомъ; какъ *Утби* [7]) и *Байгаки* [8]), біографы Газневидовъ; какъ *Шерефъ-Ханъ*, историкъ Курдскаго народа [9]); какъ *Ниметъ-ул-Лахъ*, историкъ Афганцевъ [10]); цѣлый рядъ хроникъ города Мекки [11]); цѣлый рядъ писателей объ ис-

---

[1]) Ibn-Challikani Vitae Illustrium Virorum. Nunc primum arabice edidit, variis lectionibus indicibusque locupletissimis instruxit Ferd. Wüstenfeldt. Gottingae, 1835—1840. — Ibn-Khallikan's Biographical Dictionary, translated from the arabic by baron Mac Guckin de Slane. Paris, 1842.

[2]) Lexicon bibliographicum et encyclopedicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum. Primum edidit, latine vertit et commentario indicibusque instruxit F. Fluegel. Leipzig, 1835—1859. Семь томовъ in 4.

[3]) Al-Makkari: Analectes sur l'histoire et la littérature des Arabes d'Espagne, publiés par R. Dozy, G. Dugat, D. Krehl et W. Wright. Leyde. 1855—1861. — The History of the Mohammedan dynasties in Spain, extracted from Al-Makkari, translated and illustrated with notes by Pascual de Gayangos. London, 1840 — 1843.

[4]) Annales regum Mauritaniae a condito Idrisidarum imperio ad annum fugae 726, ab Abul-Hassan Ali ben Abdallah ibn abi-Zera Jesano, vel, ut alii malunt, Abu Mohammed Sadik ibn Abd-elhalim Granadensi conscripti. Textum arabicum cum versione latina et annotationibus edidit Car. Joh. Tornberg. Upsaliae. 1843—1846.

[5]) Histoire des Sultans Mameluks de l'Égypte, écrite en Arabe par Taki-eddin Ahmed Makrizi, traduite en français et accompagnée de notes par M. Quatremère. Paris, 1837—1840.

[6]) Abul-Mahasin Ibn Tagri-Bardii annales, quibus titulus est En-Nujum etc. Nunc primum arabice ediderunt T. G. Juynboll et B. F. Matthes. Lugd. Bat. 1852—1861.

[7]) The Kitab-i-Jamini, translated from the persian version of the arabic chronicle of Al-Utbi, by James Reynolds. London, 1858.

[8]) Tarikh-i-Baihaki, containing the life of Masud. Edited by W. H. Morley. Calcutta, 1862.

[9]) Schéréf-Nameh ou Histoire des Kourdes par Schéréf, prince de Bidlis, publiée pour la première fois par V. Veliaminof-Zernof. St.-Pétersbourg, 1860.

[10]) History of the Afghans by Neamet-Ullah, translated from the persian by Bernh. Dorn. London, 1829.

[11]) Die Chroniken der Stadt Mekka, herausgegeben von Ferd. Wüstenfeldt. Leipzig, 1858—1861.

торія Прикаспійскихъ странъ[1]); цѣлый рядъ автобіографій царственнаго рода Баберидовъ, и въ томъ числѣ записки основателя этого рода, которыя смѣло можно поставить на ряду съ „Комментаріями" Юлія Цезаря[2]). Нѣкоторые первостепенные историки-изслѣдователи, напримѣръ, *Ибнъ-Хальдунъ*[3]) и *Рашидъ-Эд-Динъ*[4]), сдѣлались доступны или вполнѣ уже, или хотя значительною частію. Ближайшее знакомство съ объемомъ исторической литературы мусульманъ повело естественно къ недовольству компиляторами изъ вторыхъ, изъ третьихъ рукъ, и къ желанію добраться по возможности до первоначальныхъ источниковъ; стали поэтому въ послѣднее время отыскиваться и издаваться древнѣйшія историческія произведенія Арабовъ, какъ *Ибнъ-Гишамово* „Жизнеописаніе Магомета"[5]), какъ *Вакидіева* исторія его

---

[1]) Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres, herausgegeben, übersetzt und erläutert von Bernh. Dorn. St.-Petersburg. 1850—1858.

[2]) Memoirs of Zehir-ed-Din Muhammed Baber, emperor of Hindustan, written by himself in the jaghatai turki and translated partly by John Leyden, partly by William Erskine, with notes and introduction. London, 1826.—Баберъ Наме, или записки султана Бабера; изданы въ подлинномъ текстѣ Н. Ильминскимъ. Казань, 1857.—The Tezkereh al vakiat, or private memoirs of the Moghul emperor Humayun. Written in persian by Joucher. Translated by C. Stewart, London, 1832.—Memoirs of the emperor Jahangueir, written by himself, and translated from a persian manuscript by David Price. London, 1829. Къ той же категоріи относится и The Mulfuzat Timury, or autobiographical memoirs of the Mogul emperor Timur, written in the Jagtai Turki language, turned into persian by Abu Talib Hussaini, and translated into english by C. Stuart. London, 1830.

[3]) Ibn Khaldoun: Les Prolegomènes. Texte arabe, publié par E. Quatremère. Paris, 1858. Traduction française par le baron de Slane. Paris, 1863. — Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale, par Abou-Zeid Abd-er-Rahman Ibn Khaldoun, publié par le baron de Slane. Texte arabe. Alger, 1847—1851. Traduction française. Alger, 1852—1856. 2 vol. in 4 и 3 vol. in 8°.

[4]) Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Raschid-ed-din. Publiée, traduite en français et accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur, par M. Quatremère. Paris, 1836. — Сборникъ Лѣтописей. Исторія Монголовъ, соч. Рашидъ-Эд-дина. Введеніе: о турецкихъ и монгольскихъ племенахъ. Персидскій текстъ и переводъ съ примѣчаніями И. Н. Березина. С.-Петербургъ, 1858 — 1861.

[5]) Das Leben Muhammeds nach Muhammed Ishak, bearbeitet von Abd-el-Malik ibn Hischam. Arabisch herausgegeben mit Einleitung, Anmerkungen und Register, von Ferd. Wüstenfeldt. Göttingen, 1858—1860. Вейлевъ нѣмецкій переводъ этого жизнеописанія вышелъ, подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ, въ Штутгартѣ въ 1864 году.

походовъ [1]); какъ *Белазоріева* „Исторія первыхъ завоеваній мусульманъ" [2]), и т. д. Сдѣланъ, наконецъ, и еще шагъ — приступлено къ печатанію подлинныхъ историческихъ документовъ на восточныхъ языкахъ, хранящихся въ тѣхъ или другихъ европейскихъ архивахъ: такъ, итальянскимъ оріенталистомъ *Амари* изданы памятники этого рода изъ Флорентинскаго архива [3]), и русскимъ, Вельяминовымъ-Зерновымъ — изъ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ [4]). Много облегчено также пользованіе сокровищами мусульманской исторіографіи изданіемъ значительнаго числа ихъ туземными учеными въ Турціи, Персіи и Индіи, хотя изданія эти весьма еще мало распространены въ Европѣ.

Параллельно съ изданіемъ и переводомъ собственно историческихъ текстовъ, обнаружена была не меньшая, если еще не бо́льшая, дѣятельность такого же рода и по отношенію къ текстамъ географическаго содержанія. Изъ историковъ мусульманскихъ бездна остается еще въ рукописяхъ, тогда какъ географы и путешественники, важнѣйшіе, по крайней мѣрѣ, напечатаны уже большею частію. Столь же успѣшно подвинуто и дѣло изученія монетныхъ памятниковъ мусульманскихъ династій — пособія для исторіи ихъ гораздо существеннѣйшаго, чѣмъ классическая нумизматика для исторіи Грековъ и Римлянъ. Изданы также замѣчательнѣйшія произведенія мусульманскихъ писателей изъ области изящной словесности; нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря *Рюкерту*, явились уже и въ художественномъ переложеніи на нѣмецкій языкъ. Но относительно мало, и весьма еще мало сдѣлано по приведенію въ извѣстность памятниковъ религіи, права, философіи, точныхъ наукъ и искусства у мусульманскихъ народовъ. По этимъ частямъ работа изданія, можно сказать, только-что еще началась.

Ясно, что до тѣхъ поръ, пока не ознакомимся мы основательно съ памятниками послѣдняго рода, не можетъ быть и рѣчи о *внутренней* исторіи народовъ, соединенныхъ узами ислама. Но не въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается главное препятствіе къ тому, чтобы могла быть написана въ настоящее время исторія народовъ мусульманскаго

[1]) History of Mohammad's Campaigns, by Aboo Abd Ollah Mohammad bin Omar al Wakidy, edited by Alfr. von Kremer. Calcutta, 1856.

[2]) Liber Expugnationis Regionum, auctore Ahmed ibn Jahia ibn Djabir al-Beladsori. Edidit M. J. de Goje. Lugd. Bat. 1863—1865.

[3]) I diplomi arabi del R. archivio Fiorentino, testo originale con la traduzione letterale ed illustrazioni di Mich. Amari. Firenze. 1863.

[4]) Матеріалы для исторіи Крымскаго Ханства, извлеченные изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Издалъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ. С.-Петербургъ, 1864.

Востока, *соотвѣтственная современнымъ понятіямъ о народности*, а въ томъ, что не пережеванъ еще, такъ-сказать, и не переваренъ еще даже матеріалъ, издавна уже имѣющійся въ нашемъ распоряженіи. Между оріенталистами, занимавшимися исторіею мусульманской Азіи, встрѣчается не мало людей, обладавшихъ обширнѣйшею начитанностію и громаднымъ трудолюбіемъ; но, смѣемъ думать, не было еще до сихъ поръ никого почти, кто бы отличался глубиною критическаго или широтою философскаго ума. Оттого даже самые лучшіе, какіе имѣются по настоящее время, опыты изложенія исторіи мусульманскаго міра въ цѣломъ его или въ отдѣльныхъ частяхъ являются не болѣе, какъ сводомъ фактовъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ переданы они намъ мусульманскими писателями, безъ надлежащаго проникновенія въ ихъ сущность и соотношеніе съ точки зрѣнія европейской мысли. Иначе, впрочемъ, и быть не могло при малочисленности спеціальныхъ изслѣдованій о предметѣ, долженствующихъ естественно предшествовать общимъ обозрѣніямъ [1]). Самый объемистый трудъ объ исторіи Арабовъ до Магомета и въ его время изданъ въ настоящемъ столѣтіи *Коссенъ де-Персевалемъ* [2]); по исторіи Халифата вышли сочиненія *Прайса* [3]), *Рампольди* [4]), *Хаммера* [5]), *Вейля* [6]); исторія мусуль-

---

[1]) Изъ небольшаго числа такихъ изслѣдованій замѣчательнѣйшими представляются: обширный трудъ *Де-Саси*—«О свойствахъ и измѣненіяхъ права поземельной собственности въ Египтѣ, съ покоренія этой страны Арабами въ VIII вѣкѣ до послѣдней французской туда экспедиціи въ концѣ XVIII столѣтія (напечатанъ въ I, V и VII томахъ новой серіи Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres); *Хаммерово* сочиненіе «Объ администраціи въ имперіи Халифовъ» (Berlin, 1835); монографія *Штюве* «О торговлѣ Арабовъ въ періодъ Аббасидскаго владычества» (Berlin, 1836); *Катрмерово* изслѣдованіе «О книгохранилищахъ на Востокѣ» (помѣщено въ Journal des Savants за 1838 годъ); изслѣдованія *Дози* «О названіяхъ одежды у Арабовъ» (Амстердамъ, 1845); изслѣдованія Нёльдеке о Коранѣ (Гёттингенъ, 1860), и нѣкоторыя другія.

[2]) Essai sur l'histoire des Arabes avant l'islamisme, pendant l'époque de Mahomet et jusqu'à la réduction de toutes les tribus sous la loi musulmane. Par A. P. Caussin de Perceval. Paris, 1847 — 1848. 3 vol. 8°.

[3]) Mahommedan History, from the death of the Arabian legislator to the accession of the emperor Akbar. From original persian authorities by major D. Price. London, 1821. 4 vol. in-4.

[4]) Annali musulmani di Gio. B. Rampoldi. Milano. 1822—1825. 11 vol. in 8.

[5]) Gemäldesaal der Lebensbeschreibungen grosser moslimischer Herrscher der ersten sieben Jahrhunderte der Hedschrat. Von Hammer-Purgstall. Leipzig, 1837. 6 vol. in 8.

[6]) Geschichte der Chalifen, nach handschriftlichen, grösstentheils noch unbenützten Quellen bearbeitet von Gustav Weil. Mannheim, 1846—1851. 3 vol. in 8;

манскаго владычества на Пиренейскомъ полуостровѣ изложена Антоніемъ *Конде* [1]); исторія Монгольскаго владычества въ мусульманскихъ странахъ—К. *Дохсономъ* [2]); *Малькольмъ* далъ намъ общую исторію Персіи [3]), *Хаммеръ* — исторію Османской Имперіи, исторію Золотой Орды, исторію Персидскихъ Чингисидовъ, исторію Крымскаго Ханства [4]).

Какъ ни разнообразны эти труды по достоинствамъ своимъ и недостаткамъ, во всѣхъ нихъ внимательнаго и требовательнаго читателя поражаетъ то, что черезъ европейскую оболочку изложенія такъ и сквозитъ въ нихъ мусульманское міросозерцаніе тѣхъ источниковъ, которые служили основаніемъ для этихъ трудовъ. Ни одинъ изъ поименованныхъ писателей не могъ овладѣть и распорядиться самостоятельно своимъ матеріаломъ, разсортировать его, выяснить сравненіемъ параллельныхъ явленій, сгруппировать и освѣтить общею, объединяющею мыслію. Болѣе или менѣе всѣ они являются пассивными передатчиками мусульманскихъ лѣтописцевъ, для которыхъ вся задача исторіи ограничивалась изложеніемъ походовъ однихъ лицъ на другихъ и смѣны падавшихъ вновь возникавшими династіями. По качеству источниковъ, которыми пользовались Рампольди и Вейль, напримѣръ, они никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены на одну доску: цѣлая пропасть между ними въ этомъ отношеніи; но какъ у зодчихъ— архитектоническія способности ихъ являются равносильны. Изо всѣхъ оріенталистовъ, трактовавшихъ объ историческихъ явленіяхъ на мусульманскомъ востокѣ, новымъ духомъ повѣяло до сихъ поръ лишь въ

и Geschichte des Abbasiden-chalifats in Egypten, von Gustav Weil. Stuttgart, 1860—1862. 2 B. in 8.

[1]) Historia de la dominacion de los Arabes en España, sacada de varios manuscritos y memorias arabicas por don José Antonio Conde. Paris, 1840 (второе изданіе).

[2]) Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour-bey ou Tamerlan. Par M. le baron C. D'Ohsson. La Haye et Amsterdam, 1834—1835. 4 vol. in 8.

[3]) The history of Persia, from most early period to the present time, by sir John Malcolm. London, 1815. 2 vol. in 4.

[4]) Geschichte des Osmanischen Reiches, grossentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven durch Joseph von Hammer. Pest, 1827 — 1835. 10 B. in 8. — Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, von Hammer-Purgstall. Pest, 1840. — Geschichte der Ilchane, das ist, der Mongolen in Persien. Von Hammer-Purgstall. Darmstadt, 1842 — 1843. 2 B. in 8. — Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft. Aus türkischen Quellen zusammengetragen von Hammer-Purgstall. Wien, 1856.

сочиненія *Шпренгера* о Магометѣ [1]): здѣсь впервые увидѣли мы приложенными къ этимъ явленіямъ тѣ пріемы высшей критики, которымъ обязана настоящею обработанностію своею исторія классическаго міра и новоевропейскихъ народовъ.

Послѣдній трудъ профессора Вейля, послужившій поводомъ къ вышеизложенному введенію — книжка совершенно въ томъ же родѣ, какія уже имѣли мы о предметѣ, благодаря *Оедильо* [2]) и *Флюгелю* [3]). Прибавленъ только очеркъ исторіи Османовъ до временъ Селима I. На то, чтобы быть исторіею мусульманскихъ народовъ, не можетъ она имѣть никакихъ претензій. Авторъ далъ ей это заглавіе, не подумавши, какія неисполнимыя обязанности налагалъ онъ тѣмъ на себя. Книжка эта — не болѣе какъ очеркъ исторіи нѣкоторыхъ мусульманскихъ династій. Такъ и слѣдовало назвать ее. Что въ ней весьма мало такого, что̀ должно входить въ составъ „исторіи народовъ“, можно заключать уже a priori изъ того состоянія, въ какомъ находится историческая разработка мусульманскаго Востока. Но книжка не удовлетворяетъ заглавію и со стороны полноты: въ ней ни слова не находимъ о судьбахъ мусульманскаго населенія въ Индіи, Афганистанѣ, Средней Азіи, на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Если въ „Исторіи мусульманскихъ народовъ“ признается нужнымъ говорить о мусульманскихъ династіяхъ въ Испаніи и Африкѣ (Идриситахъ, Аглебидахъ, Зиридахъ, Хафсидахъ и т. д.), то мы не видимъ причинъ, по которымъ слѣдовало бы умалчивать о такихъ же династіяхъ въ самомъ сердцѣ Азіи (напримѣръ, о Саманидахъ, Хорезмшахахъ, Газневидахъ, Гоуридахъ, Атабекахъ, Тимуридахъ и т. д.), какъ дѣлаетъ это г. Вейль. Источниковъ для исторіи этихъ азіатскихъ династій имѣется не менѣе какъ и для исторіи упомянутыхъ африканскихъ, испанскихъ, сицилійскихъ. Словомъ, книжкою своею г. Вейль не прибавилъ къ тому, что̀ извѣстно было о судьбахъ мусульманскаго міра до него, и благодаря отчасти его же собственнымъ трудамъ, ровно ничего новаго. Книжка, между тѣмъ, какъ одинъ изъ лучшихъ компендіумовъ по части исторіи мусульманскихъ странъ, могла бы быть съ пользою переведена на нашъ отечественный языкъ, на которомъ не имѣется ни одного учебника по этому предмету.

В. Григорьевъ.

---

[1]) Das Leben und die Lehre des Mohammed, nach bisher grösstentheils unbenützten Quellen bearbeitet von A. Sprenger. Berlin. 1861 — 1865. 3 B. in 8.

[2]) Histoire des Arabes, par L. A. Sedillot. Paris, 1854.

[3]) Geschichte der Araber bis auf den Sturz des Chalifates von Bagdad. Von Gustav Flügel. Leipzig, 1864 (второе изданіе).

Адальбертъ Бременскій, правитель Германіи въ молодые годы Генриха IV. Соч. *В. Надлера.* Харьковъ. Въ унив. тип. 1867.

Подъ этимъ заглавіемъ вышла недавно въ свѣтъ книга, принадлежащая тому самому г. Надлеру, который, три года назадъ, дебютировалъ въ ученой литературѣ сочиненіемъ, „О началѣ и первыхъ успѣхахъ оппозиціи противъ Римской церкви въ средніе вѣка“. Новый трудъ уже знакомаго русской публикѣ автора, какъ и ожидать надлежало, во многихъ отношеніяхъ выше и лучше прежняго. Главное его преимущество — въ большей самостоятельности изслѣдованія. Тогда какъ сочиненіе о первыхъ ересяхъ въ нѣдрахъ средневѣковой Римской церкви представляетъ, главнымъ образомъ, компилятивный сводъ чужихъ трудовъ и мнѣній, за исключеніемъ развѣ отдѣла о религіозно-реформаторскихъ движеніяхъ въ Чехіи до Гусса, гдѣ составитель является болѣе самостоятельнымъ, новая книга г. Надлера есть опытъ оригинальной и независимой разработки историческаго вопроса по первымъ матеріаламъ. Всѣмъ извѣстно, какъ рѣдки и новы подобные опыты въ нашей юной общеисторической наукѣ, съ какими немаловажными матеріальными, то-есть, библіотечными затрудненіями нерѣдко сопряжены они въ Россіи, какъ велика традиціонная сила европейскихъ авторитетовъ. Посреди такихъ неблагопріятныхъ условій каждая попытка независимаго изслѣдованія европейской исторіи, каждый новый шагъ, сдѣланный въ этомъ смыслѣ, должны быть для насъ особенно дороги и интересны. Съ этой точки зрѣнія преимущественно и новое сочиненіе г. Надлера привлечетъ, безъ сомнѣнія, вниманіе публики, и мы полагали, что помочь ей въ этомъ случаѣ сообщеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ, какъ относительно самаго вопроса, здѣсь затронутаго, такъ и способовъ его рѣшенія, должно составлять прямую обязанность учено-педагогическаго журнала.

Изслѣдованіе, заглавіе котораго мы выписали выше, посвящено изображенію судьбы и исторической роли извѣстнаго архіепископа Адальберта, занимавшаго Гамбургско-Бременскую каѳедру съ 1045 по 1072 годъ. Но, имѣя преимущественно въ виду политическую дѣятельность этого прелата, на сколько она касалась общаго теченія германско-италіянскихъ дѣлъ во время несовершеннолѣтія и потомъ въ поруранней молодости императора Генриха IV, авторъ ограничиваетъ свою тему еще болѣе тѣсными предѣлами и входитъ въ подробный разборъ имперской исторіи только въ теченіе одного десятилѣтія, съ 1063 по 1072 годъ, то-есть, отъ перваго приглашенія Адальберта къ

участію въ регентствѣ до его смерти. „Не всѣ моменты жизни архіепископа, сказано во введеніи, войдутъ въ мое изложеніе съ одинаковою полнотою. Оно будетъ имѣть главнымъ образомъ въ виду его дѣятельность, какъ правителя имперіи; другіе же моменты также войдутъ въ него, но болѣе сжато и сокращенно". Спеціализировавъ, такимъ образомъ, свою работу, авторъ имѣлъ возможность придать ей ту добросовѣстную обстоятельность, которая составляетъ одно изъ главныхъ ея достоинствъ.

Затѣмъ слѣдуетъ отдать г. Надлеру справедливость также и въ удачномъ выборѣ задачи, такъ какъ эпоха, которой коснулся онъ въ своемъ сочиненіи, дѣйствительно — одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи не только Германіи, но и всего европейскаго запада. Именно къ этому времени, къ половинѣ XI вѣка, созрѣваютъ и выходятъ наружу всѣ почти главнѣйшія, исподоволь подготовлявшіяся явленія и направленія, которыми обусловился весь дальнѣйшій ходъ европейской исторіи до самаго XVI столѣтія. Въ правленіе даровитыхъ Франконцевъ, и особенно энергическаго Генриха III, возобновленная Римско-Нѣмецкая имперія достигаетъ еще небывалаго внутренняго и внѣшняго могущества, хотя, въ то же время, искони враждебный имперскому единству территоріальный и племенной партикуляризмъ нѣмецкихъ князей готовится дать ей одну изъ самыхъ отчаянныхъ битвъ. Съ другой стороны, и папство, опираясь на поднявшееся, преимущественно изъ Франціи, преобразовательно-аскетическое движеніе и на повсемѣстные успѣхи романизма въ югозападной Европѣ, обнаружившіеся къ этому времени, рѣшительно восходитъ на степень міровой силы, мало по малу присвоиваетъ себѣ духовный супрематъ въ католическомъ мірѣ и впервые успѣваетъ завязать тѣ прочныя связи съ мѣстными церквами и іерархіями, которыя до XI вѣка были еще довольно слабы и сомнительны. Оба учрежденія — имперія и папство — стоятъ уже другъ противъ друга въ полномъ всеоружіи, и такъ-сказать, наканунѣ своей міровой борьбы, продолжающейся затѣмъ до исхода среднихъ вѣковъ и даже далѣе. Въ это же время начинаетъ входить въ дѣятельную жизнь и третій существенный элементъ средневѣковаго общества — города, съ новопроснувшимся сознаніемъ своего политическаго значенія, уже готовые принять участіе въ предстоящемъ столкновеніи духовной и свѣтской власти. Наконецъ, вошедшее тогда въ общій обычай пилигримство, культъ мощей и реликвій, усиленная борьба съ язычествомъ и исламомъ на окраинахъ христіанскаго міра и другіе симптомы господствующаго

церковно-аскетическаго духа, разлитаго по Европѣ, предвѣщають уже близость Крестовыхъ походовъ.

Въ эту-то эпоху жилъ и дѣйствовалъ Адальбертъ. Какъ человѣкъ даровитый и вліятельный, онъ долженъ былъ такъ или иначе отнестись ко всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ его время, и принять участіе въ ихъ рѣшеніи. Современные источники, къ сожалѣнію, не на столько богаты извѣстіями о немъ, чтобъ уяснить намъ дѣятельность его во всѣхъ этихъ направленіяхъ. Наиболѣе касаются они его участія въ политическихъ дѣлахъ имперіи въ эпоху регентства при Генрихѣ IV и его заслугъ, какъ архипастыря Бременской церкви. Другія сферы его убѣжденій остаются довольно темными. Какъ смотрѣлъ онъ, напримѣръ, на происходившее въ его время городское движеніе въ Германіи (см. *Geschichte der deutschen Städte* v. Bertold. I. 164 и сл.), въ какой степени раздѣлялъ или не раздѣлялъ мистико-аскетическія идеи, шедшія тогда изъ Клюньи и дѣлавшія уже замѣтные успѣхи среди нѣмецкаго духовенства, — объ этомъ мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія. Значитъ ли это молчаніе источниковъ, что Адальбертъ относился равнодушно къ этимъ вопросамъ, или просто они упустили ихъ изъ виду по какимъ-нибудь субъективнымъ причинамъ, — но во всякомъ случаѣ, уже по этому одному казалось бы преувеличеннымъ видѣть въ немъ человѣка, „глубоко понимавшаго нужды и стремленія своего времени“, и вмѣстѣ съ Григоріемъ VII, составлявшаго „средоточіе всей тогдашней исторіи европейскаго запада“, какъ это дѣлаетъ авторъ настоящаго сочиненія, серіозно считающій дѣятельность своего героя „не менѣе замѣчательною, какъ и дѣятельность самого Гильдебранда“ (см. III и IV стр. Введенія). Но взглядъ этотъ, равно какъ и приписанное Адальберту служеніе монархической идеѣ „по принципу, или по убѣжденію“, составляютъ особенность книги г. Надлера, — особенность, къ которой намъ придется еще разъ возвратиться ниже. Въ настоящемъ же случаѣ достаточно замѣтить, что если и не раздѣлять даже слишкомъ высокаго мнѣнія нашего автора о значеніи политической дѣятельности Адальберта, личность эта все еще остается довольно интересною, какъ культурно-историческій образъ, а дѣла ея довольно важными въ судьбахъ тогдашней Германіи, чтобы послужить предметомъ обширной ученой монографіи.

Но время, избранное г. Надлеромъ, представляетъ благодарный предметъ для изслѣдованія еще и въ другомъ отношеніи. Матеріалъ имперской исторіи, еще довольно скудный и сухой въ Каролингскую и Оттоновскую эпохи, со времени Салическихъ императоровъ стано-

вится обильнымъ, разнообразнымъ и полнымъ жизни. Кромѣ историческихъ сочиненій съ болѣе общимъ характеромъ, появляется тутъ довольно много мѣстныхъ хроникъ, біографій, описаній церковныхъ торжествъ и другихъ мелкихъ памятниковъ культурной исторіи; а со второй половины XI вѣка, къ которой относится и дѣятельность Адальберта Бременскаго, начинается въ высшей степени интересная полемическая литература, сопровождающая борьбу имперіи и папства во всемъ ея развитіи. Такого рода памятники, вводя изслѣдователя даже въ обыденные интересы тогдашняго общества, въ самую среду его житейскихъ заботъ и волненій, даютъ ему возможность не только воссоздать крупныя черты физіономіи вѣка, но и сообщить имъ колоритъ мѣста и времени, облечь въ плоть и въ кровь историческій остовъ. Восемь большихъ томовъ Пертцовыхъ „Monumenta“ не въ состояніи были исчерпать всего этого богатаго матеріала, и Яффе могъ начать изданіе новой коллекціи подъ именемъ „Bibliotheca rerum Germanicarum“. Такимъ образомъ, г. Надлеръ, при обработкѣ своей темы по источникамъ, поставленъ былъ въ довольно счастливыя условія, и надобно отдать ему справедливость, что для выполненія главной своей задачи, то-есть, для изображенія политической дѣятельности Адальберта, онъ воспользовался всѣми важнѣйшими свидѣтельствами, сюда относящимися, и умѣлъ придать своему разказу много жизненнаго интереса и теплоты, вводя въ него постоянно характерныя подробности и эпизоды, въ родѣ, напримѣръ, сказанія „о торжествѣ Св. Ремакла“, довольно живо переносящіе читателя въ тотъ отдаленный вѣкъ. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобъ эти культурныя краски были впервые открыты и примѣнены г. Надлеромъ къ исторіи изображенной здѣсь эпохи. Ими далеко не пренебрегали и всѣ лучшіе нѣмецкіе изслѣдователи: но важно, или по крайней мѣрѣ, пріятно уже то, что авторъ нашъ не упустилъ изъ виду этого первостепеннаго рессурса современнаго исторіографическаго искусства и что онъ пользовался имъ, надобно думать, большею частію, на основаніи непосредственнаго матеріала. Далѣе, къ чести г. Надлера, слѣдуетъ замѣтить, что при оцѣнкѣ исторической роли изображаемой имъ личности, онъ одинаково опирался, какъ на отзывы дружественныхъ писателей, такъ и на показанія такихъ лицъ, которыя были ей завѣдомо враждебны. Представителемъ первыхъ является знаменитый историкъ Сѣверной Германіи и Европы, Адамъ Бременскій, „Геродотъ Сѣвера“, какъ выражается о немъ его ученый издатель Лаппенбергъ. Адамъ лично и коротко зналъ Адальберта, и какъ извѣстно, изображенію его дѣя-

тельности и его превратной судьбы посвятилъ всю III-ю книгу своей „Исторіи Гамбургской церкви". Горячій приверженецъ и преданный слуга своего архипастыря и соотечественника, онъ, однако же, никогда не скрывалъ, отъ себя и другихъ, его недостатковъ и слабостей, и сообщенныя имъ извѣстія объ Адальбертѣ пользуются заслуженною репутаціей безпристрастія и достовѣрности. Но съ другой стороны, понятно также, что имѣя постоянно въ виду церковную исторію своей родины, Адамъ изображаетъ Адальберта не столько какъ государственнаго человѣка и правителя имперіи, сколько какъ Гамбургско-Бременскаго архіепископа, отчего и самыя извѣстія его о политической роли его патрона не отличаются желательною полнотой. Совершенно противоположнаго свойства разказы Брунона „о Саксонской войнѣ" (de bello Saxonico), гдѣ встрѣчаются извѣстія также и объ Адальбертѣ. Извѣстно, съ какою ненавистію относится этотъ саксонскій патріотъ къ Генриху IV, ко всѣмъ его дѣйствіямъ и приверженцамъ, и еще Ранке замѣтилъ (Zur Kritik der Fränkisch-deutschen Reichsannalisten), какъ много его лживыя и пристрастныя свидѣтельства способствовали искаженію истинной исторіи Генриха. Ненависти этой не избѣжалъ и Адальбертъ, изображенный здѣсь въ довольно черныхъ краскахъ. Притомъ же Брунонъ, еще меньше Адама Бременскаго, можетъ похвалиться полнотою свѣдѣній объ Адальбертѣ. Такимъ образомъ, главнымъ источникомъ для исторіи смутъ, сопровождавшихъ дѣтство и юность Генриха IV, остается Ламбертъ Герсфельдскій, долго считавшійся самымъ достовѣрнымъ, безпристрастнымъ и полнымъ свидѣтелемъ и судьею своего времени. Анналы его и теперь еще принимаются многими за основаніе тогдашней исторіи и служатъ руководствомъ для сужденій о той эпохѣ. Но въ настоящее время стали къ нимъ относиться уже нѣсколько иначе. Ранке первый, а за нимъ Гизебрехтъ, обнаружили его замѣтное пристрастіе, или правильнѣе — нѣкоторое предпочтеніе, какое онъ отдавалъ партіи Гильдебранда, хотя и далеко не безусловно. При такомъ направленіи понятно, что о Генрихѣ и его приверженцахъ онъ отзывается вовсе не объективно, и что какая-то тѣнь въ его разказѣ должна была пасть и на Адальберта. По полнотѣ же извѣстій о политической дѣятельности Бременскаго архіепископа, Ламбертъ тоже весьма недостаточенъ. Наконецъ, что̀ касается такъ-называемыхъ Альтаихскихъ лѣтописей (Annales Altahenses), возстановленныхъ въ недавнее время Гизебрехтомъ по отрывкамъ и цитатамъ, разбросаннымъ у другихъ, особенно Баварскихъ, хронистовъ, то, хотя памятникъ этотъ и

служить, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно незамѣнимымъ пособіемъ для начала правленія Генриха IV, но уже само искусственное его воспроизведеніе лишаетъ его отчасти характера полной достовѣрности и надежности (см. Wattenbach's *Deutsche Geschichtsquellen des Mittelalters*, стр. 228). Впрочемъ, показанія его, насколько ихъ успѣли повѣрить другими свидѣтельствами, оказываются, большею частію, точными, а тонъ разказа въ высшей степени объективнымъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Альтаихскіе анналы превосходятъ всѣ другіе источники своего времени. Кажется, что г. Надлеръ, при характеристикѣ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ изслѣдованной имъ эпохи, принялъ за норму именно сужденія и отзывы этихъ лѣтописей. Мы говоримъ — *кажется*, ибо самъ авторъ нигдѣ подробно не характеризуетъ своихъ руководителей, оставляя, къ сожалѣнію, слишкомъ много мѣста догадкамъ читателя.

Названными четырьмя памятниками собственно и исчерпывается весь кругъ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи Адальберта и его правительской дѣятельности, или правильнѣе — тремя, если не считать скандалёзной лѣтописи Брунона, носящей на себѣ всѣ признаки почти памфлетнаго произведенія, могущаго служить только косвеннымъ пособіемъ при изученіи вопроса. За тѣмъ идетъ почти необозримая масса второстепенныхъ свидѣтельствъ у разныхъ писателей нѣмецкихъ и итальянскихъ, прямо или косвенно относящихся къ предмету, — и понятно, что авторъ нашъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, долженъ былъ ограничиться возможнымъ и доступнымъ ему матеріаломъ, такъ что, напримѣръ, италянскія событія изображены у него частію по памятникамъ, но еще болѣе — на основаніи изслѣдованій новѣйшихъ ученыхъ — В. Гизебрехта, Грегоровіуса и другихъ. За то ходъ собственно имперскихъ дѣлъ въ разсмотрѣнномъ періодѣ и участіе въ нихъ Адальберта, равно какъ и все то, что говорится о немъ, какъ объ архипастырѣ Бременской церкви, то-есть, главная и бо́льшая часть сочиненія составлена, почти исключительно, по современнымъ источникамъ, какъ по тѣмъ, которые названы выше, такъ и по другимъ, менѣе важнымъ. Выражаясь такимъ образомъ, мы впрочемъ не хотимъ сказать этимъ, что авторъ поставилъ себя тутъ въ совершенную независимость отъ германскихъ изслѣдователей, да и нельзя, въ подобныхъ случаяхъ, безнаказанно обходить историковъ, подобныхъ Штенцелю или В. Гизебрехту. Самъ Гизебрехтъ, въ своихъ новыхъ изысканіяхъ о временахъ нѣмецкаго императорства, опирался, вѣроятно, на Штенцеля и Ранке, какъ въ свое время Штен-

цель опиралея на Лейбница. Такая преемственность ученаго труда — совершенно въ порядкѣ вещей, и говоря о зависимости г. Надлера отъ нѣмецкихъ авторитетовъ, мы разумѣли именно эту преемственность, переходящую впрочемъ нерѣдко и въ прямую зависимость тамъ, гдѣ или необходимо было пользоваться изъ вторыхъ рукъ недоступными нашему автору памятниками, или же просто тамъ, гдѣ молодой ученый невольно долженъ былъ поддаться превосходству чужаго, болѣе испытаннаго таланта. Въ томъ и другомъ отношеніи на г. Надлера наиболѣе вліянія имѣлъ, конечно, Вильгельмъ Гизебрехтъ, не только самый новый и полный, но вмѣстѣ едва-ли и не самый глубокій и даровитый историкъ римско-нѣмецкаго императорства. Самъ г. Надлеръ, въ предисловіи къ своему труду, совершенно добросовѣстно указываетъ на писателей, изслѣдованіями которыхъ онъ пользовался, послѣ чего за нимъ все же еще остается та заслуга, что онъ прослѣдилъ и провѣрилъ нить затронутыхъ имъ событій по современнымъ источникамъ.

Чтобы обстоятельнѣе обсудить, впрочемъ, къ какимъ результатамъ привелъ г. Надлера этотъ почтенный и продолжительный трудъ и какія дѣйствительныя пріобрѣтенія сдѣланы для науки его изслѣдованіемъ, намъ приходится сказать нѣсколько словъ объ ученой разработкѣ занимающаго насъ теперь вопроса, по крайней мѣрѣ съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Первое капитальное изслѣдованіе, сюда относящееся, есть «Geschichte der Fränkischen Kaiser» Штенцеля, вышедшее еще въ 1827 году. Мы поймемъ все значеніе этого труда только тогда, если вспомнимъ, въ какомъ безпорядкѣ находились еще въ то время историческіе источники средневѣковой Германіи вообще, и эпохи Франконскихъ императоровъ въ частности. Изданіе «Monumenta» только-что начиналось, а ни одна изъ прежнихъ коллекцій не удовлетворяла даже умѣреннымъ научнымъ требованіямъ ни полнотою, ни критикой. Не смотря на эти трудности, Штенцель счастливо разрѣшилъ свою задачу и создалъ такое сочиненіе, которое даже теперь, послѣ громадныхъ, сороколѣтнихъ успѣховъ науки, пользуется еще значительнымъ авторитетомъ. Но достоинства его заключаются болѣе въ правильномъ возсозданіи общаго хода событій, нежели въ разработкѣ частностей и спеціальныхъ вопросовъ, такъ какъ авторъ долженъ былъ воздѣлывать вездѣ еще почти непочатую почву и впервые подвергнуть строгому критическому анализу источники нѣмецкой исторіи XI вѣка. Различныя части его сочиненія имѣютъ далеко не одинаковое научное до-

стоинство, что условливалось уже самою новостію и обширностію задачи. Едва-ли не слабѣе другихъ вышелъ именно тотъ отдѣлъ, въ которомъ идетъ рѣчь о первой половинѣ правленія Генриха IV. Особенно много промаховъ и ошибокъ вкралось въ исторію церковнаго раскола, волновавшаго это время. Характеръ и мотивы главныхъ дѣятелей эпохи поняты также не всегда вѣрно, особенно потому что авторъ слишкомъ слѣпо довѣрялъ Ламберту. Въ Ламбертѣ онъ видитъ просто умнаго себялюбца, ловко пользовавшагося обстоятельствами (Stenzel. I, 235).

Вторымъ замѣчательнымъ трудомъ, послѣ Штенцеля, было сочиненіе Флото — «Kaiser Heinrich IV», 1855 года. Въ критикѣ источниковъ Флото хотя и стоитъ выше своего предшественника, но далеко уступаетъ ему въ историческомъ тактѣ и безпристрастіи. Своими тщательными изысканіями онъ умѣлъ, съ одной стороны, сильно поколебать авторитетъ Ламберта, долго считавшійся неприкосновеннымъ, а съ другой — возстановить значеніе анонимнаго писателя о Саксонской войнѣ (Anonymus — de bello Saxonico), достовѣрность извѣстій котораго отрицалась вовсе. Не смотря на такой сильный критическій талантъ, Флото былъ не чуждъ, однако, и самыхъ странныхъ увлеченій. Свое недовѣріе къ Ламберту онъ доводитъ до несправедливой крайности и столь же произвольно отвергаетъ иногда и извѣстія Альтаихскихъ лѣтописей, тогда уже изданныхъ въ свѣтъ. Что касается самаго изслѣдованія Флото, то въ немъ мы встрѣчаемъ такую же неравномѣрность научной отдѣлки и достоинства отдѣльныхъ частей, какъ и въ сочиненіи Штенцеля. И тотъ и другой проходятъ довольно бѣгло подготовительныя ступени міровой борьбы между имперіей и папствомъ, сосредоточиваясь болѣе на ея драматической развязкѣ. Притомъ же, имѣя постоянно въ виду эту борьбу, Флото ставитъ вездѣ на первый планъ итальянскія отношенія. Объ Адальбертѣ и его дѣятельности говорится, правда, во многихъ мѣстахъ его книги; но мы нигдѣ не встрѣчаемъ попытки точнаго анализа этой исторической личности, которую, впрочемъ, онъ считаетъ довольно ничтожною.

Едва-ли бы стоило здѣсь упоминать объ обработкѣ исторіи Генриха IV извѣстнымъ клерикальнымъ писателемъ Лео, еслибъ онъ не посвятилъ этому вопросу всего 11-го тома своихъ «Vorlesungen über die Geschichte des deutschen Volkes und Reiches», — такъ какъ въ этой книгѣ не находимъ мы ничего, что соотвѣтствовало бы признаннымъ талантамъ автора и что сколько-нибудь подвинуло бы науку. Желаніе

возвеличивать церковь и втоптать въ грязь противную сторону выражается здѣсь на каждомъ шагу. Для достиженія этой цѣли, онъ не задумывается пользоваться въ источникахъ лишь тѣмъ, что для него пригодно, и отвергать все то, что противно его взгляду, искажая нерѣдко даже смыслъ свидѣтельствъ. Генрихъ IV является у него, разумѣется, отвратительнымъ злодѣемъ, а Адальбертъ — самымъ низкимъ честолюбцемъ и интриганомъ.

Тенденціозная книга Лео осталась, конечно, безъ вліянія на позднѣйшихъ изслѣдователей. Но нельзя того же сказать объ основательныхъ и обширныхъ трудахъ Вильгельма Гизебрехта. Ученый міръ обязанъ ему, вопервыхъ, возстановленіемъ одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой исторіи, уже упомянутыхъ нами «Annales Altahenses», пролившихъ новый свѣтъ на всю первую половину правленія Генриха IV. Затѣмъ, въ своей знаменитой «Geschichte der deutschen Kaiserzeit», издаваемой послѣдовательно съ 1860 года, онъ представилъ почти совершенно новую картину исторіи этого императора. Произнести отчетливое и окончательное сужденіе объ этомъ сочиненіи пока еще трудно, такъ какъ критическія примѣчанія и объясненія къ нему еще не изданы именно для той эпохи, которая насъ здѣсь спеціально интересуетъ. Это же самое обстоятельство значительно затрудняетъ и самое пользованіе III-мъ томомъ, къ которому, главнымъ образомъ, относится и исторія Адальберта, — хотя масса новаго матеріала, введеннаго въ разказъ, особенно неизвѣстныхъ до сихъ поръ писемъ и документовъ, придаетъ книгѣ, въ глазахъ изслѣдователя, самое полновѣсное значеніе. Въ противуположность всѣмъ своимъ предшественникамъ, Гизебрехтъ остановился особенно подробно на начальныхъ годахъ правленія Генриха IV и первый разъяснилъ съ надлежащею полнотой давнія связи нѣмецкаго епископата съ императорскою властію, столь важныя въ судьбахъ средневѣковой Германіи, а также и отношенія сопредѣльнаго славянскаго міра къ имперіи. Но, раздвинувъ такъ широко предѣлы своего изслѣдованія и коснувшись въ немъ исторіи почти всей тогдашней Европы, онъ не могъ, конечно, заняться спеціально вопросами объ отдѣльныхъ личностяхъ, и въ томъ числѣ объ Адальбертѣ; но все же онъ вѣрнѣе другихъ понялъ и оцѣнилъ значеніе этого послѣдняго, заявивъ даже о необходимости особаго, подробнѣйшаго о немъ изслѣдованія (см. примѣч. ко II-му тому Kaiserz. стр. 632), — такъ какъ онъ остался неудовлетворенъ изданною въ 1854 году монографіей Грюнгагена — «Adalbert, Erzbischof von Bremen und die Idee eines nordischen Patriarchats».

Нынѣшнее сочиненіе г. Нadлера служитъ какъ бы отвѣтомъ на этотъ вызовъ германскаго ученаго, и намъ остается опредѣлить теперь, въ какомъ смыслѣ и съ какимъ успѣхомъ сдѣланъ имъ этотъ отвѣтъ.

Взглядъ г. Надлера на политическую дѣятельность Адальберта формулируется слѣдующими словами введенія и заключительныхъ страницъ его книги: „Это былъ человѣкъ, глубоко понимавшій стремленія и нужды вѣка, проникнутый великими идеями и посвящавшій всю жизнь служенію имъ. Въ борьбѣ времени онъ стоялъ, по убѣжденію, на сторонѣ императорства и былъ долгое время центромъ, вокругъ котораго группировалась цѣлая партія. Въ немъ мы видимъ одного изъ послѣднихъ представителей мѣстной церковной автономіи, врага противника римской централизаціи, поборника епископата въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Среди всеобщаго напора территоріально-аристократическихъ стремленій, въ виду непомѣрно усиливающагося значенія іерархіи, онъ одинъ явился поборникомъ падающаго монархическаго принципа, энергическимъ представителемъ государства и его правъ“ (стр. III. IV и 421).

Мы сравнимъ теперь это мнѣніе съ отзывомъ Штенцеля объ Адальбертѣ и съ тѣмъ, какое, въ послѣднее время, высказалъ о немъ Гизебрехтъ, такъ какъ только эти двое ученыхъ отнеслись къ предмету серіозно и со всею научною строгостію.

Штенцель, какъ и многіе другіе историки, признаетъ, правда, въ Адальбертѣ безграничное уваженіе и преданность монархіи, потрясенной и угрожаемой со всѣхъ сторонъ въ смутное малолѣтство Генриха IV; но единственными мотивами всѣхъ его дѣйствій въ этомъ смыслѣ считаетъ, съ одной стороны, личное тщеславіе, черту, преобладавшую въ его характерѣ, а съ другой — страхъ саксонскихъ Биллунговъ, заклятыхъ враговъ, какъ его самого, такъ и дорогой для него Бременской церкви (Fränk. Kais. 1. 235). Связь съ дворомъ и усердная преданность императорству удовлетворяли одному побужденію и успокоивали другое.

Тридцать лѣтъ спустя послѣ этого, Гизебрехтъ точно также много говоритъ о монархическихъ убѣжденіяхъ Адальберта, но только мотивируетъ ихъ уже нѣсколько иначе. Вотъ его собственныя слова: „Одна несомнѣнная слава принадлежитъ ему между нѣмецкими мужами того времени. Въ вѣкъ всеобщаго вѣроломства, онъ былъ вѣрнѣйшимъ слугою короля и съ непоколебимою твердостію держался тѣхъ воспоминаній славнаго стараго императорства, которыя, можно сказать, вмѣстѣ съ нимъ погибли“ (Gesch. d. deutsch. Kaiserz. III. 166).

Къ этому мы считаемъ не лишнимъ присовокупить еще отзывъ Ваттенбаха, который, хотя и не писалъ спеціально объ этомъ времени, но имѣлъ случай высказаться объ Адальбертѣ въ своемъ классическомъ сочиненіи — «Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter» (стр. 310, 2-го изд. 1864 г.). Мы полагаемъ, что отзывъ одного изъ глубочайшихъ современныхъ знатоковъ источниковъ средневѣковой германской исторіи и издателя многихъ ея памятниковъ, относящихся также и къ XI вѣку, не можетъ не имѣть вѣсу въ нашемъ вопросѣ. Вотъ этотъ отзывъ: „Архіепископъ Бременскій Адальбертъ не столько обращалъ вниманія на общія отношенія, сколько на свои особые планы. Его честолюбіе стремилось не къ папской тіарѣ, которой онъ вѣроятно могъ бы достигнуть, но ко власти въ имперіи. Власти же этой онъ жаждалъ не для того, чтобы подобно Ганнону Кельнскому, доставить торжество своимъ принципамъ и взглядамъ, но ради величія и могущества своей (Бременской) церкви. Увидѣвъ неудачу всѣхъ своихъ плановъ, онъ устремилъ послѣднія силы на борьбу со злѣйшими врагами своими, Биллингами".

Сопоставляя всѣ эти мнѣнія со взглядомъ, усвоеннымъ г. Надлеромъ, нельзя не видѣть, что взглядъ этотъ значительно уклоняется отъ воззрѣній, высказанныхъ первыми авторитетами нѣмецкой науки, и принадлежитъ лично ему. Вопросъ, стало-быть, можетъ быть только въ томъ, въ какой степени успѣлъ онъ оправдать его самымъ изслѣдованіемъ.

Выше мы уже замѣтили, что г. Надлеръ старается провести въ своей книгѣ мысль о служеніи Адальберта монархическому началу по принципу или по убѣжденію. Онъ допускаетъ, правда, въ его дѣйствіяхъ участіе и иныхъ мотивовъ — заботливости о благѣ и величіи Бременской церкви, даже личныхъ, часто далеко не безупречныхъ побужденій; но все же думаемъ, что главнымъ образомъ, имъ руководила идея пользы, нуждъ и правъ государства, и если онъ и не успѣлъ сдѣлать для него многаго, что лежало въ его планахъ, то виною тому были частію личный его характеръ, полный тщеславія и легкомыслія, а еще болѣе — безпрестанное столкновеніе его интересовъ, какъ Бременскаго архипастыря, съ его обязанностями какъ правителя имперіи. Такъ, на стр. 152 говорится: „Онъ одинъ изъ всей аристократіи стойко держался монархическаго принципа, онъ одинъ понималъ невозможность совмѣстить въ государственномъ организмѣ равноправность монархическаго и аристократическаго элемента и открыто требовалъ усиленія монархіи, уничтоженія аристократическаго начала".

Далѣе, на стр. 167: „Его намѣренія были благородны, его вѣрность непоколебима, его энергія велика, его теоріи громадны и хорошо обдуманы; но его практическій тактъ былъ крайне слабъ, и самая усиленная его дѣятельность не могла повести къ прочнымъ результатамъ“. Мы могли бы привести еще болѣе подобныхъ выписокъ, такъ какъ авторъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія довольно часто возвращается къ этой, повидимому, любимой мысли. Но такого взгляда на политическую дѣятельность Адальберта мы не можемъ раздѣлять безусловно и думаемъ, что представленіе о высокой государственной идеѣ, будто бы руководившей его дѣйствіями, можетъ быть создано, и то не безъ нѣкоторыхъ натяжекъ, только развѣ съ помощію отвлеченныхъ соображеній, но никакъ не выведено изъ хроникъ современныхъ свидѣтельствъ. Источники не говорятъ ничего о такихъ идеальныхъ мотивахъ Адальбертовой политики. Адамъ видитъ во всемъ только одно его желаніе — возвысить свою Бременскую митрополію, объясняя этимъ, да еще личною суетностію, все его поведеніе при дворѣ (напримѣръ въ гл. 5 и особ. 54-й III-й книги); а Ламбертъ, видя въ немъ только интригана и честолюбца, успѣвшаго хитростью и угодливостію обворожить юнаго короля и тѣмъ добиться почти произвольной власти въ имперіи, и подавно не можетъ допускать въ немъ никакихъ высшихъ государственныхъ теорій (Lamb. *Annales* подъ 1068 и 1072 г.). Можно, пожалуй, догадываться и заключать по нѣкоторымъ дѣйствіямъ Адальберта, что онъ дѣйствительно имѣлъ высокое понятіе о правахъ и обязанностяхъ верховной власти въ имперіи, какъ вообще въ то время только среди нѣмецкаго епископата хранились преданія стараго Оттоновскаго императорства. Въ преданіяхъ этихъ могъ быть воспитанъ и не одинъ Адальбертъ, а и много другихъ современныхъ ему прелатовъ съ монархическими убѣжденіями; но утверждать, что онъ одинъ изъ всей аристократіи „стойко держался монархическаго принципа и открыто требовалъ усиленія монархіи и уничтоженія аристократическаго начала“ (стр. 152), намъ казалось бы, по меньшей мѣрѣ, преувеличеннымъ. Въ такомъ смыслѣ, въ смыслѣ высокаго уваженія къ авторитету и величію императорской власти, характеризуетъ Адальбертовы убѣжденія и Гизебрехтъ. „Безграничная преданность императорскому величеству“, говоритъ онъ (на стр. 39-й III т.), „наполняла его душу. Даже въ своемъ униженіи сохранило оно для него свой старый блескъ и очарованіе, и еслибъ отъ него зависѣло, то онъ, конечно, освободилъ бы корону отъ постыднаго рабства у имперскихъ князей. Не даромъ говорилъ онъ, что и

самое участіе въ регентствѣ принялъ онъ, лишь потому что не могъ видѣть своего государя ребенкомъ въ рукахъ его злодѣевъ". Мы не знаемъ источниковъ, откуда Гизебрехтъ могъ почерпнуть эти свѣдѣнія. Но, если предположимъ даже, что они основаны на самыхъ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ, то и тутъ все же еще ничего не говорится объ открытыхъ требованіяхъ касательно уничтоженія аристократическаго принципа. А между тѣмъ, сколько намъ извѣстно, Гизебрехтовы слова, приведенныя выше, есть самое большее, что̀ до сихъ поръ могла сказать историческая литература о монархическихъ тенденціяхъ Адальберта. Наконецъ, вся исторія Адальбертова регентства доказываетъ, что усиленіе монархіи, которое г. Надлеръ въ его дѣятельности выдвигаетъ на первый планъ, входило въ его правительственную программу больше какъ средство личной безопасности и выгоды и возвышенія Бременской митрополіи, нежели какъ опредѣленная монархическая теорія въ родѣ Сугеріевой, служенію которой онъ будто бы посвятилъ свою жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ видимъ мы въ дѣятельности Адальберта, когда значительная часть верховной власти очутилась, наконецъ, въ его рукахъ? Что̀ сдѣлалъ онъ и какъ воспользовался онъ ею для того, чтобы сколько-нибудь укрѣпить и поднять такъ высоко уважаемый имъ принципъ? Ничего, или почти ничего,— и напротивъ, очень много для того, чтобъ еще больше уронить его въ глазахъ Германіи и Европы. Самъ же г. Надлеръ, въ своей книгѣ, сообщаетъ множество тому доказательствъ. Вспомнимъ его поведеніе во время возникшаго предположенія о римскомъ походѣ юнаго короля. Изъ мелочной зависти къ Ганнону и Готфриду Лотарингскому, своимъ личнымъ соперникамъ и врагамъ, Адальбертъ разстроилъ этотъ походъ и тѣмъ, какъ справедливо выражается Гизебрехтъ, „нанесъ императорской власти неисчислимый вредъ" (т. III, стр. 115). Вспомнимъ постыдное расхищеніе имперскихъ аббатствъ, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее, всѣ скандальныя сцены, сопровождавшія этотъ грабежъ, неоглядную жадность Адальберта, жалкую роль, которую заставилъ онъ Генриха играть при этомъ случаѣ, и мы невольно придемъ къ мысли, что для имперіи, окруженной бурями и невзгодами времени, было бы, можетъ-быть, выгоднѣе имѣть поменьше такихъ слугъ и ревнителей. Такимъ образомъ, ни свидѣтельства современниковъ, ни самые факты не подтверждаютъ оригинальнаго взгляда нашего автора насчетъ государственныхъ теорій Адальберта, такъ какъ самое существованіе этихъ теорій очень трудно доказать положительно, не говоря уже о томъ, что ихъ примѣненія на практикѣ мы

не видимъ никакихъ и слѣдовъ. Оттого-то, вѣроятно, и г. Надлеръ, обыкновенно столь добросовѣстный въ оправданіи своего текста ссылками на источники, оставляетъ не подкрѣпленными и голословными всѣ тѣ мѣста, гдѣ дѣло идетъ о государственныхъ идеяхъ его героя (см. стр. 152, 167, 293 и др.), и мы заключаемъ изъ этого, что онъ и не могъ найдти такихъ указаній у современниковъ: иначе, конечно, онъ не оставилъ бы бездоказательнымъ положенія, составляющаго оригинальную сущность и господствующую мысль всей его книги. Въ двухъ мѣстахъ только пытается авторъ подтвердить ее ссылками на главнаго своего руководителя, Адама Бременскаго; но въ обоихъ случаяхъ совершенно неудачно, такъ какъ приводимыя имъ свидѣтельства бременскаго магистра не только не подтверждаютъ, но даже противорѣчатъ мысли, которую они должны были бы подкрѣпить. Въ первомъ случаѣ (стр. 331) рѣчь идетъ о послѣднемъ пребываніи Адальберта при дворѣ Генриха IV, когда архіепископъ, уже больной и дряхлый, неутомимо повсюду слѣдовалъ за королемъ въ качествѣ его совѣтника, не щадя ни трудовъ, ни здоровья. „Не желаніе возвратить Корвей и Лоршъ (два богатыя имперскія аббатства, которыя Адальбертъ пытался было присвоить себѣ, пользуясь своею регентскою властію, но которыя потомъ отняты были у него во время его изгнанія), не богатыя обѣщанія со стороны короля, а служеніе великому общему принципу, говоритъ г. Надлеръ, побуждало его къ такимъ непомѣрнымъ усиліямъ“. Затѣмъ, въ примѣчаніи къ этому мѣсту, авторъ нашъ продолжаетъ: „Что Адальбертъ былъ, впрочемъ, не прочь возвратить свои пріобрѣтенія, доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій слухъ, сообщаемый Адамомъ: ajunt quidam laudatum esse regia sponsione, ut in proxima solemnitate pascali convenientibus apud Trajectum Rheni principibus, ibi confirmarentur et omnia, quae de Lauressa vel Corbeja et ceteris desideravit anima ejus“. Справившись въ 60-й главѣ III книги Адама, къ которой относится это мѣсто, мы находимъ, что слова эти слѣдуютъ непосредственно послѣ правительственныхъ заботъ Адальберта, что даетъ нѣкоторое право предположить, что самъ лѣтописецъ какъ-будто не прочь былъ объяснять усиленную государственную дѣятельность своего патрона въ это послѣднее время именно этимъ желаніемъ возвратить Лоршъ и Корвей. Ни о какомъ безкорыстномъ „служеніи великому общему принципу“ нѣтъ здѣсь и рѣчи. Спрашивается, на чемъ же основалъ авторъ свое категорическое увѣреніе, что не желаніе возвратить потерянное имущество, а именно это предполагаемое „служеніе“ застав-

вало Адальберта не щадить никакихъ трудовъ и усилій на службѣ своего государя? Такъ же точно произвольно пользуется г. Надлеръ свидѣтельствомъ Бременскаго историка и на 415 стр. своей книги, гдѣ дѣло идетъ о послѣднихъ минутахъ Адальберта. Умирающій пожелалъ видѣть короля и имѣлъ съ нимъ разговоръ, содержаніе котораго осталось неизвѣстнымъ. Но г. Надлеръ позволяетъ себѣ догадываться, „что забота объ интересахъ государства стояла, безъ сомнѣнія, и тутъ на первомъ планѣ, но что онъ, впрочемъ, не забывалъ и своей любимой Гамбургской церкви". Мы опять справляемся у Адама и находимъ объ этомъ свиданіи въ 63-й главѣ III книги только слѣдующія слова: „Illum ergo suae fidei ammonens et diuturni servitii, multis gemitibus commendavit ei ecclesiam suam et bona ecclesiae". И только. Ни о какой „заботѣ объ интересахъ государства", будто бы стоявшей тутъ, „безъ сомнѣнія, на первомъ планѣ", опять-таки нѣтъ и помину. Говорится просто, что умирающій, напомнивъ королю свою вѣрную и долгую службу, поручилъ ему свою церковь и ея имущества. Такова цѣнность двухъ единственныхъ свидѣтельствъ, который авторъ нашъ могъ привести въ оправданіе своей мысли. Не въ правѣ ли мы послѣ этого заключить, что мысль эта, какъ не доказанная, остается пока на степени гипотезы, имѣющей очень мало научнаго значенія. Можетъ-быть, г. Надлеру удастся, со временемъ, открыть другія, болѣе сильныя доказательства, но пока мы ихъ не видимъ въ его книгѣ. Самый подробный и вмѣстѣ благопріятный для Адальберта писатель есть, безъ сомнѣнія, Адамъ Бременскій, но и тотъ, перечисляя всѣ достоинства своего архипастыря и покровителя, во главѣ его гражданскихъ доблестей можетъ поставить только „вѣрность по гробъ" своему государю (гл. 1 и 33, III кн.), подъ именемъ которой нужно, конечно, разумѣть ленную вѣрность, эту прославленную добродѣтель среднихъ вѣковъ; но отъ нея вѣдь далеко еще до служенія высшимъ государственнымъ цѣлямъ.

Иное дѣло, когда г. Надлеръ говоритъ въ своемъ сочиненіи „о мѣстной церковной автономіи", представителемъ и защитникомъ которой является въ своей дѣятельности Адальбертъ. Тутъ мы совершенно съ нимъ сходимся въ мнѣніяхъ, такъ какъ и свидѣтельства современниковъ и самые факты постоянно указываютъ на этотъ преобладающій мотивъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Какъ въ своей митрополіи, такъ и во главѣ имперскаго регентства, посреди самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ заботъ, ни на одну минуту не забывалъ онъ, что прежде всего онъ — Гамбургско-Бременскій архіепископ

обязанный заботиться о благѣ и величіи своей каѳедры. Въ этомъ іерархическомъ рвеніи и усердіи къ правамъ и независимости своей паствы Адальбертъ дѣйствительно стоялъ впереди всѣхъ современныхъ ему прелатовъ, проникнутыхъ, болѣе или менѣе, подобными же стремленіями. Въ немъ сходился онъ съ людьми самыхъ противоположныхъ направленій, сходился даже съ рѣшительнымъ антагонистомъ своимъ Ганнономъ Кёльнскимъ, такъ какъ оба они, говоритъ Гизебрехтъ (Kaiserz. III, 94. 96), пользовались своимъ значеніемъ въ имперіи прежде всего для достиженія своихъ мѣстныхъ интересовъ и цѣлей. Слѣдуя этимъ же путемъ, задумалъ Адальбертъ и свой громадный планъ основанія самостоятельнаго сѣвернаго патріархата, хотя и тутъ авторъ нашъ, по своему обыкновенію, довольно свободно обращаясь съ источниками, приписалъ ему слишкомъ преувеличенное значеніе. „Осуществленіе этого плана, говорится на стр. 39 книги г. Надлера,—а оно было возможно одно время,—повлекло бы за собою неисчислимыя послѣдствія не для одной сѣверной Германіи и Европы, но и для самаго папства. Основаніе новаго самостоятельнаго церковнаго организма посреди свободолюбивыхъ и свободномыслящихъ народовъ сѣвера расшатало бы въ самомъ основаніи могущество римскаго престола; оно бы отняло у папы возможность подчинить своей власти императоровъ, а вмѣстѣ съ ними и всю Европу, оно бы создало, безъ всякаго сомнѣнія, новыя формы богослуженія, возвратило народнымъ языкамъ ихъ права, оно бы ускорило нѣсколькими вѣками реформацію". Изъ этихъ словъ автора, равно какъ изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ его сочиненія, можно подумать, что Адальбертъ имѣлъ въ виду основать національную церковь на сѣверѣ, болѣе или менѣе въ смыслѣ реформированныхъ церквей позднѣйшаго времени, съ народнымъ языкомъ въ богослуженіи и съ обрядами, приближающимися къ византійскому риту. Мнѣніе это тоже кажется намъ сомнительнымъ, и едва-ли и въ этомъ случаѣ г. Надлеръ вѣрно понялъ и истолковалъ значеніе и объемъ Адальбертовыхъ замысловъ этого рода. По крайней мѣрѣ Адамъ, главный источникъ для этого вопроса, хвалитъ своего патрона за преданность апостольскому престолу (см. гл. I, III кн.) и нигдѣ не упоминаетъ о замѣнѣ въ богослуженіи латинскаго языка народнымъ; что же касается до сближенія съ болѣе торжественными и пышными обрядами восточными, то онъ прямо объясняетъ это тщеславіемъ архіепископа, любившаго окружать себя величіемъ и блескомъ; да и происхожденіе самой идеи патріархата приписываетъ онъ іерархическому соревнованію Адальберта по случаю

возникшаго тогда проекта объ учрежденіи особаго архіепископства Датскаго (Ad. Brem. III, гл. 26 и 32). Поэтому и позволительно, кажется, сомнѣваться, чтобы дѣло, затѣянное изъ тщеславія и суетности, могло принесть дѣйствительно великіе и прочные плоды, какъ это думаетъ г. Надлеръ. Вообще эти довольно темныя извѣстія Адама Бременскаго о затѣвавшемся сѣверномъ патріархатѣ могутъ подавать поводъ къ разнообразнымъ толкованіямъ и догадкамъ; но даже Людвигъ Гизебрехтъ (Wendische Geschichten. II, 91), вообще болѣе другихъ писателей придающій значенія этимъ іерархическимъ планамъ Адальберта, не рѣшается, однако, такъ далеко простирать смѣлость своихъ предположеній. Что же касается насъ, то мы предпочитаемъ старинное, но простое и естественное объясненіе Штенцеля (Gesch. d. Fränk. Kais. I, 219), въ очень немногомъ уклоняющееся отъ предложеннаго выше.

Можно также не соглашаться съ г. Надлеромъ въ пониманіи и характеристикѣ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ личностей эпохи, напримѣръ, юнаго Генриха IV, нѣсколько имъ идеализованнаго, и Ганнона, которому не отдано полной справедливости; можно тоже пожелать отъ него большей критической осмотрительности при ссылкахъ на источники, особенно на сомнительныя извѣстія Брунона, пользованіе которымъ, по своей трудности, могло бы служить пробнымъ камнемъ для любаго критическаго таланта; но главнымъ недостаткомъ книги все-таки остается та очевидно предвзятая идея автора, что Адальбертъ былъ прежде всего поборникомъ монархическаго принципа, между тѣмъ какъ по нашему крайнему убѣжденію — прежде всего онъ былъ Бременскій архіепископъ, а потомъ уже слуга и ревнитель римско-нѣмецкаго императорства, которому въ душѣ могъ онъ быть безконечно преданъ, но которому на практикѣ принесъ едва-ли не болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Но, сказавъ такъ много о недостаткахъ сочиненія г. Надлера, было бы несправедливо не упомянуть здѣсь также и о его несомнѣнныхъ достоинствахъ. Объемистое изслѣдованіе въ 420 страницъ, написанное человѣкомъ талантливымъ и знакомымъ съ дѣломъ, не можетъ не имѣть ихъ, не смотря на всю идеализацію личности и значенія Адальберта, тѣмъ болѣе, что подобная идеализація очень часто бываетъ удѣломъ изслѣдователя, особенно молодаго изслѣдователя, углубившагося въ какой-нибудь одинъ спеціальный предметъ. Мы позволяемъ себѣ думать, что книга г. Надлера, не смотря на то, всетаки составитъ цѣнное пріобрѣтеніе въ нашей ученой литературѣ,

вообще столь небогатой самостоятельными трудами по всеобщей исторіи, и будетъ съ интересомъ принята русскою публикой, имѣвшею до сихъ поръ довольно смутныя представленія о времени, здѣсь изображенномъ, тѣмъ болѣе, что и независимо отъ этого относительнаго значенія „Адальбертъ Бременскій" имѣетъ свои заслуги и въ общемъ научномъ смыслѣ. Нигдѣ съ такою полнотой не собраны были до сихъ поръ всѣ современныя свидѣтельства объ Адальбертѣ, нигдѣ такъ обстоятельно не разъяснены отношенія имперіи XI вѣка къ сопредѣльному славянскому міру. Даже сравнительно съ В. Гизебрехтомъ, развившимъ ихъ вообще довольно подробно, у г. Надлера встрѣчаются въ этомъ отношеніи нѣкоторыя новыя пріобрѣтенія для исторической науки, особенно въ томъ отдѣлѣ, гдѣ говорится о реакціи славянскаго язычества въ эпоху изгнанія Адальберта. Свѣдѣнія о самомъ этомъ изгнаніи, о новыхъ монахахъ мистико-аскетическаго направленія, критическій разборъ извѣстій Брунона о постройкѣ укрѣпленныхъ замковъ въ Саксоніи и другіе отдѣлы, особенно двухъ послѣднихъ главъ сочиненія, заключаютъ тоже много новыхъ чертъ и подробностей, что, впрочемъ, не могло и быть иначе, такъ какъ авторъ вездѣ старался вести свою работу преимущественно на основаніи современныхъ свидѣтельствъ. Наконецъ, общая картина эпохи, служащая обстановкой для главнаго дѣйствующаго лица, понята и изображена совершенно вѣрно и удачно. Ко всему сказанному намъ остается прибавить, что внѣшняя отдѣлка сочиненія, то-есть, правильное, спокойное, полное достоинства и оживленное красками времени изложеніе, въ литературномъ отношеніи вполнѣ удовлетворяетъ читателя.

М. Петровъ.

Englische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert, von *L. Ranke*. (Англійская Исторія преимущественно въ XVI и XVII столѣтіи, Леопольда Ранке. Томъ VI. Лейпцигъ, 1868 г.).

Должно отдать справедливость нѣмецкимъ историкамъ, что они съ полнымъ умѣніемъ и рѣдкою основательностью занимаются исторіей другихъ народовъ. Германскій космополитизмъ сдѣлалъ возможнымъ развитіе понятія о всемірной исторіи и о философіи исторіи. Переводы сочиненій другихъ литературъ на нѣмецкій языкъ, занятія исторіей поэзіи романскихъ народовъ, сравнительное языкознаніе, исторія законодательства другихъ народовъ — все это уже въ XVIII столѣтіи показываетъ намъ, въ какой степени нѣмецкіе ученые были способны

къ занятіямъ исторіей другихъ народовъ [1]). Но и вообще въ послѣднее время встрѣчаются многіе примѣры такой взаимности между учеными различныхъ странъ въ изученіи иноземныхъ историческихъ явленій. Англичанинъ Льюисъ (Lewes) написалъ лучшее сочиненіе о Гёте; Гервинусъ издалъ едва-ли не лучшую монографію о Шекспирѣ; Гизо занимался спеціально исторіею англійской революціи; Карлейль пишетъ о Фридрихѣ Великомъ и т. д.

Особенно исторія Англіи составляла въ послѣднее время въ Германіи весьма важный предметъ изслѣдованій. Самымъ капитальнымъ трудомъ въ этомъ отношеніи должно, какъ извѣстно, считать сочиненіе Гнейста (Geschichte und heutige Gestalt der englischen Communalverfassung oder des Selfgovernment. 2 Aufl. Berlin. 1863). Историки не могутъ не обращать вниманія на это сочиненіе, которое въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ считаться историческимъ. Развитіе и нынѣшнее положеніе судопроизводства и администраціи въ Англіи имѣетъ по крайней мѣрѣ такое же важное значеніе въ кругу историческихъ явленій, какъ дипломатія или войны. Въ какой степени удалось ученому юристу представить полный и удовлетворительный трудъ, видно изъ глубокаго уваженія, съ которымъ англійскіе юристы приняли это сочиненіе. Краткій, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно основательный обзоръ государственнаго права Англіи составленъ молодымъ нѣмецкимъ ученымъ, Фишелемъ (Ed. Fischel, Die Verfassung Englands. Berlin. 1862). Первый томъ весьма подробнаго и ученаго сочиненія о новѣйшей исторіи Англіи изданъ въ послѣднее время бывшимъ профессоромъ Тюбингенскаго университета Рейнгольдомъ Паули (Pauli, Geschichte Englands seit den Friedensschlüssen von 1814 und 1815. Erster Theil. Leipzig. 1864). Какъ добросовѣстно спеціалисты въ Германіи по исторіи Англіи и ея государственныхъ учрежденій слѣдятъ за этою отраслью англійской литературы, еще недавно показалъ Норденъ (доцентъ въ Боннѣ) въ своихъ оригинальныхъ и достойныхъ

[1]) Ранке еще недавно, характеризуя отличительныя черты исторіографіи разныхъ народовъ, справедливо замѣтилъ (см. Ranke-Fest. 20 Februar 1867 gedr. bei E. J. Mittler und Sohn. Berlin. S. 8): «Bei uns (въ Германіи) erwartet man schlechterdings von Jedermann, der über Geschichte sprechen will, dass er in der fremden ebenso zu Hause sei als in der heimischen. Und diess ist es, was uns in den grössten Vortheil setzt. Unsere Studien sind vielseitiger und eingehender; es ergiebt sich daraus eine grössere allgemeine Ansicht der Dinge, wir haben mehr Beziehungen, unser Blick ist weiter. Wir sind jenen (то-есть, итальянскимъ, англійскимъ, французскимъ историкамъ) überlegen in der universalhistorischen Betrachtung des Ganzen».

вниманія статьяхъ объ исторіи и литературѣ англійскаго Selfgovernment'а и объ исторіи англійскаго парламента и пр. (*Historische Zeitschrift* von H. von Sybel, VII. 1. *v. Noorden*. Zur Literatur und Geschichte des englischen Selfgovernments; VII. 3. Die parlamentarische Parteiregierung in England; VIII. 1. Ranke und Macaulay).

Наконецъ, знаменитѣйшій нѣмецкій историкъ, Леопольдъ Ранке въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ издалъ шесть томовъ исторіи Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Послѣдній томъ этой „Englische Geschichte", обнимающій исторію царствованія короля Вильгельма III, изданъ недавно.

Можно было предполагать, что Ранке, издавая исторію Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, доведетъ ее лишь до царствованія Вильгельма III, потому что послѣдній періодъ (1688 — 1707 г.) уже былъ предметомъ самаго подробнаго разбора и самаго изящнаго разказа знаменитѣйшаго англійскаго историка Маколея. Однако, Ранке счелъ возможнымъ и удобнымъ конкурировать съ классическимъ трудомъ Маколея, и дѣйствительно, ему удалось обогатить литературу объ этомъ предметѣ книгою, въ которой мы находимъ множество новыхъ фактовъ и относительно нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ новые взгляды, расходящіеся со взглядами его предшественниковъ въ этой области.

Въ двухъ отношеніяхъ преимущественно трудъ Ранке отличается отъ сочиненія Маколея: вопервыхъ, болѣе подробнымъ и основательнымъ знаніемъ современной обще-европейской исторіи, а вовторыхъ, большею объективностью, особенно при разборѣ исторіи борьбы между политическими партіями въ самой Англіи. Въ слѣдующемъ нашемъ разсужденіи мы намѣрены остановиться на разборѣ этихъ двухъ моментовъ.

Ранке обращаетъ свое вниманіе почти исключительно на исторію политическихъ переворотовъ. Его занимаютъ военныя дѣйствія, дипломатическіе переговоры, пренія въ парламентѣ. Въ отношеніи къ этимъ вопросамъ его трудъ можно назвать образцовою монографіей. Въ широкой рамкѣ всемірно-историческихъ знаній и воззрѣній онъ останавливается на частныхъ явленіяхъ, на извѣстнаго рода событіяхъ; изъ всей безконечной массы фактовъ онъ съ необыкновеннымъ тактомъ и искусствомъ выбираетъ нѣкоторые важнѣйшіе. Группировка этихъ сравнительно немногихъ фактовъ, глубокое, всестороннее изученіе ихъ при помощи новыхъ матеріаловъ, — такой выборъ, такое ограниченіе, такая основательная разработка отдѣльныхъ предметовъ и вопро-

совъ, — вотъ что даетъ намъ полное право назвать трудъ Ранке монографіей и что придаетъ ему особенное научное значеніе.

Взглянемъ на главные выводы Ранке въ VI томѣ его исторіи Англіи относительно внѣшней политики и парламентаризма при Вильгельмѣ III.

Уже по самому матеріалу, которымъ по преимуществу занимался Ранке, онъ долженъ былъ обращать главное вниманіе на исторію международныхъ сношеній. Главными и большею частью новыми источниками при его изслѣдованіяхъ по исторіи XVI и XVII вѣковъ служили корреспонденціи посланниковъ, особенно итальянскихъ, большею частью венеціанскихъ дипломатовъ, которые въ то время находились при всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ европейскихъ дворахъ, отличались необыкновеннымъ искуствомъ въ собираніи и изложеніи статистическихъ и историческихъ данныхъ о государствахъ, въ которыхъ они находились, и такимъ образомъ подготовляли драгоцѣнный матеріалъ для историковъ позднѣйшаго времени. При всемъ значеніи этихъ источниковъ нельзя отрицать, что они далеко еще не сообщаютъ намъ полнаго понятія объ общественномъ и государственномъ развитіи народовъ. Конечно, Ранке, отличаясь универсальнымъ образованіемъ, необыкновенною ученостью и громадною начитанностью вообще, обращалъ вниманіе и на всю историческую литературу, на всѣ вообще относящіяся къ его предметамъ пособія и изданія историческихъ памятниковъ, но самый его выборъ главныхъ моментовъ въ исторіи XVI и XVII вѣковъ обусловливался свойствомъ тѣхъ матеріаловъ, открытіе и разработка которыхъ по преимуществу подвинули впередъ науку.

Занимаясь въ продолженіе сорока лѣтъ и болѣе этимъ періодомъ въ исторіи Европы вообще, побывавъ въ разныхъ архивахъ на материкѣ и неоднократно ѣздивши и въ Англію для занятій въ оффиціальныхъ и частныхъ архивахъ и библіотекахъ этой страны, Ранке былъ въ состояніи создать трудъ, который можно назвать классическимъ и который занимаетъ высокое мѣсто въ исторіографіи вообще и въ исторической литературѣ объ Англіи въ особенности. Можно смѣло сказать, что никто не былъ бы въ состояніи лучше Ранке указать на значеніе связи между внѣшнею политикой Англіи и исторіей законодательства этой страны. Синхронистическія данныя въ современной исторіи континента до самыхъ мелкихъ подробностей были извѣстны ему при чтеніи архивныхъ дѣлъ о преніяхъ въ палатахъ, о борьбѣ между политическими и религіозными партіями въ Англіи.

Онъ легче всякаго другаго могъ взвѣшивать вліяніе международныхъ вопросовъ на вопросы объ англійской конституціи.

При составленіи шестаго тома исторіи Англіи, въ которомъ помѣщено подробное изложеніе царствованія Вильгельма III, Ранке пользовался многими совершенно новыми матеріалами. Въ Берлинскомъ архивѣ онъ читалъ подробные разсказы бранденбургскаго посланника въ Лондонѣ, Бонета, отличающіеся особеннымъ безпристрастіемъ и основательностью; въ Брюссельскомъ архивѣ онъ читалъ депеши испанскаго дипломата въ Лондонѣ Ронкильо, въ Венеціанскомъ — корреспонденціи посланника Саротти; въ Парижскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ онъ составлялъ извлеченія изъ весьма любопытныхъ и пока только частью изданныхъ бумагъ «Négociations de M-r le comte d'Avaux, ambassadeur extraordinaire auprès du roi de la Grande Bretagne». Кромѣ того, между прочимъ, на основаніи дѣловыхъ бумагъ въ архивѣ военнаго министерства въ Парижѣ, могъ пролить новый свѣтъ на военныя дѣйствія между Англіей и Франціей, особенно на морѣ; также въ Парижѣ онъ имѣлъ возможность ознакомиться съ неизвѣстными еще грамотами, относящимися къ переворотамъ по случаю трактата въ Рисвикѣ. Въ библіотекѣ сэр-Томаса Филипса въ Чельтенгамѣ Ранке познакомился съ корреспонденціями нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ лицъ съ королемъ Вильгельмомъ III, напримѣръ, Ноттингама, Монтага и другихъ; въ Голландіи онъ читалъ корреспонденцію между Вильгельмомъ III и ратпансіонаріусомъ Нидерландской республики Гейнзіусомъ. Особенно важны результаты изысканій Ранке объ отношеніяхъ католицизма въ Англіи. Преимущественно по этой части его занятія въ архивахъ континента пригодились ему для пополненія нѣкоторыхъ пробѣловъ, встрѣчавшихся до сихъ поръ въ исторіи Англіи.

Царствованіе королей изъ дома Стюартовъ рѣзко отличается отъ царствованія Тюдоровъ, Кромвелля, Вильгельма III, особенно во внѣшней политикѣ. Уже при Тюдорахъ реформація была средствомъ поднять Англію на высокую степень могущества въ ряду европейскихъ державъ; то былъ протестъ противъ вмѣшательства континентальныхъ державъ во внутреннія дѣла Англіи. Реформація поэтому не была вопросомъ только церковнымъ и религіознымъ; ею обусловливалась національная независимость Англіи; отъ рѣшенія этого вопроса зависѣло отношеніе Англіи къ папству, къ Франціи, къ Испаніи. Царствованіе Маріи Тюдоръ, при которой послѣдовала реакція въ пользу католицизма; опасность, угрожавшая Англіи со стороны Маріи Стю-

артъ, которая справедливо считалась представительницею католицизма и континентальной политики; родственныя связи Стюартовъ съ Франціей; криптокатолицизмъ Карла II; вассальныя отношенія Якова II къ Людовику XIV, — все это представляетъ намъ направленіе во внѣшней политикѣ, противоположное тому, которое ознаменовалось при королевѣ Елисаветѣ уничтоженіемъ Армады, при лордѣ-протекторѣ — удачными битвами противъ Голландцевъ и еще болѣе ловкими и успѣшными дипломатическими и военными дѣйствіями англійскихъ посланниковъ и полководцевъ въ Испаніи, Франціи и Савойи, при Вильгельмѣ III — систематическою упорною враждою противъ гегемоніи Людовика XIV.

Ранке нагляднѣе, пластичнѣе всѣхъ историковъ, занимавшихся этимъ предметомъ, могъ указать на главныя причины катастрофы при Яковѣ II и на значеніе общеисторической роли Вильгельма III. Читая его разказъ объ этомъ переворотѣ, мы понимаемъ, что перемѣна на англійскомъ престолѣ касалась не только Англіи, но и Европы, что успѣхомъ смѣлаго предпріятія принца Оранскаго обусловливалось не только дальнѣйшее развитіе государственнаго права въ Англіи, но и торжество либеральныхъ началъ въ сферѣ религіозныхъ и политическихъ вопросовъ вообще.

И въ самомъ дѣлѣ, политическое равновѣсіе въ Европѣ было опрокинуто Людовикомъ XIV. Государства европейскія не могли разчитывать на сохраненіе своей независимости, если Франція нигдѣ не находила равнаго себѣ противника. Значеніе Англіи на морѣ, историческая роль Англіи въ вопросѣ о реформаціи какъ бы вмѣняли англійскому правительству въ обязанность сдѣлаться опорою Европы противъ Франціи. Какъ только вступилъ на престолъ Англіи Яковъ II, въ парламентѣ начали требовать рѣшительныхъ мѣръ противъ Людовика XIV, тогда какъ король, для осуществленія своихъ плановъ, для торжества абсолютизма и католицизма въ Англіи, нуждался въ помощи французскаго короля. Между тѣмъ какъ Яковъ II сочувствовалъ насильственнымъ мѣрамъ, принятымъ во Франціи противъ Гугенотовъ, и уничтоженію Нантскаго эдикта, въ Англіи публика составляла подписку въ пользу несчастныхъ эмигрантовъ. Французское духовенство публично заявило о своей надеждѣ, что Яковъ II повторитъ въ Англіи то, что Людовикъ XIV совершилъ во Франціи, и что французскій король доставитъ англійскому средства для проведенія подобной мѣры. Между тѣмъ какъ по англійскимъ законамъ было запрещено состоять въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ папою, при

Яковѣ II папскій нунцій съ необыкновенною пышностью, при соблюденіи особенныхъ формъ этикета и церемоніала, былъ торжественнымъ образомъ принятъ при англійскомъ дворѣ. Испанскій посланникъ, Донъ Педро Ронкильо, однажды предостерегалъ короля и просилъ его не увлекаться слишкомъ далеко въ своихъ предположеніяхъ. „Я хочу или достигнуть всего, или потерять все", отвѣчалъ Яковъ II.

Все то, что̀ лишало Якова популярности въ Англіи и Европѣ, поддерживало значеніе и славу Вильгельма III. Яковъ II не имѣлъ понятія о необходимости постоянно имѣть въ виду общеевропейскія дѣла и интересы; Вильгельмъ, напротивъ, былъ главнымъ представителемъ коалиціи противъ Людовика XIV. Между тѣмъ какъ для Якова было положительно невозможно соединить созваніе парламента съ сохраненіемъ дружескихъ сношеній съ Франціей, Вильгельмъ заявилъ о своей программѣ на флагѣ своего корабля въ слѣдующей надписи: „Pro religione protestante, pro libero parlamento", и въ рядахъ его войска тѣснились Нѣмцы, Шведы, Голландцы, французскіе гугеноты. Политическою школой относительно внутренняго управленія для Стюартовъ была Франція; Вильгельмъ же воспитывался въ Голландіи подъ вліяніемъ либеральныхъ учрежденій этой республики. Частные интересы, служившіе первымъ правиломъ при Версальскомъ дворѣ, руководили политикою Карла II и Якова II, тогда какъ Вильгельмъ всегда былъ готовъ жертвовать собою для общихъ интересовъ. Солидарность либеральныхъ началъ въ разныхъ странахъ открыто требовала перемѣны на престолѣ Англіи въ пользу Вильгельма, между тѣмъ какъ Карлъ и Яковъ постоянно надѣялись на заграничныя тайныя связи и обращались за полученіемъ денегъ и изъ-за другихъ выгодъ для себя ко дворамъ французскому и испанскому. Продажа Дюнкирхена, неудачи въ войнахъ съ Голландіею, тайныя сношенія съ Людовикомъ XIV съ цѣлью уничтожить Голландскую республику въ то самое время, когда парламентъ соглашался на увеличеніе военнаго бюджета только на томъ условіи, чтобы всѣ экстренныя суммы были употребляемы для поддержанія коалиціи противъ Франціи — все это было результатомъ болѣе частнаго разчета короля и министровъ, чѣмъ общихъ политическихъ идей.

Конечно, объ этихъ тайныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Ранке зналъ больше другихъ историковъ и могъ помѣстить въ своей книгѣ весьма интересныя данныя. Такъ, напримѣръ, при разборѣ связей между Бранденбургскимъ курфирстомъ и Вильгельмомъ Оранскимъ, онъ располагалъ особенно богатымъ матеріаломъ и могъ сообщить

намъ подробности разговоровъ дипломатовъ Бентинка и Фукса въ Целле, въ которыхъ участвовали уполномоченные мелкихъ протестантскихъ дворовъ юго-западной Германіи. Нельзя было не предвидѣть уже и въ то время общей войны; но мѣры, принятыя тогда противъ Людовика XIV, не въ такой степени были извѣстны во всѣхъ частностяхъ тогдашней публикѣ, какъ теперь, послѣ появленія въ свѣтъ книгъ, подобныхъ сочиненію Ранке объ Англіи. Далѣе, напримѣръ, Ранке сообщаетъ намъ сцены, происходившія во дворцѣ Уайтголь (Whitehall) и въ Парижѣ; разказы, имѣющіе чуть не анекдотическій характеръ, объ отношеніяхъ французскихъ посланниковъ къ любовницамъ англійскаго короля, о придворныхъ интригахъ, о значеніи политическихъ убѣжденій и корыстныхъ интересовъ той или другой дамы, вмѣшивавшейся въ общій ходъ европейскихъ дѣлъ, переговоры о бракахъ Стюартовъ, частныя корреспонденціи, дружба и ненависть отдѣльныхъ лицъ между собою — вотъ что̀ занимаетъ большое мѣсто въ реляціяхъ дипломатовъ, которыя разработалъ Ранке. Иные порицали знаменитаго историка за то, что онъ обращаетъ слишкомъ много вниманія на мнѣнія и интересы отдѣльныхъ лицъ [1]), но нельзя отрицать, что политическая исторія особенно XVII

---

[1]) Die Geschichte ist kein Schachräthsel und kein Rechenexempel, sie ist mehr als eine diplomatische Filigranarbeit.... er (Ranke) ist nicht zu Hause im Drange der Massenbewegungen und im Feuer der grossen Actionen, nur in lichtvoller Darstellung der Motive, des Calcüls, der Intriguen. Der Historiker soll aber auch in angemessener Weise den zermalmenden Umschwung der Maschine zeigen, nicht blos ihre Räderchen und Stiftchen uns auseinanderlegen». Такъ выражается извѣстный историкъ германской литературы девятнадцатаго вѣка, Рудольфъ Готшалль: Die deutsche Nationalliteratur. Breslau. 1861, стр. 304 и 305. Онъ продолжаетъ: «Ranke ist ein archivalischer Zauberer; die todten Actenstücke gewinnen durch ihn feenhafte Beleuchtung und nehmen menschliche Physiognomieen an, und seine Gedanken spielen geheimnissvoll wie goldgrüne Schlänglein dazwischen; aber die archivarische Historik ist auch in ihrer höchsten Potenz nicht die höchste, und wo sie geschmeidig mit Ranke'scher Plastik über sich hinauszuweisen scheint, künstlerisch schattirt und drapirt, die feinsten Berechnungen nachrechnet, jede Thatsache mit einem grossen Stammbaume von Motiven erscheinen lässt, da weht uns bei all'dem Rechnen und Wägen die Ueberzeugung entgegen, dass es in der Geschichte imponderable geistige Stoffe giebt, ohne deren Anerkennung und Nachempfindung jeder Geschichtsdarstellung die nationale Bedeutung fehlt». Также Гервинусъ, сравнивая ученую дѣятельность Шлоссера съ направленіемъ въ занятіяхъ Ранке, замѣчаетъ: «Dem Einen ist es am heimlichsten, dem Andern am unheimlichsten in den Urkunden der Leute, deren Schrift und Wort so oft zur Verstellung der Wahrheit dienen muss, für die die Geschichte erst ein Geschehendes, nie ein Geschehenes ist, die in der Be-

вѣка дѣйствительно представляетъ собою многіе примѣры такого преобладанія придворной интриги въ рѣшеніи величайшихъ вопросовъ. Справедливо указываетъ Ранке, между прочимъ, на значеніе того обстоятельства, что французскій посланникъ при дворѣ Карла II, Кольберъ-Круаси, былъ однажды виновникомъ закрытія парламента, такъ что онъ, не раздѣляя отвѣтственности англійскаго министра, дѣйствовалъ какъ бы въ качествѣ англійскаго министра. По вопросу о попыткахъ Людовика XIV подкупить короля, какъ скоро парламентъ противодѣйствовалъ интригамъ Франціи, и членовъ парламента, какъ скоро король не соглашался на поддержаніе желаній Людовика XIV, объ интригахъ испанскаго посланника Ронкильо, который также поддерживалъ оппозиціонную партію въ англійской палатѣ, о томъ, какъ Вильгельмъ Оранскій и Людовикъ XIV уже при Карлѣ II сталкивались относительно англійской политики — обо всемъ этомъ Ранке сообщаетъ намъ любопытныя данныя.

Отношенія различныхъ исповѣданій между собою были, какъ извѣстно, тѣсно связаны и съ вопросами внѣшней политики и съ вопросами внутренняго государственнаго развитія Англіи. Архивы на материкѣ, Брюссельскій, Парижскій, Римскій, гдѣ занимался Ранке, и въ этомъ отношеніи дали ему возможность прибавить довольно много новыхъ замѣчательныхъ данныхъ къ извѣстному и прежде по этой части историческому матеріалу.

Происхожденіе англиканской церкви было условіемъ усиленія монархической власти. Зависимость іерархіи отъ короля, конфискація духовныхъ имуществъ, учрежденіе „High Commission Court“ для управленія дѣлами церкви, авторитетъ короля и парламента въ дѣлахъ религіи и богослуженія — все это какъ бы породило новое, небывалое до того отношеніе подданныхъ къ государю. Къ свѣтской присягѣ присоединена духовная. Елизавета называла себя „the governess of the church“. Правительство строго преслѣдовало и католиковъ, которые не рѣшались отказаться отъ признанія авторитета папы, и разныя религіозныя секты, которыя требовали полной неза-

---

fangenheit von Dienern und Schreibern, mit verengtem Blicke, in Rücksicht auf die Herren schreiben, für die sie beobachten, und auf die Beobachteten, über die sie berichten. Schlosser glaubte daher frühe nicht vorsichtig genug aus dieser Welt der schleichenden Kabale erzählen zu können, wenn die Geschichte nicht Klatscherei werden sollte. Er verschmähte es in unbegangenen Kohlenschachten zu graben, wo in dem grünen Walde der offenliegenden Geschichte so viel frisches Holz noch ungeschlagen steht» См. брошюру Гервинуса — Friedrich Christoph Schlosser. Ein Nekrolog. Leipzig. 1861, стр. 27.

висимости церкви отъ свѣтской власти. Эти религіозныя секты торжествовали нѣкоторое время при республиканскомъ правленіи. Реставрація возстановила авторитетъ государственной церкви, епископальной системы. Въ началѣ царствованія Карла II многія тысячи квакеровъ находились въ темницахъ. Талантливый министръ Гейдъ (Hyde), въ послѣдствіи лордъ Кларендонъ, содѣйствовалъ торжеству англиканизма надъ пресвитеріанами. Самъ же король уже съ давнихъ поръ находился въ связи съ Римомъ. Въ архивѣ „British Museum“ Ранке читалъ корреспонденціи, относящіяся къ переговорамъ съ папами Иннокентіемъ X и Александромъ VII, изъ которыхъ видно, что Карлъ еще до вступленія на престолъ чрезъ посредство герцога Пфальцъ-Нейбургскаго и курфирста Майнцскаго заявлялъ готовность принять католическую вѣру. Полагали даже, что Карлъ еще до своей послѣдней болѣзни былъ католикомъ; но Ранке обращаетъ вниманіе на то, что въ самомъ Римѣ объ этомъ ничего не знали. Положительно извѣстно, что извѣстіе о перемѣнѣ религіи Карломъ II на смертномъ одрѣ было совершенно неожиданнымъ въ Ватиканѣ. За то Ранке сообщаетъ намъ о предположеніи, относящемся къ началу царствованія Карла — въ извѣстномъ смыслѣ возстановить католицизмъ въ Англіи. Имѣлось въ виду допустить въ Англіи католическаго епископа и считать обязательными для Англіи рѣшенія Тридентскаго собора; архіепископъ Кентерберійскій долженъ былъ управлять, какъ бы въ качествѣ патріарха, церковными дѣлами въ Англіи; папскому нунцію въ Англіи король предоставилъ бы нѣкоторыя права, но притомъ король желалъ, чтобы римская церковь никогда не принуждала его требовать настоятельно отъ не католическихъ подданныхъ принятія римской вѣры. Богослуженіе предполагалось на латинскомъ языкѣ, но при этомъ король желалъ сохранить церковное пѣніе на англійскомъ. Такимъ образомъ король возстановилъ бы связь епископальной іерархіи съ Римомъ, въ надеждѣ, что пресвитеріане удовольствуются тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находились гугеноты во Франціи. Ранке не рѣшаетъ вопроса, въ какой мѣрѣ самъ Карлъ былъ согласенъ съ подобнымъ проектомъ, ни о томъ, что̀ было сдѣлано имъ для осуществленія его. Онъ довольствуется замѣчаніемъ, что такія соображенія соотвѣтствовали идеямъ Карла II и его роли въ Европѣ, но что ихъ примѣненіе на практикѣ оказалось бы, конечно, невозможнымъ, потому что ни римскій дворъ съ одной, ни англиканскій епископъ съ другой стороны не согласились бы на столь значительныя уступки.

Изъ-за политическихъ цѣлей Карлъ II всегда былъ готовъ на перемѣну религіи. Ранке замѣчаетъ, что онъ, подобно своему дѣду, Генриху IV, непремѣнно обратился бы въ католицизмъ, если бы только это было выгодно; но его обстоятельства были совершенно противоположны обстоятельствамъ, въ которыхъ находился Генрихъ. Чтобъ удержать за собою корону Англіи, Карлъ II не принялъ католицизма, хотя самъ онъ болѣе былъ склоненъ къ папизму, чѣмъ къ англиканизму. Этотъ роковой шагъ, безъ всякаго сомнѣнія, лишилъ бы его престола, также какъ и братъ его не могъ остаться королемъ, потому что его исповѣданіе влекло его къ политическимъ цѣлямъ, состоявшимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами Англіи. Въ какой степени такіе проекты и всѣ сношенія съ католиками сохранялись въ тайнѣ, видно изъ разказа о свиданіи между Карломъ II и папскимъ нунціемъ въ 1670 году, заимствованнаго Ранке изъ архива библіотеки Корсини въ Римѣ. Чрезъ венеціанскаго посланника нунцій былъ тайкомъ проведенъ въ служебныя комнаты министра Арлингтона во дворцѣ Уайтголь (Whitehall), оттуда на квартиру министра; всѣ двери были заперты на ключъ; затѣмъ потаенною лѣстницей министръ привелъ короля. Бесѣда между королемъ и нунціемъ касалась правъ католиковъ въ Англіи: король обѣщалъ расширить эти права.

Но уже скоро послѣ этого Карлъ могъ убѣдиться въ невозможности достигнуть этой цѣли, то-есть, равноправности между исповѣданіями въ Англіи. Онъ считалъ себя въ правѣ дозволить несоблюденіе извѣстныхъ законовъ, ограничивающихъ права католиковъ, но такъ-называемая индульгенція встрѣтила сопротивленіе въ парламентѣ; король формально долженъ былъ отказаться отъ своихъ плановъ, а парламентъ, видя опасность, угрожавшую Англіи со стороны папизма, рѣшился исключить католиковъ изъ парламента: такъ состоялся знаменитый законъ „Test-act“. Карлъ II хотѣлъ было соединить англиканскую и католическую церкви противъ пресвитеріанъ; парламентъ же успѣлъ составить коалицію пресвитеріанъ и епископаловъ противъ католицизма. „Парламентаризмъ, замѣчаетъ Ранке, получалъ все болѣе и болѣе англиканскій характеръ, между тѣмъ какъ теорія о законномъ престолонаслѣдіи все болѣе и болѣе склонялась къ папизму, такъ какъ Карлу долженъ былъ наслѣдовать принявшій католицизмъ герцогъ Іоркскій. Реставрація Стюартовъ въ 1660 году обусловливалась соединеніемъ теоріи о законномъ престолонаслѣдіи съ парламентаризмомъ; теперь же эти два фактора расходились“. Такимъ обра-

зомъ революція стала неизбѣжною: уже при Карлѣ II парламентъ разсчитывалъ на Вильгельма.

Когда было сдѣлано предположеніе о вступленіи въ бракъ Якова съ принцессою Модена-Эсте, папа замѣтилъ, что такое дѣло можетъ повести къ важнымъ результатамъ въ пользу католицизма; когда же возникла мысль о бракѣ между Маріею и Вильгельмомъ, то Людовикъ XIV писалъ къ герцогу Йоркскому, что такой зять можетъ сдѣлаться опаснымъ врагомъ его. Тотчасъ послѣ этого началось движеніе въ парламентѣ съ цѣлью лишить Якова права на престолонаслѣдіе. Лордъ Россель замѣтилъ: „Если Яковъ вступитъ на престолъ, то должно быть готову или превратиться въ паписта, или же быть сожжену на кострѣ". Въ рѣчахъ членовъ парламента напоминали о страшномъ періодѣ Маріи Католической, указывали на Варѳоломеевскую ночь, на подобные же случаи кровопролитія въ Ирландіи. Любопытное предложеніе сдѣлано было тогда членомъ парламента Литльтономъ: оставить Якова королемъ, однако назначить Вильгельма и Марію регентами; въ этомъ случаѣ Англія была бы обезпечена; если же бы Марія умерла бездѣтною, то послѣ Вильгельма и Маріи слѣдовала Анна. Герцогъ тогда жилъ за границею, какъ бы въ ссылкѣ; по мнѣнію Литльтона, эта ссылка должна была продолжаться и послѣ смерти Карла, когда бы Яковъ уже назывался королемъ. Ранке замѣчаетъ, что ходъ историческихъ событій въ послѣдствіи рѣшилъ этотъ вопросъ почти точь въ точь какъ предлагалъ Литльтонъ.

Надежда нѣкоторыхъ членовъ парламента склонить Якова къ принятію протестантизма была тщетною. Яковъ былъ готовъ пожертвовать короною для своихъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, а въ противоположномъ лагерѣ лордъ Россель былъ готовъ умереть на эшафотѣ за право законнаго противодѣйствія правительству въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Все зависѣло отъ рѣшенія религіозныхъ вопросовъ. Дарованіе правъ католикамъ было нарушеніемъ государственнаго права Англіи; произвольное поддерживаніе католической партіи со стороны правительства заключало въ себѣ превращеніе законности вообще. Или Яковъ II долженъ былъ рѣшиться смотрѣть на свое исповѣданіе, какъ на частное, только до него относящееся дѣло, или же онъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою государственнаго переворота. Его демонстраціи въ пользу папизма повлекли за собою споры съ парламентомъ; эти же споры заставили его прибѣгнуть къ помощи Людовика XIV и измѣнить интересамъ Англіи и Европы. Нарушеніе Test-act чрезъ раздачу мѣстъ въ войскѣ католикамъ; желаніе

отмѣнить всѣ законы, которые были изданы при Карлѣ II для ограниченія правъ католиковъ; раздача мѣстъ и въ гражданской администраціи католикамъ; вопросъ объ индульгенціяхъ, чрезъ которыя король освобождалъ католиковъ отъ соблюденія правилъ, постановленныхъ для приверженцевъ римской церкви; стремленіе ввести католиковъ въ парламентъ, и этимъ рано или поздно дать папизму сильное вліяніе на законодательство и управленіе — все это прямо касалось фундаментальныхъ началъ англійскаго права. Король надѣялся измѣнить способъ выборовъ въ магистраты всѣхъ корпорацій, городовъ, цеховъ, общинъ, лишить мѣстъ мировыхъ судей англиканскаго исповѣданія, расширить вліяніе диссентеровъ — планы, заключавшіе въ себѣ революцію, низверженіе существующаго порядка. Англія защищала существующій порядокъ противъ короля-революціонера, который не ставилъ ни во что законодательную власть парламента. „Никогда не случалось“, говоритъ Ранке, „чтобы государь столь легкомысленно какъ Яковъ II подкапывалъ почву, на которой онъ стоялъ“.

Значеніе религіозныхъ вопросовъ во второй революціи Англіи должно было выдвинуть на первый планъ Ирландію. И послѣ изгнанія изъ Англіи Яковъ могъ нѣкоторое время царствовать въ Ирландіи, гдѣ преобладалъ католицизмъ въ соединеніи съ кельтскою національностью надъ Англичанами и епископальною системой. Между тѣмъ какъ протестанты изъ Ирландіи массами спасались въ Англію, Ирландцы надѣялись на помощь Франціи и континентальнаго папизма вообще. Ирландія была тогда театромъ обще-европейскаго религіознаго антагонизма. „Для всего міра“, замѣчаетъ Ранке, „многое зависѣло отъ взятія или невзятія крѣпости Лондондерри въ Ирландіи, осажденной войсками Вильгельма и отстаиваемой приверженцами Якова“. Эпизодъ пребыванія Якова въ Ирландіи составляетъ одинъ изъ самыхъ увлекательныхъ отдѣловъ книги Ранке. Всѣ соображенія и планы изгнаннаго короля являются у Ранке гораздо обдуманнѣе, его образъ дѣйствій гораздо мужественнѣе, чѣмъ у другихъ историковъ. Описаніе битвы при Бойне отличается особенною подробностью и наглядностью. Ранке также весьма обстоятельно говоритъ о дѣйствіяхъ французской эскадры. Новыя данныя сообщаются имъ по случаю разказа о битвѣ при Ла-Гогѣ (La Hogue).

Эпизодомъ въ Ирландіи не кончилась опасность со стороны Франціи и католицизма. Яковъ II, умирая, увѣщевалъ своего сына оставаться вѣрнымъ католическому исповѣданію, а Людовикъ XIV про-

возгласилъ Якова III королемъ Англіи. Только войною за испанское наслѣдство былъ положенъ конецъ попыткамъ католицизма завладѣть Англіею. Послѣднею и важнѣйшею заслугой Вильгельма III было приготовленіе этой войны. Его задача въ отношеніи къ общеевропейскимъ вопросамъ была исполнена. Романско-католическія державы были до того времени преобладающими факторами въ системѣ европейскихъ государствъ: Испанія въ XVI, Франція въ XVII столѣтіи. Въ продолженіе XVIII вѣка не-католическія державы выдвигаются на первый планъ: Англія, Россія, Пруссія.

Мы переходимъ къ разбору значенія книги Ранке относительно исторіи англійскаго парламентаризма. При изученіи исторіи внѣшней политики Англіи, Ранке, безъ всякаго сомнѣнія, располагалъ гораздо болѣе богатымъ матеріаломъ и бо̀льшими свѣдѣніями, чѣмъ всѣ другіе историки, занимавшіеся этимъ предметомъ. При изученіи исторіи борьбы между политическими партіями въ Англіи онъ отличается особенно безпристрастіемъ. Преимущественно въ Англіи историки почти всѣ принадлежатъ къ той или другой политической партіи. Весьма немногіе могутъ считаться безпристрастными, почти всѣ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ заявляютъ о своихъ убѣжденіяхъ. Въ этомъ, конечно, заключается опасность. Наука, нуждающаяся въ спокойствіи, на этотъ разъ лишена этого условія: въ ней мы встрѣчаемъ хаосъ мнѣній, борьбу разныхъ убѣжденій, столкновеніе разныхъ партій.

Знаменитѣйшій историкъ Англіи, Маколей, не могъ писать иначе, какъ съ точки зрѣнія партіи. Онъ писалъ исторію Вильгельма III, имѣя въ виду тѣмъ самымъ содѣйствовать рѣшенію политическихъ вопросовъ XIX вѣка. Онъ былъ не только историкомъ, но и публицистомъ. То обстоятельство, что важнѣйшіе вопросы, служившіе предметомъ преній во время политической дѣятельности Маколея, имѣютъ свое происхожденіе въ XVII столѣтіи, по преимуществу заставило его изучать исторію второй революціи въ Англіи и создать свой классическій трудъ. Онъ долженъ былъ желать выставить политическую роль первыхъ и замѣчательнѣйшихъ основателей партіи виговъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. На виговъ онъ указываетъ какъ на защитниковъ конституціи и конституціонализма; приверженцы партіи торіевъ являются у него лишь непріязненными духу англійскаго государственнаго права. Онъ сваливаетъ отвѣтственность за предразсудки, ошибки и за односторонность представителей крайней партіи торіевъ

на всю партію. Онъ постоянно склоненъ къ преувеличенію заслугъ вигизма.

Совсѣмъ иное дѣло — Ранке, всегда отличавшійся умѣренностью, осторожностью въ политическихъ сужденіяхъ, и постоянно стремившійся къ совершенно объективному воззрѣнію на исторію. „Я не принадлежу ни къ какой партіи", сказалъ онъ однажды на лекціи въ Берлинѣ, „если тѣ, которые не принадлежатъ ни къ какой партіи, тѣмъ самымъ не образуютъ партіи" [1].

Фоксъ называетъ періодъ царствованія Карла II „the era of good laws and bad government". Англійскіе историки не щадятъ королей изъ дома Стюартовъ, также и Гнейстъ въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ порицаетъ особенно Карла II и Якова II. Ранке гораздо осторожнѣе: онъ замѣчаетъ, что не считаетъ себя въ правѣ говорить объ англійскихъ короляхъ тономъ судьи, произносящаго приговоръ [2]). Между тѣмъ какъ Гнейстъ говоритъ съ негодованіемъ о легкомысліи, о невниманіи къ своимъ обязанностямъ Карла II и т. п., Ранке только замѣчаетъ, что Карлъ не могъ убѣдиться въ необходимости удовольствоваться ролью конституціоннаго короля. Гнейстъ осуждаетъ сребролюбіе Карла, упрямство Якова, — Ранке же съ изумительною воздержностью довольствуется замѣчаніемъ, что Карлъ II по своему характеру могъ бы съ бóльшимъ успѣхомъ царствовать на престолѣ какого-либо восточнаго государства въ средніе вѣка, и что мы не находимъ въ немъ истинно благородныхъ душевныхъ стремленій или яснаго сознанія о нравственности. Объясняя, что Яковъ при своемъ удаленіи изъ Англіи надѣялся на анархію какъ на неминуемое слѣдствіе такой мѣры, онъ не находитъ нужнымъ хоть бы однимъ словомъ указать на іезуитизмъ такого образа мыслей.

Такая же умѣренность встрѣчается въ сужденіи Ранке о Вильгельмѣ. Сочиненіе Маколея нѣкоторымъ образомъ можетъ быть названо панегирикомъ Вильгельма; Геллемъ (Hallam) о немъ замѣтилъ, что онъ оказалъ англійской коронѣ высшую честь, принявъ на себя достоинство англійскаго короля; Ранке же въ довольно холодныхъ

---

[1]) Авторъ этой статьи имѣлъ случай слышать это замѣчаніе знаменитаго историка: «Ich gehöre zu keiner Partei, wenn es nicht eine Partei ist zu keiner Partei zu gehören». Впрочемъ, изъ дневника Варнгагена-фонъ-Энзе по поводу событій 1848 года видно, что это изреченіе справедливо развѣ только относительно литературной и ученой дѣятельности Ранке.

[2]) «Wir halten uns nicht befugt den criminalrechtlichen Ton der englischen Geschichtschreiber anzuschlagen».

выраженіяхъ указываетъ на то, что Вильгельмъ не былъ особенно блестящею личностью, не принадлежалъ къ первоклассныимъ полководцамъ, не имѣлъ особенной склонности къ истинно-либеральнымъ учрежденіямъ, но что главное величіе его состояло въ пониманіи тогдашнихъ задачъ политики Англіи и Европы, и что онъ умѣлъ посвящать себя съ искреннею преданностью исполненію этихъ задачъ [1]).

Въ разказахъ Ранке о борьбѣ политическихъ партій, въ его изложеніи развитія государственнаго права, въ его указаніяхъ на главные моменты законодательства встрѣчаются многія новыя данныя, глубокія мысли и остроумныя замѣчанія. Столь систематическаго изслѣдованія о юридическомъ бытѣ въ Англіи, какъ у Гнейста, столь подробнаго разказа о преніяхъ въ парламентѣ, какъ у Маколея, столь оживленнаго описанія внѣшнихъ фактовъ политической исторіи, какъ у Гизо, мы не встрѣчаемъ у Ранке; за то его трудъ отличается изумительнымъ искусствомъ указывать на то, что имѣло наиважнѣйшія слѣдствія, и изъ огромной массы предметовъ выбирать тѣ, которые дѣйствительно дали извѣстное направленіе англійскому законодательству. Ему извѣстна вся литература, относящаяся къ этому предмету, не только спеціальные труды юристовъ, но также — и это весьма важно — множество публицистическихъ брошюръ XVII и XVIII вѣковъ. Онъ изучалъ не только фактическую исторію государственнаго права въ Англіи, но и исторію борьбы противоположныхъ мнѣній по главнымъ вопросамъ парламентаризма. Его начитанность, его энциклопедическое образованіе вообще въ соединеніи съ знаніемъ сочиненій Бурнета, Гоббеса, Локка, Кларендона и проч., его серіозныя занятія неизданными документами въ англійскихъ архивахъ, его знакомство съ мнѣніями современниковъ о вопросахъ англійской конституціи — все это дало ему возможность пополнить то, что въ самыхъ капитальныхъ сочиненіяхъ по этому предмету до него было напечатано.

Гнейстъ замѣчаетъ, что періодъ царствованія Вильгельма III по настоящему не можетъ быть названъ особенно интереснымъ, потому что онъ не представляетъ собою никакихъ случаевъ появленія новыхъ политическихъ идей, никакихъ нововведеній въ государственномъ организмѣ Англіи; онъ даже удивляется тому, что талантливѣйшій историкъ Англіи, Маколей, избралъ себѣ предметомъ изслѣдованія этотъ періодъ; Гнейсту кажется такая задача чуть не пародоксальною. Виль-

[1]) «Was giebt überhaupt einer bedeutenden Persönlichkeit ihren Character als das Verhältniss der übernommenen Pflicht zu den angeborenen Eigenschaften? Das Zusammentreffen Beider bildet die grossen Männer».

гельмъ, какъ замѣчаетъ онъ, не могъ разчитывать при своихъ предпріятіяхъ въ внѣшней политикѣ на сочувствіе обѣихъ главныхъ партій, виговъ и торіевъ; его внутренняя политика не была поддерживаема массою народа. Ему приходилось бороться съ высокомѣріемъ дворянства, склоннаго къ политическимъ интригамъ, съ духовенствомъ, которое постоянно думало о ковнахъ, съ среднимъ классомъ, который свои частные интересы ставилъ выше политическихъ, и съ равнодушіемъ низшихъ классовъ, находившихся на низкой степени благосостоянія и образованія. Мы здѣсь встрѣчаемъ весьма запутанныя политическія программы различныхъ партій, лишенныхъ высокихъ цѣлей, быстрое измѣненіе господствующихъ мнѣній и партій — вотъ, по мнѣнію Гнейста, главныя явленія царствованій Вильгельма, Анны, Георга I. Но въ то же самое время Гнейстъ замѣчаетъ, что вступленіе на престолъ Вильгельма было какъ бы завершеніемъ (Abschluss) англійской конституціи, началомъ настоящаго конституціоннаго періода. Этого достаточно, чтобы посвятить себя изученію этого предмета съ особенною тщательностью, какъ это сдѣлали Геллемъ, Маколей, Ранке.

И въ отношеніи къ развитію конституціонализма царствованіе Вильгельма представляетъ собою противоположность царствованіямъ Стюартовъ. Уже при Яковѣ I — вмѣсто государственнаго совѣта, состоявшаго изъ министровъ и рѣшавшаго главныя дѣла при соблюденіи извѣстныхъ формъ, въ торжественныхъ засѣданіяхъ, со внесеніемъ рѣшеній въ протоколы — мы встрѣчаемъ кабинетныя совѣщанія безъ всякой формы, въ которыхъ участвуютъ члены придворной камарильи. Въ 1641 году нижняя палата заявляетъ требованіе, чтобы въ такъ-называемый «Privy Council» были опредѣляемы члены парламента, пользующіеся особеннымъ довѣріемъ палаты [1]). Такимъ образомъ кабинетное управленіе имѣло слѣдствіемъ развитіе парламентарнаго управленія партій. Съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе развивалось сознаніе о правѣ и чувство собственнаго достоинства въ Англіи. Тѣмъ менѣе успѣха могли имѣть попытки Стюартовъ остановить ходъ развитія англійской конституціи или лишить Англію тѣхъ правъ, которыми она пользовалась даже при Тюдорахъ. При Генрихѣ VIII и при Елизаветѣ принадлежащее парламентамъ право согласія или несогласія на собираніе податей не было оспариваемо.

[1]) To employ such counsellors, ambassadors and ministers as the parliament may have cause to confide in, without which we cannot give His Majesty such supplies as is desired.

Участіе парламента въ законодательствѣ также считалось основнымъ закономъ, хотя по временамъ и были споры по этому предмету между парламентами и министрами. При Стюартахъ эти спорные вопросы по необходимости стали предметомъ особенно оживленныхъ преній, въ которыхъ обѣ партіи ссылались на множество фактовъ изъ средневѣковой исторіи Англіи, доказывающихъ совершенно противоположное [1]). Это развитіе теоріи государственнаго права, кончившееся торжествомъ парламентаризма, относится особенно къ царствованіямъ Карла II и Вильгельма III.

Къ началу періода реставраціи относится проектъ, клонящійся къ приведенію въ систему абсолютизма. Совѣтовали Карлу II предоставить себѣ полную независимость въ администраціи и въ финансовомъ управленіи, содержать постоянное войско для охраненія королевской власти, подражать соотвѣтствующимъ учрежденіямъ на континентѣ, особенно во Франціи [2]). Но очень скоро уже является въ преніяхъ палаты на первомъ планѣ ученіе о юридической отвѣтственности министровъ,—ученіе, которое сдѣлалось главною основой англійской конституціи. Цѣлый рядъ случаевъ обвиненія министровъ показалъ тогда, что парламентъ придавалъ особенное значеніе этой теоріи. Съ тѣхъ поръ, какъ замѣчаетъ Ранке, періоды исторіи Англіи обозначаются не только царствованіями королей, но и парламентами. Между тѣмъ какъ денежныя средства, доставленныя королю чрезъ продажу Дюнкирхена, были назначены преимущественно на содержаніе войска въ Англіи для поддержанія абсолютизма, между тѣмъ какъ министръ Кларендонъ былъ обвиняемъ въ томъ, что онъ считалъ возможнымъ и справедливымъ содержаніе войска безъ согласія на то парламента, король Карлъ II долженъ былъ формально заявить въ парламентѣ, что онъ уже, какъ истинный Англичанинъ, и не думалъ о постоянномъ войскѣ. Кларендонъ утверждалъ, что отъ короля зависитъ уступить парламенту болѣе или менѣе вліянія; но этотъ же министръ, котораго упрекали въ томъ, что онъ желалъ ввести въ Англіи правленіе янычаръ, долженъ былъ оставить Англію и жить въ ссылкѣ во Франціи. И въ литературѣ мы встрѣчаемъ тотъ же самый антагонизмъ: Гоббесъ старался уничтожить теорію о конституціонализмѣ; Локкъ, напротивъ, сдѣлался главнымъ наставникомъ публицистовъ и историковъ, защищавшихъ либеральныя начала парла-

---

[1]) «England — das Land der Präcedenzfälle», замѣчаетъ Норденъ см. *Hist. Zeitschrift* l. c.

[2]) См. Ранке, *Engl. Gesch.* IV, 128.

ментаризма. И въ исторіографіи противоположныя партіи имѣютъ своихъ представителей: Кларендонъ—представитель роялизма при Карлѣ II, Бурнетъ—защитникъ мнѣній, торжествовавшихъ при Вильгельмѣ [1]).

Во время переворота при Карлѣ, Яковѣ и Вильгельмѣ, Англія не увлекалась ни въ ту, ни въ другую сторону. Крайнія мнѣнія не торжествовали. Друзья Карла утверждали, что созваніе парламента зависитъ лишь отъ доброй воли короля, а Шэфтсбери, когда однажды былъ распущенъ парламентъ, сдѣлалъ въ палатѣ лордовъ предложеніе продолжать засѣданіе вопреки повелѣнію короля. Однако, въ послѣднемъ случаѣ уваженіе къ закону было таково, что члены палаты тотчасъ же разошлись въ томъ убѣжденіи, что распущеніе палаты лишило ихъ права считаться еще долѣе парламентомъ; а съ другой стороны и Карлъ II и Яковъ II видѣли необходимость управлять при помощи парламентовъ, несозываніе которыхъ считалось невозможнымъ. Очень часто Карлъ II закрывалъ и распускалъ парламентъ, но въ то же время онъ долженъ былъ согласиться на знаменитый законъ «Habeas Corpus», который съ тѣхъ поръ считался главною опорой личной свободы въ Англіи. Революція Монмоута не удалась. Отъ него ожидали коренныхъ измѣненій государственнаго права въ либеральномъ направленіи: ежегоднаго избранія новыхъ членовъ въ парламентъ, большей независимости городовъ, учрежденія милиціи, которою располагали бы графства по своему усмотрѣнію. Чуть не республиканскія стремленія обнаруживаются въ проектахъ этого сына Карла II.

За то удалось предпріятіе Вильгельма, который былъ какъ бы представителемъ консервативной партіи. «Je maintiendray»—было девизомъ Вильгельма. Безъ Вильгельма въ Англіи опять могла возникнуть республика; Яковъ надѣялся на анархію, между тѣмъ какъ и въ Лондонѣ, и въ графствахъ, и въ высшихъ классахъ общества, и въ массѣ народа встрѣчается сознаніе о томъ, что успѣхомъ предпріятія Вильгельма обусловливалось сохраненіе порядка. Уваженіе къ закону составляетъ характеристическую черту образа дѣйствій короля и парламента. При созываніи парламента послѣ прибытія Вильгельма старались во всѣхъ отношеніяхъ соблюдать конституціонныя формы и правила прежнихъ временъ. Парламентъ не могъ называться парла-

---

[1]) «Man sieht gleichsam mit Augen, wie sich zwei Zeitalter von einander scheiden». *Ранке* IV, 496.

ментомъ, потому что еще не было короля, который могъ бы созвать парламентъ. Должно было назвать парламентъ конвенціей на основаніи предыдущихъ подобныхъ случаевъ въ англійской исторіи. Пренія о терминѣ, которымъ должно было обозначить удаленіе Якова (demise, desertion, abdication), показываютъ, какъ высоко почитались юридическія формы, историческое право. Англичане не рѣшились объявить Якова лишеннымъ королевскаго достоинства; они предпочли формулу, что король добровольно отказался отъ престола. Ранке замѣчаетъ: „Духъ Англичанъ отличается отъ мѣткой діалектики Французовъ и отъ общей, весь міръ обнимающей идеологіи Нѣмцевъ: но важнѣйшіе практическіе интересы обезпечены въ Англіи лучше, чѣмъ гдѣ-либо“. Задача парламента, который далъ корону Англіи Вильгельму и Маріи, заключалась не столько въ разработкѣ новой конституціи, сколько лишь въ пополненіи издавна существовавшей. Были нѣкоторые пробѣлы въ государственномъ правѣ; должно было думать о приведеніи законовъ въ формулу. Главные вопросы конституціонализма сдѣлались тогда предметомъ преній; отвѣтственность министровъ, зависимость войска отъ опредѣленій парламента, самостоятельность судей, присяга короля, исповѣданіе короля и его семьи, доходы короля (civil list), престолонаслѣдіе. Пренія объ этихъ вопросахъ были какъ бы школою конституціонализма для Англичанъ. Министры Вильгельма отстаивали авторитетъ монарха; во многихъ отношеніяхъ мнѣніе правительства расходилось съ мнѣніемъ палаты, но тѣмъ не менѣе Вильгельмъ, лорды и палата общинъ образовали какъ бы одну большую политическую партію. Съ одной стороны Вильгельмъ долженъ былъ надѣяться на тѣсный союзъ съ парламентомъ, съ другой онъ долженъ былъ постоянно имѣть въ виду защищеніе монархическихъ началъ противъ притязаній парламента; наконецъ, онъ долженъ былъ иногда быть и посредникомъ между парламентомъ и народомъ, особенно при рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ.

Отъ согласія Вильгельма съ парламентомъ зависѣлъ отчасти успѣхъ его внѣшней политики. Стюарты часто избѣгали борьбы съ другими державами, чтобы не встрѣтить необходимости дѣлать уступки парламентамъ. Парламентъ, предоставляя себѣ право самаго подробнаго разбора бюджетовъ, и еще болѣе, контроля надъ израсходованными правительствомъ суммами, тѣмъ самымъ получилъ гораздо болѣе вліянія на внѣшнюю политику, чѣмъ прежде. Отношеніе парламента къ вопросамъ государственнаго кредита, отношеніе короля къ войску, опредѣленіе срока парламентамъ, постановленія касательно печати,

размѣра постояннаго войска — рѣшеніе этихъ вопросовъ имѣло роковое значеніе и для Англіи, и для конституціонализма вообще. Однажды парламентъ требовалъ отъ Вильгельма, чтобъ онъ назвалъ тѣхъ лицъ, которыя старались поссорить короля съ палатою; Вильгельмъ, отрицая фактъ, заявилъ о своемъ убѣжденіи, что счастіе короля Англіи основано на согласіи между королемъ и парламентомъ. Однако въ другой разъ, когда по вопросу о постоянномъ войскѣ мнѣніе короля расходилось съ предложеніями парламента, Вильгельмъ готовился сложить съ себя корону и вернуться въ Голландію. „Если бы это состоялось“, замѣчаетъ Ранке, „то такой фактъ послужилъ бы доказательствомъ несовмѣстимости монархіи съ парламентаризмомъ“. Французскій посланникъ, какъ сообщаетъ намъ Ранке, разказываетъ слѣдующій анекдотъ. Одному замѣчательному лицу предложили тогда мѣсто министра; онъ отвѣтилъ, что онъ сперва долженъ знать: будетъ ли онъ министромъ въ республикѣ или въ монархіи. Другой членъ парламента замѣтилъ, что еще двухъ условій недоставало для превращенія англійской монархіи въ республику, а именно, того, чтобъ отъ парламента зависѣло заключеніе трактатовъ съ иностранными державами и назначеніе министровъ. Все клонилось къ тому, чтобы поставить парламентъ на слишкомъ высокую степень могущества. Не только его отношеніе къ королю, но и его отношеніе къ народу стало тогда роковымъ вопросомъ для Англіи. Партія торіевъ отстаивала тогда авторитетъ второй палаты рядомъ съ авторитетомъ короля, палаты лордовъ и народа; партія виговъ утверждала, что народу должно быть предоставлено право высказывать свое мнѣніе, что „прерогатива“ короля должна оставаться неприкосновенною и что палата лордовъ должна быть независимою. Первые защищали только парламентаризмъ, вторые — и монархію, и демократію. Первые отстаивали англиканскую церковь, вторые имѣли въ виду большее уравненіе правъ различныхъ исповѣданій; вліяніе первыхъ было основано на графствахъ, значеніе вторыхъ обусловливалось ихъ сношеніями съ жителями городовъ, съ представителями денежныхъ интересовъ, съ высшею аристократіей.

Вильгельмъ обладалъ искусствомъ пользоваться для своихъ цѣлей обѣими партіями, сближать ихъ между собою, оказывать вліяніе на ту и на другую. Его царствованіе представляетъ собою любопытныя данныя для физіологіи конституціонныхъ государствъ. Изученіе этого періода поэтому полезно какъ лучшее приготовленіе для изученія исторіи Англіи въ новѣйшее время. Довольно естественно,

что Маколей этотъ періодъ считалъ достойнымъ предметомъ для ученыхъ занятій въ продолженіе большей части своей жизни, и что Ранке посвятилъ ему цѣлый большой томъ своего сочиненія объ Англіи.

Мы получили извѣстіе, что Ранке въ настоящее время занятъ приготовленіемъ къ печати седьмаго и послѣдняго тома исторіи Англіи. Онъ будетъ содержать въ себѣ окончаніе текста, архивные матеріалы и критическія замѣтки.

А. Брикнеръ.

ЗАМѢТКА О СЛАВЯНСКИХЪ ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЯХЪ.

I.

Я не знаю на свѣтѣ государства, въ которомъ бы географическія познанія дѣлали такіе быстрые и осязательные успѣхи, какъ въ Россіи, гдѣ обширность государственной области и безконечное ея разнообразіе въ отношеніяхъ физическомъ и сельско-хозяйственномъ вызываютъ въ правительствѣ и въ частныхъ ученыхъ сознаніе необходимости точно и всесторонно изучить эти безграничныя пространства; и эти пространства, не смотря на затрудненія времени и мѣста, дѣйствительно становятся все болѣе доступными, благодаря единству дѣйствія правительства и сознающаго свою культурную миссію народа. Тѣмъ съ большею похвалою должно относиться къ тѣмъ изъ русскихъ ученыхъ, которые, имѣя у себя дòма почти цѣлый міръ изысканій необыкновенной важности и занимательности, не перестаютъ, однако, внимательно слѣдить за ходомъ географическихъ изслѣдованій на Западѣ и принимаютъ ихъ во вниманіе, какъ матеріалъ для сравненія. Но въ русскихъ географическихъ, особенно частныхъ сочиненіяхъ, на сколько я могъ за ними слѣдить при своей отдаленности, я замѣчаю и всегда замѣчалъ *одинъ недостатокъ*, достойный тѣмъ бòльшаго сожалѣнія, что онъ касается именно западнаго славянства. Во всѣхъ русскихъ книгахъ, особенно учебникахъ, слѣдовательно, предназначенныхъ къ наибольшему распространенію и полагающихъ основанія географическимъ знаніямъ, точно также во всѣхъ русскихъ атласахъ и на географическихъ картахъ (которыхъ не мало приходилось мнѣ пересматривать въ качествѣ инспектора коллекціи географическихъ картъ въ Чешскомъ музеѣ, и учителя географіи), всюду я встрѣчалъ только *нѣмецкую номенклатуру* поселеній, мѣстностей и земель всей Западной Европы. А между тѣмъ болѣе половины Австрійскаго государства, значительныя области восточной Пруссіи,

части королевствъ Саксонскаго и Итальянскаго до сихъ поръ населены Славянами, и смѣло можно сказать, что вся Австрія, Пруссія и нѣсколько другихъ меньшихъ германскихъ государствъ (какъ, напримѣръ, Саксонія, Мекленбургъ, отчасти и Баварія) стоятъ на почвѣ нѣкогда чисто-славянской, гдѣ не только горы, рѣки и равнины носятъ славянскія имена, но и значительное число селъ и городовъ ведутъ свое начало отъ Славянъ, до сихъ поръ сохраняя въ нѣмецкихъ звукахъ своихъ названій корни чисто-славянскіе; даже больше того, у Чеховъ, Словинцевъ, Сербовъ и Хорватовъ сохраняющіяся славянскія названія рѣкъ, горъ и городовъ, лежащихъ въ чисто-романскихъ или нѣмецкихъ странахъ, съ которыми, однако, западные Славяне имѣли нѣкогда живыя сношенія. Если же мы, Чехи, которыхъ все-таки считаютъ народомъ филологическимъ, а не менѣе насъ и Словинцы, а до нѣкоторой степени и Хорваты, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ литературѣ и въ практической жизни стараемся не только сохранять уцѣлѣвшія до сихъ поръ названія славянскихъ поселеній, городовъ и земель, но обновлять тѣ, которыя уже устарѣли, или безцеремоннымъ измѣненіемъ онѣмечены, объитальянены или омадьярены; то почему бы и нашимъ братьямъ, Русскимъ, не принять въ своихъ географическихъ и всякихъ другихъ изданіяхъ этой методы, чуждой всякаго диллетанства и поверхностности, напротивъ вполнѣ соотвѣтствующей научнымъ требованіямъ? Ухо образованнаго Чеха не терпитъ, ни въ разговорѣ, ни въ литературѣ, даже названій иноземныхъ городовъ и мѣстностей, въ родѣ: *Дрезденъ*, *Бреслау*, *Мейссенъ*, *Лейгницъ*, *Швейдницъ*, *Коттбузъ*, *Штольпе*, *Кольбергъ*, *Кенигсбергъ*, *Рюгенъ*, *Шверинъ* и т. д., для которыхъ существуютъ чисто-чешскія слова, изъ древнихъ ли то памятниковъ, или даже образованныя филологическимъ образомъ: *Драждяны*, *Мышенъ*, *Вратиславъ*, (польское Вроцлавъ), *Лѣгница*, *Свидница*, *Хотѣбузъ*, *Столпно*, *Колобрегъ*, *Краловецъ*, *Ртина*, *Звѣринъ* и т. д.

Понятно послѣ того, что для Чеха казалось бы оскорбительною бранью называть свои города — Брюнъ, Ольмюцъ, Лейтмерицъ, Кенигсгрецъ, Заацъ, Троппау, Егерндорфъ и т. п. въ то время, какъ для этихъ, до сихъ поръ населенныхъ Чехами или находящихся въ ихъ области, и только послѣ XVII—XVIII вѣк. онѣмеченныхъ городовъ, есть свои домашнія названія: Берно, Оломуцъ, Литомерице (Лютомирица), Градецъ Кралеве (Королевы), Жатецъ, Опава, Керновъ (Корневъ) и т. д. Что сказалъ бы Русскій, хотя бы то и необразованный, еслибъ ему предложили писать и говорить: Москау, Плескау (старое нѣмец-

кое названіе Пскова), Шлиссельбургъ (старый Орѣшекъ) и проч., переведенныя или исковерканныя на нѣмецкій ладъ слова, хотя до сихъ поръ Нѣмцы мало еще отваживались на измѣненіе чисто русскихъ названій? Если славный Берлинскій картографъ *Киперть* во всѣхъ своихъ публикаціяхъ, на картахъ не только Турціи и Кавказа, Восточной Индіи и Китая, но даже Австраліи, Полинезіи и Африки, возстановляетъ туземныя названія городовъ и мѣстностей, вмѣсто исковерканныхъ англійскихъ, испанскихъ и португальскихъ и т. д., руководствуясь при этомъ требованіями географической науки, отчего бы и Русскимъ не усвоить себѣ такой же строгости и точности въ географической номенклатурѣ, особенно когда дѣло касается славянства? Итакъ, *славянская взаимность и достоинство географической науки требуютъ возстановленія чистаго, первоначальнаго вида славянскихъ географическихъ названій* въ изданіяхъ о странахъ всѣхъ Славянъ, то-есть, какъ о тѣхъ краяхъ, которые до сихъ поръ удержали свое славянское населеніе, такъ равно и о тѣхъ, гдѣ оно смѣшалось съ другою народностію, или жило въ своихъ поселеніяхъ болѣе или менѣе въ тѣсномъ соединеніи съ иноплеменными народами, — однимъ словомъ, всюду, гдѣ Славяне жили или живутъ.

Если первая часть этого важнаго географическаго вопроса свободна отъ всякихъ возраженій и сомнѣній, то нельзя отвергать, что другая ея часть, то-есть, обновленіе старыхъ славянскихъ названій въ странахъ, теперь уже не-славянскихъ, должна имѣть свои межи или границы, согласно съ требованіями практическими и научными. Эта граница, которой нужно бы держаться при обновленіи славянскихъ мѣстныхъ названій втораго рода, опредѣляется сама собою.

Прежде всего не можетъ быть и рѣчи о возобновленіи славянскихъ географическихъ названій тѣхъ отчужденныхъ теперь отъ славянства мѣстностей, гдѣ эти названія не подтверждаются древними памятниками и вообще историческими свидѣтельствами, или гдѣ они возстановлены при помощи слишкомъ смѣлыхъ и недоказанныхъ филологическихъ гипотезъ, на основаніи какихъ-нибудь аналогій между существующимъ названіемъ мѣстности и соотвѣтствующими ему формами въ другихъ земляхъ. Съ другой стороны, для практическихъ цѣлей торговли и прочихъ промышленныхъ интересовъ представило бы нѣкоторыя неудобства возобновленіе въ народныхъ книгахъ, малыхъ картахъ и компендіяхъ утраченныхъ славянскихъ именъ въ не-славянскихъ уже краяхъ, если эти имена совершенно отличаются отъ теперешнихъ нѣмецкихъ по звуку и значенію; если же они имѣютъ

общее фонетическое или этимологическое происхожденіе, то ихъ можно сближать, поставляя, напримѣръ, радомъ съ теперешнимъ нѣмецкимъ прежнее старославянское. Такъ, напримѣръ, я писалъ бы на генеральныхъ картахъ Галле (въ прусской Саксоніи), Мекленбургъ, хотя славянскія названія этихъ городовъ *Добрагора*, *Рарогъ* доказаны исторически. Если одинъ городъ имѣетъ нѣсколько славянскихъ названій, то слѣдуетъ отдать преимущество новѣйшему и болѣе употребительному, если только оно не очень измѣнено и не совсѣмъ отличается, по своимъ звукамъ, отъ первоначальнаго. Если же различныя славянскія племена одинъ и тотъ же городъ называютъ разными именами (какъ, напримѣръ, *Вѣна*—у Чеховъ *Виденъ*, у Поляковъ—*Вѣденъ*, у Сербовъ — *Бечъ*, у Словинцевъ — *Дунай*), то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ удержать свое домашнее названіе, а гдѣ его нѣтъ,— названіе, употребляемое ближайшимъ славянскимъ племенемъ.

Можетъ здѣсь встрѣтиться еще много щекотливыхъ сторонъ и частностей; но разрѣшеніе ихъ я предоставляю филологамъ и практическому такту самихъ писателей.

Имѣя въ виду научную точность и достоинство знанія, я осмѣлился возвысить свой голосъ противъ этого злоупотребленія или дурной привычки, которую уже давно усвоили себѣ вмѣстѣ съ Русскими и Поляки, и устраненіе которой теперь, кажется, было бы очень кстати. Запоздалость Русскихъ въ этомъ отношеніи я оправдываю только тѣмъ, что до послѣдняго времени Россія имѣла очень мало литературныхъ и книжныхъ сношеній съ западными Славянами, не исключая и насъ, Чеховъ, которые издавна уже обратили вниманіе на проведеніе пуризма, какъ въ языкѣ вообще, такъ и въ частности въ географической номенклатурѣ. Что касается Словинцевъ, Хорватовъ и Сербовъ лужицкихъ, то при болѣе скромныхъ размѣрахъ ихъ литературной дѣятельности, число источниковъ для возстановленія славянской номенклатуры у нихъ гораздо ограниченнѣе и едва достаточно для возстановленія старыхъ названій только въ главныхъ частяхъ; для Югославянъ много сдѣлали въ этомъ отношеніи труды русскихъ ученыхъ.

Не желая однако ограничиваться простымъ указаніемъ этого, почти всеобщаго въ Россіи, недостатка, заключающагося въ замѣнѣ славянскихъ топографическихъ именъ нѣмецкими, я представляю здѣсь *списокъ всѣхъ наиболѣе доступныхъ и лучшихъ книгъ и картъ*, изъ которыхъ можно было бы извлечь точныя свѣдѣнія о подлинномъ видѣ славянскихъ географическихъ именъ, въ уцѣлѣвшихъ славянскихъ

ныи и утраченныхъ уже Славянами мѣстностяхъ и поселеніяхъ вообще, и австрійскихъ въ частности; я не касаюсь однако сборниковъ древнихъ актовъ и документовъ и т. д., которые изучаются большею частію для другихъ цѣлей и которыми уже воспользовались для географическихъ цѣлей, хотя далеко не въ такой мѣрѣ, чтобъ исчерпать все, что они могутъ дать для географическаго знанія и исторической географіи [1]).

II.

А. Чехія. Мое отечество располагаетъ наиболѣе богатыми, полными и обработанными уже источниками топографическихъ свѣдѣній. Но къ сожалѣнію, по недостатку издательской предпріимчивости, у насъ до сихъ поръ не было большихъ и полныхъ топографическихъ картъ, которыя на этотъ разъ были бы всего удобнѣе и сподручнѣе. Этотъ недостатокъ скоро будетъ устраненъ изданіемъ большой спеціальной карты Чехіи, которое приготовляетъ общество испытателей природы въ Чехіи, утвержденное постановленіемъ земскаго сейма 1863 года. Она удовлетворитъ требованіямъ пластичности рисунка и точности написанія. Уже поступила въ печать I секція этой карты: (Сѣверозападная Чехія).

а) *Книги:* 1) Описаніе Чешскаго королевства (Popis království Českeho), на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Приготовилъ и издалъ *Францъ Палацкій.* Прага. 1848 года. Это полный и точный списокъ всѣхъ поселеній въ Чешскомъ королевствѣ, по мѣстностямъ и областямъ, съ нѣмецкими и чешскими названіями. Сочиненіе вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ научнымъ и практическимъ.

2) „Čechy. Země a národ". Чешская земля и народъ. При содѣйствіи многихъ писателей составилъ д-ръ *Францъ Ригеръ.* Прага. 1863. — Книга эта особенно необходима для справокъ по орографіи и гидрографіи, и вообще это цѣлая чешская энциклопедія, которую стоило бы перевести на каждый литературный языкъ. Приложена карта съ указаніемъ этнографическихъ границъ.

3) „Topographicko-statistický slovník Čech". Топографически-статистическій словарь Чехіи. Издалъ Ортль и Сладекъ. Прага. 1860—1867.

---

[1]) Уважаемый авторъ высказываетъ здѣсь свою готовность принять даже на себя корректуру (безплатную) выходящихъ въ Россіи картъ и географическихъ книгъ, касающихся западныхъ Славянъ, съ условіемъ, что ему будетъ доставляемъ одинъ безплатный экземпляръ. *Ред.*

Вышло уже 10 выпусковъ. Хорошее сочиненіе въ чешскомъ, алфавитномъ порядкѣ, но статистическія данныя отчасти уже устарѣли [1]).

b) *Карты:* 1) Královstvi České. (Чешское королевство). Приготовилъ и издалъ при содѣйствіи Чешской Матицы Іосифъ *Иречекъ*. Прага. 1850. Съ этнографическими границами и этнографическимъ текстомъ. Масштабъ 1:560.000.

2) Ручная карта Чешскаго королевства. (Přiruční karta Království českého) *Б. Кожена* и *Іос. Ербена*. Оломуцъ. 1866. Масштабъ 1:600.000. Предназначена собственно для школъ, съ обозначеніемъ орографическихъ очертаній страны. Къ ней приложена висячая карта, составленная тоже мною и г. Коженою, въ масштабѣ 1:200.000.

3) „Mapa království českého". Карта Чешскаго королевства, изданная комитетомъ для изученія Чехіи (Терренъ — проф. Dr. К. *Коржистки*, — текстъ Іос. *Ербена*). Масштабъ 1:200.000. Первая секція (Сѣверо-западная Чехія) уже вырѣзывается.

Б. Моравія и Силезія (Слезско). Кромѣ офиціальнаго описанія страны 1855 г., по этому предмету нѣтъ особеннаго сочиненія, въ родѣ Палацкаго Описанія Чешскаго королевства. Съ топографіей этихъ странъ можно познакомиться изъ:

a) *Книгъ*. 1) Die Markgrafschaft Mähren, topographisch, statistisch und historisch geschildert von *Gregor Volný*. Brün. 1835—1846. VI томовъ. При описаніи поселеній всюду чисто-чешскія имена.

2) Topographie von Mähren von *Gr. Volný*. Brün. 1855—66. 11 томовъ съ указателями. Всюду чешскія имена.

---

[1]) При учрежденіи новой политической и судебной организаціи, проведенной въ 1850—55 г. во всѣхъ австрійскихъ земляхъ (и въ Угорщинѣ), составлены, по требованіямъ новыхъ правительственныхъ мѣстъ, — *офиціальные списки всѣхъ городовъ и мѣстечекъ въ каждой земли всей Австрійской имперіи*. Тамъ отмѣчены названія городовъ на всѣхъ земскихъ языкахъ и разстояніе отъ подвѣдомственныхъ округовъ и краевъ, съ указаніемъ числа населенія за 1851 годъ. Впрочемъ, изъ этихъ списковъ мнѣ знакомы только списки для Чехіи и Крайны, а потому я ихъ только слегка здѣсь касаюсь, припоминая, что они были обнародованы въ приложеніи къ земскимъ законникамъ. Они во всякомъ случаѣ могутъ служить важнымъ источникомъ топографіи, хотя форма именъ не всегда отличается въ нихъ грамматическою точностію.

Не менѣе важны для разузнанія настоящаго звука славянскихъ мѣстныхъ именъ — такъ-называемые директáры (directoria cleri), или схематизмы, то-есть, офиціальные отчеты, въ которые входятъ имена всѣхъ священниковъ приходскихъ и приписныхъ церквей, церковный календарь, и т. д. Эти отчеты ежегодно издаются во всѣхъ католическихъ епархіяхъ ихъ консисторіями, конечно, на латинскомъ языкѣ, но тамъ помѣщаются и славянскія имена всѣхъ приходскихъ селъ и пр.

b) „Mapa země Moravské a Slezské". Карта земли Моравской и Силезской, съ пограничными частями прусской Силезіи, Чехіи, Австріи и Угріи. — Составилъ и издалъ Ал. Войт. *Шембера*. Вѣна. 1863. Масштабъ 1:288.000. Съ текстомъ. — Это самая большая и точная чешская карта Моравіи, съ прекраснымъ орографическимъ чертежемъ.

3) „Korunné země Morava i Slezsko". Коронныя земли Моравія и Силезія. При содѣйствіи народнаго общества св. Кирилла и Меѳодія, издано въ Бернѣ 1850 г. въ типогр. Бушака и Тирганга. — Масштабъ 1:280.000. Неполная, но правильная.

В. Стирія. а) *Книги*. 1) Historisch-topographisches Lexicon von Steiermark von C. *Schmutz*. Grätz. 1822—23. Четыре части, со славянскими названіями городовъ.

2) Geschichte des Herzogthums Steiermark von Dr. A. von *Muchar*. Grätz. 1844—50. Damian und Sorga. — 5 частей. — 2-я часть стр. 36—86 содержитъ историческую топографію Штиріи въ X и XI в., и слѣдовательно, она имѣетъ особенную важность для возстановленія древнихъ мѣстныхъ названій въ верхней и средней Стиріи, которыя теперь уже онѣмечены.

3) Словинское землеописаніе (Slovensky Zemljopis)—издалъ П. *Козлеръ*. (Kozljer). Въ Вѣнѣ. 1853 г. Здѣсь собственно и этнографія всѣхъ Словинцевъ. — (На словинскомъ языкѣ).

b) *Карты:* Slovensky Zemljevid, издалъ П. *Козлеръ*. Вѣна (Dunaj). 1853. Это карта всѣхъ словинскихъ земель, то-есть, Стиріи, Хорутаніи, Крайны, Приморья, Истріи и Фурлянска (Фріуля) — въ масштабѣ 1:350.000, съ точными словинскими именами городовъ, горъ, рѣкъ и т. д.

Г. Хорутанія. а) *Книги:* 1) Alphabetisches Verzeichniss sämmtlicher Orte im Herzogthum Kärnthen. 1860. Klagenfurt (Цѣловецъ), bey Kleinmayr. (Со славянскими именами всѣхъ городовъ, на сколько они еще сохранились).

2) „Slovensky Zemljopis" — *Козлера*. (См. выше). 3) „Vévodstvi Korutany i Krajina". (Воеводства Хорутанія и Крайна etc.). Составилъ Іосифъ *Ербенъ*. Прага. 1865. Т. Кобра. 4) „Vojvodstvo Koroško v zemljepisnom, statističnem i zgodovinskem spregledu". Воеводство Хорутанское въ географическомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. По сочиненію Іос. Ербена. Составила и издала Словинская Матица въ Люблянѣ. 1866. (Это переводъ на словинскій языкъ моего сочиненія).

b) *Карта:* „Slovensky Zemljovid" — *Козлера* (см. выше).

Д. Крайна. a) *Книги:* 1) Alphabetisches Verzeichniss aller Ortschaften des Herzogthums Krain (по нѣмецки и словински) von H. *Freyer*. Laibach. 1846. I. Blaznik. Это собственно указатель къ большой спеціальной картѣ Крайны того же писателя, но старымъ правописаніемъ.

2) „Воеводство Хорутанія и Крайна" — Іос. *Ербена* (см. выше).

3) „Vojvodstvo Kranjsko v zemljepisnom, statističnem i zgodovinskem spregledu", — по сочиненію Ербена — издала Словинская Матица въ Люблянѣ. 1866. (Переводъ моего сочиненія).

b) *Карты:* 1) Spezialkarte des Herzogthums Krain von H. *Freyer*. Вѣна. 1846. — Со славянскими именами. Масштабъ 1:120.000.

2) Козлера „Zemljovid Slovensky".

Е. Для Горицы, Приморья, Истріи и Фурляноса (Фріуля) до сихъ поръ нѣтъ ничего, кромѣ сочиненій и картъ Козлера. Но славянскія названія можно найти на спеціальной картѣ Иллирскаго королевства, изданной при Австрійскомъ генеральномъ штабѣ. (Spezialkarte von Steiermark und Illyrien, herausgegeben vom österr. Generalstaabe. Масштабъ 1:144.000. И другая: Generalkarte von Illyrien. Масштабъ 1:288.000; но здѣсь мало измѣненій, кромѣ перемѣны нѣсколькихъ мѣстныхъ названій).

Ж. Угрія, Семиградье, Хорватія, Славонія и Военная Граница. a) *Книги:* Repertorium locorum objectorumque in XII tabulis mappae regni Ungariae, Slavoniae, Croatiae et Confiniorum Militarium, magni idem principatus Transylvaniae — occurentium, quas vulgavit S. *Lipsky de Sedlična*. Budae 1808. Typis reg. Universitatis Pesthinae. Это указатель (латинско-нѣмецко-мадьярскій и славянскій (чешскій) всѣхъ городовъ въ этихъ земляхъ въ родѣ текста къ большой картѣ того же географа [1]).

b) *Карты:* 1) Mapa generalis regni Ungariae etc. ab Joanne de Lipsky. Pesthini. 1806.

2) Mapa království uherského. Sestavil S. *Merklas*. (Издано при содѣйствіи Чешской матицы). Прага. 1847.

3) Administrativkarte von Ungarn, herausgegeben vom österreichischem Generalstabe. — Масштабъ 1:288.000. 17 картъ.

4) Strassenkarte von Kroatien und Slavonien — тоже изданіе штаба. Масштабъ 1:432.000.

[1]) Смотри также написанную мною статью «*Charvatsko*» въ «Научномъ Чешскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» — Т. III стр. 1116 и слѣд. Прага. 1863 г., и статью «Hranice vojenská» — тамъ же на стр. 919 и слѣд.

З. Далмація. a) *Книги:* Dalmazien in seinen verschiedenen Beziehungen von Fr. *Petter*. Gotha. Just. Perthes. 1857. — 2 тома и съ сербскими топографическими названіями [1]).

b) *Карта:* Spezialkarte des Königreichs Dalmazien. Herausgegeben vom österr. Generalstabe. Вѣна. 1864. Масштабъ 1:144.000. Славянскія названія (кромѣ названій городовъ) здѣсь нѣсколько измѣнены [2]).

И. Для земель нѣкогда Польской короны, предполагая достаточное знаніе въ Россіи касающихся Польши источниковъ, укажу только слѣдующія книги и карты.

1) Opisanie historyczne wielkiego księstwa Poznańskiego. Wyd. I. N. *Bobrowicsa*. Lipsk. 1846.

2) Karte von Galizien und Lodomerien von *Liesganigg*. Масштабъ 1:288.000. Лучше однако карта Кумерсберга — въ томъ же масшт. (тоже нѣмецкая, безъ террена).

3) Sprachkarte des preussischen Staates von R. *Boeckh*. Берлинъ. Д. Реймеръ. 1864 — 65 г. Сѣверная и южная части.

Относительно цѣлой Австрійской имперіи для означенныхъ цѣлей картографіи можетъ пригодиться большая и малая карты К. Чернига (Czoernig). (Вѣна. 1855 и 56 г.; этнографія его все еще недостаточно полна). Его же карта: General-Strassen und Ortskarte des österreichischen Kaiserstaats, herausgegeben bey *Artaria*. Вѣна. 1865. Славянскія названія здѣсь очень правильны.

Ср. также *І. Шеда* (Scheda's) Generalkarte des österreichischen Kaiserstaates на 20 листахъ (масштабъ 1:576.000). Вѣна. Артарія. 1856—67. До сихъ поръ вышло 17 картъ. Имена не вездѣ исправны.

І. Лужицкіе Сербы (и окрестные края). *Книги и карты:* 1) Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz, herausgegeben von G. *Haupt* und Joh. E. *Schmaler*. I часть. Grimma. 1841. Здѣсь приложена большая карта Верхней и Нижней Лужицы, а на стр. 286 и слѣд. краткая топографія этихъ земель.

2) Rys dziejów Serbo-Łużyckich przez W. *Bogusławskiego*. (Очеркъ исторіи Лужицкихъ Сербовъ). С.-Петербургъ, 1861. Съ двумя историческими картами и указаніемъ именъ на картѣ.

3) Lausitzisch-Wendisches Wörterbuch, verfasst von Prof. Dr. *Pfuhl*. Въ Дрезденѣ. Будишинъ. 1866. (Словарь сербско-нѣмецкій, но съ

[1]) См. также мою большую статью «*Dalmacie*» въ «Чешскомъ Научномъ Словникѣ». Т. II. стр. 15 — 34. Прага. 1862

[2]) См. также статью «*Halič*» въ «Научномъ Словникѣ» т. III. 1863. — Статья написана мною и проф. Запомъ (часть историч.).

нѣмецкимъ указателемъ всѣхъ городовъ лужицкихъ и другихъ сосѣднихъ, нѣкогда славянскихъ краевъ).

Что касается мѣстныхъ названій въ *странахъ нѣкогда славянскихъ* (какъ, напримѣръ, въ Верхней Стиріи, Тиролѣ, Верхней и Нижней Австріи, въ Баваріи, въ Саксонскихъ княжествахъ, въ Саксоніи, въ Бранденбургѣ, Помераніи, Мекленбургѣ, Голштиніи и Ганноверѣ), то я отсылаю читателя къ извѣстной „Славянской Народописи" *Шафарика* (1842. Прага. Съ картою), его же „Славянскимъ Древностямъ" (1 изд. 1836—37, 2-е изд. въ Прагѣ у Кобра. 1861—64), къ замѣчательнымъ сочиненіямъ Гильфердинга, особенно же къ „Научному Словнику" (Прага, 1860—67 г.; до сихъ поръ вышло 7 томовъ, а 8-й доведенъ до статьи Кочли,—выпускъ 13), который подъ редакціею Dr. Ригра и I. Малаго обращаетъ большое вниманіе на славянскую географію, и содержитъ много основательныхъ статей изъ области исторической славянской географіи.

Іосифъ Ербенъ,

проф. высшей реальной школы и доцентъ статистики въ Пражскомъ политехническомъ институтѣ.

Къ этой прекрасной замѣткѣ достопочтеннаго ученаго Чешскаго позволю себѣ прибавить нѣсколько словъ. Относительно такъ-называемаго Троединаго Королевства, то-есть, Корватіи, Славоніи и Далмаціи вышелъ недавно, вѣроятно по окончаніи статьи г. Эрбена, превосходный трудъ Хорватскаго статистика *В. Сабляра*—„Топографическій словарь королевствъ Далмаціи, Хорватіи и Славоніи. Загребъ. 1866 («Miestopisni Riečnik kraljevinach Dalmacije, Hervatske i Slavonije, uredio Vinko Sabljar, verhovni nadzornik c. k. financijalne straže. Orts-lexikon der Königreiche Dalmatien, Kroatien und Slavonien von Vincenz Sabljar, k. k. Finanz-Wach-Oberinspector. U Zagrebu 1866. Nakladom i brzotiskom A. Jakića. 8° XXIII + 540 стр.).

Для Угріи вообще сверхъ стараго труда *Корабинскаго*—Geogr. historisches u. Producten-Lexicon v. Ungarn, in welchem die vorzüglichsten Oerter des Landes in alphab. Ordnung angegeben. Pressburg. 1786—его же такой же словарь для Троед. корол. I т. Wien. 1789. и *Bredtzky*, Sam., Beiträge zur Topographie. d. Königr. Ungarn. 2 Aufl. Wien. 1805. 2 Bde.—Его же Neue Beiträge zur Topographie u. Statist. d. Königr. Ungarn. Wien. 1817.

Hornyansky Victor — Geogr. Lexicon d. Königr. Ungarn. Pest. 1858.

Fényes El. — Magyarorzág Geographiai Szótára, mellyben minden város, falu, és puszta körülmenyesen leiratik. Kiadta Fényes Elek. Pesten. 1851. 8° 2 ч.

Что же касается нашей литературы, то справедливость требуетъ замѣтить, что въ сочиненіяхъ нашихъ Славистовъ (Прейса, Срезневскаго, Водянскаго, Григоровича, Гильфердинга, Лавровскаго, Петровскаго) давно уже употребляется правильное написаніе славянскихъ мѣстныхъ именъ [1]). Особенно богатый въ этомъ отношеніи запасъ предлагаютъ переводы О. М. Бодянскаго „Народописи и Древностей“ Шафарика и замѣчательныя сочиненія: В. И. Григоровича „—Очеркъ ученаго путешествія по Европейской Турціи. Казань. 1848“ (*Учен. Зап. Каз. унив.* кн. III), гдѣ противъ А. Буэ исправлено много извѣстныхъ и не мало приведено новыхъ мѣстныхъ Болгарскихъ названій, и ученика почтеннаго профессора, нынѣшняго доцента Казанскаго университета г. Петровскаго— „Матеріалы для Славянской діалектологіи съ приложеніемъ образцовъ Славянскихъ нарѣчій“ (въ *Извѣст. и Учен. Зап. Каз. унив.* 1866). Въ этомъ весьма достойномъ трудѣ почти вездѣ сохранены мѣстныя Славянскія названія при опредѣленіи границъ и говоровъ каждаго Славянскаго нарѣчія. Нельзя не желать, чтобъ этотъ полезный трудъ поскорѣе появился отдѣльно. Относительно Босніи и Герцеговины сверхъ извѣстнаго сочиненія А. Ѳ. Гильфердинга (*Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ.* С.-Пб. 1859) важны въ этомъ отношеніи труды покойнаго францисканскаго фратра, горячаго Славянскаго труженика, Юкича: Zemljopis i poviestnica Bosne od Slavoljuba Bosňaka. U Zagrebu. Berzotiskom narodne tiskarnice dra Ljudevita Gaja. 1851. 8° XII + 164 стр. и его же Bosanski Prijatelj. časopis saderžavajuči potriebiete koristne i zabavne stvari. Učrednik I. F. Iukić Banjalučanin. U Zagrebu. 1850. 1851. 1861. Мнѣ извѣстны только три выпуска. Множество мѣстныхъ именъ находится въ любопытной статьѣ „Из описа Босне и Херцеговине“ (см. *Гласник Српског ученог друштва.* Книга III. Свеска XX (старога реда). У Београду у државној штампарији 1866. Стр. 265—404). Къ сожалѣнію, не вездѣ выдержано правописаніе сербскихъ мѣстныхъ именъ въ замѣчательномъ новѣйшемъ сочиненіи о Босніи австрійскаго полковника *Тёммеля — Thoem-*

[1]) Проф. В. В. Григоровичъ еще въ 1850 г. указывалъ на неправильность нашей современной географической номенклатуры и на тѣ часто безобразныя искаженія, коимъ она подвергалась у насъ съ Петра I. (См. *Изв. Имп. Р. Геогр. Общ.* 1850 г. с. 175 — 201).

mel, Gust., Geschichtliche, politische und topographisch-statistische Beschreibung des Vilajet Bosnien, das ist, das eigentliche Bosnien, nebst türkisch Croatien, der Herzegovina u. Rascien. Wien. 1867. Verlag von Alb. A. Wenedikt. 8° VI + 210 стр.

Относительно княжества Сербскаго необходимы: *Гавриловича*—Рѣчникъ Географ.-Статистични Сербіе. Београдъ. 1846., описанія отдѣльныхъ окружій, напечатанныя въ разныхъ книжкахъ *Гласника Сербскаго* и издаваемый Сербскимъ правительствомъ подъ редакціею г. *В. Якшича* Државописъ Сербіе (Statistique de la Serbie),—изъ економостатистичног отдѣленія Министерства Финансіе. У Београду. 1863. 1865.

Классическій словарь В. С. Караджича важенъ и въ этомъ отношеніи.

Для Моравіи, сверхъ указанныхъ г. Эрбеномъ большихъ трудовъ, можетъ пригодиться на первое время и полезная книжка г. *В. Брандля* Kniha pro každého Moravana, sepsaal Brandl. V Brně. 1863. 8° XIII + 335 стр.

Для Галичины особенно важны схематизмы и вмѣстѣ съ ними «Skorowidz wszystkich miejscowości położonych w królestwie Galicyi, Lodomeryi, jako téż w wielkiém księztwie Krakowskiém i księztwie Bukowinskiém pod względem politycznéj i sądowéj organizacyi kraju: wraz z dokładném oznaczeniem parafii, poczt i właścicieli tabularnych, ułożony porządkiem abecadłowym. Z mappą według nowego podziału. Lwów. Nakładem Karola Wilda, drukiem Kornela Pillera. 1855. 4° 267 стр.

То же по нѣмецки — Alphabetisch-geordnetes Verzeichniss d. Königreiche Galizien und Lodomerien, sowie des Grossherzogthums Krakau u. d. Herzogthums Bukowina u. s. w. Lemberg. 1855. 4°.

Столь важная для насъ, Русскихъ, Галичина понынѣ не имѣетъ вполнѣ удовлетворительнаго географическо-статистическаго описанія. Лучшимъ въ этомъ отношеніи трудомъ все-таки остается небольшая книжка *Ступницкаго:* Galicyja pod względem geographiczno-topographiczno-historycznym. Lwów. 1849. (и по нѣмецки), затѣмъ см. 1) *Kuropatnicki* — Geographija królestw Galicyi i Lodomeryi w r. 1786. (2 изд. 1858) и 2) L. i B. Galicyja pod względem geographiczno-statystycznym, politycznym i topographicznym opisana, w Krakowie. 1861. Считаемая у Поляковъ лучшимъ сочиненіемъ „Galicyja i Kraków pod panowaniem austryackiém. Paryż. 1853." и статья *Galicyja*, помѣщенная въ Польскомъ энциклопедическомъ словарѣ—„Encyclopedya powszechna. Warszawa. 1862. T. IX. C. 504 — 532. соч. К. Видмана — страдаютъ край-

нимъ Польскимъ пристрастіемъ, въ особенности относительно Русской народности и Польскихъ крестьянъ.

Въ этнографическомъ отношеніи появилось въ послѣднее время о Русскихъ въ Галичинѣ нѣсколько статей на нѣмецкомъ языкѣ, напримѣръ, *Циммермана* — Ein Beitrag zur Ethnographie Ost-Galiziens. Wien. 1858. (*Mitth. d. k. k. Geogr. Ges.* II. 3; по русски въ *Вѣстн. Геогр. Общ.* 1859.), и особенно *Р. Темпля* — Untersuchungen über die ältesten Bewohner u. Ansiedlungen auf d. nördlichen Karpathen-Terrasse, von Rud. Temple. (S. 83 — 100. *Mitth. d. k. k. Geogr. Ges.* Wien, 1865. Geographie Galiziens) и его-же — Die Gebirgsbewohner in Galizien. Beitrag zur Völkerkunde d. Kaiserthums Oesterreichs. (*Mitth. d. k. k. Geogr. Ges.* Wien. 1860. 537 — 50). Но всѣ эти статьи, особенно Темпля [1]), довольно поверхностныя и пустыя, не лишены ошибокъ, и нельзя не пожалѣть, что г. *Поповъ* въ статьѣ своей: „Русское населеніе по восточному склону Карпатъ. Гуцулы — Бойки — Лемки", сочиненіе Нила Попова. Москва. 1867 (въ *Изв. Моск. Унив.* и отдѣльно 8° 32 стр.) слишкомъ много пользовался послѣднею, плохою статьею Темпля и не имѣлъ подъ руками лучшихъ по этнографіи Галицкой Руси статей *Вагилевича: Bojkowé*, lid ruskoslowansky w Haličjch. Od Dalibora I. Wahylewiče. (*Časopis Česk. Mus.* 1841. C. 30 — 72) и особенно — *Huculowé*, obywatelé wychodnjho pohořj Karpatského. Od D. Jana Wahylewiče. (*Čas. Česk. Mus.* 1838. C. 475—498. 1839 C. 45—68). Напрасно также г. Поповъ называетъ этихъ Русскихъ горцевъ *Горалами*: ни сами себя, ни прочіе Русскіе въ Галичинѣ ихъ этимъ словомъ не называютъ. Это слово—Польское, только у Поляковъ произносится *Гураль, Гурали* (см. *Linde* — Góral) и по Русски было бы *Гораль, Горали*. Драгоцѣнныя этнографическія данныя, собранныя Вагилевичемъ, и его остроумная догадка, подкрѣпленная замѣчательными доводами, заслуживаютъ глубокаго вниманія не только Славистовъ вообще, но и изслѣдователей Русскихъ древностей. Мысль Вагилевича о томъ, что *Гуцулъ* есть Румунское слово отъ корня *Уз* или *Уц* и что Гуцулы суть ославянившіеся *Узы* (Половцы), должна бы быть вновь разсмотрѣна, самымъ основательнымъ образомъ, филологическимъ и историческимъ путемъ. При этомъ кстати напомнимъ статью г. Самчевскаго о Торкахъ, Берендѣяхъ и Черныхъ Клобукахъ въ *Архивѣ* Калачова. Кн. II, 3 отд., 83 — 106 стр.

---

[1]) Нѣсколько дальнѣе его статья — Die deutschen Colonien im Kronlande Galizien. Von Rud. Temple. (*Mitth. d. k. k. Geogr. Gesellsch.* Wien. 1860. S. 196—204). Да и она, Богъ вѣсть, на сколько самостоятельна.

Затѣмъ, сверхъ указанныхъ г. Поповымъ статей Я. Ѳ. Головацкаго и др., слѣдуетъ отмѣтить прекрасное, богатое данными, изслѣдованіе профессора Львовскаго университета г. Шмидта-Гёбеля, — Russinische Volks-Naturgeschichte. Von Dr. Schmidt-Goebel. (*Oesterreichische Revue.* 1865. Кн. 3. С. 197 — 204; Кн. 4. Стр. 192 — 198; Кн. 5. Стр. 196 — 210; Кн. 6. Стр. 197 — 208). Оно необходимо для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной словесности и миѳологическихъ остатковъ у Русской и прочихъ Славянскихъ народностей.

Полнѣйшій сборникъ Русско-Галицкихъ и Угорскихъ пѣсенъ, составленный преимущественно Я. Ѳ. Головацкимъ и друг., издается теперь О. М. Бодянскимъ въ *Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Древн.*

Пословицы и загадки Галицкой Руси собраны и изданы Ильевичемъ — Галицкіи Преповѣдки и загадки, зобраніи Григоріемъ Ильевичем. У Вѣдни. Напечатано черенками О. О. Мехитаристôв. 1841. 12°. VI + 124 стр. Дополненія къ нимъ у Миклошича (Slaw. Bibliothek. Wien. 1851. 1 Th. S. 264). Недавно одинъ изъ молодыхъ Русскихъ Галичанъ г. *Михалевичъ* доставилъ мнѣ прекрасный сборникъ Галицко-Русскихъ пословицъ, составленный покойнымъ отц. *Мих. Гнѣдковскимъ.* Сборникъ этотъ, Богъ дастъ, скоро появится въ *Запискахъ Отдѣл. Этнографіи Имп. Русскаго Геогр. Общества.*

Замѣтимъ, что одинъ изъ почтенныхъ Русскихъ тружениковъ г. *Венедиктъ Площанскій* давно уже собираетъ матеріалы для подробнаго описанія Русской Галичины, подъ заглавіемъ: „Описаніе топографическо-статистично-историческое Червонной Руси“.

Мы рѣшаемся подѣлиться съ читателями недавно полученными нами свѣдѣніями о томъ положеніи, въ которомъ теперь находится трудъ *В. М. Площанскаго,* и надѣемся, что необходимая помощь, въ которой онъ нуждается для успѣшнаго окончанія своего въ высшей степени полезнаго и важнаго сочиненія, будетъ ему подана изъ Россіи. „Во время болѣе возбужденной народной жизни у насъ, задумалъ и я принимать въ ней живое участіе по слабымъ своимъ силамъ, и тѣмъ быть полезну своему Русскому отечеству. Смотря на это сумное обстоятельство, что у насъ нѣтъ много дѣятелей на поприщѣ литературномъ, потому что насъ образуютъ на иностранныхъ языкахъ, я предпринялъ на свой счетъ собирать матеріалы, а то къ составленію полнаго описанія городовъ и прочихъ небольшихъ мѣстностей и странъ Австрійско-Галицкой Руси по отношеніямъ исторіи, топографіи и этнографіи, уважая таковое сочиненіе самымъ важнымъ въ настоящую пору“. Съ этою цѣлью г. Площанскій неоднократно обнароды-

валъ въ *Слові* (1861 № 87 и 1862 №№ 18 и 19) болѣе или менѣе подробныя программы вопросовъ съ приглашеніемъ къ Русскимъ священникамъ и другимъ образованнымъ людямъ доставлять ему нужные отвѣты. Въ настоящее время г. Площанскій получилъ болѣе 200 основательныхъ отвѣтовъ. Многія статьи его общирнаго описанія составлены имъ самимъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ въ его ежегодныя поѣздки по Галичинѣ. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ не позволяетъ почтенному изслѣдователю посвятить все свое время этому полезному труду. Казалось бы, онъ имѣлъ бы полное право расчитывать на поддержку и сочувствіе нашего Русскаго общества. Нельзя съ нимъ не согласиться въ томъ, что „Русь Галицкая, какъ часть великаго тѣла, не должна быть пренебрегаема въ это время; имѣетъ и она свою исторію, свои памятники и преданія, занимательныя для всякаго Русскаго человѣка" [1]).

Возвращаясь къ совершенно вѣрной мысли г. Эрбена о необходимости ввести въ Русскую географическую терминологію правильное употребленіе мѣстныхъ Славянскихъ названій, не можемъ не отмѣтить съ удовольствіемъ недавнее появленіе первой на Русскомъ языкѣ этнографической карты Славянскихъ народностей въ масштабѣ 1:4.200.000. Почтенный составитель ея заслуживаетъ особенной благодарности и за свою прекрасную попытку ввести въ Русскую картографію Славянскія мѣстныя названія. Но при той поспѣшности, къ которой онъ былъ вынужденъ для задуманнаго имъ окончанія карты къ открытію Московской этнографической выставки и при извѣстной неисправности нашихъ литографовъ, многоуважаемый составитель не избѣжалъ нѣкоторыхъ ошибокъ и неточностей въ правописаніи Славянскихъ мѣстныхъ именъ. Для 2-го изданія, какъ намъ извѣстно, составитель исправилъ эти промахи и опечатки. Но какъ эта карта уже у многихъ въ рукахъ, то не лишнимъ считаемъ здѣсь же указать и исправить важнѣйшія опечатки и невѣрности.

Такъ, въ Буковинѣ вм. *Черновецъ* чит. *Черновцы*, въ Галичинѣ вм. *Залатвина* чит. *Солотвина*, вм. *Куть* чит. *Кути*, вм. *Бѣлецъ* чит. *Белзъ*, вм. *Радымъ* чит. *Радымно*, вм. р. *Санъ* чит. р. *Сянъ*, вм. *Сятинъ* чит. *Сятынъ*, вм. *Залещикъ* чит. *Залещики*, вм. *Сандекъ* чит. *Сучъ* (по-русски) или *Сончъ* (по-польски), вм. *Переворскъ* чит. *Пршеворскъ* или *Преворскъ*, вм. *Ряшовъ* чит. *Ржешовъ* или *Решовъ*, вм.

---

[1]) О Науковомъ Сборникѣ, издаваемомъ Русскою Матицею во Львовѣ, и о замѣчательнѣйшихъ въ немъ статьяхъ мы скажемъ въ другой разъ.

Ясель чит. *Ясло*, вм. *Вадовець* чит. *Вадовицы*, вм. *Соколъ* чит. *Сокаль*, вм. *Томищевъ* чит. *Томашевъ*.

Въ землѣ Словенской (у Словаковъ въ сѣв. Угріи) вм. *Детва* чит. *Дѣтва* (въ Зволенской столицѣ), вм. *Тишолецъ* чит. *Тисовецъ*, вм. р. *Иполи* чит. р. *Иполь*.

Въ Чехіи вм. *Кутнигора* чит. *Кутнагора*.

Въ землѣ Словинской — вм. *Марбургъ* чит. *Мариборъ*[1]), вм. *Копрейницъ* чит. *Копривница* (нѣм. Kopreinitz), вм. *Краинъ* чит. *Крайнъ* или правильнѣе *Крайнь* (нѣм. Krainburg).

Въ Сербско-Хорватской землѣ, въ Славоніи — вм. *Вировитецы* чит. *Вировитица*; въ Босніи и Герцеговинѣ — вм. *р. Санъ* чит. *р. Сана*, вм. *Занскій мостъ* чит. *Санскій мостъ*, вм. *Кулушъ* чит. *Ключъ*, вм. *Гомильницъ* чит. *Гомилница* или *Гоміоница* (рѣка и при ней монастырь), вм. *Шебше* чит. *Жепче*, вм. *Высокій* чит. *Высоко*, вм. *Тушинъ* чит. *Тешань*, вм. *Каршумма* чит. *Куршумлія*, вм. *Сребреница* чит. *Сребрница*, вм. *Тручушна* чит. *Тргушина*, вм. *Лескавацъ* чит. *Лесковацъ*, вм. *р. Калубара*, чит. *Колубара*, вм. *Несецы* чит. *Несесинь*, вм. *Посцитель* чит. *Почитель*, вм. *Габа* чит. *Габела*, вм. *Нереодимла* чит. *Неродимль*; въ Сербіи — вм. *р. Зап. Морава* чит. *Сербская Морава* (въ противоположность *Восточной* или *Болгарской*), вм. *Гругавацъ* чит. *Гургусовацъ* или нынѣ *Княжевацъ*.

Въ землѣ Болгарской вм. *р. Вистрица* чит. *р. Быстрица* (впад. въ Эгейское море, на гран. Македоніи и Өессаліи), вм. *Пловдивъ* чит. *Пловдивъ* (Филиппополь).

Въ землѣ Греческой вм. *Ієнизагря* чит. *Ієнизагра*, вм. *Перестерія* чит. *Перистери*, вм. *р. Карасу* чит. *р. Карасу или Места*, вм. *о-въ Эввій* чит. *о-въ Еввія*, вм. *Колмата* чит. *Каламата*, вм. *Андруски* чит. *Андрицена* (въ Мореѣ), вм. *Канеа* и *Сфокіа* чит. *Канея* и *Сфакія* (на островѣ Критѣ).

Наконецъ, укажемъ и на Мадьярскія имена. Такъ, вм. *Кечкемедъ* чит. *Кечкеметъ* (мадьярск. Kecskemét), вм. *Симонторица* чит. *Шимонторня* (м. Simontornya), вм. *Шекшардъ* чит. *Сексардъ* (м. Szekszard), вм. *Ходзньцъ Вашаргель* чит. *Вашархель* (м. Vasarhely Hodmezö), вм. *Орасигаза* чит. *Орошгаза* (м. Oroshaza), вм. *Саттмар-Немечи* чит. *Сатмаръ-Нѣмети* (м. Szatmar-Németi), вм. *Бол. Эгихажа* чит. *Эдьгаза* (м. Egyhaza), вм. *Бол. Шигетъ* чит. *Сигетъ* или *Сигетъ* (м. Sziget), вм. *Лугашъ* чит. *Лугошъ*.

---

[1]) На картѣ по ошибкѣ помѣщены и *Мариборъ* и *Марбургъ*, какъ 2 особые города.

Въ нашей періодической печати, кстати сказать, Мадьярскія имена, личныя и мѣстныя, передаются всегда почти ошибочно и иногда уродуются странно (напр. *Андрашъ* вм. *Андраши*). Все это отъ незнанія Мадьярскаго правописанія, въ которомъ *gy* = дь, *ly* = ль, *ny* = нь, *ty* = ть, *cs* = ч, *zs* = ж, *s* = ш, *sz* = с, *ü* = франц. u, *ö* = франц. eu. Слѣдуетъ еще прибавить, что во многихъ собственныхъ именахъ удерживается старое правописаніе, такъ вм. *á* пишется *aa*, напримѣръ, *Gaal*, — *ew*, *eo*, *eö* вм. *ö*, напримѣръ, *Dessewfy* — *Дешёфи*, *Georch* — *Гёрчъ*, *Eötvös* — Этвёшъ; также еще употребляютъ *oo* вм. *ó* напримѣръ, *Soos* — Шошъ, *y* вм. *i*, напримѣръ, *Geray* — Гарай, *Károly* — Кароли; *gh* вм. *g*, напримѣръ, *Balogh* — Балогъ, *th* вм. *t*, напримѣръ, *Toth* — Тотъ, *w* вм. *v*, напримѣръ, *Warga* — Варга, также *ch* или *cz*, или *ts* вм. *cs*, напримѣръ, *Zichy*, *Czerghéö*, *Dugonits* — Зичи, — Черге, Дугоничь.

Вообще, смѣемъ думать, какъ географическій, такъ и историческій отдѣлъ Русской литературы долженъ быть совершенно переработанъ, или лучше сказать, вновь созданъ, относительно всего что касается Славянскихъ земель Турціи, Австріи, Саксоніи и Пруссіи. Было бы въ высшей степени желательно, чтобъ явились у насъ предпріимчивые и образованные издатели, которые взялись бы за дѣло добросовѣстно и поручили изготовленіе географическихъ, этнографическихъ и историческихъ описаній Славянскихъ земель людямъ дѣйствительно свѣдущимъ, а не такимъ, что теперь изготовляютъ намъ исторію Болгаръ по сочиненіямъ Венелина, Ригра (?) и проч. Какъ тутъ не пожалѣть и не пожелать намъ опять незабвеннаго графа Румянцова! Въ настоящее время Россіи, Русской литературѣ открывается великое и блистательное поприще, сумѣй только она въ пору понять свое призваніе. Изданіемъ, напримѣръ въ свѣтъ подробнаго, обширнаго и роскошнаго творенія, въ родѣ полной Славянской энциклопедіи, посвященной всему Славянскому міру, совершенной съ участіемъ всѣхъ ученыхъ Славянскихъ, или другими обще-Славянскими учеными предпріятіями, Россія и можетъ и должна достойно занять принадлежащее ей по исторіи мѣсто въ средѣ Славянскихъ народовъ. Такими только памятниками науки, посвященными Славянскому дѣлу и одушевленными идеею Славянскою, можетъ и долженъ Русскій языкъ распространиться во всѣхъ отдаленныхъ углахъ Славянскаго міра.

Прежде всего для этого Россія должна позаботиться о заведеніи и устройствѣ у себя возможно-полныхъ Славянскихъ библіотекъ. Въ этомъ отношеніи и наша Императорская Публичная Библіотека неудовлетво-

рительна. Нынѣ всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе неимѣніе особаго спеціальнаго Славянскаго отдѣленія въ этой библіотекѣ. Вслѣдствіе того, что Славянскія книги, печатаемыя латиницею, распредѣляются, смотря по содержанію, по различнымъ иностраннымъ отдѣленіямъ, и того, что ни въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ нѣтъ лицъ, свѣдущихъ въ Славистикѣ, за исключеніемъ одного въ Польской литературѣ, столь важный для Россіи отдѣлъ Славянскихъ литературъ нуждается въ значительныхъ пополненіяхъ. Такой существенный недостатокъ не мало препятствуетъ успѣхамъ Славистики въ Россіи, между тѣмъ какъ Россія въ этой отрасли знанія должна стоять въ челѣ всѣхъ другихъ странъ и народовъ. Смѣемъ надѣяться, что просвѣщенное начальство Публичной Библіотеки обратитъ на этотъ предметъ свое заботливое вниманіе. Но пока будетъ образовано въ ней особое Славянское отдѣленіе, желательно по крайности, чтобы теперь же было приступлено къ переписанію на карточки заглавій всѣхъ имѣющихся въ различныхъ отдѣленіяхъ Библіотеки Славянскихъ и до Славянства относящихся сочиненій. Тогда стало бы извѣстно, что имѣется въ Библіотекѣ и чего ей недостаетъ. Многое бы можно было и теперь пріобрѣсть безъ особенно великихъ пожертвованій, тогда какъ со временемъ неминуемо должны вздорожать различныя, сами по себѣ недорогія, изданія. Частное лицо не можетъ предпринять этого дѣла, а для Библіотеки оно не могло бы стоить очень дорого. За сравнительно небольшую сумму очень легко могли бы переписать на карточки заглавія указанныхъ выше сочиненій знающіе и добросовѣстные молодые люди, окончившіе или слушающіе курсы на филологическомъ факультетѣ и знакомые съ Славянскими нарѣчіями и словесностями. Послѣ этого можно было бы приступить къ таковому же описанію библіотекъ Академіи Наукъ, Университета, Генеральнаго Штаба (гдѣ находится важная во многихъ отношеніяхъ библіотека И. П. Липранди) и проч.

Только послѣ подобнаго труда и по ожидаемомъ образованіи и пополненіи Славянскаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки можно и должно будетъ приступить къ изданію въ свѣтъ подробной и полной Славянской библіотеки, „Bibliotheca Slavica“, которая бы обнимала весь міръ Славянскій внѣ Россіи. Потребность такого изданія въ высшей степени чувствительна для Славистовъ. Какъ на попытки къ ея удовлетворенію, можно указать на библіотеку гр. Залусскаго, музей гр. Румянцова, на библіотеку и каталогъ Черткова, на изданіе каталоговъ библіотеки Шафарика, Кукулевича-Сакцинскаго. Библіотека И. П. Липранди, нынѣ въ Генеральномъ Штабѣ,

содержитъ для Славистовъ много драгоцѣннаго, особенно по отдѣламъ Турціи и Угріи. Въ этомъ же отношеніи весьма важны каталоги и описанія *Яноцкаго* — библіотеки гр. Залусскаго (Janociana), *Беркгольца* — литографированный каталогъ отдѣленія иностранныхъ писателей о Россіи въ Публичной Библіотекѣ, каталогъ библіотеки гр. Сѣчени (Catalogus Bibliothecae Hungaricae Szeczenyiano-Regnicolaris. Posonii. 1799—1803. 8° 5 том.

Эти труды, содержащіе много важнаго для Славистовъ, напрасно, кажется, упущены изъ числа библіографическихъ указателей въ статьѣ г. Леонтовича (*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1867, августъ) вмѣстѣ съ дополненіемъ къ исторіи литературы Юнгманна, составленнымъ трудолюбивымъ *Фр. Доухою* (Knihopisný Slovník Česko-Slovenský aneb seznam kněh, drobných spisuw, map, obrazných a hudebných věcí, vyšlých v jazyku národu Česko-Slovenského od r. 1774 až do nejnovější doby. Vydal *Fr. Doucha,* přispěním *J. A. Dundra* a *Fr. A. Urbanka.* V Praze. 1868. 8° 320 стр.)

Указатель г. Леонтовича, какъ первый у насъ опытъ въ этомъ родѣ, заслуживаетъ глубокой признательности и есть лишь новое доказательство трудолюбія этого основательнаго и даровитаго ученаго, отъ котораго Русская литература въ правѣ ожидать еще много важныхъ трудовъ по столь слабо у насъ разработанному Славянскому праву. Но, составляя свой указатель въ городѣ, гдѣ нѣтъ большихъ библіотекъ, именно въ Одессѣ, авторъ невольно былъ принужденъ отмѣчать сочиненія нерѣдко по чужимъ указаніямъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, отчего вкрались неизбѣжные и немаловажные пропуски и промахи, которые всего лучше могутъ быть исправлены и пополнены изданіемъ упомянутаго каталога всѣхъ имѣющихся въ Публичной Библіотекѣ Славянскихъ и до Славянства касающихся сочиненій съ дополненіями, составленными по библіотекамъ Академіи Наукъ, университета, генеральнаго штаба, географическаго и археологическаго обществъ, и даже частныхъ собраній, напримѣръ, И. И. Срезневскаго, А. А. Куника, А. Ѳ. Гильфердинга и др.

В. Ламанскій.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

V. ФИЛОСОФІЯ.

Статья *Поля Жане* по поводу вновь открытыхъ сочиненій Спинозы и вообще современныхъ воззрѣній на его философію. — Новыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Спинозы къ его ученикамъ. — Трактатъ Спинозы „о Богѣ, человѣкѣ и его благополучіи". — Отношеніе его къ позднѣйшей „этикѣ". — Вліяніе Спинозы на теологію въ Голландіи. — Послѣдователи Спинозы и ихъ философско-религіозныя системы. — Былъ ли Спиноза атеистъ въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно понимаютъ? — Вопросъ о подлинности сочиненій Платона, разобранный *Шааршмидтомъ*. — „Исторія философіи въ средніе вѣка" доктора Алб. *Штекля*. — „Очеркъ исторіи новѣйшей философіи" Эд. *Эрдманна*. — „Философія XVIII столѣтія" *Ф. Лорана*. — Книга *Кремеціо* „О философскихъ школахъ". — „Опытъ научной логики" *Дельбёфа*. — „О пространствѣ, космологическое разсужденіе" *П. Паганини*. — „О самостоятельномъ достоинствѣ знанія" *О. Рокитанскаго*. — Книга американца *Уипля*: „Характеръ и характеристичные люди".

Еще въ 1862 году было открыто и обнародовано въ Голландіи одно неизвѣстное сочиненіе Спинозы, а именно „Трактатъ о Богѣ, человѣкѣ и его благополучіи" [1]). Вмѣстѣ съ неизданными еще письмами Спинозы, трактатомъ его о радугѣ, который считался потеряннымъ, замѣтками о его жизни и латинскимъ переводомъ означеннаго трактата съ голландскаго текста, это сочиненіе было издано тогда голландскимъ ученымъ фанъ-Флотеномъ, подъ заглавіемъ: „Ad Benedicti de Spinosa opera, quae supersunt omnia, supplementum". Тогда же вышли въ Голландіи и Германіи нѣкоторыя другія изданія по тому же поводу, заглавія которыхъ приведены ниже въ выноскѣ. Но это открытіе, какъ кажется, не было замѣчено съ разу учеными, и только въ недавнее время стали появляться въ другихъ европейскихъ странахъ сочиненія, снова обратившія вниманіе на знаменитаго философа и стремящіяся, на основаніи сдѣланныхъ открытій, лучше оцѣнить во-

---

[1]) «Over God, den mensch, en deszels welstand».

общее философское значеніе Спинозы. Вслѣдъ затѣмъ въ иностранной прессѣ появились и журнальныя статьи, имѣющія въ виду ту же задачу, такъ что, можно сказать, открытіе, сдѣланное еще въ 1862 году, окончательно огласилось лишь въ самое недавнее время. Къ числу журнальныхъ статей вышеупомянутаго характера принадлежитъ и статья *Поля Жане*, напечатанная во 2-й іюльской книжкѣ *Revue des deux Mondes*, съ выводами которой мы и хотимъ познакомить читателей. Источники, которыми пользовался авторъ при составленіи статьи, были именно тѣ голландскія изданія 1862 года, о которыхъ сказано выше, и одно недавнее французское сочиненіе[1]). Впрочемъ, это только главнѣйшіе источники, указанные почтеннымъ авторомъ; что же касается вообще библіографіи спинозизма, то онъ рекомендуетъ въ этомъ отношеніи трудъ фанъ-деръ-Линде, въ которомъ она перечислена вполнѣ до 1862 года, и затѣмъ сочиненіе *Ибервега* — „Grundriss der Geschichte der Philosophie, dritter Theil, Berlin, 1866", въ которомъ перечислены и позднѣйшія сочиненія. Перейдемъ, однако, къ содержанію самой статьи Поля Жане.

Обнародованныя недавно въ Голландіи сочиненія Спинозы не представляютъ, по мнѣнію г. Жане, какихъ-либо особенно новыхъ обстоятельствъ изъ жизни философа, но за то они содержатъ весьма интересныя свидѣтельства объ отношеніяхъ Спинозы къ его ученикамъ. Оказывается, что эти послѣдніе составляли замкнутый кружокъ молодыхъ людей, которые, подъ духовнымъ руководительствомъ самого философа, искали не только знанія, но также и счастія, мира души, спасенія. „Это былъ, по словамъ Жане, родъ небольшой церкви и притомъ церкви секретной, въ тайны которой не всѣ были посвящаемы". По крайней мѣрѣ такой выводъ неизбѣжно вытекаетъ изъ многихъ писемъ къ Спинозѣ его учениковъ. Приведемъ хоть слѣдующее мѣсто изъ письма къ Спинозѣ одного изъ любимыхъ учениковъ его, Симона-де-Фриса (de Vries), писаннаго изъ Амстердама въ то время, когда Спиноза жилъ въ деревнѣ. Въ отсутствіи учителя общество учениковъ образовало нѣчто въ родѣ конференціи, постоянно занимавшейся толкованіемъ и развитіемъ словъ учителя. Объ

[1]) I. *Ad Benedicti de Spinoza opera quae supersunt omnia supplementum*; Amsterdam, Frid. Müller, 1862. — II. *Baruch d'Espinoza zijn leven en schriften in verband met zijnen en onzen tijd*, door J. Van Vloten; Amsterdam, Frid. Müller, 1862. — III. *Spinoza, seine Lehre und deren erste Nachwirkungen in Holland*, von Van der Linde; Goettingen 1862. — IV. *Spinoza et le naturalisme contemporain*, par M. Nourrisson; Paris, 1866.

этихъ-то работахъ пишетъ де-Фрисъ въ слѣдующихъ словахъ: „Что касается нашей конференціи, то вотъ на какихъ основаніяхъ она устроена: каждый изъ насъ, поочереди, читаетъ твой трактатъ и комментируетъ его по своему разумѣнію и въ томъ же порядкѣ, какъ изложены тамъ твои положенія; затѣмъ, если случится, что одинъ не удовлетворяетъ другаго, мы рѣшились записывать сомнительный пунктъ и отсылать его къ тебѣ для того, чтобы разъяснять наши сомнѣнія, и для того, чтобы съ твоею помощью мы могли защищать истину противъ зараженныхъ предразсудками и противъ христіанъ и выдерживать нападеніе цѣлаго свѣта".

Для того, чтобы показать, какъ недовѣрчивъ и осторожевъ былъ Спиноза въ принятіи къ себѣ довѣренныхъ учениковъ и въ посвященіе постороннихъ въ таинства своего ученія, хотя онъ и жилъ въ странѣ, пользовавшейся въ то время сравнительно наибольшею свободой, мы приведемъ слѣдующій случай, который интересенъ еще и потому, что представляетъ намъ столкновеніе двухъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Между учениками Спинозы былъ нѣкто баронъ Чирнаусъ (Tschirnaus), Нѣмецъ, благороднаго происхожденія, посвященный во всѣ тайны его ученія. Не довольствуясь, однако, однимъ учителемъ, онъ много путешествовалъ, отыскивая повсюду просвѣщенія. Во время пребыванія своего во Франціи онъ познакомился, между прочимъ, съ Лейбницемъ, отъ котораго пришелъ въ восхищеніе и пожелалъ посвятить его въ тайное ученіе, котораго самъ былъ адептомъ. Онъ написалъ объ этомъ къ другимъ ученикамъ Спинозы въ Голландію, и Симонъ-де-Фрисъ вызвался сообщить объ этомъ учителю. „Другъ нашъ Чирнаусъ, говорится въ его письмѣ, пишетъ намъ, что онъ встрѣтилъ въ Парижѣ человѣка замѣчательнаго ума, знакомаго со всѣми науками и *свободнаго отъ грубыхъ теологическихъ предразсудковъ*. Онъ называется Лейбницъ; другъ нашъ сблизился съ нимъ. Онъ находитъ его весьма сильнымъ въ нравственной наукѣ и способнымъ разсуждать о вещахъ безъ всякой страстности и единственно при помощи свѣта разума. Что касается физики, въ особенности метафизики, или идей о Богѣ и душѣ, то онъ, по словамъ Чирнауса, весьма свѣдущъ въ этихъ предметахъ. Однимъ словомъ, онъ считаетъ его достойнымъ сообщенія ему, съ вашего позволенія, вашихъ сочиненій".

Любопытный отвѣтъ Спинозы такъ и дышетъ недовѣріемъ. „Мнѣ кажется, что я знаю, по нѣкоторымъ письмамъ, Лейбница, о которомъ вы говорите; но почему, будучи совѣтникомъ во Франкфуртѣ, онъ находится въ настоящее время во Франціи? Этого я не знаю.

Сколько я могу судить по его письмамъ, онъ кажется мнѣ человѣкомъ съ либеральнымъ умомъ и большими знаніями. Но все-таки я считаю неблагоразумнымъ сообщить ему такъ скоро мои сочиненія. Я бы желалъ узнать прежде, что онъ дѣлаетъ во Франціи, и дождаться, чтобы нашъ другъ Чирнаусъ высказалъ о немъ свое мнѣніе, ближе познакомившись съ нимъ и узнавъ лучше его характеръ". Въ послѣдствіи, какъ извѣстно изъ собственныхъ словъ Лейбница въ его *Теодицеѣ*, онъ, будучи въ Голландіи, познакомился съ Спинозою, „отъ котораго узналъ нѣсколько хорошихъ анекдотовъ изъ событій того времени". Отсюда можно, кажется, заключить, что Спиноза и при свиданіи былъ также остороженъ относительно сообщенія своего ученія и ограничился бесѣдою о современныхъ дѣлахъ.

Самою капитальною вещью изъ вновь обнародованныхъ сочиненій Спинозы должно считать, безъ сомнѣнія, упомянутый уже выше „Трактатъ о Богѣ, человѣкѣ и т. д.", который представляетъ не что иное, какъ первоначальный, подробный очеркъ позднѣйшей Этики Спинозы. Отказываясь отъ обстоятельнаго и подробнаго сличенія первой редакціи Этики съ окончательнымъ трудомъ, Поль Жане останавливается, однако, на нѣкоторыхъ, наиболѣе рѣзкихъ различіяхъ. Мы послѣдуемъ за нимъ въ этомъ анализѣ.

Прежде всего бросаются въ глаза различія между „Трактатомъ" и „Этикою", касающіяся формы и плана труда. Въ отношеніи первой явно, что въ „Трактатѣ" Спиноза не успѣлъ еще усвоить того математическаго способа изложенія, какой мы встрѣчаемъ въ „Этикѣ" и который, въ этой послѣдней, есть очевидно навязанный, а не необходимо вытекающій изъ сущности предмета. Переходя къ объему и плану обеихъ сочиненій, легко убѣдиться, что Этика есть только развитіе вновь открытаго „Трактата", съ тою, однако, особенностью, что глава о Богѣ (первая, какъ извѣстно, изъ пяти главъ „Этики") представляетъ въ „Трактатѣ" почти одинаковый объемъ и то же существенное содержаніе, какъ и въ „Этикѣ", но за то содержаніе остальныхъ четырехъ главъ „Этики" (душа, страсти, рабство, свобода) въ „Трактатѣ" изложены сжато и неполно, во второй его части. Отсюда очевидно, что идеи Спинозы въ промежутокъ времени между первымъ и окончательнымъ трудомъ значительно расширились во всемъ, что касается человѣка, оставшись почти тѣми же относительно Божества.

Не входя далѣе во всѣ мелочи различій, представляемыхъ „Трактатомъ" и „Этикою", мы остановимся, однако, на двухъ пунктахъ,

которые кажутся намъ довольно характерными для уразумѣнія развитія самаго ученія Спинозы. Въ раннемъ своемъ сочиненіи, въ которомъ вообще замѣтнѣе преобладающее вліяніе Декарта, Спиноза, вмѣстѣ съ этимъ философомъ, признаетъ шесть основныхъ страстей и считаетъ *удивленіе* первою изъ нихъ и корнемъ остальныхъ пяти: любви, ненависти, желанія, радости и печали. Напротивъ, въ окончательномъ своемъ сочиненіи, гдѣ вообще нельзя уже не видѣть другихъ, кромѣ Декарта, вліяній на Спинозу, онъ признаетъ только три основныя страсти: желаніе, радость и печаль.

Другой пунктъ касается главы: „О дьяволахъ“, опущенной въ послѣдствіи въ „Этикѣ“, но оказавшейся нынѣ въ „Трактатѣ“. Спиноза, которому чуждо было христіанское ученіе и который отрекся и отъ іудаизма, отрицаетъ существованіе дьявола. „Дьяволъ, говоритъ онъ, сообразно идеѣ, какую обыкновенно составляютъ о немъ, есть существо мыслящее (духъ), который ничего добраго не желаетъ и не дѣлаетъ и который находится въ постоянномъ возмущеніи противъ Бога. Но эта идея сама въ себѣ заключаетъ противорѣчіе. Такъ какъ дѣйствительность, реальность каждой вещи находится въ соотвѣтствіи съ ея совершенствомъ, то какимъ образомъ могъ бы существовать дьяволъ и притомъ существовать вѣчно, не имѣя вовсе никакого совершенства? Кромѣ того продолжительность и прочность каждой мыслящей вещи зависятъ отъ связи ея съ Божествомъ; но дьяволъ, по опредѣленію, не представляетъ никакой связи съ Божествомъ; слѣдовательно, онъ не можетъ существовать. Наконецъ, какую нужду имѣемъ мы предполагать существованіе демоновъ послѣ того, какъ уже успѣли изъяснить причины всѣхъ нашихъ страстей?“

Отъ этихъ краткихъ замѣтокъ о вновь открытомъ трактатѣ Спинозы и его связи съ позднѣйшею Этикою, перейдемъ къ другимъ сторонамъ дѣла, на которыя бросаютъ новый свѣтъ изданная также вновь переписка Спинозы и изслѣдованія, сдѣланныя по этому случаю голландскимъ ученымъ фанъ-деръ-Линде.

Выше мы уже имѣли случай замѣтить, что Спиноза съ своими учениками успѣлъ образовать въ Голландіи родъ маленькой церкви или философской и религіозной секты, имѣвшей не маловажное значеніе. До нѣкоторой степени это было извѣстно и прежде, по крайней мѣрѣ мы знали имена главнѣйшихъ учениковъ Спинозы: Луи Мейера, Бреденбурга, Авраама Куфенера и Чирнауса. Но до изданія сочиненія фанъ-деръ-Линде мы почти ничего не знали о вліяніи Спинозы на теологію въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія; —

вліянія, проявлявшееся не съ профессорскихъ, но съ церковныхъ каѳедръ. Мы узнаемъ теперь о существованіи въ эту эпоху въ Голландіи особой религіозной секты, которую можно назвать христіанскимъ спинозистскимъ и которая, хотя не отличалась особою многочисленностью и значеніемъ, но во всякомъ случаѣ представляетъ интересный эпизодъ изъ философской и религіозной исторіи Голландіи. Сочиненіе фанъ-деръ-Линде знакомитъ насъ не только съ именами и біографіями главнѣйшихъ распространителей и приверженцевъ этой секты, но и съ главнѣйшими основами ихъ ученія. Мы предполагаемъ сообщить читателю нѣкоторыя изъ интереснѣйшихъ сторонъ развитія и ученія этой полуфилософской и полурелигіозной секты, при чемъ обнаружится и новое значеніе самой „Этики" Спинозы, на которую отнынѣ приходится уже смотрѣть, не какъ на отвлеченную только и чисто спекулятивную теорію, а какъ на практическое нравственное ученіе, какъ на трактатъ о достиженіи высшаго блага. Но для того, чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ дальнѣйшее изложеніе, мы должны коснуться, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, вообще исторіи теологіи въ Голландіи, въ XVII вѣкѣ.

Въ 1603 году, Арминій (Arminius), профессоръ Лейденскаго университета, основалъ *арминіанизмъ*, ученіе, склонявшееся къ пелагіанизму, то-есть, къ признанію свободной воли человѣка въ противоположность ученію о первобытномъ грѣхѣ. Противникъ его Гомаръ (Gomar), также профессоръ въ Лейденѣ, защищалъ Кальвиново и православное ученіе, и ученики его получили названіе *гомаристовъ* или *супра-лапсаристовъ* (крайніе приверженцы ученія о грѣхопаденіи). Послѣ того какъ, въ 1610 году, арминіане представили голландскимъ штатамъ объясненія (remontrances), гдѣ было изложено ихъ ученіе, они получили названіе *ремонстрантовъ*, а противники ихъ именовались *контра-ремонстрантами*. Въ 1618 году арминіанизмъ былъ на время подавленъ Дордрехтскимъ соборомъ, на которомъ преобладали гомаристы, принадлежавшіе въ политическомъ отношеніи къ партіи оранжистовъ; но позднѣе, когда поднялась буря по поводу философіи Декарта, вновь началась борьба тѣхъ же партій лишь подъ другими именами. Воэтъ, профессоръ въ Лейденѣ, возсталъ противъ новой философіи, и его партія получила названіе *воетіанцевъ*. Другой профессоръ Лейденскій, Кокцей, защищалъ философію Декарта и вообще допускалъ болѣе широкое и свободное толкованіе Священнаго Писанія; *кокцейанизмъ* былъ такимъ образомъ для своего времени чѣмъ-то въ родѣ раціонализма. Секта Спинозы и его учениковъ и привер-

женцевъ принадлежала къ этой послѣдней партіи по свободомыслію, но относительно свободной воли она склонялась къ наибольшимъ крайностямъ ученія о предопредѣленія.

Первымъ представителемъ этого теологическаго спинозизма былъ Фридрихъ фонъ-Леенгофъ, родившійся въ Миддельбургѣ въ 1647 году и умершій въ 1712 году. Главнѣйшее изъ сочиненій его, вышедшее въ 1703 году, называлось: „Небо на землѣ, или краткое и ясное описаніе истинной радости, столь же согласной съ разумомъ, какъ и съ священнымъ писаніемъ“. Теологи обѣихъ враждебныхъ партій, о которыхъ говорено было выше, согласились между собой въ осужденіи спинозизма, высказаннаго въ этомъ сочиненіи, признавая „истинную радость“ за апатическую покорность слѣпому року. Не смотря, однако, на возникшее преслѣдованіе Леенгофа, вслѣдствіе котораго онъ былъ даже исключенъ изъ реформистскаго духовенства, къ которому принадлежалъ, онъ продолжалъ свою проповѣдь до 1710 года, когда самъ устранился отъ публичной дѣятельности. Изъ наиболѣе крупныхъ чертъ спинозизма, какъ онъ высказывается у Леенгофа, мы приведемъ лишь наиболѣе рельефныя черты. Мудрость, по ученію Леенгофа, есть сознаніе безусловной необходимости и свободное подчиненіе неизбѣжному. Грѣхъ, проступокъ, спасеніе и вообще всѣ нравственныя идеи понимаются имъ совершенно въ иномъ смыслѣ противъ общепринятаго. Печаль, по мнѣнію его, есть рабство, ибо она есть непризнаніе неизбѣжныхъ законовъ нашего существа. Леенгофъ и конечно, Спиноза, котораго ученій онъ былъ лишь выразителемъ, принимали, безъ сомнѣнія, и всѣ послѣдствія ученія, котораго основныя черты мы сейчасъ привели. Не должно было, по ихъ мнѣнію, оплакивать друга, потому что „друзей можно найти повсюду“, ни мужа или жены, потому что „нельзя быть въ бракѣ вѣчно“. Да и, наконецъ, „къ чему послужатъ слезы?“ — говоритъ Леенгофъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что выраженное имъ ученіе онъ считалъ нисколько не отступающимъ отъ истиннаго смысла христіанства.

Другой изъ знаменитыхъ спинозистовъ той же эпохи былъ Вильгельмъ Дайргофъ (Deurhoff) (1650 — 1717), представитель странной секты, которая, по словамъ фанъ-деръ-Линде, была „нѣкотораго рода каррикатурой на спинозизмъ, облеченный ею въ библейскую терминологію“. Тѣмъ не менѣе секта эта до конца прошлаго столѣтія имѣла нѣкоторое значеніе, и Калвинова церковь боролась съ заблужденіями *дайргофіевъ*. Мы не будемъ останавливаться на странномъ ученіи Дайргофа и перейдемъ къ болѣе важной, третьей отрасли теологи-

ческаго спинозизма, извѣстнаго подъ именемъ *гаттемизма*, по имени основателя его Понтіана фанъ-Гаттема (1641—1706). Въ первый разъ онъ высказалъ свое ученіе въ трактатѣ о Гейдельбергскомъ катихизисѣ. Это сочиненіе было поводомъ къ вызову его въ Лейденъ и Утрехтъ, гдѣ теологическіе факультеты признали его положенія „парадоксальными и еретическими“, а его самого недостойнымъ духовнаго званія, которое онъ занималъ въ Филипсъ-Ландѣ на островѣ Зеландіи. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ многихъ приверженцевъ, которые составляли тайныя сборища.

Главнѣйшее заблужденіе грубой толпы, по мнѣнію фанъ-Гаттема, заключается въ томъ, что она воображаетъ себѣ Божество и человѣка двумя раздѣльными другъ отъ друга существами, такъ что человѣкъ представляется ей существующимъ внѣ Бога, и Богъ внѣ человѣка. При такомъ порядкѣ идей, который можно назвать естественнымъ, человѣкъ мыслитъ Божество объективно, какъ существо всесовершенное, всемогущее, премудрое и т. д., но это объективное представленіе Божества не есть истинное Божество: это идолъ. Это основное заблужденіе должно быть исправлено и измѣнено вѣрою, которая есть сознаніе единства человѣка со Христомъ или Богомъ. Вѣрующій не считаетъ себя существомъ, имѣющимъ бытіе само по себѣ, но лишь частью цѣлаго, котораго глава Христосъ, ибо Христосъ есть основа вѣчнаго существованія.

Легко предвидѣть нравственные выводы изъ этого ученія, которые дѣйствительно и дѣлаетъ фанъ-Гаттемъ и въ которыхъ особенно видна связь его нравственнаго ученія съ спинозизмомъ. Главнѣйшій грѣхъ, по его мнѣнію, есть допущеніе грѣха. Истинная добродѣтель состоитъ въ сознаніи себя безгрѣшнымъ. Только имѣя неправильное понятіе о существующей будто бы раздѣльности Божества и человѣчества, мы можемъ допустить существованіе въ человѣкѣ свободы, личной отвѣтственности, индивидуальной независимости. Тотъ, кто успѣлъ понять вещи настоящимъ образомъ, кто не признаетъ себя болѣе существомъ, имѣющимъ самостоятельное бытіе, кто доволенъ, что существуетъ такимъ, каковъ есть, тотъ только святъ и спасенъ. Окончательнымъ образомъ — „вѣровать, по ученію фанъ-Гаттема, значитъ понимать“.

Еще туманнѣе и мистичнѣе развилось то же ученіе въ изложеніи одного изъ учениковъ фанъ-Гаттема, Якова Бриля. Мы приведемъ, вмѣсто всякаго изложенія этого ученія, подлинный, такъ-называемый *credo* его, который, составляетъ, по увѣреніямъ фанъ-деръ-Линде, и

до сихъ поръ единственное утѣшеніе нѣкоторыхъ темныхъ и рѣдкихъ кружковъ въ Голландіи. Вотъ этотъ диковинный документъ:

„Я вѣрю, что знаю, чту, люблю и служу цѣли (la fin), высшей изъ всѣхъ цѣлей, и что цѣль, которая заключается во мнѣ, есть цѣль цѣлей (la fin des fins). — Я вѣрю, что человѣчность (l'humanité), въ которой я обитаю, не есть моя человѣчность, но человѣчность того, кто зачатъ и рожденъ во мнѣ и котораго я есмь часть и собственность. — Я вѣрю, что все, что я думаю, говорю, дѣлаю и терплю, дѣлаю не я, но тотъ, кто заключается во мнѣ и кто живетъ не въ моей, но въ своей человѣчности. — Я вѣрю, что умеръ, когда родился, и что воскресну, когда умру. — Я вѣрю, что погребенъ въ моемъ тѣлѣ и что когда буду въ гробѣ, тогда только буду на небесахъ. — Я вѣрю, что вселенная находится отъ меня по лѣвую руку, а тотъ, котораго вселенная есть только тѣнь, находится по правую отъ меня руку. — Я вѣрю, что вижу невидимое глазомъ того, кто меня видитъ. — Я вѣрю, что когда внѣшній человѣкъ скованъ по рукамъ и ногамъ и погруженъ во внѣшній мракъ, тогда-то именно внутренній человѣкъ видитъ свѣтъ, тотъ свѣтъ, гдѣ нѣтъ тѣни. — Я вѣрю, что когда самъ признаю себя виновнымъ, я бываю оправданъ моимъ Господомъ. Я вѣрю, что во мнѣ есть скрытая жизнь, которою я жилъ, прежде нежели началъ жить. Эта жизнь есть живая жизнь, жизнь полная жизни" [1]).

До такихъ-то туманныхъ, мистическихъ, почти совершенно непонятныхъ ученій, довело въ Голландіи, по мнѣнію фанъ-деръ-Линде, приложеніе спинозизма къ теологіи. Впрочемъ, Поль Жане, признавая, конечно, нѣкоторую связь этихъ ученій съ философіей Спинозы, выражаетъ сомнѣніе, чтобы происхожденіе ихъ можно было приписывать исключительному вліянію этой философіи. Онъ находитъ, что и вообще въ протестантской теологіи и даже въ мистической теологіи до реформаціи существовали уже подобныя ученія. Кромѣ того онъ показываетъ, что пантеистическій мистицизмъ составлялъ постоянно какъ бы укоренившуюся болѣзнь въ Голландіи и Фландріи: Гейлинксъ, Пуаре (Poiret) и другіе уже давно, подъ разными формами, проповѣдывали тамъ субстанціональное единство Божества и человѣка, что составляетъ основную мысль и приведенныхъ выше ученій. Такимъ образомъ вопросъ о степени вліянія философіи Спинозы на послѣдующія мистико-теологическія ученія въ Голландіи остается, по мнѣнію Поля Жане, не рѣшеннымъ окончательно.

Этимъ, впрочемъ, не ограничивается Поль Жане въ своей защитѣ философіи Спинозы; онъ возстаетъ также и противъ весьма распро-

---

[1]) Очень можетъ быть, что мы передаемъ этотъ документъ не со всею точностью, такъ какъ текстъ его прошелъ черезъ два перевода; но едва-ли это обстоятельство можетъ много повредить дѣлу.

страненнаго мнѣнія, приводящаго эту философію въ тѣсную связь съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ „современнымъ натурализмомъ“. Таково дѣйствительно мнѣніе, какъ показываетъ Поль Жане, даже представителей совершенно противоположныхъ философскихъ началъ. Такъ, изъ авторовъ упомянутыхъ въ началѣ статьи новѣйшихъ сочиненій по поводу Спинозы фанъ-деръ-Линде, посвятившій свою книгу Молешотту, Нуррисонъ, принадлежащій къ французской спиритуалистской школѣ, сходятся однако въ томъ, что приписываютъ Спинозѣ родъ матеріалистическаго атеизма. Показавъ, что такое воззрѣніе возникло вслѣдствіе внушеній католической теологіи въ XVII вѣкѣ и существовало во все продолженіе XVIII вѣка, пока не возвысились въ Германіи благородные голоса Шлейермахера, Лессинга и другихъ, представившіе спинозизмъ совершенно въ иномъ свѣтѣ, Поль Жане довольно основательно признаетъ мнѣніе вышеприведенныхъ двухъ писателей устарѣлымъ. Чтобъ еще болѣе поддержать свою мысль, онъ обращается къ самымъ сочиненіямъ Спинозы и указываетъ, какъ во многихъ отдѣльныхъ мѣстахъ его трудовъ, такъ и въ цѣломъ духѣ и характерѣ ученія Спинозы, опроверженіе столь узкаго его пониманія. Мы передадимъ вкратцѣ главнѣйшіе изъ его доводовъ.

По мнѣнію фанъ-Флотена, Спиноза, сохраняя имя Бога и въ то же время отвергая Его Божественную дѣйствительность, вводитъ просто въ обманъ поверхностныхъ читателей насчетъ истиннаго смысла своего философскаго ученія. По справедливому замѣчанію Поля Жане, въ знаменитомъ философѣ необходимо въ такомъ случаѣ допустить одно изъ двухъ: неискренность, лицемѣріе или неразумѣніе своего собственнаго сочиненія. Но ни извѣстный характеръ Спинозы, ни глубина и ясность его ума естественно не допускаютъ ни одного изъ этихъ предположеній.

Но кромѣ этихъ общихъ соображеній, самое изслѣдованіе идей Спинозы, сдѣланное безъ предвзятыхъ мыслей, устраняетъ отъ него, какъ показываетъ Поль Жане, капитальнѣйшее изъ обвиненій, именно въ безусловномъ атеизмѣ. Обвиненіе это основывается преимущественно на томъ, что Спиноза отвергалъ Божественную личность. Но, какъ утверждаетъ нашъ авторъ, нѣтъ ни одного философа XVII вѣка, даже между католическими теологами, которые опредѣляли бы Божество какъ личность. Декартъ, Мальбраншъ, Боссюэтъ, Фенелонъ одинаковымъ образомъ говорятъ о Богѣ, какъ о существѣ „всесовершенномъ, неограниченномъ, такомъ, къ которому нечего прибавить“ и т. д., не говоря при этомъ ничего о личномъ Его существованіи. Но таково

же именно и воззрѣніе Спинозы. *Субстанція* въ его философіи есть не столько высшая дѣйствительность, высочайшее совершенство, что всѣ вещи получаютъ большее или меньшее совершенство лишь въ той степени, какъ приближаются къ этой субстанціи. Такимъ образомъ, если обвинять Спинозу въ отрицаніи Божественной личности, то не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, уединять его при этомъ обвиненіи отъ остальныхъ философовъ, даже, какъ сказано, отъ католическихъ теологовъ его времени. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ Поль Жане, одинъ нѣмецкій критикъ І. Г. Лёве, въ своемъ сочиненіи *Ueber den Gottesbegriff Spinoza's* (Stuttgart 1862) находитъ въ Божествѣ Спинозы даже нѣчто въ родѣ самосознанія и личности, что, какъ думаетъ Жане, не лишено нѣкотораго основанія.

„Не нужно забывать, говоритъ Поль Жане, что Спиноза не только принимаетъ существованіе Божества, но что онъ въ то же время и отличаетъ его отъ вселенной, правда, не отдѣляя его вполнѣ, но и не смѣшивая. Что же въ самомъ дѣлѣ можетъ значить то капитальное различіе, которое дѣлается въ его философіи между *natura naturans* и *natura naturata*, и почему бы онъ не могъ сказать, что существуетъ одна *natura*, если бы думалъ именно это? Но дѣло въ томъ, что міръ *naturae naturantis* не смѣшивается имъ съ другимъ міромъ: онъ существуетъ самъ по себѣ въ своей вѣчной ясности, проявляясь, выражаясь въ мірѣ явленій, но оставаясь на безконечной высотѣ надъ этимъ послѣднимъ. Въ этомъ случаѣ взглядъ Спинозы на Божество не можетъ быть смѣшиваемъ ни со взглядомъ стоиковъ, ни со взглядомъ Гераклита, ни со взглядомъ нѣмецкой школы, утверждающей, что „идея дѣлается“, ни тѣмъ менѣе со взглядомъ Дидеро, который говоритъ, что „Богъ, можетъ-быть, будетъ когда-либо“. Напротивъ, для Спинозы Богъ уже существуетъ съ своими вѣчными и неизмѣнными свойствами, а все, что говорено было вышеперечисленными философами, относится имъ лишь къ натурѣ въ собственномъ смыслѣ, *natura naturata*. Мы съ своей стороны добавимъ, что Спиноза допускаетъ даже полное знаніе Божества и только считаетъ невозможнымъ Его представленіе, какъ это ясно изъ одного его письма (Ep. 60), приведеннаго Куно-Фишеромъ въ его „Исторіи новѣйшей философіи“. „Если бы ты спросилъ меня, пишетъ Спиноза, имѣю ли я о Божествѣ столь же ясное понятіе, какъ о треугольникѣ, то я отвѣчу *да*. Но если бы ты спросилъ меня, имѣю ли я о Божествѣ столь же ясное *представленіе* (imaginem), какъ о треугольникѣ, то я отвѣчу *нѣтъ*. Ибо мы не можемъ представлять себѣ Бога образно, но

лишь познавать мыслію". Поль Жане не отрицаетъ, впрочемъ, что различеніе между Божествомъ и природою у Спинозы не вполнѣ удовлетворительно въ христіанскомъ смыслѣ, но во всякомъ случаѣ онъ считаетъ его весьма далекимъ отъ матеріалистическаго атеизма, или того, что нынѣ называется натурализмомъ.

Точно также далекъ Спиноза отъ этихъ крайностей и въ ученіи о душѣ. Для натурализма, говоритъ Поль Жане, душа есть не болѣе, какъ свойство матеріи, совокупность отправленій нервной системы, результатъ дѣятельности мозга, — однимъ словомъ, не что̀ иное, какъ продуктъ организаціи. Напротивъ, для Спинозы душа есть *идея, модусъ* Божественной мысли. Правда, онъ опредѣляетъ ее, какъ „идею человѣческаго тѣла", и признаетъ ее связанною съ этимъ послѣднимъ, но въ то же время онъ различаетъ ее отъ тѣла и не считаетъ его продуктомъ. Точно также нельзя не сознаться, что Спиноза ставитъ индивидуальность души въ зависимость отъ индивидуальности тѣла, но, какъ замѣчаетъ Поль Жане, вопервыхъ, такой же взглядъ на вещи раздѣляетъ съ нимъ одинъ изъ великихъ дѣятелей католическаго міра, Ѳома Аквинскій (въ XIII в.), который также полагаетъ, что индивидуальность души происходитъ отъ тѣла и что вообще индивидуальность зависитъ отъ матеріи, а не отъ формы; вовторыхъ, принимая въ соображеніе весь духъ философіи Спинозы и принятую имъ терминологію, мы все-таки не найдемъ въ его ученіи о душѣ ничего сходнаго съ приведеннымъ выше взглядомъ на этотъ предметъ современнаго натурализма.

Мы не будемъ останавливаться на „Этикѣ" Спинозы, въ которой Поль Жане находитъ новое подтвержденіе своему убѣжденію въ томъ, что ученіе Спинозы никакъ не можетъ быть сочтено источникомъ, изъ котораго развился современный натурализмъ, и перейдемъ прямо къ окончательнымъ выводамъ автора о философіи Спинозы, сравнительно съ матеріалистическими ученіями нашего и прежняго времени. „По ученію натурализма, говоритъ Поль Жане, все происходитъ изъ опыта; по ученію Спинозы, все происходитъ отъ разума. Съ одной стороны все стараются объяснить сведеніемъ самыхъ высшихъ явленій къ явленіямъ самымъ низменнымъ, отъ мысли нисходятъ къ чувствительности, отъ чувствительности къ организаціи, отъ организаціи къ сочетаніямъ грубой матеріи. Натурализмъ, однимъ словомъ, стремится свести все къ физико-химическимъ соединеніямъ, а эти послѣднія къ механическимъ законамъ. Напротивъ, Спиноза видитъ въ механизмѣ лишь одну изъ формъ общей дѣятельности; кромѣ его онъ

признаемъ другаго, совершенно отличнаго дѣятеля, мысль, и еще иныхъ, до безконечности, такъ какъ Божество, по его понятіямъ, обладаетъ безконечнымъ числомъ аттрибутовъ, которыхъ мы не знаемъ. Для натурализма благо состоитъ въ наслажденіи и въ хорошо сообраѣженныхъ средствахъ избѣгать непріятнаго; для Спинозы высшее благо состоитъ въ познаніи и любви къ безконечному совершенству. Наконецъ, для натурализма, душа гибнетъ совершенно вмѣстѣ съ тѣломъ; напротивъ, по ученію Спинозы, „мы чувствуемъ, мы сознаемъ себя вѣчными".

Отъ статьи французскаго философскаго писателя, мы перейдемъ къ философской литературѣ Германіи, гдѣ появилось въ послѣднее время не мало сочиненій, преимущественно по исторіи философіи. Мы будемъ держаться въ нашемъ изложеніи порядка времени и начнемъ съ труда, касающагося сочиненій одного изъ знаменитѣйшихъ философовъ древности—Платона. Мы разумѣемъ сочиненіе *Шааршмидта*, имѣющее главною цѣлью окончательно разсмотрѣть извѣстныя досамѣ сочиненія Платона относительно ихъ подлинности [1]). Довольно подробный разборъ этой книги мы находимъ въ *Literarisches Centralblatt* — 1867, № 39.

Шааршмидтъ, какъ онъ говоритъ въ предварительной части своего труда, представляющей историко-критическое изложеніе предшествовавшихъ изслѣдованій о подлинности и послѣдовательности по времени сочиненій Платона, находитъ этотъ вопросъ далеко еще не разрѣшеннымъ удовлетворительно и дѣлаетъ съ своей стороны попытку исчерпать его по крайней мѣрѣ со стороны подлинности этихъ сочиненій. Въ окончательномъ результатѣ его изслѣдованій выходитъ, что только девять разговоровъ Платона могутъ быть признаны несомнѣнно подлинными, а именно: Федръ, Протагоръ, Пиршество, Горгій, Республика, Тимей, Өеэтетъ, Федонъ, Законы. Прежде всего Шааршмидтъ возстаетъ противъ укоренившагося мнѣнія, будто въ Аристотелевыхъ цитатахъ мы имѣемъ вполнѣ удовлетворительный критерій для оцѣнки подлинности сочиненій Платона и будто на основаніи тѣхъ изъ сочиненій, которыя достаточно утверждены авторитетомъ Аристотеля, мы должны судить и объ остальныхъ. Авторъ, напротивъ, признаетъ за неподлинныя нѣкоторыя изъ частей самаго Ари-

---

[1]) *Schaarschmidt*, C. — Die Sammlung der Platonischen Schriften zur Scheidung der echten von den unechten untersucht. Bonn, 1866. Marcus (IV, 434 S. 8).

стотелева собранія, считавшіяся за подлинныя прежними изслѣдователями, какъ, напримѣръ, Rhet. III и Metaph. XI, 1 — 8, а потому придаетъ, конечно, и содержащимся въ нихъ цитатамъ лишь второстепенное значеніе. Если даже въ подлинныхъ Аристотелевыхъ сочиненіяхъ приписываются прежнимъ философамъ, или и прямо Платону, такія положенія, которыя по смыслу и выраженію, повторяются и въ дошедшемъ до насъ собраніи Платоновыхъ сочиненій, то по мнѣнію Шаармидта, еще возникаетъ вопросъ, не написаны ли соотвѣтствующіе діалоги въ этихъ сочиненіяхъ уже послѣ, на основаніи мѣстъ, приводимыхъ Аристотелемъ.

Мы, конечно, не можемъ останавливаться подробнѣе на различныхъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе его идей, и укажемъ лишь на тѣ основанія, которыя Шаармидтъ считаетъ наиболѣе вѣрнымъ ручательствомъ въ подлинности сочиненій Платона. Это именно собственное объясненіе Платона (въ Федрѣ) о настоящемъ значеніи вообще философскихъ писаній, которое состоитъ въ томъ, что они служатъ какъ бы оживленіемъ, напоминаніемъ преподаннаго изустно. То, что говорится авторомъ по поводу этого мѣста и на основаніи формы несомнѣнно подлинныхъ сочиненій Платона, объ его авторскихъ цѣляхъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ мѣстъ книги Шаармидта и должно быть непремѣнно принимаемо въ соображеніе для полнаго уразумѣнія Платона, какъ автора. „Наивно-точное воспроизведеніе бесѣдъ Сократа, говоритъ Шаармидтъ, Платонъ нашелъ уже готовымъ; но онъ возвысилъ Сократовскій діалогъ до „философской драмы“ тѣмъ, что оставаясь вѣрнымъ своей основной мысли — воспроизводить и напоминать дѣйствительно происходившее изложеніе мыслей покойнаго учителя, въ то же время сумѣлъ отнять у него все случайное и временное и придать ему общее значеніе, такъ что Сократъ и его собесѣдники получили для насъ типическое значеніе, какъ представители умственныхъ направленій и нравственныхъ положеній“. Вслѣдствіе этого каждый подлинный Платоновъ діалогъ выражаетъ всю цѣлость его идеальнаго міросозерцанія и ясно даетъ чувствовать Сократо-платоническую гармонію между теоретическимъ и практическимъ элементами, и никогда не содержитъ простаго частнаго изслѣдованія какого-либо понятія; но именно это послѣднее свойство и составляетъ преобладающую особенность діалоговъ, признаваемыхъ Шаармидтомъ за неподлинные. Основываясь на этомъ главномъ критеріумѣ, а вмѣстѣ принимая въ соображеніе и другія обстоятельства, какъ напримѣръ, частности

ученія, встрѣчающіяся въ каждомъ „Разговорѣ“, равно какъ композицію, языкъ и слогъ, Шаармидтъ приходитъ, какъ мы видѣли, къ убѣжденію въ неподлинности не только „Разговоровъ“: Софистъ, Политикъ, Парменидъ и Кратилъ, который, впрочемъ, заподозрѣвали прежде него и другіе, но даже Филеба, Эвтидема, Менона, Гиппія Младшаго, Эвтифрона, Лизиса, Лахеса и Харминда и въ сомнительной подлинности Апологіи и въ особенности Критона.

Изслѣдованія Шаармидта, какъ замѣчаетъ нѣмецкій критическій журналъ, изъ рецензіи котораго мы представляемъ извлеченіе, если и не рѣшаютъ еще окончательно вопроса о подлинности сочиненій Платона и оставляютъ еще спорною неподлинность нѣкоторыхъ изъ названныхъ выше сочиненій этого философа, какъ это, напримѣръ, доказалъ Бенфей (Benfey) относительно „Кратила“, то во всякомъ случаѣ за помянутымъ авторомъ остается важная заслуга: онъ очистилъ критикою существовавшія по этому поводу преданія, ясно характеризовалъ различные классы „Разговоровъ“ и успѣлъ устранить прежнюю, неточную мѣрку подлинности Платоновыхъ сочиненій, основанную исключительно на авторитетѣ Аристотеля, замѣнивъ ее болѣе глубокою и вѣрною, вытекающею изъ внутреннихъ основъ самаго дѣла.

Слѣдуя, какъ выше сказано, порядку времени, мы перейдемъ отъ Платона къ „Исторіи философіи въ средніе вѣка“ д-ра Альб. *Штекля*[1]), которой въ послѣднее время вышли 2-й отдѣлъ 2-го тома и послѣдній 3-й томъ. Отзывъ о немъ мы находимъ въ 11 и 24 нумерахъ *Literarisches Centralblatt für Deutschland* за нынѣшній годъ. Отдавая полную справедливость эрудиціи и труду Штекля, упомянутый журналъ видитъ въ нихъ однако по преимуществу тенденціозную книгу. „Ультрамонтанизмъ во Франціи и Германіи, говоритъ онъ, стремится къ возстановленію среднихъ вѣковъ даже и въ ихъ философіи. Названная выше исторія схоластической философіи, не считая трудовъ французскихъ писателей: Горео (Haureau), Журдена и многочисленныхъ монографій, представляетъ въ одной Германіи уже третью попытку этого рода въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ“. Авторъ ея, желая исправить несправедливость, въ которую новѣйшіе историки философіи впадали относительно схоластики, не признавая ее истинною философіей, такъ какъ она по содержанію находилась въ зависимости отъ положительной догмы, а по формѣ отъ античной фи-

---

[1]) *Stöckl*, D-r. Alb. Prof. — *Geschichte der Philosophie des Mittelalters*. II Bd. Periode der Herrschaft der Scholastik. 2 Abth. 1865. III Band. Periode der Bekämpfung der Scholastik. Mainz. 1866. Kirchheim.

-лософіи, не только наполнилъ свою книгу многочисленными цитатами изъ схоластическихъ авторовъ, но даже дошелъ до того, что ставитъ сочиненія св. Ѳомы Аквинскаго выше всего, что когда-либо появлялось по части философіи. Рецензентъ приводитъ далѣе нѣкоторыя мѣста изъ 2-го тома книги Штёкля, доказывающія самымъ яснымъ образомъ ея тенденціозность. Впрочемъ, какъ уже замѣчено было выше, книга Штёкля во всякомъ случаѣ представляетъ для желающихъ познакомиться съ средневѣковою философіей богатый матеріалъ, которымъ нужно только пользоваться съ нѣкоторою осторожностью.

Мы разсмотримъ нѣсколько обстоятельнѣе содержаніе 3-го, послѣдняго тома труда Штёкля, обнимающаго періодъ борьбы противъ схоластики. Читатель самъ увидитъ, какое богатство матеріаловъ заключается въ немъ по предмету, особенно мало у насъ извѣстному. Періодъ борьбы противъ схоластики авторъ начинаетъ съ Николая Кузанскаго (Cusa) и оканчиваетъ янсенизмомъ. Къ Кузанской школѣ, куда причисляетъ онъ Карла Бовилля (Carolus Bovillus) и Джіордано Бруно, покинувшаго „духовную одежду“ учителя, у него примыкаетъ изложеніе платонизма, антисхоластическаго аристотелизма, антисхоластической діалектики (Филологенъ, Марій Ніолій, Петръ Рамусъ), далѣе новаго стоицизма, эпикуреизма и іонизма (Юстусъ Липсій, Гассенди и Кл. Беригаръ), новой натуръ-философіи и метафизики (Бернг. Телезій, Кампанелла), наконецъ, скептицизма (Монтэнь, Шарронъ, Санхецъ). Но съ особенною подробностью Штёкль излагаетъ (въ VIII) каббалистическую теософію въ пяти слѣдующихъ отдѣлахъ: 1) пиѳагорейско-каббалистическая теософія (Рейхлинъ, Агриппа фонъ-Неттесгеймъ, Цорци (Zorzi); 2) каббалистическая теософія въ связи съ натуръ-философіей и врачебнымъ искусствомъ (Теофрастъ Парацельсъ, Карданусъ, фанъ-Гельмонтъ, Флуддъ); 3) каббалистическая теософія въ догматической формѣ съ древне-гностическо-манихейскимъ оттѣнкомъ: Мартинъ Лютеръ; 4) философскія попытки подъ владычествомъ Лютеровой догматики (Меланхтонъ, Николай Таврелліусъ); 5) каббалистико-теософскій мистицизмъ подъ вліяніемъ Лютеровой догматики.

Указанія на содержаніе этихъ отдѣловъ III тома сочиненія Штёкля мы считаемъ достаточными для того, чтобы показать читателю богатство его содержанія. Замѣтимъ, что въ книгѣ остаются еще отдѣлы IX и X, которыхъ мы вовсе не касались и которые доводятъ изложеніе до янсенизма, какъ уже замѣчено было выше. „Вообще, говоритъ рецензентъ *Literarisches Centralblatt*, на скудость матеріа-

ловъ въ книгѣ Штекля нельзя жаловаться, хотя многое въ ней приличнѣе было бы въ исторіи церкви, чѣмъ въ исторіи философіи, и хотя въ ней трудно найти вполнѣ основательный принципъ такого именно, а не иного дѣленія на періоды". Книга отличается въ то же время, замѣтимъ мы съ своей стороны, и нѣкоторыми совершенно новыми выводами; такъ, напримѣръ, авторъ отрицаетъ оригинальность *Лютерова* ученія и приводитъ его въ связь съ каббалистическою теософіею, что, по сознанію самаго нѣмецкаго рецензента, „хотя и обличаетъ тенденціозность автора, однако изложено искусно".

Изъ другихъ сочиненій по исторіи философіи мы укажемъ на вышедшій въ прошломъ году третій томъ сочиненія *Эд. Эрдманна* — „Очеркъ исторіи философіи" [1]), который заключаетъ въ себѣ исторію философіи новѣйшаго времени и кромѣ того особое прибавленіе, излагающее ходъ нѣмецкой философіи со смерти Гегеля. Отчетъ объ этомъ послѣднемъ томѣ сочиненія Эрдманна мы находимъ въ № 15 *Literarisches Centralblatt*.

Что касается перваго, главнаго отдѣла этого третьяго тома, то, какъ извѣстно, авторъ уже прежде изложилъ этотъ предметъ въ своемъ большомъ, шеститомномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ „Опытъ научнаго изложенія исторіи новѣйшей философіи" (1834—1853). Вышедшій недавно 3-й томъ „Очерка исторіи философіи" представляетъ отчасти переработку (отъ Декарта до Канта), отчасти сжатое извлеченіе (отъ Канта до смерти Гегеля) изъ названнаго большаго сочиненія. Изложеніе получило болѣе ровности отъ такой обработки, чего, конечно, трудно было достигнуть въ большомъ прежнемъ сочиненіи автора при значительныхъ промежуткахъ времени, протекавшихъ между выпусками отдѣльныхъ томовъ. Впрочемъ, дѣленіе, равно какъ и основныя категоріи, а также любимыя авторомъ паралели сохранены имъ и въ новомъ трудѣ. Новую, и надобно замѣтить, самую интересную часть третьяго тома составляетъ такимъ образомъ вышеупомянутое прибавленіе, о которомъ самъ авторъ говоритъ, „что если достоинство какого-либо сочиненія цѣнить по количеству труда, на него употребленнаго, то это прибавленіе было бы, конечно, лучшею частью книги". Прибавленіе дѣлится на двѣ части, изъ коихъ первая разсматриваетъ разложеніе Гегелевой школы, а вторая излагаетъ опыты возстановленія этой философіи. Первый изъ этихъ процессовъ, прожитый самимъ авторомъ, который называетъ себя послѣднимъ изъ Могиканевъ наз-

[1]) *Erdmann.* I. Ed., Prof. — *Grundriss der Geschichte der Philosophie*, 2 Bd. Philosophie der Neuzeit. Berlin. 1866. Hertz. (VIII, 812 S. 8).

ганной школы; онъ дѣлитъ на три періода, сообразно тремъ областямъ, обнимающимъ собою всю дѣятельность Гегеля: логико-метафизической, религіозно-философской и этико-политической. Споръ въ первой изъ этихъ областей обнимаетъ собою, по изложенію автора, первое пятилѣтіе и открывается „антигегеліанцами", между тѣмъ, какъ въ двухъ остальныхъ періодахъ, изъ которыхъ на каждый приходится также по пяти лѣтъ, борьба противъ Гегеля ведется самими „гегеліанцами", и притомъ въ послѣднемъ изъ періодовъ „ультра-гегеліанцами". Изложеніе этой борьбы, во многомъ весьма запутанной, доведено авторомъ до значительной ясности и представляетъ не малый интересъ. „Попыткамъ возстановленія философіи", которыя дѣлятся авторомъ на четыре группы, онъ приписываетъ „реставраціонныя тенденціи" въ томъ же смыслѣ, какъ и самой философіи Гегеля, то-есть, стремленіе къ возстановленію того, что было потрясено Кантомъ, а именно метафизики, положительнаго правовѣрія (Rechtgläubigkeit) и преобладающей силы обычая (des übergreifenden Rechts der Gewohnheit). Въ доказательствахъ этого положенія авторъ не затрудняется. По мнѣнію его, всѣ существовавшія *до* Гегеля системы были только „ступенями" (Vorstufen) къ этой послѣдней, такъ какъ этотъ философъ „не отвергнулъ того, чему онѣ учили, и достигъ того, къ чему онѣ стремились, еще въ высшей степени". Поэтому онъ считаетъ себя въ правѣ, каждый разъ какъ встрѣчаетъ сходство съ одною изъ этихъ системъ, видѣть и въ новой „стремленіе къ реставраціонной философіи". Настоящее нововведеніе, впрочемъ не безъ сильно ослабляющихъ оговорокъ, авторъ видитъ лишь у *Ромера, Пелöца* (Pelöcz), *Фогеля, Рейфа, Фöра* (Föhr), *Планка, Рихерса* и въ матеріалистахъ, начало грубѣйшаго ученія которыхъ встрѣчается, впрочемъ, еще у *Кабаниса*.

Не оставляя еще области исторіи философіи, мы перейдемъ теперь въ Бельгію и познакомимъ читателя съ вышедшимъ въ прошломъ году сочиненіемъ *Лорана* (Laurent) — „Философія XVIII столѣтія" [1]), на основаніи изложенія этой книги, сдѣланнаго нѣмецкимъ журналомъ *Magazin für die Literatur des Auslandes* въ № 23-мъ за нынѣшній годъ. Продолжая свое большое сочиненіе — „*Études sur l'histoire de l'humanité*", Лоранъ дошелъ въ послѣднемъ двѣнадцатомъ его томѣ до эпохи борьбы философіи XVIII вѣка противъ христіан-

[1]) *La Philosophie du XVIII siècle et le christianisme,* par F. *Laurent,* prof. à l'univ. de Gand (Études sur l'histoire de l'humanité, T. XII) Paris, Bruxelles, Leipzig, Librairie internationale, Lacroix, Verboeckhoven et C-e. 1866.

ства. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ старается защитить эту философію противъ столь часто дѣлаемыхъ ей упрековъ въ томъ, что она породила бездну самыхъ вредныхъ заблужденій и распространила невѣріе. Признавая за несомнѣнный фактъ упадокъ вѣры вообще въ современномъ человѣчествѣ (слѣдуетъ разумѣть преимущественно западно-европейскія государства), авторъ старается доказать, и какъ мы думаемъ, не безъ основанія, что не смотря на дѣйствительно важныя ошибки писателей, принадлежавшихъ къ школамъ энциклопедистовъ, матеріалистовъ и другихъ, упадокъ вѣры, вмѣстѣ съ сопровождающими его печальными явленіями, никакъ не можетъ быть приписанъ исключительному вліянію философіи XVIII вѣка. Во всякомъ случаѣ причинъ его должно искать далеко за предѣлами XVIII вѣка, который лишь принялъ въ наслѣдіе то, что̀ завѣщано было ему предидущими вѣками, и далъ окончательно созрѣть тому, что̀ до него еще насаждали, поддерживали и передавали мыслители весьма различныхъ историческихъ эпохъ. Въ самыхъ судьбахъ развитія христіанства на Западѣ лежала, между прочимъ, причина появленія тѣхъ философскихъ школъ, на которыя стараются свалить всю вину охлажденія народовъ къ вѣрѣ, ибо не нужно забывать, что XVIII вѣку предшествовало крайнее напряженіе религіознаго чувства въ XVII вѣкѣ, а этому послѣднему реформація. Все это естественно вызвало, наконецъ, реакцію.

Обвинять исключительно Вольтера и энциклопедистовъ въ томъ, будто они разрушили христіанскую религію, болѣе чѣмъ странно, говоритъ Лоранъ, если вспомнить дѣйствія хотя бы, напримѣръ, Людовика XIV противъ его протестантскихъ подданныхъ, — дѣйствія, которыя, конечно, не могли поддерживать въ народахъ благоговѣнія къ господствующей католической церкви и ея служителямъ. Трудно было соединить усердіе и горячность къ такой религіи, представители которой сами воздвигали жесточайшія гоненія на всѣхъ, не одинаково съ ними мыслившихъ по дѣламъ вѣры и не подчинявшихся главенству папы, и сами поддерживали въ обществѣ убѣжденіе, будто каждый протестантъ уже по самому рожденію своему безчестенъ, будто дѣти протестантскаго отца незаконны и будто каждая религіозная сходка протестантовъ есть актъ государственной измѣны и оскорбленія величества. Можно ли было бы сколько-нибудь осуждать Вольтера и другихъ, еслибъ они вооружались противъ этихъ сторонъ католическаго ученія? Но вина ихъ, по сознанію самого Лорана, состоитъ въ той легкой, шутливой, часто неразборчивой формѣ, въ какую они лю-

были облекать свои мысли и которая дѣлаетъ опасными ихъ сочиненія для умовъ незрѣлыхъ и нетвердыхъ.

Но главнѣйшій, капитальный недостатокъ философовъ XVIII вѣка — недостатокъ, изъ котораго вытекали нѣкоторыя изъ дѣйствительно дикія выходки и мнѣнія, какъ напримѣръ, мнѣнь философовъ такъ-называемой эпохи просвѣщенія, будто религіи, даже и откровенныя, основаны на сознательномъ обманѣ ихъ основателей, — происходилъ отъ *отсутствія въ нихъ историческаго смысла*, что составляло вообще болѣзнь того времени. Единственно и исключительно въ будущее былъ устремленъ взглядъ тогдашняго философа; тамъ онъ искалъ утѣшенія въ печаляхъ нашего бытія; все прошедшее, напротивъ, онъ презиралъ и обращался къ нему лишь по необходимости. Тамъ, казалось ему, исключительно коренились причины всѣхъ золъ, тяготѣющихъ надъ человѣчествомъ, и потому естественно, что во всемъ прошломъ онъ отыскивалъ лишь произволъ, обманъ и злоупотребленія, не подозрѣвая того широкаго взгляда на развитіе человѣчества и той глубокой всесторонней связи между прошлымъ, настоящимъ и будущимъ, какую признаемъ мы нынѣ. Самъ Вольтеръ, наиболѣе свободный отъ предразсудочныхъ теорій своей эпохи и наименѣе враждебный религіи, обнаруживаетъ самымъ яснымъ образомъ этотъ недостатокъ историческаго смысла хоть бы въ статьяхъ *Fanatisme*, *Superstition*, *Tolérance*, помѣщенныхъ имъ въ Дидротовой „Энциклопедіи". Не говоримъ уже о другихъ, болѣе крайнихъ представителяхъ безвѣрія. И нужно замѣтить, что этимъ же отсутствіемъ историческаго смысла почти всегда можно объяснить и въ наше время тѣ дикія увлеченія и мелочныя отрицанія, за которыми, къ сожалѣнію, не далеко ходить и у насъ въ литературѣ. Само собою разумѣется, что книга Лорана говоритъ не объ однихъ только недостаткахъ философовъ XVIII вѣка, но еще болѣе о ихъ заслугахъ цивилизаціи. Сказаннаго однако о XII томѣ сочиненія Лорана мы считаемъ достаточнымъ, чтобы дать общее понятіе о его содержаніи.

Въ заключеніе обозрѣнія книгъ по исторіи философіи упомянемъ мимоходомъ о вышедшей въ прошломъ году въ Италіи книгѣ *Кресченціо* — „О философскихъ школахъ" [1]), свидѣтельствующей о возникающемъ въ возрожденной странѣ стремленіи къ серіозной наукѣ. Сочиненіе это, впрочемъ, вызвано, кажется, поощреніемъ правительства, назначившаго денежныя премія за хорошее руководство по части

---

[1]) *Crescencio — Sulle scuole di filosofia* critica sommaria ovvero prolegomeni allo studio della filosofia. Firenze, 1866.

философіи. Авторъ упомянутаго сочиненія искренно не сомнѣвается, что такое намѣреніе правительства очень своевременно, и что въ то же время въ Италіи найдутся, конечно, хорошіе мыслители, но онъ боится, чтобы „la baraccaja, ajutata dalle altre turbe degl'ignoranti“, не помѣшала счастливому исполненію этого благаго намѣренія правительства.

Отъ сочиненій по части исторіи философіи мы перейдемъ теперь къ отдѣльнымъ трактатамъ по частнымъ философскимъ наукамъ и вопросамъ. И прежде всего скажемъ о вышедшей уже два года тому назадъ книгѣ *Дельбёфа*: „Опытъ научной логики“ [1]), отзывъ о которой мы встрѣчаемъ однако лишь въ нынѣшнемъ году въ *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, № 16.

Нельзя не сознаться, что та наука, которую можно назвать основною наукою нашего мышленія или „логикою“, не смотря на великія усилія новѣйшей философіи, еще не установилась окончательно въ отношеніи самыхъ существенныхъ пунктовъ, именно не опредѣлила еще съ точностью своего предмета и задачи, ибо прежде, чѣмъ можетъ быть развита полная система логики, необходимо разрѣшить существенный вопросъ: должна ли заниматься эта наука лишь внѣшнею связью нашихъ мыслей, или и ихъ отношеніемъ къ бытію, сущности вещей? Въ послѣднемъ отношеніи самымъ полнымъ образомъ разрѣшилъ вопросъ Гегель, который распространилъ область этой науки до крайнихъ предѣловъ, но именно потому, что не достаточно разграничилъ ея сферу отъ сферы метафизики. Но широта вообще Гегелева захвата мысли уже и теперь начинаетъ возбуждать недовѣріе, невольно напоминая французскую пословицу: Qui trop embrasse, mal étreint!

Другой пріемъ обработки науки логики представляетъ такъ-называемая формальная логика. Но всѣ усилія ея постоянно отличались поразительною безплодностью; относительно вопроса о внутренней связи мыслей на этомъ пути не сдѣлано почти никакого прогресса, и что всего хуже, именно въ то время, когда изслѣдователи воображали, что ушли впередъ, въ сущности оказывалось, что мы вновь находимся при началѣ пути. По большей части дѣло вращалось въ какомъ-то замкнутомъ кругу, такъ что люди нетерпѣливые начинали уже отчаяваться въ возможности успѣховъ логики, какъ науки. Почти

[1]) *Essai de logique scientifique*. Prolégomènes suivies d'une étude sur la question du mouvement, considérée dans ses rapports avec le principe de contradiction, par *J. Delboeuf*, prof. à l'université de Gand. Liège, 1865. XLIV et 286 pag.

такой же безотрадный взглядъ, по крайней мѣрѣ на прошлое состояніе логики, раздѣляетъ, кажется, и г. *Дельбефъ*, профессоръ университета въ Гентѣ. Впрочемъ, онъ не считаетъ дѣла окончательно потеряннымъ. Въ своемъ *Essai de logique scientifique* онъ представляетъ критическое изслѣдованіе настоящаго положенія логическихъ проблемъ. При этомъ онъ, конечно, не скрываетъ, что предшествующій путь преимущественно нѣмецкихъ писателей по этому предмету не отличался строгою научностью. Это изслѣдованіе приводитъ его къ убѣжденію, что все развитіе логики должно быть основано на первыхъ, простѣйшихъ понятіяхъ, и онъ представляетъ въ своей книгѣ опытъ именно такого изложенія, обличающаго, по словамъ нѣмецкаго журнала, основательную критику и глубину, соотвѣтствующую важности предмета. Само собою разумѣется, что авторъ объявляетъ въ своемъ сочиненіи войну логикѣ абсолютнаго идеализма и значительно ограничиваетъ область этой науки, вводя ее въ надлежащіе предѣлы.

Выше мы уже замѣтили, по поводу книги Кредитчио, о пробуждающемся въ Италіи духѣ философскихъ изслѣдованій. Въ № 35 *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, мы находимъ теперь отчетъ о другомъ философскомъ трудѣ, появившемся въ Италіи впрочемъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но, какъ видно, мало извѣстномъ даже и въ западной Европѣ, такъ какъ означенный нѣмецкій журналъ, довольно усердно слѣдящій за всѣми замѣчательными явленіями иностранной литературы, объявляетъ, что узналъ о немъ только теперь. Книга, о которой мы говоримъ, принадлежитъ перу *П. Паганини* и называется: „О пространствѣ, космологическое разсужденіе“ [1]).

Вопросы о пространствѣ и времени принадлежатъ, какъ извѣстно, къ самымъ глубокимъ и труднымъ, къ числу тѣхъ, о которыхъ можно сказать съ Фаустомъ, что они, собственно говоря, не въ пору человѣческому мозгу; но именно это-то обстоятельство и составляетъ причину того, что о нихъ такъ много писано. Дѣйствительно, пространство не имѣетъ никакого содержанія, никакой формы; слѣдовательно, какъ бы вовсе не существуетъ, и въ то же время оно — безконечно! Такимъ образомъ естественно рождается вопросъ, какъ можетъ ничто быть безконечнымъ, или безконечное — ничѣмъ.

Авторъ упомянутой выше книги подвергаетъ критикѣ различные взгляды на природу пространства, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на мнѣніяхъ Декарта, Лейбница и Канта. „Фи-

---

[1]) Dello spazio, saggio cosmologico di P. Paganini. Pisa. Tipografia Nistri. 1862.

лософъ, проникшій наиболѣе глубоко въ природу пространства, говоритъ онъ, былъ Иммануэль Кантъ". За тѣмъ онъ излагаетъ самое ученіе Канта о пространствѣ, но, какъ справедливо замѣчаетъ нѣмецкій рецензентъ, дѣлаетъ это слишкомъ коротко и поверхностно, откуда и выходитъ, что сущность этого ученія Канта остается недоступною автору, и онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать ему два слѣдующіе важные упрека:

1) Essa confonde *il sentimento* dello spazio coll' *idea* dello spazio, secondo l'indole di ogni filosofia soggetiva.

2) Essa non da nessuna spiegazione della esistenza di questa forma, come il Kant la chiama, nel soggeto sensitivo.

То-есть, говоря кратко, Кантъ смѣшиваетъ *ощущеніе*, представленіе пространства съ его *идеею*. Нѣмецкій рецензентъ весьма справедливо видитъ въ этой тонкости различеній слѣдъ тяготѣющаго еще надъ итальянскою философскою мыслью вліянія схоластики, что впрочемъ нисколько не должно удивлять насъ, если мы вспомнимъ то состояніе, въ какомъ находилось школьное образованіе во всей Италіи, за исключеніемъ отчасти Ломбардо-Венеціанскаго королевства, въ продолженіе болѣе чѣмъ трехъ сотъ лѣтъ.

Мы считаемъ себя въ полномъ правѣ отнести къ области философіи интересную брошюру *Рокитанскаго* — „О самостоятельномъ достоинствѣ знаній" [1]), тѣмъ болѣе, что знаменитый основатель патологической анатоміи впервые выступаетъ здѣсь какъ бы въ чуждой ему сферѣ и однако оказывается при этомъ случаѣ такъ глубоко заинтересованнымъ чисто философскими вопросами, какъ это рѣдко случается между большинствомъ современныхъ натуралистовъ. Нечего говорить, конечно, что онъ не является идеалистомъ въ своемъ разсужденіи, но, во всякомъ случаѣ мы считаемъ интереснымъ изложить главныя его воззрѣнія, пользуясь для этого статьею изъ № 29 *Literarisches Centralblatt* нынѣшняго года.

Почтенный авторъ, „хотя и не признаетъ себя матеріалистомъ" (стр. 5), однако, касаясь въ первой части своей лекціи вопроса о томъ, какъ возникаетъ въ насъ знаніе и что оно въ сущности (an und für sich) даетъ намъ, становится на совершенно матеріалистическую точку зрѣнія, или „если угодно, органическую (organicistisch), физіологическую". При этомъ, „хотя онъ и не сомнѣвается признать за знаніемъ духовную природу, однако чувствуетъ несообразность

---

[1]) *Rokitansky*, Dr. C., Hofr. u. Prof. — *Der selbständige Werth des Wissens* (Vortrag) Wien, 1867. Gerold's Sohn. (38 S. 8).

(Inconvenienz) видѣть дѣйствительный факторъ его въ духовномъ началѣ". Поэтому онъ видитъ въ познаваніи и познаніяхъ лишь „результаты нормированной функціи органовъ (normirter Organfunction), произведенія личности" (стр. 6).

Во второй половинѣ лекціи Рокитанскій становится на другую точку зрѣнія, съ которой разрѣшеніе вопроса, по его словамъ, выпадаетъ „въ пользу идеалистическаго воззрѣнія на вещи".

Вопросъ, разбираемый авторомъ въ этой второй половинѣ его разсужденія, касается отношеній человѣка къ объективно представляющимся ему предметамъ и потому, по необходимости, переносится уже на болѣе философскую почву, гдѣ авторъ встрѣчается, конечно, со взглядами на этотъ вопросъ и другихъ философовъ. Мы не можемъ останавливаться долго и на этой второй половинѣ разсужденія Рокитанскаго, и потому ограничимся только замѣчаніемъ, что авторъ признаетъ „возстановленіе (Herstellung) внѣшняго міра дѣломъ нашей субъективной дѣятельности", при чемъ относительно дѣйствительной сущности міра внѣ насъ приходится, по его мнѣнію, признать одно изъ двухъ: или что „вещи въ нашемъ созерцаніи должны быть иными, чѣмъ внѣ его" (Кантъ), или, „что то, какъ онѣ намъ представляются, зависитъ вполнѣ и безусловно отъ нашихъ субъективныхъ условій что онѣ совершенно исчезаютъ (aufgehen) въ созерцаніи" (Шопенгауеръ). Послѣдній взглядъ Рокитанскій считаетъ необходимымъ выводомъ изъ ученія Канта. Этимъ мы и заключимъ нашъ отчетъ о брошюрѣ Рокитанскаго, представляющей, безъ всякаго сомнѣнія, интересное явленіе и еще разъ ясно доказывающей, что даровитые и самостоятельные дѣятели въ естествознаніи, очевидно, не могутъ удовлетворяться тѣмъ узко-матеріалистическимъ взглядомъ, который, можетъ быть, и достаточенъ, пока дѣло идетъ о чисто-опытныхъ изслѣдованіяхъ человѣческаго организма, но невольно заходитъ въ другія, высшія сферы, какъ только возбуждаются вопросы пошире и поглубже.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія мы упомянемъ объ одной, недавно вышедшей американской книгѣ, которую считаемъ себя въ правѣ также причислить къ области философіи. Это сочиненіе *К. П. Уиппля*: „Характеръ и характеристичные люди", выдержавшее въ короткое время уже два изданія въ своемъ отечествѣ, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Свѣдѣнія о немъ мы заимствуемъ изъ № 23 *Magazin für die Litteratur des Auslandes* нынѣшняго года.

Книга, по отзыву нѣмецкаго журнала, особенно прилична для чтенія молодымъ людямъ, и потому можетъ быть смѣло рекомендована

для этой цѣли. Она содержитъ четыре статьи (essays) объ индивидуальномъ и двѣ о національномъ характерѣ, при чемъ преимущественно имѣются въ виду Вашингтонъ и нѣкоторые другіе знаменитые люди. Первыя четыре статьи посвящены психологическому изслѣдованію того, какимъ образомъ, посредствомъ духа, то-есть, сердца и разума, вносятся въ характеръ элементы, необходимые для его образованія. Характеръ представляется авторомъ какъ *духовное* тѣло личности — уподобленіе, къ сожалѣнію натянутое и едва-ли не мѣшающее ясности дѣла — котораго ростъ условливается всѣмъ приходящимъ въ него извнѣ и подвергающимся ассимиляціи. Какъ матеріальное тѣло имѣетъ нужду въ пищѣ, такъ точно преобладающая особенность каждаго характера есть какъ бы духовный голодъ, а весь міръ мыслей и фактовъ составляетъ его пищу. Онъ питается и созерцаніемъ природы, и искусствомъ, и наукою, и литературой, и исторіей, и наконецъ, мыслями и дѣйствіями другихъ людей. Особыя прирожденныя наклонности каждаго недѣлимаго опредѣляютъ свойства того, что̀ оно по преимуществу усвоиваетъ себѣ; силы каждаго человѣка ограничены особыми свойствами воспринимаемаго имъ; его личное могущество есть результатъ знаній, сдѣлавшихся въ немъ живою силою. Это положеніе свое авторъ подкрѣпляетъ и разъясняетъ многочисленными примѣрами почти изо всѣхъ сферъ человѣческой дѣятельности. Чосеръ, Шекспиръ, Мильтонъ, Уардсвордъ, Теннисонъ, Ламбъ, серъ Эдвардъ Кольмъ, Гиббонъ, Борке, Джонсонъ, Тарлоу (Thurlow), Чатамъ (Chatham), Уэбстеръ, Клей, Ньютонъ, Цезарь, Наполеонъ, равно доставляютъ ему черты для примѣровъ, при чемъ съ особою тщательностію онъ выбираетъ изъ ихъ жизни такіе именно анекдоты, которые съ наибольшею яркостью рисуютъ особенности каждаго характера. Практическая цѣль книги состоитъ въ томъ, чтобы представить ясно процессъ, коимъ факты превращаются въ силы духа, и наоборотъ, идеи переходятъ въ дѣйствіе.

Нельзя не обратить вниманія на выразившійся въ этой книгѣ тотъ новый пріемъ обработки психологіи, который можно бы назвать конкретною психологіей и котораго первые опыты сдѣланы, сколько намъ извѣстно, новѣйшими англійскими психологами. Въ соединеніи съ другою методою, именно съ дробнымъ анализомъ функцій человѣческаго духа, этотъ новый методъ, можно надѣяться, принесетъ существенную пользу успѣхамъ психологіи вообще.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКІЯ ХРИСТОМАТІИ.

Соотвѣтственно двумъ учебнымъ предметамъ — русскому языку и словесности, мы имѣемъ христоматіи двухъ родовъ: однѣ назначены для употребленія на урокахъ русскаго языка, другія — для употребленія на урокахъ словесности.

Христоматіи послѣдняго рода, то-есть, какъ *пособія при изученіи словесности*, подраздѣляются на два разряда: однѣ заключаютъ въ себѣ литературные образцы, какъ примѣры прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій, и служатъ къ ознакомленію учащихся съ характеромъ разныхъ видовъ поэзіи и прозы (таковы христоматіи гг. Галахова и Филонова); другія, представляя сборники лучшихъ произведеній слова въ хронологическомъ порядкѣ, необходимы при изложеніи исторіи литературы (таковы, напримѣръ, историческія христоматіи гг. Буслаева, Галахова, Скошина и Каневича).

Въ христоматіяхъ перваго рода, какъ *пособіяхъ при изученіи языка*, различаются также два разряда. Одни сборники служатъ единственно для занятій русскимъ языкомъ (напримѣръ, христоматія г. Басистова); другія, будучи своего рода энциклопедіями, имѣютъ въ виду умственныя упражненія и сообщеніе знаній по разнымъ предметамъ (напримѣръ, книги гг. Ушинскаго и Паульсона). Особенности состава тѣхъ и другихъ сборниковъ опредѣляются ихъ назначеніемъ. Первые сборники должны заключать въ себѣ, соотвѣтственно возрасту учащихся, лучшія произведенія нашей словесности, на чтеніи и разборѣ которыхъ изучается родной языкъ. Вторые сборники должны представлять такой матеріалъ по учебнымъ предметамъ (закону Божію, исторіи, географіи, естествознанію, и проч.), который, при научномъ достоинствѣ содержанія, отличался бы въ то же время и достоинствомъ изложенія правильнаго, точнаго, связнаго.

Христоматіи, назначаемыя въ пособіе при изученіи отечественнаго языка, употребляются въ низшихъ классахъ гимназій и въ уѣздныхъ училищахъ. Что же касается христоматій, какъ энциклопедическихъ сборниковъ, называемыхъ большею частію „Книгами для чтенія", то имъ нѣтъ мѣста ни въ гимназіяхъ, ни въ уѣздныхъ училищахъ: ихъ мѣсто въ народныхъ школахъ, которыя дѣйствительно нуждаются въ хорошемъ руководствѣ этого рода, ибо существующія у насъ неудовлетворительны. Необходимо заняться составленіемъ онаго, на твердыхъ основаніяхъ, по единому плану и опредѣленной системѣ. Опытъ убѣдилъ, что вызовъ по конкурсу не приведетъ къ желанной цѣли въ этомъ дѣлѣ. Одинъ человѣкъ и не въ силахъ выполнить подобную работу. Она должна быть совокупнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ лицъ (смотря по числу отдѣловъ книги), спеціалистовъ по своей части и хорошо знакомыхъ съ учебными потребностями народныхъ школъ.

1. *Русская христоматія для дѣтей*, г. Галахова, какъ книга для чтенія, не полна: въ ней, напримѣръ, вовсе нѣтъ географическаго отдѣла, а выборъ статей изъ естественныхъ наукъ сдѣланъ безъ надлежащаго разбора послѣдовательности. Какъ христоматія, она также неудовлетворительна: съ одной стороны, она заключаетъ въ себѣ многое, что даетъ скудный матеріалъ для упражненій въ русскомъ языкѣ и что, слѣдовательно, не имѣетъ прямаго отношенія къ той цѣли, для которой предназначены подобные сборники; съ другой стороны, она не содержитъ въ себѣ многаго, что было бы необходимо для указанной цѣли, напримѣръ, чисто-народныхъ произведеній, представляющихъ обильный матеріалъ для изученія свойствъ роднаго языка. Новое изданіе этой книги должно быть собственно новымъ трудомъ, новою книгой.

2. *Книга для чтенія и упражненій въ языкѣ*, г. Пенинскаго, самымъ названіемъ своимъ показываетъ, что составитель ея имѣлъ въ виду двѣ цѣли: и сообщить учащимся нѣкоторыя свѣдѣнія, и представить матеріалъ для начальныхъ упражненій въ языкѣ. Къ сожалѣнію, книга не удовлетворяетъ ни той, ни другой цѣли. Она не можетъ удовлетворить первой, такъ какъ почти цѣлая половина ея прозаическаго отдѣла наполнена сказками, притчами, повѣстями и анекдотами, не представляющими научнаго матеріала; въ стихотворномъ же отдѣлѣ, занимающемъ вторую часть книги, никто и не станетъ искать такого матеріала. Она не можетъ удовлетворить и второй цѣли главнѣйшимъ образомъ оттого, что статьи распредѣлены не по содержанію, а по литературной формѣ, которая нужна при

изученіи разныхъ родовъ прозы и поэзіи, но безполезна въ учебномъ пособіи для низшихъ классовъ, гдѣ теорія словесности не проходится и гдѣ, слѣдовательно, неумѣстно размѣщать произведенія словесности на слѣдующіе отдѣлы: басни, сказки, повѣсти, поэмы, идилліи, пѣсни и романсы, баллады, элегіи, оды. Что отсюда происходитъ? Сочиненія, помѣщенныя въ разныхъ отдѣлахъ, могутъ быть одинаково легки или одинаково трудны для упражненій въ языкѣ: онѣ должны группироваться въ одномъ мѣстѣ, а не отдѣляться одни отъ другихъ на основаніи своей литературной формы. Далѣе: статьи, помѣщенныя въ срединѣ или концѣ книги, могутъ даже представлять меньше трудностей для разбора, чѣмъ статьи, находящіяся въ первомъ отдѣлѣ; ибо трудность зависитъ не отъ рода стихотворенія, а отъ его содержанія и изложенія. Такимъ образомъ нарушено главнѣйшее педагогическое требованіе — постепенно переходить отъ легчайшаго къ труднѣйшему. Другой недостатокъ книги г. Пеннинскаго заключается въ томъ, что нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ ней піесъ не по силамъ ученику уѣзднаго училища или низшихъ классовъ гимназіи. Ни основной ихъ мысли, ни чувства, ими выраженнаго, они не въ состояніи уразумѣть и воспринять надлежащимъ образомъ; таковы, напримѣръ, *Къ радости* (Козлова), *Мысль* (Шевырева), *Когда волнуется желтѣющая нива* (Лермонтова), *На смерть кн. Мещерскаго* (Державина). Наконецъ, въ самомъ распредѣленіи встрѣчаются ошибки: иныя піесы отнесены не къ тѣмъ родамъ, къ какимъ онѣ принадлежатъ. Такъ стихотворенія: *Пѣснь русскому царю* (Жуковскаго), *Утро* (Мерзлякова), *Когда волнуется желтѣющая нива*, *Полуночница* (гр. Растопчиной) причислены, неизвѣстно почему, къ одамъ, тогда какъ первыя два — пѣсни, а послѣднія два — элегіи.

3. *Міръ Божій. Руководство по русскому языку для приготовительнаго класса* (въ военно-учебныхъ заведеніяхъ). Составилъ А. Разинъ (2-е изд., 1860). Это руководство составлено на основаніи „Наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденнаго 24-го декабря 1848 года“ и „Конспекта русскаго языка и словесности для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, составленнаго А. Галаховымъ и Ѳ. Буслаевымъ“ (1852), подъ руководствомъ того же „Наставленія“.

Со времени „Наставленія“ прошло 19 лѣтъ, а со времени „Конспекта“ 15-ть. Въ теченіе такого значительнаго періода измѣнилось многое въ самихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ собственно и назначенъ „Міръ Божій“. Особеннымъ перемѣнамъ под-

верглись понятія о числѣ преподаваемыхъ предметовъ и объемѣ каждаго, о характерѣ и способѣ преподаванія. „Программа русскаго языка и словесности", совмѣстный трудъ гг. Галахова и Буслаева, вслѣдствіе замѣчаній, доставленныхъ педагогическими совѣтами корпусовъ, была, въ особо устроенной коммисіи, пересмотрѣна и сокращена во всѣхъ частяхъ. Историко-практическое преподаваніе этихъ предметовъ, положенное въ основу начальной, слишкомъ обширной програмы, уступило свое мѣсто чисто-практическому въ програмѣ сокращенной. Приготовительный классъ воспитанниковъ, для котораго собственно г. Разинъ составлялъ свою книгу, уже не существуетъ, и вмѣсто прежде бывшихъ пяти общихъ классовъ военныя гимназіи заключаютъ въ себѣ въ настоящее время шесть. Преобразованія, вызванныя опытомъ, неминуемо отразились на учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ, такъ что книга г. Разина, отвѣчавшая педагогическимъ требованіямъ назадъ тому десять или восемь лѣтъ, теперь потеряла прежнее свое значеніе, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, и то, что въ „протоколѣ засѣданій коммиссіи по предмету русскаго языка во 2-й Петербургской военной гимназіи" (*Педагогическій Сборникъ*, книжка XV), она уже признана неудобною для употребленія въ обоихъ низшихъ классахъ (1-мъ и 2-мъ).

Разсмотримъ содержаніе книги г. Разина.

Первая часть ея, подъ заглавіемъ *Разнообразіе природы* (126 страницъ), состоитъ изъ пяти отдѣловъ: *Животныя, растенія, земля, небо, человѣкъ, наблюдающій природу*. „Здѣсь, говоритъ составитель, представлена небольшая картина разнообразія природы, въ системѣ, которая, однакожь, скрыта отъ ученика. Изъ каждаго класса животныхъ вкратцѣ описано по одному или по нѣскольку недѣлимыхъ. Потомъ разказано о нѣсколькихъ растеніяхъ, о слояхъ земли и объ устройствѣ самого земнаго шара. Далѣе земля разсматривается въ отношеніи къ другимъ небеснымъ тѣламъ, описываются луна, солнце, планеты и звѣзды. За тѣмъ объяснены органы чувствъ человѣка, наблюдающаго природу".

Во второй части, подъ заглавіемъ: *Борьба человѣка съ враждебными силами природы* (78 страницъ, съ 127-й по 205-ю), „описаны тепло и холодъ, облака и гроза, барометръ и громоотводы, нѣкоторыя болѣзни, борьба противъ голода, противъ воды, и т. д." Между статьями, наполняющими эту часть, помѣщены — болѣзни: вывихъ, переломъ, отнятіе руки; заботы о пищѣ: скотоводство, земледѣліе, садоводство, прививка, рыбная ловля; борьба противъ воды: лодка,

корабль; борьба противъ другихъ силъ природы: ржавчина, азотъ, кислородъ, водородъ, угольная кислота; дыханіе животныхъ и растеній, сѣра, ртуть, мышьякъ, противоядіе, болѣзни, головная водянка, ея лѣченіе, шпанская муха.

Въ третьей части, подъ заглавіемъ: *Борьба между людьми* (142 страницы, съ 205-й по 347-ую), „описано начало человѣческихъ обществъ, Египетъ, Греція, Римъ и потомъ нѣкоторые важнѣйшіе факты изъ жизни народовъ. Наибольшее вниманіе обращено на исторію нашего отечества, въ особенности со вступленія на престолъ великаго дома Романовыхъ. Послѣ того разказано о нѣсколькихъ другихъ народахъ, о ихъ языкахъ, нравахъ, вѣрѣ и нѣкоторыхъ изъ способовъ, употребляемыхъ ими для нападенія и защиты". Послѣдній отдѣлъ этой части (*способы для защиты и нападенія*) содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: порохъ, сраженіе, укрѣпленіе, фашины, крѣпость, осада, траншеи, сапа, туры.

Наконецъ, четвертая часть, подъ заглавіемъ: *Мирныя занятія для достиженія удобствъ жизни и наслажденій* (92 стр., съ 347-й по 439-ю), „состоитъ изъ описанія нѣкоторыхъ средствъ, употребляемыхъ для достиженія удобствъ жизни: разказано о приготовленіи стекла, о добываніи соли, объ устройствѣ часовъ. Наконецъ, нѣсколько страницъ назначено для развитія понятія о прекрасномъ въ архитектурѣ, живописи, скульптурѣ, поэзіи и музыкѣ". Здѣсь, между прочимъ, рѣшается вопросъ: что лучше — красота природы, или красота картины?

Краткій обзоръ плана и содержанія книги приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Изъ нѣсколькихъ цѣлей, достиженію которыхъ должна служить книга и которыя обозначены въ предисловіи, авторъ ея имѣлъ преимущественно въ виду — *обогащать умъ познаніями самыми разнообразными*, на что̀ указываетъ и самое заглавіе: „Міръ Божій".

2) Въ этомъ кругу самыхъ разнообразныхъ познаній, на первомъ планѣ стоитъ естествовѣдѣніе. Статьи, къ нему относящіяся, занимаютъ бо̀льшую часть руководства.

3) Въ исторической и этнографической частяхъ, послѣдній отдѣлъ (*способы, употребляемые для нападенія и защиты*) введенъ, какъ должно полагать, по требованіямъ военно-учебнаго курса, имѣющаго цѣлію приготовлять образованныхъ воиновъ.

4) Отдѣльной, собственно-литературной части нѣтъ. Отрывки и цѣлыя небольшія сочиненія, въ стихахъ и прозѣ, допущены только

по поводу сообщенія познаній и потому разбросаны по разнымъ отдѣламъ книги. Авторъ даетъ имъ подчиненное, а не самостоятельное значеніе: они служатъ какъ бы внѣшнею приставкой къ существенному содержанію — естествознанію, исторіи, описанію народовъ и объясненію изящныхъ искусствъ.

Какимъ образомъ подобное руководство пріурочить къ упражненіямъ воспитанниковъ низшихъ классовъ гимназій въ русскомъ языкѣ? Что̀ найдетъ въ немъ преподаватель этого предмета для своей спеціальности? Въ гимназіяхъ реальныхъ, натуральная исторія преподается въ такомъ объемѣ, что нѣтъ никакой надобности усиливать ея преподаваніе новыми еще занятіями на урокахъ русскаго языка. Въ гимназіяхъ же классическихъ, необходимыя свѣдѣнія по естественной исторіи сообщаются въ трехъ низшихъ классахъ особымъ преподавателемъ: зачѣмъ же то же самое будетъ дѣлать преподаватель русскаго языка, жертвуя дорогимъ временемъ въ ущербъ собственному своему предмету и въ пользу предмета ему посторонняго, котораго онъ очень легко можетъ не знать и на самомъ дѣлѣ весьма часто не знаетъ? Каково бы ни было достоинство статей, образующихъ первый и второй отдѣлы „Міра Божія", равно какъ часть третьяго и часть четвертаго, во всякомъ случаѣ, трудъ г. Разина, по своему характеру и составу, выходитъ за предѣлы преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ и даетъ поводъ преподавателю отклоняться отъ своей прямой обязанности, состоящей въ томъ, чтобы обучать русскому языку, а не какой-то энциклопедіи. Собственно литературныя статьи, какъ наилучшій матеріалъ для изученія языка, занимаютъ едва пятую часть въ книгѣ, состоящей изъ 440 страницъ; все прочее — естественная исторія, физика, химія, технологія, сельское хозяйство, всеобщая и русская исторія. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ четвертой части (объ изящномъ вообще и о различіи изящныхъ искусствъ) не можетъ быть предметомъ бесѣды не только въ первомъ, но и во 2-мъ и въ 3-мъ классахъ. Это — преждевременно, и потому безполезно.

4. *Для чтенія и разказа. Христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка,* г. Басистова. Изданіе 5-е. Назначеніе этой книги, видное изъ ея заглавія, кромѣ того объяснено въ предисловіи. „Она, говоритъ г. Басистовъ, должна служить для практическихъ занятій, которыя предшествуютъ теоретическому изученію грамматики, то-есть, для чтенія съ разборомъ логическимъ и вещественнымъ и для пересказыванья прочитаннаго".

Отъ другихъ сборниковъ, составленныхъ съ тою же цѣлью, она отличается тремя предметами, которые также указаны въ предисловіи.

Первое отличіе заключается въ томъ, что самый обширный отдѣлъ книги посвященъ сказкамъ, которыя стоятъ на первомъ мѣстѣ. Это сдѣлано по двумъ причинамъ: 1) „Книга для первоначальнаго чтенія должна прежде всего пріохотить ребенка къ чтенію, а замѣчено, что ни за что не принимаются дѣти съ такою охотой, какъ за сказки; 2) упражненіе въ пересказываньи прочитаннаго должно начаться съ вещей самыхъ простыхъ, совершенно доступныхъ пониманію ребенка, и въ этомъ отношеніи также ничего не можетъ быть удобнѣе сказокъ".

Мнѣнія преподавателей по этому предмету не одинаковы. Основанія, выставленныя г. Васистовымъ, имѣютъ въ виду только охоту дѣтей читать сказки и легкость пересказывать прочитанныя сказки, и съ этой стороны нельзя съ ними не согласиться. Но есть другая сторона въ томъ же предметѣ, именно: языкъ, къ изученію котораго должны быть направлены занятія преподавателя. Съ какого языка слѣдуетъ начинать это изученіе: съ простонароднаго или съ литературнаго? Большая часть педагоговъ справедливо думаютъ, что при знакомствѣ съ отечественнымъ языкомъ литературный языкъ долженъ предшествовать простонародному. Литературный языкъ больше или меньше извѣстенъ дѣтямъ, частію изъ чтенія книгъ и частію изъ разговора. Простонароднаго они могутъ не знать, почему и встрѣтятъ въ сказкахъ многія слова для нихъ непонятныя или не употребляемыя ни въ образованномъ обществѣ, ни въ литературѣ. Такъ, напримѣръ, сказка: „Колобокъ" затруднитъ ученика самымъ своимъ заглавіемъ. Надобно будетъ объяснить ему, что это — уменьшительное отъ слова *колобъ* (круглый хлѣбъ, коровай). Читая въ ней стихи:

Я по коробу скребенъ,
По сусѣку метенъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,

ученикъ остановится на словахъ: *сусѣкъ* (закромъ) и *пряжонъ* (отъ глагола *пряжить* — жарить что-либо мучное въ маслѣ). Въ другой сказкѣ: „Коза", стихъ:

Добро же, коза, пошлю на *тя волки*,

представитъ учащемуся, вопервыхъ, славянскую форму винительнаго падежа мѣстоименія *ты*, а вовторыхъ — неправильное окончаніе ви-

нительнаго падежа слова *волкъ* (*волки* вмѣсто *волковъ*). Такая же неправильность въ стихѣ:

Люди нейдутъ *медвѣдь* стрѣлять (вмѣсто медвѣдя).

Объясненіе слова: *клюшка* (въ сказкѣ „Мѣна") учитель не найдетъ даже въ Академическомъ Словарѣ и долженъ будетъ искать его въ областномъ, гдѣ прочтетъ: „клюшка, иначе ключка (уменьшительное отъ *клюка* — палочка съ загнутымъ концемъ, которою дѣти подбиваютъ шаръ)". Кромѣ того попадается слово *николи* (никогда), выраженіе: „Лиса отъ нихъ *бѣгла, бѣгла*" (вмѣсто бѣжала, бѣжала) и т. п. Правда, нѣкоторыя слова объяснены самимъ составителемъ въ словарѣ, приложенномъ къ концу книги, но другія (напримѣръ, *пряжено*) остались безъ объясненія, равно какъ не объяснены выписанные выше обороты. Притомъ нѣтъ никакой надобности, при начальномъ изученіи языка, знакомить учащихся прежде всего съ архаизмами и провинціализмами, а не съ чисто-литературнымъ языкомъ образцовыхъ писателей. Конечно, знаніе простонароднаго русскаго языка обязательно для каждаго Русскаго, но оно пріобрѣтается въ свое время. Можно исподволь знакомиться съ нимъ и въ низшихъ классахъ, но не слѣдуетъ начинать имъ первые уроки. Цѣль изученія русскаго языка состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть читать русскія книги, устно и письменно выражаться на русскомъ языкѣ надлежащимъ образомъ, какъ прилично образованному человѣку. Но книги наши написаны языкомъ литературнымъ, а не простонароднымъ, говоримъ мы въ обществѣ и выражаемся на письмѣ тоже образованно-народною рѣчью, а не рѣчью простонародья.

Противъ внесенія сказокъ въ хрестоматію, какія бы онѣ ни были — народныя или художественно обработанныя — сказать нечего. Независимо отъ вышеприведенныхъ основаній, по которымъ г. Басистовъ допустилъ ихъ въ свой сборникъ, сказки удовлетворяютъ еще эстетической потребности дѣтей. На съѣздѣ учителей русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа (1866), предсѣдатель особо устроенной по этому случаю коммиссіи, профессоръ Тихонравовъ заявилъ справедливую мысль, что при выборѣ статей для чтенія, „нельзя устранять легкихъ поэтическихъ произведеній, сказокъ, принимая во вниманіе поэтическое настроеніе дѣтскаго возраста".

Вторымъ отличіемъ книги г. Басистова служитъ то, что въ ней отведено мало мѣста такъ-называемымъ реальнымъ свѣдѣніямъ. Отдѣлъ ея, подъ заглавіемъ: „изъ русской природы и быта", содер-

жать въ себѣ „только такія статьи, въ которыхъ произведенія природы и бытовая сторона жизни представлены не въ ученыхъ описаніяхъ, а въ разказахъ, болѣе интересныхъ для ребенка и болѣе удобныхъ для пересказыванья и другихъ практическихъ упражненій, употребительныхъ при первоначальномъ обученіи языку“.

Это отличіе должно быть поставлено въ достоинство книгѣ и въ заслугу ея составителю, который поступилъ весьма благоразумно, не погнавшись за двумя цѣлями — обученіемъ дѣтей русскому языку и сообщеніемъ имъ разнородныхъ свѣдѣній, а предложивъ свою книгу для одной цѣли, къ которой обязанъ идти преподаватель — для руководства при начальныхъ занятіяхъ русскимъ языкомъ. Изъ педагогическаго опыта вынесено неоспоримое и печальное убѣжденіе, что въ рукахъ преподавателя русскаго языка энциклопедическіе сборники (выходившіе и выходящіе большею частью подъ названіемъ „Книгъ для чтенія“) оказались положительно вредными, отвлекая его отъ предмета, для котораго онъ приглашенъ въ школу и который онъ долженъ знать, и привлекая его къ такимъ предметамъ, которыхъ онъ очень легко можетъ не знать. Объяснительное чтеніе статей, наполняющихъ такія дѣтскія энциклопедіи, производилось почти всегда въ ущербъ урокамъ русскаго языка. Вмѣсто того, чтобы заняться своимъ собственнымъ дѣломъ, преподаватель дѣлилъ занятія между нѣсколькими дѣлами; оставляя русскую грамоту, онъ бесѣдовалъ съ учениками о громѣ и молніи, о полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ, о различіи между легкими и жабрами и т. п. Говорятъ, что такими бесѣдами удовлетворяется любознательность учащихся, развивается и образуется ихъ умъ. Конечно, преподаватель русскаго языка, на ряду съ своими товарищами, образуетъ юношество, но онъ долженъ это дѣлать средствами своей науки. Его ли обязанность сообщать ученикамъ свѣдѣнія изъ закона Божія, исторіи, географіи, естествознанія? Для этого есть законоучители, учители всеобщей и натуральной исторіи, географіи. Поэтому христоматія, какъ пособіе при начальномъ изученіи русскаго языка, и не должна имѣть другаго назначенія, кромѣ назначенія сообщать матеріалъ для занятій русскимъ языкомъ въ низшихъ классахъ гимназій. Христоматія г. Басистова отвѣчаетъ такой цѣли: выборъ статей ея опредѣлялся ихъ примѣненіемъ къ начальнымъ урокамъ изъ русскаго языка.

Послѣднее отличіе книги г. Басистова заслуживаетъ полнаго одобренія. „Въ моемъ сборникѣ, говоритъ онъ, почти все русское — *русскія* сказки, разказы изъ *русской* исторіи, изъ *русской* природы

и быта... Мнѣ хотѣлось, чтобы первыя впечатлѣнія ребенка роднили его съ нашимъ роднымъ языкомъ и бытомъ, съ нашею природой и исторіей; я желалъ, чтобы любознательность ребенка, при первомъ своемъ пробужденіи, останавливалась на своемъ, а не на чужомъ. Мнѣ казалось, что у насъ это нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо".

Кромѣ трехъ отличій, указанныхъ въ предисловіи, хрестоматія г. Басистова представляетъ еще четвертое: число статей ея, заимствованныхъ изъ произведеній народнаго творчества, вообще превышаетъ число статей, взятыхъ изъ образованной литературы. Это крайность, которую, впрочемъ, нельзя назвать ни существеннымъ, ни вреднымъ недостаткомъ. Къ тому же, этотъ недостатокъ легко исправить: преподаватель можетъ начать чтеніе съ статей, написанныхъ языкомъ литературнымъ.

Въ хрестоматіи г. Басистова семь отдѣловъ, которые идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Сказка", „Разказы изъ русской исторіи", „Изъ русской природы и быта", „Повѣсти и анекдоты", „Басни", „Пословицы и загадки", „Стихотворенія". Въ концѣ находится объясненіе малоупотребительныхъ старинныхъ, областныхъ, техническихъ, иностранныхъ и тому подобныхъ словъ, встрѣчающихся въ книгѣ. Выборъ статей большею частью удовлетворителенъ, какъ по содержанію, такъ и по языку, хотя не можемъ не замѣтить, что составитель напрасно помѣстилъ сказки: Лутонюшка, Дуракъ и береза, Коза, О лошадиной головѣ... Онѣ не представляютъ ничего назидательнаго, и безъ нихъ книга его скорѣе выиграла бы въ своемъ достоинствѣ, чѣмъ проиграла.

Вообще же, книга г. Басистова — одно изъ лучшихъ пособій въ этомъ родѣ для низшихъ классовъ гимназій.

5. *Русская хрестоматія, какъ пособіе при преподаваніи грамматики отечественнаго языка*, 3 книжки (1864), и *Русская хрестоматія, — разнообразное и полезное чтеніе для простолюдиновъ*, г. Новаковскаго, состоятъ почти изъ однихъ и тѣхъ же статей, расположенныхъ въ шести отдѣлахъ. Какими основаніями руководился составитель при выборѣ статей и почему онъ одну хрестоматію назначилъ какъ пособіе при изученіи русской грамматики, а другую, почти изъ тѣхъ же статей, за исключеніемъ очень немногихъ, для простолюдиновъ, этого онъ не высказываетъ. То же безразличіе замѣчается и между тремя книжками „Русской хрестоматіи", которыя назначены для одной и той же цѣли — служить пособіемъ при преподаваніи грамматики отечественнаго языка.

Самъ составитель въ предисловіи говоритъ, что какъ грамматика проходится въ трехъ классахъ, то и матеріалъ для грамматическихъ занятій долженъ быть распредѣленъ по классамъ въ достаточномъ количествѣ, и что какъ даже одинъ годъ много измѣняетъ дѣтей въ юномъ ихъ возрастѣ, то статьи для чтенія должны быть болѣе приноровлены къ воспитанникамъ каждаго класса. Отсюда видно, что три книжки, для трехъ низшихъ классовъ, должны имѣть двоякое между собою различіе: внѣшнее и внутреннее. Внѣшнее различіе состоитъ въ количествѣ матеріала, или иначе, въ объемѣ книги. Чѣмъ выше классъ, тѣмъ, конечно, ученики могутъ больше прочесть, больше пересказать, больше написать, больше выучить наизусть. Внутреннее различіе заключается въ томъ, чтобы выбранныя статьи, какъ матеріалъ для грамматическихъ занятій, были, въ этомъ отношеніи, приноровлены къ развитію и знаніямъ учащихся. Чѣмъ ниже классъ, тѣмъ статьи должны быть легче по встрѣчающимся въ нихъ этимологическимъ, синтаксическимъ и орѳографическимъ особенностямъ; чѣмъ классъ выше, тѣмъ онѣ, съ той же стороны, то-есть, со стороны грамматическаго разбора и правописанія, должны заключать въ себѣ больше трудностей.

Эти требованія не выполнены г. Новаковскимъ. Внѣшняго различія между его книжками нѣтъ. Напротивъ, онъ какъ бы нарочно заботился объ одинаковомъ объемѣ своихъ книжекъ, такъ что ни одна изъ нихъ не можетъ, въ этомъ отношеніи, почитать себя обиженною. Книжка для 1-го класса содержитъ въ себѣ 285 страницъ; книжка для 2-го класса — также 285, книжка для 3-го класса 286, одною страницей больше.

Но гораздо важнѣе отсутствіе внутренняго различія между тремя книжками. Каждая книжка дѣлится на четыре слѣдующіе отдѣла: 1) сказки, 2) басни, 3) разказы (изъ священной и русской исторіи и о разныхъ предметахъ) и 4) стихотворенія. Замѣтимъ, что въ этомъ дѣленіи нѣтъ единства основанія: члены дѣленія не составляютъ видовъ одного и того же рода. Басни суть также стихотворенія, къ которымъ равно относятся и сказки, написанныя стихами. Кромѣ того, нѣкоторые члены дѣленія (басни, сказки, историческіе разказы) показываютъ, что авторъ принялъ за основный признакъ дѣленія литературную форму; но такой признакъ, какъ выше замѣчено, можно допустить при изученіи родовъ и видовъ прозы и поэзіи, а не для первоначальныхъ упражненій въ языкѣ. Отъ этого потеряна педагогическая цѣль: ни въ цѣлыхъ книжкахъ, ни въ отдѣлахъ каждой

книжки нѣтъ постепенности въ переходахъ отъ самаго легкаго къ болѣе трудному.

Подкрѣпимъ наше указаніе примѣрами.

Баснописцы, у которыхъ заимствованы басни въ первую книжку, идутъ одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ: Крыловъ, Дмитріевъ, Хемницеръ, Измайловъ и опять Крыловъ. Чѣмъ обусловленъ этотъ порядокъ? Достоинствомъ баснописцевъ? Но тогда зачѣмъ однѣ басни Крылова отдѣлены отъ другихъ его басенъ вставкою Дмитріева, Хемницера, Измайлова. Постепеннымъ восхожденіемъ грамматическаго разбора отъ легчайшаго къ болѣе трудному? Но извѣстно, что басни Крылова, будучи исполнены многихъ чисто-народныхъ оборотовъ и своеобразныхъ выраженій, представляютъ при грамматическомъ ихъ разборѣ больше затрудненій, чѣмъ басни Дмитріева. Удобствомъ при сообщеніи содержанія, или при заучиваніи наизусть? Но въ такомъ случаѣ басня „Стрекоза и Муравей", съ которой дѣти большею частію начинаютъ знакомство съ Крыловымъ, долженствовала бы стоять на первомъ мѣстѣ, а она занимаетъ шестнадцатое. Такой же, не объясняемый достаточными причинами, порядокъ басенъ и во второй книжкѣ (Крыловъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Хемницеръ), и въ третьей (Крыловъ, Хемницеръ, Дмитріевъ, Крыловъ).

Возьмемъ другой примѣръ. Разказы изъ русской исторіи идутъ по всѣмъ тремъ книжкамъ въ хронологическомъ порядкѣ, начинаясь, въ 1-й книжкѣ, статьею С. М. Соловьева: „Славяне — первые обитатели Россіи", и оканчиваясь, въ 3-й, „приказомъ войскамъ при выступленіи за предѣлы Россійской имперіи" (1812 г.). Такое распредѣленіе имѣло бы смыслъ, если бы составитель намѣревался сообщать дѣтямъ факты отечественной исторіи въ ихъ послѣдовательности. Но у него не было подобнаго намѣренія. Его книга должна служить пособіемъ при изученіи русскаго языка, а не русской исторіи. Зачѣмъ же онъ размѣстилъ разказы по времени? Ему нуженъ былъ языкъ, а со стороны языка рѣчь г-жи Ишимовой больше приноровлена къ 1-му классу, чѣмъ рѣчь Соловьева, Погодина и Карамзина. Ея статья: „Какъ встрѣтилъ татарскаго посла Іоаннъ III", помѣщенная во 2-й книжкѣ, проще и удобнѣе для всякихъ грамматическихъ упражненій, чѣмъ, напримѣръ, статья Погодина: „Какъ и когда началось русское государство", вошедшая въ первую книжку.

Вотъ еще примѣръ изъ отдѣла стихотвореній. „Разказъ гусара" (Пушкина) задастъ ученикамъ много работы при разборѣ этимологическомъ и синтаксическомъ, а между тѣмъ она помѣщена въ 1-й

книжкѣ. Г. Новаковскій, видимо, увлекся шутливостью содержанія (впрочемъ, не для дѣтей предложеннаго) и упустилъ изъ виду грамматическое изученіе языка. Дай Богъ, чтобъ ученики и 3-го класса сумѣли безъ ошибокъ разобрать слѣдующія предложенія и другія мѣста въ стихахъ Пушкина: И вижу — *силянка;* понюхалъ: *кисло!* — Я вижу: *худо!* — Я: *брысь!* — *Кой чортъ! вѣрь не вѣрь.* — Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу: *правѣй!* — *Домой? да, чорта съ два!* и пр.

Вообще, трудъ г. Новаковскаго составленъ безъ строго-обдуманной мысли, и потому въ немъ нѣтъ ни опредѣленной цѣли, ни опредѣленнаго плана. Христоматія его — самый обыкновенный наборъ статей, легко достающійся каждому и не заключающій въ себѣ никакихъ особенностей, которыя служили бы осуществленіемъ извѣстнаго взгляда и отличали бы чѣмъ-нибудь книгу отъ другихъ того же рода.

Въ дополненіе къ сказанному мы обязаны поставить на видъ составителю еще и то, что статьи, выбираемыя въ пособіе при изученіи грамматики, должны быть безупречны въ отношеніи къ языку. Напротивъ, нѣкоторыя статьи въ книжкахъ г. Новаковскаго не отличаются ни правильностью выраженія, ни точнымъ употребленіемъ словъ. Въ доказательство приводимъ слѣдующіе примѣры:

Изъ 1-й книжки:

Стр. 154. Говорятъ, однако, что остальной поморскій скотъ выгоднѣй и *благодарнѣй* холмогорскаго для откармливанья.

Стр. 160. Собака можетъ быть *примѣнена къ различнымъ цѣлямъ*... Она привязывается къ человѣку съ *нечеловѣческою* привязанностью.

Стр. 189. Огромный удавъ *вышелъ* изъ лѣсу (пресмыкающіяся не ходятъ).

Стр. 192. Офицеръ возвратился въ домъ своего хозяина и разказалъ *о своемъ происшествіи.*

Стр. 201. Какъ только *разрубишь* дерево, сокъ выступаетъ на поверхность *разрѣза* (слѣд. *надрубишь* или *надрѣжешь*, какъ и сказано на слѣдующей страницѣ).

Стр. 204. Въ это-то время приступаютъ *къ облупливанію* пробки; въ первый разъ *снятая* съ дерева, пробка и т. д. (слѣд. къ *сдиранію*, или *снятію*, а не облупливанію).

Стр. 227. А тутъ другой новобранецъ кланяется въ ноги и *цѣлуетъ ихъ отцу родному.* Старуха то откроетъ морщинистое лицо свое, то *прижметъ имъ на* милую голову сына своего.

Стр. 228. Старики *уперлись на* свои посохи (оперлись, а не уперлись).

Стр. 230. Вѣрной, крѣпкой рукой обнялъ ты свою милую; вся *прилипла* она къ тебѣ (не прилипла, а *прильнула*).

Стр. 242. Вымазалъ себѣ лицо сокомъ какой-то травы, одѣлся въ лохмотье, *перевязалъ себѣ шею и ноги*, какъ увѣчный нищій.

Въ правописаніи самого составителя есть нѣкоторыя особенности которыя, какъ новизны, не должны быть вводимы въ школу. Онъ пишетъ: при чомъ, *междутѣмъ* (не разставляя словъ), *кромѣтого* (то же), *послѣэтого* (то же), *послѣтого, длячего* и пр.

6. *Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ.* (Учебное пособіе для народныхъ училищъ). Г. Паульсона. 1866. Сборникъ г. Паульсона долженъ служить пособіемъ при изученіи отечественнаго языка. Такое назначеніе книги указано какъ ея заглавіемъ, такъ равно и „предисловіемъ для учениковъ", въ которомъ исчислены качества ученика, *желающаго изучить свой родной языкъ.*

Между тѣмъ изъ „общаго оглавленія" книги видно, что статьи, въ ней содержащіяся, распредѣлены не соотвѣтственно цѣли, указанной заглавіемъ и предисловіемъ, но по какой-то особой системѣ, въ которой являются новые предметы, совершенно отличные отъ языка и его изученія. Восемь отдѣловъ сборника получили слѣдующія названія:

1) Изъ семейнаго быта.
2) Изъ городскаго быта.
3) Изъ сельскаго быта (деревня, поле, дорога, лугъ, лѣсъ и воды).
4) Человѣческій организмъ.
5) Животныя, растенія и минералы.
6) Міровыя явленія.
7) Отношенія человѣка къ Богу.
8) Родина, отечество.

Не умѣя объяснить себѣ, что заставило г. Паульсона принять такое, а не другое основаніе въ размѣщеніи собраннаго имъ матеріала, и не находя никакихъ тому объясненій у него самого, мы должны разсматривать книгу съ точки зрѣнія ея составителя, то-есть, при обзорѣ отдѣловъ опредѣлять, на сколько они оправдываютъ названія, имъ данныя.

При такомъ разсмотрѣніи оказывается, что очень многія статьи, ни по своему содержанію, ни по мысли, въ нихъ выраженной, не только не подходятъ къ ихъ общимъ рубрикамъ, но могли бы, безъ

вольнаго насилія, стоить въ другихъ отдѣлахъ, что какъ „общее оглавленіе" не отвѣчаетъ предвзятой цѣли, такъ и размѣщеніе состава книги, почти на цѣлую ея половину, не отвѣчаетъ предметамъ, обозначеннымъ въ названіяхъ отдѣловъ.

Примѣры такого страннаго размѣщенія встрѣчаются очень часто. Обратимся за ними, прежде всего, къ отдѣлу четвертому — *человѣческій организмъ.* Первая статья: „Старые и молодые люди" (№ 208), по заглавію только, можетъ занимать здѣсь мѣсто; по мысли же, что гораздо важнѣе заглавія, ей не слѣдуетъ здѣсь находиться. Эта мысль состоитъ въ нравоученіи: *не хорошо издѣваться надъ старыми людьми.* И ученикъ, и учитель остановятся на нравоученіи, для котораго собственно разказъ и написанъ. Разсуждать же о томъ, что такое молодость и старость, и каковъ у человѣка организмъ въ эти возрасты, никому не придетъ въ голову, такъ какъ въ самомъ разказѣ нѣтъ о томъ ни слова.

Изъ разказа о старикѣ, сѣявшемъ сѣмяна грушъ и яблокъ (№ 210) безъ надежды вкушать ихъ плоды, выводится нравоученіе, что мы должны жить не для себя только, но и для ближнихъ. Внѣшнимъ поводомъ къ разсужденію объ организмѣ можетъ служить единственно слово „старикъ".

Статьи: „за чѣмъ не видалъ"? „за чѣмъ не слыхалъ"? (211 и 213) самыми заглавіями показываютъ, что человѣкъ долженъ пользоваться глазами и ушами внимательно. Привязать къ этимъ разказамъ бесѣду о зрѣніи и слухѣ, а также объ органахъ этихъ чувствъ, пожалуй, есть возможность, но такая привязь будетъ насильственною, ни мало не доказывающею, что статьи разумно отнесены къ отдѣлу о человѣческомъ организмѣ.

Въ статьѣ: „за чѣмъ тебѣ данъ вкусъ"? (215) идетъ рѣчь о работницѣ, выпившей хозяйское молоко и въ оправданіе сказавшей, будто она ночью сочла молоко за воду. Дѣло здѣсь въ дурномъ поступкѣ работницы, а не въ ея вкусѣ, такъ что статью лучше было бы озаглавить: наказанное притворство, или наказанная ложь.

Тотъ же отдѣлъ заключаетъ въ себѣ басню Крылова: „Мартышка и очки" (212), вѣроятно потому, что мартышка, по слабости зрѣнія, хотѣла вооружиться очками. Развѣ это причина? Мораль басни (опущенная г. Паульсономъ) ясно указываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду при ея сочиненіи. Онъ выставилъ въ ней невѣжество, отзывающееся дурно о вещахъ, въ которыхъ не знаетъ толку, а иногда ихъ и преслѣдующее. Отсюда крайне далеко до анатоміи и физіологіи глаза,

или до устройства очковъ. Если составитель нашелъ средство отнести басню къ человѣческому организму, то другой составитель съ большимъ приличіемъ отнесетъ ее къ зоологіи (по слову Мартышка).

Статья 223 состоитъ изъ „пословицъ и поговорокъ, *относящихся* къ человѣческому тѣлу“. Изъ чего видно это отношеніе? Отношеніемъ нельзя почесть названіе предмета, особенно если названіе принимается въ иносказательномъ смыслѣ. Развѣ пословицы: „не въ бровь, а прямо въ глазъ“; „у сердца уши есть“; „слухомъ земля полнится“; „на всякое чиханье не наздравствуешься“; „рука руку моетъ“; „локоть близокъ, да не укусишь“; „по одежкѣ протягивай ножки“, и проч. значатъ то самое, что̀ слѣдовало бы думать по словамъ: бровь, глазъ, уши, слухъ, чиханье, рука, локоть, ноги? По своему значенію эти пословицы относятся совершенно къ другимъ предметамъ, — не къ человѣческому тѣлу. Ихъ слѣдовало бы размѣстить на основаніи предлагаемыхъ ими житейскихъ совѣтовъ или нравственныхъ истинъ. При системѣ же г. Паульсона одна и та же пословица очутится въ двухъ-трехъ мѣстахъ; такъ, напримѣръ, пословица: „не всяко лыко въ строку“, отнесется и къ отдѣлу: „лыко“, и къ отдѣлу: „строка“.

Разказъ Даля: „счастье“ (227) научаетъ, что счастіе состоитъ въ довольствѣ самимъ собою — чувствѣ субъективномъ, по которому бѣднякъ, не имѣющій даже рубахи ни на себѣ, ни за собою, спокоенъ и не томится никакими желаніями, тогда какъ другой, имѣющій всего вдоволь, жалуется на судьбу. Какъ этотъ разказъ зашелъ въ отдѣлъ о человѣческомъ организмѣ? Не потому ли, что тутъ есть слово рубашка, которая надѣвается на тѣло, а безъ тѣла не существуетъ организмъ?

Такое же искусственное размѣщеніе статей представляютъ и другіе отдѣлы книги. Многое изъ того, что̀ стоитъ подъ рубрикою: „изъ семейнаго быта“, могло бы, безъ всякаго ущерба для системы, находиться подъ рубриками: „изъ городскаго быта“ или „изъ сельскаго быта“, и на оборотъ. Почему басня Хемницера: „Соловей и Чижъ“ (40) отнесена ко второму отдѣлу (изъ городскаго быта), а „Четыре стихіи“ (28) къ первому (изъ семейнаго быта)? И тамъ и здѣсь есть отецъ и сынъ. И тамъ и здѣсь разказы даютъ поводъ къ нравоученіямъ, хотя различнымъ, но имѣющимъ мѣсто какъ въ кругу семейства, такъ и въ средѣ всякой жизни, городской и не городской: разказъ „о четырехъ стихіяхъ“ внушаетъ, что человѣкъ долженъ быть доволенъ своею должностью, а басня показываетъ, что не слѣдуетъ судить о предметахъ по ихъ наружности. „Ложный стыдъ“ (22) не

есть специальный недостатокъ семейнаго быта: онъ является всюду. „Десять правилъ для жизни“ (37), данныхъ Джефферсономъ, бывшимъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, пригодны для всякаго возраста, состоянія и быта: зачѣмъ они пріурочены къ одному семейному быту? „Пословицы *изъ повседневной жизни*“ (42), какъ показываетъ слово *повседневной*, сохраняютъ свое значеніе каждый день и не теряютъ его ни въ деревнѣ, ни въ городѣ: зачѣмъ же онѣ пріурочены къ городскому быту? Одна изъ нихъ: „одинъ рабъ двумъ господамъ не служитъ“, напротивъ, вовсе нейдетъ къ городу, гдѣ нерѣдко одинъ слуга служитъ десяти господамъ. „Въ переправѣ черезъ рѣку“ (51) нѣтъ и помину о чемъ-либо городскомъ, а упоминается о деревнѣ: почему она помѣщена въ отдѣлѣ изъ „городскаго быта“? Послѣдній стихъ басни Хемницера: „Мужикъ и корова“ (149): *кто ползать родился, тому ужъ не летать*, равно какъ заглавіе разказа: *что знаешь, о томъ не спрашивай* (150), не давали г. Паульсону права включать и басню и разказъ въ ту часть 3-го отдѣла, которая озаглавлена словомъ: *Дорога*. Однакожь онъ включилъ ихъ сюда, основываясь только на томъ, что въ баснѣ мужикъ осѣдлалъ корову и поѣхалъ на ней верхомъ — конечно, по дорогѣ, а въ разказѣ — другой мужикъ везъ возъ сѣна — конечно, также по дорогѣ. Басня Крылова: „Лягушка и Волъ“ (161), изображающая подъ видомъ лягушки людей, живущихъ выше своего состоянія, попала въ другую часть того же 3-го отдѣла — *Лугъ*, какъ надобно думать потому, что лягушка увидѣла вола *на лугу;* „Ворона и Лисица“ (178) очутилась въ новой части *(Лѣсъ)*, на томъ, какъ кажется, основаніи, что ворона взгромоздилась на *ель* позавтракать сыромъ, — котораго, замѣтимъ, въ иномъ селѣ ни за какія деньги не сыщешь.

Изъ этихъ указаній достаточно видно, какими чисто-внѣшними поводами руководствовался г. Паульсонъ при отводѣ того или другаго мѣста статьямъ своего сборника. Можетъ статься, онъ и не придавалъ особенной тому важности, полагая, что главное достоинство собраннаго матеріала заключается въ его интересѣ, разнообразіи и удобствѣ практическаго употребленія, а не въ размѣщеніи его по отдѣламъ. Но въ такомъ случаѣ, лучше было бы вовсе не думать о системѣ, а просто ставить статьи въ алфавитномъ порядкѣ: тогда, по крайней мѣрѣ, ни преподаватель, ни учащіеся не были бы вводимы въ недоумѣніе.

Обращаемся къ другой сторонѣ сборника. Мы уже замѣтили, что книгѣ, назначенной для практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ,

вмѣняется въ непремѣнную обязанность быть осмотрительною въ отношеніи къ языку. Для этой цѣли необходимъ тщательный выборъ статей; въ каждой изъ нихъ строеніе рѣчи должно отличаться правильностью, употребленіе словъ — точностью, связь между ними — логичностью. Разсматривая книгу г. Паульсона съ этой точки зрѣнія, мы находимъ въ ней многія и значительныя погрѣшности, которыя и представляемъ въ нижеслѣдующей выпискѣ.

Стр. 6. Каждымъ часомъ настоящимъ
Въ жизни пользоваться *знай*...
Завтрему не довѣряй.

Стр. 6 и 7. „Письма гимназиста къ роднымъ", могутъ служить скорѣе примѣромъ того, какъ не слѣдуетъ писать ихъ. Имя Гоголя, должно быть, соблазнило г. Паульсона, упустившаго изъ виду, что Гоголь былъ въ то время ученикомъ перваго класса гимназіи. Вотъ что мы читаемъ въ этихъ письмахъ:

„Я весьма радъ, что узналъ *о благополучномъ здравіи* вашемъ. Нужно *заняться вакаціями*, чтобы поспѣть съ честью во второй классъ. Обрадуйте папеньку и маменьку, что я успѣлъ въ наукахъ,—*то, что въ первомъ классѣ гимназіи*, и учитель мною доволенъ. Если только я буду имѣть возможность пріѣхать домой къ вамъ на свой счетъ, не доставя вамъ никакихъ издержекъ, то *это будетъ* мое первое дѣло и долгъ — *поблагодарить* васъ лично... Подарокъ твой, моя милая сестрица, *носили ли бы его или нѣтъ*, я всегда буду носить на себѣ.

Стр. 18. Костя, *сдѣлавъ* всѣ свои уроки.

Стр. 21. Я считаю обязанностію *вознаграждать моимъ родителямъ*.

Стр. 22 и 23. Скажите, какъ вы дѣлаете, что у васъ такъ хорошо все устроено въ хозяйствѣ, такой порядокъ въ домѣ, *тогда какъ незамѣтно никакой особенной причины?*

Стр. 23. Гордость дороже намъ *приходится*, нежели голодъ, жажда и холодъ.

Стр. 23 и 24. Какъ часто *чувствуемъ* мы *въ воображеніи* нашемъ то страданіе, которое въ дѣйствительности никогда не наступитъ для насъ.

Стр. 24. Если случится тебѣ разсердиться на что нибудь, то прежде, нежели начнешь говорить, *просчитай* десять.

Стр. 25. У Франклина былъ другъ, съ которымъ онъ *для упражненія велъ спорную переписку*.

Стр. 25 и 26. Онъ былъ избираемъ защитникомъ выгодъ и правъ своего отечества *противъ другихъ націй*.

Стр. 41. Посѣщая достаточныхъ людей, (онѣ) *излагали* имъ крайнюю *нужду* бѣднаго семейства.

Тамъ же. Услышали (они) *брань купца на своего кучера*.

Стр. 60. Вотъ будетъ весело, какъ *разовьется наша гвоздика*.—Эти цвѣты *выбрасывали* еще только *бутоны*.—Они (цвѣты) едва начали *развертываться*.

Стр. 64. Чего-жъ она плачетъ? — Знаешь *ли чего?* — Такъ это все равно, *что* еслибъ у меня отняли мою маменьку.

Стр. 84. Долина блещетъ *матомъ разныхъ колосковъ.* — Гречиха *кашей темною дрожитъ.* — Зарябѣлся, зажелтѣлся (овесъ), *словно перышки разнесъ.* — Колосикъ ржи *весь съ рогами — какъ улитка, жизни внутренней полна.*

Стр. 94. Кому не случалось *быть* весною на лугу или *по* опушкѣ лѣса?

Стр. 97. Потому-то именно, что я *имѣю столько довѣрія отъ моего хозяина,* мнѣ и должно удвоить свое бдѣніе.

Стр. 117. Связавъ ему (орлу) крылья, они (мальчики) *распустили ему горло* и съ торжествомъ притащили въ городъ.

Стр. 131. Медвѣдь у человѣка — тѣло, лисица — *разумокъ,* а сердце — голубокъ. И я къ несчастію замѣтить могъ, смотря, какъ кормятъ ихъ, что *точно тоже дѣло.*

Стр. 135. Я написалъ все, что узналъ о нихъ (старичкахъ) *на картѣ, которую укрѣпилъ къ* моему письменному *столу.*

Стр. 141. Знатный иностранецъ проѣзжалъ мимо одной деревеньки, *но* нечаянно рессора изломалась.

Стр. 142. Онъ сталъ внимательно *смотрѣть вокругъ комнаты.*

Стр. 166. Какъ будто бы онѣ хотѣли намъ *дѣлать поклонъ* на обѣ стороны.

Стр. 180. И *на нее* (елку) Богъ вѣсть чего *не прицѣпляютъ.*

Стр. 182. Кто желаетъ плода, тотъ долженъ *попрощаться* съ цвѣтами.

Стр. 189. Франклинъ приносилъ пользу своимъ соотечественникамъ не только какъ человѣкъ государственный, но старался служить имъ примѣромъ и какъ земледѣлецъ (вмѣсто: Франклинъ не только приносилъ... но и старался).

Стр. 191. Жители всего земнаго шара... торгуютъ, то-есть, *мѣняются тѣмъ, чего у однихъ много, а у другихъ недостаетъ.*

Стр. 192. Человѣкъ, изобрѣвшій порохъ, хотя можетъ быть и былъ уменъ, но его *умъ нисколько не послужилъ этому открытію.*

Стр. 193. Паровозъ, который можетъ *пройти по* семи миль въ часъ.

Стр. 194. Пользуйся временемъ! Ты дашь *однажды* отчетъ въ употребленіи каждаго часа.

Тамъ же. Вечерняя и утренняя зари почти *сливаются во едино.*

Стр. 214. Обнялись онѣ (водяныя капельки) дружно и *покапали* на землю.

Замѣтимъ также нѣсколько научныхъ невѣрностей:

На стр. 189 сказано, что Франклинъ жилъ въ началѣ *XIX столѣтія,* а на стр. 24-й, что онъ родился въ 1706 году. — Франклинъ не могъ жить ни въ началѣ XVIII, ни въ началѣ XIX столѣтія уже и потому, что жизнь его продолжалась 84 года (съ 1706 по 1790 года).

По мнѣнію г. П., падающія звѣзды суть *не что иное, какъ пары,* которые воспламеняются въ земной атмосферѣ и потомъ угасаютъ.

Въ статьѣ 375-й (стр. 257) читаемъ: *за 350 лѣтъ* знали у насъ только Европу, Азію и Африку. Вычтя 350 изъ 1866, получимъ въ остаткѣ 1516. Развѣ Америка извѣстна съ этого года?

Та же статья (стр. 259) говоритъ: Сибирь завоевалъ Ермакъ въ 1581 г., послѣ Р. Х., стало быть за 280 лѣтъ до насъ. Прибавивъ 280 къ 1581, получимъ 1861, а не 1866. Г. Паульсону слѣдовало сказать за 285 лѣтъ.

Еще одно замѣчаніе. Въ статьѣ 302-й (стр. 194), времена долгайшихъ и кратчайшихъ дней и ночей означены сначала по новому стилю, а потомъ уже по старому, тогда какъ для русскихъ учениковъ слѣдовало бы сдѣлать наоборотъ.

Такимъ образомъ книга г. Паульсона, какъ по странному распредѣленію ея содержанія, такъ и по неправильности языка во многихъ статьяхъ ея, едва-ли можетъ быть очень полезною, и во всякомъ случаѣ сильно нуждается въ исправленіи указанныхъ недостатковъ.

7. *Русская христоматія, съ примѣчаніями (для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Три тома, изд. 2-е. (1-й томъ — 1864, 2 и 3-й — 1865)*, г. Филонова. Г. Филоновъ не указываетъ положительно ту цѣль, которую онъ имѣлъ передъ собою, снабжая свою книгу примѣчаніями. Одни изъ нихъ сообщаютъ теоретическія объясненія того или другаго рода поэзіи; другія передаютъ взглядъ того или другаго писателя на извѣсную піесу или отрывокъ, помѣщенные въ христоматіи. „Самыя примѣчанія, говоритъ предисловіе къ 1-му тому, представляютъ своего рода образцы, которые могутъ также служить предметомъ чтенія и разбора". Слова эти даютъ смутно понимать намѣреніе г. Филонова, собиравшаго примѣчанія. Какіе образцы могутъ представлять собранныя отвсюду примѣчанія? Для чего преподаватель будетъ читать и разбирать ихъ съ учащимися? Болѣе ясное указаніе заключается въ томъ, что примѣчанія или объясняютъ сущность поэтическихъ родовъ и видовъ, или сообщаютъ взгляды ученыхъ на сочиненія, вошедшія въ христоматію. Съ этой точки зрѣнія и надобно разсматривать ихъ.

Теоретическія объясненія родовъ и видовъ поэзіи могутъ быть предлагаемы съ двоякою цѣлію: или для того, чтобы передать учащимся теорію въ современномъ ея состояніи, какъ позднѣйшемъ результатѣ науки; или для того, чтобы представить теорію въ историческомъ ея развитіи, какъ послѣдовательную смѣну однихъ теоретическихъ воззрѣній другими. Примѣчанія г. Филонова не относятся ни къ тому ни къ другому роду изложенія. Вмѣсто современныхъ понятій, выработанныхъ учеными изслѣдованіями, онъ знакомитъ юношество съ стародавними мнѣніями; вмѣсто главнѣйшихъ моментовъ въ поступательномъ движеніи теоріи, онъ, не держась даже простаго хронологическаго

порядка, даетъ отрывочныя свѣдѣнія, почти исключительно заимствованныя изъ русскихъ книгъ, а къ иностраннымъ источникамъ наибольшею частію прибѣгаетъ въ томъ лишь случаѣ, когда они переведены на русскій языкъ.

Такъ, въ отдѣлѣ „басни" (т. I, стр. 138), г. Филоновъ выписываетъ два мнѣнія о ея происхожденіи: Флоріана и К. Полеваго. Каждый преподаватель словесности удивится, встрѣтивъ эти имена вмѣсто именъ Я. Гримма и Гервинуса, дѣйствительныхъ авторитетовъ въ этомъ дѣлѣ. Эта странность объясняется очень просто: мнѣніе Полеваго взято потому, что оно напечатано въ его „Очеркахъ Русской литературы", а мнѣніе Флоріана, потому что оно напечатано въ „Словарѣ древней и новой поэзіи" Остолопова, тогда какъ изслѣдованій Гримма и Гервинуса не имѣется въ русскомъ переводѣ. Но вѣдь „Словарь" Остолопова явился въ 1821 г. Въ то время, слова Флоріана, можетъ-быть, и значили что-нибудь: какое значеніе имѣютъ они теперь, черезъ 46 лѣтъ? Въ теченіе почти цѣлаго полустолѣтія, понятія о баснѣ и ея происхожденіи, какъ извѣстно, во многомъ совершенно измѣнились. Кромѣ того, Флоріанъ и Полевой различно смотятъ на предметъ. Одинъ стоитъ *за изобрѣтеніе* басни; другой говоритъ: „пора бросить невѣрное слово — *изобрѣлъ*". Одинъ почитаетъ первымъ баснописцемъ Брахмана и отвергаетъ существованіе Езопа; другой называетъ Езопа и Локмана родоначальниками басни. Какъ при этомъ поступить учителю? что̀ дѣлать его ученикамъ? Послѣднимъ не только безполезно, но и положительно вредно усвоивать противоположныя мнѣнія о предметѣ: имъ нужно здравое, вѣрное, утвержденное наукой понятіе. Изъ различныхъ взглядовъ на предметъ, каждый можетъ быть ложнымъ: для чего же питать ученика ложью? Ученику невозможно сравнивать послѣдовательно смѣнявшіяся теоріи того или другаго рода поэзіи: это — выше его силъ и не входитъ въ предѣлы его курса. Притомъ же, въ указанномъ примѣрѣ, для сравненія нѣтъ основы: Полевой приписываетъ начало басни Езопу, а Флоріанъ говоритъ, что Езопа вовсе не было: что̀ же тутъ сравнивать и какъ сравнивать?

Въ отдѣлѣ „Легенда", г. Филоновъ цитируетъ А. Н. Аѳанасьева: „Народная пѣсня и сказка не разъ обращались *къ священному писанію и житіямъ святыхъ*, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ повѣствованій: пѣсня обратилась *въ стихъ*, сказка *въ легенду*" (I, 132). Если это такъ, то почему легенда, въ хрестоматіи, предше-

ствуетъ баснѣ? Первая, по выписанной цитатѣ, моложе: она явилась у народа по принятіи имъ христіанства, тогда какъ басня получила начало свое въ Индіи и первыми баснописцами были Брахманъ (по Флоріану), Локманъ и Езопъ (по Полевому), жившіе за долго до христіанства и до житій святыхъ отцевъ.

Напротивъ, поэма слѣдуетъ въ христоматіи за балладой. Но вѣдь „баллада есть произведеніе преимущественно среднихъ вѣковъ и должна была бы исчезнуть съ періодомъ рыцарства" (I, 203), тогда какъ пѣсни Гомера возникли въ IX вѣкѣ до Р. Х.

Въ теоретическихъ замѣчаніяхъ о поэмѣ (I, 239—240), составитель ничѣмъ не воспользовался ни изъ прежнихъ, ни изъ новыхъ изслѣдованій объ эпосѣ. Разсужденіе В. Гумбольдта, къ сожалѣнію не переведенное на русскій языкъ, не могло ссудить его ни одною строчкой. Вмѣсто него, г. Филоновъ рѣшился сказать нѣчто отъ себя, или, какъ онъ выразился, „исторически прослѣдить развитіе смысла слова *поэма*". Вотъ содержаніе этого историческаго „прослѣдованія": сначала объясненъ смыслъ слова *эпопея* (6 строкъ); потомъ указаны предметы, дѣйствіе и способъ изложенія поэмъ Гомеровыхъ (11 строкъ); далѣе слѣдуетъ понятіе о лже-классическихъ поэмахъ, отъ Энеиды до Божественной комедіи (20 строкъ); въ заключеніи говорится о поэмахъ Байрона и о Мертвыхъ Душахъ (20 строкъ),—всего 57 строкъ или полторы страницы. Это „прослѣдованіе", между прочимъ, утверждаетъ, что „Байронъ создалъ *собственно такъ-называемую поэму*", то-есть, поэтическій разказъ о наиболѣе интересныхъ сторонахъ въ извѣстномъ событіи, о самыхъ поэтическихъ, идеальныхъ его моментахъ. И тотчасъ же послѣ этихъ словъ, оправдывая названіе „поэмы", данное „Мертвымъ Душамъ", г. Филоновъ пишетъ: „Гоголь назвалъ свое произведеніе *поэмою*, потому что думалъ изобразить въ ней *всю Россію*, съ ея свѣтлыми и мрачными сторонами. А коли *всю Россію*, то значитъ, имѣлъ полное право назвать свою книгу поэмою, то-есть, твореніемъ". Въ этихъ словахъ явное противорѣчіе. Если поэма, какъ видно изъ Мертвыхъ Душъ, изображаетъ *всю* страну, *цѣлую* жизнь, съ ея свѣтлыми и мрачными сторонами, то на какомъ основаніи именуются *собственно поэмами* поэтическіе разказы Байрона о наиболѣе интересныхъ сторонахъ событія, слѣдовательно, не о всѣхъ сторонахъ его, какъ бы слѣдовало? Что-нибудь одно: или „Мертвыя Души"—поэма, потому что представляютъ всестороннимъ образомъ Россію,—и тогда разказы Байрона, посвященные одному событію, и въ этомъ одномъ событіи наиболѣе интереснымъ сторонамъ его, не имѣютъ

права на имя поэмъ; или эти разказы — собственно поэмы, и тогда „Мертвыя Души“ надобно исключить изъ числа поэмъ.

Элегія, по опредѣленію г. Филонова, есть лирическое произведеніе грустнаго содержанія (II, 135); но въ выпискѣ изъ словаря Остолопова элегія опредѣляется иначе; это—„поэма, посвященная слезамъ и жалобамъ“. Въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь слово „поэма“? Учащійся можетъ думать, что элегія относится къ эпосу, а не къ лирикѣ, подъ которую подвелъ ее составитель христоматіи. Кромѣ того, названіе элегіи въ одномъ мѣстѣ производится отъ греческаго слова, означающаго *печаль, скорбь,* а въ другомъ — отъ двухъ греческихъ словъ, означающихъ: *говорить увы!* Которое изъ этихъ производствѣ вѣрнѣе или положительно вѣрно? Предлагать разныя мнѣнія потому только, что они разныя, нѣтъ никакой пользы.

Въ примѣчаніяхъ къ другимъ видамъ лирической поэзіи та же неразборчивость. Нѣтъ возможности раскрыть какую-либо связь, не только внутреннюю, но и внѣшнюю, между источниками, изъ которыхъ черпалъ г. Филоновъ. Хотя бы алфавитный порядокъ наблюдалъ онъ, дѣлая выписки изъ авторовъ; а то вѣдь у него нѣтъ никакого порядка, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: происхожденіе оды—слова *Мунка,* форма оды — слова *Остолопова,* историческое развитіе оды — слова *Галахова,* происхожденіе сатиры — слова *Муравьева-Апостола* и *Благовѣщенскаго*, эпиграмма въ древности — слова *Плетнева,* сборники антологій — слова *Базили!*

Въ третьемъ томѣ (драматическая поэзія) путаница не менѣе изумительна. Положимъ, преподаватель хочетъ знать: что̀ такое трагическое? Этотъ вопросъ рѣшается въ христоматіи Филонова выписками изъ сочиненій Бѣлинскаго и изъ брошюры: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“. Выписка изъ Бѣлинскаго полагаетъ основою трагической гибели — паѳосъ къ идеѣ, простирающійся до великодушной готовности смертію запечатлѣть ея торжество; сущность трагическаго заключаетъ она въ борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца, воли съ страстями, или въ борьбѣ разумнаго, двигательнаго начала съ общественнымъ мнѣніемъ; печальной судьбы человѣка вслѣдствіе случайности не признаетъ она трагическою: человѣкъ, попавшійся на встрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ, говоритъ она, не можетъ быть героемъ трагедіи. — Тѣ же мысли находимъ въ Эстетикѣ гегелиста Фишера, извлеченіе изъ которой сдѣлано упомянутою брошюрою: трагическая борьба должна вытекать изъ внутренней необходимости, а не изъ случайностей. Сама же брошюра не раздѣляетъ приведен-

наго ею мнѣнія Фишера: напротивъ, она учитъ, что все равно, будетъ ли причиною трагическаго страданія случай или внутренняя необходимость. — Спрашивается, на чью сторону склонится преподаватель? кого изберутъ руководителемъ гимназисты: Бѣлинскаго, Фишера или автора брошюры? двухъ Русскихъ, или одного Нѣмца? Кого бы ни выбрали они, тѣмъ дѣло не кончится. Ихъ ожидаетъ новый узелъ, своего рода трагическая коллизія — коллизія доктринъ. По эстетикѣ Фишера, понятіе о трагическомъ соединяется съ понятіемъ о судьбѣ, особенно господствовавшимъ у Грековъ; а по словамъ Н. Н. Кудрявцева, трагедія Софокла — *Эдипъ* выражаетъ не идею судьбы, а явленія внутренняго человѣческаго міра. Древняя трагедія, утверждаетъ выписка изъ Мунка, достигла въ Софоклѣ своего *величайшаго развитія* (стр. 69—70); по другому же утвержденію, піесы Эврипида — шагъ къ совершенству: слѣдовательно, въ немъ трагедія достигла такого развитія, которое *выше величайшаго*. О Шекспирѣ приведены мнѣнія Гервинуса, Карлейля, Гизо, Дружинина, Гарусова, Карамзина, Фридриха Великаго и Вольтера. „Безъ улыбки нельзя даже прочитать соединенія всѣхъ этихъ именъ", справедливо замѣтилъ г. Стоюнинъ (О преподаваніи русской литературы). „Что же изъ этого выйдетъ? Ученикъ будетъ умѣть только говорить о Шекспирѣ, повторяя чужія слова, а самому ему Шекспиръ будетъ немного знакомѣе Конфуція. Вообще г. Филоновъ больше заботится не о томъ, чтобъ ученики сами имѣли возможность изучить то или другое произведеніе подъ руководствомъ учителя, а о томъ, чтобъ имъ было извѣстно, что думаетъ тотъ или другой критикъ объ этомъ произведеніи".

Еще одинъ примѣръ. Отрывокъ изъ Донъ-Кихота сопровождается пятью объясненіями: біографія Сервантеса *(Масальскаго)*, содержаніе романа и характеристика главныхъ его героевъ *(Тикнора)*, состояніе умовъ при появленіи романа и его значеніе *(Віардо)*, основная идея романа *(Гейне)*, сущность рыцарскихъ романовъ *(Тимковскаго*, въ *Пантеонѣ* 1841 года). По словамъ Гейне, основная идея романа въ томъ, что Сервантесъ, *самъ того не сознавая*, написалъ величайшую сатиру на человѣческую восторженность, а по словамъ Віардо, значеніе Донъ-Кихота въ томъ, что Сервантесъ *задумалъ* (слѣдовательно, имѣлъ ясное сознаніе) ниспровергнуть рыцарскую литературу — и ниспровергъ. Какъ г. Филоновъ примиряетъ эти двѣ основныя мысли, непонятно.

И всѣ такія мнѣнія, или *слова*, какъ ихъ называетъ г. Филоновъ, *представляютъ своего рода образцы, которые могутъ служить пред-*

методомъ чтенія и разбора! Прочитавъ приведенныя выписки, преподаватели могутъ сказать только: „вотъ мнѣніе Флоріана, а вотъ мнѣніе Полеваго; вотъ какъ думалъ Остолоповъ, а вотъ какъ думалъ Бѣлинскій; вотъ слова Арбузова и Рафаила Зотова, а вотъ слова Мунка и Миллера“. Теперь большею частію не такъ думаютъ и не то читаютъ; теперь есть другія, болѣе основательныя воззрѣнія, но этихъ воззрѣній не найдешь у г. Филонова. Можетъ-быть, составитель хрестоматіи полагалъ, что преподаватели станутъ относиться критически къ его примѣчаніямъ, находя ихъ устарѣлыми, односторонними или невѣрными? Если такова была его мысль, то мы не понимаемъ, для чего преподавателямъ пробовать свое критическое искусство на матеріалѣ такого дурнаго сорта: они, конечно, обладаютъ современными, разносторонними и вѣрными свѣдѣніями по исторіи и теоріи поэзіи. Наконецъ, не думалъ ли г. Филоновъ возложить критическую обязанность на учениковъ? Но это было бы слишкомъ наивно. Если же г. Филоновъ имѣлъ въ виду указать историческое развитіе теоріи или теорій, то онъ нисколько не достигъ своей цѣли, ибо въ его примѣчаніяхъ нѣтъ ни выбора, ни послѣдовательности, ни полноты. Кому, въ самомъ дѣлѣ, придетъ на мысль знакомиться съ развитіемъ теоріи эпоса по нѣсколькимъ строкамъ самого г. Филонова, съ развитіемъ теоріи трагедіи по словамъ автора брошюры объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности, о развитіи басни по мнѣніямъ Флоріана и Полеваго?

Переходя къ примѣчаніямъ, имѣющимъ цѣлью объяснить не значеніе рода или вида поэтическихъ произведеній, а отдѣльныя произведенія, мы ограничимся нѣсколькими примѣрами.

Упомянувъ о Людмилѣ Жуковскаго, г. Филоновъ цитуетъ замѣтку Бѣлинскаго: „Было время, когда эта баллада доставляла намъ какое-то сладостно-страшное удовольствіе, и чѣмъ болѣе ужасала насъ, тѣмъ съ большею страстію мы ее читали. Она коротка казалась намъ во время оно, не смотря на свои 252 стиха“. Эта замѣтка нисколько не назидательна ни для юношества, ни для преподавателей. Изъ нея ровно ничего не узнаешь ни о причинѣ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго балладой на современное общество, ни о причинѣ ея забвенія обществомъ другаго времени. Отзывъ Бѣлинскаго понятенъ въ журнальной статьѣ, въ суммѣ всей его критической дѣятельности, для которой также наступила исторія; въ хрестоматіи онъ неумѣстенъ.

Послѣ двухъ отрывковъ изъ Мертвыхъ Душъ: „Русь“ и „Тройка“, г. Филоновъ опять цитуетъ Бѣлинскаго, выражавшаго сожалѣніе, что

„добродушное невѣжество отъ души станетъ хохотать отъ того, отъ чего у другаго волосы встанутъ на головѣ при священномъ трепетѣ" (I, 424). У Бѣлинскаго были причины опасаться такого неразумнаго хохота. Онъ писалъ эти строки въ то время, когда Булгаринъ ставилъ Поль-де-Кока выше Гоголя и когда многія дамы, воспитанныя на чтеніи салонныхъ французскихъ романовъ, съ ужасомъ говорили, что въ Мертвыхъ Душахъ, между многими зазорными вещами, *il y a aussi des taracanes*. Чего теперь боится г. Филоновъ?

„Что касается до поэзіи Гейне", выписываетъ г. Филоновъ, „то она проникнута наивнымъ разочарованіемъ, ѣдкостію, остротою, и въ то же время она нѣжна и сладка" (II, 107). Это опредѣленіе до того обще и безцвѣтно, что и самъ Гейне изъ него ничего бы не узналъ. Но общность и безцвѣтность, въ настоящемъ случаѣ, не такъ еще странны. Больше всего надобно изумляться педагогической неосмотрительности г. Филонова, полагающаго, какъ видно, что гимназистамъ полезно читать и оцѣнивать Гейне.

Помѣстивъ стихотвореніе Михайлова: *Опустясь головкой сонной*, христоматія передаетъ его смыслъ слѣдующимъ образомъ: „Очаровательно умѣетъ поэтъ олицетворять цвѣты и деревья! онъ самъ погружаетъ душу свою въ чашечку лиліи; цвѣточки шепчутъ и говорятъ, и смотрятъ на него съ состраданіемъ, деревья качаютъ головами, „потому что видятъ, какъ онъ ходитъ по лѣсу въ темную ночь; тоскующій, страждущій, обманутый людьми, онъ ищетъ сердца у цвѣтовъ" (II, 108). Смотримъ, кому принадлежатъ эти цвѣтистыя строки, и видимъ.... *Всеволода Костомарова*. Вѣроятно, г. Филоновъ признаетъ это имя за авторитетъ, почему и рекомендуетъ учащимся читать и разбирать выписанный нами наборъ словъ, какъ образецъ своего рода.

Во II-мъ томѣ, на стр. 271-й, показывается значеніе комедіи Бомарше: „Свадьба Фигаро сосредоточиваетъ въ фокусѣ своего необузданнаго остроумія всю пустоту и испорченность стараго порядка". Какъ бы чувствуя неудовлетворительность такой характеристики, г. Филоновъ, на той же страницѣ, дополняетъ ее стихами Пушкина изъ „Моцарта и Сальери":

Коль мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти *Женитьбу Фигаро*.

Въ III-мъ томѣ, на стр. 47 и 48, является снова Бѣлинскій съ толкованіемъ миѳа о Прометеѣ. Отсюда ученики узнаютъ, что Про-

метей и Зевсъ — это божество, раздѣлившееся „на самого себя, это „сознаніе, распавшееся на двѣ стороны, которыя, по закону діалектическаго развитія, враждебно стали одна къ другой"; что Зевсъ — „это „непосредственная полнота сознанія, а Прометей — сила разсуждающая, духъ, не признающій никакихъ авторитетовъ, кромѣ разума и „справедливости"; что коршунъ — это грустная дума, какъ „червь, „грызущая сердце и подтачивающая корни жизни, это муки распаденія"; что огнь, похищенный Прометеемъ съ неба — „это мысль, „сознаніе, пробудившее людей отъ мертваго сна животной непосредственности". Было бы крайне любопытно послушать, какъ преподаватель станетъ толковать слова Бѣлинскаго, и какъ гимназисты поймутъ его толкованіе.

Задачи или темы, которыя г. Филоновъ предлагаетъ учащимся вслѣдъ за чтеніемъ и разборомъ статей, еще разнообразнѣе и оригинальнѣе примѣчаній. Нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, отличаются чрезвычайною трудностію, которую едва-ли одолѣютъ сами преподаватели. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Послѣ стихотворенія Шиллера „Торжество побѣдителей", христоматія требуетъ отъ учащихся — *опредѣлить міросозерцаніе Грековъ.* Учащіеся, конечно, спишутъ или перефразируютъ стоящія передъ тѣмъ слова Бѣлинскаго и выдадутъ такую работу за рѣшеніе задачи. Напечатавъ отрывокъ изъ Эсхилова „Прометея", г. Филоновъ задаетъ вопросъ: *показать заслуги Прометея.* Учащіеся ухватятся за толкованіе Бѣлинскаго (выше нами приведенное) и будутъ переливать изъ фразъ во фразы, а учитель, пожалуй, ободрять такое провожденіе времени. Отрывокъ изъ народнаго стиха „О страшномъ судѣ" внушаетъ г. Филонову слѣдующую задачу: *сравнить этотъ стихъ съ поэмою Данте: Божественная Комедія; адъ, по изображенію Данте и русскаго народнаго эпоса.* Другія задачи въ томъ же родѣ: *Что такое сентиментальность въ поэзіи?* (объяснить на основаніи пѣсни: „Стонетъ сизый голубочекъ"); *характеръ дѣятельности знаменитаго критика*[1]) (на основаніи стихотворенія Некрасова: „Памяти пріятеля"); *характеристика капрала*[2]) (на основаніи пѣсни Беранже, „Старый капралъ").

Выборъ статей, во многихъ случаяхъ, не можетъ быть одобренъ. Г. Филоновъ утроилъ число отрывковъ и разныхъ стихотвореній, срав-

---

[1]) Подразумѣвается: Бѣлинскаго.

[2]) Французскаго.

нительно съ другими христоматіями, но увеличеніе объема большею частію бываетъ сопряжено съ уменьшеніемъ внутренняго качества. Прибавивъ къ лучшимъ піесамъ извѣстныхъ поэтовъ піесы Огарева, Плещеева, Водовозова, Минаева, Михайлова, Бутырскаго, Станкевича, Волкова, Радонежскаго, Грекова, Никитина, Сырокомли, Жадовской, Иванова, Розенгейма и проч., и проч., онъ сдѣлалъ свою книгу только втрое больше по числу листовъ, но нисколько не лучше въ педагогическомъ отношеніи. Примѣры должны быть образцовые, а не посредственные или пустые. Достаточно небольшое число первыхъ и нѣтъ надобности въ обиліи вторыхъ.

8. *Дѣтскій міръ и Христоматія* г. Ушинскаго. Изданіе 6-е (2 ч.)[1]. Эта книга въ 1863 г. была одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ книга для чтенія, представленная имъ на конкурсъ. Тогда она была разсматриваема съ точки зрѣнія требованій, постановленныхъ объявленіемъ конкурса. Непремѣнное требованіе заключалось въ томъ, чтобъ „обѣ части „книги, различаясь по изложенію и отчасти по содержанію, имѣли „одну и ту же ближайшую цѣль: а) развитіе въ дѣтяхъ любознательности и здравыхъ понятій посредствомъ сообщенія имъ полезныхъ свѣдѣній, преимущественно о внѣшней природѣ, ея силахъ, явленіяхъ и произведеніяхъ; б) возбужденіе и укрѣпленіе нравственныхъ убѣжденій, стремленія къ добру и правдѣ и чувствъ долга „и чести посредствомъ приличныхъ наставленій и разказовъ, какъ вымышленныхъ, такъ и историческихъ, и посредствомъ біографическихъ „очерковъ важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей“.— Сборникъ г. Ушинскаго заслужилъ весьма благопріятный отзывъ, какъ такой трудъ, который и внѣшнимъ составомъ, и содержаніемъ отвѣчалъ требованіямъ конкурса несравненно лучше, чѣмъ другіе сборники, представленные на тотъ же конкурсъ.

Въ настоящее время, при обсужденіи учебныхъ руководствъ и пособій по русскому языку, предстоитъ обязанность разсматривать ихъ съ тою цѣлію, чтобъ опредѣлить, удовлетворяютъ ли они потребностямъ преподаванія этого предмета, служитъ ли книга для чтенія или христоматія дѣйствительнымъ, надлежащимъ матеріаломъ при его изученіи. Необходимо удержать и отстаивать эту точку зрѣнія, ради твердой, положительной постановки и успѣшнаго хода занятій отечественнымъ языкомъ въ гимназіяхъ. Эти занятія, какъ

[1] 1-я часть вышла въ свѣтъ новымъ изданіемъ въ 1867 г.

извѣстно, приняли несвойственное имъ направленіе, такъ что нѣкоторое время господствовало въ нихъ своего рода „смутное время“: чтобы разсѣять смуту, слѣдуетъ отнять у преподавателя всякій предлогъ выходить изъ своей колеи и бросаться въ чужія владѣнія. Однимъ изъ такихъ предлоговъ можетъ служить книга для чтенія или хриматія своимъ нецѣлесообразнымъ содержаніемъ.

По основной идеѣ и содержанію, книга г. Ушинскаго одного рода съ книгою г. Разина: „Міръ Божій“. Обѣ онѣ — энциклопедическіе сборники, имѣющіе цѣлію развить мыслительную способность учащагося на сообщеніи ему свѣдѣній о природѣ, исторіи, географіи и другихъ предметахъ, чтобы такимъ образомъ формальное образованіе соединить съ изученіемъ разнообразнаго научнаго матеріала. Обѣ онѣ смотрятъ на произведенія литературы, какъ на дѣло второстепенное, подчиненное, долженствующее служить дополненіемъ энциклопедіи, а не предметомъ самостоятельныхъ занятій, съ тою лишь разницей, что г. Разинъ разсѣялъ литературныя статьи по разнымъ мѣстамъ текста, а г. Ушинскій, соединивъ ихъ въ особый отдѣлъ, отнесъ на конецъ главнаго текста, подъ названіемъ христоматіи. Здѣсь нѣтъ существенной перемѣны; это — простое перемѣщеніе того же матеріала, который обоими составителями разсматривается съ одинаковой точки зрѣнія. Самое заглавіе книги: *Дѣтскій міръ и христоматія* заставляютъ предполагать одно изъ двухъ: или г. Ушинскій ставитъ христоматію, то-есть, сборникъ литературныхъ произведеній внѣ дѣтскаго міра, или онъ видитъ въ ней не что̀ другое, какъ служебное приложеніе къ тому, что̀ составляетъ дѣтскій міръ. Перваго предположенія допустить невозможно, такъ какъ г. Ушинскій очень хорошо знаетъ, что въ области литературы многое доступно пониманію и чувству дѣтей, и слѣдовательно, достойно входить въ дѣтскій міръ. Остается поэтому принять второе предположеніе, справедливость котораго подтверждается указаніями самого автора: въ первой части своего труда, на стр. 24-й, объясняя, что̀ такое человѣческій организмъ, онъ замѣчаетъ въ выноскѣ: *смотри въ христоматіи басню „Органы человѣческаго тѣла“*, а говоря о томъ, какъ тяжело жить человѣку, лишенному хотя одного изъ важныхъ органовъ, онъ дѣлаетъ другую выноску: *см. въ христоматіи басню „Богатство“*. Значитъ, обѣ басни служатъ прибавкою къ элементарнымъ свѣдѣніямъ о человѣческомъ организмѣ. Короче, „Христоматія“ есть своего рода спутникъ главнаго отдѣла книги, долженствующій оживлять, дополнять и такъ-сказать, запечатлѣвать въ памяти ученика статьи „Дѣтскаго міра“.

Въ „Божіемъ мірѣ“ г. Разина, отдѣлъ естествознанія преобладаетъ надъ остальнымъ содержаніемъ книги. Тому же отдѣлу отдалъ предпочтеніе и сборникъ г. Ушинскаго: статьи о природѣ занимаютъ въ немъ большее мѣсто сравнительно съ статьями по русской исторіи и географіи, отдѣльно взятыми. На заглавной страницѣ, „Дѣтскій міръ“ названъ „книгою для класснаго чтенія, приспособленнаго къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству *съ предметами природы*“. Нѣтъ сомнѣнія, что просторнѣйшее мѣсто отведено натуральной исторіи по извѣстнымъ соображеніямъ автора: можетъ-быть, по особенной важности этой науки въ кругу знаній вообще и въ кругу начальнаго обученія въ частности, или вѣрнѣе, по особенному удобству приспособлять ее къ умственнымъ упражненіямъ. Не касаясь этихъ соображеній, мы должны рѣшить вопросъ: на какое употребленіе въ гимназическомъ курсѣ могутъ разчитывать сборники, подобные сборникамъ гг. Ушинскаго и Разина?

Не думаю, чтобы преподаватели тѣхъ предметовъ, названіями которыхъ озаглавлены отдѣлы „Дѣтскаго міра“, обратились къ книгѣ г. Ушинскаго, какъ къ пособію, какъ бы искусно ни была она составлена. Для изученія естественной исторіи, исторіи русской и географіи въ нашихъ гимназіяхъ нужны не энциклопедіи, то-есть, не сборники статей, располагаемыхъ по извѣстнымъ требованіямъ, а самостоятельные учебники, излагающіе науку въ системѣ. Если таковые учебники существуютъ въ нашей литературѣ и съ пользою употребляются на дѣлѣ, то въ другихъ не предстоитъ надобности. Если же ихъ нѣтъ, то надобно ихъ составить. Остается одинъ только предметъ, который, по нижеизлагаемымъ причинамъ, способенъ впускать и дѣйствительно впускаетъ въ свою область посторонніе, чуждые ему элементы; остаются одни только преподаватели, которые, по тѣмъ же причинамъ, отказываются отъ своей спеціальности и готовы заниматься несвойственными имъ уроками: этотъ предметъ—отечественный языкъ; эти преподаватели — учителя отечественной грамматики. Слова, выставленныя на заглавномъ листѣ книги г. Ушинскаго: *допущена къ употребленію въ первыхъ четырехъ классахъ гимназій и уѣздныхъ училищахъ*, означаютъ, что она допущена къ употребленію въ классахъ русскаго языка.

Такимъ образомъ учитель русскаго языка обращается въ руководителя при чтеніи энциклопедіи, приспособленной къ умственнымъ упражненіямъ и знакомству съ природой.

Но развѣ это его обязанность? Онъ, дѣйствительно, обязанъ развивать умъ учащихся, но только на обученіи своему предмету, то-есть, языку, а не на знакомствѣ съ природой, которая ему, по его предварительному образованію, далеко не можетъ быть такъ хорошо извѣстна, какъ преподавателю естественной исторіи или физики и физической географіи. Точно также должны поступать и всѣ другіе преподаватели: у каждаго изъ нихъ находится въ рукахъ отличное средство для развитія юнаго ума, а именно — преподаваніе той науки, которая ему ввѣрена. Грамматика роднаго языка, сама по себѣ, даетъ большой матеріалъ такъ-называемымъ умственнымъ упражненіямъ. Языкъ есть выраженіе мысли. Изучая языкъ, дѣти изучаютъ и мысль, ибо въ грамматическихъ формахъ выражаются формы понятій, сужденій и умозаключеній. Короче: грамматика готовитъ къ логикѣ. Вотъ почему странно, на урокахъ преподавателя русскаго языка, слышать отъ него самого или отъ учениковъ его раздѣленіе хищныхъ животныхъ на семейства (ч. II стр. 3), описаніе устройства зубовъ у зайца (ч. I, стр. 66) и т. под.

Перестановка занятій, въ силу которой преподаватель русскаго языка могъ, напримѣръ, разсуждать съ учениками о животныхъ, растеніяхъ и камняхъ, ведетъ свое начало, какъ объяснилъ г. Буслаевъ въ своемъ сочиненіи: *О преподаваніи отечественнаго языка,* отъ двухъ причинъ: вопервыхъ, отъ неопредѣленнаго понятія учителей языка о предметѣ своего преподаванія; вовторыхъ, отъ желанія замѣнить чѣмъ-нибудь старинную методу изученія грамматики, состоявшаго въ безсознательномъ затверживаніи правилъ и исключеній. Думая восполнить пустоту своихъ уроковъ, учителя отечественнаго языка взялись за умственныя упражненія и за обогащеніе дѣтской памяти энциклопедическими знаніями. Увлеченіе въ сторону отъ собственнаго предмета простерли они до такой степени, что даже тѣ изъ нихъ, которые и не забывали своего дѣла, то-есть, отечественнаго языка, давали въ своихъ урокахъ слишкомъ большой просторъ и значеніе такъ-называемому „вещественному разбору". Вмѣсто того, чтобы объяснять неизвѣстные предметы и понятія на столько, на сколько это нужно для пониманія статьи, они пускались въ подробности и мелочи, которыми заслонялось самое для нихъ важное и существенное — языкъ. „Глава изъ Священной исторіи или одна басня Крылова", говоритъ г. Буслаевъ, „и ученику и учителю предложатъ матеріала для умственнаго упражненія гораздо болѣе цѣлой книги нагляднаго ученія или тому подобнаго... Въ энциклопедіи свѣдѣній, конечно, есть много за-

нимательнаго и наставительнаго для дѣтей; но для чего же браться за нее учителю отечественнаго языка?... Если бы дѣтская энциклопедія была замѣчательна своимъ слогомъ, остроуміемъ, глубокомысліемъ; если бы она по достоинству была не ниже Естественной исторіи Бюффона или басенъ Крылова: то учитель языка могъ бы взять ее въ руководство при чтеніи и грамматическомъ разборѣ. Но гдѣ подобныя книги?... Въ школѣ дѣти должны читать и заучивать только то, что имѣло бы для нихъ цѣну и тогда, когда выростутъ. Басни Крылова учатъ наизусть малыя дѣти, ихъ же зачитываются и взрослые... Пусть же учитель отечественнаго языка дастъ въ руки своимъ юнымъ питомцамъ такую книгу, чтеніе которой оставитъ въ ихъ душѣ слѣды на всю жизнь. Мысли классическаго писателя плодотворнымъ сѣменемъ лягутъ въ нѣжной душѣ ихъ, сначала еще не развитыя. Конечно, дѣти не все поймутъ въ этихъ мысляхъ, ибо и взрослые различно понимаютъ писателя — одни болѣе, другіе менѣе; но довольно уже и того, что они узнаютъ ихъ хотя съ внѣшней стороны, запечатлѣвъ своимъ дѣтскимъ сознаніемъ".

Г. Буслаевъ вооружался противъ такъ-называемыхъ умственныхъ упражненій и энциклопедическаго обученія въ то время, когда было въ модѣ возлагать то и другое на учителя отечественнаго языка. Онъ и тогда, за 20 лѣтъ до нашего времени, чувствовалъ, что положительнымъ неудобствомъ отзовется на преподаваніи этого языка наглядное энциклопедическое ученіе, замѣстившее собою уроки грамматическіе. Но умный голосъ его видно былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Предчувствіе его оправдалось плохими успѣхами гимназистовъ по русскому языку. Явились новые энциклопедическіе сборники и получили быстрый ходъ въ ущербъ грамматическому знанію, особенно ореографіи. Нужно было вновь поднимать голоса противъ вопіющихъ злоупотребленій. И дѣйствительно, при составленіи программы по русскому языку и словесности для желающихъ поступить въ Московскій университетъ, нѣкоторые члены коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ г. Буслаева, заявили свои мнѣнія объ энциклопедическихъ сборникахъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Гедике, преподаватель русскаго языка во 2-й Московской гимназіи:

„Нѣкоторые педагоги, напримѣръ гг. Ушинскій и Разинъ, полагаютъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ условій статей, служащихъ матеріаломъ для чтенія и разказа, должно быть сообщеніе учащимся полезныхъ свѣдѣній, особенно изъ естественной исторіи. Но эти свѣдѣнія передаются ученикамъ гимназій учителями-спеціалистами, и разу-

мѣется, не въ примѣръ основательнѣе, чѣмъ могутъ дѣлать учителя русскаго языка. Притомъ, каждый предметъ имѣетъ свою спеціальность. Цѣль, съ которою преподается русскій языкъ въ гимназіи, есть умѣнье владѣть имъ устно и письменно, умѣнье понимать произведенія русской словесности, и начало этимъ знаніямъ должно быть положено еще въ низшихъ классахъ. Стало быть, преподаватель русскаго языка въ низшихъ классахъ долженъ подготовить своихъ учениковъ къ пониманію поэтическихъ и прозаическихъ изящныхъ произведеній, къ правильному употребленію русскаго языка изустно и письменно, но для этого свѣдѣнія изъ естественной исторіи нисколько не нужны, а необходимо знакомство съ изящными произведеніями русской словесности".

Адъюнктъ-профессоръ г. Тихонравовъ выразился короче, но еще опредѣлительнѣе:

„Для чтенія въ низшихъ классахъ *не признаются полезными* статьи естественно-историческаго содержанія, которыми въ послѣднее время стали наполняться русскія хрестоматіи для дѣтей (напримѣръ, „Міръ Божій" Разина, „Дѣтскій міръ" Ушинскаго, отчасти и послѣднее изданіе „Практической русской грамматики" Перевлѣсскаго)".

Какъ облегчающее обстоятельство можно привести въ пользу книги г. Ушинскаго, что статьи естественно-историческаго содержанія, назначенныя *для нагляднаго знакомства съ природой*, въ то же время способны служить и матеріаломъ для упражненій въ языкѣ, напримѣръ, для устнаго разказа и письменнаго изложенія ихъ содержанія. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, хотя, съ другой стороны, слѣдуетъ противопоставить этому обстоятельству слѣдующія двѣ замѣтки: вопервыхъ, энциклопедическій сборникъ представляетъ учителямъ русскаго языка легкую возможность злоупотреблять имъ, то-есть, смотрѣть на него не болѣе, какъ на руководство къ сообщенію учащимся свѣдѣній о разныхъ предметахъ; вовторыхъ, матеріалъ, нужный для практическихъ занятій въ языкѣ, сообщается другими преподавателями лучше, нежели сборникомъ: преподаватель языка беретъ его какъ уже готовый, предварительно данный законоучителемъ, учителемъ исторіи, учителемъ географіи и пр.; не его дѣло исполнять чужія обязанности.

Впрочемъ, книга г. Ушинскаго, въ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ свои достоинства: она составлена съ знаніемъ дѣла и педагогическимъ тактомъ; содержаніе ея занимательно и разнообразно, изложено хоро-

шимъ языкомъ, не представляетъ погрѣшностей противъ науки и отличается нравственно-христіанскимъ направленіемъ; но для изученія собственно русскаго языка она, къ сожалѣнію, оказывается, какъ выше объяснено, не совсѣмъ пригодною.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Поправки. Въ статьѣ Ѳ. И. Леонтовича: «Указатель источниковъ по исторіи славянскихъ законодательствъ», напечатанной въ августовской книжкѣ нашего журнала, авторомъ замѣчены слѣдующія ошибки и опечатки.

Стр. 369. Винодольскій законъ изданъ въ *1288* (вмѣсто 1280) г.
Стр. 370. Можно указать на множество отношеній права *гражданскаго, уголовнаго и процесса* (вм. права гражданскаго и уголовнаго процесса).
Стр. 373. № 15. Čelakovský (вм. Čekanović).
Стр. 375. № 63. Споменици србски *млетачкогъ* (вм. мѣстачкогъ) архива.
Стр. 377. № 116. *Reutz* (вм. Rentz).
Стр. 378. № 127. Wien. *1859* (вм. 1850).
Стр. 382. № 235. См. № *298* (вм. 297).
Стр. 384. № 291. Sebrane spisy Fr. Šafařika (пропущено).
Стр. 398. № 705. *Łąbecki* (вм. Labęcki).
Стр. 400. № 749. *Gumplowicz* (вм. Gumptowicz).
Стр. 405. № 906. Stulli *Luca* (вм. Duca).

ГРЕКО-БАКТРІЙСКОЕ ЦАРСТВО.

(Изъ лекцій по каѳедрѣ Исторіи Востока въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ).

Менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ покоренія Бактріи македонскимъ оружіемъ, страна эта сдѣлалась средоточіемъ сильнаго государства съ греческими царями во главѣ.

Современныхъ историческихъ извѣстій о царствѣ этомъ не имѣется; да крайне скудны и тѣ отрывочныя сказанія о немъ, которыя встрѣчаются у дошедшихъ до насъ позднѣйшихъ классическихъ историковъ. Что же касается до мусульманскихъ писателей, сообщающихъ, въ стихотворной или прозаической рѣчи, историческія преданія Восточной Персіи, у нихъ не находимъ мы объ этомъ царствѣ ни единаго слова.

По завоеваніи Бактріи, Александръ Великій, отправляясь въ походъ на Индію, поставилъ управлять Бактрійцами полководца своего *Аминту,* давъ ему 10.000 пѣшаго и 3.050 человѣкъ коннаго войска (Арріанъ: „Анавасисъ", кн. IV, гл. XXIII, § 3). По кончинѣ Александра, при первомъ передѣлѣ азійскихъ областей Пердиккою, Бактріана (такъ стали называть Бактрію Греки), если вѣрить Юстину (XIII, 4), осталась по-прежнему за Аминтою, по Арріану же („О наслѣдн. Александра", § 34) досталась, вмѣстѣ съ Согдіаною, на долю военачальника македонскаго *Стасанора,* а по Діодору Сицилійскому (XVIII, 3) — на долю такого же военачальника, *Филиппа* по имени. Въ послѣдствіи, когда преемники власти Александровой подняли оружіе одни противъ другихъ, Бактрійцы, вмѣстѣ съ прочими народами Верхней Азіи, приняли сторону *Эвмена,* а послѣ пораженія его, перешли на сторону *Антигона,* и затѣмъ, когда усилился *Селевкъ Никаторъ,* подчинились этому послѣднему, подъ властію преемниковъ котораго и оставались до временъ Антіоха II. При этомъ государѣ, правитель Бактріаны, *Ѳеодотъ* по имени, отложился, и самъ при-

нялъ царскій титулъ (Юстинъ, XV, 4 и XLI, 4). Таково было начало особаго, независимаго государства, которое принято между учеными новаго времени называть „Греко-Бактрійскимъ".

Далѣе, узнаемъ отъ Юстина что Арсакъ, вслѣдъ за *Ѳеодотомъ* или *Діодотомъ,* какъ у Страбона (XI, 9, § 3) и Трога Помпея (въ сохранившемся оглавленіи его исторіи), положившій начало новому, Парѳянскому, царству, собирался воевать противъ этого, опаснаго ему, сосѣда, но смерть Ѳеодота остановила войну, а съ сыномъ его, тоже *Ѳеодотомъ* по имени, заключилъ онъ даже союзъ (ibidem).

Позже, какъ читаемъ у Поливія, верховною властью въ царствѣ Бактрійскомъ овладѣлъ нѣкто *Эвѳидемъ*, родомъ изъ Магнезіи. Антіохъ Великій, собирая отторгнувшіяся владѣнія предковъ, послѣ успѣховъ, одержанныхъ имъ надъ Парѳянами, обратилъ оружіе свое и противъ этого Эвѳидема. Изъ сохранившихся отрывковъ Поливія (X, 49 и XI, 34) видно, что Эвѳидемъ рѣшился сопротивляться Антіоху, двинувшемуся противъ него изъ Гирканіи, и съ большею частію войска своего расположился около Тапуріи; для того же чтобы воспрепятствовать переправѣ непріятеля черезъ рѣку Арій, оставилъ для обороны ея 10.000 конницы. Узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ Эвѳидема, Антіохъ направился къ Арію, и, пользуясь оплошностію Бактріанцевъ, удалившихся на ночь въ городъ, отстоящій отъ рѣки на 20 стадій, успѣлъ переправиться черезъ нее безпрепятственно. Но лишь только свѣдали объ этомъ Бактріанцы, какъ поспѣшили атаковать переправившихся, и стали биться съ такимъ упорствомъ, что одолѣть ихъ удалось Антіоху лишь съ большимъ трудомъ и большою потерею въ людяхъ: лошадь подъ нимъ была убита, и самому ему, ударомъ по рту, вышибено нѣсколько зубовъ. Послѣдствіемъ успѣха Антіохова въ переправѣ черезъ Арій, и пораженія нанесеннаго имъ Бактріанцамъ, было то, что Эвѳидемъ оставилъ Тапурію и удалился въ Заріаспу. Этимъ извѣстіемъ оканчивается десятая книга Поливіевой исторіи. Дальнѣйшій разказъ, въ одиннадцатой книгѣ, не дошедшей до насъ вполнѣ, открывается бесѣдою Эвѳидема съ Телеей, повидимому посломъ Антіоховымъ. Царь Бактрійскій старается втолковать послу, что несправедливо и противно выгодамъ своимъ поступаетъ Антіохъ, стремясь лишить его царства; что не онъ, Эвѳидемъ, виною отложенія Бактріи отъ Селевкидовъ: „отложились другіе, а ему престолъ достался уже вслѣдствіе того, что онъ истребилъ потомство (ἐκγόνους) этихъ первыхъ бунтовщиковъ"; что преслѣдуя его, Эвѳидема, Антіохъ самому себѣ вредитъ, ибо многочисленные кочевники

Скиеи, которыхъ онъ теперь сдерживаетъ, опасны одинаково имъ обоимъ: съ ослабленіемъ его, ринутся они и опустошатъ несомнѣнно какъ Бактрію, такъ и Антіоховы владѣнія.—Рѣчи эти, переданныя Телеемъ Антіоху, подѣйствовали на послѣдняго: самъ желая окончанія войны, онъ охотно принялъ условія мира предложенныя Эвеидемомъ, и когда этотъ, для заключенія договора, прислалъ сына своего *Димитрія*, Антіохъ такъ плѣнился наружностію и важною осанкою этого молодаго человѣка, что просваталъ за него одну изъ собственныхъ дочерей, призналъ за Эвеидемомъ царскій его санъ, и вступилъ съ нимъ въ дружественный союзъ. Только всѣхъ слоновъ, какіе находились у Эвеидема, долженъ былъ послѣдній выдать Антіоху. По полученіи ихъ, Антіохъ оставилъ его владѣнія, и направился черезъ Кавказъ (Гинду-Кушъ) въ предѣлы Индіи.—По Страбону (XI, 9, § 2), Бактріану, которою управлялъ, а затѣмъ и сосѣднія страны, заставилъ отложиться отъ Селевкидовъ *Эвеидемъ* — тотъ ли же Эвеидемъ о которомъ говоритъ Поливій, или другой, неизвѣстно. Должно замѣтить, впрочемъ, что иными это мѣсто Страбона понимается и такъ, будто Эвеидемъ отторгъ отъ Селевкидовъ не самую Бактріану, а только сосѣднія съ нею страны, и такое пониманіе нельзя не признать сообразнѣйшимъ съ другими о томъ же свидѣтельствами, если не предположить только что у Страбона въ означенномъ мѣстѣ *Эвеидемъ* есть описка вмѣсто *Діодотъ*, такъ какъ черезъ нѣсколько строкъ Страбонъ самъ упоминаетъ о Діодотѣ, какъ о лицѣ въ Бактріанѣ захватившемъ власть въ свои руки[1]).

О помянутомъ *Димитріи*, сынѣ Эвеидемовомъ, извѣстно изъ Страбона (кн. XI, глава XI, § 1), что имъ сдѣланы были большія завое-

[1]) Вотъ это темное мѣсто Страбона: «Νεωτερισθέντων δὲ τῶν ἔξω τοῦ Ταύρου διὰ τὸ πρὸς ἀλλήλοις εἶναι τοὺς τῆς Συρίας καὶ τῆς Μηδίας βασιλέας τοὺς ἔχοντας καὶ ταῦτα πρῶτον μὲν τὴν Βακτριανὴν ἀπέστησαν οἱ πεπιστευμένοι καὶ τὴν ἐγγὺς αὐτῆς πᾶσαν οἱ περὶ Εὐθύδημον. Ἔπειτ' Ἀρσάκης ἀνὴρ Σκύθης τῶν Δαῶν τινας ἔχων τοὺς Πάρνους καλουμένους νομάδας παροικοῦντας τὸν Ὦχον ἐπῆλθεν ἐπὶ τὴν Παρθυαίαν καὶ ἐκράτησεν αὐτῆς. Одни толкуютъ это по-латыни такимъ образомъ: Ceterum rebus extra Taurum novatis, quod Syriae et Mediae reges aliis rebus intenti erant, quibus istae regiones parebant; primum Bactrianam ad defectionem pertraxit Euthydemus, cui ejus custodia demandata fuerat, et vicinas regiones. Post Arsaces Scytha.... Parthiam invasit et occupavit. Другіе переводятъ такъ: Rebus extra Taurum novatis, quod sibi mutuo adversarentur Syriae Mediaeque reges, qui ista quoque loca tenebant, primum quidem Bactrianam illi, quorum fidei tradita fuit, ad defectionem inclinarunt (tum etiam regionem omnem vicinam Euthydemus), postea Arsaces Scytha.... Parthiam invasit et occupavit.

ванія въ Индіи. О „царѣ индѣйскомъ“ Димитріи упоминаетъ также и Юстинъ (XLI, 6).

Но когда Димитрій властвовалъ въ Индіи, царемъ въ Бактріанѣ былъ, по Юстину, *Эвкратидъ*, вступившій тамъ на престолъ почти въ то же самое время какъ надъ Пареянами воцарился Митридатъ, сынъ Арсаковъ. Объ Эвкратидѣ этомъ Юстинъ отзывается какъ о великомъ человѣкѣ. Хотя, говоритъ онъ (XLI, 6), Бактрійцы и обезсилѣли подъ напоромъ враждебныхъ имъ сосѣдей, однакоже Эвкратидъ многія выдержалъ войны съ великимъ мужествомъ. Когда царь индѣйскій Димитрій осадилъ его, ослабленнаго этими войнами, Эвкратидъ, всего съ 300 воиновъ, умѣлъ, дѣлая постоянно вылазки, разбить 60.000-ную армію своего врага, заставить его снять продолжавшуюся пять мѣсяцевъ осаду, и овладѣлъ затѣмъ Индіею. — Владѣльцемъ тысячи городовъ въ Индіи называетъ Эвкратида и Аполлодоръ Артамитскій (у Страбона, кн. XV, гл. I § 3). На возвратномъ пути изъ Индіи, узнаемъ опять отъ Юстина (l. c.), великій мужъ этотъ убитъ былъ собственнымъ сыномъ, котораго сдѣлалъ онъ передъ тѣмъ соправителемъ, и убійца, не довольствуясь совершеннымъ преступленіемъ, проѣхалъ еще въ колесницѣ по крови отца, и тѣло его велѣлъ бросить безъ погребенія. — Въ Бактріанѣ, разказываетъ Страбонъ (кн. XI, гл. XI, § 2), основанъ былъ Эвкратидомъ городъ, по имени его названный: объ *Эвкратидіи* этой упоминается и у Птоломея (Географія, кн. VI, гл. 11). Отъ Страбона же узнаемъ, кромѣ того, что изъ числа областей, на которыя раздѣлили Греки Бактріану, *Асніонія* и *Турива* отняты были у Эвкратида Пареянами (кн. XI, гл. 9, § 2, и гл. 11, § 2). Какіе государи властвовали въ Бактріанѣ послѣ Эвкратида и его сына, и властвовали ли какіе, не находимъ о томъ ни полъ-слова въ греческихъ и римскихъ источникахъ. О самомъ паденіи Греко-Бактрійскаго царства узнаемъ лишь изъ двухъ, мимоходомъ сказанныхъ, фразъ Юстина и Страбона. Юстинъ, ведя рѣчь о Пареянахъ, замѣчаетъ что тогда какъ ихъ могущество продолжало все увеличиваться, „Бактрійцы, напротивъ, подвергшись нападеніямъ съ разныхъ сторонъ, утратили не только царство свое, но и самую свободу: войны съ Согдійцами, Дрангами, Индѣйцами истощили и обезсилили ихъ до такой степени что подъ конецъ были они подавлены гораздо слабѣйшими ихъ дотолѣ Пареянами“ (XLI, 6). Страбонъ, ведя рѣчь о Скиѳскихъ народахъ по Каспійскому побережью, замѣчаетъ что „наиболѣе извѣстными изъ нихъ сдѣлались тѣ которые отняли у Грековъ Бактріану, каковы Асійцы, Пасіанцы, Тохарцы и Сакарау-

лійцы, обитавшіе передъ тѣмъ за Яксартомъ, по сосѣдству съ Саками и Согдійцами" (кн. XI, гл. 8, § 2).

Относительно же могущества греческихъ царей Бактріаны въ періодъ ихъ силы, читаемъ у Страбона что, „благодаря производительности этой страны, овладѣли они и Аріаною, и Индіею, гдѣ, по словамъ Аполлодора изъ Артамиты, покорили большее число народовъ, нежели самъ Александръ — въ особенности Менандръ, проникавшій за Гипанисъ къ востоку и доходившій до Имая, и отчасти Димитрій, сынъ царя бактрійскаго Эвѳидема: не только Паталену захватили они здѣсь, но и все побережье морское, что зовется Сараостой, и все царство Сигердидское.... (съ другой же стороны) простерли власть свою до Серовъ и Фриновъ. Кромѣ того, владѣли и Согдіаною" (кн. XI, гл. 11, § 1-2).

Наконецъ, неизвѣстный авторъ „Перипла Эрнерейскаго Моря", жившій въ половинѣ I-го вѣка по Р. Х., замѣтилъ что въ Баригазѣ (городѣ на восточномъ берегу нынѣшняго Камбайскаго Залива), и въ его еще время находились въ обращеніи старинныя драхмы съ греческими надписями по имя, царствовавшихъ послѣ Александра, *Аполлодота* и *Менандра* (§ 47). Въ сохранившемся же оглавленіи потерянной „Исторіи" Трога-Помпея читаемъ (огл. кн. XLI): Deinde, quo rege pugnante, Scythicae gentes, Sarancae et Asiani Bactra occupavere et Sogdianos. Indicae quoque res additae, gestae per Apollodotum et Menandrum, reges *eorum*. На основаніи этого *eorum*, и того что Страбонъ, какъ мы сейчасъ видѣли, называетъ Менандра государемъ бактрійскимъ, можно, пожалуй, причислить къ этимъ государямъ и Аполлодота упоминаемаго Трогомъ-Помпеемъ и авторомъ „Перипла". О Менандрѣ, какъ о царствовавшемъ въ Бактріи, упоминаетъ еще и Плутархъ, разсказывая что кроткимъ управленіемъ пріобрѣлъ онъ любовь народную до такой степени, что по смерти его, города, бывшіе ему подвластными, перессорились между собою, желая каждый имѣть прахъ его у себя, и лишь съ трудомъ помирились на томъ условіи чтобы раздѣлить останки его между собою по ровну, и каждому городу воздвигнуть у себя надъ своею ихъ частію по особому памятнику („Объ управл. государствомъ", гл. XXVIII).

Вотъ все, что оставила намъ классическая древность касательно судебъ Греко-Бактрійскаго царства.

Первая въ новое время попытка свести эти сказанія классическихъ историковъ и географовъ, разъяснить ихъ, связать между собою, и опредѣлить хронологически, сдѣлана была у насъ, на берегахъ Невы.

Обязаны мы ею академику нашему Ѳ. З. Байеру, трудъ котораго вышелъ въ Петербургѣ, въ 1738 году, подъ заглавіемъ Historia regni Graecorum Bactriani. Вышеприведенныя отрывочныя сказанія нужно было, прежде всего, нанизать на хронологическую нить. Этимъ-то преимуществу и занялся Байеръ. По его розысканіямъ и соображеніямъ, отложеніе Ѳеодота отъ Селевкидовъ, и основаніе имъ въ Бактріанѣ особаго, независимаго царства, произошло въ 255-254 году до Р. Х.; восшествіе на престолъ Ѳеодота II, и заключеніе имъ союза съ Пареянами — въ 243-242; начало владычества Эвеидема, который, полагаетъ онъ, отнялъ престолъ у Ѳеодота II — въ 220-219; начало похода Антіохова противъ Эвеидема — въ 209-208; заключеніе мира между ними — въ 206-205; овладѣніе Бактріею, по смерти Эвеидема, Менандромъ, дотолѣ царившимъ въ Индіи — около 196-195 (сынъ Эвеидемовъ Димитрій царствовалъ, по Байеру, не въ Бактріи, а въ Индіи); воцареніе Эвкратида, вслѣдъ за смертію Менандра — въ 182-181 (Аполлодотъ, полагаетъ Байеръ, властвовалъ лишь въ Индіи); убіеніе Эвкратида сыномъ его, который, по Байеру, тоже долженъ былъ носить имя Эвкратида — въ 146-145; паденіе Греко-Бактрійскаго царства, вслѣдствіе пораженія нанесеннаго этому Эвкратиду II-му Пареянами — лѣтъ черезъ десять по его воцареніи [1]).

Изъ монетъ, которыя, какъ ниже увидимъ, чеканились греческими царями Бактріи, Байеру извѣстна была всего одна — тетрадрахма *Эвкратидова*, принадлежавшая графу Я. В. Брюсу. Монета эта, какъ заключалъ Байеръ изъ вязи на ней буквъ Н и Р, признавая ихъ за хронограмму, бита была въ 108 году Бактріанской эры, началомъ которой полагалъ онъ первый годъ Ѳеодотова царствованія, соотвѣтствовавшій, по его изслѣдованіямъ, второму году CXXXI-й олимпіады, или 255-254 до Р. Х. [2]). Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ, превосходнаго по тогдашнему состоянію науки, труда Байерова, сдѣлалась извѣстною и монета другаго греко-бактрійскаго государя — *Эвеидема*, описанная нумизматомъ французскимъ Пеллереномъ [3]). Къ концу столѣтія явилась въ Европѣ монета съ именемъ царя *Геліокла* [4]), котораго, основываясь единственно на типѣ этой монеты,

---

[1]) Historia regni Graecorum Bactriani, pp. 38—44.

[2]) Тамъ же, стр. 99—100.

[3]) Additions aux neuf volumes de recueils de médailles de rois, de villes etc. (à la Haye, 1778), p. 95.

[4]) Catalogue des médailles du cabinet de Mr. d'Ennery (Paris, 1788), p. 40, № 253.

сходномъ съ Эвкратидевою и Эвеидемовою, Міоне, а за нимъ и Висконти, причислили къ греко-бактрійскимъ государямъ [1]), хотя, какъ мы видѣли, о царѣ этого имени въ Бактріи не упоминается ни у кого изъ древнихъ историковъ и географовъ. Догадка эта подтвердилась въ послѣдствіи другими, монетными же памятниками. Никакихъ монетъ греко-бактрійскихъ, кромѣ битыхъ тремя помянутыми государями, не имѣлось въ нумизматическихъ кабинетахъ Европы, какъ свидѣтельствуютъ и Classes generales Сестини, до самыхъ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, вслѣдствіе чего, по части греко-бактрійской нумизматики, только для трехъ помянутыхъ монетъ сдѣланы были штемпеля и знаменитымъ фабрикантомъ фальшивыхъ монетъ, Бекеромъ [2]).

Совершенно измѣнилось это положеніе вещей съ наступленіемъ третьяго десятилѣтія текущаго вѣка: тутъ число вновь открывающихся монетныхъ памятниковъ греческаго владычества въ Бактріи и сосѣднихъ съ нею странахъ стало возрастать съ каждымъ годомъ. Въ 1822 году, академикъ нашъ Кёлеръ призналъ за греко-бактрійскую и описалъ тетрадрахму съ именемъ царя *Антимаха-Θеоса* [3]), принадлежащую князю М. Голицыну въ Москвѣ. Въ слѣдующемъ, 1823 году, описана имъ же первая сдѣлавшаяся извѣстною тетрадрахма царя *Димитрія* (сына Эвеидемова), добытая въ Бухарѣ ѣздившимъ туда полковникомъ русской службы, барономъ Мейендорфомъ [4]). Въ 1825 году, полковникъ англо-индійской службы Джемсъ Тодъ сдѣлалъ извѣстными добытыя имъ въ Индіи монеты *Менандра* и *Аполлодота* [5]). Августу Шлегелю открытіе это подало поводъ войдти въ новыя, послѣ Байера, соображенія о Греко-Бактрійскомъ царствѣ [6]). Обѣ по-

---

[1]) Висконти — Iconographie, III, 176; Міоне — Description de médailles ant., V, 705.

[2]) Штейнбюхель: Die Beckerschen falschen Münzstempel (Wien. 1836), p. 32 и слѣд. — Сестини: Sopra i moderni falsificatori di medagl. gr. ant. (Firenze, 1826), p. 36.

[3]) Médailles grecques de rois de la Bactriane, du Bosphore etc. (St. Pétersbourg, 1822), p. 4, № 10.

[4]) H. K. E. Köhlers Gesammelte Schriften, herausgegeben von L. Stephani (St.-Petersburg, 1850), T. II, S. 1-3. Одновременно тетрадрахма эта описана была, по слѣпку, и Т. Х. Тихсеномъ — въ *Commentationes Soc. reg. scient. Gottingensis*, t. VI, pp. 3-16.

[5]) *Transactions of the Royal Asiatic Society of Great-Britain and Ireland*. Vol. I (London, 1827), p. 313 и слѣд.

[6]) Observations sur quelques médailles bactriennes et indo-scythiques nouvellement découvertes — въ *Journal Asiatique* за 1828 годъ, ноябрьская книжка, и въ

слѣднія монеты призналъ онъ „безцѣнными“, какъ въ качествѣ историческихъ документовъ, такъ и по ихъ тогда единственности. Ничто лучше не свидѣтельствуетъ о быстротѣ съ какою стали накопляться въ Европѣ нумизматическіе памятники Бактріи, какъ то что въ началѣ сороковыхъ годовъ, монетъ Менандра и Аполлодота, вмѣсто этихъ двухъ, бывшихъ въ 1825 году единственными, насчитывалось въ нумизматическихъ коллекціяхъ Парижа и Лондона уже около двухъ тысячъ экземпляровъ [1]). Накопленіемъ этимъ наука обязана какъ проживавшимъ въ Индіи французскимъ генераламъ на службѣ Ренджитъ-Сингa и чиновникамъ Англо-Индѣйской Компаніи, пошедшимъ по слѣдамъ Тода, такъ и путешественникамъ посѣтившимъ, въ 1830-хъ годахъ, Афганистанъ и сосѣднія средиеазіатскія владѣнія: Гонигбергеру, Борису, Джерарду и въ особенности Массону. Часть сокровищъ этого рода скоро переслана была въ Европу. Разработкою добычи, доставшейся на долю Франціи, занялся преимущественно Рауль-Рошетъ [2]), а за нимъ—рано похищенный смертію Жакè [3]). Описаніе монетъ привезенныхъ Борисомъ въ Англію, составленное Вильсономъ, напечатано особымъ приложеніемъ къ Борисову „Путешествію въ Бухару“ (London, 1834). Въ Индіи, между тѣмъ, съ особымъ рвеніемъ и успѣхомъ обратилъ проницательность свою на эту отрасль нумизматики даровитѣйшій Джемсъ Принсипъ [4]). Массонъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ, самъ указалъ на важнѣйшія изъ своихъ открытій [5]); замѣчательнѣйшія монеты его коллекціи описалъ потомъ Вильсонъ [6]).

Oeuvres de M. Auguste-Guillaume de Schlegel, publiées par E. Böcking (Leipzig, 1846), vol. III, pp. 311 — 337.

[1]) Вильсонъ, въ Ariana Antiqua, p. 5.

[2]) Notice sur quelques médailles grecques inédites appartenant à des rois inconnus de la Bactriane et de l'Inde, и три дополненія къ этому Notice, въ *Journal des Savants*, за 1834, 1835, 1836, 1838 и 1839 годы.

[3]) Notice de la collection des médailles bactriennes et indo-scythiques rapportées par M. le géneral Allard — въ *Journal Asiatique* за 1836, 1837, 1838 и 1839 годы. См. также статью A. де-Лонперье въ *Revue Numismatique* за 1839 годъ, p. 81, и 8-й томъ дополненій Міонé къ его Description des médailles antiques, изданный въ Парижѣ, въ 1837 году.

[4]) Статьи его о греко-бактрійскихъ монетахъ печатались, одна вслѣдъ за другою, въ *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, за 1833, 1834 и слѣдующіе годы. Вмѣстѣ съ другими трудами того же автора вошли они въ составъ его Essays on Indian antiquities, изданныхъ въ 1858 году, въ Лондонѣ, Ѳ. Томасомъ.

[5]) Въ *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, vol. III, pp. 153 - 175; vol. V, pp. 1 - 28 и 537 - 548.

[6]) Въ *Numismatic Journal* за 1837 годъ, vol. I, p. 144 и др.

Германская ученость не могла остаться равнодушною къ такой массѣ свѣжаго матеріала по отдѣлу знанія соприкасающагося съ древнимъ классическимъ міромъ. Этимъ, большею частію сырымъ еще, матеріаломъ поспѣшила она овладѣть, чтобы разобрать его, подвергнуть критикѣ, и обратить по возможности въ плоть и кровь исторіи. Въ Вѣнѣ занялся этимъ Арнетъ[1], въ Геттингенѣ — К. О. Мюллеръ[2], въ Боннѣ — Лассенъ[3], въ Ганноверѣ — К. Л. Гротефендъ[4]. Періодъ горячей разработки предмета въ теченіе 1830-хъ годовъ завершился, съ началомъ 1840-хъ, великолѣпнымъ трудомъ знаменитаго санскритиста Вильсона, подъ заглавіемъ Ariana Antiqua (London, 1841), важнымъ одинаково какъ по обилію матеріала въ немъ заключающагося, такъ по основательности соображеній и трезвости заключеній автора, сравнительно съ другими писавшими о предметѣ.

Изъ монетъ государей греко-бактрійскихъ, упоминающихся у классическихъ историковъ, извѣстны были въ началѣ 1840-хъ годовъ: золотая монета съ именемъ *Діодота*, по всей вѣроятности отца, а не сына; одна золотая, 9 видовъ серебряныхъ, и 6 видовъ мѣдныхъ монетъ *Эвѳидема*; 4 вида серебряныхъ, и 2 вида мѣдныхъ монетъ *Димитріевыхъ*; 10 видовъ серебряныхъ, и 8 видовъ мѣдныхъ монетъ съ именемъ *Эвкратида*; 6 видовъ серебряныхъ, и 10 видовъ мѣдныхъ монетъ *Менандра*; 3 вида серебряныхъ, и 7 видовъ мѣдныхъ монетъ *Аполлодота*. Кромѣ того, по сходству типа съ этими греко-бактрійскими, признаны за несомнѣнно таковыя же множество другихъ, на которыхъ изображены имена: царя *Агаѳокла* (три вида серебряныхъ, два вида мѣдныхъ), царицы *Агаѳоклеи* (одна мѣдная), и царей: *Аминты* (одна мѣдная), *Антіалкида* (4 вида серебряныхъ, 3 вида мѣдныхъ), *Антимаха* (3 вида серебр., 1 мѣдная), *Архебія* (2 вида серебр., 1 мѣдная), *Геліокла* (3 вида серебр., 2 вида мѣдныхъ), *Гермея* (3 вида серебр., 6 видовъ мѣдныхъ), *Діомеда* (одна мѣдная), *Лисія*

[1]) Статья его: Numi graeci regni Bactriani et Indici помѣщена въ *Wiener Jahrbücher*, Bd. LXXVII (январь — мартъ 1837).

[2]) Статьи его о предметѣ печатались въ *Göttinger Gelehrte Anzeigen* за 1835 (Stück 177 и слѣд.), 1838 (Stück 21 и слѣд.) и 1839 (Stück 29 и слѣд.) годы.

[3]) Zur Geschichte der Griechischen u. Indoskytischen Könige in Baktrien, Kabul u. Indien. Bonn, 1838.

[4]) Die Münzen der griechischen, parthischen u. indoskythischen Könige von Baktrien u. den Ländern am Indus. Hannover, 1839.

(1 серебр., 1 мѣдная), *Панталеона* (одна мѣдная) и *Филоксена* (2 вида серебр., 1 мѣдная) [1].

Уже до тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда къ ряду несомнѣнно греко-бактрійскихъ государей предстояло размѣстить лишь проблематическихъ Менандра и Аполлодота съ новооткрытыми, сначала — Геліокломъ, потомъ — Антимахомъ, изслѣдователи не могли согласиться, ни въ хронологическомъ, ни въ хорографическомъ ихъ распредѣленіи. Такъ, *Аполлодота*, который, по Байеру, царствовалъ исключительно въ Индіи, Висконти, Тодъ и Шлегель отнесли единогласно къ числу государей греко-бактрійскихъ. Такъ, *Геліокла*, котораго Міонè считалъ за преемника Эвкратидова въ Бактріи, за его сына-отцеубійцу, былъ, напротивъ, по Висконти, предшественникомъ Эвкратида, чуть-ли не отцомъ его, тогда какъ, по мнѣнію Шлегеля, властвовалъ онъ скорѣе гдѣ-нибудь въ Малой Азіи, и вовсе къ числу греко-бактрійскихъ государей не принадлежитъ. Когда же, съ 1830-хъ годовъ, монеты бактрійскаго типа стали, постепенно, обнаруживать существованіе, не двухъ, а шести уже, а потомъ цѣлой дюжины царей, про которыхъ нѣтъ ни слова у древнихъ писателей, произошла, относительно размѣщенія ихъ, разноголосица между изслѣдователями, крайне, по нашимъ понятіямъ, соблазнительная, и, во всякомъ случаѣ, едва ли не безпримѣрная доселѣ въ лѣтописяхъ науки. Иначе, впрочемъ, и быть не могло при отсутствіи на означенныхъ монетахъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ къ ихъ хронологическому и хорографическому пріуроченію. Монограммы на многихъ изъ монетъ, принятыя было Байеромъ, а потомъ Целлереномъ и Тодомъ, за хронограммы, оказались не могущими имѣть этого значенія, вслѣдствіе чего и „бактрійская эра“, придуманная Байеромъ, объявлена была никогда не существовавшею, и приговоръ этотъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ онъ произнесенъ знаменитымъ организаторомъ классической нумизматики, Эккелемъ [2], не подвергся и до сего дня ни малѣйшему возраженію. Обнаружилось, такимъ образомъ, позорнѣе для нумизматовъ чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ, что, за отсутствіемъ помянутыхъ данныхъ, соображенія и выводы основывающіеся единственно на типѣ монетъ и монетныхъ изображеніяхъ — несостоятельны въ высшей степени [3], и ведутъ не къ разъ-

[1]) Исчисленіе сдѣлано по видамъ описаннымъ Вильсономъ въ Ariana Antiqua, pp. 218-242 и 262-300.

[2]) Doctrina nummorum veterum, III, 558.

[3]) Die Erfahrung sich herausgestellt hat, говоритъ самъ Лассенъ по отношенію

ясненію прошлаго, а къ путаницѣ, къ наполненію исторіи, вмѣсто фактовъ, небылицами. И какую тьму явныхъ нелѣпостей и противорѣчій позволяли себѣ наговорить при этомъ, чтобы поддержать придуманныя ими небылицы, люди съ самыми громкими въ ученомъ мірѣ репутаціями, каковы Лассенъ[1]) и Рауль-Рошеттъ! Иначе, конечно уже, и могло бы, и должно было быть, если бы со стороны изслѣдователей имѣлось побольше любви къ истинѣ, и поменьше мелочнаго тщеславія отличиться чѣмъ-нибудь отъ другихъ, и поставить на своемъ. Главной своей цѣли — опредѣлить въ какомъ порядкѣ слѣдовали другъ за другомъ государи существованіе которыхъ открылось изъ монетъ, и гдѣ именно они царствовали, если не всѣхъ ихъ слѣдуетъ помѣщать въ Бактріанѣ — писавшіе о предметѣ, кажется намъ, нисколько не достигли, не смотря на все потраченное для того ученое остроуміе. Выяснилось несомнѣнно одно только обстоятельство — что, кромѣ Бактріаны, монетные государи эти должны были властвовать, какъ въ сосѣднихъ съ нею, такъ и въ прииндскихъ странахъ — результатъ для пріобрѣтенія котораго вовсе не требовалось такихъ трудовъ какіе положены были на дѣло, такъ какъ означенное обстоятельство выводилось уже изъ однихъ историческихъ свидѣтельствъ оставленныхъ древностію. Сошлись, правда, всѣ изслѣдователи и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ; но изъ единогласія этого нисколько еще не слѣдуетъ чтобы то, въ чемъ сошлись они, было непремѣнно истиною: новѣйшія нумизматическія открытія показали уже что часть этихъ единогласныхъ выводовъ несостоятельна; дальнѣйшія находки подвергнутъ, вѣроятно, одинаковой участи и остальную часть работы.

Вмѣстѣ съ греческими легендами оказались, на большей части монетъ бактрійскаго типа, и легенды письменами дотолѣ никѣмъ изъ ученыхъ невиданными. Сначала письмена эти стали называть „бактрійскими", иначе „пеглевійскими"; Лассенъ предложилъ потомъ дать имъ имя „кабульскаго монетнаго письма"; въ настоящее время

къ трудамъ о греко-бактрійской исторіи, dass die zuverlässigsten Behauptungen der erfahrensten Numismatiker durch neu entdeckte Münzen widergelegt worden sind (Indische Alterthumskunde, II, 312).

[1]) There is undoubtely in Professor Lassen's method something very national and German — писалъ въ 1844 году г. Принсипъ —: he launches boldly into the wide ocean of conjecture to supply deficiencies in his information, and builds theories regarding his dynasties, nations, and races, without any very substantial stratum of authoritative facts for a foundation, and with materials quarried often in the imagination (Note on the historical results etc. pp. 43 - 44).

принято звать ихъ „аріано-пеглевійскими". Въ загадочныхъ легендахъ этими письменами могли заключаться указанія самаго драгоцѣннаго свойства. Понятно что разрѣшеніе загадки стало сильно интересовать ученую республику. Первые шаги къ дешифровкѣ этихъ „бактрійскихъ" письменъ сдѣланы были, еще въ 1822 году, знаменитымъ тогда арменистомъ, Сенъ-Мартеномъ [1]). Затѣмъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, почти одновременно, занялись этимъ Джемсъ Принсепъ въ Индіи, и Карлъ Гротефендъ въ Германіи [2]). Въ 1835 году Принсепу удалось уже достигнуть нѣкоторыхъ важныхъ результатовъ, а въ 1838 году открытіе было имъ докончено [3]); Лассенъ и Вильсонъ, съ своей стороны, идущи по слѣдамъ Принсепа, кое въ чемъ измѣнили, кое въ чемъ дополнили открытое имъ [4]). Съ дешифровкою письменъ разобраны были и легенды ими изображенныя: найдено что написаны онѣ на особомъ нарѣчіи палійскаго языка, которое принято называть нынѣ „аріано-палійскимъ". Но, увы, по отношенію къ исторической классификаціи монетныхъ царей греко-бактрійскихъ не выработалось ничего твердаго даже и по прочтеніи бактрійскихъ легендъ на ихъ монетахъ: легенды эти, кромѣ немногихъ случаевъ, оказались буквальнымъ переводомъ греческихъ своихъ сопутницъ.

Чтобы показать до какой степени расходились послѣдователи въ результатахъ ихъ работы по предмету, изложимъ, въ главныхъ чертахъ, заключенія къ которымъ пришли Лассенъ, Гротефендъ и Вильсонъ, работавшіе при большемъ обиліи памятниковъ чѣмъ ихъ предшественники.

По Лассену, отложеніе *Θеодота* отъ Антіоха II имѣло мѣсто не задолго передъ 256 годомъ до Р. Х., и Θеодоту этому, а не *Агаѳоклу*, какъ усиливался доказать Рауль-Рошетъ [5]), должно быть приписываемо основаніе независимаго Греко-Бактрійскаго царства. Власть Θеодота, кромѣ Бактріаны собственно, должна была простираться еще и на Согдіану. Дальнѣйшее распространеніе Греко-Бактрійскаго царства произошло не ранѣе какъ при *Эвѳидемѣ*, который свергъ съ престола родъ Θеодотовъ, быть можетъ въ лицѣ сына его, *Θеодота II*, быть можетъ въ лицѣ преемника этого послѣдняго, о

---

[1]) Въ *Journal Asiatique* за 1822 годъ, мартовская книжка.

[2]) Blätter für Münzkunde, Bd. II, № 26: Die unbekannte Schrift der baktrischen Münzen, von Dr. C. L. Grotefend.

[3]) *Journal of the Bengal Asiatic Society*, vol. VII, pp. 636 - 658.

[4]) Лассенъ — въ Zur Geschichte u. s. w. Ss. 17 - 92; Вильсонъ — въ Ariana Antiqua, pp. 242 - 262.

[5]) *Journal des Savants*, 1834, p. 334.

которомъ историки не упоминаютъ. Овладѣвъ престоломъ, Эвеидемъ присоединилъ къ владѣніямъ Ѳеодотова рода Аріану и Маргіану (Гирканію владѣли Пареяне), воевалъ передъ тѣмъ съ кочевниками на сѣверѣ, и если, до войны съ Антіохомъ Великимъ, не предпринималъ походовъ за Гинду-Кушъ къ югу, то, во всякомъ случаѣ, завелъ связи съ Индіею: распространить въ эту сторону владычество свое могли цари греко-бактрійскіе лишь позже означенной войны; и Эвеидемъ, когда миръ съ Антіохомъ развязалъ ему руки, самъ лично, или черезъ сына своего Димитрія, не упустилъ овладѣть странами къ югу отъ Гинду-Куша, именно Землею Паропамисадовъ (Западнымъ Кабулистаномъ), Арахосіею и Дрангіаною, которыя причислялись древними къ Индіи. Достаточно и этого чтобы объяснить титулъ „царя индѣйскаго", даваемый *Димитрію* Юстиномъ; но Димитрій долженъ былъ сдѣлать завоеванія и въ собственной Индіи. Сидѣлъ ли онъ сколько-нибудь времени на бактрійскомъ престолѣ по смерти отца, и Эвкратидъ или другой кто лишилъ его отцовскаго наслѣдія, неизвѣстно; вѣроятнѣе что сидѣлъ, и былъ вытѣсненъ изъ Бактріи именно Эвкратидомъ. Во всякомъ случаѣ, ни *Менандръ*, ни *Аполлодотъ*, преемниками Эвеидема не были, и въ Бактріанѣ не царствовали. *Геліокла* можно помѣщать въ Бактріанѣ и до, и послѣ *Эвкратида*. Этотъ послѣдній, одолѣвъ Димитрія, который оспаривалъ у него престолъ, завладѣлъ вслѣдъ затѣмъ и его индѣйскими пріобрѣтеніями, и проникалъ до Гидаспа. Полагать что преемникъ его тоже носилъ имя Эвкратида, то-есть, принимать существованіе *Эвкратида II*, нѣтъ никакой надобности. Какъ бы этотъ преемникъ ни звался, распаденіе царства Греко-Бактрійскаго послѣдовало при немъ, а не при жизни самого Эвкратида, у котораго Пареяне отняли, вѣроятно, только его турганскія сатрапіи (Аспіонію и Туривію), въ то время какъ былъ онъ осажденъ Димитріемъ. По смерти Эвкратида, или ранѣе, какъ въ Индіи, такъ въ Арахосіи и Дрангіанѣ, сатрапы тамошніе возмутились, и образовали независимыя владѣнія. Въ войнахъ съ этими мятежниками, при преемникѣ или преемникахъ Эвкратида, и истощились силы Бактрійскаго царства до того, что, по Юстину, не могло оно уже болѣе противостоять окружавшимъ его отовсюду врагамъ, и пало подъ напоромъ Пареянъ съ запада, и скиескихъ кочевниковъ съ сѣвера. Одновременно съ тѣмъ какъ Димитрій распространялъ владычество отца своего на часть западнаго индѣйскаго побережья, въ Восточномъ Кабулистанѣ образовалъ себѣ независимое владѣніе *Агаѳоклъ*, находившійся или нѣтъ въ какихъ-либо родственныхъ отношеніяхъ къ Эв-

отдѣлу. Преемникомъ Агаөокла въ этомъ владѣніи былъ *Панталеонъ*. Въ походѣ Эвкратида къ Гидаспу должно оно было ему покориться. По убіеніи Өвкратида, въ индійскихъ его владѣніяхъ воцарился *Менандръ*, имѣвшій преемниками своими *Аполлодота*, *Діомеда*, *Агаөокла* и *Гермея*, при которомъ изъ обширныхъ владѣній менандровыхъ, не подвергавшихся и парөянскому игу, оставалась подъ властію этого потомка его лишь одна область беграмская (въ сѣверной части Западнаго Кабулистана), да и на ту начали уже напирать Скиөы. Одновременно съ Менандромъ, отложившись отъ преемника Эвкратидова въ Бактріи, образовалъ себѣ особое царство въ южной части Западнаго Кабулистана и въ Арахосіи, извѣстный изъ монетъ *Антіалкидъ*, преемникомъ своимъ имѣвшій *Лисію*. Еще ранѣе, именно вслѣдъ за гибелью Димитрія, воцарился въ Дрангіанѣ *Антимахъ*, а ему наслѣдовалъ тамъ *Филоксенъ*. Въ томъ или другомъ изъ этихъ владѣній, сдѣлавшихся скоро добычею Парөянъ, слѣдуетъ помѣстить и *Аминту* съ *Архебіемъ*. — Хронологически означенныя лица и событія опредѣлилъ Лассенъ такимъ образомъ:

	до Р. Х.
Отложеніе Өеодота I, до	256
Воцареніе Эвөидема, до	209
Заключеніе имъ мира съ Антіохомъ Великимъ, въ	205
Завоеванія Эвөидемовы въ Аріанѣ и Индіи, послѣ	200
Основаніе Агаөокломъ особаго царства въ Восточномъ Кабулистанѣ, около	190
Димитрій наслѣдуетъ отцу своему въ Бактріи, около	185
Өвкратидъ овладѣваетъ Бактріею, а Димитрій утверждается въ Арахосіи, въ	175
Панталеонъ наслѣдуетъ Агаөоклу, около	170
Эвкратидъ свергаетъ Димитрія, и завоевываетъ царство Панталеона, около	165
Основаніе новаго царства въ Дрангіанѣ Антіохомъ, около	165
Убіеніе Өвкратида сыномъ его, около	160
Сынъ Эвкратида (Геліоклъ?) наслѣдуетъ ему въ Бактріи, Антіалкидъ основываетъ царство въ Арахосіи и Западномъ Кабулистанѣ, а Менандръ другое, обширнѣйшее, въ Индіи, послѣ	160
Филоксенъ властвуетъ въ Дрангіанѣ, Лисія — въ Арахосіи; позже, Аполлодотъ — въ Индіи. Затѣмъ Архебій и Аминта—въ Арахосіи или Дрангіанѣ.	
Митридатъ I, царь парөянскій, завоевываетъ Дрангіану, около	145
Разрушаетъ Греко-Бактрійское царство, въ	139
Діомедъ, Агаөоклея и Гермей царствуютъ въ Индіи и Кабулистанѣ, до	120 [1]).

[1]) Zur Geschichte der Griechischen u. Indoskythischen Könige in Baktrien etc. Ss. 220 - 243, 259 - 267 u. 282 - 283.

Гротефендъ, какъ и Лассенъ, признаетъ, что независимыя одно отъ другаго греческія владѣнія существовали, кромѣ Бактріи, и въ другихъ болѣе или менѣе близкихъ къ ней странахъ; но, во-первыхъ — владѣнія эти у него не совсѣмъ тѣ, что у Лассена: однимъ (въ Дрангіанѣ) меньше, и однимъ (въ Восточномъ Кабулистанѣ) больше; во-вторыхъ — одно изъ этихъ владѣній возникло, по его мнѣнію, не послѣ Эвкратида, и не современно съ нимъ, а еще во времена Діодота; въ-третьихъ — иначе и въ другомъ порядкѣ распредѣляетъ онъ по этимъ владѣніямъ монетныхъ царей. Въ Восточномъ Кабулистанѣ, *Агаѳоклъ* и за нимъ *Панталеонъ* властвовали современно съ обоими *Ѳеодотами* и *Эвѳидемомъ*. Вмѣстѣ съ другими при-индскими странами, овладѣлъ *Димитрій* и этимъ царствомъ. Затѣмъ, царствомъ Димитрія овладѣлъ *Эвкратидъ*, по смерти котораго въ Бактріи наслѣдовалъ ему сынъ его, *Эвкратидъ II*, послѣдній государь этой страны; изъ остальныхъ же областей принадлежавшихъ Эвкратиду I, въ Западномъ Кабулистанѣ воцарился *Антіалкидъ*, имѣвшій послѣдовательно преемниками *Лисію*, *Діомеда* и *Гермея*; въ Восточномъ Кабулистанѣ — *Геліоклъ*, за которымъ слѣдовали тамъ *Архебій*, *Аминта* и *Агаѳоклея*; въ Аракосіи — *Антимахъ*, послѣ него *Филоксенъ*, затѣмъ *Менандръ* и *Аполлодотъ*, вмѣстѣ съ тѣмъ владѣвшіе Индіею [1].

По Вильсону, основатель Греко-Бактрійскаго царства *Ѳеодотъ I* отложился отъ селевкида Антіоха-Ѳеоса въ 256 году до Р. Х., умеръ — около 240. *Эвѳидемъ* властвовалъ съ 220 по 190; война съ нимъ и переговоры Антіоха Великаго имѣли мѣсто около 211 или 210. Сынъ Эвѳидемовъ *Димитрій* наслѣдовалъ ему въ Бактріи, и царствовалъ тамъ лѣтъ около десяти прежде чѣмъ вытѣсненъ былъ Эвкратидомъ въ страны на югъ отъ Гинду-Куша. Эвкратидово царствованіе продолжалось отъ 181 до 155, или около того. Настоящей Индіи онъ не завоевывалъ, да и на страны по правому берегу Инда сдѣлалъ лишь набѣги. *Эвкратида II* придумали напрасно: непосредственный преемникъ Эвкратида, его сынъ-отцеубійца, звался *Геліокломъ*; это доказывается несомнѣнно новооткрытою монетою, на одной сторонѣ которой изображенъ Эвкратидъ съ титуломъ „великаго царя“, а на другой — два портрета съ надписью „Геліоклъ и Лаодикея“, причемъ Геліоклъ безъ царской повязки, значитъ представленъ въ видѣ

---

[1] Die Münzen der Könige von Bactrien und den Ländern am Indus. Ss. 94-109 u. 112.

соправителя, какимъ и былъ, по Юстину. Вторженія Парѳянъ при Геліоклѣ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, произвели всеобщее смятеніе въ его государствѣ, пользуясь которымъ разные члены царствующей династіи, или просто честолюбивые полководцы, отложились и образовали нѣсколько мелкихъ независимыхъ владѣній: только такимъ образомъ и можно объяснить существованіе значительнаго числа греческихъ государей имена которыхъ сохранены для насъ ихъ монетами бактрійскаго типа. Царствовали они, должно полагать, въ короткій промежутокъ отъ смерти Эвкратида, около 155 года передъ Р. Х., до совершеннаго разрушенія Греко-Бактрійскаго царства сѣверными варварами, около 127 года; индѣйскія же вѣтви бактрійскаго ствола пережили эту катастрофу, и продолжали существовать, по всей вѣроятности, до половины послѣдняго вѣка передъ Р. Х. Въ частности, о государяхъ этихъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: а) нѣтъ никакого прямаго свидѣтельства чтобы Димитрій былъ убитъ Эвкратидомъ; потомство Димитрія могло удержаться въ части Арахосіи или въ долинѣ рѣки Гомала: однимъ изъ числа потомковъ этихъ можно считать *Лисія*, послѣ котораго, около 135 года до Р. Х., властвовалъ тамъ *Аминта*, а потомъ *Агаѳоклея;* б) *Антимахъ*, около 140 года, устроилъ себѣ особое владѣніе въ краю къ западу отъ Балха; преемникомъ его здѣсь, въ 130-125 годахъ, былъ *Филоксенъ;* в) *Антіалкидъ* былъ однимъ изъ преемниковъ Геліокла, около 135 года, и, повидимому, присоединилъ къ своимъ и владѣнія Лисіевы или его преемниковъ; послѣ Антіалкида, въ 125 — 120 годахъ, властвовалъ *Архебій*, повидимому уже въ зависимости отъ Менандра; г) *Менандръ* никакъ не можетъ быть причисленъ къ государямъ властвовавшимъ въ Бактріи ранѣе или позже; но и не въ Индіи собственно былъ корень его владѣній, а въ окрестностяхъ Кабула; здѣсь владычество его началось не многимъ ранѣе 126 г. до Р. Х., и отсюда уже распространилось оно на Индію. Преемниками его были: около 110 г. до Р. Х. — *Аполлодотъ;* около 100 — *Діомедъ;* около 98 — *Гермей;* д) *Агаѳоклъ*, котораго Рауль-Рошетъ, а за нимъ и Міонѐ, считали старѣе самаго Ѳеодота, былъ современенъ Геліоклу, и царство свое основалъ, около 135 г. до Р. Х., гдѣ-нибудь въ горахъ на пространствѣ отъ Кафиристана до Малаго Тибета. Преемникъ его *Пинталеонъ*, около 120 г. до Р. Х., лишенъ былъ владѣній своихъ, можно полагать, Менандромъ [1]).

---

[1]) Ariana Antiqua, pp. 215 - 242 и 262 - 300.

Указывать на громадную противоположность въ изложенныхъ выводахъ нѣтъ надобности: она и безъ того бросается въ глаза.

Посмотримъ теперь, на сколько разъяснился предметъ въ послѣднее двадцатилѣтіе.

Толчокъ данный успѣхомъ Тода въ дѣлѣ собиранія древнихъ монетъ на протяженіи индо-британскихъ владѣній и всюду въ окрестной Азіи, куда только могли проникнуть Англичане, продолжалъ дѣйствовать съ прежнею силою и послѣ огромныхъ пріобрѣтеній добытыхъ въ теченіе 1830-хъ годовъ. Открывались и описывались постоянно, между прочими, и новыя греко-бактрійскія монеты. Продолжалась, въ прежнемъ направленіи, и перестройка фантазій о судьбахъ лицъ которымъ монеты эти обязаны были существованіемъ. Важнѣйшіе труды по предмету, явившіеся со времени выхода въ свѣтъ Вильсоновой Ariana Antiqua (въ 1841) до изданія втораго тома Лассеновой Indische Alterthumskunde (въ 1849), принимаемаго нами за новый опорный пунктъ, принадлежали двумъ молодымъ ученымъ военнаго званія, пріобрѣвшимъ въ послѣдствіи заслуженную ученую репутацію, русскому—Вартоломею, и англійскому—Конингэму; брату умершаго Джемса, Генри Принсипу, и вѣнскому ученому, помянутому выше Арнету.

Арнетъ описалъ греко-бактрійскія монеты Императорскаго Вѣнскаго Минцкабинета, и, по распаденіи Бактрійскаго царства послѣ Эвкратида, разсадилъ: *Геліокла* — въ Балхъ, *Агаѳокла* — въ Дегли, *Менандра* — въ Джелальябадъ, признавая ихъ за современниковъ [1]. Генри Принсипъ, сдѣлавъ нѣсколько критическихъ замѣтокъ на хронологическое и хорографическое распредѣленіе греко-бактрійскихъ царей по Лассену и Вильсону, предложилъ свою систему размѣщенія ихъ — по сходству въ титулахъ, то-есть, титуловавшихся „спасителями" (*сотеръ*) предложилъ отнести къ одной группѣ, титуловавшихся „побѣдоносцами" и „непобѣдимыми" — къ другой, и т. д. Такимъ образомъ, преемниками *Антимаха* являются у него, одинъ за другимъ, *Архебій*, *Антіалкидъ*, *Лисія*, *Филоксенъ* и *Аминта*, преемниками *Менандра* — *Аполлодотъ*, *Діомедъ* и проч. и проч. [2]).

---

[1]) Ueber die Sammlung baktrischer Münzen im K. K. Münz-und Antiken-Kabinete (въ приложеніяхъ къ IV тому Гюгелевой книги: Kaschmir und das Reich der Siek (Stuttgart, 1842), S. 325.

[2]) Note on the historical results deducible from recent discoveries in Afghanistan (London, 1844), pp. 45–74.

Бартоломею поводомъ къ его статьѣ о предметѣ послужила привезенная изъ Бухары, ученымъ путешественникомъ нашимъ и оріенталистомъ, Н. В. Ханыковымъ, монета съ именемъ и изображеніемъ Діодота на одной сторонѣ, и съ надписью „царствующу Агаѳоклу правосудному"—на другой. Изъ этой монеты Бартоломей посиѣшилъ вывести что *Агаѳоклъ*, которому до тѣхъ поръ нумизматы не могли мѣста найти, царствовалъ въ самой Бактріанѣ, и былъ непосредственнымъ преемникомъ *Діодота (Ѳеодота)*, именно сыномъ его (объясняя что Юстинъ даетъ сыну этому имя Ѳеодота не какъ личное, а какъ династическое); что именно этого Агаѳокла и лишилъ престола *Эвѳидемъ*, а когда это случилось, то *Панталеонъ*, вѣроятно одинъ изъ князей Діодотова рода, сталъ оспаривать престолъ у похитителя, держась гдѣ-нибудь въ южной гористой части Бактріаны, но былъ имъ побѣжденъ и лишенъ жизни, чѣмъ и объясняется множественнѣе число у Поливія въ словѣ ἐκγόνους (кн. XI, гл. 34). Мало того: изъ мѣстонахожденія монетъ Агаѳокла и Панталеона въ Кабулистанѣ, заключилъ Вартоломей что въ ихъ время страна эта принадлежала уже къ Греко-Бактрійскому Царству [1]). Еще бо̀льшимъ числомъ фантазій обогатилъ исторію Греко-Бактрійскаго Царства неутомимый Конингэмъ. Описавъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ [2]), значительное число неизвѣстныхъ дотолѣ греко-бактрійскихъ монетъ, и открывъ нѣсколько новыхъ монетныхъ царей *(Гипострата, Діонисія, Зоила, Никію, Стратона и Телефа)*, предпринялъ онъ разгадать значеніе монограммъ встрѣчаемыхъ, какъ сказано выше, на большинствѣ монетъ этого рода, монограммъ которыя, какъ видѣли мы, Байеръ съ Пеллереномъ въ прошломъ столѣтіи, а вслѣдъ за ними Тиксенъ съ Тодомъ и Арнетомъ [3]) уже въ настоящемъ, принимали за хронограммы. Разгадка сказанныхъ монограммъ, конечно, разъяснила бы судьбы Греко-Бактрійскаго царства несравненно болѣе чѣмъ всѣ предшествовавшія попытки къ тому со стороны нумизматовъ-археологовъ; но разрѣшилъ ли Конингэмъ задачу—онъ утверж-

---

[1]) Notice sur les médailles de Diodotès, rois de la Bactriane — въ *Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde*, издававшемся докторомъ Кенѐ, Bd. III (Berlin, 1843), Ss. 65—77.

[2]) Помѣщены въ *Journal of the Asiatic Society of Bengale:* vol. IX, pp. 393-397, 531-545, 867-889, 1008 и 1217-1230; vol. XI. pp. 130-137.

[3]) Тиксенъ монограмму РКА на монетѣ Димитрія принималъ за 121 годъ селевкидской эры; за 128 годъ той же эры принималъ Арнетъ монограмму НКР на монетѣ Геліокла.

даеть что въ монограммахъ заключаются имена мѣстностей гдѣ биты монеты [1]) — это еще вопросъ. Но пусть и отысканъ ключъ къ разгадкѣ монограммъ — на топографическое ихъ значеніе намекали уже и прежде Конингэма, какъ Массонъ [2]), такъ и Вильсонъ [3]) — спрашивается еще, какъ дѣйствовалъ Конингэмъ этимъ ключомъ? Намъ кажется что полагаться на вѣрность его дешифровки, когда, напримѣръ, одну и ту же монограмму считаетъ онъ возможнымъ читать и *Базарія*, и *Андра*, и *Бана*, и *Певкелаэъ*, и *Деметр*(ріа), было бы довольно опрометчиво и неблагонадежно. Не затрудняясь такими пустяками, Конингэмъ объяснилъ въ топографическомъ смыслѣ чуть не всѣ монограммы на бывшихъ извѣстными до 1842 года греко-бактрійскихъ монетахъ, и, на основаніи этого „открытія“ своего и другихъ соображеній, произвелъ новую перестановку въ рядахъ греческихъ властителей бактріанскаго происхожденія. Современно съ *Діодотами*, I и II, въ Бактріи (то-есть, въ Бактріанѣ, Согдіанѣ и Маргіанѣ), царствовавшими съ 256 по 220 г. до Р. Х., являются у него въ Западномъ и Среднемъ Кабулистанѣ, въ 247 - 220 годахъ, *Агаѳоклъ* съ *Панталеономъ*. Съ 220 года, владѣнія тѣхъ и другихъ прибираетъ къ рукамъ своимъ *Эвѳидемъ*, въ послѣдствіи, послѣ 200 года, распространяющій власть свою какъ на Восточный Кабулистанъ и на противоположное ему индѣйское зарѣчье, такъ на Арію, Дрангіану и Арахосію. *Димитрій*, около 196 года, наслѣдуетъ Эвѳидему во всѣхъ этихъ странахъ, но не надолго: со 190-хъ годовъ, въ Бактріи и Западномъ Кабулистанѣ утверждается *Геліоклъ*, въ средней и восточной части послѣдней страны, вмѣстѣ съ прилежащимъ къ ней индѣйскимъ зарѣчьемъ — *Антимахъ-Ѳеосъ:* Димитрій удерживается только въ Аріи, Дрангіанѣ, Арахосіи и пріобрѣтенныхъ имъ, около 195 года, низовьяхъ р. Инда. Геліоклу, около 185 г., наслѣдуетъ сынъ его *Эвкратидъ* (такое родственное отношеніе между ними, а не наоборотъ, доказываетъ Конингэмъ весьма основательно), послѣ 180 г. пріобрѣтающій владѣнія Димитрія и Антимаха-Ѳеоса, но, около 176 года, теряющій Согдіану, занимаемую Саками, позже — Средній и Западный Кабулистанъ, гдѣ утверждается *Антимахъ-Никифоръ* (лицо

[1]) Изслѣдованія его объ этомъ помѣщены въ *Numismatic Chronicle*, edit. by I. J. Akerman, vol. VIII (London, 1846), pp. 175—197, подъ заглавіемъ: An attempt to explain some of the monograms found upon the Grecian coins of Ariana and India.

[2]) *Journ. of the Bengal Asiat.* Soc. Vol. V, p. 545.

[3]) Ariana Antiqua, p. 223.

отдѣльное отъ *Антимаха-Θеоса*), еще позже — Маргіану и самую Бактріану, подпадающія подъ власть Митридата I, царя пароянскаго. Въ остальныхъ затѣмъ владѣніяхъ Эвкратида наслѣдуетъ ему, около 166 года, сынъ его *Аполлодотъ* (на такое отношеніе между Эвкратидомъ и Аполлодотомъ представляются Коннингамомъ, вслѣдъ за Рауль-Рошетомъ, тоже весьма убѣдительныя доказательства), которому, въ Аріи, Дрангіанѣ, Арахосіи и Западномъ Кабулистанѣ, наслѣдуютъ, въ свою очередь, около 159 года, оспаривая престолъ другъ у друга, *Зоилъ*, *Діомедъ* и *Діонисій*. Антимаху-Никифору наслѣдуетъ, между тѣмъ, *Филоксенъ*, Филоксену — *Никія*, Никіѣ — *Лисія*, около 154 г. присоединяющій къ наслѣдію своему и Западный Кабулистанъ. Арію, Драңгіану и Арахосію отнимаетъ, въ то же время, у Аполлодотовыхъ преемниковъ продолжающій царствовать со славою надъ Пароянами Митридатъ I-й. Лисія, въ Кабулистанѣ наслѣдуетъ, около 150 года, *Антіалкидъ*, Антіалкиду, черезъ пять лѣтъ — *Аминта*, Аминтѣ — *Архебій*. Около 140 года, овладѣваетъ страною этою *Менандръ*, задолго передъ тѣмъ, еще со 165-хъ годовъ, устроившій себѣ на счетъ туземныхъ индѣйскихъ государей, особое владѣніе въ Пенджабѣ, и около 160-хъ, по смерти Аполлодота, наслѣдовавшій ему въ индскомъ низовьѣ. Со 140-хъ годовъ, Менандръ, такимъ образомъ, является единственнымъ греческимъ царемъ во всей Восточной Азіи. По кончинѣ его, около 130-хъ годовъ, низовьями Инда овладѣваютъ Саки, такъ что преемникъ его, *Стратонъ*, властвуетъ уже только въ Кабулистанѣ и Пенджабѣ. Стратону наслѣдуютъ здѣсь *Гиппостратъ* и *Телефъ*. Около 126 года, Саки овладѣваютъ и Пенджабомъ. Послѣдній изъ преемниковъ Менандра, *Гермей*, ограничивается съ этого времени однимъ Кабулистаномъ. Около 105 года до Р. Х. страна эта дѣлается добычею скиескихъ кочевниковъ, извѣстныхъ Китайцамъ подъ именемъ Юечжи, и такимъ образомъ греческое владычество по ту и другую сторону Гинду-Куша уничтожается окончательно [1]).

Вотъ въ какомъ видѣ нашелъ передѣланными прежнія работы свои о Греко-Бактрійскомъ царствѣ знаменитый индіанистъ Лассенъ, когда долженъ былъ снова взяться за тотъ же предметъ въ колоссальномъ трудѣ своемъ „Объ Индѣйскихъ Древностяхъ". Обнаружившаяся несостоятельность большей части предположеній высказанныхъ имъ въ 1838 году, не устрашила неутомимаго изслѣдователя; смѣло при-

[1]) См. въ приложеніяхъ къ VIII тому *Numismatic Chronicle* — Chronological and Geographical table of Alexander's successors in the East, въ которой резюмированы Коннингамомъ результаты его изслѣдованій.

нялся онъ за перестройку ихъ, и въ 1849 году представилъ намъ греко-бактрійскую исторію опять въ новомъ, слѣдующемъ изложеніи [1]):

Основателемъ Греко-Бактрійскаго царства былъ *Діодотъ*. Отложеніе его отъ Селевкидовъ произошло ранѣе тѣмъ послѣдовавшее за 250 лѣтъ до Р. Х. отпаденіе Пареянъ, но сколькими годами ранѣе— нельзя сказать опредѣлительно. Современно съ Діодотомъ, вѣроятно около 245 года, взбунтовался противъ Селевкидовъ и *Эвеидемъ*, бывшій сатрапомъ въ Согдіанѣ. Когда Селевкъ-Каллиникъ, помирившись, около 239 года, съ братомъ своимъ Антіохомъ-Гіераксомъ, обратился противъ Пареянъ, Діодотъ заключилъ съ нимъ союзъ противъ послѣднихъ. Когда же царь пареянскій противосталъ Селевку съ помощію Аспасіаковъ, народа обитавшаго за Оксомъ, а Діодотъ умеръ въ это время, то сынъ его, тоже носившій имя *Діодота*, примирился съ Пареянами, и даже вступилъ съ ними въ союзъ противъ Селевка. Кончина Діодота I должна была послѣдовать, такимъ образомъ, вскорѣ послѣ 239 года, именно около 237 г. по Р. Х. Діодотъ II, должно полагать, царствовалъ не долго. Что касается до извѣстнаго изъ монетъ *Агаеокла*, то онъ, будучи правителемъ одной изъ областей Бактрійскаго царства при Діодотѣ I, отложился отъ него, и образовалъ себѣ особое владѣніе въ верхней части долины Окса (Бадахшанъ) и къ югу отъ окаймляющаго ее Гиндукушскаго хребта, и оттуда, вѣроятно, распространилъ власть свою и на страны въ верховьяхъ Инда. *Панталеонъ*, преемникъ Агаеокловъ, царствовалъ недолго, и, безъ сомнѣнія, былъ послѣднимъ владѣльцемъ Агаеокловой династіи. Въ Бактріи, между тѣмъ, были у Діодота II одинъ или даже нѣсколько преемниковъ, по уничтоженіи которыхъ, царствомъ ихъ овладѣлъ, изъ Согдіаны, *Эвеидемъ*, присоединившій потомъ къ владѣніямъ своимъ, какъ Панталеоновы, такъ и Маргіану съ Аріей. По кончинѣ Евеидема, въ послѣднихъ годахъ III вѣка до Р. Х., наслѣдовалъ ему сынъ его *Димитрій*, еще при жизни отца завоевавшій Кабулистанъ, а потомъ Арахосію (быть можетъ также Дрангіану), Патталену и Пенджабъ до Гидаспа. *Эвкратиду*, который воцарился въ Бактріи около 181 г. до Р. Х., вѣроятно, воспользовавшись походомъ Димитрія въ Индію, должно быть приписано распространеніе греческаго владычества на востокъ до земель Серовъ и Фриновъ (въ нынѣшнемъ Китайскомъ Туркестанѣ). Митридатъ I, царь пареянскій, отнялъ у Эвкратида сѣверныя его области (Аспіонію и Туривію), вѣроятно, во время войны послѣдняго съ Димитріемъ. Пользуясь тѣмъ

[1]) Indische Alterthumskunde. II, 283—337.

же обстоятельствомъ, *Антимахъ*, сатрапъ правившій Согдіаною, отложился отъ Эвкратида, и основалъ тамъ, около 170 года, независимое владѣніе. Эвкратидъ отнялъ, между тѣмъ, у Димитрія его индѣйскія владѣнія, и распространилъ ихъ къ востоку до Гифазиса. По смерти Эвкратида, около 160 года, примѣру Антимаха послѣдовали правители другихъ областей Бактрійскаго царства, которое и распалось вслѣдствіе того на нѣсколько независимыхъ одно отъ другаго государствъ. Въ Бактріанѣ и части Индіи наслѣдовалъ Эвкратиду сынъ его *Геліоклъ*, царствовавшій, вѣроятно, около десяти лѣтъ, между 160—150 годами до Р. Х. Современно съ нимъ въ Согдіанѣ властвовалъ *Филоксенъ*, преемникъ Антимаховъ. Въ Арахосіи и Дрангіанѣ наслѣдникомъ Димитрія является, послѣ 165-го года, *Лисія*. Царствомъ Лисіи овладѣваетъ позже *Антіалкидъ*, преемникъ Геліокловъ, повидимому, присоединившій къ владѣніямъ своимъ и Филоксеновы, такъ что царство Греко-Бактрійское получило подъ Антіалкидомъ какъ бы прежніе предѣлы. Наслѣдникомъ Антіалкида былъ, можетъ статься, *Аминта*. Послѣднимъ же государемъ Греко-Бактрійскаго царства, окончательно подавленнаго Пареянами, около 140 года до Р. Х., представляется *Архебій*, современникъ и, быть можетъ, уже подручникъ Менандра, могущественнаго властителя Греко-Индѣйскаго царства. Это же царство основано было, по смерти Эвкратида, сыномъ его, братомъ Геліокловымъ, *Аполлодотомъ*, который, лишивъ Геліокла Кабулистана и Индіи, властвовалъ тамъ почти до 148 года по Р. Х., и оставилъ царство свое въ наслѣдіе Зоилу. *Зоилъ*, быть можетъ сынъ Аполлодотовъ, царствовалъ не долго, этакъ до 144 года, послѣ чего вступилъ *Менандръ*, знаменитѣйшій изъ индѣйскихъ царей греческаго происхожденія, распространившій предѣлы царства Аполлодотова на востокѣ до Ямуны, на югѣ — по обѣ стороны Патталены. Менандру, царствовавшему лѣтъ двадцать, наслѣдовалъ *Стратонъ*, женатый на *Агаѳоклеѣ*, дочери кого-либо изъ потомковъ Панталеона, и отнявшій Арахосію у Пареянъ (послѣ 126 г. до Р. Х.). Преемниками Стратона были *Гиппостратъ*, *Діонисій*, *Діомедъ*, *Никія*, *Телефъ*, властвовавшіе въ разныхъ частяхъ обширнаго Менандрова царства отъ 114 приблизительно по 100 годъ до Р. Х., около котораго времени слѣдуетъ помѣстить *Гермея*, послѣдняго въ ряду греко-индѣйскихъ государей: около 85 года до Р. Х., владѣнія Гермея, ограничивавшіяся однимъ Кабулистаномъ, сдѣлались добычею предводителя Юечжійцевъ Козуло-Кадфиса, тогда какъ Пенджабъ и низовье Инда, еще ранѣе, подпали подъ власть другихъ среднеазійскихъ выходцевъ.

Такова послѣдняя нова система Лассена, который, при построеніи ея, не зналъ еще, какъ видимъ, о Коннигэмовой, основанной на дешифровкѣ монограммъ. Что же такое эта система, какое значеніе имѣетъ она въ исторической наукѣ? Къ подобному товару, подъ какими бы громкими и уважительными флагами ни шелъ онъ, нельзя, по мнѣнію нашему, относиться серіознымъ образомъ. Это — не только не „исторія“, а даже не можетъ быть названо „историческими изслѣдованіями“. Это — просто-на-просто болтовня или, еще хуже того, ученый бредъ. Инаго названія, кажется намъ, не могутъ заслуживать упражненія состоящія въ пересовываніи историческихъ лицъ изъ страны въ страну, и въ хронологической перетасовкѣ ихъ такимъ образомъ, что одни и тѣ же лица являются сегодня сыновьями и внуками своихъ отцовъ и дѣдовъ, а завтра становятся ихъ предками, или наоборотъ. Нельзя придавать серіознаго значенія подобнымъ упражненіямъ и по крайней несостоятельности доказательствъ принимаемыхъ въ основаніе для такихъ перемѣщеній. Можно потерять всякое уваженіе, если не къ наукѣ, то въ учености, перечитывая, напримѣръ, доводы, какіе приводятся одними изъ свѣтилъ науки (Висконти и Рауль-Рошетомъ) въ подтвержденіе того что *Геліоклъ* былъ старше *Эвкратида* [1]), другими же, напротивъ (Міонè, Отфридомъ Мюллеромъ, К. Л. Гротефендомъ), что жилъ онъ позже [2]). Одна и та же монета, на которой изображены совмѣстно имена Геліокла и Эвкратида, служитъ въ 1841 году (по Вильсону) неопровержимымъ доказательствомъ что *Геліоклъ* былъ сыномъ *Эвкратида* [3]), а въ 1846 году (по Коннигэму) является такимъ же неопровержимымъ доказательствомъ, что *Эвкратидъ* былъ сыномъ *Геліокла* [4]). Чего, чего не было наговорено въ защиту и въ опроверженіе существованія *Эвкратида II*, которому знаменитый нашъ Кёлеръ нашелъ возможнымъ даже приписать славу преобразователя бактрійской кавалеріи [5])! Изображеніе Нептуна и Викторіи на монетахъ съ именемъ Антимаха было для Лассена, въ 1838 году, несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того что Анти-

---

[1]) Висконти: Iconographie III, 253; Рауль-Рошетъ: Deuxième Supplem. etc. p. 20.

[2]) Міонè: Descr. des méd. ant. VIII, 470; О. Мюллеръ — въ *Gött. gel. Anzeigen,* für 1839, S. 306; Гротефендъ: Die Münzen d. Könige v. Baktrien, S. 100 seq.

[3]) Ariana Antiqua, p. 264—265.

[4]) *Numismatic Chronicle,* edit. by Akermann. Vol. VIII, p. 187.

[5]) H. K. E. Köhler's Gesammelte Schriften (S.-Petersburg, 1850). B. I, S. 7—8.

махъ властвовалъ въ Дрангіанѣ[1]): въ 1849 году то же самое обстоятельство служитъ для него убѣдительнымъ доводомъ въ перемѣщенію того же Антимаха въ Согдіану[2]). Когда Антимахъ этотъ царствовалъ, по мнѣнію Лассена, въ Дрангіанѣ, Лассенъ доказывалъ, что аріано-пеглевійскія письмена, встрѣчающіяся и на его монетахъ, были въ употребленіи лишь по южную сторону Гиндукушскаго хребта[3]); а когда тотъ же Антимахъ перемѣщенъ былъ Лассеномъ въ Согдіану, это же самое обстоятельство стало означать что аріано-пеглевійскія письмена распространены были и на сѣверъ отъ Гинду-Куша[4]). Между тѣмъ, видѣли мы, Вильсонъ, на основаніи монетъ Антимаха, не считалъ возможнымъ помѣстить его гдѣ-либо кромѣ Геварейской Земли, на западъ отъ Балка[5]), тогда какъ Конингэмъ, на основаніи тѣхъ же монетъ, отводитъ ему мѣсто на берегахъ Инда, въ Пенджабѣ и Восточномъ Кабулистанѣ[6]). *Діонисія*, видѣли мы, причисляетъ Лассенъ къ періоду преемниковъ *Стратона*, властвовавшихъ между 114 и 100 годами до Р. Х.: такого мнѣнія дѣйствительно былъ патріархъ современныхъ индіанистовъ, когда писалъ главу Indische Alterthumskunde о греко-индѣйскихъ царяхъ[7]); когда же сталъ онъ писать главу того же сочиненія о царяхъ династіи Синга, Діонисій оказался уже у него царствовавшимъ непосредственно послѣ *Аполлодота*, современно съ *Зоиломъ*[8]).

Когда основанія, на которыхъ приходится строить зданіе, шатки до такой степени что могутъ служить одинаково опорою для выводовъ самыхъ разнорѣчивыхъ, не только на взглядъ разныхъ изслѣдователей, но и въ глазахъ одного и того же ученаго, какое довѣріе, спрашивается, могутъ заслуживать, противоположныя одна другой, системы на такихъ основаніяхъ воздвигаемыя, и какую пользу дѣлу исторіи могутъ приносить такого рода работы? По нашему крайнему разумѣнію, нисколько не подвигаютъ онѣ этого дѣла, а скорѣе тормозятъ правильный его ходъ, не расчищаютъ, а скорѣе засоряютъ поле дѣйствительно историческаго знанія. Вся масса работъ прежн-

---

[1]) Zur Geschichte u. s. w. S. 237.

[2]) Indische Alterthumskunde. II, 309.

[3]) Zur Geschichte u. s. w. S. 161—162.

[4]) Ind. Alterthumskunde. II, 309—310.

[5]) Ariana Antiqua, p. 274.

[6]) *Numismatic Chronicle*, edit. by Akerman. VIII, 194, и Chronological and Geographical table of Alexander's Successors.

[7]) Стр. 335.

[8]) Стр. 795.

веденныхъ по исторіи Греко-Бактрійскаго Царства до 1850-хъ годовъ, если всмотрѣться въ нее ближе, не ослѣпляясь блескомъ именъ, почти нисколько не разъяснила этой исторіи: находимыя монеты, вмѣсто того чтобы служить пособіемъ къ тому, служили поводомъ лишь къ обнаруженію со стороны работавшихъ надъ ними большей или меньшей начитанности, которая, при отсутствіи достаточнаго количества логической смазки, разрѣшалась — ни къ чему не ведущими фантазіями.

Чѣмъ безславно и безполезно тратить трудъ надъ разрѣшеніемъ задачъ не возможнымъ по самому существу памятниковъ надъ которыми приходилось работать, благоразумнѣе и сообразнѣе съ истинными интересами науки было бы ожидать терпѣливо что время откроетъ новые матеріалы болѣе способные къ разъясненію этихъ задачъ.

И начали уже, мало-по-малу, выходить на свѣтъ матеріалы такого свойства. Разумѣемъ двуименныя монеты въ родѣ Агаѳокло-Діодотовской, описанной впервые Бартоломеемъ. Такія двуименныя монеты, если и не указываютъ ясно на отношенія между лицами имена которыхъ читаемъ на нихъ, то, во всякомъ случаѣ, служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ синхронистической связи между этими лицами, и даютъ тѣмъ возможность къ хронологической группировкѣ монетныхъ государей на основаніи положительныхъ данныхъ, а не по произволу нумизматовъ и археологовъ.

Описаніемъ новыхъ монетныхъ памятниковъ такого рода обязаны мы заслуженнѣйшему изъ современныхъ нумизматовъ-оріенталистовъ, Эдуарду Томасу. Въ 1858 году издалъ онъ полный каталогъ извѣстнымъ тогда греко-бактрійскимъ монетамъ [1]), ознакомившій насъ, вопервыхъ — съ существованіемъ такой же двуименной монеты *Антимаха-Ѳеоса*, какая имѣлась Агаѳоклова, то-есть, что одна сторона монеты представляетъ надпись: „царствующу Антимаху-Ѳеосу", тогда какъ на другой ея сторонѣ читаемъ: „(при) Діодотѣ-Избавителѣ" [2]), и, вовторыхъ — съ существованіемъ монеты, въ греческой легендѣ которой читается имя царя *Лисіи*, а въ легендѣ аріано-паглевійскимъ письмомъ — имя царя *Антіалкида* [3]). Затѣмъ, въ статьѣ о бактрійскихъ монетахъ, напечатанной въ 1862 году [4]), описалъ онъ новую

---

[1]) Въ *Numismatic Chronicle*, Vol. XIX, и въ приложеніяхъ къ J. Princep's Essays on Indian Antiquities, имъ изданнымъ, vol. II, pp. 178—200.

[2]) Princep's Essays. II, p. 183.

[3]) Тамъ же. II, p. 192.

[4]) Въ *Numismatic Chronicle* (new series), vol. II, p. 178—188 и 259—267.

двуименную монету *Агаѳокла*, но уже не съ именемъ Діодота на передней сторонѣ, а съ именемъ *Эвѳидема-Ѳеоса* [1]).

Важнѣйшимъ результатомъ этихъ новыхъ находокъ является то, что часть монетныхъ государей, которыхъ относили обыкновенно къ періоду распаденія Греко-Бактрійскаго царства послѣ Эвкратида, оказывается принадлежащею, напротивъ, къ періоду основанія этого царства. Оказывается, что отложился отъ Селевкидовъ не одинъ Діодотъ, а вмѣстѣ съ нимъ, или вслѣдъ за нимъ, и греческіе эпархи другихъ, кромѣ Бактріаны, областей Верхней Азіи; что эти эпархи, оставаясь болѣе или менѣе независимыми въ отторженныхъ ими отъ Селевкидовъ областяхъ, признавали однако же надъ собою главенство Діодота и его преемниковъ; и что правъ былъ Поливій употребляя ἐκγόνους во множественномъ числѣ, и не слѣдовало поправлять его, понимая это выраженіе въ смыслѣ „потомство", soboles, какъ придумалъ это Байеръ [2]), ибо Эвѳидемъ могъ, какъ видимъ теперь, хвалиться уничтоженіемъ преемниковъ не одного Діодота I, а и другихъ эпарховъ, по примѣру этого послѣдняго взбунтовавшихся противу Селевкидовъ. Къ этимъ, несомнѣнной достовѣрности, выводамъ Томасъ прибавляетъ еще одинъ — что судя по монетѣ Агаѳокла съ именемъ Эвѳидема, этотъ послѣдній, истребляя преемниковъ однихъ изъ возмутившихся съ Діодотомъ эпарховъ, могъ оставить на мѣстахъ своихъ другихъ, которые согласились подчиниться ему, будучи въ то же время такъ сильны что ему не представлялось возможности одолѣть ихъ [3]). Выводъ этотъ не совсѣмъ правиленъ: означенная монета могла быть бита въ первое время Эвѳидемова правленія; въ послѣдствіи же, но еще до войны съ Антіохомъ Великимъ, Эвѳидемъ могъ сбыть съ рукъ Агаѳокла, или преемника его, точно такъ же какъ сбылъ онъ съ рукъ другихъ виновниковъ отложенія отъ Селевкидовъ, или потомство ихъ.

Позволительно надѣяться что постоянное стремленіе множества образованныхъ Британцевъ, находящихся на службѣ въ Индіи, отыскивать и скупать тамъ древнія деньги, приведетъ къ открытію новыхъ двуименныхъ монетъ, которыя бросятъ новый свѣтъ на судьбы Верхней Азіи подъ владычествомъ Александровыхъ преемниковъ, подобно тому какъ стремленіе это обогатило насъ въ послѣднее время открытіемъ монетъ еще трехъ новыхъ государей греко-бактрійскихъ или

---

[1]) L. c. o. 185.

[2]) Hist. regni Graec. Bactriani, p. 67.

[3]) *Numismatic Chronicle* (new series). II, 188.

греко-индійскихъ: *Артемидора, Эпандра* и *Θеофила* [1]). Но, пока надежды эти осуществятся, нельзя сказать, повторяемъ, чтобы извѣстные доселѣ нумизматическіе памятники Греко-Бактрійскаго царства разъяснили многое въ политическихъ судьбахъ его.

Немного новыхъ данныхъ извлекли археологи изъ изученія ихъ и по отношенію къ внутреннему быту этого царства. Въ высшей степени интересно и важно было бы знать какъ встрѣтились здѣсь, въ какія отношенія одна къ другой стали, и какое взаимнодѣйствіе обнаружили другъ на друга, двѣ столь установившіяся и упорныя цивилизаціи, какова съ одной стороны была древне-бактрійская, съ другой — эллинская. Но объ этомъ можемъ мы лишь гадать, а положительнаго знаемъ весьма мало. Ничто въ мірѣ не проходитъ безслѣдно: тѣмъ менѣе позволительно предполагать чтобы могло остаться безъ вліянія на Бактріану и сосѣднія страны двухвѣковое политическое господство греческаго элемента, и чтобы это политическое господство не внесло чего-нибудь и въ другія стороны жизни мѣстнаго населенія. Ознакомленіе съ процессомъ этого вліянія было бы поучительно въ высшей степени, не только для разъясненія одного изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ въ прошлой жизни человѣчества, но и по отношенію къ настоящему господству европейскихъ народовъ въ Азіи, и будущности этого господства. Къ сожалѣнію, не только о процессѣ, но и о послѣдствіяхъ эллинскаго вліянія въ Средней Азіи, не выяснено изслѣдователями еще ровно ничего, и все высказанное по этому предмету ограничивается голыми предположеніями. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, что̀, по отношенію къ внутренней исторіи Греко-Бактрійскаго Царства, извлечено до сихъ поръ, и можетъ быть извлечено еще, изъ сравнительнаго изученія монетныхъ его памятниковъ съ сохранившимися сказаніями историковъ и географовъ древности.

Прежде всего, царство основанное Діодотомъ I-мъ представляется не монархіею, а скорѣе союзомъ государствъ, въ которомъ одно изъ нихъ, именно занимавшее Бактріану собственно, первенствовало передъ прочими по силѣ и богатству, и признавалось ими главенствующимъ. Этотъ выводъ изъ двуименныхъ монетъ Агаѳокла и Антимаха съ именами Діодота и Эвѳидема подтверждается общею историческою характеристикою странъ гдѣ возникло бактріанское и подручныя ему греческія государства. Страны эти, заключающіяся въ бассейнахъ Аму и Сыра, постоянно почти являются въ исторіи, вѣ-

[1]) *Numismatic Chronicle* (new series). IV, pp. 201 и 207.

роятно вслѣдствіе ихъ географическихъ условій, раздѣленными на нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ владѣній, слабѣйшія изъ которыхъ подчиняются въ извѣстной мѣрѣ сильнѣйшимъ. Разливается на страны эти какой-либо завоевательный потокъ извнѣ, съ юго-запада или съ сѣверо-востока, помянутыя единицы потопляются имъ, и какъ бы исчезаютъ; но лишь только силы завоевателей начинаютъ слабѣть и падаетъ ихъ могущество, тотчасъ же воспріемлется краемъ прежній политическій его строй, и опять всплываютъ наверхъ тѣ же мелкія государства съ двумя, тремя преобладающими надъ ними. Такой порядокъ вещей, есть основаніе думать, существовалъ въ означенныхъ странахъ и до обращенія ихъ въ области Персидскаго царства при Ахеменидахъ. При преемникахъ Александра, персидскихъ сатраповъ замѣнили здѣсь греческіе. Въ областяхъ своихъ, далекихъ отъ центральной власти, подчинялись они ей, должно полагать, въ весьма слабой степени, и, какъ видимъ, не преминули воспользоваться первыми затрудненіями Селевкидовъ, чтобъ освободить себя и отъ этой слабой зависимости. Но независимость греческихъ эпарховъ приняла здѣсь м ѣ с т н у ю форму: слабѣйшіе изъ нихъ признали себя подручниками сильнѣйшаго. Бактріана, по природнымъ богатствамъ, промышленной дѣятельности и, можетъ-быть, даже по духовному развитію, издревле первенствовала между странами въ долинѣ Аму-Дарьи: правитель этой страны, Діодотъ, и сдѣлался, естественно, главою отпавшихъ, кромѣ того что былъ онъ и зачинщикомъ отпаденія, по прямому свидѣтельству Страбона и Юстина. Сколько другихъ эпарховъ послѣдовали его примѣру, и гдѣ именно сидѣли они, мы не знаемъ пока, но размѣститься имъ на протяженіи долины Аму было гдѣ, а именно: по двумъ центрамъ Зерэфшанской долины (то-есть въ Самаркандѣ и Бухарѣ) и по правому прибрежью Аму, въ Шегрисебзѣ, Хисарѣ, Дервазѣ, не говоря уже о Бадахшанѣ и Ваханѣ въ верховьяхъ этой рѣки, или о нынѣшней Ташкиніи по среднему теченію Сыра, и о долинѣ Ферганской въ его верховьяхъ. Можемъ причислять эти двѣ послѣднія страны къ числу селевкидскихъ областей, основываясь на извѣстіи Плинія-Натуралиста о походѣ за Сыръ, который совершенъ былъ Деодамомъ, полководцемъ Селевка и Антіоха, оставившимъ даже записки свои о томъ краѣ, которыми еще пользовался Плиній [1]), но которыя до насъ не дошли. Отсюда же, изъ Ферганы, разъ здѣсь утвердившись, ничего не стоило греческому царьку

---

[1]) Hist. Nat. Lib. VI, cap. XVIII.

этой области распространить власть свою, через горы, и на Кашгаръ, то-есть „до Серовъ“, по выраженію Страбона: арабскіе намѣстники сирійскихъ халифовъ въ VIII вѣкѣ по Р. Х. сидѣли здѣсь едва-ли прочнѣе помянутыхъ царьковъ, а Кашгаръ несомнѣнно подчинялся ихъ вліянію, какъ до послѣдняго времени подчинялся онъ и вліянію коканскихъ хановъ, не смотря на то что состоялъ въ подданствѣ такой могущественной державы какъ Китай. Въ то же время, за два вѣка до Р. Х., Кашгарское Владѣніе, по тѣмъ свѣдѣніямъ которыя имѣемъ отъ Китайцевъ столѣтіемъ позже, не могло похвалиться значительностію [1]). Заставлять Эвѳидема проносить оружіе свое въ эту сторону, нѣтъ никакой надобности: распространено сюда греческое господство могло быть, скорѣе и вѣрнѣе, какъ сказано, кѣмъ-либо изъ подручниковъ его или Діодота. На долю Эвѳидема, чтобъ удовлетворить Страбонову о немъ свидѣтельству, достаточно предоставить присоединеніе къ Бактріанѣ сосѣднихъ ей Маргіаны, Аріи и Земли Паропамисадовъ съ Восточнымъ Кабулистаномъ, который причислялся древними уже къ Индіи. Вообще, по значительности странъ на правой сторонѣ Аму и въ верховьяхъ Сыра, здѣсь, полагаемъ мы, могли размѣщаться многіе изъ тѣхъ монетныхъ греко-бактрійскихъ государей, которыхъ относятъ до сихъ поръ совсѣмъ въ другую сторону.

Исторія изобилуетъ примѣрами что иноземной династіи, для того чтобъ утвердиться въ странѣ, потребны усилія только вначалѣ, а тамъ, чтобы держаться на престолѣ, не нужно уже никакихъ: покоренный народъ скоро привыкаетъ смотрѣть на побѣдителей какъ на законныхъ и природныхъ своихъ владѣльцевъ, особенно если побѣдители сливаются болѣе или менѣе съ туземцами. Покореніе Бактріаны и Заоксусчины стоило Александру Великому бо̀льшаго напряженія силъ и потребовало болѣе времени, чѣмъ завоеваніе Персіи или Индіи; но разъ Бактрійцы и Согдійцы освоились съ мыслію что ими правятъ Македоняне, какъ эпархамъ селевкидскимъ, а тамъ и отложившимся отъ Селевкидовъ царямъ и царькамъ греческаго происхожденія не нужно уже было внѣшней поддержки чтобы сидѣть крѣпко на своихъ мѣстахъ. Потому, полагаемъ, хотя они и охотно могли принимать къ себѣ единоплеменниковъ военнаго ремесла, искавшихъ въ то время наживы гдѣ только представлялся къ тому случай [2]), единопле-

---

[1]) См. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи въ древнія времена» соч. монаха Іакинеа (Спб. 1851 г.). Часть III, стр. 63.

[2]) См. объ этомъ у Дройзена, въ его Geschichte des Hellenismus (Hamburg, 1843), II, 33.

ленники эти составляли въ войскахъ ихъ не болѣе какъ ядро или закваску, далеко уступая въ числѣ туземнымъ ратникамъ, подобно нынѣшнимъ британскимъ войскамъ въ Индіи сравнительно съ туземными сипаями. Другою опорою греческаго владычества въ Верхней Азіи считаются колоніи основанныя тамъ Александромъ Великимъ, и города послѣ него построенные тамъ же селевкидскими намѣстниками или греко-бактрійскими государями — въ предположеніи что населеніе этихъ городовъ долженствовало быть по преимуществу греческое. Но, вопервыхъ, предположеніе это основывается лишь на греческихъ именахъ означенныхъ городовъ, и вовторыхъ, такихъ городовъ на все огромное пространство Греко-Бактрійскаго Союза насчитываютъ только два: *Антіохію* въ Согдіанѣ, о которой упоминается въ словарѣ Стефана Византійскаго [1]), и *Эвкратидію* въ Бактріанѣ, о существованіи которой узнаёмъ отъ Страбона и Птоломея Александрійскаго [2]). Что касается до колоній Александровыхъ, которыхъ основалъ онъ въ Согдіанѣ и Бактріанѣ, по Страбону, восемь [3]), а по Юстину — двѣнадцать [4]), то едва-ли и эти колоніи могли служить, по составу народонаселенія своего, надежною опорою греческому владычеству. Сколько извѣстно, ядромъ такихъ колоній были тяжелораненые и вообще негодные къ продолженію военной службы ветераны, то-есть, холостые солдаты, съ прибавкою къ нимъ кого-попало изъ окрестныхъ туземцевъ [5]). Холостяки эти должны были жениться на туземкахъ, а вслѣдствіе того дѣти ихъ оставаясь, по смерти отцовъ, въ исключительномъ сообществѣ однихъ туземцевъ, должны были быстро сливаться съ послѣдними, и въ третьемъ поколѣніи ветерановъ едва-ли оставались уже какіелибо слѣды эллинизма. Это въ колоніяхъ существованіе которыхъ упрочивалось; но такихъ было немного: иначе имена ихъ встрѣчались бы въ памятникахъ; а то мы не видимъ никакого слѣда большей части возведенныхъ Александромъ городовъ. Да иначе и быть не могло, если всмотрѣться въ то какъ основывались его колоніи. Происходило это обыкновенно на походѣ, много еще если въ продолженіе зимовки,

---

[1]) Sub voce.

[2]) Страбонъ, кн. XI, гл. 11, § 2; Птоломей (Географія) кн. VI, гл. 11.

[3]) Кн. XI, гл. 11, § 4.

[4]) Кн. XII, гл. 5.

[5]) См. напримѣръ у Діодора Сицилійскаго (въ кн. XVII, гл. 83) о составѣ населенія городовъ построенныхъ Александромъ на дорогѣ черезъ Гинду-Кушъ изъ Земли Паропамисадовъ въ Бактріану, и у Арріана (Анабасисъ, кн. IV, гл. 4) о составѣ населенія въ Александріи на Яксартѣ.

въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; а въ такой срокъ нельзя было сдѣлать ничего иного, какъ вырыть наскоро ровъ, землею изъ него насыпать валъ, и внутри вала, такъ же наскоро, возвести кое-какія мазанки: въ эти мазанки и помѣщали колонистовъ, то-есть, раненыхъ и слабосильныхъ изъ солдатъ, снабдивъ ихъ, вѣроятно, женщинами изъ плѣнницъ и окрестностей — и вотъ готова „Александрія". Такіе, не города, а скорѣе укрѣпленные лагери возводились до того не прочно, что Никею и Букефалосъ, напримѣръ, построенные Александромъ на Гидаспѣ, размыло дождями, пока двигался онъ далѣе, до такой степени, что на возвратномъ пути отъ Гифазиса, нашелся онъ въ необходимости отстраивать ихъ снова [1]). Ну, а когда, какъ въ Бактріанѣ и Согдіанѣ, не было подъ рукою Александра чтобы починивать Александріи разваливавшіяся вслѣдствіе подобныхъ обстоятельствъ, колонисты въ нихъ поселённые должны были разбредаться по другимъ жилымъ мѣстамъ, и колоніи исчезали безслѣдно. Другою причиною неживучести ихъ могъ быть поспѣшный выборъ мѣстоположенія, имѣвшаго значеніе въ стратегическомъ отношеніи, но нисколько или мало обезпечивавшаго жителямъ средства къ существованію городскими промыслами.

Такимъ образомъ, ни первоначальныя македонскія колоніи въ Средней Азіи, ни города которые были въ послѣдствіи основаны тамъ Греками, едва-ли могли служить опорою для греческихъ династовъ; да они, какъ замѣчено, и не нуждались въ этой опорѣ чтобы держаться на престолѣ. Уже самого Александра обвиняли, какъ извѣстно, въ измѣнѣ роднымъ обычаямъ, и усвоеніи азіатской обстановки. Нѣтъ сомнѣнія что эпархи селевкидскіе, а потомъ и цари греко-бактрійскіе, находясь постоянно вдалекѣ отъ Греціи, принимали мало по малу обычаи и образъ жизни своихъ подданныхъ. И чѣмъ тѣснѣе сближались они съ послѣдними въ этомъ отношеніи, тѣмъ, разумѣется, были для нихъ любезнѣе, тѣмъ болѣе могли разчитывать на ихъ преданность. Есть основаніе полагать что отложеніе Діодота и товарищей его отъ Селевкидовъ представлялось въ глазахъ Бактрійцевъ и Согдійцевъ ихъ національнымъ дѣломъ, и видѣли они въ отложившихся эпархахъ не столько честолюбцевъ, думавшихъ о личномъ возвышеніи, сколько людей интересы которыхъ связаны были съ ихъ собственными, которые въ интересахъ этихъ и дѣйствовали. И чѣмъ продолжительнѣе становилось греческое владычество, тѣмъ сильнѣе, по естествен-

[1]) Арріанъ: Анавасисъ, кн. V, гл. 29.

ному ходу вещей, должны были обазіачиваться греческіе династы. На монетахъ Діодота, Агаѳокла, Эвѳидема, Антимаха-Ѳеоса, Панталеона, Геліокла, царствуетъ еще греческая трезвость въ титулахъ: зовутъ они себя просто „царями", и много-много если позволяютъ принимать себѣ прозваніе „правосудныхъ". Эвкратидъ первый начинаетъ титуловать себя „великимъ царемъ", а тамъ азіатская надыщенность постоянно уже проявляется въ принятіи греческими династами хвастливыхъ эпитетовъ „побѣдоносцевъ" и „непобѣдимыхъ". Другой признакъ постепеннаго сліянія съ туземцами и уступокъ со стороны эллинизма видимъ въ томъ что Діодотъ, Эвѳидемъ, Димитрій, Антимахъ-Ѳеосъ употребляютъ на монетахъ своихъ эллинскія письмена, тогда какъ на монетахъ позднѣйшихъ государей, а изъ раннихъ у Агаѳокла, Панталеона и Геліокла, о-бокъ съ греческими легендами получаютъ уже право гражданства и легенды на мѣстномъ аріано-палійскомъ языкѣ, изображенныя мѣстными аріано-пеглевійскими и индѣйскими письменами. Утрачиваетъ постепенно изящность свою и чисто греческій сначала типъ бактрійскихъ монетъ. Менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ Діодота, эллинскаго въ царяхъ бактрійскихъ оставалось уже, по всей вѣроятности, весьма немного, да и этимъ немногимъ обязаны были они, можно думать, лишь сохранявшемуся обычаю не вступать въ бракъ иначе какъ съ единоплеменницами, о чемъ можно заключать изъ греческихъ именъ: *Лаодикеи*, жены Геліокловой, и *Агаѳоклеи*, жены Стратоновой, именъ изображенныхъ на монетахъ Эвкратида и Стратона [1]). До самаго паденія царства — свидѣтельствуютъ также монеты, — сохранялся при греческихъ дворахъ въ Средней Азіи и національный эллинскій политеизмъ. Различныя божества изображенныя на греко-бактрійскихъ монетахъ (чаще другихъ встрѣчаются изображенія и атрибуты Юпитера, Минервы Ѳессалійской, Аполлона, Димитры, Діоскуровъ, Геркулеса и Вакха) принадлежатъ всѣ, за единственнымъ быть-можетъ, исключеніемъ, къ греческому пантеону. Этимъ единственнымъ исключеніемъ являются какія-то изображенія на монетѣ царя Телефа, принимаемыя за божества солнца и луны [2]). Но весьма не излишне замѣтить что означенной монеты не видѣлъ никто кромѣ описывавшаго ее Конингэма [3]), а почтенный археологъ этотъ, не разъ уже оказывалось, способенъ видѣть въ памятникахъ не то что на нихъ есть, а то что ему мерещится. Кромѣ того, въ женской фигуркѣ

[1]) Princep's Essays, by E. Thomas. II, p. 184 и 196.

[2]) Лассенъ: Ind. Alterthumskunde, II, 341.

[3]) Въ *Journ. of the Bengal Asiat. Soc.* Vol. XI, p. 133.

съ двумя факелами, которую держитъ Юпитеръ на одной изъ монетъ Агаѳокла, признавалъ Рауль-Рошетъ изображеніе персидской Артемиды (Зариты, по Гезихію), въ чемъ соглашались съ нимъ и другіе археологи [1]); но это едва-ли такъ, и въ каталогѣ бактрійскихъ монетъ Э. Томаса читаемъ уже, при описаніи помянутой монеты, что Юпитеръ держитъ въ рукѣ греческую Dianam Luciferam [2]).

Божествамъ особенно ими чтившимся греческіе государи Средней Азіи, и даже предшествовавшіе имъ здѣсь эпархи селевкидскіе, воздвигали, безъ сомнѣнія, жертвенники и храмы. О Демодамѣ имѣемъ положительное свидѣтельство Плинія, что военачальникъ этотъ сооружалъ тамъ жертвенники (aras) Аполлону Дидимійскому [3]). Храмы богамъ, равно какъ дворцы царскіе и, быть можетъ, нѣкоторыя общественныя зданія строились, по всей вѣроятности, греческими зодчими, или хотя по ихъ планамъ, въ національномъ эллинскомъ вкусѣ. Ни одной такой постройки неизвѣстно, правда, до сихъ поръ на пространствѣ бывшихъ греческихъ владѣній въ Средней Азіи, если не считать за произведенія греческой архитектуры „древніе огромные памятники и портики“, видѣнные въ Ферганской долинѣ (именно въ городѣ Маргиланѣ) переводчикомъ нашимъ Назаровымъ, когда проѣзжалъ онъ тамъ въ 1814 году [4]). Но страны въ верховьяхъ Сыра и Аму такъ еще мало изведаны Европейцами, что тамъ весьма могутъ найтись архитектурные памятники греческаго стиля, подобно тому какъ открыты въ недавнее время зданія съ украшеніями отзывающимися сильнѣйшимъ греческимъ вліяніемъ — въ захолустьяхъ Кабулистана [5]).

Какъ ни велико было давленіе окружающаго азіатизма на греческихъ эпарховъ и государей въ Средней Азіи, дворы ихъ все-таки служили тамъ, вѣроятно, средоточіями эллинизму, и особенности его хранились въ царскихъ акрополяхъ крѣпче чѣмъ по жилищамъ другихъ Грековъ въ краю. При дворахъ этихъ преимущественно должны были находить себѣ притонъ философы, поэты, художники и дру-

---

[1]) *Journ. des Savants*, 1834. p. 339 и слѣд.

[2]) Prinsep's Essays, II, 179.

[3]) Hist. Nat. Lib. VI, cap. 18.

[4]) Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи (С.-Пб. 1821), стр. 68.

[5]) Bayley: Note on some sculptures in the district of Peshawar — въ *Journ. of the Bengal Asiat. Soc.* Vol. XXI, p. 612; и Риттеровъ «Кабулистанъ» въ русскомъ переводѣ (С.-Пб. 1867), стр. 668.

гіе высшіе представители греческой національности, когда забирались они въ такую даль. Нельзя думать, однако же, чтобы наука и литература Греціи могли укорениться при какомъ-либо изъ этихъ дворовъ, какъ укоренились они въ Египтѣ, въ Сиріи, въ Малой Азіи: неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, ни единаго писателя греческаго который бы проживалъ въ Бактрійскихъ владѣніяхъ, или хотя былъ оттуда родомъ. Что же касается до греческаго тамъ населенія, то, какъ уже замѣтили мы, едва-ли вѣроятно чтобъ оно составляло собою значительныя массы даже въ городахъ съ греческими именами. Вездѣ по городамъ, въ которыхъ жили Греки, помѣщались они, можно полагать, въ особыхъ кварталахъ, гдѣ и управлялись между собою по-своему, тогда какъ общественная и семейная жизнь остальныхъ горожанъ-туземцевъ продолжала себѣ течь по прежней, тысячелѣтіями пробитой колеѣ, нисколько не сливаясь съ греческою, и ничѣмъ отъ нея не заимствуясь. Люди греческаго происхожденія, какъ осѣвшіе въ Средней Азіи со временъ Александра, такъ и продолжавшіе прибывать туда въ послѣдствіи, были, должно думать, большею частію, какъ и въ сирійскихъ городахъ [1]), странствующіе солдаты, торговцы, ремесленники, все народъ не принадлежавшій къ образованнѣйшимъ классамъ своей націи, заботившійся лишь объ эксплуатаціи страны въ свою личную пользу, и способный къ тому несравненно болѣе чѣмъ къ распространенію между туземцами высшихъ началъ эллинской цивилизаціи. Потому, полагаетъ Лассенъ [2]), и мы вполнѣ раздѣляемъ это его мнѣніе, невѣроятно чтобъ эллинизмъ имѣлъ на Бактрійцевъ какое-либо вліяніе въ нравственномъ или религіозномъ отношеніи. И самимъ-то среднеазійскимъ Грекамъ образцами эллинизма служили ихъ сирійскіе соплеменники, уже тронутые азійскимъ вліяніемъ (усматриваемъ это обстоятельство изъ типа греко-бактрійскихъ монетъ и прозвищъ государей на этихъ монетахъ): какою же претворяющею силою могъ обладать такой эллинизмъ изъ вторыхъ рукъ—на берегахъ Аму, въ самой колыбели древне-арійской цивилизаціи, опиравшейся на своеобразную письменность, на прочное религіозное законодательство, быть можетъ даже на обширный научный капиталъ? Какъ духовная сила, эллинизмъ могъ еще скорѣе подѣйствовать на туземцевъ Средней Азіи своею эстетическою стороною, проявить вліяніе своё въ сферѣ искусствъ; но и объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ изъ

---

[1]) Дройзенъ: Gesch. d. Hellenismus, II, 32.

[2]) Ind. Alterthumskunde, II, 341.

художественныхъ произведеній греко-бактрійскаго періода найдены до сихъ поръ къ сѣверу отъ Гинду-Куша, кромѣ монетъ, только рѣзные камни да одна серебряная патера [1]), о которыхъ неизвѣстно притомъ, мѣстной ли они работы, или фабрикатъ ввезенный туда торговлею.

Изо всѣхъ плодовъ греческой жизни могли быть сообщены Средне-азійцамъ, по нашему мнѣнію, скорѣе всего нѣкоторыя гражданскія учрежденія, правительственною властію пересаженныя на азіатскую почву, вслѣдствіе особаго политическаго значенія ихъ для Востока. Къ числу таковыхъ принадлежитъ, напримѣръ, офиціальная система времесчисленія. Зная какое политическое значеніе имѣлъ на Востокѣ календарь, можно было бы a priori утверждать что въ Бактріанѣ и сосѣднихъ съ нею областяхъ, при Селевкидахъ еще, введенъ былъ въ употребленіе — календарь Македонскій. Что календарь этотъ, введенный въ Кабулистанъ и Пенджабъ, держался тамъ еще во времена скиѳскихъ царей, положившихъ конецъ греческому господству — фактъ несомнѣнно уже пріобрѣтенный для исторіи, такъ какъ въ аріано-палійскихъ надписяхъ, дошедшихъ до насъ изъ помянутыхъ временъ, прочтены имена македонскихъ мѣсяцевъ: *артемизіос*'а, *панэмос*'а, *апеллаіос*'а [2]). А если македонскій календарь находился въ употребленіи къ югу отъ Гинду-Куша, такъ въ страны къ сѣверу отъ этого хребта введеніе его должно было послѣдовать еще ранѣе.

Къ чему несомнѣнно, равнымъ образомъ, должно было привести греческое владычество въ Батріанѣ и на сѣверъ отъ нея, это — къ расширенію торговыхъ связей между востокомъ Азіи и югомъ Европы, и къ ознакомленію греко-римскаго міра со странами и народами міра китайскаго. До Александра Великаго, какъ видимъ изъ Геродота и Ктесіевыхъ отрывковъ у Діодора, Греки не имѣли никакого понятія о странахъ на востокъ отъ Бактріаны и Согдіаны. Извѣстія о Серахъ и Серикѣ (Китайскомъ Туркестанѣ и Тибетѣ), встрѣчаемыя позже у Страбона (кн. XV, гл. I, § 34 и 37), у Помпонія-Мелы (кн. III, гл. 7), у Плинія-Натуралиста (VI, 20) и въ особенности у Птоломея (Географія, кн. VI, гл. 15 и 16), пріобрѣтены были явно въ теченіе греко-бактрійскаго періода. Въ тотъ же промежутокъ времени, если не ранѣе, должно было установиться и торговое движеніе между Индіей и Черноморьемъ (по теченію Аму-Дарьи, черезъ Каспій и Закавказье),

---

[1]) Coins and relics from Bactria — въ *Journ. of the Bengal Asiat. Soc.* Vol. VII, pp. 1047—1052.

[2]) См. дополненія къ русскому переводу Риттерова «Кабулистана» (С.-Пб. 1867), стр. 721.

3*

о существованіи котораго въ древности узнаёмъ отъ Плинія, разсказывающаго о томъ со словъ М. Варрона (Hist. Nat. VI, 19).

Владычество надъ странами къ сѣверу отъ Гинду-Куша утратили греческіе государи, по свидѣтельству Страбона и Юстина, вслѣдствіе усиленія Пароянъ на западѣ, и напора кочевыхъ народовъ съ сѣвера. Понятно какимъ образомъ могло это произойти. Такой конецъ этому владычеству предсказанъ былъ еще Эвоидемомъ. Но когда именно и какими частями Бактрійскаго царства овладѣли, съ одной стороны, Скиоы, съ другой Парояне, объ этомъ изъ греческихъ и римскихъ источниковъ нельзя вывести ничего положительнаго. Около 125 года до Р. Х., слѣдовательно около того самаго времени когда должно было, повидимому, произойти окончательное паденіе греческаго владычества въ Бактріанѣ, познакомились съ нею впервые отдаленные Китайцы, у которыхъ и находимъ нѣкоторыя извѣстія о тогдашнемъ политическомъ положеніи странъ на сѣверъ отъ Гинду-Куша. Нельзя ли почерпнуть изъ этихъ китайскихъ извѣстій какихъ-либо указаній на судьбы греческаго владычества въ этихъ странахъ за послѣднее его время? Посмотримъ.

Кочевниковъ, которые вторглись изъ-за Сыра въ Согдіану и Бактріану, а тамъ простерли завоеванія свои и за хребетъ Гиндукушскій, именуютъ китайскіе писатели *Сэ* и *Юечжи*. Юечжи, двигавшіеся съ востока, занявъ земли Сэ при Сыръ-Дарьѣ, принудили послѣднихъ вторгнуться въ Согдіану, а затѣмъ вытѣснили ихъ и изъ Согдіаны, откуда Сэ пробрались въ *Гибинъ* (Арахосію). О занятіи Юечжійами Согдіаны современникъ этого событія, китаецъ Чжанъ-Цянь, выражается такимъ образомъ: „Юечжи перешли отъ *Давани* (Ферганская долина) на западъ, ударили на *Дахя*, покорили это владѣніе, и вслѣдствіе того утвердили свое мѣстопребываніе на сѣверной сторонѣ рѣки *Гуй-шуй* (Oxus, Аму-Дарья)“. Изъ дальнѣйшаго разсказа Чжанъ-Цянева видно однако что Юечжи покорили сначала не все владѣніе Дахя, а только сѣверную его часть, такъ какъ вслѣдъ за сказаннымъ описываетъ онъ это владѣніе особо отъ Юечжійскаго, и говоритъ что находится оно „слишкомъ въ 2.000 *ли* (½ версты) отъ Давани на юго-западъ, по южную сторону рѣки Гуй-шуй“ [1]). Помянутое сейчасъ занятіе Согдіаны Юечжійцами имѣло мѣсто, по китайскимъ извѣстіямъ, около 130-хъ годовъ до Р. Х. Ясно что подъ *Дахя*, отъ чего бы ни

[1]) Собраніе свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. III, 7.

происходило это названіе, нельзя разумѣть ничего кромѣ *Бактріаны*, и выходитъ что въ означенное время Бактріана оставалась еще независимою или находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Юечжійцамъ, но никакъ не была подъ властію Парѳянъ, которыхъ Китайцы узнали подъ именемъ *Аньси*, и помѣщаютъ далѣе на западъ. Какими же чертами описываетъ Чжанъ-Цянь владѣніе Дахя? „Тамъ — говоритъ онъ [1]) — ведутъ осѣдлую жизнь; имѣютъ города и домы; въ обыкновеніяхъ сходствуютъ съ Даваньцами. Не имѣютъ верховнаго главы, а почти каждый городъ поставляетъ своего правителя. Войска ихъ слабы, робки въ сраженіяхъ. Жители искусны въ торговлѣ. Народонаселеніе въ Дахя простирается до милліона. Столица называется Лань-ши. Въ этомъ городѣ есть рынокъ съ различными товарами. Отъ Дахя на юго-востокъ лежитъ владѣніе Шеньду, иначе Инь-ду (Индія)". Чжанъ-Цянь хвастался что онъ самъ былъ въ Дахя, и видѣлъ тамъ бамбуковые посохи и холсты изъ Югозападнаго Китая, которые получались черезъ Индію [2]). Можно думать что „правители", о которыхъ говоритъ этотъ китайскій Колумбъ, были мелкіе князьки греческіе раздробившіе между собою наслѣдіе Діодота, и, не смотря на незначительность свою, продолжавшіе титуловаться „царями", и бить каждый свою монету. Въ 105 году до Р. Х., читаемъ у историка китайскаго Сымацяня, въ числѣ другихъ посольствъ изъ Китая въ „западныя страны" отправлено было одно и въ Дахя, особо отъ посольства къ Юечжійцамъ [3]), слѣдовательно до означеннаго времени Бактріана пользовалась еще, если не полною, то относительною независимостію подъ управленіемъ множества князьковъ своихъ. Позже, въ извѣстіяхъ о „западныхъ странахъ" заключающихся въ „Исторіи старшихъ Ханей", извѣстіяхъ собранныхъ въ 74—39 годахъ до Р. Х., о владѣніи Дахя не упоминается болѣе; Юечжійцы, въ этихъ извѣстіяхъ, являются владѣющими уже не только Бактріаною и Землею Гезарейцевъ къ юго-западу отъ нея, но и Кабулистаномъ [4]): скиѳская дикость окончательно одолѣла греческую образованность.

Но *Даванъ*, то-есть Ферганская долина, продолжала составлять независимое владѣніе, въ нѣкоторомъ, впрочемъ, подчиненіи Китайцамъ, если только не хвастаютъ они. Вопросъ въ томъ, однако, подчинялись ли они когда прочнымъ образомъ греческому владычеству, и

---

[1]) Тамъ же, III, 8.

[2]) Тамъ же, III, 9.

[3]) Тамъ же, III, 15.

[4]) Тамъ же, III, 55.

какая династія властвовала въ ней со 130-хъ годовъ до Р. Х. (когда узнали впервые Китайцы о существованіи этой страны), туземная или греческаго происхожденія, то-есть, другими словами, имѣетъ ли какое отношеніе къ судьбамъ Греко-Бактрійскаго царства независимое существованіе Давани въ концѣ втораго и въ теченіе перваго вѣка до Р. Х. (послѣ чего прекращаются китайскія извѣстія и объ этой послѣдней странѣ)?

Можно думать, впрочемъ, что и съ окончательнымъ переходомъ Бактріаны подъ власть Юечжійцевъ, греческіе князьки, сидѣвшіе по городамъ ея, не были истреблены, а удалились въ окрестныя горы, гдѣ потомство ихъ, совершенно отуземившееся, существуетъ, быть можетъ, и до нашихъ дней. Уже Марко Поло разказывалъ что владѣлецъ Бадахшанскій въ его время производилъ родословную свою отъ македонскаго завоевателя [1]). Затѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Эльфинстонъ сообщилъ что владѣлецъ дервазскій, въ верховьяхъ Аму-Дарьи, считаетъ себя потомкомъ Александра Великаго, и признается въ этомъ качествѣ всѣми своими сосѣдями [2]). Борнсъ, на пути въ Бухару, въ началѣ 1830-хъ годовъ, узналъ что такія же претензіи обнаруживаютъ и горные владѣльцы въ Гулябѣ, Шегнанѣ, Ваханѣ, къ сѣверу отъ Аму, и въ Читралѣ, Гильгитѣ, Искардо, къ востоку отъ Бадахшана [3]). Вудъ, черезъ нѣсколько лѣтъ позже проникшій до истока Аму-Дарьи, подтверждаетъ то же самое, но замѣчаетъ что, по собраннымъ имъ извѣстіямъ, происхожденіе отъ Александра Великаго считается неоспоримою принадлежностію только владѣльцевъ Читральскихъ и Ваханскихъ, Бадахшанскіе же, Дервазскіе, Шегнанскіе и другіе объявляютъ притязаніе на такое происхожденіе лишь вслѣдствіе брачныхъ связей съ двумя первыми домами [4]).

При такомъ положеніи свѣдѣній относительно слѣдовъ греческаго владычества въ Бактріи, нельзя было не изумиться, когда одинъ изъ профессоровъ нашихъ, оказавшій важныя услуги наукѣ, высказалъ во всеуслышаніе будто „сподвижники македонскаго завоевателя являлись подъ стѣнами Китая“; будто „еще въ VIII столѣтіи нашей эры, Грекъ Александръ, переименованный Китайцами въ *Ань-лу-шаня*, поколебалъ тронъ китайскаго императора, и возсѣдалъ на немъ кратковре-

[1]) Travels of Marco Polo, ed. by Marsden, p. 129.

[2]) An account of the Kingdom of Caubul (London, 1815), p. 628.

[3]) Travels into Bokhara, въ французскомъ переводѣ Эйріе (Paris, 1835), vol. III, pp. 169—171.

[4]) Journey to the source of the river Oxus (London, 184), pp. 241 и 371—372.

менно", и будто „имена Грековъ и Македонянъ сохранились въ Средней Азіи въ названіяхъ народовъ *Хихи* и *Кидань*" [1]). Утвержденія эти, никакими доказательствами не подкрѣпленныя, до такой степени противорѣчатъ всему чему привыкла вѣрить ученая Европа на основаніи извѣстныхъ памятниковъ, что даже и упомянуть о подобныхъ парадоксахъ сочли мы позволительнымъ для себя только вслѣдствіе глубокаго уваженія которое питаемъ къ ученымъ заслугамъ ихъ автора.

В. Григорьевъ.

[1]) См. Годичный торжественный актъ въ Императ. С.-Петерб. университетѣ, бывшій 2-го декабря 1866 года: статья о движеніи магометанства въ Китаѣ, стр. 24.

УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

Рыцарское служеніе женщинѣ въ средніе вѣка.

I.

Говорить о средневѣковой культурѣ значитъ имѣть въ виду по преимуществу XII и XIII столѣтія, такъ какъ въ это время западно-европейская жизнь отлилась въ тѣ своеобразныя формы, съ которыми потомство привыкло соединять понятіе о „среднихъ вѣкахъ". Тогда только, къ эпохѣ Крестовыхъ походовъ, общественные элементы, бывшіе такъ долго въ броженіи, окрѣпли и организовались на столько, чтобы заслужить названіе цивилизаціи. И хотя каждое поколѣніе живетъ, конечно, для себя, не подозрѣвая и не думая, что оно вмѣстѣ строитъ ступень и для будущаго, но намъ, издали, теперь кажется, что вся предшествующая Крестовымъ войнамъ эпоха была лишь подготовленіемъ настоящаго, въ тѣсномъ смыслѣ средневѣковаго быта, а вся послѣдующая, до самаго XVI вѣка, — его упадкомъ и разложеніемъ.

Намъ не для чего напоминать здѣсь черты этого оригинальнаго быта. Онѣ живы у каждаго въ памяти. Благодаря исторіи и историческому роману, особенно нашему общему наставнику Вальтеръ-Скотту, при имени среднихъ вѣковъ, въ воображеніи возникаетъ рядъ самыхъ опредѣленныхъ представленій о ленныхъ и корпоративныхъ отношеніяхъ, бывшихъ тогда единственными общественными связями между людьми, о могуществѣ и первенствующей роли церковной іерархіи, объ общей набожности вѣка, переходившей по временамъ въ порывы фанатическаго аскетизма, но умѣвшей создать удивительные памятники религіознаго зодчества и вызвать плодовитые споры богослововъ-философовъ, о силѣ и богатствѣ городовъ съ ихъ крѣпкими стѣнами и массивными мюнстерами, съ ихъ промышленнымъ духомъ, веселыми празднествами и воинственнымъ одушевленіемъ юно-

сти, но въ особенности — о блескѣ и славѣ рыцарства, какъ избраннаго, передоваго сословія общества. Замки, турниры, феды, миннезенгеры и трубадуры, поклоненіе женщинѣ и этикетальная жизнь дворовъ, — кому не знакомы эти картины?

Но, со временъ Вальтеръ-Скотта и романтиковъ, Сентъ-Пале и Бюшинга, Гизо, Тьерри и Эйхгорна, положившихъ начало научной разработкѣ средневѣковой исторіи, представленія эти измѣнились во многомъ. Утративъ нѣсколько прежней идеальности и поэтическаго обаянія, они за то выиграли въ отношеніи достовѣрности и правды. Не говоря уже о политической сторонѣ эпохи, даже культурныя ея краски начинаютъ являться теперь уже въ иномъ видѣ. Труды и изслѣдованія Вейнгольда, Фальке, Шерра, Риля и другихъ, преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ, и въ этомъ отношеніи пролили въ последнее время много новаго свѣту, представивъ въ болѣе истинномъ видѣ внутренній и частный бытъ тѣхъ временъ, семейную жизнь, юридическое и нравственное положеніе женщины и то пресловутое поклоненіе или служеніе дамамъ, которое составляетъ характернѣйшую особенность тогдашняго общества. Впереди другихъ стоятъ здѣсь ученыя заслуги Карла Вейнгольда, сочиненіе котораго — «Die deutschen Frauen in dem Mittelalter», по основательности и полнотѣ документальнаго изслѣдованія, далеко превосходитъ все, что было писано прежде объ этомъ предметѣ. Для русской публики, можетъ-быть, не безъинтересно будетъ познакомиться ближе съ результатами новыхъ пріобрѣтеній науки, тѣмъ болѣе, что эти чуждія и повидимому далекія для насъ учрежденія и порядки не совсѣмъ однакожъ прошли безъ вліянія и для насъ, оставивъ и въ нашей жизни нѣкоторые, хотя слабые, отголоски съ того времени, какъ мы стали участниками общеевропейскаго образованія.

Что касается насъ лично, то только выяснивъ себѣ надлежащимъ образомъ общій соціальный фонъ времени, надѣемся мы сдѣлать исторически понятнымъ лицо, составляющее предметъ настоящаго очерка. Прежде всего — нѣсколько словъ о положеніи женщины въ средѣ средневѣковаго рыцарства и о происхожденіи самого обычая „дамской службы“.

II.

Представленіе, будто бы высокое понятіе о правахъ и значеніи женщины было принесено Германцами на почву классическаго міра, обязано своимъ происхожденіемъ съ одной стороны авторитету Тацита, а

съ другой — вліянію романтиковъ начала нынѣшняго вѣка. Историческая литература тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ относилась къ нему еще довольно довѣрчиво, пока въ наше время болѣе близкое знакомство съ памятниками, особенно юридическими, не доказало, какъ много было идеализаціи въ отрывочныхъ свидѣтельствахъ знаменитаго автора „Германіи", а тѣмъ болѣе въ поэтическихъ образахъ романтиковъ. Пересмотрѣвъ и сличивъ „варварскіе законы" Франковъ, Готовъ, Бургундовъ, Саксовъ, Лонгобардовъ, Исландцевъ и другихъ германскихъ племенъ, какъ переселившихся на римскія земли, такъ и тѣхъ, которыя остались внѣ этого движенія, Вейнгольдъ пришелъ къ заключенію, далеко не оправдывающему прежняго преувеличеннаго мнѣнія о высокой общественной роли германской женщины.

Не говоря уже о древнѣйшемъ времени, когда отцу семейства предоставлено было право непризнанія и даже умерщвленія больныхъ, уродливыхъ и лишнихъ дѣтей, — право, чаще всего тяготѣвшее надъ дѣвочками, какъ менѣе полезными членами семейства, — даже въ сравнительно позднѣйшихъ вѣкахъ, въ VII, VIII и даже IX столѣтіи, положеніе и права германской женщины слабо обезпечивались закономъ. Основной принципъ древне-германскаго законодательства, что только тотъ пользуется гражданскою и политическою полноправностью, кто въ состояніи нести всѣ обязанности въ отношеніи къ общинѣ, прямо исключалъ женщину, какъ лицо, не могущее владѣть оружіемъ, изъ преимуществъ этой полноправности, а слѣдовательно, и изъ права владѣть поземельною собственностью. Она является участницей только въ движимомъ наслѣдствѣ послѣ родителей; но даже и этимъ имуществомъ не можетъ располагать произвольно. Какъ неполноправный членъ общины, въ теченіе всей своей жизни она подчинена безвыходной опекѣ, сначала отца, въ случаѣ смерти отца — брата или старшаго родственника въ отцовскомъ колѣнѣ, а потомъ — мужа. Даже въ случаѣ вдовства не пользуется она свободой, состоя до новаго замужества, или до смерти, въ опекѣ мужскихъ родственниковъ покойнаго. Только съ теченіемъ времени, вліяніе церкви и римскаго права мало по малу измѣнило эти зависимыя отношенія и подняло женщину въ гражданскомъ смыслѣ по крайней мѣрѣ на столько, что подъ извѣстными условіями и ограниченіями ей было предоставлено право владѣнія землей въ случаѣ недостатка прямыхъ мужскихъ наслѣдниковъ. Понятно, что при такомъ незавидномъ юридическомъ положеніи не могло быть и рѣчи о какой-либо свободѣ выбора при замужествѣ. Какъ и въ нашемъ древне-русскомъ быту, переговоры о бракѣ не-

лодыхъ людей или исключительно между ихъ семействами; какъ и у насъ, дѣвушку „отдавали“ замужъ. Соображенія взаимной симпатіи, склонности или привязанности рѣдко входили въ разсчетъ договаривающихся, не всегда занимали даже и вступающихъ въ бракъ. Мужчина просто пріобрѣталъ жену и хозяйку, дѣвушка — покровителя и бо́льшую степень самостоятельности въ домашнемъ хозяйствѣ. Были, конечно, исключенія, какъ бываютъ они вездѣ, но мы беремъ здѣсь среднюю норму, или господствующій порядокъ. Въ виду такихъ условій, бракъ является чисто гражданскимъ актомъ. Самая дѣйствительность его обусловливается тѣмъ, совершенъ ли онъ законными опекунами новобрачныхъ. Молодыхъ, правда, спрашивали при совершеніи брака, согласны ли они принадлежать другъ другу, но это была одна пустая форма, такъ какъ въ случаѣ отказа со стороны невѣсты, отецъ, или кто заступалъ его мѣсто, имѣлъ законное право ее принудить... Вся довольно сложная процедура сватовства, при помощи разныхъ посредниковъ, состояла почти исключительно въ опредѣленіи имущественныхъ условій. Сколько женихъ долженъ заплатить выкупа родственникамъ невѣсты (Brautkauf), какъ велико будетъ ея приданое, въ чемъ должны состоять подарки новобрачной (Morgengabe) и ея роднымъ — вотъ о чемъ думали и говорили при сватовствѣ. Самый актъ женитьбы долгое время, даже въ юридическомъ языкѣ, обозначался грубымъ терминомъ „sich eine Frau kaufen“...

Таковы были порядки древнѣйшаго времени. Но не многимъ стало лучше положеніе женщины и позже, когда, съ IX вѣка, развилась и вошла въ силу, въ Германіи и въ западной Европѣ, система ленныхъ отношеній. Вся разница состояла въ томъ, что теперь право располагать рукою женщины пріобрѣтаютъ большею частію сеніоры, или поземельные владѣльцы (maritagium). А къ какимъ злоупотребленіямъ подавало поводъ это право въ рукахъ полудикихъ династовъ — объ этомъ исторія слишкомъ полна отвратительныхъ воспоминаній.

Матеріальный, или по крайней мѣрѣ, чисто гражданскій характеръ супружескаго союза выражался и въ самыхъ обрядахъ, сопровождавшихъ его заключеніе. Мы напомнимъ здѣсь только извѣстный обычай восхожденія на свадебное ложе въ присутствіи родныхъ и свидѣтелей, считавшійся неотъемлемою принадлежностію всякаго законнаго брака.

Человѣческое чувство, свободный голосъ сердца, вѣчно присущій нашей природѣ, по временамъ возмущались и тутъ противъ насилій. Протестъ выражался въ похищеніяхъ невѣстъ, такъ часто случавшихся въ средніе вѣка; но законъ, вѣрный своему основному

воззрѣнію на женщину, какъ на собственность рода или семейства, неумолимо преслѣдовалъ преступленіе, одинаково угрожая смертію какъ похитителю, такъ и похищенной, и только въ немногихъ случаяхъ замѣняя казнь окупомъ или вирой.

Но вотъ дѣвушка становится женой и вступаетъ въ чужую семью. Чрезъ это она не пріобрѣтаетъ однако же ни большей самостоятельности, ни новыхъ правъ. Напротивъ, древне-германскій законъ отдаетъ ее почти въ безотвѣтственную собственность мужа, что, впрочемъ, и совершенно логично, такъ какъ человѣкъ, купившій себѣ жену, имѣетъ полное право смотрѣть на нее, какъ на собственность. Въ полуварварскія до-христіанскія времена мужъ дѣйствительно и пользовался такимъ правомъ. Онъ могъ подарить, продать свою жену, отказать ее кому-нибудь въ наслѣдство, совершенно такъ же, какъ и всякое другое имущество. Законъ и общій обычай признавалъ его полнымъ повелителемъ и господиномъ ея личности и достоянія. Не только бить и наказывать, но даже убить жену, въ чемъ-нибудь провинившуюся, считалось дѣломъ совершенно законнымъ. Убійца отвѣчалъ только передъ своею совѣстію, да передъ родственниками своей жертвы, въ случаѣ несправедливаго или слишкомъ жестокаго наказанія. Общественная власть въ это дѣло не входила и не вмѣшивалась. Прежде всего, конечно, мужъ имѣлъ право требовать отъ жены повиновенія и вѣрности супружескому долгу, нарушеніе котораго сопровождалось для виновной самыми гибельными послѣдствіями. Самое меньшее, что ея ожидало, это — позорное изгнаніе изъ дому и лишеніе имущества. Но, караемая такъ строго за всякое уклоненіе отъ семейныхъ обязанностей, жена однако же не имѣла обратнаго права — требовать вѣрности и отъ мужа. Послѣдній могъ открыто держать въ домѣ наложницъ; богатые же позволяли себѣ просто многоженство. Въ виду такихъ ужасныхъ фактовъ, засвидѣтельствованныхъ законодательными и другими памятниками времени, какъ сильно должны поблѣднѣть идиллическіе разказы Тацита о чистотѣ семейныхъ нравовъ германскихъ!

Такъ было въ древнія, языческія времена. Христіанство, болѣе человѣчный духъ римскаго права, вообще успѣхи образованія, съ теченіемъ времени, смягчили, конечно, во многомъ эти дикія отношенія. Но какъ глубоко коренились они въ крови и понятіяхъ народа, доказываетъ вся послѣдующая исторія. Мало того, отголоски ихъ слышны даже въ нынѣшней организаціи семейнаго быта въ Германіи, гдѣ женщина, при всей полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ, при всѣхъ внѣш-

нихъ знакахъ уваженія общественнаго, и теперь еще не достигла морального равенства съ мужчиной, слишкомъ склоннымъ смотрѣть на жену не какъ на друга, помощника и спутника жизни, а просто, какъ на хозяйку своего дома. Тысячу лѣтъ назадъ, въ до-феодальной и феодальной Германіи женщина играла почти такую же роль. Только законъ менѣе обезцѣнивалъ ея личность и гражданское положеніе, да формы общежитія были грубѣе; но и тогда также точно управляла она домашнимъ хозяйствомъ и завѣдывала дворовыми и полевыми работами, тогда какъ мужъ проводилъ время на войнѣ и охотѣ, или же въ праздномъ домашнемъ покоѣ за кружкой вина, да за игрой въ кости. Интересы, его занимавшіе, были совершенно чужды и недоступны женѣ, такъ точно и наоборотъ. Оставалась одна физическая и экономическая связь, которая дѣйствительно и была единственнымъ основаніемъ брачной четы. Грубый, полупьяный, невѣжественный, не признававшій надъ собою почти никакой власти, выросшій среди лошадей и оружія, владѣлецъ бурга, конечно, не отличался кротостью нрава и мягкостью обращенія. „Mein ehelîches Gemahel, meine liebe Husfrowe“, — моя законная жена, моя милая хозяйка — были, бытьможетъ, единственными нѣжными словами, единственными ласками, на которыя онъ былъ способенъ въ веселыя и счастливыя минуты. Но спрашивается, что могло сдержать порывы неукротимаго гнѣва и дикаго произвола подобнаго человѣка въ его домашнемъ быту, гдѣ и право и сила — все было на его сторонѣ? А если мы прибавимъ къ этому совершенное отсутствіе общества, потому что при недостаткѣ или небезопасности дорогъ, никто не выѣзжалъ изъ дому безъ крайней нужды, то это дополнитъ намъ ту печальную обстановку, среди которой протекала жизнь германской женщины въ до-рыцарскіе вѣка. Гдѣ же то высокое развитіе семейной жизни, будто бы совершившееся въ западной Европѣ, благодаря феодальнымъ замкамъ и ихъ порядкамъ, о которомъ когда-то такъ краснорѣчиво проповѣдывалъ Гизо и другіе историки прошлыхъ десятилѣтій?

Конечно, представленная здѣсь картина, можетъ-быть, слишкомъ мрачна и одностороння, и жестокость законодательныхъ постановленій относительно женщины не всегда служитъ доказательствомъ, что и въ самой жизни господствовала такая же жестокость и грубость. Нѣмецкіе историки, не исключая и наиболѣе безпристрастнаго Вейнгольда, любятъ говорить о томъ, что здравый народный смыслъ и свойственное германской натурѣ гуманное чувство дѣлали семейныя узы гораздо болѣе пріятными и легкими, нежели какъ это можетъ ка-

заться, судя по юридическимъ кодексамъ эпохи. Однако масса страшныхъ легендъ, и теперь еще гнѣздящихся въ безчисленныхъ развалинахъ бурговъ и замковъ феодальнаго вѣка, служитъ отголоскомъ другой, болѣе грустной дѣйствительности. Въ одномъ мѣстѣ покажутъ вамъ башню, гдѣ какой-то баронъ заморилъ жену свою голодомъ, въ другомъ — подземелье, въ которомъ онъ приковалъ ее въ цѣпи. А Фридрихъ фонъ-Дицъ, въ своихъ извѣстныхъ „Жизнеописаніяхъ провансальскихъ трубадуровъ“, разсказываетъ много о несомнѣнныхъ случаяхъ этого рода. И когда мы читаемъ, напримѣръ, какъ Раймундъ, графъ Руссильона, заставилъ жену съѣсть сердце убитаго имъ любовника, послѣ чего несчастная бросилась съ высокаго балкона и разбилась до смерти, то невольно возникаетъ вопросъ, что̀ же дѣлалось въ другихъ болѣе глухихъ и темныхъ закоулкахъ, когда такія вещи безнаказанно совершались посреди сравнительно образованной Франціи?

Допустимъ, наконецъ, что въ житейской практикѣ взаимныя отношенія половъ сложились и справедливѣе и мягче, чѣмъ какъ ихъ представляютъ законодательные памятники, — все же и половины вышеприведенныхъ данныхъ достаточно, чтобъ убѣдиться, что древніе Германцы въ своихъ юридическихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ на женщину ничѣмъ не опередили Грековъ и положительно стояли ниже Римлянъ, и что идея рыцарскаго „служенія женщинѣ“, вскорѣ за тѣмъ возникшая на Западѣ и повлекшая за собой необозримый рядъ нравственныхъ послѣдствій и перемѣнъ для европейскаго общества, ни въ какомъ случаѣ не могла принадлежать имъ. Для подобнаго обычая не было въ исконныхъ нравахъ германскихъ никакой сочувственной почвы. Да и гдѣ было одинокой, безправной и затертой Нѣмкѣ, въ дѣвичествѣ робко заискивавшей и склонявшейся передъ превосходствомъ мужчины, а потомъ вѣчно занятой нянченьемъ дѣтей, да заботами по кладовой и кухнѣ, разыгрывать роль царицы преклоненнаго у ногъ ея общества! И однакожъ мы видимъ, что спустя два столѣтія послѣ установленія ленныхъ порядковъ, во всей западной Европѣ происходитъ какая-то волшебная соціальная перемѣна. Новый духъ овладѣваетъ даже самою Германіей, этою преимущественною страной женскаго рабства, и въ короткое время неузнаваемо измѣняетъ общественное положеніе нѣмецкой женщины. Заброшенная и почти презираемая Husfrowe какимъ-то чудомъ превращается въ великолѣпную, изящную даму, окруженную блестящею толпой подобострастныхъ поклонниковъ. Знаменитѣйшіе рыцари вѣка ломаютъ въ честь ея копья,

для славы ея имени подвергая жизнь свою опасности. Безчисленныя пѣсни звучатъ хвалой ея красотѣ и достоинствамъ. Она — царица любви и счастія, она — владычица міра. Откуда же этотъ новый духъ, новые обычаи и идеи?

III.

Отечествомъ рыцарства со всѣми его законами и обычаями была, какъ извѣстно, южная Франція, или точнѣе, вся область провансальскаго языка и образованія, въ которую входили не только собственно Провансъ, но и смежныя съ нимъ сѣверныя части Испаніи и Италіи. Здѣсь возникла и развилась бо̀льшая часть рыцарскихъ учрежденій — турниры, куртуазія, суды любви и служеніе избранной дамѣ. Отсюда же распространились они на сѣверъ и востокъ западной Европы, постепенно слабѣя въ своей внутренней силѣ и вліяніи на общества, чѣмъ далѣе удалялись они отъ этого центра рыцарской жизни.

Къ началу XII вѣка много разнородныхъ причинъ сошлось въ этомъ пунктѣ, чтобы сдѣлать изъ Прованса образцовую страну европейскаго рыцарства, и въ частности — чтобы породить въ ней такое высокое уваженіе и поклоненіе женщинѣ, какого до тѣхъ поръ не знала римско-германская Европа. Естественное и промышленное богатство этого прелестнаго южнаго края, рано развившееся образованіе и утонченность формъ общежитія, прекрасный звучный языкъ, столь способный къ поэзіи, болѣе сильное чѣмъ гдѣ-либо вліяніе уцѣлѣвшихъ здѣсь остатковъ классической культуры, особенно римскаго права съ его болѣе гуманнымъ и справедливымъ воззрѣніемъ на женщину, наконецъ, близкое знакомство съ очень развитою по тому времени мавританскою цивилизаціей сосѣдняго испанскаго калифата — составили, безъ сомнѣнія, тотъ общій фонъ или почву, на которой сдѣлались возможны явленія, подобныя рыцарской жизни. Послѣднее обстоятельство, то-есть, вліяніе аравійской культуры на происшедшія вскорѣ за тѣмъ перемѣны въ общественномъ положеніи женщины, чрезвычайно важно, и еслибъ европейскіе изслѣдователи, спеціально занимавшіеся этимъ вопросомъ, были ближе знакомы съ исторіей мусульманской Испаніи, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ много выигралъ бы въ полнотѣ и ясности, тогда какъ теперь мы можемъ только сказать, что едва-ли не арабскимъ представленіямъ обязана южно-французская женщина тѣмъ поэтическимъ обаяніемъ, съ какимъ является она въ канцонахъ и альбахъ трубадуровъ. Поэзія же успѣла идеализировать, или по крайней мѣрѣ облагородить и самую распущенность нравовъ,

которою отличался край этотъ еще со времени римскаго владычества. Опоэтизированной такимъ образомъ женщинѣ, даже во всѣхъ ея слабостяхъ, недоставало только какого-нибудь нравственнаго ореола, чтобы сдѣлаться кумиромъ общества. Такой ореолъ могла ей дать только церковь. Но церковь, подъ вліяніемъ аскетическихъ идей эпохи, учила смотрѣть на женщину, какъ на низшее, по преимуществу грѣховное, почти нечистое существо, какъ на источникъ соблазна и паденія. Однако, по странному стеченію противорѣчій, именно въ XII столѣтіи, въ вѣкъ самаго напряженнаго и фанатическаго аскетизма, само духовенство проложило женщинѣ путь даже къ моральному владычеству надъ обществомъ, какъ ей принадлежало уже господство эстетическое. Въ это время достигаетъ полнаго своего развитія ученіе латинской церкви о Богоматери, поклоненіе которой быстро дѣлается господствующимъ, предпочтительно предъ всѣми другими культами святыхъ и угодниковъ. Пресвятая Дѣва на престолѣ предвѣчной славы, окруженная сонмами небесныхъ силъ, дѣлается общей заступницей молящихся и вмѣстѣ идеаломъ женственной чистоты и непорочности. Инстинктивное уваженіе къ дѣвственности, присущее еще древне-германскимъ понятіямъ, находитъ теперь новое оправданіе въ божественныхъ совершенствахъ Небесной Дѣвы.

Вотъ главные элементы, изъ которыхъ сама собою создалась новая роль и новое положеніе средневѣковой женщины. Но мы не можемъ упустить изъ виду еще одного вліянія, болѣе, впрочемъ, гадательнаго: это — вліянія кельтскихъ преданій. Древне-гальскій бытъ, къ сожалѣнію, не на столько знакомъ намъ въ своихъ подробностяхъ, чтобы точно опредѣлить, какое мѣсто занимала въ немъ женщина; но всѣ сохранившіяся извѣстія у классическихъ писателей несомнѣнно указываютъ на значительную степень общественной и моральной свободы, какою она пользовалась, — свободы, такъ легко могшей перейдти въ послѣдствіи въ легкомысліе и даже развратъ при столкновеніи съ разлагающею римскою культурой. Извѣстно, какую роль играли кельтскія саги въ эпической поэзіи среднихъ вѣковъ, и съ другой стороны, какъ сильно дѣйствовалъ этотъ эпосъ на признанное за женщиной положеніе въ свѣтѣ и на самое ея образованіе. Но въ сагахъ этого рода, напримѣръ, во всемъ циклѣ преданій о королѣ Артусѣ и рыцаряхъ круглаго стола, его сподвижникахъ, женщина постоянно является съ характеромъ безпечнымъ и легкомысленнымъ, съ полною свободой располагать своими влеченіями и поступками и съ сильно развитыми инстинктами чувственности, со всѣми тѣми чертами, кото-

рыми въ послѣдствіи стали отличаться дамы рыцарскаго общества во Франціи. Вотъ путь, какимъ кельтскіе образцы могли незамѣтно воспитывать и измѣнять французскую женщину, независимо отъ того, что и среди самаго сельскаго населенія, по преимуществу гальской крови, довольно живо еще могли сохраниться стародавніе обычаи и порядки. То же обстоятельство, что новое, болѣе свободное общественное положеніе женщины возникло и успѣшно развилось именно въ южной Франціи, странѣ съ живо сохранившимися кельтскими воспоминаніями и характеромъ, дѣлаетъ высказанную выше догадку еще болѣе вѣроятною.

Впрочемъ, перемѣны, исподоволь развившіяся въ Провансѣ, остались бы, можетъ-быть, изолированнымъ явленіемъ, если бы начавшіеся съ конца XI вѣка Крестовые походы не расширили круга ихъ вліянія почти на всю романскую и германскую Европу, и на первую преимущественно, такъ какъ для подобной перемѣны въ ней было болѣе сочувственныхъ элементовъ. Но не однимъ только распространеніемъ новыхъ понятій за предѣлы Прованса повліяли Крестовыя войны на измѣнившееся значеніе женщины. Онѣ во многомъ способствовали и самому ихъ дальнѣйшему развитію. Ближайшее знакомство съ византійскою и азіатско-арабскою культурой, большій кругъ дѣйствія, большее знакомство съ людьми и свѣтомъ, съ того времени какъ западное рыцарство пришло въ движеніе ради общихъ войнъ противъ невѣрныхъ, когда возникли общіе интересы и завязались новыя связи между людьми, вообще масса новыхъ идей, принесенныхъ крестоносцами изъ далекихъ и трудныхъ странствованій, — все это постепенно измѣняло общія отношенія жизни, и въ томъ числѣ положеніе и роль женщины. Нужно прибавить впрочемъ, что послѣдняя перемѣна коснулась Германіи менѣе, чѣмъ другихъ частей Европы, и что въ этой странѣ рыцарство со всѣми его учрежденіями и со всѣмъ кругомъ своихъ особыхъ понятій, никогда не достигало полнаго развитія и блеска. Идеи о новыхъ правахъ и общественной роли женщины проникли, правда, и сюда, но встрѣтившись здѣсь съ укоренившимися издревле понятіями о женщинѣ, уже намъ знакомыми, составили довольно странную смѣсь свободы и рабства, поклоненія и деспотизма, какія мы видимъ въ отношеніяхъ между полами въ вѣкъ рыцарской Германіи. Но объ этомъ мы еще будемъ говорить подробнѣе. Теперь же мы должны составить по возможности опредѣлительное понятіе о томъ, въ чемъ состояло это пресловутое „служеніе дамамъ", составлявшее неизбѣжную принадлежность каждаго истиннаго рыцаря.

„Служеніе женщинѣ" (Culte des femmes, Frauendienst), прежде всего, было обычаемъ и модою вѣка. Никто изъ рыцарскаго круга не могъ отъ него уклониться, не рискуя прослыть невѣждой, чудакомъ или человѣкомъ отсталымъ. Каждый, по достиженіи юношескаго возраста и пріобрѣтеніи установленнымъ порядкомъ рыцарскаго достоинства, долженъ былъ избрать себѣ даму, знакомую или незнакомую, замужнюю или дѣвушку, и добиться у ней дозволенія „служить ей", то-есть, носить ея цвѣта, сражаться въ честь ея на войнѣ или на турнирахъ, защищать ея славу и имя противъ всѣхъ и каждаго и быть готовымъ исполнить малѣйшія ея желанія. Не нужно воображать при этомъ, что выборомъ рыцаря руководила непремѣнно любовь или привязанность. Большею частью онъ просто исполнялъ принятый обычай и удовлетворялъ своему самолюбію, стараясь попасть въ рыцари какой-нибудь знатной дамы или же извѣстной красавицы. Красота, впрочемъ, рѣже входила въ разчетъ, больше же всего — порода, связи и знатность. Затѣмъ, молодой рыцарь могъ быть женатъ или холостъ — все равно, это не освобождало его отъ дамской службы; но собственная супруга никогда почти не дѣлалась его избранною дамой и повелительницей. Разумѣется, что званіе рыцаря этой избранницы надо было сначала заслужить цѣлымъ рядомъ подвиговъ и испытаній, иногда довольно продолжительныхъ. И когда ищущій (poursuivant) совершалъ ихъ довольно, чтобы поднять славу своей дамы и заслужить ея милость, наступалъ желанный обрядъ формальнаго принятія въ ея рыцари, — обрядъ, совершенно напоминающій церемонію средневѣковой инфеодаціи. И тутъ точно также, какъ при ленной присягѣ, гдѣ вассалъ на колѣнахъ, со сложенными на груди руками, произносилъ клятву вѣрности передъ своимъ сюзереномъ, рыцарь, на колѣнахъ же, получалъ отъ дамы въ ленъ свою жизнь, при чемъ тотъ же поцѣлуй и тотъ же перстень, какъ и при ленномъ обрядѣ, скрѣпляли заключенное условіе. Согласно съ такимъ феодальнымъ характеромъ принятаго на себя „служенія", рыцарь, какъ и всякій ленникъ, прежде и выше всего обязанъ былъ своей дамѣ „вѣрностію". Она же, какъ это бывало и съ патронами, не принимала на себя никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, обѣщая только вообще благоволеніе и милость. Такая чисто моральная связь, во избѣжаніе толковъ и злыхъ языковъ, должна была однако же оставаться тайной; но разумѣется, это удавалось довольно рѣдко, и бывали случаи, когда рыцарь „служилъ" своей дамѣ прямо съ согласія ея мужа. Провансальскіе трубадуры успѣли потомъ создать цѣлую регламентацію этихъ отношеній, отли-

чить множество степеней дамской службы — тающіеся, ищущіе, выслушанные и достигшіе — съ ихъ привилегіями и правами, и вообще подчинить даму и рыцаря цѣлому кодексу условныхъ законовъ и правилъ; но это было уже вырожденіемъ сначала чистаго и въ сущности идеальнаго культа, — идеальнаго въ томъ смыслѣ, что чувственныя побужденія и цѣли стояли здѣсь далеко не на первомъ планѣ, хотя съ другой стороны, и безкорыстными отношенія эти тоже назвать нельзя. Тщеславіе стояло въ нихъ, большею частію, на первомъ планѣ. Ухаживая за знатной дамой, обыкновеннымъ путемъ и сватовства и брака для него недоступной, рыцарь находилъ въ этомъ нѣкоторое вознагражденіе за тѣ ограниченія и лишенія, которыя налагала на него строгая классификація феодальнаго общества. И если всегда и вездѣ браки болѣе или менѣе условливались равенствомъ общественнаго положенія и богатства, то нигдѣ, быть можетъ, это не соблюдалось такъ строго, какъ въ рыцарскомъ сословіи. Не говоря уже о томъ, что союзъ, или даже простая привязанность къ женщинѣ низшаго, недворянскаго рода были для рыцаря совершенно немыслимы, даже въ предѣлахъ своего собственнаго круга онъ встрѣчалъ множество перегородокъ, которыя переступить было очень трудно. Служилый рыцарь, напримѣръ, не смѣлъ думать о дочери своего знаменоноснаго патрона, простой баронъ — о родствѣ съ владѣтельнымъ княземъ и т. д. А между тѣмъ, по теоріи и древнимъ воспоминаніямъ, всѣ рыцари, какъ рыцари, то-есть, какъ члены корпораціи, отъ бѣднаго вассала до короля, считались равными. И вотъ личное достоинство, затертое гордостью сильныхъ и предразсудками общества, ищетъ себѣ удовлетворенія въ этихъ тайныхъ знатныхъ связяхъ. Вотъ почему, быть можетъ, обычай „служенія дамѣ" распространился такъ быстро и повсемѣстно, такъ какъ развитію его вездѣ способствовали одинаковыя условія общественныя. Вотъ почему также, ранѣе чѣмъ гдѣ-либо, возникъ онъ въ Провансѣ, самой образованной, передовой странѣ тогдашней Европы, гдѣ очень рано проснулся свободный духъ сомнѣнія и критики и гдѣ общественное мнѣніе, устами національныхъ поэтовъ и религіозныхъ новаторовъ, уже въ XII вѣкѣ, протестовало какъ противъ злоупотребленій іерархіи, такъ и противъ несправедливостей ленной организаціи. Но, выставляя на видъ этотъ соціальный мотивъ происхожденія дамской службы, мы вовсе не думаемъ утверждать, что увлеченіе и истинное чувство были совершенно ей чужды. Общество, о которомъ мы говоримъ, было бы какимъ-то страннымъ исключеніемъ, еслибъ ему были недоступны и эти побужденія. Мы хотѣли сказать только,

что любовь не была здѣсь непремѣннымъ условіемъ и стояла часто на второмъ планѣ, такъ какъ случалось, что рыцарь посвящалъ свою жизнь служенію дамѣ, которую никогда не видѣлъ въ глаза и о которой только наслышался отъ другихъ, — однимъ словомъ, что обычай этотъ былъ происхожденія и характера, по преимуществу, соціальнаго.

Если мы постоянно будемъ имѣть въ виду такую точку зрѣнія, то намъ многое станетъ понятно въ „служеніи", что̀ такъ дико и странно поражаетъ въ немъ на первый взглядъ. И прежде всего — какая-то внѣшняя обрядность, какой-то формализмъ, замѣтный во всемъ.... Рыцарь, въ честь и въ угоду своей дамѣ, нерѣдко и по ея требованію, произноситъ разные, иногда очень оригинальные обѣты — молчать въ извѣстные дни, сражаться безъ забрала, отправиться за море въ крестовый походъ. Онъ одѣвается въ ея цвѣта и носитъ постоянно ея эмблему. Подаренный ею шарфъ или поясъ украшаютъ его сѣдло; рукавчикъ ея платья, привязанный къ древку копья, служитъ ему почетнымъ знаменемъ и источникомъ мужества въ бою. Ихъ личныя, конечно, офиціальныя, сношенія обставлены безконечными и скучными формальностями — поклонами, прижатіемъ рукъ къ сердцу, колѣнопреклоненіями. Рѣчь усѣяна приторными комплиментами и избитыми, условными эпитетами и фразами. Даже пѣсни, въ которыхъ рыцарь считалъ долгомъ прославлять свою даму, поражаютъ однообразіемъ и отсутствіемъ огня. Шиллеръ когда-то сказалъ о нихъ, что если бы воробьи, сидя на своей крышѣ, вздумали издавать журналъ или альманахъ любви, то ихъ литературное чириканье походило бы на пѣсни миннезенгеровъ.

Но самымъ разительнымъ образомъ внѣшній формализмъ рыцарской любви выразился въ учрежденіи такъ-называемыхъ „судилищъ любви" (cours d'amour), которое мы встрѣчаемъ во Франціи. Знатныя дамы эпохи, какая-нибудь Элеонора Аквитанская, бывшая замужемъ за Людовикомъ VII, а потомъ за Генрихомъ II англійскимъ, Эрменгарда, виконтесса Нарбонская, Марія, графиня Шампанская, Сибилла, графиня Фландрская, эти законодательницы нравовъ и моды своего времени, открывали при дворахъ своихъ полусеріозныя, полушуточныя судилища, со всей обстановкой и процедурой обыкновенныхъ настоящихъ судовъ, гдѣ дебатировались и рѣшались разные спорные вопросы, столкновенія и тонкости, возникавшія въ практикѣ рыцарской галантеріи. Рѣшенія постановлялись не только на основаніи принятыхъ обычаевъ и совѣсти судей, большею частію — галантныхъ дамъ, но

и формальныхъ законовъ, существовавшихъ для подобныхъ случаевъ и шедшихъ, по преданію, отъ короля Артуса, этого древнѣйшаго идеала всѣхъ рыцарскихъ качествъ и доблестей. До насъ дошли отрывки характернаго законодательства, сохраненные Марціаломъ и Андреемъ Капелланомъ, а равно и множество приговоровъ, состоявшихся на этихъ судахъ. И тутъ-то мы видимъ всю шаткость и скользкость морали, порожденной обычаемъ дамскаго культа и руководившей обществомъ, среди котораго возможны были такія явленія. Вотъ нѣкоторые образчики этихъ странныхъ законовъ:

I. Causa conjugii non est excusatio recta.
II. Qui non celat, amare non potest.
XVII. Novus amor veterem compellit abire.
XXVI. Amor nihil posset amori denegare.
XXXI. Unam feminam nihil prohibet a duobus amari, et a duabus mulieribus unum.

Мы не скроемъ, что въ наукѣ есть нѣкоторыя сомнѣнія въ достовѣрности памятника. Самъ Вейнгольдъ допускаетъ существованіе судилищъ любви только въ сѣверной Франціи. Но анонимный авторъ изслѣдованія „Minnehöfe des Mittelalters“, кажется, слишкомъ основательно доказалъ ихъ подлинность. Какъ бы то ни было, мы очень хорошо знаемъ, что вышеприведенныя правила дѣйствительно примѣнялись на практикѣ. Одна дама отказала рыцарю въ любви, потому что вышла замужъ за другаго. Графиня Эрменгарда приговорила ее къ продолженію прежней связи на основаніи статьи 1-й. Та же Эрменгарда рѣшила возникшій вопросъ — гдѣ больше преданности и любви, между супругами или между любовниками, — такимъ образомъ, что эти два рода отношеній, по своей природѣ и по принятымъ обычаямъ, совершенно различны. Одна дама обѣщала рыцарю любовь въ случаѣ, если прекратится связь съ прежнимъ ея поклонникомъ; но вскорѣ она вышла замужъ за этого послѣдняго и доказывала, что такимъ образомъ связь ея не прекратилась. Элеонора, къ которой апеллировала обиженная сторона, рѣшила, что напротивъ, прекратилась, такъ какъ между супругами не можетъ быть истинной рыцарской любви.

Сколько оскорбительнаго и безстыднаго должна была, по нашимъ понятіямъ, заключать въ себѣ уже одна гласность подобныхъ процессовъ, самое существованіе какихъ-то законовъ и правилъ, регламентирующихъ любовь, эту святую тайну людскаго сердца. Не слу-

жить ли это одно уже доказательствомъ, что рыцарское поклоненіе женщинѣ было какою-то внѣшнею игрою тщеславія, заключавшею въ себѣ всѣ условія холоднаго разврата? Высокое и свободное чувство, превратившееся въ схоластически-тонкое искусство, которое можно было преподавать и которое дѣйствительно и преподавалось дамами ихъ пажамъ (Galanterie, Minnekunst), обставленное цѣлымъ церемоніаломъ обрядности, парада и показа, основанное сначала на самолюбіи, а потомъ просто на чувственныхъ мотивахъ и цѣляхъ, — вотъ что такое былъ этотъ пресловутый „культъ женщины" среднихъ вѣковъ, о которомъ когда-то кричали такъ много. Нельзя не удивляться поэтому, что и теперь еще находятся люди, говорящіе о немъ съ увлеченіемъ. Даже такой основательный знатокъ средневѣковаго быта, какъ Фальке (Ritterliche Gesellschaft des Mittelalters) еще очень недавно славилъ поэзію, весну и юность тѣхъ поколѣній.

Мы отнюдь не хотимъ быть несправедливыми къ рыцарству и охотно признаемъ за нимъ извѣстную степень цивилизующаго вліянія на грубые и жесткіе нравы средневѣковыхъ народовъ и германскихъ особенно. Мы допускаемъ также, какъ мы уже и оговорились выше, возможность и дѣйствительность множества случаевъ и безкорыстнаго, идеальнаго увлеченія, даже множества славныхъ подвиговъ, совершенныхъ во имя высокой идеи. Но принципъ, лежавшій въ основаніи взаимнаго отношенія между полами, былъ все-таки безнравственъ и ложенъ; а онъ-то и условливалъ поведеніе большинства. Безнравственность его, дѣйствительно, вскорѣ и обнаружилась самыми печальными, самыми разлагающими послѣдствіями для общества. Бракъ превратился въ одну формальность, такъ какъ рыцарскій кодексъ открыто признавалъ, что въ супружествѣ невозможна любовь. Minnedienst, служеніе любви, по натурѣ своей, нѣкогда чистое по крайней мѣрѣ отъ грубыхъ побужденій, превратилось въ пошлое ухаживаніе. Развратные fabliaux и сладострастные романы, въ родѣ Амадиса, или Ланселота, сдѣлались любимымъ чтеніемъ общества. Большіе города наполнились притонами разврата. Пилигримы и крестоносцы приносили съ Востока множество новыхъ, утонченно чувственныхъ обычаевъ и наслажденій. Къ концу XIII вѣка публичная мораль была уже въ полномъ разложеніи, и западная Европа съ высоты идеальныхъ порывовъ, проявившихся было въ первый вѣкъ крестоносныхъ движеній, ринулась въ такую возмутительную грязь, о какой въ наше время мы не имѣемъ и слабаго понятія.

IV.

Какъ ни осторожно мы высказали наше заключеніе о характерѣ рыцарскаго служенія женщинѣ, все же насъ могутъ обвинить въ излишней строгости, или по крайней мѣрѣ, поспѣшности приговора, стоящаго въ замѣтномъ противорѣчіи съ ходячимъ нѣкогда, традиціоннымъ мнѣніемъ о платонизмѣ средневѣковой любви. Поэтому мы прибѣгаемъ еще къ одного рода аргументаціи. Мы попросимъ читателя оставить пока историческую почву, область дѣйствительности, засвидѣтельствованной памятниками, и обратить вмѣстѣ съ нами вниманіе на идеальныя представленія вѣка, высказавшіяся въ его литературѣ, и именно въ поэзіи, такъ какъ извѣстно, что высотой и совершенствомъ этихъ идеаловъ измѣряется отчасти уровень моральной развитости общества. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе не лишнимъ, что Фальке, стараясь выставить картину тогдашней жизни въ поэтическомъ блескѣ, напираетъ именно на чистоту рыцарскихъ идеаловъ.

Мы беремъ для нашей цѣли знаменитѣйшаго эпическаго поэта средневѣковой Германіи, Вольфрама фонъ-Эшенбаха, въ которомъ, по общему признанію всѣхъ историковъ нѣмецкой литературы, самымъ полнымъ и вѣрнымъ образомъ отразился его вѣкъ и котораго Зимрокъ, его издатель и переводчикъ, называетъ Гёте XIII столѣтія. Вольфрамъ былъ рыцарь до мозга костей своихъ, только рыцарствомъ мечталъ добыть себѣ славу и любовь женщины, щитъ и оружіе считалъ какимъ-то призваніемъ свыше, и какъ слѣдуетъ истинному рыцарю, былъ неграмотенъ. Достаточное состояніе, отличныя связи и общее уваженіе позволяли ему жить и держать себя независимо, сохранить все достоинство своего таланта и убѣжденій и подняться въ своихъ воззрѣніяхъ на рыцарство до такой высоты, какой не достигалъ ни одинъ изъ его современниковъ. Согласимся послѣ этого, что идеи такого поэта могутъ считаться тою послѣднею чертой, дальше которой не пошелъ рыцарскій идеалъ.

Образъ истиннаго рыцаря начерталъ Эшенбахъ въ своей знаменитой поэмѣ „Парсиваль“, гдѣ не только исчерпанъ и сгруппированъ весь кругъ мнѣній, вѣрованій, обычаевъ, нравовъ и внѣшнихъ формъ и особенностей цвѣтущаго Гогенштауфенскаго вѣка, этого апогея рыцарской жизни въ Германіи, но представлено даже внутреннее развитіе самой личности рыцаря, процессъ ея духовнаго роста.

Въ данномъ случаѣ для насъ въ высшей степени интересно, какъ понималъ Парсиваль, этотъ цвѣтъ всякаго рыцарства — „Die Blüthe

aller Ritterschaft", свои обязанности и отношенія къ женщинѣ. А для этого намъ надо прослѣдить всю поэму.

Вѣра въ силу породы и крови, столь сильная въ средніе вѣка вообще, была, конечно, еще сильнѣе въ высшихъ кругахъ того времени. Особенная прирожденная доблесть предполагалась въ благородномъ происхожденіи, и рыцарь считался тѣмъ знаменитѣе, чѣмъ длиннѣе и славнѣе былъ рядъ его рыцарскихъ предковъ. Вотъ почему Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ начинаетъ свою поэму изображеніемъ подвиговъ отца Парсивалева, Гамурста, въ которомъ мы видимъ уже образецъ рыцарскихъ талантовъ и качествъ, унаслѣдованныхъ потомъ и доведенныхъ до высшаго развитія его сыномъ. Рано отправляется онъ искать подвиговъ и приключеній, и прощаясь съ матерью, говоритъ ей: „Я ѣду, ради высшей славы, искать рыцарства въ чужой землѣ, и если счастіе сохранитъ меня, заслужу себѣ награду женской любви". И дѣйствительно, поступивъ на службу къ языческой королевѣ Белаканѣ, онъ побѣждаетъ ея враговъ и получаетъ въ награду ея руку. Но такъ какъ въ томъ краю не было ни войны, ни турнировъ, то Гамурстъ скоро стосковался въ бездѣйствіи и тайно уѣхалъ оттуда, оставивъ свое новое царство и беременную жену. Вслѣдъ за тѣмъ мы видимъ нашего рыцаря на одномъ блестящемъ турнирѣ, куда съѣхалось множество князей, королей и герцоговъ и гдѣ наградою побѣдителя назначена рука королевы Герцелейды. Счастливый Гамурстъ и на этотъ разъ одолѣваетъ всѣхъ своихъ противниковъ и женится на этой второй, добытой оружіемъ невѣстѣ, но съ условіемъ однако, чтобы каждый мѣсяцъ былъ для него непремѣнно турниръ. Но повидимому и это не можетъ удовлетворить неугомоннаго искателя приключеній, и уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ опять отправляется за море на помощь къ какому-то королю Баруху, гдѣ и находитъ смерть. Герцелейда же, тоже оставленная мужемъ беременною, уже послѣ его кончины, рождаетъ на свѣтъ Парсиваля. Вотъ вся карьера Гамурста. Изъ нея видимъ, что для славнаго рыцаря существуетъ на свѣтѣ только одно — это рыцарство со всѣми его обязанностями. Внѣ и выше его онъ не знаетъ надъ собой никакого инаго долга. Семейство, отечество, даже религія стоятъ на второмъ планѣ, такъ какъ онъ не задумывается покинуть родину, жену и дѣтей и отдать свой мечъ на службу врагамъ христіанства каждый разъ, какъ его увлекаетъ слава военныхъ подвиговъ и надежда заслужить награду женской любви (Minnelohn). Что же касается самой женщины, ради которой онъ творитъ чудеса храбрости и приноситъ такія жертвы,

то повидимому она до тѣхъ только поръ имѣетъ для него цѣну, пока не принадлежитъ ему. Но какъ только становится его женой, энтузіазмъ его совершенно исчезаетъ и начинаетъ искать себѣ новой пищи. Правда, Гамурстъ говоритъ Белаканѣ: „Крестись — и тогда ты, можетъ-быть, меня и удержишь“. Но какъ мало эти религіозные мотивы владѣли его душой, видно изъ того, что онъ точно также покидаетъ потомъ и христіанку Герцелейду, дѣлавшую для него „каждый мѣсяцъ турниръ“, и снова пускается туда, куда зоветъ его рыцарство.

Но Гамурстъ еще не главное лицо поэмы. Настоящій герой ея — Парсиваль. Познакомимся же ближе съ его личностью, имѣя все-таки въ виду нашу цѣль.

Парсиваль выросъ въ совершенной простотѣ мыслей и нравовъ. Нѣжно любящая мать, желая удержать его дома, сберегла его въ полномъ невѣдѣніи прелестей рыцарства. Мальчикъ проводилъ время въ полѣ, охотясь за дичью. Даже о Богѣ имѣетъ онъ такое слабое понятіе, что случайно встрѣтивъ въ лѣсу нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ, принялъ ихъ за боговъ. Тѣ объясняютъ ему наконецъ, что они рыцари круглаго стола и что король Артусъ можетъ сдѣлать и его членомъ этой почетной коллегіи. Встрѣчи этой было довольно, чтобы разомъ измѣнить кругъ мыслей и весь жизненный путь Парсиваля. Въ немъ нежданно обнаруживается удивительная рыцарская доблесть отца; молодая душа просыпается и рвется въ свѣтъ. Мать должна уступить этому неудержимому порыву, и хотя потомъ умираетъ, убитая горемъ, но отпускаетъ изъ дому сына. Все, что она можетъ посовѣтовать ему на дорогу, это — привѣтствовать встрѣчныхъ, почтительно учиться у старшихъ рыцарскому обычаю, да ухаживать за дамами. Юноша такимъ образомъ является въ свѣтъ круглымъ невѣждой, но скоро попадаетъ въ руки стараго опытнаго рыцаря Гурнемана, который посвящаетъ его во всѣ тайны военнаго искусства и куртуазіи. Онъ учитъ его быть скромнымъ, умѣреннымъ и милостивымъ, щедрымъ, любезнымъ, но въ особенности „приличнымъ“, такъ какъ приличіе во всемъ и составляетъ отличительное качество рыцаря. Надо избѣгать лишнихъ и праздныхъ словъ, не докучать расспросами и быть чистоплотнымъ. Надо удаляться сомнѣній и любить безъ хитрости и обмана. Кромѣ того, его внучиваютъ молиться, слушать обѣдню и исповѣдываться, и когда его познакомили вмѣстѣ съ тѣмъ съ правилами верховой ѣзды, съ „тьостомъ, бугурдомъ“ и другими боевыми пріемами и упражненіями, — то этимъ кругъ его ры-

царскаго воспитанія былъ завершенъ. Теперь не доставало только какого-нибудь подвига, для того чтобъ явиться къ Артусу и искать у него формальнаго посвященія въ санъ. Парсиваль защищаетъ угнетенную Іешуту отъ жестокаго и подозрительнаго мужа ея Орилла и возвращаетъ ей права жены. Затѣмъ, пущенный безъ поводовъ конь приноситъ его въ Вальраперъ, осажденный врагами, гдѣ юная и прекрасная Кондвирамуръ предлагаетъ ему свою руку и свои владѣнія, если онъ поможетъ ей отбиться отъ непріятеля. Парсиваль освобождаетъ городъ и получаетъ обѣщанную награду. Кондвирамуръ становится его женой. Но счастливецъ скоро однакожь оставляетъ молодую супругу и снова пускается въ свѣтъ искать приключеній. И тутъ-то случается съ нимъ то необычайное происшествіе, которое рѣшаетъ всю его жизнь. Парсиваль попадаетъ въ Монсальважъ, чертоги святаго Граля. Но чтобы понять значеніе этого событія, надо напомнить читателю смыслъ знаменитой саги о Гралѣ.

Граль — это драгоцѣнная чаша, принадлежавшая Іосифу Аримаѳейскому и по преданію служившая Спасителю за Тайной Вечерей. Въ нее же пролилась и святая кровь Его въ минуту крестной смерти. Чудодѣйственная сила осталась съ тѣхъ поръ на вѣки въ безцѣнномъ сосудѣ. Это — податель всякаго изобилія, довольства и счастія, источникъ не увядающей юности, красоты и безсмертія. Обладатель такого сокровища наслаждается невозмутимымъ блаженствомъ уже здѣсь на землѣ. Посреди людей, волнуемыхъ страстями и угнетаемыхъ нуждами, это единственный человѣкъ, живущій безъ желаній и безъ надеждъ, такъ какъ всѣ желанія его достигнуты и всѣ надежды исполнены. Но приблизиться къ чудотворной чашѣ, а тѣмъ болѣе сдѣлаться ея обладателемъ, можетъ лишь тотъ, кто соединитъ въ себѣ высшія достоинства человѣка съ глубочайшимъ христіанскимъ смиреніемъ. Никакими заслугами, никакими личными подвигами, какъ бы они ни были велики и славны, нельзя достигнуть этого счастья, пока само Небо не укажетъ своихъ избранниковъ. На краяхъ чаши мгновенно появляются написанными ихъ имена, и вслѣдъ затѣмъ столь же мгновенно исчезаютъ. И тогда только избранные могутъ проникнуть въ чертоги Граля и увидѣть совершающееся чудо. Чертоги эти выстроены, говорила сага, доблестнымъ Титурелемъ Анжуйскимъ, сподобившимся сдѣлаться первымъ обладателемъ и королемъ Граля и передавшимъ затѣмъ свое достоинство славнѣйшему представителю своего рода Анфортасу, родному дядѣ Парсиваля. Но Анфортасъ не устоялъ противъ обольщеній земной любви, отъ которой долженъ от-

казаться всякій хранитель святаго Граля, и за это былъ наказанъ смертельной раной, полученной въ поединкѣ за славу его возлюбленной. Съ тѣхъ поръ волшебный замокъ, служившій ему резиденціей и хранилищемъ самого Граля, омрачился уныніемъ. Страдающій король не могъ ни выздоровѣть, ни умереть, такъ какъ лицезрѣніе Граля каждый день возобновляло его угасавшія силы. Исцѣленіе этихъ вѣчныхъ мученій было предвозвѣщено лишь тогда, если явится пришелецъ-рыцарь и спроситъ о значеніи всего, что здѣсь творится. И этимъ пришельцемъ-избавителемъ предназначалось быть Парсивалю. И вотъ, во время его рыцарскихъ странствованій по Вискайскимъ горамъ, довелось ему однажды подъѣхать, поздно вечеромъ, къ берегу незнакомаго озера. Рыбаки, которыхъ засталъ онъ тутъ, указываютъ ему ночлегъ въ единственномъ замкѣ, лежавшемъ по близости. Непроходимый лѣсъ начинался за озеромъ, подымаясь все выше и выше по склонамъ горъ. Но, пробравшись сквозь эту дремучую чащу, герой нашъ очутился вдругъ передъ зданіемъ неописанной красоты и великолѣпія. Тридцать шесть многоэтажныхъ башень стояло по круглой внѣшней стѣнѣ какого-то храма, выстроеннаго на площади зеркально-гладкаго оникса. На каждой башнѣ бѣлый, хрустальный крестъ, и на каждомъ крестѣ золотой орелъ съ распущенными крыльями. Смарагды, сапфиры, бериллы и всѣ возможные цѣнные камни украшаютъ своды, карнизы и окна. А со средины возвышается громадный куполъ, весь изъ литаго золота, на вершинѣ котораго огромный граненный карбункулъ, мечущій во всѣ стороны потоки натуральнаго блеска. Но, вошедши въ зданіе, пришлецъ поражается еще болѣе. Передъ нимъ залъ, освѣщенный цѣлою сотнею люстръ. Сто столовъ стоятъ по стѣнамъ и за каждымъ столомъ по четыре почтенныхъ рыцаря. Въ срединѣ же этого блестящаго круга сидитъ король на богато убранномъ ложѣ, но сидитъ онъ неподвижно и мрачно, разливая печаль на собесѣдниковъ. Вотъ отворяется настежь кованная серебрянная дверь, и въ залъ являются четыре принцессы въ темныхъ длинныхъ парчевыхъ платьяхъ съ золотыми свѣтильниками въ рукахъ. За ними слѣдуютъ восемь благородныхъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ зеленый бархатъ и несущихъ драгоцѣнный гранатовый подносъ; затѣмъ шесть другихъ въ яркихъ шелковыхъ одеждахъ и съ разной серебрянной и золотой посудой. Наконецъ, окруженная шестью избраннѣйшими красавицами, появляется царица этихъ чертоговъ, перлъ земной красоты и женственной прелести, юная Репансъ-де-Жуа. Въ рукахъ у нея чаша изъ какого-то ослѣпительно-блестящаго камня. Медленно подходитъ она

къ королю, и поставивъ передъ нимъ чудный сосудъ, удаляется. Вслѣдъ затѣмъ является оруженосецъ съ окровавленнымъ копьемъ въ правой рукѣ, и когда онъ проноситъ его по залу, со всѣхъ сторонъ поднимаются вопли и плачъ. Парсиваль, занявъ мѣсто возлѣ короля, видитъ всѣ эти странныя сцены, но по юношеской робости и простотѣ, не рѣшается спросить, что онѣ значатъ. Начинается вечерній пиръ, окруженный баснословною роскошью, и затѣмъ всѣ отходятъ ко сну. Но, проснувшись на другой день утромъ, гость нашъ не узналъ уже вчерашнихъ чертоговъ. Все показалось ему очень обыкновеннымъ и буднимъ, ни живой души не было видно кругомъ, только осѣдланный конь его стоялъ у воротъ, да какой-то рыцарь со сторожевой башни проводилъ его насмѣшками и проклятіями. Изумленный и уничтоженный, въ раздумьи и отчаяніи, герой ѣдетъ оттуда прочь, и выдержавъ на пути нѣсколько славныхъ поединковъ, является къ Артусу, который, вмѣстѣ съ прекрасной женой своей Жановрой, держитъ веселый, блестящій дворъ свой въ Діангедронѣ. Артусъ встрѣчаетъ Парсиваля уже какъ знаменитаго рыцаря и принимаетъ его въ члены круглаго стола. Но, посреди этого новаго почета и блеска, вдругъ является посланница Граля, волшебница Кондрія, и публично срамитъ Парсиваля, называя его позоромъ честныхъ людей и проклятымъ исчадіемъ ада. Тогда только начинаетъ онъ понимать свою простоту и подозрѣвать страшную вину, невольно имъ совершенную. Въ глубокомъ уныніи и скорби о легкомысленно потерянномъ счастіи покидаетъ онъ дворъ короля и ѣдетъ, куда глаза глядятъ, унося въ своемъ сердцѣ сѣмена кореннаго нравственнаго переворота.

До сихъ поръ мы видѣли Парсиваля идущаго избитымъ путемъ обыкновенной рыцарской карьеры. Какъ и всѣ, онъ жаждетъ только славы подвиговъ, вниманія и любви знатныхъ дамъ. Ради этихъ пустыхъ приманокъ, безжалостно убиваетъ мать, умирающую съ тоски по немъ, и покидаетъ прекрасную любящую жену въ ту минуту, какъ она готова подарить его новымъ счастіемъ — отеческаго долга. А очутившись лицомъ къ лицу съ величайшимъ чудомъ христіанской легенды, онъ остается безмолвнымъ и безучастнымъ зрителемъ, и мысль его не просыпается даже на столько, чтобы спросить о смыслѣ совершающейся передъ его глазами мистеріи. Но, когда позоръ и униженіе нежданно обрушились на его голову, когда его осрамили въ глазахъ свѣта, мнѣніемъ котораго онъ такъ дорожитъ, первое, что пробудилось въ немъ, это — уязвлённая гордость. „Какъ, — восклицаетъ онъ въ порывѣ отчаянія и злобы, — я сражался, гдѣ только могъ, и рука

моя часто касалась высшей награды. Что же такое Богъ? Я ему вѣрно служилъ, — и еслибъ Онъ былъ благъ и могуществен, то не допустилъ бы такой несправедливости. Теперь я отъ Него отказываюсь". И Парсиваль снова ѣдетъ странствовать по свѣту, но уже не затѣмъ, чтобы рыцарскими подвигами добыть себѣ славу и милость благородныхъ красавицъ. Въ сердцѣ его поселились двѣ мысли, два желанія овладѣли его душой: отыскать вѣрную, хоть и покинутую жену, о которой онъ опять вспомнилъ, когда счастіе ему измѣнило и люди его оставили, и всѣми возможными усиліями проникнуть снова въ чертоги Граля и тѣмъ смыть тяготѣвшій надъ нимъ позоръ. Того и другаго думаетъ онъ достигнуть собственными силами, такъ какъ въ помощь и правду Божію онъ не вѣритъ. Проходитъ пять лѣтъ въ безплодныхъ исканіяхъ, а завѣтныя цѣли отъ него далѣе, чѣмъ когда-нибудь. Случай, или вѣрнѣе незримая рука Промысла, наталкиваетъ его наконецъ на одну знаменательную встрѣчу. Разъ — то было въ страстную пятницу — видитъ онъ почтеннаго старика съ двумя молодыми дѣвушками и съ огромной свитой позади, но босаго и въ рубищѣ, идущаго на поклоненіе въ близь лежащій монастырь. Изъ разговора узнаетъ онъ, что это герцогъ съ своими дочерьми. Путники удивляются, что встрѣчный рыцарь въ такой великій день ведетъ себя, какъ язычникъ. Но Парсиваль, пять лѣтъ уже не бывшій въ церкви, отвѣчаетъ, что онъ отказался отъ Бога, потому что Онъ несправедливъ. Но потомъ его беретъ раздумье и раскаяніе, и мысль его въ первый разъ обращается къ Тому, Кого онъ такъ долго не признавалъ. „Въ нынѣшній день Онъ особенно милостивъ, думаетъ онъ, дай пущу поводья, — и посмотримъ, что будетъ". Свободный конь приноситъ его въ одно дикое мѣсто — Фонтенъ-Соважъ, гдѣ въ скалистой пещерѣ живетъ и спасается отшельникъ Тревреценть. „Сынъ мой, говоритъ аскетъ, выслушавъ его жалобы, я также былъ рыцаремъ, какъ ты, и сражался ради женской любви и вѣрности, но теперь я сталъ служить Богу. Въ Немъ одномъ безконечная любовь и несокрушимая вѣрность. Молись и уповай на Него". „Но вѣдь Онъ же меня оставилъ, возражаетъ ему Парсиваль. Какихъ только подвиговъ не совершилъ я, и если Богъ только въ состояніи оцѣнить рыцарскую доблесть, — Онъ долженъ избрать меня въ хранители Граля". Въ отвѣтъ на такія высокомѣрныя рѣчи, Тревреценть указываетъ ему на смиреніе, какъ на единственный путь къ тому, чего онъ ищетъ. Граля никто не достигалъ силою; только милость Божія можетъ привести къ нему. Затѣмъ, герой нашъ узнаетъ въ отшель-

никѣ роднаго своего дядю и слышитъ отъ него подробную исторію Ансортаса, другаго брата своей матери. Внушающая мистерія Монсальважа становится для него ясною, но за то тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ угрызенія совѣсти. Мало по малу раскаяніе и смиреніе наполняютъ его очерствѣлую душу, питавшуюся до сихъ поръ только гордостью и тщеславіемъ. Просвѣтленнымъ и смягчившимся ѣдетъ онъ оттуда ко двору Артуса, но на дорогѣ выдерживаетъ борьбу съ такимъ сильнымъ и отважнымъ противникомъ, какого еще не встрѣчалъ никогда. То былъ Фейребрисъ, сынъ Гамурста и Белаканы, старшій братъ Парсиваля, знаменитѣйшій рыцарь Востока. Долго сражались братья, равные мужествомъ и великодушіемъ, не зная другъ друга. Перевѣса не было ни на чьей сторонѣ. Наконецъ, объяснившееся кровное родство противниковъ положило конецъ ихъ борьбѣ. Примиренные ѣдутъ они ко двору, гдѣ Артусъ, видѣвшій издали ихъ отчаянный бой въ свое магическое стекло, принимаетъ ихъ обоихъ съ радостію и почетомъ въ рыцари и члены своего Круглаго стола. Послѣ этого единоборства, въ которомъ поэтъ символически выразилъ вѣковую борьбу восточнаго и западнаго рыцарства, Парсиваль достигъ высшей мірской славы, какой только можно было желать, а вслѣдъ за тѣмъ ему досталось и то нравственное величіе, котораго онъ такъ долго и тщетно искалъ. Та же волшебная посланница Граля, которая нѣкогда обезславила его въ этомъ самомъ мѣстѣ, явилась теперь возвѣстить ему, что по опредѣленію Неба, онъ избранъ въ короли Граля съ женою и сыномъ. Славнѣйшую изъ земныхъ коронъ, „вѣнецъ людскаго спасенія“, могъ теперь предложить онъ своей вѣрной, нѣкогда имъ оставленной Кондвирамуръ. Безконечная радость и великое торжество сопровождало ихъ шествіе до Монсальважа, гдѣ ихъ приняли уже съ королевскими почестями. Трижды повергшись въ прахъ передъ святыней, которую ангелы держали нѣкогда на рукахъ своихъ и на которую голубь нисходитъ ежегодно съ небесъ, принося жизнеобильную *оплатку*, — Парсиваль предлагаетъ, наконецъ, знаменитый вопросъ: „дядя, что̀ съ тобой?“ — и въ ту же минуту, какъ только произнесены были эти простыя слова, измозженный долгими страданіями Ансортасъ становится вдругъ бодръ, здоровъ, юнъ и невыразимо прекрасенъ.

Этимъ оканчивается поэтическая исторія Парсиваля. Многіе хотятъ видѣть въ немъ какого-то Фауста XII вѣка, и Нѣмцы любятъ называть его автора, Эшенбаха, средневѣковымъ Гёте. Вильмаръ, напримѣръ, въ своей „Исторіи нѣмецкой національной литературы“, не

далѣе какъ въ прошломъ году, отзывался о немъ такимъ образомъ. Но сходство здѣсь, по нашему мнѣнію, довольно поверхностное и далекое. Оба они, правда, люди стремящіеся и ищущіе: одинъ — послѣднихъ предѣловъ человѣческаго знанія, другой — высочайшей ступени нравственнаго величія. Оба идутъ къ своей цѣли посреди борьбы и сомнѣній. Но Фауста преображаетъ и спасаетъ всемогущая сила любви, тогда какъ Парсиваль обязанъ своимъ перерожденіемъ непосредственно благодати Божіей, имъ лично даже мало заслуженной. Ему стоило только покаяться, да смирить свою гордость, — и вотъ уже на него сыплются всѣ милости Неба. Но допустимъ, наконецъ, что онъ заслужилъ ихъ своими долгими страданіями, искренностію своего покаянія. Все же его обращеніе къ оставленной женѣ и вѣрность, ей сохраненная, являются чѣмъ-то особеннымъ, исключительнымъ, выходящимъ изъ ряда установившихся отношеній. Нуженъ былъ глубокій нравственный переворотъ и почти сверхъестественное просвѣтленіе, чтобы направить его мысли на этотъ путь. А началъ вѣдь и онъ съ кореннаго рыцарскаго убѣжденія, что женщина есть предметъ тщеславія и источникъ наслажденія. Сама же сага о Гралѣ показываетъ, что рыцари, посвящавшіе себя служенію этой святынѣ, руководились какимъ-то не свѣтскимъ, почти монашескимъ взглядомъ на женщину. Они давали обѣтъ безбрачія и отказывались отъ прелестей земной любви. Исключеніе допускалось только въ пользу короля, который могъ быть женатымъ. Никто безнаказанно не нарушалъ этой заповѣди, и мы видѣли, какую страшную кару понесъ за это Амфортасъ и какимъ глубокимъ покаяніемъ искупалъ свою вину Тревренцентъ. Вотъ почему и отношенія Парсиваля къ Кондвирамуръ можно считать не столько нормальнымъ образцомъ для цѣлаго общества, сколько высокимъ и труднымъ идеаломъ для немногихъ рыцарей-подвижниковъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что идеи Вольфрама были далеки отъ общаго направленія вѣка, можетъ служить уже то, что не смотря на всю его славу и дѣйствительно значительную силу художественнаго дарованія, современники мало увлекались его поэмой. Ея проповѣдническій тонъ, темныя аллегоріи и самая возвышенность идеала возбуждали сочувствіе лишь въ весьма необширномъ кругу людей, шедшихъ за аскетическимъ теченіемъ эпохи, которое началось въ Германіи съ половины XI вѣка и главными проводниками котораго были Клюнийскіе монастыри. Большинство же относилось къ нимъ холодно, называя „Парсиваля“ „дикою сказкой“ (Wilde Mähre), въ которой

авторъ усиливается „сухою вѣткой произвесть роскошную тѣнь". „Намъ нѣкогда подбирать глоссы къ темнымъ книгамъ", говоритъ о немъ Готфридъ Страсбургскій, — и веселая, ликующая, счастливая Гогенштауфенская Германія думала точно также. У нея былъ другой любимый поэтъ, не уступавшій Вольфраму талантомъ, но болѣе подходившій къ ея вкусамъ и направленіямъ, изображавшій жизнь, какъ она есть, не чуждый, можетъ-быть, ея слабостей и пороковъ, но имѣвшій довольно мужества и нравственнаго чувства, чтобы порою поднять противъ нихъ и голосъ энергическаго протеста. Это тотъ же Готфридъ Страсбургскій, авторъ „Тристана и Изольды", соціально-психологическаго романа, составлявшаго любимѣйшее чтеніе всего средневѣковаго общества. Его идеи о любви, о бракѣ, и вообще объ отношеніяхъ половъ между собою, для нашей цѣли важнѣе и интереснѣе, такъ какъ онѣ представляютъ собою мнѣніе и направленіе огромнаго большинства.

V.

Кто былъ Готфридъ, какія обстоятельства воспитали его характеръ и кругъ убѣжденій, съ точностію неизвѣстно. Можно только догадываться, что онъ не принадлежалъ къ рыцарскому сословію, и такъ какъ современники называютъ его обыкновенно «Meister Gotfried», то это обозначеніе даетъ право предполагать, что онъ происходитъ, вѣроятно, изъ класса горожанъ. Впрочемъ, и безъ этого указанія, его постоянно холодное и почти пренебрежительное отношеніе къ рыцарству наводило бы само собою на такое заключеніе. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ ему приходится описывать турниръ, онъ шутливо отказывается отъ этой задачи, ссылаясь на то, что онъ не мастеръ этого дѣла и что объ этихъ вещахъ писано уже и такъ слишкомъ много. „Я пресыщенъ подобными разказами, да еслибъ я и призвалъ всѣ мои силы для изображенія рыцарства, то едва-ли успѣлъ бы въ этомъ. Оттого я и не стану описывать, какъ они тамъ сражались и сколько переломали копьевъ. Пусть ихъ считаютъ оруженосцы, подбиравшіе съ поля эти обломки". Какой-то новый духъ, враждебный рыцарскимъ забавамъ и интересамъ, вѣетъ уже въ этихъ словахъ. «Das mögen die Garzune zählen». „Оставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ", какъ будто звучитъ въ этомъ презрительномъ замѣчаніи. Да, новый духъ и новое время дѣйствительно чувствуются въ поэмѣ Готфрида Страсбургскаго, новый взглядъ на женщину, новое отношеніе къ семейному вопросу и вмѣстѣ краснорѣчивый протестъ противъ рыцар-

скихъ обычаевъ и порядковъ, переполненныхъ формализмомъ и ложью. Но вотъ самое содержаніе романа.

Юный Ривалинъ, король Парменіи, одолѣвъ враждебныхъ сосѣдей, ѣдетъ въ Англію и Корнваллисъ, чтобы при дворѣ тамошняго короля Марке поучиться утонченнымъ свѣтскимъ обычаямъ. На свадьбѣ Марке, онъ влюбляется въ его сестру, прекрасную Бланшефлуръ; но, во время одной стычки, раненъ и полуживой привезенъ въ Тинтайоль, столицу короля. Увлеченная дѣвушка начинаетъ за нимъ ухаживать и часто посѣщаетъ его комнату, переодѣтая нищей. Задобренная гувернантка, по тогдашнему «Meisterin», допускаетъ между ними связь въ надеждѣ, что больной умретъ и что дѣло канетъ безо всякихъ слѣдовъ. Между тѣмъ, вопреки всѣмъ разчетамъ, Бланшефлуръ дѣлается беременною, а Ривалинъ выздоравливаетъ, и получивъ извѣстіе о новомъ нападеніи враговъ на Парменію, собирается ѣхать домой. Тайно увозитъ онъ съ собой тоскующую по немъ принцессу, и воротившись на родину, на ней женится; но скоро затѣмъ погибаетъ въ начавшейся войнѣ. Немногимъ переживаетъ его и королева, и послѣ рожденія сына, слѣдуетъ за любимымъ мужемъ въ могилу. Новорожденный является на свѣтъ круглымъ сиротой и среди такихъ печальныхъ обстоятельствъ, что это и заставило его опекуновъ дать ему имя Тристана.

И здѣсь, стало быть, какъ въ поэмѣ Вольфрама, исторія отца служитъ прологомъ и какъ бы предсказаніемъ жизненной карьеры сына. Но уже это начало обѣщаетъ читателю совсѣмъ иное, болѣе натуральное, правдивое отношеніе къ жизни, чѣмъ возвышенное пареніе „Парсиваля". Мы, конечно, очень далеки отъ того, чтобъ оправдывать, какъ вину молодыхъ людей, такъ и способъ, какимъ они старались ее загладить. Но тутъ есть, по крайней мѣрѣ, свои смягчающія обстоятельства. Это искренность юнаго увлеченія, не измѣнившая своему характеру и въ послѣдствіи. Но важнѣе всего то, что Ривалинъ не могъ искать прямымъ путемъ руки сестры короля Марке. Можетъ-быть, покажется на первый взглядъ страннымъ, что владѣтельный князь не смѣетъ мечтать о родствѣ съ такимъ же владѣтельнымъ княземъ. Но эта темная Парменія, постоянно стоящая въ романѣ на дальнемъ фонѣ картины, составляетъ повидимому такое скудное и незавидное достояніе, что въ кругу богатыхъ и сильныхъ властителей феодальнаго міра, король ея является почти пролетаріемъ. Это обстоятельство надо непремѣнно имѣть въ виду, чтобы понять роль, какую приходится Тристану разыгрывать въ большомъ свѣтѣ.

Далѣе, такъ какъ дѣло коснулось комментаріевъ, мы должны замѣтить, что многіе считаютъ Готфрида и его романъ образцемъ глубочайшей безнравственности, какъ по основнымъ идеямъ, такъ и по внѣшнимъ формамъ. Что касается идей, то онѣ именно и есть то искомое неизвѣстное, ради котораго мы предприняли разборъ цѣлаго произведенія. Слѣдовательно, о нихъ рѣчь — впереди. А относительно формы, дѣйствительно, не смотря на всю ея жаванную грацію и обольстительную прелесть образовъ и живыхъ красокъ, Тристана и Изольду ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать назидательнымъ чтеніемъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что и Парсиваля мы не пожелали бы также видѣть въ рукахъ слишкомъ юнаго читателя. Не смотря на героическій тонъ поэмы, въ ней встрѣчаются сцены до того оскорбительныя для нравственнаго чувства человѣка нашего времени, что невольно приходишь къ мысли, до чего должна была простираться простота и грубость тогдашнихъ нравовъ, если даже такое возвышенное произведеніе не можетъ быть передано вполнѣ, безъ нарушенія приличій. Готфридъ, конечно, еще болѣе не стѣснялся въ этомъ отношеніи, какъ онъ вездѣ и во всемъ служилъ болѣе естественнымъ и правдивымъ отраженіемъ своего вѣка. Но мы здѣсь имѣемъ дѣло съ идеями, а не съ формой, и пока еще не видимъ, чѣмъ Ривалинъ безнравственнѣе Гамурста, бросавшаго своихъ женъ, ради рыцарскихъ поисковъ за славой и знатными красавицами.

Но мы переходимъ къ исторіи Тристана. По смерти родителей, сирота-мальчикъ остается на рукахъ маршала Руаля, прозваннаго за свою ленную вѣрность и преданность королевскому дому li Foistenant. Сосѣдній владѣтель Морганъ, въ борьбѣ съ которымъ погибъ Ривалинъ, подчиняетъ его царство своей власти. Колыбель ребенка окружена такими опасностями, что Руаль не рѣшается даже объявить о его существованіи. Онъ распускаетъ слухъ, что покойная королева разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ, а жена его Флорета разыгрываетъ притворные роды и выдаетъ Тристана за своего новорожденнаго. Проходятъ годы ранняго дѣтства, въ теченіе которыхъ малютка остается на попеченіи своей мнимой матери; но когда ему исполнилось семь лѣтъ, начинается его воспитаніе. Замѣчательно, какъ даже здѣсь отклоняется Готфридъ отъ принятыхъ въ его время обычаевъ и порядковъ. Вмѣсто того, чтобъ отдать мальчика пажемъ ко двору какого-нибудь знатнаго владѣльца, гдѣ бы его выучили свѣтскому обращенію, да рыцарскому искусству, какъ это водилось обыкновенно въ феодальномъ обществѣ, Руаль приставляетъ

къ нему одного мудраго человѣка, который везетъ его въ чужіе края для изученія языковъ и пріобрѣтенія наглядныхъ свѣдѣній о жизни. Но болѣе всего рекомендуется Тристану „книжная наука", которую всѣми силами долженъ изучать онъ „прежде всѣхъ другихъ знаній". Не забыто и художественное образованіе: игра на разныхъ инструментахъ и пѣніе. Послѣ того уже какъ бы на второмъ планѣ являются упражненія въ верховой ѣздѣ и оружіи, въ охотѣ и гимнастикѣ, во всѣхъ тонкостяхъ тогдашней куртуазіи. Главное — это развитіе умственныхъ и эстетическихъ способностей. Въ четырнадцать лѣтъ Тристанъ уже задумывается надъ своими и чужими общественными порядками и умѣетъ слагать и исполнять всѣ роды пѣсень. Во всѣхъ отношеніяхъ, это человѣкъ новаго времени, не похожій на представителей современнаго ему рыцарства и менѣе всего — на Парсиваля съ его прирожденными и односторонними рыцарскими доблестями. Мы увидимъ сейчасъ, что и своими успѣхами въ жизни онъ обязанъ не рыцарству и предъизбранію свыше, а собственнымъ усиліямъ — уму, ловкости и талантамъ. И какъ бы въ довершеніе всего развитія, добытаго этимъ путемъ, случай посылаетъ ему еще одного учителя, едва-ли не самаго дѣйствительнаго — нужду и горе. Заѣзжіе купцы обманомъ увозятъ его изъ дому, и когда поднимается на морѣ буря, показавшаяся имъ наказаніемъ за похищеніе, въ ужасѣ высаживаютъ его на первый попавшійся берегъ. Съ этой минуты начинается самостоятельная жизнь нашего героя.

По странному стеченію случайностей, земля, на которой очутился Тристанъ, была Корнваллисъ, владѣніе дяди его, уже знакомаго намъ короля Марке. Онъ узнаетъ объ этомъ, повстрѣчавъ въ лѣсу королевскую охоту, хотя, конечно, не подозрѣваетъ, что Марке съ нимъ въ такомъ близкомъ родствѣ. Выдавъ себя за купеческаго сына, занесеннаго бурей на этотъ берегъ, онъ скоро обращаетъ на себя вниманіе охотниковъ своею ловкостію, знаніемъ охотничьяго дѣла и особенно своимъ удивительнымъ искусствомъ трубить въ рогъ. Съ торжествомъ ведутъ они его въ Тинтайоль и представляютъ королю, который совершенно имъ очарованъ. Въ короткое время Тристанъ дѣлается любимцемъ Марке, его неотлучнымъ собесѣдникомъ и получаетъ званіе его великаго ловчаго.

Между тѣмъ вѣрный Руаль не можетъ простить себѣ оплошности, вслѣдствіе которой его питомецъ и будущій государь похищенъ купцами-разбойниками. Онъ самъ отправляется искать его по свѣту, и пространствовавъ нѣсколько лѣтъ среди нищеты и лишеній, находитъ

его, наконецъ, въ Корнваллисѣ, и разумѣется, открываетъ Марке тайну его рожденія. Неожиданнымъ образомъ, неизвѣстный и безродный пришлецъ, какимъ его считали при дворѣ, становится принцемъ и наслѣдникомъ своего бездѣтнаго дяди. Первою своею обязанностію считаетъ онъ теперь вознаградить рѣдкую преданность Руаля. Съ нимъ вмѣстѣ отправляется онъ на родину, и одолѣвъ Моргана, возстановляетъ тамъ свои законныя права. Парменія отдана имъ затѣмъ въ ленъ сыновьямъ Руаля, а самъ онъ снова отправляется на чужбину искать и добывать себѣ счастія.

Воротившись ко двору дяди, Тристанъ застаетъ здѣсь общее уныніе и печаль. Англія и Корнваллисъ издавна платятъ дань ирландской коронѣ. Страшный витязь Морольдъ, сынъ тамошняго короля, каждый годъ является для сбора этой дани, и теперь именно ожидали его прибытія. Тристанъ предлагаетъ рѣшить дѣло единоборствомъ, и въ состоявшемся поединкѣ убиваетъ Морольда; но въ то же время самъ получаетъ отъ него рану отравленнымъ мечомъ. Къ счастію, однако, побѣжденный имъ врагъ находитъ довольно великодушія, чтобъ открыть ему секретъ исцѣленія. Передъ смертію онъ говоритъ ему, что никакіе врачи ему не помогутъ, и только сéстра Изольда можетъ его вылѣчить. А для этого ему надо ѣхать въ Девелинъ, что̀ очень трудно сдѣлать, потому что въ Ирландіи, въ отмщеніе за смерть Морольда, стали убивать всѣхъ Англичанъ. Но Тристанъ не унываетъ, и въ надеждѣ на свою ловкость и находчивость, рѣшается идти на встрѣчу опасностямъ. Подъѣхавъ къ ирландскому берегу, онъ приказываетъ пересадить себя въ небольшую лодку, а корабль плыветъ обратно домой. Здѣсь остается онъ одинъ полуживой и израненный. При немъ только его любимая арфа. Но услышавъ съ моря ея чудные звуки, очарованные прибрежные жители принимаютъ страннаго артиста и начинаютъ съ участіемъ расспрашивать. Тристанъ объясняетъ имъ, что онъ былъ когда-то придворнымъ музыкантомъ, а потомъ пустился торговать. Морскіе разбойники ограбили его теперь и изувѣченнаго бросили въ этой лодкѣ. Какъ водится, его представляютъ ко двору, гдѣ королева и прекрасная дочь ея Изольда до такой степени восхищены его пѣніемъ и игрой, что берутся лѣчить его.

Такъ Тристанъ достигаетъ своей цѣли, и подъ именемъ Тантриса, проводитъ нѣсколько счастливыхъ мѣсяцевъ при Девелинскомъ дворѣ. Выздоровленіе его подвигается впередъ, а между тѣмъ, въ благодарность за оказанное ему участіе и милости, онъ посвящаетъ юную

принцессу во всѣ тайны своихъ удивительныхъ талантовъ. Онъ учитъ ее языкамъ, музыкѣ, разнымъ играмъ, искусству слагать канцоны и письма, и наконецъ, такъ-называемому моралитету. Подъ этимъ именемъ разумѣли въ средніе вѣка науку свѣтскихъ пріемовъ и приличій, и если мы вспомнимъ, до какой степени средневѣковая жизнь заключена была въ неизмѣнныя условныя формы и какую важность приписывали тогда этой обрядной сторонѣ общественныхъ отношеній, то мы поймемъ роль, которую играли моралитеты особенно въ воспитаніи женщины. Тѣлодвиженія, походка, разговоръ, манера носить платье, встрѣчи и поклоны — для всего этого существовалъ цѣлый кодексъ общепринятыхъ правилъ, уклоненіе отъ которыхъ считалось признакомъ неблаговоспитанности. Франція и тогда уже давала тонъ этой свѣтской жизни для всей Европы и считалась образцомъ моды и утонченныхъ обычаевъ. Средневѣковой моралитетъ перешелъ разными путями и къ намъ, и тѣ стереотипныя наставленія, какъ держать руки, голову, спину, какіе дѣлать шаги въ гостинной или на улицѣ, какъ и сколько съ кѣмъ говорить, которыя и теперь еще внушаютъ наши гувернантки своимъ воспитанницамъ, безъ сомнѣнія, берутъ свое начало оттуда.

Изольда лѣчитъ Тристана, Тристанъ учитъ Изольду. Не трудно предвидѣть, что при такихъ близкихъ отношеніяхъ, молодые люди сошлись и понравились другъ другу. Умный, ловкій, образованный, вооруженный всѣми прелестями художественной натуры юноша неизбѣжно долженъ былъ овладѣть вниманіемъ даровитой и впечатлительной дѣвушки. Но, разумѣется, о какомъ-нибудь дальнѣйшемъ сближеніи не могло быть и рѣчи. Непроходимая бездна, въ общественномъ отношеніи, отдѣляетъ бездомнаго авантюриста отъ царской дочери. И она только со вздохомъ можетъ сказать себѣ: „Боже мой, какъ странно устроенъ свѣтъ! Этотъ талантливый человѣкъ бѣденъ и не знатенъ, тогда какъ столькими царствами управляютъ бездарные".

Но вотъ Тристанъ здоровъ и ѣдетъ домой, отпросившись подъ тѣмъ предлогомъ, что у него на родинѣ осталась жена. Появленіе его при дворѣ Марке привело всѣхъ въ изумленіе, а во многихъ возбудило даже злобу. Надо замѣтить, что великіе бароны Корнваллиса, окружающіе престолъ короля, вообще не жалуютъ Тристана и смотрятъ на него какъ на выскочку. Только милость и любовь дяди составляетъ всю его силу, ей только онъ обязанъ своимъ положеніемъ. Но внутренно родовая знать не считаетъ его даже равнымъ себѣ и

приходитъ въ ужасъ при мысли, что этотъ пролетарій будетъ современемъ ихъ королемъ. Она никакъ не разчитывала на его возвращеніе, въ полной увѣренности, что онъ погибнетъ или отъ ранъ или отъ непріятеля, и была имъ теперь озадачена. Начинаются интриги и подкопы противъ Тристана. Распускаютъ молву, что онъ самозванецъ, что онъ околдовалъ короля, да и Морольда побѣдилъ только чарами. Рутинная аристократія ни за что не можетъ простить ему его превосходства, и чтобы такъ или иначе устранить его отъ престола, настаиваетъ, чтобы старикъ Марке вступилъ въ новый бракъ. И такъ какъ Тристанъ, въ своихъ разказахъ, постоянно превозносилъ Изольду, ея красоту и достоинства, то рѣшено было, что онъ снова поѣдетъ въ Девелинъ во главѣ свадебнаго посольства отъ короля. На этотъ разъ, думали бароны, онъ уже навѣрное погибнетъ. Но вѣроятность быть убитымъ была не единственнымъ несчастіемъ, грозившимъ теперь Тристану. Было еще другое, не менѣе чувствительное. Для старика дяди ему приходилось сватать любимую женщину. Или смерть, или потеря лучшей въ жизни надежды: такъ ловко и страшно была придумана его врагами роковая дилемма. И если выпутываясь изъ нея, герой нашъ долженъ былъ опрокинуть установившійся нравственный и соціальный законъ, то согласимся по крайней мѣрѣ, что не вся вина въ этомъ должна пасть на него одного.

На этотъ разъ Тристанъ является въ Ирландію подъ видомъ иноземнаго купца, что̀ ему легко было сдѣлать при знаніи чужихъ языковъ, и въ этомъ качествѣ получаетъ доступъ въ страну. Первое, что̀ слышитъ онъ здѣсь, это разказы о страшномъ драконѣ, опустошающемъ окрестности, и о томъ, что король обѣщаетъ руку своей дочери тому, кто избавитъ край отъ недоступнаго, изрыгающаго пламя чудовища. Принявъ разныя предосторожности и хитрыя мѣры, Тристанъ идетъ на борьбу съ нимъ и избиваетъ его; но самъ до того обезсиленъ ядовитыми испареніями отъ его крови, что падаетъ полумертвый въ близь текущій ручей. Здѣсь находятъ его королева и ея дочь, и плѣнившись его юною красотой, велятъ перенести во дворецъ. Герой нашъ вторично пользуется нѣжными попеченіями прекрасной Изольды, и въ награду за совершенный имъ подвигъ, проситъ только одного— безопасности для себя и своихъ людей. Торжественное обѣщаніе, данное ему въ этомъ отношеніи, пришлось какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ это самое время, по обломку меча Морольда, узнаютъ, что онъ его убійца, и только этимъ дальновиднымъ разчетомъ спасается онъ отъ мести его родныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ открывается

также, что онъ тотъ самый Тантрисъ, который нѣкогда разыгрывалъ роль музыканта и учителя принцессы.

Но когда прошли первые порывы негодованія на цѣлый рядъ обмановъ, жертвою которыхъ такъ долго былъ Девелинскій дворъ, Тристанъ находитъ возможнымъ не скрывать долѣе настоящей цѣли своего прибытія, и вытребовавъ свою посольскую свиту, скрывавшуюся на кораблѣ, дѣлаетъ Изольдѣ торжественное предложеніе отъ имени короля Марке. Созванный по этому случаю придворный совѣтъ рѣшаетъ, что какъ побѣдитель дракона, онъ имѣетъ на то полное право. Родители также соглашаются на этотъ бракъ, находя его выгоднымъ и почетнымъ. Одна Изольда, противъ воли и не безъ внутренняго ужаса, уступаетъ общему желанію. Заботливая мать снабжаетъ ее на дорогу магическимъ любовнымъ напиткомъ для нея и ожидающаго ее супруга, и счастливый Тристанъ увозитъ прекрасную принцессу въ Корнваллисъ. Во время плаванія, онъ, конечно, расточаетъ передъ ней всю нѣжную заботливость родственника и тайнаго поклонника; но на всѣ его ласки Изольда холодно и гордо отвѣчаетъ одно, что онъ выманилъ ее хитростями и что она безчестнымъ образомъ продана. Между тѣмъ, по неосторожности или невѣдѣнію, Тристанъ выпиваетъ часть случайно попавшагося ему волшебнаго питья, приготовленнаго королевой для Марке, а остальное, также неосторожно и случайно выпиваетъ Изольда, и какъ только молодые люди вкусили роковаго бальзама, тотчасъ же воспламенились непобѣдимою взаимною страстью. Борьба между долгомъ и чувствомъ, длившаяся нѣкоторое время, оканчивается полнымъ паденіемъ Изольды, и старый король получаетъ жену, безъ памяти влюбленную въ его молодаго племянника.

Затѣмъ въ супружеской жизни новобрачныхъ развивается цѣлая система обмановъ противъ бѣднаго Марке, слишкомъ соблазнительныхъ по формѣ и содержанію, для передачи хотя бы отчасти нынѣшнею печатью. Да это было бы и излишне, такъ какъ на этихъ сценахъ собственно прерывается неоконченный романъ Готфрида Страсбургскаго, и онѣ ничего не прибавляютъ существеннаго къ извѣстному намъ его сюжету. Главная идея, впрочемъ, успѣла уже обозначиться довольно ясно, и на ней-то именно мы остановимъ теперь наше вниманіе.

Даже при томъ короткомъ изложеніи, какое мы представили выше, можно видѣть, что „Тристанъ и Изольда" изображаетъ какой-то иной, новый міръ, мало похожій на рыцарскую сферу, гдѣ вращается и дѣйствуетъ Парсиваль. Нужды нѣтъ, что авторъ водитъ читателя по дво-

рамъ королей, что герой его тоже рыцарь самаго благороднаго происхожденія и что въ повѣсти его выступаютъ на сцену сверхъестественныя явленія и силы. То была невольная дань, заплаченная вѣку. Только среди этого избраннаго рыцарскаго круга привыкло средневѣковое человѣчество видѣть настоящую жизнь со всѣми ея прелестями — свободой, почетомъ и поэзіей. За предѣлами этой привилегированной, но тѣсно замкнутой области никакая заслуга или талантъ не могли найдти себѣ ни пищи, ни признанія, ни награды. Готфридъ тоже долженъ былъ примкнуть къ ней. Но эти удивительные поединки, великаны, драконы и разныя волшебныя зелья, которые мелькаютъ въ его поэмѣ, не болѣе, какъ условная, общепринятая въ то время литературная форма. Въ сущности же весь строй идей и взглядовъ на жизнь до того чуждъ и даже противоположенъ всѣмъ основнымъ элементамъ рыцарства, что удивляешься, какъ такой человѣкъ могъ быть современникомъ Вольфрама фонъ-Эшенбаха. Вмѣсто породы, силы, отваги, чести, самоотверженія, тщеславія, фанатизма и набожности, — всего того, что составляло сущность идеальнаго рыцарства въ Парсиналевомъ смыслѣ, у Готфрида дѣйствующими пружинами въ жизни является умъ, образованіе, практическая ловкость, полная человѣческая любовь, не платоническая, конечно, но за то простая и искренняя, и — собственный интересъ каждаго. Его герой не чуждъ ни великодушія, ни мужества, ни поэзіи, но главное его оружіе — это глубокое знаніе человѣческаго сердца. И еслибъ мы позволили себѣ такое же преувеличеніе, какое допускаютъ поклонники Вольфрама, называя его предтечею Гёте, то мы бы назвали Готфрида Страсбургскаго Шекспиромъ XIII вѣка. Но мы будемъ осторожнѣе въ сближеніяхъ и повторимъ только, что Тристанъ — человѣкъ новаго времени и понимаетъ любовь и женщину вовсе не такъ, какъ понимаетъ ихъ рыцарь Парсиналь.

Вотъ то замѣчательное мѣсто „Тристана и Изольды", гдѣ авторъ противопоставляетъ рыцарскую любовь тому идеалу, какой носился въ его собственномъ воображеніи.

„Когда я подумаю, какія чудеса дѣлаетъ любовь, сколько въ ней радостей и счастія, если къ ней относятся искренно, то сердце мое подымается и дѣлается шире, чѣмъ широкій свѣтъ.

„Всѣ мы, живущіе на землѣ, ищемъ и стремимся къ любви, на которой зиждется жизнь, — и однакожь никто не хочетъ признать ея истинныхъ правъ.

„Нѣтъ, любовь не создана такою, какою мы ее сдѣлали, примѣ-

шивая въ ней лживыя побужденія. Съ обманомъ и фальшью въ груди приступаемъ мы къ ней въ надеждѣ найдти отраду душѣ и тѣлу. Но она приноситъ намъ только горечи. Мы сѣемъ бурьянъ, а думаемъ собирать розы и лиліи. Такъ въ наши дни обращаемся мы съ любовію, и ничего не находимъ въ ней, кромѣ неудачъ, несчастій и легкомыслія.

„Отъ любви у насъ осталось только слово и имя. Изношенная и поруганная выходитъ она на торжище съ нищенской сумой и съ краденымъ добромъ. Царица людскихъ сердецъ, одно что въ нихъ есть чистаго и прекраснаго, она становится обычнымъ товаромъ. Фальшивые монетчики любви, мы, вмѣсто искренняго чувства, носимъ лишь одну его наглую поддѣлку".

Въ такихъ краскахъ по крайней мѣрѣ, если не въ тѣхъ же самыхъ словахъ является въ устахъ негодующаго поэта знаменитая рыцарская „Minne", эта любовь самолюбія, тщеславія и парада. Все ея несчастіе, все зло состоитъ въ томъ, что она совершенно лишена всякой правды. Только во взаимной искренности состоитъ истинная любовь, а ея-то и недостаетъ модному рыцарскому культу. При искренности, продолжаетъ Готфридъ, не нужно никакихъ величавыхъ обрядовъ, пышныхъ словъ и внѣшнихъ эмблемъ и отличій. „Одного взгляда, одной улыбки, посланной отъ любящаго сердца, довольно, чтобъ унять всѣ сомнѣнія и боли".

И вотъ такую-то простую, естественную, искреннюю любовь рисуетъ намъ поэтъ въ граціозной четѣ Тристана и Изольды. Люди эти принадлежатъ другъ другу по равенству развитія и дарованій, по взаимной симпатіи и влеченію, по никѣмъ непризнанному натуральному праву, тогда какъ соціальный законъ раздѣляетъ ихъ неодолимыми преградами. Вѣчная борьба этихъ двухъ силъ, и теперь еще наполняющая общество своими явленіями и жертвами, точно также и тогда волновала грудь человѣка. Готфридъ имѣлъ довольно мужества, чтобы среди XIII вѣка, въ эпоху полнаго господства родовыхъ привилегій и имущественной ленной классификаціи, поднять голосъ въ защиту свободныхъ правъ каждаго человѣческаго сердца.

Средневѣковая Германія, подавленная ленной іерархіей и косвенно протестовавшая противъ нея уже самымъ обычаемъ „дамской службы", нашла въ этихъ идеяхъ много сочувственнаго и почтила смѣлаго поэта тѣмъ вниманіемъ, о которомъ мы говорили выше.

Нѣмецкіе историки, какъ, напримѣръ, Вильмаръ и Курцъ, не находятъ довольно негодованія, чтобы заклеймить Готфрида Страсбург-

скаго позоромъ, какъ наглаго попирателя священнаго учрежденія брака. Но мы опять повторяемъ, что нисколько не оправдывая цинизма, съ какимъ онъ осмѣиваетъ супружескую жизнь несчастнаго Марке, мы все-таки не должны забывать, что бракъ былъ почти разрушенъ самимъ же рыцарствомъ вслѣдствіе повсемѣстно распространившагося обычая служенія избранной женщинѣ. Готфридъ запятналъ насмѣшкой только уродливую и пустую форму, оставшуюся въ его время отъ брака.

Къ сожалѣнію, не одинъ только смѣлый протестъ Готфрида противъ безобразныхъ супружескихъ отношеній его вѣка доставилъ ему такую широкую популярность. Современники его увлекались, правда, тою исторіей свободнаго сердца, какая олицетворена имъ въ Тристанѣ; но еще болѣе увлекались они заманчивымъ и опоэтизированнымъ матеріализмомъ, проникающимъ насквозь знаменитое произведеніе. Чувственная страсть достигла здѣсь такой апотеозы и одѣлась въ такія раздражающія краски, что только нынѣшній французскій романъ, во вкусѣ Федо и ему подобныхъ, можетъ стать наравнѣ съ „Тристаномъ" Рыцарскій міръ заключалъ въ себѣ слишкомъ много элементовъ, причинъ и побужденій къ безнравственности, чтобы не бросаться съ жадностію на подобную поэзію. Общая порча нравовъ, дѣлавшаяся годъ отъ году грубѣе и ярче, находила въ ней желанную пищу и очень скоро переступила за тотъ предѣлъ, на которомъ удержался Готфридъ Страсбургскій. Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ за нимъ поколѣніи, мы уже не встрѣчаемъ ни человѣческихъ идей, ни поэтическаго блеска, которыми этотъ писатель умѣлъ возвысить и облагородить чувственность. Даже отъ „дамской службы", вообще крайне бѣдной нравственнымъ содержаніемъ, но все же вращавшейся въ приличныхъ и благородныхъ формахъ, къ половинѣ XIII вѣка осталась одна только каррикатура. Самый грубый матеріализмъ беззавѣтно овладѣлъ обществомъ.

Къ этой-то эпохѣ стремглавъ падающаго рыцарства, какъ лучшій его образчикъ и представитель, относится образъ Ульриха фонъ-Лихтенштейна.

VI.

Штирійскій рыцарь Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ жилъ въ половинѣ XIII вѣка и въ свое время хорошо былъ извѣстенъ въ юго-восточной полу-славянской Германіи. Потомство знаетъ его по очень куріознымъ мемуарамъ, которые онъ оставилъ о своей жизни, или что все равно, о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, такъ какъ вся жизнь

его протекла почти только въ этихъ занятіяхъ. „Frauendienst" или дамская служба—такъ назвалъ Лихтенштейнъ свою біографію—весьма интересный памятникъ въ своемъ родѣ. Онъ бросаетъ такъ много свѣта на знаменитое рыцарское служеніе дамамъ и заключаетъ столько живописныхъ подробностей вообще о жизни тогдашняго нѣмецкаго рыцарства, что со временъ Бюшинга, его не обходилъ ни одинъ культурный историкъ средневѣковой Германіи. Конечно, здѣсь живо представлено уже падающее, вырождающееся рыцарство, но все же его картины даютъ возможность дѣлать возвратныя заключенія и о прежнихъ лучшихъ рыцарскихъ поколѣніяхъ, какъ карриватура часто позволяетъ догадываться объ истинныхъ чертахъ оригинала. Записки Ульриха получаютъ поэтому болѣе общее и важное историческое значеніе, тѣмъ болѣе, что рыцари добрыхъ старыхъ временъ не умѣли намъ ничего передать о своихъ подвигахъ и жизни, и „Frauendienst" остается единственнымъ полнымъ документомъ подобнаго содержанія. Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться и на счетъ Лихтенштейновыхъ „Записокъ". Называя этимъ именемъ сочиненіе Лихтенштейна, мы не думали сказать, что онъ самъ и „написалъ" его. Ульрихъ, какъ и всѣ добрые рыцари, незнакомъ былъ съ грамотой и диктовалъ свои воспоминанія такъ же, какъ будучи вмѣстѣ и миннезенгеромъ, диктовалъ онъ и свои пѣсни. То были вѣка, когда такое лицо, какъ Карлъ Великій, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ безуспѣшно училось писать—tentabat et scribere, какъ говоритъ Эгингардъ,—и когда величайшій эпическій поэтъ средневѣковой Германіи, Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, былъ, какъ извѣстно, вовсе неграмотенъ. Не смотря на то, Лихтенштейнъ умѣлъ передать намъ свои мемуары съ такою живостію и съ такою неподражаемой наивностію, что нѣтъ никакой возможности заподозрить ни ихъ подлинности, ни ихъ чистосердечія. Мы постараемся какъ можно ближе держаться отличнаго переложенія, сдѣланнаго Тикомъ, и этимъ путемъ познакомить читателя со всѣми характернѣйшими ихъ чертами.

Съ первыхъ же строкъ мы слышимъ страстнаго поклонника прекраснаго пола.

„Хоть меня и мало награждали женщины за мою службу,—такъ начинаетъ Ульрихъ свой „Frauendienst",—все же долженъ сказать я, что въ нихъ все благо и счастіе міра. Богъ не создалъ ничего лучше хорошей женщины, и кто опредѣлилъ бы, гдѣ конецъ свѣта, тотъ развѣ указалъ бы предѣлъ ихъ хвалѣ. Чистая, добрая и прекрасная женщина душою и тѣломъ подобна ангеламъ".

Послѣ такого дифирамба женскимъ прелестямъ, начинается самая исторія.

„Еще мальчикомъ слышалъ я, какъ безпрестанно вокругъ меня говорили о женщинахъ и расточали имъ похвалы, и тогда же рѣшился служить имъ, такъ какъ только ихъ вниманіе можетъ дать человѣку достоинство, отраду и счастіе"...

„Сталъ я распрашивать о дамахъ въ нашей сторонѣ; но никого такъ не превозносили, какъ одну. Она была высокорожденная особа, украшенная всѣми достоинствами, хороша, добра, скромна и чиста. Ей рѣшился служить я и служилъ совершенно по-дѣтски. Я цѣловалъ цвѣты, къ которымъ она прикасалась, и украдкой выпивалъ воду, гдѣ она умывала руки. Я пробылъ при ней пажемъ съ пяти до двѣнадцати лѣтъ".

„Затѣмъ отецъ отдалъ меня къ Генриху, маркграфу Австрійскому, куда я поступилъ оруженосцемъ. То былъ кроткій, великодушный, умный и отважный государь. Ни о комъ не говорилъ онъ дурно и съ каждымъ прилично умѣлъ обойдтись, носилъ Бога въ сердцѣ и былъ вѣренъ въ дружбѣ и любви, а женщинамъ служилъ такъ преданно, какъ только слѣдуетъ рыцарю. Онъ часто говорилъ мнѣ: кто хочетъ жить достойно, долженъ отдать себя женщинѣ. У него выучился я хорошо говорить о дамахъ, ѣздить верхомъ и въ пѣсняхъ слагать сладкія слова".

Вотъ и все воспитаніе Ульриха. Это, впрочемъ, обыкновенное воспитаніе тогдашняго юношества. Семилѣтняго отрока отдаютъ въ чужой знатный домъ, гдѣ онъ совершенно отвыкаетъ отъ родителей, а родители отъ него. Прекращаются всѣ связи съ семьей, и съ первыхъ же дней жизни выростаетъ уже будущій попиратель семейныхъ правъ и семейнаго долга. Какую же цѣну имѣетъ послѣ того нѣкогда ходячее мнѣніе, что общественный строй среднихъ вѣковъ способствовалъ развитію семейной жизни? „Дворы знатныхъ — говорилъ еще Сентъ-Пале, и съ голоса его повторяли многіе — были прекрасными школами для юношества и вмѣстѣ благотворными заведеніями для бѣднаго рыцарства. Здѣсь получало оно прекрасное наглядное воспитаніе посредствомъ живыхъ примѣровъ, бывшихъ постоянно передъ глазами; здѣсь, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, знакомились будущіе супруги, и устанавливалась гармонія связей". Но изъ разказа нашего Лихтенштейна мы уже знаемъ, какіе примѣры были у дѣтей на глазахъ, какими разговорами питалась ихъ любознательность и какого рода связи устанавливались въ зàмкахъ тогдашней знати. Мальчикъ прово-

дилъ время въ „кеменатѣ", по нынѣшнему—въ будуарѣ прекрасной дамы, голова его съ раннихъ поръ наполнялась романическими бреднями, а когда, съ двѣнадцати, четырнадцати лѣтъ, дѣлался оруженосцемъ (écuyer, Knappe), то кромѣ верховой ѣзды, да рыцарской гимнастики, ни чему не выучивался. А примѣры и разговоры все были тѣ же. Только еще ближе и еще вреднѣе дѣйствовали они на юное воображеніе. Дворъ какого-нибудь вельможи обыкновенно наполняла толпа бѣдныхъ служилыхъ рыцарей-дармоѣдовъ, людей, рѣдко отличавшихся хорошими свойствами рыцарства и чаще всего дурными, и юноша-оруженосецъ, завѣдывая, по обычаю времени, то конюшней, то столомъ, то оружіемъ или другими отдѣлами хозяйства, большею частію вращался въ ихъ кругу. И счастливѣе другихъ былъ тотъ, какъ это, повидимому, случилось и съ Лихтенштейномъ, кто, по крайней мѣрѣ, состоялъ при особѣ самого хозяина замка.

„Умеръ отецъ", продолжаетъ далѣе нашъ Ульрихъ свой разказъ, коротко и холодно упоминая объ этомъ событіи, и потомъ нигдѣ уже не поминая ни отца, ни матери, а о женѣ и дѣтяхъ говоря только вскользь, нѣсколько словъ — „умеръ отецъ, и пріѣхавъ домой, я засталъ въ Штиріи много турнировъ, гдѣ молодые оруженосцы упражнялись въ рыцарствѣ, и я сталъ учиться, подобно имъ. Я думалъ, что если мнѣ суждено заслужить милость моей дамы, то это можетъ случиться только посредствомъ рыцарства, и потому учился много и ревностно. Такъ прошли три года. Наконецъ меня сдѣлали рыцаремъ. Это произошло въ Вѣнѣ, гдѣ, по случаю сватьбы дочери Австрійскаго герцога Леопольда, этотъ благородный князь роздалъ рыцарское достоинство двумъ стамъ пятидесяти молодымъ людямъ. Я былъ въ ихъ числѣ. Графы, бароны, служилые рыцари, всѣхъ болѣе тысячи, получили подарки — золотомъ, серебромъ, конями, оружіемъ и платьемъ. Пять тысячъ рыцарей сидѣло за столомъ. Много танцовали, тьостировали и бугурдировали. Было много дамъ. Была и моя, но я не посмѣлъ сказать ей ни слова, и хоть мнѣ было это грустно, но я поступилъ такъ для того, чтобъ избѣжать сплетень. Только одному изъ моихъ друзей сказала она, что рада видѣть меня рыцаремъ. Что еслибъ она позволила мнѣ служить ей? и эта глупая мечта нравилась мнѣ и внушала мнѣ много гордости".

По приблизительному разчету, Ульриху должно было быть въ это время около двадцати лѣтъ, а его дамѣ, по крайней мѣрѣ, тридцать пять. При такомъ отношеніи возрастовъ, увлеченія со стороны юноши бываютъ довольно рѣдки. Но если допустить даже такую возможность,

то нельзя не согласиться, что въ самомъ процессѣ „избранія" себѣ дамы есть уже что-то напускное и искусственное. Почти очевидно, да въ этомъ мы дальше и убѣдимся, что тутъ главную роль играетъ подражаніе общепринятому обычаю или просто — модѣ. Дама была знатна и высоко поставлена, — и этого было довольно, чтобъ именно на нее обратить виды. Но замѣчательнѣе всего то, что мало по малу Лихтенштейнъ до такой степени успѣлъ убѣдить себя самого въ искренности своихъ чувствъ, что сталъ серіозно разыгрывать влюбленнаго и дѣлать разныя сумасбродства. Посмотримъ теперь, какъ принялся онъ преслѣдовать свою цѣль.

„Пришла зима, говоритъ онъ, кончились турниры, и я былъ печаленъ. Моя дама была такъ оберегаема, что не только нельзя было ее видѣть, но даже не было у меня никого, черезъ кого бы можно было передать ей отъ меня слово. Она и не знала, какъ я горю желаніемъ служить ей. Вотъ поѣхалъ я однажды къ моей двоюродной сестрѣ, бывшей замужемъ въ одномъ сосѣднемъ бургѣ. Та угадала мою страсть, обѣщала хранить мою тайну, помогать сколько можно и если можно, но замѣтила, что она слишкомъ знатна для меня и будетъ сердиться, когда узнаетъ о моей смѣлости. Тогда же сложилъ я, въ честь ея, мою первую пѣсню".

„Пять недѣль ѣздилъ я потомъ и высматривалъ женщинъ, наконецъ, заѣхалъ къ сестрѣ. Оказалось, что она уже говорила съ ней. Отвѣтъ былъ не изъ поощрительныхъ. — Онъ порядочный человѣкъ, сказала благородная дама, и былъ у меня пажемъ. Но эту глупость онъ долженъ оставить. Я никогда не приму его услугъ. Это было бы для него слишкомъ много. Да еслибъ онъ даже украшенъ былъ всевозможными доблестями, то ужь одинъ его отвратительный ротъ способенъ изгнать любовь изъ всякаго женскаго сердца. — Я тутъ же отвѣчалъ, что велю себѣ обрѣзать губу".

Герой нашъ, какъ видно, далеко не былъ красавецъ и вдобавокъ на верхней губѣ имѣлъ какой-то наростъ. Но эти природные недостатки не останавливаютъ его искательствъ. Слѣдующей же весной ѣдетъ онъ въ Грацъ, находитъ тамъ какого-то хирурга и мужественно выдерживаетъ операцію, стоившую ему шестинедѣльной болѣзни. „Знакомые крестились отъ изумленія, узнавъ о моей рѣшимости", прибавляетъ онъ наивно.

„Выздоровѣвъ, поѣхалъ я къ сестрѣ и чрезъ нее послалъ моей дамѣ письмо и пѣсню, которую я сложилъ въ честь ея въ Грацѣ. Она отвѣчала, что слѣдующую недѣлю ѣдетъ въ гости и тамъ же-

лаетъ меня увидѣть, чтобы посмотрѣть мой новый ротъ. Я, разумѣется, тотчасъ поѣхалъ; но она была такъ окружена, что я не могъ и подойдти къ ней. На другой день, однако, я видѣлъ ее въ церкви, гдѣ ея капелланъ служилъ обѣдню. Она мнѣ поклонилась, но не сказала ни слова. На слѣдующій день сестра говоритъ мнѣ: — Ты счастливецъ, она позволила тебѣ говорить съ ней сегодня, — она поѣдетъ верхомъ. — Пять разъ подъѣзжалъ я къ ней, чтобы начать разговоръ, но отъ волненія и страха не могъ говорить. Поблѣднѣю, сконфужусь, и языкъ не ворочается. Наконецъ пріѣхали. Стали снимать дамъ съ лошадей. Подхожу я къ ней. — Вы слишкомъ слабы и нездоровы, чтобы снять меня, сказала она смѣясь, — но когда я помогалъ ей сойдти на землю, она выщипнула у меня клочекъ волосъ изъ головы, чего, впрочемъ, никто не видѣлъ. — Это вамъ за то, что вы такой трусъ, — тихо проговорила она, уходя. Только на другой день, когда она опять ѣхала верхомъ, я, больной и убитый, рѣшился сказать ей, сколько ее люблю и какъ желалъ бы быть ея рыцаремъ. — Позвольте мнѣ служить вамъ, никогда въ жизни не пріобрѣту я ничего прекраснѣе вашей милой особы. — Молчите и уѣзжайте прочь, отвѣчала она, — видите, какъ за мной наблюдаютъ. Плохо пришлось бы вамъ, если бы кто услышалъ ваши слова. — И затѣмъ, подозвавши къ себѣ другихъ кавалеровъ, она поѣхала рядомъ съ ними".

Спѣшимъ замѣтить, что мы значительно смягчили послѣднюю сцену, и что въ подлинникѣ она гораздо грубѣе и выразительнѣе. Но даже и въ такомъ видѣ разговоръ, приведенный выше, позволяетъ ясно догадываться, какой характеръ имѣло искательство нашего героя и что̀ разумѣли въ то время подъ именемъ служенія дамѣ. Ульрихъ цѣлые годы добивается случая объясниться съ владычицей своего сердца, и когда, наконецъ, его находитъ, то первыя слова, обращенныя къ ней, суть слова оскорбленія ея женственности и чести. А то обстоятельство, что дама, не питавшая къ нему никакого расположенія, не только не разражается противъ него негодованіемъ, но еще заботится о его безопасности, не доказываетъ ли также, что подобныя объясненія были тогда слишкомъ знакомымъ и привычнымъ явленіемъ даже для аристократокъ самаго высокаго полета?

„Все лѣто я турнировалъ очень удачно, продолжаетъ нашъ авторъ, и мнѣ удалось свалить съ коня очень извѣстнаго рыцаря. Но я не стану себя хвалить. Когда же пришла зима, я сочинилъ книжечку и переслалъ ее черезъ сестру моей дамѣ. Посланному велѣно было сказать ей, что это молитва, которую она должна прочесть ночью. На

другой день она отдала книжечку посланцу, сказавши, что не желаетъ ее удерживать. Но сестра тотчасъ же нашла тамъ отвѣтъ и передала мнѣ. Къ несчастію, моего писца не было дома, и цѣлые десять дней письмо оставалось нечитаннымъ. Наконецъ, онъ явился. Смыслъ отвѣта былъ тотъ, что кто желаетъ, чего не долженъ, тотъ только себѣ вредитъ. Что жь, сказалъ я себѣ, я долженъ съ благодарностію принимать все отъ моей дамы, и пусть только пройдетъ зима, я опять чѣмъ-нибудь стану служить ей".

Все это такія интересныя черты времени, которыя не требуютъ комментаріевъ. Но мы не можемъ не обратить вниманія читателя на то, что въ интригу введено третье лицо, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ грамотѣевъ-жонглёровъ, которые обыкновенно служили довѣренными посредниками между рыцарями и ихъ красавицами, писали для нихъ письма и речитировали передъ дамами, при звукахъ какого-нибудь струннаго инструмента, пѣсни, сложенныя ихъ обожателями. То былъ, конечно, общій обычай, условливавшійся неграмотностію самихъ героевъ. Но тѣмъ не менѣе, вторженіе подобныхъ лицъ, часто сомнительнаго поведенія и продажной честности, въ сферу интимныхъ и сердечныхъ отношеній должно было сообщать имъ еще болѣе грубый и нѣсколько площадной характеръ. Съ другой стороны, читатель, безъ сомнѣнія, замѣтитъ также, какова была грамотность времени, когда сгорающій нетерпѣніемъ любовникъ, въ теченіе десяти дней не можетъ найдти никого, кто бы сумѣлъ прочесть ему письмо обожаемой женщины.

Слѣдуетъ затѣмъ тоже весьма любопытное описаніе Фризахскаго турнира, куда съѣхалось множество князей, бароновъ и служилыхъ рыцарей, всего шестьсотъ человѣкъ подъ щитомъ. Явилось и духовенство, такъ какъ настоящею цѣлью собранія было примиреніе маркграфа Австрійскаго Генриха съ герцогомъ Каринтійскимъ. Посредникомъ явился герцогъ Австрійскій Леопольдъ. При каждомъ изъ князей, разумѣется, громадная свита. Такъ составился великолѣпный турниръ, гдѣ переломали четыре тысячи копьевъ и гдѣ сто пятьдесятъ рыцарей лишились своихъ коней. Прелаты, однако, стали роптать, что они тратятъ здѣсь время на пустяки и проживаются безполезно; поэтому забава продолжалась только три дня, и рыцари, которые всю ночь проводили безъ сна, какъ соколы, ожидая наступающаго утра, чтобы выѣхать въ поле, очень жаловались на такое короткое наслажденіе. А въ чемъ именно состояло это наслажденіе, это лучше всего разкажетъ самъ Лихтенштейнъ, съ величайшими подробностями и съ видимымъ восторгомъ описывающій всѣ турниры, гдѣ ему приходи-

лось участвовать. Разумѣется, что наибольшимъ его сочувствіемъ пользуются тѣ, кто сражался „ради женщинъ“, въ честь своихъ дамъ, тогда какъ турнировавшіе съ тѣмъ, чтобы завладѣть конемъ побѣжденнаго противника, или, взявъ его въ плѣнъ, потребовать выкупъ, въ его глазахъ, какъ и въ общественномъ уваженіи, стоятъ на второмъ планѣ.

„Подъ моимъ щитомъ, разказываетъ онъ съ гордостію, стояло тридцать шесть рыцарей, и всѣ они сражались ради дамъ. Но было много и такихъ, которые искали наживы; другіе дрались просто изъ рыцарской охоты, или для того, чтобъ учиться. Уже лежали многіе безъ чувствъ на землѣ, кто потерялъ коня, кто оружіе, и каждый норовилъ какъ бы свалить своего противника, когда и я показался въ полѣ въ сопровожденіи моихъ двѣнадцати оруженосцевъ. Мы всѣ были въ зеленомъ, и насъ никто не узналъ. Тридцать копьевъ переломилъ я въ тотъ день съ разными рыцарями. Но съ однимъ былъ по истинѣ славный тьостъ. Я далъ коня въ шпоры, и мы слетѣлись, колѣнями задѣли другъ друга, копья наши растрескались въ щепы, наши щиты свернулись. Speere, speere her! Намъ подали новыя копья, и мы опять помчались на встрѣчу, и я сбилъ ему шлемъ съ головы“.

Не забудемъ, что записки свои Лихтенштейнъ писалъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ, и судя по одушевленію и живости, съ какими разказываетъ онъ о своихъ рыцарскихъ похожденіяхъ, можно судить, какъ дороги были для него эти воспоминанія. Видно, что въ этомъ весь интересъ жизни человѣка. Мы продолжаемъ.

„Сестра послала сказать ей, что во Фризахѣ я былъ первымъ и переломалъ сто копьевъ для славы ея имени. И когда она не повѣрила, я снова сталъ ѣздить по турнирамъ, тратилъ мое состояніе и рисковалъ моею жизнію, только бы заслужить ея вниманіе, — и такъ протурнировалъ я все лѣто, какъ слѣдуетъ доброму рыцарю, добивающемуся высокой награды отъ своей дамы“.

„Вотъ и опять зима, а успѣха все никакого. Сестра отказалась отъ посредничества, потому что возникли уже подозрѣнія. Я долженъ былъ искать другаго посланца, но долго не могъ найдти. На весну опять турниры, — въ Тріестѣ, въ Бриксенѣ, въ Боценѣ. Я отличался вездѣ, но въ Мурре мнѣ отшибли палецъ копьемъ. Врачъ дурно пользовалъ, рана сдѣлалась черною, и я сильно страдалъ, но еще больше мучился изъ-за нея“.

„Наконецъ, нашелъ я вѣрнаго оруженосца и послалъ его къ ней. Тотъ сталъ говорить ей: — Ваши милыя прелести для него рай и небес-

ное царство. Изъ-за нихъ отказался бы онъ и отъ Граля, который Парсиваль добылъ такими великими рыцарскими трудами. — А она въ отвѣтъ: — Пусть онъ оставитъ эти глупости. Я буду старуха, а все-таки никогда не узнаю, что они тамъ называютъ тайной любовью. Такого сумасбродства я никогда не сдѣлаю, чтобы принять его услуги и уронить мою честь. — Затѣмъ, прочла мои новыя пѣсни и сказала: — Онъ глупъ. Чего онъ добивается, того и королю было бы слишкомъ много. Еще не родился тотъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ знатенъ и знаменитъ, который оскорбилъ бы меня такими притязаніями".

„Нечего было дѣлать, поѣхалъ я на зиму въ Римъ и пробылъ тамъ два мѣсяца. Когда же весной воротился въ Штирію, то засталъ тамъ много турнировъ и снова надѣлъ шлемъ въ честь моей дамы. Палецъ зажилъ, но остался кривой. Разъ она сказала моему посланцу: — Онъ лжетъ, будто потерялъ палецъ ради меня. — Тогда я попросилъ одного товарища отрубить мнѣ этотъ палецъ, и вмѣстѣ съ прекрасной книжечкой, сочиненной по этому случаю, отослалъ его моей дамѣ. Когда она увидѣла посылку, то сказала: — Такой глупости я еще не предполагала въ немъ. Чтобъ разумный человѣкъ могъ сдѣлать что-нибудь подобное! Мнѣ жаль пальца не изъ любви къ нему, а только потому, что онъ увѣряетъ, будто потерялъ его изъ-за меня. Но это все-таки ни къ чему не ведетъ, и его дѣла оттого не подвинулись ни на волосъ. Еслибъ онъ мнѣ служилъ и тысячу лѣтъ, все-таки его труды были бы потеряны. Но палецъ я сохраню въ моей шкатулкѣ. — Я очень обрадовался узнавъ, что она сберегла мой палецъ. Все-таки она должна теперь обо мнѣ думать".

Вотъ до какого дикаго сумасбродства дошло уже рыцарское служеніе въ лицѣ Лихтенштейна. Провансальскіе трубадуры, какъ извѣстно, виртуозы этого искусства. Они тоже удивили міръ разными куріозами галантерейной практики. Фанатики, подобные Пьеръ-Видалю, одѣвались въ волчьи шкуры въ честь своихъ дамъ и творили тоже подобныя глупости. Но до самоистязанія дѣло тамъ не доходило. Лихтенштейнъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ и достигъ той черты, дальше которой любовная служба не пошла въ своемъ развитіи. Въ уродливомъ порожденіи вѣка онъ дошелъ до послѣдняго предѣла уродливости, и въ этомъ смыслѣ, какъ типъ цѣлаго порядка неизмѣнныхъ явленій, имѣетъ право на мѣсто въ исторіи.

Что касается самого разказа, приведеннаго выше, то не знаешь, чему болѣе удивляться въ немъ — наивности ли, съ какою онъ самъ разказываетъ о своихъ дурачествахъ, или той необыкновенной важ-

ности, какую онъ имъ приписываетъ. И это очень замѣчательная черта, что герой нашъ продѣлываетъ всѣ свои подвиги въ этомъ родѣ съ такою серіозностію и съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ, какъ будто бы совершаетъ великое дѣло жизни. Но еще характеристичнѣе поведеніе его дамы. Мы не знаемъ, кто она: хотя Ульрихъ былъ уже съ ней въ открытой ссорѣ, когда писалъ свои мемуары, но, какъ подобаетъ рыцарю, нигдѣ не упоминаетъ ея имени. Но очевидно, что это какая-то очень разумная женщина. Она отлично понимаетъ и сумасбродство своего поклонника и даже нелѣпость самого обычая любовнаго служенія. Знатная, богатая, почти уже пожилая и замужняя, она, очевидно, слишкомъ цѣнитъ свой семейный долгъ и свое высокое положеніе общественное, чтобы снизойти къ какому-то пошлому волокитству. Лично Лихтенштейна она не только не любитъ, но даже не питаетъ къ нему и простаго расположенія. Она просто смотритъ на него снисходительно, сначала — какъ на ребенка, бывшаго когда-то на ея попеченіи, а потомъ — какъ на потерявшаго голову безумца. И однакожь, не смотря на все это, она съ нимъ кокетничаетъ, дразнитъ его, допускаетъ отъ него тайныя посольства и письма и даже удостоиваетъ ихъ отвѣтами. Ей какъ будто нравится вся эта процедура рыцарскаго ухаживанья, или по крайней мѣрѣ, она не можетъ, не считаетъ себя въ правѣ не допустить того, чего требуетъ повсемѣстный обычай вѣка, — лучшее доказательство, какъ трудно было, при подобномъ порядкѣ вещей и среди такого общества, даже для самыхъ лучшихъ женщинъ сохранить свою нравственную и семейную чистоту. Но дальше это будетъ видно еще яснѣе.

Но, можетъ-быть, намъ скажутъ, что по Лихтенштейну нельзя еще дѣлать общихъ заключеній, что это былъ чудакъ и оригиналъ, какихъ всегда и вездѣ было много, и что несправедливо было бы приписывать цѣлому обществу его личныя странности. Нѣтъ, человѣкъ этотъ пользовался сочувствіемъ огромнаго большинства и составлялъ предметъ удивленія для своихъ современниковъ. Въ томъ-то и вся важность, весь интересъ исторіи Ульриха, что онъ не былъ одиноко стоящимъ явленіемъ и что вѣкъ былъ очевидно на его сторонѣ. Ни изъ чего это такъ ясно не замѣтно, какъ изъ знаменитаго аллегорическаго путешествія, которое онъ вскорѣ предпринялъ по Германіи въ честь своей дамы. Надо читать въ его запискахъ, съ какими симпатіями и почестями повсюду его встрѣчали, чтобъ убѣдиться, что это былъ дѣйствительно герой своего времени. Вотъ его разсказъ.

„Я рѣшилъ слѣдующей весной предпринять рыцарское путешествіе

отъ береговъ Адріатическаго моря до Богеміи въ костюмѣ богини Венеры, съ тѣмъ что каждый рыцарь, который со мною сразится въ честь своей красавицы, получитъ отъ меня золотое кольцо. Послалъ спросить ее, и она нашла, что путешествіе хорошо придумано и можетъ принести мнѣ славу. Тогда, подъ видомъ пилигрима, отправился я тайно въ Венецію, и здѣсь стали мнѣ готовить женскіе наряды: двѣнадцать платьевъ, тридцать рубашекъ и рукавчиковъ, двѣ косы съ жемчугомъ, три бѣлыхъ бархатныхъ плаща, серебряное сѣдло и сбрую. Двѣнадцать оруженосцевъ были одѣты столь же роскошно. Затѣмъ, ко дню св. Георгія, разослалъ я съ герольдами пригласительную грамоту, гдѣ говорилось, что славная царица Венера призываетъ всѣхъ рыцарей Ломбардіи, Фріуля, Каринтіи, Штиріи, Австріи и Богеміи помѣриться съ ней въ честномъ бою. Кто свалитъ ее на земь, тотъ получитъ всѣхъ ея боевыхъ коней, а кого — она, тотъ долженъ поклониться на всѣ четыре стороны въ честь дамъ. Къ грамотѣ приложенъ былъ подробный маршрутъ, гдѣ въ какой день я буду. Все путешествіе должно продолжаться три недѣли, по истеченіи которыхъ — большой турниръ въ Нейенбургѣ. Пустился я въ путь съ блестящимъ церемоніаломъ. Впереди ѣхалъ маршалъ съ поварами и прислугой. Затѣмъ слѣдовало мое знамя и при немъ трубачи. Далѣе вели моихъ боевыхъ коней въ бѣлыхъ чепракахъ и серебряной сбруѣ. Множество оруженосцевъ и конюховъ находились при нихъ. Шли музыканты съ бубнами, ѣхали скрипачи и двѣ нарядныя дѣвушки, одѣтыя въ бѣломъ. Наконецъ, ѣхалъ я самъ въ бѣломъ бархатномъ плащѣ съ двумя черными косами съ перьями и жемчугомъ. За мною — толпа любопытныхъ".

„Первый мой дебютъ былъ въ Тревизѣ, куда съѣхалось до пятидесяти рыцарей. Но мѣстный подеста запретилъ намъ забаву. Я не такъ глупъ, говорилъ онъ, чтобы дозволить нелѣпость. Однако, дамы стали его упрашивать, и въ угоду имъ, онъ разрѣшилъ только два копья. Около двухъ сотъ дамъ явилось у моей гостинницы узнать, когда я пойду въ церковь, чтобы посмотрѣть на меня. Въ церковь вела меня одна графиня, почтительно поддерживая мою мантію. Мнѣ принесли подъ ноги богатый коверъ, и всѣ усердно просили Бога благословить мое предпріятіе. Оттого вѣрно оно и удалось такъ успѣшно, потому что Богъ ни въ чемъ не можетъ отказать хорошей женщинѣ. Когда же кончилась мисса, та же графиня публично поцѣловала меня, сказавши, что это мнѣ привѣтствіе отъ всѣхъ дамъ. Разумѣется, я очень былъ гордъ всѣмъ этимъ вниманіемъ".

„На дорогѣ въ Фельдкирхенъ меня встрѣтила очень красивая дѣвушка верхомъ и въ рыцарскомъ костюмѣ. Баронъ Матіе выслалъ ее мнѣ на встрѣчу съ любезнымъ привѣтствіемъ и приглашеніями. А прибывъ въ городъ, послѣ обычныхъ тьостовъ, я смотрѣлъ изъ гостинницы, какъ въ честь мою рыцари бугурдировали передъ моими окнами“.

„Были и завистники. Такъ, одинъ рыцарь, въ костюмѣ монаха, непремѣнно хотѣлъ свалить меня съ лошади. Но меня предупредили, и я такъ ловко угостилъ его, что онъ безъ чувствъ полетѣлъ на земь. Надъ нимъ много потомъ смѣялись. Это случилось во Фризахѣ“.

„Въ Нейштадтѣ, послѣ турнира отправился я туда, гдѣ была моя милая жена. Она встрѣтила меня очень дружески и радовалась, что я къ ней пріѣхалъ. Съ ней я пробылъ три дня“.

Тутъ только съ изумленіемъ узнаемъ мы, что герой нашъ женатъ. Но изумленіе дѣлается еще большимъ, когда мы видимъ, что рыцарскіе подвиги, предпринятые мужемъ въ честь чужой обожаемой имъ дамы, повидимому нисколько не оскорбляютъ жену. Супруги встрѣчаются дружески какъ ни въ чемъ не бывало, и никакая тѣнь не нарушаетъ ихъ добраго согласія. Въ одномъ мѣстѣ мемуаровъ Ульрихъ говоритъ даже, что онъ очень любилъ жену, хоть и посвятилъ себя служенію другой женщинѣ. И такъ какъ жена тоже находила это служеніе совершенно естественнымъ и обыкновеннымъ, то теперь уже вполнѣ очевидно, что весь этотъ Frauendienst былъ просто какой-то напускной чадъ, установившаяся мода, которой одинаково покорялись мужчины и женщины, мужья и жены, и которая иногда не нарушала даже обыкновенныхъ супружескихъ отношеній. Все же нельзя не видѣть, что бракъ и семейныя обязанности отодвигались ею далеко на задній планъ. Семья была для сибарита-рыцаря слишкомъ мелкая и скучная сфера домашнихъ дрязгъ и житейскихъ хлопотъ, а онъ искалъ болѣе высокихъ и болѣе трудныхъ наслажденій. Какой грубый эгоизмъ лежалъ, послѣ этого, въ основаніи всего рыцарскаго воззрѣнія на жизнь и на женщину въ особенности! Какой-нибудь Лихтенштейнъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ совѣсти тратитъ дѣдовское состояніе и разоряетъ своихъ дѣтей, — потому что вѣдь эти турниры, путешествія и наряды стоили большихъ денегъ, — не подозрѣвая даже, что тутъ есть что-нибудь противное долгу. Пренебреженная жена, обнищавшее семейство, единственно ради личнаго тщеславія и удовлетворенной прихоти — все это, въ его глазахъ, совершенно натуральный порядокъ вещей. Да и какъ ему не убѣдиться въ томъ, когда обще-

ство встрѣчаетъ его съ такими оваціями. И чѣмъ дальше ѣдетъ онъ по Германіи въ своемъ дорогомъ театральномъ костюмѣ, тѣмъ все сильнѣе и больше обнаруживается общее къ нему сочувствіе. Въ Тревизѣ, правда, нашелся одинъ умный Итальянецъ, посмотрѣвшій на всю эту затѣю, какъ на нелѣпость, въ другихъ городахъ кое-кто посмѣивается изподтишка. Но это одинокіе голоса, теряющіеся въ хорѣ общаго удивленія.

Нашъ путешественникъ описываетъ далѣе свои тріумфы.

„Въ Нейштадтѣ, когда я, послѣ турнира, сидѣлъ въ ваннѣ одинъ, вошелъ ко мнѣ въ комнату незнакомый оруженосецъ, разостлалъ передъ ванной коверъ и положилъ на немъ богатый и красивый женскій нарядъ, письмо и золотое кольцо съ рубинами. Напрасно я сердился и говорилъ, что не приму ничего такого. Вмѣсто отвѣта, явились еще два оруженосца съ корзинками свѣжихъ розъ, и усыпавъ меня всего пахучими листьями, молча, ушли. Въ безыменномъ письмѣ были очень лестные для меня стихи“.

„Въ томъ же городѣ славный рыцарь Вольфнеръ фонъ-Горсъ просилъ у меня чести занять должность моего камергера, а благородный Регенсбургскій домфогтъ Готфридъ фонъ-Доценбахъ — маршала, что было для меня чрезвычайно лестно. Знатные люди эти потомъ сопровождали меня всюду“.

„Подъ Вѣной встрѣтилъ меня мой посланецъ, запѣлъ, подъѣзжая, условную пѣсню, и отозвавъ меня въ сторону, сказалъ: Становитесь скорѣй на колѣни. Я повиновался. Ваша дама, продолжалъ онъ, приказала сказать вамъ, что она рада вашимъ успѣхамъ и считаетъ ихъ за великую для себя честь. Она присылаетъ вамъ кольцо, которое десять лѣтъ носила на своемъ пальцѣ. И я съ восторгомъ цѣловалъ этотъ клейнодъ“.

„Въ Вѣну въѣхалъ я въ сопровожденіи восьмидесяти рыцарей и огромной, блестящей свиты. Торжественная встрѣча ожидала меня въ городѣ. Играла музыка, народъ толпился по улицамъ, изъ оконъ вездѣ смотрѣли дамы въ нарядныхъ платьяхъ. Передъ гостинницей, гдѣ я помѣстился, пріѣхавъ, бугурдировало въ тотъ вечеръ множество рыцарей“.

„Я такъ былъ радъ, что она, наконецъ, приняла меня въ свои рыцари, что только и мечталъ о томъ, что бы еще сдѣлать въ угоду ей. Въ Нейенбургѣ турниръ будетъ парадный, пятьдесятъ рыцарей должны сражаться тамъ подъ моимъ щитомъ. Это стóитъ очень дорого, но я мало объ этомъ думаю“.

„Утромъ, на другой день, какъ водится, я отправился къ обѣднѣ. Сто шестьдесятъ рыцарей, пышно разряженныхъ, сопровождали меня и пѣли пѣсни. Громадная толпа валила за нами, когда мы медленно ѣхали по улицамъ, а изъ оконъ вездѣ смотрѣли разодѣтыя дамы. Въ тотъ день я израсходовалъ на турнирѣ тридцать четыре копья".

„Въ Нейенбургѣ за Дунаемъ меня опять ожидали въ полѣ двѣсти шестьдесятъ рыцарей. Я тьостировалъ до вечера и переломалъ опять сорокъ копьевъ".

„Всего, въ теченіе этого путешествія, я переломалъ триста семь копьевъ, роздалъ сто семьдесятъ одно золотое кольцо и свалилъ четырехъ рыцарей. Никогда еще не бывало такихъ знаменитыхъ рыцарскихъ подвиговъ. Широкая слава уже идетъ о нихъ по свѣту, многіе мнѣ завидуютъ. Даже въ будущія времена станутъ говорить о нихъ".

Такъ герой нашъ добился, наконецъ, формальнаго принятія въ рыцари обожаемой дамы. Полученное кольцо было принятымъ въ то время условнымъ знакомъ признаннаго и дозволеннаго служенія. Какъ ни противенъ, повидимому, былъ ей этотъ рыцарь своею личностію, но противъ такихъ жертвъ и подвиговъ, совершенныхъ въ честь ея имени, она устоять не могла. Свѣтъ прокричалъ бы ее безчувственной и несправедливой, еслибъ она отказала ему въ такъ тяжко заслуженной наградѣ. Уступая, такъ-сказать, этому давленію, она „формально" дѣлаетъ его своимъ рыцаремъ. Сердце ея не лежитъ къ нему, но, повинуясь обычаю, она разыгриваетъ даже любовь. Ульрихъ получаетъ всѣ внѣшніе ея знаки, за исключеніемъ того, чего онъ больше всего добивается, то-есть, обладанія своей дамой. Комедія начинается со сцены искусственной ревности. Вскорѣ послѣ Нейенбургскаго турнира получаетъ нашъ Лихтенштейнъ приказаніе отъ своей дамы возвратить ей кольцо, такъ какъ она слышала, будто онъ измѣнилъ ей. При такомъ извѣстіи съ несчастнымъ происходитъ цѣлый припадокъ отчаянія. Онъ рветъ на себѣ волосы, онъ рыдаетъ, какъ дитя, кровь бросается у него изъ носу и изъ горла. Домфогтъ, видя его горе, тоже начинаетъ плакать, а какой-то рыцарь фонъ-Вассербергъ, тутъ случившійся, становится даже на колѣни и благодаритъ Небеса, что они позволили ему хоть разъ въ жизни видѣть такую любовь. Наконецъ, друзья успѣваютъ нѣсколько успокоить Ульриха тѣмъ, что вѣроятно она хотѣла только испытать его. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней оказывается, что это было точно испытаніе. Дама не только на него не сердится, но даже назначаетъ ему свиданіе. Въ

слѣдующее воскресенье онъ долженъ явиться подъ видомъ нищаго къ воротамъ ея замка и ждать тамъ ея приказаній. „Только скажите ему, прибавляла дама, пусть онъ не воображаетъ, что его тутъ ожидаетъ любовь. Я просто хочу дружески просить его, чтобъ онъ меня оставилъ въ покоѣ". Но герой нашъ, повидимому, считаетъ эту оговорку пустою формальностію и загоняетъ нѣсколько лучшихъ своихъ лошадей, чтобъ успѣть къ назначенному времени.

„Со мной, разказываетъ онъ, былъ только мой вѣрный оруженосецъ. Въ воскресенье мы переодѣлись нищими и рано явились передъ воротами бурга, гдѣ уже до тридцати оборванныхъ и голодныхъ калѣкъ ожидали обычнаго подаянія. Мы сѣли между этой сволочью на травѣ и стали ждать. Вотъ нищіе разказываютъ, что госпожа больна, и какъ слышно, сама не выйдетъ, но намъ совѣтуютъ все-таки постучать въ ворота, какъ это всегда дѣлаютъ бѣдные люди. Я постучался и жалобнымъ голосомъ сталъ просить хлѣба. На голосъ мой, вышла горничная дѣвушка, начала раздавать нищимъ пищу и пфениги и, проходя мимо насъ, потихоньку сказала: Приходите поздно вечеромъ, а теперь скройтесь; вы не похожи на того, кто ломаетъ копья въ честь своихъ дамъ. И точно, я былъ неузнаваемъ. Я вымазалъ себѣ лицо, натеръ опухоль на щекѣ, а волосы сдѣлалъ сѣдыми. Теперь это было бы не нужно; я и безъ того сѣдъ, хоть и не такъ еще старъ. Но неблагодарная минна и вѣроломство друзей прежде времени состарили меня. Вечеромъ намъ сказали, что сегодня нельзя и чтобъ мы приходили завтра. Ночь я провелъ во ржи. Былъ страшный холодъ и дождь, и я страшно продрогъ. На другое утро — та же исторія. Намъ велятъ придти вечеромъ, и скрывшись во рву, наблюдать, когда въ окнѣ появится свѣтъ".

Мы не рѣшаемся далѣе передавать до-словно разказъ Лихтенштейна. Въ немъ столько смѣшнаго въ фактѣ и гомерически грубаго въ выраженіяхъ, что буквальная передача дѣлается почти невозможною. Скажемъ только, что очутившись въ „кеменатѣ" своей богини, Ульрихъ засталъ ее окруженною множествомъ придворныхъ дамъ и женской прислуги. Сто свѣтильниковъ горѣло по стѣнамъ. У ногъ ея стояли два великолѣпные канделябра. „Я позволила вамъ сюда явиться, сказала она, чтобы сдѣлать вамъ честь за вашу службу. Вы не должны ожидать ничего болѣе. Вы видите, какъ я васъ принимаю. Мой мужъ и господинъ можетъ быть совершенно покоенъ. Мой собственный долгъ лучшая мнѣ охрана, и я не пожертвую имъ ни для кого". Другихъ рѣчей не могъ онъ отъ нея добиться въ тотъ вечеръ. Я

когда его отчаяніе стало переходить границы, героя нашего хитростію спустили по тѣмъ же самымъ веревкамъ, по которымъ онъ взобрался въ завѣтное окно.

Что̀ значитъ вся эта сцена? Насмѣшка, или шутка? — Не можетъ быть. Женщина не станетъ такъ рисковать собой ради какой-нибудь фантастической прихоти посмѣяться, особенно женщина ея лѣтъ и ея положенія. Очевидно, это — формальное исполненіе одной изъ тѣхъ безнравственныхъ привилегій, изъ которыхъ состояла вся „дамская служба“. Чувствуя себя не въ силахъ, по своимъ убѣжденіямъ, или по направленію своего сердца, предаться своему рыцарю, какъ того требовалъ обычай времени, его дама сочла однакожъ себя обязанною вознаградить его труды и жертвы, исполнивъ, въ отношеніи къ нему, всѣ внѣшнія формы и ступени тогдашней галантеріи. Но много ли было такихъ дамъ, какъ Лихтенштейнова Herrin? Мы слишкомъ хорошо знаемъ, къ сожалѣнію, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣло не ограничивалось одиѣми формальностями. Но, еслибы даже предположить, что̀ противорѣчило бы всякой исторической истинѣ, что отношенія между рыцаремъ и дамой носили обыкновенно только такой обрядный характеръ, сколько щекотливаго для женственности и оскорбительнаго для нравственнаго чувства заключали бы они даже и въ такомъ видѣ?

Дальнѣйшая исторія Лихтенштейна представляетъ уже мало поучительнаго и интереснаго. Это безконечныя варіаціи все одного и того же мотива любовной службы, и новаго мы встрѣчаемъ тутъ очень немного. Мы ограничимся поэтому только немногими чертами, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ уже не такъ подробно распространяется о своихъ послѣдующихъ отношеніяхъ къ дамѣ своего сердца. Ясно только одно, что ей, наконецъ, надоѣло это непрошенное поклоненіе назойливаго сумасброда, и она стала серіозно думать, какъ бы отъ него отдѣлаться разъ на всегда. Такъ, она сначала предложила ему отправиться въ крестовый походъ, обѣщая, въ случаѣ счастливаго возвращенія, свою полную любовь. Къ такому средству часто прибѣгали дамы того времени, чтобъ избавиться отъ слишкомъ докучливыхъ обожателей, и надо читать дошедшія до насъ пѣсни крестоносныхъ рыцарей, чтобы видѣть, съ какой неохотой и грустью шли они за море. Бо̀льшая часть смотрѣла на дѣло, считавшееся святымъ, какъ на тяжкое лишеніе и эпитимію, и только немногіе были проникнуты тѣмъ религіознымъ энтузіазмомъ, какой мы привыкли обыкновенно представлять себѣ при имени Крестовыхъ походовъ. Что̀ ка-

сается Лихтенштейна, то сначала онъ горячо схватился за эту идею. „Богъ не оставитъ и защититъ меня, восклицалъ онъ, воспламенявшись своимъ легкимъ восторгомъ,—вѣдь это Его воля, чтобъ мы всей душей служили и угождали женщинамъ!" Но потомъ сталъ, по своему обыкновенію, шляться по турнирамъ, чтобы высматривать дамъ, посовѣтовался, поговорилъ съ друзьями,—и дѣло о поѣздкѣ за море какъ-то замялось. Тогда, видя неудачу такого манёвра, дама попросила его какъ можно рѣже присылать къ ней гонцевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что возникли подозрѣнія. Но когда и это не помогло, и Ульрихъ все-таки продолжалъ свои домогательства, она вышла, видно, изъ себя, потеряла всякое терпѣніе и сдѣлала съ нимъ что-то такое ужасное, что онъ не рѣшается даже сказать, что́ именно. „Я и теперь еще не могу вспомнить объ этомъ безъ скорби, пишетъ онъ, но приличіе не позволяетъ мнѣ даже назвать такой поступокъ". Хороша, видно, была продѣлка, если и Лихтенштейнъ, нисколько не стѣснявшійся въ выраженіяхъ, отказывается разказать ее. Все это было какъ нельзя болѣе въ нравахъ вѣка. Но средство, на этотъ разъ, должно быть, радикальное, помогло: герой нашъ сталъ писать противъ своей дамы злобные стихи, и наконецъ, отказалъ ей въ своей службѣ. Долго, однако, безъ дѣла оставаться онъ не могъ. Для такого человѣка жизнь была не въ жизнь безъ дамской службы. „Мнѣ скучно стало безъ дамы, пишетъ онъ,—человѣкъ, который не служитъ дамѣ, не имѣетъ никакого достоинства,—я сталъ оглядываться, и наконецъ, нашелъ одну, украшенную многими достоинствами. Я предложилъ ей свои услуги, и она приняла ихъ". На этотъ разъ искатель нашъ былъ, кажется, счастливѣе. „Я умолчу о томъ, что́ она для меня сдѣлала, говоритъ онъ таинственно, скажу только, что вѣчно ей буду признателенъ и никогда не перестану прославлять ея имя". Ради нея предпринялъ онъ даже новое рыцарское путешествіе по Германіи, на этотъ разъ уже въ образѣ короля Артуса, въ сопровожденіи Ланселота, Ивейна, Гавана, Тристана, Парсиваля и всѣхъ рыцарей Круглаго стола; но это, конечно, была уже копія прежняго тріумфальнаго шествія царицы Венеры, хотя встрѣчали его и теперь съ такимъ же энтузіазмомъ.

Неизвѣстно, какъ долго продолжались бы эти похожденія неугомоннаго Ульриха, если бы неожиданныя событія не измѣнили разомъ положенія всего края и не отразились также и на его собственной судьбѣ. Въ 1246 году убитъ былъ герцогъ австрійскій Фридрихъ Бранолюбивый въ сраженіи съ Венграми на Лейтѣ. Съ нимъ кончилось блестящее время миннезенгерства и миннерыцарства въ юго-восточ-

ной Германіи. Утонченная жизнь и придворный обычай, находившіе пріютъ при дворѣ этого роскошнаго государя, упали. Большіе безпорядки въ Австріи и Штиріи возникли послѣ его смерти. Богатые и сильные грабили бѣдныхъ, разбойники залегли по лѣсамъ и недоступнымъ горнымъ вершинамъ, управы не было. День и ночь слышались вопли разоренныхъ крестьянъ; даже въ крѣпкихъ бургахъ не было безопасности, и самъ Лихтенштейнъ сдѣлался жертвою грабежа и разбоя. Два вѣроломныхъ пріятеля напали ночью на его замокъ Фрауенбургъ, расхитили все имущество, двухъ сыновей его взяли въ заложники, а самого его изранили и заковали въ цѣпи. Потомъ онъ кое-какъ выпутался изъ бѣды, благодаря заступничеству императорскаго намѣстника и великодушной помощи своей дамы, но однако потерялъ бо̀льшую часть своего состоянія.

Но не въ одной Австріи происходили такія грустныя перемѣны. Въ другихъ частяхъ Германіи и Европы, почти одновременно, совершился рядъ событій, неблагопріятныхъ для рыцарства и клонившихъ къ упадку его обычаи и учрежденія. Умеръ ландграфъ Тюрингенскій Германъ, Вартбургскій замокъ котораго долгое время для сѣверной Германіи былъ такой же академіей изящнаго вкуса и поэзіи, какою былъ дворъ Фридриха Австрійскаго для южной. Наконецъ, сама Гогенштауфенская фамилія, главная покровительница блестящей рыцарской жизни, сошла съ историческаго поприща. Настали тѣ смутныя и тяжкія времена, когда, въ теченіе цѣлаго поколѣнія, не было въ странѣ ни закона, ни порядка, ни государя, это — такъ-называемая эпоха великаго междуцарствія.

Посреди общаго смятенія и ужаса разомъ замолкли безчисленные голоса пѣвцовъ любви съ ихъ вѣчно праздничными мелодіями. Какъ переполошенныя грозою птицы, разлетѣлась вся эта беззаботная и чужеядная стая миннезенгеровъ, жонглёровъ и мейстерзенгеровъ. Не до пѣсенъ было и не до провансальскаго ухаживанія за дамами, когда жизнь каждаго висѣла на волоскѣ, и никто не могъ поручиться за завтрашній день, когда грозная непогода бушевала надъ краемъ, сметая слѣды празднаго веселья и театральныхъ подвиговъ рыцарства. Нравы быстро грубѣли, и дикая сила снова царила надъ обществомъ. „Берегитесь, милыя дамы, умоляетъ нашъ Ульрихъ въ заключеніе своего „Фрауэндинста“, — мужчины стали уже не тѣ, забыли рыцарскую доблесть и вѣрность и норовятъ только, какъ бы обмануть васъ“. Но дамы не ждали этого совѣта. Полныя унынія и страха, запираются онѣ въ своихъ опустѣвшихъ комнатахъ, замѣнивъ Ланселота молитвен-

[illegible] и роскошныя вырѣзныя платья — полумонашескимъ чернымъ уборомъ.

А изъ Франціи давно уже нѣтъ ни новыхъ модъ, ни новыхъ пѣсенъ и танцевъ, ни новыхъ сладострастныхъ романсовъ. Тамъ тоже не лучше. На самой родинѣ и въ гнѣздилищѣ рыцарской жизни — Провансѣ, со времени Альбигенской войны, лежитъ одно мрачное запустѣніе. Замолкли трубадуры, турниры и празднества, не слышно веселыхъ приговоровъ любовныхъ судилищъ. Только угольи тлѣютъ еще отъ недавнихъ костровъ инквизиціи, да торчатъ обгорѣлыя стѣны разсыпанныхъ замковъ.

Куда ни посмотришь, вездѣ конецъ рыцарству, его славѣ, похожденіямъ и любви. Только Лихтенштейнъ не сдается, и какъ бы на зло всѣмъ невзгодамъ времени, усиливается допѣть еще свою старую пѣсню.

„Прошла зима, — поетъ онъ уже дряхлымъ слабѣющимъ голосомъ, — всѣ тоскуютъ и охаютъ, а я веселъ и счастливъ, потому что завишу не отъ помощи, а отъ милости моей дамы".

„Я оплакалъ смерть моего добраго государя, которому вѣрно служилъ, и всѣ частные люди его оплакали. Но, не смотря на душевную скорбь, я все же пою о моей дамѣ".

„Времена настали тяжелыя, вездѣ рѣзня и грабежъ, моей собственной жизни грозили злодѣи. Но я все пѣлъ мою даму и не замѣчалъ общаго бѣдствія".

Какъ-то странно и грустно звучитъ этотъ одинокій старческій голосъ посреди всеобщаго разгрома эпохи. Это послѣдняя пѣсня умирающаго рыцарства.

VII.

Парсифаль, Тристанъ, Лихтенштейнъ — идеальность, доступная только нѣмногимъ, опоэтизированный матеріализмъ, бывшій удѣломъ большинства, и грубая чувственность, прикрытая лоскомъ благородныхъ формъ, сдѣлавшаяся, наконецъ, достояніемъ всѣхъ — вотъ три ступени, по которымъ рыцарскій культъ средневѣковой женщины нисходилъ постепенно до того дикаго разврата, какой мы видимъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Зародыши этого быстраго паденія лежали какъ въ самомъ принципѣ „дамскаго служенія", такъ и въ его соблазнительныхъ формахъ, и мы старались одинаково разоблачить то и другое. Но мы судили и разбирали эти явленія по нашимъ современнымъ понятіямъ. На наши глаза „дамская служба" представляется

дѣйствительно чѣмъ-то уродливымъ и безобразнымъ: этотъ аристократическій характеръ любви, ея обрядность и формализмъ, ея схоластическая софистика и вялая, скучная поэзія, но что важнѣе всего, ея разрушительное вліяніе на супружескія и семейныя связи — все это не можетъ пользоваться сочувствіемъ нынѣшнихъ поколѣній. Но мы были бы все-таки несправедливы, еслибъ ограничились только однимъ этимъ взглядомъ. Кромѣ такого суда о минувшихъ житейскихъ порядкахъ, есть еще историческое къ нимъ отношеніе. И сравнивая положеніе женщины въ рыцарское время съ тѣмъ, какое она занимала въ обществѣ прежде и послѣ этой эпохи, оне явятся намъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ.

О до-рыцарскихъ вѣкахъ было сказано выше, и читатель знаетъ уже, какое зависимое, подчиненное мѣсто занимала нѣмецкая женщина въ своемъ домашнемъ быту. Въ обществѣ же и вовсе не играла никакой роли, за исключеніемъ развѣ какихъ-нибудь коронованныхъ особъ или владѣтельныхъ принцессъ, пользовавшихся особыми правами. Къ такому же почти положенію возвратилась она, и когда кончилась рыцарская эпоха въ Германіи. Боготворимая «Herrin» рыцарскихъ сердецъ, царица турнировъ и праздниковъ, вдохновительница поэзіи и искусства, опять превратилась въ прозаическую Husfrowe, и рыцарскій вѣкъ прошелъ для нея, какъ сонъ. Въ романской Европѣ онъ оставилъ, конечно, больше слѣдовъ, да и самое рыцарство уцѣлѣло тамъ долѣе, вслѣдствіе особыхъ политическихъ обстоятельствъ тѣхъ земель — вѣковыхъ войнъ между Англичанами и Французами и борьбы христіанской Испаніи съ Маврами, наконецъ потому еще, что рыцарскія учрежденія и обычаи были здѣсь своимъ, природнымъ, а не заимствованнымъ явленіемъ. Но и тамъ даже сохранились въ это позднѣйшее время больше искусственно поддерживаемыя формы, духъ которыхъ давно уже отлетѣлъ. Не то было въ Германіи, гдѣ рыцарство, со всей его обстановкой, было изъ чужи занесеннымъ, пересаженнымъ на мало воспріимчивую почву растеніемъ. Коренныя и болѣе отдаленныя нѣмецкія земли, напримѣръ Скандинавія, съ своимъ обособленнымъ и безпримѣснымъ германизмомъ, вовсе не знали рыцарскаго обычая. Да и въ самой центральной Германіи, даже въ лучшее свое время, а тѣмъ болѣе, въ вѣкъ Лихтенштейна, является оно чѣмъ-то напускнымъ и театральнымъ. Его разыгрываютъ больше, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ живутъ имъ, и рыцарская дама въ Германіи XII столѣтія въ одно и то же время — и раба своего мужа, и властительница чужихъ сердецъ и жизни. Это — сценическое представленіе, закулисная

сфера котораго вовсе не похожа на то, что видятъ издали зрители. Но занавѣсъ падаетъ, мода проходитъ, — и настоящія жизненныя отношенія опять выступаютъ наружу и входятъ въ свои права.

Но неужели весь этотъ рыцарскій праздникъ, продолжавшійся два столѣтія, прошелъ безслѣдно для Германіи и Европы, а чрезъ нихъ, косвенно — и для насъ, и неужели общественное значеніе женщины ничего не выиграло и не вынесло изъ него, кромѣ безплодныхъ воспоминаній? Такое заключеніе было бы по меньшей мѣрѣ односторонне. Мы не будемъ говорить здѣсь обо всѣхъ заслугахъ и благодѣяніяхъ, принесенныхъ рыцарствомъ для европейской культуры, — о чувствѣ личнаго достоинства и чести, объ облагороженіи военнаго дѣла, о болѣе изящныхъ и утонченныхъ формахъ общежитія, завѣщанныхъ намъ этими далекими европейскими предками, — и укажемъ только на одну великую перемѣну, совершенную, или правильнѣе, начатую рыцарствомъ въ положеніи женщины. Она касалась не ея юридическихъ или домашнихъ правъ, а тѣмъ менѣе улучшенія ея нравственнаго состоянія. Все это осталось почти по-прежнему, а моральная сторона стала даже и хуже. Она коснулась того, что есть въ женщинѣ самаго дорогаго и властительнаго, это — присущаго ей эстетическаго элемента.

Никогда еще, со временъ, быть можетъ, Перикловой Греціи, не окружена была женщина такимъ высокимъ обаяніемъ изящнаго, какъ въ вѣкъ рыцарской славы. Все ея воспитаніе, вся обстановка и цѣлый складъ жизни направлены были какъ нельзя болѣе благопріятно къ развитію этихъ преимуществъ ея натуры. Начнемъ съ того, что женщины того времени были вообще гораздо образованнѣе мужчинъ. Многія изъ нихъ были грамотны, а нѣкоторыя даже начитаны въ тогдашней литературѣ. Конечно, литература эта, наполненная волшебствомъ и чудесами, способна была скорѣе развить воображеніе нежели умъ и сердце. Легенды о святыхъ мученикахъ, безконечныя пѣсни любви, эпическія произведенія своихъ и чужихъ поэтовъ, съ ихъ очарованными замками, великанами и драконами, слишкомъ далеки были отъ міра дѣйствительности, чтобы воспитать въ читателѣ сколько-нибудь правильный взглядъ на жизнь. Но именно это преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ и составляло чрезвычайно симпатичную почву для поэзіи тѣмъ болѣе, что средневѣковая сага, по формѣ и смыслу, большею частію, заключала такъ много граціознаго и изящнаго. Беремъ для примѣра преданіе объ Александрѣ, записанное Лампрехтомъ въ его поэтической исторіи Македонскаго героя. Въ одномъ изъ многочисленныхъ странствованій по свѣту случилось однажды

Александру, превратившемуся въ воображеніи средневѣковыхъ поэтовъ въ совершеннаго рыцаря феодальныхъ временъ, подъѣхать, вмѣстѣ съ своими сподвижниками, къ незнакомому лѣсу. Свѣжіе звонкіе голоса, звуки арфъ, хохотъ и пѣсни неслись оттуда хоромъ, на встрѣчу усталымъ путникамъ. И каково было ихъ изумленіе, когда, въѣхавъ въ густую чащу, они увидѣли безчисленный рой прелестнѣйшихъ дѣвушекъ, играющихъ въ прохладѣ душистой зелени. Блаженные дни настали для нашихъ героевъ. Цѣлыхъ три мѣсяца прожили они здѣсь среди беззаботныхъ, веселыхъ юныхъ подругъ, среди ихъ пѣсенъ, танцевъ и ласокъ. Но радостямъ этимъ скоро наступилъ грустный конецъ. Чудныя красавицы лѣса, и рѣчью, и смысломъ, и чувствомъ во всемъ похожія на людей, были, однакожь, существами особаго рода. Когда, послѣ зимняго ненастья, весеннее солнце проникало въ лѣсную чащу и деревья одѣвались листвой, во влажной тѣни ихъ выростало безчисленное множество бѣлыхъ, съ алымъ румянцемъ цвѣтовъ, и когда распускались ихъ круглыя замкнутыя чашечки, то изъ нихъ выходили эти милыя созданья, наполнявшія тотчасъ весь лѣсъ своими пѣснями и весельемъ. Но когда проходило лѣто, блекли цвѣты, падали листья и птицы смолкали надолго, одна за другой умирали также и эти странныя дѣти скоропреходящихъ цвѣтовъ, — умирали до слѣдующей весны. Спутники Александра, дождавшись этого грустнаго времени, съ горемъ уѣхали прочь.

Подобная сказка, разказанная у каминнаго огня, въ долгій осенній вечеръ, какимъ-нибудь заѣзжимъ странствующимъ пѣвцомъ, или прочитанная въ старинной, дорого купленной рукописи, не могла, конечно, обогатить голову никакими полезными свѣдѣніями, но она уносила мысль въ такой удивительный, фантастическій міръ и ласкала воображеніе такими граціозными образами, что трудно усомниться въ ея образовательно-художественномъ вліяніи на воспріимчивую женскую душу.

Монастырское воспитаніе женщины, бывшее въ обычаѣ въ предшествующемъ періодѣ, дѣлается въ рыцарскую эпоху совершенно свѣтскимъ. Если родители не на столько богаты, чтобы дать своей дочери такое воспитаніе дома, то съ раннихъ лѣтъ ее отдаютъ ко двору какого-нибудь знатнаго владѣльца, гдѣ дѣвочка, въ качествѣ подруги, растетъ и учится вмѣстѣ съ его собственными дочерьми и большею частію остается при нихъ до замужества. Всѣ тѣ образовательныя средства, которыми можетъ располагать какая-нибудь принцесса или княжна, дѣлаются такимъ образомъ доступными и для са-

ной бѣдной дворянской дѣвушки. А средства эти всѣ почти направлены къ развитію изящнаго вкуса и усвоенію утонченныхъ придворныхъ обычаевъ. Это — пѣніе, танцы, игра на лютнѣ и арфѣ, благородныя женскія рукодѣлья и уже извѣстный намъ моралитетъ. Умѣлыя въ этихъ искусствахъ гувернантки и придворные рыцари, а нерѣдко и странствующіе пѣвцы и артисты разнаго рода, обыкновенно толпившіеся при богатыхъ дворахъ, были въ нихъ наставницами и наставниками. А большіе пріемы гостей, безпрестанныя празднества, охоты и игры, преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, представляли молодымъ особамъ, воспитывавшимся въ подобныхъ замкахъ, тысячи случаевъ наловчиться практически въ наукѣ свѣтскаго обращенія и изящныхъ манеръ. Самый костюмъ эпохи, слѣдовавшій, какъ и теперь, французскимъ образцамъ и модамъ, чрезвычайно благопріятствовалъ возвышенію природной женской граціи и красоты. Съ XII вѣка, почти вездѣ въ Европѣ безобразная и мѣшковатая туника, по наслѣдію удержанная отъ римскихъ временъ, уступаетъ мѣсто двойному платью: верхнему покороче и нижнему, падающему до самыхъ ногъ. Оба, начиная отъ пояса, плотно обхватываютъ талію, обозначая формы роскошнаго бюста и плечъ, тогда какъ обѣ юбки разсыпаются обильными, волнистыми складками, и нижняя оканчивается шлейфомъ. Красивый поясъ ловко стягиваетъ талію. А поверхъ всего костюма накидывается на плечи длинная широкая мантія, считавшаяся необходимѣйшею принадлежностью всякаго благороднаго туалета. Въ такомъ кокетливо-живописномъ и однакожъ недоступномъ нарядѣ, съ открытыми волосами, въ большихъ кудряхъ падающими на плечи, лаская одной рукой аграфъ своей мантіи, а другой слегка приподнимая длинное переднее платье, медленно и плавно выступаетъ рыцарская дама на встрѣчу своему гостю.

А что же, если еще и природа надѣлила ее всѣми тѣми совершенствами и прелестями, какихъ искало въ женщинѣ германское чувство красоты, если это была стройная, изящно развитая блондинка съ ослѣпительной бѣлизной лица и нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, съ голубыми глазами, окаймленными тонкой линіей темныхъ бровей, съ прямымъ умѣреннымъ носомъ и алыми, горделиво приподнятыми губами, — если ея движенія, взгляды и рѣчи дышали достоинствомъ, привѣтливостію и граціей, — если вокругъ нея вѣяло той нравственной чистотой, искренней, или искусно разыгранной, которою такъ прельщалось воображеніе рыцаря, искавшее труднаго и жаждавшее недоступнаго?

Такъ составился въ воображеніи средневѣковыхъ поэтовъ идеалъ женской красоты и безпредѣльнаго ей поклоненія,—идеалъ, воспѣтый въ безчисленныхъ пѣсняхъ современниковъ и увѣковѣченный, въ наши дни, безсмертными фресками Каульбаха. На картинѣ, изображающей штурмъ взятаго крестоносцами Іерусалима, на переднемъ планѣ, мы видимъ эту знаменитую германскую „Minne", носимую въ носилкахъ на плечахъ мусульманскихъ рабовъ. Молодому рыцарю, идущему подлѣ, она указываетъ на стѣны дымящагося города; другая рука ея покоится въ его рукѣ, между тѣмъ какъ юноша, съ поднятымъ къ небу мечомъ и съ выраженіемъ энтузіазма на загорѣломъ, мужественномъ лицѣ, клянется отдать всю кровь свою за одинъ ея взглядъ. И вѣдь эта идеальная сцена бывала нѣкогда дѣйствительностію и правдой. Рыцарь дѣйствительно отваживалъ свою жизнь ради избранной дамы и на служеніе ей посвящалъ всего себя. Жаль только, что при этомъ попиралась семейная связь и что слѣдуя уродливымъ понятіямъ вѣка, рыцарь не столько подчинялся, при выборѣ, голосу своего сердца, сколько аристократическимъ соображеніямъ знатности и породы.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что ни прежде, ни послѣ, не бывало такого восторженнаго уваженія къ цѣлому полу и что при этихъ условіяхъ женщина впервые почувствовала свою силу и стала постигать ту область, гдѣ ей по праву принадлежитъ владычество— область женственности, изящества и граціи. Въ первый разъ предъ ней ясно открылась тайна того обаянія и власти, какія она можетъ имѣть надъ мужчиной, и она мастерски сумѣла ею воспользоваться. Тѣ времена потомъ прошли и настали иныя, когда никто уже не думалъ приносить ей серіозныхъ жертвъ, и поклоненіе ей ограничилось парадными словами, да эмблемами. Пришла даже еще худшая пора, когда она уже не предсѣдательствовала на празднествахъ и турнирахъ посреди преклоненныхъ предъ нею знаменъ и копьевъ, а робко пряталась отъ свѣта и своего одичавшаго мужа. Но драгоцѣнный секретъ и память о его магическомъ дѣйствіи съ тѣхъ поръ остались при ней, и она имъ воспользовалась въ болѣе счастливое время, чтобъ этимъ путемъ эстетическаго и такъ близко съ нимъ связаннаго моральнаго превосходства уравновѣсить и сгладить общественное неравенство, приготовленное ей природой и завѣщанное исторіей.

М. Петровъ.

ЛЕЙБНИЦЪ.

ЕГО ВѢКЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Глава VI.

Взглядъ Лейбница на религію и старанія его о соединеніи церквей.

Отношенія Лейбница къ религіи. — Религіозныя партіи въ XVII вѣкѣ. — Попытки примиренія. — Джонъ Дори. — Каликстъ и его школа. — *Методисты.* — Боссюетъ. — Спинола. — Моланусъ. — Мнѣніе Лейбница о возможности соединенія католической и протестантской церквей. — Взглядъ его на отношенія разума къ вѣрѣ. — Отношенія Лейбница къ католицизму. — Systema Theologicum. — Ландграфъ Эрнстъ Гессенъ-Рейнфельзскій. — Его политическія и религіозныя убѣжденія. — Католическая пропаганда. — Обращеніе Эрнста въ католицизмъ. — Переписка съ Лейбницемъ. — Пропаганда въ Мобюиссонѣ. — Пелиссонъ. — М-ль де-Скюдери. — Переписка Пелиссона съ Лейбницемъ. — Полемика Боссюета съ Лейбницемъ о Тридентинскомъ соборѣ и объ отношеніи протестантизма къ католицизму. — М. де-Бринонъ. — Антонъ-Ульрихъ Браунштейгъ-Вольфенбюттельскій. — Переписка между Лейбницемъ и Боссюетомъ возобновляется. — Ихъ полемика о каноническихъ книгахъ. — Внучка Антона-Ульриха, Елизавета-Христина, невѣста Карла VI. — Мнѣніе Ганноверскихъ богослововъ и Лейбница о томъ, можетъ ли лютеранская принцесса, выходящая за католическаго государя, съ спокойною совѣстью принять католицизмъ. — Протесты другихъ богослововъ. — Антонъ-Ульрихъ принимаетъ католицизмъ. — Попытки соединенія лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій. — Участіе Лейбница въ переговорахъ и переписка съ Яблонскимъ. — Желаніе Лейбница ввести въ Пруссіи епископальное устройство и соединить англиканскую церковь съ протестантскою. — Значеніе попытокъ къ объединенію христіанскихъ церквей.

Для такой многосторонней и цѣльной личности, какъ Лейбницъ, религія не могла не представлять большаго интереса. Но религіозность Лейбница не имѣла субъективнаго характера. Она не выражалась въ сомнѣніяхъ, въ тяжелой внутренней борьбѣ, въ неотступныхъ размышленіяхъ надъ тѣмъ или другимъ религіознымъ вопросомъ. Съ свойственной ему точностью мысли, Лейбницъ рано выяснилъ себѣ свое

отношеніе къ религіи; у него нѣтъ потребности провѣрить это отношеніе, и онъ никогда не касается, въ интимной бесѣдѣ или въ переискѣ съ друзьями, своихъ личныхъ взглядовъ на религію.

Лейбницъ съ малолѣтства занимался богословіемъ; еще въ школѣ онъ съ увлеченіемъ читалъ сочиненія о самыхъ трудныхъ и неисчерпаемыхъ вопросахъ христіанской догматики; своимъ знакомствомъ съ этой догматикой и съ исторіей христіанской церкви онъ не уступалъ самымъ ученымъ богословамъ своего времени, и при всемъ этомъ въ его натурѣ было очень мало богословскаго. Лейбницъ былъ и въ религіи прежде всего философомъ и политикомъ. Въ немъ не было той неуступчивости и исключительности, съ которыми богословы отстаиваютъ свои догматы и считаютъ ложнымъ всякое другое толкованіе; его снисходительность къ чужимъ мнѣніямъ вполнѣ обнаруживалась и въ религіозныхъ вопросахъ. Его всего болѣе интересовала практическая сторона въ религіи: ея вліяніе на общество, устройство церкви и отношенія церкви къ политической жизни народовъ.

По философіи Лейбница міръ — не что иное, какъ гармоническое взаимодѣйствіе безчисленныхъ индивидуальныхъ силъ, предустановленное Высшею Мудростью и поэтому согласное съ законами разума. Но это представленіе не было для него только теоретическою гипотезой, а живымъ убѣжденіемъ, которое руководило его практическою дѣятельностію и проникало во всѣ его научныя теоріи. Вслѣдствіе этого онъ не могъ принимать исторію человѣчества за хаосъ случайныхъ фактовъ; онъ видѣлъ въ судьбахъ народовъ дѣятельность Провидѣнія, которое вело человѣчество къ извѣстной разумной цѣли. Но признавая такую разумность въ ходѣ всей человѣческой исторіи, онъ особенно долженъ былъ искать ее въ области религіи, въ которой человѣкъ живѣе всего сознаетъ свою связь съ Разумомъ, управляющимъ міромъ, и въ которой яснѣе всего должна отразиться дѣятельность Провидѣнія. Разумность и гармонія, которыя разлиты по всему міру, нигдѣ не могли такъ явно обнаруживаться, какъ въ судьбахъ христіанской церкви, основанной на откровеніи самого Божества. Единство вселенской христіанской церкви, непогрѣшимость ея въ вопросахъ вѣры, убѣжденіе, что она управляется самимъ Провидѣніемъ, были для Лейбница не богословскими догматами, а прямо вытекали изъ его общихъ философскихъ убѣжденій. Но это единство и эта гармонія, казалось, находили себѣ рѣзкое опроверженіе въ томъ, что христіанская церковь раздробилась на четыре исповѣданія, — не считая многихъ сектъ и ересей, — которыя взаимно исключали и даже прокли-

нали другъ друга. Этотъ фактъ не могъ не остановить на себѣ вниманія Лейбница; его необходимо было устранить или по крайней мѣрѣ разъяснить. Лейбницъ подходитъ къ нему съ двухъ сторонъ. Какъ теоретикъ, онъ старается доказать, что не смотря на это различіе и эту вражду исповѣданій, внутреннее единство и гармонія христіанской церкви существують ненарушимо, и въ то же время онъ старается на практикѣ содѣйствовать по возможности устраненію раскола въ христіанствѣ и подготовить примиреніе и сліяніе церквей. Эти стремленія и заботы не покидаютъ его въ теченіе цѣлой жизни, не смотря на всѣ затрудненія и разочарованія и не смотря на то, что онъ самъ ясно сознаетъ невозможность скораго успѣха. Но онъ не падаетъ духомъ и преслѣдуетъ свою цѣль, сообразуясь съ обстоятельствами; онъ начинаетъ свои попытки примиренія еще юношей въ Майнцѣ подъ покровительствомъ католическаго архіепископа и пишетъ о томъ же къ принцессѣ Вельской за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти.

Эти старанія не были мечтами отдѣльнаго человѣка, но находили себѣ дѣйствительную почву въ стремленіяхъ самого времени. Попытки примиренія и сліянія христіанскихъ исповѣданій составляютъ отличительный признакъ XVII вѣка. Тогда какъ прежде религіозный интересъ проявлялся преимущественно только въ развитіи и точномъ опредѣленіи догматовъ и давалъ поводъ къ богословскимъ спорамъ и расколу, въ XVII вѣкѣ во всѣхъ исповѣданіяхъ встрѣчаются люди, которые указываютъ на сущность христіанской религіи, общую всѣмъ исповѣданіямъ, признаютъ нѣкоторое основаніе за убѣжденіями своихъ противниковъ и стараются дать догматамъ своей партіи примирительное истолкованіе, способное привести къ соглашенію враждебныхъ сторонъ.

И до XVII вѣка, даже во время реформаціи, при самомъ разгарѣ религіозныхъ страстей, нерѣдко устраивались съѣзды и диспуты богослововъ, которые имѣли цѣлью положить конецъ религіозной распрѣ. Но эти съѣзды устраивались большею частію правительствами, которыя дѣйствовали изъ политическихъ побужденій; богословы же, избиравшіеся представителями съ обѣихъ сторонъ, вовсе и не думали о примиреніи; они имѣли только въ виду доказать своимъ противникамъ ложность и нечестивость ихъ убѣжденій, старались переманить ихъ съ помощію діалектики на свою сторону, а если это не удавалось, то предавали ихъ анаѳемѣ. Особенною нетерпимостью отличались католики: въ спорахъ съ „еретиками“ они считали преступленіемъ малѣйшее снисхожденіе и имѣли только одну цѣль — обличить своихъ противниковъ въ ереси или возвратить ихъ въ лоно католической

церкви. Между протестантами реформаты отличались обыкновенно большею умѣренностью, но за то лютеранская ортодоксія не уступала католикамъ въ фанатизмѣ и не скупилась на оскорбительныя выраженія, заимствованныя изъ Апокалипсиса, называя папу антихристомъ, а католическую церковь вавилонскою блудницей. Въ XVII вѣкѣ, хотя медленно, начинаетъ пробуждаться сознаніе, что приверженцы всѣхъ христіанскихъ исповѣданій составляютъ одну семью, что схоластическіе споры враждебны духу христіанской религіи и затемняютъ ея сущность. Не одни только правительства, а сами богословы устраиваютъ съѣзды подъ условіемъ, чтобы каждая партія воздерживалась отъ оскорбленій своихъ противниковъ, съ искренностью и ясностью выражала свое мнѣніе и выискивала средства къ соглашенію. Возникаетъ цѣлая богословская школа, которая ставитъ себѣ цѣлью устранить религіозную распрю и возстановить единство христіанской церкви. Появляются люди, проникнутые истиннымъ духомъ христіанства, которые посвящаютъ всю жизнь дѣлу примиренія, и которыхъ можно назвать мучениками этого дѣла [1]).

Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ „апостоловъ мира" былъ шотландскій богословъ Джонъ Дори (Dorie) или Дуреусъ. Онъ былъ сыномъ одного пресвитеріанскаго священника въ Эдинбургѣ, изгнаннаго за фанатизмъ, и родился въ концѣ XVI вѣка. Свою дѣятельность онъ началъ въ польскомъ городѣ Эльбингенѣ, гдѣ онъ былъ пасторомъ въ небольшомъ приходѣ тамошнихъ пуританъ. Городъ Эльбингенъ былъ занятъ Густавомъ-Адольфомъ, и Дуреусъ имѣлъ случай познакомиться съ Оксенштіерной и съ англійскимъ посломъ Ро, которые отнеслись съ искреннимъ участіемъ къ его плану устроить соединеніе всѣхъ протестантскихъ церквей. Ободренный ими Дуреусъ оставилъ свое мѣсто и отправился въ Англію, гдѣ ему удалось пріобрѣсти сочувствіе архіепископа Кентерберійскаго и нѣсколькихъ умѣренныхъ епископовъ. Оттуда онъ поѣхалъ въ Германію, отыскалъ Густава-Адольфа и получилъ обѣщаніе въ покровительствѣ съ его стороны. Смерть Густава-Адольфа не остановила его. Съ неутомимымъ рвеніемъ онъ обращался къ богословамъ и университетамъ Германіи, чтобы расположить ихъ къ дѣлу примиренія. Пражскій миръ, 1635 года, вслѣдствіе котораго Саксонія, стоявшая во главѣ нѣмецкихъ протестантовъ, сблизилась съ Австріей и отстала отъ Шведскаго союза, заставилъ Дуреуса покинуть Германію. Онъ отправился

---

[1]) См. *Hering*—Geschichte der kirchlichen Unionsversuche. Leipz. 1836. 2 voll.

въ Швецію, желая, по крайней мѣрѣ, достигнуть слiянія англійской епископальной церкви съ шведскою, которая также сохранила у себя епископальную іерархію. Нѣсколько лѣтъ провелъ Дуреусъ въ Швеціи въ тщетныхъ стараніяхъ переломить упрямство тамошнихъ епископовъ и Упсальскаго университета, пока наконецъ, не былъ удаленъ оттуда по распоряженію шведскаго правительства. Такія неудачи не разочаровывали Дуреуса. По совѣту Гуго Гроція, онъ отправился въ Данію, гдѣ былъ хорошо принятъ королемъ и духовенствомъ. Но условія, выставленныя ими для соединенія съ реформатами, были неисполнимы для послѣднихъ. Между тѣмъ денежныя средства его истощились, и онъ долженъ былъ принять въ Голландіи мѣсто священника. Черезъ нѣсколько времени англійскій парламентъ пригласилъ его въ члены Вестминстерскаго синода. Политическія смуты въ Англіи заставили Дуреуса на время оставить свои планы, но онъ возобновилъ ихъ при первой возможности. Во время своихъ попытокъ къ примиренію Дуреусу часто приходилось слышать отъ лютеранскихъ богослововъ, что дѣло соглашенія между ними пошло бы успѣшнѣе, если бы у него было дѣйствительное полномочіе со стороны реформатской церкви. Дуреусъ убѣдился, что поэтому прежде всего для него необходимо достигнуть соглашенія между реформатскими церквами, и такъ какъ всѣ реформаты въ Англіи, Голландіи и Германіи признавали авторитетъ швейцарской церкви, то онъ счелъ нужнымъ пріобрѣсти содѣйствіе швейцарскихъ богослововъ. Во главѣ Англіи стояло въ то время пресвитеріанское правительство, которое поэтому смотрѣло благосклонно на попытку Дуреуса. Кромвель снабдилъ его деньгами, а Лондонскій синодъ и докторы Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ полномочіями къ швейцарскимъ богословамъ. Въ 1654 году Дуреусъ отправился въ Швейцарію и объяснилъ тамошнему сейму свои намѣренія. Онъ былъ принятъ съ сочувствіемъ, какъ сеймомъ, такъ и духовенствомъ, и получилъ отъ Большаго совѣта значительную сумму денегъ, а Цюрихскіе богословы уполномочили его дѣйствовать отъ имени швейцарской церкви. Снабженный кромѣ того многими рекомендательными письмами къ реформатскимъ князьямъ Германіи, Дуреусъ отправился туда. Много еще лѣтъ провелъ онъ здѣсь въ неутомимыхъ стараніяхъ и до конца своей жизни не оставлялъ начатаго дѣла. „Дуреусъ не уставалъ, но наши читатели устали бы, говоритъ его біографъ [1]), если бы мы описали здѣсь всѣ путешествія, имъ

---

[1]) Hering. II, 124.

предпринятыя, всѣ переговоры, начатые имъ, всѣ пустыя обѣщанія, которыя ему давали, и всѣ надежды на благопріятный исходъ, которыя то открывались, то снова исчезали. Самые лучшіе друзья, вполнѣ сочувствовавшіе его дѣятельности, сомнѣвались въ успѣхѣ и считали полное соединеніе невозможнымъ. На соединеніе церквей, говорилъ одинъ изъ его друзей, можно надѣяться только какъ на воскресеніе изъ мертвыхъ, которое во власти Всемогущаго Господа".

Во главѣ лютеранскихъ богослововъ, проповѣдывавшихъ терпимость и склонность къ уступкамъ во имя примиренія церквей, стоялъ Гельмштедтскій богословъ Георгъ Каликстъ. Основательныя историческія занятія и путешествія за границей освободили его отъ предразсудковъ, господствовавшихъ относительно иновѣрцевъ, и внушили ему духъ терпимости и умѣренности. Онъ одинъ изъ первыхъ рѣшился высказывать не всѣми признанную истину, что ни реформаты, ни католики не ошибаются на столько въ дѣлахъ вѣры, чтобы нельзя было считать ихъ братьями и соучастниками въ царствіи небесномъ. Каликстъ старался выставить то, что̀ раздѣляло исповѣданія, неважнымъ, а то, что̀ одинаково признавали они — существеннымъ въ христіанствѣ. Каликстъ образовалъ цѣлую школу умѣренныхъ богослововъ, разсадникомъ которыхъ былъ Гельмштедтскій университетъ. Онъ самъ пользовался большимъ уваженіемъ не только у своихъ, но также у реформатовъ даже внѣ предѣловъ Германіи. Когда польскій король Владиславъ созвалъ, въ 1644 году, извѣстный религіозный съѣздъ въ Торнѣ, реформатскій курфирстъ Бранденбургскій, вассалъ польскаго короля, пригласилъ Каликста отправиться въ Торнъ вмѣстѣ съ прусскими богословами, чтобы своимъ личнымъ вліяніемъ поддерживать согласіе между лютеранами и реформатами.

Но число противниковъ Каликста было гораздо больше, чѣмъ число его приверженцевъ. Въ Торнѣ лютеранскіе богословы не хотѣли позволить ему, какъ отступнику, присоединиться къ нимъ. Противъ него была направлена цѣлая литература полемическихъ сочиненій, исполненныхъ самыми рѣзкими упреками и обвиненіями за то, что онъ будто бы распространяетъ равнодушіе и содѣйствуетъ торжеству папства. Во главѣ этого неуступчиваго направленія стоялъ Виттенбергскій университетъ, а между его богословами особенно отличался своею нетерпимостью ученый педантъ Каловъ, о которомъ мы уже упоминали въ первой главѣ. Ярость и бранчивость саксонскихъ богослововъ дошли до того, что въ 1654 году, большинство протестантскихъ государей Германіи обратилось къ курфирсту Іоганну-Георгу I съ просьбой

унять его богослововъ, но этотъ достойный покровитель педантическихъ книжниковъ отвѣтилъ: „dass er dem heiligen Geiste nicht das Maul stopfen könne".

Виттенбергскіе богословы обвиняли Каликста и его приверженцевъ въ „синкретизмѣ". Это слово первоначально не имѣло дурнаго значенія. Плутархъ указываетъ на обычай древнихъ Критянъ, которые прекращаютъ свои постоянныя усобицы, когда приближается общій врагъ, и соединяются противъ него, и этотъ обычай онъ называетъ синкретизмомъ. Еще первые реформаторы — Цвингли и Меланхтонъ употребляютъ это слово въ смыслѣ честнаго соединенія для отраженія вражескаго нападенія. Но въ устахъ саксонскихъ ревнителей вѣры слово синкретизмъ получило дурной оттѣнокъ неискренняго, лицемѣрнаго примиренія, не устраняющаго причинъ будущаго раздора.

Не всѣ протестантскіе государи выказывали такую привязанность къ старымъ предразсудкамъ, какъ Саксонскіе курфирсты. Особенно интересовались примиреніемъ между протестантами и реформатами государи Гессена и Бранденбурга, населеніе которыхъ принадлежало къ обоимъ этимъ исповѣданіямъ. Для нихъ было политическою необходимостью достигнуть, если не слиянія ихъ, то по крайней мѣрѣ взаимной терпимости. Съ этою цѣлью ландграфъ Вильгельмъ VI устроилъ, въ 1661 году, богословскій съѣздъ въ Касселѣ, куда онъ пригласилъ реформатскихъ богослововъ изъ Марбурга и лютеранскихъ изъ Ринтельна. Переговоры происходили подъ предсѣдательствомъ трехъ графскихъ совѣтниковъ и окончились къ обоюдному удовольствію. Самыми спорными вопросами между реформатами и лютеранами были догматы объ евхаристіи и о предопредѣленіи. Въ нихъ достигли почти полнаго соглашенія, а относительно остальныхъ спорныхъ вопросовъ было постановлено, чтобы каждая сторона оставалась при своемъ убѣжденіи, но воздерживалась отъ нападокъ на убѣжденія другой стороны. Въ то же время члены съѣзда выразили желаніе, чтобы сосѣднія церкви и университеты присоединились къ нимъ въ дѣлѣ примиренія.

Миролюбивое настроеніе Кассельскихъ богослововъ вызвало сочувствіе реформатовъ въ Голландіи и Франціи, а Бранденбургскій курфистъ Фридрихъ-Вильгельмъ въ слѣдующемъ году устроилъ такой же богословскій съѣздъ въ Берлинѣ. Въ то же время онъ издалъ указъ, въ которомъ запрещалось лютеранскимъ пасторамъ нападать въ своихъ проповѣдяхъ на Кальвина и его послѣдователей и приписывать имъ,

на основаніи ложныхъ толкованій, нелѣпыя и нечестивыя мнѣнія. Указъ обвинялъ ихъ за то, что они въ своихъ проповѣдяхъ чаще называютъ имена Кальвина и Беза, чтобъ осыпать ихъ бранью, чѣмъ Петра и Павла, чтобъ извлекать изъ ихъ посланій христіанское ученіе. Другимъ указомъ курфирстъ запретилъ всѣмъ прусскимъ студентамъ посѣщать Виттенбергскій университетъ. Эти указы вызвали такое раздраженіе, что переговоры между богословами обоихъ исповѣданій не привели къ желанному результату. Лютеране отвѣчали уклончиво на вопросъ, содержится ли въ символическихъ книгахъ реформатской церкви, принятыхъ въ Пруссіи, какое-нибудь ученіе, за которое вѣрующій долженъ лишиться царства небеснаго, и опущено ли въ нихъ что-нибудь такое, безъ чего нельзя быть спасеннымъ. Одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ Берлинскихъ пасторовъ, духовный поэтъ Павелъ Гергардтъ отвѣтилъ: „Я согласенъ, что между реформатами есть христіане; но чтобы реформаты по своему ученію могли считаться христіанами и слѣдовательно братьями, съ этимъ я не могу согласиться".

Тогда курфирстъ потребовалъ, чтобы пасторы обоихъ исповѣданій письменно обязались не оскорблять въ проповѣдяхъ своихъ противниковъ, не искажать ихъ ученія и вообще воздерживаться отъ богословской полемики. Этотъ указъ вызвалъ большое волненіе. Самые уважаемые изъ пасторовъ отказались дать подписку, и были лишены за это своихъ мѣстъ и изгнаны. Въ сосѣднихъ государствахъ ихъ приняли тогда какъ мучениковъ; въ наше же время можно видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ упрямство и узкій взглядъ на свое призваніе. Но дѣло ихъ представляетъ, кромѣ богословской, еще политическую сторону. Указъ курфирста былъ вмѣшательствомъ въ область совѣсти и ограниченіемъ свободы слова, а въ подобныхъ случаяхъ не всегда бываетъ легко отличить упрямство отъ гражданскаго мужества.

Какъ къ реформатамъ относились лютеране, такъ католики относились къ протестантамъ вообще. Когда дѣло шло о соглашеніи, они съ своей стороны думали только о томъ, чтобы привлечь противниковъ на свою сторону. Въ католической церкви всегда былъ силенъ духъ пропаганды, и въ исторіи этой церкви извѣстенъ цѣлый рядъ ученыхъ богослововъ, получившихъ названіе *методистовъ*, за то, что они придумывали разныя методы для обличенія протестантовъ. Самая любимая изъ этихъ методъ заключалась въ томъ, что не приводя доказательствъ въ пользу своихъ догматовъ, они возлагали на протестантовъ обязанность доказывать ошибочность этихъ догматовъ тек-

стами изъ Священнаго Писанія. Католики требовали, напримѣръ, чтобы протестанты привели мѣсто изъ Священнаго Писанія, гдѣ было бы ясно сказано, что нѣтъ чистилища. Нѣкоторые методисты придавали этому пріему форму процесса, заимствованнаго изъ права. Они приписывали католической церкви право давности и придавали полемикѣ видъ процесса, въ которомъ католики играютъ роль отвѣтчиковъ, а протестанты — роль истцовъ, обязанныхъ доказать несправедливость своихъ противниковъ ясными свидѣтельствами Священнаго Писанія. Іезуитъ Вероній такъ прославился своимъ искусствомъ пользоваться этою методой, что послѣдняя стала извѣстна подъ названіемъ *Вероніенской*. Ученые перекрещенцы, братья Валенбурги, получившіе за свою дѣятельность санъ епископовъ, усовершенствовали эту методу и утверждали, что съ ея помощью всякій грамотный крестьянинъ, способный прочесть Библію, въ состояніи побѣдить самаго ученаго пастора. Протестанты, конечно, считали эту методу нелѣпою, и Конрингъ называлъ ее методическимъ сумасшествіемъ (cum ratione insanire) [1]).

Въ такомъ положеніи находилась богословская полемика, когда вдругъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ католическихъ сановниковъ выступилъ съ новою методой: то былъ Боссюетъ съ своимъ „Изложеніемъ ученія католической церкви въ спорныхъ вопросахъ" (Exposition de la Doctrine de l'Église Catholique sur les matières de controverse). Въ этомъ сочиненіи Боссюетъ избираетъ тотъ путь, который всего вѣрнѣе могъ привести къ примиренію. Нисколько не отступая отъ ученія своей церкви, онъ старается дать всѣмъ католическимъ догматамъ, отвергнутымъ протестантами, такое толкованіе, которое всего ближе подходило бы къ убѣжденіямъ протестантовъ. „Узнайте католицизмъ, говорилъ онъ протестантамъ, и вы увидите, какъ онъ близокъ къ вашему ученію; вы спросите себя съ изумленіемъ, какъ можно было отдѣлиться отъ него, и ваше возвращеніе къ нему устроится само собой". Такъ какъ большинство католическихъ догматовъ, напримѣръ, поклоненіе святымъ, употребленіе иконъ, первенство римскаго епископа и пр., есть только извѣстное развитіе христіанскихъ началъ, признанныхъ протестантами, и при осмысленномъ толкованіи и искусномъ ограниченіи не можетъ быть вполнѣ отвергнуто ими, то такая метода должна была привести къ цѣли. Тамъ, гдѣ соглашеніе было невозможно, блестящее краснорѣчіе Боссюета и искусная діалектика его скрывали противорѣчія, смягчали враждебное, — однимъ словомъ,

---

[1]) См. *Soldan* — Dreissig Jahre des Proselytismus. Leipz. 1845, — очень интересное и дѣльное сочиненіе, какъ все, что̀ вышло изъ-подъ пера этого автора.

оправдывали и идеализировали католицизмъ. Сочиненіе Боссюета произвело самое сильное впечатлѣніе не только между католиками, но и между протестантами. Во Франціи число гугенотовъ, принявшихъ католичество подъ его вліяніемъ, было очень значительно. Между ними былъ маршалъ Тюренъ, многіе пасторы и адвокатъ де-Брюе, который полемизировалъ противъ Боссюета. Правда, это отступничество нельзя было приписать одному только краснорѣчію французскаго епископа: въ это время притѣсненія гугенотовъ превратились въ открытое преслѣдованіе, и драгуны Лувуа помогали тамъ, гдѣ не дѣйствовало краснорѣчіе.

Но многіе католики однако были недовольны методой Боссюета. Они находили, что онъ искажаетъ чистое католическое ученіе и дѣлаетъ слишкомъ много уступокъ еретикамъ. Одинъ изъ римскихъ инквизиторовъ осудилъ сочиненіе его, не дожидаясь приговора папы. Особенно возставали противъ Боссюета іезуиты. Они упрекали его въ томъ же, что̀ Виттенбергскіе богословы ставили въ вину Каликсту. Знаменитый іезуитъ Менбуръ (Maimbourg) говоритъ, намекая на Боссюета: „Извѣстно, что всѣ попытки къ соглашенію и уступки въ религіи, къ которымъ прибѣгали въ такъ-называемыхъ изложеніяхъ вѣры (ces prétendues expositions de foi), опуская или скрывая часть догматовъ, или же излагая ихъ въ двусмысленныхъ и слишкомъ уступчивыхъ выраженіяхъ, не удовлетворяютъ ни еретиковъ, ни католиковъ. Обѣ стороны жалуются, что дѣло ведется не прямыми путями въ такомъ вопросѣ, какъ вѣра, гдѣ надобно быть осторожнымъ и гдѣ нельзя ошибаться въ частностяхъ, не искажая цѣлаго“.

Но другой католическій епископъ этого времени пошелъ еще дальше Боссюета. Способъ послѣдняго, не смотря на свой уступчивый характеръ, заключался въ томъ, чтобы сдѣлать протестантовъ католиками. Приноравливаясь какъ можно болѣе къ понятіямъ протестантовъ, онъ сохранялъ всѣ католическіе догматы и требовалъ, чтобы протестанты приняли цѣликомъ ученіе римской церкви. Такимъ путемъ можно было достигнуть только присоединенія отдѣльныхъ лицъ, которыя почерпнули бы изъ сочиненій католическаго епископа болѣе вѣрное понятіе о его церкви, но никакъ нельзя было ожидать, чтобы цѣлые народы покинули свои обряды и вѣрованія, которыя они привыкли считать истинными. Между католиками нашелся человѣкъ, который счелъ возможнымъ предоставить протестантамъ по крайней мѣрѣ на время ихъ обряды и вѣрованія, съ тѣмъ чтобъ они внѣшнимъ образомъ присоединились къ римской церкви. Этотъ человѣкъ былъ Хри-

стоферъ Спинола, епископъ Тины, а потомъ Нейштадта, о которомъ мы уже говорили въ IV-й главѣ. То, что онъ имѣлъ въ виду, было не что иное, какъ *унія* протестантовъ, въ родѣ той, которая не задолго предъ этимъ возникла въ западной Россіи между католиками и православными. Спинола дѣйствовалъ изъ чистыхъ побужденій и былъ искренно преданъ своему дѣлу. Подобно Дуреусу онъ посвятилъ ему цѣлую жизнь и съ большимъ самопожертвованіемъ и неутомимымъ рвеніемъ преслѣдовалъ свою цѣль, не смотря на постоянныя неудачи. Онъ считалъ примиреніе дѣйствительно возможнымъ и не ставилъ ловушки протестантамъ. При этомъ онъ вносилъ въ переговоры духъ христіанской кротости и терпимости, которыя особенно удивительны въ Испанцѣ. Удрученный мучительною подагрой, которая позволяла ему лежать только на одномъ боку, онъ заставлялъ переносить себя на носилкахъ изъ одного города въ другой. Почти всю жизнь провелъ онъ въ путешествіяхъ, переѣзжая отъ одного двора къ другому и безпрестанно отправляясь въ Римъ, чтобъ успокоивать подозрительность римской куріи. Мы уже говорили о томъ, какъ онъ пріѣзжалъ въ Ганноверъ въ царствованіе Іоганна-Фридриха. Въ 1683 году онъ снова явился туда и былъ также хорошо принятъ его преемникомъ Эрнстомъ-Августомъ. Въ переговорахъ съ протестантами онъ принималъ въ основаніе ученіе католической церкви, какъ оно было изложено у Боссюета. Онъ предлагалъ протестантамъ присоединиться къ римской церкви и обѣщалъ, что имъ позволятъ сохранить всѣ обряды и догматы, а князьямъ ихъ всѣ права надъ церковью, которыя они себѣ присвоили. Онъ говорилъ, что ихъ священникамъ будетъ разрѣшено вступать въ бракъ, даже во второй разъ, а мірянамъ принимать причастіе подъ обоими видами. Одни могутъ называть себя старокатоликами, другіе — новокатоликами, и въ знакъ своего соединенія приверженцы одного исповѣданія могутъ быть допускаемы къ причастію въ церквахъ другаго исповѣданія. Главная уступка заключалась въ томъ, что постановленія Тридентинскаго собора, который довершилъ разрывъ между католиками и протестантами, могутъ быть необязательными для послѣднихъ, а анаѳемы, произнесенныя на этомъ соборѣ противъ отступниковъ отъ ученія римской церкви, считаться отмѣненными впредь до новаго вселенскаго собора. На этотъ соборъ протестанты будутъ призваны не какъ обвиненные, а какъ равноправные члены. Для этого папа сниметъ съ нихъ особенною буллой обвиненіе въ ереси, а они за всѣ эти уступки обяжутся не считать его за антихриста, а за старѣйшаго патріарха въ христіанствѣ, ко-

торому принадлежитъ первенство по званію, а не по управленію церковью, и то не на основаніи Божественнаго, а только человѣческаго и церковнаго права. Все это должно было быть опредѣлено и обезпечено еще до собора особыми конкордатами.

Эти предложенія не были только частнымъ мнѣніемъ Спинолы. Онъ имѣлъ полномочіе вести переговоры отъ императора Леопольда, хотя совершалъ свое путешествіе подъ предлогомъ устройства Остъ-индо-Германскаго торговаго общества. Онъ имѣлъ сильныхъ покровителей въ Римѣ, которые знали обо всемъ. Къ числу ихъ принадлежали кардиналы Чибо, Піо, Спинола (однофамилецъ) и особенно Албрици, папскій нунцій въ Вѣнѣ, нѣсколько ученыхъ богослововъ въ Римѣ, Перецъ, исповѣдникъ папы, генералъ іезуитовъ патеръ де-Нойель (Noyelles) и генералъ Францисканцевъ. Самъ папа Иннокентій XI покровительствовалъ ему и поддерживалъ его собственноручными письмами и апостольскимъ бреве. Въ Римѣ не рѣшились дать Спинолѣ явное полномочіе потому только, что боялись оппозиціи французской партіи между кардиналами, во главѣ которой стоялъ кардиналъ д'Эстре (d'Estrées). Ибо въ это время происходили споры между папой и Людовикомъ XIV за такъ-называемыя привилегіи галликанской церкви, и приверженцы послѣдней находились въ открытой враждѣ съ папой.

Эрнстъ-Августъ назначилъ съ своей стороны Молануса, аббата Локкумскаго и предсѣдателя Ганноверской консисторіи, и придворнаго проповѣдника Биркгаузена, для того чтобы вести переговоры съ Спинолой. Къ нимъ были присоединены двое изъ либеральныхъ богослововъ Гельмштедтскаго университета, Ф. У. Каликстъ, сынъ знаменитаго Каликста, и профессоръ Мейеръ. Душою переговоровъ былъ Моланусъ, который составляетъ замѣчательное исключеніе между лютеранскими богословами XVII вѣка. Онъ былъ ученикомъ Каликста старшаго и не уступалъ своему учителю въ умѣренности и кротости. Но жизнь при такомъ веселомъ и либеральномъ дворѣ, какъ Ганноверскій, придала ему нѣсколько характеръ царедворца, и его либерализмъ въ богословскихъ вопросахъ принималъ иногда даже шутливый оборотъ [1]).

---

[1]) На сколько глубже Лейбницъ понималъ религіозныя явленія, чѣмъ Моланусъ, доказываетъ слѣдующій случай, интересный для насъ тѣмъ, что въ немъ высказывается взглядъ Лейбница на энтузіастовъ и людей, одержимыхъ видѣніями.

Въ Люнебургѣ жила одна г-жа фонъ-Ашбургъ, религіозная энтузіастка, которая посвятила Спасителю одну изъ своихъ дочерей Розамунду, когда та еще

Ганноверскіе богословы сошлись довольно скоро съ Спинолой и подписались вмѣстѣ съ нимъ подъ трактатомъ, въ которомъ онъ излагалъ основанія для примиренія протестантовъ съ католиками. Они выказали даже большую уступчивость, чѣмъ отъ нихъ ожидалъ като-

---

не родилась на свѣтъ. Эта Розамунда, воспитанная въ убѣжденіи, что она посвящена Христу, еще въ дѣтствѣ имѣла видѣнія, будто бы Христосъ является ей во всемъ блескѣ Царства Небеснаго и дѣлаетъ ей различныя откровенія. Въ 1691 году Розамунда, ставъ уже дѣвицей, начала обращать на себя общее вниманіе. Она давала отвѣты на вопросы, предлагаемые ей на всѣхъ языкахъ и въ запечатанныхъ конвертахъ. Она была убѣждена, что отвѣты были ей внушаемы Христомъ. Иногда она бывала не въ состояніи давать отвѣты; тогда она говорила, что Христосъ не всегда ей отвѣчаетъ, а только когда захочетъ. Однажды она была очень печальна и горько плакала, потому что предложенные ей вопросы были неприличнаго содержанія, и она говорила, что Христосъ явился ей очень гнѣвнымъ. Многіе ей вѣрили. Люнебургскій суперъ-интендентъ Петерсенъ, вѣрившій въ тысячелѣтнее царстве Господне, видѣлъ въ пророчествахъ Розамунды доказательство въ пользу своихъ убѣжденій и началъ проповѣдывать, что приближается пришествіе Христа. Онъ былъ за это лишенъ своего мѣста. Строгіе и ортодоксальные богословы считали увѣренія и показанія Розамунды еретическими и нечестивыми; Моланусъ находилъ ихъ смѣшными и подшучивалъ надъ Розамундой. Онъ говорилъ, что выраженія, съ которыми Спаситель будто-бы обращается къ Розамундѣ: моя царица, моя голубка, сколько извѣстно, не употребительны «на канцелярскомъ языкѣ Неба». Въ другой разъ, когда герцогиня просила его сказать свое мнѣніе о Розамундѣ, онъ писалъ Лейбницу: Elle demande nostre sentiment sur l'histoire d'Ebsdorf; ce que j'ai donné sur le champ tout à cette heure en conseillant, qu'on mène, si tost qu'il sera possible, ces jeunes prophétesses aux eaux de Pyrmont pour leur nettoyer leurs entrailles, où se trouveront sans doute des obstructions terribles. Oeuv. de L. ed. Foucher de C. I. p. 187.

Лейбницъ смотрѣлъ совершенно иначе на подобныя явленія. «Есть люди, пишетъ онъ Софьѣ, которые судятъ объ этомъ слегка (cavalièrement) и полагаютъ, что молодую пророчицу нужно отправить въ Пирмонтъ. Что касается до меня, то я убѣжденъ, что все происходитъ очень естественно, и разказъ о запечатанномъ письмѣ доктора Шота, на которое она отвѣтила по внушенію Христа, должно-быть, разукрашенъ. Впрочемъ я удивляюсь свойствамъ человѣческаго духа, силы и способности котораго намъ не всѣ извѣстны. Если мы встрѣчаемъ такихъ людей, мы не должны ихъ бранить или стараться измѣнять ихъ, но желать, чтобы въ нихъ сохранилось это прекрасное настроеніе духа, подобно тому, какъ мы сохраняемъ какую-нибудь рѣдкость или драгоцѣнность». Затѣмъ Лейбницъ объясняетъ признаки, по которымъ можно отличить видѣнія отъ настоящихъ пророчествъ, и говоритъ, что люди съ сильнымъ воображеніемъ могутъ имѣть такія живыя и ясныя видѣнія, что они принимаютъ ихъ за дѣйствительныя явленія. Это часто встрѣчается у молодыхъ женщинъ, воспитанныхъ въ монастыряхъ. Замѣчаютъ также, говоритъ Лейбницъ, что видѣнія находятся въ извѣстномъ отношеніи съ природными свойствами людей; послѣднее бываетъ

ликесній епископъ, и согласились не только признать первенство папы въ званіи предъ остальными епископами, но и предоставить ему судебную власть надъ ними. Обѣ стороны согласились, что сліяніе протестантской церкви съ католическою возможно, съ тѣмъ чтобъ оба исповѣданія сохранили до новаго собора свои особые обряды и догматы. Было рѣшено, что всѣ пункты, въ которыхъ эти исповѣданія расходятся, должны находиться на одномъ положеніи съ спорными вопросами католической догматики, еще не опредѣленными церковью. Моланусъ

даже у настоящихъ пророковъ. Господь примѣняется къ нимъ, чтобы не дѣлать лишнихъ чудесъ. «Мнѣ часто кажется, что Іезекіиль былъ знакомъ съ архитектурой или былъ придворнымъ инженеромъ, потому что у него великолѣпныя видѣнія и ему представляются красивыя зданія. Но пророкъ изъ сельчанъ, какъ Осія или Амосъ, видитъ только ландшафты и сельскіе предметы, тогда какъ Даніилъ, который былъ государственнымъ человѣкомъ, распоряжается всемірными монархіями. Дѣвушку, которую видѣли В. Св., конечно, нельзя сопоставить съ этими пророками; впрочемъ, ей кажется, что она видитъ Христа, потому что у протестантовъ нѣтъ святыхъ. Своею пламенною любовью къ Спасителю, возбужденною проповѣдями и чтеніемъ, она заслужила благодать видѣть образъ или явленіе Христа. Ибо почему не назвать этого благодатью? Она отъ этого счастлива, радуется своему счастію и полна самыми лучшими чувствами. Не нужно думать, чтобы благодать Господня всегда проявлялась чудеснымъ образомъ. Если Онъ пользуется естественными способностями нашего духа и свойствами окружающихъ насъ предметовъ, чтобъ освѣтить нашъ умъ, или исполнить сердце теплотой, то я считаю это благодатью. То множество пророковъ, которыхъ мы встрѣчаемъ у Израильтянъ, очевидно, не представляетъ намъ другаго явленія.... Пророчества этой доброй дѣвушки будутъ неудачны, если она будетъ слишкомъ точно опредѣлять событія и входить въ подробности, и это повредитъ ей въ глазахъ большаго свѣта. Впрочемъ, я признаюсь, что великіе пророки, то-есть, тѣ, которые могутъ предсказывать точныя подробности событій, надѣлены сверхъестественною способностью. Ибо невозможно, чтобы человѣку съ его ограниченностью, какъ бы онъ ни былъ проницателенъ, удалось разрѣшить эти вопросы». Лейбницъ объясняетъ свою мысль о сверхъестественной благодати теоріей предъустановленной гармоніи и продолжаетъ: «Я не люблю трагическихъ событій, и желалъ бы, чтобы всѣмъ на свѣтѣ было хорошо. Я не одобряю также преслѣдованій хиліастовъ, за мнѣніе, которое находитъ себѣ поддержку въ Апокалипсисѣ, и жалѣю, что Петерсена хотятъ лишить мѣста. Аугсбургское исповѣданіе, какъ мнѣ кажется, осуждаетъ только тѣхъ хиліастовъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе. Заблужденіе же тѣхъ, которые спокойно ожидаютъ пришествія Христа, мнѣ кажется очень невиннымъ».

Герцогиня была въ восхищеніи отъ письма Лейбница; она находила въ немъ свои собственные взгляды, только послѣдовательно и философски развитые. «Я съ гордостью всѣмъ показывала ваше письмо, отвѣчаетъ она ему — j'ai fait trophée de votre lettre; всѣ высказанныя вами мнѣнія такъ здравы, такъ свободны отъ предразсудковъ».

издалъ съ своей стороны вмѣстѣ съ Биргаузеномъ сочиненіе, въ которомъ онъ изложилъ свой взглядъ на примиреніе церквей — Methodus reducendae Unionis Ecclesiasticae inter Romanenses et Protestantes. Главнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго успѣха переговоровъ было то, что Спинола не имѣлъ открытаго полномочія отъ папы и католическаго духовенства. Поэтому онъ снова отправился въ Римъ, чтобы выхлопотать себѣ это полномочіе.

Хотя Лейбницъ не принималъ офиціальнаго участія въ описанныхъ переговорахъ, но вслѣдствіе своей близости съ Моланусомъ онъ зналъ обо всемъ, и послѣдній, вѣроятно, даже пользовался его совѣтами. Къ Лейбницу обращались съ запросами нѣкоторые иностранные богословы (напримѣръ, Алберти), до которыхъ дошли слухи о томъ, что̀ происходитъ въ Ганноверѣ, и которые боялись, чтобы протестанты не были обмануты. Лейбницъ долженъ былъ успокоивать ихъ, отчасти скрывая и отчасти защищая дѣйствія Ганноверскихъ богослововъ. Переговорами въ Ганноверѣ были одинаково недовольны какъ ревностные протестанты, такъ и католики; многіе сомнѣвались въ ихъ успѣхѣ. Между послѣдними былъ и католическій ландграфъ Гессенъ-Рейнфельзскій, который писалъ Лейбницу [1]): „Я ничего болѣе не слышу о дѣлѣ епископа Тинскаго. Я чрезвычайно удивленъ тѣмъ, что ему въ Римѣ позволяютъ такъ дѣйствовать. Въ прошломъ столѣтіи тамъ не хотѣли одобрить интерима [2]), хотя послѣдній состоялъ только въ двухъ уступкахъ, на которыя легко можно было согласиться, а именно въ причастіи подъ обоими видами и въ бракѣ священниковъ. Поэтому я прихожу къ убѣжденію, что тѣ лютеране, которые думаютъ, что этотъ епископъ своими предложеніями только ставитъ ловушку протестантамъ, чтобы вселить въ нихъ раздоръ и потомъ привлечь хоть нѣкоторыхъ менѣе дорогою цѣной, не такъ просты. Ибо можно сказать навѣрное, что съ нашей стороны не уступятъ ничего существеннаго" [3]). Въ томъ же смыслѣ выражался пражскій юристъ Блумъ въ своемъ письмѣ къ ландграфу.

Въ этихъ откровенныхъ признаніяхъ многіе протестантскіе исто-

---

[1]) Письмо отъ 11-го ноября 1684 года у *Rommel* — Leibniz und Landgraf Ernst. II, p. 50.

[2]) Такъ называется, какъ извѣстно, предложеніе, сдѣланное Карломъ V протестантамъ, чтобъ ихъ возвратить въ католичество.

[3]) Въ другомъ письмѣ p. 16 онъ пишетъ: Trepidarunt ubi non est timor, tant Jésuites, comme Théologiens Protestants de cette Réunion. Car il n'y a aucune, ny la moindre apparence du monde, que cela puisse réussir.

рики, напримѣръ, Солданъ, находятъ поводъ сомнѣваться въ искренности Спинолы или по крайней мѣрѣ римской куріи, съ вѣдома которой дѣйствовалъ послѣдній. Но хотя не подлежитъ сомнѣнію, что римская церковь въ XVII вѣкѣ никогда бы не согласилась на малѣйшія уступки, нельзя однако не допустить, чтобы небольшое число гуманныхъ католиковъ не было готово цѣною религіозной терпимости и своевременныхъ уступокъ купить подчиненіе протестантскихъ церквей — католической іерархіи. Что касается до Лейбница, то онъ считалъ унію возможной, но сомнѣвался, чтобы можно было скоро достигнуть успѣшнаго окончанія дѣла. Однимъ изъ главныхъ препятствій онъ считалъ неуступчивость и педантизмъ богослововъ. „Хотя я считаю дѣло возможнымъ, писалъ онъ ландграфу Эрнсту [1]), сообразно съ принципами обѣихъ сторонъ, я признаюсь однако, что при теперешнемъ состояніи міра успѣшное окончаніе его мнѣ кажется невѣроятнымъ. Для этого нужно было бы предположить въ массѣ людей и особенно въ богословахъ больше справедливости и разсудительности, чѣмъ отъ нихъ можно ожидать. Самъ епископъ Тинскій не надѣется на скорый успѣхъ. Во всякомъ случаѣ эта попытка принесетъ ту пользу, что почва будетъ подготовлена, и потомство будетъ въ состояніи пожать плоды“. Это убѣжденіе, что всякій долженъ по возможности содѣйствовать примиренію для успокоенія своей совѣсти и что потомство воспользуется плодами, постоянно высказывается Лейбницемъ. Иногда онъ выражается съ большею увѣренностью о возможности примиренія. Въ одномъ письмѣ къ ландграфу Лейбницъ говоритъ, что главное различіе (la plus grande contestation) между католиками и протестантами касается внѣшнихъ формъ (est sur des points de pratique). „Не смотря на это, достовѣрно, что какъ бы ни было велико различіе, примиреніе могло бы состояться по проекту епископа Нейштадтскаго безъ нарушенія принциповъ обѣихъ сторонъ (sauf les principes des deux parties). Мнѣ это кажется неоспоримымъ, и это было признано свѣдущими богословами съ той и съ другой стороны; я впрочемъ не думаю, чтобы намъ пришлось видѣть исполненіе, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ преобладаютъ страсти“.

Всего яснѣе высказывается взглядъ Лейбница на унію въ одномъ письмѣ, написанномъ въ 1691 году, когда онъ самъ началъ разочаровываться въ возможности успѣха. На постоянныя увѣренія ландграфа, что унія не можетъ состояться, Лейбницъ возражаетъ: „Во-

[1]) Rommel. I, 324. № XIII; 1683. 27 Apr.

просъ не въ томъ, возможно ли это дѣло въ настоящее время, и даже не въ томъ, устроится ли оно когда-либо, — все это зависитъ отъ обстоятельствъ, — но въ томъ, возможно ли и желательно ли (licite) оно само по себѣ, то-есть, возможно ли возстановить единство церкви не смотря на разногласіе въ нѣкоторыхъ догматахъ, которые одна сторона считаетъ истинными и опредѣленными церковью, другая же отвергаетъ. Говоря о возможности, я разумѣю возможность въ теоріи (possibilité de droit), не разбирая того, можно ли надѣяться на успѣхъ въ настоящее время и при настоящихъ обстоятельствахъ. Итакъ, дѣло въ томъ, чтобы разсмотрѣть, можетъ ли расколъ быть устраненъ съ помощью слѣдующихъ трехъ средствъ, взятыхъ вмѣстѣ: 1) дозволенія протестантамъ нѣсколькихъ отступленій въ обрядной части (points de discipline), напримѣръ, причащенія подъ обоими видами, брака священнослужителей, богослуженія на родномъ языкѣ; 2) объясненія по поводу нѣкоторыхъ разногласій, въ родѣ тѣхъ, которыя предложилъ Боссюэтъ (эти объясненія показали, по крайней мѣрѣ по сознанію многихъ свѣдущихъ и умѣренныхъ протестантовъ, что католическіе догматы, взятые въ этомъ смыслѣ, кажутся имъ хотя не вполнѣ истинными, но и не предосудительными); 3) устраненія нѣкоторыхъ возмутительныхъ обычаевъ и практическихъ злоупотребленій (quelques scandales et abus de pratique), противъ которыхъ возстаютъ протестанты и которыхъ сама церковь не одобряетъ. Послѣ этого одни могли бы причащаться у другихъ, по обрядамъ той церкви, въ которую они ходятъ, съ условіемъ, чтобы церковная іерархія, а слѣдовательно, и зависимость отъ папы были возстановлены. Разногласія въ вопросахъ, которые остались бы неразрѣшенными, также мало служили бы препятствіемъ, какъ споры схоластическихъ философовъ о благодати или разногласіе между Римомъ и Франціей по поводу четырехъ пунктовъ, выставленныхъ галликанскою церковью: все это, конечно, подъ условіемъ подчиненія тому, что церковь когда-нибудь постановитъ на новомъ вселенскомъ соборѣ, правильно составленномъ, на которомъ протестантскіе народы, вполнѣ примиренные, были бы представлены, наравнѣ съ католическими, своими священниками и суперъ-интендентами, признанными въ качествѣ епископовъ и утвержденными папою.... Я поэтому совершенно согласенъ съ вашею свѣтлостью и даже повторю ваши собственныя слова: no, no, non me lo posso mai persuadere, то-есть, я не думаю, чтобы можно было надѣяться на унію и считать ее возможною при настоящихъ обстоятельствахъ. Но я покорнѣйше прошу вашу свѣтлость разсмотрѣть

дѣло въ теоріи съ обыкновенною вашею проницательностью, и сказать, не была ли бы унія возможна, и даже необходима, если бы въ людяхъ было извѣстное расположеніе къ ней. Уже и этотъ фактъ довольно важенъ, чтобъ его вполнѣ выяснить". Большинство католическихъ богослововъ, и во главѣ ихъ Боссюетъ, допускали только одинъ способъ примиренія — такъ-называемое изложеніе или снисходительное толкованіе католическихъ догматовъ. Болѣе умѣренные считали возможнымъ первый способъ, то-есть, дозволеніе протестантамъ нѣкоторыхъ отступленій, а немногіе изъ самыхъ либеральныхъ католиковъ соглашались на реформы въ своей церкви. Лейбницъ, какъ мы видѣли, совѣтуетъ примѣнить всѣ три способа [1]. Хотя онъ считалъ реформы въ католичествѣ самымъ лучшимъ средствомъ для возстановленія церковнаго единства [2], онъ придавалъ однако большее значеніе также и объясненію догматовъ. Успѣхъ Боссюета его воодушевлялъ, и ему казалось чрезвычайно желательнымъ убѣдить протестантовъ въ томъ, что если католическіе догматы несправедливы, то по крайней мѣрѣ терпимы. Съ другой стороны онъ хотѣлъ доказать богословамъ обѣихъ сторонъ, что достигнуть соглашенія будетъ не трудно, если они оставятъ полемику и напротивъ постараются вникнуть въ ученіе своихъ противниковъ. Онъ поэтому возвратился къ своему давнишнему намѣренію, которое онъ имѣлъ еще въ Майнцѣ и о которомъ онъ такъ много говорилъ покойному герцогу Іоганну-Фридриху, — написать изложеніе католическихъ догматовъ. Онъ имѣлъ въ виду написать его такъ, чтобы нельзя было догадаться, къ какому исповѣданію принадлежитъ авторъ, а потомъ, въ случаѣ одобренія папой, чтобъ оно могло послужить точкой отправленія для соглашенія протестантовъ съ католиками. Лейбницъ тщательно скрывалъ это намѣреніе и говорилъ объ немъ только самымъ близкимъ друзьямъ. Въ 1684 году онъ пишетъ объ этомъ ландграфу: „Я собираюсь написать сочиненіе о нѣкоторыхъ спорныхъ догматахъ между католиками и протестантами, и если оно будетъ одобрено свѣдущими и умѣренными людьми, я буду счастливъ. Но необходимо, чтобъ отнюдь не знали, что авторъ не принадлежитъ къ римской церкви. Одно это пред-

[1]) Онъ подробно изложилъ свой взглядъ въ особенномъ трактатѣ: Sur les Méthodes de la Réunion, напечатанномъ у Фуше-де-Кареля, во II томѣ.

[2]) Il est constant que l'Esprit du Christianisme doit porter à la douceur, et que les vrayes voyes pour gagner les Protestants auraient été et le seront encore la réforme des abus domestiques. Rommel. II, p. 59.

убѣжденіе (cette seule prévention) дѣлаетъ подозрительными самыя лучшія намѣренія".

Въ другомъ письмѣ къ ландграфу Лейбницъ говоритъ, что будь „онъ католикомъ, онъ не оставилъ бы римской церкви, если бы только ему позволяли высказывать съ умѣренностью его мнѣніе о томъ что онъ желалъ бы подвергнуть измѣненію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ и другіе, которые держатся такого же взгляда, были обязаны вступить въ католичество. Ибо отъ нихъ потребовали бы тогда прямаго одобренія всего, что имъ не нравится, или по крайней мѣрѣ отвергали бы ихъ толкованіе спорныхъ вопросовъ. И даже, если бы имъ позволили вступить въ католическую церковь, ихъ всегда подозрѣвали бы и гораздо скорѣе стали бы преслѣдовать за ихъ жалобы, чѣмъ тѣхъ, которые родились католиками. Поэтому для нихъ было бы всего вѣрнѣе ясно высказать свой взглядъ на спорные вопросы. Но для того, чтобъ ихъ толкованіе спорныхъ догматовъ было скорѣе принято католиками, можно бы прибѣгнуть къ *невинной уловкѣ* (une adresse innocente), то-есть, написать какое-нибудь сочиненіе объ этомъ, не обнаруживая, что авторъ его принадлежитъ къ другому исповѣданію" [1]).

На этотъ разъ Лейбницъ дѣйствительно исполнилъ свое намѣреніе и написалъ предполагаемое сочиненіе. Оно содержитъ полное изложеніе христіанской вѣры съ католической точки зрѣнія и доказываетъ, что самые непонятные догматы христіанскіе, какъ ученіе о Троицѣ, объ Евхаристія и пр., заключаютъ въ себѣ таинства, но не противорѣчатъ разуму, и что съ другой стороны обряды и вѣрованія католической церкви полезны какъ средства, возбуждающія благоговѣніе. Но Лейбницъ не издалъ своего сочиненія и даже не подвергнулъ его окончательной обработкѣ, потому что оно не было одобрено герцогомъ Ганноверскимъ. Эрнстъ-Августъ очень сочувствовалъ уніи изъ политическихъ видовъ. Онъ хотѣлъ обязать императора Леопольда и надѣялся при возстановленіи церковнаго единства скорѣе достигнуть своей цѣли, курфиршескаго сана, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ не встрѣтилъ бы оппозиціи въ католическихъ князьяхъ. Какъ политикъ, онъ смотрѣлъ довольно равнодушно на различіе догматовъ и не любилъ богословскихъ споровъ. Онъ говорилъ, напримѣръ, что Самъ Господь не хотѣлъ, чтобы составилось опредѣленное и исключительное мнѣніе о мистическомъ смыслѣ Евхаристіи; иначе Онъ Самъ выразился бы объ этомъ точнѣе и опредѣленнѣе. При такомъ настрое-

---

[1]) Rommel II, p. 36.

кій, герцогъ желалъ какъ можно скорѣе возстановить хоть внѣшнее единство церкви и мало заботился о томъ, будетъ ли достигнуто соглашеніе относительно догматовъ. Ему казалось, что всѣ совѣщанія и споры богослововъ о догматахъ только отсрочатъ соединеніе церквей.

Лейбницъ не могъ разсчитывать на успѣхъ своего плана безъ покровительства герцога. Въ 1686 году онъ пишетъ ему: „Это не моя вина, если я не принадлежу къ той сторонѣ, которая права. Больше всего меня отталкивали отъ мнѣній римской церкви затрудненія, которыя представляетъ догматъ объ Евхаристіи (я теперь не говорю объ обрядовой части) и философскія убѣжденія мои, связанныя съ ученіемъ о благодати. Я всегда старался и идти въ этомъ отношеніи къ результату, который бы меня удовлетворялъ, и я почти достигнулъ этого. Но такъ какъ эти вопросы требуютъ тщательныхъ размышленій о самыхъ трудныхъ отдѣлахъ метафизики, то очень легко впасть въ заблужденіе, если не сумѣешь придать своимъ умозаключеніямъ такую строгую послѣдовательность, какъ въ ариѳметической задачѣ, а вотъ это-то мнѣ и мѣшало остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи. Арно, который вполнѣ свѣдущъ въ новѣйшей философіи, и какъ кажется, картезіанецъ, никогда не рѣшался коснуться этого вопроса, или объяснить почти непобѣдимыя затрудненія, представляемыя пресуществленіемъ; можетъ-быть, онъ боялся, что его объясненіе будетъ осуждено, какъ скоро появится въ свѣтъ. Поэтому я считаю слѣдующій способъ самымъ вѣрнымъ, чтобы въ этихъ вопросахъ не впасть въ заблужденіе. Пусть какой-нибудь философски-образованный человѣкъ, расположенный къ соединенію церквей, напишетъ „изложеніе вѣры“, которое было бы нѣсколько подробнѣе, чѣмъ книга епископа Кондомскаго (Боссюэтъ). Въ этомъ сочиненіи онъ долженъ стараться высказываться какъ можно точнѣе и искреннѣе о спорныхъ вопросахъ, избѣгать двусмысленныхъ выраженій и схоластическихъ уловокъ и говорить самымъ простымъ языкомъ. Это изложеніе онъ могъ бы подвергнуть на судъ нѣкоторыхъ ученыхъ епископовъ изъ умѣренныхъ, скрывая какъ свое имя, такъ и свое вѣроисповѣданіе. Для того, чтобы расположить ихъ къ болѣе благосклонному приговору, онъ могъ бы подкрѣпить свое изложеніе авторитетомъ нѣкоторыхъ ученыхъ людей католической церкви. Но при этомъ онъ бы не спрашивалъ своихъ судей, раздѣляютъ ли они его убѣжденія, а только, думаютъ ли они, что такія мнѣнія терпимы въ католической церкви. Никто не могъ бы такъ легко выхлопотать подобное одобреніе, какъ ваша свѣтлость. Для того, чтобы составить изложеніе вполнѣ цѣлесообразное,

слѣдовало бы прійдти въ соглашеніе съ вашею свѣтлостью. Во всякомъ случаѣ, состоится ли это или нѣтъ, но тотъ, кто сдѣлаетъ все зависящее отъ него, чтобы не быть въ расколѣ, тотъ дѣйствительно членъ вселенской церкви, по крайней мѣрѣ in foro interno (внутренно), по удачному выраженію вашей свѣтлости. Я думаю, что было бы достаточно одобренія епископовъ, и что одобреніе самого Рима не очень нужно. Но можетъ-быть, и оно достижимо, если сумѣть его выхлопотать, и я знаю, что въ Римѣ есть люди, которые были бы готовы содѣйствовать этому. Но безъ особенныхъ стараній, конечно, нельзя ожидать ничего подобнаго".

Герцогу предложеніе Лейбница не понравилось. Ему хотѣлось избѣгнуть пространныхъ догматическихъ разсужденій. Въ другомъ письмѣ Лейбницъ пишетъ ему: „Изъ письма вашей свѣтлости, въ которомъ вы возражаете противъ того, что я сказалъ о пресуществленіи, я убѣдился, какъ трудно удовлетворить самыхъ справедливыхъ и просвѣщенныхъ людей, если не раздѣляешь въ точности ихъ мнѣній. Очень часто благія намѣренія не осуществлялись отъ того, что благомыслящіе люди, имѣвшіе одну и ту же цѣль, впадали въ противорѣчіе и не соглашались на счетъ средствъ, которыя нужно было употребить, хотя бы эти средства были дѣйствительно хороши и послѣдовательны. Вотъ это именно и случилось въ дѣлѣ о церковномъ примиреніи. Ваша свѣтлость стараетесь достигнуть его на основаніи древности и авторитета видимой церкви; при этомъ вы не одобряете подробнаго разбирательства спорныхъ вопросовъ и упрекаете меня въ томъ, что я удаляюсь отъ настоящаго пути. Что до меня касается, я могу сказать, что занимался древностью и что безконечно уважаю преданіе въ католической церкви. Не смотря на это, я считалъ важнымъ,—конечно, не для всякаго, а для тѣхъ, которые къ этому способны,—тщательное обсужденіе спорныхъ вопросовъ, чтобы не дѣлать себѣ потомъ упрековъ и быть въ состояніи дѣйствовать со всевозможною искренностью и точностью, безъ лицемѣрія и обмана".

Сочиненіе Лейбница, которому онъ даже не далъ заглавія, имѣло оригинальную судьбу. Рукопись его оставалась около 100 лѣтъ не замѣченною въ его бумагахъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія на нее обратилъ вниманіе библіотекарь Муръ, и она сдѣлалась извѣстна французскому ученому, аббату Эмери. По его настоянію она была истребована въ 1810 году, во время занятія Ганновера Французами, дядею Наполеона, кардиналомъ Фешемъ. Оригиналъ остался у кардинала, былъ отвезенъ въ Римъ и возвращенъ Ганноверской би-

бліотекѣ только по смерти кардинала въ 1843 году, послѣ долгихъ переговоровъ, благодаря стараніямъ библіотекаря Перца. Между тѣмъ въ 1819 году сочиненіе Лейбница было издано въ Парижѣ подъ заглавіемъ «Systema Theologicum», и вслѣдъ за тѣмъ появилось еще нѣсколько изданій его во Франціи и Германіи [1]). Оно было встрѣчено католиками съ большимъ энтузіазмомъ: они видѣли въ немъ религіозную исповѣдь Лейбница и на основаніи его утверждали, что онъ былъ тайнымъ католикомъ. Протестанты были въ большомъ затрудненіи, а вопросъ, какого исповѣданія собственно придерживался Лейбницъ, вызвалъ цѣлую полемическую литературу. Только тщательныя изслѣдованія бумагъ Лейбница въ сороковыхъ годахъ, по поводу его юбилея, возстановили все дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Гротефендъ, сличая изданіе Лакруа съ рукописью, нашелъ въ этомъ изданіи нѣсколько важныхъ намѣренныхъ или невольныхъ ошибокъ. Оказалось, напримѣръ, что одно мѣсто, въ которомъ видѣли осужденіе протестантизма, неправильно прочитано; въ другомъ мѣстѣ было пропущено одно слово, которое показываетъ точку зрѣнія автора. Лейбницъ говоритъ: „Не напрасны были протесты *нашихъ*" (nec vero irritae sunt protestationes nostrorum); потомъ онъ вычеркнулъ слово *нашихъ*, такъ какъ иначе можно было бы догадаться, что авторъ былъ протестантъ. Хотя Лакруа привелъ въ текстѣ всѣ поправки, сдѣланныя Лейбницемъ, онъ однако не упомянулъ объ этой. Совершенно ясно стало дѣло, когда въ 1847 году была издана переписка между ландграфомъ и Лейбницемъ, въ которой послѣдній говоритъ совершенно откровенно о своемъ намѣреніи, и называетъ его, между прочимъ, какъ мы видѣли, невинной уловкой — une adresse innocente.

Эти споры о значеніи такъ-называемой „Богословской системы" Лейбница наводятъ насъ на вопросъ о его религіозныхъ убѣжденіяхъ,— вопросъ, который былъ столько разъ обсуждаемъ въ литературѣ и который вызвалъ такія различныя сужденія. Здѣсь намъ представляются собственно два вопроса: вопервыхъ, какъ относился Лейбницъ къ религіи вообще, и вовторыхъ, какому вѣроисповѣданію онъ болѣе всего сочувствовалъ.

Ганноверскіе пасторы еще при жизни Лейбница обвиняли его въ безвѣріи, такъ какъ онъ не ходилъ въ церковь. Послѣ его смерти это мнѣніе еще болѣе распространилось, когда виртембергскій богословъ

[1]) Первое изданіе полно ошибокъ. Болѣе правильно изданіе Lacroix 1845 г., который свѣрилъ его съ рукописью. Въ Германіи «Systema» было издано нѣсколько разъ, съ переводомъ: Leibnitzens System der Theologie übers. v. Räss u. Weis mit einer Vorrede v. Doller. 3 Aufl. 1825. Mainz.

Пфафъ напечаталъ письмо Лейбница къ нему, изъ котораго можно было заключить, что онъ „только ради шутки и своего удовольствія защищалъ религію отъ возраженій скептика Бейля, и что онъ собственно раздѣлялъ его убѣжденія“. Намъ еще придется говорить объ отзывѣ этого богослова и о письмѣ Лейбница по поводу его Теодицеи. Съ тѣхъ поръ многіе сомнѣвались въ религіозности и искренности Лейбница. Одною изъ основныхъ идей Лейбница было убѣжденіе въ гармоническомъ отношеніи (conformité) вѣры и разума, религіи и философіи. Бо́льшая часть его сочиненій и его переписки посвящена доказательству этого положенія, которое даетъ намъ ключъ къ выясненію его философской системы и его практической жизни. Лейбницъ признаетъ Откровеніе, но разумъ не противорѣчитъ ему, ибо кромѣ прямаго Откровенія въ Священномъ Писаніи Богъ открываетъ человѣчеству религіозныя истины посредствомъ разума.

Признавая Откровеніе, Лейбницъ допускалъ всѣ догматы христіанской религіи, основанные на немъ. „Я могу васъ увѣрить, пишетъ онъ ландграфу Эрнсту, что философскія сомнѣнія, о которыхъ я говорилъ въ моемъ прошломъ письмѣ, не содержатъ ничего, что̀ бы противорѣчило мистеріямъ христіанства, то-есть, Троицѣ, воплощенію, Евхаристіи и воскресенію изъ мертвыхъ. Я считаю ихъ возможными, и такъ какъ Господь ихъ открылъ, то я признаю ихъ дѣйствительными“.

Эти слова могутъ служить исповѣдью Лейбница; то, что̀ здѣсь сказано, онъ проводитъ во всѣхъ своихъ богословскихъ и философскихъ сочиненіяхъ. Онъ считалъ возможными таинственные догматы христіанства, потому что они не противорѣчили разуму. По опредѣленію Лейбница, разумъ есть логическое сцѣпленіе истинъ; истины же бываютъ двоякаго рода — *вѣчныя* или метафизическія, и фактическія.

Истины перваго рода положительно необходимы, такъ что противоположное имъ совершенно невозможно; сюда принадлежатъ истины логическія и математическія, напримѣръ, что сумма угловъ въ трехугольникѣ равняется двумъ прямымъ. Утверждать противное было бы нелѣпостью, такъ какъ сумма угловъ въ трехугольникѣ никогда не можетъ сдѣлаться больше или меньше двухъ прямыхъ. Истины втораго рода, это или законы, которые Богъ далъ природѣ, или же положенія, зависящія отъ этихъ законовъ, такъ напримѣръ, положеніе, что всѣ люди смертны. Эти истины мы узнаемъ или по опыту (a posteriori), или же съ помощью разума (a priori), усматривая цѣлесообразность, которая побудила Творца постановить эти законы. Цѣлесообраз-

ность ихъ имѣетъ также свои правила и законы, но они существуютъ не по математической необходимости, а вслѣдствіе свободнаго выбора Господа, который предпочитаетъ лучшее и болѣе цѣлесообразное тому, что менѣе цѣлесообразно.

Все, что противорѣчитъ истинамъ и законамъ перваго рода, должно быть отвергнуто; но то, что только противорѣчитъ законамъ втораго рода, можетъ быть предметомъ религіозной вѣры, если эта вѣра имѣетъ за себя достаточно поводовъ (motifs de crédibilité). Такіе факты, которые противорѣчатъ законамъ, извлеченнымъ нами изъ опыта, но которые составляютъ предметъ нашей вѣры, называются чудесами. Откровеніе есть чудо и повѣствуетъ намъ о другихъ чудесахъ.

Въ этихъ чудесахъ, для того чтобы мы могли принять ихъ на вѣру, не должно быть логическаго противорѣчія, и точно также въ нихъ не должно заключаться противорѣчіе несомнѣннымъ математическимъ законамъ. Но они могутъ не согласоваться съ законами, извлеченными изъ опыта. Ибо Господь можетъ освободить свои творенія отъ законовъ, которые онъ вложилъ въ нихъ, и произвести въ нихъ то, что не слѣдуетъ изъ ихъ природы. Ибо обыкновенные поводы цѣлесообразности, ради которыхъ Богъ установилъ эти законы, могутъ уступать еще болѣе сильнымъ поводамъ высшей цѣлесообразности [1]). Есть много чудесъ, которыя намъ только кажутся сверхъестественными, потому что мы ихъ не умѣемъ объяснить, но которыя могутъ совершиться самымъ естественнымъ путемъ. Да и тѣ чудеса, для которыхъ было необходимо отступленіе отъ обыкновенныхъ законовъ природы, можетъ-быть, только для насъ, то-есть, относительно, составляютъ чудеса. Ибо они могли входить въ первоначальный планъ мірозданія и такимъ образомъ не нарушать его естественнаго хода. Въ этомъ отношеніи Лейбницъ прибѣгаетъ къ средству, которымъ пользовались средневѣковые богословы для того, чтобы примирить вѣру съ разумомъ. Онъ вмѣстѣ съ ними различаетъ то, что противно разуму (wider die Vernunft), и то, что выше разума (über die Vernunft). Догматы вѣры могутъ быть выше разума, то-есть, необъяснимы для насъ, но не должны противорѣчить нашему разуму, то-есть, логическимъ и математическимъ законамъ, которые мы познаемъ разумомъ.

Лейбницъ не только допускаетъ, но и требуетъ примѣненія разума къ объясненію предметовъ вѣры. Знаменитое изрѣченіе Тертулліана:

---

[1]) Les raisons générales du bien et de l'ordre, qui l'y ont porté, peuvent être vaincu dans quelques cas par des raisons plus grandes d'un ordre supérieur. Discours de la Conform. въ изд. сочин. Лейбн. Эрдманомъ p. 480.

„Умеръ Сынъ Божій — это достойно вѣры, ибо оно несообразно (credibile est, quia ineptum est); и погребенный Онъ воскресъ: это вѣрно, ибо невозможно (certum est, quia impossibile est)“ — Лейбницъ считаетъ только „остроумнымъ оборотомъ мысли“. Онъ же, напротивъ, того мнѣнія, „что отказываться отъ разума въ дѣлахъ вѣры почти вѣрный признакъ или упрямства, приближающагося къ фанатизму, или же, что̀ хуже, ханжества [1]). Но въ то же время онъ далекъ отъ поверхностнаго *раціонализма*, который сталъ господствовать въ XVIII вѣкѣ, и начала котораго многіе, напримѣръ, Куно Фишеръ, отыскиваютъ въ философіи Лейбница. Этотъ раціонализмъ дошелъ до нелѣпости своимъ желаніемъ устранить изъ религіи все сверхъестественное и прибѣгалъ постоянно къ самымъ смѣшнымъ натяжкамъ, чтобы объяснить чудеса естественнымъ путемъ. Лейбницъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые смѣшиваютъ богословіе съ философіей, и говоритъ, что нужно строго различать между словами: понимать и объяснять, доказывать и утверждать [2]).

Есть чудеса, которыя Богъ совершилъ посредствомъ людей или ангеловъ, безъ нарушенія законовъ природы: но другія чудеса, напримѣръ, сотвореніе міра, воплощеніе и прочія дѣйствія Бога, превосходятъ всѣ силы твореній (des créatures) и составляютъ настоящія чудеса или таинства. Эти таинства или мистеріи могутъ быть объясняемы, на сколько это нужно для вѣры, но ихъ нельзя понять или сдѣлать понятными. Подобно тому и въ физикѣ можно объяснить до извѣстной степени нѣкоторыя свойства тѣлъ (напримѣръ, законы притяженія), но причины ихъ остаются для насъ непонятными. Точно также нельзя доказать таинства съ помощью разума, ибо все, что̀ можетъ быть доказано a priori, доступно пониманію. Цельзъ, говоритъ Лейбницъ, возразилъ христіанамъ, что если они прячутся за свое обыкновенное выраженіе: „не изслѣдуйте, а вѣрьте“, то они по крайней мѣрѣ должны объяснить, что̀ же это такое, во что̀ я долженъ вѣровать. Въ этомъ отношеніи онъ правъ. Но не слѣдуетъ требовать для объясненія совершенно ясныхъ опредѣленій (adaequate Begriffe). Достаточно аналогическаго пониманія такихъ мистерій, какъ Троица и

[1]) Vouloir renoncer à la raison en matière de Religion est auprès de moi une marque presque certaine ou d'un entestement approchant de l'enthousiasme, ou, qui pis est, d'une hypocrisie. Переп. съ ландгр. Эрнстомъ № 29 1684 s. dato. Rommel. II, p. 54.

[2]) Ils confondant: expliquer, comprendre, prouver, soutenir. Disc. de la conf. etc. p. 481 Изд. Erdm.

воплощеніе, для того чтобы мы, говоря о нихъ, не произносили безсмысленныхъ для насъ словъ, но не нужно, чтобы наше объясненіе равнялось полному пониманію. Достаточно, если мы отвѣтимъ на вопросъ: *что такое?* (τί ἐστι); отвѣтить же на вопросъ: *какъ* (πῶς) мы не въ состояніи. Лейбницъ говоритъ очень хорошо, что къ обыкновеннымъ объясненіямъ этихъ мистерій можно примѣнить слова, которыя королева Христина приказала вычеканить на медали въ память отреченія отъ престола: Non mi bisogna, e non mi basta. (Мнѣ это не нужно, и мнѣ этого не достаточно). Точно также не нужно доказывать эти таинства a priori; достаточно знать, что это такъ, и не нужно знать, *почему;* ибо Господь предоставилъ это знаніе себѣ одному и потому, какъ говоритъ Іосифъ Скалигеръ:

Nescire velle, quae Magister optimus
Docere non vult, erudita inscitia est [1]).

Поэтому намъ остается только принять таинства, основываясь на доказательствахъ въ пользу истины религіи (motifs de crédibilité), и защищать ихъ отъ возраженій. Лейбницъ въ этомъ случаѣ не допускаетъ неопровержимыхъ возраженій (des objections invincibles). По его мнѣнію, посредственный умъ, способный ко вниманію, въ состояніи, съ помощью правилъ обыкновенной логики, опровергнуть самое затруднительное возраженіе противъ истины, если это возраженіе заимствовано изъ разума [2]). Если же мы не въ состояніи опровергнуть возраженій противъ извѣстнаго догмата, то мы не имѣемъ права принимать его; ибо то, что̀ можетъ быть вполнѣ опровергнуто, непремѣнно ложно, и потому абсолютныя возраженія должны считаться не только равносильными, но болѣе убѣдительными, чѣмъ доказательства въ пользу истины религіи, такъ какъ достовѣрность послѣднихъ не абсолютная, а нравственная [3]). Конечно, эти возраженія не дол-

---

[1]) Не желать узнать того, что̀ лучшій учитель не хочетъ открыть, есть ученое невѣдѣніе. См. Boekh. p. 497.

[2]) Un génie médiocre capable d'assez d'attention et se servant exactement des règles de la logique vulgaire est en état de répondre à l'objection la plus embarrassante contre la vérité, lorsque l'objection n'est prise que de la raison. Disc. p. 487.

[3]) Согласно съ тѣмъ, что Лейбницъ признаетъ два рода истинъ: абсолютныя, то-есть, логическія и математическія, и вторыхъ, фактическія, онъ различаетъ также двоякую достовѣрность (Gewissheit): абсолютную или метафизическую, которая вызывается истинами перваго рода, и нравственную — certitude morale.

жны основываться на вѣроятности. Всякій знаетъ, что таинства религіи имѣютъ противъ себя вѣроятность, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія разсудка. Но достаточно, чтобы въ нихъ не было ничего несообразнаго, а для того, чтобъ опровергнуть ихъ, были бы необходимы математически ясныя доказательства (démonstrations).

Лейбницъ допускалъ разумъ не только при провѣркѣ предмета вѣры (l'objet de la foi), то-есть, религіозныхъ догматовъ, для того чтобы въ нихъ не заключалось ничего безсмысленнаго или никакого противорѣчія; но онъ требовалъ такой же разумной провѣрки поводовъ къ вѣрѣ (les motifs de la crédibilité). Я совершенно согласенъ, говоритъ онъ въ своемъ „Новомъ Опытѣ", въ томъ, что вѣра должна быть основана на разумѣ, иначе не было бы причины предпочитать Библію Корану или древнимъ книгамъ браминовъ. Поэтому здравомыслящіе люди всегда смотрѣли съ подозрѣніемъ на тѣхъ, которые увѣряли, что не слѣдуетъ заботиться о доказательствахъ, когда дѣло идетъ о вѣрѣ; но отвергать доказательство невозможно, если *вѣрить* не должно значить *повторять* (réciter) [1]). Въ этомъ случаѣ у насъ не было бы столькихъ прекрасныхъ сочиненій въ пользу истины христіанской религіи и столькихъ убѣдительныхъ доказательствъ, выставленныхъ противъ язычниковъ и противъ древнихъ и современныхъ атеистовъ (mécreants).

Но здѣсь мы встрѣчаемъ у Лейбница интересную непослѣдовательность, ту же самую, которую мы замѣчаемъ у реформаторовъ, особенно у Лютера. Это одно изъ тѣхъ явленій, которыя постоянно встрѣчаются въ исторіи человѣчества; съ точки зрѣнія обыкновенной логики ихъ можно назвать непослѣдовательностью, но такая непослѣдовательность бываетъ часто великою исторической необходимостью.

Требуя разумной провѣрки доказательствъ въ пользу религіозныхъ догматовъ, Лейбницъ не допускалъ такой же провѣрки для главнаго источника вѣры,— для Священнаго Писанія; другими словами, онъ не допускалъ критики Священнаго Писанія. Для него, какъ и для Лютера, Библія есть святыня, до которой нужно касаться осторожно. Не смотря на свою многостороннюю ученость, онъ не интересуется экзегетикой, то-есть, объясненіемъ Библіи, и говоритъ только о буквальномъ и метафизическомъ пониманіи текстовъ. Онъ допускаетъ послѣднее въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ Священное Писаніе припи-

[1]) Nouveaux Essais. p. 402. Изд. Эрдм.

сываетъ Богу гнѣвъ и другія человѣческія страсти, гдѣ встрѣчаются антропоморфическія представленія, гдѣ упоминается, напримѣръ, о рукахъ Божіихъ. Не допускать въ этихъ случаяхъ метафизическаго объясненія, говоритъ Лейбницъ, значило бы впадать въ крайности нѣкоторыхъ англійскихъ фанатиковъ, которые полагаютъ, что Иродъ былъ дѣйствительно превращенъ въ лисицу въ ту минуту, когда Христосъ, говоря про него, назвалъ его лисицей. Но за то, по мнѣнію Лейбница, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается основныхъ догматовъ христіанства, нужно придерживаться буквальнаго толкованія. Объ исторической же критикѣ у Лейбница нѣтъ помина. Онъ относится даже враждебно къ попыткамъ этого рода. Говоря о книгѣ епископа Бёрнета, въ которой тотъ старался объяснить потопъ естественнымъ путемъ, Лейбницъ хвалитъ его намѣреніе, „потому что въ это время нужно особенно стараться зажимать ротъ тѣмъ, которые позволяютъ себѣ подвергать критикѣ Св. Писаніе“ [1]). Правда, во время Лейбница эта критика была довольно безсмысленна и исходила отъ людей пристрастныхъ и враждебно расположенныхъ къ изслѣдуемому предмету. Во всемъ этомъ Лейбницъ стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія реформаторовъ. Онъ поставилъ себѣ, какъ говоритъ Бёкъ, опредѣленную грань: „до сихъ поръ и не дальше“ [2]).

Итакъ, опредѣляя отношенія Лейбница къ религіи и къ богословію, мы должны прійдти къ слѣдующему заключенію. Онъ не смѣшиваетъ богословіе съ философіей, какъ въ средніе вѣка. Источникомъ перваго онъ считаетъ Откровеніе, источникомъ философіи — разумъ. Матеріалъ богословія уже данъ, и Лейбницъ беретъ его готовымъ изъ рукъ богослововъ. Онъ не анализируетъ, не критикуетъ его, онъ не старается доказать его истину, его тождество съ результатами философіи; онъ хочетъ только доказать, что въ немъ нѣтъ противорѣчія разуму. Въ богословіи (in theologia revelata), пишетъ Лейбницъ герцогу Іоганну-Фридриху, я берусь доказать, правда, не истину (veritatem), ибо та проистекаетъ изъ Откровенія, но возможность мистерій, противъ нареканій невѣрныхъ и атеистовъ. Вслѣдствіе этого онъ защищаетъ безъ различія римско-католическіе и протестантскіе дог-

---

[1]) Il y a beaucoup d'esprit et son dessein est très bon et très louable, parcequ' en ce temps cy il faut surtout tacher de fermer la bouche à ceux, qui se donnent la liberté de critiquer sur la Sainte Écriture. Переп. съ ландгр. Эрн. Rommel II p. 41.

[2]) A. Boekh — Leibnitz in seinem Verhältniss zur positiven Theologie въ Raumer's *Historisches Taschenbuch*. 1844 г.

маты. Онъ предпочитаетъ Аугсбургское толкованіе таинства причащенія [1]), но въ то же время всею силою своей логики и силлогистики старается доказать возможность и разумность католическаго догмата причащенія. Онъ торжествуетъ, когда ему кажется, что его философія даетъ лучшее средство для того, чтобы объяснить этотъ догматъ, чѣмъ картезіанизмъ, съ точки зрѣнія котораго католическое толкованіе заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе, слѣдовательно, безсмыслицу. Онъ гордится этимъ и постоянно выставляетъ на видъ преимущество своей философіи. Въ этомъ не нужно видѣть тщеславіе діалектика, который хочетъ выказать свое искусство, не заботясь о сущности дѣла, или хитрость политика, который желаетъ вызвать сочувствіе обѣихъ сторонъ. Напротивъ, это — взглядъ мудреца, который уважаетъ чужія убѣжденія, особенно въ религіозныхъ вопросахъ, и болѣе старается найдти въ нихъ разумную сторону, чѣмъ подвергать ихъ насмѣшкамъ. Наконецъ, этотъ взглядъ находится въ связи съ стремленіемъ Лейбница примирить христіанскія вѣроисповѣданія и разсматривать ихъ какъ лучи одного свѣта, который различно преломляется, смотря по средѣ, чрезъ которую проходитъ.

Вотъ съ какой точки зрѣнія нужно разсматривать обвиненія, подобныя тому, которое выставилъ противъ Лейбница виртембергскій богословъ Пфафъ: „Я совершенно увѣренъ и убѣжденъ въ томъ, что Лейбницъ защищалъ въ своей Теодицеѣ различные догматы нашей религіи, надъ которыми онъ въ другихъ случаяхъ смѣялся и которые отвергалъ свысока. Всѣ, которымъ удалось близко познакомиться съ нимъ, знаютъ убѣжденія этого царедворца и философа и его взглядъ на религію“ [2]). Пфафъ былъ оскорбленъ письмомъ Лейбница и объясненіемъ его друзей, что послѣдній въ этомъ письмѣ подшутилъ надъ нимъ. Подъ вліяніемъ этого настроенія строгій богословъ могъ преувеличить дѣло. Но и помимо этого отзыва Пфафа можно предположить, что Лейбницъ считаетъ ненужными и необязательными для себя многіе догматы, возможность которыхъ въ данномъ случаѣ онъ былъ готовъ

---

[1]) Quant à moi, пишетъ онъ Пелиссону (puisque vous en demandez mon sentiment, Monsieur) je me tiens à la confession d'Augsbourg, qui met une présence réelle du corps de Jésus Christ et reconnoit quelque chose de mysterieux dans ce sacrement. Cela paroit plus conforme au texte et aux sentimens de l'antiquité, et on doit sauver le sens naturel des paroles, s'il est possible Oeuv. de L. ed. Foucher de C. I p. 156.

[2]) Placita, quae risit alias et naso adunco suspendit, e. g., dogma de praesentia reali. Norunt mentem viri aulici et philosophi ipsiusque circa religionem sententias, quibus virum penitus nosse contigit. Приведено въ статьѣ Бёма p. 492.

защищать. Такъ, напримѣръ, не могъ же онъ въ одно и то же время допускать и лютеранское и католическое толкованіе таинства Евхаристіи, хотя онъ защищалъ и то и другое. Вообще, какъ мы говорили, Лейбницъ былъ не богословъ и принималъ богословскій матеріалъ, какъ его находилъ. Принимая въ цѣломъ христіанскую религію, онъ не считаетъ нужнымъ въ частностяхъ излагать свой субъективный взглядъ на тотъ или другой догматъ. Онъ часто приводитъ изъ исторіи догматовъ, что сама церковь допускала различныя толкованія. Въ этихъ случаяхъ онъ предпочитаетъ болѣе снисходительное и гуманное толкованіе. Часто онъ прибѣгаетъ къ невѣдѣнію. Такъ, напримѣръ, въ своемъ спорѣ съ Бейлемъ Лейбницъ принимаетъ ученіе о сотвореніи Адама и Евы и о грѣхопаденіи такъ, какъ оно разказано въ Библіи, защищаетъ его съ своей философской точки зрѣнія и заключаетъ словами: „Впрочемъ, мы не знаемъ достаточно ни свойства заповѣднаго плода, ни самого дѣйствія, ни послѣдствій его, чтобы судить о частностяхъ этого дѣла; необходимо только отдать Богу справедливость и не думать, чтобъ это было то, что̀ намъ изображаютъ живописцы“.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были личныя убѣжденія Лейбница относительно того или другаго догмата, за нимъ нужно признать настоящую религіозность. Когда умеръ Бейль, Лейбницъ выразилъ надежду, что онъ теперь „окруженъ истиннымъ свѣтомъ, котораго мы здѣсь лишены, такъ какъ можно предположить, что у него не было недостатка въ доброй волѣ“. Эти слова, за которыя люди ограниченные готовы были назвать его атеистомъ, напротивъ, проникнуты глубокою религіозностью и бросаютъ полный свѣтъ на его убѣжденія. Они доказываютъ, что по его мнѣнію, въ религіи всего важнѣе доброе и неотступное желаніе достигнуть истины. Относительно же другихъ Лейбницъ не только выказывалъ пассивную терпимость, но, какъ хорошо выразился о немъ Бёкъ, онъ старался привести каждаго къ истинѣ по тому пути, на которомъ его находилъ.

Это послѣднее свойство Лейбница объясняетъ намъ его отношенія къ вѣроисповѣданіямъ. Признавая Откровеніе, Лейбницъ совершенно послѣдовательно признаетъ существованіе вселенской церкви, въ которой сохраняется и продолжаетъ жить это Откровеніе. Онъ въ этомъ отношеніи совершенно раздѣляетъ взглядъ реформаторовъ. Послѣдніе вовсе не желали произвести расколъ въ церкви, они хотѣли только очистить ее отъ злоупотребленій и заблужденій съ помощью вселенскаго собора, и даже когда ихъ требованія были отвергнуты

Римомъ, они продолжали считать себя вмѣстѣ съ католиками членами одной вселенской церкви. Только когда Тридентинскій соборъ выяснилъ злоупотребленія, противъ которыхъ возставали протестанты, у нихъ стало преобладать чувство ненависти къ Риму и убѣжденіе, что никакая сдѣлка съ нимъ невозможна.

Лейбницъ, принимая вмѣстѣ съ реформаторами ученіе христіанской церкви первыхъ вѣковъ, не могъ допустить, чтобъ она вдругъ лишилась Откровенія и уклонилась отъ истиннаго пути, и вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ совершенно послѣдовательно прійдти къ признанію папства. Не слѣдуетъ забывать, что въ его время для европейскаго запада восточная церковь какъ бы не существовала. Въ Азіи она казалась совершенно погибшею подъ владычествомъ Турокъ, а о Россіи на западѣ почти не думали. Восточная церковь поэтому не входила въ разчеты Лейбница, и онъ не могъ смотрѣть на папство какъ на отпаденіе отъ вселенской церкви. Но кромѣ того папство само по себѣ имѣло для него много симпатичнаго. Къ религіознымъ убѣжденіямъ тутъ примѣшивались политическія. Ему нравилось средневѣковое представленіе о папѣ и императорѣ, стоящихъ во главѣ христіанскихъ народовъ. Такое устройство, казалось, устраняло всякую вражду между народами, водворяло гармонію между церковью и государствомъ и было земнымъ отраженіемъ царства небеснаго, управляемаго Господомъ.

Лейбницъ благоговѣлъ передъ римскою церковью, когда онъ представлялъ себѣ величавый строй и вѣковую нравственность ея іерархіи. „Я признаю, пишетъ онъ однажды ландграфу Эрнсту [1]), что іерархія католической церкви и отличіе римскаго первосвященника (la distinction du pontife suprême) существуютъ по Божественному праву, ибо необходимо имѣть правителя надъ епископами и священниками". Въ другомъ мѣстѣ Лейбницъ выражается еще рѣшительнѣе о томъ, что папство существуетъ по Божественному праву. „Такъ какъ Богъ, говоритъ онъ, Богъ порядка, и управленіе единой каѳолической и апостольской церкви посредствомъ одного закона и одной вселенской іерархіи основано на Божественномъ правѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что тѣмъ же правомъ пользуется духовный глава церкви, если онъ сдерживается въ предѣлахъ справедливаго".

Но признавая за монархическимъ устройствомъ христіанской церкви Божественное происхожденіе, Лейбницъ не думаетъ отождествлять

---

[1]) V. XX 1684. Jan. Rommel II p. 19.

его съ папствомъ, то-есть, съ властью *римскаго епископа*. Идея, что церковь должна управляться монархически, вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ Божественнаго начала, но примѣненіе ея, то-есть, самое устройство — въ рукахъ человѣка и поэтому подвержено измѣненіямъ сообразно съ потребностями времени. Оттого онъ прибавляетъ: „Глава церкви долженъ быть облеченъ правительственною властью и снабженъ всѣмъ необходимымъ, чтобъ имѣть возможность исполнять свое назначеніе и дѣйствовать въ пользу церкви; но что мѣстомъ и средоточіемъ этой правительственной власти избранъ Римъ, столица христіанскаго міра, это зависѣло отъ человѣческихъ соображеній“ [1]).

Съ такой же точки зрѣнія Лейбницъ разсматриваетъ вопросъ о свѣтской власти папы. Свѣтская власть, по его мнѣнію, была бы не нужна, если бы духовенство было тѣсно связано съ папой и еслибъ оно своимъ образомъ жизни внушало уваженіе народу. Ибо тогда не было бы ни одного христіанскаго государя, который бы дерзнулъ навлечь на себя неудовольствіе такой корпораціи.... „Но при теперешнихъ обстоятельствахъ, говоритъ Лейбницъ, мнѣ казалось бы полезнѣе присоединить всю Италію къ вотчинѣ св. Петра, чѣмъ уменьшать Церковную Область. Ибо было бы желательно, чтобы папа былъ довольно силенъ и могъ быть посредникомъ въ распряхъ христіанскихъ государей; но такъ какъ сила религіи кажется мнимой въ глазахъ мірскихъ людей (les mondains) въ нашъ испорченный вѣкъ, то было бы хорошо соединить съ нею свѣтскую власть“ (le bras seculier) [2]). Странное заблужденіе въ такомъ опытномъ политическомъ дѣятелѣ! Лейбницъ могъ думать, что папство въ XVII вѣкѣ станетъ менѣе злоупотреблять своею свѣтскою властью, чѣмъ въ средніе вѣка, а воспользуется ею для водворенія въ Европѣ мира и справедливости!

Это объясняется тѣмъ, что въ то время, то-есть, въ началѣ 80-хъ годовъ, расположеніе Лейбница къ католицизму достигло своего высшаго предѣла. Болѣе 10-ти лѣтъ провелъ онъ въ католическихъ странахъ, и вездѣ видѣлъ католицизмъ только съ хорошей стороны, сна-

[1]) Cum Deus sit Deus ordinis et corpus unius Ecclesiae Catholicae et apostolicae uno regimine hierachiaque universali continendum juris divini sit, consequens est, ut ejusdem sit juris supremus in eo spiritualis magistratus terminis se justis continens, directoria potestate, omniaque necessaria ad explendum munus pro salute Ecclesiae agendi facultate instructus, tametsi locus et sedes hujus potestatis in metropoli christiani orbis Roma en humanis considerationibus placuerit. Письмо къ Фабриц. ed. Kortholt.

[2]) «Rummel» I, 285.

вала въ Майнцѣ при дворѣ просвѣщеннаго курфирста Шенборна, затѣмъ въ Парижѣ, и наконецъ, въ Ганноверѣ при дворѣ ревностнаго католика, гуманнаго Іоганна-Фридрика. Онъ освободился отъ предразсудка, всосаннаго съ дѣтства, что въ католицизмѣ нельзя найдти спасенія. Я согласенъ даже, пишетъ онъ ландграфу, что католическая церковь непогрѣшима во всѣхъ догматахъ вѣры, необходимыхъ для спасенія, вслѣдствіе особеннаго покровительства Св. Духа, которое было ей обѣщано [1]).

Въ такія минуты имъ овладѣваетъ какое-то влеченіе къ той церкви, которая носитъ и заслуживаетъ, по его мнѣнію, названіе вселенской. „Я охотно признаюсь, пишетъ онъ, что я бы желалъ во что бы ни стало пріобщиться къ римской церкви, если бы я только могъ это сдѣлать съ настоящимъ спокойствіемъ духа и съ тою удовлетворенною совѣстью, которою я наслаждаюсь теперь въ полной увѣренности, что я не упускаю ничего для того, чтобы достигнуть такой желательной цѣли“ [2]).

Онъ прямо говоритъ своимъ единовѣрцамъ, что если бы подчиненіе папѣ могло повлечь за собою устраненіе зла и заблужденій въ католицизмѣ, то имъ слѣдовало бы признать его главой церкви.

Но на вопросъ, почему же онъ самъ не присоединяется къ той церкви, которую онъ считаетъ непогрѣшимою, онъ всегда выставляетъ на видъ, вопервыхъ, что у него есть нѣсколько философскихъ убѣжденій, которыя не будутъ терпимы въ католичествѣ, а въ этомъ случаѣ лучше не присоединяться, чѣмъ потомъ быть отвергнутымъ:

Turpius ejicitur, quam non admittitur hospes;

вовторыхъ, онъ указывалъ на множество заблужденій и злоупотребленій, которыя вкрались въ римскую церковь, особенно вслѣдствіе честолюбія духовенства, и которыя не позволяютъ ему присоединяться къ ней, прежде чѣмъ эти злоупотребленія будутъ устранены.

На это его католическіе друзья [3]) возражали ему, что не возможно

---

[1]) Par une assistance spéciale du S. Esprit, qui lui a été promise.

[2]) Car j'avoue très volontiers, que je voudrois estre dans la communion de l'Église de Rome à quelque prix, que je pourrois, pourvu que je le puisse faire avec un vray repos d'esprit, et cette paix de conscience, dont je jouis à présent; sachant bien, que je n'omets rien de mon costé pour jouir d'une union si souhaitable. Ibid. II, p. 21.

[3]) O mon bon Monsieur Leibniz, писалъ ему ландграфъ Эрнстъ. On ne peut pas estre en partie Catholique et en partie non. La véritable mère fust recognue, qu'elle ne voulut point son enfant partagé en deux pièces. N. XIX. Rommel. II, p. 16.

признавать римскую церковь вселенскою и непогрѣшимою и въ то же время не подчиняться ея авторитету, что нѣкоторыя изъ злоупотребленій, на которыя онъ указываетъ, порицаются многими католиками, но что это не заставляетъ ихъ присоединиться къ еретикамъ.

Чтобы выйдти изъ затрудненія, Лейбницъ прибѣгаетъ къ различенію видимой и невидимой церкви. Онъ допускаетъ двоякій способъ соединенія со вселенскою церковью, по духу и по обрядамъ (virtualis et formalis). Духовно принадлежатъ ко вселенской церкви всѣ народы, которые отдѣлились отъ католичества вслѣдствіе его уклоненія отъ ученія первоначальной церкви или вслѣдствіе злоупотребленій римской іерархіи. Лейбницъ заимствуетъ у іезуитовъ различеніе между матеріальными и формальными еретиками. По мнѣнію іезуитовъ и нѣкоторыхъ умѣренныхъ католическихъ писателей, напримѣръ, Беллармина, настоящими еретиками можно считать только тѣхъ, которые сознательно придерживались какого-нибудь вреднаго ученія и возставали противъ католической церкви (haeretici formales et contumaces); тѣ, напротивъ, которые чистосердечно заблуждались относительно какого-нибудь догмата и грѣшили не по духу, а въ самомъ ученіи (materia fidei), заслуживали снисхожденія. Лейбницъ говоритъ въ одномъ письмѣ къ Пелиссону: „Католики согласны въ томъ, что могутъ быть еретики по заблужденію (des hérétiques matériels), которыхъ они не рѣшаются осуждать, такъ какъ по ихъ мнѣнію, только неповиновеніе даетъ поводъ къ осужденію. Но тотъ, кто не слышитъ повелѣнія, или не понимаетъ его, или же не въ состояніи исполнить его, хотя бы старался объ этомъ, не можетъ быть обвиненъ въ непослушаніи“. Лейбницъ сравниваетъ положеніе протестантовъ съ положеніемъ какого-нибудь астронома, напримѣръ, Галилея, который убѣжденъ въ справедливости Коперниковой системы и за то подвергается отлученію отъ церкви. Лейбницъ допускаетъ два случая, въ которыхъ отлученіе отъ видимой церкви не влечетъ за собой дѣйствительнаго раскола: чистосердечное заблужденіе съ полною увѣренностью своей правоты (une erreur invincible) и несправедливое отлученіе отъ церкви вслѣдствіе ошибки или недоразумѣнія духовной власти. Въ этихъ случаяхъ можно быть спасеннымъ и внѣ церкви. Лейбницъ подтверждаетъ это ученіемъ о двойномъ покаяніи, которое было принято на Тридентинскомъ соборѣ. Первое — attritio — есть покаяніе внѣшнее, вызванное страхомъ наказанія или надеждой на возмездіе; такое покаяніе можетъ повести къ спасенію, если къ нему присоединяется дѣйствіе церкви, отпущеніе грѣховъ и причащеніе.

Второй родъ покаянія — contritio — есть настоящее покаяніе; оно состоитъ въ искреннемъ раскаяніи и намѣреніи исполнять повелѣнія Божіи. Такое покаяніе можетъ привести къ спасенію даже безъ помощи вышеприведенныхъ дѣйствій церкви. Лейбницъ выводитъ изъ этого, что всякій стоящій внѣ церкви не по своей винѣ, а слѣдовательно, и протестанты, и приносящій истинное покаяніе можетъ быть спасенъ безъ содѣйствія церкви. Такъ какъ Лейбницъ признавалъ преемственность іерархіи, то ландграфъ Эрнстъ замѣчалъ ему, что протестантскіе священники, которые не посвящены въ свое званіе епископомъ настоящей церкви, стоятъ внѣ этой преемственной іерархіи, управляемой Св. Духомъ, и потому не имѣютъ права исполнять требы. На это Лейбницъ возражалъ, что съ католической точки зрѣнія можно смотрѣть на протестантскихъ священниковъ, какъ на исполняющихъ временно свою должность, и тѣмъ не менѣе признавать законную силу совершаемыхъ ими требъ. По канонамъ древней церкви допускались даже міряне къ исполненію священнодѣйствій за отсутствіемъ духовенства. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Лейбницъ приводитъ слова Тертулліана. Далѣе онъ предполагаетъ, что если бы нѣсколько христіанъ были занесены кораблекрушеніемъ на какой-нибудь неизвѣстный островъ Новаго свѣта къ дикарямъ, то они имѣли бы полное право избрать между собой нѣсколько человѣкъ и поручить имъ совершеніе священнодѣйствій [1]).

Мы можемъ думать, что Лейбницъ прибѣгалъ ко всѣмъ этимъ діалектическимъ оборотамъ и богословскимъ тонкостямъ не для своего собственнаго успокоенія, а для защиты отъ упрековъ такихъ ревностныхъ католиковъ, какъ ландграфъ Эрнстъ и Арно̀, которые обвиняли его въ ереси. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ правотѣ протестантизма и не одобрялъ тѣхъ измѣненій въ догматахъ и въ церковномъ устройствѣ, которыя были введены въ средніе вѣка, въ эпоху глубокаго варварства, и вслѣдствіе которыхъ римская церковь такъ далеко уклонилась отъ христіанской церкви первыхъ вѣковъ. Лейбницъ желалъ возвратиться въ католическую церковь, но подъ условіемъ реформы ея и устраненія всѣхъ этихъ средневѣковыхъ варварскихъ наростовъ. Однимъ словомъ, онъ былъ католикомъ въ томъ же самомъ

---

[1]) Quant aux Ministres des Protestants, si nous supposons avec eux, que le schisme doit être imputé plutost à l'Église Romaine, qu'à eux, ils auront une vocation et mission extraordinaire, telle qu'auroit un laique, qui se trouveroit dans une isle du Nouveau Monde parmy des barbares, qu'il auroit le bonheur de découvrir et de convertir. Rommel. II, p. 45.

смыслѣ, въ какомъ и Меланхтонъ и другіе реформоторы считали себя католиками [1]).

Вотъ что̀ писалъ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти въ своей „Исторіи Западной Имперіи“. Онъ говоритъ по поводу смерти императора Оттона III, которая заключаетъ собой X-й вѣкъ, о значеніи этого вѣка: „Большинство писателей осыпаютъ этотъ вѣкъ упреками. Они обвиняютъ его въ невѣжествѣ, въ варварствѣ, въ суевѣріи. У него мало защитниковъ, между которыми отличается Антоній Арно̀, замѣчательный человѣкъ, который былъ моимъ другомъ. Я не одобряю повода, по которому онъ защищалъ этотъ вѣкъ, не признаю постоянства ученія въ церкви, которое онъ восхваляетъ, и не отрицаю помраченія, которое постепенно овладѣло церковью. Въ X-мъ столѣтіи это помраченіе еще далеко не достигло своего предѣла, хотя въ это время укоренилось ученіе Пасхазія объ Евхаристіи (правда, оно тогда оспаривалось Геригеромъ изъ Лоббеса) и поклоненіе иконамъ, противъ котораго устояли Франки во времена Каролинговъ. Но тогда папа еще считался намѣстникомъ Петра, а не Бога на землѣ, не слыханы были еще бредни о его непогрѣшимости, авторитетъ церкви не освящался кровью, или еще хуже — огнемъ, еще не выставляли на обожаніе Гостію и не искажали таинства Евхаристіи (mutilabatur) тѣмъ, что лишали народъ вина. Еще сохранилась древняя форма крещенія, а епископы Германіи по старинному обычаю проповѣдывали въ церквахъ, каноники слѣдовали уставу общежитія, а при соборныхъ церквахъ и знаменитыхъ монастыряхъ процвѣтали школы, которыми руководили замѣчательные люди. Все это рушилось тогда, когда римскіе епископы захватили господство надъ церковью (dominatum ecclesiae invasere), и ихъ посланцы, нищенствующіе монахи, овладѣли школами. Тогда-то смѣшныя ухищренія (argutiae) заступили мѣсто свѣтлаго ученія, и тупѣйшая жестокость истребляла огнемъ и мечомъ всѣхъ, которые мыслили иначе. Германія лишилась государя, благодаря кознямъ духовенства, и разрывалась постоянными усобицами; вмѣстѣ съ государствомъ упала наука, общественное спокойствіе нарушено, мѣсто закона заступилъ обычай разрѣшать споры оружіемъ, и что̀ хуже оружія, варварскою властью тайныхъ судилищъ; всѣ эти бѣдствія достигли у насъ въ XIV вѣкѣ своего высшаго развитія“.

Но то, что̀ было искажено суевѣріемъ и грубымъ фанатизмомъ

---

[1]) См. Pertz — Ueber Leibnizens kirchliches Glaubensbekenntniss въ Schmidt *Allgemeine Zeitschrift f. Geschichte*. VI B. 1846.

варварской эпохи, могло быть исправлено лучшими временами. Лейбницъ былъ живо убѣжденъ въ возможности реформы католической церкви. Подъ 963 годомъ онъ разказываетъ въ своей исторіи низложеніе порочнаго Іоанна XII императоромъ Оттономъ Великимъ и назначеніе ему преемникомъ Льва VIII. Въ свое время это назначеніе считалось вполнѣ законнымъ. На императора смотрѣли какъ на покровителя церкви, которому порученъ въ извѣстномъ смыслѣ надзоръ за ея интересами: въ выборѣ новаго папы кромѣ того принимало участіе высшее духовенство Италіи и Германіи. Не смотря на это, позднѣйшіе канонисты, особенно Беллярминъ и Бароній, исходя отъ понятій своего времени, считали назначеніе Льва VIII незаконнымъ. Лейбницъ разказываетъ, какъ все происходило, и опровергаетъ доводы своихъ противниковъ съ помощью постановленій древняго каноническаго права. Онъ доказываетъ несостоятельность главнаго довода, приведеннаго Бароніемъ, будто бы тотъ, кто поставленъ выше, не подсудимъ низшимъ. Лейбницъ возражаетъ противъ этого, что тотъ, кто выше другихъ, взятыхъ отдѣльно, можетъ однако быть ниже ихъ, если ихъ взять вмѣстѣ. „Такіе доводы, говоритъ онъ, извинительны въ обыкновенныхъ вопросахъ; если же они получаютъ слишкомъ обширное примѣненіе и распространяются на все, тогда они становятся мнѣніемъ льстецовъ и невѣждъ; притомъ они давно опровергнуты самими католиками, ставившими соборъ выше папы. Епископы, говоритъ Лейбницъ, не подчинены папѣ по Божественному праву, но должны считаться его товарищами. Самъ папа называетъ ихъ братьями. По разумному желанію государей и народовъ Запада, римскому епископу, въ извѣстномъ смыслѣ, подсудны остальные епископы. Но если онъ не достоинъ своего призванія, если пастырь превращается въ волка, если благосостоянію церкви грозитъ опасность, тогда возстановляются прежнія отношенія, и римскій епископъ подлежитъ суду императора и своихъ братій. Развѣ можно терпѣть изъ-за какихъ-то новыхъ принциповъ права, чтобы преступникъ стоялъ во главѣ церкви, своимъ примѣромъ вводилъ въ искушеніе людей, и никто бы не смѣлъ ему сказать: папа, что ты дѣлаешь? Въ государствѣ высшій законъ есть благосостояніе народа, а въ церкви спасеніе душъ; salus populi in republica, salus animorum in ecclesia suprema lex est.

Затѣмъ Лейбницъ продолжаетъ свою полемику противъ Баронія и указываетъ на то, что послѣдній въ этомъ случаѣ не прибѣгаетъ къ своему обыкновенному способу судить о событіяхъ по ихъ исходу, какъ бы по Божьему суду. Онъ заключаетъ свою полемику слѣдую-

щими замѣчательными словами, въ которыхъ вполнѣ высказывается его взглядъ на религіозныя дѣла: „Я не могу одобрить, что по винѣ или по допущенію Рима искажена чистота религіи, что христіанство по отдѣленіи восточныхъ и южныхъ народовъ осквернено и сдѣлано смѣшнымъ, что варварскими вѣками порождено нелѣпое и неизвѣстное апостоламъ Христа богословіе; не смотря на это, я всегда желалъ, чтобъ былъ возстановленъ авторитетъ перваго епископскаго престола и древняя форма церковной іерархіи съ тѣмъ условіемъ, съ которымъ Меланхтонъ подписалъ Смалкальденскія постановленія: если папы уступятъ Христову евангелію [1]). Я не отчаяваюсь въ возможности этого счастливаго для человѣчества событія, которое зависитъ отъ согласія трехъ или четырехъ людей. Развѣ не можетъ въ Германіи, предназначенной для просвѣщенія народовъ, появиться послѣ Карла и Оттона третій великій императоръ, который возвратитъ Риму апостольское и католическое призваніе? Если его намѣреніямъ будутъ содѣйствовать три или четыре могущественныхъ короля, дѣло можно считать поконченнымъ. Мракъ, покрывшій земной шаръ, уже разсѣянъ свѣтомъ, внесеннымъ наукой и исторіей, и большинство ученыхъ и опытныхъ католиковъ убѣждены въ необходимости реформы, хотя умалчиваютъ объ этомъ. Но придетъ, придетъ время, когда вездѣ можно будетъ высказывать эту спасительную истину".

Эти слова Лейбница, написанныя года за два до его смерти, доказываютъ, что онъ принималъ самое искреннее участіе въ дѣлѣ примиренія церквей и въ реформѣ католичества, ибо онъ глубоко вѣрилъ въ возможность реформы и ожидалъ отъ нея самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ для человѣчества. Онъ надѣялся на эту возможность, потому что вѣрилъ въ прогрессъ человѣчества и въ Провидѣніе, которое управляетъ его историческими судьбами.

Для выясненія религіозныхъ убѣжденій Лейбница мы такъ часто прибѣгали къ его перепискѣ съ ландграфомъ Эрнстомъ, что должны остановиться нѣсколько времени на личности послѣдняго. Онъ заслуживаетъ нашего вниманія не только по своимъ близкимъ отношеніямъ

---

[1]) Ego qui probare non possum, Roma vel curante vel connivente puritatem divini cultus oppressam, christianismum dissentientibus orientis et meridiei populis abominabilem aut ridiculum factum, theologiamque ineptam et ignotam Christi apostolis per barbariem temporum in Orbem inductam; semper tamen primae Sedis autoritatem et hierarchiae ecclesiasticae veterem formam restitui ea, qua Melanchthon Smalcaldensibus articulis subscribens, lege optavi: si pontifices dent evangelio Christi locum.

къ Лейбницу, но какъ одна изъ типическихъ личностей XVII вѣка. Эрнстъ, родившійся въ 1623 году, былъ сыномъ рыцарственнаго ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, Морица, извѣстнаго своею дружбой съ Генрихомъ IV. Какъ всѣ принцы своего времени, онъ получилъ чрезвычайно религіозное воспитаніе. Три раза въ день онъ долженъ былъ предаваться молитвѣ и пѣнію религіозныхъ гимновъ и чтенію Библіи; по воскресеньямъ онъ долженъ былъ выслушивать двѣ проповѣди, по средамъ и пятницамъ по одной. Онъ зналъ наизусть Гейдельбергскій катихизисъ, принятый реформатами Германіи, и 200 текстовъ изъ Библіи. Вслѣдствіе этого онъ самъ такъ пристрастился къ богословскимъ занятіямъ, что въ теченіе своей жизни прочелъ всю Библію болѣе 30 разъ, любилъ парафразировать ее и сочинять богословскія и нравственныя разсужденія.

Четырнадцати лѣтъ онъ предпринялъ съ своимъ учителемъ, строгимъ богословомъ Фабриціемъ, четырехлѣтнее путешествіе по Швейцаріи и Франціи, чтобы посѣтить самые замѣчательные реформатскіе университеты. По обычаю времени ему внушили такое отвращеніе къ католицизму, что первая встрѣча съ іезуитомъ навела на него ужасъ. Но уже во время своего путешествія онъ началъ отдѣлываться отъ этого чувства подъ вліяніемъ любознательности и интереса къ богословскимъ вопросамъ. Въ Авиньонѣ онъ посѣщалъ папскаго легата и охотно присутствовалъ при богослуженіи въ католическихъ церквахъ, избѣгая только утренней обѣдни, чтобы не преклонять колѣнъ предъ идоломъ, какъ онъ тогда называлъ Гостію.

По возвращеніи изъ своего путешествія онъ вступилъ въ военную службу. Это было время Тридцатилѣтней войны; Гессенцы были въ союзѣ съ Франціей и Швеціей. Эрнстъ поэтому сражался то во французскомъ, то въ гессенскомъ войскѣ, и выказалъ такую храбрость, что король французскій прислалъ 22-лѣтнему герою поздравительное письмо и подарокъ въ 6.000 ливровъ. Подъ конецъ войны онъ былъ посланъ съ кавалерійскимъ отрядомъ на выручку гессенскаго генерала Гейзе, который былъ осажденъ австрійскими войсками. Эрнстъ, благодаря своей отважности, успѣшно исполнилъ свое порученіе, но при этомъ самъ былъ отрѣзанъ и взятъ въ плѣнъ. Это случайное событіе не осталось безъ вліянія на его жизнь. Его помѣстили въ одной комнатѣ съ іезуитскимъ патеромъ Шоттомъ, которому было поручено обращать его въ католицизмъ. Этотъ патеръ, какъ всѣ его товарищи, выказалъ удивительную способность къ своей роли. Онъ преимущественно старался дѣйствовать снисходительностью и уступ-

чивостью на молодаго пылкаго воина, охотно увлекавшагося богословскими спорами. Однажды, когда Эрнстъ упрекалъ католиковъ за то, что они оказываютъ слишкомъ большое и суевѣрное почитаніе иконамъ и распятіямъ, іезуитъ для опроверженія бросилъ въ огонь камина свое распятіе и держалъ его тамъ, пока самъ Эрнстъ не вынулъ его изъ огня.

Послѣ Вестфальскаго мира Эрнстъ занялся устройствомъ своихъ дѣлъ. Его отецъ былъ два раза женатъ, и имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей; чтобы не обидѣть дѣтей отъ втораго брака, онъ выдѣлилъ имъ четвертую часть своихъ владѣній, съ тѣмъ чтобъ они владѣли ею сообща, но подъ верховной властью ландграфовъ Гессенъ-Кассельскихъ (такъ-называемая Universalquart). Такія отношенія подавали поводы къ нескончаемымъ спорамъ. Эрнстъ вскорѣ остался одинъ изъ шести братьевъ, которые почти всѣ погибли на войнѣ. Въ немъ разыгралось честолюбіе. Ему хотѣлось освободиться изъ-подъ власти старшей линіи и сдѣлать изъ своего участка совершенно самостоятельное государство. Это намѣреніе стало цѣлью его жизни и имѣло самое рѣшительное вліяніе на его образъ мыслей.

Въ своей тяжбѣ съ ландграфами Гессенъ-Кассельскими онъ сначала искалъ опоры у императора, въ интересахъ котораго было поддерживать младшихъ князей и мелкихъ владѣтелей Германіи противъ старшихъ и могущественныхъ. Когда онъ не достигъ своей цѣли и когда вслѣдствіе войнъ съ Франціей произошелъ союзъ между Гессенъ-Касселемъ и Австріей, Эрнстъ началъ искать сближенія съ Франціей. Онъ велъ себя такъ двусмысленно въ войнахъ между Франціей и Германіей, что навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Въ его владѣніяхъ находилась крѣпость Рейнфельзъ, которая славилась своею неприступностью и имѣла на Рейнѣ такое же стратегическое значеніе, какъ въ наше время Эренбрейтштейнъ. Эрнстъ былъ обязанъ во время войны принимать въ свои крѣпости кассельскій гарнизонъ, что̀ для него было весьма непріятно, ибо это было доказательствомъ его зависимости и давало ландграфу Кассельскому возможность занять его владѣнія. Вслѣдствіе упрямства Эрнста, крѣпость Рейнфельзъ нѣсколько разъ подвергалась опасности быть захваченною Французами. Въ 1663 году Эрнстъ вступилъ даже въ переговоры съ Людовикомъ XIV, въ которыхъ обѣщалъ уступить ему Рейнфельзъ за ежегодную пенсію и значительную сумму денегъ. Однако, письма, касающіяся этихъ переговоровъ, были перехвачены. Эрнстъ оправдывался тѣмъ, что съ его стороны это было только хитрою уловкой,

для того чтобы вынудить у французскаго правительства уплату значительной суммы денегъ, которую одинъ изъ его предковъ далъ взаймы Генриху IV. Оправданіе это заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія, такъ какъ Эрнстъ былъ въ душѣ патріотъ и преданъ австрійскому дому, хотя личные интересы у него, какъ и у многихъ другихъ современниковъ, нерѣдко умѣряли его патріотическое чувство.

Мы упомянули о политическихъ отношеніяхъ ландграфа Эрнста, потому что ими отчасти объясняется самый важный поступокъ въ его жизни—принятіе католичества. Переходы въ католицизмъ были очень нерѣдкимъ явленіемъ во второй половинѣ XVII вѣка, особенно между лицами царскаго происхожденія. Католическіе писатели съ торжествомъ указывали на это явленіе [1]) и составляли длинные списки такихъ переходовъ, хотя они не имѣютъ причины гордиться ими, ибо большая часть этихъ переходовъ обусловливалось политическими соображеніями и личными интересами. Но кромѣ того въ самомъ настроеніи XVII вѣка было нѣчто предрасполагавшее къ католицизму. Въ началѣ нашего вѣка романтизмъ, то-есть, фантастическія представленія о среднихъ вѣкахъ идеализировали католицизмъ и поэтому во многихъ вызвали склонность къ нему. Такое же вліяніе имѣли въ XVII вѣкѣ мечты и попытки о соединеніи церквей, о которыхъ мы говорили. Послѣ ужасовъ, порожденныхъ религіозною враждой въ пору Тридцатилѣтней войны, многими овладѣло какое-то нравственное утомленіе, какая-то потребность примиренія. Протестанты находились при этомъ въ невыгодномъ положеніи; ибо такъ какъ они отдѣлились отъ католичества, то всѣ стремленія къ соединенію церквей съ ихъ стороны естественно принимали характеръ возвращенія въ католицизмъ, старанія же католиковъ принимали видъ прозелитизма. Многіе протестанты, исходя отъ синкретизма, то-есть, отъ снисходительнаго толкованія католическихъ догматовъ, теряли почву подъ собой и мало по малу увлекались стройностью и послѣдовательностью католическаго ученія. Для другихъ была пагубна любознательность и интересъ къ богословскимъ спорамъ. Протестантизмъ по своему историческому происхожденію неспособенъ къ пропагандѣ. Такъ какъ реформаторы поставили себѣ цѣлью *реставрировать* христіанскую церковь въ той же формѣ, которую она имѣла въ первые вѣка, и при этомъ могли руководствоваться только индивидуальными убѣжденіями

---

[1]) Напримѣръ, *Theiner*—Geschichte der Zurückkehr der regierenden Häuser von Braunschweig und Sachsen in den Schoss der katholischen Kirche etc. 1843.

и личною совѣстью, то они не имѣли такого непогрѣшимаго критерія, какъ католики въ авторитетѣ своей церкви, и должны были сдѣлаться болѣе снисходительными къ требованіямъ чужой совѣсти. Католичество же, вслѣдствіе централизаціи своего духовенства и глубокаго убѣжденія въ своей непогрѣшимости, чрезвычайно склонно и способно къ прозелитизму. Еще Игнатій Лойола устроилъ въ Римѣ семинарій (Collegium Germanicum), гдѣ воспитывались на счетъ іезуитовъ бѣдныя дѣти изъ всѣхъ странъ сѣвера, особенно изъ Германіи, которыя потомъ возвращались въ свое отечество какъ миссіонеры. Въ 1622 году въ Римѣ было учреждено миссіонерское общество (Congregatio de propaganda fide), которое направляло свою дѣятельность больше противъ протестантовъ, чѣмъ противъ язычниковъ. Папскіе нунціи въ Парижѣ, Бернѣ, Вѣнѣ и Варшавѣ занимались столько же пропагандой сколько дипломатіей. Но всѣхъ дѣятельнѣе были іезуиты. Они вкрадывались повсюду въ качествѣ врачей, секретарей, купцовъ и пр., особенно при дворахъ, и выискивали жертвъ для своего искусства. Особенно легкую добычу ихъ составляли: младшіе принцы (cadets), которые были въ ссорѣ съ царствующимъ членомъ своего дома и хотѣли доставить себѣ болѣе независимое и видное положеніе; претенденты на католическія епископства; веселые и впечатлительные аристократы, которые любили пожить и въ своихъ путешествіяхъ по Италіи приходили въ восторгъ отъ Венеціанскихъ куртизанокъ и отъ великолѣпія римскаго богослуженія; задолжавшіе и честолюбивые отставные воины или чиновники, которые искали милости императора и духовныхъ курфирстовъ; публицисты, которые со школьной скамьи затвердили догматъ о священной Римской имперіи съ папой и императоромъ; скептики, которымъ надоѣли богословскіе споры и которые искали спасенія въ авторитетѣ непогрѣшимой церкви [1]). При этихъ обстоятельствахъ положеніе такихъ молодыхъ людей, какъ ландграфъ Эрнстъ, которые хвастались своею богословскою ученостью и любили религіозные споры, было довольно опасно. Въ 1650 году онъ находился въ Вѣнѣ, чтобы хлопотать при рейхсгофратѣ и при императорскомъ дворѣ о своей тяжбѣ со старшею Гессенскою линіей. И онъ, подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, мечталъ о соединеніи церквей и сталъ все болѣе и болѣе снисходительно смотрѣть на католическую церковь. Не задолго до своего пріѣзда въ Вѣну онъ писалъ гессенскому богослову Кроціусу, что онъ „отдалъ бы жизнь за

[1]) См. Rommel. I, p. 42.

соединеніе христіанскихъ исповѣданій въ одну святую, вселенскую церковь, но что такой блаженный день настанетъ только въ концѣ міра". Онъ сознается, что католическая церковь нуждается въ реформаціи, ибо она присвоила себѣ чрезмѣрную свѣтскую власть, отстала въ богослуженіи отъ истинно-христіанской простоты, и подобно еврейской религіи впала въ идолопоклонство, но что онъ не можетъ осуждать ее и что многіе праведные католики скорѣе достигнутъ блаженства, чѣмъ тѣ реформаторы, жизнь которыхъ не согласна съ чистотою ихъ ученія.

Въ Вѣнѣ Эрнстъ, по совѣту своихъ товарищей, сталъ посѣщать полемическія проповѣди августинца Стаймоса, который славился краснорѣчіемъ и искусствомъ опровергать своихъ противниковъ. Молодой графъ отправился туда, какъ онъ говоритъ, ради шутки и для того, чтобы слышать „смѣшныя вещи (lächerliche Choses) и никуда негодные доводы противъ реформатской религіи". Но въ своихъ проповѣдяхъ Стаймосъ выставилъ такіе убѣдительные доводы, что ландграфъ вдругъ „очнулся отъ своихъ предразсудковъ, съ дѣтства усвоенныхъ". Онъ съ жадностью бросился на полемическія сочиненія, направленныя противъ протестантизма, которыя доставляли ему его товарищи съ помощью папскаго нунція, извѣстныхъ братьевъ Валенбургъ и капуцинскаго генерала Валеріана Магнуса, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ пропагандистовъ. Въ скоромъ времени ландграфъ убѣдился „въ опасной иллюзіи деформаціи и ереси такъ-называемой реформатской церкви". Онъ сначала тайно перешелъ въ католичество, а потомъ, устроивъ для вида диспутъ между нѣсколькими протестантскими и католическими богословами, вмѣстѣ съ женой явно присоединился къ католической церкви. Въ послѣдствіи онъ составилъ списокъ протестантскихъ князей, принявшихъ католичество, и при этомъ откровенно признался, что большинство изъ нихъ руководилось матеріальными выгодами. Себя самого онъ, конечно, исключилъ изъ этого числа. Онъ былъ такъ убѣжденъ въ искренности своего обращенія, что ему въ этомъ нельзя не повѣрить. Но несомнѣнно также, что честолюбіе и политическіе замыслы сдѣлали его болѣе доступнымъ вліянію католическихъ пропагандистовъ.

И въ католичествѣ ландграфъ сохранилъ склонность къ богословскимъ разсужденіямъ и извѣстную самостоятельность въ религіозныхъ вопросахъ. Это явленіе мы часто встрѣчаемъ у протестантовъ, обратившихся въ католицизмъ. Ему хотѣлось оправдать свой поступокъ въ глазахъ протестантовъ, и онъ вступилъ въ переписку съ лучшими

изъ ихъ богослововъ — съ Каликстомъ, съ Шпенеромъ, родоначальникомъ піетистовъ, съ лейденскимъ профессоромъ Кокцейемъ и другими. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ приняли размѣръ полемическихъ сочиненій и появились въ печати; такъ, напримѣръ, полемика съ Дреленкуромъ, однимъ изъ реформатскихъ священниковъ въ Шарантонѣ близь Парижа. Но Эрнстъ не только желалъ опровергнуть мнѣнія своихъ прежнихъ единовѣрцевъ: онъ хотѣлъ также произвести реформу въ томъ исповѣданіи, къ которому онъ присталъ. Съ этою цѣлью онъ написалъ свое сочиненіе: Der so wahrhafte, als ganz aufrichtige und discretgesinnte Katholische (Истинный и совершенно искренній католикъ), которое онъ издалъ анонимно и только въ числѣ 48 экземпляровъ. Въ послѣдствіи онъ издалъ на латинскомъ языкѣ извлеченіе изъ своего сочиненія, въ которомъ онъ многое смягчилъ, для того чтобы не навлечь на него папской цензуры. Это сочиненіе, о которомъ Лейбницъ говорилъ, что въ немъ изобличены недостатки обоихъ исповѣданій съ одинаковою и для римской куріи ненавистною искренностью, обратило на себя всеобщее вниманіе. Одинъ изъ родственниковъ ландграфа писалъ ему, что если бы католическая церковь была такъ организована, какъ предположено въ его сочиненіи, то онъ съ своей стороны давно бы призналъ ея авторитетъ. Ландграфъ упрекаетъ протестантовъ за то, что они отдѣлились отъ католической церкви, вмѣсто того чтобы призвать католицизмъ на судъ вселенской церкви. Онъ уподобляетъ ихъ мнимой матери, которая требовала отъ Соломона, чтобы ребенокъ былъ разрубленъ. Онъ отрицаетъ Божественное начало въ реформаціи, отвергаетъ ея принципы, подрывающіе основаніе церкви, безконечное разногласіе и секты между протестантами. Съ другой стороны онъ признаетъ за ними нѣкоторыя преимущества: ясное и понятное богослуженіе, чтеніе Св. Писанія, народное обученіе и дѣятельность проповѣдниковъ. Въ католической церкви ландграфъ порицаетъ излишнее богатство и злоупотребленіе имъ, свѣтскую власть духовенства и абсолютизмъ папы. Въ послѣднемъ отношеніи Эрнстъ совершенно сходился съ современными ему попытками галликанской церкви ограничить власть папы не только въ свѣтскихъ дѣлахъ, но и подчинить его въ духовныхъ дѣлахъ соборамъ и церковному преданію. Ландграфъ Эрнстъ перенесъ въ католицизмъ изъ своего прежняго исповѣданія духъ анализа и критики. Онъ упрекаетъ католическое духовенство въ томъ, что оно слишкомъ мало поучаетъ простой народъ, который, не понимая латинскаго языка, остается безъ всякаго религіознаго воспитанія и впадаетъ въ самое

грубое суевѣріе; онъ указываетъ на злоупотребленія, къ которымъ привело это суевѣріе относительно многихъ почтенныхъ и древнихъ христіанскихъ обрядовъ, напримѣръ, почитанія иконъ и мощей, индульгенцій, молитвъ за упокой души, поста, чрезмѣрнаго количества праздниковъ и пр. Въ концѣ своего сочиненія ландграфъ обсуждаетъ мнѣніе протестантовъ, что католическая церковь, пока она терпитъ эти злоупотребленія, ею самою признанныя, не можетъ считаться истинно вселенскою церковью. Онъ соглашается, что еслибъ была на землѣ христіанская церковь, свободная отъ недостатковъ католицизма и протестантизма, то онъ присоединился бы къ ней, но что въ настоящее время онъ отдаетъ предпочтеніе католической церкви, такъ какъ ея злоупотребленія ни для кого не обязательны и не касаются сущности религіи.

Не только по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ландграфъ Эрнстъ представляетъ чрезвычайно оригинальную личность. Онъ отличался необыкновенною добротой, гуманностью и прямодушіемъ. Въ немъ не было тѣни важности, онъ не терпѣлъ лести и чрезвычайно уважалъ заслуги всякаго рода. Не смотря на свою религіозность и на свою страсть обращать въ католицизмъ, онъ отличался большою вѣротерпимостью. Онъ выказывалъ много заботливости о своихъ подданныхъ и былъ совершенно непохожъ на современныхъ ему государей, которые думали только о томъ, чтобъ извлечь какъ можно больше выгоды изъ управляемой ими страны. Ландграфъ Эрнстъ былъ даже отчаяннымъ демократомъ, — свойство довольно удивительное для принца временъ Людовика XIV. Въ одномъ письмѣ къ Лейбницу онъ говоритъ, что хотя не отвергаетъ монархіи, однако желалъ бы ограничить ее такимъ образомъ, чтобъ она не могла обратиться въ деспотизмъ; онъ сомнѣвается, чтобы наслѣдственная монархія была согласна съ духомъ христіанства, и приписываетъ ей даже порчу нравовъ у христіанскихъ народовъ. Монархія, по его мнѣнію, причинила христіанству и имперіи несказанныя и безчисленныя бѣдствія и неудобства, и между прочимъ бѣдствіе войны. „Венеціанская республика или Нидерландскіе штаты, говоритъ онъ, навѣрное не рѣшатся такъ скоро и такъ охотно на войну, какъ, напримѣръ, короли Франціи и Даніи. Какая польза, продолжаетъ онъ, жителямъ Брауншвейга и Гессенъ-Касселя отъ всѣхъ этихъ громадныхъ вооруженій и великолѣпныхъ дворовъ, которыми тѣшатся правители Ганновера и Касселя въ ущербъ тѣмъ, ради которыхъ они существуютъ? Благоденствіе народа есть высшій законъ въ государ-

ствѣ, и подданные не сотворены для того, чтобъ удовлетворять честолюбію и тщеславію своихъ государей".

Въ другой разъ онъ высказался, что „еслибъ онъ былъ могущественнымъ государемъ, то скорѣе согласился бы ѣсть изъ глиняной и деревянной посуды, чѣмъ допустить, чтобъ его солдаты были плохо содержаны и принуждены сдѣлаться варварскимъ орудіемъ для ограбленія бѣднаго невиннаго крестьянина". Вслѣдствіе этого онъ отличался большою бережливостію: на 35.000 талеровъ содержалъ свой дворъ, 2 канцеляріи, 2 казначейства и при этомъ выстроилъ много общеполезныхъ зданій въ своихъ владѣніяхъ. Онъ жилъ чрезвычайно просто и терпѣть не могъ обычнаго въ его время пьянства, пиршествъ, охоты, роскоши въ одеждахъ и даже дорогихъ париковъ, которые тогда начинали входить въ моду. Главнымъ его удовольствіемъ были путешествія, особенно въ Италію, гдѣ онъ былъ 13 разъ. Здѣсь находилъ онъ пріятный отдыхъ отъ своихъ домашнихъ непріятностей, избавлялся отъ ненавистнаго ему этикета нѣмецкихъ дворовъ, отъ скучныхъ посѣщеній нѣмецкихъ юнкеровъ, любившихъ только вино, охоту и лошадей. Ландграфъ особенно хвалитъ Венецію за „дешевую жизнь въ удобныхъ домахъ или виллахъ, за прогулки въ гондолахъ при всегда ясномъ небѣ, за ея свѣжіе плоды и морскія рыбы, за отличную музыку въ церквахъ, госпиталяхъ и театрахъ, за народныя празднества и маскарады во время карнавала, за площадь св. Марка, за съѣздъ путешественниковъ изъ всѣхъ націй и возможность познакомиться съ опытными дипломатами, духовными лицами и учеными, наконецъ, за возможность слушать почти каждый день самыя великолѣпныя проповѣди". Но было еще одно обстоятельство, которое влекло Эрнста и другихъ нѣмецкихъ принцевъ въ Венецію — тамошнія женщины. Ландграфъ съ удивительною наивностію признается въ своихъ увлеченіяхъ и въ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя они имѣли для него. Онъ былъ женатъ на болѣзненной, меланхолической графинѣ, которую онъ самъ обратилъ въ католицизмъ, и которая потомъ постоянно окружала себя урсулинками, кармелитками и другими монахинями. У него было отъ нея два сына, которыми онъ былъ очень недоволенъ, не смотря на то, что далъ имъ самое тщательное воспитаніе. Онъ говорилъ объ нихъ, что они годны только на то, чтобъ увеличивать и безъ того громадное количество нѣмецкихъ принцевъ. Дѣйствительно, отъ одного сына онъ имѣлъ 7, а отъ другаго 15 внуковъ.

Чтобы вознаградить себя за эти непріятности семейной жизни, ланд-

графъ придумалъ подъ старость довольно странное развлеченіе. Онъ бралъ къ себѣ бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ воспитывалъ, обращалъ въ католицизмъ и потомъ выдавалъ замужъ. Онъ набиралъ ихъ отовсюду, изъ Парижа, Венеціи и Германіи. Онъ самъ составилъ списокъ своихъ воспитанницъ, и съ старческою болтливостью подробно описываетъ ихъ душевныя свойства и внѣшній видъ, при чемъ обращаетъ большое вниманіе на красивыя руки. Нельзя сказать, чтобъ ему посчастливилось въ выборѣ. Судя по его описанію, не всѣ воспитанницы его отличались красотой или пріятнымъ характеромъ [1]). Старый ландграфъ обращался съ ними какъ отецъ, и вмѣняетъ это себѣ въ большое достоинство [2]). Послѣ того, что̀ онъ разказываетъ о Венеціи, ему можно въ этомъ вполнѣ повѣрить.

Другое развлеченіе ландграфа составляла его обширная переписка съ самыми разнообразными учеными. Съ этой стороны личность ландграфа Эрнста представляетъ много почтеннаго. Выросши среди варварства и ужасовъ Тридцатилѣтней войны и получивъ исключительно богословское воспитаніе, онъ умѣлъ развить въ себѣ интересъ къ наукѣ и къ литературнымъ занятіямъ. Онъ составилъ себѣ отличную библіотеку и постоянно заискивалъ знакомство съ замѣчательными людьми. До глубокой старости онъ сохранилъ живость и бодрость ума и интересъ ко всему, что̀ происходило въ мірѣ. Хотя онъ не пріобрѣлъ особенной учености, и вслѣдствіе своей крайней приверженности къ католицизму обнаруживаетъ извѣстную односторонность, въ немъ однако высказывается самый здравый и гуманный взглядъ на

---

[1]) Напримѣръ, третья: Anne Marie Cochenhain, fille du capitain d'ici estoit brunette et une fille d'une extrême belle taille et assez blanche et avoit des belles mains comme tournées d'yvoire; tout à fait chaste et sage, mais d'une humeur mélancholique ou difficile, se croyant calomniée et méprisée, trop retenue et respectueuse envers moy, n'aimant pas beaucoup la conversation, ne voulant jamais aller avec moi à Venise, à moins d'estre mariée. Maintenant mariée. Пятая: Antonia Jacomina Giopia Vénitienne, qu'à l'age de 12 années seulement j'ai pris auprès de moy, d'une taille extrêmement longue, avec des très beaux cheveux noirs et des mains assez passables, au reste pas trop belles. Louche d'un oeil et faute d'éducation ne témoignant pas d'avoir tropd'esprit: un peu hautaine et opiniatre. Je lui avois fait apprendre à Metz un peu de françois, comme aussi la musique et à chanter, mais en quoy il ne me sembloit pas, qu'elle eust bien réussie, et bien qu'elle avoit appris passablement l'allemand estoit non plus d'aucune conversation. Renvoyée, après lui avoir payé sa dote avec sa mère, selon leur désir, à Venise.

[2]) Ландграфъ клянется, que toutes ces filles sont demeurées, comme elles étoient venues... и кончаетъ восклицаніемъ: Vanitas vanitatum et omnia vanitas.

современныя событія. Нѣкоторыя идеалистическія мечтанія о политическомъ преобразованіи Германіи и объ устройствѣ вѣчнаго мира, которыя примѣшивались къ этому, очень шли къ сѣдинамъ стараго воина.

Все это составляетъ главное содержаніе его переписки съ Лейбницемъ, поводомъ къ которой послужила его книга: „Искренній католикъ". Переписка продолжалась 13 лѣтъ, до самой смерти Эрнста, и происходила на французскомъ языкѣ. Нельзя безъ улыбки читать письма ландграфа, для котораго не существуетъ ни ороографіи, ни грамматики, и который буквально переводитъ на французскій языкъ безконечные, неуклюжіе нѣмецкіе періоды того времени. Ландграфъ съ первыхъ же писемъ въ восторгѣ отъ ума и учености Лейбница. „Боже мой, пишетъ онъ однажды Лейбницу, находившемуся въ Гарцѣ, не жалко ли, что вы, которому слѣдовало бы засѣдать въ совѣтѣ императоровъ и королей, зарыты въ рудникахъ, чтобъ увеличивать доходы какого-нибудь ганноверскаго герцога?" Другой разъ онъ пишетъ Лейбницу: „Мнѣ казалось бы, что я пріобрѣлъ рай (un demi Paradis) на землѣ, если бы я могъ хоть разъ въ недѣлю наслаждаться драгоцѣнною бесѣдой съ вами". Лейбницъ относится къ нему съ свойственною ему вѣжливостью и снисходительностью, которая въ наше время можетъ казаться лестью, но которая въ тотъ вѣкъ была обыкновенной.

Кромѣ развлеченія, эта переписка представляла для ландграфа еще другую цѣль: онъ надѣялся обратить Лейбница въ католицизмъ. Для этого онъ прибѣгнулъ, какъ мы видѣли, къ помощи Арно́, и отсюда возникла интересная переписка между Лейбницемъ и Арно́, въ которой Лейбницъ изложилъ свою философскую систему. Онъ высказывался сначала съ большимъ сочувствіемъ о католической церкви, но чѣмъ настойчивѣе становился ландграфъ и чѣмъ болѣе Лейбницъ убѣждался въ неуступчивости католиковъ и въ невозможности реформы, тѣмъ осторожнѣе становился онъ и тѣмъ болѣе сталъ выставлять на видъ злоупотребленія въ католицизмѣ. Отчаяніе ландграфа дошло наконецъ до того, что онъ въ одномъ памфлетѣ Trifolium Lutheranum довольно рѣзко напалъ на Лейбница вмѣстѣ съ Лудольфомъ и Секендорфомъ [1]), какъ на троихъ представителей упрямаго лютеранизма, и

[1]) Баронъ Секендорфъ, — авторъ очень дѣльной исторіи протестантизма, написанной на основаніи продолжительныхъ архивныхъ изслѣдованій въ отвѣтъ на исторію Боссюета и іезуита Менбура, которые объясняли возникновеніе протестантизма личными и недостойными побужденіями.

объявилъ, что Лейбницъ умретъ подобно Гуго Гроцію sine luce et cruce (безъ свѣта и креста). Эта горячность ландграфа не испортила его отношеній къ Лейбницу, который уважалъ его прямоту и искренность и ихъ сношенія до конца остались самыми дружественными.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ переписка Лейбница съ ландграфомъ Эрнстомъ, носитъ другая его переписка о религіозныхъ вопросахъ съ Пелиссономъ и Боссюетомъ. Въ спорѣ съ ландграфомъ Лейбницъ имѣлъ дѣло съ частнымъ человѣкомъ, который не могъ считать себя представителемъ католической церкви и даже долженъ былъ опасаться осужденія своихъ мнѣній за ихъ излишній либерализмъ. Теперь Лейбницъ становится лицомъ къ лицу съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ авторитетовъ въ католической церкви — Боссюетомъ, славнымъ какъ ученостью, такъ и вліяніемъ, руководителемъ галликанской церкви въ ея борьбѣ съ папой и грознымъ защитникомъ католичества отъ ересей. Нельзя безъ самаго живаго интереса слѣдить за состязаніемъ этихъ двухъ геніальныхъ современниковъ, католическаго епископа Боссюета, представителя церковной власти и историческаго преданія, и протестантскаго философа Лейбница, отстаивавшаго идею о примиреніи церквей во имя человѣческаго разума и прогресса[1]).

Посредницами между Боссюетомъ и Лейбницемъ были женщины, которыя вообще принимали дѣятельное участіе въ умственной жизни XVII вѣка. Одинъ изъ братьевъ герцогини Софьи, Эдуардъ, въ юности переселился во Францію, женился на Аннѣ Гонзага, происходившей отъ Мантуанскихъ герцоговъ, и принялъ подъ ея вліяніемъ католичество. Эта принцесса, о которой Боссюетъ отзывается въ своей извѣстной надгробной рѣчи (1684) съ большими похвалами, дѣятельно принялась за обращеніе своихъ родственниковъ. Ей удалось склонить къ этому свою невѣстку Луизу-Голландину послѣ ея романтическаго бѣгства изъ Гаги, и потомъ обѣ взялись за обращеніе герцогини Софьи. Въ 1679 г. онѣ уговорили ее пріѣхать въ Мобюиссонъ, гдѣ Софья пробыла цѣлое лѣто. Настоятельныя увѣщанія принцессъ и монахинь остались безъ успѣха, хотя, какъ кажется, въ нихъ при-

[1]) Значительная часть переписки между Лейбницемъ, Пелиссономъ и Боссюетомъ была уже прежде извѣстна, но съ большими пробѣлами и намѣренными пропусками со стороны прежнихъ издателей. Одна изъ главныхъ заслугъ неутомимаго изслѣдователя Лейбницевыхъ бумагъ, Фуше де-Кареля, состоитъ въ томъ, что онъ возстановилъ эту переписку, которую онъ нашелъ въ Ганноверскомъ архивѣ и издалъ въ первыхъ двухъ томахъ своего собранія сочиненій Лейбница.

нималъ участіе и самъ Боссюэтъ[1]). Но въ Мобюиссонѣ не потеряли надежды; тамошнія монахини молились за обращеніе Софьи, а игуменья и ея секретарь М. де-Бринонъ продолжали уговаривать ее въ письмахъ перейдти въ католичество. Съ этою цѣлью они прислали ей между прочимъ въ 1690 году сочиненіе Пелиссона Réflexions sur les Différends de la Religion.

Пелиссонъ былъ родомъ изъ южной Франціи и происходилъ отъ протестантской семьи. Онъ получилъ очень хорошее образованіе и въ молодости перевелъ нѣсколько пѣсенъ Одиссеи. Исторія учрежденія Французской Академіи и первыхъ трудовъ ея, написанная Пелиссономъ, доставила ему большую славу и ввела его въ общество лучшихъ современныхъ литераторовъ. Въ то же время Пелиссонъ выказывалъ большую способность къ служебной дѣятельности и скоро сдѣлался однимъ изъ главныхъ помощниковъ извѣстнаго Фуке. Онъ палъ вмѣстѣ съ нимъ, былъ посаженъ въ Бастилію и просидѣлъ тамъ болѣе 4-хъ лѣтъ. Неустрашимость и ловкость, съ которою онъ защищалъ своего прежняго покровителя, не выдавая ничего, что̀ могло бы ему повредить, пріобрѣли Пелиссону всеобщее уваженіе и расположили къ нему Людовика XIV. Рѣчи, написанныя Пелиссономъ въ пользу Фуке, составляютъ лучшее его произведеніе и не лишены интереса въ наше время. Король назначилъ Пелиссона своимъ исторіографомъ, и онъ долженъ былъ сопровождать его во всѣхъ походахъ. Во время своего заключенія Пелиссонъ, по недостатку другихъ книгъ, много занимался богословіемъ, читалъ отцовъ церкви и послѣ этого принялъ католицизмъ. Его обращеніе было вполнѣ искреннимъ; онъ сдѣлался ревностнымъ католикомъ, и король поручилъ ему завѣдываніе особенною суммой, назначенною для обращенія гугенотовъ. Чтобы содѣйствовать этой цѣли, Пелиссонъ написалъ свои Размышленія о различіяхъ въ религіи, которыя послужили поводомъ къ его перепискѣ съ Лейбницемъ[2]).

---

[1]) См. Foucher de Careil — Oeuvres de Leibniz. T. I Introd. p. 64.

[2]) Пелиссонъ въ молодости былъ обезображенъ оспой и былъ такъ некрасивъ, что М. Севинье говорила о немъ, qu'il abusait de la permission, qu'ont les hommes d'être laids, а Буало выставлялъ его въ своихъ сатирахъ какъ типъ безобразія. Не смотря на это, Пелиссонъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе М. де-Скюдери, извѣстной писательницы романовъ, которая впрочемъ также отличалась очень некрасивою наружностью. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Аканта въ ея литературномъ журналѣ и выставленъ въ нѣсколькихъ ея романахъ. М. Бринонъ кромѣ Пелиссона завлекла и его друга, М-ль де-Скюдери, въ переписку съ Лейбницемъ. Эта переписка, конечно, не имѣла такого серіознаго характера, какъ переписка съ Пелиссономъ. М. де-Скюдери сообщаетъ Лейбницу

Герцогиня Ганноверская часто показывала Лейбницу письма и книги, которыя ей присылали, и пользовалась его указаніями и совѣтами для своихъ отвѣтовъ. Она попросила его сдѣлать свои замѣчанія къ четвертой главѣ сочиненія Пелиссона, въ которой тотъ излагаетъ причины, почему протестанты должны во что бы то ни стало возвратиться къ католицизму. Лейбницъ соглашается съ Пелиссономъ, что необходимо имѣть достаточные доводы для того, чтобы придерживаться извѣстной религіи, и особенно для того, чтобъ измѣнить ее. Если не допускать никакого разбирательства поводовъ къ вѣрѣ, тогда религія была бы совершенно произвольна, и мы, говоритъ Лейбницъ, не имѣли бы никакого преимущества предъ язычниками и раскольниками. Онъ останавливается на главномъ доводѣ, который Пелиссонъ привелъ въ пользу католической церкви. Въ дѣлахъ вѣры нуженъ непогрѣшимый авторитетъ (une infallibilité), иначе религія будетъ совершенно произвольна, ибо большинство людей не въ состояніи безошибочно разсуждать о религіи. Если же есть непогрѣшимый авторитетъ, то онъ можетъ быть только въ католической церкви, которая стоитъ въ непрерывной связи съ началомъ христіанства. Лейбницъ возражаетъ ему, что достаточно для спасенія вѣрить въ истину нѣсколькихъ существенныхъ догматовъ. По мнѣнію многихъ благочестивыхъ людей, какъ между протестантами, такъ и между католиками, говоритъ Лейбницъ, было бы несогласно съ справедливостью Божіей, если бы спасеніе людей зависѣло отъ исхода богословскихъ споровъ и отъ случайности хорошаго наставленія, котораго можетъ недоставать самымъ благонамѣреннымъ.

свои стихи, и онъ отвѣчаетъ ей также стихами. Она пишетъ ему о смерти своего попугая, который былъ такъ уменъ, «что достаточно было его одного, чтобы разрушить теорію Декарта, считавшаго животныхъ бездушными автоматами». Ей было въ это время 92 года, но она писала съ прежнею живостью и легкостью сладенькіе стишки, которые доставили ей въ свое время имя французской Сафо. Лейбницъ отвѣчаетъ ей латинскою эпиграммой, въ которой онъ выражаетъ свое участіе и кончаетъ стихомъ:

Nam Sappho quidquid Musa et Apollo potest.

М. де-Скюдери благодаритъ его новымъ посланіемъ, которое оканчивается слѣдующимъ образомъ:

Car, depuis le climat où naissent les phénix,
Il n'est point de savant, que n'effaсe Leibniz:
Tous ses vers sont divins et leur puissance est telle
Que, sans le mériter, ils me font immortelle.

См. Foucher de Careil. Oeuv. de Leib. II p. 248.

Они полагаютъ, что нѣтъ ни одного догмата, который былъ бы абсолютно необходимъ, и что поэтому можно быть спасеннымъ во всѣхъ религіяхъ, если только любить Бога выше всего истинною любовью, основанною на Его безпредѣльномъ совершенствѣ.

Уже въ этихъ словахъ слышится отголосокъ философіи Лейбница, но послѣдній вноситъ въ свою полемику съ Пелиссономъ еще другое, болѣе важное понятіе своей философіи, — понятіе о темныхъ, безотчетныхъ представленіяхъ, отъ которыхъ зависитъ степень убѣдительности того или другаго религіознаго догмата, а слѣдовательно, и вѣра человѣка.

„Поводы къ тому, чтобы убѣдиться въ чемъ-нибудь, говоритъ Лейбницъ (les raisons de notre persuasion), могутъ быть двоякіе: одни объяснимы, другіе необъяснимы. Тѣ, которые я называю объяснимыми, могутъ быть изложены съ помощью отчетливаго разсужденія; но необъяснимые доводы заключаются только въ нашемъ сознаніи, во внутреннемъ чувствѣ, которое нельзя передать другимъ иначе, какъ заставивъ ихъ ощущать то же самое и тѣмъ же самымъ способомъ. Такъ, напримѣръ, не всегда можно объяснить другимъ, почему пріятно или непріятно извѣстное лицо, картина, стихотвореніе или извѣстное блюдо. Оттого и говорятъ, что о вкусахъ не спорятъ; по этой же причинѣ невозможно объяснить слѣпому отъ рожденія, что̀ такое цвѣтъ. Тѣ, которые утверждаютъ, что чувствуютъ въ себѣ внутренній божественный свѣтъ, или лучъ, освѣщающій имъ извѣстную истину, основываются на необъяснимыхъ доводахъ. И католики, и протестанты, прибѣгаютъ къ этому внутреннему свѣту; тѣ, которые это дѣлаютъ, не могутъ требовать отъ своихъ противниковъ другаго довода, какъ сознанія собственной совѣсти каждаго, то-есть, они могутъ спросить его, говоритъ ли онъ правду и дѣйствительно ли ощущаетъ тотъ внутренній свѣтъ, на который ссылается. Но такъ какъ довольно трудно провѣрить чужую совѣсть, то я желалъ бы, чтобы г. Пелиссонъ основательно коснулся этого важнаго вопроса, объяснивъ намъ внутренніе признаки божественнаго свѣта, которые бы отличали его отъ фантазіи (illusion), подобно тому, какъ золото узнается по вѣсу, по цвѣту и другимъ очевиднымъ признакамъ“.

Герцогиня Софья послала замѣчанія Лейбница своей сестрѣ, которая передала ихъ Пелиссону. Тотъ отвѣтилъ на нихъ, не зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Такимъ образомъ между ними завязалась переписка. Когда въ Мобюиссонѣ узнали, кто авторъ возраженій, всѣ обрадовались, въ надеждѣ, что удастся обратить въ католичество такого замѣчатель-

наго ученаго, какъ Лейбницъ. Съ другой стороны и Лейбницъ охотно продолжалъ переписку: ему было лестно находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ такимъ вліятельнымъ и извѣстнымъ лицомъ, какъ Пелиссонъ, который въ то время былъ въ милости у Людовика XIV.

Въ своихъ отвѣтахъ Пелиссонъ соединяетъ увѣренность и доктринерство католическаго богослова, опирающагося на авторитетъ древней, непогрѣшимой церкви, съ мягкостью гуманнаго, благороднаго человѣка и съ вѣжливостью царедворца Людовика XIV. Онъ отвергаетъ необъяснимые доводы, о которыхъ говоритъ Лейбницъ. По его мнѣнію, это не можетъ быть что-либо иное, какъ дѣйствіе благодати или мнимое воображеніе благодати. Но какъ отличить истинную благодать отъ мнимой? Пелиссонъ говоритъ, что есть благодать доказанная и благодать, которая не можетъ быть доказана. Первая есть благодать, обѣщанная церкви, вторая—благодать частнаго человѣка, который никогда не можетъ быть въ ней увѣренъ. Если мое личное чувство согласно съ ученіемъ церкви, я могу ему слѣдовать; если же я опираюсь на личную благодать, которая не можетъ быть доказана, и если она несогласна съ ученіемъ церкви, то это навѣрное не благодать, а иллюзія, ибо Господь или Его благодать не могутъ впадать въ противорѣчіе. Есть только одинъ внутренній признакъ благодати. Мнимая благодать какого-нибудь анабаптиста, квакера или другаго фанатика можетъ имѣть всѣ свойства христіанской добродѣтели; она можетъ быть чиста, цѣломудренна, справедлива, самоотверженна, но она никогда не будетъ смиренна. Напротивъ, она будетъ всегда смѣла, горда, надменна, ибо можетъ ли быть смиреніе въ человѣкѣ, который возстаетъ противъ общей благодати, дарованной христіанской церкви, основываясь на хорошемъ мнѣніи, которое онъ имѣетъ о себѣ? Чтò можетъ быть надменнѣе, какъ сказать всему свѣту: „во мнѣ живетъ духъ Божій, а въ васъ его нѣтъ"?

Пелиссонъ отвергаетъ различіе между существенными и несущественными догматами вѣры. „Правда, говоритъ онъ, одни заблужденія могутъ быть хуже другихъ; но самое незначительное заблужденіе въ вѣрѣ, сопровождаемое неповиновеніемъ церкви, можетъ лишить спасенія. Если признать это различіе между существенными и несущественными догматами, религія становится произвольной, ибо всякій можетъ считать существеннымъ то, чтò ему нравится. Отсюда не далеко до того положенія, что для спасенія достаточно одной любви къ Богу. Любовь къ Богу не можетъ быть отдѣлена отъ сознанія; невозможна истинная любовь Божія безъ истиннаго познанія Его.

„Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ видно только безпокойство, непослѣдовательность и колебаніе тѣхъ, которые, сбившись однажды съ настоящаго пути, не знаютъ куда идти. Если когда-нибудь врата ада восторжествуютъ надъ церковью, если когда-нибудь христіанская религія погибнетъ, то вотъ мѣсто, гдѣ ей можно нанести смертельную рану. Ибо какъ скоро мы всякому свободно предоставимъ вѣрить во что онъ хочетъ и ссылаться на мнимую связь съ Богомъ, о которой другіе не въ состояніи судить, то не будетъ больше ни религіи, ни церкви. Если можно быть спасеннымъ, не смотря на то, въ какіе догматы вѣришь, тогда всякій будетъ вѣрить какъ можно меньше, тогда всѣ религіи будутъ хороши, не исключая и языческой".

Замѣчательно то, что Пелиссонъ говоритъ о вѣротерпимости. Въ этихъ словахъ нельзя не узнать исторіографа Людовика XIV. Вопросъ, говоритъ онъ, долженъ ли государь допускать въ своей странѣ различныя религіи, зависитъ отъ сотни тысячъ обстоятельствъ. Допущеніе такого различія хорошо, если иначе государство должно погибнуть. Недопущеніе его также хорошо, если это можно сдѣлать, не губя государства.

Лейбницъ ставилъ Пелиссона въ большое затрудненіе тѣмъ, что ссылался на католическихъ богослововъ, которые допускали различіе между существенными и несущественными догматами и между еретиками формальными и матеріальными. Лейбницъ обнаружилъ по этому поводу поразительную ученость; онъ приводилъ такихъ католическихъ богослововъ, которые не только были неизвѣстны Пелиссону, но сочиненія которыхъ послѣдній съ трудомъ могъ найдти въ Парижѣ [1]).

Пелиссонъ не признаетъ авторитета католическихъ богослововъ, которыхъ Лейбницъ приводитъ въ свою пользу. Схоластики, говоритъ онъ, часто употребляютъ извѣстные термины не въ собственномъ, а въ условленномъ смыслѣ; въ видахъ діалектики они часто разсматриваютъ вопросъ съ двухъ сторонъ, приводятъ доводы одинаковой силы

[1]) Такъ, напримѣръ, Лейбницъ приводитъ въ свою пользу португальскаго богослова Пайву Андрадія, одного изъ главныхъ дѣятелей на Тридентинскомъ соборѣ. Пелиссонъ въ отчаяніи: «Ce n'est pas une petite affaire que de le trouver, пишетъ онъ М. де-Бриноъ. La rue St. Jacques ne le connoist pas, les bibliothèques les plus nombreuses ne l'ont point, non pas mesme celle des jésuites, ce qui est remarquable parce qu'il a écrit en leur faveur. A la fin on me l'a déterré dans la bibliothèque de Sorbonne. M. l'abbé Pirot, personne de mérite, s'il y en a aujourd'hui en France ni ailleurs et l'un des plus capables et des plus illustres sujets de cette maison, qui ne connoissoit cet auteur non plus que moi, s'est donné la peine de le lire à ma prière etc.

въ пользу системы и противъ нея, наконецъ разсматриваютъ многіе вопросы отвлеченно и дѣлаютъ предположенія, которыя на дѣлѣ неосуществимы. Таково, напримѣръ, предположеніе, что человѣкъ, который любитъ Бога выше всего, можетъ быть спасенъ безъ благодати. Но такой случай невозможенъ. Не всѣ схоластики заслуживаютъ одинаковаго авторитета. Есть ученые и богословы, которые по своему уму, по своей святой жизни, по услугамъ, которыя они оказали церкви, въ высшей степени достойны уваженія, хотя нѣтъ ни одного, личное мнѣніе котораго могло бы служить намъ закономъ. А что касается до безчисленной толпы всѣхъ племенъ и всѣхъ языковъ, идущей вслѣдъ за этими великими людьми, то напрасно протестанты воображаютъ, что мы слушаемъ ихъ какъ оракуловъ; намъ даже едва извѣстны ихъ сочиненія и ихъ имена, которыя старѣютъ, теряются и исчезаютъ каждый день.

Въ своемъ отвѣтѣ Лейбницъ долго останавливается на вопросѣ, можетъ ли истинная любовь къ Богу привести къ спасенію. „Я не берусь рѣшить этого, говоритъ онъ, но я, конечно, не стану утверждать, что тотъ, кто любитъ Бога, можетъ быть спасенъ, не заботясь о догматахъ и религіозныхъ спорахъ. Я скорѣе готовъ утверждать противное и признаюсь, что вѣрнѣе всего ничѣмъ не пренебрегать. Нужно искать истинной церкви и повиноваться ей, когда ее найдешь, слушаться тѣхъ, которымъ дана власть въ церкви, на сколько это позволяетъ совѣсть, и употреблять всѣ средства, чтобъ узнать волю и Откровеніе Божіе. Но если послѣ всего этого не можешь узнать истины относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, то спрашивается, можно ли тогда быть спасеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе католическіе богословы отвѣчаютъ на это утвердительно. Итакъ не будемъ слишкомъ смѣло произносить приговоръ надъ нашими братьями; довольно, если мы скажемъ, что опасно лишать себя обыкновеннаго пути къ спасенію. Отсюда достаточно явствуютъ важность церкви и наша обязанность дѣлать всевозможныя усилія для того, чтобы возстановить единство въ ней. Но нужно много усердія съ обѣихъ сторонъ, чтобъ удалить всѣ препятствія. Поэтому горе тѣмъ, которые поддерживаютъ расколъ своимъ упрямствомъ, которые не хотятъ слушать, а всегда хотятъ быть правыми“ [1]).

Съ точки зрѣнія Пелиссона возраженія Лейбница не имѣютъ смысла.

---

[1]) Malheur à ceux, qui entretiennent le schisme par leur obstination à ne vouloir écouter raison, et à vouloir en avoir toujours. Oeuvres de L. e. Foucher de C. I p. 110.

„Вы требуете реформаціи, пишетъ онъ ему. Истинная церковь не можетъ согласиться ни на какую реформацію относительно догматовъ; она не была бы истинной церковью, если бы такая реформація была возможна. Что же касается до исправленія нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій, то церковь никогда не отрицала, что она въ немъ нуждается; для этого она часто собиралась на вселенскіе соборы, созывала синоды и мѣстные соборы, которые должны были устранить злоупотребленія. Вы хотите ее реформировать? Такъ оставайтесь въ ней, если вы къ ней принадлежите, или присоединитесь къ ней, если вы стоите внѣ ея“.

Догматъ о единствѣ и непогрѣшимости католической церкви дѣлалъ ее неприступною. Лейбницъ старается разрушить это неприступное положеніе. Онъ доказываетъ, что единство католицизма на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ полно. Авторитетъ послѣднихъ соборовъ не вездѣ одинаково признанъ: такъ, Констанцскій и Базельскій соборы не признаны въ Италіи, послѣдній Латеранскій не признанъ во Франціи. Точно также и Тридентинскій соборъ никогда не былъ офиціально признанъ во Франціи. Отчего же, спрашиваетъ Лейбницъ, не дозволить сѣвернымъ народамъ аппеллировать и отъ собора Тридентинскаго къ будущему, дѣйствительно, вселенскому собору? Не противъ католической вселенской церкви возстаютъ они, а противъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ или національныхъ церквей, присвоивающихъ себѣ это названіе. Къ вопросу церковному примѣшиваются народные инресы: такъ, Италіянцы и Испанцы слишкомъ придерживаются внѣшностей, а особенно Италіянцы часто поддерживаютъ папу изъ политики. Имъ хочется, чтобы всѣ остальные народы, особенно сѣверные, сдѣлались ихъ игрушкой (fussent leurs dupes), и это очень естественно. Но французскій народъ долженъ былъ бы соединиться съ нѣмецкимъ, чтобы возвратить церкви ея прежнюю чистоту, как это было нѣкогда на Франкфуртскомъ соборѣ, и для этого слѣдовало бы воспользоваться расположеніемъ какого-нибудь благонамѣреннаго папы, который бы сознавалъ, что онъ всеобщій отецъ, а не Римлянинъ или Тосканецъ.

Лейбницъ возлагалъ большія надежды на Людовика XIV. При той энергіи, съ которою Людовикъ отстаивалъ права свѣтской власти и привилегіи французской церкви, не смотря на всю свою преданность католической религіи, онъ могъ бы много сдѣлать для исправленія католицизма и объединенія церквей. „Легко сдѣлаться великимъ человѣкомъ, когда родишься королемъ Франціи“, писалъ Лейбницъ од-

нажды: „во Франціи духъ живитъ массу (mens agitat molem)“, воскликнулъ онъ въ другой разъ. Какъ онъ въ своей юности ожидалъ отъ Людовика, что онъ откроетъ Востокъ христіанскому оружію и христіанской цивилизаціи, такъ онъ теперь только его считалъ способнымъ для великаго дѣла примиренія церквей. „Я не совсѣмъ отчаяваюсь, пишетъ онъ Пелиссону, въ возможности облегчить бѣдствія Европы, если Богу будетъ угодно направить надлежащимъ образомъ сердце одного человѣка, въ рукахъ котораго, какъ кажется, находится счастіе или несчастіе людей. Можно сказать, что этотъ государь (ибо легко догадаться о комъ я говорю) одинъ составляетъ судьбу своего вѣка и что благоденствіе общества зависитъ отъ нѣсколькихъ счастливыхъ минутъ размышленія, которыя Богъ можетъ послать ему. Я полагаю, что для того, чтобъ исполниться благихъ намѣреній, ему достаточно сознать свое могущество. Ибо, если онъ будетъ считать возможнымъ для себя какое-нибудь великое дѣло, въ немъ не будетъ недостатка въ доброй волѣ. Еслибъ это сдержанное и добросовѣстное благоразуміе, которое онъ выказываетъ среди самыхъ великихъ успѣховъ, ему позволило думать, что отъ него одного зависитъ сдѣлать человѣчество счастливымъ, и что никто не въ состояніи воспрепятствовать ему и остановить его, я увѣренъ, онъ не колебался бы ни одной минуты. И еслибъ онъ разсудилъ, что вершина человѣческаго величія заключается въ возможности содѣйствовать благоденствію человѣчества, онъ пришелъ бы къ заключенію, что точно также верхъ человѣческаго счастія состоитъ въ томъ, чтобъ осуществить это благоденствіе. Похвалы портятъ слабыхъ государей, но этому великому государю необходимо сознать свое величіе, чтобы сдѣлать все, что̀ онъ можетъ, и чтобы знать все, что̀ онъ можетъ сдѣлать. Вотъ случай, гдѣ неподражаемое краснорѣчіе Пелиссона могло бы обнаружиться въ полномъ блескѣ. Пусть оно убѣдитъ короля въ томъ, что онъ могущественнѣе, чѣмъ полагаетъ, и что онъ можетъ стать выше извѣстныхъ опасеній относительно своего государства, которыя отвлекаютъ его отъ болѣе высокихъ и славныхъ цѣлей, полезныхъ всему человѣчеству. Можно ли себѣ представить панегирикъ великолѣпнѣе и славнѣе того, который бы имѣлъ своимъ послѣдствіемъ успокоеніе Европы и даже умиротвореніе церкви“?

Въ этихъ строкахъ нельзя не признать изящнаго и нѣсколько высокопарнаго языка придворныхъ писателей Людовика XIV, которымъ Лейбницъ здѣсь подражаетъ. Но то, что̀ онъ говоритъ, было совершенно искренно съ его стороны. Онъ могъ разсчитывать, что его

письма сдѣлаются извѣстными если не самому королю, то близкимъ къ нему лицамъ, и онъ не хотѣлъ упустить случая указать Людовику истинную цѣль, на которую ему слѣдовало направить свое могущество. Дѣйствительно, Людовику прочли эти строки, и онъ соблаговолилъ ихъ милостиво принять. Но онъ, вѣроятно, былъ не въ состоянiи отличить голосъ мудреца отъ языка своихъ льстецовъ и предпочелъ содѣйствовать благоденствiю церкви не умиротворенiемъ религiозныхъ страстей, а кровавыми преслѣдованiями и изгнанiемъ полумилліона своихъ подданныхъ.

Пелиссонъ придавалъ такое значенiе своей перепискѣ съ Лейбницемъ, что напечаталъ ее подъ заглавiемъ: De la Tolérance des Religions. Лейбницъ былъ очень польщенъ этимъ знакомъ уваженія со стороны знаменитаго французскаго литератора. „Къ удовольствiю перечитать ваши письма, пишетъ онъ по этому поводу Пелиссону, примѣшивается горькое чувство, когда я вижу мои собственныя письма, и это сопоставленiе чернаго съ бѣлымъ еще болѣе обнаруживаетъ бѣдность и несовершенство моего писанія сравнительно съ сочиненіями одного изъ лучшихъ мастеровъ краснорѣчія (maître d'éloquence). Такимъ образомъ я наказанъ за свою смѣлость". Но и послѣ этого изданія, переписка между ними продолжалась въ томъ же духѣ и смыслѣ. Она была прервана въ началѣ 1693 года смертью Пелиссона. Вмѣсто Пелиссона въ религiозныхъ переговорахъ между Ганноверомъ и Мобюиссономъ выдвигается съ тѣхъ поръ на первый планъ Боссюетъ.

Боссюетъ давно зналъ Лейбница. Еще въ 1678 г. онъ обращался къ нему какъ библiотекарю герцога Іоганна-Фридриха съ просьбой выслать ему латинскiй переводъ Талмуда. Лейбницъ при этомъ исправилъ нѣкоторыя ошибки Боссюета въ еврейской литературѣ и сдѣлалъ ему нѣсколько указаній. Онъ не упустилъ также случая сообщить Боссюету о религiозныхъ переговорахъ, которые велись въ это время въ Ганноверѣ епископомъ Нейштадтскимъ. Когда въ 1683 году эти переговоры были возобновлены, Лейбницъ, по порученiю герцогини Софьи, извѣстилъ о нихъ Боссюета и послалъ ему записку Молануса. Боссюетъ отвѣтилъ, что Людовикъ XIV относится благосклонно къ попыткамъ примиренія церквей и готовъ оказать имъ покровительство. Онъ самъ, впрочемъ, не придавалъ имъ большаго значенія, затералъ записку Молануса и скоро забылъ объ этомъ дѣлѣ. Черезъ 8 лѣтъ, когда началась переписка между Пелиссономъ и Лейбницемъ, М. де-Бринонъ сообщила Боссюету письмо герцогини Софьи и заинтересовала его въ пользу религiозныхъ переговоровъ. Боссюетъ просилъ

прислать ему новый экземпляръ „Соглашенія“ между епископомъ Нейштадтскимъ и Ганноверскими богословами. М. де Бринонъ была внѣ себя отъ радости. „Ради Бога, пишетъ она Лейбницу, пришлите намъ требуемую записку“. Лейбницъ вмѣстѣ съ запиской Молануса: „Cogitationes Privatae“ прислалъ письмо къ Боссюэту, и между ними началась переписка, которая съ разными перерывами продолжалась 10 лѣтъ.

Подъ вліяніемъ Боссюэта религіозные переговоры приняли тотчасъ иное направленіе. Хотя Пелиссонъ и былъ посвященъ въ духовное званіе и писалъ различныя богословскія сочиненія, его мнѣнія однако имѣли нѣсколько дилетантскій характеръ. Боссюэтъ же былъ епископомъ, знаменитымъ учителемъ католицизма. Каждое слово его имѣло значеніе, и его мнѣнія дѣйствительно могли считаться голосомъ католической церкви. Спинола былъ также епископомъ, но онъ былъ дипломатъ, и онъ поставилъ себѣ цѣлью достигнуть какого-нибудь соглашенія. Боссюэтъ же выступаетъ рѣшительно и самоувѣренно, съ тою отталкивающею строгостью и неумолимостью, которою всегда отличалась сама католическая церковь, но и съ ея послѣдовательностью и вѣрностью принципу. Участіе Боссюэта въ переговорахъ болѣе повредило, чѣмъ содѣйствовало успѣшному окончанію ихъ. Въ перепискѣ Боссюэта и Лейбница съ перваго раза выступаетъ со всею рѣзкостью противоположность принциповъ, которымъ слѣдуютъ католицизмъ и протестантизмъ и которые дѣлаютъ невозможнымъ всякое соглашеніе. Боссюэтъ первый замѣчаетъ, что переговоры ни къ чему не приведутъ; онъ относится съ жесткостью къ своимъ противникамъ, называетъ ихъ упрямыми и еретиками и неохотно продолжаетъ начатые переговоры. Разочарованный Лейбницъ нѣсколько разъ теряетъ надежду, упрекаетъ Боссюэта въ надменности и недостаткѣ христіанской любви, бросаетъ переписку, но снова возвращается къ ней, ибо вопросъ о соглашеніи христіанскихъ церквей и о реформѣ католицизма слишкомъ близокъ его сердцу, а величавое спокойствіе его противника невольно привлекаетъ его къ себѣ. Положеніе Боссюэта было несравненно выгоднѣе, чѣмъ положеніе Лейбница. Боссюэтъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ, онъ могъ быть послѣдователенъ, потому что неуступчивость и послѣдовательность составляли жизненный принципъ той церкви, къ которой онъ принадлежалъ; Лейбницъ же по самому свойству защищаемаго имъ дѣла долженъ былъ впадать въ нѣкоторое противорѣчіе. Онъ требовалъ реформы католической церкви; онъ считалъ невозможнымъ соглашеніе съ нею, если она сохранитъ всѣ злоупотребленія, внесенныя властолюбіемъ духовенства и суевѣріемъ

простаго народа. Но всякое исправленіе нарушало принципъ непогрѣшимости, которымъ гордилась эта церковь. А если примѣнить къ церковнымъ догматамъ критику и начало свободы, то гдѣ же остановиться въ дѣлѣ исправленія? Лейбницъ вовсе не отстаивалъ полной свободы и индивидуальнаго начала въ религіи; онъ признавалъ, что христіанская церковь управляется Св. Духомъ, и поэтому допускалъ преемственность догматовъ и церковное преданіе. Но если Св. Духъ управляетъ церковью, то-есть, если она непогрѣшима, то къ чему исправленіе? — спрашивалъ его Боссюетъ.

Лейбницъ впадалъ въ противорѣчіе, но какъ мы сказали, не по своей винѣ. За Боссюетомъ и Лейбницемъ стоятъ двѣ церкви, которыя они защищаютъ: католичество съ своимъ преданіемъ и безграничнымъ авторитетомъ духовенства, и протестантизмъ, требующій, чтобы церковь, какъ и государство, развивалась вмѣстѣ съ исторіей и соображалась съ потребностями эпохи и среды. Противорѣчіе, въ которое впадалъ Лейбницъ, лежитъ въ основаніи протестантизма, искавшаго разрѣшенія великой проблемы, какъ примирить въ вопросахъ вѣры авторитетъ и свободу, какъ создать церковь, не лишая простора индивидуальную совѣсть.

Противорѣчіе это, конечно, только мнимое; оно существуетъ только для тѣхъ, которые какъ Боссюетъ отрицаютъ въ церкви всякое историческое развитіе, которые полагаютъ, что непогрѣшимость ея заключается въ томъ, что всякій обычай, незамѣтно укоренившійся, всякое повѣріе, освященное временемъ или церковными постановленіями, становятся коренными догматами религіи.

Для Боссюета такія требованія были непонятны. Въ своемъ разборѣ сочиненія Молануса онъ находитъ, что соглашеніе съ протестантами въ догматахъ возможно, и что если даже взять ихъ символическія книги, напримѣръ, Аугсбургское исповѣданіе, то и въ нихъ нельзя найдти никакихъ серіозныхъ препятствій къ примиренію. Онъ полагаетъ, что папа можетъ разрѣшить имъ нѣкоторыя отступленія въ обрядовой части, но удивляется, зачѣмъ протестанты на этомъ настаиваютъ. Протестантизмъ, по мнѣнію Боссюета, не имѣлъ цѣли и смысла. Но мало по малу выступаютъ трудности соглашенія. Лейбницъ отъ имени протестантовъ настаиваетъ на отмѣненіи Тридентинскаго собора или по крайней мѣрѣ на томъ, чтобы протестантовъ не принуждали считать его вселенскимъ и обязательнымъ. Для протестантовъ это былъ чрезвычайно важный вопросъ. Многіе догматы и обряды католическіе, противъ которыхъ они возставали, основывались,

до XVI вѣка, только на обычаѣ и преданіи и были освящены уже на Тридентинскомъ соборѣ; притомъ въ Тридентѣ, всѣ догматы и обряды протестантовъ были преданы анаѳемѣ. Но Боссюетъ считаетъ немыслимымъ никакое отступленіе отъ Тридентинскаго собора или даже ослабленіе принятыхъ на немъ постановленій. Мало по малу вся полемика между нимъ и Лейбницемъ группируется около вопроса о значеніи этого собора.

По мнѣнію Боссюета, Тридентинскій соборъ не ввелъ ничего новаго, а утвердилъ только то, что̀ давно было признано церковью. По его мнѣнію, въ церкви вообще не было никакихъ измѣненій; она всегда руководствовалась положеніемъ: вчера вѣрили такъ, потому и сегодня нужно вѣрить такъ же. Съ помощью этого положенія церковь никогда не находилась въ затрудненіи даже относительно самыхъ темныхъ вопросовъ; когда эти вопросы возбуждались, церковь находила ихъ уже рѣшенными въ молитвахъ, въ обрядахъ, въ общественномъ мнѣніи, повсюду утвердившемся (dans la pratique unanime de toute l'Église). Конечно, иногда церковь допускала пренія о нихъ для лучшаго выясненія истины и для болѣе полнаго обличенія заблуждавшихся; но въ сущности она всегда давала одно только рѣшеніе: такъ вѣрили до васъ и такъ вы должны вѣрить, или же отдѣлиться отъ Христовой церкви. Лейбницъ опровергаетъ это доказательство. А что̀ же мы скажемъ, спрашиваетъ онъ, если окажется, что не вчера, но по-завчера (avant-hier) вѣрили иначе? Развѣ нужно всегда канонизировать тѣ мнѣнія, которыя оказываются послѣдними? Спаситель очень хорошо опровергъ поговорку фарисеевъ: „Olim non erat sic. Прежде не было такъ". Такой аксіомой можно освятить всевозможныя злоупотребленія. Не слѣдуетъ останавливаться только на нашемъ времени и на нашей странѣ, но нужно брать во вниманіе всю исторію церкви, особенно древнѣйшую эпоху ея. Лейбницъ приводитъ въ примѣръ, что вопросъ о волѣ Христовой вовсе не былъ опредѣленъ, прежде чѣмъ возникла секта монофелитовъ, которая заставила церковь точнѣе опредѣлить этотъ догматъ; точно также иконопочитаніе вовсе не было принято повсемѣстно до втораго Никейскаго собора. Иконоборцы и почитатели иконъ чередовались во власти нѣсколько разъ, и Франкфуртскій соборъ, который держался середины, прямо объявилъ себя противъ Никейскаго собора отъ имени Франціи, Германіи и Британіи.

Боссюетъ старается ослабить доказательства Лейбница. Онъ говоритъ, что западные епископы, собравшіеся во Франкфуртѣ, отвергли Никейскій соборъ только по недоразумѣнію. Притомъ этотъ соборъ

тогда еще не былъ повсемѣстно признанъ, ибо изъ всѣхъ западныхъ епископовъ одинъ только папа былъ приглашенъ къ участію въ немъ.

Бюссюетъ, отрицая развитіе догматовъ въ католической церкви, очевидно искажаетъ историческую истину, чтобы спасти принципъ неизмѣнности догматовъ. Достаточно для доказательства вспомнить о послѣднемъ по времени католическомъ догматѣ о безпорочномъ зачатіи Дѣвы, который былъ нѣсколько разъ отвергаемъ папами и только въ наше время освященъ папскою буллой. Но съ Боссюетомъ было трудно сладить. Онъ всегда укрывался за положеніе, что если какой-нибудь догматъ и не былъ оффиціально признанъ церковью, онъ всегда существовалъ въ убѣжденіи большинства, въ обычаяхъ и преданіи. Въ этомъ доказательствѣ, очевидно, заключается petitio principii, то-есть, то, что̀ слѣдуетъ доказать, предполагается доказаннымъ. Боссюетъ основываетъ непогрѣшимость католической церкви на томъ, что она никогда не измѣнялась, и всякое нововведеніе объясняетъ тѣмъ, что это было только оффиціальное признаніе догматовъ, уже прежде принятыхъ церковью.

Спинола обнадежилъ протестантовъ, что отъ нихъ не потребуютъ признанія Тридентинскаго собора, и что его постановленія будутъ пересмотрѣны на новомъ вселенскомъ соборѣ, въ которомъ примутъ участіе протестантскіе епископы не какъ подсудимые, а какъ равноправные судьи. Боссюетъ въ самомъ началѣ переписки объявляетъ, что Римъ не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки въ догматахъ, опредѣленныхъ церковью, и что въ этомъ отношеніи невозможна никакая сдѣлка [1]). Лейбницъ исчерпываетъ всю свою ученость, чтобы доказать Боссюету возможность отступленія отъ Тридентинскаго собора. Онъ доказываетъ, что многіе соборы католической церкви не признаются въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ. Италіянцы отвергаютъ Констанцскій и Базельскій соборы, а Французы— послѣдній Латеранскій. Каликстинцы (Гусситы) не признавали Констанцскаго собора и его постановленія, что причащеніе подъ обоими видами не обязательно для вѣрующихъ. Не смотря на это, Базельскій соборъ и папа Евгеній вступили въ соглашеніе съ Каликстинцами, не потребовали отъ нихъ признанія Констанцскаго собора и предоставили все это дѣло будущему рѣшенію церкви. Неужели, спрашиваетъ Лейбницъ, цѣлое германское племя, которое не хочетъ подчиниться Тридентинскому собору, не за-

---

[1]) Rome ne se relâchera jamais d'aucun point de la doctrine définie par l'Église et qu'on ne sçauroit faire aucune capitulation là-dessus. Oeuv. de L. I p. 178.

служиваетъ такого же снисхожденія, какъ горсть Чеховъ? Не лучше ли было бы для Рима и для общаго блага удовлетворить столько народовъ, допустивъ на нѣкоторое время различіе въ извѣстныхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что это разногласіе гораздо менѣе того, которое существуетъ между Римомъ и Франціей относительно привилегій галликанской церкви.

Ученость Лейбница удивляетъ Боссюета. Но сдѣлка между Чехами и депутатами Базельскаго собора, которую Лейбницъ приводитъ въ свою пользу, неизвѣстна Боссюету въ подлинникѣ, и онъ проситъ указать ему, въ какомъ сборникѣ она напечатана. Въ извѣстныхъ ему изданіяхъ она не находится.

Но Лейбницъ идетъ еще далѣе. Онъ доказываетъ, что требованіе протестантовъ, чтобъ имъ позволили не подчиняться Тридентинскому собору, не представляетъ никакихъ затрудненій. Этотъ соборъ до сихъ поръ не былъ признанъ во многихъ католическихъ странахъ, напримѣръ, во Франціи. Въ числѣ 255 прелатовъ, подписавшихъ постановленія Тридентинскаго собора, было около 160 Италіянцевъ и только нѣсколько нѣмецкихъ епископовъ. Не только протестанты, но и многіе католики Германіи отвергли его, и въ Майнцской епархіи онъ до сихъ поръ не признанъ. Франція, хотя имѣла въ Тридентѣ 36 представителей, также протестовала противъ собора, и никогда его офиціально не признавала. Правда, интригамъ Италіянцевъ удалось мало по малу склонить французское духовенство на свою сторону, но еще на сеймѣ 1614 г. депутаты дворянства и третьяго сословія протестовали противъ признанія Тридентинскаго собора. И хотя постановленія его, касающіяся догматовъ, теперь молча приняты во Франціи, но за то изъ статей, относящихся до каноническаго права (discipline), многія тамъ до сихъ поръ не признаются, какъ напримѣръ, статья, опредѣляющая условія законности брака. Эти объясненія Лейбница вызвали цѣлый ученый трактатъ въ защиту Тридентинскаго собора со стороны аббата Пирота, которому Боссюетъ поручилъ это дѣло. На этотъ трактатъ Лейбницъ отвѣтилъ другимъ, еще болѣе обширнымъ и ученымъ, въ которомъ онъ доказываетъ, что Тридентинскій соборъ никогда не былъ офиціально признанъ Франціей, что онъ потому не можетъ считаться вселенскимъ, и Римъ не можетъ требовать отъ протестантовъ подчиненія его постановленіямъ.

Такимъ образомъ, споръ перешелъ съ богословской почвы на историческую: пришлось опредѣлить, признанъ ли Тридентинскій соборъ всѣми католиками, то-есть, долженъ ли онъ считаться вселенскимъ

(для католиковъ) или нѣтъ. Боссюетъ справедливо замѣтилъ, что споръ при этомъ направленіи утрачиваетъ свой смыслъ. Къ чему же это поведетъ, спрашиваетъ онъ, если мы будемъ признавать значеніе вселенскихъ соборовъ вообще, но въ каждомъ данномъ случаѣ подвергать сомнѣнію, слѣдуетъ ли считать такой-то соборъ вселенскимъ? Такимъ образомъ можно пошатнуть авторитетъ всѣхъ соборовъ. И если необходимо особенное собраніе для того, чтобы признать соборъ, тогда можно потребовать другаго собранія для того, чтобъ опредѣлить законность перваго собранія, и такъ отъ собора къ собору можно идти до безконечности. Тутъ только одинъ предѣлъ—считать непогрѣшимымъ то, что̀ церковь признаетъ единодушно безъ всеобщаго протеста [1]).

Притомъ, говоритъ Боссюетъ, Тридентинскій соборъ не сдѣлалъ ничего инаго, какъ только предписалъ всѣмъ вѣрующимъ вѣрить въ то, что̀ уже было предметомъ вѣры, когда Лютеръ началъ отдѣляться отъ церкви; напримѣръ, достовѣрно, что и до Тридентинскаго собора вся католическая церковь признавала пресуществленіе, миссу, свободную волю, почитаніе святыхъ, мощей и иконъ, молитвы и панихиды за умершихъ,—однимъ словомъ все, изъ-за чего Лютеръ и Кальвинъ отдѣлились отъ церкви.

Лейбницъ на это возражалъ, что существуетъ большая разница между первыми вселенскими соборами и какимъ-нибудь Тридентинскимъ и что существуетъ также разница между догматами, которые постановлялись на соборахъ. Одни могутъ быть существенны для спасенія, другіе менѣе важны. Сомнѣваться въ обязательности одного какого-нибудь собора не значитъ отрицать авторитетъ всѣхъ соборовъ. Это значитъ только, что всѣ человѣческія дѣла не совершенны, и что самыя лучшія постановленія допускаютъ злоупотребленія (in fraudem legis). Нельзя исключать изъ законодательства вопроса о некомпетентномъ судьѣ, хотя кляузники этимъ часто злоупотребляютъ.

Въ сущности споръ между Лейбницемъ и Боссюетомъ о Тридентинскомъ соборѣ сводился къ тому, что въ вопросахъ религіи и совѣсти нельзя все рѣшать большинствомъ голосовъ, и что единство христіанской церкви можетъ быть возстановлено только тогда, если церковь будетъ снисходительна къ особенностямъ отдѣльныхъ странъ и народностей.

---

[1]) Et le terme où il faut s'arrester, c'est de tenir pour infaillible ce que l'Église, qui est infaillible, reçoit unanimement, sans qu'il y ait sur cela aucune contestation dans tout le corps. p. 421.

Лейбницъ сохранялъ въ спорѣ свою всегдашнюю вѣжливость и любезность. Боссюэтъ часто становился сухъ и жостокъ и употреблялъ иногда очень рѣзкія выраженія. Для него, какъ для всѣхъ католическихъ историковъ церкви, личность реформаторовъ и самая реформа были непонятны. Онъ видитъ въ послѣдней только плодъ человѣческихъ интригъ и страстей: она произошла, по его мнѣнію, только вслѣдствіе враждебнаго и ложнаго толкованія католическаго ученія. „Я не знаю, пишетъ онъ Лейбницу, какъ можно читать безъ нѣкотораго стыда *вранье* (les menteries) Лютера и его учениковъ и даже Аугсбургскаго исповѣданія". Боссюэтъ не понимаетъ, какъ Лейбницъ, не смотря на изъявляемое имъ миролюбіе, можетъ „пребывать въ расколѣ". „Каково бы ни было у васъ расположеніе къ миру, пишетъ онъ Лейбницу, ни о комъ нельзя сказать, что онъ дѣйствительно миролюбивъ и находится на пути къ спасенію (en état de salut), пока онъ не присоединится къ намъ на самомъ дѣлѣ".

Лейбницъ нѣсколько разъ даетъ гордому прелату урокъ вѣжливости и терпимости. Говоря о томъ, что въ Ганноверѣ сдѣлали все возможное, чтобы облегчить соглашеніе, онъ продолжаетъ: „Здѣсь нарочно оставили всѣ эти пріемы, которые отзываются страстью къ спору, этотъ видъ превосходства, который всякій старается принять, эту оскорбительную гордость и эту увѣренность, которая, конечно, есть у каждаго, но которую безполезно и даже непріятно выказывать, такъ какъ противникъ обладаетъ не меньшею самоувѣренностью. Всѣ эти пріемы возбуждаютъ сочувствіе ограниченныхъ читателей и обыкновенно портятъ переговоры, ибо тщеславіе понравиться слушателямъ и казаться побѣдителемъ беретъ преимущество надъ любовью къ миру. Но ничего не можетъ быть болѣе чуждымъ истинной цѣли миролюбивыхъ переговоровъ. Необходимо, чтобы было различіе между адвокатами, которые превозносятъ свое дѣло, и между посредниками (des entremetteurs), которые ведутъ переговоры [1]).

Лейбницъ нѣсколько разъ взываетъ къ миролюбію и къ умѣренности. „Здѣсь дѣло не въ томъ, пишетъ онъ, чтобы спорить и сочинять книги, но чтобъ узнать, что каждый въ состояніи сдѣлать съ

---

[1]) T. I, p. 233: On a quitté exprès toutes ces manières qui sentent la dispute, et tous ces airs de supériorité que chacun a coutume de donner à son parti, et quidquid ab utraque parte dici potest, etsi ab utraque parte vere dici non possit; cette fierté choquante, ces expressions de l'assurance, où chacun est en effet, mais dont il est inutile et même déplaisant de faire parade auprès de ceux, qui n'en ont pas moins de leur part.

своей стороны". Далѣе онъ говоритъ: „Я часто нахожу, что всѣ стороны правы, когда онѣ другъ друга понимаютъ, и я не столько люблю опровергать и разрушать, сколько находить нѣчто новое и строить на старомъ основаніи" [1]).

Лейбницъ жалуется Пелиссону на жесткость и неуступчивость Боссюета: „Я былъ удивленъ, что онъ только относительно меня употребляетъ такія рѣзкія выраженія, какъ будто то, что онъ говоритъ, касается меня болѣе, чѣмъ другихъ; я напротивъ ожидалъ признательности за то, что я пошелъ въ уступкахъ дальше обыкновеннаго. Но такова судьба умѣренныхъ. Сначала пользуются ихъ уступчивостью безъ всякой благодарности, а потомъ, когда они не въ состояніи идти такъ далеко, какъ отъ нихъ требуютъ, имъ предлагаютъ худшія условія, чѣмъ тѣмъ, которые держались совершенно въ сторонѣ".

При всей жесткости, въ натурѣ Боссюета было много благороднаго. Извѣстіе, что Лейбницъ считаетъ себя оскорбленнымъ, огорчаетъ его. Онъ не рѣшается извиниться, но проситъ Пелиссона оправдать его передъ Лейбницемъ [2]). „Вы ему уже все сказали, пишетъ онъ Пелиссону, увѣривъ его, что я исполненъ уваженія къ нему и что любовь къ истинѣ и забота о его спасеніи вынуждали меня говорить такимъ образомъ".

Но эти мелкія столкновенія между Боссюетомъ и Лейбницемъ были не случайны. Въ ихъ натурахъ было слишкомъ много антипатичнаго. По поводу латинской эпиграммы Лейбница на вновь изобрѣтенныя бомбы, Боссюетъ высказывается нѣсколько иронически о его многосторонности. Иногда онъ какъ будто сомнѣвается въ правѣ Лейбница вмѣшиваться въ богословіе [3]). Съ другой стороны Лейбница отталкиваетъ важность и строгость могущественнаго прелата; онъ пишетъ о немъ Банажу: „son humeur était un peu chagrine". Когда во Франціи возгорѣлся споръ о томъ, слѣдуетъ ли допускать актеровъ къ причастію, и Боссюетъ написалъ свое знаменитое сочиненіе

---

[1]) Bien souvent je trouve, qu'on a raison de tous côtés quand on s'entend, — p. 301.

[2]) Je suis moy-même obligé de le déposer en votre sein; tirez, Monsieur, de ce fond si plein de douceur tout ce que vous y trouverez de plus capable de le satisfaire. Bos. à Pel. p. 345.

[3]) J'admire, qu'un homme de ce génie ait encore le talent de la poésie et des belles lettres avec celui de l'histoire. C'est en verité être trop ambitieux en matière de littérature et de science; c'est donner à tout. Je souhaite de tout mon coeur de pouvoir louer aussi sa théologie en tous ses points, — p. 344.

противъ театра, Лейбницъ осмѣялъ эту нетерпимость въ ѣдкой эпиграммѣ [1]).

Рѣзкій контрастъ съ важностью и жесткостью Боссюета представляетъ наивность и неотвязчивость М. де-Бринонъ, которая также принимаетъ дѣятельное участіе въ перепискѣ. Ученыя разсужденія ей не удаются; у нея только одна цѣль—обратить Лейбница скорѣе въ католицизмъ. Она чистосердечно восхваляетъ католическую церковь и пренаивно высказываетъ свой страхъ за спасеніе Лейбница. Она недовольна, когда онъ въ своихъ письмахъ говоритъ о философіи, и упрекаетъ его, что онъ больше занимается своей динамикой, чѣмъ своимъ спасеніемъ. Лейбницъ дѣйствительно въ письмахъ къ Пелиссону и Боссюету часто говоритъ о философіи, объясняетъ имъ свой взглядъ на картезіанизмъ и излагаетъ свою систему. Нѣкоторыя изъ относящихся сюда писемъ превосходно очерчиваютъ извѣстныя идеи философіи Лейбница. Онъ надѣялся чрезъ покровительство Боссюета открыть своей философіи доступъ въ ученый міръ Франціи; ибо французскіе журналисты и академики, преданные картезіанизму, неохотно печатали въ своихъ изданіяхъ опроверженія его. Узнавъ, что Лейбницъ занимается исторіей Брауншвейгскаго дома, М. де-Бринонъ пишетъ ему: „Я не могу не сожалѣть о равнодушіи къ истинному величію, когда вижу какъ люди стараются собирать остатки человѣческой славы и какъ они ищутъ ее въ прахѣ своихъ предковъ,—тамъ, гдѣ слѣдовало бы скорѣе изучать суетность мірскихъ почестей, чѣмъ воскрешать на бумагѣ жалкіе остатки минувшаго тщеславія“.

Послѣ смерти Пелиссона, М. де-Бринонъ играетъ роль посредницы между Боссюетомъ и Лейбницемъ; она ободряетъ ихъ продолжать начатое дѣло и не терять надежды на успѣхъ. Она умоляетъ Боссюета согласиться на уступки, если онѣ возможны, и настаиваетъ, чтобъ онъ не прекращалъ переписки съ Лейбницемъ. Она называетъ послѣдняго: le plus doux du monde et le plus raisonnable. Лейбницъ благодаритъ ее за ея содѣйствіе. „Я столько же убѣдился, пишетъ онъ ей, въ вашей добротѣ, сколько въ вашемъ благоразуміи, которыя побуж-

---

[1]) Aux Docteurs Anticomédiens:

Sévères directeurs des hommes,
Savez vous, qu'au siècle où nous sommes
Un Molière édifie autant, que vos leçons?
Le vice bien raillé n'est pas sans pénitence,
Il faut pour réformer la France
La Comédie ou les Dragons.

даютъ васъ давать всему лучшій оборотъ и принимать съ хорошей стороны то, что я высказалъ, можетъ-быть, съ излишней свободой: вы подражаете Богу, Который извлекаетъ добро изъ зла". Не смотря, однако, на всѣ старанія М. де-Бринонъ, переписка между Лейбницемъ и Боссюэтомъ прервалась, въ 1693 году, почти на пять лѣтъ.

Вину этого перерыва Лейбницъ приписываетъ Боссюэту. Онъ жалуется, что послѣдній не сдержалъ своего обѣщанія никому не показывать писемъ Ганноверскихъ богослововъ, и что Боссюэтъ былъ не довольно искрененъ и откровененъ относительно вопроса, считаетъ ли онъ возможнымъ присоединеніе протестантовъ безъ признанія съ ихъ стороны Тридентинскаго собора. Это происходило отъ того, что Боссюэтъ не сочувствовалъ плану „предварительнаго соединенія протестантовъ съ католиками", котораго желали Спинола и Лейбницъ, при чемъ вопросъ о Тридентинскомъ соборѣ былъ бы обойденъ, протестанты сохранили бы всѣ свои особенности, и разрѣшеніе всѣхъ недоразумѣній было бы предоставлено какому-нибудь собору въ отдаленномъ будущемъ [1]). Боссюэтъ, какъ мы видѣли, допускалъ только одну методу — методу обыкновенную (d'exposition), которой онъ самъ держался въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ считалъ достаточнымъ для протестантовъ удовлетворительное объясненіе оспариваемыхъ ими католическихъ догматовъ, напримѣръ, поклоненія святымъ, и затѣмъ требовалъ отъ нихъ безусловнаго присоединенія къ католицизму.

Послѣ того, какъ Боссюэтъ устранился отъ переговоровъ, на сценѣ остался одинъ Спинола. Лейбницъ предлагаетъ ему, что напишетъ отчетъ о религіозныхъ переговорахъ въ Ганноверѣ какъ будто съ католической точки зрѣнія, а ему совѣтуетъ составить такой же отчетъ, какъ будто написанный протестантомъ. Лейбницъ хотѣлъ этимъ показать, что обѣ точки зрѣнія вовсе не такъ различны. Спинола съ удовольствіемъ согласился на этотъ планъ, и Лейбницъ вскорѣ прислалъ ему свой Judicium Doctoris Catholici de Tractatu Reunionis etc. Но въ слѣдующемъ, 1695 году, умеръ Спинола. Императоръ Леопольдъ, правда, далъ его преемнику въ Нейштадтской епархіи, графу Бухгайму, такое же полномочіе продолжать переговоры съ протестантами, но новый

---

[1]) Боссюэтъ опасается: «des moyens qui ne nous fissent point tomber dans un schisme plus dangereux et plus irrémédiable, que celui, que nous tacherions de guérir. La voye déclaratoire que je vous propose évite cet inconvénient, et au contraire la suspension, que vous proposez, nous y jette jusqu'au fond, sans qu'on s'en puisse tirer.

епископъ не обладалъ самоотверженіемъ, неутомимостью и дипломатическими способностями своего предшественника.

Въ это время сношенія между Парижемъ и Ганноверомъ поддерживались только перепиской М. де-Бринонъ съ Лейбницемъ и герцогиней Софьей. Ревностная монахиня начала надоѣдать имъ неотвязчивостью, съ которою она восхваляла католицизмъ, и безцеремонностью, съ которой упрекала ихъ въ ереси и въ равнодушіи. Герцогиня очень мило отдѣлывалась отъ нея своимъ обыкновеннымъ юморомъ. Мы приводимъ отрывокъ одного изъ ея писемъ къ М. де-Бринонъ, на французскомъ языкѣ, чтобы не лишить его оригинальности:

«Ce m'est une très grande joye, madame, d'avoir pu contribuer en quelque chose à votre satisfaction; la récompense ne seroit pas proportionnée, si elle me monstroit un meilleur chemin pour aller en paradis, que celuy, qui m'a été monstré par la Providence divine, où il me semble qu'on se doit arrester, quand on n'a pas assez d'esprit pour mieux choisir, ny de temps pour lire tout ce qui a esté dict pour et contre..... David ne souhaita que d'estre portier de la maison de Dieu; je ne prétends point de plus grande charge. Ceux qui sont plus esclairés que moy posséderont peut-estre des lieux plus éminens; car Jésus Christ dit, que dans la maison de son Père il y a plusieurs demeures. Quand vous serez dans le vostre et moy dans le mien, je ne manqueray pas de vous y faire la première visite, et nous y serons apparemment bien d'accord, car il ne s'agira plus de disputes de religion, etc.».

Иногда, впрочемъ, герцогиня возвышаетъ тонъ и становится серіознѣе и безпощаднѣе. Она указываетъ на всѣ ужасы, которые совершены во Франціи во имя католической религіи, начиная отъ Варѳоломеевской ночи и до послѣднихъ преслѣдованій гугенотовъ, и спрашиваетъ, гдѣ же тутъ христіанство. „Вся Англія, Голландія и Германія — свидѣтельницы этой прекрасной религіи, ибо переполнены бѣглецами, изъ которыхъ одни сидѣли въ тюрьмѣ, другіе потеряли дѣтей, третьи—все достояніе. Вотъ это по-христіански. А сколькихъ лишили жизни за то, что они по своему молились Богу или пѣли псалмы! Вы, конечно, скажете, что вы въ этомъ не виноваты, и я съ вами совершенно согласна. Но это значитъ только, что насъ не спасетъ названіе ни католика, ни протестанта, а только проявленіе нашей вѣры добрыми дѣлами“.

Къ Лейбницу М. де-Бринонъ приступала еще болѣе безцеремонно. Говоря о заслугахъ умершаго Пелиссона, она продолжаетъ: „Но все это послужитъ только къ болѣе строгому осужденію (condamnation)

тѣхъ, которымъ самыя ясныя истины религіи служили только забавой для ума (un jeu d'esprit). Я всегда удивляюсь, когда вы мнѣ говорите, что потомство воспользуется вашею дѣятельностью, но что вы не въ состояніи извлечь пользу изъ нея. Вашъ прекрасный умъ (bel esprit), который мы умѣемъ цѣнить, послужитъ вамъ очень мало для вѣчности, если вы будете трудиться только для другихъ, а сами по прежнему станете обнаруживать много свѣта безъ рвенія и теплоты, то-есть, равнодушіе къ вашему спасенію.... Если бы вы были католикомъ, вы обратили бы всю Германію въ католицизмъ, съ помощью вашего ума и подъ руководствомъ Господа.... То, что вы мнѣ говорите въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, чрезвычайно тонко, но нисколько не успокоиваетъ меня относительно вашего спасенія... Я всегда удивлялась тому и не разъ повторяла, что еретики ни во что не ставятъ религію, и что они большею частью готовы промѣнять ее на какое-нибудь мимолетное счастье; вотъ до чего доводитъ дурное правило, будто бы можно спастись во всѣхъ религіяхъ".

Выведенный изъ терпѣнія такими неделикатными намеками, Лейбницъ принимаетъ болѣе рѣшительный и энергическій тонъ: „Вы совѣтуете мнѣ въ теченіе мѣсяца не заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ моей религіи. Но что одинъ мѣсяцъ, въ сравненіи съ столькими годами, которые я посвятилъ этому вопросу, начиная съ 22-хъ лѣтъ?... Еслибъ интересъ или честолюбіе были моими идолами, судите сами, могъ ли бы я, будучи тогда еще молодымъ человѣкомъ, устоять противъ такихъ важныхъ выгодъ, которыя уравновѣшивались одною моею совѣстью? Я никогда не пропускалъ случая узнать истину; напротивъ, мое изученіе богословской науки заходило гораздо дальше того, чего можно было требовать въ моемъ званіи. Я рано усмотрѣлъ всѣ преимущества вашей партіи, но я замѣтилъ также, что они уничтожаются гораздо болѣе сильными доводами.... Если между католиками встрѣчается меньше примѣровъ обращеній изъ-за интереса, то это не потому, чтобъ они были болѣе образованы, но напротивъ, потому что они менѣе развиты, не хотятъ ничего знать и менѣе подвержены искушеніямъ, чѣмъ наши... Я очень далекъ отъ того равнодушія въ религіи, въ которомъ вы меня обвиняете. Еслибъ оно у меня было, я присоединился бы къ вашей церкви въ то время, когда я могъ это сдѣлать съ большою выгодой. Но я считалъ опаснымъ для спасенія принадлежать къ вашей церкви, пока она не исправится, и еще болѣе опаснымъ присоединиться къ ней вновь. А что касается до философскаго духа, отъ котораго, по совѣту вашего друга, слѣ-

дуетъ отдѣлаться, то это то же самое, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что нужно отдѣлаться отъ любви къ истинѣ; ибо философія есть не что иное. Наконецъ, позвольте мнѣ въ свою очередь просить васъ изъ любви къ Богу подумать о себѣ и о вашихъ друзьяхъ, не находитесь ли *вы* въ опасномъ положеніи. Если вы сами не придерживаетесь суевѣрій, то этого еще недостаточно; слѣдуетъ и другихъ выводить изъ нихъ. Подумайте сами; развѣ тѣ, которые обращаютъ свои молитвы прямо къ Богу, не ближе къ Нему, чѣмъ тѣ, которые придерживаются суевѣрныхъ обрядовъ и отдаютъ твореніямъ то, что̀ принадлежитъ одному Господу"?

И затѣмъ Лейбницъ приступаетъ къ подробному вычисленію того, что̀ онъ считаетъ суевѣрнымъ въ католической церкви.

Лейбницъ съ прискорбіемъ видѣлъ, что ему приходится ограничиться перепиской съ одной М. де-Бринонъ, отъ чего нельзя было ожидать серіозныхъ послѣдствій. Онъ все еще надѣялся, что религіозные переговоры съ Франціей приведутъ къ какому-нибудь результату. Humanum paucis vivit genus, говорилъ онъ въ письмѣ къ Боссюэту. Если бы Людовикъ XIV, папа и императоръ только серіозно захотѣли, имъ было бы легко водворить религіозный миръ въ Европѣ.

Между тѣмъ положеніе Лейбница въ Ганноверѣ измѣнилось. Курфирстъ Эрнстъ, который съ самаго начала интересовался переговорами съ католиками, умеръ. Сынъ его Георгъ могъ разчитывать со временемъ вступить на англійскій престолъ. При враждѣ Англичанъ къ *папизму*, онъ долженъ былъ вести себя осторожно относительно католиковъ и онъ былъ недоволенъ, что такое близкое къ нему лицо какъ Лейбницъ постоянно находится въ сношеніяхъ съ Франціей и съ католиками. Лейбницъ долженъ былъ искать для своей цѣли другихъ посредниковъ и покровителей. Наконецъ, ему удалось заинтересовать въ этомъ престарѣлаго герцога Вольфенбюттельскаго Антона-Ульриха, союзника Франціи.

Мы должны остановиться на этой личности, тѣмъ болѣе что онъ былъ дѣдъ принцессы Шарлотты, жены царевича Алексѣя, и что одинъ изъ правнуковъ Антона-Ульриха носилъ титулъ Русскаго Императора подъ именемъ Іоанна VI.

Антонъ-Ульрихъ былъ внукомъ того герцога Люнебургскаго Генриха, который отказался отъ престола въ пользу своего младшаго брата и оставилъ себѣ одно только графство Даннебергъ. Отецъ Антона Августъ сдѣлался извѣстенъ своей любовью къ наукѣ и своей заботливостью о народномъ образованіи. Онъ собралъ у себя въ Воль-

фенбюттелѣ громадную библіотеку и самъ составилъ каталогъ ея въ трехъ фоліантахъ. По прекращеніи старшей Вольфенбюттельской линіи ему удалось пріобрѣсти изъ ея наслѣдства Вольфенбюттельское герцогство, тогда какъ остальныя ея владѣнія перешли къ младшей, Ганноверской линіи.

Вся семья этого Августа отличалась ученостью и литературными занятіями. Третья жена его, Елисавета, писала много религіозныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ и переводила французскіе романы „для нравственнаго назиданія". Всѣ дѣти Августа получили очень серіозное образованіе. Одна изъ дочерей его даже переписывалась на латинскомъ языкѣ съ учеными богословами своего времени и писала духовные стихи и религіозныя размышленія. Изъ сыновей старшій, Рудольфъ-Августъ, былъ кроткаго и тихаго нрава; какъ вся семья, онъ былъ очень религіозенъ и выражалъ свое религіозное настроеніе въ различныхъ произведеніяхъ. Младшій братъ, Фердинандъ-Альбрехтъ Беверискій, былъ совершенно иного характера. Онъ провелъ полжизни въ путешествіяхъ и описалъ эти путешествія въ двухъ квартантахъ подъ заглавіемъ: Ferdinand-Albrechts des wunderlichen, wunderliche Begebniesse und wunderlicher Zustand in dieser wunderlichen verkehrten Welt. Въ послѣднее время жизни онъ былъ постоянно одержимъ страхомъ смерти; онъ боялся своихъ собственныхъ дѣтей и получилъ прозвище: der Herzog von Zittern und Bevern. Его внукомъ былъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгъ-Беверискій, который женился въ Россіи на Аннѣ Леопольдовнѣ.

Второй сынъ Августа, Антонъ-Ульрихъ, представляетъ собой переходъ отъ древней патріархальности и религіозности къ вѣку Людовика XIV. Въ немъ былъ сильно развитъ интересъ къ наукѣ и литературѣ, но въ то же время онъ любилъ роскошь и великолѣпіе и былъ чрезвычайно тщеславенъ. Онъ написалъ два длинныхъ романа во вкусѣ того времени, которое любило въ герояхъ соединеніе необыкновенной доблести съ сладостью Аркадскихъ пастуховъ. Первый изъ этихъ романовъ: „Римская Октавія" напечатанъ на 434 печатныхъ листахъ, и одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ его заключаетъ въ себѣ исторію несчастной принцессы Альденской. Второй романъ назывался „Месопотамское пастушество, или свѣтлѣйшая Сирянка Арамена" и заключалъ въ себѣ романтическое изображеніе нравовъ и обычаевъ ветхозавѣтныхъ народовъ. Романы Антона Ульриха были интересны, потому что онъ въ нихъ описывалъ различныя придворныя происшествія своего времени. Кромѣ романовъ, Антонъ-Ульрихъ со-

чинялъ еще итальянскія оперы, которыя давалъ на своемъ театрѣ. Но Антонъ-Ульрихъ не довольствовался литературною дѣятельностью. Какъ всѣ князьки Германіи, онъ подражалъ великолѣпію Людовика XIV и устроилъ свой „Версаль" въ Зальцдалумѣ, одномъ загородномъ замкѣ, который онъ украсилъ по модѣ того времени со всевозможною роскошью. При этомъ онъ страдалъ неумѣреннымъ политическимъ честолюбіемъ. Его братъ принялъ его въ соправители и предоставилъ ему почти всѣ заботы объ управленіи. Съ тѣхъ поръ всѣ стремленія Антона-Ульриха были направлены на то, чтобы поравняться съ своими болѣе счастливыми и могущественными родственниками младшей линіи, которые владѣли Ганноверомъ и Люнебургомъ. Онъ негодовалъ на своего дѣда, который подобно Исаву даромъ уступилъ свои права младшему брату. Онъ считалъ несправедливымъ раздѣленіе Вольфенбюттельскаго наслѣдства и утверждалъ, что все наслѣдство должно было перейдти къ старшей линіи. Онъ протестовалъ противъ учрежденія въ Ганноверской линіи права первородства и противъ соединенія Ганновера и Люнебурга въ однихъ рукахъ. Но особенно оскорбило его, когда герцогъ Ганноверскій достигъ курфиршескаго сана. Антонъ-Ульрихъ долго интриговалъ противъ этого при императорскомъ дворѣ, и наконецъ, сталъ во главѣ недовольныхъ князей. Когда всѣ эти попытки остались тщетными, онъ заключилъ союзъ съ Франціей. Приближалось время войны за испанское наслѣдство. Франція дорожила союзниками внутри Германіи. Она заключила съ Вольфенбюттелемъ оборонительный союзъ, для поддержанія Вестфальскаго и Рисвикскаго мира. И Антонъ-Ульрихъ сталъ содержать на французскія субсидіи значительное войско.

Лейбницъ сдѣлался извѣстенъ Антону-Ульриху скоро послѣ 1680 года и до такой степени пріобрѣлъ его расположеніе, что тотъ назначилъ его библіотекаремъ своей знаменитой библіотеки въ Вольфенбюттелѣ. Это было почетное назначеніе, которое должно было давать Лейбницу возможность отъ времени до времени пріѣзжать въ Вольфенбюттель и видѣться съ Антономъ-Ульрихомъ. Положеніе Лейбница между враждующими герцогами было не всегда пріятно, и особенно Георгъ не разъ высказывалъ ему свое неудовольствіе за частыя отлучки въ Вольфенбюттель. При дворѣ Антона-Ульриха находился французскій повѣренный Дю-Геронъ (Du Héron); Лейбницъ воспользовался этимъ, чтобы возобновить переговоры съ Франціей. Онъ убѣдилъ Антона-Ульриха помочь ему своимъ вліяніемъ и расположить Людовика XIV въ пользу соединенія церквей.

Лейбницу хотѣлось, чтобы со стороны Франціи эти переговоры велись не какимъ-нибудь духовнымъ лицомъ, отъ котораго можно было ожидать такой же неуступчивости, какъ отъ Боссюета, но чтобъ они были поручены свѣтскому лицу. Лейбницъ имѣлъ при этомъ въ виду одного изъ членовъ высшей французской магистратуры, которые были извѣстны своею привязанностью къ привилегіямъ галликанской церкви и постоянною оппозиціей противъ притязаній римской куріи.

Маркизъ де-Торси, министръ иностранныхъ дѣлъ, черезъ руки котораго шли переговоры, показалъ письмо Лейбница Боссюету, и это послужило поводомъ къ возобновленію переписки между ними. Боссюетъ держалъ себя очень благородно; онъ не былъ на столько мелоченъ, чтобъ обидѣться желаніемъ Лейбница привлечь къ дѣлу юриста, а напротивъ оправдывался въ томъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ прервалъ съ нимъ переписку. Онъ приписывалъ всю вину войнѣ, которая происходила тогда между Франціей и Германіей и которая недавно окончилась Рисвикскимъ миромъ, и высказалъ готовность отвѣтить на всѣ запросы Лейбница. На этотъ разъ переписка между ними приняла болѣе спеціально-ученый характеръ. Вычисляя всѣ нововведенія, которыя онъ приписывалъ Тридентинскому собору, Лейбницъ указалъ между прочимъ на то, что этотъ соборъ принялъ апокрифическія книги Ветхаго Завѣта въ число каноническихъ. Боссюетъ же доказывалъ, что хотя эти книги и не были приняты въ еврейскій канонъ, онѣ однако пользовались такимъ же значеніемъ у христіанъ, какъ и каноническія, и потому Тридентинскій соборъ, уравнявъ ихъ съ послѣдними, не сдѣлалъ никакого нововведенія. Этотъ споръ вызвалъ съ обѣихъ сторонъ по два ученыхъ трактата, въ которыхъ каждый старался исторически прослѣдить вопросъ объ апокрифическихъ книгахъ, и при этомъ особенно Лейбницъ обнаружилъ поразительную начитанность въ твореніяхъ отцовъ церкви и глубокое знакомство съ церковной исторіей.

Боссюетъ предостерегалъ Лейбница, что критика священныхъ книгъ обоюдоострый мечь. Но Лейбницъ, какъ мы видѣли, былъ остороженъ относительно этого вопроса. „Къ чему мнѣ, пишетъ онъ Боссюету, измѣнять вопросъ и спорить о книгахъ Новаго Завѣта? Достаточно того, что я доказалъ, какъ Тридентинскій соборъ ошибся относительно Ветхаго Завѣта“. Лейбницъ считаетъ необходимымъ при опредѣленіи каноническихъ книгъ не ограничиваться правилами обыкновенной критики, но принять также во вниманіе образъ дѣйствія Провидѣнія, Которое хотѣло особенно отличить эти книги передъ дру-

гики. Это замѣчаніе, сказанное вскользь и поэтому не объясненное Лейбницемъ, очень важно и устанавливаетъ особенную точку зрѣнія для критики религіозныхъ книгъ. Современные критики, изслѣдуя подлинность священныхъ книгъ и достовѣрность сообщенныхъ въ нихъ извѣстій, примѣняютъ къ нимъ пріемы обыкновенной исторической критики. Лейбницъ, не отвергая критики, считаетъ ее недостаточной. По его мнѣнію нуженъ не только анализъ, но и синтезъ. Если признать, что исторіей человѣчества руководитъ Провидѣніе, то дѣйствіе Провидѣнія должно особенно отражаться въ религіозной судьбѣ человѣчества, и поэтому при объясненіи явленій религіозной жизни нельзя останавливаться на выводахъ мелкой критики, а нужно имѣть въ виду весь ходъ человѣческой исторіи и ею освѣщать отдѣльные факты.

Кромѣ апокрифовъ, принятыхъ Тридентинскимъ соборомъ въ число каноническихъ книгъ, Лейбницъ указывалъ еще на другія перемѣны въ католической церкви. „Если вы будете утверждать, пишетъ онъ Боссюету, что церковь всегда высказывала себя въ пользу того мнѣнія, которое было самымъ распространеннымъ и самымъ популярнымъ, вамъ будетъ трудно доказать это примѣрами. Дѣло въ томъ, что самыя распространенныя и популярныя мнѣнія утрачиваютъ со временемъ это свойство и замѣняются другими, и часто то, что въ настоящее время признается правовѣрнымъ (eudoxe), прежде считалось невѣрнымъ (paradoxe), и наоборотъ. Такъ, напримѣръ, мнѣніе о тысячелѣтнемъ царствѣ Божіемъ было очень популярно въ древней церкви, а теперь отвергается. Въ наше время полагаютъ, что у ангеловъ нѣтъ плоти, а древніе отцы церкви приписывали имъ тѣло, хотя болѣе совершенное, чѣмъ наше“ и т. д.

Лейбницъ хотѣлъ этимъ доказать, что церковь не всегда была такъ послѣдовательна, какъ его хотѣлъ увѣрить Боссюетъ. Но Боссюетъ оставался равнодушенъ къ историческимъ урокамъ, которые ему давалъ Лейбницъ. Для него было несомнѣнно, что въ католической церкви никогда не было ни малѣйшаго измѣненія или нововведенія, и съ этой точки зрѣнія онъ отвергалъ или толковалъ всѣ факты, приводимые Лейбницемъ. Позволить протестантамъ отступить отъ догматовъ, установленныхъ церковью, значило бы подвергнуть сомнѣнію ея непогрѣшимость. Вслѣдствіе этого Боссюетъ считалъ невозможной такую сдѣлку съ протестантами, при которой пришлось бы сдѣлать имъ какую-нибудь уступку. „Ибо, если бы, говорилъ онъ, наши преемники присвоили себѣ то же самое право измѣнять наши постановленія, какое мы себѣ присвоиваемъ относительно нашихъ пред-

комъ, тогда бы оказалось, что думая излѣчить одну рану, мы только открыли другую, еще бо́льшую. Въ религіи не было бы ничего прочнаго, и поэтому всѣ, которые, подобно намъ, любятъ постоянство (la stabilité), должны принять за основаніе, что всѣ постановленія церкви неизмѣнны и непогрѣшимы.... Первое, что̀ сдѣлаетъ вселенскій соборъ, который вы предлагаете, хотя не опредѣляете, какимъ образомъ онъ долженъ быть составленъ, это то, что онъ подвергнетъ новому изслѣдованію всѣ догматы вѣры и какъ бы пересоздастъ ихъ. Поэтому оставьте насъ такъ, какъ вы насъ нашли, и не принуждайте всѣхъ измѣнять и подвергать все сомнѣнію; оставьте на землѣ нѣсколькихъ христіанъ, которые не дѣлаютъ невозможнымъ всякое нерушимое постановленіе въ вопросахъ вѣры, которые осмѣливаются быть увѣренными въ религіи и ожидать отъ Іисуса Христа, согласно съ Его обѣщаніемъ, неизмѣнной помощи въ судьбахъ церкви. Вѣдь это единственная надежда христіанства".

Лейбницъ пришелъ въ негодованіе отъ такого тона. „Къ чему эти трагическія выраженія? Какъ будто мы не хотимъ оставить на землѣ нѣсколькихъ христіанъ и т. д. Это, говорите вы, единственная надежда христіанства. Но нужно васъ просить въ свою очередь оставить на землѣ людей, которые противятся потоку злоупотребленій, которые не хотятъ допустить, чтобъ авторитетъ церкви былъ униженъ недостойными козними, и которые не позволяютъ злоупотреблять обѣщаніями Іисуса Христа, для того чтобы воздвигнуть идолъ заблужденій; въ этомъ случаѣ помощь Іисуса Христа, единственная надежда христіанъ, сдѣлалась бы очень неясной и невѣрной. Присоединитесь лучше къ нимъ, если это возможно, и возвратите христіанству его чистоту. Утверждать, что вы не можете допустить пересмотра догматовъ, значитъ только повторять прежнія уловки. Пересмотръ нуженъ по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые имѣютъ основаніе сомнѣваться въ мнимой непогрѣшимости постановленій. Какъ будто шайка мелкихъ италіянскихъ епископовъ, питомцевъ и приверженцевъ Рима, необразованныхъ и равнодушныхъ къ истинному христіанству, имѣла право, собравшись въ уголкѣ Альпъ, вопреки мнѣнію лучшихъ людей того времени, сочинить постановленія, которыя должны быть обязательными для всей церкви. Нѣтъ, такой соборъ никогда не можетъ быть признанъ вселенскимъ, безъ того чтобы не нанести христіанской церкви неизлѣчимую рану".

Лейбницъ былъ возмущенъ сдержанностью и неуступчивостью Боссюета; онъ приписывалъ ему главную вину того, что соединеніе цер-

квей не удавалось, и нѣсколько разъ слагалъ на него отвѣтственность за эту неудачу. „Я думаю, что нѣтъ ни одного человѣка, совѣсть котораго была бы столько заинтересована въ этомъ, какъ ваша. Можетъ-быть, со временемъ васъ будутъ считать виновникомъ того, что одно изъ самыхъ великихъ благъ для человѣчества не было достигнуто. Ибо вы имѣете большее вліяніе на короля въ этомъ дѣлѣ, а всѣ знаютъ, какъ велика сила короля въ мірѣ".

Переписка была прервана окончательно въ 1701 г., за три года до смерти Боссюэта. Лейбницъ уже прежде убѣдился въ томъ, что полное соединеніе церквей въ религіозномъ отношеніи невозможно, но онъ думалъ этими переговорами по крайней мѣрѣ достигнуть гражданскаго примиренія, или полной вѣротерпимости. „И я тоже, писалъ онъ въ 1697 году своему другу Фабрицію, профессору богословія въ Гельмштедтскомъ университетѣ, и я тоже много трудился надъ умиротвореніемъ религіозныхъ споровъ; но я скоро убѣдился, что соглашеніе между догматами дѣло тщетное, и что тѣ, которые стараются найдти объясненія, удовлетворяющія обѣ стороны, трудятся только напрасно и подвергаются всеобщимъ насмѣшкамъ. Тогда я придумалъ нѣчто въ родѣ Божьяго мира (inducias tantum sacras excogitare volui) и рѣшился развить и распространить идею терпимости, которая лежитъ въ основаніи Вестфальскаго мира" [1]). Въ другомъ письмѣ къ нему онъ говоритъ: „Я не столько трудился надъ духовною, сколько надъ гражданскою терпимостью; ибо никогда нельзя будетъ достигнуть, чтобы обѣ стороны не осуждали взаимно другъ друга. Если запретить *богословамъ* (doctoribus ecclesiasticis) такое осужденіе, они всѣ будутъ кричать, что это значитъ одобрять ученіе противниковъ. Пусть же они другъ друга осуждаютъ, но безъ оскорбленій, безъ несправедливыхъ нареканій. Еслибъ Англичане приняли этотъ *Божій миръ*, они бы не сожигали ежегодно съ большою торжественностью и съ большими издержками образъ папы. Пусть они откажутся отъ преслѣдованій, отъ инквизиціи, отъ насильства, пусть они каждому предоставятъ хоть въ частной жизни свободу богослуженія (privatim exercitium concedant); пусть они обуздаютъ рѣзкость нѣкоторыхъ сочиненій и пр. О догматахъ же и о спорныхъ вопросахъ я совсѣмъ не забочусь; я всегда думалъ, что водворить миръ между различными исповѣданіями дѣло не *богослововъ*, а *политиковъ*. Богословамъ же можно оставить ихъ привычки [2]); но на какомъ основаніи достигнуть

[1]) Dutens VI. 141.

[2]) Illis enim sui mores essent relinquendi! Op. L. ed. Dutens VI. 146.

мира и равенства между различными вѣроисповѣданіями и какимъ способомъ устранить вражду и нареканія — это слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію свѣтскихъ государей".

Эти слова важны для объясненія дѣятельности Лейбница. Они показываютъ, что религіозные переговоры были для него не забавою ума (какъ говорила М. де Бриннонъ) и не средствомъ, чтобы выказать свою діалектическую ловкость и ученость въ богословіи. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ политикъ и философъ, который желалъ избавить человѣчество отъ бѣдствій, причиненныхъ ему религіозной враждой, и который считалъ необходимымъ, если нельзя достигнуть религіознаго объединенія всѣхъ христіанскихъ церквей, по крайней мѣрѣ установить полную вѣротерпимость, безъ которой не можетъ развиваться гражданское общество. Не одинъ Лейбницъ въ XVII вѣкѣ отстаивалъ свободу совѣсти; но стремленіе къ вѣротерпимости у многихъ современниковъ его вытекало изъ равнодушія къ религіи, его же заслуга заключалась въ томъ, что глубоко сознавая важность религіозныхъ вѣрованій для человѣка, онъ требовалъ не только вѣротерпимости, но и взаимнаго уваженія къ религіознымъ убѣжденіямъ другъ друга.

Какъ легко однако люди поверхностные могутъ злоупотреблять идеями вѣротерпимости, доказываетъ одинъ фактъ, случившійся въ кругу лицъ, соприкосновенныхъ съ Лейбницемъ. Герцогъ Антонъ-Ульрихъ продолжалъ сноситься съ Франціей и искать у нея опоры противъ Ганновера, даже когда началась война за испанское наслѣдство. Этотъ союзъ могъ быть опасенъ для Германіи и особенно для Ганноверскихъ герцоговъ, и они рѣшились быстрымъ ударомъ положить конецъ интригамъ своего родственника. Зимою 1702 года ихъ войска неожиданно вступили со всѣхъ сторонъ въ герцогство Вольфенбюттельское и обезоружили тамошнія войска. Антонъ-Ульрихъ бѣжалъ, и братъ его долженъ былъ отказаться отъ союза съ Франціей и отъ оппозиціи противъ Ганновера. Черезъ два года послѣ того онъ умеръ, и мѣсто его занялъ Антонъ-Ульрихъ, которому теперь болѣе чѣмъ когда-либо нужна была внѣшняя поддержка. Онъ рѣшился сблизиться съ императоромъ, а средствомъ для этого сближенія избралъ брачный союзъ съ Австрійскимъ домомъ. Молодой братъ императора Іосифа, Карлъ, былъ провозглашенъ испанскимъ королемъ, и для него искали невѣсту. Антонъ-Ульрихъ сначала избралъ для этого свою внучку, Саксенъ-Мейнингенскую принцессу; но родители ея не соглашались, чтобъ ихъ дочь перемѣнила религію. Тогда онъ сталъ интриговать въ пользу другой внучки, Елисаветы-Христины, сестра которой Шар-

лотта-Христина въ послѣдствіи вышла за царевича Алексѣя. Переговоры велись въ Вѣнѣ чрезъ посредство Имгофа и барона Урбиха, который скоро послѣ того былъ назначенъ русскимъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ. Елисаветѣ-Христинѣ покровительствовалъ курфирстъ Пфальцскій, родственникъ императора, и благодаря его участію она восторжествовала надъ своими соперницами. Тринадцатилѣтнюю дѣвочку начали учить католическому закону, чтобы подготовить ее къ перемѣнѣ вѣры. Такія перемѣны вѣры по случаю бракосочетанія были тогда новостью, и родственники Елисаветы вознегодовали противъ Антона-Ульриха. Нужно было успокоить ихъ встревоженную совѣсть, тѣмъ болѣе, что и придворные проповѣдники въ Вольфенбюттелѣ въ своихъ проповѣдяхъ открыто осуждали поступокъ своего герцога. Антонъ-Ульрихъ обратился къ Фабрицію, профессору богословія въ Гельмштедтскомъ университетѣ, который былъ приглашенъ туда вмѣстѣ съ профессоромъ Шмидтомъ, по рекомендаціи Лейбница, за ихъ умѣренность и либеральный образъ мыслей. Но съ просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядомъ на религіозные вопросы Фабрицій соединялъ излишнюю угодливость властямъ и недостатокъ мужества, когда нужно было признаться въ своихъ убѣжденіяхъ. По просьбѣ герцога Фабрицій составилъ записку, въ которой онъ отвѣчалъ утвердительно на вопросъ: можетъ ли лютеранская принцесса съ чистой совѣстью принять по случаю бракосочетанія католическую вѣру. Фабрицій основывалъ это на томъ, что католичество не заключаетъ въ себѣ заблужденій, которыя могли бы воспрепятствовать спасенію, и что тѣ пункты, въ которыхъ оно расходится съ протестантизмомъ, касаются только богослововъ и слишкомъ отвлеченны для принцессы. По совѣту Фабриція Антонъ-Ульрихъ предложилъ всѣмъ профессорамъ богословскаго факультета и другимъ ученымъ знаменитостямъ своего герцогства два вопроса: „Можно ли найдти спасеніе въ католичествѣ и можетъ ли лютеранская принцесса, которой предлагаютъ бракъ съ католическимъ королемъ, принять католицизмъ, не опасаясь за свое спасеніе, особенно если въ этомъ видна воля Провидѣнія и если она своимъ бракомъ можетъ содѣйствовать общественному благу и принести пользу своему дому?“ Отвѣты были различны. Изъ нихъ мы остановимся только на отвѣтахъ Молануса и Лейбница. Моланусъ отвѣчаетъ отрицательно, но какъ придворный богословъ онъ облекаетъ свой отвѣтъ въ мягкія формы. По его мнѣнію, католичество заблуждается болѣе въ обрядахъ, чѣмъ въ ученіи, и человѣкъ, родившійся католикомъ, не знающій своихъ заблужденій и ведущій христіанскую

жизнь можетъ надѣяться на царство небесное. Но тотъ, кто осуждаетъ католичество и принимаетъ его ради матеріальныхъ выгодъ, тотъ грѣшитъ противъ своей совѣсти. Въ настоящемъ случаѣ такого грѣха нѣтъ, и можно думать, что здѣсь все проистекаетъ только изъ сомнѣнія и колебанія. Но на основаніи Посл. къ Римл. 14, все, что вытекаетъ изъ сомнѣнія, а не изъ вѣры, грѣшно. Отвѣтъ Лейбница, хотя тождественный по смыслу, былъ выраженъ въ уклончивой формѣ. Лейбницъ также соглашается, что католическая вѣра можетъ спасти человѣка. Протестантская церковь не осуждаетъ тѣхъ, которые придерживаются католическаго закона безъ лицемѣрія и матеріальныхъ цѣлей. Затѣмъ Лейбницъ дѣлаетъ различіе между *поводами* и *побужденіями* къ перемѣнѣ вѣры. Поводы къ этому могутъ быть матеріальные и случайные, но вслѣдствіе такихъ поводовъ могутъ явиться нравственныя и искреннія побужденія. Болѣзнь, напримѣръ, можетъ привести злодѣя къ раскаянію, плѣнъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что магометанинъ познакомится съ христіанскою вѣрой и приметъ ее; бракъ, повышеніе по службѣ или надежда на наслѣдство могутъ сдѣлаться поводомъ къ тому, что католикъ въ Англіи или протестантъ въ Силезіи займется изученіемъ враждебной религіи и вслѣдствіе этого искренно измѣнитъ свои убѣжденія. Такого человѣка не слѣдуетъ считать лицемѣромъ или отступникомъ.

Смыслъ отвѣта былъ тотъ, что если принцесса, обучившись католическому закону, убѣдится въ его истинѣ, то она можетъ съ чистой совѣстью принять католицизмъ. Но Лейбницъ обошелъ вопросъ, такъ же ли чиста будетъ совѣсть ея дѣда, который ради матеріальныхъ выгодъ отдалъ 13-лѣтнюю дѣвочку въ руки іезуитовъ, предвидя очень хорошо результатъ.

Фабрицій во второй своей запискѣ отвѣтилъ гораздо рѣшительнѣе. По его мнѣнію принцесса съ чистою совѣстію могла обратиться въ католичество, если ей было доказано, что различіе между обоими вѣроисповѣданіями касается не сущности вѣры, а второстепенныхъ вопросовъ; кромѣ того онъ считалъ нужнымъ, чтобъ она не вдавалась въ споры и не осуждала тѣхъ, которые держатся другаго мнѣнія, и наконецъ, чтобъ она была убѣждена, что не отрекается отъ Христа, но изъ одной частной христіанской церкви вступаетъ въ другую, въ которой также можетъ служить Христу. При этомъ онъ сдѣлалъ однако оговорку, что свобода, предоставленная принцессѣ вслѣдствіе различныхъ важныхъ причинъ, не можетъ быть примѣнена ко всѣмъ остальнымъ протестантамъ.

Это *мнѣніе* Фабриція попало въ руки Парижскихъ іезуитовъ и было обнародовано ими какъ мнѣніе богословскаго факультета въ Гельмштедтскомъ университетѣ. Появленіе этой брошюры встревожило протестантскихъ богослововъ въ Германіи и Англіи. Со всѣхъ сторонъ посыпались запросы, протесты, обвиненія и опроверженія. Фабрицій долженъ былъ оправдываться. Онъ не рѣшился прямо отстаивать свой взглядъ и объявилъ, что его мнѣніе искажено въ печати, но не напечаталъ подлиннаго текста, потому что за исключеніемъ нѣсколькихъ грамматическихъ ошибокъ оттискъ былъ вѣренъ. Неудовольствіе противъ Фабриція было особенно велико въ Англіи. Тамъ оттѣснили Стюартовъ отъ престолонаслѣдія только за ихъ привязанность къ католицизму, и приверженцы Ганноверскаго дома были крайне удивлены и оскорблены тѣмъ, что въ Ганноверскомъ университетѣ проповѣдуютъ такія опасныя мнѣнія. Курфирстъ Георгъ встревожился и вытребовалъ отъ университета всѣ акты по дѣлу Фабриція. Послѣдній былъ уволенъ, потому что его либерализмъ слишкомъ противорѣчилъ господствовавшимъ тогда понятіямъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ судить, на сколько этотъ либерализмъ былъ искрененъ или обусловливался угодливостью герцогу.

Лейбницъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Вслѣдствіе своего совѣта Антону-Ульриху онъ также могъ испортить свое положеніе при Ганноверскомъ дворѣ. Въ 1708 году, когда разгласилось дѣло Фабриція, онъ совѣтуетъ ему быть осторожнымъ: „Все наше право на Великую Британію, пишетъ онъ ему, основано на ненависти противъ католической религіи. Поэтому мы должны избѣгать всего, что могло бы бросить на насъ тѣнь, будто бы мы относимся равнодушно къ этой церкви“.

Между тѣмъ Елисавета-Христина была окружена іезуитами и подъ ихъ руководствомъ скоро сдѣлала большіе успѣхи въ католическомъ катихизисѣ. Въ 1707 году она отреклась отъ протестантизма и была обвѣнчана въ Вѣнѣ съ императоромъ Іосифомъ, который заступалъ мѣсто своего брата. Черезъ два года послѣ этого ея дѣдъ Антонъ-Ульрихъ на 77-мъ году жизни принялъ также неожиданно для всѣхъ католичество. Причины его обращенія до сихъ поръ не совсѣмъ извѣстны, но можно сказать утвердительно, что главнымъ побужденіемъ былъ политическій интересъ. Честолюбивый старикъ видѣлъ въ обращеніи своей внучки орудіе для своего возвышенія. „Успокойтесь, писалъ онъ ея матери, когда зашла рѣчь объ обращеніи Елисаветы, и

предоставьте все Богу. Богъ дастъ, Лизочка сдѣлается вторымъ Іосифомъ, чтобы поднять и обезпечить нашъ домъ [2])".

Когда это средство не привело къ желанной цѣли, онъ рѣшился самъ принять католицизмъ. Настоянія учителей его внучки и софизмы снисходительныхъ Гельмштедтскихъ богослововъ смутили старика, который всегда былъ фантастиченъ и склоненъ къ увлеченію. Онъ все болѣе и болѣе убѣждалъ себя, что между протестантизмомъ и католицизмомъ нѣтъ существеннаго различія, а что католицизмъ имѣетъ преимущество большей твердости. Католицизмъ казался ему надежнѣе; у протестантовъ, говорилъ онъ, нѣтъ священниковъ, которые могли бы ему отпустить всѣ грѣхи. А ко всему этому его манила надежда вознаградить себя съ помощью своего родственника императора за неудачи и разочарованія жизни. Вслѣдствіе побѣдъ Мальбрука и Евгенія Савойскаго, курфирсты Баварскій и Кёльнскій, союзники Франціи, были лишены своихъ владѣній. Антонъ-Ульрихъ надѣялся получить часть добычи. Какъ кажется, ему обѣщали епископство Гильдесгеймское или архіепископство Кёльнское. Но всѣ эти надежды были разрушены Утрехтскимъ миромъ. Послѣдніе годы безпокойнаго герцога были не совсѣмъ отрадны. Перемѣна религіи вовлекла его въ споры съ родственниками и земствомъ герцогства. Ему часто доносили, какими упреками его осыпали протестантскіе пасторы въ своихъ проповѣдяхъ. Къ тому же его мучили религіозныя сомнѣнія. Принимая католичество, онъ надѣялся, что ему позволятъ причащаться подъ обоими видами. Онъ считалъ существеннымъ сохранить въ этомъ случаѣ лютеранскій обрядъ. Но папа Климентъ ни за что не хотѣлъ ему этого разрѣшить, даже втайнѣ. Старикъ былъ въ отчаяніи. На смертномъ одрѣ онъ пригласилъ для своего успокоенія и католическаго и протестантскаго пастора и молился съ ними поочередно.

Еще прежде чѣмъ прервались переговоры, которые имѣли цѣлью примиреніе протестантовъ съ католиками, въ Ганноверѣ, при участіи Лейбница, начались другіе для соединенія лютеранской церкви съ реформатской и англиканской. Двѣ причины дѣлали въ то время такое соединеніе особенно желательнымъ для ганноверскаго правительства и для Лейбница. Церковное соединеніе имѣло бы своимъ послѣдствіемъ болѣе тѣсное сближеніе между Ганноверомъ и Пруссіей, самыми силь-

[2]) E. L. stellen ihr Gemüth nur in Ruhe und befehlen die Sache Gott, der wird es schon schicken, dass Lisebethchen der andere Joseph werden wird unser Haus aufzuhelfen und zu versorgen. См. обо всемъ этомъ основательное сочиненіе *Hoek* — Anton-Ulrich und Elisabeth-Christine. Wolf. 1845. p. 79.

ними государствами сѣверной Германіи, изъ которыхъ первое стояло во главѣ лютеранъ, а второе во главѣ реформатскаго исповѣданія. Соединеніе протестантовъ Германіи въ одну церковь казалось тогда особенно необходимымъ вслѣдствіе невыгоднаго для нихъ Рисвикскаго мира. По этому миру Франція должна была возвратить всѣ области, захваченныя ею во время насильственныхъ присоединеній 80-хъ годовъ. Франція успѣла водворить въ нихъ католичество и во время Рисвикскаго мира настояла на томъ, чтобы въ этихъ областяхъ нигдѣ не былъ возстановленъ протестантизмъ. Это требованіе Франціи едва не привело къ междуусобію въ Германіи: протестанты опасались соединенія нѣмецкихъ католиковъ съ Франціей и убѣдились въ необходимости новаго протестантскаго союза.

Переговоры по поводу соединенія протестантскихъ исповѣданій не представляютъ намъ такого интереса, какъ величественная попытка примирить противоположные принципы католицизма и протестантизма. Здѣсь нѣтъ различія въ принципѣ; обѣ стороны расходятся только въ подробностяхъ, въ степени послѣдовательности, съ которою они примѣняютъ общій принципъ. Поэтому предметы переговоровъ мельче и незначительнѣе. Къ тому же лица, съ которыми приходится Лейбницу переписываться и сноситься, стоятъ гораздо ниже его прежнихъ корреспондентовъ. Это — обыкновенные протестантскіе богословы, изъ которыхъ ни одинъ по таланту и европейской извѣстности не могъ сравниться съ Пелиссономъ и Боссюетомъ. Но за то эти переговоры имѣютъ другое преимущество передъ прежними. Самъ Лейбницъ сомнѣвался въ возможности полнаго объединенія католической и протестантской церквей, по крайней мѣрѣ въ его вѣкъ. Въ наше время такое объединеніе было бы еще менѣе возможно. Поэтому попытки такого рода всегда имѣли нѣсколько фантастическій характеръ. Что же касается до сліянія протестантскихъ церквей, то мы находимся на практической почвѣ. Переговоры объ этомъ не удались во время Лейбница главнымъ образомъ по нерадѣнію государей, отъ которыхъ зависѣлъ ихъ успѣхъ; но въ нашъ вѣкъ идея Лейбница вполнѣ осуществилась. Лютеранская и реформатская церковь въ Германіи, которыя еще въ XVII вѣкѣ находились въ ожесточенной враждѣ, слились въ одну не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, и доказали возможность религіознаго объединенія церквей съ сохраненіемъ различій и особенностей каждой изъ нихъ.

Въ 1697 году Лейбницъ въ своей перепискѣ съ бранденбургскимъ тайнымъ кабинетъ-секретаремъ Кюно (Cuneau), человѣкомъ способ-

нымъ и ученымъ, особенно въ математикѣ, завелъ рѣчь о соединеніи протестантскихъ церквей. Въ Берлинѣ тогда былъ всемогущъ Данкельманъ, первый министръ и любимецъ курфирста Фридриха. Для него собственно предназначались письма Лейбница. „Необходимо, писалъ онъ Брюно, все болѣе и болѣе разрушать пустой призракъ раздѣленія между обѣими протестантскими партіями. Это дѣло теперь необходимѣе и легче осуществить, чѣмъ когда-либо. Соглашеніе между обоими исповѣданіями имѣетъ свои степени. Первая степень — чисто гражданская: она заключается въ гармоніи и искренней взаимной помощи противъ возрастающаго могущества римской партіи. Послѣ удара, который намъ нанесъ Саксонскій домъ [1]), вашъ государь первый изъ протестантовъ имперіи, а слѣдовательно, руководитель ихъ интересовъ, если не отдѣлять лютеранъ отъ реформатовъ.

„Вторая степень состоитъ въ церковномъ соглашеніи и заключается въ томъ, чтобы приверженцы обоихъ исповѣданій не осуждали другъ друга. Богословскій факультетъ Гельмштедтскаго университета совершенно склоненъ къ такому соглашенію. Я всегда старался препятствовать, чтобы туда не были приглашены профессоры Виттенбергской партіи и совѣтовалъ герцогамъ и министрамъ поддерживать школу несравненнаго Каликста, который дѣлаетъ такую честь Германіи, протестантамъ и нашей странѣ. И теперь я устроилъ такъ, что мнѣ поручили пригласить туда профессоровъ Шмидта изъ Іены и Фабриція изъ Альторфа: одинъ ученикъ Музеуса, другой — Гельмштедтской школы.

„Третья степень заключается въ единствѣ вѣры. Ваше превосходительство считаете невозможнымъ достигнуть его, такъ какъ для этого пришлось бы убѣждать людей въ трудныхъ вопросахъ. Но этого и не нужно. Достовѣрно то, что въ вопросѣ о причащеніи не легко будетъ достигнуть соглашенія, потому что тутъ существуетъ дѣйствительное различіе. И хотя по моему мнѣнію споръ о предназначеніи основанъ на недоразумѣніи, я готовъ признаться, что очень многихъ нельзя будетъ въ этомъ убѣдить. Но я и не вижу, къ чему это полное единство вѣры или ученія. Нужно стараться достигнуть какъ можно большаго, но не слѣдуетъ останавливаться изъ-за этого, потому что различіе не мѣшаетъ желаемому соглашенію.

„Поэтому желательно, по крайней мѣрѣ, дать понять просвѣщеннымъ людямъ, что различіе не такъ существенно, какъ оно кажется. Хорошо, если первый шагъ будетъ сдѣланъ политиками, но богословы

[1]) Въ 1697 году курфирстъ Саксонскій Августъ, избранный Польскимъ королемъ, принялъ католичество.

необходимы чтобы повліять на народъ, а также на крайнихъ и исполненныхъ предразсудками людей, часто встрѣчающихся между тѣми, которые стоятъ надъ народомъ".

Чтобы содѣйствовать примиренію, Лейбницъ убѣдилъ Калликста Младшаго издать съ своимъ предисловіемъ сочиненіе отца: De tolerantia Reformatorum ecclesiastica, вмѣстѣ съ другими примирительными (ироническими) сочиненіями его. Остальные профессоры присоединили къ его предисловію и свое одобреніе, и такимъ образомъ все сочиненіе могло казаться голосомъ Гельмштедтскаго университета.

Въ то же время Лейбницъ обратился къ извѣстному ученому антикварю и нумизмату Спангейму, который былъ въ это время прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ и пользовался особеннымъ расположеніемъ курфирста. Лейбницъ былъ давно съ нимъ знакомъ и черезъ его посредство получилъ важные акты изъ Берлинскаго архива, напечатанные имъ въ его Codex juris diplomaticus. Спангеймъ изложилъ курфирсту Фридриху планъ Лейбница, и тотъ вполнѣ одобрилъ его. Онъ тотчасъ поручилъ своему придворному проповѣднику Яблонскому, человѣку ученому и либеральному, начертать основанія для соглашенія между протестантами и реформатами. Яблонскій сдѣлалъ это въ сочиненіи: „Краткое представленіе единства и различія въ вѣрѣ между протестантами", въ которомъ онъ доказывалъ, что между обоими исповѣданіями нѣтъ различія въ самыхъ важныхъ и существенныхъ догматахъ, и потому нѣтъ причины къ отдѣленію. Отправляясь въ Парижъ, Спангеймъ привезъ это сочиненіе въ Ганноверъ, представилъ его курфирсту и сослался во всемъ на переписку съ Лейбницемъ.

Такимъ образомъ переговоры получили официальный характеръ, хотя ихъ тщательно скрывали отъ публики. Лейбницу было поручено снестись съ Ганноверскими богословами. Вскорѣ послѣ того воспослѣдовало со стороны Гельмштедтскаго факультета одобреніе Берлинскаго сочиненія, которое было названо: „благочестивымъ, правовѣрнымъ, точнымъ, умѣреннымъ, основательнымъ и годнымъ для примиренія церквей". Въ то же время Лейбницъ издалъ вмѣстѣ съ Моланусомъ сочиненіе: Via ad pacem, въ которомъ отвергается простая вѣротерпимость и требуется объединеніе.

Въ 1698 году курфирстъ отправилъ Яблонскаго въ Ганноверъ для личныхъ переговоровъ съ Моланусомъ и Лейбницемъ. Во время этого свиданія было рѣшено, что различія въ догматахъ не существенны и поэтому терпимы, что обѣ церкви сохранятъ свои обряды и соединятся подъ общимъ названіемъ евангелической. Яблонскій возвра-

тился въ Берлинъ, и переговоры между нимъ и Лейбницемъ продолжались письменно до 1704 года.

Послѣ паденія Данкельмана, переговоры были поручены министру Фуксу и велись менѣе дѣятельно. Лейбницъ не разъ высказывалъ Фуксу черезъ Яблонскаго свое неудовольствіе; но тотъ слагалъ вину на упрямство лютеранскаго духовенства. „Въ свѣтѣ двоякіе интересы, писалъ Лейбницъ въ это время, такіе, которые бы слѣдовало имѣть, и такіе, которые всякій себѣ создаетъ, и это можно сказать о многихъ дворахъ".

Кромѣ нерадѣнія правительственныхъ лицъ, дурное вліяніе на религіозные переговоры имѣли война за испанское наслѣдство и особые интересы, которые въ это время отвлекали вниманіе Пруссія и Ганновера. Первая старалась добыть себѣ королевскую корону, Ганноверскій же домъ — обезпечить за собой наслѣдство англійскаго престола.

Наконецъ, въ 1703 году курфирстъ Фридрихъ, который между тѣмъ принялъ титулъ короля Прусскаго, учредилъ коммиссію изъ богослововъ для ускоренія переговоровъ (Collegium Irenicum или Charitativum). Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ Урсинусъ (фонъ-Беръ), котораго король, по поводу своей коронаціи, возвелъ въ санъ реформатскаго епископа; члены же ея состояли изъ реформатскихъ и лютеранскихъ богослововъ Берлина. Лейбницъ не былъ назначенъ въ члены коммиссіи, но сохранилъ на нихъ свое вліяніе. Къ сожалѣнію, лютеранскіе члены коммиссіи были неспособны вести дѣло примиренія. Одинъ изъ нихъ, Винклеръ, представилъ королю проектъ, въ которомъ онъ ему совѣтовалъ рѣшить дѣло въ силу своей власти, какъ глава церкви. Всѣ обряды, которыми реформаты отличаются отъ лютеранъ, должны быть запрещены. Духовнымъ инспекторамъ должно быть предоставлено больше власти надъ пасторами для того, чтобы запугать или удалить упрямыхъ, и т. д. Проектъ Винклера былъ неизвѣстно кѣмъ напечатанъ во Франкфуртѣ подъ названіемъ „Arcanum Regium" и произвелъ большое смущеніе между лютеранами. Магдебургское земство даже обратилось за совѣтомъ къ Гельмштедтскому университету, какъ ему поступить, если бы вздумали осуществлять мѣры, предложенныя Винклеромъ. Факультетъ, по обыкновенію, отнесся къ Лейбницу, и тотъ прислалъ ему критику Берлинскаго проекта, въ которой онъ проводилъ мысль, что протестантскіе государи не должны злоупотреблять своею властью надъ церковью, и далъ факультету совѣтъ, какимъ образомъ осудить планъ Винклера, не оскорбляя Прусскаго короля.

Еще передъ этимъ Прусскій король просилъ Антона-Ульриха принять участіе въ переговорахъ, такъ какъ глава Ганноверскаго дома, курфирстъ Георгъ, относился къ нимъ довольно равнодушно. Антонъ-Ульрихъ началъ сноситься съ другими государями, съ герцогомъ Саксенъ-Готскимъ и ландграфомъ Гессенскимъ. Король раздавалъ золотыя медали тѣмъ богословамъ, которые высказывали расположеніе къ переговорамъ. Моланусъ получилъ медаль цѣною въ 50 дукатовъ, другіе были присланы Лейбницу для раздачи по его усмотрѣнію.

Вскорѣ, однако, всѣ планы о соединеніи протестантскихъ церквей были окончательно забыты. Они имѣли практическій интересъ для курфирста Георга, пока шли переговоры о бракѣ его дочери съ кронпринцемъ Прусскимъ, при чемъ различіе вѣроисповѣданія представляло нѣкоторыя затрудненія. Но когда король Прусскій предоставилъ своей будущей невѣсткѣ полную свободу совѣсти, Георгъ нашелъ дальнѣйшіе религіозные переговоры излишними. Въ концѣ 1706 года онъ извѣстилъ Лейбница въ Берлинѣ о своемъ приказаніи, чтобъ онъ устранилъ себя отъ всякаго участія въ переговорахъ. Лейбницъ не сообщилъ объ этомъ богословамъ, но долженъ былъ отказаться отъ прежняго дѣятельнаго участія въ переговорахъ, которые безъ него пришли мало по малу въ застой. Въ 1708 году Лейбницъ писалъ Фабрицію пророческія слова: „По тому, какъ теперь сложились обстоятельства, я ничего не ожидаю отъ дѣла соединенія. Оно когда-нибудь само собой осуществится (Ipsa se res aliquando conficiet)". И дѣйствительно, черезъ 100 лѣтъ послѣ этого, сліяніе обоихъ протестантскихъ исповѣданій въ Германіи совершилось почти незамѣтно послѣ указа короля Фридриха-Вильгельма въ 1817 году, третью столѣтнюю годовщину реформаціи.

Всѣ эти неудачи не могли лишить Лейбница бодрости. До послѣднихъ дней своей жизни онъ былъ занятъ дѣломъ объединенія церквей. Мы видѣли, что онъ очень дорожилъ идеей преемственности церкви, которая выражалась въ непрерывности церковной іерархіи посредствомъ рукоположенныхъ епископовъ. Поэтому ему особенно должна была нравиться англиканская церковь, такъ какъ она сохранила епископальное устройство. Введеніе этого устройства въ Германіи ему казалось желательнымъ еще потому, что оно привело бы къ соединенію англійскихъ и нѣмецкихъ протестантовъ въ одну церковь и могло бы облегчить соединеніе ихъ съ католиками. Въ 1700 году онъ подалъ Прусскому королю Фридриху записку, въ которой объяснялъ значеніе епископальной іерархіи для королевской власти даже

въ протестантскомъ государствѣ и совѣтовалъ ввести въ Пруссіи епископальное устройство. Королю Фридриху, который любилъ церемоніи и торжественности и готовъ былъ ввести все, что могло придать его власти больший блескъ, такой совѣтъ долженъ былъ очень понравиться. Вопреки духу реформатской церкви онъ возвелъ для своей коронаціи двухъ пасторовъ въ санъ епископовъ, а потомъ предоставилъ имъ этотъ титулъ пожизненно вмѣстѣ съ большими доходами. Въ это же время онъ велѣлъ перевести англійскую литургію на нѣмецкій языкъ и поручилъ своему епископу Урсинусу обратиться къ архіепископу Кентерберійскому и посовѣтоваться съ нимъ на счетъ введенія епископальнаго устройства. По этому же поводу завязалась дѣятельная переписка между Яблонскимъ и архіепископомъ Йоркскимъ, въ которой принимали участіе нѣсколько англійскихъ и прусскихъ дипломатовъ. Когда, въ 1711 году, Лейбницъ находился въ Берлинѣ, его пригласили также принять участіе въ переговорахъ съ архіепископомъ Йоркскимъ. Смерть Фридриха, въ 1713 году, прервала эти переговоры, такъ какъ преемникъ его былъ мало расположенъ къ Англіи. Но Лейбницъ, какъ всегда, не покидалъ начатаго плана. Восшествіе Ганноверской династіи на англійскій престолъ оживило его надежды. Онъ обратился къ своей ученицѣ, принцессѣ Вельской, покровительства которой онъ искалъ въ своемъ спорѣ съ Ньютономъ, какъ мы видѣли въ III-й главѣ. Онъ просилъ ее употребить свое вліяніе на архіепископа Кентерберійскаго и черезъ него склонить короля, ея тестя, къ соединенію протестантскихъ церквей. При этомъ онъ совѣтовалъ ей не упоминать о немъ (Лейбницѣ), такъ какъ король не любилъ его вмѣшательства въ правительственныя дѣла. „Никакое дѣло не можетъ быть такъ достойно вашего королевскаго высочества, какъ это, пишетъ онъ къ принцессѣ [1]); ваше благочестіе равняется вашему благоразумію, а ваше высокое положеніе придаетъ имъ значеніе; можно надѣяться, что благословеніе Божіе не оставитъ этого дѣла. Что касается до меня, то я былъ бы счастливъ, если бы мнѣ пришлось еще видѣть какой-нибудь плодъ отъ моихъ прошлыхъ трудовъ“.

Эти строки были написаны Лейбницемъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти; ими онъ закончилъ свои пятидесятилѣтніе труды надъ объединеніемъ христіанскихъ церквей, умиротвореніемъ религіозной вражды и водвореніемъ вѣротерпимости. Въ жизни Лейбница мы встрѣчаемъ много неоконченныхъ предпріятій, много безуспѣшныхъ

[1]) Oeuvres de L. ed. Foucher de C. II, p. 495.

трудовъ и не осуществившихся надеждъ. Многое ему не удалось, потому что у него не доставало времени и силъ, многое,— потому что онъ не находилъ достаточной поддержки въ современномъ обществѣ и въ людяхъ, въ чьихъ рукахъ была власть. Къ предпріятіямъ этого рода нужно отнести проекты Лейбница о соединеніи церквей. Мы видѣли, что эти проекты нельзя назвать фантастической мечтой философа: надъ осуществленіемъ ихъ трудились много замѣчательныхъ людей, и религіозное объединеніе всѣхъ христіанъ есть одна изъ любимыхъ мыслей XVII вѣка.

Правда, въ наше время такое объединеніе кажется еще болѣе труднымъ, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, но это не даетъ намъ права осуждать людей, которые стремились къ этой цѣли. Лейбницъ замѣтилъ гдѣ-то [1]), что „чѣмъ менѣе разрѣшима какая-нибудь проблема, чѣмъ выше она, тѣмъ плодотворнѣе пріемы и попытки къ ея разрѣшенію. Ничто, можетъ-быть, не содѣйствовало такъ много къ развитію науки, какъ изысканія *трехъ великихъ химеръ* (tria magna inania): философскаго камня, вѣчнаго движенія и квадратуры круга".

Даже еслибъ намъ пришлось причислить вопросъ о соединеніи церквей къ разряду неразрѣшимыхъ проблемъ, мы должны были бы признать за попытками къ объединенію существенныя заслуги. Онѣ смягчаютъ старинныя понятія о враждѣ и розни и располагаютъ къ вѣротерпимости, не къ гражданской только терпимости, поддерживаемой закономъ, но къ той истинной вѣротерпимости, основанной на сознаніи единства начала и цѣлей. Благодаря этимъ попыткамъ, второстепенныя особенности каждой церкви, которыя обусловливаются историческимъ развитіемъ ея и различіемъ расъ, будутъ терять свое прежнее значеніе, а эти особенности всегда бывали главнымъ поводомъ къ отдѣленію и враждѣ. И какъ скоро перестанутъ разсматривать христіанскія исповѣданія съ той стороны, которою они отличаются другъ отъ друга, то надъ старинною распрей одержитъ верхъ сознаніе, что въ существенномъ они не расходятся и что общее достояніе ихъ значительнѣе, чѣмъ ихъ особенности.

А въ этомъ случаѣ проблема будетъ разрѣшена. Тогда будетъ достигнуто то, къ чему стремился Лейбницъ и чего не хотѣлъ понять Боссюэтъ. Когда духовное единство христіанской церкви будетъ сознано во всѣхъ ея исповѣданіяхъ, тогда распря объ единствѣ формы станетъ излишней и невозможной.

В. Герье.

---

[1]) Oeuv. de L. ed. Foucher de C. II. Introduction, p. CIV.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XIX СТОЛѢТІЯ.

I. Бюшевъ.

Traité de Politique et de Science sociale. 2 vol. in 8°. Paris. 1866 г.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

> Nul n'a droit qu'à faire son devoir.
>
> *A. Comte.*

Въ области соціальныхъ наукъ нѣтъ понятій, поставленныхъ въ болѣе враждебное отношеніе, особенно въ послѣднее время, какъ идеи, развитіе которыхъ должно бы идти рука объ руку — идеи порядка и прогресса. Каждый безпристрастный наблюдатель согласится, что государственный строй, не заключающій въ себѣ элементовъ дальнѣйшаго развитія, обреченъ на неподвижность и разложеніе и что съ другой стороны движеніе впередъ невозможно безъ прочнаго общественнаго порядка, твердо установленнаго на историческихъ основахъ каждой національности. Между тѣмъ оба эти слова получили какое-то странное значеніе въ государствахъ Западной Европы: партія движенія, прогресса, является врагомъ всякаго порядка, всякой организаціи; такъ-называемые защитники порядка отреклись отъ прогресса и ищутъ идеала государственнаго устройства въ отжившихъ преданіяхъ, стараются возстанавливать искуственно давно отжившіе институты. Понятно, какъ мало выигрываетъ отъ этого и порядокъ, и движеніе, и наконецъ, самое общество.

Отчего зависитъ это печальное явленіе? Вопросъ чрезвычайно любопытный не только для западнаго ученаго, но и для Русскаго, и для послѣдняго, можетъ-быть, больше чѣмъ для кого-нибудь. На глазахъ у насъ происходитъ нѣчто подобное западнымъ недоразумѣніямъ. Порядокъ и прогрессъ и въ нашемъ обществѣ начинаютъ представ-

ляться чѣмъ-то враждебнымъ другъ другу, хотя эпоха переживаемыхъ нами мирныхъ преобразованій должна бы всѣхъ убѣдить въ противномъ. Нѣтъ тѣхъ обвиненій, которыхъ „партія порядка" не взводила бы на тѣхъ, кого она называетъ прогрессистами; и нѣтъ того зла, котораго причины „партія прогресса" не искала бы въ консерваторахъ. Все это можетъ имѣть нѣкоторый интересъ и даже нѣкоторую привлекательность въ области политики, гдѣ открывается просторъ борьбѣ партій, гдѣ каждый считаетъ себя въ правѣ сказать *свое слово* и всегда найдетъ охотниковъ его выслушать. Но съ научной точки зрѣнія всѣ эти недоразумѣнія, вся эта борьба, борьба ожесточенная, но должно сознаться — безъ всякой опредѣленной цѣли и плана, прежде всего вызываетъ самый простой вопросъ: *знаютъ ли* обѣ партіи другъ друга? *Знаютъ ли* онѣ общество, за интересы котораго онѣ такъ громко говорятъ? Что̀ такое порядокъ? Гдѣ отличіе его отъ прогресса?

Нельзя сказать, чтобъ эти капитальные вопросы хоть сколько-нибудь были уяснены въ истинномъ, научномъ смыслѣ. А пока вопросы эти не получатъ подобнаго разрѣшенія, нельзя ожидать, чтобы общество, присутствующее при борьбѣ этихъ двухъ партій, могло сознать ея цѣль и направленіе; нельзя ожидать, чтобы самыя партіи пришли къ какимъ-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ. Остается одно: удалиться въ область науки, стать въ сторонѣ отъ всякихъ партій и съ научными, историческими фактами въ рукахъ изучить эти вопросы, слишкомъ долго остающіеся въ рукахъ людей, руководимыхъ страстью больше чѣмъ разсудкомъ и опытомъ.

Мы рѣшаемся предпринять здѣсь нѣчто подобное, съ помощію указаній, добытыхъ людьми, которыхъ воззрѣнія развились внѣ всякихъ партій, а слѣдовательно, и увлеченій. На первый разъ мы разсмотримъ жизнь и сочиненія человѣка, который много сдѣлалъ для разъясненія этихъ идей.

15-го мая 1848 года французское учредительное собраніе представляло печальное зрѣлище. Буйная толпа *самодержавнаго* народа, пользуясь поддержкой префекта полиціи Коссидьера и двусмысленнымъ поведеніемъ начальника національной гвардіи Курте, ворвалась въ засѣданіе, гдѣ обсуждалась конституція новой республики. Соціалистическіе возгласы, полонофильскія заявленія, выходки противъ членовъ правительства, вотъ чѣмъ наполнилось собраніе, отъ котораго должно было выйдти рѣшеніе самыхъ сложныхъ и трудныхъ

вопросовъ политическаго и экономическаго быта Франціи. Во всей этой сумятицѣ уже виднѣлись іюльскіе дни, временная диктатура Кавеньяка, замаскированный абсолютизмъ Наполеона III, подавленіе свободы, упадокъ умственной жизни, извращеніе нравственности, демократы, превращенные въ безполезныхъ говоруновъ, консерваторы, апплодирующіе революціоннымъ мѣрамъ правительства, цѣлый народъ, превращенный въ софиста, софисты, превращенные въ руководителей политическаго движенія, апатія, застой, быть-можетъ, предшествующіе такому же безпорядочному взрыву въ будущемъ. Въ средѣ самого собранія были люди, ясно видѣвшіе не только всю эту неурядицу, но и причины, ее вызвавшія. Они ясно видѣли, что классы, бывшіе до тѣхъ поръ руководителями страны, давно потеряли сознаніе національной идеи, одушевлявшей Францію съ 1789 года, что буржуазія, выставившая Верньо и Барнава, превратилась въ представительницу своекорыстныхъ стремленій, что идеи рабочаго класса еще не доросли до высоты общенаціональнаго сознанія, что церковь глядитъ врознь съ государствомъ и что *la grande nation* перестаетъ быть для человѣчества тѣмъ, чѣмъ была прежде.

Быть-можетъ, потому что они видѣли все это, они сознавали себя совершенно безполезными и отчасти чуждыми въ средѣ собранія, хотя и содѣйствовали его работамъ по мѣрѣ силъ. Но главная причина ихъ изолированнаго положенія заключалась въ томъ, что они слишкомъ ясно сознавали условія будущаго порядка и ни одной минуты не могли остановиться на мысли объ осуществленіи его такими банальными средствами, какъ организація труда, фаланстеріи, икаріи, коммунистическія мѣры. По словамъ Прудона, все это пушки, взятыя изъ стараго лагеря и обращенныя противъ него же. Не такими средствами осуществляются новыя идеи.

Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и человѣкъ, занимавшій президентское кресло учредительнаго собранія въ самый день 15-го мая. Это былъ Бюшезъ. Спокойно принялъ онъ дикія выходки толпы, даже, по мнѣнію многихъ, слишкомъ спокойно. Это ставятъ ему въ вину. Противники проводятъ невыгодную для него параллель его поведенія съ поведеніемъ Буасси-д'Англа въ подобномъ же случаѣ, именно при вторженіи клубистовъ въ залу собранія 1-го преріаля. Но кромѣ внѣшней обстановки, оба эти случая не представляютъ ничего общаго. Конечно, и тамъ, и здѣсь дѣло шло о поддержаніи только-что начавшихъ складываться государственныхъ началъ, противъ эгоистическихъ стремленій, имѣвшихъ въ виду удовлетворенія

минутныхъ потребностей. Но за Буасси-д'Англà стояла непреклонная фаланга людей, изъ которой вышли мужественныя арміи республики и первой имперіи, съ своими генералами и маршалами, эти великіе обновители Европы. Они ясно сознавали свою цѣль, они знали, за чтò умирали они сами, ихъ братья и отцы во всѣхъ частяхъ свѣта. Знали ли люди 1848-го года, чего они хотѣли?

Отчего революція 1848 года имѣла такъ мало успѣха? Отвѣтомъ на это могутъ отчасти служить два лежащіе передъ нами тома. Мы постараемся изложить ихъ въ связи съ ученіями, которыя, подобно имъ, имѣютъ въ виду изслѣдованіе законовъ нормальнаго развитія человѣческихъ обществъ и ищутъ его условій въ организаціи человѣческихъ знаній, нравственныхъ понятій и въ правильной дисциплинѣ человѣческаго труда.

Только съ этой стороны намъ и будетъ понятно значеніе Бюшеза. Его политическая роль слишкомъ блѣдна, чтобъ останавливаться на ней долго, — блѣдна не потому, чтобъ у него не было способностей, нравственной силы и убѣжденій: его труды, его воззрѣнія, его жизнь служатъ доказательствомъ противнаго; блѣдность эта зависѣла отъ того, что ему пришлось говорить о порядкѣ, когда рѣчь шла объ анархіи, и о свободѣ, когда ловкіе люди уже отождествляли ее съ анархіей. Для самодержавной толпы 15-го мая его теоріи казались остаткомъ разрушенной монархіи; для наступавшаго абсолютизма — отраженіемъ революціонныхъ идей. Учредительное собраніе со смѣхомъ отвергло его предисловіе къ конституціи, гдѣ онъ говоритъ объ обязанностяхъ, наложенныхъ Богомъ на націю, — обязанностяхъ, которыя служатъ единственнымъ источникомъ всякихъ коллективныхъ и личныхъ правъ. Наполеонъ поспѣшилъ нарушить 48-ю ст. конституціи, заключавшую въ себѣ постановленіе, предложенное Бюшезомъ, о томъ, чтобы президентъ присягалъ республикѣ. Чтò ему было здѣсь дѣлать? Послѣ кратковременной политической карьеры, онъ возвратился къ занятіямъ, поглотившимъ всю его жизнь, къ разработкѣ соціальныхъ вопросовъ. Въ этомъ его главная и даже единственная заслуга, здѣсь все его значеніе. Онъ раздѣляетъ его вмѣстѣ съ другими лицами, посвятившими себя тому же предмету, то-есть, устраненію умственной и нравственной анархіи, подготовленію будущей организаціи общества, выясненію истинныхъ началъ общежитія. Бòльшая часть истинно-самостоятельныхъ французскихъ умовъ посвятили себя этой цѣли. Сюда ушла бòльшая часть жизни и относятся лучшіе труды Конта. Прудонъ, покончивъ критическую часть своей работы, то-есть, выполнивъ

по своему убѣжденію первую часть своего гордаго девиза — *destruam*, принялся за его вторую часть — *aedificabo*. За критикой собственности послѣдовала теорія собственности, за экономическими противорѣчіями — теорія новаго общества. Мы увидимъ, что̀ сдѣлано въ этомъ направленіи Бюшезомъ. Онъ, очевидно, стремился къ одной цѣли со всѣми лицами, вышедшими изъ школы С. Симона; однакоже, онъ отличается отъ большей части изъ нихъ. Онъ остался въ кругу христіанской цивилизаціи — вотъ рѣзкая черта, отдѣляющая его отъ Конта. Точкой отправленія для него служитъ нравственная и умственная свобода человѣка — вотъ пропасть, отдѣляющая его отъ соціализма и коммунизма. Онъ дѣлаетъ нравственность критеріумомъ всякаго сознанія и даже знанія, матеріализмъ чуждъ ему. Но, расходясь въ этихъ общихъ основаніяхъ, онъ, очевидно, идетъ къ одной и той же цѣли и даже по одной дорогѣ съ этими писателями. Построеніе дѣйствительной соціальной науки, которая своими прочно постановленными истинами положила бы конецъ умственной и нравственной анархіи, этому продукту революціонной метафизики XVIII столѣтія; установленіе связи положительнаго законодательства съ этими научными, разумными, а потому и необходимыми началами соціологіи, подчиненіе ихъ общей идеѣ прогресса и устраненіе человѣчества съ пути революцій, — вотъ задача, которой была посвящена жизнь Бюшеза. Такимъ людямъ не было мѣста въ современной политической жизни, колебавшейся между революціонно-метафизическими мечтами и военно-ѳеократическою реакціей; но за то въ скромной, незамѣтной закладкѣ новаго зданія имъ принадлежитъ первое мѣсто. Мы считаемъ особенно полезнымъ познакомить русскихъ читателей съ идеями Бюшеза, такъ какъ онѣ до нѣкоторой степени подходятъ къ началамъ религіозной нравственности, — къ которымъ, по счастію, возвращается наше общество, — во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ часто крайнія воззрѣнія Конта. Тѣмъ не менѣе общность цѣли, одинаковая научная подготовка и часто поразительно тождественные выводы обоихъ писателей побуждаютъ насъ сравнивать ихъ между собою, равно какъ и съ другими авторами, на которыхъ отразилось вліяніе сенъ-симонизма и позитивизма. Мы постараемся не столько выставлять наши собственные взгляды, сколько познакомить читающую публику съ этими теоріями, къ сожалѣнію, или мало, или невѣрно ей представленными. Наши субъективные взгляды будутъ проведены только тамъ, гдѣ это необходимо для выясненія или лучшей связи отдѣльныхъ частей излагаемаго ученія.

I.

Необходимость соціальной науки никогда не заявляла себя съ такою силой какъ въ XIX столѣтіи. Умственная и отчасти политическая диктатура католицизма, военно-феодальная организація старыхъ монархій, нѣкоторая умственная дисциплина, установленная этими великими силами, съ дальнѣйшимъ развитіемъ западно-европейскихъ народовъ, въ особенности послѣ французской революціи, оставили широкое поле для всевозможныхъ политическихъ системъ, для отсутствія системъ и вообще для попытокъ разнаго рода содѣйствовать благосостоянію человѣчества. Не смотря на такую свободу дѣйствія и мысли, до настоящаго времени нѣтъ системы, которая хотя сколько-нибудь удовлетворяла бы потребности общества достигнуть дѣйствительной организаціи всѣхъ своихъ силъ и элементовъ. До настоящаго времени всякое прогрессивное движеніе есть прежде всего разрушеніе прежняго, всякая попытка организаціи есть возвращеніе къ старому порядку. Революція и реакція, разрушеніе старыхъ идоловъ и возстановленіе ихъ — вотъ между какими крайностями колеблется Западная Европа въ теченіе цѣлаго столѣтія. Мы не вполнѣ разрушили старую систему, говорятъ революціонеры, когда ихъ пышныя обѣщанія терпятъ крушеніе; мы не вполнѣ возстановили старину, говоритъ реакція, когда, не смотря на предупредительныя и карательныя ея мѣры, чувствуются судороги соціальнаго организма. Когда же эти люди займутся постройкой новаго зданія взамѣнъ жалкой работы ломки и переборки стараго?

Нельзя сказать, конечно, чтобы та и другая школа не выставляли образцовъ, типовъ общества, сообразныхъ съ ихъ ученіемъ. Напротивъ, ихъ, можетъ-быть, слишкомъ много; они разнообразны и многочисленны, какъ разнообразны фантазіи, ихъ породившія. Но всѣ они имѣютъ одно общее имъ свойство: ни одинъ изъ нихъ не раціоналенъ на столько, чтобы могъ всегда оставаться вѣренъ своимъ собственнымъ началамъ. Внутреннее противорѣчіе какъ бы присуще всѣмъ этимъ системамъ. Не говоря уже о революціонно-метафизическихъ теоріяхъ, которыя вошли въ поговорку въ этомъ отношеніи, сами реакціонныя системы грѣшатъ крайнею непослѣдовательностію. Во-первыхъ, ни одна изъ нихъ уже не рѣшается явно преслѣдовать и подавлять успѣхи науки и промышленности, которые каждый день все болѣе и болѣе подрываютъ главныя основы стараго порядка: низкій уровень образованія, монополіи и привилегіи. Напротивъ, поощреніе

этихъ очевидныхъ враговъ стараго порядка вмѣняется въ обязанность даже ретрограднымъ правительствамъ. Далѣе, въ борьбѣ со школой революціонною ретроградная школа сражается одинаковымъ съ нею оружіемъ, и вмѣсто преданія и авторитета, единственно свойственныхъ ей способовъ доказательства, пускается на несвойственную ей почву научныхъ и историческихъ доводовъ, слѣдовательно, сама подчиняетъ преданіе и авторитетъ критикѣ собственнаго разума. Такимъ образомъ, она подрываетъ самыя существенныя свои начала и открываетъ широкую дорогу разрушительнымъ теоріямъ. Съ большею еще силой обнаруживается эта непослѣдовательность въ практической дѣятельности ретроградной партіи. Раздвоеніе и часто борьба элементовъ, составляющихъ ея поддержку, ненаціональная политика въ видахъ поддержанія личнаго вліянія, разрывъ аристократической партіи съ монархическою, провозглашеніе революціонныхъ началъ въ политикѣ одною партіей и тѣхъ же началъ въ сферѣ экономическихъ отношеній другою партіей,— все это вещи, очень знакомыя каждому, кто всматривался въ бытъ новѣйшихъ государствъ. Даже на литературѣ отражается эта крайняя непослѣдовательность двухъ политическихъ партій. Ог. Контъ очень удачно указываетъ, какимъ образомъ романтизмъ, этотъ революціонеръ въ сферѣ прежнихъ строгихъ эстетическихъ формъ, сталъ подъ защиту реакціонерной партіи на томъ только основаніи, что главнымъ предметомъ его пѣснопѣній была феодально-католическая Европа, а революціонная школа взяла подъ свое покровительство раздушенный псевдо-классицизмъ, бравшій своихъ героевъ изъ языческо-республиканской древности. И къ такимъ-то мелочамъ привязывались лица, серіозно думавшія взять на себя трудное дѣло общественной организаціи!

Если такимъ образомъ ретроградная партія, имѣющая за собой вѣковой опытъ и рутину, не въ силахъ создать прочную систему человѣческаго общежитія, то тѣмъ менѣе можетъ исполнить эту задачу масса революціонныхъ метафизиковъ. Ея задача — чисто критическая. Она принадлежитъ эпохѣ, раздѣляющей старую и новую систему; она разрушаетъ одну, чтобъ очистить мѣсто для другой. Но отъ разрушенія до созданія новаго разстояніе большое. Изъ собственныхъ своихъ элементовъ она не въ силахъ создать ничего органическаго, не въ силахъ установить никакой положительной цѣли. Вслѣдствіе этого каждая изъ ея теорій общественной организаціи носитъ на себѣ отпечатокъ переходной эпохи, временныхъ задачъ, и въ большинствѣ случаевъ эти теоріи, очевидно, соотвѣтствуютъ цѣли разрушенія, болѣе имѣютъ въ виду ненавистную имъ политическую систему прежняго

времени, чѣмъ истинныя условія развитія человѣчества въ будущемъ. Теоріи непреклонныхъ революціонеровъ возводятъ въ идеалъ такую организацію общества, которая имѣетъ значеніе только какъ противодѣйствіе какой-нибудь положительной государственной и соціальной системѣ, обыкновенно современной автору теоріи. Задача *умѣренныхъ* заключается въ искусствѣ сохранить большее или меньшее количество старыхъ началъ, въ стараніи *примирить* то, что̀ прошло, съ тѣмъ, что̀ должно быть. Слѣдовательно, революціонная партія или положительно заимствуетъ начала своихъ противниковъ для собственной системы, или, по крайней мѣрѣ, создаетъ ихъ подъ такимъ неотразимымъ вліяніемъ отживающаго порядка, что безъ него они не имѣютъ смысла. Возможно ли, напримѣръ, понять теоріи, которыя проповѣдывались въ 1848 году въ Люксембургскомъ дворцѣ, помимо идей того порядка вещей, который былъ созданъ буржуазіей? Авторамъ этихъ теорій кажется, что переходная эпоха, въ которую они дѣйствуютъ, есть нѣчто неизмѣнное, вѣчное, что враждебный имъ порядокъ также вѣченъ, и что система ихъ должна имѣть одно назначеніе—вѣчное противодѣйствіе этому вѣчному врагу. По всѣмъ этимъ причинамъ революціонная метафизика доходила до невообразимыхъ противорѣчій. Имѣя сама разрушительное назначеніе, она дѣлала его главною задачей человѣчества, а потому вообще не любила всего, что̀ не ладило съ этими цѣлями. Всякое правительство являлось у нея естественнымъ врагомъ общества и его развитія: противъ него необходимо держаться на сто̀рожѣ, стѣснять сколь возможно сферу его дѣятельности, такъ чтобы въ заключеніе оставить ему однѣ полицейскія охранительныя обязанности, устранивъ его отъ руководящей роли въ дѣлѣ общественнаго развитія. Сказать такую вещь значитъ прямо объявить себя неспособнымъ создать какую бы то ни было прочную политическую систему. И дѣйствительно, если мы разсмотримъ коренныя начала, провозглашенныя революціонною школой, намъ ясно будетъ, что они выражаютъ переходную, разрушительную задачу школы. Основнымъ догматомъ ея,—догматомъ, дѣйствительно опредѣляющимъ ея свойство,—является безусловная свобода изслѣдованія во всѣхъ сферахъ нравственной и умственной жизни человѣчества. Нѣтъ сомнѣнія, что провозглашеніе этого начала дало ей возможность оказать человѣчеству тѣ услуги, которыя отражаются на быстрыхъ успѣхахъ всѣхъ отраслей знанія. Нѣтъ сомнѣнія, что это великое начало въ обществахъ цивилизованныхъ до такой степени проникло въ нравы, что даже реакціонная партія, по своимъ пріемамъ и смѣлости обра-

щенія съ наиболѣе важными предметами, напоминаетъ своихъ противниковъ. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что такая свобода ясно указываетъ на такое состояніе общества, гдѣ лучшія силы направлены на разрушеніе, гдѣ нѣтъ никакого дѣйствительно организующаго начала.

Мы должны оговориться. Свобода, въ томъ смыслѣ, какъ мы принимаемъ ее здѣсь, состоитъ не въ той необходимой возможности для каждаго лица изслѣдовать самостоятельно каждый научный вопросъ и издавать въ свѣтъ выводы своихъ научныхъ изслѣдованій, не подчиняя ихъ офиціальнымъ взглядамъ и образцамъ мышленія. Это — необходимое право каждой развивающейся личности, каждаго сознающаго себя духа. Здѣсь рѣчь идетъ о томъ печальномъ фактѣ, что каждый, начинающій разсуждать о политическихъ и нравственныхъ вопросахъ, считаетъ своею обязанностью подвергать критикѣ самыя основы общежитія и пытается вывести изъ своего ума то, что̀ устанавливается долгимъ процессомъ человѣческаго развитія. Въ этомъ отношеніи соціальныя науки стоятъ ниже всѣхъ остальныхъ. Послѣднія обладаютъ нѣкоторыми общими началами, не подвергающимися новому пересмотру при выходѣ въ свѣтъ каждой новой книги. Человѣческая мысль въ области астрономіи, физики, химія и даже въ области филологіи и исторіи задерживается нѣкоторыми несомнѣнными истинами, фактами, которые препятствуютъ принять ту отвлеченно-произвольную форму, въ какой щеголяютъ произведенія политическихъ метафизиковъ. Писатель, который рѣшился бы высказать мысль объ обращеніи солнца около земли, навлекъ бы на себя подозрѣніе въ умопомѣшательствѣ; лица, высказывавшія совершенно аналогическія нелѣпости въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ, часто увѣнчиваются лаврами. Это печальное положеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока по отношенію къ политическимъ наукамъ въ самомъ сознаніи людей не установится нѣсколько прочно постановленныхъ началъ, отсутствіе которыхъ ведетъ къ тому, что люди отвлекаются отъ трезвой политической дѣятельности изслѣдованіемъ высшихъ законовъ общежитія. Это въ свою очередь ведетъ къ тому, что общество, завоевавшее себѣ и ревниво охраняющее свободу мысли по отношенію къ теоретическимъ вопросамъ и не признающее здѣсь никакихъ авторитетовъ, на практикѣ терпѣливо выноситъ гнетъ рутинной администраціи, которая предъ обществомъ имѣетъ то важное преимущество, что вся отдалась дѣлу, хотя часто не слыхала ни о какихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Итакъ, анархія, вслѣдствіе отсутствія общихъ началъ, осу-

ществленію которыхъ могло бы отдаться успокоенное общество, ведетъ къ сильнѣйшему и безграничному господству „будничныхъ людей и идей“, нерѣдко составляющихъ бюрократію. Важною и великою побѣдой было освобожденіе мысли отъ внѣшнихъ стѣсненій; но еще важнѣйшихъ результатовъ достигла бы эта освобожденная мысль, когда бы она сама подчинила себя необходимой дисциплинѣ, которая удерживала бы ее отъ безполезныхъ теорій, но за то направляла бы всѣ ея силы къ дѣйствительной общеполезной дѣятельности. До сихъ поръ ново-европейское общество тратило свои силы на построеніе *началъ* общежитія; пусть оно обратится къ необходимымъ *законамъ* его и имъ подчинитъ свою политическую жизнь.

Странное дѣло! Всѣ заявленія, начиная съ „Объявленія правъ человѣка и гражданина“, были, повидимому, направлены къ тому, чтобъ открыть обществу доступъ къ политическимъ дѣламъ; но на дѣлѣ выходитъ, что оно устранено отъ этой дѣятельности болѣе чѣмъ когда-нибудь, и нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ этого есть несовершенное состояніе политическихъ и соціальныхъ наукъ. Отчасти вслѣдствіе вражды къ отжившей системѣ, отчасти вслѣдствіе дѣйствительной несостоятельности прежнихъ началъ, новое общество до настоящаго времени занимается переборкою и критикою ихъ, то-есть, остается въ моментѣ *изслѣдованія,* которое всегда и во всемъ предшествуетъ дѣйствію. До дѣйствія оно еще не дошло. Это лучше всего доказывается тѣмъ, что одна часть революціонной массы называетъ себя партіей *дѣйствія*, какъ будто это какая-нибудь удивительная особенность; это значитъ только, что вся остальная масса такъ-называемыхъ либераловъ еще весьма далека отъ способности дѣйствовать. Призывая каждаго къ новому пересмотру началъ общества, либеральная часть общества приводитъ къ тому, что во всѣхъ сферахъ дѣятельности сочли бы безуміемъ—заставляетъ всѣхъ разсуждать, но только разсуждать, и устраняетъ ихъ отъ всякой дѣятельности, какъ бы не сознавая, что дѣятельность, а не простое и безплодное резонёрство, есть задача человѣка. Гдѣ бездѣйствіе съ одной, а свобода резонёрства съ другой стороны, тамъ и анархія. Нѣтъ умственной дисциплины — нѣтъ плодотворной дѣятельности, нѣтъ прочно поставленной цѣли, все идетъ на удачу. Между тѣмъ какъ каждый спѣшитъ въ дѣлѣ своего здоровья исполнять совѣты медика, въ мануфактурномъ дѣлѣ — совѣты техника и т. д., каждый считаетъ себя въ правѣ обсуждать труднѣйшіе вопросы политики — этой самой сложной изъ наукъ.

Ясно, что тутъ дѣло идетъ о чемъ-то переходномъ, не установившемся. Не можетъ быть прочной организаціи тамъ, гдѣ каждый считаетъ себя въ правѣ подвергать постоянной критикѣ самыя основы общежитія. Еще менѣе можетъ она установиться при полномъ отсутствіи соціальной іерархіи, приноровленной къ потребностямъ даннаго общества. Революція провозгласила полное равенство всѣхъ членовъ общества, въ смыслѣ полнаго уничтоженія внѣшнихъ и наслѣдственныхъ отличій одного класса отъ другаго. Но не успѣла она закончить своего дѣла, какъ изъ рядовъ промышленныхъ классовъ, подготовлявшихъ паденіе феодализма еще съ XIII столѣтія, вышла французская буржуазія, занявшая мѣсто низверженныхъ высшихъ классовъ. Правда, она заимствовала свой складъ отъ старыхъ временъ. Это, какъ мы видѣли, бываетъ всегда, когда революція желаетъ дать организацію своимъ элементамъ. Разрушена монархія, и узурпаторъ, устанавливая свою власть, до мельчайшихъ подробностей копируетъ своихъ предшественниковъ. Кромвель такъ подробно опредѣлилъ церемоніалъ своего вступленія въ должность, какъ будто писалъ подъ диктовку Людовика XIV или Карла I. Буржуазія, занявъ мѣсто старой аристократіи, немедленно приняла ея тонъ и отчасти идеи. Наполеонъ I только докончилъ ея дѣло, увѣсивъ ее крестами и украсивъ титулами. Доктринеры и Гизо даже пустили въ ходъ начало наслѣдственности, создавъ палату перовъ—эту жалкую копію съ палаты лордовъ. Дальше идти было не куда: нельзя въ самомъ дѣлѣ до такой степени реставрировать разрушенное зданіе и реставрировать въ то время, когда вся жизнь строилась на началахъ совершенно противоположныхъ, когда народъ и правительство тщились примѣнить къ дѣлу „les grands principes de 1789". Но такая реставрація указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что равенство, въ смыслѣ полнаго отсутствія всякой іерархіи, есть такая безформенность общества, которая необходимо предшествуетъ всякому строенію, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята за нормальное и окончательное его положеніе.

Провозглашеніе права безконечной критики и равнаго права всѣхъ гражданъ во всякое время передѣлывать общество повело за собою другое ученіе, которое также совершенно характеризуетъ революціонную эпоху. Это — ученіе о самодержавіи народа. Подобно первымъ двумъ началамъ, и это ученіе было только протестомъ противъ стараго порядка, орудіемъ разрушенія отжившей организаціи. Если бы за обществомъ не было признано право мѣнять свое политическое устройство, и самое это устройство не было бы признано за продуктъ

его воли, дѣло разрушенія никогда не было бы доведено до конца. Но когда дѣло зашло о дѣйствительной организаціи общества, „самодержавный" народъ мало помогъ разрѣшенію вопроса. Въ ожиданіи же этого разрѣшенія самыя политическія ученія остались въ состояніи полной анархіи. Притомъ самая идея народнаго полновластія не есть что-либо самостоятельное; это та же идея абсолютной государственной власти, которая была осуждена революціей въ лицѣ Людовика XVI и которая въ рукахъ толпы можетъ только принять болѣе опасный и вредный характеръ. Нѣтъ на землѣ власти, которая могла бы безнаказанно перешагнуть за предѣлы, напримѣръ, нравственнаго закона, позволить себѣ полное уничтоженіе личности, разрушать духовную жизнь человѣчества. Поступая такъ, она уничтожаетъ элементы народнаго самосознанія, то-есть, сильнѣйшую опору своего собственнаго существованія. Правительство крѣпко только тогда, когда живетъ въ умѣ и сердцѣ народа. Идея полновластія народа, доведенная до конца, можетъ имѣть своимъ результатомъ только массу безличныхъ людей; что же другое представляла монархія Филиппа II? Подобно двумъ предыдущимъ идеямъ, и ученіе о полновластіи народа имѣетъ только отрицательный характеръ; но разъ освобожденное отъ внѣшнихъ стѣсненій, общество должно подумать о внутреннемъ ограниченіи своей свободы, называемой его полновластіемъ, подобно тому, какъ мы уже это высказали по отношенію къ свободѣ индивидуальной [1].

Въ большей еще степени вредные результаты этихъ началъ отразились на международномъ союзѣ, въ которомъ начало самостоятельности государствъ и принципъ невмѣшательства, очевидно, соотвѣтствуютъ началу равенства и народнаго полновластія въ политикѣ отдѣльныхъ государствъ. Нигдѣ, быть-можетъ, начала эти не получили такого развитія, нигдѣ они не высказаны съ большею наглядностію и нигдѣ анархія не приняла такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ здѣсь. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ принципъ далъ возможность установиться началамъ 1789 года внутри каждаго изъ западно-европейскихъ государствъ, что до настоящаго времени развитіе невмѣшательства тѣсно связано было съ развитіемъ политической свободы, что Италія, Греція, и раньше ихъ Франція, обязаны ему своимъ освобожденіемъ. Но если развитіе народовъ обезпечено устраненіемъ вред-

[1]) Мы будемъ имѣть случай разсмотрѣть замѣчательную теорію Бюшеза по этому вопросу, хотя и не вполнѣ соглашаемся съ нею. Кромѣ того, нельзя не указать на превосходную главу: La souveraineté du peuple, въ Politique Constitutionelle par B. Constant.

ныхъ постороннихъ вліяній, — вліяній, обыкновенно основанныхъ на силѣ и стремившихся къ деспотизму—если новый шагъ на этомъ пути — отождествленіе государства и національности, и слѣдовательно, освобожденіе дѣйствительныхъ національностей — есть новое торжество идей 1789 года, то съ другой стороны несомнѣнно и то, что истинная цѣль человѣчества есть не разрозненность, а общеніе, соединеніе. А въ этомъ отношеніи революціоная эпоха сдѣлала мало, не смотря на провозглашеніе „братства народовъ". Никогда народы не поклонялись больше силѣ, какъ теперь. Европа, сбросившая духовную власть папы, объединявшую средневѣковое человѣчество, выдумала систему перво-классныхъ державъ, при чемъ классификація, конечно, не основана на умственномъ и нравственномъ первенствѣ. Средніе вѣка не выходили изъ мелкихъ войнъ; новая Европа не выходитъ изъ вооруженнаго мира, этого чудовищнаго порожденія Наполеоновой системы. Притомъ она знаетъ и войны, и какія войны! Вся злоба, накипѣвшая въ сердѣ націи во время вооруженнаго мира, не знаетъ границъ. Правда, намъ говорятъ, что торговля должна объединить міръ, что промышленные интересы свяжутъ человѣчество сильнѣе всякихъ нравственныхъ узъ. Средневѣковой человѣкъ постыдился бы говорить это. Онъ сознавалъ, что онъ связанъ съ другими націями духовными узами, и связь эта была едва-ли не крѣпче, чѣмъ всѣ торговые трактаты, которыми такъ гордится наше время.

Таковы начала, которыя революціонная партія кладетъ въ основаніе всѣхъ своихъ теорій. Имѣя въ виду разрушеніе стараго, выставляя начала своей дѣятельности, приноровленныя къ этой цѣли, она не имѣла ни силъ, ни средствъ направить общественное сознаніе къ опредѣленной цѣли въ будущемъ. Она сама не только не сознавала ясно этой цѣли, но даже не искала своего идеала въ будущемъ. Напротивъ, подобно реакціонной школѣ, она упорно смотрѣла назадъ, и въ отдаленныхъ, часто вовсе не изслѣдованныхъ періодахъ человѣчества искала образцовъ политическаго и общественнаго совершенствъ. У обѣихъ школъ цѣли были различны, но въ пріемахъ господствовало полное тождество. Реакція искала въ прошедшемъ образцовъ полнаго подчиненія преданію и авторитету; въ томъ же прошедшемъ революція искала типовъ свободы и равенства. Ученіе о такъ-называемомъ *естественномъ состояніи*, пущенное въ ходъ Гроціемъ и Гоббесомъ и имѣвшее зерно научной идеи въ томъ смыслѣ, что политическій строй долженъ быть продуктомъ свойствъ человѣка и окружающихъ его условій, — подъ вліяніемъ революціонной школы, превратилось въ

орудіе разрушенія всякой организаціи. Если Гоббесъ и Гроцій говорили объ естественномъ состояніи, для того чтобы вывести изъ него необходимость общежитія, то Руссо и его послѣдователи и поклонники говорили о немъ, для того чтобъ осудить существующій порядокъ. Первые говорили: вотъ почему теперь существуютъ тѣ или другія учрежденія; вторые повторяли: такихъ-то учрежденій не было въ естестественномъ состояніи, слѣдовательно, они не нужны и нелѣпы; все, слѣдовательно, должно быть приноровлено къ этому естественному состоянію; только тогда человѣкъ достигнетъ блаженства. Еслибъ идеи истины и добра были продуктомъ индивидуальной дѣятельности человѣка, то конечно, наилучшее средство установить правильныя начала общежитія было бы обратиться къ личному сознанію человѣка, и притомъ человѣка не испорченнаго общежитіемъ. Но дѣло въ томъ, что какъ мы увидимъ ниже, излагая теорію прогресса, — всѣ улучшенія міра умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго суть произведенія именно этого общежитія, отъ постепеннаго развитія котораго и зависитъ всесторонній прогрессъ человѣчества.

Разъ повернувшись назадъ, революція только въ прошедшемъ искала образцовъ политической организаціи. Забывая, что классическая древность навсегда отрѣзана отъ насъ христіанствомъ и дальнѣйшими успѣхами цивилизаціи, она не задумывалась воскрешать республики Рима и Аѳинъ. Изъ ненависти къ католицизму она придумала *естественную религію* и едва не дошла до политеизма обожаемой классической древности.

Какъ ни велики вообще несообразности исключительно-критическаго направленія, нельзя однако же не признать, что оно имѣетъ и свою хорошую сторону: широкая свобода критики, данная всему народу, дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе эфемерныхъ плановъ и частныхъ затѣй тѣхъ преобразователей человѣчества, которые привыкли только за собою признавать свободу мысли и дѣйствія, и въ концѣ концовъ она можетъ привести къ установленію прочной политической организаціи и выяснить національныя и общечеловѣческія цѣли, послѣ чего настанетъ новый періодъ прогрессивнаго развитія человѣчества, переживающаго теперь эпоху разрушенія и чисто формальной организаціи, прикрывающей бѣдность дѣйствительнаго содержанія.

Но пока это печальное состояніе вредно отражается на умственномъ и нравственномъ строѣ западной Европы. Хотя теорія Руссо не проповѣдывается всѣми открыто, даже многихъ приводитъ въ негодо-

ваніе, но въ сущности за всѣми современными теоріями скрывается тотъ же пріемъ, то же стремленіе: обратиться къ непосредственному человѣческому сознанію и возстановить первобытнаго человѣка, не испорченнаго цивилизаціей. Съ другой стороны, реакція неудержимо стремится къ средневѣковому строю и хочетъ забыть всѣ успѣхи, совершенные современнымъ обществомъ. Въ сущности обѣ партіи держатся отрицательнаго направленія въ томъ смыслѣ, что ни одна не хочетъ привести въ надлежащую систему массу неудержимо развивающихся общественныхъ элементовъ. Парламентаризмъ, этотъ компромиссъ двухъ партій, хотя и поддерживаетъ кое-какъ общественныя формы, но далеко не проникаетъ въ глубь общества. Можетъ-быть, ему суждена блестящая будущность, но въ настоящее время онъ составляетъ достояніе однихъ верхнихъ слоевъ общества, и то за немнѣніемъ лучшаго. Достаточно взглянуть на исторію XIX ст., чтобъ убѣдиться, что каждое дѣйствительное движеніе общества и націи не имѣло ничего общаго съ этою системой, а напротивъ сопровождалось ея ослабленіемъ или даже паденіемъ. Истинно видную роль въ такія минуты имѣли или силы прежняго порядка, какъ въ теперешней Пруссіи, или масса народа, какъ во Франціи 1789 года. Не осуждая конституціонализма въ принципѣ, нельзя однако же не согласиться, что организація общества дѣйствительная, а не внѣшняя, ждетъ другихъ руководителей, чѣмъ пресловутыя палаты. Онѣ, употребляя выраженіе Наполеона, могутъ быть завершеніемъ зданія, но никакъ не первымъ камнемъ новой организаціи. Снаружи государства Запада представляютъ однообразное и даже прочное строеніе. Но если мы обратимся къ дѣйствительному критеріуму устойчивости общества, къ его умственному и нравственному строю, то полная анархія этихъ элементовъ докажетъ намъ всю шаткость этихъ обществъ. Нѣтъ той теоріи, которая бы не нашла себѣ заступниковъ, и что̀ всего замѣчательнѣе, люди съ здравымъ смысломъ весьма часто пускаются въ грубѣйшіе парадоксы, это чадо умственной анархіи. Если бы общество обладало истинами, которыя въ данное время представляются необходимыми условіями общежитія, то конечно, о нихъ сами собой разбились бы всѣ эти теоріи-парадоксы. Но при отсутствіи такихъ началъ и фактовъ, задерживающихъ разгулъ человѣческой мысли, конечно, наиболѣе долженъ выигрывать въ общественномъ мнѣніи тотъ, кто зайдетъ дальше всѣхъ. Но эпоха, въ которую господство парадоксовъ—нормальное явленіе, въ свою очередь ненормальна. Разумѣется, эта анархія наиболѣе отражается на политическихъ ученіяхъ, такъ какъ сюда болѣе всего направлена дѣя-

тельность свободныхъ умовъ со времени революціи. По отношенію къ этой отрасли знанія всѣ считаютъ себя свободными. Никто не рѣшится безъ предварительной подготовки разрѣшать вопросы естествознанія, и всѣ считаютъ себя въ правѣ „сказать свое слово" объ этой самой сложной изъ наукъ. Не свободны отъ этого недостатка даже лица, посвятившія себя серіознымъ занятіямъ: химики, математики, натуралисты. Они, вѣроятно, поспѣшили бы остановить невѣжду, взявшагося рѣшать какой-нибудь физическій вопросъ, но сами они считаютъ себя въ правѣ рубить съ плеча по самымъ сложнымъ соціальнымъ вопросамъ. Все это происходитъ, конечно, отъ того, что соціологія не выработала еще прочныхъ началъ, знаніе которыхъ было бы необходимо для обсужденія всѣхъ общественныхъ явленій; но это нисколько не уменьшаетъ самой трудности предмета, ни сложности его вопросовъ. Между тѣмъ лица, сами знакомыя съ умственнымъ трудомъ, не задумываются подавать примѣръ самаго легкомысленнаго обращенія съ чуждою для нихъ наукой.

За умственною анархіей слѣдуетъ нравственная: рѣдкая изъ эпохъ знала такую деморализацію, какъ наша. Ни одна сфера не нуждается такъ въ правилахъ, *не созданныхъ* личною дѣятельностію каждаго человѣка, какъ именно сфера нравственности. Оставленная на произволъ личности, нравственность никогда не достигаетъ той общности, которая дѣлаетъ ее необходимымъ условіемъ общежитія. Характеръ нравственныхъ вопросовъ такого свойства, что въ нихъ доказательства за и противъ возможны до безконечности. Предоставленная личному усмотрѣнію, то-есть, тому же духу критики, нравственность невольно извращается, прилаживается ко вкусу всѣхъ и каждаго, и въ заключеніе совершенно исчезаетъ изъ общества, оставляя за собою пустоту и разслабленіе всѣхъ связей. Болѣе чѣмъ какое-нибудь ученіе, нравственность нуждается въ категорическихъ предписаніяхъ, непоколебимыхъ началахъ, установленныхъ помимо всякаго индивидуальнаго вмѣшательства. Здѣсь великое значеніе религіи, къ сожалѣнію, мало или ложно понятое позитивизмомъ. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, къ которому мы возвратимся ниже, нельзя не замѣтить, что не одному духу безконечной критики, возбужденному революціей, должно приписать этотъ упадокъ нравственнаго уровня. Напротивъ, революція явилась какъ бы возстановительницею нравственности, въ сравненіи съ тѣмъ безпримѣрнымъ разложеніемъ стараго общества, которое видѣло XVIII столѣтіе. Нѣкоторое время революція стремилась подавить личный эгоизмъ и направить всѣ силы чело-

вѣческаго духа къ одной великой цѣли. Трудно найдти болѣе примѣровъ самоотверженія, высокихъ порывовъ, скромнаго мужества, какъ въ исторіи первыхъ 6—7 лѣтъ французской республики. Но критическій духъ, конечно, не могъ остановиться на этой *государственной* нравственности и продолжалъ свое дѣло, какъ только исчезла иллюзія конвента и его героевъ. На этой дорогѣ онъ не могъ остановиться ни предъ какими нравственными началами. Католицизмъ, съ его вдавшеюся во всевозможныя политическія интриги іерархіей, протестантство съ его раціональнымъ догматизмомъ, конечно, не способны были остановить зло. Притомъ они сами давно разсуждали и критиковали, а на этой почвѣ они врядъ-ли могли соперничать съ революціей. Вотъ почему въ воспитаніи молодаго поколѣнія играетъ роль не нравственность, а тяжеловатая мораль, построенная на условныхъ понятіяхъ, за неимѣніемъ безусловныхъ догматовъ, способныхъ поднять нравственное сознаніе человѣчества. Какъ всегда бываетъ въ такія эпохи, единственныя нравственныя понятія, кое-гдѣ мелькающія въ общемъ хаосѣ идей, принадлежатъ движенію личнаго чувства. Но конечно, эти понятія, или лучше, зародыши понятій пригодны только для сферы частныхъ отношеній, но не могутъ возстановить нравственность какъ систему общественнаго сознанія. Впрочемъ, можетъ-быть, было бы еще хуже, если бы общество успокоилось на этой формальной морали и приняло ее за систему чистой нравственности. Оно доказало бы тѣмъ свою неспособность къ обновленію, которое теперь, при этомъ не умирающемъ индивидуальномъ чувствѣ, быть-можетъ, ближе, чѣмъ думаютъ многіе пессимисты.

Но одно это чувство само по себѣ, конечно, неспособно сдержать тѣхъ размаховъ критицизма и стремленія къ парадоксамъ, о которыхъ мы говорили по отношенію къ умственной анархіи. Не находя нигдѣ устойчивыхъ принциповъ, критицизмъ дошелъ до отрицанія всякой прочной нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и до отрицанія тѣхъ институтовъ, въ которыхъ начиналось нравственное воспитаніе человѣка, и которые, по общему сознанію, служили зародышемъ нравственныхъ понятій и соціальнаго чувства, какъ напримѣръ, брака и семьи.

Понятно, какой характеръ должна была принять правительственная система въ западно-европейскихъ государствахъ на подобной почвѣ. Не будучи въ состояніи дѣйствовать во имя дѣйствительно великихъ идей и прочныхъ началъ, не поддерживаемыя общественнымъ сознаніемъ, распавшимся на массу противорѣчивыхъ мнѣній, западно-европейскія правительства невольно остановились единственно на поддержаніи

своего существованія, при чемъ главнымъ средствомъ къ этому является поощреніе самыхъ грубыхъ и эгоистическихъ инстинктовъ общества. Эти послѣдніе являются единственною поддержкой правительствъ, которыя сами не имѣютъ въ виду ничего, кромѣ своихъ эгоистическихъ цѣлей. Отсюда систематическая порча общества, ставшая необходимымъ нравственнымъ средствомъ. Она была невозможна, когда человѣчество двигалось къ великимъ цѣлямъ, побуждаемое великими идеями. Она стала необходимостію при отсутствіи убѣжденій, шаткости мнѣній и господствѣ эгоистическихъ инстинктовъ. Подкупы, соблазны, запугиванія стали почти невозможны въ чисто научной сферѣ, гдѣ установились уже прочныя истины, но вполнѣ идутъ къ политической дѣятельности. Очевидно, это происходитъ отъ того, что люди могутъ имѣть убѣжденія въ области физики, не могутъ повѣрить никакимъ софизмамъ, а потому въ виду этого твердаго убѣжденія легко могутъ заглушить мелкіе свои интересы. Но во имя чего будутъ они подавлять свои эгоистическіе инстинкты въ сферѣ политики? Гдѣ прочныя начала, требующія послушанія, независимо отъ всякихъ своекорыстныхъ побужденій и даже въ противность всякимъ софизмамъ? Не апплодируетъ ли само общество наиболѣе смѣлымъ софизмамъ и парадоксамъ? Если такимъ образомъ нѣтъ ни въ правительственной, ни въ общественной сферѣ дѣйствительно сознанныхъ цѣлей, способныхъ направить дѣятельность той и другой и подавить своекорыстіе и мелкія страсти, то почему же не руководиться въ этомъ дѣлѣ своимъ личнымъ интересомъ, хотя бы и возбужденнымъ со стороны самыхъ грубыхъ инстинктовъ? Оно даже и вѣрнѣе, потому что чѣмъ грубѣе инстинктъ, которому льстишь, тѣмъ на бо̀льшую массу людей можно разсчитывать.

Это печальное явленіе будетъ существовать, конечно, до тѣхъ поръ, пока твердыя понятія и убѣжденія не подчинятъ себѣ снова всей массы противорѣчивыхъ мнѣній и разрозненныхъ интересовъ. До тѣхъ поръ система, указанная здѣсь, не измѣнится и не можетъ измѣниться и останется на отвѣтственности управляющихъ и управляемыхъ одинаково. Пока идея общаго блага будетъ заслонена этими двумя видами эгоизма, до тѣхъ поръ деморализація въ нравственныхъ и общественныхъ сферахъ будетъ неизмѣннымъ фактомъ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы правительства не могли ничего сдѣлать для прекращенія этого зла. Они сами много способствовали къ усиленію этихъ естественныхъ послѣдствій анархіи въ управляемомъ ими обществѣ. Тупая и непримиримая вражда ко всякой теоріи, къ

общимъ началамъ, стремленіе продлить то состояніе, когда люди только говорятъ и ни на чемъ не могутъ установиться, систематическое устраненіе всякихъ случаевъ и возможности сближенія разрозненныхъ членовъ общества, искусственное поддерживаніе ненависти и отчужденія между разными классами, все это—слишкомъ извѣстные факты. Но есть и другіе факты, которые какъ будто согласны съ общимъ настроеніемъ общества, но въ сущности зависятъ отъ тѣхъ же эгоистическихъ стремленій. Вся правительственная система западной Европы какъ будто служитъ выраженіемъ идей, завѣщанныхъ революціей. Принципъ равенства нашелъ себѣ примѣненіе въ равномъ правѣ участія всѣхъ лицъ въ администраціи, при чемъ даже степень образованія не всегда принимается во вниманіе. Такимъ образомъ въ то время, какъ умственная анархія убѣдила всѣхъ въ возможности безъ приготовленія участвовать въ разрѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ и административныхъ вопросовъ, а полное разложеніе всей прежней общественной іерархіи открыло путь всѣмъ большимъ и мелкимъ честолюбіямъ, правительства, которыя сами во многомъ способствовали этой общественной нивеллировкѣ, построили цѣлую систему управленія, гдѣ этотъ наплывъ лицъ, *желающихъ управлять*, могъ найдти себѣ исходъ. Это была выработанная на Западѣ система бюрократіи, приспособленная къ низкому умственному уровню, къ шаткости убѣжденій, къ нравственной анархіи, о которыхъ мы только-что говорили, и вызванная постепенною нивеллировкой общества, паденіемъ мѣстныхъ учрежденій и централизаціей. Бюрократическія установленія дали возможность западно-европейскимъ правительствамъ заманивать въ свою среду массы людей, жаждущихъ власти, безъ серіознаго къ ней приготовленія и отвѣтственности. Они создали тотъ міръ узкой спеціальности, мелкой посредственности, отдѣленный отъ всякаго живаго и глубокаго общественнаго сознанія и чувства, въ которомъ широкое пониманіе общихъ національныхъ задачъ извращается и наконецъ дѣлается невозможнымъ подъ вліяніемъ формальной рутины, въ которомъ личная иниціатива мельчаетъ и чахнетъ и громадная сумма власти уходитъ на мелкія распоряженія и оказывается безсильною предъ дѣйствительно сложными и трудными задачами. Общность національнаго сознанія уступаетъ здѣсь мѣсто лишь эгоистическимъ стремленіямъ и узкимъ, личнымъ интересамъ. Дѣлая разсчетъ и личный интересъ главнымъ двигателемъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ самоотверженіе и сознаніе высшихъ національныхъ цѣлей должны быть главною пружиной всякой дѣятельности, то или другое правительство

можетъ временно заинтересовать всѣ эти лица своимъ существованіемъ, но лишь на столько, на сколько удовлетворены ихъ мелкія самолюбія. Малѣйшее нарушеніе этихъ интересовъ, неудовлетворенное тщеславіе, обманутыя надежды, обыкновенно непомѣрныя тамъ, гдѣ достиженіе важнѣйшихъ должностей не сдержано никакими условіями образованія, гдѣ отправленіе ихъ не связано съ дѣйствительною отвѣтственностію, — все это легко можетъ обратить въ непримиримыхъ враговъ вчерашнихъ друзей. Гдѣ національное самосознаніе не достигло истинной силы, гдѣ эгоизмъ руководитъ дѣйствіями высшихъ и низшихъ, тамъ нечего ждать настоящаго сочувствія и преданности правительству. И дѣйствительно, глубокое сознаніе національныхъ цѣлей, безкорыстное служеніе интересамъ общества, дѣйствительная, самоотверженная преданность высшимъ представителямъ націи все болѣе и болѣе уходятъ въ область преданія, уступая мѣсто наружному, формальному исполненію обязанностей, слѣдовательно, систематическому лицемѣрію, которымъ приходится довольствоваться за отсутствіемъ искреннихъ, твердыхъ убѣжденій.

Предѣлы нашего труда не позволяютъ намъ долѣе остановиться на пагубномъ вліяніи такого общественнаго состоянія на самый характеръ политическихъ воззрѣній, господствующихъ въ наше время. Впрочемъ, его можно уже предвидѣть изъ общихъ, сдѣланныхъ нами замѣчаній. Неспособность возвыситься до общихъ началъ не только науки, но и своей національной политики, господство воззрѣній, сложившихся подъ вліяніемъ мелкихъ практическихъ соображеній, постоянно отклоняютъ человѣческій умъ отъ изслѣдованія дѣйствительно научныхъ началъ соціологіи и политики. Лишенный этой существенной поддержки, онъ естественно останавливается на изслѣдованіи формальной стороны вопросовъ и глядитъ на форму больше чѣмъ на содержаніе. Такъ, въ политикѣ изученіе формъ правленія и организаціи различныхъ установленій давно взяло перевѣсъ надъ болѣе существенными вопросами, надъ изслѣдованіемъ тѣхъ элементовъ, которыхъ эти формы и установленія служатъ только выраженіемъ. Форма сдѣлалась главнымъ центромъ полемики, отъ нея привыкли ожидать разрѣшенія всевозможныхъ политическихъ затрудненій, отъ измѣненія ея, и только отъ этого, ждутъ всего хорошаго или опасаются всего дурнаго. Ей привыкли приписывать все, что ни происходитъ въ обществѣ. Она одна отвѣчаетъ за каждый непріятный для общества случай, она несетъ на себѣ всѣ грѣхи людей, которые въ ней дѣйствуютъ и которые сами, въ свою очередь, сваливаютъ на нее всѣ свои заблужде-

нія. Если такимъ образомъ задачи изслѣдователей касаются не содержанія, не сущности, а формы, то понятно, что и за самое изслѣдованіе главнымъ образомъ берутся люди, сами болѣе способные къ формѣ, чѣмъ къ содержанію, и что главнымъ ихъ орудіемъ явилось также совершенство формы, развитое на счетъ достоинства содержанія. Краснорѣчіе заступило мѣсто глубины и силы мысли, изящное изложеніе соотвѣтствуетъ весьма скудному запасу сколько-нибудь плодотворныхъ началъ. Вотъ почему и люди, посвященные въ тайны декламаціи больше чѣмъ въ научныя истины, заняли видное мѣсто руководителей и воспитателей общественнаго мнѣнія. Адвокаты и журналисты, — два класса, первоначальное назначеніе которыхъ состояло въ защитѣ частныхъ интересовъ въ сферѣ будничныхъ вопросовъ, и въ сообщеніи свѣдѣній о новостяхъ общественной жизни, — вдругъ возвысились на степень руководителей общества по самымъ серіознымъ вопросамъ политики. Держась на поверхности вопросовъ, декламируя на тему высшихъ идей, смыслъ которыхъ постоянно утрачивается вслѣдствіе чисто-формальнаго примѣненія ихъ къ жизни, люди эти, конечно, не могутъ установить тѣхъ прочныхъ началъ, въ которыхъ такъ нуждается соціологія.

Между тѣмъ необходимость подобныхъ началъ очевидна. Они одни могутъ положить конецъ только-что рассмотрѣнному нами анархическому состоянію общества. Откуда явятся эти начала? Можно ли ихъ найдти въ условіяхъ современной цивилизаціи, и будетъ ли дѣломъ новой науки дальнѣйшее разъясненіе христіанскихъ истинъ и стремленіе къ великимъ цѣлямъ, указаннымъ 1800 лѣтъ тому назадъ, или изъ немногихъ, отрывочныхъ идей, выработанныхъ уже человѣчествомъ, начиная съ XII ст., должна сложиться новая наука и новое общество? Контъ выступилъ изъ *теологической* сферы, но не въ силахъ былъ отказаться отъ религіознаго чувства, которое громко заявило свои права въ самомъ великомъ позитивистѣ. Бюшезъ ищетъ началъ новой науки только въ сферѣ понятій, установленныхъ ученіемъ Христа. Мы увидимъ ниже, какъ это обстоятельство отразилось на вѣрности и богатствѣ его выводовъ.

II.

Филиппъ-Іосифъ-Веніаминъ Бюшезъ родился въ 1796 году въ небольшой деревнѣ Mattaigne-la-Petite, между Живе и Маріенбургомъ, въ землѣ Валлоновъ. Впрочемъ, онъ мало зналъ свою родину, потому что его отецъ и даже дѣдъ постоянно жили въ Парижѣ, такъ что

онъ воспитывался, дѣйствовалъ и умеръ въ этомъ городѣ, гдѣ столько иностранцевъ находили второе отечество, которому служили съ полнымъ самоотверженіемъ. Притомъ онъ былъ тѣсно связанъ съ преданіями и интересами французской націи, такъ какъ отецъ его, весьма умный и дѣятельный человѣкъ, занималъ разныя административныя должности при республиканскомъ и императорскомъ правительствахъ. Реставрація лишила его мѣста, и онъ отдался воспитанію сына. Молодой Бюшезъ былъ обязанъ его руководству гораздо больше, нежели школьнымъ урокамъ, которые къ тому же прекратились рано вслѣдствіе необходимости поступить куда-нибудь на службу. Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ финансовое управленіе и пересталъ посѣщать школу. Но наука привлекала его по прежнему. Въ свободныя минуты онъ съ жадностію читалъ сочиненія по географіи, исторіи и различныя путешествія. Въ 1812 году ему удалось, сохраняя за собою мѣсто, начать правильное изученіе естественныхъ наукъ. Эту отрасль знаній онъ избралъ по совѣту своего отца. Это было именно въ ту эпоху, когда естественныя науки имѣли всю прелесть новизны и дѣлали быстрые успѣхи подъ вліяніемъ трудовъ такихъ людей, какъ Ламаркъ. Кювье, Ж. С.-Илеръ. Толпы слушателей окружали ихъ въ *Jardin des Plantes*. Бюшезъ съ увлеченіемъ отдался новымъ занятіямъ и скоро обратилъ на себя вниманіе, такъ что былъ допущенъ къ работамъ въ зоологическомъ кабинетѣ. Здѣсь проявилась въ немъ та сила, которую Беконъ называлъ силою изобрѣтенія и которая всегда отличала дѣятельность Бюшеза по всѣмъ вопросамъ, подпадавшимъ его разрѣшенію. Не прошло двухъ лѣтъ его занятій естественными науками, какъ онъ уже представилъ Кювье, подготовлявшему тогда новое изданіе „Discours sur les révolutions du globe", свою гипотезу о періодическихъ измѣненіяхъ земной оси. Кювье упомянулъ о ней въ своей книгѣ.

Имперія задерживала много умовъ въ области естествознанія. Политическая идеологія была совершенно покинута. Но реставрація и начавшееся при ней политическое движеніе отразились на всей молодежи, въ томъ числѣ и на Бюшезѣ. Онъ лишился отца въ 1816 году, и за тѣмъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ. Не желая служить правительству, къ которому онъ не былъ расположенъ, онъ подалъ въ отставку и началъ заниматься медициной. Эти серіозныя занятія не помѣшали ему, впрочемъ, отдать дань политическому броженію, котораго онъ въ послѣдствіи вообще чуждался. Въ числѣ его товарищей по службѣ находился извѣстный Базаръ, съ которымъ

онъ не замедлилъ сблизиться и даже основать общество, собиравшееся въ улицѣ *Quatre-Vents*. Оно носило чисто юношеское названіе „Общества чертовски-философскаго“ (Société diablement philosophique). Не смотря на эту грозную кличку, оно, кажется, ограничивалось словопреніями, такъ что о его дѣятельности, въ особенности же о дѣятельности въ немъ Бюшеза, ничего нельзя сказать особеннаго. Можетъ-быть, это происходило отъ того, что онъ усердно занимался изученіемъ медицины, которая должна была обезпечить его существованіе, но вообще не только о его жизни, но и о мнѣніяхъ въ теченіе этого періода можно сказать очень мало. Извѣстно только, что онъ одинаково не любилъ и Бурбоновъ, и бонапартистовъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на молодежь, что онъ съ чисто политическими цѣлями попалъ въ масонскую ложу, гдѣ и достигъ скоро высшихъ степеней.

Наконецъ, въ 1821 году два его друга, Дюжье и Жуберъ, участвовавшіе въ Неаполитанской революціи, привезли въ Парижъ правила карбонаріевъ [1]). Они были прочитаны въ кружкѣ пріятелей въ комнатѣ Бюшеза, которому тотчасъ, вмѣстѣ съ Базаромъ и Флоттаромъ, было поручено примѣнить эти статуты къ французскимъ нравамъ. Такъ было основано во Франціи это общество, къ концу года насчитывавшее уже до 80.000 членовъ. Скоро во главѣ его появились лица, извѣстныя въ политическомъ мірѣ — Лафайетъ, Д'Аржансонъ, Ж. Кехли, и наконецъ съ нимъ слились всѣ тайныя общества, существовавшія до тѣхъ поръ во Франціи. Но истиннымъ двигателемъ этихъ обществъ по прежнему былъ кружокъ Бюшеза. Члены его раздѣлили между собой Францію, и Бюшезу было поручено организовать восточные департаменты, для чего онъ объѣхалъ Эльзасъ и Лотарингію. Впрочемъ, изъ этой организаціи не вышло ничего основательнаго. Возстаніе 1821 года не удалось; зачинщики, въ томъ числѣ и Бюшезъ, были арестованы и отданы подъ судъ. Впрочемъ, за недостаткомъ доказательствъ, Бюшезъ, не смотря на всѣ усилія прокуратуры, былъ оправданъ и возвратился въ Парижъ, гдѣ съ жаромъ возобновилъ свои медицинскія занятія. Рекамье, одна изъ первыхъ знаменитостей тогдашняго медицинскаго міра, руководилъ его занятіями, и въ 1825 г. онъ получилъ степень доктора медицины. Практика его, впрочемъ, никогда не была обширна. Онъ смотрѣлъ на медицину только какъ на средство заниматься другими вопросами. Притомъ болѣе важные

[1]) См. объ этомъ предметѣ *L. Stein* — Ueber den Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs стр. 267.

мотивы побуждали его не останавливаться на одной медицинѣ. Умъ его, развитый и укрѣпленный серіозными трудами по геологіи и біологіи, долженъ былъ перейдти къ болѣе сложнымъ вопросамъ. Предъ нимъ открывалась широкая область соціальныхъ наукъ, гдѣ ученіе С.-Симона произвело уже сильнѣйшій переворотъ.

Несчастный исходъ возстанія, въ которомъ онъ принималъ участіе, убѣдилъ его въ невозможности подобныхъ попытокъ при свободномъ правительствѣ, какимъ было правительство Людовика XVIII. Съ этого времени онъ навсегда оставилъ революціонную дорогу, въ томъ смыслѣ, что дѣло простаго разрушенія изъ простаго желанія играть въ революціи сдѣлалось ему чуждо. Его умъ былъ слишкомъ серіозенъ для того, чтобъ остановиться на такой жалкой работѣ. Притомъ онъ основательно началъ считать революцію не единственнымъ путемъ къ политической свободѣ. Съ другой стороны, онъ былъ пораженъ узостью такъ-называемыхъ либеральныхъ доктринъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ. Онъ положительно считалъ ихъ неспособными не только завершить, но даже продолжать дѣло, начатое въ 1789 году. Базаръ вполнѣ раздѣлялъ его мнѣнія въ этомъ отношеніи. Оба они рѣшились искать идей болѣе широкихъ, болѣе доступныхъ, болѣе способныхъ продолжать дѣло освобожденія человѣчества. Такимъ образомъ революція, выродившаяся въ буржуазный либерализмъ, не могла болѣе останавливать на себѣ ихъ вниманіе. Они искали организаціи, какъ главнаго условія возможности дальнѣйшаго развитія общества. Мы уже сказали, кому принадлежатъ организаціи въ революціонную эпоху. Въ особенности вѣрно это замѣчаніе въ отношеніи къ 20-мъ годамъ, когда общество, только-что вышедшее изъ революціи, не представляло никакихъ зародышей будущаго строенія, которое до настоящаго времени есть еще дѣло будущаго. Буржуазія, прокричавъ о правахъ человѣка, скоро съѣхала на болѣе близкіе къ ней интересы, называющіеся монополіей и капиталомъ. Вмѣстѣ съ либеральною частію дворянства она успокоилась на палатахъ и даже на наслѣдственномъ перствѣ. Либеральная оппозиція, резонёрство и доктринерство, — сюда ушли всѣ ея силы. Разумѣется, людямъ со сколько-нибудь развитою головой плохо вѣрилось, чтобы королевская власть была усилена палатами, чтобы король, который только царствуетъ, но не управляетъ, былъ болѣе король чѣмъ короли стараго времени, что члены палаты въ самомъ дѣлѣ представляютъ собою націю, что въ парламентаризмѣ примирились старыя преданія съ требованіями, завѣщанными революціей. Разумѣется, что этотъ тепловатый либе-

рализмъ не могъ увлечь людей такого закала, какъ Базаръ и Бюшезъ. По ихъ убѣжденію, *Де-Местръ* имѣлъ гораздо больше права на общее вниманіе, чѣмъ его противники. Въ самомъ дѣлѣ, голосъ этого человѣка раздавался громче, чѣмъ безсвязное лепетанье либеральныхъ доктринеровъ и недоразвившихся революціонеровъ. Прошедшее, казалось, воплотилось въ немъ со всею силой, какую только могутъ имѣть послѣдніе порывы умирающаго порядка. Полное отрицаніе началъ 1789 г., возстановленіе преданія во всей силѣ и воплощеніе его въ лицѣ папы, подчиненіе ему, и слѣдовательно, папѣ, всѣхъ народовъ,—словомъ, средніе вѣка до XIV столѣтія, вотъ что постоянно рисуетъ его пламенное воображеніе. Онъ отрицаетъ все, что сдѣлано человѣчествомъ съ тѣхъ поръ, какъ оно начало сбрасывать съ себя авторитетъ Ватикана. Съ XIII столѣтія начинается рядъ ошибокъ, которыя привели человѣчество къ крайности. Еретическія попытки XIII и XIV столѣтій были началомъ скандала, котораго XV и XVI служатъ продолженіемъ, а XVIII преступнымъ завершеніемъ. Еще одинъ шагъ, и человѣчество стремглавъ бросится въ эту пропасть, вырытую сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Для проповѣдника этого довольно, для ученаго—мало. Въ самомъ дѣлѣ, не отрицаетъ ли онъ въ свою очередь пять столѣтій, и какихъ столѣтій, и для чего же? Для того, чтобы возстановить порядокъ, созданный имъ самимъ по историческимъ документамъ, и въ которомъ историческая критика найдетъ не одну ложную черту. Неужели католицизмъ единственная форма христіанства, неужели исторія Европы съ XIII по XVIII вѣкъ есть уклоненіе, а не дальнѣйшее развитіе этого ученія? Впрочемъ, не общая теорія способна возбудить удивленіе къ этому геніальному человѣку. Онъ великъ особенно въ критикѣ тѣхъ формъ, тѣхъ ничтожныхъ ученій, въ которыхъ, по мнѣнію либераловъ, выразились начала 1789 г. Его критика писанныхъ конституцій и хартій до настоящаго времени представляетъ глубокій интересъ. Ни одна нація, говоритъ онъ, не можетъ дать себѣ свободы, если она уже не имѣетъ ея; она имѣетъ ее тогда, когда начинаетъ сознавать себя, и въ этомъ случаѣ конституціи совершенно безполезны. Чѣмъ больше пишутъ, тѣмъ слабѣе самыя учрежденія. Это понятно. Законы суть только объявленія правъ, а права объявляются только тогда, когда ихъ отрицаютъ, когда имъ грозитъ опасность, такъ что чѣмъ пространнѣе конституція, тѣмъ больше основаній опасаться за ея прочность. Никакой конституціи нельзя выдумать. Права народа нигдѣ не записаны, а записанныя права обязаны своимъ существованіемъ вовсе не торжественному внесенію ихъ

въ конституцію (см. его Considérations sur la France). Дѣйствительно, его слова какъ нельзя лучше шли къ тогдашнему положенію Франціи и мѣтко характеризовали эфемерную конституцію 1814 года. Но съ другой стороны, его пламенное краснорѣчіе никого уже не могло увлечь. Неизбѣжный ходъ событій довершилъ дѣло французской революціи. За два года до своей смерти Де-Местръ съ горестью долженъ былъ признать ея успѣхи. Въ будущемъ онъ видѣлъ полное разрушеніе своихъ идеаловъ. „Можно сказать, говорилъ онъ, что всѣ государи сводятся съ престола, въ томъ смыслѣ, что ни одинъ изъ нихъ не царствуетъ на столько, на сколько царствовалъ его отецъ и дѣдъ; священный характеръ власти ослабѣваетъ по мѣрѣ распространенія невѣрія, и никто не можетъ предвидѣть всѣхъ бѣдствій, готовящихся Европѣ...“. Этотъ страхъ передъ будущимъ, конечно, не могъ привлечь къ нему Бюшеза, хотя онъ и предпочиталъ его могущественную діалектику декламаціи его противниковъ.

Около этого же времени явился человѣкъ, около котораго группировалась бо̀льшая часть талантливой молодежи тогдашней Франціи. До настоящаго времени въ различныхъ сферахъ знанія можно встрѣтить дѣятелей, получившихъ первый толчекъ отъ *С.-Симона*. Онъ смотрѣлъ на разрушеніе стараго порядка какъ на совершившійся фактъ, освященный всею силой исторической необходимости. Онъ не желалъ брать на себя легкую работу добивать немногіе его остатки. Даже во время самаго разгара революціи онъ оставался въ сторонѣ отъ политической дѣятельности. „Революція уже началась, когда я прибылъ во Францію, писалъ онъ самъ про себя; я не хотѣлъ принимать въ ней никакого участія, такъ какъ, съ одной стороны, я имѣлъ убѣжденіе, что прежній порядокъ не можетъ болѣе держаться, а съ другой—разрушительныя стремленія отталкивали меня“. Въ первый разъ послѣ Кондорсе онъ взялся за трудное дѣло указать человѣчеству новую дорогу. Идеи Кондорсе, это духовное завѣщаніе XVIII столѣтія, нашли въ немъ истолкователя и проповѣдника. Снова повторилъ онъ формулу этого человѣка, умѣвшаго уловить общій законъ развитія человѣчества, въ эпоху страшнѣйшей анархіи, когда гильйотина уже готова была покончить его существованіе. Онъ формулировалъ этотъ законъ такимъ образомъ: „Золотой вѣкъ не позади насъ, а впереди. Онъ состоитъ въ совершенствованіи соціальнаго порядка. Наши отцы его не видѣли, наши дѣти достигнутъ его когда-нибудь. Намъ должно проложить имъ дорогу“.

Въ чемъ же состоитъ это совершенствованіе? Прежде всего необ-

ходимо покончить съ умственною анархіей. Это сдѣлаетъ реформа науки. Она дастъ людямъ правильное понятіе объ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Выясненіе этихъ понятій повлечетъ за собою организацію общества, которое должно построиться на идеѣ труда, освобожденнаго революціей отъ привилегій и монополій, при чемъ качество и достоинство труда будетъ единственнымъ критеріумомъ оцѣнки человѣческаго достоинства и главнымъ условіемъ его соціальнаго положенія. Наконецъ, общество, выведенное изъ состоянія умственной и политической анархіи, сдѣлается способнымъ къ осуществленію высшаго нравственнаго порядка, къ созданію новой религіи, соотвѣтствующей такой общественной организаціи. „Мы приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ общему благу, писалъ С.-Симонъ, и знающихъ существующія отношенія между общими интересами и интересами промышленности (l'industrie), не терпѣть болѣе названія *либераловъ*, которое имъ даютъ до настоящаго времени. Мы приглашаемъ ихъ водрузить новое знамя и написать на своихъ значкахъ девизъ: индустріализмъ. Слово *либерализмъ* было выбрано, принято и провозглашено остатками партіи патріотовъ [1]) и бонапартистовъ; оно не удобно для людей, которыхъ задача состоитъ въ основаніи прочнаго порядка мирными средствами. Мы не хотимъ сказать, что патріоты и бонапартисты не оказали услугъ обществу; ихъ энергія была полезна: нужно было разрушить, прежде чѣмъ явилась возможность строить. Но теперь революціонный духъ, оживляющій ихъ, прямо противорѣчитъ общественному благу; теперь лица просвѣщенныя и благонамѣренныя не могутъ носить другаго названія, кромѣ такого, которое бы совершенно противорѣчило революціоннымъ понятіямъ".

Итакъ, провозглашеніе безконечнаго прогресса человѣчества, и умственная, экономическая и нравственная организація, какъ необходимыя его условія — вотъ два положенія, которыя характеризуютъ всѣ труды С.-Симона. Они же послужили исходною точкой для всѣхъ его учениковъ. Въ сферѣ соціальной науки это и есть главная заслуга с.-симонизма. Всѣ они вмѣстѣ съ нимъ желали, чтобы общество вышло изъ состоянія сомнѣнія, невѣрія и эгоизма, въ которомъ оно находится въ теченіе трехъ столѣтій, и возвратилось къ идеямъ религіознымъ и синтетическимъ, какъ онъ ихъ называлъ. Но кромѣ этой общей исходной точки всѣ многочисленныя направленія, порожденныя с.-симонизмомъ, имѣютъ мало сходства. Подобно многимъ ге-

[1]) То-есть, революціонеровъ.

ніальнымъ и оригинальнымъ мыслителямъ, С.-Симонъ установилъ нѣсколько прочныхъ положеній, высказалъ массу отдѣльныхъ замѣчаній, но не изложилъ своего ученія въ стройномъ, систематическомъ видѣ. Отсюда два важныхъ послѣдствія. Вопервыхъ, онъ спѣшилъ дать своимъ идеямъ слишкомъ конкретную форму въ то время, когда еще теоретическая ихъ отдѣлка была не совсѣмъ окончена; вовторыхъ, неясность и несистематичность его идей повела въ самымъ произвольнымъ ихъ искаженіямъ, которыя, однако, продолжали носить его имя и тѣмъ вводили общество въ заблужденіе относительно настоящихъ его идей. Кто не знаетъ, какую роль въ понятіи „с.-симонизмъ" играетъ Анфантенъ и его школа?

Конечно, С.-Симонъ отчасти виноватъ въ этомъ послѣдующемъ искаженіи его ученія. Излагать ученіе объ экономической и религіозной организаціи общества, въ то время какъ умственная анархія далеко не была устранена, — предпріятіе слишкомъ преждевременное. Контъ рѣшился на него только послѣ нѣсколькихъ припадковъ умопомѣшательства. До тѣхъ поръ установленіе прочной связи между всѣми отраслями знанія и подчиненіе ихъ одной идеѣ составляли его единственную задачу. Впрочемъ, и здѣсь С.-Симонъ не дошелъ до нелѣпостей отца Анфантена. Для религіозной организаціи онъ требовалъ обновленія христіанства, на основаніи началъ первыхъ его вѣковъ, извращенныхъ католицизмомъ и лютеранствомъ. Другаго смысла, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ его Nouveau Christianisme. Но достаточно было нѣсколькихъ идей, брошенныхъ на удачу и не поставленныхъ въ прочное соотношеніе съ общимъ его ученіемъ, чтобы породить тѣ чудовищныя явленія, которыя главнымъ образомъ извѣстны публикѣ подъ именемъ с.-симонизма. Къ счастію, Анфантенъ не единственный и даже не главный представитель этого ученія. Сенсимонисты въ узкомъ смыслѣ (то-есть, которыхъ публика считаетъ за такихъ) отдались второй части плана своего учителя, то-есть, экономической и религіозной организаціи, забывъ, что дисциплина ума и организація знанія есть первый шагъ ко всякой организаціи. Вотъ почему ихъ организаціи явились продолженіемъ той же анархіи, противъ которой писалъ С.-Симонъ. Эти попытки прошли и забыты, какъ все преждевременное и фантастическое. Но первая часть программы, попавшая на здравомыслящихъ людей, какъ Бюшезъ и Контъ до его послѣдняго помѣшательства, послужила основаніемъ серіозныхъ работъ по соціологіи и другимъ сферамъ знанія, которыя должны были постепенно выходить изъ состоянія разрозненности и узкой спеціальности, препят-

ствующей имъ быть дѣйствительнымъ факторомъ организаціи умственной жизни человѣчества. Ни Бюшезъ, ни Базаръ не знали лично С.-Симона. Но чрезъ Анфантена они вошли въ сношенія съ его школой и стали участвовать въ журналѣ: *Производитель*. Первыя статьи Бюшеза имѣли въ виду осуществленіе одной изъ задачъ, указанныхъ еще С.-Симономъ для передѣланія соціальной науки. С.-Симонъ во многихъ своихъ трудахъ сильно настаивалъ на необходимости индивидуальной физіологіи, которая бы въ послѣдствіи могла служить основаніемъ физіологіи общественной. Изъ этого видно, что С.-Симонъ имѣлъ въ виду не столько физіологію, сколько то, что теперь называютъ антропологіей, въ связи съ психологіей. По его мнѣнію, успѣхи историческихъ и политическихъ наукъ зависѣли отъ опредѣленія законовъ индивидуальной и соціальной физіологіи. Бюшезъ предпринялъ по этому поводу рядъ статей, которыя восемь лѣтъ спустя получили обширное развитіе. Впрочемъ, въ этихъ статьяхъ не проглядываетъ еще никакихъ прочныхъ убѣжденій. Онѣ вполнѣ соотвѣтствовали тому неопредѣленному состоянію, въ которомъ находился самъ авторъ ихъ. Не смотря на начавшуюся реформу его нравственныхъ убѣжденій, онъ былъ еще матеріалистъ. Неотразимое вліяніе революціонной эпохи и занятій въ *Jardin des Plantes* чувствовалось еще на его умственномъ складѣ. Но его сильный и послѣдовательный умъ не могъ остановиться на поверхностномъ сенсуализмѣ, какъ не могъ удовлетвориться поверхностнымъ либерализмомъ, и потому онъ потребовалъ отъ своего ученія и своихъ убѣжденій строгой научной системы. Онъ старался провести до конца убѣжденія, вложенныя въ него прежними обстоятельствами. Это и помогло ему въ послѣдствіи покончить съ своими матеріалистическими убѣжденіями.

Онъ не долго работалъ въ *Производитель*, котораго изданіе кончилось въ 1826 году. Онъ возвратился къ своимъ медицинскимъ занятіямъ и основалъ журналъ, извѣстный подъ именемъ *Journal des Progrès des sciences et institutions médicales*. Его вышло 21 томъ, а въ IX т. его появился трудъ издателя по физіологіи нервной системы, которая легла въ основаніе его теоріи человѣческихъ способностей. Съ 1829 г. въ этомъ журналѣ появляются статьи, гдѣ уже замѣтенъ нравственный переворотъ, совершившійся въ немъ, — переворотъ, который вывелъ его на самостоятельную дорогу и окончательно порвалъ его связи съ прежними его товарищами. Одно обстоятельство особенно способствовало къ этому разрыву. Въ 1828 г. школа С.-Симона рѣшилась возобновить изданіе *Производителя*. Бюшезу было предло-

жено принять въ немъ сотрудничество. Это вполнѣ соотвѣтствовало его собственнымъ планамъ. Уже давно задумалъ онъ написать планъ энциклопедіи человѣческихъ знаній. Собственно мысль эта принадлежитъ С.-Симону, нѣсколько разъ указывавшему на необходимость такой энциклопедіи. Бюшезъ приготовилъ статью объ этомъ предметѣ для перваго нумера *Производителя*. Рукопись эта сохранилась. Изъ нея видно, что авторъ признаетъ невозможность положить матеріализмъ въ основаніе такой энциклопедіи. Матеріализмъ не удовлетворялъ существенной цѣли такой энциклопедіи — выясненію міровой гармоніи. Матеріализмъ умѣлъ выказать только отдѣльныя и враждебныя силы, находящіяся въ состояніи вѣчной борьбы. Онъ не способенъ дать формулу для разрѣшенія вопроса о трехъ великихъ неизвѣстныхъ, представляемыхъ каждымъ рядомъ фактовъ: началѣ, субстратѣ и цѣли. Бюшезъ утверждалъ, что эти великія *неизвѣстныя* не только были одни и тѣ же для каждой науки, но что они составляли предметъ общей или энциклопедической науки, тогда какъ законы, свойственные частнымъ явленіямъ, составляютъ задачу спеціальныхъ наукъ. Отсюда онъ заключалъ, что матеріализмъ не можетъ дать формулу для всеобщей энциклопедіи. Это не значило, чтобъ онъ требовалъ возвращенія къ среднимъ вѣкамъ и теологическимъ пріемамъ этой эпохи, но онъ утверждалъ необходимость догмата, утверждалъ, что будущая эпоха человѣческаго развитія будетъ религіозная. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разъясненіи этихъ мыслей, это будетъ сдѣлано ниже. Здѣсь достаточно сказать, что рукопись Бюшеза вызвала сильнѣйшій раздоръ въ редакціи *Производителя*. Сотрудники наотрѣзъ отказались напечатать ее въ своемъ журналѣ; полемика продолжалась въ теченіе 1829 г., пока, наконецъ, Базаръ и Анфантенъ не дошли до пантеизма и другихъ выводовъ того, что публика называетъ с.-симонизмомъ, а Бюшезъ не сталъ окончательно на сторону христіанства. Отсюда можно видѣть, что споръ шелъ вовсе не о необходимости или безполезности догмата. Базаръ и Анфантенъ скоро доказали, что они не прочь и отъ догмата, и отъ религіи, но этотъ догматъ былъ пантеизмъ, отождествленіе духа и матеріи. Бюшезъ не выносилъ пантеизма и основательно считалъ его несовмѣстимымъ съ нравственными началами. Онъ думалъ о возстановленіи христіанства въ томъ видѣ, какъ это предлагалъ уже С.-Симонъ, который, вѣроятно, не ожидалъ, что ученики его свяжутъ его имя съ основанною ими новою quasi-религіей. Подобно своимъ противникамъ, Бюшезъ высоко ставилъ ученіе своего учителя; подобно имъ онъ признавалъ необходи-

мость основать великую школу, которая бы обновила всю совокупность наукъ. Но онъ не выносилъ фантастическихъ увлеченій, театральной обстановки, шутовскихъ обрядовъ этихъ „братьевъ". Онъ думалъ только о философіи, онъ увлекался только наукой, но философіей и наукой, основанными на вѣчныхъ истинахъ христіанства. Онъ не сразу призналъ догматическое значеніе этой религіи, но тотчасъ оцѣнилъ ея нравственное значеніе. Еще С.-Симонъ научилъ его видѣть въ нравственности не только правила личной дѣятельности, но совокупность началъ, вліяющихъ на общественную организацію и прогрессивное движеніе обществъ. Съ этой точки зрѣнія изучалъ онъ христіанскую нравственность и призналъ, что на всѣхъ общественныхъ преобразованіяхъ, совершившихся въ теченіе восемнадцати столѣтій, отразились эти великія начала, которыя въ то же время составляютъ зародышъ всѣхъ будущихъ успѣховъ человѣчества. Съ этой точки зрѣнія мы должны изучать труды Бюшеза. Намъ нѣтъ необходимости пускаться въ подробности относительно его внутренняго религіознаго настроенія. Для насъ достаточно знать, что условіе человѣческаго прогресса онъ видѣлъ только въ успѣхахъ христіанскихъ началъ.

Такимъ образомъ, онъ и его послѣдователи, одни изъ всѣхъ учениковъ С.-Симона, продолжали дѣло своего учителя, не пускаясь въ фантастическія нелѣпости разныхъ новыхъ религій. Умственное, философское обновленіе общества — длинная и трудная задача, безъ осуществленія которой нельзя думать ни о какой прочной организаціи. Въ этомъ отношеніи они исполняли по мѣрѣ силъ завѣщаніе учителя. Разорвавъ связи съ Базаромъ и с.-симонистами[1]), онъ всегда сохранялъ глубокое уваженіе къ памяти основателя этого ученія, которое, по его понятію, въ то время должно было ограничиться одними научными и философскими трудами.

Революція 1830 г. открыла широкое поле для дѣятельности Бюшеза. Онъ многаго надѣялся отъ этой революціи, но былъ обманутъ подобно всѣмъ республиканцамъ. Вотъ почему на другой день послѣ революціи онъ явился жаркимъ сторонникомъ республиканской оппозиціи. Впрочемъ, ему нечего было дѣлать съ политическимъ движеніемъ. Подлѣ него группировалось много талантливыхъ людей, при содѣйствіи которыхъ ему возможно было продолжать дѣло научной и философской пропаганды. Общество, извѣстное подъ названіемъ *Amis du peuple*, въ которомъ участвовалъ и Бюшезъ съ цѣлію развитія

---

[1]) Отъ которыхъ, впрочемъ, и Базаръ отсталъ въ послѣдствіи.

своихъ идей, было закрыто. Но вмѣсто того стали открывать публичные курсы, конференціи, собранія. Въ 1831 г. съ этою цѣлію основанъ былъ журналъ *Европеецъ*, сдѣлавшійся органомъ партіи Бюшеза. Нужно ли говорить, съ какимъ жаромъ работалъ здѣсь самъ Бюшезъ? Статьи о національности, о значеніи Франціи, о суверенитетѣ, объ организаціи представительнаго правленія, объ улучшеніи судьбы рабочаго класса, о кредитѣ, смѣнялись превосходными изслѣдованіями объ искусствѣ и литературѣ, о текущихъ политическихъ вопросахъ, о постоянныхъ успѣхахъ каждой науки. Подобно с.-симонистамъ, *Европеецъ* боролся противъ индивидуализма либеральной школы и настаивалъ, — даже, быть можетъ, слишкомъ, — на необходимости сильнаго, руководящаго правительства. Но между тѣмъ какъ іерархическій коммунизмъ Анфантена велъ къ порабощенію личности, Бюшезъ, какъ средство реформы, выставлялъ рабочую ассоціацію, цѣликомъ основанную на личной иниціативѣ. *Европеецъ* выходилъ не долго. Въ 1832 г. онъ прекратился, но дѣятельность Бюшеза не прекращалась. Напротивъ, въ 1833 году онъ издалъ свой первый капитальный трудъ: „Введеніе въ науку исторіи“ [1]), гдѣ изложено его ученіе о прогрессѣ, которое мы разсмотримъ ниже. Замѣтимъ только, что здѣсь онъ возвелъ прогрессъ на степень міроваго закона, которому одинаково подчинены всѣ стороны жизни человѣчества: науки, искусства, политическія и общественныя учрежденія. Рядомъ съ этимъ онъ вмѣстѣ съ Ру-Лавернемъ (Roux-Lavergne) началъ изданіе громаднаго сборника подъ именемъ парламентской исторіи французской революціи [2]). Этому изданію предпослано введеніе, написанное Бюшезомъ, гдѣ онъ высказываетъ весьма много оригинальныхъ мыслей, въ особенности относительно первоначальной исторіи Франціи. Онъ доказывалъ, что французская національность образовалась не завоеваніемъ, а свободнымъ союзомъ между католическимъ населеніемъ Галліи и Франками, — союзомъ, составленнымъ съ цѣлію противодѣйствія аріанству. Если религія явилась первымъ объединяющимъ началомъ новаго общества, она же кладетъ неизгладимый отпечатокъ на все его будущее развитіе. Введеніе это оканчивается выводомъ, который въ 1833 г. произвелъ не малый скандалъ, именно что французская революція есть оконча-

---

[1]) Introduction à la science de l'histoire. Paris 1833. 2-е изданіе того же труда сдѣлано Guillaumin'омъ въ 1842 году.

[2]) Histoire parlementaire de la révolution française. Paris 1833—1838. 40 vol. in 8. Объ этомъ изданіи см. Moll — Gesch. und Liter. der Staatswiss. т. III.

тельный результатъ новой цивилизаціи, которая въ свою очередь вся вышла изъ Евангелія.

Независимо отъ этого обширнаго труда, Бюшезъ постоянно читалъ публичные курсы, а въ 1835 г. возобновилъ изданіе *Европейца*. Между прочимъ, онъ читалъ курсъ философіи, который былъ собранъ и изданъ подъ его редакціей однимъ изъ его учениковъ подъ заглавіемъ «Introduction à l'étude des sciences médicales». Въ послѣдствіи, по окончаніи его Парламентской исторіи, этотъ курсъ разросся въ обширный трактатъ философіи [1]). Года черезъ два онъ выпустилъ второе, совершенно передѣланное изданіе своего Введенія въ науку исторіи, и Парламентской исторіи (послѣднее не было окончено).

Такимъ образомъ, бо́льшая часть идей Бюшеза получила развитіе въ многотомныхъ и добросовѣстныхъ трудахъ. Философская часть была кончена, оставалось сдѣлать приложеніе ея къ соціальной наукѣ. Дѣйствительно, онъ задумалъ эту работу. Но время было крайне неблагопріятно для спокойныхъ научныхъ занятій. Это было уже наканунѣ 1848 г. Бюшезъ, отвлеченный отъ своихъ трудовъ сначала болѣзнью, а послѣ политическимъ броженіемъ, увидѣлъ, что для него снова необходима журнальная дѣятельность. Мало того, условія времени требовали журнала менѣе серіознаго чѣмъ *Европеецъ*, который подъ конецъ принялъ совершенно философское направленіе. Результатомъ всего этого было основаніе *Revue Nationale*, одного изъ извѣстнѣйшихъ журналовъ въ 1847 г. Но въ 1848 революція снова вывела Бюшеза на политическое поприще.

Мы не будемъ останавливаться на этой кратковременной, хотя и лихорадочной дѣятельности. Мы видѣли, что истинное значеніе Бюшеза далеко не здѣсь. Грустно слѣдить за неловкими движеніями честнаго человѣка среди интригъ и происковъ глубоко эгоистической толпы или плохо сознающаго себя рабочаго класса. Демократическое движеніе подняло красное знамя, испуганная буржуазія искала спасенія во второй имперіи. Бюшезъ не могъ быть ни тамъ, ни здѣсь. Притомъ всего два года участвовалъ онъ въ трудахъ республиканскаго правительства. Въ 1850 г. онъ вышелъ въ отставку, 2-го декабря 1851 г. былъ арестованъ, но освобожденъ черезъ два дня, благодаря заступничеству одного изъ своихъ старыхъ друзей, маршала Бараге-д'Илье. Съ этого времени онъ опять посвятилъ себя наукѣ.

---

[1]) Essai d'un traité complet de philosophie, au point de vue du catholicisme et du progrès. 3 v. in 8.

Не имѣя возможности возобновить изданіе *Revue Nationale*, онъ рѣшился осуществить свой давнишній планъ, докончить свой философскій трактатъ изложеніемъ соціальной науки. Это и есть то сочиненіе, которое мы намѣрены изучить въ настоящей статьѣ. Онъ началъ его въ 1852 г. Работа двигалась медленно, отчасти потому что авторъ считалъ переживаемую имъ эпоху неудобною для изданія политическихъ трактатовъ, отчасти потому что онъ возобновилъ свои занятія геологіей и другими естественными науками. Въ 1862 г. онъ продержалъ первую редакцію своей книги. Исправленія и перемѣны продолжались до 1865 г. Въ этомъ году онъ хотѣлъ уже приступить къ печатанію, какъ смерть прекратила это сильное и богатое существованіе. Книга издана, согласно завѣщанію автора, двумя его талантливыми учениками: докторомъ Серизомъ и Оттомъ, который пріобрѣлъ себѣ уже извѣстность своими историческими и экономическими трудами.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о личныхъ свойствахъ Бюшеза. Послѣ перечисленія его трудовъ его неутомимая дѣятельность не можетъ подлежать сомнѣнію. Притомъ здѣсь приведены только главнѣйшіе его труды и вовсе не упомянуто о множествѣ статей, разсѣянныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Сила, ширина и дѣятельность отличали его умъ. Однимъ взглядомъ обнималъ онъ самыя разнообразныя и сложныя отношенія и умѣлъ прійдти къ свѣтлому и плодотворному выводу. Онъ дѣйствительно былъ испеченъ изъ того тѣста, которое нужно было для *науки* С.-Симона. Но способность анализа была въ немъ гораздо слабѣе. Онъ часто терялся въ подробностяхъ; тонкія различія легко ускользали отъ него. Но за то рѣдкій умъ оставался такъ вѣренъ себѣ во всѣхъ послѣдствіяхъ разъ принятаго начала — иногда онъ доходилъ до парадоксовъ. Можно сказать, что онъ представлялъ сочетаніе необыкновенной силы изобрѣтенія идей, неумолимой логики и удивительной памяти. Все это давало ему видное положеніе въ литературѣ.

Необыкновенная скромность и преданность своей идеѣ присоединялись къ этимъ качествамъ. Все въ немъ было просто, начиная со вкусовъ. Онъ умѣлъ не только жить на 2.800 фр. дохода, но еще и помогать другимъ. Убѣжденный, что онъ одинъ изъ каменщиковъ будущаго великаго зданія науки, онъ этой цѣли приносилъ въ жертву всѣ свои личные интересы, которые могли бы помѣшать его работѣ. Онъ не былъ женатъ, пренебрегалъ практикой, хотя считался хорошимъ медикомъ; не искалъ политической карьеры, хотя она улыба-

лась ему съ 1830 г. Онъ имѣетъ полное право на вниманіе каждаго, кто умѣетъ цѣнить тождество слова и дѣла.

III.

Ученіе Бюшеза, какъ мы уже сказали, составляетъ одну изъ немногихъ попытокъ возвести соціальныя науки на степень реальныхъ, положительныхъ наукъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію его теоріи, намъ необходимо указать, въ чемъ, по нашему мнѣнію, состоятъ главныя условія этой *положительности* соціальныхъ наукъ. Два свойства отличаютъ каждую положительную науку: прочно установленные законы и основанное на этихъ законахъ предвидѣніе. Понятно, почему именно эти два факта отличаютъ научную систему отъ всего ненаучнаго. Нѣтъ факта, не имѣющаго въ общемъ строѣ природы причины, доступной наблюденію; нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы объяснить при внимательномъ изученіи условій, окружающихъ наблюдаемый фактъ. Каждому явленію въ природѣ соотвѣтствуетъ совокупность породившихъ его условій; каждая сумма условій должна выразиться въ какомъ-нибудь явленіи. Объясненія каждаго явленія должно искать въ окружающихъ его условіяхъ и только въ этихъ условіяхъ; изученіе даннаго количества условій ведетъ къ предугадыванію того явленія, которое должно быть результатомъ подобной комбинаціи силъ. Вотъ почему не научна всякая попытка изслѣдовать какое-либо явленіе внѣ положительныхъ условій, силъ, фактовъ. Не научно, далѣе, также изслѣдованіе, которое ограничивается наблюденіемъ и записываніемъ фактовъ безъ умѣнья ихъ сочетать, усмотрѣть ихъ взаимную связь и изъ нея вывести вѣроятность и даже необходимость извѣстнаго послѣдствія. Изъ этихъ двухъ свойствъ каждой науки можно вывести нѣсколько результатовъ, которые могутъ пригодиться намъ въ теченіе нашего изслѣдованія. Если для объясненія факта, то-есть, для *открытія закона* необходимо изученіе извѣстныхъ условій, съ которыми наблюдаемый фактъ долженъ находиться въ необходимой связи, то-есть, такой, что онъ могъ выйдти *только* изъ нихъ и они *необходимо* должны были выразиться въ немъ, то, вопервыхъ, нельзя вводить въ науку идею произвола, нельзя давать дѣятельной роли причинамъ неестественнымъ; вовторыхъ, необходимо какъ можно больше расширить сферу наблюденія и искать причины извѣстнаго явленія не только въ ряду фактовъ, имѣющихъ къ нему непосредственное отношеніе, но во всей совокупности ихъ условій, которыми вообще опредѣляется характеръ *даннаго момента* въ жизни

умственной, матеріальной, нравственной, въ жизни органической и неорганической. Другими словами, истинно научнымъ можно назвать только изложеніе, которое извѣстный фактъ выводитъ изъ цѣлаго *состоянія, строя;* научна только система, гдѣ каждый фактъ является необходимою и неразрывною частію цѣлаго, и гдѣ наоборотъ, зная характеръ цѣлаго, можно предвидѣть цѣлый рядъ фактовъ. Эти аксіомы давно установились въ естественныхъ наукахъ, и особенно въ геологіи, гдѣ историческое изученіе послѣдовательныхъ преобразованій земли привело именно къ этимъ результатамъ. Никому не придетъ въ голову отнести какой-нибудь классъ животныхъ въ несоотвѣтствующую эпоху формаціи, и каждый знаетъ, что данной эпохѣ должно было соотвѣтствовать извѣстное строеніе органическаго міра. Можно сказать, что Кювье, Агассизъ, Лейель и Форбесъ сдѣлали больше для выработки истинно исторической методы, чѣмъ бо́льшая часть такъ-называемыхъ историковъ. Въ соціальныхъ наукахъ (какъ историческихъ, такъ и догматическихъ) есть нѣкоторыя понятія, препятствующія имъ обратиться въ реальное знаніе. Вопервыхъ, въ нихъ продолжаетъ господствовать *идея воли*, какъ важнѣйшаго фактора соціальныхъ явленій. Это естественно заслоняетъ изученіе истинныхъ законовъ и лишаетъ возможности истинно-научнаго предвидѣнія. Вмѣсто идеи послѣдовательнаго развитія, правильной смѣны одного состоянія общества и соотвѣтствующихъ ему частныхъ фактовъ другимъ строемъ и другими фактами, на первомъ планѣ стоитъ идея искусственныхъ комбинацій, произвольно созданныхъ тою или другою частною волей. Отсюда вытекаетъ понятіе о возможности по произволу замѣнять одну комбинацію другою, для чего стоитъ только разрушить старое. Отсюда, далѣе, идея безконечной борьбы, наполняющая собою страницы исторіи. Между тѣмъ какъ идея правильной смѣны одного строя другимъ ведетъ къ сознанію необходимости изучить характеръ окружающаго строя, предусмотрѣть строй будущей эпохи и сдѣлать какъ можно больше для полнаго осуществленія этихъ задачъ въ будущемъ, идея воли естественно ведетъ къ фантастическому созданію идеаловъ, составленныхъ обыкновенно путемъ отрицанія настоящаго, и къ стремленію немедленно осуществить эти идеалы, хотя бы путемъ насилія. Первый путь вноситъ въ насъ сознаніе невозможности произвольной передѣлки данныхъ общественныхъ отношеній, на мѣсто произвольнаго идеала ставитъ серіозную цѣль, выработанную историческою жизнью общества, осуществленіе этой цѣли переноситъ въ далекое будущее, которому мы должны слу-

жить во имя сознанной нами цѣли. Здѣсь развивается *идея долга.* Ясно, что второй путь приводитъ къ произволу и ставитъ кумиръ одной свободѣ, которая безъ серіозной цѣли и идеи долга не имѣетъ никакого значенія.

Далѣе, признавая волю главнѣйшимъ факторомъ общественныхъ явленій, соціальныя науки вмѣстѣ съ этимъ преувеличиваютъ *значеніе личности,* такъ какъ идея воли истинное свое значеніе получаетъ въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, преимущественно же *великихъ.* Не отрицая значенія послѣднихъ въ общемъ ходѣ исторіи, нельзя, однако, не признать, что обращая на нихъ исключительное вниманіе, наука тѣмъ самымъ до крайности съуживаетъ предѣлы своего изслѣдованія, оставляетъ въ сторонѣ массу условій, фактовъ и отношеній, и слѣдовательно, лишаетъ себя средствъ вывести дѣйствительно прочные законы общежитія. Освѣщая извѣстную эпоху только характеромъ извѣстнаго лица, по ея мнѣнію, вліявшаго на всю совокупность отдѣльныхъ явленій этой эпохи, наука никогда не пойметъ даже того, почему эта личность имѣла такое значеніе, ни того, что̀ должна была сдѣлать слѣдующая эпоха. Тѣмъ менѣе возможно установленіе связи между постепенно смѣнявшимися состояніями общества, ибо связь научная, дѣйствительная можетъ быть установлена только между всею совокупностію условій предыдущаго и послѣдующаго строя общества, а не между отдѣльными личностями, взятыми сами по себѣ. Мы здѣсь далеки отъ мысли рѣшать вопросъ о степени вліянія единичной воли на историческую судьбу человѣчества. Мы желаемъ только выставить то общеизвѣстное и мало понимаемое положеніе, что каждый фактъ соціальнаго міра есть произведеніе множества причинъ и условій, а не одной движущей силы. *Организмъ* и его жизнь отличается отъ *механизма* тѣмъ, что въ немъ менѣе видно господство единства цѣли и единства причинъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Всѣ публицисты, напримѣръ, установлявшіе единство цѣли для государства, не достигали никакихъ результатовъ, между прочимъ потому, что рядомъ съ ними другой мыслитель выставлялъ другую цѣль и т. д. *Развитіе*—эта цѣль всякаго организма, въ томъ числѣ и соціальнаго—не можетъ быть прикрѣплено на вѣки къ одной цѣли, равно какъ явленія его не могутъ быть объяснены какою-либо одною причиной.

Не менѣе шатокъ и другой пріемъ, хотя болѣе широкій чѣмъ предыдущій, тотъ пріемъ, по которому характеръ и значеніе общества изучаютъ на основаніи природы человѣка вообще, то-есть, отождествляютъ законы общественнаго развитія съ законами развитія индивидуальнаго.

Въ силу этого ученія соціальныя науки имѣютъ одинъ предметъ съ антропологіей и психологіей, при чемъ изслѣдованіе производится только въ болѣе обширной сферѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что природа эта необходима для разъясненія разныхъ практическихъ вопросовъ, преимущественно же тѣхъ дѣяній, которыя не выходятъ изъ сферы личныхъ отношеній человѣка. Но сдѣлать законы индивидуальной природы человѣка законами общества болѣе чѣмъ неосновательно. Значеніе человѣка, какъ члена общества, характеръ его, какъ соціальнаго существа, можетъ раскрыться только при изученіи законовъ цѣлаго общества, а не наоборотъ. Далѣе, самый характеръ человѣка, не только какъ члена общества, но и какъ недѣлимаго, взятаго въ сферѣ его частныхъ отношеній, до такой степени образуется и видоизмѣняется подъ вліяніемъ общества и его законовъ, что глубочайшій психологъ врядъ-ли возьмется разъяснить, что̀ въ человѣкѣ есть произведеніе его непосредственной природы и что̀ создано обществомъ. Если взвѣсить, что̀ въ суммѣ нравственнаго и умственнаго богатства общества есть произведеніе непосредственныхъ свойствъ индивидуальности, то результатъ, конечно, будетъ не блестящій. Теорія индивидуалистовъ выводитъ общество изъ потребности человѣка и дѣлаетъ его продолженіемъ индивидуальной жизни человѣка. Никто не будетъ оспаривать перваго положенія на столько, на сколько рой есть произведеніе потребностей пчелъ, или лучше сказать, притяженіе—*потребность* атомовъ. Нельзя назвать простою потребностію то, отъ чего человѣкъ не можетъ отказаться, не рискуя быть исключеніемъ и весьма печальнымъ. Представьте себѣ существо, которое иначе не можетъ даже поддерживать свою породу, какъ соединяясь въ общество — и выводите потомъ отвлеченый appetitus societatis изъ любви къ діалектикѣ. Что касается втораго положенія, что соціальная жизнь есть только продолженіе индивидуальной, то оно болѣе чѣмъ сомнительно. Если принять это положеніе индивидуалистовъ, то ясно, что соціальная жизнь есть только совокупность частныхъ существованій, а общество — простая ассоціація недѣлимыхъ. Такъ, дѣйствительно, индивидуалисты и смотрятъ на общество; таково было коренное основаніе такъ-называемаго естественнаго права — всѣ эти *соединенія* liberorum hominum Гроція, Пуфендорфа и Вольфа. Таковъ смыслъ соціальныхъ контрактовъ. Таково было это ученіе, для удержанія порывовъ котораго историческая школа должна была освятить всю средневѣковую гниль, для того чтобы сколько-нибудь противопоставить идеѣ воли идею историческаго закона. Еслибъ индивидуалисты были правы, то нельзя было бы найдти

ни одной способности общественной, которая бы не была присуща природѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ какъ ассоціація можетъ только увеличить силы посредствомъ ихъ соединенія, но не можетъ измѣнить ихъ характера и даже создать что-нибудь новое. Напротивъ, общество обладаетъ такими силами, которыхъ отдѣльный человѣкъ или вовсе не имѣетъ или имѣетъ въ зародышѣ, подобно тому, какъ нервные узлы имѣютъ *in posse* способности мозга, простыя тѣла — свойства сложныхъ. Для того, чтобъ эти скрытыя свойства высказались, необходима химическая или органическая комбинація. Человѣкъ, напримѣръ, родится съ способностію къ рѣчи, но не съ самою рѣчью: въ противномъ случаѣ во всемъ свѣтѣ былъ бы одинъ языкъ или каждая порода могла бы изучить только свой языкъ. Человѣкъ, предоставленный самъ себѣ, не можетъ сложить изъ звуковъ, которые онъ издаетъ, даже самаго простаго сочетанія, похожаго на рѣчь. Общество, напротивъ, получаетъ языкъ вовсе не отъ условія, заключеннаго между людьми, называть такъ или иначе ту или другую вещь. То же должно сказать и про простую ассоціацію отдѣльныхъ лицъ [1]). Съ давнихъ поръ замѣчательные филологи стремились создать языкъ, которымъ могло бы говорить все человѣчество. Кажется, всѣ нужныя средства находились въ ихъ распоряженіи—формы и законы всѣхъ языковъ и нарѣчій, выработанная грамматика, сильное умственное развитіе, и однакожь не только они не создали ничего подобнаго, но даже не въ силахъ были произвести какую-нибудь перемѣну въ языкѣ своего народа. То же самое должно сказать и о другихъ силахъ общества. Личный опытъ и способности безъ общества никогда не создали бы науки, личный интересъ только въ обществѣ могъ сдѣлать изъ промышленности орудіе цивилизаціи, личное вдохновеніе превратилось въ обществѣ въ искусство. Природа вещей такова, что никогда личныя способности, взятыя отдѣльно или въ ассоціаціи, не могутъ измѣнить и побѣдить силъ общественныхъ, и нельзя не благодарить за это Творца, потому что иначе все, что есть святаго и благороднаго въ человѣчествѣ, зависѣло бы отъ стремленій лица или группы, — стремленій, нерѣдко узкихъ и эгоистическихъ.

Далѣе, можно привести отрицательныя доказательства того, что общественныя силы не суть простое продолженіе индивидуальныхъ. Вырожденіе и смерть общества сопровождается смертью его языка,

---

[1]) Относит. этого см. *Clavel*—Critique et conséquences des principes de 1789. Paris. 1866 г.

науки, искусства, промышленности, политическаго строя. Общества египетское, греческое, римское умерли, ихъ цивилизація отошли въ разрядъ мертвыхъ, а личности, ихъ составлявшія, продолжали жить и составлять ассоціаціи для защиты себя отъ внѣшнихъ бѣдствій. Возрожденіе древней цивилизаціи нуждалось въ новыхъ организмахъ. Только послѣ того, какъ сложилось новое европейское общество, начинаетъ появляться серіозная наука и развивается промышленность.

Человѣкъ не только не способенъ создать готовое общество, но самъ дѣлается способенъ къ общежитію только постепенно, подъ вліяніемъ вѣковаго воспитанія и разныхъ потрясеній, сглаживающихъ его эгоистическія наклонности. По мѣрѣ подавленія его личныхъ стремленій предварительно въ семьѣ[1]), а послѣ въ другихъ формахъ общежитія, дѣлается онъ тѣмъ общественнымъ животнымъ, какимъ выставляетъ его Аристотель. Въ семьѣ человѣкъ теряетъ часть своей личности, а вмѣстѣ и эгоизма; въ общинѣ у него является уже способность самопожертвованія, въ государствѣ онъ доходитъ до героизма. Другими словами, *идея долга и цѣли* есть произведеніе общества, *эгоизмъ и произволъ* — удѣлъ личности.

Это нисколько не противорѣчитъ тому обстоятельству, что общество является представителемъ прогресса въ человѣчествѣ, а личность въ массѣ является элементомъ консервативнымъ. Прогрессивныя стремленія — всегда произведеніе сознанія возвышенной цѣли, общаго блага, чувства долга и нѣкотораго самоотверженія, то-есть, всего того, что создается обществомъ или можетъ осуществляться только въ обществѣ, религіи, наукѣ, нравственности. Консерваторство есть нерѣдко замаскированный эгоизмъ, слѣдовательно, наиболѣе индивидуальное стремленіе, или болѣе приближающее ко внѣ-общественному состоянію человѣка. Индивидуализмъ, дѣлая изъ общества ассоціацію, скомбинированную по общимъ началамъ человѣческаго ума, естественно стремится найдти общую форму для общества всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, не спрашивая условій времени и мѣста. Положительное знаніе ничего не ищетъ, но утверждаетъ, что каждой эпохѣ общественнаго развитія должна соотвѣтствовать своя государственная и общественная форма.

Кромѣ того положительная наука, выводя свои законы изъ наибольшаго количества факторовъ и условій, даетъ названіе законовъ только тѣмъ началамъ, которыя вліяютъ на всю совокупность обще-

[1]) О значеніи семьи см. Ог. Контъ. IV, p. 398. seq.

ственныхъ элементовъ, слѣдовательно, въ жизни преимущественно народныхъ массъ. Напротивъ, школа индивидуалистовъ любитъ возводить въ идеалъ начала, выработанныя небольшимъ кружкомъ людей, и не смотря на свои возгласы объ общемъ благѣ, нерѣдко остается чужда истинныхъ началъ своего общества. Изслѣдуя законы общества на болѣе широкомъ полѣ, чѣмъ индивидуалисты, положительная наука направляетъ свое предвидѣніе къ такимъ же широкимъ выводамъ. Этотъ выводъ по своей общности всегда долженъ соотвѣтствовать самому закону. Если законъ долженъ соотвѣтствовать всей совокупности общественныхъ элементовъ, то и самая цѣль должна соотвѣтствовать той же совокупности. Только тѣ стремленія считаетъ она здравыми, которыя одинаково общи всѣмъ классамъ общества, потому что они одни соотвѣтствуютъ общности ея законовъ. Служеніе личнымъ цѣлямъ, фантазіи кружка, утопія — нелѣпо, ибо не научно и потому не законно. Вотъ почему такая наука наиболѣе демократична, хотя не любитъ революцій, а индивидуализмъ наиболѣе аристократиченъ, хотя гремитъ о переворотахъ. Положительная наука, сознавая свою тѣсную связь съ обществомъ, котораго она есть произведеніе, и его основанія, никогда не выставляетъ положеній, противныхъ началамъ общежитія. Отдѣльная личность или даже группа лицъ могутъ уединиться, забыть великое назначеніе науки, необходимую связь всѣхъ областей знанія и увлечься какимъ-нибудь частнымъ представленіемъ. Но въ то время, когда они будутъ высказывать свои положенія, они не будутъ помнить объ обществѣ, не будутъ болѣе принадлежать ему. Пантеистическій нигилизмъ Гегеля могъ быть созданъ только въ кабинетѣ; ученый, забывающій хоть часть великихъ началъ, составляющихъ достояніе умственной жизни человѣчества, тѣмъ самымъ осуждаетъ свою теорію на безплодность. Теорія Фурье, Консидерана, Кабе — наглядный примѣръ этого. Вотъ почему положительная наука беретъ въ разчетъ все, чѣмъ движется человѣчество въ данную пору, а потому ни на минуту не уклоняется отъ жизни: ея законы *прежде всего должны быть жизненны*. Не знаемъ, можно ли то же самое сказать про школу метафизиковъ.

Изучая общественные законы на такомъ широкомъ полѣ, по отношенію къ самой свободѣ, этому идеалу индивидуализма, реальная наука установляетъ болѣе положительныя основанія, чѣмъ тѣ безпорядочныя мечтанія, которыя справедливо вызываютъ опасенія всѣхъ благомыслящихъ людей. La vraie liberté, говоритъ Контъ, ne peut consister sans doute, qu'en une soumission rationnelle à la seule pré-

pondérance, convenablement constatée, des lois fondamentales de la nature, à l'abri de tout arbitraire commandement personnel.

Наконецъ, почти безполезно говорить о томъ, что выясняя необходимые законы развитія и необходимость самаго развитія общества, положительная наука умѣетъ отвести должное мѣсто правительству, этому представителю общихъ интересовъ, на которое индивидуалисты смотрятъ какъ на помѣху всякаго прогресса. Таковы начала, которыя, по нашему мнѣнію, должны лечь и отчасти уже легли въ основаніе соціальной науки.

Разумѣется, всѣ эти начала выработались не вдругъ. Можно сказать, что во Франціи они — порожденіе XIX столѣтія и школы С.-Симона, ибо только она дошла до истиннаго сознанія общества, какъ дѣйствительнаго организма. До того времени индивидуализмъ во всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ составлялъ главную основу всѣхъ политическихъ ученій, которыя исходили отъ естественнаго состоянія путемъ соглашенія, контракта, завоеванія и прочихъ смѣшныхъ или вредныхъ ученій. Собственно говоря, всѣ они продолжали дѣло классическихъ писателей, съ бо́льшими или меньшими измѣненіями. Политическая свобода дала Платону и Аристотелю возможность выработать такое ученіе, которое въ общихъ чертахъ и нѣкоторыхъ подробностяхъ до настоящаго времени не утратило своего значенія. Вотъ почему Бюшезъ останавливается на немъ довольно подробно. Это одна изъ любопытныхъ оцѣнокъ политическихъ ученій древности. Еще теперь, говоритъ онъ, по истеченіи 22 вѣковъ, терминологія, опредѣленія, формулы Платона и Аристотеля, а особенно Аристотеля, составляютъ основаніе политической науки и языка. Отъ Аристотеля получили мы опредѣленіе, что цѣль политическаго общества есть личное благо. Онъ высказалъ мысль, что человѣкъ есть существо общественное и что вступая въ общество, онъ удовлетворяетъ своей потребности — аксіому, принятую Гроціемъ и Пуфендорфомъ и сдѣлавшуюся исходнымъ пунктомъ естественнаго права. Конечно, теоріи двухъ древнихъ философовъ подверглись нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ. Они подъ именемъ гражданъ разумѣли небольшой кружокъ лицъ, вооруженныхъ политическими правами, въ противоположность иностранцамъ и рабамъ; теперь его даютъ всей массѣ жителей. Далѣе, встрѣчаются различныя опредѣленія блага. Одни полагаютъ его въ добродѣтели или умѣренности, какъ Аристотель; другіе въ правдѣ, подобно Платону; третьи въ безопасности, въ богатствѣ, въ могуществѣ. Не всѣ также сходятся относительно происхожденія

общества. Теорія христіанская отличается отъ теоріи Аристотеля. Но каковы бы ни были эти разногласія, всѣ научныя направленія, начиная отъ отцовъ церкви до новѣйшихъ публицистовъ, представляютъ отраженіе греческой науки, если не самую эту науку.

Вліяніе этихъ двухъ мыслителей выражается и въ томъ стремленіи создать вѣчную, незыблемую общественную организацію, которая бы вѣчно служила идеѣ общаго блага. И Платонъ, и Аристотель выставили, правда, каждый свой идеалъ. Но и то обстоятельство, что два мыслителя, жившіе почти при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, выставили два различные идеала, не удержало новѣйшихъ ихъ подражателей. Нѣтъ почти публициста, который не стремился бы найдти или даже не считалъ бы себя нашедшимъ подобный идеалъ. Для публициста это, конечно, невинное упражненіе; но хуже всего то, что идея неподвижности формъ вошла въ сознаніе правительствъ, изъ которыхъ каждое считаетъ себя представителемъ наилучшей формы въ мірѣ. Послѣдствія такого убѣжденія ведутъ къ систематическому застою, предшествующему самому вредному взрыву сдержанныхъ элементовъ общества. Даже *золотая середина,* которою такъ гордятся практическіе люди, и та оставлена имъ въ наслѣдство Аристотелемъ.

Кромѣ понятія о неподвижности формъ, вліяніе греческой науки отразилось и на томъ убѣжденіи, что всѣ соціальные вопросы могутъ быть разрѣшены тою или другою формой правленія. Три типическія и три извращенныя формы, вотъ что̀ представляютъ собою всѣ государства цѣлаго свѣта [1]). Переходъ отъ одной формы къ другой совершается революціей, непосредственно вытекающею изъ извращенія какой-либо изъ типическихъ формъ. Монархія извращается въ тиранію, тиранія вызываетъ революцію, изъ которой рождается новая форма, въ свою очередь опять извращающаяся и ведущая къ революціи и т. д., и дѣло оканчивается возвращеніемъ къ первой формѣ. Такъ, вся политическая исторія каждаго народа есть нескончаемый круговоротъ, въ которомъ общество ищетъ спасенія отъ одной формы въ другой, въ свою очередь покидаемой имъ для третьей.

Итакъ, неподвижность формъ ведетъ къ революціамъ, которыя ни къ чему не ведутъ какъ къ той же формѣ, отъ которой общество такъ тщательно уходило.

---

[1]) Замѣтимъ, впрочемъ, что по отношенію къ Аристотелю это замѣчаніе Бюшеза справедливо только до нѣкоторой степени. Правда, онъ признаетъ *абсолютно лучшія формы* правленія, но въ то же время онъ говоритъ, что каждый народъ осуществляетъ идеальные типы ихъ по своему. См. Пол. VI, 1.

И это еще не все. Теорія круговорота есть только послѣдствіе другой, болѣе общей концепціи. Человѣкъ потому осужденъ вращаться на мѣстѣ, что не можетъ идти впередъ; онъ оставилъ золотой вѣкъ народа, и каждый шагъ, удаляющій его отъ этого, есть переходъ отъ дурнаго къ худшему. Въ сравненіи съ этимъ положеніемъ, теорія круговаго движенія представляется уже шагомъ впередъ; застой все же лучше постояннаго паденія.

Притомъ ученіе это, подробно развитое Платономъ и Полибіемъ, представляло нѣкоторое сходство съ исторіей греческихъ республикъ. Выводъ соотвѣтствовалъ наблюдаемымъ фактамъ, но наблюденіе это происходило на слишкомъ тѣсномъ пространствѣ, что̀ сдѣлало самый выводъ узкимъ и одностороннимъ. Но ученіе это сохранило свою силу много вѣковъ; оно жило такъ долго, что даже было забыто, и воскресло.

Прежде всего оказалась несостоятельность формальной классификаціи государственныхъ формъ. Цицеронъ и Полибій не знали уже, куда отнести Римскую республику, и назвали ее четвертою формой. Феодализмъ рѣшительно не укладывался ни въ одну изъ этихъ формъ: государство, выстроенное на несвободной поземельной собственности, сопоставленіе духовной и свѣтской властей, затѣмъ постепенное образованіе представительной системы — всего этого не предвидѣла древняя наука. Далѣе, куда дѣвались рабы, безъ которыхъ не мыслимо было древнее государство? Что̀ сдѣлалось съ безграничными правами отца семейства? Далѣе, знали ли древніе кредитъ, эту могущественную силу, вслѣдствіе которой всякое правительство болѣе или менѣе испытываетъ давленіе общественнаго мнѣнія? Они знали городъ, муниципію, но понимали ли національность? Наконецъ, вся ихъ политическая мудрость заключалась въ развитіи личнаго счастія, справедливости, въ правилѣ suum cuique. Неудовлетвореніе этихъ требованій вело къ революціи. Если же это муравьиное блаженство было удовлетворено, то форма общества могла бы существовать безконечно. Что̀ сказали бы они про общественное мнѣніе, которое шагъ за шагомъ подвигаетъ своихъ представителей къ улучшеніямъ и неохотно пускается въ революціи?

Таковы нѣкоторые факты, поступившіе въ обладаніе новой науки, хотя далеко не всѣ. Они даютъ возможность открыть новые законы соціальнаго развитія, выяснить другія цѣли общества [1]). Во главѣ

---

[1]) Ср. Бюшезъ, стр. I, 23—32.

такихъ законовъ стоитъ законъ, предчувствованный Лессингомъ и Лейбницемъ, выраженный Кантомъ, Тюрго и Кондорсе и окончательно укрѣпившійся въ области соціальныхъ и естественныхъ наукъ, послѣ открытій Ламарка, Конта, Дарвина, Гёте и фонъ-Бера. „Законъ прогресса, говоритъ Бюшевъ, есть отрицаніе нѣкоторыхъ главныхъ основаній древней науки и установленіе совершенно противоположныхъ началъ. Законъ этотъ отрицаетъ, что человѣческая порода осуждена на вѣчное вращеніе въ сферѣ постоянныхъ, однородныхъ явленій; онъ утверждаетъ, что общества должны идти впередъ по прямой дорогѣ къ добру, что новое постоянно должно быть лучше стараго. Этотъ законъ доказываетъ, что ни одно устройство не можетъ претендовать на названіе идеальнаго и лучшаго устройства, что оно видоизмѣняется съ видоизмѣненіемъ общества. Наконецъ, онъ ведетъ къ тому заключенію, что каждое общество отъ своего возникновенія до упадка составляетъ одно цѣлое: оно изображаетъ цѣпь, гдѣ каждое звено, то-есть, каждая эпоха получаетъ отъ предшествующей больше, чѣмъ та получила отъ предыдущей, и оставляетъ послѣдующему времени наслѣдство большее, чѣмъ получила сама. Были, конечно, ужасные случаи, попадаются разрушенныя цивилизаціи, движенія вспять, вырожденіе цѣлыхъ обществъ. Но эти несчастія до настоящаго времени были исключительными явленіями; въ настоящее время возможность ихъ уменьшается по мѣрѣ развитія и укрѣпленія началъ цивилизаціи. Притомъ эти перерывы были только кажущіеся; преданія, привычки, вѣрованія общества оставались неприкосновенными. Этихъ остатковъ часто было достаточно для возрожденія прежняго общества; часто во имя этихъ сохранившихся вѣрованій общество возрождалось въ лучшемъ видѣ и продолжало свое развитіе съ неудержимою силой. Историки и лѣтописцы часто видятъ развалины и разрушеніе въ симптомахъ глубокаго перерожденія и переходѣ отъ одной цивилизаціи къ другой“.

Въ чемъ состоитъ этотъ законъ прогресса? Гдѣ причина и условія прогресса? Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время соціальныя науки представляли полную, законченную теорію этого закона. Не смотря на основательные труды Конта, Герберта Спенсера и еще двухъ-трехъ мыслителей, много еще пробѣловъ, темныхъ мѣстъ, противорѣчій. Вотъ почему мысли Бюшева, кромѣ своего несомнѣннаго внутренняго достоинства, представляютъ еще интересъ какъ дополненіе къ разрозненнымъ попыткамъ выяснить эту идею. Попытка его тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что его теорія есть логическій выводъ изъ

убѣжденій, составленныхъ имъ при занятіи естественными науками. Наконецъ, безъ этой теоріи непонятно будетъ все его соціальное ученіе, а потому мы посвятимъ остальныя страницы первой статьи подробному ея изученію.

Отъ Тюрго и С.-Симона Бюшезъ отличается тѣмъ, что они изучали теорію прогресса только на антропологическихъ и соціальныхъ фактахъ, тогда какъ онъ строилъ свои выводы на данныхъ, принадлежавшихъ всѣмъ сферамъ наукъ. Онъ первый началъ дѣлать сближенія прогрессивныхъ явленій, доказанныхъ историческими науками, съ аналогическими результатами, добытыми геологіей, сравнительною анатоміей и эмбріологіей, и установилъ соотношеніе между однородными законами міра неорганическаго, органическаго и духовнаго. Сравнительная анатомія доказывала ему, что всѣ классы животныхъ составляютъ лѣстницу, цѣпь, гдѣ низшія породы тѣсно связаны съ высшими; геологія показала, что всѣ эти классы были созданы послѣдовательно, что твореніе началось съ низшихъ организмовъ, за которыми слѣдовали организмы высшаго порядка. Та же наука доказывала, что первыя растительныя и животныя породы сами способствовали образованію земной коры, внося въ нея элементы, необходимые для развитія послѣдующихъ породъ. Наконецъ, эмбріологія показала, что человѣческій зародышъ переживаетъ тѣ же ряды послѣдовательнаго развитія, какіе въ большихъ размѣрахъ представляетъ жизнь вселенной, и что до полнаго своего развитія зародышъ проходитъ весь рядъ органическихъ формъ, представляемыхъ низшими животными. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ онъ выводилъ заключеніе, что законъ, проявляющійся въ различныхъ классахъ животныхъ, въ образованіи земли, есть тотъ же, который управляетъ развитіемъ зародыша, и тотъ, который мы назвали закономъ прогресса.

Итакъ, съ физической точки зрѣнія одинъ законъ управляетъ земнымъ шаромъ, одушевленною природой и человѣческимъ организмомъ. Въ этомъ убѣдили Бюшеза естественныя науки. Изученіе исторіи повело его дальше; оно открыло ему тотъ же самый законъ въ примѣненіи къ умственному и нравственному міру. Историческій прогрессъ человѣчества кажется продолженіемъ, въ другихъ только формахъ, прогрессивныхъ преобразованій, пережитыхъ землею до появленія на ней человѣка. Нѣтъ, слѣдовательно, ни одного существа, которое бы могло уйдти изъ-подъ вліянія этого закона.

Итакъ, сравненіе результатовъ геологіи, сравнительной анатоміи и эмбріологіи съ общими выводами историческихъ наукъ привело

Бюшеза къ установленію всеобщности закона прогресса. Прогрессъ, слѣдовательно, перестаетъ быть для него простымъ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія и успѣховъ просвѣщенія, — которое одни признавали, другіе отрицали, — а сталъ закономъ міроваго порядка.

Но это же сравненіе дало ему возможность понять и характеръ и смыслъ прогресса. Понятіе прогресса смѣшивали и смѣшиваютъ съ понятіемъ совершенствованія[1]). Для многихъ ученыхъ прогрессъ представляется постояннымъ усовершенствованіемъ личныхъ способностей и соціальныхъ установленій. Но для сравнительной анатоміи и геологіи подобное усовершенствованіе — второстепенный фактъ. „Соціальный прогрессъ, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, видятъ въ производствѣ большаго количества и большаго разнообразія предметовъ, служащихъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, въ большемъ огражденіи личности и собственности, въ расширеніи свободы дѣйствій; между тѣмъ правильно понимаемый соціальный прогрессъ заключается въ тѣхъ измѣненіяхъ соціальнаго организма, которыя обусловливаютъ *эти послѣдствія*. Обиходное понятіе о прогрессѣ есть телеологическое... Но чтобы правильно понять прогрессъ, мы должны изслѣдовать сущность этихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ". Съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ прогрессъ есть та же математическая прогрессія, каждый членъ которой заключаетъ въ себѣ все предыдущее и нѣчто большее, чего въ нихъ нѣтъ. Такъ, каждый классъ животныхъ заключаетъ въ себѣ всѣ органы низшаго класса, но болѣе развитые и сложные; каждая геологическая эпоха предполагаетъ всѣ предыдущія, безъ которыхъ она была бы невозможна, но отличается отъ нихъ существованіемъ болѣе совершенныхъ животныхъ и растеній. Слѣдовательно, прогрессивность не есть свойство отдѣльнаго члена прогрессіи, но есть достояніе всей строки. Каждый классъ животныхъ не прогрессивенъ самъ по себѣ; низшія породы ихъ представляютъ то же строеніе, какъ при своемъ появленіи. Но каждый классъ стоитъ между сравнительно низшимъ и высшимъ, и изъ сравненія ихъ можно вывести понятіе прогрессивности. То же самое замѣчаемъ мы и въ соціальной сферѣ. Утверждаютъ, говоритъ Бюшезъ, что соціальная жизнь есть результатъ развитія нашихъ способностей. Это вѣрно

[1]) Всѣ послѣдующія мысли сходны съ положеніемъ, развитымъ Гербертомъ Спенсеромъ въ разныхъ его статьяхъ. Впрочемъ, условія прогресса, выставляемыя имъ, едва-ли не ближе къ истинѣ, чѣмъ соображенія Бюшеза, не смотря на ихъ положительное достоинство въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ.

только въ томъ смыслѣ, что всѣ способности, отличающія насъ отъ животныхъ, могутъ проявиться только въ сообществѣ. Но когда утверждаютъ, что самый прогрессъ есть не что иное какъ усовершенствованіе тѣхъ же способностей, это положеніе не вѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Греки по развитію своихъ умственныхъ способностей и во всѣхъ предметахъ, зависѣвшихъ исключительно отъ развитія этихъ способностей, не только были равны современному человѣчеству, но едва-ли не превосходили его. Во всѣхъ же отношеніяхъ, зависящихъ отъ степени соціальнаго прогресса, они стоятъ далеко ниже. Чтобъ увидѣть истинный прогрессъ, необходимо взять Грецію въ сравненіи съ Египтомъ съ одной стороны и современною цивилизаціей съ другой. Слѣдовательно, идея эта можетъ быть выяснена путемъ сравненія различныхъ цивилизацій или по крайней мѣрѣ поколѣній, но никакъ не отдѣльныхъ личностей. Отдѣльная личность, какова бы ни была ея способность, не могла силою своего мышленія достигнуть нѣкоторыхъ открытій, концепцій, результатовъ, украшающихъ современную науку. Они были бы невозможны безъ массы предшествовавшихъ наблюденій. Эта масса наблюденій, соображеній, гипотезъ, повѣрокъ, аналогій, вычисленій, соединенныхъ для разъясненія одного и того же предмета, дѣлаетъ изъ теоретика, который послѣ другихъ взялся за его разъясненіе, не только болѣе свѣдущаго или ученаго человѣка, но вліяютъ на силу его изобрѣтательной способности, подсказываютъ ему тѣ геніальныя гипотезы, которымъ наука обязана своими величайшими законами. Теоріи Коперника или Ньютона — неужели продуктъ только ихъ личности[1])?

Итакъ, личность способна къ совершенствованію; но прогрессивно одно общество. Оно выдѣляетъ одно понятіе изъ другаго; оно даетъ каждому элементу самостоятельное развитіе; только въ немъ каждой потребности соотвѣтствуетъ отдѣльная организація, — словомъ, только оно удовлетворяетъ коренному условію прогресса, высказанному г. Спенсеромъ — постепенному переходу отъ однородности къ разнородности, отъ смѣшенія къ раздѣльности. Усилій личности не достало бы на такое громадное дѣло. Могли ли бы эти усилія выдѣлить религіозный элементъ изъ свѣтскаго, въ свѣтскомъ отдѣлить экономическія отношенія отъ государственныхъ? Воспитаніе личности продолжительно, жизнь коротка, способности ограничены и продукты ея дѣятельности погибли бы, еслибъ ихъ не сохраняло общество. Оно

[1]) См. ibid. 35 и слѣд. также Введ. LXIV и слѣд.

не теряетъ ничего, не устаетъ, не ослабѣваетъ. Въ немъ вырабатываются истинно прогрессивные элементы.

Благодаря этому великому закону, въ дѣлѣ прогресса участвуютъ все и всѣ, даже тѣ, которые не сознавали своей дѣятельности. Въ геологіи это не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Каждая формація сопровождалась появленіемъ извѣстнаго числа новыхъ животныхъ и растеній. Эти животныя могли существовать только потому, что нашли всѣ нужныя для себя условія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ этихъ условій не малую роль играли животныя и растенія предшествующей формаціи. Вслѣдствіе этого отъ зародышей органической жизни, приспособленныхъ къ исключительно-минеральному періоду, природа постепенно дошла до возможности высшихъ организмовъ. Одинъ порядокъ животнаго царства подготовляетъ появленіе высшаго порядка, создавая постепенно нужную для того почву, видоизмѣняя моря, очищая воздухъ, реформируя климатъ. И что же? Для того, чтобы произвести всѣ эти чудеса, всѣмъ этимъ первенцамъ животнаго и растительнаго царства не нужно было обладать особенными способностями. Для поддержанія прогрессивнаго движенія природы имъ нужно было только слѣдовать своимъ инстинктамъ, спокойно жить и умирать. Ихъ простаго присутствія на земной поверхности, соединеннаго съ постоянными дѣйствіемъ химическихъ и физическихъ силъ, достаточно было для постепеннаго преобразованія этой поверхности. Каждый періодъ творенія имѣлъ такимъ образомъ свою задачу, въ достиженіи которой участвовало все живущее въ каждой отдѣльной формаціи. Но когда преобразованіе совершилось, когда все было уже готово для принятія новыхъ обитателей, сильнѣйшій переворотъ разрушилъ всѣ отжившія, то-есть, покончившія свое назначеніе породы [1]). Они были, такимъ образомъ, слѣпымъ орудіемъ прогресса, въ которомъ сами не участвовали, ибо въ теченіе всего геологическаго періода ихъ организація, инстинкты и потребности не подвергались особеннымъ измѣненіямъ.

По отношенію къ человѣчеству вопросъ этотъ нѣсколько усложняется. Человѣкъ, существо разумное и свободное [2]), не только сознаетъ прогрессивное движеніе, въ которомъ онъ участвуетъ [3]), а самъ

[1]) Читатель, вѣроятно, помнитъ, что Бюшезъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Кювье.

[2]) Въ слѣдующей статьѣ мы покажемъ, что Бюшезъ называетъ свободой.

[3]) Всегда ли? Кажется, есть періоды, когда въ этомъ сознаніи участвуютъ немногіе; впрочемъ, это нисколько не измѣняетъ мысли Бюшеза: все-таки есть въ общемъ движеніи доля сознанія. Кто сознаетъ, тотъ ведетъ другихъ.

принимаетъ въ немъ участіе, улучшая условія своего быта. Но общія начала геологическаго прогресса примѣняются и здѣсь: такъ, всякая перемѣна совершается въ теченіе долгаго времени, эпохи, имѣющей эту перемѣну своею задачей. Въ исторіи человѣчества постепенно смѣнявшіяся великія цивилизаціи играли роль постепенно смѣнявшихся геологическихъ формацій. Далѣе, хотя человѣчество въ каждую эпоху и сознаетъ болѣе или менѣе свое назначеніе, но цѣль эта лежитъ внѣ современныхъ поколѣній: каждое изъ нихъ работаетъ для будущаго. Каждый человѣкъ есть органъ великаго соціальнаго организма, какъ каждый отдѣльный общественный организмъ есть органъ человѣчества. Такимъ образомъ, никто не созданъ исключительно для достиженія своихъ мелкихъ, эгоистическихъ задачъ; каждый имѣетъ свою задачу въ міровомъ порядкѣ: всѣ мы работники въ одной великой мастерской и трудимся надъ работой, размѣры и задачи которой далеко переходятъ за предѣлы нашего существованія.

Недостаточно, однако, указать на всеобщность закона прогресса; необходимо показать его примѣненіе къ исторіи человѣчества. Установленіе закона требуетъ повѣрки. Повѣрка даетъ возможность предвидѣнія. Какъ человѣчество двигается впередъ? Какъ опредѣлить его направленіе въ данную минуту? Разрѣшенію этихъ вопросовъ Бюшезъ посвятилъ главнымъ образомъ свое „Введеніе въ науку исторіи", и кромѣ того много отдѣльныхъ замѣчаній въ различныхъ его статьяхъ и сочиненіяхъ. Мы изложимъ здѣсь его ученіе о прогрессѣ и выведемъ изъ него исходную точку его соціальнаго ученія. Что же касается его теоріи предвидѣнія, то мы постараемся изложить ее въ слѣдующей статьѣ послѣ разбора основныхъ началъ его общественной теоріи.

Мы уже видѣли, что вся исторія человѣчества состоитъ изъ ряда постепенно смѣнявшихся цивилизацій. Что представляетъ собою каждая цивилизація? Почему она составляетъ такое замкнутое цѣлое? Какъ совершается переходъ отъ одной цивилизаціи къ другой?

Подобно всѣмъ теоріямъ Бюшеза и Конта, и теоріи, касающіяся этихъ вопросовъ, въ зародышѣ находятся уже въ ученіи С.-Симона. Въ общемъ ходѣ знанія и соціальнаго развитія вообще, писалъ онъ, можно замѣтить два постоянно и постепенно смѣняющія другъ друга направленія, или лучше сказать, метода: методъ a priori и методъ a posteriori. Первый необходимо предшествуетъ второму. Ученые начинаютъ съ того, что подчиняются вліянію какой-нибудь великой системы, основанной геніальнымъ мыслителемъ, и довольствуются приложеніемъ его теоріи къ частнымъ случаямъ. Но постепенно это на-

правленіе смѣняется стремленіемъ анализировать факты и подробности и отъ нихъ восходить къ обобщеніямъ. Эта послѣдняя работа продолжается до тѣхъ поръ, пока не выработаются элементы для новой могущественной системы, не явится снова геніальная личность. Соціальный строй представляетъ, по его мнѣнію, такія же смѣны двухъ направленій; общество постоянно переходитъ отъ синтетическаго къ аналитическому періоду. Европа уже болѣе одного (по мнѣнію Конта, трехъ) столѣтія переживаетъ послѣдній періодъ: пора уже возвратиться къ методу апріористическому и начать эпоху общественной организаціи.

Эта теорія была мало развита С.-Симономъ, но сильно отразилась на ученіи Конта и Бюшеза. У послѣдняго она приняла форму теоріи органическихъ и критическихъ періодовъ. Слѣдовательно, каждая цивилизація есть продуктъ положительныхъ и отрицательныхъ факторовъ. Положительные устанавливаютъ и опредѣляютъ задачу извѣстной цивилизаціи; отрицательные разрушаютъ то, что въ этой организаціи было временнаго, выдѣляютъ дѣйствительно общія начала и своею политическою работой способствуютъ накопленію новыхъ фактовъ, новыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ сложится будущая цивилизація. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ факторовъ выполняетъ и положительную, и отрицательную задачу. Каждая органическая эпоха цивилизаціи доканчиваетъ отрицаніе стараго зданія, которому она противопоставляетъ новое: она освящаетъ дѣло предшествующей критической эпохи; каждый критическій періодъ отрицаетъ старый порядокъ, но своими положительными трудами подготовляетъ новый органическій періодъ. De omnibus dubito — первое слово картезіанства, этой эры догматической, или органической эпохи новой философіи: оно предшествуетъ ея — cogito ergo sum. Но разница между органическимъ и критическимъ періодами заключается въ большей сосредоточенности сомнѣнія и положительнаго убѣжденія, съ преобладаніемъ послѣдняго надъ первымъ, тогда какъ критическая эпоха, разбрасываясь въ спеціальностяхъ, отдаваясь изслѣдованію частныхъ вопросовъ и фактовъ, не имѣетъ такой общности сознанія, какъ первая эпоха. Дѣйствительно, если мы возьмемъ какую-нибудь критическую эпоху, то убѣдимся, что отрицаніе растетъ въ ней постепенно и притомъ начинается съ анализа самыхъ мелкихъ, частныхъ и удаленныхъ отъ общаго соціальнаго строя фактовъ. Наиболѣе способны для этого вопросы естественныхъ наукъ, не только потому, что они скорѣе могутъ довести до положительныхъ результатовъ, и слѣдовательно, под-

готовить новый органическій періодъ, но и потому, что по трудности усмотрѣть ближайшую связь между ними и общею массою вѣрованій и установленій, они даютъ возможность людямъ, привязаннымъ еще къ тому и другому, совершенно свободно относиться къ своему предмету. По мѣрѣ паденія установленій и вѣрованій органической эпохи, критицизмъ касается болѣе общихъ вопросовъ, и наконецъ, полное отрицаніе стараго возвѣщаетъ появленіе новаго органическаго ученія. Слѣдовательно, систематическое сомнѣніе есть необходимое условіе возможности новаго органическаго ученія, но никакъ не самое это ученіе. Органическое ученіе создается изъ положительныхъ началъ прежней эпохи, уцѣлѣвшихъ отъ критической работы отрицанія, и положительныхъ фактовъ, добытыхъ аналитическими трудами критической эпохи. Собственно отрицаніемъ мало занимается органическое ученіе. Оно цѣликомъ дается ему критикой непосредственно предшествовавшей ему эпохи. Оно отрицаетъ прошедшее скорѣе догматизмомъ и положительностью своего ученія, чѣмъ критикой этого прошедшаго. Но въ этомъ отношеніи оно идетъ гораздо дальше, чѣмъ самая смѣлая критическая работа. Христіанскій монастырь явился гораздо сильнѣйшимъ отрицаніемъ язычества, чѣмъ всевозможныя насмѣшки скептиковъ послѣднихъ временъ имперіи. Это понятно: въ первомъ случаѣ говорили представители двухъ совершенно различныхъ обществъ; во второмъ только спорили несогласные члены того же самаго общества; здѣсь одно *убѣжденіе* было противопоставлено другому; тамъ *препирались* люди съ различными мнѣніями. Вотъ почему представители стараго общества преслѣдовали новое ученіе, оставляя безъ вниманія насмѣшки скептиковъ. Они прощали невѣріе, но не могли вынести новой религіи. Мало того: самые скептики большею частію не только не сочувствовали новому обществу, распространенію котораго они же содѣйствовали, но съ ужасомъ отворачивались отъ него, отчасти потому, что критицизмъ, работая безъ всякой общей цѣли, не всегда предвидитъ результаты своего направленія, отчасти потому, что они только абстрактно, а не въ дѣйствительности, порвали связь съ старымъ обществомъ, а отчасти потому, что по привычкѣ къ отрицанію они неохотно увлекаются органическимъ ученіемъ. Имъ можетъ увлечься только тотъ, въ комъ сомнѣніе также цѣлостно, какъ цѣлостно новое ученіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребность вѣрованія сильнѣе критическаго стремленія. Исторія христіанства достаточно доказываетъ это: злѣйшими его врагами явились наиболѣе скептическіе писатели эпохи; женщины, юноши, простые сердцемъ —

первыми его послѣдователями. Эти факты достаточно извѣстны, а потому излишне было бы останавливаться на нихъ. Возвратимся къ Вюнезу.

Сознавая всѣ вышеизложенныя истины, онъ въ прогрессивномъ движеніи человѣчества не далъ сомнѣнію такой роли, какую навязалъ ему *Бокль*. Не сомнѣніе устанавливаетъ цѣли, но оно даетъ направленіе, господствующее въ извѣстномъ циклѣ цивилизаціи; оно не начинаетъ съ стройнаго ученія, и возвышается до системы уже въ ту минуту, когда старое общество готово смѣниться новымъ, то-есть, одно органическое ученіе другимъ, такимъ же органическимъ. Далѣе, критицизмъ есть по преимуществу логическая дѣятельность, имѣющая мало элементовъ нравственнаго чувства, на которомъ, по мнѣнію Вюнеза, прежде всего строится всякое органическое ученіе. Въ самомъ дѣлѣ, не только каждая изъ великихъ историческихъ эпохъ открывалась новымъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, но и каждый изъ второстепенныхъ органическихъ періодовъ сопровождался возрожденіемъ нравственнаго и религіознаго чувства. Если бы Бокль, говоря объ отношеніи умственнаго и нравственнаго развитія въ дѣлѣ успѣховъ человѣчества, долѣе остановился на этомъ обстоятельствѣ, чѣмъ на изолированныхъ примѣрахъ римскихъ императоровъ и испанской инквизиціи, онъ, вѣроятно, пришелъ бы къ другимъ результатамъ. Нравственность, говоритъ онъ, состоитъ изъ немногихъ предписаній, неспособныхъ къ прогрессу; въ теченіе вѣковъ къ нимъ нельзя было прибавить ни одной буквы. Напротивъ, умственное развитіе постоянно подвигается впередъ черезъ пріобрѣтеніе новыхъ фактовъ, расширяющихъ сферу его созерцанія. Пріобрѣтеніе новыхъ фактовъ зависитъ отъ степени сомнѣнія, которое одно можетъ двинуть человѣка къ новымъ открытіямъ. Слѣдовательно, въ итогѣ только сомнѣніе есть факторъ цивилизаціи: чѣмъ больше общество сомнѣвается, тѣмъ больше оно идетъ впередъ. Слѣдовательно, первые 12 вѣковъ христіанства не были прогрессомъ въ сравненіи съ эпохой возрожденія, обратившейся къ язычеству. Много бы можно привести такихъ „слѣдовательно"; но боясь уклониться отъ предмета, мы сдѣлаемъ лишь немного замѣчаній. Вопервыхъ, нравственность и ея дѣйствительно немногія начала[1]) способны къ развитію, особенно если

[1]) Не нужно много проницательности, чтобы догадаться, что если бы нравственность имѣла много началъ и сложный механизмъ, она никогда не дѣйствовала бы такъ на массы; ея немногія правила непосредственно говорятъ чув-

подъ нравственностію мы будемъ понимать не правила индивидуальнаго поведенія (какъ это, очевидно, дѣлаетъ Бокль), а совокупность извѣстныхъ началъ общежитія, какъ это дѣлаютъ Контъ и Бюшезъ. Подобно всѣмъ началамъ, прогрессивность нравственности можно усмотрѣть только при сравненіи извѣстнаго ряда смѣнявшихся цивилизацій. Никто, напримѣръ, не станетъ отрицать, что нравственность христіанства рѣзко отличается отъ нравственности греческаго политеизма, отъ нравственности браманизма, что политеизмъ имѣлъ другія нравственныя предписанія, чѣмъ фетишизмъ и т. д. Далѣе, нравственныя начала, какъ основа цѣлой эпохи человѣческой цивилизаціи, по необходимости должны носить нѣкоторый отпечатокъ неподвижности, безъ чего предписанія эти скоро потеряли бы свой авторитетъ, спустились бы въ шаткую сферу индивидуальнаго усмотрѣнія и мнѣнія, что, конечно, привело бы къ паденію соціальной нравственности, слѣдовательно, потрясло бы самыя основы общежитія. Неподвижность эта нисколько не доказываетъ, однако, ихъ неспособности содѣйствовать прогрессу. Никто, напримѣръ, не назоветъ ретроградомъ какого-нибудь человѣка, только потому что онъ имѣетъ одну, постоянную цѣль, которой посвятилъ всю жизнь. О прогрессивности или непрогрессивности извѣстныхъ началъ можно судить не столько по ихъ количеству, сколько по тому, скоро ли ихъ можно осуществить или исчерпать. И самъ Бокль не рѣшился утверждать, что начала, высказанныя христіанствомъ, великія цѣли, имъ установленныя, всѣ достигнуты, и что христіанство исчерпано до дна. Напротивъ, прогрессъ до настоящаго времени заключается въ постепенномъ примѣненіи этихъ началъ, этихъ немногихъ заповѣдей, этихъ „возлюби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ и всѣмъ помышленіемъ твоимъ и ближняго твоего, какъ самого себя“, высказанныхъ за нѣсколько столѣтій. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ постепеннаго примѣненія христіанскихъ началъ заключается пока вся задача соціальныхъ наукъ, и Богъ знаетъ, когда онѣ сдѣлаются достойными этой задачи. Сколько времени нужно было, чтобы рабство, которое христіанство застало, постепенно видоизмѣняясь черезъ крѣпостное состояніе, черезъ феодальныя повинности, черезъ монополіи, дошло до внѣшняго освобожденія человѣка. И теперь конецъ ли христіанскимъ цѣлямъ въ этомъ отношеніи? Спросите объ этомъ у рабочихъ и пролетаріевъ Лондона и Парижа. Какая же роль сомнѣнія

ству, доступны сознанію самаго неразвитаго человѣка, тогда какъ та же нравственность, замкнутая въ философскій аппаратъ, была бы достояніемъ немногихъ.

въ этомъ дѣлѣ? Оно, конечно, играетъ важную роль въ этой работѣ; оно не даетъ заснуть человѣку; оно наталкиваетъ его на разныя общественныя язвы; оно показываетъ громадное разстояніе между тѣмъ, что̀ сдѣлано, и тѣмъ, что̀ нужно еще сдѣлать. Но въ самомъ пылу своихъ критическихъ работъ, сомнѣніе никогда не должно упускать изъ вида великой цѣли, установленной органическимъ ученіемъ своей эпохи. Только тогда оно плодотворно. Сомнѣніе, не имѣющее связи съ этою цѣлію и не подчиненное ей, или вовсе не имѣетъ смысла, или имѣетъ смыслъ очень печальный. Оно не имѣетъ смысла и значенія, когда появляется въ эпоху полной силы установленныхъ цѣлей; оно — печальный симптомъ, когда эти цѣли достигнуты и цивилизація исчерпана: тогда оно доказываетъ близкую гибель стараго общества и явленіе новаго. Пусть простятъ намъ нѣсколько тривіальное сравненіе, которое лучше пояснитъ нашу мысль. Мы сравнимъ роль, принадлежащую, по нашему убѣжденію, сомнѣнію въ дѣлѣ человѣческой цивилизаціи, съ ролью англійской оппозиціи въ дѣлѣ управленія этою страной. Никто такъ рѣзко не осуждаетъ дѣйствій министерства, никто не открываетъ такихъ пробѣловъ и промаховъ въ администраціи; но никогда члены оппозиціи не забывали, что они служатъ общимъ законамъ страны, общенаціональнымъ цѣлямъ Англіи и гордо носятъ названіе „оппозиціи ея величества". Только это общее сознаніе дѣлаетъ плодотворною критику оппозиціи и нападки на дѣйствія правительства.

Между всѣми органическими ученіями христіанство отличается тѣмъ, что оно установило цѣли, требующія наибольшаго времени для своего осуществленія. Такого рода нравственность способна установить цѣли для громадной эпохи, общій характеръ которой, конечно, будетъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать основному ея ученію. Такія эпохи, или *возрасты* (âges) человѣчества, могутъ распадаться на нѣсколько второстепенныхъ періодовъ, изъ которыхъ каждый будетъ имѣть свой органическій и критическій моментъ. Такъ, напримѣръ, католицизмъ и протестантско-революціонная эпоха суть, очевидно, два момента громаднаго историческаго періода, далеко, однако, не исчерпавшаго христіанскаго ученія, которому общее и систематическое сомнѣніе революціи предвѣщаетъ скорое и полное обновленіе. Напротивъ, когда какое-либо органическое ученіе составляетъ лишь видоизмѣненіе существующихъ системъ, и притомъ извращенное и приспособленное къ отсталымъ понятіямъ въ видахъ политическаго успѣха, тогда за короткимъ и быстрымъ успѣхомъ слѣдуетъ такое же быстрое па-

деніе. Такъ было съ магометанствомъ, этою помѣсью еврейства и христіанства. Истинное царствіе Божіе всегда „подобно закваскѣ, которую женщина смѣшала съ тремя мѣрами муки и оставила, пока взойдетъ все тѣсто".

Кѣмъ устанавливается это нравственное ученіе? Вопервыхъ, нравственный законъ не имѣлъ бы никакого принудительнаго характера, еслибъ онъ былъ простымъ выраженіемъ человѣческой воли. Бюннезъ понялъ, что для того, чтобы нравственность была принята человѣчествомъ какъ непреложный и безусловный законъ, чтобъ она производила истинное убѣжденіе и энергію, необходимыя для выполненія заключающихся въ ней прогрессивныхъ задачъ, она должна быть освящена религіознымъ авторитетомъ. Онъ замѣтилъ, что всѣ философскія системы нравственности не имѣли большаго значенія для общества, которое всегда руководилось религіозными убѣжденіями. Только основатель религіи учитъ „какъ власть имѣющій", только онъ можетъ потребовать отъ человѣчества тѣхъ непомѣрныхъ лишеній, жертвъ и трудовъ, которые необходимы для достиженія указанной имъ цѣли, только его ученіе и направляетъ въ одну сторону общественное сознаніе.

Вовторыхъ, такое ученіе есть всегда продуктъ личной иниціативы. Для того чтобъ оно было принято обществомъ, необходимо, чтобы послѣднее находилось въ состояніи сомнѣнія и даже невѣрія, чтобы всѣ прежнія вѣрованія были уничтожены и забыты, чтобы всѣ нравственныя ихъ начала были примѣнены во всѣхъ направленіяхъ, и вездѣ оказалась ихъ несостоятельность. Если этихъ условій не будетъ, если старыя вѣрованія будутъ еще жить, новое ученіе будетъ отвергнуто. Но въ противномъ случаѣ оно будетъ принято съ тѣмъ большимъ жаромъ, чѣмъ больше въ немъ будетъ новыхъ истинъ, чѣмъ рѣзче оно будетъ отличаться отъ стараго ученія.

Но есть и другія, чисто-научныя основанія, почему преимущественно на долю религіозно-нравственныхъ идей выпадаетъ задача обновленія человѣчества. Новое ученіе, овладѣвъ массами, основавъ новыя религіозныя и политическія общества, проникнутыя его духомъ, устанавливаетъ такимъ образомъ общую цѣль для цѣлой эпохи цивилизаціи человѣчества. Но могутъ ли они сразу выразиться въ цѣломъ рядѣ соотвѣтствующихъ учрежденій и установленій? Могутъ ли они перейдти тотчасъ въ сферу практической дѣятельности? Исторія доказываетъ противное. Тѣ ученія, которыя стремились тотчасъ захватить въ свои руки практическую дѣятельность, имѣли тѣмъ быстрѣй-

шій успѣхъ, но и тѣмъ болѣе скоротечное существованіе. Таково тоже магометанство, такова же причина скораго паденія всѣхъ этихъ эфемерныхъ „религій", которыми съ нѣкотораго времени угощаютъ человѣчество его преобразователи. Такъ и религіи древности, непосредственно выражаясь въ государственномъ строѣ, исчерпывались вмѣстѣ съ этимъ строемъ. Напротивъ, чѣмъ меньше, повидимому, ученіе имѣетъ связи съ житейскими вопросами, чѣмъ слѣдовательно, возвышеннѣе его идеалы, чѣмъ медленнѣе люди привыкаютъ связывать эти начала съ житейскими явленіями, тѣмъ дольше суждено имъ господствовать. Царство не отъ міра сего, конечно, меньше всѣхъ думало о презираемыхъ имъ житейскихъ интересахъ, и потому, между прочимъ, не перестаетъ распространяться во всѣхъ предѣлахъ вселенной. Прежде чѣмъ извѣстная цивилизація начинаетъ, такъ-сказать, кристализироваться въ извѣстныхъ учрежденіяхъ, прежде чѣмъ начала ученія, лежащаго въ ея основѣ, начнутъ выражаться въ будничныхъ, практическихъ актахъ, оно должно предварительно проникнуть собою народное чувство и сознаніе. Слѣдовательно, ученіе, прямо мѣтящее на практическую дѣятельность (какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя философскія системы), начинаетъ съ конца и не можетъ имѣть такого значенія, какъ доктрина, придерживающаяся общихъ законовъ зарожденія и проявленія идей, дѣйствующая сначала на чувство, воспитывающая затѣмъ сознаніе, и наконецъ, достигающая господства надъ практическою дѣятельностію общества. Такова дѣятельность религіозныхъ понятій; здѣсь причина, почему именно они являются во главѣ каждой цивилизаціи. Бюшезъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ этомъ ходѣ цивилизаціи, которыя совершенно подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе. Прежде всего этотъ ходъ находится въ связи съ логическою дѣятельностію человѣка. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, мы остановимся только на нѣкоторыхъ положеніяхъ Бюшеза. Прежде чѣмъ человѣкъ доходитъ до практической дѣятельности, выражающейся въ какомъ-либо актѣ, въ немъ совершается нѣсколько процессовъ. Предварительно совокупность внѣшнихъ ощущеній зарождаетъ въ немъ стремленіе сначала неясное, но послѣ постепенно вырабатывающееся въ опредѣленную *цѣль*. Здѣсь кончается та часть общаго логическаго процесса, въ которой главнымъ образомъ преобладаетъ чувство. Установленіе цѣли даетъ волѣ бо́льшую энергію, заставляетъ человѣка больше сосредоточиваться въ себѣ, выяснить соотношенія этой цѣли съ условіями внѣшняго міра, словомъ, обсудить средства къ ея достиженію: это критическая или чисто-аналитическая работа, переборка отдѣль-

ныхъ факторъ, частныхъ прозрѣній, комбинированіе ихъ въ одно цѣлое, сопоставленіе этихъ отрицательныхъ положеній съ положительно-сознанною цѣлью. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль торжествуетъ надъ этими отрицательными побужденіями, начинается практическое ея осуществленіе—дѣятельность. Подобные же факты представляетъ и общество. Оно также имѣетъ цѣль, хотя она устанавливается органическимъ ученіемъ, а не вырабатывается изъ ощущеній какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ. Она является въ немъ какъ предписаніе нравственно-религіознаго закона. Далѣе, логическій ходъ развитія общества для достиженія этой цѣли совершенно соотвѣтствуетъ тому же процессу въ отдѣльныхъ личностяхъ. Здѣсь даже всѣ эти отдѣльные моменты представляютъ больше раздѣльности, такъ какъ функціи чувства, сознанія и практической дѣятельности, слитыя въ отдѣльномъ человѣкѣ, здѣсь находятъ соотвѣтствующую себѣ организацію. Такъ, религія, искусство, воспитаніе служатъ къ тому, чтобы подготовить человѣчество къ служенію его цѣли. Разуму отдѣльнаго человѣка въ обществѣ соотвѣтствуетъ могущественное установленіе науки; для практическаго осуществленія общественныхъ задачъ мы находимъ экономическія, политическія, административныя установленія.

Сильнѣе аппаратъ, возвышеннѣе цѣль—грандіознѣе результаты. Въ отдѣльной личности чувства, размышленія и дѣйствія состоятъ въ тѣсной связи съ его частною, индивидуальною цѣлію; здѣсь же дѣло идетъ объ общихъ, возвышенныхъ цѣляхъ, и чѣмъ меньше отражаются и на цѣляхъ и на установленіяхъ личное вліяніе и эгоистическія цѣли, тѣмъ совершеннѣе и возвышеннѣе самыя учрежденія. Деспотизмъ никогда не будетъ знать великихъ и блестящихъ установленій свободныхъ странъ. Искусство, теряющее изъ вида общественныя цѣли, говоритъ уже не чувству, а чувственности, изъ руководителя дѣлается слугой массы, или, какъ это было при Людовикѣ XIV, властей предержащихъ.

Не смотря на то, что всѣ указанныя установленія должны всегда существовать въ каждомъ обществѣ[1]), построенномъ на идеѣ раздѣленія труда, однакоже въ порядкѣ историческаго развитія имъ не всегда принадлежала одинаковая роль. Они послѣдовательно смѣняли другъ друга въ дѣлѣ главнаго руководительства обществомъ. Въ первые вѣка органическаго періода, когда общество только-что приняло новое религіозно-нравственное ученіе, оно все отдается наплыву свѣжаго,

[1]) См. относит. этого главы: L'Enseignement, la Réligion и т. д.

молодаго чувства. Изъ новыхъ вѣрованій черпаетъ оно и свои убѣжденія; на ихъ основаніи строитъ оно свои надежды. Всѣ его силы направлены къ распространенію новыхъ истинъ, вся умственная дѣятельность уходитъ на защиту ученія отъ противоположныхъ ученій и ересей. Культъ и пропаганда являются главнымъ общественнымъ дѣломъ. Иначе и быть не можетъ — необходимо покорить всѣ сердца, измѣнить чувствованія, вдохнуть въ людей новыя стремленія. Вотъ почему въ это время все, что говоритъ чувству, дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ другихъ общественныхъ установленій. Церкви принадлежитъ первенствующая роль въ этомъ отношеніи. Здѣсь же великое значеніе искусства, которое группируется главнымъ образомъ около основной религіозной идеи. Это синтетическій періодъ искусства, какъ выражается Бюшезъ. Онъ сходится въ этомъ отношеніи съ О. Контомъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на оцѣнкѣ искусства, сдѣланной Огюстомъ Контомъ. Замѣтимъ здѣсь только, что онъ также смотритъ на искусство какъ на средство подготовленія общества къ умственной жизни, въ ту пору, когда вся духовная жизнь его выражается только въ порывахъ чувства, а вся практическая дѣятельность его идетъ на завоеваніе себѣ матеріальныхъ средствъ къ существованію. Идея красоты открываетъ дорогу идеѣ истины. Чѣмъ можно было поддержать духовную жизнь, то-есть, жизнь идей въ средневѣковомъ земледѣльцѣ и ремесленникѣ, какъ не этими изящными образами, этими соборами, этими мадоннами, этою величественною музыкой католическихъ храмовъ? Миннезингеры и трубадуры необходимо предшествуютъ юристамъ, алхимикамъ, философамъ. Жаль, — скажемъ мы мимоходомъ, — что наши отрицатели искусства не прочли Конта, о которомъ они такъ много писали. Онъ, можетъ-быть, привелъ бы ихъ къ другимъ убѣжденіямъ относительно того времени, когда нужно *вводить* искусство, какъ будто можно что-нибудь *ввести* въ духовную жизнь общества. Прежде накормите насъ, а потомъ ведите въ театръ, говорятъ они. Мы не станемъ противорѣчить ихъ личному вкусу. Можно даже наѣсться и вовсе никуда не пойдти. Но когда рѣчь заходитъ о законахъ исторіи, подобныя возраженія немного помогутъ разъясненію вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что средневѣковая Европа не была особенно богата и часто голодала; но это не помѣшало замѣчательному развитію всѣхъ отраслей искусства, и странное дѣло! ни соборы, ни поэтическія произведенія, ни картины не были произведеніемъ *праздныхъ тунеядцевъ*, а напротивъ, людей народа, которые

много любили и много страдали. Оставляя въ сторонѣ наше „доморощенное отрицаніе“, мы не можемъ не подивиться подобному же мнѣнію, выраженному Гербертомъ Спенсеромъ въ его статьяхъ о воспитаніи. По его мнѣнію (которое, кстати сказать, противорѣчитъ его же взглядамъ, выраженнымъ въ другихъ мѣстахъ), искусства предназначены для тѣхъ минутъ, когда человѣкъ *отдыхаетъ*. Таково, по крайней мѣрѣ, то мѣсто, которое онъ отводитъ занятію изящными искусствами въ своей теоріи воспитанія. Извѣстно, что онъ раздѣляетъ всю массу знаній по группамъ, изъ которыхъ каждая должна соотвѣтствовать какой-нибудь потребности человѣка. Отъ того, какой сравнительно важной потребности удовлетворяетъ извѣстная отрасль знаній, зависитъ и ихъ относительное достоинство. Эта градація, по мнѣнію философа, слѣдующая: знанія, удовлетворяющія потребности самосохраненія, потребности добыванія средствъ къ жизни, потребности исполненія родительскихъ обязанностей, потребности регулированія соціальнаго и политическаго поведенія, и наконецъ, наслажденія искусствами. „Разсмотрѣвъ, говоритъ онъ, какое воспитаніе больше всего подготовляетъ къ удовлетворенію этихъ важнѣйшихъ потребностей, мы должны разсмотрѣть, какое воспитаніе лучше всего подготовляетъ къ различнымъ предметамъ, *не входящимъ сюда*: къ наслажденію природой, литературой и изящными искусствами во всѣхъ ихъ формахъ“. Далѣе онъ сравниваетъ изящныя искусства съ цвѣткомъ соціальной жизни, который во всякомъ случаѣ долженъ уступить мѣсто корнямъ и стволу, на которыхъ онъ выросъ. Наслаждаться можно уже тогда, когда первыя потребности удовлетворены: „Это есть дѣло досуга. Кто не имѣетъ досуга, тотъ не имѣетъ права наслаждаться“. Если бы мы не знали, что эта теорія принадлежитъ Спенсеру, то мы подумали бы, что она создана однимъ изъ учениковъ Мальтуса и написана для откупщиковъ, ростовщиковъ и биржевыхъ игроковъ. Кому же *наслаждаться* какъ не имъ, умѣющимъ беречь свое драгоцѣнное здоровье, прекрасно добывающимъ средства къ жизни, примѣрнымъ отцамъ семейства и отличнымъ гражданамъ Соединеннаго Королевства Великобританіи и... Ирландіи. Но у Спенсера, котораго сочиненія дышатъ любовью къ человѣку, это мнѣніе, очевидно, основано на нѣсколько одностороннемъ пониманіи человѣческаго благосостоянія. Онъ, очевидно, не вышелъ изъ сферы индивидуализма. Всѣ цѣли воспитанія установляются имъ исключительно съ индивидуальной точки зрѣнія, и здѣсь онѣ совершенно логичны. Дайте мнѣ прежде здоровье, потомъ общественное положеніе, потомъ я же-

нюсь, *предложу свои услуги* избирателямъ, сдѣлаюсь мировымъ судьей, членомъ парламента, шерифомъ, коронеромъ, и въ свободное отъ занятій время буду ходить въ оперу, поѣду въ Италію, буду играть на скрипкѣ. Гдѣ же общество и его великія цѣли? Гдѣ сила общественнаго чувства? Такъ ли создаются граждане, настоящіе дѣятели на пользу общую? Вопервыхъ, выше всѣхъ индивидуальныхъ цѣлей стоитъ цѣль общая, выше условій индивидуальнаго совершенствованія—законы общественнаго прогресса. Имѣетъ ли градація, предложенная Спенсеромъ, такое значеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи — это еще вопросъ. Условія самосохраненія, умѣнье добывать средства къ жизни, исполненіе родительскихъ обязанностей только тогда могли бы стоять во главѣ этой іерархіи, если бы человѣкъ, котораго хочетъ воспитывать Спенсеръ, жилъ въ необитаемой степи. Можно подумать, что онъ писалъ инструкцію для новаго Робинзона. Общественность, здраво построенная, до такой степени облегчаетъ удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей, что они далеко не занимаютъ того верховнаго положенія, какое имъ даетъ авторъ. Между дикаремъ, живущимъ охотой и нуждающимся въ громадныхъ пространствахъ земли, и гражданами цивилизованнаго государства большая разница въ этомъ отношеніи. Общественная гигіена и медицинская полиція, сильное развитіе промышленности, возможность для каждаго отдаться какому-нибудь спеціальному занятію, установленіе общественнаго образованія,— все это значительно облегчаетъ достиженіе перваго разряда задачъ воспитанія. Превосходство соціальнаго строя передъ изолированнымъ положеніемъ человѣка заключается именно въ томъ, что соціальный строй даетъ ему возможность служить болѣе возвышеннымъ цѣлямъ, жить лучшею жизнью, чѣмъ кропотливое добываніе копѣйки. Задача общества, основаннаго на христіанскомъ ученіи, состоитъ въ томъ, чтобы дать эту возможность наибольшему числу людей. Достигнуть этого, конечно, нельзя иначе, какъ при помощи сильнаго развитія матеріальнаго благосостоянія; но эта забота никакъ не можетъ составить постоянной, высшей задачи общества. Если теперь таково его направленіе, это не значитъ, что оно нормально; напротивъ, оно указываетъ на временную, переходную эпоху. Задача современнаго общества несравненно шире, чѣмъ задачи обществъ прежнихъ: слѣдовательно, шире и разнообразнѣе должны быть и средства. Древнее общество призывало къ умственной жизни только тѣсный кругъ граждань. Оно могло успокоиться на рабствѣ. Новое общество ведетъ всѣхъ членовъ одинаково къ политической и умственной жизни: у него нѣтъ

рабства, оно осудило крѣпостное состояніе; оно построено на идеѣ личнаго труда, на томъ понятіи, что каждый долженъ трудиться за себя; понятно, что оно должно завоевать себѣ *средства* для осуществленія этой великой идеи. Но цѣль все-таки — нравственная и умственная жизнь, въ которой искусство занимаетъ такую видную роль. Самъ Спенсеръ называетъ его цвѣткомъ цивилизаціи. Это отчасти[1]) вѣрно. Но почему? Неужели потому, что оно производитъ *волненія* всякаго рода? Неужели потому, что оно *смягчаетъ* нравы, какъ это говоритъ часто Спенсеръ? Нѣтъ, именно потому, что чрезъ *настоящее* искусство, *истинную* поэзію, человѣкъ начинаетъ отрѣшаться отъ своего чувственнаго, матеріальнаго *я*, что красота прокладываетъ дорогу истинѣ, что здѣсь начинается связь личности съ обществомъ, что здѣсь выясняются для него общія, великія задачи человѣчества, что здѣсь приготовляется онъ служить имъ. Но только приготовляется. Спенсеръ, сверхъ того, ошибается, опредѣляя отношеніе искусства къ жизни отношеніемъ цвѣтка къ растенію. Оно, пожалуй, вѣрно, если вспомнить, что за цвѣткомъ слѣдуетъ плодъ, что слѣдовательно, послѣ искусства, какъ цвѣтка, долженъ быть какой-нибудь плодъ. Но Спенсеръ смотритъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія именно любителя цвѣтовъ: для него цвѣтокъ послѣднее выраженіе жизни. Пусть такъ, не будемъ касаться его личныхъ вкусовъ, но дѣло въ томъ, что по отношенію къ искусству это исторически невѣрно. Искусство всегда и вездѣ служило только послѣднимъ выраженіемъ той эпохи, когда чувство было главнѣйшею способностію общества и служило непосредственною ступенью къ чисто-умственной жизни. Наконецъ, задача искусства съ соціальной точки зрѣнія вовсе не есть удовлетвореніе личныхъ вкусовъ, индивидуальное наслажденіе, щекотаніе страстей. Искусство, какъ соціальная сила, есть органъ великихъ идей, лежащихъ въ основѣ данной цивилизаціи, и оно сохраняетъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока служитъ имъ провозвѣстникомъ; въ ту минуту, когда оно начинаетъ служить *досугамъ*, *праздношатающимся*, оно сходитъ съ пьедестала. Хотите ли знать, какая разница между такимъ искусствомъ и искусствомъ Спенсера? Объѣзжайте картинныя галлереи Европы и посмотрите, къ какой эпохѣ относятся лучшія картины, и всякій скажетъ вамъ, что къ той, когда искусство вмѣстѣ съ религіей были во главѣ общественнаго движенія.

[1]) Говоримъ: отчасти, потому что умственная жизнь все-таки выше эстетической; послѣдняя служитъ частію только приготовленіемъ, частію суррогатомъ первой.

Такое значеніе придаетъ искусству и Бюшезъ. Блестящую эпоху искусства относитъ онъ именно къ періоду преобладанія чувства надъ всѣми другими способностями человѣка. За этою эпохой слѣдуетъ эпоха *научная*. Наука, какъ общественный элементъ, играетъ ту же роль, какъ размышленіе въ отдѣльномъ человѣкѣ. Но и форма и задачи этого *соціальнаго размышленія* выше того же явленія въ сферѣ индивидуальной. Оно имѣетъ въ виду не какой-нибудь отдѣльный актъ, не удовлетвореніе частной потребности, но достиженіе задачи, характеризующей цѣлую эпоху цивилизаціи. Чтобы выполнить эту задачу, наука должна анализировать всѣ понятія, входящія въ составъ этой цивилизаціи. Эпоха исключительнаго господства науки — эпоха безпокойная. Это періодъ теорій, гипотезъ, полемики, изслѣдованій. Всѣ начала извѣстной цивилизаціи провѣряются, подвергаются критикѣ. Ищутся наилучшія общественныя формы, изучаютъ природу и стараются примѣнить ея законы къ общественному строю. Это время великихъ политическихъ движеній, различныхъ попытокъ улучшенія, организаціи и законодательства. Въ теченіе этого научнаго періода мы видимъ борьбу и даже революціи, приводящія общество къ критическому направленію, которое должно господствовать до полнаго примѣненія началъ, возвѣщенныхъ органическимъ ученіемъ.

Этому полному осуществленію задачъ каждой цивилизаціи соотвѣтствуетъ особый періодъ — періодъ *практическихъ* стремленій и заботъ, направленныхъ къ наиболѣе полному примѣненію началъ, характеризующихъ эту цивилизацію. Въ теченіе этой третьей и послѣдней эпохи всѣ послѣдствія религіозно-нравственнаго ученія первой эпохи окончательно выражаются въ экономическихъ и политическихъ установленіяхъ. Христіанская цивилизація вступила въ этотъ періодъ послѣ французской революціи. Вотъ чѣмъ объясняется эта *гоньба за учрежденіями*, которая такъ не нравилась Конту. Конечно, многіе въ этомъ отношеніи, какъ мы указали выше, обращаютъ на форму больше вниманія, чѣмъ на содержаніе; но это не измѣняетъ сущности дѣла: начала, перевоспитавшія чувство и общественное сознаніе, требуютъ себѣ послѣдняго выраженія въ политическомъ и экономическомъ строѣ современной Европы.

Такъ, ходъ цивилизаціи или развитіе человѣчества переходитъ тѣ логическія ступени, какія представляетъ процессъ развитія идеи и ея примѣненія въ отдѣльномъ человѣкѣ. Вотъ почему каждую ступень, каждый періодъ, принадлежащій къ одной и той же цивилизаціи, Бюшезъ называетъ *логическимъ періодомъ* или вѣрнѣе *возрастомъ*.

Изъ того, что въ каждомъ изъ этихъ возрастовъ преобладаетъ одинъ какой-нибудь элементъ, не слѣдуетъ, однако, чтобы въ другихъ они не имѣли значенія. Въ этомъ отношеніи Бюшезъ рѣзко отличается отъ О. Конта, который цѣликомъ оставляетъ теологію въ теологическомъ періодѣ и т. д. У Бюшеза каждый возрастъ продолжаетъ дѣло своего предшественника, но характеръ ихъ измѣняется по мѣрѣ приближенія времени практическаго осуществленія цѣлей, установленныхъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, которое поэтому никогда не теряетъ своихъ правъ на верховное положеніе въ обществѣ. Осуществленіе и примѣненіе его началъ остается цѣлію всякой цивилизаціи даже въ то время, когда общество, повидимому, отказывается отъ него и считаетъ истины, которымъ оно служитъ, произведеніемъ своего собственнаго ума.

Далѣе, такимъ же образомъ органическій и критическій періодъ составляютъ одно цѣлое, ибо въ нихъ развивается одна и та же мысль, только различными путями. Даже самый переходъ органической эпохи въ критическую есть то же прогрессивное движеніе человѣчества, отъ котораго оно не можетъ уклониться ни на минуту. Въ первое время господства новаго ученія дѣло управленія, организація общества, слѣдовательно, его прогресса, выпадаетъ на долю людей, наиболѣе проникнутыхъ религіозно-нравственнымъ чувствомъ. Мы видѣли, что въ теченіе этого времени общество посвящаетъ себя пропагандированію, установленію новой организаціи въ противоположность старой, отраженію всѣхъ противныхъ ему ученій, и въ этотъ періодъ, продолжающійся многія столѣтія, управляющіе и управляемые идутъ рука объ руку по пути прогресса. Такъ какъ это движеніе состоитъ въ служеніи идеямъ высшаго нравственнаго порядка, которымъ одинаково подчинены и народы и правительства, такъ какъ правительства стоятъ во главѣ этого движенія, то очень понятно, что прогрессъ совершается здѣсь a priori, то-есть, подъ господствомъ сильнаго систематическаго ученія, подчиняющаго себѣ всѣ общественныя силы.

Чрезъ нѣсколько времени правительства, по ученію Бюшеза, уклоняются отъ своего прогрессивнаго назначенія. Это уклоненіе можетъ зависѣть отъ различныхъ причинъ, но главнѣйшимъ образомъ оно оказывается тогда, когда общественные элементы перерастаютъ правительственную форму и требуютъ другой, при которой было бы возможно дальнѣйшее движеніе, между тѣмъ какъ правительства, въ силу общечеловѣческой логики, принимаютъ внѣшнее условіе, способствовавшее прогрессу, за самый прогрессъ, форму за содержаніе. Къ этому при-

соединяется и желаніе сохранить руководящую роль даже въ такихъ дѣлахъ, которыя временно были связаны съ задачами извѣстнаго правительства, но не соотвѣтствуютъ его прямому назначенію. Такъ, папство считало свѣтскую власть, соединенную съ духовною въ рукахъ первосвященника, вслѣдствіе феодальной неурядицы, не только за постоянную задачу римскаго престола, но даже за главнѣйшій его аттрибутъ, прерогативу; поэтому, начиная съ XIV столѣтія, папы, не замѣчая образованія самостоятельныхъ національностей, усиленія свѣтской власти, видѣли въ этомъ временныя, скоропреходящія попытки мятежа и стали систематически противодѣйствовать каждому прогрессивному движенію, совершавшемуся не въ той формѣ, въ какой издавна привыкло папство. Изъ общественной прогрессивной силы они постепенно сходили на степень индивидуально-консервативнаго явленія. То же самое было съ французскими королями, когда они, освободивъ низшіе классы, стали служить своимъ эгоистическимъ цѣлямъ.

Прогрессивное движеніе, однако, не останавливается, но принимаетъ другую форму и получаетъ другую исходную точку. Въ періодѣ органическомъ общество и правительство дѣйствовали подъ вліяніемъ непосредственныхъ велѣній религіозно-нравственнаго ученія; безотчетное служеніе имъ, подъ верховнымъ руководствомъ власти — вотъ задача такого періода. Въ такія времена слово первосвященника могло посылать сотни тысячъ на смерть въ Палестину. Но какъ только власть уклоняется отъ своей прогрессивной задачи, какъ только апріористическія начала отождествляются съ ретроградными, а это бываетъ всегда, потому что общество подобно правительству смѣшиваетъ форму съ содержаніемъ, напримѣръ, папство съ христіанствомъ, — исходною точкой, мотивомъ прогрессивнаго движенія становится личный, индивидуальный интересъ, частное недовольство тѣми или другими явленіями старой организаціи. Такъ, индивидуально-эгоистическое стремленіе въ одной сферѣ вызываетъ такое же направленіе въ другой. Отождествленіе формы съ началами въ обѣихъ сферахъ и задерживаніе развитія началъ во имя сохраненія формы въ одной сферѣ отзываются нападеніемъ на начала во имя разрушенія ненавистной формы. Есть и еще одно обстоятельство, на которое Бюшезъ мало обратилъ вниманія, именно, что усиленіе эгоистическихъ стремленій въ обѣихъ сферахъ одинаково ведетъ къ подчиненію этихъ началъ органической эпохи индивидуальнымъ интересамъ, слѣдовательно, и тамъ, и здѣсь одинаково возводитъ разумъ на степень судіи всѣхъ принциповъ ученія. Папство, вступившее на ретроградную дорогу, заслонило смыслъ

христіанскаго ученія цѣлою массой разныхъ толкованій и комментаріевъ, иначе схоластическихъ тонкостей, такъ что времена первыхъ реформаціонныхъ попытокъ, и особенно великой реформаціи, не знали непосредственно ученія христіанства; этимъ объясняется та энергія, съ которой они стремились возвратить себѣ похищенное у нихъ сокровище. Гуссъ, требовавшій чаши, Лютеръ—евангелія, хотѣли перешагнуть черезъ эту схоластическую пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ „Источника живой воды". Вотъ почему православіе свѣжо и сильно до сихъ поръ; оно всѣмъ даетъ пить изъ этого источника истины и правды и не убиваетъ вѣры бездушнымъ силлогизмомъ. Итакъ, реформація была попыткой нравственнаго возрожденія общества чрезъ возвращеніе къ первобытной простотѣ ученія. Но понятно, что результаты далеко не соотвѣтствовали намѣренію. Личный интересъ, индивидуальная критика, ставшіе точкою отправленія, отразились на этихъ результатахъ. Общество, проникнутое этими мотивами, стремилось преимущественно къ практическимъ цѣлямъ: все дѣйствительно отвлеченное было ему уже не по силамъ. Вслѣдствіе этого догматическая сторона ученія была уже слабѣе въ протестантствѣ, чѣмъ въ католицизмѣ. Это, какъ думаетъ Бюшезъ, происходило не отъ того, что въ протестанствѣ началось отрицаніе догматовъ; напротивъ, оно стремилось возсоздать ихъ въ первобытной чистотѣ, но не могло оно, будучи само порожденіемъ схоластики и индивидуально-критическаго духа, вызваннаго индивидуально-ретроградимъ направленіемъ римскаго престола, выполнить это дѣло. Его работа осуществилась только по отношенію къ *нравственному ученію*, какъ практическому выраженію догматовъ, которые сильно видоизмѣнились. Таковы, по мнѣнію Бюшеза, результаты всякаго практическаго движенія при самомъ его началѣ; вотъ почему во всякой цивилизаціи онъ видитъ свои *протестантизмы* и даже прямо называетъ ихъ этимъ именемъ, прославленнымъ великою эпохой германской реформаціи. Они состоятъ въ видоизмѣненіи религіозныхъ формулъ и сохраняютъ въ полнотѣ только нравственную сторону ученія. Отсюда моральный ригоризмъ протестантскихъ церквей. Но дѣло отрицанія, начавшееся съ критики догмы, на этомъ не останавливается. Оно продолжаетъ свое дѣло, которое состоитъ въ томъ, что нравственное ученіе постепенно освобождается отъ высшей санкціи догматовъ и вслѣдствіе этого теряетъ свою общность и возвышенность, ограничиваясь сферою формальныхъ человѣческихъ отношеній. Наконецъ, философское систематическое отрицаніе догматовъ окончательно отдѣляетъ нравственное ученіе отъ религіознаго и стремится дать имъ

чисто-научную основу. Это послѣдняя ступень каждой цивилизаціи, не пришедшей еще въ упадокъ. Такимъ образомъ, ни протестантство, ни философія не создаютъ въ дѣлѣ нравственнаго ученія ничего новаго: они имѣютъ смыслъ и жизнь только до тѣхъ поръ, пока они завѣдомо или невольно сохраняютъ связь съ великимъ ученіемъ органическаго періода. Внѣ его они не имѣютъ смысла. Бываютъ времена, когда нравственность, въ смыслѣ общаго ученія, утрачиваетъ свое значеніе не только какъ прогрессивная общественная сила, но и какъ совокупность правилъ индивидуальной дѣятельности. Это бываетъ тогда, когда всѣ учрежденія, всѣ реформы, всѣ улучшенія, предвозвѣщенныя ею, уже осуществились. Въ такомъ состояніи она можетъ еще служить началомъ охранительнымъ, но не прогрессивнымъ. Таково было состояніе нравственнаго ученія древности во времена Цицерона. Когда общество дошло до этого предѣла, оно готово уступить мѣсто высшей цивилизаціи, которая откроется высшимъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ.

Таковы законы, управляющіе, по мнѣнію Бюшеза, прогрессивнымъ движеніемъ человѣчества, таково его ученіе о прогрессѣ вообще. Оно состоитъ въ связи со всѣми ученіями, которыя можно назвать теоріями *органическаго развитія*, тѣми системами, для которыхъ столько сдѣлали Контъ и Спенсеръ въ сферѣ соціальныхъ наукъ. Эта теорія научаетъ насъ въ прошедшемъ любить настоящее, въ настоящемъ будущее, въ будущемъ всю сумму идей, управляющихъ нашею цивилизаціей. У такой науки нѣтъ слова осужденія ни прошедшему за то, что оно не было настоящимъ, ни настоящему за то, что оно еще не будущее. Скромное изученіе законовъ развитія, подчиненіе имъ — вотъ ея задача, вотъ прямой результатъ этой теоріи. Къ ней можно примѣнить слова Тиндаля объ индуктивномъ изслѣдованіи, приведенныя Спенсеромъ. Такая наука „требуетъ терпѣливаго прилежанія и *смиреннаго, сознательнаго* принятія откровеній природы. Первое условіе успѣха есть *честная* воспріимчивость и готовность оставить всѣ предвзятыя понятія, противорѣчащія истинѣ, какъ бы дороги они ни были. Повѣрьте мнѣ, въ частныхъ изслѣдованіяхъ истиннаго служителя науки нерѣдко высказывается такое благородное самоотреченіе, о которомъ свѣтъ понятія не имѣетъ".

Но сходясь въ практическихъ результатахъ, эти теоріи все еще представляютъ лишь разрозненныя части великаго цѣлаго, которое создастъ изъ нихъ будущее. Теорія Спенсера рѣзко отличается отъ ученія Бюшеза и Конта, а обѣ послѣднія теоріи представляютъ много несход-

наго между собою. Теорія Спенсера, безъ сомнѣнія, есть одна изъ удачнѣйшихъ попытокъ приложить къ соціологіи выводы естествознанія. Она даетъ теоріи прогресса новую научную поддержку. Но исчерпываетъ ли она все содержаніе этого ученія — это еще вопросъ. Сколько намъ кажется, соотношеніе между организаціей и разрушеніемъ не установлено Спенсеромъ достаточно полно и противорѣчитъ историческимъ фактамъ. Читатели, знакомые съ трудами Спенсера, припомнятъ, что главнымъ условіемъ прогресса онъ выставляетъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному. Эту мысль онъ проводитъ по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, указывая ея осуществленіе въ прогрессѣ политическихъ учрежденій, въ музыкѣ, поэзіи, наукѣ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія въ общихъ чертахъ вѣрна и съ дальнѣйшимъ развитіемъ знаній подтвердится большимъ количествомъ фактовъ. Но что эти условія далеко не единственныя, это ясно и теперь и также подтвердится съ дальнѣйшими успѣхами историческихъ наукъ. Если принять вполнѣ теорію Спенсера, то выйдетъ, что разрушеніе и организація происходили одновременно, что разрушеніе было именно усложненіемъ прежняго однообразнаго строенія, прежнихъ простыхъ формъ, что выдѣлявшіеся элементы тотчасъ принимали соотвѣтствующую имъ организацію, при чемъ они имѣютъ даже больше стройности и самый организмъ получаетъ больше единства и системы. Предшествующее дифференцированіе и послѣдующее слитіе частей, вотъ этотъ законъ, данный зоологіей, сравнительною анатоміей и физіологіей. Соціальный организмъ не знаетъ, слѣдовательно, эпохъ, предназначенныхъ преимущественно къ организаціи, и эпохъ, отличающихся разрушительнымъ направленіемъ. Происхожденіе одного изъ другаго непрерывнымъ дифференцированіемъ и интегрированіемъ частей — непрерывная организація, непрерывное разрушеніе — вотъ теорія Спенсера. Это сосуществованіе и одновременное развитіе критическаго и органическаго элементовъ въ обществѣ вѣрно на столько, на сколько вообще вѣрно положеніе, что въ одномъ періодѣ человѣческаго развитія нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, чего бы не было, хотя въ зародышѣ, in posse, въ періодѣ предыдущемъ. Но подобное сосуществованіе элементовъ не исключаетъ возможности и даже необходимости послѣдовательнаго преобладанія каждаго изъ нихъ. Мы видѣли, какъ по теоріи Бюшеза, подтверждаемой всѣми историческими фактами, были періоды, знавшіе преобладающее вліяніе чувства, затѣмъ научно-критическихъ стремленій, и наконецъ, стремленій практическихъ. Тѣ же

самые исторические факты подтверждают существование эпохъ, гдѣ преобладало какое-нибудь органическое строеніе, и періодовъ, отличавшихся господствомъ разрушительныхъ стремленій. „Вслѣдствіе необходимости, столь же очевидной, сколько и печальной, говоритъ О. Контъ, необходимости, присущей нашей слабой природѣ, переходъ отъ одной соціальной системы къ другой не можетъ совершаться непосредственно и непрерывно. Переходъ этотъ предполагаетъ, что по крайней мѣрѣ, нѣсколько поколѣній переживутъ періодъ междуцарствія болѣе или менѣе анархическаго, котораго характеръ и продолжительность зависятъ отъ объема и трудности задачъ новой организаціи. Въ такія времена весь прогрессъ сводится на постепенное разрушеніе стараго, уже потрясеннаго въ своихъ существенныхъ основаніяхъ зданія.“ Мы не знаемъ, до какой степени теорія непрерывнаго развитія, выставленная Спенсеромъ, согласуется съ выводами естественныхъ наукъ, но съ точки зрѣнія наукъ историческихъ начала Конта и Бюшеза кажутся намъ болѣе состоятельными.

Не менѣе отличаются выводы Бюшеза и отъ теоріи Конта. По мнѣнію послѣдняго, органическое ученіе каждой новой эпохи заключаетъ въ себѣ тѣ элементы, которые послужили къ разрушенію стараго порядка, и дѣйствительно-прочная организація новаго зависитъ отъ возможно полнаго разрушенія стараго. Такъ, осуществленіе началъ позитивизма требуетъ полнаго уничтоженія теологическихъ преданій и метафизическихъ пріемовъ. Положительнымъ въ каждомъ періодѣ становится только то, что было отрицаніемъ, элементомъ разрушительнымъ въ старомъ. Сколько намъ кажется, это невѣрно даже по отношенію къ отдѣльнымъ цивилизаціямъ. Даже между такими противоположными цивилизаціями, какъ христіанская и древняя, есть необходимая органическая связь, не только въ томъ смыслѣ, что одна вышла изъ другой, но и въ томъ, что многія *положительныя, органическія начала одной остались такими же положительными, органическими началами другой.* Тѣмъ менѣе возможно допустить это въ отношеніи къ различнымъ періодамъ одной и той же цивилизаціи. Въ ней положительныя начала остаются неизмѣненными уже потому, что одинъ періодъ не въ состояніи исчерпать собою всего ихъ содержанія. Ученіе Бюшеза устанавливаетъ болѣе общую связь между всѣми элементами цивилизаціи, даетъ имъ больше стройности, болѣе выясняетъ ихъ общую цѣль. Нечего и говорить, что оно больше скрѣпляетъ связь между положительною наукой и религіей данной цивилизаціи, слѣдовательно, вноситъ въ цивилизацію больше жизненныхъ началъ, ибо

религія и наука суть самая жизнь. Оно, слѣдовательно, ближе къ тому идеалу науки, который такъ прекрасно опредѣленъ Спенсеромъ въ его опытахъ о воспитаніи и который такъ мѣтко выраженъ въ словахъ Гексли, приведенныхъ тѣмъ же авторомъ. Вотъ эти слова: „Истинная наука и истинная религія близнецы, и разлученіе ихъ непремѣнно поведетъ къ смерти обоихъ [1]). Наука процвѣтаетъ именно пропорціонально ея религіозности, а религія процвѣтаетъ именно пропорціонально научной ея глубинѣ и твердости ея основъ. Великія дѣянія философовъ были плодомъ не столько ихъ ума, сколько направленія, приданнаго этому уму существенно религіознымъ тономъ мысли. Истина поддалась больше ихъ терпѣнію, любви, добродушію, самоотверженности, чѣмъ тонкости ихъ логики".

Въ чемъ же должны состоять начала этой новой, положительной науки объ обществѣ и государствѣ, на основаніи всѣхъ предыдущихъ соображеній?

Прежде всего необходимо отказаться отъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, оставленныхъ древностью новой политической наукѣ. Изъ предыдущаго изложенія можно уже предвидѣть, какія это положенія. Мы должны оставить предположеніе, что родъ человѣческій осужденъ на вѣчное круговращеніе въ сферѣ однихъ и тѣхъ же явленій. Его назначеніе, напротивъ, вѣчное движеніе впередъ, и мы называемъ зломъ все, что̀ въ данную минуту останавливаетъ или отклоняетъ его отъ этого пути. Древніе, далѣе, допускали неподвижность формъ, неподвижность извѣстныхъ даже породъ. На этомъ основаніи они, во-первыхъ, дробили человѣчество на столько совершенно отдѣльныхъ тѣлъ, сколько было политическихъ обществъ; каждое государство являлось у нихъ совершенно изолированнымъ цѣлымъ во все время отъ своего зарожденія до разрушенія; они допускали существованіе натуръ, предназначенныхъ къ свободѣ и цивилизаціи, къ варварству и даже къ рабству; всѣ временныя различія они возводили въ принципъ, освящали всѣ индивидуализаціи, называемыя теперь ихъ учениками породами, расами. Бюшезъ, напротивъ, утверждаетъ, что родъ человѣческій составляетъ одно цѣлое, котораго части связаны солидарностію. Отдѣльныя политическія общества суть только органы человѣчества. Что касается до различій, замѣчаемыхъ между ними, то причина ихъ заключается въ относительномъ положеніи этихъ обществъ на общемъ имъ всѣмъ пути прогресса,— положеніи, которое зависитъ или отъ

---

[1]) И прежде, и скорѣе всего къ смерти науки, скажемъ мы отъ себя.

историческихъ, или отъ физическихъ условій, вліяніе которыхъ должно смягчиться съ успѣхами цивилизаціи. Аристотель говоритъ, что въ политическомъ обществѣ форма правленія все; для новой науки эта форма только средство достигнуть цѣли, составляющей обязанность продолжать прогрессивное движеніе общества. Аристотель доказываетъ, что форма правленія есть выраженіе нравственныхъ качествъ гражданъ: отсюда вышла гнусная теорія, что каждый народъ имѣетъ только то, что онъ заслуживаетъ — фраза, которую можетъ сказать или презрѣніе къ человѣчеству или временное отчаяніе. Здравая наука утверждаетъ, что первая задача правительства есть постепенное воспитаніе гражданъ къ лучшей политической формѣ.

Ясно, что здѣсь придется разрушить много установившихся теорій. Ясно, что для солиднаго доказательства вѣрности всѣхъ положеній, высказанныхъ Бюшезомъ въ разныхъ его сочиненіяхъ, въ приложеніи къ соціальнымъ вопросамъ, нужно еще много спеціальныхъ аргументовъ, глубокій анализъ всѣхъ соціальныхъ и государственныхъ явленій. Для такой науки недостаточно одной теоріи прогресса. Вопервыхъ, въ обществѣ, какъ организмѣ, не всѣ установленія должны быть предназначены для служенія прогрессу, подобно тому какъ въ организмѣ отдѣльнаго человѣка не всѣ органы предназначены для движенія. Есть институты, на которыхъ этотъ прогрессъ долженъ отражаться, которые лучше всего могутъ служить мѣриломъ степени общественнаго развитія, но которые сами по себѣ не могутъ и не должны играть руководящей роли въ прогрессивномъ движеніи, такъ какъ ихъ задача чисто охранительная, какъ, напримѣръ, семья, собственность, судъ. Вовторыхъ, если общество движется, то куда оно движется, и какъ выслѣдить это направленіе, и какъ овладѣть этимъ стремленіемъ, чтобы довести его до желанной цѣли?

Другими словами: какъ складывается общество, при какихъ условіяхъ оно движется впередъ, въ чемъ состоитъ это движеніе, кто является его руководителемъ, при какихъ условіяхъ руководитель можетъ выполнить свою задачу? Всѣмъ этимъ разнообразнымъ вопросамъ Бюшезъ посвятилъ два тома, внимательный разборъ которыхъ составитъ содержаніе слѣдующей статьи.

А. Градовскій.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ СОСТОЯНІЯ ГОРОДСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.[1]

III.

Въ дѣятельности Петра Великаго, по отношенію къ устройству состоянія городскихъ обывателей, обозначаются два направленія. До учрежденія коллегій и магистратовъ, какъ и во времена предшествовавшія, заботы правительства были направлены къ тому, чтобы опредѣлить положеніе торгово-промышленныхъ людей въ государствѣ соотвѣтственно ихъ значенію и характеру ихъ промысла, и тѣмъ устранить причину недоборовъ государевыхъ доходовъ, которая заключалась въ условіяхъ ихъ общественнаго положенія, не благопріятствовавшихъ занятію свободными промыслами „непашенныхъ" людей. Поэтому преобразованія этого періода дѣятельности великаго царя клонились къ тому, чтобъ удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя не разъ заявлялись торгово-промышленными людьми, какъ необходимое условіе для того, чтобы государевы доходы увеличивались и собирались безъ всякихъ недоимокъ.

Исходною точкою и цѣлью такихъ преобразованій былъ непосредственный интересъ казны. Такое одностороннее направленіе выразилось, напримѣръ, въ томъ, что въ Сибири, гдѣ, по малонаселенности городовъ и бѣдности посадскихъ, сборъ государевыхъ доходовъ не могъ быть возложенъ на ихъ отвѣтственность, а за недоборы отвѣчали назначенные изъ русскихъ городовъ таможенные и кабацкіе головы, правительство сочло излишнимъ эмансипировать торгово-промышленныхъ людей, и право, усвоенное русскимъ посадскимъ и чернослободскимъ уѣзднымъ общинамъ, вѣдаться во всѣхъ дѣлахъ своими выборными, не было распространено на сибирскіе города: во главѣ управленія тамъ по прежнему остались воеводы[2]).

---

[1]) См. сентябр. и октябрьскую книжки *Журн. Мин. Нар. Просв.* на 1867 г.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 1708.

Исключительное преслѣдованіе финансовыхъ цѣлей было вообще характеристическою чертой традиціонной политики Московскихъ государей, и Петръ въ дѣлѣ устроенія торгово-промышленнаго состоянія, соотвѣтственно непосредственнымъ выгодамъ правительства, довершилъ только то, что̀ начали его предшественники. Независимо отъ личной энергіи преобразователя, причиною, побудившею его къ скорѣйшему и окончательному огражденію торгово-промышленныхъ людей отъ всякихъ притѣсненій со стороны воеводъ и приказныхъ, была особенная нужда въ денежныхъ средствахъ, какія требовались въ то время для веденія войнъ, предпринятыхъ имъ съ цѣлью завладѣть морскимъ прибережіемъ и пріобрѣсть Россіи мѣсто въ ряду европейскихъ державъ.

Такимъ образомъ, не смотря на иностранныя названія бурмистровъ и ратуши, самое содержаніе новыхъ учрежденій опредѣлилось потребностями времени и было органическимъ продуктомъ народнаго развитія.

Съ учрежденіемъ магистратовъ и коллегій, или лучше, со времени второй поѣздки Петра за границу, задачею внутренней политики преобразователя становится возбужденіе промышленной производительности и торговой дѣятельности въ странѣ. Исходною точкою и цѣлью предпринимаемыхъ въ этомъ отношеніи мѣръ остаются по прежнему интересы внѣшней политики; но заботы о денежныхъ выгодахъ не устраняютъ заботъ о возбужденіи торговли и промышленности посредствомъ благоустройства городовъ.

Занявъ мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, Россія должна была удержать и упрочить его за собою. Но бороться съ цивилизованными народами, не заимствовавъ отъ нихъ тѣхъ средствъ, которыя давали имъ несомнѣнный перевѣсъ, было бы не подъ силу полу-азіатскому государству. Средства эти заключались въ высшемъ техническомъ и промышленномъ развитіи западно-европейскихъ государствъ. Для того, чтобы не быть въ этомъ отношеніи въ постоянной зависимости отъ новыхъ сосѣдей, русскому правительству необходимо было искусственно создать занятія, которыя естественно не требовались тою степенью соціальнаго развитія, на которой стоялъ въ то время внутренній бытъ государства. Въ этомъ новомъ дѣлѣ начинателемъ былъ самъ Петръ. Образцомъ для него былъ западно-европейскій бытъ, съ которымъ ему приходилось ознакомить Русскихъ. Народъ могъ поддержать царя въ его начинаніяхъ только безусловнымъ послушаніемъ: совѣта отъ него въ этомъ новомъ дѣлѣ не требовалось, и онъ не могъ бы и дать его.

Въ видахъ предстоявшей задачи — „мануфактуры и купечество размножить“, на русскую почву были механически перенесены средства покровительства и регламентаціи торговли и промышленности и формы сословнаго самоуправленія, выработанныя подъ вліяніемъ чуждыхъ Россіи историческихъ условій.

Безъ сомнѣнія, такое дѣленіе не можетъ быть принято за абсолютное. Рѣзкаго перехода отъ политики непосредственнаго увеличенія государственнаго прибытка къ благоустройственной не было въ дѣйствительности.

Двумя указами 30-го января 1699 года осуществилось, наконецъ, желаніе торгово-промышленныхъ людей, чтобы по городамъ воеводы ихъ ни въ чемъ не вѣдали, заявленное ими еще на соборѣ 1642 года, и приведено въ исполненіе давно задуманное дѣло устройства приказа, который бы одинъ вѣдалъ торговыхъ людей судомъ и управою.

Характеръ новыхъ учрежденій и цѣль ихъ вполнѣ опредѣляются въ самыхъ этихъ указахъ, а именно: второй изъ нихъ предоставляетъ посадскимъ и уѣзднымъ промышленнымъ людямъ, — буде они хотятъ, чтобы воеводы въ мірскихъ, расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ и сборахъ государевыхъ доходовъ ихъ не вѣдали, а всѣ такого рода дѣла подлежали вѣдомству самихъ общинъ и земскихъ избъ, — выбрать въ такія избы межъ себя людей добрыхъ и правдивыхъ, „а за тое Его Великаго Государя къ нимъ милость и призрѣніе, что они отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей въ обидахъ и въ налогахъ и въ поборахъ и во взяткахъ будутъ свобожены, они посадскіе, и купецкіе, и промышленные, и уѣздные люди, всякіе Его Величества Государя окладные повсягодные сборы, которые съ нихъ были напередъ сего, въ Его Великаго Государя казну платили противъ прежняго окладу вдвое на Москвѣ по высылкамъ мірскихъ своихъ выборныхъ людей, безъ воеводскихъ и приказныхъ людей висылокъ, на указные сроки по вся годы сполна безъ доимки, а на Москвѣ принимать у нихъ тѣ доходы указано будетъ гостямъ и торговымъ выборнымъ же людямъ безо всякія волокиты и убытку“ [1]).

Пріемъ доходовъ, собираемыхъ съ государевыхъ торгово-промышленныхъ людей, и контроль надъ сборомъ и доставкою ихъ были возложены на учрежденіе, устроенное подобно земскимъ избамъ для управленія городскою Московскою общиною; это учрежденіе названо было Бурмистрскою палатою и должно было быть въ то же время цен-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1675.

тральнымъ финансовымъ установленіемъ и высшею судебною инстанціей по розыскнымъ и расправнымъ дѣламъ посадскихъ и купеческихъ людей всего государства. Въ указѣ объ устройствѣ Бурмистрской палаты, переименованной вскорѣ за тѣмъ въ ратушу, читаемъ: „Извѣстно Ему, Великому Государю, учинилось, что имъ гостямъ и гостинныя сотни и всѣмъ купецкимъ и промышленнымъ людямъ во многихъ ихъ приказныхъ и разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большие убытки и разореніе, а иные отъ того торговъ и промысловъ своихъ отбыли и оскудѣли, а Его Великаго Государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы, вслѣдствіе всего этого Государь, милосердствуя къ нимъ гостямъ гостинной сотни, купцамъ и чернослободцамъ, указалъ ихъ всѣхъ во всякихъ челобитчиковыхъ, расправныхъ и купецкихъ дѣлахъ и сборахъ вѣдать въ одной учрежденной въ Москвѣ изъ выборныхъ отъ всѣхъ Московскихъ сотенъ и слободъ Бурмистрской палатѣ“ [1]).

Изъ всего этого мы видимъ, какъ мы уже и выше сказали, что мотивомъ установленія управленія горожанъ и чернослободцевъ на началахъ автономическихъ былъ правительственный разчетъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова; поэтому тамъ, гдѣ устраненіе воеводъ отъ вмѣшательства въ дѣла промышленныхъ общинъ не вело прямо къ увеличенію государевыхъ доходовъ, или не согласовалось съ ближайшими, непосредственными правительственными выгодами, прежнія отношенія воеводъ къ городамъ и промышленнымъ слободамъ не были измѣнены. Такъ, въ Сибири воеводы продолжали смотрѣть за присылаемыми изъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ таможенными и кабацкими головами. То же самое было, вѣроятно, и въ другихъ отдаленныхъ краяхъ, какъ можно заключить изъ того, что въ Астрахани сборщики таможеннаго и кружечнаго двора продолжали подавать свои отчетныя книги для повѣрки въ Приказную палату, и воевода имѣлъ право смѣнить таможеннаго голову [2]).

Поводомъ къ такому неблагопріятному для торгово-промышленныхъ людей изъятію была, безъ сомнѣнія, отдаленность Сибирскаго края и Каспійскаго поморья отъ Москвы. Согласно съ характеромъ новыхъ учрежденій, существенною ихъ стороной было строгое подчиненіе мѣстнаго управленія контролю центральнаго установленія, которое въ свою очередь состояло подъ непосредственнымъ надзоромъ

[1]) Полн. Собр. Закон., № 1674.

[2]) Полн. Собр. Закон., № 1792, 29.

и контролемъ правительства. Контроль центральнаго учрежденія надъ мѣстнымъ управленіемъ, съ устраненіемъ воеводъ, не имѣлъ постоянныхъ областныхъ органовъ, поэтому былъ основанъ на опредѣленныхъ правилахъ отчетности, которая затруднялась дальностью разстоянія. Еще при старыхъ порядкахъ въ 1698 году изданъ былъ именной указъ о сборѣ таможенной пошлины въ сибирскихъ и поморскихъ городахъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Сибири оказались большія злоупотребленія и недоборы вслѣдствіе именно того, что за дальностью разстоянія таможенныя книги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могли повѣряться въ Москвѣ [1]).

Земскія избы, какъ учрежденіе, замѣнившее воеводъ, предписано было устроить по городамъ. Засѣдавшіе въ нихъ назывались земскими бурмистрами. Число ихъ не было опредѣлено, а предоставлено было на волю выбирающимъ. Земскимъ бурмистрамъ указывалось: собирать и доставлять въ Москву въ опредѣленные сроки всѣ доходы, какіе прежде собирались съ горожанъ и чернослободцевъ въ Приказную избу; отдавать съ торговъ на оброкъ и на откупъ доходные статьи и сборы; смотрѣть за тѣмъ, чтобы торгово-промышленные люди и иногородные торговцы не промышляли въ городѣ, не платя податей, и не торговали безпошлинно; надзирать за производствомъ таможенныхъ сборовъ и распродажею питей и преслѣдовать корчемство; наконецъ, на нихъ же возлагалось производство работъ на земскія средства, какъ то: постройка тюремъ, торговыхъ бань и т. д., и завѣдываніе отправленіемъ земскихъ повинностей. Прежніе общинные выборные, завѣдывавшіе дѣломъ податныхъ сборовъ и раскладокъ, какъ то: земскіе старосты, сотскіе и десятскіе, были поставлены въ зависимость отъ земскихъ бурмистровъ.

Къ производству питейной продажи и къ таможеннымъ сборамъ предписано было ставить въ городахъ и селахъ ежегодно выбираемыхъ присяжныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ. Надъ ними также указано было надсматривать земскимъ бурмистрамъ и общинѣ, ихъ выбравшей. Въ случаѣ недобора окладныхъ или неокладныхъ доходовъ отвѣчали бурмистры и земскіе люди, приставившіе ихъ къ сборамъ государевыхъ доходовъ [2]). Эта гарантія круговой отвѣтственности, которая составляла основу общиннаго самоуправленія, была такимъ выгоднымъ для правительства условіемъ относительно сбора доходовъ, что оно налагало на отвѣтственность торгово-промышлен-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1654.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 1697, 1686, ст. 11, 1704, 1819, 1895, 1955, 2127.

нихъ общинъ даже такіе сборы, которые по существу своему не требовали компетентности въ торгово-промышленномъ дѣлѣ. Такъ, въ 1706 году, когда изъ опыта прежнихъ лѣтъ правительство убѣдилось въ томъ, „что многіе въ большихъ городахъ изъ людей приказныхъ, а въ меньшихъ и самые воеводы въ пріумноженію пошлинъ съ писанія крѣпостныхъ актовъ чинили нерадѣніе“ и своими злоупотребленіями наносили ущербъ государевой казнѣ, сборъ этотъ переданъ былъ въ вѣдомство бурмистровъ съ тѣмъ, что если впредь окажутся недоборы, то они будутъ взысканы съ земскихъ бурмистровъ и съ лучшихъ посадскихъ людей [1]). Въ таможняхъ, кромѣ собственно торговыхъ пошлинъ, взимался, напримѣръ, такой сборъ, какъ хомутный, которымъ ямщики окупали право промышлять извозомъ [2]). Наконецъ, правительство находило выгоднымъ поручать выборнымъ цѣловальникамъ такіе промыслы, какіе прежде состояли на откупѣ. Такъ, въ 1707 году учреждена была казенная продажа дегтю, коломази, мѣлу, рыбьяго жиру и сала, которая прежде отдавалась на откупъ, и производить ее указано было слободскимъ цѣловальникамъ подъ надзоромъ бурмистровъ [3]).

Въ дѣлахъ сбора и доставки въ Москву государевыхъ доходовъ и въ производствѣ расходовъ земскія избы и бурмистры подлежали по закону самому строгому контролю Бурмистрской палаты. Правила отчетности и отвѣтственности были въ этомъ отношеніи весьма обстоятельно опредѣлены.

Для доставки отчетныхъ книгъ, вѣдомостей и денежныхъ суммъ установлены были опредѣленные сроки. Стрѣлецкій и оброчный сборы съ описаніемъ оброчныхъ статей и съ подробною пошлинною росписью, сколько съ кого и какихъ именно поборовъ взято, должны были доставляться въ палату ежегодно. Кабацкіе и таможенные бурмистры подавали въ земскую избу еженедѣльные отчеты по сборамъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ; изъ такихъ отчетовъ земскіе бурмистры составляли мѣсячныя вѣдомости, которыя представлялись своевременно на разсмотрѣніе Бурмистрской палаты. Съ 1703 года введены были новыя правила отчетности и контроля по этимъ сборамъ: таможеннымъ и кабацкимъ бурмистрамъ указано было имѣть дестевыя тетради, скрѣпленныя по листамъ земскими бурмистрами, и въ нихъ записывать поденно всякіе приходы и расходы. По такимъ тетрадямъ земскіе бур-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2099.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 1816.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 2153.

мистры составляли свои мѣсячныя вѣдомости; кромѣ того для повѣрки ихъ должны были посылаться по временамъ особые ревизоры изъ Москвы. Въ дѣла уѣздныхъ, таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, за которыхъ отвѣчали сельскія общины, ихъ выбравшія, земскіе бурмистры непосредственно не вступались, но должны были, подъ страхомъ пени, доводить до свѣдѣнія палаты о всякихъ съ ихъ стороны злоупотребленіяхъ и дѣйствовать въ этихъ случаяхъ по ея указаніяхъ; это, впрочемъ, нисколько не исключало уѣздныхъ бурмистровъ отъ общей для всѣхъ ихъ обязанности подавать отчеты въ земскую избу по тѣмъ же правиламъ, какія установлены были для посадскихъ.

Собранныя таможенныя пошлины и питейный доходъ предписано было доставлять въ Москву въ ноябрѣ, мартѣ и маѣ мѣсяцахъ. По окончаніи каждаго года таможенные и кабацкіе головы сами должны были являться въ Москву съ своими отчетными книгами, скрѣпленными по листамъ земскими бурмистрами, и съ остаточными суммами въ мѣшкахъ за печатью земской избы. Представленные отчеты повѣрялись въ палатѣ, и если оказывалась недоимка, то она тамъ же съ нихъ и взыскивалась; но если, послѣ мѣсяца стоянія на правежѣ, они продолжали отговариваться, что имъ въ Москвѣ пополнить недочетовъ не чѣмъ, то ихъ высылали на мѣсто жительства и предписывали земскимъ бурмистрамъ взыскать недоимку съ имущества, какое за ними тамъ окажется; буде же такого не ставало для пополненія числящагося на сборщикахъ долга, или виновные укрывались отъ платежа, то слѣдуемое съ нихъ взыскивалось съ общины, ихъ выбравшей. Если при повѣркѣ отчетовъ бурмистры показывали, что недобранныя деньги числятся по книгамъ на комъ-нибудь изъ жителей подвѣдомственнаго имъ округа и что они не успѣли ихъ съ нихъ взыскать, за скоростью высылки къ отчету, то ихъ отпускали за порукою и съ обязательствомъ доставить такой недоборъ въ опредѣленный срокъ; но если дѣло было спорное, то недоимка, безъ дальнѣйшаго разбора дѣла, взыскивалась съ самихъ бурмистровъ [1]).

Такая же строгая отчетность и отвѣтственность примѣнялись и ко всѣмъ другимъ сборамъ, предоставленнымъ въ вѣдомство бурмистрамъ. Такъ, въ 1705 году велѣно было кабацкимъ бурмистрамъ продавать табакъ, и собранныя деньги вмѣстѣ съ отчетами, „со особымъ подобіемъ питейныя продажи питейныя вѣдомости", присылать изъ городовъ въ Москву [2]).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1697, 1813, 1816, 1865, 1922, 1777.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 2045.

Въ случаѣ недостачи сборовъ къ законами опредѣленнымъ срокамъ, бурмистры подлежали уплатѣ пени въ десять процентовъ всей суммы дохода.

Подряды и поставки на оружейный дворъ должны были совершаться съ вѣдома и за свидѣтельствомъ земскихъ бурмистровъ. Всякіе расходы и выдачи денегъ производились земскими избами только по указамъ Бурмистрской палаты, или ратуши, какъ она потомъ называлась [1].

Я позволилъ себѣ съ мелочною и утомительною подробностью изложить правила отчетности бурмистровъ по дѣламъ сборовъ, потому что строгій контроль центральнаго учрежденія надъ мѣстнымъ управленіемъ составлялъ существеннѣйшую сторону новаго устройства торгово-промышленнаго состоянія. Воеводы могли быть удалены отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла посадскихъ и чернослободскихъ общинъ безъ ущерба для государевой казны только подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ихъ надзоръ былъ замѣненъ контролемъ другаго какого-либо учрежденія, непосредственно зависящаго отъ правительства. Такимъ установленіемъ, долженствовавшимъ замѣнить по отношенію къ мѣстному управленію непосредственный надзоръ воеводы, явилось центральное учрежденіе, устроенное на тѣхъ же началахъ, какъ и управленіе общинъ; очевидно, что оно могло выполнять свое назначеніе только подъ условіемъ опредѣленныхъ правилъ отчетности и строгой опредѣленности отношеній къ нему мѣстъ и лицъ, ему подвѣдомственныхъ.

Достигали ли, при условіяхъ того времени, установленныя мѣры контроля своей цѣли, — это уже другой вопросъ, на который можно отвѣчать только отрицательно.

Самоуправство, лѣность и низкія понятія о нравственности и гражданскомъ долгѣ, которыя допускали даже самыхъ высокопоставленныхъ лицъ грабить казну безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, — эти наслѣдственныя болѣзни русскаго общества того времени парализировали и извращали самыя цѣлесообразныя по своей идеѣ учрежденія. Установленныя правила контроля далеко не выполнялись.

Въ октябрѣ 1705 года Курбатовъ, назначенный инспекторомъ ратушскаго правленія, доносилъ государю, что „не точію сначала состоянія ратуши, но еще съ 206 года, съ котораго имъ то чинить велѣно, книгъ Московскія таможни по сей годъ въ ратушу не взято и

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1697.

бурмистры не считаны и премногая есть доимка, въ чемъ усмотрѣлъ я, что ихъ милость бурмистры другъ другу тяготы носятъ". „Въ городахъ отъ бурмистровъ", продолжаетъ онъ дальше, „премногія явились кражи Вашея казны, и въ розыскахъ бурмистры говорили, объявляя о черныхъ сборахъ книгахъ, которыхъ не подаютъ въ ратушѣ, а подаютъ бѣлыя, написавъ какъ хотятъ съ великимъ уменьшеніемъ, и во всѣхъ городахъ такія книги есть, которыя ужъ многія и вынуты" [1].... Самыя средства, предпринятыя противъ злоупотребленій, служили только къ ихъ прикрытію; такъ, частая подача вѣдомостей и отчетовъ обращала дѣло контроля въ безполезное выполненіе формальностей. „И въ нынѣшнихъ вѣдомостяхъ бурмистры паче сборовъ пекутся о вѣдомостяхъ", говоритъ Посошковъ о питейномъ сборѣ, „да и нельзя имъ не такъ дѣлать, потому что приказные люди приступленіемъ на нихъ того спрашиваютъ, чтобы въ вѣдомостяхъ писали именно, колико въ недѣлю какого питья продано и колико какого питья въ другую недѣлю осталось и на сколько цѣною? Гляди, мѣсяцъ пройдетъ, то паки всѣ водки сличаютъ, и въ таковыхъ вѣдомостяхъ бурмистры, оставя дѣло, да за вѣдомостьми трудятся. Такія вѣдомости надлежитъ писать годовыя, ради подлиннаго извѣстія счету послѣ года, а не понедѣльно" [2].

Но зло заключалось главнымъ образомъ не въ недостаткахъ учрежденія, а въ нравственной несостоятельности общества.

Воровство бурмистровъ и самоуправныя дѣйствія ихъ не могли быть сдержаны никакими внѣшними мѣрами тѣмъ болѣе, что этихъ самыхъ мѣръ невозможно было осуществить.

Въ 1700 году таможенные бурмистры подали свои счетныя книги, при ревизіи которыхъ оказалось, что они давали торговымъ людямъ выписи въ платежѣ пошлинъ, не занося этого въ книги [3]). Въ слѣдующемъ году гость Иванъ Исаевъ подалъ царю челобитную, что Брянскіе земскіе и таможенные бурмистры задерживали его людей, которыхъ онъ посылалъ для покупки и промѣна на соль пеньки, и отнимали у нихъ товаръ, „и отъ того ихъ насилія Великаго Государя казнѣ недоборъ, а имъ въ торгѣ помѣшательство" [4]).

Въ 1706 году Курбатовъ писалъ государю: „За городскими бурмистры премногое воровство чрезъ мое бѣднаго усердіе сыскано: въ

[1]) Исторія Россіи Соловьева. Т. XVI, стр. 6, 7.
[2]) Сочин. Ивана Посошкова. Гл. IX, стр. 237.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 1816.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 1880.

одномъ Ярославлѣ украдено съ 40.000 рублевъ. На Псковичей: Никифора Яковлева и Михайла Супрунова съ сыномъ и на иныхъ лучшихъ людей говорятъ, что во времена точію Шведской войны украдено ими пошлинъ и питей продажи съ 90.000 рублевъ и больше" [1]).

Обычай разбавлять напитки и обманывать покупщиковъ табаку и водки въ мѣрѣ и вѣсѣ былъ такъ распространенъ въ Россіи, что это доходило даже до свѣдѣнія иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ при Русскомъ дворѣ [2]).

За выборъ въ бурмистрскую должность платили какъ за доходное мѣсто. Такъ, Веневскіе посадскіе люди произвольно устранили своихъ выборныхъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ за то, что они имъ ничего не дали, и опредѣлили къ отправленію этихъ службъ новыхъ лицъ, которые заплатили имъ за это 120 рублевъ [3]).

Контроль центральнаго учрежденія надъ мѣстнымъ общиннымъ управленіемъ былъ бы еще болѣе затруднителенъ, если бы Московской палатѣ приходилось для этого вступать въ непосредственныя сношенія съ каждымъ отдѣльнымъ городомъ; поэтому вслѣдъ за изданіемъ указовъ 30-го января 1699 года, правительство озаботилось образовать посредствующія инстанціи между отдѣльными посадами и Московскою центральною палатой. Съ этою цѣлью менѣе значительные города были приписаны къ такимъ городамъ, какъ Новгородъ, Псковъ и другіе. Бурмистрамъ этихъ послѣднихъ городовъ указано было надсматривать за приписными земскими, таможенными и кабацкими бурмистрами и быть во всякихъ дѣлахъ посредниками между ними и бурмистрскою палатою, для того, какъ объяснялось въ указѣ, чтобъ изъ Москвы въ приписные города и уѣзды ни за чѣмъ не посылать [4]).

Если правительство не добирало своихъ доходовъ вслѣдствіе недобросовѣстности земскихъ выборныхъ, то худшимъ и среднимъ земскимъ людямъ приходилось въ свою очередь переносить всякаго рода притѣсненія и обиды со стороны лучшихъ посадскихъ людей.

Во времена до-Петровскія, въ случаѣ жалобъ бѣднѣйшихъ членовъ общины на самоуправство лучшихъ людей, правительство обыкновенно давало предписаніе воеводѣ не допускать ихъ въ обиду послѣднимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ самостоятельность общиннаго управ-

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева. Т. XVI, стр. 8.

[2]) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. 81.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 1722.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 1706.

ленія была расширена, случаи утѣсненій худшихъ и среднихъ людей лучшими должны были значительно увеличиться. Никакихъ легальныхъ препонъ къ тому не было въ самомъ учрежденіи общины. Въ какой мѣрѣ различные классы земства имѣли право принимать участіе въ общинныхъ дѣлахъ, кто долженъ былъ подавать голосъ при выборахъ въ общинныя должности и къ отправленію земскихъ службъ, кто принималъ участіе въ составленіи мірскихъ раскладокъ и въ повѣркѣ отчетовъ, которые подавались выборными сборщиками въ земскую избу, законъ этого въ подробностяхъ не опредѣлялъ, возлагая вообще всѣ такого рода дѣла на общину.

Правительство въ интересахъ собственной выгоды стояло только на томъ, чтобы къ сборамъ и въ отвѣтственныя должности выбирались люди состоятельные, съ которыхъ возможно было бы взыскать недоборъ, и чтобы община смотрѣла за своими выборными и отвѣчала за нихъ. Такъ какъ значеніе и взаимное отношеніе различныхъ классовъ въ общинѣ не были опредѣлены закономъ, то относительное положеніе ихъ установилось силою естественнаго преобладанія людей богатыхъ надъ бѣднѣйшими, не сдержанною регулирующею силою искусственной организаціи. Вся власть сосредоточилась въ рукахъ лучшихъ людей, и они пользовались своимъ значеніемъ въ видахъ личной корысти на счетъ менѣе состоятельныхъ членовъ общины.

18-го декабря 1706 года объявленъ былъ именной указъ, въ которомъ читаемъ: „Вѣдомо Ему Великому Государю учинилось, что *едва ли не во всѣхъ городахъ*, въ окладныхъ тяглыхъ и въ случающихся неокладныхъ, и на мірскіе расходы поборахъ налагаютъ пожиточные, пользуя себя, на убогихъ (безъ всякой скудости ихъ торговыхъ промысловъ разсмотрѣнія) платежи тяжкіе, яко забывъ Его Государевы указы, которые указы повелѣваютъ имъ всегдашнее во всякихъ поборахъ съ разсмотрѣніемъ промысловъ и торговъ и пожитковъ имѣти уравненіе; въ иныхъ же городахъ, то объявленное въ указахъ по разсмотрѣнію пожитковъ предлагаютъ они пожиточные (чиня тѣмъ указамъ противленіе) въ новое убогимъ же тягчайшое уравненіе, именно, отставя имущество пожитковъ, равняютъ въ уровнѣхъ съ собою подати числомъ дворовымъ, а такія числами дворовъ имъ убогимъ злыя обиды случалось имъ чинить и во времена солдатъ, работниковъ и подводныхъ поборовъ. И чтобы иные поборы и всякія подати были собираны по древнему, съ расположеніемъ каждаго въ пожиткахъ имущества, обычаю, многое въ городахъ земскихъ бурмистромъ отъ убогихъ было прошеніе, но они, вѣдая о себѣ, что и сами они изъ числа

первостатейныхъ же, указу имъ не чинили, инымъ же изъ нихъ бурмистровъ за такія о правдахъ прошенія, забывъ Божій и Его Государевъ страхъ, производили въ тюрмахъ задержаніемъ и чрезъ иныя наказанія, озлобленія, отъ которыхъ многіе изъ числа убогихъ выпили въ стороны городовъ".

Такимъ образомъ интересы государевой казны необходимо требовали, чтобы взаимное отношеніе составныхъ элементовъ общины въ дѣлѣ управленія было регулировано закономъ и преобладаніе денежной силы было сдержано формальными гарантіями. Въ видахъ этого предписано было на будущее время выбирать сборщиковъ окладной подати и другихъ доходовъ всею общиною и выборъ ихъ утверждать подписью лучшихъ и убогихъ людей. Для повѣрки счетовъ указано было также выбирать съ общаго согласія особыхъ присяжныхъ изъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ членовъ общины, а общиннымъ сборщикамъ и расходчикамъ подавать имъ для повѣрки ежемѣсячныя отчетныя вѣдомости. Списки такихъ выборныхъ вмѣстѣ съ перечневыми выписками мірскихъ расходовъ должны были доставляться въ Москву [1]).

Переходя отъ финансоваго значенія земскихъ избъ и общины къ судебной власти земскихъ бурмистровъ, мы должны предварительно замѣтить, что такъ какъ главною цѣлью новаго учрежденія было увеличеніе доходовъ казны, то въ памятникахъ того времени мы находимъ гораздо болѣе законодательныхъ опредѣленій относительно сбора этихъ доходовъ и отчетности по дѣламъ сборовъ, чѣмъ относительно установленія порядка суда и круга подсудности. Дѣло суда не было установлено на такихъ же подробно и точно изложенныхъ основаніяхъ, какъ дѣло финансоваго контроля.

Въ качествѣ судей земскимъ бурмистрамъ указано было вѣдать купеческихъ людей и чернослободцевъ во всѣхъ ихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ, то-есть, по дѣламъ гражданскимъ [2]). Въ случаяхъ жалобъ посадскихъ людей на бѣломѣстцевъ, бурмистры рѣшали дѣло сообща съ приказными. Свои челобитныя о взысканіи долговъ съ бѣломѣстцевъ, и вообще по торговымъ дѣламъ, торгово-промышленные люди могли подавать въ земскія избы и въ ратушу, а по другимъ дѣламъ должны были искать въ тѣхъ приказахъ, суду которыхъ подлежалъ отвѣтчикъ. Если при производствѣ розыска бурмистрами по дѣламъ, подлежащимъ ихъ подсудности, оказывался замѣшаннымъ бѣломѣстецъ, то имъ дозволялось задерживать его „противъ

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2127.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 1704.

того какъ важно въ розыскнымъ сыщикамъ отдавать посадскихъ людей" [1]).

Когда учреждены были ландраты, посадскимъ указано было подавать свои челобитныя на крестьянъ ландратамъ, а крестьянамъ на посадскихъ Бурмистрамъ. Если бы кто изъ ландратовъ или бурмистровъ несправедливо обидѣлъ ту или другую изъ тяжущихся сторонъ, то обиженному предоставлялось бить на него челомъ мѣстному губернатору [2]).

Отношеніе мѣстной юрисдикціи къ судебной власти центральнаго учрежденія не было точно опредѣлено закономъ. По словамъ указа объ учрежденіи Бурмистрской палаты, ей было въ общихъ выраженіяхъ предоставлено вѣдать посадскихъ и купеческихъ людей во всякихъ ихъ расправныхъ, челобитчиковыхъ и купеческихъ дѣлахъ и по расправѣ, чинить правежъ, наказаніе и казни. Далѣе въ другомъ указѣ весьма не ясно выражено, что суду палаты, кромѣ розыскныхъ и расправныхъ дѣлъ, касающихся торгово-промышленныхъ людей Москвы и ея уѣзда, подлежали также дѣла, которыя или не входили въ кругъ вѣдомства земскихъ бурмистровъ, или не могли быть ими рѣшены по чему-либо другому, или наконецъ, переходили въ палату аппеляціоннымъ порядкомъ. „А вѣдать имъ въ расправныхъ дѣлахъ и доходахъ тѣхъ городовъ выборнымъ бурмистрамъ.... а изъ городовыхъ бурмистровъ и всѣхъ купеческихъ чиновъ людей во всемъ вѣдать Московскимъ бурмистрамъ".

Мы знаемъ только, что жалобы воеводъ на бурмистровъ и горожанъ, такъ какъ по такого рода дѣламъ розыскъ производился Московскими бурмистрами, подавались въ Бурмистрскую палату. Жалобы бурмистровъ и посадскихъ на воеводъ и бѣломѣстцевъ подавались въ приказы, суду которыхъ подлежали отвѣтчики, но въ судѣ принимали участіе и Московскіе бурмистры [3]).

Кругомъ какихъ дѣлъ ограничивалось вѣдомство городскихъ бурмистровъ и было ли какое-нибудь ограниченіе въ этомъ отношеніи, это трудно разъяснить на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя находятся въ Полномъ Собраніи Законовъ. Весьма вѣроятно, что по старому порядку, земскимъ бурмистрамъ предоставлено было на личное усмотрѣніе рѣшать, по какимъ дѣламъ они „указу учинить не могутъ".

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1808, 1819. ст. 3, 4.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 2879.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 1704.

Изъ того уже, что органомъ общиннаго самоуправленія предназначено было быть избѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ бурмистровъ, а не одному какому-либо должностному лицу, мы можемъ заключать, что царь съ самаго начала намѣревался придать новому учрежденію коллегіальный характеръ; это намѣреніе окончательно опредѣлилось тѣмъ, что указомъ 1-го сентября 1699 года велѣно было Московскимъ бурмистрамъ вершить всякія дѣла съ общаго совѣта, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ вопросъ шелъ о суммѣ болѣе чѣмъ во сто рублей, подписывать всѣмъ, а другія менѣе значительныя бумаги одному только изъ бурмистровъ [1]).

Обратимся теперь къ судьбамъ центральнаго органа самоуправленія торгово-промышленнаго состоянія. Онъ былъ устроенъ на тѣхъ же началахъ, какъ и мѣстное общинное самоуправленіе посадскихъ людей. Въ указѣ 30-го января 1699 года предписано было гостямъ, гостинной сотнѣ и всѣмъ другимъ сотнямъ и слободамъ выбрать изъ себя въ палату „сколько похотятъ добрыхъ и правдивыхъ людей", а изъ нихъ одному сидѣть въ ней по мѣсяцу президентомъ. Составъ и кругъ вѣдомства новаго учрежденія былъ опредѣленъ въ этомъ указѣ только въ общихъ чертахъ. Это вызвало со стороны гостей запросныя статьи о подробнѣйшемъ уясненіи состава и вѣдомства палаты, которыя они и подали въ разрядъ.

Въ этихъ статьяхъ на первомъ планѣ стояла просьба, чтобы государь повелѣлъ выбрать въ бурмистры четырехъ человѣкъ изъ гостей, четырехъ изъ гостинной сотни и четырехъ изъ всѣхъ остальныхъ сотень [2]). Но давать такой перевѣсъ гостямъ и гостинной сотнѣ не было въ разчетахъ правительства. Оно старалось сгладить слѣды привилегій, установившихся во времена удѣльныя и при иныхъ условіяхъ утратившихъ свой смыслъ, а давать предпочтительное значеніе гостямъ не было въ этомъ случаѣ никакого дѣйствительнаго основанія. Лучшіе люди черныхъ сотень и городскіе посадскіе люди несли тѣ же общинныя и отъѣзжія службы, какъ и гости, съ тою только разницею, что послѣдніе, какъ сравнительно болѣе состоятельные, посылались въ головы къ болѣе значительнымъ сборамъ, какъ напримѣръ въ Архангельскъ [3]). Торговые люди гостинной сотни выбирались также въ земскія должности, на ряду съ другими посадскими людьми. Такъ, торговаго человѣка гостинной сотни Ѳедора Быкова

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1696.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 1683.

[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 1708, 1687.

велѣно было выбирать въ службы въ Каргополь[1]), изъ чего можно заключить, что члены гостинной торговой корпораціи, избавленные въ прежнее время отъ службъ по выбору тяглыхъ людей, утратили эту привилегію и стали привлекаться службами въ тяглымъ общинамъ. Поэтому-то, не смотря на представленіе гостей „о томъ, что въ гостинномъ чинѣ необходимо учинить прибавку“, правительство не нашло нужнымъ увеличивать ихъ числа и предписало быть у новаго дѣла торговымъ людямъ всѣхъ сотенъ и слободъ и выбирать бурмистровъ всѣмъ городскимъ обществомъ сообща[2]), а именно, указомъ 17-го апрѣля того же года опредѣлено было ставить въ кандидаты на бурмистерскую должность отъ каждой сотни и слободы, исключая слободъ не болѣе какъ въ 30 дворовъ, по одному выборному. Изъ такихъ кандидатовъ указано было всѣмъ сотнямъ и слободамъ сообща выбирать лучшихъ 12 человѣкъ въ бурмистры, такъ чтобы въ теченіе года каждый изъ нихъ могъ быть въ свою очередь президентомъ[3]). Для веденія приходо-расходныхъ книгъ, согласно съ представленіемъ о томъ гостей, указано было быть при палатѣ подъячимъ по выбору бурмистровъ, и для выемки корчемныхъ питей и разныхъ разсылокъ — солдатамъ. На предложеніе гостей давать подъячимъ, состоящимъ при палатѣ, жалованье отъ казны, „чтобы ихъ работа была истинная и къ корыстямъ неприкотная“, послѣдовало рѣшеніе давать имъ казенное жалованье только въ теченіе перваго года ихъ службы, а впредь положить кормиться имъ съ дѣлъ. Такимъ образомъ непосредственный интересъ казны перевѣсилъ интересъ торговыхъ людей, потому что онъ-то собственно и былъ исходною точкою и причиною заботливости правительства о томъ, „чтобы купецкимъ и промышленнымъ людямъ отъ приказныхъ разныхъ чиновъ убытковъ и разоренія не было“.

Въ качествѣ высшей инстанціи и центральнаго учрежденія, Бурмистрской палатѣ указано было надзирать за производствомъ податныхъ и промысловыхъ регальныхъ сборовъ, какіе шли въ казну отъ городскихъ и уѣздныхъ торгово-промышленныхъ общинъ, и за своевременною доставкою ихъ въ Москву, принимать собранныя деньги и повѣрять представляемыя отчетныя вѣдомости и книги. Вмѣстѣ съ передачею такого дѣла въ исключительное вѣдомство новаго учрежденія, всѣмъ другимъ приказамъ предписано было передать въ палату

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1715.

[2]) Полн. Собр. Закон. №№ 1683, 1686, ст. 1.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 1685.

всѣ указы прежнихъ лѣтъ, относящіеся къ таможенному и кабацкому дѣлу, и всѣ счетныя выписи всѣхъ таможенъ и кабаковъ. Изъ собранныхъ денегъ палата выдавала на расходы въ другіе приказы.

Посредствующимъ органомъ между палатою, какъ центральнымъ органомъ автономическаго сословнаго управленія, и правительствомъ, олицетворяющимъ идею государственнаго единства былъ поставленъ приказъ Большой казны. Бурмистры вносили въ этотъ приказъ остаточныя суммы, и отслуживъ свой годъ, представляли ему перечневые списки приходо-расходныхъ книгъ. О выдачѣ изъ палаты денегъ по требованію приказовъ и о другихъ важнѣйшихъ дѣлахъ указано было бурмистрамъ докладывать по воскресеньямъ самому государю.

О значеніи Бурмистрской палаты, какъ судебной инстанціи, мы ужь говорили; намъ остается только добавить, что кромѣ вышеисчисленныхъ дѣлъ, въ кругъ ея подсудности входило разбирательство по жалобамъ иноземцевъ на русскихъ купцовъ, которое прежде производилось Посольскимъ приказомъ [1]).

На Бурмистрскую палату, въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ, возложено было собирать свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи посадскихъ поселеній. Подчиненныя ей мѣста обязаны были доставлять вѣдомости объ оброчныхъ статьяхъ и о торговыхъ людяхъ: о томъ, какими промыслами они промышляютъ, какія подати платятъ и не причиняютъ ли имъ бѣломѣстцы обидъ и утѣсненій.

Но Бурмистрская палата не была только центральнымъ учрежденіемъ: она завѣдывала въ Москвѣ мѣстнымъ управленіемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ другихъ городахъ и уѣздахъ земскія избы [2]), съ тою только разницею, что въ Москвѣ, какъ въ столицѣ, соціальныя условія и требованія были сравнительно сложнѣе и шире, а потому и самая дѣятельность общины и бурмистровъ была многообразнѣе. Такъ какъ въ Москвѣ можно было допустить самостоятельную земскую полицію, то Московскіе торговые люди по ихъ челобитью были въ 1700 году изъяты изъ вѣдомства посылаемыхъ изъ Стрѣлецкаго приказа объѣзжихъ; отправленіе же полицейскихъ службъ, обыкновенно возлагаемыхъ на объѣзжихъ головъ, было возложено на выборныхъ старостъ и десятскихъ, которые прежде состояли въ распоряженіи объѣзжихъ [3]), тогда какъ въ другихъ городахъ смотрѣть за тѣмъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1674. 1683, 1686.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 1697.

[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 1787, 1689.

чтобы на посадѣ и въ уѣздѣ разбоя, татьбы и иного никакого воровства не было, учинено быть воеводамъ [1]). Забота объ охраненіи города отъ огня также была возложена по городамъ на воеводъ, въ распоряженіи которыхъ состояло по этому дѣлу извѣстное количество посадскихъ и служилыхъ людей. Мѣры, предписываемыя воеводскими наказами, въ видахъ береженія отъ пожаровъ, состояли въ запрещеніи топить въ лѣтнее время въ посадскихъ избахъ и баняхъ и ходить по ночамъ съ огнемъ; на крышахъ домовъ указывалось содержать кадки съ водою и вѣниками [2]). Въ Москвѣ пожарная полиція была организована въ особое учрежденіе еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Въ каждой улицѣ и переулкѣ для береженія отъ огня и отъ воровъ приписаны были рѣшетчатые приказчики и сторожа; отъ каждыхъ десяти дворовъ должны были являться на пожаръ по одному человѣку съ рогатинами, крюками и водоливными трубами [3]).

Такимъ образомъ, установившаяся форма сословно-общиннаго самоуправленія обладала свойствомъ растяжимости, необходимымъ условіемъ прочности учрежденія. Въ основаніи ея лежалъ широкій принципъ государственнаго тягла. Съ развитіемъ жизни расширялся и кругъ дѣлъ, которыя правительство, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, находило болѣе цѣлесообразнымъ „положить на крестьянскія души“ земскихъ людей.

Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ, какъ въ столицѣ, улицы были вымощены, и требовалось наблюдать за поддержаніемъ мостовой въ надлежащемъ видѣ и за содержаніемъ улицъ въ чистотѣ; поэтому въ 1709 году велѣно было выбрать во всѣхъ улицахъ и переулкахъ для досмотра помета и мостовыхъ бревенъ особыхъ десятскихъ; если противъ чьего-нибудь двора изъ мостовой будутъ бревна выломаны или покрадены или какой навозъ, мертвечина и пометъ явятся, то все это очищать и краденыя изъ мостовыхъ бревна замащивать хозяевамъ, противъ чьихъ дворовъ пометъ и краденыя бревна явятся; ослушниковъ въ первый разъ бить батогами, во второй тоже бить батогами и брать съ нихъ пени по 5 рублей, въ третій бить кнутомъ и брать пени по 10 рублей [4]).

Въ первый же годъ своего существованія Бурмистрская палата

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1738, ст. 16.

[2]) Смотри воеводскіе наказы.

[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 6, 1693.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 2225.

была переименована въ ратушу [1]). Подъ этимъ новымъ своимъ названіемъ Бурмистрская палата осталась вообще въ прежнемъ своемъ составѣ и при прежнемъ кругѣ вѣдомства [2]). Частныя измѣненія, состоявшія въ томъ, что тотъ или другой сборъ включался въ кругъ ея вѣдомства, или переходилъ изъ-подъ надзора ратуши въ подвѣдомственность другаго какого-либо центральнаго учрежденія, вытекали изъ такихъ же частныхъ соображеній и опредѣлялись случайнымъ и временнымъ расчетомъ.

Въ XVII вѣкѣ, какъ мы говорили въ предыдущей главѣ, къ приказамъ „для приказнаго строенія" приписывались города съ ихъ доходами или извѣстныя отрасли доходовъ. Съ учрежденіемъ Бурмистрской палаты положено было „гостей и гостинныя сотни и всѣхъ Московскихъ сотенъ и слободъ посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей и чернослободцевъ въ приказахъ судьямъ и приказнымъ людямъ, гдѣ они напередъ сего судомъ и всякими расправными и челобитчиковыми и купецкими дѣлами и службами и всякими поборы были вѣдомы.... впредь въ тѣхъ приказахъ не вѣдать"; но принятое начало ужъ и тогда, какъ кажется, не устраняло нѣкоторыхъ исключеній. Выборные списки земскихъ бурмистровъ указано было доставлять въ тѣ приказы, къ которымъ города были приписаны; слѣдовательно, связь иногородныхъ посадскихъ общинъ съ различными приказами не была окончательно разорвана.

Изъ указовъ 1701 и 1704 годовъ мы заключаемъ, что за Конюшеннымъ приказомъ, напримѣръ, остался доходъ съ городскихъ торговыхъ бань, который онъ отдавалъ на откупъ или предоставлялъ сбору бурмистровъ [3]). Начало полной независимости посадскихъ общинъ по отношенію къ приказамъ не выдерживалось и въ послѣдствіи. Въ 1700 году деньги на мощеніе улицъ въ Москвѣ, которыя прежде собирались ратушею, стали поступать въ Стрѣлецкій приказъ [4]). До 1707 года сборы съ мастеровыхъ и рабочихъ людей, съ лавочныхъ сидѣльцевъ, съ торговыхъ площадей, привальная и отвальная пошлина, пошлины съ продажи скота и кожъ, съ квасныхъ и уксусныхъ сусленыхъ промысловъ поступили во вновь учрежденную канцелярію медоваго сбора, а съ этого года стали собираться въ ратушу и отъ нея уже передались въ Ингерманландскую главную кан-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1718.
[2]) Полн. Собр. Закон. №№ 1731, 1819, 1865, 1922, 2220....
[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 1853, 1954.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 1789.

целярію [1]). Другіе приказы по старому вступались въ дѣла имъ не подвѣдомственныя и противозаконно взимали поборы, которые по закону состояли въ исключительномъ завѣдываніи ратуши. Такъ, въ 1705 году Курбатовъ доносилъ государю: „Десятыя деньги собираютъ мимо ратуши въ разныхъ приказахъ, отчего торговымъ людямъ не безъ утѣсненія“ [2]).

Однимъ словомъ, когда по челобитью Москвы и городовъ, велѣно было въ 1707 году стольникамъ, дворянамъ и подъячимъ осмотрѣть и переписать городскіе дворы, лавки и всякія ремесленныя заведенія съ показаніемъ доходности ихъ и тягла на нихъ лежащаго, то въ инструкціи, имъ данной, упоминается о доходахъ, которые шли съ этихъ дворовъ и оброчныхъ мѣстъ въ ратушу, и о другихъ, которые собирались приказами [3]).

Мы сказали выше, что Бурмистрская палата, по первоначальному плану этого учрежденія, была поставлена подъ контроль приказа Большой казны. Другихъ памятниковъ такого отношенія палаты къ приказу не сохранилось въ указахъ и законодательныхъ постановленіяхъ, собранныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. По первоначальному предначертанію, контрольныя средства приказа были ограничены формальною провѣркою перечневыхъ вѣдомостей, которыя подавались отслужившими свой годъ бурмистрами. Эта гарантія, очевидно, не въ состояніи была предохранить правительство отъ своекорыстныхъ уклоненій и нерадѣнія самостоятельно поставленныхъ органовъ самоуправленія торгово-промышленнаго состоянія въ дѣлѣ соблюденія государевыхъ выгодъ.

Въ 1705 году недостатокъ этотъ былъ пополненъ тѣмъ, что установлена была правительственная ревизія надъ самою ратушею въ формѣ особой центральной, непосредственно контролирующей должности инспекторовъ ратушнаго управленія. Къ отправленію этихъ должностей назначены были извѣстный государевъ прибыльщикъ, дьякъ Алексѣй Курбатовъ и другіе, поставленные ему въ товарищи. Инспекторамъ ратушскаго правленія поручена была ревизія ратуши „со всѣми ея околичностями“ и непосредственная провѣрка служебной дѣятельности выборныхъ сборщиковъ по городамъ. Если при этомъ кто-либо изъ бурмистровъ оказывался неблагонадежнымъ, то имъ предписано было приставлять къ нимъ „кого-нибудь, дабы за оными смотрѣть

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2128.
[2]) Исторія Россіи Соловьева. Т. XVI, стр. 6.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 2150.

могъ". Кромѣ того, на инспекторовъ была возложена обязанность изыскать, на сколько могутъ быть увеличены окладные доходы съ торгово-промышленныхъ общинъ, безъ особаго отягощенія для народа. Составивъ на основаніи собранныхъ данныхъ новые прибыльнѣйшіе для правительства противу прежнихъ оклады, они должны были сдать ихъ за роспискою земскимъ бурмистрамъ, а тѣ, въ свою очередь, обязаны были обложить всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ посадскихъ и уѣздныхъ людей новымъ окладомъ [1]).

Для надсмотра за прибыльными сборами Архангельской таможни, одинъ изъ инспекторовъ ратушнаго правленія обязанъ былъ присутствовать въ Архангельскѣ въ теченіе ярмарки [2]).

Нѣсколько выписокъ изъ донесеній Курбатова, которыя мы приводили выше, достаточно указываютъ на жалкое положеніе ратушнаго вѣдомства, въ какомъ онъ его нашелъ.

Если и Курбатовъ дозволялъ себѣ произвольно пользоваться государевымъ прибыткомъ на томъ основаніи, что онъ преувеличился его личнымъ трудомъ, то это только указываетъ на низкій уровень нравственныхъ понятій того времени.

Не смотря на такую узость понятій, онъ честно радѣлъ о государственной прибыли, смѣло вступалъ изъ-за нея въ борьбу съ сильными людьми и своимъ неусыпнымъ стараніемъ значительно преувеличилъ государеву казну.

Такъ, въ 1706 году, извѣщая государя о воровствѣ Псковичей Никифора Ямскаго и Михаила Супрунова, онъ писалъ: „Нынѣ въ такихъ ихъ воровствахъ и противствахъ велѣно сыскать о нихъ Кириллѣ Алексѣевичу Нарышкину, который во многихъ взяткахъ съ нихъ самъ прилпченъ и во всемъ имъ дружитъ какъ онъ сыскать можетъ истину? Умилосердись, Государь, не вели ему ни въ чемъ ихъ вѣдать".

Съ учрежденіемъ губернаторовъ онъ не упускалъ обличать и ихъ въ нерадѣніи и воровствѣ, дѣятельно преслѣдовалъ корчемство и изыскивалъ новые источники государственныхъ доходовъ. Такое радѣніе государева прибыльщика сильно не нравилось ратушному правленію. „Которые при мнѣ и бургомистры есть", жаловался Курбатовъ, „ей малое отъ нихъ имѣю помоществованіе, понеже видя они мое усердіе, что я много усмотрѣлъ точію за иными, но и за ними, мало за сіе мя любятъ, и лучшій Панкратьевъ однажды или дважды въ недѣлю

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2028.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2030.

побиваетъ въ ратушѣ, а въ банкетахъ по вся дни, а я бѣдный ей ей, государь, едва не всѣмъ управляю своею головою" [1]). Это доказываетъ, что если необузданность произвола и самоуправство составляли наслѣдственную болѣзнь Русскаго государства, то совершенное исключеніе личнаго приказнаго элемента изъ государственнаго управленія далеко не было средствомъ къ искорененію зла. Напротивъ того, необходимость его становится тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ болѣе дается мѣста развитію другихъ, столь же необходимыхъ элементовъ земской общинной автономіи и коллегіальности.

Мы можемъ прослѣдить существованіе ратуши, какъ центральнаго учрежденія, до 1710 года. Прямаго указа объ ограниченіи круга ратушнаго вѣдомства нѣтъ, и вѣроятно не было. Это подало поводъ нашему извѣстному юристу-историку Неволину несправедливо предположить, что онъ былъ ограниченъ учрежденіемъ коллегій [2]).

Мы, напротивъ того, полагаемъ, что рѣшительнымъ моментомъ въ судьбахъ ратуши было не учрежденіе коллегій, а раздѣленіе Россіи на губерніи. Ратуша утратила свое значеніе центральнаго учрежденія гораздо раньше устройства коллегій. Въ 1709 году указомъ 14-го марта всѣмъ воеводамъ, бурмистрамъ и приказамъ предписано было составить окладныя книги денежныхъ и хлѣбныхъ водатей и всякихъ другихъ окладныхъ сборовъ и доставить ихъ „безъ задержанія новопоставленнымъ губернаторамъ", дабы они противъ посланныхъ имъ росписей городъ со всякими дѣлами и сборами конечно могли принять съ будущаго 1710 года [3]).

Указъ 9-го января слѣдующаго года подтвердилъ это предписаніе по отношенію къ приказамъ, ратушѣ и Ижорской канцеляріи, поставивъ имъ въ непремѣнную обязанность немедленно сообщить губернаторамъ вѣдомости окладныхъ и неокладныхъ доходовъ каждаго города, а этимъ послѣднимъ указано было по доставленнымъ свѣдѣніямъ составить общую вѣдомость доходовъ съ цѣлой губерніи [4]). Затѣмъ вѣдомости о всякихъ приходахъ и расходахъ каждой губерніи и Московской ратуши велѣно было доставлять каждую треть въ ближнюю канцелярію [5]), а когда былъ учрежденъ сенатъ, то „подлиннаго ради вѣдѣнія и разсмотрѣнія о ненужныхъ и напрасныхъ въ губерніяхъ

---

[1]) См. у Соловьева I и III гл. XVI тома его исторіи.
[2]) Полн. собр. соч. К. Неволина VI, стр. 231.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 2227.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2244.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2270.

расходахъ", указано было подлинныя книги окладныхъ и неокладныхъ доходовъ съ 1710 года прислать въ канцелярію сената; ратуша съ своей стороны должна была доставить въ сенатъ вѣдомость о сборахъ таможенной пошлины со времени ея учрежденія до 1711 года [1]. Впредь указано было губернаторамъ Московской губерніи подавать въ сенатъ вѣдомости о питейной продажѣ, таможенномъ сборѣ и другихъ доходахъ ежемѣсячно [2], а губернаторамъ другихъ губерній доставлять туда же приходо-расходные отчеты по третямъ [3].

Въ 1714 году послѣдовало новое распоряженіе: указано было всѣ приказы и канцеляріи, ратушу, губерніи, денежные дворы и соляной сборъ въ приходахъ и расходахъ считать въ ближней канцеляріи, для чего всѣ эти учрежденія, а изъ губерній губернаторы должны были доставлять туда третныя и годовыя вѣдомости [4].

Свѣдѣнія о приходѣ въ Архангельскій портъ кораблей и о привезенныхъ ими товарахъ „и все противъ того жъ какъ прежде присылано въ ратушу" съ 1711 года велѣно было доставлять въ канцелярію правительствующаго сената, и эта обязанность возложена была на Архангельскаго вице-губернатора [5]. Какъ прежде изъ ратуши, такъ теперь изъ сената стали посылаться послушныя памяти къ иногороднымъ бурмистрамъ [6]. Наконецъ, торговымъ людямъ на обиды и притѣсненія въ торговыхъ дѣлахъ указано было жаловаться не въ ратушу, какъ было по старому, а прямо въ сенатъ, а когда учреждены были ландраты, то жалобы на нихъ и бурмистровъ велѣно было подавать губернатору [7]. Однимъ словомъ, ратуша утратила свое значеніе самостоятельнаго центральнаго учрежденія; всѣ дѣла, ей нѣкогда подвѣдомственныя въ этомъ отношеніи, перешли въ кругъ вѣдомства губернаторовъ, общаго правительственнаго учрежденія сената и ближней канцеляріи, и хотя мы и послѣ того встрѣчаемъ въ памятникахъ того времени упоминанія о Московской ратушѣ, но всякій разъ только въ значеніи мѣстнаго управительнаго органа Московской губерніи, а не общегосударственнаго учрежденія [8]. Она продолжала только по прежнему собирать присылаемые изъ губерній доходы и

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2349.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2369.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 2456.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2763.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2409.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 2375.
[7]) Полн. Собр. Закон. № 2382.
[8]) Полн. Собр. Закон. №№ 2472, 2610, 2611.

провѣрять представленные бурмистрами отчеты [1]). Во всемъ остальномъ Московская ратуша снизошла въ положеніе всѣхъ другихъ земскихъ избъ, которыя стали также именоваться ратушами.

Торгово-промышленные и посадскіе люди по прежнему продолжали судиться своимъ судомъ, по прежнему сборомъ податей и отправленіемъ служебныхъ и иныхъ повинностей, на нихъ возложенныхъ, продолжали завѣдывать выбранные ими же бурмистры и другіе сборщики и раскладчики; но между центральною правительственною властью и самоуправляющимися общинами установлена была новая посредствующая инстанція губернаторовъ [2]). Съ учрежденіемъ губернаторовъ непосредственное отношеніе земскихъ избъ къ центральнымъ установленіямъ Москвы прекращается. Контролирующая и надзирающая власть правительственныхъ агентовъ переносится изъ столицы въ губерніи.

Такое преобразованіе состояло въ связи съ введеніемъ постояннаго войска. Пока русское войско составлялось изъ ополченій, собиравшихся только въ случаѣ надобности защищать страну или идти на кого-либо войною, необходимыя средства для покрытія издержекъ снаряженія арміи собирались также по мѣрѣ надобности экстраординарнымъ поборомъ, постояннаго же фонда на содержаніе военной силы не требовалось; но когда Петръ создалъ постоянное войско, то на вооруженіе, обмундированіе и прокормленіе его необходимо стало ассигновать опредѣленный и постоянный источникъ доходовъ.

Подобно тому, какъ въ прежнее время постоянные расходы приказнаго вѣдомства покрывались доходами городовъ, къ приказу приписанными, такъ и теперь содержаніе полковъ было возложено на губерніи, между которыми они были распредѣлены, и на главнаго начальника всѣхъ состоящихъ при губерніи полковъ, наименованнаго губернаторомъ, возложена была обязанность „о денежныхъ сборахъ и всякихъ дѣлахъ присматриваться и для доношенія Ему Великому Государю о тѣхъ губерніяхъ готовымъ быть, гдѣ онъ, Великій Государь, укажетъ" [3]).

Назначеніемъ губернаторовъ правительство не только не имѣло въ виду ограничить общинную автономію торгово-промышленныхъ людей, но даже допустило соучастіе земства въ управленіи губернаторскомъ. Еще въ 1702 году воеводамъ предписано было вѣдать всякія дѣла „съ дворянами и тѣхъ городовъ помѣщиками знатными и добрыми".

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3294. ст. 5, 18.

[2]) Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 10.

[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 2443, 2474, 2475, 2216.

Съ учрежденіемъ губернаторовъ это соучастіе дворянства приняло форму коллегіальнаго установленія ландратовъ, въ которомъ губернаторъ былъ только президентомъ [1])

Эта коллегія съ предсѣдательствующимъ губернаторомъ во главѣ, до учрежденія центральныхъ коллегій, имѣла характеръ децентрализованныхъ высшихъ административныхъ учрежденій. Губернаторы, одинаково съ приказами, состояли въ непосредственномъ подчиненіи верховному правительствующему учрежденію — сенату, который былъ установленъ объединяющимъ правительственнымъ центромъ и посредствующимъ звеномъ между царемъ и администраціей [2]).

Главнымъ назначеніемъ губернатора былъ контроль и попечительный надзоръ за ходомъ губернскаго управленія, возложеннаго тягломъ на земскія корпораціи торгово-промышленныхъ людей и на обязанность особыхъ органовъ, установленныхъ для завѣдыванія отдѣльными частями губернской администраціи.

Предположивъ перенести административные центры изъ столицы въ губерніи, Петръ установилъ правила отчетности губернскихъ властей передъ высшимъ правительственнымъ и объединяющимъ центромъ—сенатомъ; но этого было недостаточно: требовалось еще, чтобы въ каждой губерніи существовали органы непосредственнаго правительственнаго надзора, которые не только не подавляли бы самодѣятельности земскихъ классовъ, а напротивъ, восполняли бы значеніе земскаго самоуправленія, какъ начала, ограничивающаго произволъ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ.

Губернаторы, весьма естественно, нисколько не были добросовѣстнѣе воеводъ. „Въ ратушѣ, Государь, собрано моимъ усердіемъ изъ доходовъ прошедшихъ лѣтъ денегъ тысячъ со сто рублей", писалъ Курбатовъ. „Изъ губерній ратушскихъ сборовъ прошедшихъ лѣтъ въ ратушѣ въ присылкѣ самое малое число, тако же и бурмистровъ къ отчету да повелитъ Ваше Величество повторить о томъ именными указами. Премногія тысячи доимочныхъ денегъ довлѣетъ быть въ сборѣ, въ томъ числѣ съ двухъ городовъ точію, съ Астрахани и съ Казани, со 150.000 рублевъ. Ничего Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ не присылаетъ, а сказывалъ самъ, что у него въ Астрахани тѣхъ денегъ есть въ сборѣ тысячъ съ 70, а въ ратушу прислано отъ него въ три года только 10.000 рублевъ".

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1900, 2673, 2762.

[2]) См. диссертацію г. Градовскаго: «Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генералъ-Прокуроры» стр. 73 и слѣд.

Въ именномъ указѣ, данномъ сенату 5-го марта 1711 года, велѣно было выбрать оберъ-фискала, а ему „тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, тако жь въ сборѣ казны и прочаго и кто неправду учинитъ, того онъ обязанъ позвать передъ сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить; и буде уличитъ кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу; буде же не уличитъ, отнюдь фискалу въ вину не ставить, ниже досадовать подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія". Органами оберъ-фискальскаго надзора указано было быть провинціаль-фискаламъ, которымъ усвоивалась та же власть какъ и оберъ-фискалу, „кромѣ одного, что вышняго судью и генеральнаго штаба на судъ безъ оберъ-фискала позвать не могутъ". Такихъ фискаловъ предполагалось имѣть по одному у каждаго дѣла, то-есть, при каждомъ органѣ провинціальной администраціи [1]).

При оберъ-фискалѣ установлено было четыре фискала и въ томъ числѣ два изъ купечества „которые бы могли купеческое состояніе тайно вѣдать"; по этому же образцу и при провинціалъ-фискалахъ, состоявшихъ у губернаторскаго правленія, указано было быть также четыремъ фискаламъ и въ каждомъ городѣ особымъ городскимъ фискаламъ.

Указъ 17-го марта 1714 года опредѣляетъ такъ кругъ вѣдомства оберъ-и провинціалъ-фискаловъ съ ихъ товарищами: „Дѣйствіе же ихъ сіе есть взысканіе всѣхъ безгласныхъ дѣлъ, то-есть: 1) Всякія преступленія указамъ; 2) Всякія взятки и кражу казны, и прочее, что ко вреду государственному интересу быть можетъ.... 3) Тако же и прочія дѣла народныя, за которыхъ нѣтъ челобитчика".... По всѣмъ такимъ дѣламъ фискаламъ надлежало провѣдывать, доносить и призывать на судъ лицъ, подлавшихъ обвиненію. Непосредственно вступаться въ какія-либо дѣла имъ было воспрещено подъ страхомъ наказанія. Фискалы о всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ надсмотру, доводили до свѣдѣнія оберъ-фискала, а въ важныхъ случаяхъ докладывали самому царю. Городовые фискалы доносили о всѣхъ дѣлахъ городскимъ комендантамъ; если коменданты по донесенію фискала не производили розыска, то фискалъ обязанъ былъ писать о томъ провинціалъ-фискалу, который передавалъ дѣло на судъ губернатора, „а буде губернаторъ розыскъ чинить будетъ неправый же, или самъ впадетъ въ какое погрѣшеніе и о томъ провинціалъ-фискалу писать къ оберъ-фискалу съ товарищи, а ему доносить въ сенатъ".

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2331.

Безусловная безнаказанность фискальскихъ доносовъ была нѣсколько ограничена, а именно, установлено было, что въ случаѣ совершенной несправедливости его обличеній, если при этомъ обвиненный не уличитъ его въ томъ, что онъ донесъ изъ корысти или по злобѣ, фискалъ подвергался легкому штрафу, дабы впредь доносилъ съ большимъ осмотрѣніемъ; въ случаѣ же доказанной предумышленности, подлежалъ тому же наказанію, какое было бы присуждено обвиненному, еслибъ онъ оказался виноватымъ.

Провинціалъ-фискалъ обязанъ былъ ежегодно объѣзжать губернію и надсматривать за городовыми фискалами, и тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались нерадивыми къ исполненію своихъ обязанностей, смѣнять вновь выбранными изъ дворянъ и купцовъ.

Хотя такимъ образомъ составъ фискальнаго вѣдомства и пополнялся изъ земства, но личныя выгоды, связанныя съ выполненіемъ служебныхъ обязанностей, возложенныхъ на фискаловъ, побуждали ихъ соблюдать и интересъ правительственный. Изъ штрафныхъ денегъ по дѣламъ, возникшимъ по обвинительной инниціативѣ фискала, половина иска шла въ казну, изъ другой одну часть получалъ фискалъ, возбудившій дѣло, а другая дѣлилась между всѣми фискалами губерніи и оберъ-фискаломъ [1]).

Мы видимъ, что по идеѣ въ должности фискала въ одномъ лицѣ соединялся блюститель правительственныхъ и охранитель земскихъ интересовъ. Этотъ двойственный характеръ учрежденія выразился въ томъ, что фискалы назначались изъ среды земства и въ то же время ихъ личный интересъ былъ тѣсно связанъ съ видами и интересами правительства.

Съ другой стороны, по непосредственной связи своей съ оберъ-фискаломъ, который относился прямо въ сенатъ, фискалы представляли собою общегосударственное учрежденіе, но въ то же время, доводя всякія дѣла прежде всего до свѣдѣнія комендантовъ и губернаторовъ, они являлись и органами губернской администраціи.

Этотъ новый институтъ противорѣчилъ всѣмъ преданіямъ русской старины и возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть. Искони соединяя съ понятіемъ власти идею активнаго произвола, Русскіе того времени не могли понять пассивнаго значенія должности фискала, и равнодушно относясь къ дѣламъ, возбужденнымъ обвинительною инниціативой фискаловъ, отказывались признать за ними права, усвоенныя имъ закономъ.

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2786.

Безнаказанность фискаловъ въ случаѣ несправедливыхъ поклеповъ также была несогласна съ убѣжденіями народа о справедливости. Этотъ именно взглядъ выраженъ былъ Стефаномъ Яворскимъ въ его проповѣди 17-го марта 1712 года. „Законъ Господень", говорилъ мѣстоблюститель патріаршаго престола, „непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны; а какой то законъ, напримѣръ, поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю кого хочетъ обличити да обличитъ, кого хочетъ обезчестити да обезчеститъ; а хотя того не доведетъ, о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то за вину не ставитъ, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему; не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня взложилъ, а не довелъ, пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ онъ". Племянниковъ называлъ фискаловъ уличными судьями, а князь Яковъ Өедоровичъ честилъ ихъ антихристами и плутами [1]).

Въ 1714 году, какъ мы сказали, безнаказанность фискальскихъ доносовъ была ограничена, но уваженіе къ фискальской должности отъ этого не возвысилось.

Въ 1719 году оберъ-фискалъ Алексѣй Нестеровъ доносилъ юстицъ-коллегіи, что изъ многихъ дѣлъ, возбужденныхъ его донесеніями, „по многимъ указу и рѣшенія не учинено, а по которымъ немногимъ и рѣшеніе есть, и по тѣмъ казны и штрафовъ не отыскано, а дѣлъ и помѣщеніе казны усмотрѣно много и пропадаютъ напрасно, отъ чего и фискальскому дѣйству ясности прямой не показано". Далѣе пишетъ онъ, что въ губерніяхъ по доносамъ провинціалъ-фискаловъ „рѣшенія не чинятъ, въ чемъ есть фискальнымъ дѣламъ превеликая волокита и остановка, и казны штрафы напрасно пропадаютъ". Причина такого пренебреженія къ дѣламъ, возникшимъ по обвиненіямъ фискаловъ, заключалась въ „укорительномъ подозрѣніи тѣхъ виноватыхъ", какъ выражался оберъ-фискалъ, „*якобы фискальство ничто суть*". Объ этомъ „укорительномъ подозрѣніи" Нестеровъ не разъ доводилъ до свѣдѣнія сената. Неоднократно и сенатъ подтверждалъ, чтобы „чинилось рѣшеніе по фискальнымъ дѣламъ", но указы его продолжали не выполняться [2]).

Съ учрежденіемъ коллегій институтъ фискаловъ нѣсколько измѣняется: изъ всей массы фискаловъ выдѣляются съ одной стороны фискалы, имѣющіе судебное значеніе, какъ преслѣдователи преступленій

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 239 и 233.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3280.

и безгласныхъ дѣлъ, подчиненные юстицъ-коллегіи, а съ другой блюстители государственныхъ интересовъ земскіе фискалы, подчиненные камеръ-коллегіи [1]); но пренебреженіе къ должности фискаловъ продолжало оставаться въ прежней силѣ. Въ доносеніи оберъ-фискала въ 1720 году повторяются прежнія жалобы на то, что „надворныхъ судовъ судьи прилежнаго радѣнія и рѣшенія по фискальнымъ доносамъ и обличеніямъ не чинятъ, но токмо откладываютъ день отъ дня, поступаютъ къ фискаламъ съ непріятными выговоры, что де у нихъ и опричъ фискальныхъ дѣлъ, есть дѣла, въ томъ есть фискаламъ печальное подозрѣніе, а отъ обличенныхъ и укоризны, якобы фискальство ничто суть“ [2]). Самъ Петръ долженъ былъ сознать, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ“.

Итакъ, въ дѣйствительности учрежденіе фискаловъ прежде всего встрѣчало преграду въ рѣшительномъ отвращеніи къ этой должности правительственныхъ агентовъ. Это отвращеніе возбуждалось, очевидно, не одною несправедливостью безнаказанности доносовъ, такъ какъ со времени указа 1714 года фискалъ рисковалъ самъ отвѣтственностью въ случаѣ злоумышленныхъ и несправедливыхъ поклеповъ. Причина нелюбви къ этому установленію заключалась, кромѣ того, въ предубѣжденіи, „якобы фискальство ничто суть“, и въ стѣснительности положенія, въ какое поставлены были активные представители власти тѣмъ, что надъ ними были поставлены постоянные надсмотрщики. Вспомнимъ, что на такую же всеобщую нелюбовь жаловался инспекторъ ратушскаго правленія Курбатовъ. Вторымъ препятствіемъ къ плодотворному осуществленію учрежденія фискаловъ была все та же нравственная несостоятельность общества, съ которою такъ много приходилось бороться великому преобразователю. Людей, которымъ правительство могло бы довѣрить охраненіе своихъ и земскихъ интересовъ, на которыхъ можно было бы въ этомъ отношеніи положиться, далеко не ставало на пополненіе многосложнаго учрежденія фискаловъ. Несторовъ, въ то время еще фискалъ, жалуясь на Московскихъ фискаловъ, добавляетъ: „а въ другихъ губерніяхъ и спрашивать ужъ нечего, многіе фискалы по городамъ ничего не смотрятъ и ни съ кѣмъ оступы принять не хотятъ; добились чрезъ оберъ-фискала своихъ мѣстъ, чтобы отбыть службы и посылокъ и живутъ какъ сущіе тунеядцы въ своихъ деревняхъ; я положилъ на нихъ штрафы, а оберъ-фискалъ сложилъ потому, что у нихъ общая дворянская ком-

---

[1]) Градовскаго «Высшая администрація Россіи XVIII ст.» стр. 85.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3602.

панія, а я между ними замѣшался одинъ только съ сыномъ моимъ, котораго обучаю фискальству" [1]).

Въ 1712 году Несторовъ былъ назначенъ оберъ-фискаломъ, и ревностная дѣятельность его въ этомъ званіи доказала, какъ могло бы быть полезно въ то время учрежденіе фискальства при лучшемъ его личномъ составѣ.

Таковы были результаты стремленій Петра согласить требованія автономическаго положенія торгово-промышленнаго состоянія съ требованіями правительственнаго надзора и контроля.

Прослѣдивъ перемѣны, какія воспослѣдовали въ устройствѣ общиннаго самоуправленія посадскихъ людей отъ 1699 года до установленія коллегій, обратимся теперь къ судьбамъ торгово-промышленнаго состоянія въ этотъ промежутокъ времени.

Въ кругъ этого состоянія входили всѣ посадскіе, чернослободцы и уѣздные люди поморскаго края, вообще всѣ государевы крестьяне, за исключеніемъ дворцовыхъ, или лучше, все торгово-промышленное населеніе края [2]).

Поэтому если и въ границахъ дворцоваго вѣдомства оказывались крестьяне, промышлявшіе торговлею и промысловыми оборотами, то ихъ указано было приписывать тягломъ къ городу [3]).

Успѣхи торгово-промышленнаго развитія побудили правительство нарушить принципъ крѣпостной замкнутости крестьянскаго состоянія и допустить помѣщичьихъ крестьянъ къ занятію городскими промыслами подъ условіемъ приписки къ посадскому тяглу. Всѣхъ владѣльческихъ людей, которые имѣли по городамъ лавки и промыслы „и тѣмъ у посадскихъ людей промыслы отнимали", велѣно было „взять въ посады", а который изъ помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ не захочетъ быть въ тяглѣ, тому впредь велѣно было въ лавкѣ не торговать и промысловъ не держать, а жить за своимъ помѣщикомъ; но тѣхъ изъ владѣльческихъ людей, которые торговали оптомъ привознымъ товаромъ и не имѣли за собою въ городѣ постоянныхъ лавокъ и промышленныхъ заведеній, указано было въ посадъ не принимать [4]).

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева. XVI, стр. 241.

[2]) Полн. Собр. Закон. №№ 1715, 1737, 17 ст.: «А посадскихъ и торговыхъ и всякихъ промышленныхъ людей въ сборѣ великаго государя всякихъ доходовъ и межъ ими въ расправныхъ всякихъ дѣлахъ велѣно вѣдать выборнымъ ихъ городовымъ бурмистрамъ».

[3]) Полн. Собр. Закон. № 1718.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 1723.

Что касается бѣломѣстцевъ, то они, не смотря на запрещеніе, продолжали торговать по прежнему, и правительству оставалось только заботиться о томъ, чтобы взыскивать съ нихъ торговъ узаконенныя пошлины, что и ставилось въ обязанность земскимъ бурмистрамъ. Не разрѣшая наложеннаго на служилыхъ людей запрещенія промышлять городскими промыслами, оно такимъ образомъ косвенно допускало нарушенія закона, предупредить и остановить которыя было не въ состояніи [1]).

Только въ 1709 году велѣно было, для пополненія купечества, приписать къ посаду тѣхъ изъ бѣломѣстцевъ, которые торговали въ Москвѣ на сумму во сто и болѣе того рублей, а кто изъ нихъ въ таглу приписаться не захочетъ, съ тѣхъ брать промысловый оброкъ въ количествѣ, соразмѣрномъ съ промысловою податью, платимою посадскими людьми [2]).

Въ 1711 году предложено было сенату разсмотрѣть, возможно ли допустить, чтобы торговлею могли промышлять лица всякаго званія, и если къ тому не существуетъ никакихъ препятствій, разрѣшить свободный торгъ съ платою установленныхъ пошлинъ [3]). Сенатъ рѣшилъ сдѣлать запросъ торговымъ людямъ, не будетъ ли имъ убыточно, если право заниматься торговлею будетъ распространено на людей всякаго званія, и „буде подлинно купецкимъ людямъ никакого препятствія и обиды въ торговыхъ ихъ промыслахъ не будетъ", — привести Высочайшій указъ въ исполненіе и взимать подать съ лицъ, не принадлежавшихъ по своему званію къ таглому состоянію противъ ихъ торговъ [4]). Петръ остался недоволенъ такимъ рѣшеніемъ: „не такъ поступили вы и въ позволеніи торговать всѣмъ чинамъ", писалъ онъ имъ, „ибо вовсе не нужно было спрашивать торговыхъ людей, не будетъ ли отъ этого имъ убытку? Развѣ могутъ они сказать, что не будетъ убытка?" [5]).

Разрѣшеніе лицамъ всякаго званія торговать въ Москвѣ розничнымъ торгомъ послѣдовало въ 1714 году. Сенатскимъ указомъ 4-го февраля этого года предписано было всѣмъ бѣломѣстцамъ и всякимъ владѣльческимъ крестьянамъ, торгующимъ въ Москвѣ розничнымъ торгомъ, отбывать всѣ тягости посадскаго состоянія, исключая зем-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1674, 1675.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 2220.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 2327.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 2349.

[5]) Голикова — Дѣянія Петра Великаго. XII, стр. 415.

скихъ службъ. Дворцовые и помѣщичьи крестьяне оставались при этомъ въ своемъ прежнемъ званіи и къ посадскому состоянію не причислялись. „А быть имъ дворцовымъ въ дворцовыхъ волостяхъ, а помѣщиковымъ за помѣщиками во крестьянствѣ по прежнимъ крѣпостямъ и всякіе помѣщиковы доходы платить въ равенствѣ съ своею братіею крестьяни" [1]).

Это положило начало тому, что классъ торгово-промышленныхъ людей, составлявшій прежде одно особое состояніе, легально распался на тяглыхъ государевыхъ людей, подлежавшихъ вѣдѣнію бурмистровъ, и торговцевъ-промышленниковъ, которые по своему званію не причислялись къ тяглому состоянію посадскихъ и чернослободцевъ. Занятіе городскими промыслами перестало быть исключительною привилегіей послѣдняго.

Возложивъ на тяглое торгово-промышленное состояніе обязанность общиннаго посадскаго и чернослободскаго самоуправленія, значеніе котораго заключалось въ томъ, что вольнымъ государевымъ людямъ подъ гарантію ихъ круговой отвѣтственности довѣрено было самостоятельно отбывать налагаемое на нихъ тягло, правительство озаботилось поддержать и еще болѣе утвердить значеніе и силу этого состоянія.

Всѣхъ тяглыхъ людей ратушскаго вѣдомства, которые со времени учрежденія ратуши перешли въ служилые люди или записались въ дворцовые или владѣльческіе крестьяне, указывалось снова приписывать къ посадскому тяглу „и впредь въ такіе чины такихъ людей не принимать, ради того, дабы отъ того тяглые люди въ слободахъ не умалились, и отъ напраснаго излишняго платежа за обывателей не разорились, и его Государевымъ податямъ умаленія не учинилось" [2]).

Въ указѣ о единонаслѣдіи мы видимъ, что новый порядокъ наслѣдованія былъ установленъ, между прочимъ, и въ видахъ размноженія торгово-промышленнаго состоянія. Въ числѣ аргументовъ, приведенныхъ въ этомъ указѣ въ доказательство превосходства майоратства въ наслѣдованіи недвижимыхъ имуществъ, указывается на то, что младшіе члены фамилій „не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ".

Препятствіемъ къ переходу кадетовъ дворянскихъ семействъ въ купеческій чинъ могли быть сословные предразсудки дворянства, и правительство, желая пополнить промышленное состояніе такими каде-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2770.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 2220.

тами, предприняло зависящія отъ него мѣры къ устраненію этого препятствія. Въ виду этого указъ предписывалъ не ставить перехода изъ дворянства въ купечество ни въ какое безчестіе ни переходящимъ, ни ихъ роду, ни словесно, ни письменно [1]).

Указъ о единонаслѣдіи распространенъ былъ и на посадскихъ людей. Дворъ и лавка переходили къ первородному; но такъ какъ при этомъ движимость, то-есть, капиталъ, въ которомъ заключается все значеніе промышленныхъ людей, шелъ въ раздѣлъ между прочими сонаслѣдниками, то мѣра, предпринятая вообще въ видахъ возвысить благосостояніе податнаго класса для того, „чтобы государевы доходы были справнѣе“, не могла содѣйствовать усиленію тяглаго промышленнаго состоянія въ частности.

Распространеніе правилъ единонаслѣдія въ дворянскихъ имуществахъ на переходъ наслѣдства послѣ смерти лицъ торгово-промышленнаго состоянія было впрочемъ не болѣе какъ недосмотромъ. Поземельныя отношенія посадскихъ и слободскихъ тяглецовъ къ правительству стали при Петрѣ Великомъ различаться отъ отношеній по промыслу. Условная связь тягла съ владѣніемъ опредѣленнымъ поземельнымъ участкомъ была нарушена еще въ 1682 году указомъ, предписавшимъ тѣхъ изъ посадскихъ, которые перешли изъ одного города въ другой до новой переписи, на старыя ихъ мѣста не сводить, а быть имъ въ тяглѣ по мѣсту жительства [2]).

При Петрѣ отношенія по состоянію стали совершенно независимы отъ отношеній поземельныхъ. Подати по прежнему раздѣлялись на постоянныя, лежавшія на тяглыхъ людяхъ постояннымъ окладомъ, и временныя, взимаемыя по мѣрѣ надобности. За норму послѣдняго рода сборовъ былъ принятъ для торговыхъ и посадскихъ людей окладъ промысловый въ десять денегъ съ рубля [3]). Въ послѣдній разъ временный поборъ былъ взысканъ съ посадскихъ людей въ формѣ подворной подати, какъ кажется, въ 1705 году [4]). Съ тѣхъ поръ только постоянная окладная подать оставалась подворною [5]), всѣ же другія стали взиматься съ промысловъ торговыхъ людей. Когда къ торгамъ были допущены всякихъ чиновъ люди, то и они, независимо отъ мѣ-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2789. III. I. 15.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 980.
[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 2246, 2837, 3243.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2121.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2707.

ста своего поселенія, стали подлежать этой промысловой подати, которая получила общее названіе десятой деньги [1]).

Еще задолго до введенія подушной подати начали исчезать слѣды существованія вольныхъ гулящихъ людей; они были уравнены обязанностью платить постоянныя подати съ тяглыми владѣльцами поземельныхъ участковъ, и такимъ образомъ матеріальная ихъ зависимость отъ окрѣпшаго государства выразилась наконецъ формально.

Въ 1704 году изданъ былъ указъ, чтобы всѣ мастеровые и гулящіе люди, торгующіе по площадямъ различными товарами въ разносъ, ежегодно являлись для внесенія ихъ въ особый списокъ въ Москвѣ въ Семеновскую канцелярію медоваго сбора, а въ городахъ къ воеводамъ. За внесеніе ихъ въ этотъ списокъ положено было брать съ плотниковъ, кременныхъ бойцовъ, каменьщиковъ, сапожниковъ и иныхъ всякихъ мастеровыхъ людей по двѣ гривны въ годъ, а съ такихъ работниковъ, которые кормились черною работой по найму — по два алтына въ годъ съ человѣка [2]). Въ слѣдующемъ году послѣдовало новое распоряженіе брать съ торговыхъ людей, которые сидятъ въ лавкахъ и торгуютъ отпускными товарами, въ годъ по 16-ти алтынъ и 4 деньги; съ хлѣбниковъ и калачниковъ — съ хозяевъ по 10-ти алтынъ, а съ ихъ работниковъ по 3 алтына и 2 деньги [3]). Наложеніе такого сбора находится, очевидно, въ связи съ обложеніемъ постояннымъ поборомъ торговцевъ носчими товарами. Правительство особенно нуждалось въ то время въ деньгахъ, и разъ остановившись на мысли обложить гулящихъ людей постоянною податью въ формѣ сбора за право заниматься извѣстнымъ промысломъ, примѣнило эту подать и къ лавочнымъ торговцамъ. Оно пользовалось всякимъ предлогомъ открыть новые источники доходовъ. „Денегъ какъ возможно собирать", предписываетъ Петръ сенату, „понеже деньги суть артеріею войны".

Эта нужда въ деньгахъ особенно тяжело отзывалась на торговопромышленномъ состояніи. Еще на соборахъ, какъ мы видѣли, заявлялся взглядъ на купеческихъ людей, какъ на состояніе, по преимуществу обязанное доставлять денежныя средства на содержаніе войска. Обязанность эта была тягломъ торгово-промышленныхъ людей, какъ служба государству — тягломъ служилаго состоянія, а работа на помѣщика крестьянскимъ тягломъ.

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1916, 1975, 2076, 2774.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 1972.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 2084.

„Купечество воинству товарищъ“, говорилъ Посошковъ; „воинство воюетъ, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ. И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: якобы душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ“ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ воеводы были устранены отъ вмѣшательства въ общинныя дѣла торгово-промышленнаго состоянія, которое избавлено было такимъ образомъ отъ произвольныхъ воеводскихъ поборовъ, правительство находило возможнымъ и цѣлесообразнымъ усилить податной сборъ съ него.

Подобно тому, какъ во времена царя Ивана Васильевича для общинъ, отъ которыхъ намѣстники и волостели были отставлены, обязанность намѣстничьихъ кормовъ замѣнена была обязанностью выплачивать опредѣленный оброкъ, такъ и въ 1699 году, избавивъ посадскихъ и торговыхъ людей отъ подвѣдомственности воеводамъ, правительство потребовало отъ нихъ, чтобъ они съ этого времени выплачивали окладныя подати въ двойномъ размѣрѣ. Изъ этого мы можемъ заключить, какъ велики были воеводскіе поборы и по достоинству оцѣнить значеніе Петрова преобразованія.

Мы видѣли, что въ царствованіе Ѳеодора Ивановича посадскіе люди, взамѣнъ земскихъ и полоняничныхъ, обложены были стрѣлецкою подворною податью. Та же подать собиралась съ нихъ и при Петрѣ, а потомъ на содержаніе постояннаго войска установлена была такая же постоянная подать въ 8 денегъ съ двора или съ рубля [2]); но эти подати не избавляли ихъ отъ обязанности давать подводы и прогонныя деньги: льгота состояла только въ томъ, что земская повинность не была возложена на нихъ постояннымъ податнымъ окладомъ [3]).

Кромѣ общихъ и постоянныхъ окладныхъ податей и единовременныхъ поборовъ на особые государственные расходы [4]), съ посадскихъ собирались также подати на частные расходы города и общины [5]).

Съ учрежденіемъ губерній къ нимъ приписаны были полки, которые онѣ должны были содержать на счетъ собираемыхъ доходовъ; вслѣдствіе этого доходность ихъ была сосчитана. Оказалось, что приходъ не покрываетъ требующихся расходовъ въ общей сложности на

[1]) Сочин. Ивана Посошкова. Гл. IV. стр. 112.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 1813, 2121.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 1784, 1788, 1882.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2076.
[5]) Полн. Собр. Закон. №№ 1718, 2072, 2076.

сумму 82.083 рублей [1]). Поэтому подати были увеличены и наложены на губерніи постоянными окладами. Общая податная сумма для всѣхъ восьми губерній была опредѣлена въ 3.133.879 рублей. Изъ этого прихода въ 1700 году шло на генеральный штабъ 91.090 рублей, на кавалерію 764.671 рубль, на инфантерію 882.435 рублей, на гарнизоны, приписанные къ губерніямъ, 422.980 рублей. Затѣмъ изъ остальнаго опредѣлено было выдавать въ адмиралтейство 433.999 рублей, въ Посольскій приказъ 148.031 рубль, на артиллерію 221.800 рублей, на дворцовую походную канцелярію 60.000 рублей, царицѣ и царевнамъ 50.500 рублей. Въ остаткѣ все еще оставалось 58.375 рублей. Въ 1711 году велѣно было раздѣлить по губерніямъ, на основаніи оклада 1710 года, содержаніе армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ, флота, Посольской канцеляріи и артиллеріи, а прочіе расходы дѣлать съ остаточныхъ суммъ по разсмотрѣнію [2]). Въ случаѣ особенной надобности въ деньгахъ, оклады и послѣ того продолжали возвышаться, и это дѣлалось главнымъ образомъ на счетъ торговаго состоянія. Такъ, въ 1714 году повелѣно было сенату: положить таможенные, кабацкіе и оброчные сборы на купечество по большему окладу, а откупы и счеты отставить и отъ двороваго съ крестьянъ и съ купечества сбору отличить и собирать особо [3]).

Мы видимъ, что потребности государственныя точно опредѣлились, и вслѣдствіе того случайные сборы прежняго времени обратились въ постоянную окладную подать. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, особые неокладные юборы продолжали взиматься и послѣ того, до самаго введенія подушной подати. Сборъ окладныхъ податей былъ возложенъ на земскихъ коммисаровъ, подъ надзоромъ полковниковъ состоящихъ при губерніяхъ гарнизоновъ, но не смотря на это, подати эти не доставлялись сполна. При установившейся опредѣленности расходовъ эта неисправность была особенно ощутительна. Главною причиной недоборовъ были большія злоупотребленія при переписи дворовъ и не меньшія, какъ должно полагать, при опредѣленіи промысловъ торговыхъ людей; поэтому Петръ рѣшился замѣнить дворовую и промышленную подати подушною. Въ 1722 году изданъ былъ указъ о взиманіи съ посадскихъ людей подушной подати по 40 алтынъ или по рублю двадцати копѣекъ съ души [4]); но приведеніе въ дѣйствіе

[1]) Соловьевъ. XVI, стр. 44.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 2319.

[3]) Соловьевъ, XVI, стр. 227.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 3983.

этого указа началось только съ 1724 года. Со введеніемъ этой подати послѣдніе остатки формальной условности отношеній подданныхъ къ государству окончательно исчезли.

Сборъ торговыхъ пошлинъ и завѣдываніе государственными промыслами по прежнему лежали повинностью на посадскихъ и слободскихъ общинахъ. Недоборы кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ взыскивались съ посадовъ въ двойномъ количествѣ [1]). Въ 1710 году указано было взыскивать недоборы по питейнымъ, таможеннымъ и конскимъ пошлинамъ съ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ; буде же они окажутся несостоятельными, то съ земскихъ бурмистровъ, при которыхъ недоимка учинилась отъ ихъ нерадѣнія и несмотрѣнія и съ лучшихъ посадскихъ людей „для того, что тѣ бурмистры за выборомъ ихъ [2])". Кромѣ того, купеческіе и посадскіе люди служили и отъѣзжія службы. Такъ, они посылались въ иногородныя таможни [3]), ставились къ пріемамъ провіанта [4]) и назначались въ разныя канцеляріи и къ губернаторамъ для сведенія счетовъ [5]). Ремесленные люди высылались также изъ губерній для постройки Петербурга, и на это дѣло собирался особый денежный сборъ [6]).

Еще въ началѣ 1712 года Петръ писалъ: „Какъ вино, такъ и прочія вещи надлежитъ отдавать на откупъ, дабы въ службѣ находящимся торговымъ людямъ не было раззоренія" [7]). Въ этомъ желаніи облегчить тягло торгово-промышленнаго состоянія выразилось уже новое благоустройственное направленіе политики. Первымъ шагомъ къ облегченію служебныхъ обязанностей купеческихъ и промышленныхъ людей, въ видахъ содѣйствія успѣхамъ торгово-промышленнаго развитія, былъ указъ 1713 года, которымъ предписано было купеческимъ людямъ быть у государевыхъ дѣлъ погодно и на другой годъ ихъ ни въ какія службы не ставить [8]). Затѣмъ въ 1714 году установлено было въ канцеляріяхъ и въ губерніяхъ у пріема и у расходовъ всякихъ податей и доходовъ изъ купеческихъ людей счетчикамъ не быть, для того, что какъ отъ выбора въ счетчики, такъ и отъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1697, 1922.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2307.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 2766.
[4]) Полн. Собр. Закон. №№ 2664, 2835.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2805.
[6]) Соловьевъ, XVI, стр. 212.
[7]) Соловьевъ, XVI, стр. 205.
[8]) Полн. Собр. Закон. № 2711.

многихъ недочетовъ купеческимъ людямъ чинятся великія разоренія [1]), а въ 1715 году посадскіе „за умноженіемъ службъ" были избавлены отъ повинности быть у продажи соли по селамъ, торжкамъ и ярмаркамъ [2]). Наконецъ, въ 1722 году сдѣлана была рѣшительная, впрочемъ не удавшаяся, попытка совершенно избавить торгово-промышленное состояніе отъ всякихъ обязательныхъ службъ.

Тягости посадскаго состоянія были во времена Петра значительно увеличены рекрутскою и постойною повинностью. Рекрутской повинности посадскіе люди подлежали въ одинаковой мѣрѣ съ владѣльческими крестьянами, и выставляя рекрута, обязаны были снарядить его и снабдить хлѣбнымъ запасомъ [3]). Собственно торговые (купеческіе) люди, какъ кажется, лично не подлежали набору, но повинность ставить рекрутъ распространялась и на нихъ, такъ какъ и они, если и не владѣли вотчинами и помѣстьями, то во всякомъ случаѣ имѣли за собою крестьянъ, приписанныхъ, вѣроятно, въ качествѣ задворныхъ, къ ихъ тяглымъ участкамъ [4]). Обязанность снабжать войска провіантомъ, подводами и рабочими людьми также распространялась какъ на крестьянъ, такъ и на посадскихъ людей. Опредѣленныхъ границъ этой повинности не было установлено. Бурмистрамъ прямо было предписано во всѣхъ такого рода дѣлахъ быть послушными Провіантскому приказу [5]).

Что касается постойной повинности, то она всею тяжестью падала преимущественно на горожанъ. Набранныхъ солдатъ указано было ставить на станціяхъ по городамъ на постоялыхъ дворахъ, „по скольку человѣкъ на дворъ доведется". Хотя при этомъ имъ, подъ страхомъ смертной казни, предписывалось жить смирно и никакихъ обидъ своимъ хозяевамъ не наносить [6]), но это не ограждало горожанъ отъ притѣсненій и самоуправства. „И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно", говоритъ Посошковъ [7]), „а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ... и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2805.
[2]) Полн. Собр. Закон. 2878.
[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 2036, 2096, 2161, 2182.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2106.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2036.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 2036. 5.
[7]) Сочин. Посошкова гл. 11. стр. 33—35.

аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его; понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ доступитъ по нему, но и военный человѣкъ не на равнаго себѣ не скоро судъ сыщетъ".

Вообще, не смотря на то, что состояніе торгово-промышленныхъ людей было устроено Петромъ на началахъ самоуправленія и отношеніе его къ правительственнымъ органамъ ограничивалось отчетностью, положеніе этого состоянія далеко не было обезпечено; и если при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, установленный Петромъ институтъ городской автономіи могъ бы обезпечить возможность успѣховъ торгово-промышленнаго развитія, то съ другой стороны обременительность тягла значительно уменьшала благія послѣдствія того независимаго положенія, въ какое поставлены были торгово-промышленные люди.

Правда, на дѣлѣ законъ, ограждавшій посадскихъ отъ обидъ и притѣсненій, далеко не всегда выполнялся. До насъ дошло, напримѣръ, что Путивльскій воевода Алимовъ и Орловскій Шеншинъ самопроизвольно вѣдали торговыхъ людей, били ихъ, брали съ нихъ взятки и „чинили помѣшательство въ сборахъ и остановки въ земскихъ дѣлахъ" [1]. Безъ сомнѣнія, такіе факты не были въ то время исключительнымъ явленіемъ; но съ развитіемъ правительственныхъ средствъ, съ возвышеніемъ уровня общественной нравственности и торгово-промышленнаго значенія горожанъ и корпоративной ихъ солидарности, возможность такихъ злоупотребленій должна была болѣе и болѣе ограничиваться. Ограниченіе начала личнаго произвола, которое Петръ положилъ основою всѣхъ своихъ преобразованій, должно было рано или поздно принесть свои плоды. Попытки Петра гармонически согласить необходимые элементы общинной автономіи и начала непосредственнаго правительственнаго надзора, причина несостоятельности которыхъ заключалась въ нравственной несостоятельности самого общества, при дальнѣйшемъ ходѣ развитія въ томъ же самомъ направленіи, какое ему далъ Великій Преобразователь, должны были осуществиться при его преемникахъ. Но во второй половинѣ своего царствованія уже самъ Петръ, изъ видовъ благоустройственныхъ, въ самой идеѣ измѣнилъ отношенія правительственныхъ административныхъ органовъ и центральныхъ учрежденій къ мѣстному управленію въ ущербъ самостоятельности земской автономіи.

Съ другой стороны, если, обременительность государственнаго тягла

---

[1] Полн. Собр. Закон. № 1760.

и стѣсняла успѣхи промышленнаго развитія, то это необходимое зло съ избыткомъ искупалось тѣми выгодами, которыя куплены были его цѣною. Средства, собираемыя Петромъ, шли на устройство портовъ и флота, на содѣйствіе развитію мануфактуръ и фабрикъ, на веденіе войнъ, которыя открывали Русскимъ новые торговые пути, и французскій агентъ Лоли, состоявшій при Русскомъ дворѣ во времена Анны Іоанновны, сравнивая въ своей запискѣ, поданной кардиналу Флери, состояніе Россіи при Петрѣ съ положеніемъ ея при его преемникахъ, имѣлъ полное основаніе сказать, что не поборы и налоги, какіе были при Петрѣ, истощили государство, а разорено оно было при его наслѣдникахъ „роскошью, введенною при дворѣ, дурнымъ управленіемъ министровъ, переводомъ за границу суммъ... наконецъ, безплодною распущенностью, тщеславіемъ и суетностью“ [1]).

А. Пригара.

[1]) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. 24.

ЗАМѢТКА О ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЯХЪ ВООБЩЕ.

Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за нынѣшній годъ помѣщена замѣтка гг. Эрбена и Ламанскаго о славянскихъ топографическихъ названіяхъ. Любопытное содержаніе ея подаетъ мнѣ поводъ поговорить о географическихъ именахъ вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе географіи пріобрѣло бы несравненно болѣе смысла и интереса, если бы встрѣчающіяся въ ней названія мѣстъ и урочищъ были, болѣе нежели до сихъ поръ дѣлалось, освѣщаемы филологіей, то-есть, по мѣрѣ возможности объясняемы и переводимы. Топографическое имя почти никогда не бываетъ случайнымъ и лишеннымъ значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой-нибудь признакъ самаго урочища, или характеристическая черта мѣстности, или намекъ на происхожденіе предмета, или наконецъ, какое-нибудь обстоятельство, болѣе или менѣе любопытное для ума или воображенія. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что высочайшія горы на самыхъ разнообразныхъ языкахъ называются по имени покрывающаго ихъ *снѣга* или его *бѣлизны:* Mont-Blanc значитъ бѣлая гора; Sierra Nevada (въ Испаніи) — снѣжная цѣпь; Snowdon (въ Валлисѣ) — снѣжный холмъ; Snöhätta (на Сканд. полуостр.) — снѣжная шляпа; Schneekoppe или Sněžka (въ Чехіи) — снѣжная вершина; Бѣлуха въ Сибири; Гималай — жилище снѣга или зимы; Давалагири — бѣлая гора [1]), и проч. Какъ наглядны становятся для насъ многія урочища, когда намъ объяснится ихъ названіе: такъ, имя длиннѣйшаго въ мірѣ горнаго хребта Cordilleras de los Andes, перестаетъ быть для насъ мертвымъ звукомъ, когда мы узнаемъ, что Anta у туземцевъ значитъ мѣдь или вообще металлъ, а Cordillera на испанскомъ языкѣ—цѣпь, и такимъ образомъ это названіе сближается съ герман-

---

[1]) Можетъ-быть, и слово *Альпы* сродни латинскому albus; по мнѣнію другихъ, оно на кельтскомъ языкѣ значитъ: гора.

скимъ Erzgebirge (Рудный хребетъ)[1]). Къ сожалѣнію, до сихъ поръ немногія географическія имена такъ ясны, какъ приведенныя названія горъ.

Конечно, большое число именъ, по древности своего происхожденія или по неизвѣстности языковъ, изъ которыхъ они возникли, уже не могутъ быть теперь объяснены; но сколько еще остается такихъ, которыхъ значеніе понятно или можетъ сдѣлаться понятнымъ при помощи лингвистики, этнографіи и исторіи и — прибавлю — которыхъ объясненіе можетъ, наоборотъ, оказать большую услугу этимъ наукамъ. Потому очень желательно было бы, чтобъ языкознаніе болѣе и болѣе вносило въ область свою и этотъ предметъ изслѣдованія. Самою удобною формой для изложенія результатовъ изысканій надъ географическими названіями была бы форма лексикона или глоссарія въ алфавитномъ порядкѣ. Попытка этого рода сдѣлана уже въ Англіи небольшою книжкой подъ заглавіемъ: „The Geographical Word-Expositor or Names and Terms occurring in the Science of Geography, etymologically and otherwise explained, by *Edwin Adams*“[2]). Но попытка эта, къ сожалѣнію, очень несовершенна: 1) „Словотолкователь“ г. Адамса далеко не полонъ и не содержитъ въ себѣ даже множества такихъ именъ, которыя объяснить было бы очень легко при болѣе обширномъ знаніи языковъ, нежели какимъ располагалъ авторъ; 2) многія толкованія у него совершенно не вѣрны. Такимъ образомъ, за книжкою его остается почти только одно достоинство идеи и начала выполненія ея. Въ особенности неудовлетворительно у него все относящееся къ сѣверному и восточному міру. Такъ, напримѣръ, при имени *Muscovy* замѣчено, что оно означаетъ преимущественно тѣ части Россіи, которыя лежатъ около Чернаго и Каспійскаго морей, и что онѣ такъ названы по первобытному своему населенію, потомству шестаго Іафетова сына „Meschech“. Разумѣется, что міръ западно-славянскій остался для автора совершенною *terra incognita*. Кромѣ названій топографическихъ собственно, онъ счелъ нужнымъ вносить въ свой словарь и термины географическіе, напримѣръ, reefs, straits и т. п., что по настоящему уже не относится къ предмету его сочиненія, тѣмъ болѣе, что эти термины объясняетъ онъ только по ихъ вещественному значенію, остав-

---

[1]) По другому толкованію, Anti на языкѣ Перуанцевъ значитъ востокъ.

[2]) То-есть, Географическій Словотолкователь, или имена и термины, встрѣчающіеся въ наукѣ землеописанія, съ этимологическими и другими объясненіями, соч. Эдвина Адамса. Книжка эта вышла въ Лондонѣ, 2-мъ изданіемъ, въ 1856 году.

ляя въ сторонѣ словопроизводство, которое, при именахъ собственныхъ составляетъ главную его задачу.

Что касается до топографическихъ именъ славянскихъ, то въ нашей литературѣ уже давно была заявлена мысль о необходимости умѣть приводить ихъ въ подлинникѣ (см. *Сѣв. Пчела* 1849 №№ 6—15)[1]; но эта мысль, теперь возобновленная въ научной обстановкѣ г-мъ Эрбеномъ, можетъ быть вполнѣ осуществлена только тогда, когда будетъ составленъ соотвѣтствующій практической потребности словарь такихъ именъ: надобно, чтобы возлѣ каждаго установившагося давнимъ употребленіемъ нѣмецкаго имени можно было отыскивать первоначальное славянское, и наоборотъ. Примѣромъ для подобнаго труда можетъ служить словарь латинскихъ географическихъ названій, изданный въ 1861 году въ Дрезденѣ подъ заглавіемъ: «Orbis latinus oder Verzeichniss der lateinischen Benennungen der bekanntesten Städte etc., Meere, Seen, Berge und Flüsse in allen Theilen der Erde, nebst einem deutsch-lateinischen Register derselben, von Dr J. G. Th. *Graesse*»[2]. Въ славяно-нѣмецкомъ и нѣмецко-славянскомъ географическомъ словарѣ представилось бы много случаевъ для любопытныхъ лингвистическихъ сближеній и соображеній. Мимоходомъ позволю себѣ указать на одинъ подобный случай: мѣста, обильныя производствомъ соли, называются у Славянъ и у Нѣмцевъ подобозвучнымъ именемъ, находящимъ себѣ объясненіе въ греческомъ названіи соли, ἅλς: Галиція, Галичъ (Сольгаличъ), Halle, Hallein, Hallstadt, Reichen-Hall, и проч.

---

[1]) Въ № 6 авторъ статьи, *Іоаннъ Рыльскій*, подписавшійся С., такъ жалуется на господствующее у насъ незнаніе первобытныхъ мѣстныхъ именъ въ странахъ, искони населенныхъ славянскими племенами: «Географическіе учебники, по большей части передѣлываемые съ нѣмецкихъ, наполнены искаженіями именъ городовъ и мѣстечекъ славянскихъ; если бы хоть въ скобкахъ ставили настоящее имя, какъ оно произносится *тамъ* славянскими туземцами, напримѣръ, Лембергъ (Львовъ), Аграмъ (Загребъ), Эссекъ (Осѣкъ) и т. д., но и того нѣтъ! Славянскій міръ, начинающій занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвѣстнымъ нашему юношеству, поучающемуся изъ учебныхъ книжекъ всякаго рода ошибкамъ историческимъ и географическимъ». Въ № 15 самъ издатель *Сѣв. Пчелы*, покойный Н. И. Гречъ, хотя и глумится надъ мыслію замѣнять нѣмецкія географическія названія славянскими, однакожь не отвергаетъ необходимости знать ихъ и приводитъ азбучный списокъ такихъ именъ (около 300), извлеченный изъ брошюры, напечатанной въ 1847 г. въ Вѣнѣ на *иллирійскомъ* языкѣ.

[2]) То-есть, Списокъ всѣхъ латинскихъ названій извѣстнѣйшихъ городовъ и проч., морей, озеръ, горъ и рѣкъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара, съ приложеніемъ нѣмецко-латинскаго реестра ихъ, доктора Грессе.

Независимо отъ общаго географическаго словотолкователя или корнеслова, о какомъ выше упомянуто, для насъ особенный интересъ имѣлъ бы этимологическій словарь многоязычныхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россіи. Богатый матеріалъ для подобнаго словаря заключается уже въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большому Чертежу. Въ древней Руси обнаруживается замѣчательное стремленіе переводить инородческія топографическія названія. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ лѣтопись въ своемъ первоначальномъ и не всегда легко-объяснимомъ видѣ, какъ то: Колывань (Ревель), Ругодивъ (Нарва), Раковоръ (Везенбергъ), Кесь (Венденъ), Людеревъ (Або); но многія другія, финскія, шведскія и нѣмецкія названія являются либо переведенными по-русски, либо передѣланными на русскій ладъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ того и другаго случая.

1) *Примѣры перевода.*

Подъ 1054 г. Кединивъ, по другимъ спискамъ Кепедивъ, Декипивъ, переведено: *солнца рука*. Это переводъ слова kädepäiwä, состоящаго изъ käsi (родит. пад. käden) — рука и päiwä — солнце. Вѣроятно, финское слово было искажено лѣтописцемъ или переписчикомъ его. См. Соф. Лѣт. I, 156; Никон. I, 144 и Карамз. II, пр. 144.

Подъ 1116 г. Оденпе — *Медвѣжья голова;* по настоящему должно бы быть: Ohdonpää — городъ недалеко отъ Дерпта (объ этомъ во многихъ спискахъ; ср. Кар. II, прим. 217, 218).

Подъ 1300 г., при описаніи похода Торкеля Кнутсона и построенія имъ города на Невѣ, сказано: „похвалившеся оканьнѣи, нарекоша его Вѣнецъ земли“ (Нов. I, 67). Такъ переведено имя Landskrona; на нынѣшнемъ языкѣ точнѣе было бы: вѣнецъ края или страны.

Подъ 1311 г., въ описаніи похода на Емь, упомянуты разныя урочища, которыхъ мѣстоположеніе до сихъ поръ сомнительно, между прочимъ рѣки: Купецкая и Черная; подлинныя финскія имена нигдѣ не означены. (Новг. лѣт. I, 69; Соф. 1, 295. Ср. Карамз. IV, 107 и прим. 214).

Подъ 1318 г. Aurajoki переведено: *Полная рѣка*. Настоащее финское названіе Awara joki (awara — обильный, обширный). Аурою и теперь называется рѣка, на которой стоитъ городъ Або. (Нов. I, 72. Ср. Кар. IV, 112, пр. 228 и еще Арх. Лѣт. подъ 1496 г.).

Подъ 1342, 1370, 1406 и 1444 г. Neuhausen переведено *Новый городокъ, Новгородокъ* (въ Новгор., Соф. и др. лѣтоп. Ср. Кар. IV, пр. 336, 338).

Подъ 1407 г. Вейсенштейнъ названъ *Бѣлый камень* (Псков. лѣт.). Въ другихъ мѣстахъ онъ иногда означается еще и чудскимъ именемъ Пайда.

Подъ 1496 г., въ описаніи похода въ Каянскую землю, *на десять рѣкъ*, упомянуты между прочимъ рѣки: *Сиговая* и *Снѣжная* — названія, до сихъ поръ сохранившіяся въ финскихъ именахъ двухъ рѣкъ Lumijoki и Siikajoki, текущихъ по Остроботніи: обѣ впадаютъ въ Ботническій заливъ къ югу отъ Улеоборга. Имя послѣдней, Сикаіоки, является вторично въ исторіи финляндскаго похода 1808 г. (см. Описаніе Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 84; ср. Соф., Никон., Арх. лѣт. и Кар. VI, пр. 432).

Подъ 1582 г. городъ Вольмаръ названъ *Володимерцемъ* въ спискѣ договора Запольскаго (Кар. IX, пр. 600). Это названіе встрѣчается и въ лѣтописи.

Потребность объяснять себѣ значеніе иноязычныхъ мѣстныхъ названій замѣчается рѣже у Шведовъ: даже названіе рѣки *Сестры*, по которой Орѣховскимъ миромъ утверждена граница между обоими смежными государствами, не переведено въ шведской редакціи договора 1323 года. Тамъ рѣка эта называется *Sester;* да еще и гораздо позднѣе, въ XVI вѣкѣ, встрѣчается она подъ этимъ именемъ въ шведскихъ актахъ. Нынѣшнее ея переводное названіе, отчасти употребляемое и у насъ — Systerbäck — утвердилось въ шведской дипломаціи не прежде какъ во 2-й половинѣ XVI столѣтія. Настоящее финское имя этой рѣки — Raja-joki — явно возникло тогда, когда она сдѣлалась пограничною рѣкой (raja — граница, край [1]), а joki — рѣка); впрочемъ, это значеніе имѣла она съ незапамятныхъ временъ, ибо договоръ Орѣховскій заключенъ былъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, „по старой пошлинѣ", то-есть, по старинѣ.

Въ этомъ договорѣ, какъ и въ другихъ шведскихъ памятникахъ, Новгородъ постоянно называется *Nogard* или *Nougardt;* такъ и въ названіи *Нижняго* Новгорода ни Шведы, ни другіе иностранцы никогда не давали себѣ труда объяснить и перевести приданный собственному имени эпитетъ.

Касательно названія *Орѣховъ*, *Орѣховецъ* или *Орѣшекъ*, замѣтимъ, что Русскіе, построивъ эту крѣпость въ 1323 году, наименовали ее

---

[1]) Любопытно это слово raja въ финскомъ языкѣ: по-санскр. râjis, по-русски *край* значатъ то же самое. Вѣроятно, Финны заимствовали это слово у Русскихъ, откинувъ начальную согласную, какъ часто бываетъ при переходѣ иноязычныхъ словъ въ финскій языкъ.

такъ потому, что Финны самый островъ звали Päähkinä-saari (орѣховый островъ). Въ послѣдствіи и Шведы, овладѣвъ этою крѣпостію, перевели на свой языкъ русское ея названіе словомъ Nöteborg.

2) *Примѣры передѣлокъ.*

Рядомъ съ переводными названіями попадаются въ древней русской географіи и такія, которыя составлены безъ всякой мысли о значеніи ихъ на другомъ языкѣ; тутъ проявляется часто та же потребность въ другомъ видѣ: чуждымъ звукамъ придается такая форма, въ которой бы они представляли уму какой-нибудь смыслъ, хотя бы и ни на чемъ не основанный. Это бываетъ особенно тогда, когда подлинное названіе трудно объяснить, или когда происхожденіе его сомнительно. Сюда надобно отнести названіе *Сердоболя*, города, впрочемъ, новаго, возникшаго уже послѣ Столбовскаго мира. Оно происходитъ, вѣроятно, отъ финскаго причастія sörttawa, разсѣкающій, потому что селеніе построено у залива, далеко вдавшагося въ берегъ Ладожскаго озера[1]); слогъ *ль* служитъ часто окончаніемъ мѣстныхъ именъ. Городъ *Стокгольмъ* называли у насъ постоянно и очень долго, даже въ началѣ XVIII столѣтія (см. „Первыя Русскія Вѣдомости")— *Стекольна*[2]). Подлинное названіе значитъ *островъ бревна* и основано, по преданію, на томъ, что когда Новгородцы и Чудь разорили городъ Сигтуну, то жители этого города спрятали много золота и серебра въ бревно, которое и пустили по озеру Мелару, съ тѣмъ чтобы заложить новое селеніе на мѣстѣ, куда бревно будетъ прибито волнами: оно остановилось у острова, гдѣ и основался Стокгольмъ (при Биргерѣ Ярлѣ, въ XIII столѣтіи). *Царское село* первоначально называлось *Сарскимъ* отъ финскаго слова *saari*, означающаго островъ или возвышенность посреди большаго ровнаго мѣста, на какой построено это селеніе; названіе *Царское*, вѣроятно, утвердилось въ народѣ еще прежде, нежели оно перешло въ офиціальный языкъ[3]). Ливонскій городъ *Виндау* въ нашихъ лѣтописяхъ попадается подъ именемъ: *Вдовъ* (Кар. IV, прим. 304).

Касательно имени *Холмогоры* были въ нашей литературѣ разныя объясненія (см. между прочимъ Карамз. II, прим. 62, и статью Ве-

---

[1]) См. мои «Переѣзды по Финляндіи», стр. 14.

[2]) Мнѣ случилось еще недавно слышать это названіе изъ устъ простолюдина.

[3]) Въ офиціальныхъ актахъ это селеніе называлось *Царскимъ* уже съ 1725 года, но въ частномъ быту употреблялось еще долго и прежнее названіе, напримѣръ, оно встрѣчается у Ломоносова и Державина.

рещагина въ *Иллюстраціи* 1847, № 25). Замѣтимъ, что оно въ лѣтописяхъ чаще пишется *Колмогоры*, а у Никона находимъ даже *Калмогары* (ч. IV, стр. 303). Основываясь на этомъ, финляндскій профессоръ М. Акіандеръ (Utdrag ur Ryska Annaler, стр. 129) предлагаетъ новую догадку: такъ какъ есть поводъ думать, что чудское кладбище находилось близь Колмогаръ на Куръ-островѣ [1]), то первую половину имени можно производить отъ финскаго слова *kalma* — трупъ, покойникъ. Что касается до второй половины, то у Зырянъ, Пермяковъ и Вотяковъ *kar* значитъ городъ, и около рѣки Оби есть много названій, въ составъ которыхъ входитъ *kar* — Войкаръ, Уркаръ, Шеркаръ, Искаръ (см. Книга Большому Чертежу, изд. г. Спасскимъ, стр. 204—207); все это были имена городовъ. На историческомъ атласѣ г. Павлищева, а также на подробной картѣ генерала Шуберта названіе *Гари* означено во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили финскія племена, напримѣръ, близь впаденія Унжи въ Волгу и проч.

Нѣкоторыя мѣстныя имена являются просто передѣланными по требованіямъ народнаго слуха или выговора. Такъ, подъ 1310 г. встрѣчается названіе рѣки *Узьерва* (Новг. лѣт.; Урзево и Узерва по Кн. Больш. Черт.): оно взято съ финскаго uusi-järwi, чтó значитъ: новое озеро, то-есть, такое озеро (не рѣка), которое образовалось на глазахъ народа, — вѣроятно, нынѣшнее *Сýванто* близь зап. берега Ладожскаго озера. Это Сýванто произошло, какъ думаютъ, такимъ образомъ, что рукавъ Вокши, который здѣсь также вливался въ Ладожское озеро, запрудился въ своемъ устьѣ — отъ того ли, что вода въ озерѣ убыла, или отъ устроенія искусственной плотины; притомъ же и слово *Сýванто* по-фински значитъ: тихая вода въ *рѣкѣ*, *плесо*. Неудивительно, что лѣтописецъ по преданію назвалъ это озеро рѣкою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешеекъ, отдѣлявшій Сýванто отъ Ладожскаго озера, прорытъ, и обѣ массы воды опять соединились.

Карамзинъ (ч. IV, пр. 214) говоритъ: „Нынѣ обѣ сіи рѣки, Узерва и Вокса, называются Вокшею". Остановимся нѣсколько и на этомъ послѣднемъ названіи. *Wuoksi*, финское названіе рѣки, славящейся водопадомъ Иматрою, есть нарицательное имя и значитъ: теченіе, потокъ; Русскіе называютъ ее Окса, Вокша (Кар. VII, прим. 154). Вѣроятно, того же происхожденія имя *Векса*, принадлежащее нѣсколькимъ рѣчкамъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской и Владимірской.

---

[1]) См. статью Базилевскаго въ *Сынѣ Отечества*, 1847 г.

Названіе *Устюгъ* въ первой половинѣ своей русское, а во второй—финское: *югъ* образовалось изъ juga или правильнѣе joki (у Зырянъ ju), что значитъ *рѣка;* потому Устюжане въ финскихъ памятникахъ иногда зовутся joensuiset, то-есть, живущіе при *устьѣ рѣки.* Вторая половина приведеннаго имени (Устюгъ) встрѣчается и въ названіи *Пинега,* которое въ переводѣ значитъ: *малая рѣка* (pieni = маленькій, joga = рѣка). Покойный П. Г. Бутковъ высказалъ предположеніе, что имя *Ока* есть также измѣненное финское слово *joki.* Это съ перваго взгляда можетъ показаться невѣроятнымъ потому, что Русскіе, заимствуя иностранныя слова, иногда не только не отбрасываютъ въ началѣ ихъ звукъ іоты, но, напротивъ, приставляютъ его, когда слово начинается чистою гласною. Такъ, имя *якорь* соотвѣтствуетъ греческому ἄγκυρα, скандинавскому akkeri и проч. Но съ другой стороны, въ русскомъ языкѣ еще болѣе случаевъ противоположнаго измѣненія, то-есть, при заимствованіи слова, имѣющаго въ началѣ своемъ іоту, эта послѣдняя откидывается и звуки *йе*, *йо* превращаются въ *о* или *а.* Такъ, изъ именъ Евстафій, Іосифъ, Евдокія, Елена образованы Астафій, Осипъ, Авдотья, Олена. Первообразомъ такого явленія служатъ нѣкоторыя слова, начинающіяся съ буквы *о*, напримѣръ, озеро, олень, осень, которымъ въ церковно-славянскомъ соотвѣтствуютъ начинающіяся съ *е:* езеро, елень, есень. То же требованіе языка могло обнаружиться при передѣлкѣ слова *joki*, которое, впрочемъ, въ другихъ частяхъ Россіи, какъ показано, перешло къ намъ въ иномъ видѣ.

Въ древнѣйшей изъ Новгородскихъ подлинныхъ грамотъ (Кар. IV. прим. 114) между волостями Новгородскими упоминается и *Пермь:* вотъ, слѣдовательно, первоначальная у насъ форма названія страны, которую Скандинавы переименовали въ Біармію. Объясненія имени *Пермь* должно, повидимому, искать въ сложномъ финскомъ словѣ *Perämaa*, которое значитъ задняя, дальняя страна (perä = позади, maa = земля). Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, подъ словомъ Пермяки, приведено сообщенное Лепехинымъ преданіе, будто на Камѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Гайны, жилъ необыкновенный силачъ, племени Чудскаго, который назывался *Перя,* отъ чего, по мнѣнію составителя словаря, сначала семейство этого Геркулеса получило прозваніе *Перяковъ,* а потомъ и весь народъ стали, „для удобнѣйшаго выговора", звать *Пермяками.* Коренные жители Перми сами себя называютъ *Коми* (Komi, Komilaiset, Komy) [1]), по имени р. Камы или, по ихъ

---

[1]) Кастренъ въ Suomi 1845, стр. 9, и Акіандеръ въ Utdrag, стр. 123.

произношенію, *Куми*, почему г. Акіандеръ и думаетъ, что Куманы, иначе Команы или Каманы, народъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Половцевъ, были одного происхожденія съ Пермяцами, то-есть, Зыряне.

Здѣсь стоитъ нѣсколько остановиться на названіяхъ финскихъ народовъ вообще. По замѣчанію Кастрена [1]), они или получили имена свои отъ какой-нибудь опредѣленной водной мѣстности, или слово *вода* просто входитъ въ составъ ихъ именъ. Такъ, *Мордва* въ переводѣ значитъ: народъ у воды; *Зыряне*, *Мокшане*, *Печора* — также названія, заимствованныя отъ водъ. Отъ финскихъ словъ, означающихъ *воду*, удобно производятся также названія Води, Вотяковъ и Веси. Это понятіе на финскихъ языкахъ выражается звуками: wa (зыр.), wu (вот.), wit (черем.), wesi или собств. wete (финск.), wäd (морд.); тотъ же корень встрѣчается во многихъ индо-европейскихъ языкахъ: вода, Wasser, vatten. Нѣкоторые финскіе народы сами себя называютъ просто людьми — mort (Зыряне) или mara (Черемисы). Отъ послѣдняго изъ этихъ словъ произошло, по мнѣнію Кастрена, встрѣчающееся у Нестора названіе финскаго народа Мери, жившаго къ западу отъ Черемисы около древняго Ростова. Такъ какъ этотъ теперь исчезнувшій народъ носилъ одно имя съ своими сосѣдями, Черемисою, то можно съ вѣроятіемъ принять, что Меря находилась въ близкомъ съ ними родствѣ. Другой, также не существующій болѣе народъ жилъ къ югу отъ Мери или къ западу отъ нынѣшней Мордвы, въ странѣ, гдѣ находится городъ Муромъ. Слово *Мурома* составлено изъ *mur* (а это то же, что mort или murt — человѣкъ) и *ma*, земля, край. Итакъ, въ буквальномъ переводѣ Мурома значитъ народъ на землѣ, какъ Мордва — народъ у воды. Такимъ образомъ, судя по этимъ названіямъ, оба народа принадлежали къ одному и тому же племени, которое раздѣлялось на двѣ отрасли: жилища одной (Мордвы) были при рѣкѣ или озерѣ, а другая (Мурома) жила въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воды. Чтобы совершенно выяснить генеалогію Мери и Муромы, надобно бы внимательно разсмотрѣть всѣ географическія имена не русскаго происхожденія, какія можно отыскать въ предѣлахъ древнихъ жилищъ обоихъ этихъ народовъ [2]).

Эти замѣчанія естественно приводятъ насъ къ одному названію, употребляемому Петербургскими жителями для означенія Финновъ,

---

[1]) Suomi. 1845, стр. 7.

[2]) Кастренъ въ упомянутой статьѣ.

населяющихъ окрестныя мѣста: разумѣю названіе *Маймистъ*. Оно образовалось изъ финскаго сложнаго слова *maa-mies*, или *maan-mies* (maa — земля, mies — мужъ), которое значитъ: сельскій житель, туземецъ, землякъ. Отсюда видно, какъ нелѣпо мнѣніе тѣхъ, которые объясняли приведенное названіе финскимъ словомъ *en muista* — „не понимаю".

Страна, въ которой возникъ Петербургъ, издревле называлась Ижерскою землею по имени обитавшаго въ ней финскаго народа, который самъ себя называлъ Ingrikot[1]), а въ нашей лѣтописи и другихъ старинныхъ памятникахъ именуется Ижерянами, Ижерцами или Ижерою. Это русское названіе очевидно передѣлано изъ иноземнаго съ опущеніемъ несвойственнаго намъ носоваго звука послѣ начальной гласной и съ обращеніемъ буквы *г*, по общему закону, въ *ж* передъ гласною *е* (Ingermanland). Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя географическія имена въ здѣшнемъ краю. Ладожское озеро, какъ было извѣстно и Карамзину (И. Г. Р. I, пр. 485 и III, пр. 244), нѣкогда называлось *Альдога*, отъ чего получилъ названіе и городъ *Альдейгабор*ъ — вѣроятно, старая Ладога, упоминаемый въ скандинавскихъ сагахъ. Имя Альдога легко могло обратиться у насъ въ Ладога, потому что такое перемѣщеніе звуковъ — въ духѣ славянскихъ языковъ, которые вообще не начинаютъ словъ съ буквы *а*. Но что за слово *Альдога?* По-фински Aalto значитъ волна, валъ, и не удивительно было бы, еслибъ озеро, грозное своими бурями, своимъ волненіемъ, отъ этого признака получило свое названіе на языкѣ коренныхъ обитателей своихъ береговъ; въ такомъ случаѣ первоначальною формой имени его было бы Aaltoka. Впрочемъ надобно прибавить, что нынѣшніе Финны зовутъ это озеро, по примѣру Русскихъ — Laatoka.

Въ Лѣтописи и въ Книгѣ Большаго Чертежа оно носитъ еще названіе *Нево*, которое на финскомъ языкѣ (newa) значитъ болото или топь. Замѣчательно, что подобно нашей Невѣ многія рѣчки Рязанской губерніи означаются именемъ, которое на мѣстномъ нарѣчіи имѣетъ то же значеніе, это имя: *Ряса*[2]); оно такъ объяснено въ Опытѣ Областнаго Словаря: „топкое или и просто мокрое мѣсто". Шведы пе-

[1]) Отъ слова inger-рѣчка (Ahlqvist въ Utdrag, стр. 54).

[2]) Конечно, отсюда и названіе города Ряска, который давно забылъ свое происхожденіе и въ книжномъ языкѣ принялъ форму *Ряжска*. Народное чутье до сихъ поръ отвергаетъ эту форму, и окрестные жители называютъ этотъ городъ всегда прилагательнымъ именемъ *Рясскій;* они говорятъ: *изъ Рясскаго, въ Рясскомъ*.

редѣлали финское названіе нашей Невы въ Nyen (произн. Нюэнъ), такъ что когда въ XVII столѣтіи они построили на ней новое укрѣпленіе, то наименовали его *Nyenskans*, то-есть, Невскій (шанецъ). Такое сложное слово для Русскихъ было слишкомъ мудрено, и при взятіи Нюэнсканса Петромъ Великимъ, они сократили это имя и стали произносить его просто: *Канцы* (см. „Первыя Русскія Вѣдомости"); государь переименовалъ новозавоеванное укрѣпленіе въ *Шлотбургъ* (шв. Slott = нѣм. Schloss, замокъ).

Названіе озера *Ильмень*, иначе *Ильмеръ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передѣлано изъ финскаго *yli-meri*, верхнее море. Можно бы также думать, что оно въ сродствѣ съ финскимъ прилагательнымъ *ilmeinen* — открытый, обширный; но отъ этого сближенія заставляетъ отказаться свѣдѣніе, доставляемое Областнымъ Словаремъ. Тамъ мы находимъ слово *Ильмень*, какъ нарицательное имя съ двоякимъ значеніемъ: 1) широкій разливъ рѣки, похожій на озеро; 2) озеро, обросшее камышемъ. Въ первомъ значеніи слово подслушано въ Астраханской губерніи, во второмъ оно отнесено къ землѣ Донскихъ Казаковъ. Первое напоминаетъ слово *Лиманъ*; мы и его находимъ въ Областномъ Словарѣ съ такимъ объясненіемъ: „Чистое озеро, безъ камыша и тростника. Дон.". Итакъ, и Ильмень, и Лиманъ означаютъ: во 1-хъ, широкій разливъ рѣки; во 2-хъ, озеро. Отсюда рождается вопросъ: не одно ли это слово въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ послѣдняя представляетъ только перемѣщеніе звуковъ въ началѣ слова и другую гласную въ срединѣ его? Такое предположеніе совершенно подкрѣпляется Книгою Большаго Чертежа, гдѣ о рѣкѣ Днѣпрѣ нѣсколько разъ упоминается, что она впадаетъ въ „проливу морскую въ *Ильмень*" (см. изд. Спасскаго, стр. 77, 99 и 102). Тожество обоихъ словъ было уже замѣчено г. Спасскимъ, который поставилъ ихъ рядомъ въ своемъ Указателѣ, а въ примѣчаніяхъ говоритъ: „Лиманъ, а по старинному Ильмень". Только напрасно, кажется, онъ производитъ эти названія отъ греческаго слова Λίμνη — озеро, прудъ, „отъ котораго", прибавляетъ г. Спасскій, „вѣроятно получило свое имя и озеро Ильмень близь Новгорода". Сходство звуковъ здѣсь объясняется скорѣе сродствомъ языковъ одного корня: слово *Ильмень*, конечно, славянское. Вѣроятно, въ родствѣ съ нимъ находится и названіе германской рѣки Ilmenau, впадающей въ Эльбу (Лабу), по берегамъ которой нѣкогда жили Славяне (въ Ilmenau окончаніе есть нарицательное имя *au*, *aue*, которое сродни латинскому

aqua, готскому ahwa и значитъ: 1) рѣка, 2) страна, лежащая при водахъ и плодородная). Есть и городъ Ilmenau.

Въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ первобытное населеніе состоитъ, или прежде состояло, изъ инородцевъ, которыхъ языки не исчезли, большое число названій объясняется очень легко. Это относится, между прочимъ, къ Сѣверной Россіи: въ Олонецкой и въ Архангельской губерніяхъ многія, повидимому, русскія мѣстныя имена образованы изъ финскихъ словъ. Нѣсколько примѣровъ тому уже приведено выше: такъ, и названіе извѣстнаго водопада *Кивачъ* происходитъ отъ слова kivi (камень, порогъ); названіе *Кандалажской* губы состоитъ изъ словъ: kanta (край, уголъ, рогъ, отъ нѣм. Kante) и lahti (заливъ): это угольная, рогообразная губа Бѣлаго моря. Легко было бы привести цѣлый рядъ такихъ именъ. Извѣстно, что иногда и коренныя русскія названія мѣстъ и урочищъ объясняются областными или и общеупотребительными нарицательными именами: напримѣръ, Кострома, Калуга, Тула, Великія Луки, Свирь, Мотыра, Луквавка (см. Словари Областной и Даля). Особенно интересную сторону дѣла представило бы сравненіе русскихъ топографическихъ названій съ западно-и южно-славянскими.

Вотъ нѣсколько, хотя и очень недостаточныхъ, матеріаловъ и намековъ для русскаго географическаго словотолкователя. Но покуда осуществится идея подобнаго труда, требующаго большой учености и даже участія нѣсколькихъ лицъ, на первый случай было бы весьма полезно издать, по мысли покойнаго академика Кеппена, простой алфавитный списокъ всѣхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи съ означеніемъ на каждомъ имени ударенія. Это было бы тѣмъ нужнѣе, что въ издаваемомъ П. П. Семеновымъ „Географическомъ и Статистическомъ Словарѣ“ произношеніе именъ не отмѣчено, тогда какъ оно во многихъ случаяхъ сомнительно; напримѣръ, не всѣ знаютъ, какъ выговаривать: Сухона, Кубенское (оз.), Мезень, и къ сожалѣнію, въ общемъ употребленіи этихъ и другихъ названій преобладаетъ произношеніе ошибочное. При такихъ именахъ, какъ *Мезень*, надобно бы означать и родъ ихъ (муж. или женск.).

Я. Гротъ.

НОВЫЙ ИКОНОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Caractéristiques des Saints dans l'art populaire, énumérées et expliquées par le P. Ch. *Cahier*, de la Compagnie de Jésus. Tome premier. A—F. Pages 1 à 440. Paris. Librairie Poussielgue frères. 1867.

Занятія христіанскою иконографіей, какъ наукой, получили начало свое въ XVI столѣтіи вслѣдствіе спора католиковъ съ протестантами о почитаніи иконъ. Только съ этого времени начали обращать вниманіе на особыя черты и аттрибуты, характеризующіе, въ памятникахъ искусства, лица, прославленныя церковью. При самомъ началѣ своемъ, ученая дѣятельность по части христіанской иконографіи получила двоякое направленіе: одни ученые начали составлять именные списки, иногда въ календарномъ порядкѣ, гдѣ при каждомъ лицѣ обозначались тѣ признаки, по которымъ его можно было легко отличить отъ другихъ лицъ, другіе — ратовать противъ погрѣшностей и ошибокъ, въ которыя впадаютъ живописцы, не довольно знакомые, по источникамъ, съ событіями церковной исторіи, и давать совѣты и наставленія художникамъ, какимъ образомъ слѣдуетъ изображать то или другое событіе, ту или другую личность. Изъ всѣхъ сочиненій съ XVI по XVIII-й вѣкъ, относящихся къ первой категоріи, самое замѣчательное принадлежитъ профессору богословія въ семинаріи въ Лёвенѣ (Louvain) Моланусу († 1585): De picturis et imaginibus sacris liber unus tractans de vitandis circa eas abusibus et de earum significationibus. Lovan. 1570, котораго четвертое изданіе было исправлено Пакó и появилось въ свѣтъ въ 1771 году. Во второй же категоріи самое видное мѣсто принадлежитъ двумъ сочиненіямъ: архіепископа Миланскаго Федерико Борромео, брата и наслѣдника знаменитаго Карла Борромео: De pictura sacra libri duo. Mediol. 1634, и Испанца Айала (Ayala)—Pictor christianus eruditus. Madrid. 1730. Но вслѣдствіе антирелигіознаго направленія XVIII вѣка, эта важная вѣтвь христіанской археологіи была вскорѣ предана совершенному забвенію и воскресла

къ новой и болѣе полной жизни только въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Странно, что это возрожденіе науки христіанской иконографіи произошло не въ католическихъ, а въ протестантскихъ странахъ. Авторъ сочиненія, заглавіе котораго выписано въ началѣ этой статьи, приписываетъ это явленіе не научному духу этихъ странъ, не умственной дѣятельности, вызвавшей къ жизни обширную область христіанской археологіи, не пламенной любви и энтузіазму къ среднимъ вѣкамъ, которые побудили романтическую школу устремиться съ свойственнымъ юности жаромъ къ изученію ихъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ, преданій и вѣрованій, а совершенно другимъ и вовсе не столь похвальнымъ побужденіямъ. „Христіанская иконографія, говоритъ онъ (стр. 6 предисловія), должна была содѣлаться загадкою для протестантовъ, тогда какъ во Франціи воспоминанія и церковная служба поддерживаютъ *порядочное* знаніе нѣкоторыхъ фактовъ". Но едва-ли научное равнодушіе можетъ быть оправдываемо такимъ образомъ. Если монументальные памятники христіанскаго искусства суть, какъ выразился одинъ геніальный человѣкъ, книга для не умѣющихъ читать, то измѣнившійся характеръ всего воспитанія новѣйшаго общества требуетъ объясненія многихъ мѣстъ ея даже для высшихъ классовъ. Эти-то потребности, вѣроятно, и вызвали современное возрожденіе и болѣе широкое развитіе христіанской иконографіи. Съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія появились въ свѣтъ, въ Германіи, сочиненія Радовица, Гельмсдорфера, Менцеля и Пипера, въ Англіи — Паркера, мистриссъ Джемисонъ, Юзенбеса (Husenbeth), изъ которыхъ нѣкоторыя суть капитальныя пріобрѣтенія науки, а другія — первыя попытки привести въ систематическій порядокъ тотъ матеріалъ, который собранъ съ такою эрудиціей и въ столь обширныхъ размѣрахъ авторомъ лежащаго передъ нами сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ, никто, казалось, съ извѣстной точки зрѣнія, не былъ способнѣе іезуита Кайэ предпринять во Франціи ученый и обширный трудъ по этому предмету. Во Франціи, кромѣ небольшаго сочиненія аббата Кронье, которое, впрочемъ, не упоминается въ разсматриваемой нами книгѣ, не существуетъ ни одного сочиненія по части христіанской иконографіи (словарь Генбо (Guénebault) не можетъ сюда причисляться). О. Кайэ давно уже пользуется почетною извѣстностью въ археологическомъ мірѣ: имя его неразлучно связано съ именемъ другаго французскаго ученаго, недавно умершаго іезуита Артюра Мартена, въ сотрудничествѣ съ которымъ онъ издалъ два знаменитыя въ археологической литературѣ сочине-

нія: Les vitraux de Bourges и Mélanges d'Archéologie. Въ обоихъ собрана не только масса иконографическихъ свѣдѣній и матеріала, но и о. Кайэ, глубоко знакомый съ твореніями отцовъ церкви, посвятилъ въ обоихъ сочиненіяхъ множество страницъ весьма счастливому и глубокомысленному толкованію христіанской символики. Никто во Франціи многолѣтними занятіями не былъ болѣе приготовленъ къ разъясненію таинственнаго смысла древне-христіанскихъ символовъ, аттрибутовъ и измѣненій въ типахъ, какъ оставшійся въ живыхъ издатель Mélanges d'archéologie. Можно было также предполагать, что въ бумагахъ своего друга онъ найдетъ много матеріаловъ и рисунковъ съ неизданныхъ памятниковъ, пригодныхъ для его новаго труда. Поэтому неудивительно, что новое произведеніе его пера, при первыхъ выпускахъ, было встрѣчено съ сочувствіемъ археологическими журналами.

Нынѣ лежитъ передъ нами вполнѣ оконченный первый томъ христіанской иконографіи о. Кайэ: это половина цѣлаго труда, котораго словарная форма позволяетъ уже нынѣ, еще до выхода въ свѣтъ полнаго сочиненія, обсудить его цѣль, направленіе и ученыя достоинства. Уже внѣшній видъ этой книги привлекателенъ: превосходно напечатанная въ типографіи Клэ (Claye) и украшенная политипажами, она издана въ форматѣ большаго in 4°, подходящаго къ фоліо, и состоитъ изъ 439 страницъ убористой печати, въ два столбца. Правда, этотъ форматъ и самый объемъ сочиненія дѣлаютъ книгу совершенно неудобною для практическаго употребленія: подобные иконографическіе словари назначаются собственно для справокъ въ картинныхъ галлереяхъ, въ соборахъ или церквахъ, въ книгохранилищахъ или собраніяхъ гравюръ, при разсматриваніи памятниковъ искусства, гдѣ встрѣчаешь изображенія лицъ, которыя могутъ быть узнаны только по ха-характеризующимъ ихъ аттрибутамъ. Но этотъ недостатокъ, можетъ-быть, будетъ устраненъ: самъ авторъ высказываетъ надежду, что явится компиляторъ, который передастъ массѣ публики, для вышеозначенныхъ практическихъ цѣлей, въ сжатой формѣ его большой трудъ. За то публичныя библіотеки и археологи получили сочиненіе, которое составитъ украшеніе каждой библіотеки.

Понятно, что въ иконографическомъ сочиненіи, задуманномъ и исполненномъ въ столь обширныхъ размѣрахъ, иллюстрація или способъ посредствомъ рисунковъ съ извѣстныхъ памятниковъ объяснять текстъ, должна играть важную роль. Что авторъ нашего сочиненія понялъ это значеніе иллюстраціи въ своей книгѣ, видно изъ многихъ

весьма любопытныхъ памятниковъ, имъ представляемыхъ, видно изъ многихъ снимковъ, вѣрно передающихъ стиль оригиналовъ. Безъ сомнѣнія, никто не станетъ требовать отъ него, чтобы каждая статья его словаря была иллюстрирована: есть безчисленное множество лицъ, которыхъ аттрибуты достаточно описать нѣсколькими словами, чтобы читатель съ перваго взгляда ихъ узналъ. Но въ христіанской иконографіи есть великія личности, измѣненія типа которыхъ во времени непремѣнно надлежитъ прослѣдить по монументальнымъ памятникамъ. Здѣсь иллюстрація должна сопровождать каждую строку пера писателя. Здѣсь дѣло идетъ не только о томъ или другомъ аттрибутѣ, но и объ измѣненіяхъ, которымъ подвергается весь типъ, то-есть, черты лица, внѣшнія формы тѣла, поза, измѣненія въ возрастѣ, костюмѣ и т. д. Авторъ отлично понималъ эту научную цѣль христіанской иконографіи и выразилъ эту задачу ея въ заглавіи своего сочиненія. Онъ не назвалъ его: объ аттрибутахъ святыхъ, о христіанскихъ символахъ и т. п. образомъ, а: *Caractéristiques* des Saints dans l'art. Только, къ сожалѣнію, онъ не исполнилъ своей задачи: нигдѣ въ его книгѣ мы не встрѣчаемъ исторіи развитія типовъ великихъ христіанскихъ личностей. Иногда даетъ онъ, въ удачномъ снимкѣ, тотъ или другой важный памятникъ христіанскаго искусства, который представляетъ извѣстный моментъ въ развитіи типа, но нигдѣ, во всей книгѣ, нѣтъ у него и слѣда, даже желанія показать историческое развитіе типовъ. А между тѣмъ это есть единственный научный методъ, возможный въ христіанской иконографіи, понимаемой въ смыслѣ строгой науки. Сопоставляя такимъ образомъ монументальные памятники, имѣющіе значеніе въ историческомъ развитіи извѣстнаго типа, мы только этимъ путемъ получимъ твердое хронологическое основаніе для опредѣленія времени происхожденія новооткрываемыхъ памятниковъ, не обозначенныхъ годами.

Но этимъ задачи иллюстраціи иконографическаго сочиненія, столь обширно задуманнаго, какъ книга о. Кайэ, еще далеко не исчерпаны. Не менѣе важную роль играетъ и самый *выборъ* памятниковъ. Какіе памятники искусства должны быть представлены читателю въ подобномъ сочиненіи? Памятники ли древне-христіанскаго искусства и среднихъ вѣковъ, кончая вѣкомъ реформаціи, или, кромѣ нихъ, и всякаго рода изображенія, находимыя и въ гравюрахъ новыхъ граверовъ, какъ, напримѣръ, Калло, и въ картинахъ новыхъ и новѣйшихъ живописцевъ, какъ, напримѣръ, Гверчино, Овербека, Фландрена? Можно ли заказывать современному художнику, по идеѣ автора, ил-

люстраціи къ иконографической статьѣ о той или другой личности, которой старинныя изображенія не дошли до насъ или которая жила и прославилась только въ недавнее время? Всякій, понимающій христіанскую иконографію въ смыслѣ *науки,* безъ сомнѣнія, приметъ границею для иконографическихъ изслѣдованій эпоху реформаціи и даже въ выборѣ средневѣковыхъ памятниковъ будетъ поступать съ большою трезвостью. Не такъ думаетъ, къ сожалѣнію, о занимающемъ насъ вопросѣ о. Кайэ. Онъ не любитъ того, что называетъ archéologie toute crue, и потому избралъ второй способъ иллюстраціи и широкою рукою иллюстрировалъ свое сочиненіе совершенно безполезными для науки рисунками. Затративъ большой капиталъ на уплату за труды художника и рѣзчиковъ на деревѣ, и къ двойному сожалѣнію, потерявъ множество драгоцѣннаго мѣста въ книгѣ, которое могло бы быть посвящено памятникамъ, исторически важнымъ.

И въ дѣлѣ *выбора* иконографическихъ иллюстрацій заглавіе сочиненія о. Кайэ, по мысли автора, должно было выразить ту систему, которой онъ слѣдовалъ. Его характеристики взяты изъ области *народнаго* искусства (dans l'art populaire). Подъ именемъ *народной поэзіи, народной литературы* извѣстны произведенія словесности, созданныя фантазіей народа, безъизвѣстныхъ личностей, вышедшихъ и исчезнувшихъ въ массѣ. Въ этомъ смыслѣ *народная поэзія* противопоставляется *поэзіи искусственной, поэзіи поэтовъ* (Volksdichtung und Kunstdichtung). Въ этомъ смыслѣ и мы думали, что авторъ противопоставляетъ искусству народному, безличному — искусство живописцевъ, l'art populaire et l'art des peintres, искусству древне-христіанскому или средневѣковому — искусство живописцевъ, каковы Фьезоле, Перуджино, Леонардо да-Винчи, Рафаэль, Беллини и Франчіа. Правда, онъ весьма тщательно избѣгаетъ это искусство живописцевъ, l'art des peintres, и нигдѣ не цитуетъ какъ иконографическій авторитетъ то или другое изображеніе Фьезоле, Перуджино или какого-либо другаго живописца. Но каково было наше удивленіе, когда мы, въ числѣ его иконографическихъ памятниковъ, встрѣтили Гверчино (I, стр. 337, изображеніе св. Джеминіано, епископа Моденскаго)! Но этимъ еще далеко не ограничился авторъ: онъ нарочно пригласилъ молодаго и по его мнѣнію, талантливаго художника г. Гримо (Grimaux), который щобильною рукою иллюстрировалъ его книгу самыми безцвѣтными, по нашему мнѣнію, изображеніями. Г. Гримо, какъ видно изъ созданій его карандаша, слабый подражатель уважаемаго нами живописца Фландрена. Онъ рабски подражаетъ позамъ этого худож-

ника, никогда не достигая идеальности и возвышенности его фигуръ. И къ какому обогащенію иконографической науки служатъ его изображенія св. Годеберты (стр. 49), св. Бернарда Толентинскаго (стр. 85), св. Соланжъ (стр. 90), св. Жана Капистранскаго (стр. 330), св. Сира и св. Жюлитты (стр. 350), св. Эдмонда (стр. 415) и tutti quanti? Наконецъ, вслѣдствіе увѣренности въ самомъ себѣ, вытекающей изъ многолѣтняго занятія иконографіей, авторъ самъ сталъ сочинять иконографическіе типы и замѣнять, по собственному произволу, одинъ аттрибутъ другимъ. Примѣръ тому мы находимъ на стр. 329. „Византійская императрица св. Пульхерія, † 453, можетъ быть, говоритъ онъ, изображаема представляющею Богу надпись, которую она посвятила въ церковь св. Софіи, чтобы публично засвидѣтельствовать свой обѣтъ дѣвственности. *Я предпочелъ* дать ей таблицу, на которой начертано слово Θεοτόκος, въ воспоминаніе осужденія несторіанской ереси на Эфесскомъ соборѣ“. И послушный карандашъ г. Гримо изобразилъ на слѣдующей 330 страницѣ св. Пульхерію по предписаніямъ этого новаго отца католической церкви. Странное и неуважительное обращеніе съ наукой!

Всѣмъ извѣстно, что иконографическіе типы получили свое начало въ эпоху древне-христіанскаго искусства. Ихъ развили далѣе и окончательно установили Византія и византинизированный Востокъ, Италія и Германія. Франція, даже въ эпоху самаго высшаго процвѣтанія своей религіозной жизни, не проявляла сильнаго, самостоятельнаго творчества въ этомъ дѣлѣ. Замѣчательны только въ значительной степени порталы ея готическихъ соборовъ, гдѣ разказаны легенды мѣстныхъ святыхъ и т. п. Даже многочисленныя французскія Livres d'Heures, созданныя въ такомъ огромномъ количествѣ XV-мъ и XVI-мъ столѣтіями, не представляютъ иконографу обильной жатвы. Нѣкоторыя франкскія миніатюры, нѣсколько средневѣковыхъ произведеній живописи на стеклѣ и замѣчательныхъ скульптуръ — вотъ все ея богатство. Оригинальнаго религіознаго искусства Франція никогда не имѣла. Хотя національное самолюбіе ученаго археолога давно должно было бы сознать эту истину, но о. Кайе даже глубоко убѣжденъ, что религіозное *искусство* можетъ процвѣтать во Франціи XIX вѣка, хотя и сознается, что Франція потеряла религіозную жизнь. Вотъ почему онъ облѣпилъ драгоцѣнныя страницы своей книги „современными композиціями“ (compositions contemporaines), жалкими, безцвѣтными и безхарактерными. Такъ поступаютъ католическія общества, издающія

назидательныя книжицы для народнаго чтенія съ картинками, назначенными поддерживать и распространять благочестіе.

Перейдемъ къ научной сторонѣ сочиненія о. Кайэ. Всѣмъ извѣстно, какъ богато христіанское искусство символами. Символы — даже любимѣйшій способъ выраженія въ древне-христіанскомъ искусствѣ, или лучше сказать, это единственный языкъ, на которомъ говорило христіанское искусство въ эпоху преслѣдованія церкви. Всякій, безъ сомнѣнія, непремѣнно станетъ искать объясненія этихъ символовъ въ словарѣ символовъ и аттрибутовъ, издаваемомъ о. Кайэ, какъ найдетъ ихъ въ словарѣ Менцеля, изданномъ на нѣмецкомъ языкѣ (*Menzel*,—Wolfgang. Christliche Symbolik. Zweite Auflage. Regensburg. 1856. 2 тома). Никто во всей Франціи не могъ бы глубокомысленнѣе обработать этотъ предметъ, даже въ формѣ словаря, чѣмъ авторъ столь многочисленныхъ диссертацій о христіанскихъ символахъ, о христіанской символикѣ, находящихся въ названныхъ выше изданныхъ имъ двухъ сочиненіяхъ; но тщетно читатель будетъ искать подробнаго изложенія и объясненія символовъ древне-христіанскаго искусства, которыя слѣдуетъ встрѣтить подъ первою половиною буквъ французскаго алфавита. Если въ рѣдкихъ случаяхъ необходимость заставляетъ его объяснить тотъ или другой символъ, то онъ дѣлаетъ это кратко и неохотно. Внося въ свой словарь всѣ символы, онъ тщательно избѣгаетъ, устраняетъ отъ себя всѣ символическія разсужденія. Это направленіе своего сочиненія онъ ясно высказалъ не только въ предисловіи (стр. 8), но и во многихъ введеніяхъ въ статьи символическаго содержанія (напримѣръ, на стр. 65). Тщетно читатель на вышедшихъ въ свѣтъ страницахъ будетъ искать символическаго объясненія изложенныхъ тутъ словъ: агнецъ, якорь, символическія животныя (напримѣръ, единорогъ) деревья, корабль, олень, вѣнецъ, райскія рѣки и т. д. Авторъ преслѣдовалъ совершенно другія цѣли: главною его цѣлію было — дать опытъ *историческаго объясненія* аттрибутовъ, съ которыми изображается то или другое лицо. Авторъ — *историкъ и только историкъ*. Съ неутомимою ревностью, въ теченіе многихъ лѣтъ,—потому что сочиненіе это задумано было имъ еще въ 1838 г.,—собралъ онъ огромный историческій матеріалъ, который объясняетъ изъ исторіи, то-есть, изъ житій, сказаній и легендъ, дошедшія до насъ изображенія лицъ, которыхъ корни, по его мнѣнію, всегда кроются въ исторіи. Если мнѣніе это относительно и справедливо, то автору, безусловно вѣрующему въ его непогрѣшимость, въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы иногда относиться къ своимъ источникамъ весьма скепти-

чески. *Словарь характеристикъ святыхъ въ народномъ искусствѣ о. Кайэ*, разсматриваемый какъ собраніе историческаго матеріала для разъясненія аттрибутовъ тѣхъ или другихъ лицъ, есть громадный иконографическій реперторіумъ, которому подобнаго нѣтъ во всей европейской литературѣ.

Совершенно иной вопросъ: практически ли расположенъ этотъ матеріалъ? Авторъ далъ своему сочиненію форму словаря. Матеріалъ въ этой формѣ долженъ быть расположенъ такъ, чтобы найдя на какомъ-либо памятникѣ изображеніе неизвѣстнаго намъ лица съ аттрибутомъ, мы, зная аттрибутъ, могли тотчасъ взять для справки книгу о. Кайэ и подъ алфавитною буквою этого аттрибута найдти удобно и опредѣлить личность находящагося передъ нами на памятникѣ неизвѣстнаго намъ лица. Таково практическое назначеніе всѣхъ энциклопедическихъ словарей. Къ сожалѣнію, словарь о. Кайэ представляетъ въ этомъ отношеніи безвыходную путаницу: почти въ каждой статьѣ встрѣчаются десятки ссылокъ на другія статьи, которыя должно отыскать, прочесть и сличить, чтобъ открыть искомую личность. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Предположимъ, что на картинѣ, находящейся передъ нами, мы видимъ, изображеніе епископа, котораго мы узнаемъ по костюму, въ сопровожденіи ангела. Беру словарь о. Кайэ и отыскиваю подъ статьею: anges, рубрику: saints caractérisés par la présence d'un ange. Но по словарю о. Кайэ, епископовъ, изображаемыхъ съ ангелами,—18. Чтобы распознать, который изъ 18-ти епископовъ изображенъ на нашей картинѣ, мы должны еще отыскать, прочесть и сличить эти 18 описаній съ статьями: colombe, cruche, lampe, linge, aigle, clef, tombeau, calice, cygne, mer, bœuf etc. etc. Прочесть полсловаря для одной справки, признаемся, это — не очень удобно. Но затрудненіе наше возрасло бы вдвое, если бы вмѣсто епископа на нашей картинѣ изображенъ былъ просто какой-либо священнослужитель. Такихъ священнослужителей, изображаемыхъ съ ангелами, авторъ насчитываетъ 44. Пусть читатель отгадаетъ, сколько тутъ новыхъ справокъ. Но предположимъ, что мы начинаемъ догадываться, что изображенный на нашей картинѣ священнослужитель есть св. Іоакимъ, отецъ Пресвятой Дѣвы Маріи, которому ангелъ объявляетъ, что онъ будетъ вскорѣ отцомъ. Чтобъ окончательно убѣдиться въ томъ, что это св. Іоакимъ, мы должны, по желанію автора, отыскать, прочесть и сличить еще статьи: troupeau, porte, groupes (!) и embrassement. Женщинъ, изображаемыхъ съ ангелами, 24; женщинъ, изображаемыхъ съ кольцомъ въ рукахъ, 6; алтарь изображается при 29

святыхъ, и само собою разумѣется, одного послѣдняго признака недостаточно, чтобъ отличить св. Аквилина, епископа города Эврэ, отъ Нантскаго епископа св. Гоарда, и вотъ опять начинается безконечный рядъ ссылокъ на другія статьи... Посохъ (bâton) — аттрибутъ, придаваемый 42 святымъ; ясно, что нужны еще другіе признаки, чтобъ узнать лицо, изображенное на памятникѣ съ посохомъ, и вотъ опять ссылки на статьи: serpents, bœufs, calice, coupe, fleuve, sceau и. т. д., и т. д.

Но этимъ далеко не ограничивается безвыходная путаница словаря о. Кайэ: въ рубрикаціи матеріала господствуетъ удивительный произволъ. Предположимъ, что передъ нами находится древне-христіанскій памятникъ, на которомъ изображенъ Даніилъ во рву львиномъ; голова пророка облечена въ фригійскую митру. Гдѣ искать объясненія этой подробности восточнаго костюма, подъ словомъ: mitre phrygienne или словомъ: tiare? Нисколько. Фригійская шапка объяснена и изображена подъ словомъ: bonnets singuliers! Такой же произволъ въ рубрикаціи словъ или въ размѣщеніи иконографическаго матеріала подъ алфавитный порядокъ, мы встрѣчаемъ въ словарѣ о. Кайэ на каждомъ шагу. Подъ словомъ: *bœuf* изложены безъ различія всѣ bêtes bovines, или, какъ говорятъ, bêtes à cornes, то-есть, taureau, vache, bœuf, buffle и даже les bœufs ou taureaux artificiels. *Монеты*, изображаемыя на памятникахъ, напримѣръ, въ рукахъ различныхъ лицъ, должно искать подъ словами: argent и aumône. Подъ словомъ: „assassinat“ читатель найдетъ только „les guets-apens assez clairement exprimés par les artistes“ (!). Объясненіе изображенія Воскресенія Лазаря слѣдуетъ искать подъ словами: cadavre и mort ressuscité; извѣстную монограмму имени Спасителя подъ двумя словами: chiffre (стр. 219) и chrisme (стр. 221), и не смотря на то, обѣ статьи, судя по важности предмета, очень кратки, потому что авторъ отсылаетъ читателей къ новымъ трудамъ Де-Росси по этому вопросу. Но эти труды написаны на языкѣ, мало извѣстномъ во Франціи и вообще въ Европѣ; слѣдовательно, отчего бы не изложить результаты ихъ въ популярной формѣ въ сочиненіи, назначенномъ не для однихъ ученыхъ археологовъ, но и для художниковъ и образованной публики вообще? Авторъ самъ, повидимому, изобрѣталъ разныя ухищренія въ дѣлѣ рубрикаціи своего матеріала, чтобы только ввести читателя въ затрудненіе при справкѣ, а не облегчить ему дѣло. Такъ, всѣ суда, изображаемыя на памятникахъ съ одною мачтою, въ его словарѣ должно искать подъ статьею: barque, а если мачтъ болѣе, то подъ статьею: vaisseau. Это раздѣленіе судовъ, ни на чемъ не основанное,

есть чистый произволъ фантазіи автора. Вообще изъ чтенія одной статьи словаря о. Кайэ никто не получитъ полнаго отвѣта на одинъ вопросъ: необходимо прочесть десятокъ статей. Такъ, чтобы составить себѣ понятіе объ инсигніяхъ епископской власти, должно прочесть слова: épiscopat, chape, croix, crosse, mitre и т. д. Кромѣ нѣкотораго внѣшняго порядка въ распредѣленіи описываемыхъ лицъ, въ сочиненіи О. Кайэ нѣтъ строгой научной методы. Но богатство историческаго матеріала и достоинство нѣкоторыхъ статей дѣлаютъ его книгу необходимымъ пособіемъ при изученіи христіанской иконографіи, если не для большинства публики, то для ограниченнаго круга спеціалистовъ. Самъ авторъ чувствовалъ, что практическаго значенія его книга никогда не пріобрѣтетъ (стр. 11). Къ замѣчательнѣйшимъ ея статьямъ принадлежатъ: apôtres, calendrier, crosse, évangélistes и нѣкоторыя другія. Въ статьѣ о календаряхъ мы думали, что авторъ, по характеру сообщаемыхъ имъ матеріаловъ, дастъ намъ полную исторію не писанныхъ, но рисованныхъ календарей, назначенныхъ для употребленія неграмотныхъ классовъ общества. Къ сожалѣнію, надежды наши не сбылись. Авторъ ограничился сообщеніемъ двухъ подобныхъ календарей: Бретонскаго и Скандинавскаго. Хотя оба памятника въ высшей степени интересны, но самый предметъ статьи ими далеко не исчерпывается.

Наконецъ, при чтеніи сочиненія о. Кайэ не должно терять изъ виду отношенія автора къ наукѣ вообще: онъ католикъ и іезуитъ. Какъ католическій писатель о наукѣ, имѣющей, по его мнѣнію, религіозный характеръ, онъ не знаетъ научной объективности и относится враждебно ко всѣмъ иконографическимъ явленіямъ, вышедшимъ не изъ лона римско-католической церкви, а созданнымъ, напримѣръ, византійскою церковью. Таково, напримѣръ, его мнѣніе объ изображеніи греческою церковью Іоанна Крестителя съ крыльями (стр. 26). Какъ іезуитъ, онъ говоритъ съ іезуитскою изворотливостью ума во многихъ мѣстахъ своей книги, напримѣръ, о чудесахъ.

Мы посвятили разбору новаго труда о. Кайэ болѣе мѣста, чѣмъ позволяетъ, можетъ-быть, программа *Журн. Мин. Нар. Просв.* [1]) Насъ

---

[1]) Смѣемъ думать, что читатели наши будутъ намъ только признательны за помѣщеніе замѣтокъ, о важнѣйшихъ сочиненіяхъ по части исторіи искусствъ, такого знатока дѣла, какъ К. К. Гёрцъ, уже 10 лѣтъ преподающій этотъ предметъ въ Московскомъ университетѣ, и надѣемся, что почтенный авторъ не откажетъ намъ въ дальнѣйшемъ своемъ сотрудничествѣ по предметамъ его спеціальности. *Ред.*

побуждали къ тому, какъ обширность и значеніе этого труда, такъ и желаніе обратить на него вниманіе русскихъ читателей. Намъ казалось, что слѣдуетъ указать на его достоинства и недостатки въ такой странѣ, гдѣ христіанская иконографія составляетъ живую науку, гдѣ нѣсколько лицъ исключительно посвящаютъ себя ея изученію, гдѣ составилось даже цѣлое общество съ цѣлію изучать памятники отечественной иконографіи, гдѣ цѣлый классъ художниковъ работаетъ для удовлетворенія иконографическихъ потребностей. Указанія на чужія достоинства и ошибки не пройдутъ, можетъ-быть, совершенно безъ слѣда на томъ пути, который мы сами пролагаемъ въ этой наукѣ.

К. Гёрцъ.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

V. Географія Россіи.

Поѣздка въ Окинскій караулъ *князя Крапоткина*. — Мнѣніе *г. Скороговорскаго* о вулканическомъ происхожденіи Байкала. — Путешествіе *г. Лопатина* къ верхнему теченію рѣки Витима. — Экспедиція для отысканія скотопрогоннаго пути изъ Олекминскаго округа въ Нерчинскій. — Плаваніе *г. Хилковскаго* по рѣкѣ Сунгари. — Поѣздка *г. Шмидта* на сѣверъ Сибири для изслѣдованія трупа мамонта. — Изслѣдованіе Каратаусскихъ горъ въ Туркестанѣ. — Труды *г. Абиха* по географіи Кавказа. — Кавказскіе нефтяные источники.

Богатые матеріалы по географіи Россіи сообщаютъ *Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, въ особенности труды отдѣловъ его Сибирскаго и Кавказскаго.

Сибирь, преимущественно восточная часть ея, представляетъ до сихъ поръ множество мѣстностей, еще не тронутыхъ наукою. Сибирскій отдѣлъ географическаго общества, поставивъ главною своею задачею изученіе этого обширнаго края, сошелся въ своихъ стремленіяхъ съ частными лицами и различными правительственными вѣдомствами, которыя не менѣе его заинтересованы въ знакомствѣ съ страною для чисто-практическихъ цѣлей. Благодаря постороннимъ пособіямъ, скудный по средствамъ отдѣлъ имѣлъ возможность въ прошедшемъ и запрошедшемъ годахъ нарядить нѣсколько важныхъ экспедицій въ различныя части восточной Сибири. Свѣдѣнія объ этихъ экспедиціяхъ сообщены въ отчетѣ его за 1866 года, помѣщенномъ въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Географическаго Общества* т. III. № 1-й. Мы прежде всего остановимся на поѣздкѣ въ Окинскій караулъ князя Крапоткина.

Поводомъ къ этой поѣздкѣ послужило появившееся въ 1864 году въ Петербургскихъ газетахъ извѣстіе о находящихся въ Иркутской губерніи Окинскихъ водопадахъ, которые будто бы до того велики, что одинъ изъ нихъ превосходитъ всѣ существующіе въ мірѣ. Князь

Крапоткинъ принялъ на себя обязанность развѣдать о неслыханныхъ водопадахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть долину Оки и надписи на утесахъ, замѣченныя близь Окинскаго караула. Путевыя записки любознательнаго путешественника начинаются отъ самаго Иркутска. За холмистою мѣстностью, на которой расположены деревни Смоленщина, Баклаши и другія, дорога все болѣе и болѣе углубляется въ гористую страну, въ которой хлѣбопашество ослабѣваетъ, и жители болѣе занимаются лѣсопромышленностью, сплавляя лѣсъ въ Иркутскъ. Далѣе отъ деревни Моты до Култука начинается уже вполнѣ альпійская страна; горы покрыты густою чащею лиственницы. Отъ Култука дорога тянется по падямъ рѣкъ Култушной и Ильчи и затѣмъ, послѣ ряда небольшихъ хребтовъ, добирается до Торской котловины, въ которой течетъ Иркутъ. Котловина шириною до 9-ти верстъ и длиною 20 верстъ. Здѣсь путешественникъ рисуетъ намъ прекрасную горную картину; даже растительность принимаетъ иной видъ: вмѣсто мелкихъ лиственницъ и кедровъ, утомлявшихъ взглядъ въ окрестностяхъ Култука, является рослая береза и толстая сосна. Скотоводство существуетъ здѣсь въ широкихъ размѣрахъ; только хлѣбопашество при изобиліи скота весьма ничтожно.

На дорогѣ отъ Торской станціи до селенія Тунки, идущей по отрогамъ горъ лѣваго берега Иркута, князь Крапоткинъ спускался въ пещеру, которая находится въ одномъ изъ холмовъ. Узкая труба, покрытая леданою *(sic!)* накипью, служитъ входомъ въ пещеру, которая имѣетъ до 15-ти шаговъ длины, 10 ширины и высоты до 8 саженей; стѣны и полъ состоятъ изъ пемзовидной лавы, покрытой известковыми натеками; на днѣ просачивается вода, имѣющая, какъ и всѣ колодцы Тунки, сѣрный вкусъ. Самое селеніе Тунка состоитъ изъ 350 душъ и разбросано на нѣсколько верстъ по обоимъ берегамъ Иркута. Тунку населяютъ казаки, потомки древнихъ пограничныхъ казаковъ, живущіе здѣсь съ 1709 года и уже смѣшавшіеся съ кореннымъ бурятскимъ населеніемъ, отчего они, какъ племя малочисленное, приняли монгольскій типъ. Казаки занимаются хлѣбопашествомъ, звѣриными промыслами, преимущественно бѣлковымъ, и мелочною торговлею съ пограничными Монголами. Кромѣ казаковъ, въ Тункѣ есть ясачные осѣдлые Буряты, перенимающіе всѣ русскіе обычаи осѣдлой жизни и уже въ значительной степени потерявшіе тотъ безобразный типъ, который такъ часто попадается между чисто бурятскими племенами.

На дорогѣ изъ с. Тунки вверхъ по Иркуту попадается замѣчательная кумирня. Она имѣетъ видъ трехъэтажной деревянной башни въ китайскомъ вкусѣ и интересна по разнообразію идоловъ, какое рѣдко можно встрѣтить въ другихъ кумирняхъ; напримѣръ, въ верхнемъ этажѣ есть идолъ Цаганъ-Убукгуна съ большою бѣлою бородой, единственное изъ всѣхъ буддійскихъ изображеній съ бородою. Около него стоятъ два человѣка; надъ однимъ изъ нихъ свѣтитъ бѣлое солнце, а надъ другимъ красное. Рядомъ съ большою кумирнею помѣщается нѣсколько маленькихъ; внѣ ограды располагаются юрты ламъ.

Миновавъ Нилову пустынь, живописно расположенную среди высокихъ горъ, заросшихъ хвойными лѣсами, нашъ путешественникъ вступилъ въ холодную гористую мѣстность, бѣдную древесною растительностью. Отсюда во всей красѣ открывался видъ на снѣжный Мунку-Сардыкъ, составляющій водораздѣлъ между Окой и Иркутомъ. Вершины хребта безлѣсны: ихъ покрываютъ яркіе мхи и разноцвѣтные лишаи. Онѣ состоятъ изъ трехъ гребней горъ, высшая точка которыхъ 7292″. Спустившись съ гольца при хорошей погодѣ, путешественникъ достигъ озера Иркута, изъ котораго беретъ начало Бѣлый Иркутъ; недалеко отсюда находится другое Окинское озеро, верховье рѣки Оки. Они раздѣляются низкимъ болотистымъ уваломъ, поросшимъ лиственницею. Отправившись внизъ по теченію Оки, князь Кропоткинъ далъ себѣ отдыхъ въ юртѣ Бурята. Усталому путешественнику долго мечталась величественная грозная картина снѣжныхъ гольцовъ. Онъ полагаетъ, что мѣстность, посѣщенная имъ, представляетъ важный интересъ для геологическихъ изслѣдованій: сравнительное геологическое изслѣдованіе верховьевъ Иркута, Китая, Оки и Бѣлой должно привести къ рѣшенію многихъ существенныхъ вопросовъ объ образованіи горныхъ системъ центральной Азіи.

На пути къ Окинскому караулу князь Кропоткинъ посѣтилъ Алиберовскій графитный пріискъ. Мѣсторожденіе графита здѣсь извѣстно было еще съ 1842 года. Алиберъ купилъ за 300 руб. этотъ пріискъ и съ 1847 года открылъ разработку. Въ настоящее время пріискъ совершенно брошенъ со всѣми орудіями, домашнимъ обзаведеніемъ, садомъ и огородами, устройство которыхъ на высотѣ 7.000 футовъ стоило неимовѣрныхъ трудовъ.

Окинскій караулъ состоитъ изъ ветхой казармы, амбара и часовни. Кромѣ обязательнаго русскаго поселенія, состоящаго изъ 4-хъ казаковъ, въ караулѣ живутъ еще двѣ семьи, поселившіяся за нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ окрестностяхъ считается до 300 Бурятъ, зани-

мающихся скотоводствомъ. Недалеко отъ караула есть высокій, известковый утесъ Монгольжинъ. На немъ видны надписи клинообразно-сердцевидной формы съ точкою въ срединѣ, сдѣланныя на камнѣ красною и малиновою краской. Краска эта большею частію смылась, и самые куски бѣлаго известняка, на которыхъ были нѣкогда надписи, отвалились. Три рисунка уцѣлѣли на одной площадкѣ, своимъ наклоннымъ положеніемъ предохраненной отъ дождей; отъ другихъ же остались только блѣдные слѣды въ видѣ пятенъ. Кромѣ того сохранились остатки построекъ, состоящіе изъ груды камней, на которыхъ видны явные слѣды насѣвшей отъ огня копоти.

Съ окончаніемъ послѣднихъ степныхъ мѣстъ, привольныхъ для скотоводства, съ появленіемъ горъ и быстрыхъ узкихъ рѣчекъ, гдѣ луговую растительность смѣняетъ олeній мохъ, начинается бродячая жизнь оленнаго народа Карагасовъ. Современные этнографы сообщаютъ о нихъ лишь очень скудныя свѣдѣнія; намъ извѣстно только, что есть Карагасы, кочующіе между Окой и Нижнеудинскомъ, что они разъ въ годъ выходятъ къ Нижнеудинску, гдѣ ихъ женятъ и крестятъ всѣхъ за годъ родившихся дѣтей, и что затѣмъ они удаляются въ самыя дикія мѣстности, въ гольцы и въ вершины бурливыхъ рѣчекъ. Ихъ происхожденіе, образъ жизни и языкъ остаются еще неизвѣстными.

Прибывъ къ главной цѣли своей поѣздки, князь Крапоткинъ убѣдился, что величественные Окинскіе водопады не что иное, какъ плодъ фантазіи досужаго корреспондента. Одинъ изъ рукавовъ рѣчки Джуйбулака, впадающей въ Оку, образуетъ дѣйствительно водопадъ высотою отъ 70 до 80-ти футовъ; вода падаетъ съ отвѣсной стѣны; ширина ручья въ самую большую воду бываетъ въ 28 футовъ, наибольшая глубина 5 футовъ, а вертикальное сѣченіе въ самую большую воду 70 квадратныхъ футовъ; скорость теченія, судя по навороченнымъ камнямъ, должна быть очень велика. Но водопадъ бываетъ только весною; лѣтомъ же нѣтъ не только его, но даже и воды. О второмъ ручьѣ въ 3/4 версты отъ Джуйбулака не стоитъ и говорить. Высота паденія воды 15 футовъ; количество падающей воды такъ ничтожно, что всю струю можно собрать въ сороковую бочку. Въ подлинности этихъ водопадовъ сомнѣваться нельзя, потому что мѣстность оказалась вполнѣ согласною съ описаніями корреспондента; притомъ же по теченію всей Оки и впадающихъ въ нея ручьевъ нѣтъ другихъ водопадовъ.

Исполнивъ такимъ образомъ возложенное на него порученіе, князь

Крапоткинъ не захотѣлъ возвратиться прежнимъ путемъ въ Иркутскъ, а предпочелъ продолжить свои изслѣдованія внизъ по Окѣ. Онъ желалъ спуститься на лодкѣ, но Буряты рѣшительно отказали въ этомъ, увѣряя, что на Окѣ есть пороги, и что они не умѣютъ плавать. Поэтому онъ вынужденъ былъ отправиться верхомъ. Долина Оки, по которой проѣзжалъ нашъ путешественникъ, шириною около 12-ти верстъ, состоитъ изъ аллювіальныхъ наносовъ, теперь залитыхъ лавою, въ которыхъ рѣка промыла себѣ русло. Тамъ, гдѣ рѣка прижимается къ горамъ какого-либо берега, на противоположномъ являются хорошіе луга, по которымъ разсѣяны лѣтники и зимники Бурятъ. Окрестные холмы усѣяны осиной, хвойными деревьями и березой. Переваливъ за высокій хребетъ, князь Крапоткинъ поѣхалъ по рѣкѣ Айнаку, которая течетъ въ ущельи, пробитомъ въ сѣрыхъ известнякахъ и поросшемъ лиственницею, кедромъ, елью, осиной, рябиной и кустарниками. Затѣмъ онъ переѣхалъ рѣчку Урду-Оку, и преодолѣвая на пути значительныя трудности, по дикой тайгѣ и розсыпямъ поднялся на вершину высокаго гольца (6.942 футовъ). Съ этой высоты, гдѣ страшный вѣтеръ сбивалъ съ ногъ, открылся видъ на обширную горную страну. Съ гольца Крапоткинъ спустился въ падь Далдармы, слѣдуя которою вышелъ опять на рѣку Оку. Здѣсь долина Оки не всегда удобопроходима, такъ что путешественнику пришлось снова переваливать черезъ горы, чтобы миновать утесистые берега. Но за устьями рѣчки Тыгылтая горы отходятъ въ сторону и только въ одномъ мѣстѣ праваго берега встрѣчается одинокое возвышеніе Бу-дорикъ, которому Буряты воздаютъ поклоненіе и не шумятъ, проѣзжая его. Эту гору можно принять за границу распространенія большихъ сосновыхъ и мѣшаныхъ лѣсовъ по Окѣ. Отсюда почти исключительно идутъ рѣдкіе березовые лѣса по превосходнымъ лугамъ.

Пройдя деревню Карноты, населенную Бурятами, весь быть которыхъ составляетъ подражаніе быту русскихъ крестьянъ, князь Крапоткинъ чрезъ Зиминскую станцію по тракту возвратился въ Иркутскъ. Онъ привезъ съ собою болѣе 200 образцовъ горныхъ породъ, которыя могутъ дать полное понятіе о геогностическомъ характерѣ посѣщенныхъ имъ мѣстностей.

Не выходя изъ предѣловъ Иркутской губерніи, мы сообщимъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о Байкалѣ, заимствованныя отчетомъ Сибирскаго отдѣла изъ статьи г. Скороговорова: „Нижнеудинскій и Иркутскій округа“.

Монголы и Буряты называютъ Байкалъ Байгаломъ (стояніе огня, отъ *бай* — стой и *галъ* — огонь). Самое названіе, а еще болѣе сложность и перепутанность минеральныхъ породъ на берегахъ Байкала, нахожденіе лавы въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ Байкала и существованіе минеральныхъ источниковъ, свидѣтельствуютъ, что когда-то, въ отдаленныя времена, на мѣстѣ обширнаго озера дѣйствовалъ огромный вулканъ. Это мнѣніе подтверждается наблюденіями надъ дномъ Байкала. По измѣренію 1819 года, при истокѣ Ангары оказалось 867 саженъ глубины, около устьевъ Селенги 246 сажень, а далѣе къ Баргузинской губѣ и устью Ангары дно несравненно мелче. Г. Скороговоровъ подтвердилъ это и собственнымъ наблюденіемъ. Ему нѣсколько разъ приходилось переплывать въ лодкѣ отъ Листвяничной станціи къ ручью Ворончугажъ, въ двухъ верстахъ отъ Ангары. Въ тихую погоду, внимательно всматриваясь въ глубь озера, можно на 10 саж. разсмотрѣть дно, которое отъ береговъ постепенно склоняется на протяженіи 56 саж. и потомъ на глубинѣ 15 саж. разомъ нисходитъ отвѣсною скалой въ бездну провала. Во время полнаго затишья у подводной скалы видна только черная глубь. Сравненіе береговъ Байкала отчасти помогаетъ опредѣлить первоначальное направленіе провала. Весь юго-западный берегъ Байкала, начиная отъ Култука вплоть до острова Ольхона, почти вездѣ обрывается отвѣсными скалами въ глубь озера, между тѣмъ какъ противоположный сѣверо-восточный берегъ является повсюду отлогимъ, не смотря на высоту горъ. Отъ Туркинскихъ горячихъ водъ до Баргузинской губы дно озера представляетъ собою отмель, простирающуюся иногда отъ 5 — 10 верстъ. На сѣверной сторонѣ Баргузинской губы берегъ является сплошными скалами, нисходящими въ неизмѣримыя глубины озера, и это тянется до устьевъ верхней Ангары, предъ которыми снова появляются отмели. Обрывы скалъ наиболѣе замѣтны отъ истока нижней Ангары къ Култуку. Такимъ образомъ представляется вѣроятнымъ, что провалъ первоначально имѣлъ направленіе зигзагомъ отъ южнаго конца къ сѣверному, то-есть, отъ деревни Култука къ нижней Ангарѣ, далѣе тѣмъ же берегомъ до острова Ольхона, отъ него на востокъ къ Баргузинской губѣ, и отъ нея уже сѣверо-восточнымъ берегомъ до устья верхней Ангары. Есть нѣкоторое основаніе думать, что дѣйствіе вулканическихъ силъ не прекратилось и донынѣ. Такъ, въ мартѣ и апрѣлѣ бываютъ постоянные разносы льда между станціями Голоустной и Кадильной, приближающіеся къ Иркутскому юго-западному берегу, между тѣмъ какъ ледъ на озерѣ держится до мая. Далѣе, во

всю зиму, особенно въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ, дѣлаются во льду Байкала широкія трещины, всегда вдоль озера. Трещина, начинаясь отъ истоковъ Ангары, тянется къ Баргузинской губѣ и далѣе къ устью верхней Ангары. Наконецъ, случается нерѣдко слышать подледный гулъ отъ происходящаго волненія воды и трескъ отъ разрыва льда. Эти три обстоятельства указываютъ, по мнѣнію автора, на продолжающееся дѣйствіе осѣвшаго вулкана, воронка котораго лежитъ между истокомъ Ангары, станціями Голоустной и Кадильной и устьями рѣки Селенги.

Замѣчательно, что дно Байкала постепенно осѣдаетъ. Доказательствомъ тому служатъ горизонтально и параллельно расположенныя полосы въ обнаженныхъ скалахъ, въ особенности по сѣверо-западному берегу и отъ Баргузинской губы по сѣверо-восточному къ устью Ангары. Въ 1811 г. такихъ полосъ, означавшихъ, конечно, уровень воды въ Байкалѣ, было четыре, и верхняя изъ нихъ была отъ поверхности воды не болѣе 5½ фут.; въ 1830 г. г. Скороговоровъ насчиталъ уже пять полосъ, изъ которыхъ верхняя отстояла отъ поверхности воды выше сажени, а нижняя на четверть фута.

Предположенія о дѣйствіяхъ вулканическихъ силъ подтверждаются явленіями, происходящими по берегамъ Байкала. На юго-западной сторонѣ Байкала поднимается высокая гора Ныка-дабанъ. Въ 1807 г. 6-го января въ Тункинской станицѣ были слышны раскаты грома со стороны Ныкэ-дабана и затѣмъ пошелъ сильный проливной дождь. Въ 1820 и 1830 годахъ въ концѣ декабря точно также былъ слышенъ громъ и вслѣдъ затѣмъ упалъ камень, величиною съ кулакъ, который по изслѣдованіи состоялъ изъ продолговатыхъ желѣзныхъ зеренъ, связанныхъ крѣпкимъ цементомъ изъ пепла. Г. Скороговоровъ говоритъ, что въ 1812 году около Тункинской станицы было три желѣзокислыхъ минеральныхъ источника, которыхъ въ 1825 г. онъ уже не нашелъ. Источники исчезли, и самая мѣстность измѣнилась. Вмѣсто отлогаго, покрытаго густыми деревьями берега Иркута явился голый, крутой и каменистый. На золотыхъ промыслахъ Бирюсинской системы, не вдалекѣ отъ Георгіевскаго-Рязановскаго пріиска, въ небольшой равнинѣ находится гора, которая ночью освѣщается разноцвѣтными огнями, выходящими изъ трещинъ. Огоньки свѣтятъ, какъ зажженная свѣчка. Такіе же огоньки, по свидѣтельству Тункинскихъ казаковъ, замѣчены и въ Саянскихъ горахъ. Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, можно заключить, что не только Байкалъ, Ныкэ-да-

банъ, но и вся цѣпь Саянскихъ горъ отъ Енисея до Селенги и далѣе на востокъ заключаютъ въ себѣ плутоническія силы.

Переходя за тѣмъ къ Забайкальскому краю, мы должны упомянуть о двухъ экспедиціяхъ, описанныхъ въ отчетѣ Сибирскаго отдѣла. Это 1) путешествіе Лопатина на верхнее теченіе рѣки Витима и 2) экспедиція для отысканія скотопрогоннаго пути изъ Олекминскаго округа въ Нерчинскій.

Цѣль экспедиціи г. Лопатина состояла въ изслѣдованіи геологическаго строенія нагорной верхне-витимской страны, въ которой уже нѣсколько лѣтъ разрабатываются золотые пріиски. Выѣхавъ изъ Иркутска 18-го апрѣля 1865 г., г. Лопатинъ 24-го апрѣля былъ уже въ Баргузинѣ и прожилъ въ городѣ до 18-го мая, выжидая, пока окончательно стаятъ снѣга на перевалѣ отъ вершинъ Аргоды на Витимъ. Онъ сдѣлалъ было попытку ранѣе этого времени перейдти одинъ изъ хребтовъ, раздѣляющихъ долину Баргузина отъ Байкала, но нашелъ, что на вершинѣ перевала лежали цѣлые сугробы снѣга, хотя у подошвы на солнечной сторонѣ уже видны были цвѣтущіе кустарники. 18-го мая отрядъ Лопатина тронулся въ путь, направляясь долиною Баргузина къ устью рѣки Аргоды. Изъ этой долины, имѣющей отъ 10 — 15 верстъ ширины, отрядъ направился вверхъ по Аргодѣ. Вершина Аргоды была неприступна для прохода лошадьми, а потому на перевальный хребетъ путешественники поднялись съ большими затрудненіями. Растительности не было никакой, въ лощинахъ даже лежалъ глубокій снѣгъ; ночью вода въ стаканѣ замерзала. Видъ окружающей мѣстности наводилъ уныніе на путешественника. Спустившись съ хребта, Лопатинъ достигъ верховьевъ Витимкана, который въ соединеніи съ рѣкою Чикой принимаетъ названіе Витима. По притокамъ Витимкана вездѣ есть золото, но небогатаго содержанія, а скучено только мѣстами или ямами. Отъ устья рѣки Джилинды Витимъ прорывается сквозь мраморное ущелье и течетъ по долинѣ, имѣющей до 4 верстъ ширины. Лопатинъ изслѣдовалъ всѣ притоки верхняго Витима и горные хребты, раздѣляющіе ихъ. Но мы не имѣемъ возможности изложить послѣдовательно ходъ его пути, потому ограничимся только бѣглой замѣткой о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ. Вершины рѣки Витима занимаютъ бо́льшую часть Баргузинскаго округа и протекаютъ по сплошной возвышенности, имѣющей отъ 3.000 до 5.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Окраины этой возвышенности, на-

зываемыя Байкальскими горами, покрыты снѣгомъ до конца мая. Вообще вся плоская Витимская возвышенность имѣетъ столь суровый климатъ, что только въ теченіе одного лѣтняго мѣсяца не бываетъ тамъ заморозковъ и снеговъ. Земля на глубинѣ отъ 1—2 аршинъ вѣчно замерзшая. Отъ этого Витимская возвышенность неудобна для хлѣбопашества. Хотя золотопромышленники дѣлали опыты разводить тамъ хлѣбныя растенія, но попытки не удались, такъ какъ растенія замерзали. Но при изобиліи луговыхъ мѣстъ, тамъ можетъ съ большимъ успѣхомъ привиться скотоводство. Что касается до геологическаго строенія, то Витимская возвышенность покрыта большею частію метаморфическими породами. Изъ плутоническихъ породъ преобладаетъ гранитъ, преимущественно на главныхъ водораздѣлахъ. Изъ прочихъ породъ наиболѣе распространены лавы, непрерывные потоки которыхъ попадались Лопатину на протяженіи около 120 верстъ, преимущественно въ той части Витимской возвышенности, гдѣ она примыкаетъ къ склонамъ Яблоноваго хребта. Есть и осадочные пласты, видимо новѣйшаго образованія. Въ нихъ встрѣчаются органическіе остатки, напримѣръ, прослойки бураго угля. Здѣшнія золотыя розсыпи залегаютъ исключительно на древнихъ метаморфическихъ породахъ. Кромѣ геологическихъ изслѣдованій, г. Лопатинъ собралъ нѣкоторыя замѣтки относительно племенъ, съ которыми приходилось сталкиваться. Такъ, онъ дѣлаетъ важное замѣчаніе, что Орочены, обитатели Верхне-Витимской тайги, которыхъ въ настоящее время считается не болѣе 300 душъ, замѣтно вымираютъ. Причина этого явленія заключается частію въ болѣзняхъ, частію въ недостаткѣ пропитанія отъ упадка звѣрнаго промысла, составлявшаго исключительное средство ихъ существованія.

Вторая экспедиція была наряжена по иниціативѣ и на средства частныхъ лицъ. Увеличивающееся развитіе золотыхъ промысловъ Олекминской системы въ значительной степени усилило потребность въ рогатомъ скотѣ и лошадяхъ. Въ настоящее время скотъ доставляется въ эту мѣстность изъ Якутска, изъ долины Вилюя; а между тѣмъ, если бы удалось открыть удобный путь изъ Олекминскаго въ Нерчинскій округъ, то скотъ гораздо дешевле могъ бы получаться изъ Забайкальской области. Это обстоятельство заставило золотопромышленниковъ обратиться къ содѣйствію Сибирскаго отдѣла, который поручилъ князю Кропоткину многотрудное дѣло изслѣдованія скотопрогоннаго пути. Ко времени составленія отчета экспедиція не была еще кончена, но отъ князя Кропоткина было уже получено шесть писемъ, изъ кото-

рыхъ въ отчетѣ сдѣлано извлеченіе. Въ первыхъ числахъ мая 1866 года экспедиція, состоявшая изъ князя Крапоткина съ одинадцатью спутниками, собралась въ селеніи Качугѣ, не далеко отъ истоковъ Лены. Мелководье Лены задержало отправленіе экспедиціи до 15-го мая и въ началѣ много замедляло ея плаваніе. Отъ селенія Крестовскаго она на лошадяхъ отправилась въ Тихоно-задонскій пріискъ. „Съ удаленіемъ отъ Лены, замѣчаетъ Крапоткинъ, начинается глухое лѣсистое предгорье, и съ каждымъ шагомъ впередъ пади рѣчекъ становятся круче и глубже, а самыя рѣчки быстрѣе. По сторонамъ выступаютъ отроги хребтовъ, достигающіе до 4.800 фут. высоты. Хребты и пади покрыты большею частью лѣсомъ и чрезвычайною жидкою луговою растительностію, за то повсюду встрѣчается изобиліе оленьяго мха". На Тихоно-задонскомъ пріискѣ экспедиція пробыла отъ 12-го іюня до 2-го іюля съ цѣлію окончательно снарядиться для дальнѣйшаго путешествія и выждать появленія на гольцахъ корма для лошадей, и за тѣмъ тронулась въ дальнѣйшій путь. Спустившись внизъ по рѣчкѣ Ныгры, мимо Павловскаго пріиска и переѣхавъ рѣчку Вачу, экспедиція слѣдовала вверхъ по пади рѣки Чипко, среди гольцевъ, лишенныхъ растительности. Это вполнѣ дикая страна, въ которой только одинъ оленный Тунгузъ находитъ себѣ раздолье, а для прохода лошадьми предстоитъ не мало затрудненій. Тропинки бродячихъ Тунгузовъ мало облегчаютъ прокладку пути по этимъ дебрямъ. Такими-то тропами съ большими затрудненіями экспедиція пробралась къ Витиму. Съ приближеніемъ къ Витиму растительность стала измѣняться. Послѣ мховыхъ мочажинъ стала появляться сочная трава, показалась береза, черемуха и тополь. Не излагая путешествія Крапоткина по берегамъ Витима, мы замѣтимъ только, что пройденная экспедиціею горная страна состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ паралельныхъ горныхъ цѣпей, отлого спускающихся къ сѣверу и очень круто падающихъ къ югу. По Витиму находятся двѣ обширныя равнины: одна по обѣимъ сторонамъ рѣки Муи, притока Витима, а другая ниже Парамскаго порога, гдѣ Витимъ разбивается на множество протокъ. Экспедиція собрала много растеній, которыя вполнѣ характеризуютъ флору этой дикой страны.

Прежде чѣмъ оставимъ сѣверовосточную Азію, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о плаваніи г. Хилковскаго по рѣкѣ Сунгари, которое хотя и выходитъ за границы Россіи, но совершено русскимъ путешественникомъ. Свѣдѣнія объ этомъ плаваніи сообщены въ *Изв. Геогр. Общ.* т. II № 8. Хилковскій отправился на пароходѣ вверхъ

по рѣкѣ Сунгари съ цѣлію завязать съ Манчжуріею торговлю хлѣбомъ. 15-го іюня 1866 г. пароходъ прошелъ Санъ-синъ, китайскій городъ, принадлежащій къ Гиринскому генералъ-губернаторству. Санъсинъ ведетъ значительную торговлю съ кочевымъ народомъ — Гольдами, живущими выше и ниже р. Усури. Главное продовольствіе Гольдовъ составляетъ просо. Не имѣя возможности пріобрѣсти его ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, Гольды по необходимости каждый годъ въ іюнѣ и іюлѣ отправляются въ Санъ-синь за покупкою проса и оставляютъ взамѣнъ его значительную часть пушнаго товара, преимущественно соболей, которые при другихъ условіяхъ переходили бы въ руки русскихъ торговцевъ. Манчжурскіе чиновники обращаются съ Гольдами очень небрежно, собираютъ съ нихъ значительные ясаки и за малѣйшую ошибку въ словахъ или дѣйствіяхъ наказываютъ ихъ бамбуками. Хилковскій сообщаетъ нѣкоторыя подробности о посѣщеніи имъ части Манчжуріи. Промышленность манчжурскаго простонародья состоитъ въ хлѣбопашествѣ, рыбной ловлѣ, снабженіи городовъ дровяннымъ и подѣлочнымъ лѣсомъ, а отчасти въ скотоводствѣ, впрочемъ не въ большихъ размѣрахъ. Въ городахъ купцы торгуютъ преимущественно бумажными товарами, годными для простолюдиновъ. Манчжуры очень желаютъ открытія торговли съ Русскими. Вверхъ по рѣчкѣ Хулану, впадающей въ Сунгари, пароходъ достигъ города Хулана. Городъ этотъ, состоящій въ вѣдомствѣ Цицигарскаго генералъ-губернаторства, довольно великъ и многолюденъ. Среди города большая площадь, на которой находится базаръ. Внѣ города, саженяхъ въ 150, расположено до 70 казенныхъ магазиновъ, наполненныхъ просомъ, изъ которыхъ ежегодно отправляется въ Цицигаръ продовольствіе для служащихъ лицъ. Въ Хуланѣ существуетъ нѣсколько торговыхъ домовъ, которые закупаютъ въ большомъ количествѣ скотъ, пригоняемый съ сѣвера, весьма вѣроятно и съ нашей сибирской границы. Верстахъ въ 90 отъ Хулана и въ 15 отъ берега Сунгари стоитъ городъ Баянсу, очень большой и обнесенный стѣною. Въ окрестностяхъ его много деревень, въ которыхъ, по распоряженію правительства, выселено въ послѣднее время значительное число Китайцевъ-хлѣбопашцевъ. На этомъ пространствѣ населеніе очень значительно и занимается исключительно хлѣбопашествомъ. Плаваніе ограничилось городомъ Бабунэ-хотонь, откуда пароходъ отправился въ обратный путь. Хилковскій собралъ свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ. Самая высокая цѣна хлѣбовъ на наши деньги представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: пшеница отъ 2 р. 20 к. до 2 р. 90 к. за мѣру въ одинадцать пудовъ;

просо (буда) за 12 пудовъ отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 50 к.; ячмень около 20 к. пудъ; греча отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 50 к. за мѣру въ 9 и 9½ пудовъ. Хилковскій на первый разъ купилъ 500 пудовъ пшеницы.

Говоря объ ученыхъ путешествіяхъ по Сибири, мы не можемъ не упомянуть о совершенной въ прошедшемъ году поѣздкѣ магистра Шмидта на сѣверъ Сибири для изслѣдованія трупа мамонта. Хотя прямая цѣль этой экспедиціи, предпринятой по порученію Императорской Академіи Наукъ, не входитъ въ область географіи, но нѣкоторые результаты ея имѣютъ важность и для этой науки [1]). Мамонты, эти допотопныя четвероногія, уже нѣсколько тысячелѣтій исчезнувшія изъ царства живыхъ существъ, скрываются неповрежденными единственно въ предѣлахъ Россіи, въ мерзлой почвѣ сѣверной Сибири. Трупы ихъ изрѣдка показывались тамъ на обрывахъ по берегамъ рѣкъ или моря, но обыкновенно эти трупы пропадали безслѣдно для науки. Если же иногда и доходили о нихъ извѣстія, то уже въ то время, когда мягкія части успѣвали сгнивать или же были истребляемы хищными звѣрями и собаками мѣстныхъ дикарей. Такимъ образомъ все, что намъ до сего времени извѣстно о мамонтахъ, основывается на изученіи отдѣльныхъ костей, череповъ и только двухъ неполныхъ скелетовъ, изъ которыхъ одинъ хранится въ зоологическомъ музеѣ Академіи Наукъ, а другой въ музеѣ Московскаго университета. Между тѣмъ подробное изслѣдованіе остатковъ мамонтовъ пролило бы свѣтъ на исторію послѣднихъ переворотовъ въ образованіи земнаго шара. „Содержимое въ брюшной полости мамонта показало бы, чѣмъ онъ питался, и слѣдовательно, среди какой природы онъ жилъ, а положеніе трупа въ землѣ и свойства облегавшихъ его пластовъ разъяснили бы вопросъ о томъ, жили ли мамонты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся нынѣ ихъ трупы, на сѣверѣ Сибири, или же они занесены туда водою уже по смерти своей. Отсюда можно было бы почерпнуть указанія о томъ, какова была природа Ледовитаго моря нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ и какимъ климатическимъ и геологическимъ переворотамъ подверглись эти прибрежья въ теченіе времени. Такіе перевороты не могли однако ограничиваться одними прибрежьями Ледовитаго моря; они должны были простереть свое вліяніе на климатъ близь-лежащихъ странъ, то-есть, всего про-

---

[1]) Свѣдѣнія о поѣздкѣ магистра Шмидта сообщены въ *Изв. Имп. Геогр. Общ.* III № 5.

странства, занимаемаго нынѣ Сибирью и Европейскою Россіей. Наконецъ, мамонты, какъ доказано новѣйшими изслѣдованіями, исчезли съ лица земли не ранѣе появленія на ней человѣка. Остатки человѣческихъ костей, встрѣчаемыхъ вмѣстѣ съ мамонтовыми костями, и особенно изображеніе этого животнаго на пластинкѣ изъ мамонтовой кости, найденное геологомъ Ларте во Франціи, неоспоримо доказываютъ, что человѣкъ—созданіе, отчасти современное мамонтамъ. Вышеозначенныя изслѣдованія мамонтовыхъ труповъ на мѣстѣ ихъ открытія могутъ, слѣдовательно, пролить свѣтъ и на періодъ первобытнаго, доисторическаго существованія рода человѣческаго".

Сознавая важность этихъ вопросовъ, Академія Наукъ еще въ 1860 году обѣщала денежныя преміи тѣмъ лицамъ, которыя, въ случаѣ открытія неповрежденныхъ труповъ мамонта, немедленно дадутъ ей знать о томъ. Въ январѣ 1866 г. г. Гуляевъ изъ Барнаула сообщилъ, что въ тундрѣ близь Тазовской губы открытъ трупъ мамонта еще не совершенно попорченный, и слѣдовательно, дающій возможность добыть мягкія части животнаго. Академія тотчасъ же отправила магистра Шмидта, который двинулся въ путь въ февралѣ 1866 г., а вернулся въ Петербургъ въ январѣ 1867 г. Мамонтъ отысканъ не на Тазовской губѣ, а на вершинѣ рѣки Гыды, къ сожалѣнію однако далеко не въ такомъ состояніи, какъ можно было ожидать по первоначальнымъ извѣстіямъ. Мягкихъ частей тѣла не оказалось, и самый скелетъ былъ не полонъ. Такимъ образомъ ожиданія не оправдались. Но при всемъ томъ подробное изслѣдованіе пластовъ, въ которыхъ найдены остатки мамонта, а также геологическое изслѣдованіе страны по нижнему теченію Енисея и его притоковъ до самаго Ледовитаго моря могутъ повести къ рѣшенію нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше вопросовъ. Такъ, напримѣръ, г. Шмидтъ собралъ много данныхъ въ пользу того предположенія, что климатъ сѣверной Сибири и прибрежій Ледовитаго моря прежде былъ умѣреннѣе нынѣшняго и что тамъ росли высокія деревья. Если же это такъ, то мамонты могли жить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятъ ихъ трупы.

Обозрѣніе географическихъ работъ по Азіатской Россіи мы заключимъ изслѣдованіями по Туркестанскому краю. Эти изслѣдованія шли въ теченіе прошлаго года успѣшно, не смотря на неблагопріятное положеніе дѣлъ въ Средней Азіи. Г. Сѣверцовъ въ теченіе лѣта 1866 года совершилъ нѣсколько поѣздокъ въ Туркестанскую область съ цѣлію опредѣлить болѣе точнымъ образомъ отношеніе горной системы Каратау къ Тянь-Шаньской. Онъ изслѣдовалъ всю юговосточную часть

Каратаусскихъ горъ отъ Турланскаго прохода, между городами Туркестаномъ и Чулакъ-Курганомъ до рѣкъ Арыса и Терси. Система этихъ горъ, весьма сложная, начинается у рѣки Терси (впадающей въ Сыръ-Дарью) высокою площадью, сѣверовосточный край которой представляетъ крутые сланцевые обрывы; западнѣе, между рѣками Арысомъ и Болордаемъ (притокомъ Арыса), примыкаютъ къ этой площади нѣсколько параллельныхъ короткихъ известковыхъ хребтовъ довольно скалистыхъ и крутыми обрывами упирающихся въ рѣку Болордай. Далѣе, къ сѣверо-западу отъ Болордая и Терси Терсинское плоскогорье переходитъ въ склонъ; далѣе, къ сѣверо-западу отъ озера Билью-Куль являются узкіе параллельные хребты; еще далѣе къ сѣверо-западу у рѣкъ Арысъ-Тамды и Батнаксу, Каратау понижается и почти сливается съ окрестною степью. Еще западнѣе, у рѣкъ Бабаты и Турлана, Каратау переходитъ въ рядъ узкихъ, длинныхъ, почти сливающихся хребтовъ. Наибольшей высоты (около 7.000) Каратау достигаетъ около Туркестана. Общее направленіе горныхъ подъемовъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу.

Каратаусскія горы заключаютъ въ себѣ обильныя минеральныя богатства. Уже г. Сѣверцовъ открылъ въ нихъ обширный каменноугольный бассейнъ отъ рѣки Болордая къ сѣверо-востоку до рѣки Бабаты, а также цѣлую систему золотыхъ розсыпей по притоку рѣки Терси. Но болѣе обильныя свѣдѣнія объ этихъ богатствахъ сообщены въ статьѣ г. Татаринова — „О современномъ положеніи каменноугольнаго и золотаго дѣла въ Туркестанской области“, помѣщенной въ т. III № 2 *Изв. Геогр. Общ.*

Каменноугольная почва, по свидѣтельству г. Татаринова, идетъ отъ рѣки Турлана, по которой проходитъ дорога изъ Туркестана въ Чулакъ-Курганъ, до р. Болордая. Ископаемый горючій матеріалъ является преимущественно по долинамъ рѣкъ, и какъ кажется, составляетъ одинъ непрерывный бассейнъ, который тянется въ длину почти на 150 верстъ. Лучшій уголь попадается по рѣкѣ Большой Бугонѣ и ея притокамъ; онъ имѣетъ блестящій черный цвѣтъ, слоистое сложеніе и неровный изломъ. Онъ очень удобенъ для домашняго отопленія и для нагрѣванія паровыхъ котловъ. Добываніе угля тамъ уже началось. Понятно, какъ важенъ успѣшный ходъ этого дѣла для безлѣсной страны, въ которой Аральская флотилія и вновь прибывающее русское населеніе требуютъ все большаго топлива. Положеніе золотаго дѣла въ Туркестанской области не такъ удачно, какъ добываніе каменнаго угля. О богатствѣ этого края золотомъ уже давно ходили

преувеличенные слухи. Еще Петръ Великій узналъ о существованіи золотаго песку на берегахъ Аму-Дарьи. Ему донесли, что тамъ золото перенимается мѣстными жителями во время половодья съ помощью попонъ, ковровъ и суконъ. Придавъ большое значеніе обладанію золотыми розсыпями, Петръ приказалъ снарядить двѣ экспедиціи: одну отъ береговъ Каспійскаго моря въ Хиву, подъ начальствомъ поручика князя Бековича-Черкасскаго, а другую изъ южной Сибири въ Малую Бухарію подъ начальствомъ гвардіи капитана Бухгольца. Бековичъ въ 1717 году дошелъ до Хивы, но погибъ тамъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Бухгольцъ и назначенный въ послѣдствіи на его мѣсто генералъ Лихаревъ дошли до снѣжнаго Тянь-Шаня и распространили молву о богатствѣ золота. Эта молва поддерживалась съ теченіемъ времени, и естественно, обратила на себя вниманіе по покореніи края Русскими. Золотопромышленники бросились въ новый край, но всѣ разказы оказались преувеличенными. Правда, золото есть по системамъ рѣкъ Таласа, Чирчика и Терси, но до сихъ поръ не было встрѣчено ничего, кромѣ слабыхъ признаковъ. Если мѣстные жители и занимаются промывкою песковъ, то лишь потому, что не высоко цѣня свой трудъ и не употребляя никакого капитала, они въ состояніи промывать песокъ, весьма скудный золотомъ. Партіи же золотопромышленниковъ не имѣли успѣха. Г. Татариновъ видѣлся въ Средней Азіи съ Кулибинымъ, очень опытнымъ въ своемъ дѣлѣ инженеромъ. На вопросъ о томъ, съ какимъ успѣхомъ шли работы, г. Кулибинъ вынулъ изъ жилетнаго кармана завернутое въ бумажку ничтожное количество золота и объяснилъ, что эта драгоцѣнность составляетъ результатъ работъ цѣлаго лѣта. Не смотря на неудачи предпринятыхъ до сихъ поръ поисковъ, признаки золота по многимъ рѣкамъ даютъ основаніе надѣяться, что могутъ быть найдены и болѣе богатыя розсыпи. Нужна только энергія, настойчивость въ трудѣ и пожертвованіе капиталомъ на развѣдки. Г. Татариновъ совѣтуетъ кромѣ того объявить золотой промыселъ свободнымъ, то-есть, предоставить всякому добывать металлъ безъ особыхъ разрѣшеній на право развѣдокъ и на полученіе отводовъ. Чтобы золото не шло въ сосѣднія страны, можно было бы назначить за каждый золотникъ шлиховаго золота извѣстную цѣну, которая должна быть не постоянною, а измѣняющеюся съ измѣненіемъ обстоятельствъ.

Географическія работы на Кавказѣ, о которыхъ сообщаетъ отчетъ Кавказскаго отдѣла географическаго общества за 1865 г. (помѣщенный

въ т. II, № 9), не такъ многочисленны и интересны, какъ труды Сибирскаго отдѣла. Первое мѣсто въ нихъ принадлежитъ изслѣдованіямъ академика Г. В. Абиха, уже давно извѣстнаго своими работами по изученію Кавказскаго края. Г. Абихъ поставилъ своею задачею изслѣдовать центральную основную причину вулканическихъ явленій и землетрясеній юго-восточной части Кавказа, Апшеронскаго полуострова и дна Каспійскаго моря, проявленія которыхъ обнаружились землетрясеніемъ въ Шемахѣ въ 1859 г., появленіемъ на Каспійскомъ морѣ острова Кумани и поднятіемъ прилежащей части дна морскаго. По мнѣнію Абиха, вулканическая сила, образовавшая островъ Кумани, проявляется въ разныхъ степеняхъ по всему Кавказу, въ особенности на оконечностяхъ его—полуостровахъ Апшеронскомъ и Таманскомъ. Сосредоточивъ потому все вниманіе на геологіи Таманскаго и Керченскаго полуострововъ, Абихъ доказываетъ связь орографическихъ явленій съ вулканическими. Поднятія представляютъ тамъ только зачатки хребтовъ, обнаружившіеся рядами сопокъ, извергающихъ грязь и нефть. Направленіе этихъ рядовъ представляетъ продолженіе или кавказскихъ или крымскихъ поднятій. Такое же состояніе этихъ явленій г. Абихъ нашелъ и на Апшеронскомъ полуостровѣ. Всѣ нефтяные источники и горячіе минеральные ключи расположены на линіяхъ поднятій сопокъ. Въ 1865 году Абихъ расширилъ свои наблюденія изслѣдованіемъ горы Шахъ-дага. Судя по замѣчательному соотношенію въ расположеніи горы Шахъ-дага и пяти окружающихъ ее горячихъ источниковъ (Елису, Хновъ, Халтанъ, Бумъ и Ахты), можно предполагать, что именно поднятіе Шахъ-дага, измѣнившее положеніе лежащихъ внизу породъ, дало выходъ упомянутымъ минеральнымъ водамъ. Мысленно соединивъ источники Елису, Бумъ, Ахты и Халтанъ прямыми линіями, мы получимъ трапецію; на поперечной діагонали ея будутъ находиться горячія воды Бумъ и Ахты, а на продольной діагонали воды Елису, Хновъ и Халтанъ. Съ этою послѣднею линіей также совпадаютъ выходы горячихъ углеродисто-водородныхъ газовъ близъ Хиналуга, и наконецъ, на серединѣ ея находится гора Шахъ-дагъ.

Изъ проявленій вулканической силы особенное вниманіе обращаютъ на себя нефтяные источники по практической ихъ важности. Для изслѣдованія ихъ въ прошедшемъ году былъ командированъ г. Кошкуль, который въ своемъ отчетѣ сообщаетъ свѣдѣнія о нефтяныхъ источникахъ, лежащихъ между рѣками Кубанью, Пшехою и главнымъ хреб-

томъ. Всѣхъ нефтяныхъ источниковъ въ видѣ ямъ, сдѣланныхъ горцами, и колодцевъ, устроенныхъ казаками-поселенцами, г. Кошкуль нашелъ въ изслѣдованной мѣстности 623. Изъ нихъ только одна треть, а именно 234 источника, доставляли нефть, въ количествѣ 96 ведеръ въ сутки. Самыя богатыя нефтью мѣстности расположены по системамъ рѣкъ Псифъ, Кудако, Шекодъ и Тука. Г. Кошкуль, на основаніи строенія почвы Таманскаго полуострова и близь-лежащей страны доказываетъ, что на всемъ пространствѣ этой мѣстности должно быть такое же обиліе нефти, какъ и въ указанныхъ выше мѣстностяхъ и что вообще количество нефти, добываемой на Таманскомъ полуостровѣ и въ Закубанскомъ краѣ, можетъ быть значительно увеличено открытіемъ новыхъ источниковъ посредствомъ буровыхъ работъ. Результаты изслѣдованій г. Кошкуля обнаружились открытіемъ посредствомъ буровыхъ работъ источниковъ нефти по рѣкѣ Кудако. У самой дороги изъ станціи Крымской въ Варнавинскую, гдѣ она пересѣкаетъ рѣку Кудако, было пробито пять буровыхъ скважинъ почти на одной линіи на глубину отъ 50—60 футовъ. Когда среднія скважины пробуравили на 40 футовъ, нефть брызнула фонтаномъ темно-зеленаго цвѣта безъ воды. Въ четырнадцать дней съ двухъ скважинъ собрали 40 пятидесятиведерныхъ бочекъ. Но самые блистательные результаты были достигнуты въ февралѣ 1866 г. буреніемъ, доведеннымъ до большей глубины. 3 февраля около 5-ти часовъ вечера пробитъ былъ полутора-футовой камень, встрѣтившійся на глубинѣ 120-ти футовъ отъ поверхности земли. Черезъ 20 минутъ земля поколебалась, раздался трескъ, и высокимъ фонтаномъ брызнула соленая вода; черезъ 26 минутъ съ дымомъ, пѣной и осколками камней, полетѣвшими вверхъ, полилась нефть совершенно чистая, которой добывалось тогда изъ одной струи отъ пятнадцати до двадцати тысячъ ведеръ въ сутки. „Утѣшительный фактъ этотъ, прибавляетъ отчетъ Кавказскаго отдѣла, торжество науки и первые плоды столькихъ трудовъ и жизней, положенныхъ на западномъ Кавказѣ, оцѣненъ по достоинству, а честь всего дѣла отдана нашими газетами все-таки иностранцу Петерсу, машинисту при работахъ“.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

VI. ЭСТЕТИКА.

Лекція *Тэна* „Объ идеалѣ въ искусствѣ".— Статья *Л. Терріе* по поводу эстетическихъ воззрѣній Тэна.—Продолженіе Якобомъ *Буркгардтомъ* и Вильгельмомъ *Любке*—*Куглеровой* „Исторіи зодчества".—„Рафаэль", сочиненіе Эрнста *Фёрстера*.—„Гольбейнъ и его время" Альфреда *Вольтманна*.—„Абсолютная гармоника Грековъ" О. *Пауля*.—Брошюра *Вагнера* „Объ учрежденіи въ Мюнхенѣ нѣмецкой музыкальной школы".

Теорія искусства въ послѣднее время, очевидно, стремится формулироваться иначе, съ тѣмъ чтобы принять въ свою область тѣ новые, многочисленные виды художественной дѣятельности, которые не находили себѣ мѣста въ старой, исключительно-нѣмецкой теоріи искусства. При такихъ переходныхъ положеніяхъ существенная задача каждаго разумнаго человѣка должна состоять преимущественно въ томъ, чтобы не осудить огуломъ всего стараго и сумѣть опредѣлить точно, что̀ въ немъ подлежитъ отмѣнѣ, какъ временное, преходящее, и что̀ составляло въ немъ существенное, незамѣнимое. Въ числѣ именно такого рода новыхъ дѣятелей въ области теоріи искусства, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ французскій писатель *Тэнъ*, счастливо соединяющій въ себѣ солидное философское образованіе и основательное практическое знакомство съ памятниками искусства и ихъ исторіей. Одно изъ новѣйшихъ сочиненій Тэна по теоріи искусства, именно его „Введеніе въ курсъ исторіи итальянской живописи", вышедшее потомъ отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ «*Philosophie de l'art*», уже переведено на русскій языкъ. Мы познакомимъ теперь читателей съ содержаніемъ лекціи Тэна, „объ идеалѣ въ искусствѣ", составляющей продолженіе вышеупомянутаго курса, въ парижской *École des beaux arts* и напечатанной въ одномъ французскомъ обозрѣніи [1]).

---

[1]) *Revue des cours littéraires de la France et de l'étranger*. № 23. 4 Mai 1867.

Въ самомъ началѣ своей лекціи Тэнъ объявляетъ, что будетъ изучать предметъ своего изслѣдованія по естественному способу, то-есть, подвергнетъ его анализу, съ тѣмъ чтобы получить въ результатѣ не диѳирамбъ въ честь идеала, но его ясный законъ. Затѣмъ онъ приступаетъ прямо къ анализу самаго слова. Напомнивъ уже высказанное имъ прежде (въ упомянутой выше брошюрѣ) опредѣленіе, что произведенія искусства „имѣютъ цѣлью обнаружить нѣкоторый существенный или наиболѣе рельефный характеръ, болѣе полнымъ и яснымъ образомъ, нежели какимъ онѣ представляется въ предметахъ дѣйствительныхъ", профессоръ объясняетъ далѣе, что для достиженія этой цѣли артистъ долженъ составить себѣ идею этой формы и сообразно ей измѣнить дѣйствительный предметъ. Измѣненный такимъ образомъ дѣйствительный предметъ становится *соотвѣтствующимъ идеѣ*, другими словами, *идеальнымъ*. Отсюда ясно, что вещи изъ дѣйствительныхъ превращаются въ идеальныя тогда, когда артистъ воспроизводитъ ихъ, измѣняя сообразно своей идеѣ, а измѣняетъ онъ ихъ сообразно своей идеѣ тогда, когда усмотрѣвъ и отдѣливъ въ нихъ какой-либо особенно знаменательный характеръ, онъ систематически передѣлываетъ естественныя отношенія ихъ частей, для того чтобы сдѣлать эти характеристическія черты болѣе очевидными и господствующими.

Естественный вопросъ, который возникаетъ за этимъ, есть слѣдующій: между различными характерными чертами даннаго предмета, какія можетъ открыть въ немъ художникъ, передѣлывающій или идеализирующій предметъ, какъ мы видѣли, сообразно главнѣйшей, усмотрѣнной чертѣ, можно ли указать высшій характеръ для каждаго предмета, который былъ бы именно обязателенъ для художника, такъ что отступленіе отъ него могло бы назваться ошибкою? На первый взглядъ, замѣчаетъ Тэнъ, кажется необходимымъ отвѣчать отрицательно. Дѣйствительно, одинъ и тотъ же сюжетъ обработывался, какъ это легко видѣть въ исторіи искусства, весьма различно, сообразно эпохѣ, народности, различнымъ школамъ, наконецъ, личному настроенію художника. И при этомъ часто трудно, почти невозможно отдать предпочтеніе тому или другому воззрѣнію на предметъ, тому или другому способу его обработки. За примѣрами ходить не далеко. Вспомнимъ, какъ разнообразно обработанъ хоть бы такой сюжетъ, какъ отецъ, оскорбленный своими неблагодарными дѣтьми, въ трехъ художественныхъ произведеніяхъ, каковы *Эдипъ въ Колонѣ* — Софокла, *Король Лиръ* — Шекспира и *Père Goriot* — Бальзака. А любовь двухъ молодыхъ людей развѣ не разрабатывалась и не будетъ вѣчно раз-

рабатываться въ самыхъ разнообразныхъ варіаціяхъ! Эта свобода въ выборѣ того или другаго характера въ данномъ предметѣ столько же, если еще не болѣе, установилась въ живописи. Вспомнимъ только, что дюжина лицъ и нѣсколько миѳологическихъ и евангелическихъ событій послужили сюжетомъ для множества величайшихъ произведеній живописи; принципъ произвола артиста, кажется, подтвердился въ нихъ самымъ яркимъ образомъ, какъ въ разнообразіи произведеній, такъ и въ громадномъ равномѣрномъ успѣхѣ многихъ изъ нихъ. Тэнъ напоминаетъ далѣе въ яркихъ и живыхъ краскахъ обработку нѣсколькихъ извѣстныхъ сюжетовъ различными художниками. Такъ, онъ указываетъ на Рембрандтовъ —„Пиръ въ Эммаусѣ" и на обработку того же сюжета въ трехъ картинахъ Веронеза, на „Парнасъ" Рафаэля и Рубенса, наконецъ, на три обработки миѳа о Ледѣ, принадлежащія тремъ великимъ художникамъ — Леонарду да-Винчи, Микель-Анджело и Корреджіо. Къ сожалѣнію, мы не можемъ передавать здѣсь мастерскія, хотя и краткія описанія этихъ картинъ, сдѣланныя Тэномъ. Насъ интересуетъ главнѣйшимъ образомъ основная нить развиваемыхъ имъ идей.

Останавливаясь лишь на выбранныхъ примѣрахъ изъ живописи, нѣтъ повидимому никакой возможности отдать первенство той или другой обработкѣ извѣстнаго сюжета, такъ что приходится какъ будто признать, что всякое дѣйствительное и высоко цѣнимое произведеніе живописи имѣетъ равное достоинство, служа наилучшимъ выраженіемъ того или другаго воззрѣнія, въ которомъ сказались мѣстныя, историческія и другія условія, дополняя такимъ образомъ другъ друга и расширяя сферу нашего созерцанія. „И однако, говоритъ Тэнъ, въ мірѣ фантазіи, какъ и въ мірѣ дѣйствительномъ, существуютъ различныя степени оцѣнки, потому что существуютъ и различныя степени достоинства. Публика и знатоки умѣютъ дѣлать этотъ разборъ, и въ критикѣ произведеній искусства, какъ и во всемъ остальномъ, существуютъ общепризнанныя истины. Каждый признаетъ нынѣ, что нѣкоторые композиторы, какъ Моцартъ и Бетховенъ, занимаютъ въ своемъ искусствѣ первое мѣсто. Такое же мѣсто приписывается, напримѣръ, Гёте между всѣми писателями нашего вѣка. Между фламандскими живописцами никто не оспариваетъ его у Рубенса; между Голландцами — у Рембрандта; между Нѣмцами — у Альбрехта Дюрера; между Венеціанцами — у Тиціана. Точно также три артиста эпохи возрожденія искусствъ въ Италіи: Леонардо да-Винчи, Микель-Анджело и Рафаэль, возвышаются, по общему признанію, надъ

всѣми другими". Это сужденіе, какъ показываетъ далѣе Тэнъ, основывается, вопервыхъ, на сужденіи современниковъ и на приговорѣ нѣсколькихъ преемственныхъ вѣковъ, что̀ уже само по себѣ представляетъ нѣкоторую гарантію вѣрности, такъ какъ трудно вообразить себѣ согласіе столь многихъ вѣковъ, народовъ и личныхъ взглядовъ, если оно не основано на дѣйствительныхъ и несомнѣнныхъ достоинствахъ. Но еще болѣе это сужденіе становится достовѣрнымъ вслѣдствіе пріемовъ современной критики, особенно если ея приговоръ согласуется съ приговоромъ инстинктивнаго вкуса массы. Современный критикъ знаетъ, что его личный вкусъ не имѣетъ полной цѣны, что для вѣрнаго суда надъ художественнымъ произведеніемъ прошлаго времени, онъ долженъ перенестись совершенно въ ту эпоху, въ положеніе людей и художника того времени и т. д. А такъ какъ подобный трудъ состоитъ изъ анализовъ, то онъ, подобно всякой научной операціи, подлежитъ повѣркѣ и совершенствованію. Къ изложенію этого критическаго пріема и переходитъ далѣе Тэнъ.

Прежде всего онъ считаетъ нужнымъ для этой цѣли подвергнуть болѣе подробному анализу уже приведенное нами выше опредѣленіе цѣли всякаго произведенія искусства. Выставить на видъ преобладающимъ образомъ существенный характеръ предмета, вотъ эта цѣль. Чѣмъ болѣе произведеніе искусства удовлетворяетъ этому условію, тѣмъ оно выше. Но въ этомъ условіи заключаются два другія: первое, чтобы замѣченный характеръ предмета былъ дѣйствительно существеннымъ; второе, чтобъ онъ былъ въ произведеніи искусства дѣйствительно преобладающимъ. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію порознь каждаго изъ этихъ условій, авторъ оговаривается, что онъ, для краткости, будетъ имѣть въ виду лишь подражающія искусства, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ [1]) уже объяснилъ живую связь ихъ съ искусствами, не подражающими дѣйствительнымъ предметамъ.

Что̀ же именно, спрашиваетъ Тэнъ, составляетъ этотъ существенный характеръ и какъ узнать, существуютъ ли между основными и главными чертами какого-либо предмета нѣкоторыя болѣе важныя, чѣмъ остальныя? Для точнаго разрѣшенія этого вопроса онъ считаетъ нужнымъ обратиться за помощью къ естествознанію, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ открытъ особый законъ для оцѣнки степеней характерныхъ чертъ; это *начало ихъ подчиненности*, на которомъ основаны

---

[1]) *Philosophie de l'art* (un volume de la Bibliothèque de philosophie contemporaine), page 47.

всѣ классификаціи естественныхъ предметовъ. Тамъ, чертами или свойствами наиболѣе важными признаны такія, которыя подвержены *наименьшей измѣнчивости,* при чемъ предполагается, что они обладають большею силой противъ другихъ, такъ какъ они упорнѣе сопротивляются всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ вліяніямъ, которыя могли бы уничтожить или измѣнить ихъ. Къ сожалѣнію, мы опять таки не можемъ излагать здѣсь подробно развитія этой основной мысли и различныхъ примѣровъ для ея уясненія, какъ это дѣлаетъ Тэнъ въ своей лекціи. Предполагаемъ однако, что каждый, сколько нибудь знакомый съ классификаціями въ естественныхъ наукахъ, пойметъ очень хорошо, что̀ хочетъ сказать Тэнъ.

Если, идя далѣе, мы будемъ разыскивать причину, которая придаетъ извѣстнымъ свойствамъ или характернымъ чертамъ бо̀льшую важность и неизмѣнность противу другихъ, то, какъ говоритъ Тэнъ, мы найдемъ ее въ слѣдующемъ соображеніи: во всякомъ живомъ существѣ есть двѣ стороны — основные его элементы и придатки (l'agencement); первыя существенны и первобытны, вторыя являются уже какъ послѣдствія первыхъ; вторыя можно измѣнить, испортить, не повредивъ существенныхъ элементовъ; первыя нельзя измѣнить, не повредивъ и придаточнымъ частямъ. Таково существенное начало той плодотворной теоріи, на основаніи которой Жоффруа Сентъ-Илеръ разъяснилъ строеніе животныхъ, а Гёте — растеній. Изслѣдованія надъ животными и растеніями приводятъ къ тому, что для открытія существеннаго характера какого-либо существа, надобно изслѣдовать его при его зарожденіи или въ тѣхъ матеріалахъ, изъ которыхъ оно образовалось, наблюдать его въ его простѣйшей формѣ, какъ это дѣлается въ эмбріологіи, или отмѣчать отличительныя качества, общія его элементамъ, какъ это дѣлается въ анатоміи и общей физіологіи. Такимъ-то именно путемъ естественныя науки выработали и завѣщали наукамъ нравственнымъ нѣкоторыя общія положенія о характерныхъ чертахъ, которыя Тэнъ, какъ увидимъ далѣе, и прилагаетъ къ вопросу объ искусствѣ и различной оцѣнкѣ его произведеній. Положенія эти таковы: характерныя черты важны по стольку, по скольку онѣ суть силы болѣе или менѣе могущественныя, при чемъ сила ихъ измѣряется степенью сопротивленія нападенію, такъ что окончательнымъ образомъ ихъ бо̀льшая или меньшая неизмѣняемость даетъ имъ и право на болѣе или менѣе высокое мѣсто въ іерархической лѣстницѣ; наконецъ, эта неизмѣняемость тѣмъ прочнѣе, чѣмъ болѣе онѣ принадлежатъ къ основнымъ элементамъ организма, а не къ придаткамъ.

Поясняя свою мысль въ примѣненіи къ искусству, Тэнъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ искусство, изображающее человѣческую природу, касается или только тѣхъ верхнихъ слоевъ ея, которые въ данномъ народѣ составляютъ лишь временную, перемѣнную, наружную покрышку людей, — однимъ словомъ, то, что можно назвать модою для извѣстнаго короткаго времени. И безъ сомнѣнія есть произведенія словесности, равно какъ и другихъ искусствъ, которыя разрабатываютъ и изображаютъ лишь типы этого перваго низшаго порядка, скоро исчезающіе безвозвратно. Далѣе слѣдуютъ признаки, болѣе глубокіе, болѣе прочные и сохраняющіе существованіе въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Затѣмъ нѣкоторыя произведенія искусства берутъ типы изъ третьяго, еще болѣе глубокаго ряда признаковъ, сохраняющихъ свою жизнь цѣлыя столѣтія, цѣлые большіе періоды жизни человѣчества, каковы періоды среднихъ вѣковъ, возрожденія и классическій. Еще глубже лежитъ тотъ разрядъ признаковъ, который можно сравнить съ первобытными, вѣковѣчными горными породами. Это признаки, составляющіе коренныя отличительныя черты цѣлыхъ историческихъ народностей, тѣ признаки, которые мы узнаемъ невольно, какимъ бы перемѣнамъ ни подвергались судьбы самаго народа и какія бы внѣшнія перемѣны ни происходили въ образѣ жизни, привычкахъ и т. д. его представителей. „Такъ, Ахеянинъ Гомера, говоритъ Тэнъ, рѣчистый и болтливый герой, который на полѣ битвы разказываетъ своему противнику свою генеалогію и цѣлыя исторіи, прежде чѣмъ поразить его копьемъ, въ сущности есть тотъ же самый типъ, какъ и Аѳинянинъ Эврипида, философъ, софистъ и спорщикъ, который излагаетъ со сцены сентенціи своей философской школы и защитительныя рѣчи агоры; его же вновь видимъ мы въ позднѣйшемъ типѣ *graeculus*, этого услужливаго паразита-диллетанта эпохи римскаго владычества; еще позднѣе мы узнаемъ его въ критикѣ-библіофилѣ изъ Александріи и т. д. Всѣ эти лица, принадлежащія къ столь различнымъ эпохамъ и встрѣчающіяся въ столь различныхъ положеніяхъ, для насъ явно суть прямые потомки Нестора и Улисса, и на всѣхъ ихъ лежитъ одна общая печать. Наконецъ, въ самомъ нижнемъ слоѣ встрѣчаются характерныя черты, свойственныя всякой высшей и способной къ самобытной цивилизаціи расѣ, такой, однимъ словомъ, расѣ, которая призвана къ созданію идей, составляющихъ исключительное достояніе человѣка и побуждающихъ его къ основанію обществъ, религій, философскихъ системъ и искусствъ; эти послѣднія способности и пред-

расположенія существуютъ въ людяхъ одинаково, не смотря на всевозможное различіе расъ, и физіологическія особенности, обнаруживающія свою силу во всемъ остальномъ, не имѣютъ надъ ними никакой власти.

„Таковъ, говоритъ Тэнъ, порядокъ, въ которомъ наслоены пласты чувствъ, идей, способностей и инстинктовъ, составляющихъ человѣческую душу". Чѣмъ глубже мы спускаемся отъ верхнихъ слоевъ къ болѣе глубокимъ, тѣмъ встрѣчающіеся намъ пласты имѣютъ характеръ болѣе простой, болѣе внутренній и болѣе общій. Поэтому и здѣсь, какъ и въ натуральной исторіи, нужно восходить къ зарождающемуся уму, чтобы найдти въ немъ зачатки будущаго развитаго и совершеннаго ума; по строенію языка и характеру миѳовъ, мы можемъ уже провидѣть здѣсь будущую форму религіи, философіи, общественности и искусства, точно также, какъ по присутствію, отсутствію или числу сѣменодолей можно угадать уже классъ, къ которому принадлежитъ растеніе и главнѣйшія черты его типа.

Перечисленнымъ ступенямъ различнаго достоинства характеристическихъ чертъ соотвѣтствуетъ и такая же лѣстница литературныхъ или вообще художественныхъ достоинствъ произведеній искусства.

Прежде всего, говоря пока только о словесныхъ произведеніяхъ, существуетъ литература моды; существованіе и значеніе ея длится не долѣе самой моды, какихъ-нибудь три, четыре года обыкновенно; по прошествіи нѣкотораго времени произведенія этого рода становятся уже скучными и даже мало понятными, между тѣмъ какъ въ свое время они возбуждали наибольшее вниманіе толпы. Мы не будемъ перечислять вмѣстѣ съ Тэномъ различныя формы произведеній этого рода, каковы модный романсъ, водевиль и т. д.

Слѣдующій за тѣмъ разрядъ произведеній литературы соотвѣтствуетъ болѣе прочнымъ характернымъ чертамъ. Обыкновенно они представляются высшими образцами для тѣхъ поколѣній, которыя ихъ читаютъ. Но слѣдующія поколѣнія уже смотрятъ на нихъ не столь ослѣпленными глазами, и недостатки ихъ, незамѣтные для современниковъ, выступаютъ для нихъ уже очень рѣзко. Какъ на примѣръ подобныхъ явленій, Тэнъ указываетъ на знаменитую *Астрею*, пасторальный романъ, написанный *д'Урфе* въ началѣ XVII вѣка, на романы мадемоазель *Скюдери*, пасторали *Гесснера* и другія позднѣйшія. Замѣчательно при этомъ, говоритъ Тэнъ, что одинъ и тотъ же писатель можетъ иногда написать дюжину такихъ, скоро забываемыхъ, произведеній и въ то же время оставить одно, переживающее

далеко и его самого и всю его эпоху. Въ такомъ случаѣ несомнѣнно, что въ этомъ послѣднемъ, вслѣдствіе особаго труда и усилій таланта, онъ успѣлъ захватить и выразить болѣе глубокіе слои человѣческой души. Примѣрами могутъ служить хоть бы Лесажъ и аббатъ Прево. Кто знаетъ теперь всѣ многочисленные, подражательные романы перваго и трагическія или трогательныя повѣсти втораго, и кто въ то же время не читалъ и въ наше время *Жиль-Блаза* и *Манонъ-Леско*. Наконецъ, замѣчаетъ далѣе Тэнъ, въ одномъ и томъ же произведеніи одного автора могутъ встрѣчаться черты, уже давно потерявшія свой интересъ и почти смыслъ, и въ то же время другія вѣчныя, не умирающія. Шуты Шекспира уже почти не занимаютъ насъ, а молодые джентльмены его кажутся странными; ихъ каламбуры непріятны ихъ, метафоры непонятны, ихъ безсмысленныя и отзывающіяся претензіями длинныя тирады суть очевидно условные пріемы искусства XVI вѣка, какъ отшлифованныя тирады и особая приличность манеръ составляютъ условный пріемъ XVII вѣка. Это тоже модныя лица въ произведеніяхъ Шекспира, черты поверхностныя, проходящія. И въ то же время въ остальномъ Шекспиръ, конечно, вѣковѣченъ.

Вотъ почему, продолжаетъ Тэнъ, если мы сдѣлаемъ пересмотръ величайшимъ произведеніямъ литературы, то откроемъ, что всѣ они представляютъ глубокій и прочный характеръ и что мѣсто, ими занимаемое, тѣмъ выше, чѣмъ болѣе преобладаютъ въ нихъ именно указанныя свойства. Они представляютъ намъ обыкновенно подъ чувственною формою сводъ, живое воплощеніе то главнѣйшихъ чертъ извѣстнаго историческаго періода, то основные инстинкты и способности цѣлой расы, то нѣкоторыя черты человѣка вообще и тѣ элементарныя психологическія силы, которыя суть первыя причины событій въ человѣческой жизни. Для убѣжденія въ справедливости этого положенія нѣтъ даже нужды, какъ весьма мѣтко замѣчаетъ Тэнъ, дѣлать дѣйствительный пересмотръ всѣхъ литературъ. Достаточно обратить вниманіе на значеніе, какое начинаютъ получать въ наше время литературныя произведенія въ дѣлѣ исторіи. Ими-то начинаютъ пополнять недостатокъ въ мемуарахъ, дипломатическихъ актахъ и другихъ положительныхъ документахъ. Въ нихъ авторы съ изумительною точностью и ясностью успѣваютъ показать намъ чувствованія различныхъ эпохъ, инстинкты и способности различныхъ расъ, всѣ тѣ скрытыя пружины, которыхъ равновѣсіе поддерживаетъ общества и которыхъ разладъ ведетъ къ революціямъ. Положительная исторія и хронологія древней Индіи, замѣчаетъ Тэнъ въ видѣ примѣра, почти не

существуютъ, но намъ остаются ея героическія и священныя поэмы, и въ нихъ-то мы находимъ нагою ея душу, другими словами, характеръ и степень ея фантазіи, громадность и оригинальное сочетаніе ея порывовъ, глубину и смутность ея философско-религіозныхъ идей, внутреннее начало ея религіи и учрежденій. — За другими примѣрами мы принуждены отослать читателя къ самой лекціи Тэна.

Для того, чтобъ окончательно исчерпать вышепоставленную задачу, остается отыскать такую же лѣстницу признаковъ для человѣка физическаго и изображающихъ его искусствъ — живописи и ваянія, какая была указана сейчасъ для человѣка духовнаго и искусства поэтическаго.

Прежде всего ясно, говоритъ Тэнъ, что модное, напримѣръ, платье есть характеристическая черта далеко не первостепенная: оно мѣняется каждые два года, или много черезъ каждыя десять лѣтъ. Почти то же можно сказать и вообще объ одеждѣ; ее можно снять въ нѣсколько минутъ; существенное въ живомъ тѣлѣ — само тѣло. Но даже нѣкоторыя характерныя черты, принадлежащія собственно тѣлу, не представляютъ большой важности. Таковы, напримѣръ, особенности тѣлеснаго сложенія и манеръ, связанныя съ извѣстными особенностями профессіи и ремесла; ибо хотя онѣ при постоянствѣ разъ выбраннаго образа жизни и кладутъ на человѣка неизгладимую печать, но въ сущности онѣ также измѣнчивы по своей природѣ; достаточно напомнить хоть бы рѣзкую перемѣну, какая происходитъ въ осанкѣ и пріемахъ поселянина послѣ пребыванія его нѣсколько времени въ солдатахъ.

Другія вліянія, оказывающія весьма сильное дѣйствіе на душу человѣка, оставляютъ однако на тѣлѣ лишь очень слабый отпечатокъ: таковы вліянія извѣстной исторической эпохи. Всего болѣе при этомъ подвергается измѣненію лицо и его выраженіе; наконецъ, если принять въ соображеніе особенно длинные періоды времени, то, пожалуй, можно замѣтить нѣкоторыя перемѣны въ самой формѣ головы, въ которой объемъ мозга увеличивается съ теченіемъ времени, какъ учитъ физіологія. Но всѣ эти измѣненія не представляютъ однако достаточно данныхъ для установленія для тѣла человѣческаго такой же правильной постепенности признаковъ, какую мы открыли выше для духа.

Такимъ образомъ приходится избрать въ этомъ случаѣ иной путь, на которомъ, впрочемъ, тою же руководящею нитью послужитъ намъ начало подчиненія признаковъ. Выше уже было замѣчено, что если

признакъ отличается большею стойкостію, то это потому, что онъ принадлежитъ къ болѣе основнымъ, элементарнымъ. Поищемъ же въ живомъ тѣлѣ признаковъ, свойственныхъ основнымъ, элементарнымъ началамъ. Ясно, что скелетъ человѣка и покрывающіе его мускулы, связанные столь цѣлесообразно между собою, и составляютъ основу видимаго, тѣлеснаго человѣка. Принимая при этомъ въ соображеніе различныя вліянія климата, расы и темперамента, способныя оказывать измѣняющія дѣйствія на организмъ человѣка, мы получимъ въ этой основѣ тѣла все то, чѣмъ распоряжается скульптура или рисованье.

Но надъ этимъ основнымъ элементомъ тѣла лежитъ другой слой: это—кожа съ ея многочисленными видоизмѣненіями въ цвѣтѣ, нѣжности и прочемъ, какъ относительно различныхъ частей одного и того же тѣла, такъ и относительно различныхъ расъ, темпераментовъ и климатовъ. Таковы-то самыя глубокія, существенно-характерныя черты человѣка физическаго, которыя, конечно, отличаются характеромъ постоянства потому, что составляютъ неизбѣжную принадлежность всякаго живаго человѣка.

Указанной постепенности въ характеристическихъ чертахъ наружнаго человѣка соотвѣтствуютъ, по мнѣнію Тэна, и пластическія степени достоинства въ живописи и ваяніи. При всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ картина или статуя тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ существеннѣе характерныя черты, въ ней воплощенныя. Поэтому-то на низшей степени живописи должны быть поставлены тѣ рисунки, акварели, пастели, статуэтки, которыя изображаютъ въ человѣкѣ не его самого, но его одежду, въ особенности модную одежду. Таковы бо́льшая часть рисунковъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ и бо́льшая часть портретовъ на выставкахъ. Нѣсколько высшую степень занимаютъ тѣ произведенія живописи и ваянія, въ которыхъ художники обращаютъ преимущественное вниманіе на особенности ремесла, профессіи, воспитанія, наружнаго отпечатка добродѣтели или порока, страсти, привычки. Гогартъ, Уилки (Wilkie), Мелреди (Mulready) стоятъ, по мнѣнію Тэна, на этой ступени. Въ физическомъ человѣкѣ они видятъ лишь человѣка нравственнаго; поэтому-то краски, рисунокъ, естественность и красота тѣла занимаютъ въ ихъ произведеніяхъ лишь второстепенное мѣсто. Они заходятъ, по словамъ Тэна, въ область, чуждую живописи, въ область литературы, сатиры, драмы, между тѣмъ какъ красота пластическаго произведенія должна быть прежде всего пластическою, а всякое стремленіе придать произведеніямъ какого-

либо искусства оттѣнокъ, чуждый истинному характеру этого искусства, ведетъ къ паденію.

Тэнъ подробно развиваетъ и подкрѣпляетъ далѣе свою мысль указаніемъ на главнѣйшія эпохи итальянской живописи, принимая за эпоху высшаго процвѣтанія итальянской живописи то время, когда, по его выраженію, „животный человѣкъ, скелетъ, облеченный мускулами, тѣломъ и кожею, дышащій красками и жизнью, былъ понятъ и любимъ самъ для себя и выше всего остальнаго“. Всѣ школы обращались, какъ замѣчаетъ Тэнъ, къ этой высшей эпохѣ за образцами и поученіями и только тѣ изъ послѣдующихъ живописцевъ, которые оставались въ сущности ей вѣрными, произвели истинно высокія произведенія и даже отчасти подвинули далѣе ея дѣло. Рафаэль учился у ея прямыхъ учениковъ: Андреа дель-Сарто, Фра-Бартоломео, Микель-Анджело, и половина его генія, по выраженію Тэна, принадлежитъ имъ. Послѣдній шагъ въ изображеніи собственно тѣла сдѣлали Корреджіо и Венеціанцы, и съ этой поры итальянское искусство начинаетъ падать. „Оно становится менѣе пластическимъ и болѣе литературнымъ“, замѣчаетъ Тэнъ.

Если обратиться затѣмъ къ великимъ школамъ живописи другихъ націй, то вездѣ, какъ утверждаетъ Тэнъ, ихъ процвѣтаніе и превосходство условливались преобладаніемъ того же существеннаго и основнаго характера, свойственнаго живописи вообще, и то же чувство физической жизни вездѣ порождало лучшія произведенія. Существенно отличаетъ одну школу отъ другой то, что каждая изъ нихъ представляетъ извѣстный національный темпераментъ, создавая такимъ образомъ въ каждой странѣ „цѣлую особую расу тѣлъ“, по выраженію Тэна. Такимъ образомъ, національныя школы живописи раскрываютъ для историка „физическое строеніе и инстинкты извѣстнаго народа, а литература открываетъ ему духовное строеніе и задатки, создавшіе извѣстную цивилизацію“.

„Соотвѣтствіе такимъ образомъ оказывается полнымъ, говоритъ Тэнъ въ заключеніе своей лекціи, и характерныя черты вносятъ съ собою въ произведеніе искусства ту же степень достоинства, какую онѣ уже имѣютъ въ дѣйствительности. Чѣмъ больше сами по себѣ эти достоинства, тѣмъ выше и произведеніе. Когда они, переходя черезъ сознаніе писателя или артиста, переносятся изъ міра реальнаго въ міръ идеальный, то не теряютъ ничего изъ своего бытія; послѣ этого путешествія они являются тѣми же самыми, какими были до него; по прежнему они остаются силами, болѣе или менѣе могуще-

ственными, болѣе или менѣе способными къ сопротивленію и прочными и въ то же время обнаруживающими свою дѣятельность въ болѣе или менѣе глубокихъ и обширныхъ результатахъ. Отсюда понятно, почему въ іерархіи произведеній искусства лишь повторяется их собственная іерархія. На вершинѣ природы существуютъ высшія силы, преобладающія надъ всѣми остальными; на вершинѣ искусства существуютъ высочайшія произведенія, превосходящія всѣ прочія; обѣ вершины лежатъ на одномъ уровнѣ, и высшія силы природы находятъ себѣ выраженіе въ высшихъ же произведеніяхъ искусства".

Вслѣдъ за лекціей Тэна мы считаемъ умѣстнымъ передать сужденіе о его взглядѣ на искусство, высказанное недавно однимъ французскимъ писателемъ *Л. Терръе* и напечатанное въ № 34 *Revue des cours littéraires de la France et de l'étranger*. Замѣтимъ, между прочимъ, что статья Л. Терръе вызвана появленіемъ въ печати трехъ сочиненій г. Тэна [1]).

По Тэну, говоритъ нашъ критикъ, „произведеніе искусства опредѣляется совокупностью общаго состоянія умовъ и современныхъ нравовъ": это продуктъ множества силъ, дѣйствующихъ въ различныхъ пропорціяхъ на умъ артиста. Роль критики, какъ она понимается нынѣ, состоитъ въ томъ, чтобы разобрать эти силы, указать степень участія каждой изъ нихъ въ созданіи художественнаго произведенія, отличить въ немъ то, что онъ заимствовалъ отъ окружающаго его общества и отъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ жилъ, отъ историческаго періода, которому онъ принадлежалъ, отъ народности и расы, изъ которыхъ онъ происходилъ.

Критика, какъ понимаетъ ея роль Тэнъ, должна стараться только понять и объяснить, а не произносить свой судъ и не предписывать правилъ. Если искусство въ каждую эпоху есть роковая равно дѣйствующая совокупность всѣхъ вліяній, оказывающихъ всемогущее дѣйствіе на умъ людей, то зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, давать совѣты, которыхъ, конечно, не послушаютъ? Съ другой стороны, какое право имѣемъ мы считать нашъ взглядъ на вещи лучшимъ въ сравненіи со взглядомъ нашихъ предшественниковъ? Все, что намъ остается, это переноситься мысленно, при помощи исторіи, въ вѣка прошедшіе и открывать связь художественныхъ произведеній съ породившими ихъ причинами. Эстетическая критика дѣлается такимъ образомъ лишь одною изъ отраслей исторической науки, при помощи которой мы

[1]) *Philosophie de l'art.— Philosophie de l'art en Italie.— De l'idéal dans l'art.* 3 vol., par H. Taine. (Bibliothèque de philosophie comtemporaine).

проникаемъ глубже въ духъ народовъ и временъ, изучая ихъ искусство. Музеи, въ которыхъ хранятся произведенія предыдущихъ эпохъ, являются при такомъ взглядѣ какъ бы своего рода собраніями ископаемыхъ предметовъ, помогающихъ намъ возстановить при помощи науки и оживить въ нашемъ воображеніи состоянія и духъ обществъ, въ различныя эпохи жизни человѣчества.

Ясно, что при такомъ взглядѣ на дѣло человѣкъ представляется какъ бы лишеннымъ до извѣстной степени свободы, и притомъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, повидимому, имѣетъ наиболѣе мѣста проявленіе человѣческой индивидуальности и произвола. Безпрестанно попадаются у Тэна сравненія, которыми человѣкъ какъ бы приравнивается къ растеніямъ. Артистъ является у него какъ бы деревомъ, которое приноситъ лишь извѣстные плоды, потому что не можетъ приносить другихъ, которое не можетъ расти и цвѣсти иначе, какъ подъ извѣстною широтой и на извѣстной почвѣ. Но уже первое важное различіе между растеніемъ и человѣкомъ состоитъ въ томъ, что одно постоянно производитъ почти одинаковые плоды, между тѣмъ какъ произведенія другаго чрезвычайно разнообразны. Другое весьма важное различіе, даже если и допустить вѣрность сравненія вообще, заключается въ томъ, что условія, при которыхъ производится плодъ растеніемъ, весьма легко опредѣлимы, между тѣмъ какъ на основаніи даже самой системы Тэна, условія и вліянія, содѣйствующія появленію художественнаго произведенія, такъ многочисленны, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить ихъ всѣ.

Отсюда-то невозможность подчинить рожденіе художественныхъ произведеній столь же простымъ, строгимъ и немногимъ законамъ, какіе мы можемъ установить во многихъ случаяхъ для произведеній природы. Безъ сомнѣнія, говоритъ Л. Террье, въ біографическихъ и критическихъ этюдахъ Сентъ-Бёва, обычные пріемы котораго Тэнъ лишь облекъ въ систему, насъ чрезвычайно пріятно поражаетъ то, что писатели какъ бы оживаютъ на нашихъ глазахъ среди всей ихъ дѣйствительной обстановки, подъ вліяніемъ тысячи теченій и противотеченій, изъ которыхъ каждое приноситъ имъ что-либо свое. Но такое мастерское изображеніе не есть уже дѣло науки; это дѣло индивидуальное; оно возможно лишь при особомъ тактѣ, богатомъ личномъ опытѣ, тонкой проницательности, почти провидѣніи. Наука, съ своей стороны, можетъ имѣть въ виду лишь общія начала. Конечно, въ искусствахъ существуютъ также непреложные законы; но нѣтъ никакой возможности подвергнуть всѣ явленія его точнымъ форму-

лаетъ. Впрочемъ, можетъ-быть, именно эта-то кажущаяся научная точность и строгость, замѣчаетъ Террье, и привлекаютъ всего болѣе къ системѣ Тэна, въ которой все какъ-будто ясно и отчетливо, на все есть отвѣтъ.

По мнѣнію г. Террье, такая строгая точность законовъ, которую думаетъ ввести Тэнъ въ объясненіе причинъ появленія того или другаго рода художественныхъ произведеній, есть своего рода натяжка, и самъ Тэнъ, прилагая ее къ частнымъ явленіямъ изъ исторіи искусства, не всегда счастливо выходитъ изъ борьбы съ безчисленною сложностію условій, которыя приходится ему разбирать. Но этого мало. Желая все объяснить съ своей точки зрѣнія и открыть непремѣнно въ каждой эпохѣ искусства и въ каждомъ знаменитомъ художникѣ ихъ особый, преобладающій характеръ, онъ часто придаетъ этому характеру значеніе, котораго онъ не имѣлъ въ дѣйствительности. Рубенсъ для него живописецъ тѣла, мяса, не болѣе; Микель Анджело — олицетворенная энергія, и только. „Къ этюдамъ самого Тэна, весьма колко замѣчаетъ Террье, можно бы приложить его собственное опредѣленіе произведенія искусства: онъ систематически измѣняетъ въ нихъ соотношеніе частей, съ тѣмъ чтобы выставить болѣе рельефнымъ образомъ одну характерную черту".

Если мы припомнимъ приведенное выше мнѣніе Тэна о современныхъ задачахъ критики искусства, то, очевидно, не будемъ въ правѣ ожидать отъ него какихъ-либо приговоровъ о произведеніяхъ художества и тѣмъ менѣе какихъ-либо совѣтовъ и наставленій художникамъ. Но ясно, какъ справедливо замѣчаетъ Террье, что со времени изданія 1-го тома (Philosophie de l'art) въ мысляхъ Тэна произошла нѣкоторая перемѣна. Тамъ онъ, повидимому, готовъ былъ признать одинаковое достоинство за всѣми художественными проявленіями человѣческой мысли. Напротивъ, въ своемъ послѣднемъ томѣ (De l'idéal dans l'art), онъ, какъ и всѣ, кому серіозно и долго приходилось заниматься эстетикою, уже располагаетъ произведенія искусства по степенямъ ихъ достоинства, и конечно, даетъ извѣстныя правила художникамъ, ибо говорить имъ, что такой-то родъ выше, а другой ниже, не значитъ ли рекомендовать родъ высшій? Но заимствуя въ этомъ случаѣ принципъ, на которомъ основана послѣдовательность степеней художественныхъ произведеній, изъ естествознанія, авторъ, по мнѣнію Террье, приходитъ къ выводамъ не совсѣмъ точнымъ. Если идеалъ есть тотъ образъ, который артистъ носитъ въ своемъ умѣ о данномъ предметѣ, а этотъ образъ есть уже нѣкоторымъ обра-

зить искаженное представленіе о предметѣ съ цѣлью сдѣлать наиболѣе наглядною характерную его черту, если, наконецъ, качество этой характерной черты и болѣе или менѣе энергическое его выраженіе составляютъ главное достоинство идеала въ искусствѣ, то, натянувъ немного это положеніе, можно придти къ весьма страннымъ выводамъ. Можно тогда, пожалуй, допустить, что сторукій Бріарей, выражающій только характеръ силы, или произведенія Китайцевъ, нагромождающихъ одну на другую страшныя черты, для произведенія исключительно чувства ужаса, удовлетворяютъ требованіямъ идеала въ искусствѣ.

Къ счастію, самъ Тэнъ отчасти пояснилъ и исправилъ то, что въ этомъ отношеніи могло бы показаться слишкомъ исключительнымъ въ его системѣ. Существенный характеръ предмета, по его дальнѣйшему поясненію, есть тотъ, изъ котораго вытекаетъ множество другихъ и который оказываетъ наиболѣе сопротивленія разрушающимъ вліяніямъ. Въ этомъ именно смыслѣ, какъ мы видѣли выше, устанавливаетъ онъ свою лѣстницу духовныхъ наслоеній въ человѣкѣ, на вершинѣ которой оказываются инстинкты и наклонности первобытнаго человѣка. Но и здѣсь уже можно было бы весьма справедливо замѣтить Тэну, что изображеніе однѣхъ характерныхъ чертъ первобытнаго человѣка безъ прибавленія къ нимъ чертъ, установленныхъ эпохою, вѣрою, расою и тому подобнымъ, едва-ли бы дало намъ настоящее художественное произведеніе. Впрочемъ, гораздо болѣе серіозныхъ замѣчаній слѣдуетъ сдѣлать ему противъ того, что онъ говоритъ о живописи.

Здѣсь, по его ученію, задача живописи есть изображеніе тѣла по преимуществу, и потому-то онъ ищетъ градацій характерныхъ свойствъ, изображаемыхъ живописью, исключительно въ физической природѣ человѣка. Но, во-первыхъ, нельзя не замѣтить, что такимъ образомъ поле живописи странно суживается, и Тэнъ, между прочимъ, вычеркиваетъ ландшафтъ изъ сферы этого искусства. Весьма вѣроятно, замѣчаетъ Террье, что автору не стоило бы большаго труда ввести и его въ свою систему, но напрасно онъ этого не сдѣлалъ и такимъ образомъ подалъ поводъ къ недоразумѣніямъ.

Обращаясь затѣмъ собственно къ изображенію тѣла человѣческаго, что, по ученію Тэна, составляетъ первенствующую задачу живописи, критикъ нашъ останавливается подробно на этомъ положеніи Тэна. Мы уже видѣли выше, что характерная черта, выставляемая преимущественно въ произведеніи искусства вообще, должна

быть, по ученію Тэна, важною, существенною. Но этого мало, ибо иная черта, не смотря на свою важность, можетъ быть недостаточна для полнаго развитія бытія и дѣятельности того существа, которому она принадлежитъ. Отсюда второе условіе, поставляемое Тэномъ, это характеръ благотворности избранной черты. Этимъ уже устраняется, конечно, высказанное выше предположеніе о чудовищахъ, выражающихъ слишкомъ одностороннюю черту, разрушающую гармонію, и идеаломъ физическаго человѣка рекомендуется тѣло во всей полнотѣ его жизни и дѣятельности. Затѣмъ Тэнъ допускаетъ выраженіе души въ этомъ совершенномъ тѣлѣ посредствомъ движенія, жеста, выраженія физіономіи, но въ мѣру и не забывая все-таки тѣла, главнаго предмета живописи, и этимъ оканчивается задача воплощенія въ живописи идеальной фигуры человѣка. Обращаясь затѣмъ собственно къ пріемамъ искусства, Тэнъ высказываетъ требованіе сосредоточенія эффектовъ, и этимъ исчерпываются, по его ученію, всѣ требованія, какія должны быть прилагаемы къ сужденію о произведеніи живописи. Нельзя спорить противъ того, что всѣ высказанныя правила согласно ведутъ къ одной главной цѣли — именно къ требованію особенной ясности, рельефности характерной черты, и дѣйствительно составляютъ въ своей совокупности довольно простой пріемъ для оцѣнки достоинства произведенія живописи съ точки зрѣнія Тэна. Но вполнѣ ли удовлетворительна самая эта точка зрѣнія? Не слишкомъ ли мало мѣста оставляетъ Тэнъ въ живописи красотѣ духовной, нравственной? Неужели только тѣлесною красотой восхищаемся мы въ „Тайной Вечери“ Леонардо да-Винчи, въ его „Жокондѣ“, или въ его Св. Іоаннахъ и даже Вакхусахъ? А Рафаэль? Въ самомъ Микель-Анджело, наконецъ, хоть бы въ его безсмертномъ произведеніи „Сотвореніе женщины“, неужели вся идея картины исчерпывается красотою тѣла? „Мы не говоримъ уже о портретахъ, заключаетъ Террье, которые однако занимаютъ такое видное мѣсто, напримѣръ, между трудами живописцевъ эпохи возрожденія и которыхъ исключительною задачею никакъ нельзя признать красоту тѣлесную“.

Окончательнымъ образомъ Террье видитъ въ эстетической системѣ Тэна лишь повтореніе того же, что высказываемо было другими серіозными эстетиками, — повтореніе, облеченное лишь въ новые научные термины, которые на первый разъ скрываютъ это сходство. Тэнъ говоритъ, что произведеніе искусства имѣетъ цѣлью сдѣлать преобладающею главнѣйшую, существенную черту предмета; прежде говорили, что искусство выражаетъ идею, обнаруживаетъ невидимое. Когда Тэнъ

говорить о благотворности выбираемыхъ чертъ, не повторяетъ ли онъ въ сущности уже стараго мнѣнія, что красота есть выраженіе блага, а благо есть соотвѣтствіе существъ съ ихъ назначеніемъ? То, что онъ называетъ сосредоточеніемъ эффектовъ, не есть ли старое единство? А когда, наконецъ, мы соединимъ вмѣстѣ всѣ требованія его отъ произведенія искусства, не ясно ли, что они вполнѣ окажутся соотвѣтствующими извѣстной идеѣ красоты, хотя Тэнъ и старательно избѣгаетъ этого выраженія въ большей части своего труда?"

Собственно за Тэномъ Л. Террье оставляетъ только „новые доводы въ защиту старыхъ идей" и нѣкоторую натянутость цѣлой системы, происходящую отъ стремленія подвести подъ самые строгіе законы то, что по природѣ своей не подчиняется имъ; наконецъ, блестящій талантъ, который позволяетъ ему прикрывать при изложеніи дѣла мастерскими и вѣрными картинами прошлаго то, что есть слабаго собственно въ его теоріи.

Изложивъ довольно обстоятельно мнѣнія двухъ противниковъ по существеннымъ вопросамъ эстетики, мы перейдемъ прямо къ отдѣльнымъ сочиненіямъ, вышедшимъ въ послѣднее время по исторіи искусствъ.

Прежде всего мы укажемъ на *Куглерову* — „Исторію зодчества" [1]), которой нынѣ вышли 1-й и 2-й выпуски 4-го тома. Впрочемъ, появившееся нынѣ начало 4-го тома, приступающаго къ исторіи новѣйшей архитектуры, носитъ имя Куглера лишь изъ уваженія къ памяти покойнаго, такъ какъ оно составляетъ непосредственное продолженіе собственнаго труда его, доведеннаго до конца готическаго искусства. Поэтому вышедшіе теперь 2 выпуска носятъ также и другое заглавіе: „Исторія новѣйшаго зодчества" — *Якоба Буркхардта* и *Вильгельма Любке.*

Продолжая непосредственно трудъ Куглера, упомянутые авторы приступили къ эпохѣ возрожденія и притомъ раздѣлили между собою трудъ такъ, что исторію развитія архитектуры этой эпохи собственно въ Италіи взялъ на себя Буркхардтъ (она-то и исчерпывается въ вышедшихъ теперь двухъ выпускахъ IV тома); разработка же исторіи архитектуры эпохи возрожденія, на сколько она развивалась въ другихъ странахъ, внѣ Италіи, выпала на долю Любке, который и изложитъ ее въ остальныхъ выпускахъ IV тома. Кромѣ того онъ же, въ V томѣ, будетъ излагать періодъ вкуса рококо и новѣйшія стремленія архитектурнаго искусства.

---

[1]) *Kugler* Franz, — Geschichte der Baukunst mit Illustrationen. 4 Bd. 1. 2. Liefer. Stuttgart. 1867. Ebner u. Seubert.

Что касается уже напечатаннаго нынѣ труда Буркхардта, то по отзыву одного нѣмецкаго журнала [1]), онъ представляетъ вообще богатый сводъ почти совершенно новыхъ объясненій и подробностей основанныхъ какъ на глубокомъ изученіи источниковъ, такъ и на многолѣтнемъ личномъ созерцаніи и изученіи самихъ архитектурныхъ памятниковъ. Нельзя не поблагодарить также автора за то, что излагая исторію времени возрожденія въ итальянской архитектурѣ, онъ не ограничилъ своей задачи исключительно этимъ искусствомъ, а сообразно съ духомъ той эпохи, ввелъ въ свой трудъ также сады при виллахъ и вообще декоративныя работы того времени изъ камня, металла и дерева, равно какъ расписываніе фасадовъ, внутреннюю штукатурку и живопись, обдѣлку и форму домашней утвари, и наконецъ, украшенія, устраивавшіяся въ торжественныхъ случаяхъ.

По исторіи живописи укажемъ на вышедшій въ нынѣшнемъ году 1-й томъ сочиненія *Эрнста Фёрстера* — „Рафаэль" [2]). Казалось бы странно, говоритъ нѣмецкій журналъ, изъ котораго мы заимствуемъ сообщаемый ниже отзывъ [3]), приступать къ сочиненію о Рафаэлѣ послѣ отличнаго большаго труда *Пассавана* и небольшой, но прекрасно составленной біографіи Рафаэля *фонъ-Вольцогеномъ*, которая сдѣлала доступнымъ для публики все существенное о его жизни. И однако книга Фёрстера есть все-таки трудъ далеко не лишній. Она, безъ сомнѣнія, будетъ хорошимъ вкладомъ въ богатую литературу о великомъ художникѣ и конечно, будетъ содѣйствовать еще болѣе къ возбужденію любви и уваженія къ знаменитому мастеру.

Сообразно своимъ воззрѣніямъ на дѣло, высказаннымъ въ „Приготовительной школѣ къ исторіи искусства" (Vorschule der Kunstgeschichte), авторъ старается представить Рафаэля въ связи съ общей исторіей человѣчества. По этому случаю онъ даетъ намъ прекрасное изложеніе культурно-историческихъ условій Италіи въ XV и XVI столѣтіи, проводитъ передъ нами людей, содѣйствовавшихъ пробужденію классической древности и постепенному совершенствованію итальянскаго искусства, указываетъ на тѣхъ художниковъ и на тѣ произведенія, которые имѣли наибольшее вліяніе на самого Рафаэля. Затѣмъ, держась основательныхъ изслѣдованій Пассавана, онъ проходитъ шагъ за шагомъ исторію развитія Рафаэля, слѣдитъ за первыми впечатлѣніями, которыя встрѣтили его въ родномъ городѣ, за отношеніями его къ

[1]) *Literarisches Centralblatt* — 1867, № 25.

[2]) *Foerster*, Ernst — Raphael. Leipzig. 1867. T. O. Weigel. Bd. 1.

[3]) *Literarisches Centralblatt*. 1867. № 36.

учителю, къ товарищамъ и друзьямъ, за его путешествіями и т. д. Далѣе онъ перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ его извѣстныя произведенія, сообщаетъ краткую исторію каждаго изъ нихъ, его нынѣшняго владѣльца, гравюры, которыя съ него сдѣланы, и т. д. При этомъ Фёрстеръ не упускаетъ также изъ вида развитія въ Рафаэлѣ личнаго характера, его семейныхъ отношеній, и вообще старается представить намъ не просто живописца, но цѣлаго *человѣка* въ связи съ его вѣкомъ и другими условіями. Книга Фёрстера написана не исключительно для спеціалистовъ по искусству, какъ почтенный трудъ Пасcавана, но назначается преимущественно для всѣхъ образованныхъ классовъ, и къ этой цѣли она приспособлена очень хорошо.

Вышедшій нынѣ первый томъ, кромѣ общаго введенія, содержаніе котораго указано выше, и краткаго изложенія состоянія литературы и искусства въ Италіи во времена Рафаэля, излагаетъ жизнь и труды его въ періодъ пребыванія его во Флоренціи и Римѣ до смерти папы Юлія II, въ 1513. Книга украшена гравированнымъ портретомъ Рафаэля, сдѣланнымъ съ портрета его собственной работы, находящагося въ Уффичи во Флоренціи.

Коснувшись сочиненій по исторіи живописи, упомянемъ также о трудѣ Альфреда *Вольтманна* — „Гольбейнъ и его время“ [1]). Уже снискавъ прежде своими небольшими, но многочисленными трудами, почетную извѣстность, какъ знатокъ Гольбейна, авторъ приступилъ нынѣ къ своему большому труду объ этомъ мастерѣ, отъ котораго ожидали весьма многаго. Вышедшій теперь первый томъ, въ которомъ описано время жизни Гольбейна въ Аугсбургѣ и Базелѣ, дѣйствительно не обманулъ ожиданій. „Авторъ, какъ говоритъ рецензентъ одного нѣмецкаго критическаго журнала [2]), съ успѣхомъ избѣжалъ въ своемъ трудѣ обѣихъ крайностей, въ какія обыкновенно впадаютъ біографы художниковъ. Онъ не вдался исключительно ни въ разборъ отдѣльныхъ произведеній, упуская при этомъ изъ вида личность самого мастера и его художественное развитіе, какъ дѣлаютъ многіе, а съ другой стороны онъ строго держится избранной личности, какъ центра, и не вдается въ общую исторію культуры. Объ Аугсбургѣ, Базелѣ, Базельскихъ гуманистахъ мы узнаемъ изъ его книги достаточно для того, чтобы понять среду, окружавшую Гольбейна, но въ то же время не упускаемъ ни на минуту изъ вида самого художника. Воспользо-

[1]) *Woltmann*, D-r. Alfred — Holbein und seine Zeit. 1. Theil mit 31 Holzschnitten u. 1. Photolitographie. Leipzig, 1866. Seemann.

[2]) *Literarisches Centralblatt* — 1867, № 9.

вавшись тщательными изысканіями Гербергера и Гейсслера, Вольтманнъ много разъяснилъ намъ также семейныя отношенія Гольбейна и наконецъ, съ точностью опредѣлилъ годъ рожденія художника (1495), о которомъ еще до сихъ поръ не существовало полнаго согласія. Съ такою же полнотою, какъ внѣшнія обстоятельства жизни Гольбейна авторъ изслѣдуетъ и художественное его развитіе. За краткою, но прекрасною характеристикою отца, котораго манера, безъ сомнѣнія имѣла большое вліяніе на сына, слѣдуетъ въ его книгѣ подробное описаніе собранія эскизовъ (Skizzenbuch) этого послѣдняго, — эскизовъ, сохранившихся намъ еще отъ времени его юности и находящихся отчасти въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ, частію въ Копенгагенѣ, Бамбергѣ, Базелѣ и проч. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности излагать подробно все содержаніе книги Вольтманна и ограничимся въ заключеніе указаніемъ на одну новую точку зрѣнія, съ которой нашъ авторъ смотритъ на Гольбейна. Именно онъ относитъ его къ эпохѣ возрожденія нѣмецкаго искусства, о которой нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ почти не существовало даже идеи, не только строгаго опредѣленія границъ этой эпохи. Напротивъ, заслуги Гольбейна Вольтманнъ и цѣнитъ по преимуществу съ этой точки зрѣнія, указывая, какъ и когда именно онъ разорвалъ связи съ старымъ средневѣковымъ міросозерцаніемъ и какое вліяніе въ этомъ отношеніи имѣли на него художники времени возрожденія въ Италіи и въ особенности Ломбардская школа.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія, мы упомянемъ о вышедшемъ въ нынѣшнемъ году сочиненіи *Пауля* — „Абсолютная гармоника Грековъ“ [1]). Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе содержанія этого сочиненія, мы замѣтимъ только, что оно принадлежитъ къ числу многихъ сочиненій, посвященныхъ въ послѣднее время изслѣдованію музыки въ древности и проливившихъ на эту темную до сихъ поръ область много свѣта, при чемъ лучше разъяснилась и связь новѣйшей музыки съ древнею.

Авторъ означеннаго выше сочиненія, напримѣръ, считаетъ музыкальное искусство Грековъ фундаментомъ, на которомъ покоится вся позднѣйшая западно-европейская музыка. Въ этомъ строеніи, какъ утверждаетъ Пауль, абсолютная гармоника Грековъ составляетъ одну изъ главныхъ частей, и ее-то исчерпываетъ въ настоящемъ своемъ трудѣ авторъ, удачнымъ возсозданіемъ греческихъ системъ тоновъ

[1]) *Paul*, D-r O.—Die absolute Harmonik der Griechen. Eine Abhandlung. Leipzig. 1867. Dörffel.

(Tonsysteme). Въ скоромъ времени онъ обѣщаетъ продолженіе своего труда, въ которомъ будетъ рѣчь о прикладной гармоникѣ Грековъ.

О „Докладѣ Рих. *Вагнера* его величеству королю Баварскому, Людвигу II объ основаніи въ Мюнхенѣ нѣмецкой музыкальной школы", [1]) къ сожалѣнію, мы находимъ лишь краткое извѣстіе въ одной нѣмецкой газетѣ, притомъ, очевидно, не совсѣмъ безпристрастное, такъ какъ Вагнеръ задѣваетъ въ своемъ докладѣ нѣмецкое самолюбіе. И въ самомъ дѣлѣ есть чѣмъ обидѣться. Вагнеръ доказываетъ въ своей брошюрѣ, что не только дѣятельность всѣхъ существующихъ въ Германіи музыкальныхъ консерваторій совершенно безполезна, но что Нѣмцы вообще даже не способны къ передачѣ классическихъ музыкальныхъ произведеній, какъ прошедшаго, такъ и настоящаго времени. Далѣе онъ говоритъ, что школа должна начать съ правильной выработки органа пѣнія, такъ какъ вообще пѣніе въ Германіи стоитъ на весьма низкой степени. Не смотря на очевидное неудовольствіе противъ идей, высказанныхъ Вагнеромъ, нѣмецкій рецензентъ не можетъ однако не сознаться, что брошюра содержитъ превосходныя замѣтки, и притомъ не только по вопросу объ улучшеніи пѣнія, но и о музыкальномъ образованіи вообще.

---

[1]) *Wagner*, Rich. — Bericht an seine Majestät den König Ludwig II von Bayern über eine in München zu errichtende deutsche Musikschule. München. 1866. Kaiser. 10 Sgr.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА.

> ... Pueris olim dant crustula blandi
> Doctores, elementa velint ut discere prima.
> *Sat. Horat. I.*

Латинская грамматика. *Ав. Ананьева.* Москва, 1864.

Латинская грамматика доктора *Мадвига,* сокращенная для гимназій *Тишеромъ.* Переводъ съ нѣмецкаго. Издалъ *Н. Басовъ.* Москва. 1865.

Элементарная грамматика доктора *Р. Кюнера,* дополненная сообразно съ новымъ уставомъ министерства народнаго просвѣщенія для гимназій и прогимназій. 2-е изданіе. Составилъ преподаватель латинскаго языка въ 4-й (Ларинской) С.-Петербургской гимназіи магистръ Игнатій *Косовичъ.* С.-Петерб. 1866.

Руководство къ изученію латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій. Составилъ Яковъ *Смирновъ.* Москва. 1866.

Латинская грамматика по *Р. Кюнеру.* Составилъ и дополнилъ *Я. Кремеръ,* перевелъ О. *Кейзеръ.* 1867 г. Москва. Изданіе братьевъ Салаевыхъ.

Не смотря на 1864—1867 годы, выставленные на изданіяхъ, заглавія которыхъ выписаны, — новаго, въ смыслѣ облегчающаго малютокъ-учениковъ первыхъ классовъ гимназій, эти книги мало представляютъ.

Теперь, когда на преподаваніе латинскаго и вообще древнихъ языковъ обращено особенное вниманіе, удивительнымъ кажется такое невниманіе учебной литературы къ вопіющей потребности.

Всякій понимаетъ, что руководство годное, пожалуй, какъ было два года тому назадъ, для 3-го класса гимназій, съ котораго начиналось тогда преподаваніе латинскаго языка, мало или почти безполезно теперь для дѣтей перваго класса. Составители руководствъ, вѣроятно, лучше меня знакомы съ гимназической программой, и для нихъ не секретъ, что въ первомъ классѣ ученики лишь со втораго полугодія начинаютъ этимологію русскаго языка.

Но родной языкъ дѣло другое: здѣсь ученики имѣютъ дѣло съ

знакомыми звуками, съ знакомыми предметами, ихъ названіями и измѣненіями; къ языку же латинскому, полагаю, дѣти иначе нѣсколько относятся. Отсюда понятно, что не только учителя, но и руководства по этому предмету должны приноровляться къ дѣтямъ. Въ латинскихъ нашихъ руководствахъ даже послѣдняго времени, какъ мы увидимъ ниже, этого *приноровленія* къ понятіямъ русскихъ дѣтей нѣтъ ни въ методѣ, ни въ самомъ ихъ содержаніи, то-есть, въ тѣхъ предметахъ, о которыхъ хотятъ съ дѣтьми бесѣдовать на латинскомъ языкѣ.

Въ то время, когда русскій учитель читаетъ съ дѣтьми и начинаетъ разбирать какую-нибудь маленькую басенку въ родѣ „Муха и Волъ", — тѣмъ же дѣтямъ приходится изучать ораторское искусство въ Римѣ: „Ораторы краснорѣчивы. Краснорѣчіе ораторовъ волнуетъ наши души. Народъ слушаетъ ораторовъ" и пр. (Элементарная грамматика Кюнера, стр. 38), или еще дальше: „Пиѳагора мы цѣнимъ за его мудрость. Объ Орестѣ и Пиладѣ, объ Эпаминондѣ и Пелопидѣ исторія разказываетъ многіе и величественные случаи". (Тамъ же, стр. 30). Еще раньше, на самой первой страницѣ: „Они пробуютъ сражаться" (стр. 22).

Такія и подобныя имъ фразы начинаютъ курсъ латинскаго языка перваго класса по Кюнеру.

„Римляне побѣдили Карѳагенянъ" и „императоръ Титъ разрушилъ Іерусалимъ", — приводитъ г. Смирновъ въ примѣръ для объясненія *винительнаго* падежа, тоже на первыхъ страницахъ своего руководства къ изученію латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій (стр. 12). „Мы старались терпѣть" (стр. 17). Таковы фразы для перевода съ дѣтьми перваго класса въ указанныхъ двухъ грамматикахъ; латинская же грамматика доктора Мадвига, сокращенная для гимназій Тишеромъ, равно какъ латинская грамматика Аѳ. Ананьева, неизвѣстно впрочемъ для чьего употребленія такъ распространенная (400 стр.), что прибавлено къ ней еще 8 страницъ *опечатокъ*, не даютъ никакихъ фразъ, а одно собраніе словъ и правилъ.

Г. Ананьевъ даже и словъ не хотѣлъ помѣщать въ видѣ словаря, съ необходимымъ показаніемъ окончанія родительнаго падежа существительныхъ, главныхъ формъ глаголовъ, и окончаній и родовъ прилагательныхъ, по слѣдующему соображенію:

„Такъ какъ собраніе словъ и ихъ значеніе собственно составляетъ предметъ словаря (который однакоже у него, замѣтимъ въ скобкахъ, при грамматикѣ не приложенъ), то помѣщеніе небольшаго

собранія ихъ въ грамматикѣ, пожалуй, сочтется *противозаконнымъ внесеніемъ чужой собственности*", говоритъ онъ (См. предисловіе къ Граммат. стр. 11). Въ силу этого страннаго взгляда на собраніе латинскихъ словъ, грамматика г. Ананьева, чего бы нельзя было ожидать по предыдущему, заключаетъ въ себѣ несчетное число однихъ словъ и сухихъ правилъ, но ни одного упражненія въ переводѣ. И какъ видно, г. Ананьевъ хочетъ научить латинскому языку не переводя, — плавать безъ воды. „*Механическое* затверживаніе примѣра съ переводомъ каждой формы, говоритъ онъ еще въ предисловіи, по моему убѣжденію, основанному на практикѣ и наблюденіяхъ, вовсе *безполезно*, если не *осмыслено* значеніемъ сущности дѣла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже бываетъ *необходимо* въ послѣдствіи времени *отучать* ученика отъ буквальнаго перевода формы одного языка соотвѣтствующею формою другаго, какъ это особенно видно въ склоненіи именъ прилагательныхъ". (См. предисловіе V стр.).

Изъ этихъ словъ мы открываемъ, что г. Ананьевъ 1) издалъ свою грамматику также для учениковъ гимназій, 2) издалъ по новой, необыкновенной методѣ, не допускающей перевода, что называетъ составитель *механическимъ затверживаніемъ* (а вытверживаніе множества однихъ правилъ и словъ, это разумное, осмысленное изученіе языка?) и 3) что не только не слѣдуетъ учениковъ учить умѣнью переводить, но старательно должно ихъ *отучать* отъ этой заразы...

Издатель латинской грамматики Мадвига, сокращенной для гимназій Тишеромъ, вмѣсто предисловія пишетъ: „*Издатель* (?) имѣя въ виду издать (?) выборъ латинскихъ и греческихъ классиковъ съ ссылками на грамматику, рѣшился издать (?) прежде предлагаемую книгу. Грамматическія объясненія въ предполагаемомъ выборѣ латинскихъ писателей будутъ предложены преимущественно на этой грамматикѣ; вотъ причина, по которой она издается". (См. предисловіе).

Издана, стало быть, грамматика Мадвига съ одной стороны покуда *безъ* причины, потому что приложеніе собранія правилъ, помѣщенныхъ въ этой грамматикѣ, еще впереди; съ другой же стороны — *по причинѣ*, потому что она сокращена *для гимназій*. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, издавать грамматику, по крайней мѣрѣ, этимологію съ такою спеціальною цѣлью, странно. Мы понимаемъ, что въ конструкціи тотъ или другой писатель имѣетъ свои особенности, — могутъ встрѣчаться у того или другаго писателя ему лично свойственныя выраженія, — и въ такомъ случаѣ сводъ подобныхъ оборотовъ въ особомъ синтаксисѣ, спеціально изданномъ для ссылокъ при чте-

нія и объясненія извѣстнаго автора, можетъ имѣть разумное основаніе; что же касается до этимологіи, то мы не думаемъ, чтобъ она была какая-нибудь особенная въ предполагаемомъ сборникѣ статей писателей. Во всякомъ случаѣ, пока еще начнетъ преподаватель читать авторовъ, собранныхъ въ будущемъ сборникѣ, ученика надо научить переводить легкія фразы, научить составлять предложенія, то-есть, научить основаніямъ этимологіи, безъ которыхъ какъ *sine Jove nec pedem move* въ латинскомъ, да и въ русскомъ языкѣ.

Въ томъ же предисловіи издатель хвалитъ грамматику Мадвига. „Что же касается достоинства самой грамматики д-ра Мадвига, то издатель, не желая выразить своего *собственнаго мнѣнія*, ссылается въ этомъ случаѣ на германскихъ ученыхъ, по безпристрастному суду которыхъ эта грамматика признается изъ лучшихъ". (См. предисловіе).

Въ свою очередь мы не имѣемъ цѣлію разбирать со *всѣхъ* сторонъ грамматики, заглавія коихъ выписаны, не изъ благоговѣнія къ авторитету германскихъ ученыхъ, которые, если хвалятъ грамматику Мадвига, то вѣроятно знаютъ приложимость ея, а потому что желаемъ уяснить себѣ только слѣдующій вопросъ: на сколько эти грамматики удовлетворительны *для первоначальнаго курса въ нашихъ гимназіяхъ?* Что хорошо въ Германіи, даже по безпристрастному суду нѣмецкихъ ученыхъ, пригодно ли *намъ?* Переводя на русскій языкъ извѣстное руководство, непремѣнно, кажется, слѣдуетъ имѣть въ виду *русскія* школы и *русскихъ* дѣтей. Мало того, слѣдуя пословицѣ: одежда по росту, книга по уму, — необходимо еще спеціальнѣе преслѣдовать цѣль при переводѣ какого-либо иностраннаго руководства, отнюдь не упуская изъ вида для *какихъ* классовъ гимназіи, для *какого* возраста та или другая книга назначается?

Правда, что sine lingua latina nemo cogitari potest: языкъ латинскій — общечеловѣческій, латинская же грамматика — прабабушка всѣхъ грамматикъ европейскихъ, — все-таки бабушка эта 6-лѣтнему внучку сказывать должна, какъ и всякая бабушка, иныя сказки и инымъ складомъ, нежели та же бабушка 16-лѣтнему внуку станетъ дѣлать наставленія. Въ Германіи число учебныхъ руководствъ необыкновенно велико. Тамъ дѣло обученія латинскому языку ведется съ разумною, педагогически-разчитанною постепенностью. Тамъ изученію этимологіи, болѣе или менѣе систематическому, предпосылается приготовительный курсъ (Vorschule für den Lateinischen Elementarunterricht). Книжечки, назначенныя для этого возраста, не превышаютъ 22-хъ страницъ (см. изданія Lattmann, Ostermann, 1865).

Въ предисловіи къ одной изъ этихъ книжечекъ составитель пишетъ: „Необходимымъ считаю для перваго класса (Septima) пройдти приготовительный курсъ, который бы обезпечилъ основательное преподаваніе въ низшихъ классахъ. Для этого составленъ краткій учебничекъ (pensum), который въ себѣ содержитъ общія основанія этимологіи. Этого я старался достигнуть, взявъ изъ этимологіи (Formenlehre) столько матеріаловъ, сколько необходимо, чтобы можно было практиковать учениковъ въ составленіи предложенія въ его обыкновенныхъ формахъ при извѣстномъ количествѣ словъ (весь словарь заключаетъ 320 словъ). Для восьмилѣтнихъ и девятилѣтнихъ учениковъ довольно этой работы при 4—6 часахъ въ недѣлю въ продолженіе полгода, а другое полугодіе посвящается для повторенія этой книжечки". (См. Vorschule für den Lateinischen Elementarbuch von Lattmann. Göttingen. 1865. Vorwort zur zweiten Auflage). Если мы сопоставимъ съ этимъ учебникомъ грамматику г. Ананьева, гдѣ 400 страницъ, болѣе 800 правилъ въ одной части, гдѣ уже на первый урокъ предлагается 242 слова (см. стр. 13, существительныя *перваго* склоненія), между коими есть *vesica — мочевой пузырь* и *scrofa — опоросившаяся свинья*, да къ тому прибавимъ восемь страницъ опечатокъ, — пропорція окажется не очень въ пользу родной дидактики. Учить такъ учить: вотъ тебѣ на первый разъ 240 словъ; печатать такъ печатать все: изъ большаго не выпадетъ, или иначе, melius haurire ex magno fonte. Бѣдныя дѣти!

Такимъ образомъ грамматику г. Ананьева и д-ра Мадвига, изданную г. Басовымъ, какъ не удовлетворяющія рѣшительно требованіямъ дидактическимъ въ дѣлѣ первоначальнаго преподаванія латинскаго языка, мы оставляемъ въ сторонѣ [1]).

Тѣмъ съ бо́льшимъ вниманіемъ постараемся разсмотрѣть другія: Элементарную грамматику д-ра Кюнера, *составленную* (кто же составилъ?) Игнатіемъ Коссовичемъ, Латинскую грамматику по Кюнеру г. Кремера, и Руководство къ изученію латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій, составленную Яковомъ Смирновымъ.

Одно изъ этихъ изданій (Кюнера) состоялось въ С.-Петербургѣ, другія же Кюнера и г. Смирнова въ Москвѣ. Стало быть, мы имѣемъ здѣсь представителей дидактики въ двухъ центрахъ нашего просвѣщенія. Это обстоятельство еще лучше уясняетъ отношеніе русской

[1]) Латинская грамматика г. Ананьева пригодна, конечно, только для высшихъ классовъ гимназій, и только для нихъ и одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за сентябрь, 1866 г. I отд., стр. 51. *Ред.*

педагогической мысли къ дѣлу, насъ занимающему. Повторяю опять, что руководства я разсматриваю со стороны практическаго ихъ употребленія *въ первомъ классѣ гимназіи*. Initium — dimidium facti — старая истина, и доказывать важность именно перваго шага въ преподаваніи считаю здѣсь лишнимъ. Преподаваніе латинскаго языка необходимо имѣетъ связь съ преподаваніемъ языка русскаго, поэтому дабы выяснить цѣлесообразность того и другаго учебника по латинскому языку, мы скажемъ нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи этихъ языковъ при первоначальномъ ихъ преподаваніи.

Слѣдовало бы, по всей справедливости, одному и тому же учителю преподавать оба языка во избѣжаніе многихъ неудобствъ, что̀ и дѣлается въ Германіи, а такъ какъ это у насъ пока еще pium desiderium, то во всякомъ случаѣ очень не мѣшаетъ установить общую по возможности методу для преподаванія этихъ языковъ: учителямъ русскаго и латинскаго должно *спѣться* заранѣе и идти рука объ руку для взаимнаго достиженія разумной цѣли.

Намъ кажется разумнымъ предпослать преподаванію латинскаго языка въ первомъ классѣ гимназіи практическое ознакомленіе учениковъ съ составомъ простаго предложенія русскаго, ограничиваясь самымъ общимъ разборомъ. Хотя руководства г. Кессовича (по Кюнеру), г. Кремера и г. Смирнова начинаются общими этимологическими понятіями, но мы рѣшительно не согласны съ принятою ими системой. Ни этимологическія объясненія въ такомъ отрывочномъ видѣ, ни таблицы окончаній склоненій и спряженій, помѣщаемыя въ началѣ перваго курса, не ведутъ къ желаемой цѣли и не оправдываются требованіями логической дидактики. Гг. Кессовичъ, Кремеръ и Смирновъ на первыхъ двухъ страницахъ курса объясняютъ этимологическія формы и латинскія ихъ названія.

Если мы сопоставимъ этотъ пріемъ въ курсѣ латинскаго языка съ послѣднею программой для русскаго языка въ первомъ классѣ гимназіи, которою предписывается только во второмъ полугодіи начинать разборъ простаго предложенія, а глаголы проходить черезъ годъ во второмъ уже классѣ, намъ покажется чрезвычайно страннымъ желаніе составителей грамматики познакомить учениковъ въ одинъ урокъ со всею этимологіей. Не говорю уже о методѣ изложенія этимологіи русской въ латинскомъ курсѣ. Она сама по себѣ; а уроки латинскаго языка сами по себѣ. Если бы, положимъ, вызубрили ученики такую наивную номенклатуру падежей: именительный (nominativus) на вопросъ: *кто, что?* — родительный (genitivus) на вопросъ:

кою, чею? и т. д., что изъ этого вышло бы? Какое понятіе составилъ бы десятилѣтній первоклассникъ о назначеніи и роли падежей въ предложеніи? Въ такомъ видѣ предпосланная латинской грамматикѣ этимологія ни къ чему не ведетъ: и преподавателя ставитъ въ тупикъ, и понапрасну увеличиваетъ изданіе. Подобная этимологія для учениковъ 1-го класса, совсѣмъ незнакомыхъ и съ русскою грамматикой, не годится по своей сухой голословности; для учениковъ же другихъ классовъ не нужна, потому что, предполагается, они ее знаютъ. Къ чему же она?

Вслѣдствіе подобной рутины въ изложеніи русской и латинской этимологіи нерѣдко бываетъ, что ученики, выйдя изъ гимназіи, при переводахъ и сочиненіяхъ смѣшиваютъ падежи между собою. Знаменитые вопросы: *кто, что, чею?* нисколько не объясняютъ дѣла въ словѣ, отдѣльно взятомъ. Самыя названія падежей остаются для многихъ, изучившихъ русскую и всякую другую грамматику, знакомъ вопроса, загадкою. *„Родительный — genitivus.... дательный — dativus...“* учитъ мальчикъ: *„Кою, чего, кому, чему?...“* Премудрость!... То же можно сказать о всѣхъ терминахъ грамматическихъ формъ: *залою* (genus), *наклоненія* (modus), *склоненія*, *спряженія* и проч. Ужели можно о нихъ *прежде всего* толковать съ ребенкомъ? А по системѣ Кюнера и его переводчика-составителя и г. Смирнова *непремѣнно* толковать надо. Всякій взрослый знаетъ по себѣ, что сознательное постиженіе этихъ формъ является развѣ въ концѣ, въ заключеніе грамматическаго курса, если только когда-нибудь является, благодаря нашимъ толковымъ учебникамъ, а для ребенка эти названія и эти формы представляютъ, Богъ знаетъ, какіе, покрытые мхомъ вѣковъ, іероглифы. Самый *падежъ?*... Очевидно, въ первоначальномъ курсѣ латинской грамматики и всякой другой нельзя съ пользою предлагать выше указанную номенклатуру этимологіи отдѣльно отъ предложенія, какъ самой разумной, законченной формы мысли.

Винительный, напримѣръ, падежъ, какъ падежъ, показывающій *вину*, *причину*, предметъ дѣйствія подлежащаго, будетъ понятъ только тогда, когда мы поставимъ его для объясненія въ цѣломъ предложеніи: *Гусь пьетъ воду*. Слово *„воду“*, какъ *вину*, *предметъ* дѣйствія, производимаго *гусемъ*, наглядно уразумѣютъ дѣти и не смѣшаютъ этого падежа съ другимъ.

Творительный, выражающій своимъ окончаніемъ *орудіе*, которымъ предметъ дѣйствующій (подлежащее) *творитъ*, *дѣйствуетъ*, — получитъ смыслъ и значеніе своего названія для ребенка также въ пред-

ложенія, напримѣръ: „*мальчикъ пишетъ перомъ*“. Точно также разумно болѣе или менѣе могутъ быть объяснены въ каждой грамматикѣ и особенно въ латинской, какъ установившейся и прототипѣ всѣхъ грамматикъ въ мірѣ, и всѣ другія формы грамматическія.

Латинскій языкъ, между прочимъ, и потому еще важенъ въ школьномъ обученіи, что онъ *officina* всей номенклатуры формъ грамматическихъ и много поможетъ здравому ея объясненію при изученіи русскаго и всякаго другаго языка.

По нашему мнѣнію, курсъ латинскаго языка, особенно приготовительный, долженъ быть расположенъ въ примѣрахъ простаго предложенія, постепенно распространеннаго, и въ строгой параллели съ курсомъ руской грамматики, благо это возможно.

Соображаясь съ развитіемъ учениковъ I-го класса, для которыхъ спеціально назначается первоначальный или лучше, приготовительный курсъ, размѣры этого курса можно ограничить, при довольномъ запасѣ словъ, ознакомленіемъ учениковъ съ составомъ простаго предложенія. Слѣдовательно, въ содержаніе этого приготовительнаго курса войдутъ: пять правильныхъ склоненій существительныхъ, имена прилагательныя, правильныя степени, личныя и притяжательныя мѣстоименія, числительныя имена несклоняемыя, и тѣ, которыхъ склоненія подходятъ къ правильному склоненію именъ прилагательныхъ, то-есть, порядковыя, изъ количественныхъ же unus, duo, tres, mille, нарѣчія, предлоги, глаголъ *sum* и глаголъ перваго спряженія, въ дѣйствительномъ залогѣ. Вотъ все содержаніе приготовительнаго курса.

Въ первой части, то-есть, букварѣ, тотчасъ послѣ изображенія буквъ и правилъ ихъ произношенія, необходимо должны слѣдовать слова, раздѣленныя на группы и уроки. Въ первой группѣ будутъ имена существительныя перваго склоненія женскаго рода самыя краткія и по значенію знакомыя дѣтямъ; во второй подобранныя къ нимъ прилагательныя въ женскомъ родѣ; въ третьей глаголы, обозначающіе дѣйствія предметовъ, имена которыхъ помѣщены въ первой группѣ; въ четвертой — нарѣчія, предлоги и союзы. О склоненіи и спряженіи этихъ словъ здѣсь и помину нѣтъ.

Помѣщеніе этихъ группъ словъ (числомъ всего около 50) будетъ имѣть тройную цѣль. Вопервыхъ, они будутъ служить для чтенія, вовторыхъ, для объясненія общихъ признаковъ частей рѣчи, и втретьихъ, для выучиванія наизусть. Такимъ образомъ вышеуказанный отдѣлъ курса будетъ нѣкоторымъ введеніемъ въ этимологію, которая начинается не таблицами окончаній, не парадигмами склоненій и спра-

женій, а краткимъ, двусловнымъ предложеніемъ. Предложеніе изъ одного глагола, какъ это сдѣлано у Кюнера и г. Смирнова, менѣе удобно, такъ какъ глаголъ безъ имени или съ подразумѣваемымъ подлежащимъ, или мѣстоименіемъ, не объясняетъ ребенку, какъ мы выше сказали, сущности предложенія, какъ связи подлежащаго и сказуемаго, то-есть, предмета и его дѣйствія. *Rigat* — орошаетъ менѣе понятно нежели *aqua rigat*; *flet* плачетъ — нежели *puella flet* и т. д.

Послѣ того, какъ ребенку во введеніи, о которомъ мы говорили, станутъ уже отчасти знакомы слова, нѣкоторыя существительныя и глаголы, то уже не трудно будетъ поставить ихъ въ предложеніе. Если знакомо слово *aqua* — вода, *luna* — луна, *theca* — сумка, *luscinia* — соловей, *mano* — теку, *collustro* — освѣщаю, *bona* или *pulchra*, — то тѣ же слова, поставленныя въ предложеніе, не много потребуютъ вниманія, чтобы понять и запомнить окончаніе одного 3-го лица: *aqua manat* — вода течетъ, *luna* collustr*at* — луна освѣщаетъ и т. д. Окончанія *a* и *at*, напечатанныя въ текстѣ крупно и рельефно, останутся въ головѣ мальчика и останутся понятыя, сознанныя.

Увеличивая предложеніе дополненіемъ, напримѣръ, вода орошаетъ *землю* — aqu*a* rig*at* terr*am*, мы знакомимъ ученика съ *винительнымъ* падежемъ и *дополненіемъ*. Для этого слѣдуютъ въ учебникѣ нѣсколько примѣровъ съ именами перваго склоненія въ *винительномъ падежѣ*. Окончаніе *am*, по примѣру окончанія именительнаго падежа, печатается крупно, рельефно. Такимъ путемъ знакомится ученикъ съ значеніемъ всѣхъ падежей и падежныхъ окончаній перваго склоненія существительныхъ и прилагательныхъ, съ окончаніями лицъ глагола, формами временъ и проч. Разумѣется, количество словъ и фразъ для перевода, распредѣленное по урокамъ, равно какъ и размѣръ предложенія, постепенно увеличивается.

Замѣтимъ, что глава *о первомъ склоненіи* должна быть самая обширная, такъ какъ здѣсь дѣти практически знакомятся съ частями предложенія и значеніемъ каждаго падежа отдѣльно. По нашей системѣ, первое склоненіе будетъ заключать въ себѣ *остовъ всей этимологіи*. Въ концѣ перваго склоненія, предложенія или фразы для перевода, въ началѣ состоявшія изъ двухъ словъ, напримѣръ, aqua manat, приметъ такой видъ: Frigida aqua e terra manat suisque undis multas plantas atque herbas abunde rigat, то-есть, вода течетъ изъ земли и своими волнами обильно растенія и травы орошаетъ. Или: Magnae balaenae cito natant in aquis profundis et parvas maritimas feras captant, и т. д.

Въ концѣ перваго склоненія также могутъ быть помѣщены, для *повторенія предыдущаго*, съ логическою послѣдовательностью выведенныя изъ переводовъ *таблицы* съ одними окончаніями падежными именъ перваго склоненія и лицъ перваго спряженія, какъ *результатъ* пройденнаго. Въ началѣ же курса, какъ мы это старались доказать выше, таблицы безцѣльны.

Да не смущается читатель, что для большаго количества фразъ или предложеній, назначаемыхъ къ переводу съ русскаго на латинскій, и наоборотъ, въ проектируемомъ учебникѣ не достанетъ словъ (именъ и глаголовъ) *перваго* склоненія и *спряженія*. Словъ съ избыткомъ достанетъ; латинскій языкъ богатъ. Мы ограничиваемся только этими словами съ тою цѣлью, дабы не заваливать малютокъ-учениковъ разнообразіемъ формъ.

Укрѣпившись въ переводѣ и разборѣ вышесказанныхъ примѣровъ, ученики съ двойною скоростью пройдутъ другія склоненія, такъ какъ падежныя окончанія остальныхъ склоненій сходны съ окончаніями перваго. Chi va sano, va piano. Медленность въ этомъ случаѣ выкупается основательностью. Поспѣшность въ первоначальномъ обученіи — большое зло.

Замѣтимъ еще разъ: содержаніе переводимыхъ фразъ необходимо должно быть приноровлено къ дѣтскому міросозерцанію и развитію. Также, не выходя изъ предѣловъ перваго склоненія и спряженія необходимо помѣщать для разнообразія краткія басенки и маленькіе разсказы. Они, какъ извѣстно всякому, особенно любимы дѣтьми и легко выучиваются наизусть. Желательно бы не лишать этого *живаго* удовольствія дѣтей и при обученіи *мертвому* языку. Предвидимое мною возраженіе читателя относительно невозможности, по причинѣ недостаточности формъ, составить желаемый разсказъ въ этой части курса, я постараюсь разрѣшить, приводя здѣсь его образчикъ.

Nostrae dominae ambulabant heri cum suis bonis ancillis prope altam ripam, ubi agricolae arabant fecundam terram. Ibi etiam est densa silva, vaccae cubant in herba, alaudae cantant et volant. Sub frigida silvae umbra multae rusticae puellae pulchras coronas parabant ex variis plantis. Filia nostrae dominae pecuniam donat ob coronas. Dominae vero capras et vaccas spectabant et magnam incolarum diligentiam laudabant[1]) и проч.

Въ родѣ этого можетъ быть придуманъ разказъ для перевода съ

---

[1]) Мы охотно сознаемся въ нѣкоторой неклассичности подобной латыни, но полагаемъ, что этотъ недостатокъ можетъ быть допущенъ въ приготовительномъ курсѣ ради другихъ важнѣйшихъ въ эту пору цѣлей.

русскаго только формами одного *перваго* склоненія и *перваго* спряженія. Здѣсь ребенку все понятно.

Г. Коссовичъ по Кюнеру и г. Смирновъ, подражавшій ему въ первомъ курсѣ, начинають переводы съ предложеній изъ одного глагола. Хорошая сторона въ этомъ пріемѣ заключается въ его практичности; неудовлетворительность—въ безсознательной сухости заучиванія однихъ глаголовъ, въ отсутствіи логической системы въ расположеніи примѣровъ и смыслѣ самихъ примѣровъ. Одинъ глаголъ не можетъ быть примѣромъ въ наглядномъ предложеніи, такъ какъ употребляется безъ мѣстоименія, которое могло бы дать понятіе ученику о подлежащемъ. *Amo*—я люблю. Для ребенка не ясно, гдѣ же предметъ дѣйствующій и гдѣ подлежащее? *Tentant amare — пытаются любить* — примѣръ, кромѣ своей безсмыслицы, никоимъ образомъ не оставляющій въ памяти ребенка представленія или мысли, а потому трудно удерживаемый, не можетъ никакъ дать понятія о предложеніи, ни о согласованіи, вводя особую форму—неопредѣленное наклоненіе, объясненіе котораго, по нашему мнѣнію, должно быть отнесено къ времени дальнѣйшаго изученія глагольныхъ формъ. „Кто же старается любить?“ спроситъ себя мальчикъ, и отвѣта не получитъ. Если же получитъ, то данный отвѣтъ: „*Они*“ стараются любить, какъ пустой звукъ для ребенка мало объяснитъ ему подлежащее.

Худо еще то въ этихъ первыхъ урокахъ Кюнера, что онъ мѣшаетъ дѣйствительную и страдательную форму и сверхъ того еще болѣе усложняетъ дѣло, вводя безъ всякой надобности четыре спряженія въ настоящемъ времени. Для мальчика четыре спряженія по 12-ти лицамъ (считая дѣйствительный и страдательный залогъ), да 8 окончаній неопредѣленнаго, да 8 повелительнаго, итого 64 окончанія, какъ хотите, вещь не переваримая. Къ тому же эти окончанія должны быть вызубрены безъ всякаго сознанія ихъ значенія. „*Насъ колютъ*“. Что за предложеніе, какой здѣсь смыслъ и по-русски; а мальчикъ долженъ перевести эту безсмыслицу по латыни....

Здѣсь приходится объяснять *неопредѣленное наклоненіе*. Шутка.... Прямо *неопредѣленное*.... Ужели это педагогическій пріемъ — начинать урокъ съ ребенкомъ десяти лѣтъ *неопредѣленнымъ наклоненіемъ?* Что же можетъ быть *опредѣленное* въ его головѣ?.... Еще: здѣсь также должно имѣть дѣло съ страдательнымъ залогомъ. *Меня любятъ — amor*. Что такое *меня?* Почему въ русскомъ два слова, а въ латинскомъ одно?.... Опять дѣло останется темнымъ для ученика и при объясненіи учителя. Если читателю кажутся эти подробности ме-

ловью, пусть онъ вникнетъ въ дѣло на самомъ *дѣлѣ*, — на первыхъ страницахъ и урокахъ вѣдь мы имѣемъ дѣло съ *мелочами*, отдѣльными словами, и разумно желать, чтобы слова эти были по возможности осмыслены и давали образъ наглядный, такъ какъ онъ скорѣе воспринимается и долѣе удерживается въ памяти ученика-ребенка. Не понятнѣе ли, не усвоимѣе ли открыть курсъ группами словъ, какъ мы говорили? Разумѣется, такія слова должны быть даваемы въ строгой количественной постепенности, начиная съ пяти словъ, а не съ 123, въ числѣ которыхъ, какъ мы уже говорили, есть много рѣдко или никогда не встрѣчаемыхъ и еще такихъ, коихъ „значеніе темно (для дѣтей) или ничтожно“. Никто не сомнѣвается, еще разъ повторяемъ, что для ребенка гораздо любѣе и понятнѣе слово aqua — вода, нежели mano — теку; luna — луна, нежели ferio — поражаю, puella — дѣвочка, нежели vincio — связываю, alauda — жаворонокъ, нежели *scrofa* — опоросившаяся свинья. Первыя страницы у Кюнера заняты одними глаголами. Смотрите стр. 21, то-есть, первую, на которой начало этимологіи.

§ 11. О глаголѣ. Всѣ глаголы (verba) латинскаго языка раздѣляются на четыре класса или спряженія, различающіеся между собою окончаніемъ *неопредѣленнаго* наклоненія:

Первое спряженіе: are, напримѣръ, *amare* — любить,
второе спряженіе: ere, напримѣръ, *monere* — напоминать (?...) и т. д.

Положимъ, учитель начинаетъ съ этого (а начинаютъ всѣ почти учителя съ этого, иначе дальнѣйшее будетъ неудобно проходить, такъ какъ далѣе употребляются глаголы въ этой формѣ): онъ долженъ сначала пуститься въ объясненіе *неопредѣленнаго* наклоненія, а такъ какъ дѣти еще не знаютъ, что̀ такое *глаголъ* и его формы даже по-русски, то учитель обязанъ пройдти болѣе или менѣе всѣ формы глагола. Это такъ, иначе невозможно. Ужели мальчикъ 10-ти или 11-ти лѣтъ способенъ, вовсе не учившись никакой грамматикѣ вдругъ все это обнять? Скажутъ намъ: начните со склоненій. Хорошо. Но уже въ первой задачѣ для перевода употребляется *страдательная* форма четвертаго спряженія: *terra vestitur plantis*. Если это невозможно, диктуйте слова по своей методѣ... Но вѣдь въ первомъ классѣ только букварь начинаютъ латинскій, и что̀ же окажется въ тетрадяхъ ученическихъ вмѣсто словъ? — каракули, по которымъ не было бы возможности ученику повторить урокъ. Притомъ, сколько бы потребовалось времени поправлять эти, ни къ чему не ведущія тетради?

Кромѣ указанныхъ недостатковъ, примѣры для переводовъ у Кюнера чрезвычайно неудовлетворительны. Въ его курсѣ 300 разъ повторяется примѣръ: „Полководецъ ведетъ солдатъ въ городъ и выгоняетъ непріятелей изъ города“ и т. п. Согласитесь, такое *воинственное* направленіе, хотя отчасти характеризуетъ Римлянъ, по преимуществу *воиновъ*, — однако же слишкомъ односторонне и скучно въ учебникѣ, имѣющемъ цѣлью приготовить *мирныхъ* гражданъ. Фразы Кюнера съ первой страницы до послѣдней одинаковаго размѣра. На первой страницѣ вы встрѣтите: „Полководецъ ведетъ солдатъ въ городъ“, и на послѣдней — „полководцу повинуются солдаты“. Эти примѣры не разнообразятся никакими краткими баснями въ текстѣ или подобранными на извѣстную форму разсказами, или просто для разнообразія поставленными въ текстѣ. Басни эти или разсказы, разумѣется, должны быть написаны приблизительно къ степени знанія языка въ извѣстномъ классѣ. Вѣроятно, простится для этой полезной цѣли нѣкоторая *неклассичность* (хотя правильно построенныхъ фразъ) *конструкціи*. Фразы и фразы наскучатъ; разсказъ же или басня обаятельно дѣйствуетъ на дѣтей.

Имѣя въ виду одну лишь цѣль — знакомство съ главными формами именъ и глаголовъ (1-го спряженія), составитель, разумѣется, сочтетъ лишнимъ помѣщать, такъ какъ это еще совсѣмъ не нужно дѣтямъ перваго класса, въ первомъ же склоненіи, какъ это сдѣлалъ переводчикъ Кюнера во 2-мъ изданіи, склоненіе именъ греческихъ. Покуда ученики незнакомы съ исторіей Греціи, странно заучивать въ нихъ ушахъ имена Пелопидовъ, Эпаминондовъ, Цирцеи, Арго, Орфея и другихъ. Учителямъ остановиться или опустить этотъ отдѣлъ, или разсказывать факты историческіе, или передавать звуки именъ, не говоря о ихъ значеніи. Перваго сдѣлать учитель не можетъ, второе слишкомъ преждевременно, послѣднее вредно. Что же ему дѣлать? Что ему дѣлать и съ подобною фразой на первыхъ страницахъ: *Pietas est fundamentum omnium virtutum*[1], *Homines facile indulgent* [illegible] *vanae? Conditio rerum humanarum est dubia. О, вѣрность друзей, ты готовишь несчастнымъ людямъ вѣрную пристань! Пиѳагора мы чтимъ за его мудрость. Vitia nobis virtutum nomine obrepunt*“. Вообще о многомъ множествѣ фразъ для перевода въ руководствѣ г. Кюнера, Коссовича *тоже*, можно сказать, что онѣ какъ [illegible]

---

[1]) Намъ случилось слышать такой переводъ этой фразы, сдѣланный ученикомъ 1-го класса: благочес*тіе* есть основаніе доброд*ѣтеля*. Переводилъ *рус*скій мальчикъ.

ancipitia et similia sunt aenigmatibus, то-есть, подобно Дельфійскимъ изрѣченіямъ двусмыслены, а для дѣтей безсмыслены и похожи на загадки (фразы изъ его же учебника).

Примѣры у Кюнера для перевода (а эта часть въ руководствѣ главное дѣло, по нашему мнѣнію), какъ мы видѣли, слишкомъ мудрены для гимназистовъ перваго класса, а примѣры въ дальнѣйшихъ курсахъ слишкомъ кратки, отрывочны и однообразны.

Примѣры эти должны постепенно усложняться, и такъ сказать, *умудряться*, такъ что примѣры послѣдняго курса исключительно должны представлять выдержки изъ писателей, и во всякомъ случаѣ содержаніемъ своимъ рисовать римскій міръ, древнюю, классическую жизнь. Тамъ, въ этихъ курсахъ, на мѣстѣ будутъ и Сократъ, и Димосѳенъ, и ораторы, и Софоклъ, и Эсхилъ, и даже: *„о Ѳемистоклъ, о Периклъ, о Сократъ! ваши заслуги Аѳинскому государству были весьма велики“*, и *„Алкивіадъ не переставалъ помогать отечеству“*, и *„съ Сократомъ говорили мужи“* и *„ancipitium fatorum via est obscura“*, и *„есть предчувствіе въ умахъ нашихъ будущихъ вѣковъ“*, и наконецъ, пожалуй: *„случай есть то, что происходитъ такъ, что могло случиться и иначе, по желанію судьбы“*, и проч., и проч.

Но для перваго класса гимназій такая философія ужъ слишкомъ мудрена! Къ тому же первоначальный курсъ руководства Кюнера наполненъ множествомъ формъ, исключеній, парадигмъ, таблицъ иностранныхъ словъ, именъ городовъ, а въ послѣднемъ изданіи, какъ будто на зло новой программѣ и первоклассникамъ мальчикамъ, всѣмъ этимъ добромъ переполненъ, такъ что тяжело книгу держать!... Какъ же тяжело учить ее первоклассному гимназисту!?

Опять повторяемъ, что мы здѣсь не вдаемся въ разборъ всего руководства Кюнера, переведеннаго Коссовичемъ, а только *перваго* курса, и откровенно скажемъ, что въ новомъ изданіи нисколько не видно у переводчика желанія приноровить курсъ къ новой программѣ; переводчикъ положительно не имѣлъ въ виду малолѣтнихъ учениковъ I-го класса, почему не мудрено на дѣлѣ исполненіе смысла одной изъ безчисленныхъ фразъ съ загадочнымъ, какъ изрѣченія Дельфійскаго оракула, значеніемъ, что *complurium discipulorum ingenia a litterarum studio abhorrent*, то-есть, *умы многихъ учениковъ получатъ отвращеніе* отъ изученія латинскаго слова.

Оговоримся. Вѣроятно, изъ нашихъ словъ читатель не вывелъ заключенія, что мы относимся неблагосклонно *вообще* къ системѣ Кюнера. Практицизмъ методы составляетъ прекрасную сторону этого

учебника. Наши замѣчанія направлены лишь противъ неприложимости *перваго*, разбираемаго нами, курса руководства къ возрасту малолѣтнихъ учениковъ въ нашихъ гимназіяхъ.

Г. Коссовичъ могъ, оставивъ методу Кюнера неприкосновенною, все-таки приблизить первоначальный курсъ, многое въ немъ передѣлавъ, къ возрасту и понятіямъ учениковъ русскихъ гимназій при послѣднемъ своемъ изданіи. Если Кюнеръ говоритъ о нѣмецкихъ, для дѣтей-Нѣмцевъ, рѣкахъ Эльбѣ, Везерѣ, о коихъ наши дѣти не имѣютъ понятія, г. переводчикъ могъ сказать о Невѣ, Волгѣ, Днѣпрѣ и проч. Дѣло было бы лучше.

Г. Кремеръ, составившій и дополнившій латинскую грамматику также по Кюнеру, отнесся болѣе критически къ своему оригиналу, нежели г. Коссовичъ. „Мы *слегка* коснулись *этимологіи* (Грамматики Кюнера), пишетъ онъ (см. предисловіе); нѣкоторые параграфы прибавлены нами, нѣкоторые дополнены; примѣры, которые казались намъ слишкомъ отвлеченными, замѣнены другими, болѣе понятными для учениковъ“.

Сравнивая грамматику Кюнера въ редакціяхъ г. Коссовича и гг. Кремера и переводчика его Кейзера, мы отдаемъ изданію послѣднихъ полное преимущество. Жаль только, что г. Кремеръ, издавая грамматику Кюнера, обратилъ свое вниманіе на одни почти примѣры для перевода, оставивъ неприкосновенными всѣ другіе, указанные уже нами недостатки въ первомъ курсѣ этимологіи, которую мы и разбираемъ въ этой статьѣ. Поэтому мы совершенно несогласны съ гг. Кремеромъ и Кейзеромъ относительно удовлетворительности въ системѣ Кюнера этимологіи и недостаточности синтаксиса.

„Воспитаніе юношества, пишетъ г. Кейзеръ въ предисловіи, въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ недавно получило новое направленіе; новый уставъ этихъ заведеній отдалъ первое мѣсто въ преподаваніи древнимъ языкамъ, на которое онъ указываетъ, какъ на основу прочнаго образованія.

„Вслѣдствіе нововведеній должна была измѣниться прежняя гимназическая программа: отсюда новыя потребности, отсюда понятно, что учебныя руководства должны соотвѣтствовать современнымъ требованіямъ. Сознавая это, мы рѣшились заняться обработкою одного изъ самыхъ извѣстныхъ и употребительныхъ учебниковъ, латинской грамматики Кюнера. Но грамматика Кюнера еще могла быть достаточна только при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ было поставлено преподаваніе латинскаго языка до изданія новаго устава. При настоящихъ же условіяхъ нельзя не замѣтить, что *если первая часть Кюнера, этимологія, еще можетъ быть употреблена съ успѣхомъ, то о второй, синтаксисѣ, нельзя сказать того же*..... Онъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ программы и рѣшительно не можетъ удовлетворять учениковъ высшихъ клас-

совъ. Мы тѣмъ охотнѣе взялись за новое изданіе Кюнера, что желали облегчить ученикамъ, на сколько позволяютъ наши слабыя силы, изученіе древнихъ языковъ и болѣе глубокое ознакомленіе учащихся съ духомъ классической древности.

„Предпринимая это новое изданіе, мы остались вѣрны методѣ Кюнера, пользу которой показали огромный практическій успѣхъ и двадцать три изданія“ (Пред. IV).

Если гг. Кремеръ и Кейзеръ предприняли изданіе съ благою цѣлію *облегчить труды учениковъ высшихъ классовъ* вслѣдствіе новыхъ требованій и предписаній новаго устава,—еще бы лучше сдѣлали они, облегчивъ главнымъ образомъ труды низшихъ классовъ. Маленькія дѣти болѣе нуждаются въ облегченіяхъ, нежели взрослые. Новый уставъ, главнымъ образомъ, коснулся трехъ низшихъ классовъ гимназій; почему намъ казалось бы естественнѣе составителямъ новыхъ учебниковъ обратить большее вниманіе на *этимологію*. Отъ начала зависитъ дальнѣйшій успѣхъ, какъ мы пространно объ этомъ заявляли и повторять не станемъ. По нашему убѣжденію, въ высшихъ классахъ всякій курсъ синтактиса удовлетворителенъ именно потому, что учитель имѣетъ здѣсь дѣло со взрослыми слушателями и потому можетъ дополнять его, измѣнять, излагать по своей системѣ. Въ первоначальномъ курсѣ этого сдѣлать нельзя, какъ выше мы сказали. Благоговѣніе составителей предъ двадцатью тремя изданіями Кюнера въ этомъ отношеніи совершенно излишне.

Правда, г. Кремеръ много улучшилъ и упростилъ примѣры для переводовъ въ первомъ курсѣ. Около десяти лишь мы нашли во всемъ *первомъ* курсѣ такихъ, какіе сплошь и рядомъ встрѣчаются въ грамматикѣ, переведенной Коссовичемъ: напримѣръ, стр. 18: Пороки Грековъ были причиною побѣды Римлянъ; стр. 23: Александръ, сынъ Филиппа, любитъ поэта Гомера; Cicero orator Romanus multorum Romanorum defensor erat; Tacitus scriptor Romanus mores aliquorum Germanorum laudat; Dii lenti, sed certi vindices (sunt); стр. 24: Amici probitate parantur, non fraude; Legibus obtemperate, cupiditatibus imperate; Necessitas non habet legem; Нечистая совѣсть есть великое бремя; стр. 25: Mores mutantur tempore. Вотъ почти всѣ *мудреныя* фразы. Остальныя, что составляетъ большую заслугу новаго изданія, упрощены, подобраны разумно. Количество примѣровъ для переводовъ увеличено. Еще разъ пожалѣемъ, что изъ благоговѣнія ли къ авторитету Кюнера, или по другимъ причинамъ, гг. Кремеръ и Кейзеръ оставили неприкосновенною методу Кюнера перваго курса въ другихъ отношеніяхъ.

Недостатки Кюнера въ первоначальномъ курсѣ нами указаны. Составителямъ извѣстно, что въ Германіи руководству Кюнера, хотя оно и начинается съ *азовъ*, предшествуютъ приготовительные курсы. Между тѣмъ наши дѣти должны *начинать* по этому руководству. Во всякомъ же случаѣ можно начинать по руководству Кюнера, *какъ оно есть*, только тогда, когда дѣти уже знакомы съ этимологіей роднаго языка. Кюнеръ кратко касается этимологіи только ради системы, какъ бы ссылается на то, что́ уже знакомо дѣтямъ; въ *нашихъ же гимназіяхъ* такое родословное начинаніе безполезно, потому что не логично. Всякій, даже незнакомый практически съ преподаваніемъ языка, скажетъ, что для десятилѣтнихъ дѣтей открывать курсъ главами объ удареніяхъ, о составѣ словъ, формами 4-хъ спряженій въ дѣйствительномъ и страдательномъ залогахъ, совершенно безполезно, *ибо* превышаетъ дѣтское разумѣніе.

Все, что́ мы сказали о грамматикѣ Кюнера въ переводѣ г. Коссовича, должно сказать и о новомъ изданіи его въ передѣлкѣ Кремера и Кейзера. Подобно г. Коссовичу, Кремеръ и Кейзеръ раболѣпно слѣдуютъ системѣ Кюнера: исключенія, парадигмы, непонятная терминологія, многочисленныя формы глагола украшаютъ первый курсъ грамматики.

Слѣдуетъ еще поблагодарить Кремера за то, что онъ все-таки упростилъ этимологію, исключивъ греческія склоненія изъ перваго курса.

Мы еще разъ повторимъ, что всѣмъ разобраннымъ грамматикамъ, какъ труднымъ для перваго класса, долженъ предшествовать приготовительный курсъ въ размѣрахъ нами указанныхъ.

Вѣроятно, желаніе избѣжать недостатковъ, замѣченныхъ нами въ *первомъ* курсѣ Кюнера, заставило г. Смирнова предпринять изданіе грамматики *спеціально для трехъ низшихъ классовъ гимназій*. Хотя г. Смирновъ и заявляетъ, что онъ желалъ упростить свой курсъ, но въ сущности его грамматика составлена, какъ увидимъ, по системѣ Кюнера. И въ этой грамматикѣ мы обратимъ вниманіе только на *первый* курсъ.

Г. Смирновъ пишетъ въ предисловіи, что онъ первый курсъ своей грамматики *упростилъ*. По нашему мнѣнію, онъ *упростилъ* свой курсъ мало и упростилъ только въ количествѣ, то-есть, *умалилъ* число формъ, а не въ *качествѣ* самаго содержанія и пріемовъ дидактическихъ.

Такъ, вмѣсто четырехъ спряженій у Кюнера, г. Смирновъ даетъ

на первыхъ урокахъ *два* спряженія только, и не въ двухъ залогахъ (дѣйств. и страд.), а въ одномъ дѣйствительномъ. И за то благодарны. Но жаль, что г. Смирновъ увлекся Кюнеромъ и началъ, по его примѣру, ученіе о предложеніяхъ *одноглагольными* предложеніями; точно также русскую этимологію параллельно съ латинскою помѣстилъ въ началѣ грамматики отдѣльно отъ латинскаго текста для переводовъ. Подобно Кюнеру, г. Смирновъ останавливаетъ дѣтское вниманіе на первомъ, самомъ *легкомъ* склоненіи для уразумѣнія падежныхъ окончаній столько же, если не меньше, чѣмъ и на другихъ склоненіяхъ, забывая, что первые уроки самые существенные въ обученіи. Одинаково съ Кюнеромъ, парадигмы въ грамматикѣ г. Смирнова предшествуютъ примѣрамъ и объясненію каждаго отдѣльнаго падежа въ особомъ отдѣльномъ предложеніи. Что еще странно: г. Смирновъ для парадигмы перваго склоненія, то-есть, именъ женскаго рода приводитъ въ своихъ примѣрахъ, вмѣсто *характернаго* существительнаго перваго склоненія, слова: *agricola*, *nauta*, то-есть, начинаетъ прямо съ *исключенія*. *Agricola arat terram. Amamus agricolam. O, agricolae tolerate inopiam* (какой милый совѣтъ!) *Мы благопріятствуемъ земледѣльцу.* Слова: *terra* — земля, *luna* — луна, *rosa* — роза, *aqua* — вода, и короче и понятнѣе характеризуютъ смыслъ перваго склоненія. Всѣмъ этимъ *agricola*, *nauta*, *scriba* и пр. не мѣсто здѣсь въ началѣ перваго склоненія, а развѣ въ концѣ его въ видѣ исключенія, хотя вообще исключеній, какъ мы заявили, въ первоначальномъ курсѣ слѣдовало бы избѣгать, чтобы не рябило въ глазахъ и понятіяхъ дѣтей разными примѣчаніями, неправильностями, аномаліями. Но вѣрный старой привычкѣ и примѣрамъ допотопныхъ грамматикъ и не отрѣшившійся отъ рутины новѣйшихъ руководствъ, г. Смирновъ пишетъ на первой страницѣ своего учебника нѣсколько примѣчаній относительно *abus* — *dea*, *filia*, бывало еще *equa* — кобыла, *pluralia tantum*, потому что *такъ бывало встарину*. Всѣ эти особенности, затрудняя учениковъ, для цѣлей первоначальнаго курса рѣшительно не нужны. Чѣмъ проще, тѣмъ лучше.

Во *второмъ* склоненіи 17 правилъ помѣщаетъ г. Смирновъ и только *десять* строкъ предложеній или фразъ для переводовъ. Здѣсь также не мало исключеній и примѣчаній. Сюда забѣжало даже *nullus* съ своими *ius* въ родительномъ, *i* въ дательномъ: *Nulli inimico nocete. Никому не завидуйте!* (стр. 26). Ученикъ переводитъ и думаетъ: „Сказано: окончанія въ родительномъ и дательномъ *i*, *o*.... здѣсь же какія-то *ius*, *i*,— кто его знаетъ.... не поймешь"!... Даже Кюнеръ этого

не дѣлаетъ. Null*ius*, nul*li*, tot*ius*, *ti* сбиваетъ съ толку, а если ему сказать, а не сказать нельзя, что *nullus* отвергаетъ отрицаніе, у мальчика *зарябитъ* въ глазахъ....

На страницѣ 26-й, г. Смирновъ пишетъ: „*Заучить наизусть слѣдующія слова*", и слѣдуютъ 44 (?) слова, тутъ же и *blatta—мокрица*... Хорошо. Слова слѣдуетъ заучивать наизусть, не меньше того слѣдуетъ составлять изъ нихъ предложенія. На 17 правилъ у г. Смирнова только десять строкъ для перевода. Пусть ученики не учатъ только правила, не только переводятъ, но и *свои* составляютъ предложенія изъ словъ выученныхъ наизусть. Помѣщенные въ книжкѣ переводы и переведенные въ классѣ, записанные въ тетрадь съ поправками учителя, какъ извѣстно, переходятъ по наслѣдству отъ одного курса учениковъ къ другому. По этимъ тетрадямъ предшественниковъ (шпаргалы) приготовляются послѣдующія поколѣнія. Вотъ почему особенно слѣдуетъ пріучать учениковъ къ составленію *своихъ* предложеній. Возможно долгая остановка на этомъ упражненіи принесетъ хорошіе результаты. Вслѣдствіе того же обстоятельства многополезно каждому учителю съ одной стороны составлять свой учебникъ, держась своей системы, съ другой—сколько возможно разнообразить курсъ различными упражненіями. Такъ, книжка того же г. Смирнова могла разнообразиться, по нашему разумѣнію, слѣдующимъ *пріемомъ* при изученіи каждаго склоненія. Такъ, напримѣръ, не мѣшало бы поставить особый параграфъ въ родѣ слѣдующаго: *Слова для выучиванья наизусть и составленія предложеній самими учениками.* За тѣмъ должны были бы слѣдовать слова, которыя мы беремъ изъ 44 словъ г. Смирнова: aurum—золото; templum, i,—храмъ; pulcher, a, um—красивый, ая, ое; oppidum, i, — городъ; noster, a, um, — нашъ, а, е; multum (нар.) много; orno — украшаю.

Ученики, думаемъ, не затруднились бы, много упражнявшись въ переводахъ при изученіи еще перваго склоненія (чего г. Смирновъ не предлагаетъ), составить хоть такую, напримѣръ, фразу на слова выше помѣщенныя. „Золото много украшаетъ прекрасные храмы нашихъ городовъ". Здѣсь бы ученики имѣли случай сознательно поставить части предложенія, самими ими составленнаго, на своемъ мѣстѣ, скорѣе бы уразумѣли и подлежащее, и дополненіе, и сказуемое, и обстоятельственныя слова, и т. д. Такимъ образомъ можно бы сгруппировать въ учебникѣ всѣ 44 слова вмѣсто ихъ простаго заучиванья. Трудъ *самостоятельный*, никто не сомнѣвается, несравненно полезнѣе *пассивнаго*. Между тѣмъ этотъ пріемъ, мы знаемъ по опыту, осо-

бенно любъ дѣтямъ и живо ихъ интересуетъ, точно такъ, какъ и переводъ и заучиванье легкой басенки, чего тоже нѣтъ и не бываетъ въ текстѣ первоначальнаго курса нашихъ латинскихъ учебниковъ.

Замѣтимъ еще, что и Кюнеръ и г. Смирновъ въ предложеніяхъ для перевода не держатся никакой системы. Вниманіе все обращено на одни падежи. Предложеніе, краткое въ первомъ склоненіи, такъ же кратко во второмъ, третьемъ и т. д.

Третье склоненіе въ грамматикѣ г. Смирнова заключаетъ въ себѣ около 30-ти парадигмъ, исключеній и примѣчаній, правилъ, между тѣмъ только 29 словъ для заучиванья и пять строкъ для перевода съ русскаго и столько же съ латинскаго. Тутъ же замѣшался и *страдательный* залогъ безъ всякаго предварительнаго объясненія и въ странномъ предложеніи: *rogor — меня просятъ*. Думаемъ, что мальчику будетъ удобопонятнѣе смыслъ страдательной формы, если мы ее поставимъ въ полное предложеніе: напримѣръ, *утка пьетъ воду* и *утка зарѣзана кухаркою*. Различіе самостоятельнаго дѣйствія подлежащаго *(пьетъ)* и пассивнаго состоянія *(зарѣзана)* сразу бросается въ глаза.

30 примѣчаній!... Не угодно ли ихъ зазубрить!... Да еще безъ переводовъ!... Роды: мужескій, женскій и средній смѣшаны у г. Смирнова; слова и предложенія и переводы на каждый родъ существительныхъ должны быть отдѣлены: тогда можетъ легче уясниться различіе падежныхъ окончаній.

Воинственное или марціальное направленіе Кюнера сказывается и у г. Смирнова. Такъ, на стр. 36-й, изъ *семи* фразъ, назначенныхъ для перевода, *пять* шлемоблещущихъ.... *Ante urbem atrox editur proelium. Не предъ городомъ дается жестокое сраженіе. Milites animo audaci pugnam conserunt. Hostes duplici proelio profligantur* и проч. (см. стр. 36).

Въ *четвертомъ* склоненіи такихъ побѣдоносныхъ фразъ, наводящихъ страхъ на дѣтей — враговъ такихъ фразъ — оказалось еще больше. (См. стр. 39). *„Войска съ обѣихъ сторонъ выступаютъ въ битву“.... „Храбрость войска необыкновенна“.... „Dux exercitum contra hostes educit“.... „Ne cede hostibus, o fortis exercitus“.... „Полководцы обратно отводятъ* (reducere) *свои войска въ лагерь“.... „Полководцы съ своими войсками возвращаются* (revertor?) *въ отечество“....* „Теперь ужь мирно“, думаете вы.... Не тутъ-то было! На слѣдующей страницѣ (см. 41) въ *пятомъ* склоненіи снова рога трубятъ, бьютъ барабаны, войска рвутся опять неудержимо въ битву: *„Milites primae aciei pugnam conserunt*. то-есть, *воины первого*

строя завязываютъ снова сраженіе" .... „*За первымъ слѣдуетъ второй* (тоже рвется въ битву!) *primae aciei succedit altera*.... (не утерпѣлъ!) и вотъ уже *полководецъ устроиваетъ тройной взводъ* — *dux triplicem aciem instruit* (см. ibid). Опять *proelium a prima acie incipitur — первый строй начинаетъ сраженіе"* (ibidem). (О войнахъ см. также стр. 52—53).

Чисто марсово поле на страницахъ латинскихъ грамматикъ!

Такъ же, какъ у Кюнера, встрѣчается и у г. Смирнова глубокомысленный духъ нѣмецкой философіи въ грамматикѣ для 10-лѣтнихъ дѣтей: „Душа — часть меня (стр. 49). Познай самого себя — nosce te ipsum! Нѣкоторая надежда мнѣ представляется въ моемъ затрудненіи (!!). Духъ во время сна спокоенъ отъ заботъ (стр. 56). Историки древнія событія представляютъ предъ глаза, какъ настоящія (ibid). Нѣтъ ничего совершеннаго подъ солнцемъ!" ... (Тамъ же).

Симъ *послѣднимъ* изрѣченіемъ я свой разборъ и заключу.... Какъ видѣлъ читатель, г. Смирновъ во многомъ копируетъ Кюнера: и по системѣ и методѣ, и по содержанію, и по многочисленности исключеній, сему послѣднему подобенъ. Вся современность перваго по крайней мѣрѣ курса книги г. Смирнова только въ заглавіи, гдѣ четко напечатано: *для трехъ низшихъ классовъ гимназій.*

Г. Смирновъ въ предисловіи къ своему изданію пишетъ: „Предлагаемый учебникъ есть сокращеніе изданнаго мною въ 1864 году „Руководства къ изученію латинскаго языка", во многомъ впрочемъ измѣненное и *приспособленное къ потребностямъ учениковъ трехъ низшихъ классовъ гимназій*.... Примѣры для переводовъ, какъ латинскіе, такъ и русскіе, *большею частію* упрощены". (См. предисловіе).

Если *большею частію* только, по признанію составителя, примѣры для переводовъ упрощены, — *какъ упрощены,* мы видѣли, — почему же бы *не упростить всѣ* примѣры, а вмѣстѣ уже и самыя правила, и почему бы не выбросить изъ перваго курса исключенія и оставить спряженіе глагола только перваго спряженія во всѣхъ временахъ *только дѣйствительнаго* залога, почему бы не провести и параллели между русскою и латинскою этимологіей, почему бы и не поставить въ текстѣ басенъ и проч.? Тогда бы новое руководство имѣло прямую и полную цѣль.

Не смотря на указанные недостатки въ разбираемой грамматикѣ г. Смирнова, мы съ удовольствіемъ поблагодаримъ русскаго составителя за новый учебникъ тѣмъ болѣе, что у насъ учебники вообще появляются рѣдко. Составитель, какъ видно, хорошо знаетъ латинскій

языкъ, и за свое желаніе пособить дѣтямъ русскихъ гимназій имѣетъ полное право на искреннюю благодарность. Наши замѣчанія относятся лишь къ дидактическимъ пріемамъ.

Чѣмъ больше будетъ издаваться учебниковъ, тѣмъ зрѣлѣе будутъ наши взгляды на обученіе. Тогда будетъ по крайней мѣрѣ возможность выбора.

Если же мы сопоставимъ руководство г. Смирнова въ отношеніи перваго курса съ хваленою грамматикой Кюнера, то всегда отдадимъ преимущество руководству г. Смирнова, по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ подумалъ о нашихъ дѣтяхъ, хотѣлъ облегчить трудъ ихъ, издавъ не столь тяжелую книгу, между тѣмъ какъ элементарная грамматика Кюнера, переведенная - составленная г. Коссовичемъ, явилась въ *новомъ* изданіи *преумноженная и дополненная... затрудненіями*.

А. Радонежскій.

Поправки. Въ замѣткѣ *В. И. Ламанскаго:* „О славянскихъ топографическихъ названіяхъ *(Журн. Минист. Народн. Просв.*, октябрь, 1867 г.) вкрались нѣкоторыя погрѣшности, требующія исправленія. Такъ, на стр. 253, въ выноскѣ, названъ В. В. Григоровичъ, вм. В. В. Григорьева, который еще въ 1850 г. указывалъ на неправильность нашей современной географической номенклатуры; на стр. 255, строки 9-я и 10-я сверху, напечатано: *Mitth*... Geographie Galiziens; *слѣдуетъ:* Zur geschichtlichen Geogr. Gal. Mitth. d. k. k. geograph. Ges. Wien, 1865. S. 83 — 100; на стр. 255, 26-я строка, Гура*ли*, *слѣдуетъ:* Гура*ле;* на стр. 259, строка 5, zs = ш, *слѣдуетъ:* zs = ж.

Евгеній Митрополітъ Кіевскій

ПАМЯТИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО.

(По поводу столѣтней годовщины его рожденія, 18-го декабря 1867 года).

Въ бумагахъ, принадлежавшихъ покойному библіотекарю Румянцевскаго музея и Императорской публичной библіотеки, извѣстному библіографу и библіоману Василію Григорьевичу Анастасевичу, оказались адресованныя къ нему собственноручныя письма покойнаго Евгенія, митрополита Кіевскаго; въ нихъ заключаются новые матеріалы для библіографическихъ розысканій, и что самое главное, по нимъ можно вполнѣ оцѣнить и понять свѣтлый умъ и благородную душу покойнаго архипастыря. Въ этихъ искреннихъ письмахъ, не стѣсняясь оффиціальными отношеніями своего высокаго положенія, ученый іерархъ откровенно обнаруживалъ свои взгляды и высказывалъ свои чувствованія. Эти же письма, равно какъ и вся переписка митрополита Евгенія, самымъ неопровержимымъ образомъ свидѣтельствуетъ о сильномъ его вліяніи на ученыхъ современниковъ. Они обращались къ нему то за совѣтами, то за библіографическими справками. Дѣло понятное: онъ служилъ для нихъ какъ бы живымъ и общедоступнымъ архивомъ. Потому-то и неудивительно, что и новички и старые заслуженные труженики на поприщѣ науки считали для себя особенною честью входить съ нимъ въ личныя сношенія и подносить ему труды свои.

Случай, доставившій мнѣ на время письма митрополита Евгенія, давъ возможность оцѣнить заслуги его, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ побужденіемъ къ разыскиванію матеріаловъ для разъясненія многообразной дѣятельности этого достойнаго труженика на всѣхъ поприщахъ служенія, не ограничивавшейся одними только сферами науки и библіографіи.

Наиболѣе важнымъ для того матеріаломъ могутъ служить *письма* митрополита Евгенія.

Кому неизвѣстно значеніе писемъ вообще, какъ матеріала, не только для біографіи самаго лица писавшаго, но и для объясненія отношеній его къ тѣмъ, съ кѣмъ обмѣнивался онъ корреспонденціей?

„Письма Евгенія, какъ справедливо замѣчаетъ преосвященный Макарій, епископъ Орловскій [1]), имѣютъ близкое и несомнѣнное отношеніе къ ученымъ трудамъ іерарха, вѣрно указывая на удивительную неутомимую ревность его къ симъ занятіямъ, на источники, коими онъ пользовался и кои заботливо повсюду отыскивалъ, и на его критическій взглядъ на нѣкоторыхъ писателей и на ихъ сочиненія. Въ этихъ дружескихъ письмахъ открываются необыкновенный умъ, изящный вкусъ, теплота души, нѣжность чувствъ, твердый и открытый характеръ преосвященнаго Евгенія, а вмѣстѣ съ симъ часто открывается и духъ того времени, особенно въ отношеніи къ литературѣ и ученымъ тогдашнимъ вопросамъ. При таковой занимательности многія изъ этихъ писемъ могутъ быть несомнѣнно сочтены за образцовыя въ качествѣ дружескихъ или пріятельскихъ; въ нихъ соединены и простота самая естественная, и тонкость глубокомысленная, и откровенность чистосердечная, и остроуміе затѣйливое и находчивое. Въ нихъ видѣнъ духъ преосвященнаго Евгенія гораздо болѣе, нежели въ другихъ его ученыхъ произведеніяхъ, видѣнъ во всемъ величіи и простотѣ. Двадцать лѣтъ уже прошло, какъ преосвященный Евгеній въ лѣтахъ маститой старости (70-ти лѣтъ) скончался, но перо его въ этихъ письмахъ такъ бойко и сильно, такъ молодо и свѣжо, что читая ихъ, невольно забываешь о давнемъ времени, когда они писаны. Очень часто преосвященный употребляетъ въ нихъ фразы на языкѣ французскомъ, часто и на латинскомъ, по духу того времени и по учености, коею обладалъ онъ едва-ли не болѣе всѣхъ своихъ въ отечествѣ современниковъ“ [2]).

---

[1]) См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1857 г. т. 94: «Письма Евгенія къ проф. Г. М. Городчанинову».

[2]) Преосвященный Макарій, епископъ Орловскій, придаетъ много важности и значенія перепискѣ митроп. Евгенія съ проф. Казанскаго университета Городчаниновымъ; но едва-ли не болѣе значенія имѣютъ письма его къ В. Г. Анастасевичу, заключающія въ себѣ множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній и матеріаловъ для исторіи современной ему отечественной литературы.

Въ подтвержденіе моихъ словъ я приведу здѣсь одно только письмо М. Евгенія, въ бытность его Псковскимъ архіепископомъ, изъ котораго каждому будетъ понятно, почему наука даже въ правѣ требовать отъ князя М. А. Оболенскаго

Но какъ эти письма собрать, пріобрѣсть и издать? Попытки мои въ этомъ отношеніи далеко еще не увѣнчались желанными результатами. Счастливые ихъ обладатели неохотно съ ними разстаются, держатъ ихъ у себя подъ спудомъ, а между тѣмъ отъ проволочки времени теряется возможность приступить къ серіозному труду объ Евгеніѣ.

изданія огромной коллекціи писемъ Евгенія къ Анастасевичу, переданной ему мною для напечатанія въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей*. Письма эти, собранныя мною съ пожертвованіями большихъ издержекъ и времени у букинистовъ и разныхъ лицъ, которымъ досталась часть собранія Анастасевича, проданная послѣ смерти его съ аукціона, не достигаютъ своей цѣли и теперь, оставаясь подъ спудомъ, какъ они не достигали своей цѣли, когда хранились съ 1845 года, то-есть, со смерти владѣльца ихъ по 1864 годъ, въ сараѣ бывшаго Румянцевскаго музея, въ домѣ котораго покойный библіографъ жилъ по день кончины. Автографъ помѣщаемаго ниже письма благосклонно мнѣ переданъ г. Мавроди, къ которому оно съ прекрасною коллекціей автографовъ нашихъ знаменитыхъ ученыхъ, перешло по наслѣдству отъ отца, извѣстнаго собирателя. У одного любителя въ Петербургѣ, извѣстнаго благодѣтеля столичныхъ и провинціальныхъ библіотекъ, А. Н. Неустроева, есть также порядочная коллекція писемъ митрополита Евгенія къ Анастасевичу, но мнѣ неизвѣстно, что онъ предполагаетъ съ нею сдѣлать. Вотъ упомянутое выше письмо:

Отъ *28-го октября 1821 года*. Отвѣчаю на ваши письма отъ 14, 18 и 21 октября. Добрый путь доброму *Кеппену* на чужбину. Онъ не возвратится тощъ къ намъ и воспользуется болѣе своего Телемака. Въ послѣднемъ своемъ ко мнѣ письмѣ онъ описалъ свои распоряженія о палеографическихъ запискахъ и надѣется больше на Каченовскаго, нежели на академію Р. — О куфической Печерской надписи онъ только сообщилъ мнѣ Френово сказаніе, что она *арабская*, а не татарская; ибо де тутъ есть членъ al, коего въ татарскомъ нѣтъ. Если онъ успѣлъ прочесть только членъ, то рѣдкій онъ оріенталистъ. Нѣмецкую и вами по догадкѣ съ голландскаго толкованную надпись Аделунгъ протолковалъ: *помяните Якова Голстефера и Гертруду жену его*. Мнѣ это надобно передать въ Дерптъ. Болѣзнь хилаго ипохондрика Перевощикова остановила печатаніе моихъ книжонокъ, но пишутъ, что уже отпечатаны монастыри *Святогорскій* и *Крыпецкій*, а печатается *Печерскій*. Какъ скоро получу, то пришлю вамъ, чтобы и вы поскорѣе окончили описаніе своей *Прогулки*. Кажется, нѣтъ нужды умалчивать и о Снѣжной горѣ, а только хозяина именовать безъименно *хозяиномъ*. Вы спрашиваете о библіотекѣ Никандровой пустыни. Она больше состоитъ изъ церковныхъ книгъ; а гражданскія по милости вашей съ Плавильщиковымъ я уже завелъ. Но пора кончить расчетъ. Доплатите хоть журналами. Лучше что-нибудь, нежели ничего.

Посылаю вамъ при семъ біографію *Сопикова*, мною написанную для словаря. Прочтите и если что знаете приправьте, прибавьте, убавьте и возвратите. По вашей задачѣ думалъ-было я тутъ включить исторію библіографіи русской, но увидѣлъ, что симъ разказомъ надобно будетъ отнять у покойника честь первен-

О настоятельной необходимости немедленно издавать въ свѣтъ историческіе матеріалы не одинъ уже разъ было заявлено извѣстными ревнителями отечественной науки.

Еще въ 1820 году историкъ-археологъ *П. М. Строевъ*, издавая Софійскій Временникъ, жаловался на холодное наше равнодушіе къ заслугамъ предковъ и находилъ, что равнодушіе это будетъ всегда

ства; ибо первый систематическій у насъ библіографъ — *Бантышъ-Каменскій*, а первый алфавитный и обстоятельный — *Новиковъ*. Но къ числу библіогностовъ или рецензентовъ нельзя Сопикова и причитать. Въ этомъ у насъ честь первенства принадлежитъ Миллеру въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*.

За оглавленіе Муравьева сочиненій спасибо, возвращу, а краткая его біографія, почерпнутая изъ *Вѣстника Европы*, у меня есть. Я одобряю соревнователей за намѣреніе издать хоть именной списокъ нашихъ писателей съ указаніемъ вѣка и года смерти. Мой номенклаторъ словаря есть у Греча. Если вы и свой прибавите, то будетъ полнѣе. Между прочимъ Гречъ присылаетъ мнѣ отпечатанные листы своей Исторіи литературы. Этотъ трудъ не на шутку и очень любопытенъ. Пусть онъ печатаетъ и живыя біографіи. У насъ опаздываютъ описывать умершихъ, а про иныхъ безотвѣтно лгутъ.

Получилъ я письмо вашего барона (Розенкампфа). Но оно только предисловіе къ отправленнымъ мнѣ его запискамъ; а потому не видавши сихъ, нельзя отвѣчать и на оное. Вопросовъ тутъ много, но удовлетворительные отвѣты трудны. Что знаю сообщу, а о неизвѣстномъ нечего и толковать. Извощикъ изъ лавки Дмитріева еще не пріѣхалъ. Барону уже 60 лѣтъ! Подлинно пора думать о безсмертіи, когда и мы, помоложе его, твердимъ уже *ars longa vita brevis*. Но у меня у одного оставаться его біографіи мало; вамъ извѣстна судьба единственныхъ подлинниковъ по смерти хранителей. Итакъ надобно и вамъ и еще комунибудь сообщить списокъ, а черновое, думаю, останется и у автора по смерти. Такимъ образомъ гдѣ-нибудь да уцѣлѣетъ для потомства, особливо если включена въ это и часть исторіи коммиссіи. Вы нѣкогда въ моемъ Словарѣ духовныхъ писателей такія исторіи называли *сторонними*, излишками и отступленіями, а я всегда считаю ихъ и для біографіи любопытными.

Не отгадали вы писца статей въ *Вѣстникѣ Европы* помѣщенныхъ противъ исторіографа. Это пишется въ Казани — Арцыбашевымъ, извѣстнымъ въ исторіи нашей копуномъ, издавшимъ книжку о первобытной Россіи, которую исторіографъ не удостоилъ и упоминанія, а Словцовъ хотя и намаралъ панегирикъ Ивану В., но въ исторіи онъ повѣса. Я Арцыбашева угадалъ по слогу и наипаче по сокращенію названій книгъ. Не слыхалъ ли онъ отъ кого-нибудь презрительнаго о себѣ отзыва исторіографа? Льву не надобно и комаря презирать. Не знаю какъ вы не отгадали по первой его статьѣ, въ которой онъ сослался на списокъ Курбскаго, находящійся въ Казанскомъ обществѣ словесности.

Итакъ алфавитный указатель указовъ съ 1795 до 1821 по настоянію барона можетъ у васъ окончиться и выйти! Вотъ книга, за кою поблагодарятъ васъ больше, нежели за всѣ прежде изданныя. Все первое изданіе тотчасъ раскупится.

Намѣреніе Кеппена издать продолженіе своихъ матеріаловъ въ Вѣнѣ что-то кажется странно, ибо если на нѣмецкомъ, то не для насъ; а если на рус-

непреоборимою препоной къ изданію историческихъ матеріаловъ. Чтобъ убѣдить примѣромъ, онъ изобразилъ весьма грустное положеніе, въ какомъ находились въ *тогдашнее время* монастырскія библіотеки.

„Знаемъ ли мы, спрашиваетъ достопочтенный издатель лѣтописей, что находится въ такъ-называемыхъ книгохранилищахъ монастырскихъ, гдѣ червь, тля и невѣжественное нерадѣніе за одно истребляютъ малые остатки нашей словесности, которые пощадило и самое время? Долго ли еще будемъ равнодушны ко всему относящемуся до отечественной исторіи, и кому предлежитъ завидный исполинскій подвигъ исторгнуть отъ тлѣнія и сохранить письменныя наши сокровища, день отъ дня уменьшающіяся?"

Спустя 25 лѣтъ послѣ этого заявленія, другой ревнитель просвѣщенія и собиратель погибавшихъ матеріаловъ *М. П. Погодинъ* въ 1846 году, по поводу встрѣтившихся сомнѣній и недоразумѣній въ достовѣрномъ опредѣленіи годовъ рожденія Сперанскаго и Карамзина, счелъ нужнымъ на страницахъ своего журнала *Москвитянинъ* заявить:

„Не странно ли, что при рѣшеніи такихъ простыхъ вопросовъ о двухъ знаменитѣйшихъ современникахъ, сомнѣваемся, споримъ и бываемъ принуждены работать въ потѣ лица, точно какъ европейскіе ученые, опредѣляя время и мѣсто рожденія Гомера или Платона, умершихъ за двѣ или за три тысячи лѣтъ?... Умираютъ свидѣтели и уносятъ съ собою въ могилу всѣ живыя свѣдѣнія, такъ что будущему русскому Плутарху останутся главными матеріалами реляціи, газеты и отзывы иностранцевъ, которымъ вѣрить едва-ли кто рѣшится. И будетъ историкъ ныть о недостаткѣ матеріаловъ, какъ ноемъ мы, приступая къ описанію жизни Ломоносова, Сумарокова, Хемницера, Богдановича, Румянцева, и въ то же время молчимъ о Кутузовѣ, Сперанскомъ, Ростопчинѣ, Новосильцовѣ, Сенявинѣ, Карамзинѣ, Пушкинѣ, то-есть, даемъ право нашимъ дѣтямъ продолжать воспѣвать такую же іереміаду".

скомъ, то не для Нѣмцевъ. Вотъ если бы онъ тамъ вырѣзалъ палеографическіе наши снимки, то занялъ бы ими и Нѣмцевъ.

Если ваши старые цензоры всѣ уклоняются уже отъ должности своей, то видно уставъ новой цензуры будетъ не легокъ. Но замѣчено вѣками, что строгая цензура всегда производитъ больше пасквилей письменныхъ: nitimur in vetitum.

Читалъ я вашу статью о Кавказскихъ народахъ. Одно описаніе не есть исторія, а исторія сихъ народовъ кажется невозможна, все покрыто тьмою. Руссо сказалъ, что изъ Кавказскихъ горъ когда-нибудь прорвется еще наводненіе дикарей на богатую Европу, какъ было въ V вѣкѣ. Стоитъ только явиться у нихъ какому-нибудь Чингисъ-Хану или Батыю для совокупленія ихъ.

Спасибо тетрарху, что онъ собрался съ духомъ и противорѣчитъ. Этого отъ него не ожидали, а Москвичи вводятъ у себя строгости. Селив. пишетъ, что къ нему уже примѣнена Дмитріева басня: въ добрый имъ часъ! а вамъ желаю добраго здоровья. Вѣтры продолжаютъ у меня толкаться въ затылокъ. Да будетъ воля Божія. Vale et ama tuum E.

Что касается монастырскихъ библіотекъ, то положеніе ихъ и 25 лѣтъ спустя, послѣ осмотра Строевымъ, нисколько не улучшилось.

Въ своихъ путевыхъ запискахъ о пребываніи въ Вологдѣ[1]), М. П. Погодинъ рисуетъ не весьма привлекательную картину положенія тамошнихъ монастырскихъ библіотекъ.

„Забрался я, пишетъ г. Погодинъ, въ одно изъ пустыхъ отдѣленій архіерейскаго дома, съ позволенія преосвященнаго, который слышалъ о какихъ-то бумагахъ, тамъ валявшихся. Эта кладовая есть нѣчто отличное въ своемъ родѣ, заслуживающее особаго описанія, чтобы дать понятіе о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ надо искать рукописей!!!“

Добравшись до этой кладовой, Михаилъ Петровичъ увидѣлъ въ первой половинѣ отдѣленія лари съ мукой, крупой, мясомъ и валявшійся на полу лукъ. Въ другой половинѣ, по указанію проводника, нашъ археологъ примѣтилъ въ темномъ углу сотни фигуръ, вырѣзанныхъ изъ дерева, которыя, по объясненію монаха, представляли изображенія Спасителя, отобранныя въ разныя времена у раскольниковъ. Подъ этими изображеніями валялись какіе-то лоскутки.

„Я началъ ихъ шарить, говоритъ г. Погодинъ, вынулъ листъ: харатейный изъ тріоди; вынулъ другой: послѣсловіе къ книгѣ, печатанной при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Но пыль подымалась столбомъ. Я не могъ оставаться долѣе и просилъ о приказѣ служителямъ повыбрать все бумажное. Мнѣ принесли два короба. Оказалось листовъ шестьдесятъ харатейной тріоди, осьмушки четыре харатейныхъ, которыми переплетенъ былъ молитвенникъ, и еще полъ-листа харатейнаго, служившаго также оберткой негодной книжонкѣ“.

Слова г. Погодина, приведенныя изъ его разказа, невольно заставляютъ припоминать все еще продолжающееся у насъ равнодушіе и косность въ дѣлѣ изданія историческихъ памятниковъ.

Четверть столѣтія протекла, не вылѣчивъ насъ отъ этой болѣзни.

Третій ревнитель просвѣщенія *П. А. Мухановъ*, получившій 30 лѣтъ тому назадъ благословеніе отъ митрополита Евгенія на историческіе труды, призналъ нужнымъ въ *Desiderata*'хъ, помѣщенныхъ въ новомъ изданіи его сборника, припомнить о необходимости издавать историческіе памятники, при чемъ начертана, такъ-сказать, полная программа будущихъ занятій молодому поколѣнію.

Desiderata Павла Александровича принесли бы бо́льшую пользу, еслибъ онѣ были напечатаны отдѣльною книжкой или перепечатаны въ журналахъ: тогда только эти совѣты столь опытнаго дѣятеля на поприщѣ историческихъ изслѣдованій сдѣлались бы еще болѣе обще-

---

[1]) См. *Москвитянинъ*, 1842 г.

извѣстными и скорѣе могли бы достигнуть своей цѣли. Не безъизвѣстно, что Сборникъ г. Муханова напечатанъ въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и по этой причинѣ не можетъ быть повсюду распространенъ, гдѣ бы слѣдовало.

Насъ особенно остановили, въ ряду его благожеланій на пользу науки отечественной исторіи, слѣдующія *desiderata:*

„§ 2. У частныхъ людей находится, безъ сомнѣнія, много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для русской исторіи; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ фамильные архивы. Эти историческіе матеріалы подвержены, къ сожалѣнію, разнымъ случайностямъ: пожарамъ, пропажѣ при перевозкѣ, истребленію, когда при раздѣлѣ имущества поступаютъ на долю или малолѣтнихъ или попадаются въ руки лицъ, не знающихъ имъ цѣны. Въ видахъ сохраненія историческихъ матеріаловъ весьма было бы желательно, чтобы частные люди передавали ихъ въ казенные или общественные архивы и книгохранилища, или по крайней мѣрѣ завѣщали передачу въ нихъ послѣ смерти. Такимъ образомъ отечественные акты не только сохранились бы, но сдѣлавшись извѣстными нашимъ ученымъ, могли бы со временемъ быть обнародованы.

„§ 21. Желательно бы имѣть полное исправное собраніе *писемъ* нашихъ государей и вообще *знаменитыхъ* лицъ.

„§ 26. Не одно правительство, но и частные люди должны бы содѣйствовать успѣхамъ изученія русской исторіи изданіемъ историческихъ памятниковъ. Многія изъ нашихъ аристократическихъ фамилій имѣютъ на то матеріальныя средства; притомъ же фамильные ихъ архивы богаты памятниками старины. Желательно, чтобы примѣръ, поданный княземъ М. А. Оболенскимъ, издавшимъ сборникъ, носящій его имя, не остался безъ подражанія. Наше купечество, которое столь щедро жертвуетъ значительными капиталами для распространенія въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія, оказало бы большую услугу русской исторіи, употребивъ хотя небольшую сумму для напечатанія русскихъ старинныхъ грамотъ etc. Мы имѣемъ литературные сборники Смирдина и другихъ; отчего же не имѣть историческихъ сборниковъ: Кокорева, Солдатенкова, Исакова, Кожанчикова, Вольфа и др.? Матеріалы для этой цѣли нашлись бы въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ; завѣдывающіе ими не только бы ихъ доставили, но и съ удовольствіемъ указали бы на лица, которыя могли бы придти имъ въ помощь своими совѣтами и трудомъ при изданіи".

Ужели должны остаться безотвѣтными эти патріотическіе призывы ветерана-ревнителя просвѣщенія и государственнаго сановника, изданіемъ своего драгоцѣннаго для исторіи отечественной сборника указавшаго любителямъ просвѣщенія примѣръ, какъ могутъ они, если пожелаютъ, приносить пользу исторической наукѣ?

Въ надеждѣ послужить чѣмъ можно общему дѣлу, мы рѣшились на изданіе сборника доступныхъ намъ матеріаловъ о митрополитѣ Евгеніи, отдѣльными выпусками.

Высокопреосвященный Евгеній, какъ самъ же онъ указалъ въ своей автобіографіи, родился въ Воронежѣ 18-го декабря 1767 года. Позаботившись, какъ точный біографъ отечественныхъ писателей, сохранить для насъ память о днѣ своего рожденія, онъ оставилъ намъ впрочемъ мало извѣстій о своихъ родныхъ. Отецъ его, Алексѣй Андреевичъ Болховитиновъ, былъ священникомъ въ г. Воронежѣ сперва Входъ-Іерусалимской церкви, а потомъ церкви Иліи Пророка, при которой и скончался. Будущій іерархъ, названный при крещеніи Евфиміемъ, по кончинѣ родителя оставшись сиротою, долженъ былъ уже въ юности бороться съ недостаточными средствами, которыя, казалось, обрекали его на самое скромное положеніе въ обществѣ, и съ своими способностями, которыя увлекали его въ возвышенныя сферы умственныхъ наслажденій. Прежде находился онъ въ пѣвческомъ архіерейскомъ хорѣ и тамъ узналъ первыя начала грамоты, за симъ былъ принятъ въ мѣстную семинарію.

Семинарское образованіе того времени, вѣроятно, мало могло удовлетворять жаждѣ талантливаго мальчика въ познаніяхъ; но дарованіями своими, обнаружившимися въ раннемъ возрастѣ, онъ имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе епископа Воронежскаго Тихона, и съ той минуты рѣшилась вся его будущность. Достойный пастырь, и самъ принадлежавшій къ ученѣйшимъ членамъ духовенства, предугадалъ его высокое назначеніе въ нравственномъ, умственномъ и политическомъ мірѣ и усердно пособилъ молодому Болховитинову достигнуть цѣли его желаній учиться и учиться. По назначенію этого преосвященнаго, Болховитиновъ былъ отправленъ въ Московскую духовную академію, гдѣ весь предался ученію, стараясь пріобрѣсть всѣ познанія, какія могли быть ему доступны.

Въ бытность его въ Московской духовной славяно-греко-латинской академіи, въ числѣ прочихъ наукъ древняя классическая литература стала любимымъ его предметомъ: онъ достигъ основательнаго знанія древняго и новѣйшаго греческаго языка, что̀ и должно было послужить ему ключемъ къ трудной наукѣ библейской герменевтики, въ то время уже усовершенствованной на Западѣ, но почти еще неизвѣстной въ Россіи. Занятія ученою герменевтикою, основанною на правилахъ древней классической филологіи, составляютъ, быть-можетъ, лучшую школу для образованія молодаго ума въ великомъ искусствѣ всякой критики, и безъ сомнѣнія, въ этихъ-то занятіяхъ будущій пастырь почерпнулъ тотъ критическій духъ и ту любовь къ точнымъ

изысканіямъ, какія онъ въ послѣдствіи обнаружилъ въ своихъ историко-археологическихъ трудахъ.

Но покровители его дарованій, безъ сомнѣнія, не предвидѣли еще одного обстоятельства, которое оказалось особенно полезнымъ для талантливаго семинариста. Они могли быть увѣрены, конечно, что Болховитиновъ съ успѣхомъ окончитъ академическій курсъ, но едва-ли они могли заранѣе предвидѣть, чтобы вспало на мысль молодому человѣку посѣщать лекціи Московскаго университета. Мы убѣждены, что слушаніе университетскихъ лекцій у Московскихъ профессоровъ: Шадена — всеобщей и нравственной философіи и политики, у Роста — опытной физики, у Бодуэна — французской литературы и у Гейма — нѣмецкаго языка, а также ознакомленіе его и съ другими языками, италіанскимъ и польскимъ, и ихъ литературами, и изученіе еврейскаго языка, при тогдашнихъ научныхъ средствахъ Московской духовной академіи, только и могли приготовить не просто умнаго и высоко-ученаго пастыря, но историка и литератора, какимъ былъ Евгеній. На разносторонность воззрѣній его имѣлъ рѣшительное вліяніе широкій для своего времени объемъ университетскаго курса. Тогда какъ пріобрѣтенное имъ въ духовныхъ училищахъ знаніе древнихъ языковъ было хорошимъ и основательнымъ фундаментомъ серьюзной учености, знаніе новѣйшихъ языковъ, полученное имъ въ университетѣ, давало молодому ученому возможность слѣдить за ходомъ современной ему европейской науки и литературы, и даже въ послѣдствіи вести разнообразную переписку съ ученѣйшими мужами за границей.

Надежная и солидная подготовка должна была вызвать со стороны молодаго человѣка, еще въ бытность его въ духовной академіи и въ университетѣ, сколько-нибудь серіозный трудъ, и вотъ онъ въ 1788 году издалъ въ Москвѣ новую латинскую азбуку, къ которой приложилъ словарь первоначальныхъ латинскихъ и греческихъ въ латинскомъ языкѣ наиболѣе употребляемыхъ рѣченій, а также подробный и ясный римскій календарь.

Въ слѣдующемъ году (1789), по требованію мѣстнаго епархіальнаго начальства, Евфимій Алексѣевичъ Болховитиновъ, обогащенный свѣдѣніями, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Москвѣ, наконецъ возвратился на родину въ Воронежъ. Здѣсь ждала его педагогическая дѣятельность въ той самой семинаріи, которой онъ былъ обязанъ начальнымъ образованіемъ. Опредѣленный сначала профессоромъ риторики и французскаго языка, молодой ученый въ своемъ риторическомъ классѣ сталъ читать съ перваго же времени особый курсъ гре-

ческихъ и римскихъ древностей, а потомъ назначенъ былъ префектомъ и библіотекаремъ.

Въ бытность его префектомъ, и безъ сомнѣнія, по его указанію и подъ его руководствомъ, старшіе воспитанники Воронежской семинаріи охотно стали браться за такія научныя работы, которыя не относились прямо къ школьнымъ ихъ занятіямъ, а требовали и особеннаго труда и значительнаго развитія знанія. Переводили они съ французскаго языка нѣкоторыя замѣчательныя по времени сочиненія, между прочимъ, философскія размышленія о происхожденіи языковъ Монертюи. Подобныя упражненія показываютъ и довольно высокую степень развитія въ этихъ воспитанникахъ, и серіозное направленіе училищнаго курса подъ руководствомъ ученаго преподавателя.

Такія серіозныя научныя занятія въ каждомъ классѣ требовали отъ молодаго профессора кабинетныхъ приготовительныхъ работъ, необходимыхъ ему для собственной подготовки. И вотъ онъ составляетъ записки для своихъ слушателей: по *Мосгейму* — всеобщей церковной критической исторіи (1790—1792); по *Рамбаху* — сокращенныхъ правилъ священной герменевтики (1792—1794); догматическаго и въ систематическихъ таблицахъ изображеннаго богословія, для показанія производства и связи богословскихъ догматовъ (1793); о трудности естественнаго богопознанія (1791); о причинахъ несогласій въ христіанской вѣрѣ (1792); далѣе сокращенную греческую грамматику по примѣру Посселіевой, для учениковъ низшаго греческаго класса (1792 — 94); о пособіяхъ къ изученію исторіи (1794); о связи церковной исторіи съ богословіемъ (1795).

Кромѣ этихъ профессорскихъ его трудовъ, оставшихся въ рукописи, нѣкоторые были имъ напечатаны въ періодъ его педагогической дѣятельности въ Воронежской семинаріи [1]).

Такимъ образомъ Воронежская семинарія при Болховитиновѣ, достойномъ ея представителѣ, дѣйствительно могла считаться одною изъ лучшихъ среднихъ школъ въ Россіи для духовнаго образованія.

---

[1]) А именно, Разсужденіе о надобности греческаго языка для богословія и объ особенной пользѣ его для россійскаго языка. Москва, 1793 г. 4°. 2-е изданіе съ поправками, въ Воронежѣ, 1800 г. 4°. Волтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ, въ 2-хъ частяхъ. Москва, 1793 г. 8°. Трюблетовы размышленія о краснорѣчіи вообще и особенно о проповѣдническомъ. Москва, 1793 8°. Разсужденіе о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно пѣніи Россійской церкви, съ примѣчаніями на оное. Воронежъ, 1800 г. 4°. Разсужденіе о томъ, что алтарныя украшенія нашей Россійской церкви сходны съ древними Восточной. Воронежъ, 1800. 4°.

Особенно пришлась по душѣ, какъ показалъ опытъ, любознательному молодому преподавателю должность библіотекаря, сдѣлавшая изъ Евгенія библіографа *ex professo*.

По разказамъ воспитанниковъ Кіевской духовной академіи, которые имѣли счастіе учиться въ ней въ бытность Евгенія митрополитомъ, онъ, посѣщая кабинеты окончившихъ курсъ студентовъ и разсуждая съ ними о темахъ сочиненій ихъ на ученую степень, часто указывалъ книги, которыя имѣются въ библіотекѣ Воронежской семинаріи и могли бы служить источниками для заданныхъ имъ темъ. И въ случаѣ если онѣ не находились въ Кіевѣ въ академической библіотекѣ, высокопреосвященный тутъ же просилъ ректора напомнить ему, чтобъ онъ могъ пріискать у себя рукописи и книги, нужныя этимъ студентамъ для диссертацій на ученыя степени. Извѣстное разсужденіе о духоборцахъ, сдѣлавшееся теперь уже *библіографическою рѣдкостью* и доставившее автору ея (О. Новицкому) имя въ наукѣ, было написано по программѣ митрополита Евгенія и по рукописямъ, доставленнымъ этому студенту высокопреосвященнымъ. Какъ извѣстно, чрезвычайно обширная память ученаго іерарха доставляла ему возможность указывать при случаѣ видѣнныя имъ когда-либо рѣдкія книги въ разныхъ библіотекахъ. Поэтому неудивительно, что въ письмахъ его заключается столько библіографическихъ указаній и что онъ могъ разрѣшать всевозможныя сомнѣнія по библіографическимъ вопросамъ. В. Г. Анастасевичъ пользовался указаніями преосвященнаго для новаго изданія Опыта библіографіи Сопикова. Къ сожалѣнію, это предпріятіе не только не было доведено до конца, но даже самая рукопись погибла вмѣстѣ съ цѣлымъ собраніемъ библіографа. Когда будутъ изданы письма митрополита Евгенія, хотя бы не всѣ, но по крайней мѣрѣ бо́льшая часть ихъ, тогда, безъ сомнѣнія, представится возможность безпристрастно оцѣнить всю великость заслуги высокопреосвященнаго и на *библіографическомъ* поприщѣ. И едва-ли не придется тогда отдать митрополиту Евгенію первенство предъ всѣми извѣстными нашими библіографами.

Занимая видныя и почетныя мѣста префекта и исправляющаго должность ректора семинаріи, не смотря на свои молодыя лѣта, Евфимій Алексѣевичъ не могъ не считать для себя неприличнымъ и несогласнымъ съ мѣстомъ служенія свѣтское званіе. Потому вступивъ въ бракъ съ дочерью Липецкаго (Тамбовской губерніи), купца Расторгуева, Анною Антоновной, принялъ рукоположеніе въ священника и скоро повышенъ въ протоіереи. Новое положеніе, какъ семьянина, нисколько

не отвлекало его отъ ученыхъ занятій, какъ онъ самъ отзывается въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Селивановскому.

„Обо мнѣ не думайте, какъ о женатомъ, писалъ онъ ему, ибо я и самъ иногда это забываю. Жена у меня не болѣе четверти часа отнимаетъ времени въ цѣлыя сутки, и всегда занимаюсь въ своемъ кабинетишкѣ; жена входитъ ко мнѣ только за поцѣлуями и то на минуту".

Доказательствомъ справедливости словъ его можетъ служить быстрота появленія сочиненій его въ Воронежѣ, не смотря на то, что кромѣ заботъ по семинаріи онъ получилъ мѣсто протоіерея въ г. Павловскѣ (Воронежской губерніи), съ назначеніемъ въ члены консисторіи.

Чувства признательности, которыми во всю жизнь было преисполнено благородное сердце Евгенія ко всѣмъ любившимъ и почитавшимъ его, не могли угаснуть въ немъ къ преосвященному Тихону III, столь содѣйствовавшему, какъ мы видѣли, къ высшему его образованію. Полное описаніе жизни Тихона, бывшаго прежде епископомъ Кексгольмскимъ и викаріемъ Новгородскимъ, а потомъ Воронежскимъ и Елецкимъ, собранное изъ устныхъ преданій и записокъ очевидцевъ съ нѣкоторыми историческими свѣдѣніями, касающимися до Новгородской и Воронежской іерархіи, и съ описаніемъ всѣхъ сочиненій этого пастыря, изданное Евв. Болховитиновымъ въ С.-Петербургѣ 1796 г. 8° (2-е изд. 1820 г., 3-е изд. 1835 г.), составляетъ какъ бы памятникъ благодарности бывшаго Воронежскаго семинариста заботливому о судьбѣ его пастырю, память котораго равнымъ же образомъ съ глубокимъ уваженіемъ чтитъ весь православный русскій народъ.

За тѣмъ два *слова*, произнесенныя Евгеніемъ въ Воронежскомъ (Благовѣщенскомъ) каѳедральномъ соборѣ, одно—*надгробное* преосвященному Иннокентію, епископу Воронежскому 1794 года, апрѣля 19-го, а другое — *похвальное* Императрицѣ Екатеринѣ II, при торжествѣ бракосочетанія великаго князя Константина Павловича, 1796 года февраля 9-го, уже предвѣщали въ молодомъ проповѣдникѣ того знаменитаго витію, котораго ораторскій талантъ имѣлъ въ послѣдствіи столько случаевъ выказаться въ полномъ блескѣ на разныхъ поприщахъ пастырскаго служенія церкви и отечеству.

Избранныя же поученія преосвященнаго Иннокентія, бывшаго епископа Воронежскаго, съ пріобщеніемъ краткаго начертанія жизни и кончины его, изданныя, въ Воронежѣ, въ 1799 г. 8°, Болховитиновымъ, послужили для него какъ бы приготовительнымъ курсомъ церковнаго краснорѣчія, о которомъ не разъ еще доведется намъ упоминать при случаѣ.

Среди этой кипучей и многосторонней дѣятельности Провидѣніе посѣтило его потерею всего семейства и жены (въ 1799 году).

Эта потеря порвала видимую связь его съ міромъ, какъ бы для того, чтобы вызвать его, испытаннаго горестью, на поприще дѣятельности гораздо обширнѣйшей, чѣмъ Воронежъ и тамошняя семинарія [1]).

Похоронивъ жену, Болховитиновъ рѣшился принять постриженіе. Этому рѣшительному шагу, измѣнявшему дальнѣйшую судьбу его, помогъ пріятельскимъ содѣйствіемъ начальникъ Московскаго главнаго архива бывшей иностранной коллегіи, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, находившійся, какъ извѣстно, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ архіепископу С.-Петербургскому (въ послѣдствіи митрополиту) Амвросію Подобѣдову.

Пользуясь этими отношеніями, Бантышъ-Каменскій обратилъ на осиротѣвшаго Болховитинова вниманіе преосвященнаго Амвросія, который тотчасъ же вытребовалъ его въ Петербургъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ сюда, въ началѣ 1800 года, отецъ Евфимій былъ опредѣленъ префектомъ въ Александро-Невскую Академію съ порученіемъ преподавать философію и высшее краснорѣчіе; вслѣдъ за тѣмъ постригся въ монахи и получилъ имя Евгенія. Одновременно съ постриженіемъ въ монашество онъ былъ посвященъ въ архимандриты Зеленецкаго монастыря (Новгородской губерніи) и назначенъ членомъ Петербургской консисторіи; затѣмъ (въ 1802 г.) возведенъ въ архимандриты Сергіевой пустыни (близъ Стрѣльны) и назначенъ преподавателемъ богословія въ академіи.

Санъ архимандрита — неизбѣжная ступень къ архіерейскому; Евгеній ждалъ сана іерарха всего четыре года. Затѣмъ, въ теченіе 19-ти лѣтъ, побывавъ на каѳедрахъ Старой Русси (1804—1808), Вологды

---

[1]) Какъ добрый супругъ и чадолюбивый отецъ, онъ поставилъ памятникъ, на которомъ сдѣлалъ слѣдующую эпитафію: «Здѣсь погребены Анна и Пульхерія, супруга и дщерь Болховитиновы, скончавшіяся, первая на 22 году жизни, августа 21-го дня 1799 г., вторая на 1-мъ году отъ рожденія, іюля 9-го того же года, которымъ супругъ и отецъ отъ скорби сердца съ надгробнымъ рыданіемъ взываетъ вѣчную память Протоіерей Евфимій Болховитиновъ». Эти слова находятся на западной сторонѣ памятника, съ восточной же стороны помѣщены слѣдующіе стихи:

«Покойтесь милыя до вѣчнаго свиданья,
«Болѣзней гдѣ ужъ нѣтъ, ни скорби, ни вздыханья».

Прот. Евфимій Болховитиновъ.

(1808—1813), Калуги (1813—1816), Пскова (1816—1823), удостоенъ сана митрополита Кіевскаго.

Не входя въ подробности епархіальной его дѣятельности, скажемъ кратко, что преосвященному Евгенію, не смотря на его любовь къ труду, по преимуществу кабинетному, выпалъ завидный для многихъ жребій быть свидѣтелемъ нѣсколькихъ важныхъ событій въ нашемъ отечествѣ, и во многихъ изъ нихъ принималъ онъ живѣйшее участіе словомъ и дѣломъ.

На новомъ поприщѣ его служенія въ столицѣ Евгенію представился случай оправдать рекомендацію Н. Н. Бантышъ-Каменскаго оказаніемъ услуги не только преосвященному Амвросію, своему покровителю, но и самой церкви русской, по словамъ протоіерея Ѳаворова[1].

Случай этотъ былъ слѣдующій:

Въ 1800 году, іезуитъ Груберъ, въ послѣдствіи генералъ іезуитскаго ордена, жившій тогда въ Петербургѣ и имѣвшій входъ въ кабинетъ Императора Павла I, предложилъ ему, по интригамъ папы, проектъ соединенія нашей церкви съ латинскою, безъ сомнѣнія въ томъ же родѣ, въ какомъ и прежде, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣлались намъ подобныя предложенія, то-есть, въ смыслѣ не соединенія церквей, а подчиненія православной церкви римскому церковному правительству или папѣ. Дѣло велось такъ хитро и искусно, что Государь, привлекаемый разными обѣщаніями отъ папы и іезуитовъ, видимо склонялся на ихъ предложеніе; даже нѣкоторые изъ духовныхъ были предрасположены въ пользу этого дѣла[2]). Черезъ министра Ростопчина сдѣланъ былъ, наконецъ, запросъ и митрополиту. Но Амвросій, вмѣсто собственнаго отвѣта, представилъ написанную по его порученію Евгеніемъ записку о папской власти, и Государь, выслушавъ эту записку о папской власти, перемѣнилъ мысли и съ тѣхъ поръ не велѣлъ впускать въ свой кабинетъ іезуита Грубера. „Много тогда было и на меня роптаній“, замѣчаетъ по этому случаю самъ преосвященный Евгеній, „но слава Богу, обошлось безъ напасти“.

---

[1]) См. *Труды Кіев. Духов. Акад.* 1867 г. Августъ.

[2]) Мы думаемъ, не слишкомъ ли увлекся въ этомъ случаѣ прот. Ѳаворовъ. Доказательствомъ противнаго мнѣнія можетъ служить, во 1-хъ, то, что Императоръ Павелъ, подобно Петру Великому, получившему въ Сорбоннѣ (въ Парижѣ) такое же предложеніе, передалъ его на опроверженіе духовной власти, и во 2-хъ, что Груберъ за этотъ дерзкій поступокъ (по словамъ проф. же Ѳаворова) навлекъ на себя полное нерасположеніе Императора. Едва-ли кто-нибудь изъ русскаго духовенства могъ быть предрасположенъ въ пользу этого дѣла.

Вѣроятно, за этотъ подвигъ, при коронаціи Государя Императора Александра I, Евгеній получилъ алмазный наперсный крестъ, открывавшій достойному дѣятелю и поборнику православія перспективу дальнѣйшихъ наградъ самыми высшими въ Имперіи знаками отличія.

Трудъ Евгенія надъ составленіемъ вышеупомянутой записки подъ заглавіемъ: *„Каноническое изслѣдованіе о папской власти въ христіанской церкви“* на латинскомъ и русскомъ языкахъ, по всей справедливости, долженъ быть названъ *подвигомъ*, если обратить вниманіе на то важное обстоятельство, какого опаснаго врага имѣлъ Евгеній въ лицѣ іезуита Грубера, противъ котораго, однако, выступилъ онъ смѣло, не оглядываясь ни на какія послѣдствія. Вѣроятно, не безъизвѣстны были Евгенію сила, значеніе и вліяніе, коими пользовался отецъ Груберъ не только въ кружкахъ высшаго общества, но даже и при Дворѣ. При всемъ томъ Евгеній въ своемъ разсужденіи, основанномъ на историческихъ фактахъ, является неустрашимымъ борцомъ за истину, въ томъ сознаніи, что отвѣтъ былъ отвѣтомъ всего православнаго міра.

Чтобы лучше оцѣнить заслугу Евгенія, оказанную имъ православію, считаемъ не лишнимъ вкратцѣ познакомить нашихъ читателей съ личностью іезуита Грубера, дабы уяснить значеніе собственныхъ словъ Евгенія: *„дѣло обошлось безъ напасти“*.

Гавріилъ Груберъ родился въ Вѣнѣ, 6-го мая 1740 года. Отличаясь необыкновеннымъ умомъ, знаніемъ свѣта и всеобъемлющими познаніями, онъ принадлежалъ, по личнымъ своимъ достоинствамъ, къ числу знаменитѣйшихъ членовъ ордена іезуитовъ. Сверхъ того онъ пользовался хорошимъ общественнымъ мнѣніемъ относительно своихъ нравственныхъ достоинствъ, мягкостью же своего характера и особенною вкрадчивостью и привѣтливостью онъ снискивалъ себѣ всеобщее уваженіе и любовь. Будучи въ то же время механикомъ, знатокомъ математики, физики, химіи и медицины и въ добавокъ живописцемъ и любителемъ музыки, онъ посвящалъ свободныя отъ обязанностей призванія минуты любимымъ занятіямъ наукой и искусствами. Чрезвычайною легкостью, съ какою онъ могъ производить столько трудныхъ и разнообразныхъ работъ, онъ приводилъ въ недоумѣніе всѣхъ близко его знавшихъ. Поступивъ въ орденъ іезуитовъ, онъ приготовлялся быть миссіонеромъ въ Китаѣ; но по прекращеніи существованія ордена папою Климентомъ XIV, вмѣстѣ съ другими іезуитами прибылъ въ Бѣлоруссію, въ эту единственную уцѣлѣвшую „іезуитскую провинцію“, гдѣ нашелъ довольно многочисленную братію, и тамъ оставался до кон-

чины Екатерины II. Со вступленіемъ на престолъ Павла I, Груберъ поселился на жительство въ Петербургѣ. Груберъ прибылъ въ столицу подъ предлогомъ представить Академіи Наукъ сдѣланныя имъ въ механикѣ усовершенствованія, и нашелъ многихъ покровителей, въ томъ числѣ нѣсколькихъ вельможъ, которые были проѣздомъ въ Полоцкѣ и восхищались тамъ физическимъ кабинетомъ, типографіей и другими научными учрежденіями іезуитовъ. Груберъ и сопровождавшіе его іезуиты получили доступъ въ общество, посѣщали Академію, бывали вездѣ, гдѣ предвидѣли возможность сдѣлать полезныя знакомства, и обратили на себя вниманіе столько же своими познаніями, сколько и чрезвычайною скромностью. Слухи объ ихъ достоинствахъ и примѣрномъ благочестіи дошли наконецъ до Двора. Императоръ пригласилъ къ себѣ Грубера, былъ очарованъ имъ, и тотчасъ же хотѣлъ пожаловать его въ Мальтійскіе кавалеры. Груберъ, уклонившись отъ этой милости на основаніи статутовъ своего ордена, прибавилъ смиренно, что члены общества Іисуса посвящаютъ себя на служеніе государямъ и ихъ подданнымъ единственно ради вящшей славы Бога (ad majorem Dei gloriam). Этотъ отвѣтъ такъ понравился, что императоръ разрѣшилъ Груберу свободный доступъ въ свой кабинетъ во всякое время и каждый разъ встрѣчалъ его словами: ad majorem Dei gloriam.

Послѣдствія приближенія къ особѣ Государя этого іезуита оказались весьма пагубными для католическаго митрополита Сестренцевича, желавшаго подчинить іезуитовъ своей власти. По стараніямъ Грубера Сестренцевичъ, вмѣстѣ съ запрещеніемъ являться ко Двору, былъ лишенъ знаковъ Мальтійскаго ордена. Враги его не удовольствовались этою немилостью царя: Груберъ успѣлъ оклеветать передъ Государемъ Сестренцевича, вслѣдствіе чего митрополитъ сосланъ былъ сначала въ свое помѣстье, въ шести верстахъ отъ Могилева, а потомъ перевезенъ дальше отъ губернскаго города въ другое помѣстье и отданъ подъ надзоръ полиціи. Живя въ совершенномъ уединеніи, такъ какъ всякій доступъ къ нему былъ запрещенъ, ученый мужъ весь предался наукѣ, кончилъ свое сочиненіе о Тавридѣ, начатое при князѣ Потемкинѣ, и занялся изслѣдованіями о происхожденіи Славянъ. Труды эти сдѣлали имя Сеситренцевича извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ.

Высылка митрополита Сестренцевича до того сдѣлала іезуитовъ самонадѣянными и увѣренными въ своей силѣ, что они, считая почву довольно подготовленною для осуществленія своихъ видовъ, подвинули Грубера на рѣшительный шагъ — представить записку о соединеніи церквей, какъ мы видѣли, претерпѣвшую совершенное пораже-

ніе отъ Евгенія. Казалось, что послѣ такого изобличенія ихъ замысловъ, положеніе ихъ въ Россіи должно было перемѣниться, и счастливая звѣзда Грубера на всегда закатиться; но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Хотя Императоръ Александръ I и не отличалъ Грубера особенными милостями, но тѣмъ не менѣе цѣнилъ и уважалъ его до того, что при посѣщеніи въ 1801 году Полоцкаго іезуитскаго коллегіума, по случаю смертельной болѣзни генеральнаго викарія іезуитскаго ордена Карё (Kareu), снисходя къ усиленнымъ просьбамъ Грубера, всемилостивѣйше разрѣшилъ обнародовать буллу папы Пія VII «Catholicae fidei», отъ 7-го марта 1801 года о возстановленіи ордена іезуитовъ въ Россіи. Булла эта, по ходатайству того же Грубера, еще Императоромъ Павломъ I была испрошена у папы Пія VII. Вѣроятно, въ награду за эти старанія, Груберъ, по смерти Карё 10-го октября 1802 года, избранъ былъ генераломъ ордена.

Интриги іезуитовъ находили себѣ сильную поддержку со стороны двухъ лицъ, игравшихъ значительную роль въ Петербургѣ. Первымъ изъ нихъ былъ графъ Ильинскій, который, пользуясь расположеніемъ къ нему Императора Павла, отправилъ въ 1800 году митрополита Сестренцевича въ ссылку, въ угоду іезуитамъ; вторымъ графъ де-Местръ, питомецъ іезуитовъ, сначала эмигрантъ, потомъ съ 1803 года посланникъ Сардинскаго короля въ Петербургѣ.

Послѣдній былъ не только покровителемъ іезуитовъ, но ихъ руководителемъ и такъ-сказать, свѣтскимъ генераломъ ордена. Благодаря вліянію его необыкновеннаго ума, многіе изъ высшаго Петербургскаго общества, (въ томъ числѣ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ), особенно же дамы, очень благоволили къ ученикамъ Игнатія Лойолы, и составляли весьма сильную партію, противъ которой было не безопасно выступить такъ открыто, какъ это сдѣлалъ Евгеній.

Кромѣ догматическаго трактата о папской власти, Евгенію поручено было въ 1802 году составить примѣчанія на книгу пастора *Рихтера*, подъ заглавіемъ: „*Учебная книга въ формѣ катихизиса о главнѣйшихъ должностяхъ общественной жизни, собранная для низшихъ гражданскихъ и народныхъ школъ*“. Примѣчанія эти, какъ замѣчательный трудъ Евгенія, были представлены митрополитомъ Амвросіемъ въ кабинетъ Его Величества.

Въ 1803 году, директоръ императорской Вѣнской библіотеки Ганка де-Ганкенштейнъ прислалъ въ св. синодъ составленное имъ „Разсмотрѣніе древнѣйшаго — будто бы — кодекса первобытной славянской церкви“ (Recensio codicis pervetusti primaevae Slavorum ecclesiae se-

culi. VIII). На это сочиненіе, по порученію св. синода, Евгеній написал примѣчанія, которыя были имъ представлены митрополиту Амвросію.

Обративъ на себя вниманіе этими, можно сказать, европейскими трудами, Евгеній является еще дѣятелемъ самымъ усерднымъ на поприщѣ общественной благотворительности.

Въ 1802 году состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи *Комитета благодѣтельнаго общества* для подаванія помощи бѣднымъ. Въ этотъ комитетъ Евгеній, тогда еще архимандритъ и префектъ Александро-Невской академіи, самимъ Государемъ былъ назначенъ членомъ и вполнѣ оправдалъ Высочайшее довѣріе, принимая живѣйшее участіе въ дѣйствіяхъ комитета. Ему, какъ члену, было поручено составить планъ, какимъ образомъ всего лучше можно подавать помощь убогимъ и престарѣлымъ. Вслѣдствіе того онъ представилъ въ комитетъ „Голосъ“ [1], въ которомъ исторически прослѣдилъ всѣ русскія законоположенія о призрѣніи нищихъ.

Изъ этого изслѣдованія члены комитета могли узнать, какія существовали прежде въ Россіи учрежденія для общественнаго призрѣнія нищихъ и какія были принимаемы мѣры для облегченія ихъ участи. Всѣ его соображенія съ проектомъ новаго благотворительнаго общества вошли во всеподданнѣйшій докладъ.

Затѣмъ мы видимъ архимандрита Евгенія дѣйствующимъ лицомъ при празднованіи 16-го мая 1803 года столѣтней годовщины Петербурга.

---

[1]) У пишущаго эти строки есть въ рукописи этотъ «Голосъ» съ собственноручною помѣткой Евгенія: «Поданъ 25-го октября 1802 года», и какъ рукопись эта принадлежала В. Г. Анастасевичу, то и симъ послѣднимъ сдѣлана на ней слѣдующая замѣтка: «Получена отъ митрополита Кіевскаго, писавшаго мнѣ, что потомъ и закрыто было упомянутое учрежденіе по рескрипту на имя Вязмитинова». Къ этой рукописи приложена опись дѣламъ по комитету Благодѣтельнаго общества, въ которой озаглавлено содержаніе бумагъ и разныхъ проектовъ. Всѣхъ ихъ числомъ 26. Начиная съ № 17-го по № 26-й включительно съ боку оглавленій значится собственноручная приписка Евгенія: «Это все мое». Одно только оглавленіе проектовъ, выписокъ и мемерій, которыя вносились Евгеніемъ въ засѣданія комитета на обсужденіе членовъ его, невольно приводитъ въ недоумѣніе, сколько онъ приложилъ труда и по этой части, въ званіи члена комитета Благодѣтельнаго общества. Къ сожалѣнію, труды эти, какъ и многіе другіе, мало извѣстны и по сіе время скрываются въ архивахъ тѣхъ обществъ, которыхъ Евгеній былъ членомъ не для почета и титула, а дѣйствительно для пользы самаго дѣла. Въ упомянутомъ «Голосѣ» заключается весьма много интересныхъ подробностей относительно общественной благотворительности въ Россіи.

Могъ ли Евгеній, при своемъ патріотическомъ настроеніи, не принять живаго участія въ торжествѣ этой годовщины?

Слово. произнесенное имъ въ Исакіевскомъ соборѣ, въ этотъ высокоторжественный день, также какъ и составленное имъ описаніе самаго обряда церковнаго, происходившаго по случаю торжества, составляютъ любопытныя страницы въ исторіи нашей сѣверной столицы.

Позволю себѣ сдѣлать краткое извлеченіе изъ этого описанія, мало кому извѣстнаго и составляющаго *библіографическую* рѣдкость.

„Вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по случаю благополучно совершившагося перваго столѣтія отъ зачатія царствующаго града С.-Петербурга, сего мая 15, 16 и 17 дня 1803 года, при разныхъ другихъ гражданскихъ и воинскихъ церемоніяхъ, церковная происходила слѣдующая:

Наканунѣ торжества, мая 15-го, по предварительно учиненной повѣсткѣ во всѣхъ С.-Петербургскихъ соборахъ, монастыряхъ и церквахъ своимъ духовенствомъ, а въ Исакіевскомъ соборѣ синодальнымъ членомъ, преосвященнымъ Варлаамомъ, архіепископомъ Грузинскимъ, съ архимандритомъ и тамошнимъ духовенствомъ, съ вечера отправлено всенощное бдѣніе. Въ самый же день заложенія Санктпетербурга, то-есть, мая 16-го, во всѣхъ церквахъ съ половины восьмаго часа по утру совершалась Божественная литургія съ благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, по окончаніи коего возглашена была блаженныя памяти государю Петру Великому по церковной формѣ *вѣчная память*, а потомъ Его Императорскому Величеству со всею Высочайшею фамиліей *многолѣтіе*. А въ Петропавловскомъ соборѣ въ то же время синодальнымъ членомъ Иринеемъ, архіепископомъ Псковскимъ, сперва надъ гробомъ блаженныя памяти государя Петра Великаго соборнѣ отправлена панихида, потомъ литургія и также благодарственное молебствіе. Между тѣмъ съ восьми часовъ того же утра и въ Исакіевскомъ соборѣ начата литургія святѣйшаго синода первенствующимъ членомъ Амвросіемъ, митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ, предъ окончаніемъ которой говорено Сергіевой пустыни архимандритомъ и Александро-Невской академіи префектомъ Евгеніемъ торжественное слово“.

Приведу здѣсь только заключеніе этого слова.

„Всѣ сіи размышленія, что открываютъ намъ при настоящемъ торжествѣ? Они служатъ намъ яснѣйшимъ доказательствомъ того, что Всевышній къ основателю сего града, отцу отечества нашего, благоволилъ въ самомъ основаніи семъ столько же, сколько во всѣхъ другихъ славныхъ его предпріятіяхъ. Самъ великій Петръ то чувствовалъ и чувствованіе сіе изъявлялъ примѣрнымъ своимъ благочестіемъ. Еще цѣлы здѣсь тѣ храмы, въ которыхъ сей монархъ Россіи предстоялъ алтарю Господню съ благоговѣніемъ подданнаго и въ благочестивомъ жару сердца самъ воспѣвалъ славословіе Вышнему. Потомки въ дѣлахъ его несравненно болѣе видятъ *перстъ Божій*, удивляясь донынѣ безпримѣрному успѣху сего града, такъ какъ и всѣхъ его начинаній.

въ самой вещи, начать дѣло не предначатое ни единымъ изъ своихъ предмѣстниковъ, въ странѣ еще не уступленной сосѣдями Россіи, въ дебряхъ едва проходныхъ, на зыбяхъ не способныхъ къ основанію, основать свое жилище и даже столицу градовъ россійскихъ; укрѣплять мѣсто самою природою разслабленное; единою рукою созидать и въ то же время другою обороняться отъ нападенія враговъ, — есть дѣло и даже самая мысль безъ особеннаго содѣйствія Божія превыше естественныхъ силъ человѣчества. Россія искони имѣла многихъ премудрыхъ и предпріимчивыхъ государей; но одни изъ нихъ едва обращали вниманіе на сію страну, другіе только умѣли ратовать въ ней и поражать враговъ своихъ; иные довольствовались безполезнымъ обладаніемъ ея. Единому Петру премудрымъ промысломъ Вышняго предоставлено преобразить лице земли сея и въ топкихъ зыбяхъ ея найти твердое дно для основанія зданія славы и могущества Россіи. И могъ ли самъ основатель сперва надѣяться, что малый оплотъ его вскорѣ содѣлается важною необоримою твердынею всея имперіи? Но Петръ полагалъ слабый камень съ твердою надеждою на Бога — и сего довлѣло для незыблемаго основанія! Надѣющіи бо ся на Господа, яко гора Сіонъ. (Псаломъ 124).

„И се градъ Петровъ достигъ уже въ единый только вѣкъ отъ ничтожества до необозримаго величія, отъ неизвѣстности до повсемѣственныя славы, отъ слабости до неопреодолимой крѣпости. Что будетъ исполинъ сей въ два вѣка и потомъ? Всевышній не безъ особеннаго промысла предопредѣлилъ первый вѣкъ его начать *Петромъ* первымъ, но заключить первымъ *Александромъ*, дабы тѣмъ самымъ раздѣлить между ими славу быть эпохами его возраста и съ нимъ благоденствія Россіи. Преемники Петровы донынѣ почти исполнили всѣ его предначинанія; но Александру въ судьбахъ предоставлено предпріять и совершить многое не предначатое и *Петромъ*. Въ два лѣта благословеннаго его царствованія Россія видѣла уже неоднократныя тому доказательства. Петръ могъ только многое предусмотрѣть, нѣчто предначертать, а прочее токмо желать для благоденствія своихъ подданныхъ. Преемники Петровы постепенно ихъ къ оному только приближали. Но — поставить Россію на самомъ верху сего счастія и паче всего, содѣлать самихъ Россіянъ способными вкушать и чувствовать оное — сія слава будетъ славою Александра перваго.

„Сугубое убо нынѣ мы празднуемъ торжество, сограждане! Ибо оканчиваемъ въ градѣ семъ благословенный вѣкъ Петровъ и начинаемъ благословеннѣйшій вѣкъ *Александровъ*; благодаримъ Вышняго за дарованіе Россіи перваго и въ радости славословимъ Его за наше наслажденіе вторымъ; преисполняемся чувствованіями признательности къ Петру, но изливаемъ всѣ желанія сердца къ Александру".

Затѣмъ Евгеній продолжаетъ описаніе торжества.

„По совершеніи литургіи всѣ члены св. синода съ градскимъ духовенствомъ и гг. сенаторы съ знатнѣйшими особами въ томъ же Исакіевскомъ соборѣ ожидали прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ къ соборному отправленію благодарственнаго Господу Богу молебствія. Въ 11 часовъ по полуночи Ихъ Императорскія Величества Государыни Императрицы и Ихъ Императорскія Высочества въ предшествіи и препровожденіи императорской свиты

изволили прибыть въ Исакіевскій соборъ изъ Зимняго дворца и при входѣ встрѣчены святѣйшимъ синодомъ съ животворящимъ крестомъ. По вшествіи въ соборъ, начатъ благодарственный молебенъ, а по окончаніи онаго пѣто Тебе Бога хвалимъ при пушечной съ адмиралтейства и крѣпости пальбѣ и при ружейномъ огнѣ стоявшихъ около собора полковъ, подъ собственнымъ Его Императорскаго Величества распоряженіемъ. По отпускѣ возглашена по формѣ протодіакономъ и пѣвчими государю Петру Великому *вѣчная память* при повторенной пальбѣ изъ пушекъ и ружей, а наконецъ многолѣтіе Его Императорскому Величеству и всей Высочайшей фамиліи, при таковой же пальбѣ. По совершеніи всей церковной церемоніи святѣйшій синодъ и старшее духовенство приносили всеподданнѣйшія поздравленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ по обыкновенію. А напослѣдокъ Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества въ сопровожденіи придворнаго штата, духовенства, господъ сенаторовъ и прочихъ знатнѣйшихъ обоего пола особъ изволили по выходѣ изъ церкви отбыть въ домъ сената для зрѣнія воинскихъ церемоній, подъ собственнымъ предводительствомъ Его Императорскаго Величества предъ монументомъ Петра Великаго совершавшихся. По окончаніи же оныхъ начался по всему городу колокольный звонъ и продолжался чрезъ три дня.

„На другой день, то-есть, 17-го мая, по Высочайшей же волѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ происходило слѣдующее по случаю положенія на гробницѣ въ Бозѣ почившаго государя императора Петра Великаго золотой медали, поднесенной его Императорскому Величеству отъ города Санктпетербурга въ память сей торжественной эпохи. Въ десять часовъ по полуночи начата Божественная литургія преосвященнымъ Амвросіемъ, митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ, соборнѣ, во время которой оная медаль г. министромъ юстиціи и генералъ-прокуроромъ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ внесенная во святый алтарь положена была на пристойномъ мѣстѣ. За тѣмъ по совершеніи литургіи синодъ и сенатъ предстали къ гробницѣ государя императора Петра Великаго, а медаль протоіереемъ того собора вынесена и положена на нарочно уготовленномъ для оной мѣстѣ предъ гробницею. Послѣ того святѣйшимъ синодомъ съ духовенствомъ отправлена была панихида съ возглашеніемъ *вѣчныя памяти*, и потомъ прочтенъ въ слухъ имянный Его Императорскаго Величества высочайшій указъ, повелѣвавшій положить на гробѣ государя Петра Великаго помянутую золотую медаль, которая тотъ же часъ старшимъ изъ присутствовавшихъ господъ сенаторовъ, графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ, поднесена преосвященному митрополиту, а симъ положена на гробницѣ съ провозглашеніемъ слѣдующихъ словъ:

„Отецъ отечества! Исполняя волю достойнаго твоего преемника Александра Перваго, возложеніемъ на гробъ твой сего памятника, въ знаменіе Его „къ тебѣ благоговѣнія, умоляемъ Бога, упокоивающаго душу твою въ своихъ „селеніяхъ, да откроетъ тебѣ съ онымъ и нашу признательность къ твоимъ „благодѣяніямъ, признательность всего сего правительствующаго сословія, „тобою первоначально созваннаго, признательность всего царствующаго „града, тобою основаннаго, признательность всея Россіи, тобою возрожденной и просвѣщенной и чтити имя твое во вѣки вѣковъ обязанной“.

На положеніе медали была сочинена Г. Р. Державинымъ слѣдующая надпись:

„Приникни съ высоты, великій мужъ!
„И виждь: потомки полагаютъ
„На прахъ твой знакъ, и благодарныхъ душъ
„Заслуги въ гробѣ созрѣваютъ".

Заслуги архимандрита Евгенія по комитету Благодѣтельнаго общества и участіе его въ праздновайіи столѣтней годовщины нашей сѣверной столицы не могли не содѣйствовать къ возведенію его на высшій постъ, столь справедливо слѣдовавшій ему, и вотъ въ 1804 году мы видимъ нашего архимандрита уже на епископской каѳедрѣ въ Старой Руссѣ, въ званіи викарія Новгородскаго. Въ эту пору онъ былъ призванъ, между прочимъ, содѣйствовать преобразованію духовныхъ училищъ.

Научное образованіе духовенства составляло тогда, какъ составляетъ и нынѣ, одинъ изъ важныхъ предметовъ заботливости нашего правительства. Высокопреосвященный Амвросій поручилъ Евгенію, епископу Старорусскому и викарію Новгородскому, составить планъ къ усовершенствованію духовныхъ училищъ. И въ этомъ важномъ дѣлѣ, какъ и въ дѣйствіяхъ по комитету Благодѣтельнаго общества, онъ твердо стоялъ на исторической почвѣ. Онъ составилъ „Начертаніе о преобразованіи духовныхъ училищъ", которое митрополитъ Амвросій представилъ въ 1805 году Государю Императору, вслѣдствіе чего состоялся высочайшій указъ 29-го ноября 1807 года, которымъ повелѣно было учредить комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ.

Труды Евгенія по устройству духовныхъ училищъ удостоились высочайшаго одобренія и всемилостивѣйше были награждены сопричисленіемъ его къ кавалерамъ ордена св. Анны 1-й степени.

Подробное и обстоятельное изложеніе того, въ чемъ именно состояли эти преобразованія и въ какомъ они находятся отношеніи къ нынѣ предпринятымъ реформамъ по учебной части духовнаго вѣдомства, а также указаніе и оцѣнка заслугъ ученаго іерарха, оказанныхъ имъ этому дѣлу, должны составить задачу особаго спеціальнаго изслѣдованія и не могутъ быть предметомъ настоящихъ замѣтокъ [1]).

---

[1]) Впрочемъ, дальше мы приводимъ его воззрѣнія на важность классическаго образованія для православнаго духовенства.

Безъ сомнѣнія, трудъ этотъ, совершенный Евгеніемъ слишкомъ за полвѣка, для своего времени былъ трудомъ замѣчательнымъ.

За симъ, Евгеній, викарій Новгородскій, имѣлъ случай оказать еще новую услугу, на которую митрополитъ Амвросій признавалъ нужнымъ обратить вниманіе св. синода.

Поводъ къ тому былъ слѣдующій. Въ Екатеринославской губерніи въ 1791 году появилась духоборческая ересь; въ 1803 г. оттуда были присланы въ Александро-Невскую лавру два тамошнихъ духоборца для изслѣдованія сущности ихъ лжеученій и для увѣщанія. Обличеніе и увѣщаніе ихъ поручено было Евгенію, вслѣдствіе чего было имъ составлено: „Изслѣдованіе исповѣданія духоборческой секты". Изслѣдованіе это и веденные съ этими духоборцами переговоры, приложенные къ самому сочиненію, были представлены преосвященнымъ Амвросіемъ въ 1806 году на благоусмотрѣніе св. синода. Эти любопытные документы находятся нынѣ въ архивѣ св. синода и въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

Въ 1811 и 1813 годахъ, Евгеній обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, и имя его дѣлается извѣстнымъ всей Россіи по поводу двухъ сочиненій, вызванныхъ слѣдующими случаями.

По высочайшему повелѣнію было поручено Евгенію, бывшему уже въ то время Вологодскимъ епископомъ, написать пастырское увѣщаніе о прививаніи предохранительной коровьей оспы. Увѣщаніе это было напечатано въ 1811 году въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ 4-ю долю листа съ объяснительными къ нему примѣчаніями и разослано по всѣмъ россійскимъ церквамъ, съ предписаніемъ читать народу ежегодно по три раза; даже въ 1829 и 1845 году признано было нужнымъ напечатать сокращеніе его, которое было опять разослано по церквамъ.

Освобожденіе Россіи отъ нашествія Наполеона съ союзниками вызвало преосвященнаго Евгенія сказать трогательно-назидательное слово [1]) къ своей Калужской паствѣ, въ которомъ понесенныя испытанія при этомъ нашествіи проповѣдникъ относилъ къ карѣ за недостатокъ теплоты вѣры.

---

[1]) Слово на день торжественнаго воспоминанія и Господу Богу благодаренія о пораженіи враговъ отечества и о прогнаніи ихъ изъ предѣловъ Калужской губерніи, проповѣданное въ Калужской Іоанно-Предтеченской церкви октября 12-го 1813 года. Оно тогда же было напечатано въ Москвѣ въ 4-ю долю листа, и перепечатано въ 1814 году въ С.-Петербургскомъ журналѣ: *Сынъ Отечества* и въ Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій 1822 года; вошло и въ собраніе поучительныхъ словъ митр. Евгенія. Кіевъ. 1834 г., въ IV ч.,

По порядку времени Евгеній, уже какъ архіепископъ Псковскій, является государственнымъ дѣятелемъ на такомъ поприщѣ, которое, казалось бы, было совсѣмъ ему чуждо; но для этого пастыря, обладавшаго запасомъ самыхъ разнородныхъ познаній, ни одна наука не могла быть чуждою.

Въ дѣлахъ архива бывшей коммиссіи составленія законовъ сохранились слѣды участія Евгенія въ ея занятіяхъ.

Оцѣнка трудовъ преосвященнаго Евгенія по части отечественнаго законодательства должна быть предметомъ особаго изслѣдованія, а въ настоящее время считаемъ не лишнимъ сообщить къ свѣдѣнію письмо свѣтлѣйшаго князя Лопухина къ Евгенію, архіепископу Псковскому, съ отвѣтомъ на оное. Вотъ эти письма.

I.

Ваше высокопреосвященство,

милостивый государь мой!

Коммиссія составленія законовъ, получа доставленныя вашимъ высокопреосвященствомъ свѣдѣнія о Кормчей книгѣ, нашла оныя не только ей нужными, но совершенно полезными, и потому позвольте принести вашему высокопреосвященству чувствительную благодарность за трудъ, принятый вами на себя.

Зная готовность вашего высокопреосвященства оказывать услуги отечеству, по обширнымъ познаніямъ вашимъ въ отечественной исторіи и церковномъ правѣ осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не оставить снабжать коммиссію и впредь столь полезными бумагами и удостоить ее чести принятіемъ на себя званія почетнаго корреспондента.

Ожидая на сіе благосклоннаго отвѣта вашего, испрашиваю архипастырскаго вашего благословенія и съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

(Подп.) Князь Петръ Лопухинъ.

29-го января 1818 года.

II.

Сіятельнѣйшій князь,

милостивый государь!

Почтительнѣйшее отношеніе вашей свѣтлости, отъ 29-го января подъ № 7, съ предложеніемъ мнѣ титла почетнаго корреспондента коммиссіи составленія законовъ, имѣлъ я честь получить. Пріемля удостоеніе сіе за особенный знакъ благоволенія ко мнѣ вашей свѣтлости, приношу чувствительнѣйшую мою благодарность. Если я имѣлъ случай заслужить оное краткимъ моимъ замѣчаніемъ о славянской Кормчей книгѣ, то сіе самое убѣдитъ меня еще прилежнѣе заняться изслѣдованіемъ сего и другихъ подобныхъ сему предметовъ для коммиссіи, дабы тѣмъ оправдать предложенное мнѣ титло коррес-

пондента оной, а паче дабы тѣмъ болѣе заслужить милостивое вниманіе вашей свѣтлости и всегда съ готовностію быть при отличномъ высокопочитаніи и совершенной преданности

вашей свѣтлости

милостивѣйшаго государя

всепокорнѣйшимъ слугою

(Подп.) Евгеній, архіепископъ Псковскій.

5-го февраля 1818 года.

Дипломъ на званіе почетнаго корреспондента коммиссіи слѣдующаго содержанія:

Коммиссія составленія законовъ Имперіи Россійской, торжественно изъявляя уваженіе свое къ извѣстнымъ познаніямъ въ юриспруденціи и законодательствѣ, а особливо въ греко-россійскомъ каноническомъ правѣ, преосвященнаго Евгенія, архіепископа Псковскаго, Курляндскаго, Эстляндскаго и кавалера, приняла его, на основаніи Высочайше утвержденнаго постановленія, почетнымъ членомъ сей коммиссіи. Въ увѣреніе чего дано сіе въ С.-Петербургѣ, за подписаніемъ главноуправляющаго коммиссіею, съ приложеніемъ печати. Февраля 13-го дня 1818. № 21.

(Подп.) Князь Петръ Лопухинъ.

Эти данныя, почерпнутыя изъ архива бывшей коммиссіи составленія законовъ, объясняютъ отношенія Евгенія къ ней, а явившееся въ печати „Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ", соч. барона Г. Розенкампфа, изданное Обществомъ Исторіи и Древностей при Московскомъ университетѣ, невольно наводитъ на мысль, что въ составленіи этого обозрѣнія Евгеній принималъ самое дѣятельное участіе.

Второе изданіе этого „Обозрѣнія Кормчей книги", со многими перемѣнами и дополненіями, явилось уже по смерти барона Розенкампфа стараніями В. Г. Анастасевича въ С.-Петербургѣ, въ 1839 году.

По сдѣланнымъ мною въ типографіи Академіи Наукъ справкамъ оказалось, что оно напечатано всего въ ста экземплярахъ, а по засвидѣтельствованію г. Терещенки[1]), это второе *изданіе совершено на иждивеніе митрополита Евгенія,* но также уже послѣ его кончины.

Сочиненіе это, по всей справедливости, должно бы носить имя Евгенія какъ настоящаго сочинителя; но ученый іерархъ, по свойственной ему скромности, не желалъ быть главнымъ дѣятелемъ. Вотъ причина, почему и другія его историко-юридическія статьи остались не подписанными его именемъ, и только изъ недавно напечатанной соб-

[1]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ. С.-Петербургъ. 1837.

ственной его автобіографіи, находящейся въ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, мы узнаемъ, что въ Новомъ памятникѣ законовъ Россійской Имперіи, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1825 году, иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова, помѣщены капитальныя статьи, составленныя митрополитомъ Евгеніемъ[1]).

Что же касается 2-го изданія „Обозрѣнія Кормчей книги", оставшагося не пристроеннымъ при жизни двухъ лицъ заинтересованныхъ въ, Евгенія и барона Розенкампфа, то оно, по небрежности Анастасевича издателя, почти все погибло, за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ, спасенныхъ мною отъ истребленія.

О случившемся несчастіи съ этимъ важнымъ для нашего церковнаго законодательства памятникомъ подробно мною писано въ другомъ мѣстѣ[2]).

Въ числѣ ученыхъ учрежденій и обществъ, пользовавшихся многосторонними познаніями достославнаго архипастыря для своихъ научныхъ цѣлей, и статистическое отдѣленіе (нынѣ статистическій центральный комитетъ) министерства внутреннихъ дѣлъ, 12-го декабря 1835 года, сочло для себя честью принять въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ и митрополита Евгенія, какъ это значится въ собственноручной его автобіографіи.

Очень вѣроятно, что въ архивѣ бывшаго статистическаго отдѣленія находятся дѣла, изъ которыхъ можетъ обнаружиться, въ какой степени важно было участіе нашего ученаго іерарха въ трудахъ этого отдѣленія.

Въ подтвержденіе этого предположенія, привожу здѣсь изъ переписки ученаго архипастыря съ академикомъ Кеппеномъ одно письмо, изъ котораго можно убѣдиться, что и въ вопросахъ этнографическихъ ученые того времени не обходились безъ его дѣятельнаго содѣйствія или совѣта. Вотъ это письмо митрополита Евгенія.

---

[1]) *Историческое обозрѣніе россійскаго законоположенія отъ древнѣйшихъ временъ до 1824 года*, сообщенное издателю однимъ почтеннѣйшимъ изъ нашихъ археологовъ, съ присовокупленіемъ свѣдѣній: 1) о *старинныхъ Московскихъ приказахъ*, существовавшихъ до временъ Петра Великаго; 2) *о старинныхъ чинахъ въ Россіи*, о коихъ упоминается въ Русской Правдѣ великаго князя Владиміра, изд. въ 6504 (996) году, Судебникѣ царя Іоанна Васильевича 7058 (1550) и Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 7157 (1649) и 3) о *прежде бывшихъ въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ*.

[2]) См. мою статью подъ заглавіемъ: „Судьба Кормчей книги", въ *Библіотекѣ*, 1867 г., № 15—16.

Милостивый государь мой,
Петръ Ивановичъ!

Покорно благодаренъ вамъ за письмо, отъ 15-го сентября, и за посылку В. Г. Анастасевича. Они дошли до меня въ цѣлости 21-го сентября, но я замедлилъ отвѣчать вамъ, потому что былъ въ отлучкѣ изъ дому на нѣсколько дней.

Исторія ваша объ Ольвіи по Кенигсбергскимъ (!) идеямъ будетъ еще любопытнѣе, нежели по Геродоту, Страбону и Діогену Лаэрцію. Но для насъ чѣмъ чуднѣе, тѣмъ лучше. Исторія безъ прикрасъ обыкновенно тоща.

Вы спрашиваете меня, какъ бы опредѣлить число разныхъ россійскихъ нарѣчій? Я никогда не занимался симъ изслѣдованіемъ, и потому навѣрно ничего отвѣчать вамъ не могу. Но по случаю вашего вопроса, первая мысль у меня родилась о слѣдующемъ раздѣленіи по историческимъ документамъ.

1) Послѣ церковно-славянскаго діалекта (который я почитаю болгароморавскимъ, а не сербскимъ, какъ другіе), я полагалъ самымъ древнимъ у насъ діалектомъ *новгородскій,* оставшійся въ Русской Правдѣ, Новгородской лѣтописи, въ Новгородскихъ граматахъ. Онъ былъ общій по всей сѣверной полосѣ отъ Пскова до Устюга и даже нынѣ сходенъ. Новгородскія колоніи занесли его въ Ярославль и въ Кострому, и на Вятку, и въ Нижегородъ, и въ Казань, и въ Симбирскъ, и въ Тобольскъ, и въ нѣкоторые сѣверные сибирскіе уѣзды. Тамъ до сего времени вездѣ отзывается Новгородское *о* и многія собственно Новгородскія слова.

2) Діалектъ *кіевскій,* коимъ писалъ Несторъ, не походитъ уже ни на Русскую Правду, ни на Новгородскія лѣтописи, ни на собственно церковный языкъ.

3) *Владиміро-суздальскій,* съ перенесеніемъ столицы во Владиміръ измѣнившійся и произведшій нынѣшній языкъ *московскій, рязанскій, тульскій, калужскій* и всей средней полосы Россійской Имперіи. Отличительная черта сего діалекта та, что онъ Новгородское *о* превратилъ въ *а.*

4) *Бѣлорусскій,* съ XIV вѣка образовавшійся въ Полотскѣ (sic) и въ Смоленскѣ изъ смѣшенія славяно-русскаго языка съ польскимъ и литовскимъ по причинѣ завладѣнія Смоленска и Полотска Литовскими великими князьями. Но начало сего языка старѣе въ Литвѣ у поселившихся тамъ Славено-Руссовъ.

5) *Кіево-малороссійскій* со времени завладѣнія Польскихъ королей по обѣ стороны Днѣпра изъ смѣси польскаго языка съ русскимъ образовавшійся и съ выходцами оттуда распространившійся по губерніямъ Курской, Орловской, Харьковской и Воронежской. Но донскіе казаки говорятъ московскимъ или владимірско-суздальскимъ языкомъ съ малою примѣсью малороссійскихъ словъ.

Вотъ вамъ мое мнѣніе о русскихъ діалектахъ, вашимъ же вопросомъ во мнѣ рожденное. Если вамъ не полюбится, спорить не стану.

Кстати еще примолвлю мое замѣчаніе о *кривическомъ* діалектѣ, если хотите по Аделунгову раздѣленію и его считать. Онъ должень быть не особенный какой, а *новгородской,* ибо, по всей вѣроятности, и Новгородцы поглотили Кривичей, изъ Пруссіи и Литвы пришедшихъ къ Полотску, Смоленску и Пскову и отсюда уже далѣе простершихся къ озеру Ильменю. Сходство

псковскаго діалекта съ новгородскимъ сіе подтверждаетъ донынѣ, Смоляне частію склоняются къ московскому, а Полочане больше къ польско-литовскому.

Желая вамъ добраго здоровья и успѣха въ ученыхъ трудахъ, есмь всегда преданный вашъ

Е. А. П.

Октября 1-го дня 1820 года.
Псковъ.

На отдѣльной запискѣ, приложенной къ письму, рукою Кеппена сдѣлана слѣдующая замѣтка: „На просьбу мою о дозволеніи издать мнѣніе о русскихъ нарѣчіяхъ митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) отвѣтствовалъ 17-го декабря 1820 года:

„На просьбу вашу объ изданіи моего письма относительно русскихъ діалектовъ и даже о сообщеніи съ онаго копіи вашимъ друзьямъ я не могу согласиться. Помните, я писалъ вамъ (ибо копіи съ письма у себя не оставилъ), что я никогда не занимался симъ розысканіемъ и написалъ вамъ только первую встрѣтившуюся мнѣ мысль, въ которой и самъ не увѣренъ. А на необдуманныя мнѣнія легко могутъ появиться обдуманныя возраженія. Совсѣмъ другое дѣло писать для друзей, нежели писать для публики. Итакъ, поберегите меня или пришлите мнѣ мое письмо, либо копію съ онаго, дабы я могъ на досугѣ обдумать, даже передумать сей предметъ [1])".

Ученость и патріотизмъ Евгенія были на столько извѣстны Императору Александру I, что при открывшейся вакансіи, назначая Евгенія, по собственному выбору, на Кіевскую митрополію, въ рескриптѣ своемъ монархъ выразилъ надежду, что знаменитая нѣкогда Кіевская академія достигнетъ подъ его руководствомъ цѣли ей предположенной и что просвѣщенная его опытность и ученіе въ духѣ вѣры принесутъ пользу церкви и отечеству.

И дѣйствительно митрополитъ Евгеній для этихъ высокихъ цѣлей не только не щадилъ трудовъ, какъ усердный дѣятель-пастырь церкви, но не задумавшись, выказалъ полную готовность принесть самую жизнь свою въ жертву долгу вѣрноподданства.

Случай къ тому представился именно утромъ 14-го декабря 1825 г. Въ то время, когда сенатская площадь наполнялась нестройными рядами нижнихъ чиновъ, увлеченныхъ обманомъ къ неповиновенію законному Государю, назначено было въ Зимнемъ дворцѣ торжественное молебствіе, для котораго и пріѣхали митрополиты С.-Петербургскій Серафимъ и Кіевскій Евгеній (жившій здѣсь на чредѣ священнослу-

---

[1]) Письмо это въ подлинникѣ находится въ рукописной книгѣ *Кеппена*, озаглавленной: *Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ* и хранящейся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

женія). Молодой Государь послалъ іерарховъ на площадь уговаривать заблудшихъ. Выѣхали они къ войску. Народъ окружилъ владыкъ, умоляя ихъ не идти на явную опасность, такъ какъ не задолго передъ тѣмъ былъ смертельно раненъ храбрый Милорадовичъ. Но архипастыри, ставя долгъ выше самосохраненія, не вняли такимъ предостереженіямъ. За С.-Петербургскимъ митрополитомъ слѣдовалъ Евгеній съ иподіаконами. При видѣ архипастырей, шествовавшихъ подъ сѣнію креста, солдаты стали было креститься, а нѣкоторые даже и прикладывались ко св. кресту. Пользуясь такимъ настроеніемъ нижнихъ чиновъ, митрополиты, призывая Бога въ свидѣтеля истины словъ своихъ, объясняли настоящее положеніе дѣла о престолонаслѣдіи и успѣли поколебать многихъ. Видя это, предводители мятежа распорядились ударить въ барабаны, чтобы заглушить слова архипастырей, грозя притомъ стрѣлять по нимъ. Надъ головами митрополитовъ скрестились шпаги. У митрополита Евгенія во время этой смуты со святительскаго облаченію сорвали палицу. На успѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ къ убѣжденію, при такой очевидной опасности, уже нельзя было разчитывать; потому оба митрополита и удалились къ забору Исакіевской церкви, откуда уже возвратились во дворецъ.

За этотъ подвигъ гражданской доблести митрополитъ Евгеній былъ удостоенъ слѣдующимъ рескриптомъ:

Преосвященный митрополитъ Кіевскій Евгеній!

Обращая вниманіе мое на служеніе ваше церкви, престолу и отечеству, для котораго вы подвизались нынѣ въ 14-й день декабря, когда подвергая жизнь свою опасности, раздѣляли оную вмѣстѣ съ преосвященнымъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ Серафимомъ, справедливымъ почитаю изъявить вамъ за то мою признательность. Въ ознаменованіе оной жалую вамъ украшенную драгоцѣнными камнями панагію. Пребываю вамъ доброжелательнымъ и проч.

Свидѣтель тяжелой катастрофы, разразившейся въ первый день царствованія Николая I, митрополитъ Евгеній имѣлъ счастіе привѣтствовать Императора рѣчью въ день коронованія и удостоился получить орденъ св. Андрея Первозваннаго (22-го августа 1826 года).

Событія политическія не отвлекали, впрочемъ, надолго ученаго іерарха отъ любимыхъ занятій наукою. Простой перечень ученыхъ обществъ и учрежденій [1]), которыя наперерывъ избирали преосвящен-

---

[1]) Евгеній избранъ былъ:

Въ 1805 году почетнымъ членомъ Московскаго университета.
» 1806 » дѣйствител. » Россійской Академіи;

нѣйшаго Евгенія въ свои члены, служитъ лучшимъ доказательствомъ того уваженія, которымъ пользовались его ученые труды.

Бывъ еще въ *Воронежѣ* въ 1800 году, онъ составилъ историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи собранное имъ изъ исторіи, архивныхъ записокъ и сказаній. Сочиненіе это посвящено было имъ Императору Павлу. Изъ заявленія редактора *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*[2]) извѣстно, что тамъ приготовляется 2-е изданіе этого сочиненія, которое и по сіе время не утратило своего интереса.

Ко времени пребыванія Евгенія въ столицѣ, кромѣ указанныхъ уже выше историческихъ его трудовъ, совершенныхъ по порученію высшей власти, нужно отнести составленное имъ „Историческое изображеніе Грузіи въ политическомъ, церковномъ и учебномъ ея состояніи съ присовокупленіемъ описанія разныхъ ордынскихъ народовъ окружающихъ Грузію, и родословныхъ таблицъ князей трехъ грузинскихъ царствъ Кахетинскаго, Карталинскаго и Имеретинскаго". Спб. 1802 г. 8°.

Въ 1808 году почетнымъ членомъ С.-Петербургской медико-хирург. академіи.
» 1810 » » » С.-Петербургскаго общества любит. наукъ словесности и художествъ.

Въ 1811 году — почетнымъ членомъ и соревнователемъ С.-Петербургской бесѣды любителей русскаго слова.

Въ 1813 году почетнымъ членомъ Общества исторіи и русскихъ древностей при Московскомъ университетѣ.

Въ 1814 году членомъ С.-Петербургской духовной академіи.
» 1815 » » Московскаго общества врачебн. и физическихъ наукъ.
» 1816 » » Казанскаго общества любителей отечественной словесности при университетѣ.

Въ 1817 году членомъ Харьковскаго и Казанскаго университетовъ.
» » » » С.-Петербургскаго вольнаго общества любителей русской словесности.

Въ 1818 году членомъ Коммиссіи составленія законовъ.
» 1822 » » Виленскаго университета.
» 1823 » » Кіевской духовной академіи.
» 1826 » почетн. членомъ Академіи Наукъ.
» 1827 » » докторомъ философіи Дерптскаго университета.
» 1829 » » членомъ С.-Петербургскаго университета.
» 1834 » членомъ королевскаго Копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ.

Въ 1835 году корреспондентомъ статистическаго отдѣленія совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Часть неофиціальная, № 18, 1862 г.

Трудъ этотъ, заслужившій лестный отзывъ Шлёцера и переведенный на нѣмецкій языкъ [1]), по важности содержанія былъ посвященъ отъ имени Александро-Невской академіи Александру I.

Любопытное и подробное изложеніе въ этомъ сочиненіи неизвѣстныхъ фактовъ возбудило въ русскомъ обществѣ сильное желаніе ближе ознакомиться съ Грузіей, которая въ 1801 году окончательно была присоединена къ Россійской Имперіи. Само даже правительство нуждалось въ подобномъ сочиненіи и было благодарно автору за доставленіе точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о новопріобрѣтенной области. Свѣдѣнія эти, почерпнутыя Евгеніемъ изъ письменныхъ источниковъ и устныхъ разказовъ грузинскихъ посланниковъ и депутатовъ, находившихся тогда въ столицѣ, дѣйствительно возбуждали сильный интересъ.

Къ трудамъ первыхъ годовъ пребыванія въ Петербургѣ Евгенія, еще въ званіи архимандрита, нужно отнести замѣчательное его сочиненіе подъ заглавіемъ: „Церковный календарь или полный мѣсяцесловъ съ означеніемъ всего, что въ какіе дни въ православной церкви совершается, съ присовокупленіемъ разныхъ статей до Россійской іерархіи касающихся и историческаго словаря Россійскихъ государей, императоровъ, императрицъ, царей, царицъ, великихъ князей, княгинь и княженъ, въ память коихъ установлены въ церкви соборныя панихиды, и съ мѣсяцесловомъ панихидъ“, напечатанное въ Москвѣ 1803 года въ 12-ю долю листа, а новое полнѣйшее изданіе въ Кіевѣ въ 1832 году въ 8-ю долю листа, подъ названіемъ: *Кіевскій мѣсяцесловъ*.

Этотъ календарь, какъ видимъ, занималъ нашего ученаго іерарха съ 1803 по 1832 годъ; почти 30 лѣтъ думалъ онъ о томъ, какъ бы составить святцы въ такомъ видѣ, какъ онъ понималъ. Заботливость свою объ этомъ предметѣ онъ выразилъ чистосердечно въ задушевномъ письмѣ, отъ 24-го сентября 1824 года, къ Кеппену, котораго вполнѣ признавалъ способнымъ и довольно приготовленнымъ къ составленію святцевъ.

Взглядъ митрополита Евгенія на этотъ предметъ не утратилъ и въ настоящее время своего значенія, и потому многіе съ любопыт-

---

[1]) Въ 1803 году Геттингенскій профессоръ Августъ-Лудв. фонъ-Шлёцеръ въ *Ученыхъ Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ*, 12-го марта, отд. 42, статья 4-я, помѣстилъ обстоятельное критическое разсмотрѣніе этой книги съ похвалою, а Фридрихъ Шмидтъ того же года перевелъ ее на нѣмецкій языкъ и напечаталъ въ Ригѣ и Лейпцигѣ 1804 г. въ 8-ю д. л.

ствомъ прочтутъ слѣдующія его строки относительно календаря, обращенныя къ Кеппену:

М. Г. мой, Петръ Ивановичъ! Получилъ я и три оттиска вашей Краинской славянщизны XI вѣка и послѣ того письмо ваше отъ 26-го августа, а канцлеръ (графъ Н. П. Румянцевъ) и свои листки прислалъ было мнѣ для просмотрѣнія, но я ему возвратилъ. Это любопытная ваша находка, но гораздо еще любопытнѣе для меня нетерпѣніе ваше не только переписать сію краинщину славянскими буквами (что и нужно), но даже и правописаніемъ Остромирова Евангелія! Къ чему это надобно, когда и подлинникъ написанъ не Остромировымъ языкомъ? Въ XI вѣкѣ на Западѣ истребляли уже и славянскія книги и славянскія письмена, посему-то и хартія сія писана латинскими буквами, а у Краинцевъ вѣрно тогда и языкъ былъ съ отличіями уже отъ Новгородскаго.

Вы займитесь еще и названіями славянскихъ мѣсяцевъ. Не извѣстно ли вамъ напечатанное уже о томъ же розысканіе покойнаго графа Мусина-Пушкина? Его напечатали только 50 экземпляровъ.

Еще хотите заняться и сравнительными святцами. Дѣло весьма любопытное, и я не вижу въ семъ никакихъ затрудненій, ни препятствій, ни опасеній негодованія нашего духовенства. Сколько мнѣ случалось видѣть старинныхъ на пергаментѣ Евангелій и Апостоловъ, я замѣтилъ въ святцахъ их слѣдующее:

1) Имена святыхъ не на всѣ мѣсяца дни, а только на нѣкоторые и въ нѣкоторыхъ очень мало. Тоже и праздники не всѣ, ибо нѣкоторые и у Грековъ введены уже въ позднія времена.

2) Есть въ русскихъ святцахъ и лишніе предъ греческими праздники, напримѣръ, перенесеніе мощей св. Николая 9-го мая и Покровъ Богородицы 1-го октября, коихъ и донынѣ нѣтъ въ греческихъ святцахъ.

3) Есть святые въ русскихъ святцахъ, показанные не въ тѣ числа, въ какія въ греческихъ, напримѣръ, день Екатерины 24-го ноября, а у Грековъ донынѣ 25-го ноября.

4) Въ греческихъ святцахъ нѣтъ и донынѣ никакихъ русскихъ святыхъ, но всѣ изъ греческихъ святцевъ приняты у насъ уже въ позднія времена. Сколько мнѣ извѣстно, полные славянскіе святцы со святыми на всѣ дни напечатаны при Славянскомъ часословѣ Святополка Фіоля въ Краковѣ 1491 года.

5) Въ древнѣйшихъ при Евангеліяхъ и Апостолахъ святцахъ мною замѣчены только два русскихъ святыхъ Борисъ и Глѣбъ. Въ послѣдовавшихъ появляются Θеодосій и Антоній Печерскіе, потомъ Ольга и Владиміръ, болѣе русскихъ я не помню. Въ древнѣйшихъ же славянскихъ прологахъ описаны только житія четырехъ нашихъ святыхъ, то-есть, Бориса и Глѣба, Θеодосія Печерскаго и Владиміра, но нѣтъ ни Ольги, ни Антонія. Всѣ прочіе русскіе святые приняты въ наши мѣсяцесловы уже при митрополитѣ Макаріѣ соборомъ Московскимъ 1547 года. Тогда предписано было по всей Россіи представить на сей соборъ описанія житія и чудесъ всѣхъ по Россіи почитаемыхъ святыхъ и коихъ успѣли архіереи и монастырскіе настоятели представить, тѣ и утверждены соборомъ, а опоздавшимъ отъ Макарія позволено

праздновать память прочихъ русскихъ святыхъ только въ своемъ мѣстѣ. Послѣ этого по разнымъ уже временамъ нѣкоторые святые были признаваемы и вносимы въ святцы. Но общихъ соборовъ о святцахъ уже не было. Въ недавнія времена сборщики славянскихъ святцевъ вставили въ нихъ всякихъ не только изъ Московскихъ соборныхъ святцевъ, Кіевскихъ прологовъ, Четій Миней и мѣстныхъ оглашеній; но въ Харьковѣ недавно изданы святцы со вставкою и сербскихъ и прочихъ задунайскихъ не признанныхъ даже нашею церковью. Это сдѣлано безъ вѣдома синода и церковной нашей цензуры, а за цензурою самого университета и посвящено князю Голицыну. Московскіе святцы не принимаютъ даже многихъ и Кіевскихъ святыхъ. Для сличенія нашихъ святцевъ съ греческими и другими вамъ нужно имѣть Assemanni Kalendaria ecclesiae universae, Romae 1755, 6 vol. in 4°, а для нашихъ русскихъ святыхъ изданный въ Москвѣ 1784 г. и заглянуть въ 1-й томъ Исторіи Россійской іерархіи отъ стр. 277, а также и собрать всѣ у насъ изданные такъ-называемые *полные мѣсяцесловы*. Сводъ сей сдѣлаетъ вамъ честь, и поелику онъ будетъ только историческій, то и не можетъ быть ни съ какой стороны осужденъ. Надобно также достать вамъ святцы и молдавскіе и болгарскіе и сербскіе и карпатскіе и другіе гдѣ исповѣдуется греческая вѣра.

Вотъ вамъ мое мнѣніе. Потрудитесь для чести своей и пользы нашей словесности, а я призываю на трудъ вашъ благословеніе Божіе.

Вашъ искренній слуга Е.

Заслуги Евгенія, какъ профессора и префекта Александро-Невской духовной академіи, безъ сомнѣнія, вызовутъ кого-нибудь изъ профессоровъ ея къ составленію спеціальнаго труда, который представитъ достойную характеристику педагогической его дѣятельности.

Что древняя классическая литература была любимымъ предметомъ его занятій въ этомъ высшемъ духовномъ разсадникѣ, доказательствомъ тому можетъ служить легкость и свобода, съ какою Евгеній излагалъ свои мысли на латинскомъ языкѣ. Сохранившаяся его переписка съ академикомъ Френомъ еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что онъ принадлежалъ къ первымъ латинистамъ своего времени. Если бы сочиненія его, написанныя на латинскомъ языкѣ и сохранившіяся въ рукописи [1]), были изданы, то справедливость этихъ словъ еще болѣе подтвердилась бы.

Въ бытность свою въ Новгородѣ, этомъ, такъ-сказать, средоточіи источниковъ для изученія древностей сѣвера Россіи, Евгеній направлялъ умы студентовъ мѣстной семинаріи къ разработкѣ отечествен-

[1]) De ideis innatis perperam admissis (1800); De existentia spirituum ex ratione facile demonstranda (1801); De libris symbolicis Ecclesiae Russicae (1802); Трактатъ о папской власти и др.

ной исторіи, и бесѣды его съ его питомцами навели его на мысль объ „Историческихъ разговорахъ о древностяхъ великаго Новгорода", гдѣ второй собесѣдникъ—онъ самъ, руководитель юности въ области далекаго прошлаго. Разговоры эти и теперь могутъ возбуждать удивленіе обширностью выказанной въ нихъ Евгеніемъ учености. Можно легко представить себѣ, чѣмъ они были для своего времени въ самую пору появленія ихъ въ свѣтъ.

Съ каѳедры Старорусской судьба послала Евгенія въ отдаленную Вологду, гдѣ занявшись мѣстными древностями, онъ первый обратилъ вниманіе на изученіе бытовой стороны Зырянъ, посвятивъ этому изученію довольно много времени. Изслѣдованія о Зырянахъ не отвлекли однако преосвященнаго отъ обычнаго направленія его трудовъ, въ которыхъ занимала всегда первое мѣсто исторія самой церкви. Написанная имъ на мѣстѣ обстоятельная исторія Вологодской епархіи, рукопись которой хранится въ библіотекѣ Вологодскаго каѳедральнаго собора, обличаетъ въ ученомъ историкѣ и ревностнаго духовнаго пастыря.

Точно также въ новомъ мѣстѣ своего служенія послѣ Вологды [1]), въ Калугѣ, онъ началъ свои ученые труды съ мѣстныхъ историческихъ монографій, которыя печаталъ большею частію въ *Вѣстникѣ Европы* и другихъ періодическихъ изданіяхъ [2]).

Во Псковѣ, кромѣ составленія исторіи Псковскаго княжества, неутомимый архипастырь не оставилъ безъ вниманія древности города Изборска, издавъ отысканную имъ же лѣтопись. Рядомъ съ этими трудами, идетъ у Евгенія своимъ чередомъ еще описаніе монастырей Псковской епархіи, о которыхъ любопытныя монографіи напечатаны имъ въ Дерптѣ. Наконецъ, не менѣе интересныя свѣдѣнія о рукописяхъ, хранящихся въ Псковской Печерской обители, преосвященный сообщилъ въ то же время профессору Дерптскаго университета Клоссіусу, предпринявшему путешествіе по Россіи для спеціальнаго осмотра

---

[1]) Суровость Вологодскаго климата вредно дѣйствовала на слабое здоровье Евгенія, что и заставило его обратиться къ Бантышъ-Каменскому, другу и покровителю, который просилъ митрополита Амвросія о переводѣ Евгенія поближе къ Москвѣ или на югъ, такъ какъ долѣе онъ не могъ оставаться въ Вологдѣ. Вслѣдствіе этого ходатайства мы видимъ Евгенія въ Калугѣ.

[2]) Библіографическій указатель сочиненій, переводовъ и журнальныхъ статей митрополита Евгенія приготовляется составителемъ настоящихъ замѣтокъ, почему здѣсь заключается только указаніе на главнѣйшіе труды его.

монастырскихъ библіотекъ и отысканія въ нихъ рукописей, относящихся къ римскому праву [1]).

Ко времени пребыванія Евгенія во Псковѣ относятся слѣдующіе документы, свидѣтельствующіе, что онъ былъ усерднымъ распространителемъ изданій Библейскаго общества и разумнымъ розыскателемъ раскольниковъ. Вотъ эти документы на имя рижскаго священника Стефана:

Пречестнѣйшій отецъ іерей Стефанъ!

Прошлаго ноября мѣсяца препоручилъ я консисторіи разослать по духовнымъ правленіямъ, а чрезъ правленія и ко всѣмъ благочиннымъ, пастырское мое приглашеніе и увѣщаніе къ духовенству о прилежномъ чтеніи и пріобрѣтеніи собственныхъ Библій. Причины и убѣжденія довольно изъяснены въ томъ приглашеніи. Но поелику успѣхъ сего приглашенія не мало можетъ зависѣть отъ искусства и усердія тѣхъ, коимъ поручалъ я оное, а изъ благочинныхъ иные могутъ оказаться къ сему не весьма достаточными, то особенно вамъ ввѣряю съ приглашеніемъ симъ объѣхать всѣхъ вѣдомства вашего духовнаго правленія уѣздныхъ благочинныхъ и съ каждымъ благочиннымъ всѣ подвѣдомственныя ему церкви. Обратите наипаче вниманіе и убѣжденіе ваше на послѣдніе два пункта моего приглашенія, то-есть, на снабдѣніе священниковъ и діаконовъ собственными Библіями, а причетниковъ хотя Новыми Завѣтами, и на испрошеніе доброхотныхъ подаяній въ пользу неимущихъ, разумѣя подъ симъ именемъ болѣе мірянъ, нежели церковниковъ, изъ коихъ каждый безъ сомнѣнія въ состояніи купить самъ хотя Новый Завѣтъ. А полная для нихъ Библія будетъ церковная. По положенію Россійскаго Библейскаго общества тотъ, кто сдѣлаетъ единовременное въ пользу неимущихъ таковыхъ пожертвованіе, признается благотворителемъ, а кто подпишется ежегодно что-нибудь жертвовать,—членомъ Библейскаго общества, а имена всѣхъ ихъ печатаются ежегодно въ отчетахъ сего общества. Сіе поставьте въ виду подателямъ для убѣжденія ихъ. Всякое подаяніе отъ духовныхъ и мірянъ, хотя бы и малое, должны вы принимать съ собственноручною ихъ запискою въ особую приготовленную тетрадь, а желающихъ купить Библію или одинъ Новый Завѣтъ въ другую тетрадь, въ третью же тѣхъ бѣдныхъ, кои усердно желаютъ имѣть Библію или Новый Завѣтъ, но не могутъ сами купить. Всѣ сіи тетради вы доставьте ко мнѣ чрезъ правленіе подлинникомъ, а собранныя подаяніемъ деньги представьте правленію для храненія впредь до повелѣнія. Къ подаянію на неимущихъ убѣждайте всякаго состоянія людей, а духовныхъ наипаче. Ибо такое пожертвованіе будетъ служить доказательствомъ ихъ усердія о спасеніи Христова стада и ревности къ распространенію проповѣдуемаго ими слова Божія; прочимъ же послужитъ убѣдительнѣй-

[1]) Этотъ извѣстный юристъ подалъ примѣръ, достойный подражанія, и обнародовалъ результаты своего путешествія въ изданномъ имъ сочиненіи подъ заглавіемъ *De vetustis nonnullis membranis in bibliothecis Rossicis aliisque vicinis extantibus promulsio. Dorpati. 1827 fol.*

щимъ примѣромъ. А съ вашей стороны чѣмъ успѣшнѣе и скорѣе будетъ исполненіе сего вамъ препорученія, тѣмъ въ бо́льшую поставится вамъ заслугу и въ право къ полученію отличій по службѣ вашей. Я надѣюсь на ваше собственное усердіе къ распространенію слова Божія и ревность по благочестію, призывая на васъ и въ семъ трудѣ вашемъ, благословеніе Божіе.

(Подп.) Евгеній архіепископъ Псковскій.

№ 69.
20-го декабря 1816 года.
г. Псковъ.

Сверхъ библейскаго препорученія еще ввѣряю вамъ по секрету при объѣздѣ по всѣмъ церквамъ въ благочиніяхъ развѣдать и замѣтить, *въ какихъ селеніяхъ находятся раскольники? сколько ихъ числомъ? какой они секты? и въ какомъ ученіи состоитъ каждая изъ сихъ сектъ?* Такія свѣдѣнія должны вы собрать скромно, ни мало же показывая никакихъ открытыхъ слѣдствій, и даже не употреблять никакихъ на то письменныхъ обрядовъ, дабы самимъ раскольникамъ не подать и вида къ подозрѣнію, что о нихъ дѣлаютъ справки и никому изъ стороннихъ, ниже самимъ благочиннымъ и приходскимъ священникамъ, не открывать сего даннаго вамъ порученія, а только черезъ нихъ вывѣдать. По собраніи всѣхъ таковыхъ свѣдѣній доставить оныя ко мнѣ при собственноручномъ вашемъ рапортѣ, никому также не открываясь.

Въ руководство для распознанія главнѣйшихъ по Россіи раскольническихъ сектъ, предлагаю вамъ слѣдующія замѣчанія:

Главныя секты раскольничьи суть: 1) поповщина, 2) безпоповщина, 3) духоборцы.

1) Поповщины имѣютъ священниковъ, иные открытыхъ, данныхъ имъ по указу святѣйшаго синода, а иные скрытныхъ и по большей части бѣглыхъ; признаютъ и пріемлютъ отъ нихъ всѣ церковныя таинства; молятся либо въ своихъ церквахъ, либо въ частныхъ; богослуженіе совершаютъ по старопечатнымъ книгамъ; кланяются только стариннымъ иконамъ; крестятся двумя персты; обращающихся къ нимъ перемазываютъ мvромъ и проч.

2) Безпоповщины не признаютъ и не пріемлютъ ни священства, ни таинствъ церковныхъ, и говорятъ, что нѣтъ уже церкви на землѣ, а богослуженіе у нихъ совершаютъ въ своихъ домахъ или въ часовняхъ мужики и дѣвки; обращающихся къ нимъ перекрещиваютъ; молятся и крестятся, какъ вышепомянутые.

3) *Духоборцы*, иначе называемые *молоканы, скопцы* и *іудействующіе*, не пріемлютъ никакихъ наружныхъ и видимыхъ обрядовъ, ни иконъ, ни церквей, ни богослужебныхъ книгъ, ни постовъ, ни праздниковъ; не крестятся рукою; ѣдятъ всегда молоко; всѣхъ считаютъ себѣ равными; вмѣсто моленія сходятся только въ домы на пѣніе нѣкоторыхъ стиховъ изъ псалмовъ и прочихъ ими самими сочиненныхъ. Въ сихъ сходбищахъ кружатся и пророчествуютъ; скопятъ мужчинъ и женщинъ; всю вѣру и самого Христа толкуютъ только духовно, а все видимое въ вѣрѣ считаютъ за ничто и проч.

Примѣняясь къ сему раздѣленію, можно будетъ замѣтить и другія различія въ ихъ толкахъ, которыя должно описать обстоятельно.

Если есть какія секты раскольниковъ и въ городахъ, то опишите и ихъ и число ихъ послѣдователей, а такъ же и наставниковъ ихъ. [1])

Е. А. П.

Многосторонняя дѣятельность во Псковѣ была достойнымъ переходомъ къ заключительному эпилогу въ жизни Евгенія—Кіевской митрополіи.

Въ Кіевѣ, этой матери русскихъ городовъ, маститый старецъ-изслѣдователь не могъ не найдти обильной пищи своей любознательности. Ему принадлежитъ самая мысль о возобновленіи древнѣйшаго памятника на нашей почвѣ—Десятинной церкви, построенной Равноапостольнымъ Владиміромъ вслѣдъ за принятіемъ русскимъ народомъ вѣры Спасителя. При взглядѣ на этотъ возстановленный памятникъ отдаленной древности нельзя не обратиться къ памяти Евгенія съ благодарнымъ воспоминаніемъ о совершенномъ имъ, можно сказать, патріотическомъ дѣлѣ. Стараніями его былъ не только вызванъ изъ столицы спеціалистъ-архитекторъ (Ефимовъ), открывшій фундаментъ Десятинной церкви, но подъ его же наблюденіемъ на древнемъ основаніи довершенъ и новый храмъ щедротами Императора Николая I. Проницательный глазъ археолога-святителя указалъ еще и остатки стѣнъ древняго Кіева съ развалинами Золотыхъ воротъ Ярослава I и остатки церкви св. Ирины, также Ярославова времени.

Говоря о Кіевѣ, П. П. Свиньинъ (издатель прежнихъ *Отечественныхъ Записокъ*), въ своемъ извлеченіи изъ археологическаго путешествія по Россіи въ 1825 году, сообщилъ слѣдующую не лишенную интереса замѣтку, по отношенію къ митрополиту Евгенію [2]):

„Прекрасный храмъ Андрея Первозваннаго, достойный памятникъ знаменитаго событія и великолѣпія дщери Петровой, стараніями преосвященнаго Евгенія скоро приведенъ будетъ въ первобытную лѣпоту свою. Преосвященный испросилъ на сіе 27 т. р. Да проститъ меня почтенный владыка, облекающій всѣ свои дѣянія покровомъ скромности, если я замѣчу при семъ, что въ продолженіе краткаго своего управленія Кіевскою епархіей онъ успѣлъ сдѣлать чрезвычайно много для блага церкви, науки и всѣхъ вообще заведеній. Въ лаврѣ при соборѣ, при академіи имъ выстроены большія зданія, во

---

[1]) Эти два документа доставлены мнѣ изъ Пскова тамошнимъ археологомъ А. С. Князевымъ. Вмѣстѣ съ симъ отъ него же получена мною переписка Евгенія, уже Кіевскаго митрополита, съ намѣстникомъ Кіевопечерской лавры Серафимомъ, въ которой заключается весьма много интересныхъ подробностей, касающихся административной дѣятельности покойнаго іерарха, по поводу пребыванія его въ Петербургѣ на чредѣ служенія въ св. синодѣ въ 1825 году.

[2]) *Труды Общества Исторіи и Древностей* при Московскомъ университетѣ. Ч. III, кн. I, стр. 200.

многихъ церквахъ устроены многіе теплые придѣлы, на сихъ дняхъ издано описаніе Кіево-Софійскаго собора, и собираются матеріалы для описанія лавры" [1]).

Самый важный памятникъ трудовъ и заслугъ, такъ-сказать, вѣнецъ славы покойнаго архипастыря составляютъ два его словаря, которые положили прочное и твердое основаніе исторіи славяно-русской письменности и открыли передъ глазами современниковъ Евгенія богатство ея сокровищъ. Это 1) *Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви.* 2 ч. Спб. 1818 г. 8°. Второе изданіе, исправленное и умноженное, появилось иждивеніемъ Ивана Глазунова въ 1827 г. въ 2 томахъ съ присовокупленіемъ, въ концѣ 2-го тома, трехъ списковъ писателей: азбучнаго, хронологическаго и перечневаго. Словарь этотъ, въ переводѣ на нѣмецкомъ языкѣ Штраля, съ прибавленіями изданъ подъ заглавіемъ: Das gelehrte Russland. Leipz. 1828 г. 8°. 2) *Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей,* соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ о Россіи, служащій дополненіемъ къ предыдущему, въ рукописи былъ переданъ митрополитомъ Евгеніемъ не задолго до его кончины бывшему профессору Московскаго университета И. М. Снегиреву [2]) и симъ послѣднимъ дополненъ біографіями многихъ лицъ и изданъ въ Москвѣ въ 1838 году въ одномъ томѣ отъ буквы А до Г.

---

[1]) Замѣтка Савиьина оканчивается указаніемъ видѣннаго имъ въ семинарской библіотекѣ драгоцѣннаго рисунка Звании, подареннаго преосвященному Евгенію самимъ Державинымъ съ слѣдующею своеручною надписью:

«На память твоего, Евгеній, посѣщенья
«Усадьбы маленькой изображенъ здѣсь видъ.
«Горацій какъ бывалъ Меценомъ въ восхищенье,
«Такъ былъ обрадованъ тобой мурза піитъ.
Іюля 22-го 1807 г. Державинъ.

Собственноручный отвѣтъ преосвященнаго заключался также въ четверостишіи:

Средь сихъ болотъ и ржавинъ
Съ безсмертныхъ эхомъ вѣчныхъ скалъ
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ Державинъ.

[2]) Въ письмѣ къ г. Снегиреву отъ 8-го іюля 1831 г. вотъ что митрополитъ Евгеній пишетъ изъ Кіева: «Всѣ свои записки о свѣтскихъ русскихъ писателяхъ пришлю я, ввѣряя ихъ вамъ, какъ другу, а у меня по смерти все пропадетъ». Въ другомъ письмѣ къ нему же отъ 1-го августа 1836 года, митрополитъ Евгеній пишетъ: «При изданіи вами словаря не упоминайте о моемъ имени; журналисты и публика сами вспомнятъ обо мнѣ, а по смерти моей, какъ хотятъ».

Къ стыду нашему, изданіе это не встрѣтило себѣ поддержки въ русскихъ дѣятеляхъ. По этому случаю Бантышъ-Каменскій, авторъ „Словаря достопамятныхъ людей русской земли“, справедливо въ немъ замѣчаетъ: „Читатели наши, къ сожалѣнію, предпочитаютъ романы и „сказки полезнымъ сочиненіямъ. Книга эта, которая должна бы слу„жить необходимою принадлежностью всѣхъ желающихъ знать оте„чественную литературу, долго оставалась изданною только по ли„теру Д, потому что никто ея не покупалъ!!!!“ [1]).

По поводу изданія этого словаря Снегиревымъ, извѣстный рѣзкостію своихъ критическихъ взглядовъ и самъ отличавшійся, даже по мнѣнію недоброжелателей, разнообразіемъ и обширностью познаній О. И. Сенковскій о достоинствахъ и заслугахъ Евгенія высказалъ мнѣніе, заслуживающее того, чтобы здѣсь его повторить [2]).

„Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“ не можетъ не возбуждать участія въ сердцѣ каждаго Русскаго; для него трудился знаменитый и къ сожалѣнію уже покойный преосвященный Евгеній. Кому не дорога, не священна память достойнаго архипастыря, благороднаго и умнаго человѣка, усерднаго ревнителя просвѣщенія, превосходнаго литератора и безспорно ученѣйшаго сына православной Руси, каковъ былъ Евгеній! Напрасно искали бы мы между его и нашими современниками другаго русскаго человѣка основательнѣе ученаго и истиннѣе просвѣщеннаго. *Евгеній дѣйствительно принадлежалъ къ числу первыхъ ученыхъ въ Европѣ.* Такіе люди до сихъ поръ выходятъ у насъ изъ однихъ только духовныхъ училищъ, и они обыкновенно остаются въ духовномъ званіи, которое представляетъ имъ болѣе удобствъ къ мирнымъ умственнымъ занятіямъ, нежели всякое другое. Духовныя училища имѣли всегда у насъ важное преимущество передъ всѣми прочими: умственное образованіе опирается тамъ на свое настоящее основаніе—древніе языки, классическихъ писателей, то-есть, писателей Аѳинъ и Рима, и оттого если мы имѣли и имѣемъ настоящихъ ученыхъ по какимъ-либо отраслямъ знанія, то мы рѣшительно обязаны ими духовному воспитанію; почти всѣ они вышли изъ семинарій, гдѣ, подъ усердными и способными учителями, сперва напитались классическими познаніями. Безъ древнихъ языковъ, безъ изученія твореній великой эпохи цивилизаціи человѣчества отъ Перикла до Августа, нѣтъ ни истинной учености, ни прочной образованности,—нѣтъ того, что́ называютъ *humanitas*. Умъ вашъ не долженъ и не можетъ отдѣляться отъ доблестныхъ предковъ своихъ, умовъ, украсившихъ собою ту эпоху; понятія ихъ должны непремѣнно перелиться въ вашу голову и придти въ ней въ соприкосновеніе съ нынѣшними идеями;

---

[1]) Рукопись эта потомъ перешла къ М. П. Погодину и имъ напечатана въ Москвѣ, въ 1845 году, въ 2-хъ частяхъ. Въ настоящее время она хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда поступила вмѣстѣ съ Погодинскимъ древлехранилищемъ, пріобрѣтеннымъ щедротами Императора Николая I за 150 т. руб. для отечественнаго книгохранилища.

[2]) *Библ. для Чтенія* 1838 г., т. 26, Отд. критики.

они — ваше законное наслѣдство, ваше родовое имѣніе, и лишаясь его поверхностнымъ или отрывочнымъ воспитаніемъ, вы добровольно обрекаете умъ свой нищетѣ; вы заставляете его блуждать во тьмѣ, велите ему начинать не съ начала или головы ума человѣческаго, а съ конца, съ какой-нибудь точки, близкой къ хвосту его. Рѣшаясь на разрывъ съ умственностью прошедшаго, новѣйшій человѣкъ превращается въ родъ обученнаго дикаря, который пришелъ изъ степи въ древній и просвѣщенный городъ и перенялъ въ немъ кое-что наружное, не зная ни мыслей, ни чувствованій его просвѣщенныхъ жителей; онъ—дикій Европеецъ девятнадцатаго вѣка. Къ несчастію, такихъ дикихъ Европейцевъ развелись теперь цѣлыя толпы. Не говорите, что Шекспиры, Мильтоны, Шиллеры замѣнятъ вамъ писателей классическаго міра: вы не понимаете, да и не въ состояніи понимать ни Шекспира, ни Мильтона, ни Шиллера, ни людей ихъ вѣка, ни рода ихъ ума, если не изучали писателей этого міра, потому что и Шекспиръ и Шиллеръ и всѣ великіе умы новѣйшихъ временъ учились мыслить и чувствовать по ихъ твореніямъ. *Зная французскій или англійскій или другой новѣйшій языкъ, вы ничего еще не знаете.* Я не говорю уже о томъ, что вы производите, не изучивъ древнихъ и не связавъ въ умѣ своемъ понятій первыхъ временъ образованности и вкуса съ понятіями временъ послѣднихъ: вы ничего не произведете великаго или что произведете, будетъ грубо и непрочно. Я знаю, что не смотря на это, производили и производятъ, вовсе не заботясь о томъ, что было и какъ было. Скажу болѣе: случались даже творцы русскихъ грамматикъ, которые не знали ни одного слова по латыни, то-есть, языка, изъ котораго проистекаютъ всѣ грамматическія понятія новѣйшей Европы. Да надолго ли они трудились? Все рушилось и надобно созидать вновь. Такъ ли дѣлаютъ въ Англіи, Германіи, Франціи, Италіи, Швеціи, Даніи, вездѣ, гдѣ господствуетъ прочная и наслѣдственная образованность? Нѣтъ, тамъ древніе языки и древнія литературы составляютъ угловой камень всякаго воспитанія. Въ Англіи нельзя о человѣкѣ, обнаруживающемъ притязаніе на просвѣщенную образованность, сдѣлать болѣе обиднаго замѣчанія, какъ сказавъ — he is not scholar, „онъ не воспитанъ школьнымъ образомъ", то-есть, онъ не знаетъ древнихъ языковъ, онъ не читаетъ ни по-гречески, ни по-латыни: на такого человѣка смотрятъ тамъ, даже въ свѣтскомъ быту, какъ на полудикаго. За то посмотрите, какой великолѣпной литературы достигли эти люди! У Французовъ также тотъ не почитается даже „тщательно воспитаннымъ", кто чуждъ латинскому языку и его литературѣ, и однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ событій, какими на пользу Россіи ознаменовалось блистательное царствованіе Николая Перваго, должно безспорно признать счастливый переворотъ, совершившійся недавно въ нашемъ публичномъ воспитаніи, и который нынѣшнее министерство просвѣщенія развиваетъ съ усердіемъ и разборчивостію: мы говоримъ о обращеніи, или лучше сказать, возвращеніи системы народнаго воспитанія русскаго юношества къ классическому обученію, къ языкамъ и литературамъ древняго міра, къ источнику и началу, откуда проистекло все умственное образованіе. Это — великій шагъ къ истинному просвѣщенію русскаго народа, шагъ, котораго важность еще не всѣ понимаютъ въ публикѣ. Между тѣмъ то, что теперь происходитъ въ свѣтскихъ училищахъ, что про-

свѣтило и продолжаетъ просвѣщать Англію, Германію и другія давно образованныя государства, это самое всегда существовало, и даже въ высокой степени было развито, въ русскихъ духовныхъ училищахъ. Этимъ только обстоятельствомъ и можно объяснить явленіе въ Россіи такихъ ученыхъ, каковъ былъ покойный митрополитъ Евгеній и какими мы часто видѣли и видимъ и другихъ достойныхъ пастырей нашей церкви или ихъ отличныхъ воспитанниковъ. Исключая немногихъ молодыхъ ученыхъ, которые образовались въ послѣднее время въ нашихъ или заграничныхъ университетахъ и то съ нарочною цѣлію называться „учеными", одни только они у насъ и читаютъ греческихъ и латинскихъ писателей. Вообще благородный языкъ латинскій знакомъ нашему духовенству какъ свой отечественный. Иностранцы не могутъ оцѣнить, а мы даже и не примѣчаемъ прекрасной черты, дѣлающей величайшую честь нашему духовенству: оно имѣло всѣ нравственныя и религіозныя причины чувствовать отвращеніе къ латинскому языку, языку другой церкви, соперницы и наступательницы, и между тѣмъ видя, что безъ этого языка нельзя достигнуть до истиннаго образованія, оно великодушно пожертвовало,—и въ какое время!—справедливыми своими предубѣжденіями; оно первое приняло его въ основаніе воспитанія сыновъ и служителей православной греко-россійской церкви и первое наконецъ произвело своимъ вліяніемъ то, что и свѣтскія наши училища, разстроенныя утилитарною системою и разстроившія ею успѣшный ходъ гражданскаго просвѣщенія въ отечествѣ, возвратились къ классическому воспитанію юношества, основанному на древнихъ языкахъ".

За 30 лѣтъ до Сенковскаго во „Введеніи къ плану объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ", составленному, какъ намъ уже извѣстно, Евгеніемъ, епископомъ Старорусскимъ, вотъ что мы читаемъ по этому предмету:

„Въ началѣ минувшаго столѣтія общая система просвѣщенія въ Европѣ основана была на учености. Но въ срединѣ сего столѣтія понятія о просвѣщеніи начали колебаться. Примѣръ нѣкоторыхъ славныхъ писателей, духъ новизны и общее расположеніе умовъ къ перемѣнамъ заставили искать новыхъ путей Лестно казалось лѣности и самолюбію, безъ труда и изысканій, блистать легкою словесностію и вмѣсто того, чтобы углубляться въ одной какой-либо части, обнимать поверхностно множество предметовъ. Умы основательные и твердые, отдѣляясь отъ сей толпы, удалились въ путь изысканій математическихъ и физическихъ. Такимъ образомъ поле учености мало по малу пустѣло. При сей перемѣнѣ общаго мнѣнія, Англія и нѣкоторые университеты нѣмецкіе одни удержали прежнія ихъ установленія.

„Можетъ-быть, дѣйствительно полезно было, при настоящемъ расширеніи просвѣщенія, отсѣчь вѣтви слишкомъ устарѣвшія, отнимавшія слишкомъ много времени и для образованія общаго народнаго смысла почти безполезныя. Но при всемъ томъ, кажется, неоспоримо, что если ученость не можетъ быть предметомъ общаго народнаго просвѣщенія, то должно однако же оставить ей въ каждомъ народѣ нѣкоторое твердое пристанище; въ каждомъ народѣ должны быть установленія, ее покровительствующія и особенно ею занимаю-

щіяся. Такимъ образомъ изящныя науки (belles lettres), подкрѣпляясь ученостію, будутъ основательнѣе, а ученость, украшаясь изящными науками, будетъ полезнѣе.

„Извѣстно, что въ Англіи, Германіи и въ прежней Франціи духовенство имѣло нарочитый степень учености. Въ Оксфордскомъ университетѣ и нынѣ еще знаніе древнихъ языковъ составляетъ главнѣйшій предметъ. Греческій и латинскій языкъ, не только въ университетахъ, но и въ низшихъ училищахъ пріемлется и по нынѣ основаніемъ словесности.

Для чего бы и въ Россіи духовенству не дать въ особенный удѣлъ сію часть просвѣщенія? *Греческій языкъ особливо долженъ занимать, между прочими познаніями, важное мѣсто. Все призываетъ духовенство наше къ сему познанію — и начало нашей церкви и разумѣніе священныхъ книгъ, невозможное почти безъ знанія греческаго языка, съ коего они не переведены, но такъ-сказать сняты, и собственный нашъ языкъ, образованный совершенно по-гречeскому — все дѣлаетъ изученіе сего языка для духовныхъ нашихъ не только полезнымъ, но совершенно необходимымъ и даже предпочтительнымъ предъ изученіемъ языка латинскаго. Можно быть увѣреннымъ, что отъ сего вообще и система народнаго просвѣщенія получила бы болѣе твердости и силы.* Словесность наша, нынѣ (1807) пресмыкающаяся, такъ-сказать по слѣдамъ французскихъ и другихъ иностранныхъ писателей, можетъ-быть получила бы отъ сего собственный свой характеръ. Красоты самаго обильнѣйшаго и прекраснѣйшаго языка въ свѣтѣ перешли бы сами собою въ нашъ языкъ, древнимъ родствомъ и всѣми отношеніями уже съ нимъ сопряженный. Самая трудность ученыхъ изысканій лучше бы раскрыла въ нашихъ писателяхъ мыслящія ихъ силы, цѣпенѣющія теперь въ одномъ непрерывномъ подражаніи. Изысканія сіи привели бы ихъ къ самымъ тѣмъ источникамъ, изъ коихъ образцы ихъ почерпали свои богатства, а отъ нихъ тогда зависѣло бы не подражать имъ, но съ ними поровняться".

Эти слова самого Евгенія, позаимственныя изъ его плана для духовныхъ училищъ, составленнаго 60 лѣтъ тому назадъ, и выше приведенное мнѣніе О. И. Сенковскаго, высказанное имъ 30 лѣтъ тому назадъ въ воздаяніе заслугъ митрополита Евгенія, оказанныхъ имъ отечественной литературѣ глубокимъ знаніемъ древнихъ языковъ, служатъ краснорѣчивымъ объясненіемъ, почему и въ настоящее время одною изъ главнѣйшихъ задачъ министерства народнаго просвѣщенія должно быть введеніе настоящей классической системы въ нашихъ гимназіяхъ, безъ чего онѣ не будутъ въ состояніи подготовлять полезныхъ дѣятелей для науки и литературы.

Не только современники Евгенія, какъ Сенковскій, но и теперешніе ученые отдаютъ полную справедливость огромной его заслугѣ, оказанной отечественной литературѣ собраніемъ матеріаловъ для словаря русскихъ писателей.

Словарь этотъ, составляя какъ бы краеугольный камень для всѣхъ изслѣдованій, вполнѣ заслуживаетъ втораго изданія съ дополненіями

по рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ трудѣ академикъ Пекарскій[1]).

„Можно смѣло сказать, что изъ тогдашнихъ русскихъ ученыхъ одинъ только митрополитъ Евгеній былъ въ состояніи предпринять подобный трудъ, который требовалъ и огромной начитанности и близкаго знакомства съ самыми разнообразными матеріалами, въ тѣ времена далеко еще не совсѣмъ извѣстными. Прибавимъ, что безпристрастіе и уваженіе къ наукѣ не дозволяли митрополиту Евгенію слѣдовать примѣру тѣхъ ученыхъ, которые, избравъ для своихъ занятій одно или два столѣтія, считаютъ себя въ правѣ смотрѣть свысока на все, что̀ не касается этихъ столѣтій. Поэтому авторъ словаря съ одинаковою внимательностью и съ равнымъ усердіемъ собиралъ, напримѣръ, извѣстія о первомъ русскомъ лѣтописцѣ и о Ѳеофилактѣ, экзархѣ и митрополитѣ Грузіи, печатавшемъ свои труды лѣтъ за десять до выхода въ свѣтъ словаря. Митрополитъ Евгеній, сколько до сихъ поръ извѣстно, не имѣлъ у себя пособниковъ, и не смотря на то, успѣлъ исправить и дополнить свой трудъ, который вышелъ въ свѣтъ вторично въ 1827 году. Съ тѣхъ поръ словарь сдѣлался *краеугольнымъ камнемъ* для всѣхъ почти изслѣдованій по части нашей духовной литературы. Въ послѣдствіи, при болѣе внимательныхъ розысканіяхъ, а также при большей доступности разнородныхъ матеріаловъ, стали въ немъ открываться, какъ слѣдовало ожидать въ такомъ обширномъ трудѣ, недостатки, неполноты и т. п.; но при всемъ томъ нерѣдко можно замѣтить, что многіе изъ порицателей и покровителей митрополита Евгенія пользовались и пользуются, если можно выразиться такъ, канвою, заготовленною этимъ достойнымъ ученымъ. Благодаря митрополиту Евгенію, предпріятіе новаго сборника свѣдѣній о жизни и сочиненіяхъ русскихъ писателей, не могло уже представлять тѣхъ трудностей, которыя онъ непремѣнно долженъ былъ встрѣчать“.

Преемникъ митрополита Евгенія по каѳедрѣ, покойный высокопреосвященный Филаретъ, основываясь на бывшихъ ему доступныхъ офиціальныхъ источникахъ, точность и достовѣрность которыхъ заподозрить нельзя, объ управленіи Евгенія епархіею вотъ что̀ заявляетъ: „Административные труды Евгенія остались незабвенными въ памяти современниковъ и потомства“.

Къ этому отзыву покойный преосвященный счелъ нужнымъ прибавить, что къ крайнему сожалѣнію, доселѣ не было обращено надлежащаго вниманія на собственно епархіальную сторону дѣятельности Евгенія. Между тѣмъ и самыя дѣла, имъ совершенныя, и свидѣтельства современниковъ указываютъ положительно, что достославный іерархъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ изъ своихъ собратій, которые, предавшись исключительно ученымъ занятіямъ, всѣ дѣла по управленію епархіями ввѣряли приближеннымъ къ себѣ лицамъ, чрезъ что̀

[1]) *Записки Импер. Академіи Наукъ*. Спб. 1863, т. IV, кн. I, стр. 88—89.

происходили злоупотребленія и вызывались сильныя нареканія. Зоркій глазъ Евгенія видѣлъ всюду, и умѣньемъ своимъ во-время распорядиться, онъ прекращалъ тутъ же неизбѣжные вездѣ и всегда безпорядки.

Въ этомъ отношеніи собраніе собственноручныхъ резолюцій преосвященнаго Евгенія на докладахъ по управленію имъ епархіями послужило бы драгоцѣннымъ пособіемъ для будущаго его біографа, показывая въ настоящемъ свѣтѣ его жизнь и текущую дѣятельность по администраціи. Къ сожалѣнію, такого рода матеріалы, если не всегда, то въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, еще недоступны, скрываясь въ архивахъ консисторскихъ. Остается ожидать времени, когда начальства этихъ архивовъ признаютъ возможнымъ сообщать въ издаваемыхъ уже при многихъ епископскихъ каѳедрахъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ интересные документы для исторіи мѣстной церкви и іерархіи. Тогда, безъ сомнѣнія, дойдетъ очередь и до распоряженій преосвященнаго Евгенія по управленію паствою, безъ уясненія которыхъ біографія его, какъ іерарха-администратора, будетъ неполною.

Впрочемъ, починъ печатанія матеріаловъ изъ консисторскихъ архивовъ для исторіи мѣстныхъ церквей нынѣ уже сдѣланъ: въ *Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* помѣщаются интересныя по этому предмету замѣтки. Въ Воронежѣ архивъ консисторскій столь уже доступенъ, что редакторъ *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* еще въ 1860 году заявилъ объ отысканіи въ немъ актовъ и документовъ, которые дополнятъ изданное Евгеніемъ: „Описаніе Воронежской губерніи“, о чемъ было сказано выше.

Здѣсь позволю себѣ еще сдѣлать замѣтку о томъ, что для оцѣнки глубокихъ историческихъ свѣдѣній митрополита Евгенія и его критической способности, а также и чрезвычайной мѣткости въ разрѣшеніи многихъ историко-археологическихъ вопросовъ, весьма важный матеріалъ представляютъ собственноручныя его замѣтки на поляхъ читанныхъ книгъ. Нѣкоторыя изъ его критическихъ замѣтокъ, сохранившіяся на поляхъ Россійской исторіи Татищева, напечатаны въ журналѣ *Маякъ* за 1843 годъ.

Какъ извѣстно, часть огромной библіотеки митрополита Евгенія, по его духовному завѣщанію, поступила въ библіотеку Кіевской семинаріи, гдѣ и находится эта исторія Татищева; но и въ Новгородской, и Вологодской, и Калужской и Псковской семинаріяхъ есть также книги, бывшія въ его рукахъ, и вѣроятно, носящія слѣды его замѣтокъ. Собраніе этихъ замѣтокъ и напечатаніе хотя бы въ томъ видѣ,

какъ это сдѣлано редакціей *Маяка*, на первый разъ было бы достаточно, а составить къ нимъ объясненія это дѣло уже спеціалистовъ. Смѣю обратить вниманіе на календари, бывшіе у преосвященнаго: изъ нихъ-то по отмѣткамъ можно извлечь самый богатый матеріалъ для данныхъ, столь необходимыхъ для біографа, а безъ этого матеріала будемъ писать по догадкамъ, и часто повторять одинъ за другимъ ошибки предшественниковъ.

Весьма важенъ отзывъ Филарета Кіевскаго не только объ административной, но и объ ученой дѣятельности митрополита Евгенія [1]).

„Нельзя не удивляться тому, говоритъ преосвященный, какое множество перебралъ онъ старинныхъ рукописей, актовъ и книгъ, какимъ обладалъ трудолюбіемъ и ученостію. Если нѣкоторыя изъ его историческихъ сочиненій не имѣютъ надлежащей отдѣлки, то надо вспомнить, какого огромнаго труда и времени требовалось на то одно, чтобъ отыскать, собрать и перечитать все давно забытое отъ времени. Но какъ бы то ни было, митрополитъ Евгеній собралъ и оставилъ богатѣйшій матеріалъ не только для церковной русской исторіи, но и вообще для исторіи русской литературы".

За отзывомъ преемника Евгенія, Филарета, считаемъ нелишнимъ привести отзывъ М. П. Погодина.

„Вотъ былъ человѣкъ, говоритъ Погодинъ [2]), который не могъ пробыть ни одного дня безъ того, чтобы не ознаменовать его трудами на пользу исторіи. Новгородъ, Вологду, Калугу, Псковъ и Кіевъ онъ награждалъ плодами своей неутомимой дѣятельности. Это былъ одинъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда-либо существовали. Съ собою не бралъ онъ ни откуда ничего. Гдѣ что̀ собралъ, тамъ то и оставилъ, приведя въ порядокъ, перемѣтивъ, означивъ, откуда что̀ и ка̀къ взято. Это былъ русскій Миллеръ. Замѣчу еще одну особенность въ его умѣ и характерѣ: необыкновенная попечительность, безъ примѣси малѣйшей идеальности. Это былъ какой-то статистъ исторіи. Онъ, кажется, даже не жалѣлъ, если гдѣ чего ему недоставало въ исторіи; для него было это какъ будто всѐ равно. Что̀ есть — хорошо, а чего нѣтъ — нечего о томъ думать. Никакихъ разсужденій".

На послѣднюю особенность трудовъ митрополита Евгенія еще подробнѣе указываетъ преосвященный Филаретъ Черниговскій (недавно умершій), въ своемъ „Обзорѣ русской духовной литературы".

„При взглядѣ на такое множество разныхъ историческихъ сочиненій, очевидно, говоритъ онъ, что митрополитъ Евгеній владѣлъ обширными историческими познаніями. Но при первомъ обзорѣ каждаго изъ этихъ сочиненій видно и то, что у него никогда не было систематическаго взгляда на явленія

---

[1]) *Временникъ* за 1854 г.

[2]) *Москвитянинъ*, 1842 г.

въ исторіи: вы видите кучу фактовъ историческихъ, но не соединенныхъ никакою общею мыслью, не оживленныхъ чувствомъ и душею; факты набросаны безъ различія важнаго отъ пустаго, безъ вниманія даже къ тому, что въ ряду ихъ недостаетъ тамъ и здѣсь событій, служившихъ переходомъ отъ одного къ другому событію; причинъ и слѣдствій событій не увидите; они нигдѣ не показываются, развѣ какъ-нибудь случайно попадутся на глаза".

Менѣе рѣзко и болѣе безпристрастно судитъ о заслугахъ Евгенія профессоръ Кіевской духовной академіи, протоіерей Ѳаворовъ.

„Историческія сочиненія его [1]), говоритъ онъ, конечно, не всѣ одинаковой важности; но между ними нѣтъ ни одного, которое не имѣло бы никакого значенія для науки. Всѣ они составлены по первымъ источникамъ, съ рѣдкою добросовѣстностью, безъ всякаго притязанія сочинителя на какую-нибудь славу въ ученомъ мірѣ, въ однихъ интересахъ самого дѣла. Что касается важнѣйшихъ изъ нихъ, то они безспорно принадлежатъ къ капитальнымъ произведеніямъ по разработкѣ отечественной исторіи. Таковы, напримѣръ, *Исторія Русской іерархіи*, въ которой собрано множество свѣдѣній, важныхъ не только для русской исторіи, но и для русскаго законовѣдѣнія, статистики и пр.; *два словаря русскихъ писателей*, остающіеся доселѣ почти единственнымъ въ этомъ родѣ произведеніемъ въ нашей литературѣ, для которой однакожь подобныя произведенія не могутъ считаться излишними, и *Описаніе Кіево-Софійскаго собора*, содержащее въ себѣ почти всю исторію нашего края, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ чертахъ ея. Если сравнительно немногіе знакомы съ ихъ содержаніемъ или даже съ самыми заглавіями, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ свойства самаго содержанія ихъ, потому что подобныя книги считаются у насъ спеціальными, а часто и отъ образа изложенія ихъ, потому что сочиненія преосвященнаго Евгенія вообще не отличаются литературнымъ блескомъ, а тѣмъ болѣе чисто-ученыя его изслѣдованія. Но люди, занимающіеся разработкою отечественной исторіи, или по крайней мѣрѣ, съ живымъ участіемъ слѣдящіе за этимъ дѣломъ, не могутъ не сознавать значенія трудовъ покойнаго митрополита. Правда, онъ не произвелъ какого-нибудь рѣзкаго переворота въ исторической наукѣ, не проложилъ новаго пути къ разработкѣ ея памятниковъ, не создалъ какой-нибудь новой эпохи въ исторической литературѣ нашей; но за то онъ сдѣлалъ огромный вкладъ въ сокровищницу этой литературы, который навсегда останется въ числѣ существенныхъ ея пріобрѣтеній и никогда не утратитъ своего значенія.

„Вопреки мнѣнію, продолжаетъ Ѳаворовъ, отрицающему высокую цѣнность подобныхъ трудовъ научныхъ, такъ какъ они будто бы производятся безъ всякаго сознанія ими цѣли и не проникаемые живою мыслью, имѣютъ свойство черныхъ работъ въ области науки, намъ довольно замѣтить здѣсь, что вся дѣятельность преосвященнаго Евгенія запечатлѣна такою *мыслію, которая должна составлять душу исторіи вообще*. Если цѣль исторіи — открыть подлинную связь прошедшаго съ настоящимъ, уяснить причины, ускоряющія или замедляющія успѣхи внѣшняго и внутренняго благоустройства общества, и такимъ образомъ знаніемъ прошедшаго освѣтить настоящее и указать пра-

[1]) Рѣчь. *Труды Кіев. Дух. Акад.* Сентябрь 1867 г.

вильный путь дѣятельности для будущаго, то преосвященный Евгеній, занимаясь историческими изслѣдованіями, достойно служилъ исторической наукѣ. Въ изученіи прошедшаго онъ именно видѣлъ необходимое условіе правильнаго дѣйствованія въ настоящемъ, и потому нѣкоторыя историческія монографіи его написаны были прямо съ этою практическою цѣлію. Вообще онъ весьма ясно понималъ отношеніе частныхъ работъ въ исторической области къ цѣльной исторіи и съ полнымъ сознаніемъ дѣла занимался такими работами, почитая, кажется, еще преждевременнымъ составленіе полной систематической исторіи Россіи".

Что же касается до недостаточной обработки слога, то не слѣдуетъ упускать изъ вида одного очень важнаго обстоятельства. Высокопреосвященный Евгеній, развлекаемый множествомъ дѣлъ, и по управленію епархіями, и по обширной перепискѣ, веденной имъ, можно сказать безъ преувеличенія, почти со всѣми учеными его времени, имѣлъ мало досуга для тщательной обработки своихъ произведеній. Сверхъ того любознательность архипастыря не позволяла ему миновать ни одного доступнаго архива, ни монастырскаго, ни гражданскаго, безъ того чтобы не осмотрѣть его и не узнать содержанія актовъ, относящихся до исторіи. Къ тому же выбиралъ ученый пастырь для своихъ изысканій все такіе предметы, за которые едва-ли бы кто другой скоро взялся. Часто онъ бралъ на себя трудъ разбора ветхихъ, едва понятныхъ рукописей, стараясь пролить на нихъ должный свѣтъ и извлечь изъ забвенія заброшенное и забытое, и все это дѣлалъ для того только, чтобы облегчить въ послѣдствіи другимъ путь къ розысканіямъ и созданію отечественной исторіи.

Когда тутъ было заботиться, по справедливому замѣчанію г. Асkоченскаго [1]), о щеголеватой отдѣлкѣ предметовъ, требовавшихъ огромнаго труда и времени только на то, чтобы собрать и перечитать все до нихъ касающееся, когда матеріалы, представляемые просто такъ, какъ они попадались подъ руку генія старины, сами по себѣ полезны и необходимы! Много пройдетъ времени, говоритъ историкъ Кіевской академіи, пока отечественная исторія наша дождется такого усерднаго дѣятеля на ея необозримомъ полѣ, каковъ былъ митр. Евгеній!

Но посвящая свободныя минуты на розысканія историческія и библіографическія, на отвѣты вслѣдствіе заявляемыхъ отовсюду требованій объ указаніи матеріаловъ — какъ это окажется по напечатаніи всѣхъ уцѣлѣвшихъ писемъ Евгенія — высокопреосвященный не забывалъ и своей прямой обязанности по долгу пастыря и учителя церкви. Когда былъ въ силахъ, онъ дѣятельно и усердно занимался проповѣды-

[1]) Исторія Кіев. Дух. Акад. Спб. 1863. стр. 166.

ваніемъ слова Божія. Неоспоримымъ тому доказательствомъ служатъ четыре большихъ тома поученій его, изданныхъ въ Кіевѣ въ 1834 году.

Покойный протоіерей Іоаннъ Скворцовъ въ надгробномъ словѣ митрополиту Евгенію вотъ какъ выразился, между прочимъ, о его поученіяхъ [1]).

„Въ свое время архипастырь нашъ былъ витіею и наставникомъ витійства знаменитымъ, и употребляя даръ сей всегда въ назиданіе другимъ, силою его защищалъ и утверждалъ истины вѣры и благочестія и дѣйствовалъ противъ лжи и заблужденій. Есть ли состояніе и званіе, которому не преподано имъ пастырскаго наставленія въ его поучительныхъ словахъ и бесѣдахъ? И есть ли благо для человѣка, о которомъ онъ не размышлялъ бы, для котораго не указалъ бы средствъ? Онъ помышлялъ о вѣчномъ благѣ, помышлялъ о благѣ отечества и церкви".

Говорить ли еще о высокомъ патріотическомъ, національно-русскомъ духѣ, который вообще отличаетъ все наше православное духовенство, въ особенности же знаменитѣйшихъ русскихъ іерарховъ, и который съ особенною силою сознательности былъ свойственъ нашему неутомимому изслѣдователю русской старины? Будетъ однако же не излишнимъ привести собственными его словами взглядъ его на одинъ изъ современныхъ намъ вопросовъ русской государственной жизни. Вотъ что, между прочимъ, писалъ митрополитъ Евгеній, изъ Кіева, отъ 3-го января 1828 г., къ бывшему Московскому профессору И. М. Снегиреву, по вопросу о распространеніи русскаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ Россіи, при чемъ слѣдуетъ вспомнить, что митрополитъ Евгеній имѣлъ возможность близко изучить положеніе этого края въ бытность свою архіепископомъ Псковскимъ и поддерживая сношенія съ Дерптскими учеными:

„Студенты изъ вашего университета, писалъ митрополитъ Евгеній, требуемые въ Лифляндію [2]), не научатъ Лифляндцевъ русскому языку, который они презираютъ, какъ и наши [3]) Поляки. Дерпту давно данъ указъ, что если студенты не будутъ знать по-русски, то не примутся въ русскую службу; но они и службу нашу не больше любятъ, какъ и языкъ. Довольно для нихъ, что они титулуются баронами Лифляндскими. Если бы поворотили указъ Екатерининъ, чтобы всѣ суды производить на русскомъ языкѣ и по русскимъ законамъ, то бы это лучше научило".

Если отзывы лицъ, находившихся съ покойнымъ митрополитомъ въ литературныхъ сношеніяхъ, составляютъ весьма драгоцѣнный ма-

---

[1]) *Воскресное Чтеніе*, 1837 г. № 13.

[2]) Безъ сомнѣнія, для замѣщенія въ тамошнихъ гимназіяхъ учительскихъ должностей по русскому языку. *Ред.*

[3]) То-есть, проживающіе въ юго-западной Россіи. *Ред.*

теріалъ для его біографіи, то едва-ли не большее значеніе должны имѣть въ нашихъ глазахъ и мнѣнія тѣхъ лицъ, которыхъ покойный іерархъ удостоивалъ своимъ душевнымъ расположеніемъ и которые имѣли случай оцѣнить его высоко-благородную личность.

Въ числѣ такихъ приближенныхъ лицъ къ покойному митрополиту былъ И. М. Снегиревъ. По преклоннымъ лѣтамъ и слабости здоровья Иванъ Михайловичъ могъ сообщить мнѣ лишь слѣдующую замѣтку:

„Что началъ въ прошедшемъ столѣтіи Новиковъ, то въ настоящемъ довершилъ Евгеній. Его словарь, необходимый для словесности, есть и справочная книга. Простота, ясность и искренность составляютъ отличительный характеръ его біографическихъ статей. Какъ ревнитель истины и добра, Евгеній былъ врагомъ умствованій безплодныхъ, болѣе остроумныхъ и блестящихъ, нежели основательныхъ и благонамѣренныхъ. Слѣдя такимъ образомъ законъ Божій въ судьбахъ церкви и отечества и въ явленіяхъ природы, онъ проникалъ въ духъ и сущность законовъ нашихъ и былъ не только замѣчательнымъ историкомъ и археологомъ, но и изслѣдователемъ по части отечественнаго законодательства. Любознательность покойнаго іерарха была необыкновенная, скажу болѣе, неистощимая и всеобъемлющая. Преосв. Евгеній велъ переписку со многими учеными русскими и заграничными и рѣдко кого изъ писавшихъ къ нему оставлялъ безъ отвѣта, постоянно слѣдя за успѣхами просвѣщенія въ Европѣ. Съ глубокимъ уваженіемъ отзывались о преосвященномъ Евгеніѣ извѣстные ученые, какъ отечественные, такъ и иностранные, искренно признававшіе заслуги покойнаго митрополита на пользу отечественной исторіи и археологіи, и сами они много заимствовали изъ этого источника".

Д. Н. Бантышъ-Каменскій, сынъ друга и покровителя Евгенія, сохранилъ въ составленной имъ біографіи покойнаго іерарха любопытныя свѣдѣнія относительно его наружности и нравственныхъ качествъ:

„Евгеній Болховитиновъ былъ средняго роста; умъ, добродушіе, привязанность, изображались живыми красками на лицѣ его. Онъ не имѣлъ и не старался имѣть дара слова; но поученія его отличаются богатствомъ мыслей и силою убѣжденій. Разговоръ Евгенія (не съ учеными) былъ простой и откровенный; любопытный и наблюдательный умъ его стремился къ общей пользѣ; охотно удѣлялъ онъ каждому драгоцѣнныя свѣдѣнія, собранныя имъ послѣ многихъ трудовъ и тщательныхъ изслѣдованій; всегда доступный, благотворительный и справедливый, онъ пользовался общею любовью; не любилъ только докторовъ, лѣчилъ самъ себя и за нѣсколько минутъ до своей кончины читалъ французскую медицинскую книгу".

Самую полную и живую характеристику митрополита Евгенія представилъ историкъ Кіевской академіи, и такъ какъ эта характеристика можетъ дать настоящее понятіе объ образѣ жизни покойнаго іерарха, то привожу ее здѣсь, безъ всякихъ измѣненій, подлинными словами біографа.

„Всю жизнь свою дѣятельный, во всемъ образецъ, во многомъ неподражаемый, митрополитъ Евгеній отличался нѣкоторыми особенностями, какъ въ служебной, такъ и въ домашней своей жизни. Онъ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра и послѣ молитвы немедленно принимался за дѣла, самъ непосредственно разсматривая каждое изъ нихъ, какъ бы оно ни было обширно и запутано; для этого отъ секретарей своихъ онъ строго требовалъ подробнѣйшихъ выписокъ и мгновенно замѣчалъ опущеніе малѣйшаго обстоятельства, относившагося къ дѣлу. Докладовъ не любилъ никакихъ, а самъ читалъ бумагу и тутъ же полагалъ резолюцію, отличавшуюся необыкновенною точностію и ясностію. Часто вмѣсто своихъ собственныхъ словъ, онъ употреблялъ въ такихъ случаяхъ или тексты св. Писанія, приспособительно къ разсматриваемому дѣлу, или сентенціи изъ древнихъ писателей. Послѣднее бывало тогда, когда бумага поступала къ митрополиту отъ кого-либо изъ ученныхъ. Въ семь часовъ, подкрѣпившись чашкой чаю съ просфорой, онъ выходилъ къ просителямъ и принималъ отъ нихъ разныя бумаги; на иныя отвѣчалъ въ то же время, другія уносилъ съ собою въ кабинетъ и немедленно давалъ имъ надлежащій ходъ. Къ двѣнадцати часамъ онъ оканчивалъ свои занятія и садился за столъ, состоявшій изъ самыхъ простыхъ и неприхотливыхъ блюдъ; но случись въ эту пору какое-либо важное дѣло, Евгеній тотчасъ же вставалъ изъ-за стола и не прежде садился продолжать обѣдъ свой, пока не прочитаетъ поданной ему бумаги и не положитъ резолюціи. Послѣ обѣда онъ ложился отдыхать и спалъ часа два крѣпкимъ сномъ, а проснувшись тотчасъ же принимался за ученыя занятія; но въ десять часовъ вечера непремѣнно отходилъ на покой. Находясь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакеномъ, митрополитъ проводилъ съ нимъ время въ разговорахъ и воспоминаніяхъ о славныхъ дѣяніяхъ, которыми такъ богата была жизнь престарѣлаго вождя силъ русскихъ; другихъ знакомствъ у него было немного. За то всѣ знаменитые своею ученостью мужи болѣе или менѣе были его друзьями. Онъ переписывался съ Державинымъ, который, въ литературной своей дѣятельности, охотно руководствовался его совѣтами; безотказно разрѣшалъ темные историческіе вопросы, по просьбѣ ученыхъ, подобныхъ барону Розенкампфу; указывалъ нашему историографу Карамзину на древности и замѣчательнѣйшія мѣста изъ лѣтописей, знаемыхъ ему до послѣдней буквы, и даже менѣе извѣстнымъ дѣятелямъ отечественнаго просвѣщенія никогда не отказывалъ въ совѣтахъ, происходившихъ отъ его многолѣтней опытности и безкорыстной любви къ наукѣ. Объѣзжая епархію, Евгеній послѣ наблюденій надъ порядкомъ и благочиніемъ церковнымъ, немедленно обращался къ историческимъ памятникамъ и чувствовалъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за труды официальнаго путешествія, если находилъ гдѣ-нибудь или

письменные остатки старины, или умнаго разкащика о дѣлахъ давно минувшихъ. Съ такимъ человѣкомъ, какого бы онъ ни былъ состоянія, митрополитъ просиживалъ по цѣлымъ часамъ и внимательно выслушивалъ все, что ни повѣствовалъ словоохотливый старожилъ. Случалось, что пріѣзжая въ какое-нибудь имѣніе, онъ не заставалъ тамъ владѣльца, а между тѣмъ замѣчалъ устройство, порядокъ и обиліе во всемъ; митрополитъ призывалъ къ себѣ управляющаго или эконома и распрашивалъ его о хозяйственныхъ распоряженіяхъ и пріемахъ до малѣйшихъ подробностей. Аккуратность, домохозяйство, согласная семейная жизнь, тщательное воспитаніе дѣтей — было у него самою лучшею аттестаціей для священника или церковно-служителя.

„При совершеніи богослуженія Евгеній всегда наблюдалъ, чтобы все было благообразно, стройно и по чину; но ни словомъ, ниже взглядомъ не показывалъ, если онъ оставался чѣмъ-либо недоволенъ; за то жъ, послѣ богослуженія, осыпалъ виноватаго строгими выговорами и замѣчаніями. Не терпя никакой пышности и избытка, онъ довольствовался самымъ малымъ, и тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Кіевъ, приказалъ уничтожить обширнѣйшую деревянную залу въ Кіево-Софійскомъ дворѣ для пріема многочисленныхъ посѣтителей. Когда начальство Печерской лавры, ожидавшее пріѣзда своего архипастыря, послало къ перевозу черезъ Днѣпръ царскую вызолоченную карету, митрополитъ съ неудовольствіемъ принялъ такой знакъ почтительной предупредительности и потребовалъ другой экипажъ для отъѣзда въ Софійскій соборъ. При всей любви своей къ занятіямъ, Евгеній не чуждался общества, и среди близкихъ къ нему бывалъ необыкновенно привѣтливъ, простъ и радушенъ. Донынѣ еще памятны анекдоты о немъ, полные рѣдкаго остроумія, удивительной находчивости и чистаго незлобія. Строгій къ подчиненнымъ, но чуждый гнѣвнаго ригоризма, онъ снисходительно прощалъ сродныя естеству человѣческому слабости, и преслѣдуя закоренѣлый порокъ по всѣмъ его путямъ, всегда бывалъ готовъ къ принятію искренняго раскаянія. „Всѣ мы люди, всѣ человѣки“, говаривалъ онъ, видя въ комъ-либо какой недостатокъ, и келейно дѣлая выговоры и замѣчанія, никогда не выводилъ виновнаго на позоръ и посрамленіе свѣта. Поклонникъ науки, всю жизнь свою посвящавшій утомительнымъ изысканіямъ, Евгеній былъ чуждъ всякаго педантства; разсыпая въ рѣчахъ своихъ драгоцѣнныя замѣтки, онъ говорилъ такъ просто и обыкновенно, какъ будто въ нихъ не было ничего ни ученаго, ни рѣдкаго. Умъ его, настроенный самымъ положительнымъ образомъ, отвращался отъ всякихъ трансцендентальныхъ воззрѣній и высшихъ взглядовъ, которые онъ преслѣдовалъ ему одному свойственнымъ сарказмомъ.

„Митрополитъ Евгеній былъ роста менѣе чѣмъ средняго, довольно полонъ, но въ движеніяхъ живъ и оборотливъ; походку имѣлъ скорую, чело обнаженное и открытое, взглядъ быстрый и проницательный, выговоръ твердый, но нѣсколько шепелеватый“.

23-го февраля 1837 года митрополитъ Евгеній, по обыкновенію своему отстоявъ въ простой домовой церкви раннюю литургію, принималъ просителей, и уже болѣе тридцати прошеній помѣтилъ соб-

ственноручными резолюціями, когда почувствовавъ усталость и ослабленіе, удалился отдохнуть во внутренніе покои, прилегъ на диванъ и—болѣе уже не вставалъ. Апоплексическій ударъ прекратилъ безъ боли и страданій его дѣятельную жизнь.

Смерть его одинъ изъ біографовъ трогательно изобразилъ слѣдующими словами: „*Бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя*, и радовался древній Кіевъ *въ часъ его свѣтѣнія*, и угасъ этотъ свѣтильникъ тихо, кротко, неожиданно. Не стало Евгенія, и къ исторіи прибавилось еще одно лицо историческое".

Погребеніе покойнаго совершилось 27-го февраля, на пятый день послѣ его кончины. Уже въ 8 часовъ утра граждане Кіева начали толпами стекаться въ Софійскій соборъ, дабы отдать послѣдній долгъ почившему іерарху. Не только пространный храмъ, но и обширный дворъ наполненъ былъ народомъ. Преосвященный Иннокентій, епископъ Чигиринскій и викарій Кіевскій, совершалъ Божественную литургію. По окончаніи литургіи, пребывающій на покоѣ въ Кіевопечерской лаврѣ преосвященный Іосифъ, епископъ Смоленскій, съ преосвященнымъ Иннокентіемъ и со всѣмъ духовенствомъ, отправили погребеніе. Профессоръ академіи, протоіерей Скворцовъ, произнесъ надгробное слово, въ которомъ изобразилъ многоразличныя заслуги митрополита Евгенія церкви, престолу, отечеству и наукамъ. Инспекторъ семинаріи, іеромонахъ Аѳанасій Борисовичъ, ключарь собора протоіерей Тимоѳей Сухобрусовъ и одинъ изъ студентовъ академіи Павелъ Бобинъ краткими рѣчами выразили общее всѣмъ чувство горести о потерѣ великаго іерарха. Предъ возглашеніемъ вѣчной памяти усопшему, прочитано въ слухъ завѣщаніе митрополита Евгенія, собственноручно имъ написанное.

Вотъ что̀ услышали Кіевляне въ послѣдній разъ отъ незабвеннаго своего архипастыря:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

„Ожидая часа смертнаго и воспоминая грѣхи мои предъ Богомъ и человѣками, обращаюсь, вопервыхъ, къ Спасителю моему съ теплымъ моленіемъ, да очиститъ Онъ благодатію Своею множество золъ моихъ, и потомъ прошу всѣхъ, предъ кѣмъ я согрѣшилъ и кого я обидѣлъ и оскорбилъ, христіански простить мнѣ, и о мнѣ грѣшномъ возносить свои молитвы. Взаимно и самъ я прощаю всѣмъ, по человѣчеству чѣмъ-нибудь оскорбившимъ меня, да тако другъ другу оставляя грѣхи, всѣ совокупно, по благодати Христовой и евангельскому обѣтованію, пріимемъ оставленіе грѣховъ отъ Отца небеснаго.

„Объ имѣніи моемъ, которое состоитъ болѣе въ книгахъ, нежели въ вещахъ и деньгахъ, завѣщаю слѣдующее: 1) указныя книги отдать въ канцелярію управляемой мною епархіи; 2) всѣ рукописныя переплетенныя книги и дипломы, данные мнѣ отъ ученыхъ обществъ, отдать въ библіотеку Софійскаго собора, а Высочайшіе рескрипты — въ архіерейскую ризницу, гдѣ и рескрипты, данные предмѣстникамъ моимъ, хранятся; 3) изъ книгъ печатныхъ, какихъ нѣтъ въ семинаріи, отдать въ оную, а кои есть въ ней, тѣ въ библіотеку Кіево-Софійскаго собора для соборянъ; 4) ландкарты, атласы и эстампы въ академическую библіотеку; 5) всѣ письменныя бумаги и записки, не переплетенныя, отдать наслѣдникамъ; 6) всѣ вещи мои, сколько останется за тѣмъ, принадлежать наслѣдникамъ моимъ; 8) о деньгахъ, до сего времени у меня наличныхъ, прилагаю особое распоряженіе. Каталоги книгъ моихъ считать вѣрнѣйшими составленные въ 1825 и 1826 годахъ съ пріобрѣтенными послѣ того книгами, въ каталогѣ еще не вписанными, а по прежнимъ каталогамъ многія книги я уже отдалъ въ семинаріи Воронежскую, Новгородскую, Вологодскую, Калужскую и Кіевскую и въ академіи Казанскую и Кіевскую.

„Наслѣдники же по мнѣ два сына родной моей сестры Евфросиньи Алексѣевны и двѣ ея дочери съ дѣтьми, кои всѣ въ губернскомъ городѣ Воронежѣ: всѣмъ имъ на четыре части по ровну завѣщаю раздѣлить все по мнѣ имѣніе въ вещахъ.

„Грѣшное тѣло мое прошу погребсти въ Срѣтенскомъ предѣлѣ Кіево-Софійскаго собора, за правымъ клиросомъ въ стѣнѣ Софійскаго собора.

„Господи Боже мой, въ трехъ Ипостасѣхъ исповѣдуемый, благодарю Тя за всѣ милости, на меня недостойнаго во всю жизнь мою изліянныя, и оставляя все земное суетное, къ Тебѣ единому вѣчному благу обращаюсь и въ руцѣ Твои предаю духъ мой.

„Писалъ и подписалъ собственноручно:

„Смиренный Евгеній, недостойный митрополитъ Кіевскій".

Въ Кіевѣ, 18-го февраля 1835 года.

Прибавленіе къ завѣщанію.

„Портретъ мой, который въ кабинетѣ, отдать въ Софійскій соборъ. Портретъ мой малый, что въ гостиной, и два, что въ спальнѣ, отдать наслѣдникамъ.

„Книгу: Церковный календарь, печатанный въ Москвѣ 1803 года, съ моими въ немъ записками отдать наслѣдникамъ.

„Книгу: Четверо-евангеліе профессора Чеботарёва отдать въ академическую библіотеку“.

Послѣ прочтенія завѣщанія, тѣло покойнаго іерарха обнесли вокругъ Софійскаго храма между множествомъ народа, при погребальномъ звонѣ колоколовъ старокіевскихъ и за тѣмъ останки неутомимаго пастыря успокоились въ лонѣ общей матери—земли, въ томъ самомъ придѣлѣ собора, который означенъ въ завѣщаніи. На обновленіе этого придѣла незабвенный іерархъ незадолго до своей смерти пожертвовалъ значительную сумму. Малый и тѣсный придѣлъ церковный служитъ теперь надгробнымъ памятникомъ тому, кто не довольствуясь умнымъ дѣланіемъ въ настоящемъ, жилъ мыслію и думами въ далекомъ прошедшемъ, воскрешая забытую память отжившихъ предковъ. Мѣдная вызолоченная доска, похожая на ту, которая стоитъ въ Кіевскихъ печерахъ при мощахъ преподобнаго Нестора съ краткою эпитафіею и словами пророка: „Помянухъ дни древніе и поучихся“, краснорѣчиво характеризуетъ покоящагося тамъ великаго и знаменитаго архипастыря!

Изъ имѣющагося у меня подъ рукою собственноручнаго письма покойнаго митрополита, отъ 14-го декабря 1828 года, къ бывшему профессору Московскаго университета Ив. Мих. Снегиреву, мы узнаемъ о заботливости архипастыря относительно доски надъ гробомъ преподобнаго Нестора:

„Мѣру доски, пишетъ митрополитъ Евгеній, какая можетъ помѣститься не на гробѣ, который открывается, а надъ гробомъ преподобнаго Нестора, я давно вамъ послалъ. Пріищите мое письмо. Но я велѣлъ еще и вымѣрить стѣнку надъ гробомъ и повторяю вамъ увѣдомленіе. Надпись, вами предполагаемая на доскѣ Нестора, кажется, витіевата, а по моему мнѣнію, лучше бы короче: „Преподобному Нестору, отцу Россійской исторіи, отъ Императорскаго Историческаго Общества Московскаго 1828 года“, а Давидовы слова у него подъ рукою на хартіи“.

И дѣйствительно, по всей справедливости можно примѣнить къ митрополиту Евгенію слова, сказанныя нѣкогда объ этомъ первомъ лѣтописцѣ нашемъ преподобномъ Несторѣ: *Поживе труждаяся въ дѣлѣхъ лѣтописанія, поминая лѣта вѣчныя* (Пат., ч. III).

Доказательствомъ тому, что митрополитъ Евгеній трудился до послѣднихъ дней жизни своей, можетъ служить собственноручное его письмо за *восемь* дней до кончины, писанное имъ Ивану Михайловичу Снегиреву.

Письмо это, и по содержанію, и по тому обстоятельству, что оно, можетъ-быть, одно изъ *послѣднихъ*, привожу здѣсь безъ сокращеній.

Милостивый государь,

Иванъ Михайловичъ!

Вопервыхъ поздравляю васъ *высокородіемъ*, котораго вы давно достойны, и желаю вамъ дослужиться до *превосходительства*.

На два письма ваши отъ 24-го декабря и 10-го января доселѣ не отвѣчалъ я, ожидая продолженія листовъ вашего словаря. Но еще не вижу.

Возвращаю при семъ корректурный листъ плана Зміевыхъ валовъ и прошу приказать еще одну ошибку исправить, потомъ отпечатать 25 экземпляровъ и съ самою доскою ко мнѣ прислать, приложивъ счетъ за вырѣзаніе доски и за почтовую пересылку. Прочіе экземпляры ваши здѣсь отпечатаемъ.

Преосвященный Иннокентій къ намъ уже возвратился, и не думайте, чтобъ онъ противъ васъ подпалъ какому-нибудь непріязненному вліянію. Да мнѣ кажется, вы слишкомъ недовѣрчивы и сами себѣ выдумываете враговъ, о которыхъ никто не знаетъ.

Въ Устьсысольскѣ, гдѣ нынѣ Надеждинъ, я былъ: городокъ небольшой, но холодный. Тамъ въ іюнѣ мѣсяцѣ видѣлъ я морозъ, а за рѣчкою Сысолою, протекающею подъ городомъ, безконечныя болота, простирающіяся до Печорскихъ горъ; отъ того въ городѣ всегда сыро.

Въ предисловіи къ вашимъ праздникамъ прошу не упоминать обо мнѣ.

Статью Надеждина о ходѣ русской исторіи я читалъ въ журналѣ: довольно хорошо. Онъ способенъ на многое; но неизвѣстно, долго ли онъ пробудетъ въ заточеніи.

Вотъ и стихотворецъ Пушкинъ умеръ отъ поединка. Онъ былъ хорошій стихотворецъ, но худой сынъ, родственникъ и гражданинъ. Я его зналъ въ Псковѣ, гдѣ его фамилія.

Устрялова исторіи я не видалъ, такъ какъ и Демонологію Сахарова; но о послѣдней читалъ въ журналѣ.

Чтò за причина, что Каченовскій не благоволитъ къ издаваемому вами словарю? Вѣрно, изъ зависти. Читалъ я въ журналѣ просвѣщенія статью о его ополченіи и противъ Русской Правды. Охота у него на парадоксы.

Прилагаю письмо къ П. А. Муханову [1]), прошу отослать, а мнѣ квартира его неизвѣстна. Онъ мнѣ прислалъ изданную имъ *рукопись Филаретову*.

---

[1]) Вотъ это письмо: «Милостивый Государь, Павелъ Александровичъ! При письмѣ вашего Высокоблагородія отъ 5-го марта имѣлъ я честь получить 27-го марта двѣ вами изданныя книги, состоящія изъ польскихъ актовъ, и покорнѣйше благодарю за оныя.

«Эта находка ваша въ Польшѣ объясняетъ многія обстоятельства, до насъ касающіяся, и Россія вамъ благодарна. Продолжайте дарить насъ такими открытіями. А я призываю на ваши труды благословеніе Божіе. Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь и проч.

(Подп). Евгеній, митрополитъ Кіевскій.

Кіевъ, 11-го апрѣля 1836 г.

Желаю вамъ наилучшаго здоровья и призываю на васъ со всѣми вашими благословеніе Божіе. Есмь преданнѣйшій вамъ Е.

15-го февраля 1837 г.
Кіевъ.

P. S. Баронъ Шодоаръ, находящійся еще въ Петербургѣ, желаетъ вашему историческому обществу подарить экземпляръ своей греческой нумизматики, и спрашиваетъ меня, какъ доставить. Я отвѣчалъ, что можно на имя самого общества или на имя ваше. Не знаю, прислалъ ли онъ [1]).

При всей неудовлетворительности сдѣланнаго мною обзора жизни и трудовъ великаго іерарха, кто однако же не согласится, что такіе дѣятели, какъ митрополитъ Евгеній, у насъ еще весьма рѣдки и что было бы неблагодарностью съ нашей стороны ничѣмъ не почтить память такого дѣятеля въ день столѣтней годовщины его рожденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы не скрывались подъ спудомъ драгоцѣнные источники для объясненія обстоятельствъ его жизни, — источники, которые могли бы пролить свѣтъ на его личность и отношенія. За недоступностью этихъ источниковъ и всѣ доселѣ изданныя біографіи митрополита Евгенія мало заключаютъ въ себѣ новаго, что не было бы извѣстно 30 лѣтъ тому назадъ.

„Не странное ли явленіе, справедливо замѣчаетъ г. Пономаревъ [2]): человѣкъ, прослужившій литературѣ 50 лѣтъ, составившій 270 біографій духовныхъ писателей и 450 біографій свѣтскихъ писателей, не дождался въ 30 лѣтъ послѣ своей кончины ни *одной* сколько-нибудь достойной или сносной біографіи! Человѣкъ, бывшій 33 года святителемъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ Россіи, почти забытъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ!“...

Но вотъ въ концѣ прошлаго года пронесся слухъ о предстоящемъ праздновани столѣтней годовщины митрополита Евгенія, и этотъ слухъ встрѣченъ былъ сочувствіемъ и въ дальнихъ мѣстахъ Россіи.

„Итакъ, говоритъ по поводу этого слуха г. Пономаревъ, третій юбилей, третій годъ сряду приходится намъ праздновать, и посмотрите, какое замѣчательное сближеніе: героемъ перваго явился человѣкъ, вышедшій изъ крестьянскаго сословія (Ломоносовъ), героемъ втораго членъ дворянскаго сословія (Карамзинъ), героемъ третьяго предста-

---

[1]) И. М. Снегиреву обязаны мы и сообщеніемъ портрета митрополита Евгенія, снятаго съ него въ тридцатыхъ годахъ, можетъ-быть, лучшаго изъ всѣхъ сохранившихся, копія съ котораго приложена къ началу этой статьи.

[2]) *Полт. Епарх. Вѣд.* 1867 г. № 2.

итель духовенства (Евгеній). Три основныя силы Россіи: простонародіе, дворянство и духовенство одно за другимъ дали намъ величайшихъ и можно сказать единственныхъ дѣятелей въ славу родины".

Будетъ ли, какъ надѣялся г. Пономаревъ, праздноваться этотъ голѣтній юбилей митрополита Евгенія въ Петербургѣ или въ другомъ городѣ, а также готовятъ ли по этому поводу ученыя общества, оторыхъ Евгеній былъ членомъ, какія-либо литературныя изданія, еизвѣстно. Но я возымѣлъ мысль почтить память достославнаго эрарха изданіемъ „Евгеніевскаго Сборника" и надѣюсь сосредоточить ъ немъ обильные и многосторонніе источники, съ тѣмъ чтобы при омощи ихъ наши ученые изслѣдователи могли составить достойную іографію митрополита Евгенія, которой ко стыду нашему мы до сихъ оръ еще не имѣемъ. Само собою разумѣется, чѣмъ „Евгеніевскій Сборникъ" будетъ полнѣе, тѣмъ рельефнѣе обрисуется личность этого вятителя. Посему въ интересахъ науки обращаюсь съ покорнѣйшею росьбою, какъ къ наслѣдникамъ, такъ и ко всѣмъ лицамъ, у которыхъ находятся матеріалы для предполагаемаго сборника, да благоволятъ удостоить меня сообщеніемъ таковыхъ для вышесказанной цѣли. Само собою разумѣется, что все доставленное будетъ свято сбережено и сохранно возвращено по принадлежности.

Изданіе сборника предпринимается въ полной увѣренности въ теплому сочувствіи къ этому дѣлу каждаго, кому только дорого свое отечественное, слѣдовательно, дороги и воспоминанія о заслугахъ митрополита Евгенія, которыми по всей справедливости можетъ гордиться не только русское духовенство, но и вся Россія!

А. Ивановскій,

библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки.

С.-Петербургъ, 30-го ноября 1867 года.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ СОСТОЯНІЯ ГОРОДСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.[1]

IV.

Перейдемъ теперь ко второму фазису дѣятельности великаго преобразователя по отношенію къ устройству состоянія торгово-промышленныхъ людей. Государство нуждалось въ произведеніяхъ фабричной и ремесленной промышленности; но въ Россіи весь трудъ обращенъ былъ на добываніе сыраго матеріала, обработывающая промышленность стояла на самой низкой ступени развитія.

До Петра эта потребность въ мануфактурныхъ и фабричныхъ произведеніяхъ, при маломъ развитіи внѣшней торговли, удовлетворялась частными мѣрами. Такъ, посылая Юрія Трахоніота къ Германскому императору, Иванъ III далъ ему наказъ: „добывать великому князю мастеровъ рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, и другаго мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлять золото и серебро; если Юрій сыщетъ такихъ мастеровъ, то ему ихъ выпросить, и рядить ихъ, чтобъ ѣхали къ великому князю на наемъ, по скольку имъ въ мѣсяцъ давать за все про все; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другаго мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера".
У Венгерскаго короля Матвѣя Иванъ также просилъ рудознатцевъ, архитекторовъ, серебряныхъ мастеровъ и пушечныхъ литейщиковъ[2].
При Борисѣ Годуновѣ Бекману, посланному въ Любекъ, данъ былъ подобный же наказъ стараться о вызовѣ въ Россію разныхъ масте-

[1]) *Окончаніе.* См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* на 1867 годъ.
[2]) Исторія Россіи Соловьева. V, стр. 253.

ровъ: суконныхъ, рудознатцевъ и часовщиковъ, чтобъ эти мастеровые ѣхали къ царю своимъ ремесломъ послужить [1]).

Петръ прибѣгалъ къ подобнымъ же мѣрамъ. Такъ, онъ посылалъ указы своимъ министрамъ, резидентамъ и агентамъ при иностранныхъ дворахъ, чтобъ они выискивали художниковъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ и склоняли ихъ къ выѣзду въ Россію [2]).

Но подобныя средства были весьма неудовлетворительны: они ставили Россію въ зависимость отъ иностранныхъ державъ. Нужно было найдти способъ удовлетворять потребностямъ государства мѣстными средствами и развитіемъ внѣшней торговли. Для достиженія перваго потребовались, напримѣръ, такія средства. Понадобилось сукно для обмундированія войскъ; мѣстная производительность въ томъ состояніи, въ какомъ она находилась, не могла удовлетворить этой потребности. И вотъ Петръ приказываетъ разложить требуемое количество шерсти на губерніи и взыскивать ее съ нихъ въ счетъ податей [3]); за тѣмъ онъ велѣлъ устроить суконныя фабрики и отдавать ихъ правительствомъ же образованнымъ торговымъ компаніямъ, „буде волею не похотятъ, хотя въ неволю" [4]).

Для улучшенія качества ремесленной производительности онъ прибѣгалъ къ посылкѣ посадскихъ за границу, для обученія разнымъ мастерствамъ [5]), и обязывалъ пріѣзжающихъ въ Россію фабрикантовъ и ремесленниковъ имѣть при себѣ русскихъ учениковъ и обучать ихъ своему мастерству [6]). Но иностранные мастера мало заботились о выполненіи этого условія, и уѣзжая за границу, оставляли своихъ учениковъ недоученными, такъ что правительство русское заподозрило даже, недаютъ ли они цехамъ тѣхъ городовъ, откуда пріѣзжаютъ, обязательства ничему не учить иностранцевъ [7]).

Общія мѣры, предпринятыя Петромъ съ цѣлію размножить купечество и мануфактуры, начинаются со времени учрежденія коллегій.

Въ 1712 году Петръ писалъ въ сенатъ, что требуется „учинить коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія, чтобъ торговлю въ луч-

---

[1]) А. Ист. II, № 34.

[2]) Голикова — Дѣянія Петра Великаго. Ч. II, стр. 7.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 2772.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 2876.

[5]) Голиковъ. II, стр. 7. Полн. Собр. Закон. № 4381.

[6]) Полн. Собр. Закон. № 4378, 25 ст.

[7]) Полн. Собр. Закон. № 4381, 25 ст.

шее состояніе привесть; къ чему надобны одинъ или два человѣка иностранцевъ (которыхъ надобно удовольствовать, дабы правду и ревность въ томъ показали) съ присягою, дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше нашихъ" [1]). Въ этихъ словахъ выразилось то значеніе, какое должны были получить въ послѣдствіи новые органы центральной администраціи, по отношенію къ земскому мѣстному самоуправленію. Мы видѣли, что существенною стороной ратушскаго управленія былъ контроль центральной палаты надъ выполненіемъ самостоятельно поставленными земскими избами и общинами возложенныхъ на нихъ тяглом обязанностей. Децентрализованные въ послѣдствіи органы правительственной администраціи и правительственнаго надзора стояли также въ пассивныхъ отношеніяхъ къ самоуправленію торгово-промышленныхъ людей. Но когда административные центры были снова перенесены въ столицу, отношеніе ихъ къ мѣстнымъ органамъ самоуправленія совершенно измѣнилось. Ихъ главнымъ назначеніемъ указано было „лучшій порядокъ устроить", и такимъ образомъ, если существенною формой прежнихъ центральныхъ и административныхъ учрежденій по отношенію къ общинной автономіи торгово-промышленнаго состоянія былъ контроль и надзоръ, то новымъ былъ по преимуществу приданъ характеръ распорядительный и устроительный.

За идеальный образецъ государственнаго строенія былъ принятъ механизмъ часовъ, въ которыхъ одно центральное колесо приводитъ въ движеніе всѣ другія. Такой идеалъ обусловливался тѣмъ, что въ новомъ дѣлѣ заводить и направлять государственный механизмъ приходилось самому царю, потому что общество не выработало еще задатковъ самостоятельнаго развитія тѣхъ началъ, которыя требовалось внести въ русскую жизнь.

Въ 1718 году начертано было устройство центральныхъ колесъ государственной администраціи, названныхъ коллегіями [2]).

3-го марта 1719 года изданъ былъ регламентъ коммерцъ-коллегіи. Назначеніемъ ея было смотрѣть „за всѣми торгами и торговыми дѣйствіями и имѣть попеченіе о путяхъ сообщенія, корабельномъ хожденіи и о всемъ томъ, что къ способному учрежденію, споспѣшеству и порядку купечества служить можетъ". Для этого коллегіи указано было сочинять, разсматривать и измѣнять торговые уставы и приви-

---

[1]) Соловьевъ. XVI, стр. 205.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3255.

легіи городовъ, разбирать и прекращать ссоры, которыя бы возникли между городами по поводу ихъ ярмарочныхъ и торговыхъ правъ, учредить по городамъ купеческія гильдіи [1]).

Мысль объ устройствѣ городскихъ магистратовъ высказана была еще въ 1718 году по поводу меморіала, поданнаго государю иностранцемъ Фикомъ, въ которомъ онъ писалъ: „Сіе есть едино изъ потребнѣйшихъ дѣйствъ, чего всѣмъ коллегіямъ, а наипаче коммерцъ-коллегіи желать довлѣетъ, ибо безъ сего желанный порядокъ и добрые плоды получить не можно". На это Петръ положилъ резолюцію: „Учинить сіе на основаніи Рижскаго и Ревельскаго регламента по всѣмъ городамъ" [2]). Эти предполагаемые магистраты проектировано было подчинить вѣдомству коммерцъ-коллегіи во всемъ, что относилось къ выполненію того, что коллегія нашла бы необходимымъ и полезнымъ установить для успѣховъ торговли. Ей же положено было по регламенту ввѣрить смотрѣніе за тѣмъ, чтобы магистраты „всякимъ непристойностямъ, своевольству и лѣнивству запрещеніе учиняли, дабы лѣнивцы и нищіе выведены были, а которые работать могутъ, онымъ способъ и свободность къ тому подавали, дабы не имущимъ пропитанія показанъ былъ путь къ купечеству или рукодѣлью, чтобы всякая вредительная корысть и всякое насильство и непорядки запрещены и заказаны были". Далѣе, къ числу обязанностей, возложенныхъ на коммерцъ-коллегію, принадлежало: наблюдать за благочиніемъ по таможнямъ, охранять иностранныхъ торговцевъ отъ обидъ и проволочекъ по судамъ, а горожанъ отъ обремененія излишними податьми и пошлинами, чтобы вслѣдствіе тяжести ихъ промыслы мѣщанскіе не умалялись; наблюдать за тѣмъ, чтобы магистраты содержались въ надлежащемъ видѣ и соблюдали правосудіе, чтобъ установленъ былъ бракъ товаровъ, надлежащій вѣсъ и все необходимое для предупрежденія въ торговлѣ обмановъ; наконецъ, коммерцъ-коллегія обязана была производить судъ и расправу по всѣмъ спорнымъ дѣламъ и преступленіямъ, которыя должны были разбираться и рѣшаться на основаніи торговыхъ уставовъ. Иностранные купцы подлежали также ея суду [3]).

Въ томъ же 1719 году опредѣлено было учредить для завѣдыванія промыслами, ремеслами и горною частью бергъ-и мануфактуръ-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3318, ст. 2, 5, 16, 17, 18, 19.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 3028.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3318, ст. 20, 23, 24, 25.

коллегію [1]); регламентъ мануфактуръ-коллегіи изданъ былъ только въ 1723 году [2]).

Дѣло устройства городскихъ магистратовъ возложено было въ 1721 году на главный магистратъ, который былъ учрежденъ въ этомъ году въ Петербургѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Московская ратуша утратила свое значеніе центральнаго судебнаго учрежденія, посадскіе и слободскіе торгово-промышленные люди не имѣли особой высшей судебной инстанціи по гражданскимъ дѣламъ; что касается дѣлъ уголовныхъ, то они не входили совершенно въ кругъ вѣдомства бурмистровъ.

Задавшись цѣлью „мануфактуры и купечество размножить", Петръ нашелъ нужнымъ изъять совершенно торгово-промышленныхъ людей отъ подсудности приказнымъ судьямъ не только въ гражданскихъ, но и въ уголовныхъ дѣлахъ, и снова „собрать разсыпанную храмину" подъ вѣдомство одного общаго для всѣхъ торгово-промышленныхъ людей центральнаго учрежденія.

По регламенту, изданному 16-го января 1721 года, главный магистратъ долженъ былъ состоять изъ назначенныхъ царемъ оберъ-президента и президента и выборныхъ бурмистровъ и ратмановъ, изъ которыхъ половина должна была быть замѣщена иностранцами, достаточно знакомыми съ русскимъ языкомъ [3]). Оберъ-президентомъ назначенъ былъ бригадиръ и лейбъ-гвардіи капитанъ князь Трубецкой, а президентомъ гость Илья Исаевъ [4]). Въ отличіе отъ прежнихъ ратушъ, члены какъ главнаго, такъ и городскихъ магистратовъ были безсмѣнны. Это въ значительной мѣрѣ лишило новыя учрежденія земскаго характера. Новыя городскія власти заняли мѣсто въ рядахъ служебной іерархіи. Президентъ главнаго магистрата по табели о рангахъ считался въ VIII классѣ, бургомистры въ IX, а городскіе бургомистры въ X классѣ [5]). Кто изъ магистратскихъ членовъ покажетъ „тщательное радѣніе и во всемъ будетъ содержать себя честно", тому обѣщалось шляхетство [6]); наконецъ, члены магистратовъ не несли мір-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3464.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4378.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3768, гл. 24.
[4]) Полн. Собр, Закон. №№ 3708, 3520.
[5]) Полн. Собр. Закон. VI, стр. 488.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XIV.

сихъ тягостей [1]). При магистратѣ, „для смотрѣнія за тѣмъ, чтобы онъ свою должность хранилъ", установленъ былъ особый прокуроръ [2]).

Обязанности, возложенныя на главный магистратъ, въ общихъ чертахъ были слѣдующія: 1) учредить во всѣхъ городахъ магистраты; 2) снабдить ихъ уставами; 3) смотрѣть за тѣмъ, чтобы правосудіе соблюдалось; 4) добрую полицію учредить, и 5) купечество и мануфактуры размножить. Но этотъ перечень, приведенный въ регламентѣ, не исчерпываетъ всего круга дѣлъ магистратскихъ. Кромѣ исчисленнаго, на магистратъ возлагалось заботиться о здравіи и образованіи гражданъ и своимъ попечительствомъ охранять ихъ отъ отягощенія поборами и повинностями.

Изъ коллегій главный магистратъ входилъ въ столкновенія съ юстицъ-коллегіей по дѣламъ смѣшанныхъ судовъ, съ коммерцъ-и мануфактуръ-коллегіями по дѣламъ о споспѣшествованіи торговлѣ и промысламъ, и съ камеръ-коллегіею по дѣламъ, относящимся къ податнымъ сборамъ, которые во всемъ государствѣ были переданы въ ея вѣдомство: о всѣхъ дѣлахъ такого рода главный магистратъ сносился съ ними и представлялъ на ихъ разсмотрѣніе свои мнѣнія, а въ камеръ, коммерцъ-и мануфактуръ-коллегіи представлялъ вѣдомости о состояніи городовъ.

По отношенію къ сенату главный магистратъ поставленъ былъ въ подчиненіе. Оберъ-президентъ долженъ былъ доносить ему о купеческихъ дѣлахъ, а магистратъ представлять туда ежегодно по формѣ, приложенной къ регламенту, обстоятельное доношеніе о состояніи городовъ.

Многія изъ дѣлъ, порученныхъ „устроенію" главнаго магистрата, не были выполнены, по краткости времени его существованія. Новыя учрежденія не успѣли вполнѣ развиться, и потому намъ остается ознакомиться съ ними въ томъ видѣ, въ какомъ они были проектированы въ регламентѣ и подробнѣе опредѣлены въ послѣдующихъ указахъ.

Главному магистрату, какъ мы сказали, предписано было *первое:* учредить во всѣхъ городахъ магистраты и снабдить ихъ уставами. Для этого предположено было разослать указы въ коллегіи, къ губернаторамъ и воеводамъ, чтобъ они выслали въ главный магистратъ вѣдомости о всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ. Эти вѣдомости должны были заключать въ себѣ слѣдующее: 1) чертежное положеніе

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 5302.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 4170.

городовъ, лежащихъ у моря и у большихъ рѣкъ, 2) описаніе торговъ и промысловъ города и вѣдомости о количествѣ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ и 3) подробное извѣстіе о всѣхъ жителяхъ городовъ, кто изъ нихъ и чѣмъ занимается и сколько изъ посадовъ и слободъ выбыло купеческихъ и ремесленныхъ людей. По полученіи такихъ вѣдомостей, главному магистрату предстояло раздѣлить всѣ города на пять разрядовъ. Въ первый должны были войдти всѣ главные, какъ-то: Петербургъ, Москва, Новгородъ, Вологда, Нижній и другіе, въ которыхъ окажется отъ двухъ до трехъ тысячъ и болѣе дворовъ; во второй—внутренніе города, въ которыхъ состояло отъ 1.000 до 1.500 дворовъ, и нѣкоторые приморскіе, какъ напримѣръ Выборгъ, Нарва и другіе; въ третій—всѣ малые приморскіе города, какъ Перновъ и тѣ изъ внутреннихъ, въ которыхъ отъ 500 до 1.000 дворовъ; въ четвертый разрядъ должны были войдти всѣ небольшіе города въ 250 дворовъ; а въ пятый — всѣ остальные незначительные пригороды и слободы.

Раздѣливъ такимъ образомъ города, главный магистратъ долженъ былъ, чрезъ посредство губернаторовъ и воеводъ, постепенно, а если можно, то и разомъ, устроить въ главнѣйшихъ изъ нихъ магистраты изъ выборныхъ первостатейныхъ гражданъ; въ прочихъ городахъ полагалось быть только бургомистрамъ. Для этого указано было предписать губернаторамъ и воеводамъ, когда достаточное число кандидатовъ въ магистратскіе члены будетъ выбрано подъ ихъ надворомъ, писать о томъ въ главный магистратъ и выслать туда, по крайней мѣрѣ, трехъ изъ выборныхъ отъ каждаго города. Если они окажутся, по усмотрѣнію магистрата, достойными, то губернаторамъ и воеводамъ указывалось, призвавъ всѣхъ гражданъ, объявить имъ „помянутые особы магистрата яко начальство града ихъ“ и сказать имъ указомъ, чтобъ они тѣмъ магистратамъ были послушны и достойно почитали ихъ. Число магистратскихъ членовъ должно было соразмѣряться съ раздѣленіемъ городовъ на разряды. Въ городахъ первостатейныхъ надлежало быть президенту и четыремъ бургомистрамъ; въ городахъ втораго разряда президенту и тремъ бургомистрамъ; въ остальныхъ городахъ магистратовъ не полагалось, а только указано было быть въ городахъ третьяго и четвертаго разрядовъ двумъ, а въ остальныхъ одному бургомистру. Къ каждому изъ бургомистровъ велѣно было приставить въ большихъ городахъ двухъ ратмановъ, а въ среднихъ и меньшихъ — сколько понадобится по состоянію города[1]).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. II, III, V, VI, XVI, XXV.

Въ 1724 году опредѣленъ былъ штатъ губернскихъ магистратовъ: по этому штату въ нихъ надлежало быть президенту, двумъ бургомистрамъ и четыремъ ратманамъ и при нихъ секретарю, канцеляристу, двумъ подканцеляристамъ, четыремъ копіистамъ и четыремъ сторожамъ [1]). Иностранные купцы, живущіе по большимъ приморскимъ городамъ, записавшіеся въ гражданство и присягнувшіе на вѣрность подданства, могли быть выбираемы въ президенты, бургомистры и ратманы наравнѣ съ Русскими. Въ особыхъ случаяхъ относительно дѣлъ о пользахъ городской общины магистратъ долженъ былъ совѣщаться съ первостатейными и средними „добрыми" и умными гражданами города [2]). Бургомистры, по табели о рангахъ, числились въ X классѣ. При городскихъ магистратахъ, какъ и при главномъ, полагался особый прокуроръ [3]). Городовые магистраты состояли подъ указами главнаго магистрата и обязаны были исполнять ихъ неотложно и праводиво, а объ исполненіи немедленно доносить рапортомъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ взысканія съ членовъ денежнаго штрафа или наказанія судебнаго смертною казнью, ссылкою на галеры и лишеніемъ всего имѣнія по силѣ дѣла и вины [4]). Они обязаны были ежегодно доставлять главному магистрату рапорты о числѣ дворовъ и жителей въ городахъ, о количествѣ окладныхъ сборовъ, какіе взимаются съ граждамъ, о ихъ торгахъ и промыслахъ, о нуждахъ города и вѣдомости о числѣ рождающихся и умирающихъ [5]).

Для снабженія магистратовъ уставами, главному магистрату предписывалось: „ежели усмотрѣны будутъ какіе гражданскіе уставы и регулы, которые такой важности суть, что оные во всѣхъ городахъ быть благопотребны, то такіе сочинить и сенату объявить" [6]).

Второю обязанностью магистрата было смотрѣть за тѣмъ, чтобы правосудіе соблюдалось.

Съ учрежденіемъ магистрата, всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всѣхъ ихъ гражданскихъ дѣлахъ судомъ и расправою и по татебнымъ, разбойнымъ и убійственнымъ дѣламъ, кромѣ великихъ государственныхъ дѣлъ, велѣно было вѣдать въ главномъ магистратѣ, который былъ поставленъ относительно магистратскихъ городскихъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4622.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. VI.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 3981.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 3, 4, 5, 6, 7.

[5]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XXV; 4624 ст. 10, 14, 20.

[6]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. VIII.

судовъ въ такое же положеніе, въ какомъ юстицъ-коллегія состояла относительно областныхъ общихъ судовъ. Магистраты большихъ городовъ соотвѣтствовали надворнымъ судамъ: сюда по аппеляціи переносились дѣла изъ магистратовъ второстепенныхъ городовъ. Низшимъ общимъ судамъ соотвѣтствовали суды тѣхъ городовъ, гдѣ были только бургомистры, а магистратовъ не было. Изъ магистратовъ первостепенныхъ городовъ дѣла переходили въ С.-Петербургскій главный магистратъ. Въ первостепенныхъ городахъ, въ которыхъ состояло по три и по четыре бургомистра, къ постоянному завѣдыванію судебными дѣлами велѣно было опредѣлить одного изъ нихъ, придавъ ему отъ магистрата другихъ способныхъ къ тому членовъ [1]). Никакое присутственное мѣсто, кромѣ магистратовъ, не имѣло права судить, допрашивать и наказывать торговыхъ людей. Только въ магистраты подавались на нихъ челобитныя и донесенія. Одни государственныя дѣла, состоящія „въ дурныхъ словахъ или въ дѣлахъ къ возмущенію", если въ нихъ оказывались виновными торговые люди, судились не въ магистратѣ, а въ Преображенскомъ приказѣ. Купцы, похитившіе казенныя деньги, подсудны были коммерцъ-коллегіи [2]).

Городскіе магистраты не могли привести въ исполненіе смертнаго приговора, не представивъ его на конфирмацію главнаго магистрата. Они также должны были извѣщать главный магистратъ о вымороченыхъ имѣніяхъ, оставшихся послѣ гражданъ, и только съ полученіемъ указа приписывали ихъ къ городу или сдавали въ казну. Прочія дѣла рѣшались и приводились въ исполненіе мѣстными магистратами или бургомистрами, и только по аппеляціи переносились въ высшія инстанціи.

Вѣдомству магистратскихъ судовъ подлежали изъ горожанъ только дѣйствительные граждане. Мы видѣли выше, что съ допущеніемъ къ городскимъ торгамъ и промысламъ всякаго чина людей, торгово-промышленные городскіе люди раздѣлились на принадлежащихъ и не принадлежащихъ къ тяглому торгово-промышленному состоянію; власть магистратовъ распространялась только на первыхъ.

Дѣла лицъ торгово-промышленнаго состоянія съ людьми не магистратскаго вѣдомства подлежали совмѣстному суду надворнаго суда и магистрата, состоявшему изъ равнаго числа членовъ отъ того и другаго присутственнаго мѣста. Президентомъ такого суда назначался

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. IX.
[2]) Полн. Собр. Закон. №№ 4312, 3992.

членамъ того судебнаго мѣста, вѣдомству котораго подлежалъ отвѣтчикъ. Вершать дѣла предписано было общимъ приговоромъ. Если же по чему-нибудь такое дѣло нельзя было рѣшить, то надворнымъ судьямъ указывалось доносить о томъ юстицъ-коллегіи, а президентамъ магистратовъ — главному магистрату [1]).

Торговые люди подавали свои челобитныя на людей, не подлежащихъ магистратскому вѣдомству, какъ вообще было принято за правило, въ тѣ суды, гдѣ отвѣтчики были вѣдомы [2]).

Пойманныхъ воровъ, какого бы званія они ни были, считая безъ сомнѣнія въ томъ числѣ и подсудныхъ магистратамъ, велѣно было, для скораго мысканія ихъ товарищей, брать къ полицiймейстеру (въ Москвѣ и Петербургѣ), а послѣ розыска отсылать за росписками куда кто надлежитъ для указнаго рѣшенія [2]).

Крайній срокъ вершенія челобитчиковыхъ дѣлъ въ магистратахъ опредѣленъ былъ шестимѣсячный. Если же кто изъ судей, безъ законной причины, сталъ бы волочить дѣло долѣе опредѣленнаго срока, тотъ наказывался штрафомъ въ 30 рублей за каждый день проволочки, и кромѣ того, обязанъ былъ вознаградить убытки, отъ нея происшедшіе [4]).

На магистраты возложено было и попеченіе о сиротахъ гражданъ. Надъ душеприкащиками, назначенными самими родителями малолѣтняго, они должны были надзирать; если же такого душеприкащика не было назначено, то опредѣлять опекуна изъ родственниковъ сироты или изъ постороннихъ, и составивъ опись какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ пожитковъ малолѣтняго, передать за роспискою назначенному опекуну [5]).

Мы видимъ, что приложено было много заботливости къ тому, чтобы судъ магистратскій былъ судомъ правымъ; но если торговые люди выигрывали отъ того, что имѣли свой особый судъ, то съ другой стороны имъ приходилось выносить и всѣ дурныя послѣдствія существованія сословныхъ судовъ: современники жаловались, что „у многихъ правителей обидимый не можетъ управы получить, понеже истецъ и отвѣтчикъ не единаго суда, а именно одинъ воеводскаго, а другой ма-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3708, п. IX; 4624, ст. 47.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 4312.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 3714.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 4624.

[5]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 46.

гистратскаго, и въ томъ бываетъ несогласіе, а бѣдные люди разворяются"[1]).

Третьимъ дѣломъ магистрата было добрую полицію учредить. Ему указано было, буде онъ усмотритъ что-нибудь полезнымъ въ этомъ отношеніи установить, представлять о томъ въ сенатъ[2]).

Полицейскія обязанности городскихъ магистратовъ изложены были въ инструкціи магистратамъ, изданной въ 1724 году; въ ней предписывалось, вопервыхъ, имѣть предосторожность отъ пожаровъ, и для того обзавестись нужными пожарными инструментами и установить на такіе случаи, по совѣту съ квартирмейстромъ и гражданами, общія правила; вовторыхъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ домахъ, на улицахъ и въ лавочныхъ рядахъ была чистота и помету никакого не было, а городскіе мосты содержались бы въ исправности; втретьихъ, наблюдать, чтобы граждане не держали въ своихъ домахъ и не нанимали для работъ пришлыхъ людей, какого бы званія они ни были, если при нихъ нѣтъ отпускныхъ и покормежныхъ писемъ, и безъ записей не принимали ихъ къ себѣ въ услуженіе. Особенно рачительно указывалось городскому начальству смотрѣть за тѣмъ, чтобы между такими пришлыми людьми не было бѣглыхъ солдатъ.

Такъ какъ многіе изъ горожанъ, не желая платить податей, не занимались никакими промыслами, а потому жили бѣдно или предавались разгулу, пьянствовали, воровали и разбойничали, то магистратамъ предписано было особенно наблюдать за ними и понуждать заниматься ремеслами и другими работами. Кто изъ гражданъ, для какихъ-нибудь своихъ нуждъ, пожелалъ бы выѣхать изъ города, тѣмъ велѣно было брать изъ магистратовъ, „по усмотрѣнію состоянія своего и дальности пути", паспорты или пропускныя письма, которые по возвращеніи ихъ отъ нихъ отбирались.

Отъ пріѣзжающихъ и приходящихъ въ городъ магистратъ долженъ былъ требовать предъявленія указаннаго свидѣтельства, на которомъ каждый разъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ росписаться: когда пріѣхалъ, когда думаетъ выѣхать, и дать подписку, что передъ отъѣздомъ явится въ магистратъ. Безъ такихъ помѣченныхъ свидѣтельствъ никто изъ горожанъ не долженъ былъ держать у себя никого. По окончаніи срока, пріѣзжій могъ прожить еще въ городѣ три дня; если же, по истеченіи ихъ, что́-либо помѣшало бы ему выѣхать, то о томъ онъ долженъ былъ немедленно довесть до свѣдѣнія магистрата. Для

[1]) Исторія Россіи Соловьева. XVI, стр. 249.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3708. гл X.

вызова понадобившихся магистрату гражданъ и для сообщенія городскому начальству о происходящихъ въ городахъ безпорядкахъ и непотребствахъ, указано было опредѣлить изъ гражданъ города особыхъ сотскихъ и десятскихъ.

Наконецъ, городское начальство обязано было смотрѣть за тѣмъ, чтобы промышленнымъ и торговымъ гражданамъ отъ пріѣзжихъ торговцевъ и пріѣзжимъ отъ мѣстныхъ жителей никакого помѣшательства въ торгахъ и никакого утѣсненія въ цѣнѣ не было [1]).

Въ Москвѣ, какъ мы знаемъ, еще до Петра полиція установлена была какъ особое учрежденіе, и при немъ, точно также какъ и въ Петербургѣ, она не вошла въ кругъ магистратскаго вѣдомства. Въ Петербургъ назначенъ былъ генералъ-полиціймейстеромъ генералъ-адъютантъ Девьеръ, а въ Москву особый оберъ-полиціймейстеръ, поставленный въ зависимость отъ С.-Петербургскаго генералъ-полиціймейстера [2]). Изъятіе полиціи въ столицахъ изъ подвѣдомственности магистратамъ можно объяснить тѣмъ, что въ Москву и Петербургъ были привлечены главныя силы служилаго класса, который по правамъ своего состоянія не могъ подлежать вѣдомству существующаго городскаго начальства.

Обязанности полиціи столичныхъ городовъ были гораздо сложнѣе и подробнѣе опредѣлены, чѣмъ полицейскій кругъ вѣдомства городскихъ магистратовъ.

Генералъ-полиціймейстеръ по пунктамъ, даннымъ ему въ руководство, имѣлъ обязанностью наблюдать, чтобы строеніе домовъ производилось по указамъ и чтобъ улицы содержались въ чистотѣ, смотрѣть за продажею съѣстныхъ припасовъ, чтобы на торгахъ не продавали ничего вреднаго для здоровья, и слѣдить за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ. Когда на улицѣ или на рынкѣ случилась бы драка, то полиція должна была брать подравшихся къ суду. На обязанности же полиціи лежало: осматривать чрезъ каждые четыре года печи въ домахъ; надзирать за всякими публичными заведеніями, допрашивать гулящихъ людей, и кто бы изъ нихъ сталъ сбиваться въ отвѣтахъ, тѣхъ опредѣлять въ работу; также поступать и съ нищими, которые окажутся способными трудиться; наконецъ, собирать свѣдѣнія о пріѣзжающихъ, отъѣзжающихъ и нанимающихся въ работы. При каждомъ дворѣ въ городѣ полагалось быть караульному для охраненія отъ воровъ и присутствія на пожарахъ; при нихъ должны были быть ружья,

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 13, 30, 32, 37, 40.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3883.

а на случай пожара ведра, топоры и трубы. По ночамъ они должны были ходить съ трещотками, какъ это дѣлалось въ другихъ государствахъ. Полицейскіе служители, какъ и прежде, набирались изъ граждань: отъ каждой улицы и слободы поставлялся староста, отъ десяти дворовъ—десятскій [1]). Такого же рода инструкція дана была и Московскому оберъ-полицiймейстеру [2]).

Мы видимъ, что хотя полиція столицъ и изъята была изъ подвѣдомственности магистратамъ, но выполненіе полицейскихъ обязанностей продолжало лежать тягломъ на земскихъ людяхъ.

Четвертою заботой, возложенною на магистратъ, было: „купечество и мануфактуры размножить". Для возбужденія торговли, для сбыта ремесленныхъ произведеній, для распространенія народнаго довольства и умноженія казенныхъ сборовъ, главному магистрату указано было стараться о размноженіи ярмарокъ и торговъ, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, о чемъ ему надлежало совѣщаться съ камеръ-и коммерцъ-коллегіями. Въ большихъ приморскихъ и другихъ торговыхъ городахъ предполагалось устроить, „по примѣру иностранныхъ купеческихъ городовъ", торговыя биржи, и предписано было главному магистрату велѣть магистратамъ тѣхъ городовъ выбрать изъ купечества маклеровъ, „во всѣхъ торгахъ и вексельныхъ переводахъ искусныхъ людей" [3]).

Относительно содѣйствія размноженію и улучшенію ремеслъ указывались магистрату слѣдующія мѣры. Еслибъ онъ усмотрѣлъ, что извѣстная отрасль мануфактурной промышленности требуетъ особаго устава, или если по его мнѣнію, сочиненные мануфактуръ-коллегіею уставы окажутся неудовлетворительными или неприложимыми къ дѣлу, то ему предписано было сообщить о томъ письменное предложеніе означенной коллегіи, и при обсужденіи въ ней устава присутствовать оберъ-президенту главнаго магистрата [4]).

Городское начальство должно было стараться, чтобы всякое рукодѣлье, а наиболѣе тѣ, которыхъ до того не было, размножались, и если кто такія заново завести пожелаетъ, то обнадеживать его, что ему будутъ даны привилегіи для свободнаго производства такой мануфактуры [5]).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3203.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4047.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XVII, XVIII и XIX.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XI.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 4624, 31.

Уже въ 1718 году существовала монополія на занятіе извѣстными ремеслами. Для пріобрѣтенія права исключительно промышлять ими требовалось тогда свидѣтельство отъ мануфактуръ-коллегіи, что желающій производить такого рода мануфактуры „подлинно такого художества мастеровой человѣкъ, а не подлożный" [1]). Въ воеводскомъ наказѣ 1719 года мы встрѣчаемъ уже приказаніе, чтобы „посадскіе съ рукодѣльниками другъ съ другомъ ремесломъ не мѣшались" [2]). По регламенту, каждое ремесло предполагалось подчинить особымъ правиламъ, для чего имѣлось въ виду сочинить для нихъ особые уставы [3]). Относительно золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ такія правила установлены были еще прежде учрежденія магистрата [4]). Регламентація промысловъ въ частныхъ случаяхъ примѣнялась даже раньше учрежденія коллегій. Такъ, напримѣръ, въ 1715 году предписано было дѣлать полотно шириною, равною приготовляемому въ западно-европейскихъ государствахъ, а именно полтора аршина съ четвертью [5]).

Мѣры регламентаціи обусловливали необходимость контрольнаго учрежденія. Промышленныя ассоціаціи существовали въ Россіи еще во времена удѣльныя; но Петръ не воспользовался остатками этихъ союзовъ, а перенесъ на русскую почву цеховую организацію ремесленной промышленности, сложившуюся на Западѣ. Всѣхъ ремесленниковъ предположено было въ каждомъ городѣ раздѣлить на цехи, такъ чтобы каждое ремесло и художество составляло особый цехъ. Во главѣ надъ цехами должны были стоять алдерманы [6]). Въ цехи могли вписываться по желанію какъ русскіе, такъ и иностранцы-ремесленники, для чего алдерманы должны были имѣть по каждому ремеслу особыя книги. Если бы даже кто-либо и изъ уѣздныхъ людей захотѣлъ заниматься въ городѣ какимъ-либо ремесломъ или художествомъ, то и такой имѣлъ право свободно записаться въ какой угодно цехъ. Это одинаково распространялось на дворцовыхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, съ тѣмъ только условіемъ, что для приписки къ цеху они должны были представить отпускное письмо отъ помѣщика или отъ дворцоваго приказщика. Всѣ изъявившіе желаніе записаться въ цехъ должны были быть свидѣтельствуемы всѣмъ цехомъ, и кто изъ нихъ по освидѣтельство-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3142.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 3294.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. VII.
[4]) Полн. Собр. Закон. №№ 2344, 2368.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2943.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. VII.

ваніи оказывался достойнымъ быть мастеромъ, тому выдавалось на это званіе особое письмо. Всякому мастеру на своемъ произведеніи, сдѣланномъ на продажу или по заказу, указано было прилагать свое клеймо, и онъ не имѣлъ права продавать свой товаръ, не представивъ его предварительно старшинѣ цеха для освидѣтельствованія. Послѣдній, если находилъ, что произведеніе удовлетворительно, долженъ былъ приложить къ нему печать, въ противномъ же случаѣ обязанъ былъ его уничтожить. Кто бы изъ ремесленниковъ сталъ продавать свой товаръ безъ такихъ печатей, тотъ подлежалъ штрафу: въ первый разъ вдвое противъ стоимости произведенія, во второй разъ вчетверо, а въ третій виновный навсегда лишался права заниматься ремесломъ. Каждый мастеръ могъ имѣть сколько хочетъ учениковъ и подмастерьевъ, которые не имѣли права отойдти отъ него ранѣе семи лѣтъ [1]).

Всѣмъ владѣльческимъ людямъ, не записавшимся въ цехи, запрещено было работать въ городахъ для продажи [2]).

При постоянныхъ распряхъ между лучшими и бѣднѣйшими людьми, при низкомъ уровнѣ нравственнаго общественнаго развитія, можно было ожидать, что власть, усвоенная старшинамъ цеховъ, на дѣлѣ задержитъ только развитіе ремеслъ; но задуманное Петромъ учрежденіе цеховъ не осуществилось [3]).

Пятою обязанностью магистрата мы обозначили заботу о здравіи и образованіи гражданъ и попеченіе объ охраненіи ихъ отъ отяготительныхъ поборовъ.

По городамъ указано было магистрату устроить на счетъ гражданъ госпитали для призрѣнія сирыхъ, убогихъ, больныхъ и увѣчныхъ. Въ иныхъ государствахъ, говорится въ регламентѣ, существуютъ такіе дома не только въ большихъ, но и въ малыхъ городахъ, и имѣютъ свое начало отъ фундаціи земскаго начальства и отъ пожертвованія людей, обладающихъ имуществомъ, къ чему обязываютъ уставы и полицейскія правила [4]). Въ 1724 году подтверждено было, чтобы обѣднѣвшіе и престарѣлые граждане не оставались со стороны согражданъ безъ призрѣнія и помѣщались въ богадѣльни. Кромѣ гражданъ, „для ущербленія отъ многолюдства въ пропитаніи“ въ городовыя больницы не велѣно было никого принимать [5]).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3980.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4054.
[3]) *Storch*—Gemälde d. russisch. Reichs am Ende d. 18 Jahrh. III § 148.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XX.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 34.

Относительно народнаго просвѣщенія главному магистрату вмѣнялось въ обязанность не пренебрегать заведеніемъ по городамъ надлежащихъ школъ [1]), а городскимъ магистратамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы дѣти не только зажиточныхъ, но и бѣдныхъ граждавъ, обучались чтенію, письму и ариеметикѣ, для чего устроить при церквахъ школы. По окончаніи дѣтьми бѣднѣйшихъ изъ граждавъ этихъ школъ, магистратъ долженъ былъ позаботиться объ опредѣленіи ихъ къ какому-либо ремеслу, къ какому они окажутся болѣе склонными, „дабы отъ такихъ впредь могла быть граду польза и вспоможеніе" [2]).

Сборъ всякихъ доходовъ во всемъ государствѣ былъ возложенъ на коммерцъ-коллегію. Она имѣла обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы во всѣхъ городахъ слѣдуемые съ горожанъ поборы были исправно взимаемы, и такимъ образомъ дѣла по податямъ не подлежали собственно вѣдомству главнаго магистрата, но тѣмъ не менѣе ему указывалось имѣть попеченіе о каждомъ городѣ, и „ежели гдѣ усмотритъ или увѣдомится, что оные поборы тягостью, къ тому же не ровно расположены или наче еще жъ такъ наложены, что и промыслы гражданскіе содержаться отъ того не могутъ, или какое разореніе градскимъ обывателямъ отъ того можетъ и того всего главному магистрату смотрѣть прилежно и доносить о томъ въ сенатъ" [3]). Но городскіе магистраты принимали непосредственное участіе въ распредѣленіи податей. Выборные отъ магистратовъ „общимъ съ гражданами согласіемъ" раскладывали подушный и другіе сборы, при чемъ имъ ставилось въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы бѣднѣйшіе граждане не были не въ мѣру отягощаемы. На магистраты возлагалось также отводить постои для войскъ, и для этого указано имъ было выбрать изъ гражданъ сколько нужно квартирмейстровъ [4]).

Въ 1724 году, въ дополненіе къ регламенту, издана была инструкція. Содержаніе ея мы изложили совмѣстно съ содержаніемъ устроительнаго регламента магистратовъ.

Изъ изложенія предметовъ магистратскаго вѣдомства мы видимъ, что новое учрежденіе существенно отличалось отъ прежняго бурмистрскаго вѣдомства по своему назначенію и по отношенію мѣстнаго управленія къ центральному; такое же различіе существовало и въ отношеніяхъ этихъ двухъ системъ учрежденій къ земскимъ общинамъ. Учрежденіе

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XXI.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 33.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XII.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 3708, ст. 24, 25, 11; № 4312, 9.

бурмистровъ было земскимъ; связь его съ общиною поддерживалась единствомъ интересовъ и срочностью выбора; магистраты, напротивъ того, были и по своимъ интересамъ и по своему положенію совершенно независимымъ отъ земства городскимъ начальствомъ, которое, какъ изятое изъ среды гражданъ, въ то же время видѣло въ своихъ подчиненныхъ соперниковъ себѣ въ своихъ частныхъ промыслахъ. Это, безъ сомнѣнія, пагубно отразилось на судьбахъ торгово-промышленныхъ людей.

„Когда учинены магистраты по провинціямъ и бургомистры съ товарищи обнадежили себя, что будутъ непремѣнны“, пишетъ одинъ изъ современниковъ той эпохи [1]), „то гражданамъ начала происходить чувствительная обида. Магистратскіе члены или посланные отъ нихъ скупщики являются на гостинные дворы и другимъ гражданамъ купить товару не позволяютъ, и никто покупать не смѣетъ, боясь отъ магистратскихъ раззоренія безочередными службами и постоемъ; а пріѣзжему продавцу не безъ раззоренія, ибо достойной цѣны взять не можетъ, долженъ брать, что̀ дадутъ магистратскіе. Заморскіе товары магистратскіе засѣдатели продаютъ гражданамъ такимъ порядкомъ: который товаръ стоитъ 100 рублей, на тотъ положатъ цѣну 150 или 130 рублей и продаютъ по этой цѣнѣ купцамъ средней статьи, которые торгуютъ въ лавкахъ; который купецъ не захочетъ взять, того отягощаютъ безсрочнымъ постоемъ, службами и другими нападками; податей сами магистратскіе не платятъ, торгуютъ свободно, а вмѣсто нихъ подати платятъ гражданскою суммою. Если бы велѣно было магистратскихъ членовъ перемѣнять, то голосъ былъ бы свободный, одинъ другаго притѣснять не могъ бы, и купечеству была бы отъ того ревность. А перемѣнять бы гражданамъ магистратскихъ членовъ съ вѣдома и разсмотрѣнія воеводъ, и воеводамъ бы имѣть смотрѣніе надъ магистратами, такъ какъ изстари бывало“.

На этотъ разъ причина неудовлетворительности учрежденія земско-

[1]) Всѣ эти выписки изъ архивовъ мы заимствуемъ изъ достойнаго всякаго уваженія труда С. М. Соловьева. Въ настоящемъ случаѣ, когда я не могу назвать автора приводимаго отрывка, потому что нашъ почтенный историкъ о немъ умалчиваетъ, позволяю себѣ заявить сожалѣніе, что гг. ученые, пользующіеся помощью столичныхъ архивовъ, не приводятъ въ приложеніяхъ къ своимъ сочиненіямъ бо̀льшаго количества актовъ и памятниковъ. Этимъ они значительно помогли бы разработкѣ отечественной исторіи. Многимъ въ провинціи приходится отказываться отъ разработки тѣхъ вопросовъ, для изслѣдованія которыхъ въ столицахъ можно найдти обильный матеріалъ, обнародованію котораго необходимо чтобы помогали и частныя лица.

чалась не только во временной и переходящей нравственной несостоятельности общества, а въ основахъ самаго учрежденія. Далѣе, ратуши устроены были для того, чтобъ избавить тяглыхъ людей отъ утѣсненій и излишнихъ поборовъ, и потому для огражденія молодшихъ людей отъ всякихъ несправедливостей со стороны болѣе состоятельныхъ членовъ тяглыхъ общинъ всѣ разряды посадскихъ людей должны были принимать участіе въ податныхъ раскладкахъ; бурмистрская палата состояла также изъ выборныхъ отъ всѣхъ сотенъ и слободъ. Магистраты имѣли назначеніемъ содѣйствовать развитію торговли и промысловъ, и потому въ магистратскомъ управленіи принимали участіе только дѣйствительные граждане, лица болѣе состоятельныя, отъ которыхъ можно было ожидать, что они будутъ содѣйствовать преуспѣянію торговъ и промысловъ; прежніе молодшіе люди не вошли въ составъ гражданства. Изъ ремесленниковъ только одни адлерманы выбирались въ гражданскіе чины, „которые магистрату во всѣхъ городскихъ дѣлахъ совѣтомъ и дѣлами вспомогать должны".

Наконецъ, въ кругъ вѣдомства бурмистровъ входили какъ горожане, такъ и уѣздные черносошцы, а магистраты были, подобно тому какъ и на Западѣ, исключительно городскимъ учрежденіемъ.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ магистратовъ, опредѣленъ былъ точно кругъ тяглаго торгово-промышленнаго состоянія городскихъ обывателей, и городскія общины получили новую организацію.

Въ 7-й главѣ регламента главнаго магистрата это новое устроеніе общины выражено было такимъ образомъ. „Понеже вездѣ въ городахъ, не токмо въ большихъ, но и въ малыхъ, обрѣтаются жители разныхъ чиновъ, кромѣ посадскихъ (изъ которыхъ каждый особливое состояніе имѣетъ), а именно шляхетство, которое во близости отъ городовъ деревни и усадьбы свои имѣетъ, а иные и сами въ городахъ живутъ домами своими, такожде служители у дѣлъ приставленные, священство, церковники и иностранные, изъ которыхъ одни ради купечества, а другіе для художества или какого рукодѣлья тамо живутъ, то всѣ такіе люди между гражданами не числятся, а магистрату граждане надлежатъ и въ двухъ гильдіяхъ состоятъ такіе: банкиры (которые даютъ на вексели деньги), знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги, и которые разными многими товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе докторы, аптекари, лѣкари, шкиперы купеческихъ кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы, портные, сапожники, кузнецы, плотники, столяры, рѣзчики, токари и симъ подобные, изъ которыхъ первой гильдіи или первостатейные

состоятъ, и отъ другаго подлаго гражданства привилегіями и преимуществами суть отмѣнны, яко банкиры, знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги, и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе доктора, аптекари, лѣкари, шкипери купеческихъ кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы. Во второй гильдіи, которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуютъ, также рукодѣльные, рѣзчики, токари, столяры, портные, сапожники и симъ подобные. Прочіе же всѣ подлые люди обрѣтающіеся въ наймахъ и въ чорныхъ работахъ, которые нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются".

Уѣздные дворцовые и владѣльческіе крестьяне, промышлявшіе торговлею и ремеслами, и торговые бѣломѣстцы тянули къ сотнямъ и слободамъ податьми. Именно въ 1723 году, содержащихъ купеческіе промыслы и заводы и отъѣзжіе торги и лавки бѣломѣстцевъ и крестьянъ селъ Покровскаго и Тайненскаго, Александровской слободы и прочихъ дворцовыхъ селъ велѣно было по прежнимъ указамъ записать въ тягло [1]). Въ Устюжской провинціи, Сольвычегодскаго уѣзда въ Ляльскомъ погостѣ, болѣе 50-ти купеческихъ дворовъ объявили по торгамъ своимъ и промысламъ, что желаютъ причислиться къ посаду. Возникъ вопросъ: переводить ли ихъ на посадъ и надѣлять ли ихъ тамъ землею? Это недоумѣніе разрѣшено было, какъ и слѣдовало ожидать, тѣмъ, что Ляльскихъ торговцевъ велѣно было оставить на прежнихъ мѣстахъ; кто же изъ нихъ захочетъ переселиться на посадъ, тѣмъ этого не возбранять. Другаго рѣшенія и не могло быть, потому что всякая связь тягла съ землею была окончательно прервана со времени введенія подушной подати. По указу 13-го мая 1722 года дозволено было ямщикамъ, звонарямъ, пушкарямъ, воротникамъ и крестьянамъ, если торги ихъ простираются до 500 рублей, или хотя и до 300, но въ Петербургскомъ портѣ, записываться въ посадъ съ тѣмъ, чтобъ они платили осьмигривенную подать, а помѣщичьи крестьяне продолжали бы по прежнему взносить оброкъ своимъ помѣщикамъ въ размѣрѣ, равномъ оброкамъ пахотныхъ крестьянъ [2]). Но изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, бѣломѣстцы и служилые городскіе люди, какъ мы видимъ изъ приведеннаго мѣста регламента, въ число гражданъ не вошли и вѣдомству городскаго начальства не подлежали. Что касается купеческихъ крѣпостныхъ людей, то имъ при Екатеринѣ I

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4312, 2.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4336.

указано было вѣдаться судомъ и расправою, какъ и гражданамъ, въ магистратахъ [1]).

Къ торгамъ и промысламъ были такимъ образомъ допущены всѣ состоянія подъ тѣми условіями, которыя соотвѣтствовали самому раздѣленію на состоянія; но выходъ изъ состоянія торгово-промышленныхъ городскихъ людей былъ воспрещенъ [2]).

Главному магистрату указано было, — „понеже его царское величество указать повелѣлъ, дабы всероссійское купечество яко ровсыпанную храмину собрать", — приложить стараніе, чтобы всѣ вышедшіе изъ городовъ купеческіе и ремесленные люди, исключая тѣхъ, которые состояли на службѣ, были возвращены въ тягло [3]). Вдовамъ гражданъ разрѣшено было выходить замужъ за бѣломѣстцевъ только подъ условіемъ продажи городу мужнина участка и промышленныхъ его заведеній и уплаты всѣхъ числившихся на немъ недоимокъ [4]). Но переходъ изъ города въ городъ былъ допущенъ. На обязанности главнаго магистрата лежало только уравнивать перешедшихъ въ податяхъ противъ того, что̀ они платили на старыхъ своихъ мѣстахъ [5]). Поморскіе уѣздные крестьяне не отличались по своимъ податнымъ обязанностямъ отъ горожанъ, а потому перешедшіе изъ городовъ въ черносошцы тоже на прежнее тягло не возвращались [6]); но нигдѣ не видно, чтобъ они подлежали вѣдомству магистратовъ. Въ 1723 г. они окончательно выдѣлились въ особое состояніе государственныхъ крестьянъ [7]).

Раздѣленіе торгово-промышленныхъ людей и горожанъ на гражданъ подвѣдомственныхъ магистратамъ и вѣдомству ихъ не подлежащихъ, не только неблагопріятно отразилось на судьбахъ первыхъ, но наносило ущербъ и государевой казнѣ. Посошковъ, предлагая въ своей книгѣ: „О скудости и богатствѣ" устроить такъ, чтобы каждое состояніе въ промыслы и занятія другихъ состояній не вступалось, говоритъ: „Аще сіе Богъ устроитъ, еже всякаго званія человѣкъ будетъ пещися о своемъ дѣлѣ, то всякія дѣла будутъ споры, а купечество такъ обогатится, что не въ примѣръ нынѣшнему богатству.

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4812.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4624, 8.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. IV.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 4624, 48.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 4059.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 4194.
[7]) Полн. Собр. Закон. №№ 4332, 4533.

А пошлины будутъ съ нихъ собираться не то что вдвое, но чаю, что нынѣшняго сбора и втрое больше будетъ и вящше, потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ и офицеры и солдаты и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ безпошлинно, а купецкіе люди за ихъ имены множество привозятъ безпошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралась, да и собрать ее не можно, аще не отставить во всемъ торгу отъ господъ и отъ служилыхъ людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и не сильны, то магистрату не подсудны. Я о семъ всесовершенно знаю, что въ одномъ Новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ не даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ, похочетъ пошлину взять, то дворяне за нихъ вступятся и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти и шести имѣютъ у себя торгу, а великому государю не платятъ ни по деньгѣ" [1]).

Городскія тяглыя общины по прежнему сами раскладывались податьми и службами; но самостоятельность ихъ въ этомъ отношеніи была значительно ограничена соучастіемъ магистратовъ. Податныя разверстки, какъ прежде по сотнямъ и слободамъ, такъ теперь производились по гильдіямъ. Дѣленіе на гильдіи соотвѣтствовало старому дѣленію на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей; но къ нему примѣшано было отжившее уже въ Россіи сословное привилегированное отличіе высшихъ статей отъ низшихъ. Если заявленное Петромъ желаніе отличить гильдейское гражданство отмѣнными преимуществами передъ „подлымъ гражданствомъ" и не успѣло вполнѣ развиться при немъ, то оно, какъ дѣло имъ завѣщанное, выполнено было его послѣдовательницей въ дѣлѣ перенесенія на русскую почву чуждыхъ учрежденій Запада. Посадскіе люди всякими податьми, кромѣ подушной, окладывались по прежнему по состоянію своихъ торговъ и промысловъ, и всякіе сборы взимались съ нихъ съ десятой деньги [2]).

Для податныхъ разверстокъ гильдіи избирали себѣ старшинъ и старостъ, а послѣдній классъ—старостъ и десятскихъ. Гильдейскіе старосты и старшины, съ согласія гражданъ, уравнивали податные сборы по состоянію. Такимъ образомъ составлялись окладныя книги особо для каждаго разряда гражданъ. Если потомъ усматривалось, или дру-

[1]) Сочин. Ивана Посошкова, гл. IV, стр. 115, 116.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 3733, 3747, 3831, 3872.

гимъ какимъ-либо путемъ доходило до свѣдѣнія магистрата, что со времени составленія оклада „нѣкоторые пожитками пополнились, нѣкоторые же умалились", и если магистратъ въ томъ подлинно увѣрится, то велѣно ему было сообщить о томъ гильдейскимъ старшинамъ и приказать имъ, по совѣту съ гражданами, составить новые уравнительные оклады. Старосты и десятскіе послѣдняго класса должны были доводить до свѣдѣнія магистрата о нуждахъ его [1]).

Въ 1722 году, посадскіе были избавлены отъ поставки рекрутъ натурою, а велѣно было съ нихъ брать деньгами соразмѣрно окладу [2]). Въ 1724 году, эта замѣнная плата была опредѣлена для торговыхъ людей въ 100 рублей за рекрута [3]).

Завѣдываніе отправленіемъ постойной повинности состояло въ распоряженіи магистратовъ. Если по указамъ изъ военной коллегіи или изъ камеръ-коллегіи опредѣлялось назначить полкамъ въ извѣстномъ городѣ квартиры, то объ этомъ магистратъ того города долженъ былъ быть извѣщенъ заранѣе. По полученіи извѣстія, онъ располагалъ квартиры по дворамъ [4]). Постои ставились по числу пожитковъ [5]).

Мы уже говорили о тяжести постойной повинности для горожанъ и о томъ, что магистраты пользовались правомъ размѣщать постои для своекорыстныхъ цѣлей. Для того, чтобы облегчить бремя этой повинности, найдено было необходимымъ запретить офицерамъ, матросамъ и полковымъ харчевникамъ заниматься торговлею во время ихъ пребыванія въ городахъ [6]).

Другою повинностью, которою магистраты пользовались какъ средствомъ дѣйствовать въ ущербъ пользамъ и выгодамъ своихъ торгово-промышленныхъ соперниковъ, были земскія службы. Мы видѣли, что Петръ, въ видахъ размноженія мануфактуръ и купечества, задумалъ избавить посадскихъ людей отъ этихъ службъ. Въ 1722 году изданъ былъ рѣшительный указъ: къ пошлиннымъ, кабацкимъ, солянымъ и другимъ всякимъ сборамъ изъ посадскихъ людей не выбирать, а быть у такихъ сборовъ, у большихъ—изъ отставныхъ офицеровъ и изъ дворянъ, а у меньшихъ—унтеръ-офицерамъ и рядовымъ солдатамъ, для чего выбирать военной коллегіи достойныхъ людей. Въ коллегіи и

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 16, 17, 18, 19, 20, 21.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 3983.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 4550.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XIII.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 4312, 9; № 4624, 11.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 3708; гл. XIII.

канцеляріи для оцѣнки и свидѣтельства товаровъ назначено было по прежнему выбирать изъ посадскихъ людей; для разныхъ закупокъ указывалось также ставить купцовъ; но за такія ихъ службы предполагалось впредь давать имъ жалованье и при коллегіяхъ не держать ихъ болѣе года, а въ городахъ отпускать отъ службъ, какъ только они выполнятъ возложенное на нихъ порученіе и дадутъ отчетъ. На отчетъ положено было сроку болѣе мѣсяца [1]).

Но желаніе избавить торговыхъ людей отъ стѣснительныхъ и убыточныхъ для нихъ службъ не увѣнчалось успѣхомъ. Въ 1724 году, по государевымъ сборамъ изъ офицеровъ, дворянъ и раскольниковъ опредѣлено было всего 475 человѣкъ, между тѣмъ какъ требовалось 6.997 душъ. Вслѣдствіе этого у сборовъ, къ которымъ „по малолюдству“ изъ офицеровъ, дворянъ и раскольниковъ некого было назначить, предписано было быть по прежнему купечеству по выбору магистратовъ. Но военной коллегіи и герольдмейстеру снова было подтверждено отыскивать офицеровъ, солдатъ и драгуновъ и стараться преимущественно ими замѣщать должности по сборамъ неокладныхъ доходовъ [2]).

Итакъ, и въ этомъ отношеніи общественная несостоятельность заставила Петра отказаться отъ осуществленія благодѣтельной мѣры. Такія неудачи встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу, въ каждомъ своемъ начинаніи.

Но Петръ не былъ изъ числа тѣхъ малодушныхъ людей, которыхъ неудачи лишаютъ энергіи и предпріимчивости. Убѣдившись въ нравственной и матеріальной несостоятельности своего народа, онъ не могъ отказаться отъ вѣры въ возможность для него достигнуть высшихъ ступеней цивилизаціи; опору этой вѣры онъ носилъ въ себѣ, въ задаткахъ своей богатой русской природы. Сравнивая русскій бытъ съ бытомъ цивилизованныхъ сосѣдей, онъ весьма естественно приписалъ преувеличенное значеніе соціальнымъ формамъ Запада, и оставляя въ сторонѣ самостоятельные историческіе задатки русскаго государственнаго развитія, захотѣлъ не только направить его по тому пути, по которому шло развитіе западно-европейскихъ государствъ, но перенесть въ Россію даже совершенно внѣшнія и случайныя условія ихъ быта.

При регламентѣ главнаго магистрата приложенъ „формуляръ къ описанію жителей въ городѣ и оныхъ художествъ“. Въ немъ выска-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3966.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 4388, 4620.

залось, какъ много вѣрилъ великій преобразователь во всемогущую силу чуждыхъ учрежденій, перенесенныхъ имъ на русскую почву. Всегда трезвый, практическій, Петръ становится въ этомъ случаѣ мечтателемъ. Ему уже представлялись родные города достигшими своего европейскаго прототипа. Въ спискахъ о населеніи русскихъ городовъ онъ назначалъ особыя рубрики для записки проживающихъ въ нихъ докторовъ, ученыхъ, часовыхъ мастеровъ, живописцевъ, банкировъ!

Но при Петрѣ новое направленіе не успѣло вполнѣ развиться и выразиться во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. Преемники его не унаслѣдовали его настойчивости, съ которою онъ старался „купечество и мануфактуры размножить", и Петровскія учрежденія приходятъ при нихъ въ упадокъ. Подражательныя намѣренія Петра осуществились при другихъ только условіяхъ въ царствованіе Екатерины II. Поэтому изслѣдованіе вопроса, какъ отразилось усвоеніе чуждыхъ соціальныхъ формъ на судьбахъ состоянія торгово-промышленныхъ людей, будетъ предметомъ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованій.

Въ заключеніе намъ остается прослѣдить въ общемъ очеркѣ судьбы состоянія торгово-промышленныхъ людей при преемникахъ Петра до возстановленія магистрата при Елисаветѣ Петровнѣ.

Петръ не оставилъ по себѣ наслѣдника своего генія и своей могучей воли. Кормило правленія фактически перешло въ руки совѣта олигарховъ и утратило силу личной энергіи, необходимую для того, чтобы продолжать дѣло, завѣщанное преобразователемъ.

Устройство состоянія городскихъ обывателей и органовъ его управленія, созданное Петромъ во вторую половину его царствованія, начинаетъ извращаться уже со времени Екатерины I. Въ самый годъ его смерти сборъ таможенныхъ и другихъ неокладныхъ доходовъ былъ возложенъ на отвѣтственность магистратовъ [1]). Это прямо противорѣчило планамъ Петра, который избавилъ магистраты отъ всякой отвѣтственности по сборамъ, и извращало характеръ самаго учрежденія.

Въ 1727 году солдаты были окончательно отставлены отъ всякихъ сборовъ, потому что содержаніе ихъ стоило 70.000 рублей и пользы отъ того не видѣлось. Неокладные доходы были предоставлены магистратамъ въ откупное содержаніе, а которые изъ нихъ не желали

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4751.

принять на себя соединенной съ тѣмъ отвѣтственности, въ тѣхъ городахъ указано было приставлять къ сборамъ и промысламъ выборныхъ посадскихъ людей; сборъ подушной подати былъ также изъятъ изъ вѣдомства полковъ, размѣщенныхъ по губерніямъ, и подчиненъ надзору воеводъ и губернаторовъ [1]).

Очевидно, правительство возвратилось къ прежнему исключительному взгляду на общинныя городскія учрежденія, какъ на отвѣтственныя установленія по сборамъ государевыхъ доходовъ. Въ своемъ поворотѣ къ старымъ порядкамъ оно указало давать жалованье только президентамъ и членамъ магистратовъ, а приказнымъ, которые при нихъ состоятъ, по прежнему довольствоваться отъ дѣлъ [2]); дворцовые и монастырскіе крестьяне стали, какъ и до 1699 года, выбираться въ головы и цѣловальники на ряду съ посадскими [3]); наконецъ, самые магистраты были подчинены надсмотру воеводъ и губернаторовъ [4]). Это сдѣлано было, какъ объяснялъ указъ, „для лучшаго посадскихъ охраненія“. Маркизъ де-ла-Шетарди объясняетъ это иначе. Онъ говоритъ, что власть воеводъ была возстановлена, потому что князь Меншиковъ, „извѣстный своею жадностію къ деньгамъ“, надѣялся брать большія суммы отъ опредѣляемыхъ въ воеводскихъ мѣстахъ [5]). Но какова бы ни была случайная причина возвращенія къ старому порядку, нельзя не замѣтить, что преемница Петра и верховники, разрушая дѣла великаго преобразователя, старались съ другой стороны облегчить обременительность земскаго тягла.

Такъ, Екатерина I, вскорѣ по вступленіи на престолъ, понизила подати на четыре копѣйки съ души [6]). При ней же, въ 1727 году, установлены были двѣ коммиссіи: одна для того, чтобы найдти и указать средства облегчить податныя обязанности крестьянства, и особая коммиссія для „поправленія и разсмотрѣнія купечества“. При этомъ объявлено было: „ежели который городъ или кто и партикулярно въ купечествѣ имѣетъ какое неудовольствіе или въ чемъ признаваетъ тягость или усмотрительство къ умноженію купечества полезно быть можетъ, то о томъ объявлять безъ всякаго сумленія и опасенія“ [7]).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 5010, 5016, 5017, 5.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4897.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 4950.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 5017, 2.
[5]) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. 76.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 4650.
[7]) Полн. Собр. Закон. №№ 5010, 5043, 5093.

Въ облегченіе торгово-промышленнаго состоянія указано было наложить всякіе сборы на магистраты „въ непосредственный, а не въ самый великій окладъ“, и полковники и солдаты были устранены отъ сборовъ подушныхъ денегъ, потому что такой способъ взиманія податей отягощалъ народъ [1]. Въ Москвѣ была отмѣнена поворотная пошлина [2]. Наконецъ, дозволена была вольная продажа табаку, „дабы купечество отъ прежде бывшей при табачной продажѣ службы не только было свободно, но тѣмъ табачнымъ торгомъ пользовалось“ [3].

Для избавленія торговыхъ людей отъ стѣснительныхъ и убыточныхъ въ торговомъ дѣлѣ проволочекъ и въ видахъ того, что купечество русское, по давнему обычаю, совершало свои торговыя сдѣлки на вѣру, безъ крѣпостей, а по Уложенію и указамъ въ судебныхъ мѣстахъ допускались только иски по документальнымъ свидѣтельствамъ, еще въ 1726 году возстановленъ былъ таможенный судъ для дѣлъ по осмотрамъ и перевозамъ товаровъ и торговымъ словеснымъ сдѣлкамъ. Апелляціи на торговый таможенный судъ указано было подавать въ коммерцъ-коллегію, а оттуда дѣло по апелляціи переходило въ сенатъ [4].

Главный магистратъ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ характера Петровскихъ учрежденій подчиненіемъ городскихъ магистратовъ воеводамъ, утратилъ свое назначеніе, и при Петрѣ II, указомъ 18-го августа 1728 года, былъ упраздненъ [5]. Для производства суда надъ Петербургскимъ купечествомъ оставлены были только бургомистръ и два бурмистра, которыхъ указано было впредь выбирать погодно. Дѣла иностранныхъ купцовъ перенесены были въ коммерцъ-коллегію, а на русскихъ купцовъ имъ указано бить челомъ въ ратушѣ [6]. Но вскорѣ потомъ велѣно было и иски на иностранцевъ подавать въ ратушу [7]. Городскіе магистраты были также уничтожены и замѣнены ратушами, въ которыхъ стали по прежнему засѣдать смѣняемые по выбору бурмистры [8]. Судъ и расправа надъ горожанами во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ и татебныхъ, которыя подлежали, какъ и встарь, суду

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 5016, 5017, 5.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 5125.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 5164.
[4]) Полн. Собр. Закон. №№ 4792, 4828.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 5142.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 5166.
[7]) Полн. Собр. Закон. № 5270.
[8]) Полн. Собр. Закон. № 5302.

губернаторовъ и воеводъ, были предоставлены городскимъ ратушамъ. На проволочки, несправедливость суда и притѣсненія указано было бить челомъ на бурмистровъ—воеводамъ, на воеводъ—губернаторамъ, а на этихъ послѣднихъ юстицъ-коллегіи [1]).

„Храмина, собранная" и устроенная Петромъ, разсыпалась, потому что не была построена на исторической почвѣ и могла только поддерживаться личною энергіею.

Общинная организація снова получила свой народный характеръ. Мысль о надѣленіи первостатейныхъ гражданъ особыми привилегіями не только была оставлена, но даже изглажены были послѣдніе слѣды уцѣлѣвшихъ дотолѣ сословныхъ привилегій прежняго времени.

17-го іюня 1728 года сенатъ приказалъ гостямъ и гостинной сотнѣ быть въ подушномъ окладѣ и въ службахъ съ прочими посадскими на ряду и верстаться между собою по богатству сообща, а не особо [2]).

Окладная подать посадскаго состоянія опредѣлилась въ рубль двадцать копѣекъ, крѣпостныхъ купеческихъ работниковъ — въ семьдесятъ копѣекъ, и крестьянъ, приписанныхъ по торгамъ къ посаду, которые платили семидесятикопѣечную подать по крестьянству особо,— въ сорокъ копѣекъ съ души [3]). Къ сборамъ государевыхъ доходовъ по прежнему выбирались купеческіе люди [4]). Въ царствованіе Анны Іоанновны эти сборы снова стали отдаваться на откупъ ратушамъ, какъ прежде магистратамъ [5]), что едва-ли было благопріятно для общины, подчиненной ратушскому вѣдомству, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ срокъ службы былъ продолженъ для членовъ ратуши на три года [6]). Къ прежнему погодному сроку возвратились только въ 1739 году вслѣдствіе жалобъ купечества на то, что оно отъ продолжительности службъ отстаетъ отъ торговъ и приходитъ въ раззореніе [7]).

Вообще положеніе податныхъ классовъ при Аннѣ Іоанновнѣ ухудшилось. Устраненные Екатериною отъ сборовъ подушной подати полковники и солдаты, вслѣдствіе того, что они обременительными эк-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 5333, 10.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 5300.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 5333, 10.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 5794, 2.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 5789, 20.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 5794, 1.
[7]) Полн. Собр. Закон. № 7728.

зекуціями отягощали народъ, снова были призваны къ сборамъ, потому что „послабленіемъ многая на крестьянахъ доимка запущена“ [1]. Строгое взысканіе недоимокъ и возможно большее увеличеніе государственныхъ доходовъ, какъ и при Петрѣ Великомъ, указывается правительственнымъ учрежденіямъ, какъ главное ихъ назначеніе [2]. Но при Петрѣ деньги шли на расширеніе предѣловъ государства, устройство флота и размноженіе мануфактуръ и фабрикъ, а во времена Анны Іоанновны безполезно тратились на придворные праздники, на содержаніе конюшень Бирона, на подкупы Поляковъ въ пользу пріобрѣтенія ему герцогской короны и на ненужныя разорительныя войны.

Полицейскія обязанности по прежнему лежали тягломъ на общинахъ. Городскимъ ратушамъ, подъ надзоромъ воеводъ и губернаторовъ, указывалось наблюдать за выполненіемъ положеній относительно постройки и отопленія жилыхъ строеній и бань и другихъ правилъ, установленныхъ въ видахъ береженія отъ пожаровъ. Бурмистры должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ рядахъ, въ которыхъ продавались харчи, отнюдь ничего гнилаго и нездороваго не выставлялось на продажу, надзирать, чтобъ и вѣсы были повсюду заорленныхъ (съ печатью гербоваго орла) формъ и наблюдать за всякими публичными заведеніями. При воеводахъ для полицейскихъ дѣлъ назначались особые офицеры [3]. Въ 1733 году генералъ-лейтенантъ князь Гессенъ-Гомбургскій, по прибытіи изъ Астрахани, представилъ правительству, что въ этомъ городѣ въ лѣтнее время отъ значительнаго стеченія всякаго народа и отсутствія присмотра за чистотою улицъ, воздухъ дѣлается заразительнымъ. Въ то же время Вологодскій воевода донесъ, что опредѣленный въ Вологдѣ къ полицейскимъ дѣламъ офицеръ взятъ отъ этихъ дѣлъ губернаторомъ. Представляя эти случаи, полицій мейстерская Петербургская канцелярія доложила государынѣ, не соизволитъ ли она въ городахъ, реестръ которыхъ при докладѣ прилагался, быть особымъ полиціямъ, состоящимъ изъ полиціймейстера, унтеръ-офицера, капрала, восьми рядовыхъ въ губернскомъ и шести въ провинціальномъ городѣ и изъ двухъ канцелярскихъ служителей. Полиція по этому докладу должна быть составлена изъ мѣстныхъ гарнизоновъ, жалованье же и продовольствіе должно было идти на

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 5638, 5876.

[2]) См. Регламентъ коммерцъ-коллегіи, № 5789.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 5333, 39—43, 44, 45..

ное изъ доходовъ губерній. Государыня положила: „быть по сему представленію въ показанныхъ городахъ полиціямъ" [1]). Но въ 1737 году сенатъ нашелъ, что такъ какъ опредѣленнымъ въ полицію офицерамъ нужно давать жалованье и отъ того будетъ казнѣ убытокъ, а обыватели будутъ терпѣть отъ полицейскихъ всякія обиды, то лучше по старому возложить выполненіе полицейскихъ обязанностей на ратуши [2]).

Такимъ образомъ время отъ смерти Петра до возстановленія магистратовъ было временемъ реакціи тому крайнему направленію, в какое вдалась дѣятельность великаго преобразователя. Для того чтобы поддерживать съ прежнею энергіею начатую реформу, требовались люди, проникнутые идеею преобразованія, какъ былъ ею проникнутъ Петръ, требовались также и средства. Но такихъ людей не было, а денежныя средства тратились не производительно. Понятно, что искусственно возбужденное развитіе снова улеглось и направилось своимъ естественнымъ путемъ, или если можно такъ выразиться, вошло въ свое историческое русло.

Но мысль Петра о размноженіи купечества и мануфактуръ и объ устройствѣ торгово-промышленнаго состоянія не была забыта, и нерѣшительныя попытки возстановить Петровскія учрежденія и продолжать начатое имъ дѣло время отъ времени повторялись.

Такъ, при Екатеринѣ еще продолжались посылки торговыхъ людей за границу для обученія [3]); но потомъ не только такія посылки прекратились, но даже совершенно забыли о тѣхъ, которые были отосланы въ чужіе края [4]).

Въ 1731 году, въ видахъ того, чтобы отправленіе купеческими людьми службъ не подрывало торговъ, сенатъ установилъ слѣдующія правила. Одинокихъ купцовъ указано было выбирать въ службы только въ крайнихъ случаяхъ. Отъѣзжія службы торговыхъ людей въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ были отмѣнены, „дабы купечество такими отлучками въ торгахъ и промыслахъ не имѣло помѣшательства".

Столь же раззорительны по своей продолжительности были для купечества отчеты, которые они отдавали по окончаніи срока своихъ службъ по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ. Съ этими счетами ихъ продерживали по нѣскольку лѣтъ. Вслѣдствіе этого предписано

[1]) Полн. Собр. Закон. № 6378.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 7211.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 4731.
[4]) См. Вѣстникъ Европы 1867 г., кн. 1. «К. Кантеміръ въ Лондонѣ».

было, если счеты не будутъ окончены въ теченіе мѣсяца, складывать ихъ на ратуши [1]).

18-го марта 1789 года комиссія коммерціи представила, что для распространенія купечества и коммерціи необходимо возстановить въ С.-Петербургѣ магистратъ и тамошнему купечеству „награжденіе и вольность показать“. Хотя на этотъ докладъ и положена была резолюція: „по сему сочинить надлежащій регламентъ и представить намъ“ [2]), но магистратъ не устроился. Что было тому причиною? Вѣроятно, то же, что и въ 1740 году, когда сенатъ объявилъ, что „объ учрежденіи магистрата, за много нужнѣйшими по имѣющимъ указамъ отправленіями, вскорѣ ему разсужденіе учинить не возможно“ [3]).

Въ 1734 году построенъ былъ на устьѣ рѣки Ори городъ Оренбургъ. На радостяхъ, что киргизъ-кайсацкій народъ и Каракалпаки, занимавшіе тотъ край, „безъ всякаго движенія нашихъ войскъ, но изъ своей воли въ наше вѣчное подданство вновь вошли“, вновь построенный городъ былъ пожалованъ привилегіями.

Велѣно было быть въ немъ магистрату въ составѣ трехъ бургомистровъ и шести ратмановъ. Этому магистрату указано было вѣдать судъ и расправу надъ горожанами и устраивать церкви, школы и богадѣльни, на содержаніе которыхъ опредѣлена была часть изъ таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ сборовъ [4]).

Въ 1740 году, по резолюціи кабинета, на поданное отъ Петербургскаго гражданства донесеніе объ учрежденіи магистрата и объ опредѣленіи въ ратушу одного постояннаго члена съ жалованьемъ, велѣно было сенату имѣть о томъ разсужденіе. Сенатъ нашелъ, что дѣйствительно необходимо было назначить въ ратушу постояннаго члена съ жалованьемъ, потому что безъ главнаго начальника ежегодно смѣняющіеся бурмистры „какъ къ распорядкамъ гражданскимъ попеченіе, такъ и къ защищенію гражданъ смѣлости не имѣютъ“. По докладу сената положено было быть въ ратушѣ полковнику Янькову, при чемъ онъ былъ пожалованъ статскимъ совѣтникомъ [5]).

Въ 1742 году велѣно было для сборовъ съ купечества и для отправленія всякихъ касающихся купечества дѣлъ, быть выборнымъ отъ трехъ гильдій старшинамъ и старостамъ съ товарищами. Старши-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 5794, 4, 8, 9.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 5994.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 8283.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 6584.

[5]) Полн. Собр. Закон. № 8283.

нимъ указано было сообщать старостамъ ратушскія распоряженія для неотложнаго съ ихъ стороны исполненія ихъ. Они же вмѣстѣ съ старостами и по совѣту съ гражданами должны были раскладывать уравнительно съ состояніемъ каждаго всякія подати по каждой изъ гильдій особенно. На гильдейскихъ старшинъ и старость была возложена также обязанность смотрѣть, чтобы гражданамъ отъ постороннихъ людей въ ихъ торгахъ и промыслахъ насильства, а пріѣзжимъ купцамъ и уѣзднымъ людямъ отъ горожанъ утѣсненія и принужденія не было. Желающіе выѣхать изъ города должны были брать въ своихъ гильдіяхъ паспорты; въ обязанность старость и старшинъ поставлено было также наблюдать за выборомъ торговыхъ людей въ различныя службы и въ казенныхъ сборахъ. И хотя бы тѣ сборы и не были подвѣдомственны ратушѣ, имъ во всякомъ случаѣ указывалось смотрѣть, чтобы на гражданъ не накладывалось начетовъ и въ особенности, чтобы ихъ не держали долго при сдачѣ отчетовъ. Обо всемъ, что замѣчено будетъ ими въ этомъ отношеніи, указывалось имъ доводить до свѣдѣнія ратуши. На ея же усмотрѣніе обязаны они были подавать свои мнѣнія о томъ, что они усмотрятъ полезнымъ для торговли [1]). Это учрежденіе было переходомъ къ возстановленію учрежденій Петра Великаго.

21-го мая 1743 года, по докладу сената, велѣно было открыть въ С.-Петербургѣ главный магистратъ, а въ прочихъ городахъ магистраты на прежнемъ основаніи [2]).

Такимъ образомъ дочь Петра возстановила падшее учрежденіе великаго отца, и оно стало лицомъ къ лицу съ однородными преобразованіями Екатерины II, словно затѣмъ, чтобы сдѣлать нагляднѣе для будущаго историка сопоставленіе преобразовательной дѣятельности двухъ великихъ историческихъ дѣятелей XVIII вѣка.

А. Пригара.

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 6504.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 8734.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО СТАРАГО ДУБРОВНИКА.

Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. *В. Макушева.* Въ *Запискахъ Императорской Академіи Наукъ*, томъ XI, кн. II. С.-Петербургъ, 1867.

Дубровницкое законодательство принадлежитъ къ наиболѣе темнымъ вопросамъ по исторіи славянскихъ законодательствъ. Всѣ главнѣйшіе законодательные памятники Дубровника доселѣ не обнародованы въ печати и недоступны для научныхъ изслѣдованій. Изъ историко-юридическихъ сочиненій, непосредственно касающихся дубровницкаго законодательства, намъ извѣстны только три изслѣдованія, составляющія теперь большую библіографическую рѣдкость: *Bona de Nicolai* — Praxis judiciaria juxta stylum Curiae Ragusanae (Ragusae. 1784); *Allegret Philippi* — De ragusina nobilitate; *Schindler* — Geschichte der Verfassung des Freistaates Ragusa (небольшая статья, помѣщенная въ *Zeitschrift für österr. Rechtsgelehrsamkeit*. II. 1837). Нѣсколько указаній на отдѣльные памятники и внутреннее устройство Дубровника можно найдти въ сочиненіяхъ по исторіи права южныхъ Славянъ, въ особенности далматскихъ и хорватскихъ: *Kussevich*— De municipalibus juribus et statutis regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae (Zagrabiae, 1830); *Рейца*—Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка, раскрытыя изъ ихъ муниципальныхъ статутовъ (въ Сборн. историч. и статист. свѣдѣній о Россіи, II. 1845; на нѣмецкомъ языкѣ — Dorpat, 1841; на итальянскомъ — въ журналѣ *Dalmazia*, 1845, № 25); *Wenzel* — Studien über den Entwickelungsgang des Rechtslebens auf der Insel Curzola (въ *Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen*, 1849, IV и VII); *V. L.* — Regime e statuto municipale di Curzola (въ *Osservatore dalmato*, 1851); Leggi ed usi notabili dei Comuni Dalmati, nel medio evo (въ *Osservatore dalmato*, 1851); *Майкова*—Судъ присяжныхъ у южныхъ Славянъ (въ *Русск. Слово*,

1861). Пособіемъ могутъ служить также общія сочиненія по исторіи Дубровника: *Serafino Razzi* — La storia di Raugia (Lucca. 1596); *Fresne* — Illyricum vetus et novum (Pos. 1746); *Busching* — Della republica di Ragusa (въ его соч. Nuova geografia. Ven. 1777); *Appendini* — Notizie istorico-critiche sulle antichità, storia e'letteratura de' Ragusei (Rag. 1802 — 1803); *Engel* — Geschichte des Freistaates Ragusa (Wien. 1807); его же — Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien u. Slavonien (Halle. 1798); *Eusèbe Salverte* — De la civilisation: Venise et Raguse (Paris, 1837); *M. Ban* — Zercalo povĕstnice Dubrovačke (въ сборн. Dubrovnik, II, 1851); *Пуцић* — Povjestnica Dubrovnika (U Zadru. 1856); *Майкова* — Исторія Сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кирилицею, въ связи съ исторіею народа (М. 1857).

Исчисленныя пособія даютъ только отрывочныя свѣдѣнія о Дубровницкомъ законодательствѣ. Больше подробностей находимъ въ сочиненіяхъ послѣднихъ четырехъ авторовъ; но они далеко не знакомятъ насъ со всѣми частностями внутренней жизни Дубровника, мало уясняютъ историческое развитіе Дубровницкаго законодательства и тѣ измѣненія, которыя происходили въ теченіе вѣковъ въ государственной и юридической жизни Дубровника.

Недостаточность свѣдѣній по исторіи Дубровницкаго законодательства значительно восполняется изслѣдованіемъ г. Макушева, заглавіе котораго мы выписали выше. Оно составляетъ весьма важное пріобрѣтеніе для науки славянской исторіи; въ немъ же, сколько намъ извѣстно, впервые изложенъ довольно обстоятельный обзоръ важнѣйшихъ памятниковъ Дубровницкаго законодательства.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены познакомить читателей съ тою частью труда г. Макушева, которая касается Дубровницкаго законодательства (стр. 7 — 12, 149 — 203). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сдѣлаемъ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній о самыхъ памятникахъ и укажемъ существенныя черты внутренняго устройства Дубровника, по источникамъ, мало принятымъ во вниманіе г. Макушевымъ при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ по Дубровницкой исторіи.

Изслѣдованія г. Макушева составляютъ введеніе къ задуманной имъ исторіи внѣшнихъ сношеній Дубровника и раздѣлены на три главы: о внутреннемъ бытѣ Дубровника, объ источникахъ Дубровницкой исторіи и объ ученой ея обработкѣ.

Въ первой главѣ авторъ остановился на главныхъ, неудовлетворительно рѣшенныхъ или вовсе не возбужденныхъ, вопросахъ по ис-

торіи Дубровника: о поселеніи Славянъ и развитіи славянскихъ элементовъ въ жизни Дубровника; о старыхъ Дубровницкихъ законахъ, въ особенности о поротѣ; добрыхъ людяхъ, порукѣ, уголовныхъ наказаніяхъ, сословіяхъ и государственномъ устройствѣ; о торговлѣ, мореходствѣ и другихъ промыслахъ Дубровчанъ; о государственныхъ доходахъ; о наукахъ и искусствахъ; о благотворительности, общественной жизни Дубровника и въ заключеніе о внутреннихъ причинахъ паденія республики.

Вторая глава, занимающая бóльшую половину сочиненія (56 — 288 стр.), заключаетъ въ себѣ критическій обзоръ источниковъ Дубровницкой исторіи. Къ такимъ источникамъ отнесены: постройки и вещи, народный бытъ и повѣрья, пѣсни и сказки, письменные памятники — церковные, учено-литературные и юридическіе, наконецъ, сказанія современниковъ.

Послѣдняя глава обнимаетъ разборъ сочиненій Гебгарди, Аппендини, Энгеля, Сальверта, Бана и Майкова.

Рѣшеніе многихъ, поставленныхъ авторомъ, вопросовъ можно считать вполнѣ удовлетворительнымъ. Таковъ трактатъ о торговлѣ и другихъ промыслахъ, вообще объ общественной жизни Дубровника. Особенно вторая глава представляетъ мастерской разборъ разнообразныхъ источниковъ Дубровницкой исторіи. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Дубровникѣ, авторъ успѣлъ собрать большой запасъ весьма любопытныхъ матеріаловъ, мало или вовсе неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ, имѣлъ также возможность познакомиться съ старопечатными сочиненіями, теперь мало доступными для пользованія. Извлеченія изъ Дубровницкихъ лѣтописей и старыхъ историковъ (Луція, Раньины, Рацци, Джіоржича и Червы) помѣщены въ приложеніяхъ къ изслѣдованіямъ. Источники приведены авторомъ въ систему, разобрано внутреннее ихъ значеніе и характеръ. Вообще трудъ г. Макушева будетъ служить большимъ подспорьемъ при изученіи Дубровницкой исторіи.

Слабая сторона разсматриваемаго труда состоитъ въ разборѣ законодательныхъ памятниковъ Дубровника и въ не совсѣмъ удовлетворительномъ рѣшеніи юридическихъ вопросовъ, затронутыхъ въ первой главѣ изслѣдованій.

Мы не отвергаемъ важной заслуги г. Макушева, впервые познакомившаго насъ съ памятниками Дубровницкаго законодательства. Древнѣйшіе памятники, въ особенности статуты 1272 года и таможенный уставъ 1413 года, разсмотрѣны довольно обстоятельно. Если

не ошибаемся, г. Макушевъ первый сообщаетъ свѣдѣнія о морскомъ и торговомъ уставѣ Дубровника, да и другіе памятники не были извѣстны прежнимъ изслѣдователямъ. Напримѣръ, Энгель говоритъ объ одной книгѣ статутовъ; Майковъ, кажется, знакомъ былъ съ одною „Зеленою Книгой"; по крайней мѣрѣ на нее одну онъ ссылается въ своемъ трактатѣ о судѣ присяжныхъ. Кромѣ памятниковъ собственно Дубровницкаго законодательства, г. Макушевъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ замѣтокъ о мѣстныхъ законахъ и статутахъ прибрежныхъ острововъ (Млѣта, Ластова и Корчулы), зависѣвшихъ въ старое время отъ Дубровника и жившихъ по своимъ отдѣльнымъ законамъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ объ актахъ дипломатическихъ сношеній Дубровника съ папами, Византіей, Венеціей и другими сосѣдними государствами.

Но нельзя не замѣтить, что г. Макушевъ мало знакомъ съ пріемами, необходимыми при изученіи законодательныхъ памятниковъ, и потому оставилъ безъ всякаго разрѣшенія множество вопросовъ, необходимо возникающихъ для юриста при самомъ бѣгломъ обозрѣніи памятниковъ. Авторъ ограничился лишь однимъ перечисленіемъ главъ и отдѣльныхъ статей памятниковъ (и то далеко не всѣхъ), опустивъ изъ вида изслѣдованіе другихъ ихъ сторонъ (напримѣръ, исторія составленія памятниковъ, ихъ источниковъ и пр.).

Можно также указать на неполноту въ исчисленіи памятниковъ. Авторъ вовсе не упоминаетъ о вѣчевыхъ книгахъ, каковы были, напримѣръ, такъ-называемыя „тетраги вѣћа прегать"; изъ нихъ, какъ мы думаемъ, и составились Liber Viridis и Liber Croceus. Ничего не говорится также о памятникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Diversa Cancellariae, Diversa Notariae и Testamento Notariae. Замѣтимъ, что г. Макушевъ не совсѣмъ вѣрно оцѣнилъ сборникъ Пуцича (Србъски Споменици), помѣстившаго въ немъ интересныя извлеченія изъ исчисленныхъ мною памятниковъ. Акты Пуцича, по словамъ г. Макушева, будто бы важны только для лингвиста, а не для историка. Болѣе внимательный просмотръ актовъ, напротивъ, убѣждаетъ въ большомъ научномъ значеніи ихъ для историка и юриста. Въ актахъ, собранныхъ Пуцичемъ, содержится множество драгоцѣнныхъ указаній, во многомъ объясняющихъ внутренній бытъ стараго Дубровника. Diversa, какъ и тетраги вѣча, сходны съ земскими книгами старыхъ Чеховъ и Моравовъ, помѣщенными въ извлеченіяхъ въ извѣстномъ сборникѣ Палацкаго (Archiv česky) и содержащими богатый матеріалъ по исторіи старочешскаго права.

Изъ памятниковъ общаго законодательства Дубровника г. Макушевъ говоритъ болѣе подробно только о книгѣ статутовъ 1272 г. и таможенномъ уставѣ, ограничиваясь однимъ упоминаніемъ о книгѣ реформацій, книгѣ зеленой (Viridis) и шафранной (Croceus). Если невозможно изученіе этихъ памятниковъ (хранящихся въ недоступномъ архивѣ Дубровника) въ полномъ ихъ составѣ, то все-таки извлеченія изъ нихъ, помѣщенныя въ сборникѣ Пуцича (II, 154—178), даютъ возможность, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, опредѣлить существенный характеръ памятниковъ и значеніе ихъ въ исторіи Дубровницкаго законодательства.

Г. Макушевъ, по нашему мнѣнію, невѣрно опредѣляетъ отношеніе книги статутовъ къ книгѣ реформацій, также къ книгамъ зеленой и шафранной, называя послѣднія дополненіями первой. Подобное значеніе можно давать только законоположеніямъ, вносившимся въ Liber Statutorum послѣ ея изданія (къ нимъ принадлежатъ статуты XIV—XVII столѣтій). „Реформаціи" же и законы книги зеленой и шафранной отличались отъ статутовъ, какъ самостоятельныя формы Дубровницкаго законодательства, почему и вносились въ отдѣльные сборники.

Слѣдуетъ, наконецъ, поставить въ вину г. Макушеву рѣшительно невѣрный взглядъ на отношеніе Венеціанскаго права къ Дубровницкому. Вмѣстѣ съ невѣрнымъ опредѣленіемъ значенія и роли славянскаго элемента въ жизни Дубровника, авторъ слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе Венеціи на Дубровницкое законодательство, различая въ развитіи послѣдняго двѣ главныя эпохи: эпоху самостоятельнаго законодательства (до книги статутовъ 1272) и эпоху венеціанскихъ вліяній (см. стр. 168).

Для доказательства своей мысли о венеціанскихъ вліяніяхъ, авторъ ссылается, во первыхъ, на назначеніе Дубровницкихъ князей изъ Венеціанцевъ, имѣвшихъ возможность дѣйствовать въ интересахъ Венеціи; во вторыхъ, на договоры (большею частію торговые) Дубровника съ Венеціей, которая при этомъ все направляла на пользу своихъ интересовъ; втретьихъ, на государственое устройство Дубровника, будто бы цѣликомъ заимствованное изъ Венеціи.

Скажемъ прежде всего вмѣстѣ съ самимъ же авторомъ, что вопросъ о венеціанскихъ или какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяніяхъ можно рѣшить только путемъ тщательнаго изученія Дубровницкаго законодательства, сравнительно съ венеціанскимъ и иными славянскими. Пока не будутъ обнародованы памятники Дубровника

до тѣхъ поръ нельзя положительно утверждать о господствѣ въ нихъ внѣшнихъ вліяній.

Самыя доказательства автора мало подтверждаютъ его мысль.

Что касается назначенія князей изъ Венеціанцевъ, то это обстоятельство, при особенномъ, и нужно замѣтить, изстари установившемся строѣ общественной жизни Дубровника, не могло имѣть большаго вліянія на мѣстное законодательство. Самъ авторъ говоритъ, что князья, назначавшіеся Венеціей (съ начала XIII столѣтія до 1368 г.— времени изгнанія чужихъ князей), „всегда обязывались управлять страною по *старымъ обычаямъ и законамъ* (Дубровника) заодно съ властелями“; при уклоненіи отъ такой обязанности, князья тотчасъ изгонялись. Въ общественныхъ дѣлахъ они пользовались самымъ ничтожнымъ вліяніемъ, не имѣли никакой власти: вся сила въ государствѣ находилась въ рукахъ не князя, но народа или лучше — вѣча. Дубровницкіе князья были слишкомъ безсильны, чтобы быть проводниками венеціанскихъ вліяній въ жизнь и законодательство Дубровника.

Договоры также ничего не доказываютъ. Путемъ договоровъ, на которые указываетъ авторъ, могло войдти въ торговое право Дубровника много заимствованныхъ постановленій изъ законовъ Венеціи; но значитъ ли это, что все Дубровницкое законодательство было подъ *сильнымъ* вліяніемъ Венеціи? Ничуть. Вѣдь и въ договорахъ Руссовъ съ Греками можно прослѣдить греческія вліянія, но никто не говоритъ, чтобы послѣднимъ подчинялось все современное русское право. Дѣло въ томъ, что вліянія такія вытекали изъ самаго существа дѣла. Торговыя сношенія Дубровника съ сосѣдями могли самымъ естественнымъ образомъ основываться на обоюдныхъ договорахъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Законы о торговлѣ (по преимуществу внѣшней, морской) Дубровникъ могъ заимствовать изъ готоваго уже матеріала—законодательства тѣхъ государствъ, съ которыми онъ находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ, нисколько не теряя самостоятельности въ дѣлѣ своего внутренняго законодательства. Все, что доселѣ напечатано изъ Дубровницкихъ памятниковъ, ясно свидѣтельствуетъ, что старые обычаи и законы (иногда — просто старые славянскіе обычаи, напримѣръ, vražda и пр.), самостоятельно развитые Дубровникомъ, были главнымъ источникомъ древняго Дубровницкаго законодательства.

Насъ не убѣдило, наконецъ, послѣднее доказательство автора — вліяніе Венеціи на государственное устройство Дубровника. Мы ви-

димъ здѣсь только не свойимъ достаточное знакомство автора съ историей государственнаго устройства Дубровника; собственно говоря, авторъ повторяетъ только то, что давно уже высказано другими историками. Онъ не обратилъ вниманія на весьма важныя указанія памятниковъ на древнія учрежденія Дубровника, напримѣръ, хоть на соборъ, на которомъ весь народъ, какъ это было вездѣ у Славянъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Даже такія учрежденія, какъ „вѣче умолено", нужно относить къ спорнымъ вопросамъ: нельзя еще положительно сказать, чтобы „вѣче умолено" непремѣнно было венеціанскаго происхожденія. Только переходя къ позднѣйшему времени и позднѣйшимъ учрежденіямъ Дубровника, можно говорить о внѣшнихъ вліяніяхъ, и прежде всего со стороны Венеціи: въ XV и особенно XVI и позднѣйшихъ вѣкахъ государственное устройство Дубровника мало по малу построяется по образцамъ венеціанскимъ. Но мы знаемъ, напримѣръ, что и старая Литва, въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ, приняла очень много польскихъ учрежденій, ея публичная жизнь подвергалась значительнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, а между тѣмъ мы не скажемъ, что чрезъ это литовское право потеряло свою самостоятельность. Не нужно забывать широкой сферы чисто-юридическихъ отношеній, вообще не легко поддающихся внѣшнимъ наносамъ и вліяніямъ; есть много данныхъ, говорящихъ въ этомъ случаѣ въ пользу строгой самостоятельности Дубровницкаго и литовскаго права. Въ бывшихъ у насъ подъ рукой Дубровницкихъ актахъ и извлеченіяхъ изъ статутовъ и реформацій находимъ не мало указаній на исконные институты гражданскаго и уголовнаго права и процесса. Къ чисто-славянскимъ учрежденіямъ принадлежитъ, напримѣръ, система уголовныхъ пеней (vražda, названная прямо славянскимъ обычаемъ), которая лежала въ основаніи всего уголовнаго права Дубровника и издавна принята была, какъ общее учрежденіе для всѣхъ Дубровчанъ (Пуцича Спомен. II, 152).

Нельзя вообще не указать на замѣчательный фактъ, обнаруживающій, какъ еще мало мы, Славяне, знаемъ самихъ себя, въ особенности въ своемъ далекомъ прошедшемъ. Мы говоримъ о странной судьбѣ почти всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ законодательствъ, — судьбѣ, какой они подвергались подъ рукой своихъ изслѣдователей и историковъ. Извѣстно, напримѣръ, что почти до настоящаго времени всѣ наши историки, вслѣдъ за профессорами Дерптскаго университета (напримѣръ, Эверсомъ и другими Нѣмцами), впервые обратившими вниманіе на древнерусскіе законодательные памят-

ники, выводятъ изъ германскихъ и другихъ чуждыхъ источниковъ чуть ли не все древнее русское право: нужно было много времени и трудовъ, чтобы выяснилось дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ. Подобную же судьбу испытали или еще испытываютъ доселѣ почти всѣ западно-славянскія законодательства. Чуть дѣло коснется древнѣйшихъ памятниковъ или отдѣльныхъ институтовъ по внутренней исторіи старославянскаго права, историки, не задумываясь, ищутъ ихъ корней не на своей природной почвѣ, но за тридевятью землями.... Еще въ недавнее время принималось за аксіому положеніе о преобладаніи въ старочешскомъ правѣ нѣмецкихъ вліяній или въ правѣ старой Сербіи — вліяній византійскихъ. Только благодаря трудамъ новѣйшихъ изслѣдователей (Палацкаго, Ирѣчька и др.), старыя воззрѣнія теряютъ мало по малу свой кредитъ, и утверждаются болѣе вѣрныя понятія о древнихъ славянскихъ законодательствахъ. Дѣло въ томъ, что старое время не такъ легко допускало внѣшнія, чуждыя вліянія въ народной жизни; тогда потеря самостоятельности въ сферѣ права могла быть только результатомъ паденія и вымиранія самой народности, какъ это наглядно показываетъ, напримѣръ, исторія балтійскихъ Славянъ. Все это мы говоримъ къ тому, чтобы показать, что мысль о *сильныхъ* вліяніяхъ Венеціи на Дубровницкое законодательство не можетъ быть принята на вѣру, безъ строгой повѣрки ея на фактахъ. Прежде чѣмъ говорить о самостоятельности и несамостоятельности Дубровницкаго законодательства, нужно глубоко изучить его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, нужно сравнить его съ другими законодательствами, сходными съ нимъ по духу и имѣвшими на него извѣстное вліяніе,—задача, рѣшительно не выполнимая теперь по недостатку всѣхъ данныхъ.

Нельзя, конечно, отрицать внѣшнихъ вліяній въ исторіи Дубровницкаго права. Они были, но весь вопросъ — во времени, когда обнаружились и развились такія вліянія. Есть причины полагать, что вліяніе Венеціи было весьма слабо, а можетъ-быть, его и вовсе не было, при первоначальной редакціи книги статутовъ: она издана съ согласія и утвержденія цѣлаго народа, который едва-ли бы допускалъ для себя законы, если бы въ нихъ, какъ утверждаетъ г. Макушевъ, „стояли на первомъ планѣ интересы Венеціи". Только съ того времени, когда властели усилились, забрали въ свои руки все управленіе государствомъ, приняли для себя за образецъ венеціанскую аристократію, многое въ устройствѣ Дубровника могло быть заимствовано или построено по венеціанскимъ образцамъ. Вліянія такія дѣй-

ствительно замѣтны въ позднѣйшихъ статутахъ и сборникахъ законовъ, особенно въ Liber Viridis и Croceus. На это указываетъ уничтоженіе старыхъ народныхъ соборовъ, ограниченіе суда присяжныхъ (пороты), сильное развитіе сословныхъ привилегій властелей въ ущербъ другимъ общественнымъ разрядамъ, сложная лѣстница новыхъ учрежденій, сходныхъ съ венеціанскими и пр. Старые государственные порядки, пошатнувшіеся уже въ эпоху изданія книги реформацій, болѣе и болѣе падаютъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ; но и въ это время еще нельзя говорить о несамостоятельности Дубровницкаго законодательства.

Въ обозрѣніи внутренняго быта Дубровника г. Макушевъ касается также нѣкоторыхъ юридическихъ вопросовъ, рѣшая ихъ не всегда согласно съ дѣйствительностію. Састанакъ или stanico (правильнѣе, stanicum) названъ у г. Макушева очною ставкою и отдѣленъ отъ пороты, что̀ положительно не вѣрно. Ниже увидимъ, что stanicum (какъ намъ кажется, тоже что̀ торгъ древняго русскаго или чешскаго права) означалъ судебную сходку, именно мѣсто общиннаго суда, отличавшагося отъ другихъ, собственно правительственныхъ судовъ (курій, судей и пр.). По грамотамъ и статутамъ, stanicum былъ мѣстомъ судныхъ сходокъ двоякаго рода: такъ-называемаго учиначья (нашъ судъ третей, сербскіе думники, чешскій slibný soud) и собственно пороты, суда присяжныхъ, и на этомъ основаніи stanicum иногда назывался minus, parvum, иногда majus, generalium. Далѣе, авторъ неправильно смотритъ на учрежденіе круговой поруки: слѣды существованія ея въ старомъ Дубровникѣ, въ видѣ общаго учрежденія, ясно замѣтны въ древнѣйшихъ памятникахъ, въ особенности въ договорныхъ грамотахъ. Особенно же недостаточно и блѣдно изложено государственное устройство Дубровника. Авторъ говоритъ только объ учрежденіяхъ позднѣйшаго времени, ни слова не проронивъ о старыхъ порядкахъ, когда во главѣ Дубровника еще стоялъ соборъ (сьборъ, generale consilium), вовсе неизвѣстный г. Макушеву. Другимъ учрежденіямъ дается не то значеніе, какое они имѣли въ дѣйствительности; напримѣръ, малое вѣче называется у автора „чѣмъ-то въ родѣ министерства иностранныхъ и духовныхъ дѣлъ". Есть и другія ошибки и недостатки, которыхъ легко можно было избѣжать при болѣе внимательномъ знакомствѣ даже съ тѣмъ недостаточнымъ матеріаломъ, какой теперь доступенъ для насъ по исторіи Дубровницкаго права.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы опредѣлимъ, по крайней мѣрѣ, существенныя черты государственнаго устройства Дубровника въ древнѣйшее время, на сколько возможно его реставрировать, руководясь старыми грамотами, извлеченіями изъ сборниковъ Дубровницкихъ законовъ и другими памятниками, собранными и изданными Николаевичемъ, Миклошичемъ, Пуцичемъ и др. Сначала скажемъ нѣсколько словъ о самихъ памятникахъ.

О древнѣйшемъ законодательствѣ Дубровника сохранилось мало извѣстій. Извѣстно только, что Дубровникъ, далеко до изданія книги статутовъ, уже обладалъ довольно развитымъ законодательствомъ. Изъ введенія къ книгѣ статутовъ видно, что предъ ея изданіемъ дѣйствовали въ Дубровникѣ *старые* законы и статуты, разбросанные во многихъ книгахъ и актахъ, отличавшіеся сбивчивостью, темнотой и недоразумѣніями. Вотъ какъ опредѣляется состояніе Дубровницкаго законодательства въ моментъ изданія статутовъ: „Statuta Ragusii per diversos comites hactenus diversis temporibus edita, in pluribus libellis dispersa erant, inter se in aliquibus discrepantia, in quibusquam superflua, in nonnullis non modicum defectiva, obscura et confusa; itaque ex eis plerumque contentiones et altercationes diversaeque opiniones etiam inter judices nascebantur". (Пуцич. II, 141). Старые законы и статуты Дубровника, по словамъ г. Макушева, частію погибли въ пожары 1013 и 1297 г., частью же умышленно истреблены венеціанскими графами (стр. 169).

До насъ дошли слѣдующіе четыре сборника древнихъ законовъ Дубровника: Liber Statutorum civitatis Rhacusii 1272, Liber omnium Reformationum 1335, Liber legum civitatis Rhacusii dictus Viridis 1357, Liber Croceus 1460.

а) *Книга статутовъ* составлена во время Дубровницкаго князя Марка Юстиніана и утверждена 15-го мая 1272 г. большимъ и малымъ вѣчами, съ одобренія и согласія всего народа, собраннаго по вѣчевому колоколу на общую сходку (praesens statutum confirmatum et corroboratum tam per *parvum* quam per *magnum consilium*, quae etiam per *laudationem totius populi* more solito ad campanarum sonitum congregati), съ тѣмъ чтобы новый сводъ, вмѣсто старыхъ статутовъ, дѣйствовалъ вездѣ въ судахъ и внѣ судовъ.

Этотъ сборникъ дошелъ до насъ въ позднѣйшемъ видѣ, вмѣстѣ съ вносившимися въ него позже узаконеніями. Въ этомъ дополненномъ видѣ статуты раздѣлены на 8 книгъ, каждая съ бо́льшимъ или меньшимъ числомъ главъ. Въ распредѣленіи книгъ замѣтна нѣкоторая

послѣдовательность. Въ первыхъ двухъ книгахъ излагаются основные законы Дубровника: I, о порядкѣ избранія и разныхъ правахъ и обязанностяхъ князя и другихъ должностныхъ лицъ (officiales), также о церквахъ и церковныхъ должностяхъ; II, о формулахъ присяги должностныхъ лицъ. Остальныя книги трактуютъ о предметахъ права гражданскаго, уголовнаго и т. д. въ слѣдующемъ порядкѣ: III, о судопроизводствѣ и гражданскихъ законахъ (о договорахъ, завѣщаніяхъ и пр.); IV, о правахъ на вещи; V, о городской и земской полиціи, главнымъ образомъ — о дорогахъ и постройкахъ; VI, объ уголовныхъ законахъ (съ позднѣйшими постановленіями о торговлѣ); VII, о мореходствѣ; VIII, смѣшанные предметы (объ избраніи судей, объ адвокатахъ, пошлинахъ и пр.). Главы имѣютъ отдѣльныя заглавія. Иногда указываются самые источники постановленій, и прежде изложенія текста закона приводится въ началѣ главъ summarium, съ краткимъ указаніемъ содержанія главъ. Вообще, судя по имѣвшимся у насъ подъ рукой отрывкамъ книги статутовъ, она отличается замѣчательною по тому времени обработкой: редакторы книги дѣйствительно дали Дубровнику уставъ съ ясными и понятными для всѣхъ узаконеніями.

Изданіе книги статутовъ вызвано было запутанностію и другими недостатками стараго Дубровницкаго законодательства. Устранить такіе недостатки старались новымъ систематическимъ изданіемъ старыхъ законовъ, какъ объ этомъ прямо говорится въ слѣдующемъ мѣстѣ введенія къ книгѣ статутовъ: „nolentes pati ulterius ut inde discordia prodeat unde jus debet oriri, invocato Dei nomine... ad bonum, quietum et pacificum statum civitatis Ragusii praedicta statuta sic disposita in praesens volumen collegimus, ipsorum discrepantiam concordavimus, resecantes superflua, supplentes defectus, dilucidantes obscura quaelibet et confusa ut in eis de caetero nihil superfluum, obscurum aut captiosum valeat reperiri“. (Пуцић. II, 141). Сведеніе законовъ въ одну книгу, вмѣстѣ съ внѣшнею ихъ обработкой, приведеніемъ въ большій порядокъ и систему, — главныя цѣли, руководившія редакторами книги статутовъ. На ея изданіе могли также вліять политическіе мотивы: упрочить старыя свои привилегіи, законы и обычаи, путемъ новаго пересмотра и сведенія ихъ въ одно мѣсто, могло быть самымъ естественнымъ желаніемъ свободной и богатой торговой республики, долго жившей вполнѣ самостоятельною жизнію и претворившей въ теченіе многихъ вѣковъ въ свою плоть и кровь самыя широкія начала внутренняго самоуправленія и автономіи.

Старые законы и обычаи — одинъ изъ главныхъ элементовъ, изъ

которыхъ составился первоначальный сборникъ Дубровницкихъ статутовъ. Въ немъ нерѣдко то или другое правило установляется „de consuetudinibus“, „secundum antiquam consuetudinem“ (см. напр., кн. I ст. 1; кн. III, ст. 49—58 и пр.). Позже вносились въ него съ практическими цѣлями новые законы, издававшіеся первоначально соборомъ, съ согласія и утвержденія большаго и малаго вѣча и всего народа („cum voluntate *minoris* et *majoris consilii* et cum *laude populi* congregati sonitu campanarum“, или: „cum *minori* et *majori* et *generali consiliis* cum *laude populi in concione publica* in platea communis ad sonitum campanarum more solito congregati“). Такимъ образомъ, въ 1308 г. подтвержденъ древній славянскій обычай — vraida (antiqua consuetudo fuit per omnes Reges et homines Sclavoniae“...), и самый законъ внесенъ въ книгу статутовъ. Точно также поступили съ закономъ о пастбищахъ 1321 года. Есть и другія добавленія. Въ книгу статутовъ вносились законы и послѣ изданія втораго свода — reformationes (напр., законы 1392, 1394 и др. годовъ), — ясное доказательство практическаго дѣйствія книги статутовъ наряду и совмѣстно съ позднѣйшими сводами Дубровницкихъ законовъ (Пуцича II. 150—154, 170). Добавочные законы книги статутовъ принадлежатъ XIII—XVII столѣтіямъ. По указаніямъ г. Макушева, число ихъ простирается до 35 (Изслѣд. 150).

b) *Книга реформацій* составлена въ 1335 г. княземъ Николаемъ Фалетро изъ вѣчевыхъ рѣшеній и приговоровъ стараго времени. Трудно рѣшить съ полною достовѣрностью, почему одни законы вносились въ старый сводъ, другіе составили изъ себя новый сборникъ. Намъ кажется, что этотъ вопросъ можно рѣшить, руководясь слѣдующимъ соображеніемъ. Въ старомъ Дубровникѣ менѣе важные законодательные вопросы рѣшались большимъ или малымъ вѣчемъ, безъ народнаго участія: названіе реформацій и носили вѣчевыя рѣшенія подобнаго рода. Реформаціи означали законы меньшей важности или административныя распоряженія „господы“, въ противоположность статутамъ, основнымъ законамъ общины, издававшимся до уничтоженія соборовъ „per laudationem totius populi“ и вносившимся въ книгу статутовъ. Догадка наша подтверждается бывшими у насъ подъ рукой отрывками книги реформацій. Изъ нихъ видно, что реформаціи обыкновенно издавались большимъ или малымъ вѣчемъ, безъ утвержденія народной сходки. Законъ 1319 г. de robbariis ясно указываетъ на статутъ и реформацію, какъ на самостоятельныя формы Дубровницкаго законодательства, которыя никогда не смѣшивались между собою.

Этотъ законъ первоначально изданъ малымъ вѣчемъ, въ значеніи простой реформаціи; но за тѣмъ, вѣроятно, вслѣдствіе важности самаго предмета закона, положено большимъ вѣчемъ считать его статутомъ (supradicta reformatio habeatur pro statuto. См. Пуцича. II, 156).

Реформаціи отличаются отъ перваго свода самимъ порядкомъ своего образованія. Они собраны княземъ и утверждены малымъ вѣчемъ (о большомъ нѣтъ ни слова), вмѣстѣ съ однимъ объявленіемъ ихъ народу чрезъ общиннаго пристава (etiam *clamata* et *bannita* fuerunt voce praeconia per civitatem Racusii in locis consuetis per Serotam publicam praeconem dicti communis).

Книга реформацій раздѣлена на 33 pagina. Отдѣльныя реформаціи представляютъ часто изложеніе всего дѣла, бывшаго поводомъ къ составленію закона. Подобно первому своду, книга реформацій содержитъ также позднѣйшіе законы, появлявшіеся послѣ ея изданія.

c) *Книги зеленая* и *шафранная* (Viridis et Croceus), какъ по всему видно, не имѣютъ характера предыдущихъ двухъ сборниковъ, первоначально явившихся, какъ продуктъ одновременной законодательной дѣятельности Дубровника, и только позже дополнявшихся новыми постановленіями. Въ обоихъ сборникахъ нужно видѣть вѣчевыя книги, хранившіяся въ общинной канцеляріи и напоминавшія собой чешскія zemske desky. Въ памятникахъ такія книги называются „тетраги веħа“. Въ нихъ вносились, по мѣрѣ изданія, законы и распоряженія, касавшіеся цѣлой общины, также разнаго рода грамоты и акты, составлявшіеся на вѣчахъ (о тетрагахъ и внесенія въ нихъ вѣчевыхъ законовъ и грамотъ см. напр. грамоту 1418 г. у Пуцича. I, 177). Законы, собранные въ Зеленой книгѣ, принадлежатъ 1357—1460 г., въ шафранной 1460—1574 г. На систематическій видъ обѣихъ книгъ указываетъ раздѣленіе ихъ на главы и статьи (въ Зеленой книгѣ — болѣе 200 главъ, въ Шафранной — 231).

d) Исчисленные сборники представляютъ главный источникъ общаго Дубровницкаго законодательства. Кромѣ того, раннее развитіе торговыхъ и морскихъ сношеній Дубровника съ сосѣдями должно было вызвать необходимость въ законахъ по торговлѣ и мореходству. По словамъ г. Макушева, древній уставъ, касавшійся торговли и вообще внѣшнихъ сношеній Дубровника, принадлежитъ 1277 г. Къ намъ дошелъ уставъ вторичной, распространенной редакціи 1413 г., подъ названіемъ *Capitulare della Dogana grande*, съ позднѣйшими добавленіями, доходящими до 1674 г. Правила о мореходствѣ изложены въ отдѣльномъ уставѣ — *Regolamenti della Republica di Ragusa per la*

navigazione nazionale. О подробностяхъ, въ особенности о содержаніи перваго устава, см. г. Макушева Изслѣдованія, стр. 169—177.

e) Важнымъ пособіемъ для изученія законодательства Дубровника могутъ служить также разнаго рода акты и грамоты, подъ общимъ названіемъ *писаній, повель, записей, книгъ, законовъ*. По содержанію ихъ можно раздѣлить на грамоты *договорныя*, касавшіяся дипломатическихъ сношеній Дубровника съ Сербіей, Босніей, Венеціей и т. д., — грамоты *судныя, жалованныя* и пр. Они изданы въ сборникахъ Николаевича, Миклошича, Яна Шафарика, Пуцича и пр.

Болѣе важныя грамоты, касавшіяся существенныхъ интересовъ общины, записывались въ книгу статутовъ, какъ это положено было въ 1392 г. по одному частному случаю (Пуцича II, 37). Другіе акты, по давнему обычаю, вносились въ *вѣчевыя книги* и другіе сборники. Въ XIV столѣтіи и позже велись въ Дубровникѣ, кромѣ вѣчевыхъ книгъ (тетраги), еще такъ-называемыя *Diversa Cancellariae, Diversa Notariae* и *Testamento Notariae*. Въ первую книгу вносились государственные акты, изготовлявшіеся въ общинной канцеляріи, во вторую — различныя судебныя дѣла и приговоры, въ третью — частные акты и записи, завѣщанія, купчія и пр. Извлеченія изъ нихъ помѣщены въ сборникѣ Пуцича (II, 1—136).

f) Въ Дубровникѣ, какъ и у всѣхъ средневѣковыхъ Славянъ, области, пользовавшіяся относительною самостоятельностью и автономіей, жили по своимъ отдѣльнымъ законамъ. Въ настоящее время извѣстны три памятника *партикулярнаго* или *мѣстнаго* законодательства Дубровника. Сюда относятся *Статуты островов Млѣта, Ластова и Корчулы*, бывшихъ въ зависимости отъ Дубровника. Общій обзоръ этихъ памятниковъ сдѣланъ г. Макушевымъ (Изслѣд., стр. 177—186). Статутъ Корчулы изслѣдованъ *Венцелемъ*, въ соч. Studien über den Entwickelungsgang des Rechtslebens auf der Insel Curzola (въ *Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen*, B. IV и VII), и *V. L.* — Regime e statuto municipale di Curzola (въ *Osservatore dalmato*, 1851).

Перейдемъ теперь къ обзору государственнаго устройства Дубровника. Мы изложимъ нѣсколько замѣчаній, главнымъ образомъ, объ учрежденіяхъ древнѣйшаго времени, когда публичная жизнь Дубровника еще не въ такой степени подверглась венеціанскимъ вліяніямъ, какъ это мы видимъ позже. При этомъ я буду указывать, гдѣ нужно, на сходныя учрежденія и порядки у другихъ Славянъ. Сравнитель-

кое изученіе устройства Дубровника, въ особенности съ устройствомъ сосѣдней славянской общины — Полицы, войдетъ въ изготовляемое мною „Изслѣдованіе Полицкаго Статута, сравнительно съ Русскою Правдой и другими древнѣйшими памятниками славянскихъ законодательствъ“.

Историки, изучавшіе бытъ Дубровника (Энгель, Шиндлеръ и др.), считаютъ его общиной, издавна имѣвшею *аристократическо*-республиканскій характеръ, на томъ основаніи, что всѣ вѣча и отдѣльныя должности Дубровника замѣщались одними властелями — людьми, принадлежавшими къ верхнимъ слоямъ общества, при полномъ устраненіи народа отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Мы думаемъ, что такое положеніе не совсѣмъ отвѣчаетъ дѣйствительности. Оно вѣрно только въ отношеніи къ позднѣйшей исторіи Дубровника, когда подъ вліяніемъ Венеціи онъ дѣйствительно измѣнился изъ демократической общины въ аристократическую республику, усвоившую почти всѣ основныя формы устройства итальянскихъ общинъ.

При всей скудости источниковъ, объясняющихъ старую жизнь Дубровника, есть однакожъ достаточныя данныя, говорящія въ пользу *демократизма* стараго Дубровника. Грамоты XIII и XIV столѣтій и книга статутовъ ясно показываютъ, что въ старое время простонародье Дубровника занимало совсѣмъ не то положеніе, въ какомъ оно очутилось въ XVI и позднѣйшихъ вѣкахъ, что старый Дубровникъ весьма долго удерживалъ почти то же самое устройство, какое развилось, напримѣръ, въ Полицѣ или нашемъ Новгородѣ и Псковѣ. Система народоправства, простота и несложность общинной администраціи, отсутствіе рѣзкихъ сословныхъ разграниченій — явленія, очень долго удерживавшіяся въ общественной жизни Дубровника и вообще характеризующія древнее устройство славянскихъ общинъ.

Перемѣны въ иномъ духѣ являются со времени усиленія властелей и усложненія внѣшнихъ сношеній и столкновеній Дубровника съ западными сосѣдями, въ особенности съ Венеціей. Въ жизни Дубровника являются съ этихъ поръ новые порядки; его устройство болѣе и болѣе проникается чуждыми началами. До XV столѣтія народоправство Дубровника слагалось изъ двухъ порядковъ, составлявшихъ коренную принадлежность устройства всѣхъ славянскихъ общинъ, развивалось по двумъ направленіямъ и началамъ — вѣчевому и личному, высказывавшимся съ одной стороны въ учрежденіи собора и вѣчъ, а съ другой — въ народныхъ старшинахъ (кнезахъ, судьяхъ, парцахъ и пр.). Позже значительно ослабляется и наконецъ вовсе утрачи-

вается въ общей администраціи народный элементъ, являются иныя комбинаціи и отношенія между учрежденіями, пріобрѣтающими болѣе и болѣе аристократическій характеръ. Отъ прежняго порядка удержалась почти одна нелюбовь общины къ самовластію князей. Вмѣсто простой и несложной администраціи, является цѣлая лѣстница должностей, часто цѣликомъ взятыхъ изъ Венеціи и организованныхъ по началамъ венеціанскаго права.

Дубровникъ съ этого-то времени можно и слѣдуетъ считать аристократическою республикой. Вмѣстѣ съ господствомъ въ XV и XVI вѣкахъ итальянскаго языка, Дубровникъ, подобно другимъ городамъ Приморья, начинаетъ напоминать итальянскія общины. И тамъ, и здѣсь выдвигается на первый планъ привилегированный классъ племичей, властелей. Въ ихъ рукахъ, особенно со времени усиленія вѣча умоленнаго (consilium rogatorum), сосредоточивается управленіе всѣми важнѣйшими общественными дѣлами. Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Дубровникѣ, пока въ началѣ настоящаго столѣтія онъ не утратилъ своихъ вольностей, поступивъ въ управленіе австрійскихъ чиновниковъ.

Въ самыхъ древнихъ, извѣстныхъ намъ, памятникахъ Дубровникъ носитъ названіе *„жупы дубровачке“*, большею же частію называется *община* (обкина, опћина, опькина, иногда съ прибавленіемъ — градьска), *градь, самовладущи градь*, иногда просто *гороожане, граћане* (Николаевича Спом. 1—4, 6—9, 139 и пр. Miklos. Monum. 442, 518 и т. д.).

Жупа, или община Дубровницкая, имѣетъ значеніе *„господи“*, подобной господину Великому Новгороду. Вѣча и властели (иногда властели опкиньски) — простые органы верховной власти самостоятельной жупы. Во главѣ жупы стоитъ „сьборь“, generale consilium: вѣча и властели зависѣли отъ жупы и ея собора, или, точнѣе говоря, составляли постоянные органы, дѣятельные элементы общины, цѣликомъ входившіе во внутренній ея составъ. Въ сходкахъ и властеляхъ заключалась главная сила и опора земства.

О древнемъ государственномъ устройствѣ Дубровника даетъ интересныя свѣдѣнія договоръ 15-го іюня 1253 г., заключенный между Дубровникомъ и Болгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣнемъ. Въ немъ перечислены всѣ главныя учрежденія и должностныя лица Дубровника (Miklos. Mon. 39—40). Ихъ можно относить (развѣ кромѣ одного вѣча умоленнаго) къ изстариннымъ учрежденіямъ, встрѣчавшимся у большинства современныхъ Славянъ. По крайней мѣрѣ, по всему

видно, что учрежденія, упоминаемыя въ договорѣ, издавна существовали въ Дубровникѣ, или развились въ немъ вслѣдъ за наплывомъ въ его составъ славянскихъ элементовъ, получившихъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ уже рѣшительный перевѣсъ надъ другими составными частями Дубровника[1]). Къ учрежденіямъ, существовавшимъ въ Дубровникѣ въ

---

[1]) Г. Макушевъ, какъ намъ кажется, не совсѣмъ согласно съ дѣйствительностію опредѣляетъ время господства славянскаго элемента въ жизни Дубровника. Отвергая мнѣніе о славянизаціи его въ X вѣкѣ, онъ относитъ ее къ концу XIV или началу XV вѣка, на томъ основаніи, что вопервыхъ, въ X вѣкѣ было въ Дубровникѣ еще мало славянскихъ поселенцевъ и территоріальное расширеніе его на счетъ Славянъ началось только съ половины слѣдующаго вѣка, и вовторыхъ латынь постоянно господствовала въ Дубровникѣ: были въ XIV столѣтіи попытки ввести славянскій языкъ въ государственное управленіе, но такія попытки остались безъ послѣдствій. Но вѣдь самъ же г. Макушевъ говоритъ, что первыя поселенія Славянъ въ Дубровникѣ относятся еще къ VII вѣку (стр. 2). Вспомнимъ далѣе, что говоритъ Порфирородный (жившій между 925 и 959 г.) о современныхъ отношеніяхъ Славянъ къ Дубровнику: они разрушаютъ городъ, — баны Захлумскій и Требинскій заставляютъ Дубровчанъ платить себѣ дань. Подобныя отношенія, очевидно, могли способствовать въ сильной степени славянской колонизаціи въ Дубровникѣ, тѣмъ болѣе, что и торговыя связи его съ славянскими землями начались весьма рано (съ Босніей, напр., заключались уже формальные договоры въ первой половинѣ IX вѣка). Съ XI вѣка входятъ въ составъ Дубровницкой территоріи цѣлыя славянскія жупы, — *свои* Славяне, равноправные «жупляне», могли въ свою очередь сильно способствовать славянизаціи Дубровника. Въ XIV вѣкѣ большинство его населенія, по словамъ самаго г. Макушева, составляли Славяне; сильные своимъ единствомъ, они должны были господствовать надъ остальною частью самаго разнороднаго населенія, слагавшагося изъ Эпидавритянъ, Салонитянъ, Итальянцевъ, Испанцевъ и пр. Преобладаніе Славянъ въ Дубровникѣ XIII вѣка видно изъ сказанія арабскаго географа Якута (писавшаго въ началѣ XIII стол.), называвшаго *славянскимъ пригородомъ* торговую факторію Дубровника въ Сициліи, — ясное доказательство, что въ это время Дубровникъ считался уже славянскимъ городомъ (о Якутѣ см. у г. Макушева, 264). Точно также господство латыни еще ничего не доказываетъ. Дѣло въ томъ, что въ средніе вѣка латынь господствовала во всемъ *католическомъ* мірѣ: если она была въ ходу въ Дубровникѣ и у всѣхъ католическихъ Славянъ, то здѣсь нужно видѣть только вліяніе духовенства, не больше. Также по средневѣковому обычаю, латынь употреблялась во внѣшнихъ сношеніяхъ, у Славянъ въ особенности съ западными сосѣдями. Сборники законовъ Дубровника писались по-латыни; но на томъ же языкѣ писались статуты Загребскій, Сеньскій, Вислицкій, Полицкій и множество другихъ законодательныхъ памятниковъ — польскихъ, чешскихъ, хорватскихъ и пр. (см. сборники Эрбена, Догеля, Кукулевича и пр.). Съ другой стороны, есть доказательства того, что славянскій, именно сербскій языкъ рано началъ дѣйствовать въ Дубровникѣ, какъ языкъ оффиціальный, и *постоянно* удерживалъ за собой такое значеніе, не только во внѣшнихъ сношеніяхъ Дубровника съ сосѣдними славянскими землями, но и въ центральной администра-

1253 году и обнимавшимъ все несложное его устройство, относились съ одной стороны, соборъ и вѣча большое, умоленное и малое, съ другой — общинные властели: кнезь, судьи, внсѣтрье опкиньски, прыцы градьци и наконецъ властели, „ки дрьже добитъ свѣте богородице". Въ другихъ грамотахъ упоминаются также станакъ (stanicum), порота, учиначье, логофеть и общинный пристав тоже какъ изстаринныя учрежденія Дубровника. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ учрежденій.

а) *Соборъ*. Обычай сообща совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ равно извѣстенъ всѣмъ народамъ. Онъ особенно сильно держится тамъ, гдѣ народъ не вышелъ еще изъ эпохи простыхъ, патріархальныхъ формъ жизни, какъ это видимъ весьма долго у южныхъ Славянъ. Въ Полицѣ, Дубровникѣ и другихъ свободныхъ общинахъ всякія сколько-нибудь важныя дѣла обсуждались и рѣшались на соборахъ — общихъ народнихъ сходкахъ. Въ Дубровникѣ народная сходка называлась *сьборомь*, *generale consilium* или *publica* conc (О сборѣ см. Mikl. № 41; О gen. cons. см. въ книгѣ статутовъ законъ о пастбищахъ 1321 года, гдѣ generale consilium прямо отличается отъ большаго и малаго вѣча, — Пуцича II. 154; о publ. con см. Макушева 151, Пуц. II. 153. 171).

Соборъ составлялъ въ Дубровникѣ высшее центральное учрежденіе, которому усвоялась верховная власть. Изданіе статутовъ и сбор

ціи и законодательствѣ (хотя и уступая языку латинскому, позже итальянскому). У Миклошича, напримѣръ, можно найдти до десятка Дубровницкихъ грамотъ XII и XIII вѣковъ, писанныхъ по-сербски (напр. №№ 11, 26, 27, 37, 38, 44, 47 и проч.). Сербскій языкъ употреблялся даже въ сношеніяхъ съ народами, не говорившими по-сербски, какъ это показываетъ грамота 1253 г. Болгарскому царю Михаилу Асѣню (Mikl., № 41). Изъ такихъ грамотъ видно, что уже въ XIII вѣкѣ всѣ должности въ Дубровникѣ имѣли славянскія названія, только позже ставшія замѣняться латинскими и итальянскими. Г. Макушевъ говоритъ, что славянскій языкъ удержался только въ областномъ управленіи и въ церкви; между тѣмъ, стоитъ только просмотрѣть, напримѣръ, сборникъ Пуцича, чтобъ убѣдиться въ болѣе широкомъ дѣйствіи славянскаго языка. Важнѣйшіе акты центральной администраціи и законодательства — книги судебныя и вѣчевыя, книги для записки частныхъ актовъ (завѣщаній, купчихъ и пр.), писались по-итальянски и по латыни и по-сербски, — для послѣдняго дѣла въ «опкинской писарни» состоялъ cancellarius slavicus (Пуцичъ I, XXVIII). — Изложенныя соображенія дозволяютъ думать, что если не раньше, то во всякомъ случаѣ уже *въ XIII и XIV вѣкахъ славянскій элементъ господствовалъ въ Дубровникѣ*, а въ началѣ XV вѣка Дубровникъ рѣшительно ославянился, хотя въ то же время его внутреннее устройство начало проникаться чуждыми, не славянскими началами.

никовъ законовъ, какъ и отдѣльныхъ узаконеній, касавшихся существенныхъ интересовъ цѣлой общины, было, какъ мы видѣли, главною прерогативой Дубровницкаго собора. Особенно часто созывались общія сходки по поводу сношеній и договоровъ съ сосѣдними государствами. Въ договорѣ 1234 года Дубровника съ Сербскимъ кралемъ Стефаномъ говорится: „Придохь *оу си* градь Доубровьникь — кнезь Петрь Болеславикь и Тудрь Крусикь и сь всѣми властелы и обькиновь градьсковь *од мала и до велиа*“ (Свом., 2); или въ грамотѣ 1236—38: „азь Жани Даньдоль кнезь Дубровьчкы сь всѣми боляри и сь *всовь опкиновь градьсковь* кльнемосе“.... (Ib. 4). Подобнымъ образомъ, приведенная выше грамота 1253 года, составленная на соборѣ, начинается такъ: „азь Марьсили Георьги.... кнезь града Дюбровьника и вьсе судие и вөкьници и *опькина вьса.... мали и велици*“ (Mikl. 35). Были и другіе предметы народныхъ сходокъ. Онѣ вообще могли собираться во всѣхъ случаяхъ, когда требовалось содѣйствіе цѣлой общины, а такіе случаи въ старое время обнимали всю общинную администрацію: на долю другихъ учрежденій могло оставаться весьма немного дѣла. Въ старое время и въ Дубровникѣ могли собираться общіе соборы по дѣламъ, подобнымъ тому, о какомъ говорится въ Полицкомъ статутѣ подъ 1685 г., когда созвана была на сходку (сборь) вся жупа, для суда какого-то Суђић'а, который „одсиче на светога Арнира нос Марку Кухачићу, брез узрока, с коjега носа изгуби жупа поjлачка велико благо“ (Arkiv za povjest. jugosl. V. 316).

Соборъ Дубровницкій представлялъ всю общину. Въ составъ сходки входили: князь, судьи, члены вѣчъ (вѣчники), остальные властели и вся община, весь градь „од мала и до велиа“. Иногда просто говорится: „ми судие и опькина Дубровьчька“; сходка могла составляться и безъ князя (Mikl. Mon. 43 и пр.). Есть указанія на обязанность являться на соборъ, которая касалась если не всѣхъ Дубровчанъ, то по крайней мѣрѣ вѣчниковъ и властелей. На соборъ 1253 года явились въ качествѣ вѣчниковъ отъ великаго вѣча: „Павьло одь кнеза Манжелека, Сосень Вита одь Чрьнете“ и т. д. (Ib. 40). Не будь обязанности являться на соборъ, не было бы надобности посылать вмѣсто себя другаго, при невозможности самому лично явиться на сходку. Подобная же обязанность извѣстна Полицкому статуту: старшины отдѣльныхъ общинъ (кнези, катунари) обязаны были всякій разъ являться на сходку (стат. 270).

Обыкновеннымъ мѣстомъ сходокъ и вѣчъ Дубровника была *вѣкница, изабрана вѣкница*, позже называвшаяся также *лолача* (Николае-

вича Спом. 118, 153, 211 и пр.). Народныя сходки, соборы, учреждались, какъ видно изъ книги статутовъ, „in locis consuetis — in *platea communis*" (Пуцича II. 153—155), на торгу, извѣстномъ старочешскому и русскому праву. Обыкновенно сходка собиралась по вѣчевому колоколу, „звономъ звонивше на сьборе, яко е по закону Дубровчкому", — more solito ad campanarum sonitum congregati (Mikl. 40. Пуц. II. 141. 150. 161. 171. 175).

Трудно рѣшить, кому принадлежалъ рѣшительный голосъ на соборѣ, всѣмъ ли его членамъ безразлично, какъ это было, напримѣръ въ Новгородѣ, или только однимъ властелямъ. По книгѣ статутовъ, законы поставлялись на соборѣ вѣчниками и властелями, „per laudationem *totius* populi (или — cum laude populi). Такой же порядокъ могъ быть въ обычаѣ и въ другихъ случаяхъ. Въ laudatio можно видѣть учрежденіе, сходное съ добровольнымъ принятіемъ и одобреніемъ цѣлаго „пука" (народа) наредбы — закона, постановленнаго Полицкимъ соборомъ (Kukul. Arkiv. v. 308): наредба, „угодная" (добрая, правая) пуку, окончательно принималась за законъ и вносилась въ статутъ. Послѣ такого же laudatio populi законъ и всякое рѣшеніе Дубровницкаго собора получали полную, обязательную для всѣхъ, силу.

Такимъ образомъ, въ Дубровникѣ народъ принималъ весьма важное участіе въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій — въ соборѣ, сосредоточивавшемъ въ себѣ высшее завѣдываніе законодательными и иными дѣлами. Санкція законовъ — въ современныхъ монархическихъ государствахъ прерогатива короны — въ Дубровникѣ, какъ и въ Полицѣ, принадлежала народу, пользовавшемуся въ этомъ случаѣ какъ бы верховными правами государей. О народной санкціи законовъ положительно говорится въ начальныхъ же словахъ книги статутовъ: „Liber statutorum.... *confirmatus per populum Racusinum* more solito congregatum" (Пуцича II. 139).

Такой строго-демократическій строй высшаго учрежденія Дубровника началъ падать со времени изданія книги реформацій (1335). Этотъ сводъ только объявленъ, *clamata et bannita*, народу чрезъ общиннаго пристава, безъ всякаго laudatio populi (Пуц. II. 155). Намъ неизвѣстно время уничтоженія старыхъ соборовъ, основанныхъ на дѣятельномъ участіи народа въ дѣлахъ общественныхъ. Соборы учреждались еще въ концѣ XIV вѣка, какъ это показываетъ законъ 1394 г. о фальшивой монетѣ (Ib. 171). Въ слѣдующемъ столѣтіи большое вѣче, составлявшееся изъ однихъ властелей (по наслѣдственному праву), вступило уже во всѣ права Дубровницкаго собора, заняло мѣсто вер-

ховнаго учрежденія въ государствѣ. Въ бывшихъ у насъ подъ рукой отрывкахъ книги реформацій, книгъ Зеленой и Шафранной, всѣ законы издаются большимъ, умоленнымъ и малымъ вѣчемъ; не видно, чтобы когда-либо созывались общіе народные соборы. Въ это время главною государственною силой становится высшій классъ властелей, засѣдавшихъ во всѣхъ вѣчахъ Дубровника. Вслѣдъ за паденіемъ собора, развились въ устройствѣ Дубровника аристократическіе элементы, постепенно проникшіе собой всю общественную жизнь республики.

b) *Вѣча* и *вѣчники* составляли древнее учрежденіе Дубровника. Въ древнѣйшихъ грамотахъ члены вѣчъ называются *болярами* и *властелями* (Спом. 411. Пуциѣ Спом. I. 147. Mikl. Mon. 423. 431). Въ большинствѣ случаевъ, особенно въ XIII вѣкѣ и позже, *векьници*, *вєтьници*, было общимъ названіемъ членовъ вѣчъ, въ отличіе отъ властелей, равнозначительныхъ съ Полицкими главарями — народными старшинами (князьями, судьями, нарцами и проч.). Въ латинскихъ источникахъ вѣчники называются *consiliarii*. Самыя сходки носятъ названіе вѣчъ — *вече, виче, вик, виек, вѣкъ* — общее названіе сходокъ у Хорватовъ и Далматовъ (см. Полицкій статутъ, Винодольскіе законы и другіе памятники). Латинскіе источники говорятъ о *consilium, concio, parlamentum*, въ общемъ значеніи славянскихъ вѣчъ (см. книгу статутовъ, реформацій и проч.),

Въ составъ старыхъ соборовъ, по крайней мѣрѣ въ XIII и XIV вѣкахъ, входили, на ряду съ властелями и народомъ, также вѣчники *великаго, умоленнаго и малаго вѣча*, въ значеніи отдѣльныхъ частей собора, отправлявшихъ въ общинной администраціи различныя функціи. Со времени паденія собора, окончательно опредѣлилось положеніе вѣчъ, какъ высшихъ учрежденій, завѣдывавшихъ всѣми общими дѣлами Дубровника.

a) *Велье* или *велико вѣче* (majus или magnum consilium, consiglio maggiore). Трудно опредѣлить значеніе великаго вѣча до уничтоженія соборовъ. Памятники того времени мало говорятъ о его составѣ, дѣлахъ, отношеніяхъ къ собору, и проч. Въ составѣ собора великое вѣче должно было играть весьма видную роль по преобладающему числу своихъ членовъ и по высокому общественному ихъ положенію (въ соборѣ 1253 года участвовало 73 вѣчника большаго вѣча и только 28 властелей и вѣчниковъ другихъ вѣчъ. Mikl. 39—40). Неизвѣстно, изъ кого и какъ назначались въ старое время члены большаго вѣча. По извѣстіямъ XV и позднѣйшихъ вѣковъ, большое вѣче составлялось изъ всѣхъ властелей (племичей, благородныхъ людей), достигшихъ

18-ти лѣтъ: всякому возрастному властелю уволялось право участія въ большомъ вѣчѣ (Пуц. I. XXVII). Выше мы замѣтили, что уже въ XIII вѣкѣ съ такимъ правомъ соединялась и обязанность являться на вѣче, если того требовала въ особенности важность дѣла. На дѣлѣ рѣдко впрочемъ соблюдалась такая обязанность. Это видно изъ самаго разнообразнаго состава большаго вѣча: по книгѣ реформацій число вѣчниковъ простирается отъ 40 до 200 (Пуц. II. 161—164, 173—174). Бывали случаи, когда установлялся minimum вѣчниковъ, необходимыхъ для разсмотрѣнія вѣчевыхъ дѣлъ. Въ Зеленой Книгѣ принято за правило, чтобы вѣче, разсматривавшее вопросъ о принятіи чужеземца въ Дубровницкіе граждане, состояло не менѣе, какъ изъ 100 вѣчниковъ (Ib. 164).

Пока Дубровникъ удерживалъ свой соборъ, до тѣхъ поръ большое вѣче, очевидно, должно было ограничиваться болѣе тѣснымъ кругомъ дѣйствія, чѣмъ тотъ, въ какомъ оно вращалось позже. Дѣла законодательныя, внѣшнія сношенія, и можетъ-быть, другія важнѣйшія государственныя дѣла, требовавшія прежде содѣйствія цѣлаго народа, если и могли входить въ компетентность большаго вѣча, то не иначе, какъ въ видѣ предварительнаго разсмотрѣнія и приготовленія дѣлъ, поступавшихъ на общую сходку. Государственная власть, въ полномъ ея объемѣ, переходитъ къ большому вѣчу, вслѣдъ за уничтоженіемъ собора. Въ XV и XVI вѣкахъ большому вѣчу принадлежало „право закона и налога, жизни и смерти, войны и мира, окончательнаго суда и рѣшенія, избранія князя и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ". Болѣе важныя дѣла вчинались и рѣшались окончательно на большомъ вѣчѣ; другія, начинавшіяся на вѣчѣ умоленномъ или маломъ, переходили на окончательное рѣшеніе большаго вѣча. Напримѣръ, къ дѣламъ послѣдняго рода относилась натурализація чужеземцевъ: дѣло, рѣшенное на маломъ вѣчѣ въ пользу пріема какого-либо иностранца въ граждане Дубровника, переносилось въ большое вѣче, гдѣ и получало окончательное рѣшеніе (Пуц. II. 164). Есть, наконецъ, извѣстія, что вслѣдствіе вліянія Венеціи (старавшейся, по замѣчанію Рейца, ослабить въ далматскихъ городахъ неблагопріятное для нея преобладаніе большаго вѣча) или другихъ причинъ, большое вѣче съ теченіемъ времени утратило прежнюю свою дѣятельную роль въ государствѣ, собиралось позже, главнымъ образомъ, для выбора чиновниковъ и для утвержденія рѣшеній умоленнаго вѣча, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ почти всю государственную власть. (Рейца Полит. устр. 18 и 19; Пуцича. I. XXVII).

О дѣлопроизводствѣ большаго вѣча извѣстно только, что оно собиралось въ вѣкницѣ, по вѣчевому колоколу, разъ въ мѣсяцъ, и рѣшало всѣ дѣла, какъ это принято было и въ другихъ вѣчахъ, простимъ большинствомъ голосовъ (per ballotae). Въ важныхъ случаяхъ самъ законъ установлялъ абсолютное большинство; напримѣръ, дѣла объ индигенатѣ рѣшались большинствомъ $^{2}/_{3}$ голосовъ (Пуц. II. 164).

β) *Вѣче умолено* (вѣче умольенихъ, прьгатъ, прегатъ, consilium rogatorum, pregati, pregiadi). Первыя упоминанія о немъ, сколько намъ извѣстно, принадлежатъ договору Дубровника съ Болгарскимъ царемъ Асѣнемъ (1253 г.), гдѣ въ числѣ членовъ собора перечислены шесть вѣчниковъ „одь вѣка оумолена“ (Mikl. 39). Такіе же прегаты встрѣчаются въ Каттаро подъ 1392 г., есть также слѣды ихъ существованія въ Шибеникѣ и Хварѣ (Лесинѣ) (Рейцъ, 18).

Въ умоленномъ вѣчѣ историки видятъ учрежденіе, цѣликомъ взятое изъ устройства Венеціи, имѣвшей такъ-называемый consilium rogatorum, въ значеніи какъ бы отдѣленія главнаго совѣта Венеціи. Мы уже говорили, что въ вопросѣ о заимствованіи чуждыхъ учрежденій въ прежнее время нужно быть чрезвычайно осторожнымъ. Въ настоящемъ случаѣ сходство названій (consilium rogatorum) ничего не доказываетъ. Мы видимъ, напротивъ, нѣкоторыя довольно существенныя различія между прегатами Дубровницкими и Венеціанскими: послѣдніе составляли только отдѣленіе большаго совѣта, его подчиненный комитетъ, не больше, — вѣче умоленное составляло вполнѣ самостоятельное учрежденіе, во многомъ напоминавшее сходку старцевъ, напримѣръ, балтійскихъ Славянъ, отличную отъ народной сходки (см. Гильфердинга Ист. балт. Слав.). Въ Венеціи прегаты ограничивались законодательными дѣлами, въ Дубровникѣ кругъ ихъ дѣйствія былъ гораздо шире. Да и вообще мы считаемъ заслуживающимъ вниманія мнѣніе, напримѣръ, Рейца (см. его Политич. устр. и права далмат. городовъ) о томъ, что если Венеція многія изъ своихъ учрежденій могла бы передать сосѣднимъ славянскимъ общинамъ, то сама, въ свою очередь, могла также многое заимствовать и у Славянъ. Ничто не мѣшаетъ допустить, что венеціанское учрежденіе прегатовъ *могло* сложиться подъ вліяніемъ сосѣднихъ Славянъ, у которыхъ издавна было въ обычаѣ собираться на общія народныя сходки и на сходки меньшія, состоявшія изъ небольшаго числа народныхъ старшинъ. Какъ бы то ни было, мы считаемъ спорнымъ вопросъ о венеціанскомъ или славянскомъ происхожденіи вѣча умоленнаго: нельзя говорить ни pro, ни contra, пока мы не будемъ имѣть подъ рукой несомнѣнныхъ данныхъ о происхож-

денія этого учрежденія. Мы сдѣлаемъ о немъ нѣсколько замѣчаній основываясь на бывшихъ у насъ подъ рукой матеріалахъ.

Число Дубровницкихъ прегатовъ было различно. Грамота 1253 г. говоритъ только о шести вѣчникахъ, составлявшихъ умоленное вѣче. Позже число ихъ увеличивается, вмѣстѣ съ усиленіемъ общаго значенія этого вѣча въ ряду другихъ учрежденій. При составленіи в 1445 году одной грамоты, данной Дубровникомъ воеводѣ Стефану, князь Дубровника Жупань Буникь давалъ клятву съ 24 властелями вѣча „прьгата“ (Mikl. 431). Послѣ принято было за правило назначать пожизненно прегатами 45 лицъ изъ вѣчниковъ большаго вѣча, то-есть, разумѣется, изъ сословія властелей (Пуц. I. XXVII).

Что касается предметовъ вѣдомства умоленнаго вѣча, то по грамотамъ и сводамъ законовъ, оно издаетъ законы, участвуетъ въ заключеніи договоровъ, распоряжается податями; главные государственные акты и договоры вносятся въ „тетраги“ прегатовъ; прегаты имѣютъ большое вліяніе на юстицію, вообще пользуются большою властью (Mikl. 431. Пуцича I. 177. II. 155, 159 и проч. Ср. Рейца 19).

Вообще говоря, въ старыхъ учрежденіяхъ Дубровника, какъ и было вездѣ въ средніе вѣка, нельзя искать строгой юридической опредѣленности и отчетливости, строгаго разграниченія круга дѣйствій и власти различныхъ учрежденій. Возникнувъ часто случайно, учрежденіе держится въ теченіе долгаго времени объ руку съ другимъ однороднымъ и равносильнымъ учрежденіемъ, расширяя или умаляя свою дѣятельность и власть, нерѣдко подъ вліяніемъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ.

Прегатовъ, какъ показываютъ памятники, нельзя называть и исключительно законодательнымъ органомъ (какъ это дѣлаетъ Пуцичъ и др.), ни чисто-исполнительнымъ учрежденіемъ, ни чисто-судебнымъ. Прегаты не составляли отдѣленія большаго вѣча. Въ XIII вѣкѣ значеніе ихъ еще не такъ усилилось, какъ это видимъ позже, а между тѣмъ въ договорѣ 1253 года они стоятъ рядомъ съ большимъ вѣчемъ, составляютъ изъ себя вполнѣ самостоятельное учрежденіе, равносильное большому вѣчу. Если бы прегаты составляли только отдѣленіе послѣдняго, то при общей дѣятельности, напримѣръ, на соборѣ, они входили бы въ составъ того учрежденія, къ которому принадлежали, не стояли бы отдѣльно отъ него. Съ XV вѣка de jure верховнымъ учрежденіемъ Дубровника было большое вѣче; на дѣлѣ же вся дѣйствительная власть, вмѣстѣ съ ближайшимъ и непосредственнымъ управленіемъ государствомъ, была въ рукахъ прегатовъ.

Прегаты, какъ нельзя больше, отвѣчали аристократическимъ порядкамъ, начавшимъ въ XV вѣкѣ, а можетъ-быть, и раньше, охватывать весь государственный бытъ Дубровника. Учрежденіе ихъ рано нашло для себя сочувствіе и постоянную поддержку, если не въ цѣломъ народѣ, то въ сильномъ сословіи властелей, тѣмъ болѣе, что и Венеція стремилась къ расширенію правъ и власти прегатовъ, какъ противовѣса большому вѣчу (съ которымъ труднѣе было сладить, чѣмъ съ небольшою корпораціей прегатовъ). Какъ бы то ни было, но всѣ данныя говорятъ, что умоленное вѣче было вполнѣ самостоятельнымъ учрежденіемъ, на дѣлѣ ставшимъ (съ какого времени — трудно рѣшить) во главѣ управленія цѣлымъ государствомъ. Оно было самымъ естественнымъ и послѣдовательнымъ результатомъ всей исторіи государственной жизни Дубровника. Явившись въ исторіи подъ настоящимъ своимъ именемъ, въ формѣ демократической общины (мы не говоримъ о старомъ Эпидаврѣ), управлявшейся сходкою и старшинами по началу народоправства, Дубровникъ, въ силу внутреннихъ и внѣшнихъ вліяній, превратился съ теченіемъ времени въ аристократическую республику, имѣвшую во главѣ сначала цѣлое сословіе племичей (составлявшихъ изъ себя большое вѣче), затѣмъ небольшую корпорацію прегатовъ. Соборъ, великое вѣче и прегаты — представители трехъ различныхъ эпохъ въ исторической жизни Дубровника. Господство прегатовъ окончилось въ началѣ настоящаго столѣтія подчиненіемъ свободной республики австрійскимъ чиновникамъ.

γ) *Малое вѣче* (изебрано мало вѣче, parvum или minus consilium, consiglio minore, consiglietto). Изъ источниковъ видно, что оно не всегда имѣло одинъ и тотъ же составъ. Въ договорѣ 1253 года участвовало шесть вѣчниковъ отъ малаго вѣча, а изъ Зеленой Книги видно, что въ половинѣ слѣдующаго вѣка completus numerus малаго вѣча состоялъ изъ 12-ти вѣчниковъ (Mikl. 39. Пуцичъ II, 163). Есть даже извѣстія (напримѣръ, у Шиндлера) о маломъ вѣчѣ, какъ о многолюдномъ собраніи, состоявшемъ изъ 30-ти членовъ. По свидѣтельству Аппендини, Пуцича и другихъ, позже малое вѣче слагалось постоянно изъ 7-ми членовъ, избиравшихся большимъ вѣчемъ обыкновенно на годъ (Пуцичъ I. XXVII. Рейцъ 19.37).

По памятникамъ, малое вѣче исполняетъ самыя разнообразныя дѣла и обязанности. Пока существовалъ общій соборъ, малое вѣче составляло одну изъ составныхъ его частей. Оно издаетъ и посылаетъ въ области административныя распоряженія (Пуц. I. 148); мало того: въ немъ составлялись иногда и общіе законы. Законъ о Сербахъ, изло-

женный въ 21 гл. II paginae книги реформацій, изданъ малымъ вѣчемъ (in minori consilio captum et firmatum и т. д.); не видно, чтобы законъ шелъ еще на утвержденіе другихъ вѣчъ (Пуц. II. 155). То же самое нужно сказать о другомъ законѣ книги реформацій, изданномъ 27-го апрѣля 1341 (Ib. 157). Изъ закона de robbariis 19-го декабря 1319 г. видно, что рѣшенія малаго вѣча назывались именно реформаціями; чрезъ нѣсколько времени этотъ законъ объявленъ на большомъ вѣчѣ и утвержденъ имъ въ значеніи статута (Ib. 156). Здѣсь ясно указывается на право малаго вѣча издавать реформаціи собственною властью, и только, когда желали сдѣлать реформацію статутомъ, требовалась санкція большаго вѣча. Есть, наконецъ, примѣры составленія статутовъ малымъ вѣчемъ, впрочемъ по уполномочію (ex auctoritate) большаго (см. напримѣръ, зак. 1387 г. у Пуцича II. 159).

Изложенныя данныя заставляютъ смотрѣть на малое вѣче, какъ на учрежденіе, имѣвшее тѣсную связь съ законодательствомъ. Но этимъ не ограничивалась дѣятельность малаго вѣча: оно имѣло также огромное вліяніе на дѣла юстиціи и администраціи. Малое вѣче, вмѣстѣ съ умоленнымъ, распоряжается финансовыми дѣлами; оно избираетъ (по Зеленой Книгѣ) судей, имѣетъ значеніе высшей аппелляціонной куріи (parva curia), рѣшаетъ дѣла объ индигенатѣ и т. д. (Пуц. II. 148, 160, 163 и проч). Болѣе важныя дѣла требовали утвержденія старшихъ вѣчъ; другія окончательно рѣшались малымъ вѣчемъ обыкновенно простымъ, абсолютнымъ большинствомъ голосовъ (Ib. 163).

Сказанное нами доселѣ показываетъ всю неполноту и односторонность воззрѣній историковъ, считавшихъ малое вѣче только административнымъ учрежденіемъ, именно исполнительнымъ совѣтомъ, состоявшимъ при князѣ (Аппендини, Рейцъ, Пуцичъ), или бывшимъ чѣмъ-то въ родѣ министерства иностранныхъ и духовныхъ дѣлъ (Макушевъ). Мы видѣли, что малое вѣче обнимало почти тотъ же кругъ дѣйствія, какъ и другія вѣча. Чтобы знать въ подробностяхъ все значеніе этого учрежденія, необходимо изучить всѣ предметы, ради которыхъ оно дѣйствовало и существовало, опредѣлить самыя разнообразныя его положенія, какія оно занимало въ различное время въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій,—задача, теперь едва-ли вполнѣ разрѣшимая по недостатку источниковъ.

Мы думаемъ, что скорѣе всего можно опредѣлить, по крайней мѣрѣ, общее значеніе малаго вѣча, если обратить вниманіе на отношеніе его къ князю, съ которымъ оно несомнѣнно находилось въ тѣс-

ной связи. Въ памятникахъ большею частію говорится объ обоихъ учрежденіяхъ вмѣстѣ, и притомъ въ такомъ смыслѣ, что какъ будто вѣче находилось въ извѣстной зависимости отъ князя. Въ книгѣ статутовъ и реформацій часто встрѣчаемъ мѣста, въ родѣ слѣдующаго: «Dnus (dominus) rector cum *suo* minori consilio tam præsens quam futuri licentiam habeant auctoritate» и т. д. (Пуц. П. 153, 154, 160, 171 и пр.). Основываясь, вѣроятно, на такихъ показаніяхъ, нѣкоторые считаютъ князя и малое вѣче какъ бы за одинъ органъ правительственной власти (Пуцичъ. I, XXVII. Майкова—Судъ присяжн. 23). Такое объясненіе намъ кажется неудовлетворительнымъ. И у насъ старые князья дѣйствовали почти всегда съ боярами или градскими старцами, посадниками (мы говоримъ о Псковскихъ и Новгородскихъ посадникахъ) и пр. Въ Полицѣ также учреждались въ „полачь“ князя судьи, сопутствовавшіе ему во всѣхъ его дѣйствіяхъ (см., напримѣръ, статью 3-ю). Такіе же судьи и совѣтники (consiliarii) при князьяхъ встрѣчались въ другихъ далматскихъ общинахъ (Рейцъ, 37 примѣч.). Но нельзя сказать, чтобы градскіе старцы, посадники, полицкіе судьи или далматскіе consiliarii составляли съ княземъ одно учрежденіе, а тѣмъ менѣе могли зависѣть отъ него. Безъ такихъ старцевъ и consiliarii, князья *не могли* ни судить, ни предпринимать другихъ дѣйствій по своей должности: consiliarii приставлялись общиной къ князю въ значеніи контрольнаго, а не зависѣвшаго отъ него учрежденія.

Такія же контрольныя отношенія малаго вѣча Дубровника къ князю больше всего опредѣляютъ сущность института малаго вѣча. Ихъ и нужно брать за главную мѣрку при общей оцѣнкѣ этого учрежденія. Если народные князья находились подъ строгимъ контролемъ общины, ревниво слѣдившей за ними изъ боязни ихъ самовластія, то тѣмъ болѣе долженъ былъ усилиться такой контроль въ Дубровникѣ, особенно съ того времени, когда его князья стали избираться изъ Венеціанцевъ: по словамъ всѣхъ историковъ, Дубровницкіе князья рѣшительно во всемъ зависѣли отъ вѣча, сами по себѣ не имѣли никакой власти.

Итакъ, малое вѣче можно назвать постояннымъ учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ совмѣстно съ княземъ и *контролировавшимъ* всѣ его дѣйствія по дѣламъ текущей администраціи. Отъ имени общины оно завѣдывало всѣми общинными дѣлами *меньшей* важности, изъ какихъ слагалась, такъ-сказать, будничная жизнь общины. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, малое вѣче издавало законы, судило, распоряжалось общинными дѣлами, ради удовлетворенія потребностей минуты, подчи-

няя свои рѣшенія и мѣры старшимъ вѣчамъ, коль скоро случай или вопросъ, требовавшій рѣшенія вѣча, выходилъ изъ ряда будничныхъ явленій. Указанія памятниковъ, намъ кажется, подтверждаютъ мнѣніе наше о значеніи малаго вѣча и объ отношеніи его къ старшимъ вѣчамъ и князю. Другаго объясненія мы не могли извлечь изъ памятниковъ, хотя, зная всю неполноту данныхъ, мы не считаемъ своего объясненія положительно вѣрнымъ и предлагаемъ его больше въ видѣ догадки, новой постановки вопроса, который еще далекъ отъ полнаго своего разрѣшенія.

Центральное управленіе Дубровника въ старое время сосредоточивалось, такимъ образомъ, въ соборѣ и вѣчахъ. Древнѣйшіе источники говорятъ о *соборѣ*, какъ объ учрежденіи, которому принадлежала верховная власть въ государствѣ. Соборъ, несомнѣнно коренящійся въ одномъ источникѣ съ соборами сербскими, хорватскими и далматскими, уступилъ мѣсто въ концѣ XIV или началѣ XV вѣка *большому вѣчу*, составлявшемуся только изъ сословія властелей. Въ свою очередь, большое вѣче съ теченіемъ времени утратило дѣйствительную силу въ государствѣ, вслѣдствіе усиленія *вѣча умоленнаго*, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ все управленіе государствомъ. Наконецъ, *малое вѣче* имѣло значеніе контрольнаго учрежденія, конкурировавшаго съ княземъ по всѣмъ текущимъ государственнымъ дѣламъ Дубровника.

Кромѣ сходокъ, Дубровникъ имѣлъ *властелей*, сходныхъ съ главарями или господою, старшинами другихъ Славянъ. Общее названіе ихъ было властели *опкински*. Какъ видно изъ грамотъ XIV вѣка, они раздѣлялись на «*велихъ* и *малихъ*» (напримѣръ, Mikl. 117). Памятники не указываютъ прямо, въ чемъ заключалось между ними различіе. Судя по характеру отдѣльныхъ должностей, можно думать, что къ великимъ властелямъ относились, главнымъ образомъ, должностныя лица, завѣдывавшія дѣлами цѣлаго Дубровника. Таковы были: князь, прьци, судьи и висћѣрье. Къ низшимъ исполнительнымъ должностямъ относились дьяки и приставы. Области управлялись, вообще говоря, по образцу Дубровника: въ отдѣльныхъ жупахъ были свои сходки и старшины (наглавитые люди). Особенности въ областномъ управленіи встрѣчаемъ въ устройствѣ Ластова, Корчулы и Млѣта. Въ позднѣйшее время Дубровницкая администрація усложняется новыми должностями, большею частію заимствованными изъ венеціанскаго устройства. Мы обратимъ вниманіе на древнѣйшія учрежденія, существовавшія въ Дубровникѣ до усиленія венеціанскихъ вліяній.

1) Первымъ должностнымъ лицомъ Дубровника былъ *кнезь* (вла-

дущи или славни властелинь господинь кнезь Дубровачки, иногда просто кнезь обрани. Mikl. 35, 39. Спом. 71, 291 и пр.), по латинскимъ источникамъ—*comes*, *prior*, *rector* (см. у Пуцича и Макушева книгу статутовъ, реформацій и пр.). Должность князя была выборною. Отъ каждаго князя требовалась, по старому обычаю, прежде всего присяга въ сохраненіи правъ и вольностей Дубровника. Въ книгѣ статутовъ (ст. I) подробно опредѣляется порядокъ присяги князя. Въ особенности интересно мѣсто, опредѣляющее самую сущность княжеской власти, какъ она понималась Дубровницкимъ законодательствомъ: „Statuimus, quod D. Comes qui per tempora venerit ad Civitatem Rhacusii jurabit *bonum regimen*, et conservationem totius Civitatis Rhacusii in publica concione secundum antiquam consuetudinem Rhacusii congregata ad sonitum campanarum, et statuta civitatis Rhacusii, et *judicare* secundum ea“ (Макуш. 151). Первоначально князья избирались изъ Дубровницкихъ властелей. Съ XIII вѣка принято было за правило призывать въ князья венеціанскихъ графовъ, обыкновенно по назначенію Венеціи („азь Марьсили Георьги, *повеленьемь славьнога дужа бенетьчкога* кнезь града Дюбровьника“... грам. 1253. Mikl. 35). Во второй половинѣ XIV вѣка (съ 1368 г.) снова утвердился выборъ князей изъ туземныхъ властелей. Выборные князья отправляли свою должность въ теченіе небольшихъ сроковъ: первоначально они избирались на два, потомъ на одинъ годъ; позже сроки ограничены шестью, четырьмя, и наконецъ, однимъ мѣсяцемъ. Нерѣдко случалось, впрочемъ, что община, недовольная княземъ, изгоняла его до срока, и какъ бывало въ старомъ Новгородѣ, оставалась много лѣтъ вовсе безъ князя (Рейцъ, 26; Пуцичъ, I. XXVII; Майкова—Судъ присяжн. 23).

Права и обязанности Дубровницкаго князя опредѣлены въ первыхъ 12-ти статьяхъ книги статутовъ. Ему предоставляется право избранія officiales, право требовать отъ общинъ вознагражденія за издержки, потраченныя на путешествіе: «ad stanicum vel ad parlamentum“. Общины обязаны продавать князю соль по той же цѣнѣ, по какой имъ самимъ стóитъ; ему даромъ мелютъ муку, даютъ положенный процентъ отъ рыбной ловли и дозволенъ наемъ рыбаковъ по произвольной цѣнѣ; князь получаетъ отъ общинъ лѣсъ и топливо, беретъ со всякаго быка, коровы и другаго животнаго установленный денежный сборъ и пр. (Макуш. 152). Князь участвуетъ въ большомъ вѣчѣ, наравнѣ съ другими властелями, безъ особенной власти въ общественныхъ дѣлахъ республики. Онъ созывалъ и распускалъ вѣча, хранилъ государственную печать и ключи города, въ особенности пользовался правомъ

суда. *Bonum regimen*, лежавшее на обязанности князя, состояло въ управленіи текущими государственными дѣлами, безъ нарушенія правъ и вольностей общины и отдѣльныхъ гражданъ, строго придерживаясь мѣстныхъ законовъ и обычаевъ страны (кн. стат. I, 1. II, 1).

При князѣ состоялъ его *кнежакъ, намѣстникъ* (vicarius). Книга статутовъ опредѣляетъ порядокъ его избранія, также права и обязанности, соединенныя съ намѣстничьей должностью (I. 29, 30).

2) *Прьци* (парьци, accusatores, позднѣйшіе проведитуры опћински, provisores communis, provveditori) принадлежали къ числу важнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ должностей Дубровника. Они сходны съ парцами Душанова Законника, прокаратурами Полицкаго Статута, defensores v. accusatores communis другихъ далматскихъ городовъ и съ старыми славянскими соками и ябетниками (Kukuljević'a Arkiv z pov. jugosl. III. 168; V 3, 7—9 и др. Его же Jura regni Croat. Dalm. et Slav. I. 70. Рейцъ 45, 190. Мацѣйовскаго Hist. Słov. pr. II. 71. III. 270. Ирѣчька Slov. pr. I. 177. II. 216).

Въ Дубровникѣ ввѣрялось парцамъ, или позднѣйшимъ проведиторамъ, наблюденіе за исполненіемъ законовъ „опћена дугована", какъ выражается Полицкій Статутъ объ обязанностяхъ прокаратуровъ. Проведитуры имѣли большое вліяніе на общественныя дѣла, наблюдая въ особенности за постановленіями малаго вѣча и судей, съ правомъ переноса дѣлъ въ умоленное вѣче для перевершенья. По уголовнымъ дѣламъ парцы, какъ и полицкіе прокаратуры, имѣли значеніе публичныхъ обвинителей и адвокатовъ. По позднѣйшимъ извѣстіямъ, должность проведитуровъ отдѣлялась отъ парцовъ, состоявшихъ при судахъ въ значеніи старыхъ соковъ. Первыя извѣстія о парцахъ даетъ, сколько намъ извѣстно, грамота 1253 г. (Mikl. 39). Въ ея время парцы раздѣлялись на *городскихъ* и *общинныхъ* (прьци градски и опькиньски). Парцы городскіе, въ числѣ двухъ, назначались только по дѣламъ Дубровника; для жупъ, принадлежавшихъ къ городу, избирались три отдѣльные парца, подъ названіемъ общинныхъ. Позже проведитуры избирались большимъ вѣчемъ, въ числѣ трехъ, изъ членовъ умоленнаго вѣча (Пуцичъ. I. XXVIII. 149—158, 170. Майковъ—Судъ присяжн. 23).

Въ парцахъ Дубровницкихъ нужно видѣть полнѣйшее развитіе старославянскаго института соковъ, клеветниковъ и ябетниковъ. Корень ихъ кроется въ изстаринномъ устройствѣ славянскихъ общинъ. Въ то время, какъ напримѣръ, у Славянъ чешскихъ или русскихъ соки оставались при одномъ частномъ значеніи публичныхъ обвини-

телей, и раньше или позже исчезали, оставивъ въ законодательствѣ лишь неясные слѣды и намеки на старое свое значеніе (какъ, напримѣръ, ябетники Русской Правды) и извратившись послѣ въ ненавистный для общества институтъ поклепцовъ (см., напримѣръ, Калачова о Судебн. ц. Іоан. Вас., 103; Дмитріева Истор. судеб. инстанц. 168 — 172), въ хорватскихъ и далматскихъ общинахъ сокн возвысились до огромнаго политическаго значенія, заняли почетное мѣсто въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій, какъ главные оберегатели закона и защитники правъ и свободы отдѣльныхъ лицъ и общества. Съ такимъ характеромъ являются сокн до позднѣйшаго времени въ Дубровникѣ, Полицѣ и другихъ далматскихъ общинахъ. Въ Дубровникѣ парцы первоначально означали публичныхъ обвинителей и общинныхъ защитниковъ; позже эти должности ввѣрены были различнымъ лицамъ. Тѣ же порядки были въ другихъ общинахъ; въ Трогирѣ, напримѣръ, defensores communis отдѣлялись отъ обвинителей. Напротивъ, прокаратуры Полицы или syndici communis Брацны обнимали обѣ должности, были accusatores (advocati) и вмѣстѣ съ тѣмъ defensores communis (о сокахъ далматскихъ городовъ см. въ особенности Рейца — Полит. устр. и права далмат. городовъ 45, 190, 191).

3) Третье мѣсто въ ряду великихъ властелей Дубровника занимали *судьи* (судье, judices, consules). Подробнѣе скажемъ о нихъ въ отдѣлѣ о судоустройствѣ.

4) Наконецъ, къ числу такихъ же властелей относились *отькиньски висѣрье*, упоминающіеся въ числѣ властелей собора 1253 года (Mikl. 39), и *протовистьяри*, о которыхъ говорится въ другой грамотѣ 1397 г., какъ о лицахъ, заключавшихъ договоры съ сосѣдними землями (ib. 230). Мацѣёвскій производитъ слово висѣрье отъ bisjerje, bisorni (что означаетъ людей, одѣтыхъ въ дорогія одежды, — Hist. II. 73), и видитъ здѣсь вообще выборныхъ старцевъ, участвовавшихъ въ управленіи общинъ. Вѣрнѣе объясненіе Даничича, по мнѣнію котораго висняръ означаетъ βεστιάριος, praefectus aerario (см. Данич. Србски рѣчникъ).

Дѣйствительно, вистіари, вистѣрники, также протовистіари (протобистари, протовистиярѣне), встрѣчаются почти у всѣхъ южныхъ Славянъ, въ старой Сербіи, Босніи, Зетѣ, Болгаріи и пр. (см. Спом. 182, 244, 256. Miklos. 154, 203, 204, 355, 428, 450. Пуцичъ I. 13, 18, 31, 55. II. 37, 39. Венелина Влахоболгар. грам. 196), и вездѣ означаютъ то же самое, что *казнцъ* (казнацъ), встрѣчающійся въ сербскихъ и босанскихъ грамотахъ въ значеніи praefectus aerario (у

бана Босанскаго было въ 1239 г. нѣсколько казныць. Спом. 14, 4 и пр. Ср. Крстича, въ Гласникѣ Друшт. Срб. слов. IX. 108. 114).

Висѣрье и казнаць (вспомнимъ нашихъ старыхъ казначеевъ) вездѣ принадлежали къ старшимъ властелямъ и главарямъ, участвовавшимъ въ соборахъ, напримѣръ, при заключеніи дипломатическихъ договоровъ и въ другихъ случаяхъ. Такое же значеніе имѣли и Дубровницкіе висѣрье. Кромѣ спеціальныхъ своихъ обязанностей к управленію и завѣдыванію *общественною казною*, они, подобно другимъ высшимъ властелямъ, принадлежали въ прежнее время къ составу общаго собора (какъ это видно изъ грамоты 1253 г.), отправлявшаго, какъ мы видѣли, верховную власть въ государствѣ. Въ Дубровницкихъ грамотахъ XV вѣка старые висѣрье называются *размѣниками* — властелями, завѣдывавшими казною (Mikl. 497). „Комора Дубровачка" была мѣстомъ храненія общественной казны и такъ-называемаго „покладь"—капиталовъ и сокровищъ, отдававшихся сербскими, босанскими и другими сосѣдними князьями и властелями „на похрану и поставу" (ib. 286, 356, 360, 495 и пр.). Властелей, завѣдывавшихъ Дубровницкою коморою подъ общимъ надзоромъ вѣчъ, было нѣсколько. На соборѣ 1253 г. присутствовало три висѣрья, вмѣстѣ съ другими двумя властелями, „ки дрьже добитокъ свѣте Богородице" (Mikl. 39). Послѣдніе два властеля назывались *тесавльери* (thesaurarii sac. Mariæ) и завѣдывали церковною казною и имуществомъ; въ тесавльери избирались позже три прегата, срокомъ на три года (Пуцичъ I. XXVIII).

Для управленія государственными доходами и расходами Дубровника, въ позднѣйшее время избирались изъ членовъ большаго вѣча слѣдующіе властели, удержавшіеся до паденія Дубровника: 4 *камерлении* (camerarii), для общаго завѣдыванія государственною казною; 3 *солинари* (solinarii), для управленія соляною регаліей; 4 *дюванери* (doganarii, doganæ majoris), для разбирательства споровъ между казною и частными лицами, также между торговцами (собственно, торговый судъ); 5 *петоразожженици* (officium quinque rationum) или контролеры, разсматривавшіе отчеты другихъ чиновниковъ; 4 *cecchari communis*, управлявшіе монетнымъ дворомъ и пр. (Пуцичъ I. XXVIII).

Кромѣ высшихъ должностей, отправлявшихся великими властелями Дубровника, источники упоминаютъ еще о *властеляхъ меньшихъ* (officiales, по латинскимъ памятникамъ). Сюда относились лица, избиравшіяся для вѣчеваго и судебнаго дѣлопроизводства и для отправленія другихъ исполнительныхъ должностей.

1) Для производства на вѣчахъ и въ судахъ назначались писцы, называвшіеся въ прежнее время *дьякъ, логофеть*, позже *нотари, канжилери, scribae, cancellarii* (Спомен. 118, 153, 211. Miklos. 238, 497, 504, 506, 331. Пуцичъ II. 44, 52, 54, 129, 130).

Логофеты (иногда веровани логофеть), или, что одно и то же, дьяки и cancellarii, завѣдывали въ вѣкницѣ письмоводствомъ вѣчевымъ, составляли книги, тетраги, листы и грамоты, утверждали ихъ общинною печатью (велика печать обкиньска, наивећа печать висуħа,— о печати см. Спомен. 21, 211. Mikl. 288, 497). Судебные писцы назывались также дьяками, но больше нотарями или scribae. Логофеты и дьяки — общее учрежденіе у всѣхъ южныхъ Славянъ (см. Крстича Разсматраня о Душан. Закон., въ Гласникѣ Друж. Срб. слов. IX, 109, 121).

Изъ вѣчевыхъ логофетовъ и судебныхъ дьяковъ образовалось позже одно учрежденіе — *опкинска писариа*. По словамъ Пуцича, она раздѣлялась на двѣ части. Въ одно отдѣленіе писаріи входили три *канħельери* (cancellarii). Изъ нихъ два составляли вѣчевыя книги по-итальянски; другой, называвшійся *cancellarius slavicus*, писалъ книги по-Сербски. Другое отдѣленіе писаріи составляли два *нотари* (notarii), занимавшіеся исключительно судебнымъ дѣлопроизводствомъ (Пуцичъ, I, XXVIII).

2) *Приставы* (приставь, praeco) составляли у всѣхъ южныхъ Славянъ главное исполнительное учрежденіе по суду и управленію. Приставы извѣстны сербскимъ, винодольскимъ, сеньскимъ, полицкимъ законамъ. Въ praeco, plazzarius, rivarius, prestaldus Брача и другихъ далматскихъ общинъ нужно видѣть вообще славянскихъ приставовъ (Рейцъ, 43, 46. О приставахъ и однородныхъ съ ними учрежденіяхъ у другихъ Славянъ см. Мацѣйовскаго Hist. I. 172. II. 66. III. 210—211. Ирѣчька Sl. pr. II. 183).

Приставы составляли также древнее учрежденіе Дубровника. Такимъ образомъ, при соборахъ и вѣчахъ состояли приставы, называвшіеся *общинными* или *публичными* (praecones publici dicti communis), для созванія народа на сходку, для объявленія законовъ и другихъ вѣчевыхъ рѣшеній и пр. (Пуцичъ, II. 155). Отдѣльные приставы полагались при князѣ и другихъ властеляхъ и судьяхъ, для отправленія судебныхъ позвовъ и другихъ порученій по суду и управленію (напримѣръ, Спомен. 49. Mikl. 108). Какъ въ Полицѣ при „облубленной правдѣ“ (судѣ третей) состояли облюбленные приставы, избиравшіеся самими сторонами, такъ и въ Дубровникѣ полагались при-

ставы при „учиначье“ (arbitri). Каждая изъ сторонъ, обращавшихся къ учиначью, представляла нѣсколькихъ судей (въ извѣстномъ намъ случаѣ назначены по два учиначья отъ каждой стороны) вмѣстѣ съ приставомъ (Пуцичъ. I, 79).

Въ *наредьбеникахъ*, упоминающихся въ одной Дубровницкой грамотѣ 1400 г., нужно видѣть тѣхъ же приставовъ и вообще исполнительныхъ чиновниковъ, извѣстныхъ подъ тѣмъ же названіемъ въ Босніи (Пуцичъ I, 11, 32, 40, 55). Наредьбеники означали низшихъ должностныхъ лицъ, исполнявшихъ разныя порученія старшихъ властелей. Въ нихъ можно видѣть сходство съ урядниками чешскаго, польскаго и литовскаго права.

Старые приставы и наредьбеники смѣняются въ позднѣйшее время нѣсколькими исполнительными должностями: *капетанами*, состоявшими при князѣ и другихъ властеляхъ въ значеніи прежнихъ приставовъ; *тамничарами* — стражами тюремъ, *текличами* или *курирами* — гонцами и проч. (Пуц. I. XXVIII).

3) У Славянъ мы долго не встрѣчаемъ отдѣльныхъ учрежденій и лицъ, обязанныхъ спеціально заботиться объ охраненіи общественнаго порядка и благочинія. Главною и почти единственною мѣрой внутренней полиціи была у нихъ издавна *общая порука* — основное начало общиннаго быта Славянъ. На началѣ круговой поруки и солидарности основывалось внутреннее устройство задругъ и территоріальныхъ общинъ (обкина, obec и пр.), которыя несли отвѣтственность за всѣхъ своихъ членовъ и каждаго въ отдѣльности. Тотъ же порядокъ былъ когда-то въ силѣ и въ Дубровникѣ. Первыя упоминанія Дубровницкихъ памятниковъ о порукѣ принадлежатъ впрочемъ довольно позднему времени: самыя древнія свидѣтельства о ней даютъ намъ договорныя грамоты XIII вѣка, установляющія уже вмѣсто поруки личную отвѣтственность Дубровчанъ въ сношеніяхъ между собою. Изслѣдователи полагаютъ, что круговая порука никогда не имѣла силы между Дубровчанами, — заключеніе, по нашему мнѣнію, рѣшительно невѣрное. Можно указать на множество институтовъ въ исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ, которые очень долго вовсе не затрогиваются законодательствомъ, живутъ и поддерживаются въ народныхъ обычаяхъ. Напримѣръ, у насъ многія учрежденія впервые только въ XV и XVI вѣкахъ начинаютъ упоминаться въ источникахъ, какъ институты, или уже отжившіе свое время, или получающіе новую силу и направленіе вслѣдствіе утвержденія ихъ со стороны самаго закона. Позднее упо-

минаніе ихъ въ памятникахъ еще не доказываетъ, что ихъ прежде вовсе не было, и что они составляютъ явленіе только того времени, когда начинаютъ упоминаться въ источникахъ. То же самое нужно сказать и въ данномъ случаѣ: древнее существованіе поруки въ сношеніяхъ между Дубровчанами никакимъ образомъ нельзя отвергать на томъ только основаніи, что въ позднѣйшихъ памятникахъ (въ которыхъ она впервые и упоминается) говорится о ней, какъ о началѣ, не имѣющемъ уже силы, отжившемъ свое время. Договорныя грамоты—единственныя основанія историковъ, не признающихъ изстариннаго дѣйствія поруки въ Дубровникѣ; между тѣмъ, грамоты именно говорятъ о порукѣ, какъ объ *отжившемъ учрежденіи*, не больше. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что большинство населенія Дубровника, въ особенности его жупъ, состояло исключительно изъ Славянъ; а Славяне вездѣ почти до позднѣйшаго времени удерживали всѣ существенныя принадлежности общиннаго быта, въ томъ числѣ и круговую поруку, какъ главную его основу. Изъ жупъ порука, какъ и другія общинныя учрежденія, могла легко перейдти въ самый Дубровникъ, который въ сферѣ юридическихъ отношеній, по всему видно, не многимъ отличался отъ своихъ жупъ, тѣмъ болѣе, что источники долго не даютъ никакихъ указаній на учрежденія, которыя замѣнили бы собой поруку. Отмѣну ея—дѣло законодательства XIII, а можетъ-быть, только XIV вѣка—нужно считать естественнымъ результатомъ усилившагося промышленнаго духа Дубровчанъ, разложенія старыхъ общинныхъ порядковъ, въ особенности усиленія однихъ общественныхъ разрядовъ (властелей) на счетъ другихъ, при чемъ уже не могла имѣть мѣста прежняя солидарность связей между Дубровчанами. Дѣйствительно, уже въ половинѣ XIII столѣтія они стали вообще тяготиться учрежденіемъ круговой поруки, законодательство начало стѣснять ея дѣйствіе, и наконецъ, вовсе отмѣнило самый институтъ. Въ XIV и слѣдующихъ вѣкахъ Дубровчане, въ сношеніяхъ между собой, принимали за правило: „за еднога на другомь да не буде прѣузма“. Круговая порука удержалась только между сельскими жителями и въ сношеніяхъ Дубровчанъ съ сосѣдними Славянскими народами (Mikl. 25, 29, 33, 411 и пр.). Остатокъ отъ прежняго порядка можно видѣть лишь въ нѣкоторыхъ мѣрахъ, долго удерживавшихся въ Дубровникѣ и состоявшихъ въ охраненіи земскаго мира средствами самихъ общинъ. Мы говоримъ объ *обходалъ* и *стражахъ* противъ лихихъ людей—учрежденіяхъ, вполнѣ сходныхъ съ сербскою стражею, помоћью Полицы, honěnie'мъ Чеховъ или нашею губною и

сторожевою повинностью. Общинная стража была въ старое вре[illegible] главною мѣрой охраненія общественнаго порядка въ Дубровникѣ. [illegible] немъ учреждалась особая стража противъ огня и ночные обходы [illegible] самихъ жителей. Въ „краинахъ" Дубровника держалась также [illegible] стоянная стража противъ злыхъ людей. Дубровникъ иногда услав[illegible] вался съ своими сосѣдями, напримѣръ, съ сербскими кралями, [illegible] учрежденіи стражи въ пограничныхъ волостяхъ (краинахъ) об[illegible] сторонъ (Пуцичъ I, 31, 149)[1].

---

[1]) Мы приведемъ здѣсь важнѣйшія указанія на круговую поруку и дру[illegible] основанныя на ней, учрежденія по древнѣйшимъ памятникамъ другихъ сла[illegible] скихъ законодательствъ. Начнемъ съ *далматскихъ* городовыхъ статутовъ. [illegible] показываютъ изслѣдованія Рейца, круговая порука принадлежала къ числу др[illegible] нѣйшихъ учрежденій всѣхъ далматскихъ общинъ. На крикъ «ajiuta», требов[illegible] шій помощи, всякій долженъ былъ являться, подъ угрозою значительнаго штра[illegible] Въ общинахъ учреждались «пудари» (piodarii, custodes), наблюдавшіе [illegible] за порядкомъ и благочиніемъ; въ особенности они охраняли общины отъ т[illegible] разбойниковъ и вообще злыхъ людей. Обыкновенно пудари учреждались въ [illegible] рожевыхъ округахъ; внутри своихъ округовъ они отвѣчали за покражу и [illegible] убытки жителей. Учреждались наконецъ такъ-называемые possobe (pos[illegible] lighe)—взаимные оборонительные союзы между гражданами, ради обезпече[illegible] защиты своихъ правъ, лица и имущества (Рейцъ 29, 110—112, 123—127). [illegible] *Винодолѣ* также извѣстна была полевая и градская стража—пударіи. На «[illegible] помагайте» должны были идти окольные люди, для преслѣдованія злаго чел[illegible] Право «клицати, звать — помогай», усвояется винодольскимъ уставомъ [illegible] «ако види делають ники зло» (Винод. Зак. 23, 24). Полевые пударіи учре[illegible] лись надъ землями, гумнами, виноградниками и другими «рига». По горо[illegible] была особая стража — ночная. «Окрити стражу» должны всѣ жители, не [illegible] и поповъ: сторожевая повинность, подобно нашей губной, была въ Вино[illegible] одною изъ главныхъ повинностей общинъ (ib. 15). По *полицкому* уставу, [illegible] тивъ лихихъ людей «да има бити ѣедан другому у помоћи гди буде потр[illegible] (Полиц. Стат. ст. 274). Всякій долженъ «чувати» за лицами, наруша[illegible] земскій миръ, преслѣдуя и открывая преступниковъ, иногда подъ угрозою штра[illegible] (зарокъ). «Помоћ» высказывалась въ общей повинности «пустити сву мужу [illegible] помоћ на злеѣ луде». Въ Полицѣ былъ «путь опћени велики кроз жуп[illegible] меньшіе «гоньники» между селами. Въ статутѣ вмѣняется общинамъ беречь [illegible] «своѣом руком» отъ злыхъ людей (Пол. Ст. 266, 267). Такія же учрежд[illegible] встрѣчаемъ въ старой *Сербіи*. Взаимная помощь и круговая порука составл[illegible] въ ней исконный обычай. Душановъ Законникъ только формулировалъ его, [illegible] вводя въ жизнь ничего новаго. Села и катуни съ своими старшинами и гос[illegible] дарями (землевладѣльцами) несутъ, по Законнику, повинность выдавать [illegible] татей и разбойниковъ (гусаръ). Гдѣ нѣтъ господарей, тамъ такая же пови[illegible] ность лежитъ на мѣстныхъ властеляхъ — краишникахъ, кефаліяхъ и пр. Зак[illegible] нику принадлежитъ въ особенности полное развитіе учрежденія путевой стра[illegible] какъ главной мѣры охраненія общественной безопасности и порядка. Въ обо[illegible]

Старыя общинныя мѣры внутренней полиціи смѣняются въ Дубровникѣ XV и слѣдующихъ столѣтій организаціей цѣлой лѣстницы должностей, состоявшихъ подъ общимъ наблюденіемъ князя и вѣча. Сюда относились: *исправници* (justitiarii)—пять властелей, наблюдав-

---

нахъ владѣльческихъ «блюдуть путове» господари и сами общины; въ суженныхъ жупахъ, гдѣ нѣтъ господарей, путевую повинность отправляютъ кефалія и другіе мѣстные правители. Они ставятъ на путяхъ стражу (стражище — мѣсто стражи), стерегутъ лихихъ людей, подъ личной отвѣтственностью при неисправности стражи. Въ пустыхъ мѣстахъ между жупами (брьдопусто) блюдутъ стражу окольныя села, отвѣчая за всякій вредъ и убытокъ, понесенный кѣмъ бы то ни было въ ихъ сторожевомъ округѣ. Всякій гость и торговецъ отдавался со всѣмъ своимъ имуществомъ подъ защиту стражи; она сопровождаетъ его, даетъ ему «проводь и помочь» на пути своего округа, передаетъ другой стражѣ, подъ отвѣтственностью за сохраненіе лица и имущества гостей. Сербія временъ Душана имѣла характеръ далматской possobe: союзъ взаимной обороны и поруки обнималъ все государство. Царь, по Законнику и грамотамъ, отвѣчаетъ за властелей и общины, властели — за находившіяся въ ихъ управленіи области, города и села—за своихъ граждань и сельчанъ, задруги — за своихъ задругарей, наконецъ господари—за своихъ отроковъ (См. Закон. Душ. 46, 49 и пр. Mikl. 16, 52, 85, 95, 149, 197, 204, 206, 218 и пр.). У *Чеховъ* и *Моравовъ*, на «pokřik nastojte», долженъ былъ всякій являться — «táhnuti» противъ лихихъ людей. Повинность общинъ «dobýwati, honiti» злодѣевъ (ради такого honěnia общины обыкновенно соединялись въ большіе округи — honitvy) составляла у Чеховъ древное учрежденіе и удержалась еще въ Zřizeni zemske 1500 г. (См. Palacký Archiv. V. Zřiz. §§, 532, 540. Ср. Ирѣчька Sl. pr. I, 161 — 166, 185; Палацкаго Сравненіе Законника, гл. 3). Кромѣ того, паны и общины, по древнему обычаю (jakož jest dréwe za našich předków), заключали между собой формальные договоры (slib, umluwa) о взаимной помощи и охраненіи отъ злыхъ людей, о honěniu и выдачѣ ихъ во всѣхъ краяхъ государства, подъ угрозою общей «pomsty», при несоблюденіи договора. Тѣ же самыя мѣры установляло законодательство, ради «bezpečenstwie zemie» (Palacký Archiv. I, 52—55, 58, 215, 252). Слѣды подобныхъ учрежденій находимъ у Славянъ *Балтійскихъ*, *Польскихъ* (Гильфердинга Исторія балт. Сл. 160; Вислиц. Стат., по Гельцелю — CLVIII) и *Русскихъ*. Наша губная и сторожевая повинность рѣшительно напоминаетъ стражу Законника Душана и помоћ Полицкаго Статута, какъ и вообще псковскія и московскія губы представляютъ много сходства съ западно-славянской жупою. Круговая порука и помощь — главная основа русской губы и славянской жупы. Губную повинность нельзя считать созданіемъ Московскаго государства: распространяя и поддерживая вездѣ учрежденіе губъ и губной повинности, государство пользовалось только изстариннымъ народнымъ обычаемъ, старалось приспособить его къ своимъ цѣлямъ, восполнить дѣятельностью самихъ общинъ собственныя недостаточныя средства въ дѣлѣ охраненія общественной безопасности. Московская губа, по всему видно, представляетъ древнее учрежденіе, существовавшее у насъ, можетъ-быть, еще до развитія волостей и уѣздовъ. Въ старое время она могла имѣть такое же широкое значеніе, какъ и жупа, и только позже, въ Московскій періодъ, обра-

шихъ за городскими мѣрами, вѣсами и за продажей съѣстныхъ припасовъ; *господа ночи* (domini noctis) — девять властелей, охранявшихъ укрѣпленія и державшихъ въ городѣ ночную стражу; *масары* (massarii bladorum) — три властеля, для надзора за запасами общественнаго продовольствія; *кацаморти* (kazamorte) — пять властелей для наблюденія за народнымъ здравіемъ, особенно въ случаѣ повальныхъ болѣзней; два *officiales armamenti*, заботившіеся о потребностяхъ войска; два *officiales laboriorum*, наблюдавшіе за улицами, мостами и пр. (Пуц. I. XXIX).

Намъ остается еще сказать о *судоустройствѣ* Дубровника. Источники даютъ весьма неполныя указанія; но тѣмъ не менѣе, руководясь такими указаніями, можно хоть въ общихъ чертахъ опредѣлить главнѣйшія формы суда по Дубровницкому законодательству.

Въ старомъ Дубровникѣ судъ раздѣлялся на вѣчевой, городской (curia racusina) и княжій. Отдѣльныя формы суда составляли учники и порота, имѣвшія мѣсто въ сношеніяхъ Дубровчанъ съ сосѣдними Славянами; порота составляла также общее учрежденіе по дѣламъ сельскихъ жителей. Мы скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ учрежденій.

1. *Судъ вѣчевой*. Народныя сходки были у всѣхъ Славянъ главнымъ мѣстомъ суда. У западныхъ Славянъ вѣчевой судъ держался весьма долго. Чешскіе *súdy*, позднѣйшій soud sněmovný u župný, judicium generale, представляли только развитіе старыхъ народныхъ сходокъ (Palacky Gesch. von Böhm. I. 176. II. 17. Jireček Slov. pr. II. 199—206). Такой же источникъ имѣютъ старопольскія *wieca*, sądy wiecowe, colloquia generalia, имѣвшія позже значеніе высшихъ аппеляціонныхъ судовъ (Bandtkie-Stęż. Hist pr. pol. 123 — 127, 206, 427. Lelewel

---

тилась въ простой административный округъ (по уголовнымъ дѣламъ). Само сходство въ названіяхъ даетъ поводъ заключать, что жупа и губа имѣли одни и тѣ же корни и формы своего первоначальнаго образованія. По остроумному объясненію Гильфердинга и Ирѣчька, жупа происходитъ отъ санскритскаго корня — gupḥ, gôpa (домъ, жилище) и соотвѣтствуетъ греческому слову γῦπη, германскому sipja, sippe, готскому sibja (Гильферд. Письма объ исторіи Серб. I, 18, Ирѣч. Sl. pr. I, 70). Ничто не мѣшаетъ допустить, что и русская губа имѣла тотъ же корень и первоначально означала то же самое, что и славянская жупа. По крайней мѣрѣ, губная повинность, этотъ несомнѣнный остатокъ его стараго юридическаго порядка (когда бытъ Русскихъ не сильно разнился отъ быта прочихъ Славянъ), ясно указываетъ на старую тождественность русскихъ губъ и славянскихъ жупъ.

Pol. wiek. sr. III. 71, 109, 451), какъ и хорватскіе stoly sudački, на которыхъ судилъ князь съ судцами и vladanem на общей сходкѣ (Kukul. Arkiv. I, 203 — 206), или винодольскія кумы (Винод. Зак. 57, 69) и полицкіе сборы и віча, вообще жупные суды (Полиц. Ст. 4, 5, 8, 121, 151, 239 и пр.). Всѣ эти учрежденія представляютъ остатокъ отъ глубокой древности. Въ нихъ можно находить слѣды учрежденій того времени, когда у Славянъ, по словамъ Раича, важнѣйшія дѣла рѣшались на народныхъ сходкахъ и только меньшія предоставлялись суду старшинъ (Раичъ—Исторія, ч. II, стр. 52). Рейцъ справедливо говоритъ, что въ древнихъ народныхъ судахъ нужно искать историческаго основанія судебной власти сходовъ далматскихъ городовъ (Полит. устр. 22): въ ихъ совѣтахъ до позднѣйшаго времени судились тяжкія преступленія, для чего на практикѣ выдѣлялась изъ совѣта отдѣльная коллегія, подъ названіемъ curia major (Рейцъ, 35 — 37). Подобнымъ образомъ, въ Дубровникѣ высшая судебная власть, какъ мы замѣтили выше, усвоялась вѣчамъ, въ особенности *большому* и *умоленному*. Первое рѣшало дѣла уголовныя, касавшіяся жизни и смерти подсудимаго; прегаты имѣли значеніе высшей апелляціонной куріи, по дѣламъ, переносившимся изъ другихъ судебныхъ мѣстъ (см. выше).

2. *Судъ городской* (curia racusina, судье, consules et judices). „Судье и судьци“ упоминаются въ самыхъ древнихъ Дубровницкихъ грамотахъ (Спомен. 9, 10, 39. Mikl. 21 и пр.). Договоръ 1253 года перечисляетъ пять судей, занимавшихъ первое мѣсто послѣ князя (Спомен. 21). Грамоты XV и слѣдующихъ вѣковъ говорятъ о „кунсулѣ и его судцахъ, составлявшихъ одну судебную курію; ея суду подлежали „свады“ Дубровчанъ между собою. Судъ такой куріи считается, по грамотамъ, окончательнымъ: на чемъ порѣшатъ судцы, „на томь да стое“,—куріи дозволялось „свезати и дрьжати“ не повиновавшагося ея приговору (Ib. 128, 180, 206 и пр.) Судьямъ и кунсуламъ грамотъ соотвѣтствуютъ judices и consules книги статутовъ и другихъ сводовъ законовъ. Изъ нихъ состояла *curia racusina*— обыкновенная судебная инстанція по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ Дубровчанъ (см. Пуцича II 142 и слѣд.). Въ книгѣ статутовъ курія раздѣляется на *большую* и *малую* (curia magna et parva,— ib. 148). Трудно опредѣлить значеніе обѣихъ курій по имѣвшимся у насъ подъ рукой отрывкамъ книги статутовъ. Изъ позднѣйшихъ извѣстій видно, что консулы составляли большую курію (curia civilis, judices majoris curiae, также consules seu civilium causarum judices,

consoli delle cause civili) по дѣламъ *гражданскимъ*, а собственно судьи — малую курію по *уголовнымъ* дѣламъ (curia criminalis, criminales s. maleficorum judices, giudici,—см. Рейцъ 34. Пуцичъ I. XXVIII. Макушевъ II). Curia racusina напоминаетъ винодольскихъ судцовъ и вообще хорватскихъ и далматскихъ judices civitatis, называвшихся также justitiarii и rihtardi и (какъ напримѣръ, въ Загребѣ) рѣшавшихъ дѣла in pleno jure, то-есть, цѣлою куріей (Kukul. Jura regni Croat. etc. I. 30, 39, 41, 49, 80 и пр. Arkiv. I. 191 и слѣд.).

3. *Судъ княжій.* Дубровницкіе памятники очень часто говорятъ о судебной власти князя. По грамотамъ XIII и XIV вѣковъ, тяжбы и „свады" между Сербами и Дубровчанами судятся „предъ кнезомъ Дубровачкимъ" (Спомен. 7. Mikl. 25). По книгѣ статутовъ, „comes jurabit bonum regimen — *judicare* secundum antiquam consuetudinem Racusii". Тамъ же говорится о stanicum *ante comitem* Racusii (Пуц. II 142). Зеленая книга допускаетъ участіе ректора не только въ гражданской, но и въ уголовной юстиціи (ib. 161). Впрочемъ, судебная власть князя была очень ограничена. Самъ князь, какъ это было вездѣ въ далматскихъ общинахъ, судилъ только незначительныя дѣла, другія рѣшались имъ вмѣстѣ съ судьями (curia racusina). Такимъ образомъ, въ одной грамотѣ 1332 г. говорится, что свады Дубровчанъ между собой судитъ „кнезъ Дубровачки и судье" (Mikl. 106). Parvum stanicum допускался «ante ducem et curiam» (кн. стат. у Пуц. II. 145). По Зеленой книгѣ уголовныя дѣла судитъ ректоръ cum suis judicibus, то-есть, собственно съ giudici, малой куріей (ib. 161. Cp. Рейца 38; Энгеля Gesch. d. Freyst. Rag. 110).

4. *Stanicum* (станакъ, учиначье, порота). Древнее Дубровницкое законодательство ясно отличаетъ учрежденіе stanicum отъ куріи и суда княжескаго: stanicum былъ вполнѣ самостоятельнымъ учрежденіемъ, существовавшимъ отдѣльно и независимо отъ другихъ, собственно правительственныхъ учрежденій. Первыя упоминанія о немъ, сколько намъ извѣстно, принадлежатъ памятникамъ XII вѣка. „Станакъ", позднѣйшій stanicum, встрѣчаемъ впервые въ грамотѣ общины Поповой, 1100 — 1200 (Miclos. Mon., стр. 7). О станакѣ говорится и въ позднѣйшихъ Дубровницкихъ грамотахъ (ib. 256. Пуцича Спом. I. 169). Станакъ извѣстенъ Полицкому Статуту (ст. 250), въ смыслѣ народной сходки — сбора или вѣча. Полное развитіе stanicum принадлежитъ книгѣ статутовъ и позднѣйшимъ сборникамъ Дубровницкихъ законовъ, въ которыхъ находимъ очень подробныя постановленія, вполнѣ объясняющія сущность учрежденія stanicum. Учиначье в по-

рота, встрѣчающіяся въ грамотахъ XIII и слѣдующихъ столѣтій, составляютъ видовыя названія одного и того же учрежденія stanicum, раздѣлявшагося на stanicum *parvum* (учиначье) и stanicum *generale* или *sacramentum* (порота). Тотъ и другой, какъ увидимъ, составляли не болѣе, какъ двѣ стороны одного и того же института.

Источники говорятъ о stanicum, какъ о давнемъ „законѣ", antiqua consuetudo. Станакъ уже въ XII вѣкѣ, какъ это ясно видно изъ грамоты общины Поповой, былъ изстариннымъ учрежденіемъ, основывался на старомъ *законѣ* (собственно обычаѣ). По книгѣ статутовъ, если Дубровчанинъ не хочетъ вести дѣло предъ куріей, то можетъ требовать учрежденія stanicum «secundum antiquam consuetudinem» (Пуц. II. 142). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что стороны, потребовавшія станка, должны опредѣлить quaestiones suas secundum antiquam consuetudinem (ib. 143). Самыя статьи, трактующія о stanicum, озаглавливаются — *de consuetudinibus* (см. кн. ст. Lib. III, cap. LI — LVII).

Stanicum Дубровницкаго законодательства, какъ намъ кажется, если не вполнѣ соотвѣтствуетъ, то по крайней мѣрѣ представляетъ явленіе, близко подходящее къ общинному суду, который въ старое время игралъ у всѣхъ Славянъ весьма видную роль. Мы имѣемъ нѣсколько данныхъ, говорящихъ въ пользу близкой связи stanicum съ общинными учрежденіями. Не говоря уже о томъ, что stanicum въ источникахъ рѣшительно противополагается офиціальнымъ судамъ (княжему и пр.), можно привести нѣсколько памятниковъ, называющихъ пороту, учиначье и станакъ прямо общинными судами. Для примѣра укажемъ на грамоту 1254 — 56 г., въ которой порота другихъ грамотъ замѣнена словомъ *обьчи судь* (Mikl. 47 — 48 Ср. 46). Въ грамотѣ 1332 г. говорится: „да за позове прѣдь Дубровчани *на пореду*" (Mikl. 101), то-есть, на судъ предъ общиною: здѣсь пореда означаетъ пороту другихъ грамотъ или stanicum книги статутовъ. Наконецъ, на общинный характеръ stanicum указываетъ судъ учиначьевъ, собиравшихся *на скупѣ*, народной сходкѣ (Пуц. I. 79).

Мы разсмотримъ сначала данныя, объясняющія устройство stanicum въ обоихъ видахъ (parvum et sacramentum), и за тѣмъ опредѣлимъ сущность этого учрежденія, на сколько, разумѣется, это возможно при томъ скудномъ матеріалѣ, какой мы могли имѣть у себя подъ рукой.

a) *Stanicum parvum*, также *speciale, proprium* — *станакъ, учиначье.* Судъ третей, о которомъ здѣсь несомнѣнно идетъ дѣло, из-

давна былъ у Славянъ въ обычаѣ; въ особенности къ нему прибѣгали въ случаѣ столкновеній общинъ между собой. Посредничество третей было самымъ естественнымъ и подручнымъ средствомъ для разбирательства споровъ между старыми общинами, не подчинявшимися еще никакой высшей власти. Общины сами избирали изъ среды себя третей, съ условіемъ подчиненія ихъ приговору. Третейство, вытекшее такимъ образомъ изъ условій общинной жизни Славянъ, очень долго удерживалось у южныхъ Славянъ. Дубровницкое законодательство только обобщило и формулировало старые обычаи, издавна наблюдавшіеся при разбирательствѣ споровъ между отдѣльными общинами, какъ и между членами различныхъ общинъ и союзовъ.

Самое древнее свидѣтельство о судѣ третей сообщаетъ грамота 1100 г. (Mikl. 7). Двѣ самостоятельныя общины, Попово и Дубровникъ, по старому обычаю (закону) условливаются объ учрежденіи съема для разбирательства взаимныхъ притязаній, въ особенности объ „увмѣхъ" (узетьи грамоты 1405 г., — см. ниже) и „властельскихъ потребахъ". Въ договорѣ опредѣлено время и мѣсто сходки.

Значеніе станка также объясняется двумя почти одновременными грамотами :

1) Грамотой Сербскаго краля Стефана Твертковича, 1405 г., въ которой послѣдній, между прочимъ, предлагаетъ Дубровнику учредить станакъ для разбирательства споровъ между Дубровчанами и Сербами, и

2) Грамотой Дубровницкаго князя, 1406 г., какому-то Остою Бименарику (гр. 1405 г. см. Mikl. 256; гр. 1406 г. у Пуц. I. 79), служившему приставомъ на скупъ учиначьевъ (третей), созванныхъ для разбора тяжебныхъ и иныхъ дѣлъ между Прибинкемъ Припчиковъ и Богулиномъ Прьдоевикемъ.

Книга статутовъ говоритъ очень подробно о stanicum parvum какъ о вполнѣ развитомъ институтѣ, однородномъ съ станкомъ и учиначьемъ грамотъ. Мы приведемъ здѣсь самый текстъ статей, трактующихъ о stanicum, и потомъ сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ этомъ учрежденіи.

Постановленія о stanicum parvum содержатся въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ книги статутовъ:

Lib. III. Cap. LI. Et si stanicum plenarium non fuerit ordinatum et aliquis homo de Chelmo venerit ad quaerendum rationem supra aliquem hominem Racusii si Racuseus voluerit respondere et facere ei rationem ante curiam Racusii, faciat, et si noluerit, ordinet stanicum ante curiam

Racusii ad constitutum locum et ad certum terminum, secundum quod ordinatum fuit ante curiam, et quaelibet pars debeat esse in illo loco, pars Racuseorum cum judicibus Racusii, quos portare voluerit, et pars Sclavorum cum judicibus Sclavis, quos ducere voluerit, et sint tot judices ex una parte quot ex alia, et quaecumque ex illis partibus non venerit ad terminum constitutum sine impedimento Dei et dominationis terrae, sit torta et perdiderit placitum. Et si Sclavus non concordaret se cum Racuseo ante curiam Racusii, Racuseus debet ordinare ante d. comitem et curiam Racusii certum terminum eundi ad stanicum cum Sclavo. Et in illo die Racuseus ad suam voluntatem debet eligere judices ab uno in supra, et Sclavus simili modo debet facere, qui judices sine sacramento debent judicare placitum vel placita quae ibi fient (Пуц. II. 145—146).

Lib. III. Cap. LVI. Et si Racuseus nollet respondere et facere rationem ante curiam Racusi et peteret stanicum secundum antiquam consuetudinem, utraque pars debet ordinare stanicum ad suam voluntatem ante d. comitem Racusii (ib. 142).

Lib. III. Cap. LVII. Et si aliquis Racuseus ad quaerendum habuerit rationem supra aliquem Sclavum vel Sclavus supra Racuseum et Racuseus Sclavo vel Sclavus Racuseo dixerit: volo respondere tibi ad plenarium stanicum et non ad proprium; et stanicum plenarium non fuerit ordinatum per signorias, sciendum est quod aliqua ex illis partibus non debet nec potest petere stanicum plenarium, sed utraque pars ordinet parvum stanicum (speciale stan., какъ онъ названъ въ summarium) ad certum terminum et ad illud stanicum debet definire quaestiones suas secundum antiquam consuetudinem (ib. 143).

Прежде всего замѣтимъ, что всѣ данныя говорятъ въ пользу *самостоятельности* stanicum. По своему значенію онъ равняется съ куріей и большимъ станкомъ. Стороны могутъ вести свое дѣло въ куріи и другомъ судебномъ мѣстѣ; но могутъ также обратиться къ станку «ad suam voluntatem». Малый stanicum учреждается по взаимному уговору сторонъ, даже по желанію одного истца или отвѣтчика,—во всѣхъ случаяхъ онъ замѣняетъ большой stanicum, курію и другія судебныя учрежденія. Не видно, чтобы въ компетентность малаго станка входили какіе-либо спеціальные *предметы*. Подобно большему станку, онъ учреждался вообще для разбирательства споровъ между Дубровникомъ и его сосѣдями, какъ и между отдѣльными лицами. Въ извѣстныхъ намъ случаяхъ учрежденія станка между цѣлыми общинами, его quaestiones составляли вообще „властельскія

потребы" общинъ, взаимныя ихъ притязанія и споры, въ особенности по „ѣузькѣ, оузетью", то-есть, завладѣнію частнымъ имуществомъ во время войны (Mikl. 7. 256). Въ 1406 году созванъ былъ „скупъ" изъ учиначьевъ, для суда „о *правду*, кою ке (Прибиня Припчикь) водити сь Вотулиномь Прьдоевикемь и сь Радосавомь и сь Братошемь... о *всакои дльь и работу*, кою би Прибиня на нихь питаль, или они на Прибиню" (Пуц. I. 79).

Въ составъ станка входили офиціальныя лица, посредники и тяжущіяся стороны.

По книгѣ статутовъ stanicum (малый) всегда учреждается въ *присутствіи князя*, иногда *куріи* или *обоихъ вмѣстѣ*; иногда же отряжались на станакъ одни *приставы*. Учрежденіе малаго станка ante comitem Racusii, ante curiam или ante comitem et curiam Racusii нужно считать его особенностью, отличавшею его отъ большаго станка. Князь и члены куріи могли лично являться на мѣсто суда (съ правомъ на вознагражденіе издержекъ путешествія), или посылать вмѣсто себя приставовъ, избраніе которыхъ, какъ видно изъ грамоты 1406 года, предоставлялось сторонамъ (Пуц. I. 79). Какую роль на сходкѣ играли князь, курія и приставы? Имъ не принадлежало право суда,— это несомнѣнно. Предъ куріей стороны, еще до открытія сходки, „нарекали" своихъ судей и приставовъ (если лично не могъ присутствовать на сходкѣ князь или члены куріи), „завезали и обьлюбили, да вьсе, що учине учиначье (судьи), да е вьсе този тврьдо и непорочно" (ib.). Князь, курія и приставы присутствовали на сходкѣ, „да се тем работе *врьше*", слѣдили за судомъ, вообще дѣйствовали, какъ представители власти, исполняли приговоръ судей и т. д.

Главная роль на сходкѣ принадлежала *судьямъ-посредникамъ* (judices, учиначье). Выборъ и представленіе ихъ въ судъ предоставлялись свободному усмотрѣнію сторонъ. Если станакъ учреждался для разбирательства общихъ дѣлъ между Дубровникомъ и сосѣдними землями и общинами, то судьи назначались правительствомъ обѣихъ сторонъ (Mikl. 256). Малый stanicum имѣлъ характеръ суда равныхъ: Дубровчанинъ избиралъ для себя судей изъ Дубровчанъ же, какъ и Славянинъ изъ своихъ товарищей. Судей избирали и назначали (нарекали) при первомъ договорѣ объ учрежденіи станка; но выборъ могъ произойдти на самой сходкѣ, въ день, назначенный для stanicum (Кн. ст. Lib. III, c. LI. Mikl. 256). Число судей различно. Въ статутахъ просто говорится, что стороны являются cum *judicibus*, — значитъ, могло быть по нѣскольку судей съ каждой стороны, но впрочемъ,

дозволялось избирать и по одному посреднику. Грамоты 1405 и 1406 г. говорять о четырехъ судьяхъ, по два съ каждой стороны (Ib. Ср. Пуц. I, 79).

Не менѣе дѣятельную часть сходки составляли сами *стороны:* безъ личной ихъ явки или ихъ парцовъ (advocati) stanicum считался недѣйствительнымъ, — стороны теряли свой placitum. Стороны избирали судей, назначали время и мѣсто сходки; отъ нихъ зависѣла постановить quaestiones, представлявшіяся на разсмотрѣніе судей (постановка и опредѣленіе такихъ quaestiones дѣлались при самомъ назначеніи сходки), и пр. Словомъ, стороны принимали самое дѣятельное участіе въ судѣ посредниковъ.

Мѣсто сходки назначалось сторонами, которыя могли при этомъ руководиться и обычаемъ. По статутамъ, стороны назначаютъ stanicum ad *constitutum* locum (III. LI). Изъ грамоты общины Поповой видно, что уже въ ея время мѣсто сходокъ опредѣлялось „закономъ" (Mikl. 7). Иногда же въ каждомъ данномъ случаѣ назначалось мѣсто сходки. Въ 1405 г. назначенъ былъ станакъ въ одномъ изъ трехъ мѣстъ—въ Конавлѣ, Требинѣ или Поповой, по выбору главнаго судьи (Mikl. 256).

Стороны обыкновенно уговаривались, „да се *станемо* на правому станьку", отправлялись съ своими судьями на скупъ, stanicum; въ *срокъ*, положенный договоромъ самихъ сторонъ. Въ случаѣ накопленія дѣлъ, назначались продолжительные сроки сходокъ: въ 1405 г. станакъ держался въ теченіе шести мѣсяцевъ со времени заключенія договора. Стороны сами или ихъ представители (парци, advocati) должны были являться на сходку вмѣстѣ съ своими судьями. Кто не являлся sine impedimento Dei et dominationis terrae (contradictio domini terreni), тотъ терялъ свое дѣло (Кн. ст. III. LI).

Самый судъ назывался *placitum*. Смотря по сложности и накопленію дѣлъ, stanicum могъ производиться въ теченіе одного placitum или нѣсколькихъ: призваннымъ судьямъ предстояло „judicare placitum vel placita, quae ibi fient". Судебныя засѣданія могли учреждаться одно за другимъ, въ особенности когда назначался продолжительный stanicum, для разбирательства дѣлъ между общинами. На каждое placitum являлись новые судьи, приводившіеся сторонами для разбирательства только своего дѣла, или по всѣмъ дѣламъ засѣдали одни и тѣ же судьи, какъ это было, напримѣръ, на станкѣ 1405 г.

Въ отличіе отъ stanicum sacramentum, судьи малаго stanicum рѣшали дѣла *sine sacramento*, и подобно сербскимъ душникамъ (доуш-

ници, деушевиници) изрекали свой приговоръ „вѣромъ и душомъ“. Учищачье, наравнѣ съ поротниками, рѣшали вопросъ о *правдѣ* и *кривдѣ* (виновенъ или нѣтъ). Такимъ образомъ судьи, созванные на станакъ въ 1405 г., должны были „отлучить и познать правду“,—у кого „криво увете и не по правьди, да се има (виновный) платити и вратити“ (Mikl. 256). Приговоръ судей считался окончательнымъ; послѣ него не допускалось новое перевершенье дѣла. „Да вьсе що учине (исправе—судьи), да е вьсе този тврьдо и непорочно“; „аще буду отлучати судье, да е тврьдо и становито, и да нитко рь не море потворити“,—обикновенныя условія, встрѣчающіяся въ грамотахъ объ учрежденіи станковъ.

b. *Stanicum plenarium*, также *generale*, *sacramentum-porotka*, *норота, судъ поротьнъ*. Разработка вопроса о судѣ присяжныхъ у Славянъ принадлежитъ Вельковичу (О пороти, у Београду, 1860) и Майкову, изложившему нѣсколько замѣчаній объ этомъ учрежденіи въ своей статьѣ: „О судѣ присяжныхъ у южныхъ Славянъ“ (въ *Русскомъ Словѣ* 1861). Майковъ воспользовался всѣми доступными въ то время матеріалами и на основаніи ихъ показалъ устройство сербской пороты и отличіе ея отъ сходныхъ учрежденій Запада. Изложеніе Майкова не даетъ впрочемъ полнаго понятія о предметѣ. Авторъ ограничился только сербскими памятниками (грамотами и Законникомъ Душана), Полицкимъ Статутомъ и нѣкоторыми изъ Дубровницкихъ памятниковъ. Въ настоящее время издано много новыхъ матеріаловъ, дающихъ возможность подробнѣе опредѣлить устройство старославянской пороты.

Такимъ образомъ, сборники Пуцича, Миклошича и Кукулевича (Jura и Arkiv) содержатъ достаточно указаній на существованіе пороты не только у Сербовъ, но и у Хорватовъ и другихъ южныхъ Славянъ. Jurati, отличавшіеся отъ очистниковъ (conjurati), и общинный судъ по sacramentum составляли въ далматскихъ и хорватскихъ общинахъ чуть ли не такое же распространенное и старое учрежденіе, какъ и у Сербовъ. Въ грамотахъ хорватскихъ и далматскихъ встрѣчаемъ болѣе древнія указанія на пороту, чѣмъ въ грамотахъ сербскихъ. Жители Цетины уже въ 1210 г. судились своими присяжными,—цетинскіе jurati имѣютъ значеніе изстариннаго учрежденія (Jura reg. Croat., Dalm. et Slav. I, 44). Подобное же значеніе имѣли въ Verevče (1234 г.) jurati, qui quidem conjurati *ad facienda judicia* fuerint computati seu destinati (ib. 59). Упоминанія о jurati и вообще о судѣ по sacramentum принадлежатъ также грамотамъ общинъ: Валкова (1231), Петрины

(1240) и Самобора (1242). См. ib. 56, 61, 62. Загребскіе seniores, boni viri, assessores jurati, равно какъ и хорватскіе rotni sudci, входившіе въ составъ судныхъ вѣчъ (stoly sudački), рѣшительно напоминаютъ сербскую пороту и sacramentum stanicum Дубровницкаго законодательства (Arkiv I, 191—193, 203—207. Jura I, 488). Есть указанія на изстаринное существованіе пороти въ Босніи, Болгаріи и въ другихъ славянскихъ земляхъ, сосѣднихъ съ Сербіей (напримѣръ, Mikl. 102, 410). „Заклетъ и великая заклетва" (заклинаніе) болгарскихъ грамотъ, повидимому, представляютъ остатокъ древней пороты (Венелина—Влахоболгар. грамоты 267, 312—313). Майковъ, сколько намъ помнится, не обратилъ также вниманія на сербскихъ *старинниковъ (старина, старцы, жупляне)*, которые по поземельнымъ дѣламъ играли вполнѣ роль присяжныхъ. Свѣдѣнія о нихъ сообщаетъ сербская судная грамота 1325 г., помѣщенная Мацѣйовскимъ въ VI томѣ его Исторіи славянскихъ законодательствъ (стр. 407), и два хрисовуля—Душана Сильнаго Призренскому монастырю (Гласникъ Друшт. XV, 277) и Стефана Влка Хиландарскому монастырю (Mikl. 263—274). Наконецъ, кромѣ грамотъ, помѣщенныхъ въ сборникахъ Николаевича и Миклошича и достаточно разобранныхъ Майковымъ, интересны по своимъ свѣдѣніямъ о пороте двѣ новыя грамоты (1395 и 1410), помѣщенныя Пуцичемъ въ его „Споменицахъ" (I, 3, 100).

Особенно интересны постановленія о судѣ присяжныхъ, извлеченныя Пуцичемъ изъ Дубровницкихъ законовъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ много новыхъ данныхъ, разъясняющихъ всѣ существенныя детали устройства славянской пороты (въ особенности порядокъ выбора присяжныхъ, условія допущенія въ списокъ присяжныхъ и проч.). Сюда относятся постановленія книги статутовъ, изложенныя въ законѣ (cap. LI, de consuetudinibus inter Racuseos et homines comitatus Chelmi, ст. 1—8, 12—16; Cap. LIII, de consuetudinibus inter Racuseos et homines Rassiae; Cap. LIV, De consuet. int. Racus. et illos de Genta), также книги реформацій pagina XIX cap. II (quod Sclavi facti cives et non habitantes habeantur pro Sclavis in criminalibus) и книги Зеленой cap. LXIII (de ordinibus consulis eligendi pro jure reddendo inter Racuseos in Sclavonia). См. Пуцича II, 144—148, 158—160).

Мы не имѣемъ въ виду подробнаго изслѣдованія вопроса о славянской поротѣ. Наша цѣль—разсмотрѣть постановленія Дубровницкихъ грамотъ и законовъ, главнымъ образомъ, о предметахъ вѣдомства, составѣ суда присяжныхъ и о постановленіи и исполненіи приговора присяжныхъ.

Дубровницкіе законы относятъ къ *компетентности* большаго *sta-nicum* вообще всѣ гражданскія и уголовныя дѣла. Предметомъ суда служитъ *ratio*, *petitio* или *querimonia*, въ частности *contractus*, *discordia* vel *debitum aut aliquod malefactum et facta criminalia* (Нуд. II. 144 и слѣд.). Грамоты точно также относятъ къ предметамъ вѣдомства пороты *безправдье*, *кривину*, *пру* (пра), въ особенности споры по *долгамъ* и *землевладѣнію* между Дубровчанами и Сербами. По всѣмъ такимъ дѣламъ, какъ выражается грамота сербскаго князя Лазаря 1387 г., „да се не позива Срьбинъ Дубровчанина на судъ никако тькмо прѣдъ онези судие (пороту), и да не муче прѣдъ господствоми ни прѣдъ кефалию“ (Mikl. 205). То же правило повторяется въ позднѣйшихъ грамотахъ (ib. 267, 270, 353, 434. Ср. 46, 47, 52, 101 и пр.). Иногда впрочемъ установлялись довольно значительныя ограниченія компетентности пороты. Въ одной сербской грамотѣ XIII вѣка (о правахъ Дубровницкихъ купцовъ въ Сербіи) говорится: „И ако се обрѣте на дльгъ меду Влахомь (Дубровчаниномъ) и Срьблиномь, *за мали дѣли* (малое дѣло судебное) *да има іе судъ поротьнь:* да іесть судиа іединь Срьблинь, а другинь Дубровьчань.... *А за велики дли да идета прѣдъ кралія*, ако ли вѣруіеть Влахь Срьблина; ако ли вѣруіеть Срьблинь Влаха, да се идета *прѣдъ кънеза Дубровьчкога*“ (Изв. Срезневскаго—Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1850. Стр. 190). Здѣсь еще не ясно различіе между малымъ и большимъ „дльгомъ“. Мы встрѣтили въ двухъ грамотахъ указанія на дѣла, входившія въ исключительную компетентность суда Сербскихъ кралей: въ грамотѣ 1240—72 „прѣдъ кралевьствоми да иду за *невѣру* (измѣну), *вражду* (собственно вира Правды,—здѣсь означаетъ убійство), *челядина*, за *конь* (коневая татьбы Правды), у томь да есть судь Дубровчанину (съ Сербомъ) прѣдъ кралевствомь ми“ (Mikl. 52); въ грамотѣ 1349 г.— „за слези да греду (Дубровчанинъ) прѣдъ царьствоми: за *крьвь* (убійство) и за *землю* и за *проводъ* (то-есть, убытки, понесенные на пути Дубровчаниномъ во время проводи—провожанія его путевою стражею; см. выше о круговой порукѣ у Сербовъ) и за *чловека* и за *сводъ* (сводъ Руской Правды,—при открытіи чужой вещи въ рукахъ другаго, безъ объявленія на торгу о пропажѣ или похищеніи вещи) и за ино нѣзащо“ (ib. 147). Душановъ Законникъ вообще принимаетъ за правило, что цареву суду подлежатъ „невѣра, крьвь и разбой владычьски“ (146)—дѣла, которыхъ не насаются другіе судьи (собственно царевѣ); но не видно, чтобъ это правило распространялось и на пороту: поротцы, по Законнику, призываются „за много и за мало, за велико

дѣлю, мали дльгъ, мало дѣло". Въ хорватскихъ грамотахъ также не дѣлается различія между большими и малыми дѣлами,—jurati судятъ вообще всѣ дѣла между жителями общинъ, всѣ „causas eorum" (Kukul. Jura I, 59, 61, 62). То же самое находимъ въ Загребскомъ и Полицкомъ статутахъ: въ Загребѣ были подсудны присяжнымъ дѣла гражданскія и уголовныя,—они дѣлятъ наслѣдство (на сходкѣ concivium), опредѣляютъ виру (если ее не опредѣляль самъ законъ) и проч. (Kukul. Arkiv. I, 191). Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что Дубровницкое законодательство предоставляло присяжному stanicum равную компетентность съ куріей и малымъ станкомъ: если сторонамъ дозволялось уклоняться по своему произволу отъ суда куріи или князя и обращаться къ суду третей, то тѣмъ болѣе онѣ могли всегда вести свое дѣло предъ присяжными. Приведенныя выше ограниченія компетентности сербской пороты нужно считать временными. Князья, очевидно, въ своихъ собственныхъ (финансовыхъ) интересахъ, нарушали по временамъ старый народный обычай; но нарушенія такія никогда не возводились въ общее правило.

Присяжный stanicum, подобно малому, состоитъ изъ лицъ офиціальныхъ, judices (поротниковъ) и сторонъ. По книгѣ статутовъ, на сходку (ad stanicum) обязаны являться не только истецъ и отвѣтчикъ, но и сторонніе люди, въ особенности состоящіе въ спискѣ присяжныхъ; но дозволялось также посылать вмѣсто себя другаго (Пуц. II, 444).

Въ Дубровницкихъ законахъ нѣтъ ни слова объ учрежденіи присяжнаго stanicum ante comitem vel curiam, какъ это принималось за общее правило при учрежденіи малаго станка. Законъ положительно запрещалъ князю лично участвовать на судѣ присяжныхъ: „Et Rex Rassiae personaliter non tenetur venire ad stanicum (sacramentum), nisi fuerit de sua voluntate, sed ipse tenetur mittere *(minister)*, et similiter facit d. comes Racusii (Пуц. II. 148). Въ значеніи такихъ ministri — представителей власти, являлись на сходку присяжныхъ segnorias, *приставы* и *княжіе люди*, по сербскимъ грамотамъ кралевскіе люди, областные старшины и правители-челники, жупаны и приставы (Пуц. II. 143. Mikl. 108, 248, 263. Мацѣйов. Hist. VI, 407—407). Въ одной грамотѣ говорится, что приговоръ присяжныхъ исполняютъ „мое судьце" (кралевскіе),—можетъ-быть, они и присутствовали на сходкѣ (Mikl. 46). По крайней мѣрѣ, въ старой Сербіи, какъ ясно показываетъ Законникъ Душана, допускалось, если не всегда, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совмѣстное дѣйствіе на поротѣ судей офиціальныхъ и присяжныхъ. Подобный случай записанъ въ 127 статьѣ Законника о судѣ

но „злобѣ и изгубѣ“ на пути отъ татей и разбойниковъ: „А що с
где случи кому (на пути, во время „проводи“ путевой стражи), и
имь что уже гусарь (разбойникъ) или тать или коегоде злоба, да ш
к *судіамь* и *кнеземь* и к *цару*, да имь плате, що буде изгубиль. А
се случи что изгубити, да имь есть *порота* вѣрованіи чловѣци, п
реку душомь своимь, сре су изгубили, сь онеми поротци (то-есть, п
ихъ приговору) що имь да плате кефаліе и страже“. Здѣсь яс
нѣнно указывается на двѣ отдѣльныя судебныя функціи: jus пр
лось судьямъ, judicium (въ настоящемъ случаѣ — опредѣленіе ц
злобы и самаго вознагражденія за нее) — поротцамъ. На такія же ф
ціи суда присяжныхъ указываетъ Загребскій статутъ: *госнода* (d
terrae) взыскиваютъ виру, назначенную „juxta *arbitrium bonorum*
rum et sacramentum et conscivium ad hoc electorum“ (Ark. I, 191). П
добнымъ образомъ, грамотою Коломана общинѣ Verevče, 1234 г., у
новлено: „quod nullus judex (королевскій) in causis eorum (
ipsos possit judicare, nisi solummodo *villicus*, eorum pro tempore co
stitutus, cum *civibus* villae ejusdem — cum *juratis*, qui quidem
ad facienda judicia fuerint computati (compuocati) seu destinati“ (Jura
I, 59). Такое же раздѣленіе функцій суда присяжныхъ было из
Дубровницкому законодательству. Можно привести нѣсколько ук
ній памятниковъ Дубровницкихъ и сербскихъ на роль, какую игра
представители. власти на судѣ присяжныхъ. Князья или
распоряжаются о явкѣ присяжныхъ и сторонъ на сходку и о са
открытіи судебныхъ засѣданій (Пуц. II. 143, 144. Mikl. 248); представи
тели власти „питаю (поротцевъ) до них роте“, предъ ними присяжн
„да се одькльну“, „свѣдочать“; они исполняютъ приговоръ прися
ныхъ, вообще заправляютъ всѣмъ дѣломъ (Mikl. 46, 108, 248 и др.

Присяжные (поротцы, поротници, ротники, судье, judices, jurati
избирались самими сторонами. „Judices e paribus eligantur. Et debet
eligere tot judices ex una parte, quot ex alia secundum antiquam co
suetudinem“ (Lib. St. III. LI). Въ грамотахъ обыкновенно говорит
„да се постави (стороны) суди, да се прѣдь ними прѣ“ (Mikl. 205
208, 267, 270, 353, 434). По хорватскимъ памятникамъ, присяжны
тоже назначаетъ не правительство, но сами общины; напримѣръ, гр
мота Цетины говоритъ о jurati, per *ipsos* nominandi (Jura I. 44, 59).
Бывали впрочемъ случаи выбора присяжныхъ самимъ правительством
въ особенности для рѣшенія какихъ-либо спорныхъ вопросовъ по д
ламъ текущей администраціи. Такъ было въ 1400 г., при пожалов
ніи кралемъ боснійскимъ Стефаномъ Остоемъ жупы Гливно воевод

Грвою: для рѣшенія вопроса о принадлежности жупъ кралю, правительство предписало мѣстнымъ властелямъ, „да зберу владане и себи осядники и да ихь питаю до нихь роте", — поротники дали показанія въ пользу краля (Mikl. 248). Въ 1334 г. Сербскій краль Стефанъ заключилъ съ Дубровникомъ договоръ, между прочимъ, о выдачѣ Сербскому правительству, по его требованію, ушедшихъ въ Дубровникъ сербскихъ подданныхъ. При этомъ положено было: если по розыску не найдется никого изъ ушедшихъ, „а кралевьствоми не име вѣровати, сре есть сикови, да *нарече кралевьствоми* четиремь или петимь властелемь Дубровьчьнимь, да ми се одькльну у Богородицу Дубровьчьку прѣдь чловѣкомь кралевьствами, каго нѣ иедногa чловѣка" (Mikl. 108).

Отъ лицъ, назначавшихся въ присяжные, требовались положенныя *условія* для допущенія ихъ въ списокъ присяжныхъ. Къ такимъ условіямъ принадлежали:

а) Присяжные должны принадлежать къ *одному состоянію* съ призывающею ихъ стороною. По книгѣ статутовъ, Славянинъ не можетъ сказать Дубровчанину: хочу, чтобы тотъ или другой былъ твоимъ присяжнымъ (talis et talis juret tecum), но Дубровчанинъ долженъ имѣть его изъ „illis suis *propinquis* („дружина" грамотъ и Законника), quos ipse habere potuerit" (Пуц. II. 147). То же самое правило удержано въ книгѣ реформацій и Зеленой: Славяне, временно проживающіе въ Дубровникѣ, „in facto criminali haberi et tractari debeant secundum consuetudines cum *hominibus illius loci* unde sunt illi Sclavi facti cives"; точно также Дубровчанинъ, живущій въ Хлумѣ и Гентѣ, избираетъ для себя присяжныхъ изъ *proximi* civitatis Racusii (Пуц. II, 158, 160). Въ силу того же начала князья и ихъ сыновья избираютъ (по своимъ дѣламъ) присяжныхъ изъ своихъ nobiles viri. По вѣчевому закону Дубровника 1422 г., въ поротѣ каждый судится равнымъ себѣ (ma de *egual eguale* si. См. Пуц. I, примѣч. XXIII; II, 144). Proximi и propinqui Дубровницкихъ законовъ соотвѣтствуетъ *очина дружина* сербскихъ грамотъ и Душанова Законника. Въ поротцы призываются, по словамъ Законника, „противу ихъ (то-есть, сторонъ) дружина",—великіе властели избираютъ поротцевъ изъ великихъ же властелей, средніе люди и Себры — изъ лицъ своего же состоянія. Въ дѣлахъ иновѣрцевъ или торговцевъ съ Сербами порота составляется подобнымъ же образомъ — „половина Срьбли, половина ихъ дружина" (Зак. 78, 120, 121). Тѣ же правила повторяются въ грамотахъ (Mikl. 52 и пр.), иногда съ прибавленіемъ слѣдующаго условія: „да е порота Дубровчанину негова дружина Дубров-

чане, кои су ондези или кои се нагу Дубровчане у наиближнемь мѣсту" (ib. 205, 267, 270 и пр.). Слѣдующее мѣсто одной грамоты 1395 г. наглядно объясняетъ значеніе дружины, изъ которой главнымъ образомъ набирались присяжные: „вси *людие нѣсу єднаци, есу властеле и есу кметики*, како то у Срьблехь и по всемь свѣту, а законь нѣ ни есть слично, да се Латининь за Срьблина одьиљне, ни Срьблинь за Латинина, ну есть законь—да е порота Дубровчанину негова дружина Дубровчань" (Пуц. I, 3). Значеніе дружины нѣсколько видоизмѣнялось въ сербской поротѣ по поземельнымъ дѣламъ. Присяжные избирались здѣсь вообще изъ сосѣдей—*жуплянъ* (жителей одной жупы, волости); въ спискахъ присяжныхъ входили „племенити луде и ине врсте (сословія) луде, кои би се онде прѣминѣли" (жили), по одному или по два представителя отъ сосѣднихъ общинъ и жупъ. Такіе жупляне, подъ общимъ названіемъ *старины, старинниковъ, старцевъ*, отряжались общинами на сходку, не обращая вниманія на положеніе ихъ въ обществѣ. Въ 1389 г. участвовали на сходкѣ старинниковъ и владѣльческіе люди— „Воисавь; Потрочинь чловѣкь, Радивои из Гнивляни, кнежь чловѣкь" и пр. (Mikl. 248, 263, 214. Мацѣйов. Hist. VI, 407).

β) Въ присяжные допускались *добрые люди*, пользовавшіеся хорошею репутаціей. Это правило встрѣчается только въ сербскихъ грамотахъ и Законникѣ, требующихъ, чтобы поротцы были „веровани чловѣци", достовѣрные и добрые люди, въ особенности не уличенные въ лжесвидѣтельствѣ и нарушеніи присяги (Зак. 119, 122, 127. Mikl. 248. Мацѣйов. Hist. VI, 407).

γ) Кромѣ того, Законникъ принимаетъ за правило: „да нѣсть у нихь *родима* ни *пизматара*" родственника и врача какой-либо изъ сторонъ (119). Дубровницкіе законы вообще допускаютъ присяжныхъ „ex alia", изъ *людей стороннихъ*, которыхъ не касается дѣло (Пуц. II, 144). По словамъ Майкова, въ Дубровницкихъ областяхъ поротцы первоначально назначались изъ отдаленныхъ мѣстъ и селеній, потомъ (со времени изданія Зеленой книги) изъ того округа, къ которому принадлежалъ отвѣтчикъ (О судѣ прис., 58).

Присяжные представлялись сторонами въ *равномъ числѣ*, по общему правилу „да се постави половина суди Дубровьчкихь и половина Срьбль" (Mikl. 205, 267 и пр.). Бывшіе у насъ подъ рукой отрывки Дубровницкихъ законовъ не опредѣляютъ числа присяжныхъ. Изъ грамотъ видно, что порота по дѣламъ Дубровчанъ съ Сербами обыкновенно составлялась изъ двухъ присяжныхъ, по одному отъ каждой стороны (Mikl. 46, 52). Число присяжныхъ соразмѣрялось съ важ-

ностію дѣлъ. 12 поротцевъ составляли компетентный судъ по обыкновеннымъ дѣламъ въ старой Сербіи, въ Дубровницкихъ жупахъ, также у Хорватовъ, Болгаръ (заклетъ состоялъ изъ 12 болярь). О пороте изъ удвоеннаго числа присяжныхъ говоритъ Законникъ Душана, также грамоты сербскія, болгарскія (великая заклетва — изъ 24 болярь) и хорватскія (грам. Цетины). По менѣе важнымъ дѣламъ собирались сходки изъ 2, 6 и 8 присяжныхъ (Зак. 110. Mikl. 248, 263, 264. Jura I, 44. Влахоболь, гр. 267, 312. Мацѣйов. Hist. VI, 407. Майковъ, 58).

Нѣтъ нигдѣ прямыхъ указаній объ *отводѣ* присяжныхъ. Подсудимому естественно должно было принадлежать право устранять изъ числа присяжныхъ личныхъ своихъ враговъ или сторонниковъ противной стороны. Кромѣ того, право отвода могло принадлежать официіальнымъ лицамъ. Призывъ на сходку лицъ, выбранныхъ сторонами въ качествѣ ихъ поротцевъ, дѣлался обыкновенно княземъ или другимъ официіальнымъ лицомъ (Пуц. II, 146. Mikl. 248). Можетъ-быть, эти же лица оцѣняли способность выборныхъ быть присяжными, устраняли тѣхъ, кто не удовлетворялъ изложеннымъ выше условіямъ занятія должности присяжныхъ (см. Мацѣйов. Hist. III, 192).

На судьяхъ большаго stanicum лежала обязанность *присяги:* „judices debent jurare ad S. Dei Evangelia judicare omnes quæstiones et placita quæ ibi fient bona fide sine fraude secundum antiquam consuetudinem" (Lib. St. III, c. LI). Каждый присягалъ отдѣльно, стоя рядомъ съ своей стороной и произнося клятву по установленной формѣ. Присяга завершалась взаимнымъ цѣлованіемъ присяжныхъ съ сторонами (et ille quando jurat debet stare prope illum pro quo jurare debet ad latus ejus et debet deoscultari cum ore). Въ грамотахъ просто говорится: „судьце обое да се *кльну,* яко да право судѣ", или: „да ми се *одъклъну* у Богородицу Дубровьчку" (Mikl. 46, 108). Sacramentum stanicum учреждался обыкновенно близь какой-либо церкви, въ которой и могла производиться присяга поротцевъ. На торжественность порота указываетъ Законникъ Душана, установляя правила: „и да е всакь судь въ црькви и попь да облечеть се вь одежде, и да *и закльне*". Поротцы впрочемъ не всегда присягали въ церкви. Въ особенности порота по поземельнымъ дѣламъ производилась на мѣстѣ спора; здѣсь, „на мочехь, медіи" (межѣ), поротцы давали присягу, въ присутствіи пристава или другаго правительственнаго лица. Напримѣръ, въ 1325 г. возникъ споръ о земляхъ между игуменомъ Аѳонской горы и братьями Гордамилами. „И посла краль пристава и придоше старинници на медіу и *закле ихъ приставь*—тако да несте про-

клети одь Господа Бога и пречистые Матере Божіе и вали доме і дѣтца ваша, како не вете криво, куда е медја.... И они со-зако *страшнимь заклетіемь* вси вь едино и увезаше међу" (Мађѣѣа. Нк VI, 407). Въ другой грамотѣ (1400) *poroto* ставится также „на и чехь" (Mikl. 248). Присяга требовалась и отъ хорватскихъ jura Они давали свои conscenciae sub prestiti juramenti forma (Jura. I, 4

Сходки присяжныхъ учреждались въ назначенныхъ закономъ *мѣстахъ*. Книга статутовъ (Lib. III, c. LI, LIII, LIV) назначаетъ три сборныя мѣста: въ Malfo de Foris, Joncheto (или Cresta) и Molina всегда вблизи церквей (св. Стефана въ Malfo, Трифона въ Jonche Михаила въ Cresta и Иларіона въ Molina). Stanica учреждались подъ открытымъ небомъ, публично, вообще имѣли значеніе судебны сходокъ. Arena — мѣсто сходки въ Joncheto — означаетъ, как жется, публичную площадь, напоминаетъ чешскій trh (русскій торгъ бывшій въ старое время главнымъ мѣстомъ народныхъ сходокъ, в особенности судебныхъ. Публичные суды, нерѣдко подъ открыт небомъ, долго были въ обычаѣ у южныхъ Славянъ. По Полицк статуту, „терби една страна купна дошла на рокь своими правц друге не било, има ова страна чекати до мрака и *наложити и звати другу страну*" (Arkiv. V, 279, § 148). *Locus judicii* въ Se nia постоянно былъ на площади — „sub logia Campusii vel magazin salis"; сюда собиралась сходка по вѣчевому колоколу, — судьи, въ о личіе отъ stantes (народа, окружавшаго засѣданіе), называются ju ces ad bancum juris sedentes (см. Stat. Segn. въ Ark. III, стр. 1 § 27, 30). Подобное значеніе имѣетъ *forum* общины Crisio, tribun и *sedes* Загреба, сербскій станакь и Дубровницкій stanicum parv et plenarium (Jura. I, 69, 77. Arktv. I, 191).

Время сходокъ опредѣлялось по взаимному условію сторонъ. Ино назначались продолжительные сроки судебныхъ сессій (напримѣръ, от Михайлова дня до Юрьева дня, то-есть, отъ 8-го ноября до 23-го а рѣля). Вообще присяжные отправляли свою должность только въ те ніе тѣхъ сроковъ, на которые они призваны, и притомъ въ больши ствѣ случаевъ участвовали въ судѣ только по дѣламъ лицъ, ихъ пр звавшихъ. Въ 1389 г. призваны были на одну сходку двѣ партіи пр сяжныхъ по двумъ различнымъ дѣламъ: споръ о межахъ, уничтоже ныхъ какимъ-то Николаемъ Гонсалиномъ, рѣшенъ одною частью пр сяжныхъ (изъ 8 старинниковъ); споръ о межѣ Конюшкѣ — друго (тоже изъ 8 старцевъ). См. Пуц. II, 144. Mikl. 20, 46, 263—64.

Большой stanicum, подобно малому, могъ состоять изъ одного и

нѣсколькихъ *placita*. Сужденіе petitionis сосѣднихъ князей (напримѣръ, Хлумскаго) предшествуетъ другимъ. Хлумскому или иному сосѣднему князю принадлежитъ primum placitum (quod placitari prius debet ibi), Дубровницкому князю и общинѣ — secundum placitum. Частныя лица не пользуются правомъ praecedentii, — порядокъ сужденія ихъ дѣлъ опредѣляется жребіемъ (sors). Кто получитъ первую tessera (дощечку), тотъ долженъ primo placitare; кому выпадетъ вторая, тотъ — secundo, et sic complentur omnia placita usque ad finem — una pars unum placitum, et alia aliud placitum (Lib. Stat. III, LI).

Дубровницкіе законы не опредѣляютъ подробно порядка постановленія и исполненія *приговора* присяжныхъ. Книга статутовъ предписываетъ присяжнымъ судить по совѣсти, какъ это ведется изстари: judices должны судить всѣ „quaestiones et placita, quae ibi fient, *bona fide (recte) sine fraude* secundum antiquam consuetudinem" (LI. II, c. LI). По грамотамъ, поротцы или судцы „право суде, уреку, исъправе, що судита, този да сврьшено" — приговоръ присяжныхъ считается окончательнымъ. Сербскіе поротцы, какъ видно изъ Законника, постановляли свое рѣшеніе большинствомъ голосовъ *(веки кльнуть)*, обвиняя или оправдивая подсудимаго, — не могли никого „уживити, разве да *оправе* или паве да *окриве*". Есть впрочемъ свидѣтельство, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ требовалось отъ присяжныхъ единогласіе, какъ это показываетъ грамота Цетины (1210), въ которой говорится о jurati, постановляющихъ приговоръ единогласно, послѣ присяги и предварительнаго обсужденія и преній о дѣлѣ (ut qualis ipsis de omnibus praemissis et eorum singulis veritatis constaret certitudo, eam conscenciose sub prestiti juramenti forma ipsis indagarent, requisitos habuissent, iidem viginti duo jurati, habito prius inter se diligenti *scrutinio* et *tractato, parili voto* et voce consona ipsorum nomine discrepante ad eorum fidem Deo debitam et fidelitatem sacrae coronae nostrae Regiae ac nobias observandam, extitissent attestati. Kukul. Jura I, 44). Исполненіе приговора сербскихъ присяжныхъ предоставлялось офиціальнымъ лицамъ, — чельникамъ, судьямъ (назначеннымъ отъ правительства), приставамъ или князю (Mikl. 46. Мацѣйов. Hist. VI, 408). По Дубровницкимъ законамъ исполненіе приговора присяжныхъ большаго станка вмѣняется въ обязанность князю. Онъ долженъ заботиться объ исполненіи приговора, безъ проволочки и не ожидая примиренія сторонъ (Lib. St. III, c. LI).

Таково въ существенныхъ чертахъ устройство Дубровницкаго sacramentum stanicum. Въ немъ удерживаются всѣ существенныя черты

суда присяжныхъ, извѣстнаго въ старое время чуть ли не всѣмъ европейскимъ народамъ. Слѣды учрежденій, сходныхъ съ поротою, находимъ въ древнемъ чешскомъ, польскомъ и русскомъ правѣ. Кромѣ чешской пороты временъ Премисла II (см. Ирѣчька Slav. pr. II, 211 Палацкаго Сравненіе Закон., гл. 76. Зак. Премисла, въ Časop. 1831), судъ присяжныхъ очень долго держался у Чеховъ, какъ мѣстное учрежденіе сельскихъ общинъ (Wocel—O saudu zahajeném, Časop. česk. 1845). Существованіе пороты въ старой Польшѣ доказывается однимъ Польскимъ актомъ 1372 г., въ которомъ находимъ слѣдующее мѣсто: «Dominus Sandemiriensis nec non Castellanus Kasimiriensis e mandato Regis ad videndum et examinandum viciniae ubi extiterat, congregatis interfuit et vidit *XVIII probos viros ex illa vicinia eligatos*, quibus examinatis praelegit sibi ex illis *XII* tantummodo juxta ex terrestre qui judicaverunt gades, ubi praescripta vicinia prestitit *juramentum*» (Мацѣйов. Hist. III, 192). Во всѣхъ такихъ институтахъ старославянскаго права нельзя не видѣть большаго сходства и аналогіи съ германскими *Rachinburgen* и *boni homines*, норманскими *recognitiones*, норвежскими и исландскими *Nämda* и *Nämninger* (выборные, Ernannte) и англійскими *assisa et jurata* (позднѣйшій jury). Судьи, взятые на время изъ народа и по присягѣ рѣшавшіе вопросъ о правдѣ и кривдѣ въ данномъ судебномъ дѣлѣ, — словомъ, присяжные принадлежатъ къ юридическимъ институтамъ глубокой древности. Родиной суда присяжныхъ нельзя считать ни исключительно славянскую общину или родъ, какъ думаютъ славянисты, въ особенности Мацѣйовскій (Hist. III, 192; Раничъ II, 296—300; Pierw. dzieje. 274), ни исключительно норманскій сѣверъ (Hickes, Spence, Daniel, Rogge, Biener), ни вообще германскій западъ (Köstlin, Gundermann, Gneist). Повсемѣстное и изстариннное существованіе суда присяжныхъ, въ совершенно развитомъ видѣ или въ болѣе или менѣе явственныхъ зародышахъ, прямо и несомнѣнно указываетъ на принадлежность его къ числу такихъ явленій юридическаго быта, которыя встрѣчаются у всѣхъ народовъ, стоящихъ на одинаковыхъ ступеняхъ развитія. Подобно семейной общинѣ, бывшей общею принадлежностію средневѣковаго быта всѣхъ европейскихъ народовъ (о сем. общинѣ средневѣковаго запада см. Daniel — Histoire des classes rurales en France, Troplong — Commentaires sur les sociétés civiles и Sangant—Economy of the labouring classes), порота въ одинаковой мѣрѣ принадлежитъ исторіи славянскихъ и романо-германскихъ народовъ, съ тѣмъ различіемъ, что у однихъ народовъ (въ Англіи) она достигла полнаго своего развитія и удержалась до настоящаго вре-

мени, какъ уважаемый институтъ, безъ существенныхъ измѣненій въ его сущности и формахъ, у другихъ она раньше или позже пала подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для нея историческихъ обстоятельствъ.

Корни пороты нужно искать вообще въ условіяхъ первоначальной жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, и прежде всего въ *общинномъ устройствѣ автономическихъ союзовъ* (марокъ, дале, жупъ, волостей, общинъ), на какія первоначально распадались Славяне и Германцы. Если внутри общины главнымъ судьей ея членовъ была сама же община, собиравшаяся на свои сходки, то во внѣшнихъ ихъ отношеніяхъ (при отсутствіи высшей, объединявшей ихъ, власти) единственнымъ и наиболѣе подручнымъ средствомъ защиты и умиротворенія столкновеній и споровъ могло быть или самоуправство (месть), или судъ посредническій. Сербскій станакъ и Дубровницкій parvum stanicum, имѣвшіе мѣсто главнымъ образомъ въ сношеніяхъ Сербовъ или Дубровчанъ съ ихъ сосѣдями, удерживаютъ до позднѣйшаго времени такой первобытный характеръ и значеніе общиннаго суда третей. Между тѣмъ, parvum stanicum, почти во всѣхъ деталяхъ (кромѣ дачи приговора sine sacramento), представляетъ рѣшительное сходство и тождественность съ sacramentatum stanicum, удерживавшимся подобно первому тоже во внѣшнихъ сношеніяхъ общинъ. Дубровницкое законодательство и даетъ имъ общее названіе stanicum, какъ бы намекая на тѣсную связь обоихъ учрежденій, составлявшихъ двѣ стороны одного и того же института. Стоитъ только, по словамъ Майкова, привести сербскихъ или Дубровницкихъ третей въ присягѣ, какъ изъ нихъ уже являлись присяжные судьи (О судѣ прис., 59). Судьи малаго и присяжнаго stanicum избирались на время изъ народа (изъ добрыхъ людей), являлись на сходку (станакъ, stanicum), выслушивали обѣ стороны, взвѣшивали обвиненіе и оправданіе, произносили безапелляціонный приговоръ (на маломъ станкѣ безъ присяги, на большомъ — послѣ присяги) о томъ, кто правъ и кто виноватъ, и передавали затѣмъ свой приговоръ заправлявшимъ всѣмъ дѣломъ правительственнымъ лицамъ, слагая съ себя временно взятую роль судей и вступая опять въ ряды простыхъ гражданъ. Все это несомнѣнно говоритъ въ пользу мнѣнія о возникновеніи присяжныхъ судей изъ посредническаго суда, если не у всѣхъ европейскихъ народовъ, то по крайней мѣрѣ у Славянъ. Въ болѣе важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ, когда судьи должны были, по самому существу дѣла, доставлять не одну простую увѣренность въ ихъ добро-

совѣстности, но болѣе прочныя гарантіи безпристрастія и правоты ихъ суда, судъ посредническій не всегда могъ казаться достаточно удовлетворительнымъ. Здѣсь могло явиться самое ближайшее и естественное требованіе — чтобы судьи, прежде чѣмъ приступить къ самому разбирательству дѣла, подкрѣпили своей присягой увѣренность въ правотѣ его суда и приговора. Являлся судъ присяжныхъ въ настоящемъ его смыслѣ и значеніи, — институтъ, первоначально зародившійся и развившійся на почвѣ общинныхъ отношеній, въ сферѣ внѣшнихъ столкновеній автономическихъ союзовъ, и потомъ получившій (гдѣ дозволяли обстоятельства) самое широкое распространеніе и развитіе, какъ наиболѣе раціональная форма судебной расправы.

Въ заключеніе нашихъ замѣчаній о Дубровницкомъ stanicum, укажемъ на существенныя черты въ устройствѣ чешскихъ zahajenich saudow и старыхъ германскихъ Rachinburgen-Gerichte, по извѣстнымъ изслѣдованіямъ Воцеля и Гфрёрера. Въ сочиненіи перваго (O saudu zahajeném въ Časop. česk. 1845) приведены весьма любопытные чешскіе памятники XVI вѣка объ устройствѣ современныхъ присяжныхъ судовъ, удерживавшихся въ чешскихъ сельскихъ общинахъ, по замѣчанію Воцеля, какъ остатокъ туземныхъ учрежденій глубокой древности. Gfrörer, въ соч. Geschichte deutscher Volksrechte im Mittelalter (I. Bd. 1865), изложилъ, между прочимъ, довольно обширный трактатъ (стр. 92 — 210) о значеніи Rachinburgen по древнему германскому праву (до половины VIII вѣка), сколько намъ извѣстно, впервые приводя несомнѣнныя доказательства древняго существованія суда присяжныхъ, не только въ Англіи и у Норманновъ, но и у всѣхъ материковыхъ германскихъ народовъ. Кромѣ замѣчательнаго сходства во внутреннемъ устройствѣ этихъ учрежденій съ сербскою поротою и Дубровницкимъ sacramentum stanicum, zahajeny saud и Rachinburgen-Gerichte представляютъ самую тѣсную связь съ общинными учрежденіями и собственно были особымъ видомъ народной сходки, на которой судили не всѣ ея члены, но немногіе выборные ея представители, — явленіе, подмѣченное нами и въ устройствѣ малаго и присяжнаго stanicum.

Zahajeny saud (richta) — народная сельская сходка, собиравшаяся по временамъ, для суда по поземельнымъ тяжбамъ и другимъ меньшимъ дѣламъ между членами общинъ. Она слагалась изъ членовъ общинъ, вообще несшихъ повинность являться на подобныя сходки. *Урядникъ* только присутствовалъ на сходкѣ, наблюдалъ за порядкомъ, давалъ совѣты присяжнымъ или дѣлалъ вмѣсто нихъ „wypowědi“ (по

нихъ просьбѣ), если они сами не умѣли высказаться. Судъ производили выборные изъ крестьянъ, подъ общимъ названіемъ „konšely“. Каждая сходка избирала изъ среды себя обыкновенно 12 присяжныхъ, утверждавшихся урядникомъ или паномъ (землевладѣльцемъ). Въ присяжные избирались „lidi bohabojné, hodnewěrné“, не убійцы, разбойники или чужеложцы, вообще „lidi dobře, kteryžby se k tomu hoditi mohli“. Они избирались только на время засѣданій одной сходки. Въ большихъ селахъ избирались всѣ 12 присяжныхъ; поселенія малыя соединялись въ одну сходку, при чемъ каждое село выставляло отъ себя по два или по три присяжныхъ. Сходки обыкновенно собирались въ мясопустъ, когда народъ свободенъ отъ работъ. Предварительно, двѣ или три недѣли до открытія сходки, дѣлалось общее объявленіе о времени открытія сходки, вмѣстѣ съ приказомъ всѣмъ на нее явиться. Когда всѣ соберутся (pohromadě budau), приступаютъ прежде всего къ выбору и присягѣ выборныхъ. Они присягаютъ предъ всей сходкой, стоя, съ поднятыми вверхъ двумя пальцами, и однимъ голосомъ произнося клятву (*rotu*) по установленной формѣ. Затѣмъ урядникъ приглашаетъ присяжныхъ „do lawic sednauti“. Во время судоговореній, присяжный „pilně pamatuje na swau duši“ всякое дѣло. Дѣла затруднительныя отлагались до новаго „posudku“, обыкновенно производившагося чрезъ двѣ недѣли. Присяжные должны были только обвинить или оправдать. Полюбовное соглашеніе сторонъ допускалось не иначе, какъ до открытія суда присяжныхъ. Послѣдніе и судили, главнымъ образомъ, только тѣ дѣла, которыхъ нельзя было окончить полюбовно, чрезъ обыкновенныхъ третей, — правило, ясно указывающее на связь присяжныхъ съ посредническимъ судомъ. Приговоръ присяжныхъ передавался урядвику для окончательнаго приведенія его въ исполненіе.

Много сходнаго съ изложенными порядками суда представляетъ также устройство *Rachinburgen-Gerichte* одного изъ древнѣйшихъ учрежденій Германцевъ. Rachinburgen уже при Тацитѣ извѣстны были на всемъ германскомъ западѣ и составляли до половины VIII вѣка существенную принадлежность народныхъ судовъ Германіи. Суды такіе, подобно Дубровницкому sacramentum stanicum и чешскому zahajenu saudu, слагались изъ главнаго судьи (*comes*, *grafio* или *centenarius*) и присяжныхъ судей изъ народа — *Rachinburgen*. Grafio предсѣдательствовалъ на сходкѣ и управлялъ всѣмъ ходомъ дѣлъ. Судьи изъ народа судили и изрекали приговоръ. Каждый свободный имѣлъ

право на занятіе должности *Rachinburgen.* Въ числѣ ихъ въ особенности избирались idonei (credens et bonus) — достовѣрные люди, а уличенные въ нарушеніи клятвы. Близкіе родственники сторонъ вообще не могли быть судьями. Rachinburgen-Gericht составлялся изъ 7—12 лицъ, дававшихъ присягу до начатія суда. На сходку должны были являться всѣ члены общины. Выбранные изъ нихъ присяжные дѣлились на группы, участвовавшія въ судѣ по очереди. Очередные присяжные сидѣли (отсюда и названіе Rachinburgen=*residentes*) и судили; другіе, стоя (*adstantes*), выслушивали судоговоренія, безъ дѣятельнаго въ нихъ участія. Приговоръ присяжныхъ считался окончательнымъ. Недовольной сторонѣ дозволялось, впрочемъ, обвинить своихъ судей предъ слѣдующими очередными присяжными въ недобросовѣстности приговора, но въ такомъ случаѣ нужно было представить полныя и рѣшительныя доказательства справедливости обвиненія. Въ половинѣ VIII вѣка Rachinburgen исчезаютъ. Ихъ мѣсто заняли *boni homines,* подъ которыми разумѣлись не просто свободные и добросовѣстные люди, каковы были прежніе Rachinburgen, но лишь богатые, пользовавшіеся вполнѣ самостоятельнымъ положеніемъ въ обществѣ и большими имущественными средствами. Въ остальномъ boni viri были вполнѣ сходны съ прежними присяжными. Паденіе суда присяжныхъ началось при Карлѣ Великомъ, отмѣнившемъ обязанность членовъ являться на сходки. Schöffen'ы (scabini), смѣнившіе bonos homines, получили значеніе не судей изъ народа, но чиновниковъ, зависѣвшихъ отъ правительства. Повсемѣстное введеніе Schöffen'овъ принадлежитъ началу IX столѣтія (803 г.).

Областное устройство Дубровника неизвѣстно во всѣхъ его подробностяхъ. Мы имѣемъ только нѣсколько указаній на составъ областей и на нѣкоторыя областныя учрежденія Дубровника.

Дубровникъ нельзя сравнивать съ нѣмецкими городскими общинами, замкнутыми союзами горожанъ, жившихъ въ городскихъ стѣнахъ, безъ всякихъ связей съ волостными жителями. Древнее названіе Дубровника жупой даетъ прямой поводъ заключать, что если не раньше, то во всякомъ случаѣ со времени колонизаціи Славянъ и присоединенія къ Дубровнику сосѣднихъ славянскихъ земель и общинъ, онъ сдѣлался средоточіемъ союза волостныхъ людей, и что первоначальныя отношенія и связи между градомъ и жупою были и здѣсь тѣ же самыя, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Современенъ Ду-

бровникъ расширяется на счетъ большинства сосѣднихъ жупъ: онѣ переходятъ, съ своими градами, селами, межами и границами, „у државу и у область и у господство" Дубровника. Онъ становится съ этихъ поръ „господою", имѣвшею власть „учинити, створити и господовати градъ и жупу" (Спомен. 98, 99. Mikl. 217—219).

Путемъ расширенія на счетъ сосѣднихъ общинъ, Дубровникъ XII и XIII вѣковъ пріобрѣлъ характеръ небольшаго государства, имѣвшаго свой „русагъ, владане, властео", державшагося самостоятельно и на равной ногѣ съ сосѣдями. Въ XI вѣкѣ примыкаютъ къ нему Жупа (Breno), Гружъ (Gravosa), Рѣка (Ombla), Затонъ (Mafli), островъ Колочепъ (Calamota), Лопудъ (Mezzo) и Шипанъ (Giupana); въ слѣдующіе три вѣка пріобрѣтены островъ Млѣтъ, Ластова и Корчула (Макуш., 3—4). Жупа Конавля съ Виталиной, въ XIV вѣкѣ, составляла уже „старо владанье и државу" Дубровника, „прѣстояла" ему въ значеніи старой племенитой бащины (Mikl., 217). Къ старымъ Дубровницкимъ жупамъ принадлежали также Стонь и Рьть (ib. 108). Въ книгѣ реформацій, подъ 1319 г., перечислены слѣдующія области Дубровника, подъ названіемъ *comitati vel gjupe* (жупы): Dreceviza, Trebigne, Varini, Canali и Rudine. „Држава" Дубровника позднѣйшаго времени обнимала Стонь, Конавлю, Жупу, Сланъ, Ластову, Млѣтъ, Шипанъ, Лопудъ, Цавтатъ, Яньину и Пельешцу (Пуц. I. XXIX; II, 155). Отъ внутреннихъ жупъ отличались, какъ и въ Сербіи, краины — пограничныя области (ib. I, 31). Жупы слагались изъ меньшихъ территоріальныхъ общинъ. Памятники упоминаютъ о Дубровницкихъ городахъ, пригородахъ (прѣдьградье, подьградье, suburbium) и селахъ. Соколь (въ Конавлѣ), Трьстеници, Осельникъ и другія общины входили въ составъ Дубровницкихъ жупъ. Наконецъ, кромѣ общихъ територіальныхъ, областной жизни Дубровника изстари были извѣстны семейныя общины, игравшія въ старое время большую политическую роль въ жизни всѣхъ Славянъ. Въ Конавлѣ, Жупѣ и другихъ Дубровницкихъ земляхъ сельскіе жители доселѣ ведутъ задружную жизнь въ союзахъ—*brača* (fraternitas), управляющихся старѣйшинами, на манеръ сербскихъ задругъ или хорватскихъ дружинъ (см. Valt. Bogišić — Pravni običaji u Slovena. U Zagrebu. 1867, стр. 22—23, 32, 39 и др.).

Нѣкоторыя изъ Дубровницкихъ областей пользовались относительной автономіей. Таковы Млѣтъ, Ластова и Корчула. Онѣ жили по своимъ собственнымъ законамъ и статутамъ, и подобно старому Дубровнику, управлялись народною сходкою — *сборомъ*, которому при-

надлежала законодательная власть и главное завѣдываніе всѣми общими дѣлами. Въ Корчулѣ вѣче раздѣлялось, какъ и въ Дубровникѣ, на генеральное (собственно сборъ), большое и малое; въ Ластовѣ—на сборъ и малое вѣче. Князья, подъ названіемъ контовъ (*conte*), управляли судебною и административною частью, и вѣроятно, были здѣсь въ такой же зависимости отъ вѣча, какъ и Дубровницкіе князья. Были также судьи, проведиторы или синдики (которые контролировали князей и другія учрежденія) и пр. Млѣтъ первоначально не имѣлъ учрежденія, которое соотвѣтствовало бы Дубровницкому князю: онъ управлялся сборомъ, какъ законодательнымъ органомъ, и аббатомъ (въ 1151 г. сербскій князь Десса отдалъ островъ въ пользованіе кромскихъ бенедиктинцевъ) съ судьями, какъ органомъ судебно-административнымъ. Конты впервые являются здѣсь въ XV вѣкѣ, когда власть аббатовъ стала ограничиваться вмѣшательствомъ Дубровницкаго вѣча въ дѣла острова. Въ 1524 году вовсе отмѣнена свѣтская власть аббатовъ (см. изслѣд. Макушева, отдѣлъ о статутахъ Млѣта, Ластова и Корчулы).

Что касается остальныхъ областей Дубровника, состоявшихъ изъ старыхъ славянскихъ жупъ, то хотя онѣ не имѣли своихъ отдѣльныхъ статутовъ (на нихъ нѣтъ по крайней мѣрѣ нигдѣ прямыхъ указаній), но тѣмъ не менѣе пользовались значительно развитымъ правомъ самоуправленія. Памятники говорятъ о сборахъ и старшинахъ, какъ главныхъ областныхъ учрежденіяхъ Дубровницкихъ жупъ.

О жупныхъ сходкахъ мы имѣемъ мало свѣдѣній. Извѣстно только, что онѣ назывались *сборами* (зборь), состояли „одь вьсѣхь луди", то-есть, изъ всѣхъ членовъ общинъ, и могли собираться по желанію не однѣхъ общинъ, но и Дубровницкой господы, для объявленія различныхъ административныхъ распоряженій и пр. Въ 1420 г. малое вѣче Дубровника послало какого-то Николица Гюрьгевика въ Трстеници съ порученіемъ—въ первый же день, по приходѣ на мѣсто, созвать народъ на сходку, „зборь одь луди учинити одь вьсѣхь и низь увѣждьбати одь вьсѣхь работь" (Пуц. I, 148).

Дубровницкими жупами управляли, далѣе, мѣстные старшины—*наглавати и боли лудие*. По памятникамъ они дѣйствуютъ, какъ главные представители жупъ. Такіе представители жупъ Конавли и Виталины, по договору 1391 г. Дубровника съ великимъ жупаномъ Боснійскимъ Бѣльекомъ (возвратившимъ Дубровнику эти жупы, которыми завладѣли было Хлумскіе и Рашскіе князья), клялись отъ имени своихъ жупъ въ вѣрности Дубровнику: „да наглавити лудие и боли

одь жупа присегу нихь вѣромь и душомь и клетвомь, да буду вѣрьни опћини и властелемь Дубровачьцѣмь“ (Mikl., 218). Памятники не раскрываютъ прямо значенія наглавитыхъ людей; но есть основанія думать, что къ нимъ именно относились кнези и баны, упоминающіеся въ числѣ Дубровницкихъ властелей.

Что касается *кнезовъ*, то, какъ видно изъ памятниковъ, Дубровникъ поручалъ имъ непосредственныя сношенія съ своими сосѣдями, въ особенности съ господой сербской и боснійской. Напримѣръ, въ 1375 году посланы поклисары въ Боснію — кнезь Витко Гучетичь и князь Димко Бенешичь, а въ 1382 году отправленъ въ Сербію кнезь Драгоя (Спомен., 80, 86). Дѣло въ томъ, что въ старой Сербіи и у другихъ южныхъ Славянъ право внѣшнихъ сношеній усвоялось не только главѣ государства, но и мѣстнымъ властямъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ слабаго развитія въ то время государственной власти. Областныя власти, въ особенности пограничныхъ земель, охраняя государство отъ внѣшнихъ враговъ, пріобрѣтали вмѣстѣ съ тѣмъ право имѣть собственное войско, сами мстили сосѣдямъ за обиды, вели съ ними войны, заключали договоры и пр. (см. Крстича Разсматраня о Душ. Зак., въ *Гласникъ* VII, 83; IX, 98). Они же были главными посредниками при заключеніи торговыхъ и иныхъ договоровъ и сношеній князей между собой и съ самостоятельными общинами (Дубровникомъ, Поповой и пр.). Кнези, баны, жупаны и другіе областные властели обыкновенно присутствовали при заключеніи договоровъ, ихъ наряжали послами и пр. То же могло быть и въ Дубровникѣ: въ сношеніяхъ своихъ, напримѣръ, съ Сербіей и Босніей, онъ могъ пользоваться прежде всего посредничествомъ своихъ областныхъ кнезовъ. Такъ, намъ кажется, нужно объяснять значеніе послѣднихъ въ приведенныхъ выше грамотахъ, тѣмъ болѣе, что кнези и въ позднѣйшее время, по словомъ Пуцича, были главными правителями Дубровницкихъ областей — Стоня, Конавли и пр. (Пуц., II, XXIX).

О *банахъ* тоже говорится, какъ о лицахъ, участвовавшихъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. При заключеніи договора 1254 года между Дубровникомъ и хлумскимъ жупаномъ Радославомъ, „Марьтоло бань Врьсанковићь клеђ се за све властели Дубровьчьке“ (Mikl., 43). Точно также, въ 1253 году, договоръ заключенъ между Дубровникомъ и болгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣнемъ, при чемъ банъ Мартолъ Гулеривикь „врьхь душе свое и вьсе опьћине Дюбровьчьке си обьть потвердиль дрьжати и клель се“ (ib., 40). Баны встрѣчались въ старое время у всѣхъ западныхъ Славянъ, но особенно были повсе-

мѣстнымъ утрежденіемъ у Славянъ сербскихъ и хорватскихъ. Въ старыхъ памятникахъ они вообще уравниваются съ жупанами и кнезами (comes, jupanis, duces, knezi, župani) и означаютъ правителей или старшинъ, сидѣвшихъ по областямъ (Kukul. Jura I. 15, 46. Arkiv. I 203—204. Мацѣйов. Hist. II, 42. Кертичъ — Разсматрана, въ *Гласн.* IX, 106). То же самое значеніе можно давать и банамъ Дубровницкихъ грамотъ: ихъ можно считать учрежденіемъ, равнозначительнымъ съ кнезами, то-есть, можно относить къ числу старшинъ, наглавитыхъ людей Дубровницкихъ жупъ.

Въ позднѣйшее время *кнези* и *капетаны* были главными областными правителями Дубровника, имѣвшими при себѣ низшихъ чиновниковъ — кнежаковъ (княжихъ намѣстниковъ), канће (cancellarius), токлића (курира) и пр. (Пуц., I, XXIX). По селамъ были отдѣльные старшины, подъ названіемъ капетановъ и capo-villa (ib., I, 148. Макуш., 8).

Нашъ очеркъ показываетъ, что въ сферѣ публичныхъ отношеній законодательство Дубровника представляетъ весьма много порядковъ и *учрежденій чисто-славянскаго происхожденія*. Дубровникъ стараго времени, вообще говоря, немногимъ отличался отъ другихъ демократическихъ общинъ Далматинцевъ, Хорватовъ, Сербовъ и другихъ Славянъ. Въ немъ очень долго удерживался общинный строй славянскихъ жупъ съ ихъ системой народоправства, проявлявшагося въ народныхъ сходкахъ и зависѣвшихъ отъ нихъ старшинахъ. Съ паденіемъ старыхъ сборовъ и введеніемъ учрежденій, заимствованныхъ изъ венеціанскаго права, государственное устройство Дубровника подвергается существеннымъ измѣненіямъ. Изъ демократической жупы онъ обращается въ аристократическую республику. Дубровникъ позднѣйшаго времени во многомъ сталъ напоминать итальянскія городскія общины, съ ихъ совѣтами, господствомъ сильной аристократіи и проч.

Если въ сферѣ публичной жизни Дубровника находимъ много началъ старославянскаго права, то тѣмъ болѣе нужно думать, что тѣ же начала удерживались въ гораздо большей силѣ и неприкосновенности въ отношеніяхъ строго-юридическихъ, всегда и вездѣ отличающихся устойчивостью и консерватизмомъ и не легко поддающихся чуждымъ вліяніямъ и началамъ. Стоитъ поэтому пожалѣть, что доселѣ не обнародованы, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ древнѣйшіе законы Дубровника, теперь мало доступные для научныхъ изслѣдованій.

Обнародованіе такихъ интересныхъ памятниковъ славянской старины, какъ книги статутовъ и реформацій Дубровника, дало бы возможность ближе познакомиться съ старымъ юридическимъ бытомъ этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ общины, и вмѣстѣ съ тѣмъ дало бы возможность, какъ мы думаемъ, уяснить многіе изъ темныхъ вопросовъ въ исторіи славянскихъ законодательствъ.

Ѳ. Леонтовичъ.

ЛЕЙБНИЦЪ.

ЕГО ВѢКЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Глава VII.

Отношенія Лейбница къ Софіи-Шарлоттѣ Прусской и къ Австрійск… двору.

Характеръ эпохи. — Софія-Шарлотта. — Ея образованность. — Ея муж Фр-дрихъ I. — Его любимцы. — Дворъ Софіи-Шарлотты въ Люценбургѣ. — Ея дружба съ Пёлницъ. — Ея отношенія къ сыну. — Ея отношенія къ Лей-ницу. — Планъ Лейбница сдѣлаться посредникомъ между Ганноверомъ и Пру-сіей. — Старанія его объ учрежденіи ученыхъ обществъ. — Желаніе Софі- Шарлотты устроить въ Берлинѣ обсерваторію. — Старанія Лейбница объ и-правленіи календаря. — Учрежденіе Академіи наукъ въ Берлинѣ. — Ея пр-кое назначеніе. — Мысли Лейбница о соединеніи въ академіяхъ теорети-скаго и практическаго изученія науки. — Занятія Софіи-Шарлотты. — Е пристрастіе къ Бейлю и свиданіе съ нимъ. — Бейль и Лейбницъ. — Теод-цея, написанная для Софіи-Шарлотты. — Философское и историческое зн-ченіе Теодицеи. — Толандъ. — Любовь Софіи-Шарлотты къ ученымъ пр-ніямъ. — Іезуитъ Вота. — Его переписка съ Софіей-Шарлоттой. — Поѣз- Софіи-Шарлотты въ Голландію. — Пріобрѣтеніе королевскаго титула. — Т-жество коронаціи. — Сочиненіе Лейбница о значеніи и правахъ Прусск- короля. — Маскерадъ въ Люценбургѣ. — Болѣзнь и послѣднія минуты Софі- Шарлотты. — Огорченіе Лейбница. — Печальное положеніе академіи. — Пл- учрежденія академіи въ Дрезденѣ. — Встрѣча Лейбница съ Карломъ XII. - Значеніе Лейбница въ европейской политикѣ. — Записка его о положеніи Е- въ 1691 году. — Проектъ высадки въ Бискайю. — Вторая поѣздка Лейбн- въ Вѣну. — Смерть Испанскаго короля и вліяніе ея на европейское рав-вѣсіе. — Политическія сочиненія Лейбница противъ Франціи. — Манифес- въ защиту правъ Карла III. — Критика царствованія Людовика XIV. — Во- за испанское наслѣдство и счастливый для Франціи переворотъ въ Англі- Утрехтскій миръ. — Планъ Лейбница вовлечь сѣверныхъ союзниковъ въ вой- противъ Франціи. — Свиданіе Лейбница съ Петромъ Великимъ въ Карл-бадѣ. — Послѣдняя поѣздка Лейбница въ Вѣну. — Хорошій пріемъ при Вѣ-скомъ дворѣ. — Совѣты, которые онъ даетъ императору. — Его трактат La Paix d'Utrecht est inéxcusable. — Тѣсная связь между торжествомъ Л-

беральной партіи въ Англіи и интересами Австрійскаго двора.— Джонъ Керъ.— Его планъ для устройства каперства. — Лейбницъ ратуетъ противъ Раштадтскаго мира. — Воцареніе Ганноверской династіи въ Англіи. — Новые планы Лейбница. — Евгеній Савойскій. — Графъ Бонниваль. — Проектъ учрежденія академіи въ Вѣнѣ. — Немилость курфирста. — Смерть Софіи. — Недобросовѣстность нѣмецкихъ министровъ Георга. — Возвращеніе Лейбница въ Ганноверъ. — Недостойное обращеніе съ нимъ. — Желаніе его переселиться въ Парижъ. — Его возраженіе Якобитамъ. — Лейбницъ о Вѣчномъ Мирѣ Сенъ-Пьерра. — Дневникъ Лейбница. — Его послѣдніе дни. — Его смерть и погребеніе. — Характеристика Лейбница, написанная имъ самимъ. — Заключеніе.

Мы видѣли въ предшествовавшей главѣ, какъ Лейбницъ, по поводу переговоровъ о соединеніи протестантскихъ церквей, вступилъ въ сношенія съ Берлинскимъ дворомъ. Эти сношенія пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе и играютъ важную роль въ последніе годы жизни Лейбница. Сближеніе его съ Берлинскимъ дворомъ было не случайное. Въ прежніе годы своей политической дѣятельности Лейбницъ относился нѣсколько враждебно къ стремленіямъ Бранденбургскихъ курфирстовъ. Онъ былъ приверженцемъ старинной имперской конституціи, которая требовала отъ князей извѣстнаго подчиненія императору. Ему не нравилась честолюбивая, независимая политика Фридриха-Вильгельма, который хотя и былъ патріотомъ, но въ своихъ интересахъ часто сталкивался съ сеймомъ и императоромъ. Въ послѣднее время, однако, многое измѣнилось. Перевѣсъ Франціи и ея насильственныя дѣйствія относительно Германіи примирили многихъ нѣмецкихъ патріотовъ съ возрастающимъ могуществомъ Пруссіи, а фанатизмъ Людовика XIV, высказавшійся въ изгнаніи гугенотовъ и въ невыгодномъ для протестантовъ Рисвикскомъ мирѣ, возбудилъ опасеніе всѣхъ друзей протестантизма и свободы и заставилъ ихъ искать опоры у Пруссіи. Къ этому присоединялись для Лейбница личныя связи и сношенія. Связующимъ звеномъ между нимъ и Берлинскимъ дворомъ была Прусская королева — знаменитая Софія-Шарлотта, наслѣдовавшая отъ своей матери, Ганноверской курфирстины, дружбу и уваженіе къ философу. Софія-Шарлотта — самая интересная личность, которую мы встрѣчаемъ въ жизни Лейбница. Какъ она при жизни составляла отраду и утѣшеніе философа, такъ она теперь своимъ поэтическимъ образомъ украшаетъ его біографію и вноситъ въ нее тотъ элементъ сердечной привязанности, безъ которой жизнь человѣка блѣдна и безъинтересна.

Но Софія-Шарлотта сама по себѣ привлекаетъ наше вниманіе. Каждая эпоха имѣетъ любимыя лица, въ которыхъ соединяетъ свои

лучшія черты. Она идеализируется въ нихъ какъ въ художественномъ произведеніи и отражается съ своими вкусами, потребностями и цѣлями. Подобнымъ образомъ Софія-Шарлотта идеализируетъ передъ нами вѣкъ Лейбница. Она является лучшею представительницей той эпохи, когда французское образованіе стало сильно проникать въ Германію, смягчать, по крайней мѣрѣ, при дворахъ и въ аристократіи грубые нравы прежняго времени и вытѣснять богословско-схоластическій духъ, которымъ отличалась эпоха реформаціи и религіозныхъ войнъ. Подъ французскимъ вліяніемъ пробуждается сильный философскій интересъ, но онъ мирится съ глубокою религіозностью, и послѣдняя еще не уступаетъ легкомысленному и дешевому скептицизму, которымъ отличается эпоха Вольтера. Наука допускается ко двору; коронованныя особы стараются прославить себя учрежденіемъ академій и гордятся званіемъ почетныхъ членовъ ученыхъ обществъ. Искусства цѣнятся высоко, хотя вкусъ падаетъ и ухудшается. Классическія преданія, которыми воодушевлялись во время возрожденія наукъ, все болѣе и болѣе забываются и переходятъ въ самое вычурное рококо. За то музыка процвѣтаетъ и все болѣе приближается къ эпохѣ своего блестящаго развитія. Грубый разгулъ старинныхъ празднествъ, на которыхъ всѣ старались отличиться многочисленностью прислуги и экипажей, цѣнностью костюмовъ, количествомъ блюдъ и напитковъ, національныя пляски, продолжавшіяся нѣсколько часовъ, карусели, напоминавшіе средневѣковые турниры, уступаютъ мѣсто увеселеніямъ, на которыхъ главную роль играетъ музыка. Оперныя представленія и концерты становятся любимымъ развлеченіемъ, и въ нихъ нерѣдко принимаютъ участіе коронованныя и придворныя особы.

Всѣ приведенныя нами черты вѣка находили себѣ полное выраженіе въ томъ тѣсномъ кругу, въ которомъ царствовала Софія-Шарлотта. Этотъ кругъ составлялъ, правда, рѣзкій контрастъ съ окружающею его придворною сферой и былъ скоро смѣненъ суровою солдатчиной времени Фридриха-Вильгельма I. Но „философская королева", какъ ее называли современники, ожила въ своемъ знаменитомъ внукѣ — королѣ-философѣ. Вліяніе ея не прошло безслѣдно. Во всякомъ случаѣ, описаніе ея личности и ея кружка составляетъ лучшую страницу въ безотрадной исторіи Прусскаго двора.

Софія-Шарлотта была единственною дочерью Эрнста-Августа и Софіи Ганноверской, и поэтому предметомъ особенныхъ заботъ со стороны матери. Между матерью и дочерью рано установилась самая тѣсная и искренняя связь, сохранившаяся до смерти послѣдней. Въ

исторіи придворной жизни рѣдко можно встрѣтить подобный примѣръ дружбы между матерью и замужнею дочерью. Никакія интриги двора, никакія политическія столкновенія, которыя случались нерѣдко между обоими дворами, не могли ослабить этой дружбы.

Воспитаніе, которое получила Софія-Шарлотта, совершенно соотвѣтствовало измѣнившемуся духу времени. Латинскій языкъ и катихизисъ не играли въ этомъ воспитаніи такой роли, какъ въ образованіи нѣмецкихъ принцессъ стараго поколѣнія; ихъ мѣсто заступили новѣйшіе языки и музыка.

Софія-Шарлотта получила хорошее религіозное воспитаніе; но для герцогской семьи, которая сдѣлалась извѣстна своею дружбой съ Лейбницемъ, характеристично то, что молодую принцесу обучали какъ реформатскому, такъ и лютеранскому закону, а конфирмацію ея, или причащеніе, отложили до самого замужества. Мать Софіи-Шарлотты принадлежала къ реформатскому исповѣданію, а отецъ ея къ лютеранскому. Родители не хотѣли опредѣлять вѣроисповѣданія дочери, пока она не достигнетъ совершеннолѣтія и пока не сдѣлается извѣстнымъ, въ какую среду она будетъ поставлена замужествомъ. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что принцессу обучали также католическому закону. На образованіе и развитіе Софіи-Шарлотты имѣли особенно хорошее вліяніе частыя путешествія. Съ отцомъ и матерью она провела около года въ Италіи, гдѣ у нея развилась любовь къ искусству и музыкѣ. Послѣ того она ѣздила съ матерью въ Берлинъ и во Францію, чтобы навѣстить свою тетку, Мобюиссонскую игуменью.

Софія-Шарлотта пробыла во Франціи почти годъ, и хотя ей было тогда только 15 лѣтъ, она привела въ восторгъ Людовика XIV и его дворъ своей красотой, зрѣлостью ума и образованіемъ. Уже въ это время начались переговоры о ея замужествѣ, и когда ей только-что минуло 16 лѣтъ, ее выдали за мужъ за наслѣднаго принца Прусскаго Фридриха. Этотъ бракъ могъ казаться блестящимъ для Ганноверской принцессы, но его нельзя было назвать счастливымъ. Кронпринцъ и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи представлялъ жалкую противоположность своей невѣсты. Французская газета *Mercure Galant* описываетъ въ это время Софію-Шарлотту слѣдующимъ образомъ: „Роста она средняго, у нея замѣчательно красивая шея и самая тонкая кожа, большіе голубые глаза съ кроткимъ выраженіемъ и чрезвычайно густые черные волосы. Брови принцессы какъ будто проведены циркулемъ, носъ очень пропорціональный, зубы чрезвычайно красивые и очень живой цвѣтъ лица. Лицо ея ни слишкомъ овальное и не слиш-

комъ круглое. У нея много ума и привлекательная кротость характера. Она хорошо поетъ, играетъ на фортепіано, граціозно танцуетъ и имѣетъ такія познанія, какъ немногія въ ея возрастѣ". Англійскій философъ Толандъ, который познакомился съ Софіей-Шарлоттою гораздо позднѣе, когда она очень пополнѣла, также восторгается ея голубыми глазами, черными какъ смоль волосами и цвѣтомъ лица. Онъ называетъ ее самой красивой принцессой своего времени. „Принцесса, говоритъ онъ, никому не уступаетъ въ здравомъ умѣ; рѣчь ея изящна и складна; ея бесѣда и общество чрезвычайно привлекательны. Она много читала и въ состояніи говорить со всякими людьми о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Можно столько же удивляться ея ясному и смѣтливому уму, сколько основательнымъ познаніямъ, которыя она пріобрѣла относительно самыхъ трудныхъ вопросовъ философіи. Я долженъ признаться откровенно и безъ малѣйшей лести, что никогда не встрѣчалъ человѣка, который умѣлъ бы дѣлать болѣе ловкія возраженія, легче бы открывалъ несостоятельность и софизмъ приводимыхъ доводовъ и скорѣе понималъ слабость или силу какого-нибудь мнѣнія, чѣмъ эта принцесса. Все, что отличается образованностью и живостью, собирается къ ея двору, и тамъ можно встрѣтить въ полномъ согласіи двѣ вещи, которыя въ свѣтѣ считаются совершенно несовмѣстимыми — занятія наукой и увеселенія. Никто не умѣетъ лучше ея соединять удовольствія съ пользой. Самое любимое развлеченіе ея составляетъ музыка, и тотъ, кто любитъ ее до такой степени, долженъ ее также хорошо понимать, какъ принцесса, что не очень легко. Она въ совершенствѣ играетъ на цимбалѣ и занимается этимъ каждый день; она поетъ также хорошо; а знаменитый Буончини, одинъ изъ величайшихъ современныхъ музыкантовъ, говорилъ мнѣ, что музыкальныя піесы ея сочиненія написаны чрезвычайно правильно. Она очень любитъ, когда иностранцы ее посѣщаютъ и разказываютъ обо всемъ, что интересно въ ихъ странѣ. Она имѣетъ самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о государственныхъ учрежденіяхъ, а въ Германіи ее не называютъ иначе, какъ республиканскою королевой, такъ какъ она не сочувствуетъ абсолютной, неограниченной монархіи".

Софія-Шарлотта дѣйствительно была такъ начитана и имѣла такую хорошую память, что однажды поставила въ тупикъ извѣстнаго Лейпцигскаго ученаго Карпцова. Въ разговорѣ съ нимъ она привела больше новыхъ книгъ, которыя были извѣстны ей по содержанію или по заглавію, чѣмъ онъ самъ зналъ. Какого высокаго мнѣнія былъ Лейбницъ о Софіи-Шарлоттѣ, мы сейчасъ увидимъ.

Жениху ея было 26 лѣтъ, но онъ былъ уже вдовцомъ. Кронпринцъ Фридрихъ былъ слабаго и некрасиваго тѣлосложенія. Вслѣдствіе небрежности кормилицы, уронившей его, у него была согнутая спина, и онъ всегда носилъ очень длинный парикъ, чтобы скрыть этотъ недостатокъ. Онъ получилъ тщательное воспитаніе подъ руководствомъ умнаго и энергическаго Данкельмана; но науки его не очень занимали. Главною страстью его были придворныя церемоніи, и еще десяти лѣтъ онъ выпросилъ у отца позволеніе учредить особенный орденъ: de la générosité. Онъ самъ составилъ орденскій уставъ и при освященіи ордена соблюдалъ въ точности всевозможные старинные обряды, посвящалъ мечемъ въ рыцари и пр. Характера онъ былъ уступчиваго и не энергическаго, легко поддавался чужому вліянію, но не всегда самому лучшему. Когда онъ вступилъ на престолъ, онъ первыя 10 лѣтъ слѣпо подчинялся своему бывшему учителю Данкельману, котораго онъ сдѣлалъ первымъ министромъ. Данкельманъ былъ однимъ изъ лучшихъ министровъ Пруссіи, но онъ былъ суровъ и гордъ: его не любили при дворѣ и внушили курфирсту, что его министръ не признаетъ его собственнаго авторитета. Фридрихъ сначала уволилъ его милостиво; но враги Данкельмана напугали курфирста, что человѣкъ, который столько лѣтъ управлялъ Прусскимъ государствомъ и знаетъ всѣ его тайны, можетъ сдѣлаться опаснымъ. Тогда Фридрихъ допустилъ конфискацію всѣхъ имѣній старика и заключилъ его въ крѣпость, гдѣ онъ просидѣлъ 10 лѣтъ.

Мѣсто Данкельмана занялъ его недостойный соперникъ Кольбъ фонъ-Вартенбергъ, возведенный въ достоинство имперскаго графа. Онъ умѣлъ пользоваться слабою стороной курфирста, его страстью къ великолѣпію и къ церемоніямъ, съ особеннымъ рвеніемъ хлопоталъ о королевскомъ титулѣ для Фридриха, а потому безнаказанно грабилъ и разорялъ страну съ своими любимцами. Еще больше вліянія чѣмъ Вартенбергъ имѣла на Фридриха жена графа, женщина простаго происхожденія и чрезвычайно грубая и нахальная. Она была прежде женой курфирстскаго камердинера, потомъ вышла за Вартенберга и считалась любовницей курфирста. Онъ составилъ для нея новый придворный этикетъ, по которому она имѣла преимущество передъ всѣми женами и дочерьми не царствующихъ принцевъ. Притязанія графини подавали поводъ къ самымъ скандалёзнымъ сценамъ при дворѣ. Однажды, когда жена голландскаго посланника хотѣла пройдти въ церемоніальномъ шествіи прежде нея, обѣ дамы схватили другъ друга за волосы и ихъ съ трудомъ можно было разнять среди цѣлаго облака

пудры. Фридрихъ былъ такъ раздраженъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ графинѣ, что грозилъ отозвать свои войска, сражавшіяся въ Голландіи противъ Французовъ, если жена посланника не испроситъ прощенія у фаворитки. Съ женой русскаго посланника Матвѣева графинѣ не такъ посчастливилось. Курфирстъ не хотѣлъ испортить своихъ отношеній къ побѣдителю при Полтавѣ, и гордая графиня должна была извиняться передъ Матвѣевой въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса. Среди такого двора жизнь Софіи-Шарлотты не могла сложиться пріятно. Она не походила на свою мать и не любила вмѣшиваться въ политику. Она не старалась пріобрѣсти вліяніе на своего мужа и не принимала участія въ интригахъ его любимцевъ. Графиня Вартенбергъ была ей, конечно, ненавистна не только по роли, которую она играла, но еще больше вслѣдствіе ея грубости и пошлости. Но по совѣту матери Софія-Шарлотта соглашалась даже принимать ее иногда у себя, чтобы сдѣлать удовольствіе мужу. При этомъ она позволяла себѣ невинную месть и всегда заговаривала съ графиней на французскомъ языкѣ, котораго та не знала.

Софія-Шарлотта составила себѣ отдѣльный дворъ, который она устроила по своему вкусу. Въ деревнѣ Люценъ, въ близкомъ разстояніи отъ Берлина, она построила себѣ дворецъ и проводила тамъ все время, свободное отъ придворныхъ празднествъ. Дворецъ былъ построенъ знаменитымъ Шлютеромъ, въ итальянскомъ стилѣ, садъ былъ разбитъ по плану Ле-Нотра, прославившагося Версальскимъ садомъ, украшеніе же дворца было поручено Еозандру фонъ-Гёте, котораго Софія-Шарлотта предпочитала Шлютеру, хотя онъ далеко уступалъ своему геніальному сопернику и впадалъ въ самое вычурное рококо. Курфирстъ не жалѣлъ денегъ, чтобъ украсить любимое мѣстопребываніе своей супруги самыми рѣдкими растеніями, самыми дорогими картинами, вазами и другими произведеніями искусства. Впрочемъ, все было устроено по желанію курфирстины, и дворецъ Люценбургъ во всемъ отражалъ вкусъ Софіи-Шарлотты, такъ что въ послѣдствіи онъ былъ совершенно справедливо названъ въ ея память Шарлоттенбургомъ. Небольшой дворъ Софіи-Шарлотты представлялъ рѣзкій контрастъ съ дворомъ ея супруга. „Дворъ Фридриха, говоритъ Нибуръ, былъ, какъ всѣ тогдашніе нѣмецкіе дворы, невыразимо гадокъ (widerlich). Онъ соединялъ въ себѣ *грубость* и *распущенность* нравовъ. Нельзя указать болѣе отвратительной распущенности, какъ у нашихъ предковъ во второй половинѣ XVII столѣтія. Этотъ упрекъ вполнѣ относится ко двору Фридриха“.

Мы не станемъ доказывать справедливость этихъ словъ, потому что это слишкомъ бы отвлекло насъ отъ нашей задачи. Тогдашніе дворы Германіи представляютъ намъ зрѣлище, которое мы часто встрѣчаемъ въ исторіи, когда старинные патріархальные нравы, поддерживаемые преданіемъ, уступаютъ наплыву новыхъ, болѣе цивилизующихъ идей, но когда дѣйствіе этихъ новыхъ идей высказывается только въ ослабленіи прежнихъ убѣжденій и въ распущенности нравовъ. Дворъ Фридриха сохранялъ отчасти еще прежнюю прусскую суровость и заимствовалъ у Версальскаго двора только страсть къ роскоши и этикету. Фридрихъ вставалъ, по примѣру отца, съ восходомъ солнца, такъ что часто придворные съ вечернихъ собраній Софіи-Шарлотты прямо отправлялись къ утреннему пріему у курфирста. Вечера онъ проводилъ съ своими любимцами въ *табачномъ клубѣ* (tabagie), члены котораго нисколько не отличались изысканностью нравовъ. Въ костюмахъ и увеселеніяхъ Прусскій дворъ подражалъ послѣдней модѣ Версаля, но съ этимъ плохо вязались старинные предразсудки: пасторы протестуютъ противъ театральныхъ представленій, и искатели приключеній, обѣщающіе открыть тайну, какъ приготовлять золото, принимаются съ суевѣрнымъ почетомъ, подобно тому графу Руджіеро, котораго сначала чествовали какъ иностраннаго принца, а потомъ, когда онъ не сдержалъ своего обѣщанія, повѣсили какъ преступника.

Софія-Шарлотта заимствовала у Версальскаго двора только его хорошія стороны: изысканную вѣжливость въ обращеніи, изящество формъ и рѣчи и отсутствіе пошлости. Въ ея кругу французскій языкъ былъ господствующимъ. Когда знаменитый маршалъ Шомбергъ прибылъ въ Берлинъ въ сопровожденіи большой свиты французскихъ дворянъ, имъ казалось при дворѣ Софіи-Шарлотты, что они еще находятся въ своемъ отечествѣ. Одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ, выходя изъ аудіенціи, спросилъ даже, знаетъ ли курфирстина по-нѣмецки. Почти всѣ европейскія государства прошли черезъ эпоху французскаго вліянія, когда французскій языкъ вытѣснялъ родной, а всѣ образованные люди болѣе походили на Французовъ, чѣмъ на туземцевъ. Когда эта эпоха проходила, она вызывала противъ себя большое неудовольствіе и много упрековъ. Но такая эпоха была необходимостью. Идеи не переносятся отвлеченно отъ одного народа къ другому. Цивилизація, выработанная французскимъ обществомъ, находила себѣ выраженіе пока только во французскомъ языкѣ и только

съ помощью этого языка могла быть пересажена на другую почву. Если бы кто захотѣлъ указать, какое вліяніе можетъ имѣть языкъ на развитіе людей и на смягченіе нравовъ, то онъ не могъ бы выбрать болѣе удачнаго примѣра, какъ вліяніе французскаго языка въ прошломъ столѣтіи.

Пруссія въ это время особенно много была обязана французскимъ эмигрантамъ, которыхъ изгнала изъ отечества отмѣна Нантскаго эдикта. Французскіе ремесленники и фабриканты развили въ Пруссіи мануфактурное производство, а дворяне перенесли съ собой духовные плоды своей цивилизаціи и имѣли самое благодѣтельное вліяніе на улучшеніе нравовъ въ прусскомъ обществѣ. Особенно хорошо были приняты эмигранты и ихъ жены при дворѣ Софіи-Шарлотты. Такъ какъ они утратили при переселеніи почти все свое имущество, то они были не въ состояніи соперничать съ прусской аристократіей въ роскоши костюмовъ и экипажей. Поэтому Софія-Шарлотта постановила, чтобы въ извѣстные дни дамы собирались у нея въ простыхъ черныхъ платьяхъ. На этихъ вечерахъ былъ устраненъ тягостный придворный этикетъ; дамы, которыя не играли въ карты, занимались рукодѣліемъ; въ эти же дни Софія приглашала къ себѣ ученыхъ и всѣхъ тѣхъ, которые не имѣли пріѣзда ко двору.

Хотя Софія-Шарлотта была любезна и привѣтлива со всѣми, она хорошо понимала недостатки и смѣшныя стороны своихъ приближенныхъ. Немногихъ она удостоивала своей дружбы, и изъ послѣднихъ самымъ близкимъ къ ней лицомъ была ея фрейлина фонъ-Пёльницъ. Эта дѣвушка была такъ же умна и красива, какъ Софія-Шарлотта, и кромѣ того походила на нее характеромъ: она была такъ же весела и шутлива, а ея остроуміе нерѣдко доходило до сарказма. Она была безгранично предана курфирстинѣ, а послѣдняя относилась къ ней съ самымъ полнымъ довѣріемъ. Пёльницъ сдѣлалась душею Люценбургскаго общества своимъ умѣньемъ устроивать удовольствія и придавать имъ интересъ и привлекательность. Софія-Шарлотта такъ привыкла къ ея обществу, что находилась съ ней въ постоянной переписке, даже тогда, когда онѣ разлучались на самое короткое время. Она довѣряла ей всѣ свои тайны, и поэтому письма Софіи-Шарлотты къ ней такъ интересны. Къ сожалѣнію, намъ извѣстны только нѣсколько писемъ, которыя король Фридрихъ-Вильгельмъ II велѣлъ выдать изъ тайнаго архива пастору Эрману, составившему біографію Софіи-Шарлотты. Письма эти рисуютъ намъ вполнѣ „философскую королеву“ съ ея антипатіей ко всему пошлому и посредственному, съ

ея благороднымъ образомъ мыслей, съ ея искренностью, граціей и съ ея юморомъ, который она наслѣдовала отъ матери [1]).

Мы приведемъ одно изъ этихъ писемъ въ подлинникѣ, чтобы не ослабить пріятнаго впечатлѣнія, которое оно производитъ на каждаго: Ma chere Pœllnitz, vous m'avez pris sans vert, car je ne puis répondre à tant de gentilesses, et j'aime mieux, que vous doutiez de mon amitié. Votre mère dit, que dans huit jours vous sortirez. Que mon cœur ressentira de joie — j'en sens déjà un plaisir anticipé. Je n'ai pas même le plaisir de pouvoir rire des sottises, qui se font autour de moi; avec qui? La Bülow a de ce gros bon sens, qui ne marche qu'en bottes fortes. Certaines finesses de ces riens, que vous saisissez si bien, échappent à sa pénétration, et les autres sont des enfants. Comme ma chère Pœllnitz est l'âme de mes occupations, elles sont fort languissantes. L'abbé [2]) dit, qu'il a beau éperonner Pégase, ce n'est qu'une rosse. A propos de rosse celle, qui à ce qu'on suppose a l'honneur de servir B. vint hier parée comme un autel, mais de ces autels infernaux, consacrés au diable.

Certain philosophe abhorre le vide, et moi, chère Pœllnitz, le plein. J'avois hier à ma cour deux dames la B. et la Y. grosses jusqu'aux dents, maussades jusqu'au sommet, et sottes jusqu'aux talons. Mais, ma chère, soupçonnez vous, que Dieu en créant de pareilles espèces les forma à son image? — non, il fit un moule tout exprès et très différent, pour nous apprendre le prix des grâces et de la beauté par comparaison. Si vous trouvez ceci méchant, je sais à qui je m'adresse: à bon chat, bon rat... Comme mon esprit est monté méchamment il faut poursuivre. J'ai vu deux benêts d'étrangers: si l'or, le galon et les

---

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie-Charlotte par *Ermann*. 1801. Книга, не смотря на свой объемъ, почти безполезна для біографа Софіи-Шарлотты, за исключеніемъ приведенныхъ въ ней писемъ. Остальное состоитъ изъ пустыхъ фразъ. Отличная біографія и характеристика Софіи-Шарлотты составлена *Варнгагеномъ фонъ-Энзе*: Leben der Königin von Preussen Sophie-Charlotte 1837, хотя съ помощью очень скуднаго матеріала. Нѣкоторыя подробности о ней и вообще о Прусскомъ дворѣ этого времени у *Vehse*: Geschichte des Preussischen Hofs und Adels. 2 Th. 1851. *Droysen* — Geschichte der Preussischen Politik. III B. 3 Abt. и IV B. 1 Abt. 1867, и популярное сочиненіе *Eberty* — Geschichte des Preussischen Staates. II B. 1867.

[2]) Это былъ тотъ же итальянскій аббатъ Гортензіо Маури, котораго мы видѣли при дворѣ Ганноверскомъ. Онъ былъ учителемъ Софіи-Шарлотты въ итальянскомъ языкѣ, долго жилъ у нея въ Берлинѣ и занималъ ее своими литературными произведеніями и стихами.

franges dénotoient le mérite, rien n'égaleroit le leur. Mais comme je respecte peu l'opulence, j'ai apprecié leur juste valeur. Je comprends que l'aspect des grands peut intimider, et ôter à l'esprit la facilité de briller et de paréître et alors j'encourage. Mais lorsque la fatuité s'en mèle et que la présomption et la sottise veulent usurper l'approbation due au vrai mérite, je suis impitoyable et je ne fais grâce sur rien. Que la défiance sur ce que nous valons est estimable, mais que cette vertue est rare! Ne croyons nous pas toujours valoir quelques grains de plus que d'autres? La vilaine chose que l'orgueil, et pourtant ce sentiment est notre plus fidèle compagnon. Grand Leibnitz! que tu as dit sur ce sujet de belles choses! Tu plais, tu persuades, mais tu ne corriges pas — je suis en train de moraliser et le concert commence. Le nouveau chanteur doit chanter. Sa réputation l'a précédé: s'il la soutient, que je vais passer agréablement mon temps! Adieu, adieu, qui vous m'arretez, quand la musique m'attend? Je sacrifie l'amie aux talens. Adieu, vous dis-je et cela sans appel.

P. S. Deux mots ma chère Pœllnitz, envoyez ces diamans pour mon brasselet à la Liebmann [1]). Je lui ai déjà donné mes ordres pour la façon; ja n'ai guère de temps. Madame l'électrice est arrivée; que d'étiquettes à observer; ce n'est pas que je haisse le faste, mais je le voudrois indépendant de la gène... mais que ne voudrois-je pas et sur tout vous, qui me manquez essentiellement. On nous promet certain prince, tant pis ou tant mieux; je me jette dans mon lit. Adieu, bon soir, qu'on tire le rideau. Votre reine, votre amie s'endort.

Глубоко раскрываетъ предъ нами внутреннюю жизнь королевы, не совсѣмъ счастливой въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ, другое письмо къ Пёльницъ. Курфирстъ Фридрихъ имѣлъ обычай, когда онъ навѣщалъ Софію-Шарлотту, присылать впередъ свои подушки. Однажды Софія-Шарлотта, писавшая своему другу, была прервана появленіемъ этихъ подушекъ. Она спѣшитъ окончить свое письмо и заключаетъ: Il faut finir, ma chère amie; les coussins formidables arrivent. Je vais à l'autel. Qu'en pensez vous? La victime sera-t-elle immolée? Votre maladie m'ennuie. Rétablissez vous, ma chère.

Мало радости также видѣла Софія-Шарлотта отъ своего единственнаго сына, Фридриха-Вильгельма. Этотъ мальчикъ такъ же мало походилъ на свою мать, какъ на своего отца. Онъ былъ крѣпкаго

---

[1]) Еврейка Либманъ, вдова придворнаго ювелира, который велъ домашнія дѣла Фридриха и заключалъ для него займы.

тѣлосложенія, чрезвычайно рѣзвъ, вспыльчивъ и упрямъ. Однажды, когда гувернантка хотѣла его наказать, онъ вскочилъ на самый край окошка и грозилъ, что спрыгнетъ, если его не простятъ. Еще въ дѣтствѣ въ немъ начали развиваться солдатскія наклонности: онъ бросилъ въ огонь свой халатъ, богато вышитый золотомъ, и любилъ мазать свое лицо саломъ и лежать на солнцѣ, чтобы почернѣть и походить цвѣтомъ лица на стараго солдата. Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ свою мать, потому что она его баловала и была съ нимъ нѣжна, но онъ не подчинялся ея вліянію; къ блеску и придворнымъ церемоніямъ, которыми забавлялся его отецъ, онъ рано выказывалъ самое сильное пренебреженіе.

По настоянію Софіи-Шарлотты воспитателемъ кронпринца былъ назначенъ графъ Дона, человѣкъ умный, благородный и въ высшей степени свѣтскій и преданный королевѣ. Онъ былъ ученикомъ Бейля, и вліяніе этого скептика, котораго Софія-Шарлотта очень уважала, можетъ-быть, и было причиной, почему графъ ей нравился. Но выборъ учителей для кронпринца былъ неудаченъ, и его ничѣмъ нельзя было пріохотить къ ученію. Всѣ мѣры, къ которымъ прибѣгала Софія-Шарлотта, были напрасны и вселяли ему только большее отвращеніе отъ занятій. Его подвергали экзамену въ присутствіи всего двора; его заставляли письменно вычислять свои недостатки и проступки, брали съ него обѣщаніе слушаться своихъ родителей, быть вѣжливѣе, внимательнѣе и избѣгать общества низшихъ придворныхъ слугъ. Софія-Шарлотта старалась сама занимать его чтеніемъ и бесѣдой, заставляла его принимать участіе въ драматическихъ представленіяхъ и маскарадахъ, которые она устроивала съ помощью своихъ придворныхъ. Но въ мальчикѣ все болѣе и болѣе развивалась страсть къ военнымъ упражненіямъ. Онъ составилъ себѣ *потѣшную* гвардію изъ молодыхъ придворныхъ, проводилъ съ нею все свое время и тратилъ на ея обмундировку всѣ деньги, которыя получалъ.

Поведеніе сына часто огорчало Софію-Шарлотту. Однажды она была свидѣтельницею, какъ 14-лѣтній принцъ таскалъ за волосы своего родственника, молодаго герцога Курляндскаго; въ другой разъ— какъ онъ сбросилъ съ лѣстницы своего камеръ-юнкера. Съ придворными дамами принцъ билъ грубъ и невѣжливъ, что происходило болѣе отъ того, что онъ не умѣлъ себя держать и скрывалъ свою неловкость подъ грубыми формами. Софія-Шарлотта не рѣшалась прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Она только холодно и строго выговаривала принцу, что онъ поступаетъ дурно. Но въ письмахъ къ своему другу

она высказывала свое глубокое горе. „У меня горе, моя милая Пёльницъ, хочу облегчить себя, сообщивъ его вамъ. Кромѣ поводовъ, вамъ извѣстныхъ, у меня есть еще одинъ, который вы по дружбѣ ко мнѣ предчувствовали. Мой сынъ, котораго я считала только живымъ и пылкимъ, выказалъ такую жестокость, что она вѣрно происходитъ отъ дурнаго сердца. Нѣтъ, говоритъ Вюлевъ, это было только изъ скупости. Боже, тѣмъ хуже! скупость въ такомъ нѣжномъ возрастѣ! Отъ другихъ пороковъ исправляются, а этотъ увеличивается: и притомъ, какъ важенъ этотъ порокъ по слѣдствіямъ, которыя онъ влечетъ за собою! Можетъ ли сострадание найти доступъ въ сердцу, въ которомъ господствуетъ корысть? Дона — честный человѣкъ; въ его чувствахъ есть благородство, но и его недостатокъ — духъ разчетливости, а трудно исправить отъ порока, который внутренно одобряешь. Я ему сдѣлала сильный выговоръ, и такъ какъ это рѣдко случается, я особенно настаивала и припомнила ему всѣ его дурные поступки во многихъ случаяхъ. Къ этому присоединились жалобы на него отъ дамъ, которымъ онъ говоритъ пошлости. Я сильно вспылила. Таковъ ли долженъ быть тонъ благородныхъ душъ? И великодушно ли оскорблять другихъ? Что за грубость ужа обращаться съ непристойными словами къ полу, созданному для того, чтобъ быть предметомъ по крайней мѣрѣ вѣжливости со стороны мужчинъ! Аббатъ вошелъ въ то время, когда я читала наставленія. Какъ это величественно, сказалъ онъ: мнѣ кажется, будто передо мною Агриппина, говорящая съ Нерономъ. Въ негодованіи отъ сравненія и въ ужасѣ отъ предзнаменованія, я его приняла очень дурно; онъ вышелъ, дрожа отъ страху, — и я получила его стихи или лучше прилагаемую элегію, за которую онъ получилъ прощеніе. У меня всѣ признаки лихорадочнаго флюса; при этомъ и желчь поднята; но все, что близко къ сердцу, не можетъ не быть чувствительнымъ. Приходите скорѣй раздѣлить мои огорченія и радости. Большое удовольствіе для меня слышать, что вы поправляетесь. Прощайте, прощайте, моя милая“.

Софія-Шарлотта полагала, что на характеръ и развитіе принца могутъ имѣть благодѣтельное вліяніе путешествія и пребываніе при чужихъ дворахъ. Она долго хлопотала, чтобы король послалъ сына въ Голландію, надѣясь, что его пребываніе въ богатой и цивилизованной республикѣ принесетъ ему пользу. Этотъ планъ осуществился слишкомъ поздно. Софію-Шарлотту нельзя упрекать въ излишней слабости относительно сына. Но она полагала, что нельзя переломить

такой упрямый характеръ и что нужно только стараться дать ему болѣе благородное направленіе. Этимъ взглядомъ слѣдуетъ объяснить то, что она однажды писала своему другу. Записка написана карандашемъ на картѣ и свидѣтельствуетъ, въ какомъ волненіи находилась королева: „Скажите графу Дона, чтобы онъ не дѣлалъ препятствій страстямъ королевскаго принца (aux galanteries du prince royal). Любовь развиваетъ умъ (polit l'ésprit) и смягчаетъ нравы. Но пусть онъ направляетъ его вкусъ, чтобъ его выборъ не палъ на недостойное лицо (qu'il ne porte sur rien de bas). Ни одинъ лоскутокъ бумаги не попался мнѣ подъ руки". Софія-Шарлотта находила себѣ утѣшеніе отъ семейныхъ непріятностей въ музыкѣ и въ научныхъ занятіяхъ. Не проходило ни одного дня, чтобъ она сама не играла или не присутствовала на какомъ-нибудь музыкальномъ представленіи. Опера, устроенная ея мужемъ въ Берлинѣ, привлекала туда самыхъ лучшихъ иностранныхъ виртуозовъ. Молодой Гендель также пріѣзжалъ въ Берлинъ, но его отецъ не принялъ предложенія остаться съ нимъ тамъ навсегда. У Софіи-Шарлотты была особенная капелла, которою руководилъ извѣстный въ то время композиторъ Аттиліо Аріости. Софія-Шарлотта до такой степени распространила вкусъ къ музыкѣ, что не только всѣ придворные стали учиться ей, но даже жители Берлина слѣдовали примѣру своей королевы. Интересъ къ наукѣ развился въ Софіи-Шарлоттѣ особенно съ тѣхъ поръ, когда она сблизилась съ Лейбницемъ. Когда она была принцессой, Лейбницъ еще не пріобрѣлъ такого значенія при Ганноверскомъ дворѣ, какъ въ послѣдствіи, да и она сама была слишкомъ молода, чтобъ оцѣнить его. Сближеніе между ними началось гораздо позднѣе, во время частыхъ пріѣздовъ ея въ Ганноверъ. Еще въ 1690-хъ годахъ Лейбницъ былъ довольно чуждъ Софіи-Шарлоттѣ, какъ видно изъ тона ея письма [1]), въ которомъ она его благодаритъ за сообщенныя ей извѣстія: „Вы можете судить изъ этого, какъ я вамъ благодарна за то, что вы были такъ любезны, сообщили мнѣ содержаніе вашей ученой переписки. Предметъ ея такъ труденъ, что необходима была вся точность вашего ума, чтобы сколько-нибудь мнѣ его объяснить. Если вы еще не оста-

---

[1]) Переписка между Софіей-Шарлоттой и Лейбницемъ была бы однимъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ XVII вѣка, если бы сохранилась вполнѣ. Но къ сожалѣнію, бо́льшая часть ея уничтожена по смерти Софіи-Шарлотты по распоряженію прусскаго правительства, вслѣдствіе господствовавшаго тогда опасенія относительно разглашенія государственныхъ тайнъ и вслѣдствіе неуваженія къ историческимъ памятникамъ.

вили вашего намѣренія насъ навѣстить, я воспользуюсь этимъ и буду имѣть удовольствіе увѣрить васъ, что я безконечно цѣню ваши заслуги и всегда буду рада вамъ услужить".

Въ другомъ, сохранившемся письмѣ Лейбница къ курфирстинѣ, онъ излагаетъ ей нѣкоторыя свѣдѣнія изъ палеонтологіи, по поводу мамонтова зуба, который онъ присылаетъ ей въ подарокъ.

Вскорѣ послѣ того Софія-Шарлотта провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Ганноверѣ, и вѣроятно, въ это время Лейбницъ пріобрѣлъ ея полное довѣріе.

Когда въ 1697 году палъ Данкельманъ, Лейбницъ рѣшился воспользоваться этимъ, чтобы съ помощью Софіи-Шарлотты пріобрѣсти вліяніе при Прусскомъ дворѣ. Онъ считалъ необходимымъ болѣе тѣсное сближеніе между Пруссіей и Ганноверомъ и хотѣлъ сдѣлаться орудіемъ этого сближенія. Онъ подалъ обѣимъ курфирстинамъ записку, въ которой изложилъ свой планъ дѣйствія. „Слѣдуетъ воспользоваться тѣмъ, пишетъ онъ, что курфирстина пріобрѣла довѣріе своего супруга, чтобъ укрѣпить это довѣріе и извлечь изъ него всю возможную пользу. Такъ какъ курфирстина Ганноверская во всемъ имѣетъ тѣ же интересы, какъ ея дочь, такъ какъ онѣ очень любятъ другъ друга и естественно, чтобы мать содѣйствовала дочери своими совѣтами, то можно надѣяться, что онѣ взаимною помощью устранятъ непріятности, которыя онѣ претерпѣвали, и пріобрѣтутъ при обоихъ дворахъ достойное ихъ могущество. Только тогда онѣ будутъ въ состояніи примѣнить свой умъ и свои необыкновенныя способности къ пользѣ обоихъ царствующихъ домовъ и возстановить полное единодушіе между своими супругами".

Далѣе Лейбницъ доказываетъ, что нужно дѣйствовать осторожно, и объясняетъ паденіе Данкельмана тѣмъ, что курфирстъ началъ завидовать могуществу, которое пріобрѣлъ его министръ. Такъ какъ переписка не безопасна, то онъ совѣтуетъ избрать лицо, которое могло бы пребывать отъ времени до времени при обоихъ дворахъ и служить посредникомъ. „Для этого назначенія, говоритъ Лейбницъ, я не могу указать никого другаго, кромѣ себя". Затѣмъ онъ описываетъ свое положеніе какъ ученаго и государственнаго человѣка, и подаетъ мысль, чтобы Софія-Шарлотта убѣдила своего мужа поручить ему надзоръ (intendance) надъ науками и художествами, которымъ хотятъ въ Германіи дать „столь похвальное развитіе". Такое порученіе давало бы ему возможность часто пріѣзжать въ Берлинъ, не возбуждая подозрѣнія, подобно тому какъ надзоръ за Вольфенбюттельскою

библіотекой даетъ ему поводъ отправляться туда отъ времени до времени.

„Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, я получилъ бы возможность быть полезнымъ курфирстинамъ моими совѣтами, а черезъ нихъ посредство также курфирсту и кронпринцу. Я могъ бы содѣйствовать общему благу, а также интересамъ и славѣ всѣхъ этихъ высокихъ особъ, преимущественно же курфирстины Ганноверской, благородныя и высокія намѣренія которой мнѣ извѣстны". Онъ обѣщаетъ въ другой разъ подробнѣе поговорить о своемъ планѣ содѣйствовать пользѣ и славѣ обоихъ домовъ, и высказываетъ, что это „особенно важно при настоящихъ обстоятельствахъ, когда могущество Франціи и успѣхъ и ожесточеніе папистовъ грозятъ опаснымъ переворотомъ", если имъ не будутъ противодѣйствовать съ большою ловкостью и энергіей.

Планъ Лейбница не вполнѣ осуществился, потому что Софія-Шарлотта не хотѣла или не могла подчинить мужа своему вліянію. Но Лейбницъ дѣйствительно сдѣлался повѣреннымъ обѣихъ принцессъ и много содѣйствовалъ къ поддержанію добраго согласія между Берлинскимъ и Ганноверскимъ дворами [1]); а черезъ нѣсколько времени ему удалось занять въ Берлинѣ такое положеніе, которое ему дало возможность осуществить одну изъ своихъ любимыхъ идей и положить въ Пруссіи начало серіозному развитію науки.

Мы видѣли, какое значеніе Лейбницъ всегда придавалъ устройству большаго ученаго общества, которое могло бы сосредоточить въ себѣ лучшія силы націи, дать настоящее направленіе разработкѣ всѣхъ наукъ вообще и примѣнить результаты теоретическихъ изслѣдованій

---

[1]) Мы приведемъ въ доказательство отрывокъ изъ его письма къ Софіи изъ Берлина отъ 19 ноября 1701 г.: J'espère que notre cour aura sujet d'être contente de celle-ci. Non seulement les expressions sont les plus obligeantes du monde, mais encore, si on sait ménager les bonnes dispositions, je crois, que c'est justement le temps d'en profiter en bien des choses. Le ministère tâche de plaire à la reine et il a raison; et la reine aussi de son coté en use le mieux du monde. Et comme l'on sait, que rien ne sauroit faire plus de plaisir à la reine, que la bonne intelligence des deux cours, on est fort disposé à la cultiver. Outre que c'est le grand et véritable intérêt des uns et des autres et que l'on reconnoit, que c'est l'unique moyen de nous sauver tous et la liberté publique: ce qui est aussi le texte ordinaire de mes sermons. Je crois aussi que le temps est plus propre que jamais à pousser l'introduction et à finir cette grande affaire, si on s'y prend comme il faut. Je souhaiterois aussi, que l'affaire de la succession d'Angleterre entroit dans la grande alliance; c'est à quoi on seroit assez disposé à travailler ici», etc.

въ практической жизни и къ благосостоянію народа. Въ учрежденіи такого общества Лейбницъ видѣлъ главный залогъ быстраго развитія общественнаго прогресса.

„Истинная политика (vera politica), говорилъ онъ, заключается въ сознаніи собственной высшей пользы. Высшая же польза всякаго заключается въ томъ, чтобъ быть угоднымъ Богу. Угодно же Богу все, что имѣетъ цѣлью усовершенствованіе человѣческаго рода. Это усовершенствованіе заключается въ томъ, чтобы человѣчество достигло высшей степени могущества и мудрости. Могущество и мудрость человѣка умножаются двоякимъ образомъ: вопервыхъ, если люди развиваютъ науки и художества и дѣлаютъ въ нихъ новыя изобрѣтенія, и вовторыхъ, если они лучше знакомятся съ тѣми, которыя уже извѣстны. Они знакомятся и сживаются съ ними, если съ малолѣтства воспитываются въ благочестіи, умѣренности, въ заботахъ о здравіи, въ скромности, въ трудѣ, вообще во всѣхъ добродѣтеляхъ, если у нихъ отнимается случай къ преступленію, ни добро, ни зло не остаются скрытыми, но первое награждается, а послѣднее встрѣчаетъ неизбѣжную кару, наконецъ, если людей по возможности лишаютъ повода къ враждѣ, а напротивъ приводятъ имъ въ сознаніе необходимости взаимнаго терпѣнія и любви.

„Умножаются науки и художества столько же обширнымъ обмѣномъ мыслей, сколько основательнымъ и глубокимъ изслѣдованіемъ.

„И то, и другое, изобрѣтеніе новаго и распространеніе стараго, можетъ совершаться отдѣльными лицами и соединенными силами ученаго общества. При этомъ очевидно, что соединенныя силы многихъ могутъ быть несравненно плодотворнѣе разсѣянныхъ трудовъ отдѣльныхъ лицъ, подобныхъ песку безъ цемента [1])“.

Но Лейбницу долго не удавалось осуществить свое желаніе. Нѣсколько разъ онъ пытался привести въ исполненіе хоть часть своего первоначальнаго плана и хлопоталъ объ устройствѣ обществъ съ болѣе ограниченною задачей; такъ, напримѣръ, онъ составилъ планъ „нѣмецкаго общества для примѣненія естественныхъ наукъ къ житейскимъ потребностямъ“. Когда онъ опровергъ теорію Декарта объ уклоненіяхъ магнитной стрѣлки, онъ приглашалъ своихъ друзей по всей Германіи составить общество для наблюденія надъ этими уклоненіями, чтобы на основаніи ихъ открыть общій законъ уклоненія магнита.

Мы упоминали уже о томъ, какъ въ 1688 г. онъ хлопоталъ въ Вѣнѣ съ патріотическою цѣлью объ устройствѣ нѣмецко-историческаго

[1]) Onno Klopp — Leibniz als Gründer gelehrter Gesellschaften. 1863.

общества подъ покровительствомъ императора для изслѣдованія архивовъ и выясненія правъ императора и имперіи. Всѣ эти попытки оставались тщетными; но наконецъ, Лейбницъ нашелъ въ Берлинѣ благопріятныя условія для своего плана и встрѣтилъ лицо, способное оцѣнить его намѣренія.

Фридрихъ Бранденбургскій былъ не прочь завести у себя различныя ученыя учрежденія; они способствовали, по его мнѣнію, къ славѣ и блеску его царствованія; при немъ были учреждены университетъ въ Галле, нѣсколько лѣтъ спустя Академія художествъ въ Берлинѣ. Правда, можно было думать, что всѣ подобныя учрежденія служили для Фридриха только поводомъ къ торжествамъ и празднествамъ; такъ напримѣръ, основной капиталъ университета въ Галле состоялъ изъ 3.000 талеровъ; на празднества же, которыми Фридрихъ ознаменовалъ основаніе новаго университета, онъ истратилъ 20.000 талеровъ.

За то интересъ его жены къ развитію наукъ былъ гораздо искреннѣе и серіознѣе. Еще въ 1697 году она заявила свое сожалѣніе, что въ Берлинѣ, гдѣ такъ много ученыхъ людей, нѣтъ обсерваторіи и не издаютъ календаря. Объ этомъ узналъ Данкельманъ, который тотчасъ, въ угожденіе ей, составилъ планъ учрежденія обсерваторіи. Извѣстіе объ этомъ оживило надежды Лейбница. Въ своемъ письмѣ къ Кюно онъ высказываетъ свою радость и надежду, что устройство обсерваторіи поведетъ за собою заботы о другихъ наукахъ. „Франція, продолжаетъ онъ, въ наше время представляетъ въ наукѣ большею частью только посредственности. Если бы намъ удалось направить Нѣмцевъ на этотъ путь, они, можетъ-быть, скоро могли бы состязаться въ наукѣ съ цѣлой Европой".

Вскорѣ послѣ того въ Берлинѣ возникъ планъ предложить Лейбницу мѣсто прусскаго исторіографа, которое освободилось послѣ смерти Пуфендорфа. Изъ письма Яблонскаго къ Лейбницу извѣстно, что объ этомъ велись переговоры между министрами Шпангеймомъ и Фуксомъ; отчего дѣло не состоялось, намъ не вполнѣ извѣстно. Какъ кажется, главною причиной было финансовое затрудненіе Берлинскаго двора, тратившаго свои средства на увеселенія и празднества. Можетъ-быть, въ Берлинѣ не понравилось также, что Лейбницъ соглашался принять мѣсто съ тѣмъ только, чтобъ ему позволили окончить его исторію Брауншвейгскаго дома.

Въ связи съ устройствомъ обсерваторіи находилось исправленіе календаря. Какъ извѣстно, протестанты въ Германіи въ то время придерживались еще стараго Юліанскаго календаря.

Профессоръ математики въ Іенѣ Вейгель, учитель Лейбница, одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе протестантовъ на необходимость принять Грегоріанскій календарь. Лейбницъ тотчасъ же принялъ участіе въ этомъ движеніи. Онъ обратилъ вниманіе, что при этомъ слѣдовало бы избѣгнуть ошибокъ Грегоріанскаго календаря, особенно относительно вычисленія Пасхи,—ошибокъ, которыя были указаны не только протестантскими, но и католическими астрономами. Лейбницъ вступилъ по этому поводу въ переписку съ лучшими тогдашними астрономами: Рёмеромъ [1]), Біанкини и др., а также съ Парижскою Академіей Наукъ, чтобы придти съ ними къ соглашенію. Согласно съ его указаніями были даны инструкціи Ганноверскому послу въ Регенсбургѣ, которыя большею частью были написаны самимъ Лейбницемъ. И въ Берлинѣ также заинтересовались дѣломъ исправленія календаря. Лейбницъ воспользовался этимъ и подалъ мысль употребить барышъ отъ новаго привилегированнаго календаря въ пользу ученаго общества. Его мысль понравилась курфирсту, и весной 1700 года Фридрихъ одобрилъ проектъ, составленный Яблонскимъ, основать въ Берлинѣ Академію Наукъ и обсерваторію. Софія-Шарлотта въ это время находилась въ Ганноверѣ, и отъ нея Лейбницъ узналъ, что ихъ давнишнее желаніе приходитъ въ исполненіе. Лейбницъ тотчасъ отправилъ въ Берлинъ двѣ записки объ основаніи академіи, которыя очень понравились курфирсту. Онъ велѣлъ поспѣшить исполненіемъ проекта и пригласить самого Лейбница въ Берлинъ.

Такимъ образомъ желаніе Лейбница, выраженное имъ въ упомянутой нами запискѣ, получить офиціальное назначеніе въ Берлинѣ осуществилось, и въ маѣ Лейбницъ прибылъ туда въ свитѣ Софіи-Шарлотты. Онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, и его присутствіе ускорило основаніе предполагавшейся Академіи Наукъ. 11-го іюля 1700 г. былъ изданъ уставъ академіи, въ которомъ нельзя не признать вліянія Лейбница. На другой день онъ былъ назначенъ президентомъ академіи, которая, впрочемъ, еще не имѣла ни одного члена. Въ то же время ему дали чинъ Бранденбургскаго тайнаго юстицъ-совѣтника, и онъ обязался жить отъ времени до времени въ Берлинѣ, на сколько это ему позволяли его занятія въ Ганноверѣ.

Академія въ Берлинѣ должна была отличаться тремя особенностями отъ существовавшихъ уже академій въ Парижѣ и Лондонѣ. Она должна была имѣть *національный* характеръ и поэтому заботиться

---

[1]) Dutens—Leibnitii opera omnia. T. IV. Pars II.

о сохраненіи чистоты нѣмецкаго языка, объ изслѣдованіи нѣмецкой политической и церковной исторіи и обо всемъ, что „касалось славы и чести нѣмецкаго народа“.

Потомъ новая академія должна была имѣть практическое направленіе. Лейбницъ не хотѣлъ, чтобы академики руководствовались одною отвлеченною любознательностью и занимались только теоретическою наукой; онъ требовалъ, чтобъ они изучали бытъ народа, состояніе торговли и промышленности, земледѣлія, народнаго продовольствія и вообще всѣ отрасли народной дѣятельности, и старались бы объ ихъ улучшеніи посредствомъ примѣненія теоретической науки. Поэтому уставъ вмѣнялъ академикамъ въ обязанность вступать въ сношенія со всѣми административными вѣдомствами, собирать съ ихъ помощью всѣ необходимыя свѣдѣнія и въ свою очередь давать имъ всевозможные полезные совѣты.

Геніальная мысль Лейбница не осуществилась до нашего времени. Теперь учреждаютъ статистическіе комитеты, географическія и этнографическія общества, торговыя коммисіи, санитарные и педагогическіе комитеты и пр., но все это разрозненно, случайно, не представляетъ никакого единства, рѣдко одушевлено истинными научными стремленіями и поэтому не приноситъ настоящей пользы. Въ умѣ Лейбница всѣ эти изысканія, направленныя къ улучшенію народнаго благосостоянія, представляли одно стройное цѣлое. По его идеѣ эти изысканія должны были производиться по одному плану, подъ руководствомъ академіи, то-есть, собранія лучшихъ ученыхъ въ странѣ. Тогда теоретическая наука и практическое ея примѣненіе шли бы рука объ руку, взаимно направляли и оживляли другъ друга. Академія съ своими подраздѣленіями сдѣлалась бы совѣтницей правительства и администраціи, сокровищницей всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ въ данную эпоху, и лучшею школой не только для науки. но и для государственной службы. Въ наше же время академіи представляютъ только пріютъ для заслуженныхъ ученыхъ, одиноко трудящихся надъ своими спеціальными задачами и мало извѣстныхъ народу, ибо имена ихъ знакомы только спеціалистамъ. Вліяніе ихъ ограничено тѣсной сферой, и дѣятельность ихъ не находится ни въ какой связи съ многочисленными офиціальными комитетами и частными обществами различныхъ наименованій, которыя часто накопляютъ сырой матеріалъ свой безъ знанія, безъ интереса и безъ пользы.

Третья особенность Берлинской академіи, внесенная въ уставъ по желанію Лейбница, заключалась въ обязанности *распространять*

христіанство посредствомъ миссіонеровъ. При этомъ Лейбницъ, какъ справедливо замѣчаетъ Гурауеръ [1]), имѣлъ столько же въ виду политическую, сколько и религіозную цѣль; онъ разумѣлъ подъ этимъ распространеніе цивилизаціи, а европейская цивилизація, по его убѣжденіямъ, была въ тѣсной связи съ христіанствомъ. Академія должна была посылать миссіонеровъ въ Китай и Японію, чтобы вмѣстѣ съ европейскою наукой перенести туда проповѣдь Евангелія. „Пусть земная наука, писалъ Лейбницъ, будетъ для этихъ народовъ, обрѣтающихся во мракѣ, подобно звѣздѣ, сіявшей восточнымъ волхвамъ, и пусть она приведетъ ихъ къ истинному, божественному свѣту“. Но въ то же время христіанскіе миссіонеры должны были заимствовать въ Китаѣ и Японіи тамошнюю цивилизацію, которой въ то время придавали преувеличенное значеніе, „для того чтобы между обѣими половинами земнаго шара производился не только обмѣнъ товаровъ, но и обмѣнъ свѣта и мудрости“.

Со времени основанія академіи и назначенія Лейбница ея президентомъ онъ сталъ часто пріѣзжать въ Берлинъ и сдѣлался близкимъ человѣкомъ для Софіи-Шарлотты. Онъ сталъ не только ея совѣтникомъ въ политическихъ дѣлахъ, но и руководителемъ ея занятій. Софія-Шарлотта повѣряла ему свои сомнѣнія, требовала отъ него объясненія всего, что̀ ей казалось загадочнымъ въ жизни, и вскорѣ сдѣлалась внимательной ученицей великаго философа.

До сближенія съ Лейбницемъ ея любимымъ писателемъ былъ Бейль. Онъ былъ тогда моднымъ философомъ для большаго свѣта, но Софіи-Шарлоттѣ кромѣ того нравились въ немъ его скептическій умъ, его благородное ожесточеніе противъ лжи и насилія, его ясность и рѣшительность въ самыхъ темныхъ вопросахъ науки. Софія-Шарлотта всегда возила съ собой его сочиненія и чрезвычайно желала видѣть его самого. Во время ея поѣздки въ Голландію ей пришлось проѣзжать черезъ мѣстечко, въ которомъ жилъ Бейль. Было уже поздно вечеромъ, но она тотчасъ послала за нимъ. Бейль былъ нездоровъ и долженъ былъ отказаться отъ приглашенія. Но Софія-Шарлотта настаивала, и тогда Бейль пріѣхалъ къ ней въ Гагу вмѣстѣ съ Банажемъ, другимъ французскимъ литераторомъ и ученымъ, который также по причинѣ религіи долженъ былъ эмигрировать изъ Франціи. Софія-Шарлотта была съ своею матерью, и принцессы долго бесѣдовали съ обоими учеными о самыхъ интересныхъ вопросахъ. Онѣ предлагали

---

[1]) Guhrauer — Leibnitz's Biographie. II, p. 194.

имъ даже принять ихъ въ число своихъ спутниковъ, но этотъ планъ не состоялся.

Контрастъ, который существуетъ между Бейлемъ и Лейбницемъ, будетъ вѣчно существовать въ человѣчествѣ между отдѣльными людьми и между цѣлыми эпохами. Бейль — представитель пытливаго честнаго сомнѣнія, которое видитъ только одну сторону дѣла и опрометчиво отвергаетъ то, что не подходитъ подъ его ограниченную мѣрку. Лейбницъ — представитель глубокаго синтеза, который не останавливается на противорѣчіяхъ, но миритъ ихъ въ высшемъ, гармоническомъ единствѣ. Бейль и Лейбницъ всего болѣе расходились въ вопросѣ объ отношеніяхъ вѣры и разума. Бейль не отвергалъ религіи, какъ матеріалисты XVIII вѣка, которые отчасти вышли изъ его школы, но онъ находилъ, что между вѣрой и разумомъ заключается неразрѣшимое противорѣчіе, что человѣкъ долженъ примириться съ этимъ противорѣчіемъ, вѣрить, если можетъ, но не льстить себя тщетною надеждой, что онъ въ состояніи постигнуть тайны Откровенія. Для Лейбница этого противорѣчія не было: для него, какъ мы видѣли, разумъ былъ также откровеніемъ и не могло быть разногласія между двумя откровеніями того же Божества.

Лейбницъ старался противодѣйствовать вліянію Бейля, которымъ увлекалась Софія-Шарлотта. Онъ отвѣчалъ на сомнѣнія и возраженія Бейля, оправдывалъ всемірный разумъ отъ упрековъ, которые дѣлалъ ему человѣкъ за противорѣчія между нравственными законами и дѣйствительностью, за отсутствіе справедливости въ мірѣ, гдѣ человѣкъ несетъ тяжкую отвѣтственность за свои дѣйствія и въ то же время физическими законами и божественнымъ предназначеніемъ лишенъ свободы воли и дѣйствія, за безконечное физическое и нравственное зло въ мірѣ, отъ котораго страдаетъ человѣчество. Изъ этихъ бесѣдъ съ Софіей-Шарлоттой вышла *Теодицея* Лейбница, въ которой онъ старался раскрыть предъ королевой гармонію, господствующую въ мірѣ и ясную для всякаго, кто не останавливается на частностяхъ и старается обнять мірозданіе въ его цѣлости и въ его вѣчномъ развитіи. Для этого Лейбницъ придумалъ гипотезу, которая составляетъ вѣнецъ его философской системы.

Гипотеза Лейбница о *лучшемъ мірѣ*, который Божество избрало изъ безконечнаго множества возможныхъ міровъ, носитъ на себѣ отпечатокъ личности философа и той эпохи, въ которую онъ жилъ, и поэтому, какъ всякое индивидуальное рѣшеніе, имѣетъ только относительную цѣну. Но основная мысль ея вѣрна: это — попытка примирить

права индивидуальнаго существованія съ безпредѣльною жизнію міро-зданія, предъ которымъ повидимому безслѣдно исчезаетъ всякое от-дѣльное бытіе. Человѣкъ всегда будетъ искать этого примиренія и всегда будетъ находить его, въ поэтическомъ ли пантеизмѣ Спинозы и Шеллинга, или на почвѣ христіанства, какъ философія Лейбница.

Теодицея кажется чуждой нашему времени, потому что она столько же богословское, сколько и философское сочиненіе, а нашъ вѣкъ отвыкъ отъ богословскихъ споровъ. Но въ свое время она со-отвѣтствовала настоятельной потребности, и поэтому была съ инте-ресомъ встрѣчена всѣми классами общества и произвела сильное впе-чатлѣніе на читателей. Въ XVII вѣкѣ вопросы, обсуждаемые Лейб-ницемъ въ Теодицеѣ, преимущественно же вопросы объ отношеніи человѣка къ Богу, о свободной волѣ и предназначеніи серіозно тре-вожили общество, порождали религіозныя партіи, которыя принимали политическій характеръ и своей борьбой имѣли глубокое вліяніе на судьбы государствъ. Изъ-за этихъ вопросовъ враждовали между собой янсенисты и молинисты въ католицизмѣ, арминіане и гомаристы, ре-форматы и лютеране. Бейль считалъ эти вопросы безвыходнымъ ла-биринтомъ и вообще признавалъ всѣ богословскіе споры безполез-ными; онъ старался уменьшить интересъ къ нимъ для того, чтобы на нихъ не тратили напрасно времени и труда. Лейбницъ съ своей стороны также полагалъ необходимымъ покончить съ этими вопро-сами, но потому что онъ считалъ ихъ разрѣшенными. Онъ предла-галъ объясненіе, которое, по его мнѣнію, должно было удовлетворить всѣ враждующія партіи — приверженцевъ предназначенія и защитни-ковъ свободной воли, какъ между протестантами, такъ и между ка-толиками.

Теодицея, кромѣ философскаго, имѣетъ еще особенное историче-ское значеніе. Ею заканчивается богословскій періодъ въ развитіи западно-европейскихъ народовъ: вопросы, которыми она занимается, относятся еще къ этому богословскому періоду, но способъ ихъ раз-рѣшенія и самое разрѣшеніе ихъ заимствованы уже изъ другаго періода. Такимъ путемъ идетъ вообще развитіе человѣческаго духа; человѣкъ долго колеблется между противоположными крайностями; наконецъ, онъ становится выше ихъ: тогда онъ находитъ разрѣше-ніе, которое примиряетъ противоположности и вмѣстѣ съ тѣмъ вво-дитъ его въ новый кругъ понятій и въ новые интересы. Этимъ объ-ясняется судьба Теодицеи; она, какъ мы сказали, произвела сильное впечатлѣніе и многимъ понравилась, но почти не вызвала возраженій

и критики. Общество было пресыщено богословскими спорами; оно было радо найдти примиреніе и выйдти изъ заколдованнаго круга старыхъ спорныхъ понятій.

Внѣшняя форма Теодицеи объясняется ея происхожденіемъ. Софія-Шарлотта читала съ Лейбницемъ сочиненія Бейля, преимущественно его философскій лексиконъ, и просила его объяснять ихъ и дѣлать къ нимъ свои замѣчанія. Эти замѣчанія Лейбницъ иногда представлялъ ей письменно, и такъ какъ они нѣсколько разъ принимались за чтеніе Бейля, то Лейбницу пришлось нерѣдко повторять свои идеи въ новомъ изложеніи. По смерти Софіи-Шарлотты, друзья Лейбница уговорили его напечатать записки, составленныя для королевы. Потому-то Теодицея состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, однородныхъ по содержанію. Въ Теодицеѣ нѣтъ строгой системы, она написана очень популярно, и для бо́льшаго интереса богословскія и философскія разсужденія часто прерываются эпизодами изъ исторіи философіи, изъ политической исторіи и изъ другихъ наукъ, характеристиками современниковъ, которыхъ Лейбницъ зналъ лично или по ихъ сочиненіямъ, и наконецъ, даже анекдотическими разказами. Оттого книга въ наше время читается очень легко и не лишена историческаго интереса.

Софія-Шарлотта не всегда бывала удовлетворена объясненіями и уроками Лейбница. Ей казалось, что онъ излагаетъ ей свое ученіе слишкомъ поверхностно, и она требовала отъ него болѣе опредѣленныхъ объясненій. „Ma chère Poellnitz, пишетъ она однажды своему другу, voici une lettre de Leibnitz, que je vous envoie. J'aime cet homme, mais j'ai envie de me fâcher de ce qu'il traite tout si superficiellement avec moi. Il se défie de mon génie, car rarement il me répond avec précision sur les matières que j'agite". Лейбницъ, съ своей стороны, жаловался, что она дѣлаетъ ему слишкомъ затруднительные вопросы. Она хочетъ знать причину причинъ (das Warum des Warum), говорилъ онъ, какъ разказываетъ внукъ Софіи-Шарлотты, Фридрихъ Великій.

Она жила въ идеяхъ Лейбница и примѣняла ихъ иногда очень мило къ окружавшей ее обстановкѣ. „На дняхъ, пишетъ она однажды, Лейбницъ прочелъ мнѣ лекцію о безконечно-малыхъ (величинахъ); кто, мой другъ, знакомъ лучше меня съ этими существами" [1])?

Кромѣ Лейбница и другіе изъ современныхъ ученыхъ или мыслителей старались расположить королеву въ пользу своихъ идей, и она

---

[1]) Dernièrement Leibnitz m'a fait une dissertation sur les infiniment petits; qui mieux, que moi, ma chère est au fait de ces êtres?

съ интересомъ слушала или опровергала ихъ. Между послѣдними особенно замѣчателенъ Толандъ, глава секты англійскихъ раціоналистовъ. Онъ былъ сыномъ католическаго священника въ Ирландіи, который отрекся отъ него и изгналъ изъ своего дома. Возмущенный этимъ поступкомъ, онъ рано исполнился ненависти къ католической церкви и принялъ протестантизмъ. Еще юношей онъ мечталъ объ основаніи особой секты, которая была бы свободна отъ предразсудковъ и отличалась вѣротерпимостью. Непріязнь, съ которой англійскіе богословы приняли его первыя сочиненія, внушила ему еще большее отвращеніе отъ господствовавшей богословской системы, и онъ впалъ въ раціонализмъ. Вскорѣ появилось важнѣйшее его сочиненіе, въ заглавіи котораго онъ уже вполнѣ выразилъ основаніе своихъ убѣжденій. „Христіанство не мистерія, — сочиненіе, доказывающее, что Евангеліе не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы разуму или превосходило его, и что христіанское ученіе не можетъ собственно быть названо таинственнымъ" (a mystery). Это сочиненіе вызвало въ Англіи сильное негодованіе и было публично осуждено присяжными Мидльсекса. Но Толандъ пріобрѣлъ себѣ много друзей другимъ своимъ сочиненіемъ политическаго характера: «Anglia liberata», въ которомъ онъ энергически высказывался въ пользу приглашенія Ганноверскаго дома на англійскій престолъ. Лордъ Меклефильдъ, отправленный въ Ганноверъ для того, чтобы поднести Софіи актъ признанія ея правъ на англійскій престолъ, охотно принялъ Толанда въ свою свиту. Въ Ганноверѣ Толанда привѣтствовали очень радушно, не только какъ приверженца династіи, но и какъ человѣка интереснаго по своимъ убѣжденіямъ. Сама Софія много говорила и спорила съ нимъ о религіозныхъ предметахъ. Лейбницъ отдавалъ полную справедливость его способностямъ и такту, съ которымъ онъ держалъ себя при дворѣ; но когда до него дошли свѣдѣнія, что въ Англіи смотрятъ не совсѣмъ благопріятно на то, что будущая королева выказываетъ такое участіе къ ненавистному *атеисту*, онъ предостерегалъ Софію, чтобъ она держала себя осторожнѣе.

Между тѣмъ Софія-Шарлотта такъ заинтересовалась Толандомъ, что пожелала его видѣть, и онъ съ удовольствіемъ отправился въ Берлинъ. Тамъ его пріемъ былъ еще почетнѣе. Даже король и его любимецъ Вартенбергъ оказывали ему самое лестное вниманіе. Толандъ надѣялся, что пріобрѣтетъ въ Берлинѣ много приверженцевъ и особенно старался склонить королеву къ своимъ убѣжденіямъ. Это было, однако, не легко: Софія-Шарлотта слишкомъ привыкла къ философскимъ

разсужденіямъ и религіознымъ спорамъ. чтобъ увлечься передъ новыми для нея доводами. Когда она не могла сама справиться съ своимъ противникомъ, она привлекала къ спору другихъ, которые были сильнѣе ея, и съ интересомъ слѣдила за ходомъ преній. До насъ дошло подробное описаніе такого спора, устроеннаго Софіей-Шарлоттой между Толандомъ и придворнымъ проповѣдникомъ изъ французскихъ эмигрантовъ Бособромъ, человѣкомъ очень умнымъ и чрезвычайно ученымъ и краснорѣчивымъ, котораго еще долго послѣ его смерти называли великимъ Бособромъ. Онъ самъ записалъ весь свой споръ съ Толандомъ. Однажды, разсказываетъ Бособръ, онъ пріѣхалъ вечеромъ въ Люценбургъ; Софія-Шарлотта была занята игрой въ карты, но замѣтивъ его, просила подождать ее. Кончивъ игру, она подошла къ нему и сказала, подводя его къ Толанду: „Вотъ иностранецъ, который не согласенъ съ нами относительно религіи. Онъ подрываетъ основаніе нашей вѣры и хочетъ внушить намъ недовѣріе къ Священному Писанію: вы пришли кстати насъ защитить“. Между Толандомъ и Бособромъ начался длинный разговоръ о достовѣрности книгъ Новаго Завѣта и о справедливости нѣкоторыхъ сообщенныхъ въ нихъ извѣстій. Доводы, которые приводилъ Толандъ, были довольно слабы, согласно съ тогдашнимъ состояніемъ экзегетики. Они главнымъ образомъ вращались около положенія, что въ книгахъ Новаго Завѣта заключается много невѣроятнаго, и потому необходимо доказать, что онѣ заслуживаютъ больше довѣрія, чѣмъ другія книги историческаго содержанія, гдѣ встрѣчаются подобныя затрудненія. Бособръ съ своей стороны требовалъ положительныхъ доказательствъ, что новозавѣтныя книги позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, или что въ нихъ находятся позднѣйшія вставки; затѣмъ онъ приводилъ различные нравственные доводы въ пользу своихъ убѣжденій. Вообще каждый изъ нихъ съ большимъ искусствомъ отыскивалъ слабыя стороны противника, чѣмъ защищалъ себя отъ его нападеній. Пренія подъ конецъ приняли непріятный оборотъ, и королева поспѣшила прервать ихъ.

Толандъ былъ чрезвычайно доволенъ пріемомъ въ Берлинѣ и особенно свободой, съ которой ему позволяли высказывать свои убѣжденія. Онъ говорилъ, что никогда не встрѣчалъ такой терпимости и свободы, какъ при дворѣ Софіи-Шарлотты. Вскорѣ послѣ его отъѣзда, Лейбницъ писалъ королевѣ: „Толандъ грозитъ намъ изданіемъ своего путешествія, въ которомъ будутъ также помѣщены ваши бесѣды съ нимъ. Что дѣлать, нельзя запретить людямъ говорить, особенно Ан-

гличанамъ". Впрочемъ Толандъ не торопился. Въ 1704 г., онъ издалъ „Письма къ Серенѣ", о которыхъ говорили, что они будто бы писаны имъ къ Софіи-Шарлоттѣ. Затѣмъ онъ дѣйствительно издалъ описаніе своего путешествія, въ которомъ говорилъ съ величайшею похвалой о Софіи-Шарлоттѣ. Случилось такъ, что ему принесли корректурный листъ, на страницахъ котораго заключалась характеристика Прусской королевы, въ тотъ самый день, когда онъ узналъ о ея смерти. Онъ почти ничего не измѣнилъ, и прибавилъ только, что его описаніе, которое при жизни королевы могло казаться лестью, теперь, послѣ ея смерти, будетъ заслуживать тѣмъ большаго довѣрія.

Софія-Шарлотта чрезвычайно любила ученыя пренія и при этомъ удивляла всѣхъ ясностью своего сужденія, особенно же своимъ тактомъ и гуманностью, съ которой она относилась къ своему противнику. Вскорѣ послѣ Толанда въ Берлинъ пріѣхалъ іезуитъ Вота, исповѣдникъ Польскаго короля. Это былъ чрезвычайно умный и ученый старикъ, и какъ всѣ іезуиты, ловкій дипломатъ. Софія-Шарлотта вступала съ нимъ нѣсколько разъ въ разговоръ о католицизмѣ, и когда ей казалось, что онъ возражаетъ ей не довольно серіозно, она приглашала на помощь своихъ придворныхъ проповѣдниковъ Бособра и Ланфана. Пренія между богословами принимали иногда ожесточенный характеръ, такъ что королева нѣсколько разъ не могла воздержаться отъ улыбки и останавливала спорившихъ. Вота былъ чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что увлекался и забывалъ свое обыкновенное хладнокровіе и вѣжливость. По отъѣздѣ изъ Берлина онъ написалъ королевѣ письмо съ большими комплиментами, обвинялъ себя въ неумѣренности и еще больше своихъ противниковъ.

Софія-Шарлотта такъ заинтересовалась предметомъ преній, что хотѣла продолжать ихъ и съ отсутствующимъ противникомъ. Она поручила Ланфану составить ей нужный матеріалъ и на основаніи его написала Вотѣ письмо, въ которомъ излагала взглядъ протестантовъ на нѣкоторыхъ отцовъ церкви и на первые вселенскіе соборы. Письмо написано чрезвычайно живо и увлекательно, не смотря на то, что довольно длинно. Софія-Шарлотта благодаритъ Воту очень любезно за его комплименты и успокоиваетъ его насчетъ упрековъ, которые онъ себѣ дѣлалъ. Увлеченіе реформатскихъ богослововъ она объясняетъ, между прочимъ, тѣмъ, „что Вота говорилъ съ такимъ пренебреженіемъ о разумѣ, который долженъ бы быть единственнымъ авторитетомъ въ мірѣ и которому, прибавляетъ она любезно, вы сами столь многимъ обязаны. Впрочемъ, продолжаетъ она, я не удивляюсь, что вы въ

странѣ свободы въ столь короткое время услышали такія вещи, какія и въ 40 лѣтъ вамъ не пришлось слышать въ странѣ авторитета, ибо въ этихъ двухъ странахъ говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ".

Свое разсужденіе, въ которомъ она съ большою скромностью скрывается за ученостью своихъ руководителей, Софія-Шарлотта заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „Но что вы скажете о томъ, что я пустилась въ богословскій океанъ? Я рѣшилась на это, довѣряясь моимъ кормчимъ. Если я по ихъ винѣ заблужусь, то вы, надѣюсь, на столько окажетесь моимъ другомъ, чтобы вывести меня на настоящій путь" [1]).

Хотя Софія-Шарлотта вообще не входила въ политику своего супруга, она приняла однако дѣятельное участіе въ томъ дѣлѣ, которое было ему дороже всего — въ пріобрѣтеніи для него королевскаго титула. Лѣтомъ 1700 года Софія-Шарлотта отправилась съ своею матерью въ Бельгію и Голландію, чтобы видѣться съ Вильгельмомъ III и курфирстомъ Баварскимъ Максимиліаномъ-Эммануиломъ, испанскимъ намѣстникомъ въ Брюсселѣ, и расположить ихъ въ пользу Прусскаго двора. Принцессы исполнили свое порученіе съ большимъ успѣхомъ, и можно думать, что этому успѣху не мало способствовали красота и любезность Софіи-Шарлотты. Она даже не пренебрегала кокетствомъ, если вѣрить разказу, сохранившемуся о ея поѣздкѣ въ Брюссель. Курфирстъ Баварскій былъ неравнодушенъ къ обаянію женской красоты и выказывалъ большое вниманіе къ Софія-Шарлоттѣ. Но жена его, дочь Яна Собѣсскаго, была крайне ревнива и завистлива къ красотѣ другихъ женщинъ, хотя сама была очень красива. Чтобы не встрѣчаться съ Софіей-Шарлоттой, она сказалась больной и не выходила изъ комнаты все время, пока та находилась въ Брюсселѣ. Говорятъ, что по этому поводу Софія-Шарлотта сказала курфирсту: „Не желая себѣ льстить, я полагаю, что была бы для васъ болѣе подходящею женой, чѣмъ ваша теперешняя. Вы охотникъ до удовольствій, я ничего не имѣю противъ нихъ; вы любите уха-

[1]) Mais que direz-vous de moi, monsieur, de m'être ainsi embarquée sur l'océan ecclésiastique? C'est sur la bonne foi de mes pilotes; s'ils m'ont fait égarer, je vous crois assez de mes amis pour me remettre dans le bon chemin. Je souhaite au reste, que Dieu vous conserve la vie et la santé, pour reprendre quelque jour celui de Berlin, où vous trouverez toujours des esprits disposés à la recherche de la vérité de la manière que vous le proposez si bien à la fin de votre lettre.

живать, я не ревнива; вамъ бы никогда не пришлось видѣть меня сердитой, и я думаю, что мы были бы съ вами очень счастливы".

Вильгельмъ Оранскій обѣщалъ Софіи-Шарлоттѣ признать ея мужа королемъ отъ имени Англіи и Голландіи, а Максимиліанъ обѣщалъ послѣдовать примѣру морскихъ державъ, не дожидаясь признанія со стороны императора. Вскорѣ, впрочемъ, было получено и послѣднее. Прусскіе дипломаты долго хлопотали объ этомъ въ Вѣнѣ безъ всякаго успѣха; даже значительные подарки, которые они обѣщали императорскимъ министрамъ, не привели къ цѣли; наконецъ, прусскій повѣренный, введенный въ ошибку шифрованною депешей, которой онъ не разобралъ, обратился къ ходатайству іезуитскаго патера Вольфа, пользовавшагося большимъ расположеніемъ императора. Іезуиты, польщенные тѣмъ, что могущественный протестантскій государь заискиваетъ ихъ покровительства, помогли ему своимъ вліяніемъ, и Прусскій король былъ возведенъ въ королевскій санъ,—правда, цѣною тяжкихъ обязательствъ относительно Австріи, готовившейся вступить въ борьбу съ Франціей за Испанское наслѣдство.

Фридрихъ едва дождался своего признанія со стороны императора, какъ уже началъ дѣлать самыя громадныя приготовленія для своей коронаціи въ Кёнигсбергѣ. Софія-Шарлотта, только-что возвратившаяся изъ своего путешествія, должна была собираться въ новый путь. Фридрихъ Великій разказываетъ, будто бы она сказала одной изъ своихъ дамъ, что она съ отчаяніемъ думаетъ о церемоніяхъ и празднествахъ, которыя ей предстоятъ. А Лейбницу будто бы она написала въ это время: „Не думайте, чтобъ я предпочитала это величіе и эти короны, которымъ здѣсь придаютъ такое значеніе, прелести нашихъ философскихъ бесѣдъ въ Люценбургѣ". Торжество коронаціи превосходило все, что когда-либо было видано при этомъ помѣшанномъ на церемоніяхъ дворѣ. Фридрихъ отправился въ Кёнигсбергъ съ такой громадной свитой, что она походила на цѣлую армію и что для перевозки ея на каждой станціи требовалось до 30.000 лошадей. Онъ продолжалъ путь только утромъ, и въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, его ждалъ самый великолѣпный пріемъ. Каретой, въ которой сидѣла Софія-Шарлотта, правилъ одинъ изъ братьевъ ея мужа въ парикѣ и придворномъ костюмѣ. Путешествіе изъ Берлина до Кёнигсберга продолжалось 12 дней. Въ день коронаціи костюмы короля и королевы обратили всеобщее вниманіе безумной роскошью своей и цѣнностью каменьевъ и украшеній. Коронація происходила по церемоніалу, опредѣленному въ мельчайшихъ

подробностяхъ самимъ королемъ. Только одинъ неожиданный эпизодъ нарушилъ его торжественность. Софія-Шарлотта, сидѣвшая на престолѣ противъ своего супруга и утомленная продолжительностью церемоніи, вынула свою табакерку, подаренную ей Петромъ Великимъ, и понюхала табаку, полагая, что король этого не замѣтитъ. Но Фридрихъ все замѣтилъ и былъ глубоко возмущенъ этимъ неуваженіемъ къ торжеству; онъ бросалъ на королеву недовольные взгляды и даже послалъ къ ней камергера, чтобы напомнить ей о мѣстѣ, гдѣ она находится, и о ея высокомъ санѣ.

Празднества и увеселенія, слѣдовавшія за коронаціей, продолжались болѣе двухъ мѣсяцевъ и потомъ возобновились въ Берлинѣ. Пока тамъ приготовляли все для торжественнаго въѣзда, Софія-Шарлотта отдыхала нѣсколько дней въ Люценбургѣ и тотчасъ вспомнила о Лейбницѣ. Она поручила Яблонскому пригласить его въ Берлинъ отъ ея имени. А Пёльницъ, приглашая его отъ имени королевы, писала ему, что ихъ уединеніе не слишкомъ скучно, и приводила по этому поводу нѣмецкую поговорку: когда кота нѣтъ дома, мыши прыгаютъ по столамъ и скамьямъ.

Хотя Лейбницъ не присутствовалъ на коронаціи, онъ однако также принесъ свою лепту къ торжеству. Принятіе Бранденбургскимъ курфирстомъ королевскаго титула вызвало въ Германіи множество сочиненій, въ которыхъ оно обсуждалось съ политической и юридической точки зрѣнія. Въ Ганноверѣ въ это время издавался ежемѣсячный критическій журналъ, въ которомъ помѣщались извлеченія и рецензіи всѣхъ вновь выходящихъ сочиненій. Журналъ издавался подъ редакціей Эккарда, помощника Лейбница, но какъ доказалъ Гурауеръ, не только планъ изданія, но и бо́льшая часть рецензій принадлежали Лейбницу. Въ этомъ *Ежемѣсячномъ Изданіи* были помѣщены также отзывы о сочиненіяхъ, вышедшихъ по поводу коронаціи Прусскаго короля. Лейбницъ собралъ всѣ эти отзывы и извлеченія и издалъ ихъ особо подъ заглавіемъ: „Извлеченіе изъ разныхъ, относящихся къ Прусской коронѣ сочиненій“. Онъ предпослалъ своему изданію предисловіе, въ которомъ привѣтствуетъ новое королевство и пророчитъ ему великую славу.

„Созданіе новаго Прусскаго королевства, пишетъ онъ, есть одно изъ величайшихъ событій нашего времени; вліяніе его не будетъ ограничиваться немногими годами, но будетъ столько же продолжительно, сколько благодѣтельно. Это событіе составляетъ украшеніе новаго вѣка, который начался съ возвышенія Бранденбургскаго дома и по-

средствомъ этого блестящаго начала далъ ему такъ-сказать залогъ прочнаго счастія". Въ числѣ статей, составляющихъ сборникъ, мы встрѣчаемъ небольшую оригинальную статейку Лейбница: „О томъ, что̀ необходимо для короля по теперешнему международному праву". Пріемы автора напоминаютъ его большое сочиненіе о международномъ правѣ, о которомъ мы говорили въ IV главѣ [1]). Лейбницъ доказываетъ, что для королевскаго титула необходимы два условія: независимость и могущество. И то и другое нужно признать за Пруссіей; послѣднее положеніе Лейбницъ доказываетъ цифрами и статистическими указаніями. Наконецъ, онъ напоминаетъ о важномъ значеніи, которое новое королевство будетъ имѣть для европейскаго равновѣсія. „Протестанты, говоритъ онъ, должны сознавать, что для нихъ не маловажно возникновеніе четвертаго протестантскаго королевства, которое можетъ теперь оказать имъ болѣе значительную поддержку. А католики, которые принимаютъ къ сердцу благосостояніе Европы, увидятъ съ удовольствіемъ, что вслѣдствіе этого новый король соединяется съ императоромъ болѣе крѣпкою связью".

Въ концѣ сборника помѣщено ученое изслѣдованіе Лейбница въ честь новаго короля: «De Nummis Gratiani Augusti cum gloria novi seculi». Черезъ нѣсколько времени Лейбницъ написалъ еще два сочиненія въ защиту правъ Прусскаго короля по поводу спора объ Оранскомъ наслѣдствѣ. По смерти Вильгельма III, Фридрихъ Прусскій, какъ сынъ принцессы Луизы-Генріетты Оранской, сестры Вильгельма II, былъ ближайшимъ наслѣдникомъ его владѣній, лежавшихъ во Франціи, Швейцаріи и Германіи, такъ какъ эти владѣнія по завѣщанію могли перейдти къ женской линіи. Но кромѣ Фридриха явились и другіе претенденты, особенно на княжество Оранжъ въ южной Франціи. Этихъ-то споровъ касается сочиненіе: «Information sommaire touchant le droit incontestable de Sa M. le Roi de Prusse etc.», которое, впрочемъ, не совсѣмъ достовѣрно принадлежитъ Лейбницу. Въ числѣ Оранскихъ владѣній были также княжества Невшатель и Валанженъ въ Швейцаріи. Земство этихъ княжествъ высказалось въ пользу правъ Прусскаго короля, который и занялъ ихъ въ 1707 году, не смотря на протестъ дома Конти, притязанія котораго отстаивалъ Людовикъ XIV въ обширномъ сочиненіи: «Traité sommaire du droit de Frédéric, Roi de Prusse, à la Souveraineté de N. et de V.». Лейбницъ доказывалъ съ большою основательностью и въ изящномъ изложеніи права Прусскаго

[1]) Leibnitz's Deutsche Schriften v. Guhrauer. II Band, p. 303.

короля. Оно издано, какъ и другія политическія сочиненія Лейбница, анонимно и при появленіи своемъ обратило на себя всеобщее вниманіе.

Хотя Лейбницу на этотъ разъ не удалось быть свидѣтелемъ торжества коронаціи, но онъ имѣлъ нерѣдко случай испытать на себѣ тягости Берлинской придворной жизни съ ея безконечными празднествами и увеселеніями. Въ одномъ письмѣ къ Ганноверской курфирстинѣ Софіи онъ сообщаетъ ей, что наканунѣ онъ только въ 3 часа возвратился изъ Люценбурга и прибавляетъ: „Я веду здѣсь жизнь, которую курфирстина (Софія-Шарлотта) называетъ по моему выраженію безтолковою жизнью (ein liederlich Leben). Я совсѣмъ выбился изъ колеи и нахожусь совершенно внѣ моей стихіи (me voilà donc bien dérangé et bienhors de mon élément)“.

Иногда онъ подробно описывалъ Берлинскія празднества и маскарады для Ганноверской курфирстины, которая интересовалась всѣмъ, что̀ касалось ея дочери. До насъ дошло его описаніе знаменитаго маскарада, который Софія-Шарлотта устроила у себя въ Люценбургѣ и въ которомъ самъ Лейбницъ долженъ былъ играть роль. Это описаніе такъ понравилось Софіи, что она послала его въ Парижъ къ своей племянницѣ, принцессѣ Орлеанской[1]). Мы приведемъ его въ примѣчаніи, потому что оно даетъ хорошее понятіе о придворныхъ нравахъ того времени и можетъ служить дополненіемъ къ подобному празднеству въ Ганноверѣ — пиру Трималхіона, который мы описывали въ V главѣ[2]).

---

[1]) Лейбницъ былъ и самъ въ перепискѣ съ герцогиней Орлеанской, но эти письма еще не изданы. Герцогиня намекаетъ о нихъ въ письмѣ къ своей сестрѣ Луизѣ, такъ-называемой раугрaфинѣ: Herr Leibniz, dem ich etlich Mahl schreibe, giebt mir die vanitet, dass ich nicht uebel teutsch schreibe, das tröst mich recht, den ich würde recht betrübt sein, wen ich es vergessen sollte. Можетъ-быть, письма герцогини къ нему находятся въ новомъ изданіи ея писемъ, которое только что вышло въ Германіи.

[2]) «Хотя я думаю, что курфирстина сама опишетъ для вашей свѣтлости комическій маскарадъ, или деревенскую ярмарку, которую представляли вчера въ Люценбургскомъ театрѣ, но я также хочу сказать о немъ что-нибудь. Распорядителемъ всего былъ Остенъ, который пользовался расположеніемъ покойнаго Датскаго короля. Все было устроено на̀-скоро, чтобы праздновать 12-го сего числа рожденіе курфирста, хотя 11-е, то-есть, прошлое воскресеніе, настоящій день рожденія. На сценѣ была представлена ярмарка въ деревнѣ или въ маленькомъ городкѣ, гдѣ находились лавки съ вывѣсками, и въ нихъ продавали за безцѣнокъ ветчину, сосиски, бычачьи языки, вина и лимонадъ, чай, кофе, шоколадъ, и подобные припасы. Сидѣльцами въ лавкахъ были маркграфъ Людвигъ

Эта веселая жизнь въ Берлинѣ была скоро прервана самымъ печальнымъ событіемъ. Зимою 1705 года Софія-Шарлотта была приглашена матерью въ Ганноверъ на карнавалъ. Еще въ день отъѣзда королева чувствовала себя нездоровой, но не хотѣла объ этомъ г-

---

Христіанъ, Обдамъ, дю-Гамель и другіе. Остенъ, представлявшій доктора-шарлатана, былъ окруженъ арлекинами и паяцами, между которыми пріятно выдавался маркграфъ Альбертъ. У доктора были также свои гимнасты; если не ошибаюсь, то были графъ Сольмсъ и де-Вассенаръ. Но милѣе всѣхъ былъ его ученикъ, свѣтлѣйшій кронпринцъ, который дѣйствительно научился фокусамъ. Курфирстина была докторшей, которая держала лавочку съ орвіетаномъ (*Орвіетанъ* — цѣлебное средство, считающееся дѣйствительнымъ противъ всѣхъ болѣзней. Оно было извѣстно у Римлянъ подъ названіемъ *терьякъ*, а позднѣйшее названіе *Орвіетанъ* происходитъ отъ города Орвіето, гдѣ оно приготовлялось. Императоръ Маркъ Аврелій всегда носилъ при себѣ это средство, какъ преданіе). Дезалёръ очень хорошо исполнялъ роль зубнаго врача. Представленіе началось торжественнымъ шествіемъ доктора, сидѣвшаго на чемъ-то въ родѣ слона, а докторшу несли на носилкахъ Турки. Фокусникъ, шуты, гимнасты и зубной врачъ слѣдовали за ними, а когда вся свита доктора прошла, начался маленькій балетъ цыганокъ. Изъ придворныхъ дамъ, предводительницей которыхъ была принцесса Гогенцоллернская, къ танцующимъ присоединилось еще нѣсколько лицъ. Потомъ явился астрологъ съ трубкою для телескопомъ въ рукѣ. Эта роль была назначена мнѣ, но графъ Витгенштейнъ милостиво замѣнилъ меня. Онъ дѣлалъ благопріятныя предсказанія его свѣтлости курфирсту, который смотрѣлъ изъ ближайшей ложи. Принцесса Гогенцоллернская, старшая цыганка, стала гадать курфирстинѣ самымъ пріятнымъ образомъ въ очень милыхъ нѣмецкихъ стихахъ, написанныхъ Беккеромъ. Квиринги былъ лакеемъ докторши, а я помѣстился удобно, чтобы видѣть все вблизи съ помощью маленькой трубки, и потомъ сообщить обо всемъ вашей свѣтлости.

«У фрейлины принцессы Гогенцоллернской болѣли зубы, и зубодергъ, сдѣлавъ свое дѣло съ помощью кузнечныхъ клещей, выдернулъ и показалъ зубъ въ руку толщиною: это былъ зубъ моржа. Докторъ, восхваляя подвиги своего зубодера, представилъ на судъ общества, какая нужна была ловкость, чтобы выдернуть такой зубъ безъ боли. Между больными, которые просили лѣкарствъ, были Альфельдъ и Флеммингъ, датскій и польскій посланники, и нашъ Ильгенъ, одѣтые крестьянами своей страны и каждый съ своей дамой (chacun ayant sa chacune). Супруга великаго маршала играла роль жены зубодерга и помогала ему раскладывать лѣкарства и инструменты; такъ дѣлали и другіе. Многіе съ большимъ искусствомъ придумывали разныя привѣтствія въ честь курфирста и курфирстины. Обдамъ по-фламандски, Флеммингъ какъ истый Померанинъ, потому что онъ кончилъ такъ: Vivat Friedrich und Charlott!

Wer's nicht recht meint, ist ein Hundsfott.

«Впрочемъ, все это походило на Вавилонское столпотвореніе, потому что всякій говорилъ на своемъ языкѣ; и Обдамъ, чтобы сдѣлать удовольствіе докторшѣ, пропѣлъ пѣсню изъ «Любовь лучшій докторъ», которая оканчивается восхваленіемъ орвіетана и его силы, и конечно, тотъ орвіетанъ, который про-

ворить, чтобы не дать королю повода запретить поѣздку. Отъ дороги болѣзнь въ горлѣ усилилась. Но и по пріѣздѣ въ Ганноверъ Софія-Шарлотта не хотѣла лѣчиться и появлялась на празднествахъ, которыя были устроены въ ея честь.

Черезъ нѣсколько дней къ боли въ горлѣ присоединилось воспаленіе, и королева опасно занемогла. Медицинскія средства, къ которымъ прибѣгли, оказались теперь недостаточными, и больная поняла, что нѣтъ надежды на спасеніе. Послѣднія минуты жизни Софіи-Шарлотты, спокойствіе, съ которымъ эта ученица Лейбница встрѣтила смерть, представляютъ самый высокій интересъ и бросаютъ болѣе яркій свѣтъ на ея характеръ и на ея убѣжденія, чѣмъ многія подробности о ея жизни. Она употребила послѣднія силы, для того чтобы написать супругу письмо, въ которомъ благодарила его за оказанную ей любовь, и чтобы проститься съ приближенными. Мать ея Софія въ это время сама лежала больная. Вошедшаго къ ней пастора она привѣтствовала словами: „Друзей своихъ узнаешь въ нуждѣ“. Когда онъ слишкомъ сталъ распространяться о тщеславіи мірскомъ, о суетѣ всякаго величія, короны и власти, Софія-Шарлотта съ улыбкою взглянула на любимую статсъ-даму фонъ-Бюловъ, которая находилась при ней, и та замѣтила пастору, что королева въ этомъ не грѣшна. Она отвѣчала утвердительно на его вопросъ: вѣритъ ли она во Христа и надѣется ли на Бога? Когда онъ продолжалъ ее утѣшать, она прервала его словами: „Я двадцать лѣтъ серіозно изучала религію и внимательно читала относящіяся къ ней книги; у меня не остается сомнѣнія. Вы не можете мнѣ ничего сказать, что мнѣ было бы неизвѣстно, и я могу васъ увѣрить, что я умираю

вала докторша, не могъ не быть дѣйствительнымъ. Подъ конецъ явилась помѣха веселію (trouble fête) въ лицѣ Рейзевица, саксонскаго посла въ Польшѣ, который игралъ роль настоящаго мѣстнаго доктора или штадтъ-физикуса, нападавшаго на шарлатана. Между ними поднялся довольно забавный споръ. Шарлатанъ вынималъ свои дипломы, пергаменты, привилегіи и аттестаты императоровъ, королей и принцевъ, штадтъ-физикусъ поднималъ ихъ на смѣхъ и показывалъ великолѣпныя золотыя медали, на шеѣ у себя и у своей жены, прибавляя, что онъ пріобрѣлъ ихъ своею ловкостью и что онѣ гораздо дѣйствительнѣе доказывали его искусство, чѣмъ Богъ знаетъ откуда набранные дипломы.

«Наконецъ, его свѣтлость курфирстъ самъ сошелъ внизъ изъ ложи, одѣтый голландскимъ матросомъ, и покупалъ кое-что въ разныхъ лавкахъ ярмарки. Во все время игралъ оркестръ музыки, и всѣ присутствовавшіе, — а допускались туда только придворныя и знатныя особы, — сознались, что большая опера, которая стоила бы тысячу талеровъ, доставила бы гораздо меньше удовольствія какъ актерамъ, такъ и зрителямъ».

спокойно". Врачъ напомнилъ ей, что разговоромъ она усиливаетъ болѣзнь; тогда Софія-Шарлотта сказала пастору: „Прощайте же; Д... стокъ меня бранитъ, онъ не хочетъ, чтобъ я говорила. Я умираю вашимъ другомъ". Она нѣсколько разъ выражала надежду, что ея душа въ мирѣ съ Господомъ. Нѣсколько часовъ она молчала, потомъ обратилась къ Пёльницъ съ словами: „Сколько ненужныхъ церемоній придумаютъ для этого тѣла"; а когда одна изъ фрейлинъ расплакалась, она спросила ее: „О чемъ вы плачете? развѣ вы думали, что я безсмертна?" Она утѣшала также своего младшаго брата, который былъ въ отчаяніи. „Смерть меня не пугаетъ, говорила она ему: уже слишкомъ давно я привыкла ее считать неизбѣжной". По другимъ ... сказала: „Нѣтъ ничего естественнѣе смерти, и хотя по моимъ лѣтамъ я могла бы надѣяться прожить еще нѣсколько времени, я однако ... огорчена тѣмъ, что должна умереть". Она много говорила ... съ своими братьями и сказала также старшему своему брату, курфирсту: „Я умираю счастливо и спокойно". Передъ самою смертью она благословила всѣхъ окружавшихъ ее и потомъ протянула руку своему брату. „Прощай, милый братъ, я задыхаюсь". Черезъ нѣсколько секундъ ея не стало.

О смерти Софіи-Шарлотты сохранилось нѣсколько разказовъ, сходныхъ въ сущности, но различныхъ въ подробностяхъ. Каждый изъ разказчиковъ, смотря по своимъ убѣжденіямъ, обращалъ вниманіе на то, чему онъ больше сочувствовалъ. Одни болѣе выставляютъ на видъ религіозный характеръ кончины Софіи-Шарлотты, другіе — ея философскій характеръ. Къ послѣднимъ принадлежитъ знаменитый внукъ ея, Фридрихъ Великій. „У нея, говоритъ онъ, была сильная душа. Религія ея была чиста, нравъ ея кротокъ, умъ ея развитъ чтеніемъ всѣхъ хорошихъ французскихъ и итальянскихъ книгъ. Она умерла въ Ганноверѣ среди своей семьи. Къ ней хотѣли ввести реформатскаго пастора. Она сказала ему: „дайте мнѣ умереть безъ всякаго спора". Одна изъ ея фрейлинъ, которую она очень любила, заливалась слезами. „Не жалѣйте обо мнѣ, сказала она ей, я теперь скоро удовлетворю мою любознательность о причинахъ вещей, которыя Лейбницъ „мнѣ никогда не могъ объяснить, о пространствѣ, о безконечности, „бытіи и небытіи, а королю моему супругу я доставлю зрѣлище похоронъ, которыя дадутъ ему новую возможность выказать свое великолѣпіе". Умирая, она поручила курфирсту своему брату ученыхъ, которымъ она покровительствовала".

Неожиданное извѣстіе о смерти королевы, умершей на 37-мъ году

жизни, поразило и глубоко огорчило всѣхъ. Король упалъ въ обморокъ и долго горевалъ; ея прощальное письмо глубоко растрогало его. Но предсказанія Софіи-Шарлотты сбылись: онъ тотчасъ дѣятельно принялся устроивать самыя великолѣпныя похороны. Тѣло королевы было перевезено въ Берлинъ со всевозможною торжественностью; въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ его встрѣчали съ подобающимъ церемоніаломъ. Въ Берлинѣ она стояла въ часовнѣ 5 мѣсяцевъ, потому что приготовленія къ похоронамъ потребовали такого продолжительнаго срока. Самыя похороны удивили всѣхъ роскошью и громадностью издержекъ. Одинъ катафалкъ въ церкви стоилъ 80.000 тал. Все это по обычаю времени было изображено и описано въ великолѣпномъ изданіи.

Изъ лицъ, окружавшихъ Софію-Шарлотту, всѣхъ болѣе утратилъ Лейбницъ. Онъ потерялъ въ ней не только друга, но и покровительницу самыхъ задушевныхъ плановъ. Онъ въ это время оставался въ Берлинѣ и за нѣсколько дней до ея смерти благодарилъ ее за то, что она выхлопотала ему у короля подарокъ въ 1.000 талеровъ, за его попеченія объ академіи. Онъ уже зналъ, что она больна, но надѣялся, „что мольбы народа будутъ сильнѣе, чѣмъ ея болѣзнь“. Какъ близокъ онъ былъ ей, видно изъ того, что курфирстина Софія тотчасъ ему дала знать, чтобъ онъ никому не показывалъ ея писемъ къ покойной дочери, которыя послѣдняя передъ отъѣздомъ, вѣроятно, отдала ему на сохраненіе. Его близость къ покойной королевѣ была до того всѣмъ извѣстна, что даже иностранные послы въ Берлинѣ пріѣзжали къ нему, чтобы выразить свое соболѣзнованіе по поводу ея смерти.

Самъ Лейбницъ до такой степени былъ пораженъ смертью Софіи-Шарлотты, что едва не заболѣлъ опасно. Изъ всѣхъ его писемъ видно, какъ глубоко онъ былъ разстроенъ. Въ день извѣстія о смерти Софіи-Шарлотты, онъ писалъ къ Гарицу; „В. Пр. можете судить, какъ меня поразила грустная и роковая вѣсть о смерти королевы. Всѣ признаютъ, что изъ частныхъ лицъ я больше всѣхъ теряю съ ея смертью, и всѣ мнѣ это высказываютъ, даже иностранные министры. Впрочемъ, меня огорчаетъ не столько вліяніе, которое это несчастіе можетъ имѣть на мои интересы, сколько потеря принцессы до того совершенной, что ни съ чѣмъ нельзя было сравнить удовольствіе ее видѣть. Король прислалъ мнѣ вчера подарокъ въ тысячу талеровъ. Но если бы подарокъ былъ вдесятеро больше, онъ не уменьшилъ бы чувства великаго несчастія, о которомъ мы узнали сегодня утромъ. Я колеблюсь, хорошо ли, что меня не было въ Ганноверѣ во время этого печальнаго

происшествія. Еслибъ я тамъ былъ, я, можетъ-быть, посовѣтовалъ бы что-нибудь; но своимъ отсутствіемъ я избѣгнулъ того, что могло сильнѣйшимъ образомъ взволновать меня и оставить во мнѣ живѣйшія и неизгладимыя впечатлѣнія. Несравненныя качества королевы оставляютъ по себѣ слишкомъ глубокіе слѣды; солнце въ полуденномъ блескѣ могло производить только самое пріятное впечатлѣніе, тогда какъ его захожденіе наполнило бы мою душу мрачной и продолжительной тоской. Не слѣдуетъ думать, если возможно, только о томъ, какъ прославлять ея память и отдать справедливость одному изъ самыхъ совершеннѣйшихъ лицъ на землѣ. Я не осмѣливаюсь писать къ курфирстинѣ, не зная расположенія ея духа. Я не сомнѣваюсь, что вы въ числѣ тѣхъ, которые съ наибольшимъ участіемъ принимаютъ всѣ мѣры, чтобъ уменьшить чувство ея великаго горя, и я предоставляю вамъ, если вы найдете это умѣстнымъ, заявить курфирстинѣ о моемъ усердіи". О томъ же писалъ онъ къ общему другу Пёлльницу: „Я сужу о вашихъ чувствахъ по своимъ; я не плачу, не жалуюсь, но я не знаю, что со мною. Потеря королевы кажется мнѣ сномъ, но исходя изъ моего усыпленія, я слишкомъ хорошо чувствую ея дѣйствительность. Ваше несчастіе не превосходитъ моего, исключая развѣ, что вы чувствуете живѣе и что вы были вблизи, когда насъ поразило общее несчастіе. Это ободряетъ меня писать вамъ, и просить васъ, если возможно, умѣрить ваше горе, чтобъ оно вамъ не повредило. Не мрачною грустью слѣдуетъ чтить память одной изъ лучшихъ принцессъ на землѣ, но прославленіемъ ея, и благоразумные люди будутъ согласны съ нами. Мое письмо относится болѣе философски къ горю, чѣмъ мое сердце, и я не въ состояніи слѣдовать точно собственнымъ совѣтамъ, — но они отъ этого не менѣе благоразумны".

„Вашъ Лейбницъ".

P. S. „Король безутѣшенъ, весь городъ въ какомъ-то ужасѣ".

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти королевы, Лейбницъ пишетъ объ ней Уоттону, доктору богословія въ Кембриджскомъ университетѣ: „Ужасное горе (perturbatio ingens), вызванное смертью королевы Прусской, было причиной, почему я въ нынѣшнемъ году прервалъ обычную переписку съ вами и другими друзьями. Эта королева была ко мнѣ расположена больше, чѣмъ я могъ желать и надѣяться (ultra spem votaque), и требовала, чтобъ я часто бывалъ съ нею. Я не знаю никого умнѣе и образованнѣе ея (humanior). Привыкнувъ къ этому счастію, я по личной причинѣ глубже почувствовалъ обще

горе. Когда она умерла въ Ганноверѣ, я находился въ Берлинѣ; потому что мнѣ нельзя было тотчасъ за нею послѣдовать; никто не ожидалъ такой печальной вѣсти, а тѣмъ больше мы были поражены. Я былъ близокъ къ опасной болѣзни и съ трудомъ поправился. Королева имѣла удивительныя свѣдѣнія въ предметахъ не обыденныхъ и жажду познанія; она часто бесѣдовала со мной, чтобъ удовлетворить своей любознательности, и эта любознательность ея принесла бы когда-нибудь обществу важную пользу, если бы не вмѣшалась смерть" [1]).

Кончина Софіи-Шарлотты подала поводъ къ различнымъ толкамъ о ея религіозности. Говорятъ, будто бы ея сынъ сказалъ однажды о ней: „Моя мать была безъ сомнѣнія умная женщина, но плохая христіанка" (böse Christin). Но король Фридрихъ-Вильгельмъ былъ менѣе всѣхъ способенъ оцѣнить свою мать. Гораздо лучше понималъ ее епископъ Урсинусъ, который въ своей надгробной рѣчи сказалъ, что по мнѣнію королевы, „религію лучше всего не разоблачать, подобно древнимъ язычникамъ, которые изображали ее на своихъ монетахъ покрытою покрываломъ".

Королева никогда не выказывала пренебреженія ко внѣшнему богослуженію; она не пропускала проповѣди и очень любила хорошихъ проповѣдниковъ; а каковы были ея внутреннія убѣжденія, можно видѣть изъ приведеннаго выше разказа. Лучше всѣхъ могъ о ней судить Лейбницъ. Въ одномъ письмѣ къ своей ученицѣ, принцессѣ Каролинѣ, вышедшей въ послѣдствіи за Георга II, которая до нѣкоторой степени могла замѣнить ему умершаго друга, Лейбницъ говоритъ объ истинномъ благочестіи и прибавляетъ, что Софія-Шарлотта умерла спокойно, въ сознаніи этого благочестія.

Между тѣмъ, смерть Прусской королевы значительно измѣнила положеніе Лейбница въ Берлинѣ и остановила развитіе новой академіи. Фридрихъ съ большимъ торжествомъ отпраздновалъ основаніе академіи, но онъ не думалъ сокращать расходовъ своего двора въ пользу новаго учрежденія. Кромѣ того война за Испанское наслѣдство совершенно истощила королевскую казну. Постройка обсерваторіи подвигалась медленно, и хотя 80 членскихъ дипломовъ было разослано лучшимъ нѣмецкимъ и иностраннымъ ученымъ во Франціи, Англіи и Италіи, но въ Берлинѣ до 1710 года не было отведено особаго зданія для собраній академиковъ. Можно сказать, что академія въ первое время состояла только изъ 3 членовъ: президента Лейбница, се-

[1]) Leibn. Epistolae ad diversos ed. Kortholt. 1734.

кретаря Яблонскаго и астронома Кирха, который былъ приглашенъ въ Берлинъ по настоянію Лейбница для астрономическихъ наблюденій и завѣдыванія академическимъ календаремъ. Лейбницъ исчерпывалъ всю свою изобрѣтательность, чтобы достать денегъ и обезпечить существованіе академіи. Онъ предлагалъ лоттереи, составилъ планъ популярнаго календаря въ пользу академіи, предлагалъ различныя монополіи относительно книжной торговли и педагогическаго дѣла. Академія должна была сдѣлаться высшимъ цензурнымъ комитетомъ въ странѣ и взимать налогъ со всѣхъ плохихъ книгъ „для того, чтобы препятствовать распространенію дурныхъ сочиненій и содѣйствовать хорошимъ и полезнымъ, чтобы дать направленіе книжной торговлѣ и оказать помощь ученымъ и опытнымъ людямъ, желающимъ предпринять что-нибудь полезное". Онъ вздумалъ, между прочимъ, ввести въ Пруссіи въ пользу академіи шелковый промыселъ и взялъ привилегію на разведеніе шелковичныхъ червей и туговыхъ деревьевъ. Онъ самъ на свой счетъ производилъ опыты разведенія ихъ въ Ганноверѣ и много истратилъ на это денегъ. „Но такъ какъ,— разказываетъ его секретарь Эккардъ,—Лейбницъ не имѣлъ времени самъ слѣдить за всѣмъ и довѣрился неспособнымъ людямъ, то онъ получилъ больше убытку, чѣмъ прибыли. Не смотря на это, онъ со свойственнымъ ему постоянствомъ въ трудныхъ дѣлахъ не покидалъ начатаго дѣла".

Лейбницъ думалъ распространить по всей Германіи производство шелка и выхлопоталъ себѣ также привилегію въ Саксоніи. Но его попытки остались неудачны. Его планы были возобновлены Фридрихомъ Великомъ, который издалъ указъ о разведеніи шелковичныхъ червей въ казенныхъ имѣніяхъ.

Въ 1710 г. вышелъ первый томъ Записокъ Берлинской Академіи подъ заглавіемъ: Miscellanea Berolinensia ad incrementum scientiarum. Онъ заключалъ въ себѣ статьи Лейбница по всѣмъ отраслямъ науки, по исторіи, древностямъ, этимологіи, физикѣ и математикѣ. Статьи по богословію и праву исключались уставомъ академіи. Въ томъ же году послѣдовало ея подраздѣленіе на 4 отдѣленія, и отстроилась обсерваторія. Въ это время академія была подчинена надзору министра фонъ-Принцена. Послѣднія перемѣны были сдѣланы безъ вѣдома ея президента Лейбница, котораго такое пренебреженіе очень оскорбило. Еще прежде Лейбницу не разъ приходилось высказывать свое неудовольствіе на равнодушіе Берлинскаго двора къ наукѣ. Въ 1709 г. онъ писалъ члену академіи Ансильйону: „Упрекъ, что король вамъ пла-

жить не для того (le roi ne vous paye point), чтобы сочинять книги, меня не удивляетъ. На науку обыкновенно смотрятъ какъ на дѣло, которое исполняется только изъ-за вознагражденія, какъ на лѣстницу, которую отталкиваютъ, когда не нужно болѣе по ней подниматься".

Въ 1711 г. Лейбницъ пріѣзжалъ въ Берлинъ въ послѣдній разъ; его приняли довольно холодно и недовѣрчиво. Причина заключалась, между прочимъ, въ томъ, что въ это время между Ганноверомъ и Пруссіей произошло столкновеніе по поводу Гильдесгеймскаго епископства. На бѣду случилось, что Лейбницъ повредилъ себѣ ногу и долженъ былъ долго лѣчиться. Въ Берлинѣ полагали, что его болѣзнь — притворство и предлогъ, чтобы тамъ оставаться. Лейбницъ писалъ Софіи, что его навѣщалъ лейбъ-медикъ короля и просилъ позволенія осмотрѣть ногу, „очевидно, для того чтобы доложить объ этомъ двору". Съ другой стороны курфирстъ Ганноверскій былъ также недоволенъ его продолжительной отлучкой. „Онъ только смѣялся надъ вашимъ оправданіемъ, писала Софія Лейбницу, и сказалъ, что не ноги ваши нужны, а голова".

Вступленіе на прусскій престолъ Фридриха Вильгельма въ 1713 г. имѣло еще худшее вліяніе на судьбу академіи и на положеніе Лейбница въ Берлинѣ. Какъ извѣстно, сынъ „философской королевы" хотѣлъ совершенно уничтожить академію, и ее спасло только замѣчаніе, что безъ нея нельзя будетъ достать хирурговъ для арміи. Въ послѣднее время Лейбницъ потерялъ всякое вліяніе на академію; ему даже перестали выплачивать жалованье, которое было ему назначено какъ президенту.

Еще до своего разочарованія въ Берлинской академіи, Лейбницъ сталъ хлопотать объ учрежденіи подобныхъ академій въ другихъ городахъ: въ Дрезденѣ, въ Вѣнѣ, въ Петербургѣ. Любимый планъ его собственно заключался въ томъ, чтобы составить общество, въ которомъ могли бы принять участіе всѣ ученые Германіи, а если можно, то и всего образованнаго міра. Берлинская академія была только частнымъ осуществленіемъ его плана. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, онъ считалъ необходимымъ основать какъ можно болѣе другихъ академій въ разныхъ мѣстностяхъ.

Лейбницъ обратилъ свое вниманіе на Востокъ. Тамъ въ это время происходила ожесточенная борьба за преобладаніе между тремя государствами. Одно изъ нихъ, вслѣдствіе внутренней, неизлѣчимой порчи своихъ политическихъ учрежденій, хотя незамѣтно, но быстро клонилось къ разрушенію; другое, достигнувшее, — благодаря генію и благо-

родному энтузіазму одного изъ своихъ королей и воинственности націи, — высокаго значенія въ Европѣ, должно было уступить свое и стояло теперь на краю своего могущества; третье государство, юнѣйшее и сильнѣйшее въ борьбѣ съ матеріальными условіями и варварскими народами, достигало теперь зрѣлости и требовало своей доли въ общей цивилизаціи. Еще большій контрастъ, чѣмъ эти три государства, представляютъ личности трехъ государей, въ рукахъ которыхъ въ то время была ихъ судьба: то были Августъ Польскій, Карлъ XII и Петръ Великій.

Лейбницъ искалъ доступа ко всѣмъ тремъ; онъ желалъ знакомства съ ними для того, чтобы съ ихъ помощью содѣйствовать успѣхамъ науки и цивилизаціи. Пріемъ, который онъ нашелъ у нихъ, былъ чрезвычайно различенъ и хорошо характеризуетъ личность и стремленія трехъ соперниковъ.

Августъ[1] давно зналъ Лейбница и благоволилъ къ нему; послѣдній по своему происхожденію былъ его подданнымъ. Вскорѣ послѣ основанія Берлинской академіи, Лейбницъ сталъ хлопотать объ учрежденіи таковой же въ Дрезденѣ. Для этого онъ особенно пользовался посредничествомъ іезуита Воты, о которомъ мы уже говорили. Вота пріѣзжалъ въ Берлинъ и Ганноверъ, гдѣ былъ отлично принятъ и сдѣлался горячимъ поклонникомъ Софіи и ея дочери. Онъ имѣлъ большое вліяніе на Августа, и поэтому Ганноверскій дворъ пользовался его знакомствомъ съ Лейбницемъ для различныхъ дипломатическихъ сношеній. Черезъ Воту Лейбницъ представилъ Августу свой проектъ академіи. Онъ мало отличался отъ Берлинскаго; но для того, чтобы больше заинтересовать Августа, Лейбницъ обратилъ особенное вниманіе на пользу, которую могла бы ожидать отъ разработки математики и физики военная наука. Съ этою же цѣлью онъ подробно касается въ своемъ проектѣ реформы воспитанія, какъ нравственнаго, такъ и физическаго. Лейбницъ придавалъ воспитанію большое значеніе; реформой воспитанія, по его мнѣнію, обусловливалось усовершенствованіе человѣчества[2].

---

[1]) Мы подробно говорили объ Августѣ I Польскомъ въ нашемъ сочиненіи: «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году».

[2]) Emendatum iri humanum genus educatione juventutis in melius reformata. Лейбницъ относился съ большимъ интересомъ къ педагогическимъ планамъ Вейгеля и особенно Франке, который въ это время началъ свою полезную дѣятельность учрежденіемъ сиротскаго училища въ Галле. Еще прежде Лейбницъ написалъ, по просьбѣ Ла-Бодрьера, наставника у какого то принца, свой Projet de

Въ своемъ проектѣ академіи онъ касается педагогіи преимущественно по отношенію къ воспитанію молодаго Саксонскаго принца, сына Августова. Взглядъ Лейбница представляетъ интересный контрастъ съ планомъ, составленнымъ не задолго предъ тѣмъ во Франціи для воспитанія дофина. Французскій планъ, по замѣчанію Гурауера, былъ построенъ на строго-классическомъ основаніи; Лейбницъ считалъ необходимымъ внести въ воспитаніе реалистическій элементъ: онъ совѣтуетъ употреблять изображенія, различные модели и планы, устроить музеи по естественнымъ наукамъ и искусствамъ, для того чтобъ обогатить воображеніе опредѣленными представленіями.

Августъ, настоящая эпикурейская натура, уважалъ науку и особенно любилъ искусства. Онъ благосклонно принялъ предложеніе Лейбница и сталъ думать объ осуществленіи его плановъ. Въ 1703 году Лейбницъ отправилъ въ Польшу своего секретаря Эккарда, чтобъ одушевить, какъ разказываетъ самъ Эккардъ, короля къ учрежденію академіи наукъ въ Дрезденѣ и переговорить объ этомъ съ Ботой. Академія должна была вступить въ тѣсную связь съ Берлинскою. Король изъявилъ свое согласіе, но вслѣдствіе Польской войны планъ не состоялся.

Съ Карломъ XII Лейбницъ встрѣтился, когда тотъ былъ на вершинѣ славы и могущества. Побѣдивъ Данію и отразивъ нападеніе Россіи, Карлъ сломилъ могущество третьяго своего врага, Августа. Онъ изгналъ его изъ Польши, послѣдовалъ за нимъ въ Саксонію и тамъ заставилъ отказаться отъ польской короны и согласиться на миръ. Въ это время Карлъ XII былъ властелиномъ восточной Европы. Въ его рукахъ, казалось, находилась также судьба западной половины ея. Тамъ происходила борьба между Франціей и коалиціей державъ, оспаривавшихъ у нея испанское наслѣдство. Карлъ думалъ вмѣшаться въ эту борьбу, и его помощь могла бы склонить побѣду на ту или на другую сторону. Оттого въ лагерь Карла при Альтранштедтѣ спѣшили послы отъ всѣхъ державъ, чтобы поздравить побѣдителя и заискать его расположенія. Самъ Мальборо оставилъ свое войско и отправился къ Карлу; онъ сумѣлъ ему понравиться и удержать его отъ вмѣшательства въ пользу Франціи. Изъ Ганновера, политика котораго была уже тѣсно связана съ политикой Англіи, также было отправлено посольство въ Альтранштедтъ. Къ нему примкнулъ Лейбницъ, которому, какъ полагаетъ Гурауеръ, было дано порученіе содѣйство-

l'éducation d'un Prince, въ которомъ онъ подробно изложилъ свой взглядъ на воспитаніе молодыхъ государей. Этотъ проектъ онъ послалъ черезъ Боту королю Августу.

вать сближенію Карла съ Ганноверомъ и Пруссіей. Лейбницъ не засталъ Карла въ Алтранштедтѣ: Шведскій король выѣхалъ оттуда, чтобы произвести смотръ своимъ войскамъ. Лейбницъ ждалъ его цѣлую недѣлю; наконецъ, онъ пріѣхалъ, и Лейбницу была обѣщана аудіенція у Карла. Встрѣча между героемъ и философомъ была бы чрезвычайно интересна. Но Лейбницъ, взглянувъ на Карла, нашелъ, что ему не о чемъ съ нимъ говорить. Карлъ, воспитанный среди борьбы монархической власти съ надменной олигархіей, цѣнилъ только одно — власть, основанную на военной дисциплинѣ; онъ имѣлъ только одну цѣль—употребить всѣ средства, которыя ему давала его неограниченная власть, для достиженія высшей славы. Онъ былъ сдержанъ и суровъ, не любилъ придворныхъ фразъ и не имѣлъ никакого интереса къ планамъ, которыми воодушевлялся Лейбницъ. Послѣдній слѣдующимъ образомъ описываетъ свою встрѣчу съ Карломъ. „Я видѣлъ его за обѣдомъ; это продолжалось полчаса, но Е. В. не сказалъ ни слова за столомъ, и только одинъ разъ поднялъ глаза, когда молодой Виртембергскій принцъ началъ играть съ собакой; тотъ при взглядѣ короля тотчасъ прекратилъ свою забаву. Можно сказать, что выраженіе лица у короля очень хорошо; но онъ одѣвается и держится какъ «кавалеристъ» стараго времени. Такъ какъ я ждалъ его больше недѣли, то я не могъ дольше оставаться, хотя меня обнадеживали, что король дастъ мнѣ аудіенцію; дѣйствительно, молодой графъ Платенъ и Фабрицій имѣли потомъ аудіенцію, когда я уже собрался въ дорогу. Но что бы я ему сказалъ? Онъ не любилъ похвалъ даже заслуженныхъ; о дѣлахъ онъ не говорилъ. Но онъ очень хорошо говоритъ обо всемъ, что касается войны, какъ меня увѣрялъ фонъ-Шуленбургъ, бесѣдовавшій съ королемъ часа два. Графъ Флеммингъ также имѣлъ аудіенцію у него передъ пріѣздомъ въ Лейпцигъ и остался у него за обѣдомъ. Король продолжалъ разговоръ даже послѣ обѣда и выразилъ свое хорошее расположеніе духа тѣмъ, что сказалъ нѣсколько словъ для смѣха“.

Совсѣмъ иной пріемъ нашелъ Лейбницъ у Петра Великаго. Но мы принуждены не касаться здѣсь его личныхъ отношеній къ Русскому царю и проектовъ Лейбница для улучшенія финансовъ и развитія просвѣщенія въ Россіи [1]). Мы коснемся здѣсь этихъ отношеній, на

[1]) Вопросъ объ отношеніяхъ Лейбница къ Петру составитъ предметъ другаго нашего сочиненія, такъ какъ въ послѣднее время открытъ за границей новый матеріалъ для разъясненія дѣятельности Лейбница, касающейся Россіи, и пришлось бы отложить на долго окончаніе нынѣшняго нашего труда, если бы мы пожелали воспользоваться для него этимъ матеріаломъ.

сколько это нужно для объясненія политической дѣятельности Лейбница въ послѣдніе годы его жизни. Россія въ то время выступила изъ своего уединеннаго положенія и приняла участіе въ европейскихъ дѣлахъ. Съ этого момента вопросъ о европейскомъ равновѣсіи долженъ былъ совершенно измѣниться. Въ Европу вошла новая сила, и мало по малу въ ней должна была произойдти новая группировка интересовъ, должны были образоваться новыя основанія для политическаго равновѣсія. Лейбницъ, можетъ-быть, первый изъ политиковъ Запада понялъ значеніе новой силы, внесъ ее въ свои политическія соображенія и началъ возлагать на Россію свои надежды для возстановленія равновѣсія и успокоенія Европы.

Хотя Лейбницъ не игралъ офиціальной роли въ европейской дипломатіи, никто однако же не принималъ такого искренняго и дѣятельнаго участія въ политическихъ вопросахъ, какъ онъ. Такъ какъ онъ имѣлъ обширныя связи во многихъ странахъ и былъ близокъ къ многимъ государямъ и членамъ царствующихъ домовъ, то его планы и совѣты не были лишены значенія, и никогда, можетъ-быть, частный человѣкъ не имѣлъ такого политическаго вліянія въ Европѣ, какъ Лейбницъ. Онъ постоянно рвался изъ своей тѣсной сферы въ Ганноверѣ, гдѣ долженъ былъ сталкиваться съ интересами мелкаго государства, на болѣе широкое поприще. Не только его космополитизмъ, то-есть, его желаніе упрочить въ Европѣ въ интересахъ цивилизаціи равновѣсіе и миръ, но и его патріотизмъ тянули его въ Вѣну, ко двору императора.

Хотя нѣмецкіе національные историки не безъ основанія обвиняютъ Габсбургскихъ императоровъ въ томъ, что они предпочитали свои династическіе интересы выгодамъ Германіи, но нужно согласиться, что въ общемъ итогѣ никто изъ нѣмецкихъ князей не оказалъ Германіи такихъ важныхъ услугъ, какъ Габсбурги, въ эпоху преобладанія Франціи. Хотя политика императоровъ и въ то время, конечно, была династическая, а не германская, но политическое преданіе всегда имѣло такую силу въ Австріи, а охраненіе Германіи отъ притязаній Франціи до такой степени входило въ габсбургскіе интересы, что Австрія напрягала всѣ свои силы для защиты западной границы имперіи. Если Рейнъ въ то время не сдѣлался французскою границей или, какъ говорили тогда Французы, ихъ *барьеромъ*, то Германія, послѣ мудрой политики Вильгельма Оранскаго, обязана этимъ упорству Габсбурговъ. На берегахъ Рейна венгерскіе и славянскіе подданные Габсбурговъ постоянно проливали свою кровь для охраненія Герма-

нія наравнѣ съ жителями Гессена и Пфальца. Поэтому взоры всѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ были главнымъ образомъ обращены на дѣйствія Вѣнскаго правительства. Но Лейбница, какъ мы говорили, въ Вѣну манилъ не одинъ патріотизмъ. Тамъ сходились нити европейской дипломатіи, тамъ могли возникнуть планы, обнимавшіе всю Европу. Вѣна и Парижъ составляли два полюса европейскаго равновѣсія.

Оттого самое дѣятельное участіе Лейбница въ политикѣ совпадаетъ съ его пребываніемъ въ Вѣнѣ. Самыя важныя изъ его сочиненій по публицистикѣ и самые интересные его проекты и совѣты группируются около политики Габсбургскаго дома.

Мы уже говорили о первомъ пребываніи Лейбница въ Вѣнѣ въ 1688 году, и объ его запискахъ и совѣтахъ, представленныхъ австрійскимъ министрамъ. Рядъ этихъ сочиненій оканчивается обширнымъ мемуаромъ: „Consultations sur les affaires générales en 1691", написаннымъ уже по возвращеніи въ Ганноверъ [1]). Лейбницъ предлагаетъ въ немъ различныя мѣры для того, чтобы обезпечить успѣхъ на войнѣ за державами, соединившимися противъ Франціи. Мы укажемъ на самыя интересныя или оригинальныя изъ этихъ мѣръ. Онъ считаетъ необходимымъ составить изъ Италіи конфедеративное государство на подобіе Германіи, чтобъ усилить ея значеніе и дать отпоръ Франціи. Неаполь и Миланъ принадлежали въ то время Испаніи; но папа, Венеціанская республика, Тоскана и герцоги Моденскій, Мантуанскій и Пармскій могли составить между собой союзъ и нейтрализовать Италію. Императоръ и Испанія, для которыхъ нейтрализація Италіи была бы выгодна, должны были, по мнѣнію Лейбница, выказать притворное неудовольствіе, чтобы вовлечь Францію въ заблужденіе, между тѣмъ Итальянскій союзъ окрѣпнулъ бы и могъ бы содѣйствовать установленію равновѣсія въ Европѣ. Лейбницъ удивляется, что Италія, родина дипломатіи и интригъ, теперь такъ неизобрѣтательна въ политикѣ, тогда какъ на сѣверѣ Европы то и дѣло заключаются союзы и договоры.

Затѣмъ Лейбницъ совѣтуетъ лишить Францію поддержки со стороны Швейцаріи. Франція наполняла свои войска швейцарскими наемниками, и вслѣдствіе выгодъ, которыя доставляла французская служба, швейцарская аристократія, управлявшая республикой, была совершенно предана Франціи. Поэтому Лейбницъ считаетъ необходи-

[1]) Oeuvres de Leibniz, ed. Foucher de Careil. T. III, p. 258.

мымъ, чтобы союзныя державы производили также вербовки въ Швейцаріи, хотя наемники тамъ дороже, чѣмъ въ Германіи. Но лишнія издержки принесутъ ту выгоду, что ослабятъ связь между Швейцаріей и Франціей и уменьшатъ число Швейцарцевъ во французской службѣ; если же это средство не удастся, то Лейбницъ совѣтуетъ прибѣгнуть къ демагогіи, лишить аристократію первенствующаго положенія въ республикѣ и такимъ образомъ измѣнить ея политику.

Обращаясь къ Германіи, Лейбницъ указываетъ, что многіе изъ ея князей держатся почти нейтрально и этимъ очень вредятъ общему дѣлу. Самый значительный изъ нихъ — герцогъ Ганноверскій, который въ началѣ войны принималъ въ ней самое патріотическое участіе; но когда ему, не смотря на всѣ его заслуги, отказали въ Вѣнѣ самымъ оскорбительнымъ образомъ въ курфиршескомъ санѣ, онъ охладѣлъ къ общему дѣлу. Лейбницъ совѣтуетъ непремѣнно удовлетворить его или курфиршескимъ званіемъ, или присоединеніемъ епископства Оснабрюкскаго къ его владѣніямъ. Изъ этого можно было бы заключить, что вся записка составлена Лейбницемъ только съ цѣлью содѣйствовать своему герцогу въ достиженіи курфиршества, но Лейбницъ и тутъ имѣетъ въ виду общіе интересы. Онъ искусно пользуется этимъ поводомъ, чтобъ указать герцогу на опасныя послѣдствія его нейтралитета. Вслѣдствіе успѣховъ французскаго оружія, Германія при заключеніи мира легко можетъ лишиться Кёльна: тогда Вестфалія сдѣлается пограничной областью и жертвой французскихъ опустошеній, подобно Пфальцу и Бадену.

Отъ нейтральныхъ державъ Лейбницъ переходитъ къ враждебнымъ. Австрія находилась въ одно время въ войнѣ съ Франціей и съ Турціей. Послѣдняя, не смотря на свои неудачи, не соглашалась на миръ, потому что надѣялась на союзъ съ Франціей. Лейбницъ совѣтуетъ заключить поскорѣе миръ съ Турціей, даже съ нѣкоторыми уступками, чтобы обратить всѣ силы противъ Франціи. „Простой здравый смыслъ, говоритъ онъ, убѣждаетъ въ томъ, что важнѣе думать о своемъ спасеніи, чѣмъ о выгодахъ". Лейбницъ доказывалъ ложность австрійской политики, которая готова смотрѣть равнодушно на успѣхи Франціи со стороны Германіи, лишь бы въ это время удалось пріобрѣсти на Востокѣ лишнюю провинцію. Успѣхъ Франціи на Рейнѣ, замѣчаетъ онъ, повлечетъ за собой потерю Бельгіи и Милана.

„Поэтому необходимо, восклицаетъ онъ, проповѣдывать Вѣнскому двору миръ съ Портою и уступчивость относительно протестантовъ въ австрійскихъ земляхъ, — Нѣмцамъ порядокъ и дисциплину, Испан-

цамъ — реформу финансовъ, Англичанамъ и Голландцамъ представлялъ опасность, которая грозитъ религіи" [1]).

Одну изъ главныхъ причинъ пораженій и бѣдствій Германіи Лейбницъ видитъ въ отсутствіи дисциплины въ нѣмецкихъ войскахъ: вторая половина его мемуара посвящена этому вопросу. Во время войнъ съ Людовикомъ XIV въ Германіи установился обычай, что только крупныя государства высылали свои контингенты. Многія же княжества, особенно тѣ, которыя находились близко отъ театра войны, должны были въ замѣнъ этого держать у себя на постоѣ войска своихъ сильныхъ сосѣдей. Такъ какъ солдатамъ жалованье рѣдко выдавалось правильно, а дисциплина была очень плоха, то области, присужденныя „къ постою", совершенно разорялись. Крупнымъ же государствамъ, напримѣръ, Ганноверу и Бранденбургу, которыя держали постоянныя войска, превышающія средства страны, было чрезвычайно выгодно отсылать свои войска „на постой"; ибо въ этихъ случаяхъ они содержали часть своихъ войскъ совершенно на чужой счетъ. Оттого вопросъ о распредѣленіи постоя возбуждалъ на сеймѣ безконечные переговоры и жалобы. Тѣ изъ князей, у которыхъ были войска всегда наготовѣ, ставили условіемъ своего участія въ войнѣ, чтобъ имъ были отведены области, выгодныя для постоя; мелкіе князья протестовали и были скорѣе готовы отдаться непріятелю, чѣмъ принять на постой союзниковъ.

Лейбницъ указываетъ на примѣръ Франціи, которая обязана своими успѣхами на войнѣ финансовой реформѣ. Въ Германіи только одни Ганноверскіе герцоги послѣдовали ея примѣру. Правда, въ ихъ рукахъ находится источникъ богатыхъ доходовъ — рудники Гарца. Онъ совѣтуетъ могущественнѣйшимъ изъ князей съѣхаться на конференцію безъ отлагательства и безъ соблюденія обычнаго этикета. На этой конференціи должны быть составлены общія правила относительно дисциплины, провіанта, военной кассы, команды и пр. Мелкія княжества должны быть обезпечены относительно постоя и прохода войскъ черезъ ихъ области. Необходимо учредить военный совѣтъ, устроить магазины, договориться съ поставщиками. Мало по малу и другія государства примкнутъ къ этой конвенціи, и въ военныя дѣйствія Германскихъ князей будутъ внесены единство и дисциплина, самые важные залоги успѣха. Въ Германіи въ это время было много воинственныхъ князей и много искусныхъ генераловъ; но странно,

[1]) Стр. 275. Франція, какъ извѣстно, въ это время старалась свергнуть Вильгельма Оранскаго и возвести снова на престолъ католическаго Якова Стюарта.

что о правильной организаціи войны, о военной конвенціи, необходимой тамъ, гдѣ война ведется многими разнородными союзниками, думалъ только философъ, постоянно хлопотавшій объ одномъ — о водвореніи въ Европѣ общаго мира.

Записка оканчивается интереснымъ стратегическимъ проектомъ Лейбница. Франція имѣла большое преимущество передъ своими непріятелями въ томъ, что постоянно вела наступательную войну. Лейбницъ совѣтуетъ перенести войну во Францію, или по крайней мѣрѣ, произвести диверсію въ пользу войскъ, сражавшихся на Рейнѣ. Соединенные флоты Англіи и Голландіи были сильнѣе французскаго флота и легко могли высадить значительное войско на любое мѣсто французской территоріи. Но высадиться во Франціи было бы опасно: самое сильное войско могло бы съ трудомъ держаться на берегу непріятельской страны. Поэтому Лейбницъ совѣтуетъ высадить тысячъ 12 или 15 хорошаго войска въ Бискайю, на испанскую территорію, недалеко отъ границъ Франціи. Къ нимъ присоединилась бы испанская армія, которая теперь безъ всякой дѣятельности стоитъ на границѣ. Союзная армія имѣла бы превосходный операціонный базисъ, могла бы легко вторгнуться во Францію, взять Байонну, возмутить недовольныхъ гугенотовъ въ Беарнѣ, жить на счетъ Франціи и оказать самую сильную помощь арміямъ, сражающимся на Рейнѣ, а въ случаѣ удачи даже соединиться въ южной Франціи съ войсками герцога Савойскаго, напирающаго съ другой стороны. Въ случаѣ неудачи, вторгнувшееся войско всегда имѣло бы возможность отступить въ Испанію подъ защиту Пиринеевъ и союзнаго флота.

Къ сожалѣнію, издатель этого интереснаго мемуара не указалъ, для кого онъ былъ написанъ и къ кому посланъ. Это, вѣроятно, объяснится, когда будетъ издана обширная переписка Лейбница.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ его перваго пребыванія въ Вѣнѣ, Лейбницу пришлось снова отправиться туда, на этотъ разъ уже по приглашенію императора Леопольда. Поводомъ къ тому послужили, какъ мы видѣли, переговоры объ уніи между протестантами и католиками. Для Австріи, столь же разнородной въ религіозномъ отношеніи, какъ и въ національномъ, вопросъ объ уніи былъ особенно важенъ. Съ помощью уніи Вѣнскому правительству удалось бы успокоить и привлечь на свою сторону протестантовъ въ Венгріи и Трансильваніи, которые постоянно были готовы возмутиться и призвать на помощь Турокъ. Поэтому преемникъ Спинолы, графъ Бухгаймъ, въ 1698 году снова отправился въ Ганноверъ для религіозныхъ переговоровъ.

Лейбницъ, какъ мы видѣли, былъ душею этихъ переговоровъ, хотя онъ часто скрывалъ свою дѣятельность за именемъ Молануса. Бухгаймъ, по возвращеніи въ Вѣну, указалъ Леопольду на Лейбница, какъ на необходимаго сотрудника для уніи съ протестантами, и императоръ лично обратился съ письмомъ къ курфюрсту Ганноверскому и просилъ прислать ему Лейбница. Время казалось благопріятнымъ для переговоровъ объ уніи. Новый папа, Климентъ XI, интересовался ими и просилъ Боссюета прислать ему все, что онъ писалъ ганноверскимъ протестантамъ [1]). Лѣтомъ 1700 года Лейбницъ отправился въ Вѣну; онъ заѣхалъ въ Теплицъ, чтобы полѣчиться, и въ концѣ сентября выѣхалъ оттуда, еще не совершенно оправившись отъ своего недуга. Въ Вѣнѣ Лейбницъ пробылъ до конца 1700 года, имѣлъ частныя свиданія съ епископомъ Нейштадскимъ, съ другими вѣнскими богословами и даже съ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Доріа. Подробности и результаты этихъ переговоровъ пока неизвѣстны.

Но Лейбницъ занимался въ Вѣнѣ не одними религіозными дѣлами. Въ началѣ ноября туда пришло важное извѣстіе о смерти Карла II, послѣдняго Испанскаго короля изъ дома Габсбурговъ. Это давно предвидѣнное событіе должно было произвести переворотъ въ отношеніяхъ западныхъ государствъ и могло имѣть рѣшительное вліяніе на положеніе Австріи. Двухвѣковая борьба между Бурбонами и Габсбургами вступала въ новый періодъ; вопросъ шелъ о томъ, кому достанется громадная Испанская монархія съ своими обширными, богатыми колоніями, съ своими 22-мя королевствами. Если бы снова удалось Габсбургамъ соединить въ однихъ рукахъ испанскія земли съ австрійскими, тогда не Людовикъ XIV, а могущество Габсбурговъ угрожало бы равновѣсію Европы. Но еслибъ эти земли подпали вассальной зависимости отъ Людовика XIV, тогда были бы напрасны всѣ войны европейской коалиціи противъ французскаго деспота, и онъ поработилъ бы Европу.

Великій блюститель европейскаго равновѣсія, Вильгельмъ Оранскій давно предвидѣлъ этотъ вопросъ и разрѣшилъ его въ интересахъ

[1]) Боссюетъ написалъ по этому поводу новое сочиненіе о примиреніи протестантовъ съ католиками, въ которомъ разсмотрѣлъ всѣ спорные вопросы — par manière d'exposition et de conciliation sur tous les articles controversés. Онъ воспользовался случаемъ, чтобы внушить новому папѣ свои взгляды на счетъ церковной власти и непогрѣшимости папства, относительно чего галликанская церковь далеко расходилась съ римскою куріей. «Il jugea l'occasion très importante d'insinuer au pape ce qu'il faut croire sur l'infaillibilité et la déposition des Rois», говоритъ секретарь Боссюета, аббатъ Ле-Дьё (Le Dieu).

Европы. Но его настоящимъ, наслѣдникомъ Испанской монархіи былъ назначенъ молодой сынъ курфирста Баварскаго, по своей матери внукъ императора Леопольда и правнукъ Филиппа IV[1]). Такимъ образомъ Испанія была бы нейтрализована между Габсбургами и Бурбонами. Но молодой принцъ умеръ въ 1699 году. Тогда Вильгельмъ Оранскій предложилъ раздѣлить Испанскую монархію между Габсбургами и Бурбонами. Франція должна была получить Неаполь, Сицилію и Лотарингію (герцогъ Лотарингіи вознаграждался Миланомъ), а эрцгерцогъ Карлъ, второй сынъ императора—Испанію, Бельгію и колоніи. Императоръ не признавалъ этого раздѣла, который усилилъ бы только Францію, ибо Испанія и Бельгія не присоединялись къ Австріи, а переходили къ младшей линіи. Проектъ раздѣла не понравился также въ Испаніи. Эта страна была приведена въ упадокъ своими заморскими владѣніями, изъ-за которыхъ она постоянно подвергалась разорительнымъ войнамъ. Но гордая кастильская аристократія не хотѣла допустить мысли о распаденіи Испанской монархіи, которое принесло бы ей и матеріальный ущербъ, такъ какъ кастильскіе гранды не мало наживались въ должностяхъ вице-королей и губернаторовъ заморскихъ провинцій. Самъ Карлъ II, который не имѣлъ воли, но за то наслѣдовалъ антипатіи Габсбурговъ противъ всего французскаго, не хотѣлъ слышать о раздѣлѣ.

При Мадридскомъ дворѣ начались интриги. Франція имѣла тамъ чрезвычайно ловкаго представителя, графа Гаркура, который своими интригами, своей любезностью и щедростью скоро составилъ себѣ большую партію; австрійскій же представитель графъ Гаррахъ и особенно его сынъ съ каждымъ днемъ уменьшали популярность Австрійскаго дома. Не смотря, однако, на это, Карлъ II составилъ завѣщаніе, въ которомъ назначилъ эрцгерцога Карла наслѣдникомъ всей монархіи и просилъ прислать его въ Мадридъ. Но Вѣнскій дворъ, по обыкновенію, медлилъ; у него не было денегъ, и онъ боялся отпустить молодаго принца. Напрасно приверженцы Австріи настаивали на пріѣздѣ принца и совѣтовали прислать вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько надежныхъ полковъ. Въ Испаніи между тѣмъ продолжались интриги. За нѣсколько недѣль до смерти Карла, кардиналъ Портокарреро, съ помощью іезуитовъ, до такой степени напугалъ его ложными разказами о возстаніи мадридской черни, что овладѣлъ совершенно умирающимъ

[1]) Старшая дочь Филиппа IV, Марія-Терезія, была за Людовикомъ XIV, вторая—за Леопольдомъ; у нея была только одна дочь, вышедшая замужъ за курфирста Баварскаго.

королемъ. Сообщники Портокарреро написали новое завѣщаніе въ пользу втораго внука Людовика XIV, тайно заставили Карла его подписать и въ его кабинетѣ сожгли прежнее завѣщаніе. Въ день смерти Карла, 1-го ноября 1700 года, королева, дворъ и страна неожиданно узнали, что Испанскимъ королемъ назначенъ не эрцгерцогъ Карлъ, а принцъ Филиппъ Анжуйскій.

Вѣнскій дворъ былъ глубоко потрясенъ этимъ извѣстіемъ; онъ только-что распустилъ послѣ продолжительной Турецкой войны свои войска, казна была пуста, а предстояла грозная война, ибо Франція располагала теперь всѣми средствами Испанской монархіи. Въ Вѣнѣ возлагали всѣ надежды на дипломатію; нужно было вовлечь остальныя европейскія державы въ войну противъ Франціи; нужно было подѣйствовать на общественное мнѣніе и расположить его въ пользу Габсбурговъ. Оттого борьба за испанское наслѣдство вызвала цѣлую литературу полемическихъ сочиненій, особенно въ Голландіи, которая тогда была главнымъ рынкомъ для книжной торговли.

Эта литература представляетъ большой интересъ, потому что затрогиваетъ самые разнообразные вопросы международнаго права и показываетъ на сколько измѣнились политическія идеи въ Европѣ. Принципъ легитимизма, по которому прежде опредѣляли судьбу народовъ и государствъ, сталкивается съ новымъ принципомъ политическаго равновѣсія въ Европѣ. Сама Австрія, представительница легитимизма, дѣлаетъ уступки; она требуетъ Испанской монархіи не для себя, а только для одного изъ своихъ эрцгерцоговъ. Старинныя права, основанныя на феодальныхъ отношеніяхъ, по которымъ папа долженъ былъ располагать судьбой Неаполя, какъ верховный ленный господинъ, а Германскій императоръ судьбою Милана и Бельгіи, встрѣчаютъ отпоръ въ идеяхъ новаго государственнаго права, на которомъ Испанцы основываютъ свое требованіе нераздѣльности своей монархіи. Наконецъ, возникаетъ новый вопросъ, которому суждено пріобрѣтать все больше и больше значенія: вопросъ о вмѣшательствѣ Европы во внутреннія дѣла извѣстнаго государства, вопросъ о правѣ народовъ избрать себѣ то или другое правительство.

Мы не знаемъ, какіе переговоры происходили между австрійскими министрами и Лейбницемъ, но по возвращеніи въ Ганноверъ онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ защищеніи правъ эрцгерцога Карла[1]).

---

[1]) Въ 1702 году Лейбницъ снова отправился въ Вѣну по порученію своего двора для того, чтобъ убѣдить принца Максимиліана (втораго сына Эрнста-

Онъ возражаетъ противъ памфлета французской партіи: Lettre écrite d'Anvers, авторъ котораго, подъ личиной Фламандца, защищаетъ права Филиппа Анжуйскаго и совѣтуетъ Голландцамъ не вступать въ несправедливую войну противъ него. Лейбницъ въ своемъ отвѣтѣ принимаетъ на себя роль голландскаго патріота, который опровергаетъ доводы Бурбонской партіи и указываетъ своимъ соотечественникамъ на вредныя для нихъ послѣдствія отъ соединенія Франціи и Испаніи. Лейбницъ издаетъ эти письма на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ чрезъ посредство своихъ друзей въ Голландіи, подъ заглавіемъ: La Justice encouragée contre les chicanes et menaces d'un partisan des Bourbons. Затѣмъ онъ принимаетъ на себя роль венеціанскаго патріота, и въ своемъ посланіи къ синьоріи старается отклонить ее отъ нейтралитета и убѣдить въ необходимости австрійскаго союза. Мы не знаемъ, было ли напечатано это посланіе къ Венеціанцамъ. Лейбницъ, вѣроятно, воспользовался своими связями въ Венеціи, чтобы посредствомъ своего посланія подѣйствовать на общественное мнѣніе въ республикѣ. Союзъ Венеціи былъ особенно важенъ для Австріи. Французы въ самомъ началѣ войны заняли Миланъ, и Евгеній Савойскій, при недостаткѣ войска, съ трудомъ могъ защищать южный Тироль и удерживать французскую армію отъ соединенія съ баварско-французскою, которая старалась проникнуть въ сѣверный Тироль. Союзъ Венеціанцевъ съ Франціей погубилъ бы армію Евгенія, а напротивъ, союзъ ихъ съ Австріей заставилъ бы Французовъ отступить [1]).

Между другими сочиненіями Лейбница, относящимися сюда, мы укажемъ еще на его діалогъ между кардиналомъ Портокарреро и кастильскимъ адмираломъ графомъ Мелгаръ. Адмиралъ принадлежалъ къ небольшой партіи приверженцевъ Австріи и потому былъ изгнанъ изъ Испаніи при воцареніи Филиппа. У Лейбница, кардиналъ и адмиралъ сходятся для переговоровъ на границахъ Кастиліи. Они вступаютъ въ споръ о правахъ обоихъ претендентовъ, и этотъ споръ кончается тѣмъ, что кардиналъ сознается въ своемъ заблужденіи и переходитъ на сторону Карла.

Августа) принять завѣщаніе отца, по которому всѣ владѣнія Ганноверскаго дома переходили къ старшему сыну.

[1]) Издатель этого посланія, Фуше-де-Карель (T. IV, p. 175), относитъ его къ 1713 году, но это очевидная ошибка: оно относится къ первому году войны, какъ видно изъ его содержанія и изъ того, что въ немъ упоминается нѣсколько разъ о Вильгельмѣ Оранскомъ, умершемъ въ 1702 году.

Все, что высказано въ этихъ различныхъ сочиненіяхъ, собрано и изложено съ особеннымъ мастерствомъ въ знаменитомъ „Манифестѣ въ защиту правъ Карла III“.

Въ 1703 году Карлъ, достигнувъ 18-лѣтняго возраста, отправился, наконецъ, на англійскомъ флотѣ въ Испанію, чтобъ отнять ее у своего соперника. Манифестъ, написанный Лейбницемъ, долженъ былъ расположить въ пользу Карла общественное мнѣніе въ Испаніи, и Лейбницъ поэтому принимаетъ на себя роль Испанца. Онъ совершенно справедливо разсчитывалъ болѣе на симпатіи испанскаго народа, чѣмъ на войска, съ которыми Карлъ отправился въ Испанію. Изъ писемъ Лейбница, недавно изданныхъ Фуше-де-Карейлемъ [1], видно, что онъ послалъ свой манифестъ голландскому генералу Обдаму съ просьбой перевести его на испанскій языкъ и издать одновременно въ Испаніи и Голландіи. *Манифестъ* былъ изданъ въ началѣ 1704 года въ Голландіи, а чрезъ нѣсколько времени появился въ Португаліи въ испанскомъ переводѣ. Онъ тотчасъ обратилъ на себя вниманіе публики, и многіе узнали перо Лейбница. Баронъ Ботмаръ, Ганноверскій посолъ въ Гагѣ, поздравляетъ Лейбница и говоритъ, что онъ оказалъ поддержку Карлу III. Лейбницъ отказывается отъ авторства и замѣчаетъ, что поддержка, въ которой нуждается Испанскій король, это большее число войска, чѣмъ то, которое ему прислала Англія и Голландія [2].

Манифестъ распадается на двѣ части — юридическую и реторическую. Лейбницъ выказалъ себя здѣсь такимъ же искуснымъ политикомъ, какъ и краснорѣчивымъ публицистомъ. Онъ начинаетъ съ опроверженія доводовъ, выставленныхъ французскими писателями въ пользу Филиппа Анжуйскаго. Какъ извѣстно, Марія-Терезія, старшая дочь Филиппа IV, выходя въ 1659 году замужъ за Людовика, должна была отказаться за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ отъ всякихъ правъ на испанское наслѣдство. Французскіе публицисты выставляли на видъ несправедливость отреченій отъ отцовскаго наслѣдства со стороны дочерей. Лейбницъ выражаетъ, что всѣ эти замѣчанія заимствованы изъ гражданскаго права, но что гражданскія постановленія не могутъ имѣть силы въ международномъ и государственномъ правѣ, которыми опредѣляются престолонаслѣдіе и отношенія между государствами. Французскіе публицисты приводили въ свою пользу, что по

[1] Oeuvres de Leibn. T. III, p. 360.

[2] Баронъ Обдамъ пишетъ ему въ то же время: Votre ouvrage fera son effet sans le nom de l'auteur, qui lui donneroit un nouveau relief, s'il était connu.

Пиренейскому договору Марія-Терезія должна была получить 500,000 скудо; а такъ какъ это обязательство не было исполнено со стороны Испаніи, то отреченіе Маріи-Терезіи утратило свою силу. Лейбницъ возражаетъ, что тѣ 500,000 вовсе не были вознагражденіемъ инфанты за отреченіе отъ правъ ея на наслѣдство, но назначались взамѣнъ драгоцѣнныхъ камней и вообще движимаго имущества, которое давалось ей въ приданое. Сами Французы виноваты, что установленная сумма не была выплачена, ибо Испанія требовала, чтобы Пиренейскій договоръ и брачный контрактъ были регистрированы въ парламентѣ, какъ было условлено, а Франція этого не исполнила.

Приверженцы Бурбоновъ утверждали далѣе, что родители не могутъ отрекаться за своихъ дѣтей. Лейбницъ возражаетъ, что это справедливо только относительно дѣтей, родившихся до отреченія; но если бы всѣ дѣти и потомки имѣли право отказываться отъ обязательствъ, принятыхъ на себя родителями или предками ихъ, то никакіе законы, никакія сдѣлки не имѣли бы силы, и договоры между государствами имѣли бы только значеніе личной сдѣлки между государями.

Французскій дворъ, убѣдившись въ несостоятельности своихъ доводовъ, прибѣгнулъ къ новой уловкѣ.

Приверженцы Бурбоновъ въ Испаніи убѣдили короля составить новое завѣщаніе въ пользу Филиппа, на томъ будто бы основаніи, что отреченіе Маріи-Терезіи имѣло только цѣлью воспрепятствовать соединенію Испаніи и Франціи подъ однимъ королемъ; но такъ какъ наслѣдникомъ Испаніи назначается второй внукъ Людовика XIV, то обязательство по смыслу вполнѣ соблюдено [1].

Лейбницъ возражаетъ, что вопервыхъ, завѣщаніе незаконно. Завѣщанія, особенно тѣ, которыя опредѣляютъ судьбу государствъ, должны дѣлаться публично. Завѣщаніе въ пользу Анжуйскаго принца было вынуждено угрозами у слабаго и умирающаго государя, котораго постоянно запугивали муками ада и ожесточеніемъ черни. Наконецъ, король не имѣетъ права самовольно располагать своимъ государствомъ

[1]) C'est pourquoi la cour de France, voyant que toute la terre avoit en horreur ces maximes, qui tendoient à violer les sermens les plus exprès et à renverser tout ce qu'il y a de plus sacré parmi les hommes, s'avisa enfin d'un autre expédient et prit le parti de reconnoitre la renonciation pour bonne et valable, afin de sauver (si cela se pouvoit) les apparences de la bonne foi. Mais ce fut après avoir forgé une chicane, qui paroissoit propre à en éluder l'effet, et à éblouir ceux, qui se payent de paroles. P. 382.

вопреки законности и принятымъ обязательствамъ. Поэтому необходимо разобрать то истолкованіе Пиренейскаго договора, которымъ оправдываются Французы. Ни одинъ порядочный юристъ не будетъ смѣшивать *условіе* съ *причиной* какого-нибудь распоряженія. Римское право давно ясно опредѣлило это различіе. Въ дигестахъ сказано, что если завѣщатель говоритъ: *я оставляю свою землю Тицію, потому что онъ занимался моими дѣлами*, то постановленіе остается въ силѣ, даже еслибъ оказалось, что Тицій не занимался дѣлами завѣщателя. Но если въ завѣщаніи сказано: *я оставляю свою землю Тицію, если окажется, что онъ сдѣлалъ то-то и то-то*, тогда требуется повѣрка относительно соблюденія указаннаго условія. Въ Пиренейскомъ договорѣ не указано никакой причины, почему Испанія требовала отреченія инфанта. Причинъ могло быть очень много, но ихъ не считали нужнымъ обозначать. Поэтому французская партія не имѣетъ никакого права посредствомъ своего толкованія навязывать Испаніи извѣстную причину, почему она требовала отреченія, и объявлять, что эта причина теперь не существуетъ [1]). Посредствомъ такой уловки можно обойдти всѣ частные и общественные договоры. Достаточно придумать какую-нибудь произвольную причину, по которой будто-бы состоялся извѣстный договоръ, и объявить, что эта причина перестала существовать, а вмѣстѣ съ нею и самый договоръ. Если бы причиной, почему испанское правительство требовало отреченія инфанты, было только желаніе воспрепятствовать соединенію обеихъ государствъ, въ договорѣ было бы ясно сказано, что инфанта отрекается только за старшаго сына; если же у нея будетъ нѣсколько сыновей, то второй можетъ наслѣдовать Испанію. Неужели можно предположить, что такой ловкій дипломатъ какъ Мазарини преминулъ бы ясно обозначить это различіе, столь выгодное для Франціи?

Но причина, по которой будто-бы въ Испаніи потребовали отреченія инфанта вовсе не переставала существовать. Кто же поручится, что въ случаѣ смерти старшаго внука Людовика XIV, второй внукъ, теперь король Испаніи, или кто-нибудь изъ его потомковъ, не взойдетъ на французскій престолъ и не соединитъ обѣ монархіи? Единственная гарантія въ этомъ случаѣ—честность Бурбоновъ, которые постоянно доказываютъ и словомъ и дѣломъ, что они господа своего слова (de n'être point esclave de sa parole). Уже теперь можно видѣть, какъ

[1]) Il ne faut avoir, que ce qu'on appelle une jurisprudence cérébrine, c'est à dire, que les personnes peu instruites se forment de leur tête sur de légères apparences, pour confondre la *condition* avec la *cause*.

Франція намѣрена дѣйствовать въ будущемъ. Филиппъ, отправляясь въ Испанію, торжественнымъ актомъ сохранилъ за собой право на французскій престолъ, а въ этотъ актъ не было внесено условіе, что онъ, въ случаѣ воцаренія во Франціи, долженъ отказаться отъ Испаніи.

Наконецъ, даже если принять французское толкованіе, нужно сознаться, что Пиренейскій договоръ нарушенъ. Соединеніе Французской и Испанской монархій на самомъ дѣлѣ совершилось. Эти два сосѣднія государства, управляемыя однимъ и тѣмъ же домомъ, будутъ находиться въ тѣсномъ союзѣ и угрожать свободѣ Европы. Эта свобода никогда не подвергалась такой опасности, какъ теперь, когда Людовикъ XIV отъ имени своего внука управляетъ также абсолютно Испаніей, какъ и Франціей.

Пиренейскій договоръ ясно говоритъ, что онъ имѣетъ цѣлью исключить весь родъ Бурбоновъ отъ испанскаго наслѣдія. Инфанта должна была отказаться не только за мужскихъ, но и за женскихъ потомковъ, которые по французскимъ законамъ лишены престолонаслѣдія и посредствомъ которыхъ поэтому никогда не могло бы совершиться соединеніе обѣихъ монархій.

Въ Пиренейскомъ договорѣ не указаны причины, почему Бурбоны устранялись отъ испанскаго престола. Но этихъ причинъ много; напримѣръ, сохраненіе равноправности между Испаніей и Франціей, такъ какъ послѣдняя лишаетъ права на престолъ иностранныхъ принцевъ, рожденныхъ отъ французскихъ принцессъ; антипатія Испанцевъ къ Франціи, которая причинила имъ такое зло; желаніе сохранить Испанію для Габсбургскаго дома, правленіе котораго такъ соотвѣтствуетъ нравамъ испанскаго народа. Вслѣдствіе всего этого въ Пиренейскій договоръ было внесено условіе, явно уничтожающее всякія уловки и козни. Инфанта должна была отречься отъ наслѣдства за себя и за своихъ потомковъ мужскаго и женскаго пола, „что̀ бы они ни говорили въ свою пользу и какъ бы ни доказывали, что причины исключенія до нихъ не касаются и къ нимъ не относятся — encore, qu'ils voulussent ou pussent dire et prétendre, qu'en leurs personnes ne se découvrent ni ne se peuvent et doivent considérer les dites raisons de la chose publique ni autres, auxquelles la dite exclusion se pourroit fonder".

Приверженцы Бурбоновъ утверждаютъ, будто бы народы Испанской монархіи охотно признали Филиппа Анжуйскаго своимъ королемъ. Но желаніе народовъ высказывается не посредствомъ чиновниковъ, а

посредствомъ народныхъ или провинціальныхъ собраній. Поэтому тѣ, которые захватили по смерти короля въ свои руки власть, должны были созвать такъ-называемые *кортесы* въ Кастиліи и Арагоніи, прежде чѣмъ рѣшиться на какую-либо мѣру. Пусть Бурбоны возвратятъ свободу испанскимъ землямъ и предоставятъ имъ свободно избрать, кого они хотятъ; пусть они перестанутъ стращать народъ оружіемъ и выйдутъ изъ Испаніи: тогда видно будетъ, кого желаетъ народъ [1]).

Предлогъ, что Испанцы потому будто бы были вынуждены избрать Бурбонскаго принца, чтобъ избѣгнуть раздробленія своей монархіи, совершенно нелѣпъ. Именно черезъ это избраніе Испанцы подвергли свою монархію раздробленію, такъ какъ Неаполь — лено папы, а Миланъ и Бельгія — лено императора.

Испанцы будто бы опасались силы Франціи; но почти вся Европа была противъ того, чтобы Бурбоны завладѣли Испаніей, и послѣдняя въ союзѣ съ Австріей легко бы устояла противъ нападеній Франціи.

Въ первой половинѣ своего сочиненія Лейбницъ доказываетъ несправедливость Бурбонскихъ притязаній; во второй онъ становится риторомъ, старается дѣйствовать на особенности и слабыя стороны Испанцевъ, чтобы внушить имъ опасенія и ненависть противъ Французовъ. Лейбницъ выставляетъ недостатки французскаго народа и правительства, и описываетъ бѣдствія, которымъ подвергнется Испанія при господствѣ Французовъ. Онъ указываетъ на контрастъ между испанскимъ и французскимъ національнымъ характеромъ [2]) и описы-

---

[1]) Въ черновомъ текстѣ своего сочиненія о правахъ Карла, Лейбницъ рѣзко порицаетъ способъ дѣйствія Французовъ, которые ссылаются на волю народа тамъ, гдѣ это имъ выгодно. Какъ видно, Франція рано начала прибѣгать къ *волѣ* народной (souveraineté du peuple), когда этого требовали ея интересы. Car je ne sçay si vous oserez soutenir, восклицаетъ Лейбницъ, que les peuples ont le pouvoir d'oster d'un prince la couronne, qui lui appartient, suivant leur bon plaisir. Ce principe des ennemis des monarchies, qui mettent tout le suprême pouvoir dans le peuple, estant hautement désapprouvé et passant pour séditieux en France comme l'auteur des avis aux réfugiés (извѣстная въ то время политическая брошюра) a fort bien montré, cependant, comme vous pourriez avoir double poids et double mesure, approuvant et désapprouvant des dogmes suivant vos interêts, il faut encore vous forcer dans le dernier retranchement. Затѣмъ Лейбницъ начинаетъ объяснять какъ выше, что не камарилла, призвавшая Бурбонскаго принца въ собраніе кортесовъ, должна была считаться представительницей испанскаго народа. T. III, p. 308.

[2]) Mais du coté des François, c'est tout le contraire. On ne se donne point de repos, et on n'en laisse point aux autres; le grave et le sérieux passe pour

ваетъ въ рѣзкихъ чертахъ упадокъ нравственности во Франціи, особенно въ отношеніяхъ обоихъ половъ.

Затѣмъ Лейбницъ обращаетъ вниманіе Испанцевъ на неповиновеніе Французовъ папѣ, на союзъ ихъ съ магометанами и происшедшія изъ этого бѣдствія для христіанъ, наконецъ, на атеизмъ, все болѣе и болѣе распространяющійся во Франціи [1]). „Даже теперь, подъ управленіемъ набожнаго, строгаго и абсолютнаго короля, распущенность и невѣріе достигли крайняго предѣла".

Въ заключеніе Лейбницъ рисуетъ страшную картину бѣдствій, въ которыя повергнулъ Францію деспотизмъ Людовика XIV и которыя неминуемо обрушатся и на Испанію. Въ тѣсныхъ предѣлахъ одной страницы Лейбницъ сводитъ итогъ царствованія Людовика XIV, и эта страница представляетъ самую вѣрную и краснорѣчивую критику правленія *великаго короля*.

„Въ интересахъ, какъ и въ наклонностяхъ Бурбонскаго короля, говоритъ Лейбницъ, сдѣлаться самодержавнымъ, чтобы пользоваться деспотическою властью. Извѣстно, что такая форма правленія установилась во Франціи, что она тамъ восхваляется льстецами и что внукъ Французскаго короля не можетъ не быть пропитанъ этими убѣжденіями. Свободу вельможей и народовъ тамъ обратили въ ничто; произволъ короля тамъ все замѣняетъ, даже принцы крови не имѣютъ никакого авторитета; вельможи не болѣе какъ титулованныя особы и разоряются все больше и больше, между тѣмъ какъ возвышаютъ незначительныхъ лицъ, служащихъ орудіемъ для притѣсненія другихъ. Въ областяхъ, гдѣ сохранились провинціальныя собранія, ихъ созываютъ только для вида, и они служатъ для исполненія королевской воли; ихъ же собственныя неудовольствія и жалобы остаются безъ вниманія. Дворянство обѣднѣло до крайности; постоянно притѣсняемое придирками и взысканіями, оно принуждено истощать себя въ королевской службѣ и жертвовать своимъ имуществомъ и кровью для тщеславія завоевателя, между тѣмъ какъ оно питается одними несбыточными надеждами на

---

ridicule, et la règle ou la raison pour pedantesque; le caprice, pour quelque chose de galant, et l'inégalité dans la façon d'agir avec les gens, pour une adresse; on se fourre dans les maisons; on poursuit les gens jusques chez eux, on fait des querelles mal-à-propos etc.

[1]) Mais le pis de tout est que l'athéisme marche déjà en France tête levée, que les prétendus esprits forts y sont à la mode et que la piété y est tournée en ridicule. Ce venin se répand avec l'esprit françois, et partout où ce génie met le pied et se rend supérieur, il le porte avec lui. Se soumettre à la domination françoise, c'est ouvrir la porte à la dissolution et au libertinage....

обогащеніе и возвышеніе, которыя достаются на долю очень немногихъ. Чиновниковъ, обогатившихся въ гражданскихъ и особенно въ выгодныхъ должностяхъ на счетъ общественнаго достоянія (такъ какъ правительство ихъ разнуздало), потомъ выжимаютъ какъ губку ревизіями ихъ счетовъ и служебныхъ дѣлъ, продажею должностей, учрежденіемъ новыхъ мѣстъ и требованіемъ безъ всякаго основанія большихъ суммъ, которыя они принуждены выплатить, чтобъ избавиться отъ преслѣдованій. Народъ безжалостно подавленъ и доведенъ до хлѣба и воды подушными, пошлинами, налогами, зимнимъ постоемъ и проходомъ войска, монополіями, измѣненіями монеты, которыя вдругъ лишаютъ всѣхъ значительной части достоянія, и тысячами другихъ изобрѣтеній. И все это идетъ только на ненасытный дворъ, который не заботится о своихъ настоящихъ подданныхъ, но старается еще увеличить число несчастныхъ, расширяя свои владѣнія. Теперь, когда всѣ народы Испанской монархіи подвергаются опасности подпасть той же участи, неужели настоящіе Испанцы, любящіе свое отечество и дорожащіе честію народа, останутся равнодушны"?

Между тѣмъ разразилась великая война за Испанское наслѣдство. Людовикъ XIV съ свойственнымъ ему высокомѣріемъ успѣлъ увеличить число своихъ враговъ. Его войска заняли отъ имени новаго Испанскаго короля Бельгію и возбудили этимъ въ Голландіи прежній страхъ французскаго сосѣдства. По смерти изгнаннаго Англійскаго короля Іакова, Людовикъ провозгласилъ его сына королемъ, и этимъ глубоко оскорбилъ религіозное и національное чувство Англичанъ. Королева Анна противъ своего желанія была вовлечена въ войну съ Франціей. Парламентъ назначилъ громадныя суммы для военныхъ издержекъ, и въ началѣ 1702 года морскія державы Англія и Голландія заключили съ Леопольдомъ союзъ противъ Франціи, въ которомъ приняли участіе Имперія, Савойя и Португалія. Франція привыкла къ европейскимъ коалиціямъ. Въ Рисвикѣ она предписала миръ еще болѣе страшной коалиціи. Тогда на сторонѣ враговъ была Испанія съ своими многочисленными провинціями, теперь же Испанія была во власти Французовъ и своими средствами увеличивала ихъ могущество. Баварія и архіепископъ Кёльнскій также приняли ея сторону, и французскія войска въ соединеніи съ баварскими проникли въ глубь Германіи и угрожали самой Вѣнѣ.

Но эта послѣдняя война Людовика XIV была наказаніемъ за всѣ прежнія политическія его ошибки, за его насилія и пренебреженіе къ праву другихъ. Старый деспотъ, который въ наивномъ ослѣпленіи

видѣлъ въ своемъ эгоизмѣ божественное призваніе и въ минуты успѣха говаривалъ, что побѣды — признакъ одобренія и избранія со стороны самаго Неба, опредѣлившаго подчинить всѣ державы одной, теперь испыталъ на себѣ горькую иронію судьбы [1]).

Никогда еще французскія войска не подвергались такимъ пораженіямъ, никогда Франція не была такъ истощена и разорена. Европѣ представилось невиданное зрѣлище. Два полководца, различные по національности и по характеру, но равные по геніальности, дѣйствовали заодно безъ малѣйшей зависти и съ полнѣйшимъ единодушіемъ. Ихъ войска были избраны изъ самыхъ разнообразныхъ народностей и принадлежали многочисленнымъ правительствамъ, нерѣдко соперничавшимъ другъ съ другомъ; военныя издержки поступали изъ нѣсколькихъ казначействъ; снабженіе войскъ провіантомъ было крайне затруднительно и запутано, и не смотря на это, военныя дѣйствія отъ Швейцаріи до устьевъ Рейна предпринимались какъ бы по одному плану и исполнялись съ необыкновенною точностью и быстротой.

Два раза Франція просила мира, и два раза ея предложенія были отвергнуты. Казалось, пришло время отнять у Франціи всѣ завоеванія XVII вѣка, всѣ насильственные захваты ея, ослабить ея восточную границу и надолго лишить ее возможности безпокоить Европу своимъ честолюбіемъ.

Но въ самую рѣшительную минуту измѣна нѣсколькихъ интригановъ въ Англіи неожиданно спасла Францію. Вслѣдствіе блестящихъ успѣховъ войны, въ англійскомъ народѣ и парламентѣ получила перевѣсъ партія виговъ. Тори и тайные приверженцы претендента, поддерживаемаго Франціей, должны были выйдти изъ министерства. Но преслѣдованія, которымъ господствующая партія подвергала крайнихъ приверженцевъ англиканской церкви и торійскихъ легитимистовъ, явно проповѣдывавшихъ противъ устраненія отъ престола законнаго наслѣдника — Стюарта, и перемѣна въ личныхъ отношеніяхъ королевы къ женѣ герцога Мальборо произвели мало по малу реакцію при дворѣ и въ народѣ. Въ концѣ 1710 года былъ распущенъ парламентъ, а новый былъ болѣе расположенъ къ торіямъ, чѣмъ къ вигамъ. Гарлей и Сентъ Джонъ (лордъ Болингброкъ), главные приверженцы претендента, снова вступили въ министерство. Въ началѣ 1711 года они

---

[1]) Les victoires sont l'élection et les suffrages du ciel même, quand il a résolu de soumettre les autres puissances à une seule. Oeuvres de Louis XIV, I, p. 7. II, см. Laurent — Études sur l'histoire de l'humanité. T. XI.

вступили въ тайныя сношенія съ французскимъ дворомъ. Къ счастію для Франціи и для торіевъ, въ это самое время умеръ императоръ Іосифъ, и братъ его Карлъ сдѣлался наслѣдникомъ всѣхъ австрійскихъ и испанскихъ земель, то-есть, всей монархіи Карла V.

Естественно было ожидать, что Англія и Голландія теперь станутъ смотрѣть равнодушнѣе на водвореніе Бурбоновъ въ Испаніи и не захотятъ изнурять себя войной для того, чтобы создать новую громадную монархію, опасную для европейскаго равновѣсія. Вопросъ могъ идти только о томъ, что именно отдѣлить отъ королевства Анжуйскаго принца и тѣмъ вознаградить притязанія Габсбурговъ. Если бы живъ былъ Вильгельмъ Оранскій, Европа увидѣла бы, вѣроятно, новую политическую комбинацію, выгодную для нейтральныхъ державъ и для успокоенія Европы. Испанію вѣроятно получилъ бы герцогъ Савойскій, по женской линіи происходившій отъ Филиппа II. Принцъ Анжуйскій получилъ бы Неаполь, и можетъ-быть, Савойю, а Франція была бы удовлетворена тѣмъ, что въ случаѣ пресѣченія Анжуйской линіи, эти земли достались бы ей. Австрія была бы вознаграждена Миланомъ и Бельгіей, а можетъ-быть, даже Бельгія досталась бы курфирсту Баварскому, союзнику Франціи, и была бы нейтрализована общей гарантіей. Австрія же получила бы въ этомъ случаѣ Баварію. Послѣднее было бы чрезвычайно выгодно для нея: она стала бы твердой ногой въ Германіи и не была бы поставлена въ необходимость постоянно защищать отдаленныя Нидерланды отъ нападенія Франціи.

Изъ сочиненій Лейбница видно, что подобный проектъ дѣйствительно существовалъ и былъ даже предложенъ Людовику XIV. Но въ Европѣ не было тогда твердой руки, которая могла бы привести его въ исполненіе; всего болѣе противилась ему Австрія, которая никогда не умѣла во время отказаться отъ своихъ притязаній и своимъ упорствомъ часто лишала себя самыхъ большихъ выгодъ.

Перваго января 1712 года Мальборо лишился званія главнокомандующаго англійскими войсками. Напрасна была поѣздка Евгенія Савойскаго въ Лондонъ, гдѣ онъ своею популярностью въ народѣ думалъ подѣйствовать на королеву и министерство. Должность Мальборо была поручена Ормонду, ревностному якобиту, который не слушался Евгенія и былъ причиной пораженія союзниковъ при Денепѣ (Denain). Въ концѣ января начались переговоры въ Утрехтѣ; но не здѣсь рѣшилась судьба испанскаго наслѣдства, а въ тайныхъ сношеніяхъ англійскихъ министровъ съ французскимъ правительствомъ. Торійскіе министры заботились только о томъ, чтобы выговорить для

Англіи различныя торговыя выгоды въ испанскихъ колоніяхъ, и продали своихъ союзниковъ, Голландію и Германію, на произволъ Франціи; Голландія боялась отстать отъ Англіи: императору былъ предложенъ ультиматумъ, и осенью 1712 года заключено перемиріе для пріостановки военныхъ дѣйствій за исключеніемъ Каталоніи и Рейна.

По Утрехтскимъ прелиминаріямъ, Испанія и ея колоніи должны были остаться за Филиппомъ, Австрія должна была получить Неаполь, Миланъ и Бельгію, Савойя получала Сицилію, курфирстамъ Баварскому и Кёльнскому возвращались всѣ владѣнія ихъ, а первый кромѣ того получалъ еще Сардинію. Границы же между Франціей и Германіей опредѣлялись по Рисвикскому миру, чрезвычайно невыгодному для послѣдней.

Лейбницъ былъ глубоко огорченъ извѣстіемъ объ этихъ условіяхъ. Соединеніе Испаніи и Франціи подъ одной династіей заставляло его опасаться за спокойствіе Европы; но всего болѣе былъ оскорбленъ его патріотизмъ. Германія должна была упустить навсегда удобный случай возвратить области, насильственно у нея отнятыя, Эльзасъ и Страсбургъ. Голландія выговорила себѣ со стороны Франціи *барьеръ*: то-есть, пограничныя крѣпости между Франціей и Бельгіей должны были принять голландскіе гарнизоны. Германія же оставалась беззащитной со стороны Франціи: всѣ крѣпости на верхнемъ Рейнѣ были въ рукахъ послѣдней, и она во всякое время могла свободно вторгнуться въ южную Германію.

Лейбницъ жалѣлъ, что онъ не въ Вѣнѣ. Онъ надѣялся тамъ своими совѣтами и настояніями пріобрѣсти вліяніе на дѣла и послужить интересамъ своего отечества. Его изобрѣтательному уму представилась новая политическая комбинація, съ помощью которой можно было возвратить потерянное и замѣнить союзъ съ Англіей. Въ восточной половинѣ Европы шла въ это время Сѣверная война; по окончаніи турецкихъ дѣлъ, Петръ Великій поспѣшилъ въ Германію и старался побудить своихъ союзниковъ: Саксонію, Пруссію, Данію и Ганноверъ, къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Швеціи. Онъ предлагалъ Австріи свой союзъ, но та медлила съ свойственной ей нерѣшительностью и недовѣрчивостью.

Что еслибъ Австрія примкнула къ сѣверному союзу, если бы Карлъ VI, въ качествѣ императора, конфисковалъ шведскія провинціи въ Германіи и уступилъ бы ихъ союзникамъ? Этой цѣной онъ могъ бы привлечь на свою сторону весь сѣверный союзъ и съ его помощью обойтись безъ субсидій Англіи и Голландіи. Русскія войска явились бы

на Рейнѣ, и тогда было бы легко завоевать Эльзасъ и Страсбургъ и добыть себѣ крѣпкій оплотъ противъ нападеній Франціи.

Судьба, казалось, благопріятствовала планамъ Лейбница. Въ 17.. году онъ былъ представленъ Петру Великому въ Торгау, гдѣ праздновался бракъ между царевичемъ Алексѣемъ и Софіей Вольфенбительскою, внучкой Антона-Ульриха [1]). Въ слѣдующемъ году Карлъ VI самъ обратился къ Антону-Ульриху, своему родственнику, съ просьбой принять на себя посредничество между Австріей и Россіей.

Петръ въ это время находился въ Карльсбадѣ. Антонъ-Ульрихъ отправилъ туда Лейбница съ тайнымъ порученіемъ къ Русскому царю. Порученіе было устное. Лейбницъ долженъ былъ приложить всѣ старанія, чтобы содѣйствовать къ сближенію обоихъ императоровъ, недавно породнившихся. Никакое порученіе не могло быть такъ пріятно Лейбницу; съ его помощью онъ надѣялся осуществить свой планъ и привлечь сѣверный союзъ въ войну съ Франціей.

Въ Карльсбадѣ Лейбницъ былъ принятъ очень хорошо. Еще за годъ предъ тѣмъ въ Торгау ему обѣщали дать чинъ тайнаго совѣтника и значительную пенсію, съ тѣмъ чтобъ онъ представлялъ русскому правительству свои соображенія на счетъ судебныхъ и финансовыхъ реформъ и развитія просвѣщенія въ Россіи. Теперь въ Карльсбадѣ былъ изданъ объ этомъ указъ, и Лейбницъ офиціально вступилъ въ русскую службу. Изъ Карльсбада, гдѣ онъ старался узнать мнѣнія русскаго правительства и его расположеніе относительно австрійскаго союза, Лейбницъ отправился въ Вѣну.

На этотъ разъ Лейбницъ имѣлъ большой успѣхъ при Вѣнскомъ дворѣ, не смотря на господствовавшій тамъ строгій этикетъ. Онъ былъ лично извѣстенъ обѣимъ императрицамъ — вдовствующей супругѣ Іосифа I и Елисаветѣ-Христинѣ, супругѣ Карла. Обѣ онѣ были изъ Брауншвейгскаго дома и выросли на его глазахъ. Первая была дочерью герцога Іоганна-Фридриха, и мы видѣли, какое участіе принималъ Лейбницъ въ ея сватовствѣ [2]). Вторая была внучка Антона-Ульриха. Самъ императоръ давно зналъ о Лейбницѣ, такъ краснорѣчиво защищавшемъ его права въ своемъ манифестѣ. Онъ не только при-

---

[1]) Письмо Антона-Ульриха къ Петру, изъ архива мин. иностр. дѣлъ, мы напечатаемъ въ сочиненіи, которое будетъ посвящено отношеніямъ Лейбница къ Петру.

[2]) У Футе де-Кареля во II т. p. 148 напечатано очень интересное письмо Лейбница на англійскомъ языкѣ къ матери принцессы Амаліи, въ которомъ онъ ей сообщаетъ объ интригахъ при Вѣнскомъ дворѣ противъ брака ея дочери.

малъ его на аудiенцiяхъ, но приглашалъ его бывать во дворцѣ и часто бесѣдовалъ съ нимъ, устранивъ всякiй этикетъ.

Лейбницъ пробылъ въ Вѣнѣ два года, и это время было самымъ плодотворнымъ въ его политической дѣятельности. Онъ теперь уже не былъ частнымъ человѣкомъ въ Вѣнѣ; часто видѣлся съ министрами и получалъ прямо отъ нихъ свѣдѣнiя, необходимыя для его сочиненiй [1]). Изъ различныхъ черновыхъ бумагъ Лейбница, недавно изданныхъ, мы видимъ, какiе совѣты онъ давалъ императору и австрiйскимъ министрамъ [2]). Онъ настаивалъ на необходимости вступить въ сношенiе съ сѣверными союзниками и старался указывать, какимъ образомъ достать средства для продолженiя войны.

Между тѣмъ въ апрѣлѣ 1713 года въ Утрехтѣ былъ подписанѣ миръ между Францiей и Англiей съ Голландiей. Императоръ Карлъ отказался за себя и за имперiю отъ участiя въ немъ. Шлоссеръ осуждаетъ за это своихъ соотечественниковъ съ свойственной ему рѣзкостью [3]). Его упреки справедливы, если имѣть въ виду оплошность, съ которою дѣйствовали нѣмецкiе князья, и безуспѣшность войны. Но намѣренiе князей продолжать войну заслуживаетъ, напротивъ, одобренiя съ патрiотической точки зрѣнiя. Нужно перенестись въ то время. Имперiя вела 10 лѣтъ тяжелую войну съ Францiей, и въ первый разъ съ блестящимъ успѣхомъ; вдругъ ее оставляютъ союзники, и ей предлагаютъ невыгодныя и даже постыдныя условiя. Естественно, что патрiотическое негодованiе овладѣло лучшими людьми въ Германiи и что они требовали напряженiя послѣднихъ силъ, чтобы принудить Францiю къ выгодному миру. Даже на сеймѣ, противъ обыкновенiя, было замѣтно нѣкоторое одушевленiе. Тамъ зашла даже рѣчь о народномъ ополченiи противъ Францiи. Нацiональное чувство было сильно возбуждено. Евгенiй Савойскiй въ собранiи князей въ Майнцѣ поручился своей головою, что съ 80.000 армiей и 300.000 плохо

---

[1]) Фуше де-Карель въ IV т. напечаталъ записку Лейбница, въ которой обозначены дипломатическiе документы, полученные имъ изъ придворной канцелярiи.

[2]) Сюда относятся статьи: Consultation abrégée sur l'état des affaires и Moyens въ IV томѣ изданiя Фуше де-Кареля.

[3]) Die Deutschen waren stolz und thöricht genug, ohne im Stande zu sein den Krieg fortzusetzen, die Bedingungen zu verschmähen, unter denen man ihnen in Utrecht den Frieden anbot. *Schlosser* — Gesch. d. 18 t. Jahrh. I p. 104. Niemand bedauerte Kaiser und Reich, als sie im längeren Kampfe nur neuen Schimpf auf sich luden p. 108. Совершенно иначе смотритъ на дѣло безпристрастный Французъ, издатель Лейбницевыхъ сочиненiй. T. VI. Introduction. p. 50 sq.

вооруженнаго ополченія онъ доставитъ имперіи въ 4 недѣли такой миръ, который избавитъ ее на долго отъ всякихъ нападеній.

Лейбницъ можетъ служить намъ самымъ лучшимъ представителемъ господствовавшаго тогда общественнаго мнѣнія. Онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ принцу Евгенію и хорошо зналъ положеніе дѣлъ. Лейбницъ настаивалъ на войнѣ. Совершенно несправедливо обвиненіе, будто бы въ этомъ случаѣ онъ поддѣлывался подъ политику Австріи. Напротивъ, онъ былъ въ Вѣнѣ представителемъ нѣмецкихъ интересовъ и старался своимъ вліяніемъ поддерживать патріотическую партію при дворѣ [1]).

Въ своихъ запискахъ, предназначенныхъ для императора, Лейбницъ старается прежде всего внушить ему бодрость и твердость. Онъ указываетъ на примѣръ Людовика XIV, который въ счастіи и несчастіи всегда сохранялъ ровность духа и никогда не увлекался, во вредъ своимъ интересамъ, страстями, раздраженіемъ или местью. Лейбницъ убѣждаетъ императора, что ему нечего отчаяваться. Онъ сравниваетъ дряхлость Французскаго короля съ молодостью и предпріимчивостью императора, котораго онъ называетъ восходящимъ солнцемъ, доказываетъ, что Франція больше изнурена войной, чѣмъ Германія, и что нѣмецкіе князья въ состояніи выставить болѣе значительные контингенты. Можно быть увѣреннымъ, говоритъ онъ, что въ Европѣ скоро послѣдуетъ политическій переворотъ, выгодный для императора.

Multa dies variusque labor mutabilis aevi
Retulit in melius; multos alterna revisens
Lusit et in solido rursus fortuna locavit.

Интриги торійскихъ министровъ и козни Франціи, чтобы возвести претендента на англійскій престолъ, неминуемо произведутъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи Англіи, благопріятный для союза съ императоромъ. Англія, вслѣдствіе своей ненависти къ постоянной арміи, теперь обезоружена, и Франція навѣрное воспользуется этимъ, чтобы сдѣлать высадку въ пользу претендента. Малѣйшая попытка въ этомъ родѣ вызоветъ новую коалицію Англіи и Голландіи противъ Франціи. Кромѣ того, всякій успѣхъ Франціи на Рейнѣ заставитъ Голландцевъ опасаться за себя и принять сторону Германіи.

Но Лейбницъ не останавливается на надеждахъ и предположе-

[1]) См. объ этомъ введеніе къ IV т. сочиненій Лейбница, въ которомъ издатель старается оправдать его противъ обвиненій, выставленныхъ въ диссертаціи Лезера.

ніяхъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобъ императоръ вступилъ въ соглашеніе съ державами, соединившимися противъ Швеціи. Въ Пруссіи взошелъ на престолъ молодой король, жаждущій славы; его легко вовлечь въ болѣе дѣятельную войну съ Франціей, если ему предоставить часть шведской Помераніи, которую Пруссія давно желаетъ пріобрѣсти. Еще отецъ короля дѣлалъ въ Барцелонѣ извѣстныя предложенія на счетъ Помераніи, которыя тогда были отвергнуты. Курфирстъ Ганноверскій чрезвычайно опасается за наслѣдство англійскаго престола и потому охотно приметъ участіе въ войнѣ съ Франціей, особенно если ему обѣщать шведскую провинцію Бременъ или Верденъ. Примѣръ Ганновера и Пруссіи увлечетъ за собой остальную Германію. Саксонію и Данію также можно привлечь, уступивъ имъ что-нибудь изъ шведскихъ провинцій въ Германіи.

Но самый важный изъ сѣверныхъ союзниковъ, это—царь. Онъ, кажется, расположенъ вступить въ соглашеніе съ императоромъ. Конечно, здѣсь надо быть осторожнымъ, чтобы не дать Туркамъ повода объявить войну Австріи, ибо это былъ бы верхъ несчастія. Поэтому лучше всего отложить заключеніе союза съ царемъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ миръ или по крайней мѣрѣ перемиріе между Турціей и Россіей. Можно теперь же заключить съ нимъ договоръ, съ тѣмъ чтобъ онъ вошелъ въ силу по заключеніи прочнаго мира съ Турками. Впрочемъ, лучше всего отсрочить этотъ договоръ, а между тѣмъ вступить съ царемъ въ соглашеніе и удовлетворить его, предоставивъ ему тѣ же привилегіи въ церемоніяхъ, которыми пользуются другіе могущественные государи.

Соглашеніе съ царемъ относительно Франціи можно устроить посредствомъ его союзниковъ, Саксоніи и Пруссіи. Царь могъ бы, на извѣстныхъ условіяхъ, уступить имъ часть своего войска и отправить его на Рейнъ. „Московскія войска, говоритъ Лейбницъ, какъ доказано опытомъ, послушны и соблюдаютъ строгую дисциплину, если этого хотятъ ихъ начальники; они стоятъ гораздо меньше чѣмъ наши и отлично переносятъ всякіе труды". Царь согласился бы тѣмъ скорѣе прислать ихъ на помощь, что это было бы для нихъ хорошею военною школой.

Союзъ съ царемъ могъ бы принести и другія важныя выгоды. Съ его помощью было бы не трудно привлечь Голландію въ коалицію. Въ настоящее время, какъ и въ 1670 году, когда не было статгальтера, городъ Амстердамъ занимаетъ первенствующее положеніе въ республикѣ и даетъ направленіе политикѣ Генеральныхъ Штатовъ

сообразно съ своими интересами. Если бы царь согласился уменьшить слишкомъ обширныя торговыя выгоды, предоставленныя Англичанамъ въ Россіи, и перенести ихъ на Амстердамъ, то можно было бы этой цѣной купить союзъ Голландіи.

Подобныя предложенія и совѣты составляютъ содержаніе многочисленныхъ записокъ и замѣтокъ, написанныхъ Лейбницемъ для императора и министровъ [1]). Такъ какъ онѣ изданы по черновымъ бумагамъ Лейбница, сохранившимся въ Ганноверѣ, то трудно рѣшить, которыя изъ нихъ дошли до своего назначенія. Но изъ нихъ видно, что Лейбницъ прямо обращался къ Карлу VI. Въ одномъ письмѣ къ нему онъ говоритъ: „Героическое рѣшеніе В. В. продолжать войну противъ Франціи, чтобы поднять честь нѣмецкаго народа и благосостояніе отечества, достойно самыхъ великихъ похвалъ. Оно требуетъ въ высшей степени бодрости и благоразумія. Господь надѣлилъ В. В. этими двумя качествами" и т. д. [2]).

Изъ совѣтовъ Лейбница видно, что онъ дѣйствовалъ по согласію съ Евгеніемъ Савойскимъ. Лейбницъ, напримѣръ, убѣждаетъ императора, что для сближенія съ сѣверными союзниками лучше всего было бы послать въ Берлинъ принца Евгенія, а въ Польшу и къ Петру другое довѣренное лицо — вѣроятно, онъ разумѣетъ себя. Евгеній совѣтовалъ императору промѣнять Бельгію на сосѣднюю Баварію, и Лейбницъ также настаивалъ на этомъ. Какъ извѣстно, австрійская политика схватилась за эту мысль 60 лѣтъ спустя, когда уже было поздно.

Лейбницъ старался дѣйствовать не только на Вѣнскій дворъ, но и на общественное мнѣніе въ Европѣ. Для этой цѣли онъ написалъ свой обширный трактатъ противъ Утрехтскаго мира: La Paix d'Utrecht est inexcusable. Всѣ необходимые для этого документы Лейбницъ получалъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и одинъ изъ чиновниковъ министерскихъ долженъ былъ помогать Лейбницу при составленіи трактата. Онъ предназначался къ изданію въ Голландіи вмѣстѣ съ другимъ офиціальнымъ трактатомъ, уже прежде изданнымъ, въ которомъ австрійское правительство объясняло, почему оно не могло принять участіе въ Утрехтскомъ мирѣ.

---

[1]) Самое интересное изъ нихъ Considérations relatives à la paix ou à la guerre, Kurzes Bedenken uber den Lauf des gemeinen Wesens. etc. Oeuvres de L. ed. Foucher. VI. T.

[2]) Отрывокъ изъ неизданнаго письма Лейбница у Фуше де К. Introd. T. IV. p. 12.

Лейбницъ преимущественно имѣлъ въ виду общественное мнѣніе въ Англіи, гдѣ господствовали торіи, и потому далъ своему трактату форму посланія къ торійскому лорду. Эпиграфомъ онъ выбралъ стихъ Лафонтена, въ которомъ поэтъ хвалитъ миръ, но только безопасный

> Jusqu'à la sureté (c'est la loy)
> Il faut faire aux méchans une guerre immortelle.
> La paix est fort bonne de soy,
> J'en conviens, mais à quoy sert-elle
> Avec des ennemis sans foy?

Лейбницъ въ началѣ опровергаетъ оправданіе англійскаго министерства, что оно было принуждено къ миру недостаткомъ денегъ. Лейбницъ доказываетъ, что деньги на слѣдующую кампанію уже были назначены парламентомъ. Во всякомъ случаѣ, нужно было дѣйствовать искренно съ союзниками и не вести переговоровъ безъ ихъ вѣдома. Франція была доведена до крайности, и союзники готовились вторгнуться въ нее, когда вдругъ англійское правительство остановило ихъ. „Вашему народу, говоритъ Лейбницъ, принадлежитъ честь того, что Франція не только опасна, но что ей возвращены высокомѣріе и всѣ ея надежды, изъ которыхъ главная заключается въ томъ, чтобы разрушить англійскую свободу. Преждевременный миръ лишилъ Англію громадныхъ выгодъ; ибо она могла бы легко потребовать для себя Весть-Индію или по крайней мѣрѣ устье Миссиссипи, гдѣ Франція основываетъ теперь новыя государства. Тѣ изъ совѣтниковъ, которые хлопотали о мирѣ, дѣйствовали во вредъ интересамъ, безопасности и свободѣ Англіи и только благопріятствовали Франціи — несправедливости, деспотическому произволу и всему, что можетъ послужить къ возвращенію претендента на престолъ Англіи. Пусть приверженцы свободы и протестантскаго наслѣдства не слишкомъ разсчитываютъ на него, хотя оно и упрочено законами и клятвами. Вѣдь въ войнѣ съ Франціей не помогли ни договоры, ни обѣщанія. Недавно еще, въ декабрѣ 1711 г., королева въ своей тронной рѣчи сказала, что „ей было бы непріятно, если бы кто-либо могъ думать, что она не употребитъ послѣднихъ усилій, чтобъ отнять у Бурбоновъ Испанію и Америку". А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того былъ заключенъ Утрехтскій миръ.

Затѣмъ Лейбницъ обращается къ Голландцамъ и доказываетъ, какъ они поступили безразсудно, заключивъ преждевременный миръ съ Франціей. Теперь Голландія отдала себя на произволъ державы,

которой она только-что нанесла смертельное оскорбленіе. Французы никогда не простятъ ей униженія, которому они подверглись во время переговоровъ въ Гагѣ и Гертруйденбургѣ. Лейбницъ напоминаетъ Голландцамъ о Самнитянахъ, которые отпустили на свободу Римлянъ при Каудинскихъ ущельяхъ, нанесши имъ самое жестокое оскорбленіе, и потомъ дорого за это поплатились. Онъ сравниваетъ Голландцевъ съ страусомъ, который, спрятавъ голову, считаетъ себя безопаснымъ. Голландцы полагаютъ, что они обезпечили себя, выговоривъ барьеръ въ Бельгіи. Этотъ барьеръ прикрываетъ ихъ только съ фронта; если же Французы займутъ лѣвый берегъ Рейна, тогда повторится для нихъ страшная опасность 1672 года, когда Французы съ своими нѣмецкими подручниками зашли къ нимъ съ тыла. Но можетъ случиться еще хуже. Если Франціи удастся возвести претендента на англійскій престолъ, тогда въ Мадридѣ и Лондонѣ будутъ сидѣть намѣстники Французскаго короля, тогда Америка и Индія будутъ принадлежать Франціи, и въ ея рукахъ будетъ вся европейская торговля. Тогда Людовикъ назначитъ также статгалтера въ Голландію, и послѣдняя сдѣлается французскою провинціей.

По этому поводу Лейбницъ касается одной французской брошюры, написанной въ отвѣтъ на книгу: Les soupirs de l'Europe. Авторъ брошюры доказываетъ, что враги Франціи впадаютъ въ противорѣчіе. Они жалуются, что Франція слишкомъ могущественна, и въ то же время утверждаютъ, что они легко съ нею справятся. Лейбницъ говоритъ, что все это можно гораздо вѣрнѣе примѣнить къ императору. Англія и Голландія покинули его подъ предлогомъ, что если онъ овладѣетъ Испаніей, то онъ будетъ слишкомъ могуществен, а въ то же время они извиняютъ свое вѣроломство тѣмъ, что война лежитъ на ихъ плечахъ, и императоръ слишкомъ слабъ, чтобы принять въ ней дѣятельное участіе. Лейбницъ опровергаетъ оправданіе Англіи и Голландіи, что онѣ не обязались будто бы завоевать для Карла Испанію и Америку. Онъ приводитъ текстъ трактата 1701 года, въ которомъ сказано, что Франція и Испанія до такой степени тѣсно соединены, что составляютъ какъ-будто одно государство. Отъ этого соединенія онѣ пріобрѣли такое могущество, что легко могутъ подчинить себѣ всю Европу. Вслѣдствіе этого между морскими державами и императоромъ заключается союзъ, по которому первыя обязуются доставить императору справедливое и надлежащее удовлетвореніе (satisfaction juste et raisonnable) относительно испанскаго наслѣдства.

Чтобъ отнять всякое сомнѣніе, что подъ этимъ удовлетвореніемъ

разумѣли Испанія и Америка, Лейбницъ приводитъ текстъ втораго трактата, заключеннаго въ 1703 году между тѣми же державами. Тамъ прямо сказано, что союзники обязываются доставить Карлу Испанскую монархію въ томъ объемѣ, въ какомъ она находилась при Карлѣ II, и не заключать ни перемирія, ни мира безъ взаимнаго согласія до тѣхъ поръ, пока внукъ Людовика XIV не оставитъ Испаніи.

То же самое обязательство было повторено нѣсколько разъ въ парламентскихъ постановленіяхъ и въ рѣчахъ королевы. Неожиданная смерть императора Іосифа не могла снять съ морскихъ державъ этого обязательства. Соединеніе Испаніи и Австріи подъ однимъ государемъ не страшно для Европы: обѣ эти страны отдалены другъ отъ друга, и сообщеніе между ними легко прервать. Совершенно иное дѣло — сліяніе Франціи и Испаніи: соединеніе ихъ подъ двумя королями одного дома гораздо опаснѣе, чѣмъ соединеніе Испаніи и Австріи въ одной рукѣ, ибо государи Испаніи и Франціи связаны узами крови, общими интересами, а главное — географическимъ положеніемъ. Франція и Испанія на самомъ дѣлѣ представляютъ одно государство, страшное для Европы: une union réelle et formidable.

Слова Лейбница оправдались: Англіи пришлось дорого поплатиться за то, что она допустила Бурбоновъ овладѣть испанскимъ престоломъ. Въ продолженіе всего XVIII вѣка, пока Бурбонская династія сидѣла на престолѣ Франціи, Испанія слѣдовала ея политикѣ и была для нея вѣрнымъ вассаломъ въ борьбѣ съ Англіей.

Морскія державы, продолжаетъ Лейбницъ, не только нарушили свои обязательства относительно императора, но поступили также вѣроломно относительно имперіи. Въ 1702 году Англія, Голландія и императоръ заключили договоръ съ четырьмя округами Германіи — Верхне-Рейнскимъ, Франконскимъ, Швабскимъ и Куръ-Рейнскимъ, по которому послѣдніе обязаны приступить къ коалиціи. За это имъ обѣщали, что союзныя державы никогда ихъ не покинутъ, а употреблять всѣ старанія, чтобы вознаградить ихъ и возвратить имъ города и земли, отнятыя Франціей [1]).

[1]) Какъ извѣстно, Германія раздѣлялась на 10 округовъ, которые имѣли свои особенныя директоріи. 8-я ст. договора, на который ссылается Лейбницъ, гласитъ: Stipulantur sibi ut inter alia, praeprimis etiam redintegrationis superiorum imperii circulorum, mediante restitutione tot ab iis avulsorum commembrorum, civitatum, terrarumque in pristinum statum et jura, quibus ante avulsionem ab imperio gavisi sunt, cura ratioque habeatur, nullumque mediorum ad eam conducentium omittatur.

Не смотря на громадныя жертвы, которыя эти округи принесли общему дѣлу, англійскіе уполномоченные относились къ нимъ въ Утрехтѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ и вмѣсто вознагражденія, ихъ ожидаетъ потеря всего, что имъ принадлежало на лѣвомъ берегу Рейна.

Въ Утрехтскомъ договорѣ сказано: „Рисвикскій миръ будетъ возстановленъ; Рейнъ будетъ служить барьеромъ между Франціей и Имперіей". Что же это значитъ, неужели весь лѣвый берегъ Рейна съ владѣніями четырехъ курфирстовъ долженъ отойдти къ Франціи? Но положимъ, что здѣсь неточность въ выраженіи и что подъ барьеромъ Рейна разумѣютъ только Эльзасъ. Слѣдовательно, то, что захвачено у Германіи во время мира, теперь отчуждается отъ нея навсегда, и это называется ея барьеромъ? Въ этомъ случаѣ не Франція даетъ Имперіи обезпеченную границу, а Имперія Франціи, которая въ этомъ не нуждается. Въ 5-й статьѣ прелиминарій, предложенныхъ самою Франціей, сказано, что король дастъ свое согласіе на устройство безопаснаго и надлежащаго барьера для охраненія Германіи; очевидно, что этого нельзя сдѣлать, если не удалить Французовъ отъ Рейна и не возвратить Германіи Эльзаса и Страсбурга. Рейнъ — безопасный и надлежащій барьеръ (une barrière sure et convenable) для Франціи, но не для Германіи, ибо Франція можетъ въ каждую данную минуту перейдти его съ войскомъ и вторгнуться въ Германію.

Разказавъ подробно весь ходъ переговоровъ, предшествовавшихъ Утрехтскому миру, и раскрывъ недобросовѣстность и вѣроломство англійскихъ министровъ, Лейбницъ начинаетъ разбирать одну за другой всѣ статьи мирнаго договора. Онъ доказываетъ, какъ несправедлива статья, опредѣляющая возвратить курфирстамъ Баварскому и Кёльнскому, не смотря на ихъ измѣну, всѣ владѣнія ихъ и перваго кромѣ того вознаградить королевствомъ Сардиніей; какъ несправедливо требовать отъ императора, чтобъ онъ возвратилъ владѣльцамъ графство Комакіо, герцогства Мирандолу и Мантую, конфискованныя за измѣну, а герцогиню Орсини (Des Ursins) обезпечилъ бы имѣніями въ Бельгіи, обѣщанными ей Филиппомъ V. Онъ указывалъ, наконецъ, на безчеловѣчность и вѣроломство, съ которыми храбрые Каталонцы, возставшіе противъ Филиппа въ надеждѣ на союзниковъ, были преданы въ жертву Французамъ и т. д.

Въ заключеніе Лейбницъ снова возвращается къ опаснымъ послѣдствіямъ, которыя этотъ миръ будетъ имѣть для Англіи, и рисуетъ

страшную картину бѣдствій, ожидающихъ Англію, когда претенденту удастся съ помощью Франціи овладѣть отцовскимъ престоломъ [1]).

Никто не сознавалъ лучше Лейбница связь между двумя великими политическими моментами этого времени — умиротвореніемъ Европы посредствомъ побѣды надъ Франціей и упроченіемъ свободы въ Англіи посредствомъ водворенія протестантскаго наслѣдника изъ Ганноверской линіи. Послѣдніе годы его жизни были исключительно посвящены этимъ двумъ вопросамъ. Онъ сдѣлался при Вѣнскомъ дворѣ главнымъ ходатаемъ за интересы либеральной партіи въ Англіи и старался извлечь изъ своихъ связей съ этою партіей всевозможную пользу для Габсбурговъ и Германіи.

Въ 1713 году явился въ Вѣну Шотландецъ Керъ-офъ-Керслендъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ приверженцевъ Ганноверской династіи, съ тайнымъ порученіемъ отъ своихъ друзей. Керъ игралъ важную роль въ политическихъ смутахъ Англіи, какъ главный руководитель энергической секты камероніанцевъ [2]).

Въ это время въ Шотландіи были три политическія партіи: приверженцы епископальной церкви, пресбитеріане и камероніанцы. Первые стояли за Стюартовъ; къ нимъ принадлежали всѣ шотландскіе горцы, которые потомъ такъ храбро проливали свою кровь за претендентовъ. Камероніанцы и пресбитеріане были за наслѣдіе протестантской династіи. Когда въ 1660 году Стюарты возвратились въ Англію, Карлъ II сталъ притѣснять пресбитеріанскую церковь въ Шотландіи и искусно вселилъ въ нее раздоръ. Онъ предложилъ пресбитеріанамъ такія условія, что только умѣренные между ними согласились ихъ принять, крайніе же составили особенную секту — камероніанцевъ, священники которыхъ подвергались преслѣдованіямъ и

---

[1]) Si le loup vient sous la peau de l'agneau, s'il fait semblant de s'accomoder à vos loix, si les mauvais citoyens, traîtres à leur patrie, portent les peuples à le recevoir, il ruinera vos libertés par dégrés: point de parlement triennal, point d'anciennes chartes des villes, point d'habeas corpus, point de juges intègres; tout plein de faux témoins, de jurés corrompus, d'évesques clochans, de jurisconsultes courtisans, de satellites du pouvoir arbitraire, de ministres, généraux, amiraux vendus aux Bourbons et à leur créature, d'assassinats et d'expéditions occultes, semblables à celle du comte d'Essex. De nos jours enfin, un état de choses incomparablement plus désespéré, que sous Charles II et sous Jacques II.

[2]) См. интересную записку Кера: Political Memoir о политическихъ партіяхъ въ Шотландіи и интригахъ якобитскихъ министровъ, напечатанную въ IV т. сочиненій Лейбница, p. 292.

проповѣдывали въ поляхъ и лѣсахъ. Камероніанцы нѣсколько разъ возставали противъ Карла II, и въ этихъ возстаніяхъ ими предводительствовали отецъ и старшій братъ Кера. Этотъ же братъ Кера всѣхъ болѣе содѣйствовалъ успѣху Вильгельма Оранскаго во время революціи 1688 года. Онъ напалъ съ своею партіей на гарнизонъ Якова II и осаждалъ Эдинбургскій замокъ до тѣхъ поръ, пока шотландскій конвентъ не отрѣшилъ Якова II и не подоспѣли англійскія войска. По смерти своего брата въ битвѣ при Стенкиркопѣ, Джонъ Керъ сталъ во главѣ камероніанцевъ, хотя не раздѣлялъ ихъ узкихъ убѣжденій. Камероніанцы играли важную роль въ Англіи вслѣдствіе своей энергіи и крѣпкой организаціи своей секты. Каждые три мѣсяца собирались депутаты изъ всѣхъ общинъ и постановленія этихъ собраній строго соблюдались. Камероніанцы имѣли особое ополченіе, въ которомъ они сами по выбору назначали офицеровъ и начальника, на подобіе полковъ Кромвеля.

Ганноверская династія была много обязана Джону Керу тѣмъ, что въ Шотландіи признали ея права на престолъ. Англичане обращались съ Шотландцами такъ эгоистично и жестоко, напримѣръ, въ Даріенскомъ дѣлѣ, что возбудили противъ себя сильную антипатію. Этимъ воспользовались друзья претендента въ Англіи, чтобы побудить Шотландцевъ не признать правъ Софіи Ганноверской на шотландскій престолъ, когда въ лондонскомъ парламентѣ состоялся актъ, признавшій ее наслѣдницей Англіи. Интрига удалась; камероніанцы уже собирались идти на Эдинбургъ, чтобы принудить шотландскій парламентъ силою оружія. Только вліяніе Джона Кера остановило ихъ. И въ послѣдствіи, когда якобитскіе министры въ Англіи нарочно раздражали Шотландцевъ, чтобы побудить ихъ расторгнуть унію между Шотландіей и Англіей, Керъ своимъ вліяніемъ успѣшно противодѣйствовалъ этому плану.

Между тѣмъ либеральная партія въ Англіи и Шотландіи была сильно встревожена Утрехтскимъ миромъ, который увеличивалъ надежды Стюартовъ. Особенно недовольно было купечество, потому что этотъ миръ предоставилъ Французамъ большія привилегіи въ Испанской Америкѣ и благопріятно подѣйствовалъ на французскую торговлю. Нѣкоторые изъ капиталистовъ составили планъ воспользоваться продолженіемъ войны между Бурбонскимъ и Габсбургскимъ домами, чтобы нанести посредствомъ каперства ущербъ испанской и французской торговлѣ, и если можно, завоевать въ Америкѣ какой-нибудь выгодный для торговли пунктъ. Для того, чтобы получить право на

каперство, имъ нужно было покровительство императора, отъ имени котораго они были намѣрены дѣйствовать. Джонъ Керъ взялся отправиться въ Вѣну, чтобы сдѣлать императорскому двору это выгодное для него предложеніе. По дорогѣ онъ заѣхалъ къ принцу Евгенію, стоявшему лагеремъ у Ландау, и онъ вполнѣ одобрилъ планъ Кера и обѣщалъ поддерживать его въ Вѣнѣ.

Керъ уже прежде зналъ Лейбница, какъ ревностнаго приверженца Ганноверскихъ интересовъ, и по пріѣздѣ въ Вѣну тотчасъ явился къ нему и просилъ его принять на себя посредничество въ его дѣлѣ.

Лейбницъ обѣщалъ переговорить съ секретаремъ императора Иммесеномъ, чтобы дѣло прямо было доложено Карлу помимо министровъ. Вечеромъ того же дня онъ возвратился къ Керу и объявилъ ему, что императоръ получилъ письмо отъ Евгенія Савойскаго о его дѣлѣ, и велѣлъ своему секретарю тотчасъ вступить съ нимъ въ тайные переговоры.

Какое участіе самъ Лейбницъ принималъ въ этихъ переговорахъ, свидѣтельствуютъ двѣ записки, представленныя имъ императору [1]). Лейбницъ доказываетъ, какъ выгодно для императора предложеніе Англичанъ. Послѣдніе обязуются на свой счетъ выслать каперовъ въ Атлантическій и Тихій океаны. Они желаютъ, чтобъ императоръ выдалъ офицерамъ ихъ кораблей надлежащіе паспорты и принялъ ихъ въ свое подданство. Десятая часть призовъ будетъ принадлежать императору; если же каперы овладѣютъ какимъ-нибудь островомъ или городомъ, то онъ будетъ принадлежать имъ подъ верховною властью императора. Послѣдній учредитъ въ какой-нибудь изъ своихъ гаваней призовый судъ, куда будутъ отведены всѣ захваченные корабли. Сборнымъ мѣстомъ будетъ островъ Св. Ѳомы и главною цѣлью экспедиціи завоеваніе Гаванны.

Императоръ не только согласился на эти условія, но и хотѣлъ самъ принять дѣятельное участіе въ экспедиціи. Поэтому Лейбницъ совѣтуетъ ему нанять корабли и перевести въ Америку нѣсколько тысячъ солдатъ, которые въ союзѣ съ каперами легко могли бы завоевать одну изъ испанскихъ колоній въ Америкѣ. Лейбницъ указываетъ на примѣръ Кромвеля, который такимъ образомъ занялъ Ямайку. Всѣ недовольные владычествомъ Бурбоновъ перешли бы на сторону императора. Относительно полномочія каперамъ, Лейбницъ совѣтуетъ

[1]) Mémoire pour des armemens de mer sous commission de sa Majesté Impériale и Lettre de L. à l'Empereur au sujet de projet de Kersland. Ed. Foucher. T. IV, p. 273.

быть осторожнымъ, чтобы не возбудить неудовольствія нейтральныхъ державъ. Онъ говоритъ о себѣ, что онъ основательно изучалъ международное и особенно морское право, мало извѣстныя въ Германіи, а потому счелъ себя въ правѣ измѣнить кое-что въ проектѣ, предложенномъ англійскими купцами, особенно въ статьѣ, относящейся къ контрабандѣ. Такъ какъ императоръ не предупредилъ нейтральныя державы о своемъ намѣреніи, то онъ не въ правѣ задерживать ихъ корабли за перевозку контрабанды или оружія.

Императоръ хотѣлъ воспользоваться пріѣздомъ Кера, чтобы черезъ него заключить заемъ у англійскихъ капиталистовъ, и поручилъ Лейбницу переговорить съ нимъ объ этомъ. Лейбницъ совѣтовалъ Керу согласиться на желаніе императора въ интересахъ протестантскаго наслѣдія въ Англіи, но не брать на себя неисполнимыхъ обязательствъ. На другой день Керъ долженъ былъ переговорить о займѣ съ секретаремъ императора. Но вечеромъ онъ получилъ письмо отъ одного значительнаго капиталиста въ Лондонѣ, который ему сообщалъ, что противники Стюартовъ съ каждымъ днемъ все болѣе теряютъ надежду и что имъ, можетъ-быть, придется оставить отечество. Поэтому онъ просилъ Кера выхлопотать у императора позволеніе устроить общество для торговли съ Остъ-Индіей, которое могло бы доставить императору большія выгоды.

Керъ воспользовался своимъ свиданіемъ съ Иммесеномъ и черезъ него передалъ императору проектъ общества. Это послужило первымъ поводомъ къ учрежденію Остъ-Индской компаніи въ Остенде, которая нѣкоторое время такъ успѣшно соперничала съ англійскою, что Керъ изъ патріотизма сталъ раскаяваться въ своемъ предложеніи.

Между тѣмъ война имперіи противъ Франціи шла вяло и безуспѣшно. Обѣщанные на сеймѣ резервы не приходили; 4 милліона талеровъ, которые было опредѣлено собрать въ имперіи, не поступали. Евгеній Савойскій выходилъ изъ себя отъ негодованія на это отсутствіе единодушія и энергіи, которое онъ называлъ — le mal des Allemands. Но онъ не могъ ничего сдѣлать. Французы даже перешли на правый берегъ Рейна и взяли важную крѣпость Фрейбургъ. Императоръ началъ склоняться къ миру; Евгеній Савойскій и маршалъ Вилларъ съѣхались въ Раштадтѣ для переговоровъ.

Лейбницъ по прежнему настаивалъ на необходимости продолжать войну [1]). Условія, предложенныя Французами, были еще хуже, чѣмъ въ

---

[1]) Considérations sur la paix, qui se traite à Rastadt. O. de L. ed. F. d. C. T. IV, p. 218.

Утрехтѣ. „Непостижимо, писалъ Лейбницъ, какъ можно съ честью согласиться на миръ, который окончательно разрушитъ добрую славу имперіи и нѣмецкаго народа. Только крайняя необходимость могла бы оправдать принятіе этого мира черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ имперія отказалась отъ болѣе выгоднаго. Но этой необходимости нѣтъ; въ Германіи ничто не измѣнилось. Ей предстоитъ возможность заключить выгодный союзъ съ сѣверными державами. Франція гораздо болѣе изнурена. Король ея очень старъ и желаетъ мира; ей грозитъ голодъ, который можетъ привести къ революціи; банкрутство французскаго правительства, уменьшившаго процентъ по государственнымъ обязательствамъ съ 6 на 4, доказываетъ, въ какой крайности оно находится. Нашего же императора можно сравнить съ восходящимъ солнцемъ. Если онъ не запятнаетъ начало своего царствованія недостойнымъ миромъ, онъ можетъ пойдти далеко, принудить стараго короля принять умѣренныя условія и черезъ это увеличить свой авторитетъ въ Германіи и Италіи. Германія еще обильна людьми и средствами". Лейбницъ доказываетъ, какъ легко содержать войска на Рейнѣ посредствомъ припасовъ, которые можно доставлять изъ Венгріи вверхъ по Дунаю и потомъ внизъ по Неккару. Венгрія и Богемія завалены хлѣбомъ и не имѣютъ сбыта. Французы же должны подвозить всѣ припасы сухимъ путемъ.

Онъ кончаетъ требованіемъ, чтобъ императоръ ни за что не позволялъ Французамъ возвышать условія, предложенныя въ 5-й статьѣ Утрехтскихъ прелиминарій. Послѣднимъ словомъ Германіи должно быть — освобожденіе Рейна (l'affranchissement du Rhin), то-есть, возвращеніе Эльзаса.

Лейбницъ послалъ свои соображенія императору съ слѣдующимъ письмомъ: „Во всеподданнѣйшемъ рвеніи о славѣ В. В. и о благосостояніи отечества я посылаю эту записку, пользуясь всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ. Если же свѣтлѣйшія мысли В. В. иныя, пусть слово считается не сказаннымъ, посланіе уничтоженнымъ (dictum habeatur pro indicto, scriptum pro deleto); оно написано только для В. В."

Но Карлъ VI не былъ похожъ на восходящее солнце. Онъ отдалъ своихъ вѣрныхъ Каталонцевъ на произволъ мстительныхъ Бурбоновъ и уступилъ Франціи на всегда Эльзасъ и Страсбургъ.

Лейбницъ былъ правъ. Еслибъ имперія продолжала войну еще нѣсколько мѣсяцевъ, она выиграла бы свое дѣло. Въ мартѣ 1714 г. въ Раштадтѣ былъ подписанъ миръ между императоромъ и Франціей. Но чтобы включить въ этотъ миръ имперію, потребовались еще даль-

нѣйшія формальности, и только въ сентябрѣ былъ подписанъ Баденскій миръ.

Между тѣмъ 1-го августа умерла королева Анна. Интрига якобитскихъ министровъ не удалась. Приверженцы Ганноверской династіи въ королевскомъ совѣтѣ одержали верхъ, и еще до смерти Анны въ Ганноверъ былъ отправленъ курьеръ, чтобы пригласить поскорѣе курфирста Георга. Виги, враждебные къ Франціи, стали во главѣ правленія, и обстоятельства сложились благопріятно для Карла VI, но слишкомъ поздно для него. Лейбницъ же съ своею удивительною энергіей считалъ время еще не потеряннымъ. Онъ тотчасъ вошелъ къ императору съ представленіемъ и совѣтовалъ ему пріостановить заключеніе Баденскаго мира, и не дожидаясь офиціальнаго извѣстія о смерти королевы, отправить къ новому королю довѣренное лицо, чтобы не теряя времени склонить его къ необходимымъ мѣрамъ: вопервыхъ, отправить приказъ къ адмиралу Вишарту, въ Средиземномъ морѣ, чтобы спасти Варцелону, если это только возможно;— Лейбницъ доказывалъ, что король можетъ сдѣлать это распоряженіе, безъ согласія своихъ англійскихъ министровъ, и доставить себѣ этимъ большую популярность въ Англіи;—вовторыхъ, предупредить короля Португальскаго, чтобъ онъ не спѣшилъ заключеніемъ мира съ Филиппомъ Анжуйскимъ.

Лейбницъ высчитывалъ причины, которыя поведутъ къ раздорамъ между Франціей и новымъ англійскимъ правительствомъ: неисполненіе статьи о Дюнкирхенѣ; попытки Французовъ захватить въ свои руки американскую торговлю; недостаточность гарантіи противъ соединенія Франціи и Испаніи въ однихъ рукахъ; непризнаніе Георга I со стороны Франціи и Испаніи и т. д. Эти раздоры могли бы привести къ открытой войнѣ, и во всякомъ случаѣ ими можно было бы воспользоваться, чтобъ улучшить условія Баденскаго мира.

Эти постоянныя заботы объ интересахъ императора и отечества заставили Лейбница зажиться въ Вѣнѣ почти два года, не смотря на неудовольствіе Ганноверскаго курфирста и сильную чуму, свирѣпствовавшую въ Вѣнѣ. Лейбницъ разказывалъ потомъ, что его кучеръ настаивалъ, чтобъ онъ отправился къ причастію, ибо онъ не знаетъ, какъ въ Вѣнѣ поступаютъ съ людьми, умершими безъ причастія. Самъ Лейбницъ не боялся чумы и шутилъ надъ страхомъ своихъ вѣнскихъ друзей. „Если мнѣ придется, писалъ онъ Бернсторфу, уѣхать изъ Вѣны, то я заявлю предъ нотаріусомъ, что не страхъ чумы меня выгоняетъ отсюда. Ибо до сихъ поръ я не вѣрю, чтобы здѣсь была чума".

Между тѣмъ въ награду за услуги, оказанныя императорскому дому, Карлъ возвелъ Лейбница въ санъ рейхсгофрата, самый высокій санъ въ имперіи, доступный протестанту. Еще прежде, но неизвѣстно когда именно, Лейбницу было пожаловано дворянство и баронскій титулъ, но Лейбницъ рѣдко пользовался имъ.

Новый санъ не обязывалъ Лейбница оставаться въ Вѣнѣ, потому что онъ не былъ дѣйствительнымъ членомъ имперскаго надворнаго совѣта; но Вѣнское правительство охотно пользовалось его обширными познаніями и его неутомимою дѣятельностью. Такъ, напримѣръ, императоръ поручилъ ему сдѣлать изслѣдованіе о правахъ наслѣдства въ Тосканскомъ герцогствѣ, такъ какъ предвидѣлось пресѣченіе линіи Медичи, и Карлъ VI желалъ выяснить свои права на великое герцогство.

Среди спѣсивыхъ вельможъ и ограниченныхъ генераловъ, среди ханжей и іезуитовъ, которые наполняли Вѣнскій дворъ, Лейбницъ встрѣтилъ одну геніальную личность, способную вполнѣ понять и оцѣнить его — Евгенія Савойскаго [1]). Принцъ Евгеній въ рѣдкой степени соединялъ въ себѣ способности замѣчательнаго полководца и государственнаго правителя со вкусами образованнаго человѣка и съ необыкновенно благороднымъ и симпатичнымъ характеромъ. Онъ былъ чрезвычайно безкорыстенъ и великодушенъ, терпѣть не могъ лести и неправды; при этомъ онъ отличался удивительною скромностью и вовсе не зналъ злобы и зависти. Онъ былъ живъ и воспріимчивъ, всегда готовъ былъ содѣйствовать полезнымъ предпріятіямъ, такъ что враги называли его фантастомъ. Нрава онъ былъ очень веселаго. Онъ говорилъ, что главныя условія для счастія—здоровье и хорошее расположеніе духа; второе же часто можетъ замѣнить первое. Въ отношеніяхъ къ людямъ онъ былъ добръ и снисходителенъ, щедръ и ласковъ съ бѣдными, нѣженъ и горячъ съ друзьями. Онъ на цѣлый вѣкъ опередилъ своихъ товарищей министровъ, и еслибъ ему не помѣшала рутина Вѣнскаго двора, съ него бы началась новая эра для Австріи. Онъ понялъ двѣ главныя причины слабости Австріи: преобладаніе могущественной и необразованной аристократіи, захватившей въ свои руки всѣ высшія должности въ арміи и администраціи, какъ средство для своего обогащенія, и чрезмѣрное вліяніе римскаго духовенства, которое порабощало государство и подавляло въ немъ все, что могло

---

[1]) Мы говорили о личности Евгенія Савойскаго въ сочиненіи: «Борьба за Польскій престолъ, въ 1733 году», гл. II.

вдохнуть въ него новую жизнь [1]). Евгеній первый обратилъ вниманіе на причину бѣдности Австріи и всѣми силами старался развить въ ней промышленность и торговлю. Ему Австрія была обязана тѣмъ немногимъ, что было сдѣлано правительствомъ Карла VI для этой цѣли. Хотя Евгеній половину жизни провелъ въ лагерѣ, онъ чрезвычайно уважалъ науки и искусства и понималъ, что главное условіе успѣха въ государствѣ есть народное образованіе.

Между Евгеніемъ и Лейбницемъ скоро установились самыя близкія отношенія, и Лейбницъ могъ гордиться, что самые симпатичные изъ замѣчательныхъ личностей его вѣка, Софія-Шарлотта и Евгеній Савойскій, были его друзьями и учениками. Великій полководецъ, который въ юности ревностно занимался математикой, теперь слушалъ съ интересомъ уроки философа-математика, а Лейбницъ написалъ для него замѣчательное изложеніе своей философской системы, извѣстное подъ названіемъ Монадологіи. Послѣ отъѣзда Лейбница изъ Вѣны, графъ Бонниваль, который въ это время пользовался расположеніемъ Евгенія, писалъ философу въ Ганноверъ, что принцъ хранитъ его сочиненіе, „какъ неаполитанскіе священники — кровь св. Януарія. Онъ даетъ мнѣ его цѣловать, а потомъ опять запираетъ въ ящикъ" [2]).

---

[1]) Письма и записки принца наполнены ожесточенными упреками противъ «черныхъ», которые своими ковнями опутывали дворъ и страну, а эти черные платили ему еще большею ненавистью за то, что онъ ихъ разгадалъ.

[2]) Этотъ графъ Бонниваль — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ авантюристовъ XVIII вѣка. Онъ былъ храбрый солдатъ, но вслѣдствіе распутства и страсти къ злословію нигдѣ не могъ долго ужиться. Онъ былъ по происхожденію Французъ, рано отличился въ разныхъ войнахъ своего отечества, но навлекъ на себя своими рѣзкими отзывами вражду Ментенонъ и долженъ былъ бѣжать изъ Франціи. По рекомендаціи Евгенія, онъ былъ принятъ на австрійскую службу и также храбро сражался противъ своего отечества. Онъ достигъ генеральскаго чина, но своимъ высокомѣріемъ и насмѣшками возстановилъ противъ себя Евгенія. Изъ желанія мести онъ началъ различныя интриги, вслѣдствіе которыхъ былъ отданъ подъ судъ и высланъ за границу. Бонниваль отправился въ Турцію, принялъ магометанство, получилъ званіе Ахметъ-паши и занимался довольно безуспѣшно обученіемъ турецкой артиллеріи.

Бонниваль, по примѣру Евгенія, заразился страстью къ философіи и просилъ Лейбница написать и для него изложеніе его системы. Онъ сравнивалъ философа съ женщиной, которой легко удовлетворить всѣхъ своихъ друзей. Принцъ Евгеній назвалъ это сравненіе нелѣпымъ. Но Лейбницъ, всегда снисходительный, отвѣтилъ, что сравненіе философа «mit einer galanten und gefälligen Dame» не такъ странно, какъ можетъ казаться. Нѣтъ ни одного сравненія, которое было бы совершенно «неудачно». «Легкомысленная женщина ищетъ удовлетворенія плоти, философъ ищетъ удовлетворенія души. Знаменитый Гоббесъ заставилъ

Лейбницъ воспользовался дружбой Евгенія и расположеніемъ императорской семьи, чтобъ осуществить завѣтный планъ учрежденія академіи наукъ въ Вѣнѣ. Евгеній съ горячностью обѣщалъ свое содѣйствіе, императоръ одобрительно отнесся къ этому плану. Лейбницъ составилъ проектъ устава новой академіи и указъ объ ея учрежденіи [1]). Она должна была состоять изъ трехъ отдѣленій: литературнаго (историческаго и филологическаго), математическаго и естественнаго. Въ ея распоряженіи должны были находиться: библіотека, типографія, обсерваторія, лабораторія, рабочіе дома, зоологическій садъ, минералогическій гротъ, кабинетъ древностей и рѣдкостей, художественный музей и постоянная выставка орудій, моделей и всѣхъ новыхъ изобрѣтеній.

Чтобы не обременять скудную казну императора, Лейбницъ совѣтовалъ обезпечить академію нѣкоторыми существующими стипендіями (онъ, вѣроятно, разумѣлъ стипендіи, бывшія въ рукахъ духовенства), привилегіями на приготовленіе различныхъ химическихъ составовъ, налогами на предметы роскоши, напримѣръ, карты, гербовою бумагой, лотереей и проч. По окончаніи же войны можно было бы убѣдить земство различныхъ областей государства назначить извѣстную сумму на содержаніе академіи, какъ на общеполезное дѣло, ибо она немедленно оказала бы хорошее вліяніе на образованіе юношества и на развитіе промышленности. Цѣлью академіи, кромѣ теоретическихъ изслѣдованій и изданія историческихъ памятниковъ, должно было быть устройство народныхъ и ремесленныхъ школъ съ преобладаніемъ въ нихъ нѣмецкаго и другихъ языковъ, такъ какъ латинскія школы были въ рукахъ духовенства, воспитаніе инженеровъ и врачей для арміи, межеваніе и кадастръ земли и все, что могло служить къ болѣе правильному распредѣленію податей, примѣненіе ботаники къ сельскому хозяйству, осушеніе болотъ, заботы о лѣсоводствѣ, улучшеніе путей сообщенія, попеченіе о фабрикахъ, машинахъ, рудникахъ, рабочихъ домахъ и вообще объ улучшеніи промышленности.

меня улыбнуться, замѣтивъ, что люди пренебрегаютъ философіей, потому что не знаютъ, какое удовольствіе она доставляетъ — quantam voluptatem offert validissimus cum mundo congressus. Пиѳагоръ, который любилъ символическія выраженія, не безъ основанія сказалъ: «Такъ какъ боги дали ему преимущество помнить его прежнія метаморфозы, то онъ сознаетъ, что его душа прежде находилась въ тѣлѣ Лаисы».

[1]) Die Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien. XXV B. (1857). Foucher de Careil; Ueber den Nutzen etc. v. Bergmann.

Предсѣдательство академіи Лейбницъ предназначалъ одному изъ вельможъ, самъ же желалъ занять мѣсто вице-президента. Ему за это обѣщали 6.000 гульденовъ жалованья, но потомъ уменьшили эту сумму, по причинѣ дурныхъ обстоятельствъ, на 2.000. Еще во время его пребыванія въ Вѣнѣ придворная канцелярія разослала рескриптъ къ правительствамъ отдѣльныхъ областей и предложила имъ учрежденіе академіи. Дѣло, по обыкновенію, затянулось вслѣдствіе недостатка суммъ; но когда Лейбницъ уѣзжалъ изъ Вѣны, императоръ, императрица и министры обнадеживали его самымъ рѣшительнымъ образомъ, что его планъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Изъ Ганновера Лейбницъ писалъ Боннвалю: „Я бы желалъ, чтобы дѣло подвинулось впередъ до моего возвращенія въ Вѣну; иначе мнѣ придется начать снова. Въ мои годы нужно стараться, чтобы дѣло шло какъ можно скорѣе; я боюсь, чтобы со мной не случилось то же, что съ Моисеемъ (простите за сравненіе), которому удалось только издали увидѣть обѣтованную землю“.

Но та партія, которая погубила Австрію и всегда являлась на сцену, когда нужно было воспрепятствовать интересамъ просвѣщенія и прогресса, и тутъ вмѣшалась въ дѣло. Одинъ изъ друзей извѣстилъ Лейбница, что „*извѣстные достопочтенные* отцы противятся учрежденію академіи, что новыя изобрѣтенія въ наукахъ имъ внушаютъ подозрѣніе, и что имъ особенно не нравится вмѣшательство протестанта. Имъ уже удалось привлечь графа Синцендорфа на свою сторону“.

Лейбницъ не хотѣлъ вѣрить извѣстію. „Графъ и другіе министры слишкомъ образованы, писалъ онъ, чтобы обращать на это вниманіе. Они меня знаютъ хорошо, а также и самое дѣло“. Но еслибъ онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, онъ убѣдился бы, какъ мало заботятся о пользѣ просвѣщенія люди, которые имѣютъ въ виду только личные интересы.

Вообще послѣдніе годы Лейбница были полны разочарованій. По смерти Эрнста-Августа, умершаго въ 1698 году, память котораго онъ почтилъ біографіей, положеніе Лейбница въ Ганноверѣ становилось все безотраднѣе. Преемникъ Эрнста-Августа, Георгъ-Людвигъ, былъ, какъ мы видѣли, человѣкъ грубый и тяжелый; онъ иронически относился къ дѣятельности Лейбница и хотѣлъ видѣть въ немъ трудящагося чиновника, а не совѣтника. Правда, между Лейбницемъ и Софіей сохранились прежнія дружескія отношенія, но она имѣла мало вліянія на сына, и въ послѣднее время находилась даже въ очень натянутыхъ отношеніяхъ къ нему.

Есть извѣстіе, объясняющее отъѣздъ Лейбница въ Вѣну тѣмъ, что онъ не могъ болѣе переносить грубыя выходки курфирста Георга [1]). Оно правдоподобно, хотя и безъ него понятно, почему Лейбницъ желалъ ѣхать въ Вѣну и почему онъ пробылъ тамъ два года. Лейбницъ постоянно оправдывалъ въ письмахъ къ ганноверскимъ министрамъ свое продолжительное отсутствіе различными порученіями императора и предлагалъ воспользоваться его пребываніемъ въ Вѣнѣ для ганноверскихъ дѣлъ. Дѣйствительно, ему поручили хлопотать при императорскомъ дворѣ о Лауенбургскомъ наслѣдствѣ, о которомъ Ганноверъ спорилъ съ другими нѣмецкими князьями.

Тѣмъ не менѣе Георгъ былъ очень недоволенъ отсутствіемъ Лейбница. Однажды, когда въ Ганноверѣ искали собачку, которая пропала изъ дворца и по обычаю съ барабаннымъ боемъ извѣщали жителей о пропажѣ, курфирстъ сказалъ: „Мнѣ придется, кажется, и моего Лейбница разыскивать посредствомъ барабана, чтобъ узнать, куда онъ пропалъ“ [2]). Весной 1714 года министръ Бернсторфъ писалъ ему, что „Е. К. В. начинаетъ терять терпѣніе, и въ качествѣ друга и слуги онъ совѣтуетъ ему возвратиться“.

Мы видѣли, какіе планы задерживали Лейбница въ Вѣнѣ, и что они были въ тѣсной связи съ интересами Ганноверскаго дома. Трудно сказать, что̀ ему было ближе къ сердцу, торжество ли Германіи надъ

---

[1]) Фуше де-Карель въ Sitzungsb. d. Akad. zu Wien XXV упоминаетъ о неизданномъ письмѣ Лейбница, изъ котораго будто бы видно: «dass er wegen des barschen und aufbrausenden Wesens dieses Fürsten, welches er nicht ertragen mochte, sich 1712 an den Wiener Hof geflüchtet. P. 130.

[2]) Перцъ въ предисловіи къ «Анналамъ Западной Имперіи» Лейбница приводитъ нѣсколько забавныхъ разказовъ о томъ, какъ Георгъ сердился за продолжительныя отлучки Лейбница и за медленное окончаніе его исторіи. Однажды, когда Лейбницъ, чтобъ отдохнуть отъ занятій, отправился на ярмарку въ Брауншвейгъ, курфирстъ иронически замѣтилъ: «M. Leibnitz promène son bel esprit à la foire de Brunsvic». Когда въ 1708 г. Лейбницъ уѣхалъ безъ отпуска изъ Ганновера, Георгъ хотѣлъ въ газетахъ назначить награду тому, кто отыщетъ Лейбница. Однажды Георгъ пишетъ своей матери о Лейбницѣ: H. v. L., nach dem die Königin (Софія-Шарлотта) so sehr schmachtet, ist nicht hier, obgleich ich ihm eine Wohnung habe einrichten lassen. Er ist ebensowenig festzuhalten als Frau von Jules. Fragt man ihn, woher es kommt, dass man ihn nicht sieht, so hat er stets zur Entschuldigung, dass er an seinem unsichtbaren Buche arbeitet, dessen Dasein zu beweisen, man, wie mir scheint, eben so viel Mühe haben wird, als Herr von Jaquelot sich für das der Bücher Mose giebt». Курфирстъ имѣлъ нѣкоторое основаніе быть недовольнымъ. Еще въ 1690-хъ годахъ Лейбницъ надѣялся, что онъ скоро окончитъ свою исторію Брауншвейгскаго дома, но этотъ трудъ противъ его воли разростался все болѣе и болѣе.

Франціей съ помощью освобожденной Англіи, или освобожденіе Англіи посредствомъ воцаренія Ганноверской династіи. Онъ находился въ сношеніяхъ съ различными политическими дѣятелями Англіи, собиралъ свѣдѣнія о положеніи тамошнихъ партій и старался руководить своими совѣтами Софію, наслѣдницу англійскаго престола.

Вигское министерство королевы Анны навлекло на себя такую непопулярность недобросовѣстностью, расхищеніемъ казенныхъ суммъ во время войны и политическими ошибками, что многіе патріоты перешли на сторону торіевъ, и имя виговъ сдѣлалось ненавистнымъ въ народѣ. Поэтому благоразумные приверженцы Ганноверской династіи, напримѣръ, Керъ, совѣтовали Софіи не высказывать пристрастія къ вигамъ, а стараться расположить къ себѣ лучшихъ людей въ обѣихъ партіяхъ. Послѣдній совѣтовалъ даже устранить названіе виговъ и торіевъ, а говорить только о приверженцахъ протестантской линіи и о якобитахъ.

Лейбницъ былъ совершенно такого же мнѣнія. „Только крайности, писалъ онъ Бёрнету, предосудительны, какъ у виговъ, такъ и у торіевъ. Умѣренные съ обѣихъ сторонъ легко могутъ примириться. Крайніе торіи — якобиты, а крайніе виги — республиканцы. Развѣ умѣренные торіи не согласятся, что бываютъ случаи, когда пассивное повиновеніе должно превратиться и когда позволительно сопротивленіе власти; а умѣренные виги развѣ не полагаютъ, что не слѣдуетъ легкомысленно или безъ особенно важныхъ причинъ рѣшаться на такое сопротивленіе? То же самое можно сказать относительно наслѣдственнаго права на престолъ: отъ него не слѣдуетъ отступать, если этого не требуетъ спасеніе отечества... Такъ какъ поэтому благоразумные въ обѣихъ партіяхъ не очень отличаются въ существенномъ, то мнѣ кажется, что всѣ эти споры не что иное, какъ трата времени и предлогъ, чтобы получить мѣсто и вліяніе. Лучше всего было бы давать мѣста людямъ обѣихъ партій, но добросовѣстнымъ, и не обращать вниманія на ихъ теоретическія мнѣнія". Въ такомъ же смыслѣ Лейбницъ писалъ изъ Вѣны въ Ганноверъ: „Мы должны оставаться безпристрастны къ вигамъ и торіямъ; мы имѣемъ приверженцевъ между тѣми и между другими; какъ крайніе торіи стоятъ за претендента, такъ крайніе виги желаютъ короля (если уже такой необходимъ), столь же ограниченнаго въ своей власти, какъ Венеціанскій дожъ. Намъ не нужно прибѣгать къ чрезмѣрнымъ издержкамъ; достаточно, если нашъ дворъ будетъ выказывать заботливость объ интересахъ націи и расположеніе къ умѣреннымъ той и другой партіи".

Между тѣмъ въ Англіи продолжались интриги. Либералы давно желали для своего обезпеченія пригласить въ Англію кого-нибудь изъ членовъ Ганноверской династіи. Наконецъ, они убѣдили курпринца, сына Георга, потребовать отъ парламента, въ качествѣ англійскаго пера, офиціальнаго приглашенія. Королева Анна, расположенная къ своему брату претенденту, была чрезвычайно раздражена „дерзостью" курпринца и въ своихъ письмахъ къ Софіи высказала свое неудовольствіе въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ [1]).

Черезъ три дня послѣ полученія этихъ писемъ, курфирстина Софія, которая была глубоко оскорблена ими, неожиданно скончалась. Итакъ, оба друга Лейбница, и дочь и мать, умерли во время его отсутствія. Но еще за двѣ недѣли передъ смертью, Софія написала ему длинное письмо объ англійскихъ дѣлахъ. „Это письмо, какъ онъ говоритъ, заключало въ себѣ такія вѣрныя и мѣткія сужденія, которыя сдѣлали бы честь самому великому государственному человѣку, и было въ такомъ веселомъ тонѣ, какъ будто оно было написано „молодою принцессой Софіей", какъ называли ее Англичане".

Черезъ два мѣсяца послѣ этого умерла Анна; курфирстъ Георгъ былъ провозглашенъ королемъ и тотчасъ собрался въ Англію. Теперь предъ Лейбницемъ открылось бы блестящее поприще, если бы новый король умѣлъ оцѣнить его. Мы видѣли, почему Лейбницъ оставался въ Вѣнѣ по полученіи извѣстія о смерти Анны: онъ хотѣлъ убѣдить тамошній дворъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Любимецъ Георга, Бернсторфъ, теперь не торопилъ Лейбница; но за то неутомимый Керъ, который изъ Вѣны отправился въ Ганноверъ, настаивалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ на его возвращеніи.

„Для интересовъ короля и для счастія Великой Британіи чрезвычайно важно, писалъ онъ ему, чтобы вы немедленно оставили Вѣну и поспѣшили сюда. Обширность вашихъ свѣдѣній, особенно въ дѣлахъ англійскихъ, вашъ долголѣтній опытъ, особенное уваженіе короля къ вамъ дѣлаютъ васъ болѣе способнымъ, чѣмъ кого бы то ни было къ роли его главнаго совѣтника, прежде чѣмъ онъ отправится въ Англію, языка и нравовъ которой онъ не знаетъ. Извините меня, если я позволю себѣ напомнить, что успѣхъ великихъ предпріятій много зависитъ отъ первыхъ шаговъ. Если начало дурно, то его трудно исправить. Вслѣдствіе несогласій и ожесточенія, господствующихъ въ Англіи, король долженъ быть очень остороженъ, чтобы выйдти изъ неизбѣжныхъ затрудненій, которыя непремѣнно представятся, если

[1]) *Mahon* — History of England. I, 82.

онъ будетъ выказывать больше расположенія къ одной, чѣмъ къ другой партіи. Съ огорченіемъ извѣщаю васъ, что здѣшніе министры очень несвѣдущи въ нашихъ дѣлахъ. Бернсторфъ находится совершенно подъ вліяніемъ одного невѣжды, по имени Робетона, который хлопочетъ только о своихъ личныхъ интересахъ. Его пристрастіе и нахальство могутъ причинить много вреда въ эту критическую минуту, отъ которой зависитъ наше будущее счастіе".

Керъ былъ правъ. Какъ дурно ганноверскіе министры соблюдали интересы короля, доказываетъ фактъ, случившійся съ самимъ Керомъ. Послѣдній предпринялъ свою поѣздку въ Германію въ интересахъ Ганноверскаго дома и истратилъ на нее болѣе 1.000 ф. стерл. Ганноверскіе министры Гёрцъ и Бернсторфъ знали объ этомъ и обѣщали ему вознагражденіе за принесенныя имъ жертвы. Керъ послѣдовалъ за Георгомъ въ Гагу и тамъ подалъ ему записку о внутренней политикѣ Англіи. Ему посовѣтовали, чтобъ онъ испросилъ себѣ мѣсто губернатора Бермудскихъ острововъ. Оба министра обѣщали ему похлопотать за него у короля. Но ему дали понять, что онъ долженъ подарить Робетону, любимцу Бернсторфа, 500 гиней, если хочетъ получить мѣсто. Керъ отказался отъ своего желанія, но продолжалъ служить интересамъ короля. Онъ открылъ заговоръ графа Мара и извѣстилъ о немъ Бернсторфа, но тотъ не обратилъ на это вниманіе; какъ извѣстно, заговоръ Мара удался и былъ поводомъ къ кровопролитной междуусобной войнѣ. Вслѣдствіе этой дѣятельности Керъ истратилъ все свое состояніе и вошелъ въ долги. Напрасно просилъ онъ Бернсторфа вознаградить его за издержки. Тогда Лейбницъ, какъ разказываетъ самъ Керъ, тронутый этою несправедливостью, изъ своихъ денегъ заплатилъ въ Германіи долгъ Кера въ 230 ф. стерл. безъ вѣдома послѣдняго.

Ганноверскіе министры скоро сдѣлали Георга непопулярнымъ въ Англіи. На сколько лучше Лейбницъ понималъ его интересы, доказываетъ слѣдующее письмо его: „Король непремѣнно долженъ предоставить націи свободное избраніе членовъ парламента и въ этомъ случаѣ противиться ненавистнымъ интригамъ и подкупамъ, которые были въ обычаѣ въ прежнія царствованія: тогда составится собраніе изъ честныхъ и заслуженныхъ людей, которые будутъ имѣть въ виду только благо націи и дѣйствовать безкорыстно. Я желаю и надѣюсь, что наши нѣмецкіе министры никогда не рѣшатся вмѣшиваться въ дѣла Англіи; это было бы не только несправедливымъ дѣломъ, но и самымъ вѣрнымъ средствомъ погубить короля во мнѣніи народа".

Лейбницъ не засталъ короля въ Ганноверѣ и собирался ѣхать за нимъ въ Лондонъ; но ему дали ясно понять, что этого не желаютъ. Георгъ былъ такъ недоволенъ имъ, что велѣлъ прекратить выдачу ему жалованья, и даже передъ отъѣздомъ въ Англію въ рескриптѣ къ министрамъ отозвался съ пренебреженіемъ о его историческихъ работахъ. Тѣмъ болѣе Лейбницъ желалъ видѣться съ королемъ. Но Бернсторфъ писалъ ему изъ Англіи: „Вы хорошо сдѣлаете, милостивый государь, если останетесь въ Ганноверѣ и снова возьметесь за ваши занятія. Вы ничѣмъ не можете скорѣе угодить королю или лучше вознаградить его за ваше прежнее отсутствіе, какъ если вы представите ему, по его возвращеніи, значительную часть давно ожидаемаго труда“. За тѣмъ онъ далъ ему нѣсколько указаній относительно его Брауншвейгской исторіи, о которой мы говорили прежде.

Лейбницъ былъ чрезвычайно огорченъ немилостью короля и неделикатностью министра. „Такое обращеніе со мной, писалъ онъ Бернсторфу, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ труду и рвенію въ продолжніе стольких лѣтъ и преданности, съ которой я отказывался отъ большихъ выгодъ, когда сомнѣвался, можно ли ихъ согласовать съ моею службой королю; ибо его слава была всегда однимъ изъ мотивовъ моей дѣятельности“.

Въ другой разъ онъ писалъ Бернсторфу: „Я не столько принимаю къ сердцу мои убытки, какъ дурное мнѣніе, которое король имѣетъ о моихъ занятіяхъ. Но меня огорчило больше, чѣмъ я могу сказать, что въ то время, когда Европа отдаетъ мнѣ справедливость, меня не хотятъ знать тамъ, гдѣ я всего болѣе имѣлъ бы право этого ожидать“.

Эти оскорбленія заставили Лейбница на старости лѣтъ искать себѣ другаго убѣжища. Въ 1716 году онъ пишетъ Керу, что онъ нѣсколько разъ напрасно просилъ позволенія пріѣхать въ Англію; поэтому онъ „собирается тотчасъ по окончаніи своей исторіи удалиться въ Вѣну, чтобы провести тамъ остатокъ своихъ дней“. Керъ прибавляетъ къ этому, что „ганноверскіе министры противились пріѣзду Лейбница, зная, что этотъ великій человѣкъ только старался противодѣйствовать корыстнымъ видамъ, съ которыми они вмѣшивались въ англійскія дѣла“.

Только этимъ крайнимъ огорченіемъ Лейбница, который привыкъ къ придворной жизни, объясняется то, что онъ искалъ убѣжища даже у государя, противъ котораго боролся всю свою жизнь — у Людовика XIV.

Лейбницъ занимался въ это время изслѣдованіемъ о происхожденіи Франковъ. Не задолго передъ смертью Людовика XIV, онъ пред-

ставилъ ему, черезъ министра Торси, переводъ своего изслѣдованія въ красивой рукописи, на которой находился слѣдующій эпиграфъ:

Exiguis egressa locis Gens Francica tandem
Complexa est sceptris solis utramque domum:
Magne, Tibi, Lodoix, debet fastigia tanta
Et capit ex uno Natio fata Viro.

По поводу этого сочиненія Лейбницъ находился въ полемикѣ и въ перепискѣ съ іезуитомъ Турнеминомъ. Черезъ него онъ сталъ хлопотать о приглашеніи въ Парижъ. „Покойный король Людовикъ Великій, незабвенной памяти, разказываетъ Турneминъ, читалъ письмо Лейбница и поручилъ мнѣ отвѣтить, что онъ вполнѣ знаетъ заслуги г. Лейбница, что съ удовольствіемъ увидитъ его при своемъ дворѣ и что онъ сдѣлаетъ ему пребываніе во Франціи столько же пріятнымъ, сколько оно будетъ для нея полезнымъ".

Но переговоры о переселеніи во Францію, какъ и въ 1690-хъ годахъ, кончились ничѣмъ, потому что отъ Лейбница требовали обращенія въ католичество.

Это желаніе Лейбница перейдти ко двору государя, котораго онъ считалъ въ теченіе 40 лѣтъ самымъ злымъ врагомъ своего отечества, должно казаться крайнею непослѣдовательностью. Но не надо забывать, что патріотизмъ Лейбница не поглощалъ его исключительно. Лейбницъ не потому только былъ вооруженъ противъ Людовика, что тотъ хотѣлъ отнять у Германіи лѣвый берегъ Рейна, но потому что онъ постоянно нарушалъ спокойствіе Европы и этимъ вредилъ интересамъ цивилизаціи. Послѣдніе были для Лейбница всегда на первомъ планѣ. Мы знаемъ, что по его мнѣнію, никто не могъ такъ много содѣйствовать успѣхамъ цивилизаціи, какъ могущественный монархъ, и поэтому мечтой всей его жизни было сдѣлаться совѣтникомъ такого монарха. Притомъ къ людямъ XVIII вѣка, которые такъ легко переходили изъ одного государства въ другое, не слѣдуетъ примѣнять нашихъ понятій объ обязанностяхъ, налагаемыхъ національностью [1]).

[1]) Добросовѣстность Лейбница доказывается тѣмъ, что онъ нѣсколько разъ отклонялъ предложеніе поселиться во Франціи, хотя считалъ чрезвычайно полезнымъ для успѣховъ своихъ занятій жить въ Парижѣ, центрѣ умственнаго міра, и постоянно тяготился пренебреженіемъ къ духовнымъ интересамъ въ Ганноверѣ. Но его останавливала, между прочимъ, война между Франціей и Германіей; по поводу этого онъ пишетъ въ 1692 графу Вивье, приглашавшему его въ Парижъ: «La seconde (cause) est la guerre présente, pendant laquelle je ne sais, comment un Allemand se pouvoit transférer en France, sans encourir des blames et des

Не смотря на неблагодарность Георга, Лейбницъ до конца своей жизни не переставалъ трудиться въ интересахъ Ганноверской династіи. Нѣмецкіе министры Георга дѣйствовали въ Англіи чрезвычайно безтактно и подали поводъ къ сильному неудовольствію противъ новаго короля. Это неудовольствіе дало его врагамъ возможность распространять о немъ клеветы и еще болѣе вооружать противъ него общественное мнѣніе. Въ одной якобитской брошюрѣ: «Avis aux propriétaires Anglais», министровъ Георга упрекали въ томъ, что они покровительствуютъ промышленнымъ и торговымъ классамъ на счетъ землевладѣльцевъ, стараются унизить епископальную церковь, благопріятствуютъ атеистамъ, заводятъ постоянныя войска и пр.; тутъ же выставляли на видъ антипатію Георга противъ англійской церкви и націи.

Лейбницъ возразилъ противъ этихъ обвиненій въ брошюрѣ: «Anti-Jacobite ou Faussetés de l'avis aux propriétaires Anglais», которая, по его обыкновенію, была издана анонимно. Онъ указываетъ на тѣсную связь между интересами промышленнаго и земледѣльческаго классовъ. „Земледѣліе есть основаніе народнаго благостоянія, подобно корню и стволу дерева. Но торговля и промышленность привлекаютъ изъ-за границы капиталы и обогащаютъ государство; онѣ подобны вѣтвямъ дерева, которыя даютъ цвѣтъ и плодъ. Одно нуждается въ другомъ. Землевладѣльцы выгодно сбываютъ свой хлѣбъ, когда торговля процвѣтаетъ, съ другой стороны благосостояніе торговыхъ и промышленныхъ классовъ ростетъ, когда они въ своей странѣ находятъ въ изобиліи съѣстные припасы и сырые матеріалы для торговли. Промышленники, нажившіе торговлею капиталъ, стараются пріобрѣсти имѣнія, какъ самое лучшее средство упрочить благосостояніе своей семьи. Налоги же должны быть распредѣлены такимъ образомъ, чтобы не нарушать этого согласія“ [1]).

Далѣе Лейбницъ указываетъ парламенту на великія задачи, которыя ему предстоятъ: устранить бѣдствія, грозящія англійской торговлѣ (при этомъ Лейбницъ не упустилъ случая напомнить о вредныхъ послѣдствіяхъ Утрехтскаго мира), усмирить вражду партій въ Бри-

reproches. Et quoique il faille considérer le globe de la terre comme la patrie commune du genre humain, néanmoins un homme raisonnable doit éviter, tant qu'il peut, ces blames encore dans les choses, qui sont innocentes en elles-mêmes». Въ 1715 году война между Германіей и Франціей прекратилась.

[1]) Guhrauer — G. W. v. Leibnitz. II, p. 318.

танскихъ королевствахъ и противодѣйствовать невѣрію и безнравственности, которыя навлекаютъ на людей гнѣвъ Неба.

Возраженіе якобитамъ было послѣднимъ въ длинномъ ряду политическихъ сочиненій Лейбница. Мы видѣли, что было цѣлью его дѣятельности, какъ публициста и политика — равновѣсіе и успокоеніе Европы и направленіе ея общихъ силъ къ интересамъ цивилизаціи. Лейбницъ принадлежитъ къ немногимъ европейскимъ публицистамъ, которые умѣли мирить свой патріотизмъ съ обязанностями человѣка. Какъ Лейбницъ во всемъ остальномъ отъ частностей восходилъ къ общему и любилъ мирить противорѣчія въ высшемъ синтезѣ, такъ онъ и въ политикѣ прежде всего имѣлъ въ виду общую гармонію и общіе интересы. Поэтому онъ еще въ юности съ такимъ энтузіазмомъ проводилъ идею ополченія всей Европы противъ магометанскаго Востока, чтобы водворить тамъ цивилизацію и направить туда избытокъ европейскихъ силъ. Только когда Людовикъ отвергнулъ планъ завоеванія Египта и сталъ угрожать безопасности Европы, Лейбницъ началъ взывать противъ него къ общественному мнѣнію и вложилъ въ эту борьбу всю свою силу и энергію.

Честолюбіе Людовика, встревожившее Европу, породило систему международнаго вмѣшательства и вызвало противъ себя сильную реакцію въ обществѣ. Однимъ изъ проявленій этой реакціи были мечты о вѣчномъ мирѣ, распространенію которыхъ французскій писатель аббатъ де-Сенъ-Пьеръ посвятилъ всю свою жизнь. Онъ составилъ планъ постояннаго международнаго конгресса, который разрѣшалъ бы всѣ споры между отдѣльными государствами и устранялъ бы этимъ всякій поводъ къ войнѣ. И Лейбницу онъ прислалъ свой проектъ, прося его высказать о немъ свое мнѣніе. Лейбницъ [1]) считалъ „такой проектъ въ цѣломъ — возможнымъ, а осуществленіе его весьма полезнымъ“. Но по его мнѣнію, все зависѣло отъ личной воли государей.

Мы видѣли, какое значеніе Лейбницъ придавалъ иниціативѣ государей. „Людямъ недостаетъ только воли, пишетъ онъ Сенъ-Пьеру, чтобъ избавиться отъ безконечныхъ бѣдствій. Если бы 5 или 6 человѣкъ захотѣли, они могли бы прекратить великій расколъ въ церкви. Государь можетъ оградить свое государство отъ чумы; государь же можетъ спасти своихъ подданныхъ отъ голода. Чтобы прекратить

[1]) См. Его Lettre à l'abbé de S. P. и Observations sur le projet d'une paix perpétuelle. Ed. F. de C. T. IV, p. 324.

войны, нужно было бы, чтобы новый Генрихъ IV съ нѣсколькими другими государями одобрилъ вашъ планъ. Бѣда въ томъ, что трудно склонить къ этому могущественныхъ государей".

Въ этомъ взглядѣ высказывается особенность того времени. Вѣкъ Лейбница былъ эпохой высшаго развитія „личнаго правленія". Оттого Лейбницъ придавалъ такое значеніе личной инціативѣ государей, оттого всегдашнею цѣлью его жизни было пріобрѣсти вліяніе при различныхъ дворахъ, оттого онъ ставилъ возможность прочнаго мира въ зависимость отъ воли нѣсколькихъ государей и сомнѣвался въ этой возможности.

Вѣчный миръ, въ буквальномъ смыслѣ слова, конечно, всегда будетъ мечтой. Но въ проектѣ французскаго аббата заключается историческая истина. Вліяніе международныхъ конгрессовъ на мирное разрѣшеніе европейскихъ дѣлъ увеличивается съ каждымъ вѣкомъ. Уже въ наше время, хотя на французскомъ престолѣ находится государь не менѣе неограниченный, чѣмъ Людовикъ XIV, вліяніе международнаго права чувствуется гораздо сильнѣе, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, и если и въ наше время войны не рѣдки, онѣ ведутся изъ-за болѣе высокихъ цѣлей, чѣмъ тогда. Но чѣмъ большее значеніе пріобрѣтетъ общественное мнѣніе въ Европѣ, къ которому уже Лейбницъ постоянно обращался, чѣмъ лучше народы будутъ понимать свои интересы и чѣмъ больше они будутъ имѣть возможности проявлять свои желанія, тѣмъ сильнѣе будетъ гарантія мира и тѣмъ успѣшнѣе будутъ дѣйствія международныхъ конгрессовъ.

То, что казалось мечтой въ вѣкъ Сенъ-Пьера, въ наше время становится ясно сознанною цѣлью, къ которой стремится Европа.

Придетъ время, когда громадные материки Америки, Африки, Австраліи и отчасти Азіи будутъ густо населены Кавказскимъ племенемъ, когда тамъ возникнутъ государства, въ сравненіи съ которыми Европа будетъ казаться такъ же мала, какъ древняя Эллада сравнительно съ нами: тогда все болѣе и болѣе выяснится необходимость центральнаго органа для общеевропейскихъ интересовъ, тогда будетъ очень возможнымъ образованіе *европейской конфедераціи*, и войны между различными народами Европы будутъ считаться междуусобными войнами.

Европа давно мечтаетъ о конфедераціи для своихъ народовъ. Въ средніе вѣка этотъ идеалъ думали осуществить съ помощью христіанской религіи, или точнѣе, католической идеи о папѣ и императорѣ, какъ главахъ христіанскаго міра. Лейбницъ еще вѣрилъ въ этотъ идеалъ.

Онъ считалъ Нѣмецкую имперію XVII вѣка съ ея самостоятельными государствами, связанными общимъ сеймомъ подъ предсѣдательствомъ императора, прототипомъ европейской конфедераціи. Но ошибка Лейбница заключалась въ томъ, что онъ бралъ свои идеалы изъ прошедшаго. Идеалы нашего вѣка основаны на политическихъ формахъ болѣе зрѣлыхъ и болѣе согласныхъ съ свободою и прогрессомъ.

Лѣтомъ 1716 года Георгъ пріѣзжалъ въ Ганноверъ. Лейбницъ видѣлся съ королемъ въ Пирмонтѣ и говорилъ съ нимъ о своемъ спорѣ съ Ньютономъ. Георгъ, не расположенный къ Лейбницу, принималъ сторону Ньютона и говорилъ Лейбницу, что „аббатъ Конти собирается пріѣхать въ Германію, чтобы вразумить его". Впрочемъ, какъ кажется, Лейбницъ остался доволенъ королемъ; онъ возвратился въ Ганноверъ веселый и дѣятельно принялся за свою исторію, чтобъ окончить ее какъ можно скорѣе.

Этотъ трудъ лежалъ тяжелымъ бременемъ на немъ; по окончаніи его онъ надѣялся приступить къ разнымъ другимъ работамъ, не оконченнымъ по недостатку времени. Число такихъ начатыхъ работъ, предположеній и проектовъ Лейбница было изумительно. Еще въ 1696 году онъ писалъ Бёрнету: „Если смерть позволитъ мнѣ осуществить всѣ планы, которые я уже составилъ, я готовъ обѣщать, что не придумаю никакихъ другихъ, а только буду прилежно работать надъ прежними, и не смотря на то, я черезъ подобную сдѣлку выигралъ бы много времени. Но смерть не обращаетъ вниманія на наши планы и на развитіе науки". Главные между этими планами были: изданіе его мелкихъ статей, разсѣянныхъ по журналамъ, изданіе его переписки съ нѣкоторыми учеными, напримѣръ, Арно̀, окончаніе его динамики, и наконецъ, систематическое изложеніе его философіи. До сихъ поръ были извѣстны только отрывки его философіи, написанные по случайному поводу или для какого-нибудь близкаго лица, но и эти не всѣ были изданы. Лейбницъ давно собирался составить полное изложеніе своей системы въ математической формѣ. Онъ хотѣлъ показать на дѣлѣ, что нравственныя и философскія истины можно доказывать неопровержимымъ образомъ, подобно математическимъ теоремамъ. Не задолго передъ смертью онъ говорилъ Вольфу, который сдѣлался потомъ главнымъ представителемъ его философіи, что хочетъ геометрическимъ способомъ доказать свои метафизическія истины и сдѣлать ихъ столь же непреложными, какъ Эвклидовы теоремы. Самымъ же завѣтнымъ его желаніемъ, отъ котораго онъ ожидалъ всего болѣе пользы для науки, была его „всеобщая характеристика", или изо-

брѣтеніе методы, съ помощью которой было бы такъ же легко открывать новыя истины нравственнаго и физическаго міра, какъ посредствомъ данной формулы рѣшать математическую задачу.

Многосторонность и воспріимчивость Лейбница постоянно отрывали его отъ выполненія этихъ задачъ. Какъ разнообразны были интересы его жизни, можно видѣть изъ отрывка дневника, который онъ велъ въ 1696 году. Въ началѣ этого отрывка Лейбницъ говоритъ, что онъ заводитъ дневникъ для того, чтобы дать отчетъ о времени, которое у него осталось [1]). Въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ Лейбницъ отмѣчаетъ, чѣмъ онъ занимался каждый день.

Вотъ что̀ мы читаемъ между отмѣтками за нѣсколько дней: „Съ голландскими купцами Лейбницъ ѣдетъ въ Герренгаузенъ, чтобъ осмотрѣть водопроводы и фонтаны. (Лейбницъ самъ принималъ участіе въ инженерныхъ работахъ, съ помощью которыхъ хотѣли изъ Герренгаузена сдѣлать второй Версаль). Курфирстъ показываетъ ему письмо отъ герцогини Орлеанской о безсмертіи и проситъ составить отвѣтъ на него. Канцлеръ посылаетъ ему какую-то хронику, тайно напечатанную, и проситъ совѣта, какъ поступить съ ней. Утромъ, въ постели, Лейбницъ обдумываетъ какую-то математическую проблему. Отвѣчаетъ на сдѣланный ему запросъ, какое различіе между живой и мертвой силой въ динамикѣ. Придумываетъ желѣзные ящики для жаренія и варенія мяса. Сообщаетъ профессору Верлону свое мнѣніе объ одномъ юридическомъ вопросѣ. Читаетъ депеши ганноверскаго посла при Регенсбургскомъ сеймѣ по дѣлу о курфирстскомъ санѣ герцога. Занимается вопросомъ, какъ бѣлить холстъ посредствомъ воска. Ѣдетъ въ Вольфенбюттель, и на дорогѣ, и въ гостинницѣ рѣшаетъ какую-то математическую проблему", и т. д.

Лейбницъ и потому, между прочимъ, былъ такъ щедръ на свое время, что надѣялся на свое здоровье и былъ чрезвычайно бодръ, хотя съ пятидесятаго года жизни началъ страдать подагрой. Отъ сидячей жизни этотъ недугъ усиливался, и потому Лейбницъ такъ охотно предпринималъ разныя путешествія. Въ послѣдніе годы у Лейбница открылась рана на ногѣ. Онъ иногда совѣтовался съ докторами, но большею частью самъ лѣчилъ себя. Весною 1715 года онъ писалъ Корттольту: „У меня по временамъ болятъ ноги; иногда болѣзнь переходитъ въ руки... голова же и желудокъ, слава Богу, еще исправны".

[1]) Этотъ отрывокъ напечатанъ въ Leibnitz-Album, изданномъ Гротефендомъ въ 1846 году, въ годовщину рожденія Лейбница.

Въ это же время онъ писалъ Монтмору: „Я страдаю подагрой... боль не очень сильна, но она не позволяетъ мнѣ иной дѣятельности какъ въ моемъ кабинетѣ, гдѣ время проходитъ для меня всегда слишкомъ скоро, поэтому я не знаю скуки, а это — счастіе въ несчастіи".

Его секретарь Экгардъ разказываетъ о немъ, что онъ лѣчилъ себя діэтой, когда подагра слишкомъ усиливалась; за обѣдомъ онъ ничего не ѣлъ, кромѣ молока; за то вечеромъ ужиналъ съ аппетитомъ и тотчасъ ложился спать. Онъ шутилъ при этомъ, что такимъ образомъ выигрываетъ много времени, обѣдаетъ по-римски, а желудокъ во снѣ перевариваетъ пищу лучше, чѣмъ днемъ. Вообще же онъ ложился спать въ часъ или два; иногда онъ нѣсколько дней сряду занимался, не вставая съ мѣста. Отъ этого у него сдѣлалась рана на ногѣ; она мѣшала ему ходить, и онъ вздумалъ ее залѣчить компрессами изъ тонкой бумаги; она закрылась, но тогда его подагра усилилась. Онъ старался вылѣчиться тѣмъ, что лежалъ смирно и занимался въ постели. А чтобъ уничтожить боль, онъ велѣлъ себѣ сдѣлать деревянные тиски и привинчивать ихъ повсюду, гдѣ чувствовалъ боль. „Вслѣдствіе этого, говоритъ Экгардъ, онъ до такой степени разстроилъ свои нервы, что почти не могъ ходить и все время лежалъ въ постели".

Но еще весною 1716 года Лейбницъ писалъ Монтмору, что его незначительные недуги очень сносны, и что когда онъ лежитъ, то даже не чувствуетъ боли. Если его положеніе не ухудшится, то оно не помѣшаетъ ему предпринять довольно большое путешествіе.

Въ августѣ Лейбницъ былъ въ Пирмонтѣ на водахъ и возвратился веселый и бодрый. Но въ ноябрѣ онъ подвергнулся сильному припадку подагры, которая перешла въ плечо. По своему обыкновенію онъ принялъ три порціи декокту, который ему далъ какой-то іезуитъ въ Вѣнѣ. На этотъ разъ лѣкарство оказалось слишкомъ сильнымъ: у больнаго распухло тѣло, и сдѣлались сильныя судороги и боли. Это было 14-го ноября, вечеромъ. Ему сказали, что въ Ганноверъ пріѣхалъ Вальдекскій лейбмедикъ, Зейпъ, о которомъ Лейбницъ былъ очень хорошаго мнѣнія. Онъ послалъ за нимъ и сталъ ему говорить про болѣзнь и про свое лѣченіе. Зейпъ разказываетъ, что онъ при этомъ постоянно заговаривалъ объ алхиміи, сообщалъ, напримѣръ, какъ извѣстный Фуртенбахъ превратилъ во Флоренціи половину желѣзнаго гвоздя въ золото. Зейпъ, замѣтивъ, что пульсъ больнаго очень слабъ и что на рукахъ выступилъ холодный потъ, сказалъ ему, что онъ въ опасномъ положеніи. Лейбницъ возразилъ, что у него съ дѣтства хо-

лодныя руки и ноги, а также слабый пульсъ, что у него есть разныя средства на всякія случайности. Зейпъ отсовѣтывалъ эти средства, просилъ позволенія прописать ему лѣкарство и самъ отправился за нимъ въ аптеку. Какъ только докторъ вышелъ, страданія до того усилились, что больной почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ спросилъ бумаги и перо, началъ что-то писать, но когда хотѣлъ при свѣтѣ прочитать написанное, то не могъ разобрать. Онъ разорвалъ бумагу и прилегъ, снова хотѣлъ приняться писать и опять бросилъ бумагу, повернулся и тихо скончался около 10 часовъ.

Экгардъ прибавляетъ къ разказу доктора, что когда одинъ изъ слугъ спросилъ его, не хочетъ ли онъ причаститься, то онъ отвѣтилъ, чтобъ его оставили въ покоѣ, что онъ никого не обидѣлъ, и что ему не въ чемъ исповѣдываться. Другіе разказывали, что когда кто-то ему сталъ говорить о смерти, онъ спокойно возразилъ: „И другіе люди должны умереть" [1].

Такова была одинокая кончина философа, который имѣлъ многочисленныхъ друзей во всѣхъ странахъ Европы: любимецъ и совѣтникъ стольких замѣчательныхъ людей своего времени умеръ на рукахъ прислуги и проѣзжаго доктора.

Но еще болѣе грустное впечатлѣніе, чѣмъ кончина Лейбница, оставляетъ его погребеніе. На похоронахъ его вполнѣ оказалось, что Ганноверъ былъ не мѣстомъ для него съ тѣхъ поръ, какъ умерла Софія, которая одна могла его оцѣнить. Министры были рады нерасположенію короля къ Лейбницу, чтобъ устранить неудобнаго совѣтника. Чиновники и филистеры Ганновера мало заботились о Лейбницѣ, который не занималъ виднаго, офиціальнаго положенія. Духовенство не любило его за терпимость въ религіи и за пренебреженіе ко внѣшнему богослуженію. Экгардъ разказывалъ, что онъ рѣдко или никогда не ходилъ въ церковь и еще рѣже принималъ причастіе. „По крайней мѣрѣ въ теченіе 19 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, я не слыхалъ объ этомъ. Пасторы часто бранили его за это публично. Но онъ оставался при своемъ. Простонародіе обыкновенно называло его на своемъ нарѣчіи—Lövenix (Glaubt nichts). Это названіе придумалъ какой-то пасторъ". Но одинъ изъ друзей Лейбница, Бурге, разказываетъ, что его прозвали такъ іезуиты, когда они отчаялись, что онъ приметъ католицизмъ.

---

[1]) Разказъ о послѣднихъ минутахъ Лейбница мы заимствуемъ у Гурауера, который собралъ все сюда относящееся.

Вслѣдствіе этого похороны Лейбница были очень странны. Король Георгъ находился недалеко отъ Ганновера, но не выказалъ никакого участія. Министры велѣли запечатать всѣ бумаги Лейбница и перенести ихъ въ государственный архивъ. Этимъ ограничились ихъ распоряженія. Всѣ заботы объ устройствѣ приличныхъ похоронъ пали на секретаря Экгарда. Весь дворъ былъ приглашенъ на похороны, но никто не явился, „такъ что, говоритъ Экгардъ, я одинъ шелъ за гробомъ и не мало гордился честью, что мнѣ пришлось оказать послѣднія почести великому человѣку. Да еще Керъ, случайно прибывшій въ Ганноверъ въ день смерти Лейбница, шелъ глубоко огорченный за гробомъ своего друга. Онъ былъ въ негодованіи на жителей Ганновера, хоронившихъ Лейбница скорѣе какъ разбойника, чѣмъ какъ человѣка, который былъ украшеніемъ ихъ отечества".

Экгардъ, по обычаю того времени, позаботился украсить гробъ эмблемами и надписями, характеристичными для Лейбница. На правой сторонѣ была надписана любимая поговорка дѣятельнаго ученаго: Pars vitae, quoties perditur hora, perit [1]). Надъ этимъ была изображена единица въ кругѣ съ надписью: Omnia ad unum (все къ одному), съ поясненіемъ: „это относится къ Богу, ибо понятіе о Богѣ было главнымъ основаніемъ системы Лейбница". Подъ этимъ былъ изображенъ орелъ, поднимающійся къ солнцу съ словами: haurit de lumine lumen (въ свѣтѣ черпаетъ свѣтъ). На лѣвой сторонѣ находилась эмблема математика Бернулли, которая очень нравилась Лейбницу: спираль съ словами — Inclinata resurget (согнутая она воспрянетъ); внизу былъ изображенъ сожигавшій себя Фениксъ и слова: Servabit cinis honorem (съ прахомъ останется честь).

Между этими эмблемами были приведены стихи Горація:

Virtus, recludens immeritis mori
Coelum, negata tentat iter via,
Coetusque mortales et udam
Linquit humum fugiente penna [2]).

Въ головахъ былъ изображенъ его гербъ, въ ногахъ обозначенъ день его кончины и возрастъ. Онъ умеръ 70-ти лѣтъ.

Гурауеръ удачно сравниваетъ похороны Лейбница съ похоронами его соперника Ньютона, на которыхъ лордъ-канцлеръ и члены высшей аристократіи Англіи держали покровъ гроба. Жители Лондона тол-

---

[1]) Каждая потерянная минута уноситъ съ собой часть жизни.

[2]) Carminum III, 2, v. 21—24.

ной сопровождали гробъ въ Вестминстерское аббатство, гдѣ хоронятся великіе люди Англіи. Лейбницу же не было поставлено памятника. Спустя 50 лѣтъ послѣ его смерти иностранцы съ трудомъ могли отыскать его могилу. Только въ концѣ столѣтія пробудилось сочувствіе къ нему жителей Ганновера, и былъ поставленъ ему памятникъ.

Кончина Лейбница представляетъ много общаго съ послѣдними минутами его друга, Софіи-Шарлотты. Подобно ей онъ сдѣлался послѣ смерти предметомъ многихъ нареканій за недостатокъ благочестія. Въ наше время было бы излишне его оправдывать: мы знаемъ его взглядъ на религію и его неутомимую дѣятельность въ религіозныхъ вопросахъ. Мы приведемъ только одно современное ему оправданіе.

По поводу толковъ о его неблагочестіи, герцогиня Орлеанская писала одной подругѣ: „Люди, которые жили подобно этому человѣку, какъ мнѣ кажется, не нуждаются въ священникахъ. Чему могли научить его священники? Онъ зналъ больше ихъ. Привычка не есть благочестіе, а причащеніе, основанное на привычкѣ, не имѣетъ нравственнаго значенія, если сердце лишено благородныхъ побужденій. Поэтому я нисколько не сомнѣваюсь въ блаженствѣ Лейбница (an des Herrn Leibnitz Seligkeit)“.

Лейбницъ принимался нѣсколько разъ описывать самого себя и свою жизнь, но это были все отрывочныя попытки. Въ 1696 г. онъ велъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое время дневникъ; однажды онъ началъ писать свою автобіографію, но довелъ ее только до окончанія университетскаго курса. Въ другой разъ онъ написалъ характеристику самого себя, вѣроятно, для кого-нибудь изъ своихъ друзей между медиками, потому что главное вниманіе было обращено на физическія и физіологическія свойства его. Лейбницъ въ началѣ говоритъ о здоровьи своихъ родителей и о болѣзни, отъ которой они умерли. Потомъ описываетъ свой характеръ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ.

„По своему темпераменту онъ не вполнѣ сангвиникъ, ни холерикъ, ни флегматикъ, ни меланхоликъ. Онъ не сангвиникъ, потому что у него блѣдный цвѣтъ лица, и онъ не любитъ движенія. Онъ не холерикъ, потому что мало пьетъ и потому что у него гладкіе волосы, сильный аппетитъ и крѣпкій сонъ. Не флегматикъ онъ, вслѣдствіе живости и впечатлительности ума и сердца, а притомъ онъ худощавъ тѣломъ. Онъ не меланхоликъ, потому что у него быстрый умъ и рѣшительная воля, къ тому же онъ не страдаетъ печенью. Какъ кажется, однако въ немъ преобладаетъ холерическій темпераментъ.

„Роста онъ средняго и худощавъ, лицо блѣдное, руки большею

частью холодныя, ноги слишкомъ длинны сравнительно съ тѣломъ. Волосы его темно-русые. Зрѣніе съ дѣтства слабое, голосъ болѣе тонкій и звонкій, чѣмъ сильный; языкъ не довольно гибкій, ибо съ трудомъ произноситъ гортанные звуки и к. У него слабыя легкія, слабая печень, ладони перекрещиваются множествомъ линій. Онъ любитъ сладкое, напримѣръ, сахаръ, который примѣшиваетъ къ вину, любитъ также всякій возбуждающій запахъ, и убѣжденъ, что это очень освѣжительно дѣйствуетъ на нервы, если только ихъ не слишкомъ раздражаетъ. Онъ никогда не страдаетъ отъ простуды и кашля. Глаза его не влажны, а слишкомъ сухи, поэтому онъ не хорошо видитъ вдаль, за то тѣмъ лучше видитъ вблизи. Сонъ его крѣпокъ, хотя что онъ поздно ложится и предпочитаетъ ночныя занятія утреннимъ.

„Съ дѣтства онъ велъ сидячую жизнь и дѣлалъ мало движеній. Онъ рано началъ много читать и еще больше думать; почти во всѣхъ наукахъ онъ самоучка. У него страсть проникнуть глубже во всякій предметъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ, и открыть что-нибудь новое.

„Онъ не слишкомъ большой охотникъ говорить; сильнѣе его склонность къ размышленію и одинокому чтенію. Если же онъ вовлеченъ въ бесѣду, то продолжаетъ ее съ удовольствіемъ, потому что предпочитаетъ веселый и пріятный разговоръ играмъ и упражненіямъ, требующимъ движенія.

„Онъ очень вспыльчивъ, но его гнѣвъ такъ же скоро проходитъ, какъ и возбуждается. Онъ никогда не бываетъ чрезмѣрно веселъ или печаленъ. Горе и радости его всегда умѣренны. Смѣхъ большею частью измѣняетъ только выраженіе его лица, но не проникаетъ вглубь. Онъ нерѣшителенъ, когда нужно приступить къ дѣлу, но силенъ въ исполненіи его.

„Вслѣдствіе плохаго зрѣнія у него мало фантазіи, а вслѣдствіе слабости его памяти незначительная утрата въ настоящемъ огорчаетъ его сильнѣе, чѣмъ самая тяжкая потеря въ прошедшемъ.

„Онъ обладаетъ большою изобрѣтательностью и разсудкомъ (judicium): сочинить что-нибудь, читать, писать, говорить безъ приготовленія, если нужно дойдти до основанія какого-нибудь понятія посредствомъ размышленія, все это не составляетъ для него труда. (Unde infero cerebrum ei esse siccum et spirituosum). Духовная дѣятельность его слишкомъ возбуждена, поэтому я опасаюсь, чтобъ онъ не умеръ отъ чахотки, вслѣдствіе излишнихъ занятій, чрезмѣрнаго умственнаго напряженія и худобы тѣла“.

Въ другомъ мѣстѣ Лейбницъ говоритъ о себѣ: „Бываетъ двоякій умъ, какъ и двоякая память. Одинъ быстръ и зависитъ отъ разума (ingenium), другой основателенъ и происходитъ отъ разсудка. Первый встрѣчается у людей съ живою рѣчью, второй у людей медленныхъ, но не безъ способностей къ дѣламъ. Нѣкоторые же люди имѣютъ странное свойство, что въ извѣстное время они чрезвычайно быстры, въ другое очень медленны; къ такимъ причисляю я себя. И я замѣтилъ, что немногіе похожи на меня характеромъ, все легкое становится для меня труднымъ, а все трудное легкимъ... Всѣ люди, чувствительные къ оскорбленіямъ, бываютъ сострадательны. Когда они видятъ кого-нибудь въ такомъ положеніи, которое они для себя считали бы непріятнымъ, то оно ихъ трогаетъ; поэтому они желаютъ иногда унизить другихъ, но въ ту же минуту готовы подать имъ руку помощи. Многіе долгое время не могутъ забыть бездѣлицы, но не мстительны, какъ скоро получили удовлетвореніе въ чести. У такихъ людей умъ преобладаетъ надъ воображеніемъ. А люди съ сильнымъ воображеніемъ не принимаютъ къ сердцу мелкаго оскорбленія, но не могутъ забыть тяжелаго; они мстительны и ихъ трудно успокоить. Умные же люди живо чувствуютъ какъ мелкія, такъ и тяжкія оскорбленія, но ихъ гнѣвъ подобенъ зажженной соломѣ, которая быстро сгораетъ“.

Въ сочиненіяхъ Лейбница можно встрѣтить много мѣстъ, свидѣтельствующихъ о его необыкновенной терпимости: „Если я ошибаюсь, то ошибаюсь охотнѣе въ пользу людей, чѣмъ во вредъ имъ. Таковъ я и при чтеніи. Я ищу въ книгахъ не того, что̀ я могъ бы осудить, но того, что̀ достойно одобренія и что̀ для меня полезно. Это не самая модная метода, но за то она самая справедливая и полезная. Однако хотя мало людей и мало книгъ, которыхъ я считалъ бы для себя безполезными, я умѣю различать между ними и не одинаково имъ довѣряюсь“.

Въ другой разъ онъ пишетъ: „Знай, ни у кого нѣтъ меньше цензорскихъ наклонностей, чѣмъ у меня: я одобряю бо̀льшую часть того, что̀ читаю. Я хорошо знаю, какъ различно можно понимать вещи, а при чтеніи мнѣ приходитъ въ голову много такого, что̀ оправдываетъ автора“.

Много интересныхъ свѣдѣній о характерѣ Лейбница и о его домашнемъ бытѣ сообщаетъ его секретарь Экгардъ, который зналъ его уже въ старости. „У него была слишкомъ большая голова, въ молодости покрытая темными волосами, и маленькіе близорукіе, но очень

живые глаза. У него рано образовалась лысина, а на макушкѣ появился нарость величиной въ голубиное яйцо (Лейбницъ поэтому очень рано началъ носить парикъ). Онъ былъ широкоплечъ, имѣлъ привычку наклонять голову, и потому казался сутуловатымъ. Онъ былъ скорѣе худощавъ, чѣмъ полонъ, а когда ходилъ, держалъ ноги криво, подобно тому какъ описываетъ себя Скарронъ. Тѣлосложенія онъ былъ очень крѣпкаго, много ѣлъ, но мало пилъ, если его не принуждали, и всегда прибавлялъ воды къ вину. Онъ имѣлъ обыкновеніе дóма пить не много пива и любилъ смѣшивать сладкое и кислое вино, къ которому прибавлялъ вишневаго сиропу и немного воды. Онъ никогда не заводилъ своего хозяйства и былъ не разборчивъ въ пищѣ; онъ посылалъ за кушаньемъ въ гостинницу, обѣдалъ всегда одинъ и въ разное время, смотря по своимъ занятіямъ.

„Поѣздки свои онъ всегда предпринималъ въ воскресенье или въ праздники, и въ это время обдумывалъ свои математическія теоремы. Онъ всегда былъ веселъ и бодръ и ничѣмъ особенно не огорчался. Съ военными, съ придворными, съ дипломатами и художниками онъ говорилъ, какъ будто всегда занимался только ихъ дѣломъ; потому его всѣ любили, за исключеніемъ тѣхъ, которые его не понимали. Онъ говорилъ о всѣхъ только доброе, клонилъ все къ лучшему, и даже щадилъ своихъ враговъ, когда онъ могъ повредить имъ у высокопоставленныхъ особъ.

„Онъ читалъ много и дѣлалъ изъ всего извлеченія; къ каждой замѣчательной книгѣ онъ на маленькихъ бумажкахъ писалъ примѣчанія, но не перечитывалъ ихъ никогда, потому что у него была необыкновенная память; до самой старости онъ зналъ наизусть лучшія мѣста древнихъ поэтовъ, особенно Виргилія, духовныя пѣсни, и все что онъ читалъ въ юности. Онъ слѣдилъ съ участіемъ за всѣмъ, что дѣлалось въ наукѣ, и если слышалъ о какомъ-нибудь новомъ открытіи, то не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не получалъ о немъ полнѣйшихъ свѣдѣній. Его переписка была чрезвычайно обширна и отнимала у него много времени [1]). Всѣ замѣчательные ученые въ Европѣ состояли съ нимъ въ перепискѣ, и даже если менѣе извѣстные люди къ нему обращались, онъ всегда отвѣчалъ имъ на ихъ запросы.

„Упрямство, которое мѣшало ему выносить противорѣчія, даже когда онъ сознавалъ свою несправедливость, было главнымъ его не-

---

[1]) Лейбницъ писалъ всѣ свои письма сначала на черно, а иногда передѣлывалъ ихъ два, три и четыре раза.

достаткомъ [1]). Но потомъ онъ всегда слѣдовалъ лучшему убѣжденію. Съ прислугой онъ былъ очень снисходителенъ, склоненъ къ вспыльчивости, но его гнѣвъ скоро проходилъ".

Такая дюжинная натура, какъ Экгардъ, былъ мало способенъ написать характеристику Лейбница, хотя онъ и провелъ съ нимъ около 16-ти лѣтъ. Кромѣ упрямства, Экгардъ упрекаетъ Лейбница въ жадности: „Онъ любилъ деньги и его почти можно назвать sordidus (скрягой); но онъ рѣдко употреблялъ свои деньги на себя, а позволялъ себя обманывать механикамъ и прислугѣ. Ариѳметическая машина, которая была окончена не задолго до его смерти, стоила ему большихъ денегъ; поэтому онъ при всѣхъ своихъ доходахъ оставилъ только сумму въ 12.000 тал. неблагодарному наслѣднику, который даже не поставилъ ему памятника". Экгардъ разчитываетъ при этомъ доходы, которые Лейбницъ получалъ въ послѣднее время: 1.300 т. отъ Ганноверскаго курфирста, притомъ деньги на квартиру, дрова, освѣщеніе, на столъ, лошадей, писаря и прислугу; 600 тал. отъ герцога Вольфенбюттельскаго, отъ императора 2.000 гульд., отъ царя 1.000 т.

Дѣйствительно, старанія Лейбница пріобрѣсти офиціальное положеніе при разныхъ дворахъ, связанное съ жалованьемъ или пенсіей, могутъ произвести непріятное впечатлѣніе. Еще въ 1714 году, напримѣръ, когда Георгъ вступилъ на англійскій престолъ, Лейбницъ просилъ назначить его англійскимъ исторіографомъ, такъ какъ „вслѣдствіе близкой связи между исторіей Вельфскаго дома и исторіей Англіи онъ желалъ въ своихъ Гвельфскихъ Анналахъ коснуться также послѣдней". Но не слѣдуетъ забывать, что въ этихъ случаяхъ Лейбницъ гораздо болѣе имѣлъ въ виду политическое вліяніе, которое ему давало его офиціальное положеніе при нѣсколькихъ дворахъ, чѣмъ денежныя выгоды; не слѣдуетъ также забывать, что Лейбницъ при этомъ руководствовался не столько честолюбіемъ, сколько искреннимъ желаніемъ содѣйствовать въ возможно болѣе обширной сферѣ интересамъ просвѣщенія и осуществленію своихъ плановъ. Кромѣ того изъ словъ самого Экгарда видно, что Лейбницъ не старался копить денегъ и не тратилъ ихъ на себя, но на исполненіе разныхъ общеполезныхъ проектовъ, напримѣръ, — устройство самосчета, на разведеніе шелковичныхъ червей и на путешествія съ ученою цѣлью.

---

[1]) Понятно, почему Экгардъ говоритъ объ упрямствѣ. Этотъ педантическій и ограниченный ученый, который исполнялъ черную работу для Лейбница, вѣроятно, нерѣдко бывалъ правъ въ мелочахъ и былъ готовъ объяснять всякое разногласіе упрямствомъ.

Наконецъ, того блестящаго положенія, о которомъ говоритъ Эггардъ, Лейбницъ достигъ только въ послѣдніе годы, когда ему было почти 70 лѣтъ. Русскую пенсію онъ получалъ съ 1712 г., австрійскую съ 1714 г. Притомъ его пенсіи выдавались неправильно и были очень непрочны [1]). Мы видѣли, что ему перестали выдавать жалованье, какъ президенту Берлинской академіи, вскорѣ послѣ смерти Софіи-Шарлотты. Когда онъ зажился въ Вѣнѣ, въ Ганноверѣ пріостановили выдачу его жалованья. Въ то время, при постоянныхъ войнахъ и скудости финансовыхъ средствъ, безпрестанно прекращали плату жалованья чиновникамъ или же произвольно уменьшали его. Лейбницъ пишетъ однажды, что онъ поставилъ себѣ за правило тратить ежегодно только то, что̀ было получено имъ два года тому назадъ.

Разсчетливость Лейбница не подавала бы ни малѣйшаго повода къ замѣчаніямъ, еслибъ у него была семья или другія близкія лица. Она потому только бросается въ глаза, что по смерти его все имущество его досталось недостойному наслѣднику, пастору Лёфлеру, племяннику по сестрѣ. Богатое наслѣдство было причиной трагикомическаго событія въ семьѣ наслѣдниковъ. Когда Лёфлеръ возвратился домой съ своими сокровищами, жена его при видѣ ихъ пришла въ такое волненіе, что тутъ же испустила духъ. Самъ Лёфлеръ не зналъ, что̀ дѣлать съ своимъ состояніемъ, и потерялъ спокойствіе. О благородствѣ его можно судить по тому, что онъ не позаботился поставить дядѣ памятникъ и продалъ отличный портретъ великаго философа одному ветошнику за нѣсколько талеровъ.

Лейбницъ очень любилъ дѣтей; онъ часто призывалъ къ себѣ дѣтей своихъ сосѣдей, со своего кресла любовался ихъ играми, и раз-

[1]) Лейбницъ былъ часто принужденъ жаловаться, что ему больше года не выдавали жалованья и напоминать о себѣ министрамъ. Мы приведемъ для примѣра неизданное письмо Шлейница, русскаго посла въ Ганноверѣ, къ Шафирову (Изъ Архива М. Ин. Д.) отъ $\frac{19\text{-го ф.}}{2\text{-го м.}}$ 1715 г.: «Es hat der Kaiserliche Reichshofrath und Churf. Geh. Rath v. Leibnitz, so seithero der Czarischen Crohn-Printzessin Hoh. L. Beylager von J. Cz. M. eine jährige pension von 1000 r. sp. gehabt, woven ihm aber vor ein gantzes jahr à 1000 th. sp. annoch restiren, mich ersuchet, ihm zu erhaltung solcher gelder mit einiger recommendation an E. Ex. an Hand zu gehen. Wie nun solcher Minister jeder Zeit eine grosse Hochachtung und devotion vor E. Ex. als welche er personellement zu kennen Ehre hat bezeuget, er auch S. Cz. M. nützliche Dienste zu leisten sich stets allerunterthänigst angelegen sein lassen, so habe ich nicht entbrechen können dessen Angelegenheiten E. Ex. bestens zu recommendiren und ihm dero Protection und Gnade gehorsamst auszubitten».

давъ имъ лакомства, отсылалъ домой; но онъ никогда не былъ женатъ. Экгардъ разказываетъ, что на 50-мъ году онъ вздумалъ жениться; особа, которой онъ сдѣлалъ предложеніе, потребовала времени, чтобы подумать на досугѣ, какъ выразился Фонтенель. Лейбницъ также подумалъ, и не женился [1]).

Въ жизни Лейбница нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобъ онъ когда-нибудь любилъ. Онъ охотно бывалъ въ женскомъ обществѣ, и какъ говоритъ его біографъ, не жалѣлъ о времени, которое проводилъ съ женщинами. Въ бесѣдѣ съ ними онъ былъ всегда веселъ и оживленъ и переставалъ быть ученымъ и философомъ. Дружба замѣняла ему любовь; но трудно сказать, ограничился ли бы онъ дружбой, если бы встрѣтилъ другую Софію-Шарлотту не на престолѣ.

Лѣтъ 14 послѣ смерти Лейбница вдругъ распространилось извѣстіе, что у него былъ незаконный сынъ по имени Вильгельмъ Диннигеръ, который служилъ ему секретаремъ. Издатель „Литературнаго Сборника", въ которомъ появилось это извѣстіе, ссылался на астронома Кирха, который будто бы зналъ Диннигера и замѣтилъ въ немъ большое сходство съ Лейбницемъ. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. 50 лѣтъ спустя въ одной газетѣ появилось приглашеніе помочь двумъ крайне бѣднымъ старушкамъ — внучкамъ Лейбница, оставшимся по смерти ихъ отца Диннигера безъ всякихъ средствъ. Приглашеніе было отъ имени Мэккерискаго благочиннаго Абеля, въ округѣ котораго онѣ жили. Абель сообщалъ, что Диннигеръ не скрывалъ отъ благоразумныхъ людей своего происхожденія, но ничего не говорилъ объ этомъ своимъ дѣтямъ и такимъ людямъ, которые могли бы смѣяться надъ нимъ. Онъ часто разказывалъ своимъ дочерямъ, „что великій Лейбницъ очень любилъ его, отдалъ его въ академію, чтобы выучить его живописи, и осыпалъ его благодѣяніями; отъ этого онъ сталъ высокомѣренъ и однажды ушелъ недовольный отъ Лейбница, и такимъ образомъ лишился наслѣдства, на которое имѣлъ большія надежды. По смерти его онъ поселился въ Мэккернѣ и сталъ заниматься живописью, но въ маленькомъ городкѣ не могъ найдти работы и впалъ въ бѣдность." Абель прибавляетъ, что Диннигеръ и его младшая дочь были чрезвычайно похожи на портреты Лейбница.

Прусскій министръ Герцбергъ велѣлъ по этому поводу навести справки, изъ которыхъ оказалось, что Вильгельмъ Диннигеръ въ метрическихъ книгахъ былъ записанъ четвертымъ сыномъ приходскаго

---

[1]) Éloge de Leibnitz p. 259.

учителя Диннигера въ Зармундѣ и родился въ 1686 году. Мать его Марія была дочерью крестьянина изъ Берштедта близь Потсдама. Это извѣстіе дѣлаетъ разказъ Диннигера о его происхожденіи неправдоподобнымъ; но достовѣрнаго ничего неизвѣстно.

Полная характеристика Лейбница будетъ возможна только тогда, когда сдѣлается извѣстною вся его громадная переписка. Мы приведемъ здѣсь для дополненія только нѣсколько чертъ, его характеризующихъ. Мы упомянемъ о томъ, какъ онъ старался быть доступнымъ каждому, лишь бы отъ этого не пострадала истина. «En général il est bon, писалъ онъ однажды, qu'on se met à la portée de tout le monde, pourvu que la vérité [1]) n'en souffre pas». Упомянемъ о полнѣйшемъ отсутствіи зависти къ успѣхамъ и заслугамъ других; онъ охотно дѣлился съ другими своими идеями и радовался, когда они развивали ихъ дальше. Онъ говорилъ, что смотритъ съ удовольствіемъ, когда въ чужихъ садахъ всходятъ сѣмена, имъ посѣянныя. „Эти сѣмена, прибавляетъ Фонтенель, часто дороже, чѣмъ самые плоды: въ математикѣ методъ изобрѣтенія драгоцѣннѣе, чѣмъ бо́льшая часть результатовъ, достигнутыхъ съ его помощью" [2]).

Онъ любилъ покровительствовать людямъ мало извѣстнымъ, но достойнымъ, и старался доставить имъ положеніе болѣе соотвѣтствующее ихъ заслугамъ, часто безъ ихъ вѣдома.

Не только жителей Ганновера, но и всѣхъ соотечественниковъ Лейбница можно обвинить за крайнее равнодушіе къ его памяти. Берлинская академія, основанная имъ, ничѣмъ не отозвалась на его смерть. Лейбницъ былъ членомъ Лондонской и Парижской академій. Первая, которая только-что принимала такое пристрастное участіе въ спорѣ Лейбница съ Ньютономъ, не считала нужнымъ заявить свое сочувствіе къ умершему. Только Парижская академія почтила его память рѣчью своего талантливаго секретаря Фонтенеля. Въ своемъ сжатомъ панегирикѣ Фонтенель пересчитываетъ тѣ заслуги Лейбница, которыя были ему извѣстны. Изящное изложеніе и неподдѣльное чувство уваженія къ генію искупаютъ недостатокъ полноты въ его оцѣнкѣ.

---

[1]) Лессингъ оправдываетъ Лейбница отъ упрека, что онъ будто бы старался приноравливаться ко всѣмъ мнѣніямъ и системамъ, чтобы снискать всеобщее расположеніе. Лессингъ показываетъ, что напротивъ Лейбницъ старался во всѣхъ системахъ найдти что-нибудь разумное; онъ извлекалъ изъ нихъ эту разумную сторону и приноравливалъ ее къ своей системѣ. «Er schlug aus Kiesel Feuer, aber er verbarg sein Feuer nicht in Kiesel».

[2]) Oeuvr. de Fontenelle. Eloge de M. Leibnitz: 1785 г. T. II, p. 227.

Лейбница тогда трудно было вполнѣ оцѣнить. Только въ 1768 году было издано первое собраніе его сочиненій, далеко не полное [1]. Издатель его не имѣлъ возможности черпать изъ главнаго источника—Ганноверскаго архива. Какъ мало еще въ то время понимали значеніе Лейбница, видно изъ того, что издатель пренебрегъ его интересною перепискою, доставшеюся ему въ руки, „потому что она была политическаго содержанія." Въ Лейбницѣ хотѣли признавать только философа, математика и издателя историческихъ и юридическихъ актовъ. Только недавно вышло первое изданіе его сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ [2], за нимъ первое критическое изданіе его философскихъ сочиненій [3]; только въ 1843 году былъ, наконецъ, напечатанъ его знаменитый историческій трудъ [4], и вскорѣ послѣ того вышло полное изданіе его математическихъ сочиненій.

Въ 1859 г. французскій литераторъ составилъ планъ полнаго изданія сочиненій Лейбница и съ самоотверженіемъ трудился для этой цѣли въ Ганноверскихъ архивахъ. Благодаря ему, выяснилась дѣятельность Лейбница по переговорамъ о примиреніи церквей и политическая роль, которую онъ игралъ. Изданіе сочиненій Лейбница не можетъ быть дѣломъ частнаго лица и требуетъ искусныхъ рукъ. Предпріятіе Фуше де-Кареля подвигалось медленно впередъ и представляло много недостатковъ [5]. Наконецъ, ганноверское правительство сознало свой долгъ относительно Лейбница и всего ученаго міра. Оно поручило своему библіотекарю приняться за полное, критическое изданіе его сочиненій, и первые томы начали быстро появляться одинъ за другимъ въ самомъ роскошномъ видѣ [6].

Но надъ сочиненіями великаго философа какъ бы властвовала особенно злая судьба. Ганноверское правительство пало, и изданіе прекратилось на 5-мъ томѣ. Значеніе Лейбница выяснится вполнѣ, только когда будетъ издано полное собраніе его сочиненій, когда нѣсколько спеціалистовъ примутся изучать его труды, каждый по своей наукѣ, и когда біографъ столь же многосторонній, какъ Лейбницъ, сведетъ итогъ этихъ изысканій.

Но послѣднее условіе едва-ли возможно. Въ эпоху Лейбница раз-

---

[1] G. G. Leibnitii Opera omnia. ed. Dutens. Genevae. 5 voll.

[2] Leibnitz's Deutsche Schriften, v. Gnhrauer. 1838. 2 voll.

[3] G. G. Leibnitii Opera Philosophica Omnia ed. Erdmann. 1840.

[4] G. W. Leibnitii Annales Imperii Occidentis. Brunsvic. ed. Pertz. 3 voll.

[5] Oeuvres de Leibnis. ed. Foncher de Careil. Paris. Didot; — всего 6 voll.

[6] Die Werke v. Leibniz v. Onno Klopp. Hannover; — всего 5 voll.

личныя отрасли человѣческихъ знаній не далеко еще ушли отъ сво колыбели и были совмѣстимы въ обширномъ умѣ одного человѣка. І былъ первый, дѣтскій періодъ человѣческой мудрости. Лейбницъ жи на гранѣ этого періода, онъ былъ послѣднимъ изъ счастливцевъ, к торымъ удалось обозрѣвать въ своемъ умѣ все обширное поле знан содѣйствовать развитію каждой изъ нихъ. Казалось, что въ лицѣ Лей ница человѣчество останавливалось въ своемъ вѣчномъ прогрессѣ на к веніе, чтобы оглянуть на пройденный путь, чтобы собрать въ од цѣлое весь итогъ достигнутыхъ результатовъ, а затѣмъ раздро свою дѣятельность и развивать каждую науку особеннымъ, свойст нымъ ей путемъ.

Лейбницъ представляетъ собой цѣлую академію; его дѣятельнос благопріятно отразилась на всѣхъ отрасляхъ науки. Самыя вы и неоспоримыя заслуги его относятся къ области математики. (¹ былъ изобрѣтателемъ дифференціальнаго исчисленія, которымъ о условливаются новѣйшіе успѣхи этой науки. Съ помощью новой м тоды, онъ разрѣшилъ множество важныхъ математическихъ пробл Онъ опровергъ динамическіе законы Декарта и положилъ начал вой динамикѣ. Онъ много занимался практическою математикой механикой. Сюда относятся его попытки къ улучшенію карманн часовъ и способовъ передвиженія, его работы по гидростатикѣ, ко рыя не удались вслѣдствіе упрямства горныхъ инженеровъ, нако его ариеметическая машина для извлеченія квадратныхъ и куби скихъ корней.

Въ естественныхъ наукахъ Лейбницъ принесъ больше польз св имъ вліяніемъ на другихъ, чѣмъ самостоятельными трудами. В немъ не было такой любви къ природѣ и такого живаго созна что въ самыхъ мелкихъ произведеніяхъ ея проявляется та же тв ческая сила, которая создала міроздание. Лейбницъ никогда не р шался убить муху, какъ бы она его ни безпокоила, и говорилъ, ч жалко разрушать такую „искусную машину".

Во время Лейбница естественныя науки находились въ Герм еще въ дѣтскомъ состояніи: въ химіи господствовали еще алхими скія бредни, въ физикѣ разныя схоластическія теоріи. Лейбницъ з нимался химіей, опровергнулъ флогистическую теорію Шталя, дѣл наблюденія надъ фосфоромъ, надъ магнетизмомъ, надъ пневмати

¹) Son nom est à la tête des plus sublimes problèmes, qui aient été r de nos jours et il est mêlé dans tout ce que la géométrie moderne a fait de grand, de plus difficile et de plus important. Font. p. 226.

чтобъ усилить съ помощью сгущеннаго воздуха давленіе въ орудіи, въ пожарныхъ трубахъ и др. Лейбницъ живо интересовался всякими опытами въ этихъ наукахъ, вступалъ въ переписку съ учеными, побуждалъ ихъ къ новымъ опытамъ и покровительствовалъ имъ, гдѣ могъ. Онъ переписывался съ Лёвенгукомъ въ Голландіи и съ Валлиснери въ Италіи о сѣменныхъ животныхъ, которыя они открыли съ помощью микроскопа, и излагалъ имъ свой взглядъ на ихъ открытія. Онъ ходатайствовалъ у ландграфа Гессенскаго за ученаго физика Папина, перваго изобрѣтателя паровой машины, не смотря на то, что Папинъ находился съ нимъ въ полемикѣ о значеніи картезіанизма. Когда не удалась попытка перваго парохода, устроеннаго Папиномъ на рѣкѣ Фульдѣ, Лейбницъ не разочаровался подобно другимъ, а ободрялъ герцога и защищалъ Папина [1]).

Лейбницъ изучалъ въ своихъ путешествіяхъ фабричные промыслы и горное дѣло и придумывалъ новые способы для улучшенія ихъ. Въ медицинѣ, Лейбницъ настаивалъ на необходимости статистическихъ наблюденій, чтобъ имѣть твердую почву для науки; онъ требовалъ отъ медиковъ, чтобъ они прилежнѣе изучали пищу и другія условія человѣческой жизни, такъ какъ здравая діэта важнѣе всякихъ лѣкарствъ. Онъ первый указывалъ на важность сравнительнаго изученія анатоміи, хотя эта наука въ то время встрѣчала много препятствій въ господствовавшихъ суевѣріяхъ.

Но въ одной отрасли естественныхъ наукъ труды Лейбница самостоятельны и имѣютъ великое значеніе — въ геологіи и палеонтологіи. Мы подробно говорили о его „Протогеѣ“, первомъ сознательномъ опытѣ объяснить образованіе земнаго шара посредствомъ двухъ факторовъ: огня и воды, и опредѣлить геологическія эпохи съ помощью ископаемыхъ. Намѣреваясь предпослать „Протогею“ своей исторіи Германской имперіи, онъ доказалъ, что первый созналъ глубокую связь между естественными условіями и исторіей страны, между жизнью земли и природы и духовною жизнью человѣка.

По своему университетскому образованію и по первымъ практическимъ занятіямъ Лейбницъ былъ юристомъ. Въ правовѣдѣніи, его девизомъ всегда было: право существуетъ для охраненія, а не для притѣсненія людей. «Jura ad servandos, non ad perdendos homines nata sunt». Поэтому Лейбницъ рано поставилъ себѣ цѣлью произвести ре-

[1]) Doleo praeclara cogitata ingeniosissimi Papini casu infelici perturbata. Sed non ideo a me contemnuntur, aut pro inanibus habentur.... Rommel — Leibnitz und L. Ernst. I p. 167.

форму въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, чтобъ уничтожить два главные недостатка въ судопроизводствѣ того времени: запутанность и кляузничество. Онъ считалъ нужнымъ примѣнить къ праву математическую демонстративную методу, извлечь изъ римскаго кодекса главныя вѣчныя аксіомы права и съ ихъ помощью внести въ законодательство ясность и точность. Всѣ первые юридическіе труды его посвящены этимъ вопросамъ.

Въ государственномъ правѣ Лейбницъ выяснилъ значеніе могущественныхъ имперскихъ князей, пріобрѣтенное ими послѣ Вестфальскаго мира, и привелъ теорію въ согласіе съ измѣнившимся фактическимъ положеніемъ.

Въ международномъ правѣ онъ указалъ на необходимость изученія историческаго матеріала, чтобы доставить этой наукѣ твердую почву. Трактаты и договоры должны были, по его мнѣнію, играть такую же роль въ международномъ правѣ, какъ положительное законодательство въ гражданскомъ и уголовномъ. Онъ самъ издалъ два сборника памятниковъ по международному праву.

Въ философіи права, Лейбницъ доказывалъ, что законы справедливости и нравственности также вѣчны и также основаны на непреложныя сущности вещей, какъ и законы ариѳметики и геометріи.

Въ тѣсной связи съ его изданіями по международному праву стоятъ его труды по исторіи. Лейбницъ выяснилъ методу исторической науки, которая главнымъ образомъ обусловливаетъ ея успѣхъ, именно, критическую разработку историческаго матеріала. Тогдашнее положеніе исторической науки принудило его приняться за черную работу; онъ не пренебрегалъ ею, не пожалѣлъ неблагодарнаго труда и издалъ нѣсколько сборниковъ историческаго матеріала. Онъ отнесся критически къ этому матеріалу и изгналъ изъ науки много неточностей, ошибокъ и предразсудковъ, напримѣръ, миѳъ о папессѣ Іоаннѣ. Въ „Анналахъ Западной Имперіи“ онъ представилъ образчикъ исторіографическаго искусства, который своими достоинствами далеко опередилъ время: Лейбницъ обнаружилъ въ немъ критическій тактъ и тонкое пониманіе духовной жизни народа, проявляющейся въ церкви, философіи, литературѣ, и пр., — два главныя условія новѣйшей исторіографіи.

Этимологическія изслѣдованія, подъ старость, были для Лейбница средствомъ отдохновенія. Но они были для него не одной только забавой. Не смотря на дѣтское состояніе науки о языкѣ, Лейбницъ созналъ тѣ двѣ идеи, на которыхъ основано великое развитіе лингвистики въ наше время. Онъ понялъ, что языкознаніе имѣетъ для исто-

ріи человѣчества такое же значеніе, какое геологія и палеонтологія для исторіи земнаго шара и его обитателей. Онъ понялъ въ то же время необходимость сравнительнаго изученія языковъ и позаботился о собраніи возможно-большаго матеріала. Миссіонеры, путешественники, дипломаты и государи должны были доставлять ему лингвистическій матеріалъ, и его изысканія обнимали Европу и Азію отъ Кельтовъ до сибирскихъ племенъ, имена которыхъ только-что тогда стали извѣстными.

Хотя Лейбницъ, какъ европейскій публицистъ и философъ, былъ принужденъ писать большею частью на обще-европейскихъ языкахъ того времени, латинскомъ и французскомъ, онъ не забылъ своего долга относительно своего отечественнаго языка. Въ классическомъ сочиненіи онъ возсталъ противъ безобразнаго смѣшенія нѣмецкаго языка съ французскими и латинскими словами, указалъ на средства обогатить его и краснорѣчиво убѣждалъ своихъ соотечественниковъ принять всѣ мѣры, чтобъ усовершенствовать ихъ родной языкъ, представляющій столько богатыхъ задатковъ развитія.

Въ XVII вѣкѣ всякій образованный человѣкъ или по крайней мѣрѣ литераторъ считалъ своею обязанностью писать стихи. Лейбницъ также слѣдовалъ модѣ того времени и оставилъ по себѣ цѣлый томъ стихотвореній на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ нихъ есть все, чего можно требовать отъ умнаго человѣка, отлично владѣющаго языкомъ; но въ нихъ нѣтъ поэзіи. Лейбницу вообще недоставало настоящаго пониманія какъ поэзіи, такъ и искусства. Высшею цѣлью ихъ, по его мнѣнію, должно было быть нравственное и религіозное усовершенствованіе человѣка. Онъ еще не далеко ушелъ отъ точки зрѣнія средневѣковыхъ мистерій.

Интересамъ религіи Лейбницъ посвятилъ значительную часть своей дѣятельности. Онъ употребилъ весь богатый запасъ своихъ свѣдѣній въ богословіи и въ исторіи церкви для великаго дѣла примиренія церквей. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ религіозной терпимости, основанной не на равнодушіи къ религіи, а на сознаніи, что сущность всѣхъ христіанскихъ исповѣданій одна и та же и что интересы ихъ общіе. Онъ посвятилъ свои геніальныя способности на то, чтобы защищать религію отъ скептицизма и софизмовъ, и чтобы доказать вѣчную гармонію между религіей и разумомъ, откровеніями того же Божества.

Въ философіи Лейбницъ пріобрѣлъ вѣчную славу. Онъ создалъ геніальную философскую систему, которая на всегда сохранитъ свое

значеніе между великими понятіями человѣка проникнуть въ тайны міра и бытія. Ни одной системѣ не удалось въ равной степени примирить крайнія противоположности — единство міра, выражающееся въ Божествѣ, съ правами индивидуальнаго существованія, вѣчность міра и безсмертіе души, непреложность міровыхъ законовъ и свободу воли. Плодотворныя идеи гармоніи, оптимизма и непрерывнаго развитія были результатами этой философіи.

Но далеко не всѣ заслуги Лейбница укладываются въ рамки опредѣленныхъ наукъ: не слѣдуетъ забывать еще его дѣятельность какъ публициста и его заботы объ интересахъ цивилизаціи и успѣхахъ просвѣщенія. Какъ публицистъ Лейбницъ имѣетъ европейское значеніе. Онъ былъ поборникомъ свободы и равновѣсія противъ деспотизма Людовика XIV, и въ этомъ отношеніи долженъ быть сопоставленъ съ Вильгельмомъ Оранскимъ, какъ мыслитель съ героемъ. Онъ былъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ освобожденія христіанъ отъ магометанскаго гнета и распространенія цивилизаціи на отдаленномъ Востокѣ. Онъ былъ ревнителемъ просвѣщенія и науки вездѣ, гдѣ имѣлъ вліяніе и доступъ. Четыре академіи: Берлинская, Саксонская, Вѣнская и С.-Петербургская могутъ гордиться тѣмъ, что онъ подалъ мысль объ ихъ учрежденіи. Но исполненіе далеко не соотвѣтствовало геніальному плану Лейбница. Онъ понялъ, что новыя потребности науки требуютъ новыхъ органовъ. Тогдашніе университеты, съ своимъ схоластическимъ направленіемъ, духомъ кастъ и рутинёрствомъ не могли служить орудіемъ этихъ новыхъ потребностей.

Лондонская и Парижская академіи имѣли слишкомъ спеціальное и одностороннее назначеніе. По плану Лейбница академія должна была быть высшей наградой за ученыя заслуги, сокровищницей всѣхъ познаній, живымъ звеномъ между теоріей и практикой и блюстительницей всѣхъ народныхъ интересовъ, на сколько они зависятъ отъ науки.

По многосторонности и обширности свѣдѣній, Лейбница можно сравнить только съ Аристотелемъ; но между ними существенное различіе въ положеніи. Вѣкъ Аристотеля совпадалъ съ высшимъ процвѣтаніемъ эллинской цивилизаціи. Онъ воспользовался плодами ея богатаго развитія, онъ свелъ въ итогъ ея результаты, онъ заключилъ собою рядъ глубочайшихъ мыслителей отъ Пиѳагора до Платона. Лейбницъ же жилъ въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ — юношескаго періода христіанской цивилизаціи — къ новому времени.

Въ извѣстныя эпохи исторіи религія поглощаетъ собой всѣ духовные интересы человѣка. Въ ней заключаются, какъ въ колыбели,

сѣ другія отрасли духовной жизни. Политическое устройство, наука искусство проникнуты религіознымъ характеромъ и служатъ цѣлямъ елигіи. Мы видимъ въ исторіи нашей цивилизаціи два раза такое вленіе: въ классическомъ мірѣ и въ средніе вѣка. По своей дѣяельности, по своимъ цѣлямъ Лейбницъ принадлежитъ уже новому ремени и содѣйствуетъ торжеству новыхъ началъ; но по своему воситанію онъ относится ещё къ предшествовавшему періоду, который ставилъ на немъ не мало слѣдовъ. Лейбницъ не потерялъ еще вполнѣ ѣры въ алхимію; онъ нѣкогда отказывается отъ астрологіи; онъ считаетъ возможнымъ, чтобы движенія звѣздъ были символическими знаами того, что происходитъ на землѣ, подобно тому, какъ линіи на ладони изображаютъ физическія и духовныя свойства человѣка. Ему случилось однажды защищать пытку, какъ средство, подверженное большимъ злоупотребленіямъ, но иногда необходимое для возстановленія стины. Онъ признаетъ за поэзіей и искусствомъ только второстепенное начевіе, видитъ въ нихъ средство религіознаго одушевленія. Наконецъ, его политическій и церковный идеалъ заимствованъ изъ среднихъ вѣковъ: это — религіозное и политическое общеніе христіанскихъ ародовъ подъ руководствомъ папы и императора.

Подобные факты бросаютъ яркій свѣтъ на историческое значеніе Лейбница. Онъ заключаетъ собой религіозный періодъ нашей цивилизаціи, когда Откровеніе считалось главнымъ источникомъ человѣческой удрости и когда всѣ явленія нравственнаго и физическаго міра объснялись непосредственною волею Божества. Но въ то же время дѣяельность Лейбница принадлежитъ другому, научному періоду нашей сторіи, въ который человѣкъ старается глубже проникнуть въ окружающій его міръ, открываетъ вѣчные, непреложные законы, управляющіе явленіями, и во всѣ отрасли знанія вноситъ точность и научность зслѣдованія.

Этимъ положеніемъ Лейбница объясняется его многосторонность. Онъ обнимаетъ въ своемъ умѣ всю энциклопедію наукъ, ко всѣмъ примѣняетъ новую методу и во всѣхъ пролагаетъ путь къ будущимъ езультатамъ. Математическія науки сдѣлались въ то время великой школой для человѣка: изъ нихъ заимствовалъ онъ строгость методы точность изслѣдованія, которыя потомъ сталъ прилагать ко всѣмъ остальнымъ наукамъ. Лейбницъ не случайно былъ великимъ математикомъ. Его стремленія примѣнить *математическую методу* въ философіи и во всѣмъ наукамъ, не исключая юридическихъ и политическихъ, означали не что иное, какъ желаніе внести въ нихъ точность

изслѣдованія и устранить изъ нихъ всякія постороннія соображенія и произвольныя толкованія.

Но Лейбницъ, содѣйствуя торжеству новыхъ началъ, не относился враждебно къ прошедшему. Философъ, открывшій законъ непрерывнаго развитія, не могъ допустить, чтобы новый періодъ въ исторіи человѣчества былъ полнѣйшимъ отрицаніемъ предшествующаго. Это свойство и составляетъ главное отличіе Лейбница отъ другихъ великихъ современниковъ его, Декарта, Ньютона и Локка, односторонно примкнувшихъ къ новому. Лейбницъ представляетъ собою связующее звено между богословскимъ и научнымъ періодомъ новой цивилизаціи. Онъ резюмируетъ результаты перваго и передаетъ ихъ какъ знамя будущимъ вѣкамъ. Философія Лейбница, стоя на рубежѣ новаго времени, напоминаетъ человѣку, что между матеріальнымъ міромъ и духовнымъ установлена вѣчная гармонія, что непреложные физическіе законы не исключаютъ нравственныхъ цѣлей, которымъ они служатъ, что разумъ, раскрывающійся въ мірѣ, не есть безжизненный, математическій разумъ, но сознательный, а слѣдовательно, нравственный, и что человѣкъ, безконечно малое отраженіе всемірнаго разума, есть существо духовное и нравственное.

Если сравненіе Лейбница съ Аристотелемъ объясняетъ обще-европейское его значеніе, то другимъ сравненіемъ можно указать на положеніе, которое Лейбницъ занимаетъ въ исторіи своего народа — сравненіемъ съ Ломоносовымъ. Какъ ни велико различіе между ними въ обстановкѣ и въ достигнутыхъ результатахъ, они занимаютъ одинаковое положеніе въ исторіи своего народа. Оба жили въ такое время, когда ихъ народъ переступалъ изъ ранняго періода своей жизни въ болѣе зрѣлый возрастъ. Оба были поставлены въ необходимость взяться въ одно время за всѣ науки, не пренебрегать черною работой и своею дѣятельностью указать народу тѣ пути, по которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать. Оба поэтому имѣютъ одинаковое право на благодарность и уваженіе своего народа.

Но Лейбницъ былъ счастливѣе. Чѣмъ выше степень развитія, которую занимаетъ народъ въ данное время, тѣмъ болѣе возможности имѣютъ его передовые люди, подвигая впередъ дѣло просвѣщенія въ своемъ народѣ, тѣмъ самымъ содѣйствовать успѣхамъ цивилизаціи и интересамъ всего человѣчества.

В. Герье.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XIX СТОЛѢТІЯ.

I. Бюшезъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ. [1])

До сихъ поръ мы послушно слѣдовали за положеніями Бюшеза; теперь намъ предстоитъ критическій разборъ его выводовъ и приложеніе его началъ въ общественно-государственной наукѣ. Его гипотезы изложены въ возможно-полной теоріи; необходимо провѣрить ихъ на указаніяхъ науки и жизни.

Одинъ изъ такихъ необходимыхъ выводовъ его теоріи, — выводовъ капитальныхъ, характеризующихъ все его политическое ученіе, — заключается въ томъ, что онъ представляетъ намъ всѣ общественные элементы, со включеніемъ государства, какъ одно цѣлое, въ которомъ всѣ они отправляютъ извѣстныя функціи въ отношеніи обще-прогрессивныхъ задачъ общества. Нѣтъ противоположенія и даже разницы между государствомъ и обществомъ въ отношеніи политической жизни послѣдняго. Выводъ этотъ въ сущности не новъ, по крайней мѣрѣ, съ формальной точки зрѣнія. Древность также не различала этихъ двухъ понятій, и это далеко не ставится ей въ заслугу. Отождествляя общество и государство, она не знала общественныхъ интересовъ независимо отъ государственныхъ; все, что не было необходимо съ государственной точки зрѣнія, или отвергалось, или видоизмѣнялось сообразно потребностямъ государства. Все должно было носить на себѣ государственный отпечатокъ, начиная съ важнѣйшихъ актовъ власти и кончая ничтожными дѣйствіями частныхъ лицъ. Отсюда полное подчиненіе всѣхъ сферъ частной и общественной дѣятельности государственной регламентаціи, то-есть, совершенное отсут-

---

[1]) *Окончаніе*. См. 1-ю статью въ ноябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.*

ствіе гражданской и общественной свободы при сильномъ развитіи свободы политической. Далѣе, соціализмъ также не отсталъ отъ древности въ этомъ отношеніи. Въ древности государство, поглотившее общество, отливало гражданъ въ ту или другую форму. Въ ученіи соціалистовъ общество, замѣнившее государство, занимается тѣмъ же пересозданіемъ людей по своему усмотрѣнію. Свобода совѣсти, экономическихъ отношеній, мысли, все, изъ-за чего человѣчество пролило столько крови, должно, повидимому, погибнуть безвозвратно. Разграниченіе двухъ понятій — общества и государства — составляетъ, быть-можетъ, одну изъ важнѣйшихъ заслугъ новой политической науки. Выясненіе идеи общества, съ его свободно устанавливающимися цѣлями, съ добровольнымъ и свободнымъ отношеніемъ его членовъ, выясненіе покровительственной и охранительной роли государства — все это необходимыя условія дальнѣйшаго успѣха политическихъ наукъ. Но разграниченіе не тождественно съ раздѣленіемъ, а тѣмъ болѣе съ противоположеніемъ понятій. Разграниченіе ведетъ къ лучшему выясненію понятій, за которымъ раздѣленіе не слѣдуетъ необходимо, какъ слѣдствіе за причиной. Въ большей части случаевъ наука, выводя понятія изъ смѣшенія, успѣваетъ соединить ихъ въ другомъ высшемъ понятіи, гдѣ каждое изъ нихъ играетъ дѣйствительно соотвѣтствующую ему роль. Вотъ почему вопросъ о соціальномъ развитіи много проигралъ бы при совершенномъ раздѣленіи общества и государства и особенно при ихъ противоположеніи. Только изслѣдованіе всѣхъ условій и элементовъ развитія во всей ихъ совокупности можетъ привести къ сколько-нибудь прочнымъ выводамъ. Оставить въ сторонѣ какой-нибудь изъ этихъ существенныхъ элементовъ, а тѣмъ болѣе признать руководящую роль только за однимъ изъ нихъ, значитъ лишить себя возможности объяснить всѣ факты, входящіе въ составъ цивилизаціи даннаго народа. Милль, въ своей логикѣ, уже указываетъ на вредъ такихъ пріемовъ при изученіи государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. „Только тѣ части соціальныхъ явленій", говоритъ онъ, „могутъ быть съ выгодой обращены, даже временно, въ предметы особыхъ отраслей науки, въ которыя разница въ характерѣ между различными народами или различными вѣками входитъ только какъ второстепенная дѣйствующая причина. Напротивъ, тѣ явленія, въ которыхъ на каждомъ шагу примѣшиваются вліянія этологическаго состоянія народа (такъ что связь причинъ и дѣйствій не можетъ быть указана даже грубымъ образомъ, если не принимать въ соображеніе этихъ вліяній), не могутъ быть съ

выгодою или даже безъ большой невыгоды разсматриваеми независимо отъ политической этнологіи, и слѣдовательно, отъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на качества народа. По этой причинѣ, между прочимъ, не можетъ быть *особой науки о правительствѣ* [1]), такъ какъ правительство есть фактъ, который больше всѣхъ другихъ, и какъ причина, и какъ дѣйствіе, связанъ съ качествами даннаго отдѣльнаго народа или даннаго вѣка. Всѣ вопросы, относящіеся къ различнымъ формамъ правительства, должны составлять часть общей науки объ обществѣ, а не отдѣльной ея вѣтви".

Къ сожалѣнію, политическія науки еще далеки отъ такой цѣльности воззрѣнія на общественные факты. Не говоря уже о тѣхъ, которые остановились на метафизическихъ воззрѣніяхъ, отъ этого недостатка несвободны даже писатели, умѣющіе слѣдить за успѣхами соціальной науки. Раздѣленіе, или лучше, противоположеніе идей общества и государства ведетъ къ полному пренебреженію общественной науки государствовѣдами и наоборотъ. И тамъ, и здѣсь стараются прежде всего показать подчиненное положеніе одной формы относительно другой. Защитники правительственной силы уменьшаютъ значеніе общества до крайнихъ предѣловъ: не только полное устраненіе его отъ политической дѣятельности, не только подчиненіе малѣйшихъ проявленій мысли и чувства строгимъ карательнымъ мѣрамъ, но и первенствующая роль власти даже въ такихъ сферахъ, гдѣ частная предпріимчивость есть главное условіе прогресса — вотъ результатъ ихъ взглядовъ. Въ противоположность имъ, защитники индивидуально-общественнаго развитія старались ослабить значеніе правительства. Опредѣляя общество какъ собраніе отдѣльныхъ личностей (опредѣленіе, по мѣткому замѣчанію Dupont White'а, болѣе идущее къ каравань-сераю, Баденъ-Бадену или Гомбургу, чѣмъ къ обществу), они давали государству только охранительную роль среди разнообразнаго движенія индивидуальныхъ силъ. Не говоря уже о томъ, что они желали бы изгнать его изъ сферы чисто-экономическихъ отношеній, гдѣ всякое правительственное вмѣшательство, то-есть, всякій порядокъ, по ихъ мнѣнію, вредны; не говоря о томъ, что согласно съ ихъ воззрѣніями, масса задачъ, находящихся въ настоящее время въ рукахъ правительства, должна перейдти въ руки общества, даже сфера непосредственнаго дѣйствія

---

[1]) Обстоятельство, которое не мѣшало бы знать *Іосифу Гельду,* автору соч. Staat und Gesellschaft.

правительственныхъ органовъ должна была бы ограничиться лишь самыми важными вопросами.

Строгая политико-юридическая наука не могла остановиться на этихъ двухъ крайностяхъ. Указывать государству слишкомъ узкую задачу значитъ не признавать одного изъ существенныхъ условій соціальнаго развитія; чрезмѣрно преувеличивать его значеніе, вмѣнять ему въ обязанность удовлетвореніе всѣхъ соціальныхъ потребностей, значитъ требовать отъ государства невозможнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожать всякую нравственную свободу и всѣ условія прогресса. Исходъ изъ этой дилеммы понятенъ. Должно признавать государство за отдѣльный, самостоятельный организмъ, — организмъ, отрѣшенный отъ всѣхъ индивидуально-общественныхъ элементовъ, — что̀ даетъ ему возможность дѣйствовать независимо отъ эгоистическихъ, противоположныхъ интересовъ. Но съ другой стороны, не слѣдуетъ приписывать этому организму цѣли, отдѣльной отъ индивидуально-общественныхъ сферъ, что̀ неминуемо повлекло бы закрѣпощеніе всего общества на служеніе этой одной цѣли, а это закрѣпощеніе скоро исчерпало бы всѣ его жизненные элементы. Цѣль государства — *общественное* развитіе, то-есть, не одна цѣль, а осуществленіе безконечнаго разнообразія цѣлей. Оно должно доставлять возможность для достиженія всѣхъ цѣлей, присущихъ природѣ каждаго отдѣльнаго человѣка и каждаго общественнаго организма. Оно не только должно охранять сферу дѣятельности каждаго отъ посторонняго вмѣшательства, но и положительными мѣрами поощрять всестороннее развитіе лица и общества. Безъ сомнѣнія, это содѣйствіе должно простираться лишь на столько, на сколько возможно осуществленіе общественныхъ цѣлей путемъ принужденія и силы, которой государство есть представитель. Охраняя и поощряя равномѣрное развитіе всѣхъ гражданъ, оно является представителемъ права и вооруженно-принудительной силы. Различныя стремленія общественныхъ элементовъ оно сводитъ къ одному знаменателю для поддержанія гармоніи и единства въ обществѣ. Отношеніе государства и общества есть отношеніе единства къ разнообразію, принужденія къ свободѣ. Отдѣльные общественные организмы, устанавливаясь для достиженія одной какой-либо цѣли, служа непосредственнымъ продолженіемъ индивидуальной жизни, представляютъ широкій просторъ для эгоистическихъ стремленій; напротивъ, государство имѣетъ въ виду осуществленіе всѣхъ цѣлей и достиженіе этихъ цѣлей всѣми людьми. Вотъ почему оно составляетъ организмъ, отвлекшійся отъ семейнаго, церковнаго и экономическаго порядка въ

ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, что и даетъ ему возможность сводить къ одному цѣлому всѣ ихъ противоположныя стремленія [1]).

Нельзя не признать важныхъ услугъ, оказанныхъ государственной и общественной наукѣ трудами послѣдователей органическаго ученія. Нельзя даже не пожалѣть, что Бюшезъ такъ мало знакомъ съ изслѣдованіями нѣмецкихъ государствовѣдовъ. Многое изъ того, что онъ говоритъ, высказано ими лучше и подкрѣплено сильнѣйшими научными доводами. Ученіе нѣмецкихъ государствовѣдовъ составляетъ необходимый переходъ къ ученію о *прогрессивномъ государствѣ*, не совсѣмъ понятному безъ помощи ихъ сочиненій. Преемственность въ наукѣ, особенно такой жизненной, какъ соціологія, необходима также какъ въ самой жизни. Это — необходимое условіе того же прогресса, который такъ ярко выступаетъ въ ученіи Бюшеза; но и независимо отъ этого труды нѣмецкой школы представляютъ многія важныя заслуги. Они сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее существованіе договорныхъ и контрактныхъ теорій о происхожденіи государства, которое у нихъ является необходимымъ историческимъ продуктомъ постепеннаго развитія формъ человѣческаго общежитія. Государство, по ученію нѣмецкой школы, послѣдній и важнѣйшій фактъ, устанавливающій правовыя отношенія между людьми. Оно даетъ дѣйствительную юридическую жизнь не только крупнѣйшимъ организмамъ общества, но и самымъ незамѣтнымъ его сочленамъ. Это сочетаніе принудительной силы, представляемой государствомъ, и свободы, представляемой обществомъ, обусловливаетъ осуществленіе идеи блага и всесторонняго развитія всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ общества. Далѣе, это ученіе оказало двойную услугу самимъ идеямъ общества и государства. Выдѣляя понятіе общества изъ понятія государства съ его *необходимо* разнообразными цѣлями, слѣдовательно, необходимо свободнымъ ихъ осуществленіемъ, оно вноситъ идею свободы туда, гдѣ по смыслу теорій, построенныхъ по системѣ Платона и Аристотеля, царствовали регламентація и принужденіе. Установленіе въ наукѣ идей свободы труда, религіи, мысли—таковы результаты этого ученія. Затѣмъ идея государственной власти, съ строгимъ разграниченіемъ ея отъ другихъ общественныхъ элементовъ, съ отрѣшеніемъ ея отъ всѣхъ одностороннихъ эгоистическихъ цѣлей, получаетъ то высокое значеніе, въ силу кото-

[1]) Относительно всего изложеннаго здѣсь см. *Ahrens*—Cours du droit naturel и Organische Staatslehre, *Mohl*—Gesch. und Lit. der Staatswiss. и Encyclop. der Staatswiss., *Lorenz Stein*—Gesellschaftslehre и Verwaltungslehre, *Freitschke* и другихъ.

раго она дѣлается истинною посредницей въ непрестанной борьбѣ общественныхъ организмовъ, не даетъ имъ исчерпаться и парализировать другъ друга, сохраняетъ здоровыя силы общества и передаетъ дѣло общественнаго развитія изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это послѣднее обстоятельство ставитъ уже послѣдователей органическаго ученія на рубежѣ истинно соціальной науки; именно, ученіе это даетъ уже возможность установить правильную идею прогресса вмѣсто понятія о простомъ совершенствованіи, но только возможность: самаго понятія оно не установляетъ.

При установленіи идеи прогресса начинается цѣлый рядъ недостатковъ, которыхъ нельзя не усмотрѣть въ современномъ органическомъ ученіи о государствѣ. Мы разсмотрѣли выгоды, проистекающія отъ надлежащаго разграниченія двухъ понятій: общества и государства. Но мы замѣтили также, что одно ихъ разграниченіе безъ послѣдующаго ихъ соединенія *въ новомъ, высшемъ понятіи* [1], если не поведетъ къ совершенному раздѣленію и даже противоположенію, то по крайней мѣрѣ, лишитъ возможности опредѣлить родъ и дѣятельность каждаго изъ выдѣленныхъ факторовъ въ общемъ соціальномъ строѣ. Устраняя многіе изъ недостатковъ школы индивидуалистовъ и древней политической науки, органическое ученіе, или иначе, ученіе нѣмецкихъ государствовѣдовъ, въ то же время сохраняетъ нѣкоторыя ихъ основныя положенія, къ явному вреду для собственной ихъ теоріи. Во-первыхъ, признавая нѣкоторыя прогрессивныя задачи за государствомъ и въ то же время дѣлая его представителемъ принужденія и силы, послѣдователи органическаго ученія по необходимости видятъ главный двигатель прогресса въ личной иниціативѣ, ищутъ его въ той сферѣ, гдѣ *разнообразіе и свобода* являются главными условіями всякой дѣятельности, то-есть, главнымъ образомъ въ обществѣ, взятомъ отдѣльно отъ государства. Разумѣется, подобный выводъ не въ силахъ устранить ученіе индивидуалистовъ, что личность и ассоціація есть главное орудіе прогресса, а государство — главный представитель охранительныхъ началъ, и что, слѣдовательно, всякій прогрессъ будетъ большею частью побѣдой общества надъ правительствомъ, что наконецъ, истинно раз-

[1]) Мы указывали выше на необходимость такого высшаго понятія, какъ на единственное средство объединить понятія: общество и государство. Необходимость же соединенія этихъ понятій, необходимость установленія общихъ цѣлей для образованія общественныхъ организмовъ указана и Молемъ, и Фрейчке. Но все-таки въ ученіи ихъ существуютъ только два понятія, выдѣленныя, но не соединенныя: общество и государство.

витое общество дойдетъ до фактическаго упраздненія всякаго правительства. Между тѣмъ несостоятельность этой теоріи очевидна каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ историческими фактами и истинною теоріей прогресса. Несомнѣнно, что главное условіе прогресса состоитъ въ передачѣ общихъ результатовъ экономической и умственной жизни одного поколѣнія другому, слѣдующему за предыдущимъ. Естественно, что такая роль принадлежитъ организму, которому принадлежитъ сведеніе всѣхъ этихъ результатовъ въ одно цѣлое и который постоянно занимаетъ одно и то же положеніе въ обществѣ, не смотря на частую смѣну всѣхъ другихъ общественныхъ организмовъ, то-есть, именно государству. Частное лицо и даже общественный организмъ можетъ передать лишь результаты, добытые при достиженіи одной цѣли, и часто съ одной лишь точки зрѣнія. Индивидуалисты могутъ замѣтить, что изъ совокупности частныхъ цѣлей и составляется цѣль общественная, подобно тому какъ изъ отдѣльныхъ лицъ составляется общество. Но первое положеніе такъ же не вѣрно, какъ и послѣднее. Если бы всѣ индивидуально-общественныя цѣли передавались изъ одной эпохи въ другую, съ большимъ лишь ихъ развитіемъ, тогда мы не замѣчали бы существенной разницы не только между наиболѣе крупными эпохами одной и той же цивилизаціи, но и между законченными цивилизаціями. Исторія доказываетъ, что не всѣ цѣли и соотвѣтствующіе имъ общественные организмы переходятъ не только изъ цивилизаціи въ цивилизацію, но и изъ эпохи въ эпоху. Только результаты совокупной дѣятельности одной эпохи, годные для такой же совокупной дѣятельности другой эпохи, способны къ передачѣ и дальнѣйшему развитію. Слѣдовательно, только объединяющая дѣятельность государства, сводя къ одному знаменателю результаты эпохи, выдѣляя устарѣвшее, исчерпанное отъ свѣжаго, неисчерпаннаго, способна къ такой работѣ. Самые сильные общественные организмы могутъ отжить, не исчерпавъ задачъ данной цивилизаціи. Напримѣръ, римско-католическая церковь представляетъ всѣ признаки такого разложенія, а между тѣмъ задачи христіанства далеко не исчерпаны, и осуществленіе ихъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей всѣхъ правительствъ. Государство хранитъ въ чистотѣ общія начала данной цивилизаціи, которыя въ личности потемняются и сбиваются, или по меньшей мѣрѣ, задерживаются эгоизмомъ или неспособностію лица или группы. Итакъ, даже опредѣляя государство только какъ охранительный элементъ, мы не можемъ отказать ему въ великой прогрессивной роли, ибо только черезъ его посредство совершается переходъ изъ одного

статическаго состоянія въ другое. Но и въ общественной динамикѣ сильно чувствуется самостоятельная дѣятельность этого организма. Мы уже видѣли, что общество не есть простое продолженіе индивидуальной жизни; точно также права представителя общества — государства — не есть простая совокупность, сумма отдѣльныхъ правъ, какъ его воля не есть общая воля. Въ противномъ случаѣ оно представляло бы только сумму эгоистическихъ интересовъ, освящало бы всѣ печальные результаты антагонизма и своекорыстія отдѣльныхъ его членовъ. Значеніе государства оказывается не столько тамъ, гдѣ оно является представителемъ правъ, сколько тамъ, гдѣ оно дѣйствуетъ во имя обязанностей, возложенныхъ на человѣчество закономъ нравственнымъ. Это — важный признакъ, наиболѣе характеризующій прогрессивное значеніе государства. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая государственный союзъ только съ точки зрѣнія личнаго интереса, нельзя не придти къ заключенію, что въ дѣлѣ прогресса государство составляетъ лишь незамѣтное дополненіе частныхъ усилій, такъ какъ личный интересъ всегда лучше можетъ взвѣсить свои возможныя выгоды. Дѣятельность государства въ этомъ отношеніи начинается тамъ, гдѣ кончается или недостаточна личная дѣятельность. Она выступаетъ только тамъ, гдѣ личная иниціатива не въ состояніи одолѣть преградъ или гдѣ она грозитъ вредомъ другимъ личностямъ или организмамъ. Дѣятельность его опредѣляется недостаткомъ личной иниціативы, потому что въ противномъ случаѣ она вторглась бы въ сферу, законно принадлежащую частной предпріимчивости, и тѣмъ лишила бы настоящей силы этотъ двигатель прогресса. На этомъ же основаніи она ограничивается вопросомъ о вредѣ. Словомъ, она выступаетъ только тамъ, гдѣ начинается или должна кончиться частная (личная или коллективная) дѣятельность. Это положеніе индивидуалистовъ совершенно вѣрно, но не они исчерпали вполнѣ его значенія и не довели его результатовъ до конца. Съ точки зрѣнія индивидуалистовъ дѣятельность государства ограничивается въ указанномъ выше смыслѣ, потому что оно, какъ представитель силы и принудительнаго закона, должно дѣйствовать лишь на столько, на сколько возможно и необходимо примѣненіе силы и принудительныхъ предписаній. Дѣло въ томъ, что они и въ этой сферѣ законной дѣятельности государства не сходятъ съ индивидуальной точки зрѣнія: по ихъ воззрѣніямъ, государство приказываетъ дѣйствовать другимъ такъ или иначе, или предписываетъ не дѣлать того или другого; но они совершенно забываютъ, что государство можетъ дѣйствовать само,

ничего не предписывая другимъ, и что эта дѣятельность также начинается тамъ, гдѣ кончается дѣятельность частная, — но въ какомъ смыслѣ? Неужели только въ смыслѣ охраненія неприкосновенныхъ правъ личной инициативы?

Намъ кажется, что индивидуализмъ хорошо поступилъ, опредѣляя границы принудительной дѣятельности государства. Но онъ поступилъ опрометчиво, не изслѣдовавъ той среды, гдѣ вовсе невозможно предписаніе и повелѣніе. Индивидуалисты прекрасно разсмотрѣли, что́ можетъ предписывать государство, но мало изслѣдовали то, чего нельзя приказать. Не изслѣдовавъ надлежащимъ образомъ этой сферы, они однако же приходятъ къ такому поспѣшному выводу: такихъ-то вещей нельзя предписать, слѣдовательно, ихъ должно предоставить частной иниціативѣ; намъ кажется совершенно логичнымъ другой выводъ: этого нельзя предписать, слѣдовательно, государство само должно дѣйствовать. Предположимъ, что дѣло идетъ объ улучшеніи плуга, мельницы, машины, объ усовершенствованіи породъ скота, о проложеніи дороги, — словомъ, обо всемъ, гдѣ дѣло идетъ о достиженіи наибольшихъ выгодъ съ наименьшимъ трудомъ: конечно, государство руководится здѣсь тремя правилами — не стѣснять, поощрять, ограждать. Но предположимъ, что дѣло заходитъ, напримѣръ, о благотворительности и другихъ велѣніяхъ нравственнаго закона, которыхъ также нельзя предписать. Кто явится представителемъ ихъ въ обществѣ? Не нужна *ли* здѣсь положительная дѣятельность государства, именно потому, что человѣку нельзя предписать дѣлать добро? Мы видимъ, слѣдовательно, два рода дѣлъ, имѣющихъ между собой одинъ общій признакъ, — тотъ, что въ нихъ была бы неумѣстна принудительная дѣятельность государства; но послѣдствія этой *непринудительности* весьма различны. Въ первомъ случаѣ государство не принуждаетъ и даетъ просторъ частной предпріимчивости; во второмъ также не принуждаетъ, но по необходимости дѣйствуетъ само. Откуда такая разница? Вопервыхъ, мотивы этого *непринужденія* въ обоихъ случаяхъ различны. Индивидуалисты ошибаются, полагая, что государство въ сферѣ чисто-экономическихъ отношеній не принуждаетъ, потому что принужденіе здѣсь невозможно, такъ какъ гармонія экономическихъ отношеній устанавливается исключительно путемъ свободнаго соглашенія частныхъ лицъ. Принужденіе здѣсь въ *большей части случаевъ безполезно*, такъ какъ личный интересъ является здѣсь достаточно сильнымъ орудіемъ всякихъ улучшеній. Напротивъ, во второй категоріи вопросовъ принужденіе невозможно, такъ какъ бо́льшая часть

этихъ задачъ не вытекаетъ прямо изъ природы человѣка, а напротивъ, есть плодъ долгой соціальной жизни и ея успѣховъ. Государству только *нѣтъ необходимости* предписывать, чтобы люди стремились къ своему благосостоянію, но оно уже *просто не можетъ предписать*, чтобъ они думали о благополучіи другихъ. Эгоизмъ — законъ человѣческой природы, а потому государству остается лишь содѣйствовать тому, чтобы результаты эгоизма однихъ гармонировали съ эгоистическими же усиліями другихъ. Но безъ сомнѣнія, знаменитое *laisser faire, laisser passer* не составляетъ для него непреложнаго правила. Въ большинствѣ случаевъ оно признаетъ, что всѣ сдѣлки между людьми совершаются по добровольному соглашенію; но его справедливая рука даетъ себя чувствовать всякій разъ, когда безсовѣстный эгоизмъ однихъ и безграничное униженіе другихъ оскорбляютъ высшее нравственное чувство. Оно нарушаетъ принципъ *добровольности*, когда одинъ добровольно продаетъ себя въ рабство другому; оно ограничиваетъ число рабочихъ часовъ дѣтей, *добровольно* отданныхъ фабрикантамъ; оно ограждаетъ интересы и здоровье жильцовъ, добровольно нанявшихъ квартиру въ какомъ-нибудь гнусномъ логовищѣ, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ государство является крайнимъ мизантропомъ: оно спокойно смотритъ на успѣхи эгоизма и даже расчищаетъ ему дорогу, пока недобросовѣстность однихъ и глупость другихъ не вызываетъ его протеста. Но въ сферѣ чисто-нравственной начинается его истинно-самостоятельная дѣятельность: предписанія нравственнаго закона преимущественно въ немъ находятъ свое осуществленіе. Отдѣльная личность можетъ прожить, не сдѣлавъ ни одного добраго дѣла, и государство не въ правѣ предписать ему благотворительныхъ дѣйствій; но государство и общество, не преслѣдующія никакихъ нравственныхъ цѣлей, очевидно, близки къ погибели. Человѣкъ, посвятившій свою жизнь разврату — явленіе, къ несчастію, весьма обыкновенное, и государство кладетъ предѣлы этому разврату только тамъ, гдѣ начинается общественный соблазнъ. Но государство, посвятившее себя преслѣдованію грязныхъ цѣлей или достигающее своихъ цѣлей грязными средствами, близко къ паденію или къ сильному перевороту. Часто то, что въ отдѣльныхъ лицахъ есть только непохвальное качество, въ государствѣ является страшнымъ порокомъ. Сплетничанье — дурная привычка въ частной жизни; шпіонство и доносъ, возведенные на степень обычнаго орудія государственнаго управленія, — страшные симптомы глубокой общественной болѣзни. Увлеченіе развратными женщинами — скверная черта; господ-

ство Помпадуръ и Дюбарри предвѣщало уже революцію. Эгоизмъ — прискорбный, но часто необходимый двигатель въ частной жизни; но принципъ: *l'État c'est moi* — есть уже преступленіе и грубая ошибка. Такимъ образомъ, нравственность, добродѣтель, то-есть, преданность и самоотверженіе, не обязательны для частныхъ лицъ (для которыхъ самосохраненіе есть высшій законъ), но они составляютъ неизбѣжное условіе существованія государства. Это вполнѣ согласно съ природою человѣка и государства. Необходимость завоевывать свое существованіе невольно дѣлаетъ человѣка эгоистическимъ существомъ, но въ то же время удовлетвореніе нравственнаго чувства, осуществленіе высшихъ началъ добродѣтели составляетъ его неизбѣжную потребность, удовлетвореніе которой является какъ реакція противъ обыденныхъ несправедливостей и прозаическаго своекорыстія. Государство, стоящее внѣ и выше борьбы разнообразныхъ интересовъ, по самому своему положенію является представителемъ этого высшаго нравственнаго порядка. Оно одно возводитъ предписанія нравственности на степень положительнаго закона, но возлагаетъ исполненіе ихъ не на частныхъ лицъ,—такъ какъ принужденіе и угроза, подъ вліяніемъ которыхъ они только и могли бы исполнить ихъ, унизили бы значеніе нравственнаго закона, этого закона свободы, — а на свои органы. Государство не возлагаетъ на людей обязанности помогать слабымъ и бѣднымъ: оно требуетъ отъ нихъ только формальной справедливости, ибо этого одного можно требовать подъ страхомъ наказанія. За то, съ другой стороны, общество переноситъ на представителей государства всѣ тѣ свойства, которыя требуются предписаніями высшаго нравственнаго закона; можно сказать, что государство представляется ему олицетвореніемъ всѣхъ нравственныхъ инстинктовъ человѣчества. Милосердіе, сострадание, благочестіе, — вотъ свойства, приписываемыя монархамъ всѣми народами не изъ одной вѣжливости или лести. Служеніе высшимъ нравственнымъ началамъ, — вотъ законъ, отъ исполненія котораго не можетъ уклониться самое могущественное правительство.

Нельзя сказать, чтобы новѣйшая государственная наука не сознавала всей важности нравственной роли государства. Но она отводитъ ему въ этомъ отношеніи такое же мѣсто, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то-есть, верховнаго организатора законченныхъ фактовъ. Нравственность, свойственная каждой эпохѣ развитія, должна находить въ немъ свое высшее выраженіе. Въ патріархальномъ государствѣ выражается нравственность патріархальной эпохи, и т. д. Каждая эпоха имѣетъ свою нравственность, и государство должно выражать только

эту нравственность. «Die Verfassung eines Staates, говоритъ Моль, ist weder eine Bewahranstalt für Alterthümer, *noch ein Erziehungsmittel*, sondern die Grundlage des Zusammenlebens, wie solches *aus dem concreten* Gesittigungstande des Volkès in der Gegenwart entspringt». Если, такимъ образомъ, Моль не приписываетъ государству исключительно-консервативной роли, какъ это дѣлаютъ индивидуалисты, то онъ заставляетъ его лишь заканчивать то, что совершилось уже въ обществѣ; слѣдовательно, оно можетъ подвигаться впередъ лишь на столько, на сколько подвигается общество, а потому прогрессивное движеніе все-таки остается удѣломъ общества. Въ этомъ отношеніи ему кажется даже неумѣреннымъ требованіе Рота (Ethik, B. III, p. 900), что государственное устройство должно стремиться къ «Realisirung der vollendeten sittlichen Gemeinschaft». Государство, по его мнѣнію, должно проводить только тѣ нравственныя начала, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ нравственному строю даннаго народа въ данную эпоху.

Изъ всего, что нами уже сказано, легко догадаться, что мы не можемъ раздѣлять мнѣніе Роберта Моля. Государству принадлежитъ именно воспитательная, то-есть, прогрессивная роль. Если мы припомнимъ здѣсь, что прогрессивныя начала каждой цивилизаціи устанавливаются главнымъ образомъ нравственнымъ ея ученіемъ, то намъ понятно будетъ, что государство, какъ единственный организмъ въ обществѣ, обязанный служить этому ученію, является вслѣдствіе этого прогрессивнымъ элементомъ по самой своей природѣ. Личность, повторяемъ, можетъ прожить безъ высшихъ нравственныхъ задачъ; для государства отсутствіе такихъ цѣлей было бы смертнымъ приговоромъ. Величайшій мыслитель можетъ употребить свою дѣятельность не только исключительно на защиту существующаго порядка, но даже на ретроградныя ученія; государство высоко должно держаться знамени прогресса, и горе, если на этомъ знамени нѣтъ ни одного высоко-нравственнаго, то-есть, высоко-прогрессивнаго девиза! Платонъ и Аристотель защищали рабство, или лучше сказать, не могли мыслить общества безъ рабовъ: это не помѣшало имъ, и особенно Платону, считаться великими учителями нравственности. Клавдій, Неронъ, Каракалла и другія чудовища безнравственности наносятъ первый ударъ рабству, не возмущавшему даже такихъ людей, какъ Тацитъ. Почему?—Ихъ давило, толкало ихъ государственное положеніе: они не могли не идти впередъ. Но развѣ не бываетъ ретроградныхъ правительствъ?—могутъ возразить намъ. Развѣ не бываетъ обществъ умирающихъ, разлагающихся, перерождающихся?—скажемъ мы. Примѣръ ретроградныхъ

правительствъ лучше всего доказываетъ непреложность того великаго закона, что нравственность есть неизбѣжное условіе существованія государства. Какъ только въ немъ нѣтъ прогрессивныхъ началъ, оно или уступаетъ мѣсто другимъ элементамъ, если общество еще способно къ прогрессу, или вмѣстѣ съ обществомъ падаетъ, или на вѣки застываетъ. Развѣ застой не превратилъ въ окаменѣлость Китая, Индіи, древняго Египта? Развѣ Испанія не уступила своего мѣста болѣе прогрессивнымъ народамъ?

Наконецъ, — и это, быть-можетъ, самый крупный недостатокъ органическаго ученія о государствѣ, — оно, слишкомъ еще придерживаясь отрицательныхъ пріемовъ при опредѣленіи задачъ государства, признавая положительность почти однихъ частныхъ индивидуальныхъ цѣлей въ томъ смыслѣ, что государственная цѣль создается изъ совокупности цѣлей частныхъ, не можетъ выяснить значеніе *общенаціональныхъ цѣлей*. Личность и разныя ея сочетанія въ разныхъ общественныхъ кругахъ, ассоціаціяхъ, не представляетъ особенныхъ измѣненій на всемъ пространствѣ земнаго шара. Какъ бы ни были разнообразны условія частной человѣческой жизни, какія бы различныя степени энергіи, апатіи, хитрости, сметливости, разсудительности ни представляли эти отдѣльныя личности, они не въ состояніи объяснить многихъ фактовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло каждому политическому писателю. Почему одинъ народъ отличается отъ другаго? почему до настоящаго времени безуспѣшны всѣ попытки всемірной монархіи? Почему одни народы играли видную и продолжительную роль въ человѣчествѣ, а другіе прошли въ немъ едва замѣтнымъ, хотя часто блестящимъ метеоромъ? Если бы государство было только выраженіемъ личныхъ свойствъ своихъ гражданъ, и его цѣль слагалась бы изъ совокупности ихъ цѣлей, то никакъ нельзя было бы понять, почему, напримѣръ, изъ всей этой массы цѣлей выдѣляется одна, не имѣющая, повидимому, ничего общаго съ ближайшими выгодами каждаго лица, подчиняетъ себѣ и правительство и народъ, которые служатъ ей съ самоотверженіемъ и сильны и видны до тѣхъ поръ, пока продолжается это служеніе. Ясно, что тутъ рѣчь идетъ о какихъ-то цѣляхъ, установляющихся мимо всякой индивидуальной воли, — о цѣляхъ, требующихъ безусловнаго повиновенія, и хотя эти цѣли вмѣсто выгодъ часто приносятъ одни страданія, но за то на всегда выдѣляютъ такой избранный народъ изъ массы другихъ, дѣлаютъ изъ него звучный аккордъ въ общей гармоніи человѣчества. Посмотримъ, напримѣръ, на представителей западно-европейской цивилизаціи; всѣ они въ одно время

почти начали свою историческую жизнь; всѣ они знали феодализмъ въ той или другой формѣ; всѣмъ дано было христіанство; всѣ они составились изъ смѣшенія различныхъ племенъ; надъ всѣми почти одинаково тяготѣло папское единство, и если бы человѣчество руководилось только личными мотивами, кажется, навсегда можно было бы остаться въ этой безформенности и смѣшеніи среднихъ вѣковъ. Но вотъ почти мимо воли отдѣльныхъ личностей и представителей власти начинаютъ выдѣляться національныя цѣли, и народы занимаютъ свое мѣсто въ исторіи только по мѣрѣ возникновенія этихъ цѣлей. Всемірно-историческая роль выпадала не всѣмъ народамъ въ одно и то же время, хотя условія личнаго образованія были почти вездѣ одинаковы. Представители романскаго племени, напримѣръ, и преимущественно Франція, выступаютъ на сцену главнымъ образомъ въ періодъ господства чувства: вооруженная и литературныя пропаганда — ея главная задача. Карлъ Великій, разносящій христіанство въ Германіи и устанавливающій границы западно-европейскаго міра, короли-крестоносцы, Наполеонъ съ его революціонною арміей, энциклопедисты, Вольтеръ, Руссо, Жирондисты — вотъ Французы по преимуществу. Вотъ почему вообще романское племя предшествуетъ всѣмъ другимъ на пути цивилизаціи. Напротивъ, Англія и Голландія какъ будто ждутъ протестантизма съ его разсудочною моралью, положительнымъ методомъ, чтобы занять свое мѣсто въ человѣчествѣ. Греція съ своею философіей и роскошнымъ политеизмомъ, Римъ, этотъ великій юристъ древности, и среди всей этой массы древнихъ народовъ — Евреи, пронесшіе черезъ всю древность святыню единаго Бога — всѣ они имѣли общія цѣли, мало говорившія узкому индивидуальному чувству, болѣе склонному вспоминать о мясѣ и чеснокѣ Египта. Органическая теорія государства, не будучи въ состояніи ни объяснить, ни принять въ разсчетъ этихъ общихъ цѣлей, приводитъ къ космополитическому взгляду, такъ какъ главнѣйшій элементъ ея изслѣдованія въ общихъ чертахъ вездѣ одинъ и тотъ же. И во дни Ноевы, какъ нынѣ, пили, ѣли, женились, собирали въ житницы... Различіе національностей основывается именно на различіи ихъ общихъ цѣлей, которымъ соотвѣтствуетъ и особая государственная организація, а не на различіи цѣлей индивидуально-общественныхъ, которыя не только не нуждаются въ такой особой государственной формѣ, но напротивъ, постоянно стараются перейдти за предѣлы даннаго государства, выразиться въ союзѣ международномъ и даже сплотить въ одно всю массу человѣчества. Религія, напримѣръ, вообще мало обращаетъ вниманія на границы го-

сударствъ; торговля, по самому существу своему, стремится стать явленіемъ международнымъ; произведенія науки, искусства скоро становятся общечеловѣческимъ достояніемъ. Выясненіе общенаціональной цѣли необходимо еще въ другомъ отношеніи. Только она можетъ установить прочную, дѣйствительную связь между государствомъ и обществомъ, ибо ничто такъ не скрѣпляетъ союза между людьми, какъ совмѣстное служеніе одному возвышенному идеалу, одной цѣли, равно обязательной для всѣхъ. Общество съ его разнообразными цѣлями и требованіями свободы выдѣлено изъ государства новѣйшею наукой, въ противоположность древнимъ воззрѣніямъ, по которымъ человѣкъ исчезалъ въ гражданинѣ. Но можетъ ли человѣкъ совершенно перестать быть гражданиномъ, то-есть, отрѣшиться отъ общихъ цѣлей, которымъ онъ обязанъ служить наравнѣ съ правительствомъ? Возможно ли самое общежитіе безъ такихъ цѣлей?

II.

Съ этого начинаетъ Бюшезъ, къ изложенію теоріи котораго мы теперь переходимъ. „Люди, говоритъ онъ, находятся въ состояніи общежитія, когда они имѣютъ общую цѣль для своей дѣятельности, которой посвящены всѣ ихъ мысли и силы; общество разлагается съ устраненіемъ этой цѣли“. Такимъ образомъ, истинное общежитіе начинается съ того времени, когда выяснилась и установилась общая цѣль, то-есть, когда, говоря словами В. И. Ламанскаго [1]), народъ достигъ до самосознанія. Существованіе этой цѣли есть главная основа общежитія и занимаетъ первое мѣсто между всѣми этими основами, или, какъ называетъ ихъ Бюшезъ, constantes sociales. Всѣ остальныя constantes служатъ только для того, чтобы постоянно сохранять, поддерживать сознаніе этой общей цѣли или содѣйствовать къ ея осуществленію. Мы увидимъ ниже, какимъ образомъ распредѣлены у него эти функціи между различными общественными установленіями. Теперь остановимся на этомъ коренномъ условіи каждаго общежитія.

Необходимость общей цѣли не есть новость въ государственной наукѣ; Бюшезъ и не говоритъ, чтобъ онъ желалъ быть новаторомъ въ этомъ отношеніи. Всѣ публицисты признавали эту общую цѣль, называя ее справедливостію, общимъ благомъ и т. д. Но у нихъ эта цѣль по своему характеру не предполагала необходимости дѣйствія, пожертвованія со стороны гражданъ. Эта цѣль большею частію была

---

[1]) См. *Журн. Мин. Народн. Просв*, Январь 1867.

не что иное, какъ гарантія личныхъ интересовъ, блага всѣхъ и каждаго; для такой цѣли достаточно было одной бездѣятельности гражданъ: работай для себя и не трогай другихъ. Въ утѣшеніе обыкновенно увѣряли, что каждый, работая для себя, работаетъ въ то же время для другихъ: chacun pour soi, chacun pour tous. Мы уже видѣли, какую роль играетъ эгоизмъ въ прогрессивномъ движеніи человѣчества. Это чувство нисколько не можетъ выработать должнымъ образомъ общую цѣль. Различіе между общею и частною цѣлью заключается именно въ томъ, что первая требуетъ жертвъ и даже самоотверженія, вторая, напротивъ, льститъ эгоистическому чувству. На этомъ основаніи нельзя назвать общими тѣ цѣли, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ эгоистическихъ стремленій, хотя бы для достиженія ея соединялись многія лица. Армія во время бѣгства, стадо животныхъ, стремящихся за одною и тою же добычей, имѣютъ подобную, но не общую цѣль: подобіе не устанавливаетъ общности.

Такая общая цѣль не предполагаетъ даже подобія дѣятельности; напротивъ, она отличается именно тѣмъ, что въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ можно служить одной и той же цѣли, и даже чѣмъ разнообразнѣе жизнь общества, слѣдовательно, чѣмъ больше сферъ для проявленія умственной и нравственной жизни, тѣмъ больше надежды на лучшее осуществленіе этой общей цѣли. Политика и земледѣліе, религія и мануфактура, наука и ремесла, поэзія и промышленность — вездѣ можетъ и должно проявиться гражданское чувство, выразиться сознаніе общей цѣли. Раздѣленіе труда въ различныхъ сферахъ свободно дѣйствующаго общества и дисциплина, организація его подъ вліяніемъ сознанія общей цѣли, — вотъ коренное условіе общежитія и самого прогресса.

Такимъ образомъ, общность цѣли въ томъ смыслѣ, какъ ее принимаетъ Бюшезъ, отличается отъ общей цѣли по прежнимъ теоріямъ именно своимъ прогрессивнымъ характеромъ. Общность цѣли по прежнимъ теоріямъ была скорѣе слѣдствіемъ, чѣмъ принципомъ общежитія, или по крайней мѣрѣ, была его непосредственнымъ продуктомъ. По мнѣнію Бюшеза, общія соціальныя цѣли, — цѣли, осуществленіе которыхъ составляетъ славу извѣстнаго народа, опредѣляетъ его мѣсто во всемірной исторіи, — вырабатываются не подъ вліяніемъ постоянно накопляющихся, дробныхъ историческихъ фактовъ. Для того, чтобъ эти цѣли заключали въ себѣ наибольшее количество прогрессивныхъ элементовъ, то-есть, могли служить для наиболѣе обширной и глубокой цивилизаціи, необходимо ихъ апріористическое происхо-

жденіе, какъ говоритъ Бюшезъ. Цивилизація, проникнутая идеями высокаго нравственнаго ученія, можетъ подраздѣляться на нѣсколько подчиненныхъ эпохъ, имѣющихъ свои какъ бы отдѣльныя цѣли, но въ сущности осуществляющихъ основныя положенія того же великаго ученія. Европа, стремящаяся въ настоящее время къ свободнымъ учрежденіямъ, вышла изъ Европы, завоевавшей себѣ протестантскую и національную церковь, развившей у себя промышленную и умственную силу въ лицѣ третьяго сословія, возродившагося въ великомъ общинномъ движеніи эпохи предшествующей, и въ концѣ концовъ изъ Европы, смиренно принявшей христіанство отъ неутомимыхъ просвѣтителей человѣчества, положившихъ основы всему будущему движенію, указавшихъ цѣли, и до настоящаго времени не достигнутыя! Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы общество не служило цѣлямъ, развившимся исключительно подъ вліяніемъ условій минуты и эгоистическихъ стремленій. Мы видимъ примѣры не только обществъ, но и цѣлыхъ цивилизацій, которыя складываются именно этимъ путемъ. Но что плодотворнѣе, что играетъ наиболѣе видную роль въ исторіи: тѣ ли цѣли, которыя происходятъ a posteriori одна изъ другой, или всѣ вытекаютъ, видоизмѣняясь сообразно потребностямъ мѣста и времени, изъ сознанія одной болѣе общей цѣли, которая ихъ всѣ содержитъ въ себѣ?

Такое установленіе цѣлей a posteriori и соотвѣтствующее ему движеніе человѣчества было уже описано Платономъ въ его ученіи о переходѣ отъ одной формы правленія къ другой. Демократическое общество, побуждаемое практическимъ мотивомъ — крайностями охлократіи и демократіи, переходитъ въ монархію; затѣмъ, желая избѣгнуть невыгодъ тираніи и деспотизма, отдается аристократіи, пока она, выродившись въ олигархію, не приводитъ снова къ демократическимъ стремленіямъ. Древніе мыслители излагали не вымышленныя теоріи: они, къ сожалѣнію, вѣрно списывали съ натуры. Кто, однако, не согласится, что подобное движеніе не только не представляетъ никакихъ условій для прогресса, но быстро истощаетъ общество и исчерпываетъ его назначеніе въ общемъ ходѣ человѣческой цивилизаціи? Такимъ народамъ дается въ удѣлъ осуществить одну и часто узкую идею. Правда, они осуществляютъ ее вполнѣ, проводятъ ее по всѣмъ сферамъ общества; одинъ общественный элементъ смѣняетъ другой въ служеніи этой идеѣ, которая вслѣдствіе этого ярко выступаетъ въ исторіи цивилизаціи вмѣстѣ съ служившимъ ей народомъ. Но какъ быстро сходитъ такой народъ съ своего возвышеннаго по-

ложенія, какъ скоро бываетъ онъ принужденъ отказаться отъ руководящей роли въ человѣчествѣ! Еще Гизо замѣтилъ эту недолговѣчность классическихъ народовъ, въ томъ смыслѣ, что назначеніе ихъ быстро исчерпывалось, и послѣ короткаго золотаго вѣка наступала продолжительная и печальная агонія.

При всемъ томъ подобный исходъ еще лучшій исходъ для народа, живущаго преимущественно a posteriori. Смѣна заранѣе опредѣленнаго порядка другимъ съ помощью революцій — все еще доказываетъ высокую жизненность и даровитость общества. Въ обществѣ менѣе одаренномъ подобное преслѣдованіе *практическихъ* цѣлей приведетъ къ застою; такова судьба всѣхъ восточныхъ монархій, гдѣ вѣчная неподвижность и однообразіе изрѣдка нарушаются ни къ чему не ведущею смѣною династій.

Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ эта жизнь a posteriori, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ? Она естественно выходитъ изъ отрицанія [1]) существующаго порядка, для осуществленія порядка прямо ему противоположнаго, и обыкновенно чего-нибудь уже существовавшаго. Общество, недовольное монархіей, вздыхаетъ о демократіи прежняго времени, утомленная демократія мечтаетъ о старинной монархіи. Истинно-прогрессивная цѣль носитъ совершенно другой характеръ. Изъ самаго понятія прогресса, какъ мы его установили въ первой статьѣ, ясно слѣдуетъ, что прогрессивное движеніе не есть ни отрицаніе настоящаго, ни отреченіе отъ прошедшаго; напротивъ, оно необходимо сохраняетъ съ настоящимъ и прошедшимъ тѣсную связь, такъ какъ только при этомъ условіи новая форма общества будетъ истиннымъ звеномъ въ общей цѣли прогресса. Затѣмъ такое движеніе *необходимо* вноситъ что-нибудь новое, еще не существовавшее, и даже на первый разъ имѣющее мало соотношенія съ обыкновенными практическими взглядами и стремленіями. Если цѣль a posteriori есть всегда продуктъ даннаго порядка вещей и только въ немъ находитъ свое объясненіе, то цѣль a priori всегда выходитъ изъ какой-нибудь общей идеи, которая всегда внѣ дѣйствительности, выше ея и вслѣдствіе этого является постояннымъ и сильнѣйшимъ двигателемъ человѣческаго прогресса.

Изъ этого само собою понятно, что служеніе такой цѣли должно быть задачею организма, стоящаго выше всѣхъ преходящихъ прак-

[1]) Мы, конечно, беремъ здѣсь не восточныя общества, которыя и на это не способны.

тическихъ цѣлей и стремленій, сохраняющаго постоянную и непрерывную связь съ отдаленнѣйшими эпохами общества, когда сказано было первое слово его цивилизаціи, вынесшаго эти общія начала своей народности изъ всѣхъ испытаній, бурь, частныхъ увлеченій, колебаній, эгоистическихъ увлеченій,—такого организма, въ которомъ прежде всего и лучше всего отразилось народное самосознаніе—это прошедшее, настоящее и будущее народа въ его безкорыстно-идеальной формѣ, то-есть, государства.

Такое служеніе есть прогрессивное движеніе, такъ какъ стремленіе къ *такой* цѣли есть прогрессъ. Въ другихъ общественныхъ организмахъ мы не замѣчаемъ такой цѣльности сознанія, проходящаго чрезъ всю исторію народа; въ нихъ замѣтно большее преобладаніе эгоистическихъ интересовъ, индивидуальныхъ взглядовъ. На ихъ стремленіяхъ больше отражаются условія мѣста и времени; ихъ условія пригодны, и то при благопріятныхъ обстоятельствахъ, для осуществленія второстепенныхъ цѣлей въ отдѣльныя эпохи цивилизаціи. Общины подняли знамя капитала и труда противъ феодальной іерархіи, но только королевская власть сдѣлала эти элементы орудіями національнаго единства и гражданскаго равенства. Католицизмъ совершилъ свое высокое дѣло и отжилъ, передавъ дальнѣйшее осуществленіе христіанскихъ началъ въ обществѣ не умирающему государству. Мало того: отдѣльныя лица и ихъ соединенія въ большинствѣ случаевъ ограничиваются тѣмъ, что становятся въ уровень съ цивилизаціей данной эпохи. Говорить *какъ всѣ*, думать какъ всѣ, поступать какъ всѣ—вотъ идеалъ большинства; больше этого никто и не можетъ требовать отъ отдѣльныхъ лицъ, больше этого они и сами не желаютъ. Вотъ почему отъ общества [1]) трудно ожидать прогрессивнаго движенія; совершенно достаточно, если оно вѣрно сохраняетъ преданія прежняго времени, если въ немъ живетъ сознаніе общей цѣли, если это сознаніе не заглохло въ борьбѣ противоположныхъ общественныхъ элементовъ, эгоистическихъ стремленій, если вся мудрость не сведена въ немъ на формально-діалектическія тонкости, если въ немъ есть условія прогресса. Для общества не только достаточно, если оно консервативно, но даже по природѣ своей оно не можетъ быть ничѣмъ другимъ. Прогрессивное движеніе, вышедшее изъ общества, въ большинствѣ случаевъ есть революція, то-есть, самое безплодное изъ

---

[1]) Мы употребляемъ здѣсь слово *общество* не въ новомъ его значеніи, а въ смыслѣ простой совокупности отдѣльныхъ лицъ.

всѣхъ дѣйствій общества; то же прогрессивное движеніе въ правительствѣ всегда есть реформа болѣе или менѣе благодѣтельная.

Для отдѣльнаго человѣка совершенно достаточно, если онъ въ борьбѣ съ нуждой и въ заботахъ о своемъ матеріальномъ благосостояніи сохранитъ сознаніе о высшихъ цѣляхъ государства и національности въ той чистотѣ, какая требуется для истинно-прогрессивнаго движенія. Еслибъ онъ даже переступилъ за эту задачу, движеніе впередъ легко могло бы уклониться съ настоящей дороги подъ вліяніемъ его эгоистическихъ стремленій, и слѣдовательно, общество не осталось бы въ выигрышѣ.

Охраненіе своихъ исторически-выработанныхъ идей, передача изъ рода въ родъ великихъ національныхъ цѣлей,—вотъ истинное назначеніе общества. Эта задача не такъ легка, какъ кажется на первый разъ. Прогрессивное движеніе, особенно когда національныя цѣли сохранены и поставлены просто и ясно, есть не сложная и не особенно трудная логическая дѣятельность a priori, умѣнье дѣлать выводы изъ извѣстныхъ и освященныхъ вѣками положеній. Каждое лицо, стоящее во главѣ правительства, способно на это при благопріятныхъ условіяхъ. Условія же эти совершенно зависятъ отъ общественнаго состоянія, и годность этого состоянія измѣряется именно бо̀льшимъ или меньшимъ развитіемъ охранительныхъ началъ и элементовъ. Сколько видимъ мы обществъ, которыя останавливаются, обращаются вспять и даже гибнутъ, не смотря на то, что во главѣ ихъ стояли способныя и даже прогрессивныя правительства. Почему? — именно потому, что въ нихъ утратились здоровые охранительные элементы, угасло сознаніе національной идеи, что они утратили, такъ-сказать, свою международную физіономію, что говоря словами одного поэта, они не могли сказать въ лицо всѣмъ и каждому: *это я!* Вотъ почему охранительный аппаратъ въ каждомъ обществѣ долженъ быть гораздо сложнѣе и обширнѣе организаціи прогрессивной, которая, собственно говоря, вся можетъ сосредоточиться въ высшихъ представителяхъ правительства. Если отдѣльное лицо при своемъ появленіи на свѣтъ не будетъ тотчасъ связано съ предыдущими поколѣніями общностію сознанія, если нравственная дисциплина не пріучитъ его сознательно служить общимъ цѣлямъ, если его экономическое положеніе не дастъ способовъ для всесторонняго развитія его личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для безкорыстнаго служенія общему дѣлу, если религія не свяжетъ его умственной дѣятельности съ высшимъ нравственнымъ порядкомъ, которому всѣ обязаны одинаково подчиняться,—

дѣло правительства, какъ представителя прогрессивныхъ началъ, проиграно навсегда. Въ такомъ обществѣ оно по необходимости должно взять на себя исключительно полицейскія обязанности, оставить роль вождя и занять мѣсто часоваго, въ ожиданіи пока общество или разрушится, если въ немъ не осталось уже никакихъ жизненныхъ началъ, или обгонитъ его, если общественное неустройство вызвано лишь временными, случайными обстоятельствами.

Бюшезъ, кажется, пришелъ къ этому заключенію; по крайней мѣрѣ, на это указываетъ то обстоятельство, что онъ поставилъ правительство какъ главное прогрессивное установленіе (constante de progression) и обстоятельно доказываетъ это его назначеніе, какъ мы увидимъ ниже. Въ противоположность ему, всѣ остальныя установленія называются constantes de conservation. Сюда входятъ воспитаніе, семья, собственность, религія, армія, судъ и администрація. Но трудно понять, какое отношеніе, по мнѣнію автора, должно существовать между ролью общества и государства въ этой охранительной дѣятельности. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ имъ установленій прямо касаются общественныхъ элементовъ: таково значеніе собственности, семьи, всѣхъ видовъ труда. Другія носятъ смѣшанный характеръ, какъ, напримѣръ, воспитаніе, религія. Третьи прямо говорятъ о государственной дѣятельности, какъ судъ, администрація. Бюшезъ весьма ясно рисуетъ правительство какъ движущую силу прогрессивныхъ установленій; но чтò же является принципомъ охранительныхъ установленій? Относительно этого господствуетъ полное смѣшеніе понятій. Какой институтъ мы ни возьмемъ, нигдѣ не выяснено это взаимное отношеніе общества съ его охранительною и правительства съ его прогрессивною ролью. Только въ главахъ о правительствѣ, слѣдовательно, во второмъ томѣ становится яснымъ [1]) это соотношеніе общественныхъ элементовъ. До тѣхъ поръ рѣшительно нельзя понять, во имя какихъ началъ авторъ относитъ разныя установленія къ той или другой группѣ. Правда, онъ объясняетъ, что всѣ они нужны для сохраненія различныхъ общественныхъ идей и элементовъ: воспитаніе (куда онъ относитъ и искусство) передаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сознаніе общей цѣли и поддерживаетъ любовь и преданность къ ней; другія установленія, какъ семья, трудъ, собственность и т. д., имѣютъ въ виду поддержать и сохранить самую породу людей и обезпечить ихъ развитіе. Но почему именно въ обществѣ должно сохраняться сознаніе

[1]) По крайней мѣрѣ, для насъ.

національной цѣли? Есть примѣры, что правительства точно также умѣютъ сберечь ихъ отъ всѣхъ бурь и колебаній; какая связь между сохраненіемъ этой общности сознанія и сохраненіемъ человѣческой породы, между сохраненіемъ человѣческой породы и религіей, какъ высшимъ хранителемъ нравственнаго закона? Отчего вся эта совокупность нравственныхъ, умственныхъ и экономическихъ элементовъ поставлена какъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ правительства?

Сколько намъ кажется, въ изложеніе Бюшеза вкрался важный недостатокъ, на который мы уже намекали выше: *онъ незнакомъ съ германскими теоріями объ обществѣ и государствѣ*. Эти понятія, такъ ясно и подробно разграниченныя знаменитыми представителями германской науки, смѣшиваются въ умѣ разбираемаго здѣсь мыслителя. Сознавая потребность соединить ученія объ обществѣ и государствѣ въ одно цѣлое, онъ дѣлаетъ это скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно; соединеніе это является скорѣе результатомъ его ученія, чѣмъ его верховнымъ руководящимъ началомъ. Онъ доходитъ до этихъ результатовъ ощупью, а не вслѣдствіе твердо сознанной цѣли. Если бы соединеніе общества и государства, сдѣланное авторомъ, было послѣдствіемъ предварительнаго ихъ разграниченія, сдѣланнаго уже, на сколько это возможно при современномъ состояніи науки, нѣмецкими учеными, тогда все его ученіе отличалось бы большею ясностію и повело бы къ обильнѣйшимъ результатамъ, чѣмъ теперь, когда классификація эта есть дѣло чутья болѣе чѣмъ сознанія.

Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, что вышло изъ всей аргументаціи автора. Онъ говоритъ о воспитаніи, о подготовленіи умственныхъ силъ страны, о характерѣ этихъ умственныхъ силъ, объ общественномъ значеніи искусства, о значеніи семьи, объ организаціи труда, о производительныхъ силахъ страны, о климатѣ и поземельной собственности, о религіи,—словомъ, предъ нимъ все общество со всѣми его разнообразными интересами, и многочисленными организмами; и что же? Между всѣми этими капитальными институтами нѣтъ никакой органической, внутренней связи. Все его ученіе объ охранительныхъ установленіяхъ похоже не на истинно-научную теорію, а на произвольное перечисленіе элементовъ, *между прочимъ*, необходимыхъ для сохраненія общественныхъ силъ. Прочитавъ его разсужденіе, читатель въ правѣ спросить: да все ли тутъ высчитано, и затѣмъ изъ вычисленнаго нельзя ли пропустить чего-нибудь? Дѣло въ томъ, что авторъ не созналъ необходимости посредствующихъ организмовъ между недѣлимымъ и государствомъ,—организмовъ, въ которыхъ совершается

развитіе и усовершенствованіе недѣлимыхъ. Быть можетъ, въ его умѣ общество представляется понятіемъ, заключающимъ въ себѣ все, въ томъ числѣ и государство. Это, какъ мы видѣли, и есть задача соціальной науки. Но для того, чтобы получить право говорить о такомъ обществѣ и создавать *такую* науку, необходимо выяснить значеніе другаго общества, другихъ элементовъ, — того общества и тѣхъ элементовъ, которые составляютъ содержаніе нѣмецкой общественной науки. Незнаніе этой науки вредно отразилось на трудѣ Бюшеза. Вопервыхъ, между государствомъ и недѣлимымъ, по образцамъ прежнихъ ученій *естественнаго права*, у него нѣтъ никакихъ посредствующихъ организмовъ. Вслѣдствіе этого всѣ установленія разсматриваются имъ съ точки зрѣнія индивидуальной дѣятельности. Чтó нужно для человѣка, чтобы дѣйствовать въ государствѣ? Нужно быть богатымъ, добродѣтельнымъ, здоровымъ, и т. д. Все это отвѣты давно извѣстные. Но какая роль общественныхъ организмовъ по отношенію ко всѣмъ этимъ задачамъ, сравнительно съ ролью государства? Есть ли и должны ли быть эти организмы и элементы? Эти вопросы не рѣшены и даже не затронуты. Вотъ почему авторъ говоритъ о религіи, но не говоритъ о церкви и отношеніи ея къ государству, трактуетъ о собственности, но нисколько не затрогиваетъ вопроса о различныхъ общественныхъ классахъ, и т. д. Все у него остается въ сферѣ отвлеченно-индивидуальной! Нѣтъ сомнѣнія, что по каждому изъ отдѣльныхъ установленій въ его книгѣ высказано много вѣрныхъ и даже глубокихъ замѣчаній. Но всѣ эти замѣчанія не имѣютъ между собой необходимой связи, и читателю кажется, что они попали сюда такъ же случайно, какъ и установленія, которыхъ они касаются. Отсюда странная неопредѣленность понятій. Заходитъ, напримѣръ, важный вопросъ объ администраціи, и авторъ не касается вопроса о самоуправленіи, слабо и смутно опредѣляетъ значеніе важнѣйшихъ элементовъ, какъ, напримѣръ, общины, ничего не говоритъ о землевладѣніи какъ политической силѣ.

Вслѣдствіе этого его оцѣнка собственности, и преимущественно поземельной, вышла неполная, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже невѣрная. Трудно заподозрить автора въ соціалистическихъ стремленіяхъ: онъ на каждомъ шагу опровергаетъ положенія этой школы. Его мнѣнія о свободѣ (I, стр. 247 — 295) представляютъ одну изъ лучшихъ оцѣнокъ этого необходимаго условія человѣческаго развитія. Притомъ писатель, исходящій изъ свободы воли, конечно, ничего не можетъ имѣть общаго съ этими мрачными заблужденіями. Между

тѣмъ, онъ по отношенію къ поземельной собственности доходитъ почти до тѣхъ же выводовъ, до какихъ дошелъ Прудонъ въ своихъ первыхъ мемуарахъ объ этомъ предметѣ. Не говоря, что „собственность есть кража", онъ проводитъ, однако, рѣзкую черту между поземельною и движимою собственностію и старается подчинить все это понятіе одной идеѣ труда. Если мы останемся на почвѣ индивидуализма и пріймемъ трудъ за единственное мѣрило человѣческихъ правъ, то, пожалуй, выводы Бюшеза покажутся вѣрными. Человѣкъ — собственникъ на столько, на сколько его свобода можетъ выразиться во внѣшнемъ мірѣ посредствомъ труда: вотъ его исходная точка. Посмотримъ, къ какимъ выводамъ онъ пришелъ на основаніи этого положенія. Нужно, говоритъ онъ, различать право собственности отъ власти, проистекающей изъ владѣнія (pouvoir de possession). Право собственности есть право прирожденное. Общество его признаетъ, покровительствуетъ, но не создаетъ. Оно связано съ человѣкомъ подобно его способностямъ; это такой же аттрибутъ его личности, какъ самое стремленіе къ общежитію. Власть владѣнія совершенно условна и есть законодательное установленіе. Право собственности стоитъ выше владѣнія, послѣднее всегда должно уступать первому, хотя до настоящаго времени происходило противное. По общему правилу, владѣніе оканчивается тамъ, гдѣ оно начинаетъ вредить праву собственности. За этимъ предѣломъ оно перестаетъ быть раціональнымъ, справедливымъ и нравственнымъ. Предметомъ права собственности могутъ быть только продукты личнаго труда или продукты труда чужаго, полученные посредствомъ обмѣна. Владѣніе можетъ простираться на все, что̀ можетъ быть подчинено могуществу человѣка и санкціи законодательства. Изъ всѣхъ формъ власти оно самое живучее, наиболѣе предпріимчивое, наименѣе доступное къ ограниченію. Многое уже изъято изъ его власти, по крайней мѣрѣ, у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Рабы, жены, дѣти, большое количество общественныхъ должностей уже ограждены отъ его жадности. Но самая большая и важная половина дѣла еще не сдѣлана: это задача будущаго законодательства.

Это положеніе не вѣрно ни исторически, ни юридически, и наконецъ, не согласно съ выводами самого Бюшеза относительно другихъ правъ человѣческой личности.

Вопервыхъ, право собственности не составляетъ прирожденнаго права; оно вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ Бюшезъ называетъ владѣніемъ, есть продуктъ исторической жизни человѣчества. Первоначально не суще-

ствовало даже слова для обозначенія этого понятія. Не вдаваясь въ права иностранныя, мы можемъ прослѣдить это даже по исторіи русскаго права [1]). Въ древности не было никакого общаго наименованія для обозначенія права собственности. Чтобы выразить принадлежность извѣстной вещи лицу въ собственность, употребляли притяжательныя имена и мѣстоименія. Часто понятіе собственности было означаемо наименованіями, заимствованными отъ способовъ ея пріобрѣтенія: жребій, дѣдичина, отчина, купля, прикупъ, промыселъ и т. д. Слѣдовательно, каждая вещь связывалась непосредственно только съ однимъ лицомъ и много уже съ однимъ или двумя поколѣніями (отчина, дѣдичина). Идея же полной наслѣдственной принадлежности не сразу выразилась въ языкѣ и понятіяхъ. Происходило это отчасти потому, что идея наслѣдственности при бродячемъ, переходномъ состояніи общества не могла получить надлежащаго развитія даже по отношенію къ движимымъ предметамъ, а тѣмъ болѣе къ поземельной собственности. Вотъ почему понятіе потомственнаго владѣнія всегда выражалось какимъ-нибудь словомъ дополнительнымъ къ тому, которое означало принадлежность вещи лицу. Въ настоящее время, когда человѣкъ скажетъ: „это вещь моя", никто не спроситъ его потомственно ли она принадлежитъ ему. Прежде, при шаткости юридическаго быта, необходимо было точно обозначить эту потомственную принадлежность: такъ говорили, что вещь куплена, продана въ дернь, въ вѣкъ, безъ выкупа, безъ отмѣны. Древній пріобрѣтатель собственности выражалъ въ актѣ, что онъ пріобрѣлъ извѣстную вещь себѣ и *своимъ дѣтямъ* отъ такого-то лица и *дѣтей его*, а продавецъ говорилъ, что онъ уступилъ ее *со своими дѣтьми* такому-то лицу и *его дѣтямъ*. Только въ такомъ случаѣ установлялось понятіе о пріобрѣтеніи и отчужденіи имущества изъ потомственнаго владѣнія одного лица въ потомственное владѣніе другаго. Съ большимъ еще трудомъ утверждалось понятіе наслѣдственной собственности по отношенію къ поземельному владѣнію. Здѣсь это понятіе весьма долго выражалось словами, обозначавшими исключительно физическую власть лица надъ вещью,—словами, между которыми *владѣть* имѣло еще наиболѣе обширный смыслъ. Иногда употреблялось: „сидѣть, держать, вѣдать" — выраженія, доказывающія только фактическое обладаніе вещью, а не полное, то-есть, наслѣдственное право собственности.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи см. превосходныя замѣчанія покойнаго профессора *Неволина* въ Истор. Рос. Гражд. Закон. т. II, стр. 116 и слѣд.

Иногда, въ особенности по отношенію къ поземельной собственности, употреблялись совершенно частныя выраженія, указывавшія только на трудъ, какъ на единственную связь извѣстнаго участка съ его владѣльцемъ: такъ, напримѣръ, пахать землю, косить лугъ, ловить рыбу, рубить лѣсъ; другаго смысла не имѣетъ извѣстное выраженіе: „куда плугъ, соха, серпъ, коса, топоръ ходили". Вслѣдствіе этого, выраженія, относившіяся къ поземельной собственности, наиболѣе нуждались въ разныхъ дополненіяхъ и распространеніяхъ. Можно сказать, что до XVIII столѣтія она и не получила должной опредѣленности. Вопервыхъ, *владѣніе* навсегда осталось выраженіемъ, обозначавшимъ это право; къ нему съ теченіемъ времени приставлялись разныя выраженія, дававшія этому фактическому обладанію значеніе права юридическаго. Прежде въ жалованныхъ грамотахъ обозначалось только право владѣльца продавать свои села и оставлять ихъ своимъ дѣтямъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ актахъ XVI и XVII уже стол. мы встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: „а пожаловалъ есми слугу своего Дмитрія Иванова сына Мирославича тѣмъ селомъ и деревнями въ прокъ, ему и его дѣтямъ; воленъ Дмитрій и его дѣти то село и деревни кому дати, и т. д.". Въ послѣдствіи право поземельной собственности обозначалось выраженіемъ: владѣніе, съ прибавленіемъ: *вѣчное*, вѣчное и потомственное, непремѣнное, непоколебимое, владѣніе въ родъ, въ вѣки неподвижное. Слѣдовательно, *владѣніе*, то-есть, фактическое обладаніе, или то, что Бюшевъ называетъ possession, оставалось основнымъ терминомъ, обозначавшимъ право собственника, и только развитіе экономической жизни и развитіе юридическихъ понятій прибавляли къ этому термину выраженія, болѣе соотвѣтствовавшія незыблемости этого юридическаго института. Слово собственность, въ настоящемъ его смыслѣ, употребляется только со времени Екатерины II. Такимъ образомъ, поземельная собственность дѣйствительно есть законодательное учрежденіе, но развитіе ея тѣсно связано съ развитіемъ самого общества и его понятій, то-есть, съ законами прогрессивнаго движенія общества. Бюшевъ впадаетъ въ грубую ошибку, предполагая, что успѣхи общежитія ослабляютъ значеніе этого учрежденія. Мнѣніе это, раздѣляемое не однимъ Бюшевомъ, проистекаетъ изъ того, что мыслители эти принимаютъ *ограниченіе сферы правъ за ослабленіе самого ихъ принципа*, между тѣмъ исторія доказываетъ, что это не только не одно и то же, но что оба момента находятся между собой въ обратномъ отношеніи. Законодательство очищаетъ сферу правъ отъ постороннихъ примѣсей, вредно отражающихся

на государственномъ строѣ, но за этимъ кажущимся или дѣйствительнымъ стѣсненіемъ слѣдуетъ болѣе тѣсное соединеніе съ лицомъ владѣльца того что̀ осталось, то-есть, усиленіе принципа собственности. Строгая римская собственность квиритская не была свободна въ строгомъ смыслѣ. Долгое время римское право не знало, напримѣръ, завѣщанія, и это несвободное состояніе собственности совпадаетъ съ сильнѣйшими правами отца на свободу и жизнь дѣтей. Ограниченіе этого права повело къ освобожденію собственности отъ стѣсненій stricti juris. Средніе вѣка давали землевладѣнію самыя обширныя права; оно было единственнымъ источникомъ политическихъ правъ; съ нимъ были соединены юстиція, законодательство, администрація; оно дѣлало феодала не только обладателемъ земли и ея плодовъ, но и отдавало во власть его все населеніе, находившееся на его почвѣ. Не смотря на это, феодальная собственность не имѣетъ признаковъ полной, неограниченной собственности. Въ принципѣ вся земля принадлежитъ королю; владѣльцы получаютъ ее отъ него или непосредственно, или изъ вторыхъ, третьихъ и т. д. рукъ. Движеніе ея несвободно: она принимаетъ неподвижную форму майоратовъ; поэтому она неотчуждаема; устанавливая крѣпостное состояніе и рабскую зависимость для другихъ классовъ, она сама не представляетъ никакихъ признаковъ самостоятельности и свободы. Государство отняло одно за другимъ всѣ феодальныя права и собрало ихъ въ руки королевской власти; оно *стѣснило*, слѣдовательно, право землевладѣнія, оно ввело въ сферу политическую другіе элементы и дало имъ равныя права съ землевладѣніемъ; оно ввело землевладѣніе въ сферу частно-экономическихъ отношеній. Что̀ же изъ этого вышло? Проигралъ ли отъ этого принципъ поземельной собственности? Напротивъ, уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ феодальнаго порядка въ XVIII ст. сопровождалось провозглашеніемъ истинно-незыблемаго права собственности со всѣми его признаками. Эти признаки состояли въ независимости, въ равномъ правѣ дѣтей на наслѣдство, въ свободѣ завѣщанія, въ правѣ отчужденія и т. д. Россія не знала феодализма, но исторія поземельной въ ней собственности представляетъ аналогическія явленія. Мы видѣли, что собственность, какъ неотъемлемое право, какъ истинно-юридическій институтъ, установилась только въ XVIII ст.; самое слово укрѣпилось у насъ только въ законодательствѣ Великой Екатерины. Древняя Россія, въ особенности Московская, держалась на владѣніи. Между тѣмъ, какія обширныя права давало это владѣніе! Стоитъ прочитать жалованныя грамоты не только монастырямъ, но и частнымъ владѣльцамъ,

19*

чтобъ убѣдиться въ этомъ [1]). „На основаніи этихъ грамотъ, говоритъ Неволинъ, поземельный владѣлецъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ. Чѣмъ были князья вообще по отношенію къ своимъ вотчиннымъ владѣніямъ, тѣмъ дѣлался на основаніи жалованной грамоты частный вотчинникъ по отношенію къ своей вотчинѣ. Онъ получалъ правительственную власть надъ лицами, жившими на его землѣ. Онъ дѣлался судьею ихъ не только по дѣламъ гражданскимъ, но и по дѣламъ уголовнымъ, исключая дѣлъ о воровствѣ, разбоѣ и душегубствѣ, которыя, впрочемъ, иногда также ему поручались. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ правъ онъ совершенно, или бо́льшею частью, освобождался изъ подвѣдомственности мѣстному начальству и поставлялся въ непосредственную зависимость отъ князя; чиновники княжескіе не имѣли права въѣзжать въ его вотчину, чтобъ отправлять здѣсь какія-либо дѣйствія своей власти". Не смотря на шаткость и неопредѣленность правъ владѣльцевъ, объемъ ихъ постоянно расширялся; можно сказать, что въ мірѣ экономическихъ и юридическихъ отношеній прочность права обратно пропорціональна его обширности и неопредѣленности. Отсутствіе поземельной собственности въ истинномъ смыслѣ этого слова не помѣшало однако владѣльцамъ присоединить къ владѣнію землею владѣніе крестьянами, установить крѣпостное право для другихъ въ то время, какъ они сами со всѣмъ своимъ имуществомъ находились въ несвободномъ отношеніи къ государству. Первый шагъ къ опредѣленной поземельной собственности, къ освобожденію владѣльческаго сословія сопровождался первыми попытками ослабить крѣпостное право, то-есть, какъ бы ограничить эту собственность. Но ясно, что тутъ дѣло шло объ опредѣленіи понятія, выдѣленіи изъ него несвойственныхъ ему элементовъ, а гдѣ начало опредѣляется, выясняется, тамъ оно тотчасъ становится болѣе прочнымъ. Крѣпостное право постепенно ограничивалось, стѣснялось; каждое царствованіе вносило что-нибудь для огражденія крестьянъ отъ произвола владѣльцевъ; но кто скажетъ, что государи имѣли въ виду ограничить самый принципъ поземельной собственности? Напротивъ, каждый ударъ, нанесенный крѣпостному праву, какъ бы все больше и больше укрѣплялъ начало собственности. Иначе и быть не могло. Крѣпостное право, печальное и вредное явленіе, вызванное и поддерживаемое столь же печальными условіями, откры-

[1]) См. напримѣръ, А. А. Э. т. I. № 44 жалов. грам. Вел. Кн. Вас. Вас. Марьи Комниной и сыну ея Ѳедору; ib. № 46 Ивану Пепплину, № 45 митрополита Іоны Андрею Аѳонасьеву, и масса другихъ.

вало постоянный и легальный доступъ вмѣшательству правительства и администраціи. Генералъ-губернаторы и губернаторы обязаны были смотрѣть, чтобы помѣщики отечески обращались съ своими крестьянами и не разоряли ихъ. Расточительность и жестокое обращеніе вели къ опекѣ, и т. д. Мы не станемъ высчитывать здѣсь всѣ эти мѣры, но всякій сознается, что если существовали ограниченія поземельной собственности, то именно со стороны или по поводу крѣпостнаго права. Никто изъ серіозныхъ людей, полагаемъ, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что уничтоженіе этого права будетъ имѣть послѣдствіемъ прочное установленіе и утвержденіе началъ этого необходимаго института.

Такимъ образомъ, постепенное *ограниченіе* того, что Бюшезъ называетъ поссессіей, по указаніямъ исторіи имѣетъ совершенно не то значеніе, какое онъ ему придаетъ. Это ограниченіе есть послѣдствіе постояннаго выясненія и раздѣленія экономическихъ и юридическихъ понятій съ одной стороны и прогрессивной дѣятельности государства въ видахъ свободы и благосостоянія массы гражданъ — съ другой. Въ этомъ отношеніи *ограниченіе* испытывала не одна поземельная собственность. Не говоря уже о постепенномъ уничтоженіи рабства, которое, впрочемъ, по теоріи Бюшеза слѣдуетъ отнести въ разрядъ *владѣній*, мы знаемъ законы противъ лихвенныхъ процентовъ, противъ обращенія въ продажѣ вредныхъ предметовъ, массу полицейскихъ постановленій, нормирующихъ дѣятельность гражданъ въ видахъ общаго блага: что же, и это будетъ ограниченіемъ *принципа* собственности? Необходимо, наконецъ, согласиться, что каждое правильное и законное ограниченіе есть опредѣленіе, выясненіе принципа, а такое выясненіе необходимо ведетъ къ его укрѣпленію.

Далѣе Бюшезъ совершенно несновательно считаетъ право собственности прирожденнымъ правомъ. Оно образовалось точно такъ же, какъ и то, что онъ называетъ владѣніемъ, вмѣстѣ съ развитіемъ экономическихъ и юридическихъ понятій. Будь оно прирожденное право, какъ, напримѣръ, жизнь, оно было бы мыслимо внѣ общежитія; напротивъ, появленіе его необходимо требуетъ столкновенія, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ, — другими словами, оно не мыслимо внѣ общества. Трудно понять, какимъ образомъ Бюшезъ, съ такою ясностію доказывающій невозможность осуществленія и развитія языка, науки, нравственности, свободы, правъ и обязанностей внѣ общества, дѣлаетъ такое исключеніе въ пользу самаго серіознаго изъ правъ. И движимая, и недвижимая собственность, и владѣніе образовались

въ общежитіи и не вдругъ. Но образованіе ихъ началось одновременно и на равныхъ правахъ. Первоначально, напримѣръ, законодательства не знали различія между движимою и недвижимою собственностію именно потому, что отсутствіе юридическихъ нормъ ставило и ту и другую подъ совершенно одинаковыя условія. Но съ первымъ появленіемъ какихъ бы то ни было нормъ начинаетъ выясняться различіе между тою и другою. При этомъ понятно, что прежде всего выяснилось положеніе собственности движимой, благодаря тому обстоятельству, что она требовала меньшей строгости и опредѣленности юридическихъ нормъ, безъ которыхъ не могла обойдтись собственность движимая. Такъ, напримѣръ, первоначальные способы пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ могли удовлетворительно служить только въ сдѣлкахъ относительно движимости. При отсутствіи письменности, свидѣтели, торжественная передача вещи изъ рукъ въ руки, произнесеніе разныхъ священныхъ формулъ были единственными актами, утверждавшими за покупателемъ его право. Безъ сомнѣнія, они были достаточны при куплѣ и продажѣ предметовъ движимыхъ, но не могли удовлетворить условіямъ собственности поземельной. Движимый предметъ, имѣя большею частію опредѣленную форму, легко можетъ быть узнанъ, отличенъ отъ массы другихъ предметовъ, слѣдовательно, наличность свидѣтелей можетъ служить достаточною гарантіей подлинности этого акта; далѣе, если эта движимая вещь будетъ платье, съѣстные припасы, обувь и вообще предметы, подлежащіе немедленному или постепенному уничтоженію не далѣе какъ въ теченіе одного поколѣнія, на памяти у людей, бывшихъ свидѣтелями купли, возможность процесса сомнительна, — слѣдовательно, самое право владѣльца достаточно обезпечено. То же самое можно сказать и относительно предметовъ употребляемыхъ и не истребляемыхъ, какъ, напримѣръ, золотыя и серебряныя вещи. По своей рѣдкости, особенно въ тѣ бѣдныя и грубыя времена, они тотчасъ становятся извѣстными всѣмъ сосѣдямъ и даже цѣлому околодку, вслѣдствіе чего владѣніе ими даже при переходѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе достаточно обезпечивается общеизвѣстностію и удобоузнаваемостію ихъ. Но по отношенію къ поземельной собственности нужны болѣе сложныя условія. Границы поземельнаго участка должны быть опредѣлены съ точностію; иначе владѣлецъ всегда будетъ въ опасности лишиться части своихъ владѣній въ пользу недобросовѣстныхъ сосѣдей. Затѣмъ единовременнаго опредѣленія этихъ границъ недостаточно: межевые знаки могутъ быть испорчены временемъ или

сосѣдями, въ особенности при переходѣ участка отъ отца къ дѣтямъ, мало еще знакомымъ съ своими владѣніями; свидѣтели, помнившіе условія сдѣлки, могутъ умереть или даже забыть эти границы, такъ какъ по несовершенству межеваго дѣла онѣ опредѣляются приблизительно. Поземельный участокъ, особенно обширный, не оставляетъ въ умѣ такого яснаго и раздѣльнаго представленія, какъ, напримѣръ, золотая цѣпь или серебряная ваза. Вся процедура словесно-символическихъ актовъ можетъ обезпечить, и то не всегда, спокойное владѣніе за однимъ, много двумя поколѣніями. Какъ бы ни были торжественны формы и обряды, въ родѣ передачи глыбы земли или вѣтви, они не устоятъ передъ дѣйствіемъ времени, недобросовѣстностію и забывчивостію людей. Нужны, слѣдовательно, успѣхи письменности, юридическаго языка и формъ, межеваго дѣла, судебной организаціи, чтобы должнымъ образомъ обезпечить права владѣльца. Вотъ почему поземельная собственность, какъ отдѣльный юридическій институтъ, выдѣляется послѣ другихъ видовъ собственности, и выдѣленіе это происходитъ подъ вліяніемъ постояннаго развитія юридическихъ нормъ, что и подало поводъ писателямъ, принимающимъ причину за слѣдствіе, считать ее созданіемъ законодательсвва. Заблужденіе это происходитъ именно потому, что на развитіе и выдѣленіе поземельной собственности сильно вліяло развитіе юридическихъ понятій, сложившихся въ позднѣйшія историческія эпохи и часто на глазахъ живыхъ еще людей. Этому общему правилу, что поземельная собственность развилась позднѣе движимой, не противорѣчитъ то обстоятельство, что многіе народы знали ее даже въ періодъ отсутствія письменности; напротивъ, это даже подкрѣпляетъ наше положеніе. Въ небольшихъ государствахъ, въ родѣ греческихъ республикъ и первоначальнаго Рима, гдѣ каждый клочокъ земли могъ быть извѣстенъ каждому гражданину, даже словесно-символическіе обряды могли быть совершенно достаточны для совершенія всѣхъ сдѣлокъ. Но въ странахъ обширныхъ, какъ новыя государства, гдѣ долгое время нѣтъ возможности, а часто и необходимости опредѣлять границы участковъ, гдѣ народонаселеніе долго не можетъ выйдти изъ бродячаго состоянія, тамъ появленіе и укрѣпленіе поземельной собственности есть продуктъ сильно развитой общественности. Скажемъ больше: развитіе поземельной собственности есть первый несомнѣнный симптомъ освобожденія личности, ея самостоятельности по отношенію къ государству; она дѣлаетъ изъ человѣка полноправнаго гражданина. Она даетъ массѣ гражданъ необходимое самосознаніе. Только при

всѣхъ этихъ условіяхъ собственность можетъ сдѣлаться тѣмъ охранительнымъ началомъ, какимъ выставляетъ ее Бюшезъ.

Кажется, въ этомъ отношеніи онъ стоитъ не на надлежащей почвѣ. Изслѣдуя вопросъ о собственности съ узкой точки зрѣнія проявленія личной свободы и труда [1]), онъ не достигъ цѣлей, которыя самъ предположилъ. Собственность въ томъ видѣ, какъ онъ ее предлагаетъ, годна только для поддержанія породы людей и индивидуальнаго ихъ развитія [2]). Слѣдовательно, онъ не даетъ ей того значенія какое, по его мнѣнію, имѣетъ воспитаніе, которое передаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сознаніе общей цѣли. Это грубая ошибка. Оставляя такую важную силу какъ собственность для сферы индивидуальнаго развитія, Бюшезъ лишаетъ свои охранительныя установленія сильной поддержки. Собственность служитъ главнымъ основаніемъ образованія различныхъ общественныхъ классовъ и группъ, слѣдовательно, поддерживаетъ общность интересовъ, даетъ надлежащее развитіе различнымъ общественнымъ элементамъ. Поземельной собственности въ этомъ отношеніи принадлежитъ высокая роль. Она наиболѣе способна именно въ той сторонѣ охранительной дѣятельности, о которой больше всего заботится авторъ, именно въ сохраненіи общенаціональной идеи. Эгоистъ въ сферѣ частныхъ отношеній, человѣкъ не можетъ сразу стать героемъ въ общегосударственныхъ вопросахъ. Такой непосредственный переходъ, по меньшей мѣрѣ, былъ бы очень страненъ и даже невозможенъ. „Кромѣ нѣкоторыхъ личностей, говоритъ Ле-Плэ (La Réforme sociale en France. II, p. 12), — личностей, очень выдвигающихся изъ массы вслѣдствіе своего особеннаго развитія, люди вообще не увлекаются отвлеченными идеями. Нельзя образовать гражданъ однимъ теоретическимъ понятіемъ государства, какъ нельзя образовать христіанъ безъ положительнаго культа, церкви, съ помощію отвлеченной идеи Божества. Чтобы люди могли возвыситься до національнаго чувства, національность должна проявляться въ массѣ привычекъ, интересовъ, стремленій, привязывающихъ ихъ къ родинѣ“. Между мотивами, пораж-

[1]) Вотъ его подлинныя слова: «Le droit de la propriété, tel que nous l'avons défini, n'est point une institution purement sociale. C'est le droit personnel du créateur sur l'oeuvre qu'il a créée... Le droit de propriété est beaucoup plus restreint que le pouvoir de possession. Rigoureusement il ne s'applique qu'aux produits du travail... il ne peut s'étendre à la terre, car la terre n'est point la création de l'homme. I, 337, 338.

[2]) См. стр. 134.

дающими эти разнообразные интересы, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ собственность, которой количество и качество служитъ къ образованію различныхъ классовъ общества, съ разнообразными нуждами, стремленіями, взглядами. Человѣкъ самъ по себѣ не всегда сохраняетъ воспоминаніе о политическомъ прошедшемъ, о современныхъ задачахъ своего отечества. Какъ членъ извѣстнаго сословія, онъ не только сохранитъ ихъ, но и будетъ дѣйствовать подъ ихъ вліяніемъ. Поземельная собственность, какъ извѣстно всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ политическимъ бытомъ европейскихъ народовъ, наиболѣе способствуетъ къ образованію самостоятельнаго и проникнутаго гражданскимъ чувствомъ класса гражданъ. Она дѣлаетъ возможнымъ и плодотворнымъ мѣстное самоуправленіе, безъ котораго невозможно политическое воспитаніе народа, безъ котораго гражданское чувство испаряется въ отвлеченныхъ формулахъ и теоретическихъ комбинаціяхъ бюрократіи.

Мы привели одинъ изъ примѣровъ того, къ какимъ печальнымъ последствіямъ привело Бюшеза незнакомство съ германскими общественными науками. Ихъ можно бы привести больше. Но изъ приведеннаго, кажется, ясно, что даже въ отношеніи основныхъ началъ соціальной науки анализъ его оказывается неудовлетворительнымъ. Государственные вопросы сводятся у него все-таки на почву непосредственныхъ отношеній, а часто и противоположенія, государства и недѣлимаго, безъ всякихъ посредствующихъ сферъ и организмовъ. Вслѣдствіе этого онъ не всегда остается вѣренъ даже своимъ собственнымъ положеніямъ. Положенія его большею частію вѣрны, выводы же на столько шатки, что можно подумать, что они соотвѣтствуютъ какимъ-нибудь другимъ положеніямъ. Для примѣра возьмемъ его опредѣленіе національности и сравнимъ его съ выводами, сдѣланными изъ этого опредѣленія. „Національность, говоритъ авторъ, есть результатъ общности вѣрованій, *преданій*, надеждъ, обязанностей, *интерессовъ, предразсудковъ*, страстей, языка, и наконецъ, нравственныхъ, умственныхъ и даже физическихъ привычекъ, имѣвшихъ точкою отправленія общую цѣль, а центромъ — опредѣленную и постоянную часть человѣческаго рода, преслѣдовавшую эту цѣль въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній“. Мы просимъ читателя обратить вниманіе на эти преданія, интересы, привычки, даже предразсудки, рождающіе національность [1]). Всѣ эти по-

[1]) Это опредѣленіе національности вполнѣ сходно съ такимъ же опредѣленіемъ у Милля. Впрочемъ, оно врядъ ли заимствовано у него, такъ какъ Бюшезъ имѣетъ привычку указывать свои заимствованія, какъ это онъ сдѣлалъ по по-

менты указываютъ на *охранительную* дѣятельность по преимуществу, которая, какъ мы видѣли, болѣе всего свойственна обществу и его многоразличнымъ организмамъ. Національность, какъ это справедливо замѣчаетъ Бюшезъ, не есть какое-нибудь абсолютно-абстрактное начало, сразу раздѣлившее родъ человѣческій на группы. Народъ вырабатываетъ, завоевываетъ ее какъ отдѣльный человѣкъ, борьбою и трудомъ достигаетъ самостоятельности и оригинальности. Авторъ описываетъ и это постепенное образованіе національности и ея значеніе съ большимъ знаніемъ дѣла. „Въ каждомъ обществѣ, говоритъ онъ, цѣль устанавливается сначала какъ вѣрованіе и догматъ; люди отдаются ей по убѣжденію. Какъ только имъ совершено нѣсколько актовъ въ этомъ направленіи, начинается преданіе, образуются интересы и порождаются страсти, какъ продуктъ этого преданія и интересовъ. Едва смѣнились нѣсколько поколѣній, какъ уже существуетъ цѣлая система обязанностей, правъ и интересовъ, ученіе, сложившееся изъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя поддерживаются между людьми подражаніемъ, *примѣромъ*, исторіей предковъ и составляютъ какъ бы нравственную атмосферу, которою дышатъ и питаются умы. Наконецъ, образуется особенная логика, прилагаемая ко всѣмъ вопросамъ, нарѣчіе, превращающееся въ самостоятельный языкъ, оригинальныя нравственныя привычки, со временемъ появляется еще замѣчательнѣйшій фактъ: физическій характеръ народонаселенія измѣняется. Народонаселеніе это пріобрѣтаетъ не только особенныя привычки, но и особенныя способности, особенный геній и даже видъ, отличающій его отъ другихъ народовъ: появляется новая раса. Кажется, что цѣль націи воплотилась въ ней. Всѣ эти индивидуальныя и общественныя черты такъ положительны и рѣзки, что національныя отличія сохраняются даже послѣ того, какъ цѣль, соединявшая людей, потеряна, достигнута или забыта, и сохраняются до тѣхъ поръ, пока нація не будетъ видоизмѣнена какою-нибудь другою общею цѣлью" (I, стр. 75 — 76).

Единственные научные выводы, которые можно сдѣлать изъ этихъ положеній, заключаются, сколько намъ кажется, въ слѣдующемъ. Ученія и вѣрованія, устанавливающія національную цѣль, для полнаго своего осуществленія въ національности нуждаются въ силѣ преданія, въ сведеніи къ единству разнообразныхъ интересовъ, въ долго-

---

воду теоріи огражденія меньшинства при выборахъ (теоріи Гера и Милля). Притомъ опредѣленіе это въ тѣсной связи со всѣмъ его ученіемъ, и выводы, сдѣланные имъ, вполнѣ самостоятельны.

временнаго упражненія всѣхъ національныхъ силъ въ одномъ и томъ же направленіи, слѣдовательно, въ томъ развитіи охранительныхъ элементовъ, на которое мы указывали выше. Бюшезъ самъ высказываетъ эту мысль въ разныхъ мѣстахъ своего труда, и потому можно было надѣяться, что онъ всею силою своего таланта налягетъ на изслѣдованіе различныхъ элементовъ, наиболѣе способныхъ для этой задачи. Но мы видѣли, что онъ, разсматривая важнѣйшіе элементы общества: собственность, религію, свободу, остается въ сферѣ индивидуальныхъ отношеній и интересовъ, надъ которыми идея національности съ ея цѣлями возвышается какъ что-то недосягаемое, абсолютное. Между тѣмъ безъ подобнаго анализа значеніе національности, даже при превосходной постановкѣ вопроса, сдѣланной авторомъ, будетъ непонятно. Какъ опредѣлить, напримѣръ, въ каждую данную минуту характеръ и направленіе каждой національности? Гдѣ искать несомнѣнныхъ, непогрѣшимыхъ указаній на эту задачу каждаго народа, этихъ рѣзкихъ, постоянныхъ, характеристическихъ чертъ народа? На основаніи положенія Бюшеза выводъ кажется намъ яснымъ и несомнѣннымъ, но онъ, по вышесказаннымъ причинамъ, не сдѣлалъ его. Сколько намъ кажется, все, что сказано имъ, даетъ полное право на слѣдующее заключеніе. Если въ образованіи національности самое видное мѣсто занимаютъ привычка, преданіе, предразсудки[1]), то-есть, вообще охранительныя начала, то главнымъ центромъ національнаго чувства, главнымъ средоточіемъ національныхъ преданій и стремленій являются тѣ слои общества, въ которыхъ въ данную минуту заключается наиболѣе охранительныхъ началъ. Ихъ стремленіями главнымъ образомъ характеризуется каждая національность. Безъ изученія этихъ элементовъ невозможно надлежащее пониманіе національности и ея интересовъ; безъ нихъ понятія эти получаютъ характеръ отвлеченій, а человѣкъ, ими увлекающійся, близокъ къ космополитизму. Если, по справедливому замѣчанію автора, національность есть порожденіе, а не причина общественности, то въ самой этой общественности наибольшаго изученія требуютъ тѣ элементы, которые въ теченіе всей исторіи наиболѣе остались вѣрны первоначально-установившейся цѣли. Никто не скажетъ, что эти элементы вездѣ одни и тѣ же, иначе всѣ націи были бы похожи другъ на друга и даже не было бы націй. Именно благодаря тому обстоятельству, что каж-

[1]) Бюшезъ весьма основательно даетъ законную роль и этому элементу: декламація противъ предразсудковъ тоже предразсудокъ. Въ основаніи ихъ часто лежитъ вѣрное и неподкупное чувство народа.

дий изъ общественныхъ элементовъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, играетъ въ одномъ народѣ одну, а въ другомъ — другую роль, устанавливается различіе національностей.

Исторія и современная практика подтверждаютъ это положеніе многими примѣрами. Между всѣми общественными элементами наибольшее охранительное значеніе имѣютъ религія и собственность: это — положеніе общее и всѣмъ извѣстное. Но, конечно, нельзя разсматривать дѣятельность этихъ элементовъ въ отвлеченномъ ихъ значеніи; изслѣдованіе того, какъ всякая собственность, всякая религія способствуетъ образованію національнаго чувства, дѣло полезное для установленія общихъ понятій, но не для объясненія конкретныхъ фактовъ. Религія вообще поддерживаетъ общеніе между людьми, но не каждая церковь покровительствуетъ развитію національности; собственность вообще сильное охранительное начало, но не каждая ея форма одинаково способна въ этой дѣятельности. Политеизмъ классической древности былъ главною основою національности, онъ отразился на политическомъ строѣ и установленіяхъ, на искусствѣ, на наукѣ. Догматы христіанства уже не при всѣхъ условіяхъ дѣйствуютъ одинаково. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ церковь осталась вѣрною ученію основателя религіи, гдѣ она чуждалась мірскаго, гдѣ она ограничивалась высокою ролью нравственнаго воспитанія народа, съ которымъ она работала и страдала, она явилась сильною поддержкою національнаго чувства. Гдѣ, напримѣръ, церковь стремилась къ политической роли, дѣло національности выигрывало мало. Θеократія, построенная на догматѣ единобожія, вреднѣе отражается на политической судьбѣ народовъ, чѣмъ θеократія древняго міра, которая должна была отождествлять себя съ національностію. Въ примѣръ можно привести исламъ и въ особенности католицизмъ, ревностные служители котораго прибѣгали даже къ цареубійству для поддержанія власти папы. То же самое можно сказать и относительно собственности. Люди, останавливающіеся только на томъ общемъ положеніи, что *вообще* собственность охранительное начало, спѣшатъ сдѣлать изъ него тотъ общій выводъ, что *ergo*, чѣмъ крупнѣе собственность, тѣмъ естественнѣе охранительныя, и слѣдовательно, національныя стремленія ея владѣльцевъ. Такимъ образомъ, количество собственности является для нихъ главнымъ основаніемъ дѣленія общественныхъ классовъ на охранительные и прогрессивные, при чемъ многіе отождествляютъ послѣдній эпитетъ съ понятіемъ *разрушительности*. Затѣмъ другіе публицисты внесли еще одинъ признакъ, который нѣсколько подвинулъ впередъ разъясненіе вопроса.

Именно, кромѣ количества они приняли въ расчетъ еще *качество* собственности: движимая и недвижимая собственность — вотъ новое основаніе для дѣленія общественныхъ классовъ. Первой, очевидно, даютъ болѣе охранительную роль, чѣмъ послѣдней [1]).

Выходя изъ того общаго и вѣрнаго положенія, что поземельная собственность сохраняетъ за извѣстными классами одно и то же общественное положеніе въ теченіе многихъ поколѣній, и потому вмѣстѣ съ имуществомъ передаетъ имъ извѣстныя преданія, что она меньше располагаетъ къ риску и побуждаетъ держаться за существующій порядокъ и т. д., эти мыслители дѣлали ее главнымъ консервативнымъ элементомъ въ противоположность собственности движимой; капиталу, этому порожденію предпріимчивости, риска, свободы и т. д. Но есть очень крупные историческіе и современные факты, которые говорятъ противъ безусловнаго приложенія такой теоріи. Феодализмъ, то-есть, крупное землевладѣніе, возведенное на степень государственнаго порядка, вовсе не отличался національными стремленіями; образованіе національныхъ идей и элементовъ было дѣломъ промышленныхъ классовъ. Феодализмъ не зналъ національности; феодалъ-Французъ охотнѣе протягивалъ руку феодалу-Нѣмцу, чѣмъ французскому буржуа. Въ Швеціи королевская власть находила гораздо больше поддержки въ низшихъ классахъ, чѣмъ въ аристократіи. То же самое замѣчаемъ мы и въ старой Польшѣ. Въ Россіи охранительные элементы, по признанію всѣхъ лицъ, знающихъ ее, находятся внизу, между тѣмъ какъ прогрессъ всегда приходитъ сверху. Это — явленія, проходящія черезъ цѣлыя эпохи и даже черезъ всю національную исторію нѣкоторыхъ народовъ. Это кажущееся противорѣчіе происходитъ, сколько намъ кажется, отъ того, что политическіе мыслители въ изслѣдованіяхъ своихъ не обращаютъ должнаго вниманія на *третій* признакъ, играющій большую роль въ классификаціи собственности — *на ея форму*. Хотя всѣ сознаютъ, что должна быть нѣкоторая разница между собственностію общинною, феодальною и аллодіальною, но до настоящаго времени эта разница не возведена на степень истинно-научнаго принципа. Между тѣмъ, это способствовало бы разъясненію многихъ историческихъ противорѣчій и самаго понятія національности. Роль собственности опредѣляется не только количествомъ и качествомъ ея, но и самою ея формой; въ особенно-

---

[1]) Изъ нашихъ отечественныхъ публицистовъ этого мнѣнія придерживается и г. Чичеринъ, въ своемъ трудѣ: «О народномъ представительствѣ».

сти отъ этого послѣдняго признака зависитъ прогрессивное или охранительное ея направленіе. Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что неотчуждаемая, недѣлимая, несвободная собственность, то-есть, неподвижная ея форма явится сильнѣйшимъ охранительнымъ элементомъ, чѣмъ отчуждаемая, дѣлимая, то-есть, свободная собственность. Можно сказать даже, что первая по преимуществу охранительное начало, тогда какъ послѣдняя раздѣляетъ съ правительствомъ его прогрессивное назначеніе [1]). Провѣримъ это положеніе на нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ. Самый удобный для этого есть, конечно, фактъ образованія французской національности, какъ наиболѣе разъясненный. Феодальная собственность, лишенная своего политическаго значенія, прикрѣпленная государствомъ къ служенію обще-національному дѣлу, образовала сильный консервативный элементъ въ обществѣ, но почему? Неужели вслѣдствіе своихъ большихъ размѣровъ или въ своемъ качествѣ *собственности поземельной*? Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ главную роль играетъ сама неподвижная ея форма, выразившаяся въ майоратахъ и другихъ аналогическихъ условіяхъ. Напротивъ, прогрессивные элементы сосредоточились въ классахъ, жившихъ трудовою, движимою, промышленною собственностію, находившихъ постоянную поддержку въ королевской власти, пока она сама была прогрессивнымъ элементомъ въ странѣ. Но когда изъ прогрессивнаго и организующаго начала она превратилась въ монархію Людовика XIV, тотчасъ майоратная аристократія выступила какъ ея естественная союзница и погибла вмѣстѣ съ нею. Поземельная собственность современной Франціи представляетъ собою скорѣе либеральныя, чѣмъ чисто-консервативныя начала; она консервативна на столько, на сколько вообще количество и качество собственности сообщаетъ консервативное направленіе своему владѣльцу; но консервативность, зависѣвшая отъ формы этой собственности, консервативность, породившая тѣ сотни повинностей, которыя такъ стѣсняли развитіе земледѣлія и народной промышленности, такая консервативность или вовсе исчезла, или постепенно исчезаетъ. Тѣмъ не менѣе охранительныя начала во всей западной Европѣ, не говоря уже объ Англіи, болѣе другихъ удержавшей средневѣковые порядки, сосредоточиваются въ высшихъ классахъ, а всѣ прогрессивныя стремленія — внизу. Устранивъ затруднительный для себя вопросъ о формѣ собственности, прокричавъ о равноправности и свободѣ, распродавъ конфискованныя у дворянства имущества,

[1]) Мы просимъ читателя замѣтить это положеніе. Оно намъ пригодится при оцѣнкѣ правительственной теоріи Вюшеза.

революція свела весь этотъ трудный экономическій вопросъ на вопросъ о простомъ распредѣленіи этой собственности, забывая, что какъ бы ни было облегчено это распредѣленіе, всегда останутся люди, которыхъ оно не коснется, то-есть, которымъ ничего не дастъ; а принимая во вниманіе, что распредѣленіе это регулируется простою конкурренціей, то-есть, регламентированною силой, и что при такомъ порядкѣ всегда происходитъ страшное скопленіе собственности въ однихъ рукахъ, нельзя удивляться тому факту, что такихъ ничего не получившихъ при *распредѣленіи* оказывается масса и даже большинство. Слѣдовательно, изгнаніе неподвижной собственности изъ сферы экономическихъ отношеній, то-есть, замѣна собственности феодальной собственностью аллодіальною, много сдѣлавшая для эманципаціи личнаго труда и личности, не разрѣшила всѣхъ затрудненій, а напротивъ, во многихъ отношеніяхъ увеличила раздоръ между классами. Иначе и быть не могло. Прежде поземельная собственность была удѣломъ немногихъ, за которыми она оставалась изъ рода въ родъ. Она, такъ-сказать, была изъята изъ народнаго обращенія. Преданіе освящало этотъ порядокъ вещей. Аристократія считалась прирожденнымъ землевладѣльцемъ, другіе классы не стремились и не могли стремиться занять ея положеніе. Общественные элементы дѣйствовали въ сферѣ ремесленной, промышленной, торговой; соперничество и раздоръ классовъ тоже сосредоточивались въ сферѣ этихъ отношеній. Но вотъ революція бросила лакомый кусокъ въ общее обращеніе и признала laissez-faire. Вышло изъ этого много хорошаго, но и много дурнаго. Во-первыхъ, охранительные и прогрессивные элементы получили самый печальный оттѣнокъ. *Движеніе*, сосредоточиваясь въ пролетаріатѣ и массѣ рабочихъ, всегда имѣетъ характеръ дикой силы, идеалы принимаютъ часто грубую форму насильственнаго раздѣленія собственности. Высшіе классы, естественно прогрессивные по своему умственному развитію, по самой формѣ своей собственности, сбросившей свой неподвижный феодальный характеръ, невольно останавливаются предъ безобразными замыслами народныхъ вождей. Они должны были принять на себя роль охранительныхъ элементовъ, хотя эта роль, послѣ паденія стараго порядка, не идетъ къ нимъ больше. Отъ страннаго, хотя, къ сожалѣнію, и необходимаго соединенія этихъ естественно-прогрессивныхъ стремленій съ невольно-консервативнымъ направленіемъ произошла та система чудовищно-смѣшныхъ софизмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *либерализма*. Софизмъ на верху, необузданное, дикое, непросвѣщенное движеніе внизу — вотъ пока результатъ

западной экономической и государственной системы. Притомъ все сказанное относится еще къ лучшимъ представителямъ европейской цивилизаціи — къ Франціи, къ Англіи. Но что представляютъ страны, гдѣ охранительныя начала представляются прусскимъ юнкерствомъ, польскими магнатами?

Печальное, но неразрѣшимое противорѣчіе, скажутъ намъ; зло, но зло необходимое — изъ него не можетъ быть выхода. Не только можетъ, но и есть. Россія не свела вопросъ о своей собственности на простой вопросъ о количествѣ и качествѣ ея. Рядомъ съ ними въ ней сохранилось и различіе *въ формѣ*, и этимъ она *по счастію* отличается отъ всѣхъ другихъ европейскихъ державъ. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время существуютъ въ ней двѣ формы землевладѣнія: одна со всѣми признаками неподвижной формы — неотчуждаемая, недѣлимая, форма общинная; другая, все болѣе и болѣе получающая характеръ свободный — собственность частная. Первая изъ нихъ, въ особенности въ государствѣ Московскомъ, появилась раньше послѣдней, общія начала которой выяснились только въ XVIII столѣтіи, а дальнѣйшее развитіе ждало уничтоженія крѣпостнаго права. Каково было соотношеніе этихъ двухъ формъ землевладѣнія и сообразно этому и роль владѣвшихъ ими сословій? Съ самаго уже начала Московской исторіи можно было замѣтить, что обѣ эти формы собственности должны были осуществить исконное начало славянскихъ воззрѣній на собственность; это воззрѣніе — общность для неподвижной формы и равноправность и дѣлимость для свободной собственности. Отсюда сильное развитіе общины въ противоположность свободнымъ стремленіямъ промышленныхъ классовъ западной Европы и равноправность членовъ семьи въ противоположность западнымъ майоратамъ. Отсюда понятна и политическая роль той и другой собственности. Если на Западѣ неподвижность формы и охранительныя начала соотвѣтствовали высшимъ классамъ, у насъ эта форма съ соотвѣтствующими ей охранительными началами соотвѣтствуетъ крестьянству. На оборотъ, прогрессивныя стремленія и свободная собственность, принадлежащія на Западѣ низшимъ классамъ, у насъ составляютъ удѣлъ высшихъ, которые поэтому могутъ вполнѣ называться передовыми. Лучше всего это значеніе ихъ можетъ быть разъяснено на исторіи знаменитой попытки Петра создать у насъ нѣчто въ родѣ западной аристократіи со всѣми ея стремленіями. Вотъ почему мы и дозволимъ себѣ здѣсь небольшое отступленіе. Оно кстати разъяснитъ и то, на сколько указъ о единонаслѣдіи былъ подражаніемъ англійскому быту.

Съ того времени, какъ служилое сословіе наше, подъ вліяніемъ Московскихъ государей, получаетъ помѣстный характеръ [1]), въ общей массѣ поземельной собственности замѣчается двоякое движеніе. Одна часть земли подчиняется старымъ, историческимъ преданіямъ и понятіямъ народа и служитъ основою общинной жизни, какъ это было во времена удѣльно-вѣчеваго періода. Другая представляетъ собою интересы служилаго сословія, даетъ ему возможность участвовать въ политической жизни страны своею службой, быть у государева дѣла вездѣ и всегда; она представляетъ собою личное, старо-дружинное начало. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ эпохѣ преобразованій Петра I, тѣмъ рѣзче выдѣляется характеръ той и другой собственности. Та и другая раздѣляютъ участь сословій, представляющихъ ее. По мѣрѣ того какъ сословія образуются, закрѣпляются и получаютъ государственное значеніе, образуется, закрѣпляется и получаетъ такое же значеніе и собственность. Вмѣстѣ съ крестьянскимъ сословіемъ общинная собственность подчинилась его тяглу, и во время Грознаго и его первыхъ преемниковъ, появившись на время вмѣстѣ съ общинами въ политической сферѣ, сошла съ нея вмѣстѣ съ ними и надолго осталась несвободною и оброчною вмѣстѣ съ этимъ сословіемъ. Напротивъ, владѣльческая собственность продолжала безостановочно свое политическое развитіе. На ней государственныя реформы должны были отразиться еще сильнѣе, чѣмъ на собственности общинной. Послѣдняя, будучи произведеніемъ народнаго духа, входила, такъ-сказать, въ сферу обычнаго права, была оставлена на попеченіи народа. Какъ только самыя общины были устранены отъ политической жизни, законодательство уже не заботилось о ихъ судьбѣ, и онѣ должны были ждать много лѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ освобожденнымъ народомъ явиться на политическое поприще съ тѣмъ же народнымъ колоритомъ, съ тою же свѣжестію и бодростію, съ какою нѣкогда общины отвѣчали на призывъ Грознаго. Напротивъ, судьба владѣльческой собственности близко интересовала правительство; съ нею связанъ былъ вопросъ о томъ сословіи, которое ближайшимъ образомъ, служило его дѣлу. Такая собственность нуждалась въ регламентаціи въ приспособленіи ея къ видамъ государственнымъ. Каковъ же дол-

[1]) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ Кіевской Россіи не было частной поземельной собственности, но она имѣла тамъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ она постепенно лишь создалась дѣятельностію государства. И къ этой кіевской частной собственности примѣнялось начало равноправности членовъ семьи со всѣми его послѣдствіями.

женствовалъ быть характеръ этой собственности? Если она должна была служить государственнымъ интересамъ, то логическій ходъ событій требовалъ, чтобъ она приняла тотъ складъ, какой приметъ владѣющее ею сословіе. Сословіе это стянуто было въ Москву, навсегда прикрѣплено къ государеву дѣлу. Грозные указы выгоняли на службу дворянъ, укрывающихся въ деревняхъ. Они, слѣдовательно, были оторваны отъ хозяйства. Личная экономическая дѣятельность была для нихъ невозможна, слѣдовательно, и само государство не имѣло права разчитывать на увеличеніе внутренней цѣнности земли, отданной служилому классу, ни на прогрессъ въ хозяйственныхъ операціяхъ, ведущихъ къ увеличенію дохода, то-есть, на все то, что можетъ быть достигнуто только при личной хозяйственной дѣятельности владѣльцевъ и что̀ могло сдѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ возможнымъ дробленіе собственности между отдѣльными членами семьи. Правительство должно было смотрѣть на каждое помѣстье, какъ на неподвижный капиталъ, обреченный весь вѣкъ приносить одни и тѣ же проценты. Въ дробленіи собственности оно *обязано* было видѣть дробленіе одного и того же не измѣняющагося капитала. Петръ въ своемъ указѣ 1714 г. вѣрно выражаетъ эту мысль. Онъ прямо начинаетъ съ того, что беретъ примѣрную вотчину (1.000 душъ) и разсматриваетъ исторію ея дробленія между наслѣдниками ко вреду государства и самого рода. Очевидно, что каждый правитель и практическій мыслитель того времени, задумавшись надъ этимъ вопросомъ, пришелъ бы къ слѣдующимъ результатамъ. Правительству, сказалъ бы онъ, нужно сословіе, которое отдало бы ему весь свой трудъ. Такое сословіе оно имѣетъ въ дворянствѣ. Существованіе этого сословія обезпечено собственностію, которая представляетъ не измѣняющійся фондъ, поддерживающій его правительственную дѣятельность. Дѣятельность эта можетъ поддерживаться должнымъ образомъ лишь тогда, когда фондъ этотъ останется неизмѣннымъ. Но была ли бы возможность не измѣниться этому фонду при равномъ правѣ всѣхъ членовъ дворянской семьи на наслѣдство? Если бы въ землю эту постоянно вкладывались новый трудъ и новые капиталы, то состояніе послѣдующихъ поколѣній было бы обезпечено такъ же, какъ и предыдущихъ. Но этого-то и не было въ Московскомъ государствѣ. Петръ I прямо говоритъ, что дробленіе собственности вело къ обнищанію семьи, что третьему поколѣнію уже ѣсть нечего. Правительству, слѣдовательно, невольно приходилось сократить сферу служилаго сословія, то-есть, обезпечить, какъ слѣдуетъ, если не всю семью, то по крайней мѣрѣ

часть ея. Младшихъ (кадетовъ) ожидала естественно военная служба, гдѣ государство прямо брало ихъ на свое содержаніе. Таковъ именно и былъ смыслъ закона о единонаслѣдіи.

Почему онъ не осуществился? На это можно отвѣтить другимъ вопросомъ: почему начало единонаслѣдія должно было вести такую упорную борьбу въ самомъ родѣ князей нашихъ, гдѣ необходимость этого начала была очевидна? Велико было торжество Московскихъ государей, когда единонаслѣдіе утвердилось, наконецъ, по отношенію къ престолу. Но какихъ трудовъ, какой борьбы стоило имъ осуществленіе этой задачи! Если торжество этого начала было достигнуто съ трудомъ въ сферѣ чисто-государственныхъ отношеній, то какихъ усилій нужно было для того, чтобы провести его въ сферѣ права гражданскаго? Экономическія начала, частное право даннаго народа подчиняютъ себѣ направленія законодательства, но никогда правительство не достигаетъ подчиненія ихъ своимъ цѣлямъ. Такъ случилось и съ попыткой Петра. Единонаслѣдіе, основа англійскаго гражданскаго права, укрѣпилось тамъ и въ сферѣ чисто-политическихъ отношеній. Русское единонаслѣдіе, зародившееся въ сферѣ государственнаго права, не могло перейдти въ право гражданское и должно было уступить предъ вѣковыми преданіями народа. Законъ о единонаслѣдіи былъ напряженнымъ, громаднымъ усиліемъ подчинить цѣлое сословіе, со всѣми его симпатіями, соціальными взглядами, семейными преданіями, государству. Дѣло Московскихъ царей дошло до апогея — дальше ему идти было некуда. Но здѣсь оно и остановилось. Майораты наши не просуществовали и 17-ти лѣтъ, дробленіе собственности продолжалось, вызывая потребность личной экономической дѣятельности помѣщиковъ, и уже въ царствованіе Екатерины I генералъ-прокуроръ Ягужинскій говоритъ о необходимости отпуска офицеровъ по домамъ для поддержанія хозяйства. За временнымъ отпускомъ послѣдовалъ роспускъ служилаго сословія, и распущенное по домамъ, вооруженное свободною собственностію, оно подорвало экономическія основы старой централизаціи, положило начало тѣмъ стремленіямъ, которыя такъ удачно выразились въ земскихъ учрежденіяхъ. Такъ высказалось могущество экономическихъ преданій народа надо всѣми попытками законодательной регламентаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что законодательство шло логическимъ путемъ и ясно формулировало государственныя задачи. Но логическая дѣятельность государства столкнулась съ органическимъ процессомъ народнаго экономическаго быта, и первая должна была уступить. Древнее незыблемое начало славян-

своей собственности—общность, выразившаяся въ неподвижной формѣ общиннаго землевладѣлія съ его охранительною ролью, требовало для другой сферы другаго исконнаго славянскаго начала, — начала равноправности и дѣлимости съ его свободными и прогрессивными стремленіями. Между тѣмъ логически проведенное начало единонаслѣдія превратило бы нашу землю въ такое же неподвижное *учреждение*, какъ собственность въ Англіи и въ до-революціонной Франціи. Но такое явленіе въ Россіи привело бы къ самымъ печальнымъ результатамъ. Неподвижность поземельной собственности и сила охранительныхъ началъ достаточно закрѣплены у насъ общиннымъ землевладѣніемъ. Въ средѣ общинъ хранится нашъ оригинальный складъ, наше прошедшее, наши историческія преданія. Та же неподвижность, сообщенная другой части собственности, обрекла бы государство на вѣчный застой. Тяжелымъ бременемъ легла бы на народъ эта неподвижная, мало производящая собственность. Она стала бы вѣчнымъ, неизмѣннымъ условіемъ существованія служилаго сословія, на вѣки закрѣпленнаго на государственную службу, а потому направляющаго всю дѣятельность государства. Не было бы, слѣдовательно, надежды на измѣненіе порядка управленія; онъ вѣчно долженъ былъ бы держаться закрѣпленіемъ служилаго сословія государству, а крестьянства служилому сословію. Но экономическія условія и народныя преданія не допустили утвердиться у насъ единонаслѣдію. Личная собственность получила у насъ свободный характеръ: это — фактъ, недостаточно оцѣненный еще исторіей. Консервативно-общинный элементъ остался фундаментомъ нашего государственнаго зданія, и вслѣдствіе этого государство вмѣстѣ съ высшими классами могло спокойно отдаться своему прогрессивному назначенію. Многіе публицисты замѣчали существованіе у насъ двухъ фактовъ одинаково отрадныхъ. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, что у насъ никогда не было серіозныхъ революціонныхъ стремленій; второй—въ томъ, что у насъ всѣ реформы шли сверху внизъ. Объясненія этихъ фактовъ, смѣю думать, должно искать въ томъ, что въ отечествѣ нашемъ установлено правильное соотношеніе между прогрессивнымъ и консервативнымъ элементами. Аристократія Запада выводится изъ своей апатіи рѣзкими криками пролетаріата, массою голодныхъ рабочихъ и другими *прогрессивными* элементами, созданными ея *консервативною* дѣятельностію. У насъ прогрессивныя стремленія Вѣнценосцевъ прежде всего находили поддержку въ тѣхъ классахъ, которыхъ свободная собственность, требующая ума предпріимчиваго, нерутиннаго, поддерживало-

щая стремленіе къ постояннымъ улучшеніямъ, заранѣе воспитываетъ къ готовности ко всякимъ реформамъ. Чрезъ нихъ проходятъ всѣ улучшенія до массы народа, залегающей въ общинныхъ учрежденіяхъ, и здѣсь ожидаютъ они себѣ приговора, отъ котораго зависитъ ихъ дальнѣйшее существованіе.

Если, такимъ образомъ, въ образованіи каждой національности первенствующую роль играютъ охранительные элементы общества, то само собою разумѣется, что ими же главнѣйшимъ образомъ опредѣляется и характеръ этой національности. Прогрессивные элементы каждаго народа должны развивать только тѣ начала, которыя издавна составляютъ достояніе охранительныхъ элементовъ. Только такое движеніе можетъ быть названо органическимъ, правильнымъ развитіемъ. Другими словами, статическія и динамическія явленія въ обществѣ должны представлять развитіе одной и той же идеи. Отсюда мы прямо можемъ сдѣлать заключеніе, согласное и съ общими положеніями соціальной науки, указанными нами въ третьемъ раздѣлѣ первой статьи, и съ только-что высказанными понятіями объ общемъ значеніи національности. Именно мы говоримъ, что цѣль и значеніе каждой національности могутъ быть опредѣлены только при изученіи *всѣхъ элементовъ* общества, при чемъ особенное вниманіе должно быть обращено на элементы охранительные. Если при такомъ изученіи окажется, что общества руководятся двумя противоположными цѣлями, представляютъ, слѣдовательно, два общества съ различнымъ характеромъ и стремленіями, то мы смѣло можемъ заключить, что здѣсь или нѣтъ національности, или насильственно связаны два обломка разныхъ цивилизацій и націй, изъ которыхъ одинъ постепенно долженъ уступить мѣсто другому. Между тѣмъ Бюшезъ, обходя ближайшій анализъ этого предмета, останавливается на однихъ соображеніяхъ о цѣли, отчего національность получаетъ у него отвлеченный и нѣсколько мистическій характеръ. Каждое громкое имя является у него полноправною націей. Отсюда его непонятная декламація въ пользу Польши. Польша — нація! Этого никогда не сказалъ бы Бюшезъ, еслибъ онъ дольше остановился на этомъ вопросѣ и въ особенности на отношеніяхъ Польши къ Россіи. То, что и Бюшезъ и Французы называютъ Польшей (неизвѣстно, какіе размѣры угодно имъ дать этому названію: Польша ли 1772 и 1795, забраный край съ конгрессувкой, или одна конгрессувка? Но мы возьмемъ, пожалуй, Польшу 1772 года,) съ давнихъ поръ состояло изъ двухъ элементовъ. Одинъ изъ нихъ по религіи, по общественнымъ стремленіямъ, по укоренившимся пре-

даніямъ, наиболѣе способенъ былъ составить національный строй такимъ характеромъ, какой мы только-что признали за Россіей. Главная часть націи, ея охранительные элементы представляли и там поразительное сходство. Но они были порабощены другимъ элементомъ, не имѣвшимъ съ ними ничего общаго. Это былъ обломокъ другой цивилизаціи, другаго общественнаго порядка. Его настоящее мѣсто было среди феодальной западной Европы, а не на славянской почвѣ. Миссіонеры чуждой церкви, поборники чуждыхъ интересовъ, послушные слуги то Нѣмцевъ, то Французовъ, польскіе паны и ксендзы не прислушивались къ требованіямъ народной жизни. Да и что для нихъ этотъ народъ? Развѣ онъ сидѣлъ на сеймахъ? Развѣ онъ молился въ одной церкви съ ними? Развѣ онъ сражался за одно отечество? Два представителя двухъ разныхъ цивилизацій и національностей рано или поздно должны были разойдтись. Угнетенные классы, сохранившіе вѣру отцовъ и старыя преданія и обычаи, искали себя другихъ руководителей, истинно-прогрессивныхъ началъ. Они были найдены, когда Русь, задушивъ враждебный Востокъ, пробила себѣ доступъ къ двумъ морямъ, затрубила грозный всеславянскій кличъ и прежде всего для своихъ ближайшихъ братьевъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ. Началась вѣковая борьба. Польша скоро увидѣла, что она не на своей почвѣ: ее понимали только на Западѣ, никто не сочувствовалъ ей на Востокѣ. Теперь Польша не что иное, какъ западно-католическая интеллигенція, кормящаяся православнымъ восточнымъ хлѣбомъ, а производители этого хлѣба, поселяне, все больше и больше тянутъ туда, на Сѣверо-Востокъ, къ Царю-Освободителю.

Мы разсмотрѣли невыгодныя стороны научныхъ пріемовъ Бюше. Они сильно вредятъ цѣлостности и полнотѣ его взглядовъ на общественную науку и на такіе крупные ея элементы, какъ понятіе національности. Вслѣдствіе этого связь человѣка съ государствомъ является только тогда, когда онъ выступаетъ изъ сферы своей частной дѣятельности. Правда, Бюшезъ весьма справедливо доказываетъ, что даже трудясь въ своей индивидуальной сферѣ, человѣкъ работаетъ въ то же время на пользу общую (общее положеніе политической экономіи); но, сколько намъ кажется, для установленія прочной связи между человѣкомъ и государствомъ, необходимо принимать въ разчетъ тѣ посредствующіе между ними организмы, совокупность которыхъ составляетъ общество. Тогда скачокъ отъ индивидуальной экономической къ общественной дѣятельности былъ бы менѣе рѣзокъ. Подобно тому, какъ человѣкъ постепенно дѣлается способнымъ къ

общежитію, постепенно теряя свои эгоистическія стремленія въ постепенно воспитывающихъ его формахъ общежитія, начиная съ семьи и кончая государствомъ, такъ и въ каждую данную минуту, эти эгоистическія стремленія, оставшіяся главнымъ мотивомъ подчиненныхъ жизненныхъ сферъ, должны пройдти черезъ длинный рядъ организмовъ, чтобы возвыситься на степень прогрессивнаго соціальнаго элемента. Не смотря, однако, на такой недостатокъ, отношенія личнаго труда къ государственной дѣятельности выяснены авторомъ весьма удачно. По крайней мѣрѣ, онъ ставитъ личный трудъ на его настоящую почву и при развитіи нѣкоторыхъ частностей, его ученіе поведетъ къ самымъ богатымъ результатамъ. Главнѣйшія мысли его по этому предмету содержатся въ главѣ о раздѣленіи труда (I, стр. 119—180), а потому мы и остановимся нѣсколько на анализѣ его положеній.

Общество можетъ жить только при одномъ условіи — при условіи одновременнаго и постояннаго производства всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для его политическаго существованія и для нравственной и матеріальной жизни отдѣльныхъ его членовъ. Оно — великое тѣло, никогда не отдыхающее, обязанное исполнять одновременно всѣ свои задачи, а потому нуждающееся въ тысячахъ членовъ, органовъ, которые одновременно работали бы надъ предметами столь же разнообразными и многочисленными, какъ его нужды и задачи. Вслѣдствіе этого *одновременность* и *непрерывность* суть два непреложные закона общественной дѣятельности. Онѣ устанавливаютъ необходимость самой формы этого труда, именно законъ *раздѣленія труда*. Каждый изъ членовъ общества беретъ на себя отдѣльную спеціальную задачу; вслѣдствіе этого достигается одновременность выполненія всѣхъ общественныхъ задачъ и удовлетвореніе всѣхъ его нуждъ. Такимъ образомъ, съ соціальной точки зрѣнія раздѣленіе труда есть не что иное, какъ раздѣленіе и спеціализація функцій для одновременнаго ихъ выполненія. Мы замѣтимъ отъ себя, что это раздѣленіе удовлетворяетъ и другому закону—закону непрерывности, благодаря тому, что ни все общество, ни отдѣльныя его части не бываютъ принуждены бросать одно занятіе для удовлетворенія другихъ потребностей. Затѣмъ, благодаря ему, каждый отдѣльный человѣкъ, удовлетворяя своимъ эгоистическимъ потребностямъ, не перестаетъ работать и на пользу общую, такъ какъ спеціализированіе занятій увеличиваетъ массу производимыхъ предметовъ, такъ что каждый человѣкъ производитъ каждаго предмета больше, чѣмъ нужно для его собствен-

наго употребленія, и этотъ избытокъ обращается на непрерывное удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Раздѣленіе труда обращаетъ въ сферу личнаго интереса то, что въ итогѣ служитъ для удовлетворенія интереса общаго. Далѣе это спеціализированіе занятій, при чемъ каждый производитъ только одинъ родъ предметовъ, заставляетъ каждаго нуждаться въ другихъ, и служитъ потому прочною общественною связью. Всѣ эти выгодныя стороны раздѣленія слишкомъ хорошо указаны политической экономіей, а потому на нихъ нечего долго останавливаться. Для насъ гораздо важнѣе посмотрѣть на невыгодныя стороны его, которыя оно имѣетъ подобно каждому человѣческому установленію. Единство, возникающее изъ того обстоятельства, что одинъ нуждается въ другомъ, не единственно возможное и не самое прочное изъ всѣхъ единствъ. Когда одинъ человѣкъ связанъ съ другимъ только потому, что онъ въ немъ нуждается, можно смѣло сказать, что такая форма общежитія еще далека отъ истиннаго единства. Вопервыхъ, и сила, и форма этого соединенія остаются въ состояніи крайней неопредѣленности. Связь будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ *больше* одинъ человѣкъ будетъ нуждаться въ другомъ, *слѣдовательно*, тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше этотъ человѣкъ будетъ *нуждаться* въ своемъ собратѣ. Отсюда само собою понятно, что каждый человѣкъ, въ силу своихъ индивидуалистическихъ стремленій, старается поставить себя въ такое положеніе, въ которомъ эта зависимость отъ другихъ наименѣе тяготила бы его. Это стремленіе вполнѣ законно и совершенно согласно съ природой человѣка. *Независимое положеніе*, самостоятельность, свобода — вотъ вѣчный и неизмѣнный идеалъ личности. Такимъ образомъ, индивидуальное развитіе, даже при господствѣ раздѣленія труда, взятое само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ какимъ-нибудь высшимъ цѣлямъ, въ результатѣ даетъ полное обособленіе личности. Этимъ результатомъ собственно и отличается общественная жизнь отъ государственной. Слѣдовательно, простое экономическое начало раздѣленія труда не есть еще главное условіе крѣпости общественнаго союза. Но предположимъ, что оно достаточно сильно; это предположеніе даже будетъ имѣть за себя многія соображенія. Не смотря на все свое желаніе, человѣкъ никогда не достигнетъ такой самостоятельности, чтобы совершенно не нуждаться въ содѣйствіи другихъ; притомъ еслибъ онъ даже достигъ въ данную минуту такой полной независимости, она не можетъ продолжаться долго. Предположимъ, что онъ достигъ такого состоянія, когда самъ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ

потребностямъ. Но подобное состояніе будетъ относиться только къ потребностямъ, существующимъ въ данную минуту. Разъ онѣ всѣ удовлетворены, у человѣка, по непреложнымъ законамъ его природы, тотчасъ появляются новыя потребности, удовлетворить которымъ онъ уже не въ состояніи, а потому опять обязанъ прибѣгнуть къ помощи другихъ. Существуетъ, правда, другой путь для завоеванія себѣ независимости: это постепенное сокращеніе своихъ потребностей. Но это во всякомъ случаѣ есть уже насиліе природы и можетъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ только у весьма немногихъ, исключительныхъ натуръ. Масса же людей всегда будетъ жить подъ вліяніемъ безостановочнаго развитія потребностей, удерживающихъ ихъ въ состояніи общежитія. Правда, они скорѣе будутъ *скованы*, чѣмъ *соединены*, личность всегда будетъ рваться изъ душныхъ оковъ; но связь эта будетъ существовать, пока потребности человѣческія будутъ развиваться и условія его существованія совершенствоваться. Но какое отношеніе установится между людьми, *связанными* такимъ образомъ? Какую форму приметъ человѣческое общество, разсматриваемое только съ точки зрѣнія раздѣленія труда? Всѣ люди чувствуютъ необходимую связь между собою, всѣ признаютъ, что одинъ членъ общества зависитъ отъ другаго. Въ этомъ общее мнѣніе, здравый смыслъ совершенно согласенъ съ выводами науки. Это обстоятельство выставляютъ на видъ. Эту необходимую, невольную связь даже воспѣваютъ подъ именемъ солидарности. Но вотъ чего простой здравый смыслъ не видитъ и на что наука мало обращаетъ вниманія: каждый изъ связанныхъ между собою членовъ общества естественно стремится къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ, другіе больше зависѣли отъ него, чѣмъ онъ отъ нихъ. Это понятно: при общемъ, неизлечимомъ рабствѣ одинъ всегда хочетъ быть рабомъ въ меньшей степени, чѣмъ другой. Отсюда естественное стремленіе при общемъ обмѣнѣ услугъ больше получать, чѣмъ давать. Отсюда естественное стремленіе поставить одинъ классъ, обыкновенно многочисленнѣйшій, въ такое положеніе, чтобъ онъ только давалъ, а себѣ доставить удовольствіе только получать. Этого мало. Великій законъ раздѣленія труда сводится съ нравственно-общественной почвы въ сферу чисто матеріально-производительныхъ отношеній, при чемъ трудъ не столько спеціализируется, сколько дробится, рабочая сила совершенствуется не столько въ смыслѣ всесторонняго развитія личныхъ способностей, сколько въ отношеніи чисто-механической стороны труда. Это обстоятельство вредно отражается и на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и по от-

ношенію граждан къ общегосударственнымъ цѣлямъ. Чѣмъ бол
спеціализируется трудъ, тѣмъ больше работа принимаетъ меха
скій характеръ, тѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ машинѣ
мѣрѣ того, говоритъ Токвилль, какъ раздѣленіе труда получ
большее примѣненіе, работникъ дѣлается слабѣе, ограниченнѣе
висимѣе. Ремесло дѣлаетъ успѣхи, ремесленникъ идетъ назад
то время, когда одинъ человѣкъ занималъ нѣсколько профес
легко переходилъ отъ одной къ другой, онъ былъ нравственно
пользовался бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ работникъ, всю жиз
дѣлывающій булавочныя головки. Мы не станемъ останавливать
этихъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ раздѣленія труда для индиви
наго развитія. Это задача политической экономіи. Насъ заним
другая сторона вопроса. Дѣло въ томъ, что при раздѣлені
спеціальныя задачи, или какъ называетъ ихъ Бюшезъ, les in
professionnels, до такой степени овладѣваютъ умами людей, что
общихъ государственныхъ цѣлей почти не остается мѣста. Заним
какою-нибудь дробною частью экономическаго труда, они не то
подчиняютъ государственную идею своимъ цеховымъ понятіям
даже забываютъ о ней. Чѣмъ бо̀льшіе успѣхи дѣлаетъ раздѣ
труда, тѣмъ больше человѣкъ перестаетъ быть гражданином
такая же несомнѣнная истина, какъ та, которую высказалъ Токв
Связь, основанная на простой нуждѣ одного въ другомъ, не мож
замѣнить связи, построенной на общности одной великой наці
ной цѣли, на общности нравственныхъ задачъ. Вотъ почему, как
ни была развита общественная жизнь съ ея спеціальными проф
сіями, необходимо должна существовать сфера, гдѣ всѣ умствен
нравственныя, экономическія силы страны, какъ бы онѣ ни был
дѣлены этими спеціальными профессіями, соединялись бы въ о
общей дѣятельности. Купецъ, ремесленникъ, артистъ, профес
земледѣлецъ должны сходиться, напримѣръ, хоть на скамьѣ при
ныхъ, въ земскомъ собраніи. Безъ подобныхъ учрежденій граж
скій духъ глохнетъ, и часто въ великія минуты благо отечеств
пробуждаетъ уже граждан. Бюшезъ говоритъ, что политическ
тельность гражданъ есть главнѣйшее средство предотвратить гиб
ныя послѣдствія неумѣреннаго раздѣленія труда. Если между член
общества необходимо устанавливается различіе вслѣдствіе разноо
зія спеціальныхъ занятій, политическая сфера даетъ имъ всѣмъ о
наковыя занятія. Общество знаетъ банкировъ, негоціантовъ, зем
владѣльцевъ, фермеровъ, рабочихъ; государство — только граждан

Здѣсь не только не требуется раздѣленія труда, но необходимо допускается соединеніе въ одномъ лицѣ разныхъ обязанностей. Политическая сфера—сфера единства и равенства по преимуществу. Вотъ почему начало раздѣленія труда и система множественности голосовъ, отличающія новыя англійскія приходскія установленія [1]), кажутся скорѣе отраженіемъ промышленно-акціонерныхъ понятій буржуазіи, чѣмъ истинно-политическимъ началомъ. Чѣмъ чаще призываются граждане къ общественной дѣятельности, чѣмъ многочисленнѣе будутъ установленія, гдѣ будетъ воспитываться и поддерживаться гражданскій духъ, тѣмъ устойчивѣе будетъ самое политическое устройство, тѣмъ безопаснѣе будетъ общество отъ раздѣленія и антагонизма, и великія государственныя цѣли тѣмъ съ большимъ усердіемъ будутъ преслѣдоваться изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Такое участіе гражданъ въ политической дѣятельности необходимо не столько для прогрессивной дѣятельности государства, которая при надлежащей организаціи охранительныхъ элементовъ вся можетъ принадлежать высшему правительству, сколько именно для той же охранительной дѣятельности, которую мы только-что разсмотрѣли по отношенію къ собственности и другимъ общественнымъ элементамъ. Слѣдовательно, охранительная дѣятельность общества можетъ проникать въ сферу политическихъ отношеній, подобно тому какъ прогрессивная дѣятельность правительства отражается на сферѣ чисто-экономическихъ отношеній. Безъ участія общества въ политикѣ невозможно сохраненіе, поддержаніе національной идеи; безъ прогрессивной дѣятельности правительства сомнительно прогрессивное движеніе въ обществѣ. Если одна дѣятельность, такимъ образомъ, заходитъ въ сферу другой, то очевидно, что и элементы охранительныхъ силъ должны отчасти входить въ составъ прогрессивныхъ учрежденій, и наоборотъ. Но какъ и когда возможно это соединеніе? Въ какой формѣ должно оно происходить? Все это приводитъ насъ къ окончательному анализу соотношенія прогрессивныхъ и охранительныхъ началъ въ обществѣ. Соотношеніе это лучше всего можно выяснить на вопросѣ о правительствѣ, къ которому мы теперь и переходимъ.

III.

Какъ осуществляется прогрессивная дѣятельность правительства? Въ чемъ заключаются ея условія? Это вопросъ весьма важный, безъ

[1]) См. *Gneist*.—Englische Communal-Verfassung.

разрѣшенія котораго нельзя понять ни организація правительства, ни его отношенія къ общественнымъ элементамъ.

Прежде всего здѣсь выясняется вопросъ объ организаціи правительства. Подъ именемъ вопроса объ организаціи мы, конечно, не разумѣемъ стариннаго вопроса о формахъ правленія; мы не намѣрены даже входить здѣсь въ ихъ обсужденіе, хотя у Бюшеза и посвященъ большой отдѣлъ для этого изслѣдованія. Подъ именемъ организаціи мы разумѣемъ здѣсь нѣчто другое. Самъ Бюшезъ различаетъ эти два вопроса: первый изъ нихъ касается всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; онъ тождественъ съ условіями самого прогресса; второй видоизмѣняется сообразно условіямъ мѣста и времени и почти не представляетъ возможности для безусловной классификаціи.

Каждое правительство, какова бы ни была его форма, должно быть организовано соотвѣтственно своему назначенію. Назначеніе его, какъ мы видѣли, заключается въ осуществленіи національныхъ цѣлей, установленныхъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, исторіей и общественною жизнью. Гдѣ цѣль, тамъ и методъ. Правительство, осуществляя постепенно національную цѣль, совершаетъ извѣстный логическій процессъ, совершенно подобный тому, какой совершается, напримѣръ, въ головѣ ученаго, разрѣшающаго извѣстную задачу. Дѣятельность правительства должна, слѣдовательно, составлять логическій процессъ, а организація его должна заключать въ себѣ установленія, соотвѣтствующія каждому изъ этихъ моментовъ.

Въ чемъ же заключается этотъ методъ? Въ разбираемой нами книгѣ находятся только приложенія общей теоріи Бюшеза о методѣ къ вопросу о правительствѣ. Самая же теорія изложена въ его философскомъ трактатѣ. Вотъ почему намъ необходимо прежде всего сдѣлать общее замѣчаніе о его методологическихъ понятіяхъ. И въ этомъ отношеніи авторъ продолжаетъ дѣло Тюрго и Сенъ-Симона. Оба эти мыслителя замѣтили уже вредъ того перевѣса, который получило наблюденіе надъ гипотезой, между тѣмъ какъ множество открытій, двинувшихъ науку впередъ, обязаны своимъ происхожденіемъ геніальнымъ гипотезамъ. Бюшезъ, опираясь на свои глубокія познанія въ медицинѣ и естественныхъ наукахъ, старается возвести это замѣчаніе на степень научнаго закона. Онъ доказываетъ, что каждый научный методъ состоитъ изъ двухъ моментовъ — *изобрѣтенія* и *повѣрки*, и что наблюденіе и опытъ, которымъ ученые приписывали всѣ открытія, составляютъ только вторую половину этого полнаго научнаго метода. То, что естественныя науки называютъ *своимъ* методомъ, то-есть, на-

блюденіе и опытъ, составляетъ только моментъ повѣрки, а потому самъ по себѣ методъ этотъ не ведетъ ни къ какимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ. Наблюденіе плодотворно только тогда, когда наблюдатель уже сознаетъ тѣ стороны предмета, на которыхъ онъ долженъ остановить свое вниманіе; оно состоитъ только въ провѣркѣ научныхъ началъ, установленныхъ гипотезой; словомъ, оно плодотворно тогда, когда у наблюдателя есть точка отправленія, само же по себѣ оно добываетъ только противорѣчивые факты, не имѣющіе научнаго достоинства. Моментъ, относящійся собственно къ открытію, изобрѣтенію, есть гипотеза, посредствомъ которой замѣчается и устанавливается соотношеніе, связь между извѣстными явленіями. Такая гипотеза, конечно, есть продуктъ обширнаго развитія, накопленія большой массы фактовъ. Но эта накопленная масса фактовъ не состоитъ къ открытію въ отношеніи причины къ слѣдствію. Напротивъ, ближайшимъ поводомъ къ гипотезѣ бываетъ часто ничтожный фактъ.

Мы не станемъ здѣсь входить въ обсужденіе правильности или неправильности этого взгляда. Онъ важенъ для насъ потому, что авторъ примѣнилъ его къ вопросу о правительственной дѣятельности. Что Бюшезъ долженъ былъ примѣнить свой взглядъ въ особенности къ политикѣ, совершенно понятно. Мы видѣли, что по его мнѣнію, національныя цѣли устанавливаются a priori, вслѣдствіе какого-нибудь религіозно-нравственнаго ученія, высказывающаго положенія, подлежащія медленному, постепенному осуществленію, примѣняющіяся къ потребностямъ времени. Это и есть гипотеза и провѣрка, то-есть, тотъ же логическій процессъ, только на болѣе обширномъ полѣ, въ сферѣ всемірно-исторической. Напротивъ, цѣли, устанавливающіяся исключительно a posteriori, не ведутъ, какъ мы видѣли, ни къ какимъ прогрессивнымъ результатамъ. Что же такое эти цѣли a posteriori, какъ не наблюденіе и опытъ на томъ же всемірно-историческомъ полѣ?

Слѣдовательно, организація правительства должна составлять развитіе этого прогрессивнаго метода, съ моментами гипотезы и провѣрки. У него должны быть средства и для изобрѣтенія и для осуществленія, для повѣрки извѣстныхъ политическихъ мѣръ. Но несомнѣнно и то, что эти логическіе моменты въ правительственной дѣятельности въ сильной степени отличаются количественно отъ тѣхъ же моментовъ въ сферѣ научной. Гипотеза научная вообще имѣетъ въ виду открыть общее отношеніе между постоянно существующими и дѣйствующими элементами вселенной. Напротивъ, правительственная дѣятельность заранѣе опредѣляется характеромъ дан-

ной цивилизація; слѣдовательно, далеко отстоитъ отъ общихъ ц
и элементовъ человѣчества, постепенно осуществлявшихся въ ц
рядѣ цивилизацій предшествующихъ и много оставляющихъ ци
вилизацій будущихъ. Вслѣдствіе этого правительство не пресл
и не можетъ преслѣдовать цѣлей абсолютныхъ; его дѣяте
всегда направляется двумя факторами: характеромъ цивилиза
національнымъ сознаніемъ. Но и этого мало. Изобрѣтательна
тельность государства не можетъ касаться и этихъ общихъ наці
ныхъ цѣлей, иначе правительство потеряетъ свой національні
рактеръ и породитъ массу бѣдствій для себя и для общест
задача найдти форму общества и общественной дѣятельности
болѣе соотвѣтствующую задачамъ общества въ *данную минуту*
виду лучшаго осуществленія великой національной цѣли въ посл
Слѣдовательно, изобрѣтеніе въ сферѣ политической можетъ
только *открытія* второстепенныхъ цѣлей, соотвѣтствующихъ
нымъ моментамъ постепенно развивающейся національной циви
Слѣдовательно, всѣ эти изобрѣтенія будутъ имѣть и должны
лишь относительное достоинство въ томъ смыслѣ, что всѣ
вленныя ими цѣли и формы общества будутъ имѣть значеніе
для опредѣленной эпохи, хотя, съ другой стороны, результаты
бытые ими, должны имѣть безусловное достоинство и необход
въ общемъ ходѣ цивилизаціи. Подобно тому, какъ идея прогресса
крывается только при изученіи всѣхъ мотивовъ цивилизацій
ихъ совокупности, такъ и безусловное достоинство или недост
каждой политической организаціи или стремленія обнаружи
только въ той же совокупности всѣхъ моментовъ. Если, такимъ
зомъ, гипотеза въ области политики получаетъ такое относит
значеніе, то и дѣятельность втораго логическаго момента,
не можетъ имѣть другаго значенія. Наблюденіе и опытъ въ
науки обыкновенно имѣютъ въ виду провѣрку общихъ основаній
ныхъ теорій. Пока есть еще возможность отрицательныхъ инст
какъ называетъ ихъ Беконъ, до тѣхъ поръ теорію нельзя с
окончательно установленною. Напротивъ, такое абсолютное стре
провѣрочной дѣятельности въ области политики повело бы въ
пагубнымъ результатамъ. Мы уже отчасти указали на нихъ въ
статьѣ; мы видѣли, чего можно ожидать въ обществѣ, гдѣ

[1]) Подъ именемъ цивилизаціи мы, конечно, разумѣемъ здѣсь велик
ническія эпохи, какъ, напримѣръ, христіанство.

основы общежитія постоянно находятся подъ сомнѣніемъ и ударами критики. Если гипотеза должна въ политикѣ ограничиваться второстепенными цѣлями, то-есть, безусловно принимать основы общежитія и основныя національныя задачи, ограничиваясь вопросами о примѣненіи и развитіи ихъ въ данную минуту, то и провѣрка должна ограничиваться тѣми же задачами, то-есть, изслѣдованіемъ, на сколько изобрѣтеніе соотвѣтствуетъ потребностямъ даннаго общественнаго состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ вышло бы при такомъ состояніи вещей, когда органы изобрѣтенія предлагали бы чисто-практическія мѣры, относящіяся къ извѣстному моменту исторіи, къ конкретному состоянію общества, а органы провѣрки обсуждали бы ихъ съ точки зрѣнія общихъ задачъ цивилизаціи, отвлеченныхъ требованій человѣческой природы, абстрактныхъ началъ общежитія? Очевидно, результатомъ такого направленія была бы невозможность придти къ какому бы то ни было практическому выводу, слѣдовательно, невозможность дѣйствія, то-есть, застой, или что̀ еще хуже, разрушеніе. Характеръ одного момента долженъ строго соотвѣтствовать характеру другаго, иначе логическій процессъ потеряетъ должную правильность, выводы будутъ ложны, дѣйствія ошибочны. На этомъ основаніи провѣрка должна носить по преимуществу охранительный характеръ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, практическій характеръ предлагаемыхъ мѣръ и вопросовъ. Охранительность эта должна составлять отличительный характеръ органовъ провѣрки, даже въ большей степени чѣмъ органовъ изобрѣтенія, и понятно почему. Изобрѣтеніе всегда имѣетъ въ виду два общихъ понятія, различающихся между собою лишь по объему: съ одной стороны общія задачи цивилизаціи и народа, требующія постепеннаго осуществленія, съ другой — общій характеръ *данной* эпохи, какъ одного изъ моментовъ этой цивилизаціи. Цѣль изобрѣтенія — связать свою эпоху съ будущею, ввести въ существующіе элементы, выработанные прошлымъ, новый терминъ, заканчивающій это прошлое и являющійся началомъ будущаго. Словомъ, такое изобрѣтеніе при опредѣленіи задачъ настоящаго всегда имѣетъ въ виду задачи будущаго, заботится главнымъ образомъ о непрерывномъ движеніи общества. Напротивъ, органы провѣрки основываютъ свою дѣятельность на стремленіи сохранить связь настоящаго съ прошедшимъ, котораго элементы во всей ихъ подробности и въ практическихъ проявленіяхъ могутъ быть имъ извѣстны и приняты ими въ соображеніе лучше, чѣмъ обобщающею дѣятельностію изобрѣтателя, новатора,

Вслѣдствіе этого повѣрка всегда есть дѣло такихъ элементовъ, которые наиболѣе сохраняютъ связи съ прошедшимъ, наиболѣе способны къ охранительной, практической дѣятельности. Вовторыхъ, въ обществѣ ей долженъ соотвѣтствовать болѣе сложный механизмъ, чѣмъ для изобрѣтенія, гдѣ личная дѣятельность наиболѣе удобна.

Въ политикѣ, говоритъ авторъ, повѣрка состоитъ изъ двухъ одинаково необходимыхъ процессовъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобъ узнать, соотвѣтствуетъ ли нововведеніе цѣлямъ, выяснившимся въ прошедшемъ, будетъ ли новая общественная форма логическимъ послѣдствіемъ давно начавшагося прогрессивнаго движенія, необходимымъ звеномъ въ общей цѣпи цивилизаціи. Другая дѣятельность имѣетъ задачею опредѣлить, соотвѣтствуетъ ли реформа настоящему времени, современнымъ общественнымъ стремленіямъ, имѣются ли у общества въ данную минуту средства осуществить эту реформу. Отсюда двѣ различныя системы повѣрки, двѣ организаціи, представляющія собою двѣ различныя потребности. Одна является представительницею прошлаго, представляетъ въ политикѣ логику преданія; другая представляетъ настоящее со всѣми его страстями и интересами.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ перейдти къ подробному изслѣдованію способовъ дѣятельности органовъ изобрѣтенія и повѣрки въ сферѣ политики. Вопервыхъ, замѣтимъ, что оба логическіе момента въ политикѣ носятъ особенное названіе: первый изъ нихъ получилъ уже названіе инициативы; второй, по мысли Бюшеза, долженъ получить названіе *принятія* (l'acceptation). Въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ оба эти момента должны получить организацію и законный способъ дѣйствовать. Исторія доказываетъ, что эти два момента даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ имъ не соотвѣтствуютъ какія бы то ни было установленія, всегда стремятся къ организаціи, что дурная ихъ организація ведетъ къ важнымъ невыгодамъ, но что никогда нельзя довести ихъ до полнаго уничтоженія безъ гибели самого государства. Слѣдовательно, весь вопросъ сводится на то, правильно или неправильно будутъ они проявляться. Въ деспотическомъ государствѣ инициатива называется революціей, *непринятіе* — мятежомъ. Напротивъ, въ государствахъ наиболѣе совершенныхъ, выставляемыхъ всѣми публицистами за образецъ государственнаго устройства, какъ Римъ въ древности, Англія у новыхъ народовъ, эта тройственная операція формулирована въ стройныхъ установленіяхъ. Въ Римѣ правительство состоитъ изъ трехъ властей: консуловъ, сената и народа. Первые

являются совѣтниками [1]); второй представляетъ опытъ и преданіе, третій — нетерпѣливую и пылкую дѣйствительность. Въ Англіи мы видимъ аналогическое явленіе. Инниціатива обыкновенно принадлежитъ коронѣ [2]), принятіе зависитъ отъ двухъ властей — наслѣдственной, палаты перовъ, и выборной, представляющей массу народа.

Намъ хотѣлось бы теперь же сдѣлать нѣсколько замѣчаній на это мнѣніе автора; но мы не желаемъ прерывать его изложенія: всѣ его положенія необходимо выставить съ наибольшею подробностію, чтобы тѣмъ удобнѣе было остановиться на анализѣ ихъ. Мы просимъ читателя только замѣтить, что Бюшезъ называетъ общественные элементы, выполняющіе функціи *принятія*, властями, и прямо вводитъ ихъ въ *составъ правительства*. Ниже будетъ разъяснено, на сколько правиленъ этотъ взглядъ.

Такое раздѣленіе функцій, такая организація логическихъ моментовъ въ государствѣ, говорятъ Бюшезъ, не установлено частною волею a priori: оно порождено исторіей, которая въ то же время доказала и удобство его. Оно дало государствамъ, имѣвшимъ его, большое значеніе и упрочило постоянный, хотя и медленный, внутренній прогрессъ. Этотъ блестящій примѣръ заставилъ новѣйшіе народы стремиться къ подобному государственному устройству. Неуспѣхъ ихъ въ этомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ того, что они, желая исправлять и улучшать свои образцы, уничтожали то, что составляетъ спеціальность каждаго элемента. Въ чемъ же состоитъ эта спеціальность?

Инниціатива между людьми является моментомъ, имѣющимъ громадный авторитетъ. Появляясь въ обществѣ, она тотчасъ пріобрѣтаетъ довѣріе, порождаетъ повиновеніе и согласіе. Вотъ почему пра-

---

[1]) Не понимаемъ, почему Бюшезъ ограничился одними консулами въ этомъ отношеніи. Инниціатива въ Римѣ принадлежитъ всѣмъ сановникамъ; не слѣдуетъ также забывать роль трибуновъ въ плебисцитахъ.

[2]) Здѣсь необходимо замѣтить, что Бюшезъ принимаетъ фактъ за право. Дѣйствительно, всѣ преобразованія послѣдняго времени шли отъ короны, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы корона имѣла тамъ право инниціативы. Напротивъ, оно всецѣло принадлежитъ палатамъ, и если министры могутъ предлагать законы, то только какъ члены палатъ. Это постановленіе, очевидно, имѣетъ въ виду дать палатамъ возможность свободно относиться къ проектамъ министровъ. Еслибъ они говорили прямо отъ имени короны, то проекты ихъ, благодаря уваженію Англичанъ къ особѣ короля, проходили бы независимо отъ своего достоинства. Напротивъ, предлагая ихъ въ качествѣ простыхъ членовъ парламента, они даютъ просторъ всесторонней и свободной критикѣ.

вительства энергически удерживали и удерживаютъ за собою это право. Но инициатива не можетъ принадлежать каждому желающему и потому только, что онъ этого желаетъ. Она, конечно, есть продуктъ воли, но главнымъ образомъ генія. Вслѣдствіе этого она часто выходитъ изъ самыхъ низшихъ классовъ общества и часто такъ незамѣтно, что никто не видитъ истиннаго ея источника. Вслѣдствіе этой невозможности опредѣлить заранѣе, гдѣ появится геній инициативы, для организаціи этого момента достаточно было опредѣлить только, *какая власть будетъ его постояннымъ органомъ*.

Такимъ органомъ является правительство. Поэтому для него въ высшей степени важно группировать и объединять всѣ попытки инициативы, проявляющіяся вокругъ него. Это его обязанность, какъ органа прогресса. Это его прямая выгода съ точки зрѣнія упроченія его авторитета и власти. Ни одно прогрессивное стремленіе, ни одна попытка нововведеній *не должна дѣлаться мимо правительства и тайно отъ него* [1]. Въ древнихъ государствахъ это осуществлялось очень легко, такъ какъ инициатива проявлялась въ народныхъ собраніяхъ. Новѣйшія общества, многочисленныя и разселенныя на обширныхъ пространствахъ, не знаютъ собраній всего народа, но знаютъ частныя сходки и въ особенности могущественную силу печати. Кромѣ того, авторъ предлагаетъ еще одно средство, которое, по его мнѣнію, можетъ повести къ весьма полезнымъ результатамъ. Именно онъ предлагаетъ учредить особенное установленіе, которое обязано было бы вызывать политическую инициативу въ обществѣ, подобно тому какъ ученыя академіи (преимущественно во Франціи) вызываютъ такую инициативу по вопросамъ чисто-научнымъ.

На первый взглядъ кажется, что *принятіе* легче организовать, чѣмъ инициативу. Это оказывается вѣрнымъ и при ближайшемъ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе вопросы, возбуждаемые этою организаціей, чрезвычайно сложны: напримѣръ, сенатъ, палата перовъ или аналогическія установленія, если съ одной стороны они способны установить соотношеніе и связь между преданіемъ и современнымъ движеніемъ, то въ то же время легко могутъ явиться преградой прогресса, сдѣлаться центромъ всѣхъ ретроградныхъ стремленій. Исторія представляетъ много такихъ примѣровъ. Въ Римѣ необходимо было исправить сенатъ учрежденіемъ трибуновъ, въ Англіи — предоставленіемъ

---

[1] См. объ этомъ также въ слѣдующей главѣ соч. Бюшеза — «La souveraineté» II, стр. 206.

коронѣ права назначать новыхъ перовъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ эти невыгоды исправляются выборнымъ началомъ. Впрочемъ, ретроградныя стремленія далеко не составляютъ удѣла только этихъ установленій, хотя общее мнѣніе и укрѣпляетъ за ними эту привилегію. Часто народные представители, даже цѣлый народъ, отказывались сдѣлать малѣйшее усиліе, перенести малѣйшее безпокойство, удѣлить частицу своего времени для осуществленія гражданскаго прогресса, для достиженія величайшаго блага. По лѣни, нетерпѣнію и невѣжеству народъ часто вѣритъ своимъ врагамъ больше, чѣмъ своимъ собственнымъ стремленіямъ и инстинктамъ.

Опасность, слѣдовательно, есть вездѣ при отсутствіи мудрости и чувства долга. Но „принятіе" тѣмъ не менѣе остается существеннымъ моментомъ каждаго политическаго движенія, подобно иниціативѣ.

Еще подробнѣе развиваетъ Бюшезъ эти мысли въ главѣ о суверенитетѣ (II, стр. 165—212). Онъ провѣряетъ свои положенія во всѣхъ ихъ подробностяхъ на историческихъ фактахъ. Но мы остановимся только на этихъ общихъ положеніяхъ, тѣмъ болѣе что въ этой главѣ авторъ затрогиваетъ чрезвычайно важные вопросы объ отношеніяхъ личной свободы къ общественной власти, объ источникѣ и идеѣ суверенитета, которыхъ мы не можемъ разсмотрѣть, не расширяя нашей статьи до непозволительныхъ размѣровъ.

Не трудно замѣтить, что Бюшезъ, начавъ разсматривать *общіе* элементы *всякаго* государственнаго устройства, въ итогѣ пришелъ къ идеализаціи одной изъ существующихъ формъ — именно представительнаго правленія. Съ какой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ эту форму, какую роль онъ даетъ каждому изъ составляющихъ ее установленій — это другой вопросъ, въ изслѣдованіе котораго мы не намѣрены входить. Для насъ важенъ тотъ результатъ, что авторъ, начавъ съ изслѣдованія общественныхъ элементовъ, сосредоточивается за тѣмъ на изслѣдованіи государственныхъ формъ. Это происходитъ вовсе не потому, что онъ придаетъ имъ первостепенную важность: онъ осудилъ это направленіе у древнихъ писателей; это происходитъ именно потому, что онъ между человѣкомъ и государствомъ не признаетъ никакихъ посредствующихъ организмовъ. Вслѣдствіе этого каждая организація общественныхъ силъ должна необходимо принять государственный характеръ: обществу негдѣ организоваться кромѣ государства; всякая сила общественная должна стать государственною властью. Вотъ почему оба момента *принятія* называются у него *властями*.

21*

Намъ кажется это мнѣніе невѣрнымъ и несогласнымъ съ понятіями самого Бюшеза. Если они *власти*, если они правительство, то задача правительства изъ чисто-прогрессивной дѣлается охранительною. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою власти Бюшеза, изъ которыхъ онъ слагаетъ правительство? Инициатива, принадлежащая коронѣ, ея непосредственнымъ органамъ и нѣсколькимъ сгруппированнымъ подлѣ нихъ геніальнымъ личностямъ изъ массы; затѣмъ принятіе, принадлежащее двумъ представителямъ двухъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ одни представляютъ собою прошедшее, другіе — настоящее. Изъ этихъ двухъ моментовъ только одинъ имѣетъ въ виду будущее и онъ принадлежитъ правительству въ тѣсномъ смыслѣ, безъ администраціи, слѣдовательно, меньшинству. Напротивъ, принятіе имѣетъ въ виду или прошедшее или настоящее, слѣдовательно во всякомъ случаѣ охранительныя задачи. Имъ соотвѣтствуютъ два могущественныя политическія тѣла, вооруженныя матеріальнымъ могуществомъ: одно для охраненія преданія, другое — для современныхъ интересовъ, какъ бы они ни были преходящи и мелки. Не трудно понять, какихъ результатовъ должно ожидать отъ такой организаціи. Складывая сильные охранительные элементы съ слабымъ элементомъ прогрессивнымъ, мы въ результатѣ получимъ, по меньшей мѣрѣ, неподвижное государственное устройство. Неудивительно, если Контъ назвалъ политику новѣйшихъ конституціонныхъ государствъ неподвижною, то-есть, охранительною по преимуществу — politique stationnaire. Иначе и нельзя назвать политику странъ, усвоивающихъ себѣ формальную сторону англійскихъ учрежденій. Удивительно только, что даже глубокій умъ Бюшеза остановился на поверхности вопроса. Причины этого, повторяемъ, заключаются въ его незнакомствѣ съ германскою теоріей общества. Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія различные элементы правительства, выставленные авторомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что охранительныя начала, подобно всякой общественной силѣ, сильно вліяютъ на правительственную дѣятельность: нѣтъ сомнѣнія, что каждое правительство соразмѣряетъ свои дѣйствія съ состояніемъ и направленіемъ этихъ началъ? Но въ чемъ будетъ выражаться это вліяніе одного элемента на другой, въ непосредственномъ ли участіи въ правительственной дѣятельности или только въ заявленіи своихъ желаній, требованій, нуждъ, при чемъ дѣйствія правительства останутся совершенно свободными. Если, подобно Бюшезу, не принимать никакихъ посредствующихъ организмовъ между отдѣльнымъ человѣкомъ и государствомъ, если въ противоположность

въ индивидуальной сферѣ съ ея разнообразными подраздѣленіями и стремленіями, принимать только одну соціальную сферу, дѣйствительно объединяющую человѣческія стремленія, сферу государственную, тогда остается принять только выводъ Бюшеза. Выводъ этотъ, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что участіе охранительныхъ началъ въ общей жизни государства должно проявляться въ непосредственной дѣятельности общества или его представителей въ правительственной сферѣ. Дѣйствуя вмѣстѣ съ властію, они сами должны являться *властію*, такъ какъ участіе въ государственныхъ организмахъ является единственною формой коллективной дѣятельности. Напротивъ, ближайшее изученіе общественныхъ элементовъ открываетъ возможность другихъ комбинацій, способныхъ найдти примѣненіе сообразно условіямъ мѣста и времени. Вопервыхъ, многіе элементы общества по своему экономическому положенію и нравственному вліянію представляютъ сами по себѣ условіе достаточно сильной организаціи, независимо отъ того, составляютъ ли они часть правительства, или нѣтъ. Таковы—сословія, церковь, общины. Составляя сильный общественный организмъ, они легко могутъ производить давленіе на всѣ части правительственной дѣятельности, даже не участвуя въ ней. Много есть способовъ удовлетворить потребностямъ *повѣрки*, *принятія*, мимо палатъ. Самъ Бюшезъ сводитъ вопросъ о политической организаціи на такое обширное поле, что непонятно, какимъ образомъ онъ въ результатѣ остановился именно на палатахъ. Намъ кажется, напримѣръ, что одно изъ средствъ, относимое имъ въ сферу инициативы, могло бы точно также, если не въ большей степени, пригодиться для *повѣрки*. Это именно печать съ ея необходимымъ условіемъ — свободою слова. Намъ кажется даже, что для задачъ *повѣрки* она идетъ больше, чѣмъ для проявленія инициативы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы безпристрастно сведемъ результаты дѣятельности прессы въ каждой странѣ, то нельзя будетъ не согласиться, что истинно плодотворная сторона ея дѣятельности выражается во всестороннемъ обсужденіи мѣръ, уже предпринятыхъ или предположенныхъ правительствомъ, чѣмъ въ предложеніи новыхъ мѣръ, въ инициативѣ. Иначе это и быть не можетъ. Въ журналистикѣ могутъ только обсуждаться идеи, принявшія сколько-нибудь ясное очертаніе, укрѣпившіяся въ общихъ основаніяхъ, получившія уже такъ-сказать офиціальный складъ. Изобрѣтеніе идей совершенно выходитъ изъ ея сферы. Если тамъ или здѣсь, въ томъ или другомъ журналѣ, иногда и промелькнутъ новыя соображенія, то они или не имѣютъ достаточной общности, такъ какъ статьи эти обыкновенно пишутся по

поводу частныхъ случаевъ, или слишкомъ неопредѣленны, такъ какъ статьи имѣютъ въ виду совершенно другія обстоятельства, не имѣютъ живой связи съ практическою жизнью, и такъ какъ они высказываются въ формѣ простаго намека, желанія, безъ выясненія средствъ къ его осуществленію. Словомъ, въ прессѣ всѣ новыя мысли не выходятъ изъ сферы чувства и фантазіи. Это скорѣе зародыши мысли, чѣмъ самая мысль; онѣ не выработались до чистоты и опредѣленности истинной идеи. Такое изобрѣтеніе идей составляетъ удѣлъ научныхъ обобщеній нѣсколькихъ возвышенныхъ умовъ въ сферѣ чистаго знанія или практической государственной дѣятельности, то-есть, того небольшаго кружка лицъ, куда Бюшезъ помѣщаетъ свою *инииіативу*. Первоначально идея зарождается въ самыхъ отвлеченныхъ сферахъ знанія, является продуктомъ кабинетной дѣятельности геніальнаго мыслителя. Здѣсь вырабатываются ея общія основанія, здѣсь принимаетъ она сколько-нибудь опредѣленный видъ. Но она далека еще отъ практическаго осуществленія; обыкновенно при появленіи ея въ свѣтъ никто не замѣчаетъ ея связи съ будничною жизнью. Журналистика первая приводитъ ее въ столкновеніе съ будничными интересами; она спеціализируетъ, ставитъ въ соотношеніе съ разнообразными практическими вопросами, группируетъ страсти подлѣ отдѣльныхъ ея формулъ. Здѣсь идея не совершенно еще теряетъ свою строгую форму, свой отвлеченный характеръ; ей дается только большее практическое содержаніе. Это и дѣлается въ статьяхъ, брошюрахъ, книгахъ. Наконецъ, эта идея, принявшая тысячу разнообразныхъ формъ, воплотившаяся въ массу разнообразныхъ интересовъ, породившая сотни формулъ, лозунговъ, выходитъ на улицу, дѣлается достояніемъ непосредственнаго движенія страстей. Вмѣсто книгъ и брошюръ появляются памфлеты, живущіе одинъ день, но оставляющіе слѣды на нѣсколько поколѣній, ораторская трибуна, газетныя статьи, разносятъ во всѣ концы земли готовыя уже формулы въ примѣненіи ихъ къ частному практическому случаю. Подготовленная такимъ образомъ масса готова, наконецъ, дѣйствовать. Таково поступательное движеніе идеи. Роль прессы оказывается чисто практическою, изобрѣтеніе идей рѣдко можетъ быть ея удѣломъ. Но за то *повѣрка*, выраженіе мнѣній страны по поводу извѣстныхъ вопросовъ весьма плодотворно въ политикѣ, какъ это доказываетъ исторія всѣхъ народовъ. Относительно этой задачи мы не видимъ необходимости сдѣлать ее удѣломъ какой-нибудь опредѣленной корпораціи, какого-нибудь очерченнаго установленія. Если Бюшезъ замѣчаетъ, что изобрѣ-

тательная дѣятельность, инищіатива, не можетъ быть заключена въ заранѣе опредѣленное установленіе, то тѣмъ менѣе можно допустить подобное ограниченіе относительно дѣятельности охранительной—*повѣрки, принятія. Она должна быть удѣломъ всѣхъ охранительныхъ элементовъ страны во всей ихъ совокупности*. Между тѣмъ, корпоризація этихъ элементовъ всегда имѣетъ въ результатѣ исключеніе многихъ элементовъ, которые рано или поздно будутъ стремиться войдти въ составъ этихъ корпорацій, слѣдовательно, составятъ революціонный элементъ. Между верховною властью и народомъ легко можетъ установиться непроницаемая стѣна du pays légal, при чемъ правительство, сознающее свое національное назначеніе, будетъ искать поддержки общественнаго мнѣнія внѣ палатъ, а правительство недальновидное или своекорыстное успокоится на привилегированной корпораціи, что̀ и приведетъ его къ паденію. Не смотря на блестящій составъ англійскихъ палатъ въ XVIII ст., Георгъ III сказалъ глубокую истину, что голосъ народа не слышенъ уже въ нихъ. Наполеонъ III прислушивается къ газетнымъ толкамъ и сходкамъ рабочихъ больше, чѣмъ къ болтовнѣ законодательнаго корпуса. Паденіе парламентаризма во Франціи не есть одно и то же, что паденіе свободы, ибо горькій опытъ доказалъ, что свобода одно, а парламентаризмъ совершенно другое. Это есть перенесеніе того, что̀ Бюшезъ называетъ повѣркою, изъ узкой сферы палатъ, скопированныхъ съ англійскихъ учрежденій, гдѣ онѣ являются остаткомъ средневѣковаго корпоративнаго устройства, на болѣе широкую, *общественную* почву. Если охранительная дѣятельность есть общественная задача, если *повѣрка* есть одно изъ важнѣйшихъ проявленій этой дѣятельности въ области политической, то для насъ несомнѣнно и то, что эта дѣятельность должна быть такъ же разнообразна, такъ же безформенна, такъ же свободна, какъ само общество, гдѣ свобода и разнообразіе являются главнымъ условіемъ успѣха. Этотъ законъ, сколько намъ кажется, проявляется въ слабости всѣхъ континентальныхъ конституцій и въ равнодушіи къ нимъ народа. Конституція, какъ бы ни были геніальны ея составители, въ отношеніи важнѣйшей своей части, органовъ повѣрки, можетъ надѣлать грубѣйшихъ ошибокъ. Начнемъ съ самаго капитальнаго вопроса—съ устройства двухъ палатъ. Бюшезъ весьма основательно доказываетъ, что эти двѣ палаты соотвѣтствуютъ двумъ необходимымъ логическимъ моментамъ повѣрки—повѣрки съ преданіями прошедшаго и съ интересами настоящаго. Вслѣдствіе этого всѣ конституціи, отвергавшія двухкамерную систему, усиливали значеніе послѣдняго мо-

мента, то-есть, всѣ вопросы обсуждались только съ точки зрѣнія потребностей минуты; вслѣдствіе этого палата перовъ всегда должна существовать для поддержки преданія, палата представителей для защиты современныхъ интересовъ. Авторъ, слѣдовательно, замыкаетъ преданіе въ палату перовъ или вообще въ аристократическую организацію. Почему? Очевидно потому, что онъ на охранительность элементовъ смотритъ съ точки зрѣнія количества и качества собственности, а потому представители крупной и поземельной собственности являются у него главными представителями національныхъ преданій. Мы видѣли, на сколько это вѣрно относительно странъ, обладающихъ, напримѣръ, общинною формой землевладѣнія. Въ такихъ странахъ, слѣдовательно, преданія пришлось бы искать въ народныхъ представителяхъ, а объ интересахъ настоящаго спрашивать у верхней палаты. Но почему въ такомъ случаѣ и представители народа не могли бы говорить о современныхъ интересахъ? Такимъ образомъ, явились бы двѣ палаты; изъ нихъ одна была бы устроена въ консервативномъ смыслѣ, но по сущности прогрессивна, другая для прогрессивныхъ задачъ, но въ сущности консервативна, а обѣ вмѣстѣ по необходимости должны исполнять и ту и другую задачу. Отъ этого необходимо произошло бы странное смѣшеніе понятій, борьба, взаимное непониманіе, столкновенія. Затѣмъ каждый элементъ не дѣйствуетъ въ теченіе всей исторіи съ однимъ и тѣмъ же характеромъ. Ни одинъ изъ нихъ не бываетъ неуклонно прогрессивенъ или консервативенъ. Незначительное измѣненіе условій экономическихъ и юридическихъ, бо́льшая или меньшая доля образованія, тотъ или другой характеръ воспитанія могутъ повести къ самымъ непредвидѣннымъ результатамъ.

Вотъ почему намъ кажется, что правительство никогда не должно лишать себя возможности пользоваться заявленіями всѣхъ народныхъ охранительныхъ элементовъ во всемъ ихъ объемѣ и разнообразіи; это одно даетъ ему возможность понять истинный смыслъ своей эпохи и установить прочную цѣль для себя и для управляемаго имъ общества. Напротивъ, замкнувъ всѣ общественныя начала въ какую-нибудь коллегію, корпорацію, палату, прислушиваясь только къ ихъ толкамъ, правительство отнимаетъ у себя значительную долю своихъ средствъ. Новое общество стоитъ выше средневѣковаго, между прочимъ потому, что больше его имѣетъ средствъ для обмѣна и выраженія мыслей; а потому не нуждается уже такъ въ офиціальной трибунѣ, какъ древность или средніе вѣка. Газеты, телеграфы, желѣзныя дороги, громадное развитіе книжной торговли, конгрессы, ми-

тинги поддерживаютъ непрерывную связь между людьми, вырабатываютъ общественное мнѣніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Средніе вѣка, не знавшіе ничего подобнаго, не видѣли другихъ способовъ дойдти до какого-нибудь общаго результата, какъ послать довѣренныхъ людей на одинъ общій съѣздъ, перетолковать и рѣшить извѣстный политическій вопросъ. Разумѣется, эти съѣзды скоро приняли форму корпораціи, такъ какъ тогда все принимало эту форму и нуждалось въ ней. Сравните общественное мнѣніе, вырабатываемое этимъ путемъ, и сравните его съ тѣмъ, которое родится и развивается на вольномъ воздухѣ, въ прессѣ, на конгрессахъ, на митингахъ! Вслѣдствіе этого мы думаемъ, что право петицій, сходовъ, адрессовъ, свобода печати — гораздо надежнѣйшія условія хорошей повѣрки, чѣмъ пресловутыя палаты. Невыгода послѣднихъ заключается и въ томъ, что онѣ составляютъ сами власть или стремятся ее составить, слѣдовательно, предоставляютъ правительству лишь ограниченную свободу выбора, что̀, конечно, невыгодно для него, какъ для прогрессивнаго органа. Оно *обязано* принимать сужденія этихъ палатъ за дѣйствительное мнѣніе страны, хотя изъ заявленій не-официіальныхъ, изъ газетъ и митинговъ, оно имѣетъ право думать противное. Наконецъ, подобная организація ведетъ къ тому, что общественные элементы, господствующіе въ данную минуту, возводятся на степень государственнаго устройства. Государственная власть по своей природѣ должна отвлечься отъ всѣхъ общественныхъ элементовъ, дать всѣмъ равное право на развитіе и объединить подъ своею равною для всѣхъ волею.

Такимъ образомъ, Бюшезъ желаетъ внести организацію съ самыми исключительными, замкнутыми формами въ такую сферу, гдѣ должны господствовать полный просторъ и разнообразіе. Съ другой стороны, онъ исключаетъ общественные элементы изъ такой сферы, гдѣ они часто бываютъ необходимы — изъ сферы инииціативы. Совершенно правильно замѣчаетъ онъ, что инииціатива—дѣло отдѣльныхъ личностей, какъ составляющихъ правительство, такъ и группирующихся вокругъ него. Но въ какой сферѣ вырабатываются эти личности, прежде чѣмъ онѣ сдѣлаются органами прогресса? „Если прогрессъ, говоритъ Дюпонъ-Уэйтъ [1]), не есть дѣло массъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ непремѣнно былъ дѣломъ однихъ правительствъ. Общество не раздѣляется только на народъ и власти, на силу слѣпую и силу официіальную. Есть *классы*, одаренные независимымъ положеніемъ, просвѣщеніемъ,

[1]) L'Individu et l'État.

которыхъ содѣйствіе необходимо даже наиболѣе развитому народу... Кто признаетъ могущество идей, тотъ долженъ принять вліяніе высшихъ классовъ. Идеи могутъ родиться только здѣсь. Кто, напримѣръ, заботился бы о наукахъ и свободѣ, какъ не тѣ, за которыми обезпечены уже другія блага жизни? Во Франціи религіозныя и политическія нововведенія прежде всего поддерживались высшею аристократіей. Въ XVI ст. протестантскіе вожди были Бурбонъ, Роганъ, Шатильйонъ, Вульйонъ. Энциклопедія прежде всего завоевала аристократію. Недоставало только короля, но вѣдь этотъ король былъ Людовикъ XV"!.

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы какой-нибудь классъ могъ взять на себя великое дѣло прогресса. Только власть государственная можетъ быть его органомъ. Прогрессъ не всегда совершается государствомъ, но не иначе какъ чрезъ государство. Бюшезъ вполнѣ принимаетъ это положеніе, но даетъ ему слишкомъ узкую формулу. Все, что не государство или не выдѣляется изъ толпы какими-нибудь необыкновенными способностями и развитіемъ, есть только охранительный элементъ. Но, какъ мы видѣли, инициіатива не должна ограничиваться тѣснымъ кружкомъ правительственныхъ лицъ или отдѣльныхъ выдвигающихся личностей изъ общества. Мы полагаемъ, что въ этомъ дѣлѣ возможно участіе цѣлыхъ классовъ, прогрессивныхъ по самому своему положенію. Нѣтъ сомнѣнія, что повѣрка требуетъ большаго простора, самой обширной сферы; поэтому мы и считаемъ неосновательнымъ стремленіе замкнуть ее въ узкую сферу палатъ. Инициіатива, всегда требующая сильнаго умственнаго развитія и нѣкотораго самоотверженія, не можетъ осуществляться на такомъ обширномъ полѣ; тѣмъ не менѣе устранить отъ этой дѣятельности всѣ общественные элементы, даже тѣ, прогрессивное значеніе которыхъ доказано исторіей, значитъ жертвовать сущностію дѣла формѣ, чего менѣе всего можно ожидать отъ глубокаго ума и широкаго міросозерцанія Бюшеза.

О. Контъ [1]) заканчиваетъ первую главу своей позитивной философіи слѣдующимъ образомъ: „Никто больше меня не убѣжденъ въ недостаточности моихъ умственныхъ силъ, хотя бы онѣ были и безконечно выше ихъ настоящаго достоинства, для выполненія обширной и возвышенной задачи установленія новой философіи. Но то, что

[1]) Cours de phil. pos. I, p. 46.

не можетъ быть выполнено однимъ умомъ и въ теченіе одной жизни, то можетъ быть *предложено* ясно и просто; такова моя задача". Бюшезъ съ бо̀льшимъ основаніемъ могъ бы сказать это про себя. Если онъ не разрѣшаетъ какъ слѣдуетъ всѣхъ сложныхъ политическихъ вопросовъ, то по крайней мѣрѣ онъ умѣетъ показать всѣ стороны вопроса, поставить изслѣдованіе его на настоящую почву или затронуть его такъ глубоко, что основательное изученіе его дѣлается потребностію каждаго, кто прочтетъ его книгу. Она по преимуществу шевелитъ мысль—рѣдкое достоинство въ трудѣ, лишенномъ всякаго полемическаго характера, избѣгающемъ парадоксовъ, излагающемъ вопросы догматически и объективно. Поразительное богатство мыслей, удачныхъ сравненій, сближеній, глубина анализа—отличительное свойство автора. Смѣемъ думать, каждый читатель придетъ къ этому заключенію, прочитавъ эту статью. Изъ всей массы вопросовъ, поднятыхъ Бюшезомъ, мы выбрали только одинъ, и онъ разросся въ статью на столько обширную, что мы боимся, не слишкомъ ли мы положились на вниманіе читателя.

А. Градовскій.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКІЯ ХРИСТОМАТІИ. [1]

9. *Христоматія къ Опыту Историческаго обозрѣнія Русской Словесности*, Ореста Миллера. Изданіе второе, дополненное. Часть 1-я, выпускъ 1-й. Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины. С.-Пб. 1866.

Второе изданіе этой христоматіи вышло въ свѣтъ съ значительными дополненіями и перемѣнами противъ перваго. Тѣ и другія указаны самимъ составителемъ въ предисловіи Новые отдѣлы пѣсенъ обрядныхъ, заговоровъ, загадокъ и сказокъ увеличили объемъ книги слишкомъ на цѣлую треть. Выборъ былинъ расширенъ особымъ отдѣломъ „былинъ про сватовство", довольно близко подходящихъ къ сказкамъ, а потому и помѣщенныхъ непосредственно за ними. Нѣкоторыя произведенія народной поэзіи, оказавшіяся позднѣйшими, исключены для помѣщенія въ слѣдующихъ выпускахъ. Въ замѣнъ исключенныхъ духовныхъ стиховъ напечатаны другіе, отличающіеся отдаленною древностію и заимствованные изъ сборника галицкихъ пѣсенъ Головацкаго и 5-го выпуска „Калѣкъ перехожихъ", Безсонова. Помѣщены вновь три отрывка изъ апокрифовъ и нѣсколько отрывковъ изъ черноризца Іакова, распространены заимствованія изъ начальнаго лѣтописца. Несторовы разказы о св. Ѳеодосіи напечатаны уже не въ переводѣ на современный языкъ, а въ подлинникѣ съ древняго списка. Поученіе Владиміра Мономаха отнесено не къ XII в., а къ XI, согласно изслѣдованію Погодина, опредѣлившему время его написанія 1099 годомъ. Нѣкоторыя мѣста изъ хожденія Даніила Паломника выправлены по изданію А. С. Норова. Въ Словѣ (или Моленіи) Даніила Заточника кое-что выправлено по списку Копенгагенскому, напечатанному И. И. Срезневскимъ въ X т. *Извѣстій* 2-го отдѣленія Академіи Наукъ.

---

[1]) См. октябрьскую кн. *Журн. Мин. Народн. Просв.* на 1867 г.

Памятники, наполняющіе настоящій выпускъ, обнимаютъ вѣка XI, XII и немного болѣе первой четверти XIII. Они распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала идетъ „Устная народная словесность" въ четырехъ отдѣлахъ. Первый отдѣлъ (миѳически-обрядовая поэзія), кромѣ пѣсень, изъ которыхъ наибольшее мѣсто отдано свадебнымъ, заключаетъ въ себѣ загадки и заговоры. Второй отдѣлъ (миѳическій эпосъ) представляетъ выборъ сказокъ, раздѣленныхъ на три разряда по преобладающему характеру ихъ содержанія: миѳическій, полу-миѳическій и полу-нравственный, нравственный. Сказки о животныхъ образуютъ третій отдѣлъ — животный эпосъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщены былины (былевой эпосъ), подраздѣленныя на четыре разряда: былины про сватовство, про богатырей старшихъ, Владиміровыхъ и Новгородскихъ. За устною народною словесностью слѣдуютъ памятники „Духовной литературы" XI и XII вѣковъ. Потомъ снова идетъ „устная словесность", но сложившаяся подъ вліяніемъ письменности: здѣсь помѣщены духовные стихи — богатырскіе и обнимающіе начало, искупленіе и конецъ міра. Далѣе напечатаны Слово о полку Игоревѣ и Слово Даніила Заточника, какъ памятники, образующіе начало „свѣтской народной литературы". Послѣднее мѣсто занимаетъ „духовная литература" конца XII и первой четверти XIII вѣка.

Изложенное распредѣленіе матеріала Христоматіи г. Миллера соотвѣтствуетъ его же „Опыту историческаго обозрѣнія Русской словесности", которому этотъ матеріалъ служитъ необходимымъ пособіемъ. „Опытъ" постоянно ссылается на христоматію, почему и не можетъ быть ни читаемъ, ни изучаемъ съ пользою безъ сей послѣдней. Обѣ книги, въ педагогическомъ отношеніи, составляютъ одно цѣлое: христоматія, какъ содержаніемъ, такъ и планомъ, приноровлена къ содержанію и плану „Опыта". По своему научному значенію, обѣ книги — трудъ самостоятельный, занимающій почтенное мѣсто между немногими сочиненіями по исторіи древне-русской словесности. Нѣтъ сомнѣнія, что и дальнѣйшіе ея періоды будутъ разсмотрѣны съ такимъ же знаніемъ дѣла. Не входя теперь въ сужденіе объ „Опытѣ" и говоря только о христоматіи, мы должны прибавить, что авторъ ея тщательно позаботился о томъ, что необходимо учащемуся для обстоятельнаго ознакомленія съ помѣщенными въ ней произведеніями народной и духовной литературы. Статьи, гдѣ нужно, поясняются примѣчаніями, иногда очень обширными, какъ, напримѣръ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ", параллельно съ которымъ напе-

читаны и переложенія его на русскій современный языкъ Гербеля, Мея и Козлова. Иногда также къ произведеніямъ народной словесности приложены, для сравненія, памятники книжной литературы, относящіеся къ однимъ и тѣмъ же предметамъ или событіямъ. По мѣстамъ главный текстъ сопровождается варіантами, служащими къ полнѣйшему его уразумѣнію. Короче, не упущено ничего, что могло бы оказать пособіе ученику и даже преподавателю и безъ чего хрестоматія, при всемъ достоинствѣ выбраннаго матеріала, теряетъ часть своей цѣны.

Г. Миллеръ указываетъ еще на одно существенное измѣненіе, которому подверглась его хрестоматія во 2-мъ изданіи и которое мы сообщаемъ нашимъ читателямъ точными словами самого составителя:

„Извѣстно, что памятники нашей древней литературы далеко не всѣ дошли до насъ въ спискахъ древнихъ. Читая писателя XI или XII вѣка, мы обыкновенно встрѣчаемся съ формами грамматическими несравненно позднѣйшаго вѣка или, лучше сказать, вѣковъ, то-есть, съ самою разнохарактерною путаницею формъ, очень часто зависящею даже просто отъ невѣжественныхъ ошибокъ писца. Подобная же путаница, мѣшая цѣльности впечатлѣнія, дѣйствуетъ самымъ невыгоднымъ образомъ въ отношеніи педагогическомъ. Ни одно изъ грамматическихъ основаній, сообщаемыхъ ученику *въ теоріи*, не оправдывается передъ его глазами *на практикѣ;* чтеніе, такимъ образомъ, не только не утверждаетъ его въ знаніи законовъ древняго языка, но даже просто сбиваетъ съ толку. Въ этомъ отношеніи пригоднѣйшимъ способомъ размѣщенія хрестоматіи долженъ быть признанъ учиненный г. Буслаевымъ — размѣщеніе *по вѣку рукописей*. Но за то вѣдь подобная хрестоматія служитъ уже, главнымъ образомъ, для изученія исторіи *языка;* я же преимущественно имѣлъ въ виду исторію отечественной *словесности*, а потому и не могъ не размѣщать памятниковъ *по времени первоначальнаго ихъ написанія*. Такимъ образомъ Лука Жидята, дошедшій до насъ въ спискѣ уже XVI столѣтія, не могъ не быть помѣщенъ во главѣ всѣхъ, и уже гораздо ранѣе Несторова житія Ѳеодосія, хотя оно, какъ извѣстно, имѣется въ спискѣ XII столѣтія. Но неужели нѣтъ возможности, думалъ я, хотя до нѣкоторой степени возстановить въ спискахъ позднихъ цѣльность первоначальнаго языка; хотя до нѣкоторой степени возвратить, такъ-сказать, ихъ языкъ ко времени первоначальнаго написанія памятника? Вѣдь имѣются же у насъ нѣкоторые списки значительно древніе: неужели же не позволено, на основаніи ихъ, попытаться возстановить формы древнія въ спискахъ позднѣйшихъ? Да развѣ подобное возстановленіе въ теоріи не было сдѣлано—и уже какъ давно!—покойнымъ А. Х. Востоковымъ? И развѣ его *основныя черты старославянскаго языка* не были признаны извѣстнѣйшими славистами, какъ оно значится и въ новѣйшемъ обозрѣніи трудовъ знаменитаго нашего филолога, помѣщенномъ И. И. Срезневскимъ во главѣ его изданія „Филологическихъ наблюденій“ Востокова?

„Вотъ я и позволилъ себѣ памятники, помѣщенные въ этомъ выпускѣ,

приводить, на основаніи положеній Востокова, къ единству правописанія. При этомъ, разумѣется, я могъ имѣть въ виду только *формы грамматическія;* что касается мѣстныхъ *особенностей выговора*, которыя, по замѣчанію самого Востокова, уже издавна стали проявляться у насъ на Руси, то всѣ ихъ старался я оставлять въ совершенной неприкосновенности".

Мы не станемъ разсматривать, на сколько возможно удовлетворительное выполненіе задачи, которую почтенный авторъ „Опыта" предложилъ самому себѣ. Замѣтимъ однакожь, что Ѳ. И. Буслаевъ, при новомъ изданіи своей „Исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ", думаетъ, какъ мы слышали отъ него самого, расположить матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ не самыхъ рукописей (какъ въ первомъ изданіи), а сочиненій. Преподаватели, вѣроятно, поблагодарятъ его за это: они были недовольны прежнею системой размѣщенія. Что же касается до возстановленія первоначальнаго языка въ позднихъ спискахъ, то это — работа трудная и опасная; едва-ли можетъ она совершиться съ желаемымъ успѣхомъ, то-есть, безъ ошибокъ, которыя могутъ дать преподавателямъ и учащимся поводъ ко многимъ недоумѣніямъ и сомнѣніямъ. Намъ кажется, и самъ трудившійся не рѣшится отвѣчать за вѣрность возстановленнаго языка. Подновить языкъ очень легко: это и дѣлали многіе, искажая такимъ образомъ начальный текстъ. Но позднѣйшій языкъ измѣнить въ начальный, напротивъ, очень трудно: не явятся ли и здѣсь своего рода искаженія? Веремъ въ примѣръ сочиненія Ломоносова, отдѣленнаго отъ насъ только столѣтіемъ. Предположимъ, что кто-нибудь замѣнилъ бы грамматическія формы въ его сочиненіяхъ новыми, намъ современными формами, а другой взялся бы за обратное дѣйствіе: явилась ли бы грамматика Ломоносова чистою, не искаженною въ этой второй работѣ? Можно ручаться смѣло, что нѣтъ. Притомъ же въ позднѣйшихъ спискахъ древне-русскихъ памятниковъ не только встрѣчаются новыя грамматическія формы, но можетъ мѣняться и самый выговоръ. Переписчикъ Новогородскаго памятника, жившій, напримѣръ, на югѣ Россіи, безъ сомнѣнія, сообщалъ нѣкоторымъ словамъ особенности своего, южно-русскаго произношенія. Слѣдовательно, возстановляя одно (грамматическія формы), необходимо возстановлять и другое (выговоръ): иначе памятникъ не представитъ во всей цѣльности своего первоначальнаго вида.

10. *Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи.* Составилъ и издалъ Николай Щербина. Второе, исправленное и значительно дополненное изданіе. С.-Пб. 1866.

Словомъ „народный" опредѣляется тотъ кругъ читателей и уча-

щихся, которые могутъ употреблять съ большою пользою означенную книгу. Этотъ кругъ очень обширенъ. Онъ обнимаетъ все грамотное простонародье, — какъ отцовъ, прошедшихъ черезъ школу или другимъ способомъ выучившихся читать, такъ и дѣтей, посѣщающихъ школу. Конечно, многое въ содержаніи сборника, — скажемъ болѣе: весь сборникъ, — годится на потребу не однихъ простолюдиновъ, но и людей такъ называемаго образованнаго класса; однакожь, главная, спеціальная цѣль, которую составитель сборника имѣлъ въ виду и которой онъ, по нашему мнѣнію, достигъ совершенно, состояла въ томъ, чтобъ учащимся въ народныхъ школахъ, и преимущественно дѣтямъ простаго народа, доставить столько же интересный, сколько и назидательный матеріалъ для чтенія.

Названіе сборника „Пчелою" напоминаетъ древне-русскую литературу, между памятниками которой сохранилось не малое число сборниковъ, озаглавленныхъ такимъ же образомъ. Кромѣ связи съ прошедшимъ, это заглавіе ничѣмъ не хуже ни христоматіи, слова греческаго, иногда не понимаемаго самими составителями сборника, ни „Книги для чтенія", словъ хотя русскихъ, но явившихся по переводу съ нѣмецкаго (Lesebuch) или съ французскаго (livre de lecture) и заставляющихъ предполагать, что есть книги, назначенныя не для чтенія. Поэтому „Пчела" не должна смущать ревнителей прогресса, если только они съ понятіемъ объ успѣхѣ не связываютъ пренебреженія къ старинѣ. Дѣло не въ имени, — дѣло въ томъ, чтобы христоматія „научала чему-нибудь доброму", чтобы въ книгѣ для чтенія было что читать, и чтобы, наконецъ, „Пчела" оправдывала свое имя, заключая въ себѣ книжную сладость для ума, выбранную изъ разныхъ сочиненій.

Г. Щербина ясно понималъ дѣло, за которое взялся, и потому какъ составъ его книги, такъ и содержаніе каждой ея части вѣрны предположенной имъ цѣли.

Содержаніе книги расположено по важнѣйшимъ предметамъ любознательности и душевной пользы русскаго человѣка, коренныя стихіи котораго сохранились въ наибольшей свѣжести и чистотѣ среди простаго народа. Весь матеріалъ распредѣленъ по четыремъ отдѣламъ. Первый и наибольшій — *русскій историческій* — представляетъ главнѣйшіе факты нашей государственной и народной жизни, отъ начала Руси до великихъ дѣлъ настоящаго царствованія: освобожденія крестьянъ, земскихъ учрежденій и судебныхъ уставовъ. При выборѣ историческихъ разказовъ обращено особенное вниманіе на то, въ чемъ

высказались истинно патріотическія движенія, что вѣчно памятно и дорого для нашей религіозной и политической независимости, для нашей международной славы, для нашего гражданскаго устройства. Не въ видахъ одной полноты историческаго отдѣла, но съ цѣлію сообщить исторически-вѣрный и вмѣстѣ національный взглядъ на тысячелѣтнее существованіе Россіи, помѣщены такія статьи, какъ „Нашествіе Поляковъ на Россію" и „Освобожденіе Москвы", „Возсоединеніе Малороссіи съ Россіею", „Французы въ Москвѣ" и „Манифестъ объ ихъ изгнаніи" и т. п. Съ малолѣтства Русскій долженъ пріучаться къ тому, къ чему пріучаются въ семействѣ и школѣ у всѣхъ образованныхъ народовъ: къ патріотизму, къ уваженію прошлыхъ судебъ отечества, къ воспитанію въ себѣ чувства народности. Лучшимъ для того школьнымъ средствомъ служатъ изученіе отечественной исторіи въ народномъ духѣ, равно какъ и чтеніе такихъ историческихъ сочиненій, которыя не оскорбляютъ этого духа, а напротивъ, укрѣпляютъ его. Второй отдѣлъ сборника — *бытовой* — содержитъ въ себѣ произведенія нашихъ писателей, изображающія особенности крестьянской жизни. Третій, названный *обще-славянскимъ*, передаетъ историческія свѣдѣнія о Славянахъ вообще и славянскихъ первоучителяхъ (Кириллѣ и Меѳодіи) и сообщаетъ нѣкоторыя народныя сказанія и пѣсни родственныхъ намъ народовъ: Сербовъ, Болгаръ, Словаковъ и Чеховъ; затѣмъ слѣдуютъ южно-русскіе и великорусскіе памятники народной поэзіи. Умѣстность и важность этого отдѣла понятны каждому, кто знаетъ, что въ исторіи всеобщей или совершенно умалчивается о славянскомъ племени, или повѣствуется о немъ съ пренебреженіемъ, какъ о племени забитомъ и опальномъ. Послѣднему отдѣлу — *духовно-нравственному* — отведено въ книгѣ обширное мѣсто. Статьи, къ нему относящіяся, двухъ родовъ, согласно съ заглавіемъ отдѣла: собственно нравственныя и духовныя.

Что касается до содержанія „Пчелы", то при выборѣ его, г. Щербина совершенно правильно руководствовался народнымъ взглядомъ на книжное дѣло. Для народа книга есть предметъ важный, долженствующій непремѣнно поучать его чему-нибудь хорошему, доброму. Въ его понятіи, чтеніе и наука—одно и то же. Онъ не умѣетъ, да и не хочетъ, раздѣлять этихъ предметовъ, которые, къ сожалѣнію, весьма часто разъединяются читателями образованнаго класса и самими авторами. Въ читаемомъ простолюдинъ всегда ищетъ пользы — сначала духовной, а потомъ практической, потребной ему въ его незатѣйливомъ быту. Онъ не понимаетъ, какъ можно приниматься за книгу

отъ нечего дѣлать и читать ее на досугѣ, единственно для удовольствія, которое нерѣдко есть удовольствіе праздности. Если бы грамотность доставляла ему только возможность тратить время, что мы называемъ пріятнымъ препровожденіемъ времени за романомъ, онъ не сталъ бы учиться грамотѣ и не отдавалъ бы дѣтей своихъ въ школу. Слово: „писаніе" имѣетъ въ его умѣ высокое, почти священное значеніе. Что ему извѣстно, того онъ и не будетъ требовать отъ „писанія": онъ хочетъ узнавать изъ него лишь то, чего еще не знаетъ; онъ ожидаетъ отъ книги назидательности для души и для житейской полезности. Ему было бы странно встрѣтить въ сборникѣ, для него назначенномъ, напримѣръ, пѣсни, которыя онъ поетъ въ хороводахъ, или сказки, которыя онъ отлично разказываетъ, или описаніе его избы, огорода и поля, знакомыхъ ему гораздо лучше, чѣмъ кому-либо другому: вопервыхъ, этимъ его не удивишь, а вовторыхъ — и это главное — мірскія пѣсни и сказки, какъ забавы вообще, онъ почитаетъ предметомъ недостойнымъ грамотности, несовмѣстимымъ съ понятіемъ о наукѣ и научной пользѣ. По этой-то причинѣ г. Щербина наполнилъ свою книгу такимъ матеріаломъ, который или сообщаетъ свѣдѣнія читающему, или назидаетъ его духовно-нравственными правилами и примѣрами. Выборъ нѣсколькихъ произведеній изъ народной поэзіи южныхъ и западныхъ Славянъ не противорѣчитъ тому, что мы сейчасъ сказали: эти произведенія для русскаго народа—новость. Въ великорусскихъ мѣстностяхъ неизвѣстны также малорусскія народныя сказанія, помѣщенныя въ „Пчелѣ", равно какъ Малоруссъ не знаетъ того, что поется и сказывается въ Великороссіи. Стихотворенія, наполняющія отдѣлъ „бытовой", хотя и представляютъ большею частію обстоятельства и предметы сельской жизни, но представляютъ ихъ въ новой, поэтической, формѣ, созданной образованнымъ искусствомъ и незнакомой еще поселянину, который привыкъ единственно къ эпическому складу, свойственному произведеніямъ непосредственнаго, чисто-народнаго поэтическаго творчества.

Такимъ образомъ „Пчела", составленная по извѣстной мысли и сознательно ей вѣрная въ содержаніи и планѣ, замѣтно отличается отъ разныхъ „Христоматій" и „Книгъ для чтенія", сшиваемыхъ по данному фасону и принадлежащихъ къ рутинной педагогической литературѣ.

11. *Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа* (Вильно, 1863).

„Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ Виленскаго учеб-

наго округа“ можетъ быть съ пользою употребляема по своему назначенію, но не можетъ быть принята за образецъ при составленіи подобной же книги для народныхъ училищъ вообще. Это не значитъ, что она дурная книга; это значитъ только, что она далеко не лучшая въ своемъ родѣ. Книга для чтенія въ русскихъ народныхъ училищахъ вообще должна быть составлена подъ руководствомъ болѣе твердой и яснѣе сознанной цѣли, должна представлять лучшій выборъ содержанія и лучшую систему въ его распредѣленіи.

Два отдѣла этой книги: первый — *Разказы изъ священной исторіи*, за которыми слѣдуютъ краткія указанія праздниковъ (составленный священниками Кургановичемъ и Пщовко), и послѣдній — *Грамата славянская*, содержащій въ себѣ духовныя статьи догматическаго или нравственнаго содержанія, удовлетворительны; напротивъ, три остальные отдѣла: *Разказы изъ русской исторіи*, *разказы для первоначальнаго чтенія* и *стихотворенія* принадлежатъ къ неудовлетворительнымъ.

Разказы изъ русской исторіи набраны изъ прежде изданныхъ книгъ для чтенія и христоматій, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ другихъ источниковъ, изъ которыхъ должно почерпать историческое чтеніе. Встрѣчая подъ статьями имена Водовозова, Разина, невольно самъ себя спрашиваешь: что̀ это за историки, и какими трудами послужили они русской исторической наукѣ? Одна статья заимствована изъ журнала *Грамотей*: почему именно изъ этого журнала, а не изъ другихъ? Развѣ онъ отличается особеннымъ достоинствомъ своего историческаго отдѣла? Нѣтъ ни одной строки ни изъ Карамзина, ни изъ Соловьева, ни изъ Устрялова. Если составитель, по своему взгляду, находилъ ихъ очень трудными или мудреными, то было бы гораздо полезнѣе помѣстить побольше изъ краткихъ очерковъ Русской Исторіи г. Иловайскаго, какъ лучшаго учебника по этой наукѣ. А то — Водовозовъ и Разинъ! Преподаватель не въ силахъ помириться съ этими именами, какъ съ именами историковъ. Онъ можетъ только понять, что составителю было легче и короче пользоваться двумя-тремя готовыми книжками, не роясь въ другихъ, болѣе пригодныхъ для этого книгахъ.

Въ разказахъ для первоначальнаго чтенія статьи взяты большею частію у Паульсона, за которымъ слѣдуютъ Золотовъ, Ишимова, Канту, Максимовичъ, и только подъ двумя статьями видимъ имя Даля, да подъ одной имя Гоголя. Составитель какъ будто не нашелъ ни у Карамзина, ни у Жуковскаго, ни у Пушкина, ни у другихъ извѣстныхъ

нашихъ писателей ничего, достойнаго сообщить учащимся по отдѣлу прозы, такъ что послѣдніе могутъ думать, что Паульсонъ и Золотовъ— самые высшіе наши авторитеты въ искусствѣ владѣть прозаическимъ языкомъ и сочинять разказы.

За исключеніемъ басенъ Крылова и Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ, всѣхъ стихотвореній только семь. Можно, пожалуй, ограничиться и этимъ количествомъ, но странно въ такомъ ограниченномъ выборѣ встрѣтить піесу Некрасова и переводную піесу изъ Рюккерта, и ни одной, напримѣръ, изъ Жуковскаго. Составитель, видимо, руководствовался особенными правилами при наполненіи своей книги матеріаломъ: онъ думалъ какъ бы возможно легче набрать его, но не думалъ, какъ бы набрать матеріалъ возможно-лучшій.

12 и 13. *Опытъ разбора образцовъ русской словесности, заключающихся въ программѣ для желающихъ поступить въ студенты Императорскаго Московскаго университета.* Составленъ Иваномъ Соснецкимъ. Москва. 1867. *Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы.* Составилъ Андрей Поповъ. Москва. 1867.

Книга г. Соснецкаго, какъ онъ самъ говоритъ, есть рядъ замѣтокъ, записанныхъ учениками VII класса Московской 3-й гимназіи, гдѣ онъ состоитъ учителемъ, съ его словъ, при чтеніи и разборѣ произведеній, и приведенныхъ имъ въ порядокъ. Издалъ онъ ее потому, что „при самыхъ серіозныхъ требованіяхъ, предлагаемыхъ программою для желающихъ поступить въ студенты Московскаго университета, нѣтъ ни одного руководства, которое ставило бы преподавателя на твердую почву". Между тѣмъ, „руководство необходимо, такъ какъ въ настоящее время приготовить и приготовиться въ университетъ по предмету словесности—дѣло чрезвычайно трудное".

Указываемая въ предисловіи програма русской словесности составлена совѣтомъ при попечителѣ Московскаго учебнаго округа и напечатана въ 1866 году, вмѣстѣ съ программами всѣхъ другихъ предметовъ гимназическаго курса. Основныя ея начала и требованія выработались на съѣздѣ учителей русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа, бывшемъ въ томъ же 1866 году и имѣвшемъ цѣлью „обсудить улучшеніе способовъ преподаванія какъ русскаго языка, такъ и словесности". По русской словесности требуется *знаніе* указанныхъ въ программѣ слѣдующихъ литературныхъ образцовъ: *двухъ былинъ*, пяти отрывковъ изъ Нестора, *Слова о полку Игоревѣ*, пять сочиненій *Ломоносова*, двухъ одъ *Державина*, Недоросля (*фонъ-Визина*), пяти статей изъ *Карамзина* (трехъ

писемъ, предисловія къ Исторіи и второй главы XI тома), шести басенъ *Крылова* (по выбору изъ 22-хъ поименованныхъ), *Пушкина:* четырехъ лирическихъ стихотвореній, двухъ баладъ, Евгенія Онѣгина отчетъ о содержаніи и изложеніи одной какой-либо главы), Бориса Годунова (разборъ какихъ-либо двухъ сценъ), Скупаго рыцаря, Капитанской дочки; *Грибоѣдова:* Горя отъ ума; *Гоголя:* Тараса Бульбы, Мертвыхъ душъ (разборъ какой-либо одной главы), Ревизора. Изъ этого исчисленія видно, что образцовъ русской словесности, знаніе которыхъ обязательно для желающихъ поступить въ университетъ, немного; по крайней мѣрѣ число ихъ значительно меньше противъ того, какое требовалось прежнею программой (1864). Въ теченіе гимназическаго курса пріобрѣсти непосредственное знакомство съ ними дѣло не только возможное, но и не очень затруднительное. Нѣкоторыя произведенія, напримѣръ, басни Крылова, читаются и заучиваются наизусть въ самыхъ низшихъ классахъ; другія (напримѣръ, письма Карамзина и стихотворенія Пушкина) узнаются въ среднихъ; остальныя усвоиваются въ высшихъ. Пушкинъ, Грибоѣдовъ и Гоголь служатъ предметомъ домашняго чтенія, разговоровъ и сужденій, прежде чѣмъ дѣлаются предметомъ класныхъ занятій. Кромѣ того, содержаніе и дѣйствующія лица комедій: „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“ извѣстны тѣмъ воспитанникамъ, которые видѣли ихъ на сценѣ. Что же до касается Недоросля, то эту піесу читаютъ съ удовольствіемъ даже мальчики 12—13 лѣтъ.

Испытаніе въ словесности, по требованіямъ програмы, производится слѣдующимъ образомъ:

„Прежде всего предлагается прочесть одинъ или нѣсколько отрывковъ изъ произведенія. За тѣмъ предлагаются вопросы: а) касательно логической связи прочтеннаго мѣста съ предыдущимъ и послѣдующимъ и вообще всего, что̀ необходимо для пониманія этого мѣста; б) вопросы относительно языка и слога въ избранномъ мѣстѣ то-есть, относительно трудныхъ и мало употребительныхъ словъ и выраженій, собственныхъ именъ (миѳологическихъ, историческихъ и географическихъ), если они встрѣтятся. При вопросахъ о слогѣ будетъ обращено особенное вниманіе на отчетливое объясненіе синонимовъ, троповъ (метафоры, сравненія), а также и на стихотворный размѣръ. За такимъ объяснительнымъ чтеніемъ слѣдуютъ вопросы, касающіеся уже не отдѣльнаго мѣста, а цѣлаго произведенія. Вопросы эти касаются: а) построенія и содержанія цѣлаго произведенія; б) языка и слога; с) реальныхъ свѣдѣній, заключающихся въ немъ; д) свѣдѣ-

ній историко-литературныхъ, необходимыхъ для вѣрнаго и полнаго пониманія произведенія".

Чтобы помочь учащимся въ выполненіи этихъ требованій, г. Сосвецкій издалъ свою книгу. Самихъ образцовъ русской словесности она не заключаетъ въ себѣ, а только служитъ руководствомъ къ ихъ разбору. Понятно, что это руководство должно быть согласовано съ програмкой; иначе оно не достигаетъ своей цѣли. Съ такой точки зрѣнія намъ и слѣдуетъ смотрѣть на него.

Програмка предлагаетъ испытуемому вопросы двоякаго рода: одни относятся къ отрывку, отдѣльному мѣсту изъ произведенія, другіе — къ цѣлому произведенію. Г. Сосвецкій обратилъ преимущественно вниманіе на второй родъ вопросовъ, и то не на всѣ четыре, а только на два, именно: на построеніе и содержаніе произведенія, да на свѣдѣнія историко-литературныя. Послѣднія нерѣдко касаются не одного произведенія, а всего отдѣла однородныхъ съ нимъ произведеній, что не входило въ намѣренія составителей програмки и что было бы умѣстно въ такомъ лишь случаѣ, когда бы въ гимназіяхъ проходилась исторія русской литературы систематически и всецѣло. Напротивъ, вопросы о языкѣ и слогѣ, о логической связи отрывка съ предыдущими и послѣдующими частями произведенія, о реальныхъ свѣдѣніяхъ, иногда вовсе не рѣшаются или рѣшаются легко и неопредѣленно. Къ этому недостатку, состоящему въ односторонности и неполнотѣ, иногда присоединяется другой — неточность, а по временамъ и невѣрность разборовъ. Наконецъ, третій недостатокъ заключается въ томъ, что въ общихъ положеніяхъ, предлагаемыхъ авторомъ, нѣтъ почти ничего, что принадлежало бы ему собственно: онъ почерпалъ его изъ разныхъ источниковъ, отчего и невозможно искать въ его книгѣ ни единства взгляда, ни единства пріемовъ при разборѣ литературныхъ образцовъ. Высказанное нами мнѣніе подтверждаемъ слѣдующими примѣрами.

Програмка требуетъ, при разборѣ разсужденія Ломоносова: „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ", указать главную мысль разсужденія, опредѣлить отношеніе между языками церковнославянскимъ и русскимъ, установленное Ломоносовымъ, и отношеніе разсужденія къ собственнымъ сочиненіямъ Ломоносова. Въ разборѣ своемъ, г. Сосвецкій, раздѣливъ сочиненіе на вступленіе, изложеніе и заключеніе и показавъ содержаніе каждой части, не далъ, по нашему мнѣнію, достаточнаго отвѣта ни на одинъ изъ предложенныхъ вопросовъ. Читатель напрасно будетъ искать въ его книгѣ, въ чемъ со-

стоитъ главная мысль разсужденія: онъ узнаётъ только, гдѣ начинается главная часть разсужденія, что не одно и то же. Отношеніе разсужденія Ломоносова къ его собственнымъ сочиненіямъ опредѣлено общими, мало объясняющими словами: „Въ сочиненіяхъ своихъ онъ (Ломоносовъ) представилъ образцы новаго литературнаго языка, очищеннаго съ одной стороны отъ формъ славянскихъ, а съ другой отъ выраженій иностранныхъ“. Да и отношеніе между языками церковно-славянскимъ и русскимъ, установленное Ломоносовымъ въ разсужденіи, обозначено такими словами, смыслъ которыхъ надлежало бы развить подробнѣе: вѣдь немного еще узнаетъ учащійся, когда ему скажутъ, что „Ломоносовъ, относительно слога, подчинилъ русскій языкъ церковно-славянскому“. Кромѣ того, самое содержаніе разсужденія передано не вездѣ вѣрно. „Поводомъ къ написанію этого разсужденія, говоритъ г. Соснецкій, *по собственнымъ словамъ Ломоносова,* послужило то, что въ нашъ языкъ стало врываться слишкомъ много словъ иностранныхъ“. Но гдѣ же эти „собственныя слова Ломоносова“? Въ самомъ разсужденіи ихъ нѣтъ: Ломоносовъ не объявляетъ о побужденіи, заставившемъ его взяться за перо.... Далѣе: „Ломоносовъ полагаетъ, что русскій языкъ происходитъ отъ славянскаго“. Напротивъ, многія мѣста разсужденія ясно убѣждаютъ, что Ломоносовъ думалъ совершенно иначе. Выставляя пользу перевода богослужебныхъ и другихъ духовныхъ книгъ съ греческаго на славянскій, онъ прибавляетъ: „Оттуду (мы) умножаемъ довольство *россійскаго слова,* которое и *собственнымъ своимъ достаткомъ* велико и къ пріятію греческихъ красотъ *посредствомъ славенскаго сродно*“. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ *сроднаго намъ кореннаго славенскаго языка купно съ россійскимъ* отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости“. Слѣдовательно, славянскій языкъ намъ только сроденъ; кореннымъ же названъ онъ не потому, что онъ есть корень русскаго, а въ смыслѣ старо-славянскаго, на которомъ явились первые переводы церковныхъ книгъ. По словамъ г. Соснецкаго, „Ломоносовъ въ основаніе всякаго языка кладетъ религію, и потому бѣдность языка является вслѣдствіе того, что на немъ не совершается богослуженіе“. Слѣдовательно, не религію положилъ Ломоносовъ въ основу языка (вѣрнѣе: богатства языка), а совершеніе богослуженія на родномъ языкѣ. Поляки имѣютъ религію, но такъ какъ богослуженіе совершаютъ они на языкѣ имъ чуждомъ, латинскомъ, то въ зависимость отъ послѣдняго обстоятельства Ломоносовъ и ставитъ малыя преимущества ихъ языка сравнительно съ преимуществами языка русскаго.

Слѣдующій за тѣмъ разборъ „Похвальнаго слова Петру Великому" почти исключительно указываетъ строеніе этого слова и излагаетъ правила древней риторики, которыхъ держался Ломоносовъ; о языкѣ же и слогѣ, объ особенностяхъ въ построеніи Ломоносовскихъ періодовъ и въ разстановкѣ словъ, о фигуральныхъ оборотахъ рѣчи (все это требуется программой) почти ничего не говорится или сказано нѣсколько фразъ: „Славяно-церковный языкъ преобладаетъ въ словѣ. Построеніе рѣчи латинское. Глаголъ на концѣ. Рѣчь состоитъ изъ длинныхъ періодовъ. Безпрестанно встрѣчаются тропы и фигуры". Безполезно ограничиваться общими положеніями, еслибъ они и дѣйствительно были вѣрными выводами изъ разбора: необходимо подкрѣплять, оправдывать ихъ частностями, примѣрами. Еще хуже, если выводы не оправдываются содержаніемъ разбираемаго предмета. Такъ, у г. Соснецкаго примѣры двухъ фигуръ, помѣщенные на стр. 63 и 64-й, прямо противорѣчатъ тому, что̀ онъ говорилъ: вопреки его словамъ, въ этихъ фигурахъ преобладаетъ не церковно-славянскій языкъ, а русскій; построеніе рѣчи не латинское; глаголъ стоитъ не на концѣ; рѣчь состоитъ не изъ длинныхъ періодовъ [1]).

Остановимся еще на разборѣ трехъ писемъ Карамзина. Программа предложила слѣдующія требованія при разборѣ: „Характеръ выбранныхъ писемъ. Ихъ языкъ и слогъ, въ отличіе отъ языка и слога Исторіи Государства Россійскаго". Какъ поступилъ г. Соснецкій? Сказавъ нѣсколько словъ объ общемъ значеніи „Писемъ русскаго путешественника", онъ передалъ содержаніе трехъ выбранныхъ писемъ ихъ же выраженіями, какъ бы признавая это прямымъ отвѣтомъ на первый вопросъ (характеръ писемъ). Второй же вопросъ (языкъ и слогъ писемъ въ отличіе отъ языка и слога Исторіи Государства Россійскаго) рѣшенъ имъ очень положительно и скоро, четырьмя строками: „Языкъ писемъ Карамзина рѣзко отличается отъ языка его исторіи. Въ исторіи Карамзинъ старается согласить выраженія съ важностію самаго предмета, а въ письмахъ слогъ его простъ, даже, по временамъ, встрѣчаются галлицизмы". Рѣшенія подобнаго рода вовсе неудовлетворительны. Надобно было, вопервыхъ, разграничить понятія: языкъ и слогъ; вовторыхъ, объяснить рѣзкость различія между языкомъ писемъ и языкомъ Исторіи; втретьихъ, привести примѣры хотя двухъ-трехъ галлицизмовъ, которые, судя по обороту рѣчи г. Со-

[1]) Вотъ эти фигуры: «Отворились врата Россіи, и ученые, подобно приливу и отливу въ океанѣ, начали являться». «Возвратися, поспѣшно возвратися: меня терзаютъ внутри измѣнники».

снецкаго, какъ будто относятся къ простотѣ слога. Ничего этого не сдѣлано г. Соснецкимъ.

На основаніи вышесказаннаго должно заключить, что „Опытъ разбора образцовъ русской словесности“ составленъ безъ надлежащаго тщанія, даже спѣшно, и притомъ, въ общей своей части, наполненъ выписками изъ разныхъ учебныхъ руководствъ, пособій и другихъ сочиненій по исторіи и теоріи словесности. Выписки такого рода легко могутъ быть дѣлаемы самими учащимися. Отъ преподавателя требуется нѣчто болѣе самостоятельное и менѣе ординарное.

Въ одно время съ книгой г. Соснецкаго вышло: „Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы“, составленное Андреемъ Поповымъ (1867), авторомъ „Обзора хронографовъ русской редакціи“ (1866) и другихъ сочиненій. Г. Поповъ имѣлъ въ виду ту же цѣль, что̀ и г. Соснецкій, и соображался съ тою же программой русскаго языка и словесности, но онъ выполнилъ свое дѣло удовлетворительно. При разборѣ литературныхъ образцовъ, онъ не выходитъ за черту требованій программы, а съ тѣмъ вмѣстѣ сообщаетъ все необходимое для выполненія этихъ требованій. Общіе обзоры предлагаются имъ на столько, на сколько они нужны для уясненія отрывка или цѣлаго произведенія. Тамъ, гдѣ значеніе памятника опредѣляется не однимъ его содержаніемъ, но и языкомъ (напримѣръ, Несторовой лѣтописи), указаны особенности сего послѣдняго. Содержаніе излагается ясно, опредѣлительно и вѣрно. Толкованіе неизвѣстныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ образцѣ, равно какъ реальныя свѣдѣнія, помѣщены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Достаточно прочесть разборы „Похвальнаго слова Петру Великому“ и оды на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы (Ломоносова), чтобъ изъ сличенія ихъ съ разборами того же матеріала въ книгѣ г. Соснецкаго убѣдиться, что г. Поповъ владѣетъ и знаніемъ предмета и педагогическимъ умѣньемъ. Кромѣ того всѣ разборы написаны очень хорошимъ языкомъ, что̀ служитъ немаловажнымъ достоинствомъ въ книгѣ, посвященной анализу литературныхъ образцовъ. Поэтому трудъ г. Попова можетъ быть смѣло рекомендованъ учащимся, какъ дѣйствительно полезное пособіе при изученіи образцовъ русской литературы.

14. *Русская хрестоматія съ примѣчаніями.* Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній составилъ Андрей Филоновъ. Томъ четвертый. Проза. С.-Петербургъ. 1867 [1]).

---

[1]) Разборъ первыхъ 3-хъ томовъ этой хрестоматіи см. въ октябрьской кн. *Журн. Мин. Народн. Просв.* на 1867 годъ, стр. 306 — 314. Считаемъ долгомъ

Четвертый томъ христоматіи г. Филонова составленъ по одному и тому же плану съ прежде имъ изданными тремя томами, содержащими въ себѣ образцы поэзіи. Кромѣ прозаическихъ сочиненій, онъ заключаетъ въ себѣ такъ-называемыя *примѣчанія*, къ которымъ составитель относитъ теоретическія свѣдѣнія о разныхъ родахъ и видахъ прозы, біографическія и библіографическія указанія, сужденія о литературной дѣятельности писателей, о характерѣ ихъ произведеній вообще и того произведенія въ особенности, которое помѣщено въ сборникѣ вполнѣ или въ отрывкахъ, подстрочныя объясненія предметовъ, неизвѣстныхъ учащимся, и наконецъ, темы для педагогическихъ работъ надъ собраннымъ матеріаломъ.

Обратимъ сначала вниманіе на эти примѣчанія, назначаемыя, какъ должно думать, для учениковъ и для преподавателей вмѣстѣ, а потомъ скажемъ нѣсколько словъ о самихъ образцахъ прозы.

На этотъ разъ г. Филоновъ былъ счастливѣе, чѣмъ при изданіи первыхъ трехъ томовъ. Примѣчанія къ IV тому не представляютъ такой смѣси и разнохарактерности, какими отличаются примѣчанія къ разнымъ родамъ и видамъ поэзіи. Тамъ онъ выказалъ себя неразборчивымъ на источники, заботясь наиболѣе о количествѣ заимствованій; здѣсь онъ сдѣлался осторожнѣе и скупѣе: въ его новой книгѣ меньше всякихъ выписокъ, — и уже одно это говоритъ въ ея пользу.

Мы сравненіемъ опредѣлили мѣру достоинства послѣдняго тома христоматіи г. Филонова. Но изъ этой сравнительной оцѣнки нисколько, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы примѣчанія къ IV-му тому были свободны отъ противорѣчій и странностей, которыхъ очень легко избѣгать, но которыхъ г. Филоновъ почему-то никакъ не можетъ избѣгнуть. Онъ какъ бы запутывается въ массѣ показаній, передъ нимъ лежащихъ; словно не умѣетъ находить искомое по даннымъ ему числамъ. Родовой признакъ иногда не согласуется у него съ образцомъ, взятымъ въ примѣръ рода. Иногда онъ совершенно умалчиваетъ о замѣчательномъ произведеніи и пускается въ подробный разборъ произведенія, гораздо менѣе важнаго. Приводя похвальный отзывъ о какомъ-либо писателѣ, ставящій его очень высоко, онъ тутъ же, почти рядомъ, цитуетъ другой отзывъ, низводящій того же писателя ниже травы; или словомъ, отъ самого себя сказаннымъ, сообщитъ извѣстной

замѣтить, въ исправленіе выписаннаго въ октябрьской книжкѣ заглавія христоматіи г. Филонова, что только 1-й томъ ея былъ разсматриваемъ нами во 2-мъ изданіи, 2-й же и 3-й въ 1-мъ. О второмъ изданіи послѣднихъ будетъ отданъ отчетъ въ одной изъ первыхъ книжекъ на 1868-й годъ.

личности такой характеръ, котораго она никогда не имѣла; или, наконецъ, въ спискѣ темъ, слѣдующихъ за отрывкомъ, помѣстить такую, какой всего меньше можно было ожидать и всего больше должно изумляться. Не знаемъ, отъ чего происходятъ подобныя несообразности, но что они есть — это доказать не трудно.

Отдѣламъ лѣтописи, записокъ и исторіи г. Филоновъ предпослалъ выписки изъ статьи Гервинуса: „Теоретическій очеркъ исторіи", по русскому ея переводу въ журналѣ *Время* (1861), объясняющей значеніе трехъ видовъ повѣствовательныхъ сочиненій. Источникъ, конечно, хорошій; но, воспользовавшись имъ, должно было позаботиться о томъ, чтобы другія теоретическія указанія, равно какъ и самые образцы лѣтописей, записокъ и историческихъ разказовъ, не противорѣчили основнымъ положеніямъ, высказаннымъ нѣмецкимъ историкомъ. У г. Филонова это вышло не совсѣмъ такъ. На стр. 4-й, между прочимъ, говорится: „онъ (лѣтописецъ) вовсе не думаетъ *о практической полезности своего труда*". На страницѣ же 6-й, въ выпискѣ изъ сочиненія М. И. Сухомлинова: „О древней русской лѣтописи", мы читаемъ: „при всей необходимости имѣть лѣтописи, *пригодныя въ практическомъ отношеніи*, древнѣйшими памятниками являются лѣтописи, далеко превышающія требованія одной *житейской пользы*". Слѣдовательно, лѣтопись можетъ имѣть въ виду практическую пригодность, житейскую пользу? Какъ же примирить два мнѣнія, изъ которыхъ второе непосредственно идетъ за первымъ?

По Гервинусу, въ мемуарахъ *мы не найдемъ простаго, безпристрастнаго созерцанія*, но пытливую наблюдательность и основанные на ней приговоры (стр. 38). Но, по собственнымъ словамъ г. Филонова, Записки Н. Б. Долгорукой *„отличаются удивительною простотою, искренностію"* (стр. 44), въ Запискахъ Данилова — *„простодушный* разказъ" (стр. 56), „весьма и весьма многія страницы Записокъ Державина дышатъ силою искренности" (стр. 80). Или Гервинусова характеристика мемуаровъ не вѣрна, или записки Долгорукой, Данилова и Державина не относятся къ тому роду историческихъ сочиненій, который у Гервинуса обозначается именемъ мемуаровъ.

Во взглядѣ Гервинуса выражены высоко-идеальныя требованія отъ исторіи: „Исторія должна изобразить зарожденіе и возрастаніе идей, правящихъ ходомъ времени, изслѣдовать законы общеміроваго строя и разгадать устроющую руку Божества въ безпорядочномъ ходѣ событій". Что смѣлѣе такого предпріятія? И потому теоретическій очеркъ этого рода сочиненій Гервинусъ оканчиваетъ слѣдующими словами:

Кто серіозно взвѣситъ эти требованія, отъ которыхъ истинное бытописаніе не можетъ отступить ни на шагъ, и дѣйствительно пойметъ ихъ, тому не покажется удивительнымъ, что писать исторію рѣшаются люди, не взвѣсившіе и не понявшіе этихъ требованій и тѣмъ менѣе способные слѣдовать и сколько-нибудь удовлетворить имъ; а кто взвѣситъ ихъ и все-таки рѣшится на такое предпріятіе, у того нельзя не видѣть мужества мухи, которая изъ любви къ свѣту летитъ къ огню, не боясь опалить себѣ крылья (стр. 365).

Ясно, что передъ лицомъ такихъ идеальныхъ требованій заранѣе осуждены всѣ историки, бывшіе и настоящіе. Всѣ они не болѣе, какъ мужественныя мухи. Но въ сужденіяхъ, приводимыхъ г. Филоновымъ эти мухи превращаются нерѣдко въ слоновъ, напримѣръ: „Августинъ Тьерри — *знаменитый* французскій историкъ: никто такъ ясно не понималъ дѣйствій человѣческихъ, никто не возсоздавалъ такъ живо давно-умершія поколѣнія, никто не принималъ такого сердечнаго участія въ радостяхъ и печаляхъ людей прошлыхъ эпохъ“ (397—398); „нѣтъ мастера, равнаго Прескотту, въ искусствѣ представлять событія въ одной полной, законченной картинѣ“ (402); „не было и нѣтъ никого, кто бы стоялъ выше Маколея даромъ изложенія, и ничье перо не превзойдетъ его въ изображеніи того, что̀ онъ зналъ, понималъ и чувствовалъ“ (416); „Боклъ — *знаменитый* англійскій историкъ (?!!)“ (424). Представленныя характеристики, за исключеніемъ послѣдней, имѣютъ, конечно, значеніе, если выговаривая ихъ, забудешь взглядъ Гервинуса. Но, поставленныя съ нимъ рядомъ, онѣ теряютъ всякое значеніе. Труды французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ историковъ — крайне бѣдная вещь сравнительно съ тѣмъ высшимъ родомъ бытописанія, теорія котораго поставлена во главѣ историческихъ статей хрестоматіи. Никто изъ нихъ не осуществилъ pium desiderium, заявленное Гервинусомъ. Слѣдовательно, признавая взглядъ послѣдняго вѣрнымъ и сообщая его читателямъ, г. Филоновъ долженъ былъ осторожнѣе помѣщать историческіе отрывки и съ такою же осторожностію расточать похвалы ихъ авторамъ, или же, если по его мнѣнію, авторы заслуживали похвалъ, какъ значительные историческіе писатели, онъ долженъ былъ замѣнить понятіе Гервинуса о бытописаніи другимъ, не столь высокимъ, менѣе строгимъ и болѣе удобнымъ къ выполненію на дѣлѣ.

Разладъ между общимъ и частнымъ, то-есть, между теоріей бытописанія, какъ рода, и отдѣльными историческими сочиненіями, какъ явленіями этого рода, еще сильнѣе обнаруживается въ оцѣнкѣ нашихъ историковъ. Составитель хрестоматіи даже г. Лебедева, написавшаго монографію: „Графы Никита и Петръ Панины“, называетъ

историкомъ (стр. 93), не говоря уже о Карамзинѣ и Соловьевѣ. Похвалы послѣднему страннымъ образомъ перемѣшаны съ другими отзывами, не заключающими въ себѣ ничего похвальнаго. Авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" представленъ, какъ историкъ смысла, внутренняго значенія фактовъ, а не внѣшней ихъ стороны, ставящій во главѣ угла изображеніе внутренняго быта Россіи, разсматривающій литературные памятники съ удивительною добросовѣстностію, полнымъ знаніемъ дѣла и рѣдкимъ критическимъ анализомъ, и проч., и проч. (стр. 478), и вслѣдъ за тѣмъ напечатана слѣдующая выписка изъ статьи покойнаго К. С. Аксакова о VII т. исторіи: „Въ 1-й главѣ VII тома трудъ историка становится иногда уже трудомъ *не только не изслѣдователя, но даже и не изыскателя,* а трудомъ *почти что переписчика*.... Такимъ образомъ предъ нами является какъ бы историческая христоматія; но христоматія можетъ годиться только для дѣтей, да и при христоматіи все же требуется болѣе системы, нежели сколько мы находимъ здѣсь у Соловьева" (стр. 378).

На стр. 158, въ характеристикѣ писемъ Карамзина, между прочимъ, сказано: „здѣсь весь Карамзинъ съ его характеромъ твердымъ, *неумолимымъ*". Это — à la Кайдановъ. Слово *неумолимымъ* совершенно извращаетъ представленіе о Карамзинѣ, который не узналъ бы самого себя, услышавъ такой эпитетъ отъ г. Филонова. А что сказали бы всѣ знавшіе историка?

На стр. 188, Е. П. Ковалевскій названъ *извѣстнымъ оріенталистомъ*. Вѣроятно, г. Филоновъ принялъ его за другаго Ковалевскаго, дѣйствительно извѣстнаго оріенталиста; или, можетъ статься, онъ почитаетъ оріенталистомъ каждаго, кто путешествовалъ на Востокѣ; или наконецъ, онъ послѣдовалъ указанію Настольнаго Словаря Толя, который такимъ же образомъ отрекомендовалъ автора книги: „Графъ Блудовъ и его время".

Скажемъ нѣсколько словъ о темахъ, или задачахъ, предлагаемыхъ учащимся послѣ того, какъ прочитанъ и разобранъ какой-нибудь отрывокъ. Г. Филоновъ иногда съ излишнимъ тщаніемъ останавливается на томъ, въ чемъ собственно нѣтъ особенной важности, и поэтому требуетъ отчета о мелочахъ, которыя могли бы быть опускаемы безъ ущерба для упражненій въ анализѣ и письменномъ изложеніи. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Послѣ статьи Гончарова: „На мысѣ Доброй Надежды", въ исчисленіи темъ встрѣчаемъ: „Что говоритъ Гончаровъ о себѣ, своихъ спутникахъ и Ѳаддеевѣ?... Что говоритъ онъ о воробьѣ, ласточкахъ,

воронѣ и проч.?... Юморъ автора въ описаніи Ѳаддеева, воробья и свиньи". (стр. 236).

Нравится также г-ну Филонову юморъ г. Григоровича, въ сочиненіи: „Корабль *Ретвизанъ*", особенно тамъ, гдѣ авторъ рисуетъ мелкія черты быта, напримѣръ, питье водки матросами, повара Пупо и проч. (стр. 266). Христоматія даже задала тему: *Соборъ въ Севильѣ по Григоровичу и Боткину*. (стр. 282). Не лучше ли было бы, вмѣсто такихъ сюжетовъ, заставить учениковъ разобрать прекрасное описаніе „Лѣса", изъ Записокъ Оружейнаго Охотника Оренбургской губерніи, С. Т. Аксакова, отличнѣйшаго знатока русскаго языка, съ глубокимъ сочувствіемъ относившагося къ природѣ? Жаль, что г. Филоновъ оставилъ это описаніе безъ всякихъ темъ.

Впрочемъ, указанные недостатки такого свойства, что они легко могутъ быть устранены преподавателемъ. Ихъ же немного, сравнительно съ недостатками въ первыхъ трехъ томахъ. Кромѣ того, примѣчанія занимаютъ въ составѣ книги не главное, а второстепенное мѣсто. Существенная часть ея — образцы, выборъ которыхъ вообще удовлетворителенъ. Поэтому христоматія Филонова можетъ быть пригодна для употребленія въ среднихъ заведеніяхъ, какъ учебное пособіе.

15. *Историческая христоматія (862 — 1850), съ теоретическимъ указателемъ*. Составилъ К. Петровъ. Спб. 1866. Книга г. Петрова не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія: это — выборъ изъ готовыхъ выборовъ, христоматія, составленная по прежде изданнымъ христоматіямъ: тремъ или четыремъ историческимъ и двумъ-тремъ неисторическимъ. Вмѣсто того, чтобы обратиться за матеріаломъ къ его непосредственнымъ, первымъ источникамъ, онъ, наибольшею частію, бралъ его у тѣхъ, которые, при составленіи своихъ сборниковъ, самостоятельно пользовались образцами нашей литературы. Самъ г. Петровъ въ предисловіи объявляетъ, что онъ шелъ по пути, проложенному гг. Буслаевымъ и Галаховымъ, и кромѣ того былъ облегченъ сборникомъ Миллера (Христоматія къ Опыту историческаго обозрѣнія русской словесности). Чтобы познакомиться съ процессомъ его работы и вмѣстѣ съ характеромъ составленной имъ книги, мы сдѣлаемъ обзоръ двухъ ея отдѣловъ: отдѣла древней литературы (съ XI вѣка по XVII) и отдѣла литературы новой, XVIII вѣка и части XIX.

Въ отдѣлѣ древне-русской литературы, первые два памятника: „Поученіе архіепископа Луки Жидяты" и „Слово Иларіона, митрополита Кіевскаго" (стр. 40 — 43), заимствованы изъ „Исторической

христоматіи церковно-славянскаго и русскаго языка", Галахова, изданной въ 1848 году. Слово помѣщено не все: составитель ограничился двумя отрывками, содержащими въ себѣ похвалу князю Владиміру. Слѣдующіе за тѣмъ памятники XI и XII вѣковъ: „Поученіе Ѳеодосія Печерскаго", шесть статей изъ „Несторовой лѣтописи", „Поученіе Владиміра Мономаха", одно слово „Кирилла Туровскаго" и „Слово о полку Игоревѣ" (стр. 43—70) перепечатаны изъ христоматіи Миллера. Вмѣстѣ съ текстомъ „Слова о полку Игоревѣ" перенесены и подстрочныя примѣчанія, собранныя г. Миллеромъ, а равно и современный переводъ остальной части памятника, сначала Мея, потомъ Гербеля, далѣе опять Мея, затѣмъ Козлова, и наконецъ, еще Мея,—въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ эти извлеченія расположены въ „Христоматіи къ Опыту историческаго обозрѣнія русской словесности". Далѣе слѣдовать за г. Миллеромъ было невозможно, такъ какъ онъ довелъ первый выпускъ своего сборника только до первой четверти XIII вѣка, и потому г. Петровъ пошелъ по пути, проложенному гг. Буслаевымъ и Галаховымъ, то-есть, обратился за помощью къ ихъ трудамъ. У перваго взяты „Слово христолюбца" (75—76) и четыре главы „Домостроя": 7-ая, 15-ая, 17-ая и 34-ая (101—104), тѣ самыя, что изъ многихъ главъ Сильвестрова сочиненія напечатаны въ „Исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ". Для разнообразія, а можетъ-быть, и по какимъ-нибудь инымъ разчетамъ, составитель помѣстилъ главу 31-ую, которой не имѣется у г. Буслаева. Остальной затѣмъ составъ древне-русской словесности набранъ, за немногими исключеніями, изъ упомянутой выше „Исторической христоматіи церковно-славянскаго и русскаго языка", г. Галахова. Вотъ списокъ сдѣланныхъ заимствованій: первый отрывокъ изъ „Слова митрополита Кирилла II" (70—71)—Посланіе игумена Кирилла къ В. К. Василію Дмитріевичу (76—78), „Сказаніе Іосифа Волоцкаго о Нижегородской ереси" (89—94); „Посланіе Вассіана къ Іоанну III" (94—96), которое лучше было бы озаглавить: „изъ посланія Вассіана", ибо оно напечатано у г. Галахова не вполнѣ и въ томъ же самомъ видѣ перепечатано; „Слово отвѣщательное Максима Грека" (96—101); „Посланіе Іоанна Грознаго къ игумену Козьмѣ" (104—114); изъ „Посланія Грознаго къ Курбскому" (114—117), тотъ самый отрывокъ, какой находится у г. Галахова; „грамота Грознаго къ Курбскому" (117—119); два „посланія Курбскаго къ Грозному" (119—123); пять „псалмовъ", переложенныхъ Симеономъ Полоцкимъ (132—135),—тѣ самые, какіе выбраны г. Галаховымъ изъ всей рис-

мованной псалтири; наконецъ, статьи изъ второй части „Розыска“: о раскольничьемъ ученіи и о вѣрѣ на земли (134—144). Нѣтъ спора, что г. Петровъ имѣлъ и возможность и право почерпать указанный матеріалъ изъ тѣхъ самыхъ книгъ, которыми пользовались его предшественники, но что онъ бралъ его не изъ источниковъ, а изъ готовыхъ уже христоматій — въ этомъ также нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ случилось, что онъ нападалъ именно на однѣ и тѣ же главы изъ Домостроя, на тѣ же псалмы изъ 150-ти псалмовъ, на тѣ же отрывки изъ цѣлыхъ сочиненій, не говоря уже о цѣлыхъ сочиненіяхъ? Какъ объяснить, что помѣщая тотъ или другой отрывокъ, онъ начинаетъ и оканчиваетъ его тѣми же словами, — короче, согласуется во всемъ съ прежде-изданными сборниками? Пунктуальное совпаденіе во многихъ случаяхъ есть своего рода чудо.

Переходимъ къ словесности XVIII вѣка. Процессъ работы не измѣняется и здѣсь: мы видимъ обильный выборъ изъ перваго тома „Исторической христоматіи новаго періода русской словесности“, г. Галахова. Начинается этотъ выборъ перепечаткой однихъ и тѣхъ же отрывковъ изъ однихъ и тѣхъ же словъ Ѳеофана Прокоповича: „въ день рожденія В. К. Петра Петровича“ и „въ недѣлю осьмую-на-десять“ (стр. 207—210). Затѣмъ слѣдуютъ стихотворенія и проза Ломоносова (218—227). Странно, что въ „Письмѣ къ Шувалову о пользѣ стекла“, г. Петрову понравились именно тѣ мѣста, какія находятся въ книгѣ, служившей ему пособіемъ. Равно изъ трехъ писемъ къ Шувалову взяты два первыя, а изъ Похвальнаго Слова императрицѣ Елизаветѣ заимствованъ первый отрывокъ, но не вполнѣ. Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, Дмитрій Сѣченовъ (227—237) вошли безъ перемѣнъ изъ означеннаго пособія, какъ заявлено самимъ составителемъ. Въ образцахъ сочиненій Сумарокова — тотъ же отрывокъ изъ Хорева, тѣ же двѣ басни (Протоколъ и Совѣтъ боярскій) изъ пяти, помѣщенныхъ у г. Галахова, хотя — замѣтимъ мимоходомъ — Сумароковъ написалъ 6 книгъ басенъ, въ которыхъ есть гдѣ не только разгуляться, но и запутаться; кромѣ того „Эпистола къ неправеднымъ судьямъ“ и „Четыре отвѣта“ (237—241). Въ числѣ семи стихотвореній Державина только одно новое: „Павлинъ“; остальныя (305—317) явились извѣстнымъ способомъ, такъ что въ „Водопадѣ“ выпущены именно тѣ строфы, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, то-есть, въ „Исторической христоматіи новаго періода русской словесности“, но какъ бы въ награду за это вставлены нѣкоторыя строфы, по извѣстнымъ со-

ображеніямъ выпущенныя г. Галаховымъ въ одахъ: „Фелица“, „Вельможа“ и „На счастіе“. Дальше: отрывокъ изъ „Россійской исторіи“ Щербатова (322—223), три пѣсни и три басни Дмитріева (341—344), разборъ Сумароковскаго „Димитрія Самозванца“ (347—351), мѣста изъ „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ“ (351—356), выборъ изъ комедіи кн. Шаховскаго: „Пустодомы“ (371—379), четыре басни А. Измайлова (379—382)... все одно и то же, безъ отступленій отъ руководства, выбраннаго г-мъ Петровымъ.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, очень достаточно для доказательства, что христоматія г. Петрова чужда всякаго самостоятельнаго значенія.

Составитель сборника долженъ хорошо понимать и всегда имѣть въ виду, что независимо отъ количества матеріала, укладываемаго въ книгу, есть еще выборъ матеріала, обусловливающій его качество. А выборъ требуетъ знанія предмета, короткаго знакомства съ источниками, педагогическихъ соображеній, вкуса, добросовѣстнаго труда. Вся сила въ выборѣ; въ немъ же и вся заслуга трудившагося. Значеніемъ его опредѣляется значеніе сборника: при хорошемъ выборѣ книга выходитъ хорошею, при дурномъ—дурною. Но если книга набрана изъ хорошихъ выборовъ?—могутъ возразить намъ: въ такомъ случаѣ она сама будетъ хорошею, или по крайней мѣрѣ, не дурною? Конечно, такъ. Но въ настоящемъ случаѣ мы хотимъ поставить на видъ существенное различіе между двумя операціями въ составленіи книгъ: есть операція дѣйствительно трудовая, что-нибудь новое полагающая, самостоятельная, и есть операція облегчительная, копирующая, ничего отъ себя не дающая, такъ-сказать, паразитная. Въ какомъ отношеніи послѣдняя находится къ первой? Что долженъ думать о ней самъ операторъ, и какъ слѣдуетъ смотрѣть на нее со стороны, а главное, слѣдуетъ ли поощрять составленіе такихъ книгъ, о которыхъ самъ составитель очень наивно и характеристично говоритъ: „Жаль, если нашъ трудъ (!) нарушилъ чьи-нибудь литературныя права“?

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РѢЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ГРАФОМЪ Д. А. ТОЛСТЫМЪ ВО ВРЕМЯ ПОСѢЩЕНІЯ ИМЪ ОДЕССКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА ВЪ АВГУСТѢ И СЕНТЯБРѢ 1867 ГОДА.

Поочередное посѣщеніе различныхъ учебныхъ округовъ, ежегодно предпринимаемое, по Высочайшему повелѣнію, министромъ народнаго просвѣщенія, входитъ въ общій планъ дѣйствій по управленію дѣломъ народнаго просвѣщенія. Цѣль и значеніе этихъ ежегодныхъ осмотровъ опредѣлены съ совершенною ясностью въ помѣщаемыхъ ниже рѣчахъ г. министра; благотворные результаты этихъ посѣщеній для приведенія въ должное благоустройство нашей учебной части, ощущаемые уже и въ настоящее время, не замедлятъ обнаружиться съ большею еще силой въ послѣдствіи; теперь же занесемъ въ нашу лѣтопись одинъ несомнѣнный фактъ: это — искреннее и радостное сочувствіе, которое возбуждаетъ эта правительственная мѣра какъ въ мѣстныхъ обществахъ, такъ равно и во всѣхъ лицахъ педагогическаго сословія и даже въ самихъ ученикахъ различныхъ учебныхъ заведеній, которые, какъ свидѣтельствуютъ многія заявленія, проникаются сознаніемъ, что ихъ успѣхи въ наукахъ и въ благонравіи живо интересуютъ высшее начальство и даже самаго Августѣйшаго Покровителя нашего народнаго просвѣщенія. Вотъ нѣкоторые, относящіеся сюда факты. Открывая, 30-го минувшаго августа, образцовую общую квартиру для бѣдныхъ учениковъ Новочеркасской гимназіи, наименованную Александровскою, педагогическій совѣтъ этой гимназіи, въ память перваго посѣщенія ея министромъ народнаго просвѣщенія, учредилъ въ этой квартирѣ стипендію для одного бѣднаго ученика и назвалъ ее, съ Высочайшаго разрѣшенія, стипендіей

графа Дмитрія Андреевича Толстаго. Въ Ростовѣ-на-Дону мѣстное общество рѣшило, по тому же поводу, ускорить установленіе ежегоднаго денежнаго сбора на преобразованіе мѣстнаго уѣзднаго училища въ прогимназію и на учрежденіе двухъ новыхъ приходскихъ училищъ. Въ Керчи городское общество и въ Херсонѣ г. губернскій предводитель дворянства Е. А. Касиновъ пожелали почтить министра народнаго просвѣщенія торжественными обѣдами. Согласно съ цѣлью своихъ посѣщеній графъ Д. А. Толстой не избѣгалъ случаевъ высказываться по различнымъ вопросамъ народнаго просвѣщенія, доводя до всеобщаго свѣдѣнія, какими видами руководствуется въ этомъ отношеніи правительство. Хотя значительнѣйшія изъ этихъ рѣчей были уже напечатаны почти во всѣхъ газетахъ и обратили на себя общее вниманіе, но такъ какъ онѣ разбросаны въ различныхъ листкахъ газетъ, то мы считаемъ не лишнимъ собрать ихъ здѣсь вмѣстѣ, расположивъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1. Рѣчь на обѣдѣ въ Керчи, 25-го августа 1867 года.

Государь Императоръ, заботясь о распространеніи просвѣщенія въ Россіи, не довольствуясь изданіемъ законоположеній по этой части, изволилъ возложить на меня обязанность наблюдать, чтобъ эти законоположенія были приводимы въ дѣйствительное исполненіе. Это доставляетъ мнѣ удовольствіе быть сегодня между вами, мм. гг., и видѣть выраженіе вашего сочувствія; но изъ сказаннаго мною ясно, что я не имѣю никакого права на это сочувствіе, потому что исполняю только священную для меня волю Всемилостивѣйшаго Государя. Тѣмъ не менѣе я цѣню сочувствіе ваше и искренно васъ за него благодарю. Еще болѣе благодарю васъ за сочувствіе народному образованію въ вашемъ городѣ; оно выразилось не словами только, а дѣлами, не громкими и въ то же время дешевыми фразами, а существенными пожертвованіями. До сихъ поръ государственное казначейство отпускало на гимназію не болѣе 3.000 руб., тогда какъ вы жертвовали на нее болѣе 8.000 руб. и этимъ самымъ доставили возможность преобразовать уѣздное училище въ классическую гимназію съ двумя древними языками. Конечно, никто изъ васъ и на минуту не пожалѣлъ объ этой жертвѣ; она уже принесла свои плоды: гимназія не только полна, но въ двухъ низшихъ классахъ даже переполнена учениками. Въ нынѣшнемъ году вы имѣли утѣшеніе видѣть первый изъ нея выпускъ. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ выпускомъ, вы болѣе и болѣе будете удостовѣряться, что

жертва ваша не безплодна. Такое ваше содѣйствіе министерству народнаго просвѣщенія налагаетъ на него двойную обязанность наблюсти, чтобъ оказываемое вами заведенію пособіе было употребляемо со всевозможною пользой. Это такъ и будетъ: ручательствомъ тому могутъ служить просвѣщенная заботливость попечителя учебнаго округа [1]), постоянное къ ней вниманіе почтеннаго градоначальника [2]) и добросовѣстная дѣятельность директора, опытнаго и заслужившаго всеобщее ваше уваженіе педагога [3]), — къ этому я прибавлю мое собственное содѣйствіе; я постараюсь, чтобъ изъ всѣхъ вообще гимназій выходили не самонадѣянные верхогляды, все знающіе и ничего не знающіе, но молодые люди скромные и солидно образованные, чтобы дѣти ваши принесли вамъ въ послѣдствіи не горе, а радость и утѣшеніе. Такова воля Государя Императора, и таково побужденіе моего собственнаго сердца. Я самъ имѣю дѣтей, и для нихъ желаю ровно того же самаго, что̀ и для вашихъ.

Гимназія ваша, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣетъ и свои недостатки; они, къ сожалѣнію, общи всѣмъ нашимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Здѣсь не мѣсто перечислять эти недостатки и излагать ихъ причины; онѣ идутъ издалека, но приняты всѣ мѣры къ устраненію ихъ, хотя не скрою отъ васъ, что скоро сдѣлать это невозможно. Въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія скоро дѣлается только одно, — порча заведеній; но исправленіе ихъ, но ихъ улучшеніе требуютъ времени, и иногда довольно долгаго. Для этого мнѣ необходимо ваше содѣйствіе, но уже не матеріальное только, а и нравственное. Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ въ себѣ ту отличительную черту, что оно не можетъ стоять особнякомъ въ обществѣ: оно слишкомъ близко къ нему прикасается и можетъ дѣйствовать успѣшно только соединенными съ нимъ силами. Въ самомъ дѣлѣ предметъ, такъ-сказать, матеріалъ дѣятельности этого министерства — дѣти. Дѣти и составляютъ связь между министерствомъ народнаго просвѣщенія и вами. Мы, министерство, и вы, общество, мы не два противоположные элемента, мы сродни между собою, и это родство устанавливается чрезъ вашихъ дѣтей. Вотъ почему необходимо ваше нравственное содѣйствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что вы его окажете точно такъ же, какъ оказываете помощь матеріальную, и тогда гимназія ваша упрочится на твердомъ основаніи классическаго образованія.

[1]) С. П. Голубцова.

[2]) Вице-адмирала А. А. Спицына.

[3]) Г. Падрена-де-Карне.

И можетъ ли быть иначе? Мы здѣсь стоимъ на почвѣ древней классической образованности; на каждомъ шагу открываются блистательныя о ней воспоминанія; каждый взмахъ топора и заступа вызываетъ изъ земли памятники греческаго просвѣщенія, то въ камняхъ, то въ изваяніяхъ. На такой ли почвѣ не водвориться классическому образованію? Классицизмъ, мм. гг., не есть только изученіе древнихъ языковъ: классицизмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіе древнихъ доблестей. Вотъ чего я желаю вашимъ дѣтямъ, вотъ чего я ожидаю отъ новаго, только-что начинающаго жить поколѣнія на этой отжившей, но всегда живой почвѣ. Но да явится этотъ классицизмъ не въ камняхъ только и изваніяхъ, а въ развитіи ума, въ силѣ духа и воли, и въ тѣхъ нравственныхъ качествахъ, которыми отличались просвѣщеннѣйшіе народы древности и которыя сохранены намъ въ твореніяхъ ихъ великихъ писателей. Вы сознали пользу именно такого просвѣщенія, и потому какой тостъ приличнѣе мнѣ провозгласить, какъ не тостъ за просвѣщенное Керченское городское общество?

2. Рѣчь на обѣдѣ въ Херсонѣ, 6-го сентября 1867 года.

Мнѣ весьма пріятно, мм. гг., видѣть то сочувствіе, которое мнѣ оказываютъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ я бываю для осмотра учебныхъ заведеній. Это значительно поддерживаетъ меня въ управленіи Высочайше ввѣреннымъ мнѣ министерствомъ. Особенно мнѣ пріятно слышать выраженіе этого сочувствія отъ вашего превосходительства [1]), какъ представителя херсонскаго дворянства. Въ прошломъ году, осмотрѣвъ нѣкоторыя заведенія Казанскаго учебнаго округа, я съ сожалѣніемъ увидѣлъ, что многіе учрежденные дворянствомъ пансіоны закрыты. Докладывая объ этомъ Его Императорскому Величеству, я позволилъ себѣ выразить мысль, что если всегда русское дворянство стояло во главѣ просвѣщенія въ Россіи, то въ настоящее время, при великихъ внутреннихъ преобразованіяхъ и дабы быть въ уровень съ ними, дворянство должно стоять не ниже, но выше другихъ сословій по своему образованію. Эта мысль удостоилась Высочайшаго одобренія и съ этой минуты сдѣлалась руководящимъ для меня правиломъ. Вотъ почему я стараюсь о поддержаніи пансіоновъ. Говоря и дѣйствуя такъ, я весьма далекъ отъ какой бы то ни было исключительности. Никогда просвѣщеніе не было въ Россіи особою привилегіей какого-либо сословія; оттого-то возможно было появленіе у насъ Ломоносова

[1]) Е. А. Касинова.

въ такую эпоху, когда въ другихъ странахъ Европы подобный фактъ едва-ли былъ мыслимъ. Поэтому я обращаю столько же вниманія на распространеніе образованія въ среднихъ и низшихъ сословіяхъ, чтò еще на дняхъ я высказалъ Керченскому городскому обществу, которое сдѣлало такъ много для воспитанія своихъ дѣтей. Сколько я вижу, такъ понимаетъ это и дворянство; доказательствомъ тому служитъ и здѣшняя гимназія, гдѣ дѣти дворянъ воспитываются вмѣстѣ съ дѣтьми изъ другихъ сословій, и гдѣ Евреи составляютъ около трети учениковъ,—фактъ, на мой взглядъ, весьма утѣшительный. Но это не мѣшаетъ мнѣ желать, чтобы дворянство сохранило и на будущее время почетное мѣсто въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Оно никогда не было ему чуждо. Мнѣ достаточно упомянуть имена Румянцова, Безбородко, Демидова и др., которыя никогда не забудутся потомствомъ. Было время, и оно еще у всѣхъ насъ на памяти, когда нѣкоторые отыскивали въ дворянскомъ сословіи одни недостатки и не хотѣли видѣть его достоинства; но недостатки есть во всѣхъ сословіяхъ, и не въ одной Россіи, а вездѣ. Къ счастію, время это миновалось, а памятники любви дворянства къ просвѣщенію остались. Такой памятникъ есть и въ вашемъ городѣ: это — великолѣпное зданіе гимназіи, лучшее во всемъ Одесскомъ округѣ, которое стоило дворянству Херсонской губерніи болѣе 100.000 руб. Безъ него невозможно было бы и самое это учебное заведеніе. При гимназіи существуетъ пансіонъ; онъ готовился къ закрытію, но благодаря попечительности директора, это не только не оказалось нужнымъ, а напротивъ, въ теченіе одного нынѣшняго года число воспитанниковъ въ немъ болѣе чѣмъ удвоилось. Я не касаюсь прошедшаго, о которомъ упомянули вкратцѣ ваше превосходительство. Критика не входитъ въ мою программу; я беру изъ прошедшаго то, чтò въ немъ было полезно, и рѣшительно устраняю то, чтò по моимъ понятіямъ вредно. Нечего и говорить, что въ школѣ не можетъ быть терпима политическая пропаганда, въ чемъ бы она ни заключалась: хороша ли она, или дурна, по моему она всячески здѣсь неумѣстна. Въ учебныхъ заведеніяхъ я допускаю только одну пропаганду, — пропаганду ученія, науки: она одна и должна давать направленіе. Я постараюсь, чтобъ она была дѣльная и полезная, и благодаря просвѣщенной заботливости попечителя учебнаго округа, я увѣренъ, что образованіе вашихъ дѣтей будетъ основательно. Мнѣ остается просить ваше превосходительство передать Херсонскому дворянству мою искреннѣйшую благодарность за помощь, оказанную имъ гимназіи, и полную мою увѣренность, что и впредь оно будетъ со-

чувствовать положенію гимназіи и состоящаго при ней пансіона. Предлагаю тостъ за Херсонское дворянство и достойнаго его представителя!

3. Рѣчь къ преподавателямъ Императорскаго Новороссійскаго университета, 12-го сентября 1867 года.

Государь Императоръ изволилъ поручить мнѣ выразить Монаршее Свое благоволеніе Новороссійскому университету за начатки его ученой дѣятельности, и вмѣстѣ убѣжденіе Его Величества, что она принесетъ плодотворные результаты. Я очень счастливъ, что могу этими милостивыми словами Государя Императора въ университету начать знакомство съ вами, мм. гг. Знакомство это не случайное; это не есть знакомство туриста съ людьми, которыхъ онъ встрѣчаетъ на пути; оно входитъ въ общую обдуманную систему моихъ дѣйствій. Министерство народнаго просвѣщенія существенно отличается отъ нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствъ тѣмъ, что лица, входящія въ его составъ, не только состоятъ съ нимъ въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ, іерархическихъ отношеніяхъ, но что они вмѣстѣ съ тѣмъ люди мысли, люди науки. Потому, независимо отъ офиціальныхъ отношеній, между высшею администраціей этого вѣдомства и ими должны существовать еще иныя, болѣе близкія отношенія, — такія, которыя основывались бы на взаимномъ довѣріи, на взаимномъ уваженіи. Безъ этихъ условій министерство просвѣщенія не можетъ дѣйствовать успѣшно; точно также и ученыя и учебныя учрежденія не могутъ достигать полнаго успѣха, такъ какъ для этого имъ необходимо содѣйствіе министерства. Въ этихъ видахъ, съ цѣлію сближенія съ вѣдомствомъ, я, съ самаго вступленія моего въ управленіе министерствомъ, почелъ нужнымъ измѣнить программу его органа, журнала министерства, состоявшаго почти исключительно изъ статей офиціальнаго содержанія, и возвратиться къ прежней, составленной въ эпоху замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ русскихъ министровъ народнаго просвѣщенія графа Уварова, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ отдѣловъ, вызываемыхъ дальнѣйшимъ ходомъ образованія и успѣхами наукъ. Многіе изъ нашихъ ученыхъ отнеслись сочувственно къ этому изданію и доставили уже рядъ статей, довольно замѣчательныхъ. Министерство, съ своей стороны, печатаетъ въ немъ не одни свои распоряженія, но и свои виды и предположенія, и притомъ гораздо ранѣе внесенія ихъ на Высочайшее утвержденіе законодательнымъ порядкомъ, такъ что, въ случаѣ нѣвольной ошибки въ чемъ-либо, — что

вездѣ возможно,—оно имѣетъ время ее исправить. Вотъ одна изъ связей, соединяющихъ министерство просвѣщенія съ ученымъ и учебнымъ міромъ; но эта, печатная, такъ-сказать, связь еще недостаточна,—требуется другая, болѣе живая, болѣе, выражаясь иностраннымъ словомъ, интимная; она возможна только при личныхъ сношеніяхъ. Вотъ почему, по Высочайшему указанію, я каждый годъ лично осматриваю одинъ изъ учебныхъ округовъ. Не знаю, доставляютъ ли пользу эти осмотры лицамъ, съ которыми имѣю удовольствіе служить; но положительно могу сказать, что для меня они существенно полезны, потому что я знакомлюсь съ дѣломъ на мѣстѣ, имѣю возможность выслушивать мнѣнія и узнавать нужды моихъ сослуживцевъ, и при необходимыхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ могу основывать свои предположенія не на теоретическихъ построеніяхъ, а на фактическихъ данныхъ, при соображеніи какъ съ мѣстными условіями, такъ и съ личностью дѣятелей, которые будутъ въ послѣдствіи призваны къ исполненію новыхъ мѣръ. Вотъ чему я обязанъ, мм. гг., знакомствомъ съ вами.

Послѣ милостивыхъ словъ Государя Императора, выраженіе всякой личной моей благодарности къ вамъ было бы, конечно, излишне; но я не могу отъ того воздержаться, потому что мнѣ близко извѣстны ваши ученые труды и монографіи, въ короткое время существованія университета; они, вмѣстѣ съ другими подобными, подвигаютъ науку. Новъ университетъ, но стара и прочна водворенная вами въ немъ наука. Въ составѣ университетской корпораціи есть значительные пробѣлы, къ сожалѣнію, общіе почти всѣмъ нашимъ университетамъ: много вакантныхъ каѳедръ въ факультетахъ юридическомъ и филологическомъ. Есть надежда, что эти пробѣлы современемъ будутъ пополнены. Молодые ученые юристы отвлекаются теперь судебною реформой; но послѣ повсемѣстнаго введенія ея въ Имперіи, послѣ замѣщенія мѣстъ по судебной части, конечно, уменьшится и отливъ ученыхъ силъ изъ университетовъ. Разныя обстоятельства мѣшаютъ полному укомплектованію факультетовъ филологическихъ, но уже теперь приняты противъ этого нѣкоторыя мѣры. Кромѣ того, въ скоромъ времени прибудетъ нѣсколько молодыхъ людей, готовящихся къ ученой дѣятельности за границей; другіе, по прекрасной мысли университетовъ, готовятся при нихъ же; все это вмѣстѣ составляетъ залогъ большей полноты университетскихъ корпорацій въ будущемъ. Счастливы бы мы были, доживъ до того времени, когда возможно будетъ не прибѣгать къ подобнымъ, такъ - сказать, искусственнымъ мѣрамъ,

когда наука сдѣлается у насъ самостоятельною. Для этого нужно содѣйствіе общества: ученый не можетъ быть совершенно изолированъ; ему нужны люди, которые въ состояніи понимать, цѣнить его, съ которыми онъ могъ бы подѣлиться своими учеными изслѣдованіями и открытіями. Для этого необходимо, чтобъ общество принимало большее участіе въ дѣлѣ науки. Къ счастію, мы видимъ въ этомъ отношеніи поворотъ къ лучшему: общество начинаетъ сочувствовать наукѣ и желать большаго просвѣщенія. Итакъ, по всей вѣроятности, современемъ ученые не будутъ уже составлять у насъ исключеніе, не будутъ раждаться, какъ раждаются поэты и художники.

Вы пришли сюда въ счастливое время: вамъ суждено было собственными руками сложить ученое основаніе, фундаментъ университета. На немъ современемъ воздвигнется полное великолѣпное зданіе науки въ честь и славу Россіи. Пусть же будущій историкъ просвѣщенія Россіи вспомянетъ васъ съ тѣмъ уваженіемъ, съ тою признательностію, съ которыми еще такъ недавно воспоминались имена первыхъ ученыхъ, первыхъ профессоровъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ.

4. Рѣчь къ студентамъ Императорскаго Новороссійскаго университета, 12-го сентября 1867 года.

Очень радъ съ вами познакомиться, господа. Я люблю молодежь, можетъ-быть, потому что и самъ не очень старъ, а главное потому, что молодежь искренна; значитъ, съ вами можно и должно говорить откровенно. Я знаю, что въ ваши лѣта совѣтовъ не любятъ; всякій молодой человѣкъ хочетъ узнать все по собственному опыту, но иногда эти опыты бываютъ очень горьки. Я не буду давать вамъ много совѣтовъ, но не посѣтуйте на меня, если дамъ вамъ одинъ: не думайте заниматься дѣлами, которыя вамъ не по лѣтамъ,—они еще придутъ современемъ; занимайтесь исключительно наукой, которая значительно облегчитъ вамъ въ послѣдствіи занятіе дѣлами. Благодарю васъ за добросовѣстныя ваши занятія; къ великому моему утѣшенію, я слышу со всѣхъ сторонъ, что студенты всѣхъ русскихъ университетовъ, и въ томъ числѣ вашего, стали гораздо серіознѣе заниматься науками. И справедливо: хотя я не завистливаго характера, но вамъ не могу не завидовать, когда вспомню, что въ наше время, послѣ самаго серіознаго научнаго подготовленія, предстоялъ одинъ выходъ—канцелярія. Не то теперь: предъ вами и новыя судебныя установленія, и мировыя, и земскія учрежденія; всѣ они требуютъ людей хорошо

подготовленныхъ. Вотъ почему теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь слѣдуетъ заниматься наукой. Очень буду радъ, если вы будете продолжать такъ, какъ начали. Популярности я не ищу, популярничанье презираю; ищу только вашей пользы, и признаюсь, весьма буду счастливъ, если современемъ, вспоминая о первыхъ годахъ вашей молодости и перечисляя имена лицъ, которыя желали вамъ добра, вы причислите къ нимъ и мое имя. Очень буду радъ содѣйствовать каждому изъ васъ не только здѣсь, въ стѣнахъ университета, но и внѣ ихъ, во всѣхъ случаяхъ, когда только буду въ состояніи.

ОТДѢЛЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ НА ВСЕМІРНОЙ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКѢ 1867 ГОДА.

(89-й классъ X группы).

Одну изъ существенныхъ особенностей всемірной выставки 1867 года составляетъ введеніе *десятой группы*, посвященной предметамъ для улучшенія физическаго и нравственнаго состоянія народа. Между тѣмъ какъ другіе отдѣлы выставки имѣли въ виду представить состояніе промышленности въ ея разнообразныхъ видахъ, орудіяхъ и способахъ, цѣль десятой группы — обратить вниманіе на внутренній бытъ народныхъ массъ, на ихъ матеріальныя и духовныя потребности. Десятую группу старались устроить такимъ образомъ, чтобъ она могла служить наиболѣе яркимъ выраженіемъ цивилизаціи, понимая это слово отчасти въ томъ же смыслѣ, который придаетъ ему Наполеонъ III. Въ одной изъ рѣчей своихъ онъ говоритъ: „Быть цивилизованнымъ значитъ дорожить благосостояніемъ и еще болѣе жизнію человѣка, самое же высшее благо полагать въ его нравственномъ совершенствованіи" [1]). Лица, участвовавшія въ устройствѣ выставки, заявили желаніе, не ограничиваясь цвѣтомъ и роскошью цивилизаціи, представить и ту степень ея духовнаго богатства, которая доступна людямъ, обреченнымъ на самую суровую долю въ обществѣ. Составители десятой группы, по ихъ собственному отзыву, руководствовались мыслію — посредствомъ выбора и расположенія предметовъ засвидѣ-

[1]) Наполеонъ III сказалъ (въ Алжирѣ): Qu'est-ce que la civilisation? C'est de compter le bien-être pour quelque chose, la vie de l'homme pour beaucoup, son perfectionnement moral pour le plus grand bien. Ainsi élever les Arabes à la dignité d'hommes libres, répandre sur eux l'instruction, tout en respectant leur religion... telle est notre mission. (Rapport sur l'état de l'enseignement primaire pendant l'année 1863; стр. 16).

тельствовать о томъ сочувствіи, которое современное образованное общество питаетъ къ судьбѣ крестьянина и работника [1]).

Десятая группа раздѣляется на *семь классовъ*, изъ которыхъ два первые посвящены народному образованію. Одинъ изъ нихъ, восемьдесятъ девятый, обнимаетъ учебныя пособія для первоначальнаго образованія и способы обученія дѣтей; другой, девяностый — библіотеки и способы обученія взрослыхъ — въ семействѣ, въ мастерскихъ, въ артеляхъ. Составъ остальныхъ пяти классовъ слѣдующій: классъ девяносто первый — мебель, одежда, пища, отличающіяся, при другихъ хорошихъ свойствахъ, и дешевизною; классъ девяносто второй — образцы народныхъ костюмовъ различныхъ странъ въ соотвѣтствіи съ мѣстными обычаями и образомъ жизни населенія, съ климатомъ и экономическими условіями страны; классъ девяносто третій — образцы удобныхъ, не дорогихъ и удовлетворяющихъ требованіямъ гигіены жилищъ, городскихъ и сельскихъ, для помѣщенія недостаточныхъ семействъ и рабочихъ; классъ девяносто четвертый — разнаго рода издѣлія, замѣчательныя по способу производства и по вліянію на физическое и нравственное состояніе рабочаго класса; классъ девяносто пятый — ручныя издѣлія, выдерживающія соперничество съ машинными, а также издѣлія, въ которыхъ обнаруживается умѣнье, ловкость, понятливость и вкусъ работника, и т. п.

Предметы каждаго класса были разсматриваемы коммиссіями, *jurys*, составленными изъ лицъ различныхъ національностей. Принимавши участіе въ занятіяхъ *jury* по восемьдесятъ девятому классу, предлагаю обозрѣніе предметовъ этого класса, болѣе или менѣе выдающихся и обратившихъ на себя вниманіе международной коммиссіи, присудившей имъ соотвѣтствующія награды.

Предметы, относящіеся къ области народнаго просвѣщенія, появились впервые въ видѣ особаго отдѣла на всемірной выставкѣ 1862 года въ Лондонѣ. Но на Парижской выставкѣ этому отдѣлу приданы болѣе широкіе размѣры. Не ограничиваясь элементарнымъ образованіемъ и школами рисованія, здѣсь собрали предметы, необходимые для обра-

---

[1]) La réunion des objets matériels et des documents écrits relatifs aux institutions, aux questions économiques dont ces objets sont en quelque sorte le symbole, donne à ce groupe X sa physionomie propre, qui montre à quelles préoccupations morales les premiers se rattachent: il place l'exposition des idées, pour ainsi parler, à côté de l'exposition des choses; il est le témoignage de la sincère et profonde sympathie qu'inspirent le paysan et l'ouvrier. (Notice rédigée par MM. Charles Robert, Marguerin et Ph. Pompée. Catalogue général publié par la commission impériale. 10-e livraison, p. 5).

зованія дѣтей и взрослыхъ, какъ общаго, такъ и спеціальнаго. На Лондонской выставкѣ Франціи досталась незавидная доля: въ отношеніи къ народному образованію ее помѣстили въ пятомъ ряду, послѣ государствъ Скандинавскихъ. Національная гордость Французовъ была оскорблена, и они приложили всѣ усилія, чтобъ устройствомъ новой выставки дать поводъ къ болѣе благопріятному приговору международнаго трибунала. Офиціальные вожди народнаго образованія во Франціи выражали увѣренность, что Парижская выставка докажетъ соотечественникамъ и иностранцамъ, что народное просвѣщеніе сдѣлало въ послѣдніе годы огромные успѣхи во Франціи, вполнѣ соотвѣтствующіе достоинству французской націи, которая такъ высоко стоитъ по своей образованности и по энергическому участію во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Не смотря однакоже на такія преувеличенныя ожиданія, французская коммиссія, устроивавшая выставку, не могла не сознаться, что отдѣлу народнаго образованія отведено слишкомъ мало мѣста, что множеству лицъ отказано было въ пріемѣ представленныхъ ими вещей, и что поэтому трудно оцѣнить надлежащимъ образомъ, въ цѣломъ и въ подробностяхъ, обширную систему народнаго образованія.

Франціи отмежованъ наибольшій участокъ въ той весьма необширной мѣстности, которая удѣлена для народнаго образованія. Во французскомъ отдѣлѣ выставки для восемьдесятъ девятаго и девяностаго класса устроено особое помѣщеніе, гдѣ въ пяти комнатахъ симметрически расположены предметы, между тѣмъ какъ въ отдѣлахъ другихъ странъ предметы для народнаго образованія не имѣютъ иногда особаго помѣщенія, и исчезаютъ въ массѣ другихъ вещей, болѣе заманчивыхъ по своему разнообразію и блестящей обстановкѣ.

Пруссія, Швеція и Америка выстроили въ паркѣ особыя зданія — образцы школъ въ ихъ дѣйствительныхъ размѣрахъ со всѣми принадлежностями и болѣе или менѣе полнымъ собраніемъ учебныхъ пособій. Саксонія устроила въ паркѣ особый павильйонъ, въ которомъ расположены книги, чертежи и другія учебныя пособія, а также большаго размѣра модель нормальной гимнастической школы. Шведская школа состоитъ изъ одной комнаты, а прусская изъ пяти, составляющихъ весьма удобное помѣщеніе, какъ для школы собственно, такъ и для сельскаго учителя. Устройство американской школы замѣчательно по своей простотѣ. Независимо отъ учебныхъ пособій, составляющихъ самый важный и любопытный предметъ восемьдесятъ девятаго класса вообще, въ американской и еще болѣе въ шведской школѣ особенное

вниманіе обращаетъ на себя устройство классной мебели. Вмѣсто обыкновенныхъ скамеекъ, на которыхъ сидятъ рядомъ довольно много учениковъ, въ американской школѣ стоятъ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, скамьи такой величины, что на нихъ помѣщаются только два ученика, отнюдь не болѣе. Въ шведской школѣ еще удобнѣе: для каждаго ученика особое мѣсто, состоящее изъ скамьи съ придѣланнымъ къ ней столикомъ; верхняя, покатая доска его поднимается, и внутри его — ящикъ для классныхъ принадлежностей. Такимъ образомъ дѣти сидятъ въ классѣ не сплошною массой, а особнякомъ, что̀ признается весьма удобнымъ и полезнымъ во многихъ отношеніяхъ. Классная мебель въ шведской школѣ, безспорно, — самое лучшее изо всего, что̀ представляла выставка въ отношеніи ко внѣшнему устройству школы. Модель англійской школы далеко уступаетъ прусской, американской и шведской; ученики помѣщаются противъ свѣта, падающаго имъ прямо въ глаза, что̀ весьма вредно для зрѣнія. Образцы классной мебели, выставленные въ англійскомъ отдѣлѣ, болѣе замысловаты, нежели удобны, и притомъ непомѣрно дороги. Скамьи съ подвижными спинками, пригодныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ странахъ протестантскихъ, гдѣ богослуженіе совершается иногда въ школахъ, вовсе неудобны для употребленія въ школахъ другихъ странъ.

По количеству выставленныхъ произведеній государства слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: Франція, Пруссія, Саксонія, Швеція, Австрія, Италія, Англія, Бельгія, Швейцарія, Баварія, Данія, Россія, Нидерланды, Америка (не считая школы), Греція, великія герцогства Баденское и Гессенское, Турція, Египетъ. Въ русскомъ отдѣлѣ выставлены по восемьдесятъ девятому классу только три предмета, а именно, народные типы и костюмы обитателей различныхъ краевъ Россіи, *Гейзера;* образцы рисунковъ и калиграфіи, *Русселя*, и собраніе геометрическихъ задачъ, *Гехеля*. Издѣлія *Гейзера* (изъ Петербурга), приготовленныя изъ картона, замѣчательны, какъ по исполненію, такъ и по пригодности своей для преподаванія географіи. Фигуры людей и животныхъ, одежда первыхъ и орудія, при нихъ находящіяся, наглядно знакомятъ съ видомъ и отчасти съ образомъ жизни и промыслами мѣстныхъ жителей. Представитель Англіи въ международной коммиссіи доказывалъ право русскаго экспонента на полученіе преміи, и если заявленіе его не имѣло успѣха, то лишь потому, что эксперты со стороны Франціи, отдавая справедливость издѣліямъ г. Гейзера, отвергали ихъ педагогическую пригодность.

Главное богатство выставки по отдѣлу народнаго образованія заключается въ учебныхъ пособіяхъ и всего болѣе въ книгахъ, служащихъ руководствомъ или пособіемъ въ преподаваніи. Поэтому, при обозрѣніи восемьдесятъ девятаго класса необходимо съ особенною подробностью остановиться на учебныхъ пособіяхъ, въ которыхъ всего полнѣе выражается современное состояніе той отрасли народнаго просвѣщенія въ Европѣ, которой посвященъ разсматриваемый нами отдѣлъ всемірной выставки. Независимо отъ учебныхъ пособій, на выставкѣ находятся разнаго рода изданія и сборники, изъ которыхъ можно ознакомиться съ мѣрами, принимаемыми для просвѣщенія народа, и съ судьбою вопроса о народномъ образованіи въ связи съ другими важными вопросами общественной жизни.

Въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи замѣчается въ послѣднее время настойчивая заботливость о распространеніи такъ-называемаго *нагляднаго обученія*. Французское правительство снаряжало экспедиціи для изученія этого вопроса въ Германіи, родинѣ новѣйшихъ педагогическихъ системъ. Примѣръ Германіи увлекъ нѣкоторыхъ изъ французскихъ педагоговъ, оказавшихся горячими приверженцами новаго способа, который, по ихъ мнѣнію, соединяя несомнѣнную пользу съ разумнымъ удовольствіемъ, обращаетъ школу въ самое пріятное убѣжище осмысленныхъ игръ, и занимательныхъ, и поучительныхъ для дѣтскаго возраста. Но авторитеты въ дѣлѣ воспитанія, пріобрѣвшіе извѣстность въ странѣ, хотя и не отрицаютъ пользы нагляднаго обученія, но вовсе не видятъ въ немъ чего-либо новаго, доказывая, что оно давнымъ-давно существовало во Франціи, только въ иномъ видѣ и безъ той клички, которая дана ему слѣпыми поклонниками всякой кажущейся новизны. Терминъ *enseignement par aspect* называютъ неуклюжимъ переводомъ нѣмецкаго *Anschauungsunterricht*, которое гораздо лучше передается словомъ *méthode intuitive*.

Какъ бы то ни было, *наглядное обученіе* является на первомъ планѣ какъ во французскомъ, такъ и въ прусскомъ, саксонскомъ, шведскомъ и другихъ отдѣлахъ, — словомъ, на всемірной выставкѣ предметовъ по народному образованію вообще.

Наглядное обученіе получило свое названіе отъ своей формы, методы и обстановки; по сущности же, по внутренней основѣ, его называютъ *разумнымъ* въ противоположность прежнему, *механическому*, господствовавшему до Песталоцци. Цѣль нагляднаго обученія, по свидѣтельству его главнѣйшихъ представителей, заключается не только въ наученіи грамотности посредствомъ правильнаго дѣйствія на зрѣ-

ніе и слухъ, но и въ развитіи вниманія и наблюдательности, въ посильномъ и сообразнѣйшемъ съ природою образованіи ума и сердца учащихся. Однимъ изъ главнѣйшихъ тружениковъ въ этой отрасли педагогіи былъ Фогель, директоръ Лейпцигской школы, и изданныя имъ книги пользуются громкою извѣстностью въ Германіи. Многіе изъ выдающихся учебниковъ и руководствъ на нѣмецкомъ языкѣ, на выставкѣ, принадлежатъ или Фогелю, или его послѣдователямъ.

Начала общепринятой въ новое время методы *обученія* заключаются въ томъ, что оно должно производиться *наглядно*, съ должнымъ *выборомъ* предметовъ и *послѣдовательно*. Чтобы видѣть, какъ эти начала примѣняются на дѣлѣ, укажемъ на тѣ данныя, которыя представляетъ выставка по отношенію къ наглядному обученію.

Обычную и необходимую принадлежность *нагляднаго* обученія составляютъ картины, развѣшенныя по стѣнамъ или находящіяся въ книгахъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ. При каждой картинкѣ въ книгѣ есть вопросы, относящіеся къ изображеннымъ на ней предметамъ, въ родѣ слѣдующихъ. На одной страницѣ, въ верхнемъ ряду — одинъ солдатъ, одно дерево, одна лошадь; въ среднемъ сряду — два солдата, два дерева, двѣ лошади; въ нижнемъ — три солдата, три дерева, три лошади. Вопросы: Сколько здѣсь солдатъ? Что̀ у солдата на плечѣ? Что̀ у него съ боку? Сколько у солдатъ ружей? Сколько здѣсь деревьевъ? Какъ называется нижняя часть и средина дерева? Можно ли сосчитать листья на деревѣ? Будутъ ли на немъ плоды, яблоки, груши? Сколько лошадей? Гдѣ голова, гдѣ хвостъ, гдѣ грива? Какого цвѣта лошади? Что̀ больше — двѣ или три лошади, и т. п. На другой страницѣ — дѣвочки, на третьей — дома, и т. д. Однѣ изъ дѣвочекъ представлены сидящими, другія — бѣгающими, падающими, и т. д. При этомъ вопросы: Сколько въ ряду дѣвочекъ? Считайте: одна, двѣ, три, четыре дѣвочки. Сколько изъ нихъ сидитъ, сколько бѣжитъ, сколько падаетъ? Кто изъ нихъ сидитъ, кто бѣжитъ, кто падаетъ? Отчего она падаетъ? Сколько у нея рукъ, ногъ? — При домахъ: Одинаковой ли величины эти дома? Какая на нихъ крыша? Изъ чего дѣлаются дома? Кто ихъ дѣлаетъ? Для чего въ домахъ лѣстницы? Одинъ домъ, да еще одинъ домъ — сколько всего? Одинъ да одинъ — два. Если изъ двухъ домовъ одинъ сгоритъ, сколько останется? Одинъ изъ двухъ — одинъ, и т. п. [1]).

---

[1]) Instruction récréative pour apprendre aux enfants par l'aspect à penser. parler et à calculer, par M. Nicolas Bohny, professeur à Bâle. Paris.

Начальныя правила грамматики сообщаются также въ книгахъ со множествомъ рисунковъ, въ которыхъ главную роль играютъ животныя: слоны, медвѣди, павлины, змѣи и пр. Изъ жизни животныхъ сообщаются разказы поучительнаго свойства, какъ напримѣръ. Слонъ убилъ своего вожатаго; жена убитаго въ отчаяніи бросила слону дѣтей; слонъ, проникнутый раскаяніемъ, взялъ хоботомъ старшаго изъ дѣтей, посадилъ его на шею, и только его одного допускалъ къ себѣ вожатымъ, чѣмъ и обезпечилъ его судьбу.

Но не всегда такою моралью отличаются французскіе учебники, предназначаемые для первоначальнаго, нагляднаго обученія. Весьма часто врожденная націи веселость беретъ верхъ надъ серіозностью цѣли, и забавная карикатура является въ назидательной книжкѣ. Одинъ изъ самыхъ популярныхъ профессоровъ Collège de France, Лабулэ, въ лекціи своей о Галлахъ замѣтилъ, что ихъ исконное, кровное родство съ современными Французами доказывается преимущественно тою чертой, что они вступали въ бой, шли на вѣрную смерть *смѣясь*. Этотъ смѣхъ не покидаетъ Француза и въ педагогіи. Въ книгахъ для дѣтскаго чтенія много самыхъ забавныхъ изображеній, при чемъ галльская веселость не стѣсняется ни чувствомъ долга, ни семейными узами, ни даже тою „любовью и горемъ матери", которыя производятъ такой эффектъ и во французскихъ драмахъ, и во французскихъ судахъ. Въ назиданіе дѣтямъ, порывающимся въ военную службу, юмористически изображается судьба солдата, его походная жизнь и возвращеніе на родину. Прощанье матери съ сыномъ и смерть на полѣ битвы представлены въ видѣ забавной карикатуры [1]).

Выборъ предметовъ имѣетъ несомнѣнное значеніе по большему или меньшему вліянію на умственное и нравственное образованіе учащихся. Въ предпочтеніи однихъ предметовъ другимъ выражаются не только педагогическія соображенія, но до нѣкоторой степени и національныя особенности. При разсмотрѣніи массы книгъ и картинъ, наполняющихъ отдѣлы различныхъ странъ на выставкѣ, ярко бросаются въ глаза эти особенности. Онѣ проявляются невольно, неумышленно со стороны издателей, и вытекаютъ сами собою изъ общаго склада народнаго ума и господствующихъ стремленій народной жизни. Во Франціи на первомъ планѣ являются картины изъ военнаго быта. Видно, что военный элементъ пустилъ глубокіе корни во французскую

---

[1]) Les aventures de Blaise de Falaise, nouveau développé grotesque, texte par A. Humbert. Haguenthal, imprimeur-éditeur.

жизнь и нравы. Еще во времена стародавнія, французскихъ королей учили всѣмъ наукамъ на военный ладъ; такое же преобладаніе военныхъ инстинктовъ замѣтить можно въ наше время и въ обученіи простаго народа. Въ Парижской публичной библіотекѣ есть рукописная грамматика, начала XVII вѣка, составленная для сына Генриха IV. Части рѣчи расположены въ ней на подобіе военной команды. Нарѣчія, мѣстоименія образуютъ полкъ; *quando* — начальникъ лагеря, верхомъ, въ шляпѣ и со шпагою; глаголъ *volo* — главный командиръ; мѣстоименіе — генералъ-лейтенантъ имени; недостаточные глаголы въ видѣ увѣчныхъ и раненыхъ, на костыляхъ; вопросительное мѣстоименіе стрѣляетъ изъ ружья и спрашиваетъ: кто идетъ? Нарѣчія состоятъ сержантами, а не отдѣляемые предлоги находятся при багажѣ, и т. п. [1]). Въ современныхъ руководствахъ для нагляднаго обученія есть изображенія и школы, и жатвы, и принадлежностей ремеслъ, но всего чаще встрѣчаются солдаты, ружья и барабаны. На замѣчаніе иностранцевъ, особенно Бельгійцевъ, о такомъ пристрастіи къ военнымъ сюжетамъ, французскіе эксперты отвѣчали, что это вполнѣ соотвѣтствуетъ народному духу, и что всячески надобно поощрять изданія, поддерживающія и развивающія воинственность въ народѣ. Въ нѣмецкихъ школахъ употребляются картины, имѣющія отношеніе къ сельскому быту, къ мирнымъ занятіямъ, ремесламъ, торговлѣ, къ потребностямъ рабочей, трудовой жизни. На одной изъ картинъ въ прусской школѣ изображается жатва; мальчикъ нашелъ божью коровку, и мать объясняетъ ему, что это такое. Здѣсь же сельскій видъ — церковь, мельница, аисты на крышахъ и т. д. На другой картинѣ — пристань, нагрузка корабля, вдали — желѣзная дорога. На третьей — видъ деревни зимою. На четвертой — Христосъ благословляетъ дѣтей и т. п.

Коль скоро ученики ознакомятся со школьною обстановкою, слѣдуетъ знакомить ихъ съ предметами естественными, природными — съ произведеніями природы, а не искусства [2]). Дѣти съ большимъ интересомъ смотрятъ на предметы природы и слушаютъ о нихъ разсказы: имъ болѣе нравится разсказъ о животныхъ или о растеніяхъ, нежели о платьѣ или домашней утвари. Одушевленные предметы болѣе ин-

[1]) Рукопись Парижской публичной библіотеки, № 6817².

[2]) Приводя мнѣнія педагоговъ, я постоянно имѣю въ виду учебники и руководства, находящіеся *на выставкѣ* и рекомендуемые педагогами тѣхъ странъ, въ отдѣлѣ которыхъ они находятся.

тересуютъ дѣтей, нежели неодушевленные. При разговорахъ и объясненіяхъ надо обращать вниманіе не только на внѣшнюю сторону — видъ, цвѣтъ, величину, но и на внутреннюю — движеніе, измѣняемость, качество. Съ самаго ранняго возраста необходимо сближать дѣтей съ природою, развивать къ ней любовь и сочувствіе. Шумъ вѣтра, шелестъ листьевъ и говоръ ручья не долженъ быть чуждъ дѣтскому слуху и дѣтской душѣ. Звѣрямъ и птицамъ придаются человѣческія свойства, а цвѣты могутъ служить символомъ нравственныхъ понятій: дубъ, тюльпанъ, фіалка, лилія представляютъ живые образы благородной гордости, тщеславія, скромности и сердечной чистоты. При разсматриваніи каждаго предмета, каждаго произведенія природы можно касаться нравственнаго и религіознаго чувства; но дѣлать это надо съ большимъ тактомъ. То же слѣдуетъ имѣть въ виду при выборѣ разказовъ и стиховъ. Въ массѣ книгъ, издаваемыхъ для дѣтей, множество непригодныхъ для этой цѣли. Изъ числа лучшихъ изданій въ этомъ родѣ, заслуживающихъ полнаго вниманія и одобренія, называютъ: Curtmann's Geschichtchen für Kinder, welche noch nicht lesen können; также Andersen's Bilderbuch ohne Bilder и др. Особенно высоко педагоги ставятъ библейскія повѣствованія, отдавая имъ преимущество, независимо отъ религіознаго значенія, по свѣжести и искренности разказа, по цѣльности образовъ и по силѣ благотворнаго вліянія на душу [1]). При передачѣ библейскихъ повѣствованій употребляются своеобразные пріемы: выбираются опредѣленныя черты и подробности; тонъ, характеръ и самый языкъ разказа сообразуется съ дѣтскимъ пониманіемъ. Въ изложеніи стараются избѣгать мѣстоименій и безпрестанно повторяютъ собственныя имена, чтобы сильнѣе напечатлѣть ихъ въ памяти дѣтей. Одни обстоятельства вовсе опускаются, другія излагаются весьма подробно, смотря по степени занимательности ихъ для дѣтскаго возраста, отнюдь не снимая таинственнаго и чудеснаго покрова съ библейскихъ лицъ и событій [2]). При изложеніи библейской исторіи, для большей ясности, точности и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядности, обычнымъ пособіемъ служитъ карта Палестины, составленная Кипертомъ [3]).

---

[1]) Theoretisch-praktisches Handbuch für den Anschauungsunterricht von Fr. Harder.—Klauwell — Praktische Anleitung für den ersten Unterricht etc., и др.

[2]) Wie ich meinen Kleinen die biblischen Geschichten erzähle, von Franz Wiedemann. 1862 г., 4-е изд. (въ саксонскомъ отдѣлѣ).

[3]) Wandkarte von Palästina für den Schulgebrauch bearbeitet von H. Kiepert. (въ прусскомъ отдѣлѣ).

При наглядномъ обученіи необходимо наблюдать *послѣдовательность*, постепенность. По разсмотрѣніи одного предмета со всѣхъ сторонъ, по его виду, величинѣ, употребленію, пользѣ, вреду и т. д., слѣдуетъ разсматривать нѣсколько предметовъ, но съ одной точки зрѣнія: по формѣ — круглый, острый, длинный, короткій; по качеству — теплый, холодный, тяжелый, легкій и пр.; затѣмъ заставлять дѣтей срисовывать, по мѣрѣ ихъ умѣнья, разсматриваемый предметъ; послѣ подобныхъ опытовъ дѣтскаго рисованья, или говоря точнѣе, малеванья, перейдти къ устному сложенію и разложенію словъ. На первый разъ выбираютъ или *fisch*, или *dach*, или *ei*, или всего чаще — *hut*. Затѣмъ — *rad*, *buch*, *baum*. Эти четыре слова ведутъ къ знакомству съ прочими. При произнесеніи словъ особенно налегаютъ то на тотъ, то на другой звукъ, чтобы дать почувствовать, изъ какихъ звуковъ состоитъ слово. Различіе между гласными и согласными узнается такимъ образомъ, что каждый звукъ поется на мотивъ пѣсни: hopp, hopp, hopp, pferdchen. Отъ упражненія уха и рта переходятъ къ упражненію глаза и руки. Учитель пишетъ на доскѣ цѣлое слово и произноситъ его, проводя медленно пальцемъ или палочкой по каждой изъ буквъ, изъ которыхъ оно состоитъ, или же учитель пишетъ слово въ воздухѣ, а ученики, глядя на него, дѣлаютъ тѣ же движенія также въ воздухѣ, и т. д., и т. д. Отъ письма и чтенія переходятъ къ счету. Что̀ въ первоначальномъ наглядномъ обученіи *предметъ*, то въ счетѣ *число;* дѣти сперва узнаютъ предметъ, потомъ его письменное изображеніе. Такимъ же образомъ сперва узнаютъ *число*, потомъ его выраженіе — *цифры*. До знакомства съ цифрами число изображается пальцами, чертами, шариками и т. п. Показываютъ ножъ, ключъ, и спрашиваютъ, сколько ихъ; заставляютъ назвать предметы, которые находятся по одному въ тѣлѣ человѣческомъ, въ классѣ, въ домѣ, въ саду и т. п. Объясненія состоятъ изъ ряда вопросовъ, за которыми слѣдуютъ отвѣты учениковъ. Учитель рисуетъ, напримѣръ, кровать и спрашиваетъ: что̀ это такое? Ученики отвѣчаютъ: кровать. Для чего нужна кровать? Для того, чтобы на ней спать. Когда вы спите? Ночью. Когда спитъ бо̀льшая часть людей? Бо̀льшая часть людей спитъ по ночамъ. Когда же они работаютъ? Они работаютъ днемъ. Кто много уже наработалъ, когда мы только еще встаемъ? (Молчаніе и недоумѣніе). Что̀ вамъ давали сегодня къ кофе? Намъ давали булки. Кто печетъ булки? Хлѣбникъ. Когда онъ печетъ? Ночью. Значитъ, кто же работаетъ и по ночамъ? Хлѣбникъ работаетъ и по ночамъ.

Изъ чего состоитъ число 5? 5 состоитъ изъ 4+1, 3+2, 2+1+2, 1+1+1+1+1. Что слѣдуетъ за 5? Сколько ногъ у жука? сколько колесъ у локомотива? Полезно и занимательно для дѣтей составленіе разнообразныхъ фигуръ изъ шести точекъ [1]:

Постепенность въ упражненіяхъ и переходахъ отъ одного предмета къ другому тщательно опредѣляется въ лучшихъ руководствахъ [2]). Стремленіе къ строгой послѣдовательности привело къ тому, что при обученіи грамотности признано основнымъ правиломъ сообразоваться съ историческимъ ходомъ письменной системы. Вмѣсто прежней методы, по которой учили — сперва читать печатное, потомъ писать, теперь принятъ, хотя не повсемѣстно и притомъ съ большими или меньшими отличіями, такой порядокъ въ обученіи: рисовать или чертить, писать, читать писанное, и наконецъ читать печатное. Порядокъ этотъ основывается на томъ, что изобразительная система (черты, малеванье) предшествовала письму въ собственномъ смыслѣ, а письмо, по истеченіи многихъ вѣковъ, замѣнилось печатнымъ шрифтомъ.

Въ саксонскихъ школахъ первоначальное обученіе идетъ въ слѣдующей послѣдовательности:

Первая степень. (Такъ-называемая аналитико-синтетическая метода, изобрѣтенная Фогелемъ, усовершенствованная Бертельтомъ и другими). Рисованіе, письмо, чтеніе—вмѣстѣ.

а) Учитель рисуетъ какой-либо предметъ, обыкновенно знакомый, и разсматриваетъ его со всѣхъ доступныхъ дѣтскому пониманію сторонъ.

---

[1]) Das erste Schuljahr. Praktische Anleitung für den ersten Unterricht im Anschauen, Sprechen, Zeichnen, Schreiben, Lesen, Memoriren, Singen und [illegible] von Adolph Klauwell, Elementarlehrer an der IV Bürgerschule zu Leipzig. 1866.

[2]) Lese und Schreib-fibel für Elementarklassen. Nach der analytisch-synthetischen Lesemethode von Berthelt, Jäkel, Petermann, Thomas. Leipzig. 18[illegible] (изданіе тридцать шестое). Erster Gang: Gewinnung der Laute und ihrer [illegible]lichsten Verbindungen. Zweiter Gang: Wortgewinnung und Anwendung von Wörtern in kleinen Sätzen. Dritter Gang: das Satzlesen, zugleich Stoff zu Denk- und Schreibübungen, etc.

b) Ученики рисуютъ предметъ, нарисованный учителемъ.

c) Слово, которое служитъ названіемъ предмета, выставляется на читальной машинѣ, произносится учителемъ и сопровождается вопросами: что слышно въ началѣ слова, что въ серединѣ его и что въ концѣ?

d) Слово пишется учителемъ на доскѣ (обыкновенно шляпа — geschriebener hut), и затѣмъ дѣти пишутъ его сперва на воздухѣ, потомъ на доскѣ.

Въ этомъ же классѣ дѣти первоначально знакомятся со счетомъ и учатъ пѣсенки. Законъ Божій еще не преподается, и религіозное образованіе ограничивается самыми общими понятіями, высказываемыми при разговорахъ о животныхъ, растеніяхъ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ и т. п.

Результатъ занятій въ этомъ классѣ признается удовлетворительнымъ въ томъ случаѣ, если дѣти могутъ правильно писать то, что находится въ учебникѣ, дѣлаютъ вычисленія отъ 1 до 20; немного поютъ; знаютъ утреннія и вечернія молитвы и пріучились думать и говорить — haben denken und sprechen gelernt.

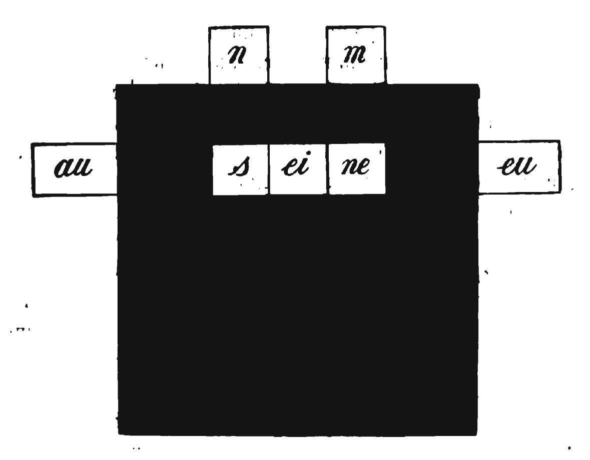
Вторая степень. Продолженіе предыдущаго. Дальнѣйшія упражненія въ рисованіи, письмѣ, чтеніи, счетѣ, пѣніи; постепенное развиваніе способности мыслить и наблюдать. Повѣствованія изъ ветхаго и новаго завѣта, выбираемыя примѣнительно къ христіанскимъ праздникамъ и къ нравственнымъ обязанностямъ въ той мѣрѣ, какъ относятся они къ дѣтскому возрасту.

Третья степень. Продолженіе предыдущаго и сверхъ того — ветхозавѣтная исторія, христіанскія обязанности и начатки тѣхъ предметовъ, которые въ совокупности составляютъ отрасль разнородныхъ свѣдѣній, относящихся къ изученію и познанію отечества или отечествовѣдѣнію (Heimatskunde). Сюда входятъ самыя общія и первоначальныя свѣдѣнія по исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ и т. п. Отъ простыхъ и ближайшихъ предметовъ переходятъ къ болѣе отдаленнымъ и сложнымъ. Рѣчь идетъ сперва о классѣ, потомъ о цѣлой школѣ, объ улицѣ, на которой построена школа, о городѣ, о его окрестностяхъ; о мѣстныхъ животныхъ и растеніяхъ; о климатѣ и явленіяхъ природы, о временахъ года; о занятіяхъ жителей, промыслахъ, торговлѣ, образованности; о важнѣйшихъ историческихъ памятникахъ извѣстной ученикамъ мѣстности и т. п. Географическое обозрѣніе начинаютъ съ Саксоніи, затѣмъ слѣдуетъ Германія, далѣе остальная Европа, другія части свѣта, и въ заключеніе опять Сак

сонія, разсматриваемая съ большею полнотою, съ различныхъ сторонъ и съ болѣе разнообразными подробностями.

Чѣмъ болѣе распространялось убѣжденіе въ пользѣ нагляднаго обученія, тѣмъ болѣе лицъ посвящало себя разработкѣ вопроса, впервые поставленнаго Песталоцци, тѣмъ богаче становилась учебная литература по той отрасли, которая вела къ торжеству разумнаго начала надъ механическимъ. Придумывались новые пріемы, усовершенствованія и упрощенія. Правда, иныя изъ этихъ упрощеній только запутывали дѣло, и выставка представила не одинъ экземпляръ изобрѣтеній, до того сложныхъ и замысловатыхъ, что ихъ рѣшительно не понимали ни ученики, ни даже учителя, да и сами изобрѣтатели едва кое-какъ справлялись съ своимъ черезчуръ мудренымъ дѣтищемъ. Но съ другой стороны и люди даровитые, понимающіе сущность дѣла, приложили труды свои къ разработкѣ системы, пріобрѣтающей все болѣе и болѣе правъ въ педагогическомъ мірѣ. Руководствуясь данными, представляемыми всемірною выставкою, укажемъ нѣкоторые изъ пріемовъ и аппаратовъ, придуманныхъ педагогами съ цѣлью облегчить обученіе письму и чтенію, ариѳметикѣ, исторіи, географіи.

Въ прусской школѣ выставленъ новый читальный снарядъ (Lesemaschine) *Борна*. Устройство снаряда самое простое. Онъ состоитъ изъ деревянной доски съ тремя квадратными отверстіями вверху. Въ эти отверстія вдвигаются буквы и слоги, наклеенные на трехъ дощечкахъ, имѣющихъ видъ длинныхъ линеекъ, вкладываемыхъ внутрь доски; изъ нихъ одна движется въ горизонтальномъ направленіи, а двѣ другія въ вертикальномъ. На всѣхъ дощечкахъ буквы и слоги расположены такимъ образомъ, чтобы посредствомъ различныхъ передвиженій образовались имѣющія смыслъ слова. На горизонтальной дощечкѣ, видимой въ среднее отверстіе, находятся коренные, срединные звуки слова, на лѣвой вертикальной — начальные, на правой — окончанія. На горизонтальной: *au, eu, ei, ach* и проч.; на лѣвой: *n, s, l, r* и проч.; на правой: *n, ne, m, me, se*, и проч. Передвинувъ дощечки такимъ образомъ, чтобы въ лѣвое отверстіе видно было *s*, въ среднее *ei*, а въ правое *ne*, получимъ *seine*, и т. п. Чѣмъ болѣе дощечекъ, тѣмъ болѣе составляется словъ.



Удобство снаряда и пригодность заключается въ томъ, что

1) Посредствомъ различныхъ передвиженій дощечекъ составляется легко и скоро безчисленное множество словъ.

2) Каждое слово является передъ глазами ученика отдѣльно, и потому все вниманіе сосредоточивается на этомъ одномъ словѣ, между тѣмъ какъ въ книгѣ глазамъ ученика представляется цѣлая масса словъ.

3) Вниманіе поддерживается тѣмъ, что изъ одного слова образуется другое почти мгновенно—посредствомъ передвиженія дощечки на одну букву, вверхъ или внизъ, направо или налѣво.

4) Разнообразіе порядка, въ которомъ слова слѣдуютъ на доскѣ, и скорая замѣна словъ однихъ другими уничтожаетъ опасность заучиванья наизусть.

5) При чрезвычайной простотѣ снаряда имъ могутъ пользоваться для обученія дѣтей не только учителя, но и сами ученики, и тѣ изъ нихъ, которые пріобрѣли болѣе сноровки, могутъ учить своихъ товарищей при помощи этого аппарата, и т. д. [1]).

Обученіе письму начинается съ того, что учитель рисуетъ какой-либо предметъ, объясняетъ его свойства, разбираетъ признаки, сравниваетъ съ другими предметами. Потомъ учитель пишетъ слово (названіе предмета) цѣликомъ, чтобъ ученики удержали вполнѣ образъ

[1]) Neue Lesemaschine von H. Born. Die Anweisung mit einem Vorwort des Provinzial-schulraths Bormann. Im Selbstverlage des Verfassers. Berlin, Müllerstrasse, 9. Preis 5²/₃ thlr.

слова, подобно тому, какъ удержали они въ памяти своей видъ предмета. Затѣмъ уже ученики знакомятся съ отдѣльными чертами, изъ которыхъ состоитъ слово. Послѣ [illegible]енныхъ чертъ на воздухѣ начинается дѣйствительное писаніе. [illegible]ль и ученики пишутъ слово черта за чертою, и какая радость, [illegible]а слово напишется вполнѣ. Узнавъ составныя части слышимаго слова, переходятъ къ узнаванію частей видимаго, написаннаго слова. Учитель заставляетъ отгадывать по первымъ чертамъ, какое слово будетъ написано. Онъ желаетъ, напримѣръ, написать слово *beiss;* по первой чертѣ ученики полагаютъ, что онъ напишетъ *bär;* но слѣдующее затѣмъ *e* заставляетъ ихъ думать, что напишется не *bär*, а *bein;* увѣренность эту поддерживаетъ *i*, поставленное послѣ *e*, но вдругъ является *ss*, и выходитъ неожиданно *beiss*, и т. п. [1]).

Во французскихъ школахъ употребляются, при обученіи чтенію, таблицы съ буквами, слогами, словами, изображеніями предметовъ. Показывая на рисунокъ, изображающій даму, учитель произноситъ медленно слово: *dame*, раздѣляя его на два слога: *da-me*, и заставляя учениковъ повторять хоромъ эти два слога подъ движеніе руки или палочки. Затѣмъ каждый слогъ разбивается на буквы: *de*, *a* — *da* и пр. Тогда учитель показываетъ на таблицѣ слово *dame*, и ученики, не видавъ еще ни одной буквы, знаютъ уже, что это слово состоитъ изъ четырехъ буквъ. Согласныя буквы называются всегда съ прибавленіемъ въ концѣ (а отнюдь не въ началѣ) гласной къ ихъ звуку: *me*, *te*, *de*, *re*, *ne*, *se*, *etc.*, ибо такое названіе ближе къ ихъ произношенію въ словѣ: между *re*, *a* и *ra* болѣе сходства, нежели между *erre*, *a* и *ra;* *astre* по прежнему названію букъв складывались: *a*, *esse*, *te*, *erre*, *e*, по новому же оно складывается такимъ образомъ, что слышится самое слово, медленно произносимое: *a-se-te-re*. Дѣтямъ трудно удержать въ памяти начертаніе буквъ, и потому буквамъ даютъ имена предметовъ, имѣющихъ по формѣ нѣкоторое сходство съ тою или другою буквою, и притомъ такъ, чтобы въ послѣднемъ слогѣ имени предмета слышалось названіе буквы: *d* — chaise ron*de;* *m* — les trois doigts de la da*me;* *l* — chandelle ou baguette de l'éco*le;* *p* — pi*pe;* *t* — croix hau*te*. Буквы: *d*, *b*, *q*, *p* по сходству начертанія сбиваютъ учениковъ; для избѣжанія этого смѣшиваемыя одна съ дру-

[1]) Lese-fibel für den vereinigten Sprech-, Zeichen-, Schreib- und Lese-unterricht, von Böhme. 1867. Изданіе двадцать пятое. Съ 1847 до 1864 года разошлось около 60.000 экземпляровъ.

гою буквы располагаются такимъ образомъ $\frac{d\,|\,b}{q\,|\,p}$, и указывается на то различіе между ними, что у *d* и *q* животъ повернутъ налѣво, а у *b* и *p* — направо. Для полнѣйшаго ознакомленія съ фигурою сбивчивыхъ буквъ заставляютъ учениковъ выдѣлывать различныя движенія руками и пальцами, образуя ими подобіе буквъ: *d*, *m*, *n* и другихъ [1]).

Цѣль нагляднаго обученія началамъ ариѳметики полагаютъ не только въ томъ, чтобы сообщить умѣнье сводить счеты, весьма несложные въ сельскомъ быту, но и въ томъ, чтобы содѣйствовать умственному образованію учащихся. Число безконечно, а дѣтскій кругозоръ ограниченъ: на этомъ основывается необходимость — понятіе о числѣ выразить въ формѣ, наиболѣе доступной дѣтямъ, и постепенно распространять ихъ представленіе о числѣ. Въ бесѣдахъ съ дѣтьми говорятъ имъ, что въ комнатѣ одна дверь и еще одна дверь, изъ чего выводится, что *одна* дверь и еще *одна* дверь составляютъ *двѣ* двери. Заставляютъ называть предметы по два и т. д. Объясненія дѣлаются при помощи снарядовъ [2]). Самымъ обыкновеннымъ приборомъ служатъ русскіе счеты, распространенные, съ самыми легкими измѣненіями, повсюду, употребляющіеся въ школахъ различныхъ странъ отъ Швеціи до Испаніи. Они въ большомъ употребленіи въ Германіи. Въ послѣднее время придуманъ Борномъ новый снарядъ двухъ родовъ: для чиселъ отъ 1 до 10 и для чиселъ отъ 1 до 100. Первый состоитъ изъ доски, верхняя часть которой бѣлаго цвѣта съ десятью круглыми небольшими отверстіями, расположенными въ два ряда, по пяти въ каждомъ. За бѣлою плоскостью внутри снаряда вкладываются двѣ пластинки, окрашенныя одна чернымъ, другая краснымъ цвѣтомъ. Подъ три, положимъ, отверстія подвигаютъ черную пластинку, подъ два другія красную: дитя сосчитываетъ тѣ и другія, и оказывается, что ихъ пять; изъ этого дѣлаетъ выводъ, что *три* и *два* (рѣзко различающіяся по цвѣту) вмѣстѣ составляютъ *пять*. Затѣмъ быстро выдвигается изъ-подъ отверстій красная пластинка, сосчитываются черные кружки и оказывается, что ихъ три, а какъ это число образовалось по уничтоженіи двухъ, то значитъ *два* изъ *пяти* — *три*. Такимъ образомъ наглядно показано сложеніе

---

[1]) Syllabaire des familles ou nouvelle méthode d'enseignement de la lecture, la seule au moyen de laquelle les élèves lisent dès les premières leçons, par *P. Guerre*. Nouvelle édition. Paris. 1862.

[2]) Anleitung zum Unterricht im Rechnen. Ein methodisches Handbuch für Lehrer, Seminaristen und Präparanden, von Böhme. 3 vermehrte Auflage. Berlin. 1865.

и вычитаніе. Второй снарядъ, для чиселъ до 100, устроенъ подобно первому съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто десяти отверстій сдѣлано сто, по десяти въ рядъ. Приборъ имѣетъ такой видъ:

o o o o o	o o o o o
o o o o ●	● ●
o o o	
o o o	
o o o	
o o o	
o o	

Если означимъ o черныя точки, а • красныя, и красныя будутъ отъ времени до времени отодвигаться, то на основаніи кружковъ, видимыхъ въ первыхъ двухъ рядахъ, будетъ выводимо, что $14+3=17$; что $17-3=14$; что $14=10+4$; что $4+3=7$; что $10+7=17$, и т. д. Изъ числа и расположенія кружковъ, видимыхъ въ послѣднихъ пяти рядахъ, оказывается, что $14=3\times4+2$; что *три* содержится въ *четырнадцати* — *четыре* раза, и въ остаткѣ *два*, и т. д. Посредствомъ подобныхъ пріемовъ наглядно знакомятъ дѣтей съ умноженіемъ, дѣленіемъ, и т. п. [1]).

При наглядномъ обученіи географіи необходимымъ и важнѣйшимъ пособіемъ служатъ пользующіеся заслуженною извѣстностью карты и атласы Фогеля, Делича, Штесснера, Штилера (Vogel, Delitsch, Stössner, Stieler) и друг. Для приданія большей занимательности и разнообразія изложенію географіи придуманы географическія игры. На таблицѣ, относящейся къ картѣ Франціи, означено раздѣленіе страны въ административномъ, религіозномъ, учебномъ, военномъ и т. д. отношеніяхъ, и каждому отдѣлу соотвѣтствуетъ извѣстное число points: столица — 100, главный военный центръ — 70, университетскій городъ — 40 points и т. п. Бросаютъ шарикъ, и играющіе должны исчислить принадлежности города, на которомъ шарикъ остановился;

---

[1]) Zwei Rechenapparate zur Veranschaulichung der Rechenoperationen an Zahlenbildern mit wechselnden Farben, von H. Born. Die Anleitung mit einem Vorwort von A. Böhme. Im Selbstverlage des Verfassers. Berlin. Müller-Strasse, 9. Apparat für den Zahlenkreis von 1—10, Preis 5 thlr; für d. Z-kr. 1—100, Pr. 5 thlr.

мѣсто, занимаемое городомъ въ отношеніи различныхъ вѣдомствъ, опредѣляетъ количество выигрыша: такъ, городъ, въ которомъ находится епископія (20 points), военная дивизія (30 p.), купеческая гавань (25 p.) и въ которомъ не менѣе ста тысячъ жителей (30 p.),— выигрываетъ 105 points и т. п. [1]).

Къ географическимъ играмъ примыкаетъ историческое лото для ознакомленія съ исторіей Франціи, съ отдаленныхъ временъ до настоящаго столѣтія. Таблицы расположены такъ же, какъ и въ обыкновенномъ лото, только вмѣсто цифръ имена; надписи на карточкахъ самыя краткія въ нѣсколько словъ; но за то изображено множество историческихъ лицъ Франціи, отъ Юлія Цезаря и Констанція Хлора (!) до Мартина Лютера, Тьера и Гизо. Партія выиграна, когда всѣ пять клѣточекъ покрыты картонками, на которыхъ находятся свѣдѣнія о лицахъ. Свѣдѣнія эти въ такомъ родѣ. Одиннадцатое столѣтіе: Анна (Anne de Russie), дочь великаго князя Ярослава, супруга Французскаго короля Генриха I и мать Филиппа I; Русскіе князья производили родъ свой отъ Македонянъ, и поэтому Анна назвала своего сына Филиппомъ. Тринадцатый вѣкъ: Рожеръ Беконъ, прозванный le docteur admirable, за свои познанія обвиненный въ чародѣйствѣ, провелъ большую часть жизни въ темницѣ; ему приписываютъ изобрѣтеніе пороха, увеличительныхъ стеколъ, телескопа и воздушнаго насоса. Девятнадцатый вѣкъ: Наполеонъ III, императоръ Французовъ, изгнанный въ 1815 году вмѣстѣ съ матерью, возвращается въ 1848 году во Францію представителемъ народа, объявляется президентомъ республики, а въ 1852 году провозглашается императоромъ; ни въ одно царствованіе Франція не была такъ счастлива, какъ при Наполеонѣ III, и т. п. [2]).

Подобнаго же рода учебныя игры выставлены въ австрійскомъ отдѣлѣ. При нихъ находится и описаніе съ стереотипнымъ заглавіемъ и введеніемъ. Игры эти изображены Винтерницемъ, бывшимъ профессоромъ математики и комерціи въ Пештѣ и Пресбургѣ; онѣ приспособлены къ обученію письму, чтенію, исторіи, географіи и ариѳметикѣ [3]).

Въ большомъ употребленіи такъ-называемыя нѣмыя карты; одинъ

---

[1]) Французскій отдѣлъ, кл. 89, № 87: Livre indicateur du jeu de billes géographiques sur la France, par R. H. Grison, auteur de plusieurs jeux scientifiques.

[2]) Histoire de France en loto, par Rosenfeld, revue et augmentée par l'abbé Lambert, aumônier de l'institut impérial des sourds et muets de Paris.

[3]) Karl Winternitz — Schreibspiel für kleine Kinder von fünf bis sieben Jahren, durch welches dieselben ohne eigentlichen Unterricht in entsprechend kurzer Zeit

изъ лучшихъ образцовъ ихъ выставлена въ шведской школѣ. Въ саксонскомъ отдѣлѣ выставлены особыя карты, стѣнныя и въ атласахъ, съ обозначеніемъ возвышеній посредствомъ различныхъ оттѣнковъ. Въ атласѣ Фогеля болѣе свѣтлый оттѣнокъ означаетъ долину, а три оттѣнка темно-коричневаго цвѣта обозначаютъ на картѣ Европы возвышенія въ 250, въ 1.500 и въ 3.000 футовъ, а на картахъ другихъ частей свѣта — высоту въ 750, въ 2.500 и 5.000 футовъ. Бѣлый цвѣтъ указываетъ полосу вѣчныхъ льдовъ. Въ бордюрѣ — типы различныхъ расъ, обитающихъ на земномъ шарѣ, и изображенія животныхъ и растеній каждой части свѣта [1]).

Нѣкоторыя географическія карты знакомятъ отчасти и съ исторіей страны, наглядно указывая постепенное образованіе территоріи государства. Въ прусскомъ отдѣлѣ выставлена стѣнная карта, обозначающая распространеніе предѣловъ Пруссіи съ начала пятнадцатаго вѣка до настоящаго времени. Границы земель въ правленіе главнѣйшихъ владѣтелей обведены особенною краскою: Фридриха I (1415—1440) — темно-синею, Альбрехта (1470—1486) — желтою, Фридриха Великаго (1740—1786) — яркою красною, и т. д. Внизу на той же картѣ, съ надписью: von Moskau nach Paris, изображена средняя полоса Европы въ границахъ 1811—1818 года, когда пространство Пруссіи чрезвычайно уменьшилось вслѣдствіе Наполеоновскихъ войнъ. Сопоставленіе теперешнихъ предѣловъ Пруссіи съ жалкимъ видомъ, который представляла она во время французскаго разгрома, служитъ нагляднымъ выраженіемъ пережитой Пруссіею тяжелой године и не остается безъ дѣйствія на патріотическое чувство [2]).

Одинъ изъ замѣчательныхъ опытовъ примѣненія наглядности къ изученію и преподаванію географіи, а также къ знакомству съ началами

---

auf eine angenehme Weise selbstthätig und zwanglos geschriebenes lesen, selbstständig schreiben, schön schreiben und richtig schreiben lernen. Wien. 1863. 3 Auflage. Länderspiel, durch welches... nicht nur die Gestalt, die Lage und die Namen der Erdtheile oder Welttheile, ihrer Meere, Länder, Hauptflüsse, Hauptgebirge und Haupt-städte auf eine ganz angenehme Weise selbstthätig und zwanglos kennen lernen, sondern ihren Geist und ihre Gestaltung zu einem Grad der Entwicklung bringen, der bisher in diesem Alter zu den Seltenheiten gehörte. Того же автора, съ такими же заманчивыми и широковѣщательными заглавіями: Kaiserspiel, Rechenspiel, Französisches Sprachspiel.

[1]) Dr. Carl Vogel's kleiner Schulatlas der Elementargeographie. Neue Ausgabe. Leipzig.

[2]) Wandkarte zur Geschichte des preussischen Staats, insbesondere seit 1415, von Fix.

исторіи, статистики, гидрографіи и геологіи, представляютъ складныя карты, придуманныя г. Лорецискомъ. Карта Франціи склеивается изъ нѣсколькихъ частей, соотвѣтствующихъ дѣленію государства, разсматриваемому въ различныхъ отношеніяхъ: административномъ, учебномъ, военномъ и т. д. Каждый изъ округовъ, на которые раздѣлена Франція по всѣмъ вѣдомствамъ, каждый департаментъ, будучи вырѣзанъ отдѣльно, представляется ясно и легко глазамъ, а фигура его легко и надолго остается въ памяти. Наиболѣе цѣнное достоинство изображенія заключается въ томъ, что посредствомъ него наглядно узнаются отношенія, существующія между различными частями Франціи, и открывается ихъ историческая послѣдовательность. На карту Франціи, изображающую прежнее раздѣленіе страны на провинціи, накладывается выпуклая сѣть, устроенная такимъ образомъ, что очертаніе каждаго отверстія ея соотвѣтствуетъ фигурѣ того или другаго департамента, по теперешнему раздѣленію Французской имперіи. Въ эти отверстія вкладываются составныя части складной карты Франціи, число и форма которыхъ соотвѣтствуютъ числу и географическому положенію департаментовъ, и на оборотѣ каждой части находятся краткія свѣдѣнія о главнѣйшихъ особенностяхъ департамента, населеніи, промышленности, естественныхъ произведеніяхъ, историческихъ событіяхъ и т. п. Накрывая карту Франціи, раздѣленную на департаменты, выпуклою сѣтью, нити которой образуютъ форму округовъ судебныхъ, военныхъ, учебныхъ и др., и вкладывая въ отверстія сѣти вырѣзанныя части складной карты, соотвѣтствующія этимъ округамъ, отчетливо знакомятся съ пространствомъ и границами округовъ въ отношеніи ихъ къ числу и положенію департаментовъ, входящихъ въ составъ того или другаго округа. Такимъ образомъ становится вполнѣ понятною вся система дѣленій и подраздѣленій страны, и наглядно усвоивается весь механизмъ государства, проникнутый господствующимъ во Франціи началомъ централизаціи. Для ознакомленія съ геологическимъ характеромъ Франціи, по разсматриваемой методѣ, накладываютъ нѣсколько геологическихъ картъ одна на другую; различные слои изображены въ видѣ выпуклостей, проходящихъ черезъ отверстія всѣхъ слѣдующихъ картъ, такъ что на самой верхней изъ нихъ видны слои, которыми опредѣляется геологическая особенность страны. Изобрѣтатель назвалъ систему свою мнемотемническою географіей [1]).

---

[1]) Géographie mnémotemnique, par Laurecisque. Librairie internationale. Boulevard Montmartre, 15. Rue Basse (Passy), 29. Названіе: mnémotemnique заим-

Наглядное обученіе требуетъ многихъ пособій, картинъ, приборовъ и т. п., для помѣщенія которыхъ классныя комнаты часто оказываются недостаточными. Притомъ одновременное знакомство со всѣми пособіями сопряжено съ ущербомъ для учащихся: глазъ ихъ привыкаетъ видѣть массу предметовъ, и разбѣгаясь по ней, не останавливается съ должнымъ вниманіемъ на отдѣльныхъ частяхъ. Во избѣжаніе этого неудобства устроенъ Карьеромъ приборъ, который, при небольшомъ объемѣ, вмѣщаетъ въ себѣ весьма много предметовъ, служащихъ пособіемъ при наглядномъ обученіи. Приборъ имѣетъ видъ стола со шкапомъ; изъ верхней доски выдвигаются (вверхъ) рамки, въ которыхъ находятся таблицы для чтенія, счеты, географическія карты, изображенія трехъ царствъ природы, картинки изъ священной исторіи, изъ области ремеслъ и искусствъ и т. п. Внутри прибора помѣщается собраніе мѣръ и вѣсовъ, геометрическія тѣла и другія принадлежности нагляднаго обученія [1].

Господствующее въ современной педагогіи начало наглядности признается необходимымъ и при воспитаніи лицъ, поставленныхъ отъ рожденія въ исключительное положеніе, какъ напримѣръ, глухонѣмыхъ.

Въ различныхъ странахъ Европы существуютъ специальныя заведенія для глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и идіотовъ. Институты слѣпыхъ или слѣпыхъ и глухонѣмыхъ вмѣстѣ находятся въ Роттердамѣ, Литтихѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, Вѣнѣ, Миланѣ, Мадридѣ, Барселонѣ и въ другихъ городахъ. Лучшее изъ учрежденій для слѣпыхъ — Institution des jeunes aveugles въ Парижѣ. Специалисты, изучавшіе способы обученія слѣпыхъ со всевозможною тщательностью, отдаютъ полную справедливость Парижскому институту слѣпыхъ, пользующемуся вполнѣ заслуженною извѣстностью. Изъ названныхъ заведеній присланы на выставку различныя пособія для обученія слѣпыхъ чтенію, письму, рисованію, музыкѣ и рукодѣлью, а также упражненія и работы слѣпыхъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

Въ устройствѣ заведеній для глухонѣмыхъ, въ характерѣ и методѣ преподаванія замѣчаются тѣ же начала, которыя преобладаютъ въ настоящее время въ дѣлѣ народнаго образованія вообще; съ одной стороны — наглядность, съ другой — стремленіе улучшить умственное и нравственное состояніе лицъ, занимающихъ самое печальное

ствовано изъ двухъ греческихъ словъ: μνήμη (память) и τέμνω (разсѣкаю, раздѣляю).

[1]) Bureau Moniteur à l'usage des salles d'asile. Carriere fabricant. Rue de la Côte, 10, à Courbevoie (Seine). Цѣна 500 франковъ.

положеніе въ обществѣ. Это — та же забота о „меньшихъ братьяхъ“, только въ сферѣ болѣе ограниченной, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ результатами дѣйствительными, очевидными и благотворными. Усилія тружениковъ, посвящающихъ себя воспитанію глухонѣмыхъ, служатъ живымъ опроверженіемъ той печальной мысли, къ сожалѣнію, еще не всѣми покинутой, что рабочій классъ долженъ добывать себѣ образованіе не иначе, какъ съ большимъ трудомъ и въ самой непривлекательной обстановкѣ, чтобы заранѣе пріучиться къ своему призванію — жизни трудовой, полной невзгодъ и лишеній. Вопреки такому суровому требованію, наставники глухонѣмыхъ утверждаютъ, что въ воспитаніи три существенныя начала — удовольствіе, привычка и долгъ: дитя, учась съ удовольствіемъ, постепенно пріобрѣтаетъ привычку къ труду, а привычка къ труду дѣлаетъ легкимъ исполненіе долга. Наглядность какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ тому способу ученья, задача котораго состоитъ въ соединеніи полезнаго съ пріятнымъ. Одинъ изъ извѣстныхъ спеціалистовъ по воспитанію глухонѣмыхъ говоритъ: „Учить забавляя — таковъ долженъ быть девизъ первоначальнаго образованія; основою его, какъ для глухонѣмыхъ, такъ и для говорящихъ, должна быть наглядность“. Признавая такимъ образомъ равноправность глухонѣмыхъ съ говорящими, изобрѣтатели различныхъ системъ стремятся къ тому, чтобы сдѣлать глухонѣмыхъ, по возможности, въ размѣрахъ болѣе или менѣе ограниченныхъ, участниками не только въ умственной, но и въ общественной жизни. Наиболѣе вѣрный путь къ достиженію этой цѣли заключается, по мнѣнію однихъ, въ настойчивомъ, сопряженномъ съ неимовѣрными усиліями, развитіи у глухонѣмыхъ способности говорить; по мнѣнію другихъ — въ совокупномъ, и отчасти взаимномъ, обученіи глухонѣмыхъ съ говорящими.

Тѣ, которые убѣждены, что многіе глухонѣмые не вовсе чужды способности говорить, находящейся у нихъ въ грубомъ состояніи неразвитаго зародыша, утверждаютъ, что лучшая система воспитанія глухонѣмыхъ заключается въ наученьи ихъ слову посредствомъ слова же, которое одно можетъ ввести ихъ въ общую семью человѣчества. При этомъ обращаютъ вниманіе и на то обстоятельство, что упражненіе способности говорить важно не только въ умственномъ, но и въ физическомъ отношеніи, ибо продолжительное бездѣйствіе голосовыхъ органовъ располагаетъ глухонѣмыхъ къ груднымъ болѣзнямъ, катаррамъ и чахоткѣ. За нѣкоторыми исключеніями — продолжаютъ защитники того же начала — глухонѣмые достигаютъ возможности произносить членораздѣльные звуки и уловлять ихъ на устахъ людей, вла-

дѣющихъ даромъ слова. Въ доказательство ссылаются на факты, засвидѣтельствованные врачами, въ присутствіи которыхъ глухонѣмые говорили въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, отвѣчая изустно на вопросы, предлагаемые также изустно.

Не раздѣляя подобной увѣренности въ дарѣ слова глухонѣмыхъ, нѣкоторые изъ спеціалистовъ горячо отстаиваютъ педагогическую необходимость языка изобразительнаго, дѣйствующаго не на слухъ, а на зрѣніе, и притомъ не только для глухонѣмыхъ, но и для обучающихся съ ними дѣтей съ здоровыми органами слуха и голоса.

Главнѣйшія методы, придуманныя для обученія глухонѣмыхъ, извѣстны подъ названіями: дактилологіи, дактилографіи, мимики и фономиміи.

Дактилологія состоитъ въ чтеніи изображаемыхъ пальцами условныхъ знаковъ, представляющихъ буквы въ томъ порядкѣ, въ которомъ слѣдуютъ онѣ въ словѣ и притомъ съ сохраненіемъ правописанія.

Дактилографія — то же чтеніе посредствомъ знаковъ, дѣлаемыхъ рукою, но съ тою разницею, что въ дактилологіи знаки эти условны, а въ дактилографіи они воспроизводятъ форму буквъ общеупотребительной азбуки.

Мимика — самый простой и самый древній способъ, изобрѣтенный самими глухонѣмыми; но подъ вліяніемъ теоріи, мимика, употребляемая въ обращеніи съ глухонѣмыми, составлена изъ движеній, только по имени естественныхъ, а въ сущности — искусственныхъ и произвольныхъ, а потому и недоступныхъ ни для кого кромѣ маленькаго кружка изучившихъ эти жесты подъ руководствомъ того или другаго учителя.

Фономимія, какъ видно изъ названія, приданнаго впрочемъ не совсѣмъ удачно, соединяетъ употребленіе звуковъ съ мимикою. Изобрѣтатель фономиміи отличаетъ ее отъ другихъ системъ слѣдующими краткими опредѣленіями: дактилологія есть чтеніе, дактилографія — письмо, мимика — мысль, фономимія — слово. Фономимія представляетъ глазамъ не идею буквъ, подобно дактилологіи, не самыя буквы, подобно дактилографіи, не мысли и фразы, подобно мимикѣ, но само слово — естественное и необходимое выраженіе мысли.

Для выраженія слова фономимія прибѣгаетъ къ изобразительнымъ знакамъ, число которыхъ находится въ связи съ числомъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Обученіе производится посредствомъ таблицъ, на которыхъ находятся буквы, слова, части рѣчи, и т. д. Благодаря необычайной гибкости руки, число жестовъ для выраженія различныхъ

отрѣзковъ звуковъ можетъ простираться до безконечности; для выраженія долготы звука дѣлается знакъ, соотвѣтствующій этому звуку, но медленнѣе, и т. п.

Въ фономимической системѣ видны слѣды того взгляда на происхожденіе языка, который такъ долго господствовалъ во французской литературѣ, сохранялись въ ней и доселѣ, и главнымъ представителемъ котораго былъ Броссъ, авторъ извѣстнаго сочиненія о механическомъ образованіи языковъ. Составитель фономимической азбуки признаетъ первыми по времени словами въ языкѣ междометія; за ними, по его мнѣнію, какъ и по мнѣнію филологовъ, служившихъ ему образцами, послѣдовали звукоподражанія, а далѣе — названія частей голосоваго органа. Всѣ эти слова причислялись къ такъ-называемымъ первобытнымъ, и фономимическая азбука составлена изъ тридцати трехъ первобытныхъ словъ съ тридцатью тремя соотвѣтствующими имъ жестами.

Обыкновенный пріемъ обученія по способу фономимическому состоитъ въ слѣдующемъ. Учитель произноситъ звукъ и дѣлаетъ соотвѣтствующій жестъ; потомъ учитель дѣлаетъ жестъ, а ученики произносятъ, какъ могутъ, соотвѣтствующій звукъ, или же учитель произноситъ звукъ безъ жеста, а ученики отвѣчаютъ на это или однимъ жестомъ, или жестомъ въ сопровожденіи звука. По требованію учителя ученики выражаютъ звуками и жестами какъ предметы видимые — быкъ, волкъ, собака, змѣя и пр., такъ и понятія отвлеченныя — удивленіе, ужасъ, сомнѣніе и т. д. Когда при помощи подобныхъ упражненій звуки человѣческаго голоса становятся для глухонѣмыхъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ и осязательнымъ, тогда учитель знакомитъ питомцевъ своихъ съ буквами общепринятой азбуки, сопровождая жестомъ названіе каждой изъ нихъ. До пониманія слоговъ доводятъ слѣдующимъ образомъ: учитель дѣлаетъ правою рукою жестъ согласнаго звука; ученики, воспроизводя этотъ жестъ, приводятъ голосовой органъ въ положеніе, необходимое для произнесенія изображаемаго жестомъ согласнаго звука, и ожидаютъ дальнѣйшаго жеста для звука гласнаго; учитель, оставляя правую руку въ томъ же положеніи, дѣлаетъ лѣвою рукою знакъ гласнаго звука, и ученики произносятъ слогъ.

Части рѣчи обозначаются условными знаками: — существительное, ~ прилагательное, ∧ мѣстоименіе, = глаголъ, ≂ причастіе, ≈ нарѣчіе, ◡ членъ, - предлогъ, = союзъ, ○ междометіе. Существительное, выражая идею о предметѣ, впервые возникающую въ умѣ, изображается гори-

означается направленіемъ указательнаго пальца или прямою линіей, какъ самою простою изъ линій. Глаголъ постоянно возбуждаетъ въ умѣ двѣ идеи: идею предмета или дѣятеля и идею бытія или дѣйствія, и потому изображается двумя чертами. Двѣ малыя черты представляютъ союзъ, назначеніе котораго — соединять предложенія, указывая на присутствіе глаголовъ, а глаголы изображаются двумя длинными чертами. Междометіе — въ видѣ круга, ибо оно заключаетъ въ себѣ смыслъ цѣлаго предложенія, и т. д.

Числовые знаки передаются въ такой послѣдовательности. Пять пальцевъ означаютъ пять первыхъ чиселъ; большой палецъ значитъ пять; при поднятомъ большомъ пальцѣ слѣдующіе поднимаемые пальцы означаютъ: 6, 7, 8, 9. При горизонтальномъ положеніи руки, ладонью отъ себя, послѣдовательное поднятіе пальцевъ выражаетъ десятки: 10, 20, 30 и т. д.; а ладонью къ себѣ — сотни: 100, 200, 300 и т. д. Нуль представляется мизинцемъ. Дроби выражаются пересѣченіемъ поднятыхъ пальцевъ одной руки указательнымъ пальцемъ другой. Четыре дѣйствія ариѳметики производятся посредствомъ различнаго положенія рукъ. Двѣ руки рядомъ и вертикально показываютъ, что числа, изображаемыя пальцами обѣихъ рукъ, должны быть складываемы. Руки вертикально одна надъ другою показываютъ, что числа нижней вычитаются изъ чиселъ верхней. Руки крестообразно — умноженіе. Руки одна надъ другой, верхняя вертикально, нижняя горизонтально, — дѣленіе; число, представляемое пальцами руки въ вертикальномъ положеніи, — дѣлимое, въ горизонтальномъ — дѣлитель, и т. д.

Одно изъ существенныхъ преимуществъ фономимія передъ другими системами заключается, по мнѣнію изобрѣтателя, въ томъ, что она, способствуя распространенію начальнаго образованія, ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ сближенію глухонѣмыхъ съ говорящими. Такъ какъ каждое слово учителя сопровождается жестомъ, то его одинаково понимаютъ и глухонѣмые и дѣти съ здоровыми пятью чувствами, а черезъ это дѣти говорящія привыкаютъ понимать глухонѣмыхъ, выводя ихъ такимъ образомъ изъ печальнаго состоянія одиночества и отчужденія отъ человѣческой семьи[1]).

---

[1]) Méthode phonomimique, par Aug. *Grosselin*. Paris, 1864. — Alphabet phonomimique rendant facile à tous l'enseignement primaire des sourds-muets et formant une méthode de lecture pour les entendants, par Aug. *Grosselin*. Paris. — Phonomimie ou lecture gesticulée, par *Bourguin* (extrait du Bulletin de la Société pour l'instruction élémentaire № de juin 1865). — Rapport adressé à M. le Président de la Commission de surveillance du cours pratique des salles d'asile, par M-me

Съ какими усиліями ни сопряжена борьба съ природою при воспитаніи глухонѣмыхъ, но еще бо́льшаго самоотверженія требуетъ уходъ за идіотами. Совмѣстное воспитаніе ихъ съ дѣтьми нравственно и физически здоровыми, оказывается невозможнымъ; нормальная человѣческая среда невыносима для жалкихъ полулюдей, подавленныхъ преобладаніемъ животной природы и притомъ страшно искаженной. Поэтому для идіотовъ учреждаются особыя заведенія, въ которыхъ имъ привольнѣе, гдѣ они чувствуютъ себя дома, будучи окружены подобными себѣ. Къ числу извѣстнѣйшихъ учрежденій этого рода принадлежитъ l'hospice de Bicêtre въ Парижѣ.

Пребываніе идіотовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Бисетрѣ оказываетъ на нихъ иногда поразительное вліяніе, словно пересоздаетъ ихъ. Стоитъ только сравнить состояніе, въ которомъ они поступаютъ въ Бисетрскую школу, съ тѣмъ, въ которомъ они оставляютъ ее по окончаніи полнаго курса. Поступающіе дѣти и юноши находятся въ полузвѣрскомъ состояніи; съ безсмысленными лицами, съ дикими привычками, они катаются всѣмъ тѣломъ въ теченіе цѣлыхъ дней, издаютъ животные крики, не обнаруживаютъ признаковъ сознанія, питаются собственными изверженіями. И изъ этихъ дикарей, вслѣдствіе разумнаго и неутомимаго ухода за ними, образуются люди съ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній, превышающимъ иногда кругъ элементарнаго образованія, съ посильнымъ сознаніемъ своихъ обязанностей, съ готовностью и умѣньемъ приняться за какое-либо ремесло, чтобы собственнымъ трудомъ добывать свой кусокъ хлѣба. Бывали примѣры, что въ училище поступали юноши, изгоняемые отовсюду за свой дикій нравъ и признанные безнадежными и неисправимыми. Видъ порядка, господствующаго въ училищѣ, кротость обхожденія со стороны воспитателей оказывали на несчастныхъ благотворное вліяніе, пробуждая въ нихъ постепенно сознаніе и нравственное чувство. Буйные и безсмысленные сначала, мало по малу идіоты начинаютъ какъ бы стыдиться своихъ дикихъ выходокъ, и до такой степени обуздываютъ себя, что нѣкоторымъ изъ нихъ поручаютъ даже наблюденіе надъ остальными и даются разныя отличія: въ подражаніе военной дисциплинѣ назначаютъ ихъ сержантами, караульными и т. п.

Умственное образованіе идіотовъ начинается съ того, что они съ трудомъ выучиваютъ свое имя, дни недѣли и различаютъ правую и

Pape-Carpantier, directrice de ce cours. 1866.—La parole rendue aux sourds-muets. Circulaire aux familles et aux médecins, par M. A. *Houdin*. и др.

лѣвую сторону. Въ первомъ классѣ еще не всѣ ученики могутъ отличать правую руку отъ лѣвой, не всѣ знаютъ, что послѣ вторника слѣдуетъ среда, а послѣ четверга пятница. Въ понятіяхъ у нихъ путаница; на вопросъ, что носятъ на ногахъ, отвѣчаютъ: сапоги но если спросить, кто шьетъ сапоги, скажутъ: хлѣбникъ, и т. п. Во второмъ и особенно въ третьемъ классѣ достигается возможная степень развитія и успѣховъ: имъ преподаются начальныя основанія грамматики, исторіи, геометріи; они пишутъ по диктовкѣ съ соблюденіемъ всѣхъ тонкостей правописанія; чертятъ географическія карты и съ большою легкостью рѣшаютъ геометрическія задачи. По разнымъ предметамъ составлены для идіотовъ рукописные учебники самые краткіе, отъ трехъ до двѣнадцати небольшихъ страницъ крупнаго письма, всего короче по исторіи, всего пространнѣе по геометріи. Весь курсъ исторіи Франціи ограничивается перечнемъ французскихъ государей, изъ которыхъ выбраны самые замѣчательные, числомъ 21, а именно: Фарамонъ, Кловисъ, Дагоберъ, Хильдерикъ, Пепинъ Короткій, Карлъ Великій, Гугонъ Капетъ, Людовикъ IX, Филиппъ IV, Карлъ VII, Людовикъ XI, Францискъ I, Карлъ IX, Генрикъ III, Генрикъ IV, Людовикъ XIV, Людовикъ XVI, Наполеонъ I, Людовикъ XVIII, Карлъ X и Людовикъ-Филиппъ. Въ перечнѣ обозначено время правленія каждаго государя и общее число представителей каждой династіи. Курсъ грамматики состоитъ изъ замѣтокъ о произношеніи и употребленіи нѣкоторыхъ буквъ (e, y, h) и о частяхъ рѣчи съ таблицею наиболѣе употребительныхъ предлоговъ и нарѣчій. Самый подробный, сравнительно съ другими, курсъ геометріи изложенъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ — о линіяхъ, углахъ, треугольникахъ, кругѣ, многоугольникахъ и ихъ различныхъ формахъ; отвѣты состоятъ изъ однихъ опредѣленій, и примѣры попадаются только какъ исключеніе въ родѣ того, что трубы у печей и каминовъ имѣютъ форму цилиндра, и т. п. [1]).

Учебники выучиваются обыкновенно слово въ слово, но не безсознательно, что доказывается объясненіями, которыя даютъ воспитанники на различные вопросы. Степень сообразительности ихъ видна изъ тѣхъ измѣненій и прибавокъ, которыя дѣлаютъ они иногда при отвѣтахъ по учебнику, руководствуясь тѣмъ или другимъ личнымъ впечатлѣніемъ. На вопросъ учителя, что такое исторія, предложенный въ присутствіи русскаго посѣтителя, одинъ изъ идіотовъ отвѣчалъ:

---

[1]) Notions de grammaire; Notions de géométrie; Notions d'histoire de France, par *Deleporte*, instituteur à l'hospice de Bicêtre.

„Исторія есть разказъ о достопамятныхъ событіяхъ; каждая страна, каждый народъ имѣетъ свою исторію, такимъ образомъ есть исторія Франціи, исторія Англіи, исторія Испаніи, *исторія Россіи*, и т. д." Послѣднихъ словъ не было въ учебникѣ, и отвѣчавшій прибавилъ ихъ отъ себя, выразительно и съ осмысленною улыбкою посмотрѣвъ на Русскаго. На вопросъ его о рѣкахъ въ какой-либо изъ странъ Европы, другой ученикъ выбралъ русскія рѣки и распространялся о Волгѣ, указавъ ея устье, пространство, ею орошаемое, рѣки, въ нее впадающія и т. п.

Не ограничиваясь дѣтскимъ возрастомъ, министерство народнаго просвѣщенія во Франціи дѣятельно, повидимому, заботится о распространеніи знаній и между взрослыми, не получившими первоначальнаго образованія. Курсы для взрослыхъ открываются повсюду съ необыкновенною быстротою. Сколько можно судить по даннымъ, находящимся на выставкѣ и состоящимъ изъ свѣдѣній, обнародованныхъ министерствомъ просвѣщенія, дѣло народнаго образованія во Франціи приняло въ послѣднее десятилѣтіе такіе размѣры, которые далеко оставляютъ за собою все то, что сдѣлано въ предшествующіе годы:

	Жителей во Франціи.	Учащихся въ начальныхъ школахъ.	То-есть, на 1.000 жит.
Въ 1832 году . . .	32.560.934	1.935.624	59
„ 1847 „ . . .	35.400.486	3.530.135	99
„ 1863 „ . . .	37.382.225	4.336.368	116

Въ теченіе шестнадцати лѣтъ, съ 1847 по 1863 годъ, открыто 8.566 школъ и учащихся прибыло 806.233, слѣдовательно, среднимъ числомъ около 50.000 въ годъ.

Въ 1863 году не было школъ въ 818 общинахъ, а въ началѣ 1866 года — только въ 694, хотя учреждено 38 новыхъ общинъ, слѣдовательно, въ теченіе двухъ лѣтъ открыты школы въ 162 общинахъ. Въ эти два года число заведеній для первоначальнаго образованія увеличилось до 1.064. Число безплатныхъ школъ быстро возрастаетъ:

Въ 1863 году, элемент. даров. школъ 4.929; учащ. въ нихъ 643.072
„ 1865 „ „ „ „ 5.250 „ „ „ 662.340
Въ 1866 г. 5.550 школъ, слѣдов. 621-ю болѣе, чѣмъ въ 1863 году.

Но эти, съ виду блестящія, цифры, говорящія о громадныхъ будто-бы успѣхахъ просвѣщенія во Франціи, растущаго не по днямъ,

а по тысячамъ, не могутъ быть приняты за несомнѣнное доказательство его дѣйствительнаго движенія. При всемъ желаніи администраціи округлить цифры и сгладить непріятное впечатлѣніе, производимое дефицитомъ учащихся, оказывается, что около 600.000 дѣтей того возраста, который опредѣляется обыкновенно для посѣщенія школъ (отъ 7 до 13-ти лѣтъ), лишены всякаго образованія. Школы посѣщаются преимущественно дѣтьми 6—11-ти лѣтъ, и притомъ въ высшей степени неисправно. Около трети дѣтей остаются въ школѣ не болѣе полугода, и для многихъ и весьма многихъ пребываніе въ ней не приноситъ ни малѣйшей пользы. По офиціальнымъ показаніямъ, изъ 657.401 выпедшихъ изъ школъ въ 1863 году, только 395.398, то-есть, 60% умѣли читать и писать и знали счетъ; остальные же 262.006, то-есть, 40% безполезно потеряли время, вынеся изъ школы самыя ничтожныя свѣдѣнія, которыя весьма скоро забудутся.

Между тѣмъ потребность въ первоначальномъ образованіи, въ повсемѣстномъ распространеніи грамотности, чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Съ одной стороны заявляли свои требованія тѣ начала, которыя уцѣлѣли еще въ обществѣ какъ разсѣянные слѣды памятнаго для Франціи и для всей Европы „вѣка просвѣщенія“. Съ другой стороны существующій порядокъ вещей заставлялъ такъ или иначе выказывать заботы объ уничтоженіи безграмотности и невѣжества.

Вторая имперія любитъ, какъ извѣстно, указывать на либеральныя начала 1789 года какъ на завѣтъ, полагаемый ею въ основу дѣйствій ея во внутреннемъ управленіи страною. Въ угоду главѣ правительства, въ офиціальныхъ актахъ сближаютъ распоряженія Наполеона III съ идеями вождей умственнаго и соціальнаго движенія во Франціи. Въ одной изъ своихъ рѣчей Мирабо сказалъ: „Люди, не желающіе, чтобы крестьяне умѣли читать и писать, находятъ выгоднымъ для себя держать ихъ въ невѣжествѣ; но эти господа забываютъ, что человѣкъ, оставленный въ состояніи безсмысленнаго животнаго, весьма легко можетъ превратиться въ хищнаго звѣря. Безъ просвѣщенія нѣтъ нравственности“ и т. д. По словамъ Наполеона III и его министровъ, призваніе правительства состоитъ въ облагороженіи народа посредствомъ образованія, въ которомъ заключается лучшій залогъ общественнаго порядка и благосостоянія. Съ тѣхъ поръ какъ Франція стала страною всеобщей подачи голосовъ — suffrage universel, правительство признало нужнымъ заявить, что suffrage долженъ быть въ полномъ смыслѣ слова universel, то-есть, чтобы всякій могъ принять непосредственное участіе въ актѣ избранія письменною подачею голоса: каж-

дый гражданинъ долженъ знать грамоту, подобно тому, какъ каждый долженъ платить подати и отбывать воинскія повинности и т. п.

Наиболѣе дѣйствительными средствами для приведенія въ исполненіе мысли о всеобщемъ распространеніи грамотности французское министерство народнаго просвѣщенія считаетъ обязательность обученія и классы для взрослыхъ.

Обязательное ученіе принимается въ томъ смыслѣ, что каждое дитя обязано не только поступить въ школу, но и пробыть въ ней въ теченіе всего, опредѣленнаго закономъ, времени. Доводы министерства народнаго просвѣщенія опираются на историческихъ данныхъ, на примѣрѣ иностранныхъ державъ и отчасти на общественномъ мнѣніи. Самые энергическіе противники обязательности обученія утверждаютъ, что она есть посягательство на личную свободу, такъ что настойчивое требованіе со стороны правительства неминуемо раздражитъ массу, которая и безъ того расположена во Франціи къ разнаго рода вспышкамъ и революціоннымъ движеніямъ. Отстраняя это возраженіе, министерство говоритъ: при нашемъ либеральномъ правительствѣ каждому предоставляется право посылать дѣтей своихъ въ любую школу по собственному выбору, или и вовсе не отдавать ихъ въ школу, если родители имѣютъ возможность дать дѣтямъ домашнее воспитаніе; обязательность состоитъ единственно въ томъ, что всѣ безъ исключенія должны умѣть читать, писать и считать.

Противъ обязательности обученія приводятъ и другіе доводы: физическую невозможность, при настоящемъ состояніи школъ, помѣстить въ нихъ всѣхъ дѣтей опредѣленнаго возраста; нравственный вредъ отъ присутствія въ училищѣ всѣхъ безъ исключенія дѣтей, и въ томъ числѣ всѣхъ испорченныхъ и неисправимыхъ; ущербъ бѣднымъ семействамъ, которыя должны лишать себя на нѣсколько лѣтъ необходимыхъ рабочихъ силъ, и т. п. Опроверженія въ такомъ родѣ. Невозможность повсемѣстной обязательности, существующая въ настоящую минуту, уничтожится современемъ съ усиленіемъ финансовыхъ средствъ, и исполненіе закона можетъ быть отсрочено до появленія благопріятныхъ, въ матеріальномъ отношеніи, обстоятельствъ. Ученики, присутствіе которыхъ положительно вредно для ихъ товарищей, могутъ быть немедленно удаляемы изъ училища; но такія печальныя случайности не могутъ стѣснять требованія закона въ отношеніи къ народному образованію, подобно тому, какъ опасеніе побѣговъ не мѣшаетъ же составленію уставовъ о военной службѣ и повинностяхъ.

Возраженіе, направленное противъ тѣхъ, которые видятъ въ обя-

зательности насильственное уменьшеніе рабочихъ силъ въ семьѣ, имѣетъ
для Россіи наиболѣе интереса по связи его съ тѣмъ, что слышится
повсюду въ нашихъ народныхъ училищахъ при вопросѣ о малочис-
ленности учащихся и объ ихъ преждевременной убыли. Аргументація
французскаго министерства такова. Идея о безусловныхъ правахъ ро-
дителей надъ дѣтьми — jus utendi et abutendi — есть идея языческая
и ложная. Преждевременное пользованіе источникомъ благосостоянія
также преждевременно и притомъ безвозвратно его истощаетъ. Правда,
дитя, которое смотритъ за коровою, пока отецъ и мать его работаютъ
въ полѣ, или которое посылается рвать траву и собирать топливо,
воротится домой не съ пустыми руками; но этотъ ничтожный зара-
ботокъ лишаетъ многихъ выгодъ въ будущемъ, и ребенокъ-пастухъ,
достигнувъ совершеннолѣтія, оказывается слабымъ и неразвитымъ въ
умственномъ отношеніи, едва способнымъ къ исполненію самыхъ гру-
быхъ физическихъ работъ. А если бы работникъ поставленъ былъ
воспитаніемъ въ возможность получать за свой трудъ лучшее возна-
гражденіе, онъ могъ бы съ избыткомъ возвратить состарѣвшимся ро-
дителямъ все то, чѣмъ пользовался отъ нихъ во время своего дѣтства.
Сыновняя любовь — не столько голосъ крови, сколько чувство и со-
знаніе жертвъ, принесенныхъ отцомъ для улучшенія будущей судьбы
сына. Господствующая система дѣйствуетъ дурно на семью: она по-
творствуетъ беззаботности отца, вмѣсто того чтобы пріучать его къ
бережливости, порядку, предусмотрительности; для огражденія сво-
боды и произвола отца она жертвуетъ свободою сына, ибо обязан-
ность родителей отдавать въ ученіе дѣтей была бы для послѣднихъ
освобожденіемъ отъ самаго тяжелаго рабства — невѣжества и его
спутниковъ: бѣдности и пороковъ. Есть много семействъ до того бѣд-
ныхъ, что имъ чрезвычайно тяжело отказаться отъ труда ребенка,
добывающаго себѣ свою долю скуднаго пропитанія. Но законъ, обя-
зывающій посылать дѣтей въ школу, долженъ войдти въ положеніе
такихъ семействъ и помочь бѣднякамъ черезъ посредство благотво-
рительныхъ обществъ или же учрежденіемъ училищныхъ кассъ, ко-
торыя такъ хорошо идутъ въ Германіи и Швейцаріи. Въ нѣкоторыхъ
швейцарскихъ кантонахъ назначена даже премія бѣднымъ людямъ,
дѣти которыхъ исправно посѣщаютъ школу, и т. д.

Образованіе *дѣтей* обезпечиваетъ, въ умственномъ отношеніи,
только будущность народа, но въ настоящемъ, удѣломъ его остава-
лось по прежнему невѣжество. Для уничтоженія его, для распро-
страненія грамотности и знаній въ современномъ поколѣніи рабочаго

классовъ, учреждаются такъ называемые классы для взрослыхъ — les classes d'adultes, посѣщаемые съ большою ревностью. Въ послѣднее время насчитывалось до тридцати тысячъ подобныхъ классовъ въ различныхъ мѣстностяхъ, и число посѣщающихъ классы простиралось до шести сотъ тысячъ лицъ разныхъ возрастовъ, отъ юношескаго до старческаго. Одинъ восьмидесятилѣтній старикъ сталъ учиться грамотѣ, чтобы быть въ состояніи подписаться на брачномъ контрактѣ своей внучки. Многіе изъ слушателей вносятъ за себя плату, но большинство обучается безвозмездно. Нѣкоторые изъ нихъ выучились только читать, другіе — читать и писать, а весьма многіе, сверхъ элементарнаго образованія, пріобрѣли свѣдѣнія въ географіи, исторіи, естественныхъ наукахъ, землемѣріи, геометріи, прикладной ариѳметикѣ и бухгалтеріи, обучаясь также рисованію и пѣнію. Всего болѣе посѣщались уроки по землемѣрію и геометріи, всего менѣе — по естественнымъ наукамъ. Пѣнію обучаются съ большою охотою, и въ часы досуга пѣніе рѣшительно предпочитаютъ гимнастикѣ, къ которой обнаруживается постоянное и повсемѣстное во Франціи нерасположеніе.

Число грамотныхъ въ народѣ обнаруживается изъ вѣдомостей о рекрутскомъ наборѣ и изъ книгъ, въ которыя вписываются брачные контракты. Въ 1838 году изъ призванныхъ къ тиражу для поступленія въ военную службу около половины не умѣли ни читать, ни писать. Въ 1865 году при рекрутскомъ наборѣ оказалось безграмотныхъ не болѣе четверти изъ общаго числа призванныхъ къ тиражу. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1866 году, среднее число безграмотныхъ, вступающихъ въ бракъ, простирается до 34 на 100 для обоихъ половъ вмѣстѣ; порознь же — 25 на 100 для мужескаго и 41 на 100 для женскаго пола. А въ нѣкоторыхъ департаментахъ грамотность такъ мало распространена, что на 100 мужчинъ приходится 67 неграмотныхъ, и изъ 100 женщинъ — 80 не умѣющихъ ни читать, ни писать.

Какъ противодѣйствіе подобному невѣжеству, классы для взрослыхъ составляютъ весьма утѣшительное явленіе въ общественной жизни современной Франціи. Впрочемъ, нельзя забыть при этомъ, что основательнѣйшіе знатоки педагогическаго дѣла, не по слухамъ, а по опыту, отличающіеся сверхъ того независимымъ образомъ мыслей, находятъ, что классы для взрослыхъ, будучи весьма хорошею вещью по идеѣ, въ дѣйствительности не достигаютъ цѣли. Они явились отнюдь не вслѣдствіе единодушнаго желанія общества, а по давленію свыше. Обязанность преподаванія пала большею частью на сельскихъ учителей, которые и безъ того завалены работою, такъ какъ на учи-

телей возлагается обыкновенно должность секретаря сельской ратуши. Касательно другой идеи, проведенной министерствомъ, именно безплатности ученія, замѣчаютъ, что оно повело къ уменьшенію числа учениковъ. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ [illegible] торговая жизнь, стали меньше дорожить школою, рѣже и позже требуемаго срока отдавая въ нее дѣтей. Напротивъ того, заплативъ деньги, крестьяне заставляютъ дѣтей исправно посѣщать школу, чтобы деньги не пропадали даромъ [1]).

Величайшими успѣхами въ дѣлѣ народнаго образованія отличается Германія, и преимущественно ея протестантскія области. Въ Пруссіи число школъ и учащихся обращаетъ на себя вниманіе не только въ отчетахъ, но и въ дѣйствительности. Въ 1858 году элементарныхъ школъ въ Пруссіи было 22.669 и учащихся 2.164.894; слѣдовательно, при тогдашнемъ населеніи страны (14.098.125) на тысячу жителей приходилось учащихся въ двадцати шести округахъ (Regierungs-Bezirke) отъ 114 (Bromberg) до 184 (Oppeln). Число учителей простиралось до 27.231, слѣдовательно, на одного учителя приходилось maximum 125 (Breslau) и minimum 48 (Stralsund) учащихся. Въ 1861 году въ Пруссіи было 24.768 школъ съ 36.768 классами и 35.872 учителей и учительницъ. Изъ общаго числа жителей — 18.476.500 на долю малолѣтнихъ, отъ 5 до 14-ти лѣтъ, обязанныхъ посѣщать школу, приходится 3.090.294: изъ этого числа дѣтей обучалось въ элементарныхъ школахъ 2.875.836, слѣдовательно, изо 100 дѣтей обучалось 93—94. Подробныя историческія и статистическія свѣдѣнія о состояніи прусскихъ школъ собраны въ книгѣ W. Thilo — Preussisches Volksschulwesen nach Geschichte und Statistik. Gotha. 1867. Книга эта прислана въ прусскую школу на выставку, какъ сочиненіе, служащее самымъ полнымъ и дѣльнымъ пособіемъ для ознакомленія съ

---

[1]) Данныя о числѣ школъ и учащихся, объ отношеніи грамотныхъ къ общему числу жителей, объ обязательномъ обученіи, о классахъ для взрослыхъ и т. п. находятся въ слѣдующихъ, расположенныхъ во французскомъ отдѣлѣ выставки, изданіяхъ министерства народнаго просвѣщенія:

Statistique de l'instruction primaire pour l'année 1863. Situation au 1-r janvier 1864. Paris. 1865.

Statistique de l'instruction primaire au 1-r janvier 1866. Paris. 1867.

Statistique des classes d'adultes. Situation au 1-r janvier 1866.

Annexe à la statistique de l'instruction primaire. Dégrés d'instruction des adultes. Écoles primaires communales gratuites. Paris. 1866.

Enseignement secondaire spécial. Décrets, arrêtés, programmes et documents relatifs à l'exécution de la loi du 21 juin 1865. Paris. 1865. и др.

историческимъ ходомъ и современнымъ состояніемъ народнаго образованія въ Пруссіи.

Что касается Франціи, то вопросъ о народномъ образованіи (судя по даннымъ, представленнымъ выставкою), не ограничиваясь педагогическою сферою, получаетъ оттѣнокъ соціальный, а до нѣкоторой степени даже и политическій. Особенно важное значеніе придаютъ способу преподаванія французскаго языка, ожидая отъ введенія правильной методы самыхъ счастливыхъ результатовъ въ политическомъ отношеніи, именно, образованія прочнаго государственнаго единства и окончательнаго истребленія туземнаго языка въ тѣхъ областяхъ, принадлежащихъ Франціи, которыя не утратили еще своей народности. Введенія французскаго языка не только въ школу, но и въ церковь, то-есть, чтобы проповѣди говорились по-французски въ мѣстахъ, гдѣ исключительно нѣмецкое населеніе, требуютъ органы печати, даже самые либеральные и прогрессивные.

Во Франціи число не знающихъ французскаго языка весьма значительно: по самому скромному исчисленію насчитывается болѣе четырехъ милліоновъ жителей, не говорящихъ по-французски, и до десяти милліоновъ, употребляющихъ мѣстныя нарѣчія, болѣе или менѣе удаляющіяся отъ литературнаго и государственнаго языка. Въ восточныхъ департаментахъ преобладаетъ языкъ нѣмецкій, и народъ инстинктивно вооруженъ противъ французскаго языка, который слыветъ тамъ подъ именемъ le welsche des messieurs. Въ понятіяхъ народа французскій языкъ представляется тождественнымъ съ французскимъ духомъ, и въ Эльзасѣ между крестьянами въ ходу мнѣніе, что они останутся вѣрными своему долгу, будутъ вести честную и трудолюбивую жизнь и сохранятъ преданность своей родинѣ до тѣхъ поръ, пока сумѣютъ защитить себя отъ наплыва французскаго языка и „французскаго духа“. Даже тѣ изъ мѣстныхъ жителей, которые много лѣтъ занимаютъ общественныя должности, не знаютъ и не хотятъ знать французскаго языка, и это влечетъ за собою послѣдствія иногда забавныя, иногда же печальныя и возмутительныя. На запросъ администраціи о числѣ увѣчныхъ, умалишенныхъ и т. п., сельскій старшина отмѣтилъ въ рубрикѣ кретиновъ: мы всѣ кретины — crétins, nous le sommes tous, смѣшивая слово crétiens съ словомъ chrétiens — христіане. Приказъ объ отрѣшеніи мера отъ должности — le maire est suspendu de ses fonctions, былъ однажды понятъ такимъ образомъ, что мера надо повѣсить: suspendu — aufgehängt, и т. д. Но гораздо чаще незнаніе французскаго языка бываетъ причиною большихъ непріятностей и даже несчастій. Люди

достойные, пользующіеся общимъ и справедливымъ уваженіемъ гражданъ, теряютъ мѣста и состояніе вслѣдствіе незнанія французскаго языка. Кары, постигающія ихъ, сопровождаются явленіями, описаніе которыхъ, даже офиціальное, такъ и просится въ драму или политическую сатиру о бѣдствіяхъ народовъ, къ которымъ Французы относились враждебно: здѣсь есть и малодушные старики, падающіе жертвою своего несчастія, и женщины, умирающія на мѣстѣ или лишающіяся разсудка на цѣлую жизнь при извѣстіи о вопіющей несправедливости, поразившей главу семейства и общины, и т. п. Новобранцевъ, не знающихъ французскаго языка, подвергаютъ строгому наказанію за непониманіе команды: по недѣлямъ держатъ ихъ подъ арестомъ, заставляя выщипывать руками траву, пробивающуюся между мостовой, и вообще налагая самыя трудныя и тяжелыя работы. И не только строгіе исполнители военной дисциплины, но и представители образованности, литераторы и ученые, прибѣгаютъ иногда къ насилію для распространенія французскаго языка. Одинъ изъ извѣстныхъ натуралистовъ, отправившись ботанизировать въ мѣстности, занимаемой не говорящимъ по-французски населеніемъ, замѣтилъ надпись: Verbotener Weg. „Мы во Франціи—воскликнулъ онъ,—и потому только тѣ запрещенія имѣютъ законную силу, которыя написаны по-французски“. На этомъ основаніи онъ пошелъ именно по той дорожкѣ, къ которой относилась надпись. Сторожа, напоминавшаго ему о надписи, онъ прибилъ палкою, приговаривая: „вотъ что научитъ васъ по-французски!“ Меръ потребовалъ пени, установленной за нарушеніе законнаго требованія; послѣ долгаго сопротивленія натуралистъ заплатилъ десять франковъ; но по возвращеніи въ Страсбургъ разсказалъ обо всемъ префекту, и префектъ немедленно удалилъ мера отъ должности, хотя послѣдній поступилъ совершенно согласно съ положительнымъ требованіемъ закона.

Какъ администрація, такъ и общество французское стремилось и стремится къ подавленію чужой народности, обитающей въ предѣлахъ Франціи. Духъ времени измѣнялъ только средства, или точнѣе сказать, внѣшніе пріемы, съ которыми приступали къ исполненію любимой мысли. Во времена революціи обнаружена была безпощадная ненависть къ лицамъ и областямъ, не усвоившимъ себѣ французскаго языка. Представители страны требовали изгнанія изъ Франціи всѣхъ не говорящихъ по-французски и даже грозили имъ гильйотиною; самое умѣренное предложеніе заключалось въ томъ, чтобы выслать внутрь страны все населеніе Эльзаса и замѣнить его соотвѣтствующимъ чис-

семь лицъ изъ природныхъ Французовъ. Изданъ былъ декретъ, по которому всякій неженатый мужчина и всякая незамужняя женщина обязаны были выучиться по-французски непремѣнно въ теченіе шести мѣсяцевъ. Та же самая мысль о необходимости истребленія во что бы то ни стало туземнаго языка въ областяхъ, подвластныхъ Франціи, высказывалась, хотя и въ иныхъ формахъ, много разъ впослѣдствіи. Со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы, что французская пропаганда не должна полагать оружія до тѣхъ поръ, пока повсюду, на всемъ пространствѣ Французской имперіи, французскій языкъ не сдѣлается языкомъ общества, семейства и религіи.

Преподаваніе нѣмецкаго языка хотя и допускается въ народныхъ училищахъ нѣмецкаго населенія, но въ объемѣ самомъ умѣренномъ, какъ печальная необходимость. Нѣмецкій языкъ терпимъ въ школахъ на столько, на сколько онъ безвреденъ для распространенія французскаго языка. По мнѣнію писателей, наименѣе враждебныхъ нѣмецкой народности, занятія въ школѣ нѣмецкимъ языкомъ должны ограничиваться обученіемъ чтенію и письму, не болѣе. Переводы съ французскаго языка на нѣмецкій отвергаются какъ безполезное упражненіе, посредствомъ котораго можно скорѣе научиться нѣмецкому, нежели французскому языку. Переводы съ нѣмецкаго на французскій допускаются только въ случаѣ полнаго знакомства учениковъ съ французскимъ разговорнымъ языкомъ: иначе переводящій, стараясь сохранить особенности подлинника, пріучится къ складу рѣчи и оборотамъ, не свойственнымъ французскому языку.

Ревностные поборники распространенія французскаго языка совѣтуютъ въ преподаваніи его предпочитать методу практическую, слѣдуя отчасти примѣру Итальянцевъ. На педагогическомъ съѣздѣ въ Миланѣ приняты были слѣдующія рѣшенія: 1) изгнать изъ школъ всѣ мѣстные говоры за единственнымъ исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда особенности эти неизбѣжны при объясненіяхъ наставниковъ съ своими питомцами; 2) начинать съ обученія разговорному языку посредствомъ устной бесѣды и заучиванья словъ, оставляя грамматику на дальнѣйшее время для учениковъ болѣе взрослыхъ и желающихъ продолжать свое образованіе. Французскіе педагоги утверждаютъ, что первая обязанность наставника въ отношеніи ко ввѣреннымъ ему дѣтямъ состоитъ въ томъ, чтобы говорить съ ними по-французски и внимательно слѣдить, чтобъ и дѣти говорили между собою не иначе, какъ по-французски. Различные пріемы употребляются для достиженія желаемой цѣли. Дѣтей раздѣляютъ на группы и заставляютъ ихъ раз-

говариваютъ между собою. Сперва собесѣдники парами ведутъ дѣло, но на помощь имъ является учитель, направляетъ разговоръ, поддерживаетъ его, и затѣмъ переходитъ къ другой группѣ, къ третьей и т. д. Ученикъ, наиболѣе владѣющій французскимъ языкомъ, становится передъ своими товарищами; они осыпаютъ его вопросами; отвѣты даютъ поводъ къ новымъ вопросамъ, и въ классѣ происходитъ оживленная бесѣда между учениками и т. п. Таковы, въ общихъ чертахъ, мѣры, употребляемыя для распространенія французскаго языка въ тѣхъ мѣстностяхъ Франціи, въ которыхъ до сихъ поръ сохраняется въ устахъ народа языкъ туземный [1]).

Въ заключеніе предложеннаго обзора упомяну о главнѣйшихъ наградахъ по восемьдесятъ девятому классу на всемірной выставкѣ. Первоначальное распредѣленіе наградъ происходило въ международныхъ коммиссіяхъ экспертовъ, но оно подверглось весьма значительному измѣненію въ центральной коммиссіи по выставкѣ, вице-президентомъ которой былъ государственный министръ. Награды раздѣлены на четыре разряда, смотря по достоинству выставленныхъ предметовъ: золотыя медали, серебряныя медали, бронзовыя медали и почетные отзывы.

Золотыя медали, числомъ десять, присуждены почти исключительно министрамъ тѣхъ странъ, изъ которыхъ наиболѣе предметовъ прислано на выставку: министру народнаго просвѣщенія во Франціи—за неутомимые труды и заботы о развитіи первоначальнаго образованія; министру внутреннихъ дѣлъ во Франціи — за образцовое устройство заведеній для слѣпыхъ въ Парижѣ и для глухонѣмыхъ въ Парижѣ и Бордо; министрамъ: прусскому, австрійскому, бельгійскому, итальянскому и королевской шведской коммиссіи — за собраніе учебныхъ пособій и образцы сельскихъ школъ и т. д.

Изъ сорока серебряныхъ медалей двадцать четыре достались на долю Франціи, изъ остальныхъ всего болѣе пришлось на долю Италіи (пять) и Англіи (четыре). Серебряныя медали присуждены обществамъ, существующимъ въ разныхъ странахъ для распространенія умственнаго и нравственнаго образованія, заведеніямъ для слѣпыхъ и глухо-

---

[1]) La langue française dans les départements de l'est ou Des moyens et des méthodes à employer pour propager la langue nationale dans les parties de l'Alsace et de la Lorraine où l'idiome allemand est encore en usage, par I. Wirth. Paris. 1867.

нѣмыхъ, издателямъ учебныхъ книгъ и изобрѣтателямъ приборовъ, необходимыхъ для преподаванія.

Общества, представившія изданныя ими книги, учебныя пособія и принадлежности школъ, и получившія медали, слѣдующія:

Въ Англіи: Society for promoting christian knowledge. — Sunday School Union. — Home and Colonial School Society.

Въ Испаніи: Junta de damas de Madrid.

Во Франціи: Société pour l'instruction élémentaire. — Société pour l'encouragement de l'instruction primaire parmi les protestants.

По трудамъ въ усовершенствованіи и успѣшномъ примѣненіи методъ, употребляемыхъ при обученіи слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, признаны заслуживающими серебряной медали: заведеніе для слѣпыхъ и заведеніе для глухонѣмыхъ, учрежденныя въ Миланѣ, а также: *Vaïsse* (Paris, rue Saint-Jacques, 254, — tableaux de procédés pédagogiques pour les sourds-muets), *Grosselin* (Paris, rue Serpente, 25, — Méthode pour les sourds-muets) и др. О послѣднихъ мы подробно говорили въ нашемъ обозрѣніи.

Важныя заслуги по составленію учебниковъ и по введенію вѣрной и разумной методы въ преподаваніи признаны за Ламбрускини (Lambruschini — Guida dell'educatore) въ Италіи и Мишелемъ (Michel) во Франціи. Между издателями учебныхъ книгъ и пособій отличены: Paravia въ Италіи и Hachette и Delagrave во Франціи. Hachette пользуется болѣе громкою извѣстностью, но Delagrave издаетъ книги съ болѣе добросовѣстнымъ выборомъ и притомъ преимущественно педагогическія.

Изъ учебныхъ пособій и приборовъ признаны наиболѣе замѣчательными и награждены серебряною медалью: географическія карты Жерве (Gervais — atlas et feuilles collées sur châssis) во Франціи и Менцера (von Mentzer) въ Швеціи, а равно и —

Daléchamps (Paris, rue Friant, 19) — Tableaux du système métrique.

Larochette et Bonnefont (Paris, rue d'Enfer 126 et rue du Faubourg-Poissonière 139) — Globe terrestre.

Bernard (Paris, rue du Faubourg-Saint-Martin 57) — Mouvement des corps célestes, machine de cuivre, и др.

М. Сухомлиновъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

По вопросу о томъ, Эразмову или Рейхлинову произношенію слѣдуетъ дать предпочтеніе въ преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ. — Открытіе засѣданій совѣта въ С.-Петербургскомъ университетѣ. — Распоряженія по С.-Петербургскому университету относительно повѣрочныхъ и переводныхъ испытаній. — Возведенія въ ученыя степени.

Въ августовской и сентябрьской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (Соврем. Лѣт. стр. 196 и 316) мы сообщили мнѣнія историко-филологическихъ факультетовъ двухъ университетовъ — Новороссійскаго и св. Владиміра, о томъ, какому произношенію, Эразмову или Рейхлинову, надлежитъ дать предпочтеніе въ преподаваніи греческаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. Нынѣ мы имѣемъ подъ руками мнѣнія по этому предмету историко-филологическихъ факультетовъ остальныхъ нашихъ университетовъ, которыя главнымъ образомъ заключаются въ слѣдующемъ. По мнѣнію историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, въ гимназіяхъ должно дать предпочтеніе тому произношенію греческаго языка, которое безспорно облегчаетъ изученіе формъ, то-есть, Эразмову. Изученіе же новогреческаго (Рейхлинова) произношенія, при знаніи языка, не представляетъ никакихъ трудностей. При мнѣніи историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета приложена особая записка доцента *Люгебиля*, въ которой приводится слѣдующій фактъ не въ пользу Рейхлинова произношенія. „Аѳинскій университетъ ежегодно раздаетъ премію за лучшее сочиненіе въ стихахъ, представленное въ университетъ въ теченіе года. Я разъ имѣлъ случай прочесть отчетъ университета о присужденіи преміи, и въ этомъ отчетѣ меня сильно поразило то обстоятельство, что при разборѣ пред-

ставленныхъ сочиненій обращалось особенное вниманіе на правописаніе. Рѣдкое изъ представленныхъ сочиненій было удовлетворительно въ этомъ отношеніи. Это обстоятельство показываетъ, какія затрудненія представляетъ даже самимъ Грекамъ разладъ между древнимъ правописаніемъ и фонетическимъ характеромъ новогреческаго языка. Какъ же можно ожидать, чтобъ этотъ разладъ не затруднялъ изученія греческаго языка въ нашихъ гимназіяхъ?" По мнѣнію историко-филологическаго факультета Московскаго университета, Эразмово произношеніе правильнѣе и въ педагогическомъ отношеніи удобнѣе; но такъ какъ въ гимназіяхъ въ настоящее время есть учителя греческаго языка, которые произносятъ только по-Рейхлиновски, и учителя очень хорошіе, и такъ какъ они не могутъ уже переучиться въ произношеніи, то факультетъ полагаетъ оставить пока выборъ того или другаго произношенія на благоусмотрѣніе учителей. Въ упомянутой выше запискѣ г. доцента Люгибеля мы нашли замѣчаніе, имѣющее отношеніе къ мнѣнію историко-филологическаго факультета Московскаго университета. „Въ тѣхъ гимназіяхъ, говоритъ г. Люгебиль, въ которыхъ греческій языкъ преподается въ различныхъ классахъ различными учителями, выборъ системы произношенія не слѣдуетъ предоставлять отдѣльнымъ учителямъ. Въ противномъ случаѣ, можетъ случиться, что одни и тѣ же ученики будутъ читать по-гречески въ одномъ классѣ по одной системѣ, а въ другомъ — по другой; а это не можетъ не мѣшать успѣшному изученію языка. Поэтому, во всякомъ случаѣ, выборъ системы произношенія греческаго языка должно предоставить не отдѣльнымъ учителямъ, а педагогическому совѣту гимназій". Историко-филологическіе факультеты Харьковскаго и Казанскаго университетовъ также отдаютъ предпочтеніе Эразмову произношенію, и при этомъ первый замѣчаетъ, что въ 3-мъ классѣ, гдѣ начинается преподаваніе греческаго языка для учениковъ, вообще еще мало развитыхъ, гораздо легче имъ научиться различать выговоромъ различныя гласныя и двугласныя буквы, нежели произносить совершенно одинаково столь многія буквы различнаго начертанія. Поэтому они скорѣе выучатся правильно читать по Эразму, чѣмъ по Рейхлину; при диктовкѣ же учителемъ греческихъ словъ они несравненно рѣже будутъ дѣлать ошибки въ правописаніи, совершенно для нихъ неизбѣжныя, ежели они усвоятъ себѣ произношеніе Рейхлина. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они, относительно гласныхъ буквъ, будутъ безпрестанно дѣлать точно такія же ошибки, какія дѣлаются, напримѣръ,

при русской диктовкѣ въ употребленіи буквъ *ѣ* и *е*, и притомъ учитель въ большей части случаевъ не будетъ въ состояніи объяснить имъ, почему въ данномъ словѣ слѣдуетъ поставить такую, а не другую гласную. Историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета, признавая Эразмово произношеніе несравненно болѣе удобнымъ при первоначальномъ преподаваніи греческаго языка, чѣмъ Рейхлиново, полагаетъ однакожъ, что въ двухъ старшихъ классахъ гимназіи слѣдуетъ упражнять учениковъ и въ семъ послѣднемъ произношеніи. Наконецъ, историко-филологическій факультетъ Дерптскаго университета отдаетъ полное предпочтеніе Эразмову произношенію, какъ въ научномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи.

— Открытіе засѣданій совѣта С.-Петербургскаго университета, по окончаніи вакаціоннаго времени, послѣдовало въ текущемъ году 16-го августа. Исправлявшій должность ректора (нынѣ ректоръ *Кесслеръ*), открывъ засѣданіе, довелъ до свѣдѣнія совѣта объ утратахъ въ средѣ преподавателей, которыя университетъ понесъ въ продолженіе вакацій, и прежде всѣхъ упомянулъ о заслуженномъ профессорѣ и ректорѣ А. А. Воскресенскомъ, который Высочайшимъ приказомъ 26-го іюня назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. „Назначеніе это, сказалъ К. Ѳ. Кесслеръ, безъ сомнѣнія, для университета и прискорбно и радостно. Оно прискорбно, потому что въ лицѣ Александра Абрамовича мы потеряли товарища, который около 30-ти лѣтъ служилъ университету вѣрою и правдою, который пользовался почетною извѣстностью какъ ученый и какъ преподаватель и который пріобрѣлъ всеобщее уваженіе усердіемъ, гуманностью и безпристрастіемъ въ исполненіи трудныхъ обязанностей ректора; оно радостно для университета, потому что свидѣтельствуетъ о справедливой оцѣнкѣ заслугъ Александра Абрамовича со стороны правительства и открываетъ для него еще болѣе обширное поприще для полезной дѣятельности". Будучи увѣренъ, что совѣтъ пожелаетъ поддержать и на будущее время по возможности близкія отношенія къ своему бывшему ректору, г. Кесслеръ предложилъ избрать его въ почетные члены университета, что и послѣдовало единогласно въ засѣданіи 5-го сентября; сверхъ того, совѣтъ пожелалъ пріобрѣсти для университета портретъ А. А. Воскресенскаго, съ тѣмъ чтобы помѣстить его въ химической лабораторіи. Затѣмъ г. Кесслеръ упомянулъ объ ординарномъ профессорѣ греческой словесности *И. Б. Штейнманѣ*, который Высочайшимъ приказомъ 4-го іюля назначенъ директоромъ вновь учрежденнаго Историко-филологическаго института. „Для

помѣщенія института, замѣтилъ г. Кесслеръ, отведено зданіе, смежное съ университетомъ, такъ что г. Штейнманъ останется ближайшимъ нашимъ сосѣдомъ. Будемъ желать, чтобы бывшій достойный нашъ товарищъ имѣлъ полный успѣхъ въ устройствѣ новаго заведенія, на которое правительство возлагаетъ такія большія надежды". Потомъ г. Кесслеръ упомянулъ о гг. *Скачковѣ*, *Максимовѣ* и *Гофманѣ*. Преподаватель восточнаго факультета К. А. Скачковъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ занятій при университетѣ по причинѣ назначенія его русскимъ консуломъ въ Китай, а приватъ-доцентъ того же факультета Максимовъ заявилъ о прекращеніи имъ чтенія лекцій по случаю поступленія его на службу при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Доцентъ палеонтологіи Э. И. Гофманъ скончался 30-го мая въ Самарѣ, куда онъ отправился на лѣченіе кумысомъ. Вотъ что сказалъ о немъ г. Кесслеръ: „Въ лицѣ его физико-математическій университетъ понесъ тяжелую и трудно вознаградимую потерю. Покойный Эдуардъ Ивановичъ, въ короткое время своей службы при университетѣ, благороднымъ характеромъ, усерднымъ преподаваніемъ и ученою дѣятельностью снискалъ любовь и глубокое уваженіе, какъ своихъ сослуживцевъ, такъ и своихъ слушателей. Послѣдній его трудъ— „Монографія окаменѣлостей Сѣверскаго остеолита", долженствовавшій служить докторскою его диссертаціей, навсегда сохранитъ имя его въ исторіи русской палеонтологіи. Въ стѣнахъ нашего университета, кромѣ того, останется превосходнымъ памятникомъ ему созданный имъ палеонтологическій кабинетъ, для котораго онъ принесъ въ даръ и свою собственную, драгоцѣнную коллекцію и которому завѣщалъ свою прекрасную библіотеку". По предложенію г. Кесслера, совѣтъ пожелалъ украсить палеонтологическій кабинетъ портретомъ Гофмана и опредѣлилъ, чтобы въ началѣ учебнаго года, въ университетской церкви, была отслужена по покойномъ панихида.

— По С.-Петербургскому университету сдѣланы слѣдующія два распоряженія: 1) Такъ какъ на окончательныя испытанія въ С.-Петербургскихъ и губернскихъ гимназіяхъ округа командированы были особые ассистенты изъ профессоровъ, то посему признано излишнимъ подвергать повѣрочному испытанію тѣхъ изъ молодыхъ людей, желающихъ поступить въ университетъ, которые представятъ аттестаты отъ гимназій, принадлежащихъ къ С.-Петербургскому учебному округу, а также отъ училищъ св. Петра и св. Анны; затѣмъ предоставлено усмотрѣнію начальства университета производить повѣрочныя испытанія воспитанникамъ прочихъ иногородныхъ гимназій, съ тѣмъ чтобъ

особенное вниманіе было обращено на знаніе ими русскаго и латинскаго языковъ; 2) съ будущаго 1868 года, согласно постановленію совѣта, разрѣшено возстановить для всѣхъ студентовъ переводные экзамены для перехода изъ 1-го курса во 2-й.

— Въ текущемъ году, въ Московскомъ университетѣ, въ публичныхъ засѣданіяхъ соотвѣтствующихъ факультетовъ, защищали на ученыя степени: магистръ *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ* — на степень доктора ботаники — диссертацію: „Біологія и исторія развитія головневыхъ“ (29-го мая); кандидатъ *Петровскій* — на степень магистра ботаники — диссертацію: „Критическій взглядъ на семейство нитчатокъ (Confervaceae), по поводу наблюденій надъ размноженіемъ Cladophora macrogyra“ (16-го марта); кандидатъ *Карельщиковъ* — на степень магистра ботаники — диссертацію: „О развитіи и размноженіи гусеницъ на листьяхъ цвѣтковыхъ растеній“ (29-го мая); кандидатъ *Толстопятовъ* — на степень магистра минералогіи и геогнозіи — диссертацію: „О причинахъ гетероморфизма углекислой извести“; лаборантъ *Феррейнъ* — на степень магистра химіи — диссертацію: „Объ азотистой кислотѣ“ (30-го мая); кандидатъ *Дювернуа* — на степень магистра славянской словесности — диссертацію: „Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи“ (8-го іюня); на степень доктора медицины: лѣкарь *Гоцалевичъ* — диссертацію: „О подкожномъ впрыскиваніи хинина въ перемежающихся лихорадкахъ“ (22-го марта); лѣкарь *Мамоновъ* — диссертацію: „О причинѣ эндемической каменной болѣзни“; лѣкарь *Зерновъ* — диссертацію: „О микроскопическомъ строеніи хрусталиковъ“ (5-го мая); лѣкарь *Линденбаумъ* — диссертацію: „О новообразованіяхъ въ гортани“, и лѣкарь *Чериновъ* — диссертацію: „По поводу ученія о сахарномъ мочеизнуреніи“ (26-го мая). Всѣ означенные диспутанты были признаны достойными отыскиваемыхъ ими ученыхъ степеней (*Моск. Унив. Изв.* № 10). Въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ публичномъ засѣданіи физико-математическаго факультета 10-го октября, кандидатъ *Жбиковскій* защищалъ диссертацію: „Объ Эйлеровыхъ интегралахъ“ и удостоенъ степени магистра чистой математики.

ГИМНАЗІИ.

Донесеніе г. профессора Новороссійскаго университета Юргевича о ходѣ обученія въ Кишиневской гимназіи. — Мнѣніе педагогическаго совѣта той же гимназіи объ установленіи постоянныхъ репетицій, замѣняющихъ годичные экзамены. — Пренія въ педагогическомъ совѣтѣ Нижегородскихъ гимназій и

Александровскаго института по вопросу о томъ, какъ пріучить учениковъ къ разумному пользованію учебниками.—Отзывъ бывшаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа о Курской гимназіи и другихъ училищахъ г. Курска.

Въ № 7 *Циркуляра по управленію Одесскимъ учебнымъ округомъ* напечатано извлеченіе изъ донесенія ординарнаго профессора Новороссійскаго университета *Юргевича*, который былъ командированъ въ Кишиневскую гимназію для присутствованія на переводныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ. Г. попечитель Одесскаго учебнаго округа, посылая г. Юргевича въ Кишиневъ, сказалъ ему, что онъ ѣдетъ въ одну изъ лучшихъ гимназій; такое мнѣніе о Кишиневской гимназіи, пріобрѣтенное попечителемъ послѣ лично имъ произведенной ревизіи, по заявленію г. Юргевича, вполнѣ оправдалось результатами испытаній въ текущемъ году. Найдя успѣхи большинства учениковъ по всѣмъ предметамъ удовлетворительными, отвѣты бойкими и отчетливыми, г. Юргевичъ старался вникнуть въ причины, споспѣшествующія столь утѣшительному ходу ученія въ Кишиневской гимназіи, и по этому случаю сообщаетъ въ своемъ донесеніи послѣдствія сдѣланныхъ имъ наблюденій. Но сперва онъ предпосылаетъ нѣсколько словъ о двухъ главныхъ причинахъ малоуспѣшности весьма многихъ изъ учащихся въ нашихъ гимназіяхъ: по мнѣнію г. Юргевича, виною ея, съ одной стороны, программа гимназическаго курса, а съ другой—сами преподаватели. „Признаюсь, говоритъ онъ, я былъ всегда того убѣжденія, что существующая гимназическая программа нисколько не удовлетворяетъ требованіямъ здравой педагогики. Заимствованная изъ Германіи, гдѣ поступающій въ гимназію 10-лѣтній мальчикъ, по крайней мѣрѣ, тремя годами опередилъ нашихъ дѣтей въ развитіи, увеличенная новыми предметами, которымъ въ Германіи или вовсе не учатъ, или учатъ вкратцѣ, сжатая въ 7-лѣтній курсъ вмѣсто германскаго 8-лѣтняго, она представляетъ такую громадную массу знаній, что обыкновенно одни только весьма способныя дѣти въ состояніи ее усвоить, тогда какъ для остальныхъ съ обыкновенными способностями мальчиковъ, не говоря уже о посредственныхъ, она остается тяжелымъ умственнымъ грузомъ, возбуждающимъ сперва недовѣріе къ собственнымъ силамъ, а потомъ отвращеніе къ ученію, за которымъ обыкновенно слѣдуютъ разсѣянность, лѣность, а иногда и умственное притупленіе". „Впрочемъ, говоритъ далѣе г. Юргевичъ, иногда не виновата и программа, а виноваты педагогическіе совѣты гимназій, не обращающіе надлежащаго вниманія на разумное примѣненіе этой программы, въ особенности въ низшихъ классахъ. Самое величайшее

зло въ педагогическомъ отношеніи, которое между тѣмъ бываетъ весьма часто въ нашихъ гимназіяхъ, — это убѣжденіе гг. учителей, что каждый изъ нихъ есть по своему предмету лицо самостоятельное и можетъ, не справляясь о томъ, чему и какъ учатъ его сотоварищи, сообщать дѣтямъ все, заключающееся въ довольно произвольной рамкѣ программы, и по своему методу". ..

За симъ г. Юргевичъ разказываетъ, какъ ведется дѣло обученія въ Кишиневской гимназіи, въ которой приняты педагогическія мѣры къ ограниченію произвола преподавателей и къ исполненію вмѣстѣ съ тѣмъ, по возможности, программы безъ явнаго ущерба для умственныхъ силъ дѣтей.

„Единственно стремясь къ предназначенной цѣли—развитію дѣтей, педагогическій совѣтъ ея строго слѣдитъ за преподаваніемъ. Самостоятельность учителей уступаетъ передъ общимъ планомъ. Въ особенности обращено вниманіе на низшіе классы, гдѣ начинается дѣло умственнаго развитія. Уроки на первыхъ порахъ по возможности назначаются малые, или, лучше сказать, не назначаются, а учителя заботятся о томъ, чтобы дѣти усвоили каждый урокъ въ классѣ. Когда же назначаются уроки для повторенія на дому, то учитель-воспитатель, котораго особому надзору порученъ классъ (такихъ имѣютъ по выбору совѣта всѣ классы), обязанъ смотрѣть, чтобы объемъ ихъ не былъ слишкомъ великъ, и въ случаѣ преувеличенныхъ требованій со стороны какого-нибудь преподавателя, представляетъ ему свои замѣчанія или докладываетъ объ этомъ педагогическому совѣту. Такая мѣра не можетъ не принести весьма ощутительной пользы. Преподаваніе, повидимому, идетъ сначала медленнѣе, дѣти знаютъ меньше, но знаютъ лучше и отчетливѣе. Они привыкаютъ къ умственному труду, безъ насилія для ихъ умственныхъ силъ, развиваются свободнѣе и въ состояніи послѣ идти впередъ быстрѣе. Такимъ образомъ требованіямъ гимназической программы могутъ удовлетворить не одни только геніальные ученики, но и ученики съ обыкновенными способностями, а иногда даже и мальчики послабѣе, которые здѣсь не остаются безъ особаго попеченія директора и инспектора. Замѣтивъ по мѣсячнымъ отмѣткамъ, что мальчикъ учится плохо, они назначаютъ ему репетитора изъ лучшихъ учениковъ старшихъ классовъ и рекомендуютъ его родителямъ ученика за небольшую плату. Такихъ назначаютъ они для слабѣйшихъ учениковъ и передъ экзаменами. Кромѣ этихъ существенныхъ, по моему мнѣнію, педагогическихъ мѣръ, употребляемыхъ въ Кишиневской гимназіи, не малое вліяніе на успѣшный ходъ ученія имѣетъ хорошій методъ многихъ учителей и нравственное значеніе, которымъ пользуются директоръ, инспекторъ и учители въ Кишиневскомъ обществѣ. Уваженіе къ воспитателямъ служитъ всегда вѣрнѣйшею гарантіей успѣховъ воспитанниковъ".

Нельзя не замѣтить, что въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій Одесскаго учебнаго округа, въ теченіе нынѣшняго года, весьма тщательно и разносторонно обсуживались способы для производства повѣрки успѣховъ учащихся, и хотя при этомъ большинство членовъ педаго-

гическихъ совѣтовъ стояло за испытанія, однакожъ не мало высказано было мнѣній и въ пользу репетицій, но при этомъ заявлялось, что репетиціи должны быть производимы не такъ, какъ онѣ производились до сего времени. Вотъ какимъ образомъ полагаетъ производить репетиціи педагогическій совѣтъ Кишиневской гимназіи, обсуждавшій этотъ вопросъ въ засѣданіи 17-го минувшаго іюня: 1) Вмѣсто переводныхъ экзаменовъ и общихъ репетицій въ концѣ учебнаго года, должны быть производимы репетиціи по каждому предмету въ теченіе всего учебнаго года. При этихъ репетиціяхъ учитель постоянно долженъ обращаться ко всему пройденному отъ начала учебнаго года и даже отъ начала предмета; и такимъ образомъ долженъ вести преподаваніе своего предмета такъ, чтобъ его ученики во всякое время, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, могли подвергаться экзамену изъ той части предмета, которая пройдена ими. 2) Контроль со стороны директора и инспектора долженъ быть постояннымъ въ теченіе учебнаго года и долженъ относиться не къ одному отдѣльному уроку, а ко всей части предмета, которая пройдена учителемъ. Классные наставники и учители вообще также имѣютъ право посѣщать уроки своихъ товарищей, въ часы свободные отъ своихъ уроковъ. Недостатки, замѣченные тѣми или другими и касающіеся или способа веденія репетицій, или размѣра уроковъ, или же способа оцѣнки ученическихъ знаній, должны быть устраняемы директоромъ и совѣтомъ немедленно въ продолженіе хода годичныхъ занятій, а не по окончаніи учебнаго года, когда обнаружатся уже на дѣлѣ вредные результаты тѣхъ или другихъ недостатковъ. 3) Учебныя занятія вышеописаннымъ способомъ должны продолжаться до 15-го іюня, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, чтобы въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ было назначено не болѣе какъ по 4 урока, а въ низшихъ 3-хъ классахъ даже и по 3 въ день, по причинѣ сильныхъ жаровъ въ южномъ климатѣ, обыкновенно наступающихъ въ эти мѣсяцы. 4) Къ 15-му іюня всѣ преподаватели обязаны представить въ совѣтъ окончательныя отмѣтки учениковъ. 5) По разсмотрѣніи сихъ отмѣтокъ, совѣтъ назначаетъ учениковъ къ переводу въ высшіе классы, при чемъ руководствуется особыми правилами, которыя изложены въ семи пунктахъ и помѣщены въ протоколѣ совѣта Кишиневской гимназіи. Правила эти имѣютъ цѣлію:

1) Пріучить ученика къ постоянному и правильному труду; ибо только при такомъ трудѣ ученикъ и можетъ получить удовлетворительныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ въ концѣ года. 2) Сообщать

свѣдѣнія ученикамъ такимъ образомъ, чтобъ эти свѣдѣнія были прочны и вполнѣ основательны, а не поверхностны; ибо только такія свѣдѣнія имѣютъ вполнѣ образовательное вліяніе на учащихся. 3) Установить контроль не для того только, чтобы сказать въ концѣ года, что такой-то предметъ преподавался съ тѣми или другими достоинствами или недостатками, но главное для того, чтобы пользуясь въ теченіе года достоинствами преподаванія однихъ преподавателей, можно было устранять недостатки другихъ немедленно, при ихъ проявленіи. 4) Экзаменовать [1]) только тѣхъ учениковъ, которые, пользуясь вакаціоннымъ временемъ, могутъ исправить успѣхи свои по одному и не болѣе какъ по двумъ предметамъ, ибо основательное приготовленіе въ теченіе полутора мѣсяца болѣе чѣмъ по двумъ предметамъ нельзя считать дѣйствительнымъ. 5) Сокративъ время экзаменовъ, и совершенно уничтоживъ переэкзаменовки, увеличить такимъ образомъ время научныхъ занятій учителей съ учениками, и 6) Предлагаемыя правила не могутъ подать повода и къ нареканіямъ со стороны родителей и родственниковъ, подобно правиламъ объ общихъ репетиціяхъ въ концѣ года; ибо всѣ сомнительные ученики будутъ экзаменуемы въ комитетахъ, и есть возможность экзаменовать ихъ, по малому ихъ числу, съ большею осмотрительностью, чѣмъ при обыкновенныхъ переводныхъ экзаменахъ (№ 7 *Цирк. по упр. Одесск. учебн. окр.*).

— Въ засѣданіи соединеннаго педагогическаго совѣта Нижегородскихъ гимназіи и Александровскаго института, происходившемъ 27-го января сего года, былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ, весьма не маловажный въ отношеніи успѣшнаго хода гимназическаго ученья, именно, вопросъ о томъ, „какъ пріучить учениковъ къ разумному пользованію учебникомъ“. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ исправляющимъ должность инспектора Александровскаго института *Шапошниковымъ*. и сколько можно судить по протоколу означеннаго засѣданія (№ 13-й *Цирк. по Казанск. учебн. окр.*), происходившаго подъ предсѣдательствомъ директора училищъ Нижегородской губерніи, въ присутствіи почетнаго попечителя института и 18-ти членовъ, сильно заинтересо-

[1]) На основаніи 4-го пункта помянутыхъ правилъ, ученики, получившіе по одному или по двумъ предметамъ отмѣтку неудовлетворительную при удовлетворительныхъ отмѣткахъ въ остальныхъ предметахъ, должны быть подвергнуты экзамену въ предметахъ съ неудовлетворительными отмѣтками послѣ вакацій въ комитетахъ изъ трехъ лицъ, по назначенію совѣта, и должны быть переводимы въ высшіе классы только по полученіи на экзаменѣ удовлетворительныхъ отмѣтокъ.

валъ присутствующихъ. Въ протоколѣ подробно и обстоятельно изложенъ ходъ преній, въ которыхъ наибольшее участіе принимали г. директоръ училищъ, г. *Шапошниковъ*, г. инспекторъ гимназіи *Овсянниковъ*, гг. учителя гимназіи *Желоменскій* и *Позняковъ* и законоучители гимназіи и института. Если сгруппировать высказанное этими лицами, то мнѣнія ихъ по данному вопросу выражаются слѣдующимъ образомъ. Исправляющій должность инспектора Шапошниковъ считаетъ необходимымъ придерживаться учебника и проходитъ предметъ или, прямо по учебнику или по крайней мѣрѣ такъ, чтобы нить устнаго изложенія была та же, что въ руководствѣ. Испекторъ гимназіи Овсянниковъ поставляетъ близость преподаванія къ изложенію въ учебникѣ въ зависимость отъ удовлетворительности послѣдняго и отъ его соотвѣтствія степени развитія учащихся. Директоръ училищъ заявилъ совѣту, что онъ, вполнѣ сочувствуя мнѣнію г. Шапошникова, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ справедливымъ и мнѣніе г. Овсянникова, и затѣмъ слѣдующимъ образомъ изложилъ свою мысль, какъ бы онъ повелъ дѣло преподаванія въ гимназіи или въ институтѣ вообще относительно употребленія учебниковъ и пріученія къ разумному пользованію ими учениковъ:

„Въ низшихъ классахъ я пользовался бы учебникомъ много и объяснялъ бы предметъ, гдѣ нужно, самъ, а гдѣ можно, съ участіемъ учениковъ, по возможности близко къ руководству; счелъ бы себя обязаннымъ придерживаться руководства, ведя дѣло какимъ бы то ни было путемъ, хотя бы слѣдующимъ: объясняя новый урокъ, напримѣръ, по географіи или исторіи, прежде всего приказалъ бы прочитывать или самъ бы прочиталъ текстъ учебника, ввелъ бы учениковъ въ объясненія трудныхъ въ немъ мѣстъ и непонятныхъ словъ; замѣтивъ неполноту текста, дополнилъ бы его по мѣрѣ необходимости; при всякомъ случаѣ старался бы не упускать изъ виду: 1) наглядныхъ пособій при преподаваніи и 2) самодѣятельности въ работѣ учениковъ. Въ среднихъ классахъ, пріучивъ учениковъ уважительно смотрѣть на учебникъ, какъ на необходимое пособіе при изученіи предмета, и всегда основываясь на степени ихъ развитія, сталъ бы понемногу переходить отъ близкаго придерживанія учебника къ самостоятельности изложенія и предоставлять ученикамъ болѣе самодѣятельно пользоваться учебникомъ. Въ высшихъ классахъ, въ VI и VII (все зависитъ отъ степени развитія учениковъ), излагалъ бы предметъ самостоятельно, придерживаясь программы, и указывалъ бы только на учебникъ, какъ на вспомогательное средство къ возобновленію въ памяти изложенныхъ положеній науки“.

Г. Желоменскій признаетъ нужнымъ, кромѣ слѣдованія учебнику, еще и указаніе ученикамъ способа, какъ они должны приниматься за работу дома при повтореніи уроковъ. Г. Позняковъ полагаетъ не придерживаться крайне близко учебника, чтобы такимъ образомъ не осла-

бить самодѣятельности учащихся. По мнѣнію законоучителя института, при рѣшеніи настоящаго вопроса слѣдуетъ имѣть въ виду относительное достоинство учебниковъ и различіе классовъ. Законоучитель гимназіи полагаетъ, что учитель долженъ держаться руководства не только внутреннимъ, но и внѣшнимъ образомъ. По окончаніи преній, предсѣдательствовавшій директоръ училищъ предложилъ вопросъ: находитъ ли совѣтъ нужнымъ постановить какое-либо заключеніе на основаніи мнѣній, высказанныхъ въ засѣданіи, или удовольствоваться только пользою, какая должна возникнуть для каждаго изъ членовъ совѣта изъ обмѣна взглядовъ на вопросъ, бывшій предметомъ совѣщаній. По поводу этого г. Шалопниковъ предложилъ на усмотрѣніе совѣта слѣдующее заключеніе изложенныхъ совѣщаній: „Каждый преподаватель наканунѣ урока долженъ просмотрѣть надлежащее мѣсто учебника и сообразить, что̀ ему предстоитъ объяснить во время урока и что̀ измѣнить или дополнить. Въ классѣ учитель сперва объясняетъ урокъ безъ всякихъ указаній на учебникъ, и только въ концѣ урока указываетъ на него, объясняя изложенное въ немъ неясно, пополняя пропущенное или исправляя невѣрное и разъясняя, въ случаѣ надобности, какъ ученикамъ приняться за домашнюю подготовку къ слѣдующему уроку. Ставя такъ дѣло объ отношеніи учителя къ учебнику, можно разчитывать, что ученики не будутъ изучать одобренный учебникъ вмѣсто учебнаго предмета". Къ этому предсѣдательствовавшій замѣтилъ, что въ началѣ ли урока учитель обратится къ учебнику, или въ концѣ его, все-таки онъ поведетъ дѣло преподаванія не отдаляясь отъ руководства. Такимъ образомъ совѣтъ закончилъ свои разсужденія по данному вопросу общимъ заключеніемъ, что такъ какъ разумное пользованіе учениками принятымъ учебникомъ основывается главнымъ образомъ на отчетливомъ пониманіи его текста, то и весь успѣхъ пріученія учениковъ къ надлежащему пользованію учебникомъ зависитъ отъ того, на сколько учитель въ преподаваніи своего предмета будетъ придерживаться его и на сколько своими объясненіями сдѣлаетъ его доступнымъ для учащихся. Способъ же объясненія руководства и дѣланія его доступнымъ для учащихся зависитъ отъ тѣхъ частныхъ пріемовъ, которые каждый преподаватель, для достиженія этой цѣли, найдетъ удобнымъ примѣнить къ преподаваемому имъ предмету. Во всякомъ случаѣ, веденіе преподаванія близкое къ учебнику съ объясненіемъ его изложенія въ тѣхъ классахъ, гдѣ это потребуется, съ одной стороны, не допуститъ учащихся къ дословному заучиванію учебника, а съ другой—заставитъ ихъ смот-

рѣть на него какъ на руководительную книгу, или какъ на полезное и необходимое пособіе для усвоенія ими изучаемаго предмета [1]).

— Бывшій попечитель Харьковскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *К. К. Фойхтъ*, въ минувшемъ іюнѣ осмотрѣлъ учебныя заведенія въ гг. Орлѣ и Курскѣ. По этому поводу въ № 12 *Циркуляра* по означенному округу напечатанъ результатъ осмотра. Съ особенною похвалою отзывается г. Фойхтъ о Курской гимназіи, которая уже давно пользуется заслуженною славой одной изъ лучшихъ гимназій округа, и въ заключеніе присовокупляетъ слѣдующее:

„Общій выводъ, какой истекаетъ изъ собранныхъ свѣдѣній, вполнѣ говоритъ въ пользу того духа, которымъ проникнуты всѣ учебныя заведенія г. Курска. Да и въ коллегіальныхъ отношеніяхъ должностныхъ лицъ и во внѣшнемъ видѣ эти заведенія представляютъ рѣдкій примѣръ благоустройства. Важнѣйшая заслуга во всемъ этомъ безспорно принадлежитъ г. директору училищъ Курской губерніи Д. Г. Жаворонкову и помощнику его, г. инспектору А. М. Бѣлозорову. Имъ въ особенности окружное начальство обязано самою полною, искреннею благодарностью. Одно, что можно, въ заключеніе, замѣтить относительно всѣхъ учебныхъ заведеній г. Курска въ сравненіи съ подобными заведеніями другихъ мѣстностей, — это чрезмѣрная уже, быть-можетъ, строгость при оцѣнкѣ успѣховъ въ годичныхъ и экзаменныхъ вѣдомостяхъ: эта строгость не рѣдко пугаетъ робкихъ учениковъ, огорчаетъ родителей и неопытному посѣтителю можетъ дать ложное понятіе объ общей успѣшности учащихся, тогда какъ именно эта успѣшность въ Курскихъ учебныхъ заведеніяхъ стоитъ далеко выше, чѣмъ во многихъ другихъ заведеніяхъ, гдѣ отмѣтки даются съ гораздо большею щедростью, не всегда вполнѣ заслуженною".

НАЧАЛЬНЫЯ НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА.

Второй отдѣлъ циркуляровъ по управленію Виленскимъ учебнымъ округомъ и сообщаемыя имъ свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ Западномъ краѣ. — Состояніе народнаго образованія въ Прилукскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. — Дѣйствія училищныхъ совѣтовъ Смоленскаго и Череповецкаго

[1]) Въ концѣ изложеннаго нами протокола въ *Цирк. по Казанск. учебн. окр.* прибавлено, что «этотъ протоколъ сообщается по учебнымъ заведеніямъ округа для свѣдѣнія и обсужденія, если только педагогическіе совѣты гимназій признаютъ возможнымъ прибавить что-либо къ сообщаемому». Нельзя не пожелать, чтобъ этотъ весьма важный педагогическій вопросъ выработался вполнѣ надлежащимъ образомъ.

скаго. — Открытіе училищныхъ совѣтовъ въ Вятской губерніи. — Дѣйствія Лаишевской земской управы и Лаишевскаго училищнаго совѣта. — Дѣйствія земскихъ собраній Новомосковскаго и Лодейнопольскаго.—Воскресныя школы для взрослыхъ въ Самарской и Гродненской губерніяхъ. — Воскресныя школы при духовныхъ семинаріяхъ Вятской, Московской, Виеанской и Херсонской. — Открытіе начальныхъ училищъ въ губерніяхъ Новгородской и Ярославской и на Дону. — Женскія школы въ Ставрополѣ, въ Кіевѣ и въ Москвѣ.

Съ іюля мѣсяца нынѣшняго года, дѣло начальнаго народнаго образованія въ Сѣверо-западномъ краѣ имѣетъ исключительно посвященный ему органъ. Это 2-й отдѣлъ циркуляровъ по управленію Виленскимъ учебнымъ округомъ. Г. попечитель этого округа, признавшій необходимымъ издавать циркуляръ въ двухъ отдѣлахъ, изъ коихъ во второмъ предположено помѣщать распоряженія, относящіяся къ училищамъ вѣдомства существующихъ въ краѣ шести особыхъ губернскихъ дирекцій народныхъ училищъ, съ присовокупленіемъ сюда постановленій и свѣдѣній, относящихся къ Молодечнянской учительской семинаріи, — имѣлъ при этомъ въ виду объединить общія стремленія въ дѣлѣ народнаго образованія, соотвѣтственно принятымъ въ учебномъ округѣ началамъ и дѣйствительнымъ народнымъ потребностямъ и дать краю печатный органъ, въ которомъ бы не только сообщались мало до сихъ поръ распространенныя путемъ печати свѣдѣнія о дѣятельности дирекцій народныхъ училищъ и окружнаго управленія, но въ которомъ бы народные наставники и лица, занимающіяся устройствомъ народныхъ училищъ, нашли возможность и удобство для взаимнаго обмѣна мнѣній по дѣлу начальнаго народнаго образованія. На этомъ основаніи, 2-й отдѣлъ циркуляровъ по Виленскому учебному округу, кромѣ офиціальной части, заключаетъ въ себѣ приложенія, въ которыхъ помѣщаются и неофиціальныя свѣдѣнія и заявленія.

Мысль г. попечителя Виленскаго учебнаго округа издавать подобный сборникъ свѣдѣній о народныхъ училищахъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. При слабомъ развитіи у насъ провинціальной печати, свѣдѣнія о ходѣ народнаго образованія приходится добывать съ большимъ трудомъ. Они разбросаны частію по губернскимъ и епархіальнымъ вѣдомостямъ, частію по различнымъ сборникамъ, издающимся отъ времени до времени въ столицахъ или въ губерніяхъ, частію по частнымъ газетамъ въ видѣ корреспонденцій. Такая разбросанность свѣдѣній не всегда замѣняется ихъ полнотою и точностію, и есть губерніи, изъ которыхъ доселѣ имѣются по сему предмету самыя скудныя свѣдѣнія, а изъ нѣкоторыхъ даже вовсе нѣтъ свѣдѣній, что,

между прочимъ, волею-неволею должно было отразиться и на нашей лѣтописи начальнаго народнаго образованія. Поэтому 2-й отдѣлъ циркуляровъ по управленію Виленскимъ учебнымъ округомъ пополняетъ собою весьма чувствительный пробѣлъ, и намъ остается только желать, чтобы примѣръ этого округа нашелъ себѣ подражателей, въ томъ или другомъ видѣ, и въ прочихъ мѣстностяхъ нашего отечества.

Свѣдѣнія, сообщаемыя на первый разъ циркуляромъ Виленскаго учебнаго округа, отличаются полнотою и обстоятельностью. Прежде всего въ циркулярѣ помѣщена вѣдомость о числѣ приходскихъ, народныхъ и другихъ первоначальныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи дирекцій народныхъ училищъ округа за 1866 годъ, съ показаніемъ числа учащихся въ нихъ по вѣроисповѣданіямъ и сравнительно съ 1865 годомъ. Изъ этой вѣдомости оказывается, что въ прошедшемъ году въ Виленской дирекціи было начальныхъ училищъ разныхъ наименованій 223, учащихся въ нихъ 7.245, въ томъ числѣ 6.656 мальчиковъ и 589 дѣвочекъ; въ Ковенской дирекціи училищъ 178 съ 6.630 учащимися, въ томъ числѣ 5.990 мальчиковъ и 640 дѣвочекъ; въ Гродненской дирекціи 286 училищъ и 11.989 учащихся, въ томъ числѣ 10.344 мальчика и 1.645 дѣвочекъ; въ Минской дирекціи 290 училищъ съ 12.616 учащимися, въ томъ числѣ 10.307 мальчиковъ и 2.309 дѣвочекъ; въ Витебской дирекціи 188 училища съ 4.904 учащимися, въ томъ числѣ 4.270 мальчиковъ и 634 дѣвочки; наконецъ, въ Могилевской дирекціи 284 училища и 8.363 учащихся, въ томъ числѣ 6.486 мальчиковъ и 876 дѣвочекъ; всего же по Виленскому учебному округу 1.444 училища съ 50.747 учащимися, въ томъ числѣ 44.053 мальчика и 6.604 дѣвочки. Такъ какъ въ 1865 году училищъ было только 1.197, а учащихся 41.330, въ томъ числѣ 35.822 мальчика и 5.508 дѣвочекъ, то значитъ, что общій результатъ развитія народной грамотности въ количественномъ отношеніи былъ благопріятнѣе въ 1866 году, нежели въ 1865. Относительно распредѣленія учащихся по вѣроисповѣданіямъ, въ циркулярѣ сообщается, что въ четырехъ дирекціяхъ (изъ двухъ дирекцій свѣдѣній не доставлено) общее число учащихся за 1866 годъ было православнаго вѣроисповѣданія 38.383, старообрядческаго 125, римско-католическаго 9.732, лютеранскаго и реформатскаго 940, еврейскаго 1.045 и магометанскаго 22.

Въ Минской губерніи въ прошедшемъ году нѣсколько училищъ было перенесено изъ однихъ мѣстностей въ другія и открыты новыя. Циркуляръ свидѣтельствуетъ, что вообще по мѣрѣ успѣховъ народ-

ныхъ училищъ и развитія благосостоянія крестьянъ, сельскія общества все болѣе и болѣе начинаютъ принимать участіе въ содержаніи народныхъ училищъ. Такъ, въ Ковенской губерніи всѣ народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія состоятъ на полномъ содержаніи крестьянъ; въ остальныхъ пяти сѣверо-западныхъ губерніяхъ находится весьма много училищъ, совершенно обезпеченныхъ, на счетъ крестьянъ, отдѣльными помѣщеніями; топливомъ всѣ училища пользуются отъ обществъ. Затѣмъ, при открытіи новыхъ школъ, согласно желанію самихъ сельскихъ обществъ, крестьянами составляются приговоры, которыми они, обезпечивая для училища и учителя помѣщеніе съ отопленіемъ, принимаютъ на свой счетъ и уплату учителю жалованья, если не вполнѣ, то частію. Дирекціи народныхъ училищъ въ такомъ случаѣ доплачиваютъ наставнику ту сумму, какая недостаетъ по штату. На этомъ основаніи, открыты были училища въ два минувшіе года, продолжаютъ открываться и нынѣ. Перемѣщеніе училищъ въ Минской губерніи вызвано было или крайнею бѣдностію крестьянъ тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ найдено нужнымъ сдѣлать такое перемѣщеніе, или отдаленіемъ тѣхъ же мѣстностей отъ центральныхъ волостныхъ пунктовъ, или наконецъ, нѣкоторыми неудобствами помѣщенія училищъ въ первыхъ, легко устранимыми при переводѣ школъ въ другія мѣстности.

Въ декабрѣ 1866 году въ Вильнѣ открыты, по распоряженію г. попечителя учебнаго округа, ремесленная рисовальная школа и классъ живописи. Первая учреждена съ цѣлію доставить желающимъ возможность изучить искусство рисованія, на сколько оно полезно въ примѣненіи къ ремесламъ и фабричнымъ производствамъ. Циркуляръ выражаетъ убѣжденіе, что основаніе первой въ Западномъ краѣ рисовальной ремесленной школы будетъ имѣть благотворное вліяніе на развитіе въ фабричномъ и ремесленномъ классѣ чувства изящнаго, а слѣдовательно, и на улучшеніе фабричныхъ и ремесленныхъ издѣлій. Классъ живописи имѣетъ своимъ назначеніемъ дать средства любителямъ изящнаго искусства развить и усовершенствовать свои дарованія.

По программѣ рисовальной ремесленной школы, рисованіе и черченіе преподаются здѣсь примѣнительно къ различнымъ ремесленнымъ работамъ, какъ-то: плотничнымъ, столярнымъ, рѣзнымъ, мебельнымъ, обойнымъ, ситцевымъ, фарфоровымъ, литейнымъ, стекляннымъ, слесарнымъ, чеканнымъ, ювелирнымъ и проч. При этомъ учащимся сообщаются понятія объ архитектурѣ и перспективѣ, съ обращеніемъ вниманія на свойства и цѣнность матеріала, употребляемаго при постройкахъ.

Къ 1-му іюля 1867 года въ ремесленномъ классѣ учащихся было 60 учениковъ народныхъ училищъ; классъ живописи посѣщали 50 лицъ, изъ нихъ 30 мужескаго пола и 20 женскаго.

По представленію г. попечителя, г. министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено было открыть при Виленской женской одноклассной школѣ высшій рукодѣльный классъ. Начала, на которыхъ разрѣшеніе это послѣдовало, изложены въ письмѣ попечительницы женской школы Ю. А. Кулиной къ г. попечителю учебнаго округа.

Изъ письма г-жи Кулиной видно, что для дѣвицъ средняго и низшаго сословія въ Вильнѣ не было доселѣ ни одного училища съ небольшимъ, но практическимъ и законченнымъ курсомъ, по выслушаніи котораго дѣвицы вступали бы въ жизнь съ запасомъ свѣдѣній и умѣньемъ примѣнить ихъ къ дѣлу, чѣмъ обезпечивалось бы ихъ скромное существованіе. Въ Виленской женской одноклассной школѣ въ началѣ настоящаго года числилось 37 учениць; въ томъ числѣ 23 православнаго исповѣданія, 1 старовѣрка и 13 римско-католическаго исповѣданія. Здѣсь онѣ обучаются закону Божію, чтенію и письму по-русски, славянскому чтенію, ариѳметикѣ и простымъ рукодѣліямъ; 13-ти или 14-ти лѣтъ онѣ оканчиваютъ курсъ. Но происходя изъ бѣднаго класса и нуждаясь въ такихъ знаніяхъ, которыя давали бы имъ хлѣбъ, онѣ, по выходѣ изъ школы, обыкновенно стараются продолжать ученіе, кто гдѣ можетъ. Такъ, нѣкоторыя дѣвочки, на весьма тяжелыхъ для себя и для своихъ родителей условіяхъ, поступаютъ къ мѣстнымъ портнихамъ и мастерицамъ польскаго происхожденія и мало по малу забываютъ тамъ русскій языкъ и даже свое русское происхожденіе и ополячиваются; другія поступаютъ въ женскую гимназію, гдѣ пробывъ года два или три въ одномъ классѣ, выходятъ безъ особенно полезныхъ для себя знаній, но съ претензіями на образованность и шляхетство. Съ устройствомъ высшаго рукодѣльнаго класса такія прискорбныя явленія, по мнѣнію г-жи Кулиной, должны прекратиться или по крайней мѣрѣ не должны быть часты. Цѣль вновь открываемаго училища должна состоять, согласно постановленію попечительскаго совѣта, вообще въ подготовленіи грамотныхъ въ русскомъ духѣ, на религіозно-нравственныхъ началахъ воспитанныхъ молодыхъ дѣвицъ, въ частности же въ подготовленіи опытныхъ рукодѣльницъ, такъ чтобы по окончаніи курса воспитанницы этого училища могли быть или мастерицами, или надзирательницами и учительницами въ женскихъ смѣнахъ при народныхъ училищахъ.

Учебный курсъ г-жа Кулина ограничиваетъ самымъ необходимымъ,

и потому полагаетъ, что въ училищѣ необходимы слѣдующіе предметы: 1) Законъ Божій, преимущественно въ бесѣдахъ, вполнѣ понятныхъ для ученицъ, чтобъ утвердить ихъ въ началахъ нравственности и вѣры; объясненіе литургіи и значенія праздниковъ, чтеніе евангелія, поученій и нѣкоторыхъ книгъ духовнаго и церковно-историческаго содержанія. 2) Русскій языкъ, объяснительное чтеніе статей, преимущественно изъ русской исторіи, куда должны войдти только самые важные факты, и русской географіи, а подъ конецъ курса, ознакомленіе съ лучшими практическими пріемами обученія грамотѣ. Воспитанницы должны любить свое отечество, а для этого должны знать тѣ главнѣйшія событія и дѣянія, хотя вкратцѣ, тѣхъ царей и другихъ знаменитыхъ людей, которые составляютъ славу нашего отечества. 3) Ариѳметика, особенно умственное вычисленіе; четыре дѣйствія надъ простыми числами, именованными и дробями, и обученіе на счетахъ. 4) Черченіе узоровъ и т. п. примѣнительно къ рукодѣліямъ; этотъ предметъ г-жа Кулина считаетъ весьма важнымъ, такъ какъ онъ можетъ развить въ ученицахъ вкусъ, умѣнье пользоваться рисунками для рукодѣлья, уменьшать ихъ, увеличивать и измѣнять. 5) Пѣніе церковное и отчасти свѣтское. Наконецъ, 6) рукодѣліе: по этому предмету воспитанница должна выйдти изъ училища съ умѣньемъ кроить, шить и гладить самое тонкое бѣлье и платье и дѣлать дамскія шляпы и чепчики.

Курсъ обученія г-жа Кулина предполагала двухгодичный. Воспитанницы принимаются (на первый разъ въ числѣ не болѣе 10 или 12 дѣвушекъ) 14-ти лѣтъ, съ знаніемъ повседневныхъ молитвъ, краткаго катихизиса, съ умѣньемъ читать и писать по-русски и производить четыре ариѳметическія дѣйствія надъ простыми числами. Подготовительными для этого училища школами могутъ, по мнѣнію г-жи Кулиной, служить Виленская одноклассная женская школа и женскія смѣны при тамошнихъ приходскихъ училищахъ. На первое время, пока училище будетъ существовать въ видѣ опыта, обученье слѣдуетъ назначить безплатное, но въ послѣдствіи, когда училище разовьется, родители, какъ полагаетъ г-жа Кулина, охотно будутъ платить.

Наградою ученицамъ, успѣшно кончившимъ курсъ, должно быть предоставленіе имъ мѣста надзирательницы въ женской смѣнѣ, съ жалованьемъ. Изъ такого училища, по мнѣнію г-жи Кулиной, можетъ въ послѣдствіи образоваться разсадникъ народныхъ учительницъ, и оно можетъ въ самомъ близкомъ будущемъ оказать несомнѣнную пользу.

Училище, на изложенныхъ г-жею Кулиной основаніяхъ, открыто 1-го мая сего года.

— Пропуская напечатанное въ циркулярѣ г. попечителя Виленскаго округа донесеніе Гродненскаго директора училищъ Я. А. Балвановича объ осмотрѣ мѣстныхъ уѣздныхъ училищъ, извлеченіе изъ котораго мы сообщили уже въ майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (Совр. Лѣт., стр. 213—214), мы представимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ помѣщеннаго въ томъ же циркулярѣ письма инспектора народныхъ училищъ Ковенской губерніи С. Л. Боричевскаго объ осмотрѣ народныхъ училищъ въ Поневѣжскомъ уѣздѣ. Эти выдержки послужатъ дополненіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ объ училищахъ Ковенской губерніи, которыя сообщены нами въ той же книжкѣ нашего журнала (тамъ же, стр. 214—226).

Г. Боричевскій начинаетъ заявленіемъ, что почти всѣ училища Поневѣжскаго уѣзда идутъ хорошо и почти всѣ наставники оправдываютъ довѣріе начальства своимъ трудолюбіемъ и хорошимъ поведеніемъ. Хотя по мѣстамъ дѣло идетъ и не совсѣмъ удовлетворительно, но въ каждомъ училищѣ, не смотря на недостатки, хоть что-нибудь да сдѣлано, и не податливыя на разговоръ крестьянскія дѣти отвѣчаютъ какъ-нибудь на вопросы. Вторымъ утѣшительнымъ явленіемъ г. Боричевскій считаетъ постепенно увеличивающееся довѣріе крестьянъ къ училищамъ. Еще годъ тому назадъ крестьяне упрямо отвергали предложенія составлять приговоры объ открытіи училищъ, высказывая притомъ самыя неосновательныя опасенія. Теперь они съ благодарностью произносятъ имя „добраго Государя“ и начальства за устройство школъ и называютъ дѣтей своихъ болѣе счастливыми, чѣмъ они сами, потому что тѣ учатся, а они не имѣли средствъ учиться. Къ наставникамъ крестьяне также обнаруживаютъ довѣріе и заходятъ къ нимъ побесѣдовать, а иногда и посовѣтоваться кое о чемъ.

Г. Боричевскій указываетъ еще, какъ на утѣшительный фактъ, на то просвѣщенное участіе, которое принимаютъ въ училищахъ нѣкоторые члены мировыхъ учрежденій. Это участіе выразилось въ увеличеніи содержанія нѣкоторымъ (г. Боричевскій сожалѣетъ, что не всѣмъ) наставникамъ и въ мѣрахъ къ постройкѣ домовъ для помѣщенія училищъ и квартиръ наставниковъ. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, г. Поршенскій, склонилъ крестьянъ пожертвовать штрафныя деньги въ пользу училищныхъ библіотекъ. Благодѣтельною считаетъ, наконецъ, г. Боричевскій нравственную поддержку достоинства

к званія наставника членами мировыхъ учрежденій. „Дружелюбныя, а иногда почти семейныя отношенія мировыхъ посредниковъ къ наставникамъ подымаютъ, говоритъ онъ, значеніе ихъ въ глазахъ народа и лучше всякихъ убѣжденій внушаютъ крестьянамъ уваженіе и довѣріе къ наставнику и школѣ; напротивъ того, стоитъ только уронить наставника въ глазахъ народа рѣзкимъ публичнымъ выговоромъ, обиднымъ для него обращеніемъ съ нимъ и т. п., и весь кредитъ его подорванъ въ глазахъ народа".

Къ сожалѣнію, въ обревизованныхъ г. Боричевскимъ училищахъ встрѣчались и грустныя явленія. Къ этимъ явленіямъ онъ относитъ слишкомъ ограниченное число учащихся вообще и почти совершенное отсутствіе въ школахъ дѣвочекъ. Изъ 30-ти училищъ осмотрѣнныхъ г. Боричевскимъ, онъ только въ 9-ти нашелъ не менѣе 20-ти учениковъ; но были училища, въ которыхъ онъ встрѣтилъ только 11, 6 и даже 3-хъ учениковъ. Причиною непосылки дѣтей въ школы родителями г. Боричевскій считаетъ: 1) прежнюю привычку крестьянъ, сохранившуюся отъ времени существованія такъ-называемыхъ прикостельныхъ или ксендзовскихъ школъ, куда мальчики поступали только на время великаго поста и гдѣ такимъ образомъ курсъ ученія продолжался только 5 или 6 недѣль; 2) привычку пасти скотъ въ полѣ до тѣхъ поръ, пока земля совершенно покроется снѣгомъ, отчего и въ концѣ октября крестьяне не посылаютъ дѣтей въ школу и въ особенности удерживаютъ ихъ дома около Николина дня (6-го декабря), когда крестьяне имѣютъ обыкновеніе мѣнять батраковъ и работниковъ; и 3) ложное убѣжденіе Жмудина, что поступленію мальчика въ училище должно предшествовать домашнее обученіе его литовской грамотѣ по прежнему шрифту. Прекратить это можетъ, по мнѣнію г. Боричевскаго, только время, привычка и убѣжденіе, что по молитвенникамъ, напечатаннымъ русскими буквами, можно точно также молиться, какъ и по молитвенникамъ, напечатаннымъ прежнимъ шрифтомъ. Къ этому г. Боричевскій присовокупляетъ привычку, свойственную въ особенности Жмудину, откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня; по этой причинѣ отдать сына въ училище первымъ или въ числѣ первыхъ Жмудинъ не рѣшается: онъ поджидаетъ, пока соберется побольше мальчиковъ, а между тѣмъ время уходитъ.

Особенно трудно справиться съ другимъ затрудненіемъ, указаннымъ г. Боричевскимъ, съ отсутствіемъ дѣвочекъ въ училищахъ. Отцы не понимаютъ важнаго значенія женщины въ семейной жизни; а матери, кромѣ хозяйства, нянченья дѣтей и костела, не знаютъ ничего, такъ

что при ихъ фанатизмѣ и крайнемъ невѣжествѣ, едва-ли возможно ожидать отъ нихъ какого-либо содѣйствія. Г. Боричевскій выражаетъ, однакожъ, увѣренность, что время, польза дѣла, примѣръ другихъ и хорошіе наставники возьмутъ, наконецъ, свое, и отчужденіе дѣвочекъ отъ школъ мало по малу будетъ исчезать.

Въ прибавленіяхъ къ циркуляру по Виленскому учебному округу напечатаны: „Нѣсколько совѣтовъ наставникамъ народныхъ училищъ", „Отрывокъ изъ письма народнаго наставника къ своему знакомому" и „Объявленіе объ изданіи Сборника русскихъ народныхъ гимновъ и пѣсенъ".

Первая изъ этихъ статей извлечена изъ циркуляра Витебской дирекціи народныхъ училищъ. Она исходитъ изъ той мысли, что дѣло народнаго наставника состоитъ не въ томъ только, чтобъ *обучить* дѣтей предметамъ, указаннымъ въ программѣ, но и въ томъ, чтобы *воспитать* ихъ въ духѣ православной вѣры и русской народности. На этомъ основаніи, статья входитъ въ подробное изложеніе того, какъ учитель долженъ преподавать различные предметы и относиться къ дѣтямъ въ виду свойствъ, составляющихъ принадлежность дѣтской натуры и будущаго назначенія крестьянскихъ дѣтей; въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ должны находиться сами преподаватели; какъ должны быть прилагаемы къ дѣлу воспитательныя средства: молитва, нравоученіе, порядокъ и игры и проч.

Изъ письма народнаго наставника мѣстечка Трашкуны г. Никольскаго видно, что успѣхи учениковъ въ Трашкунскомъ училищѣ подвигаются быстро, что весьма замѣчательно, такъ какъ мѣстечко находится въ сильно католической мѣстности, въ которой были недавно два католическихъ монастыря. Жители этого мѣстечка болѣе года упрямствовали, не соглашаясь открыть училище, а теперь они охотно ввѣряютъ дѣтей русскому учителю, и ученики посѣщаютъ школу исправно. Крестьяне даже говорили однажды г. Никольскому, что они съ большою радостію отдавали бы и дѣвочекъ въ училище, еслибъ ихъ учила женщина. Вообще ни крестьяне, ни крестьянки не чуждаются ничего русскаго; и братья, и сестры, и даже матери учениковъ стараются перенять русскія пѣсни, которыя они поютъ охотно.

Сборникъ русскихъ народныхъ гимновъ и пѣсенъ предпринятъ для распространенія русскаго пѣнія въ народныхъ училищахъ.

Кстати сообщимъ здѣсь свѣдѣніе объ освященіи новаго дома для Голинковскаго народнаго училища въ Гродненскомъ уѣздѣ, помѣщенное въ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 40). Освященіе

происходило 17-го сентября, по окончаніи литургіи, которая была пропѣта очень стройно мальчиками. Послѣ молебна въ новомъ домѣ, Гродненскимъ директоромъ народныхъ училищъ произведено было испытаніе, и не смотря на то, что за лѣто многое было перезабыто, нѣкоторые ученики отвѣчали на вопросы довольно удовлетворительно. Отцы и матери, тутъ же присутствовавшіе, съ видимымъ удовольствіемъ слушали отвѣты дѣтей, особенно нравились имъ отвѣты изъ священной исторіи; при рѣшеніи же дѣтьми нѣкоторыхъ легкихъ умственныхъ задачъ, многіе подсказывали. По окончаніи испытанія, директоромъ розданы были лучшимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ книжки и крестики. Дѣти, повидимому, остались очень довольны, обѣщали ходить въ школу охотно и аккуратно, чему обѣщали содѣйствовать и старшіе.

О томъ, какія послѣдствія заботы о развитіи образованія въ средѣ крестьянскаго населенія въ Западномъ краѣ имѣютъ для нравственной жизни крестьянъ, можно судить отчасти по заявленію священника М. Леплинскаго, напечатанному въ № 37 *Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. „Въ былое время, говоритъ о. Леплинскій, ѣдешь ли въ приходъ, идешь ли въ поле, если услышишь пѣсню, то содержаніемъ ея большею частію служили мѣстныя легенды, а иногда и предметы, оскорбительные для христіанскаго слуха. Теперь это переводится, и часто крестьянскій мальчикъ, ведя лошадей на пашню, или идя на работу, поетъ пѣснь церковную-христіанскую. Такая видимая перемѣна въ крестьянинѣ произошла отъ христіанской грамотности". О. Леплинскій свидѣтельствуетъ о неутомимой и разумной на пользу крестьянскаго населенія дѣятельности учителя народнаго училища въ м. Пропойскѣ, Лобова, который въ три года довелъ школу до весьма удовлетворительныхъ результатовъ. Около 70 учениковъ этой школы вполнѣ усвоили себѣ знанія, требуемыя программою народныхъ училищъ. Какъ мальчики, такъ и дѣвочки читаютъ отчетливо; многіе мальчики хорошо излагаютъ свои мысли на бумагѣ. Хоръ изъ крестьянскихъ мальчиковъ такъ гармониченъ, что слушая ихъ пѣніе въ церкви, трудно бываетъ вѣрить, чтобъ это пѣли крестьянскіе мальчики. До такого совершенства довелъ ихъ учитель Лобовъ, въ чемъ впрочемъ много содѣйствовало ему существующее въ Пропойскѣ братство.

Корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 235) сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи народнаго образованія въ *Прилукскомъ* уѣздѣ Полтавской губерніи. Въ прошедшемъ году въ Прилукскомъ

уѣздѣ существовало 68 сельскихъ училищъ, и въ нихъ было 1.604 учащихся; въ нынѣшнемъ году существуетъ 69 училищъ съ 2,223 учащимися. Въ прошломъ году приходился 1 учащійся на 90,7 душъ, а въ нынѣшнемъ — 1 на 68,6 души; въ одинъ годъ прибавилось 619 учащихся. Этотъ благопріятный результатъ корреспондентъ приписываетъ столько мѣстному училищному совѣту, столько же и въ особенности предсѣдателю его г. Скоропадскому, который много содѣйствовалъ успѣху народнаго образованія въ Прилукскомъ уѣздѣ. Матеріальныя средства, находившіяся въ распоряженіи училищнаго совѣта въ прошломъ году, состояли изъ 1,500 руб., пожертвованныхъ дворянами на народное образованіе; въ нынѣшнемъ году для той же цѣли земство ассигновало также 1,500 руб. Недостатокъ сельскихъ учителей заставляетъ и земское собраніе и училищный совѣтъ обращать на этотъ предметъ вниманіе; но истрачиваемой на то суммы недостаточно, чтобы въ скоромъ времени можно было приготовить нужное на уѣздъ число сельскихъ учителей. Г. Скоропадскій, желая избавить земство отъ увеличенія расходовъ на народное образованіе, на свой счетъ приготовляетъ 23 воспитанниковъ въ сельскіе учителя. Воспитанники эти выбраны изъ способнѣйшихъ крестьянскихъ дѣтей, находившихся прежде въ сельскихъ училищахъ. Они имѣютъ полную одежду, продовольствіе, а также помѣщеніе на счетъ г. Скоропадскаго, который для этой послѣдней цѣли строитъ домъ въ Прилукахъ. Дѣти ходятъ каждый день на уроки въ уѣздное училище; но при нихъ постоянно находится наставникъ-учитель, вознаграждаемый на счетъ г. Скоропадскаго. По окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ, воспитанники должны еще нѣкоторое время посѣщать приходское училище для пріобрѣтенія нѣкоторой опытности въ преподаваніи. По большимъ праздникамъ и лѣтомъ, ученики распускаются по домамъ, гдѣ живутъ среди своихъ семействъ и помогаютъ своимъ отцамъ въ работѣ, не переставая такимъ образомъ жить жизнію народа, котораго они сдѣлаются современемъ наставниками. Заслуги г. Скоропадскаго оцѣнены по достоинству земскимъ собраніемъ, которое выразило ему свою глубокую и искреннюю признательность.

Въ засѣданіи *Смоленскаго* губернскаго училищнаго совѣта, происходившемъ 12-го іюля сего года (см. *Смоленскія Епархіальныя Вѣдомости* № 18), читанъ былъ между прочимъ рапортъ предсѣдательствующаго въ Ельнинскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ, протоіерея Василія Соколова, въ которомъ онъ предлагаетъ нѣкоторыя, полезныя, по его мнѣнію, мѣры къ улучшенію религіозно-нравствен-

наго воспитанія народа. Мѣры эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) Вмѣнить въ обязанность приходскимъ священникамъ Ельнинскаго уѣзда наблюдать за нравственностію наставниковъ и наставницъ приходскихъ училищъ и школъ. 2) Поставить имъ также въ обязанность по воскреснымъ днямъ толковать учащимся законъ Божій и другіе предметы, согласно съ понятіями учащихся. Время для этого назначить или предъ литургіею или послѣ ея, какъ священникъ найдетъ удобнѣе, и что̀ будетъ по этимъ двумъ пунктамъ сдѣлано, записывать въ книгу, которая должна храниться у наставника училища и быть представляема ревизующимъ училище, которые съ своей стороны обязаны заявлять свое мнѣніе объ училищѣ и о наставникахъ безъ придирокъ, а по христіански; иначе, при плохомъ жалованьи, не всякій согласится быть наставникомъ. 3) Такъ какъ ученье въ сельскихъ училищахъ прекращается съ 15-го мая по октябрь, и учащіеся легко могутъ забыть выученное, то сдѣлать обязательнымъ, и для учащихся и для родителей ихъ, чтобъ они напоминали дѣтямъ — почаще повторять то, что̀ ими выучено до 15-го мая. 4) Для этого обращаться къ священникамъ, которые должны прослушивать ученика и объяснять ему забытое. 5) Во всемъ этомъ священникамъ должны помогать діаконы доброй нравственности и приличнаго образованія. 6) Многіе изъ учениковъ, поучившись одну зиму, на другую не являются въ училище и чрезъ то опять дѣлаются безграмотными; поэтому начальство должно наблюдать, чтобы къ открытію классовъ въ октябрѣ прежде всего являлись въ нихъ прежніе ученики. О тѣхъ, кто будетъ противъ этого, доносить съ подробными справками училищному совѣту. 7) Пригласить чрезъ высшую власть къ живому участію въ дѣлѣ народнаго образованія мировыхъ посредниковъ.

Губернскій училищный совѣтъ сдѣлалъ такое постановленіе по изложенному содержанію рапорта протоіерея Соколова: Имѣя въ виду во 1-хъ, что на основаніи ст. 17-й Положенія о народн. училищахъ, наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ въ народныхъ училищахъ возлагается на приходскихъ священниковъ, которые, въ случаѣ надобности, имѣютъ право сообщать по этому поводу свои замѣчанія уѣздному училищному совѣту, и во 2-хъ, что религіозно-нравственное направленіе школъ неразлучно соединено съ таковымъ же направленіемъ и самихъ наставниковъ, которые, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи подлежатъ уже, въ силу самого Положенія, контролю священниковъ, — по всѣмъ этимъ причинамъ губернскій совѣтъ признаетъ излишнимъ дѣлать еще отъ себя распоряженіе объ отдачѣ

наставниковъ народныхъ школъ подъ надзоръ приходскихъ священниковъ. Что касается мѣръ, предлагаемыхъ протоіереемъ Соколовымъ въ пунктахъ 3 и 6, то будучи того мнѣнія, что до тѣхъ поръ, пока законодательнымъ порядкомъ не утвердится обязательность ученія дѣтей для всѣхъ состояній, всѣмъ подобнымъ мѣрамъ не можетъ быть никакимъ административнымъ путемъ сообщена необходимая обязательность исполненія тѣми, до кого онѣ будутъ относиться, совѣтъ не находитъ возможнымъ теперь принять и это предложеніе протоіерея Соколова. Наконецъ, по поводу мѣры, изложенной въ пунктѣ 2, совѣтъ вполнѣ сочувствуетъ мнѣнію о. протоіерея и потому *проситъ* какъ его лично, такъ и всѣхъ священно-церковно-служителей Смоленской губерніи, изъ которыхъ многіе и теперь, какъ совѣту извѣстно изъ отчетовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, съ любовію служатъ дѣлу ученія дѣтей, содѣйствовать въ этомъ смыслѣ, и кромѣ того, при всякомъ случаѣ, разъяснять какъ народу всю пользу грамотности и всю приложимость ея даже къ жизни крестьянина, такъ равно и самимъ наставникамъ, что для лучшаго побужденія народа отдавать дѣтей въ школы и не отвлекать излишне ихъ отъ ученья, имъ слѣдуетъ съ строгою точностью выполнять свои обязанности, разумно учить дѣтей и человѣчно съ ними обходиться; но снова совѣтъ считаетъ одною формальностію, докучною для однихъ и безцѣльною для другихъ, заводить особыя книги, съ тѣмъ чтобы вписывать туда все то, что священниками будетъ по этому случаю сдѣлано.

При открытіи дѣйствій *Череповскаго* (Новгородской губ.) уѣзднаго училищнаго совѣта, въ уѣздѣ этомъ, по свидѣтельству *Москвы* (№ 149), оказалось всего только 5 начальныхъ школъ. Мѣстное земское собраніе назначило на усиленіе народнаго образованія 1.500 рублей; но такъ какъ суммы этой было крайне недостаточно для того, чтобы сдѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное, то училищный совѣтъ прибѣгнулъ къ другимъ мѣрамъ. Члены совѣта рѣшили обратиться къ священникамъ съ просьбою увѣщевать прихожанъ въ бесѣдахъ съ ними и проповѣдяхъ о необходимости учить дѣтей, а между тѣмъ послали прочесть на сходахъ, въ каждой волости, и свои собственныя увѣщанія. Результатъ этихъ энергическихъ усилій былъ весьма благопріятенъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, 22 волости заявили желаніе жертвовать на образованіе по 2.191 руб. 65 коп. въ годъ и дать готовыя помѣщенія съ отопленіемъ для школъ и учителей. Въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ открыто 31 училище, вызвано 23 учителя изъ кончившихъ курсъ въ семинаріи, выписаны необходимыя вещи и книги;

земство дало еще 800 руб. на дополнительные классы для приготовленія народныхъ учителей. Въ теченіе одного мѣсяца число учащихся дошло до 700 человѣкъ, а число желающихъ возрастаетъ ежедневно. Въ одной волости, по настоянію самихъ крестьянъ, составленъ приговоръ о томъ, что если у кого два малолѣтнихъ сына, то одинъ долженъ непремѣнно обучаться въ школѣ.

Сейчасъ мы упомянули о пожертвованіи Череповскаго земства для приготовленія сельскихъ учителей. Съ своей стороны и нѣкоторыя волости того же уѣзда, по словамъ корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 276), обращали вниманіе на тотъ же предметъ, еще до введенія земскихъ учрежденій. Чтобъ имѣть болѣе благонадежныхъ и способныхъ волостныхъ писарей, а въ случаѣ надобности и сельскихъ учителей, волости эти избрали изъ среды своей нѣсколькихъ мальчиковъ-сиротъ и помѣстили ихъ сначала въ городское приходское училище, а потомъ и въ уѣздное, назначивъ изъ своихъ суммъ на ихъ содержаніе въ городѣ до 50 руб. въ годъ на каждаго. Въ 1864 году двое изъ такихъ стипендіатовъ кончили курсъ и занимались для большей практики обученіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ приходскомъ училищѣ, подъ наблюденіемъ учителя. Одинъ изъ нихъ, лѣтъ 16—17-ти, особенно показался корреспонденту развитымъ и способнымъ учителемъ. Онъ весьма наглядно и удобопонятно для дѣтей объяснялъ дѣвочкамъ, только-что поступившимъ въ училище, отличительные признаки очертанія гласныхъ буквъ изъ составной азбуки (каждая буква въ нѣсколькихъ экземплярахъ наклеена на папкѣ), между тѣмъ какъ дѣвочки на другой скамьѣ, болѣе успѣвшія, составляли изъ этихъ буквъ слова: каша, мыло, солома, а нѣкоторыя—свои имена, фамиліи, дни недѣли и мѣсяцы. Дѣвочки эти не болѣе двухъ мѣсяцевъ начали подъ его руководствомъ учиться грамотѣ, а уже довольно правильно и скоро не только набирали и составляли разныя слова, но могли начертать ихъ на пескѣ, такъ что можно было легко разобрать написанное. Товарищъ этого же учителя занимался въ это время съ полусотнею и даже болѣе мальчиковъ въ другой комнатѣ чтеніемъ и письмомъ подъ диктовку, и велъ это дѣло весьма удовлетворительно.

Изъ этого, равно какъ изъ примѣра Лебединскаго (Харьк. губ.) земства, избравшаго тотъ же способъ снабженія сельскихъ школъ учителями (мы упоминали объ этомъ въ предыдущей книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, см. Сов. Лѣт. стр. 347), корреспондентъ приходитъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ, если не отъ каждой волости, то по крайней мѣрѣ отъ болѣе населенныхъ и промышленныхъ имѣть по одному стипен-

діату въ уѣздномъ училищѣ, съ тѣмъ чтобы неспособные изъ нихъ или не желающіе быть учителями могли быть помѣщаемы на должности волостныхъ, сельскихъ и станціонныхъ писарей, въ которыхъ земство также весьма нуждается. Корреспондентъ говоритъ кромѣ того, что по его мнѣнію, сельскій учитель, взятый изъ той же среды, въ которой предстоитъ ему въ послѣдствіи вращаться, долженъ, для большаго сближенія съ населеніемъ, сохранить свою обычную одежду, отличаясь въ ней только примѣрною чистотою и опрятностью, что возможно соблюсти и въ нашей общенародной одеждѣ. Подобная мысль была уже высказываема въ нашей печати, и въ Сѣверо-западномъ краѣ были употребляемы усилія, чтобы склонить къ тому питомцевъ Молодечнянской семинаріи, которые, впрочемъ, по выходѣ изъ семинаріи, большею частью не долго противятся искушенію облечься въ шляхетскій костюмъ.

Сопоставляя приведенныя сейчасъ свѣдѣнія корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* съ извѣстіями *Москвы* о крайней скудости школъ въ Череповскомъ уѣздѣ, найденной уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ въ самомъ началѣ его дѣйствій, нельзя не замѣтить, что повидимому, добрыя начинанія волостей уѣзда не имѣли дальнѣйшаго хода, и если бы не энергія училищнаго совѣта, то долго бы еще народное образованіе находилось въ Череповскомъ уѣздѣ въ состояніи благихъ начинаній.

Вятскія Епархіальныя Вѣдомости (№ 19) извѣщаютъ объ открытіи 20-го сентября сего года губернскаго училищнаго совѣта, который при этомъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ открытіи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ по всей губерніи.

Въ *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 38) напечатанъ отчетъ *Лаишевской* уѣздной земской управы за 186$^{6}/_{7}$ годъ, въ которомъ относительно сельскихъ училищъ заключаются слѣдующія свѣдѣнія.

Казанская губернская земская управа увѣдомила управу Лаишевскую, что производившійся съ государственныхъ крестьянъ общественный сборъ, на счетъ котораго содержались, между прочимъ, сельскія училища, равно какъ сборъ съ удѣльныхъ крестьянъ, должны прекратиться съ 1867 года. Въ виду такого распоряженія правительства, земская управа, предупредивъ какъ преподавателей сельскихъ школъ упомянутыхъ вѣдомствъ, такъ и волостныя правленія о прекращеніи источника, на счетъ котораго содержались до сихъ поръ училища, объяснила, что вмѣстѣ съ этимъ должны прекратиться и обязанности,

лежавшія на преподавателяхъ, и что за тѣмъ существованіе этихъ училищъ на новыхъ основаніяхъ, постановленныхъ земскимъ собраніемъ, находится въ зависимости отъ желанія обществъ и составленныхъ ими приговоровъ. Вслѣдствіе этого сообщенія, нѣкоторыя изъ сельскихъ училищъ (числомъ 5) закрылись, другія же (2), по изъявленной мѣстными священниками готовности преподавать безплатно, продолжали свое существованіе. Нѣкоторыя изъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія одной волости истолковали предписаніе земской управы въ томъ смыслѣ, будто закрытіе училищъ обязательно. Поступокъ этотъ переданъ управою на обсужденіе мироваго посредника, и съ тѣмъ вмѣстѣ волостнымъ правленіямъ разъяснено, что съ прекращеніемъ общественнаго сбора прекращаются только обязанности, возложенныя на преподавателей сельскихъ училищъ, но что если эти преподаватели желаютъ продолжать ученіе безплатно, то такой похвальный подвигъ ихъ слѣдуетъ принимать съ благодарностью, предоставляя имъ полное право не только продолжать ученіе, но и пользоваться свободно какъ училищными помѣщеніями, такъ и имѣющимися въ училищахъ учебными пособіями и оказывать имъ къ исполненію учительскихъ обязанностей всевозможное содѣйствіе. Между тѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возстановленіи на 1867 годъ общественнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ на училища, вслѣдствіе чего тотчасъ же сдѣлано распоряженіе о пріостановленіи закрытія училищъ.

Лаишевскій уѣздный училищный совѣтъ открытъ въ февралѣ настоящаго года. Онъ утвердилъ правила, проектированныя земскимъ собраніемъ, относительно порядка открытія училищъ съ пособіемъ отъ земства, каковыя правила вслѣдъ за тѣмъ были сообщены во всѣ волостныя правленія и мировымъ посредникамъ, съ просьбою къ симъ послѣднимъ — склонять по возможности крестьянъ къ учрежденію училищъ.

Училищный совѣтъ препроводилъ въ управу приговоры 8 сельскихъ обществъ объ открытіи училищъ, при чемъ обществамъ предположено было назначить преподавателями мѣстныхъ священниковъ.

Въ заключеніе своего доклада, управа доводитъ до свѣдѣнія земскаго собранія, что священникъ Николай Демьяновъ пожертвовалъ въ пользу мѣстнаго училища построенный имъ въ селѣ Шумковѣ домъ.

Изъ приложенной къ отчету вѣдомости о количествѣ сельскихъ училищъ въ Лаишевскомъ уѣздѣ видно, что такія училища находятся въ 10 селахъ и имѣютъ 274 учащихся, въ томъ числѣ въ одной изъ школъ 10 дѣвочекъ.

— Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (№ 210) пишутъ, что 7-го сентября настоящаго года происходило въ *Новомосковскѣ* (Екатериносл. губ.) земское собраніе, состоявшее изъ 24 гласныхъ. Въ этомъ собраніи, между прочимъ, было прочитано отношеніе Екатеринославской губернской управы о содѣйствіи къ передачѣ сельскихъ школъ въ вѣдѣніе училищнаго совѣта. Гласные отъ крестьянъ, признавъ налогъ для содержанія сельскихъ школъ полезнымъ, приняли на себя обязательство содержать ихъ и на это вносить ежегодно 100 руб.; на расходы же училищнаго совѣта прежнимъ собраніемъ положено было 300 руб. При этомъ одинъ гласный отъ дворянъ нашелъ, что эта сумма велика и что 60-ти рублей совершенно достаточно, такъ какъ онъ утверждалъ, что училищный совѣтъ положительно безполезенъ, что сельскія школы, по его мнѣнію, лишній налогъ на крестьянъ и что образованіе пока еще излишне. „Надо упрочить бытъ крестьянъ, сказалъ г. N, въ матеріальномъ отношеніи, и тогда они сами найдутъ путь къ образованію".

Въ засѣданіи *Лодейнопольскаго* (Олонецкой губ.) очереднаго уѣзднаго земскаго собранія, происходившемъ 12-го сентября настоящаго года, по словамъ *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей* (№ 38), предсѣдателемъ управы г. Гавриловымъ заявлено было объ отношеніи г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода, которымъ графъ Д. А. Толстой просилъ передать на обсужденіе земскаго собранія объ оказаніи необходимаго пособія къ поддержанію церковно-приходскихъ училищъ Лодейнопольскаго уѣзда. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, г. Гавриловъ предложилъ всѣмъ волостнымъ правленіямъ уѣзда доставить свѣдѣнія: въ какихъ именно приходахъ существуютъ сельскія школы при церквахъ, сколько въ нихъ учащихся обоего пола, кто занимается обученіемъ, въ чьихъ домахъ помѣщаются школы и получаютъ ли наставники какое-либо вознагражденіе? Изъ доставленныхъ вслѣдствіе этого волостными правленіями свѣдѣній оказалось, что въ уѣздѣ (за исключеніемъ двухъ волостей, изъ которыхъ свѣдѣній нѣтъ) находится 10 школъ, съ 124 учащимися, въ томъ числѣ 6 дѣвочекъ. Двѣ школы помѣщаются въ общественныхъ домахъ, остальныя въ домахъ мѣстныхъ священниковъ, которые вездѣ занимаются обученіемъ безвозмездно. Въ одной изъ школъ, Никольской, учениковъ вовсе нѣтъ, что̀ главный священникъ Павинскій объясняетъ нежеланіемъ крестьянъ платить за обученіе деньги причетнику-учителю, не имѣющему къ тому же свободнаго времени для занятій по школѣ. Священникъ Павинскій, прежде уже преподававшій въ этой школѣ, вслѣдствіе просьбы членовъ земскаго собранія, изъявилъ согласіе на обученіе дѣтей въ сельской

церкви своего погоста. Распоряженія, впрочемъ, по сему предмету со стороны земскаго собранія не послѣдовало. Что же касается до поддержанія церковно-приходскихъ школъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, то земское собраніе нашло это предположеніе заслуживающимъ уваженія и потому положило — разрѣшить уѣздной земской управѣ принять предложенныя въ заявленіи г. предсѣдателя мѣры къ поддержанію церковно-приходскихъ школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уѣздной управѣ вмѣнено въ обязанность войдти въ сношеніе со священникомъ Пашезерской церкви объ открытіи сельской школы при этомъ погостѣ, что найдено необходимымъ по соображенію мѣстнаго волостнаго правленія, и просить священника принять на себя обученіе дѣтей.

— Въ августовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (Совр. Лѣт. стр. 222—224) мы упомянули о распоряженіи преосвященнаго Герасима, епископа Самарскаго, относительно открытія при церквахъ воскресныхъ школъ для взрослыхъ. Теперь изъ № 18 мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей* мы узнаемъ, что такая школа открыта при одной изъ церквей Самарскаго уѣзда священникомъ Эпиктетовымъ и что прихожане обоего пола съ большою охотою собираются въ ней въ воскресенья и праздничные дни, для слушанія объясненія евангелія, апостола и молитвъ.

Объ открытіи воскресной школы для взрослыхъ извѣщаетъ также *Виленскій Вѣстникъ* (№ 107). Школа эта открыта 30-го августа, въ селѣ Ивашкевичахъ, Волковыскаго уѣзда (Гродненской губ.), при большомъ стеченіи окрестныхъ крестьянъ, послѣ литургіи и молебна, въ присутствіи гг. мироваго посредника Щербова и инспектора народныхъ училищъ Олонцева. Священникъ о. Игнатій Корчевскій обратился къ своимъ прихожанамъ съ рѣчью, приглашая ихъ въ праздничные дни приходить въ училищный домъ, для бесѣды о полезныхъ и пригодныхъ для нихъ вещахъ, поучиться истинамъ своей религіи, чтенію, письму, счету.

Вотъ нѣсколько свѣдѣній о воскресныхъ школахъ, открытыхъ при духовныхъ семинаріяхъ:

Въ *Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 19) пишутъ, что Вятская воскресная школа, за отдаленностью Вятской семинаріи отъ города, находится въ зданіи духовнаго училища, куда воспитанники семинаріи и ходятъ для занятій, по составленному расписанію. Но кромѣ этихъ очередныхъ воспитанниковъ, числомъ до 10, обязанныхъ особо приготовиться къ преподаванію того или другаго предмета, ходятъ въ школу многіе другіе ученики семинаріи, единственно по любви

къ этому важному занятію, для практическаго ознакомленія съ педагогическими пріемами и для испробованія своихъ силъ въ данномъ случаѣ. Такимъ воспитанникамъ дозволяется избрать себѣ кого-нибудь изъ учениковъ воскресной школы для одиночнаго собесѣдованія. *Вятскія Епархіальныя Вѣдомости* полагаютъ, что въ этомъ собственно и заключается главная цѣль воскресной школы, то-есть, не столько въ умноженіи приходящихъ учениковъ и въ обогащеніи ихъ многосторонними свѣдѣніями, сколько въ большемъ ознакомленіи самихъ учащихъ съ пріемами воспитательными, въ увеличеніи ихъ опытности и умѣнья дѣйствовать на самыя неразвитыя понятія сельскихъ дѣтей, на самыя непочатыя натуры. Въ воскресной школѣ были получены отъ г. министра народнаго просвѣщенія 30 маленькихъ иконъ св. просвѣтителей Кирилла и Меѳодія и столько же экземпляровъ книжекъ, излагающихъ „Житіе святыхъ равноапостольныхъ первоучителей славянскихъ", для раздачи лучшимъ ученикамъ воскресной школы. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, при раздачѣ книжекъ и иконъ взяты были во вниманіе не столько познанія учениковъ, сколько то, гдѣ и какъ они учились. Почему изъ учениковъ уѣзднаго училища, посѣщающихъ въ праздничные дни Вятскую воскресную школу, хотя ихъ въ числѣ 87 школьниковъ было около половины, ни одному не было дано книжки и иконы; напротивъ, для награжденія были выбраны такіе ученики, которые обучаются съ усердіемъ единственно въ воскресной школѣ и служатъ именно *субъектами* этой школы.

Въ *Духовной Бесѣдѣ* (№№ 39 и 40) сообщено объ открытіи воскресныхъ школъ при *Московской* и при *Виѳанской* (въ 3 верстахъ отъ Троицко-Сергіевой Лавры) духовныхъ семинаріяхъ. Въ первой изъ этихъ школъ число посѣщающихъ было отъ 8 до 12 человѣкъ. Воспитанники семинаріи посѣщали школу очень охотно и занимались въ ней внимательно; каждый изъ воспитанниковъ занимался всегда съ однимъ и тѣмъ же ученикомъ. Результатъ этихъ занятій удовлетворителенъ; но въ Виѳанской семинаріи, не смотря на сдѣланное объ открытіи ея оповѣщеніе окрестныхъ жителей, никто для обученія не явился.

Воскресная школа, открытая при *Херсонской* духовной семинаріи, возобновила свои дѣйствія съ 10-го прошедшаго сентября.

— Мы имѣемъ возможность занести въ нашу лѣтопись нѣсколько свѣдѣній объ открытіи новыхъ начальныхъ школъ.

Въ *Бѣлозерскомъ* уѣздѣ (Новгородской губерніи), въ посадѣ Крохино, нѣкогда промышленномъ и богатомъ, но нынѣ значительно обѣд-

нѣмцевъ, открыто въ августѣ сего года приходское училище, по мысли начальника губерніи Э. В. Лерхе. Существованіе этого училища, увѣряютъ *Новгородскія Губернскія Вѣдомости* (№ 38), обезпечено со стороны общества процентами съ капитала въ 3.000 руб. и ежегоднымъ сборомъ по 25 коп. съ души. Къ открытію училища записалось 12 учениковъ; но ожидается, что настоящею нормою будетъ 40—50 человѣкъ.

По словамъ *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* (№ 41), 8-го сентября открыто училище въ Нерскомъ посадѣ. Въ немъ будутъ обучаться дѣти обоего пола, которыхъ явилось на первый разъ 31, въ томъ числѣ 22 мальчика и 9 дѣвочекъ. Устройствомъ своимъ училище обязано особенному старанію городоваго старосты Нерскаго посада, купцу М. А. Тоскину, и содержаться будетъ на счетъ посадскаго капитала.

На Дону, по свидѣтельству мѣстнаго *Вѣстника* (№ 11-й), въ теченіе августа открыто нѣсколько училищъ. Между прочимъ открыты приходскія училища въ пяти станицахъ.

— Дѣло начальнаго женскаго образованія обращаетъ на себя не менѣе серіозное вниманіе лицъ, которымъ дороги интересы отечества, какъ и образованіе мужское. Мы упоминали выше объ учрежденіи особаго училища для дѣвицъ въ г. Вильнѣ. Здѣсь мы сообщимъ нѣсколько свѣдѣній о другихъ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ съ цѣлію дать будущимъ женамъ и матерямъ необходимое образованіе.

Существующее въ г. Ставрополѣ (на Кавказѣ) женское благотворительное общество еще въ 1849 году открыло трехклассное учебное заведеніе, подъ именемъ училища св. Александры. Училище это, будучи единственнымъ въ краѣ, вполнѣ соотвѣтствовало своей первоначальной цѣли — дать средства бѣднѣйшимъ жителямъ края въ воспитаніи своихъ дочерей; но въ послѣдствіи, съ умноженіемъ числа женскихъ учебныхъ заведеній, и посреди быстро возникающаго стремленія къ образованію не только въ городахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ поселеніяхъ и станицахъ, гдѣ школы грамотности явились насущною потребностію жителей и стали требовать себѣ содѣйствія со стороны передоваго населенія въ краѣ, училище св. Александры отодвинулось на второй планъ, и потому уже въ началѣ 1866 года возникъ вопросъ о необходимости пересмотра и измѣненія его устава. По докладу главнаго инспектора учебныхъ заведеній на Кавказѣ и за Кавказомъ Великому Князю Намѣстнику о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при выдачѣ аттестатовъ воспитанницамъ училища св. Алек-

сандры и о несоотвѣтственности существующихъ въ этомъ заведеніи программъ умственнымъ силамъ учащихся, Его Императорское Высочество, усматривая изъ доклада, что положенный по программамъ курсъ наукъ не осуществляется и что образованіе, доставляемое обществомъ дѣвицамъ преимущественно бѣднаго состоянія, должно быть просто, но основательно и въ христіанскомъ духѣ; что цѣлью этого образованія должно быть развитіе въ дѣвицахъ истиннаго пониманія ихъ обязанностей, пріученіе ихъ къ труду, полезнымъ рукодѣльямъ и всему, что въ скромномъ домашнемъ быту можетъ вознаградить недостатокъ матеріальныхъ средствъ, — соизволилъ признать полезнымъ и выразилъ желаніе, чтобъ уставъ училища былъ подвергнутъ пересмотру, въ видахъ примѣненія къ вышеобъясненной цѣли, и представленъ, вмѣстѣ съ программами, на утвержденіе установленнымъ порядкомъ.

Начала преобразованія училища св. Александры, выработанныя особо назначенною для этой цѣли коммиссіею, заключались между прочимъ въ слѣдующемъ: 1) Училище это должно предоставить недостаточнымъ родителямъ средства къ простому образованію ихъ дочерей, необходимому въ скромномъ домашнемъ быту для каждой матери и попечительной хозяйки. 2) Съ этою цѣлью въ училище поступаютъ дѣвочки всѣхъ сословій, и пріучаясь здѣсь къ домашнимъ рукодѣльямъ и хозяйству, пріобрѣтаютъ самыя необходимыя свѣдѣнія изъ предметовъ первоначальнаго обученія, курсъ котораго полагается четырехлѣтній. 3) При училищѣ св. Александры, кромѣ классовъ элементарныхъ, предполагается открытіе спеціальнаго педагогическаго класса, цѣлью котораго будетъ приготовленіе наставницъ для первоначальнаго домашняго обученія и учительницъ для школъ грамотности. Въ этотъ классъ будутъ допущены, кромѣ ученицъ общества, прошедшихъ элементарный курсъ наукъ, и всѣ желающія изъ постороннихъ слушательницъ; всѣ дѣвицы этого класса, подъ руководствомъ опытнаго педагога, знакомятся съ методами школьнаго обученія и практически занимаются обученіемъ въ младшихъ классахъ, пріобрѣтая сами необходимыя познанія для дальнѣйшаго собственнаго развитія. Дѣвицы, прошедшія полный курсъ педагогическаго класса (на что потребуется отъ 2 до 3-хъ лѣтъ) и выдержавшія установленный экзаменъ, получаютъ званіе учительницы въ народныхъ школахъ.

Ставропольскія Губернскія Вѣдомости (№ 38), сообщивъ эти свѣдѣнія, изложенныя нами въ короткомъ извлеченіи, передаютъ въ заключеніе рѣчь предсѣдателя коммиссіи, начальника Ставропольской

губерніи, Г. К. Властова, который, указавъ на новое назначеніе училища св. Александры и очертивъ предстоящую воспитанницамъ плодотворную дѣятельность на поприщѣ начальнаго народнаго образованія, сказалъ между прочимъ: „Дѣятельность молодыхъ этихъ наставницъ будетъ чрезвычайно важна для общества, выразится ли она въ воспитаніи собственныхъ дѣтей, или въ преподаваніи въ первоначальныхъ школахъ для дѣтей всѣхъ сословій: доказано опытомъ всѣхъ странъ, упредившихъ далѣе насъ въ народномъ образованіи, что воспитаніе и обученіе дѣтей особенно идетъ успѣшно въ рукахъ женщины, ибо она обладаетъ и большимъ терпѣніемъ, чѣмъ мужчина, и большею любовью къ дѣтямъ, что̀ едва-ли не составляетъ главной причины успѣха при воспитаніи дѣтей". Упомянувъ затѣмъ о недостаткѣ преподавателей при сознаваемой обществомъ необходимости распространить въ массѣ народа первоначальныя свѣдѣнія, которыя помогли бы вывести по крайней мѣрѣ большую часть сельскаго и городскаго населенія изъ невѣжества, служащаго причиною многихъ пороковъ, Г. К. Властовъ прибавилъ: „Едва-ли при малонаселенности Россіи вообще и нашего края въ особенности, при громадномъ требованіи преподавателей, мы въ состояніи будемъ достигнуть желаемыхъ результатовъ, если часть этого труда не возьметъ на себя женщина, столь способная, столь незамѣнимая при первоначальномъ обученіи дѣтей. Только одна женщина можетъ посвятить себя ввѣренной ей школѣ, и не отвлекаясь никакими другими занятіями и обязанностями, сблизиться съ жизнію каждаго ребенка въ особенности, и за тѣмъ, съ терпѣніемъ ей свойственнымъ, дать ему чистыя и здравыя понятія о религіи и нравственности, кои будутъ вліять на всю жизнь дитяти, а потомъ и на жизнь цѣлаго общества".

— Существующая въ Кіевѣ элементарная безплатная женская школа, не смотря на крайнюю скудость своихъ средствъ, идетъ довольно успѣшно. Въ *Кіевлянинѣ* (№ 115) пишутъ, что число ученицъ въ этой школѣ предъ началомъ лѣтнихъ каникулъ простиралось до 200, и не было между ними почти ни одной, которая бы не умѣла читать; по возобновленіи же ученья съ 17-го августа, ежедневно прибываютъ дѣвочки изъ различныхъ частей города безъ всякихъ свѣдѣній. Авторъ статьи говоритъ, что скудныя средства школы даже не предвидится никакой возможности расширить на столько, чтобы можно было нанять болѣе обширное помѣщеніе, а между тѣмъ отказывать дѣтямъ бѣдныхъ родителей въ пріемѣ ихъ въ школу кажется безчеловѣчнымъ, и потому на долю учительницъ выпадаетъ не совсѣмъ

завидное положеніе заниматься въ комнатахъ, гдѣ по временамъ бываетъ почти такая тѣснота, какъ въ праздничные дни въ храмахъ Божіихъ. Но это неудобство помѣщенія, происходящее отъ недостатка матеріальной общественной поддержки, не охлаждаетъ въ лицахъ, трудящихся въ школѣ, ихъ энергіи и преданности дѣлу, потому что многія ученицы, прошедшія уже весь маленькій курсъ школы, успѣли пріобрѣсть такую любовь къ наукѣ, что просятъ учить ихъ русской исторіи, географіи, 2-й части ариѳметики и проч. Еслибъ эти даровитыя дѣвочки, заключаетъ авторъ статьи, имѣли возможность остаться въ школѣ лѣтъ до 16-ти, то изъ нихъ могли бы образоваться отличныя сельскія учительницы.

— Въ издающейся въ Москвѣ газетѣ того же наименованія (№ 145) было заявлено о предполагавшемся открытіи въ этой столицѣ учреждаемыхъ городскою думой шести новыхъ начальныхъ училищъ для приходящихъ дѣтей женскаго пола, съ тѣмъ чтобы недочтаточнымъ людямъ доставить возможность дать своимъ дѣтямъ хотя начальное образованіе. Въ училищахъ этихъ, кромѣ обученія закону Божію, чтенію, письму и счетамъ, дѣти будутъ обучаться и рукодѣлію, наиболѣе нужному въ домашнемъ быту. Чтобъ облегчить доступъ въ школы, плата за ученіе назначена только три рубля въ годъ, и притомъ эта сумма можетъ быть взносима по третямъ. Дѣвочки, принимаемыя въ эти школы безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, будутъ пользоваться безплатно учебными пособіями; кромѣ того, лучшія изъ нихъ по ученію будутъ получать денежныя награды, а бѣдныя — особое вспомоществованіе изъ суммъ, собираемыхъ за ученіе.

Та же газета (№ 155) извѣщаетъ теперь, что три изъ этихъ школъ уже открыты и содержатъ пока отъ 15-ти до 20-ти ученицъ. Остальныя открываются вслѣдъ за симъ.

НАЧАЛЬНОЕ И СПЕЦІАЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ ВЪ БЕЛЬГІИ.

III. Спеціальное обученіе.

(Окончаніе) [1].

Спеціальныя отдѣленія атенеевъ (sections professionnelles) составляютъ въ Бельгіи, какъ было объяснено въ предыдущей нашей статьѣ, *среднія учебныя заведенія*, изъ назначенныхъ тамъ для спеціальнаго или же реальнаго обученія, такъ что еслибъ эти отдѣленія пользовались въ Бельгіи независимымъ положеніемъ, то можно было бы дать имъ названіе „реальныхъ гимназій". Притомъ они же послужили, какъ оказывается, главнымъ образцомъ для среднихъ спеціальныхъ школъ во Франціи (enseignement secondaire spécial), устройство которыхъ опредѣлено въ прошедшемъ году, кажется, окончательно. Правда, первообразъ бельгійскихъ спеціальныхъ школъ, а слѣдовательно, и французскихъ, заключается, повидимому, въ нѣмецкихъ реальныхъ школахъ (Realschulen); однакожъ, мы оставимъ въ сторонѣ германскія спеціальныя школы, а займемся здѣсь тѣми, которыя хотя и не отличаются еще совершенствомъ, но находятся въ странахъ, промышленность которыхъ далеко опередила германскую, и слѣдовательно, болѣе согласуются съ практическими цѣлями. Именно, мы постараемся изложить въ настоящей статьѣ устройство учебной части въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ бельгійскихъ атенеевъ и въ то же время коснемся новыхъ французскихъ спеціальныхъ школъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ пунктовъ учебнаго ихъ плана и нѣкоторыхъ другихъ условій, въ которыхъ они наиболѣе приближаются къ бельгійскимъ школамъ или же наиболѣе разнятся отъ нихъ. Впрочемъ, бельгійскія и французскія спеціальныя школы такъ близки другъ къ другу, что взаимно пояс-

---

[1] См. «Совр. Лѣт.» въ февральской и іюньской книжкахъ *Журн. Мин. Народ. Просв.* за текущій годъ.

няютъ другъ друга относительно учебной и даже административной части [1]).

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать и другаго рода оговорку. Вопросъ о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ рѣшенъ у насъ окончательно въ пользу первыхъ, по крайней мѣрѣ, въ общественномъ мнѣніи, которое вездѣ высказалось въ пользу того образованія, которое исключительно даетъ доступъ въ университеты. Поэтому мы нисколько не думаемъ снова касаться здѣсь этого вопроса даже съ новой точки зрѣнія, именно, съ той, что могутъ оказаться у насъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, многіе учащіеся, принадлежащіе къ извѣстнымъ сословіямъ, которые найдутъ для себя „равно недоступнымъ курсъ реальныхъ гимназій, какъ и классическихъ", но которые тѣмъ не менѣе обучались бы съ пользою въ *среднихъ спеціальныхъ школахъ*. Отъ такой постановки вопроса мы уклоняемся тѣмъ болѣе, что пока считаемъ болѣе необходимыми у насъ *низшія спеціальныя школы*, которыя удовлетворяли бы интересамъ большинства населенія, и успѣхъ которыхъ притомъ обусловливается возможно бо̀льшимъ развитіемъ начальнаго обученія, составляющаго у насъ теперь наиболѣе настоятельную потребность. Но все-таки свѣдѣнія о среднемъ реальномъ, или же спеціальномъ обученіи за границей, по крайней мѣрѣ, относительно учебной части не могутъ быть лишены для насъ интереса.

Спеціальныя отдѣленія атенеевъ въ Бельгіи состоятъ изъ пяти основныхъ классовъ и одного приготовительнаго [2]). Кромѣ того, старшіе два класса, то-есть, 2-й и 1-й, раздѣлены каждый на два парал-

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не находимъ возможнымъ представить здѣсь сколько-нибудь удовлетворительную характеристику устройства *учебной части* французскихъ среднихъ спеціальныхъ школъ. Это устройство, безъ сомнѣнія, весьма интересно; но оно выражено въ *подробныхъ* министерскихъ указаніяхъ на методы преподаванія каждаго предмета и въ каждомъ классѣ отдѣльно, а равно и въ программахъ по каждому предмету, *подробныхъ* даже до крайнихъ мелочей. Не указавъ на эти подробности, нельзя представить сколько-нибудь удовлетворительную характеристику этихъ новыхъ французскихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ все это занимаетъ въ оффиціальномъ органѣ французскаго министерства народнаго просвѣщенія (см. *Bulletin administratif du ministère de l'instruction publique*, за 1866 годъ, № 99 и 104) 87 страницъ обыкновенной печати и 153 *петитомъ*.

[2]) Для устраненія какихъ-либо недоразумѣній считаемъ не лишнимъ замѣтить, что высшій классъ называется *первымъ*, то-есть, что классы въ атенеяхъ называются въ порядкѣ обратномъ тому, какой принятъ въ нашихъ гимназіяхъ.

главныя отдѣленія: отдѣленіе наукъ (section scientifique) и отдѣленіе промышленности и торговли (section industrielle et commerciale).

Приготовительный классъ оказывается необходимымъ, какъ вслѣдствіе неудовлетворительности многихъ начальныхъ училищъ, изъ которыхъ поступаютъ учащіеся въ спеціальныя отдѣленія атенеевъ, такъ и вслѣдствіе того, что программы обученія въ начальныхъ училищахъ весьма разнообразны, именно, одни изъ училищъ ограничиваются (какъ мы уже видѣли въ 1-й части этой статьи) лишь обязательными предметами, другія же расширяютъ болѣе или менѣе свою программу. Въ приготовительномъ же классѣ учащіеся однообразно подготовляются къ спеціальному обученію. Точно съ такою же цѣлью учрежденъ приготовительный классъ и при французскихъ спеціальныхъ школахъ. Однакожъ, и приготовительный классъ не избавляетъ спеціальныя отдѣленія бельгійскихъ атенеевъ отъ недостаточно приготовленныхъ учениковъ. Въ Бельгіи, какъ мы уже знаемъ, существуетъ множество частныхъ начальныхъ школъ; но въ нихъ заботятся обыкновенно только о формальной подготовкѣ учащагося къ поступленію въ спеціальную школу, а потому сообщаютъ ему какъ можно большее количество словъ и отрывочныхъ свѣдѣній, нисколько не дѣйствуя на его умственное развитіе. Такимъ образомъ, къ пріемному экзамену для поступленія въ низшій классъ (5-й по тамошнему названію) спеціальнаго отдѣленія являются мальчики, весьма недостаточно приготовленные; изъ нихъ дѣлается кое-какой выборъ, но все-таки большинство принимается безъ удовлетворительныхъ познаній. Если же не отступать отъ требованій пріемнаго экзамена, тогда пришлось бы отказывать въ пріемѣ значительному большинству экзаменующихся, и они затѣмъ поступали бы въ частныя школы, чего именно не желаетъ бельгійское правительство. Наконецъ, вслѣдствіе такой строгости пріемныхъ экзаменовъ, атенеи, и по крайней мѣрѣ, спеціальныя ихъ отдѣленія вскорѣ опустѣли бы. Итакъ, вслѣдствіе неприготовленности вновь поступающихъ учениковъ, обученіе, какъ въ первомъ классѣ этихъ отдѣленій атенеевъ, такъ и въ слѣдующихъ за нимъ, не достигаетъ того уровня, какого бы желали Бельгійцы [1]). Обстоятельство это можно, однакожъ, объяснять не одною неудовлетворительностію начальнаго обученія. Въ Бельгіи, а равно и во Франціи, обращается особенное вниманіе на начальныя школы, и расходуются на нихъ сравнительно большія суммы; вслѣдствіе же такой

[1]) *Baudouin* — Rapport etc., p. 34, 38 и 39.

заботливости о нихъ, онѣ не могутъ не давать достаточно удовлетворительныхъ результатовъ, по крайней мѣрѣ, по основнымъ предметамъ обученія. Но въ то время, какъ такъ совершенствуется обученіе въ начальныхъ школахъ, требованія другихъ школъ, слѣдующихъ за начальными, возрастаютъ еще болѣе вслѣдствіе того, что онѣ сами должны соотвѣтствовать тому неодолимому стремленію, которое увлекаетъ западные народы уже не къ наукѣ въ теоріи, а къ приложенію ея на практикѣ. Поэтому-то начальныя школы съ обыкновеннымъ курсомъ не могутъ уже достаточно приготовлять учащихся для поступленія, напримѣръ, въ среднія спеціальныя школы, какъ это видно, между прочимъ, изъ программъ приготовительныхъ классовъ бельгійскихъ и французскихъ спеціальныхъ школъ. Такъ, въ бельгійскихъ приготовительныхъ классахъ, сверхъ обыкновенныхъ предметовъ начальнаго обученія, начинается преподаваніе географіи и исторіи; во французскихъ же спеціальныхъ школахъ курсъ приготовительнаго класса еще болѣе усложненъ, а именно, въ него входятъ слѣдующіе предметы: языки французскій и новѣйшіе иностранные, разказы изъ исторіи Франціи, черченіе карты мѣстнаго департамента и общее обозрѣніе Франціи въ географическомъ отношеніи, ариѳметика и начала геометріи, начальныя свѣдѣнія изъ зоологіи (характеристика болѣе извѣстныхъ животныхъ), чистописаніе, черченіе и рисованіе, и объемъ преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ опредѣленъ весьма точно посредствомъ обширныхъ программъ [1]).

---

[1]) Чтобъ охарактеризовать программы этого класса, сдѣлаемъ изъ нихъ слѣдующія выдержки. *Разказы изъ исторіи Франціи* заключаютъ 24 *нумера*. Они начинаются слѣдующими: «Галлы: взятіе Рима; Верцингеториксъ». «Франки: Кловисъ, его побѣды и принятіе христіанства; Карлъ-Мартелъ при Пуатье». Одиннадцатый разказъ обнимаетъ слѣдующее: «Ришелье и Мазарини. Убійство Кончини; казнь Сенъ-Марса; взятіе Ла-Рошели. Конде при Рокруа и Фрибургѣ. Пріобрѣтеніе Эльзаса, Артуа и Руссильона. Бѣдствія во время Фронды: святый Викентій-де-Поль». Четыре разказа посвящены Наполеону I, и начиная съ юныхъ его лѣтъ, обнимаютъ всѣ наиболѣе блистательные его подвиги; впрочемъ, включено и «Ватерло». Тоже четыре разказа посвящены царствованію нынѣшняго императора; два изъ нихъ относятся къ побѣдамъ въ войнахъ съ Россіей и Австріей и къ присоединенію Ниццы и Савойи. Наконецъ, программа послѣднихъ двухъ разказовъ выражена слѣдующимъ образомъ: «Дальнія экспедиціи: Взятіе Пекина. Покореніе (conquête) Кохинхины. Взятіе Пуэблы». «Торговый договоръ съ Англіей. Расчистка (défrichement) ландовъ въ Гасконьи. Всемірныя выставки. Суэзскій каналъ». — При *черченіи карты мѣстнаго департамента* имѣются въ виду преимущественно пути сообщенія между городами департамента, выходя изъ главнаго; но при этомъ обращается вниманіе и на все замѣчательное, встрѣчае-

Ученіе въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ бельгійскихъ атенеевъ продолжается, какъ мы уже сказали, пять лѣтъ, не считая приготовительнаго класса. Но такъ какъ, вслѣдствіе сказанной выше причины, обученіе въ нихъ не достигаетъ тѣхъ результатовъ, какіе ожидались, то и предположено было прибавить къ этимъ отдѣленіямъ еще одинъ

мое на этихъ путяхъ. Въ программѣ указано, для образца, изученіе въ этомъ отношеніи департамента Соны и Луары. Изъ этой программы мы беремъ, для примѣра, второй ея пунктъ, то-есть, путь отъ Макона, на западъ, къ Шаролю (Charolles): «На пути встрѣчается цѣпь горъ, которая проходитъ съ юга на сѣверъ и раздѣляетъ департаментъ почти на двѣ равныя части; эти горы называются Шарольскими по имени небольшаго края, главный городъ котораго — Шароль; средняя высота этихъ горъ 600 — 700 метровъ; главные пики: Suin и Saint-Vincent; послѣдній находится въ центрѣ департамента; вся цѣпь состоитъ изъ пахотныхъ возвышенностей; пастбища и виноградники; внутреннія богатства этихъ горъ, состоящія въ каменномъ углѣ и желѣзѣ; подробности о Шаролѣ; протекающая чрезъ него рѣка; торговля скотомъ, винами, каменнымъ углемъ и желѣзомъ; Шарольскіе волы». Прочіе пункты этой программы касаются еще большихъ подробностей. — *Общее обозрѣніе Франціи въ географическомъ отношеніи* заключаетъ, между прочимъ, слѣдующіе два пункта программы: «Бассейнъ Роны (какъ образецъ для описанія прочихъ бассейновъ). Горы, изъ которыхъ вытекаетъ эта рѣка; озера, которыя она образуетъ или которыя соединены съ нею чрезъ притоки. Направленія ея: отъ истоковъ до Ліона, отъ Ліона до моря. Особенная форма ея устьевъ. Притоки. Главные города по рѣкѣ и ея притокамъ. Второстепенные бассейны: Вара, Геро, Ода (Aude)». «Измѣненія границъ Франціи въ средніе вѣка и въ позднѣйшее время: предѣлы *древней Галліи*, независимой и подъ римскимъ владычествомъ; предѣлы *Франкскаго государства* при Меровингахъ и Карлѣ Великомъ; предѣлы королевства Франціи въ 843 году по Верденскому разділу; — въ 1715 г. во время кончины Людовика XIV; въ 1791, 1812 и 1815 годахъ; новые департаменты, присоединенные при Наполеонѣ III. въ 1860 году». — Преподаваніе *начальной геометріи* въ этомъ классѣ хотя состоитъ собственно въ *практическомъ* обученіи, но все-таки оно весьма обширно; оно здѣсь заканчивается свѣдѣніями (впрочемъ, безъ теоретическихъ объясненій), относящимися къ пропорціональности прямыхъ линій. Сберегая мѣсто, мы не можемъ привести вполнѣ изложеніе этого заключительнаго пункта программы; но о немъ можно получить достаточное понятіе изъ общаго содержанія, указаннаго въ инструкціи учителямъ: «Дѣленія данной прямой линіи на равныя части. Построеніе масштаба для плана данной мѣстности. Четвертая пропорціональная линія для данныхъ трехъ. Пропорціональный циркуль и его употребленіе. Средняя пропорціональная линія и проч.» — Программа *начальной зоологіи* начинается свѣдѣніями о лошади: «Свѣдѣнія о строеніи тѣла лошади. Объясненіе, при посредствѣ простѣйшихъ механическихъ способовъ, почему это животное крѣпко на ногахъ и способно какъ къ быстрому бѣгу, такъ и къ передвиженію значительныхъ тяжестей. Нравы дикихъ лошадей; способъ ихъ укрощенія. Какъ можно узнавать лѣта лошади по зубамъ. Сравненіе лошади съ осломъ и зеброю; указать по случаю этого сравненія на существованіе естественныхъ родовъ и се-

классъ, то-есть, назначить шестилѣтній курсъ, по примѣру классическаго отдѣленія. Однакожъ это оказалось невозможнымъ вслѣдствіе того, что и теперь учащіеся выбываютъ обыкновенно послѣ трехъ лѣтъ ученія, такъ что въ старшіе два класса переходитъ ихъ весьма немного, не болѣе шестой части учившихся въ третьемъ классѣ; поэтому, напримѣръ, г. Бодуэнъ нашелъ въ первомъ, то-есть, выпускномъ классѣ Брюссельскаго атенея, въ спеціальномъ его отдѣленіи, только трехъ учениковъ (изъ которыхъ одинъ значился больнымъ), тогда какъ въ то же время въ 5-мъ (то-есть, въ первомъ по году обученія) считалось по спискамъ 140 учащихся. Это явленіе легко объясняется: въ спеціальныя отдѣленія учащіеся поступаютъ большею частію изъ бѣднѣйшихъ классовъ народонаселенія и не имѣютъ средствъ на прохожденіе многолѣтняго курса; тѣ же изъ учащихся, кои принадлежатъ къ болѣе достаточнымъ семействамъ, избираютъ классическое отдѣленіе, какъ ведущее къ бо́льшимъ преимуществамъ; отсюда происходитъ, что хотя спеціальныя отдѣленія вообще гораздо многолюднѣе классическихъ, именно, въ полтора раза, но въ нихъ только низшіе три класса переполнены учащимися, а въ старшихъ двухъ весьма ихъ немного. Особенно малолюдными оказываются классы промышленности и торговли. Для привлеченія въ это отдѣленіе учащихся, а также съ цѣлію пріохотить ихъ къ окончанію полнаго курса, установленъ въ 1863 году особый дипломъ (diplôme de capacité), который выдается кончившимъ курсъ въ этомъ отдѣленіи и затѣмъ выдержавшимъ экзаменъ въ особой коммиссіи. При установленіи этого диплома имѣлось въ виду, что онъ, соотвѣтствуя нѣкоторымъ образомъ диплому на званіе *gradué en lettres*, выдаваемому кончившимъ курсъ и выдержавшимъ экзаменъ по классическому отдѣленію, будетъ предметомъ соревнованія для учащихся. Но едва-ли этотъ разчетъ окажется вѣрнымъ. Такъ, къ первому экзамену, въ 1863 году, явились желающіе экзаменоваться только изъ 5-ти на 10 атенеевъ, и притомъ число ихъ было всего 12. Всѣ они удостоены диплома, вѣроятно, потому что въ инструкціи членамъ экзаменаціонной коммиссіи, данной министромъ, прямо было сказано, что на первый разъ слѣдуетъ быть снисходительными и что вообще эти экзамены могутъ производиться съ надлежащею строгостью тогда только, когда старшіе классы спеціальнаго

мействъ животныхъ». Програма оканчивается слѣдующимъ пунктомъ: «Главныя части тѣла устрицы. Свѣдѣнія о раковинѣ. Способъ наростанія ея. Замо́къ. Перламутръ. Жемчугъ». — Не забудемъ, что все это проходится въ *приготовительномъ* классѣ французской спеціальной школы.

отдѣленія атенеевъ наполнятся учащимися въ достаточной мѣрѣ [1]). Можно предполагать, что это распоряженіе министра сдѣлалось заранѣе извѣстнымъ и учащимся; между тѣмъ, весьма немногіе явились къ экзамену. И это совершенно понятно. Новый дипломъ не представляетъ никакихъ преимуществъ, подобныхъ тѣмъ, какія даетъ званіе *gradué en lettres*, а между тѣмъ для пріобрѣтенія его требуется особый экзаменъ и въ особой экзаменаціонной коммиссіи. Министерство предполагало, что этотъ дипломъ будетъ служить для предъявителей его особою рекомендаціей при поступленіи ихъ въ промышленныя, торговыя и тому подобныя частныя заведенія; но едва-ли и это предположеніе оправдается практикой: владѣльцы подобныхъ заведеній руководствуются въ своемъ дѣлѣ, какъ извѣстно, личными соображеніями и мало довѣряютъ письменнымъ рекомендаціямъ, хотя бы выданнымъ отъ самого правительства. Если бельгійское правительство желало придать надлежащее значеніе вновь установленному диплому, то оно должно было обезпечить его преимущества отъ себя, а не ожидать этого отъ частныхъ лицъ. Когда бы правительство выразило положительнымъ образомъ свое довѣріе къ этому диплому, тогда и частныя лица, вѣроятно, придавали бы ему большее значеніе. Дѣйствительно, въ предварительныхъ соображеніяхъ относительно установленія этого диплома предполагалось предоставить ему нѣкоторыя преимущества [2]), подобныя тѣмъ, какія даются въ Пруссіи. При этомъ предполагалось также выдавать дипломы и по отдѣленію наукъ. Но ни то, ни другое не состоялось: послѣднее — по тому соображенію министерства, какъ объяснено въ его отчетѣ, что учащіеся въ отдѣленіи наукъ всѣ поступаютъ въ высшія спеціальныя школы, и слѣдовательно, не нуждаются въ дипломѣ средняго учебнаго заведенія.

Во Франціи тоже назначены дипломы по спеціальному обученію; изъ нихъ одинъ (diplôme de fin d'études) назначенъ для выдержавшихъ удовлетворительно экзаменъ въ предметахъ, преподаваемыхъ въ спеціальной школѣ; другой (brevet de capacité) выдается, тоже по экзамену, желающимъ получить право на открытіе частной спеціальной школы. Первый изъ этихъ дипломовъ не даетъ, какъ и въ Бельгіи, никакихъ особыхъ правъ или преимуществъ и имѣетъ ту же цѣль *рекомендаціи*, которая, какъ мы уже замѣтили, не можетъ имѣть дѣйствительнаго значенія. Слѣдовательно, и здѣсь повторилась та же

---

[1]) Rapport triennal sur l'état de l'enseignement moyen etc., annexes, p. 153.

[2]) Относительно этого факта см. *Baudouin* — Rapport etc., стр. 44.

ошибка въ разчетѣ на значеніе правительственной рекомендаціи. Но за исключеніемъ этого обстоятельства французскія спеціальныя среднія школы поставлены въ болѣе опредѣленное положеніе, чѣмъ бельгійскія. Дѣйствительно, при чтеніи тѣхъ офиціальныхъ документовъ [1]), изъ которыхъ мы почерпнули приводимыя здѣсь свѣдѣнія о бельгійскихъ спеціальныхъ школахъ, невольно рождается мысль, что бельгійское правительство какъ будто еще не вполнѣ признаетъ право гражданства этихъ школъ въ ряду учебныхъ заведеній государства; что эти школы — только уступка со стороны правительства настоятельнымъ требованіямъ настоящаго времени; что бельгійское правительство желало бы, можетъ-быть, и спеціальныя отдѣленія атенеевъ подвести, относительно ихъ устройства и направленія обученія, подъ норму классическихъ, какъ издавна заслуживщихъ довѣріе къ себѣ; наконецъ, въ тѣхъ же офиціальныхъ документахъ чувствуется, что вниманіе бельгійскаго правительства не одинаково обращается на оба отдѣленія атенеевъ, а на которое изъ нихъ приходится бо̀льшая его доля, можно заключить даже изъ того, повидимому, незначительнаго обстоятельства, что старшіе два класса отдѣленія классическаго носятъ до сихъ поръ названія классовъ *поэзіи* и *реторики*. Быть можетъ, что всѣ подобныя недоразумѣнія въ устройствѣ среднихъ спеціальныхъ школъ въ Бельгіи произошли вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя имѣли неблагопріятное вліяніе и на начальное обученіе [2]), именно вслѣдствіе упорной, хотя и мирной, борьбы трехъ партій: правительственной, либеральной и клерикальной, которыя тамъ, къ сожалѣнію, изъ поприща своихъ состязаній, не выдѣлили и мирной школы. Какъ бы то ни было, но спеціальныя отдѣленія бельгійскихъ атенеевъ поставлены, какъ намъ кажется, въ сомнительное положеніе, именно поставлены въ какой-то ложный антагонизмъ съ классическими отдѣленіями.

Во Франціи среднее спеціальное обученіе было поставлено въ началѣ въ подобныя же условія, именно оно было устроено при лицеяхъ въ видѣ особыхъ *прикладныхъ курсовъ* [3]). Въ настоящее же время предоставлено

---

[1]) Они поименованы въ 1-й части настоящей статьи; см. февральскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за нынѣшній годъ, Совр. Лѣт. стр. 252.

[2]) См. первую часть настоящей статьи въ февральской книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.*

[3]) Объ учрежденіи этихъ курсовъ было своевременно сообщено въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* (См. ноябрьскую книжку за 1863 г., отд. VI, стр. 94—103). Тогдашніе взгляды г. Дюрюи, французскаго министра народнаго просвѣщенія, относительно

ему болѣе самостоятельное положеніе. Правда, новыя специальныя поставлены гораздо ниже, чѣмъ заслуженные лицеи съ классическимъ обученіемъ, и притомъ не только относительно предоставленныхъ преимуществъ, но и по самой цѣли обученія. Но этимъ самымъ проведена рѣзкая черта между новымъ обученіемъ и классическимъ. Слѣдовательно, всякій, избирающій то или другое обученіе, не станетъ колебаться между привилегіями той или другой школы, но избереть школу, которая окажется болѣе близкою къ удовлетворенію его потребностей. Притомъ эти школы разчитаны на такихъ учащихся, которые могутъ посвящать на ученіе лишь немногіе годы; ... нихъ назначенъ только четырехлѣтній курсъ сверхъ приготовительнаго класса. Наконецъ, принято во вниманіе, что и это можетъ оказаться для многихъ учащихся слишкомъ продолжительнымъ и что слѣдовательно, они не будутъ оканчивать курса школы. ... тому согласно съ этимъ предположеніемъ расположенъ какъ общій планъ преподаванія, такъ и каждаго предмета отдѣльно. Въ министерскомъ циркулярѣ, разосланномъ ректорамъ академическихъ округовъ (по нашему, попечителямъ учебныхъ округовъ), ...ніе новыхъ школъ, а равно и направленіе въ нихъ обученія ...яснены слѣдующимъ образомъ. Въ этомъ циркулярѣ министръ между прочимъ, говоритъ: „Новое обученіе совершенно различно ... щему плану отъ классическаго. Воспитанникъ поступаетъ въ ... конечно, для того чтобы послѣдовательно пройдти всѣ его ... а потому можно здѣсь разчитывать на его трудъ и прилежаніе продолженіе семи или восьми лѣтъ. Почти всѣ плоды классическаго обученія теряются для того, кто не оканчиваетъ полнаго ... въ лицеѣ [1]). Но специальное обученіе назначено для тѣхъ, ... которыя не могутъ обращать на свое обученіе ни значительныхъ издержекъ, ни много времени. Многія изъ нихъ не станутъ оканчивать курса, а нѣкоторыя останутся въ школѣ только годъ или два. ... этому слѣдовало распредѣлить предметы обученія такимъ образомъ

специальнаго обученія значительно разнятся отъ нынѣшнихъ, которые ... водимъ ниже согласно съ печатными заявленіями г. министра.

[1]) Если это замѣчаніе французскаго министра вполнѣ вѣрно, то оно указываетъ на существенный и весьма прискорбный недостатокъ классическихъ учебныхъ заведеній Франціи. Поэтому можно ожидать, что эти слова г. Дюрюи вызовутъ мѣры, кои будутъ приняты во французскихъ лицеяхъ и коллегіяхъ къ устраненію означеннаго недостатка въ среднемъ классическомъ обученіи. Если ... этомъ успѣлъ г. Дюрюи, то онъ оказалъ бы весьма важную услугу ... Франціи, такъ какъ этимъ рѣшался бы крайне важный педагогическій вопросъ

чтобы каждый годъ обученія представлялъ по своей программѣ нѣчто цѣлое и чтобы наиболѣе необходимые предметы проходились въ первыхъ классахъ; все это направлено къ тому, чтобъ учащіеся, кои вслѣдствіе житейскихъ обстоятельствъ принуждены будутъ выходить изъ школы до окончанія курса, выносили бы тѣмъ не менѣе наиболѣе необходимыя знанія и притомъ болѣе или менѣе законченное образованіе. Съ этою именно цѣлью преподаваніе распредѣлено по классамъ въ видѣ, такъ-сказать, концентрическихъ круговъ". „Преподаватели должны постоянно имѣть въ виду, что спеціальная школа назначена для иной цѣли, нежели лицей: она не должна стремиться къ образованію людей, кои въ послѣдствіи посвящали бы себя высшимъ изслѣдованіямъ въ наукѣ и словесности; напротивъ, она должна имѣть въ виду образованіе, необходимое для промышленниковъ, купцовъ, земледѣльцевъ, изъ которыхъ, впрочемъ, многіе, расширивъ знанія, пріобрѣтенныя въ школѣ, посредствомъ свѣдѣній, полученныхъ въ практической жизни, — могутъ сравниться и съ тѣми, кои уже въ школѣ стремились къ большему развитію ума и избрали для этого изученіе предметовъ, менѣе практическихъ (études plus desintéressées) по непосредственному ихъ примѣненію". Эти слова министра ясно опредѣляютъ то мѣсто, которое должны занять спеціальныя школы въ ряду прочихъ французскихъ учебныхъ заведеній средняго разряда. Конечно, это — весьма второстепенное мѣсто; тѣмъ не менѣе эти школы будутъ, вѣроятно, составлять предметъ особенной заботливости какъ правительства, такъ и общества: ручательствомъ за это можетъ служить то обстоятельство, что законъ объ устройствѣ спеціальнаго обученія принятъ въ законодательномъ собраніи (въ 1865 г.) единогласно; то же ручательство видно и въ заключительныхъ словахъ сейчасъ приведеннаго министерскаго циркуляра. Эти слова министра заслуживаютъ, кажется, вниманія не однихъ Французовъ. „Надѣюсь, говоритъ министръ, что среднее спеціальное обученіе, назначенное для общенароднаго образованія, будетъ, наконецъ, упрочено. Пора намъ спѣшить этимъ дѣломъ. Между промышленными народами началась мирная, но страшная борьба; побѣда останется не на той сторонѣ, гдѣ больше рукъ и капиталовъ, но за тѣмъ народомъ, въ которомъ рабочіе классы будутъ обладать бо́льшимъ умственнымъ развитіемъ и бо́льшими знаніями. Наука постоянно дѣлаетъ новыя открытія и доставляетъ промышленности новыхъ дѣятелей и новыя средства; но чтобы воспользоваться этими открытіями, будутъ ли то могущественные дѣятели или же нѣжные, нужно умѣнье обращаться съ ними и при-

мѣнять ихъ къ дѣлу. Вотъ почему въ настоящее время успѣхи промышленности тѣсно связаны съ успѣхами школы, и вотъ почему дѣятельность учебнаго вѣдомства получила столь важное значеніе и для матеріальнаго благосостоянія Франціи. Великій переворотъ совершается въ настоящее время, и чтобы не сомнѣваться въ его значеніи, слѣдуетъ только обратить вниманіе на Швейцарію. Эта страна горъ и озеръ, любимый край художниковъ и поэтовъ, надѣлена восхитительными прелестями природы; но въ ней нѣтъ никакихъ условій, способствующихъ развитію промышленности: въ ней нѣтъ ни гавани, ни судоходной рѣки, ни каналовъ, и даже нѣтъ рудниковъ. Однакожь, въ этой странѣ, среди безплодныхъ горъ, выдѣлывается столько различныхъ произведеній промышленности, что ихъ достаетъ на уплату за привозные товары; а изъ одной Франціи привозятся ихъ на 200 милліоновъ франковъ. Между тѣмъ еще очень недавно эта страна промышляла только наемными солдатами. Въ настоящее же время, въ противность прежнему, выходитъ изъ этой страны столько способныхъ людей, что во всякомъ болѣе значительномъ торговомъ городѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, находится швейцарская колонія и занимаетъ видное мѣсто, и сверхъ того, во всѣхъ большихъ коммерческихъ домахъ находятся способные служащіе, вышедшіе изъ Базеля, Цюриха или Невшателя. Но въ Швейцаріи и послѣдній работникъ умѣетъ читать, и никто не выходитъ изъ школы раньше 15-ти или 16-лѣтняго возраста".

Но наибольшее различіе между бельгійскими и французскими спеціальными школами заключается, если не ошибаемся, въ самомъ характерѣ обученія относительно его основательности. Въ Бельгіи стараются производить спеціальное обученіе сколь возможно основательнѣе, и поэтому именно находятъ нужнымъ увеличить число лѣтъ обученія, а также предполагалось съ этою цѣлью раздѣлить отдѣленіе промышленности и торговли на два особыя отдѣленія. Какихъ результатовъ достигаетъ это обученіе, мы можемъ здѣсь представить образецъ тому: именно съ этою цѣлью обращаемъ вниманіе читателя на вопросы, которые были предложены учащимся при извѣстныхъ конкурсахъ между училищами; эти вопросы мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ (см. IV приложеніе). Намъ кажется, что если бы въ этихъ школахъ оканчивало курсъ большее число учащихся, чѣмъ теперь, тогда бы можно было считать эти заведенія достаточно удовлетворительными, несмотря на всѣ ихъ нынѣшніе недостатки, вытекающіе впрочемъ не изъ самой школы, а изъ непра-

юсти общихъ условій, въ какія она поставлена. Во Франціи обу- въ спеціальныхъ школахъ едва-ли можетъ производиться съ такою новательностію, какъ въ Бельгіи. Въ этихъ школахъ число лѣтъ обу- значительно уменьшено, какъ мы уже видѣли, сравнительно съ йскими; между тѣмъ, и общій планъ преподаванія, и программы етовъ въ отдѣльности несравненно сложнѣе, чѣмъ бельгійскія: Эти аммы столь обширны и обнимаютъ такую массу самыхъ разнообраз- свѣдѣній и притомъ по столь многимъ вѣтвямъ человѣческихъ зна- іто производятъ на читателя какое-то подавляющее впечатлѣніе. наемся, что если бы пришлось отдать словесный отчетъ только ставу этихъ програмиъ, то и тогда бы потребовалось значительное я на приготовленіе къ такому экзамену [1]). И между тѣмъ все это ьчено къ преподаванію въ 4-хъ или 5-лѣтній срокъ и притомъ мальчиковъ, оканчивающихъ обученіе въ 17-лѣтнемъ возрастѣ и ше. Разумѣется, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть и о надлежащей основательности преподаванія, а напротивъ, оно тъ имѣть цѣлью сообщеніе учащимся только *свѣдѣній*, а не *ій*, раціонально усвоенныхъ, и притомъ можетъ стремиться къ итію въ учащихся только *смѣтливости*, а не способности *стро- мышленія*. Въ такомъ же смыслѣ, сверхъ приведенныхъ выше ъ изъ циркуляра, выражается неоднократно и министръ въ пред- нныхъ къ исполненію указаніяхъ методъ преподаванія, а также

Едва-ли не такое же тяжелое впечатлѣніе произвели эти программы и на о министра, г. Дюрюи. 6-го апрѣля прошедшаго года онъ подписалъ упо- тый выше циркуляръ, указывающій, между прочимъ, на эти программы; угой день онъ произнесъ рѣчь въ собраніи ученыхъ обществъ, въ Сор- ѣ; въ началѣ этой рѣчи были сказаны слѣдующія слова, въ которыхъ, вѣ- ю, выразилась задушевная мысль оратора: «Я знаю, господа, что нынѣшнее я поспѣшной промышленной производительности не вполнѣ благопріятствуетъ мъ терпѣливымъ изысканіямъ. Мы, писатели, художники, изслѣдователи ихъ воспоминаній или же новыхъ идей, находимся среди нынѣшней про- ленности и ея чудесъ въ такомъ же положеніи, какъ тотъ мыслитель, ко- й, блуждая среди полей, вдругъ видитъ, что на встрѣчу ему несется огне- щая машина и съ шумомъ и съ неимовѣрною быстротой увлекаетъ съ со- несчетное множество людей и богатствъ. Онъ чувствуетъ свою слабость видѣ такой силы, онъ чувствуетъ даже униженіе предъ такимъ торжествомъ ріи; но великолѣпное и грозное зрѣлище исчезаетъ вдали, и онъ скромно оряетъ про себя, что эта могучая сила есть плодъ человѣческаго ума, что ь умъ создалъ такія чудеса чрезъ посредство положительныхъ наукъ, но эти науки оказались бы безплодными, еслибъ имъ не содѣйствовали науки есныя (belles) lettres, подъ которыми прежде всего разумѣется изученіе клас- ской литературы Грековъ и Римлянъ)». (*Bulletin*. № 99, p. 430).

и въ нѣкоторыхъ другихъ положеніяхъ относительно примѣненія программъ къ дѣлу. Но все это сказано какъ бы невольно и притомъ рядомъ съ этимъ встрѣчаются указанія совершенно противоположнаго рода. Дѣйствительно, уже одна крайняя полнота и систематичность программъ по каждому предмету отдѣльно требують не одного сообщенія учащимся свѣдѣній и развитія ихъ *смышлености*. Того же, полагаемъ, требуютъ и слѣдующія выраженія упомянутаго выше министерскаго циркуляра: „Съ приготовительнаго класса и до послѣдняго года спеціальнаго обученія необходимо постоянно обращать вниманіе учащихся на реальную сторону жизни; слѣдуетъ сообщить имъ умѣнье разсматривать окружающіе предметы; они должны научиться отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ явленіяхъ, встрѣчающихся въ окружающей ихъ средѣ: они должны такъ привыкнуть къ удовольствію пониманія, чтобъ это удовольствіе сдѣлалось для нихъ потребностію; словомъ, въ учащихся должны быть развиты наблюдательность и сужденіе, такъ чтобъ изъ нихъ образовались люди разсудительные и въ то же время рѣшительные во всякихъ предпріятіяхъ, умѣющіе управлять своими дѣлами и самими собою". Если въ этихъ словахъ министра выражены положительныя требованія отъ школы, а не pia desideria, то можно рѣшительно сказать, что эти требованія останутся безъ исполненія, такъ какъ у преподавателей и учащихся не достанетъ на то времени: первые будутъ спѣшить передачей возможно бо̀льшаго числа свѣдѣній по громаднымъ программамъ, избѣгая при этомъ дальнихъ разсужденій; послѣдніе будутъ заняты заучиваніемъ этихъ свѣдѣній безъ дальнѣйшихъ размышленій [1]). Вслѣдъ за приведеннымъ мѣстомъ циркуляра министръ говоритъ: „Одновременно съ тѣмъ, какъ прикладныя науки будутъ направлять умъ учащагося на практическіе пути, курсы словесности, исторіи и общественнаго нравоученія (morale) поселятъ въ немъ высшія стремленія, которыя вознесутъ его надъ физическимъ міромъ и приблизятъ его къ познанію прекраснаго, добра и Бога (au beau, au bien et à Dieu), откуда исходятъ всѣ совершенства и гдѣ всѣ они сливаются". Слова эти выражаютъ, безъ сомнѣнія, глубокія убѣжденія сказавшаго ихъ и заслуживаютъ уваженія. Но заключающуюся въ нихъ мысль можно было бы сказать проще, а именно: учащійся въ школѣ долженъ твердо изучить законъ Божій и научиться быть добрымъ гражданиномъ. Еслибъ этотъ вопросъ былъ

[1]) Мы прилагаемъ къ этой статьѣ краткое извлеченіе изъ упомянутыхъ французскихъ программъ и надѣемся, что этимъ оправдаемъ предъ читателемъ высказанное здѣсь. См. прилож. V и VI.

авленъ, примѣрно, въ такой простой формѣ, тогда бы не потре-
лось вводить въ спеціальныя школы съ четырехлѣтнимъ обуче-
ь слѣдующіе обширные курсы, именно тѣ, на которые министръ
ываетъ, какъ на средство обратить умы учащихся къ высшимъ
імъ: не понадобился бы курсъ „общественнаго нравоученія", ко-
й по своей программѣ весьма близко подходитъ къ курсу нрав-
яной философіи [1]) и какъ бы дополняетъ собою во французскихъ
іахъ преподаваніе закона Божія, такъ какъ послѣднему отведено
'о, можно сказать, внѣ школы [2]); не потребовалось бы расширять
шне курсъ не только всеобщей, но и отечественной исторіи; на-
цъ, можно было бы значительно сократить и курсъ исторіи оте-
венной литературы. А эти сокращенія приноровили бы общій планъ
юдаванія къ четырехлѣтнему или много къ 5-лѣтнему курсу
лы. Слѣдуемъ дальше за мыслію французскаго министра. Въ при-
еніи къ общему распредѣленію преподаванія по классамъ ми-
ръ предполагаетъ, что между учениками спеціальной школы най-
я особенно даровитые мальчики, для которыхъ, по окончаніи
а, потребуется не много времени (peu de temps) на приготовленіе
латыни, сколько ея требуется для полученія степени бакалавра
жительныхъ наукъ (bachelier ès sciences), и что такимъ образомъ
тъ открыть для нихъ доступъ въ высшія школы положительныхъ
ъ (écoles scientifiques); наконецъ, министръ предполагаетъ, что
способнѣйшихъ учениковъ спеціальной школы не будетъ закрыть
упъ даже въ такія школы, гдѣ для поступленія требуется степень
лавра словесныхъ наукъ (bachelier ès lettres), если только мо-
ie люди, окончивъ курсъ спеціальнаго обученія примѣрно къ
ѣтнему возрасту, пожелаютъ посвятить еще два года на класси-

) См. V приложеніе къ статьѣ.

) Считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ обширныя поясненія относительно
ствующихъ узаконеній, касающихся преподаванія закона Божія во фран-
кихъ учебныхъ заведеніяхъ. Приводимъ только слѣдующія первыя строки,
рыми начинается текстъ программъ, назначенныхъ для спеціальныхъ школъ:
nseignement religieux étant donné dans chaque maison d'instruction sous la
tion et le contrôle de l'évèque diocésain, il n'appartenait pas à l'administra-
d'en rédiger le programme». Къ этому присоединяемъ еще первое изъ об-
ъ положеній, относящееся къ преподаванію этого предмета въ среднихъ
ищахъ и въ спеціальныхъ школахъ: «L'enseignement religieux est donné
fois par semaine à chaque division d'élèves. Chaque leçon est d'une heure».
очемъ, такое преподаваніе назначено въ спеціальныхъ школахъ въ продол-
е всего курса.

ческіе предметы; съ этою цѣлью (опять предположеніе министра) болѣе значительныя школы (вѣроятно, общинныя, частныя и т. п.) могутъ устраивать у себя, для лучшихъ своихъ учениковъ, и классическое обученіе въ дополненіе къ спеціальному (comme couronnement de l'enseignement spécial). Позволяемъ себѣ думать, что эти предположенія высказаны французскимъ министромъ не серіозно[1]); иначе, намъ пришлось бы усомниться въ достоинствѣ тѣхъ знаній, особенно по классическимъ предметамъ, за которыя присуждаются названныя выше степени бакалавра. Напротивъ, мы думаемъ, что эти предположенія французскаго министра, равно какъ и другія его соображенія, указанныя въ предыдущемъ, свидѣтельствуютъ только о томъ, что онъ все еще не можетъ примириться со школой, въ которой могутъ передаваться учащимся только *свѣдѣнія* и которая можетъ дѣйствовать на развитіе въ нихъ только *смѣтливости*. Это понятно. Но что̀ же дѣлать, когда нужды нынѣшняго времени требуютъ мальчика на работу въ раннемъ возрастѣ и не только отрываютъ его отъ ученья, но нерѣдко и не пускаютъ въ школу? Что̀ же дѣлать, когда школа вынуждена поскорѣе оканчивать свое дѣло, и когда поэтому она не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ? Слѣдуетъ довольствоваться въ требованіяхъ отъ школы тѣмъ, что̀ она въ состояніи исполнить при данныхъ ей условіяхъ. Впрочемъ, едва-ли добрый отецъ, изъ трудоваго класса народонаселенія, сталъ бы сокрушаться о томъ, что его сынъ пріобрѣлъ въ спеціальной школѣ *только* полезныя *свѣдѣнія* и *смѣтливость*, если при этомъ онъ укрѣпился въ томъ, чему учитъ законъ Божій, и въ томъ, что̀ нужно для твердаго и вѣрнаго гражданина.

Сведемъ сказанное въ предыдущемъ о новыхъ французскихъ спеціальныхъ школахъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ. Эти школы поставлены въ главныхъ своихъ основаніяхъ ниже лицеевъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ классическимъ обученіемъ; они ниже и по самой цѣли обученія. Но ни то, ни другое обстоятельство не могутъ помѣшать успѣхамъ этихъ новыхъ школъ, и онѣ принесутъ свою долю пользы для французскаго народа, если только онѣ дѣйствительно

[1]) Не можемъ не указать здѣсь на слѣдующее довольно странное обстоятельство. Первоначально было напечатано мнѣніе г. Дюрюи о возможности пріобрѣтенія ученикомъ спеціальной школы только степени bachelier ès sciences (см. *Bulletin*. 1866. № 99, p. 424); затѣмъ, чрезъ полтора мѣсяца съ небольшимъ, явилась новая редакція этого мнѣнія, гдѣ уже сказано и о возможности пріобрѣтенія степени bachelier ès lettres (См. *Bulletin*. 1866. № 104, p. 588).

вытекаетъ не изъ временныхъ его потребностей, но органически необходимы для дальнѣйшихъ его успѣховъ на поприщѣ промышленности и просвѣщенія. Напротивъ, мы считаемъ вредными тѣ полумѣры или же полувнушенія французскаго министра, которыя ослабляютъ черту, разграничивающую то и другое обученіе: онѣ выражаютъ только желаніе пріурочить и новую школу къ прежнему принципу обученія, а что хуже, ведутъ къ шаткости взгляда на цѣль и пользу новой школы, нуждающейся прежде всего въ томъ, чтобы не мѣшали ей заявить собственныя силы. Программы этихъ школъ, конечно, слишкомъ обширны, и общій планъ преподаванія крайне широкъ, то-есть, они не соразмѣрены съ числомъ лѣтъ обученія; но къ устраненію этихъ недостатковъ необходимо приведетъ практика школъ. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что сокращеніямъ, какъ въ программахъ, такъ и въ общемъ планѣ преподаванія, не противится, въ извѣстной мѣрѣ, и общая инструкція, данная школамъ. Наконецъ, мы должны сказать, что хотя новыя французскія школы и не приблизили вопроса о специальномъ обученіи къ *общему* его рѣшенію, но тѣмъ не менѣе онѣ подвинули его значительно впередъ по отношенію къ Франціи.

Изъ приведенныхъ въ предыдущемъ свѣдѣній, а также изъ слѣдующихъ ниже и притомъ собранныхъ изъ всѣхъ печатныхъ источниковъ, къ какимъ только можно было обратиться, не трудно усмотрѣть, что значеніе собственно *среднихъ* специальныхъ учебныхъ заведеній не достаточно еще выяснено и на Западѣ, по крайней мѣрѣ, въ Бельгіи и во Франціи; не достаточно еще выяснено и тамъ, къ чему должны стремиться эти школы, то-есть, какое въ точности должны онѣ давать образованіе и какими путями можно этого достигнуть; одно только сознается тамъ ясно, именно, что въ нынѣшнее время, кромѣ школъ, издавна существующихъ, необходимы еще и иныя школы, основанныя на иномъ обученіи, которыя удовлетворяли бы не только духовнымъ потребностямъ человѣка, но и матеріальнымъ его нуждамъ. Но и этому сознательному убѣжденію противодѣйствуетъ, какъ намъ кажется, неясность пониманія причинъ, вызвавшихъ необходимость распространенія специальныхъ знаній въ народѣ. Какъ въ Бельгіи, такъ и во Франціи, люди, относящіеся съ недовѣріемъ къ специальнымъ школамъ, очевидно, полагаютъ, что потребность специальныхъ знаній вызвана громаднымъ развитіемъ безчисленныхъ отраслей промышленности, какое онѣ получили въ новѣйшее время; что эти

успѣхи человѣчества на матеріальномъ его пути возникли въ свою очередь изъ необыкновенно быстраго развитія математическихъ наукъ и естествознанія и послѣдовавшаго затѣмъ примѣненія ихъ къ практической жизни, и что наконецъ, на этомъ матеріальномъ пути потребовались и особыя спеціальныя школы, съ которыми, слѣдовательно, нужно обращаться такъ же осторожно, какъ и съ огнемъ, безъ котораго тоже нельзя обойдтись. Но едва-ли все это такъ. Было бы неумѣстно распространяться здѣсь объ этихъ вопросахъ, окончательное рѣшеніе которыхъ, вѣроятно, окажется возможнымъ лишь тогда, когда достаточно обнаружатся результаты того направленія, какое приняли теперь интересы цивилизованныхъ государствъ. Однакожъ, говоря о спеціальныхъ школахъ, мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ въ пользу устраненія нѣкоторыхъ сомнѣній во взглядѣ на эти школы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣхи математическихъ наукъ, а затѣмъ и естествознанія, начавшіеся, по крайней мѣрѣ, за два столѣтія до нашего времени, открыли тѣ средства, кои послужили къ необыкновенному развитію нынѣшней промышленности. Но откуда же явилось это развитіе математическихъ наукъ и слѣдующихъ за ними наукъ естествознанія? Отъ отвѣта на этотъ обширный вопросъ мы тоже удерживаемся. Замѣтимъ только, что мыслители, положившіе главныя начала новымъ успѣхамъ математическихъ наукъ, были преимущественно и даже прежде всего такъ-называемыми философами, и притомъ такими, коихъ нельзя назвать матеріалистами, по крайней мѣрѣ, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова: таковы, напримѣръ, Декартъ, Паскаль, Лейбницъ, а также и Ньютонъ. Собственно матеріалистическія идеи исходили отъ людей, не понимавшихъ окружающаго ихъ физическаго міра, а только нѣкоторыя отдѣльныя въ немъ явленія. Тому тысячи примѣровъ, начиная отъ космогоніи буддизма до понятій нынѣшнихъ язычниковъ и до лжеученій нынѣшнихъ матеріалистовъ, въ собственномъ значеніи этого имени. Математическія науки не вызвали нынѣшнюю промышленность; напротивъ, она только воспользовалась ихъ успѣхами: она, какъ всѣмъ извѣстно, существовала даже и тогда, когда еще не было и слѣдовъ теоретическихъ знаній. Промышленность человѣка и его мышленіе всегда шли рядомъ, хотя и по особымъ путямъ: обоюдные же успѣхи ихъ отмѣчали на своемъ пути и успѣхи человѣчества вообще; если же онѣ теперь подали, такъ-сказать, себѣ руку и соединились къ общей цѣли, то едва-ли это не составитъ эпохи въ исторіи цивилизаціи человѣче-

ства. А потому и специальная школа, давая пищу уму, а рукамъ работу, принесетъ, безъ сомнѣнія, двойную пользу. Но еслибъ и не существовала нынѣшняя промышленность, вызвавшая на Западѣ особыя школы, то и тогда, рано или поздно, потребовались бы для успѣховъ человѣчества народныя школы, то-есть, распространяющія въ народной массѣ первыя начала просвѣщенія; за ними потребовались бы и другія, которыя, какое бы ни носили названіе, должны были бы имѣть въ виду и *облегченіе труда человѣческаго* въ практической жизни. А потому *специальная школа есть необходимое слѣдствіе и дополненіе школы начальной*. Такъ, намъ кажется, слѣдовало бы смотрѣть Бельгійцамъ на свою спеціальную школу, а не ставить ее въ параллель или же въ соперничество со школою классическою, такъ-сказать, насильно, какъ это окажется ниже изъ приводимыхъ фактовъ.

Переходимъ къ обозрѣнію учебной части спеціальныхъ отдѣленій при бельгійскихъ атенеяхъ. При этомъ мы будемъ придерживаться, по возможности, бельгійской точки зрѣнія относительно достоинствъ или же недостатковъ обученія въ этихъ отдѣленіяхъ атенеевъ. Хотя для этой цѣли и весьма недостаточныя данныя представляетъ министерскій отчетъ, однакожь мы постараемся дополнить ихъ тѣми свѣдѣніями, которыя г. Бодуэнъ сообщаетъ изъ своихъ личныхъ наблюденій, а замѣтимъ, что ему даже представилась возможность не только прочитать въ рукописи проектъ доклада особой коммиссіи о преобразованіи спеціальныхъ отдѣленій атенеевъ, но и сдѣлать изъ него извлеченіе, которое онъ и напечаталъ въ своей книгѣ [1]).

Въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ бельгійскихъ атенеевъ преподаются слѣдующіе предметы: языки французскій, фламандскій, нѣмецкій и англійскій; исторія и географія съ началами космографіи; математика, то-есть, ариѳметика, алгебра, элементарная геометрія, тригонометрія прямолинейная и сферическая, топографія, аналитическая геометрія и начертательная; механика (необязательно); зоологія и ботаника; физика; химія съ практическими упражненіями; коммерческія знанія, то-есть, книговедѣніе (бухгалтерія) и свѣдѣнія наиболѣе необходимыя въ коммерческой практикѣ; коммерческое право; промышленная и коммерческая географія и исторія Бельгіи; начала политической экономіи; чистописаніе, и наконецъ, рисованіе. Пѣніе и гимнастика преподаются внѣ класснаго времени.

Приводимъ распредѣленіе этихъ предметовъ по классамъ съ обо-

[1]) Baudouin — Rapport. etc., p. 35—46.

значеніемъ числе часовыхъ уроковъ[1]). При этомъ мы должны не забывать, что старшіе два класса раздѣлены каждый на два отдѣленія: отдѣленіе наукъ и отдѣленіе промышленности и торговли.

Низшіе классы:

	Приготовительный.	V.	IV.	III.
Французскій языкъ	9	8	6	6
Фламандскій „	3	2	2	2
Нѣмецкій „	—	4	4	3
Англійскій „	—	—	2	2
Исторія и географія	2	2	2	2
Математика	5	5	5	5
Зоологія и ботаника	—	—	—	2
Физика	—	—	—	2
Книговедѣніе	—	—	3	2
Чистописаніе	6	4	4	—
Рисованіе	2	2	2	4

Высшіе классы:

	II.		I.	
	Отдѣленіе наукъ.	Отдѣленіе промышленности и торговли.	Отдѣленіе наукъ.	Отдѣленіе промышленности и торговли.
Французскій языкъ	5	5	6	6
Фламандскій „	2	2	2	2
Нѣмецкій „	2	2	2	2
Англійскій „	3	3	3	3
Исторія и географія	3	3	2	2
Начала космографіи	—	—	—	1
Математика	5	—	8[2])	—

[1]) Это распредѣленіе мы заимствуемъ изъ книги г. Бодуана (см. Rapport etc., стр. 25 и слѣд.). Конечно, съ того времени, какъ г. Бодуэнъ посѣтилъ атеней, могли произойдти кое-какія измѣненія въ этомъ распредѣленіи, но они не могли быть существенны: иначе это было бы объяснено въ министерскомъ отчетѣ, какъ это сдѣлано относительно рисованія и промышленной и коммерческой географіи и исторіи. Согласно съ этими указаніями министерскаго отчета мы измѣнили приводимое здѣсь распредѣленіе предметовъ, заимствованное изъ книги г. Бодуэна. Во всякомъ случаѣ, если бы даже въ этомъ распредѣленіи предметовъ и существовали какія-либо неточности, все-таки оно можетъ достаточно характеризовать, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, планъ преподаванія.

[2]) Изъ этого числа два урока назначены на начертательную геометрію.

Физика	2	2	—	—
Химія	—	4	—	4
Коммерческія знанія	—	2	—	1
Коммерческое право	—	2	—	1
Коммерческая и промышленная географія и исторія Бельгіи	—	1	—	1
Политическая экономія	—	—	—	2
Рисованіе	5	5	5	5

Изъ этого видно, что отдѣленія высшихъ классовъ различаются между собою тѣмъ, что въ отдѣленіи наукъ продолжается преподаваніе математики и на него въ обоихъ классахъ назначено 13 уроковъ въ недѣлю, въ отдѣленіи же промышленности и торговли математика не преподается [1]), а вмѣсто ея преподаются 7 другихъ предметовъ, и на нихъ положено въ обоихъ классахъ 19 уроковъ; такимъ образомъ число предметовъ, которые должны знать оканчивающіе курсъ въ этомъ отдѣленіи, доходитъ до 18-ти, не считая чистописанія, рисованія, вокальной музыки и гимнастическихъ упражненій. Понятно поэтому, почему не многіе изъ учащихся рѣшаются, какъ уже было сказано, на прохожденіе такого сложнаго курса и почему съ другой стороны для большей основательности обученія въ этомъ отдѣленіи предполагалось прибавить еще одинъ годъ обученія. Но слѣдуетъ замѣтить, что только это отдѣленіе представляетъ собою собственно спеціальную школу, дающую притомъ образованіе, законченное въ извѣстной степени; тѣ же изъ учащихся, которые оканчиваютъ курсъ по отдѣленію наукъ, собственно готовятся здѣсь только для поступленія въ высшія спеціальныя школы: военную, горную, искусствъ и мануфактуръ, инженерную. Этимъ объясняется также, почему въ этомъ отдѣленіи наукъ обращено особое вниманіе на математику и почему успѣхи въ ней дѣйствительно замѣчательны для средней школы, какъ это видно, между прочимъ, изъ вопросовъ, кои были предложены по этому отдѣленію на конкурсахъ (см. приложеніе IV).

Если теперь сравнить собственно спеціальное обученіе въ атенеяхъ, то-есть, по отдѣленію промышленности и торговли, съ классическимъ,

---

[1]) Впрочемъ, если въ этомъ отдѣленіи встрѣтятся учащіеся, желающіе пройдти курсы начертательной геометріи и механики или какой-либо одинъ изъ нихъ, которые преподаются необязательно въ 1-мъ классѣ, то они обязаны пройдти курсъ математики во 2-мъ классѣ по отдѣленію наукъ.

даваемымъ въ этихъ же заведеніяхъ, то разница между обоими родами обученія обнаруживается столь большая, что трудно понять, какимъ образомъ они могутъ быть соединяемы въ одномъ заведеніи и помѣщаться, такъ-сказать, подъ одною кровлей, и почему бельгійскіе атенеи не раздѣлились еще каждый на два самостоятельныя учебныя заведенія. Правда, эта разница значительно уменьшается, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что оба эти рода обученія, какова бы ни была дальнѣйшая ихъ цѣль, имѣютъ въ виду прежде всего общее образованіе. Однакожь, принявъ даже и это соображеніе, не легко понять, какимъ образомъ лицо, назначаемое отъ правительства для ближайшаго наблюденія въ атенеяхъ за ходомъ преподаванія (préfet des études, по нашему директоръ гимназіи), можетъ слѣдить за его успѣшностью по столь многимъ и разнообразнымъ предметамъ.

Разница эта заключается не только въ числѣ предметовъ, преподаваемыхъ въ томъ и другомъ отдѣленіи, но даже и въ числѣ уроковъ, назначаемыхъ на нѣкоторые изъ тѣхъ предметовъ, которые преподаются въ обоихъ отдѣленіяхъ. Такъ, число недѣльныхъ уроковъ во всѣхъ классахъ, исключая приготовительный, распредѣлено въ этихъ отдѣленіяхъ слѣдующимъ образомъ[1]):

	Отдѣленіе классическое.	Отдѣленіе промышленности и торговли.
Французскій языкъ и литература	22	31
Нѣмецкій и англійскій языки	6	25
Фламандскій языкъ	8	10
Исторія и географія съ космографіей . . .	11	12
Математика	17	15
Физика	2	4
Древніе языки	80	—
Естественная исторія и спеціальныя науки .	—	25
Рисованіе	12	18

[1]) Очевидно, что отношеніе между числомъ уроковъ, назначенныхъ на какой-либо предметъ, не измѣняется отъ разницы въ числѣ лѣтъ обученія по обоимъ отдѣленіямъ. Такъ, чтобы найдти, напримѣръ, число уроковъ по французскому языку, которое получатъ во весь курсъ учащіеся въ классическомъ отдѣленіи, слѣдуетъ только число недѣльныхъ уроковъ *во всѣхъ классахъ вмѣстѣ*, то-есть, 22 помножить на число учебныхъ недѣль, положимъ 40; получится произведеніе 22×40. Такимъ же образомъ полное число уроковъ по тому же французскому языку выразится для спеціальнаго отдѣленія произведеніемъ 31×40. Слѣдовательно, для полныхъ чиселъ уроковъ получится отношеніе $22 \times 40 : 31 \times 40$, которое по сокращеніи приводится къ $22 : 31$, то-есть, къ отношенію между числами недѣльныхъ уроковъ во всѣхъ классахъ вмѣстѣ по каждому отдѣленію.

Если теперь сличить между собою эти числа уроковъ, то оказывается слѣдующее: на группу общихъ обоимъ отдѣленіямъ предметовъ, то-есть, на исторію, географію, математику и рисованіе, положено почти одинаковое число уроковъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, именно 42 урока въ классическомъ отдѣленіи и 44 въ спеціальномъ. Существенное же различіе между обоими отдѣленіями вытекаетъ изъ преподаванія древнихъ языковъ въ классическомъ отдѣленіи, на которые въ немъ назначено 80 уроковъ, и которые не преподаются въ спеціальномъ отдѣленіи. Но эта разница между обоими отдѣленіями обусловливается собственно только преподаваніемъ латыни, такъ какъ изъ означеннаго громаднаго числа уроковъ, положенныхъ въ классическомъ отдѣленіи на оба древніе языка, только 15 назначены на греческій языкъ, а 65 на латинскій. Въ спеціальномъ отдѣленіи не преподаются, разумѣется, древніе языки. Въ замѣнъ ихъ усилено преподаваніе новѣйшихъ языковъ, именно, на эти языки положено здѣсь 66 уроковъ въ недѣлю, вмѣсто 36-ти, назначенныхъ въ классическомъ отдѣленіи; затѣмъ назначено 25 уроковъ на 9 предметовъ спеціальныхъ и естествознаніе, которые вовсе не преподаются въ классическомъ отдѣленіи. Такимъ образомъ спеціальное отдѣленіе совершенно разнится отъ классическаго, какъ по числу входящихъ въ его курсъ предметовъ, такъ и по ихъ характеру. Но это различіе значительно уменьшается, если обратить вниманіе на сущность обученія. Дѣйствительно, какъ въ классическомъ отдѣленіи въ основаніе даваемаго образованія положено изученіе древнихъ языковъ, и можно сказать, даже одного латинскаго, такъ и въ спеціальномъ полный перевѣсъ данъ новымъ языкамъ. Словомъ, и здѣсь педагогическая сторона школы основана на преподаваніи словесныхъ, а не положительныхъ наукъ. Въ этомъ легко убѣдиться, сличивъ между собою приведенныя выше числа уроковъ, назначенныхъ въ недѣлю на различные предметы во всѣхъ классахъ вмѣстѣ. Такъ, въ этомъ отдѣленіи на новые языки назначено 66 уроковъ въ недѣлю, а на всѣ остальные предметы, за исключеніемъ чистописанія, только 56. Притомъ на 9 предметовъ, составляющихъ существенное отличіе этого отдѣленія отъ классическаго, то-есть, на естественную исторію и спеціальные предметы, назначено только 25 уроковъ, или менѣе чѣмъ по 3 урока среднимъ числомъ на предметъ во всѣхъ классахъ вмѣстѣ. Понятно, что̀ означаетъ послѣдняя цифра. Впрочемъ и въ министерскомъ отчетѣ сказано, что „хотя и можетъ показаться весьма малымъ число уроковъ, назначенныхъ на нѣкоторые предметы, но какъ ни важны эти предметы, если ихъ разсматривать отдѣльно, не слѣ-

дуетъ; однакожъ, забываютъ, что во всякомъ обученіи есть предметы главные и второстепенные". Однакожъ, новѣйшіе языки, не смотря на данный имъ перевѣсъ, не принесли спеціальному отдѣленію той пользы, какая отъ нихъ ожидалась. „Опытъ почти уже доказалъ — говоритъ министръ въ своемъ отчетѣ — что новѣйшіе языки, даже при глубокомъ ихъ изученіи, не развиваютъ и не укрѣпляютъ ума въ такой мѣрѣ, какъ языки древніе: если сравнить между собою успѣхи учениковъ изъ соотвѣтствующихъ классовъ обоихъ отдѣленій, то оказывается, что ученики классическаго отдѣленія владѣютъ бо́льшимъ запасомъ общихъ понятій и бо́льшимъ умственнымъ развитіемъ (que les élèves des classes latines possèdent plus d'idées générales et d'aptitude intellectuelle)". Предшественникъ же нынѣшняго министра выразился въ палатѣ депутатовъ, въ 1860 году, еще болѣе опредѣлительно не въ пользу спеціальныхъ отдѣленій атенеевъ. „Нельзя не согласиться — говорилъ онъ — что наши спеціальныя отдѣленія далеко не вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли. Учащіеся пріобрѣтаютъ въ нихъ достаточныя научныя свѣдѣнія, но не получаютъ въ удовлетворительной степени умственнаго, духовнаго и эстетическаго развитія: они пріобрѣтаютъ, конечно, знанія, но не образованіе (ils aprennent peut-être, mais ils ne sont pas formés)". Послѣ того министръ представилъ своему государю докладъ, въ которомъ изложилъ необходимость обратить особенное вниманіе на спеціальныя отдѣленія атенеевъ, какъ на привлекающія къ себѣ, даже въ ущербъ классическимъ отдѣленіямъ, все болѣе и болѣе учащихся и притомъ изъ тѣхъ классовъ народонаселенія, которымъ, повидимому, суждено имѣть весьма важное вліяніе на судьбу государства; при этомъ министръ указалъ на необходимость преобразованія этихъ отдѣленій атенеевъ. Затѣмъ была составлена особая коммиссія, — о чемъ мы уже упомянули, — которой поручено было представить соображенія о преобразованіи этихъ отдѣленій. Но въ этихъ соображеніяхъ указано было, главнымъ образомъ, на усиленіе преподаванія физико-математическихъ и естественныхъ наукъ вообще и притомъ на необходимость раздѣленія классовъ промышленности и торговли на два отдѣленія (о чемъ мы тоже упомянули выше), изъ которыхъ отдѣленіе торговли оставалось бы въ нынѣшнемъ видѣ, а обученіе въ отдѣленіи промышленности основывалось бы преимущественно на изученіи математическихъ наукъ. Какая была судьба этого доклада коммиссіи, намъ неизвѣстно; но новѣйшія преобразованія въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ, и притомъ совмѣстно съ

классическими, исключительно обученія рисованію, музыкѣ и гимнастикѣ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ мы приводимъ и программы спеціальныхъ отдѣленій атенеевъ (см. III прил.). По нимъ можно судить какъ о характерѣ, такъ и объ объемѣ этого обученія по каждому предмету. Считаемъ, однакожъ, не лишнимъ упомянуть и о взглядѣ самихъ Бельгійцевъ на объемъ и исполненіе этихъ программъ. Для этого мы приводимъ здѣсь, съ одной стороны, главнѣйшія изъ мнѣній бельгійскаго министра, высказанныхъ въ его отчетѣ по этому предмету, а съ другой стороны, нѣкоторыя изъ мнѣній коммиссіи, которая, какъ уже было сказано, была назначена для обсужденія мѣръ къ преобразованію спеціальныхъ отдѣленій атенеевъ.

Министръ говоритъ въ своемъ отчетѣ, что всякое расширеніе этихъ программъ, какъ по общему ихъ составу, такъ и по каждому предмету отдѣльно, оказывается невозможнымъ. Напротивъ, требуется наблюденіе за тѣмъ, чтобы преподаватели не выходили за предѣлы, обозначенные для ихъ курсовъ. И нынѣшнія программы, какъ классическаго, такъ и спеціальнаго отдѣленія, возлагаютъ уже на учащихся такой трудъ, больше котораго невозможно не только требовать, но и желать. Если прослѣдить и теперь занятія учащагося въ теченіе хоть одной недѣли, то и тогда окажется, что мальчикъ, приготовляющій всякій день добросовѣстно свои уроки и исполняющій всѣ относящіяся къ нимъ обязанности, обнаруживаетъ своего рода мужество и заслуживаетъ всякой похвалы. Говоря объ успѣхахъ учащихся, министръ ограничивается общими замѣчаніями, относящимися къ обоимъ отдѣленіямъ атенеевъ, и только немногія изъ нихъ касаются прямо спеціальныхъ отдѣленій. Первыя изъ этихъ замѣчаній сводятся къ тому, что только успѣхи по латинскому языку могутъ считаться вполнѣ удовлетворительными, чего, замѣтимъ, и слѣдовало ожидать вслѣдствіе полнаго перевѣса, даннаго этому предмету въ общемъ планѣ обученія. Замѣчанія министра, относящіяся исключительно къ спеціальнымъ отдѣленіямъ, приводимъ почти дословно: „Успѣхи въ нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ оказываются лучше въ спеціальномъ отдѣленіи, чѣмъ въ классическомъ; однакожъ они не достигли еще того уровня, какой назначенъ программою". „Успѣхи въ математикѣ значительно улучшились въ послѣднее время, что можно считать послѣдствіемъ улучшенія преподаванія ариѳметики въ начальныхъ школахъ. Впрочемъ, и теперь еще ученики низшихъ трехъ классовъ, 5-го, 4-го и 3-го, стараются преимущественно о пріобрѣтеніи только тѣхъ зна-

нія по этому предмету, хотя наиболѣе приложимаго къ практикѣ; напротивъ, они питаютъ замѣтное отвращеніе ко всякимъ теоретическимъ объясненіямъ, считая ихъ безполезными; только въ двухъ высшихъ классахъ по отдѣленію наукъ они предаются этому предмету съ полнымъ усердіемъ, такъ какъ здѣсь этотъ предметъ считается главнымъ". „Курсы физики и химіи постепенно совершенствуются". „Преподаваніе коммерческихъ наукъ тоже совершенствуется. Преподаватели этихъ предметовъ занимаются своимъ дѣломъ съ полнымъ усердіемъ и трудолюбіемъ. Съ каждымъ годомъ замѣчается больше основательности и знанія въ урокахъ по коммерческому праву, политической экономіи, коммерческой и промышленной географіи и исторіи".

Эти отзывы министра служатъ какъ будто отвѣтомъ на тѣ мнѣнія, которыя были заявлены коммиссіей о преобразованіи спеціальныхъ отдѣленій атенеевъ. Мнѣнія эти не могли быть оставлены безъ вниманія, такъ какъ они исходили изъ среды самой школы, а вѣроятно, также и бельгійскаго общества: члены этой коммиссіи состояли преподавателями въ Брюссельскомъ атенеѣ. Мы уже сказали въ предыдущемъ, въ чемъ состояли общія соображенія этой коммиссіи. Изъ частныхъ замѣчаній ея мы остановимся здѣсь только на тѣхъ, въ которыхъ заявлено о недостаточности преподаванія механики, физики, химіи и начертательной геометріи, такъ какъ трудно понять, какимъ образомъ въ спеціальной школѣ дано такъ мало мѣста столь важнымъ прикладнымъ предметамъ. Механика составляетъ, какъ мы уже видѣли, курсъ необязательный[1]). „Въ настоящее время — сказано въ донесеніи коммиссіи — механика не преподается ни въ одномъ изъ атенеевъ; между тѣмъ, лѣтъ двадцать пять или тридцать тому назадъ, въ одномъ Брюсселѣ было три курса механики, отлично устроенные и посѣщаемые учащимися весьма прилежно. Съ того времени бельгійская промышленность получила огромное развитіе, и теперь всѣ ея пріемы, даже наиболѣе простые и обыкновенные, основаны на примѣненіи научныхъ знаній къ практическому дѣлу. А потому устраненіе механики изъ курса спеціальной школы составляетъ, такъ-сказать, анахронизмъ въ школѣ, устроиваемой съ практическою цѣлью". „Изъ курса начертательной геометріи нынѣ обязательно только

---

[1]) По имѣющимся въ нашемъ распоряженіи документамъ трудно рѣшить, не обязателенъ ли этотъ курсъ только для учащихся или же и для самой школы. Послѣднее, однакожъ, болѣе вѣроятно, судя по отзыву коммиссіи, приводимому здѣсь со словъ г. Бодуэна. Это же замѣчаніе относится и къ начертательной геометріи.

то, что относится къ крайней линіи промышленности. Слѣдуетъ этотъ курсъ расширить до надлежащей полноты". „Для физики и химіи назначено слишкомъ мало времени. Знанія по этимъ предметамъ требуются въ промышленности на каждомъ шагу. При нынѣшнемъ же распредѣленіи классного времени преподаватели этихъ предметовъ не имѣютъ возможности представить учащимся не только наиболѣе важныя, но даже и наиболѣе обыкновенныя примѣненія ихъ къ практическимъ цѣлямъ. Это уже почти неблагодарность относительно этихъ наукъ. Нѣтъ еще и двадцати лѣтъ, какъ торговля Бельгіи представляла только цифру 367 милліоновъ франковъ; въ настоящее же время она достигла до 1.400 милліоновъ, то-есть, почти до четверной цифры. Этимъ безпримѣрнымъ успѣхомъ бельгійская торговля обязана примѣненію въ промышленности физико-химическихъ наукъ". Къ этому замѣчанію прибавимъ съ своей стороны и слѣдующее. Въ классическомъ отдѣленіи атенеевъ оставлено только два урока для физики на всѣ шесть классовъ. Но этихъ уроковъ не достанетъ для сообщенія учащимся даже тѣхъ свѣдѣній изъ физики, кои необходимы для того, чтобы не вѣрить дословно тѣмъ объясненіямъ явленій природы, какія встрѣчаются у классическихъ авторовъ. Если же два урока физики имѣютъ ничтожное значеніе въ классическомъ отдѣленіи, то еще меньше значатъ четыре урока этого предмета въ отдѣленіи спеціальномъ, гдѣ всякое пріобрѣтаемое знаніе должно удовлетворять не только общеобразовательной, но и практической цѣли.

Мы уже сказали, что главнѣйшія перемѣны въ программахъ бельгійскихъ атенеевъ сдѣланы въ послѣднее время относительно преподаванія рисованія, вокальной музыки и гимнастики. Излагать здѣсь подробно эти перемѣны мы не находимъ возможнымъ, потому что это потребовало бы очень много мѣста. Укажемъ однакожъ на сущность этихъ перемѣнъ.

Въ приложеніи мы приводимъ въ числѣ прочихъ предметовъ и новую програму преподаванія рисованія (см. III прил.). Изъ нея не трудно усмотрѣть, что даже и въ преподаваніи этого предмета обращено больше вниманія на классическую, такъ-сказать, его сторону, чѣмъ на реальную; именно, назначено по преимуществу рисованіе различныхъ частей человѣческаго тѣла и украшеній, основанныхъ на формахъ растительнаго и животнаго царства. Стало быть и здѣсь произошло смѣшеніе понятій о классическомъ и реальномъ образованіи[1].

[1] Однакожъ, рисованіе, послѣ долгихъ обсужденій, не включено въ число

Во Франціи поступили совершенно наоборотъ. Тамъ же то рисованіе, которое можно назвать эстампнымъ, образцовымъ, лишено вниманія; оно составляетъ лишь дополненіе къ курсу. Напротивъ, назначена обширнѣйшая програма не только рисованія геометрическаго и архитектурнаго, но и рисованія машинъ какъ по частямъ, такъ и въ полномъ составѣ, наконецъ, рисованіе плановъ цѣлыхъ заводовъ, фабрикъ и тому подобныхъ зданій, съ подробнымъ нанесеніемъ на рисунокъ внутренняго ихъ расположенія; притомъ все это должно быть относимо къ различнымъ плоскостямъ проекцій. Слѣдов., рисованіе во французской специальной школѣ служитъ какъ бы дополненіемъ курса начертательной геометріи и весьма важнымъ пособіемъ для курса механики. Замѣтимъ, что эта програма и помѣщена даже между програмами начертательной геометріи и механики. Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что рисованіе въ объемѣ, обозначенномъ французскими програмами, сообщаетъ учащимся весьма многія свѣдѣнія изъ архитектуры. Правда, эта програма столь обширна, что для точнаго выполненія ея можно было бы устроить даже особую школу, а въ специальной школѣ, среди множества другихъ предметовъ, едва-ли она окажется выполнимою; однакожъ, общій характеръ этой програмы именно тотъ, какой слѣдуетъ придавать рисованію въ специальной школѣ.

Преподаваніе вокальной музыки распредѣлено на три курса, для чего всѣ учащіеся въ заведеніи раздѣляются на три группы, то-есть, класса. Первые два курса обязательны; третій, состоящій въ хоровомъ пѣніи, необязателенъ. Впрочемъ, и отъ первыхъ двухъ курсовъ учащіеся могутъ быть освобождаемы, но только по желанію родителей и при извѣстныхъ условіяхъ. Это преподаваніе не есть простое обученіе пѣнію, напримѣръ, съ голоса, а напротивъ, представляетъ систематическій курсъ нотнаго пѣнія. Съ этою цѣлію предписано учителямъ придерживаться слѣдующихъ руководствъ: «Manuel des principes de musique, par Fétis» и «Leçons pratiques, extraites de divers solféges». Обученіе пѣнію назначено одинаково для обоихъ отдѣленій, классическаго и специальнаго.

Точно также введено систематическое преподаваніе гимнастики въ обоихъ отдѣленіяхъ лицеевъ. Обширная програма этого обученія и обнимающая безчисленныя движенія и упражненія человѣческаго тѣла была представлена, предварительно утвержденія, на разсмотрѣніе „высшаго совѣта общественной гигіены“. Совѣтъ призналъ, что

обязательныхъ предметовъ въ классическомъ отдѣленіи, хотя, какъ кажется, при составленіи програмы имѣлось въ виду преимущественно это отдѣленіе.

преподаваніе гимнастики по такой программѣ не только удовлетворяетъ требованіямъ гигіены, но что оно весьма полезно и въ педагогическомъ отношеніи. Программа эта, дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія по систематичности упражненій и вмѣстѣ съ тѣмъ по простотѣ употребляемыхъ въ тому орудій. (Она напечатана въ приложеніяхъ къ министерскому отчету за 1861—63 г., заглавіе котораго мы уже выписали). Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ отзыва „высшаго совѣта общественной гигіены" о достоинствахъ этой программы. „Обученіе гимнастикѣ по этой программѣ—сказано въ отзывѣ—и просто и легко, какъ для учащаго, такъ и для учащагося. Оно состоитъ изъ упражненій, вытекающихъ естественно одно изъ другого и приводящихъ въ дѣйствіе всѣ мускулы и части человѣческаго тѣла. Оно не требуетъ многочисленныхъ и сложныхъ приборовъ, напримѣръ, различныхъ сплетеній веревокъ, цѣлыхъ построекъ и даже машинъ, именно всего того, что обыкновенно залъ для гимнастики превращаетъ какъ будто въ мѣсто для акробатическихъ представленій. Оно устраняетъ всѣ тѣ приключенія и несчастные случаи, которые приводятся обыкновенно противъ гимнастическихъ упражненій. Наконецъ, это обученіе должно быть привлекательно для учащихся; такъ какъ оно дозволяетъ соединеніе гимнастическихъ упражненій съ различнаго рода играми, служащими къ развитію силы и гибкости тѣла". — Гимнастическія упражненія одинаково обязательны для учащихся, какъ классическаго, такъ и спеціальнаго отдѣленія.

Мы уже видѣли, что въ Бельгіи законъ Божій не входитъ въ программу обученія ни въ низшихъ спеціальныхъ школахъ, ни въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ атенеевъ; то же самое повторяется и въ классическихъ отдѣленіяхъ и вообще во всѣхъ бельгійскихъ школахъ, за исключеніемъ начальныхъ. Во Франціи, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, преподается вмѣстѣ съ закономъ Божіимъ и какъ бы въ дополненіе къ нему такъ-называемая morale, то-есть, общественное нравоученіе; а въ Бельгіи и этого нѣтъ. Замѣтимъ, что подобное устраненіе преподаванія закона Божія изъ школы существуетъ не только въ бельгійскихъ школахъ, но и во многихъ другихъ на Западѣ. Это въ высшей степени странное для насъ явленіе преимущественно объясняется преувеличенными притязаніями относительно преподаванія закона Божія со стороны римско-католическаго духовенства и трудностью соглашенія между нимъ и училищнымъ начальствомъ.

Въ министерскомъ отчетѣ сказано, что религіозное обученіе (enseignement religieux) производилось въ 30-ти (изъ 50-ти) среднихъ

правительственныхъ школахъ и только въ 3-хъ атенеяхъ (изъ 10-ти), и что оно происходило на основаніяхъ „Антверпенскаго договора (convention d'Anvers)[1]“.

Въ донесеніи г. Бодуэна мы находимъ слѣдующія характеристическія мѣста объ этомъ предметѣ. „Когда былъ представленъ проектъ закона о специальномъ обученіи, дѣйствующаго донынѣ, тогда при обсужденіи его въ палатахъ, постоянно были смѣшиваемы между собою общественное нравоученіе (morale) съ религіей, общественныя обязанности (devoirs sociaux) съ религіозными. При этомъ полагали, что morale можетъ быть преподаваема только духовными лицами. Но такъ духовенству уже было предоставлено обученіе катихизису, то чтобы не дать ему слишкомъ большаго вліянія (trop d'autorité) въ атенеяхъ, было признано за лучшее вовсе не вводить въ атенеи преподаваніе общественнаго нравоученія“. „Обыкновенно повторяютъ, что школа должна приготовлять къ общественной жизни. Но общественная жизнь возлагаетъ исполненіе взаимныхъ обязанностей и долга. Поэтому во главѣ всякаго обученія должно стоять объясненіе этихъ обязанностей, отъ которыхъ никто, по выходѣ изъ школы, то-есть, будучи взрослымъ человѣкомъ, не можетъ уклониться, и тѣхъ правилъ, которыми онъ долженъ руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ. Всему этому учитъ morale“. „Нѣкогда morale и догматическое обученіе соединялись подъ однимъ общимъ именемъ *религіи*. Но, благодаря успѣхамъ наукъ, установилось различіе между понятіями о будущемъ назначеніи человѣка и земной цѣли человѣческаго общества (?), и съ того времени стали лучше различать духовные и земные интересы человѣка (!) и давать каждымъ изъ нихъ надлежащее мѣсто. Поэтому

[1] При обсужденіи въ законодательныхъ палатахъ проекта закона 1850 г. о среднемъ обученіи, представители клерикальной партіи, и прежде всего архіепископъ Мехельнскій, предъявили вновь требованіе, чтобы надзоръ за учителями и учебными руководствами въ атенеяхъ былъ предоставленъ церкви, и въ противномъ случаѣ отказывали во всякомъ содѣйствіи съ ея стороны въ религіозномъ обученіи воспитанниковъ, — содѣйствіи, которое, однакоже, требуется § 8-мъ основнаго училищнаго устава Бельгіи 1842 г. Борьба эта, длившаяся 3 мѣсяца и сопровождавшаяся замѣною министра Ромье г-мъ Пьерко, заключилась частнымъ соглашеніемъ между Антверпеномъ и архіепископомъ Мехельнскимъ, по которому общинному совѣту предоставлялось подчинять школы или не подчинять надзору духовенства, и слѣдовательно, вводить или не вводить въ нихъ религіозное обученіе. Соглашеніе это было одобрено въ принципѣ и для всѣхъ другихъ общинъ новымъ министромъ, съ предоставленіемъ имъ права во всякое время отказываться отъ него. Такъ, между прочимъ, поступилъ общинный совѣтъ Намюра въ декабрѣ 1859 г.

рь признано вообще (?), что общественное нравоученіе (morale) не зависитъ отъ догматическихъ истинъ и что оно можетъ преподаваемо отдѣльно, такъ какъ имѣетъ свою особую цѣль и собственной методъ" [1]). Далѣе говорится, что прежніе министры дили необходимымъ ввести это преподаваніе морали, отдѣльно религіи, и что наконецъ, оно существуетъ во всѣхъ спеціальныхъ іахъ Германіи, основанныхъ еще въ половинѣ прошедшаго столѣ-я процвѣтающихъ въ настоящее время.

Іэъ сказаннаго въ предыдущемъ уже отчасти видно, въ чемъ со-тъ преподаваніе такъ-называемой morale. Но мы приведемъ ниже, риложеніи (см. V прил.), извлеченіе изъ обширной французской раммы этого предмета; а судя по всему, эта программа заклю-ь въ себѣ именно то, что Бельгійцы желали бы ввести въ свои ы. Но въ этой программѣ ни однимъ словомъ не упоминается о твенно религіозномъ, догматическомъ обученіи, такъ что этотъ ь могутъ слушать не только христіане всякихъ вѣроисповѣданій, всякіе другіе учащіеся, которые только вѣруютъ въ Бога и если омъ не отрицаютъ истины, что слѣдуетъ любить ближняго, какъ го себя. Понятно поэтому, отчего католическое духовенство въ гіи или вовсе отказывается отъ преподаванія этой morale въ тѣхъ нщахъ, *гдѣ нѣтъ собственно религіознаго обученія*, или если и имается, то подъ извѣстными условіями.

Очевидно, что въ Бельгіи, да и въ нѣкоторыхъ другихъ запад-государствахъ, существуетъ между церковью и значительною, райней мѣрѣ, частью общества столь глубокое разъединеніе, что коснулось даже основъ школы. Если поразителенъ фактъ исклю-изъ бельгійской школы преподаванія закона Божія, то не менѣе ительно и слѣдующее обстоятельство. Въ министерскомъ отчетѣ, собомъ даже параграфѣ, приведено объясненіе относительно мо-ь предъ ученіемъ и послѣ него: эти молитвы читались по дав-обычаю и по общимъ правиламъ, установленнымъ для внутрен-порядка въ атенеяхъ; но, какъ сказано въ министерскомъ от-

---

[1]) Приводимъ это мѣсто подлинными словами: «Autrefois, la morale et le dog-aient désignés par le nom commun de *religion*. Mais, depuis que, grâce aux ès des sciences, s'est dégagée plus clairement l'idée de la destinée future de me et du but présent de la société humaine, on a mieux distingué les cho-u ciel et celles de la terre, on a mieux fait la part des unes et des autres; jourd'hui on est généralement d'accord qu'il y a une morale sociale indépen-des vérités dogmatiques, qui peut être enseignée seule parce qu'elle a son propre et sa méthode particulière». (Baudouin — Rapport etc.; p. 37).

тей, о нихъ былъ поднятъ вопросъ (une réclamation), вслѣдствіе чего постановлено, что „по желанію родителей, сыновья ихъ могутъ не участвовать въ классной молитвѣ, и для этого имъ дозволено входить въ классъ послѣ молитвы предъ ученіемъ и выходить изъ него до молитвы послѣ ученія“ [1]). Этотъ фактъ, какъ бы его ни извиняли, весьма знаменателенъ: онъ наводитъ на болѣе грустныя мысли, чѣмъ десятки противорелигіозныхъ сочиненій, которыя могутъ появляться въ Бельгіи при совершенной свободѣ печати.

Остается намъ еще пояснить, въ чемъ состоятъ учрежденія *административныя бюро* (bureau administratif), которыя имѣютъ весьма важное вліяніе не только на хозяйственную, но и учебную и воспитательную часть, какъ низшихъ спеціальныхъ школъ и спеціальныхъ отдѣленій атенеевъ, такъ и вообще среднихъ учебныхъ заведеній въ Бельгіи. Это учрежденіе состоитъ въ слѣдующемъ.

Административныя бюро находятся при всѣхъ атенеяхъ и среднихъ школахъ, содержимыхъ правительствомъ, а равно и при общинныхъ коллегіяхъ и среднихъ школахъ, получающихъ пособіе отъ правительства [2]). Эти бюро состоятъ изъ мѣстнаго бургомистра и гласныхъ (échevins), и кромѣ того, изъ шести членовъ, назначаемыхъ отъ правительства. Эти послѣдніе избираются по ровну изъ лицъ, принадлежащихъ къ общинному совѣту, и изъ лицъ, не входящихъ въ его составъ. Сверхъ этого условія, они могутъ быть избираемы только изъ списка кандидатовъ, составленнаго общиннымъ совѣтомъ. Никакое лицо, принадлежащее къ личному составу училища, не можетъ быть членомъ бюро. Всѣ члены бюро служатъ безъ всякаго денежнаго вознагражденія. Они смѣняются чрезъ каждые три года; впрочемъ, на новый трехлѣтній срокъ могутъ быть избираемы и прежнія лица. Предсѣдательство въ бюро принадлежитъ бургомистру или гласному, которому онъ это поручитъ. Впрочемъ, самъ губернаторъ провинціи можетъ, если пожелаетъ, предсѣдательствовать съ правомъ подачи голоса въ бюро атенея; подобнымъ же правомъ пользуется правительственный коммиссаръ въ средней школѣ, состоящей въ подвѣдомственномъ ему округѣ.

Права административнаго бюро весьма обширны и почти неограниченны. Изъ нихъ приводимъ главнѣйшія. При замѣщеніи какой-

---

[1]) Rapport triennal sur l'état de l'einsegnement moyen etc., p. LX.

[2]) О раздѣленіи училищъ относительно ихъ зависимости отъ правительства см. іюньскую книжку *Журнала Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ, Совр. Лѣт., стр. 389—392.

либо должности въ учебномъ заведеніи, правительство предпровождаетъ въ бюро послѣдняго списокъ кандидатовъ, которыхъ оно признаетъ достойными занять эту должность, при чемъ поясняются, какъ научныя, такъ и нравственныя качества каждаго кандидата; выборъ рѣшаетъ бюро. Такимъ же образомъ избираются даже префекты (préfet) атенеевъ. Сверхъ того, бюро имѣетъ право устранить на время (suspendre) всякаго преподавателя отъ обученія или же и исключить (éliminer) изъ заведенія. Учебники и вообще всѣ книги, употребляемыя въ школѣ, одобряетъ бюро. Оно же утверждаетъ всѣ правила и мѣры, относящіяся ко внутреннему порядку въ заведеніи, и внимательно слѣдитъ за ихъ исполненіемъ. Высшую степень наказанія учащагося, то-есть, исключеніе изъ заведенія опредѣляетъ только административное бюро[1]). Если кто-либо изъ личнаго состава школы пожелаетъ держать у себя пансіонеровъ, то предварительно испрошенія дозволенія министра, долженъ получить на то согласіе административнаго бюро. Начальникъ заведенія представляетъ на утвержденіе бюро бюджетъ доходовъ и расходовъ, который оно можетъ утвердить или отвергнуть по своему усмотрѣнію. Словомъ, административное бюро вникаетъ во всѣ дѣла заведенія. Правда, начальникъ школы, напримѣръ, префектъ атенея, завѣдываетъ учебною и дисциплинарною частью заведенія, опредѣляетъ подробности въ программахъ преподаванія предметовъ, избираетъ руководства, составляетъ

---

[1]) Въ бельгійскихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ ни тѣлесныхъ наказаній въ извѣстномъ смыслѣ, ни карцера, ни наказаній, состоящихъ въ уменьшеніи пищи; вообще, нѣтъ никакихъ наказаній, основанныхъ на какомъ-либо физическомъ страданіи. Министръ въ своемъ отчетѣ все это одобряетъ; однакожь, къ этому прибавляетъ, что весьма часто своенравный и непослушный ученикъ предумышленно переходитъ одну за другой всѣ степени нравственныхъ взысканій и такимъ образомъ въ короткое время доводитъ себя до исключенія изъ заведенія; если же эти исключенія встрѣчаются пока не часто, то только потому, что когда до нихъ доходитъ дѣло, начальники заведеній совѣтуютъ родителямъ или родственникамъ ученика взять его изъ заведенія во избѣжаніе офиціальной огласки объ исключеніи. Впрочемъ, замѣчаетъ министръ, подобная мѣра употребляется только по отношенію къ упорно лѣнивымъ и непослушнымъ ученикамъ; въ другихъ же болѣе важныхъ случаяхъ примѣняется со всею строгостью офиціальное исключеніе. Это примѣчаніе мы помѣстили здѣсь только для того, чтобы показать, что дисциплинарная сторона и заграничныхъ учебныхъ заведеній страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и у насъ. Но мы просимъ читателя не судить по этому примѣчанію о нашемъ взглядѣ на характеръ взысканій какія могутъ употребляться въ школѣ. Если мы имѣемъ свой личный взглядъ на этотъ предметъ, то говорить о немъ мы не находимъ здѣсь кстати.

бюджетъ заведенія, изыскиваетъ мѣры къ улучшенію заведенія, и вообще ему принадлежитъ починъ во всемъ томъ, что относится во внутренней жизни заведенія. Но во всемъ этомъ, какъ уже сказано, онъ долженъ отдавать отчетъ предъ бюро по его востребованію. Одинъ только документъ онъ имѣетъ право не сообщать административному бюро. Именно, онъ долженъ вести, такъ-сказать, дневникъ своимъ наблюденіямъ относительно методъ, употребляемыхъ преподавателями, ихъ познаній и даже поведенія. Этотъ документъ онъ представляетъ своему непосредственному начальству, но предъявленія его себѣ не можетъ требовать административное бюро. Точно также остается неизвѣстною административному бюро и конфиденціальная переписка префекта съ губернаторомъ. Исключая эти случаи, бюро вникаетъ во всѣ подробности управленія заведеніемъ. Независимо отъ этого, всякій членъ бюро имѣетъ право посѣтить заведеніе во всякое время, когда ему заблагоразсудится, и повѣрять, какъ исполняются предписанныя правила. Наконецъ, бюро препровождаетъ ежегодно, чрезъ губернатора, подробное донесеніе министру о состояніи учебнаго заведенія. Это донесеніе остается неизвѣстнымъ начальнику заведенія [1]).

---

[1]) По примѣру бельгійскихъ административныхъ бюро учреждены и при всѣхъ французскихъ спеціальныхъ школахъ «совѣты объ усовершенствованіи» (conseils de perfectionnement). Но эти совѣты далеко не имѣютъ того значенія, какимъ въ Бельгіи пользуются бюро. Приводимъ главные пункты изъ положенія объ этихъ совѣтахъ. Совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ мера, изъ начальника школы (proviseur) и 5 — 10-ти членовъ, назначаемыхъ министромъ, по представленію ректора академическаго округа, на три года; эти члены избираются изъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, а также изъ болѣе значительныхъ мѣстныхъ купцовъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ. Ректоръ академическаго округа можетъ участвовать, если найдетъ нужнымъ, въ занятіяхъ совѣта; тогда ему принадлежитъ предсѣдательство. Инспекторъ академическаго округа считается членомъ совѣта во всякой школѣ его вѣдомства. Совѣтъ собирается по крайней мѣрѣ три раза въ годъ: при началѣ ученія, во время полугодичныхъ экзаменовъ и въ концѣ учебнаго года. Совѣтъ даетъ свое мнѣніе относительно примѣненія учебныхъ программъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Онъ назначаетъ изъ своей среды двухъ членовъ для повѣрки учебныхъ пособій и библіотеки школы. Онъ можетъ посылать одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ для посѣщенія классовъ и для присутствованія на урокахъ преподавателей и на экзаменахъ. Ежегодно, въ концѣ учебнаго года, совѣтъ представляетъ министру, чрезъ посредство ректора академическаго округа, донесеніе о ходѣ обученія въ школѣ и о мѣрахъ къ его улучшенію. Особенному надзору и попеченію совѣта подлежатъ ученики, воспитывающіеся на стипендіи, какъ общественныя, такъ и частныя. Совѣтъ покровительствуетъ,

Такимъ образомъ управленіе учебнымъ заведеніемъ принадлежитъ собственно его административному бюро, которое при этомъ пользуется почти неограниченною властью. Это бюро учреждено съ цѣлію наблюденія за сохраненіемъ интересовъ какъ общины, такъ и правительства. Но эти интересы не всегда сходятся между собою, какъ это мы уже имѣли случай пояснить, говоря о начальныхъ училищахъ. Притомъ, — по замѣчанію г. Бодуана, — „во время политическихъ разногласій и раздраженія умовъ, когда бываетъ заподозрѣно центральное правленіе, административныя бюро пользуются своею широкою властью съ крайнею строгостью". И все это отражается на школѣ весьма неблагопріятнымъ образомъ.

Итакъ, мы видѣли, что въ Бельгіи не только начальныя школы, но и слѣдующія за ними среднія учебныя заведенія, а въ томъ числѣ и спеціальныя, находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи самого общества. Вліяніе правительства весьма ограниченно даже на школы, содержимыя на счетъ общественныхъ или же государственныхъ суммъ, не говоря уже о множествѣ *свободныхъ* школъ, гдѣ правительство лишено и права инспекціи. Словомъ, общенародное образованіе находится въ рукахъ самого бельгійскаго общества. Но послужило ли это на пользу бельгійской школы? Нельзя отрицать, что въ бельгійской школѣ весьма много хорошаго и притомъ такого, что не вездѣ встрѣчается. Но довольны ли сами Бельгійцы своею школой? Приноситъ ли она такіе плоды, какихъ Бельгійцы могли ожидать отъ нея при своемъ усердіи къ школьному дѣлу? На эти вопросы можно отвѣчать почти безъ ошибки: нѣтъ. И причина понятна. Если даже какая-либо машина требуетъ, чтобы при управленіи ею сохранялось извѣстное, такъ-сказать, уваженіе къ ея механизму, то школа требуетъ еще бо̀льшаго уваженія къ своей организаціи. Школа не машина, а живой организмъ, и требуетъ для своего развитія извѣстной доли свободы. Это правило, повидимому, признается въ Бельгіи. Но на практикѣ оно выразилось лишь въ стремленіи къ возможно-большему ограниченію вліянія правительства на школу. Такимъ-то образомъ явились такъ-называемыя свободныя учебныя заведенія и цѣлый рядъ другихъ школъ до правительственныхъ включительно, различающихся между собою по степени ихъ зависимости отъ правительства. Но изъятіе школы изъ-подъ вліянія правительства или же

по возможности, этихъ воспитанниковъ и по окончаніи курса, а главное, заботится объ опредѣленіи ихъ къ мѣсту по выходѣ изъ школы, сообразно съ знаніями и способностями каждаго.

ослабленіе этого вліянія не доставило бельгійской школѣ свободы. Дѣйствительно, школы, называемыя въ Бельгіи *свободными*, находятся, за весьма немногими исключеніями, въ рукахъ католическаго духовенства, слѣдовательно, для нихъ невозможно свободное развитіе. Въ другихъ своихъ школахъ Бельгійцы распоряжаются свободно, но здѣсь-то именно они едва-ли замѣчають, что сами пользуясь свободой, сдѣлали школу рабыней своихъ политическихъ страстей, такъ что школа не знаетъ, кому повиноваться, къ чему стремиться. Поэтому можно сказать, не ошибаясь, что бельгійскія школы станутъ приносить надлежащіе плоды тогда только, когда бельгійское правительство пріобрѣтетъ, наконецъ, полную власть въ управленіи школой, къ чему оно стремится, хотя осторожно, но неуклонно. Тогда только послѣдствія антагонизма, существующаго въ Бельгіи между партіями правительственною, клерикальною и либеральною, не станутъ проникать и въ школу; тогда и само бельгійское правительство отнесется къ школѣ съ бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ теперь: дастъ ей прочныя основы, сохранитъ за собою только наиболѣе необходимый контроль надъ дѣйствіями школы, а все остальное предоставитъ свободному ея развитію. Въ такой именно свободѣ нуждается, по нашему мнѣнію, бельгійская школа. Почти въ такомъ же смыслѣ выразился и г. Водуэнъ, видѣвшій бельгійскія школы вблизи. Онъ говоритъ, что предполагаемыя улучшенія въ бельгійскихъ школахъ окажутся исполнимыми лишь тогда, когда правительство и такъ-называемая либеральная часть бельгійскаго общества рѣшатся на взаимныя уступки для пользы школы, руководясь тѣмъ правиломъ, что добро не обрѣтается безъ пожертвованій.

Н. Доннаръ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Програмы среднихъ школъ [1]).

Французскій языкъ.

Для избѣжанія повтореній въ распредѣленіи преподаванія этого языка по классамъ, приводимъ предварительно то, что̀ входитъ въ програму каждаго изъ трехъ классовъ:

---

[1]) См. іюньскую книжку *Журнала* за текущій годъ, Совр. Лѣт., стр. 395—399.

Чтеніе въ слухъ. Правописаніе и диктовка. Упражненія въ составленіи примѣровъ, устно и письменно, на грамматическія правила, при чемъ объясняются правила построенія фразы и обращается вниманіе на выражаемую мысль (фразы обыкновенныя, а также не заключающія какой-либо особенной мысли не допускаются). Объясненіе избранныхъ легкихъ отрывковъ: чтеніе *хрестоматіи*. Заучиваніе избранныхъ отрывковъ наизусть и декламація.

Остальное распредѣлено по классамъ слѣдующимъ образомъ:

3-й классъ (1-й годъ обученія). Грамматика: лексиграфія (lexigraphie) и главныя правила синтаксиса. Грамматическій разборъ, преимущественно устный.

2-й классъ. Повтореніе пройденнаго изъ грамматики. Начало пространнаго синтаксиса. Составленіе писемъ и небольшихъ разказовъ. Разборъ избранныхъ басенъ *Лафонтена*.

1-й классъ (послѣдній годъ обученія). Окончаніе пространнаго синтаксиса. Знаки препинанія. Синонимы. Упражненія въ сочиненіи писемъ, разказовъ, небольшихъ описаній и т. п. Упражненія въ устномъ выраженіи мыслей (устные разказы и описанія). Чтеніе съ объясненіемъ избранныхъ басенъ *Лафонтена* и „Телемака" *Фенелона*.

Нѣмецкій языкъ.

Этотъ языкъ преподается только въ школахъ, находящихся въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ онъ находится во всеобщемъ употребленіи. Программа преподаванія носитъ тотъ же характеръ, какъ и французскаго языка. Однакожъ, преимущество остается замѣтнымъ образомъ на сторонѣ послѣдняго, какъ это не трудно усмотрѣть изъ сравненія обѣихъ программъ.

Пункты нѣмецкой программы, общіе для всѣхъ классовъ:

Чтеніе въ слухъ и письмо. Правописаніе и диктовка. Переводы съ нѣмецкаго на французскій и обратно, устные и письменные. Объяснительное чтеніе избранныхъ отрывковъ, заучиваніе ихъ наизусть и декламація.

Прочіе пункты программы:

2-й классъ. Лексиграфія и первыя начала синтаксиса.

3-й классъ. Дополненіе лексиграфіи. Синтаксисъ: строеніе простой и сложной фразы (phrase). Упражненія въ устномъ изложеніи мыслей.

1-й классъ. Болѣе пространный синтаксисъ. Сочиненія (разказы, письма и т. п.). Упражненія въ устномъ изложеніи мыслей (простые разказы). Переводъ французскаго разговорнаго отрывка.

Фламандскій языкъ.

Фламандскій языкъ обязателенъ только въ школахъ, находящихся въ фламандскихъ провинціяхъ. Считаемъ излишнимъ приводить здѣсь программу этого преподаванія; замѣтимъ только, что она по своимъ

требованіямъ занимаетъ средину между французскою и нѣмецкою. Изъ этого видно, что изъ языковъ въ бельгійской школѣ, назначенной для общенароднаго образованія, занимаетъ первое мѣсто французскій и что изъ остальныхъ двухъ мѣстныхъ дается преимущество фламандскому. Это предпочтеніе фламандскаго языка предъ нѣмецкимъ выражается еще и въ томъ, что для фламандскаго языка учреждены особые конкурсы между школами. Правда, эти конкурсы обязательны только для фламандскихъ школъ, но за то нѣмецкій языкъ вовсе не входитъ въ программы конкурсовъ.

Математика.

3-й классъ. *Ариѳметика.* Нумерація. Первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами и дробями простыми и десятичными. Упражненія въ умственномъ счисленіи. Система узаконенныхъ мѣръ и вѣсовъ.

2-й классъ. *Ариѳметика.* Повтореніе съ доказательствами пройденнаго въ предыдущемъ классѣ. Признаки дѣлимости чиселъ. Дѣйствія надъ именованными числами и метода аликвотныхъ частей. Рѣшеніе задачъ наиболѣе практическихъ. — *Алгебра.* Первыя дѣйствія надъ алгебраическими выраженіями. — *Геометрія.* Предварительныя опредѣленія. Главныя свойства перпендикулярныхъ, наклонныхъ и параллельныхъ линій. Условія равенства треугольниковъ.

1-й классъ. *Ариѳметика.* Извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней (безъ доказательствъ). Пропорціи. Рѣшеніе задачъ, относящихся къ вычисленію простыхъ процентовъ, къ учету векселей и къ такъ-называемымъ правиламъ товарищества и смѣшенія. — *Алгебра.* Алгебраическія вычисленія. Уравненія первой степени и приложеніе ихъ къ рѣшенію задачъ. — *Геометрія.* Повтореніе пройденнаго. Главныя свойства круга и фигуръ, происходящихъ отъ сочетанія его съ прямою линіей. Измѣреніе угловъ. Вычисленіе площадей. Пропорціональныя линіи. Подобныя фигуры. Свойства правильныхъ многоугольниковъ. Приложеніе геометріи къ искусствамъ, черченію и съемкѣ плановъ. Практическое ознакомленіе съ измѣреніемъ поверхностей и объемовъ многогранниковъ, цилиндра, конуса и шара.

Примѣчаніе. Въ преподаваніи ариѳметики опускаются всѣ тѣ объясненія, кои, не представляя особенной пользы, могутъ только затруднять учащихся, напримѣръ: свойства произведенія нѣсколькихъ множителей, объ общемъ наибольшемъ дѣлителѣ, и т. п.

Исторія и географія.

3-й классъ. Форма земли. Горизонтъ, главныя его точки. Географическая номенклатура. Общее раздѣленіе поверхности земнаго шара. Главныя государства Европы и важнѣйшіе въ нихъ города. — Начальная географія Бельгіи. — Древняя исторія въ біографическихъ очеркахъ: Сезострисъ, Киръ, Ликургъ и Солонъ, Мильтіадъ, Эпаминондъ, Александръ Великій, Ромулъ, Тарквиній Гордый, Аннибалъ, Сципіонъ-Эмиліанъ, Цезарь, Константинъ Великій.

2-й классъ. Повтореніе пройденнаго въ предыдущемъ классѣ. — Осъ и полюсы земли. Экваторъ и параллели. Меридіаны. Долгота и широта.—Пространная географія Бельгіи. — Краткая географія Европы. — Средняя и новая исторія въ біографическихъ очеркахъ: Аттила, Хлодвигъ, Карлъ Великій, Оттонъ Великій, Годфридъ Буйльонскій, Людовикъ Святой, Ванъ-Артевельдъ, Карлъ Смѣлый, Христофоръ Колумбъ, Карлъ V, Густавъ-Адольфъ, Марія-Терезія.

1-й классъ. Краткая исторія Бельгіи. — Главнѣйшія свѣдѣнія изъ исторической географіи Бельгіи. — Подробная географія Европы и общее обозрѣніе прочихъ частей свѣта.

Естествознаніе.

2-й классъ. *Зоологія.* Свѣдѣнія изъ анатоміи (сколько необходимо для уразумѣнія классификаціи животныхъ). Главнѣйшія дѣленія въ классификаціи животныхъ. Изученіе видовъ животныхъ, наиболѣе полезныхъ для человѣка.

1-й классъ. *Ботаника.* Краткое описаніе главныхъ органовъ растеній: корни, стебли, листья, цвѣты и плоды; ихъ видоизмѣненія и отправленія. Изученіе растеній наиболѣе полезныхъ или вредныхъ для человѣка. — *Физика.* Общія свойства тѣлъ. Давленіе жидкостей и воздуха. Барометръ. Насосы. Удѣльный вѣсъ. Свѣдѣнія о теплородѣ и главнѣйшихъ его дѣйствіяхъ. Термометръ. Главнѣйшія свѣдѣнія объ электричествѣ и магнетизмѣ. Свѣдѣнія изъ оптики. — *Химія.* Главныя основанія химической номенклатуры. Главныя свойства и употребленіе слѣдующихъ тѣлъ: кислорода, водорода, азота, хлора, углерода, сѣры и мышьяка. Главныя свойства и употребленіе кислотъ: углекислой, сѣрнокислой, селитряной, хлористоводородной и сѣрнистоводородной (сѣрнистый водородъ). Свѣдѣнія о желѣзѣ, мѣди, свинцѣ, цинкѣ, оловѣ, кали, извести, хлористомъ натрѣ (поваренная соль) и хлорной (бѣлильной) извести; ихъ употребленіе на фабрикахъ и въ промышленности.

Коммерческія знанія.

2-й классъ. Книговедѣніе простое. Вспомогательныя книги. Фактуры и накладныя. Практическія упражненія.

1-й классъ. Общая теорія двойнаго книговедѣнія. Вспомогательныя книги. — Коммерческая переписка. — Обязанности купца по коммерческимъ законамъ. Векселя простые и переводные. — Практическія упражненія.

Чистописаніе и рисованіе.

Чистописаніе преподается во всѣхъ классахъ вмѣстѣ съ линейнымъ черченіемъ. Рисованіе введено только въ послѣднее время; программу его мы уже привели[1]).

---

[1]) См. іюньскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за настоящій годъ, Совр. Лѣт., стр. 397.

II. Вопросы для конкурсовъ между средними школами [1]).

О томъ, въ какой мѣрѣ выполняются приведенныя выше программы, или вѣрнѣе, какіе результаты представляетъ обученіе въ среднихъ школахъ, можно судить по тѣмъ вопросамъ, которые были даваемы при конкурсахъ между школами въ 1863 г. Они напечатаны въ отчетѣ министра [2]). Но чтобы вѣрнѣе оцѣнить значеніе этихъ вопросовъ, нужно знать, что такое бельгійскіе конкурсы между училищами. Поэтому считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія. При этомъ, разумѣется, мы ограничимся самымъ существеннымъ.

Училищные конкурсы учреждены собственно для атенеевъ и другихъ, равныхъ имъ по своему разряду, учебныхъ заведеній. Затѣмъ конкурсы введены и въ среднія школы. Этимъ конкурсамъ придается въ Бельгіи весьма важное значеніе: по результатамъ ихъ правительство судитъ о сравнительномъ достоинствѣ каждой школы отдѣльно; они же нерѣдко служатъ поводомъ и къ важнымъ правительственнымъ мѣрамъ. Такъ, напримѣръ, въ 1860 году отдѣленіе промышленности въ атенеяхъ слито въ одно съ отдѣленіемъ торговли, а это было равносильно упраздненію перваго изъ этихъ отдѣленій; поводомъ къ этой мѣрѣ послужило то обстоятельство, что отдѣленіе промышленности представляло на конкурсы недостаточное число учащихся.

Конкурсы назначаются всякій годъ по особому королевскому повелѣнію, въ которомъ *подробно* излагаются главныя ихъ правила. Затѣмъ слѣдуетъ министерское распоряженіе и многіе другіе офиціальные документы, въ которыхъ опредѣляются еще бóльшія подробности, относящіяся къ исполненію правилъ, указанныхъ въ королевскомъ повелѣніи. Наконецъ, печатается отъ министерства и разсылается по принадлежности особая брошюра, въ которой производство дѣла опредѣляется еще до бóльшихъ подробностей. Нѣкоторыя изъ этихъ подробныхъ правилъ мы приводимъ ниже.

Бельгійскіе конкурсы можно назвать испытаніями, служащими для сравнительной оцѣнки училищъ. Имъ подлежатъ обязательно всѣ общественныя учебныя заведенія, исключая такъ-называемыя свободныя [3]); но и эти послѣднія могутъ по собственному желанію прини-

[1]) Къ стр. 396-й Совр. Лѣт. іюньской книжки *Журн. Мин. Народн. Просв.* за настоящій годъ.

[2]) Rapport triennal etc., annexes, p. 167 — 217.

[3]) См. іюньскую кн. *Журн. Мин. Народн. Просв.* за настоящій годъ, Совр. Лѣт., стр. 390 и 391.

мать участіе въ общемъ конкурсѣ, для чего предварительно испрашиваютъ разрѣшеніе министра, которое и дается имъ, если они по своему устройству вполнѣ соотвѣтствуютъ общественнымъ учебнымъ заведеніямъ. Конкурсные экзамены во всѣхъ училищахъ одинаковаго разряда производятся не только въ одинъ и тотъ же день, но въ одни и тѣ же часы. Для всѣхъ училищъ одного разряда даются одни и тѣ же вопросы, назначаемые министромъ *по жребію*. Вопросы эти становятся извѣстными какъ экзаменующимся, такъ и наблюдающимъ за ними, *только въ минуту открытія конкурса*, когда уже подготовка къ отвѣту невозможна; съ этою цѣлью принимаются всѣ возможныя предосторожности [1]). Конкурснымъ испытаніямъ подвергается въ среднихъ школахъ 1-й классъ, то-есть, выпускной, а въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ атенеевъ 3-й и 1-й классы. Но не всѣ учащіеся въ классѣ допускаются къ конкурсному испытанію; для этого существуютъ ограниченія, изъ которыхъ главнѣйшее обусловливается возрастомъ учащагося, старше котораго онъ не можетъ участвовать въ конкурсѣ; притомъ, оставшіеся на другой годъ въ классѣ хотя и допускаются къ конкурсу, но не въ параллель съ первогодными учащимися. Списки назначаемыхъ къ испытанію повѣряются по документамъ въ министерствѣ. Въ среднихъ школахъ конкурсныя испытанія производятся обыкновенно только изъ французскаго языка, математики, исторіи и географіи; а въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ атенеевъ почти по всѣмъ предметамъ, какъ это окажется въ своемъ мѣстѣ изъ вопросовъ, какіе были предложены для этихъ отдѣленій. Отвѣты на вопросы представляются письменные; впрочемъ, выдержавшіе по математикѣ письменный экзаменъ съ успѣхомъ, подвергаются еще устному испытанію въ Брюсселѣ, куда эти экзаменующіеся съѣзжаются къ назначенному дню и часу; здѣсь всѣ они подвергаются словесному испытанію на одни и тѣ же вопросы; на каждаго экзаменующагося полагается 35 минутъ для отвѣта. Для оцѣнки какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ отвѣтовъ, назначаются министромъ всякій разъ особыя коммиссіи. Оцѣнка производится посредствомъ балловъ; но и тутъ установлено множество предосторожностей съ цѣлью достиженія возможно большей правильности въ этой оцѣнкѣ.

Конкурсныя испытанія по каждому училищу производятся на

---

[1]) Въ 1863 году Антверпенскій общинный совѣтъ вскрылъ раньше назначеннаго срока пакетъ, содержавшій вопросы, назначенные для конкурсныхъ отвѣтовъ. Хотя это случилось лишь по недосмотру, тѣмъ не менѣе Антверпенскій атеней былъ исключенъ изъ конкурснаго состязанія по этимъ вопросамъ.

мѣстѣ, но не въ зданіи училища, а для этого назначается мѣстными общинными властями особый залъ, который устраивается такъ, чтобъ экзаменующіеся не выходили изъ опредѣленной для нихъ черты до окончанія испытанія; съ этою цѣлью въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ставится въ залѣ даже пища и питье (rafraîchissements). Разумѣется, что при этомъ экзаменующіеся лишены всякихъ пособій, которыя могли бы служить къ составленію отвѣта на заданные вопросы; имъ приходится пользоваться для этого только наличнымъ своимъ знаніемъ.

При составленіи отвѣтовъ на заданные вопросы присутствуетъ или членъ административнаго бюро, или членъ общиннаго управленія; кромѣ того, для наблюденія за производствомъ дѣла назначаются отъ министерства особые депутаты. Эти депутаты избираются изъ учителей, но такъ что, напримѣръ, въ атеней посылается учитель общинной или какой-либо другой школы, и наоборотъ. Кромѣ этихъ лицъ никто другой не можетъ входить въ залъ для испытанія. Депутатъ отъ министерства долженъ прибыть въ назначенную ему школу не раньше какъ наканунѣ испытанія и уѣхать по окончаніи его на слѣдующее утро. Во время наблюденія за испытаніемъ онъ не имѣетъ права заниматься чтеніемъ или какимъ-либо другимъ дѣломъ. Онъ не имѣетъ права выражать какое-либо мнѣніе о поданныхъ ему отвѣтахъ, какъ экзаменовавшемуся, такъ и какому-либо другому лицу. Отвѣты эти онъ отдаетъ на почту тотчасъ послѣ испытанія. Минуя множество другихъ правилъ для производства конкурсныхъ испытаній, которыя обыкновенно опредѣляются, какъ въ королевскомъ повелѣніи, такъ и въ министерскихъ распоряженіяхъ, циркулярахъ и инструкціяхъ (министерской брошюры, упомянутой въ предыдущемъ, мы не видѣли), упомянемъ еще только объ одномъ правилѣ. Для письменныхъ отвѣтовъ присылаются для каждаго училища особые листы бумаги, помѣченные въ министерствѣ. Число листовъ этой бумаги опредѣляется для каждой школы съ точностью. Принимаются только отвѣты, писанные на этой бумагѣ.

Сказаннаго слишкомъ достаточно для того, чтобы видѣть, какое значеніе придается училищнымъ конкурсамъ въ Бельгіи и съ какою строгостью они тамъ производятся. Поэтому и вопросы, кои были задаваемы на этихъ конкурсахъ, должны служить и для насъ важнымъ пособіемъ для оцѣнки результатовъ, достигаемыхъ бельгійскими училищами. Нельзя же предполагать, чтобы при такой строгой обстановкѣ самихъ конкурсныхъ экзаменовъ считались удовлетворительными

кое-какіе отвѣты на заданные вопросы, или же чтобъ эти вопросы превышали уровень учебной части школы. Приводимъ здѣсь вопросы, которые были заданы на конкурсахъ среднихъ школъ въ 1863 году. При оцѣнкѣ этихъ вопросовъ не забудемъ, что эти школы соотвѣтствуютъ нашимъ уѣзднымъ училищамъ.

По французскому языку.

1. Проспрягать le présent и l'imparfait du subjonctif отъ глагола *savoir*.
2. Когда употребляются *son, sa, ses;* когда употребляются *leur, leurs* послѣ *chacun?* (примѣры).
3. Употребленіе временъ: l'imparfait de l'indicatif и passé défini (примѣры).

Сочиненіе.

Письмо ученика къ пріятелю, въ которомъ онъ приглашаетъ его къ себѣ на предстоящія сентябрьскія каникулы. При этомъ онъ описываетъ подробно ту мѣстность (пруды, лѣса, луга....), въ которой намѣренъ провести каникулярное время. Упоминаетъ также о многихъ полезныхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ пріобрѣлъ въ прошлогодніе каникулы, присматриваясь къ полевымъ и другимъ сельскимъ занятіямъ.

По исторіи Бельгіи.

1. Готфридъ Буйльонскій и Балдуинъ Константинопольскій.
2. Краткая исторія царствованія Альберта и Изабеллы (1599).

По географіи.

1. Указать естественныя произведенія и главныя отрасли промышленности въ каждой провинціи Бельгіи.
2. Главныя части Австрійской имперіи. Главная въ ней рѣка и находящіеся при ней города. Морскія гавани Австріи.
3. Раздѣленіе Африки и находящіяся въ ней колоніи Европейцевъ.

Для отвѣтовъ на всѣ эти вопросы было дано 6 часовъ времени.

Испытаніе изъ математики происходило на другой день. Для отвѣтовъ было дано 5 часовъ времени. Вопросы были слѣдующіе:

Ариѳметика.

1. Опредѣленіе метра. Объяснить, какъ прочія единицы метрической системы мѣръ проистекаютъ изъ метра.
2. Доказать, что во всякой геометрической пропорціи сумма или разность членовъ предыдущихъ относится къ суммѣ или разности послѣдующихъ, какъ какой-либо предыдущій къ своему послѣдующему.
3. Три работника получили за общую работу 72 франка. Первый, работая одинъ, могъ бы кончить работу въ 6 дней, второй въ 8 и третій въ 12. Узнать, во сколько дней они кончили работу вмѣстѣ, и раздѣлить плату между работниками соразмѣрно съ достоинствомъ труда каждаго.

Алгебра.

1. Упростить выраженіе:

$$\frac{3a^2-5ab}{2ax-a}\times\frac{4x^2-4x+1}{18a^3-50ab^2}$$

2. Неизвѣстное число состоитъ изъ трехъ цифръ, сумма которыхъ 18. Цифра десятковъ равна суммѣ цифръ единицъ и сотенъ. Если же цифры написать въ обратномъ порядкѣ, то получится число больше неизвѣстнаго 99 единицами. Найдти неизвѣстное число.

Геометрія.

1. Опредѣленія параллелограмма и трапеціи.

2. Доказать, что периметры правильныхъ многоугольниковъ одинаковаго числа сторонъ относятся между собою, какъ радіусы круговъ вписанныхъ или описанныхъ.

3. Выразить площадь равносторонняго треугольника въ функціи радіуса круга, вписаннаго въ него.

Въ этомъ году принимали участіе въ конкурсѣ 51 общественная школа и 1 частная. Учениковъ, назначенныхъ къ конкурснымъ испытаніямъ, было 233, явилось къ испытанію 224, изъ нихъ 132 получили болѣе половины наибольшаго числа балловъ, назначаемыхъ за отвѣты, отличные во всѣхъ отношеніяхъ.

Замѣтимъ еще, что въ два предыдущіе года выходили для конкурсовъ вопросы значительно труднѣе, особенно по географіи и исторіи.

III. Программы спеціальныхъ отдѣленій атенеевъ [1]).

При изложеніи программъ по языкамъ мы будемъ придерживаться, для сбереженія мѣста, того же порядка, какой былъ принятъ для среднихъ школъ.

Французскій языкъ.

Въ программахъ всѣхъ классовъ повторяются слѣдующіе пункты: Чтеніе въ слухъ. Заучиванье наизусть избранныхъ отрывковъ и декламація.

Прочее распредѣлено по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Приготовительный классъ. Лексиграфія и краткій синтаксисъ. Правописаніе и диктовка. Грамматическій разборъ, преимущественно устный. Объясненіе легкихъ отрывковъ: чтеніе *христоматіи.*

5-й классъ. Повтореніе трудностей въ лексиграфіи. Начало пространнаго синтаксиса. Правописаніе и диктовка. Грамматическій разборъ преимущественно устный. Составленіе примѣровъ на грамматическія правила. Объясненіе избранныхъ отрывковъ: чтеніе христоматіи.

4-й классъ. Окончаніе пространнаго синтаксиса. Знаки препинанія. Словопроизведеніе. Синонимы. Правописаніе и диктовка. Составленіе примѣ-

---

[1]) См. выше стр. 99—105.

ровъ на грамматическія правила. Грамматическій разборъ, преимущественно устный. Сочиненія (небольшіе разказы, письма и т. п.). Упражненія въ устномъ изложеніи мыслей (небольшіе разказы и описанія). Объясненіе избранныхъ отрывковъ: чтеніе хрестоматіи. Чтеніе съ объясненіемъ избранныхъ басенъ *Лафонтена* и „Телемака" *Фенелона*.

3-й классъ. Повтореніе всѣхъ трудностей, встрѣчаемыхъ въ лексиграфіи, синтаксисѣ и особенно въ теоріи причастій и въ употребленіи залоговъ и временъ. Составленіе примѣровъ на правила. Синонимы. Идіотизмы. Сочиненія (разказы, письма и проч.) Объясненіе и разборъ избранныхъ отрывковъ и преимущественно нѣсколькихъ писемъ *Севинье*. Объяснительное чтеніе *хрестоматіи*, избранныхъ басенъ *Лафонтена* и „Телемака" *Фенелона*. Устное изложеніе мыслей въ разказахъ и описаніяхъ.

2-й классъ. Начала стилистики. Фигуры и тропы. Правила для сочиненій, въ особенности повѣствованій, описаній и въ формѣ переписки (genre épistolaire). Правила стихосложенія. Главныя свѣдѣнія о различныхъ родахъ поэзіи. Сочиненіе повѣствованій, описаній, писемъ, донесеній и проч. Разборъ избранныхъ отрывковъ. Объясненіе: „Petit Carême" *Массильона;* сатиръ, посланій и „Art poétique" *Буало;* статей изъ „Leçons de littérature et de morale" *Ноэля и де-ла-Пласа*. Устное изложеніе мыслей.

1-й классъ. Риторика. Упражненія въ различныхъ родахъ сочиненій. Разборъ въ литературномъ отношеніи избранныхъ отрывковъ изъ „Leçons de littérature et de morale" *Ноэля и де-ла-Пласа*, такой же разборъ одной изъ надгробныхъ рѣчей *Боссюэта* и двухъ образцовыхъ драматическихъ произведеній XVII столѣтія. Устное изложеніе мыслей.

Фламандскій, нѣмецкій и англійскій языки.

За недостаткомъ мѣста мы не приводимъ программъ преподаванія этихъ языковъ. Замѣтимъ только слѣдующее. Общій характеръ этихъ программъ такой же, какъ и французской, но онѣ несравненно короче. Послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ англійскому языку, преподаваніе котораго начинается только съ 4-го класса; однакожь уже во 2-мъ классѣ уроки даются отчасти на этомъ же языкѣ. Преподаваніе фламандскаго и нѣмецкаго языковъ начинается съ 5-го класса. Для каждаго изъ этихъ языковъ назначены двѣ программы. Такъ, по фламандскому языку назначена болѣе пространная программа для фламандскихъ школъ, чѣмъ для валлонскихъ; точно также и нѣмецкій языкъ преподается по болѣе пространной программѣ въ нѣмецкихъ школахъ, чѣмъ въ прочихъ; впрочемъ и въ этихъ послѣднихъ школахъ преподаваніе языка на немъ же самомъ начинается со 2-го класса.

Исторія и географія.

Приготовительный классъ. Форма земли. Горизонтъ и главныя его точки. Географическая номенклатура. Общее раздѣленіе земнаго шара. Главныя цѣпи

горъ, большія рѣки, острова и полуострова въ Европѣ (безъ подробностей). Государства Европы съ столицами. — Краткая географія Бельгіи.

Священная исторія.

5-й классъ. Повтореніе пройденнаго въ предидущемъ классѣ. Общее обозрѣніе Европы. — Подробная географія Бельгіи.—Ось и полюсы земли. Экваторъ и параллели. Меридіаны; долгота и широта.

Древняя исторія въ біографическихъ очеркахъ: Сезострисъ, Семирамида, Киръ, Ликургъ и Солонъ, Мильтіадъ, Ѳемистоклъ и Аристидъ, Эпаминондъ и Пелопидъ, Александръ Великій, Ромулъ, Тарквиній Гордый, Камиллъ, Аннибалъ, Сципіонъ-Эмиліанъ, Гракхи, Цезарь, Августъ, Константинъ Великій.

4-й классъ. Подробная географія Европы и общее обозрѣніе прочихъ частей свѣта.

Средняя и новая исторія въ біографическихъ очеркахъ: Аттила, Хлодвигъ, Магометъ, Карлъ Великій, Оттонъ Великій, Годфридъ Буйльонскій, Фридрихъ Барбаросса, Людовикъ Святой, Эдуардъ III, Людовикъ XI, Христофоръ Колумбъ, Карлъ V, Елисавета, Густавъ-Адольфъ, Людовикъ XIV, Марія-Терезія, Вашингтонъ.

3-й классъ. Физическая географія Европы и Азіи.

Главныя событія древней исторіи и средней до конца перваго Крестоваго похода.

2-й классъ. Физическая географія Африки, Америки и Океаніи.

Главныя событія средней исторіи отъ 1-го Крестоваго похода до открытія Америки; главныя событія новой исторіи.

1-й классъ. Исторія Бельгіи.—Политическая и административная географія Бельгіи. Свѣдѣнія о правительственныхъ учрежденіяхъ въ Бельгіи.

Математическая географія. О землѣ вообще. Наблюденія, дающія первое понятіе о фигурѣ земли. Движеніе земли около оси и обусловливаемое имъ кажущееся суточное движеніе звѣздъ. Земные полюсы, меридіаны, экваторъ, параллели, долгота и широта. О солнцѣ. Разстояніе его отъ земли и діаметръ. Движеніе земли около солнца. Объясненіе смѣны временъ года. О лунѣ. Разстояніе ея отъ земли и діаметръ. Фазы. Синодическій мѣсяцъ. Лунныя и солнечныя затмѣнія.

Математика.

Приготовительный классъ. Десятичная нумерація. Первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами и дробями простыми и десятичными. Упражненія въ умственномъ исчисленіи.

5-й классъ. Десятичная нумерація. Цѣлыя числа. Первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами, дробями простыми и именованными и надъ составными именованными числами. Узаконенная система метрическихъ мѣръ и отношеніе ихъ къ прежде употреблявшимся въ Бельгіи, а также къ англійскимъ. Рѣшеніе большаго числа задачъ по способу приведенія къ единицѣ. Примѣненіе этого способа къ вычисленію процентовъ, къ учету векселей и къ такъ-называемымъ правиламъ товарищества и смѣшенія. (Въ этомъ классѣ слѣдуетъ объяснять только наиболѣе существенныя ариѳметическія правила, примѣняя ихъ въ то же время къ рѣшенію возможно большаго числа задачъ, относящихся къ искусствамъ, торговлѣ и промышленности).

4-й классъ. *Ариѳметика.* Тщательное повтореніе пройденнаго въ предыдущемъ классѣ. Признаки и причины дѣлимости нѣкоторыхъ чиселъ на 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 11. Отыскиваніе общаго наибольшаго дѣлителя для двухъ чиселъ. Пропорціи. Извлеченіе квадратнаго корня. — *Алгебра.* Выраженіе задачи уравненіемъ 1-й степени. Польза и цѣль такого выраженія. Основныя дѣйствія надъ алгебраическими количествами. Исключеніе неизвѣстныхъ изъ уравненій 1-й степени. Приложеніе уравненій къ рѣшенію наиболѣе обыкновенныхъ задачъ. — *Геометрія.* Предварительныя опредѣленія. Главныя свойства перпендикуляра, наклонныхъ и параллельныхъ линій. Условія равенства треугольниковъ. Четыреугольники и ихъ отличія. Главныя свойства круга и фигуръ, происходящихъ отъ сочетанія его съ прямою линіей. Измѣреніе угловъ. Задачи и многочисленныя упражненія въ числовыхъ вычисленіяхъ. (Въ основаніе теоріи параллельныхъ линій принимается бездоказательно *postulatum* Евклида).

3-й классъ. Повтореніе пройденнаго въ предыдущемъ классѣ изъ алгебры и геометріи. — *Алгебра.* Дѣйствія надъ радикалами второй степени. — Рѣшеніе и изслѣдованіе уравненія 2-й степени. Извлеченіе кубическаго корня. Задачи на пройденное. Прогрессіи. Элементарная теорія логариѳмовъ. Употребленіе логариѳмическихъ таблицъ. Приложеніе логариѳмовъ къ вычисленію сложныхъ процентовъ и срочныхъ уплатъ. — *Геометрія.* Измѣреніе площадей. Главныя свойства треугольниковъ. Пропорціональныя линіи. Подобныя фигуры. Главныя свойства правильныхъ многоугольниковъ. Опредѣленіе отношенія окружности къ діаметру круга. — *Прямолинейная тригонометрія.* Употребленіе тригонометрическихъ таблицъ. Упражненія въ вычисленіи площадей различныхъ фигуръ и въ рѣшеніи задачъ, прямо примѣнимыхъ къ искусствамъ. — *Топографія.* Съемка плановъ посредствомъ столика и астролябіи. Межеваніе. Нивеллировка. Практическія упражненія на данной мѣстности. Черченіе плановъ. (Преподаваніе тригонометріи ограничивается тѣмъ только, что необходимо для рѣшенія треугольниковъ. Точно также въ этомъ классѣ сообщаются учащимся только формулы, безъ доказательствъ, служащія для измѣренія поверхностей и объемовъ многогранниковъ, цилиндра, конуса, шара, усѣченнаго конуса и сферическаго сегмента, съ примѣненіемъ всего этого къ опредѣленію вмѣстимости сосудовъ различныхъ формъ и къ другимъ практическимъ вопросамъ).

2-й классъ [1]. Теорія общаго наибольшаго дѣлителя. — *Стереометрія.* Линіи перпендикулярныя и наклонныя къ плоскости. Параллельность линій и плоскостей. Мѣра двуграннаго угла. Главныя свойства многограннаго угла и многогранниковъ; измѣреніе поверхностей и объемовъ многогранниковъ. Главныя свойства цилиндра, конуса и шара. Усѣченный конусъ. Сферическій сегментъ. Вычисленіе поверхностей и объемовъ этихъ тѣлъ. — Повтореніе съ дополненіями ариѳметики, алгебры, геометріи и прямолинейной тригонометріи; упражненія въ рѣшеніи различныхъ задачъ, съ цѣлію усвоенія учащимися хорошихъ научныхъ методовъ.

---

[1] Вмѣстѣ съ этимъ классомъ должны пройдти курсъ математики и тѣ ученики изъ отдѣленія промышленности и торговли, которые намѣрены слушать необязательные курсы механики и начертательной геометріи.

1-й классъ. Повтореніе ариѳметики.—*Алгебра*. Наибольшія и наименьшія величины. Непрерывныя дроби. Неопредѣленныя уравненія 1-й степени. Теорія сочетаній. Биномъ Ньютона. Высшія степени и корни одночленовъ. Дѣйствія надъ радикалами, принимая ихъ въ ариѳметическомъ значеніи. Дробные показатели. Неопредѣленно-степенныя уравненія. Логариѳмы.—*Сферическая тригонометрія*.—*Аналитическая геометрія*. Объ однородности алгебраическихъ выраженій. Построеніе алгебраическихъ выраженій. Опредѣленныя задачи. Прямолинейныя координаты; преобразованіе ихъ. Изслѣдованіе уравненій второй степени съ двумя перемѣнными. Упрощеніе общаго уравненія 2-й степени. Свойства кривыхъ 2-го порядка. Полярныя координаты. Пересѣченіе двухъ кривыхъ 2-го порядка. Задачи.—*Начертательная геометрія*. Предварительныя свѣдѣнія и предметъ начертательной геометріи. Задачи, относящіяся къ прямой линіи и плоскости. Объ образованіи поверхностей. Плоскости касательныя къ цилиндру и конусу (простѣйшіе случаи). Пересѣченія цилиндра и конуса плоскостію. (Изъ этого курса обязательна для учащихся только та часть, которая относится къ прямой линіи и плоскости).—*Механика* (курсъ не обязательный). Прямолинейное движеніе. Равномѣрное движеніе. Скорость. Движеніе равномѣрно ускорительное и уменьшительное. Ускореніе. Паденіе тѣлъ въ пустотѣ. Сложеніе и разложеніе скоростей. Криволинейное движеніе. — Масса. Законы инерціи. Дѣйствіе силъ и ихъ измѣреніе. Сложеніе и разложеніе силъ. Моменты силъ относительно точки и оси. Параллельныя силы. Центръ тяжести. Равновѣсіе силъ.—Треніе.—Значеніе слова *работа* силы. Живая сила. Вычисленіе работы силы. Простыя машины. Преобразованія движеній. Двигатели. Полезныя и вредныя сопротивленія. Свѣдѣнія о паровыхъ машинахъ и наиболѣе употребительныхъ гидравлическихъ.

Естествознаніе.

3-й классъ. Свѣдѣнія изъ анатоміи. Животныя наиболѣе полезныя и наиболѣе необходимыя; мѣсто, занимаемое ими въ общей классификаціи животныхъ. Свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи растеній. Органы растеній. Систематика растеній. Растенія наиболѣе обыкновенныя. Герборизація.—*Физика*. Общія свойства тѣлъ. Главныя начала статики. Тяжесть. Гидростатика. Объ ареометрахъ. Гидравлическій прессъ. Воздушный насосъ. Барометръ. Водяные насосы. Главнѣйшія свѣдѣнія изъ гидродинамики. Теплородъ. Расширеніе тѣлъ отъ теплорода. Термометръ. Лучистый теплородъ. Удѣльный теплородъ. Скрытый теплородъ.

2-й классъ. *Физика*. О парахъ вообще. Главнѣйшія свѣдѣнія объ употребленіи паровъ воды. Отопленіе. Гигрометрія. Свѣдѣнія изъ акустики, электричества, магнитизма, электромагнитизма и оптики, наиболѣе необходимыя въ практической жизни. — *Химія*. Состояніе и свойства тѣлъ. Химическое сродство. Законъ химическаго соединенія тѣлъ. Правила химической номенклатуры. Металлоиды и главнѣйшія соединенія между ними. Кислородъ. Водородъ. Вода. Азотъ. Аммiакъ. Атмосферный воздухъ. Сѣра. Хлоръ. Іодъ. Фосфоръ. Мышьякъ. Кремній. Углеродъ.—Кислоты: селитряная, азотистая, сѣрная, сѣрнистая, фосфорная, мышьяковистая, борная, крем-

невая (виды, въ какихъ она встрѣчается въ природѣ), уголь и окись углерода. Сѣрнистый водородъ; хлористоводородная кислота, царская водка, плавиковая кислота, соединенія углерода съ водородомъ. — О металлахъ вообще. Классификація ихъ. Дѣйствіе кислорода на металлы. Общія свойства окисловъ. Дѣйствіе сѣры на металлы. Свойства сѣрнистыхъ металловъ. Дѣйствіе главнѣйшихъ металлоидовъ на сѣрнистые металлы. Общія свойства кислородныхъ солей металловъ. — *Производство химическихъ опытовъ.* Механическое раздробленіе тѣлъ, взвѣшиваніе, раствореніе, плавленіе, перегонка, осажденіе и проч. Приготовленіе главнѣйшихъ тѣлъ, составляющихъ предметъ курса.

1-й классъ. *Химія.* Изученіе свойствъ металловъ и ихъ соединеній, преимущественно тѣхъ, которые употребляются на фабрикахъ и въ промышленности или же находятся въ естественномъ состояніи въ Бельгіи. Калій. Натрій. Барій. Кальцій. Магній. Глиній. Марганецъ. Желѣзо. Никкель. Цинкъ. Олово. Сюрьма. Свинецъ. Висмутъ. Ртуть. Серебро. Платина. Золото. — Физическія отличія минераловъ. Изученіе свойствъ наиболѣе употребительныхъ минераловъ. — *Органическая химія.* Объ анализѣ органическихъ тѣлъ вообще. Вещества безразличныя, кислоты основныя: крахмалъ, декстринъ, діастазъ, смолы, клейковина, различные виды сахара. Броженіе спиртовое, гнилое и уксусное. Жидкости, получаемыя чрезъ броженіе; алкоголь, эѳиры. Кислоты: уксусная, винная, молочная, орѣшковая, дубильная, стеариновая, олеиновая, маргариновая, щавелевая. Масла не высыхающія, жирныя; мыло. Морфинъ, хининъ; красильныя вещества; животныя вещества. — *Производство опытовъ.* Упражненія въ химическомъ анализѣ и въ химическомъ испытаніи различныхъ товаровъ. (При производствѣ этихъ опытовъ, а равно и при изложеніи практическихъ примѣненій этого курса, имѣется въ виду преимущественно мѣстная промышленность).

Коммерческія науки.

4-й классъ. Книговедѣніе простое. Вспомогательныя книги. Фактуры и накладныя. Обязанности купца по коммерческимъ законамъ. Векселя простые и переводные. — Общая теорія двойного книговедѣнія. — Коммерческая переписка. — Практическія упражненія.

3-й классъ. Повтореніе пройденнаго въ предыдущемъ классѣ. Подраздѣленія счетовъ при двойномъ книговедѣніи (счеты съ банкирами, промышленниками, купцами, компаньонами, счеты по товарамъ, отданнымъ на коммиссію). Текущіе счеты. — Практическія упражненія. — Коммерческая переписка.

2-й классъ. Общее обозрѣніе главныхъ правилъ коммерческаго *счетоводства.* Переводные векселя, арбитражъ (извлеченіе выгодъ изъ различія курсовъ), обратные счеты, звонкій капиталъ, государственныя процентныя бумаги, различные роды застрахованій. Эмеритальныя кассы. (Многочисленныя упражненія въ вычисленіяхъ по различнаго рода операціямъ).

Коммерческое право. Свѣдѣнія изъ гражданскаго права объ узаконеніяхъ, относящихся къ контрактамъ, обязательствамъ, къ куплѣ и продажѣ. — Начала коммерческаго права.

1-й классъ. Коммерческіе обороты; счеты съ соучастниками; сношенія съ биржевыми и банкирскими маклерами. Практическія упражненія и повтореніе книговеденія и счетоводства, а равно и сопряженныхъ съ ними другихъ частей курса.

Начала *политической экономіи*.

Промышленная и коммерческая географія и исторія.

Курсъ этотъ раздѣляется преподавателемъ, по его усмотрѣнію, между 2-мъ и 1-мъ классами.

Промышленная и коммерческая географія. Богатства Бельгіи: земледѣльческія, ископаемыя и промышленныя. Движеніе внутренней торговли. Мѣста, доставляющія главнѣйшіе предметы вывозной торговли, а именно: скотъ, коровье масло, сыръ, зерновый хлѣбъ и сѣмена, различныя масла; хмѣль, спиртные напитки, лѣсной товаръ, дубильную кору, ленъ, льняныя и пеньковыя нитки и ткани, шерстяныя ткани, бумажныя ткани, кожевенный товаръ, писчую бумагу, печатныя книги, стеклянныя издѣлія, каменный уголь, каменоломные продукты, известь, желѣзо, чугунъ, гвозди, оружіе, машины и механическія орудія, цинкъ, мѣдныя издѣлія, и проч. Привозные товары и транзитные. Мѣста, откуда они получаются. Главнѣйшіе ихъ рынки. Скотъ, рыба, зерновый хлѣбъ и сѣмена, плоды и овощи, кофе, чай, рисъ, сахаръ, табакъ, вина, спиртные напитки, сало, различныя масла, поваренная соль, выдѣланныя и сырыя кожи, шерсть, шелковые товары, различныя ткани, лѣсной товаръ, сталь, мѣдь, свинецъ, олово, золото и серебро, селитра, сода, сѣра, глиняныя издѣлія, химическіе матеріалы.

Промышленная и коммерческая исторія Бельгіи. Торговыя сношенія Бельгіи въ средніе вѣка, преимущественно съ Германіей. Исторія главнѣйшихъ переломовъ во внѣшней торговлѣ Бельгіи въ послѣдующее время. Историческое обозрѣніе развитія нынѣшнихъ главнѣйшихъ вѣтвей бельгійской промышленности, преимущественно со времени французской революціи.

Рисованіе.

5-й и 4-й классы. Линейное черченіе отъ руки. Рисованіе по образцамъ простыхъ фигуръ и стереометрическихъ тѣлъ; рисованіе украшеній, заимствованныхъ изъ растительныхъ формъ.

3-й классъ. Свѣдѣнія о расположеніи тѣней. Рисованіе освѣщенныхъ стереометрическихъ тѣлъ. Рисованіе украшеній по слегка оттѣненному эстампу. Рисованіе по эстампу очерковъ человѣческой головы, а также украшеній по оттѣненному эстампу и со слѣпка.

2-й классъ. Рисованіе человѣческой головы по оттѣненному эстампу и со слѣпка, а равно украшеній, въ которыя входитъ человѣческая голова или головы животныхъ. Рисованіе машинъ. Тушовка.

1-й классъ. Отношеніе между размѣрами человѣческаго тѣла. Рисованіе человѣческой фигуры по оттѣненному образцу. Рисованіе съ барельефа украшеній, въ которыя входятъ изображеніе человѣка или животныхъ. Рисованіе машинъ. Тушовка. Основныя правила перспективы. Архитектурные ордены.

IV. Вопросы для конкурсовъ между спеціальными отдѣленіями атенеевъ [1]).

Въ дополненіе къ этимъ программамъ, и такъ-сказать, для ихъ поясненія прилагаемъ вопросы, которые были даны для спеціальныхъ отдѣленій атенеевъ на конкурсныхъ испытаніяхъ въ 1863 году. Это дополненіе считаемъ необходимымъ на основаніи тѣхъ же соображеній, кои мы уже изложили, говоря о бельгійскихъ училищныхъ конкурсахъ вообще (см. II прилож.). Однакожъ, здѣсь необходимы еще и слѣдующія поясненія. Извѣстно уже, что спеціальныя отдѣленія атенеевъ подраздѣляются на два другія, начиная со 2-го класса, и что такимъ образомъ 3-й классъ завершаетъ то обученіе, которое считается необходимымъ для обоихъ подраздѣленій; поэтому именно всякій разъ назначаются особые конкурсы и между третьими классами спеціальныхъ отдѣленій атенеевъ. Притомъ, повѣрка состоянія учебной части третьихъ классовъ считается тѣмъ болѣе необходимою, что изъ нихъ выбываетъ наибольшее число учащихся. Наконецъ, оба подраздѣленія старшихъ двухъ классовъ имѣютъ общіе предметы обученія, преподаваемые совмѣстно, и особые, то-есть, которыми они между собою различаются; поэтому для конкурсовъ между 1-ми классами установлены два рода испытаній: по общимъ предметамъ и по особымъ. Согласно съ сказаннымъ приводимъ и конкурсные вопросы въ слѣдующемъ порядкѣ:

Третій классъ.

Французскій языкъ.

Сочиненіе на тему; „Загородная прогулка учениковъ“. Содержаніе сочиненія: „Радость при отправленіи; счастливое прибытіе на мѣсто; группы мальчиковъ разсѣеваются по полямъ, лугамъ и рощамъ. При закатѣ солнца всѣ собираются въ обратный путь и толпой возвращаются въ городъ; всѣ нѣсколько устали, но каждый несетъ свою находку. Мальчики не трогали птицъ и ихъ гнѣздъ“.

Фламандскій или нѣмецкій языки.

Для испытанія назначенъ былъ переводъ съ французскаго несложныхъ фразъ, составляющихъ отрывокъ въ 8 строкъ (приблизительно въ 75 буквъ каждая). Содержаніе отрывка заключало описаніе нравовъ козы.

Исторія.

1) Война Цезаря съ Помпеемъ, болѣе или менѣе подробно.

---

[1]) См. выше стр. 92.

2) Краткое изложеніе исторіи паденія Западной Римской имперіи. Предварительно изложить вкратцѣ образованіе этой имперіи.

Географія.

1) Назвать главные проливы и острова въ Европѣ.

2) Сказать, въ какихъ государствахъ и при какихъ рѣкахъ находятся слѣдующіе города: Роттердамъ, Ливерпуль, Штетинъ, Гамбургъ, Майнцъ, Буда, Нантъ, Севилья, Порто.

3) Чрезъ какія страны можно проѣхать ближайшимъ сухимъ путемъ изъ Константинополя въ Калькутту?

4) Какія три большія рѣки въ Азіи впадаютъ въ Ледовитый океанъ?

Для отвѣтовъ на всѣ предыдущіе вопросы было дано 6 часовъ.

Испытаніе по прочимъ предметамъ происходило на слѣдующій день, при чемъ было дано тоже 6 часовъ для отвѣтовъ.

Коммерческія знанія.

1) Куплено, 1-го августа, различныхъ товаровъ на 3.000 франковъ. Въ уплату дано: 1) 1.200 франковъ наличными съ вычетомъ $1^1/_2$ процента; 2) переводный вексель въ 1.000 фр. на имя X, и 3) на остальную сумму обыкновенный вексель срокомъ на три мѣсяца. Внести всю эту операцію въ журналъ по правиламъ двойнаго книговеденія и формулировать вексель, выданный 1-го августа.

2. Объяснить, какъ по правиламъ счетоводства сводятся въ различныхъ случаяхъ счеты по частнымъ процентнымъ бумагамъ (effets à recevoir), пріобрѣтеннымъ и выпущеннымъ въ оборотъ.

Алгебра.

1. Упростить радикалъ: $\sqrt{\left(\frac{a^3b^2}{4}-\frac{a^3b^3}{8}\right)\left(a-\frac{ab^2}{4}\right)}$.

2. Какую сумму x слѣдуетъ вносить въ началѣ каждаго года, на сложные проценты по r со ста, если требуется, чтобы по прошествіи n лѣтъ образовался опредѣленный капиталъ S? Опредѣлить x посредствомъ логариѳмовъ.

Геометрія.

1. Въ треугольникѣ ABC проведена изъ вершины угла A прямая, дѣлящая противолежащую сторону на части пропорціональныя прилежащимъ къ нимъ сторонамъ AB и AC; доказать, что эта прямая дѣлитъ уголъ A пополамъ.

2. Даны периметръ и площадь прямоугольника; опредѣлить его стороны.

Тригонометрія.

По даннымъ тремъ сторонамъ треугольника опредѣлить одинъ изъ его угловъ; полученную при этомъ формулу приспособить къ логариѳмическому вычисленію.

Физика.

На чемъ основано устройство гидравлическаго пресса? Описать этотъ приборъ и указать главнѣйшія его примѣненія въ практикѣ.

Первый классъ. Оба отдѣленія вмѣстѣ.

Французское сочиненіе.

Для сочиненія была дана тема: „Пробужденіе природы въ началѣ весны". При этомъ требовалось, „чтобы сочиненіе состояло не изъ однѣхъ фразъ, а напротивъ выражало научныя знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ чувства при видѣ явленій, производимыхъ пробуждающимися силами природы".

Переводъ съ французскаго на англійскій или нѣмецкій языки.

Для перевода данъ былъ отрывокъ въ 10 строкъ (въ каждой не менѣе 75 буквъ). Содержаніе отрывка касалось положенія человѣка на поверхности земнаго шара, среди окружающей его природы, и могущества его ума.

Исторія Бельгіи.

1. Краткая исторія царствованія Іоанна Безстрашнаго.

2. Изложить событія, приведшія къ заключенію *Гентскаго договора* (1576), и какой былъ характеръ этого договора.

Для отвѣтовъ на всѣ эти вопросы было дано 6 часовъ времени.

Первый классъ. Отдѣленіе промышленности и торговли.

Коммерческія знанія.

1. Берлинскій капиталистъ поручилъ купить въ Вѣнѣ, 1-го августа, 12 пятипроцентныхъ металлическихъ облигацій въ 1000 флориновъ каждая, по курсу $68^1/_2$ и съ процентами, причитающимися съ 1-го мая. Курсъ между обоими городами 105 флориновъ за 60 талеровъ и за коммиссію $^1/_4$ процента. Спрашивается, сколько капиталистъ издержалъ прусской монеты и какой процентъ будетъ онъ получать на затраченный капиталъ.

2. Объяснить различныя значенія, даваемыя въ финансовыхъ операціяхъ слову *премія* (prime).

Коммерческое право.

1. Что такое коммиссіонеръ (commissionaire)? Въ чемъ онъ различается отъ маклера (courtier). За что онъ отвѣчаетъ?

2. Въ какихъ случаяхъ вексель (lettre de change) считается простымъ письменнымъ обязательствомъ (promesse)? Что такое поручительство третьяго лица въ уплатѣ векселя и проч. (aval), и какъ оно дается?

Географія коммерческая и промышленная.

1. Главнѣйшія роды промышленности провинціи Люксембургской. Указать ея главные центры.

2. Объяснить, въ чемъ состоятъ коммерческія сношенія Бельгіи со Швеціей и Норвегіей.

3. Изъ какихъ странъ привозятся въ Бельгію сырыя кожи для дубленія?

Исторія промышленная и коммерческая.

Изложить кратцѣ состояніе промышленности и торговли въ Литтихскомъ епископствѣ во время вступленія на престолъ Бургундскаго дома. Какое вліяніе имѣла политика этого дома на промышленность и торговлю названнаго епископства?

Политическая экономія.

1. Что̀ такое *потребленіе* (consommation)? Въ чемъ состоитъ различіе между потребленіемъ полезнымъ и безполезнымъ?

2. Объяснить, что интересы потребителей болѣе совпадаютъ съ общими интересами, чѣмъ съ интересами производителей.

Химія.

Указать общія свойства сѣрнистыхъ металловъ и главнѣйшіе ихъ способы приготовленія.

Для отвѣтовъ было дано 6 часовъ времени.

Первый классъ. Отдѣленіе наукъ.

Математика.

1. Около даннаго шара описать правильную трехгранную пирамиду, имѣющую *наименьшій* объемъ. Опредѣлить основаніе и высоту этой пирамиды.

2. Дать ариѳметическое и алгебраическое опредѣленія логариѳма и доказать, что оба эти опредѣленія вполнѣ согласны между собою.

3. Опредѣлить геометрическое мѣсто фокусовъ двухъ кривыхъ 2-й степени, пересѣкающихся въ двухъ точкахъ и имѣющихъ общую директриссу. Изслѣдовать уравненіе сказаннаго геометрическаго мѣста.

Для отвѣтовъ было дано 6 часовъ времени.

Выдержавшіе удовлетворительно письменное испытаніе по этому отдѣленію должны были, какъ уже было объяснено, подвергнуться устному испытанію, для котораго были назначены слѣдующіе вопросы:

По алгебрѣ.

Рѣшить два совокупныя уравненія:

$$xy+\sqrt{1-x^2}\,\sqrt{1-y^2}=a,$$
$$\sqrt{1-x^2}-\sqrt{1-y^2}=b^2.$$

По геометріи.

1. Въ кругѣ проведены два радіуса; изъ какой-либо точки окружности опущены на нихъ перпендикуляры; доказать, что разстояніе между основаніями перпендикуляровъ постоянно, и найдти его величину.

2. Дана точка М касанія прямой линіи къ эллипсису и точка Т пересѣченія этой касательной съ директриссой: доказать, что окружность, начерченная на діаметрѣ МТ, проходитъ чрезъ фокусъ эллипсиса.

Такъ какъ на математику обращается особенное вниманіе въ специальномъ отдѣленіи атенеевъ по разряду наукъ, и такъ какъ словесному испытанію въ этомъ предметѣ подвергаются, какъ извѣстно, наилучшіе изъ учениковъ, то для вѣрнѣйшей оцѣнки уровня, на которомъ поддерживается этотъ предметъ въ названномъ отдѣленіи атенеевъ, считаемъ неизлишнимъ привести и вопросы, кои были предложены по этому предмету на конкурсныхъ словесныхъ испытаніяхъ въ 1861 и 1862 г.

1. Рѣшить уравненіе $\sqrt{1-2x-x^2}+\sqrt{1-x^2}=1.$

2. Опредѣлить величину z, при которой уравненія

$$x^2+(a+z)x-a=o,\quad x^2+(b-z)x-b=o$$

имѣютъ общій корень, и найдти этотъ корень.

3. Найдти формулу, связывающую двѣ стороны сферическаго треугольника съ угломъ, заключающимся между ними, и угломъ, противолежащимъ одной изъ нихъ. Приспособить эту формулу къ логариѳмическому вычисленію для опредѣленія угла, содержащагося между сторонами.

4. Стороны треугольника касаются къ шару: по даннымъ величинамъ этихъ сторонъ и радіусу шара опредѣлить поверхность и объемъ сегмента, отдѣленнаго плоскостію треугольника.

5. Изъ центра эллипсиса опущены два перпендикуляра на двѣ сопряженныя касательныя: доказать, что величины этихъ перпендикуляровъ γ и δ удовлетворяютъ уравненію

$$\frac{1}{\gamma^2}+\frac{1}{\delta^2}=\textit{пост.}$$

6. Вывести теорію сопряженныхъ діаметровъ изъ уравненія

$$Ay^2+Bxy+Cx^2+Dy+Ex+F=o.$$

V. Французская программа преподаванія „общественнаго нравоученія“ (morale)[1].

Приводимъ *извлеченіе* изъ программы этого обученія въ новыхъ французскихъ спеціальныхъ школахъ. При этомъ для краткости будемъ употреблять слово *мораль*. Съ другой стороны, для лучшаго уясненія характера самаго преподаванія, мы нѣкоторые пункты программы или только выдержки изъ нихъ представимъ въ переводѣ, отличая ихъ отъ прочаго знаками чужесловія.

1. „*Опредѣленіе морали*. Она заключаетъ въ себѣ ученіе объ управленіи нашими дѣйствіями и нравами. Ее обыкновенно раздѣляютъ на *мораль общую* и *мораль частную*; первая изъ нихъ опредѣляетъ условія и основанія морали

[1]) См. выше стр. 111.

вообще и устанавливаетъ общія правила для своихъ дѣйствій, вторая — примѣняетъ общія правила къ частнымъ отношеніямъ и дѣйствіямъ, встрѣчающимся въ человѣческой жизни.

„Для морали существуютъ слѣдующія условія: 1) Свобода, изъ которой вытекаетъ отвѣтственность. (Различить дѣйствія чисто физіологическія отъ дѣйствій, проистекающихъ изъ свободной воли). 2) Знаніе правила или закона. (Отличить законъ отъ его санкціи)“.

2. Объ идеяхъ и чувствахъ, рождающихся въ человѣкѣ при видѣ хорошаго или же дурнаго дѣйствія.

3. Объ идеѣ добра, какъ основанія морали.

4. Различіе идеи добра отъ понятій о полезномъ и пріятномъ и отъ другихъ побужденій, управляющихъ человѣческими дѣйствіями.

5. Подробное объясненіе различія между добрымъ (l'honnête) и полезнымъ дѣломъ.

6, 7 и 8-й пункты. Санкціи нравственнаго закона: указанія собственной совѣсти человѣка, общественное мнѣніе и религіозная санкція, вытекающая изъ безсмертія души.

9. *Общая мораль* была бы недостаточна, если бы не приводила къ частнымъ правиламъ, служащимъ къ развитію въ человѣкѣ добродѣтелей. (Примѣръ Франклина, который составлялъ списокъ добродѣтелей, которыхъ ему недоставало, и старался о пріобрѣтеніи каждой изъ нихъ).

10. „Обязанности человѣка относительно самого себя, или *мораль индивидуальная*. Обязанности человѣка относительно ближняго, или *мораль соціальная*. Обязанности человѣка по отношенію къ природѣ одушевленной и неодушевленной. Обязанности человѣка относительно Бога, или *мораль религіозная*“.

11 и 12. *Индивидуальная мораль*. Человѣкъ долженъ стараться о развитіи и укрѣпленіи своего тѣла, а еще болѣе о развитіи способностей души съ цѣлью исполненія закона о стремленіи къ добру. (При этомъ о важности гигіены, о значеніи гимнастики у древнихъ, о самоубійствѣ, какъ дѣйствіи, противномъ Божескимъ и человѣческимъ законамъ).

13. О трудѣ, какъ обязанности всякаго человѣка, и о полезномъ его вліяніи на нравственность вообще. „О сбереженіяхъ отъ труда или о капиталѣ“.

14. *Мораль соціальная*, или объ обязанностяхъ относительно семейства и ближнихъ вообще.

15 и 16. О родительской власти и взаимныхъ обязанностяхъ родителей и дѣтей. (Между прочимъ о родительской власти по Кодексу).

17. О взаимныхъ обязанностяхъ дѣтей.

18, 19 и 20. Объ обязанностяхъ человѣка относительно ближняго вообще. Между прочимъ: „О происхожденіи человѣческихъ обществъ и опроверженіе писателей, превозносившихъ предполагаемое ими природное состояніе человѣка“.

21. Объ обязанности уважать личность всякаго человѣка. Между прочимъ: „О правѣ общества налагать наказанія на виновныхъ. Объ основаніи уголовнаго права. О томъ, что уголовные законы смягчаются съ развитіемъ цивилизаціи“.

22. Объ обязанности человѣка уважать честь ближняго „и его стремленія къ образованію и узнанію истины“.

23. Объ обязанности уважать имущество ближняго.

24. „Объ обязанности человѣка уважать свободу ближняго и его религіозныя убѣжденія. О рабствѣ и крѣпостной зависимости. О свободѣ совѣсти“.

25. Объ обязанностяхъ, вытекающихъ изъ условій и договоровъ, заключаемыхъ между частными лицами.

26. О томъ, что исполненіе обязанностей по законамъ справедливости далеко еще не обнимаетъ всего того, къ чему обязанъ человѣкъ, и что онъ долженъ исполнять еще законъ: „Люби ближняго, какъ самого себя, и твори ему, что тебѣ желательно“.

27. „Величіе и нравственная прелесть самопожертвованія. Объяснить, что въ хорошо устроенномъ государствѣ законъ о самопожертвованіи исполняется на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ, и что всякій человѣкъ обязанъ, въ кругѣ своей дѣятельности, жертвовать собою для общаго блага“.

28. Не желать зла ближнему, не радоваться его несчастью, не завидовать его благополучію — все это вытекаетъ изъ закона любви къ ближнему.

29, 30 и 31. Объ обязанностяхъ гражданина относительно государства, вытекающихъ изъ любви къ отечеству. Объ обязанностяхъ человѣка жертвовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, собою или своими интересами на пользу государства. Между прочимъ объясненіе правила, что „никакое общество не можетъ достигнуть своей цѣли, если лицу, руководящему имъ, не будетъ предоставлена достаточная власть“.

32. „О томъ, что всякій гражданинъ обязанъ пользоваться въ предѣлахъ справедливости правами, предоставленными ему конституціей и закономъ. При исполненіи своихъ гражданскихъ обязанностей онъ долженъ имѣть въ виду общее благо и руководствоваться указаніями своей совѣсти. О гражданскомъ мужествѣ“.

33. Объ обязанностяхъ государства относительно подданныхъ.

34, 35 и 36. О международномъ правѣ и правѣ войны.

37. „Объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ окружающей его природѣ. Этими обязанностями нельзя пренебрегать, какъ бы ни смотрѣть на нихъ: съ точки ли индивидуальной морали, или соціальной, или религіозной, или же разсматривая эти обязанности независимо отъ прочихъ. Законъ Грамона. Не слѣдуетъ ничего разрушать безъ пользы“.

38. „*Мораль религіозная*, или обязанности относительно Бога. Эти обязанности основываются на вѣрѣ въ существованіе Бога. Указать главнѣйшія доказательства существованія Бога, выбирая изъ нихъ наиболѣе ясныя и наиболѣе сподручныя народу (les plus claires et le plus populaires)“.

39. „Продолженіе объ обязанностяхъ къ Богу. Внутреннее Богопочитаніе (culte intérieur): поклоненіе и благодарность. Указать, какимъ образомъ эти два чувства вытекаютъ изъ самой природы Бога и его отношеній къ человѣку“.

40. „Внѣшнее Богопочитаніе (culte extérieur) состоитъ въ обнаруженіи внутренняго, или частнаго“.

41. „Объяснить, что исполненіе законовъ морали составляетъ часть нашихъ обязанностей къ Богу. Исполненіе нравственнаго долга есть повиновеніе Божіей волѣ. Нравственное чувство получаетъ свою силу въ понятіи о верховномъ Законодателѣ, который повелѣваетъ творить добро и запрещаетъ зло“.

VI. Обозрѣніе програмиъ французскихъ спеціальныхъ школъ [1]).

Для оправданія сказаннаго нами, между прочимъ, о крайней обширности програмиъ предметовъ, назначенныхъ для преподаванія въ новыхъ французскихъ спеціальныхъ школахъ, считаемъ необходимымъ приложить здѣсь хоть самое краткое ихъ обозрѣніе, сверхъ программы „морали", приведенной въ предыдущемъ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно четыре основные класса, такъ какъ характеристику програмиъ приготовительнаго класса мы уже представили.

Французскій языкъ и словесность. Обученіе родному языку производится собственно въ первыхъ двухъ классахъ, на что назначено въ обоихъ классахъ вмѣстѣ 9 уроковъ въ недѣлю. Это преподаваніе завершается разборомъ избранныхъ разказовъ относительно главной ихъ мысли и изложенія приводимыхъ фактовъ, при чемъ сообщаются учащимся главныя правила стилистики. Ученики доводятся до умѣнья выражать мысль ясно и точно въ правильно составленной фразѣ и до умѣнья написать нетрудный разказъ, описаніе и т. п. Въ 3-мъ классѣ назначены два урока на *упражненія въ сочиненіяхъ* (cours de composition littéraire), при чемъ продолжается разъясненіе правилъ стилистики. Въ этомъ же классѣ назначенъ 1 урокъ на исторію *французской литературы*. Здѣсь, кромѣ сообщенія *біографическихъ* и другихъ свѣдѣній о писателяхъ, производится разборъ и литературная оцѣнка тѣхъ изъ ихъ сочиненій, кои обозначены въ программѣ. Эта оцѣнка или же разборъ сочиненій или только отрывковъ изъ нихъ производится при участіи самихъ учащихся. Въ заключеніе учащіеся излагаютъ письменно сдѣланный разборъ отрывка. Программа эта состоитъ изъ 29-ти пунктовъ. Первый изъ нихъ начинается такъ: „Происхожденіе французскаго языка. Трубадуры и труверы. Начало французской прозы: Жуанвилль, Фруассаръ, Комминъ. Чтеніе нѣсколькихъ отрывковъ изъ Вилльгардуэна...". Въ программу вошли всѣ главнѣйшіе французскіе писатели и ихъ произведенія. Для литературы временъ французской революціи и первой имперіи, а также для поэтовъ и прозаиковъ послѣ 1815 года, назначены особые пункты въ программѣ; при этомъ не забыты и прокламаціи Наполеона I къ войскамъ. Для иностранныхъ писателей назначенъ только послѣдній пунктъ программы, въ которомъ обозначены имена: Данте, Петрарки, Тасса, Камоэнса, Сервантеса, Клопштока, Гёте, Шиллера, Шекспира, Мильтона и Байрона. Въ 4-мъ классѣ назначено 2 урока на *упражненія въ составленіи сочиненій, относящихся къ предметамъ спеціальнаго обученія* (exercices de composition littéraire, propres à l'enseignement spécial), напримѣръ, исторія развитія промышленности или же земледѣлія въ какомъ-либо изъ главнѣйшихъ ихъ центровъ, а также объясненіе значенія главнѣйшихъ центровъ торговли. При этомъ должны, между прочимъ, служить матеріалами документы, представленные палатамъ, а также и нѣкоторые другіе изъ оффиціальной переписки.

Новѣйшіе языки. На преподаваніе этихъ языковъ назначено по четыре урока въ каждомъ изъ четырехъ основныхъ классовъ. О коренныхъ измѣне-

---

[1]) См. выше стр. 94.

ніяхъ въ системѣ преподаванія этихъ языковъ въ французскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ мы уже представили въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* извѣстіе своевременно [1]). Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ припомнить, что введеніе преподаванія иностраннаго языка въ какое-либо французское среднее учебное заведеніе обусловливается мѣстною потребностію, такъ что, напримѣръ, въ департаментахъ, прилежащихъ къ Пиренеямъ, преподается испанскій языкъ; итальянскій — въ школахъ, находящихся въ департаментахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю и къ итальянской границѣ; арабо-алжирскій — въ алжирскихъ школахъ, и наконецъ, англійскому и нѣмецкому языкамъ предоставлено въ школѣ наиболѣе мѣста, сообразно съ протяженіемъ сѣверныхъ и восточныхъ границъ имперіи. По новымъ французскимъ программамъ, преподаваніе этихъ языковъ предположено доводить до того, чтобы учащійся могъ объясняться *свободно* на этомъ языкѣ, безъ всякой примѣси французскаго, въ разговорѣ съ учителемъ о предметахъ, относящихся къ торговлѣ, промышленности, искусствамъ, наукамъ и исторіи.

Исторія и географія. На эти предметы назначено всего 12 уроковъ въ недѣлю во всѣхъ классахъ вмѣстѣ. Между тѣмъ программы этихъ предметовъ назначаютъ весьма широкій объемъ преподаванія. Укажемъ здѣсь только на главнѣйшіе параграфы и подраздѣленія этихъ программъ.

Преподаваніе исторіи распредѣлено по классамъ слѣдующимъ образомъ.

Въ первомъ классѣ проходится древняя исторія и средняя до 1453 года; программа состоитъ изъ 30-ти пунктовъ, изъ коихъ послѣдній выраженъ слѣдующимъ образомъ: „Турки въ Европѣ. Баязетъ I и Тамерланъ. Магометъ II. Взятіе Константинополя“. Во 2-мъ классѣ проходится исторія Франціи до 1453 года, начиная съ исторіи Галловъ прежде подчиненія ихъ римскому владычеству; затѣмъ проходится дальнѣйшая исторія Франціи *совмѣстно* съ главнѣйшими фактами изъ всеобщей исторіи; преподаваніе доводится до 1789 г.; программа состоитъ изъ 30-ти пунктовъ, изъ коихъ самый краткій выраженъ такъ: „Карлъ XII и Петръ Великій. Россія отнимаетъ у Швеціи преобладаніе на сѣверѣ Европы“. Въ 3-мъ классѣ это преподаваніе исторіи доводится до новѣйшихъ временъ, именно до взятія Пуэблы и до уничтоженія невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ. Программа состоитъ изъ 28-ми пунктовъ; изъ нихъ четыре послѣдніе посвящены успѣхамъ промышленности, торговли и вообще цивилизаціи послѣ 1815 года. Послѣдніе два пункта программы выражены такъ: „Установившаяся связь между народами вслѣдствіе солидарности ихъ интересовъ. Всемірныя выставки. Международныя коммиссіи. Распространеніе метрической системы мѣръ“. „Христіанскій характеръ новѣйшей цивилизаціи: размноженіе благотворительныхъ учрежденій. Уменьшеніе пауперизма и числа преступленій“. Въ 4-мъ классѣ повторяется пройденное, начиная съ царствованія Людовика XIV, и сверхъ того излагаются основанія конституціи и политическое и административное устройство Франціи; для руководства предложены программы этого преподаванія въ двухъ старшихъ классахъ лицеевъ.

Преподаваніе географіи распредѣлено по классамъ слѣдующимъ образомъ.

Въ 1-мъ классѣ проходится *физическая и политическая географія* всѣхъ

---

[1]) См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1864 г., декабр. книжку, отд. V, стр. 53—55.

частей свѣта и Европы въ особенности; при этомъ части свѣта обозрѣваются *по странамъ* (région) и преимущественно въ физическомъ отношеніи. Программа состоитъ изъ 35-ти пунктовъ; изъ нихъ приводимъ два, относящіеся къ Россіи: „Сѣверная страна Азіи. Сибирь, или Азіатская Россія; таможнія пріобрѣтенія Русскихъ на юго-западъ и востокъ; главные города". „Восточная страна Европы. Покатости (versants) къ морямъ Черному и Каспійскому, къ Балтійскому морю и Ледовитому океану. Россія и Польша". Политическая и физическая географія Франціи не преподается въ этомъ классѣ, такъ какъ ее должны уже знать учащіеся при переходѣ изъ приготовительнаго класса или же при поступленіи въ школу изъ начальнаго училища. Но дальнѣйшее изученіе Франціи предоставляется въ слѣдующихъ классахъ; отчасти предоставляется въ этихъ классахъ и изученіе другихъ странъ, какъ это окажется ниже.

Во 2-мъ классѣ проходится *земледѣльческая, промышленная, коммерческая и административная географія Франціи и ея колоній*. Программа состоитъ изъ 26-ти пунктовъ. Для образца приводимъ изъ нея нѣсколько пунктовъ, при чемъ, разумѣется, выберемъ наиболѣе краткіе: „Лѣса. Главныя лѣсныя породы; географическое ихъ распредѣленіе, вліяніе на нихъ климата и почвы съ подпочвой. Пространство лѣсныхъ поверхностей. Засѣваніе лѣсовъ на дюнахъ и горахъ. Лѣсные продукты съ указаніемъ ихъ важности и главнѣйшихъ центровъ добыванія. Черченіе карты лѣсовъ во Франціи". „Промышленность механическихъ издѣлій. Мѣста производства корабельныхъ построекъ (ateliers de constructions maritimes) и паровыхъ машинъ; главнѣйшие заводы, на которыхъ строются машины бумаго-прядильныя и ткацкія; мѣста производства механическихъ орудій, котельныхъ издѣлій, холоднаго и огнестрѣльнаго оружія и проч.". „Промышленность, удовлетворяющая умственнымъ потребностямъ. Фабрики бумаги. Типографіи. Фотографическія заведенія. Физическіе инструменты. Музыкальные инструменты. Главнѣйшія мѣста и производства всего этого". „Обыкновенныя дороги: имперскія (impériales), департаментскія, стратегическія, проселочныя. Возрастаніе движенія по дорогамъ, пересѣкающимъ желѣзныя дороги. Почты и телеграфы". „Черченіе административной карты Франціи, то-есть, раздѣленія ея на округи судебные, учебные, военные и проч.".

Въ 3-мъ классѣ проходится *коммерческая географія пяти частей свѣта и коммерческія сношенія Франціи съ различными странами*. Программа состоитъ изъ 32-хъ пунктовъ и вообще весьма обширна. Приводимъ изъ нея только пунктъ, относящійся къ Россіи: „Россійская имперія. Народонаселеніе ея въ Европѣ, Азіи и Америкѣ. Новѣйшія экономическія реформы, касающіяся владѣнія землей и личной свободы. Земледѣльческіе продукты. Уральскіе рудники. Различные роды промышленности. Каналы и желѣзныя дороги. Путь въ Тифлисъ. Зимній извозъ (traînage). Главнѣйшія ярмарки и караванная торговля. Рыбная ловля; звѣроловство въ Сибири и Америкѣ. Торговля съ Китаемъ, Туркестаномъ и Персіей. Торговля съ Европой чрезъ Балтійское море, западную границу и Черное море. Торговыя сношенія съ Франціей".

Законовѣдѣніе. На этотъ предметъ назначено по одному уроку въ 3-мъ и 4-мъ классахъ. Въ первомъ изъ этихъ классовъ проходится *объясненіе общихъ узаконеній* (législation usuelle). Программа этого преподаванія столь обширна

и подробна (12 страницъ самой мелкой печати), что, вѣроятно, по этому самому составитель ея не нашелъ возможнымъ раздѣлить ее на нумерованные пункты (какъ это сдѣлано для другихъ програмъ, составъ которыхъ былъ уясненъ болѣе или менѣе опредѣлительно) и въ предисловіи къ ней сказалъ, что она обнимаетъ собою собственно трехлѣтній курсъ юридическихъ факультетовъ, а потому не можетъ быть выполнена въ средней школѣ въ какихъ-либо 40 урокахъ. (Въ такомъ случаѣ, спросимъ, зачѣмъ было составлять и печатать програму, которая будетъ только сбивать съ толку преподавателей?) Въ министерской инструкціи относительно выполненія этой програмы сказано, что учитель долженъ имѣть прежде всего въ виду объясненіе *формальностей*, кои слѣдуетъ соблюдать въ различныхъ случаяхъ жизни; но въ дальнѣйшихъ своихъ требованіяхъ эта инструкція опять таки перечисляетъ всѣ предметы, вошедшіе въ програму, и даже требуетъ ознакомленія съ гражданскимъ и уголовнымъ судопроизводствомъ. Въ 4-мъ классѣ объясняются *узаконенія, относящіяся къ торговлѣ и промышленности* (législation commerciale et industrielle). При этомъ преподаваніи предположено избѣгать теоретическихъ объясненій, а имѣть въ виду всѣ тѣ юридическія свѣдѣнія, какія могутъ понадобиться на практикѣ купцу или промышленнику. Програма этого курса состоитъ изъ 38-ми пунктовъ; но весьма многіе изъ этихъ пунктовъ представляютъ собою какъ бы цѣлыя програмы. О полнотѣ програмы этого курса можно судить уже по тому, что напримѣръ, фабричнымъ штемпелямъ (marques de fabrique) посвященъ особый пунктъ.

Хозяйство сельское, промышленное и торговое (économie rurale, industrielle et commerciale) преподается въ 4-мъ классѣ. На этотъ курсъ назначенъ 1 урокъ въ недѣлю. Програма состоитъ изъ 37-ми пунктовъ. Приводимъ на выдержку по одному пункту изъ каждаго ея отдѣла. „Различные роды земледѣлія. Пахотныя земли и луга. Воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній. Естественные и искусственные луга. Виноградники и вина. Тутовые сады и шелководство. Масличные сады. Земледѣліе въ примѣненіи къ промышленности и къ мѣстнымъ условіямъ. Воздѣлываніе овощей (culture maraîchère). Необходимая зависимость между различными родами земледѣлія въ одномъ и томъ же хозяйствѣ. Земледѣліе экстенсивное и интенсивное“. „Заработная плата зависитъ отъ предложенія труда и запроса на него. Возвышеніе заработной платы зависитъ отъ возрастанія капитала. Неудобства тарифа. Соотношеніе между прибылью и заработною платой. Доказать, что между ними существуетъ солидарность, а не антагонизмъ“. „Краткая исторія Французскаго банка. Различныя его операціи. О нѣкоторыхъ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ во Франціи (Crédit foncier, Crédit mobilier, Crédit commercial, Caisse des comptes courants, Comptoir d'escompte etc.). Нѣкоторыя свѣдѣнія (quelques mots) о банкахъ: Амстердамскомъ и Гамбургскомъ“.

Математика. На этотъ предметъ назначено 19 уроковъ въ недѣлю въ четырехъ классахъ вмѣстѣ. Програмы различныхъ частей этого предмета занимаютъ 22 страницы самой мелкой печати; но только програмы ариѳметики и алгебры, а также подъ заглавіемъ: courbes usuelles, раздѣлены на пункты, а это, судя по всему, служитъ у Французовъ признакомъ большей опредѣлительности относительно требованій по выполненію програмъ. Будучи сами учителемъ математики, мы считаемъ себя компетентнымъ судьею

относительно условій успѣшнаго ея преподаванія и позволяемъ себѣ замѣтить, что вообще програма математики въ новыхъ французскихъ школахъ кажется намъ невыполнимой въ четырехлѣтній курсъ, даже при означенномъ выше числѣ уроковъ, если пожелать той основательности, какая, напримѣръ, у насъ требуется отъ преподаванія этого предмета. Впрочемъ и въ министерскихъ инструкціяхъ, предложенныхъ учителямъ, этотъ предметъ поставленъ, очевидно, не въ число общеобразовательныхъ, а только утилитарныхъ; поэтому предложено употреблять въ геометріи наглядный способъ доказательствъ или же и вовсе обходиться безъ нихъ, а въ другихъ частяхъ предмета, напримѣръ, въ алгебрѣ и тригонометріи допускается даже простое сообщеніе правилъ и формулъ съ указаніемъ примѣненія ихъ къ практическимъ вычисленіямъ. Если даже и допустить, что такая передача свѣдѣній изъ математики сколько-нибудь возможна, то и тогда мы назовемъ французскую програму этого предмета невыполнимой; именно мы находимъ, что память учащихся будетъ подавлена громаднымъ числомъ не связанныхъ между собою раціональнымъ образомъ свѣдѣній, правилъ, формулъ и способовъ ихъ примѣненія къ практическимъ цѣлямъ. Это обнаружится даже изъ слѣдующаго бѣглаго обзора програмъ. Въ програму *ариѳметики* (40 пунктовъ) входитъ не только весь курсъ, опредѣляемый у насъ выраженіемъ: „до тройныхъ правилъ включительно“, но и безчисленныя вычисленія, относящіяся къ рентамъ, публичнымъ займамъ, биржевымъ курсамъ, коммерческимъ, биржевымъ и банкирскимъ оборотамъ и т. д.; вообще — все то, что называется *коммерческою ариѳметикой*. Въ програму *алгебры* (22 пункта), кромѣ обыкновеннаго курса „до уравненій 2-й степени включительно“, входятъ вопросы о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, прогрессіи, логариѳмы, сложные проценты, срочныя уплаты, исчисленіе вѣроятностей для простѣйшихъ случаевъ, задачи, относящіяся къ сберегательнымъ и эмеритальнымъ кассамъ, къ обществамъ взаимнаго вспомоществованія, къ различнаго рода застрахованіямъ, къ пожизненнымъ доходамъ, „и такъ далѣе, и такъ далѣе“ — сказано въ министерской инструкціи. О характерѣ и объемѣ курса *геометріи* трудно дать понятіе въ немногихъ словахъ. Сдѣлаемъ, однакожъ, нѣсколько замѣчаній для его характеристики. Въ этотъ курсъ, кромѣ всего того, что составляетъ предметъ элементарной геометріи, входитъ и ознакомленіе посредствомъ „геометрическихъ пріемовъ“ съ наиболѣе *употребительными кривыми линіями* (courbes usuelles). Относящаяся къ сему послѣднему програма состоитъ изъ 14-ти пунктовъ и указываетъ на слѣдующія кривыя линіи въ связи съ обнимаемыми ими площадями и происходящими отъ нихъ поверхностями: эллипсисъ, гипербола, парабола, спираль Архимеда, цѣпная линія, улиткообразная линія, винтъ, пароходный винтъ. Изъ чего состоитъ эта програма, можно судить по слѣдующимъ тремъ ея пунктамъ, относящимся къ параболѣ: „Геометрическія свойства параболы. Черченіе ея посредствомъ точекъ и непрерывнымъ движеніемъ“. „Касательная и нормаль. Площадь параболическаго сегмента. Примѣненіе параболы къ соединенію дорогъ и каналовъ, а также къ дѣленію прямыхъ линій на землѣ“. „Эллиптическій параболоидъ. Объемъ его. Параболическія зеркала. Маяки. Слуховыя трубки“. Затѣмъ слѣдуютъ въ програмѣ дальнѣйшія примѣненія параболы къ практикѣ. Уже по этому одному прибавленію къ програмѣ можно судить о большой обшир-

ности курса геометріи вообще; но и элементарный курсъ этого предмета весьма расширенъ многочисленными приложеніями геометріи къ прямо-практическимъ ея приложеніямъ, а также многими задачами, относящимися къ различнымъ геометрическимъ построеніямъ, напримѣръ, къ исполненію разныхъ механическихъ снарядовъ. Впрочемъ, мы должны сказать, что программа составлена весьма искусно. Программа *прямолинейной тригонометріи* весьма кратка; она обнимаетъ собственно выводъ основныхъ формулъ и нѣкоторыхъ другихъ, вытекающихъ изъ нихъ чрезъ преобразованія, понятіе о составленіи тригонометрическихъ таблицъ, употребленіе ихъ и рѣшеніе треугольниковъ. Но если эта программа (заключающая, впрочемъ, все наиболѣе существенное) и очень кратка, тѣмъ не менѣе поразительно число уроковъ, назначаемыхъ на ея выполненіе: въ министерской инструкціи сказано, что на это можетъ быть употреблено всего отъ 8-ми до 10-ти уроковъ. Курсъ *начертательной геометріи* достаточно полонъ; въ него входитъ теорія тѣней и такъ-называемыя plans cotés. Наконецъ, къ курсу начертательной геометріи присоединены: *съемка плановъ, нивеллированіе и свѣдѣнія о перспективѣ*. Замѣтимъ еще, что при этомъ преподаваніи требуется отъ учащихся не одно теоретическое усвоеніе предмета, но и многочисленныя практическія упражненія въ составленіи чертежей, какъ относящихся къ начертательной геометріи, такъ и нѣкоторыхъ другихъ; притомъ эти чертежи должны быть составляемы по данному масштабу [1]. Такіе чертежи требуютъ, какъ извѣстно, много времени; откуда же оно найдется у учащихся, обремененныхъ столькими предметами обученія?

Въ дополненіе къ геометріи и какъ пособіе къ механикѣ [2]) назначенъ обширнѣйшій курсъ *геометрическаго рисованія и тушовки* (dessin géométrique et lavis). На него назначено во всѣхъ классахъ, не считая приготовительнаго, 21 урокъ въ недѣлю. О характерѣ этого курса мы уже говорили.

Механика проходится въ двухъ старшихъ классахъ, на что положено по 2 урока въ недѣлю въ каждомъ классѣ. Въ министерской инструкціи сказано, что этому курсу долженъ быть приданъ характеръ наибольшей, по возможности, популярности. Тѣмъ не менѣе программа весьма обширна (10 страницъ), и можетъ-быть, слишкомъ ужъ полна. Укажемъ только на главнѣйшіе ея отдѣлы. Послѣ извѣстныхъ основныхъ началъ статики и динамики положено изученіе дѣйствія различнаго рода машинъ и главныхъ ихъ частей. Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшіе предметы прикладной механики: различные приводы для передачи и преобразованія движеній; различнаго рода сопротивленія силамъ; тщательное изученіе паровыхъ машинъ; различнаго рода двигатели, а именно, двигатели живые, гидравлическіе, вѣтеръ, водяной паръ и наконецъ, двигатели иныхъ родовъ (здѣсь въ программѣ упомянуты между

---

[1]) Въ министерской инструкціи между прочимъ сказано. «On fait faire beaucoup d'épreuves pratiques sur toutes les parties du cours: les épures de géométrie descriptive et les levés de bâtiments ou de machines sont *revus*, *appréciés* et *signés* par le professeur».

[2]) Учитель рисованія долженъ, относительно курса 3-го и 4-го классовъ, входить въ соглашеніе съ преподавателемъ механики, такъ чтобы оба предмета дополняли другъ друга.

проводъ, машина Ленонара, электричество, какъ двигатель, и примѣненіе его къ швейной машинѣ). Въ концѣ программы требуется изученіе главнѣйшихъ земледѣльческихъ и промышленныхъ машинъ, употребляемыхъ въ той мѣстности, въ которой находится школа.

Космографія. На этотъ предметъ назначенъ 1 урокъ въ недѣлю въ 3-мъ классѣ; между тѣмъ програма крайне обширна: въ нее вошло не только все то, что̀ вообще извѣстно, въ космографическомъ и математическомъ отношеніи, о землѣ, солнцѣ, лунѣ, планетахъ, кометахъ и звѣздахъ, но и многія свѣдѣнія изъ физической географіи.

Физика проходится во всѣхъ классахъ, исключая приготовительный. Въ каждомъ изъ этихъ классовъ назначено по 2 урока на этотъ предметъ; собственно же онъ проходится въ трехъ первыхъ, а въ послѣднемъ, то-есть, 4-мъ классѣ, дѣлаются различныя дополненія къ курсу и общее его повтореніе. Такимъ образомъ основныя свѣдѣнія изъ этого предмета проходятся собственно въ трехъ классахъ при двухъ урокахъ въ недѣлю въ каждомъ. Между тѣмъ програма такъ полна, а главное, столь подробна, что она не легка для выполненія и въ любой гимназіи. Словомъ, въ эту програму вошло все то, что̀ только можно преподать болѣе или менѣе популярно изъ этого предмета. Наконецъ, въ заключеніи програмы назначено обозрѣніе наиболѣе полезныхъ изъ новѣйшихъ открытій въ области физики. Замѣтимъ, что въ програму физики, точно также какъ и въ програму космографіи, вошли многіе предметы изъ физической географіи. Програма физики замѣчательна еще тѣмъ, что она съ каждымъ классомъ расширяется въ видѣ такъ-называемыхъ концентрическихъ курсовъ, такъ что уже въ первомъ классѣ преподаются главнѣйшія свѣдѣнія изъ всѣхъ частей этого предмета.

Химія. Преподаваніе этого предмета начинается съ перваго класса и продолжается до выпускнаго включительно. Въ первомъ классѣ назначено на него вмѣстѣ съ физикой 2 урока въ недѣлю; въ остальныхъ 3-хъ классахъ назначено 7 уроковъ отдѣльно отъ физики. О полнотѣ програмы и говорить нечего, такъ какъ этому предмету придается, какъ уже было сказано, особенное значеніе въ новыхъ французскихъ школахъ. Скажемъ только нѣсколько словъ о распредѣленіи этого преподаванія по классамъ. Въ первомъ классѣ разсматриваются въ химическомъ отношеніи наиболѣе обыкновенныя тѣла, и програма этого класса можетъ служить образцомъ того, какъ слѣдуетъ начинать въ школѣ популярное преподаваніе химіи. Во 2-мъ и 3-мъ классахъ преподаются главнѣйшія свѣдѣнія какъ изъ неорганической, такъ и органической химіи; при этомъ не дается курсу научная систематичность, а напротивъ, разсматриваются только тѣла наиболѣе употребительныя въ промышленности. Припомнимъ здѣсь, что при опредѣленіи частностей програмы преподаватель обязанъ слѣдовать указаніямъ членовъ мѣстнаго училищнаго совѣта, которымъ ближе извѣстно, въ распространеніи какихъ свѣдѣній изъ химіи наиболѣе нуждается мѣстная промышленность. Въ 4-мъ классѣ преподается *технологическая химія въ примѣненіи къ мѣстной промышленности.* Програма этого преподаванія не установлена, такъ какъ она должна составляться преподавателемъ вмѣстѣ съ членами училищнаго совѣта для каждой школы особо. Впрочемъ, въ министерской инструкціи сказано, что часть утра по четвергамъ и послѣобѣденнаго времени по воскре-

семьямъ должны быть посвящены на посѣщеніе учениками вмѣстѣ съ учителемъ важнѣйшихъ изъ мѣстныхъ заводовъ и промышленныхъ заведеній и на производство химическихъ опытовъ. При этомъ, кромѣ ознакомленія учащихся съ мѣстнымъ промышленнымъ производствомъ, вмѣняется учителю въ обязанность знакомить учащихся и съ исторіей развитія мѣстной промышленности.

Естественная исторія. На этотъ предметъ положено во всѣхъ классахъ вмѣстѣ, не считая приготовительнаго, 8 уроковъ. Программы частей этого предмета столь полны и обширны (22 страницы самой мелкой печати), что мы не находимъ возможности представить ихъ характеристику въ настоящемъ краткомъ очеркѣ. Приводимъ только распредѣленіе по классамъ главнѣйшихъ частей этого предмета. *Зоологія* проходится во всѣхъ классахъ, начиная съ приготовительнаго, при чемъ въ 3-мъ классѣ проходятся главнѣйшія свѣдѣнія изъ физіологіи, а въ 4-мъ примѣненіе зоологіи къ земледѣлію и промышленности и свѣдѣній изъ физіологіи — къ гигіенѣ. *Ботаника* тоже проходится во всѣхъ классахъ начиная съ приготовительнаго; въ приготовительномъ классѣ назначено общее ознакомленіе съ растительнымъ царствомъ; въ 1-мъ — органографія; весь курсъ 2-го класса посвященъ питанію растеній; въ 3-мъ классѣ проходится классификація растеній и изученіе главнѣйшихъ семействъ, что̀ продолжается и въ 4-мъ классѣ; курсъ заканчивается практическимъ изученіемъ наиболѣе употребительныхъ растеній. Кромѣ того учащіеся должны герборизировать и изучать мѣстныя растенія, опредѣляя ихъ названія и мѣсто въ классификаціи. Но что̀ всего удивительнѣе — это преподаваніе *геологіи*, которое начинается въ приготовительномъ классѣ и продолжается чрезъ всѣ остальные. Въ приготовительномъ и 1-мъ классахъ учащіеся знакомятся преимущественно съ геологическими явленіями своей мѣстности, во 2-мъ и 3-мъ проходится достаточно систематическій курсъ геологіи; наконецъ, въ 4-мъ классѣ присоединяется ко всему этому физика земнаго шара съ *метеорологіей* и *ботанической географіей*. Признаемся, мы не можемъ понять, какимъ образомъ французскіе учителя успѣютъ выполнить такую программу естественной исторіи въ новыхъ школахъ.

Книговедѣніе и счетоводство. На этотъ предметъ положено по одному уроку въ каждомъ изъ основныхъ классовъ. О программѣ этого преподаванія замѣтимъ только то, что если учащіеся усвоятъ себѣ все то, что̀ въ ней обозначено, то сдѣлаются такими спеціалистами по этому предмету, какіе теперь, вѣроятно, встрѣчаются рѣдко и во Франціи. Напротивъ, мы полагаемъ, что учащіеся не усвоятъ достаточно даже значенія тѣхъ безчисленныхъ терминовъ, кои вошли въ программу и могли бы составить собою цѣлый словарь.

На *чистописаніе* положено въ приготовительномъ классѣ 4 урока въ недѣлю, въ первомъ классѣ 2 и во второмъ 1 урокъ. Предположено обучать не только обыкновенной скорописи, четкой и красивой, но и другимъ почеркамъ, а также нѣкоторымъ каллиграфическимъ украшеніямъ.

Преподаваніе *музыки* или же пѣнія представляетъ не одно практическое упражненіе въ пѣніи, а напротивъ, систематическое преподаваніе музыки[1].

---

[1]) Въ министерской инструкціи это преподаваніе названо *пѣніемъ* (chant), въ программѣ — музыкой (musique).

Курсъ оканчивается слѣдующимъ: „Изученіе нѣсколькихъ отрывковъ изъ Аркадельта ((Arcadelt), Палестрины, Генделя, Марчелло (Marcello), Баха, Гайдна, Моцарта и проч.". „Анализъ свѣтской музыки. Изученіе образцовыхъ болѣе или менѣе обширныхъ произведеній. Краткая исторія нынѣшней музыки. Начало ея въ IV вѣкѣ. О музыкѣ въ средніе вѣка. Упадокъ музыки (déchant) въ XI столѣтіи. Музыка въ XII столѣтіи (la musique de profession). Музыка (la musique à trois parties) въ XIII столѣтіи. Музыкальное движеніе въ XVI столѣтіи. Допущеніе инструментальной музыки въ церковь. Совершенное преобразованіе музыки въ Италіи. Толчекъ, данный хроматической музыкѣ въ XVIII столѣтіи. Новѣйшая музыка". На преподаваніе музыки положено въ недѣлю по одному уроку въ каждомъ основномъ классѣ, а въ приготовительномъ два.

На *гимнастику* положено два урока въ недѣлю въ приготовительномъ классѣ, а въ остальныхъ по одному. Кромѣ того, предполагаются гимнастическія упражненія въ промежуткахъ между уроками. Программа преподаванія заключаетъ около 60-ти различныхъ родовъ упражненій, изъ коихъ для весьма многихъ составлены подробныя особыя програмны (вся програмна занимаетъ 12 страницъ самой мелкой печати). Курсъ оканчивается въ 3-мъ классѣ, въ 4-мъ же классѣ назначено повтореніе нѣкоторыхъ упражненій съ прибавленіемъ, впрочемъ, и нѣсколькихъ новыхъ, относящихся къ употребленію силы.

Приводимъ и общее число уроковъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ: въ приготовительномъ положено 30 уроковъ, въ 1-мъ тоже 30, во 2-мъ — 32, въ 3-мъ и 4-мъ по 34. Учебныхъ недѣль полагается около 40. Уроки назначены часовые; впрочемъ, въ дни, назначенные для письменныхъ упражненій, продолжительность уроковъ дозволяется увеличивать.

Скажемъ послѣднее слово о програмнахъ новыхъ французскихъ школъ. Если эти програмны будутъ выполняться въ достаточно удовлетворительной мѣрѣ, тогда, говоря серіозно, искусство преподаванія французскихъ учителей представитъ важный предметъ изученія для учителей другихъ странъ.

Поправки: Въ іюньской книжкѣ, въ статьѣ: „Начальное и спеціальное обученіе въ Бельгіи" вкрались слѣдующія опечатки:

На стр. 407, въ 3-й строкѣ примѣчанія, вмѣсто „несозмѣрности" слѣдуетъ читать „несоизмѣримости".

На стр. 417, въ строкѣ 14-й снизу, вмѣсто „но какъ ни были" слѣдуетъ читать „но какъ бы ни были".

На стр. 436, въ послѣдней строкѣ текста, слово „землевладѣлію" слѣдуетъ замѣнить словомъ „земледѣлію".

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПО ВОПРОСУ О СПОСОБАХЪ ОБРАЗОВАНІЯ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ.

Какъ ни мало въ настоящее время число Татаръ въ Крыму [1]), вопросъ о способахъ распространенія между ними русскаго языка и русскаго просвѣщенія имѣетъ великую важность, какъ самъ по себѣ — по отношенію его къ пользамъ самихъ Татаръ, къ благосостоянію края и къ политическимъ интересамъ Россіи, такъ и потому, что удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса въ Крыму подготовило бы таковое же и относительно многочисленнѣйшихъ магометанскихъ подданныхъ Россіи на восточныхъ окраинахъ ея, гдѣ уже въ прошломъ году былъ возбужденъ вопросъ подобнаго же рода, но гдѣ менѣе, чѣмъ въ Крыму, было сдѣлано опытовъ въ этомъ отношеніи. Для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса такой важности прежде всего

[1]) По окладнымъ листамъ Таврической казенной палаты, въ Таврической губерніи, во вторую половину 1867 года, было 40.514 Татаръ мужескаго пола, а по свѣдѣніямъ магометанскаго духовнаго управленія за 1866 годъ — 48.912 муж. и 46.373 женск. пола, всего же 95.285; по свѣдѣніямъ же статистическаго комитета (см. Памятную книжку Таврической губерніи на 1867 г., стр. 356) — 109.305 душъ обоего пола. Показанія магометанскаго духовенства, очевидно, ошибочны въ томъ отношеніи, что число лицъ женскаго пола оказывается меньшимъ, чѣмъ число мужчинъ, тогда какъ по общему статистическому закону, число женщинъ всегда и вездѣ превышаетъ число мужчинъ, а въ Крыму у Татаръ должно превышать его болѣе чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ у нихъ женщины нисколько не обременены работами и такъ какъ при недавнемъ переселеніи цѣлыхъ массъ Татаръ въ Турцію, безъ сомнѣнія, на мѣстѣ осталось болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Но можно ли полагать, чтобы при этомъ было преувеличено число лицъ мужескаго пола, которое, вслѣдствіе обрѣзанія, можетъ быть въ точности извѣстно магометанскому духовенству, тогда какъ на число женщинъ оно можетъ обращать меньшее вниманіе?

необходимо воспользоваться опытами прошедшаго (а въ нихъ и увидимъ, не было недостатка въ Крыму) и изъ этихъ опытовъ наставленія для дальнѣйшей дѣятельности по этому предмету. [illegible] образомъ предварительно слѣдуетъ изложить исторію этого [illegible] въ Крыму за недавно прошедшее время [1]).

Мысль о распространеніи русскаго языка между крымскими татарами относится еще къ концу царствованія императора [illegible]дра I. Неизвѣстно по чьему внушенію, Татары, воспользовавшись [illegible]тешествіемъ Его Величества по Крыму, сами просили его [illegible]леніи имъ способовъ научиться русскому языку, дабы узнать законы. Какъ кажется, вслѣдствіе этой ихъ просьбы, въ [illegible] мѣстныхъ уѣздныхъ училищахъ, напримѣръ, въ Ѳеодосійскомъ введено преподаваніе татарскаго языка, какъ предмета [illegible]наго равно для всѣхъ учениковъ: разрѣшая эту мѣру, правительство очевидно, руководилось желаніемъ содѣйствовать вообще [illegible] между Русскими и Татарами, а также надѣялось этимъ [illegible] привлечь татарскихъ дѣтей въ общія для всѣхъ училища. [illegible] между прочимъ, и высказалъ бывшій директоръ училищъ Таврической губерніи А. В. Самойловъ въ запискѣ, составленной [illegible] году по поводу назначенной попечителемъ Одесскаго учебнаго [illegible] ревизіи училищъ для опредѣленія успѣшности преподаванія [illegible] татарскаго языка.

Дальнѣйшею и болѣе энергическою мѣрой правительства [illegible] учрежденіе при Симферопольской гимназіи татарскаго училищнаго отдѣленія, послѣдовавшее на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14-го февраля 1827 года. Цѣль этого училищнаго отдѣленія можно заключить изъ текста Высочайшаго повелѣнія, [illegible] подготовленія достойныхъ и способныхъ учителей для Татаръ [illegible] ихъ же среды, не только по одному русскому языку, но и [illegible]гимъ предметамъ, и не только для городскихъ и сельскихъ [illegible] которыя само правительство предполагало учредить для нихъ, [illegible] для тѣхъ, которыя уже существовали и содержались на счетъ [illegible]довъ съ вакуфовъ, то-есть, для магометанскихъ школъ высшаго ряда (медресе или согда) и низшаго (мектебе). Согласно [illegible] назначеніемъ, татарскія дѣти, имѣвшія поступить въ отдѣленіе, [illegible] были проходить, — разумѣется, на русскомъ языкѣ, — не только

[1]) Къ сожалѣнію, дѣла канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго [illegible] бывшаго татарскаго училищнаго отдѣленія въ Симферополѣ оставляютъ [illegible] пробѣловъ въ этой исторіи.

предметы уѣздныхъ училищъ и гимназій, кромѣ иностранныхъ языковъ и предметовъ, относящихся до религіи, но и предметы, преподаваемые въ медресе, для чего и былъ назначенъ особый татарскій учитель съ жалованьемъ въ 400 рублей. Казеннокоштныхъ учениковъ полагалось имѣть всего 20, и на содержаніе каждаго изъ нихъ назначалось по 300 руб., да на жалованье двумъ надзирателямъ при нихъ 600 р.; всего же на татарское училищное отдѣленіе первоначально исчислено было расхода до 8.500 рублей асс. въ годъ. Въ послѣдствіи, Высочайше утвержденнымъ 3-го мая 1838 года положеніемъ комитета министровъ, преподаваніе татарскихъ предметовъ въ отдѣленіи было поставлено въ нѣсколько лучшія условія, а именно преподаваніе закона магометанской вѣры было предоставлено особому учителю — муллѣ (съ жалованьемъ въ 200 р.), который избирался Симферопольскимъ муфтіемъ, а жалованье татарскаго учителя было увеличено до 1.200 р., то-есть, сравнено съ тогдашнимъ жалованьемъ младшихъ учителей гимназіи, при чемъ ему вмѣнено въ обязанность давать не менѣе 12 уроковъ въ недѣлю. Но усиливая средства преподаванія татарскихъ предметовъ, правительство не теряло изъ вида главной своей цѣли — возможно лучшаго усвоенія русскаго языка будущими наставниками татарскаго юношества, и въ одновременно (3-го мая 1838 года) состоявшемся, съ утвержденія бывшаго министра С. С. Уварова, новомъ положеніи татарскаго училищнаго отдѣленія, прямо выставляло на видъ, что воспитанники отдѣленія обязаны изучать русскій языкъ преимущественно предъ всѣми прочими науками. Въ этомъ духѣ полнаго предпочтенія русскаго языка прочимъ предметамъ, и въ особенности татарскому языку, все дѣло было ведено, какъ въ татарскомъ училищномъ отдѣленіи, такъ и въ прочихъ училищахъ, болѣе или менѣе предназначавшихся для Татаръ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ упомянутая выше записка, составленная А. В. Самойловымъ. Онъ сознается, что мѣстное начальство, будучи озабочено успѣхами учениковъ въ русскомъ языкѣ, не вникало въ положеніе татарскаго языка въ училищахъ и что его преподавали лица, въ немъ не свѣдущія; но, повидимому, такому пренебреженію къ татарскому языку въ училищахъ, предназначенныхъ для Татаръ, онъ не придавалъ никакого значенія.

Надобно правду сказать, что преподаваніе татарскаго языка представляло въ то время большія трудности и даже неудобства, на которыя сначала не было обращено надлежащаго вниманія. За исключеніемъ кое-какихъ ханскихъ ярлыковъ, сохранившихся отъ стараго

времени, и изданныхъ и объясненныхъ лишь въ послѣдствіи, — отчасти бывшимъ въ то время профессоромъ восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, В. В. Григорьевымъ, — на крымскомъ татарскомъ языкѣ не было никакой письменности, и вся даже словесность, въ обширномъ смыслѣ этого слова, ограничивалась нѣсколькими пѣснями, да нѣкоторыми народными пословицами и поговорками; вообще же татарскій языкъ былъ только разговорнымъ языкомъ, и въ самихъ татарскихъ магометанскихъ школахъ и по сію пору (по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ) онъ не составляетъ предмета особаго изученія: никто не учится ни читать, ни писать на немъ, а всякій, въ случаѣ надобности, примѣняетъ къ нему, какъ умѣетъ, выученныя въ школѣ арабскія письмена. Такимъ образомъ не было никакихъ учебныхъ пособій для преподаванія татарскаго языка: ни азбуки, ни грамматики, ни книги для чтенія. Единственная печатная книга на татарскомъ языкѣ было Евангеліе, изданное Русскимъ Библейскимъ Обществомъ, да и то на казанскомъ нарѣчіи, отъ котораго крымское нарѣчіе далеко отступаетъ, такъ что крымскіе и казанскіе Татары едва въ состояніи понимать другъ друга. Если дѣйствительно это Евангеліе, какъ можно заключить по одному выраженію покойнаго Самойлова, было въ употребленіи въ татарскихъ школахъ его дирекціи, въ качествѣ учебной книги татарскаго языка, то это одно обстоятельство могло уже отвратить татарскихъ магометанскихъ дѣтей отъ ихъ посѣщенія.

Какъ бы то ни было, но ревизія татарскихъ училищъ въ Крыму, произведенная въ 1843 году, дала совершенно новый оборотъ дѣлу, и въ послѣдовавшую за нею пору прежнее небреженіе татарскимъ языкомъ уступило мѣсто преувеличенной заботливости объ его преуспѣяніи въ училищахъ Таврической губерніи. Прежде всего была составлена г. Кузьминымъ, преемникомъ по каѳедрѣ В. Ѳ. Григорьева, перешедшаго въ другое вѣдомство, инструкція въ видѣ подробной програмы для преподаванія татарскаго языка, какъ въ Симферопольскомъ училищномъ отдѣленіи, такъ и въ возникшихъ тогда волостныхъ татарскихъ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Предметомъ изученія, согласно съ этою инструкціей, долженъ былъ стать языкъ образованнаго городскаго, а не степнаго общества, языкъ, переполненный заимствованіями изъ языковъ магометанской литературы — арабскаго и персидскаго, формы и синтаксисъ которыхъ и долженствовали быть объясняемы ученикамъ училищнаго отдѣленія, тогда какъ ученики волостныхъ школъ должны были изучить только

10 главныхъ формъ арабскаго языка. Ученикамъ училищнаго отдѣленія, сверхъ того, было предположено объяснять еще особенности джагатайскаго, казанскаго и оренбургскаго нарѣчій татарскаго языка, а равно уклоненія отъ нихъ степнаго крымскаго нарѣчія, и изученіе послѣдняго начинать съ чтенія пословицъ и народныхъ поговорокъ впрочемъ, въ случаѣ преподаванія на русскомъ языкѣ, дозволялось прописывать татарскія слова не арабскими, а русскими буквами. Противъ приведенныхъ пунктовъ инструкціи г. Кузьмина, свѣдущіе учители татарскаго языка, бывшіе питомцы училищнаго отдѣленія, гг. Газіевъ, Селимовъ и Боданинскій, на запросъ о ней попечителя Одесскаго учебнаго округа, совершенно основательно замѣтили, что преподавать должно степной языкъ, потому что изъ тогдашнихъ 140.000 Татаръ на немъ говорятъ по меньшей мѣрѣ 120 тысячъ, а показывать уклоненія этого языка отъ прочихъ нарѣчій почли неудобнымъ, потому что онъ весь есть уклоненіе.

Имѣя въ виду столь обширную программу преподаванія татарскаго языка, бывшій въ то время попечитель Одесскаго учебнаго округа, въ представленіи своемъ министру, выразилъ опасеніе, будто бы воспитанники училищнаго отдѣленія, занимаясь преимущественно русскимъ языкомъ, забываютъ свой природный, и для того, чтобъ усилить и расширить преподаваніе татарскаго языка, ходатайствовалъ: 1) объ ограниченіи курса ученія въ Симферопольскомъ училищномъ отдѣленіи первыми тремя классами гимназіи, съ присоединеніемъ дополнительнаго четвертаго года; 2) о назначеніи особаго инспектора при училищномъ отдѣленіи, который сверхъ преподаванія въ немъ, согласно инструкціи г. Кузьмина, началъ арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, имѣлъ бы надзоръ за преподаваніемъ татарскаго языка въ другихъ училищахъ Таврической губерніи, и 3) о скорѣйшемъ составленіи и изданіи въ свѣтъ учебныхъ пособій, а именно азбуки и грамматики татарскаго языка, татарской христоматіи съ татарско-русскимъ словаремъ, составленной изъ крымско-татарскихъ пѣсень, изъ ханскихъ ярлыковъ, изъ *турецкихъ* пословицъ, обращающихся въ Крыму, образцовъ разнаго рода писемъ и приличныхъ переводовъ съ русскаго, поручивъ переводъ учителямъ Газіеву, Селимову и Боданинскому, и наконецъ, о составленіи и изданіи въ свѣтъ русской христоматіи съ русско-татарскимъ словаремъ, которая представляла бы собою нѣчто въ родѣ энциклопедіи основныхъ космографическихъ, географическихъ, физическихъ, этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній, преимущественно же по исторіи Крыма, съ обзоромъ мѣръ правительства на пользу образованія Татаръ, важнѣйшихъ

уголовныхъ и гражданскихъ законовъ и постановленій относительно сельскаго управленія и съ присоединеніемъ образцовъ дѣловыхъ бумагъ примѣнительно къ быту Татаръ. Замѣчательнѣе всего предположеніе — за неимѣніемъ ничего ни писаннаго, ни печатнаго на крымскомъ татарскомъ нарѣчіи, ввести въ употребленіе, до изданія упомянутыхъ пособій, турецкую книжку Сулеймана Намо и на турецкомъ же языкѣ сочиненіе Бельмета, изданное въ Парижѣ: „Les quarante vizirs", значительно сократинъ его, при чемъ принималась во вниманіе близость татарскаго крымскаго нарѣчія къ турецкому языку. Надзоръ и руководство всѣми этими работами предполагалось поручить В. В. Григорьеву, а за переходомъ его на службу въ другое вѣдомство они возложены были на г. Кузьмина.

Всѣ эти предположенія дѣйствительно были осуществлены, или вполнѣ, или отчасти. На первомъ планѣ долгое время стояла забота о составленіи руководствъ къ изученію татарскаго языка. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1848 года, были доставлены въ Одессу къ попечителю округа слѣдующія рукописи, просмотрѣнныя предварительно г. Кузьминымъ и исправленныя авторами по его указаніямъ: 1) Букварь крымско-татарскаго языка съ краткими объясненіями, — г. Газіева, учителя Сарабузскаго татарскаго училища; 2) Грамматика крымско-татарскаго языка, составленная учителемъ Симферопольской гимназіи г. Хорасановымъ; 3) „Другъ дѣтей", книга для чтенія, переведенная на татарскій языкъ воспитанниками училищнаго отдѣленія подъ руководствомъ Абдуррамана Челеби, бывшаго прежде преподавателемъ закона магометанской вѣры въ татарскомъ классѣ въ Бахчисараѣ, а въ послѣдствіи помощникомъ инспектора Симферопольской гимназіи (по татарскому училищному отдѣленію): въ этой книгѣ былъ присоединенъ Джеваириль-Исламъ (вѣроятно, въ татарскомъ же переводѣ), то-есть, краткое объясненіе обязанностей мусульманина, и наконецъ, 4) переводъ „Сельскаго чтенія", изготовленный г. Газіевымъ.

Правильное преподаваніе закона магометанской вѣры также озабочивало училищное начальство, хотя и въ меньшей мѣрѣ, нежели преподаваніе татарскаго языка. Окончательно курсъ этого предмета опредѣлился слѣдующимъ образомъ: I. Для татарскаго училищнаго отдѣленія—въ 1-й годъ: чтеніе 1-й и 2-й частей Афтеикъ (10-й части Корана) съ выучиваніемъ наизусть нѣкоторыхъ краткихъ главъ ея; во 2-й годъ — 3-я часть Афтеикъ и Джеваириль-Исламъ (краткое изложеніе обязанностей мусульманина); въ 3-й и 4-й годы—выучиваніе 10-й части Илимъ-Хала (о Богѣ и пророкахъ) и чтеніе Алькорана съ начала

до 10-й части; въ 5-й годъ—Иствани (подробное изложеніе обязанностей мусульманина) и продолженіе Алькорана съ напѣвомъ и Сейрунеби (біографія Магомета). II. Для уѣздныхъ училищъ полагалось то же самое, но сокращенно, а для сельскихъ, съ 4-лѣтнимъ курсомъ, то же, но безъ Сейрунеби. Такъ какъ перевода Корана на татарскій и даже на турецкій языкъ въ то время не было—подобный переводъ издается только теперь въ Константинополѣ и оттуда усиленно распространяется и въ Крыму между Татарами—и такъ какъ арабскій языкъ не былъ предметомъ преподаванія даже въ училищномъ отдѣленіи, да и обыкновенно сами учителя татарскіе не только не понимаютъ Корана, но и едва-ли правильно умѣютъ читать его, то очевидно, что все это ученіе было чисто-механическое и безплодное.

Создать должность особаго инспектора татарскаго училищнаго отдѣленія съ обязанностью наблюдать по всѣмъ училищамъ за преподаваніемъ татарскихъ предметовъ, не удалось за неимѣніемъ денежныхъ средствъ; но было учреждено званіе помощника инспектора Симферопольской гимназіи, на котораго было возложено ближайшее завѣдываніе училищнымъ отдѣленіемъ, и въ эту должность былъ назначенъ магометанинъ Абдуррамамъ Челеби.

Наконецъ, курсъ татарскаго училищнаго отдѣленія былъ преобразованъ согласно съ вышеприведенными предположеніями, на основаніи проекта, составленнаго въ 1847 году бывшимъ тогда директоромъ Самойловымъ. Курсъ ученія остался 8-лѣтній; первые 4 года ученики получали приготовительное образованіе въ самомъ отдѣленіи, занимаясь, подъ наблюденіемъ помощника инспектора и подъ руководствомъ надзирателя и соучениковъ, уже посѣщавшихъ классы 4 года, чтеніемъ, письмомъ, выучиваніемъ словъ и фразъ на русскомъ языкѣ и 4-мя дѣйствіями ариѳметики; затѣмъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ они посѣщали классы гимназіи, и 8-й годъ посвящали на изученіе исторіи и географіи въ гимназіи и практически занимались съ младшими учениками отдѣленія. Какъ и прежде, отдѣленіе поручалось главному надзору Таврическаго губернатора: отъ него зависѣло опредѣленіе дѣтей Татаръ на казенное содержаніе, для чего директоръ гимназіи долженъ былъ немедленно сообщать ему о всякой вновь открывающейся вакансіи.

Въ такомъ видѣ татарское училищное отдѣленіе существовало до вторженія въ Крымъ непріятеля въ 1854 году, когда воспитанники были разосланы по домамъ своихъ родителей и родственниковъ, самое зданіе было занято подъ военный госпиталь, и учебное заведеніе перестало существовать фактически. Оно не было возстановлено и по

заключенія мира: напротивъ, бывшій попечитель Одесскаго учебнаго округа П. Г. Демидовъ, 22-го мая 1856 года, ходатайствовалъ передъ министромъ объ окончательномъ его упраздненіи; ходатайство его было поддержано его преемникомъ, Н. И. Пироговымъ, и училищное отдѣленіе было въ 1859 г. окончательно закрыто, а часть средствъ его назначена на учрежденіе особаго отдѣленія при пансіонѣ Симферопольской гимназіи для дѣтей мурзъ. Въ относящемся сюда Высочайшемъ повелѣніи, отъ 9-го февраля 1859 года, принятъ во вниманіе недостатокъ учебнаго заведенія въ Крыму, въ которомъ мурзы могли бы воспитывать своихъ дѣтей въ правилахъ своей вѣры, а потому сверхъ 5-ти казеннокоштныхъ воспитанниковъ (съ содержаніемъ въ 200 руб. въ годъ на каждаго и безъ всякой обязательной службы), предполагалось принимать столькихъ своекоштныхъ пансіонеровъ, сколько можно будетъ помѣстить въ этомъ особомъ отдѣленіи: они должны были изучать всѣ предметы гимназическаго курса наравнѣ съ другими, а сверхъ того мулла (съ жалованьемъ въ 57 руб. 15 коп.) долженъ былъ обучать ихъ закону ихъ вѣры, надзиратель и вмѣстѣ учитель татарскаго языка (съ жалованьемъ въ 343 руб. 10 коп.) преподавать этотъ языкъ, а репетиторъ (200 р.), изъ знающихъ русскій и татарскій языки, упражнять ихъ въ русскомъ языкѣ.

Ходатайствуя объ упраздненіи татарскаго училищнаго отдѣленія, П. Г. Демидовъ ссылался главнѣйшимъ образомъ на доказанную опытомъ безполезность его, такъ какъ въ продолженіе 28-лѣтняго существованія его (1827—1854 г.) въ немъ окончили курсъ всего 25 человѣкъ, и содержаніе ихъ, если раздѣлить только на нихъ всю израсходованную за это время сумму, обошлось каждаго въ 3.360 р. (вѣрнѣе сказать, нѣсколько менѣе чѣмъ въ 3.000 р. — 74.730 : 25, такъ какъ, очевидно, при разчетѣ не было принято во вниманіе, что до 1838 года расходовалось на отдѣленіе не 3.000 въ годъ, а 2.430 р. сер.). Но на основаніи подобныхъ же соображеній, пришлось бы закрыть почти всѣ наши гимназіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отдѣленіи при комплектѣ въ 20 человѣкъ и при восьмилѣтнемъ курсѣ, въ продолженіе 28 лѣтъ окончили бы курсъ всего 70 человѣкъ, даже когда бы всѣ поступающіе оканчивали курсъ; такимъ образомъ 25 человѣкъ, окончившихъ курсъ въ отдѣленіи, составляютъ болѣе одной трети наибольшаго числа лицъ, которыя могли бы только окончить въ немъ курсъ, — пропорція, какой не представляетъ почти ни одна изъ нашихъ гимназій. Во всякомъ случаѣ, татарское училищное отдѣленіе доставляло большее число учителей, нежели какое требовалось: доказательствомъ служитъ разрѣ-

шеніе, внесенное въ послѣдующіе уставы отдѣленія, принимать окончившихъ курсъ въ отдѣленіи не только въ учителя, но и въ переводчики и вообще на государственную службу. Когда палата государственныхъ имуществъ начала учреждать волостныя училища для образованія писарей изъ Татаръ, то въ учителяхъ, знающихъ татарскій и русскій языки, недостатка не оказалось, и А. В. Самойловъ справедливо свидѣтельствовалъ (въ упомянутой выше запискѣ), что „училищное отдѣленіе оказало истинную услугу, снабдивъ первоначально открытыя училища хорошими учителями". Что воспитанники отдѣленія, по крайней мѣрѣ въ началѣ, хорошо усвоивали себѣ русскій языкъ, видно уже изъ преувеличеннаго, безъ сомнѣнія, опасенія попечителя округа, какъ бы они совсѣмъ не забыли своего роднаго нарѣчія. Что въ послѣдствіи, когда вниманіе было преимущественно обращено на татарскій языкъ, они успѣвали и въ татарской грамотѣ, видно изъ того, что питомецъ отдѣленія Гавіевъ составилъ татарскій букварь съ грамматическими правилами и перевелъ на татарскій языкъ „Сельское чтеніе", и что сами ученики, подъ руководствомъ Абдуррамана Челеби, перевели книгу: „Другъ дѣтей". Если же въ управленіи и въ самой организаціи татарскаго училищнаго отдѣленія могли быть существенные недостатки, то казалось бы, что необходимо было позаботиться только объ устраненіи этихъ недостатковъ, не уничтожая самого заведенія. Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ учебныхъ заведеній для Татаръ это отдѣленіе дѣйствовало съ наибольшимъ успѣхомъ и наибольшею пользою.

Польза его, а равно и самые успѣхи, были бы гораздо значительнѣе, если бы та цѣль, для которой оно было основано, преслѣдовалась съ большею энергіей; но къ сожалѣнію, этого вовсе не было. Предполагалось, какъ мы видѣли, учредить для Татаръ училища по городамъ и селамъ и снабдить собственныя ихъ школы хорошо подготовленными учителями; но что же было сдѣлано въ этомъ направленіи? *Прежде всего,* какъ уже было упомянуто, для привлеченія Татаръ въ общія училища, было введено преподаваніе татарскаго языка въ Ѳеодосійскомъ и Перекопскомъ, а въ послѣдствіи (въ 1859 году) и въ Симферопольскомъ уѣздныхъ училищахъ. Благодаря этой мѣрѣ, многіе изъ Русскихъ научились по-татарски; но число Татаръ, поступавшихъ въ эти уѣздныя училища, было совершенно ничтожно, не смотря на то, что еще попечитель Княжевичъ обращался за содѣйствіемъ къ Симферопольскому муфтію, главѣ магометанскаго духовенства въ Крыму, и просилъ его, въ іюлѣ 1839 года, внушить Та-

тарамъ, что собственная ихъ польза требуетъ отъ нихъ изученія русскаго языка и посѣщенія съ этою цѣлію общихъ училищъ. *Во-вторыхъ*, въ 1837 году были учреждены въ Бахчисараѣ и въ Карасубазарѣ татарскіе классы (съ двухлѣтнимъ, много трехлѣтнимъ курсомъ), отдѣльно отъ тамошнихъ приходскихъ училищъ, и въ этихъ классахъ преподавалась татарская и русская грамматика, а въ Бахчисарайскомъ классѣ и законъ магометанской вѣры собственно для увеличенія числа учениковъ изъ Татаръ; но отъ введенія этого послѣдняго предмета число учениковъ изъ Татаръ не только не увеличилось, а еще уменьшилось, вѣроятно, вслѣдствіе недовѣрія родителей Татаръ къ преподаванію закона ихъ вѣры въ училищѣ, учрежденномъ не ихъ духовенствомъ, а христіанскимъ правительствомъ. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ въ 1838 г. штатнымъ смотрителемъ Симферопольскаго уѣзднаго училища, который въ то же время въ донесеніи директору не совсѣмъ одобрительно отозвался и о самомъ преподаваніи Абдуррамамомъ Челеби закона магометанской вѣры. Въ 1839 г. князь М. С. Воронцовъ, въ видахъ лучшаго усвоенія татарскими дѣтьми русскаго языка, пожелалъ соединенія татарскихъ классовъ съ общими приходскими училищами, и оно дѣйствительно состоялось въ Бахчисараѣ, и притомъ такъ, что собственно приходское училище присоединилось къ татарскому классу, и ученики приходскаго училища ходили въ зданіе татарскаго класса для слушанія общихъ предметовъ, и удалялись въ прежнее свое помѣщеніе на уроки закона Божія. Но ничто не помогало, и въ татарскихъ классахъ большую часть учениковъ составляли не Татары, число коихъ въ пору полевыхъ работъ уменьшалось даже до 3-хъ, а мѣстные Греки и Армяне, которые здѣсь учились и по-русски, и по-татарски;—и эти классы, равно какъ и введеніе татарскаго языка въ уѣздныя училища, только содѣйствовали распространенію знанія татарскаго языка въ мѣстномъ населеніи не-татарскаго происхожденія, освобождая Татаръ отъ необходимости изученія русскаго языка; сами же Татары предпочитали по прежнему обучаться въ своихъ мектебе и медресе. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, упомянутый выше смотритель пришелъ къ убѣжденію, заслуживающему серіознаго вниманія, именно что безъ закрытія мектебе и медресе, учебныя заведенія, учреждаемыя правительствомъ для Татаръ, никогда не будутъ имѣть достаточнаго числа учениковъ.

Не рѣшаясь еще прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, которая не много спустя была примѣнена къ еврейскимъ хедерамъ, гдѣ однако же и внѣшній порядокъ, и самое ученіе все-таки нѣсколько лучше чѣмъ

въ татарскихъ школахъ, правительство вознамѣрилось ввести преподаваніе русскаго языка въ медресе, не подвергая ихъ какимъ-либо другимъ кореннымъ преобразованіямъ. Попытка эта также не увѣнчалась успѣхомъ. „Надо было, такъ-сказать, ворваться въ нѣдра медресе", пишетъ А. В. Самойловъ въ апрѣлѣ 1843 года; „правительство назначило туда учителей русскаго языка, и первоначально въ главныя медресе въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ, что́ и исполнено; но какъ не было поставлено въ непремѣнную обязанность всѣмъ посѣтителямъ медресе слушать курсъ русскаго языка, то учители проповѣдывали въ пустынѣ". Результатомъ всѣхъ опытовъ было убѣжденіе этого директора, что вообще для образованія Татаръ въ русскомъ духѣ необходимо введеніе принудительной системы ученія.

Именно этой системы держалось министерство государственныхъ имуществъ при учрежденіи своихъ волостныхъ училищъ для Татаръ, и какъ кажется, не безъ успѣха, при чемъ надобно однако имѣть въ виду, что оно заботилось только о подготовленіи писарей, а не собственно объ образованіи Татаръ. Кромѣ училища въ Ногайскѣ, которое шло съ наибольшимъ успѣхомъ, имъ были учреждены собственно въ Крыму слѣдующія училища: 1) училище въ Симферополѣ, при палатѣ государственныхъ имуществъ, въ послѣдствіи переведенное въ Сарабузы, 2) въ Сакахъ, 3) въ Таракташѣ и 4) позднѣе въ Ушюнѣ. Каждая волость была обязана посылать въ одно изъ этихъ училищъ извѣстное число поселянскихъ мальчиковъ, которые и жили въ селеніяхъ, гдѣ помѣщались училища, въ тамошнихъ татарскихъ семьяхъ, а въ послѣдствіи было рѣшено поручать содержаніе мальчиковъ самому учителю, собирая ихъ въ одномъ домѣ, для чего и было предписано строить особые дома. Курсъ въ этихъ училищахъ былъ 4-лѣтній. Преподавались: языки русскій и татарскій, законъ магометанской вѣры, ариѳметика, счетоводство и дѣлопроизводство волостныхъ и сельскихъ управленій. Нынѣ всѣ эти училища закрыты, какъ кажется, потому что палата государственныхъ имуществъ убѣдилась, что вольнонаемные писаря, знающіе по-русски и по-татарски, обойдутся дешевле, нежели приготовленіе писарей изъ Татаръ въ особо-учрежденныхъ для нихъ училищахъ.

Таковы были попытки къ образованію Татаръ въ Крыму, начиная съ 1827 года. Были испробованы всевозможныя системы: пытались привлечь Татарскихъ дѣтей въ общія училища, введеніемъ въ нихъ преподаванія татарскаго языка; учреждали особые татарскіе классы отдѣльно и въ связи съ приходскими училищами (къ этимъ особымъ

училищамъ для Татаръ должны быть отнесены и волостныя училища вѣдомства государственныхъ имуществъ и само татарское училищное отдѣленіе); наконецъ, пробовали ввести преподаваніе русскаго языка въ медресе. Однакожь всѣ эти попытки остались безъ замѣтнаго результата для образованія массы Татаръ, и наибольшимъ еще успѣхомъ увѣнчались татарское училищное отдѣленіе и волостныя училища, но очевидно, потому что поступленіе въ нихъ зависѣло не отъ доброй воли татарскихъ родителей, а отъ назначенія татарскихъ дѣтей въ первое изъ нихъ Таврическимъ губернаторомъ, а въ послѣднія — палатою государственныхъ имуществъ и ея чиновниками. Такимъ образомъ опыты прошедшаго, повидимому, говорятъ прежде всего въ пользу принудительной системы обученія Татаръ въ Крыму, какая впрочемъ установлена и вездѣ въ Россіи, гдѣ заведены училища для инородцевъ, и удержаніе которой на первыхъ порахъ, въ предѣлахъ Казанскаго учебнаго округа, считаетъ необходимымъ даже такой ревнитель добровольной системы ученія, какъ Н. И. Золотницкій, нынѣ инспекторъ чувашскихъ школъ въ упомянутомъ округѣ.

Но если для образованія крымскихъ Татаръ въ русскомъ духѣ, судя по опытамъ прошедшаго, прежде всего необходимо установленіе принудительной системы ученія (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ общимъ обязательствомъ посылать дѣтей въ школу), то при этомъ необходимо принять къ свѣдѣнію, что у Татаръ существуютъ свои духовныя магометанскія училища, посѣщеніе которыхъ считается у нихъ обязательнымъ въ возрастѣ отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ и гдѣ ученіе происходитъ ежедневно (кромѣ пятницы) въ продолженіе 7-ми часовъ (по 4 часа до обѣда и по 3 послѣ обѣда). Впрочемъ, обязательность эта только нравственнаго свойства и въ настоящее время въ примѣненіи является ослабленною до значительной степени. Такъ, не считая Ѳеодосійскаго уѣзда, объ училищахъ коего не имѣется свѣдѣній въ магометанскомъ духовномъ правленіи, первоначальныхъ магометанскихъ училищъ — мектебе — считается въ Крыму 136 на 77.406 Татаръ обоего пола (1 училище на 570 человѣкъ), тогда какъ мечетей въ тѣхъ же уѣздахъ 648 (или 1 почти на 120 жит.). Отношеніе числа татарскихъ школъ къ числу Татаръ все-таки въ высшей степени благопріятно; но число учениковъ въ школахъ далеко не соотвѣтствуетъ тому, котораго можно было бы ожидать при всеобщей обязательности ученія въ возрастѣ отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ. На этотъ возрастъ, на основаніи общихъ статистическихъ данныхъ, приходится отъ 1/5 до 1/4 всего населенія; принимая лишь 1/6, мы получили бы слиш-

комъ 15.000 мальчиковъ и дѣвочекъ, обязанныхъ посѣщеніемъ школъ, а между тѣмъ дѣйствительно посѣщающихъ школы оказывается гораздо менѣе 1/3 этого числа (именно 4.471); если взять отдѣльно мальчиковъ, то изъ общаго ихъ числа (8.000), посѣщающихъ школы окажется немного менѣе 1/3 (2.918), а изъ общаго числа дѣвочекъ (7.000) немного болѣе 1/5 (1.553). Есть мѣстности, довольно населенныя Татарами, какъ напримѣръ, Өеодосія, въ которыхъ нѣтъ вовсе общественныхъ школъ, а есть только частныя, существующія на добровольныя приношенія родителей. Какъ бы то ни было, отъ 1/4 до 1/3 всѣхъ татарскихъ дѣтей учится ежедневно, по 7 часовъ въ день, въ магометанскихъ школахъ, и родители ихъ вмѣняютъ себѣ въ религіозную обязанность таковое ихъ обученіе. Совмѣстное существованіе другихъ, исключительно-свѣтскихъ, школъ, съ обязательнымъ же ученіемъ, оказалось бы или невозможностью, или же явнымъ нарушеніемъ того, что̀ почитается татарскими родителями за священную обязанность. Очевидно, необходимо совмѣщеніе въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ свѣтскаго и духовнаго обученія. Въ этомъ смыслѣ высказывались частнымъ образомъ и сами Татары, между прочимъ, въ селеніи Отузахъ и въ Өеодосіи. Но въ какомъ видѣ можетъ быть допущено это совмѣщеніе? Должны ли быть закрыты медресе и мектебе тамъ, гдѣ были бы учреждены правительственныя училища для Татаръ, но подъ условіемъ, чтобы въ послѣднія было введено преподаваніе закона магометанской вѣры; или же преподаваніе свѣтскихъ предметовъ, и прежде всего русской грамоты, должно быть введено въ нынѣшнія магометанскія школы? Послѣднее было бы весьма желательно, но безъ радикальнаго преобразованія мектебе и медресе, это едва-ли возможно. Въ настоящемъ своемъ видѣ эти училища представляютъ собою не что иное, какъ народныя сходки, на которыхъ муллы читаютъ Коранъ, едва-ли правильно, и безъ всякихъ объясненій, за незнаніемъ арабскаго языка. Они посѣщаются людьми всѣхъ возрастовъ, когда и кому угодно, при чемъ дѣти учатся читать и писать по арабски. Очевидно, что министерство народнаго просвѣщенія не можетъ присоединить своихъ заведеній къ подобнымъ училищамъ, не преобразовавъ ихъ на европейскій ладъ, не ограничивъ числа часовъ, употребляемыхъ на господствующее тамъ безсмысленное ученіе, и даже не измѣнивъ педагогическаго характера послѣдняго. Слѣдовательно, такъ или иначе, но правительству пришлось бы принять на себя крайне непріятныя и по принципу несвойственныя ему заботы о правильномъ обученіи магометанскому закону, какъ оно приняло на себя подобныя

заботы по отношенію къ еврейскому закону. Впрочемъ, могъ бы быть одинъ исходъ изъ этого положенія, а именно можно было бы, опредѣливъ планъ свѣтскаго ученія татарскихъ дѣтей и предоставивъ духовное ихъ обученіе по прежнему мулламъ, принудить послѣднихъ сообразоваться въ ихъ учебномъ планѣ (то-есть, во времени и въ числѣ ежедневныхъ часовъ ученія) съ учебнымъ планомъ министерства. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ заслуживаетъ дальнѣйшаго обстоятельнаго обсужденія.

Учебный планъ предполагаемыхъ вновь татарскихъ училищъ могъ бы быть опредѣленъ слѣдующимъ образомъ. Чтобы не стѣснять излишне хотя и безплоднаго преподаванія въ нихъ магометанскихъ предметовъ, слѣдовало бы назначить курсъ 6-лѣтній. Въ первый періодъ дѣти учатся, въ связи съ нагляднымъ обученіемъ и при помощи татарскаго нарѣчія, русскому разговорному языку, а во второй періодъ, по достаточномъ усвоеніи русскаго языка, изучаютъ русскую грамоту (чтеніе и письмо) и первыя 4 дѣйствія ариѳметики надъ цѣлыми числами простыми и именованными, и выслушиваютъ курсъ русской исторіи, который долженъ имѣть для нихъ воспитательное значеніе и напечатлѣть въ ихъ умахъ понятіе о величіи и могуществѣ Русскаго народа и Русскаго государства. Преподаваніе закона магометанской вѣры оставляется на попеченіи магометанскаго духовенства, которое, какъ сказано, въ назначеніи числа и времени часовъ подчиняется общему учебному плану. Преподаваніе татарскаго языка и татарской грамоты вовсе не полагается по той простой причинѣ, что это языкъ только разговорный, а не грамотный, не письменный или литературный, и слѣдовательно, учиться ему не для чего и не по чему, и самыя правила его не могли твердо установиться. Въ этомъ отношеніи указанія прошедшаго не оставляютъ никакого сомнѣнія. Не мало было потрачено и силъ, и средствъ, и времени на то, чтобы сдѣлать татарскій языкъ предметомъ, способнымъ къ правильному преподаванію, и все это съ цѣлью привлечь Татаръ въ школы; но всѣ эти усилія остались напрасны тѣмъ болѣе, что и въ своихъ собственныхъ школахъ Татары не изучаютъ своего языка и занимаются лишь грамотою арабской. Татарскій языкъ тѣмъ менѣе можетъ быть предметомъ преподаванія, что онъ не служитъ для Татаръ-магометанъ даже и языкомъ религіи, хотя повидимому, въ послѣднее время турецкое правительство и заботится о томъ, чтобы придать ему этотъ характеръ, почему и содѣйствуетъ переводу Корана на татарскій языкъ. На время полевыхъ или садовыхъ работъ, — время, которое въ точности должно быть

опредѣлено разъ на всегда мѣстными училищными совѣтами, — дѣти должны быть распускаемы по домамъ, въ пору же ученія должны жить при училищахъ, какъ было въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ.

При изысканіи и назначеніи на предполагаемыя училища матеріальныхъ средствъ, слѣдовало бы, какъ кажется, держаться правила, чтобъ интересы магометанскаго духовенства по возможности не понесли при этомъ ущерба и чтобъ оно такимъ образомъ не было заранѣе возбуждено противъ образованія Татаръ.

Наконецъ, остается вопросъ объ учителяхъ. Само собою разумѣется, что учителя въ татарскихъ училищахъ должны быть въ нравственномъ и политическомъ отношеніи люди вполнѣ благонадежные, и удовлетворяя прочимъ требованіямъ своего званія, должны владѣть татарскимъ языкомъ. Въ послѣдствіи при нѣкоторыхъ начальныхъ татарскихъ училищахъ могли бы быть устроены педагогическіе курсы съ 2-хъ или съ 3-лѣтнимъ дополнительнымъ курсомъ, въ продолженіе котораго кандидаты въ учителя изучали бы русскій языкъ грамматически, русскую исторію и географію съ большею противъ прежняго подробностью, проходили бы весь курсъ ариѳметики и краткое обозрѣніе всеобщей исторіи, и въ послѣдній годъ, подъ руководствомъ учителя, занимались бы съ учениками соотвѣтствующаго начальнаго татарскаго училища. Таковы могли бы быть, вкратцѣ и въ общихъ чертахъ, мѣры къ образованію крымскихъ Татаръ въ русскомъ духѣ. Обнародывая всѣ эти данныя и соображенія, министерство народнаго просвѣщенія желало бы, чтобы предметъ такой важности подвергся всестороннему обсужденію въ нашей литературѣ со стороны людей свѣдущихъ. Вотъ вопросы, на которые при этомъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе и разъясненіемъ коихъ поручено заняться особой коммиссіи въ Симферополѣ:

1) Можетъ ли дѣло образованія Татаръ въ русскомъ духѣ быть предоставлено доброй ихъ волѣ, или же должно быть установлено въ этомъ случаѣ принудительное ученіе, тѣмъ болѣе, что трудно ожидать, чтобы нашлись люди въ ихъ собственной средѣ, которые силою убѣжденія успѣли бы восторжествовать надъ ихъ апатіей, а убѣжденія христіанскихъ дѣятелей едва-ли могутъ имѣть какой-либо успѣхъ въ татарско-магометанской средѣ?

2) Въ какія отношенія должны быть поставлены предполагаемыя школы къ существующимъ татарскимъ медресе и мектебе? Должны ли эти школы быть и свѣтскими, и духовными вмѣстѣ, замѣняя со-

бою медресе и мектебе, какъ это было отчасти съ татарскимъ училищнымъ отдѣленіемъ и волостными татарскими училищами государственныхъ имуществъ? Должно ли преподаваніе свѣтскихъ предметовъ быть введено въ медресе и мектебе и должно ли послѣднія подвергнуть коренному преобразованію; или же учреждая свѣтскія школы и упраздняя медресе и мектебе, въ то же время должно предоставить магометанскому духовенству установить въ этихъ новыхъ школахъ, или внѣ ихъ, преподаваніе закона магометанской вѣры, но не въ ущербъ свѣтскому ученію?

3) Какія мѣстности прежде всего могутъ быть избраны для учрежденія татарскихъ начальныхъ училищъ съ наибольшею надеждою на успѣхъ послѣднихъ?

4) Какія средства могутъ быть указаны на покрытіе издержекъ, какъ по первоначальному устройству татарскихъ училищъ, такъ и по дальнѣйшему ихъ содержанію?

5) Какія лица имѣются въ виду для замѣщенія въ татарскихъ начальныхъ училищахъ учительскихъ должностей, при чемъ надлежитъ имѣть въ виду, чтобъ они, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ своего званія, обладали знаніемъ татарскаго языка и по нравственному своему характеру были бы способны стать миссіонерами европейской цивилизаціи и русскаго гражданскаго чувства въ средѣ Татаръ?

Совокупность свѣдѣній и мнѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ послужила бы къ окончательному разъясненію дѣла и къ установленію его на прочныхъ основаніяхъ, столь необходимому для дальнѣйшаго его преуспѣянія.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

Объ открытіи двухъ новыхъ каѳедръ въ медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета. — О вскрытіи труповъ въ клиническихъ зданіяхъ того же университета. — О порядкѣ производства окончательныхъ испытаній въ юридическомъ факультетѣ университета св. Владиміра. — Возведенія въ ученыя степени.

Въ полученныхъ нами въ послѣднее время книжкахъ *Университетскихъ Извѣстій* напечатаны большею частію протоколы лѣтнихъ засѣданій университетскихъ совѣтовъ, а какъ въ лѣтніе мѣсяцы число обсуждаемыхъ въ совѣтахъ дѣлъ вообще бываетъ весьма ограниченно, и притомъ это большею частію текущія дѣла въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то посему наша нынѣшняя лѣтопись по необходимости должна быть скудна содержаніемъ.

Въ совѣтѣ Харьковскаго университета происходили разсужденія объ открытіи двухъ новыхъ медицинскихъ каѳедръ и о порядкѣ вскрытія труповъ. По финансовой смѣтѣ означеннаго университета отпускается содержаніе на 14 экстраординарныхъ профессоровъ; но до мая сего года была занята лишь одна вакансія, остальныя же 13 были свободны. Имѣя въ виду это обстоятельство и принимая во вниманіе необходимость такихъ наукъ, какъ гистологія и медицинская химія, медицинскій факультетъ рѣшился ходатайствовать объ учрежденіи, на остатки отъ суммы личнаго состава, каѳедръ: 1) медицинской химіи и физики и 2) гистологіи, эмбріологіи и сравнительной анатоміи. При этомъ факультетъ рекомендовалъ совѣту кандидатовъ для замѣщенія упомянутыхъ каѳедръ, именно доцентовъ: доктора химіи *Тихоновича* и доктора медицины *Хржонщевскаго*, которыхъ факультетъ считаетъ вполнѣ достойными занять эти каѳедры, какъ показала произведенная

въ факультетѣ баллотировка. Совѣтъ призналъ полезнымъ ходатайствовать объ открытіи означенныхъ каѳедръ и постановилъ предварительно подвергнуть гг. Тихоновича и Хржонщевскаго баллотированію на званіе экстраординарнаго профессора по упомянутымъ каѳедрамъ (*Прот. Харьк. унив.* № 4).

Въ факультетской терапевтической клиникѣ Харьковскаго университета былъ случай вскрытія трупа умершаго въ этой клиникѣ больнаго, не совсѣмъ согласно съ § 83 Положенія о клиникахъ. Такъ какъ это произошло отъ нѣкоторой неполноты означенной статьи Положенія, въ которой не опредѣляется ни мѣста, ни времени для вскрытія больныхъ, умершихъ въ клиникахъ, то медицинскій факультетъ, во избѣжаніе на будущее время подобныхъ недоразумѣній, положилъ: впредь въ клиническихъ зданіяхъ не производить вскрытій, назначивъ мѣстомъ для этого анатомическій театръ, представляющій для сего наиболѣе удобствъ, и время для вскрытій избирать на каждое полугодіе такъ, чтобы при нихъ могли присутствовать по возможности студенты 3-го, 4-го и 5-го курсовъ. Совѣтъ утвердилъ предположеніе факультета, съ тѣмъ чтобы предложенное имъ дополненіе къ § 83 Положенія о клиникахъ принято было къ руководству и исполненію. При этомъ одинъ членъ совѣта, профессоръ *Сокальскій* выразилъ слѣдующее мнѣніе: „Въ дѣлахъ медицинскаго факультета, въ которыхъ затронуты научные медицинскіе вопросы, ни одинъ факультетъ не можетъ быть вполнѣ компетентнымъ судьею, кромѣ медицинскихъ же факультетовъ другихъ университетовъ. Поэтому считаю неудобнымъ передавать подобныя дѣла на обсужденіе совѣта для окончательныхъ рѣшеній, пока не высказались о тѣхъ же вопросахъ другіе медицинскіе факультеты". (*Прот. Харьк. унив.* № 5).

— Юридическій факультетъ университета св. Владиміра установилъ слѣдующій порядокъ окончательнаго испытанія студентовъ этого факультета, утвержденный совѣтомъ: 1) Приступая къ первой половинѣ окончательнаго испытанія (полукурсовое испытаніе), студенты объявляютъ, по какому разряду (чисто-юридическихъ или административныхъ наукъ) они желаютъ испытываться, однакожь не воспрещается перемѣнять разрядъ, приступая ко второй половинѣ окончательнаго испытанія; но за тѣмъ новая перемѣна уже не допускается. Лица посторонніе, подвергающіяся окончательному испытанію по обѣимъ половинамъ разомъ, дѣлаютъ вышеупомянутое объявленіе однажды, въ началѣ испытанія. 2) Отмѣтки по энциклопедіи права и исторіи положительныхъ законодательствъ не сливаются въ одну; то же самое

прилагается и къ отмѣткамъ по гражданскому праву и судопроизводству, по уголовному праву и судопроизводству, по русскому и иностранному государственному праву. 3) Отмѣтка *весьма удовлетворительно*, которую испытуемые обязаны имѣть по всѣмъ главнымъ предметамъ для полученія степени кандидата, должна быть составляема на основаніи устныхъ отвѣтовъ по всѣмъ отдѣламъ каждаго главнаго предмета, а въ тѣхъ предметахъ, по которымъ испытуемый даетъ письменный отвѣтъ, на основаніи и этого послѣдняго; кромѣ того, при удостоеніи степени кандидата, факультетъ принимаетъ во вниманіе и практическія занятія студентовъ. Такимъ же образомъ составляется отмѣтка *удовлетворительно*, которую испытуемые должны имѣть по второстепеннымъ предметамъ для полученія степени кандидата, и по всѣмъ предметамъ для полученія званія дѣйствительнаго студента. 4) Испытанія послѣ каникулъ производятся въ слѣдующемъ порядкѣ: а) съ 16-го августа по 1-е сентября — полукурсовыя испытанія по росписанію; б) въ теченіе сентября, октября и ноября — окончательныя испытанія. При этомъ всѣ предметы раздѣляются на двѣ группы: къ первой принадлежатъ энциклопедія права и исторія положительныхъ законодательствъ, русское государственное право, гражданское право съ судопроизводствомъ и римское право[1]); ко второй — политическая экономія, статистика, финансовое право, полицейское право, международное право и иностранное государственное право. Испытанія по каждой изъ этихъ группъ будутъ производиться въ опредѣленный день попремѣнно: въ одно засѣданіе по первой, а въ другое — по второй и т. д. Предоставляется подвергаться испытанію въ каждое засѣданіе испытательной коммиссіи по всѣмъ предметамъ извѣстной группы, или же только по нѣкоторымъ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы каждое испытующееся лицо окончило испытаніе по всѣмъ предметамъ въ теченіе не болѣе одного мѣсяца. (*Кіев. Унив. Изв.* № 9).

— 8-го октября, въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ публичномъ засѣданіи историко-филологическаго факультета, происходило защищеніе магистерской и докторской диссертацій. Кандидатъ *Макушевъ* защищалъ диссертацію на степень магистра славянской филологіи, подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ

[1]) Къ этой же группѣ относится и уголовное право съ судопроизводствомъ, изъ которыхъ окончательное испытаніе въ текущемъ году производилось одновременно съ испытаніями полукурсовыми по случаю надобности преподавателю этихъ предметовъ (г. *Кистяковскому*) отправиться въ командировку.

и бытописателяхъ Дубровника", а магистръ *Бильбасовъ* — диссертацію подъ заглавіемъ: „Поповскій король Генрихъ IV Распе", написанную имъ для полученія степени доктора всеобщей исторіи. Тотъ и другой утверждены совѣтомъ, въ засѣданіи 9-го октября, въ помянутыхъ ученыхъ степеняхъ.

ГИМНАЗІИ.

Отчетъ профессора Новороссійскаго университета Карастелева объ окончательныхъ испытаніяхъ въ Симферопольской и Александровской-Керченской гимназіяхъ. — Донесеніе профессора того же университета Струве объ испытаніяхъ изъ древнихъ языковъ въ Одесскихъ гимназіяхъ. — Рѣчь директора Кишиневской гимназіи Яновскаго, произнесенная на публичномъ актѣ гимназіи. — О результатахъ переводныхъ и выпускныхъ испытаній въ Казанскихъ гимназіяхъ. — О ревизіи тѣхъ же гимназій по предмету преподаванія всеобщей исторіи. — Результаты испытанія учениковъ VII-го класса гимназій и постороннихъ лицъ по Московскому и Харьковскому учебнымъ округамъ. — Открытіе гимназій и прогимназій въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.

По распоряженію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, профессоръ Новороссійскаго университета *К. И. Карастелевъ* командированъ былъ въ Симферопольскую и Александровскую-Керченскую гимназіи для присутствованія на окончательныхъ испытаніяхъ учениковъ VII-го класса и молодыхъ людей домашняго приготовленія на право полученія свидѣтельствъ въ знаніи полнаго гимназическаго курса. Отчетъ г. Карастелева объ этой командировкѣ напечатанъ въ № 9-мъ *Циркуляра Одесскаго учебнаго округа*. Не имѣя возможности присутствовать на всѣхъ испытаніяхъ въ обѣихъ гимназіяхъ, г. Карастелевъ посѣщалъ Симферопольскую гимназію во время испытаній изъ закона Божія, физики, русскаго языка и словесности, математики и французскаго языка, а въ Керченской гимназіи на испытаніяхъ изъ математики, русскаго языка и словесности, физики и математической географіи, всеобщей и русской исторіи. Въ минувшемъ учебномъ году учениковъ, подвергавшихся испытанію для полученія права поступить въ высшія учебныя заведенія, въ Симферопольской гимназіи было 15, а въ Керченской 3. Незначительное число учениковъ въ послѣдней объясняется тѣмъ, что въ текущемъ году эта гимназія, послѣ недавняго открытія, произвела первый выпускъ окончившихъ въ ней полный курсъ. Постороннихъ молодыхъ людей въ первой гимназіи подвергалось испытанію 7, а во второй 3. Въ обѣихъ гимназіяхъ испытанія учениковъ VII-го класса были посѣщаемы родителями учениковъ, ихъ родственниками и посторонними лицами,

интересующимися успѣхами народнаго образованія. Въ Керченской гимназіи на всѣхъ безъ исключенія экзаменахъ присутствовалъ г. градоначальникъ, вице-адмиралъ А. А. Спицынъ. Онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за отвѣтами учениковъ и неоднократно благодарилъ директора гимназіи *Падрекъ-де-Карне* за то, что его стараніями и усердіемъ гимназія приведена въ послѣднее время въ весьма удовлетворительное состояніе, какъ въ педагогическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. На экзаменѣ изъ закона Божія въ Симферопольской гимназіи (по отзыву г. Карастелева, вообще вполнѣ удовлетворительномъ) онъ обратилъ вниманіе на одно обстоятельство, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ: между учениками былъ одинъ, принадлежащій къ лютеранскому вѣроисповѣданію, г. Врунсъ. Онъ экзаменовался наравнѣ съ православными учениками изъ исторіи ветхозавѣтной и евангельской, а также изъ исторіи церкви вселенской и русской. Отвѣты его были весьма отчетливы, и по общему и единодушному мнѣнію всѣхъ присутствующихъ, признаны весьма удовлетворительными. Такъ какъ г. Карастелевъ имѣлъ возможность присутствовать на испытаніяхъ изъ математики, русскаго языка и словесности и физики въ обѣихъ гимназіяхъ, то онъ въ отчетѣ своемъ говоритъ о той и другой вмѣстѣ. Признавая вообще удовлетворительными успѣхи учениковъ по упомянутымъ предметамъ въ Симферопольской гимназіи, г. Карастелевъ отдаетъ однако преимущество успѣхамъ въ Керченской гимназіи. Такъ, по отзыву его, отвѣты учениковъ этой гимназіи изъ математики были отчетливѣе, основательнѣе и обнаруживали большой навыкъ въ рѣшеніи задачъ, письмо подъ диктовку и сочиненія на русскомъ языкѣ отличались большею правильностію въ грамматическомъ и логическомъ отношеніяхъ, а изъ отвѣтовъ по физикѣ можно было замѣтить, что при преподаваніи этого предмета обращается особенное вниманіе на тѣ вопросы, которые заключаютъ въ себѣ математическіе выводы.

Въ той же 9-й книжкѣ *Циркуляра по Одесскому учебному округу* напечатано извлеченіе изъ донесенія профессора Новороссійскаго университета *Ѳ. А. Струве*, присутствовавшаго, по распоряженію г. попечителя округа, на испытаніяхъ изъ древнихъ языковъ въ обѣихъ Одесскихъ гимназіяхъ, изъ коихъ греческій языкъ пока преподается только во второй. Результатами окончательныхъ испытаній изъ латинскаго языка, по отзыву г. Струве, въ обѣихъ гимназіяхъ можно быть болѣе довольнымъ, чѣмъ въ прошедшихъ годахъ: молодые люди свободнѣе переводили авторовъ и въ грамматическомъ разборѣ оказались

болѣе свѣдущими. А по поводу присутствія на испытаніяхъ изъ того же языка въ четвертомъ классѣ обѣихъ гимназій г. Струве выражаетъ надежду, что по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, уровень познаній по латинскому языку будетъ гораздо выше прежняго, и за тѣмъ присовокупляетъ, что этотъ уровень и теперь уже ближе къ желаемой цѣли. Въ заключеніе г. Струве свидѣтельствуетъ о вполнѣ удовлетворительномъ преподаваніи греческаго языка во 2-й Одесской гимназіи г. *Нищинскимъ*, который, какъ сказано въ отчетѣ, не только хорошо владѣетъ своимъ предметомъ, но и имѣетъ много педагогическаго такта, почему и воспитанники его оказали весьма удовлетворительные успѣхи. Основываясь на этомъ засвидѣтельствованіи, г. попечитель округа выразилъ г. Нищинскому искреннюю благодарность за его усердіе къ службѣ, доказанное успѣхами учениковъ.

Въ февральской книжкѣ нашего журнала (Соврем. лѣт. стр. 178) мы обратили вниманіе на рѣчь г. директора Кишиневской гимназіи *Яновскаго*, произнесенную имъ въ публичномъ актѣ гимназіи, 28-го августа 1866 года. Въ этой рѣчи г. Яновскій, указавъ на главные результаты дѣятельности гимназіи, просилъ содѣйствія общества и родителей обучающихся дѣтей стремленіямъ гимназіи развить въ нихъ тѣ качества, которыя только и могутъ обезпечить ихъ будущее благосостояніе и дать имъ право на званіе истинныхъ гражданъ Россіи. Рѣчь, произнесенная г. Яновскимъ въ текущемъ году на актѣ 27-го августа (*Цирк. Одесск. учебн. окр.*), служитъ какъ бы продолженіемъ рѣчи, произнесенной въ прошломъ году, потому что онъ доводитъ до свѣдѣнія присутствующихъ о томъ, на сколько по наблюденіямъ начальства гимназіи успѣли питомцы развить въ себѣ помянутыя качества, какъ велико было содѣйствіе общества въ дѣлѣ гимназическаго образованія, и въ заключеніе рѣчи онъ опять проситъ оказать помощь въ воспитательномъ отношеніи на будущее время.

Число учениковъ Кишиневской гимназіи, переведенныхъ въ высшіе классы въ текущемъ году, составляетъ почти 70°/о числа учащихся, между тѣмъ какъ въ прошломъ году число переведенныхъ учениковъ составляло лишь 66°/о. „Изъ этого видно, говоритъ г. Яновскій, что успѣхи нашихъ учениковъ были въ прошломъ году лучше, чѣмъ въ запрошломъ. Къ этому нужно прибавить и то, что изъ числа 23-хъ учениковъ, бывшихъ въ VII-мъ классѣ, 20 выпущены съ аттестатами объ успѣшномъ окончаніи курса наукъ и только 3 изъ нихъ не удостоены аттестатовъ. Изъ этого вы видите, что результаты по части учебной вышли у насъ болѣе удовлетворительные. Эти резуль-

таты показываютъ, что наши ученики достаточно трудились въ истекшемъ году, и что со стороны учителей и воспитателей было достаточно приложено заботливости объ улучшеніи успѣховъ учащихся". Перейдя за симъ къ нравственной сторонѣ учащихся, г. Яновскій свидѣтельствуетъ, что нравственность ихъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, была въ прошломъ учебномъ году удовлетворительна. „Въ числѣ различныхъ средствъ для достиженія нашей цѣли, сказалъ г. Яновскій, существуетъ одно самое главное, — это требованіе отъ дѣтей и юношей выполненія извѣстныхъ правилъ; въ этомъ требованіи заключалась воспитательная мѣра для развитія въ ученикахъ съ дѣтства чувства уваженія къ существующей законности; эту мѣру мы считаемъ слишкомъ важною для блага самихъ дѣтей въ будущемъ, для поддержанія порядка въ заведеніи и для успѣшнаго веденія дѣла воспитанія пятисотъ нашихъ воспитанниковъ". Кишиневское общество, по засвидѣтельствованію г. Яновскаго, съ большимъ участіемъ отнесилось къ трудному матеріальному положенію воспитанниковъ гимназіи. Въ пользу недостаточныхъ учениковъ устроены были обществомъ два музыкальные вечера и прочтена одна публичная лекція, по случаю столѣтняго юбилея Карамзина, которые доставили 1.348 руб. Изъ этихъ денегъ выдано въ пособіе ученикамъ 59 руб., окончившимъ курсъ 278 руб., выдано заимообразно ученикамъ 58 руб., построено платья и обуви 29-ти ученикамъ на 188 руб., уплачено за право ученія 58-хъ учениковъ 480 руб. Далѣе г. Яновскій упоминаетъ въ своей рѣчи о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ на гимназическую церковь, и о распредѣленіи суммъ, которыми располагаетъ Бессарабское дворянство, и которыя идутъ, по опредѣленію и ходатайству этого сословія, въ пользу оканчивающихъ курсъ въ гимназіи и поступающихъ въ университетъ. Затѣмъ г. директоръ обращается къ изложенію нравственнаго содѣйствія общества, которое особенно выразилось въ посѣщеніи гимназіи родителями и родственниками учащихся для полученія свѣдѣній объ успѣхахъ и поведеніи ихъ и для совѣщанія съ начальствомъ гимназіи о мѣрахъ къ улучшенію ихъ. Дабы доказать, какая именно среда имѣла наибольшее вліянія на успѣхи учащихся, г. Яновскій, по примѣру прошлаго года, раздѣляетъ всѣхъ бывшихъ въ концѣ учебнаго года учениковъ на три категоріи: а) на учениковъ-пансіонеровъ, б) на учениковъ, живущихъ у родителей и родственниковъ, и в) на учениковъ, живущихъ на частныхъ квартирахъ безъ родственнаго надзора, и потомъ представляетъ процентъ успѣвшихъ по каждой категоріи. Первое мѣсто по успѣхамъ занимаютъ пан-

сіонеры, и процентъ ихъ по успѣхамъ возвысился въ [illegible]
съ 68 на 82. Ученики, живущіе у родныхъ, по успѣхамъ [illegible]
первое мѣсто послѣ пансіонеровъ, и процентъ успѣховъ [illegible]
до 70-ти; между тѣмъ въ теченіе прошлыхъ 5 лѣтъ такіе учени[ки]
хуже не только пансіонеровъ, но и учениковъ, живущихъ [illegible]
ракъ безъ всякаго надзора. Послѣдніе ученики находятся [illegible]
почти на такой же степени, какъ и въ прошлые годы: [illegible]
процентъ успѣховъ этой категоріи былъ 67, а въ 1867 г.—[illegible]
„Изъ полученныхъ выводовъ, говоритъ г. Яновскій, обращает[ъ]
особенное вниманіе тотъ выводъ, который указываетъ на [illegible]
до сихъ поръ небывалое явленіе, а именно на бо́льшую [illegible]
родителей и родныхъ о своихъ дѣтяхъ, обучающихся въ [illegible]
Этимъ заключилась первая часть рѣчи; во второй части [illegible]
проситъ родителей, родственниковъ и попечителей наблюда[ть]
нымъ исполненіемъ учениками религіозныхъ обязанностей [illegible]
можно чаще посѣщать, въ назначенный день, гимназію, [illegible]
чтобы сообща изыскивать средства для уничтоженія пропус[ковъ]
и опаздыванія на уроки, ввести между учащимися [illegible]
личіе въ отношеніяхъ между собою и къ другимъ лицамъ [illegible]
улучшить успѣхи и нравственность учащихся; далѣе онъ [illegible]
пользу гимнастики и пѣнія, введенныхъ въ гимназіи въ качест[вѣ]
зательныхъ предметовъ, и приглашаетъ родителей и родст[венниковъ]
учащихся заохочивать дѣтей заниматься этими предметами; [illegible]
вниманіе на выборъ квартиръ и репетиторовъ для дѣтей, и [illegible]
въ заключеніе, касается предмета, который хотя и не [illegible]
теперешнихъ воспитанниковъ гимназіи, но который имѣетъ [illegible]
отношеніе къ дѣтямъ, подготовляющимся для поступленія [illegible]
зію. Г. Яновскій, по поводу открытой, по его совѣту, [illegible]
школы по методѣ Фребеля, разъясняетъ пользу устройства [illegible]
и предлагаетъ воспользоваться ею.

— Въ *Цирк. по Казанск. учебн. окр.* (№ 18) мы нашли [illegible]
изъ отчета г. помощника попечителя округа о переводны[хъ]
пускныхъ испытаніяхъ въ обѣихъ Казанскихъ гимназіяхъ [illegible]
По отзыву этого отчета, въ общемъ выводѣ о сихъ [illegible]
можно сказать, что при одинаковой удовлетворительности [illegible]
ніяхъ учащихся по закону Божію, математикѣ, исторіи и [illegible]
перевѣсъ въ развитіи собственно классическаго элемента, [illegible]
щагося въ остальныхъ предметахъ, находится на сторонѣ [illegible]
никовъ первой гимназіи. Исключеніе представляетъ [illegible]

французскій языкъ, преподаваніе котораго во 2-й гимназіи идетъ лучше. Вотъ что замѣчено въ отчетѣ относительно испытанія изъ закона Божія:

Пока учащіеся будутъ обязаны отвѣчать на окончательномъ экзаменѣ изъ всѣхъ четырехъ отдѣловъ преподаванія по закону Божію, ожидать законченныхъ и полныхъ отвѣтовъ изъ каждой части этого предмета будетъ невозможно, потому что какъ экзаменаторы, такъ и экзаменующіеся, справедливо опасаясь отъ передачи отвѣта въ его научной цѣльности и строгой послѣдовательности утомленія и даже невыполненія дѣла, невольно подчиняются вліянію торопливости и довольствуются изложеніемъ даннаго вопроса съ пропусками и скачками. Большая, разумѣется, разница для настроенія вниманія въ одинаковомъ размѣрѣ, быть приготовленнымъ къ выслушанію 16 и 20, или 64 и 80 отвѣтовъ. Къ тому же ни въ одной отрасли гимназическаго курса ученія не встрѣчается столько близкихъ и тѣсныхъ соприкосновеній между отдѣльными частями, какъ въ законѣ Божіемъ, а это весьма много способствуетъ возможности сосредоточенія въ одномъ вопросѣ какъ указаній на ученіе катихизиса, такъ и сообщеній изъ священной исторіи и ученія о богослуженіи.

Въ № 14 *Цирк. по Казанск. учебн. окр.* помѣщено окончаніе извлеченія изъ отчетовъ по ревизіи обѣихъ Казанскихъ гимназій, произведенной въ 1866 году, которое заключаетъ въ себѣ результаты, полученные ревизіонною коммиссіей на испытаніяхъ изъ всеобщей исторіи. Коммиссія, между прочимъ, пришла къ заключенію, что большинствомъ учениковъ не усвоена связь между отдѣльными эпохами, и историческія ихъ свѣдѣнія даже относительно отдѣльной извѣстной эпохи не всегда восходятъ на степень цѣльнаго представленія этой эпохи; коммиссіи случалось слышать такіе отвѣты, которые показываютъ знакомство отвѣчающаго съ подробностями вопроса, но которые въ то же время обнаруживаютъ сбивчивое пониманіе существенно важныхъ фактовъ въ томъ же вопросѣ. По мнѣнію коммиссіи, въ видахъ ослабленія этого недостатка, отъ котораго совершенно освободить гимназіи едва-ли возможно, было бы полезно принять слѣдующія мѣры: 1) *Отмѣнить учебникъ Шульгина*, такъ какъ эту книгу, хотя имѣющую несомнѣнныя достоинства, едва-ли можно признать вполнѣ пригоднымъ для гимназистовъ учебникомъ, потому что онъ слишкомъ обширенъ, и факты излагаются въ немъ по предвзятому и обыкновенно впереди фактическаго изложенія помѣщенному воззрѣнію. Изъ всѣхъ имѣющихся у насъ учебниковъ по всеобщей исторіи, по мнѣнію коммиссіи, учебникъ г. Иловайскаго наиболѣе имѣетъ право занять мѣсто учебной книги г. Шульгина. 2) *Установить генеральныя репетиціи.* Какъ скоро пройденъ извѣстный отдѣлъ, и преподаватель считаетъ

нужнымъ повторить его, то у учениковъ требовать отчета не по урокамъ только, но и за весь отдѣлъ, и отмѣтки, полученныя учениками по такимъ репетиціямъ, почитать за одно изъ главнѣйшихъ основаній для общей оцѣнки историческихъ знаній ученика при переводѣ его въ другой классъ.

— Въ августовской и сентябрьской книжкахъ нашего журнала напечатаны результаты испытаній учениковъ VII класса гимназій и постороннихъ молодыхъ людей, пожелавшихъ получить свидѣтельства о знаніи полнаго гимназическаго курса, которыя производились въ текущемъ году въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ (*Соврем. Лѣтоп.* стр. 206 и 333). Нынѣ мы получили нижеслѣдующія свѣдѣнія о результатѣ таковыхъ же испытаній въ гимназіяхъ Московскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ.

по Московскому учебному округу.

а) Относительно учениковъ гимназій.

ВЪ КАКОЙ ГИМНАЗІИ.	Число учениковъ VII класса.	Изъ того числа				Изъ числа удостоенныхъ аттестатовъ, награждены медалями.	
		Удостоены аттестатовъ.	Получили свидѣтельства.	Остались на второй годъ.	По доказанной болѣзни подвергались экзамену въ августѣ.	Золотыми.	Серебрян.
Московской 1-й.	18	15	—	3	—	1	5
» 2-й.	23	18	—	5	2	3	—
» 3-й.	30	23 [1]	1	6	—	3	3
» 4-й.	38	29	4	5	—	1	2
» 5-й.	24	21	—	3	—	5	2
Тверской.	17	16	—	1	—	2	1
Владимірской	17	5	7	5	—	—	—
Рязанской	18	8	7	3	—	—	1
Тульской.	14	13	—	1	—	1	3
Калужской	15	14	—	1	—	2	—
Ярославской	22	17 [2]	2	3	1	1	2
Костромской	16	15	—	1	—	—	1
Смоленской.	30	8	9	13	1	—	—
Всего	282	202	30	50	4	19	20

[1]) Въ числѣ 23-хъ, получившихъ аттестаты, 5 учениковъ окончили курсъ по реальному отдѣленію.

[2]) Въ числѣ 17-ти, получившихъ аттестаты, 6 учениковъ окончили курсъ по служебному отдѣленію.

б) Относительно постороннихъ молодыхъ людей.

ВЪ КАКОЙ ГИМНАЗІИ.	Изъ числа просившихъ о допущеніи къ экзамену назначено подвергнуться испытанію.	Дѣйствительно явились на экзаменъ.	Изъ числа явившихся: Получили удовлетворительныя свидѣтельства.	Прекратили экзаменъ прежде окончанія его. По болѣзни.	По неуспѣшности.
Московской 1-й	31	22	3	9	10
» 2-й	32	20	8	7	5
» 3-й	32	23	9 [1])	3	11
» 4-й	70	56	18	—	38
» 5-й	55	42	11	—	31
Тверской	5	4	1	—	3
Владимірской	5	5	4	—	1
Рязанской	3	2	2	—	—
Тульской	5	1	—	—	1
Калужской	1	1	—	—	1
Смоленской	3	3	1	—	2
Всего	242	179	57	19	103

Въ Ярославской и Костромской гимназіяхъ изъ постороннихъ молодыхъ людей никто не подвергался испытанію.

[1]) Изъ числа 9-ти, получившихъ свидѣтельства, 5 человѣкъ экзаменовались для поступленія въ Петровскую земледѣльческую и лѣсную академію

По Харьковскому учебному округу.

а) Относительно учениковъ гимназій.

Въ какой гимназіи.	Число учениковъ VII класса.	Изъ того числа.				Изъ числа удостоенныхъ аттестатовъ награждены медалями.	
		Удостоены аттестатовъ.	Получили свидѣтельства.	Осталось на второй годъ.	Не держали экзамена безъ достаточной причины и исключены безъ права повторить курсъ.	Золотыми.	Серебрян.
Харьковской 1-й	18	16	—	2	—	1	2
» 2-й	31	18	—	7	6	2	2
» 3-й	14	14	—	—	—	3	3
Курской	7	5	—	2	—	—	—
Орловской	15	9	1	5	—	1	—
Воронежской	21	11	6	4	—	2	—
Тамбовской	22	12	—	5	5	3	—
Новгородской	38	20	7	11	—	—	—
Всего	166	105	14	36	11	12	7

б) Относительно постороннихъ молодыхъ людей.

ВЪ КАКОЙ ГИМНАЗІИ.	Изъ числа просившихъ о допущеніи къ экзамену назначено подвергнуться испытанію.	Дѣйствительно явилось на экзаменъ.	Изъ числа явившихся получили свидѣтельства.	
			Удовлетворительныя.	Неудовлетвор., хотя продолжали экзаменъ до конца.
Харьковской 1-й	42	26	7	19
» 2-й	25	23	9	14
» 3-й	46	46	25	21
Орловской	5	5	1	4
Воронежской	2	2	1	1
Тамбовской	2	2	2	—
Новгородской	11	11	6	5
Всего	133	115	51	64

Въ Курской гимназіи изъ постороннихъ молодыхъ людей никто не подвергался испытанію.

Изъ помѣщенныхъ выше свѣдѣній оказывается слѣдующее: а) по Московскому учебному округу: изъ 282-хъ учениковъ VII класса гимназій 202 (или 71,6%) удостоены аттестатовъ, и изъ нихъ 39 награждены медалями, а изъ 179 постороннихъ молодыхъ людей, подвергавшихся испытанію въ знаніи полнаго гимназическаго курса, 57 (или 31,8%) получили удовлетворительныя свидѣтельства; б) по Харьковскому учебному округу: изъ 166 учениковъ VII класса гимназій 105 (или 63,2%) удостоены аттестатовъ, и изъ нихъ 19 награждены медалями, а изъ 115 постороннихъ молодыхъ людей удовлетворительныя свидѣтельства получили 51 (или 44,3%).

— Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, въ теченіе августа и сентября сего года, открыты двѣ гимназіи и три прогимназіи, а именно: 2-го августа — въ Варшавѣ двѣ смѣшанныя гимназіи, мужская и женская, преобразованныя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 6-го апрѣля сего года, первая изъ 4-й Варшавской мужской прогимназіи, а

вторая — изъ четырехклассной женской смѣшанной прогимназіи; 21-го августа — въ Ловичѣ, женская трехклассная прогимназія для польскаго населенія; 26-го августа — въ г. Сѣдльцѣ, русская греко-уніатская женская четырехклассная прогимназія, и 1-го сентября — въ г. Замостьѣ, русская мужская классическая прогимназія для греко-уніатскаго населенія.

НАЧАЛЬНЫЯ НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА.

Мѣры и предположенія земскихъ собраній Орловскаго, Козловскаго, Лебедянскаго, Тираспольскаго, Александрійскаго, Ставропольскаго, Бугурусланскаго, Слободскаго, Макарьевскаго и Ржевскаго. — Дѣятельность училищныхъ совѣтовъ Варнавинскаго, Угличскаго, Чистопольскаго и Саратовскаго. — Съѣзды народныхъ учителей въ Чистополѣ и Иркутскѣ. — Дѣятельность приходскихъ попечительствъ въ епархіяхъ Полтавской и Подольской. — Распоряженія Гродненскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. — Дѣйствія братствъ Кіевскаго Свято-Владимірскаго и Казанскаго святителя Гурія. — Указъ святѣйшаго синода на имя епископа Вологодскаго.

Орловское земство обратило вниманіе на дѣло народнаго образованія съ самаго начала открытія своихъ дѣйствій. Еще въ первый созывъ, губернское земское собраніе поручило своей управѣ представить докладъ о томъ, что̀ можно сдѣлать на первое время въ пользу народнаго образованія въ губерніи и съ этою цѣлію войдти въ подробное разсмотрѣніе настоящаго положенія грамотности у крестьянъ государственныхъ и бывшихъ удѣльныхъ. Исполняя это порученіе, губернская управа отнеслась въ іюлѣ прошлаго года въ уѣздныя земскія управы, въ палату государственныхъ имуществъ и въ удѣльную контору о доставленіи необходимыхъ свѣдѣній, и вмѣстѣ съ тѣмъ просила присовокупить свои соображенія по этому важному предмету. Результатомъ этихъ сношеній были нижеслѣдующія свѣдѣнія, напечатанныя въ №№ 69—70 *Всеобщей Газеты*. Представляемъ ихъ здѣсь въ извлеченіи.

По вѣдомству государственныхъ имуществъ на 222.620 ревизскихъ душъ имѣется 96 мужскихъ и 10 женскихъ школъ; въ нихъ учащихся мальчиковъ 6.312, дѣвочекъ 541, наставниковъ и наставницъ 132. Сборъ на этотъ предметъ съ государственныхъ крестьянъ, прекратившійся съ 1867 года, въ прошломъ 1866 году простирался до 10 коп. съ души, всего на сумму 21.336 руб. Кромѣ этихъ училищъ открыты при нѣкоторыхъ церквахъ мѣстнымъ духовенствомъ безмездныя школы, въ числѣ 50.

По удѣльному вѣдомству на 36.218 ревизскихъ душъ имѣется сельскихъ училищъ 10, въ нихъ учащихся мальчиковъ 881, наставниковъ 19; сверхъ того частныхъ и приходскихъ школъ 46; въ нихъ обучающихся 438 мальчиковъ и 360 дѣвочекъ. Средство содержанія этихъ школъ — общественный сборъ съ удѣльныхъ крестьянъ уравнительно по каждой волости, простирающійся до $17^1/_2$ коп., всего на сумму 6.238 руб. въ годъ; изъ этой суммы $^2/_5$ отчисляются на содержаніе десяти сельскихъ училищъ, а $^3/_5$ на вспомоществованіе приходскимъ и частнымъ школамъ.

По вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ школы содержатся на счетъ самихъ учащихся и только нѣкоторыя получаютъ незначительныя пожертвованія отъ частныхъ лицъ и обществъ.

Отношеніе числа учащихся къ количеству населенія представляется въ слѣдующемъ видѣ: по вѣдомству государственныхъ имуществъ — мужескаго пола какъ 1 къ 35, женскаго какъ 1 къ 411; обученіе каждаго учащагося стоило обществу въ годъ около $3^1/_4$ руб.; по удѣльному вѣдомству — мужескаго пола какъ 1 къ 46, женскаго какъ 1 къ 120; ученіе каждаго обходилось въ годъ болѣе $5^1/_2$ руб.; по вѣдомству крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, за неимѣніемъ данныхъ, ни число учащихся, ни отношеніе ихъ къ числу населенія, ни расходъ на содержаніе не опредѣлены.

Училища вѣдомства государственныхъ имуществъ снабжены въ достаточномъ количествѣ книгами и другими учебными пособіями: изъ нихъ 20 помѣщаются въ общественныхъ домахъ и 80 въ наемныхъ. На содержаніе каждаго училища ассигнуется 246 р. 50 к., а въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ не полагается помощниковъ учителю, 171 р. Училища и приходскія школы удѣльнаго вѣдомства имѣютъ достаточныя средства къ своему существованію. Школы крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, за самымъ малымъ исключеніемъ, не имѣютъ никакихъ учебныхъ пособій и находятся въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Преподавателями во всѣхъ вѣдомствахъ состоятъ преимущественно церковно-служители и находящіеся на кондиціяхъ семинаристы.

Въ отзывахъ, представленныхъ пока только нѣкоторыми земскими управами, высказаны слѣдующія мнѣнія: *Карачевская* управа сообщила, что за исключеніемъ пяти школъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ и одной частной школы, содержимой помѣщикомъ Кирѣевскимъ, всѣ остальныя находятся въ самомъ печальномъ положеніи, и вмѣсто пользы, приносятъ одинъ вредъ. Причину этого при-

скорбнаго явленія Карачевская управа видитъ въ отсутствіи надлежащаго контроля и въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и наставниковъ. Изъ числа 67 сельскихъ священниковъ, только трое приняли на себя безвозмездное обученіе и четверо съ жалованьемъ отъ 50 до 100 р., прочіе же требуютъ отъ крестьянъ бо́льшаго вознагражденія. Вслѣдствіе этого, Карачевская управа считаетъ необходимымъ для устройства училищъ составить капиталъ изъ общественнаго сбора или позаимствовать потребную для этого сумму изъ другихъ источниковъ земства, безъ чего народное образованіе не подвинется впередъ.

Ливенская управа нашла, что школы грамотности годъ отъ году болѣе закрываются, не отъ недостатка средствъ, а отъ недостатка учителей; для устраненія этого затрудненія, она считаетъ необходимымъ учредить на счетъ земства особую школу, въ которую бы поступали хорошо окончившіе ученіе въ волостныхъ училищахъ, съ тѣмъ чтобы по полученіи высшаго безвозмезднаго образованія въ земской школѣ, они обязывались прослужить извѣстный срокъ учителями въ общественныхъ школахъ, за опредѣленное жалованье.

По сообщенію *Сѣвской* управы, школы временно-обязанныхъ крестьянъ находятся въ крайне неудовлетворительномъ положеніи и по недостатку средствъ и по отсутствію надъ ними надлежащаго надзора, такъ какъ надзоръ безграмотныхъ волостныхъ начальниковъ не приноситъ никакой пользы. Школы въ удѣльныхъ имѣніяхъ находятся въ лучшемъ положеніи, но со времени выхода ихъ изъ удѣльнаго вѣдомства, онѣ все болѣе и болѣе упадаютъ въ своемъ благосостояніи. Школы же государственныхъ крестьянъ, не смотря на средства, которыми онѣ располагаютъ, ничѣмъ не отличаются отъ школъ другихъ вѣдомствъ, вслѣдствіе той же причины, то-есть, недостаточнаго надзора, а потому управа считаетъ необходимымъ установить за школами правильный надзоръ и оказать хоть незначительное пособіе существующимъ школамъ, дабы онѣ могли имѣть у себя такихъ преподавателей, которые бы сколько-нибудь удовлетворяли своему назначенію.

Кромская управа относитъ неудовлетворительность существующихъ нынѣ школъ къ дурной ихъ организаціи, и въ доказательство указываетъ на тотъ фактъ, что временно-обязанные крестьяне расходуютъ на свое образованіе вчетверо менѣе, чѣмъ государственные, а между тѣмъ незамѣтно, чтобы степень образованія крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, была пропорціонально ниже, чѣмъ у кре-

стьянъ государственныхъ. Эта непроизводительная затрата денегъ и была одною изъ главныхъ причинъ замѣчаемаго въ крестьянахъ равнодушія къ устройству школъ. Кромская управа указываетъ также на потребность устройства женскихъ школъ, существующихъ пока только у государственныхъ крестьянъ; здѣсь число учащихся дѣвочекъ по отношенію къ мальчикамъ выражается какъ 1 къ 28.

Наконецъ, *Трубчевская* управа высказала, что причина нежеланія крестьянъ отдавать дѣтей въ школы заключается въ ихъ бѣдности и семейныхъ дѣлежахъ, ставящихъ ихъ въ такое положеніе, въ которомъ родителямъ нельзя обойдтись безъ помощи дѣтей, а *Малоархангельская* заявляетъ о необходимости сдѣлать отдачу дѣтей въ школы обязательною для крестьянъ.

Орловской губернской земской управѣ было предъявлено извѣстное нашимъ читателямъ письмо оберъ-прокурора святѣйшаго синода къ предсѣдателямъ управъ, отъ 5-го марта 1866 года, объ оказаніи со стороны земства пособія церковно-приходскимъ школамъ, и приложенная при письмѣ книга „Начальныя народныя училища", въ которой изложены свѣдѣнія о состояніи церковно-приходскихъ школъ и представлены заявленія духовенства разныхъ епархій, въ томъ числѣ и Орловскаго, относительно средствъ улучшить и упрочить состояніе упомянутыхъ школъ.

Приступая къ составленію предположеній объ устройствѣ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губерніи, губернская земская управа нашла, что необходимо сдѣлать безотлагательное распоряженіе о сохраненіи существующихъ сельскихъ училищъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, такъ какъ общественный сборъ, на счетъ котораго училища эти содержались доселѣ, съ 1867 года долженъ былъ прекратиться; но вслѣдствіе нынѣшняго стѣсненнаго положенія всѣхъ классовъ земства, увеличеніе налоговъ на училища не смотря на всю экономію въ расходахъ, можетъ возбудить въ народѣ неудовольствіе и недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ. Управа нашла также, что причина плохаго состоянія вообще сельскихъ школъ заключается въ отсутствіи правильнаго надзора и руководства, а по вѣдомству крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, кромѣ того, въ недостаточности матеріальныхъ средствъ. Впрочемъ, первое обстоятельство устраняется открытіемъ училищныхъ совѣтовъ; что же касается матеріальныхъ средствъ, то представляется необходимымъ подчинить крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, одинаковымъ пожертвованіямъ съ крестьянами прочихъ вѣдомствъ. Управа

находитъ далѣе, что не численность школъ, а благоустройство ихъ поведетъ къ достиженію цѣли ихъ учрежденія; что содержаніе одного сельскаго училища, при постоянно возрастающихъ цѣнахъ на всѣ предметы первой потребности, обойдется нынѣ обществу не менѣе 280 рублей; что населеніе въ различныхъ волостяхъ распредѣлено неравномѣрно, колеблясь между 700 и 5.000 ревизскихъ душъ. Все это приводитъ къ необходимости соображать размѣръ училищъ и сборъ на содержаніе ихъ съ дѣйствительными потребностями и средствами. Что же касается ходатайства духовнаго начальства относительно обезпеченія содержанія открытыхъ священно-служителями Орловской епархіи 888 школъ, то не входя въ обсужденіе степени достовѣрности свѣдѣній, заключающихся въ книгѣ „Начальныя народныя училища", и не разсуждая ни о пользѣ, приносимой церковно-приходскими школами, ни о примѣнимости началъ, полагаемыхъ въ нихъ въ основаніе народнаго образованія, управа считаетъ нужнымъ заявить, что не смотря на благую цѣль духовенства, не представляется возможности обезпечить устройство и содержаніе приходскихъ школъ въ предполагаемыхъ духовенствомъ количествѣ и размѣрахъ, потому что для этого потребуется такой значительный сборъ съ прихожанъ, какой, при всей ихъ готовности, будетъ имъ не по силамъ. Еще менѣе возможно обратить въ общую земскую повинность потребный на содержаніе 888 школъ расходъ, который, по приблизительному разчету, долженъ простираться для Орловской губерніи свыше 100.000 рублей.

Желая, на основаніи приведенныхъ соображеній, придти къ правильнымъ заключеніямъ, Орловская губернская управа бросаетъ взглядъ на бытовыя условія крестьянъ. При разсмотрѣніи вопроса о распространеніи въ народѣ грамотности, разсуждаетъ она, упускаютъ изъ вида, что грамотность принесетъ тогда только существенную пользу въ крестьянскомъ быту, когда она будетъ успѣвать пропорціонально развитію ихъ вещественнаго благосостоянія, и что желаніе воспользоваться предлагаемыми средствами къ обученію дѣтей грамотѣ пробудится въ крестьянахъ не иначе, какъ вслѣдствіе убѣжденія въ дѣйствительной пользѣ грамотности для учащихся и ихъ семействъ; въ противномъ случаѣ, они не захотятъ жертвовать отвлеченной пользѣ существенною пользою, приносимою дѣтьми съ ранняго возраста ихъ быту. Букварная грамотность, преподаваемая въ безмездныхъ и вообще въ безконтрольныхъ деревенскихъ школахъ, нисколько не облегчаетъ земледѣльцу средствъ къ выходу изъ его суроваго образа жизни: она только охлаждаетъ въ дѣтяхъ привязанность къ домашнему хо-

3*

зяйству и пробуждаетъ въ нихъ наклонность къ праздной и разгульной жизни. Принудительныя мѣры въ отдачѣ крестьянскихъ дѣтей въ школы не будутъ соотвѣтствовать ни положенію крестьянъ, ни степени заботливости родителей о просвѣщеніи дѣтей. Одна часть крестьянъ, по мѣрѣ возрастанія благосостоянія, сознаетъ необходимость не только букварной грамотности, но и болѣе основательнаго изученія тѣхъ отраслей науки, которыя относятся къ предметамъ ихъ занятій и нуждъ; другая же часть, при крайней ограниченности средствъ, будетъ сосредоточивать все свое вниманіе на обезпеченіи семейныхъ нуждъ, не имѣя возможности довести дѣтей своихъ до той степени образованія, которая могла бы имѣть полезное практическое примѣненіе. Для первой категоріи крестьянъ нужно только содѣйствіе къ осуществленію ихъ желанія видѣть дѣтей грамотными, тогда какъ всѣ усилія къ распространенію грамотности между послѣднею категоріею крестьянъ останутся безплодными. Это неизбѣжно даже въ томъ случаѣ, если бы школы были учреждены въ каждомъ приходѣ, вслѣдствіе разбросанности приходскаго населенія на нѣсколько верстъ, при чемъ крестьяне не могутъ по бѣдности ни какъ слѣдуетъ одѣвать своихъ дѣтей въ холодное время, ни содержать ихъ на квартирахъ вблизи школъ. Управа обращаетъ также вниманіе на то обстоятельство, что если учрежденіе и содержаніе училищъ будетъ предоставлено собственному попеченію крестьянъ, то несомнѣнно, что при нынѣшнемъ понятіи крестьянъ о дѣлѣ грамотности, составившемся частію и вслѣдствіе неправильнаго пути, какимъ ведено было досселѣ народное образованіе, не только вновь не будетъ учреждено школъ, но и существующія школы, за небольшими исключеніями, закроются, и крестьяне будутъ лишены возможности имѣть въ своей средѣ людей грамотныхъ.

Выводя изъ вышеизложенныхъ соображеній предположеніе, что въ настоящее время только нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ и водворившихся въ селеніяхъ дворовыхъ людей желаютъ обучать дѣтей своихъ грамотѣ, управа думаетъ, что было бы достаточно учредить въ каждой волости съ населеніемъ свыше 2.000 душъ по два училища — одному мужскому и одному женскому, а въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ населеніе менѣе двухъ тысячъ, по одному мужскому училищу, съ тѣмъ чтобы содержаніе этихъ училищъ обезпечивалось мірскимъ сборомъ въ предѣлахъ каждой волости, какъ это уже введено по распоряженію высшаго управленія по удѣльному вѣдомству, при чемъ не воспрещать сельскимъ обществамъ, независимо отъ волостныхъ учи-

лицъ, на основаніи Положенія 19-го февраля, учреждать, съ разрѣшенія училищнаго совѣта, на свой счетъ особыя школы.

Основанія, на которыхъ, по мнѣнію губернской управы, предположенія эти могутъ быть приведены въ исполненіе, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Волостнымъ начальствамъ, каждому въ предѣлахъ его волости, вмѣнить въ обязанность немедленно предложить мірскимъ сходамъ — сдѣлать добровольный сборъ на устройство и содержаніе въ каждой волости по одному или по два училища, соотвѣтственно размѣрамъ населенія волости. 2) Опредѣленіе размѣра училищъ, количества сбора и способа его взиманія, а также избраніе попечителей для завѣдыванія хозяйственною частію по устройству и содержанію училищъ, согласно 11 и 12 ст. Положенія о народныхъ училищахъ, предоставить мірскимъ волостнымъ сходамъ, подъ руководствомъ мировыхъ посредниковъ. 3) Такъ какъ сосредоточеніе въ вѣдѣніи приходскаго духовенства, какъ преподаванія, такъ равно и матеріальнаго благосостоянія училищъ, требуемое нѣкоторыми епархіальными начальствами, представляетъ неудобство вслѣдствіе невозможности для священниковъ располагать даже и тѣмъ свободнымъ временемъ, которое остается отъ служебныхъ обязанностей, соединенныхъ съ ихъ саномъ, а причетники не всегда могутъ удовлетворять тѣмъ условіямъ, какія требуются отъ наставниковъ, въ тому же одностороннее направленіе понятій юношества (?) въ послѣдствіи можетъ неблагопріятно отразиться въ строѣ гражданской жизни, — то, примѣняясь къ ст. 15 и 16 Положенія о народныхъ училищахъ, возложить на приходскихъ священниковъ наблюденіе за религіозно-нравственнымъ образованіемъ и преподаваніе закона Божія, за извѣстное вознагражденіе; обученіе же прочимъ предметамъ предоставить лицамъ разныхъ званій, не исключая и духовнаго, если они получатъ на то разрѣшеніе отъ училищнаго совѣта. 4) Для пріобрѣтенія собственныхъ средствъ къ послѣдовательному развитію, волостныя сельскія училища должны мало по малу скоплять запасный капиталъ, на предметъ увеличенія даннаго имъ въ началѣ размѣра или на устройство при нихъ мастерскихъ школъ. Начальное основаніе училищнаго капитала можетъ быть положено сборомъ съ каждаго ученика по 2 руб. и съ каждой ученицы по 1 руб. въ годъ и опредѣленіемъ, исключительно на этотъ предметъ, штрафныхъ суммъ, взыскиваемыхъ съ виновныхъ по приговорамъ мировыхъ посредниковъ или волостныхъ начальствъ. 5) Избранныхъ отъ земства членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ про-

сить, чтобъ они, независимо отъ представленія отчета уѣздными совѣтами губернскому училищному совѣту, доставляли чрезъ каждые три мѣсяца въ губернскую управу свѣдѣнія о положеніи сельскихъ училищъ, дабы управа имѣла возможность заблаговременно принять мѣры къ устраненію неблагопріятныхъ обстоятельствъ посредствомъ ходатайства или вспомоществованія средствами, находящимися въ ея распоряженія. 6) Что же касается до способа приготовленія учителей для сельскихъ народныхъ училищъ, то этотъ вопросъ предложить на обсужденіе губернскаго училищнаго совѣта.

Изъ Тамбовской губерніи пишутъ въ газету *Голосъ* (№ 299), что *Козловское* земство рѣшило завести школы въ каждомъ селѣ. Корреспондентъ считаетъ это дѣло тѣмъ болѣе прочнымъ, что почипъ его вышелъ изъ среды крестьянъ, которые живо поддерживали его въ послѣднемъ собраніи. Рѣшено, что школы будутъ возможно чаще ревизоваться мировыми посредниками и гласными, съ цѣлью не дать заглохнуть дѣлу грамотности. За матеріальными средствами дѣло, по увѣренію корреспондента, не станетъ, потому что потребность въ грамотности и грамотникахъ хорошо понята и прочувствована народомъ. До сихъ поръ грамотность существовала тамъ только въ видѣ исключенія и монополіи, и вмѣсто пользы, приносила вредъ. Разные писаря, цѣловальники, конторщики въ большихъ помѣщичьихъ имѣньяхъ и проч. — тяжелое бремя для неграмотнаго народа.

Корреспондентъ газеты *Москва* (№ 168), сообщая о закрытіи въ *Лебедянскомъ* уѣздѣ (Тамбовской губерніи) 11 училищъ, содержимыхъ на особыя суммы министерства государственныхъ имуществъ, выдача которыхъ въ настоящее время прекратилась, упоминаетъ объ учрежденіи въ замѣнъ того трехъ училищъ, съ назначеніемъ отъ общества полнаго для нихъ содержанія. Школы эти явились вслѣдствіе мѣры, принятой очереднымъ земскимъ собраніемъ къ развитію народнаго образованія въ уѣздѣ въ 1866 году, посредствомъ особо приглашенныхъ попечителей. Мѣстный училищный совѣтъ, въ виду поступившихъ отъ нѣкоторыхъ старостъ и старшинъ заявленій о томъ, что крестьяне тогда только откроютъ училища, когда будетъ сдѣлано по этому предмету офиціальное распоряженіе, постановилъ: представить высшему правительству, не признаетъ ли оно возможнымъ и полезнымъ сдѣлать о томъ свое указаніе, съ тѣмъ чтобы обязательное назначеніе къ обученію мальчиковъ дѣлалось волостными и сельскими сходами изъ тѣхъ семей, отдѣленіе отъ которыхъ одного мальчика или двухъ не можетъ составить для домохозяина какой-либо по-

теріи, наблюденіе же за этимъ дѣломъ поручить мировымъ посредникамъ.

Въ *Тираспольскомъ* (Херсонской губерніи) земскомъ собраніи, въ засѣданіи 27-го прошлаго сентября, былъ читанъ докладъ особой коммиссіи по народнымъ школамъ, изъ котораго въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (№ 227) извлечены нижеслѣдующія данныя.

Въ 1865 году земское собраніе постановило: выдавать ежегодно училищному совѣту 1.200 р., изъ которыхъ онъ долженъ былъ поддерживать существованіе народныхъ школъ, оказывать пособія учителямъ, и проч. Но училищный совѣтъ нашелъ эти средства недостаточными и потому, не приступая къ исполненію задачи, указанной земскимъ собраніемъ, ограничился ежегодною тратою 200 р. на покупку книгъ и другихъ школьныхъ принадлежностей. Такимъ образомъ, составилась сумма въ 2.000 р., которая, если присоединить къ ней слѣдующіе на нынѣшній годъ 1.200 р., будетъ составлять 3.200 р.

Коммиссія, при обсужденіи мѣръ къ улучшенію народныхъ школъ и для образованія народныхъ учителей, выслушала нѣсколько мнѣній по этому вопросу. Между прочимъ, ею было разсмотрѣно мнѣніе гласнаго Базили объ устройствѣ въ Одессѣ школы при фермѣ общества сельскаго хозяйства, для образованія народныхъ учителей. Коммиссія, одобривъ въ принципѣ проектъ г. Базили, нашла его, однакожъ, неудобоисполнимымъ по недостатку денежныхъ средствъ. Съ своей стороны, Тираспольская земская управа предложила двѣ слѣдующія мѣры: вопервыхъ, обратиться къ епархіальному начальству, въ распоряженіи котораго находится достаточное число молодыхъ семинаристовъ, желающихъ занять должности народныхъ учителей, съ тѣмъ чтобы назначить имъ жалованье въ 250 р., изъ которыхъ 100 р. выдавались бы отъ земства, а остальные отъ сельскихъ обществъ; вовторыхъ, избрать нѣсколько мальчиковъ отъ сельскихъ обществъ и отдавать ихъ въ уѣздное училище, гдѣ они учились бы подъ надзоромъ училищнаго совѣта и управы, и затѣмъ посылать ихъ въ педагогическое отдѣленіе при Одесскомъ уѣздномъ училищѣ, съ выдачей ежегодной стипендіи по 100 р. По окончаніи ученья, воспитанники эти должны поступать на должность учителей народныхъ школъ съ жалованьемъ въ 150 рублей и съ обязательствомъ прослужить 4 года. При этомъ предполагалось ходатайствовать о дарованіи подобнымъ учителямъ нѣкоторыхъ льготъ, какъ-то: освобожденіе отъ подушной подати, отъ рекрутской повинности и т. п. Но ни то, ни другое предположеніе земской управы коммиссіею принято не было.

Между тѣмъ положеніе народныхъ школъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ весьма неудовлетворительно, что засвидѣтельствовано и гласными въ собраніи. Учители плохи, и все образованіе въ школахъ состоитъ въ томъ, что мальчики научаются кое-какъ читать и писать. Имѣя это въ виду, коммиссія постановила: назначенные земствомъ 1.200 руб. распредѣлить между всѣми существующими школами. Противъ такого постановленія коммиссіи возражалъ одинъ изъ членовъ ея, г. Жеребко. По его мнѣнію, назначенные коммиссіею 1.200 р. не принесутъ ожидаемой пользы, по недостаточности этихъ денегъ на существующія школы; поэтому лучше имѣть 10 хорошихъ школъ, нежели большое число плохихъ. Не смотря на это, земское собраніе приняло предложеніе коммиссіи по большинству голосовъ; вопросъ о народныхъ школахъ въ своихъ подробностяхъ не былъ, впрочемъ, рѣшенъ собраніемъ окончательно.

Въ томъ же засѣданіи собранія, заштатный городъ Дубосары заявилъ, что на собственныя средства онъ не можетъ учредить школу и проситъ пособія отъ земства.

Авторъ статьи, изъ которой мы заимствовали эти свѣдѣнія, упоминаетъ объ одномъ доходѣ земства, пользованіе которымъ уѣздное земское собраніе въ 1866 году предоставило народнымъ школамъ: это штрафъ по 3 р. въ сутки съ тѣхъ гласныхъ, которые не явятся въ собраніе, не представивъ на то уважительныхъ причинъ. Штрафовъ этихъ накопилось въ настоящее время 273 рублей.

Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности земскихъ собраній въ пользу народнаго образованія:

Александрійское земское собраніе (Херсон. губ.) назначило на этотъ предметъ 3.000 р.

Богодуховское (Харьков. г.) земство приняло въ свое завѣдываніе школы бывшихъ казенныхъ крестьянъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ управою въ 1866 г., какъ значится въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (см. *Всеобщ. Газ.* № 75), всего въ уѣздѣ было 28 школъ, съ 921 ученикомъ. Всего въ уѣздѣ числится 207 населенныхъ мѣстностей и изъ нихъ 182 не имѣютъ ни одной школы; слѣдовательно, одна школа приходится на 7 слишкомъ поселеній. Далѣе, оказывается, что изъ 660 лицъ духовнаго званія только 35 занимаются преподаваніемъ.

Ставропольское (Самарской губ.) земское собраніе ассигновало въ прошломъ году 10.000 р. на потребности народнаго образованія;

въ нынѣшнемъ же году, сообразивъ свои средства, ограничилось назначеніемъ на этотъ предметъ 3.000 рублей.

Бугурусланское (той же губерніи) земское собраніе, въ одномъ изъ засѣданій своихъ, происходившихъ въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ и описанныхъ въ *Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 20), по выслушаніи записки гласнаго, священника В. Умова, о назначеніи стипендіатовъ отъ земства при Самарской духовной семинаріи изъ воспитанниковъ этого заведенія, съ тѣмъ чтобъ они прослужили, по окончаніи курса наукъ, въ земскихъ школахъ столько лѣтъ, сколько содержались на средства земства въ семинаріи, постановило большинствомъ: имѣть 2-хъ стипендіатовъ отъ Бугурусланскаго земства въ семинаріи, съ отпускомъ на каждаго по 100 рублей. Въ томъ же собраніи, другой гласный, священникъ Д. Смѣльскій, заявилъ собранію, что открытыя уѣзднымъ духовенствомъ церковно-приходскія школы крайне нуждаются въ средствахъ помѣщенія, въ учебныхъ пособіяхъ и въ поощреніи наставниковъ, трудящихся въ сихъ школахъ безмездно, но съ успѣхомъ, чему доказательствомъ служитъ то, что нѣкоторые изъ нихъ, за усердіе къ дѣлу народнаго образованія, удостоены денежныхъ наградъ отъ губернскаго училищнаго совѣта, по ходатайству производившаго ревизію училищъ въ 1866 году предсѣдателя Бугурусланскаго училищнаго совѣта. Собраніе единогласно признало необходимымъ оказать пособіе означеннымъ школамъ, и въ видѣ опыта, назначило 1.000 р., предоставивъ училищному совѣту распредѣлить эту сумму по своему усмотрѣнію на церковно-приходскія школы въ уѣздѣ. Обѣ упомянутыя суммы внесены собраніемъ въ смѣту расходовъ на 1868 годъ.

Слободское (Вятской губ.) земство приняло на свой счетъ содержаніе 18-ти существующихъ уже приходскихъ училищъ, при чемъ оно измѣнило предположенія управы, увеличивъ расходъ на этотъ предметъ съ 4.779 р. до 5.139 р. Главная прибавка при этомъ состоитъ въ увеличеніи жалованья наставникамъ (съ 75 р. до 120 р. въ годъ).

Макарьевское (Костромской губ.) земское собраніе, опредѣливъ, по свидѣтельству корреспондента *Современнаго Листка* (№ 98), особую сумму на поддержаніе грамотности въ крестьянскомъ населеніи, возложило заботу по сему предмету, между прочимъ, на мѣстное духовенство, которому ввѣрило и самое дѣло обученія. Плата учителямъ опредѣлена отъ 3 до 5 рублей за каждаго хорошо обученнаго мальчика.

Корреспонденція *Современнаго Листка*, изъ которой мы взяли

приведенное свѣдѣніе, представляетъ, между прочимъ, любопытный образчикъ того, какъ иногда крестьяне наши смотрятъ на потребности своего образованія. Когда постановленіе земства было сообщено крестьянамъ села Мамонтова, то послѣ нѣсколькихъ проволочекъ, они собрались на мірской сходъ. „Откуда земство возьметъ денегъ на обученіе дѣтей грамотѣ?" спросили крестьяне. На это старшина объявилъ имъ, что деньги уже собираются съ нихъ въ числѣ прочихъ повинностей. „Ну, если деньги собираются, ничего нѣвидя, возразили крестьяне, то-есть, не знавши, будемъ ли мы еще согласны устроить у себя училище, то чтó же будетъ, если многіе пожелаютъ отдавать дѣтей своихъ на обученіе духовенству? Тогда и расходы на школы и подати съ насъ увеличатся, а вѣдь не всякій изъ насъ желаетъ обучать дѣтей своихъ грамотѣ. За чтó же всѣ-то мы должны будемъ окупать эти расходы? Кто хочетъ, да имѣетъ достатокъ, тотъ и безъ нашей помощи обучитъ дѣтей своихъ грамотѣ и денегъ на то не пожалѣетъ. А кому не нужно это обученіе, такъ тотъ и въ даровое училище не пошлетъ дѣтей". Такимъ образомъ, устройство училища въ селѣ Мамонтовѣ не состоялось, и постановленіе мірскаго схода въ этомъ смыслѣ было препровождено въ земскую управу.

Въ заключеніе настоящаго обозрѣнія дѣятельности земскихъ собраній въ пользу народнаго образованія, обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующее постановленіе *Ржевскаго* (Тверской губ.) земскаго собранія (*Русск. Инвалидъ* № 317): „Въ изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ Ржевскаго земства, собраніе это назначило выдать, въ началѣ будущаго академическаго года, 1.000 р. на пять стипендій по жребію мальчикамъ всѣхъ сословій, обучающимся въ народныхъ школахъ, содержимыхъ на земскій сборъ, и оказавшимъ способности въ наукахъ, для того чтобы дать имъ въ послѣдствіи времени средства окончить курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Стипендіи эти именовать Александровскими-земскими, въ память избавленія Государя Императора отъ опасности, грозившей отъ руки убійцы 25-го мая сего года въ Парижѣ, повергнувъ предварительно просьбу о семъ къ стопамъ Его Величества".

Отъ дѣятельности земскихъ собраній на пользу народнаго образованія перейдемъ къ обозрѣнію дѣйствій и отчетовъ училищныхъ совѣтовъ.

— Въ *Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 30) напечатанъ отчетъ г. Щепетильникова объ осмотрѣ народныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи *Варнавинскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта.

Изъ отчета этого оказывается, что вообще осмотрѣнныя училища находятся въ удовлетворительномъ положеніи. Нѣкоторые факты, относящіеся до этихъ училищъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе. Такъ, законоучитель школы, находящейся въ селѣ Лапшангѣ, священникъ Кротковъ, даетъ ей отъ себя готовое помѣщеніе, весьма удобное, не требуя за то никакого вознагражденія. Училище открыто лишь въ январѣ настоящаго года, а между тѣмъ, ко времени осмотра, происходившаго въ маѣ мѣсяцѣ, учащихся въ немъ было 46, что доказываетъ, по словамъ отчета, явную потребность грамотности и довѣріе къ училищу сельскаго общества.

Учитель Шудскаго училища, г. Соколовъ, занимается съ учениками по воскресеньямъ въ вакаціонное время. Въ отчетѣ выражено только сожалѣніе, что Шудское волостное правленіе мало сочувствуетъ интересамъ училища и остается равнодушнымъ къ заявленіямъ наставниковъ. Это равнодушіе, между прочимъ, было причиною, что училищный совѣтъ постановилъ закрыть существовавшую въ с. Шудѣ женскую школу, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы въ замѣнъ ея открыть такую же школу въ с. Благовѣщенскомъ, когда изысканы будутъ необходимыя для того средства.

Въ с. Черномъ, наставнику священнику Ламцову предложено было сообщать ученикамъ свѣдѣнія о столярномъ производствѣ, съ которымъ о. Ламцовъ знакомъ, и онъ изъявилъ на то согласіе.

Въ Тонкинскомъ училищѣ г. Щепетильниковъ встрѣтилъ, какъ онъ выражается, „единственнаго преподавателя, съ отличнымъ педагогическимъ тактомъ, съ полною любовью посвятившаго себя дѣтямъ и заслужившаго уваженіе въ сельскомъ обществѣ, которое замкнуто въ грубую оболочку раскола“. При испытаніи, въ училищѣ этомъ находилось 30 учениковъ.

Говоря въ заключеніе своего отчета объ удовлетворительномъ состояніи осмотрѣнныхъ училищъ, г. Щепетильниковъ прибавляетъ, что образовательное значеніе этихъ училищъ было бы гораздо болѣе, если бы волостныя правленія сочувствовали интересамъ училищъ и не встрѣчалось со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ противодѣйствій. Педагогическій уровень въ нихъ стоялъ бы также выше, если бы въ каждомъ училищѣ введены были однообразные учебники и потребное ихъ количество; разнообразіе и недостатокъ учебниковъ были препятствіями въ занятіяхъ, а слѣдовательно, задерживали, по отзывамъ наставниковъ, и успѣхи учащихся. Г. Щепетильниковъ обращаетъ на эти препятствія вниманіе училищнаго совѣта.

Въ одномъ изъ засѣданій того же совѣта былъ возбужденъ вопросъ о двухклассномъ ремесленномъ училищѣ, предполагаемомъ къ открытію въ с. Уренѣ на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Министерство предложило для открытія этого училища слѣдующія условія: сельская община должна пожертвовать изъ общественнаго надѣла потребное количество усадебной земли для помѣщенія училища, и принять на себя ежегодный расходъ на отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ училищнаго дома, а если возможно, то и постройку самаго дома. Начало этого дѣла, по порученію министерства, уже было положено мировымъ посредникомъ г. Поливановымъ: по его убѣжденію, сельское общество согласилось на покупку лѣснаго матеріала для производства работъ и на ежегодный расходъ по отопленію, освѣщенію и ремонту. Но переводъ г. Поливанова въ другой участокъ пріостановилъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла, и потому совѣтъ обратился къ г. предсѣдателю съ просьбою принять это дѣло въ собственное его завѣдываніе.

Училищный совѣтъ выражаетъ надежду, что образованіе значительнаго капитала, изъ котораго содержатся вновь открытыя въ Варнавинскомъ уѣздѣ училища и который составился изъ пожертвованій сельскихъ обществъ, по предположенію г. предсѣдателя, дастъ возможность въ скоромъ времени устроить въ с. Уренѣ училищный домъ, а затѣмъ открыть и самое училище.

Ярославскія Губернскія Вѣдомости (№№ 44 и 45) сообщаютъ отчетъ о первоначальныхъ училищахъ города Углича и Угличскаго уѣзда, состоящихъ въ вѣдѣніи Угличскаго училищнаго совѣта, съ 1-го августа 1866 года по 1-е августа 1867 года. Изъ этого отчета видно, что при нѣкоторыхъ отрадныхъ явленіяхъ въ ходѣ народнаго образованія въ упомянутой мѣстности, осталось еще не мало рутины; преподаваніе не вездѣ производится сообразно съ выработанными педагогикою пріемами; оттого и успѣхи учениковъ по мѣстамъ неудовлетворительны. Предсѣдатель училищнаго совѣта, осматривавшій училища, свидѣтельствуетъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ученики читаютъ по верхамъ и безъ пониманія прочитаннаго. Училища эти содержатся по преимуществу дьячками. Какъ исключеніе, г. предсѣдатель указываетъ на училище, содержимое дьячкомъ Тихомировымъ на собственный счетъ. Въ этомъ училищѣ состояло мальчиковъ 29, дѣвочекъ 6. Школа, при тѣсномъ помѣщеніи, находится въ хорошемъ порядкѣ и чистотѣ; успѣхи учащихся и нравственное развитіе удовлетворительны. Для большаго знакомства съ новѣйшими пріемами пре-

подаванія и для руководства, г. предсѣдатель счелъ полезнымъ выдать г-жѣ Тихомировой безмездно три книги „Роднаго Слова“ г. Ушинскаго и нѣкоторыя другія книги и учебныя пособія. Въ подобномъ же положеніи находится школа дѣвицы Ипполитовой въ г. *Угличѣ*. Г-жѣ Ипполитовой также даны средства познакомиться съ новѣйшими педагогическими методами.

Г. предсѣдатель съ особенною похвалой отзывается о народномъ училищѣ, открытомъ въ с. Заозерьѣ Угличскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ и содержащемся на счетъ земскихъ суммъ. Учащихся въ теченіе года въ немъ было 85 муж. пола и 28 жен., всего 113 человѣкъ. Училище находится въ отличной исправности и порядкѣ, преподаваніе происходитъ по новѣйшимъ методамъ, и успѣхи учениковъ „превосходятъ, какъ сказано въ отчетѣ, всѣ отрадныя ожиданія“. Такіе успѣхи, равно какъ веселый, бодрый видъ учащихся, при хорошей нравственности, г. предсѣдатель относитъ къ усиленнымъ трудамъ и отличному педагогическому такту законоучителя священника Симеона Рудинскаго и учителя Василія Марьинскаго. При училищѣ есть рукодѣльный классъ для дѣвочекъ; г. предсѣдатель выражаетъ желаніе, чтобы въ немъ было обращено особенное вниманіе на шитье и починку необходимо нужныхъ вещей въ домашнемъ быту.

Въ *Казанскомъ Справочномъ Листкѣ* (№№ 123 и 124) помѣщенъ отчетъ о дѣйствіяхъ Чистопольскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, со времени его открытія въ апрѣлѣ сего года по 1-е октября. Отчетъ сообщаетъ прежде всего нѣсколько статистическихъ данныхъ объ училищахъ, находившихся въ Чистопольскомъ уѣздѣ ко дню открытія училищнаго совѣта. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что штатныхъ приходскихъ училищъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ находилось 12 мужскихъ съ 454 учащимися и 1 женское съ 46 ученицами. Кромѣ того, было 8 школъ непостоянныхъ, не получавшихъ никакихъ средствъ на поддержаніе и не имѣвшихъ никакихъ учебныхъ пособій. Двѣ изъ этихъ школъ включены въ послѣдствіи земскимъ собраніемъ въ число штатныхъ.

Со времени открытія училищнаго совѣта, учреждено еще три школы, изъ которыхъ школа, находящаяся въ с. Шереметевкѣ, включена земскимъ собраніемъ, по мысли училищнаго совѣта, въ число штатныхъ училищъ, съ ассигнованіемъ необходимой на содержаніе и учебныя пособія суммы, по причинѣ многолюдности означеннаго села и потому что по сравнительной развитости обывателей, желающихъ учиться въ школѣ больше, чѣмъ въ прочихъ селахъ уѣзда.

Изъ осмотра нѣкоторыхъ училищъ, произведеннаго г. предсѣдателемъ училищнаго совѣта, видно, что не отъ всѣхъ училищъ можно было надѣяться успѣха. Въ трехъ изъ нихъ, находящихся въ селахъ Новотроицкомъ и Изгарахъ и отчасти въ училищѣ Волчьей слободы, дѣло преподаванія ведется правильно и послѣдовательно. За то въ прочихъ осмотрѣнныхъ училищахъ дѣло это идетъ малоуспѣшно, и дѣти придерживаются почти одного только механическаго ученія, безъ участія ума. Чтеніе хорошо идетъ только тамъ, гдѣ наставники занимались по звуковой методѣ, отдавая преимущество, при первоначальномъ обученіи чтенію, гражданской печати предъ славянскою, и вели дѣло осмысленнымъ способомъ, разказывая и объясняя прочитанное учениками. Въ тѣхъ училищахъ, гдѣ наставники держатся стариннаго способа обученія чтенію, съ азовъ, успѣхи оказались неудовлетворительными и развитіе учащихся слабо. Многіе наставники отозвались, что народъ любитъ больше читать церковно-славянскія книги и требуетъ, чтобы дѣти ихъ преимущественно обучались славянскому чтенію по псалтирю. Относительно этого предмета, г. предсѣдатель училищнаго совѣта заявилъ, что по его мнѣнію, такое желаніе крестьянъ похвально, но при первоначальномъ обученіи безполезно. Славянскій текстъ неудобопонятенъ для неразвитыхъ дѣтей; поэтому слѣдуетъ прежде учить дѣтей читать книги гражданской печати и преимущественно доступныя ихъ пониманію, а церковно-славянской грамотѣ обучать ихъ лишь тогда, когда мальчики достигнутъ извѣстной степени умственнаго развитія. Ариѳметика идетъ хуже другихъ предметовъ: дѣти вовсе незнакомы съ умственнымъ вычисленіемъ, будучи слабы и въ рѣшеніи задачъ на доскѣ. Письмо идетъ также неудовлетворительно; на письмо подъ диктовку не обращается никакого вниманія. Пѣнію обучаютъ только въ одномъ училищѣ, котораго наставникъ самъ знакомъ съ этимъ дѣломъ. Такую неудовлетворительность школъ предсѣдатель училищнаго совѣта относитъ къ тому, что наставники еще не привычны къ обученію дѣтей. Посѣщеніе школъ учениками неисправно, потому что большею частію крестьяне мало имъ сочувствуютъ, не сознавъ еще пользы грамотности.

Для того, чтобъ ознакомить наставниковъ съ дѣломъ обученія, г. предсѣдатель училищнаго совѣта пришелъ къ весьма удачной мысли устроить съѣздъ всѣхъ сельскихъ наставниковъ уѣзда въ г. Чистополѣ. Сюда же ко времени съѣзда онъ пригласилъ окружнаго инспектора г. Золотницкаго, котораго просилъ познакомить наставниковъ съ упрощеннымъ способомъ обученія. Съѣздъ дѣйствительно состоялся

25-го прошлаго ноября, и г. Золотницкій познакомилъ наставниковъ съ упрощенными пріемами при обученіи дѣтей чтенію, письму и счисленію, показавъ примѣры на нарѣзныхъ буквахъ, классной доскѣ и счетахъ. Пріемы показаны г. Золотницкимъ, по свидѣтельству г. предсѣдателя совѣта, такъ наглядно и понятно, что усвоить ихъ было нетрудно. Въ этотъ же съѣздъ розданы училищнымъ совѣтомъ учебныя пособія для всѣхъ школъ. „Такимъ образомъ, говоритъ г. предсѣдатель, наставники, познакомившись съ разумнымъ способомъ обученія дѣтей и съ запасомъ учебныхъ пособій, отправились по мѣстамъ съ твердою рѣшимостью повести въ школахъ дѣло новымъ порядкомъ, отъ котораго можно ожидать успѣховъ бóльшихъ, чѣмъ какіе были до сего времени. Это вмѣстѣ съ тѣмъ должно устранить и предубѣжденіе крестьянъ противу школъ". На пріѣздъ наставниковъ въ г. Чистополь земское собраніе выдало, по ходатайству училищнаго совѣта, 150 руб.

Чистопольское земское сообраніе вообще сочувствуетъ дѣлу народнаго образованія. Увеличивъ число школъ въ уѣздѣ и истрачивая на это дѣло до 3.495 руб., собраніе озабочивается также пополненіемъ недостатка въ наставникахъ. Съ этою цѣлью оно постановило выбрать 3 лучшихъ мальчиковъ изъ сельскихъ школъ на должности сельскихъ учителей, назначивъ на содержаніе каждаго изъ нихъ по 60 руб. въ годъ. Къ сожалѣнію, при осмотрѣ училищъ предсѣдателемъ, такихъ мальчиковъ пока не оказалось: не было ни желающихъ, ни достаточно подготовленныхъ. Поэтому предсѣдатель училищнаго совѣта нашелъ необходимымъ приготовлять требуемыхъ мальчиковъ на земскія средства прежде въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, и затѣмъ, если будетъ нужно, отправлять ихъ въ педагогическую школу. Земское собраніе изъявило согласіе на это мнѣніе предсѣдателя училищнаго совѣта, и училищный совѣтъ занятъ въ настоящее время пріискааіемъ изъ сельскихъ школъ мальчиковъ, которые по способностямъ и успѣхамъ могли бы оправдать избраніе.

Въ засѣданіи *Саратовскаго* губернскаго училищнаго совѣта, происходившемъ 27-го сентября, состоялось, какъ видно изъ *Саратовскаго Справочнаго Листка* (№ 230), между прочимъ, слѣдующее заслуживающее вниманія постановленіе: „Чтобы за выбытіемъ наставниковъ, въ сельскихъ школахъ не прекращалось вовсе ученіе, просить его преосвященство сдѣлать распоряженіе, дабы приходскіе священники, впредь до назначенія новаго наставника, непремѣнно занимали его должность, получая за это время опредѣленное въ томъ училищѣ жалованье".

Выше мы упоминали о съѣздѣ народныхъ учителей въ г. Чистополѣ, Казанской губерніи. Въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* мы находимъ свѣдѣніе, что въ іюлѣ мѣсяцѣ настоящаго года происходилъ также педагогическій съѣздъ народныхъ учителей въ Иркутскѣ. Задача этого съѣзда, впрочемъ, была обширнѣе, нежели та, съ которою былъ созванъ съѣздъ Чистопольскій. Зачинъ этого дѣла въ Иркутскѣ принадлежитъ директору училищъ Р. К. Мааку. На съѣздѣ присутствовали народные учители, созванные изъ ближайшихъ къ Иркутску мѣстъ. Здѣсь были 5 законоучителей городскихъ приходскихъ училищъ и 4 приходскихъ учителя тѣхъ же школъ, 16 учителей иногородныхъ школъ, въ томъ числѣ 5 прибывшихъ изъ Нижнеудинскаго округа, учители Иркутскаго уѣзднаго училища и 1 Нижнеудинскаго, инспекторъ, законоучитель и нѣкоторые учители гимназіи, 2 преподавателя прогимназіи и наконецъ 1 бывшій приходскій учитель. Къ участію въ своихъ трудахъ съѣздъ пригласилъ педагоговъ постороннихъ вѣдомствъ и лицъ, извѣстныхъ своею опытностію въ дѣлѣ народнаго образованія и сочувствіемъ къ нему; но изъ этихъ лицъ отозвались на призывъ лишь двое. Засѣданій или бесѣдъ съѣздъ имѣлъ 7, подвергнувъ въ теченіе ихъ тщательному разсмотрѣнію всѣ подробности устройства училищъ, начиная отъ самыхъ важныхъ (учебно-воспитательной части) и кончая формой класснаго журнала. Въ протоколахъ съѣзда, говоритъ редакція *Сибирскаго Вѣстника*, интересующіеся найдутъ и здравыя педагогическія мысли, и краснорѣчивыя статистическія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи нашихъ училищъ, и не менѣе краснорѣчивые факты о томъ, съ какими препятствіями приходится бороться нашимъ педагогамъ. Тѣмъ болѣе цѣнной должна быть ихъ скромная дѣятельность. Все выработанное съѣздомъ, на сколько это зависитъ отъ непосредственнаго распоряженія дирекціи училищъ, будетъ приложено къ дѣлу тотчасъ же. Такимъ образомъ, заключаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*, будущій съѣздъ, предположенный въ 1868 году, будетъ имѣть возможность провѣрить труды своего предшественника.

— Мы не разъ уже имѣли случай заявлять о благотворной дѣятельности приходскихъ попечительствъ на пользу народнаго образованія. Въ настоящее время мы имѣемъ только нѣсколько данныхъ по этому предмету.

Въ *Полтавской* епархіи, гдѣ дѣятельность приходскихъ попечительствъ особенно замѣтна, постоянно открываются новыя попечительства, постановляющія приговоры объ учрежденіи и поддержаніи

народныхъ училищъ. Газета *Москва* (№ 173), извлекая относительно этого предмета свѣдѣнія изъ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей*, приходитъ къ заключенію, что убѣжденіе въ необходимости приходскихъ школъ и въ необходимости обученія дѣтей, постепенно усвоивается сельскимъ людомъ: иначе крестьяне относились бы къ этому дѣлу болѣе равнодушно и не принимали бы на себя довольно значительныхъ денежныхъ взносовъ и издержекъ. Не ограничиваясь частными пожертвованіями, обязываясь употребить безплатно свой трудъ на постройку домовъ для помѣщенія училищъ, поставить нужные для постройки матеріалы, прихожане назначаютъ сверхъ того денежные сборы для поддержанія училищъ, для выдачи жалованья наставникамъ и для покупки учебныхъ пособій. Цифра этихъ сборовъ весьма разнообразна: онъ назначается въ 2 и 4 к., а въ двухъ попечительствахъ и по 15 коп. съ души въ годъ. Газета *Москва*, изъ этого установленія подушнаго сбора со всѣхъ прихожанъ, выводитъ заключеніе, что сами приходы признаютъ обязательность обученія дѣтей равною для всѣхъ, хотя изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ ею приговоровъ только въ одномъ (с. Брашнецъ, Лохвицкаго уѣзда) прямо высказано правило, что „каждый долженъ отдавать своихъ дѣтей въ училище". Здѣсь прихожане установили даже штрафъ въ 1 руб. съ тѣхъ крестьянъ, которые не будутъ посылать дѣтей въ школу. За то есть приговоръ (с. Хорошковъ, Лубенскаго уѣзда), въ которомъ установляется противоположное начало; въ приговорѣ этомъ сказано: „не принуждать никого къ непремѣнной отдачѣ дѣтей въ обученіе". Сверхъ подушнаго взноса, почти во всѣхъ училищахъ назначается отдѣльная плата съ каждаго ученика (отъ 50 коп. до 1 р. 50 коп. въ годъ), при чемъ оговаривается, что плата эта вносится за годъ впередъ, и что въ случаѣ, если ученикъ перестанетъ посѣщать школу, внесенныя деньги остаются въ пользу училища. Въ способѣ вознагражденія наставниковъ замѣтно разнообразіе: въ одномъ приходѣ (с. Жуково, Полтавскаго уѣзда) назначено наставнику 160 руб. въ годъ; въ другихъ предоставляется ему весь подушный сборъ; втретьихъ назначается ему опредѣленное жалованье и сверхъ того сборъ съ каждаго ученика. Ко всему этому, прихожане установили правильный контроль надъ лицами, которыхъ уполномочили къ сбору и расходованію денегъ, обязавъ ихъ, по окончаніи года, отдавать приходу отчетъ въ употребленіи суммъ.

Въ *Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№№ 14—19) печатается рядъ статей, въ полномъ очеркѣ представляющихъ дѣятель-

ность приходскихъ попечительствъ въ Подольской епархіи. И здѣсь дѣятельность ихъ на пользу народнаго образованія выразилась въ разнообразныхъ фактахъ, которые однако же всѣ сводятся къ единодушному стремленію прихожанъ помочь развитію народной грамотности всѣми возможными для нихъ способами. Мы не будемъ входить въ подробное описаніе этой дѣятельности, предоставляя желающимъ ознакомиться съ нею самимъ прочесть любопытныя статьи протоіерея И. Троицкаго; но считаемъ полезнымъ указать на нѣкоторые наиболѣе замѣчательные факты.

Въ Летичевскомъ уѣздѣ, всѣ учрежденныя въ благочиніи священника Слободинскаго попечительства приговорили отдать собираемые съ шинковъ доходы въ полномъ количествѣ на устройство народныхъ школъ; въ нѣкоторыхъ же другихъ мѣстностяхъ отдѣляется на тотъ же предметъ часть питейнаго дохода. Въ вѣдѣніи благочиннаго Базалисскаго (Ямпольскаго уѣзда) выписываются для школы народные журналы *Мірской Вѣстникъ*, *Народная Бесѣда* и *Другъ Народа*. Сербянское приходское попечительство (въ Балтскомъ уѣздѣ), желая избавить церковный причтъ отъ труда самому собирать почти ежедневно крестьянскихъ дѣтей въ школу, опредѣлило: возложить на одного изъ своихъ членовъ — почетнаго крестьянина обязанность ежедневно и неопустительно, утромъ и вечеромъ, посѣщать сельскую школу, повѣрять учениковъ и ученицъ по списку и затѣмъ чрезъ мѣстныхъ сельскихъ урядниковъ настоятельно побуждать родителей къ своевременной высылкѣ дѣтей въ школы. Нѣкоторымъ изъ такихъ довѣренныхъ лицъ попечительство выдало за труды извѣстную сумму денегъ. Мѣру эту протоіерей Троицкій считаетъ разумною и рекомендуетъ другимъ попечительствамъ воспользоваться ею вмѣсто того, чтобы вести безполезную, обременительную и часто не имѣющую никакихъ послѣдствій переписку съ волостными правленіями о томъ, чтобъ они побуждали мальчиковъ и дѣвочекъ неопустительно посѣщать классы, и родителей — не отвлекать ихъ дѣтей подъ разными неосновательными предлогами отъ школьныхъ занятій. Молокишинское приходское попечительство постановило платить по 10 руб. за труды по обученію грамотѣ не только дьячку и пономарю, обучающимъ въ мѣстной школѣ, но и одному изъ лучшихъ учениковъ той же школы, на столько развитому и оказавшему успѣхи, чтобъ онъ былъ въ состояніи обучать своихъ товарищей. Въ благочиніи священника Курчинскаго (Ямпольскаго уѣзда) попечительства наняли особыхъ учителей для школъ, а гдѣ нельзя было найдти благонадежныхъ людей

для обученія дѣтей грамотѣ, вошли въ сношенія съ причетниками, давая имъ за обученіе извѣстную плату. Это послѣднее обстоятельство замѣчательно, по словамъ протоіерея Троицкаго, въ томъ отношеніи, что многіе изъ крестьянъ доселѣ держатся мысли, что духовенство обязано безмездно обучать дѣтей грамотѣ и что вообще ему не слѣдуетъ давать за это вознагражденія, такъ какъ въ обученіи дѣтей оно имѣетъ будто бы какіе-то виды: „иначе, разсуждаютъ крестьяне, оно не побуждало бы ни родителей посылать дѣтей въ школы, ни дѣтей обучаться грамотѣ". Нѣкоторыя попечительства дѣлаютъ особую прибавку къ жалованью учителя, съ тѣмъ чтобъ онъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ читалъ имъ житіе святаго или другую какую-либо духовнаго содержанія книгу. Ярмолинецкое попечительство (въ Проскуровскомъ уѣздѣ), въ поощреніе успѣховъ учащихся, пріобрѣло на 10 руб. книгъ, которыя поручило раздать лучшимъ ученикамъ на публичномъ экзаменѣ въ присутствіи ихъ родителей и родственниковъ. Въ благочиніи священника Соханѣвича (Ушицкаго уѣзда) исключительная дѣятельность попечительствъ была сосредоточена на благолѣпіи церквей и на улучшеніи быта священнослужителей, и въ нихъ какъ будто не замѣтно заботы объ образованіи дѣтей. Протоіерей Троицкій объясняетъ это обстоятельство крайнею бѣдностію Ушицкаго уѣзда и прибавляетъ, что мѣстные священники, въ благодарность прихожанамъ за участіе и содѣйствіе послѣднихъ къ улучшенію ихъ быта и до тѣхъ поръ, пока увеличатся средства попечительствъ, принимаютъ исключительно на себя заботу о сельскомъ образованіи, не доводя прихожанъ до излишнихъ расходовъ. Такимъ образомъ, они даютъ помѣщенія подъ училища, нанимаютъ учителей, выписываютъ и раздаютъ на свой счетъ учебныя пособія, какъ-то: книги, бумагу и т. п.

Двое изъ благочинныхъ замѣчаютъ, что въ нѣкоторыхъ приходахъ попечительства дѣйствуютъ слабо, и что они могли бы приносить гораздо болѣе пользы, если бы лица, руководящія ими, имѣли болѣе усердія и умѣнья повести дѣло какъ слѣдуетъ. „Тамъ только хорошо и дѣйствуютъ попечительства, говоритъ о. Соханѣвичъ, гдѣ предсѣдателями священники; гдѣ же предсѣдательствуютъ крестьяне, тамъ попечительства оказываютъ слабость и несостоятельность". Не смотря, однакожъ, на это, необходимость грамотности болѣе и болѣе сознается, по словамъ протоіерея Троицкаго, крестьянами, и они приходятъ къ убѣжденію, что и пожертвованіе въ пользу существующей въ ихъ приходѣ школы есть также дѣло святое и богоугодное.

Превращеніе общественнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ на содержаніе училищъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ и переданныхъ нынѣ въ завѣдываніе земства, поставило въ затруднительное положеніе эти училища, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ мы сообщали о томъ въ предыдущихъ обозрѣніяхъ, должны были закрыться. Читателямъ нашимъ извѣстно (см. въ сентябрьской книжкѣ Совр. лѣт. стр. 245), что правительство озабочивается новымъ положеніемъ, въ которое нынѣ поставлены школы вѣдомства государственныхъ имуществъ. Слѣдствіемъ этого была, между прочимъ, разсылка изъ министерства внутреннихъ дѣлъ особаго циркулярнаго предложенія на имя начальниковъ губерній—объ изысканіи способовъ къ поддержанію существующихъ нынѣ училищъ и школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. Между прочимъ такое предложеніе было предъявлено, по словамъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 317), Гродненскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. По собраннымъ присутствіемъ свѣдѣніямъ оказалось, что всѣхъ народныхъ училищъ въ Гродненской губерніи 354; изъ нихъ содержится на суммы дирекціи 153, на счетъ вѣдомства государственныхъ имуществъ 59 и на счетъ самихъ крестьянъ 142. Губернское присутствіе, обсудивъ предложенный на разсмотрѣніе его вопросъ, сдѣлало слѣдующее постановленіе: 1) Назначить со всего крестьянскаго населенія ежегодный сборъ по 9 коп. съ ревизской души, предоставивъ раскладку его волостному сходу. 2) Сообразно количеству сбора, получаемаго съ каждой волости, измѣнить и размѣръ содержанія, отпускаемаго изъ суммъ дирекціи народныхъ училищъ, что должно быть предоставлено ея ближайшему усмотрѣнію; при этомъ принимать за правило, чтобы въ каждой волости было по крайней мѣрѣ одно училище, обезпеченное полнымъ содержаніемъ. 3) Впредь до взноса сбора, предоставить волостямъ покрывать расходы по содержанію училищъ въ назначенномъ размѣрѣ, изъ свободныхъ суммъ производившагося подесятиннаго сбора. 4) На училища, содержавшіяся до настоящаго времени на счетъ крестьянъ и не вошедшія по настоящему предположенію въ число штатныхъ, предоставить дирекціи выдавать, изъ суммъ подушнаго сбора, на содержаніе наставникамъ сумму, не свыше 70 руб. на каждое. 5) Остающіяся за означеннымъ распредѣленіемъ свободныя суммы и вообще могущіе оказаться остатки предоставить въ распоряженіе дирекціи на непредвидимые расходы по училищамъ; при чемъ, однако, принимать за правило, чтобы всѣ суммы подушнаго

сбора расходовались не иначе, какъ на потребности училищъ той волости, съ которой этотъ сборъ поступилъ.

— Сообщаемъ нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности *братствъ* въ пользу народнаго образованія.

Въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* (№ 128) напечатанъ отчетъ *Кіевскаго Свято-Владимірскаго братства* за третій годъ его существованія, съ августа 1866 по іюль 1867 года. Изъ отчета видно, что совѣтъ братства обращалъ особенное вниманіе на народное образованіе, хотя по ограниченности своихъ средствъ и въ незначительныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ отдѣлено было изъ суммъ братства на поддержаніе церковно-приходскихъ школъ или на пособіе имъ книгами, равно какъ на поддержаніе открытой при Кіевской духовной семинаріи воскресной школы, болѣе 500 руб.; воспитывалось на суммы братства 6 учащихся, въ томъ числѣ 2 крестьянскихъ мальчика, и выдано денежное пособіе отъ братства нѣсколькимъ лицамъ, занимавшимся безвозмездно въ церковно-приходскихъ школахъ. Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи обращено было совѣтомъ братства на дьячка Нестеровскаго, который своимъ усердіемъ привлекъ въ школу, въ собственной квартирѣ, не только дѣтей (35 муж. и 3 жен. пола), но и 12 человѣкъ взрослыхъ, отцовъ семействъ, и сверхъ того устроившаго изъ крестьянскихъ мальчиковъ отличный хоръ пѣвчихъ. Ему выдано изъ суммъ братства 20 руб.

Очертивъ свою дѣятельность, совѣтъ братства заявляетъ, что кромѣ ограниченности средствъ, онъ встрѣчалъ важное затрудненіе къ развитію этой дѣятельности въ томъ, что не всегда имѣлъ возможность приводить въ исполненіе свои заявленія по вопросамъ, составляющимъ задачу его дѣятельности. Для устраненія этого препятствія, попечитель братства, высокопреосвященный митрополитъ Арсеній, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Свято-Владимірское братство имѣло наблюденіе за дѣйствіями всѣхъ состоящихъ въ Кіевской епархіи попечительствъ, какъ находящихся въ непосредственной связи съ Кіево-Владимірскимъ братствомъ по предметамъ и цѣли, и чтобы попечительства о своихъ дѣйствіяхъ доносили братству неопустительно и всѣ законныя требованія его исполняли безпрекословно и безъ замедленія. Вслѣдствіе этого, совѣтъ братства постановилъ вступить въ сношенія съ церковно-приходскими попечительствами, между прочимъ, касательно состоянія церковно-приходскихъ школъ.

Въ засѣданіи того же братства, происходившемъ 14-го сентября, сообщено было свѣдѣніе о женской церковно-приходской школѣ гра-

мотности, существующей въ такъ-называемомъ Новомъ Строеніи
Кіевѣ. Школа эта состоитъ изъ двухъ классовъ; въ ней обучаются закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ, географіи и
ской исторіи. Число учениц не менѣе 170-ти.

Православное Мстерское братство, открытое, по словамъ отчета братства, помѣщеннаго во *Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдом.* (№ 43), въ видахъ противодѣйствія господствующему въ Мстерѣ (Владимірской губ.) расколу разныхъ толковъ: поповцевъ, нѣтовцевъ и австрійскаго посвященія, желая дать единое православное направленіе, прежде всего обратило вниманіе на воспитаніе дѣтей въ духѣ православія, въ мѣстномъ приходскомъ училищѣ, но встрѣтило препятствіе со стороны партіи раскольниковъ и вслѣдствіе того стало пріискивать средства къ открытію собственныхъ училищъ. Намѣреніе братства вскорѣ исполнилось, и оно въ прошломъ году открыло два училища—женское и мужское. Въ училищахъ состояло учащихся: въ женскомъ 59 дѣвочекъ, въ томъ числѣ православныхъ 43, единовѣрческихъ 9, перекрещенскаго толка 5, ...скаго 2; въ мужскомъ 54 мальчика, изъ нихъ 46 православныхъ, ... единовѣрца, 6 перекрещенскаго толка, всего 115. Дѣти — большею частію бѣдныхъ родителей не изъ одной слободы Мстеры, но и изъ окрестныхъ селъ и деревень.

Предметы преподаванія тѣ же, какъ и вообще въ народныхъ училищахъ; но въ способѣ преподаванія есть нѣкоторыя особенности, заслуживающія упоминанія. Для дѣтей старообрядцевъ и единовѣрческихъ допущено обученіе по ихъ любимымъ азбукамъ и книгамъ, изданнымъ при патріархахъ Филаретѣ и Іосифѣ. По необходимости соблюдаются до времени, по желанію старообрядцевъ, слѣдующія условія: не касаться ихъ любимаго двуперстія, не принуждать вмѣстѣ съ православными ходить въ церковь и вообще быть при церковныхъ службахъ. И замѣтно, что дѣти строго держатся преданій своихъ отцовъ, матерей, дѣдовъ и бабушекъ. Впрочемъ, какъ не держаться?—замѣчаетъ составитель отчета: при малѣйшемъ отступленіи бьютъ ихъ безпощадно. По предмету чистописанія, ученики списывали съ прописей, составленныхъ учителемъ г. Успенскимъ. Относительно, какъ сказано въ отчетѣ, къ мѣстности, противъ раскольническихъ мнѣній, суевѣрій и замѣченныхъ нравственныхъ недостатковъ въ дѣтяхъ, съ цѣлію вредное уничтожить, доброе вводить, развить и дать указаніе въ послѣдствіи осуществить въ жизни. Далѣе излагается въ отчетѣ то, какимъ способомъ учитель ...

достигнуть упомянутыхъ цѣлей чрезъ преподаваніе чистописанія. „Всѣхъ прописей 32, говоритъ авторъ отчета: дѣвочки и мальчики должны мѣняться ими, по неоднократномъ списываніи и заучиваніи на память, — мѣняться со спросу и по указанію наставника, такимъ образомъ если замѣтится въ мальчикахъ или дѣвочкахъ, внушенный отъ старухъ и стариковъ раскольниковъ, неодобрительный отзывъ о церкви Христовой и ея св. таинствахъ,—противъ сего дается пропись, по содержанію направленная въ защиту церкви Христовой и ея св. таинствъ; если замѣтится въ дитяти склонность къ нарядамъ, надменности и т. д., дается противъ нея равносильное врачевство тоже въ прописи“. Нельзя не замѣтить, что едва-ли не въ первый разъ встрѣчается въ учебномъ заведеніи такой оригинальный способъ преподаванія чистописанія, возведеннаго на степень врачества противъ духовныхъ недуговъ и средства въ защитѣ церкви и ея установленій!

По классу рукодѣлій дѣвочки занимаются шитьемъ, вязаньемъ и вышиваніемъ полотенцевъ, салфетокъ и т. п.

Средства къ содержанію училищъ и учащихся состоятъ въ частныхъ пожертвованіяхъ, во главѣ которыхъ стоятъ пожертвованія отъ Государыни Императрицы. Братство не только учитъ безвозмездно, но доставляетъ даромъ всѣ нужныя пособія для обученія. Срокъ обученія полагается въ два года и шесть мѣсяцевъ. Лучшимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ выдаются, по окончаніи ученія, одобрительныя свидѣтельства за подписью и печатью братства. При училищахъ существуетъ, между прочимъ, журналъ о поведеніи. При женскомъ училищѣ заведена стараніемъ учителя г. Успенскаго библіотека.

Постоянное наблюденіе за обученіемъ въ обоихъ училищахъ имѣютъ попечитель и члены братства, равно какъ и родители обучающихся дѣтей. „Въ училища заходятъ и глаголемые старообрядцы, сказано въ отчетѣ, полюбоваться учащимися, послушать, что имъ толкуется, коихъ (родителей) наставникъ всегда принимаетъ съ радушіемъ, примѣтно уходятъ всегда съ доброю улыбкою на лицѣ и хорошимъ пожеланіемъ на языкѣ, а тамъ, смотришь, приводятъ своихъ дѣтей“.

Вновь учрежденное въ Казани *братство Святителя Гурія* съ перваго же своего собранія, бывшаго 11-го октября, обратило вниманіе на дѣло народнаго образованія въ тамошнемъ краѣ. Въ *Казанскомъ Справочномъ Листкѣ* (№ 125) извѣщаютъ, что разсмотрѣвъ прошеніе учителя изъ Татаръ Василія Тимофѣева, въ которомъ онъ просилъ совѣтъ братства оказать пособіе сиротамъ, а также дѣтямъ недостаточныхъ родителей, мальчикамъ и дѣвочкамъ изъ крещенныхъ

Татаръ въ его Казанской школѣ, совѣтъ братства положилъ назначить къ выдачѣ Тимофѣеву 500 руб., обѣщаясь и впредь поддерживать по мѣрѣ своихъ средствъ школу крещеныхъ дѣтей изъ Татаръ.

Въ прошеніи сказано, между прочимъ, что многіе мальчики желаютъ поступить въ Казанскую школу для обученія; равнымъ образомъ и въ отношеніи дѣвочекъ, крещеные Татары не прочь обучать своихъ дочерей грамотѣ,—только они православно-грамотное образованіе дѣвицъ не считаютъ на столько важнымъ и полезнымъ, чтобы расходоваться на содержаніе всѣхъ своихъ дочерей въ школѣ.

Въ томъ же засѣданіи, членъ братства Н. И. Золотницкій заявилъ совѣту братства о необходимости открыть горно-черемисскую школу въ с. Петнурахъ, Козмодемьянскаго уѣзда, и указалъ въ то же время на одного грамотнаго Черемиса, который, при расположеніи, очень способенъ быть учителемъ въ школѣ черемисской, и притомъ желаетъ быть среди Черемисъ некрещенныхъ, чтобы произвести опытъ обращенія ихъ въ христіанство. Совѣтъ единогласно опредѣлилъ выдавать отъ себя ежемѣсячно по 10 руб.

Въ заключеніе настоящаго нашего обозрѣнія, мы считаемъ нужнымъ упомянуть о напечатанномъ въ *Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 21) указѣ святѣйшаго синода на имя преосвященнаго Павла, епископа Вологодскаго, отъ 4-го прошедшаго октября. Въ указѣ этомъ объяснено, что исправляющій должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода представлялъ на Высочайшее воззрѣніе вѣдомость о церковно-приходскихъ школахъ за вторую половину 1866 г. и при семъ всеподданнѣйше доложилъ, что въ теченіе этого времени, сравнительно съ предшествовавшимъ, по нѣкоторымъ епархіямъ произошло значительное сокращеніе школъ и учащихся въ нихъ, такъ что общее по тѣмъ епархіямъ число уменьшилось на 1.804 школы, а цифра учащихся на 20.018 мальчиковъ и 3.164 дѣвочки. Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ по сему предмету докладѣ, въ 17-й день августа, собственноручно изволилъ написать: „*Результатъ не весьма утѣшительный!*“ Изъ вѣдомости, приложенной ко всеподданнѣйшему докладу, между прочимъ, видно, что за вторую половину 1866 г., сравнительно съ предшествовавшею половиною, по Вологодской епархіи уменьшилось: школъ на 238, и учащихся на 3.733 человѣка. Святѣйшій синодъ, сообщая объ означенной Высочайшей резолюціи касательно церковно-приходскихъ школъ преосвященному епископу Вологодскому, предписалъ, чтобы его преосвященствомъ обращено было особенное архипастырское вниманіе на этотъ пред-

меть и приняты были зависящія съ его стороны мѣры къ преуспѣянію церковно-приходскихъ школъ въ Вологодской епархіи.

По поводу этого указа святѣйшаго синода состоялась слѣдующая резолюція преосвященнаго Павла: „Сущность сего указа напечатать въ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* съ объявленіемъ мѣстнымъ причтамъ, гдѣ есть школы, но уменьшилось количество учащихся, и особенно тѣмъ, у коихъ не открыта доселѣ школа и не откроется къ 1-му января слѣдующаго 1868 года, что старшіе въ тѣхъ причтахъ, то-есть, священники, изъ лучшихъ приходовъ непремѣнно будутъ переводимы въ худшимъ и бѣднѣйшимъ приходамъ, а состоящіе при бѣдныхъ приходахъ со временемъ и совсѣмъ будутъ оставляемы за штатомъ“.

ПРЕНІЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПАЛАТѢ ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА НОВАГО ЗАКОНА О НАЧАЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ.

Во второй половинѣ февраля нынѣшнаго года (съ 1-го по 11-е марта нов. ст.), во французской законодательной палатѣ происходили пренія по поводу представленнаго правительствомъ проекта новаго закона о мѣрахъ къ усиленію элементарнаго обученія [1]).

Пренія эти весьма замѣчательны, въ особенности по единодушному одобренію, съ какимъ основная мысль проекта встрѣчена была въ палатѣ. Между ея членами, принадлежащими къ различнымъ партіямъ, не нашлось никого, кто не признавалъ бы важности, пользы и своевременности проектируемаго закона. Напротивъ, всѣ наперерывъ старались выказать свое живѣйшее сочувствіе и свое искреннѣйшее доброжелательство къ предположеніямъ правительства, цѣль которыхъ: возможное распространеніе въ народной массѣ элементарнаго образованія, улучшеніе матеріальнаго быта начальныхъ учителей и учительницъ и возвышеніе ихъ моральнаго значенія.

Конечно, въ частностяхъ не обошлось безъ возраженій и даже горькихъ упрековъ не только со стороны членовъ оппозиціи, но и со стороны нѣкоторыхъ друзей правительства. Тѣ и другіе не преминули воспользоваться недавно дарованнымъ французскому народному представительству, въ замѣнъ преній объ адресѣ, правомъ поправокъ (droit d'amendement). Эти поправки и въ особенности краснорѣчивое изложеніе мотивовъ, которые ихъ вызвали, даютъ довольно ясное понятіе о духѣ и современныхъ политическихъ, научныхъ и религіозныхъ стремленіяхъ партій, на которыя раздѣляются члены французской законодательной палаты, о точкахъ зрѣнія, съ которыхъ партіи смотрятъ на практическіе вопросы, касающіеся, съ одной стороны,

---

[1]) Journal général de l'instruction publique. 1867. №№ 8—31. Revue de l'instruction publique 1867. №№ 44—52.

педагогическихъ интересовъ, съ другой, — интересовъ финансовыхъ, то-есть, денежныхъ расходовъ по начальному обученію, падающихъ на семейства, общины, государство. Самая пылкость преній доказываетъ, что кромѣ собственно школьныхъ вопросовъ, были здѣсь затронуты и другіе вопросы. Политика безпрестанно врывалась на сцену, даже помимо воли тѣхъ, которые принимали участіе въ преніяхъ. Школьные тезисы служили ареною, гдѣ каждый сражался за свои убѣжденія, принявъ за девизъ, смотря по цвѣту знамени, то свѣтское обученіе (l'enseignement laïque), то обученіе свободное и конгреганистское (l'enseignement libre, congréganiste), то обязательное (obligatoire), то даровое для всѣхъ (la gratuité absolue), то обученіе на счетъ государства (l'enseignement de l'État), и наконецъ, назначеніе учителей въ общественныя начальныя школы (les écoles publiques) то ректорами академій (попечителями учебныхъ округовъ), то префектами департаментовъ.

Не очень много труда стоило министру народнаго просвѣщенія и правительственнымъ коммиссарамъ поддержать проектированныя законоположенія; несравненно труднѣе было бороться противъ увлеченій доброжелательства и финансовой щедрости со стороны членовъ законодательной палаты въ пользу начальныхъ школъ и личнаго ихъ состава.

Въ собственно педагогическомъ отношеніи, всего замѣчательнѣе и интереснѣе означенныя пренія тѣмъ, что въ нихъ, какъ членами французскаго правительства, такъ и самыми компетентными въ педагогическомъ дѣлѣ изъ членовъ законодательной палаты, высказано было много глубокихъ истинъ и дѣльныхъ практическихъ указаній, могущихъ всегда и вездѣ найдти полезное примѣненіе къ дѣлу при устройствѣ элементарнаго народнаго образованія. Для полнѣйшаго уразумѣнія обсуждавшихся въ этихъ преніяхъ педагогическихъ вопросовъ, необходимо предварительно сообщить нѣсколько пояснительныхъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи во Франціи, какъ организаціи элементарныхъ школъ, такъ и законодательства о начальномъ обученіи.

Въ сонмѣ государствъ образованнаго міра Франція занимала доселѣ, сравнительно, не очень высокое мѣсто въ дѣлѣ образованія народной массы. По сознанію многихъ ораторовъ французской законодательной палаты, а въ числѣ ихъ и самаго министра Дюрюи, Франція стояла доселѣ въ этомъ отношеніи не только ниже Германіи,

Швейцаріи и Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, но едва-ли не ниже Англіи, Бельгіи, Голландіи и государствъ Скандинавскаго полуострова, и только безспорно опередила Италію, Россію, Португалію, Испанію и Турцію.

Первое королевское повелѣніе, которымъ французское духовенство обязывалось заводить повсюду при церквахъ приходскія школы, явилось около тридцатыхъ годовъ прошедшаго столѣтія. Но французское духовенство, подобно духовенству и другихъ католическихъ государствъ, не обнаружило въ тѣ времена особеннаго усердія къ образованію низшихъ слоевъ народа. Заведенныя имъ приходскія школы были весьма не многочисленны, а революція и тѣ уничтожила, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ двухъ неосуществившихся проектовъ объ организаціи школъ для народнаго образованія, составленныхъ — одинъ Талейраномъ, другой Кондорсе. Первая имперія обратила все свое вниманіе на устройство высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, ограничившись относительно первоначальнаго обученія изъявленіемъ желанія, чтобы каждая община (commune) имѣла свою начальную школу (l'école primaire), и дозволеніемъ духовнымъ конгрегаціямъ или ассоціаціямъ (congrégation, association réligieuse), существованіе которыхъ признано общеполезнымъ (d'utilité publique), а именно, такъ-называемому братству христіанскаго ученія или христіанскихъ школъ (les frères de la doctrine chrétienne, des écoles chrétiennes), заводить начальныя школы, какъ общественныя (publiques), содержимыя на счетъ общинъ, такъ и свободныя или частныя (écoles libres, privées), содержимыя собственными средствами конгрегацій. Въ томъ и въ другомъ случаѣ конгреганистскія школы состояли въ строгой зависимости и подъ контролемъ французскаго университета (l'Université de France), какъ высшаго центральнаго органа управленія народнымъ просвѣщеніемъ, учрежденнаго Наполеономъ I. Реставрація также повидимому немного способствовала распространенію начальнаго обученія. Только уже подъ конецъ ея существованія, въ государственномъ бюджетѣ Франціи 1829 года встрѣчается назначеніе 100.000 фр. на вспоможеніе начальнымъ школамъ. Все-таки, однакожь, достовѣрно извѣстно, что въ первые годы іюльскаго правительства, въ 1833 году, состояло во Франціи до 10.000 общественныхъ школъ (publiques) и до 13.000 школъ частныхъ или свободныхъ, содержимыхъ духовными конгрегаціями или частными лицами, такъ что изъ 37.000 французскихъ общинъ только 14.230 не имѣли у себя никакой, ни общественной, ни свободной или частной, школы.

Пока учрежденіе общественныхъ школъ, то-есть, на общинныя средства, зависѣло отъ доброй воли общинъ, до тѣхъ поръ почти повсюду во Франціи, какъ и въ другихъ государствахъ Европы, замѣтно было крайнее равнодушіе къ элементарному образованію простаго народа, и въ самомъ мѣстномъ населеніи, и въ муниципальныхъ, и въ департаментскихъ властяхъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отрицаніе потребности обученія дѣтей доходило даже до того, что населенія отказывались отъ предлагаемыхъ имъ правительствомъ безплатныхъ школъ и даровыхъ учебныхъ книгъ. Не мало усиливалъ въ народѣ это равнодушіе къ школамъ недостатокъ хорошихъ учителей, огромное большинство которыхъ обнаруживало крайнее невѣжество въ научномъ и грубость въ нравственномъ отношеніи.

Правильное устройство начальныхъ народныхъ школъ (écoles primaires) и правильное развитіе начальнаго обученія (l'enseignement primaire) начинается во Франціи съ эпохи іюльскаго правительства, или точнѣе, со временъ изданія закона 18-го іюля 1833 года о начальномъ обученіи, выработаннаго тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, знаменитымъ Гизò, при содѣйствіи не менѣе знаменитаго профессора Кузена, въ краснорѣчивомъ отчетѣ котораго о состояніи и степени развитія народнаго образованія въ Германіи, куда для изученія этого предмета онъ былъ нарочно командированъ Гизò, составители проекта закона нашли много полезныхъ свѣдѣній и здравыхъ педагогическихъ сужденій, а члены законодательной палаты — самыя убѣдительныя доказательства необходимости безотлагательно положить прочныя основанія правильной организаціи начальнаго обученія во Франціи.

Главнѣйшія постановленія закона Гизò о начальномъ обученіи были слѣдующія:

1) Каждая община обязана имѣть, по крайней мѣрѣ, одну общественную школу начальнаго обученія, исключая крайне бѣдныхъ, изъ коихъ двумъ или тремъ общинамъ можетъ быть разрѣшено имѣть одну школу.

2) Для образованія начальныхъ учителей (l'instituteur), въ каждомъ департаментѣ должна быть учительская семинарія (école normale primaire). Впрочемъ, въ случаѣ необходимости, два и три департамента могутъ довольствоваться одною семинаріей.

3) Начальныя школы суть или общественныя (publiques), содержимыя на счетъ общинъ, или свободныя, то-есть, частныя (libres), от-

крываемыя духовными конгрегаціями (congrégation, associa... gieuse), или частными лицами, на собственныя средства.

4) Общественными школами завѣдываютъ ректоры академі... части учебнаго и нравственнаго надзора — чрезъ академи... (окружныхъ) инспекторовъ (l'inspecteur de l'académie), опредѣ... по одному для каждаго департамента, и чрезъ училищныхъ ... торовъ (l'inspecteur primaire), опредѣляемыхъ по одному для ... округа (arrondissement), и непосредственно подчиненныхъ ... скимъ инспекторамъ; б) по хозяйственной части — чрезъ ... пальные и департаментскіе совѣты (conseils municipaux, dép... taux). Частныя или свободныя школы, по принципу свобод... не подчиняются правительственному надзору ни по учебной ... d'enseignement), ни по хозяйственной части, но не освобожд... нравственнаго и санитарнаго надзора.

5) Каждый совершеннолѣтній Французъ, не опороченный ... можетъ быть учителемъ начальной школы, ежели представ... нее удостовѣреніе въ способности (brevet de capacité), отъ ... бождаются священнослужители и имѣющіе аттестаты средн... шихъ учебныхъ заведеній.

6) Право опредѣленія, перемѣщенія и увольненія учителей ... ныхъ школъ принадлежитъ ректору.

7) Minimum жалованья учителя въ общественныхъ шко... traitement fixe) — 200 фр. и квартира. Въ пользу учите... также плата за ученіе, взимаемая съ учащихся.

8) Начальные учители, давшіе обязательство прослужи... лѣтъ въ общественной школѣ и дѣйствительно выполнивш... обязательство, освобождаются отъ военной службы.

9) Общественная школа содержится средствами своей общин... обыкновенными, такъ и спеціально для этой цѣли назначен...

Въ случаѣ недостатка своихъ средствъ, община получаетъ ... (la subvention) отъ департамента и отъ правительства.

Законъ 1833 года дѣйствовалъ 17 лѣтъ безъ всякой ... оказавъ, между прочимъ, слѣдующіе результаты: а) изъ 1... щинъ, не имѣвшихъ въ 1833 году никакой школы, оставалось ... году — 4.196, а въ 1852 году только 950 самыхъ бѣдныхъ ... шихъ общинъ, разбросанныхъ другъ отъ друга на значительн... стояніе, такъ что устроить общую школу для двухъ или тр... кихъ общинъ не представлялось возможности; б) въ 1833 го... 37.000 общинъ только 10.000 общинъ имѣли собственные ...

а спустя 14 лѣтъ (1847), оказалось школьныхъ домовъ 23.000;
1833 г. по государственному бюджету на расходы по началь-
обученію назначалось — 1.500.000, а въ 1849 г. — 4.854.378 фр.;
1833 г. число учительскихъ семинарій доходило до 40, а въ
г. было ихъ уже 76, и въ нихъ 3.012 воспитанниковъ; въ томъ
стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія — 249, де-
ментскихъ — 2.244, общинныхъ — 86, пансіонеровъ — 389 и эк-
овъ — 44.

по мѣрѣ того какъ развивалось въ народѣ сознаніе потребно-
элементарнаго образованія, стали постепенно обнаруживаться не-
тки закона 1833 г. Между прочимъ: 1) въ немъ ничего не ска-
о женскихъ элементарныхъ школахъ (écoles primaires des filles),
какъ потребность въ нихъ развивалась столь быстро и сильно,
же въ 1843 г., кромѣ 8.755 частныхъ, числилось 7.830 обще-
ныхъ этого рода школъ. 2) Программа учебнаго курса, обяза-
ая для всѣхъ безъ изъятія начальныхъ училищъ, оказалась слиш-
многосложною. 3) Чрезвычайно скудное *minimum* основнаго (fixe)
ванья (200 фр.), при неопредѣленности платы за ученіе и при
чительности въ малочисленныхъ школахъ денежнаго сбора, ста-
начальныхъ учителей въ крайне стѣснительное, и можно ска-
бѣдственное положеніе, и 4) въ случаѣ, ежели кто изъ началь-
учителей, по старости лѣтъ или по болѣзни, вынужденъ былъ
ти въ отставку, то оставался безъ всякаго призрѣнія и средствъ
жизни, рѣшительно нищимъ.

Поэтому были издаваемы разновременно (1850, 1852, 1853, 1854,
) различныя законоположенія, имѣвшія цѣлью, сообразно съ по-
ностями времени, измѣнить, дополнить, улучшить организацію на-
наго обученія 1833 г. Главнѣйшія измѣненія, дополненія и улуч-
я состояли въ слѣдующемъ:

. Каждая община, имѣющая 800 душъ населенія и болѣе, обязана
ь элементарную женскую школу (école primaire des filles).

2. Въ элементарныхъ женскихъ школахъ, кромѣ обыкновенныхъ
ныхъ предметовъ, должно обучать дѣвочекъ швейнымъ работамъ
travaux à l'aiguille des filles).

3. Во всѣхъ женскихъ школахъ обучаютъ учительницы, для обра-
нія которыхъ учреждаются учительницкія семинаріи въ двадцати
артаментахъ.

3. Начальные учители раздѣляются на два разряда (classe): жа-
нье учителей 1-го разряда должно быть не ниже 700 фр., а учи-

телей 2-го разряда не ниже — 600 фр. (1852 и 1862). Въ составъ жалованья входятъ: а) основное жалованье — 200 фр., б) плата за ученіе, в) дополненіе до 700 или 600 фр. изъ средствъ общины, а въ случаѣ недостатка изъ средствъ департамента и государства.

4. По поводу увеличенія *minimum* жалованья начальныхъ учителей, разрѣшено ввести добавочный налогъ по 4 сантима въ пользу общинной кассы и по 2 въ пользу департаментской.

5. Преподавателямъ общественныхъ начальныхъ школъ, прослужившимъ въ учительской должности 30 лѣтъ, при выходѣ въ отставку, обращается въ пенсію $^{30}/_{60}$ частей средняго количества, выведенныхъ изъ суммы полученнаго ими жалованья за шесть послѣднихъ лѣтъ; прослужившимъ 35 лѣтъ назначается въ пенсію $^{35}/_{60}$ частей по тому же вычисленію; но выше $^{40}/_{60}$ пенсія начальнаго учителя простираться не можетъ (1850, 1853, 1854).

6. Департаментскіе совѣты, въ случаѣ надобности, опредѣляютъ въ многолюдныя начальныя школы одного или двухъ помощниковъ къ штатному учителю, съ жалованьемъ по усмотрѣнію префекта (1850).

7. Minimum учебныхъ предметовъ въ каждой начальной школѣ опредѣлено (1850) слѣдующее: а) законъ Божій и нравоученіе, б) чтеніе, в) письмо, г) начала грамматики, д) счисленіе и ознакомленіе съ различными системами вѣса и мѣры. Смотря, однакожь, по требованію мѣстныхъ условій, могутъ быть вводимы въ начальныхъ школахъ: начала французской исторіи и географіи; начала естествовѣдѣнія; начальныя основанія планиметріи и землемѣрія; линейное черченіе; начальныя понятія о сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и гигіенѣ; пѣніе, гимнастика.

8. Плата за ученіе опредѣлена, смотря по мѣстностямъ, по 1, по $1^{1}/_{2}$ и по 2 фр. за учебный мѣсяцъ съ каждаго ученика. Освобождается отъ платы только тотъ, кто дѣйствительно платить не въ состояніи, по заключенію муниципальнаго совѣта, утвержденному префектомъ (1850, 1854).

9. Общинамъ дозволяется вводить у себя и общую безплатность ученія, но только на свои собственныя средства, безъ пособія отъ департамента и казны. (1850, 1854).

9. По закону 1833 г., какъ было сказано, опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе начальныхъ учителей принадлежали ректорамъ академій, которыхъ въ то время было 24; но въ 1849 г. число ректоровъ сравнено съ числомъ департаментовъ, а въ слѣдующемъ году власть ихъ назначать, перемѣщать и увольнять учителей, въ силу но-

рганическаго закона, перешла къ муниципальнымъ совѣтамъ.
однакожъ распоряженіе вскорѣ оказалось неудобнымъ, и въ
году означенное право опять было возвращено ректорамъ. На-
ь, въ 1854 году, по особеннымъ административнымъ и полити-
мъ соображеніямъ, признано было нужнымъ сократить число ака-
до 16-ти, и въ то же время и завѣдываніе начальнымъ обуче-
раздѣлить между ректорами и префектами, предоставивъ рек-
ъ наблюденіе собственно за учебною частію (методы, книги и
и ввѣривъ префектамъ, подъ главнымъ начальствомъ министра
наго просвѣщенія (sous l'autorité du ministre de l'instruction pu-
), какъ хозяйственную часть, такъ и назначеніе учителей и учи-
ицъ и нравственный надзоръ за ними и за школами. По хозяй-
ной части префектъ дѣйствуетъ чрезъ посредство департамент-
совѣта, а по назначенію учителей и по нравственному надзору
посредство академическихъ инспекторовъ.

). Для учительницъ изъ числа сестеръ духовныхъ женскихъ кон-
цій письменное назначеніе ихъ духовнымъ начальствомъ (lettres
dience) замѣняетъ аттестатъ о способности (brevet de capacité).

I. Муниципальные совѣты имѣютъ право заявлять, кого они пред-
гаютъ имѣть учителями и учительницами въ своихъ обществен-
школахъ, свѣтскія или духовныя лица.

е смотря однакожъ на всѣ улучшенія, введенныя въ теченіе 15-ти
(1850—1865) въ области начальнаго обученія, народное обра-
іе далеко еще не достигало желаемыхъ результатовъ. По со-
нымъ въ 1864 году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія
стическимъ свѣдѣніямъ, оказалось, что во Франціи: а) въ 1863
818 общинъ не имѣли ни одной элементарной школы, а число
й отъ 7-ми до 13-тилѣтняго возраста, не посѣщавшихъ школъ,
гиралось до 884.877; б) всѣ тѣ дѣти, которыя посѣщали школы,
ались въ нихъ гораздо менѣе трехъ лѣтъ, а болѣе трети дѣтей
%) оставались въ школѣ менѣе шести мѣсяцевъ; в) изъ 657.400
иковъ, вышедшихъ изъ школы въ 1865 году, только 395.392
60%, умѣли читать, писать, считать; остальные 262.008 или не
сли изъ школы ровно никакихъ свѣдѣній, или вынесли самыя
ожныя; г) изъ 100 конскриптовъ (рекрутъ) было въ 1862 году
% не умѣвшихъ ни читать, ни писать; д) изъ 100 мужчинъ,
пившихъ въ бракъ въ томъ же году, 28,54%, а изъ 100 жен-
ъ — 43,26%, не умѣли подписать своего имени.

Въ видахъ доставленія взрослому простонародію возможности вознаградить сколько-нибудь упущенія школьнаго возраста, французское министерство народнаго просвѣщенія, еще въ 1863 году, обратилось съ приглашеніемъ, съ одной стороны, къ муниципальнымъ совѣтамъ — открыть при общественныхъ школахъ даровые или оплачиваемые вечерніе классы для обученія грамотѣ взрослыхъ (cours d'adultes), съ другой, ко всѣмъ учителямъ и учительницамъ, какъ общественныхъ такъ и частныхъ школъ — пожертвовать на обученіе въ этихъ классахъ часть своего времени и преподавательскихъ трудовъ. Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія, особенно со стороны лицъ учебнаго сословія, охотно поспѣшившихъ на призывъ съ пожертвованіемъ не только своего учебнаго труда, но и денегъ на необходимыя классныя принадлежности [1]), такъ что къ 1-му январю 1866 года оказалось до 25.000 открытыхъ вечернихъ школъ для взрослыхъ, а къ 1-му марта (н. ст.) нынѣшняго года, то-есть, ко времени открытія сессіи законодательной палаты, число ихъ возрасло до 30.000, а посѣтителей до 600.000 человѣкъ.

Между тѣмъ, нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, въ глубокомъ убѣжденіи, что „успѣхи нравственности страны идутъ въ уровень съ успѣхами народнаго образованія и что увеличеніе числа учащихся въ школахъ совпадаетъ съ убылью заключаемыхъ въ тюрьмы", вошелъ въ 1865 году съ докладомъ къ императору Наполеону, въ которомъ, доказавъ осязательно цифрами, что элементарное образованіе во Франціи находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи [2]), и что

---

[1]) См. въ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, за мартъ 1867 г., Совр. Лѣт. стр. 408—421.

[2]) Впрочемъ, состояніе начальнаго обученія во Франціи, повидимому, нѣсколько улучшилось въ послѣднее время. Въ отчетѣ министра Дюрюи, представленномъ императору въ январѣ нынѣшняго года, о состояніи учебной части, значится, что къ 1-му январю 1866 года состояло: А. Начальныхъ школъ: 1) общественныхъ, для мальчиковъ и дѣтей обоего пола — 38.629, въ нихъ учащихся — 2.424.445; б) для дѣвочекъ — школъ 14.721; учащихся — 1.053.888. — 2) Частныхъ школъ: а) для мальчиковъ — 3.289; б) для дѣвочекъ — 13.057; учащихся въ тѣхъ и другихъ — 964.074. — 3) Пріютовъ (salles d'asile): а) общинныхъ — 2.484; б) частныхъ — 1.088; въ нихъ дѣтей обоего пола — 418.768. — 4) Вечернихъ школъ для взрослыхъ — 30.000; въ нихъ посѣтителей до 600.000. — Итого — заведеній для начальнаго обученія дѣтей и взрослыхъ — 98.268, учащихся — 5.461.184. — Такимъ образомъ, при 37.000.000 (по послѣдней переписи) народонаселенія во Франціи, приходится: Б) школъ начальныхъ: 1) общинныхъ обоего пола — 1 на 712 душъ; — 2) общинныхъ и частныхъ школъ вмѣстѣ — 1 на 545 душъ. — 3) Всѣхъ заведеній для начальнаго обученія дѣтей обоего пола — 1 на 517 душъ. — 4) Всѣхъ заведеній для начальнаго обученія дѣтей и взрослыхъ — 1 на 388

му необходимо принять безотлагательно самыя энергическія мѣры общему и прочному распространенію его въ народѣ, — въ то же , примѣрами Германіи, Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Соинныхъ Штатовъ старался убѣдить, что лучшая и вѣрнѣйшая въ отношеніи мѣра — обязательное и для всѣхъ безъ изъятія даобученіе (l'enseignement obligatoire et la gratuité absolue). Но арственный совѣтъ, куда министерскій докладъ былъ переданъ сужденіе, признавъ единодушно безотлагательность многихъ улучі въ области начальнаго обученія, не вполнѣ согласился съ миюмъ касательно дароваго обученія и совершенно отвергъ его іе о введеніи обязательности обученія.

оставленный въ государственномъ совѣтѣ проектъ новаго закона улучшеніяхъ въ области начальнаго обученія внесенъ былъ миюмъ народнаго просвѣщенія въ законодательную палату еще въ іѣ прошлаго 1866 года; но специальная коммиссія, назначенная гою изъ ея членовъ для разсмотрѣнія и обсужденія правительнаго проекта, опоздала съ представленіемъ изготовленнаго ею іда, такъ что потребовалось отложить пренія до сессіи нынѣшгода.

Іовый законъ въ своей окончательной редакціи, выработанной въ иссіи по предварительному соглашенію съ правительствомъ, сотъ изъ двадцати двухъ статей, которыя и приводимъ здѣсь въ ащенномъ видѣ.

Ст. 1. Каждая община (commune), состоящая изъ 500 душъ и е, обязана имѣть, по крайней мѣрѣ, одну женскую школу. Въ цой смѣшанной школѣ (école mixte, для дѣтей обоего пола), кою завѣдываетъ учитель, должно имѣть женщину для обученія ючекъ швейнымъ работамъ (les travaux à l'aiguille des filles). Жанье ей назначаетъ префектъ, по представленію муниципальнаго та.

Ст. 2. Департаментскій совѣтъ опредѣляетъ, сколько въ каждой

. — В) Учащихся: 1) Въ общественныхъ школахъ дѣтей обоего пола — ь 9,9 всего населенія. 2) Въ общественныхъ и частныхъ школахъ вмѣстѣ, і обоего пола — 1 изъ 8,18 всего населенія. 3) Во всѣхъ заведеніяхъ для ьнаго обученія дѣтей обоего пола — 1 изъ 7,8 всего населенія. 4) Во ъ заведеніяхъ для начальнаго обученія дѣтей и взрослыхъ обоего пола — ь 6,9 всего населенія. — Д) Изъ всего числа учащихся дѣтей посѣщали у: отъ 1 до 6 мѣсяцевъ — 31,4%, 2) отъ 6 до 9 мѣсяцевъ — 18,8%, 3) въ ніе цѣлаго года — 49,8%. — Е) Общинъ, не имѣющихъ ни одной школы, валось къ 1-му января 1866 г. — 694.

общинѣ должно быть общественныхъ школъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ; какія общественныя женскія школы могутъ быть, смотря по числу воспитанницъ, поручаемы исправляющимъ должность учительницъ (institutrices-adjointes [1]), и въ какихъ случаяхъ могутъ быть открываемы одна или нѣсколько деревушечныхъ школъ (écoles de hameau [2]), подъ руководствомъ помощниковъ учителей или помощницъ учительницъ (adjoints ou adjointes).

Ст. 3. Всякаго званія преподавателямъ и преподавательницамъ въ деревушечныхъ школахъ общины обязываются доставить помѣщеніе для нихъ и для школы, классную мебель и жалованье.

Ст. 4 и 5. Учительницы (institutrices) и исправляющіе должность учителей (instituteurs-adjoints) раздѣляются на два разряда: причисленные къ первому разряду получаютъ жалованья не менѣе 500, ко второму не менѣе 400 фр. Жалованье исправляющихъ должность учительницъ (institutrices-adjointes) 350 фр. Помощникамъ и помощницамъ, завѣдывающимъ деревушечными школами, жалованье назначаетъ префектъ, по заключенію муниципальнаго и департаментскаго совѣтовъ.

Ст. 6. Если при какой-либо общественной школѣ имѣется одинъ или нѣсколько учительскихъ помощниковъ или помощницъ, въ такомъ случаѣ часть платы за ученіе, съ разрѣшенія департаментскаго совѣта, идетъ на увеличеніе ихъ жалованья.

Ст. 7. Учителямъ и учительницамъ за преподаваніе въ общинной школѣ для взрослыхъ можетъ быть назначено денежное вознагражденіе министромъ народнаго просвѣщенія на счетъ суммъ государственнаго казначейства, по ходатайству префекта, основанному на представленіи муниципальнаго совѣта.

---

[1]) Во Франціи три степени начальныхъ учителей и учительницъ: 1) Instituteurs и Institutrices titulaires, 2) Instituteurs-adjoints и Institutrices-adjointes, 3) adjoints и adjointes. Первое званіе получается послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы: это дѣйствительные учители и учительницы, которыхъ способности испытаны, и которымъ поэтому ввѣряются уже школы помноголюднѣе и съ бо́льшимъ содержаніемъ. Второе званіе присвояется начинающимъ учебную службу: это какъ бы еще исправляющіе должность учителей или учительницъ. Третьи опредѣляются обыкновенно въ помощь къ дѣйствительнымъ учителямъ и учительницамъ, и по новому закону, въ деревушечныя школы, учителями и учительницами: это собственно помощники и помощницы.

[2]) *Hameau* — деревенька, деревушка, поселокъ, селеніе, состоящее изъ двухъ, трехъ или нѣсколькихъ домовъ, а даже и одиночная усадьба, малороссійскій хуторъ.

Ст. 8. Каждой общинѣ, желающей содержать одну или нѣсколько совершенно безплатныхъ школъ (entièrement gratuites), сверхъ существующихъ денежныхъ средствъ, предоставляется установить и взимать на этотъ предметъ экстраординарный налогъ въ опредѣленномъ количествѣ (не свыше 4 сантимовъ). Въ случаѣ недостаточности средствъ общины, ей можетъ быть выдано пособіе изъ суммъ департамента и государственнаго казначейства.

Ст. 9, 10, 11, 12, 13 и 14 касаются преимущественно состава жалованья начальныхъ учителей и учительницъ. Учительское жалованье въ общинѣ, гдѣ введена *la gratuité absolue*, составляютъ:

1) Основное жалованье (le traitement fixe) — 200 франковъ.

2) Вознагражденіе взамѣнъ платы за ученіе съ каждаго изъ наличныхъ учениковъ, по таксѣ ежегодно установляемой префектомъ, по заключенію муниципальнаго и департаментскаго совѣтовъ.

3) Дополненіе изъ суммъ общинныхъ, департаментскихъ и государственнаго казначейства въ случаѣ, если основное жалованье и вознагражденіе, въ сложности, не достигаютъ опредѣленнаго закономъ 1862 года и настоящимъ закономъ *minimum* учительскаго жалованья.

Жалованье во всѣхъ другихъ общинахъ, сверхъ основнаго жалованья и въ потребномъ случаѣ дополненія, какъ выше изъяснено, составляютъ:

1) Плата за ученіе.

2) Вознагражденіе за всѣхъ наличныхъ учениковъ, освобожденныхъ отъ платы за ученіе, по таксѣ установленной префектомъ, какъ выше сказано.

Ст. 15. Муниципальный совѣтъ, съ разрѣшенія префекта, можетъ учредить въ каждой общинѣ школьную кассу, съ цѣлью поощрять и облегчать посѣщеніе школы награжденіемъ воспитанниковъ исправныхъ и доставленіемъ пособія бѣднымъ. Доходъ кассы составляютъ: добровольная складчина, пособіе отъ общины, департамента и казны; дарственныя записи и духовныя завѣщанія. Дозволено соединяться нѣсколькимъ общинамъ для образованія одной общей школьной кассы.

Ст. 16. Начальныя основанія французской исторіи и географіи входятъ въ составъ обязательныхъ предметовъ начальнаго обученія.

Ст. 17. Подчиняются университетской инспекціи, наравнѣ съ общественными школами, школы свободныя, учрежденныя вмѣсто общественныхъ (demi-publiques) или получающія пособія отъ общины, департамента или казны.

Ст. 18. Обязательство посвятить себя, въ теченіе десяти лѣтъ, общественному обученію, данное съ цѣлью освободиться отъ военной службы, до вынутія жребія, можетъ быть выполнено учителями и помощниками ихъ, какъ въ общественныхъ, такъ и въ полуобщественныхъ школахъ, по указанію министра народнаго просвѣщенія.

Ст. 20. Свободные учители и учительницы, принимающіе въ свою школу, безъ разрѣшенія департаментскаго совѣта, первые — дѣвочекъ и послѣднія — мальчиковъ, подвергаются взысканію.

Ст. 21. Никакая начальная школа, общественная ли она или свободная, не можетъ, безъ разрѣшенія департаментскаго совѣта, принимать дѣтей ниже шестилѣтняго возраста, если имѣется въ общинѣ пріютъ (salle d'asile) общественный или частный (publique ou libre).

Проектъ закона разсматривался и обсуждался въ законодательной палатѣ съ двухъ сторонъ. Первыя два засѣданія (1-го и 2-го марта нов. ст.) употреблены были на общія пренія, имѣвшія предметомъ цѣль и основанія предложеннаго закона о начальномъ обученіи; въ остальныя же пять засѣданій (7, 8, 9, 10 и 11-го марта нов. ст.) обсуждались отдѣльныя статьи.

Пренія происходили подъ предсѣдательствомъ графа Валевскаго, а въ отсутствіи его, подъ предсѣдательствомъ вице-президента (нынѣ президента) Шнейдера. Кромѣ докладчика, Шошара, и нѣкоторыхъ другихъ членовъ палатской коммиссіи, защищали проектъ, со стороны правительства, министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи, президентъ государственнаго совѣта Вюитри, юстиціи и вѣроисповѣданій Барошъ, и правительственные коммиссары Карлъ Роберъ и Жантеръ.

Пренія открылись рѣчью *Кольбъ-Бернара*, депутата ультра-клерикальной партіи. Рѣчь его была направлена противъ господствующей правительственной системы, духа и направленія народнаго образованія во Франціи вообще. Отчасти потому, что ораторъ читалъ свою рѣчь по тетради невнятнымъ голосомъ, но главное, кажется, потому, что ультра-клерикальная партія очень мало имѣетъ сторонниковъ въ законодательной палатѣ, товарищи Кольбъ-Бернара слушали рѣчь его безъ особеннаго вниманія. Вотъ что̀ сказано о ней въ *Revue de l'instruction publique* (2-го марта 1867 г., № 49): „Кольбъ-Бернаръ, представитель одного изъ округовъ Сѣвернаго департамента, могъ бы быть отличнымъ представителемъ журнала *le Monde* (прежній *l'Univers*). Почтенный депутатъ, къ сожалѣнію, не ораторъ. Когда онъ говорилъ, то-есть, когда онъ читалъ свое объемистое произведеніе, слышанъ былъ глухой шопотъ, и видно одно только тихое маханье рукою съ

ьностью маятника; но этотъ шопотъ произносилъ проклятія, а
ница бросала молніи. Университетъ, въ лицѣ Дюрюи, прини-
ъ открытую грудь бросаемый въ упоръ градъ священныхъ
. Одни только стенографы видѣли ихъ. Палата не подозрѣвала
Только уже на другой день палата узнала о событіи, когда
доводилъ до свѣдѣнія господъ депутатовъ нѣкоторыя изъ вы-
й, обращенныхъ къ нему. Тогда-то поднялся шумъ и крикъ
депутатами: „Мы ничего не слыхали, а то бы непремѣнно про-
ли". Правда; но все это было сказано, и по счастію, записано
чатано".

я и въ самомъ дѣлѣ рѣчь Кольбъ-Бернара сильно пропитана
ультрамонтанства и съ явными признаками отсталости, въ ней,
жь, приведено нѣсколько весьма важныхъ уликъ, обнаруживаю-
существенные, особенно нравственные недостатки народнаго
занія во Франціи, — уликъ, основательности которыхъ все кра-
іе министра Дюрюи, вся ловкость его діалектики, ораторскихъ
въ и фразы не въ состояніи были вполнѣ опровергнуть. По-
замѣчательнѣйшія мѣста изъ рѣчи Кольба-Бернара, безъ со-
, будутъ прочтены не безъ интереса [1]).

роектъ закона, говорилъ ораторъ, особенно въ томъ видѣ, какъ
несенъ въ палату, вообще достоинъ похвалы; но онъ имѣетъ
съ общею системою народнаго образованія во Франціи, духъ,
вленіе и цѣль которой необходимо изслѣдовать. Что могутъ
ся выиграть интересы народнаго воспитанія, семействъ, обще-
свободы обученія? Что такое общественное обученіе? Что та-
ранцузскій университетъ, его орудіе? Какое его назначеніе и въ
ъ предѣлахъ можетъ онъ расширять и суживать свою дѣятель-
? Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, эти вопросы
ютъ разъясненія; ихъ окружаютъ недовѣріе, боязнь, скрытыя
я. Необходимо узнать, идемъ ли мы къ централизаціи, монопо-
ли въ развитію свободы обученія?

)ба эти направленія очень важны: они соотвѣтствуютъ двумъ ве-

---

[1]) Какъ изъ рѣчи Кольбъ-Бернара, такъ и изъ рѣчей другихъ ораторовъ,
навшихъ участіе въ преніяхъ, только самыя замѣчательныя мѣста приво-
здѣсь цѣликомъ; большею же частію извлекается сокращенно только то,
щественно и что можетъ быть одинаково интересно какъ для Француза,
и для Русскаго.

атмосферу политической раздражительности, несправедливости и клеветы, между тѣмъ какъ первѣйшую потребность для нихъ составляетъ совершенное усиленіе политическихъ страстей.

Г. Кольбъ-Бернаръ съ величайшею похвалой отзывается о законѣ 15-го марта 1850 года, открывшемъ, по его мнѣнію, широкое поле для свободнаго обученія, какъ предоставленіемъ муниципальнымъ совѣтамъ выбора и назначенія учителей въ начальныя школы, такъ и тѣмъ, что онъ, признавъ законною и необходимою принадлежностью духовныхъ конгрегацій дѣятельное участіе въ дѣлѣ народнаго обученія, не требовалъ отъ сестеръ-конгреганистокъ, для занятія должности начальныхъ учительницъ, другой гарантіи, кромѣ письменнаго назначенія ихъ со стороны ихъ духовнаго начальства (lettres d'obédience). Но ораторъ возстаетъ противъ законовъ 1852 и 1854 годовъ, яко бы изданныхъ по ходатайству университета, то-есть, министра народнаго просвѣщенія, въ видахъ стѣсненія свободы обученія вообще, а въ частности свободы обученія, предоставленной духовнымъ конгрегаціямъ. „Господствовать и поглощать", — такова, по словамъ Кольбъ-Бернара, цѣль, преслѣдуемая французскимъ правительствомъ, или министромъ народнаго просвѣщенія, въ отношеніи къ свободному обученію. Министерство окружаетъ его все болѣе и болѣе стѣснительными формальностями и подозрительнымъ надзоромъ, слѣдя за его книгами для чтенія и для ученическихъ наградъ и постоянно давая ему чувствовать духъ инквизиціи и недовѣрія. А между тѣмъ казалось бы, что духовныя конгрегаціи должны въ настоящее время составлять одинъ изъ существенныхъ органовъ народнаго образованія. Опасности общества, потрясеннаго такимъ множествомъ бездушныхъ доктринъ, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо усиливаютъ потребность въ подобномъ органѣ. Обученіе нуждается въ нравственномъ обузданіи, которое послужило бы несомнѣннымъ обезпеченіемъ религіи, семьи, собственности, одинаково угрожаемыхъ. Поэтому казалось бы необходимымъ дать народу такихъ наставниковъ, которые, въ его глазахъ, подавали бы примѣръ тѣхъ высокихъ добродѣтелей послушанія и самоотверженія, на которыхъ зиждется всякая человѣческая жизнь, какъ общественная, такъ и индивидуальная. Но церковь, это первѣйшее великое народное установленіе, никогда не отказывавшаяся отъ своего учительскаго призванія свыше, показалась правительству, въ дѣлѣ народнаго обученія, подозрительною и стѣснявшею соперницею, отъ которой нужно было избавиться. Вотъ почему общины лишились права выбора и назначенія начальныхъ учителей и учи-

тельницъ. Сперва духъ централизаціи предоставилъ было назначеніе ихъ ректорамъ академій, но потомъ политическія соображенія заставили передать это право въ руки префектовъ. Казалось бы, однакожъ, что всякія мѣры, затрудняющія путь, особенно сестрамъ-конгреганисткамъ, къ занятію преподавательской должности, неумѣстны со стороны правительства въ настоящее время, когда при его стремленіи увеличить число начальныхъ школъ, свѣтскихъ кандидатокъ въ учительницы является очень мало. Да и между наличными свѣтскими учительницами есть молодыя дѣвицы, желающія выйдти замужъ, или матери, обремененныя семейными заботами, тогда какъ сама религія устранила сестеръ-конгреганистокъ отъ заботъ сего міра, связавъ ихъ обѣтами самоотверженія и цѣломудрія и посвятивъ ихъ всецѣло высокому и трудному призванію не только учить, но и воспитывать дѣтей народа. Но университетъ или министерство народнаго просвѣщенія не только не признаетъ *lettres d'obédience* достаточною гарантіей учительской способности сестеръ-конгреганистокъ, но еще и предлагаетъ новый законъ, по силѣ котораго братія-послушники духовныхъ конгрегацій, занимающіеся обученіемъ, могутъ быть освобождены отъ военной службы въ такомъ только случаѣ, когда они занимали учительскую должность въ продолженіе десяти лѣтъ въ общественныхъ или въ такъ-называемыхъ полуобщественныхъ школахъ (publiques ou semi-publiques), во всемъ строго подчиненныхъ администраціи.

Оратору кажется, что нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія едва-ли не болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ стремится къ стѣсненію и монополизаціи обученія; онъ изъ числа тѣхъ, которые хотятъ подчинить религію философіи и на всѣхъ ступеняхъ водворить не столько религіозное, сколько философское образованіе.

Слѣдующій ораторъ, *Малезьё* (Malezieu), принадлежащій, повидимому, къ умѣренной фракціи правительственнаго большинства, но, въ то же время, сторонникъ дароваго обученія, доказывалъ въ своей рѣчи, что невѣжество — главная причина бѣдственнаго положенія простаго народа во Франціи, что поэтому элементарное образованіе есть общественный долгъ, и что вѣрнѣйшее средство распространить въ народѣ необходимое элементарное образованіе, это введеніе во всѣхъ начальныхъ школахъ абсолютно-дароваго обученія.

„Еще недалеко то время, — такъ началъ свою рѣчь г. Малезьё, — когда во Франціи самые серіозные и безъ сомнѣнія, умные и честные люди считали

вреднымъ излишнее распространеніе въ простомъ народѣ элементарнаго образованія. Кромѣ катихизиса, которому легко выучить даже и не умѣющихъ ни читать, ни писать, дальнѣйшее обученіе, по ихъ мнѣнію — это печальный подарокъ для дѣтей, назначеніе которыхъ жить трудами рукъ своихъ, и опасный для общества. Образованный ремесленникъ вскорѣ почувствуетъ презрѣніе и отвращеніе къ своему ремеслу, считая его унизительнымъ для себя; вздумаетъ перемѣнить настоящее свое положеніе на другое, болѣе, какъ ему кажется, соотвѣтствующее его вкусамъ и способностямъ, и съ той поры сдѣлается непослушнымъ, резонеромъ, — словомъ, дурнымъ работникомъ. По мѣрѣ того, какъ будетъ распространяться образованіе среди сельскаго населенія, все труднѣе будетъ управлять работникомъ, и, живетъ ли сельскій философъ, по необходимости, въ деревнѣ, или, увлекаясь гордостію и честолюбіемъ, переселится въ городъ, во всякомъ случаѣ это будетъ вполнѣ созрѣвшій ученикъ революціонныхъ демагоговъ самаго низкаго сорта. Поэтому, такъ какъ распространеніе элементарнаго образованія между рабочими классами не болѣе какъ политическая закваска безпорядковъ, неповиновенія и соціальнаго разврата, то не лучше ли, въ интересѣ общественнаго спокойствія и безопасности, въ интересѣ производительности и народнаго богатства и даже въ интересѣ собственной пользы рабочихъ классовъ, оставить ихъ въ блаженномъ невѣжествѣ, удаляющемъ ихъ отъ безумныхъ желаній и отъ безумнѣйшихъ стремленій къ осуществленію невозможной будущности? Когда всѣ рабочіе люди будутъ умѣть читать и писать, тогда кто же станетъ за нихъ пахать землю? Наконецъ, когда проповѣдники распространенія грамотности въ простомъ народѣ горячо настаивали на томъ, что долгъ каждаго общества выучить чтенію и письму каждаго изъ своихъ членовъ и въ свою очередь, долгъ каждаго образованнаго человѣка просвѣщать себѣ подобныхъ, разсудительные консерваторы отвѣчали имъ слѣдующимъ правиломъ, почерпнутымъ, какъ они говорили, изъ вѣковаго опыта и народной мудрости: „Нужно всякому дать образованіе, соотвѣтствующее его спеціальному положенію въ обществѣ; а слѣдовательно, ремесленника не должно учить ничему болѣе, кромѣ того, что строго необходимо для производства его ремесла“.

„А между тѣмъ, пока въ образованныхъ слояхъ общества спорили о вредѣ или пользѣ образованія рабочихъ классовъ, классы эти не только коснѣли въ невѣжествѣ, но и не чувствовали ни малѣйшей потребности въ образованіи. Привыкшіе жить кое-какъ, перебиваясь со дня на день, плодами своей работы, они вообще были равнодушны къ обученію дѣтей, и иногда питали даже къ нему и враждебное чувство, такъ какъ оно лишало ихъ нѣсколькихъ копѣекъ, которыя могли для нихъ заработать дѣти ихъ, достигшія школьнаго возраста.

„Только очень недавно еще, благодаря прогрессу либеральныхъ идей, во Франціи дѣло народной грамотности подвинулось впередъ, и теперь всѣ уже согласны въ томъ, что распространенія его въ массѣ народа требуетъ не только общественный долгъ, но и общественная польза“.

Въ доказательство того, что образованное населеніе производитъ и болѣе и лучше невѣжественнаго, ораторъ приводитъ примѣръ Шот-

ландцевъ, которые, въ старое время, почитались ни къ чему негодными, кромѣ солдатчины, и охотно продавали свою жизнь всякому, кто платилъ имъ. А теперь Шотландцы въ такой степени понятливые и способные мастера, что каждый, кому нуженъ, въ метрополіи или въ колоніяхъ, дѣльный управитель для сельскаго хозяйства, для торговли или для мастерской, выбираетъ предпочтительно Шотландца. Какая же причина такого перерожденія? Учреждено множество элементарныхъ школъ по всей Шотландіи; на мѣсто стараго явилось поколѣніе новое, дѣятельное, промышленное, образованное и въ добавокъ, въ превосходной степени нравственное и религіозное.

„Съ тѣхъ поръ, въ мнѣніи экономистовъ, невѣжество считается проказою, которая отнимаетъ у соціальнаго тѣла здоровье, крѣпость силъ, энергію, дѣятельность, не представляя въ то же время никакого ручательства за общественную безопасность. Въ невѣжественномъ населеніи не трудно яростному демагогу воспламенить самыя дикія страсти. Отсюда слѣдуетъ, что нужно строить школы, чтобы не имѣть надобности строить тюрьмы".

(Многочисленные голоса на скамьяхъ: „Очень хорошо.—Тамъ, гдѣ нѣтъ удачи жандарму, удается народному учителю.—Гдѣ полны школы, тамъ тюрьмы пусты").

Впрочемъ, по увѣренію г. Малезьё, въ настоящее время, потребность элементарнаго образованія проникаетъ и во всѣ слои французскаго общества: самые бѣдные люди готовы приносить величайшія жертвы, готовы отнять у себя послѣдній кусокъ хлѣба, лишь бы только доставить дѣтямъ элементарное образованіе. Дѣло, слѣдовательно, элементарнаго образованія окончательно выиграно, по крайней мѣрѣ, въ теоріи; ибо на практикѣ нужно еще преодолѣть не мало препятствій.

Главное препятствіе къ распространенію элементарнаго образованія во Франціи г. Малезьё полагаетъ въ недостаточномъ развитіи безплатности ученія (la gratuité). По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, среднее число не платящихъ учениковъ во французскихъ начальныхъ школахъ вообще составляетъ отъ 35 до 40%. Но здѣсь слѣдуетъ принимать въ соображеніе отнюдь не большіе города и не богатыя общины, гдѣ введена безплатность обученія, или абсолютная, или въ широкихъ размѣрахъ; здѣсь нужно имѣть въ виду сельскія общины, которыхъ до 30.000, и въ которыхъ среднее число безплатныхъ учениковъ не превышаетъ и 20%. Притомъ же, хотя по закону 1850 года освобождаются отъ платы за ученіе всѣ дѣти, семейства кото-

рыхъ признаны несостоятельными муниципальнымъ совѣтомъ, но декретъ 1853 года сдѣлалъ какъ будто шагъ назадъ, предоставивъ префекту, въ концѣ каждаго учебнаго года, опредѣлить *maximum* числа дѣтей, которые могутъ быть освобождены отъ платы. Такимъ образомъ даровое обученіе сводится до 10% и даже ниже, именно въ такихъ сельскихъ общинахъ, гдѣ бѣдныхъ семействъ вдвое, втрое и даже вчетверо болѣе, нежели въ общинахъ большихъ городовъ.

Правда, обсуждаемый законъ, предоставляя всѣмъ безъ изъятія общинамъ право вводить у себя абсолютно-даровое обученіе (la gratuité absolue), разрѣшаетъ въ то же время установленіе новаго экстраординарнаго, спеціально на этотъ предметъ назначаемаго налога и въ случаѣ недостаточности его, обезпечиваетъ пособіе отъ департамента и отъ казны; но все же, и при этихъ условіяхъ, только болѣе зажиточныя общины, для которыхъ взиманіе новаго налога не окажется слишкомъ обременительнымъ, будутъ въ состояніи ввести абсолютную или общую для всѣхъ дѣтей безплатность. Всѣ же прочія общины останутся при условіяхъ закона 1850 г., то-есть, только семейства, офиціально признанныя бѣдными, не будутъ платить за ученіе дѣтей своихъ, а между тѣмъ, многія изъ семействъ, не попавшихъ въ списокъ бѣдныхъ, будучи не менѣе попавшихъ въ него несостоятельными, навѣрное предпочтутъ посылкѣ дѣтей своихъ въ школу и платѣ за ученіе посылку ихъ на фермы или на фабрики, чтобы воспользоваться ихъ копѣечными заработками.

Изъ всего сказаннаго ораторъ выводитъ безусловную необходимость изысканія мѣръ къ введенію повсемѣстно во Франціи абсолютно-дароваго начальнаго обученія.

Но г. Малезьё полагаетъ, что и при абсолютной безплатности все еще многія дѣти не будутъ посѣщать школы потому единственно, что родители не въ состояніи снабдить ихъ необходимою одеждою и классными принадлежностями: „Больные, хилые, старики, нищіе призрѣваются въ больницахъ и богадѣльняхъ на посильныя подаянія въ христіанскомъ духѣ; но можетъ ли быть что-либо творимо въ болѣе христіанскомъ духѣ, какъ подаяніе ученія“? Результатомъ такихъ соображеній, по мнѣнію оратора, является въ проектѣ новаго закона (ст. 15) учрежденіе школьной кассы.

По офиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ числится еще болѣе 600 общинъ, не имѣющихъ никакой школы. Очевидно, это самыя бѣдныя общины, а главное то, что составляющія ихъ семейства живутъ разсѣянно, по одиночкѣ, или небольшими деревушками, въ разстояніи

болѣе версты отъ школы. Ходить дѣтямъ въ такую отдаленную школу зимою, въ осеннюю и весеннюю распутицу, и вообще въ дурную погоду, весьма неудобно, особенно для дѣвочекъ. Предполагаемое учрежденіе деревушечныхъ школъ (écoles de hameau ст. 3 и 6) способно въ значительной степени устранить это неудобство. Школы этого рода столь же необходимы, какъ и женскія. Въ томъ и другомъ отношеніи остается еще много сдѣлать во Франціи; есть множество маленькихъ деревушекъ безъ школъ; но есть и большіе города, въ 30.000 жителей и болѣе, въ которыхъ имѣется только по одной женской школѣ. А между тѣмъ кому неизвѣстно, что образованная и притомъ получившая хорошее нравственное и религіозное воспитаніе женщина есть оплотъ семейныхъ добродѣтелей, источникъ добродѣтелей общественныхъ, путеводительница къ идеалу политическаго и соціальнаго совершенства? Слѣдовательно, необходимы женскія школы повсюду, и въ то же время, повсюду, гдѣ нужно, школы деревушечныя.

Въ интересѣ личнаго состава начальныхъ мужскихъ и женскихъ школъ, ораторъ того мнѣнія, что 1) ежели лишь малое число дѣвицъ, какъ вообще жалуются, посвящаетъ себя педагогическому призванію, то главная причина та, что положеніе учительницъ недостаточно обезпечено. Чтобъ удержать хорошихъ учительницъ, состоящихъ на службѣ, и поощрить дѣвицъ, получившихъ нужное педагогическое образованіе, къ поступленію на учебное поприще, есть только одно средство: нужно обезпечить положеніе учительницъ такъ, чтобы и вышедши замужъ, онѣ могли оставаться на службѣ, находя въ своемъ жалованьи болѣе или менѣе достаточный источникъ средствъ для удовлетворенія своихъ хозяйственныхъ потребностей. 2) Касательно же учителей, находя настоящее ихъ жалованье весьма скуднымъ, ораторъ желалъ бы увеличить его до такой степени, чтобъ оно обезпечивало учителю нѣкоторую степень независимости и значенія въ общинѣ. Нельзя отказать учителю въ правѣ быть избирателемъ, и ежели какому избирателю необходима тайная подача голоса, то, безъ сомнѣнія, начальному учителю. Но употреблять его электоральнымъ агентомъ, какъ это дѣлали нѣкоторые префекты, значитъ быть врагомъ начальнаго обученія.

Главное же, по мнѣнію оратора, слѣдуетъ отмѣнить декретъ 1854 года, предоставляющій префекту назначеніе начальныхъ учителей и учительницъ. Декретъ этотъ объясняли, вопервыхъ, необходимостью предоставить назначеніе учителей власти, ближайшей къ поприщу учительской дѣятельности. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало возложить это

дѣло на академическихъ инспекторовъ, а никакъ не на префектовъ. Вовторыхъ, увѣряли, что это сдѣлано съ цѣлью децентрализаціи училищнаго управленія. Но предоставлять префекту назначеніе агентовъ спеціальной администраціи, вовсе не значитъ децентрализировать управленіе: это значитъ въ правильный организмъ общественнаго управленія вводить элементъ разстройства. Вотъ что въ 1833 году говорилъ объ этомъ Гизо: „Когда дѣло идетъ о выборѣ учителей, собственно о личномъ учебномъ составѣ, объ управленіи учебною частію, о надзорѣ за обученіемъ и методами, тогда всѣ эти аттрибуты должны принадлежать не общей администраціи, не префектамъ и вице-префектамъ, но администраціи спеціальной — ректорамъ и инспекторамъ.

Депутатъ *Деламаръ*, бывшій префектъ одного изъ департаментовъ, обратилъ вниманіе палаты на слѣдующіе предметы:

1. Такъ какъ цѣль проекта новаго закона распространить учрежденіе женскихъ начальныхъ школъ въ сельскихъ общинахъ, то очень жаль, что коммиссія не обратила вниманія на средство пополненія и возобновленія личнаго состава начальныхъ учительницъ. Грустно сказать, что нормальныя школы для образованія начальныхъ учительницъ существуютъ только въ 11-ти департаментахъ, а въ другихъ 52 департаментахъ учреждены только нормальные курсы (педагогическіе). Между тѣмъ, однакожь, можно смѣло сказать, что департаменты, въ которыхъ обученіе сдѣлало наиболѣе успѣховъ, суть именно тѣ, въ которыхъ уже двадцать слишкомъ лѣтъ существуютъ женскія нормальныя школы. Департаментъ Крёзъ (Creuse), одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ, который до 40.000 дѣтей своихъ высылаетъ ежегодно далеко искать средствъ пропитанія, въ университетской статистикѣ занимаетъ весьма видное мѣсто, благодаря существованію въ немъ, съ 1843 года, нормальной женской школы.

2. Почти всѣ административныя власти во Франціи приняли за правило не опредѣлять чиновника къ должности на его родинѣ. Это ошибка. Въ чужой странѣ новичка-чиновника окружаютъ интересаны, которые подслуживаніемъ, лестію, нашептываніемъ стараются завладѣть имъ и сбиваютъ съ толку. Самыя странныя ошибки, самыя возмутительныя беззаконія часто происходятъ единственно отъ незнанія молодыми чиновниками лицъ и дѣлъ той среды, въ которой они обречены жить. Случается, конечно, что чиновнику трудно съ точностію исполнять свою должность и среди родныхъ. Но такіе случаи весьма

рѣдки, и тогда чиновникъ или учитель и самъ пожелаетъ, чтобъ его перевели на другое мѣсто. Поставить же правиломъ, что учитель не можетъ занимать должность въ той общинѣ, въ которой онъ родился, или въ сосѣдней, значитъ лишить его лучшей опоры, въ которой онъ нуждается, особенно въ началѣ своей учебной дѣятельности. Затрудненіе бѣднаго молодаго учителя еще увеличится, ежели онъ попадетъ въ такое чужое селеніе, въ которомъ его естественные руководители, сельскій старшина (maire) и приходскій священникъ, въ безпрерывной ссорѣ между собою. Въ мѣстности, съ которою онъ съ дѣтства знакомъ, учитель знаетъ мѣстныя причины вражды. Благоразуміе и совѣты родныхъ убѣдятъ его въ необходимости устраняться отъ всякихъ интригъ и сосредоточиться на занятіяхъ по должности и на семейной любви.

3. Съ нѣкотораго времени слишкомъ безцеремонно стали перемѣщать учителей изъ одной общины въ другую безъ всякой уважительной причины, большею частію единственно по капризу того или другаго вліятельнаго лица въ общинѣ. А между тѣмъ, произвольное перемѣщеніе, оскорбляя достоинство учителя и въ то же время раззоряя его, часто влечетъ за собою охлажденіе къ должности въ перемѣщаемомъ. А потому необходимо: 1) чтобы мотивы перемѣщенія учителей разсматривались предварительно въ департаментскомъ совѣтѣ; 2) вызывались бы учителя къ объясненію, и 3) перемѣщаемымъ выдавалось бы денежное пособіе.

4. Чрезвычайно скудное учительское жалованье (700, 600, 500, 400 фр.) подвергается значительному вычету, именно:

a)	5°/₀ съ 700 фр. на пенсіонный капиталъ .	35 фр.
b)	Личной подати	1—50 сант.
c)	За двери и окна	4—20 „
d)	За мебель	3—70 „
e)	За 3 дня работы въ натурѣ (trois journées de préstation)	4—50 „
f)	На выписку департаментскаго училищнаго бюллетеня	3— „ „
g)	Ежегодный проѣздъ въ департаментскій городъ для присутствованія при раздачѣ наградъ учителямъ за отличіе по преподаванію въ вечернихъ школахъ для взрослыхъ .	„—20 „
	Итого . . .	66 фр. 90 сант.

Затѣмъ чистаго учительскаго жалованья остается всего 633 фр. 10 сант.

Знакомый оратору учитель, отецъ восьмерыхъ дѣтей, будучи не въ состояніи заплатить 4 фр. 50 сант. за trois journées de prestation, работалъ три дня на сосѣднихъ дорогахъ съ заступомъ и ломомъ въ рукахъ. Работа, конечно, не унизила его, но три дня потеряны для ученія.

5. Законъ 1853-го года о пенсіяхъ, выгодный для административныхъ чиновниковъ, которые съ лѣтами повышаются въ должностяхъ и въ жалованьи, весьма невыгоденъ для начальныхъ учителей. Бо̀льшая часть жалованья учителя состоитъ изъ платы за ученіе, сумма которой естественно уменьшается, по мѣрѣ того какъ съ лѣтами слабѣютъ его физическія силы, и онъ теряетъ возможность справиться съ многочисленною школой. По деревнямъ во Франціи нерѣдко встрѣчаются почтенные старцы, опрятно, но плохо одѣтые, согбенные подъ бременемъ лѣтъ и недуговъ, которые бродятъ отъ дома до дома, обращаясь за подаяніемъ къ частной благотворительности. Это учителя начальныхъ общественныхъ школъ, которые провели болѣе полустолѣтія въ обученіи дѣтей, образовали три или четыре поколѣнія честныхъ гражданъ! Такое зрѣлище достойно ли великой націи?

6. Обсуждаемымъ нынѣ закономъ отмѣняется бывшее у префектовъ право опредѣлять наибольшее число безплатныхъ учениковъ въ каждой начальной школѣ; по новому закону, будетъ освобождаемъ отъ платы за ученіе всякій, кто не въ состояніи платить. Сверхъ сего, предоставляется департаментскимъ совѣтамъ, въ случаѣ опредѣленія въ какую-либо начальную школу помощниковъ или помощницъ, часть сбора денегъ за ученіе обращать въ прибавку къ ихъ жалованью. Оба эти распоряженія произведутъ очевидный ущербъ въ содержаніи учителя или учительницы, которые завѣдываютъ школою (instituteur dirigeant une école). Между тѣмъ предполагаемое вознагражденіе за курсы для взрослыхъ нельзя считать восполненіемъ этой потери, какъ потому что съ курсами для взрослыхъ увеличиваются учебныя занятія, такъ и потому, что это вознагражденіе составитъ какихъ-нибудь 50 или 60 фр., не болѣе. Оратору желательно, чтобы правительство сдѣлало изъ начальнаго обученія такую профессію, которая позволила бы честному человѣку за его полезные труды прожить скромно, но безбѣдно, и воспитать дѣтей;—чтобъ учитель, услуги котораго драгоцѣннѣе для общества услугъ всякаго другаго чиновника, могъ исполнять свои, сами по себѣ тяжелыя обязанности,

не терзаясь боязнію страдать вѣчно подъ гнетомъ нужды. Вѣдь повторяютъ же безпрестанно, что Франція достаточно богата, чтобъ оплачивать свою славу. Но есть ли слава больше, чище и долговѣчнѣе той, которая пріобрѣтается обезпеченіемъ народу образованія а тѣмъ, кто даетъ его,—существованія не роскошнаго, но по крайней мѣрѣ, почтеннаго (honorable).

Вслѣдствіе всѣхъ высказанныхъ имъ соображеній, г. Деламаръ предлагаетъ отослать проектъ въ коммиссію, чтобы въ немъ: 1) вычеркнуть статью 6-ю, 2) измѣнить законъ 1853-го года о пенсіяхъ начальныхъ учителей (loi sur la retraite des instituteurs); 3) ассигновать въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія ежегодно по 150.000 фр. на увеличеніе учительской пенсіи, по крайней мѣрѣ, до 365 фр.; 4) вотировать для внесенія въ государственный бюджетъ по министерству народнаго просвѣщенія кредитъ въ 13.600.000 ежегодно, на увеличеніе постояннаго или основнаго (fixe) жалованья начальныхъ учителей до 700 фр., вмѣсто прежнихъ 200, независимо отъ платы за ученіе.

Г. *Карно,* членъ оппозиціи, бывшій министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій въ 1848 году, съ удовольствіемъ признаетъ, что проектъ новаго закона дѣлаетъ шагъ впередъ въ народномъ образованіи, потому что его главная цѣль—организація начальнаго обученія дѣтей женскаго пола, слѣдовательно, пополненіе прискорбнаго пробѣла въ законѣ 1833 года. Государственныхъ людей, которые, имѣя власть въ тѣ времена, не упрочили женскаго образованія, ожидаетъ, по мнѣнію г. Карно, безпощадное осужденіе исторіи. Ошибка ихъ, парализовавъ плодотворное вліяніе женщины на цивилизацію, задержала прогрессъ цѣлаго поколѣнія.

По мнѣнію оратора, необходимо учредить для женщинъ высшія общественныя учебныя заведенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ создать особую систему обученія женскаго пола, такъ чтобы во всѣхъ женскихъ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ образованіе получило извѣстную степень опредѣленности, которой недостаетъ ему теперь. Но всего важнѣе то, чтобы во всѣхъ женскихъ школахъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній годъ воспитанія занимать дѣвицъ преимущественно такими упражненіями, которыя приготовили бы ихъ въ учительницы своихъ младшихъ подругъ. Ораторъ очень сожалѣетъ, что коммиссія вовсе умолчала о нормальныхъ школахъ для образованія учительницъ. Въ воспитаніи дѣвочекъ, какъ и въ воспитаніи мальчиковъ, невоз-

можно достигнуть надлежащихъ результатовъ безъ хорошо организованныхъ этого рода педагогическихъ заведеній.

„Абсолютная безплатность, продолжаетъ г. Карно, сдѣлала въ послѣднее время замѣчательные успѣхи. По словамъ министра народнаго просвѣщенія, она введена уже въ 7.889 начальныхъ школахъ, въ которыхъ обучается болѣе милліона дѣтей. А вотъ слова докладчика: „Всѣ важнѣйшіе города вводятъ у себя даровое начальное обученіе, для всѣхъ дѣтей безъ изъятія. Въ „самомъ дѣлѣ, даровое обученіе, разсматриваемое съ соціальной точки зрѣнія, „рано вводя въ соприкосновеніе различные классы народа, и устанавливая „добрыя отношенія между гражданами, должно производить весьма хорошія „послѣдствія. Когда дѣти сидятъ на однѣхъ и тѣхъ же скамьяхъ, то непремѣнно перенимаютъ другъ отъ друга лучшія качества ума, сердца, обращенія. „Уровень стоящихъ низко поднимается. Связи дѣтства, прочно сохраняясь въ „воспоминаніи до зрѣлыхъ лѣтъ, будутъ поддерживать между людьми, поставленными въ положенія самыя неровныя, взаимное доброжелательство и послужатъ новымъ элементомъ согласія. Слѣдовательно, должно поздравить тѣ „города, которые сумѣли, часто съ значительными пожертвованіями, обезпечить для себя этотъ счастливый результатъ".

Когда же докладчикъ возразилъ, что коммиссія одобряетъ абсолютную безплатность, вводимую по доброй волѣ, но не навязываетъ ея не желающимъ, г. Карно сказалъ:

„Да, коммиссія, выразивъ то, что вы слышали, ограничилась совѣтами. Она допускаетъ абсолютную безплатность на счетъ общинъ, но не допускаетъ ея на счетъ казны. Отсюда непремѣнно разовьется большое неравенство въ степени цивилизаціи департаментовъ соразмѣрно съ ихъ средствами и съ состояніемъ въ нихъ образованія, во вредъ національному единству, — неравенство, которое не иначе можетъ исчезнуть, какъ съ установленіемъ болѣе прочной солидарности между населеніями чрезъ недопущеніе даровому обученію обратиться въ мѣстную привилегію богатства и образованности.

„Но не довольно ввести даровое обученіе, а остается еще одно,—сказано въ докладѣ коммиссіи, — довести недостаточныхъ родителей до сознанія всей „важности благодѣянія, которое общественная щедрость обезпечиваетъ бѣднымъ семействамъ. Апатія, равнодушіе, своекорыстіе могутъ оставить школы „пустыми и при абсолютной безплатности. Недавно одинъ муниципальный совѣтъ съ прискорбіемъ заявилъ въ своемъ протоколѣ, что изъ 50-и бѣдныхъ „дѣтей, допущенныхъ въ школу безплатно, едва лишь нѣсколько посѣщаютъ „ее". Отсюда видно, что однихъ совѣтовъ и увѣщаній мало, и что единственное средство преодолѣть слѣпое упорство, — это узаконить обязательность обученія (obligation d'enseignement). Напрасно противники ея приводятъ въ свое оправданіе свободу обученія. Обязательное обученіе не означаетъ обученія по извѣстной методѣ или въ извѣстныхъ школахъ; оно только заставляетъ отца семьи дать своимъ дѣтямъ элементарное образованіе, лишая его жалкой свободы — оставлять дѣтей своихъ въ невѣжествѣ!

„Въ Пруссіи тогда только принуждаютъ дѣтей посѣщать школу, когда отецъ не заботится обучать ихъ дома или въ другомъ мѣстѣ. То, что называется

въ Пруссіи школьнымъ понужденіемъ, до такой степени вошло въ привычку жителей, что оно теперь почти лишнее; а привычка дѣйствительно успѣшнѣе понужденія. Извѣстно, что прусскіе солдаты всѣ умѣютъ, по крайней мѣрѣ, читать и писать, и сознаютъ, что австрійскіе солдаты въ этомъ отношеніи гораздо ниже ихъ. Вотъ что̀ одинъ изъ нихъ писалъ къ своимъ роднымъ послѣ сраженія подъ Садовой: „Вы думаете, что игольчатыя ружья выиграли сраженіе подъ Садовой, а я утверждаю, что выигралъ его учитель начальной школы“.

Въ число обязательныхъ предметовъ начальнаго женскаго обученія, кромѣ французской исторіи и географіи, г. Карно̀ желалъ бы включить элементарныя понятія гигіены, знаніе которыхъ необходимо въ деревенской жизни, гдѣ часто слишкомъ молодыя дѣвушки ухаживаютъ за дѣтьми. Не было бы лишнимъ также и понятіе о домашнемъ хозяйствѣ, такъ какъ заботы о домѣ лежатъ на обязанности женщины.

По совмѣстному докладу министра сельскаго хозяйства, торговли и публичныхъ дорогъ и министра народнаго просвѣщенія, состоялся въ нынѣшнемъ году императорскій декретъ о распространеніи въ начальныхъ школахъ обученія земледѣлію. Ораторъ искренно сочувствуетъ этому декрету, потому что по его мнѣнію, обученіе земледѣлію нигдѣ не можетъ быть болѣе полезнымъ, чѣмъ во Франціи: въ ней земледѣльческое сословіе, относительно, многочисленнѣе, нежели въ какой-нибудь другой странѣ [1]). На 37.000.000 жителей во Франціи приходится до 19-ти милліоновъ пахарей, тогда какъ въ Англіи при 20-ти милліонахъ жителей, ихъ только 2 милліона. Опасаются измѣненія этого отношенія по случаю переселенія земледѣльческаго населенія въ города. Есть только одно средство остановить это стремленіе — выучить крестьянина извлекать болѣе выгодъ изъ своего состоянія. Французскій крестьянинъ менѣе нуждается въ деньгахъ, чѣмъ въ правильномъ понятіи объ употребленіи ихъ. Онъ часто занимаетъ деньги на покупку земли, но очень рѣдко на ея улучшеніе; покупаетъ землю по неимовѣрной цѣнѣ и скупится на расходы по ея воздѣлыванію!

Но ежели обученіе земледѣлію должно преобладать въ сельскихъ школахъ, то рисованіе и черченіе необходимо усилить, по мнѣнію г. Карно̀, въ промышленныхъ центрахъ. Ораторъ убѣжденъ, что нація, въ которой обучаютъ рисованію и черченію наравнѣ съ чтеніемъ и письмомъ, вскорѣ превзойдетъ другія націи въ искусствахъ, требующихъ вкуса. Поэтому необходимо усилить, какъ въ школахъ для маль-

---

[1]) Кромѣ, разумѣется, Россіи, а также и Австріи. *Прим. Ред.*

чиковъ, такъ и въ школахъ для дѣвочекъ, обученіе преимущественно орнаментному рисованію.

Г. Карно, также какъ и предшествовавшіе ему ораторы, не доволенъ тѣмъ, что назначеніе начальныхъ учителей остается и на дальнѣйшее время въ рукахъ префектовъ, на основаніи закона 1854-го года, изданнаго, по его словамъ, въ такое время, когда подъ вліяніемъ ревнивой реакціи, преобладало повсюду политическое недовѣріе.

Въ заключеніе, ораторъ совѣтуетъ второй имперіи разливать просвѣщеніе щедрою рукой, и въ доказательство благотворнаго дѣйствія просвѣщенія на народную нравственность, приводитъ слѣдующій примѣръ. 6-го іюня 1866 года, въ Безансонѣ долженъ былъ открыться ассизный судъ; но засѣданіе не состоялось, потому что не было записано на очереди ни одного уголовнаго дѣла. А надо знать, что Дубскій (du Doubs) департаментъ, гдѣ главный городъ Безансонъ, числится вторымъ въ сравнительной таблицѣ элементарнаго образованія во Франціи. Почти всѣ его жители получили это образованіе въ школахъ. „Вотъ краснорѣчивый фактъ, восклицаетъ ораторъ, — который убѣдительнѣе рѣчи Мирабо".

На другой день, 2-го марта (19-го февраля), открылъ засѣданіе законодательной палаты министръ народнаго просвѣщенія *Дюрюи* рѣчью, заключавшею въ себѣ отвѣты каждому изъ вчерашнихъ ораторовъ: Кельбъ-Бернару, Малезьё, Деламару и Карно. Въ отвѣтѣ Кольбъ-Бернару г. Дюрюи, ловко воспользовавшись съ одной стороны очевидною невнимательностію палаты къ рѣчи несчастнаго ультра-клерикальнаго депутата, съ другой, дѣйствительно оскорбительною рѣзкостію нѣкоторыхъ его выраженій и наконецъ, преувеличенными клерикальными притязаніями, легко отразилъ всѣ слабые и неловкіе удары, и такъ удачно, что уже почелъ возможнымъ не коснуться опроверженіемъ болѣе существенныхъ нападеній противъ духа и направленія французскаго образованія со стороны религіи и нравственности.

По словамъ министра, изъ всѣхъ членовъ палаты, высказавшихъ свое мнѣніе въ предыдущемъ засѣданіи, одинъ только г. Кольбъ-Бернаръ съ горечью заявилъ свое неудовольствіе противъ университета и того, кто въ настоящее время имѣетъ честь быть во главѣ его.

Одно лишь г. Кольбъ-Бернаръ признаетъ хорошимъ, — это конгреганистское обученіе. А такъ какъ университетское обученіе дурно, то и слѣдуетъ замѣнить послѣднее первымъ.

Но министръ завѣряетъ защитника духовныхъ конгрегацій въ томъ, что: 1) университетъ не учебное государство, а учебное сословіе, дѣйствующее посредствомъ учителей, которые проникнуты его духомъ и воодушевлены потребностію дать національное воспитаніе ввѣреннымъ ихъ руководству дѣтямъ; 2) университетъ давнымъ давно отказался отъ монополіи. Нынѣ во Франціи каждый гражданинъ можетъ открыть школу начальнаго, средняго общаго и даже средняго спеціальнаго обученія; требуется только представить подлежащей власти двѣ бумаги: *brevet de capacité* и заявленіе желанія открыть школу. Такое же право предоставлено и духовнымъ ассоціаціямъ, участіе которыхъ въ дѣлѣ обученія значительно усилилось противъ прежняго: въ 1840 г., въ конгреганистскихъ школахъ обучалось 22% всего школьнаго населенія, а нынѣ обучаются въ нихъ 38%; въ 1840 году, лица, принадлежащія къ духовнымъ конгрегаціямъ, составляли 20% всего учебнаго сословія, а нынѣ составляютъ 43%.

„Сверхъ сего, продолжаетъ министръ, нѣтъ во Франціи ни одной университетской школы, которая не имѣла бы своей домашней церкви, своей церковной службы, своего законоучителя и не подчинялась бы епископскому надзору. Въ чемъ же, послѣ этого, состоитъ монополія университета? Чѣмъ стѣсняется свобода ученія?

„Не могутъ отказать университету въ познаніяхъ, такъ какъ доказательства на лицо, въ его дѣйствіяхъ и людяхъ, которыхъ образовалъ онъ; поэтому отказываютъ ему въ сердцѣ, что, конечно, легче. „Да, говорятъ, вы весьма ученые люди; ученіе-то у васъ идетъ хорошо; но въ воспитаніи вы ничего не смыслите". Но я долженъ энергически протестовать противъ такого обвиненія, какъ человѣкъ, который самъ былъ тридцать лѣтъ профессоромъ и собственнымъ опытомъ убѣдился, что эти двѣ вещи, обученіе и воспитаніе, нераздѣльны. Неусыпная заботливость о томъ, чтобы направить юные умы на путь истины и добра, очистить сердца учащихся, истребить въ однихъ ложныя понятія, въ другихъ дурныя чувства, неужели это не воспитаніе? А въ этихъ трудахъ и заботахъ проходитъ вся жизнь наставниковъ юношества отъ перваго до послѣдняго часа. Исторія, литература, положительныя науки (sciences), въ лекціяхъ, достойныхъ своего званія профессоровъ, возвышаютъ душу. А все то, что возвышаетъ душу, приближаетъ ее къ Богу. Потому-то наставники и ставятъ предъ глазами своихъ воспитанниковъ то, что безпрестанно имъ подсказываетъ: „Горѣ имѣемъ сердца!"

Далѣе министръ переходитъ къ разсмотрѣнію двухъ вопросовъ, которые, хотя о нихъ и не упоминается въ проектѣ закона, требуютъ, однакожъ, разъясненія со стороны правительства, потому что ихъ коснулись предшествовавшіе ораторы; это — назначеніе начальныхъ учителей префектомъ и высшее образованіе дѣвицъ.

Вступая въ должность министра народнаго просвѣщенія, г. Дюрюи,

по собственному увѣренію его, считалъ первѣйшимъ долгомъ своимъ предложить измѣненіе нынѣшняго порядка назначенія начальныхъ учителей. Но дальнѣйшій опытъ убѣдилъ его, что это лучшая организація и что ежели бы не было ея, то было бы необходимо изобрѣсть ее. Кому, спрашивается, поручить назначеніе начальныхъ учителей? Общинѣ? Она слишкомъ близко. Ректору? Онъ слишкомъ далеко, и въ его завѣдываніи иногда девять департаментовъ и до 8.000 лицъ учебнаго сословія. Академическому инспектору? Онъ самъ подчиненъ ректору. — Какой же нынѣ порядокъ? Префектъ назначаетъ начальнаго учителя не иначе, какъ по представленію академическаго инспектора. Такимъ образомъ, академическому инспектору, какъ ближайшему начальнику учебнаго дѣла, предоставляется выборъ учителя, префекту — окончательное опредѣленіе. А ежели бы префектъ рѣшилъ неправо, то у него есть также начальникъ. По дѣламъ начальнаго обученія префектъ — прямой агентъ министра народнаго просвѣщенія. Министръ получаетъ ежемѣсячно вѣдомость о перемѣнахъ по учебному вѣдомству, происшедшихъ въ департаментѣ, съ объясненіемъ побудительныхъ причинъ. Объ увольненіи же учителя каждый разъ представляется министру особое донесеніе съ изложеніемъ законныхъ мотивовъ, а въ случаѣ неудовлетворительности ихъ, министръ поручаетъ генеральному инспектору произвести изслѣдованіе.

Префектъ, во время объѣзда департамента, ревизуетъ начальныя школы, контролируетъ муниципальный бюджетъ, наблюдаетъ за правильнымъ употребленіемъ фондовъ, назначенныхъ на потребности обученія; предсѣдательствуетъ въ департаментскомъ совѣтѣ и доноситъ генеральному совѣту о всѣхъ расходахъ по департаменту, — словомъ, онъ не что иное какъ хозяинъ департамента, которому должны быть извѣстны всѣ матеріальные и нравственные интересы управляемыхъ. Не справедливо ли послѣ этого, что префекту принадлежитъ назначеніе начальныхъ учителей, тогда какъ самою существенною частію начальнаго обученія — методой, учебными курсами и книгами — завѣдываетъ ректоръ?

Говорили о многочисленныхъ перемѣщеніяхъ учителей (Деламаръ): цифры преувеличены. Бóльшая часть перемѣщеній происходитъ въ видѣ награды. Въ началѣ своего служенія учитель получаетъ небольшую школу и небольшое жалованье. По мѣрѣ того, какъ обнаруживаются его способности, усердіе и опытность, его перемѣщаютъ въ школу помноголюднѣе, гдѣ больше труда, но больше и выгодъ. Дис-

циплинарныхъ перемѣщеній сравнительно бываетъ очень мало, а еще менѣе удаленій отъ должности, и число ихъ ежегодно уменьшается.

Касательно увеличенія эмеритальной пенсіи начальнымъ учителямъ, при выходѣ ихъ въ отставку, по крайней мѣрѣ, до 365 фр., по числу дней въ году, министръ завѣряетъ, что правительство симпатизируетъ этому желанію, и готово употребить все старавіе, чтобъ оно осуществилось; но мѣра эта требуетъ особаго и тщательнаго изученія, такъ какъ она повлекла бы за собою измѣненіе общаго закона о пенсіяхъ.

О необходимости высшаго и спеціальнаго женскаго образованія министръ раздѣляетъ мнѣніе г. Карно. Элементарнаго образованія недостаточно для дѣвицъ, нужно больше. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи частная инициатива осуществила уже профессіональное или спеціальное образованіе. Существуютъ для дѣвицъ рабочіе классы и нѣсколько спеціальныхъ школъ. Въ одной изъ подобныхъ школъ, содержимой на ограниченныя средства частной благотворительности и назначенной исключительно для приходящихъ дѣвицъ, заведенъ слѣдующій порядокъ. Утромъ—совершенствованіе въ предметахъ начальнаго обученія; вечеромъ — вся школа, состоящая изъ 200 ученицъ, раздѣляется на пять или шесть мастерскихъ, между которыми достойны особеннаго вниманія: 1) швейная, гдѣ ученицы шьютъ домашнее бѣлье; 2) торговая, гдѣ счетныя книги ведутся въ отличной исправности и чистотѣ по всѣмъ торговымъ операціямъ. Напримѣръ: одна изъ воспитанницъ занимаетъ роль негоціанта въ Бордо, другая въ Петербургѣ; онѣ ведутъ между собою переписку по коммерческимъ дѣламъ и такимъ образомъ приготовляются въ секретари къ негоціантамъ. Всѣ онѣ обучаются англійскому языку и многія въ состояніи вести на немъ бесѣду. Школа эта недавно существуетъ, но уже 12 дѣвицъ изъ нея помѣщены въ торговыхъ домахъ. 3) Школа рисованія, въ которой дѣвицы приготовляются къ двумъ искусствамъ: гравированію на деревѣ и живописи на фарфорѣ.

Вотъ, заключаетъ министръ, образецъ профессіональныхъ школъ, которыя желательно завести во всѣхъ большихъ городахъ имперіи.

„Но для дочерей богатыхъ или достаточныхъ семействъ, продолжалъ г. Дюрюи, нужно что-нибудь другое, нужно образованіе болѣе литературное,—именно: свободные курсы (cours libres), которые дѣвицы посѣщали бы въ сопровожденіи матерей. Такіе курсы уже и преподаются кое-гдѣ. Учрежденіе лицеевъ для дѣвицъ едва-ли осуществимо, да и не желательно. Другое дѣло интернаты для мальчиковъ: имъ нужно воспитаніе мужественное, дисциплина строгая и въ особенности, безпрестанное, полирующее соприкосно-

веніе другъ съ другомъ, то, наконецъ, лицейское товарищеское воспитаніе, которое, въ нѣкоторомъ отношеніи, такъ же необходимо, какъ и воспитаніе классное, потому что оно сглаживаетъ шероховатости и съ дѣтства пріучаетъ къ жизни. Дѣвица—созданіе, не скажу, хрупкое, но весьма нѣжное, которое нужно окружать такимъ множествомъ предосторожностей и береженій, что страшно и подумать о разлукѣ ея съ матерью. Поэтому не желалъ бы я учреждать для дѣвицъ интернаты (пансіоны), подобные существующимъ мужскимъ интернатамъ. Для образованія дѣвицъ должны быть открыты другіе пути: экстернаты для образованія профессіональнаго, и свободные курсы для высшаго образованія. Изъ предметовъ, преподаваемыхъ на свободныхъ курсахъ, можно было бы держать серіозные экзамены (въ Hotel de ville de Paris), которые пользуются такою извѣстностію, что многія весьма богатыя семейства подвергаютъ имъ дочерей своихъ, и конечно, не съ цѣлью посвятить ихъ званію учительницы, но единственно ради аттестата о ихъ знаніи".

Затѣмъ министръ обратился къ апологіи новаго закона. Вотъ какими чертами онъ характеризуетъ его:

„Законъ 1867 года есть законъ органическій, какъ и законы 1833 и 1850 годовъ. Особенность его состоитъ въ томъ, что это законъ справедливости, воздаянія, гуманности. Слѣдовательно, это законъ совершенно въ духѣ нашего столь оклеветаннаго времени, которое, однакожь, несравненно лучше чѣмъ говорятъ о немъ.

„*Въ отношеніи къ учащимъ*, законъ 1867 года: 1) учреждаетъ 8.000 женскихъ школъ и 2.000 школъ деревушечныхъ, а это значитъ дать возможность образованію проникнуть въ самые отдаленные уголки имперіи; 2) учреждаетъ 13.000 учительницъ швейныхъ работъ въ смѣшанныхъ школахъ (école mixte). Работы этого рода будутъ, безъ сомнѣнія, способствовать введенію въ семействахъ болѣе благоприличія и порядка. Я согласенъ съ тѣми, которые думаютъ, что одежда имѣетъ нѣкоторое значеніе въ достоинствѣ человѣка, и что лохмотья на тѣлѣ часто обнаруживаютъ нищету духа. 3) Нынѣшній законъ увеличиваетъ число помощниковъ и помощницъ (adjoints, adjointes), это необходимое подспорье всякаго хорошаго обученія; 4) санкціонируетъ существованіе курсовъ для взрослыхъ; 5) упрочиваетъ содержаніе 15.000 учительницъ; 6) обезпечиваетъ участь 14.600 помощниковъ, жалованье которыхъ, а слѣдовательно, и существованіе зависѣло доселѣ отъ произвола общинъ и учителей школы (instituteur titulaire); 7) облекаетъ въ законную силу декретъ 1862 года, опредѣлившій для 35.000 учителей возвышенное *minimum* жалованья, которое общины и департаменты иногда отказывались пополнять, за неутвержденіемъ законодательною властью финансовыхъ распоряженій; 8) добавочною статьею обезпечиваетъ вознагражденіе за труды 30.000 учителей и учительницъ, преподающихъ въ вечернихъ школахъ для взрослыхъ, и наконецъ, 9) даетъ возможность муниципальнымъ и департаментскимъ властямъ возвышать жалованье учителей, соотвѣтственно ихъ заслугамъ, и чрезъ то поддерживать между ними соревнованіе.

„*Въ отношеніи къ учащимся:* прежніе законы имѣли въ виду только бѣдность гражданъ; нынѣшній законъ заботится и о бѣдности общинъ. Была рѣчь о существованіи 8.000 начальныхъ школъ съ общинъ для всѣхъ дѣтей даро-

вымъ обученіемъ. Но гдѣ же такія школы? Въ большихъ городахъ. Въ другихъ мѣстностяхъ подобныя школы встрѣчаются очень рѣдко и существованіемъ своимъ, большею частію, обязаны какому-нибудь частному благотворителю. Сельскія населенія и въ особенности, населенія самыя бѣдныя, лишены дароваго обученія. Жалуются, что города притягиваютъ къ себѣ всѣхъ рабочихъ изъ селъ. Но зачѣмъ же въ городахъ скучено все, что только въ состояніи приманить рабочаго: даровыя больницы, искуснѣйшіе врачи, общества взаимной помощи для калѣкъ и хилыхъ; поденная плата выше сельской; жизнь не столь тяжелая, удовольствія, расточаемыя рабочему классу наравнѣ съ высшимъ классомъ? Какъ же рабочему не бросать села, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго? — Доставьте же этимъ неутомимымъ труженикамъ, сельскимъ рабочимъ, которые всѣхъ кормятъ, составляя настоящую силу государства, военную и политическую,— доставьте имъ, по крайней мѣрѣ, одно изъ безчисленныхъ благодѣяній, которыя вы скопили вокругъ городскихъ рабочихъ, — доставьте имъ даровое обученіе, утвердивъ статью новаго закона, въ которой сказано, что когда общины, желающія ввести у себя абсолютно-даровое обученіе, употребятъ всѣ свои ординарныя и экстраординарныя средства — свои три спеціальные сантима и четыре нынѣ требуемые экстраординарные сантима — на составленіе законнаго *minimum* учительскаго жалованья, и когда, однакожь, всѣхъ этихъ средствъ окажется недостаточно, и тѣмъ бѣдность общинъ сдѣлается очевидною; — въ такомъ случаѣ эти общины могутъ получать пособіе на этотъ предметъ отъ департамента и отъ казны.

„Какая же на все это потребуется сумма? Всего только до семи милліоновъ фр., которыми придется постепенно, — потому что законъ не можетъ вдругъ быть приведенъ въ исполненіе, — увеличить государственный бюджетъ.

„Обязательное обученіе (l'obligation) подняло было страшную бурю; но бываетъ, что буря прибиваетъ корабль къ пристани. Палата, конечно, имѣла основаніе не показаться расположенною къ этой мысли; но, быть-можетъ, взглянувъ на дѣло ближе и пристальнѣе, она убѣдится, что и министръ, предлагавшій ее, былъ не совсѣмъ неправъ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, что̀ значатъ эти 30.000 курсовъ для взрослыхъ, которые были открыты въ теченіе прошедшей зимы? Не доказывается ли этимъ необходимость обязательнаго обученія, вызываемая правомъ общей подачи голосовъ (suffrage universel)? Что̀ значатъ эти приходскіе священники, приносящіе церковныя свѣчи въ школу, въ которой не имѣется средствъ на освѣщеніе? Что̀ значатъ эти безчисленныя толпы народа, которыя, не взирая ни на вѣтеръ, ни на дождь, ни на бездорожье, спѣшатъ въ вечернія школы? Послѣ всего этого, заключаетъ свою рѣчь министръ, я нисколько не въ претензіи, что мое отечество какъ бы однимъ скачкомъ достигло, или, по крайней мѣрѣ, коснулось той точки, на которой стоятъ иностранныя націи, не подъ вліяніемъ понудительнаго закона, нисходящаго сверху, но по добровольному, свободному порыву патріотизма и чести, восходящихъ снизу.

---

[1]) Намекъ на докладъ министра Дюрюи въ мартѣ 1865 года, о которомъ сказано выше въ пояснительныхъ свѣдѣніяхъ.

(Живыя и многочисленныя одобренія, сопровождаемыя рукоплесканіемъ; министра, сѣвшаго на свою скамью, окружаетъ толпа депутатовъ, которые поздравляютъ его).

Жюль Симонъ, членъ оппозиціи, съ удовольствіемъ подаетъ голосъ въ пользу предложеннаго закона, но считаетъ нужнымъ высказать предварительно свое мнѣніе по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, о которыхъ разсуждали депутаты Малезьё и Карно и министръ Дюрюи, именно по вопросамъ: о даровомъ и обязательномъ обученіи, о замѣнѣ власти ректоровъ властью префектовъ по управленію начальными школами и объ учрежденіи высшихъ школъ для дѣвицъ. Мнѣніе оратора о даровомъ и обязательномъ обученіи давно извѣстно палатѣ: онъ всегда и вездѣ защищалъ и будетъ защищать эти обѣ идеи. Сегодня, однакожь, онъ ихъ не коснется, и ограничится обсужденіемъ двухъ остальныхъ вопросовъ.

1. Г. Жюль Симонъ рѣшительно несогласенъ съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, будто законъ 1854 года, раздѣлившій университетъ на двѣ части: учебную, завѣдываемую ректоромъ, и политическую, управляемую префектомъ, или вѣрнѣе, отрѣзавшій отъ университета самую существенную, самую жизненную изъ его принадлежностей — обученіе народной массы, будто такой законъ имѣлъ въ основаніи идею мудрую, практическую, сообразную съ интересами обученія.

Великая сила закона 1833 г., по мнѣнію оратора, состоитъ именно въ томъ, что онъ ввѣряетъ управленіе школами людямъ школы и въ выборѣ учителей предоставляетъ значительное, даже преобладающее вмѣшательство людямъ, имѣющимъ на то наибольшее право, и сужденіе которыхъ, въ подобномъ вопросѣ, самое вѣрное, то-есть, онъ предоставляетъ выборъ начальныхъ учителей отцамъ семействъ, или прямымъ ихъ представителямъ (муниципальному совѣту). Палата знаетъ, что̀ сдѣлалъ законъ 1854 г., и по какимъ побужденіямъ; она знаетъ, что это законъ политическій отъ начала до конца. Министръ сказалъ, что муниципальные совѣты слишкомъ близко, а ректоры слишкомъ далеко. Но вѣдь до закона 1854 г. ректоры были гораздо ближе и даже слишкомъ близко, потому что съ 1850 года было по ректору на каждый департаментъ. Но при дѣйствіи закона 1833 г., ректоры не были ни слишкомъ близко, ни слишкомъ далеко: ихъ тогда было 26; вслѣдствіе чего, каждый изъ нихъ могъ вполнѣ знать и весь личный составъ школъ, и нужды всѣхъ мѣстностей своего округа. Законъ 1854 года, сокративъ число ректоровъ до 16, лишилъ ихъ

половины принадлежавшихъ имъ правъ. Въ настоящее время элементарными школами завѣдываетъ лицо, совершенно чуждое школѣ. По словамъ г. министра, ректоры и агенты ихъ, инспекторы, сохраняютъ надзоръ за личнымъ составомъ начальнаго обученія относительно методъ и результатовъ преподаванія. Но ректоръ не имѣетъ власти ни назначать, ни удалять начальныхъ учителей; власть эта перешла въ префектамъ; какое же, спрашивается, послѣ этого остается за ректоромъ значеніе и вліяніе по начальному обученію? Такое положеніе нелѣпо, немыслимо.

Во Франціи, продолжаетъ ораторъ, безпрестанно дѣлятъ обученіе на нѣсколько степеней. Это, конечно, имѣетъ свое основаніе, но не слѣдуетъ увлекаться маніей классификаціи. Правда, что начальное обученіе не то же самое, что̀ обученіе среднее. Не должно, однакожь, забывать, что школа вездѣ школа, и что нужно имѣть одинаковый родъ способностей для управленія школами различныхъ степеней. Педагога затрудняютъ эти нѣсколько поверхностныя подраздѣленія, тѣмъ болѣе, что учащіеся въ начальныхъ школахъ большею частію переходятъ въ среднія учебныя заведенія, которыя суть ихъ продолженіе и развитіе. Такое раздвоеніе училищной администраціи, которая должна быть единая, не оправдывается ни практикой, ни теоріей.— Каковъ бы ни былъ личный составъ инспекторовъ начальныхъ школъ (inspecteur primaire), все же это, по крайней мѣрѣ, люди школы, обладающіе важнѣйшимъ изъ качествъ, нужныхъ для управленія начальными школами,—знаніемъ, что̀ такое школа. Но гдѣ компетентность ихъ главнаго непосредственнаго начальника, префекта? Кто станетъ утверждать, что декретъ, напечатанный въ *Монитерѣ*, сообщаетъ ему такое качество, которое пріобрѣтается только продолжительнымъ изученіемъ и продолжительною опытностію? Есть, конечно, должности, гдѣ въ нѣкоторой степени можно обойдтись безъ компетентности и пополнить ее особенною понятливостію и гибкостію ума; но есть другія, гдѣ знаніе и опытность рѣшительно необходимы. А всякій согласится, что учебная должность требуетъ самаго спеціальнаго знанія, и самаго продолжительнаго приготовленія. Не было ли бы безуміемъ, напримѣръ, захватить врасплохъ на базарѣ человѣка, который до тридцати пяти или до сорока лѣтъ своей жизни занимался торговлею или фабричною промышленностію, произвести его въ ректоры академіи и ввѣрить ему управленіе сердцемъ, умомъ и всею будущностію новыхъ поколѣній? Но не то же ли самое значитъ — ввѣрить управленіе начальными школами префекту?

Когда министръ народнаго просвѣщенія предполагаетъ ввѣрить какому-либо чиновнику одну изъ шестнадцати академій, то собираетъ предварительно самыя точныя справки о его прошедшемъ: о его службѣ, познаніяхъ, характерѣ, имѣя въ виду, что онъ снимаетъ съ себя и возлагаетъ на ректора значительную часть своей отвѣтственности. Но префектъ, которому ввѣряется управленіе всѣми начальными школами въ департаментѣ, есть чиновникъ, не зависящій отъ министра народнаго просвѣщенія, который не опредѣляетъ и не увольняетъ его. А хотя, по закону, префектъ и считается его агентомъ, но прежде всего онъ агентъ и представитель министра внутреннихъ дѣлъ, который, опредѣляя префекта, едва-ли спрашиваетъ о его педагогическихъ способностяхъ; да онъ и не можетъ и не долженъ спрашиватъ о нихъ. Ему нуженъ только искусный администраторъ и вѣрный исполнитель его политики.

Такимъ образомъ, говоритъ далѣе Жюль Симонъ, навязываютъ во Франціи общественнымъ школамъ такихъ руководителей, которые ничего не смыслятъ въ школьномъ дѣлѣ, а напротивъ, у тѣхъ, которые провели всю жизнь въ этого рода занятіяхъ и которые изучили труднѣйшую изъ всѣхъ наукъ — науку педагогіи, отнимаютъ важнѣйшую ихъ принадлежность! Возраженіе, что академическій инспекторъ есть представитель ректора въ департаментѣ, не основательно. Академическій инспекторъ въ департаментѣ — чиновникъ, кругомъ подчиненный; у него два начальника: ректоръ, отъ котораго онъ зависитъ въ нѣкоторой части своихъ обязанностей, и префектъ, чуждый педагогическому сословію и призванію, отъ котораго онъ зависитъ во всемъ остальномъ. При такой двойной зависимости отъ университета и отъ политики, инспекторъ не въ состояніи защищать своихъ убѣжденій, ни обезпечить успѣха своимъ представленіямъ. Чтобы возраженія оратора потеряли свою силу, есть только, по его мнѣнію, одно средство: предоставить академическому инспектору прежнія права ректора; но пока инспекторъ во власти префекта, возраженія его неопровержимы.

Словомъ, Жюль Симонъ стоитъ на томъ, что самое разумное и самое практичное назначеніе начальныхъ учителей будетъ только то, когда будетъ предоставлено: ректору, или его естественному представителю въ департаментѣ, право рѣшать по экзамену о способностяхъ учительскихъ кандидатовъ, а муниципальному совѣту — право выбирать школьнаго учителя изъ числа лицъ, помѣщенныхъ учебнымъ начальствомъ въ сообщенномъ муниципальному совѣту спискѣ кандидатовъ.

2. Касательно необходимости учебныхъ заведеній для высшаго образованія дѣвицъ, о которой говорилъ Карно, Жюль Симонъ доволенъ сочувствіемъ, которое заявилъ къ этому дѣлу министръ Дюрюи; но онъ сожалѣетъ, что не дослышалъ окончательнаго о томъ заключенія министра, и потому не знаетъ, согласенъ ли онъ съ мнѣніемъ его или нѣтъ. Жюль Симонъ не увѣренъ, сказалъ ли министръ: „создадимъ эти школы сейчасъ", или: „не сегодня такъ завтра мы создадимъ ихъ".

На это министръ Дюрюи далъ слѣдующее объясненіе. Слово *высшій (superieur)* нѣсколько запутываетъ понятіе: во Франціи высшее образованіе дается въ Collège de France, въ факультетахъ. Не такое высшее образованіе нужно для дѣвицъ; но его нельзя назвать и элементарнымъ: оно должно идти выше. Впрочемъ, въ рѣчи своей министръ уже достаточно объяснилъ сущность высшихъ учебныхъ заведеній для женскаго образованія. Правительство готово поддерживать и поощрять подобныя частныя предпріятія, а можетъ-быть, и само учредитъ образцовые курсы, лишь только разрѣшенъ будетъ на этотъ предметъ спеціальный кредитъ.

Послѣ такого объясненія Жюль Симонъ заявилъ, что желанія министра и его согласны во всемъ, кромѣ одного пункта: *министръ отлагаетъ исполненіе, а онъ желаетъ его ускорить.* Когда же на эти послѣднія слова кто-то изъ членовъ палаты, сидѣвшихъ прямо противъ трибуны, отозвался: „нужны деньги", то этотъ отзывъ подалъ поводъ Жюль Симону высказать нѣсколько весьма замѣчательныхъ мыслей.

„Говорятъ, возразилъ ораторъ: „нужны деньги!" Но спрашивается, что́ значитъ такое возраженіе? Оно можетъ имѣть только одно значеніе, то-есть, что деньги, которыя у насъ есть, имѣютъ лучшее назначеніе. У насъ, слава Богу, довольно крупный бюджетъ и большое разнообразіе расходовъ. Разница между нами и тѣми, которые говорятъ, что „нужны деньги", только въ томъ, что мы ставимъ расходы на женское образованіе въ числѣ настоятельнѣйшихъ расходовъ, тогда какъ другіе думаютъ, что есть потребности выше потребности создать серіозное образованіе для дѣвицъ. Но вопіющая несправедливость обходиться такъ съ дѣвицами, какъ обходятся съ ними во Франціи. Женщины часто жалуются, и не безъ негодованія повторяютъ:

Du coté de la barbe est toute la puissance.

„Я оставляю въ сторонѣ тѣхъ женщинъ, которыя заявляютъ притязаніе на мужскія должности, потому что ихъ притязанія безумны, и успѣхъ погубилъ бы ихъ. Что же касается образованія, то пусть кто-либо, обладающій здравымъ смысломъ, укажетъ, чѣмъ можно оправдать оставленіе дѣвицъ на низшей степени умственнаго развитія, по недостатку воспитанія? Я глу-

боко убѣжденъ, что такое неравенство, столь долго и столь беззаботно сохраняемое, — вопіющая несправедливость.

„Честь настоящему закону за увеличеніе числа начальныхъ школъ для дѣвочекъ; но недостаточно умножать ихъ, нужно учредить ихъ столько же, сколько учреждено ихъ для мальчиковъ. И недовольно элементарныхъ школъ, нужны высшія женскія школы, и безотлагательно. Откладываніе — не только политическая, но и соціальная несправедливость. Не только оно лишаетъ значительную часть человѣчества принадлежащаго ей права, но и тяготѣетъ надъ мужчинами еще болѣе, нежели надъ женщинами; ибо нѣтъ сомнѣнія. что ежели бы во Франціи существовали высшія женскія школы, умственныя силы страны, а быть-можетъ, и богатство значительно увеличились бы. Женщины обладаютъ въ равной мѣрѣ и нравственнымъ и экономическимъ могуществомъ, которымъ Франція не пользуется къ великому вреду своему.

„Въ числѣ новыхъ школъ учреждаются и школы деревушечныя, хотя едва ли возможно учредить ихъ столько, сколько нужно. Кто же истинный наставникъ въ деревушкѣ и въ одиночной усадьбѣ? Мать семейства. Школьные учитель и учительница суть не болѣе, какъ помощникъ и помощница настоящей наставницы. Настоящая наставница — мать семейства, которая преподаетъ одновременно своему ребенку и первыя начала человѣческихъ знаній, и священнѣйшія наставленія нравственности.

„Элементарнаго обученія недостаточно для того, чтобы поднять уровень человѣческаго знанія. Кто хочетъ, чтобы дѣвицы были учительницами, не долженъ забывать, что тому, кто обучаетъ, нужно знать болѣе того, чему онъ обязанъ обучать. Поэтому и хорошая учительница должна знать болѣе тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя она обязана преподавать дѣтямъ.

„Въ городахъ, по словамъ докладчика — изобиліе учебныхъ заведеній, такъ что отцы семействъ затрудняются въ выборѣ. Но вопросъ въ томъ, хороши ли эти учебныя заведенія? Свобода, которой всѣ желаютъ въ дѣлѣ обученія, очень рѣдко вознаграждаетъ учебные труды. А потому и невозможно разчитывать единственно на свободныхъ учительницъ. Необходимо, чтобы правительство не пожалѣло денегъ и приняло самое дѣятельное участіе въ учрежденіи такихъ женскихъ школъ, которыя доставили бы дѣвицамъ умственное и нравственное образованіе выше элементарнаго, и тѣмъ подняло бы уровень и самаго элементарнаго обученія. Если бы не дѣлалось этого въ пользу лицеевъ, Франція, Богъ вѣсть, куда низошла бы. Не дѣлается этого въ пользу дѣвицъ, и потому онѣ, даже въ извѣстнѣйшихъ пансіонахъ, получаютъ образованіе неполное, поверхностное, въ которомъ нѣтъ ничего ни серіознаго, ни возвышеннаго. Природа надѣлила женщинъ быстротою и ясностію ума, вѣрностію такта, нѣжностію и деликатностію сердца, способностію понимать и любить все возвышенное въ литературѣ, быть милыми и полезными сотрудницами мужчинъ въ научныхъ занятіяхъ; а мужчины что̀ сдѣлали изъ женщинъ? они обратили ихъ въ разряженныхъ куколъ (idoles parées). Не правда ли?

„Никто не станетъ отрицать, что одно изъ важнѣйшихъ золъ современнаго (французскаго) общества — это все рѣшительнѣе устанавливающійся раздѣлъ мужа съ женой. Мужъ посѣщаетъ клубы, предается упражненіямъ спорта и

отвыкаетъ отъ семейной жизни, тогда какъ жена вынуждается жить только съ другими, подобно ей покинутыми женами, вдали отъ ума и сердца своего мужа. Причина такого явленія — въ отсутствіи въ женщинахъ высшаго образованія, историческаго и литературнаго, при которомъ мужъ находилъ бы въ бесѣдѣ съ женою не только постоянное удовольствіе, но и самое побужденіе къ семейной жизни. Много счастія потеряно, много зарыто сокровищъ по винѣ мужчинъ. Пренебрегая воспитаніемъ женщинъ, Франція губитъ цвѣтъ своей цивилизаціи. Давно бы пора отвести эти забытые женскіе умы въ общую мастерскую и возвратить искусствамъ и наукамъ это могучее и полезнѣйшее подспорье. Необходимо, чтобы женщины явились тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть, то-есть, настоящими наставницами человѣческаго ума, здраваго сужденія, нравственной кротости, граціи, нѣжности сердца и источникомъ непрерывнаго побужденія къ возвышеннымъ помысламъ и благороднымъ подвигамъ".

Слѣдующій ораторъ, *Рулло-Дюгажъ* (Roullaux-Dugage), одинъ изъ членовъ палатской коммисіи, бывшій нѣкогда префектомъ, защищалъ законъ 1854 года, предоставившій префектамъ назначеніе начальныхъ учителей, и защищалъ не въ качествѣ члена коммиссіи, но въ качествѣ обыкновеннаго члена законодательной палаты. Такъ какъ онъ не сказалъ ничего новаго, а только подробнѣе повторилъ и обстоятельнѣе развилъ и объяснилъ сказанное прежде по этому предмету министромъ Дюрюи; то достаточно привести изъ рѣчи его только одно мѣсто, наиболѣе замѣчательное. Депутатъ Рулло-Дюгажъ объяснилъ, между прочимъ, что подало поводъ къ измѣненію статьи закона 1850 года, которая предоставляла муниципальнымъ совѣтамъ выборъ начальныхъ учителей.

По словамъ оратора, опытъ доказалъ, что назначеніе муниципальными совѣтами дѣлалось вообще подъ вліяніемъ соображеній, несовмѣстныхъ съ цѣлью. Очевидно, что муниципальные совѣты находились слишкомъ близко; оттого нерѣдко мѣстныя вліятельныя лица и семейныя отношенія рѣшали выборъ. Случалось, что у отца семейства, засѣдавшаго въ муниципальномъ совѣтѣ, сынъ только-что окончилъ курсъ въ нормальной школѣ; партія, къ которой принадлежалъ отецъ, тотчасъ навязывала въ учители сына, не взирая на то, нравилось ли или не нравилось обществу такое назначеніе. Члены муниципальныхъ совѣтовъ не столь образованны, чтобы въ выборахъ руководствоваться просвѣщеннымъ безпристрастіемъ. Конечно, въ городахъ муниципальные совѣтники образованнѣе. Но не должно забывать, что огромное большинство составляютъ сельскія общины, въ которыхъ муниципальные совѣтники, призываемые къ выбору учителя, не всегда умѣютъ

подписать свое имя. Вотъ мотивы, вслѣдствіе которыхъ законъ 1854 года измѣнилъ этотъ неудобный порядокъ, предоставивъ назначеніе начальныхъ учителей префектамъ, въ зависимости отъ министра народнаго просвѣщенія (sous l'autorité du ministre de l'inst. publ.).

Депутатъ *Haentjens* находилъ тотъ важный пробѣлъ въ проектѣ обсуждаемаго закона, что въ немъ ничего не сказано о школьныхъ библіотекахъ. На отзывъ докладчика г. Шошара, что ораторъ вѣроятно не требуетъ, чтобъ эти библіотеки были обязательны, послѣдній возразилъ, что напротивъ, онѣ должны быть вполнѣ обязательны, такъ какъ библіотека составляетъ необходимое дополненіе школы. Какъ ни значительны расходы, которые палата опредѣляетъ на школы, они принесутъ дѣйствительную пользу тогда только, когда при каждой школѣ явится библіотека. А то вотъ что́ происходитъ въ школахъ, по мнѣнію оратора. Дѣти посѣщаютъ школу два или три года, что́ составляетъ важную жертву для родителей и для государства, смотря по тому, богаты или бѣдны воспитанники. По выходѣ же изъ школы бо́льшая часть изъ нихъ забываетъ все, чему выучилась въ тѣ два или три года. Слѣдовательно, время и деньги потрачены даромъ. Единственное практическое средство сохранить въ ихъ умахъ и даже развить съ успѣхомъ то немногое, чему они выучились въ школѣ—это поселить въ нихъ вкусъ къ чтенію. Въ настоящее время 2.000 общинъ просятъ объ учрежденіи школьныхъ библіотекъ, но имъ отказываютъ; свидѣтель — министръ народнаго просвѣщенія.

Министръ. „Точно, поступаетъ много просьбъ, но мало имѣется денежныхъ средствъ. Впрочемъ, 100.000 фр. внесены въ бюджетъ 1868 года, которые будутъ употреблены на заведеніе библіотекъ въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ еще нѣтъ ихъ". *(Общее одобреніе)*.

Г. Haentjens, съ удовольствіемъ присоединяясь къ заявленіямъ одобренія словамъ министра, все-таки находитъ сумму 100.000 фр. недостаточною на библіотеки. Онъ полагаетъ, что расходуя ежегодно по 100.000, едва-ли будетъ возможно снабдить библіотекой каждую школу въ 20 или даже въ 25 лѣтъ. А потому лучше ассигновать на это за одинъ разъ 2 или 3 милл. По мнѣнію оратора, такую сумму не трудно найдти тамъ, гдѣ столь значительный кредитъ употребляется на игольчатыя ружья и новыя орудія.

Предшествовавшіе ораторы краснорѣчиво говорили о роли, какую занимаетъ мать семейства у домашняго очага, раздѣляющая умственныя удовольствія съ мужемъ и поселяющая къ нимъ любовь въ дѣтяхъ. Самое простое средство водворить вкусъ къ умственнымъ удо-

віямъ у домашняго очага, — это доставить семьѣ книги для . Оратору знакомы сельскія общины, въ которыхъ, въ теченіе или двухъ годовъ, при библіотекахъ отъ 100 до 120 томовъ, нуты подобные результаты, и въ добавокъ, число учащихся въ ихъ школахъ громадно увеличилось, и удвоилось число посѣти- вечернихъ школъ для взрослыхъ.

краткомъ отвѣтѣ своемъ докладчикъ, г. *Шошаръ,* заявилъ, оммиссія неравнодушно отнеслась къ школьнымъ библіотекамъ, это доказываетъ докладъ; но, полагая, что этого рода расходъ нъ быть существенно муниципальный, коммиссія пригласила об- озаботиться школьными библіотеками. Министръ съ своей сто- поощряетъ ихъ включеніемъ въ бюджетъ 100.000 фр. на би- ки, и еслибъ удалось ему доставить по сорока томовъ для й общины, то это былъ бы громадный результатъ. Оставалось бы ть хорошій выборъ книгъ и найдти читателей. Хотя предше- щій ораторъ и утверждаетъ, что читатели найдутся, были бы о занимательныя книги; однакожъ всякій, опытный въ этомъ человѣкъ знаетъ, что гораздо труднѣе найдти извѣстное число елей, нежели собрать нужное количество книгъ.

нія окончились во французской законодательной палатѣ общія я по проекту закона о начальномъ обученіи; частное же его деніе по отдѣльнымъ статьямъ отложено было на 7-е марта (23-е ля).

ОТКРЫТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

Сего 26-го ноября 1867 года, въ воскресенье, въ день Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, послѣдовало открытіе Императорскаго историко-филологическаго института. Это скромное торжество, на которое не было даже разослано никому пригласительныхъ билетовъ и на которое приглашались любители просвѣщенія только черезъ газеты, собрало въ актовую залу института, кромѣ его преподавателей и студентовъ, довольно многочисленное общество, состоящее преимущественно изъ лицъ, принадлежащихъ къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ бывшихъ питомцевъ главнаго педагогическаго института, а также изъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Г. министръ народнаго просвѣщенія не могъ лично присутствовать на этомъ торжествѣ, такъ какъ еще 24-го ноября онъ отбылъ въ Москву по случаю кончины высокопреосвященнѣйшаго митрополита Московскаго Филарета, и мѣсто его сіятельства занималъ г. товарищъ министра статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ.

По обыкновенію, торжество открытія новаго учебнаго заведенія началось молебствіемъ, которое совершалъ законоучитель института протоіерей Знаменскій. По окончаніи молебствія и по возглашеніи многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу и Государынѣ Цесаревнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и всему царствующему дому, а также учащимъ и учащимся, на каѳедру взошелъ г. товарищъ министра, и прочелъ Высочайшій указъ отъ 27-го іюля, правительствующему сенату объ открытіи въ нынѣшнемъ еще году Императорскаго историко-филологическаго института. За тѣмъ г. директоръ института, И. Б. Штейнманъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Конференція Императорскаго историко-филологическаго института, по порученію его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, честь имѣетъ представить къ свѣдѣнію всѣхъ ревнителей просвѣщенія краткій обзоръ своихъ дѣйствій.

„По назначеніи Высочайшимъ указомъ, отъ 4-го іюля, директора Императорскаго историко-филологическаго института, опредѣлены были приказами по министерству народнаго просвѣщенія, отъ 4-го и 18-го августа и 1-го сентября, тѣ профессоры и преподаватели, которые будутъ читать лекціи въ теченіе перваго 186$^7/_8$ учебнаго года. Вмѣстѣ съ симъ назначеніемъ составилась, на основаніи § 26 устава, конференція изъ наличнаго числа профессоровъ: 2-хъ ординарныхъ и 4-хъ экстраординарныхъ.

„Конференція начала свои засѣданія съ окончаніемъ каникулярнаго времени, съ первыхъ чиселъ сентября мѣсяца, и съ тѣхъ поръ собиралась по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. По обсужденіи условій пріема, которыя выражены въ краткой программѣ, напечатанной въ свое время въ газетахъ, конференція приступила къ составленію общаго плана преподаванія въ институтѣ и въ особенности программы лекцій, которыя имѣютъ читаться въ теченіе перваго года. По этой программѣ кромѣ древнихъ языковъ, на которые отдѣлено 16-ть лекцій, студенты института будутъ слушать законъ Божій; отечественную словесность съ церковно-славянскимъ языкомъ, психологію и логику, древнюю всеобщую и отечественную исторію и два новыхъ языка.

„Принимая въ соображеніе краткость времени, остающагося для исполненія программы настоящаго перваго курса, и въ виду необходимости усилить практическія письменныя упражненія, преимущественно по древнимъ языкамъ, въ нынѣшнемъ году оказалось необходимымъ увеличить число еженедѣльныхъ лекцій до 34-хъ.

„На основаніи составленной программы лекцій конференція озаботилась пріобрѣтеніемъ книгъ и учебныхъ пособій, необходимыхъ для занятій студентовъ на первыхъ порахъ. Книги, отчасти купленныя въ Петербургѣ, отчасти выписанныя изъ Москвы и изъ-за границы, получены сполна и розданы студентамъ.

„Одновременно съ занятіями по установленію учебнаго плана, конференція приступила къ исполненію обязанностей, возложенныхъ на нее §§ 24, 29 и 36 устава: къ составленію инструкцій для всѣхъ служащихъ въ институтѣ, какъ по учебной, такъ и по административной и хозяйственной частямъ, и правилъ для студентовъ. Редакція этой

общей инструкціи и правилъ для студентовъ института нынѣ окончена и представлена на утвержденіе г. министра.

„Во время всѣхъ этихъ работъ, которыми должны были установиться основныя положенія и условія жизни института, и которыя служатъ дополненіями, предусмотрѣнными самимъ Высочайше утвержденнымъ уставомъ, настал срокъ къ производству повѣрочныхъ испытаній для пріема молодыхъ людей, явившихся для поступленія въ число студентовъ. Экзамены, согласно съ объявленіемъ, напечатаннымъ въ газетахъ, начались 23-го октября. Всѣхъ изъявившихъ желаніе поступить въ институтъ къ тому времени оказалось 156. Изъ этого числа явилось на экзаменъ 75, изъ коихъ послѣднихъ бо̀льшая часть, именно 62 принадлежатъ къ разряду окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, небольшое число, именно 11, студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, и наконецъ 2 учителя, уже прослужившихъ нѣкоторое время въ учебномъ вѣдомствѣ. Такъ какъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія послѣднимъ срокомъ явки къ экзамену назначено было 15-е ноября, и молодые люди, по различному разстоянію мѣста жительства своего отъ Петербурга являлись постепенно, то экзаменъ былъ производенъ въ три пріема: отъ 23-го по 31-е октября, отъ 2-го по 7-е ноября и отъ 15-го по 18-е ноября. Изъ всѣхъ подвергавшихся испытанію, произведенному въ присутствіи членовъ конференціи и наставниковъ института, удовлетворили требованіямъ условій пріема 29; изъ нихъ бо̀льшая часть, именно 17, бывшихъ воспитанниковъ семинарій, 5 окончившихъ курсъ въ гимназіи, 4 студента университетовъ, 2 студента духовной академіи и 1 бывшій учитель уѣзднаго училища. По представленію конференціи всѣ удовлетворительно окончившіе повѣрочное испытаніе утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи студентовъ Императорскаго историко-филологическаго института.

„Отъ имени начальства и будущихъ наставниковъ вашихъ привѣтствую васъ, молодые питомцы института, на которыхъ палъ выборъ конференціи при составленіи перваго курса нашего института. Вамъ чрезъ 4 года суждено быть первыми представителями успѣшной дѣятельности нашего заведенія. Потому выборъ вашъ прежде всего обязываетъ васъ неусыпнымъ прилежаніемъ и неукоризненнымъ поведеніемъ оправдать преимущество, которое дано вамъ единственно по успѣхамъ вашимъ въ наукахъ. Институтъ, въ который вы радушно приняты питомцами, имѣетъ цѣлію образовать изъ васъ достойныхъ

ихъ отношеніяхъ учителей, скромныхъ тружениковъ и полез-
дѣятелей на высокомъ и важномъ поприщѣ воспитанія возра-
щаго юношества. Для достиженія этой цѣли институтъ имѣетъ
редства. Одно изъ нихъ: спеціальное обученіе, общее нашему
туту съ прочими высшими учебными заведеніями нашего оте-
. Преподаваніе въ институтѣ доставитъ вамъ, кромѣ положи-
ыхъ знаній научныхъ, умѣнье сознательно владѣть предметомъ
і степени, чтобъ отличать существенныя истины отъ дополни-
ыхъ, второстепенныхъ, отдѣлять положительные научные вопросы
одлежащихъ еще изслѣдованію; упражненіе подъ руководствомъ
ыхъ преподавателей научитъ васъ группировать отдѣльныя ча-
уки и вѣрно выбирать тѣ знанія, которыя вы будете обязаны
авать ученикамъ вашимъ. Успѣшнѣйшее средство при обученіи
ества, которому вы посвящаете будущую свою дѣятельность,
тъ въ способности преподавателя снисходить на степень разу-
учащагося, и тѣмъ самымъ сдѣлать возможнымъ живое взаимно-
віе между учителемъ и ученикомъ. Но институтъ нашъ имѣетъ
гую высокую цѣль: сдѣлать васъ способными успѣшно и благо-
ьно дѣйствовать на нравственность будущихъ вашихъ питом-
воспитывать ихъ. Изъ всѣхъ средствъ воспитанія, примѣръ есть
нѣйшее, вѣрнѣйшее, прямо ведущее къ желаемой цѣли, и въ
отношеніи институтъ нашъ есть заведеніе воспитательное. Время,
ое вамъ назначено для курса наукъ, должно быть для васъ вре-
ъ сознанія самихъ себя, періодомъ самообразованія подъ руко-
вомъ опытныхъ педагоговъ. Пользуйтесь временемъ, пріучайте
къ неусыпному прилежанію, которое вознаградитъ ваши труды
мымъ успѣхомъ, вѣрно приведетъ васъ къ нравственному усо-
нствованію и содѣлаетъ изъ васъ образцовыхъ наставниковъ
аго поколѣнія. Трудъ и благонравіе да будутъ плодомъ вашего
ванія между нами, да будутъ они данью благодарности вашей
печеніе и щедроты Монаршія!

„Многоуважаемые, почтенные сотрудники!

Высочайшимъ указомъ, прочитаннымъ въ нынѣшнемъ собраніи, по-
ю: Императорскій историко-филологическій институтъ учредить
въ текущемъ 1867 году. Благодаря живому участію вашему къ
му дѣлу и неутомимымъ трудамъ вашимъ, съ завтрашняго дня,
чрезъ 5 мѣсяцевъ послѣ подписанія Высочайшаго указа, от-
ается правильный курсъ занятій студентовъ. Да будетъ этотъ

первый отрадный успѣхъ залогомъ дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія благаго нашего дѣла. Мы исполнили волю возлюбленнаго Государя, Господь Богъ благословилъ нашъ трудъ. Да укрѣпитъ насъ Господь и впредь твердою волею и неослабною силою трудиться для блага отечества и исполнять благословенныя начертанія Государя нашего"!

По окончаніи этой рѣчи хоръ пѣвчихъ пропѣлъ національный гимнъ, и за тѣмъ законоучитель протоіерей Знаменскій, обратясь къ собраннымъ предъ нимъ студентамъ историко-филологическаго института, произнесъ рѣчь о связи занятій, предстоящихъ студентамъ, съ изученіемъ слова Божія.

Благословивъ, въ заключеніе, всѣхъ студентовъ подареннымъ имъ ихъ наставниками образомъ Спасителя, къ которому всѣ они поочередно приложились, протоіерей Знаменскій, сопровождаемый г. товарищемъ министра и всѣми присутствующими, при пѣніи пѣвчими: *Спаси, Господи, люди твоя*, обошелъ комнаты обновленнаго зданія для окропленія ихъ святою водой. Помѣщеніе института не роскошно, но весьма удобно. Присутствующіе, очевидно, обращали особенное вниманіе на жилыя комнаты студентовъ, которыя будутъ служить имъ и спальнями, и мѣстомъ для частныхъ ихъ занятій: это высокія, свѣтлыя комнаты, освѣщаемыя въ вечернее время газомъ сверху, въ которыхъ, смотря по ихъ обширности, помѣщаются отъ 2-хъ до 6-ти кроватей, по одному или по два большихъ стола для занятій, соотвѣтствующее число стульевъ и комнатная библіотека, съ отдѣленіями для каждаго студента и съ однимъ отдѣленіемъ для общихъ справочныхъ книгъ.

Торжество открытія института завершилось скромнымъ завтракомъ, который совпалъ со временемъ обѣда студентовъ и происходилъ чрезъ одну отъ нихъ комнату. Когда г. товарищъ министра провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора и всей августѣйшей фамиліи, — тостъ, встрѣченный восторженными кликами: *ура!* — изъ комнаты студентовъ раздалось довольно стройное пѣніе національнаго гимна. Съ большимъ также сочувствіемъ были встрѣчены тосты за здоровье г. министра народнаго просвѣщенія, г. товарища министра, директора института и всѣхъ членовъ конференціи, и наконецъ, бывшихъ питомцевъ главнаго педагогическаго института, съ честью трудившихся и трудящихся на поприщѣ отечественнаго образованія.

Какъ ни скромно было торжество открытія Императорскаго историко-филологическаго института, оно произвело на всѣхъ присутство-

вавшихъ благопріятное впечатлѣніе, и многіе изъ нихъ покинули здание этого новаго учебнаго заведенія, безъ сомнѣнія, съ искреннѣйшими пожеланіями, чтобъ изъ него въ продолженіе многихъ и многихъ поколѣній выходили достойные наставники нашего юношества, — люди умственно-зрѣлые, воспитанные серіозною наукой и способные водворить серіозное классическое ученіе въ нашихъ гимназіяхъ, люди нравственно-развитые, религіозно-настроенные, всею душою преданные своему высокому призванію и проникнутые безпредѣльною любовью къ отечеству и къ Государю.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О дѣйствіяхъ и состояніи университета св. Владиміра въ 1866 — 1867 академическомъ году. — О составленномъ совѣтомъ того же университета комитетѣ для обсужденія вопросовъ, возбужденныхъ совѣтомъ Московскаго университета. — Мнѣніе совѣта университета св. Владиміра о проектѣ профессора Виноградова относительно раздѣленія медицинскаго факультета на разряды. — О вмѣненіи студентамъ въ обязанность представлять письменныя изложенія результатовъ ихъ занятій. — Три проекта правилъ о выдачѣ стипендій, разсмотрѣнные въ совѣтѣ С.-Петербургскаго университета. — Возведеніе въ степень доктора безъ защищенія диссертаціи. — Сочиненія студентовъ университета св. Владиміра, удостоенныя медалей и почетнаго отзыва. — Защищеніе диссертаціи pro venia legendi. — Письмо бывшаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа К. К. Фойгта на имя ректора Харьковскаго университета и отвѣтъ на него совѣта.

— Въ *Извѣстіяхъ Университета св. Владиміра* (№ 9 и 10) напечатанъ краткій отчетъ по университету за 1866 — 1867 академическій годъ, читанный на торжественномъ актѣ 3-го сентября. Чтобы познакомить читателей съ дѣятельностью и состояніемъ Кіевскаго университета въ теченіе минувшаго академическаго года, извлекаемъ изъ этого отчета нѣкоторыя свѣдѣнія, не помѣщенныя въ лѣтописи нашего журнала о дѣятельности и состояніи университетовъ.

Особенное вниманіе совѣта обращено было на вакантныя каѳедры, изъ числа коихъ въ минувшемъ году замѣщены были слѣдующія: каѳедра всеобщей исторіи, каѳедра уголовныхъ законовъ и каѳедра спеціальной патологіи и терапіи. Мы уже сообщили въ апрѣльской книжкѣ

(Современ. Лѣт. стр. 120) о замѣщеніи каѳедры всеобщей исторіи г. магистромъ *Бильбасовымъ*, который въ засѣданіи совѣта 21-го декабря 1866 года былъ единогласно избранъ въ штатные доценты, а въ скоромъ времени послѣ того былъ удостоенъ совѣтомъ С.-Петербургскаго университета степени доктора и такимъ образомъ исполнилъ условіе, требуемое для повышенія въ экстраординарные профессоры. На каѳедру уголовныхъ законовъ опредѣленъ штатнымъ доцентомъ, немедленно по удостоеніи степени магистра означеннаго права, г. *Кистяковскій*, доказавшій свои педагогическія способности въ бытность свою въ теченіе четырехъ лѣтъ приватъ-доцентомъ по упомянутой каѳедрѣ. По засвидѣтельствованію юридическаго факультета, ученые труды г. Кистяковскаго даютъ право надѣяться, что этотъ выборъ будетъ вполнѣ согласенъ съ научными интересами университета. Для замѣщенія каѳедры специальной патологіи и терапіи былъ объявленъ конкурсъ, на который хотя и явилось нѣсколько соискателей, но медицинскій факультетъ не нашелъ возможнымъ предоставить ни одному изъ нихъ должность преподавателя по упомянутой каѳедрѣ, такъ какъ представленныя ими сочиненія не удовлетворяли требованіямъ программы конкурса. Вслѣдствіе этого ординарный профессоръ *Вальтеръ*, въ засѣданіи медицинскаго факультета, возбудивъ вновь вопросъ о замѣщеніи упомянутой каѳедры и указавъ на извѣстность ученыхъ трудовъ приватъ-доцента С.-Петербургской медико-хирургической академіи, доктора медицины *Покровскаго*, предложилъ его въ экстраординарные профессоры. Факультетъ, ознакомившись ближе съ сочиненіями г. Покровскаго, нашелъ, что въ научномъ отношеніи они заслуживаютъ полнаго вниманія: постановка и рѣшеніе вопросовъ показываютъ свѣтлый и логическій умъ автора, и изъ нихъ видно, что г. Покровскій владѣетъ вполнѣ методами изслѣдованія, а также химическою и физіологическою техникой. Съ другой стороны, карьера г. Покровскаго служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что онъ знакомъ съ клиническими медицинскими и педагогическими пріемами, необходимыми для преподаванія. Г. Покровскій окончилъ курсъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, въ послѣдніе два года студентскаго курса исполнялъ обязанности ассистента при терапевтической клиникѣ, а по окончаніи курса былъ назначенъ ординаторомъ въ клинику внутреннихъ болѣзней профессора *Боткина*, при чемъ ему было поручено упражнять студентовъ въ методахъ врачебной діагностики. По истеченіи трехъ лѣтъ и по защищеніи докторской диссертаціи, онъ, по ходатайству профессора Боткина, былъ

ославъ на два года за границу, съ цѣлію изучить специальную патологію и терапію. По возвращеніи изъ командировки, онъ избранъ доцентомъ по каѳедрѣ клинической терапіи въ медико-хирургической академіи. На основаніи этихъ данныхъ, г. Покровскій избранъ совѣтомъ университета св. Владиміра въ экстраординарные профессоры по каѳедрѣ спеціальной патологіи и терапіи. Сверхъ того въ минувшемъ академическомъ году опредѣленъ на вакантную должность астронома-наблюдателя магистръ *Востоковъ*. Затѣмъ въ настоящее время имѣются еще слѣдующія вакантныя каѳедры: русской исторіи, зоологіи, полицейскаго права и римской словесности. Для замѣщенія каѳедры русской исторіи, историко-филологическій факультетъ приглашалъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ и сносился по этому дѣлу съ профессорами Московскаго и С.-Петербургскаго университетовъ; въ концѣ же 1866 года деканъ факультета, по порученію совѣта, вновь предлагалъ эту каѳедру магистру *Иловайскому*, который отвѣчалъ, что по болѣзненному состоянію своему не можетъ принять предложенія. Для замѣщенія каѳедры зоологіи, физико-математическій факультетъ имѣетъ въ виду состоящаго нынѣ приватъ-доцентомъ по этой каѳедрѣ *Паульсона*, который удовлетворительно выдержалъ уже испытаніе на степень магистра зоологіи. Для замѣщенія каѳедры римской словесности, сдѣлавшейся вакантною по случаю окончанія срока службы заслуженнаго ординарнаго профессора *Деллена*, совѣтъ объявилъ конкурсъ. Въ стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію избраны: по каѳедрѣ всеобщей исторіи — кандидатъ *Лучицкій*, по каѳедрѣ международнаго права — кандидатъ *Базинеръ* и по каѳедрѣ государственныхъ законовъ — кандидатъ *Забугинъ*. Двумъ ординарнымъ профессорамъ были исходатайствованы совѣтомъ командировки съ ученою цѣлію за границу: профессору по каѳедрѣ оперативной и военной хирургіи *Шимановскому* — въ Германію и Италію, съ 30-го іюля по 15-е октября, для повѣрки его ученыхъ изслѣдованій относительно операцій, предпринимаемыхъ въ позднѣйшихъ періодахъ огнестрѣльныхъ ранъ, такъ какъ въ означенныхъ мѣстахъ, по случаю бывшихъ военныхъ дѣйствій, находился въ то время обильный матеріалъ; профессору по каѳедрѣ патологической анатоміи *Маркону* — въ Австрію и Италію, для повѣрки и окончательнаго рѣшенія нѣкоторыхъ патологическихъ вопросовъ. — Учебно-вспомогательныя учрежденія Кіевскаго университета въ минувшемъ академическомъ году значительно пополнились и распространились, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ и цифръ: библіотека увеличилась

1.686-ю сочиненіями, въ 2.582-хъ томахъ, на сумму 7.567 руб. 12 коп; сверхъ того, особо пріобрѣтено для студентскаго отдѣла библіотеки 259 сочиненій, въ 438-ми томахъ, на 1.106 руб. 26 коп. Для кабинета практической механики пріобрѣтена модель корнваллійской паровой машины. Изъ пріобрѣтеній для физическаго кабинета замѣчательны 19 аппаратовъ Гельмгольца, а изъ пріобрѣтеній для химической лабораторіи — воздушный насосъ, большіе химическіе вѣсы, микроскопъ, лампа Девилля съ двойнымъ мѣхомъ и поляризаціонный снарядъ Дюбоска. Для минералогическаго кабинета пріобрѣтены, между прочимъ, коллекція окаменѣлостей юрской формаціи Франціи, Англіи и Германіи, для зоологическаго кабинета — 167 нумеровъ, для минцъ-кабинета — 1.656 медалей и монетъ. Затѣмъ нижепоказанныя учебновспомогательныя учрежденія находились къ концу академическаго года въ слѣдующемъ состояніи: библіотека заключала въ себѣ 66.290 названій въ 112.209 томахъ; періодическихъ изданій было 591, рукописей — 641, плановъ, гравюръ, эстамповъ и рисунковъ 97; въ студентскомъ отдѣлѣ библіотеки находилось книгъ 5.280 названій въ 10.313 томахъ, періодическихъ изданій 97; въ физическомъ кабинетѣ 592 инструмента и снаряда; въ химической лабораторіи инструментовъ, аппаратовъ и проч. 3.405, посуды 7.169 и препаратовъ 1.774 штукъ; въ минералогическомъ кабинетѣ 21.102 нумера минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей и 102 инструмента и прибора; въ ботаническомъ саду съ оранжереями и теплицами — 6.097 видовъ и породъ живыхъ растеній въ 37.862 экземплярахъ и 2.641 сортѣ сѣмянъ; въ гербаріѣ — 28.620 видовъ въ 52.836 экземплярахъ растеній; въ зоологическомъ кабинетѣ — 3.626 нумеровъ, содержащихъ въ себѣ 40.123 предмета; въ кабинетѣ сравнительной анатоміи 867 препаратовъ въ спиртѣ и 1.658 сухихъ; въ технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи 850 моделей, инструментовъ, снарядовъ и пр.; въ музеѣ патологической анатоміи и въ лабораторіи — 1.371 препаратъ, 18 сложныхъ снарядовъ, 16 микроскоповъ и 227 нумеровъ разныхъ инструментовъ, снарядовъ и пр.; въ фармацевтической лабораторіи и кабинетѣ — 125 снарядовъ и инструментовъ; въ кабинетѣ при хирургической факультетской клиникѣ — 784 инструмента, 55 аппаратовъ и машинъ; въ музеѣ древностей и художествъ — 1.552 предмета, принадлежащихъ къ искусствамъ и древностямъ; въ минцъ-кабинетѣ — 29.113 медалей и монетъ. — Въ 1866—67 учебномъ году принято въ университетъ 123 студента; изъ нихъ въ факультеты: историко-филологическій — 16, физико-математическій — 20 (по разряду естествен-

ныхъ наукъ 7, математическихъ 13), юридическій — 57 и медицинскій — 30. Въ теченіе года выбыло 179; затѣмъ въ концѣ учебнаго года состояло 348 студентовъ, въ томъ числѣ по факультетамъ: историко-филологическому — 28, физико-математическому — 75, юридическому — 161, медицинскому — 84; сверхъ того 23 постороннихъ слушателя. Удостоено: 1) степени кандидата по факультетамъ: историко-филологическому — 17, физико-математическому — 16 (разряда естественныхъ наукъ 6, математическихъ 10), юридическому — 16; 2) званія дѣйствительнаго студента по факультетамъ: историко-филологическому — 2, физико-математическому — 15 (разряда естественныхъ наукъ 5, математическихъ 10), юридическому — 14. Званія лѣкаря удостоено 26. — Изъ упоминаемыхъ въ отчетѣ практическихъ занятій студентовъ мы укажемъ на слѣдующія. Въ астрономической обсерваторіи, для упражненія студентовъ, наблюденія главнымъ образомъ производились переносными инструментами. Не смотря на неудовлетворительную установку большаго пассажнаго инструмента, бывшій помощникъ при обсерваторіи, студентъ *Поповъ* рѣшился предпринять рядъ наблюденій кульминацій луны, для вывода долготы Кіева, чрезъ непосредственное сравненіе наблюдавшихся имъ прямыхъ восхожденій луны съ таблицами Гайзена. Результаты этихъ наблюденій онъ представилъ въ разсужденіи своемъ для полученія степени кандидата; сочиненіе это факультетъ призналъ удовлетворительнымъ для упомянутой степени. Въ метеорологической обсерваторіи занимались производствомъ наблюденій два студента разряда математическихъ наукъ. Наблюденія производились по 4 раза въ сутки (въ 7 ч. утра, въ полдень, въ 2 и 9 ч. по полудни) надъ давленіемъ атмосферы, температурою, влажностью воздуха, направленіемъ вѣтра и количествомъ выпавшей воды и печатались въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ*. Кромѣ того, съ 1-го октября по 1-е апрѣля производились еще наблюденія въ 8 часовъ утра для отсылки результатовъ по телеграфу въ главную физическую обсерваторію въ С.-Петербургѣ. Въ ботаническомъ саду болѣе 40 студентовъ и фармацевтовъ занимались изученіемъ морфологіи растеній и ботанической систематики. Въ гербаріѣ до 30-ти студентовъ занимались микроскопическими наблюденіями для изученія анатоміи по живымъ растеніямъ и систематикою по сухимъ растеніямъ. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали въ означенныхъ предметахъ отличные успѣхи. Нѣсколько студентовъ спеціально изучали въ гербаріѣ отдѣльныя растительныя группы для кандидатскаго разсужденія. Анатомическій театръ былъ въ полномъ распоряженіи

студентовъ, открывался ежедневно съ половины сентября до половины мая (исключая воскресныхъ дней и времени съ 23-го декабря по 1-е января) и состоялъ въ вѣдѣніи профессора Вальтера и прозектора Беца. Студентовъ, занимавшихся въ анатомическомъ театрѣ, было 51. Сверхъ того, въ анатомическомъ театрѣ занимались студенты физико-математическаго факультета, разряда естественныхъ наукъ. Особыми трудами занимались студенты медицинскаго факультета *Хорватъ*, *Раевскій* и *Яценко*: первый — изслѣдованіями надъ вліяніями спиннаго мозга на теплоту животныхъ, второй — механикою тазобедреннаго сочлененія, а послѣдній — изслѣдованіемъ эректильнаго прибора матки. Профессоромъ патологической анатоміи производились тѣловскрытія всѣхъ умершихъ въ факультетской клиникѣ, въ присутствіи директоровъ клиники и посѣщавшихъ клинику студентовъ и врачей. Въ кабинетѣ государственнаго врачебновѣдѣнія, кромѣ опытовъ, сдѣлано 51 судебно-медицинское вскрытіе. Дерматологическую клинику, учрежденную при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ, посѣщали студенты 9-го и 10-го семестровъ, а также врачи, желавшіе спеціально изучить дерматологію. Въ назначенные часы, два раза въ недѣлю, читаны были клиническія лекціи, во время которыхъ студенты изучали на больныхъ разные роды и виды болѣзней кожи и знакомились со способами ихъ лѣченія. Такимъ образомъ въ продолженіе года былъ пройденъ весь курсъ ученія о накожныхъ болѣзняхъ, по возможности систематически. Сверхъ того студенты, поступившіе въ дерматологическую клинику, были упражняемы въ изслѣдованіи болѣзней кожи, въ составленіи правильной ихъ діагностики и назначеніи приличныхъ данному случаю врачебныхъ средствъ. Этимъ путемъ учащіеся знакомились въ клиникѣ не только съ научною теоріей, но и пріобрѣтали практическую сноровку, необходимую для самостоятельной дѣятельности.—Въ концѣ отчета помѣщенъ перечень ученыхъ трудовъ преподавателей университета св. Владиміра. Въ этомъ перечнѣ упомянуты, между прочимъ, слѣдующіе труды: орд. проф. *Ѳаворовъ* напечаталъ записки по православно-христіанской догматикѣ; орд. проф. *Гогоцкій* — третій томъ „Философскаго словаря"; орд. проф. *Деллень* печатаетъ въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* сочиненіе Тацита: «Germania», съ подробнымъ комментаріемъ (въ послѣднеполученномъ № 10 помѣщены главы XXVII—XXX); доцентъ *Страшкевичъ* издалъ: „Клады, разсмотрѣнные въ минцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра съ 1838 по 1866 годъ"; орд. проф. *Шидловскій* окончилъ 1-й томъ „Сферической астрономіи" и приступилъ

къ печатанію 2-го; орд. проф. *Ходецкій* продолжалъ редактировать *Университетскія Извѣстія;* доцентъ *Ромеръ* напечаталъ въ *Унив. Изв.* диссертацію на степень доктора чистой математики, подъ заглавіемъ: „Основныя начала метода кватерненовъ“; приватъ-доцентъ *Ващенко-Захарченко* напечаталъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Римманова теорія функцій составнаго перемѣннаго“; приватъ-доцентъ *Вальцъ* помѣстилъ въ журналѣ *Натуралистъ:* „Публичныя лекціи о нѣкоторыхъ болѣзняхъ полевыхъ растеній“; приватъ-доцентъ *Боршовъ* напечаталъ въ *Унив. Изв.* статью: „О рѣшетчатыхъ паренхиматическихъ элементахъ первичной коры Ceropegiae aphyllae и ихъ соотношеніи съ млечными сосудами“, представилъ для напечатанія въ одномъ изъ изданій Академіи Наукъ три статьи, именно: «Ueber die Wirkung des rothen und blauen Lichtstrahles auf das bewegliche Plasma in den Brennhaaren von Urtica urens», «Ueber die, durch den rothen Lichtstrahl hervorgerufenen Veränderungen in den Chlorophyllbändern der Spirogyren»; и «Einige vorläufige Versuche über das Verhalten der Pflanzen im Stickoxydulgase»; орд. проф. *Бунге* помѣстилъ въ *Кіевлянинъ* рядъ статей о банкѣ; исправляющій должность экстраорд. проф. *Ренненкампфъ* издалъ отдѣльною книгою: „Очерки юридической энциклопедіи“, которые частію напечатаны въ *Унив. Изв.;* доцентъ *Кистяковскій* помѣстилъ въ тѣхъ же *Извѣстіяхъ:* „Изслѣдованіе о смертной казни“; орд. проф. *Вальтеръ* издавалъ газету — *Современная Медицина*, въ которой помѣщалъ собственныя передовыя статьи, и напечаталъ въ *Bulletin* Академіи Наукъ статьи: «Ueber eine tödtliche Wärmesteigerung bei Thieren» и «Thermophysiologische Studien»; орд. проф. *Шимановскій* напечаталъ 3-ю часть своей „Оперативной хирургіи“, занимался съ профессоромъ Уде (въ Брауншвейгѣ) изданіемъ двухъ первыхъ томовъ этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ, и печаталъ свои статьи въ *Военно-медицинскомъ Журналѣ* и въ газетѣ *Современная Медицина.*

— Въ совѣтѣ Московскаго университета были возбуждены и подвергнуты обсужденію вопросы: 1) относительно тѣхъ ученыхъ степеней, которыя требуются отъ кандидатовъ, предлагаемыхъ на каѳедры и доцентуры, 2) относительно числа ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, и 3) насчетъ отношенія доцентуръ къ каѳедрамъ и повышенія штатныхъ преподавателей, занимающихъ доцентуры, въ званіе профессора. Соображенія совѣта Московскаго университета по этимъ вопросамъ представлены были въ министерство, которое признало нужнымъ подвергнуть эти вопросы обсужденію совѣтовъ прочихъ уни-

верситетовъ вмѣстѣ съ соображеніями по нимъ совѣта Московскаго университета. Ректоръ университета св. Владиміра, предварительно доклада совѣту бумагъ по этому дѣлу, сообщилъ ихъ на заключеніе всѣхъ четырехъ факультетовъ, изъ коихъ факультеты историко-филологическій и медицинскій доставили свои мнѣнія по вышеозначеннымъ вопросамъ, а юридическій факультетъ отозвался, что по мнѣнію его, рѣшеніе этихъ вопросовъ было бы удобнѣе поручить особому комитету, избранному изъ среды членовъ совѣта; физико-математическій же факультетъ своего мнѣнія еще не доставилъ. Совѣтъ университета, признавая важность настоящаго дѣла и соглашаясь съ мнѣніемъ юридическаго факультета, опредѣлилъ: 1) для обсужденія вышеозначенныхъ вопросовъ составить комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. ординарнаго профессора *Бунге*, изъ профессоровъ: г. *Яроцкаго*—отъ историко-филологическаго, г. *Авенаріуса*—отъ физико-математическаго, г. *Ренненкампфа*—отъ юридическаго и г. *Шеффера*—отъ медицинскаго.

— Въ іюльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (Соврем. Лѣт. стр. 37) мы изложили вкратцѣ проектъ ординарнаго профессора Казанскаго университета *Виноградова* о раздѣленіи медицинскаго факультета на разряды съ цѣлію измѣненія порядка испытаній для пріобрѣтенія ученыхъ степеней по сему факультету. Проектъ г. Виноградова, вполнѣ одобренный совѣтомъ Казанскаго университета, былъ представленъ въ министерство, которое признало нужнымъ подвергнуть этотъ проектъ обсужденію совѣтовъ прочихъ университетовъ. Совѣтъ университета св. Владиміра, на основаніи соображеній медицинскаго факультета, разсмотрѣнныхъ въ засѣданіи 1-го сентября (*Универ. Изв.* № 10), не призналъ возможнымъ согласиться съ проектомъ Виноградова, а напротивъ, счелъ необходимымъ оставить въ силѣ узаконенія объ экзаменахъ въ медицинскомъ факультетѣ, Высочайше утвержденныя 18-го декабря 1845 года. Соображенія медицинскаго факультета университета св. Владиміра по сему предмету, между прочимъ, заключаются въ нижеслѣдующемъ. Въ проектѣ г. Виноградова упущено изъ вида, что между тѣмъ какъ степени магистра и доктора другихъ факультетовъ имѣютъ главнымъ образомъ цѣлію образованіе спеціалистовъ, готовящихся занять университетскія каѳедры, степень доктора медицины имѣетъ еще другое значеніе: она представляетъ свидѣтельство обладанія высшимъ научнымъ медицинскимъ образованіемъ. Какъ извѣстно, высшія медицинскія мѣста даются только докторамъ медицины, и въ этомъ отношеніи правительству выгоднѣе имѣть людей съ высшимъ научнымъ обра-

зованіемъ, хотя и нѣсколько энциклопедическимъ, тѣмъ самымъ знающихъ спеціалистовъ по извѣстному разряду. Для спеціалистовъ же, въ которыхъ нуждается правительство, существуютъ особыя испытанія. Кромѣ того, въ настоящее время выгоды, которыя даетъ званіе врача, такъ незначительны въ сравненіи съ выгодами, предоставленными лицамъ, окончившимъ курсъ по другимъ факультетамъ, что въ медицинскій факультетъ поступаетъ гораздо менѣе лицъ, чѣмъ, напримѣръ, въ юридическій, такъ что уже теперь ощущается недостатокъ въ военныхъ и гражданскихъ врачахъ. Введеніе цѣлаго ряда экзаменовъ, разграниченныхъ сроками, затрудняя пріобрѣтеніе степеней, дающихъ бо́льшія права, не останется безъ вліянія на большее еще уменьшеніе числа лицъ, избирающихъ медицину. Многократные экзамены съ узаконенными сроками составляютъ главнымъ образомъ причину большаго количества вакантныхъ каѳедръ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго; между тѣмъ медицинскій факультетъ никогда, или почти никогда, не затрудняется замѣщеніемъ каѳедръ, и нельзя сказать, чтобы обстановка этого факультета была хуже другихъ. Степень доктора медицины, какъ и вообще степень доктора другихъ наукъ, не есть еще *право* на полученіе извѣстнаго мѣста или каѳедры, а только одно изъ многихъ другихъ *условій*. Притомъ научныхъ свѣдѣній нельзя опредѣлить съ математическою точностью, и потому какія бы ни были регламентаціи объ экзаменахъ, дѣло всегда будетъ зависѣть только отъ воззрѣнія факультетовъ. Такъ, и существующія узаконенія нисколько не мѣшаютъ факультетамъ при экзаменахъ на степень доктора принимать во вниманіе спеціальность экзаменующагося. Законъ не требуетъ учености *по всѣмъ предметамъ*. По существующимъ узаконеніямъ (§ 460 Учрежд. врачеб. Св. Зак. т. XIII), „докторъ медицины, сверхъ практическихъ свѣдѣній въ предметахъ, указанныхъ § 449—453 (свѣдѣній, требуемыхъ для степени лѣкаря), долженъ представить неоспоримыя доказательства своей учености". Рѣшеніе же вопроса, въ чемъ должна состоять ученость, законъ предоставляетъ компетентной коллегіи — факультету, воззрѣнія котораго даже при одномъ и томъ же законѣ въ различныхъ университетахъ могутъ быть различны, смотря по составу факультета. Вообще, извѣстное дѣло, что регламентаціей и іерархіей ученыхъ степеней нельзя поднять уровня научнаго образованія, нельзя образовать спеціалистовъ. Еслибъ это было возможно, то наши университеты давно стояли бы выше европейскихъ, въ которыхъ нѣтъ іерархіи ученыхъ степеней.

— Польза письменнаго изложенія студентами результатовъ занятій ихъ несомнѣнна: она не только пріучаетъ къ правильному и отчетливому изложенію мыслей, но и способствуетъ болѣе глубокому усвоенію изучаемыхъ предметовъ. Между тѣмъ въ настоящее время сочиненія пишутъ почти одни только бѣднѣйшіе студенты, нуждающіеся въ освобожденіи отъ платы за ученіе и въ денежныхъ пособіяхъ, и немногіе, желающіе получить награды медалями. Остальные имѣютъ возможность пройдти университетскій курсъ безъ всякаго упражненія въ сочиненіяхъ. Руководствуясь этими соображеніями, юридическій факультетъ университета св. Владиміра призналъ нужнымъ просить совѣтъ дополнить § 40 правилъ для учащихся въ университетѣ постановленіемъ объ обязанности всѣхъ студентовъ представлять сочиненія по факультетскимъ предметамъ, формулировавъ это постановленіе такимъ образомъ: „Каждый студентъ обязанъ представить факультету по одному сочиненію, не позже 1-го мая, ежегодно, кромѣ послѣдняго года пребыванія въ университетѣ. Непредставленіе въ какомъ-либо году сочиненія къ установленному сроку влечетъ за собою такія же послѣдствія для студентовъ, какъ неявка безъ уважительной причины къ испытанію въ установленное время. Сочиненія разсматриваются факультетомъ, который признаетъ ихъ *весьма удовлетворительными, удовлетворительными* или *неудовлетворительными*, смотря по достоинству ихъ. При удостоеніи студентовъ степени кандидата или званія дѣйствительнаго студента, отмѣтки за сочиненія имѣютъ такое же значеніе, какъ экзаменаціонныя отмѣтки по неглавнымъ предметамъ. Сверхъ того, обязательныя сочиненія принимаются во вниманіе при освобожденіи недостаточныхъ студентовъ отъ платы за ученіе и при назначеніи пособій. Темы для сочиненій предлагаются ежегодно факультетомъ или же избираются самими студентами; но въ послѣднемъ случаѣ тема должна быть предварительно заявлена факультету и одобрена имъ. Студенты, представившіе сочиненіе для соисканія наградъ медалями, тѣмъ самымъ освобождаются отъ обязанности представлять въ томъ же году сочиненія, требуемыя по общему правилу; однакожь если сочиненіе, представленное для соисканія наградъ, окажется не только не заслуживающимъ награды, но и вообще неудовлетворительнымъ, то это влечетъ за собою тѣ же послѣдствія для автора, какъ и признаніе неудовлетворительнымъ обязательнаго сочиненія". Совѣтъ университета, принимая во вниманіе, что исправленіе правилъ для учащихся уже поручено г. проректору университета *Митюкову*, и что правила эти, какъ вслѣдствіе выше-

изложеннаго предположенія юридическаго факультета, такъ и другихъ поступившихъ въ свѣтъ заявленій, требуютъ значительныхъ исправленій во всѣхъ частяхъ, призналъ нужнымъ назначить для этой цѣли, подъ предсѣдательствомъ г. Митюкова, комитетъ, въ составъ котораго пригласить по одному члену отъ каждаго факультета, по избранію сихъ послѣднихъ.

— Въ совѣтѣ С.-Петербургскаго университета, въ засѣданіи 23-го октября, разсмотрѣны были три проекта: 1) правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ, 2) правилъ для выдачи стипендій студентамъ историко-филологическаго факультета, начиная съ 1-го курса, съ цѣлію приготовленія учителей въ гимназіи и прогимназіи, и 3) проектъ положенія о стипендіяхъ для окончившихъ курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Совѣтъ опредѣлилъ представить эти проекты г. попечителю округа и просить объ утвержденіи перваго изъ нихъ и объ исходатайствованіи разрѣшенія на приведеніе въ исполненіе двухъ послѣднихъ.

— Физико-математическій факультетъ Московскаго университета, желая обратить вниманіе совѣта на одного изъ своихъ товарищей, оказавшаго весьма важныя услуги наукѣ вообще и Московскому университету въ особенности, именно на г. исправляющаго должность экстраординарнаго профессора А. Н. *Богданова*, внесъ въ совѣтъ донесеніе, слушанное въ засѣданіи онаго 4-го мая (*Моск. Унив. Изв.* № 11). Въ этомъ донесеніи факультетъ, изложивъ заслуги г. Богданова какъ преподавателя, какъ ученаго и какъ публичнаго дѣятеля, ходатайствовалъ предъ совѣтомъ о поднесеніи этому достойному сотоварищу своему диплома на степень доктора зоологіи, на основаніи примѣчанія къ § 113 общ. уст. унив. Вотъ какъ очерчены въ упомянутомъ донесеніи заслуги г. Богданова, какъ ученаго, пріобрѣвшаго право на возведеніе въ степень доктора безъ защищенія диссертаціи:

„Онъ признается безусловно основателемъ двухъ ученыхъ обществъ въ Москвѣ, именно общества акклиматизаціи и общества любителей естествознанія, удостоившихся за свои труды получить титулъ Императорскихъ. Для того и другаго общества онъ былъ не только основателемъ, но главнымъ дѣятелемъ. Сверхъ того, для распространенія естественно-историческихъ свѣдѣній въ массѣ русскаго народа, для болѣе осязательнаго и нагляднаго изученія природы, имъ устроены двѣ выставки, одна при обществѣ акклиматизаціи, другая при обществѣ любителей естествознанія. Результатомъ первой было основаніе въ Москвѣ зоологическаго сада, результатомъ второй — основаніе русскаго этнографическаго музея. Выставка общества любителей естествознанія, или такъ-называемая русская этнографическая выставка, въ настоящее время у всѣхъ передъ глазами. Тутъ же можно видѣть и краніоло-

гическую коллекцію, которая составлена А. П. Богдановымъ и должна современемъ быть пособіемъ для каѳедры антропологіи въ университетѣ. Эта новая отрасль естествознанія, которую можно назвать только-что возникающею въ Европѣ, нашла въ Анатоліѣ Петровичѣ самаго ревностнаго дѣятеля. Въ послѣднее время онъ приложилъ къ ней почти всю свою энергію и произвелъ для этого многочисленныя раскопки кургановъ Московской губерніи, дѣло на столько трудное, что было не подъ силу даже людямъ, имѣющимъ вѣсъ въ обществѣ и значительныя матеріальныя средства. Анатолій Петровичъ отыскалъ и разрылъ до 200 кургановъ. Въ награду за это онъ получилъ богатѣйшую коллекцію череповъ и другихъ костей, вмѣстѣ съ различными предметами, служившими для украшенія и другихъ цѣлей тѣмъ племенамъ, которыя нѣкогда населяли Московскую губернію. Эта коллекція, заключающая до 600 нумеровъ, уже сама по себѣ составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для науки. Но Анатолій Петровичъ не ограничился этимъ: онъ со всею точностію описалъ эти могильные остатки и подарилъ насъ такимъ сочиненіемъ, которое должно служить образцомъ для всѣхъ будущихъ изслѣдователей того же предмета. Ученая разработка курганныхъ остатковъ издана имъ подъ скромнымъ названіемъ: „Матеріалы для антропологіи курганнаго періода", но по мнѣнію факультета, имѣетъ значеніе докторской диссертаціи въ полномъ смыслѣ этого слова и составляетъ замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ".

По выслушаніи вышеизложеннаго донесенія физико-математическаго факультета, совѣтъ опредѣлилъ признать г. Богданова докторомъ зоологіи.

— По университету св. Владиміра, для соисканія наградъ медалями назначены были на 1866—67 учебный годъ слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета: „Критическій и герменевтическій разборъ Тацитова Жизнеописанія Агриколы; отъ физико-математическаго: „историческое и критическое обозрѣніе способовъ опредѣленія теплоемкости тѣлъ"; отъ юридическаго — двѣ темы: по уголовному праву — „исторія ссылки въ Россіи" и по гражданскому праву — „о пріобрѣтеніи наслѣдства по русскому праву"; отъ медицинскаго: „физіологія рубцовъ". На первыя три темы представлены четыре сочиненія: одно окончившимъ въ маѣ сего года курсъ по историко-филологическому факультету Игнатіемъ *Радлинскимъ*; другое тогда же окончившимъ курсъ по физико-математическому факультету Андреемъ *Трубинымъ*, и послѣднія два студентами 7-го семестра юридическаго факультета — Иваномъ *Игнатовскимъ* и Александромъ *Байбаковымъ*. Совѣтъ университета, на основаніи рецензій профессоровъ и согласно съ заключеніями факультетовъ, удостоилъ сочиненія: гг. Радлинскаго и Трубина — награды золотою медалью, и гг. Игнатовскаго и Байбакова — почетнаго отзыва. На тему, заданную медицинскимъ факультетомъ, сочиненій не представлено.

Въ засѣданіи физико-математическаго факультета С.-Петербург-
университета, 22-го сентября, кандидатъ *Бакстъ*, ищущій зва-
ивать-доцента по физіологіи, прочелъ двѣ пробныя лекціи на
„о количествѣ крови въ человѣкѣ и ея морфологическихъ эле-
хъ“ — по собственному избранію, и на тему: „о боковомъ да-
крови“ — по назначенію факультета. Сверхъ того, въ собраніи
этета 15-го октября публично защищалъ диссертацію pro venia
і: „о скорости передачи раздраженій по двигательнымъ нервамъ
ька“. Совѣтъ университета, на основаніи признанія факультетомъ
творяющими своей цѣли какъ пробныхъ лекцій, такъ и диссер-
г. Бакста, и вслѣдствіе ходатайства факультета о допущеніи
иста къ чтенію лекцій физіологіи въ званіи приватъ-доцента,
ѣлилъ, въ засѣданіи 23-го октября, представить объ этомъ на
шеніе г. попечителя округа.

Изъ только-что полученнаго нами № 7-го „Протоколовъ засѣда-
овѣта Императорскаго *Харьковскаго* университета“ заимствуемъ
лишь слѣдующее. Въ засѣданіи 18-го августа совѣтъ слушалъ,
прочимъ, предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія,
-го іюля, за № 5149:

Именными Высочайшими указами, данными правительствующему
у въ 26-й день іюня текущаго года, Всемилостивѣйше повелѣно
попечителю Харьковскаго учебнаго округа, тайному совѣтнику
Фойгту членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и
ѣдательствующимъ въ ученомъ комитетѣ министерства народ-
просвѣщенія, а ректору Императорскаго С.-Петербургскаго уни-
тета, заслуженному ординарному профессору сего университета,
му совѣтнику Александру *Воскресенскому*—попечителемъ Харь-
аго учебнаго округа.

таковой Высочайшей волѣ объявивъ гг. Фойгту и Воскресенскому,
орнѣйше прошу ваше превосходительство вступить въ управле-
арьковскимъ учебнымъ округомъ до пріѣзда въ Харьковъ тай-
совѣтника Воскресенскаго, и долгомъ считаю присовокупить, для
нія въ управленіи округа, что 29-го того же іюня, по всепод-
йшему докладу моему, Государю Императору благоугодно было
ѣть, чтобы г. Воскресенскому производилось то содержаніе по дол-
и попечителя, которое внесено въ финансовую смѣту министер-
народнаго просвѣщенія попечителю Харьковскаго учебнаго округа,
ъ, жалованья 2.500 руб. и столовыхъ 2.500 руб., а всего по *пяти*
ч. рублей серебромъ въ годъ, при казенной квартирѣ“.

При этомъ доложено было письмо К. К. Фойгта на имя г. ректора, слѣдующаго содержанія: „Изъ письма моего, отъ 12-го сего іюня мѣсяца за № 2086, вашему превосходительству извѣстно о Всемилостивѣйшемъ назначеніи меня членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и предсѣдательствующимъ въ ученомъ комитетѣ министерства.

„Сдавши, вслѣдствіе сего, управленіе Харьковскимъ учебнымъ округомъ вашему превосходительству и намѣреваясь уже скоро отправиться изъ Харькова къ мѣсту новаго моего назначенія, я не могу не обратиться мысленно къ тому пространству времени, которое я провелъ здѣсь въ Харьковѣ въ совмѣстномъ служеніи съ вами: сначала въ теченія 6 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ — въ званіи ректора университета, потомъ въ теченіи 3 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ—въ должности помощника попечителя округа, и наконецъ, послѣдніе 4 года и 5 мѣсяцевъ—въ должности попечителя. За всѣ эти 14½ лѣтъ, при самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Харьковскому университету, я постоянно встрѣчалъ какъ отъ вашего превосходительства, такъ и отъ гг. членовъ совѣта и прочихъ должностныхъ лицъ университета самое горячее сочувствіе къ высшимъ интересамъ этого заведенія и самое искреннее, прямодушное вниманіе ко мнѣ лично и къ посильнымъ стремленіямъ моимъ на пользу общую. При дружныхъ усиліяхъ вашихъ, не смотря на временно открывавшіеся пробѣлы въ составѣ преподавателей, Харьковскій университетъ неизмѣнно сохранялъ свое высокое мѣсто въ ряду своихъ собратій, и я радуюсь, я горжусь, что и моему скромному имени, быть-можетъ, суждено занять нѣсколько бѣглыхъ строкъ въ лѣтописяхъ его дѣятельности. Позвольте же, на прощаніе, выразить вамъ, глубокоуважаемый Владиміръ Акимовичъ, и всему почтенному сословію университета, въ особенности гг. деканамъ, профессорамъ и инспектору, мою живѣйшую благодарность за ваше общее постоянное, просвѣщенное и дружеское содѣйствіе мнѣ при разнообразныхъ трудахъ на мнѣ лежавшихъ; позвольте покорнѣйше просить васъ и всѣхъ вашихъ сослуживцевъ сохранить меня въ вашей доброй памяти, какъ и я никогда не забуду тѣхъ счастливыхъ отношеній, въ которыхъ я состоялъ къ вамъ и къ каждому изъ достойныхъ дѣятелей университета. Воспоминаніе о Харьковскомъ университетѣ будетъ всегда однимъ изъ самыхъ дорогихъ въ моей жизни, и я унесу его съ собой въ могилу, вмѣстѣ съ глубокимъ чувствомъ моего отличнаго къ вамъ уваженія“: и проч.

Опр. 1) Предложеніе г. министра принять къ свѣдѣнію. 2) Письмо

бывшаго попечителя К. К. Фойгта записать въ журналъ. 3) Препроводить тайному совѣтнику Фойгту отъ имени совѣта отвѣтъ на письмо его отъ 12-го іюля слѣдующаго содержанія: „Съ глубокимъ уваженіемъ члены совѣта Императорскаго Харьковскаго университета выслушали прощальныя слова ваши, выраженныя въ письмѣ на имя г. ректора отъ 12-го іюля за № 2100. Совѣтъ университета считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ вашимъ превосходительствомъ, что онъ навсегда сохранитъ признательныя воспоминанія объ отношеніяхъ, въ которыхъ находился къ вамъ, какъ ректору университета и какъ попечителю Харьковскаго учебнаго округа. Вы были предсѣдателемъ нашей коллегіи въ то время, когда ректоръ не былъ избраннымъ ею же самою представителемъ университетскаго ученаго сословія, но назначаемъ былъ высшимъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе слишкомъ 6 лѣтъ, держа высоко и твердо знамя своего званія и достоинства, вы являлись въ глазахъ совѣта достойнѣйшимъ его представителемъ и руководителемъ. Въ преніяхъ коллегіальныхъ, нерѣдко весьма оживленныхъ, никто не былъ стѣсняемъ въ выраженіи своего мнѣнія; но въ то же время вы умѣли вносить въ эти пренія духъ мира: самыя разнорѣчащія мнѣнія сближались и сходились, благодаря авторитету вашего слова, проникнутаго чувствомъ долга и искреннимъ желаніемъ пользы общей—пользы науки и ввѣреннаго вамъ учрежденія. Таковы были отношенія совѣта къ вашему превосходительству, какъ ректору университета.

„Настало потомъ другое время: вы были назначены сначала помощникомъ попечителя, а въ 1863 году попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Въ томъ же году Высочайше утвержденнымъ общимъ уставомъ университетовъ дарованы новыя преимущества этимъ учрежденіямъ; университетскимъ совѣтамъ предоставлена автономія, и такимъ образомъ созданы новыя отношенія университетской коллегіи къ поставленному во главѣ управленія учебнымъ округомъ попечителю. Связь между совѣтомъ Харьковскаго университета и вами, какъ попечителемъ округа, могла сдѣлаться болѣе отдаленною; въ дѣйствительности же она осталась столь же близкою, какъ и въ прежнее время. По прежнему совѣтъ не переставалъ смотрѣть на васъ, какъ на представителя высшихъ интересовъ науки и университета; по прежнему вы не переставали оказывать вниманіе и содѣйствіе всѣмъ начинаніямъ совѣта, имѣющимъ въ виду эти интересы.

„Въ васъ, какъ ректорѣ университета и какъ попечителѣ учебнаго округа, совѣтъ университета видѣлъ образецъ человѣка пре-

даннаго своему долгу, строгаго блюстителя законности, неусыпнаго ревнителя пользъ ввѣренныхъ вамъ университета и учебныхъ заведеній округа. Память о вашей дѣятельности сохранится навсегда въ лѣтописяхъ университета, а имя вашего превосходительства съ уваженіемъ и благодарностію будутъ вспоминать члены университетской коллегіи, равно какъ и всѣ прочія должностныя лица университета". 4) Произвести въ будущемъ засѣданіи совѣта баллотировку для избранія г. Фойгта въ почетные члены университета.

ГИМНАЗІИ.

О мѣрахъ къ усиленію обученія русскому языку и къ ознакомленію съ русскою литературой въ двухъ гимназіяхъ и одной прогимназіи Варшавскаго учебнаго округа.—Обсужденіе въ педагогическомъ совѣтѣ Херсонской гимназіи вопроса о репетиціяхъ и экзаменѣ. — Справочная о Пермскомъ краѣ библіотека при Пермской гимназіи.

Въ № 3 *Циркуляра по управленію Варшавскимъ учебнымъ округомъ* напечатаны протоколы педагогическихъ совѣтовъ Плоцкихъ мужской и женской гимназій и Сандомирской женской прогимназіи; въ этихъ протоколахъ, между прочимъ, изложены мѣры и предположенія относительно усиленія преподаванія русскаго языка и ознакомленія съ русскою литературой. Для усиленія изученія учениками Плоцкой гимназіи русскаго языка, педагогическій совѣтъ ея положилъ принять, съ начала текущаго учебнаго года, слѣдующія мѣры: 1) поручить помощнику инспектора преподавать на русскомъ языкѣ математику по одному уроку въ недѣлю въ I, II и III классахъ; 2) предоставить ему же и въ высшихъ классахъ, въ случаѣ занятія имъ часовъ отсутствующихъ учителей, объяснять по-русски пройденное учениками изъ математики; 3) вмѣнить въ обязанность исправляющему должность инспектора и прочимъ преподавателямъ, чтобъ они, при замѣщеніи часовъ отсутствующихъ учителей, занимались съ учениками объясненіемъ на русскомъ языкѣ преподаваемыхъ ими предметовъ, и 4) по случаю закрытія параллельныхъ классовъ этой гимназіи, отдѣлить комнату для ученической библіотеки, составленной еще въ 1865 году, съ разрѣшенія начальника учебной дирекціи, изъ книгъ основной гимназической библіотеки, по выбору учителя русскаго языка и словесности г. *Солнцева*. По этому поводу завѣдывающій и нынѣ этою библіотекою г. Солнцевъ, въ мнѣніи, высказанномъ въ засѣданіи педагогическаго совѣта, указалъ точку зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на русскую книгу для чтенія по отношенію ея къ воспитан-

никамъ Варшавскаго учебнаго округа. „Русскій языкъ и русская литература, сказалъ онъ между прочимъ, есть выраженіе жизни и самосознанія русскаго народа. Ввести воспитывающееся поколѣніе въ эту жизнь, закрѣпить за нимъ эту родственную связь съ народомъ, возрастить пробудившіяся къ нему симпатіи, возведши ихъ на степень нравственнаго и гражданскаго долга — вотъ задача и русскаго наставника, и русскаго чтенія! Отъ взаимнаго ихъ дѣйствія и вліянія на воспитывающихся можно навѣрное ожидать прочныхъ успѣховъ". Затѣмъ г. Солнцевъ изложилъ порядокъ, которому онъ полагаетъ слѣдовать для того, чтобъ ученическая библіотека дѣйствительно могла дѣлать и дѣлала свое дѣло, то-есть, чтобъ она была проводникомъ русскаго просвѣщенія, русскаго языка и литературы для всѣхъ по возможности учениковъ. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, то обстоятельство, что каждый ученикъ гимназіи имѣетъ право на книгу для чтенія, а съ другой — что библіотека ученическая по своимъ средствамъ не можетъ въ настоящее время снабдить книгами сотни читающихъ, г. Солнцевъ предложилъ вести это дѣло въ настоящемъ учебномъ году слѣдующимъ образомъ: „Раздѣлить учениковъ на двѣ группы: первую составить изъ четырехъ низшихъ классовъ, а вторую изъ трехъ высшихъ. 3) Во вторникъ и пятницу, какъ въ дни болѣе свободные, по меньшему, сравнительно съ прочими днями, числу уроковъ, ученики должны собираться въ гимназической классной библіотекѣ на 1½ часа, отъ 2 до 3½ часовъ, и притомъ такъ: во вторникъ — первая группа, въ пятницу — вторая. 3) Первая группа поступаетъ въ завѣдываніе г. *Златообрѣзова*, который изъявилъ на это полное согласіе, а вторая состоитъ подъ вѣдѣніемъ г. Солнцева. 4) Завѣдывающій группою распредѣляетъ время и предметъ занятій такимъ образомъ: ученики, получившіе, по указанію наставника, книги для чтенія, согласно съ собственнымъ желаніемъ, назначаютъ время, къ которому книга должна быть прочитана; при этомъ наблюдается, чтобы къ каждому вторнику и пятницѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ разказъ былъ приготовленъ ученикомъ изъ прочитаннаго. 5) По приходѣ учениковъ, ½ часа назначается для выдачи книгъ. При этомъ завѣдывающій группою провѣряетъ тѣхъ учениковъ, которые принесли книги къ сдачѣ, предлагая имъ короткіе вопросы изъ содержанія книги. Это же время назначается для объясненія не понятыхъ учениками мѣстъ, словъ и выраженій, встрѣченныхъ въ книгѣ. Какъ вопросы для провѣрки чтенія, такъ и объясненія должны быть дѣлаемы вслухъ, для всей группы. 6) Слѣдующій затѣмъ часъ назначается

для выслушанія всею группою предназначеннаго разказа. Очевидно, что для этого могутъ быть назначены ученики, лучше другихъ владѣющіе какъ русскимъ языкомъ, такъ и нѣкоторыми другими качествами, и именно: громкимъ голосомъ, бойкостью и связностью разказа, крѣпостью памяти и пр. Ученикъ къ назначенному сроку долженъ хорошо подготовиться подъ руководствомъ завѣдывающаго группою; онъ произноситъ разказъ, по возможности, въ короткихъ словахъ. Въ заключеніе онъ читаетъ то мѣсто изъ книги, которое особенно понравилось ему. Выбранный для чтенія отрывокъ долженъ быть предварительно нѣсколько разъ прочитанъ подъ руководствомъ завѣдывающаго группою въ его квартирѣ; при этомъ нужно требовать чтенія внятнаго и вразумительнаго, съ соблюденіемъ должной интонаціи. Педагогическій совѣтъ Плоцкой гимназіи, вполнѣ раздѣляя это мнѣніе г. Солнцева, положилъ поручить ему привести предположенія его въ исполненіе.

Въ засѣданіи педагогическаго совѣта Плоцкой женской гимназіи учитель русскаго языка и словесности г. *Поповъ* изложилъ свое предположеніе о послѣклассныхъ чтеніяхъ для учеництъ произведеній русской литературы, съ цѣлію усиленія въ нихъ знанія русскаго языка. Вотъ какъ объясняетъ г. Поповъ необходимость послѣклассныхъ чтеній для учеництъ здѣшняго края:

„Если во внутреннихъ губерніяхъ Россіи вы назовете Державина, Крылова, Пушкина, Гоголя и другихъ русскихъ писателей, вы уже сказали имя, знакомое почти всему классу, такъ какъ ученики высшихъ классовъ, въ которыхъ собственно и преподается русская литература, не могли не ознакомиться съ этими именами, которыя слышатся ими почти съ того момента, какъ начато ими изученіе русской грамоты. Но здѣсь все это имена мало слышанныя. Если вы прочтете нѣсколько отрывковъ изъ названныхъ писателей, то они останутся или не понятыми, или не задѣвшими серіозно мысли ученицы, которой прежде всего нуженъ разказъ, нужно дѣйствіе съ завязкой и развязкой, и тогда только она обратитъ вниманіе на прелесть содержанія и формы извѣстнаго литературнаго произведенія. Слѣдовательно, послѣклассныя чтенія становятся необходимыми. Вторая, не менѣе важная, причина этихъ чтеній есть слѣдующая. При опредѣленіи литературныхъ терминовъ: драма, эпосъ, лирика, и видовъ этихъ родовыхъ названій — трагедія, драма въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, комедія, пѣсня, повѣсть, романъ, романсъ дума, элегія и пр., — необходимо указать примѣры, для чего въ свою очередь необходимо, чтобъ эти примѣры были извѣстны слушающему. Третья, и по мѣстнымъ обстоятельствамъ самая важная, причина необходимости этого рода чтеній заключается въ томъ, что при неправильности произношенія, а вслѣдствіе сего и самого чтенія русскихъ книгъ учащимися нерусскаго происхожденія, недостаточно только указать имъ для прочтенія то или другое русское сочиненіе, но необходимо прочесть его съ ними, тѣмъ болѣе что по при-

нѣ недавняго введенія правильнаго преподаванія русскаго языка въ здѣшихъ учебныхъ заведеніяхъ, невозможно требовать отъ учащихся правильнго чтенія, и слѣдовательно, правильнаго пониманія прочитаннаго".

Въ виду этой необходимости чтеній ученицамъ образцовыхъ произведеній русской литературы, г. Поповъ предложилъ слѣдующій планъ чтеній. Такъ какъ ученицы V и VI-го классовъ должны слушать русскую словесность и ознакомиться съ теоріей, исторіей и образцами литературы, то имъ и будетъ читаться въ строгомъ порядкѣ все относящееся къ этимъ предметамъ. Русская литература, какъ и всякая другая, начинается народною былевою пѣснею, которою и должно быть начато чтеніе русскихъ литературныхъ произведеній. Но извѣстно, что человѣку, не живущему въ средѣ русскаго народа, трудно понимать тонъ и складъ русской народной рѣчи; потому здѣсь слѣдуетъ русскимъ народнымъ разказамъ предпочесть искусственныя литературныя произведенія, которыя и по формѣ, и по содержанію своему, ближе къ понятіямъ учащихся. Образцовымъ произведеніемъ такого рода можно признать пѣснь Лермонтова „О царѣ Иванѣ Васильевичѣ". Передъ чтеніемъ ея будетъ разказана краткая біографія писателя и объяснятся нѣкоторыя слова и выраженія. Въ слѣдующемъ чтеніи будетъ объяснено, что такое пѣсня, и будутъ показаны ея отличія по содержанію и слогу, а равно происхожденіе былевой пѣсни. Въ заключеніе можно будетъ прочесть и содержаніе нѣкоторыхъ особенно замѣчательныхъ русскихъ народныхъ разказовъ. Въ IV классѣ главная задача чтеній должна состоять въ томъ, чтобы знакомя ученицъ съ особенно легкими по содержанію и изящными по языку произведеніями, научить ихъ правильному чтенію и пониманію этихъ произведеній и пріохотить къ чтенію удобопонятныхъ и интересныхъ для ихъ возраста русскихъ книгъ. Другой учитель русскаго языка, преподающій въ этомъ училищѣ русскую исторію, г. *Петрушевъ,* также заявилъ совѣту гимназіи, что онъ, желая содѣйствовать какъ увеличенію познаній учащихся въ русскомъ языкѣ, такъ и болѣе подробному знакомству съ исторіей Россіи, намѣренъ знакомить ихъ на послѣклассныхъ чтеніяхъ съ исторической отечественною литературой, читая наиболѣе извѣстныя и подходящія къ понятіямъ ученицъ историческія произведенія исключительно русскихъ дѣятелей на поприщѣ этой науки и слѣдуя плану г. Попова. Эти заявленія о послѣклассныхъ чтеніяхъ и планъ ихъ одобрены педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, и съ 9-го сентября начались самыя чтенія.

Въ засѣданіи педагогическаго совѣта Сандомирской женской прогимназіи, тотчасъ послѣ открытія ея, главнымъ образомъ обращено было вниманіе на выполненіе составленныхъ по каждому предмету программъ и на способы или методы преподаванія. Учитель русскаго языка заявилъ, что такъ какъ почти всѣ принятыя въ прогимназію ученицы едва могутъ разбирать русскую грамоту и съ большимъ трудомъ, да и то очень неправильно, пишутъ по диктовкѣ, то ему невозможно будетъ выполнить въ настоящемъ году всѣ требованія программы, но онъ будетъ стараться болѣе или менѣе приблизиться къ нормѣ, указанной въ ней. Затѣмъ предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ начальникъ Радомской учебной дирекціи посовѣтовалъ учителямъ русскаго и польскаго языковъ употреблять для начальныхъ уроковъ въ 1-мъ классѣ по обоимъ языкамъ польско-русскій букварь, изданный правительственною коммиссіей народнаго просвѣщенія въ 1865 году, въ коемъ статьи для чтенія, кромѣ интереснаго и полезнаго содержанія, имѣютъ еще то достоинство, что въ расположеніи оныхъ соблюдена надлежащая постепенность. Обращено также вниманіе ихъ и инспектора еще на то весьма важное обстоятельство, что для лучшаго успѣха, учители русскаго и польскаго языковъ должны, начиная съ 1-го класса, пособлять другъ другу переводами — первый съ русскаго на польскій, а послѣдній съ польскаго на русскій и обратно. Притомъ, такъ какъ и при самомъ искреннемъ усердіи учителей успѣхи ученицъ въ русскомъ языкѣ не могутъ достигнуть желаемыхъ результатовъ, если онѣ будутъ слышать русскую рѣчь только на урокахъ, то начальникъ дирекціи предложилъ еще надзирательницѣ и классньмъ дамамъ сколь возможно больше и чаще говорить съ дѣтьми по-русски, а инспектору поручилъ наблюдать за исполненіемъ этого требованія, имѣя въ виду, что здѣсь русскій языкъ, какъ органъ государственныхъ распоряженій, такъ же необходимъ, какъ и родной. Сверхъ того начальникъ дирекціи замѣтилъ, что хотя преподаваніе русскаго и польскаго языковъ, означенное въ программѣ, имѣетъ характеръ болѣе практическій, однакожь это не должно исключать ознакомленія ученицъ, начиная со 2-го класса, съ теоріей грамматики, для лучшаго и прочнѣйшаго усвоенія ими основныхъ правилъ этимологіи и синтаксиса. Наконецъ, учителямъ новѣйшихъ языковъ предложено упражнять ученицъ, подъ руководствомъ инспектора, въ переводахъ не только на польскій, но и на русскій языкъ.

— По предложенію г. попечителя *Одесскаго* учебнаго округа, въ педагогическомъ совѣтѣ Херсонской гимназіи подвергнутъ былъ об-

сужденію вопросъ о томъ, экзамены или репетиціи болѣе удовлетворяютъ цѣли правильной оцѣнки познаній учениковъ. Извлеченіе изъ протокола засѣданія по этому дѣлу напечатано въ № 10 *Циркул. по управл. Одесск. учебн. окр.* Когда приступлено было къ обсужденію предложеннаго вопроса, г. преподаватель *Стрижевскій* высказалъ такое мнѣніе: Если необходимо для переводнаго испытанія избрать одну изъ формъ его — репетиціи или экзамены, то конечно, репетиціи заслуживаютъ предпочтенія предъ экзаменами, потому что систематическое повтореніе пройденнаго подъ руководствомъ самого учителя должно привести къ гораздо болѣе правильной и вѣрной оцѣнкѣ знаній учениковъ, тѣмъ болѣе, что для этой оцѣнки учитель имѣетъ довольно времени; экзамены же, при ихъ кратковременности, лишаютъ экзаменаторовъ возможности вѣрно оцѣнить знанія экзаменующихся, и потому при экзаменахъ могутъ имѣть значеніе случайности, ведущія къ ошибкамъ. Но если поставить вопросъ безотносительно:—Что необходимо для правильной оцѣнки знаній учениковъ при переводѣ въ слѣдующіе классы? — то на это можно смѣло отвѣчать: не необходимы ни репетиціи, ни экзамены, потому что учитель въ продолженіе года достаточно можетъ ознакомиться съ учениками, чтобы безошибочно сказать, кто изъ нихъ достоинъ и кто недостоинъ перевода. Итакъ, для этого совершенно достаточно мнѣніе самого преподавателя, который при этомъ пользуется полнымъ довѣріемъ начальства. Это довѣріе драгоцѣнно, ибо оно не только даетъ преподавателю силу и возможность дѣйствовать безпристрастно, но и оказываетъ благодѣтельное вліяніе на самое преподаваніе. Затѣмъ высказалъ свое мнѣніе г. директоръ, при чемъ, указавъ на достоинства и недостатки репетицій, заключилъ тѣмъ, что провѣрка и оцѣнка знаній учащихся директоромъ и инспекторомъ во время репетицій были въ зависимости болѣе или менѣе отъ случайности и составляли какъ бы одну формальность: собственно опредѣленіе познаній ученика зависѣло отъ преподавателя, при полномъ къ нему довѣріи, на каковомъ довѣріи и построена система репетицій. По выслушаніи замѣчаній, сдѣланныхъ еще нѣсколькими преподавателями, г. директоръ присовокупилъ, что какъ при репетиціяхъ, такъ и при экзаменахъ, начальству гимназіи недостаетъ столько времени, чтобы можно было дольше останавливаться надъ каждымъ ученикомъ; поэтому желательно было бы пріискать такую форму испытанія учениковъ, которая давала бы возможность останавливаться надъ тѣми учениками, познанія которыхъ не вполнѣ опредѣлены въ продолженіе всего года самимъ

учителемъ и не точно извѣстны начальству гимназіи. Съ своей стороны директоръ, показавъ разницу между способами оцѣнки познаній учениковъ низшихъ и высшихъ классовъ, полагалъ возможнымъ предоставить учителю полное довѣріе относительно окончательнаго опредѣленія знаній лишь учениковъ трехъ низшихъ классовъ, а это, по мнѣнію директора, дало бы возможность производить болѣе обстоятельные экзамены въ высшихъ классахъ. Исходя изъ этихъ соображеній, онъ предложилъ на рѣшеніе совѣта слѣдующіе вопросы: 1) *Одинакова ли, или различна должна быть форма испытаній для низшихъ и высшихъ классовъ?* Члены совѣта, выслушавъ мнѣніе г. директора, выразили согласіе съ нимъ и опредѣлили: Форма испытанія въ высшихъ и въ низшихъ классахъ должна быть различна, при чемъ низшими классами считаются первые три класса. 2) *Если такъ, то на какомъ основаніи переводить учениковъ первыхъ трехъ классовъ — на основаніи ли экзаменной, репетиціонной или годичной отмѣтки?* Совѣтъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ: переводить учениковъ первыхъ трехъ классовъ на основаніи годичной отмѣтки, не производя экзаменовъ, но предоставить каждому преподавателю репетировать свой предметъ въ концѣ года, если онъ найдетъ это необходимымъ; при этомъ годовыя отмѣтки должны составлять средній выводъ изъ мѣсячныхъ. 3) *Наконецъ — какая форма испытанія съ высказанной точки зрѣнія предпочтительнѣе въ высшихъ классахъ: репетиціи или экзамены?* Большинствомъ голосовъ признано производить экзамены. Сверхъ того совѣтъ единогласно опредѣлилъ: учениковъ высшихъ классовъ, начиная съ IV-го, имѣющихъ по всѣмъ предметамъ отмѣтки 5, 4 и 3, переводить въ слѣдующіе классы безъ экзамена; равнымъ образомъ учениковъ низшихъ классовъ, не подвергая экзамену, переводить въ слѣдующіе классы тогда только, когда они будутъ имѣть по всѣмъ предметамъ 5, 4 и 3, и оставлять безъ перевода тѣхъ, у которыхъ хотя по одному предмету неудовлетворительная отмѣтка. Учениковъ высшихъ классовъ, начиная съ IV-го, имѣющихъ въ годовыхъ отмѣткахъ не болѣе какъ по двумъ предметамъ отмѣтки неудовлетворительныя, подвергать переводному испытанію; имѣющихъ неудовлетворительныя отмѣтки болѣе чѣмъ по двумъ предметамъ не допускать къ экзамену.

— Одинъ изъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія въ Пермскомъ краѣ, почетный гражданинъ Д. Д. *Смышляевъ*, въ 1859 году предпринялъ изданіе „Пермскаго Сборника“, съ цѣлію помѣщать въ немъ изслѣдованія по вопросамъ, касающимся Пермскаго края. Хотя

.лъ могъ разчитывать на успѣхъ этого сборника, посвященнаго замѣчательному по своимъ историческимъ судьбамъ, по своему афическому составу и богатству естественныхъ произведеній, ;щъ по своему экономическому значенію, однако же, вслѣдствіе ıаго направленія и содержанія, съ выходомъ въ 1860 году вто- книжки изданіе сборника прекратилось. Между тѣмъ, по поводу о этого предпріятія, у г. Смышляева явились: 1) собранные частію приготовленные уже, въ настоящее время, къ печати алы для указателя сочиненій, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія мскомъ краѣ; въ этихъ матеріалахъ, вслѣдъ за обстоятельнымъ еніемъ содержанія того или другаго сочиненія, авторъ въ не- хъ словахъ даетъ оцѣнку этого сочиненія, во многихъ случаяхъ няя и исправляя представляемыя сочиненіемъ свѣдѣнія по дру- извѣстнымъ ему, о томъ же предметѣ источникамъ, или указы- дѣ тѣ же свѣдѣнія подробнѣе и достовѣрнѣе излагаются; 2) со- замѣчательныхъ и большею частію рѣдкихъ въ настоящее время еній о Пермскомъ краѣ. Желая тѣмъ и другимъ, по мѣрѣ воз- юсти, для вышесказанныхъ цѣлей, послужить на общую пользу ышляевъ, проживающій по своимъ дѣламъ большею частію иля этербургѣ, или за границей, въ послѣдній свой пріѣздъ въ Пермь, ожилъ собранные имъ матеріалы и сочиненія въ даръ Пермской зіи для учрежденія при ней спеціальной о Пермскомъ краѣ би- еки. Въ письмѣ къ директору по этому случаю онъ высказалъ ніе, чтобы книги были доступны всякому, желающему пользо- я ими, но чтобы въ то же время онѣ ни подъ какимъ предло- п никому не были даваемы на домъ, потому что человѣкъ се- ый, дѣйствительно нуждающійся въ печатныхъ источникахъ, не днится заниматься чтеніемъ и выписками въ зданіи гимназіи № 19 и 20 *Циркуляра по Казанскому учебному округу*, откуда аимствовали извѣстіе о пожертвованіи г. Смышляева, помѣщена (29 нумеровъ) упомянутыхъ выше матеріаловъ для указателя еній, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о Пермскомъ краѣ.

НАЧАЛЬНЫЯ НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА.

и предположенія земскихъ собраній Псковской губерніи и уѣздовъ орскаго, Новоузенскаго, Бугульминскаго и Богодуховскаго. — Состояніе наго образованія въ губерніи С.-Петербургской, въ уѣздахъ Угличскомъ нскомъ, въ епархіи Харьковской, въ Землѣ Войска Донскаго, въ губер- Черниговской, Кіевской, Могилевской, Гродненской, Витебской, Мин-

ской, въ Царствѣ Польскомъ, на Сибирской казачьей границѣ и въ Забайкальѣ. — Частное обученіе въ Казанской губерніи.

Дѣло народнаго образованія продолжаетъ по прежнему составлять предметъ заботливости земскихъ собраній въ разныхъ губерніяхъ. Такъ, изъ отчетовъ о дѣятельности земства нѣкоторыхъ уѣздовъ Псковской губерніи, сообщенныхъ въ извлеченіи въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 330), видно, что стремленіе къ распространенію грамотности между крестьянами подало здѣсь поводъ къ нѣкоторымъ достойнымъ признательности мѣрамъ. Въ *Новоржевскомъ* уѣздѣ предположено было устроить школы на матеріальныя и денежныя пожертвованія мѣстныхъ жителей. Подписка на этотъ предметъ дала 1.007 р. 50 к. Помѣщикъ Д. Н. Дурново предоставилъ въ вѣчное безвозмездное пользованіе школы принадлежащую ему землю въ погостѣ Аксеновѣ и самъ взялся построить школу за 1.200 р., что и дѣлается имъ теперь въ высшей степени добросовѣстно. Подобное же пожертвованіе земли сдѣлалъ причтъ церкви въ пог. Ашевѣ и заявили о желаніи пожертвованія помѣщики А. А. Кругликовъ и В. А. Статковскій. Въ уѣздѣ всего находится 12 сельскихъ школъ, съ 250 учащимися мальчиками и 50 дѣвочками: всѣ они содержатся на суммы мірскаго сбора, а школа въ Аксеновѣ частію и на пожертвованія частныхъ лицъ. Въ смѣту Новоржевскаго уѣзда на 1868 годъ внесено на народное образованіе 3.542 р. 50 к.

Порховское земское собраніе, выслушавъ ходатайство штатнаго смотрителя мѣстнаго уѣзднаго училища о подготовленіи 2-хъ мальчиковъ въ учителя и о наймѣ учителя церковнаго пѣнія, приняло это предложеніе, ассигновавъ на него 170 р.; затѣмъ назначило 650 р. на поддержаніе Порховскаго женскаго училища и внесло въ смѣту 340 р. на пособіе сельскимъ училищамъ. То же собраніе приняло къ соображенію предложеніе штатнаго смотрителя объ открытіи прогимназіи въ Порховѣ, а гласный, купецъ Масленниковъ, пожертвовалъ билетъ въ 100 р. въ пользу женскаго училища.

Великолуцкая управа собрала свѣдѣнія о положеніи школъ въ волостяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и оказалось, что такихъ школъ въ уѣздѣ не болѣе 7-ми, съ 185-ю учащимися мальчиками и 80-ю дѣвочками.

По свѣдѣніямъ *Торопецкой* управы, въ уѣздѣ и въ городѣ обучаются, съ платою учителямъ изъ суммъ, назначенныхъ городскимъ обществомъ, въ приходскомъ училищѣ 81 мальчикъ и 26 дѣвочекъ, и безплатно—въ городѣ при Кудинскомъ волостномъ правленіи 17 и

въ уѣздѣ у разныхъ лицъ 54 мальчика. Незнаніе грамоты волостными и сельскими властями ставитъ ихъ, по свидѣтельству управы, въ совершенную зависимость отъ волостныхъ писарей и вмѣстѣ съ тѣмъ дурно вліяетъ на развитіе земскаго дѣла. При недостаточныхъ средствахъ Торопецкаго земства, нельзя, однако же думать объ устройствѣ дорого стоящихъ школъ; но поддержать учителей, которые, по бѣдности родителей учениковъ, получаютъ слишкомъ малое вознагражденіе за свои труды, должно составлять священную обязанность земства. Управа считаетъ полезнымъ давать каждому учителю премію въ 3—4 р. за каждаго выученнаго имъ грамотѣ мальчика или дѣвочку; сумма на это потребуется незначительная; такъ, напримѣръ, на окончившихъ курсъ 54 мальчиковъ нужно будетъ отъ 162—216 р., которые можно отнести на счетъ остаточныхъ суммъ земства. Далѣе, управа заявила, что осенью прошедшаго года, изъ числа показанныхъ въ вѣдомости частныхъ училищъ половину предполагалось закрыть, по неимѣнію средствъ къ поощренію учащихся, и только надежда на помощь со стороны губернскаго земскаго собранія поддержала въ нынѣшнемъ году эти училища. Собраніе разрѣшило управѣ выдавать за удовлетворительное обученіе каждаго мальчика или дѣвочки чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики по 3 р.

Въ первомъ очередномъ *Вытегорскомъ* (Олонецкой губ.) земскомъ собраніи, по свидѣтельству той же газеты (№ 331), шли весьма оживленныя пренія по вопросу о народномъ образованіи. Два гласныхъ, гг. Морсковъ и Базегскій, говорили, что когда дѣло идетъ о народномъ образованіи, то разсуждать о средствахъ содержанія ихъ не слѣдуетъ. Земство, говорили они, позаботится объ изысканіи средствъ на это, и никто не долженъ жалѣть расходовъ для этой цѣли; поэтому они полагаютъ возвести на степень второразрядныхъ всѣ существующія въ уѣздѣ школы. Земство изъявило на это свое согласіе и постановило въ 6-ти возведенныхъ во второй разрядъ школахъ ввести преподаваніе краткаго законовѣдѣнія и краткой исторіи Россіи. Затѣмъ нѣкоторыми членами было заявлено о готовности принести денежныя пожертвованія на школы, если онѣ будутъ состоять подъ вѣдѣніемъ земства. Такую готовность выразили предсѣдатель управы г. Медвѣдевъ, гг. Морсковъ и Ляпутинъ, крестьяне Андрей Игнатьевъ и Иванъ Исаевъ, мѣщанинъ Метлинскій, и наконецъ, гласный, священникъ Тихоміровъ, какъ непремѣнный членъ попечительства при православной Деватинской церкви, заявилъ земству, что при открытіи попечительства въ іюлѣ 1866 года, крестьяне этого прихода со-

ставили приговоръ жертвовать на Девятинское училище изъ доходовъ мірскихъ оброчныхъ статей по 115 р. въ годъ.

Всеобщая Газета сообщаетъ, что въ засѣданіяхъ *Новоузенскаго* (Самарской губерніи) земскаго собранія, происходившихъ съ 5-го по 15-е сентября сего года, обсуждался вопросъ о поддержкѣ народныхъ школъ. Уѣздная управа, въ докладѣ своемъ, предлагала, въ дополненіе къ существующимъ 7 школамъ, открыть еще 11; но собраніе пришло къ результатамъ совершенно противоположнымъ: оно постановило изъ существующихъ школъ оставить только 3, а прочія 4 закрыть. Поводомъ къ такому рѣшенію собранія была недостаточность успѣховъ въ означенныхъ школахъ. Замѣчательно, что въ собраніе была приглашена, съ правомъ совѣщательнаго голоса, г-жа Островская, одна изъ наставницъ женскихъ школъ. Она отстаивала поддержку существующихъ земскихъ школъ, говоря, что по короткому времени ихъ существованія трудно требовать отъ нихъ какихъ-либо видимыхъ результатовъ. Собраніе однако же не согласилось съ мнѣніемъ г-жи Островской, и 4 школы были закрыты.

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 341) сообщаются свѣдѣнія о дѣйствіяхъ *Бугульминскаго* (той же губерніи) земства относительно народнаго образованія. По словамъ корреспондента этой газеты, до 1853 года какъ въ г. Бугульмѣ, такъ и въ Бугульминскомъ уѣздѣ, было только по два училища для мальчиковъ; въ 1853 году было открыто уѣздное, а въ 1858 г. женское училище; въ этомъ же году такъ-называемое сельское Бугульминское училище переведено изъ города въ уѣздъ; учащихся въ этихъ училищахъ было очень немного.

На это положеніе вещей было обращено вниманіе земства. Въ одно изъ собраній, предсѣдателемъ мѣстной управы г. Рычковымъ, который въ этомъ дѣлѣ принимаетъ, по свидѣтельству корреспондента, самое дѣятельное участіе, было внесено предложеніе относительно открытія 28-ми школъ, по числу волостей въ уѣздѣ. Земское собраніе, отложивъ открытіе школъ по числу волостей до болѣе благопріятнаго времени, постановило учредить пока 10 училищъ, съ назначеніемъ на каждое изъ нихъ по 250 р. ежегодно, и кромѣ того ассигновать единовременно 1.000 р. на устройство помѣщенія для этихъ школъ. Вслѣдъ за тѣмъ собраніе опредѣлило, также по предложенію г. Рычкова, содержать 20 пансіонеровъ при уѣздномъ училищѣ, съ тѣмъ чтобы по окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ, эти

ие люди поступали народными учителями въ земскія школы [1]).
содержаніе стипендіатовъ ассигновано по 1.000 р. ежегодно.

же земство учредило при Бугульминскомъ женскомъ училищѣ стипендій съ тѣмъ, чтобы стипендіатки были преимущественно сельскаго сословія, и по окончаніи курса въ училищѣ, поступали учительницами въ сельскія школы для дѣвочекъ. На содержаніе собраніе ассигновало по 500 р. въ годъ и сверхъ того по 100 р. въ на улучшеніе помѣщенія для женскаго училища, такъ какъ отпускаемая на этотъ предметъ городомъ, недостаточна.
ассигнованныя земствомъ школы открыты всѣ, и на содержаніе расходуется ежегодно болѣе 5.000 р. Это доказываетъ, что Бугульминское земство близко принимаетъ къ сердцу дѣло народнаго образованія. Кстати прибавимъ здѣсь, что это земство, по свидѣтельству корреспонденціи, изъ которой мы заимствовали приведенныя здѣсь свѣдѣнія, имѣетъ въ виду учредить 4-й классъ при уѣздномъ училищѣ, открыть при немъ же ремесленную школу и основать при первой возможности прогимназію въ Бугульмѣ.
Считаемъ не лишнимъ къ сообщеннымъ выше свѣдѣніямъ о дѣятельности земскихъ собраній въ пользу развитія народной грамотности присовокупить, что *Богодуховская* (Харьковской губ.) земская управа приняла, по свидѣтельству мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостей*, предположеніе—сдѣлать обученіе грамотѣ сиротъ обоего пола обязательнымъ, подъ личною отвѣтственностію волостныхъ старшинъ; но, замѣчаетъ та же газета, выполненіе этого предположенія кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, по недостатку сельскихъ школъ.
Обращаемся теперь къ извѣстіямъ о состояніи народнаго образованія въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи и Царства Польскаго.

Г. Безобразовъ сообщаетъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 97) нѣсколько свѣдѣній о средствахъ къ обученію питомцевъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома. До 1864 г. эти дѣти, подобно питомцамъ Московскаго воспитательнаго дома, обучались въ весьма незначительномъ количествѣ и притомъ большею частію учителями, не имѣющими никакого понятія о новѣйшихъ облегченныхъ способахъ преподаванія; но въ 1864 году, для образованія питомцевъ, въ округахъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома заведены сельскія школы, первоначально въ числѣ 20; въ 1865 году ихъ было уже

[1]) Объ этомъ распоряженіи Бугульминскаго земства мы упоминали въ майской книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, Совр. Лѣт., стр. 209.

45, въ 1866 году—56, а въ настоящее время 64. Курсъ обученія въ этихъ школахъ продолжается отъ трехъ до пяти зимъ; лѣтомъ же обученія не бываетъ. Въ нихъ, сверхъ обыкновенныхъ предметовъ народныхъ школъ, сообщается воспитанникамъ понятіе объ устройствѣ храма и о церковныхъ принадлежностяхъ, о причинѣ важнѣйшихъ явленій въ природѣ, о главнѣйшихъ событіяхъ изъ русской исторіи; ихъ знакомятъ здѣсь также съ картою Россіи. Учителями въ эти школы опредѣляются также питомцы, спеціально для того подготовленные въ учительской семинаріи, учрежденной при воспитательномъ домѣ, въ которую ежегодно поступаютъ до 30-ти мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ. Положеніе о сельскихъ школахъ и учительской семинаріи, учрежденныхъ въ 1864 году въ видѣ опыта, въ настоящемъ году удостоено Высочайшаго утвержденія. Число сельскихъ школъ предполагается довести до 100, и когда число кончившихъ курсъ въ семинаріи питомцевъ превзойдетъ эту цифру, что должно произойдти въ 1869 году, то воспитательный домъ получитъ возможность ежегодно доставлять земству до 30 учителей, практически ознакомленныхъ съ преподаваніемъ грамоты въ сельскихъ школахъ по звуковой методѣ, нотнаго церковнаго пѣнія и другихъ предметовъ, входящихъ въ курсъ этихъ школъ, и тѣмъ хотя нѣсколько пополнить, заключаетъ г. Безобразовъ, тотъ недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ, который въ настоящее время такъ ощутителенъ въ Россіи.

Въ той же газетѣ (№ 322) пишутъ, что при состоящей въ вѣдомствѣ С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта карточной фабрикѣ учреждена школа, для доставленія вольнымъ рабочимъ этой фабрики средствъ къ обученію дѣтей ихъ обоего пола. Открытіе этого училища, послѣдовавшее 12-го ноября сего года, дало возможность воспользоваться имъ, кромѣ сыновей и дочерей упомянутыхъ рабочихъ, и дѣтямъ другихъ мѣстныхъ жителей, за самую умѣренную плату. Предметы обученія: законъ Божій, чтеніе и письмо по методѣ Золотова и счисленіе.

По собраннымъ *Угличскимъ* (Ярославской губ.) уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ свѣдѣніямъ, въ г. Угличѣ и его уѣздѣ, какъ сказано въ мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 50), находится учрежденная отъ разныхъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ, 31 первоначальная школа; въ нихъ учащихся 1.219 муж. пола и 224 жен., а всего 1.443 человѣка.

Въ *Казанскомъ Справочномъ Листкѣ* (№№ 125—127) напечатана любопытная записка о причинахъ равнодушія крестьянъ *Буинскаго*

Симбирской губ.) къ дѣлу грамотности и о способахъ устране-
хъ причинъ. Записка любопытна какъ по содержанію своему,
по личности автора, который составлялъ ее. Авторъ записки,
изъ Чувашъ, крестьянинъ Степанъ Ивановъ. Усидчивостью и
ствомъ онъ достигъ того, что научился грамотѣ, основательно
ился съ русскимъ языкомъ, и на столько образовалъ себя, что
хорошо пишетъ по-русски, а начитанность и наблюдатель-
его даютъ ему возможность разсуждать весьма здраво о школь-
ѣлѣ, которому онъ преданъ всею душой. Онъ состоитъ въ на-
е время членомъ Буинской уѣздной земской управы и мѣстнаго
го училищнаго совѣта.

панъ Ивановъ говоритъ, что въ Буинскомъ уѣздѣ, въ селе-
бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, школы, числомъ около 20-ти
вуютъ съ 1840 года и въ каждой изъ нихъ обучается до 40
ковъ; курсъ ученія въ тѣхъ училищахъ, гдѣ обучаются дѣти
цевъ, продолжается 4 года, а въ прочихъ 3. Если предполо-
что изъ каждой школы выпускаемо было съ 1844 года по экза-
ю крайней мѣрѣ по 10 человѣкъ, а изъ всѣхъ школъ до 200
ковъ въ годъ, то въ теченіе 22 лѣтъ должно быть грамотныхъ
4.400 человѣкъ. Въ Буинскомъ уѣздѣ 200 селеній бывшихъ
ныхъ крестьянъ; стало быть, на каждое селеніе приходится до
ловѣкъ грамотныхъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности съ тру-
ложно найдти въ какой угодно деревнѣ отъ 1 до 3 крестьянъ,
ихъ читать и подписать свое имя; всѣ же прочіе, не смотря на
учились достаточное время, все перезабыли. Такимъ образомъ
отъ образованія, на которое съ 1840 года истрачено до 187
ь руб., не оказывается. Причину такого явленія Степанъ Ивановъ
яетъ тѣмъ, что по выходѣ изъ школы, бывшіе ученики ея не
жаютъ заниматься ни чтеніемъ, ни письмомъ, ни ариѳметикой,
его не имѣютъ ни книгъ, ни разныхъ учебныхъ принадлежно-
и ни учитель, и никто другой о дальнѣйшемъ ихъ образованіи
отится. Съ своей стороны, родители не питаютъ никакого рас-
енія къ грамотности, такъ какъ отдавая своихъ дѣтей въ школу,
ядятъ потерю въ своемъ хозяйствѣ, и дѣйствительно, эти маль-
отвыкаютъ отъ работъ, свойственныхъ ихъ возрасту и состоя-
ему способствуетъ сколько естественное въ дѣтяхъ располож-
ь лѣни, столько же и продолжительность времени, назначен-
для ученья.

сюда является необходимость для крестьянскихъ дѣтей въ та-

кого рода школьномъ воспитаніи, которое бы не препятств
съ малолѣтства пріучать себя къ главному занятію ихъ
бопашеству. Относительно знаній, крестьянскимъ дѣтямъ
усвоить преподаваемое по закону Божію и пріобрѣсть
къ чтенію и письму, какъ средствамъ къ самообразованію;
ное, преподаваемое на словахъ, можетъ быть усвоено
рено въ памяти, и по достиженіи совершеннолѣтія, при
Для того, чтобъ ученики могли получить въ школѣ необход
дѣнія къ улучшенію хлѣбопашества и полученію чрезъ
урожаевъ, нужны въ школахъ такіе учители, которые
сами хлѣбопашествомъ, или по крайней мѣрѣ, имѣли бы
вательныя понятія. Такимъ учителямъ можно бы дать при
лищахъ земли на счетъ собираемой суммы на учебную
десятинъ при каждомъ; изъ нихъ можно бы засѣять 6
образцоваго хозяйства, а другія 6 десятинъ употребить
денія разныхъ опытовъ на здѣшней почвѣ, какъ по
сортовъ хлѣба, такъ и по удобренію самой земли. На
этому хозяйству можно опредѣлить 80 рублей на училище,
160 рублей.

Чтобы помочь дѣлу народнаго образованія, продолжает
Ивановъ, и тѣмъ проложить будущему поколѣнію путь къ
необходимо первоначально пріохотить крестьянъ къ отда
дѣтей въ школы. Для этого онъ считаетъ необходимымъ
въ видѣ опыта на 5 лѣтъ, двѣ мѣры: 1) Сократить срок
чтобы не отвлекать мальчиковъ отъ полевыхъ работъ, и
волять крестьянамъ брать дѣтей ихъ изъ школы въ свое
время ученія, если того будутъ требовать семейныя обсто
вообще, не слѣдуетъ стѣснять родителей въ распоряжені
дѣтьми по усмотрѣнію; но обученіе должно имѣть характе
тельный въ особенности для тѣхъ крестьянъ, которые имѣют
сына и болѣе. 2) Курсъ ученія ограничить закономъ Божіи
дымъ и свободнымъ письмомъ и чтеніемъ; а чтобы мальчики
ходѣ изъ школы, имѣли возможность пріобрѣтать, до
усовершенствованія себя, между занятіями по домашнему
навыкъ къ чтенію, какъ необходимому средству для самообр
и развитія ума, и навыкъ къ письму, необходимому для
веденія счета по хозяйству, снабжать ихъ при выпускѣ
такими полезными книгами, которыя бы невольно располагал

ей занимательности, къ частому въ свободное время чтенію, а
отцовъ къ слушанію. Но такъ какъ для этого потребуется зна-
чный расходъ денегъ, то можно ограничиться выдачею каждому
ку на руки одного Евангелія малаго формата, а прочими кни-
набжать отдѣльно каждое селеніе, отводя для нихъ особыя для
збы. Кромѣ книгъ, снабжать мальчиковъ и необходимыми при-
ностями для упражненія въ письмѣ. Избы, которыя Степанъ
въ совѣтуетъ отводить для учащихся, должны быть посѣщаемы
нятій чтеніемъ и письмомъ тѣми мальчиками, которые по чему-
не находятъ къ тому возможности въ домахъ своихъ отцовъ,
спитателей. Наблюденіе за занятіями въ этой избѣ должно быть
ено на довѣренное лицо; изба должна быть посѣщаема и свя-
комъ и членами училищнаго совѣта во время ихъ объѣздовъ.
заключеніе, Степанъ Ивановъ обращается къ вопросу о томъ,
омъ языкѣ должно совершаться обученіе инородцевъ грамотѣ,
аетъ этотъ вопросъ въ пользу ихъ природнаго языка.
льзя не согласиться, что если въ подробностяхъ совѣты умнаго
енина не всегда могутъ быть выполнены на дѣлѣ, то все же въ
заключается много дѣльнаго, основаннаго на долгомъ опытѣ и
шленіи, и потому заслуживающаго полнаго вниманія со стороны
, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ народнаго
ванія.

Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатанъ отчетъ
аго преосвященнаго архіепископа Макарія, въ которомъ сооб-
я нѣсколько свѣдѣній о числѣ и состояніи начальныхъ народ-
школъ въ Харьковской епархіи. Изъ отчета видно, что при од-
изъ женскихъ монастырей епархіи, именно при Хорошевскомъ
сенскомъ, находится школа для дѣвочекъ, въ которой въ прош-
году было 20 ученицъ. Затѣмъ во всей епархіи существуетъ
ачальныхъ народныхъ училища съ 12.611 учащимися, изъ ко-
ъ 11.571 мальч. и 1.040 дѣвочекъ. Въ большей части этихъ школъ
обученіемъ дѣтей занимается исключительно духовенство, а уроки
и нравственности почти во всѣхъ преподаются приходскими
енниками. Ученики многихъ изъ нихъ читаютъ въ церкви при
луженіи, а нѣкоторые и поютъ на клиросѣ. Самыми плохими
ами отчетъ называетъ тѣ, въ которыхъ обученіемъ грамотѣ за-
отся отставные солдаты, волостные писаря и имъ подобные. Не
мъ препятствіемъ къ удовлетворительному состоянію сельскихъ
ъ отчетъ считаетъ частію крайній недостатокъ учебныхъ посо-

бій; частію же бѣдность большинства сельскихъ жителей, которые, не имѣя средствъ къ найму рабочихъ рукъ, очень часто, даже въ зимнюю пору, отрываютъ своихъ дѣтей отъ ученія, оставляя ихъ дома для пособія себѣ въ домашнемъ хозяйствѣ. Это послѣднее обстоятельство вынуждаетъ духовныхъ лицъ, нерѣдко послѣ настойчиваго 2—3-лѣтняго труда, закрывать училища.

Съ своей стороны, *Харьковскія Губернскія Вѣдомости* распредѣляютъ существующія въ губерніи народныя школы на три категоріи, въ числѣ которыхъ состоятъ: 1) школы, содержимыя на сборы съ крестьянскихъ обществъ, по приговорамъ послѣднихъ, или же на частныя пожертвованія; 2) школы, содержимыя на счетъ городскихъ обществъ, и 3) штатныя приходскія училища, содержимыя на счетъ мірскаго сбора съ крестьянъ, установленнаго правительствомъ. Школы послѣдней категоріи наиболѣе многочисленны, находятся въ наилучшемъ положеніи и такимъ образомъ составляютъ важнѣйшую часть существующихъ въ губерніи средствъ народнаго образованія. Школамъ этимъ, по словамъ *Вѣдомостей*, „грозитъ въ будущемъ году по истинѣ печальная участь". Неясная редакція статьи, изъ которой мы беремъ эти свѣдѣнія, не даетъ уразумѣть, въ чемъ именно заключается опасность. Повидимому, дѣло заключается въ томъ, что школы, о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ закрыться, такъ какъ редакціонная коммиссія губернскаго земскаго собранія считаетъ справедливымъ весь расходъ на содержаніе сельскихъ училищъ возложить на однихъ крестьянъ, для которыхъ „прежде всего и главнымъ образомъ" существуютъ эти училища. *Харьковскія Губернскія Вѣдомости* находятъ это несправедливымъ потому между прочимъ, что въ развитіи образованія между крестьянами заинтересовано все земство.

Въ *Донскомъ Вѣстникѣ* (№№ 15 и 16) г. Робушъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о ходѣ народнаго образованія въ Войскѣ Донскомъ. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ распространеніи образованія здѣсь былъ генералъ-адъютантъ Хомутовъ, занимавшій должность наказнаго атамана въ Войскѣ. Онъ заботился объ увеличеніи приходскихъ училищъ, объ увеличеніи жалованья учителямъ, получавшимъ прежде 54 руб. въ годъ, и объ устройствѣ женскихъ школъ. Въ 1860 году, по ходатайству генерала Хомутова, наказному атаману Войска Донскаго предоставлено было право разрѣшать директору училищъ открытіе приходскихъ училищъ во всѣхъ станицахъ, гдѣ общества изъявятъ желаніе отпускать сумму, потребную на содержаніе училища. Многія изъ станицъ съ радостію услышали объ этомъ

ѣніи и стали присылать директору училищъ приговоры, кото-
азаки просили наказнаго атамана удовлетворить ихъ желанію
ть школы. Нѣкоторые изъ этихъ приговоровъ очень любопытны
видѣтельствуютъ о горячемъ желаніи станичныхъ жителей дать
дѣтямъ по возможности удовлетворительное образованіе. Ди-
училищъ, отвѣчая этой потребности въ образованіи, предло-
7-ти станицамъ, которыя по значительному народонаселенію
е нуждались въ училищахъ, приготовить все нужное къ ихъ
ю, и въ маѣ мѣсяцѣ 1861 года училища эти были открыты.
того же времени изъ учрежденнаго при Новочеркасской гим-
едагогическаго отдѣленія были выпущены воспитанники, при-
вшіеся къ должности приходскихъ учителей. Вслѣдъ за тѣмъ,
но открывались по нѣскольку приходскихъ училищъ, какъ муж-
такъ и женскихъ. Въ 1866 году въ 97 приходскихъ училищахъ
ось 5.137 мальчиковъ, и въ 13 женскихъ училищахъ 3-го раз-
79 дѣвочекъ.

касается сельскихъ крестьянскихъ школъ въ Войскѣ Донскомъ,
пока находятся въ неудовлетворительномъ положеніи. Въ фе-
мѣсяцѣ настоящаго года, сельскія школы были осмотрѣны во
одробности штатными смотрителями окружныхъ училищъ, и
ось, что въ осмотрѣнныхъ ими 55 сельскихъ школахъ обуча-
.415 мальчиковъ и 93 дѣвочки. Крестьянское населеніе сознаетъ
и необходимость грамотности, и не смотря на неурожайные
употребляетъ посильныя средства на содержаніе школъ; но об-
о болѣе развитое не поддерживаетъ ихъ. Немногія школы со-
тся на общественный счетъ, большинство же на счетъ родите-
бучающихся дѣтей и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Г. Робушъ
заетъ на одну школу въ Міусскомъ округѣ, въ слободѣ Крѣп-
одерживую на счетъ крестьянина-собственника Матвѣя Перятин-
который, не смотря на ограниченность своихъ средствъ, нани-
помѣщеніе для школы, платитъ жалованье учителю по 100 р.
дъ и выдаетъ бѣднымъ мальчикамъ бумагу и книги. Жалованье
лямъ производится обществами отъ 50 до 90 руб. и по 6 мѣш-
хлѣба въ годъ; въ школахъ, содержимыхъ самими родителями,
ля получаютъ отъ 2 до 3 руб. съ каждаго мальчика и по нѣ-
ку мѣръ хлѣба. Въ Хоперскомъ округѣ 5 сельскихъ школъ со-
тся на разныя штрафныя деньги и на деньги, вырученныя отъ
жи пригульнаго скота, и т. д.

зъ 55-ти сельскихъ школъ, осмотрѣнныхъ штатными смотри-

телями, только 4 находятся въ непосредственномъ завѣдываніи священниковъ; въ 9-ти священники преподаютъ законъ Божій; остальныя же находятся въ вѣдѣніи разнаго рода личностей, каковы солдаты, два оберъ-офицера, мѣщане, кантонисты, самоучки-крестьяне, вообще учителя малограмотные и нерѣдко сомнительной нравственности. Предметы обученія обыкновенные. Но любопытно, что въ одной слободѣ (Макѣевкѣ, Донецкаго округа) находятся двѣ школы: въ одной изъ нихъ учитъ крестьянинъ, въ другой унтеръ-офицеръ; первый учитъ мальчиковъ только чтенію, а писать посылаетъ ихъ къ своему товарищу унтеръ-офицеру.

Г. Робушъ замѣчаетъ, что при малѣйшей поддержкѣ сельскихъ школъ въ Войскѣ Донскомъ, какъ по управленію, такъ и по обученію въ нихъ, при сознаніи народомъ потребности въ грамотности, школы эти могли бы быстро развиться, какъ развились всѣ приходскія училища въ станицахъ Войска. Со введеніемъ земскихъ учрежденій и съ образованіемъ училищныхъ совѣтовъ будетъ, конечно, обращено вниманіе на сельскія школы; до того же времени, по сношенію войсковаго наказнаго атамана съ епархіальнымъ начальствомъ, сдѣлано распоряженіе, чтобы церковныя попечительства приняли ихъ подъ свое покровительство.

Въ *Кіевлянинѣ* сообщаютъ, между прочимъ, слѣдующее изъ Черниговской губерніи. Члены *Стародубской* земской управы пробовали, какъ видно изъ отчетовъ ея, спрашивать лично на сходахъ у поселянъ, отчего они не заботятся объ открытіи сельскихъ школъ, столь необходимыхъ для обученія грамотѣ дѣтей, „которыя могли бы, хотя въ послѣдствіи, но справедливо объяснить о томъ, сколько слѣдуетъ съ каждаго въ годъ разныхъ платежей, кто именно и при какихъ условіяхъ долженъ законно отбывать рекрутскую послугу, какъ лучше и въ какое время вспахать и убрать землю и т. п.“. Крестьяне, вполнѣ сознавая необходимость обученія дѣтей грамотѣ, тѣмъ не менѣе начинаніе въ открытіи школъ предоставили правительству, которое „знаетъ, что имъ нужно, да знать не пора, когда имъ не приказываетъ“; а затѣмъ отвѣчали, что „они пробовали отдавать дѣтей въ науку, да какъ-то дѣло не идетъ на ладъ; учатъ, учатъ, а дѣти ничего не поймутъ; ты же знай за науку плати, дровъ привези, косить пойди и мало ли чего? — такъ что выходитъ пустая только трата, и поэтому они оставили“.

Въ той же газетѣ пишутъ, что Черниговскій губернскій попечительный совѣтъ съ своей стороны передалъ въ земскую управу, для

змездной раздачи сельскимъ школамъ, до 3.267 экземпляровъ книгъ брошюръ разныхъ наименованій. Книги эти были переданы въ училищный совѣтъ, но тамъ и остаются въ тюкахъ, потому что, какъ ворить отчетъ, не приходится же ихъ разсылать въ тѣ школы, о торыхъ волостныя правленія и благочинные доставляютъ свѣдѣнія льно на бумагѣ, а въ сущности ихъ нѣтъ и десятой доли.

Считаемъ нужнымъ замѣтить по этому случаю, что при существованіи училищныхъ совѣтовъ, подобныя донесенія на бумагѣ дѣлаются возможными, такъ какъ училищные совѣты имѣютъ полную возможность и даже обязаны удостовѣряться, дѣйствительно ли существуютъ школы, показываемыя въ донесеніяхъ.

Существующій при Кіевской духовной консисторіи педагогическій совѣтъ издалъ вѣдомость о церковноприходскихъ школахъ Кіевской епархіи за 1866 годъ. По этой вѣдомости, извлеченіе изъ которой напечатано въ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 22), результатъ дѣятельности православнаго духовенства представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ 1.246 приходахъ Кіевской епархіи церковно-приходскихъ училищъ значится 1.360; въ нихъ учащихся 43.626, въ томъ числѣ мужескаго пола 34.728, женскаго 8.898; до 1866 года изъ этихъ училищъ выбыло обученныхъ грамотѣ 21.647, въ томъ числѣ 16.157 мужескаго пола и 5.490 женскаго. Учащихъ 1.097; въ 263 училищахъ, не имѣющихъ особыхъ учителей, обучаютъ мѣстные священно- и церковнослужители, иногда при содѣйствіи своихъ женъ и взрослыхъ дочерей, которыя преимущественно занимаются обученіемъ дѣвочекъ. Средства на содержаніе училищныхъ зданій, учителей и на учебныя пособія были доставляемы приходскими обществами по ихъ приговорамъ; кромѣ того, были пожертвованія отъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, прихожанъ и постороннихъ, а болѣе всего отъ приходскихъ священниковъ, изъ которыхъ многіе давали у себя не только столъ, но и квартиру, а нѣкоторые и денежное пособіе учителю и школѣ, когда по какимъ-либо вліяніямъ парализовалось сочувствіе прихожанъ къ образованію ихъ дѣтей. Изъ этихъ денежныхъ средствъ израсходовано 53.802 руб. 71½ коп.; притомъ стоимость училищныхъ зданій оцѣнена въ 82.244 руб. 20½ коп. Въ пособіе отъ правительства (изъ штрафныхъ суммъ, взысканныхъ за пѣніе революціонныхъ пѣсней въ костелахъ) получено 8.284 руб. 82½ коп. Надзоръ за церковно-приходскими школами производится чрезъ особыхъ наблюдателей въ каждомъ округѣ благочинія. Контроль при-

надлежитъ уѣзднымъ протоіереямъ и благочиннымъ. Ежегодно значительная часть школъ ревизуется высокопреосвященнымъ митрополитомъ.

Въ *Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 39—43) помѣщено извлеченіе изъ отчета по управленію народными училищами Могилевской губерніи за 1866 годъ. Изъ отчета этого явствуетъ, что число *штатныхъ* народныхъ училищъ увеличилось въ 1866 году въ сравненіи съ предыдущими годами. Такъ, къ 1-му января 1866 года состояло въ губерніи 70 училищъ мужскихъ и 3 женскихъ, съ 2.094 учащимися мужескаго пола и 316 женскаго; а къ 1-му января нынѣшняго года училищъ было 72 мужскихъ и 8 женскихъ; въ первыхъ число учащихся возрасло до 2.331; въ женскихъ же послѣдовало незначительное уменьшеніе учащихся: къ началу 1867 года ихъ было только 307. Большинство учащихся были православные; изъ лицъ же прочихъ исповѣданій было 82 римско-католиковъ и 8 евреевъ. Учащихъ было 150: изъ нихъ большинство приходится на долю духовнаго сословія, изъ прочихъ сословій только 13. На содержаніе штатныхъ народныхъ училищъ ассигновано было изъ государственнаго казначейства 14.113 р. 75 к. и доставлено мѣстными сельскими обществами 3.479 р. 45 к. Со стороны дирекціи училища снабжаемы были безплатно книгами и учебными пособіями. Въ содержаніи учащихся болѣе видное участіе принимали 12 обществъ. Въ остальныхъ мѣстностяхъ дѣти продовольствовались средствами родителей. Отчетъ указываетъ на 5 уѣздовъ (Чериковскій, Рогачевскій, Быховскій, Климовичскій и Гомельскій), гдѣ училища крестьянъ-собственниковъ лучше другихъ обезпечены въ хозяйственномъ отношеніи. Это могло зависѣть, по словамъ отчета, частію отъ болѣе или менѣе, сравнительно съ другими уѣздами, благоустроеннаго въ извѣстныхъ мѣстностяхъ быта крестьянъ, ихъ состоятельности и пониманія пользы грамотности, но гораздо болѣе отъ заботливости и благоразумной распорядительности гг. мировыхъ посредниковъ, въ соотвѣтствіе видамъ правительства.

Народныя училища въ Могилевской губерніи, точно также какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, обязаны своимъ первоначальнымъ открытіемъ разнымъ вѣдомствамъ и лицамъ, каковы: священно-и церковнослужители, волостные писаря и другія лица. Училища особенно стали умножаться съ тѣхъ поръ, какъ дирекція начала поощрять трудъ денежнымъ вознагражденіемъ. Каждый, обучившій хоть 2 или 3 мальчиковъ, разчитывалъ на пособіе отъ дирекціи, о чемъ не заботились общества. Такимъ образомъ, даже штатныя училища Оршанскаго и Го-

мельскаго уѣздовъ мало поддерживаются обществами, а такъ-называемыя второразрядныя и того менѣе. Съ своей стороны, дирекція не обладаетъ значительными средствами, а по многочисленности училищъ не въ состояніи имѣть надлежащаго надзора за ними. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, г. помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа предложилъ исправляющему должность директора народныхъ училищъ Витебской и Могилевской губерній принять по отношенію къ второразряднымъ училищамъ слѣдующія мѣры: „1) оставить въ вѣдѣніи дирекціи только тѣ училища, которыхъ наставники обезпечены установленнымъ содержаніемъ и которыя снабжены всѣмъ нужнымъ; 2) принять мѣры, чтобы народныя училища, подлежащія вѣдѣнію дирекціи, помѣщались въ центральныхъ мѣстностяхъ каждаго мироваго участка и преимущественно въ тѣхъ волостяхъ, которыя наиболѣе подвергались латино-польскому вліянію; 3) денежное вспомоществованіе отпускать только въ такомъ случаѣ, когда въ устройствѣ училищъ принимаютъ участіе крестьянскія общества и когда ежегодное, своевременное поступленіе назначенныхъ ими средствъ обезпечено мірскими приговорами, и 4) касательно тѣхъ училищъ, которыя не обезпечены въ своемъ благоустройствѣ и за которыя дирекція отвѣчать не въ состояніи, она, по мѣрѣ возможности, заботится о снабженіи ихъ книгами и другими пособіями, не выдавая, однакожъ, наставникамъ ихъ денежнаго вспомоществованія, такъ какъ оно по настоящее время приносило, вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній, больше вреда, чѣмъ пользы".

По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ дирекціи и недостаточно полнымъ, въ составѣ *второразрядныхъ* училищъ въ 1866 году произошли слѣдующія перемѣны: къ 1-му января 1866 году училищъ состояло мужскихъ 91, женскихъ 1; въ нихъ учащихся было мужскаго пола 1.525, женскаго 109. Къ началу 1867 года состояло училищъ: мужскихъ 162, женскихъ попрежнему 1; учащихся мужскаго пола 3.070, женскаго 147. Во всѣхъ этихъ училищахъ былъ только 1 учащійся римско-католическаго исповѣданія; всѣ прочіе были православные. Учащихъ 173, въ томъ числѣ лицъ духовнаго званія 110, прочіе принадлежали къ разнымъ сословіямъ. На содержаніе учащихся вносится обществами 4.474 р. 50 к.

Приходскихъ училищъ къ январю 1866 года было 12; къ январю 1867 года къ нимъ прибавилось еще 1; число учащихся съ 463 возрасло до 523, но въ одномъ изъ училищъ, именно Сѣнниноскомъ, оно упало въ значительной степени (съ 73 до 31), потому, какъ свидѣ-

тельствуетъ отчетъ, что волостное начальство отказалось въ 1866 году кормить ихъ на общественный счетъ, а сами родители, вслѣдствіе бывшаго въ 1865 году совершеннаго неурожая, были не въ состояніи содержать ихъ. По вѣроисповѣданіямъ, и здѣсь число учащихся въ большинствѣ состояло изъ православныхъ; изъ принадлежащихъ же къ другимъ вѣроисповѣданіямъ было: римско-католиковъ 42, раскольниковъ 1, Евреевъ 22. Учащихъ было 39, въ томъ числѣ 7 законоучителей римско-католическаго исповѣданія. На содержаніе училищъ поступило изъ государственнаго казначейства 2.870 р. и изъ доходовъ мѣстныхъ обществъ 1.348 р. 97³/₄ к., всего 4.218 р. 97³/₄ к.

Въ существующихъ при приходскихъ училищахъ *женскихъ отдѣленіяхъ*, числомъ 11, учащихся состояло къ январю 1866 года 221, а къ 1867 году 339, въ томъ числѣ 17 принадлежали къ римско-католическому вѣроисповѣданію, 2 къ расколу и 45 къ еврейскому закону. Учащихъ было 22. На содержаніе изъ государственнаго казначейства и изъ правленія Виленскаго учебнаго округа получено было 2.666 р. 64 к.

Число училищъ *вѣдомства государственныхъ имуществъ* не измѣнилось въ 1866 г.: ихъ, какъ и прежде, было 17, но съ 376 учащимися къ январю 1866 года и съ 646 къ 1867 году. Всѣ учащіеся принадлежали къ православному исповѣданію. Учащихъ было 24, изъ нихъ 2 изъ крестьянъ и 2 наставницы; остальные изъ духовнаго званія. На содержаніе этихъ училищъ отпущено изъ общественнаго сбора по вѣдомству государственныхъ имуществъ 2.756 рублей.

Въ разныхъ пунктахъ Могилевской губерніи учреждены склады для продажи, что сдѣлано въ видахъ удобствъ для крестьянъ пріобрѣтать, по мѣрѣ надобности, книги полезныя и доступныя по цѣнѣ. Изъ свѣдѣній, имѣющихся въ дирекціи, оказывается, что народъ съ охотой покупаетъ книги на славянскомъ языкѣ и вообще духовнаго содержанія. Это побуждаетъ дирекцію къ усиленію подобной операціи чрезъ открытіе складовъ въ новыхъ пунктахъ. Въ настоящее время такихъ складовъ 26.

По свидѣтельству *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, подобные этимъ склады книгъ духовнаго содержанія, вмѣстѣ со складами образковъ, картинокъ и разныхъ необходимыхъ для грамотности матеріаловъ существуютъ и при училищахъ въ Гродненской губерніи. И здѣсь продажа идетъ довольно успѣшно; крестьяне охотно покупаютъ книжки какъ для себя, такъ и для дѣтей своихъ. Дирекція нашла возможнымъ продавать книги по уменьшеннымъ цѣнамъ. Та-

складовъ, кромѣ центральнаго склада при дирекціи, нахо-
42.

Витебской губерніи, при Полоцкой военной гимназіи суще-
ь, какъ извѣстно, церковное братство во имя св. Николая и
Евфросиніи Полоцкой (см. іюльскую кн. *Журн. Мин. Нар.*
., Совр. Лѣт., стр. 54). Братство это, по свидѣтельству *Вилен.*
Вѣстника, благодаря сочувствію новаго директора Полоцкой
ой гимназіи П. П. Глотова и пользуясь сочувственнымъ довѣ-
отъ сельскихъ обществъ Полоцкаго уѣзда, учредило при гим-
училище для крестьянскихъ юношей, отъ 16 до 20-ти лѣтъ, ис-
тельно православныхъ, съ цѣлью приготовленія ихъ къ поступ-
въ Полоцкую учительскую семинарію, проектируемую тѣмъ же
вомъ. 11-го ноября это училище было открыто и на первый
въ него поступило 16 учениковъ, преимущественно изъ числа
ющихся оспопрививанію при городской больницѣ.
ъ устройствѣ народныхъ школъ въ Минской губерніи сооб-
ь нѣсколько свѣдѣній корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣ-*
тей. По словамъ его, въ октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, во-
о школахъ возбужденъ былъ въ Минскомъ губернскомъ по
ьянскимъ дѣламъ присутствіи. Рѣчь шла объ изысканіи средствъ
оддержанія народныхъ школъ въ селеніяхъ государственныхъ
ьянъ, по случаю передачи ихъ съ 1868 года въ вѣдѣніе ди-
и народныхъ училищъ. Дирекція представила разчетъ, по кото-
если крестьяне всей губерніи согласятся платить по 8 к. съ
на дѣло народнаго образованія, то можно будетъ съ помощію
твъ, имѣющихся въ распоряженіи дирекціи, обезпечить устрой-
не только всѣхъ существующихъ школъ, находящихся въ селе-
государственныхъ крестьянъ, но и открыть нѣсколько новыхъ
ѣхъ необходимыхъ пунктахъ, гдѣ училища еще не открыты. Что
ь по 8 к. съ души не отяготителенъ для крестьянъ, директоръ
дныхъ училищъ г. Кандидовъ доказывалъ примѣромъ Игуменскаго
ваго посредника г. Пушкарева, который убѣдилъ крестьянъ сво-
участка вносить не по 8 к. съ души, а по 1 р. съ двора, что
вить до 30 к. съ души. На эти деньги устроены школы въ каж-
селѣ, гдѣ есть отъ 70 до 100 дворовъ, съ жалованьемъ настав-
по 150 р., и никто изъ крестьянъ не жалуется на обремени-
ность назначеннаго съ нихъ сбора. Итакъ все дѣло будетъ зави-
отъ усердія и энергіи мировыхъ посредниковъ. При этомъ усло-
можно быть увѣреннымъ, что дѣло народнаго образованія въ

Минской губерніи будетъ обезпечено, что очень важно въ тамошнемъ краѣ, такъ какъ школа тамъ служитъ связующимъ звеномъ бѣлорусскаго народа съ великорусскимъ. Губернское присутствіе постановило просить мировыхъ посредниковъ оказать свое содѣйствіе къ развитію этого важнаго дѣла.

Слѣдуетъ замѣтить, что мѣры къ поддержанію народнаго образованія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западнаго края, настоятельно нужны еще съ другой стороны. Извѣстно, что правительствомъ сдѣлано распоряженіе къ вызову въ Западный край молодыхъ людей, въ особенности изъ воспитанниковъ семинарій внутреннихъ губерній, для занятія наставническихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ. Къ сожалѣнію, прибывающіе туда съ указанною цѣлію молодые люди не всегда находятъ всѣ удобства для отправленія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, и даже нерѣдко подвергаются сильнымъ лишеніямъ. Такъ, въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* (№ 120) приведено нѣсколько выдержекъ изъ писемъ народныхъ учителей упомянутой категоріи, выдержекъ, свидѣтельствующихъ, что матеріальная обстановка этихъ воспитателей западно-русскаго народа болѣе чѣмъ непривлекательна. Не можемъ не привести здѣсь отрывка изъ письма одного сельскаго наставника, получившаго назначеніе въ волость К., Т—скаго уѣзда, гдѣ населеніе почти все литовское. Читатели замѣтятъ, до какой степени характеристично то, что пишется въ немъ.

Прибывъ въ волостное правленіе, я встрѣтилъ въ немъ мироваго посредника и сходку. Первая вступительная рѣчь моя къ обществу была слѣдующая. „Братцы! Я присланъ къ вамъ отъ начальства учителемъ; моя обязанность учить вашихъ дѣтей и заслужить вашу любовь и довѣріе къ себѣ, — будемъ же трудиться общими силами". Крестьяне отводятъ для училища и для квартиры мнѣ старый общественный магазинъ, въ которомъ сдѣлана печь и глиняный полъ. Все это зданіе было раздѣлено перегородками на нѣсколько отдѣленій (новаго училищнаго дома въ мой пріѣздъ еще не было, для постройки его возили бревна). Вотъ меня и засадили въ эту клѣтку, холодную и грязную. Не испытавъ еще ни разу въ жизни такого неудобства, я долженъ былъ жить въ такомъ домѣ февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы, пока не окончилось ученіе и пока я не перебрался, въ маѣ мѣсяцѣ, въ волостное правленіе къ новому писарю, также прибывшему сюда Тульскому семинаристу. Боже мой! Что я перенесъ въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ жизни моей въ магазинѣ! Бывало, послѣ дневныхъ трудовъ, во время сна, въ расщелины дома нанесетъ на меня снѣга столько, что почти все мое покрывало приметъ бѣлый цвѣтъ; сквозной вѣтеръ продуваетъ такъ сильно, что лучше бы быть на открытомъ воздухѣ. И во время занятій не лучше было: при объясненіи дѣтямъ уроковъ, столько нахватаешь въ ротъ пыли, что послѣ никакъ не откашляешься, а все это потому, что полъ былъ глиняный и пыль-

ный. Что же касается до чистоты и опрятности, то объ этомъ нечего и говорить: одежда изъ чернаго цвѣта постоянно имѣла цвѣтъ бурый, хотя десять разъ въ день ее чисти. Еслибъ еще привелось пожить въ этомъ домѣ, то я совершенно бы потерялъ здоровье; я уже чувствовалъ боль въ груди и перемѣну въ цвѣтѣ лица; но я терпѣлъ и не жаловался на судьбу. Да и другимъ учителямъ не лучше было. Вотъ отрывокъ изъ письма моего друга и товарища: „Не знаю, писалъ мнѣ мой товарищъ, какъ съ вами, а со мной дѣйствительно такъ и случилось. Думалъ вотъ я, что оставивъ семинарію, я спасусь отъ бѣдности; не тутъ-то было! Я бѣжать отъ ней, а она за мной вслѣдъ, и я какъ былъ бѣднякъ, такъ и теперь бѣднякъ, да и живу кутникомъ. Настоящей для себя квартиры и до сихъ поръ не имѣю, а помѣщаюсь при волостномъ правленіи въ малой и тѣсной, а подчасъ и слишкомъ холодной комнатѣ. Училищный домъ малъ, и если бы не имѣлъ при своей малости значительнаго числа оконъ, которыя служатъ зимою хорошимъ проводникомъ холода, и не были бы въ немъ поставлены, вмѣсто яслей, два полуразрушившіеся стола, то онъ совершенно походилъ бы на хлѣвъ, въ которомъ можно только скотъ держать, а не мальчиковъ обучать".

Мы имѣли случай сообщить свѣдѣнія о состояніи начальнаго народнаго образованія въ Сѣдлецкой губерніи, въ Царствѣ Польскомъ (см. въ сентябрьской кн. Совр. Лѣт., стр. 348—349). Теперь мы находимъ нѣсколько подробностей о ходѣ грамотности въ той же мѣстности въ корреспонденціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 327), доставленной изъ г. Мендзыржеца (Межирѣчья) упомянутой губерніи. Школы, о которыхъ пишетъ корреспондентъ, русско-уніатскія. Онѣ учреждаются въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ съ цѣлію обрусѣнія уніатовъ, составляющихъ весьма значительную, если не бóльшую часть всего населенія этихъ двухъ губерній; но корреспондентъ выражаетъ увѣренность, что школы эти принесутъ пользу жителямъ и всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій. Въ торговыхъ городахъ и мѣстечкахъ число учениковъ постоянно возрастаетъ и въ нѣкоторыхъ достигло значительной цифры. Такъ, въ Мендзыржецѣ, въ мужской школѣ всѣхъ учениковъ теперь 35, изъ нихъ 15 римско-католиковъ, 10 уніатовъ, 7 Евреевъ и 3 православныхъ; но въ мѣстечкахъ неторговыхъ и отдаленныхъ отъ большихъ городовъ Евреи не считаютъ нужнымъ обучать своихъ дѣтей русскому языку и потому не посылаютъ ихъ въ школы, а обучаютъ какому-нибудь мастерству.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ почти одновременно открыты три женскія школы: въ Яновѣ, Соколовѣ и Мендзыржецѣ. Въ первой изъ нихъ есть уже 3 или 4 ученицы — католички; въ послѣдней же, то-есть, въ Мендзыржецѣ, какъ въ городѣ торговомъ и еврейскомъ, имѣющемъ 9.000 жителей, изъ которыхъ 7.000 Евреевъ и только 2.000 католиковъ и уніатовъ, всѣхъ ученицъ более 40, изъ нихъ 1 Русская,

1 уніатка, 3 католички и около 40 Евреекъ. Сельскіе жит...
сятся къ этимъ школамъ съ меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ ...

Въ заключеніе сообщаемыхъ свѣдѣній, корреспондентъ выр...
желаніе, чтобъ учителямъ предоставлено было болѣе самосто...
сти въ дѣйствіяхъ, чтобъ они были избавлены отъ вмеша...
скаго и волостнаго начальствъ, а также и городской ...
конецъ, чтобы матеріальное положеніе ихъ было улучшен...
ныя издержки казны въ самомъ началѣ, говоритъ коррес...
поддержатъ достоинство школъ и энергію въ учителяхъ ...
то, что уваженіе къ нимъ со стороны жителей будетъ ...
при такомъ условіи скорѣе придетъ время, когда эти ...
гутъ совсѣмъ прекратиться, и жители, сознавъ пользу ...
на содержаніе этихъ школъ съ охотой будутъ жертвовать ...
ихъ достатковъ".

Къ сообщенному выше присоединимъ свѣдѣнія объ обш...
народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ, заключающ...
влеченіи изъ записки о ходѣ крестьянскаго дѣла въ ...
запискѣ сказано:

„Изъ донесеній предсѣдателей коммиссій по крестьянскимъ дѣ...
чальниковъ учебныхъ дирекцій о состояніи народнаго образова...
ствѣ видно, что со времени изданія Высочайшаго указа 30-го ав...
сентября) 1864 по 1-е сентября текущаго года, открыто начальн...
496. Такимъ образомъ, всѣхъ начальныхъ училищъ считается ...
сверхъ того, составлено приговоровъ объ открытіи еще 590 учили...
ріодъ съ 1-го іюня по 1-е сентября открыто 84 училища, ...
четверти (63 училища) принадлежатъ Холмской, Сѣдлецкой и ...
учебнымъ дирекціямъ. Изъ общаго числа (84) вновь открытыхъ ...
устроены для православныхъ и 30 для греко-уніатовъ, что, вмѣстѣ ...
ними, составитъ: православныхъ 12 и греко-уніатскихъ 182.

„Въ отдѣлахъ Кѣлецкой и Сѣдлецкой коммиссій преподаваніе ...
языка открыто въ 140 училищахъ, находящихся въ уѣздахъ Стоп...
Кѣлецкомъ, Опочинскомъ, Станиславовскомъ, Сѣдлецкомъ и ...
Особенно хорошими успѣхами отличается Чарковское училище, ...
уѣзда, въ коемъ русскій языкъ преподается подъ непосредственн...
деніемъ коммиссара 8-го участка Субботкина. Въ остальныхъ учили...
ченіе русскому языку идетъ съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ.

„Въ отдѣлѣ Варшавской коммиссіи, за исключеніемъ училищъ ...
Варшавскихъ гминъ, преподаваніе русскаго языка идетъ весьма ...
недостатку учителей, знающихъ русскій языкъ. Въ уѣздахъ, входящ...
ставъ отдѣла Бяльской коммиссіи, русскій языкъ преподается во ...
щахъ. Что касается Ломжинской коммиссіи, то по отзыву предсѣда...
дѣло народнаго образованія, вслѣдствіе введенія въ начальныя учил...
скаго языка, затрудняется отъ вреднаго вліянія шляхетско-клерикал...

ія, которая употребляетъ всѣ средства для воспрепятствованія развитію русскихъ народныхъ училищъ. Вліяніе это особенно отразилось на крестьянахъ-грекоуніатахъ Августовскаго уѣзда, которые вовсе не посылаютъ своихъ дѣтей въ начальныя училища, основанныя правительствомъ.

„О всѣхъ изложенныхъ свѣдѣніяхъ по народному образованію сообщено главному директору народнаго просвѣщенія (нынѣ попечителю Варшавскаго учебнаго округа), а предсѣдателямъ коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ предложено оказывать всевозможное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ начальникамъ учебныхъ дирекцій".

Перейдемъ отсюда въ восточный край Россіи и въ отдаленную Сибирь. Прежде всего мы встрѣчаемъ здѣсь извѣстія съ Сибирской казачьей границы, опубликованныя въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 341). По этимъ извѣстіямъ, народное образованіе въ означенной мѣстности находится въ плохомъ состояніи; рѣдкій казакъ грамотенъ. По положенію 1861 года, въ Войскѣ должно быть 63 станичныхъ школы, и въ каждомъ округѣ одна окружная школа. Въ станицахъ школы учреждены, но находятся въ жалкомъ положеніи; ученики ходятъ рѣдко и въ комплектѣ бываютъ только во время инспекторскихъ смотровъ. Окружныхъ школъ пока только двѣ.

Въ іюльской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* (Совр. Лѣт., стр. 53) было приведено, со словъ газеты *Москва*, извлеченіе изъ циркуляра наказнаго атамана Дитмара, свидѣтельствовавшаго о неудовлетворительномъ состояніи начальнаго образованія въ Забайкальскомъ (а не въ Донскомъ, какъ тамъ сказано по ошибкѣ) казачьемъ войскѣ. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 313) напечатано изъ г. Селенгинска (Забайкальской области) письмо, въ которомъ авторъ его, подполковникъ Клейменовъ, опровергая нѣкоторыя неточности въ статьѣ *Москвы*, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи начальнаго образованія въ упомянутой мѣстности:

Съ основанія Забайкальскаго казачьяго войска въ 1861 году, казачьи дѣти получали первоначальное образованіе въ войсковыхъ школахъ, устроенныхъ при 12 батальйонахъ и 6 полковыхъ штабахъ. Кромѣ того, русско-монгольская школа, основанная въ 1834 году въ г. Троицкосавскѣ, была передана въ вѣдѣніе войсковаго начальника и переведена въ Селенгинскъ. Школа эта, основанная на частныя пожертвованія, имѣетъ капиталъ въ 10 тысячъ рублей и поддерживается 672 руб., отпускаемыми военнымъ вѣдомствомъ, къ которымъ присоединены еще деньги, отпускавшіяся на содержаніе двухъ нынѣ закрытыхъ полковыхъ школъ. На эти средства воспитывается 36 мальчиковъ на всемъ готовомъ содержаніи. Матеріальныя средства прочихъ войсковыхъ школъ, весьма ограниченныя, заключаются только

въ 97 руб., отпускаемыхъ ежегодно, и 80 руб. на каждую школу въ помощь 10 сиротамъ и сыновьямъ совершенно бѣдныхъ родителей.

Цѣль войсковыхъ школъ заключалась въ распространеніи начальнаго образованія, въ ознакомленіи съ правилами воинской службы и въ обученіи разнымъ мастерствамъ. Вся учебная часть по необходимости возлагалась на урядниковъ, большею частію не имѣющихъ достаточныхъ знаній, нисколько не заинтересованныхъ дѣломъ и почти ничѣмъ не вознаграждаемыхъ за труды. Оттого образованіе въ войсковыхъ школахъ не принесло ожидаемыхъ плодовъ: во всѣхъ нихъ въ 1867 году было 20 учащихъ и 836 учениковъ. Школами этими пользовались только дѣти казаковъ, живущихъ при штабахъ; прочіе же, за отдаленностію деревень, должны были оставаться вовсе безъ образованія или платить невозможныя для казаковъ цѣны за содердержаніе дѣтей при штабахъ. Такое неудобство повело къ открытію частныхъ школъ въ станицахъ, деревняхъ и караулахъ. Этихъ школъ въ 1867 году состояло въ Забайкальскомъ войскѣ 274; въ нихъ обучалось 4.615 мальчиковъ и 1.044 дѣвочки. Кромѣ того, въ разныхъ войсковыхъ заведеніяхъ училось 76 мальчиковъ.

При отсутствіи учителей для народнаго образованія и недостаткѣ въ войскѣ грамотныхъ людей, родители принуждены были обращаться къ поселенцамъ или вновь переселеннымъ казакамъ. Тѣ и другіе брались за обученіе дѣтей охотно, получая за это по 30—40 к. въ мѣсяцъ отъ каждаго ученика. Этихъ-то лицъ имѣлъ генералъ Дитмаръ въ виду, обративъ вниманіе бригадныхъ командировъ и исправниковъ на лучшій выборъ учителей. Посѣщенія школъ наказнымъ атаманомъ и представляемые ему отчеты всякій разъ влекутъ за собою со стороны его замѣчанія, служащія къ исправленію учебной части.

Въ *Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 37) сообщается нѣсколько свѣдѣній о состояніи грамотности въ другой части Забайкалья. Въ селеніи Урлукѣ есть приходское училище, помѣщающееся въ довольно порядочномъ домѣ. Преподаваніемъ занимаются учитель и помощникъ, принадлежащіе оба къ крестьянскому сословію. Учениковъ въ немъ считалось 15, что, судя по количеству народонаселенія (1.213 душъ мужскаго пола), очень мало. Причиною тому авторъ статьи считаетъ недовѣріе единовѣрцевъ къ православнымъ школамъ и доказываетъ это тѣмъ, что учениковъ православнаго исповѣданія въ Урлукскомъ училищѣ 13, а единовѣрцевъ только два. Въ Куналейскомъ училищѣ, имѣющемъ невыгодное помѣщеніе, считалось 34

учащихся православнаго исповѣданія, въ томъ числѣ двѣ дѣвочки— фактъ, доказывающій, что между тамошними крестьянами есть такіе, которые начинаютъ сознавать пользу грамотности не только для себя, но и для женскаго пола.

Въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ училищъ, обученіемъ дѣтей втихомолку занимаются доморощенные учители. Родителямъ не хочется, а иногда и совсѣмъ невозможно отсылать дѣтей въ училище, которое лежитъ часто за сотню слишкомъ верстъ отъ ихъ жилья, а между тѣмъ хочется научить мальчика грамотѣ: вотъ и отдаютъ на выучку грамотѣямъ. „Проучился, говоритъ авторъ, годъ-два, и въ такое долгое время едва научился съ грѣхомъ пополамъ подписывать свое имя и — довольно! Да и учитель-то болѣе того самъ не знаетъ. Многіе изъ крестьянъ убѣждены, что бóльшая грамотность принесетъ вредъ крестьянину, что такой грамотѣй непремѣнно или сойдетъ съ ума, или попадетъ въ острогъ. Нерѣдко отъ нихъ можно слышать, что такой-то спятилъ потому собственно, что все читалъ книжки. „Къ сожалѣнію, заключаетъ авторъ, это убѣжденіе существуетъ не у однихъ крестьянъ, его встрѣтите и у горожанъ".

Что авторъ въ этомъ случаѣ совершенно правъ, доказательство тому мы нашли въ *Казанскомъ Справочномъ Листкѣ* (№№ 109 и 110). Въ статьѣ, подъ названіемъ „Потаенныя училища", авторъ ея г. Ѳ. К. свидѣтельствуетъ, что въ Казани, городѣ университетскомъ, на одной изъ большихъ улицъ, равно какъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ города, производится подобное тайное ученье. Обученіемъ здѣсь занимаются разныя малограмотныя дѣвы или вдовицы, торгаши-начетчики или бѣдные чиновники. Учить ребятъ, по мнѣнію этихъ людей, самое пустое дѣло и самое вѣрное средство добыть копѣйку. Иногда число учениковъ въ такихъ школахъ доходитъ, даже лѣтомъ, до 25, а осенью и зимой еще удвояется. Авторъ говоритъ, что школы эти пользуются довѣріемъ со стороны многихъ родителей, которые радуются, что дѣтей ихъ держатъ здѣсь въ строгости и тѣмъ выучиваютъ книжному умѣнью, тогда какъ въ казенныхъ училищахъ, по ихъ мнѣнію, ученье — только одно баловство и забава. Итакъ недовѣріе родителей къ казеннымъ школамъ составляетъ главную причину успѣха потаенныхъ школъ; но авторъ объясняетъ его также и недостаткомъ казенныхъ училищъ, въ особенности для дѣвочекъ, которыхъ очень много бываетъ въ потаенныхъ училищахъ: женскихъ приходскихъ училищъ въ Казани только два.

Въ той же газетѣ (№ 130) сообщается нѣсколько любопытныхъ

свѣдѣній о крестьянскихъ дѣвственницахъ Лаишевскаго уѣзда. Крестьянскія дѣвушки того края, не желая почему-нибудь вступать въ бракъ, начинаютъ съ того, что обучаются грамотѣ у другой дѣвственницы. Между ними есть убѣжденіе, что дѣвицѣ, даже случайно выучившейся грамотѣ, неприлично идти замужъ; оттого грамотныхъ женщинъ замужнихъ между тамошнимъ крестьянствомъ почти невозможно встрѣтить. Грамотныя дѣвушки дѣлаются келейницами, и главное ихъ занятіе состоитъ въ обученіи грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, чѣмъ онѣ зарабатываютъ въ годъ отъ 40 до 60 р. Такъ какъ сельскія училища въ описываемой мѣстности довольно рѣдки, то крестьяне, болѣе сочувствуя келейному, церковному образованію, часто отдаютъ дѣтей своихъ къ келейницамъ въ науку. Обучаютъ онѣ крестьянскихъ дѣтей тому, что знаютъ и любятъ сами — прежде всего чтенію псалтири и очень рѣдко книгамъ гражданскимъ; чтеніе это очень протяжно, гнусливо и монотонно. Наставницы въ этомъ слѣдуютъ вѣроятно наставленію: „Показанія ко учителемъ, како имъ учити дѣтей грамотѣ“, помѣщенному въ книгѣ, по которой онѣ обучаютъ дѣтей псалтири Іосифовскаго изданія. Въ этомъ предисловіи рекомендуется читателямъ наблюдать, чтобы дѣти читая выговаривали „неспѣшно, дебело и знали бы выговаривать, гдѣ съ пригибеніемъ устъ и гдѣ съ раздвиженіемъ и гдѣ просто, соблюдали всевозможныя оксіи, варіи (ударенія въ церковно-славянскомъ языкѣ) и точечный разумъ“. Авторъ говоритъ, что чтеніе учениковъ, вышедшихъ изъ этой школы, очень непріятно для слушателя.

О ПРЕПОДАВАНІИ СТЕНОГРАФІИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ПРУССІИ.

Въ офиціальномъ органѣ прусскаго министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія [1]) напечатанъ отчетъ коммиссіи палаты депутатовъ по вопросу о введеніи преподаванія стенографіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи. Считаемъ не безполезнымъ сообщить его читателямъ нашего журнала. Отчетъ этотъ состоитъ изъ нижеслѣдующихъ отдѣловъ, имѣющихъ каждый особое заглавіе.

Петиціи.

Коммиссіи было представлено множество петицій о введеніи преподаванія стенографіи въ прусскихъ гимназіяхъ, реальныхъ школахъ и другихъ, равныхъ съ ними, казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. При этомъ было очевидно существованіе организованной агитаціи, возбужденной главнѣйшимъ образомъ многими стенографическими обществами, существующими въ различныхъ мѣстностяхъ Пруссіи. Такъ, 45 изъ этихъ петицій, почти всѣ съ многочисленными подписями, составлены совершенно одинаковымъ образомъ. Всѣ эти 45 петицій, равно какъ и еще двѣ другія, нѣсколько отличающіяся изложеніемъ, стоятъ за введеніе *Штольцевой* стенографической системы. За исключеніемъ одной, которая идетъ въ этомъ пунктѣ еще далѣе, всѣ означенныя петиціи выражаютъ желаніе, чтобы Штольцева стенографія введена была въ среднія учебныя заведенія, какъ необязательный предметъ ученія. Масса этихъ петицій, поданныхъ въ палату, сопровождалась экземплярами печатной записки, подъ заглавіемъ: „*Штоль-*

[1]) *Centralblatt für die gesammte Unterrichts-Verwaltung in Preussen* — März-Heft.

цева стенографія; издана по случаю празднованія двадцатипятилѣтняго существованія Штольцевой системы. 1866".

Этой цѣлой группѣ петицій можно противопоставить весьма обстоятельно составленную петицію др. *Карла Эгерса*, изъ Берлина, которая съ особенною силой настаиваетъ на томъ, что окончательное рѣшеніе этого педагогическаго вопроса должно быть принято лишь послѣ предварительнаго испытанія обѣихъ главнѣйшихъ стенографическихъ системъ, и затѣмъ высказывается въ пользу *Габельсбергеровой* системы. Доводы свои она подтверждаетъ изложеніемъ предыдущаго развитія стенографіи, при чемъ постоянно полемизируетъ противъ Штольцевой системы, и наконецъ, подкрѣпляетъ ихъ указаніемъ на приложенныя къ петиціи шесть печатныхъ сочиненій, изъ которыхъ важнѣйшія суть слѣдующія: „Стенографія въ школахъ, доктора *К. Эгерса*" (Берлинъ, 1863); „Промеморія *Габельсбергерова* стенографическаго общества въ Берлинѣ, касающаяся введенія преподаванія стенографіи въ прусскихъ учебныхъ заведеніяхъ" (Берлинъ, 1864), и „Къ критикѣ нѣмецкихъ стенографическихъ системъ, д-ра *К. Эгерса* (Берлинъ, 1865)". Петиція заключается желаніемъ, чтобы палата высказалась въ пользу „по крайней мѣрѣ добровольнаго, если не обязательнаго изученія стенографіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи", и назначила бы „предварительное спеціальное испытаніе филологическаго и педагогическаго достоинства различныхъ стенографическихъ системъ посредствомъ коммиссіи, составленной изъ компетентныхъ членовъ".

„Въ той увѣренности, такъ заключается петиція, что сила разумныхъ доводовъ дѣйствительнѣе многочисленныхъ подписей, проситель не считалъ необходимымъ собирать подписи подъ своею петиціей большаго числа сторонниковъ". Тѣмъ не менѣе, узнавъ о сдѣланномъ имъ шагѣ, нѣкоторые изъ членовъ Габельсбергерова стенографическаго общества послали съ своей стороны въ палату дополнительные адресы. Восемь такихъ адресовъ были въ виду коммиссіи; равномѣрно она была извѣщена и о восьми другихъ запискахъ такого же содержанія, адресованныхъ на имя докладчика.

Прежній ходъ дѣла.

Всѣ вышеупомянутыя петиціи, которыхъ характеристика сдѣлана здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, имѣютъ отчасти прямую, отчасти посредственную связь съ возбужденнымъ уже прежде тѣмъ же вопросомъ. Еще въ 1862 году были представлены палатѣ многочисленныя

петиціи по этому же вопросу, преимущественно приверженцами Штольцевой системы. Тогдашняя коммиссія по народному образованію, не желая стѣснять въ выборѣ системы власти, завѣдывающія народнымъ образованіемъ, единогласно постановила: сообщить на разсмотрѣніе королевскаго правительства вышеозначенныя петиціи о введеніи стенографіи въ среднія школы, какъ необязательнаго предмета. Послѣ преній, происходившихъ по этому вопросу въ палатѣ 27-го іюня 1862 года, большинствомъ голосовъ принято было означенное предложеніе коммиссіи.

Управленіе народнымъ просвѣщеніемъ нашло необходимымъ приступить къ обстоятельному изслѣдованію дѣла. Циркуляромъ, отъ 29-го іюля 1862 года, всѣ провинціальныя училищныя коллегіи призваны были подать голосъ о настоящемъ вопросѣ, и въ то же время собраны были точныя свѣдѣнія о положеніи преподаванія стенографіи въ Баваріи и Австріи, гдѣ это преподаваніе уже было введено[1]). По-

---

[1]) Считаемъ умѣстнымъ сообщить кстати эти свѣдѣнія, заимствуя ихъ изъ означеннаго циркуляра, напечатаннаго въ *Centralblatt* за 1863 г., стр. 265, № 95.

Въ *Баваріи* стенографія преподается во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ большей части техническихъ школъ. Въ первыхъ преподаваніе ея начинается вездѣ въ I-мъ классѣ гимназіи, при чемъ въ классы стенографіи допускаются изъ IV-го класса латинской школы (баварскія гимназіи состоятъ изъ 4-хъ классовъ латинской школы и столькихъ же высшихъ классовъ собственно гимназіи) лишь тѣ ученики, которые пріобрѣли уже твердый навыкъ въ орѳографіи и достаточное искусство въ каллиграфіи. Тамъ, гдѣ это необходимо по числу учениковъ, устроены два курса, и на нихъ употребляется обыкновенно отъ 2-хъ до 3-хъ учебныхъ часовъ въ недѣлю. Система принята Габельсбергерова, и предметъ считается въ числѣ необязательныхъ. Въ бюджетѣ VIII финансоваго періода назначено на поощреніе преподаванія стенографіи 3.000 флориновъ. Изъ нихъ выдается нѣкоторымъ учителямъ стенографіи въ школахъ постоянная ежегодная плата въ количествѣ 80—100 флориновъ. Вслѣдствіе незначительности такого вознагражденія, во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ того, возвышена въ пользу ихъ плата съ учениковъ на 12—24 крейцеровъ въ мѣсяцъ.

Въ *Австріи* стенографія преподается: въ университетахъ, въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ среднихъ школахъ (гимназіяхъ и реальныхъ). Стенографія причислена тамъ къ такъ-называемымъ искусствамъ (Fertigkeiten), и изученіе ея во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ предоставлено на волю учащихся. Преподаваніе стенографіи вмѣстѣ съ тѣмъ не связано съ извѣстными классами или годами. Обыкновенно оно оканчивается въ два годичныхъ курса, при трехъ часахъ въ недѣлю, при чемъ второй годъ обыкновенно посвящается практическимъ упражненіямъ. Основаніемъ для преподаванія служитъ система Габельс-

ступившія отъ провинціальныхъ коллегій мнѣнія высказывались, за весьма немногими исключеніями, *противъ* введенія преподаванія стенографіи. Вотъ нѣкоторые изъ мотивовъ, приводимыхъ въ основаніе такого мнѣнія. Стенографія, говорятъ, не заключаетъ въ себѣ нисколько образовательнаго элемента, будучи чисто-механическимъ искусствомъ; усвоеніе ея учащимися можетъ вызвать уже признанное вреднымъ многописаніе какъ въ школѣ, такъ затѣмъ и въ университетѣ; она можетъ развить разсѣянность; она грозитъ ослабленіемъ правописанія и уничтоженіемъ красиваго почерка; у болѣе нужныхъ и дѣйствительно-образовательныхъ предметовъ чрезъ введеніе этого новаго предмета отнимется еще нѣсколько времени, и безъ того уже не совсѣмъ достаточнаго; стенографія есть простое ремесло, а обученіе этимъ послѣднимъ не составляетъ цѣли школы, и т. д.

Эти мнѣнія,—значеніе которыхъ д-ръ Эггерсъ, правда, старается ослабить, утверждая (не совсѣмъ справедливо), будто составители ихъ имѣли исключительно въ виду Штольцеву систему,—имѣли послѣдствіемъ то, что правительство сочло своимъ долгомъ не дать дальнѣйшаго хода, по крайней мѣрѣ въ то время, предложенію о возведеніи стенографіи на степень настоящаго школьнаго предмета (Schuldisciplin). Оно не отступило отъ принятаго рѣшенія и тогда, какъ 6-го іюня 1863 года Габельсбергерово стенографическое общество въ Берлинѣ снова ходатайствовало у министра народнаго просвѣщенія за Габельсбергерову систему. На записку этого общества, весьма пространную и содержавшую въ себѣ весьма много данныхъ, оно 14-го августа 1863 года отвѣчало, „что при настоящихъ обстоятельствахъ для самого дѣла будетъ полезнѣе, если предоставить его дальнѣйшему свободному развитію и не пытаться рѣшить властью вопросъ о различныхъ системахъ". Дальнѣйшія поступленія записокъ не поколебали правительства въ принятомъ имъ рѣшеніи.

бергера. Впрочемъ, въ высшихъ школахъ и высшихъ техническихъ заведеніяхъ допускается также изученіе и другихъ системъ.

Для преподаванія стенографіи существуютъ лишь сторонніе учители (Nebenlehrer); они обыкновенно не получаютъ жалованья отъ казны и довольствуются платою отъ своихъ учениковъ.

Впрочемъ, это не лишаетъ ихъ возможности получать въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ дополнительный гонораръ изъ особаго казеннаго фонда. Но казна не назначаетъ постоянныхъ пособій для поощренія преподаванія стенографіи.

Правильная постановка вопроса.

Чѣмъ яснѣе становится при разсмотрѣніи вышеупомянутыхъ петицій, что кромѣ общей всѣмъ имъ цѣли — введенія стенографіи въ школьное преподаваніе, просители въ то же время пользуются этимъ педагогическимъ вопросомъ для того, чтобы доставить побѣду той или другой системѣ, къ которой приверженцы ея и относятся съ пристрастіемъ, тѣмъ очевиднѣе становится обязанность правительства не вмѣшиваться въ эту борьбу партій, но, на сколько это возможно, относясь совершенно одинаково къ обѣимъ партіямъ, изслѣдовать совершенно самостоятельно вообще вопросъ о педагогическомъ значеніи стенографіи. Можно было бы, правда, (и въ коммиссіи были дѣйствительно высказаны такія мнѣнія) съ разу счесть вопросъ о преподаваніи стенографіи неумѣстнымъ, такъ какъ самая борьба различныхъ стенографическихъ методъ свидѣтельствуетъ, что стенографія еще не есть окончательно выработавшееся искусство или наука, и по тому самому не можетъ быть предметомъ школьнаго преподаванія. Но, кажется, должна быть сдѣлана хотя *попытка* рѣшенія этого вопроса болѣе положительнымъ и основательнымъ образомъ. А именно, слѣдуетъ задать себѣ вопросъ: *соотвѣтствуетъ ли стенографія и общее распространеніе практическаго съ нею знакомства дѣйствительной потребности образованія* (Kulturbedürfniss)? Отъ разрѣшенія этого перваго вопроса зависитъ и отвѣтъ на второй: *соотвѣтствуетъ ли преподаваніе стенографіи по той или другой системѣ педагогическимъ цѣлямъ и интересамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, о которыхъ идетъ рѣчь?*

Общее образовательное значеніе стенографическаго письма.

Относительная *польза* стенографіи уже признана всѣми, и потому нѣтъ надобности распространяться о ней, хотя въ этомъ случаѣ могли бы быть приведены въ доказательство даже и историческіе факты. Но не на этой пользѣ, а лишь на болѣе глубокомъ вопросѣ объ образовательномъ значеніи стенографіи должна была основать свое рѣшеніе коммиссія 1862 года. Многіе, конечно, склонны съ разу отвѣчать утвердительно на вопросъ, соотвѣтствуетъ ли стенографія требованіямъ общаго образованія, на томъ простомъ основаніи, что это есть письмо, *сберегающее мѣсто и время*. Но такая точка зрѣнія есть чисто экономическая, хозяйственная. Она никоимъ образомъ не можетъ быть достаточна въ области духовной; приговоръ,

сдѣланный на ея основаніи, могъ бы быть рѣшительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы письмо было дѣломъ чисто-механическимъ, а между тѣмъ въ немъ есть сторона, связывающая его со всѣми другими умственными операціями. Дѣйствительно, лишь въ особыхъ случаяхъ письмо низводится до простаго механическаго дѣйствія, какъ, напримѣръ, при переписке чего-либо въ нѣсколькихъ экземплярахъ и при записываніи произносимыхъ рѣчей. Въ этихъ случаяхъ приходятъ человѣку на помощь частію копировальная машина, частію методическое искусство скорописи. Но этой послѣдней потребности достаточно удовлетворяютъ стенографы по профессіи, а также существующая для всякаго возможность обучиться этому искусству частнымъ образомъ, по мѣрѣ надобности. Общею и рѣшительною, серіозною и безспорною образовательною потребностью стенографія была бы лишь въ томъ случаѣ, *еслибъ она представляла улучшеніе обыкновеннаго способа письма и по отношенію ко внутреннему, духовному его характеру.* Но о томъ, что этого *нѣтъ*, свидѣтельствуетъ собственное признаніе главнаго представителя Габельсбергеровыхъ петицій, который, ссылаясь на *Штейнталево* „Развитіе письма", допускаетъ, что обыкновенное письмо посредствомъ буквъ основывается на возможно-совершеннѣйшемъ началѣ, именно, началѣ фонетическомъ. Наше обыкновенное письмо не есть письмо слоговъ, но буквъ. Его характеристическая особенность состоитъ въ его тѣсной и неразрывной связи съ языкомъ. Оно разлагаетъ связные въ рѣчи звуки на ихъ составныя части, на послѣдніе, неразложимые уже элементы, между тѣмъ какъ каждое *слоговое* письмо (Sylbenschrift) не доходитъ до этого раздѣленія. Оно пересчитываетъ для созерцающаго глаза элементы звуковъ въ той же послѣдовательности и полнотѣ, какъ высказанная рѣчь дѣлаетъ это для слушающаго уха. Отсюда проистекаетъ его несравненное достоинство, его право на безусловное образовательное значеніе, на признаніе его вѣчною основой высшаго умственнаго образованія. Его первое, рѣзко свидѣтельствующее за правильность принципа преимущество есть его простота: двадцать четыре знака служатъ единственными орудіями для выраженія всего духовнаго міра. Это, по выраженію одного изъ первыхъ авторитетовъ въ языковѣдѣніи (*В. фонъ-Гумбольдта* — „О буквенномъ письмѣ и его связи съ строеніемъ языка"), „есть простое, никакимъ постороннимъ понятіемъ не возмущаемое выраженіе знаковъ знаками, сопровождающее повсюду языкъ и однако никогда не предупреждающее его или не становящееся отъ него особнякомъ, не вызывающее въ сознаніи ничего кромѣ звука, и потому сохраняющее то

естественное подчиненіе, въ которомъ мысль возбуждается впечатлѣніемъ, производимымъ извѣстнымъ звукомъ, и письмо сохраняетъ это впечатлѣніе не само по себѣ, но именно въ этой опредѣленной формѣ"[1]). Въ этой тѣсной связи съ языкомъ, который совершенно ясно просвѣчиваетъ сквозь оболочку обыкновеннаго письма, и заключается неоцѣнимое и незамѣнимое образовательное свойство обыкновеннаго письма. Оно раздѣляетъ его съ такими же свойствами самого *языка*; употребленіе его дѣлаетъ возможнымъ правильное разумѣніе рѣчи, пріучая глазъ повѣрять ухо. Оно помогаетъ твердости и чистотѣ выговора. Посредствомъ глаза оно проводитъ передъ духомъ непрерывную артикуляцію звуковъ. Вслѣдствіе этого оно поддерживаетъ въ постоянномъ возбужденіи чувство ритма, флексіи, этимологіи. Однимъ словомъ, оно служитъ къ поддержанію, оживленію и распространенію въ народѣ *чутья къ языку* (Sprachsinn).

Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на стенографію, то становится тотчасъ яснымъ, что она пріобрѣтаетъ преимущество большей скорости, это исключительно экономическое преимущество, лишь цѣною утраты вышеисчисленныхъ бо̀льшихъ преимуществъ. Даже безъ знакомства съ какою-либо опредѣленною системой стенографіи, можно смѣло утверждать напередъ, что каждое сокращенное письмо, стремящееся къ тому, чтобы соперничать въ быстротѣ съ живою рѣчью, есть по необходимости *искаженіе истиннаго принципа письма*. Методическая скоропись ускоряетъ письмо не такимъ простымъ способомъ, какъ напримѣръ, паровая сила, вспомоществуемая рельсами, ускоряетъ движеніе катящагося колеса, но дѣлаетъ это лишь при помощи такихъ средствъ, которыя *портятъ* самую сущность настоящаго письма. Она можетъ достигнуть своей цѣли лишь однимъ изъ двухъ понятныхъ путей, именно или обращеніемъ къ письму слоговому, или къ письму фигуративному, обозначающему цѣлое понятіе (Begriffsschrift).

Если обратить вниманіе на существующія дѣйствительно стено-

---

[1]) Приводимъ въ подлинникѣ это мѣсто изъ В. Ф. Гумбольдта, такъ какъ всякій близкій переводъ этого отдѣльнаго мѣста можетъ показаться темнымъ, а пускаться здѣсь въ толкованіе было бы неумѣстно: «Sie (die Schrift) ist einfaches, durch keinen Nebenbegriff zerstreuendes Zeichen des Zeichens, die Sprache überall begleitend, ohne sich ihr vorzudrängen oder zur Seite zu stellen, nichts hervorrufend als den Ton, und daher die natürliche Unterordnung bewahrend in welcher der Gedanke nach dem durch den Ton gemachten Eindruck angeregt werden und die Schrift ihn nicht an sich, sondern in dieser bestimmten Gestalt festhalten soll».

графическія системы, то сказанное выше можно подтвердить прямыми фактами и довести до полной очевидности.

Такъ, напримѣръ, первый ближайшій пріемъ, употребляемый какъ въ Штольцевой, такъ и въ Габельсбергеровой системахъ, есть *умаленіе письменныхъ знаковъ*, состоящее въ томъ, что обѣ системы образуютъ свою азбуку такимъ образомъ, что стенографическія буквы представляютъ лишь отдѣльныя черты обыкновенныхъ скорописныхъ буквъ. Еслибъ онѣ на этомъ только и остановились, то истинный принципъ письма не былъ бы еще оставленъ ими, и возраженія противъ стенографіи должны были бы, можетъ-быть, ограничиться указаніемъ вреда для глазъ и некрасивости столь мелкихъ буквъ. Точно также можно было бы считать безвреднымъ и даже рекомендовать съ хорошей стороны стенографическое письмо относительно другаго пріема сокращенія, употребляемаго также обѣими системами, а именно — *символическаго обозначенія гласныхъ*. Ибо если обѣ системы изображаютъ гласныя не самостоятельными знаками, но посредствомъ особаго положенія или усиленія чертъ, изображающихъ согласныя буквы, то въ этомъ случаѣ онѣ могутъ сослаться не только на подобный же пріемъ, употребляемый въ семитическихъ языкахъ, но и на дѣйствительную специфическую разницу, существующую между гласными и согласными.

Но въ дѣйствительности два вышеприведенные пріема сокращенія далеко еще не достигаютъ послѣдней цѣли стенографіи. Вслѣдъ за тѣмъ дѣлается рѣшительный шагъ, съ которымъ и *покидается* правильный принципъ письма. Начало дѣленія звуковъ до послѣднихъ предѣловъ, это основное начало обыкновеннаго письма, исчезаетъ, и вмѣсто того появляются соединенные звуки, передаваемые *однимъ* знакомъ. И этотъ пріемъ, къ величайшему вреду для грамматической правильности, употребляется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Удлинняющія произношеніе буквы, какъ *h*, *e* и тому подобныя двойныя буквы, излишнія съ точки зрѣнія удобства, объявляются такими, которыя могутъ быть опускаемы, — иногда при этомъ ссылаются на Аделунга или Гримма, иногда же не ищутъ вовсе никакихъ научныхъ основаній,—и такимъ образомъ при помощи испорченнаго, не имѣющаго основанія правописанія порождается и ошибочное представленіе о языкѣ. Далѣе, соединяются такимъ образомъ въ одну черту не только многія буквы, но и цѣлые *слоги*. Для употребительнѣйшихъ приставокъ Габельсбергерова система имѣетъ особыя краткія обозначенія (см., напримѣръ *Б. К. Альбрехта* — „Что такое стенографія?“ Альтона, 1864, стр. 12).

Для обозначенія суффиксовъ и префиксовъ по Штольцевой системѣ достаточно въ большей части случаевъ *одного* звуковаго элемента, и даже часто встрѣчающіяся сочетанія *двухъ* окончаній иногда изображаются въ ней *однимъ* только знакомъ. Такимъ образомъ стенографическое письмо явнымъ образомъ возвращается назадъ, къ *слоговому письму*.

Правда, Штольцева система держится еще, при этомъ сокращеніи слоговъ, извѣстнаго *научнаго принципа*. Она похваляется даже, что своими пріемами будто бы гораздо правильнѣе представляетъ созерцанію глаза внутреннюю сущность языка, чѣмъ это дѣлаетъ обыкновенное, чисто буквенное письмо. Послѣднее представляетъ намъ элементы словъ въ простомъ отношеніи координаціи, одинъ подлѣ другаго, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности между составными частями словъ существуютъ отношенія подчиненности однихъ другимъ, и эти-то именно отношенія будто бы отражаются въ стенографическомъ письмѣ по Штольцевой системѣ, такъ какъ въ ней явственно различаются коренные слоги отъ аффиксовъ и знаменательныя слова (Begriffswörter) отъ служебныхъ словъ (Formwörter).

Но какого бы одобренія ни заслуживалъ, этотъ опытъ сближенія письма съ грамматическими началами, онъ все-таки не можетъ уничтожить той невыгоды, которая происходитъ отъ того, что простые звуковые элементы исчезли вслѣдствіе перехода въ письмо слоговое. Подъ видомъ того, будто эта метода даетъ *болѣе*, и вѣрнѣе передаетъ языкъ, чѣмъ обыкновенное письмо, она въ сущности даетъ *менѣе*, такъ какъ она упускаетъ изъ виду *необходимое*.

Но еще хуже то, что научный принципъ, о которомъ говорено выше, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи простымъ *призракомъ*. Въ дѣйствительномъ приложеніи его существуетъ величайшій произволъ и спутанность. Цѣль возможно-большаго сокращенія дѣлаетъ невозможнымъ строгое проведеніе принципа. Эта практическая цѣль и рѣшаетъ здѣсь окончательно все. Будучи письмомъ нужды (Nothschrift), стенографія вообще и стенографія Штольцева въ особенности, не смотря на свои научныя стремленія, остается подъ властію нужды. Эту-то нужду стараются представить въ видѣ добродѣтели. Въ дѣйствительности, однако, на практикѣ, вышеупомянутое различіе корней и окончаній вовсе не соблюдается строго. Не только служебныя слова (Formwörter) и окончанія—какъ выше было постановлено общимъ правиломъ—передаются сокращенно однимъ или нѣсколькими изъ нихъ звуковыхъ элементовъ, или посредствомъ *Sigel*

(какъ гласитъ terminus technicus), но съ одной стороны многіе корни изображаются также подобными Sigel, а съ другой стороны иногда произвольно и самыя окончанія остаются безъ Sigel. Такимъ образомъ Штольцева стенографія вмѣсто того, чтобы дѣлать языкъ прозрачнѣе въ грамматическомъ отношеніи, скорѣе служитъ къ тому, чтобы перепутывать и затемнять грамматическія различія другими, графическими. Такъ какъ, кромѣ того, въ практическомъ употребленіи существуютъ еще другіе многочисленные спеціальные знаки (Special-sigel) для техническихъ и другихъ часто встрѣчающихся словъ, то Штольцева система заключаетъ въ себѣ еще тотъ общій недостатокъ всякаго слоговаго или по-словнаго письма (Sylben-und Wortschrift), что она слишкомъ *обременяетъ память*. Мимоходомъ слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что начало Sigel'я не совсѣмъ отсутствуетъ и въ системѣ Габельсбергеровой. Но число чисто-графическихъ знаковъ (Sigel) во всякомъ случаѣ несравненно менѣе въ этой послѣдней системѣ, чѣмъ въ Штольцевой.

Если съ этой точки зрѣнія и можетъ показаться, будто вѣсы склоняются на сторону Габельсбергеровой системы, то съ другой стороны эта система во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ еще болѣе удаляется отъ единственно истиннаго принципа письма. Какъ Штольце основываетъ свою систему на грамматическомъ принципѣ, точно также глубокомысленно Габельсбергеръ опирается на принципъ *логическій*. Тамъ, какъ мы видѣли, это повело за собой возвращеніе къ слоговому письму, здѣсь — къ письму фигуративному (Begriffsschrift). Руководящая идея употребляемыхъ Габельсбергеромъ, такъ-называемыхъ, „логическихъ сокращеній“, которыя состоятъ въ сокращеніи отчасти отдѣльныхъ словъ, отчасти цѣлыхъ предложеній, заключается въ томъ, чтобы выбрасывать все то, что по необходимости пополняется само собою въ словѣ или предложеніи, что можетъ быть легко угадано по одной части слова или предложенія, замѣняющей въ письмѣ цѣлое слово или предложеніе. Такимъ образомъ опускаются, напримѣръ, флексивные и прикладные слоги (Flexions-und Kompositionssylben), пишется: die beid. neu. Thürm. вмѣсто die beiden neuen Thürme, Dankkeit вмѣсто Dankbarkeit и т. д., или даже, предположивъ, что дополненіе дѣлается само собою, опускаются и сами коренные слоги (напримѣръ, Fremdkeit вмѣсто Fremdartigkeit); далѣе, въ предложеніи цѣлыя слова замѣняются или одними служебными частями или одними коренными, или, наконецъ, тѣми и другими вмѣстѣ. Эти слова не пишутся, а только обозначаются (indicirt); напримѣръ, der Adler + hoch, вмѣсто der

Adler fliegt hoch; или das Heer ° aus dem Lager, вмѣсто das Heer zog aus dem Lager и т. д.; наконецъ, въ дальнѣйшемъ развитіи этого принципа пропускаются даже совершенно самостоятельныя слова, напримѣръ, пишется wenn sagst, вмѣсто wenn du sagst. Нѣтъ нужды доказывать, что эта метода (которой практическое достоинство мы предоставляемъ оспаривать приверженцамъ Штольцевой системы) прямо ведетъ назадъ къ фигуративному письму, хотя и къ отрицательному, опускающему. Какъ бы остроумна, практична, легко изучима и удобна ни была эта система, во всякомъ случаѣ она заключаетъ въ себѣ всѣ неудобства каждаго фигуративнаго письма, то-есть, она отрывается отъ языка и дѣйствуетъ на мысль непосредственными образами. Отупѣніе чутья къ языку есть натуральное ея послѣдствіе. Обратное дѣйствіе этой методы на языкъ, при всеобщемъ ея употребленіи, состояло бы въ томъ, что и въ живой рѣчи стали бы употреблять такого же рода сокращенія или сберегающія время искаженія словъ и предложеній — опасность, о которой до нѣкоторой степени можно составить себѣ живое представленіе по коммерческимъ корреспонденціямъ.

Педагогическій вопросъ.

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній мы можемъ уже отвѣчать на вопросъ о правѣ стенографіи сдѣлаться предметомъ преподаванія въ школахъ, и притомъ отвѣчать такимъ образомъ, чтобъ имѣть при этомъ въ виду цѣлый рядъ спеціально-педагогическихъ точекъ зрѣнія.

Всѣми уже признано, что языкъ, и именно родной языкъ, служитъ частію самъ по себѣ, частію какъ основа и пособіе всего умственнаго развитія, однимъ изъ существенныхъ образовательныхъ средствъ, а потому и преподаваніе грамматики составляетъ важнѣйшую составную часть всякаго школьнаго образованія. Но обѣ стенографическія системы, претендующія получить доступъ въ школу, способны только, какъ показано выше, *смущать чутье языка;* обѣ онѣ могутъ только *противодѣйствовать грамматическому обученію.* Наиболѣе это прилагается къ Габельсбергеровой системѣ, такъ какъ, по прямому сознанію Альбрехта (см. его соч.), тѣ, которые желаютъ писать по этой системѣ, или читать написанное, должны уже имѣть порядочныя познанія въ родномъ языкѣ. Но даже отъ учениковъ высшихъ классовъ гимназій или реальныхъ школъ нельзя навѣрно ожидать такихъ твердыхъ познаній въ орѳографіи и грамматикѣ, которыя бы дѣлали для нихъ безопасными всякія вредныя и смущающія вліянія. То же са-

мое, хотя въ иной степени и нѣсколько иначе, слѣдуетъ сказать и о Штольцевой системѣ, которой грамматичность, на основаніи приведенныхъ выше соображеній, оказывается весьма сомнительнаго достоинства.

То обстоятельство, что стенографія по системѣ Штольце ведетъ за собой значительное обремененіе памяти, не составляло бы еще большаго неудобства съ педагогической точки зрѣнія, если бы памяти не предстояло обогащаться весьма многимъ другимъ, болѣе важнымъ, что однако затрудняется чрезъ занятіе ея не важнымъ и даже вреднымъ въ отношеніи къ развитію языка содержаніемъ. Впрочемъ, вообще говоря, стенографіи можно сдѣлать упрекъ не столько въ ея механичности, сколько въ томъ, что она именно не довольно механична.

Скорѣе стенографія, особенно по Габельсбергеровой системѣ, есть безпрерывная трата умственныхъ силъ. Приверженцы этой системы особенно напираютъ на логичность употребляемыхъ ею сокращеній. Безъ сомнѣнія, это упражненіе остроумія и способности комбинацій было бы само по себѣ прекрасно, еслибъ оно не дѣйствовало вредно на чутье языка и если бы не существовало многихъ другихъ вполнѣ благотворныхъ упражненій ума въ изученіи математики, грамматики и др. И шахматная игра также упражняетъ умъ; неужели поэтому слѣдуетъ преподавать ее въ школахъ?

Скажутъ: иное дѣло игра, и иное дѣло какое-либо полезное искусство. Но даже и эта *польза* — независимо уже отъ указаннаго выше вреда—составляетъ вопросъ спорный по крайней мѣрѣ *для поры школьнаго ученія*. Здѣсь слѣдуетъ повторить то, что́ высказано было въ офиціально собранныхъ мнѣніяхъ, равно какъ и подтверждено многими ораторами въ засѣданіи палаты 27-го іюня 1862 года, а именно, что обученіе стенографіи въ школѣ грозитъ повести за собой *многописаніе* въ классахъ и внѣ ихъ, равно какъ и въ университетскихъ аудиторіяхъ. Чрезмѣрное вниманіе къ письму вредитъ вниманію къ самому содержанію написаннаго. Между тѣмъ какъ невозможность, при обыкновенномъ письмѣ, слѣдить за живымъ словомъ ведетъ къ сосредоточенію мысли, къ умственному сокращенію, подведенію итоговъ слушаемому, стенографія, напротивъ, вызываетъ многословіе, плодовитость, такъ какъ сокращающее письмо дѣлаетъ ненужнымъ сжатіе сосредоточеніе мыслей. Даже выигрышъ времени оказывается при этомъ лишь кажущимся и скорѣе есть потеря времени.

Затѣмъ оставалось бы только рекомендовать стенографію для школъ какъ *техническое искусство*, какъ *гимнастику рукъ*. Но было уже ука-

зано выше, что *эстетическій характеръ* ея черть дѣлаетъ ее мало пригодною для такой цѣли. Скорѣе, напротивъ, слѣдуетъ опасаться, чтобъ изученіе и употребленіе стенографическихъ знаковъ не оказалось вреднымъ для образованія красиваго, четкаго и характернаго письма.

О совершенномъ же вытѣсненіи обыкновеннаго письма стенографическимъ не можетъ быть и рѣчи. Если же оба рода письма должны существовать совмѣстно и болѣе искусственный изъ нихъ долженъ быть изучаемъ въ то же самое время, какъ простѣйшій будетъ также въ постоянномъ употребленіи, то въ этомъ *дуализмѣ* заключается новый аргументъ противъ введенія стенографіи въ школы. При этомъ рождается такая же неловкость, какъ въ томъ случаѣ, когда дѣтей одновременно начинаютъ учить, мать — нѣмецкому языку, а бонна — французскому, чрезъ что естественно въ головахъ ихъ происходитъ лишь путаница и смута.

Не смотря на все сказанное, защитники возведенія стенографіи на степень признаннаго предмета преподаванія въ школахъ, конечно, прибѣгнутъ къ аргументу *пользы*, какую это искусство доставитъ ученикамъ въ ихъ позднѣйшей жизни, и при этомъ замѣтятъ, что учатся не для школы, а для жизни. Но противъ этого можно возразить, что приложимость и необходимость примѣненія стенографическаго искусства въ жизни вообще весьма ограниченны. Для обыкновенныхъ случаевъ, когда требуется скоропись, весьма достаточны уже тѣ сокращенія, которыя каждый, конечно, успѣлъ самъ изобрѣсть для себя. Остается потребность записывать публичныя пренія и рѣчи, но, какъ уже замѣчено выше, она совершенно удовлетворяется существованіемъ стенографовъ по профессіи. Если же сказанное справедливо, то ослабляется сама собою и сила вышеприведеннаго аргумента, ибо на основаніи его и для всѣхъ другихъ спеціальныхъ потребностей нужно было бы завести спеціальное подготовленіе въ школѣ. Но слѣдуетъ признать разъ на всегда, что не таково назначеніе школы, и еще менѣе можетъ оно быть допущено въ наше энциклопедически-многостороннее, переполненное всякими умственными и другими возбужденіями время. Скорѣе слѣдуетъ въ этомъ отношеніи заботиться объ ограниченіи, большемъ углубленіи и упрощеніи образовательныхъ средствъ.

Сознаніе этого, а также необходимость признать, что стенографія въ сущности есть простое ремесло, привело просителей къ готовности идти на уступки. Они желаютъ только, чтобы стенографія введена была

какъ необязательный предметъ. Но такихъ предметовъ должно быть въ школѣ возможно меньшее число. Каждый новый необязательный предмѣтъ нарушаетъ единство, и разслабляетъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ равномѣрности и одинаковой необходимости изучаемаго, школьную дисциплину. Но стенографія въ особенности непригодна въ этомъ отношеніи. Она установила бы между различными учениками, равно какъ между учениками и учителями, различныя степени уровня и притомъ по отношенію къ одной изъ главныхъ основъ и средствъ всякаго обученія — именно письму; такимъ образомъ она во всякомъ случаѣ ввела бы въ школѣ несообразности.

Что касается предложенія устроить офиціальное и всестороннее испытаніе различныхъ стенографическихъ системъ для рѣшенія вопроса о преимуществѣ, той или другой изъ нихъ, то здѣсь этотъ вопросъ можетъ быть разсмотрѣнъ лишь на столько, на сколько онъ касается самого предложенія о введеніи стенографіи въ школахъ. Само по себѣ такое испытаніе могло бы быть полезно, хотя во всякомъ случаѣ рѣшеніе вопроса можетъ окончательно послѣдовать лишь на почвѣ *практической конкурренціи*. Но педагогическая сторона вопроса не находится въ зависимости отъ подобнаго испытанія. Ибо уже того, что обѣ стенографическія системы имѣютъ общаго и что даже при бѣгломъ изслѣдованіи удовлетворительно характеризуетъ ихъ, совершенно достаточно, какъ мы видѣли выше, для отстраненія претензій ихъ на введеніе ихъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такимъ образомъ, мотивированное отклоненіе предложеній, содержащихся въ представленныхъ палатѣ петиціяхъ, представляется, послѣ всего сказаннаго, единственно справедливымъ.

Присутствовавшій въ засѣданіи коммиссіи представитель министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ докторъ *Визе*, согласился во всемъ существенномъ съ вышеприведенными доводами докладчика. Принимая въ соображеніе недавнее происхожденіе и исторію стенографіи, онъ призналъ вообще ея пользу; но въ то же время онъ замѣтилъ, что не все полезное можетъ быть допущено къ преподаванію (именно) въ среднихъ школахъ, такъ какъ онѣ и безъ того уже обременены необходимыми предметами преподаванія. Стенографія же, кромѣ того, какъ доказываетъ самая борьба системъ, есть дѣло, не выработавшееся еще окончательно. Нельзя не

признать за существующими системами научныхъ основъ, но плодъ ихъ есть все-таки чисто механическій. Петиціи, правда, не требуютъ, чтобы преподаваніе стенографіи начиналось съ низшихъ классовъ, гдѣ введеніе новаго способа письма могло бы помѣшать еще слабой и невѣрной рукѣ учениковъ развиться и укрѣпиться надлежащимъ образомъ; но и въ среднихъ классахъ, гдѣ должно было бы начинаться, по ихъ мнѣнію, преподаваніе стенографіи, и безъ того требуется отъ учениковъ очень много времени, прилежанія и напряженія умственныхъ силъ. Стенографія при такихъ обстоятельствахъ явилась бы лишь новою тягостью, такъ какъ она вовсе не служитъ облегченіемъ, помощію въ ученьи. Наконецъ, даже и приведеніе въ исполненіе желанія, выраженнаго въ петиціяхъ, не обошлось бы безъ затрудненій. Учителей слѣдовало бы тогда подвергать испытанію также и въ стенографіи и т. д. И опять-таки выступаетъ здѣсь вновь на видъ то обстоятельство, что сама стенографія еще только созидается, можно сказать, находится въ зародышѣ; хоть бы по крайней мѣрѣ существовало болѣе двухъ, нынѣ извѣстныхъ системъ. При такомъ положеніи дѣла правительству не остается ничего болѣе, какъ оставаться вѣрнымъ прежде принятой имъ системѣ, то-есть, предоставить дѣло стенографіи собственному его развитію, безъ содѣйствія и вмѣшательства вѣдомства народнаго просвѣщенія. Оно, какъ и прежде, будетъ по мѣрѣ силъ благопріятствовать развитію стенографіи, ради ея пользы, напримѣръ, уступать классныя комнаты для частнаго преподаванія стенографіи. Но далѣе этого оно не можетъ идти, уже потому что по его убѣжденію, истинная задача его дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить успѣхъ высшихъ и истинно-научныхъ задачъ преподаванія въ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ.

Многіе изъ членовъ коммиссіи желали заявить, между прочимъ, что правительство должно обѣщать свое содѣйствіе преподаванію стенографіи повсюду, гдѣ ученики обнаружатъ къ тому особенную склонность или гдѣ въ преподаваніи этого предмета окажется очевидная нужда. Затѣмъ, впрочемъ, и они соглашались съ тѣмъ, что необходимо отвергнуть необязательное и тѣмъ болѣе еще принудительное преподаваніе ея въ школахъ. Кромѣ уже вышеприведенныхъ доводовъ въ пользу этого мнѣнія, былъ приведенъ при этомъ и еще одинъ новый, именно *трудность скораго изученія и вѣрнаго чтенія* стенографическаго письма, а также было обращено вниманіе на то обстоятельство, что петиціи имѣли, повидимому, преимущественно въ виду частныя цѣли, а потому ни коммиссіи, ни учебному началь-

ству не было бы прилично вмѣшиваться въ эту борьбу партій. Противъ того, будто стенографія необходимо должна оказать вредное въ эстетическомъ отношеніи вліяніе на почеркъ, было сдѣлано двоякое возраженіе. Съ одной стороны было замѣчено, что стенографія, по причинѣ важнаго значенія въ ней малѣйшихъ чертъ, пріучаетъ къ особенной тщательности и точности письма; съ другой стороны, что примѣненіе стенографіи предохранило бы отъ наиболѣе портящихъ руку скоро- и много-писанія обыкновеннымъ письмомъ. Впрочемъ, и эти возраженія не могли уничтожить силу остальныхъ аргументовъ, явно признанныхъ присутствовавшими членами коммиссіи. Соглашаясь безусловно съ заслугами стенографіи и пользою ея для извѣстныхъ цѣлей, а также воздавая ей полную честь, какъ памятнику остроумной изобрѣтательности, члены коммиссіи высказались однако *единогласно*, по вопросу педагогическому, единственно предлежавшему обсужденію ихъ, въ смыслѣ докладчика. Этотъ послѣдній проектировалъ и коммиссія приняла слѣдующее предложеніе:

„Высокая палата благоволитъ постановить:

„Принимая въ соображеніе, что стенографія не оказывается полезною въ общемъ интересѣ образованія, а служитъ лишь извѣстнымъ исключительнымъ житейскимъ интересамъ;

„принимая въ соображеніе, вовторыхъ, что нѣкоторыя формальныя образовательныя начала, содержащіяся, какъ въ Штольцевой, такъ и въ Габельсбергеровой системахъ, не представляются достаточно важными для того, чтобъ увеличить количество предметовъ преподаванія въ среднихъ школахъ этимъ новымъ;

„принимая, наконецъ, во вниманіе, что посему и самое рѣшеніе спора между различными стенографическими системами объ ихъ сравнительномъ практическомъ превосходствѣ должно быть предоставлено имъ самимъ, — оставить всѣ поданныя петиціи безъ послѣдствій и перейдти къ *очереднымъ занятіямъ*“.

ПРЕНІЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПАЛАТѢ О НАЧАЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ. [1]

Обсужденіе въ законодательной палатѣ отдѣльныхъ статей проектированнаго закона объ элементарномъ обученіи началось 7-го марта (23-го февраля) преніями по поводу предложенныхъ нѣкоторыми изъ членовъ палаты поправокъ, требовавшихъ частію измѣненія, частію исключенія той или другой статьи.

Единомышленники г. Жюль-Симона, гг. Гавенъ и Геру, отстаивая абсолютно-даровое обученіе, предлагали замѣнить 8-ю статью новаго закона, которою введеніе дароваго обученія дозволяется каждой общинѣ въ отдѣльности, на извѣстныхъ условіяхъ, слѣдующею поправкою:

„Даровое обученіе будетъ введено во всѣхъ начальныхъ общественныхъ (publiques) школахъ“.

Г. *Гавенъ*, въ оправданіе этой поправки, сославшись на слова императора Наполеона III, сказанныя имъ когда-то, что „въ странѣ общей подачи голосовъ (de suffrage universel) каждый гражданинъ долженъ умѣть читать и писать“, возражалъ противъ тѣхъ мотивовъ, которые приведены въ докладѣ противъ повсемѣстнаго примѣненія принципа общей безплатности. Въ докладѣ было сказано:

„Нужно поощрять муниципальные совѣты ко введенію абсолютной безплатности. Пускай всѣ общины, у которыхъ есть средства и которыя могутъ обойдтись безъ платы за ученіе (то-есть, выплачивать изъ общинной кассы слѣдующее учителю вознагражденіе по таксѣ за всѣхъ наличныхъ учениковъ его школы), вводятъ у себя абсолютную безплатность: нѣтъ ничего лучше. Но пусть государство не обязывается принимать участіе въ этого рода расходахъ. Коммиссія отвергаетъ абсолютную безплатность на счетъ государства, но объявляетъ себя въ пользу мѣстной безплатности въ самомъ широкомъ и либеральномъ смыслѣ. Безплатность необязательная, по ея мнѣнію, есть единственно полезная и справедливая; она мирится съ обязанностями семьи.

---

[1] *Окончаніе.* См. ноябрьскую кн. *Журн. Мин. Народн. Просв.*

Всякая безплатность должна истекать изъ свободной воли и свободной заботливости муниципальныхъ совѣтовъ. Она не можетъ быть обязательною ни для государства, ни для департамента. Обязательное даровое обученіе было бы величайшею несправедливостію, потому что тяжелое бремя его всегда окончательно падаетъ на платящихъ налоги и гораздо болѣе невыносимо для бѣдныхъ, нежели для богатыхъ. Не справедливо ли, чтобы каждый, кто въ состояніи платить, платилъ за обученіе"?

Г. Гавенъ находитъ такое сужденіе коммиссіи и непослѣдовательнымъ и ошибочнымъ. Онъ согласенъ, что образованіе дѣтей такой же долгъ родителей, какъ и питаніе ихъ. Но ежели дозволяется снять этотъ долгъ съ бѣднаго отца семейства, то зачѣмъ же въ этомъ случаѣ ставить вмѣсто него предпочтительнѣе общину, нежели департаментъ и государство? Коммиссія признаетъ, что въ образованіи дѣтей заинтересованъ не одинъ отецъ семейства, но что здѣсь интересъ и общины столь великъ, что ей дозволяютъ и даже, можно сказать, обязываютъ ее вводить общее даровое обученіе. Но неужели департаментъ и государство заинтересованы не столько же, сколько и община въ народномъ образованіи? Государство имѣетъ здѣсь весьма важный интересъ — соціальный, политическій и экономическій; поэтому нельзя ему отказать въ такомъ правѣ, какое предоставляется общинѣ. Ежели муниципальный совѣтъ имѣетъ право и даже обязанъ вводить въ школахъ своей общины даровое ученіе, то неужели не имѣетъ такого же права и обязанноти законодательная палата, которая относительно цѣлой націи значитъ то же, что муниципальный совѣтъ относительно общины? Съ этой точки зрѣнія коммиссія пришла бы непремѣнно къ заключенію о необходимости абсолютно-дароваго обученія и обязательнаго участія государства въ расходахъ на этотъ предметъ. При послѣднемъ условіи абсолютная безплатность не можетъ быть ни тягостна, ни разорительна для бѣдныхъ; она будетъ оплачиваться средствами каждаго, соразмѣрно его достоянію. Извѣстно же, что бѣдные играютъ очень невидную роль въ числѣ платящихъ налоги. Ограниченная безплатность не удовлетворяетъ интересамъ каждаго; многіе изъ ложнаго стыда, другіе изъ приличія не захотятъ быть помѣщенными въ списокъ не платящихъ за ученіе, то-есть, несостоятельныхъ, тогда какъ для нихъ образованіе дѣтей тяжелое бремя; чтобъ избавиться отъ него, имъ остается одно средство — не посылать дѣтей въ школу. Притомъ же, трудно провести границу, отдѣляющую довольство отъ бѣдности. Абсолютная же безплатность уничтожаетъ различіе между бѣдными и богатыми, и потому кажется лучшимъ обезпеченіемъ многолюдности школъ. По сло-

вамъ министра Дюрюи, одна отмѣна декрета 1853 года, вслѣдствіе которой только расширились предѣлы безплатности, увеличила число учащихся въ элементарныхъ общественныхъ школахъ на 100.000; какого же результата можно ожидать отъ абсолютной безплатности? Что касается обязательности обученія, то французское законодательство признаетъ ее въ принципѣ; недостаетъ ей только санкціи, которую она должна получить, такъ какъ обязательство давать своимъ дѣтямъ образованіе точно также не нарушаетъ свободы отца, какъ и обязательство кормить ихъ. Установленіе обязательности обученія тѣмъ необходимѣе, что элементарное образованіе есть могучій элементъ не только благосостоянія, но и величія національнаго. „Народъ, — говоритъ Жюль Симонъ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи, — у котораго лучшія школы, первый народъ; а если онъ не первый сегодня, такъ будетъ имъ завтра". Изъ документовъ, которые представилъ въ палату генералъ Моренъ (ему поручено было министерствомъ собрать нужныя свѣдѣнія), равно какъ изъ доклада министра народнаго просвѣщенія въ 1865 г., ораторъ убѣждается, что его отечество относительно народнаго образованія занимаетъ почти послѣднее мѣсто въ ряду цивилизованныхъ народовъ; только Испанія, Россія и Турція стоятъ ниже его. Изъ тѣхъ же документовъ видно, что католическія государства стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо ниже протестантскихъ. Но еще мало узаконить даровое и обязательное обученіе; нужны школы и школьные домы для помѣщенія ихъ. Г. Гавенъ и его товарищи требовали 80 милліоновъ фр. на постройку школьныхъ домовъ, которыхъ недостаетъ во Франціи. Они требовали также обезпечить сословію начальныхъ учителей независимое положеніе въ такой степени, чтобъ они могли всецѣло посвятить себя своему почтенному, но трудному призванію.

Наконецъ, относительно назначенія начальныхъ учителей, г. Гавенъ стоитъ за предоставленіе этого права муниципальнымъ совѣтамъ.

Г. *Геру*, говоря въ пользу поправки, внесенной г. Гавеномъ, хотя и одобрялъ новый законъ, но изъявилъ сомнѣніе въ дѣйствительности и успѣхѣ предлагаемыхъ мѣръ.

Хотятъ, сказалъ онъ, дѣлать великія дѣла на малыя деньги; это трудно. Народы, которые поняли важность народнаго образованія, не торговались о денежныхъ средствахъ. Статистическія данныя, сообщенныя палатѣ учебною администраціей, убѣдили, что бо́льшая часть европейскихъ народовъ опередила Францію въ этомъ отношеніи, а главная причина этого въ недостаточности дароваго обученія.

Находятъ несправедливымъ освобождать отъ платы отца семейства, ко-

торый въ состояніи платить за обученіе. А между тѣмъ никто не находитъ несправедливымъ безплатное Богослуженіе и юстицію, содержимыя на счетъ государственнаго казначейства. Возраженія, поэтому, противъ безплатнаго обученія доказываютъ только то, что во Франціи не придаютъ большой важности народному образованію, а между тѣмъ, оно составляетъ не только индивидуальную, но и національную потребность, и Франція не можетъ безнаказанно оставаться долго въ оскорбительной отсталости въ сравненіи съ своими сосѣдями. Въ Женевскомъ кантонѣ обученіе безплатное, каждый учитель получаетъ жалованья 1.200 фр., съ домомъ и садомъ, и ни одинъ расходъ не почитается болѣе популярнымъ.

Когда обязанность доставить своимъ дѣтямъ воспитаніе признается священною для отца, тогда, конечно, все равно, община или государство освобождаетъ его отъ этой обязанности. Но если при нынѣшнемъ положеніи вещей предоставить это дѣло только общинамъ, безъ вмѣшательства со стороны государства, то можетъ произойдти самое неравное распредѣленіе образованія. Община богатая и образованная поспѣшитъ ввести въ своихъ школахъ даровое обученіе и пойдетъ быстро по пути образованія. Напротивъ, бѣдная и невѣжественная община не введетъ дароваго обученія и повлечется еще медленнѣе, чѣмъ прежде, къ общей цѣли. А чрезъ нѣсколько лѣтъ окажется въ результатѣ огромная разница въ образованіи между одною общиною и другою и даже между однимъ и другимъ департаментомъ. Такое неравенство нельзя не считать величайшимъ несчастіемъ. Окажутся мѣстности съ отсталымъ, невѣжественнымъ населеніемъ, съ цивилизаціей и промышленностью, развитыми несравненно менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Но, съ точки зрѣнія національнаго объединенія страны, весьма важно, чтобы въ ней не оставалось ни одной мѣстности, которая, среди общаго умственнаго развитія, образовала бы печальный оазисъ невѣжества и нищеты. Всѣ чувствуютъ то что нужно дѣлать, но дѣйствуютъ съ боязнію, нерѣшительно, не употребляя на то ни средствъ, ни нужныхъ усилій. Не хотятъ обременять государственнаго бюджета крупною цифрой въ пользу народнаго образованія; но когда эта же цифра скрывается въ общинныхъ или департаментскихъ бюджетахъ или просто въ личныхъ пожертвованіяхъ, приносимыхъ каждымъ отцомъ семьи, то воображаютъ, что въ этомъ нѣтъ никакой жертвы. Но купно ли вы истратите эту сумму, или разложивъ ее по частямъ на многихъ, жертва будетъ та же, расходъ не увеличится. Разница только та, что ежели вы передадите народное образованіе въ руки правительства и опредѣлите давать его даромъ (gratuitement), какъ даромъ вы чините судъ или преподаете ученіе религіи, то чрезъ нѣсколько лѣтъ выйдетъ въ результатѣ громадный прогрессъ и самое полезное преображеніе страны.

Что же касается денегъ, то г. Геру не только не понимаетъ этого рода возраженія, но оно кажется ему забавнымъ. Какимъ образомъ такая страна, какъ Франція, которая лишь только почувствовала потребность въ желѣзныхъ дорогахъ, сумѣла въ нѣсколько лѣтъ найдти 8 или 10 милліардовъ на ихъ устройство, которая содержитъ значительную армію и готова израсходовать сотни милліоновъ на пре-

образованіе военнаго вооруженія, которая, однимъ словомъ, всякій разъ, какъ только чувствуется общественная потребность, иногда влекущая за собою чистую потерю, находитъ нужныя средства; какимъ образомъ, спрашивается, такая страна не могла бы найдти 8, 10, 15, 20 милліоновъ для внесенія въ бюджетъ народнаго просвѣщенія съ тою цѣлью, чтобы поставить Францію въ уровень съ другими націями? Еслибъ еще Французы были бережливы, скупы въ расходованіи общественной казны, тогда, быть-можетъ, намъ было бы и совѣстно слишкомъ настаивать; но сколько, въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ рискованныхъ предпріятій, предпріятій несчастныхъ, которыя стóятъ такихъ громадныхъ суммъ, что даже не всего капитала, ни даже всѣхъ процентовъ отъ него, но половины, трети, четвертой части процентовъ было бы достаточно для того, чтобы довести народное образованіе до самаго цвѣтущаго состоянія!

Министръ народнаго просвѣщенія, продолжалъ г. Геру, въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ далъ весьма сильный толчекъ элементарному образованію; онъ вдохнулъ удвоенное рвеніе въ своихъ агентовъ; организовалъ курсы для взрослыхъ, которые, въ будущемъ, принесутъ драгоцѣнные плоды. Но неужели вы думаете, что подобныя усилія могутъ продолжаться вѣчно и что ежели вы не сдѣлаете необходимыхъ пожертвованій, не положите твердыхъ и прочныхъ основаній подъ зданіе народнаго образованія, оно можетъ устоять долгіе годы? Вы не создадите ничего прочнаго, ежели не примете мѣръ, соотвѣтствующихъ цѣли, которой вы желаете достигнуть.

Когда подумаешь о состояніи народнаго образованія въ Германіи, въ Швейцаріи, у націй сѣверной Европы, въ Соединенныхъ Штатахъ; когда подумаешь, что одинъ городъ Нью-Йоркъ расходуетъ на начальное обученіе болѣе нежели цѣлая Французская имперія, то дѣлается невыносимо грустно, и утверждаешься въ томъ убѣжденіи, что не должно страшиться никакихъ расходовъ на введеніе всѣмъ доступнаго дароваго общественнаго образованія, съ цѣлью выйдти, наконецъ, изъ чахоточнаго состоянія, слишкомъ ясно изобличеннаго въ сообщенныхъ палатѣ документахъ, изъ которыхъ видно, что въ нѣкоторыхъ городахъ на 100 мужчинъ приходится 30 безграмотныхъ, а въ нѣкоторыхъ департаментахъ на 100 женщинъ приходится 98 безграмотныхъ.

А потому г. Геру требуетъ, чтобы принципъ безплатности обученія былъ принятъ закономъ.

Баронъ *Боверже*, одинъ изъ членовъ коммиссіи, полагаетъ съ своей стороны: что 1) ст. 8-я новаго закона, имѣющая въ виду расширеніе дароваго обученія, безполезна, и 2) что очень полезная въ сущности ст. 1-я о женскихъ школахъ лишается своего значенія вслѣдствіе предположенія учреждать ихъ тамъ, гдѣ 500 жителей и болѣе.

Относительно безплатности обученія, баронъ Боверже замѣтилъ, 1) что въ 1833 году, какъ видно изъ документовъ, считалось между

взрослыми Французами 50% безграмотныхъ, а въ 1865 году цифра эта понизилась до 33%; 2) что въ 1833 г. были цѣлые кантоны, не имѣвшіе школъ, а во многихъ первая попавшаяся хижина или даже сарай служили помѣщеніемъ для школы, тогда какъ въ настоящее время 60.000 правильно организованныхъ школъ имѣютъ приличное помѣщеніе, и въ нихъ обучается болѣе 3.000.000 дѣтей, въ томъ числѣ 1.300.000 получаютъ даровое обученіе; а если посчитать всѣ школы и всѣхъ учащихся, то выйдетъ послѣднихъ болѣе 4.000.000, и въ томъ числѣ 1.500.000 безплатныхъ; 3) что въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ открыто 1.000 новыхъ школъ, число учащихся увеличилось на 92.000 и получающихъ даровое обученіе — на 54.000. Имѣя въ виду всѣ эти факты, г. Боверже не считаетъ нужнымъ измѣнять основанія и систему дѣйствія существующихъ законовъ. Вполнѣ соглашаясь на даровое обученіе тѣхъ дѣтей, родители коихъ дѣйствительно не въ состояніи вносить плату за ученіе, ораторъ находитъ совершенно справедливымъ и нравственнымъ, чтобы каждый сколько-нибудь состоятельный отецъ жертвовалъ частичку своего барыша, заработка или дохода на воспитаніе дѣтей своихъ; и еслибъ онъ захотѣлъ освободиться отъ такой жертвы, то поступилъ бы не только несправедливо, но и неразчетливо, потому что въ исполненіи обязанности всегда болѣе пользы, чѣмъ тягости.

Не плата за ученіе затрудняетъ посѣщеніе школъ; затрудняетъ недостатокъ сообщеній (которыя впрочемъ ежедневно улучшаются) и мѣстами равнодушіе невѣжественныхъ родителей; но въ особенности полевыя работы заставляютъ сельскія семейства пользоваться физическими силами своихъ дѣтей. Лучшія средства устранить эти недостатки, при существующихъ законахъ о платѣ за ученіе, — доброе расположеніе общества къ учреждаемой нынѣ школьной кассѣ и вечерніе классы для взрослыхъ. Школьная касса, постоянно пополняемая доброхотными приношеніями, доставитъ вспомоществованіе менѣе достаточнымъ ученикамъ относительно платы за ученіе; а вечерніе классы дадутъ возможность вознаградить въ зрѣломъ возрастѣ то, что было потеряно въ дѣтствѣ чрезъ непосѣщеніе школы. Многаго можно ожидать отъ здраваго смысла и доброй воли общества, ежели обращаются къ нему со всею откровенностію; а вечерніе классы уже доказали, какимъ чувствомъ самоотверженія и любви къ добру проникнуто многочисленное и достопочтенное сословіе сельскихъ учителей. Оратору желательно, чтобы всѣ имѣющіяся средства были сбережены для потребности, наиболѣе настоятельной, на воспитаніе дѣ-

вицъ. Всѣ согласны въ томъ, что въ современномъ обществѣ нѣтъ вопроса важнѣе. Не слѣдуетъ, конечно, посылать дѣвицъ въ лицеи. Назначеніе ихъ быть сколь возможно ближе къ домашнему очагу, управлять имъ и блюсти его интересы, достоинство и честь. Желательно однакожь, чтобы каждая дѣвица, каково бы ни было ея положеніе въ обществѣ, получила достаточное образованіе для той роли, для которой Провидѣніе назначило ее. Поэтому оратору желательно, чтобы какъ мѣстныя средства, такъ и пособія со стороны правительства, „которыя проектъ новаго закона предлагаетъ исключительно обратить въ пользу общинѣ, имѣющихъ населеніе въ 500 и болѣе душъ", были предоставлены всѣмъ безъ исключенія общинамъ.

Г. Жюль Фавръ, отвѣчая, въ качествѣ члена коммиссіи, предыдущимъ тремъ ораторамъ, замѣтилъ, что почти всѣ ораторы начинали рѣчь восхваленіемъ новаго закона, но оканчивали всегда критикой его. Одни говорятъ, что онъ сдѣлалъ слишкомъ много, другіе— что сдѣлалъ не все. Правительство и коммиссія выбрали средній путь: предложивъ мѣры, способныя ускорить успѣхи начальнаго обученія, они не позволили себѣ увлечься нетерпѣніемъ тѣхъ, которые подталкивали ихъ къ немедленному провозглашенію принципа обязательности и безплатности обученія. Не касаясь исторіи начальнаго обученія во Франціи, г. Фавръ считаетъ нужнымъ показать, какіе пробѣлы допущены были въ прежнемъ законодательствѣ, въ какой мѣрѣ пополняетъ ихъ новый законъ, и какія препятствія могло бы встрѣтить правительство, если бы пожелало дать болѣе быстрое развитіе начальному обученію. 1) Законъ 1833 года вовсе не коснулся женскихъ школъ. Законъ 1850 г. обязалъ къ учрежденію женскихъ школъ общины, имѣющія 800 душъ населенія и болѣе вслѣдствіе чего 18.000 общинъ въ настоящее время не имѣютъ женскихъ школъ. 2) Скудное содержаніе учительницъ не было обезпечено закономъ 1850 г. 3) Тотъ же законъ установилъ широкую систему дароваго обученія, но не далъ общинамъ средствъ ввести ее. 4) Статистическія данныя свидѣтельствуютъ, что въ настоящее время есть во Франціи много взрослыхъ, которые, потому ли, что не посѣщали школы, или потому, что позабыли то немногое, чему въ ней выучились, не умѣютъ написать своего имени. Вотъ четыре важные пробѣла, которые пополняетъ нынѣшній законъ. Но гг. Гавенъ и Геру не довольствуются этимъ: они, ссылаясь на слова коммиссіи, требуютъ узаконенія принципа абсолютной безплатности и введенія ея повсюду на счетъ государственнаго казначейства. Правда, коммиссія желаетъ самаго широ-

каго распространенія безплатности; но она полагаетъ, что община и государство обязаны пособлять только тѣмъ отцамъ семейства, которые дѣйствительно не въ состояніи дать образованіе своимъ дѣтямъ. Община вольна ввести у себя и абсолютную безплатность, коммиссія дастъ ей на этотъ предметъ и средства, дозволяя устанавливать экстраординарный налогъ (4 сантима) и просить пособія отъ департамента и правительства. Но коммиссія не хочетъ безплатности въ значеніи принципа, не хочетъ замѣнить обязательство отца семейства обязательствомъ государства. Воспитаніе дѣтей есть прежде всего долгъ отца семейства. Пусть государство поможетъ отцу, когда онъ въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи исполнить этого долга; это будетъ примѣненіе принципа общественной благотворительности, присущаго духу французскаго законодательства. Пусть община, эта вторая семья, организуетъ систему безплатнаго обученія на счетъ средствъ, составившихся отъ приношеній соединенныхъ въ общину отцовъ семействъ — это будетъ исполненіе долга, возложеннаго природою на каждаго изъ нихъ, только подъ другою формою. Все это безопасно и полезно; но коммиссія находитъ опаснымъ и отвергаетъ введеніе системы, имѣющей цѣлью освободить отца семейства отъ его первѣйшей, священнѣйшей обязанности, и взвалить исключительно на государство обязанности отцовъ семействъ.

Самъ Жюль Симонъ, продолжалъ г. Фавръ, будучи докладчикомъ въ 1849 году, отъ имени коммиссіи высказалъ слѣдующее мнѣніе о безплатности:

„Безплатность начальнаго обученія требуетъ громаднаго расхода, который былъ бы не по силамъ для французскаго бюджета. Не должно требовать невозможнаго. Истинно только то, что на даровое воспитаніе имѣетъ право лишь тотъ, кто не въ состояніи платить за него. Ваше большинство не признало за государствомъ обязанности давать богатымъ даровое воспитаніе, за которое они могутъ и даже хотятъ платить. Что вышло бы изъ такой безплатности? Расходъ на школы обратился бы въ общій, и бѣдный участвовалъ бы въ немъ по своему состоянію. Грошъ бѣдняка убавилъ бы на грошъ пожертвованіе богатаго“.

Самый принципъ равенства требуетъ, чтобы не была обязательна даровая школа; гдѣ явится такая школа, тамъ не будутъ сидѣть на однѣхъ и тѣхъ же скамьяхъ дѣти богачей и бѣдняковъ; возлѣ даровой школы возникнетъ школа съ платою, въ которую суетные родители помѣстятъ своихъ дѣтей. Французскіе нравы потеряютъ то, что успѣшнѣе всего содѣйствуетъ слиянію всѣхъ классовъ народа, — духъ товарищества на школьныхъ скамьяхъ.

мы хотимъ укрѣпить святое семейное чувство, которое не можетъ
гь въ сердцѣ человѣка, не повлекши за собою погибели всѣхъ чест-
вствованій, и которое не можетъ въ немъ жить, не уподобясь пылаю-
агу, на которомъ воспламеняются всѣ добродѣтели—то должно по-
и освящать принципъ жертвованія. Трудъ, который человѣкъ возла-
ı себя, чтобы доставить своему дитяти кусокъ хлѣба и воспитаніе—
венный трудъ, который не утомляетъ. Поэтому-то ваша коммиссія
едлагаетъ учредить на счетъ государства начальное обученіе, даро-
всѣхъ, но только для тѣхъ, кто дѣйствительно не въ состояніи

безплатности вѣроученія и юстиціи, говорилъ далѣе г. Фавръ,
ъ заключеніе и въ пользу безплатности начальнаго обученія
Но, по мнѣнію оратора, здѣсь сходство только кажущееся. Вѣ-
е и судъ — потребности общія всѣмъ гражданамъ. У всѣхъ
е Богослуженіе. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ни отца, ни сына,
о граждане, которые всѣ должны участвовать въ расходахъ на
ребности. Обязанность же воспитывать дѣтей своихъ предпи-
ся только родителямъ, какъ гражданскими, такъ и естествен-
аконами.

инявъ за основаніе правило, что государство обязано достав-
дровое элементарное образованіе всѣмъ гражданамъ, спраши-
гдѣ будетъ предѣлъ этой обязательности? Начальное обу-
Но программа его уже нѣсколько разъ измѣнялась: и въ на-
е время требуется значительно расширить ее; ибо кому не же-
ю возвысить и расширить начальное обученіе? Но при такомъ
, возможно ли начальное обученіе взваливать исключительно
дарство? А въ невозможности обезпечить предѣлы обязатель-
осударства и заключается самый сильный и неоспоримый мо-
отвергнуть систему абсолютно-дароваго начальнаго обученія.
мѣ безплатности, требуютъ еще, хотя и не съ такою настой-
ю, обязательности начальнаго обученія (Карно, Гавенъ), и въ
гельство приводятъ, между прочимъ, примѣръ обязательности
і службы. Но независимо отъ того, что 1) установленіе обя-
ости начальнаго обученія повлекло бы за собою и необходи-
онудительныхъ мѣръ, и что 2) обязательность и абсолютная
ность обученія неразлучны между собою,—какое, спрашивается,
, быть сходство между обязательностію военной службы и обя-
остію начальнаго обученія? Когда дѣло идетъ о защитѣ своей
когда отечество въ опасности, тогда обязанность защищать его
, на всѣхъ; тогда вся власть сосредоточивается въ государствѣ.

которое одно въ правѣ требовать отъ насъ пожертвованія, какъ отъ своихъ гражданъ, не только отцовскою властію, но и дѣтьми.

Наконецъ, расходы, которые пали бы на государственное казначейство вмѣстѣ съ введеніемъ абсолютнаго дароваго обученія, г. Фавръ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ: 1) Въ настоящее время на начальное обученіе расходуется вообще 58 мил. фр., въ томъ числѣ 22 мил. въ видѣ платы за ученіе, и эти 22 мил. со введеніемъ абсолютной безплатности обратились бы неминуемо на счетъ государственнаго казначейства. 2) Многія дѣти посѣщаютъ нынѣ школу годъ или два, неболѣе, а иные посѣщаютъ ее лишь нѣсколько мѣсяцевъ; сверхъ того и половина дѣтей не посѣщаетъ школы въ продолженіе всего учебнаго года; бо̀льшая ихъ часть, особенно въ селахъ, посѣщаютъ школу только въ теченіе пяти или шести лѣтнихъ мѣсяцевъ. Но при абсолютной безплатности, вѣроятно, всѣ эти дѣти станутъ посѣщать школу постоянно въ продолженіе цѣлаго учебнаго года, и въ продолженіе не одного, а нѣсколькихъ лѣтъ. Такимъ образомъ сумма платы за ученіе, вносимой помѣсячно, можетъ увеличиться еще на 20 мил. 3) Учрежденіе до 7.800 женскихъ школъ, требуемое новымъ закономъ, въ общинахъ, имѣющихъ 500 и болѣе душъ населенія, навѣрное увеличитъ государственный бюджетъ суммою до 4.000.000 фр. Слѣдовательно, съ узаконеніемъ принципа абсолютной безплатности пало бы на государственное казначейство до 50 мил. новыхъ расходовъ на начальное обученіе.

Впрочемъ, по увѣренію г. Фавра, коммиссія не менѣе гг. Гавена и Геру желаетъ распространенія дароваго обученія, и съ удовольствіемъ встрѣтитъ то время, когда оно сдѣлается общимъ; но въ настоящее время она не считаетъ возможнымъ идти далѣе слѣдующихъ мѣръ: 1) предоставить общинамъ право пріискивать на этотъ предметъ надлежащія средства; 2) въ случаѣ недостатка общинныхъ средствъ дозволить общинамъ обращаться съ ходатайствомъ о пособіи сперва въ департаментъ, а ежели и департаментскихъ средствъ не достанетъ,—то къ правительству.

То, что̀ г. Фавръ отвѣчалъ гг. Гавену и Геру касательно введенія абсолютной безплатности, послужило отвѣтомъ и на поправку г. Боверже объ исключеніи ст. 8 новаго закона о мѣрахъ распространенія безплатности. Касательно же другой поправки Боверже, въ которой онъ предлагалъ, не вмѣняя въ непремѣнную обязанность общинамъ въ 500 душъ населенія учреждать женскія школы, дозволить и маленькимъ общинамъ, имѣющимъ менѣе 500 душъ, какъ

учреждать, если пожелаютъ, женскія школы, такъ и пріискивать на этотъ предметъ денежныя средства, что предоставляется новымъ закономъ общинамъ въ 500 душъ, г. Фавръ объяснилъ: 1) что предоставивъ на волю общинамъ учреждать или не учреждать школы, должно опасаться, по его мнѣнію, что не явится такого числа женскихъ школъ, какое имѣть желательно, какъ это уже дознано опытомъ: законъ 1850 г. не обязывалъ общинъ, имѣющихъ менѣе 800 душъ населенія, учреждать женскія школы, и въ настоящее время 18.000 общинъ не имѣютъ ихъ; 2) что по засвидѣтельствованію министра народнаго просвѣщенія, 6.000 общинъ, съ населеніемъ менѣе 500 душъ, уже имѣютъ женскія школы; 3) наконецъ, новый законъ даетъ и этимъ маленькимъ общинамъ средства для образованія дѣвочекъ; онѣ могутъ учреждать у себя деревушечныя женскія школы съ помощницами учительницъ (adjointes), могутъ пріискивать у себя такія же средства, какія дозволяются общинамъ въ 500 душъ, и пользоваться всѣми другими средствами, которыя, для поощренія ихъ, имѣются въ распоряженіи департамента и правительства.

Въ сущности, заключаетъ г. Фавръ, коммиссія согласна съ барономъ Боверже. Она желаетъ развитія обученія не только въ общинахъ въ 500 душъ, но и въ меньшихъ; разница въ томъ, что она желаетъ средства, служащія къ умноженію женскихъ школъ, обратить сперва въ пользу общинъ первой категоріи, обязываемыхъ закономъ къ учрежденію женскихъ школъ, такъ какъ, по убѣжденію коммиссіи, обязательность служитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ успѣха. Слѣдовательно, законъ даетъ общинамъ въ 500 душъ только право первенства, но никакъ не лишаетъ меньшія общины права заводить у себя женскія школы и пользоваться одинаковыми пособіями отъ правительства.

На возраженіе депутата г. *Рулло-Дюгажа*, что въ проектѣ закона не назначается никакихъ фондовъ для маленькихъ общинъ, которыя пожелали бы завесть у себя женскую школу, что имъ даже не предоставляется въ этомъ случаѣ и право ходатайства о пособіи со стороны департамента и правительства,—г. *Шарль Роберъ*, правительственный коммисаръ, отвѣчалъ, что настоящій законъ дѣлаетъ уже большой шагъ впередъ тѣмъ, что не только дозволяетъ общинамъ пріискивать спеціальныя средства на содержаніе женскихъ школъ, но разрѣшаетъ прибѣгать въ этомъ дѣлѣ къ содѣйствію департамента и правительства, тогда какъ законъ 1850 года не опредѣлялъ никакихъ особенныхъ на этотъ предметъ средствъ. Но слѣдуетъ ли идти

далѣе? Слѣдуетъ ли маленькимъ общинамъ въ 100, въ 200 душъ предоставить право ходатайства у департамента и правительства о пособіи на содержаніе особой женской школы на томъ лишь основаніи, что онѣ вотировали три экстраординарные сантима на содержаніе школъ вообще? Среднее число учащихся, сравнительно съ численностію населенія, смотря по мѣстностямъ, представляетъ обыкновенно отношеніе 1 : 6 — 10. Сколько же придется учащихся въ маленькихъ общинахъ на двѣ отдѣльныя школы въ каждой, для мальчиковъ и для дѣвочекъ? А между тѣмъ, для каждой школы нуженъ особый учитель или учительница? Изъ 16.000 общинъ, съ населеніемъ менѣе 500 душъ, около 10.000 не имѣютъ женскихъ школъ; остальныя же 6.000 общинъ имѣютъ по одной женской школѣ, общинной или свободной. Означенныя 10.000 общинъ, учредивъ у себя трехсантимный налогъ, получили бы, на основаніи поправки г. Боверже, право настоятельно ходатайствовать о пособіи на жалованье учительницѣ, у которой въ школѣ оказалось бы, естественно, весьма мало учениць. Такимъ образомъ, на департаментъ падало бы бремя значительнаго расхода, далеко не соотвѣтствующаго ожидаемымъ результатамъ. Нѣтъ ничего лучше поэтому, какъ предоставить префектамъ и департаментскимъ совѣтамъ, тщательно сообразивъ нужды мѣстностей, открывать деревушечныя школы: въ одной общинѣ школу для мальчиковъ, въ иной для дѣвочекъ, а гдѣ окажется необходимымъ, и смѣшанную школу. Школы же этого рода, на основаніи проекта закона учреждаются насчетъ общинъ, департамента и правительства, съ устраненіемъ экстраординарныхъ сантимовъ.

Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ преній, подвергнутъ былъ баллотировкѣ формулированный президентомъ законодательной палаты вопросъ: слѣдуетъ ли, по поводу предложенныхъ поправокъ, препроводить 1-ю статью закона обратно въ коммиссію для вторичнаго обсужденія? По обѣимъ поправкамъ огромнымъ большинствомъ голосовъ рѣшенъ этотъ вопросъ отрицательно.

По прочтеніи предсѣдателемъ палаты текста 1-й статьи, депутатъ *Сегри* (Ségris) изъявилъ сомнѣніе, нужно ли назначать учительницъ швейной работы въ смѣшанныя начальныя школы. Во французскихъ общинахъ едва-ли найдется, по его мнѣнію, дѣвушка 16 или 17-ти лѣтъ, которая не умѣла бы шить, на сколько это нужно въ сельскомъ хозяйствѣ. Есть многіе департаменты, гдѣ нѣтъ нужды въ швейныхъ учительницахъ. Требуемыя потому на ихъ жалованье деньги можно обратить на что-либо болѣе необходимое.

Рѣчь эта со всѣхъ сторонъ была прерываема возраженіями и вызвала слѣдующій отзывъ министра народнаго просвѣщенія:

Этотъ, повидимому, весьма малозначительный вопросъ, сказалъ г. *Дюрюи*, въ сущности важнѣе нѣкоторыхъ другихъ существенныхъ сторонъ начальнаго обученія. Обученіе шитью важно не менѣе обученія земледѣлію въ сельскихъ начальныхъ школахъ и ученія рисованію и черченію въ городскихъ. Изъ 13.000 смѣшанныхъ школъ только 3.500 имѣютъ учительницъ швейной работы, въ остальныхъ же 9.500 школахъ швейныя учительницы будутъ опредѣляемы постепенно. Быть-можетъ, городъ, гдѣ живетъ г. Сегри, и не нуждается въ швейномъ умѣньи; но по деревнямъ швейное дѣло, къ сожалѣнію, находится въ крайнемъ небреженіи. Поэтому необходимо деревенскихъ дѣвушекъ учить швейнымъ работамъ; и для этого-то въ каждую смѣшанную школу, въ которой преподаетъ учитель, полагается опредѣлить женщину, въ вѣдѣніи которой будетъ вся женская часть школы и сверхъ того швейная мастерская.

Послѣ этого 1-я статья закона была принята.

Во 2-й статьѣ только 4-й параграфъ о деревушечныхъ школахъ подвергнутъ былъ обсужденію Савойскимъ депутатомъ *Бераромъ*, въ примѣненіи къ мѣстнымъ интересамъ.

Деревушечныя школы, составляющія во Франціи почти повсюду исключеніе, въ Савойѣ, по увѣренію Берара, и особенно въ ея гористой части, вѣроятно, еще долго останутся общимъ правиломъ. Савойя — одна изъ живописнѣйшихъ странъ Европы; но перевороты, которымъ подвергалась ея почва (въ космоганическія времена), обрекли человѣка повсюду на борьбу съ природою, сопряженную въ этой странѣ съ многочисленными трудностями. Ни одна, однакожъ, изъ этихъ трудностей не потребовала отъ Савойяровъ столь энергическихъ усилій, какъ трудность начальнаго обученія. Строеніе самой почвы не позволяетъ въ Савойѣ скучиваться населенію. Многочисленныя группы, образующія общины, соединяются между собой весьма затруднительными, часто почти непроходимыми путями, особенно въ дурную погоду. Въ округѣ, въ которомъ живетъ Берарь, 55 общинъ поселены на высотахъ, которыя разнятся между собою отъ 400 до 1.800 метровъ. Притомъ въ ненастное время года, затрудненія, происходящія отъ накопленія снѣговъ, чрезвычайно увеличиваются. Въ продолженіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ бываетъ бездорожье, не позволяющее дѣтямъ посѣщать школу.

Въ Савойѣ деревушечные учители были иногда весьма многочисленны; въ общинахъ, съ населеніемъ отъ 2.000 до 2.500 душъ, было по 12 до 15 школъ; учителя довольствовались весьма умѣреннымъ содержаніемъ; помогали имъ по возможности сами жители, для которыхъ, поэтому, существованіе школъ не было обременительно. Но *ті-*

nimum жалованья учителей и учительницъ, опредѣленное новыми правилами, можетъ удвоить и даже утроить это бремя. А потому желательно знать, какія условія будутъ приняты въ основаніе при учрежденіи деревушечныхъ школъ, и съ какою строгостію потребуется отъ общины выполненіе условій относительно училищныхъ домовъ и жалованья учителямъ и учительницамъ.

Отвѣчая на рѣчь Савойскаго депутата, министръ *Дюрюи* сказалъ, что положеніе школъ въ Савойѣ не такъ печально, какъ представлено Бераромъ; что въ нижней Савойѣ въ настоящее время 320 школъ, а въ верхней Савойѣ 90,—разница, происходящая, быть-можетъ, отъ причинъ географическихъ. Во всякомъ случаѣ, во всей Савойѣ 410 деревушечныхъ школъ, то-есть, гораздо болѣе, чѣмъ въ какой-либо части французской территоріи, подобнаго же пространства. Касательно средствъ, рядомъ съ бюджетомъ общины, всегда слишкомъ скуднымъ, является бюджетъ благотворительности и патріотизма, несравненно значительнѣйшій. Бо́льшая часть фундушей, приношеній, которыми содержатся эти деревушечныя школы въ Савойѣ, возникли изъ побужденій религіозныхъ. Само духовенство принимало не малое участіе въ этомъ благотвореніи. Правда, продолжаетъ министръ, слишкомъ опрометчиво навязанныя въ 1864 году Савойярамъ условія: постройка домовъ школьныхъ и *minimum* жалованья учителей деревушечныхъ школъ,—заставили закрыть нѣкоторое число школъ, и хотя положеніе тамъ начальнаго обученія въ настоящее время улучшается, но все-таки оно не таково, какимъ было въ 1860. Новый законъ значительно улучшитъ положеніе учителей деревушечныхъ школъ: теперь жалованье ихъ въ Савойѣ 150 фр.; ст. 5-я новаго закона опредѣляетъ жалованье исправляющихъ должность учителей, завѣдывающихъ деревушечными школами, въ 400 фр. Сумма эта составится изъ средствъ общинъ, при недостаткѣ же ихъ—изъ средствъ департамента и государства. По увѣренію министра, инструкціи касательно примѣненія закона даны будутъ въ смыслѣ самомъ либеральномъ, въ смыслѣ умноженія деревушечныхъ школъ въ Савойѣ, такъ какъ онѣ-то и подали мысль къ начертанію обсуждаемой статьи новаго закона.

Статья 2-я принята.

Статья 3-я подала поводъ депутату *Грессье* заявить желаніе, чтобы въ училищныхъ домахъ меблировались на счетъ казны не только классныя комнаты, но и учительскія квартиры. Учителя часто переводятъ изъ одной общины въ другую и даже изъ одного департа-

мента въ другой въ видѣ повышенія, что̀ принуждаетъ его къ переселенію всѣмъ домомъ, а по пословицѣ „три раза переселиться — все равно что̀ разъ погорѣть". Учитель, въ такомъ случаѣ, долженъ перевозить съ собою мебель, что̀ сопряжено съ большими издержками и съ рискомъ поломать мебель въ дорогѣ. Ораторъ имѣлъ случай на дѣлѣ удостовѣриться во время ревизіи школъ, что многіе учителя, признанные достойными лучшаго мѣста, отказываются отъ предлагаемаго имъ начальствомъ перемѣщенія, единственно по неимѣнію средствъ на перевозку семейства и мебели,

Г. *Луве* находитъ, что настоящій законъ повлечетъ за собою и безъ того значительные расходы, какъ со стороны государства, такъ и со стороны департаментовъ и общинъ. Нужно же, наконецъ, по его мнѣнію, положить предѣлъ расходамъ этого рода, тѣмъ болѣе, что расходъ на мебель для учительскихъ квартиръ выйдетъ не малый. Сверхъ того, требованіе это кажется ему непрактичнымъ: иная мебель понадобится холостому учителю, иная семейному; слѣдуетъ прибавить къ тому затрудненія при сдачѣ мебели старымъ учителемъ и пріемѣ новымъ.

Г. *Грессье* отвѣчалъ на это возраженіе, что постройка школьнаго дома, принимая во вниманіе среднюю стоимость, обходится около 8.000 фр., классная мебель отъ 4 — 500 фр., и не болѣе 4 — 500 фр. будетъ стоить необходимая мебель учительской квартиры, разумѣется, не изъ акажу и не палисандровая мебель, годная для квартиры префекта или вице-префекта, а просто орѣховая или дубовая.

Г. *Шарль Роберъ*, правительственный коммиссаръ, заявилъ, что администрація не считаетъ ни благоразумнымъ, ни своевременнымъ дѣлать расходъ на мебель для учительской квартиры обязательнымъ для общинъ, департаментовъ и правительства, на такомъ же основаніи, какъ жалованье, помѣщеніе и классная мебель. Но администрація предупредила, впрочемъ, до извѣстной степени желаніе, выраженное г. Грессье. Декретомъ 1863 г. разрѣшено министру народнаго просвѣщенія ассигновать общинамъ на постройку мебели для учительской квартиры нѣкоторое пособіе, которое можетъ простираться до 300 фр.; но оно выдается только тогда, когда община произведетъ половину нужнаго расхода изъ собственныхъ средствъ. На этомъ основаніи въ 1865 г. получили пособіе на меблированіе учительскихъ квартиръ — 735 общинъ, а въ 1866 году — 386 общинъ. Сверхъ сего сдѣлано административное распоряженіе — каждому учителю, вышедшему изъ нормальной школы и поступившему на службу

въ общинную школу, выдавать, въ видѣ вознагражденія, по 100 франковъ.

Г. *Дельмаръ* замѣтилъ на это, что 100 фр. выдаются учителю, который только-что вышелъ изъ нормальной школы, но не выдаются такому учителю, котораго перемѣщаютъ, и что онъ можетъ поименовать двадцать учителей, которые, не имѣя средствъ на проѣздъ семейства и перевозку мебели, вынуждены жить одинокими на новомъ мѣстѣ. А потому ораторъ проситъ, чтобы перемѣщеннымъ учителямъ было выдаваемо такое же вознагражденіе, какое выдается учителямъ, только-что вышедшимъ изъ нормальной школы.

Послѣ замѣчанія министра Вюитри, что предложеніе г. Грессье не относится къ 3-й статьѣ, такъ какъ эта статья не имѣетъ въ виду учителей, а только учительницъ, исправляющихъ должность учителей и исправляющихъ должность учительницъ (institutrices, instituteurs adjoints, institutrices adjointes), требованіе г. Грессье препроводить статью въ коммиссію было отвергнуто, и статья 3-я была принята.

По поводу 4-й статьи, въ которой опредѣляется *minimum* жалованья начальныхъ учительницъ, съ раздѣленіемъ ихъ на два разряда, г. *Жюль Симонъ* представилъ поправку съ требованіемъ отмѣны 49-й статьи закона 1850 г. о начальномъ обученіи. Содержаніе этой статьи слѣдующее: „Письменное назначеніе духовнымъ начальствомъ (*lettre d'obédience*) замѣняетъ свидѣтельство о способности (*brevet de capacité*) для учительницъ, принадлежащихъ къ духовнымъ конгрегаціямъ, учрежденнымъ съ учебною цѣлью и признаннымъ правительствомъ полезными (*d'utilité publique*)". По мнѣнію оратора, *lettres d'obédience* не что иное, какъ привилегія въ пользу учительницъ конгреганистокъ; но всякія привилегіи противны духу французскаго законодательства. По словамъ докладчика *lettres d'obédience* служатъ удостовѣреніемъ только въ хорошей нравственности, а не въ знаніи; слѣдовательно, это привилегія на невѣжество (*Возраженія на многихъ скамьяхъ, одобреніе только на лѣвой сторонѣ*).

Знаю, продолжалъ Жюль Симонъ, слово это непріятно звучитъ; да я и хотѣлъ имъ выразить только то, что законъ 1850 санкціонировалъ привилегію невѣжества. Очень понятно освобожденіе отъ *brevet de capacité* католическихъ священниковъ и протестантскихъ пасторовъ, когда они пожелаютъ заняться начальнымъ обученіемъ, такъ какъ для достиженія званія священника или пастора требуется несравненно болѣе знанія, нежели сколько его нужно начальному учителю. Но въ письменномъ приказаніи какой-нибудь начальницы

монастыря, можетъ-быть, также безграмотной, данномъ монахинѣ,
ı отправилась въ какую-либо мѣстность учительницею начальной
ельзя видѣть никакого доказательства способности и знанія, нуж-
ıтельницѣ. Докладчикъ согласенъ съ составителями поправки во
› желательно, чтобы коммиссія оказала болѣе рѣшимости и потре-
зотлагательной отмѣны прискорбной привилегіи. Возраженіе, что
:детъ набрать учительницъ въ женскія школы, что неблагоразумно
ь число ихъ въ то время, когда значительно увеличивается число
ıѣло бы свое основаніе въ такомъ только случаѣ, если бы допу-
ı предположенія: или что монахини не будутъ подвергаться экза-
что свѣтскія учительницы не явятся въ достаточномъ числѣ для
я ихъ. Монахини только по двумъ причинамъ могутъ не подвер-
замену для полученія *brevet de capacité:* или потому, что боятся его,
ıу, что не въ состояніи выдержать его. Но бояться имъ нѣтъ при-
ı въ условіяхъ экзамена, ни въ личномъ составѣ экзаменаціонной
ı, ни въ свойствѣ предметовъ испытанія, ни въ способѣ спраши-
гъ ничего, что не приличествовало бы монашеской расѣ, которую
онгреганистки. Притомъ же экзамены кандидатокъ въ учительницы
ıтся не публично, и потому нѣтъ причины робѣть или конфузиться
:нѣ; наконецъ, кандидатки экзаменуются не по одиночкѣ, а группами,
е или по шести вмѣстѣ и въ присутствіи своихъ матерей, родствен-
попечительницъ, что, конечно, представляетъ достаточную гарантію
ıстрастіи экзамена. Что нѣтъ причины конгреганисткамъ бояться
. доказательствомъ служатъ 800 конгреганистокъ, которыя подвер-
кзамену и выдержали его. Отсюда слѣдуетъ заключить, что если
ıистки не подвергаются экзамену, то это потому, что не въ состоя-
›жать его. Но вотъ предметы экзамена на *brevet de capacité:* на-
нравственности и религіи, чтеніе, письмо, начала французскаго
исленіе, то-есть, четыре ариѳметическія правила, узаконенная си-
ръ. Слѣдовательно, если конгреганистки уклоняются отъ экза-
поводу программы, значитъ, онѣ не знаютъ тѣхъ или другихъ
›едметовъ. Не печально ли, въ самомъ дѣлѣ, такое положеніе? И
ıетъ ли оно безотлагательной и энергической мѣры исправленія? А
›мъ *brevet de capacité* получить очень легко: стоитъ только, по
выраженію министра народнаго просвѣщенія, нагнуться, чтобы под-
(il n'y a qu'à se baisser pour le ramasser). Пусть же согласятся кон-
ки согнуться немножко, пусть, подобно свѣтскимъ кандидаткамъ,
ı доказать, что онѣ не вовсе невѣжественны. Требованіе это тѣмъ
ıьнѣе, что по офиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1684 годъ состояло 17.565
ıцъ конгреганистокъ и что духовныя конгрегаціи принимаютъ весьма
участіе въ общественномъ обученіи. Въ обученіи мальчиковъ, бра-
іанскихъ школъ, первоначальное назначеніе которыхъ ограничива-
ıльными школами, опередили университетъ, особенно же въ учрежде-
ческихъ школъ. Они имѣютъ и свои коллегіи въ Парижѣ, въ Ліонѣ,
, что другія духовныя конгрегаціи приготовляютъ съ большимъ искус-
успѣхомъ даже въ военныя учебныя заведенія. Женскія школы пред-
ъ явленіе еще поразительнѣе, такъ какъ 17.565 ихъ учительницъ

принадлежать духовнымъ конгрегаціямъ. Но изъ этого числа только 802 подвергались экзамену въ 1864 году, а 16.767 отступились отъ необходимости доказать, что онѣ умѣютъ читать, писать, знаютъ нѣсколько орѳографію и ариѳметику.

По мнѣнію оратора, нѣтъ основанія думать, что трудно будетъ найдти достаточное число свѣтскихъ кандидатокъ въ учительницы, въ случаѣ устраненія конгреганистокъ, не выдержавшихъ установленнаго экзамена. Обсуждаемый законъ измѣнитъ положеніе начальнаго обученія, особенно дѣвочекъ: 1) онъ увеличитъ число женскихъ школъ, а соразмѣрно съ этимъ увеличится и надобность въ молодыхъ дѣвицахъ, желающихъ посвятить себя начальному обученію; 2) настоящій законъ улучшаетъ матеріальное существованіе учительницъ, если и недостаточно, то по крайней мѣрѣ въ такой степени, что всѣ онѣ теперь будутъ имѣть хлѣбъ, котораго прежде не имѣли; 3) учрежденіе нѣсколькихъ разрядовъ преподавательницъ послужитъ въ послѣдствіи поводомъ къ соревнованію между ними; 4) наконецъ, обезпечивается для нихъ пенсія по выходѣ въ отставку. По сю пору трудно было бѣдной дѣвицѣ посвятить себя учебному поприщу. Чѣмъ ей жить, когда голосъ и силы ослабѣютъ? Отъ 4 или 500 фр. жалованья нельзя ожидать сбереженій. Но теперь, какъ ни мала пенсія, все-таки она предохранитъ учительницу въ отставкѣ отъ голода. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, г. Жюль Симонъ надѣется, что не будетъ слишкомъ большаго недостатка въ свѣтскихъ кандидаткахъ въ учительницы. Къ сожалѣнію, во Франціи всего только одинадцать нормальныхъ школъ для образованія начальныхъ учительницъ: этого чрезвычайно мало. Но палатѣ и правительству, безъ сомнѣнія, очень хорошо извѣстно, что когда увеличивается армія, тогда нужно увеличить и средства къ ея пополненію. Вѣдь учредилъ же законъ 1833 г. въ каждомъ департаментѣ по одной нормальной школѣ для образованія учителей въ начальныя школы для мальчиковъ.

Главное препятствіе ко вступленію свѣтскихъ дѣвицъ на учебное поприще составляетъ, по мнѣнію оратора, та мысль, что имъ будетъ очень трудно пристроиться при существующемъ соперничествѣ конгреганистскихъ школъ со свѣтскими. Съ отмѣною конгреганистской привилегіи, откроется больше шансовъ для свѣтскихъ учительницъ, и тогда число желающихъ поступить въ учительницы не замедлитъ увеличиться. Ораторъ вовсе не раздѣляетъ опасеній докладчика, будто во Франціи трудно найдти достаточное число образованныхъ женщинъ, готовыхъ посвятить себя образованію дѣвицъ.

Докладчикъ, *г. Пошаръ*, согласенъ, что законъ 1850 года установилъ неоспоримое неравенство, и потому желательно, чтобы *lettres d'obédience* были отмѣнены въ ближайшее время. Впрочемъ, хотя онѣ и свидѣтельствуютъ о нравственности (а не о невѣжествѣ, какъ сказалъ Жюль Симонъ), къ несчастію, однакожъ, это правда, что учительницы конгреганистки не всегда въ состояніи дать дѣтямъ желаемое умственное образованіе (голосъ *Евгенія Пеллетана:* Habemus confitentem reum). Но во всякомъ случаѣ, онѣ даютъ имъ то, что̀ еще важнѣе — образованіе нравственное. Коммиссія надѣется, что учительницы конгреганистки, по примѣру братіи христіанскихъ школъ, усилятъ свое образованіе и представятъ полное удостовѣреніе въ своей способности, удовлетворяющей какъ потребностямъ обученія, такъ и требованіямъ родителей. Просвѣщеннѣйшіе члены духовенства содѣйствуютъ осуществленію этой надежды. (*Жюль Симонъ:* „Не сомнѣваюсь въ томъ"). Но теперь, когда нужно будетъ преобразовать значительное число смѣшанныхъ школъ и создать до 8.000 новыхъ женскихъ школъ, коммиссія не находитъ возможнымъ устранить отъ обученія учительницъ-конгреганистокъ; ее сильно озабочиваетъ вопросъ о пріисканіи нужнаго числа учительницъ, такъ какъ Франція, въ настоящее время, и въ нормальныхъ школахъ, и въ нормальныхъ курсахъ, имѣетъ всего только отъ 7 до 800 воспитанницъ, приготовленныхъ въ начальныя учительницы, — цифра, гораздо ниже потребностей времени. Слѣдовательно, отмѣнить немедленно *lettres d'obédience*, очевидно значило бы то же, что̀ открывать женскія школы одною рукой и закрывать ихъ другою. Коммиссія совѣтуетъ дѣйствовать осторожно, переходными мѣрами, и повторяетъ свои желанія, чтобъ учительницы-конгреганистки, относительно *brevet de capacité*, подчинились тѣмъ же условіямъ, какимъ подчиняются и свѣтскія учительницы.

Графъ де-Ла-Туръ находитъ безполезнымъ и неумѣстнымъ требовать отъ учительницъ-конгреганистокъ *brevet de capacité* въ замѣнъ *lettre d'obédience*, такъ какъ интересъ самихъ учебныхъ конгрегацій требуетъ того, чтобъ ихъ учительницы внушали полное довѣріе странѣ. Притомъ же, здѣсь идетъ рѣчь не о высшемъ женскомъ образованіи, но только о начальномъ обученіи чтенію, письму, счисленію, системѣ вѣсовъ и мѣръ. Учебные монашескіе ордена большею частію суть въ то же время и ордена благотворительности. Ежели есть что-либо въ мірѣ, чѣмъ Франція можетъ гордиться, такъ это, безъ сомнѣнія,

своими сестрами милосердія, которыя также принадлеж... нымъ орденамъ.

Г. *Луве*, членъ коммиссіи, проситъ ея именемъ ... статью въ томъ видѣ, какъ она редижирована въ проектѣ ... не передавать поправки на разсмотрѣніе. Потомъ, ... что сказано было докладчикомъ объ оставленіи до време... *quo* вопроса о *lettre d'obédience*, г. Луве обращаетъ ... дущность женскихъ нормальныхъ школъ. Онъ желаетъ, ... другіе, учрежденія наибольшаго числа нормальныхъ шко... дать возможность свѣтскимъ школамъ съ успѣхомъ со... конгреганистскими школами. Конкуренція вещь полезна... ганистскія школы не убоятся ея; но не должно скрывать ... какія будетъ встрѣчать на практикѣ учрежденіе нормаль... скихъ школъ. Молодая дѣвица, принадлежащая обыкнове... мейству скромнаго состоянія, покидаетъ своихъ родителей ... ревню, имѣя четырнадцать или пятнадцать лѣтъ отъ род... ляется въ нормальную школу, находящуюся въ департаме... родѣ. Учась тамъ, она встрѣчается уже со множествомъ ... и опасностей. Достигши двадцатилѣтняго возраста, она ... нормальной школы съ аттестатомъ (brevet). Гдѣ же она ... Въ своей ли общинѣ? Но чаще всего тамъ не случается ... родители, простые работники или землепашцы, могутъ ... свои занятія и послѣдовать за дочерью въ чужую общину ... шлось для нея мѣсто? Это несбыточно. Такимъ образомъ ... дѣвица отправляется одна въ чужую общину, гдѣ ожидаютъ ... каго рода опасности, свойственныя ея возрасту и полу, ... вленія клеветы, которая не щадитъ никого, особенно въ ... селахъ. Вотъ гдѣ весьма трудная задача, которую едва-ли ... время въ угоду сторонникамъ свѣтскаго обученія дѣвочекъ.

Г. Луве упрекаетъ Жюля Симона за то, что онъ ... *d'obédience* аттестатомъ невѣжества (brevet d'ignorance); онъ ... въ этомъ выраженіи не только жестокость противъ учитель... трегаңистокъ, но и несправедливость. По его увѣренію, ... части французскихъ общинъ учительницы-конгреганистки ... сообщаютъ своимъ воспитанницамъ того высшаго образова... повидимому исключительно желаютъ иныя и которое ... не къ добру, то онѣ научаютъ дѣвочекъ тому, что необх... для важной, хотя и скромной, роли, которую онѣ призва... нять въ своей жизни. Онѣ образуютъ изъ своихъ воспитан...

къ женъ, а эти христіанскія жены будутъ въ послѣдствіи ма-
христіанскихъ дѣтей. „Хотите ли, такъ заключилъ ораторъ,
дущую судьбу какой-либо націи? — узнайте, каковы матери
ствъ: ежели онѣ благоразумны, скромны, добродѣтельны и
уты христіанскими чувствами, будьте увѣрены, что будущ-
кой націи обезпечена“.
ому коммиссія, согласно съ мнѣніемъ правительства, думаетъ,
не предоставить времени сдѣлать свое дѣло. Уровень образо-
ительницъ-конгреганистокъ ежедневно возвышается; спустя
времени, онѣ будутъ готовы подчиниться общему правилу.
ѣ краткаго заявленія Жюля Симона, что въ его рѣчи ни
сестеръ милосердія, ни относительно учительницъ-конгре-
ъ не было сказано ничего неуважительнаго, и что, напро-
кто болѣе его не питаетъ благоговѣнія къ заслугамъ сестеръ
ія, — министръ юстиціи и вѣроисповѣданій, *Барошъ*, ска-
о заслуги, оказываемыя учительницами-конгреганистками об-
, относятся не только къ образованію дѣтей, но и къ боль-
а которыми онѣ ухаживаютъ, лѣчатъ ихъ и даютъ полезные
всѣмъ, кто къ нимъ обращается. Устранить учительницъ-кон-
токъ было бы тѣмъ большею ошибкой, что потеря здѣсь оче-
ı выигрышъ невѣрный. Вопросъ о *lettre d'obédience* давно уже
ваетъ и тѣхъ, кто оспариваетъ его, и тѣхъ, кто защищаетъ.
о однакожь всѣмъ, что епископы обратили вниманіе на этотъ
и почти во всѣхъ епархіяхъ усердно заботятся объ образо-
стеръ, назначаемыхъ въ школьныя учительницы.
мъ поправка Жюля Симона была отвергнута, и статья 4-я
а.

обсужденіи статьи 5-й, г. *Жюль Симонъ* обратилъ вниманіе
на скудость жалованья учителей и учительницъ начальныхъ
которое даже и послѣ увеличенія его настоящимъ закономъ
ı остается весьма недостаточнымъ. Желая увеличить его, со-
съ обыкновенно съ учительскою должностію другія долж-
напримѣръ: церковнаго служителя (clerc-laique), органиста
de paroisse), звонаря (sonneur de cloches), писаря (secrétaire
ie) или чиновника при телеграфахъ (émployé des lignes
hiques). Ораторъ не настаиваетъ на запрещеніи подобнаго
нія должностей; но ему желательно, чтобъ увеличеніе учи-
го жалованья сдѣлало его не нужнымъ. Ибо, какъ ни мало

теряется времени на эти постороннія занятія, потеря все-таки падаетъ на долю обученія, которому учителя должны посвятить себя всецѣло, а иногда и на долю уваженія къ учителю. А между тѣмъ не должно забывать, что учительская честь одинаково необходима какъ для самого учителя, такъ и для ученія. Съ другой стороны, соединеніемъ должностей вовсе не пользуются учительницы. А потому желательно, чтобы палата и правительство рѣшились увеличить жалованье учителей и учительницъ въ такой степени, чтобъ это увеличеніе обезпечивало имъ хотя и скромное, но безбѣдное и почетное существованіе. Очень прискорбно, что Франція, не смотря на настоящія улучшенія, все-таки остается въ этомъ отношеніи далеко позади маленькой сосѣдней страны, Бельгіи, гдѣ среднее жалованье учителей 1.066 фр., а учительницъ 950 фр., включая въ это число помощниковъ и помощницъ; а между тѣмъ, судя по наружности, Бельгійцы выказываютъ не болѣе Французовъ интереса къ священнымъ правамъ народнаго образованія. Въ заключеніе ораторъ проситъ своихъ соотечественниковъ, чтобъ они въ точности согласовали практику съ своими теоріями и не провозглашали бы себя такими великими друзьями начальнаго образованія и начальныхъ учителей, ежели они не умѣютъ создать для учителей положеніе, достойное той миссіи, которую они выполняютъ.

Г. Шарль Роберъ, правительственный коммиссаръ, въ отвѣтѣ своемъ г. Жюлю Симону относительно постороннихъ должностей, ввѣряемыхъ учителямъ начальныхъ школъ, объяснилъ, что этотъ вопросъ съ давнихъ поръ составляетъ предметъ заботливости администраціи. Желая охранить достоинство учителей и не желая въ то же время жертвовать для другихъ занятій ихъ главною, существенною обязанностью, администрація старательно различала такія изъ постороннихъ занятій, которыя могли бы уменьшить уваженіе къ учителямъ, или отнять у нихъ слишкомъ много времени, отъ другихъ, которыя, по своему свойству, могутъ быть исполняемы учителями безъ всякаго неудобства. Такимъ образомъ администрація строжайше запретила учителямъ принимать на себя должности городоваго барабанщика или могильщика, что̀ бывало нѣкогда, хотя и въ довольно уже отдаленную эпоху. Но администрація охотно предоставляетъ учителямъ: церковное пѣніе по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и должность писаря сельской управы (mairie). Въ томъ и другомъ случаѣ интересы учителя не противорѣчатъ его достоинству. Самое же дѣло даже выигрываетъ при этомъ. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о занятіи сельскимъ учителемъ

должности писаря сельской управы въ тѣхъ маленькихъ общинахъ, которымъ не подъ силу содержать особаго чиновника, съ производствомъ ему хорошаго жалованья, а между тѣмъ довольно важныя административныя дѣла требуютъ для правильнаго веденія ихъ человѣка образованнаго. Небольшая прибавка къ жалованью учителя удовлетворяетъ въ этомъ случаѣ обѣ стороны. Требуемое, поэтому, измѣненіе настоящаго порядка повредило бы какъ общественнымъ интересамъ, такъ и частному интересу самого учителя. Совершенно основательное желаніе г. Жюля Симона — улучшить участь начальныхъ учителей, встрѣчаетъ общее сочувствіе на всѣхъ скамьяхъ палаты. Но, къ сожалѣнію, должно еще разъ сказать правду, что денежныя средства не стоятъ въ уровень съ потребностями. Поэтому нельзя пренебрегать и тѣми скромными выгодами, которыя доставляютъ учителю письмоводство въ сельской управѣ и другія, не роняющія учительскаго достоинства, постороннія занятія. 173 учителя употребляются по телеграфной службѣ, безъ малѣйшаго вреда для исправности обученія. Телеграфная служба, исполняемая собственно семействомъ учителя, доставляетъ ему вознагражденія въ 200 фр. [1]).

Вслѣдствіе этого объясненія, поправка г. Жюля Симона, относительно увеличенія жалованья учителей, была отвергнута, и статьи 5-я, а за нею 6-я, приняты.

Статья 7-я, о вознагражденіи учителей и учительницъ за трудъ преподаванія въ вечернихъ классахъ для взрослыхъ, вызвала два голоса.

По мнѣнію г. *Польмье*, школы для взрослыхъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ, представляютъ большую опасность для сбора платы за ученіе въ начальныхъ школахъ. Такъ какъ онѣ большею частію безплатныя, то очень быть можетъ, что отецъ въ надеждѣ дать своему сыну, по достиженіи имъ 15-лѣтняго возраста, безплатное образованіе въ школѣ для взрослыхъ, не захочетъ посылать его въ начальную школу, гдѣ нужно платить за обученіе. Далѣе

[1]) Въ 1865 году числилось: 24.234 учителя, жалованье которыхъ не превышало положеннаго *minimum* — 700 фр.; въ томъ числѣ 10.056 учителей получали только 600 фр., какъ не прослужившіе шестилѣтняго срока, который даетъ право на 700 фр.; 9.672 учителя получали отъ 700 до 1.000; 2.400 — отъ 1.000 до 1.200; 1.443 — отъ 1.200 до 1.500; 965 — отъ 1.500 до 2.000 и 691 — свыше 2.000 фр.

ораторъ высказалъ мнѣніе, что муниципальному совѣту должны принадлежать выборъ учителя для вечерней школы и назначеніе ему вознагражденія за учебные труды.

Г. *Салландрусъ де-Латорне* находилъ, что требованіе предоставить муниципальнымъ совѣтамъ опредѣленіе вознагражденія за трудъ преподаванія въ школахъ для взрослыхъ было бы справедливо въ томъ только случаѣ, если бы вознагражденіе производилось на счетъ однихъ общинныхъ средствъ; но такъ какъ, кромѣ общины, участвуютъ въ немъ своими средствами департаменты и правительство, то очевидно, что какъ оцѣнка труда, такъ и опредѣленіе вознагражденія за него должны принадлежать центральной училищной власти.

Развитіе курсовъ для взрослыхъ, продолжалъ ораторъ, составляетъ одно изъ самыхъ могущественныхъ и быстро дѣйствующихъ средствъ цивилизаціи. Оно въ непродолжительномъ времени получило громадные размѣры, превзошедшіе всякое ожиданіе. Считаю нужнымъ признать и громко заявить, что этимъ чуднымъ явленіемъ Франція обязана самоотверженію и патріотизму своихъ начальныхъ учителей, оказавшихъ на дѣлѣ усердіе выше всякой похвалы *(Одобреніе на многихъ скамьяхъ)*.

Эти готовые на самопожертвованіе люди, истинныя чувства коихъ нѣкоторое время были не признаны, не смотря на ежедневный утомительный трудъ, на жизнь, проводимую въ стѣсненіи и лишеніяхъ, не поколебались посвятить свои досуги, свои заботы, свои деньги на совершеніе истинно-патріотическаго, истинно-христіанскаго подвига. Благодаря ихъ общимъ усиліямъ, одно изъ величайшихъ событій въ исторіи умственныхъ движеній совершилось безъ издержекъ, безъ волненія. 25.000 вечернихъ школъ вдругъ открыты и сообщаютъ элементарное образованіе 600.000 взрослыхъ людей. Таковы результаты перваго года. Необходимо, чтобъ они постепенно возрастали. Рвеніе проявилось; остается поддерживать, поощрять, развивать его. Курсы эти пополняютъ громадный пробѣлъ. Въ наше время, когда прогрессъ дѣлаетъ исполинскіе шаги, недостаточно давать образованіе дѣтямъ, которые сдѣлаются гражданами лишь по прошествіи многихъ лѣтъ. Ожидать намъ недосугъ; необходимо всѣми средствами, какія въ нашей власти, спѣшить исторгнуть у невѣжества тѣхъ, которыхъ возрастъ мужа засталъ въ этомъ положеніи коснѣнія, и образовать изъ нихъ добрыхъ и полезныхъ гражданъ.

Человѣкъ, который не умѣетъ ни читать, ни писать, не вполнѣ человѣкъ: ему недостаетъ двухъ важныхъ пособій обмѣна: онъ не можетъ ни передать другимъ, отсутствующимъ, свои мысли, ни усвоить себѣ мыслей другихъ, тоже отсутствующихъ.

Но, спрашиваютъ многіе, какимъ образомъ покрыть эти новые расходы, вызываемые народнымъ образованіемъ? Да вѣдь находимъ же мы милліоны на лошадей, на театры, на вспоможенія всякаго рода, на устройство широкой всенародной выставки произведеній человѣческаго труда; неужели же не найдемъ ихъ на развитіе самихъ источниковъ знанія въ такомъ множествѣ людей, которые, по недостатку образованія, не могутъ извлечь изъ нихъ

никакой пользы ни для себя, ни для другихъ. Было бы болѣе чѣмъ ошибкою, если бы мы не сумѣли найдти денегъ, чтобы привести къ благополучному концу этотъ благородный и мирный крестовый походъ. Но я питаю полное довѣріе къ людямъ, которые управляютъ страною, и убѣжденъ, что они употребятъ всѣ усилія къ скорѣйшей эманципаціи безграмотныхъ гражданъ отъ вліянія опасныхъ людей. Не менѣе полное довѣріе питаю и къ самоотверженію и безкорыстію всѣхъ тѣхъ людей, которые посвящаютъ свою жизнь образованію народа.

Статья 7-я принята.

Статья 8-я, предоставляющая общинамъ, которыя пожелаютъ ввести въ одной или въ нѣсколькихъ своихъ начальныхъ школахъ даровое обученіе, право установить новый небольшой налогъ, исключительно назначаемый на этотъ предметъ, а въ случаѣ недостатка средствъ и при этомъ источникѣ ходатайствовать о пособіи со стороны департаментовъ и государства, была принята безъ всякаго измѣненія. Дѣло не обошлось, правда, безъ жаркихъ преній, но такъ какъ они касались лишь нѣкоторыхъ формальностей школьной администраціи, то и не могутъ имѣть особеннаго интереса для нашихъ читателей. Этимъ и закончились пренія 8-го марта.

Засѣданіе 9-го марта (25-го февраля) открылось преніями по предмету 9-й статьи, которою опредѣляется составъ жалованья учителей и учительницъ въ общинахъ, въ коихъ введено даровое обученіе. Предметомъ преній однако же собственно было не жалованье, получаемое начальнымъ учителемъ на службѣ, но пенсія, получаемая въ отставкѣ. Главнымъ и краснорѣчивѣйшимъ ходатаемъ по этому дѣлу въ пользу учебнаго сословія начальныхъ школъ явился депутатъ *Морисъ Ришаръ.* Противъ текста 9-й статьи ораторъ не находилъ никакого возраженія; но онъ требовалъ возвращенія ея въ коммиссію для дополненія проектомъ новаго постановленія объ отставкѣ и пенсіи начальныхъ учителей. Вотъ сущность его рѣчи.

Пенсія начальнымъ учителямъ производится на основаніи общаго закона 9-го іюня 1853 года—о гражданскихъ пенсіяхъ, по которому чиновнику, для полученія права на пенсію, нужно имѣть 60 лѣтъ отъ роду и 30 лѣтъ службы. Количество пенсіи опредѣляется по разчету средняго жалованья за послѣднія *шесть* лѣтъ. Но учитель очень часто, раньше 60-ти лѣтъ жизни, бываетъ вынужденъ оставить службу безъ всякой пенсіи. Правда, министру народнаго просвѣщенія предо-

ставлено право назначать пенсію начальному учителю, прослужившему 30 лѣтъ, хотя бы онъ и не достигъ 60-лѣтняго возраста, если по слабости силъ онъ не въ состояніи продолжать службу. Но это—уже благоволеніе администраціи, а не право, дарованное учителю закономъ. Въ департаментѣ, котораго ораторъ служитъ представителемъ въ палатѣ, въ два мѣсяца (съ 1-го января по мартъ 1867 г.) оставили службу не достигши 60 лѣтъ 25 начальныхъ учителей: цифра огромная на одинъ департаментъ; а это значитъ, что правомъ снисхожденія, предоставленнымъ министру, ему приходится пользоваться слишкомъ часто.

Производить въ пенсію среднее количество жалованья, разчитаннаго за 6 послѣднихъ лѣтъ службы, есть мысль, весьма благопріятная для отставныхъ чиновниковъ вообще, которые обыкновенно начинаютъ службу съ маленькой должности и съ маленькаго жалованья и затѣмъ постепенно возвышаются въ томъ и въ другомъ отношеніи, такъ что назначеніе ему пенсіи происходитъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Не то бываетъ съ учителемъ, который также начинаетъ службу съ маленькой школы и съ маленькаго жалованья, и хотя мало по малу достигаетъ до *maximum* труда и вознагражденія, но силы его истощаются раньше, нежели ударитъ часъ его отставки. Снисходительная администрація удерживаетъ его на мѣстѣ, пока обученіе еще не страдаетъ слишкомъ замѣтно; наконецъ, однакожь, она бываетъ вынуждена перевести его въ маленькую школку и на маленькое жалованье. Въ такихъ невыгодныхъ обстоятельствамъ старикъ учитель проводитъ свои послѣднія шесть лѣтъ службы, получая меньшее жалованье, чѣмъ какое онъ получалъ когда-либо прежде. Вопросъ о пенсіи начальныхъ учителей уже былъ разсматриваемъ въ сенатѣ еще въ 1863 году и переданъ для соображеній правительству. Ораторъ не сомнѣвается въ глубокомъ сочувствіи правительства къ этому дѣлу; но законодательная палата также облечена нѣкоторою властію; ея обязанность, когда она признаетъ необходимость какой-либо реформы, обсудить, не слѣдуетъ ли предложить ее немедленно. Правда, члены палаты не имѣютъ права инціативы, но они имѣютъ право предлагать поправки при обсужденіи проекта закона (droit d'amendement), если находятъ это полезнымъ. А такъ какъ всѣ единогласно признаютъ, что столь важный вопросъ, какъ вопросъ о пенсіяхъ для начальныхъ учителей, еще не разрѣшенъ надлежащимъ образомъ и что учители несправедливо страдаютъ отъ этого, то и слѣдуетъ озаботиться, чтобы

такое положеніе прекратилось. А потому ораторъ проситъ возвратить статью въ коммиссію и изъявляетъ желаніе, чтобы начальные учители сравнены были съ военными, которые получаютъ пенсію по выслугѣ 25 лѣтъ, безъ ограниченія относительно лѣтъ жизни, или съ таможенными, акцизными и лѣсными чиновниками, отъ которыхъ требуется на полученіе пенсіи 50 лѣтъ жизни и 25 лѣтъ службы.

Въ отвѣтъ г. Морису Ришару министръ *Дюрюи* заявилъ, что никто болѣе администраціи не сочувствуетъ дѣйствительнымъ страданіямъ наставниковъ юношества; но невозможно импровизировать совершенную отмѣну общаго закона. Министерство старается облегчить эти страданія; оно ходатайствуетъ о кредитѣ въ 320.000 фр. на пенсіи начальнымъ учителямъ; эта сумма внесена уже въ бюджетъ на 1868 годъ; сумма, конечно, недостаточная, но министръ обѣщаетъ или постараться увеличить ее, или подвергнуть обсужденію сдѣланное г. Морисомъ Ришаромъ предложеніе, а между тѣмъ для успокоенія палаты министръ завѣряетъ, что какъ видно изъ офиціальныхъ документовъ, съ 1853 по 1865 годъ, то-есть, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, всего только 673 учителя смѣщены были по слабости физическихъ силъ. Впрочемъ, министръ проситъ палату имѣть довѣріе къ заботливости администраціи и правительства въ этомъ весьма важномъ дѣлѣ.

Затѣмъ статья 9-я принята. Статьи 10-я, 11-я и до 15-й не вызвали почти никакихъ преній.

Статья 15-я, объ учрежденіи школьной кассы, вызвала замѣчанія со стороны депутатовъ: *Морена* (де-ла-Дромъ) и *Шевандье де-Вальдромъ*. По мнѣнію Морена, статья 15-я, которою общинамъ, не желающимъ или не могущимъ ввести у себя даровое обученіе, разрѣшается учреждать школьныя кассы, есть необходимое дополненіе статьи 8-й, заключающей въ себѣ правила введенія дароваго обученія въ общинахъ, которыя того пожелаютъ, но дополненіе недостаточное. Онъ полагаетъ, что и тѣмъ общинамъ, которыя вмѣсто дароваго обученія, учредятъ у себя школьныя кассы, слѣдуетъ предоставить право установить спеціальный налогъ въ 4 сантима, такъ какъ учрежденіе школьной кассы имѣетъ также цѣлью обезпечить для бѣдныхъ дѣтей даровое обученіе. Впрочемъ, г. Моренъ объявляетъ себя сторонникомъ общаго дароваго обученія, находя въ немъ весьма энергическую мѣру для распространенія элементарнаго образованія. Но это не единствен-

ная мѣра, по его мнѣнію; есть и другія: всѣ ихъ должно употребить въ дѣло. Въ этомъ отношеніи въ палатѣ царствуетъ общее единодушіе. Всѣ ея члены воодушевлены одинаковымъ чувствомъ. Всѣ они желаютъ одного,—чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ не осталось во Франціи ни одного ни дитяти, ни взрослаго, не обладающихъ простыми, но необходимыми элементарными познаніями, безъ которыхъ человѣкъ живетъ умственно только въ половину, и безъ которыхъ даже и старикъ есть не болѣе, какъ недоросль съ сѣдыми волосами.

Замѣчательно вообще, продолжаетъ Моренъ, что не всѣ во Франціи ясно понимаютъ, какъ сильно чуствуется потребность образованія, особенно въ необразованныхъ классахъ народа; и эта жажда знанія развивается въ нихъ изо дня въ день все болѣе и болѣе. Тѣмъ удивительнѣе было слышать, нѣсколько дней тому назадъ, заявленія докладчика, будто въ сельскихъ общинахъ легче устроить школьную библіотеку, чѣмъ найдти читателей. Я приведу фактъ изъ собственнаго моего опыта. Въ одной изъ знакомыхъ мнѣ общинъ, промышленной и земледѣльческой вмѣстѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была основано библіотека начальнымъ учителемъ. Благодаря усердію основателя, число книгъ быстро возрасло, но число читателей возрасло еще быстрѣе, такъ что учитель могъ устроить школьную библіотеку, а потомъ его же стараніемъ учредилось и департаментское общество съ цѣлью покровительствовать и поощрять образованіе народныхъ библіотекъ [1]).

На основаніи всего сказаннаго г. Моренъ требовалъ передать статью 15-ю коммиссіи.

Г. *Шевандіе де-Вальдромъ* заявилъ, что лишь только сдѣлалось извѣстнымъ предположеніе объ учрежденіи школьныхъ кассъ, какъ въ нѣсколькихъ общинахъ образовались такія кассы, съ цѣлью ввести абсолютную безплатность, на счетъ соединенныхъ средствъ общинъ и добровольныхъ складчинъ, не требуя ничего ни отъ департамента, ни отъ государства. Но такъ какъ законъ постановляетъ учрежденіе школьныхъ кассъ совершенно для другой цѣли, именно: для награжденія исправныхъ учениковъ и вспоможенія бѣднымъ; то ораторъ считаетъ нужнымъ просить объясненія со стороны правительства, не будетъ ли сдѣлано означеннымъ общинамъ возраженія, что касса ихъ выходитъ изъ предѣловъ законнаго назначенія?

Министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ: 1) что школьная касса—частное учрежденіе; она можетъ принимать вклады какъ отъ общины, такъ и отъ гражданъ, и что нѣтъ надобности отсылать статью въ коммиссію, потому что то, чего желаетъ г. Моренъ, можетъ

[1]) По общему желанію членовъ палаты, г. Моренъ сказалъ, что фамилія учителя — *Coeslant, instituteur à Dieulefit.*

быть сдѣлано во всякое время: слѣдуетъ только примѣнять законъ въ его либеральномъ смыслѣ; 2) что законъ, предоставившій общинамъ свободу учреждать даровое обученіе, не можетъ никогда препятствовать вспомоществованію всѣмъ бѣднымъ ученикамъ посредствомъ добровольныхъ приношеній и подписокъ, такъ какъ этимъ споспѣшествуется исправному посѣщенію школы и даже учрежденію абсолютной безплатности.

Статья 15-я принята.

Касательно 16-й статьи закона (о включеніи началъ французской исторіи и географіи въ число обязательныхъ предметовъ начальнаго обученія) заслуживаютъ вниманія рѣчи Поля Дюпона и графа Галлезъ-Клапереда (Hallez-Claperède), равно какъ и отвѣтъ министра Дюрюи тому и другому.

Быть можетъ, сказалъ *Поль Дюпонъ,* было бы благоразумнѣе и полезнѣе улучшать обученіе въ нашихъ школахъ, нежели слишкомъ обременять его новыми учебными предметами, которые могутъ быть полезны талантливымъ ученикамъ, но которые причинятъ вредъ несравненно большему числу слабыхъ, едва успѣвающихъ въ самыхъ элементарныхъ предметахъ. Впрочемъ, предоставляя палатѣ рѣшить о достоинствѣ двухъ вводимыхъ наукъ, ораторъ представилъ поправку съ требованіемъ включить въ число обязательныхъ предметовъ начала гигіены, и въ доказательство пользы этого предмета, привелъ слѣдующія слова доклада коммиссіи.

„Распространеніе въ селеніяхъ вкуса и привычки къ опрятности оказало бы народному здоровью громадную услугу. Небрежность и неопрятность производятъ порчу воздуха. Крестьянскіе дома въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи бываютъ обыкновенно весьма дурно провѣтриваемы и нездоровы. Свѣтъ едва проникаетъ въ нихъ. Нечего удивляться, что многія болѣзни быстро переходятъ въ эпидемическія. Внутри хижинъ царствуетъ рѣшительная небрежность къ самымъ простымъ предосторожностямъ. Внѣ хижины, подъ окнами, у самыхъ воротъ, кучи разлагающагося навоза, вонючія лужи, нечистоты всякаго рода — въ броженіи отъ дѣйствія солнца; словомъ, все то, что̀ можетъ возмущать наименѣе тонкое чувство. Поэтому, обученіе главнымъ правиламъ гигіены — дѣло существенно полезное и вожделѣнное. Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя въ одинъ день исправить закоренѣлыя привычки. Трудно заставить каждаго понять важность реформы, даже проповѣдуя ее во имя здоровья дѣтей и пользы всей семьи. Но есть возможность внушить дѣтямъ, которые въ свою очередь сдѣлаются взрослыми, что не хорошо, когда навозъ лежитъ передъ воротами; что нечистоты, заражающія воздухъ, лучше бы свезти въ другое мѣсто, чѣмъ оставлять ихъ лежать на улицѣ; что многія болѣзни происходятъ отъ этой испорченности воздуха; что

опрятность есть одна изъ первѣйшихъ потребностей въ семъ мірѣ, которую равномѣрно должны сознавать и богачи и бѣдняки".

Ораторъ, выражая удивленіе, что послѣ такой похвалы обученія гигіены, коммиссія не включила ее въ число обязательныхъ предметовъ, рѣшается пополнить этотъ пробѣлъ предложеніемъ поправки.

Министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ, что по его убѣжденію, гигіена — прекрасная наука; ея цѣль — охранять наше здоровье, нашу жизнь. Но она есть результатъ всѣхъ медицинскихъ наукъ, и потому не можетъ вдругъ войдти въ число нормальныхъ предметовъ правильнаго и постояннаго преподаванія въ 50.000 начальныхъ школъ. Учебная администрація, проникнутая сознаніемъ настоятельной необходимости распространить и популяризировать здравыя понятія гигіены, открыла съ этою цѣлью отъ 60 до 70 публичныхъ курсовъ и ввела преподаваніе ея въ 80 нормальныхъ школахъ.

Гр. Галлезъ-Клаперерд замѣтилъ, что во Франціи существуетъ 68.000 начальныхъ школъ съ 4.000.000 учащихся. Но рядомъ съ этимъ отраднымъ фактомъ является другой, который ослабляетъ его значеніе и нѣкоторымъ образомъ противорѣчитъ ему. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, каковы нѣкоторые департаменты Бретани, нѣкоторыя мѣстности юга, нѣсколько восточныхъ департаментовъ, французскій языкъ — языкъ національный — не есть языкъ общеупотребительный, семейный. У семейнаго очага, въ полѣ, на базарахъ говорятъ нарѣчіями непонятными для большей части Французовъ; на этихъ нарѣчіяхъ преподается и законъ Божій. Есть муниципальные совѣты, въ которыхъ совѣщаются вовсе не на французскомъ языкѣ; есть меры, которые не говорятъ по-французски. Они получаютъ бюллетени законовъ и офиціальныя бумаги, но не понимаютъ ихъ и не могутъ объяснить; инспектируютъ школы, наблюдаютъ за ученіемъ, но не разумѣютъ языка его.

Такое положеніе кажется оратору прискорбнымъ: оно вредитъ національному единству. Граждане, говорящіе на однихъ только мѣстныхъ нарѣчіяхъ, занимаютъ, по его мнѣнію, второстепенное мѣсто сравнительно съ другими Французами, по своей дѣятельности, по своимъ профессіямъ, по торговымъ сношеніямъ. Населенія, чуждыя національному языку, не вполнѣ участвуютъ въ движеніи идей прогресса, изобрѣтеній, обнародываемыхъ на національномъ языкѣ. Вмѣсто внутренней, глубокой, ежедневной связи, движеніе это даетъ себя чувствовать лишь медленно и не вполнѣ.

Ораторъ не думаетъ, чтобы лѣкарство противъ этой болѣзни нужно

было искать въ однѣхъ только школахъ. Школы, конечно, много помогутъ, особенно женскія. Женщина, умъ которой воспріимчивѣе и дѣятельнѣе, выучится французскому языку быстрѣе, и сдѣлавшись матерью, будетъ первою и лучшею учительницею дѣтей своихъ. Но едва-ли, по мнѣнію оратора, школы въ состояніи распространить французскій языкъ въ его чистотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣти поступаютъ въ школу, имѣя шесть или восемь лѣтъ отъ роду, слѣдовательно, въ такомъ возрастѣ, когда они уже вполнѣ усвоили себѣ мѣстное нарѣчіе, а въ школѣ обучаются французскому языку, какъ обыкновенно обучаются мертвымъ языкамъ — латинскому и греческому; но мыслятъ они все-таки на мѣстномъ нарѣчіи. Лучшею школой для распространенія французскаго языка могутъ, по мнѣнію оратора, служить дѣтскіе пріюты (salles d'asile), куда принимаются трехлѣтнія дѣти, на которыхъ, слѣдовательно, мѣстное нарѣчіе произвело еще весьма слабое дѣйствіе и которыя могутъ легко вполнѣ усвоить себѣ языкъ французскій.

Ораторъ не требуетъ уничтоженія мѣстныхъ нарѣчій, которыя, какъ преданіе старины, сдѣлались дороги сердцу туземныхъ населеній, и во всякомъ случаѣ составляютъ необходимую связь съ пограничными странами; онъ требуетъ, по крайней мѣрѣ, совмѣстнаго существованія двухъ языковъ, и если въ этомъ отношеніи допускается преобладаніе, то онъ требуетъ преобладанія французскаго языка. „У насъ есть, заключаетъ г. Галлезъ-Клапередъ, политическое единство, единство административное; я требую, чтобъ у насъ было также и единство языка“.

Министръ *Дюрюи* раздѣляетъ убѣжденія г. Галлезъ-Клапереда, полагая, что не знать языка страны значитъ во многомъ не принимать участія въ національной жизни. Но администрація встрѣчаетъ въ этомъ дѣлѣ такія затрудненія, которыя невозможно преодолѣть какою-нибудь административною мѣрой. Во Фландріи, напримѣръ, въ Бретани и въ землѣ Басковъ, въ трехъ пунктахъ, гдѣ мѣстныя нарѣчія оказываютъ самое упорное сопротивленіе, одна учебная администрація ничего не можетъ сдѣлать. Время, умственный прогрессъ, и въ особенности духовенство — вотъ тѣ дѣятели, на которыхъ министръ разчитываетъ наиболѣе.

Статья 16-я принята.

Статья 17-я, которая, наравнѣ съ общественными школами, подчиняетъ инспекціи школы свободныя, замѣняющія общественныя

(qui tiennent lieu d'écoles publiques), то-есть, получающія пособіе отъ общины, департамента или государства, была предметомъ довольно жаркихъ преній.

Графъ *Буанъ* усматриваетъ въ этомъ подчиненіи посягательство на свободу обученія. Онъ указывалъ, что по французскимъ законамъ обученіе дѣлится на двѣ главныя вѣтви: общественное обученіе, производимое на счетъ государства, департаментовъ и общинъ, и свободное, вообще не имѣющее другихъ средствъ, кромѣ частной иниціативы. Въ отношеніи свободныхъ школъ права правительства ограничиваются только наблюденіемъ за санитарностію школы, за ея нравственностію и политическимъ направленіемъ; напротивъ, въ отношеніи къ общественнымъ школамъ, такъ какъ государство доставляетъ имъ содержаніе или прямо отъ себя, или чрезъ посредство департаментовъ и общинъ, то оно, въ качествѣ учредителя, имѣетъ полное право давать своимъ школамъ такое направленіе, какое считаетъ нужнымъ для достиженія предположенной цѣли. Но статья 17-я новаго закона вводитъ еще третью вѣтвь обученія, то-есть, свободныя школы, причисленныя къ общественнымъ, положеніе которыхъ будетъ имѣть ту странную особенность, что онѣ потеряютъ часть своей свободы за то именно, что благодаря своему отличному управленію, болѣе другихъ свободныхъ школъ заслужили довѣріе общинъ.

Членъ коммиссіи *Луве*, въ отвѣтѣ своемъ г. Буаню, объяснилъ, что дѣйствительно есть два рода школъ: общественныя и частныя или свободныя; что общественныя школы подчиняются полной инспекціи, а свободныя—ограниченной; что коммиссія и правительство нисколько не коснулись правъ, присвоенныхъ свободнымъ школамъ, а только положили за правило, что въ случаѣ, если какая-нибудь школа пожелаетъ быть причисленною къ школамъ общественнымъ и на этомъ основаніи получать пособіе, тогда она перестаетъ быть вполнѣ свободною, приметъ характеръ общественной школы, и слѣдовательно, будетъ обязана подчиниться полной инспекціи. Впрочемъ, замѣчаетъ Луве, никто не принуждаетъ свободную школу принять такое положеніе, и она всегда имѣетъ право сказать: „Вчера я была свободною школой, остаюсь ею и сегодня“. Такимъ образомъ, свобода обученія свято наблюдается, и опасенія г. Буаня напрасны.

Послѣ этого объясненія, когда президентъ палаты графъ Валевскій пригласилъ членовъ подавать голоса, г. *Жюль Фавръ* потребовалъ себѣ слова въ защиту поправки Жюля Симона, въ которой требовалось: 1) чтобы состоящему въ каждомъ департаментѣ инспектору акаде-

ніи присвоены были ректорскія права, относительно начальнаго образованія, какъ общественнаго, такъ и свободнаго, на основаніи 4-й статьи декрета 9-го марта 1852 г., гдѣ сказано, что ректоры, на основаніи предоставленной имъ министромъ власти (par délégation du ministre), назначаютъ общинныхъ учителей по представленію муниципальныхъ совѣтовъ, въ порядкѣ, предписанномъ закономъ 1850 года; 2) чтобъ отмѣнена была 4-я статья закона 1854 года, которою назначеніе начальныхъ учителей ввѣрялось префекту, въ зависимости отъ министра народнаго просвѣщенія и по представленію академическаго инспектора. Сущность рѣчи Жюля Фавра заключалась въ слѣдующемъ. Обсужденіе настоящаго закона вызвало заявленія, имѣвшія характеръ совершеннаго единодушія, въ пользу оказанія самаго широкаго и плодотворнаго покровительства начальному обученію. Законъ 1854 года предалъ начальныхъ учителей въ руки политической администраціи. Но достаточно припомнить политическія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ находились тогда власти, содѣйствовавшія къ созданію этого закона. Вѣрно, однакожъ, то, что такое положеніе вещей пагубно для общественнаго обученія; оно не даетъ начальнымъ учителямъ обезпеченій, на которыя они имѣютъ право разчитывать, и противно ихъ достоинству. Когда всѣ единодушно озабочены ихъ участію, думаютъ объ улучшеніи ея, соболѣзнуютъ о невозможности устроить для нихъ положеніе, достойное ихъ званія, то мало уже думать объ обезпеченіи имъ одного насущнаго хлѣба: необходимо доставить имъ нравственныя обезпеченія, существованіе которыхъ возможно только подъ условіемъ независимости, чего, конечно, они не найдутъ въ принудительной своей подчиненности префектамъ.

Жюля Фавра удивляетъ заявленіе министра народнаго просвѣщенія, будто онъ и прежде не замѣчалъ никакого неудобства въ системѣ, освященной закономъ 1854 года, и вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, только утвердился въ своемъ убѣжденіи. Значитъ, онъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго неудобства въ столкновеніяхъ, случающихся между администраціей политическою и администраціей народнаго просвѣщенія. Но это только доказываетъ слабость его памяти, въ удостовѣреніе чего г. Жюль Фавръ привелъ слѣдующій фактъ.

Въ департаментѣ Марны масонская ложа предложила одному изъ начальныхъ учителей въ Эпернѣ двѣ награды для отличнѣйшихъ изъ его учениковъ. Спросили министра Дюрюи, который немедленно раз-

рѣшилъ принять награды, и съ тѣмъ вмѣстѣ, поручилъ благодарить масонскую ложу за такое филантропическое приношеніе. Но, спустя два дня, пришла въ Эперне вторая министерская депеша съ рѣшительнымъ отказомъ въ томъ же, потому, объяснялось въ ней, что „разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія должно подчиняться префекторальной власти, которой по закону спеціально ввѣренъ надзоръ за начальнымъ образованіемъ", а между тѣмъ, „министръ узналъ, что о принятіи наградъ первоначально обращались за разрѣшеніемъ къ префекту, и онъ этого не разрѣшилъ".

Вотъ каково обученіе во Франціи, продолжалъ г. Жюль Фавръ; оно въ совершенной зависимости отъ воли префекта, который распоряжается имъ безконтрольно. Поощрять начальное образованіе, оказывать содѣйствіе начальнымъ учителямъ, возбуждать въ учащихся благородное соревнованіе, — это подвигъ, достойный величайшей похвалы. Такова мысль и министра народнаго просвѣщенія; но слово министра не имѣетъ никакого значенія предъ словомъ префекта. Министръ вынужденъ опровергать самъ себя; что вовсе не совмѣстно съ тѣмъ уваженіемъ, какимъ онъ долженъ пользоваться со стороны своихъ подчиненныхъ. Что долженъ подумать учитель, получившій двѣ противорѣчивыя депеши? Какой авторитетъ сохранитъ написавшій ихъ министръ? Авторитетъ уроненный, униженный предъ авторитетомъ префекта. Это фактъ повиновенія со стороны того, кому слѣдуетъ давать приказанія въ дѣлѣ обученія, а не получать ихъ отъ префекторальной администраціи. Пока обученіе будетъ оставаться въ подобномъ положеніи, оно не пріобрѣтетъ ни воодушевленія, ни плодотворности, которыя только однѣ и могутъ исторгнуть его изъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ оно находится въ настоящее время.

Рѣчь Жюля Фавра сопровождалась постоянными одобреніями только лѣвой стороны (оппозиціи) и постоянными и многочисленными возраженіями на всѣхъ остальныхъ скамьяхъ.

Жюль Фавръ не предупредилъ министра и никого изъ правительственныхъ коммиссаровъ о своемъ намѣреніи говорить о приключеніи съ масонскими наградами. Застигнутые въ расплохъ, они не могли отвѣчать ему вдругъ о томъ, что случилось года полтора тому назадъ и не казалось дѣломъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія. Ему отвѣтили уже только въ слѣдующее, послѣднее засѣданіе (11-е марта) — сперва правительственный коммиссаръ Шарль Роберъ, а потомъ и самъ министръ Дюрюи.

Шарль Роберъ объяснилъ, что свѣдѣнія Жюля Фавра о приключеніи невѣрны. Вопервыхъ, министерскія депеши были адресованы не къ учителю, а къ прежнему начальнику гипотечнаго бюро, который писалъ къ министру и которому немедленно посланъ былъ разрѣшительный отвѣтъ принять даръ, казавшійся тогда безвреднымъ.

Но начальникъ гипотечнаго бюро, какъ представитель масонской ложи, первоначально обращался къ префекту и академическому инспектору, испрашивая ихъ разрѣшенія. Инспекторъ и префектъ, знавшіе о нѣкоторыхъ мѣстныхъ проискахъ, почли неумѣстнымъ принять награды и отказали въ разрѣшеніи. Тогда онъ написалъ къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою о разрѣшеніи, сказавъ, что инспекторъ начальныхъ школъ (inspecteur primaire) пригласилъ его обратиться прямо къ министру, и умолчавъ объ отказѣ академическаго инспектора и префекта. Когда же послѣдніе донесли министру о своемъ отказѣ и обнаружили обманъ, тогда, естественно, министръ рѣшительно отказалъ въ пріемѣ наградъ, и такимъ образомъ, въ согласіи съ префектомъ и академическимъ инспекторомъ, разстроилъ эту мѣстную интригу.

Министръ *Дюрюи*, въ отвѣтѣ своемъ *Эрнесту Пикару*, сказавшему, что наблюденіе и контроль надъ элементарнымъ обученіемъ находятся не въ рукахъ министра народнаго просвѣщенія, а въ рукахъ политическаго агента, возразилъ, что въ отношеніи къ министру народнаго просвѣщенія этотъ политическій агентъ есть агентъ училищный. Что же касается того факта, на основаніи котораго утверждаютъ, будто министръ народнаго просвѣщенія, относительно контроля и наблюденія за обученіемъ, подчиняется префектамъ, то случился ли бы онъ подъ управленіемъ ректора, академическаго инспектора, префекта или другаго какого агента, дѣло получило бы одинъ и тотъ же исходъ. Министръ сознается, что быть-можетъ, онъ и слишкомъ поспѣшилъ удовлетвореніемъ желанію, которое казалось естественнымъ и законнымъ. Но префектъ представилъ въ министерство свѣдѣнія, которыхъ оно не имѣло, и такъ какъ эти свѣдѣнія происходили отъ властей, поставленныхъ для мѣстнаго надзора за обученіемъ, то и слѣдовало уступить ихъ силѣ, чтобы предохранить школу отъ вредныхъ вліяній, которыя пытались внести въ нее. Министръ не могъ вникнуть въ подробности факта; поэтому онъ сказалъ только, что была затѣяна коварная интрига, которою управлялъ агентъ, чуждый училищному управленію.

Такъ какъ, однакожь, главный предметъ рѣчи Жюля Фавра составляла защита поправки Жюля Симона о перенесеніи права опредѣлять, перемѣщать и увольнять начальныхъ учителей съ префекта на академическаго инспектора — предметъ, о которомъ администрація была заблаговременно предувѣдомлена — то по этому вопросу сдѣланъ былъ особый отвѣтъ правительственнымъ коммиссаромъ г. *Жантеръ*.

Въ началѣ своей рѣчи онъ обозначилъ въ общихъ чертахъ организацію управленія народнымъ образованіемъ въ цѣломъ его объемѣ Во главѣ всего управленія стоитъ министръ народнаго просвѣщенія По управленію высшими учебными заведеніями его непосредственный агентъ — ректоръ; по управленію начальными школами — префектъ Министръ назначаетъ всѣхъ чиновниковъ высшаго и средняго обученія своею властію; префектъ назначаетъ учителей начальныхъ школъ но какъ подчиненный министра народнаго просвѣщенія (sous l'autorité du ministre) и по представленію академическаго инспектора, который наблюдаетъ за начальнымъ обученіемъ при префектѣ, точно также какъ ректоръ наблюдаетъ за среднимъ и высшимъ обученіемъ при министрѣ.

Въ каждомъ департаментѣ префектъ есть представитель правительства во всемъ его объемѣ; слѣдовательно, онъ представляетъ болѣе или менѣе и каждаго изъ министровъ: всѣ они ведутъ съ нимъ переписку. Онъ помощникъ, агентъ каждаго изъ нихъ. Академическіе инспекторы суть то же самое, что и другія начальственныя лица въ департаментскомъ городѣ — главные агенты различныхъ министерствъ; всѣ они, принадлежа къ вѣдомству своихъ министерствъ, состоятъ въ зависимости отъ префекта. Никто изъ нихъ не имѣетъ права назначать низшихъ чиновниковъ. Всѣ чиновники различныхъ отдѣльныхъ управленій назначаются или прямо своими министрами, или префектомъ. Префектъ назначаетъ чиновниковъ, потребность въ которыхъ мѣстная и можетъ быть оцѣнена преимущественно мѣстнымъ администраторомъ. Слѣдовательно, тѣ, которые хотятъ передать назначеніе начальныхъ учителей начальнику отдѣльной части въ департаментѣ (chef de service), требуютъ нарушенія общихъ административныхъ правилъ. Г. Жантеръ дѣлаетъ затѣмъ краткій историческій обзоръ французскаго законодательства о начальномъ обученіи, изъ котораго оказывается, что префектамъ всегда предоставлялось прямое или косвенное участіе въ назначеніи начальныхъ учителей, за исключеніемъ декрета 1852 года, въ силу котораго въ продолженіе двухъ лѣтъ назначали ихъ ректоры. Такъ, законъ 1833 года ввѣрилъ надзоръ и педагогическое направленіе инспектору, а назначеніе начальныхъ учителей предоставилъ окружному комитету (comité d'arrondissement), въ которомъ префектъ, въ качествѣ ли предсѣдателя совѣта, или вслѣдствіе предоставленнаго ему права назначать часть членовъ этого комитета, имѣлъ существенное преобладаніе. Законъ 1850 г. предоставлялъ выборъ учителей муниципальнымъ совѣтамъ въ

сла кандидатовъ, помѣщенныхъ въ спискѣ, составленномъ въ департаментскомъ совѣтѣ. Ректору же, кромѣ педагогической части, принадлежало право временнаго и совершеннаго удаленія учителей отъ должности. Но декретомъ 1852 г. ему дано было и право назначенія учителей. Дѣйствіе декрета продолжалось всего два года, и это, по мнѣнію г. Жантера, былъ самый роковой періодъ для элементарнаго образованія. Дисциплинарныя мѣры никогда не были въ такомъ ходу, какъ въ то время; нормальныя школы опустѣли. Оказалась необходимость возвратиться къ испытаннымъ принципамъ, и палата въ 1854 г. утвердила законъ, передавшій право назначенія начальныхъ учителей префекту.

Изъ всего этого ораторъ выводитъ, что поправка имѣетъ противъ себя: *вопервыхъ*, прежнее законодательство; *вовторыхъ*, основанія общаго административнаго порядка. Начальное обученіе есть дѣло столько же общинное и департаментское, сколько и національное. А префектъ департамента поставленъ въ самыя благопріятныя условія относительно выбора начальныхъ учителей, вѣрнаго обсужденія и вѣрной оцѣнки ихъ достоинства.

Часто говорятъ, продолжаетъ ораторъ, что желѣзныя дороги суть могущественнѣйшее орудіе успѣховъ торговли и промышленности, и говорятъ правду. Подобнымъ образомъ, училищные дома суть сильнѣйшія средства развитія образованія. Кто строитъ училищные дома? Конечно, община, муниципальный совѣтъ. Но кто утверждаетъ бюджетъ, представленный муниципальнымъ совѣтомъ? Кто вызываетъ на эти расходы, столь необходимые и полезные? Кто опредѣляетъ жалованье учителя? Префектъ. Когда учитель является въ общину, онъ находитъ руководителей въ мерѣ и приходскомъ священникѣ, ежели они живутъ въ согласіи. Но меръ подчиненъ префекту, попечителю общины. Въ многочисленныхъ случаяхъ, когда община не въ состояніи покрывать расходы по начальному обученію, ей даетъ пособіе генеральный совѣтъ; но бюджетъ предлагаетъ генеральному совѣту префектъ. Равнымъ образомъ, по предложенію префекта, департаментскій генеральный совѣтъ строитъ и содержитъ нормальную школу.

Поэтому ясно, что кромѣ педагогической части, которая принадлежитъ исключительно инспектору, обязанному обо всемъ доносить письменно, является масса вопросовъ матеріальныхъ, финансовыхъ, дисциплинарныхъ, нравственныхъ, рѣшеніе которыхъ, сильно затрогивающее интересы начальнаго обученія, зависитъ отъ префекта. Не естественно ли, поэтому, чтобы префектъ, какъ попечитель общины, какъ начальникъ департамента, какъ представитель государства, назначалъ начальнаго учителя, дѣло котораго есть дѣло общества, департаментское и въ добавокъ національное? Говорятъ, что учителя жалуются на свою зависимость отъ префекта; но гдѣ же ихъ жалобы? Между тѣмъ факты ясно говорятъ, что назначеніе начальныхъ учителей префектомъ даетъ имъ вѣрнѣйшее обезпеченіе относительно безпристрастія

и справедливости, такъ какъ они имѣютъ двухъ судей: 1) человѣка школы, спеціальнаго чиновника (академическаго инспектора), который, какъ уже сказано, обо всемъ письменно доноситъ префекту, и 2) префекта, который судитъ не съ одной педагогической точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія административной и нравственной. Онъ судитъ о достоинствѣ учителя не только по его поведенію въ школѣ, но и по отношеніямъ его къ мѣстнымъ властямъ, къ семействамъ и къ обществу.

Что касается политики, то учитель не долженъ допускать въ школѣ споровъ ни политическихъ, ни религіозныхъ, ни даже сужденій масонскихъ ложъ: онъ не долженъ занимать своихъ воспитанниковъ вопросами, временно волнующими общество, а умно сдѣлаетъ, если и самъ заниматься ими не будетъ. Но, кромѣ политики, нравственные и соціальные интересы рѣшительно требуютъ того, чтобы сохранить при префектѣ управленіе начальнымъ обученіемъ. Нужно знать не одно то, хорошій ли педагогъ учитель, хорошо ли онъ учитъ читать, писать, считать, французской грамматикѣ. Является вопросъ гораздо важнѣе: старается ли онъ образовать изъ своихъ воспитанниковъ людей честныхъ, здоровыхъ и способныхъ гражданъ, любящихъ свое отечество, вѣрноподданныхъ государю, уважающихъ права частныя и общественныя, понимающихъ свои гражданскія права и обязанности, враговъ революціи? Учителя должны вкоренять во ввѣренныхъ имъ юныхъ сердцахъ твердыя основанія нравственности, добродѣтели, патріотизма; потому что каждая семья, довѣряя учителю дитя свое, желаетъ, чтобъ онъ образовалъ изъ него честнаго человѣка, а государство въ свою очередь желаетъ, чтобъ онъ образовалъ ему хорошихъ гражданъ, которые хотя и желаютъ улучшить свое положеніе, но не оставляютъ его легкомысленно, зная, что это часто бываетъ пагубно. Въ вопросѣ о начальномъ обученіи рѣшается участь будущихъ поколѣній; нынѣшнія дѣти суть завтрашніе граждане.

Въ заключеніе всего, ораторъ проситъ палату именемъ правительства оставить начальное обученіе по прежнему въ рукахъ префекта, подъ главнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія и при содѣйствіи академическаго инспектора, имѣя въ виду: 1) опытъ двухъ лѣтъ (1852—1854), доказавшій, что лишившись вліянія на личный составъ учителей, префекты перестаютъ заботиться и о финансовыхъ интересахъ начальныхъ школъ; 2) что иниціативѣ префектовъ, ихъ вліянію въ департаментахъ, ихъ добрымъ отношеніямъ съ мерами, съ членами генеральныхъ совѣтовъ, со всѣми чиновниками, зависящими отъ префектуры, школы для взрослыхъ обязаны своимъ существованіемъ и столь быстрымъ размноженіемъ; 3) что академическій инспекторъ, какъ ни высоко поставленъ онъ въ училищной іерархіи, не можетъ, однакожь, имѣть того вліянія, какое свойственно начальнику департамента. Очевидно поэтому, что авторитетъ префекта необходимъ для развитія начальнаго обученія и полезенъ для учителя. Злоупотребленій же со стороны префекта здѣсь нечего опасаться.

гакъ какъ въ случаѣ, если бы префектъ дозволилъ себѣ употребить какую-либо не вполнѣ правильную мѣру, чему, впрочемъ, сколько извѣстно оратору, не было еще примѣра, дѣло поступитъ на окончательное рѣшеніе къ министру народнаго просвѣщенія, который, въ случаѣ надобности, потребуетъ объясненія отъ академическаго инспектора.

Статья 17-я принята.

Въ засѣданіи 11-го марта, послѣднемъ изъ посвященныхъ обсужденію новаго закона о начальномъ обученіи, прежде нежели приступлено было къ обсужденію 18-й статьи, баронъ *Равинель* потребовалъ отъ правительства объясненія, какіе могутъ быть результаты новаго закона объ обученіи для бюджета, какой потребуется расходъ, въ 10, 15 милліоновъ? Барону Равинелю отвѣтилъ *Шарль Роберъ,* что расходы, какихъ потребуетъ приведеніе въ дѣйствіе новаго закона, раздѣляются на обязательные (obligatoires) и необязательные (facultatives); что на обязательные расходы потребуется изъ государственнаго казначейства ежегодно отъ шести до семи милліоновъ, именно: на учрежденіе 11.000 начальныхъ школъ, въ томъ числѣ 8.000 для дѣвочекъ и 3.000 для мальчиковъ, изъ коихъ 2.000 деревушечныхъ; на опредѣленіе 2.000 помощниковъ ((adjoints); на улучшеніе, относительно жалованья и квартиры, положенія 15.000 дѣйствительныхъ учительницъ и 18.000 помощниковъ и помощницъ; на опредѣленіе 10.000 учительницъ швейныхъ работъ въ смѣшанныхъ школахъ; на обезпеченіе развитія дароваго обученія въ 56.000 школахъ и на упроченіе законнаго существованія 30.000 школъ для взрослыхъ. Необязательный расходъ будетъ состоять изъ пособія общинамъ, которыя ведутъ у себя абсолютно-даровое обученіе, какъ прибавки къ четырехсантимному налогу и къ департаментскому пособію. По вычисленію, расходъ этого рода будетъ простираться до милліона франковъ.

Статья 18-я, обязывающая начальныхъ учителей, какъ свѣтскихъ, такъ и принадлежащихъ къ духовнымъ конгрегаціямъ, если они желаютъ освободиться отъ военной службы, посвящать установленные для нихъ съ этою цѣлью, закономъ 1850 года, десять лѣтъ преподавательскихъ занятій исключительно обученію въ общественныхъ школахъ (écoles publiques), по указанію министра народнаго просвѣщенія,—статья эта вызвала поправку депутата умѣренной клерикальной партіи *Шенелона* (Chesnelong) съ товарищами, прямая и исключитель-

ная цѣль которой была, очевидно, та, чтобы выхлопотать изъятіе изъ этого правила въ пользу учителей, принадлежащихъ къ личному составу духовныхъ конгрегацій, хотя сочинители поправки и дали ей нѣсколько болѣе благовидный смыслъ. Поправка допускала выполненіе упомянутаго десятилѣтняго обязательства не только въ общественныхъ школахъ, но и въ школахъ свободныхъ, управляемыхъ учебными ассоціаціями, духовными и свѣтскими, существованіе которыхъ утверждено закономъ (autorisées) или признано общеполезнымъ (d'utilité publique).

Въ основаніе своей поправки, г. Шенелонгъ полагалъ: 1) давность пользованія духовными ассоціаціями правомъ свободы отъ воинской службы и всегдашнее къ нему уваженіе правительства, не смотря на перемѣны въ училищномъ законодательствѣ; 2) условія свободы обученія, и 3) правильно понятый интересъ распространенія начальнаго обученія.

1) Касательно давности права. По системѣ народнаго образованія, учрежденной Наполеономъ I, къ французскому университету собственно принадлежали учебныя заведенія двоякаго рода: общественныя (écoles publiques), основанныя и содержимыя на счетъ государственнаго казначейства, и частныя (privées, libres), содержавшіяся собственными средствами, но состоявшія въ тѣсной зависимости отъ университета. Отъ военной службы освобождались одни только учителя казенныхъ училищъ; на учителей частныхъ школъ льгота эта не распространялась, хотя они и утверждались университетомъ и считались подъ его покровительствомъ.

Кромѣ казенныхъ и частныхъ школъ, существовала тогда единственная духовная ассоціація, братья христіанскаго ученія (les frères de la doctrine chrétienne). Школы братства не были ни основаны, ни содержимы государствомъ; но обучавшіе въ нихъ братья пользовались свободою отъ военной службы наравнѣ съ учителями казенныхъ училищъ. Ибо военная служба казалась несовмѣстною ни съ характеромъ духовной ассоціаціи, ни съ призваніемъ ея членовъ. Во время реставраціи, рекрутскій законъ 1818 года, освобождая отъ военной службы воспитанниковъ нормальной школы и другихъ членовъ общественнаго обученія, подъ условіемъ дать университетскому совѣту обязательство посвятить себя въ продолженіе десяти лѣтъ учебной службѣ, прибавилъ: „это распространеніе примѣняется къ братьямъ христіанскаго ученія". Слѣдовательно, никто не сомнѣвался тогда въ правѣ учащихъ членовъ духовной конгрегаціи на свободу отъ воен-

ной службы, только потребовано отъ нихъ десятилѣтнее обязательство университету, согласно съ мнѣніемъ Ройе-Коллара, который полагалъ, что одного монашескаго обязательства недостаточно въ этомъ дѣлѣ.

Основавшіяся съ 1818 по 1832 годъ другія духовныя ассоціаціи, съ такою же учебною цѣлью, равномѣрно признаны были общеполезными, и упомянутая льгота распространена была и на ихъ учащихъ членовъ. А хотя законы 1832 и 1833 годовъ, при исчисленіи лицъ учебнаго сословія, освобождаемыхъ отъ военной службы, не упомянули вовсе о духовныхъ ассоціаціяхъ, на практикѣ, однакожъ, продолжали пользоваться льготою тѣ ихъ члены, которые занимались обученіемъ, какъ въ общественныхъ школахъ, такъ и въ свободныхъ школахъ своихъ конгрегацій.

Законъ 1850 г. (ст. 79), въ числѣ лицъ учебнаго сословія, освобождаемыхъ отъ военной службы, если они до срока, назначеннаго для тиража, представятъ ректору обязательство посвятить себя, въ продолженіе десяти лѣтъ, общественному обученію и дѣйствительно выполнятъ это обязательство, помѣщаетъ и членовъ, а равно и послушниковъ (membres ou novices) духовныхъ конгрегацій, вовсе однакожъ не различая, учатъ ли они, или будутъ учить, въ общественныхъ или въ свободныхъ школахъ. Законъ считаетъ только ихъ членами духовныхъ конгрегацій, посвятившихъ себя обученію и признанныхъ общеполезными, и на этомъ основаніи всѣмъ имъ предоставляетъ право требовать благодѣтельной льготы. Но законъ прибавляетъ, что льгота можетъ быть дарована только подъ условіемъ: посвятить себя въ продолженіе десяти лѣтъ *общественному обученію* и выполнить это обязательство. Какой же смыслъ слова „общественное (public) обученіе"?—спрашиваетъ ораторъ. Если бы законъ сказалъ: „въ общественныхъ (publiques) школахъ",—было бы ясно; но онъ говоритъ объ общественномъ обученіи. Неужели онъ исключаетъ изъ этого свободное обученіе? Неужели свободное обученіе, по своему свойству, противорѣчитъ обученію общественному? Неужели безплатное обученіе въ школахъ духовныхъ конгрегацій, признанныхъ общеполезными, преподаваемое массѣ дѣтей и всѣмъ, кто пожелаетъ только воспользоваться имъ, неужели такое обученіе не соединяетъ въ себѣ всѣхъ условій общественнаго обученія?

2) Касательно условій свободнаго обученія, ораторъ не сомнѣвается, что освобожденіе отъ военной службы — единственное въ рукахъ правительства средство привлекать и набирать общественныхъ

учителей. Устраненіе его не замедлило бы произвести крайній недостатокъ въ учителяхъ для общественныхъ школъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о свободномъ обученіи: льгота, о которой идетъ рѣчь, столь для него важна, что для учебныхъ ассоціацій она составляетъ жизненное условіе, необходимое для подновленія ихъ личнаго учебнаго состава. Отнимите ее у духовныхъ конгрегацій, и въ школахъ ихъ вскорѣ не будетъ кѣмъ замѣстить учительскихъ вакансій; а тогда и свобода обученія останется для духовныхъ конгрегацій пустымъ словомъ, а не живою и плодотворною дѣйствительностію.

Но по убѣжденію оратора, изъ всѣхъ видовъ гражданской свободы, свобода обученія—самая драгоцѣнная и самая безопасная: самая драгоцѣнная, потому что она касается права семьи, и самая безопасная, потому что не нуждается въ созданіи гарантіи; гарантія создана Богомъ: она въ сердцѣ отца семьи, нѣжности и бдительности котораго можно довѣриться смѣло. Свобода обученія найдетъ въ этомъ сердцѣ не только сильное побужденіе къ плодотворной дѣятельности, но и преграду своимъ злоупотребленіямъ.

3) Касательно всеобщаго распространенія народнаго образованія ораторъ отдаетъ полную справедливость усиленной заботливости правительства и палаты. Всѣ желаютъ единодушно, чтобы дѣти изъ народной массы получали образованіе основательное, здравое, трезвое и полное, но въ разумныхъ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ общественному ихъ положенію, такое, которое не исторгло бы изъ рукъ ихъ рабочаго орудія, честно пропитывавшаго семью ихъ. Ораторъ глубоко убѣжденъ, что развитіе умственныхъ способностей должно быть сопровождаемо и даже предшествуемо развитіемъ способностей нравственныхъ, подъ опасеніемъ, что воспитаніе не достигнетъ своей существенной и главной цѣли,—созданія въ народѣ элементовъ порядка и честности, этихъ вѣрнѣйшихъ залоговъ спокойствія и величія страны.

Приглашая палату и правительство къ возможно-большему распространенію на всѣхъ благодѣянія элементарнаго образованія, къ умноженію школъ, сочувствію къ достойнымъ наставникамъ и къ поощренію ихъ, ораторъ признаетъ не меньшею обязанностью палаты и правительства содѣйствовать развитію учебныхъ ассоціацій, оказывать имъ покровительство и сочувствіе.

Дѣло народнаго воспитанія, сказалъ онъ, въ настоящее время громадно и сложно. Вовсе не будетъ излишнимъ призвать къ нему всѣ силы, всѣ вліянія, всѣ самопожертвованія, чтобы обезпечить ему вѣрный успѣхъ. На широкомъ полѣ начальнаго обученія есть мѣсто для всѣхъ, какъ для общественныхъ и частныхъ учителей, такъ и для учебныхъ ассоціацій. Не должно устранять

благороднаго труда ничьего усердія и самопожертвованія, подъ ка-
эми ни являлись видомъ. Самое дѣйствительное средство расширить
э образованіе — это безпристрастный призывъ къ нему всѣхъ учеб-
ъ и безпристрастное постановленіе ихъ въ условія законной сво-
авноправности. А права, пріобрѣтенныя и оправданныя продолжи-
заслугами, неужели ничего не значатъ? Эти скромные подвижники
:кой нравственности и цивилизаціи уже болѣе столѣтія исполняютъ
гое призваніе воспитывать сердце и умъ народа. Когда еще повсюду
я крайній недостатокъ въ свѣтскихъ учителяхъ, они уже совершали
э съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Имъ принадлежитъ иниціатива тѣхъ
начальнаго обученія, которыми Франція столь справедливо нынѣ
. Всегда полезные и достойные наставники, они были необходимы
іѣ, и вслѣдствіе-то этой необходимости имъ даровано было осво-
: отъ военной службы. А теперь, когда ихъ школы поддерживаются
ъ семействъ и соперничаютъ съ свѣтскими школами по успѣхамъ
имъ методамъ обученія, справедливо ли лишать ихъ отчасти той
которой начало такъ чисто и которая освящена полувѣковымъ поль-
съ?
а съ справедливостію соединяется признательность, тогда сама спра-
эть является величественнѣе и священнѣе. Я довѣряю вашей спра-
эти, — вотъ мысль поправки, которую я имѣю честь поддерживать, и
олосъ въ пользу препровожденія ея въ коммиссію.
иленныя одобренія на многихъ скамьяхъ).
ь г. Шенелонга, принятая почти съ общимъ сочувствіемъ въ
приверженцами правительства, въ числѣ которыхъ, если было
мало ультрамонтановъ, подобныхъ Кольбъ-Бернару, то не было
атка въ умѣренныхъ клерикалахъ, и въ особенности въ при-
щахъ конгреганистскихъ школъ—не могла не озадачить министра
іаго просвѣщенія. Правда, онъ давно зналъ, чего хотятъ г. Ше-
ъ и его товарищи. Поправки представляются задолго до на-
преній, еще въ то время, когда разсматривается правитель-
ый проектъ закона въ учрежденной палатою спеціальной ком-
, которая вмѣстѣ съ тѣмъ обсуждаетъ и поправки, при чемъ
ринимаетъ ихъ во вниманіе при своей редакціи закона, или
аетъ, приводя мотивы. Значитъ, министръ имѣлъ цѣлый годъ
ни, чтобъ изучить предметъ и приготовиться къ отвѣту, такъ
коммиссія окончила свои дѣйствія еще до закрытія прошло-
хъ засѣданій законодательной палаты. Едва ли онъ, однакожь,
лъ того впечатлѣнія, какое произвела въ палатѣ мастерская
защитника духовныхъ конгрегацій. Но тутъ-то г. Дюрюи и вы-
ъ свойственную ему находчивость и ловкость парламентскаго
ра, увѣреннаго и въ своей силѣ и въ довѣріи къ нему палаты.
прямо началъ, можно сказать, выговоромъ какъ сочинителямъ

поправокъ за неумѣстное вчинаніе преній, такъ и палатѣ за допущеніе ихъ.

Я глубоко сожалѣю объ этихъ преніяхъ, такъ началъ рѣчь свою министръ. Они не хороши для тѣхъ, кто ихъ вызвалъ, потому что палата навѣрное не изъявитъ согласія на предложенную поправку. Скажу болѣе: я напередъ прошу извиненія у палаты, ежели слова мои покажутся нѣсколько дерзкими. *(Нѣтъ! Нѣтъ!)* Я не нахожу эти пренія хорошими даже и для палаты, потому что это новый признакъ усилій совратить съ прямаго пути общественное мнѣніе,—усилій подобныхъ тѣмъ, какія проявлялись нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Вызовите только ваши воспоминанія, и тогда вы увидите, что никто изъ вашихъ предшественниковъ въ этой палатѣ, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, не предлагалъ того, чего требуютъ отъ васъ сегодня; требуютъ возстановленія привилегіи въ странѣ, которая произвела свою великую революцію, при кликахъ: долой привилегіи! (*Очень хорошо! очень хорошо!*). Привилегія! это именно то, что̀ отвергаетъ самое живучее убѣжденіе, наиглубже вкоренившееся въ сердцѣ французскаго народа.

Мнѣ совѣстно, господа, что я принужденъ прочесть здѣсь историческую лекцію *(движеніе)*. Я не желалъ бы навести на васъ скуку продолжительнымъ преніемъ. Вопросъ такъ простъ, что казалось бы, довольно нѣсколькихъ словъ, чтобы рѣшить его. Но послѣ того, что̀ было здѣсь только-что высказано въ рѣчи, въ которой изящность языка соединилась съ величавою возвышенностію чувства, какъ ни глубоко я уважаю убѣжденія г. Шенелонга, не могу однакожь не сказать, что должно быть, недостало ему доказательствъ, когда онъ рѣшился высказать съ этой трибуны такіе историческіе выводы, которые я считаю обязанностію объявить радикально ошибочными.

Г. Дюрюи рѣшительно протестуетъ противъ обвиненія, будто онъ уничтожилъ старую юридическую практику, и справедливость своего протеста доказываетъ исторіей элементарнаго образованія во Франціи, раздѣляя ее на два періода, отъ 1808 до 1833 и отъ 1833 до настоящаго времени.

Въ первомъ періодѣ, по его увѣренію, между школами общественными и свободными почти не было различія. Нѣкоторый свѣтъ, однакожь, можетъ бросить на обсуждаемый вопросъ знаніе условій учебной дѣятельности братьевъ христіанскихъ школъ (frères des écoles chrétiennes). Министръ считаетъ долгомъ отдать полную справедливость ихъ усердію. Никто вѣрнѣе его не можетъ засвидѣтельствовать о достигаемыхъ ими превосходныхъ результатахъ, потому что онъ больше всѣхъ видитъ ихъ въ дѣлѣ. Нѣкоторыя части ихъ обученія, быть можетъ, и ниже другихъ; но усовершенствованіе ихъ — дѣло времени и постепенныхъ улучшеній. Впрочемъ, эти подробности теряются въ цѣломъ, которое въ лучшихъ ихъ школахъ превосходно.

Вотъ условія, въ кои были поставлены братья христіанскихъ школъ Наполеоновскимъ декретомъ 1808 года: „Братьямъ христіанскихъ школъ вы-

даются свидѣтельства (seront brevétés); ихъ утверждаетъ великій магистръ главный начальникъ французскаго университета, въ послѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), утверждаетъ ихъ статуты, принимаетъ отъ нихъ присягу и установляетъ надзоръ за ихъ школами". Далѣе: „Изъятіе отъ военной службы даруется воспитанникамъ нормальной школы, профессорамъ, регентамъ, учителямъ элементарныхъ школъ, или братьямъ христіанскихъ школъ, не иначе, какъ подъ условіемъ оставаться, по крайней мѣрѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, въ вѣдѣніи императорскаго университета".

Когда въ 1818 году предлагали сравнить братьевъ христіанскихъ школъ съ воспитанниками нормальной школы, не требуя отъ первыхъ никакого обязательства, тогда Барантъ высказалъ мнѣніе, что „законъ дозволяетъ изъятіе только тѣмъ, кто несетъ уже службу, въ которой государство нуждается; но даровать братьямъ такую привилегію изъятія, какой не имѣютъ другіе начальные учителя, несогласно съ принципомъ закона".

Ройе-Колларъ, какъ членъ королевскаго совѣта народнаго просвѣщенія, опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ различіе общественной службы отъ частной: „Здѣсь вопросъ, сказалъ онъ, о двоякаго рода обязательствахъ: одно обязательство я назову домашнимъ, другое даннымъ государству. Первое не слѣдуетъ принимать во вниманіе. Воспитанники нормальной школы даютъ обязательство государству, и это обязательство служитъ настоящимъ основаніемъ даруемаго имъ изъятія. Братья не могутъ быть изъяты въ качествѣ духовныхъ лицъ; какъ духовныя лица, они обязались къ извѣстнаго рода дѣятельности, къ послушанію начальнику монастыря, чего законъ не знаетъ. Слѣдовательно, они не могутъ быть изъяты иначе, какъ въ качествѣ лицъ, посвятившихъ себя общественной службѣ подъ властію начальника этой службы".

Въ 1831 году, министръ народнаго просвѣщенія Монталиве строго опредѣлилъ, что такое учитель общинной или общественной школы.

„Вы согласитесь, значится въ его циркулярѣ къ ректорамъ, что допущенный принципъ свободы обученія широко распространяетъ свободу открывать школы. А потому ходатайство объ изъятіи каждаго начальнаго учителя было бы истиннымъ злоупотребленіемъ. Что́ же такое общинный или общественный учитель? Общинный учитель тотъ, кто занимаетъ помѣщеніе, назначенное для начальной школы и получаетъ отъ общины какое-либо содержаніе, въ чью пользу муниципальный совѣтъ опредѣляетъ мѣстную плату за ученіе, вносимую учениками, кто обязанъ принимать въ свою школу бѣдныхъ учениковъ, присылаемыхъ меромъ общины, въ чью школу каждый отецъ семейства имѣетъ право посылать свое дитя; словомъ, это учитель, которому ввѣрена общественная школа общины".

Рекрутскій органическій законъ 1832 года даруетъ изъятіе отъ военной службы только такимъ преподавателямъ, которые принимаютъ обязательство прослужить десять лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. То же самое правило повторилъ и законъ 1833 года.

Министръ народнаго просвѣщенія Вильменъ, въ 1842 году, на запросъ настоятеля одной конгрегаціи, можетъ ли быть даровано изъятіе одному изъ братьевъ, отвѣчалъ: „Необходимо просить генеральнаго начальника пріискать

этому брату мѣсто общиннаго учителя, иначе онъ лишится изъятія отъ военной службы".

Всѣ эти законодательные акты: органическій законъ о рекрутской повинности, органическій законъ о начальномъ обученіи, опредѣленія королевскаго совѣта, письма и циркуляры министровъ, ясно опредѣляютъ истинный смыслъ закона и характеръ юридической практики. Они не знаютъ ни конгреганистовъ, ни университетскихъ чиновниковъ: они знаютъ только учителя общественнаго и учителя частнаго или свободнаго. Нѣтъ вовсе различія ни по платью, ни по мѣсту происхожденія. Не спрашиваютъ у учителя, откуда онъ приходитъ, ни какой онъ носитъ костюмъ, ни куда онъ идетъ. Идетъ ли онъ въ общинную школу? — значитъ, онъ общественный учитель. Идетъ ли въ школу свободную? — онъ частный учитель. Въ послѣднемъ случаѣ законъ не даетъ учителю никакой льготы; для частной спекуляціи онъ не даруетъ изъятія отъ тягчайшаго изъ налоговъ. (*Очень хорошо! Очень хорошо!*).

Чтобъ удостовѣриться еще лучше, какъ дѣла подобнаго рода происходили на практикѣ, министръ Дюрюи поручилъ навести справки въ архивахъ, въ какомъ смыслѣ даваемы были обязательства членами духовныхъ конгрегацій до изданія закона 1850 года. Отыскано 20 или 30 обязательствъ и во всѣхъ ихъ значилось: „Обязываюсь прослужить десять лѣтъ въ общинной школѣ".

Законъ 1850 года, поименовавъ всѣ званія, могущія быть изъятыми отъ военной службы, и въ томъ числѣ учителей-конгреганистовъ, и опредѣливъ необходимымъ условіемъ изъятія обязательство посвятить себя, въ продолженіе десяти лѣтъ, общественному обученію и дѣйствительно выполнить это обязательство, опредѣлилъ съ тѣмъ вмѣстѣ и значеніе школъ слѣдующимъ образомъ: „Законъ признаетъ два вида школъ: 1) школы, основанныя и содержимыя общинами, департаментами или государствомъ, принимающія названіе общественныхъ школъ; 2) школы, основанныя и содержимыя частными лицами или ассоціаціями и принимающія названіе школъ свободныхъ".

Ничего нѣтъ яснѣе, продолжаетъ министръ, никогда текстъ закона не допускалъ менѣе недоразумѣній. А нужно прибавить, что вся сущность закона 1850 года опирается на этомъ различіи школы общественной отъ школы частной. Весь училищный организмъ, вся администрація, все вѣдомство, всѣ права, принадлежащія министру, получаютъ свое основаніе и значеніе въ этомъ различіи школъ.

Мнѣніе, будто этотъ законъ, на другой же день послѣ своего изданія, былъ исполненъ въ смыслѣ, противномъ приведенной статьѣ, г. Дюрюи опровергаетъ письмомъ отъ 10-го января 1851 года министра Парьё къ одному изъ начальниковъ духовныхъ конгрегацій, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Слова закона точны, они не допускаютъ никакого толкованія. Поэтому, братья, завѣдывающіе частными школами, не могутъ быть изъяты отъ военной службы, пока остаются въ этомъ положеніи. Только новый законъ

змѣнить существующее законоположеніе". Такое же мнѣніе выра-
:воемъ циркулярѣ и министръ Фортуль.
юсь только одинъ разъ отступленіе отъ этихъ правилъ, вслѣдствіе
:енія, которому не предполагалось давать гласности; тотчасъ, одна-
всѣхъ сторонъ поднялись жалобы. Свободные Парижскіе учителя
сь къ администраціи съ обширною запиской, въ которой жаловались,
шаяся подъ покровительствомъ чуждой имъ привилегіи конкурен-
›яетъ ихъ. Пресвитеріальные совѣты и еврейскія консисторіи хода-
али въ свою очередь о дарованіи имъ такой же привилегіи, какая
. конгрегаціямъ. Обнаружено было и злоупотребленіе. Оказался осво-
імъ отъ военной службы, какъ общественный учитель, человѣкъ, не
ни читать, ни писать и пять лѣтъ служившій лакеемъ. Такъ какъ
кеніе, о которомъ упомянуто, неожиданно получило гласность въ со-
не имѣвшемъ офиціальнаго характера, то префекты и ректоры, для
енія подобныхъ притязаній, требовали дать имъ точныя и опредѣ-
ія инструкціи.

да-то министръ Дюрюи рѣшился пристально вглядѣться въ за-
обратился къ исторіи и юридической практикѣ; изученіе во-
бѣдило его, что необходимо мыслить и дѣйствовать такъ, какъ
я и дѣйствовали Барантъ, Ройе-Колларъ, Монталиве, Гизо,
нъ, Парьё, Фортуль.

ъ историческое изложеніе вопроса. Г. Дюрюи позволяетъ себѣ
ься, что палата убѣдилась, что ни законъ, ни юридическая
ка и никакіе правительственные акты не противорѣчатъ тому,
› циркуляръ, отъ 14-го февраля 1866 года, предписывалъ рек-
›, вмѣняя имъ въ обязанность исполненіе закона, согласно съ
ысломъ и буквою.

же случилось? Вещь самая простая. Хотѣли воспользоваться дву-
›мъ, чтобы обойдти законъ. Администрація, нуждающаяся въ искрен-
рѣшалась устранить двусмысліе, которое равномѣрно не годится въ
кѣ, какъ и въ литературѣ. Въ формулѣ, выражающей обязательство
жить десять лѣтъ начальному обученію и выполнить это обязательство,
лено только одно слово, въ которомъ, однакожь, заключается весь
› закона и которое объясняетъ его даже и тѣмъ, кто не хотѣлъ бы
. его; то-есть, что десятилѣтнее обязательство должно выполнить въ
венной школь.

› касается поправки, то она, подобно воплощенію индійскихъ божествъ,
:ь въ трехъ видахъ. Въ первомъ видѣ поправка барона Равинеля тре-
откровенно и ясно освобожденія всѣхъ конгреганистовъ отъ военной
ı. А вотъ второй видъ поправки гг. Анделара и Груши: „Конгрега-
и университетскіе чиновники освобождаются отъ военной службы, въ
бы школѣ ни выполняли они свое обязательство". Министръ, име-
университета, отвергаетъ подарокъ, который навязываютъ ему. Уни-
тетъ живетъ чисто національною жизнію и не хочетъ привилегіи

Третья поправка на видъ кажется либеральною, но въ сущности она вовсе не такова. Она даруетъ привилегію не только всѣмъ духовнымъ, но и свѣтскимъ ассоціаціямъ. Интересно, однакожъ, узнать, какая часть привилегіи достанется на долю духовныхъ ассоціацій и какая на долю свѣтскихъ. Учебныхъ духовныхъ конгрегацій во Франціи 18 и въ нихъ членовъ около 10.000, а свѣтскихъ ассоціацій только три, у которыхъ или вовсе нѣтъ членовъ учащихъ, или очень мало.

Г. Шенелонгъ утверждалъ, что признаніе общеполезными даетъ ассоціаціямъ характеръ общественныхъ учрежденій, а членамъ ихъ преимущества, присвоенныя общественной службѣ. Но такое двусмысліе недостойно ни его, ни палаты. Что такое общество, признанное общеполезнымъ (d'utilité publique)? По какому поводу испрашивается такое признаніе? И почему даютъ его? Люди, готовые жертвовать своими досугами, достояніемъ, способностями, соединяются между собою и образуютъ юридическое лицо, которое, не умирая, безпрестанно принимаетъ въ себя новые элементы и дѣйствуетъ постоянно для общественной пользы. Вотъ основанія для признанія общеполезности какой-либо ассоціаціи. Но подобнымъ ли образомъ опредѣляется значеніе государственнаго чиновника, напримѣръ, общественнаго начальнаго учителя? Нѣтъ, для этого требуется назначеніе общественною властію, жалованье, производимое или обезпечиваемое тою же властію, надзоръ, и слѣдовательно, направленіе обученія общественною же властію въ интересѣ общественной пользы. Вотъ что отличаетъ общественнаго учителя.

Впрочемъ, общественная школа и школа свободная — представительницы параллельныхъ интересовъ; онѣ иногда сходятся другъ съ другомъ очень близко, но съ тѣмъ, чтобы вступить въ борьбу. Архивъ министерства народнаго просвѣщенія полонъ такихъ дѣлъ, изъ коихъ видно, какъ свободная школа строилась на подобіе боевой машины для борьбы и уничтоженія общественной школы.

Въ духовныхъ конгрегаціяхъ, какъ и во всѣхъ большихъ учрежденіяхъ, есть превосходные элементы, но есть и дурные. Какъ въ университетѣ, такъ и въ конгрегаціяхъ, есть свои язвы и болѣзни. Это, однакожъ, нисколько не роняетъ должнаго уваженія къ нѣкоторымъ конгрегаціямъ, и въ особенности къ конгрегаціи братьевъ христіанскихъ школъ, истинно достойной той популярности, которою она пользуется. Бѣда въ томъ, что не всѣ поступающіе въ какую-нибудь конгрегацію повинуются голосу призванія. Судя по спискамъ конгреганистовъ, поступающихъ на упраздненныя учительскія мѣста, можно бы предполагать страшную смѣртность между ними. Разсматривая таковые списки одной изъ конгрегацій за десять лѣтъ, нашелъ 1.049 выбывшихъ учителей, въ томъ числѣ 508 имѣли отъ 30-ти до 80-ти лѣтъ, и 541, то-есть, болѣе 50% имѣли всего отъ 16-ти до 30-ти лѣтъ, — смертность (если бы только всѣ они дѣйствительно умерли) почти въ четверо больше той, какая поражаетъ свѣтскихъ людей въ соотвѣтственные періоды жизни. Вглядываясь, однакожъ, ближе, я замѣчаю, что въ конгрегаціяхъ бываетъ много членовъ до 30 лѣтняго возраста, и несравненно менѣе членовъ старше этого возраста. Отсюда выводится заключеніе, что нѣкоторое число молодыхъ людей вступаютъ въ конгрегацію временно, чтобъ уклониться отъ военной службы. Ясно, что такая спекуляція вовсе не геройскій подвигъ и даже

не всегда христіанскій. Другаго рода цифры заставляютъ думать, что въ числѣ молодыхъ людей, укрывшихся подъ монашескую рясу отъ рекрутской повинности, находились и такіе, которыхъ толкнули на эту дорогу вовсе не чувства преданности долгу благочестія и христіанской любви, одушевляющія собратій ихъ. Такъ, цифры учителей, удаленныхъ отъ должности за 1865 и 1866 годы, показываютъ, что въ 1865 году пропорція удаленныхъ учителей составляла на тысячу свѣтскихъ учителей 2, конгреганистовъ 4, а въ 1866 году — свѣтскихъ менѣе 2, конгреганистовъ 4½.

Министръ заключилъ рѣчь повтореніемъ своей увѣренности, заявленной имъ въ самомъ началѣ рѣчи, что палата не одобритъ требуемой привилегіи, нарушающей общее правило. Уже цѣлый годъ, какъ поправка всѣмъ знакома; ей противится правительство, ее осуждалъ государственный совѣтъ, отвергли двѣ спеціальныя коммиссіи и сенатъ. Наконецъ, позади всѣхъ общественныхъ властей, есть страна, которая никогда не пойметъ своимъ здравымъ смысломъ ни такой привилегіи, ни того, что начальникъ духовной корпораціи можетъ освобождать отъ военной службы лица, не состоящія въ общественной службѣ. (*Очень хорошо, очень хорошо. Продолжительный шумъ*).

Послѣ министра народнаго просвѣщенія вошелъ на трибуну одинъ изъ составителей поправки, г. Анделаръ. Не смотря, однакожъ, на всю ловкость, съ которою онъ умѣлъ открывать слабыя мѣста въ рѣчи сильнаго противника, видно было, что дѣло поправки проиграно. Палата отвергла требованіе составителей поправки — возвратить 18-ю статью въ коммиссію для исправленія, а самую статью приняла безъ измѣненія.

Вслѣдъ за тѣмъ были приняты безъ преній статьи 19-я и 20-я.

По поводу статьи 21-й, которою воспрещается всякой элементарной школѣ, общественная ли она или свободная, принимать дѣтей моложе шести лѣтъ, ежели имѣется въ общинѣ пріютъ, общественный или свободный, г. *Жюль Симонъ* сказалъ рѣчь въ защиту своей поправки, въ которой предлагалось обязать владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ (patrons): 1) посылать всѣхъ дѣтей, которыя работаютъ у нихъ, въ школу; 2) ограничить *maximum* дѣтскаго рабочаго дня шестью часами, вмѣсто нынѣшнихъ восьми часовъ; 3) поручить надзоръ за исполненіемъ закона государственнымъ чиновникамъ, въ замѣнъ мѣстнаго комитета, и 4) въ этомъ смыслѣ измѣнить законъ 1841 года о рабочихъ дѣтяхъ, оказавшійся весьма неудовлетворительнымъ по слѣдующимъ причинамъ: вопервыхъ, онъ недостаточно ограничиваетъ продолженіе дѣтскаго рабочаго дня, назначая для дѣтей 8 рабочихъ часовъ; вовторыхъ, не опредѣляетъ учебнаго времени для дѣтей, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ;

втретьихъ, покровительствуетъ только тѣмъ дѣтямъ, которыя работаютъ на заводахъ съ машинами (usines à moteur mécanique), или съ непрерывнымъ огнемъ (à feu continu), или на фабрикахъ, на которыхъ работаетъ болѣе двадцати работниковъ, и вчетвертыхъ, учрежденная имъ инспекція чрезвычайно слаба и недѣятельна.

Требованіе свое сократить для дѣтей рабочее время, съ 8-ми часовъ на 6, ораторъ подкрѣпляетъ примѣромъ Англіи, гдѣ дѣти моложе тринадцатилѣтняго возраста работаютъ пять дней въ недѣлю по $6^1/_2$ часовъ, а въ субботу только $3^1/_2$ часа, так что въ итогѣ выходитъ 36 часовъ въ недѣлю или по 6 часовъ ежедневно. Ученіе продолжается 3 часа, но можетъ быть сокращено до 2-хъ часовъ въ продолженіе ноября, декабря, января и февраля мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ, ученіе должно происходить днемъ, между восемью часами утра и шестью по полудни. Англійскіе фабриканты увѣряли г. Жюля Симона, что отъ такого распоряженія промышленность ничего не потеряла; напротивъ того, работа дѣтей теперь лучше и производительнѣе, и здоровье, равно какъ умственное и нравственное развитіе ихъ, въ англійскихъ мастерскихъ со дня на день улучшается, между тѣмъ какъ во Франціи рабочія дѣти во всемъ этомъ все болѣе и болѣе слабѣютъ.

По мнѣнію оратора, бо́льшая часть дѣтей во Франціи столь несчастны, что не могутъ жить подъ властію и руководствомъ своихъ отцовъ; они обречены съ весьма ранняго возраста заработывать скудную плату въ мастерскихъ. Не должно ли, поэтому, палатѣ принять подъ свое покровительство физическую и умственную жизнь дѣтей, отцы которыхъ, по слишкомъ уважительнымъ причинамъ, принуждены сдавать ихъ на руки фабрикантамъ? Это—общее желаніе всей Франціи, это—желаніе и благоразумныхъ фабрикантовъ, сознающихъ, что на ихъ обязанности лежитъ попеченіе о будущности юныхъ поколѣній работниковъ; ибо фабрикантъ есть также отецъ рабочей семьи, или по крайней мѣрѣ долженъ быть имъ. Пріятно видѣть, когда хозяева-промышленники являются во главѣ подобнаго движенія, и напротивъ, отвратительны тѣ изъ нихъ, которые съ жадностію считаютъ часы дѣтской работы.

Докладчикъ прекрасно выразился по поводу закона 1841, продолжаетъ г. Жюль Симонъ: „Этотъ попечительный законъ имѣлъ въ виду, чтобы ни одно дитя не работало на хлѣбъ матеріальный, не пріобрѣтая въ то же время хлѣба умственнаго и душевнаго. Къ сожалѣнію, не всѣ хозяева фабрикъ и заводовъ съ одинаковою точностію соблюдаютъ это столь мудрое и гуманное правило“. Но къ изумленію докладчикъ заключилъ рѣчь свою слѣдующими стран-

ными словами: „Такъ какъ законъ этотъ не исполняется, то не для чего требовать и распространенія его“. Не лучше ли, восклицаетъ ораторъ, вдохнуть жизнь въ добрый законъ, нежели допустить его паденіе? Гдѣ же причина слабости и бездѣйствія закона 1841 г.? Она въ томъ, что нѣтъ на жалованьи инспекторовъ, которые наблюдали бы за его исполненіемъ. Англійскій законъ, учредившій должность инспекторовъ, исполняется; французскій законъ, предоставившій надзоръ за фабрикантами мѣстному комитету, не исполняется. Въ департаментѣ Сены префектъ учредилъ правильную инспекцію, и она оказала весьма важныя услуги, и нѣтъ сомнѣнія, что повсюду, гдѣ будетъ учреждена подобная инспекція, получатся такіе же результаты. Но гдѣ взять инспекторовъ? Нужно ли создавать новый штатъ? Да, нужно, и никогда деньги не будутъ употреблены съ большею пользою. Впрочемъ, говоритъ далѣе ораторъ, есть подъ рукою сословіе университетскихъ инспекторовъ. Правда, они теперь слишкомъ заняты; но освободите ихъ отъ пустаго бумагомарательства (paperasserie futile), возложите на нихъ болѣе полезный трудъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ непремѣнно увеличьте и содержаніе ихъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ ораторъ, въ поправкѣ, представленной мною и моими друзьями, указаны средства прекратить плачевное положеніе вещей. Коммиссія, согласившись съ нами въ принципѣ и отстранивъ поправку, сдѣлала такую же ошибку, какую она повторила нѣсколько разъ въ продолженіе своихъ занятій.

Но,—сказалъ Жюль Симонъ, обращаясь къ палатѣ,—мы—депутаты; насъ прислали сюда не заявлять желанія, а постановлять законы *(Одобреніе на многихъ скамьяхъ)*. Предлагаемая мѣра можетъ произвести благодѣтельнѣйшіе результаты для страны въ будущемъ, можетъ спасти часть молодаго поколѣнія, укрѣпить и просвѣтить рабочее юношество. Это будетъ законъ человѣколюбія и справедливости.

Ораторъ просилъ по крайней мѣрѣ отослать статью 21-ю въ коммиссію. Но послѣ отвѣта г. Фабра, заявившаго, между прочимъ, что на обсужденіе законодательной палаты поступилъ проектъ закона о техническомъ обученіи, что это послужитъ поводомъ, съ одной стороны, къ учрежденію при министрѣ народнаго просвѣщенія или при министрѣ земледѣлія и торговли агентовъ для наблюденія за мануфактурными и промышленными заведеніями и за точнымъ исполненіемъ закона 1841 г., а съ другой стороны—къ расширенію обязанностей фабрикантовъ, чего коммиссія, согласная съ ораторомъ относительно цѣли и пользы закона, искренно желаетъ,—Жюль Симонъ изъявилъ было уже готовность взять назадъ поправку, какъ вмѣшался *Пеллетанъ*, одинъ изъ составителей поправки, и спросилъ, будетъ ли въ проектѣ закона о техническомъ обученіи допущенъ принципъ поправки; если нѣтъ, то поправка остается въ своей силѣ.

Вслѣдствіе этого вмѣшательства предложеніе о возвращеніи 21-й статьи въ коммиссію было подвергнуто баллотированію и отвергнуто

палатой; потомъ статья 21-я принята, а вслѣдъ за нею принята безъ преній и послѣдняя 22-я статья, отмѣняющая всѣ распоряженія прежнихъ законовъ въ томъ, въ чемъ они несогласны съ настоящимъ закономъ.

Наконецъ, пущенъ былъ на голоса законъ въ цѣломъ своемъ объемѣ, и всѣ 250 голосовъ были поданы въ пользу его.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

Высочайшіе приказы.

Высочайшія награды.

Министерскія распоряженія.

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

Iриказъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра.

Распоряженія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ И НАУКЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

СТРАН.

Наша учебная литература.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.